

Всероссийская научная конференция
XVIII Ковалевские чтения

**Социология в меняющемся мире:
теория, практика, образование**

14-16 ноября 2024 г.

(К 35-летию социологического образования в России)

МАТЕРИАЛЫ

35

300

ББК 60.5
УДК 316
С69

Ответственные редакторы:

Н.Г. Скворцов
Ю.В. Асочаков

Редакционная коллегия:

О.Н. Безрукова
Ю.В. Веселов
А.Н. Сошнев
В.И. Дудина
В.Н. Келасьев
В.В. Козловский
М.С. Куропятник
Д.В. Иванов
В.Г. Ушакова
А.А. Флягин

Рецензент:

Иванов Дмитрий Владиславович, д. соц. н., СПбГУ

С69 Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование. Материалы всероссийской научной конференции XVIII Ковалевские чтения 14-16 ноября 2024 года. / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. Санкт-Петербург: Издательство Скифия-принт, 2024. — 1478 с.

ISBN 978-5-00197-161-0

© Ю.В. Асочаков, Н.Г. Скворцов 2024

© Коллектив авторов, 2024

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10
www.skifia-print.ru

Подписано к опубликованию 23.12.2024.

Формат 60×90/8. Усл. печ. л. 184,88.
Заказ № 17339

Оглавление

Секция 1: Актуальные тенденции в социологической теории и инновации в социологическом образовании.....	32
<i>Агафонова Дарья Юрьевна</i> Социальный капитал и общественное участие: результаты исследования Тюменской области	32
<i>Асочаков Юрий Валентинович</i> Метафоры «большого нарратива» современного общества.....	34
<i>Баранов Николай Вадимович</i> К вопросу об изучении социологии в университетах. От освоения первоисточников к общей социологической теории.	36
<i>Богомяжкова Елена Сергеевна</i> Ревизия теории социальных проблем в условиях современности	39
<i>Быков Владимир Петрович</i> Социальные законы: генезис и структура.....	42
<i>Галкин Константин Александрович, Протасенко Татьяна Захаровна (Не)</i> доверие к социологическим исследованиям в меняющемся мире	53
<i>Григорьева Екатерина Александровна, Вершинина Инна Альфредовна</i> «Экологический поворот» в современной социологической теории.....	57
<i>Гугуев Даниил Константинович</i> Современная отечественная социология города: проблема фрагментации и интеграции предметного поля.....	60
<i>Данилов Александр Николаевич</i> Потенциал социологического образования и выход на новые рубежи.....	63
<i>Ермилова Екатерина Дмитриевна</i> Теория поколений в отечественной монографической литературе	66
<i>Захаренко Надежда Андреевна</i> Междисциплинарные подходы в социальных науках	69
<i>Иванов Дмитрий Владиславович</i> Актуальная социология в формате дополненной реальности.....	71
<i>Ивченкова Мария Сергеевна</i> Понятие «интеллектуал» в исследованиях М. Фуко	79
<i>Кирилина Татьяна Юрьевна, Сахневич Инна Валерьевна</i> Современность как социологический конструкт	81
<i>Ларина Татьяна Игоревна</i> Междисциплинарность как имманентная характеристика социологического знания	85
<i>Ломоносова Марина Васильевна</i> Историческая социология: к вопросу о развитии историко-архивных исследований на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета.....	88
<i>Мартыненко Владимир Владимирович</i> Общество и государство как воплощенные понятия кредита.....	91

<i>Мельников Михаил Васильевич</i> Национализация и приватизации социологии в России как ответ на вызовы времени	94
<i>Ожован Михаил Иванович, Шабанов Виктор Леннарович, Мюллер Наталья Владимировна, Лощинин Михаил Борисович</i> Модель триады власти-богатства-престижа Макса Вебера	97
<i>Нархов Дмитрий Юрьевич</i> О концепции взаимодействия вузовских образовательных общностей в университетском научном пространстве	105
<i>Плетнев Александр Владиславович</i> Специфика образования в условиях виртуализации	109
<i>Подчуфаров Иван</i> Специфика современности в трактовке отечественных и зарубежных социологов	110
<i>Раемгулова Зульфия Анваровна, Татаренко Анастасия Дмитриевна</i> Ключевые компоненты теорий социологии спорта XXI века	114
<i>Смирнов Пётр Иванович</i> Коммунизм без крайностей марксизма. Платон против Маркса	117
<i>Тертышников Анастасия Геннадьевна, Павлова Ульяна Олеговна, Старовойтова Мария Дмитриевна</i> Стереотипизация образов генеративным искусственным интеллектом: социальные и технические аспекты	120
<i>Федорова Светлана Александровна</i> Современные теории социальных изменений и их место в социологическом образовании.....	125
<i>Чуреков Илья Игоревич</i> Кризис современного начинающего социолога.....	127
<i>Шермет Александр Николаевич</i> Драматургический подход как метапарадигма в социальной теории и социальной практике.....	130
<i>Щелкин Александр Георгиевич</i> Всегда ли правильно, если социология меняется вместе с меняющимся миром?	133
<i>Щербина Александра Вениаминовна</i> Проблематизация субъекта социального познания в посткачественных исследованиях.....	136
<i>Юй Ян</i> Интеграционный подход к анализу особенностей ценностей (Результаты пилотажного эмпирического исследования студентов)	139
Секция 2: Социальные и политические процессы современной России: теоретические и методологические основы изучения внутренних и внешних рисков	144
<i>Алабин Антон Юрьевич</i> Коммунистическое движение в России: разведывательные исследования в Москве, Нижнем Новгороде, Благовещенске и Свободном.....	144
<i>Алейников Андрей Викторович, Мальцева Дарья Александровна</i> Управление новыми рисками в условиях глобальной турбулентности: концептуальные основания анализа	149

<i>Андряшин Виктор Дмитриевич, Гашина Виолетта Сергеевна, Васина Ксения Валерьевна</i> "Новые православные" или развитие религиозности в современной России.....	152
<i>Аникин Василий Александрович</i> Детерминанты противоречий в современном российском обществе: роль объективного благополучия.....	155
<i>Баженов Анатолий Матвеевич</i> Александр Иванович Герцен об общественной жизни России в контексте социологии знания	156
<i>Басимов Михаил Михайлович, Басимова Полина Михайловна</i> Зависимости для специфической группы политически активных респондентов	159
<i>Белов Антон Александрович</i> Деструктивное влияние медиатизации медицины на здоровьесбережение.....	165
<i>Вахрушев Артем Владимирович</i> Пути снижения уровня бедности в современной России: обзор зарубежного опыта борьбы (на примере США).....	168
<i>Ведерникова Мария Игоревна</i> Факторы трансформации современного вектора международного имиджа России.....	171
<i>Вершинина Мария Александровна</i> Вызовы социальной стабильности жизни моногорода Тольятти	174
<i>Воробьева Надежда Юрьевна</i> О роли духовного начала в жизни современного российского общества.....	177
<i>Гезиева Дейси Муратовна</i> "Лидеры России как инструмент рекрутирования элиты	179
<i>Головацкий Евгений Васильевич</i> Мобилизационные перспективы социально-политической коммуникации сетевых сообществ сибирских регионов ресурсного типа	183
<i>Григоренко Ярослав Александрович, Костина Наталья Борисовна</i> Ценностная составляющая государственной службы как фактор сохранения национально-культурной идентичности	187
<i>Гулина Вероника Денисовна, Бардукова Дарья Дмитриевна</i> Политическая повестка в соседских онлайн чатах	191
<i>Желизнык Мария Николаевна</i> Герой и святой как социальные конструкты.....	194
<i>Иванов Артем Владимирович</i> О степени изученности скульптуринга в современной науке	195
<i>Иванова Светлана Владимировна, Андреевкова Анна Владимировна, Семенова Мария Сергеевна</i> Стабильность и изменения на политическом жизненном пути поколений.....	197
<i>Каневский Павел Сергеевич</i> Публичная политика как наука и направление образования: ключевые тренды и проблемы развития.....	200

<i>Клочкова Анна Валентиновна</i> Риски деформации ценностно-нормативной системы и правосознания молодежи	203
<i>Королев Яков Сергеевич</i> Россия как империя. Механизмы интеграции элит региональных в общую (федеральную/имперскую) систему управления. Теория, актуальность, перспективы дальнейшего изучения темы.....	207
<i>Котлярова Ольга Владимировна</i> Политическое восприятие государственной и муниципальной службы	209
<i>Лебедева Людмила Геннадьевна</i> Солидарность и преемственность поколений	213
<i>Милецкий Владимир Петрович</i> К вопросу о системных угрозах социальной и политической стабильности российского общества в условиях формирования нового (полицентричного) миропорядка.....	216
<i>Пузанова Жанна Васильевна, Нарбут Николай Петрович</i> Профессиональное переустройство в мире, где правит искусственный интеллект	218
<i>Пегашев Роман Александрович, Ефремов Михаил Юрьевич</i> Мотивационные факторы участия в волонтерской деятельности учащихся Вологодской области	220
<i>Разумовский Кирилл Андреевич</i> Статистический анализ участия в культурных программах Восточного экономического форума Динамика российского и международного присутствия.....	223
<i>Росенко Светлана Ивановна</i> Социальная дифференциация в спорте.....	225
<i>Рудева Ангелина Васильевна, Жулина Юлия Олеговна, Дерюгин Павел Петрович</i> Формирование цифровых компетенций студентов в кризисных ситуациях: постановка проблемы	227
<i>Савин Сергей Дмитриевич</i> Политические факторы стабилизационного массового сознания	230
<i>Сащенко Наталья Петровна</i> Риски общественной трансформации в ландшафте политических изменений.....	232
<i>Семашко Лев Михайлович</i> Вечный мир России и Украины: Ренессанс культуры мира в сферной логике макросоциологии.....	235
<i>Серегина Татьяна Николаевна</i> Солидарность как ценность общественного развития	240
<i>Сикевич Зинаида Васильевна</i> Правовой тупик: право народа на самоопределение или принцип территориальной целостности?.....	243
<i>Скоробогачкий Вячеслав Васильевич, Скоробогачкая Наталья Александровна</i> Культура и институты в динамике меняющегося общества.....	245
<i>Слатинов Владимир Борисович</i> Формирование и ротация кадрового корпуса глав региональных столиц в контексте современных политических процессов	248
<i>Станевич Анастасия Юрьевна</i> Цифровые коммуникации органов местного самоуправления: проблемы и точки роста	251

<i>Тезйел Алсу Ханифовна, Бубнова Мария Ивановна</i> Практические аспекты управления образовательным процессом в условиях современных вызовов интернационализации (на примере подготовки китайских студентов в российском вузе)	253
<i>Урожаева Татьяна Петровна</i> Проблема производственного травматизма и охраны труда на предприятиях Иркутской области в 1999-2023 гг.	256
<i>Филатова Дарья Владиславовна, Какадий Игорь Иванович</i> Государственная политика в сфере социального сиротства	260
<i>Хлыновская Софья Александровна, Изгарская Анна Анатольевна</i> Движение капитала и уровень социального неравенства в неядерных обществах миросистемы	262
<i>Чемулова Алена Валерьевна, Муха Виктория Николаевна</i> Изучение социальной динамики рурбанизации: обзор и анализ литературы	265
<i>Швецова Елена Антновна</i> Российские миллиардеры на международном фоне: особенности и динамика положения	268
<i>Шевцов Алексей Владимирович</i> Политические выборы и «цветные революции»: неолиберальная идеология и постсоветское общество	271
<i>Ясников Николай Николаевич</i> Социальный капитал жителей Вологодской области	274
Секция 3: Экономика и общество в парадигме меняющегося мира.....	278
<i>Ананченкова Полина Игоревна</i> Пожилые работники и проблема геронтологического эйджизма в социально-трудовых отношениях	278
<i>Андрианова Елена Владимировна, Давыденко Владимир Александрович</i> Концепты “народной экономики” и “жизненных миров” в экономической социологии XXI века	280
<i>Арслан Мэрт Айтекинович</i> Влияние рыночной системы на человека	284
<i>Богданов Игорь Яковлевич, Зайченко Ольга Викторовна</i> Угрозы России на современном этапе	287
<i>Буданова Вероника Витальевна, Овчинникова Наталья Владимировна</i> Установки студенческой молодежи на предпринимательскую деятельность (на примере ЯрГУ им. П.Г. Демидова)	288
<i>Бычкова Наина Евгеньевна, Тимофеева Дарья Владимировна, Мосеев Марк Павлович,</i> Анализ социальных трансакций: как доверие и экстраверсия становятся важными факторами экономики.	291
<i>Валиахметов Рим Марсович</i> Усложнение социальной структуры в контексте новых форм занятости населения.....	293
<i>Веселов Юрий Витальевич</i> Теория расширенного воспроизводства и накопления капитала: как возможен экономический рост в современном мире	296

<i>Вишнякова Дарья Алексеевна</i> Влияние ценностей общества на построение корпоративной культуры.....	298
<i>Ворошигина Ева Павловна</i> Рынок недвижимости в России (социально-исторический этап).....	300
<i>Гузанова Алла Константиновна</i> Проблемы доступности жилья для семей с детьми	304
<i>Деханов Сергей Александрович</i> Институт соседского права как форма реализации социально-экономических отношений	308
<i>Ельшнев Егор Игоревич</i> «Зелёное» финансирование как ответ на глобальные вызовы: взгляд инвесторов	311
<i>Карапетян Рубен Варданович</i> Социальные смыслы рисков и стрессов трудовой сферы.....	314
<i>Карапетян Степан Арсений Рубенович</i> Финансовая стабильность и доверие: влияние экономических и поведенческих факторов	316
<i>Константинова Лариса Владимировна, Петров Антон Маркович</i> Практики университетов в области трансфера знаний и технологий: опыт анализа стратегических документов ведущих российских вузов.....	319
<i>Косицына Светлана Видаликовна, Немцова Карина Сергеевна</i> Исследование потребителей посредством глубинного интервью.....	322
<i>Липтуга Артем Валерьевич</i> Алгоритмические манипуляции и попытка выхода из эхо-камер: анализ действий крупных технологических компаний в России.....	325
<i>Лозовская София Игоревна, Красильникова Евдокия Сергеевна</i> Трансформация заработной платы в условиях цифровой экономики	328
<i>Лю Тяньси, Лебединцева Любовь Александровна, Юй Ян</i> Развитие социологии и высших учебных заведений в Китае: основные аспекты	331
<i>Малинина Татьяна Борисовна</i> Модели потребления в меняющемся мире	334
<i>Мельник Анастасия Дмитриевна</i> Ключевые вехи в анализе отечественной литературы о прекарной занятости	337
<i>Никифорова Ольга Александровна</i> Социально-культурное измерение рынка труда.....	339
<i>Николаева Алла Алексеевна</i> Отечественный и зарубежный опыт реализации корпоративных социальных программ	342
<i>Орлик Елена Николаевна</i> Доверие в тенетах мошенничества: эволюция социальной мимикрии	345
<i>Орлова Наталья Сергеевна</i> Цифровые технологии и техностресс: новые вызовы для работников и фирм.....	348

<i>Парсегова Елизавета Сергеевна, Заугольников Ставр Станиславович</i> Функционалистский и марксистский подходы к изучению отношений СМИ и бизнеса: вызовы и перспективы.....	351
<i>Пилипенко Игорь Валерьевич</i> Жилищное строительство в РСФСР / Российской Федерации за 100 лет: основные этапы	354
<i>Пономарев Ярослав Ричардович, Хлюпин Семен Алексеевич</i> Программа "Земский доктор" как фактор развития сельских территорий.....	357
<i>Рафикова Ксения Фуатовна</i> Соответствие компетенций выпускников IT- специальностей требованиям работодателей в условиях пост-глобального общества: роль информационных систем в оценке навыков.....	359
<i>Рахман Хашими Матиар Мизанурович</i> Предпринимательская экосистема в современных социологических и экономических исследованиях	361
<i>Розманов Александр Ильич</i> Инфраструктурные факторы и их влияние на социально- экономическое развитие российских регионов.....	363
<i>Романова Виктория Алексеевна, Баранник Олеся Андреевна, Вишталъ Мария Игоревна</i> Удаленная работа и гибкий график: тренды и вызовы современного трудового процесса	366
<i>Ромашкина Гульнара Фатыховна, Богданенко Анна Андреевна</i> Доверие к финансовым институтам, поведение и рациональность	369
<i>Руднева Ольга Олеговна, Герасимова Анастасия Александровна</i> Антисанкционная политика Ирана: опыт применения в российских реалиях.....	371
<i>Савенкова Анастасия Сергеевна</i> «Квартирный вопрос» в комплексе социальных представлений россиян.....	374
<i>Савченко Ирина Алексеевна</i> Проблемы социальной политики в сфере миграции в России.....	376
<i>Садовая Виктория Вадимовна</i> Трансформация трудовых отношений в эпоху цифровизации: вызовы и возможности.....	379
<i>Смелова Алена Андреевна, Кострюкова Элина Дмитриевна</i> Управление инфляционными ожиданиями населения как ключевая задача для центральных банков	381
<i>Смелова Алена Андреевна, Лузина Дарья Евгеньевна</i> Инвестиции в цифровые образовательные технологии и проблема появления новых эпистемологий в высшем образовании	385
<i>Соколова Дарья Андреевна</i> Интернационализация южнокорейских МСП на российском дальневосточном рынке: структурный и интеракционистский анализ .	388
<i>Солдатов Андрей Александрович</i> Современные подходы к пониманию природы капитала.	392

<i>Таганов Максим Викторович</i> Влияние цифровизации бизнес среды на сферу управления человеческим капиталом	395
<i>Ткач Сергей , Евсеев Евгений Александрович</i> Субъективное и финансовое благополучие: сопоставление шкал	398
<i>Тушинолובה Мария Олеговна</i> Взаимосвязь денежных установок и финансовой грамотности студентов	400
<i>Урожаева Татьяна Петровна</i> Жилищное строительство в городах Иркутской области в 1998-2023 гг.: от стагнации к постепенному наращиванию объемов	402
<i>Царева Анна Владиславовна, Воробьев Сергей Алексеевич, Брейдер Наталья Андреевна</i> Особенности найма молодых специалистов в сфере физической культуры и спорта в условиях изменений рынка труда	405
Секция 4: Социология управления и современные вызовы	410
<i>Авшалумов Саймон Станиславович</i> Удержание молодых специалистов как значимое направление молодежной политики в крупных российских компаниях.....	410
<i>Агвердиев Джавид Муса оглы</i> Социальное управление в моногородах в условиях экономических и социальных вызовов	414
<i>Анохин Антон Алексеевич, Гайсина Люция Мугтабаровна</i> Основные аспекты управления персоналом на нефтегазовых предприятиях.....	416
<i>Анучина Ольга Васильевна</i> Социально-этические аспекты применения ИТ в управлении на примере удаленных сотрудников (по материалам социологического опроса сотрудников Казанского Федерального (Приволжского) Университета)	420
<i>Байрамов Файяз Файязович</i> Цифровое управление: баланс между инновациями и защитой данных.....	424
<i>Батоврина Екатерина Викторовна</i> Управление персоналом российских инновационных компаний: актуальные проблемы и пути их решения.....	427
<i>Бондарев Валерий Петрович, Поликарпова Мария Петровна</i> Анализ социальные последствия засухи в странах с различным уровнем развития для целей управления	430
<i>Бондарев Валерий Петрович, Городнов Даниил Андреевич</i> Влияние уровня развития общества на социально-экономические последствия катастрофических бурь.....	433
<i>Бондарев Валерий Петрович, Сосин Иван Денисович</i> Землепользование и социально-экономическое развитие: глобальный анализ для целей управления.....	436
<i>Бурганова Лариса Агдасовна, Мягков Герман Пантелеймонович, Юрьева Оксана Владимировна</i> Риски и проблемы цифровой трансформации сферы государственного управления на региональном уровне	439
<i>Валиуллина Раиля Рафаилевна</i> Волонтерское движение как фактор сохранения культурного наследия региона (опыт участвующего наблюдения).....	442

<i>Васильев Владимир Петрович</i> Долгосрочные тренды управления экологической устойчивостью	446
<i>Вяткина Алиса Владимировна, Соколова Владислава Николаевна</i> Рекламные стратегии в управлении корпоративной репутацией в цифровую эпоху	449
<i>Гавриленко Ольга Владимировна</i> Цифровая «оптика» как новый инструмент осуществления социального контроля.....	452
<i>Галич Людмила Петровна</i> Инновационная активность как показатель эффективности кадрового потенциала организации	455
<i>Демидов Аркадий Владимирович</i> Современные тренды совершенствования системы органов местного самоуправления в Российской Федерации	458
<i>Дроздова Юлия Алексеевна</i> Цифровые технологии в государственном управлении: возможности и ограничения	462
<i>Думнов Валерий Бесоевич, Щанина Екатерина Владимировна</i> Формирование корпоративной культуры в условиях цифрового общества.....	465
<i>Дуран Татьяна Валентиновна</i> Изменение механизмов управления университетами в условиях новой социальной реальности.....	470
<i>Елишев Сергей Олегович</i> «Большая Игра» – противостояние Англосаксонского и Русского мира.....	472
<i>Заборова Елена Николаевна, Романова Валерия Игоревна</i> Электронные обращения в практике управления городами региона Свердловская область	475
<i>Ильичёв Дмитрий Александрович</i> Экологическое образование для устойчивого развития: вызовы и перспективы.....	479
<i>Какадий Игорь Иванович</i> Образовательная политика в условиях неопределенных рисков.....	482
<i>Кареева Светлана Геннадьевна, Некрасов Сергей Владимирович, Пинчук Антонина Николаевна</i> Укрепление информационной безопасности как важнейшее направление государственной политики.....	485
<i>Кирилина Татьяна Юрьевна, Симонов Даниил Денисович</i> Особенности управленческих конфликтов в современных IT организациях	489
<i>Колдушко Анна Анатольевна</i> Цифровизация деятельности по противодействию коррупции на гражданской и муниципальной службе Пермского края.....	492
<i>Колосова Галина Владимировна</i> Современные управленческие решения в сфере социального обслуживания граждан пожилого возраста Санкт-Петербурга	495
<i>Костюк Ирина Валерьевна</i> Человек как центр организации: трансформация подходов к управлению	499
<i>Крейк Альфред Иосифович, Плетнева Анастасия Игоревна</i> Оценка синергического взаимодействия в организации здравоохранения	503

<i>Куропаткин Виктор Васильевич</i> Экологическое сознание населения как объект социологического анализа.....	506
<i>Мазеин Константин Валерьевич, Фомичева Татьяна Владимировна</i> Социальные барьеры и ограничения в реализации управленческих решений по противодействию терроризму в образовательной среде	509
<i>Макаров Игорь Николаевич</i> "Западная" и китайская модели государственного администрирования как альтернативные ориентиры для России	512
<i>Митрошкин Константин Викторович</i> Формирование экологических ценностей молодежи через интеграцию экологического образования в молодежную политику: инновационные подходы и практики	515
<i>Мончик Яна Витальевна</i> Искусственный интеллект: ключевой элемент управления в цифровую эпоху	517
<i>Мороз Егор Владимирович, Гапионов Артем Артемович</i> О некоторых вопросах внедрения общего искусственного интеллекта в государственное управление.....	524
<i>Новиков Станислав Михайлович</i> Оптимизация процесса формирования экологической культуры современной молодежи	529
<i>Ракович Елизавета Витальевна</i> Организационные модели социальной экспертизы управленческих решений и их практическое применение	532
<i>Рочева Яна Сергеевна</i> Социологический мониторинг соблюдения прав инвалидов в системе государственного управления	536
<i>Свиридов Борис Александрович, Куксина Елена Дмитриевна, Федорова Анастасия Андреевна, Рыбакова Анастасия Валерьевна</i> Цифровизация в сфере управления...538	538
<i>Сирота Наум Михайлович</i> Постбиополярный миропорядок: фазы трансформации..542	542
<i>Склярв Кирилл Александрович</i> Современные инструменты профилактики профессионального выгорания персонала организаций	545
<i>Сметанина Татьяна Владимировна</i> Социальные регуляторы поведения индивидов в ситуации оценки потребительской стоимости товара.....	548
<i>Сорокина Нина Дмитриевна</i> Особенности коммуникации в практиках управления в условиях цифровизации общества	549
<i>Степанов Иван Евгеньевич</i> Организационная культура в управлении персоналом: социологический анализ (на примере предприятия ООО «Тривес»)	552
<i>Сунчугашева Аланго Андреева</i> Социальное управление в обществе риска и неустойчивости.....	555
<i>Уlicheva Екатерина Аркадьевна</i> Современные подходы к изучению баланса между работой и личной жизнью	559
<i>Фомичева Татьяна Владимировна</i> Ценности и социальное управление: структурная диалектика.....	561

<i>Хюннинен Александра Александровна</i> Муниципальное управление как современный тренд российского государственного управления	562
<i>Цыганков Даниил Борисович</i> Сравнительный анализ просачивания англосаксонской концепции “better regulation” в системы государственного управления России и Германии: в чем может состоять объяснительный потенциал социологических теорий?	566
<i>Челенкова Инесса Юрьевна</i> Особенности механизма управления в условиях «территории опережающего развития» - ТОР	570
<i>Чернышова Анна Геннадьевна, Чернышов Сергей Павлович</i> Влияние социальной политики предприятий на всестороннее развитие личности	572
<i>Шадрин Александр Александрович</i> Научно-образовательная корпорация как новая управленческая модель организации высшего образования	576
<i>Шушунова Татьяна Николаевна</i> Формирование личностных и деловых качеств государственных служащих	581
Секция 5: Медиатизация и социальные коммуникации в современной культуре: социологическое измерение	585
<i>Бабкина Екатерина Витальевна</i> Влияние медиатизации на профессионализацию актеров театра	585
<i>Бакулин Александр Викторович, Бакулин Дмитрий Викторович, Дерюгин Павел Петрович</i> Сети и потоки в дополненной современности: информационное пространство Херсонской области	587
<i>Бердыева София Арслановна</i> Пациентский блогинг как практика заботы о себе	591
<i>Богданович Ольга Томашевна</i> Культурно-зрелищное мероприятие - коммуникативный потенциал социального влияния	594
<i>Василькова Валерия Валентиновна</i> Когнитивные искажения в семиозисе кибермошенничества: новые подходы	597
<i>Вишнякова Эльмира Мамедовна, Ковалева Елена Олеговна, Ковалев Андрей Вадимович,</i> Социальные сети как инструмент манипуляции поведением современной молодежи	599
<i>Гвоздиков Денис Сергеевич</i> Цифровая коммуникация в свете коммуникации живых систем.	602
<i>Головин Николай Александрович, Чэнь Хун</i> Продолжая Роланда Барта: что дает семиотика для исследования идеологической функции СМИ	603
<i>Гончаров Кирилл Эдуардович</i> Репрезентация мифологических нарративов народа ительменов в цифровых медиа в качестве меморативных объектов	605
<i>Демина Елена Владимировна</i> Манипулятивные инструменты рекламы в цифровом пространстве: Управление поведением через культурные символы	608

<i>Дубровин Владимир Леонидович</i> Некоторые аспекты допуска отечественного художественно – игрового контента к российской аудитории.....	612
<i>Ивакина Алина Юрьевна, Смаль Александр Ростиславович</i> Трансформация религиозной идентичности в условиях цифрового общества (на примере общин евангельских христиан-баптистов города Севастополя)	614
<i>Иванова Людмила Викторовна</i> Цифровые данные как инструмент управления восприятием и пониманием массовой информации	617
<i>Иванова Татьяна Николаевна, Набокин Андрей Игоревич</i> Информационное пространство городской среды: новые смыслы, образы и модели поведения.....	620
<i>Капанян Нина Николаевна</i> Социальные интеракции современной студенческой молодежи в условиях влияния медиатизации	625
<i>Касаткин Евгений Васильевич</i> Трансформация представлений о мужском и женском труде в условиях цифрового общества	628
<i>Козловский Владимир Вячеславович</i> Социокommunikативное пространство цивилизационного самоопределения российского общества.....	631
<i>Коренева (Попова) Анастасия Анатольевна</i> Социальные коммуникации студенчества в условиях медиатизации современного общества	635
<i>Коркия Эка Демуриевна</i> Интеллектуальное одиночество в сетевом информационном обществе.....	638
<i>Кравцов Максим Леонидович, Булгакова Александра Георгиевна</i> Методы ведения медиа-ресурсов карьерных центров университетов.	641
<i>Ли Мэнтин</i> Актуальные проблемы социального взаимодействия в виртуальных сообществах.....	647
<i>Лядова Анна Васильевна</i> Особенности конструирования здоровьесбережения молодежи в условиях медиатизация сферы здоровья	649
<i>Марьина Людмила Петровна</i> Цифровой дискурс современных институтов культуры: новые смыслы.....	652
<i>Молчанов Артём Андреевич</i> Виртуальные делинквентные субкультурные сообщества как пространство коммуникации	654
<i>Непомилуева Мария Алексеевна</i> «Социальные смыслы метамодернизма в современной социокультурной среде: аксиологическое измерение».....	658
<i>Норина Анна Алексеевна, Вольская Виолетта Александровна</i> Самопрезентация творческой молодежи в социальных сетях.....	662
<i>Орех Екатерина Александровна</i> Пределы возможностей алгоритмического подбора визуального контента: к вопросу о (не)свободе зрителя.....	663
<i>Орлова Ирина Борисовна</i> Контентная фильтрация информации как инструмент манипулятивного воздействия на сознание и поведение.....	666

<i>Плехова Алина Викторовна, Кученков Семён Игоревич</i> Манипулятивные технологии в цифровой коммуникации: влияние на социальные процессы	669
<i>Радченко София Максимовна</i> Влияние медиапространства социальных сетей на участие молодежи в политической жизни страны на примере предвыборной гонки в США 2024 г.....	672
<i>Раитина Маргарита Юрьевна, Покровская Елена Михайловна, Озеркин Денис Витальевич</i> К вопросу о междисциплинарности в цифровом образовательном процессе	675
<i>Свердликова Елена Альбертовна</i> Особенности письменной коммуникации в социальных сетях	678
<i>Сергеева Ольга Вячеславовна, Панкратова Лилия Сергеевна</i> Онлайн-эксперимент как перспектива изучения цифровой коммуникации	681
<i>Стамболцян Елизавета Сергеевна, Кузьмин Виктор Сергеевич</i> Современный молодежный сленг как проявление медиатизации общества	683
<i>Тангалычева Румия Кямильевна</i> Метамодернистский поворот в кино.....	686
<i>Третьякова Анастасия Андреевна</i> Социальное конструирование архетипических паттернов в сериалах жанра фэнтези (на примере сериала Дом дракона)	688
<i>Худяков Глеб Дмитриевич</i> Манипуляции в социальных медиа: анализ взаимодействия пользователей в телеграм-каналах и чатах на политическую тематику	690
<i>Чанкова Елена Вадимовна</i> Феноменологический подход к исследованиям современных социальных коммуникаций	693
<i>Шавонин Артем Леонидович, Артем Леонидович Шавонин</i> Социологический мониторинг СМИ и социальных медиа как часть системы мониторинга соблюдения прав инвалидов в Российской Федерации	695
<i>Шипунова Ольга Дмитриевна, Мурейко Лариса Валерьяновна</i> Коммуникативный потенциал цифровой медиа среды в конструировании социальных взаимодействий	697
Секция 6: Социально-антропологическая перспектива осмысления	700
<i>Антонова Наталья Леонидовна</i> Представления горожан о счастье в условиях системных трансформаций: отложенная модель	700
<i>Ватолина Юлия Владимировна</i> Гостеприимство как сценарий деколонизации мысли: опыт Э. В. де Кастру	702
<i>Власова Ирина Владимировна</i> Образование, культура, наука - основной ресурс культурной дипломатии в условиях поликультурного мира	705
<i>Гвоздиков Денис Сергеевич</i> Существуют ли концепции развития в современной антропологии?	707

<i>Головнева Елена Валентиновна</i> Религиоведческие исследования в отечественной антропологии (1930-е гг.): научный дискурс и кинематографическая репрезентация	708
<i>Гудкова Яна Александровна</i> Изучение креативных пространств: обзор российских исследований	710
<i>Данкин Владимир Дмитриевич</i> Конфигурация социально-культурных паттернов в коллективах организаций как предмет переосмысления отношения к корпоративной культуре.....	713
<i>Емельянова Надежда Андреевна</i> Социальный заказ как фактор изменения идентичности современного российского музея: к постановке проблемы.	716
<i>Ивлева Ирина Владимировна</i> От восприятия музеев к формированию знаний: в направлении развития музейной антропологии.....	718
<i>Куропятник Марина Степановна</i> К дизайну социальной антропологии современности	721
<i>Миронов Денис Викторович</i> Социальная антропология в России: между социологией и историей.....	723
<i>Михайлова Любовь Михайловна</i> Перспективы применения критического дискурс-анализа Н.Фэркло в изучении культурных контекстов выставочной деятельности художественного музея	725
<i>Садовая Лидия Вадимовна</i> Особенности формирования профессиональной идентичности в группе современных художников России.....	728
<i>Тавровский Александр Владимирович</i> Ландшафты антропоцена в не-только-человеческих историях А. Цзин	729
<i>Тимофеева Екатерина Владимировна</i> Социально-антропологическое образование как инструмент анализа социальных процессов	731
<i>Тхакахов Валерий Хазраилович</i> Этносоциология и антропология российского кино: проблемы исследования и кинематографическая практика	732
<i>Чжэн Сяокэ, Дерюгин Павел Петрович</i> Традиционные китайские ценности в контексте современной культуры.....	734
<i>Чжэн Сяокэ</i> Современной китайской национальной идентичности и воспитания семейных ценностей	738
Секция 7: Социология цифрового общества и цифровая социология: проблемы и перспективы.	742
<i>Абрамова Софья Борисовна</i> Цифровые практики взаимодействия молодежи с властью	742
<i>Ангел Ольга Юрьевна</i> Кибертерроризм как современная угроза безопасности	744
<i>Андроник Анастасия</i> Влияние цифровой трансформации предприятий на развитие человеческого капитала в современной России.....	747

<i>Бабаджанян Папик Артурович</i> Проблемы искажения и обмана в функционировании технологий искусственного интеллекта	749
<i>Бакулин Александр Викторович, Бакулин Дмитрий Викторович, Павел Петрович Дерюгин</i> Сети и потоки дополненной современности в восприятии студентов различных российских регионов	751
<i>Белозерова Ирина Ильинична</i> Технологическое доверие как новый предмет социологических исследований.....	754
<i>Боргардт Мария Николаевна</i> Социокультурные вызовы цифровизации: как технологии изменяют представления об идентичности.....	755
<i>Васильев Николай Александрович</i> Цифровые инструменты в современной социологии.....	757
<i>Вербин Анатолий Александрович</i> Информационные технологии как проводники дезинформации населения	758
<i>Вербицкая Анна Кирилловна</i> Профессия преподавателя: цифровая трансформация	761
<i>Видясова Людмила Александровна</i> Городские цифровые сервисы и социальное самочувствие петербуржцев	763
<i>Видясова Людмила Александровна</i> Активность пожилых петербуржцев в использовании цифровых городских сервисов	765
<i>Голобородова Анна Сергеевна</i> Информационная безопасность студенческой молодежи в цифровом пространстве.....	767
<i>Горчакова Дарья Сергеевна, Зайченко Ольга Викторовна, Кокошина Злата Андреевна</i> Место искусственного интеллекта в цифровой экономике на примере развития эмоционального ИИ и технологии блокчейн	769
<i>Демин Семен Дмитриевич</i> Субкультура геймеров в современном медиапространстве	771
<i>Зотов Виталий Владимирович, Гаврильченко Кирилл Эдуардович</i> Бумеры как группа риска в рамках цифровой маргинализации	773
<i>Зотов Виталий Владимирович, Губанов Александр Владимирович</i> Тематические неформальные сообщества "ВКонтакте" как основа цифровой сетевой маргинализации.....	776
<i>Иванова Мария Евгеньевна</i> Об актуальности и возможных направлениях применения искусственного интеллекта в политике	779
<i>Игнатьев Владимир Игоревич</i> Релевые коммуникации "человек-машина": реляционность гибридной социальности.....	782
<i>Ковалев Алексей Николаевич</i> Современное цифровое общество и его перспективы	786
<i>Ковалев Екатерина Александровна</i> Влияние цифровой трансформации на социологию: вызовы и перспективы.	789

<i>Ковалёв Даниил Игоревич, Иванов Дмитрий Викторович</i> Применение методов машинного обучения в исследовании онлайн-пространства.....	792
<i>Котова Екатерина Алексеевна</i> Доверие финансовым технологиям как компонент цифровой финансовой грамотности населения	795
<i>Кузнецов Егор Алексеевич, Ярлова Татьяна Викторовна</i> "Амплуа в цифре: поведение общества в условиях цифровизации"	798
<i>Кузнецова Полина Юрьевна</i> Цифровые технологии как способ повышения электоральной активности граждан	803
<i>Кузьмин Виктор Сергеевич, Шевченко Анастасия Олеговна</i> Использование чат-ботов в образовательной сфере.....	806
<i>Куражнев Сергей Дмитриевич, Дерюгин Павел Петрович</i> Ценностные основания стратегий мобильности российских ИТ-релокантов (сравнительный анализ ценностей российских, армянских и китайских ИТ-специалистов)	809
<i>Лебединцева Любовь Александровна, Чжан Хайлунь</i> Цифровое неравенство: ключевые понятия и постановка проблемы	812
<i>Легостаева Наталья Игоревна, Медяник Станислав Игоревич</i> Методы изучения кибермошенничества	814
<i>Литвинова Александра Игоревна</i> Алгоритмы неравенства: инклюзивный потенциал искусственного интеллекта в российском высшем образовании.....	816
<i>Любчинская Александра Сергеевна</i> Между экраном и реальностью: особенности цифровой гигиены дошкольников.....	820
<i>Максимов Арсений Андреевич</i> Виртуальный жизненный мир как предмет социологического осмысления	823
<i>Максимова Анастасия Сергеевна</i> Влияние метода проведения опроса на результаты эмпирического социологического исследования.....	825
<i>Мануйлова Дарья Сергеевна</i> Ивент-анализ как метод диагностики социальных проблем на основе данных новых медиа (на примере эмпирического исследования)	828
<i>Мартыненко Татьяна Сергеевна</i> Конвергенция человека и современных технологий: социальные последствия.....	831
<i>Матвеев Михаил Сергеевич</i> Двигаясь к определению “цифровых следов”: основные аспекты понятия	834
<i>Мовсеян Елизавета Александровна</i> Современные направления развития проституции в XXI веке	837
<i>Молчанова Ольга Ильинична</i> Социотехническая конвергенция как основа медиаконвергенции в современном обществе	839
<i>Нерослов Алексей Дмитриевич</i> Искусственный интеллект в школьном образовании	842

<i>Павлов Александр Владимирович, Эсселевич Эрнест Алексеевич, Дерюгин Павел Петрович</i> Социальная идентичность как драйвер групповой интеграции: опыт диагностики на основе имитационных моделей	844
<i>Павлов Кирилл Владимирович</i> Возможности применения нейросетей в современной социологии.....	847
<i>Панченко Виктор Сергеевич</i> Применение метода «bootstrap» для анализа данных в социологических исследованиях	850
<i>Петрова Елизавета Михайловна, Дерюгин Павел Петрович</i> Цифровая трансформация образования: как меняется роль преподавателя, проблема адаптации	853
<i>Родионова Елена Юрьевна</i> Правовая ответственность и цифровая социология	857
<i>Романова Виктория Алексеевна</i> Цифровые инструменты в исследовании и цифровая социология	861
<i>Салтанович Ирина Петровна</i> «Цифровая социология» для студентов всех специальностей – новый тренд или целесообразность	862
<i>Свиридов Борис Александрович, Дозорова Ксения Александровна, Каххоров Сафиюллохон Хаидович</i> Современное цифровое общество и его перспективы	866
<i>Симхович Валентина Александровна</i> Цифровая социализация пожилых людей в белорусском обществе	868
<i>Скаповский Кирилл Вадимович</i> Перспективы развития идеологии национализма в условиях информационного общества.....	871
<i>Сошнев Александр Николаевич</i> От умного дома к умному обществу. К институционализации социологии цифрового общества.....	874
<i>Старцев Кирилл Юрьевич, Ильин Владимир Иванович</i> Анализ гибридной ситуации как житейского спектакля	877
<i>Стикина Екатерина Вадимовна</i> Культурный лаг в контексте цифровизации.....	880
<i>Субботина Мария Владимировна</i> Цифровое общество как объект социологического интереса.....	883
<i>Толкачева Елена Вячеславовна</i> Повышение точности автоматической транскрибации аудиовизуального контента фокус-групп: организационный аспект	886
<i>Туракаев Марсель Салаватович, Батталова Алсу Ильшатовна</i> Структура рынка платформенной занятости России (на примере сервиса Профи)	888
<i>У Цзежэнь</i> Обсуждение цифровизации участников фондового рынка с социологической точки зрения	891
<i>Улыбина Анна Сергеевна</i> Возможности больших данных при исследовании миграционных процессов	895

<i>Федорова Лариса Юрьевна, Бондарь Никита Юрьевич</i> Овладение профессиональным языком студентами айтишниками в контексте профессиональной культуры.....	897
<i>Филончик Александр Васильевич</i> Цифровые технологии в профилактике девиантного поведения подростков.....	900
<i>Ху Сянюй</i> Роль и влияние цифровых технологий в социальных исследованиях	902
<i>Хуайчэн Сян</i> От умного города к новому умному городу опыт строительства умного города из Китая	905
<i>Чжао Ин</i> Стратегия маркетинговых коммуникаций бренда для традиционных предприятий в эпоху новых медиа	908
<i>Чжоу Анастасия Цзяньцзюневна</i> Роль информационных технологий в сетевом пространстве: интерактивные карты и городская безопасность	911
<i>Шаулова Татьяна Владимировна</i> Цифровые технологии и цифровое доверие	915
<i>Шляпников Виктор Валерьевич</i> Цифровая эмпатия: как технологии влияют на наши социальные отношения.....	918
<i>Эсселевич Эрнест Алексеевич, Павлов Александр Владимирович, Дерюгин Павел Петрович</i> Типология цифрового неравенства в контексте искусственного интеллекта	921

Секция 8: Прикладные исследования инноваций в образовании: методы, перспективы, рекомендации **925**

<i>Бесчастнов Николай Николаевич, Аторин Роман Юрьевич</i> Некоторые проблемы использования компьютерных игр в пропаганде исторического наследия	925
<i>Гулибекова Валия Тарлан кызы</i> Способен ли искусственный интеллект заменить педагога?	927
<i>Евсеев Владимир Владимирович</i> Цифровые технологии в освоении ценностного компонента физической культуры	930
<i>Зайцева Анастасия Андреевна</i> Внутрироссийская академическая мобильность как объект социального проектирования	933
<i>Зарубин Валерий Григорьевич, Немирова Наталья Викторовна</i> Внеучебная научная деятельность студентов вуза: опыт социологической реконструкции	936
<i>Курицкая Эвелина Александровна, Виктория Алексеевна Романова</i> Перспективы цифровизации образования: социологические исследования и рекомендации.....	940
<i>Ланцев Виктор Леонидович</i> Развитие системы наставничества в образовательных организациях.....	943
<i>Лизунков Владислав Геннадьевич</i> Цифровая трансформация инженерного образования: новый виток развития нейропедагогики.....	946

<i>Лизунков Владислав Геннадьевич, Карпов Николай Сергеевич</i> Модель интегрированного образовательно-производственного кластера, учитывающая основы нейропедагогики в системе подготовки трудовых ресурсов	949
<i>Макарова Мария Сергеевна, Ярлова Татьяна Викторовна</i> Искусственный интеллект: инструмент в образовательном процессе	953
<i>Ореховская Наталья Анатольевна</i> Преподаватель российского университета: как сохранить традиции, оставаясь современным?	956
<i>Орлова Татьяна Сергеевна</i> Цифровизация образования в России: риски, опыт, развитие	959
<i>Паиков Михаил Владимирович</i> Будущего у образования без философии не бывает	962
<i>Полицинская Екатерина Викторовна</i> Реально-виртуальное пространство цифровой нейропедагогики	965
<i>Рагимова Сабина Исмаиловна</i> Роли преподавателя в эпоху появления искусственного интеллекта (ИИ)	968
<i>Романова Валерия Игоревна</i> Прикладные исследования в образовании как основа совершенствования деятельности образовательного учреждения	970
<i>Русских Людмила Викторовна</i> Позитивные и деструктивные функции школьных конфликтов	973
<i>Свиридов Борис Александрович, Аксенова Дарья Сергеевна, Каххоров Сафиюллохон Хаидович</i> Искусственный интеллект в образовании: преобразование учебного процесса	975
<i>Сорокин Никита Сергеевич</i> Сравнительный анализ подходов к обучению в системах высшего образования России и Ирландии	977
<i>Уражок Татьяна Викторовна, Когтева Ульяна Андреевна</i> Возможности и риски применения искусственного интеллекта в процессе написания диссертаций	980
<i>Фадеева Мария Михайловна</i> Эффективность технологий искусственного интеллекта в оценивании самостоятельных работ обучающихся общеобразовательных учреждений	983
<i>Федорова Екатерина Дмитриевна</i> Применение искусственного интеллекта в инклюзивном образовании	984
Секция 9: Молодёжь в меняющемся мире: идентичности, ресурсы, возможности самореализации	988
<i>Абросимова Наталья Валерьевна</i> Мегалополисы России в ассоциациях их молодых жителей (на примере Москвы и Санкт-Петербурга)	988
<i>Алексеева Екатерина Александровна</i> Представление работающей молодежи об успехе как ориентир жизненной стратегии	990

<i>Антонова Наталья Леонидовна, Путимцева Кристина Романовна</i> Альтруистическое поведение молодежи как фактор социального благополучия в условиях системных трансформаций.....	993
<i>Артамонова Марина Васильевна, Ламбаева Ирина Александровна</i> Обаяние требований выпускников российских вузов к рынку труда	996
<i>Басимов Михаил Михайлович</i> Политическая активность как причина политических предпочтений студенческой молодежи в 2014 году	1000
<i>Безрукова Ольга Николаевна, Самойлова Валентина Алексеевна, Милецкий Владимир Петрович</i> Медиация в работе с разведенными молодыми родителями.....	1006
<i>Бессонова Маргарита Олеговна</i> Художественная литература как средство дополнительного обучения молодежи	1009
<i>Бухтиярова Ирина Николаевна</i> СМИ как фактор формирования патриотизма современной Российской молодежи	1012
<i>Власова Наталья Владимировна</i> Роль Интернет-рекламы в формировании потребительского поведения современной молодежи: региональный аспект.....	1014
<i>Волегов Владимир Сергеевич</i> Пространство и доминанты профессионального выбора обучающихся: взгляд родителей	1017
<i>Воробьев Дмитрий Васильевич</i> К вопросу об учебно-профессиональной мотивации студентов-социологов (на примере студентов направления "Экономическая социология" Финансового университета при Правительстве РФ).....	1021
<i>Воробьева Ирина Николаевна, Мехова Альбина Анатольевна</i> Образовательные стратегии учащейся молодежи как фактор их миграционных настроений.....	1024
<i>Гимадеева Карина Романовна</i> Влияние индивидуального информационного интернет-пространства на планирование жизненных стратегий студентов: результаты пилотажного социологического исследования.	1028
<i>Голованова Оксана Владимировна, Прозоровская Камилла Александровна, Семенник Анастасия Леонидовна, Пойдина Евгения Александровна</i> Трудовая занятость студенческой молодёжи и управленческие инновации в университетском образовании	1033
<i>Гончарова Ирина Валентиновна, Чувардин Герман Сергеевич</i> Проблема формирования национальной идентичности в контексте молодежной политики: уроки прошлого и новые вызовы	1036
<i>Гринберг Галина Павловна, Литвиненко Елена Юрьевна</i> Роль интерактивных музеев в социализации молодежи поколения Z (на примере интерактивного музея города Ростов-на-Дону)	1040
<i>Грунт Елена Викторовна, Ветошкина Вероника Михайловна</i> Образ семьи у молодого поколения среднего уральского города	1044

<i>Давлетишина Лилия Авальевна</i> Детские общественные объединения в контексте вовлечения детей и подростков в социально-активную деятельность: результаты исследования.....	1047
<i>Дай Хайбо</i> Размышление о пространстве исторической памяти и ее роль в идентичности.....	1050
<i>Долгополова Виктория Алексеевна</i> Особенности социальной адаптации студентов-первокурсников в гуманитарном вузе.....	1052
<i>Домаева (Спирина) Анастасия Сергеевна, Чулуунбат Боролдой Мунхбаяр</i> Религиозная самоидентификация молодежи приграничных регионов России	1054
<i>Дорцева Елена Владимировна</i> Деструктивное воздействие на российскую молодёжь в виртуальной коммуникационной среде	1057
<i>Ерохин Алексей Михайлович, Авдеев Евгений Александрович, Воробьев Сергей Михайлович</i> Ценностно-цивилизационное наполнение общероссийской идентичности: оценки полиэтничной северокавказской молодежи	1060
<i>Ефремов Михаил Юрьевич, Пегашев Роман Александрович</i> Портрет волонтера школьного возраста в Вологодской области	1065
<i>Жулина Юлия Олеговна, Рудева Ангелина Васильевна, Дерюгин Павел Петрович</i> Особенности восприятия социальных ценностей студентами на постсоветском пространстве (итоги пилотажного исследования)	1068
<i>Зубова Оксана Геннадьевна</i> Практики организации профориентационной работы российских вузов со школьниками	1072
<i>Иванов Семен Михайлович</i> Структурные характеристики и социальные функции подростковых и молодежных движений: психологические аспекты	1075
<i>Ивченков Сергей Григорьевич</i> Восприятие цифровых финансовых технологий в молодежной среде г.Саратова.....	1077
<i>Калинина Надежда Алексеевна</i> К вопросу о профессиональной социализации молодежи.....	1080
<i>Калинич Владислав Сергеевич</i> Динамика системы ценностных ориентаций студенческой молодёжи	1087
<i>Кареев Дмитрий Валериевич</i> Особенности протекания этнических конфликтов в студенческой среде	1094
<i>Карпова Наталья Владимировна</i> Организационные технологии в реализации государственной молодежной политики как инструмент политической социализации современной российской молодежи.....	1097
<i>Келасьев Олег Вячеславович</i> Самореализация молодёжи в представлениях разных поколенческих групп	1100
<i>Кемалова Лиля Исметовна</i> Формирование смысложизненных стратегий молодежи в условиях образовательной среды ВУЗа.....	1102

<i>Кобзарева Юлия Алексеевна</i> Молодежный потенциал в студенческой науке: вызовы и возможности для будущего.....	1104
<i>Козлов Денис Юрьевич</i> Информационная культура студентов в условиях вирусных вызовов 21 века: кейс пандемии коронавируса (COVID-19).....	1107
<i>Костенко Валерий Валерьевич, Баранова Галина Васильевна</i> Влияние отношения российской молодежи к СВО на формирование патриотизма в современных условиях	1110
<i>Кузьмин Александр Геннадьевич</i> «Язык вражды» в молодёжных коммуникациях: причины распространения и проблемы противодействия	1114
<i>Куковкина Диана Александровна</i> Влияние культурного капитала студентов на увлечённость эзотерикой.....	1117
<i>Кулешов Сергей Михайлович, Осадца Ксения Алексеевна</i> Что выбирает молодежь: рождение детей или образование и карьеру?	1120
<i>Курашвили Диана Давидовна</i> Ценностные ориентиры молодежи	1125
<i>Кытина Полина Дмитриевна</i> Социальная активность учащихся школ (на примере г. Череповца)	1127
<i>Лебединцев Даниил Александрович, Дерюгин Павел Петрович</i> Стратегии социальной мобильности групп индустриального туризма: постановка проблемы.....	1129
<i>Леонов Аркадий Константинович, Белик Евгения Сергеевна, Ромадина Виктория Романовна</i> Ценностные ориентации выпускников школ приграничного региона .	1132
<i>Лецинская Софья Николаевна</i> Табачная зависимость и курение молодежи как социальная проблема российского общества	1136
<i>Лутова Юлия Алексеевна</i> Формирование языковых и коммуникативных навыков у иностранных студентов как фактор успешной социокультурной адаптации.....	1140
<i>Лю Ханвэй</i> Вдохновение конфуцианства для самореализации молодежи	1143
<i>Малаканова Ольга Александровна, Вандышева Людмила Владимировна</i> Патриотизм и национальная идея в представлениях молодежи	1145
<i>Марченко Дарья Дмитриевна, Оганян Карина Каджиковна</i> Качества по формированию конкурентоспособности выпускников вузов: социологический анализ	1147
<i>Меренков Анатолий Васильевич, Дровнева Александра Вадимовна</i> Интерес к политике учащихся в зеркале мнений учителей и родителей	1151
<i>Миронова Алена Александровна</i> Проблемы в профориентации молодежи и пути их решения	1154
<i>Михайлова Людмила Вячеславовна</i> Подверженность российской молодежи консюмеризму	1157

<i>Могильчак Елена Львовна</i> Индекс успешности финансовой жизни студентов: методика конструирования и результаты исследования.....	1160
<i>Набокин Андрей Игоревич</i> Воздействие социальных институтов на трудовую социализацию молодежи в контексте применения природосообразных технологий: экспертные нарративы	1162
<i>Нода Александр Сергеевич, Куранов Григорий Владимирович, Русских Валерия Анатольевна</i> , «Разговоры о важном» - актуальность и перспективы	1166
<i>Нятина Наталья Владимировна</i> Конструктивная семантика социально-политической коммуникации молодежи в сетевых сообществах	1170
<i>Онзимба Ленюнго Жанна Борисовна</i> Междисциплинарный подход в изучении групповых представлений в студенческом коллективе	1173
<i>Патокина Наталья Николаевна, Теодорович Михаил Леонидович</i> Социально-экономические установки будущих участников рынка труда как детерминанты территориального развития.....	1176
<i>Петрова Татьяна Эдуардовна</i> Повышение престижности сельскохозяйственного труда в молодежной среде: проблемы и пути решения	1179
<i>Петухов Роман Владимирович</i> Динамика представлений молодежи о целях развития России в XXI в.	1183
<i>Пинчук Антонина Николаевна, Тихомиров Дмитрий Андреевич, Вахненко Егор Васильевич</i> Проектирование молодежной политики в современных условиях: проблема культурной маргинальности	1186
<i>Плескач Лариса Валерьевна</i> Векторы развития добровольческого движения в России	1190
<i>Поздеева Елена Геннадиевна</i> Медиапрактики молодежи: структурный аспект.....	1193
<i>Попова Ольга Валентиновна</i> Факторы влияния на гражданскую идентичность российской молодежи.....	1196
<i>Пузанова Жанна Васильевна, Ларина Татьяна Игоревна</i> Динамика ценностных ориентаций российских первокурсников	1199
<i>Симакова Анна Васильевна, Степусь Ирина Сергеевна</i> Северная идентичность как фактор сдерживания миграционных настроений молодежи	1202
<i>Сухарев Егор Сергеевич</i> Традиционные и инновационные технологии решения социальных проблем молодежи.....	1205
<i>Темнова Лариса Витальевна</i> Социальный портрет современного абитуриента вуза	1207
<i>Тишина Полина Валерьевна</i> Мотивация выбора СПО молодежи из города/села....	1210
<i>Тулузакова Марина Валентиновна, Никифоров Богдан Игоревич</i> Патриотическое воспитание как фактор формирования гражданского самосознания молодежи	1214

<i>Тушинолובה Мария Олеговна</i> Взаимосвязь денежных установок и уровня финансовой грамотности студентов.....	1217
<i>Тюрина Екатерина Дмитриевна</i> Молодежное предпринимательство в сфере туризма: самореализация и социальная миссия.....	1219
<i>Тюрина Юлия Александровна</i> Конструктивные формы самоорганизации студенчества в формировании надпрофессиональных компетенций: результаты исследовательского проекта.....	1222
<i>Узюмова Наталья Владимировна</i> Особенности преподавания гуманитарных дисциплин студентам технических вузов.....	1223
<i>Узюмова Наталья Владимировна</i> Особенности преподавания гуманитарных дисциплин студентам технического вуза	1225
<i>Ушакова Яна Владимировна, Матюгина Мария Владимировна</i> Волонтерская деятельность в Нижегородской области (по результатам экспертных оценок)	1227
<i>Феценко Алёна Владиславовна, Карасева Марина Михайловна</i> Особенности риск-восприятия внеучебной деятельности как фактора накопления человеческого капитала молодежи	1230
<i>Филиппов Дмитрий Владимирович</i> Академическая резильентность: концептуализация, ограничения и направления для дальнейших исследований....	1233
<i>Халаби Диана</i> Социальные факторы образовательной миграции сирийской молодежи	1238
<i>Царукян Ивета Гургеновна</i> ЕГЭ как социальный феномен: влияние на молодежь и общественные последствия.....	1241
<i>Цыплакова Ольга Геннадьевна</i> Возможности самореализации студенческой молодежи во внеучебной научной деятельности.....	1244
<i>Черкасова Татьяна Васильевна</i> Российские студенты на этапе распространения искусственного интеллекта: эмпирические размышления по итогам регионального исследования-2024	1247
<i>Черней Светлана Валерьевна</i> Конструктивистский подход к профориентационной деятельности как основа профессиональной самореализации молодёжи.....	1250
<i>Чимбеева Ирина Эрдниевна</i> Обеспеченность жильем среди молодого населения Республики Калмыкия	1253
<i>Чуклинов Андрей Евгеньевич</i> Политическая идентичность современной российской молодежи: теоретические и практические аспекты.....	1255
<i>Щербакова Лидия Ильинична, Червоная Ирина Викторовна</i> Формирование профессиональной идентичности и духовных ценностей нетипичной молодежи: опыт инженерного вуза Донского края.....	1258

Секция 10: Инновации в социальной работе: перспективы и реалии1262

<i>Старшинова Алевтина, Архипова Елена Борисовна</i> Интегративная модель предоставления услуг долговременного ухода и реабилитации для пожилых и инвалидов: проблемы формирования	1262
<i>Добрицкий Валерий Ярославович</i> Совершенствование форм социального сопровождения семей участников СВО.....	1265
<i>Ерохина Оксана Александровна</i> Социокультурная реабилитация и абилитация граждан пожилого возраста (на примере работы ОГБУ «Многопрофильный центр реабилитации»).....	1269
<i>Келасьев Вячеслав Николаевич, Первова Ирина Леонидовна</i> Парадигмы ценностного самосознания молодежи	1274
<i>Киселев Игорь Юрьевич, Михайлова Елена Валерьевна, Смирнова Анна Геннадьевна</i> Страхи выхода на пенсию в контексте комплексных мер социальной поддержки старшего поколения	1276
<i>Коваленко Татьяна Николаевна</i> Исследование социальной политики региона как важный аспект повышения качества обучения студентов помогающих профессий	1279
<i>Кулагина Евгения Владимировна</i> <i>Евгения Владимировна Кулагина</i> Дневник наблюдения в уходе на дому за пожилыми людьми	1282
<i>Лоскутова Ирина Мироновна, Тарченко Вера Сергеевна, Кокорева Марина Евгеньевна</i> Удовлетворенность практикой как индикатор профессионального самоопределения студентов	1285
<i>Малишевский Андрей Евгеньевич</i> Особенности социального сопровождения семей участников специальной военной операции в Санкт-Петербурге	1288
<i>Мальков Николай Романович, Штепа Алена Владимировна</i> Использование экспертных оценок социальных работников для повышения надежности результатов социологического опроса инвалидов	1291
<i>Наумушкина Анастасия Владимировна, Гасымова Арзу Фидаиловна</i> Актуальные тренды социальной работы в России на примере деятельности Фонда «Защитники Отечества»	1294
<i>Новожилова Ольга Алексеевна</i> Особенности построения доступной среды для людей с нарушением интеллекта: технология «ясный язык».....	1296
<i>Рогова Анна Михайловна, Давыдов Сергей Анатольевич</i> К вопросу о формировании позитивного имиджа семьи среди молодого поколения	1299
<i>Чикова Евгения Викторовна</i> Цифровая среда как фактор обеспечения сопровождения людей с РАС	1301

<i>Сафонова Анна Сергеевна, Никифорова Наталья Владимировна, Попов Дмитрий Геннадьевич</i> Цифровизация медицины в контексте преодоления межпоколенческого и цифрового неравенства старшего поколения.....	1304
<i>Смирнова Любовь Андреевна, Ярлова Татьяна Викторовна</i> Формирование профессиональных компетенций социальных работников в МИЭП МГИМО в условиях новой социальной реальности.....	1308
<i>Сулимова Алина Алексеевна</i> Тенденции инвалидизации населения в Российской Федерации.....	1310
<i>Ушакова Дарья Дмитриевна, Федосеева Ольга Владимировна</i> Социальное сопровождение участников СВО и членов их семей филиалом фонда «Защитники Отечества» в Республике Карелия.....	1313
<i>Шамкова Светлана Владимировна</i> Специфика подготовки специалистов по социальной работе в современных условиях	1316
<i>Шеломенцева Дарья Александровна</i> Социальное предпринимательство в системе социального обслуживания населения (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области).....	1318
Секция 11: Семья, брак и демография в контексте традиционных российских духовно-нравственных ценностей.....	1322
<i>Антонов Анатолий Иванович</i> Возможен ли социум приемлемый для семьи с несколькими детьми: возможна ли семья как суверенный посредник между интересами личности и общества?	1322
<i>Бистяйкин Андрей Владимирович</i> Социальный портрет трудового мигранта в регионе	1325
<i>Бистяйкина Динара Асымовна, Максимова Алсу Руслановна</i> Решение проблемы девиантного родительства в социальной работе.....	1329
<i>Брушкова Людмила Алексеевна</i> Мотивация молодежи при использовании Интернет-сервисов знакомств	1332
<i>Вдовина Маргарита Владимировна</i> Критерии благополучия семьи.....	1335
<i>Волкова Ольга Александровна</i> Предпенсионеры как социально-демографическая группа: сравнительный анализ опроса бишкекцев, москвичей и мигрантов-кыргызстанцев	1338
<i>Герасина Анна Александровна</i> Сожительства в брачных стратегиях современной молодежи.....	1341
<i>Горбенко Татьяна Дмитриевна</i> Государственная поддержка студенческих семей как фактор укрепления традиционных семейных ценностей.....	1344
<i>Данилова Наталья Михайловна</i> Образовательные стратегии в семьях трудовых мигрантов.....	1346

<i>Денисова Анна Владимировна</i> Многодетная семья в системе традиционных ценностей	1349
<i>Жаворонков Александр Васильевич, Бутаев Эдуар Измайлович, Воронина Наталья Сергеевна</i> Некоторые результаты корреляционного анализа демографических показателей коэффициентами парной корреляции Пирсона, Спирмена и Кендалла (на базе исследований 1969-2022гг).....	1352
<i>Ильиных Светлана Анатольевна</i> Семья: трансформация моделей распределения гендерных ролей?	1355
<i>Карпова Вера Михайловна</i> Формирование образа семьи с разным числом детей (по данным семантического дифференциала)	1358
<i>Клименко Наталья Сергеевна</i> Гендерные интерпретации «reproductive coercion» в ситуации демографического кризиса XXI века	1361
<i>Ковалева Екатерина Александровна</i> Социальные аспекты распределения бюджета времени женщин, совмещающих трудовые и семейные социальные роли	1363
<i>Ковалевская Елена Викторовна</i> Отношение россиян к семье, семейным и традиционным ценностям	1366
<i>Коломыцева Эмма Андреевна, Курских Елизавета Павловна, Землянская Анастасия Викторовна</i> Семейные отношения: взгляд молодежи на семью в изменяющемся обществе (на примере студентов ЛГПУ им. Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского)	1369
<i>Костин Владислав Михайлович, Шнак Максим Сергеевич</i> Факторы, оказывающие влияние на динамику уровня рождаемости в РФ: современность и перспективы ..	1372
<i>Кузеванова Ангелина Леонидовна, Гуленина Софья Сергеевна</i> Феномен одинокого отцовства: опыт социологического анализа	1375
<i>Ляликова Софья Викторовна, Карпова Вера Михайловна</i> Эмоциональное благополучие индивида: понятие, индикаторы, факторы влияния.....	1378
<i>Маркова Татьяна Леонидовна</i> Репродуктивные барьеры: мнение работающих родителей	1381
<i>Мурзагалиева Айнур Константиновна</i> Семейная дисгармония как причина агрессивного поведения подростков	1383
<i>Никифорова Анастасия Владимировна</i> Гендерная идентичность женщин, определяющих себя как чайлд-фри	1385
<i>Нода Александр Сергеевич, Русских Валерия Анатольевна</i> Чайлдфри или многодетность – к чему приведет текущая демографическая политика?	1388
<i>Окольская Лидия Александровна</i> Родительские (воспитательные) ценности россиян в контексте социальной структуры	1393

<i>Омельченко Дарья Алексеевна, Максимова Светлана Геннадьевна</i> Религиозность в структуре ценностных ориентаций населения азиатского приграничья России: общие координаты и взаимосвязь со стратегиями семейного воспитания	1396
<i>Осадчая Галина Ивановна, Юдина Татьяна Николаевна</i> Гендерные аспекты семейных отношений мигрантов из Центральной Азии	1400
<i>Пивоваров Александр Михайлович</i> Социальное управление рождаемостью: биополитика или общественный договор?	1404
<i>Прохоренко Юрий Иванович</i> Репродуктивное насилие как фактор брачно-семейных отношений.....	1407
<i>Пугач Виктория Федоровна</i> Особенности феминизации преподавательских кадров в российских вузах.....	1410
<i>Разомазова Мария Николаевна</i> Трансформация семейных ценностей: социологический анализ.....	1413
<i>Рашитова Луиза Камилевна</i> Особенности социальных проблем одиноких отцов.....	1416
<i>Рудакова Екатерина Константиновна</i> Демографический суверенитет России в контексте изменения политики ООН по вопросу семьи и брака	1419
<i>Савин Сергей Дмитриевич, Сидорова Анна Николаевна</i> Социальные факторы домашнего насилия в российском обществе	1422
<i>Саливон Татьяна Викторовна, Конобейская Анжела Владимировна</i> Анализ стратегий социально-психологической помощи молодым мамам в пространстве высшего учебного заведения	1424
<i>Семиколонова Елизавета Сергеевна</i> Просемейные НКО сквозь призму традиционных ценностей	1428
<i>Семиколонова Елизавета Сергеевна</i> Семейные ценности в деятельности Российских НКО	1430
<i>Сивоплясова Светлана Юрьевна</i> Отношение к браку и репродуктивные планы современной молодежи	1432
<i>Степанов Данил Вадимович</i> Кризис методологии социологического измерения брачно-семейных отношений	1435
<i>Сычева Наталья Васильевна, Шупрута Павел Вячеславович, Землянская Анастасия Викторовна</i> "Частые разводы: цена ранних браков"	1438
<i>Тарченко Вера Сергеевна</i> Исследование предпочтительной модели семьи у студентов медицинского вуза	1439
<i>Тишина Полина Валерьевна</i> Роль городских программ в поддержке демографической ситуации.....	1440
<i>Ткачева Нина Алексеевна, Юдашкин Андрей Валентинович</i> Традиционные семейные ценности в региональном измерении.....	1443

<i>Ушакова Валентина Григорьевна</i> Семья и брак в контексте традиционных российских духовно-нравственных ценностей: историко-социологический аспект	1446
<i>Фасахудинов Владислав Вадимович, Дерюгин Павел Петрович</i> Основы воспитания детей в казачьей семье и общине. Традиции, формирующие духовно-нравственную среду	1449
<i>Хворостяной Артём Александрович</i> Сдвиг традиции и любовь к себе: семья, брак, демография в представлениях современной амурской молодёжи	1453
<i>Царева Анна Владиславовна, Гребенников Андрей Иванович, Малинин Александр Владимирович, Пухов Дмитрий Николаевич</i> Факторы влияния семьи на формирование привычек здорового образа жизни и интереса к физической культуре и спорту у детей и подростков	1456
<i>Швецова Ксения Юрьевна</i> Рождение детей в представлениях современной молодежи. Решающий фактор в принятии решения сделать аборт девушками 18-26 лет и способы уменьшения влияния этого фактора	1459
<i>Янак Алина Леонидовна</i> Капитализация и брендизация родительских компетенций: опыт молодых родителей	1461
Круглый стол «Перспективы развития практик социального активизма здоровья в России»	1466
<i>Бородкина Ольга Ивановна</i> Социальный активизм в контексте развития новой системы общественного здравоохранения	1466
<i>Ткаченко Кирилл Владимирович</i> Активизм медицинских работников: концептуализация и типология	1468
<i>Николаенко Георгий Александрович</i> Медицинский блог как стратегия активизма знаний	1471
<i>Платонов Константин</i> Актуальные цифровые технологии для развития социального активизма здоровья: ключевые тренды	1473
<i>Маматказина Виктория Дмитриевна</i> Приоритизация личного опыта и профессионального знания в деятельности и мировоззрении российских активистов ментального здоровья	1475

Секция 1: Актуальные тенденции в социологической теории и инновации в социологическом образовании

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Агафонова Дарья Юрьевна
(Тюменский государственный университет)

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние социального капитала на общественную активность населения Тюменской области. Основываясь на данных социологического исследования, выявлены ключевые факторы, способствующие росту общественной самоорганизации. Особое внимание уделено роли доверия и типов социальных сетей в формировании гражданской активности. Показано, что индивиды, не участвующие в общественной жизни, в наименьшей степени доверяют и институтам, и обществу в целом, в большей степени опираются на закрытые сети.

Ключевые слова: социальный капитал, доверие, общественное участие.

Социальный капитал играет значимую роль в развитии и мобилизации общества, выступая важным ресурсом для укрепления социальных связей и доверия. В современной России исследования часто фокусируются на уровне доверия как основном компоненте социального капитала [Латов, 163]. Однако взаимодействие между социальным капиталом и общественным участием остается недостаточно изученным, особенно на региональном уровне.

П. Бурдьё рассматривает социальный капитал как сумму ресурсов, которые человек накапливает через сети знакомств и принадлежность к группам, усиливая свою способность использовать социальные связи для получения преимуществ [Bourdieu]. Социальный капитал облегчает действия внутри социальной структуры, расширяет информационные потоки, усиливает социальное влияние и укрепляет сети поддержки, способствуя сотрудничеству и снижая транзакционные издержки.

Разделение доверия на обобщенное (к незнакомым людям) и институциональное позволяет выявить различия в ресурсах и функциях социального капитала, таких как вовлечение в общественно полезную деятельность и индивидуальная успешность.

В России наблюдается более низкий уровень обобщенного доверия по сравнению с странами с аналогичными социально-экономическими показателями. Граждане чаще доверяют близкому окружению — семье и друзьям, но реже — незнакомым людям. Высокий уровень доверия к вертикальным институтам (государственной власти) сочетается с недоверием к горизонтальным институтам (общественным организациям).

Участвуя в общественных мероприятиях, волонтерской работе и других формах гражданской активности люди могут устанавливать новые связи, развивать доверие и укреплять сети социального капитала. Мы применили комплексную методику, вовлекая в анализ социального капитала не только доверие, но и другие его компоненты, которые часто остаются за пределами фокуса исследовательского внимания.

Методология исследования. Исследование базируется на данных социологического опроса в период с 2013–2023 годы в Тюменской области без автономных округов [Новая индустриализация..., 2018]. Анализ включал вопросы об уровне институционального и

обобщенного доверия, участия в общественной жизни и типах социальных сетей (открытые или закрытые). Научная новизна обусловлена анализом социального капитала через уровень доверия и общественную активность

Результаты исследования. Анализ показал, что уровень обобщенного доверия в Тюменской области остается низким: индекс обобщенного доверия составляет менее 0,5. Это свидетельствует о том, что большинство жителей склонны не доверять незнакомым людям. Уровень институционального доверия варьируется, но в целом имеет слабую тенденцию к повышению. Наибольшее доверие выражается к федеральным органам власти, таким как президент и правительство РФ, тогда как доверие к региональным институтам и общественным организациям значительно ниже.

Респонденты были разделены на две группы в зависимости от типов социальных сетей, в которых они взаимодействуют: открытые социальные сети: включают взаимодействия в компаниях друзей, среди соседей, на рабочем месте и в общественных организациях. Закрытые социальные сети: ограничиваются семейным окружением и близкими родственниками.

Выяснилось, что 58% опрошенных предпочитают закрытые социальные сети, тогда как 42% участвуют в открытых сетях. Рассмотрим, как обобщенное доверие распределено между социальными сетями различного типа, рис.1. Средние значения обобщенного доверия в открытых сетях (0,57) выше, но разброс данных меньше, чем в закрытых сетях (0,51). То есть респонденты, отнесенные к открытым социальным сетям, в большей степени склонны доверять незнакомым людям, и их мнение существенно более консолидировано.

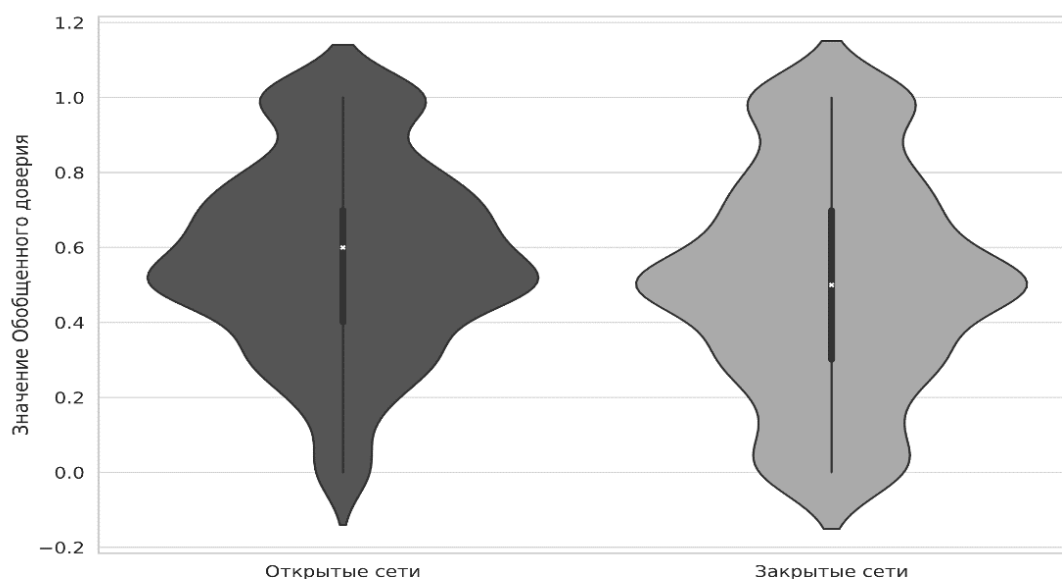

Рис. 1. Распределение значений обобщенного доверия по типам сетей, 2023 год, Тюменская область

Кластерный анализ позволил выделить четыре группы респондентов по уровню их общественной активности:

Основными препятствиями для общественной активности респонденты назвали: безразличие к общим делам и индивидуализм (32%), несамостоятельность и неверие в собственные возможности (около 32%), восприятие общественного участия как потенциально опасного (27%). Интересно, что негативизм со стороны социального

окружения отмечен лишь 13% опрошенных, что указывает на то, что внешнее давление играет меньшую роль в сдерживании гражданской активности.

Исследование подтвердило, что уровень обобщенного доверия и тип социальных сетей напрямую влияют на общественную активность. Люди, взаимодействующие в открытых социальных сетях и имеющие высокий уровень обобщенного доверия, чаще участвуют в волонтерстве и коллективных мероприятиях. Они также менее склонны к недоверию и негативизму, что способствует укреплению социального капитала.

Возраст и место проживания также влияют на тип социальных сетей и уровень доверия: старшие возрастные группы (65 лет и старше) чаще опираются на закрытые социальные сети (68%), тогда как молодые люди (18–24 года) предпочитают открытые сети (61%). Жители сельских районов больше взаимодействуют в открытых сетях (74%), чем городские жители (26%).

Результаты исследования показывают, что в Тюменской области существует значительный потенциал для развития общественной активности через укрепление социального капитала. Приблизительно четверть населения уже активно участвует в общественной жизни, и еще треть имеет потенциал для такой активности. Однако низкий уровень обобщенного доверия и преобладание закрытых социальных сетей среди значительной части населения сдерживают развитие гражданской активности.

Важно отметить, что доверие к федеральным органам власти остается высоким, но доверие к региональным и местным институтам значительно ниже. Это указывает на необходимость усиления взаимодействия между региональными властями и населением для повышения уровня доверия и вовлеченности граждан.

Исследование подтверждает, что социальный капитал является ключевым фактором, влияющим на общественную активность населения. Укрепление обобщенного доверия и стимулирование взаимодействия в открытых социальных сетях способствуют росту гражданской активности и, как следствие, укреплению социального капитала региона.

1. Латов Ю. В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // *Полис. Политические исследования*. 2021. Том 30. № 5. С. 161–175. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.11.

2. Новая индустриализация: возможности, ограничения социокультурного пространства. Монография / Научные редакторы: В. А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкина. Тюмень: Тюменской областной Дума, 2018.

3. Bourdieu P. *The forms of capital*. In: Richardson J. (ed.). *Handbook of theory and research for the sociology of education* // Westport, Conn.: Greenwood Press. 1986. p.241–258.

МЕТАФОРЫ «БОЛЬШОГО НАРРАТИВА» СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Асочаков Юрий Валентинович

(Санкт-Петербургский Государственный университет)

*РНФ: Социоструктурная модель перехода российского общества
в режим дополненной современности (24-18-00261)*

В простых, предполагающих высокую степень статичной стабильности обществах, обычно в социологии называемых традиционными обществами, предполагалась институционализированная монополия на определение реальности, так как унифицированная и централизованно контролируемая картина реальности была фактором социально-структурной стабильности. Появление «инноваций» противоречило основной задаче социальной теории традиционного общества, интерпретировалось как «ересь» и устранялось в порядке специфической «терапии». Современное сложноорганизованное общество для того, чтобы быть стабильным, должно обладать высокой структурной пластичностью и мобильностью, что не только обеспечивает возможность существования альтернативных версий описания социальной реальности, а даже нуждается в существовании таковых. Сам проект создания социологии как новой социальной науки предполагал строить ее как некую альтернативную версию определения социальной реальности, которой как таковой еще не существует. Ее возникновение рассматривалось Контом как первый реальный шаг перехода европейского общества от традиционного к современному, индустриальному обществу. Социальная теория Маркса, теоретическая альтернатива позитивистской социологии, тезис о том, что она есть учение по переустройству мира, сделала центральным. Социологическая теория с самого своего возникновения была «мультипарадигмальной» и нацеленной на активную динамику как собственную, так и социальную. Именно в связи с этим свойством социологии как науки, она становится для современного общества доминирующим концептуальным механизмом легитимации ее символического универсума. Ее дальнейшее развитие так же связано с наличием в ее теоретическом поле разных, несоединимых в рамках какой то одной парадигмы, теоретических тенденций. Традиционная, связанная с позитивистским мышлением социальная теория ориентирована в описании социальной реальности на образ организма-системы или машины. Этот метафорический проект позволил продуктивно использовать принятую в естественнонаучном мышлении субъектно - объектную конструкцию в социальном мышлении, ориентировал социолога на создание «объективных описаний» и поиски «объективных законов». Направление в социальной науке, которое обычно рассматривается как теоретическая альтернатива позитивистскому мышлению, «понимающая социология» и ее современные версии (коммуникативная теория общества) в качестве базовой метафоры предлагает деятельность - социальное взаимодействие индивидов, основанное на объективированном смысле. Деятельность как основа социальной реальности в этих теориях стремится приобрести статус «объективной деятельности». Объективный характер деятельности выражает понятие практики, субъектом которой выступает общество в целом, а индивид становится социальным только принимая и включаясь в эту практику. И это в значительной степени сближает эти два на первый взгляд альтернативные способа социального мышления. Продолжительное время эти два способа интерпретации базового для культуры Модерна «мифа о машине» выполняли роль доминирующего центра в социальной науке, той инстанции, которая «верифицировала и фальсифицировала» содержание научного дискурса социологии. Кризис этого способа мышления и этой структуры научного дискурса связан с тем, что современное общества вступило в специфическую стадию развития, характеризующуюся

значительной автономией различных жизненных миров, которые все с большим трудом могут быть выстроены по сходным правилам, ориентированы одним нарративом, который выполнял бы роль доминирующего центра. Суть этих изменений, требующих замены базовой метафоры «большого нарратива» современного общества с точки зрения постструктурализма (постмодернистской теории) заключается в изменении структурных принципов существования локальных дискурсов общества «позднего модерна». Специфическую структуру знания, текстов и языка модерна определяла ассиметричная бинарная структура социального дискурса – властвующий центр/маргинализованная и репрессуемая периферия. Она выстраивала иерархическую структуру понятий, которая позволяла реализовать власть порядка. Эта древовидная структура способна развиваться только за счет ответвлений, связанных с центральным стволом основных понятий и метафор, получающих значение и легитимность только в связи с этим центральным стволом. Новый мир, который выглядит как набор автономных жизненных миров, плохо сочетается с этой жестко централизованной структурой знания модерна. Ему адекватна фрагментарная и связанная в сеть структура. Радикальные инновации в социальной теории возникают в связи с поиском метафорического порядка, адекватному этим новым условиям.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СОЦИОЛОГИИ В УНИВЕРСИТЕТАХ. ОТ ОСВОЕНИЯ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ К ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.

*Баранов Николай Вадимович
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)*

Вопрос изучения социологической науки является актуальным для сегодняшних исследователей. Ответ на него может решить ряд серьезных социальных задач, связанных с освоением социологии в высших учебных заведениях студентами на первых курсах. Примерами данных задач могут являться освоение социологии студентами, которые не имеют представления о социологической науке, или систематизация научных подходов, теорий, направлений и школ в рамках ученых курсов. Для их решения студенты могут изучать социологию в двух подходах:

Генетическом подходе посредством изучения работ классических и современных социологов и монографий, обобщающих результаты первоисточников;

Метатеоретическом подходе на основе учебных пособий, раскрывающих концептуальную и категориальную базу той или иной предметной области социологии.

Генетический подход: освоение социологического наследия «классиков»

Изучение теоретического наследия классиков в виде первоисточников сегодня может предоставлять методологический вызов современным социологам и педагогам. Можно сформулировать три стратегии, на основании которых студенты, аспиранты, молодые ученые и заинтересованные в социологии люди могут изучать наследие «Классиков».

Библиографический – изучение теоретического и методологического творчества социологов через первоисточники либо в оригинале, либо в переводе на тот или иной язык. Преимущество данного подхода подробно описал в своей автобиографии «Дальняя дорога» российско-американский социолог П.А. Сорокин. «В книгах ученые формулировали свои теории более точно, чем в лекциях; я мог изучать их труды более внимательно, перечитывая при необходимости неясные или трудные места, чего нельзя сделать на лекции; затем, читая книги, я мог делать по тексту самые разные заметки и выписки, что было бы невозможно в процессе слушания лекции» - писал этот ученый [13, С. 52]. Данная стратегия освоения теоретического наследия социологов позволяет сформировать представление о социологической теории того или иного ученого. Выявить ее эвристическую ценность и сформировать представление о базовых категориях, введенные социологом.

Традиционный – заключающийся в изучении теоретического наследия и личности социолога как отражение «своего времени и обстоятельств». Примером монографий, изучающих наследие ученых-социологов на основании данной стратегии, можно назвать «Семь лекций по истории социологии» А.Б. Гофмана [3] или «Мастера социологической мысли» Л. Козера [7]. В отличие от библиографической стратегии студент получает краткое и общее изложение теории того или иного социолога, что занимает значительно меньше времени. Эта стратегия является наиболее приемлемой для студентов начальных курсов для формирования представления о специфике социологического теоретизирования того или иного автора, об истории создания произведения и определения цели и задач научного исследования, представленного в работе социолога.

Биографо-рефлексивный – заключающийся в подробной изучении биографии самого ученого для понимания его доменных и фоновых предпосылок, определивших его как ученого и деятеля общественной жизни. К произведениям данного типа можно отнести работы «Драма жизни Макса Вебера» Л.Г. Ионина [6] и «Макс Вебер» за авторством Е.И. Кравченко [8]. Данная стратегия овладения социологическим наследием может оказаться

крайне востребованной и интересной для продвинутых студентов, которые хотят ознакомиться с личностью социолога для ответа на вопрос: «Как события их жизни социолога оказали влияние на его видение социальной реальности и, следовательно, теории?»).

Метатеоретический подход: от освоения первоисточников к учебным пособиям

Одним из признаков активного развития социологии в стенах университетов может являться публикация и активное распространение учебных пособий по социологии. Вне зависимости от темы каждый ученик социологии преследует следующую цель: представить главные вехи развития социологической науки или определенной ее отрасли в сжатом, но конструктивном содержании.

Сегодня можно сформулировать типологию учебных пособий, включающую в себя три вида книг.

Во-первых, это учебники проекта «общая социология», предназначением которых является представить специфику социологии как науки, ее объект и предметную область, базовые теории и категории.

Попытки создания подобных учебных пособий, отражающих специфику социологического знания, предпринимались активно на протяжении двадцатого столетия. Среди примеров подобного рода попыток следует выделить «Общедоступный ученик по социологии» за авторством русско-американского социолога П.А. Сорокина [11], монографию в двух томах «Теории общества» под общей редакцией Т. Парсонса и Э. Шилза [17], а также монографию «Социология» за авторством Э. Гидденса [2], «Общая социология. Основы современной социологической теории» за авторством Н.Г. Осиповой [10], «Социология и социальное мифотворчество» от академика Г.В. Осипова [9].

Во-вторых, учебные пособия, посвященные изучению отраслей социологической науки. В пример данных учеников можно привести работы «Политическая социология» Ж.Т. Тощенко [11], «Социология семьи» под редакцией профессора Антонова А.И. [15], «Социология глобализации» А.Б. Рахманова и В.И. Добренькова [5]. В данных монографиях выделяется специфика отдельной отрасли социологии как теории среднего уровня: определяется объект и предмет данной отрасли социологии, представляются наиболее значимые и актуальные, по имению авторов, теории и исследования.

В-третьих, учебники и учебные пособия, посвященные методологии и методике социологического исследования. Примерами книг третьего типа можно назвать «Стратегия социологического исследования» В.А. Ядова [16], «Теоретическое построение количественного социологического исследования» Ю.П. Аверина [1], «Методы социологического исследования» В.И. Добренькова и А.И. Кравченко [4] или «Рабочая книга социолога» под редакцией Г.В. Осипова [12].

Сегодня перед социологами стоит непростой вызов в создании учебных пособий, содержание которых, во-первых, позволяло бы доступно изложить базовые категории теоретической социологии, ее концептуальную и категориальную базу, во-вторых, могло бы отразить актуальные тенденции развития социологической науки и, в-третьих, систематизировать историческое наследие социологов, принадлежащих разным теоретическим подходам.

Данный вызов требует научного и творческого подхода со стороны сотрудников высшей школы по направлению «Социология». Создание грамотного учебного пособия по социологии способствует интеграции вчерашних абитуриентов и сегодняшних студентов в социологическую науку, а также применению данной монографии для последующей систематизации и лучшего усвоения получаемых знаний.

1. Аверин Ю.П. Теоретическое построение количественного социологического исследования. Ю. П. Аверин ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Социологический фак. Москва: Акад. проект, 2014. 431 с.
2. Гидденс Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
3. Гофман А.Б. 7 лекций по истории социологии : [учеб. пособие для вузов] / А.Б. Гофман. [6-е изд., испр.]. Москва : КДУ: Высш. шк., 2015. 240 с.
4. Добренъков В.И. Методы социологического исследования: учебник / В. И. Добренъков, А. И. Кравченко. Москва : ИНФРА-М, 2009. 767 с.
5. Добренъков В.И. Рахманов А.Б. Социология глобализации [Текст] : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся в бакалавриате по направлению 040100 "Социология" / В. И. Добренъков, А. Б. Рахманов ; Социологический фак. МГУ. - Москва : Акад. проект, 2014. 634 с.
6. Ионин Л.Г. Драма жизни Макса Вебера. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 384 с.
7. Козер Л.А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. пер. с англ. / Льюис А. Козер . М.; СПб.: Нестор-История, 2013 . 463 с.
8. Кравченко Е.И. Макс Вебер. Москва: Весь мир, 2002. 221 с.
9. Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество: монография / Г. В. Осипов. 2-е изд., стереотип. Москва: Издательство Московского университета, 2023.с. 583.
10. Осипова Н.Г. Общая социология. Основы современной социологической теории: Учебное пособие для вузов. 2018. 336 с.
11. Политическая социология [Текст] : учебник : для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям "Социология" и "Политология" / [Бойков В. Э. и др.] ; под ред. Ж. Т. Тощенко ; Российский гос. гуманитарный ун-т. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2015. 623 с.
12. Рабочая книга социолога под общ. ред. и с предисл. Г. В. Осипова. Изд. 5-е. Москва: URSS, 2009. 476 с.
13. Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография / Пер. с англ., общая редакция, предисловие и примеч. А. В. Липского. М.: Моск. рабочий; ТЕРРА, 1992. С. 52.
14. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. 560 с.
15. Социология семьи: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности (040200) 0203000 "Социология" / [А. И. Антонов и др.] ; под ред. А. И. Антонова. 2-е изд., испр. Москва : ИНФРА-М, 2017. 637 с.
16. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования : описание, объяснение, понимание социальной реальности : учебное пособие / В. А. Ядов. - 4-е изд., стер. Москва: ОМЕГА-Л, 2009. 567 с.
17. Parsons T. Theories of Society: Foundations of Modern Sociological Theory. Free Press. 1961. Vol. 1.

РЕВИЗИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

*Богомягкова Елена Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 24-18-00261, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00261>

Социальные проблемы выступают одним из первых и наиболее постоянных объектов социологического интереса. Не случайно проект О. Конта включал позитивную науку – социологию – и позитивную политику – моделирование социальной эволюции на основе достоверного, эмпирически обоснованного знания. Это означало, что новая наука, находящаяся на вершине иерархии знания, должна не только поставлять данные о современном обществе, но и вносить вклад в обеспечение социального прогресса [7]. На запрос об изменении социальной реальности отвечали и проводившиеся в странах Западной Европы, США, России в середине XIX – начале XX вв. социальные обследования (social surveys), направленные на описание различных условий, вызывавших беспокойство и обусловленных разрушением традиционных социальных структур, ростом городов и индустриализацией: положение рабочего класса, бедность, неравенство, различные болезни и девиации (алкоголизм, нищета, преступность, проституция). Таким образом, от социологии ожидалось получение ответов на два вопроса: как социальные проблемы могут быть объяснены и что следует делать, чтобы их решить. Именно поэтому разговор о социальных проблемах требует осмысления, с одной стороны, теории социальных проблем, которая, в свою очередь, предполагает определенное понимание оснований социального порядка, а, с другой стороны, размышлений о роли социолога в социальных изменениях.

На протяжении истории практически каждая социологическая школа предлагала свои варианты ответа на эти вопросы, однако все они могут быть сгруппированы в три направления: объективистское, субъективистское и диалектическое. Первое из них опирается на объективистские трактовки социальной реальности как существующей независимо от познающего субъекта, представленные, прежде всего, концепцией социальной дезорганизации и структурным функционализмом. В этой логике социальность мыслится как преимущественно институциональная, в основании которой лежит следование нормативным образцам и предписаниям. «Поломки» в функционировании социальных институтов вызывают социальные проблемы, а социологу принадлежит ключевая роль в диагностике, объяснении и предложении вариантов их решения. Участие социолога в социальных изменениях, как правило, сводится к использованию результатов исследований лицами, принимающими решения. Второе направление представляет собой конструкционистский подход, основанный на идее «производства» реальности путем придания смыслов и значений действиям и ситуациям в многочисленных и многообразных интеракциях. В этом случае социальные проблемы предстают как результат и процесс определения и переопределения обстоятельств, вызывающих беспокойство, как социальных проблем, а социолог теряет свою экспертную позицию как в диагностике и объяснении социальных проблем, так и в предложении способов их решения. Он вынужден совмещать две роли: исследователя и участника процесса проблематизации, а социологическая интерпретация становится только одним из возможных вариантов трактовки текущего положения дел. Вопрос о роли социолога в социальных изменениях, равно как и вопрос о возможности таковых в принципе фактически не поднимается в этой исследовательской традиции. На сегодняшний день социальный конструкционизм является

по сути последней попыткой разработки теории социальных проблем. Концепция, которой уже более полувека, позиционируется как самая современная, а частью российского социологического истеблишмента до сих пор рассматривается как маргинальная. Диалектические и интегративные варианты синтеза объективистских и субъективистских направлений [8] также не приводят к оригинальным результатам и не выходят за рамки констатации необходимости одновременного учета объективных и субъективных компонентов социальных проблем.

Реализуемые сегодня многочисленные эмпирические исследования социальных проблем (бедность, безработица, загрязнение окружающей среды) либо опираются на концепции, разработанные в XX в., либо вовсе не используют какой-либо внятный концептуальный аппарат. Выполняя социальный заказ на диагностику текущего положения дел и формулирование предложений по решению социальных проблем, социологи нечасто обращают внимание на ту перспективу, из которой осуществляется исследование [2], а используют категории, предложенных государством и/или экономической элитой. Развитие системы понятий и построение теоретических моделей не являются сегодня популярными темами для академической науки.

Сложившуюся ситуацию в поле изучения социальных проблем можно охарактеризовать как кризис теории. Концепции, созданные для объяснения процессов, происходящих в XIX-XX вв., не чувствительны к современным условиям. Однако, социальная реальность усложняется: наряду с институтами и интеракциями активно развиваются сетевые и потоковые структуры [4]. «Гибридная реальность», «сети», «потоки», «сборки» и «ассамбляжи», – эти понятия схватывают радикальные трансформации, которые должны приниматься в расчет современными исследователями социальных проблем. С учетом появления новых социальных структур социальные проблемы могут быть рассмотрены как разрывы в сетях – будь то сети коммуникаций в духе М. Кастельса [11] или сборки, включающие людей и вещи в интерпретации Б. Латура [12]. Проблемы – это ситуации, когда что-то идет не так во взаимодействиях, сети недостаточно плотные или в них случились «поломки». Решением проблемы будет восстановление утраченных цепочек сети или сборка иного ее варианта, стабилизация сети. В рамках этого подхода социолог становится деятелем, активистом, а сами исследования вносят вклад в производство реальности – производство решений социальных проблем. Ученый должен стать специалистом «по плетению сети», тем самым реконфигурируя реальность, а не просто репрезентировав ее.

Рассмотрение проблем и их решений в оптике сетевых структур находит свое выражение в дискурсах о межинституциональном и межсекторальном взаимодействии, социальном партнерстве [1]. Все более частыми становятся ситуации, когда имеющуюся проблему невозможно решить в рамках одного института, а потому требуется выход за его пределы и выстраивание сети коммуникаций поверх институциональных границ. Необходимость комбинации социологом позиций исследователя и участника процесса социальных изменений, впервые высказанная А. Туреном [9], а также представления о производстве реальности в ходе самих практик познания [3], сегодня находят свое воплощение в стратегии action research [10].

Осмысление социальных проблем следует за фундаментальными представлениями о социальности, развиваемыми в социологии. Сегодня социальная реальность драматически меняется [5, 6], а потому требует пересмотра существующий концептуальный аппарат. Интерпретация социальных проблем и их решений в логике институтов и интеракций исчерпала себя, необходимо принимать во внимание реальность новых сетевых и потоковых структур. Чтобы предлагать актуальные работающие решения,

социологи должны обновить свои представления об основаниях социальности и принимать во внимание гибридность и сложность современного мира. Кроме того, не соответствующим текущим реалиям видится сведение роли социолога в социальных изменениях лишь к регистрации и диагностике вызывающих беспокойство обстоятельств.

1. Бодрова О.А. Партнерство в социальной сфере: трансформация межинституционального взаимодействия // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 190 – 199.
2. Дудина В.И. Эпистемические матрицы социологического знания. – СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2013. – 224 с.
3. Дудина В.И. Эпистемологическая реконфигурация социального знания: от репрезентации к перформативности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. №3. С. 35 – 50.
4. Иванов Д. В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012, № 4, С. 8 – 16
5. Иванов Д. В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 1: Актуальность новой повестки // Социологические исследования. 2024. № 6. С. 3-15.
6. Иванов Д.В. Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. № 26(3). С. 7–35.
7. Конт О. Общий обзор позитивизма / Перевод с французского И.А. Шапиро. Под редакцией Э.Л. Радлова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 296 с.
8. Симонова Т.М. Интегративный подход к исследованию социальных проблем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Том XII. № 1. С. 66 – 74.
9. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998 – 204 с.
10. Burns A. Action research. In book: *The Cambridge Guide to Research in Language Teaching and Learning*. Edition: First Publisher: Cambridge: Cambridge University Press. Editors: J. D. Brown & C. Coombe, 2015. P. 187 – 204.
11. Castells M. *The Rise of the Network Society* (2nd ed.). Malden, MA: WileyBlackwell,
12. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ: ГЕНЕЗИС И СТРУКТУРА.

Быков Владимир Петрович

*Обстоятельства или мотивы господствуют над человеком
лишь в той мере, в какой он сам позволяет им это.*

Гегель.

Судьбы ведут того, кто хочет и тащат того, кто не хочет.

Стоики.

Н.И. Кареев указывал (и, думается, совершенно правильно), что «социология должна быть учением об обществе, подобно тому, как существует общее учение о жизни», а главной задачей этой науки «должно быть исследование тех законов, коими управляются явления общественной жизни» [9, 3, 4, 19, 45]. Заявляя, что «в его намерениях не было изложить собственную социологическую теорию», что его «задачей было дать историко-критический очерк главнейших направлений, существующих в социологической литературе» [9, XIV, 366-369], он, тем не менее, сформулировал свое представление о том, какой должна быть эта теория. Констатируя, что, «живя в обществе, люди не перестают быть животными организмами, находящимися между собой в борьбе за существование», он утверждал, что «не эта борьба, а нечто ей противоположное ложится в основу общественной жизни», и это нечто есть «стремление к солидарности» [9, 32-33].

Анализ литературы приводит к выводу о том, что ни Кареевым, ни социологией в целом, как российской, так и зарубежной (хронически страдающей «полипарадигмальностью»), проблема понимания природы и сущности социальных законов, их генезиса, структуры и т.д. к настоящему времени не решена, - по крайней мере, должным образом. Почему так произошло, в чем истоки данного обстоятельства? Думается, причин «отсутствия теоретических «прорывов» в отечественной социологии», «практического исчезновения оптимизма в отношении конструирования общих теорий» [23, 11], причин того, что до сих пор в понимании «состояния и перспектив теоретической социологии в России ... ясности не прибавилось» [15, 30], множество, как общих, так и частных, однако непосредственным фактором застоя в российской теоретической социологии является доминирование в ней структурно-функционального метода (именуемого в разных работах то «системным», то «субстанциальным», то «константным» и т.д.), - а именно того метода, в соответствии с которым социальные явления полагается необходимым объяснять через более широкое социальное целое и который в результате неизбежно заводит теорию в тупик.

Рассматривая ситуацию, сложившуюся в его время в социологии, Кареев, далее, предположил, что «экономический материализм Карла Маркса», отличающийся, по его представлению, «теоретической отсталостью и наиболее догматическим духом» и вследствие этого «занимающий совершенно изолированное положение в ... социологической литературе», «мало-помалу начнет сближаться с другими направлениями общей науки об обществе», и прежде всего, с «органической» теорией Г. Спенсера. «В органической теории, - писал Кареев, - личность превращается в простую клеточку высшего индивидуума, называемого общественным организмом, и в аналогичное отношение к личности, ... становится и экономический материализм» [9, 30, 36, 362-365]. И поскольку дело обстоит так, поскольку методологическая база «экономического материализма» слишком узка, постольку, полагал он, последний будет неизбежно эволюционировать в сторону «органической» теории, - которой, в свою очередь, следует признать факт

существования человеческой психологии с такой ее важнейшей особенностью, как стремление к солидарности.

Как представляется, рассуждая о сущности и эволюции марксистского учения об обществе, следует иметь в виду то обстоятельство, что Маркс, с самого начала его занятий теорией исходил из понимания общества как особого организма, развивающегося по только ему присущим законам. Будучи убежденным в том, что «традиции всех (? – В.Б.) мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [13. 8, 119, 122], что надо, наконец, «предоставить мертвецам хоронить своих мертвых» [13. 8, 122], он избавился и от той традиции, в соответствии с которой величайшие в истории мыслители воспринимали человека в качестве существа не только *общественного* и *разумного*, но также и *природного*. Маркс настойчиво продвигал идею, что, по сути, *лишь социум и только социум* формирует личность человека. И пусть в 1835 г. в своем гимназическом сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» он заявлял, что «уже наша *физическая* природа часто противостоит нам угрожающим образом, а ее правами никто не смеет пренебрегать (Курсив мой – В.Б.)» [13. 40, 5)], однако в 1843 г. в работе «К критике гегелевской философии права» и далее он доказывал обратное, а именно то, что «сущность «особой личности» составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная (? – В.Б.) физическая природа, а ее *социальное качество*», так что на самом деле «индивиды ... должны рассматриваться по своему социальному, а не по своему частному качеству» [13. 1, 242]. Личность человека, заявлял он, «не есть абстракт (?! – В.Б.), присущий отдельному индивиду»; «в своей действительности она есть совокупность *всех* общественных отношений» [13. 3, 3]. В соответствии с этой логикой в «Капитале» Маркс (как известно, изучавший в Берлинском университете юридические науки! [См.: 13. 40, 652-653]), подводя итог своему исследованию «естественных законов капиталистического производства», «действующих и осуществляющихся с железной необходимостью» [13. 23. 6], заключал, что, с его точки зрения, «меньше, чем с какой-либо другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно» [13. 23, 10]. Анализ позволяет утверждать, что своей методологией Маркс требовал воспринимать человека в качестве некоей марионетки, сущность которой формируют и которую принуждают действовать довлеющие ему в виде фатума, рока «общественные отношения», - прежде всего, экономические, что в результате он оказался создателем и защитником самой настоящей «метафизики».

Что касается окружающего человека «чувственного мира», то Маркс отказывался видеть его в качестве явления, сущего самого по себе, безотносительно к человеческому социуму, - по сути, переходя на позиции субъективизма. По его логике, окружающий человека «чувственный мир вовсе не есть некая непосредственно от века данная, всегда равная себе вещь, а ... есть продукт промышленности и общественного состояния, притом в том смысле, что это – *исторический продукт, результат деятельности целого ряда поколений*, каждое из которых стояло на плечах предшествующего, продолжало развивать его промышленность и его способ общения и видоизменяло в соответствии с изменившимися потребностями его социальный строй. Даже предметы простейшей «чувственной достоверности» даны ему *только благодаря общественному развитию, благодаря промышленности и торговым сношениям* (Курсив мой – В.Б.)» [13. 3, 42]. И хотя иногда он соглашался с утверждением, что «история людей, так же как и их сознание, обусловлена их физической организацией», их «природными задатками», «необходимыми способностями» [13. 3, 42; 13. 40, 5, 15], все же в своих рассуждениях о «действительном историческом человеке», он последовательно избегал рассмотрения *природной* основы

последнего, представлявшейся ему всегда «абстракцией» [13. 1, 29-43, 242, 372, 377]. Того очевидного факта для тех, кто свободен от предвзятостей, от «метафизики», кто хочет видеть мир таковым, каков он есть на самом деле, а именно того факта, что *человек, во-первых, живет в природе, что, во-вторых, он есть неотъемлемая часть природы, что, в-третьих, помимо той природы, которая представляет собой «продукт промышленности и общественного состояния», существует, поистине бесконечная, независимая от человека таинственная и могучая природа*, в своих общетеоретических рассуждениях Маркс не признавал до конца его жизни, предпочитая настаивать на однажды усвоенной им (действительно, от таких «буржуазных экономистов», как Ж.Б. Сэй, А. Смит, Д. Рикардо, и такого «социалиста-утописта», как А. Сен-Симон [19, 330]) «экономической» догме, согласно которой материальная жизнь человека и общества тождественна способу материального производства, тому способу, который, будучи решающим фактором общественной жизни, «обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [13. 13, 7; 13. 8, 145].

Здесь, думается, следует отметить, что Маркс, сам будучи человеком чрезвычайно неординарным, от *природы* одаренным мощным потенциалом, а именно: поистине несокрушимой волей, почти абсолютной памятью, способностью к напряженнейшему умственному труду, а также к языкам, литератур, математике и т.д., и т.д., и при этом отчетливо осознавая свою необычность, в теории неизменно уклонялся от признания очевидного, а именно от признания того «упрямого» факта, что сущность, а, соответственно, и судьба, каждого конкретного индивида во многом задается *природой* его предков, ближних и дальних, в силу которой он рождается либо мужчиной, либо женщиной (а, между прочим, иногда на свет появляются и гермафродиты), либо здоровым, либо больным, либо сильным, либо слабым, наделенным тем или иным темпераментом, и т.д., и т.д. В противоречии с его же собственными указаниями на существование как «трусливых, робких, малодушных, беспомощных» людей, так и «выдающихся вождей» [13. 8, 137, 123-126, 142 и т.д.], в противовес констатациям великих предшественников и вопреки тому, что в своей жизни фиксирует каждый непредвзятый наблюдатель, в теории Маркс отказывался видеть, что очень многое в жизни конкретного человека, а, значит, и общества, задается «матерью-природой», что люди *от рождения* не тождественны и поэтому не равны друг другу то в одном, то в другом отношении. На начальном этапе своей жизни, признавая, что люди обычно настроены на то, чтобы преследовать «только свой особый интерес», действовать «против общих и иллюзорно общих интересов» [13. 3, 33], позже он доказывал, что индивидами управляет «социальная сила» в виде «совместной деятельности», которая «возникает не добровольно, а стихийно», и которая «представляется им не как их собственная объединённая сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже (? – В.Б.) не могут господствовать над этой силой, - *напротив, последняя проходит теперь ряд фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а наоборот, направляющих эту волю и это поведение* (Курсив мой – В.Б.)» [13. 3, 33]. Поставить эту «чуждую», господствующую над людьми социальную силу под их контроль, заставить ее служить «обобществившемуся человечеству», полагал он, смогут только рожденные «капитализмом» «коммунистические пролетарии», осуществив в процессе революции «практическое ниспровержение реальных общественных отношений» [13. 3, 4, 37] и установив свою диктатуру.

Следует здесь сказать, что, например, Платон, вслед за многими его предшественниками, отмечал существеннейшее влияние на человека общественных отношений и, в том числе, такого фактора, как воспитание. По его представлению, «в каком

направлении кто был воспитан, ... таким и станет Весь его будущий путь» [18. 3, 195]. Однако в то же время он был убежден в том, что в процессе воспитания, а также при определении (государством) места человека в обществе следует с большим вниманием относиться к его, человека, «одаренности», к его «природным задаткам» [18. 2, 192; 18. 3, 193, 199 и т.д.]. С точки зрения Платона, люди рождаются «не слишком похожими друг на друга, их природа бывает различна, так что они имеют различные способности к тому или иному делу» [18. 2, 3, 131]. Прибегая к образам, запечатленным в мифах, он указывал (конечно, имея при этом в виду лишь эллинов), что все люди – братья, но при их рождении одним бог примешал золото, другим – серебро, третьим – медь и железо и т.д., что, следовательно, они по природе не равны друг другу [18. 3, 184]. Платон признавал также, что состояние организма человека существенным образом влияет на его самочувствие, на его восприятие действительности. «Не раз уже говорилось, - писал он, - что при разрушении природы живых существ вследствие ли смещений и разделений или вследствие наполнений и опорожнений, а также различных нарастаний и убываний у них возникают печали, страдания, боли и прочее, обозначаемое подобными названиями» [18. 3, 47]. Вслед за ним и Аристотель указывал, что на характер человека, на восприятие им действительности влияют состояния, «которые возникают вследствие болезней», подчас доводя его до самых мерзких и постыдных поступков [2. 4, 201].

Следует сказать, что иначе, чем Маркс, в последнее десятилетие его жизни проявил себя в качестве теоретика (в то же время продолжая начатое еще в «Немецкой идеологии» [См.: 13. 3, 19, 26-30, 65 и т.д.]) Ф. Энгельс, занявшись решением проблемы истоков, генезиса человека и общества. Опираясь на данные современного ему естествознания, он заключил, что «животные, включая человека», есть явления одного порядка, а «вечные законы природы ... превращаются все более и более в исторические законы» [13. 20, 510-512, 537, 553]. По его представлению, в результате доказательства факта превращения энергии из одной формы в другую, открытия органической клетки как основы всего живого, а также создания теории эволюции органического мира возникла, «при обобщении полученных результатов», «система материалистического понимания природы», а затем и общества.

Следует констатировать, что эта, в сущности, новая для марксизма теория человека и общества, не была соотнесена Энгельсом с теорией и методологией его друга и соратника. В «письмах об историческом материализме», итоговых по их сути, он остался в пределах логики, заданной Марксом еще в годы их юности. В этих письмах Энгельс, следуя логике Маркса, утверждал, что «действительное производство средств к жизни и самой жизни» есть «*primum agens* материальных условий существования» [13. 37, 370-371, 394-396], а социальные законы есть ни что иное, как тенденции, формирующиеся в результате сложного взаимодействия исторически сложившихся социальных сил, в основе которого лежит тот или иной способ материального производства [См.: 13. 37, 370-372, 394-396 и т.д.].

Советскими, а затем и российскими обществоведами, долгое время испытывавшими на себе мощное влияние Маркса и созданного им учения, подкрепленное мощью партийно-государственного аппарата, была принята в качестве основополагающей, в сущности, методология структурного функционализма с ее «опорой» на «экономический материализм». Вопреки прогнозу Кареева относительно перспектив эволюции марксизма и в настоящее время в российской социологии общество обычно рассматривается в качестве «цельного организма», «сложной системы, развивающейся на своей, собственной основе», в виде «объективной реальности *sui generis*, развивающейся по своим имманентным законам» [25, 499; 20, 294; См. также: 29, 24-32], а собственно социологический подход

воспринимается как такой, который «направлен на выявление *социальной* обусловленности не только поступков людей и ситуаций, складывающихся в результате множества поступков многих людей, но и вещей, созданных или используемых ими... (Курсив мой – В.Б.)» [17, 13-14].

В соответствии с пониманием общества как явления, принципиально отличного от собственно природных явлений, в литературе утверждается, что исходными понятиями социологии являются «социальное», «социальные связи и отношения», «общность», «жизненный мир» и т.д. [См.: 4, 80; 31, 29, 32-33; 23, 10-22], а социальные законы толкуются как законы, которые, с одной стороны, «определяют отношения между различными индивидами и социальными общностями», а, с другой стороны, будучи, преимущественно, стохастическими законами, законами-тенденциями, «определяются социальной деятельностью людей, их собственными действиям», в то же время «не исключаями альтернативного характера социального развития» [20, 294-295, 129; 16. 2, 38-39]. Что касается структуры социальных законов, то обычно указывается, что эти законы действуют либо в течение всей истории человечества, либо в пределах той или иной общественной формации, либо в отдельных структурах общества [20, 294; 21, 22].

Конечно, нельзя не согласиться с тем фактом, что человеческое общество, а также его законы, социальные связи и отношения, способы организации и т.д., представляют собой явления, отличающиеся от других явлений бытия. Однако понимание человеческого общества как *в принципе* особого явления в ряду других явлений, как явления, не только *свободного* от влияния природы, но и *подчиняющего* себе природу [См.: 11, 95], порождает существенную ограниченность как ее, т.е. теории, методологической базы, так и ее предметного поля. Можно констатировать, что в российской социологии к настоящему времени произошло: а) значительное «выхолащивание» *исторического метода* по причине фактического исключения из него темы *происхождения человека и человеческого общества*; б) игнорирование многого важного и ценного из *наследия, доставшегося нам от прошлого*; в) отстранение от данных *современного естествознания*; наконец, г) отказ от принятия во внимание свидетельств человеческой практики, убедительно говорящих о том, что, при всех их особенностях, *люди, действительно, изначально живущие в обществе, изначально же являют собой природные тела*.

В свое время В.И Ленин указывал, что «самое надежное в вопросе общественной науки ... - это не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [12. 39, 67]. Думается, размышляя о социальных законах, «архиважно» (если использовать здесь лексику того же Ленина) последовать данному указанию и самое пристальное внимание обратить на *тот путь, двигаясь по которому человечество стало собственно человечеством, обществом homo sapiens(ов)*, и признать, что люди, их бытие, в том числе и социальное, не есть *causa sui*, т.е. причина самое себя, что человечество не возникло вдруг и ниоткуда или исключительно по собственной воле, а *изначально, по своему происхождению, а затем и дальнейшему развитию в качестве совокупности homo sapiens(ов), является самым настоящим природным феноменом*. Соответственно этому социальные законы, как законы, в соответствии с которыми существует и развивается человеческое общество, законы, являющиеся частью социальной реальности, думается, необходимо воспринимать как такие, которые *самым непосредственным образом детерминированы природой*, а именно той природой, которую *предки людей, борясь за свое существование, преобразовывали, постепенно становясь homo sapiens(ами)*, что, следовательно, *социальные отношения и социальные законы гораздо «старше»*

(собственно говоря, на многие миллионы лет) общества *sapiens(ов)* [См. об этом, например: 30].

В свое время Т. де Шарден указывал на некий «парадокс человека», на то, что, будто бы, «в своих изображениях универсума наука еще не нашла ему (человеку – В.Б.) места», что, «если судить по биологическим результатам его (человека – В.Б.) появления», если иметь в виду тот «ничтожный морфологический скачок в лице человека», то, спрашивал он, «не представляет ли он собой как раз нечто иное?», т.е. существо, принципиально отличное от животного? [28, 169-196]. Да, с де Шарденом можно согласиться в том, что человек - не просто животное, что, действительно, здесь имеет место переход из одного качественного состояния в другое. Но, как представляется, в данном случае нам не следует подменять один предмет разговора другим, а «отдать каждому кесарю – кесарево», т.е. предоставить биологам, археологам, физикам и т.д. решать вопрос о том, *когда и каким образом* произошел этот самый «ничтожный морфологический скачок в лице человека», а социологам дать возможность исследовать *реалии жизни*, как прошлой, так и настоящей.

В "Капитале» Маркс утверждал, что «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами», что «то и другое должна заменить сила абстракции» [13. 23, 6]. По поводу этого суждения можно сказать: да, социолог, как и экономист, непосредственно не может для решения стоящих перед ним задач пользоваться микроскопом и химическими реактивами. Но что ему даст «сила абстракции», если в этой «абстракции» нет действительного содержания? Очевидно, ничего, кроме пустой спекуляции. Как представляется, для того чтобы наполнить «абстракцию» реальным содержанием, социолог должен использовать, например, *метод наблюдения*, тот метод, который (если правильно им воспользоваться) в конце концов заставляет принять во внимание явь *реальности, практики*. В самом деле, если, как говорится, мы видим существо, которое обросло перьями как курица, если оно кудахчет как курица, если оно несет яйца как курица, то разве не вытекает из всего этого, что данное существо и есть курица? Аналогично этому, думается, социолог должен поставить вопрос: если человек, - это, по логике, исходная категория в наших рассуждениях об обществе, - рождается как животное, спит, ест, растет, болеет, оставляет после себя потомство, и, наконец, умирает, как животное, то, даже при наличии у него «божественного разума», разве не есть он *настоящее животное*?

Далее, для того чтобы избежать попадания в плен «пустых абстракций», социолог должен принять во внимание то, что наработано в естественных науках, и, прежде всего, в биологии. В этой науке сегодня общепризнано, что «человек появился на Земле в итоге сложного и длительного процесса историко-эволюционного развития – антропогенеза и биологически тесно связан своими корнями с животным миром», что «в зоологической систематике вид человека разумного (*Homo sapiens*) относится к семейству гоминид (*Hominidae*), отряду приматов (*Primates*), классу млекопитающих (*Mammalia*)» [6, 520].

Думается, социолог, далее, не должен забывать о том, что еще древние греки осознавали, сначала создавая мифы, религиозные учения, а затем философские системы, тот факт, что человек есть часть природы, что, в силу этого, он не может не подчиняться ее законам. Так, например, Гомер указывал:

«Сходны судьбой поколения людей с поколениями листьев:

Листья – одни по земле рассеваются ветром, другие

Зеленью снова леса одевают с пришедшей весной.

Так же и люди: одни нарождаются, гибнут другие» [1, 264].

Гераклит Эфесский также заявлял: «Признак мудрости – согласиться, не мне, но логосу внемля, что все едино», что «все человеческие законы питаются единым

божественным». По его представлению, «этот космос, тот же самый для всех, не создал никто ни из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим». Непосредственной же причиной постоянного движения всего сущего, указывал он, является *Πόλεμος*, т.е. борьба, которая все создает и которая все однажды разрушает. Как во Вселенной, так и в человеческих делах, утверждал Гераклит, все течет, все изменяется, и поэтому «дважды нельзя войти в одну и ту же реку» [1, 279, 275].

Платон также считал, что человек есть, хоть и «разумное», но все-таки - животное, находящееся «в ряду других животных» [18. 1, 112]; и, так как «в природе все родственно друг другу» [18. 1, 589], то оно не может не быть подчинено одним и тем же законам. В частности, в заключительном своем сочинении, «Законы», он (вслед за Анаксагором, устами «Афинянина») указывал, что во Вселенной имеет место «всеобщее движение» и в этом движении «наблюдается стройный порядок, так как над светилами и прочими телами господствует все упорядочивающий ум» [18. 3, 435]. По мнению Платона, законы, действующие в мире в целом и в обществе в частности, - сложны и противоречивы по их сути и поэтому понять их можно, только прибегая к высшему методу, «подобно карнизу, венчающему все знания», а именно к диалектике [18. 3, 319]. В соответствии с требованиями диалектики он утверждал, *что все вещи и покоятся, и движутся*, так что «даже алмаз» не остается всегда одним и тем же [18. 4, 448]. В целом можно сказать, что, согласно Платону, в Вечном и Бесконечном Космосе все тела, - и в том числе люди и их общества, - конечны и преходящи, что всему однажды возникшему «бывает конец». По его заключению, поскольку «государства, где правит не бог, а смертный, не могут избежать зол и трудов», постольку и наилучшее из государств, если такое однажды появится, «не сохранится вечно, но подвергнется разрушению» [18. 4. 165; 18. 3. 330].

Если не уходить далее в историю философской мысли и попытаться подвести здесь итог, то можно сказать, что важнейшими законами, едиными как для природы, так и для общества, являются, с одной стороны, закон динамики, закон движения, а с другой стороны, - закон покоя, закон статики, закон инерции в бытии явлений, в том числе и общественных [См. об этом: 3, 87-97]. Далее: наблюдение, логика приводят к выводу о том, что тела, коих бесконечно много в природе, не существуют обособленно, а взаимодействуют друг с другом в большей или меньшей степени. «Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, - писал Энгельс, - это взаимная связь отдельных движений отдельных тел между собой, их обусловленность друг другом» [13. 20, 544]. Эта взаимная связь, предполагающая преодоление хаоса, есть порождение закономерности в движении тел в пространстве и времени, такой закономерности, которая отнюдь не исключает существования случайности. Еще одна характерная особенность бытия тел и в то же время – закон их существования, состоит в том, что родственность того или иного тела «уже с самого начала имеет своим необходимым дополнением *отличие от всего другого*» [13. 20, 530], так что и в обществе ни одно тело, ни одно явление не может быть абсолютно тождественным другому; оно обязательно в чем-то отлично от всех других явлений.

Следует сказать, далее, что социальные законы задаются не только Великим Космосом как таковым (См. в этой связи, например, «Труд о всемирном тяготении» А. Сен-Симона [19, 209-290]), но и *ближайшим космическим окружением* людей. Как бы ни был физически и интеллектуально могуч, велик и т.д. человек, все же силой вещей он вынуждается (если, конечно, он хочет жить) подчиняться тем циклам, которые задаются *Солнечной системой*. Как бы банально это ни звучало, с первых дней его существования человек «обречен» переживать смену дня и ночи, времен года, а также ту или иную

активность Великого Космоса и, соответственно этому, строить свою жизнь. Наука (археология, все та же биология и т.д.) говорит, что изменение климата не только коренным образом меняло условия существования людей, но и, буквально, "стирало с лица Земли" целые цивилизации.

Наблюдение показывает также, что жизнь людей детерминирована непосредственно *окружающей их природной средой*. Люди рождаются и живут в разных географических, климатических и т.п. условиях, т.е. в лесах, горах, степях, пустынях, на севере, на юге, получают от природы те или иные ресурсы (например, нефть, газ и т.д.), становясь либо собирателями «даров земли», либо рыбаками, охотниками, скотоводами-кочевниками, рудокопами и т.д., и т.д. [См. об этом, в частности: 14]. О том, как влияют на людей конкретные условия их жизни, думается, очень ярко и убедительно показал в своем «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский. В адрес тех, кто, исходя, из тех или иных соображений, обвинял русских в «пассивности», он писал: «Слишком ясно и понятно, что все делается по известным законам природы и истории и что не скудоумие, не низость способностей русского народа и не позорная лень причиною того, что мы так мало произвели в науке, и в промышленности. Такое-то дерево вырастает в столько-то лет, а другое вдвое позже его. Тут все зависит от того, как был поставлен народ природой, обстоятельствами и что ему прежде всего надо было сделать. Тут причины географические, этнографические, политические, тысячи причин, и все ясных и точных. Никто из здравых умом не станет укорять и стыдить тринадцатилетнего за то, что ему не двадцать пять лет. «Европа, дескать, деятельнее и остроумнее пассивных русских, оттого и изобрела науку, а они нет». Но пассивные русские, в то время как там (т.е. в «Европе» - В.Б.) изобретали науку, проявляли не менее изумляющую деятельность: они создавали царство и сознательно создали его единство. Они отбивались всю тысячу лет от жестоких врагов, которые без них низринулись бы и на Европу» [8, 319].

Практика показывает, далее, что люди способны изменять условия их жизни. В борьбе за средства существования они создают то, чего до них не было в природе, а именно: скотоводство, земледелие, индустрию, сложнейшую технику. От эпохи к эпохе они развивают способы добывания средств к жизни, соответственно этому меняют общественные отношения, институты и, таким образом, объективно, создают условия, которые они вынуждены принимать во внимание. Так, с переходом от собирательства к производству они обретают оседлость, а с созданием индустрии массами переселяются в города, где получают необходимое образование, а затем работу на промышленных предприятиях, в медицинских учреждениях, в учебных заведениях, «вторгаются» в глубь морей, в космические дали и т.д. В процессе их жизнедеятельности люди, как мыслящие существа, создают также духовные ценности, т.е. науки, религиозные и философские системы, театр, литературу и многие, многие другие феномены подобного рода, играющие в истории принципиальнейшую роль. В самом деле, разве возможно было бы появление в ойкумене такой страны, как Россия, без принятия князем Владимиром в 988 г. христианства и разве возможен был бы Советский Союз без наличия в мире такой идеологии, как марксизм, а затем – ленинизм? История показывает, что «идея становится мощной материальной силой, когда она овладевает массами» [См.: 18. 3, 265; 13. 1, 422].

Необходимо видеть также, что социальные законы задаются людям не только космосом, природой, непосредственно их окружающей, а также продуктами их деятельности, но и *их собственной природой*. В литературе нередко утверждается, что «социолог, в отличие от физика, должен изучать не природу, а общество» [7, 75], что человек, хоть он и биологическое, природное существо, однако «от других животных он отличается тем, что живет по искусственной, неприродной программе» [4, 11]. Думается,

чтобы правильно решить вопрос о природе человека и общества и о тех законах, которыми они управляются, следует принять во внимание те глубокие и совершенно правильные представления о людях, которые были выработаны еще в глубокой древности. Изучение работ древних мыслителей приводит к выводу о том, что последние воспринимали человека, не очаровываясь его «разумом», в качестве животного, рожденного «матерью-землей». В частности, Анаксагор писал, что человек – «самое разумное из всех животных» [26, 529]. Эпикур указывал, что «сами обстоятельства (предметы) научили и принудили [человеческую] природу делать много разного рода вещей и что разум *впоследствии* (Курсив мой - В.Б.) совершенствовал то, что было вручено природой, и делал дальнейшие изобретения, в некоторых случаях быстрее, в некоторых медленнее, в некоторые периоды и времена, [делая большие успехи], в некоторые меньшие» [1, 353]. Платон и Аристотель также считали, что человек – «самое разумное из всех живых существ», что между животным и человеком – много общего, так что они, по сути, родственники [18. 3, 401-402; 2. 1, 135, 415]. В Новое время о том, что «человек - самое распространенное животное на земле», что человека от обычного животного «отличает лишь наличие разума», что животное также обладает умом, хоть и менее развитым, нежели у человека, писали, например, К.А. Гельвеций, А. Сен-Симон и многие другие мыслители [См.: 5. 1, 154-155; 5. 2, 72-73, 470, 589; 19, 201-202].

Думается, если видеть человека таким, какой он есть на самом деле, т.е. существом, наделенным не только «божественным разумом», но и вполне определенной *физиологией*, то мы можем констатировать, что важнейшим законом существования людей, является, прежде всего, удовлетворение их базовых потребностей, т.е. потребностей в пище, одежде, в жилище, в безопасности и т.д. За два с лишним тысячелетия до А. Маслоу, создавшего свою концепцию «пирамиды потребностей», Эпикур признавал: «Голос плоти – не голодать, не жаждать, не зябнуть. У кого есть это и кто надеется иметь это и в будущем, тот даже и с самим Зевсом может поспорить о счастье» [1, 359]. Платон также утверждал, что «первая и самая большая потребность – это добыча пищи для существования», а для достижения этой цели «каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности» [18. 3, 130], в результате чего создается государство [См. об этом, например, также у О. Конта: 10, 36]. Если отвлечься от исторически обусловленной формы, в которой выражена мысль Платона, то можно сказать, что, с его точки зрения, важнейшими социальными законами являются: а) закон *удовлетворения физических, физиологических потребностей людей*, а также б) закон *объединения людей для обеспечения их существования*. Но Платон на этом не остановился. Он указал, что каждый отдельный человек, прежде чем добывать себе пищу, а затем объединиться с другими людьми, должен родиться. Рождение и воспитание детей, заявил Платон, «имеет решающее значение для государственного устройства» и потому является священной обязанностью каждого гражданина [18. 3, 223; 18. 4, 224]. Практика говорит нам сегодня особо убедительно, что Платон прав, что закон воспроизводства людей является, действительно, важнейшим социальным законом, так что если этот закон не соблюдается, происходит депопуляция и общество погибает.

Далее можно констатировать, что, сплачиваясь в те или иные общности, люди *борются* друг с другом за ресурсы и одновременно *структурируют* отношения между собой, так что в каждом социуме возникают ведущие и ведомые, лидеры и масса, руководители и подчиненные, а также богатые, среднеобеспеченные, более или менее бедные, и т.д., и т.д., что в конце концов ведет к «классовой борьбе». В международном масштабе борьба за ресурсы выливается время от времени в войны.

Думается, здесь следует еще раз обратить внимание на феномен, кардинально отличающий людей от прочих животных и очень многое определяющий в их жизни, а именно на *память* о прошлом, близком или далеком. В самом деле, «глубокая демаркационная линия отделила человеческий ум от инстинкта низших животных» [19, 242]. Знание людьми своего происхождения, своих родственников, истории своего народа, память, передающаяся из поколения в поколение, - все это побуждает их действовать иным, чем прежде, способом, при этом усваивая, так или иначе, опыт, приобретенный предками. Действительно, из значимого «ничто на земле не проходит бесследно»: то крупное, что произошло с тем или иным народом в его истории, те важные исторические обстоятельства, которые тот или иной народ переживал некогда (например, войны, а, соответственно, победы или поражения), все это существенным образом воздействует на его поведение. Можно констатировать, что в памяти, а также в психологии, например, русского народа, как бы кто ни пытался ее подавить, остаются повелительными, несмотря на прошедшие десятилетия и даже века, такие события, как татаро-монгольское иго, отбросившее разобщенную и вследствие этого слабую Русь далеко назад; нападение на Россию в 1812 г. так называемой «великой армии» во главе с Наполеоном, наглядно показавшим, что такое «просвещенная Франция» и «просвещенная Европа»; Первая мировая, по ее сути, империалистическая война, развязанная все тем же «цивилизованным Западом»; Октябрьская революция 1917 года; гражданская война; строительство (нередко посредством репрессий) нового, социалистического, общества; Великая Отечественная Война, в ходе которой СССР потерял свыше 27 млн. человек и более 30% национального богатства; распад Советского Союза; перестройка «административной системы», доставшейся России от прошлого, с целью, как было объявлено, перехода ее к отношениям, основанным на рыночной экономике, политическом и тому подобном «плюрализме». Можно не сомневаться, что в этом же ряду будет и идущая в настоящее время специальная военная операция, проводимая Россией и являющаяся, по ее сути, сражением с теми силами, которые решили «истощить» Россию и нанести ей «стратегическое поражение» при помощи, сначала украинских националистов, а затем и, по возможности, всех тех, кого можно, при помощи «кнута и пряника», бросить в «пекло войны».

В завершение необходимо, как представляется, возразить Ф. Фукуяме, выдвинувшим тезис о якобы наступившем «конце истории» [27]. Анализируя события, происшедшие на планете Земля в конце XX – начале XXI вв., можно с полной уверенностью сказать, что история человечества не только не закончена, но в определенном смысле слова еще только начинается. Эта история, несомненно, породит огромное количество событий и, соответственно, новых законов, которых людям придется принять, чтобы существовать далее, – конечно, если случайно или «в безумии своем» они однажды не уничтожат себя. Очень хочется, чтобы этого не произошло, чтобы и наши потомки смогли побывать в этой, пусть часто трудной, а нередко и страшной, но, в общем и целом, чудесной сказке под названием Жизнь на Земле.

1. *Антология мировой философии. Том I. Часть I. - М.: Мысль. 1969.*
2. *Аристотель. Сочинения в 4 т. – М.: Мысль. 1975-1983.*
3. *Быков В.П. Тема социальных законов в философии Платона / Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16-18 ноября 2023 года) / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. — Электронные данные. — Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023.*
4. *Вильчек Вс. Прощание с Марксом. – М.: Прогресс, Культура. 1993.*
5. *Гельвеций К.А. Сочинения в 2-х т. Т.1. - М.: Мысль.*

6. Демографический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия. 1985.
7. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология: Учебник. - М.: ИНФРА. 2006.
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – М.: Институт русской цивилизации. 2010.
9. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. - Санкт-Петербург. 1897.
10. Конт О. Дух позитивной философии. - Санкт-Петербург. Санкт-Петербургское философское общество. 2001.
11. Кучинский Ю. Социологические законы / Вопросы философии. 1957.
12. Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 томах. – М.: Издательство политической литературы. 1967-1975.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2-е. В 50 томах. М.: Госполитиздат, 1955-1981.
14. Монтестье Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль. 1999.
15. Николаев В. Г. Социологическая теория в России: на распутьях фрагментации и плюрализма // Социологические исследования. 2022. № 1.
16. Новая философская энциклопедия. - М.: Мысль. 2010.
17. Нурышев Г.Н., Бразевич Д.С. Социология: Учеб. пособие. - СПб.: СПбГУНиПТ, 2010.
18. Платон. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Мысль. 1990-1994.
19. Сен-Симон А. Избранные сочинения в 2-х т. Т.1 - Москва-Ленинград. Издательство Академии наук СССР, 1948.
20. Социологический словарь. – М.: Норма: Инфра-М. 2010.
21. Социология / Г.В. Осипов (руководитель авт. кол), Ю.П. Коваленко, Н.И. Щипанов, Р.Г. Яновский. - М.: Мысль. 1990.
22. Социология. Основы общей теории: Учебник для вузов. - М.: Издательство НОРМА-ИНФРА-М, 2002.
23. Титаренко Л.Г. Теоретическая социология в современной России: глобальная и национальная перспективы // Социологические исследования. 2022. № 4.
24. Тоценко Ж.Т. Жизненный мир как базовое понятие социологии жизни / Социологические исследования. 2024, № 7.
25. Философия: Учебник / Под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. - 2-е изд., перераб. и доп.— М.: Академический Проект; Трикста, 2004.
26. Фрагменты ранних греческих философов. – М.: Наука. 1989.
27. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ. 2010.
28. Шарден де Тейяр. Феномен человека. Вселенская месса. - М.: Айрис-пресс. 2002.
29. Штомпка П. Социология: Анализ современного общества \ Пер. с польск. - М.; Логос. 2005.
30. Эспинас А.В. Социальная жизнь животных: Опыт сравнительной психологии. Изд. 3 - М.: Либроком. 2012.
31. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. - М.: Добросвет. 2000.

(НЕ) ДОВЕРИЕ К СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

*Галкин Константин Александрович
(Социологический институт РАН-филиал ФНИСЦ РАН)*

*Протасенко Татьяна Захаровна
(Социологический институт РАН-филиал ФНИСЦ РАН)*

Введение

В последние десятилетия в мире практически повсеместно фиксируется снижение общественного доверия к социологическим исследованиям. Специалисты выделяют несколько причин этого явления.

Универсальные тренды снижения доверия к социологическим исследованиям, связаны с глобальными тенденциями, например, с возникновением особой культуры недоверия к исследованиям на фоне общей потери доверия к социально-гуманитарным дисциплинам [1]. Эти тренды определяются прежде всего невозможностью социальных исследований объяснять происходящие в мире процессы.

Выделяются и локальные причины недоверия к социологическим исследованиям, характерные для отдельных стран или регионов. Как правило, эти причины связаны с потерей доверия ко всему институту социальных исследований, социальных наук. Ярким примером здесь может быть ситуация в России, где интерес к социологическим исследованиям и опросам продолжает снижаться. Бурный всплеск интереса в 1990-х годах, связанный с развитием в российском обществе демократических институтов, постепенно сменился усталостью населения от социологических исследований. Кроме того, сказалась невозможность социологических исследований влиять на принятие управленческих решений, быть частью процесса минимизации в стране социальных проблем [2].

Также в контексте доверия к социологическим исследованиям для российского общества характерна проблема перехода наук (и социально-гуманитарные науки здесь не исключение) к постакадемической стадии. Этот переход обусловлен тем, что в современных научных исследованиях появляется всё больше прикладных работ, которые производятся не только крупными научными институтами страны, но и различными исследовательскими агентствами, лабораториями и маркетинговыми компаниями [3]. Безусловно, для проведения опросов и социологических исследований используется методологический аппарат социальных наук, между тем доверие к таким исследованиям снижается, поскольку в российском обществе по-прежнему принято доверять крупным фундаментальным исследованиям и учёным, работающим в академических институтах.

Другим немаловажным фактором снижения доверия к социальным исследованиям выступают трансформации, происходящие в современном мире, связанные, в частности, с его общей турбулентностью и непредсказуемостью. Социологические исследования начинают терять свою актуальность, их цели и задачи нередко становятся непонятными для жителей стран [4].

В данном исследовании мы анализируем особенности доверия и недоверия к социологическим исследованиям в условиях неопределенности и нестабильности, вызванных постпандемийной ситуацией, и рассматриваем, как эти факторы влияют на общие перспективы доверия к социологическим исследованиям.

В настоящей работе мы рассматриваем социологические исследования в их совокупности, объединяя данные категории с позиции их общих целей (достижение общественных процессов путём научных социологических методов). Мы анализируем

различные взгляды и точки зрения на социологические исследования в современном российском обществе.

Основные исследовательские задачи, реализуемые в статье: эмпирическая оценка (не)доверия людей различных возрастов и профессий к социологическим исследованиям; исследование основных сценариев (не)доверия различных поколений людей, сталкивающихся с социологическими исследованиями.

Эмпирическая база и методология исследования

Была проведена серия из 30 полуструктурированных интервью с жителями Санкт-Петербурга различных возрастов и профессий. При формировании выборки придавалось значение не только интересу к социологическим исследованиям, но и его отсутствию. Для этого выборка наполнялась как людьми, связанными с социологическими исследованиями и использующими данные социологических исследований в своей профессиональной деятельности, так и информанты не занимающимися социологией профессионально.

Информанты отбирались стихийно с учётом разного возраста и профессионального статуса. Гайд для интервью был разработан авторами статьи. Проведение полуструктурированных интервью происходило с сентября по декабрь 2023 года в неформальной обстановке, чаще всего в кафе или дома у информантов, и продолжалось в среднем 45 минут. Форма интервью напоминала беседу, цель которой заключалась в получении максимальной рефлексии относительно роли социологических исследований в жизни информантов, их отношения к ним и перспектив их развития.

Результаты исследования

Сценарии (не)доверия к социологическим исследованиям

Сценарий утраченного доверия

Данный сценарий наиболее часто встречался у журналистов, общественных деятелей, которые, как правило, доверяли социологическим опросам и исследованиям периода 1990-х годов. Представители этого сценария описывали высокую значимость социологических исследований, но в то же время отмечали, что в нынешних условиях социологические исследования в России бесполезны. Основными критериями доверия к социологическому исследованию информанты — представители указанного сценария называли: независимость исследовательского центра; наличие научных публикаций, отражающих данные предыдущих исследований; аргументированное использование исследовательской методологии; чётко сформулированную выборку результатов исследования.

В нарративах интервью, у представителей данного сценария также встречалось сожаление и «ностальгия» по прежним социологическим исследованиям, утраченным в современных реалиях:

«Я сейчас с Борисом Надеждиным смотрела YouTube, и там вообще был задан вопрос: “Вы за Надеждина или не будете за него голосовать?” Будете или не будете? Это ж опрос» (ж., 80, Санкт-Петербург).

Для сценария утраченного доверия характерна утрата доверия как к исследовательской индустрии в целом, так и к конкретным исследователям. Представители этого сценария уделяют внимание манере подачи материала, репутации исследователя, особенно в СМИ и академических кругах, а также его компетентности. Важными факторами также являются забота об окружающих при представлении исследования и умение сочетать публицистику с научными данными. Как правило, представители этого сценария доверяют только проверенным источникам, где критерием проверенности

выступают информация об исследователе, организации, проводившей исследование, а также открытость исследований и доступность необходимой информации.

Сценарий отсутствующего доверия

Этот сценарий определен тем, что информанты отмечали, что никогда не доверяли социологическим исследованиям. Представители данного сценария крайне редко сталкивались с социологическими исследованиями в повседневной жизни и не использовали данные социологических исследований в рамках своей профессиональной деятельности. Также представители указанного сценария оценивали социологические исследования как нецелесообразные и нерелевантные. Представители данного сценария отмечали, что социологические исследования обычно не могут влиять на изменение общественного мнения и представляют собой не более чем способ манипуляции, способ конструирования мнения жителей:

“Я большинству не верю, если честно<...>мне кажется, это способ манипуляции очень простой” (ж., 20., Санкт-Петербург)

“Я бы сказал, что это монополия на социальные опросы. И это государственная структура, которая спонсируется” (м., 21., Санкт-Петербург).

Типичный портрет представителя сценария отсутствующего доверия: студент, обучающийся на втором или третьем курсах, ранее сталкивался с социологическими исследованиями, однако знакомство с ними было достаточно фрагментарным и поверхностным (например, речь шла о необходимости проведения социологических исследований при обучении в школе). Между тем среди представителей данного сценария были и люди пожилого возраста, которые, как правило, никогда не сталкивались с опросами и социологическими исследованиями или соприкасались с ними только обзорно.

Сценарий возникающего доверия

Сценарий возникающего доверия был характерен для молодых информантов, которые в нарративах интервью в большей степени отмечали, что за последние годы произошли серьезные трансформации в социологических исследованиях. Так, наиболее релевантными и интересными, по их мнению, сегодня выступают социологические исследования, которые проходят в Интернете и используют современные технологии моделирования опроса. Информанты отмечали, что им было бы интересно посмотреть на социологические исследования, которые проводит нейросеть без участия человека.

Именно новые технологии, отмечают информанты, в данном случае способны создать новые перспективы в развитии социологических исследований, расширить количество участников и число заинтересованных в опросах людей, круг изучаемых в социологических исследованиях проблем. Важным было и изменение отношения к социологической науке, а именно рост доверия к ней в целом через популяризацию проводимых исследований. Информанты отмечали, что расширение финансирования науки является хорошей возможностью для развития социологических исследований, которые, по мнению представителей указанного сценария, находятся в постоянных взаимодействиях с представителями других наук и исследовательских направлений:

«Да, за последние 5 лет это точно сдвинулось в лучшую сторону, наука стала лучше коммерциализироваться. Большие государственные субсидии молодым инноваторам тому подтверждение. И это хорошо, в стране развиваются и стартапы, и акселераторы»(ж., 21., Санкт-Петербург).

Представители данного сценария отмечали, что важным в данном случае выступает развитие доверия к науке в целом и развитие в обществе понимания важности проводимых исследований в том числе и социологических.

При этом у представителей сценария возникающего доверия (как и у представителей других сценариев, выделенных в рамках настоящего исследования) сохранялся скептицизм по отношению к социологическим исследованиям, выполненным по заказу государственных служб.

1. Weingart P. *The loss of trust and how to regain it: Performance measures and entrepreneurial universities* // *Trust in universities*. 2013. Т. 86. С. 83-95.
2. Зарубина Н. Н., Носкова А. В., Темницкий А. Л. Доверие к социальным наукам: взгляд университетской молодежи // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. №. 41. С. 114-123.
3. Федотова В. Г. Академическая и (или) постакадемическая наука // *Вопросы философии*. – 2014. №. 8. С. 44-54.
4. Соколов М. М. Академические репутации в российской социологии: опыт измерения // *Социологические исследования*. 2021. №. 3. С. 44-56.

«ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

*Григорьева Екатерина Александровна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

*Вершинина Инна Альфредовна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00258, <https://rscf.ru/project/24-28-00258/>

Аннотация. В докладе представлен анализ «экологического поворота» в социологии, который оформляется в современной научной мысли как комплекс теоретических дискуссий о взаимоотношении человека и природы, а также социальных причин и последствий экологических рисков. Обсуждается, как экологические риски формируют новые социальные неравенства и провоцируют пересмотр традиционных подходов в социологической науке. Экологические проблемы и вызовы, возникающие в современную эпоху, требуют глубокого теоретического анализа и обращения к понятиям социальной и экологической справедливости.

Ключевые слова: экологический поворот, социологическая теория, теоретическая социология, инвайронментальное неравенство, неокOLONиализм

Человек на протяжении многих столетий пытался познать окружающий его мир, в том числе для того, чтобы использовать его в своих интересах. Природа зачастую преподносит неприятные сюрпризы в виде стихийных бедствий, что способствовало появлению у человека желания обезопасить себя от нее, создать искусственную среду, где можно было себя чувствовать относительно спокойно. Согласно Р. Парку, именно в городах, которые он предлагает рассматривать как основу западной цивилизации, «человечество впервые возвысилось до интеллектуальной жизни и приобрело те черты, которые более всего отличают его от животных и первобытных людей» [3, 3]. История городов, насчитывающая несколько тысячелетий, это также и история противопоставления человека природе и попытка преобразования естественной окружающей среды, ее замены средой искусственной.

Города не смогли защитить человека от всех природных угроз, наоборот, создали новые, например, многократно усилив риски при землетрясениях, но они превратились в мощные политические, экономические и культурные центры, где разрабатывались в том числе и стратегии покорения природы. М. Хоркхаймер и Т. Адорно в «Диалектике Просвещения» настаивали на том, что «единственно чему хотят научиться люди у природы, так это тому, как ее использовать для того, чтобы полностью поработить и ее, и человека» [4, 17]. Идея Вольтера о том, что каждый должен возделывать свой сад, способствовала довольно быстрому превращению природы из храма в мастерскую, где человечество активно использует имеющиеся ресурсы, долгое время особо не заботясь о долгосрочных последствиях своих действий.

Если в доиндустриальный период изменения окружающей среды носили локальный характер, то после промышленной революции они стали глобальными, а практики в отношении окружающей среды приобрели характер геноцида [1, 7]. Однако в конце XX столетия происходит «слияние четырех осей истории – политики, экономики, экологии и морали» [5, 16], более того в научном дискурсе экономика все чаще уступает позицию лидера экологии, что становится особенностью современности. Социально-гуманитарные науки, в том числе и социология, также демонстрируют «экологический поворот», уделяя

все больше внимания эпохе антропоцена [9] и тем рискам, которые она актуализирует для современных обществ.

Изменения в экологической сфере все чаще формируют предметное поле научных исследований, в том числе и современной социологии [8; 16], для которой, как и для других наук, оказывается характерен «экологический поворот» [11]. Он представляет собой рост интереса к изучению социальных причин и последствий экологических рисков, а также связанных с этим проблем. В социологии чаще всего упоминаются следующие направления исследований, связанные с экологией: взаимодействие природы и общества, экологическое сознание, экологические движения, экологическое измерение политической экономии и социально-экологические последствия технологических рисков [10, 87].

Для социальных наук особое значение приобретает понятие инвайронментального неравенства [2], поскольку одни акторы получают экономическую выгоду от деградации окружающей среды, а другие платят за возникающие экологические риски [14]. Данная новая форма неравенства зачастую описывается в привычных для социологии терминах, в частности Б. Латур и Н. Шульц предлагают характеризовать новый климатический режим с опорой на ключевые «экологические классы» [12]. Социолог М. Манн описывает сложившуюся ситуацию как «климатическую войну» [13], поскольку для него, как и для многих других исследователей очевидно, что развивающиеся страны обменивают выгоды от глобализации на экологические потери [15]. Современные исследователи демонстрируют, что глобализация приводит к смещению бремени загрязнения в производстве и потреблении от развитых стран к развивающимся [6; 7], то есть к реализации неокOLONиальной политики в экологической сфере. При этом неравное распределение ответственности за экологические изменения, как правило, игнорируется в западных дискурсах об антропоцене.

1. Колин Э. *Иррациональность капитализма и изменение климата. Перспектива альтернативного будущего*. СПб.: Библиороссика, 2024.
2. Мартыненко Т.С. *Инвайронментальное неравенство: современные подходы к концептуализации понятия* // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57.
3. Парк Р. *Город как социальная лаборатория* // Социологическое обозрение. 2002. Том 2. № 3.
4. Хоркхаймер М., Адорно Т. *Диалектика просвещения. Философские фрагменты*. Перевод на русский язык: М. Кузнецова. СПб., 1997.
5. Эткнд А. *Природа зла: культурная история природных ресурсов*. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
6. Adow M. *The climate debt: what the West owes the rest* // *Foreign Affairs*. 2020. Vol. 99. No. 3.
7. Aydin M., Turan Y.E. *The influence of financial openness, trade openness, and energy intensity on ecological footprint: revisiting the environmental Kuznets curve hypothesis for BRICS countries* // *Environmental Science and Pollution Research*. 2020. Vol. 27. No. 34.
8. Beck U. *Ecological Politics in an Age of Risk*. Cambridge: Polity Press, 1995.
9. Randazzo E., Richter H. *Challenging Anthropocene Ontology: Modernity, Ecology and Indigenous Complexities*. Bloomsbury, 2024.
10. Bruckmeier K. *Sociology and ecology – a new theoretical Synthesis* // *Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии. Сборник научных докладов симпозиума, 13-14 октября 2011 г.* / Под ред. И.Ф. Девятко, Н.К. Орловой. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 85-94.
11. Holt F. *The Geo-Ecological Turn in Sociology and its Implications for the Sociology of the Arts* // *Cultural Sociology*. 2022. Vol. 16. No. 4.
12. Latour B., Schultz N. *On the Emergence of an Ecological Class: A Memo*. Cambridge: Polity, 2022.

13. Mann M. *The New Climate War: The Fight to Take Back our Planet*. New York: Public Affairs, 2021.
14. Murphy R. *Rationality and Nature: A Sociological Inquiry into a Changing Relationship*. Boulder: Westview Press, 1994.
15. Opoku E.E.O., Boachie M.K. *The environmental impact of industrialization and foreign direct investment // Energy Policy*. 2020. 137. 111178. DOI:10.1016/j.enpol.2019.111178.
16. Sassen S. *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*. Cambridge: Harvard University Press, Belknap, 2014.

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА: ПРОБЛЕМА ФРАГМЕНТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ

*Гугуев Даниил Константинович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Одной из областей социологического знания является отечественная социология города, включающая в себя широкую совокупность социологических исследований, в которых осмысляются город и урбанизация в российском обществе. Характерной особенностью современной отечественной социологии города выступает фрагментация ее предметного поля. Эта тенденция начала явным образом прослеживаться начиная с 60-х годов прошлого столетия и сохраняется по сей день.

Причиной вышеотмеченного, как представляется, служит ориентация исследователей на решение в первую очередь прикладных задач. Так, в 1960-е годы урбанизация рассматривалась в качестве процесса, обеспечивающего возможность создания материальной основы для коммунистического строительства. В связи с этим существовала потребность в социологических исследованиях, направленных на всестороннее изучение города и урбанизации. В 1960-1980-е годы публиковались многочисленные работы социологов, часто носящие узконаправленный и прикладной характер. Благодаря этому, с одной стороны, существенно расширялась предметная область советской социологии города, в которую включались разные вопросы (взаимосвязь урбанизации и научно-технической революции, экологические последствия урбанизации, специфика общения в условиях города, социальное развитие монопромышленных городов, расчет бюджетов времени горожан, особенности городского образа жизни, социальная структура города и т.д.) [1], [3], [6], [9], [10], [14], [16], [19]. С другой стороны, это неизбежно приводило к дроблению предметного поля, из-за чего отечественная социология города лишалась единства и целостности.

Прикладной и узконаправленный характер отечественных социологических исследований города и урбанизации, ярко проявившийся в советское время, сохранился в 1990-е годы. Кардинальные изменения общественного строя России стали причиной снижения интереса к теории урбанизации и благоприятствовали изучению различных прикладных проблем (городская политика, городские социальные движения и т.д.) [4], [5], [17].

Фрагментация предметного поля имеет место и в последнее время. Несмотря на обилие социологических исследований по городской проблематике у нас в стране [13], все они, как правило, являются узкоспециализированными и практико-ориентированными. Фундаментальных работ по социологии города и урбанизации в России сегодня не так много [2], [11], однако эти труды базируются на теоретическом наследии западных, а не отечественных социологов-урбанистов.

Интересно, что разнонаправленность социологических исследований города и урбанизации начала проблематизироваться советскими учеными уже в конце 1960-х – начале 1970-х годов. В частности, латвийский мыслитель Р. Палиньш [7], [8] указывал на то, что, хотя и ведутся серьезные социологические исследования отдельных аспектов урбанизации, еще не достаточно изучены сущность этого процесса, его место и роль в жизни общества. Поэтому, по его мнению, в ходе создания социологической теории урбанизации в первую очередь необходимо определить ее фундаментальные теоретико-методологические основания. В качестве таковых ученый рассматривал марксизм-ленинизм.

Спустя почти 20 лет взгляд на данную проблему не изменился. В кандидатской диссертации В.А. Якименко [18], защищенной в 1988 году, выделяются основные подходы к изучению города и урбанизации в советской социологии, определяется соотношение ключевых понятий отечественной социологии города («урбанизация», «расселение») и т.д., между тем попытка преодолеть пестроту взглядов на городскую проблематику в советской социологии была предпринята исследовательницей посредством выработки единого теоретического определения сущности процесса урбанизации на базе исторического и диалектического материализма.

Любопытно, что схожая ориентация сохраняется и в первые годы существования постсоветской России. Так, Ф.С. Файзуллин [15] отмечал, что марксизм-ленинизм является общесоциологической теорией, которая выступает базой для социологии города как теории среднего уровня. Как представляется, выстраиваемая таким образом многоуровневая модель социологического знания не является идеологически нейтральной и ставит во главу угла абстрактно-философское понимание сущности урбанизации. Эта модель не позволяет адекватным образом решить теоретико-методологическую проблему, связанную с многочисленностью и разнообразием исторически накопленных в отечественной науке социологических концепций города и урбанизации, их неупорядоченностью.

В последние годы российские ученые [12] справедливо указывают на необходимость создания национальной урбанистической школы в России – в дополнение к общепризнанным Чикагской и Лос-Анджелеской школам. Однако, на наш взгляд, этого не сделать без систематизации и интеграции предметного поля отечественной социологии города. Решить указанную задачу можно посредством комплексного и всестороннего историко-социологического анализа, соотнеся теоретическое наследие отечественной социологии города с реальным социально-историческим процессом урбанизации российского общества.

1. Ахиезер А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // *Вопросы философии*. 1969. № 2. С. 43-53.
2. Вершинина И.А. Западные концепции города и урбанизации в социологии второй половины XX – начала XXI века. Дисс. ... д-ра социол. наук. М.: МГУ, 2022. 437 с.
3. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды / В.Л. Глазычев. М.: Наука, 1984. 180 с.
4. Заборова Е.Н. Участие граждан в управлении городом // *Социологические исследования*. 2002. № 2. С. 1-17.
5. Коган Л.Б. Города и политика: российские уроки / Л.Б. Коган. М.: Ин-т муницип. упр., 2003. 214 с.
6. Коган Л.Б. Урбанизация-общение-микрорайон // *Архитектура СССР*. 1967. № 4. С. 39-44.
7. Палиньш Р. В.И. Ленин о роли городов в развитии общества и проблема сущности урбанизации // *Ученые записки Латвийского университета имени Петра Стучки*. 1970. Т. 131. С. 101-116.
8. Палиньш Р. Некоторые методологические проблемы развития социологической теории урбанизации // *Ученые записки Латвийского университета имени Петра Стучки*. 1972. Т. 156. С. 4-19.
9. Перспективные проблемы социального развития монопромышленного города. По материалам изучения Альметьевска Татар. АССР: сборник статей / Ред.-сост. М.В. Борщевский и др. М.: Б. и., 1973. 153 с.
10. Статистика бюджетов времени трудящихся / В.А. Артемов, В.И. Болгов, О.В. Вольская и др. М.: Статистика, 1967. 220 с.
11. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Е.Г. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 518 с.

12. Трубина Е.Г. Тридцать лет академической урбанистики в постсоветской России: между фундаментальным и прикладным // *Новое литературное обозрение*. 2022. № 6 (178). С. 125-145.
13. Тыканова Е.В. Современные направления исследований российских городов // *Социальное пространство большого города* / П.В. Бизюков, Е.П. Евдокимова, Ю.А. Еременко; под ред. Г.В. Еремичевой; ФНИСЦ РАН, СИ РАН. СПб: СИ РАН - филиал ФНИСЦ РАН, 2018. С. 13-33.
14. Файзуллин Ф.С. Городской образ жизни как объект регулирования. Дисс. ... канд. философ. наук. Саратов: СГУ, 1972. 222 с.
15. Файзуллин Ф.С. Социология города / Ф.С. Файзуллин; Акад. наук Респ. Башкортостан и др. СПб.; Уфа: Изд-во Уфимского юридического института МВД РФ, 1997. 160 с.
16. Шкартан О.И., Еремичева Г.В., Каньгин Г.В., Рябикова И.В. Характер внепроизводственной деятельности и социальная дифференциация горожан // *Социологические исследования*. 1979. № 4. С. 13-25.
17. Шомина Е.С. Становление жилищного движения в России // *Социологические исследования*. 1995. № 10. С. 78–87.
18. Якименко В.А. Социальный прогресс и урбанизация. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. М.: МГУ, 1988. 20 с.
19. Яницкий О.Н. Экологическая перспектива города / О.Н. Яницкий. М.: Мысль, 1987. 280 с.

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВЫХОД НА НОВЫЕ РУБЕЖИ

*Данилов Александр Николаевич
(Белорусский государственный университет)*

В статье рассмотрен потенциал и высокая общественная миссия социологического образования в конструировании будущего, формировании нового поколения, его научного мировоззрения, ответственного отношения к жизни в социуме. Угрозы и вызовы, с которыми столкнулся современный мир, ведут к необходимости существенного обновления теоретико-методологической базы социологии как науки о жизнеспособности социума, направленной на своевременное выявление латентных отклонений и разработку способов упреждающего восстановления системного равновесия.

Ключевые слова: потенциал социологического образования, проблемы и ошибки реформирования, новые рубежи.

Учитывая все возрастающую скорость социальных перемен можно утверждать, что глубокие социальные перемены неизбежно будут ставить проблемы фундаментальных смыслов и ценностных ориентиров человеческой жизнедеятельности. Техногенная цивилизация вместе с большими достижениями и прорывами во всех сферах жизнедеятельности человечества принесла глобальный экологический и антропологический кризисы, породила множество проблем, природа которых остается до конца непроясненной. Неустойчивость мировой экономической системы, не прекращающиеся конфликты и военные столкновения, борьба за ресурсы, духовное оскудение стали своего рода индикаторами неизбежности перемен.

Новые вызовы, с которыми столкнулся мир, ведут к необходимости существенного обновления, в том числе теоретико-методологической базы социальных и гуманитарных наук. В полной мере это касается социологической науки и образования. Практика трех последних десятилетий подтвердила, что социология – одна из тех наук, без которых современное общество не может развиваться успешно. На переломе эпох в условиях формирования нового миропорядка важно по-новому выстроить систему социально-гуманитарного образования. И здесь социология как наука о жизнеспособности социума, человеческого общения – от семьи, коллектива, института до общества в целом, т.е. конкретной страны-государства, направленная на своевременное выявление латентных отклонений и разработку способов упреждающего восстановления системного равновесия просто незаменима. Сегодня социология прочно вошла в нашу повседневную жизнь и ей по праву принадлежит ведущая роль в изучении социума. Она системно изучает общество, выводы и обобщения социологов опираются, как правило, на значительную эмпирическую базу, что делает их доказательными и поэтому они становятся реальным инструментом управленческой деятельности.

К сожалению, в деятельности большинства нынешних университетов преобладают предельно общие требования по профессиональной подготовке студентов к будущей трудовой деятельности, по-прежнему много формализма и еще больше бюрократизма, нередко учебный процесс оторван от актуальной проблематике национальной экономики и культуры. Остановимся на проблемах и болевых точках нынешнего состояния образования. Первое, толкование образования как бизнеса. Второе, нынешние реформы высшего образования в большинстве своем осуществляются без должного научного обоснования.

Третье, как получилось, что все советское образование в одночасье оказалось за бортом истории, было признано отсталым и политически ангажированным. Не задумываясь о будущем, перенимали неадаптированные к постсоветской действительности западные образцы учебных программ, наспех переводили учебники и считали, что достойная жизнь будущим поколениям обеспечена. Не желая понять, что учить молодых людей можно только при условии видения пути, по которому предстоит пройти и умения выстраивать этот путь в целостную картину мира, отвечающую сложившемуся в обществе ценностным приоритетам. Время требует ясности развития общества, в котором мы живем и путей достижения его прогнозируемого будущего.

Точки роста новых правил игры для системы образования уже обозначаются. Этот процесс начат, но он пока идет стихийно, ситуационно, зачастую как говорится – «без руля и ветрил», а будущее уже вполне конкретно рисует профиль новых вызовов и новых угроз, стоящих перед системой образования.

Выделим очевидное:

- глобализация не принесла возможного равенства образования, соизмеримости национальных образовательных систем, но разрушила образцы универсального опыта, традиции, модели для возможного их использования для развития национальных школ;

- глобальная цифровизация, развитие социальных сетей, телекоммуникационных систем революционизировали систему обучения, создания и усвоения знаний, формирования навыков;

- появились новые формы обучения, объединяющих в себе обучение в процессе работы в научном проекте, который реализуется в виде стартапов;

- динамика жизни становится такой быстрой, что ведет к постоянной смене технологий, повышает уровень экономической неопределенности, постоянному обновлению спроса на новые возможности специалистов и новые формы их подготовки;

- постоянно меняющийся рынок труда требует от образовательной системы новый тип «человеческого материала» адекватный изменению ценностей и предпочтений в современных обществах.

Осознание этих вызовов требует совершенствования модели образования, которая будет максимально эффективно использовать современные технологические среды и платформы, сможет продуктивно отвечать на запросы экономики и общества, являть собой синтез традиции и новаций. Необходимо вернуть университет в центр формирования ценностной матрицы будущего. Иначе цифровое ускоренное обновление базовых ценностей, без должного историко-социального отбора, может создать иллюзию прогресса, направить его по ложному пути, сформировать искаженную реальность. В этой ситуации повышенное внимание к системе образования, к культуре в целом, вполне оправдано, т.к. именно здесь формируются новые жизненные смыслы и ценности, позволяющие молодому человеку адаптироваться к современному миру.

Недооценка стратегической роли образования как системообразующего основания социума, ее стратегической значимости для успешной модернизации общества и экономического роста со стороны властных элит – главная причина, препятствующая развитию отечественного образования, а во многом – и общества в целом. Хотя в условиях отсутствия государственной идеологии именно система образования становится центральным звеном духовно-ценностного «поля» утверждения новой общегражданской идентичности. Именно образование должно взять на себя функции гражданской консолидации общества, укрепления социальной и межнациональной солидарности, сохранения духовной общности и целостности социума. Именно образование должно стать общей духовно-ценностной платформой для формирования образа будущего страны.

В этой ситуации образование, как часть культуры, выступает в качестве центра, наполняющего содержанием происходящие перемены, становится ценностной матрицей иной реальности, становится фундаментом для нового общества. И сегодня не стоит опять круто ломать имеющиеся условия функционирования системы образования – нужно прислушаться к голосу учителя, профессора и понять: чему учить и как учить, чтобы обеспечить достойную жизнь будущему поколению, какие навыки им понадобятся, чтобы быть счастливыми и достойно жить в условиях не прекращающейся турбулентности. Остро ощущается потребность в создании системы междисциплинарного преподавания интегрального курса по социогуманитарной проблематике от первого до последнего курса на всех специальностях, где в должном объеме (и не по выбору) найдут свое достойное место философия, история, социология, политология, психология, экономика, культурология. И читать эти дисциплины должны лучшие преподаватели, мотивированные большим доверием и должной оплатой своего труда.

Пожалуй, главной проблемой сегодняшнего образования является мотивация. Это касается не только преподавателей, но не в меньшей степени студентов. Увлечь, влюбить студента в свою профессию, включить его в загадочный мир науки, научить быть счастливым – великая задача учителя. Образование не может не отвечать на запросы научно-технического прогресса, развитие национальной экономики и общества. Неудовлетворенность образованием тормозит духовное развитие человека, порождает некий комплекс неполноценности, неуверенность в завтрашнем дне, углубляет неуверенность в выборе жизненного пути.

Построение новой модели образования – не в том, чтобы «снести» предшествующие практики, но в том, чтобы вдохнуть в них новую жизнь – в том числе, найдя здоровое зерно и переосмыслив существующие образовательные подходы. Прорыв к новому должен быть сопряжен с обновлением ценностных оснований цивилизационного развития, сохраняющих человечество.

И в заключение следует отметить, что предстоит большая работа по изменению миссии образования как части культуры, центра формирования ценностной матрицы будущего. В центр гуманитарного дискурса выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судеб современной цивилизации, с возможными сценариями будущего человечества, которое не задано однозначно. Вот почему, такое внимание уделяется последствиям очередного поворота в системе образования, где наряду с опытом предшествующих лет должна получить должное развитие национальная культура. Именно в недрах культуры собственно и формируются новые жизненные смыслы и ценности, позволяющие человеку адаптироваться к новым вызовам времени и ориентироваться в современных жизненных условиях, идентифицировать свою принадлежность к семье, роду, Отечеству. Социологи должны выработать эти самые новые смыслы для общества и предложить их...

ТЕОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МОНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ермилова Екатерина Дмитриевна
(*Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена*)

Статья посвящена интерпретации теории поколений в монографиях и статьях крупнейших отечественных социологов: Игоря Семёновича Кона, Теодора Шанина и Юрия Александровича Левады. В завершении своего исследования я провела параллели сравнения и установила, что зарубежные и отечественные авторы дополняют друг друга, а вклад наших социологов в теорию поколений, без преувеличения, огромен.

Ключевые слова: поколение; отечественные авторы; конфликт поколений; социализация; поколения XX века.

Наиболее полно тема поколений раскрывается в книгах И.С. Кона (1928-2011). В своей книге «Социология личности» (1967) во второй главе «Как человек становится личностью?» [3, 109] он вписывает поколенческую теорию в контекст социализации, её этапов в соответствии с возрастом. Спустя двенадцать лет Кон выпускает статью «Понятие поколения в современном обществоведении» (1979), вошедшую в сборник «Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука», на которую ссылаются такие видные специалисты по проблеме поколений, как М.Б. Глотов (статья «Поколение как категория в социологии» [2, 42]): «Семантический анализ этого термина показывает, что он имеет по крайней мере пять самостоятельных значений: 1) как ступень происхождения, 2) как возрастнооднородная группа, 3) как стадия развития, 4) как отрезок времени, 5) как *Zeitgeist* (дух времени).» [5]. Он начинает с упоминания двух ориентаций, которые существовали среди философов, изучающих эту тему, и их приверженцев – Конта, Милля, Дильтея, Лоренца, Ортеги-и-Гассета. «Длительность культурно-исторического поколения зависит от скорости исторического обновления – чем значительнее перемены, тем больше люди склонны замечать у себя «поколенных различий».» [1, 210]

Он достаточно подробно раскрывает здесь понятие «когорты», объясняя, чем они с поколением различаются: «Совокупность лиц, сформированная по признаку наступления в один и тот же период времени (обычно календарный год) события, оказывающего влияние на демографические процессы в данной совокупности, в современной науке называется когортой...» [1, 211]. Не забывает он и о роли социализации: «Возрастная стратификация любого общества не составляет закрытой системы; она тесно связана со всей системой институтов данного общества, а также с внешними условиями.» [1, 216]. Наконец, в данной статье приводятся так называемые «пять главных тем поколенного анализа»: «1. Определение и свойства поколений: концептуализация отношений, связанных с временем, старением и социальным изменением 2. Преемственность и прерывистость между возрастными группами: насколько велики сходства и конфликты разных возрастных групп в поведении и нормах. 3. Устойчивость поколенных мотивов во времени: насколько поведение или ориентации, выработанные данным поколенным единством (в маннгеймовском смысле) в юности сохраняются, когда эта когорта или индивид достигают зрелости, и как это сказывается на общем облике культуры. 4. Поколенная солидарность: насколько гомогенной и сплоченной или, наоборот, разобщенной является возрастная группа. 5. Поколение и другие аспекты социальной структуры: какова взаимосвязь возрастных, классовых, национальных и половых характеристик и каковы исторические и структурные следствия их взаимодействия?» [1, 224-225]

И.С. Кон актуализирует теорию поколений для советского общества, адаптируя её из текстов западных авторов и пытается заполнить пробелы, оставленные ими. Он

настаивает на необходимости различать понятия «поколение» и «когорта», и говорит о том, что «поколение», в свою очередь, имеет десятки разных, похожих, но всё-таки отличных друг от друга трактовок. Кон вписывает эту новую для нас теорию в обществоведческий контекст, связывая её с понятием «социализация», показывает взаимосвязь конфликтности при взаимодействии разных поколений с изменением продолжительности жизни («Социология личности», 1967), подчёркивает, что «противостояние молодости и старости» абсолютно не равно недопониманию между людьми разницей в полтора поколения («Понятие поколения в современном обществоведении», 1979). Анализируя теории конфликта поколений, Кон советует учитывать несовершенство эмпирических методов, ибо люди во все времена склонны утрировать реально существующие различия. Уже тогда он отмечает влияние тенденций, близких к глобализации, благодаря которым молодёжь уже не нуждается в покровительстве старших так, как раньше. Кон попытался обозначить чёткие критерии для выделения поколения как особой группы.

Перейдём к статье российского социолога Теодора Шанина (1930-2020) «История поколений и поколенческая история». На поколенческом принципе построены сказания и легенды разных народов, следовательно, он возник не только до Истории, но и до письменности. Шанин вспоминает историков и философов, начавших интересоваться данной темой: «Начало современного этапа поколенческого анализа можно отнести к XIX в. А. Конт и Дж С. Милль говорят о смене поколений как о важнейшей динамике, заложенной в истории. Дж Дромел, А. Корно и Г. Ферар во Франции 1860-1870-х годов в своих работах пытались определить эти поколения эмпирически и количественно, связывая их с типичным биологическим циклом развития человека и/или его социализацией, предлагая в качестве длины таких единиц 15 лет, 30 лет и 33 года» [5, 20], звучат фамилии Дильтей и Маннгейм. Шанин высказывает очень важную мысль: «В общих чертах русская литература XIX и XX вв. часто перенимала роль дисциплин обществоведения, ослабленных, а иногда и запрещенных государством и цензурой — гласной и негласной. Крупнейший литературовед и теоретик языковедения Юрий Лотман сыграл здесь особо важную роль в поздний период конца советского строя.» [5, 31]

Т. Шанин показывает важность понятия «поколение» как для социологии, так и для истории, связывает его с «цивилизацией» и «ценностями», говоря о том, что в истории поколенческий подход использовался чуть ли не с момента появления человечества, так как даже в первобытных обществах имела место возрастная стратификация. Он обозначает как социальную проблему и оборотную сторону прогресса факт пренебрежительного отношения новых поколений к своим корням, предкам, уходу родовых связей на десятый план; поднимает проблему коллективной памяти. Теодор первым высказывает, что теория поколений не вписывается в советскую доктрину (переход из юношества во взрослую жизнь подразумевает девиации поведения, а советский гражданин всегда должен оставаться примером), поэтому она, несмотря на свою полезность, не включена в советские учебники обществоведения.

В своей статье «Поколения XX века: возможности исследования» [5, 48] Ю.А. Левада (1930-2006) основное внимание уделяет проблеме выделения конкретных поколений из всей совокупности людей, составляющих современное российское общество. Здесь подчеркнём, статья 2005 года – на тот момент Зуммеры, как поколение, только начали появляться, не обладали никакими общественно-важными чертами, то есть не участвовали в опросах, как и Миллениалы 1991-1998 года рождения, зато гораздо активнее в общественной жизни проявляли себя Бумеры, принимали участие в опросах представители «Молчаливого поколения», которых сейчас почти не осталось.

Ю.А. Левада делит поколения на значимые и «незначимые» для истории. Он типологизирует советские поколения, с одной стороны, взяв за основу возраст (фиксированный поколенческий шаг), с другой – важнейшие исторические события каждого периода. Он вводит понятие «легенда об историческом периоде» – феномене, когда люди идеализируют в своём сознании время, в которое никогда не жили. В своих характеристиках, которую он даёт поколениям прошлого века, Левада практически «предсказывает», какими будут самые многочисленные на данный момент поколения – Миллениалы и Зуммеры. Левада был первым в России социологом, кто начал масштабные эмпирические исследования поколений.

В завершении проведём параллели сравнения между зарубежными и отечественными отцами-основателями поколенческой теории. Первопроходцем в этой области социологического знания стал Карл Маннгейм (1893-1947), который в 1928 году в своём эссе «Проблема поколений» синтезировал философские подходы к поколениям, выделил критерии, на основании которых общность можно считать «поколением, показал взаимосвязь между историческими событиями и мышлением людей, введя понятие «формативные годы». Хосе Ортега-и-Гассет (1883-1955) назвал поколение «субъектом исторической деятельности, верным политическим идеям своего времени» [4, 88] и определил границы его «активности». Антрополог Маргарет Мид (1901-1978) в своей работе «Взросление на Самоа» (1926) доказала, что характер межпоколенческих взаимоотношений зависит от того, на какой стадии развития прогресса находится страна/местность, и там, где сохраняется традиционное общество, конфликт поколений отсутствует. В России же в первой половине двадцатого века никто из социологов не был особо заинтересован темой поколений, поэтому первому, кто её поднял, пришлось заниматься интерпретацией западных трудов для наших реалий. Также И.С. Кон выявил и постарался заполнить пробелы, например, связал отношения между поколениями с продолжительностью жизни. Т. Шанин показал, что понятие «поколение» является связующим звеном между историей и социологией. Он, практически вместе с Р. Инглхарт (1934-2021) пришёл к мысли, что каждое поколение имеет собственные ценности. И, наконец, Ю.А. Левада стал первым российским социологом, который ввёл собственную типологию поколений граждан Советского Союза, понятие «легенда об историческом периоде», и начал масштабные эмпирические исследования поколенческих ценностей совместно с Теодором Шаниным. Можно сказать, что западные авторы заложили фундамент, а отечественные – перевели, адаптировали и конкретизировали, расширив и углубив данную теорию.

1. *Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука, под редакцией Ю.В. Маретина и Б.Н. Путилова, Издательство «Наука», 1979 г. – с. 209-225*
2. *Глотов М.Б. Поколение как категория в социологии // СОЦИС. 2004. № 10. С. 42-49*
3. *Кон И.С., Социология личности, М., Политиздат, 1967. 383 с. – с. 109-121*
4. *Ортега-и-Гассет Х., Восстание масс: Сб.: Пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 509, [3] с. – (Philosophy) – с.88. ISBN 5-17-007796-3*
5. *Поколенческий анализ современной России = A generational analysis of contemporary Russia / под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. - Москва: Новое лит. обозрение, 2005 – 326 с. – с. 20-59 URL: <http://dlib.rsl.ru/rsl01002000000/rsl01002670000/rsl01002670387/rsl01002670387.pdf> (дата обращения: 02.05.2024)*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

*Захаренко Надежда Андреевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В современной науке значимые результаты зачастую возникают в результате применения междисциплинарных подходов и методов. Если до недавнего времени пересечение границ научных сфер допускалось в целях решения конкретных прикладных вопросов и не было систематическим, то сегодня трансдисциплинарность становится широко распространенным фундаментальным способом получения новых знаний. Рассмотрим познавательный потенциал междисциплинарного подхода на примере сферы права в образовательном, научном и прикладном аспектах.

В системе юридического образования на различных ее уровнях появляются междисциплинарные программы и курсы, объединяющие достижения права, социологии, экономики, психологии, культурологии и других наук. Особенно важны новые подходы в процессе формирования компетенций будущих юристов государственно-правового профиля. Например, на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова обучающиеся имеют возможность прослушать следующие дисциплины: «Социология права», «Социально-правовые исследования актуальных проблем общества, государства и права», «Математические методы в юриспруденции», «Междисциплинарные проблемы конкурентного права», «Психологические аспекты в трудовых отношениях» и др. Кроме того, для обучения будущих юристов приглашаются специалисты других университетских факультетов, а студентам предлагается выбрать межфакультетские курсы для освоения областей знаний, выходящих за рамки осваиваемой ими специальности. Представляется важным формирование у современных студентов навыка использования потенциала междисциплинарных подходов для анализа различных аспектов правовых явлений.

В научной деятельности применение междисциплинарного подхода также дает хорошие результаты. Социально-правовые исследования, предполагающие сбор, анализ и обработку информации юридического характера, направлены на изучение социальных оснований права, потребностей в правовых нормах, эффективности правового регулирования общества, превенции негативных тенденций правосознания граждан и т. д. Различные подходы к пониманию правовых явлений обладают «определенным методологическим потенциалом, который должен быть обнаружен в ходе того или иного исследования» [2, 14]. При этом раскрытию методологических возможностей той или иной концепции помогает именно междисциплинарный подход. Необходимо отметить, что некоторые ученые указывают на риски, связанные с активизацией междисциплинарности, в случаях когда транс-подходы применяются без необходимой методологической проработки, что «угрожает предметному полю традиционных дисциплин, создает новые предметные поля без четко очерченных границ» [1, 148].

В судебной практике используются исследования, в основе которых лежат социологические опросные методики. Результаты анализа мнений различных категорий граждан принимаются судами в качестве дополнительных доказательств, используются в работе Арбитражных судов, Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент), Федеральной антимонопольной службы (ФАС). На сегодняшний день указанные методы сбора информации применяются преимущественно в спорах об интеллектуальной собственности, например в следующих целях: для установления сходства или различия (до степени смешения) товарных знаков и обозначений; для определения наличия или отсутствия введения потребителей в заблуждение; для оценки убытков правообладателей и ущерба деловой репутации; для установления соответствия

методов продвижения торговых марок нравственным нормам и законодательству, и т.д. Есть данные, что вероятность выигрыша в судебном разбирательстве стороны, использующей в качестве дополнительного доказательства результаты социологического или экспертного опроса, повышается на 8%. Следует иметь в виду, что информация, полученная с помощью социологических методик не используется для установления юридических фактов или определений вопросов применения норм права к конкретным обстоятельствам дела, поскольку это является исключительной функцией суда. Однако указанные данные могут быть положены в основу соответствующего судебного решения.

Вышеописанное дает основание утверждать необходимость расширения компетенций в области оперирования междисциплинарными подходами при подготовке специалистов, в частности в сфере юриспруденции, в целях совершенствования процессов правотворчества и правоприменения, а также усиления регулятивного функционала права.

1. Каракулян Э. А. *Методология междисциплинарных исследований и наука международного права* // *Legal Concept = Правовая парадигма*. 2019. Т. 18. № 4. С. 146-152
2. Осипов М.Ю. *К вопросу об особенностях использования междисциплинарного подхода в современных научных исследованиях в сфере права* // *Право и политика*. 2022. № 3. С. 11-22

АКТУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ФОРМАТЕ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

*Иванов Дмитрий Владиславович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Публикация осуществляется в рамках проекта «Актуальная социология: классические и современные теории в формате дополненной реальности», реализуемого победителем грантового конкурса для преподавателей 2023/2024 Стипендиальной программы Владимира Потанина.

Введение: актуальная повестка теоретико-методологической интеграции

Метапарадигмальный кризис, вызванный в 2000-х гг. распространением постколониального дискурса, попытками стигматизировать западную классику и создать теоретическую альтернативу доминированию «глобального Севера» в производстве знания [1; 2], а также ростом влияния концепций, противопоставляющих социальную реальность сетей и потоков [3–8] классической социальности структур и действий, существенно изменил социологию. Тенденции дезинтеграции и фрагментации привели к появлению в социологии новых и множественных драйверов развития, идущего пока в расходящихся направлениях. Но уже само возникновение этих драйверов создает условия для перехода к новой интеграции. Нужно объединить эвристические потенциалы противопоставляемых концепций и подходов.

Первая в истории социологии интегративная волна была в 1920-х – 1950-х гг. породила «большие» теории П. Сорокина, Т. Парсонса, Франкфуртской школы, связавших разнородные идеи классиков в моделях общества как системы. Вторая интегративная волна воплотилась в связавших макро- и микросоциологические подходы теориях Хабермаса, Гидденса, Бурдье и в метатеоретизировании Ритцера, Штомпки, Александера. В 2020-х гг. есть все возможности для нового интегративного метатеоретизирования, нужно лишь применить логику, характерную для прошлых интегративных теорий, к актуальному концептуальному материалу.

В данной статье развивается подход, использующий в качестве объединяющего понятия метафору дополненной реальности (по-английски *augmented reality*). Предлагаемая здесь теоретико-методологическая интеграция призвана решить две задачи:

теоретическую – связать представления о привычных и новых формах социальности (институтах, интеракциях, сетях, потоках) в единой концепции дополненной социальной реальности;

дидактическую – разработать актуальный формат освоения классических и современных социологических теорий новым поколением студентов, перманентно погруженных в дополненную социальную реальность.

Теоретическая интеграция на базе идеи дополненной социальной реальности

После модного в последние 20-30 лет противопоставления сетей и потоков привычным институтам и интеракциям [3–8] приходит время для теорий, продолжающих логику интегративных моделей габитуса и структуризации [9; 10]. Однако предметом этих постбурдьевиистских и постгидденсовских теорий должны стать формы взаимообусловленности и взаимопроникновения всех актуальных типов социальности, а не только макроструктур и микроагентностей. Нужны теоретические модели, создающие

связность в сложившейся конфигурации четырех разных типов социальных структур: институтов, интеракций, сетей и потоков.

Конфигурация предметного поля теоретической социологии накануне третьей интегративной волны выглядит так: есть четыре главных типа структур, образующих четыре разных типа социальности – тотальную социальность институтов, частную и ситуативную социальность интеракций, относительную социальность сетей, альтерсоциальность потоков. Институты традиционно предстают как идеально социальные структуры. Они интегрируют множество индивидуальных объектов (будь то люди, их действия или их вещи) в большие общности и обеспечивают скоординированность объектов в общностях за счет постоянных и единых для всех норм. Интеракции являются не столь социальными структурами, как институты. Интеракции интегрируют объекты в ситуативную общность, и их координация гарантируется не универсальной нормативностью, а креативностью попавших в данную ситуацию участников, которые вырабатывают адаптивные решения в зависимости от того, как прочитывают (или просчитывают) действия и атрибутику друг друга, создавая частную социальность здесь и сейчас.

Социальность сетей можно назвать относительной, поскольку основой координации объектов является не интеграция их всех, а осуществляемая в ходе коммуникации селекция тех из них, которые идентифицируются как «свои» на фоне «остальных». Наличие этого фона исключаемых, обусловленность доступа в сеть идентичностью и коммуникативность как гарантия социальности являются характерными чертами любых сетевых структур. Потоки, как и сети, представляют собой тип координации объектов на основе селекции. Но отбор объектов в поток происходит не в силу их фиксированной идентичности, а в силу их подвижности – пространственной, культурной, физической, интеллектуальной и т.п. Координация объектов в потоке обеспечивается постоянным движением через пространственные, институциональные и групповые границы – генерированием новых трендов, ивентов, проектов и т.д. Социальность в потоках обеспечивается не повторяемостью паттернов или устойчивостью связей, а совместной мобильностью. Движения и изменения создают другую, альтернативную социальность.

От второй интегративной волны сегодняшняя социология унаследовала теории, связавшие первый и второй типы социальности – институты и интеракции. Интегративные парадигмы, создававшиеся с конца 1970-х гг. Ю. Хабермасом, Э. Гидденсом, М. Арчер, П. Бурдье [9–12], были нацелены на установление взаимообусловленности и связности структур и действий, то есть на объединение тотальной социальности институциональных, нормативных порядков и частной, ситуативной социальности порядков интеракций. Совмещение структурного и агентного взглядов на социальную реальность сформировало специфическую оптику, в которой и институты, и интеракции видятся одинаково: как *поля структуриаций* – объективно существующие комплексы интересубъективно конструируемых отношений. При всех терминологических различиях между концепциями коммуникативного действия, структуриации, морфогенеза, габитуса, все они предлагают модели того, как взаимно (вос)производятся локализованные в пространстве-времени условия (ресурсы и нормы, капиталы и символическое насилие и т. п.) и разнообразные по степени рефлексивности процессы освоения и (пере)оформления имеющихся условий (действия, практики и т. п.). Поэтому связка из бурдьевицкого термина «поле» и гиденсовского термина «структуриация» вполне уместна, поскольку она адекватно представляет исследованный в интегративных теориях второй волны общий предмет: поля структуриаций.

Решение проблемы объединения структурного и агентного подходов, макро- и микроуровней социальности по формуле «институты + интеракции = поля структуриаций» сейчас выглядит лишь частичным. Проблематика теоретической интеграции выглядит иной в контексте поисков, начиная с 1990-х гг., новых объектностей и разработки новых метафор и концептуальных схем. Противопоставляя старым формам социальности – институтам и интеракциям, новые формы – сети и потоки, Кастельс, Латур, Урри, Аппадураи, Кнорр-Цетина и их последователи релятивизировали результаты, достигнутые в интегративных теориях Хабермаса, Гидденса, Арчер, Бурдьё.

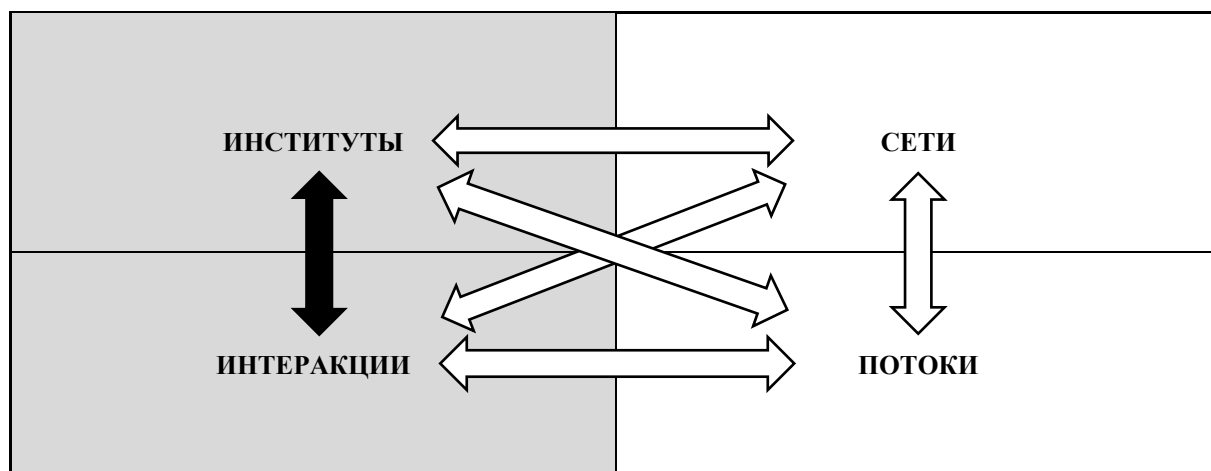

Рис. 1. Аналитическое пространство социальных структур в актуальной социологии

Сейчас, в 2020-х гг., уже понятно, что представления об иных фундаментальных типах социальности – сетевых и потоковых структурах не отменяют классические представления и прежнюю социологию. Кастельс, Латур, Урри, Аппадураи, Кнорр-Цетина не конституировали «постсоциальную науку», но раздвинули границы предметного пространства социологии и дополнили ее теоретическую проблематику новыми вопросами соотнесения привычных и новых форм социальности. Поскольку вновь открытыми структурами не устраняются и не заменяются полностью прежде освоенные структуры, актуальной становится новая теоретическая повестка: продолжить интегративное теоретизирование и дополнить поля структуриаций другими формами связности еще по пяти линиям сопряжения и взаимообусловленности разных типов социальностей (Рис. 1).

Наряду с интегративной формулой «институты + интеракции = поля структуриаций», релевантной для сопряжения привычных структур (закрашенные зоны на Рис. 1), нужны аналитические решения, которые связывают старые и новые формы социальности.

Взаимообусловленность интеракций и сетевых структур проявляется в коммуникациях. Развитие и влияние сетей побуждает индивидов превращать обмен действиями в режиме «лицом к лицу» в дистанционный обмен сообщениями, но в то же время сети воспроизводятся и расширяются за счет креативности коммуникативных действий, нацеленных на поддержание межиндивидуальных и внутригрупповых отношений. Участие в коммуникациях от лица множества виртуальных персонажей, эксперименты с множественными и изменчивыми идентичностями, создание ботов (алгоритмов симуляции общения с реальным человеком) становятся распространенными практиками в социальных сетях. Формула «интеракции + сети = коммуникации» не только раскрывает логику взаимодополнительности на стыке двух типов социальности, но и

объясняет популярное среди социологов, исследующих современный феномен коммуникаций, совмещение микросоциологических, конструкционистских подходов и формально-структуралистского сетевого анализа.

Анализ структурных эффектов на стыке институтов и сетей показывает, что в конце прошлого века развитие сетевых структур с их селективной социальностью релятивизировало тотальную социальность институтов, снизило роль их нормативности, сформировало свободное от институтов виртуальное пространство и вызвало виртуализацию самих институтов [5; 13]. Однако в начале нынешнего столетия виртуализация институтов пошла в направлении создания цифровых платформ, которые путем алгоритмизации нормируют сетевые структуры, коммерциализируют и бюрократизируют сетевые связи. Коммуникации в социальных сетях и мессенджерах, на маркетплейсах и агрегаторах, в мобильных приложениях и на порталах различных фирм и учреждений все в большей степени подчинены обезличенным нормам, обуславливаются предоставлением персональных данных и жестко регулируются. Виртуализация институтов оборачивается платформизацией сетей. Перевод большей части интернет-коммуникаций на подконтрольные крупным корпорациям и государству платформы – это тенденция конвергентного развития социальных структур, которое идет по формуле «институты + сети = платформы».

На линии сопряжения между институтами и потоковыми структурами определенность и упорядоченность социальных процессов все чаще обеспечивают проекты, в которых свойственным институтам повторение привычных образцов (паттернов) заменяется характерным для потоковых структур непрерывным обновлением целей, перемещением ресурсов, сменой зон активности. Проектная логика жизни характерна теперь не только для бизнесменов, но для большинства людей, вовлеченных в диктуемую культурой потребления – консюмеризмом гонку за показателями успешности. Проекты как ограниченные по времени целевые программы деятельности быстро сменяют один другой и задают тот режим краткосрочных фаз активности и вовлеченности, в котором индивиды и группы стремятся к результатам в карьере, образовании, отдыхе, развлечениях и даже в семейной жизни. На общественно-политических аренах проектная логика, ранее отличавшая социальные движения от рутинного функционирования правительств, министерств, бюрократических структур всех уровней, теперь все больше проникает в государственную власть и в публичное управление. Их перевод в формат проектов, варьирующихся по масштабам от национальных программ развития до муниципального благоустройства, является наглядной реализацией формулы взаимообусловленности структур: «институты + потоки = проекты». В проектах институты динамизируются потоками, а потоки нормализуются институтами.

Сопряжение структур на линии интеракции–потоки проявляется в буме ивентов. Вместо регулярных и рутинных контактов между индивидами в постоянных по составу и месту функционирования группах присутствие и сопричастность обеспечиваются сериями разовых, но зато креативных и интенсивных событий. Насыщенные разнообразными активностями ивенты объединяют людей и обеспечивают сильную идентичность в условиях постоянных трансформаций технологий и паттернов интеракций. Двигаясь в потоках ивентов, люди компенсируют дефицит социальности, возникший в результате виртуализации привычных интеракций и групп, функционировавших в режиме «лицом к лицу». Таким образом, организуемые для работников компаний мероприятия по поддержанию корпоративного духа, тематические встречи друзей, фестивали, конкурсы, выставки, концерты, коллективные перформансы, флэш-мобы и даже brutальные акции

протеста и устрашения превращаются в особую разновидность структур, реализующих формулу «интеракции + потоки = ивенты».

Взаимообусловленность структур по линии сети–потоки изначально концептуализирована в теориях Кастельса, Латура, Аппадурои, Урри. Нужно лишь обобщить их представления о том, что сети и потоки являются двумя аспектами одной реальности. Сети задают топологию процессов, обеспечивают направления для потоков, а потоки придают сетям процессность, обеспечивают соединение узлов. Соединяемые в целостности сети и потоки предстают как интеробъективно существующие гибридные комплексы трансобъективно формирующихся текучих сборок. Упрощенно это сопряжение сетевых и потоковых структур можно передать формулой: «сети + потоки = скейпы ассембляжей».

Неологизм скейп (*scape*), введенный А. Аппадурои [6] для обозначения пространств-потоков и подхваченный Дж. Урри, М. Уотерсом [4; 14] и другими исследователями, отсылает сразу к двум значениям – пространственной определенности ландшафта, местности (по-английски *landscape*) и текучести, ускользания через границы мест (по-английски *escape*). Популяризированный Б. Латуром и его последователями термин «сборка» (по-французски *assemblage*) создает коннотации и с техническими операциями соединения деталей, и с социальными процессами организации собраний и формирования объединений.

Скейпы ассембляжей, поля структуриаций, коммуникации, платформы, проекты, ивенты в совокупности образуют актуальный предмет для теоретической социологии и перспективный полигон для эмпирических исследований. Взаимопроникновение структур, которые раньше противопоставлялись или по крайней мере разграничивались, позволяет сегодня называть социальную реальность дополненной. Метафора дополненной реальности (*augmented reality*), взятая из IT-технологий, где цифровые объекты встраиваются в одно пространство с физическими, хорошо схватывает те гибридные реальности, которые возникают на стыках институтов, интеракций, сетей и потоков.

Дополненная социальная реальность не замена прежним концепциям, но интегральный итог развития теоретических представлений о социальной реальности со времен Дюркгейма до наших дней. Единая и объективная реальность, представленная Э. Дюркгеймом [15], уже к середине прошлого века стала выглядеть недостаточной. Предложенная А. Шюцем иерархия множественных реальностей с выделенным особым статусом повседневной реальности [16] выглядела хорошим решением вплоть до конца XX столетия. Затем пришло время для концепций дезагрегирования: исчезновение объективной реальности и рост медийной гиперреальности по Ж. Бодрийяру [17] и плюралистичность реальностей в версиях Ш. Айзенштадта [18] и Р. Коннелл [1]. С развитием в начале XXI века идей Б. Латура, Дж. Урри, К. Кнорр-Цетины о гибридности и темпоральности реальностей [3; 4; 8] оформились предпосылки для интегральной концепции дополненной реальности, в которой взаимно проникают и взаимно обуславливают одна другую объективная реальность институтов, интересубъективная реальность интеракций, интеробъективная реальность сетей, трансобъективная реальность потоков.

Социологическое образование перед вызовами дополненной социальной реальности

Концепция дополненной социальной реальности позволяет развивать теоретическую социологию в соответствии с трендами общественного развития и одновременно позволяет адекватно оценить формы и перспективы социологического

образования. Преподавание социологии, как и образование в целом, в последние годы находится под сильным воздействием цифровизации. Цифровизацией в России стало принято называть комплекс процессов, переводящих существующие уже практически четверть века социальные структуры и взаимодействия на монополизируемые и контролируемые государством и связанными с ним корпорациями сетевые информационно-коммуникационные платформы.

Ограничивая возможности интеракций и получения социальных услуг только цифровым форматом, поборники цифровизации не только провоцируют дискриминацию и нарушение базовых прав граждан, но и подрывают функционирование и развитие тех социально-экономических структур, прогрессу которых цифровизация призвана была способствовать. В бизнесе и публичной сфере сейчас актуальны решения на базе концепций омниканальности, инклюзии, создания дополненных реальностей. Так что и в этом отношении российский дискурс цифровизации и его принудительное и одностороннее внедрение в общественную жизнь отстают от практик продвинутых пользователей цифровых технологий и вызывают эффект отчуждения у тех, кто эти технологии осваивает и включает в свой привычный образ жизни.

Цифровизация в ее нынешнем виде противоречит как гуманистическим ценностям и традициям, конституирующим российскую общественную жизнь, так и технико-экономическим императивам опережающего развития. Не односторонняя цифровизация, а создание цифро-физических дополненных реальностей является перспективным направлением развития технологий и социальных структур, в том числе в сфере образования.

Представленное выше видение социальной реальности и подход к развитию теоретической социологии реализуются в настоящее время в рамках научно-образовательного проекта «Актуальная социология: классические и современные социологические теории в формате дополненной реальности», выполняемого при поддержке «Фонда Потанина». Проект нацелен на редизайн двух учебных дисциплин – «История социологии: классические основания современной социологии» и «Современные социологические теории», являющихся обязательными компонентами учебного плана основной образовательной программы магистратуры «Социология» в СПбГУ. Цель проекта – создание учебных курсов для магистратуры, отвечающим как достигнутому уровню и новейшим тенденциям развития социологии, так и потребности студентов в актуальном и инструментальном знании. Основным ожидаемым результатом проекта является создание оригинального учебно-коммуникационного комплекса, способствующего повышению качества фундаментальной подготовки студентов магистратуры, а также популяризации современной социологии среди пользователей новых медиа. В рамках проекта занятия организуются в новом формате омниканальной и мультиплатформенной коммуникации, интегрирующей непосредственное общение в аудитории и обращение к ресурсам в новых медиа (команде на корпоративной цифровой платформе, группе в социальной сети, каналу в мессенджере).

Все визуальные материалы курса (презентации лекций, задания, анонсы) содержат инструменты быстрого доступа к онлайн-ресурсам (QR-коды канала в мессенджере и сообщества в социальной сети):

Развиваемый в рамках проекта формат занятий соединяет и обеспечивает взаимопроникновение классических и современных форм и технологий обучения. Четыре канала учебной коммуникации – аудиторные лекции, семинары, группа в социальной сети [19], канал в мессенджере [20], – это реализация в учебном процессе четырех актуальных форм социальности: институциональной, интеракционной, сетевой, потоковой. Их одновременное использование создает эффект дополненной реальности для небольшого академического сообщества, включающего свыше 70 студентов из пяти стран (Россия, Казахстан, КНР, ДР Конго, Гвинея-Бисау).

Уникальность научно-образовательного проекта обеспечивается соединением авторского видения актуальных трендов в социологии и применяемого в формате дополненной реальности учебно-коммуникационного комплекса. Внедрение в образовательный процесс результатов проекта позволяет:

- повысить уровень вовлеченности студентов магистратуры в изучение истории социологии и теоретической социологии,
- улучшить качество фундаментальной подготовки студентов в области социологии,
- сформировать у студентов навыки освоения новых теорий и разработки новых методических подходов с учетом актуальных трендов в развитии науки и общества,
- сформировать у студентов и преподавателей навыки эффективной коммуникации в формате дополненной реальности.

Результаты проекта могут использоваться, модифицироваться и распространяться как в магистратуре СПбГУ, так и в аналогичных образовательных программах других вузов России. Целевой аудиторией проекта является вузовская молодежь - студенты, начинающие преподаватели и исследователи. Проект призван удовлетворить запросы целевых групп на актуальность, инструментальность и омниканальность курсов по социологии. Реализация проекта в формате омниканальной и мультиплатформенной коммуникации позволяет повысить степень инклюзивности учебного процесса для его участников с различными потребностями.

1. *Connell R. Southern Theory. The Global Dynamics of Knowledge in Social Science. Cambridge: Polity Press, 2007.*
2. *Go J. Race, Empire, and Epistemic Exclusion: Or the Structures of Sociological Thought // Sociological Theory. 2020. Vol. 38. Issue 2. P. 79–100.*
3. *Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.*
4. *Urry J. Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century. London: Routledge, 2000.*
5. *Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford, UK: Blackwell, 1996.*
6. *Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity. London: Sage, 1990.*
7. *Knorr Cetina K. Sociality with objects: social relations in postsocial knowledge societies // Theory, culture & society. 1997. Vol. 14(4). P. 1-30.*
8. *Knorr Cetina K. The Synthetic Situation: Interactionism for a Global World // Symbolic Interaction. 2009. Vol. 32. Issue 1. P. 61-87.*
9. *Bourdieu P. Choses dites. Paris: Minuit, 1987.*

10. Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge, 1984.
11. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Bd. 1, 2. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1981.
12. Archer M. *Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory*, Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
13. Иванов Д. В. *Виртуализация общества*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
14. Waters M. *Globalization*. London: Routledge, 1995.
15. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М.: Наука, 1990.
16. Шюц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
17. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée, 1981.
18. Eisenstadt S. *Multiple Modernities* // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. No 1. P. 1-29.
19. *Сообщество в социальной сети «ВКонтакте» «Актуальная классика в социологии»* (vk.com/club226467858).
20. Телеграм-канал «Актуальная социология» (t.me/sociology_AR).

ПОНЯТИЕ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ М. ФУКО

*Ивченкова Мария Сергеевна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)*

Соотношение понятий «власть» и «знание» занимают значимое место в дискурсе социальных наук. М. Фуко не исключение и также обращается к этим дефинициям, причем рассматривает их в неразрывной связи, в едином конструкте «власть-знание». Категорию власти Фуко определял, как вездесущую и включенную во все виды социальных отношений – от общественных до личных [5, 210]. Однако, влияние на власть с целью сделать ее справедливой возможно. Здесь немалую роль могут сыграть интеллектуалы.

Фуко не дает четкого определения понятия интеллектуал, но из анализа совокупности его работ [3; 4; 5], можно говорить, что интеллектуал – это исследователь, научный сотрудник, преподаватель университета, «использующий своё знание, свою специализацию, свою связь с истиной ради политической борьбы» [3, 204].

Фуко уточняет, ссылаясь на марксизм, что от интеллектуала прошлого ожидали информационной поддержки широких слоев населения - пролетариата. С развитием науки и распространением профессии ученого роль интеллектуала не столько изменяется, сколь изменяется качество самого ученого. Это профессионал своего дела, ведущий исследовательскую работу в узких рамках научной отрасли и выбранной тематики, включенный в социальное взаимодействие и в этом обыденном взаимодействии ведущий свою борьбу за истину. «Истина — дитя мира сего, она производится в нём благодаря множеству правил и ограничений. В нём она хранит упорядоченные воздействия власти,» - пишет Фуко [3, 206]. Он поясняет, что в каждом обществе свой «режим истины» или «политика истины», что обусловлено экономическими условиями, политическим климатом, социально-культурными особенностями того или иного социума.

Фуко отмечает, что знание в современном мире перестает быть преференцией определенных слоев населения – интеллектуалов, более того, массы обладают большими объемами знаний и могут это знание выразить, например, в виде общественных движений и массовых акций протеста. Но он не списывает интеллектуалов со счетов, а отводит им роль борцов против всех видов власти. Стоит отметить, что Фуко размышляет скорее о потенциале интеллектуала, реальные же их практики он оценивает, как минимум, недостаточными: «Он [интеллектуал] все время маргинален, всё время находится в стороне. Всегда имеется некоторое расстояние ... благодаря которому происходит так, что всё, что он пишет, способно быть только описательным» [3, 149].

Говоря о политической функции интеллектуала в одноименном произведении, Фуко выделяет два противоположных типа: «интеллектуал-специалист» и «интеллектуал универсальный» [3, 201-209]. Универсальный интеллектуал – это тип ученого, начавший свое формирование в XVIII веке, он всегда боролся за справедливость права, закона, человеческих свобод. Борьба его заключалась в основном в писательской деятельности, через которую он транслировал «значения и ценности, которые любой человек мог счесть своими» [3, 204].

Интеллектуал-специалист появляется в 60-е годы XX века в связи с научно-технологическим развитием и усложнением научного знания, его узкоспециализированной направленностью. Ученый перестает быть транслятором универсальных объяснительных моделей социального развития, поэтому он уже не оказывает идеологического влияния на общество как универсальный интеллектуал прошлого. С другой стороны – именно интеллектуал-специалист может стать объектом политического преследования, т.е. обладать потенциалом влияния на властные отношения, как носитель конкретных знаний

определенной отрасли науки, представляющих стратегический интерес для государства (некий «технологический суверенитет», говоря современным языком российских политиков).

Отходя от противопоставления двух типов интеллектуалов, Фуко выделяет три признака, которые следует учитывать при анализе и оценке деятельности интеллектуала: 1) положение интеллектуала в социальной структуре, 2) его профессиональный статус и институциональные требования организации, в которой он работает, 3) политический, экономический и культурный контекст общества («политику истины») [3, 206]. Интеллектуала Фуко видит, конечно, в активной гражданской позиции, но он также понимает, что его участие в политической жизни обусловлено наличием в этих трех характеристиках внутреннего конфликта [3, 68].

Активизм интеллектуала своего времени Фуко видел не в изменении массового сознания, а в изменении «институционального строя производства истины» [3, 209]. В работе 1970-х годов это звучит оптимистично и даже мотивирующе. В настоящий момент в западной социальной науке и, в частности, социологии сформировалось такое явление как академический активизм, что не всегда рассматривается исследователями как положительная практика. Академический активизм несет в себе риски развития научного знания как объективного и беспристрастного [1]. Кроме того, современные исследователи утверждают, что «теоретизация и интерпретация данных в социальной науке находятся под влиянием времени и места, в которых ученый осуществляет свою деятельность. Исторический опыт учит нас, что преобладающее знание о мире имеет тенденцию коррелировать с мировой властью, причем первое меняется вместе со второй» [2, с.17].

1. Данилова Е. Н. Трансформации западной социологии: мейнстрим и общественная повестка // *Социологические исследования*. 2024. № 2. С. 13-23. DOI 10.31857/S0132162524010022
2. Терборн Й., Романовский Н. В. Знание и власть: социальная наука и социальный мир // *Социологические исследования*. 2022. № 4. С. 15-20. DOI 10.31857/S013216250019603-6
3. Фуко, М. *Интеллектуалы и власть*. Ч. 1: Статьи и интервью, 1970-1984. Ч. 1. - 2002. – 381 с.; ISBN 5-910574-23-0
4. Фуко, М. *Интеллектуалы и власть*. ч. 2: Статьи и интервью, 1970-1984. ч. 2. - 2005 (ОАО Тип. Новости). - 318 с.; ISBN 5-901574-45-1
5. Фуко, М. *Интеллектуалы и власть* : [Избр. полит. ст., выступления и интервью] / Мишель Фуко ; [Пер. с фр. С. Ч. Офертаса]. - М. : Праксис, 2002-. Ч. 3. - 2006. – 311 с.; ISBN 5-901574-53-2

СОВРЕМЕННОСТЬ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ

*Кирилина Татьяна Юрьевна
(НИУ «МЭИ», Москва, Россия)*

*Сахневич Инна Валерьевна
(Областное государственное бюджетное учреждение дополнительного
профессионального образования "Курский институт развития образования". ОГБУ
ДПО КИРО, Курск, Россия.)*

Аннотация. В статье анализируется понятие «современность», его формирование и применение для понимания изменений в современном обществе. Особое внимание уделяется процессам, которые привели к формированию современного общества, таким как индустриализация, урбанизация и глобализация.

Ключевые слова: современность, социологический конструкт, модернизация, глобализация, индустриализация, постмодернизм, общество риска.

«Современность» – многогранное понятие, широко применяющееся в современном социально-гуманитарном дискурсе. В социологии оно рассматривается как социологический конструкт, который отражает сложное взаимодействие социальных, культурных, экономических и политических аспектов человеческой жизни и общества в целом.

Существует несколько подходов к пониманию данного термина.

Во-первых, современность можно трактовать как физическую пространственно-временную реальность. В соответствии с данным подходом, современность – это то, что по времени синхронизировано с нами.

Во-вторых, современность связана с тем, что является актуальным и не ограничена физическими параметрами [1].

В-третьих, современность можно рассматривать как определенный масштабный процесс, некогда начавшийся и до конца не завершившийся к настоящему моменту.

В социологическом контексте современность связана с процессами модернизации, глобализации, и переходом от традиционных к более современным формам социальной организации.

Понятие современности охватывает не только экономически и технические изменения, но и культурные трансформации. В социологии существуют разные объяснения того, в чем причины изменений, способствовавших переходу от традиционного общества к современному. Современность можно определить, как период, в который характерные черты социальных, культурных и технологических изменений выделяются как ключевые для понимания современного состояния общества.

Согласно теории модернизации, общество эволюционирует от простых традиционных форм к более сложным и высокоразвитым, от аграрного общества к индустриальному и далее к постиндустриальному состоянию. Данная теория базируется на идее прогресса, который находит свое воплощение в технологическом развитии, увеличении промышленного производства, росте уровня жизни и демократизации. Макс Вебер – один из наиболее известных теоретиков модернизации исследовал влияние культурных изменений и, в первую очередь, протестантской этики на модернизацию общества и развитие капитализма [3].

Наряду с этим, некоторые критики данной теории указывают на то, что модернизация часто понимается как модель развития, характерная для западных стран и не учитывает особенности других культур и обществ. Такой подход порой приводит к культурной гегемонии и идее о том, что все общества должны стремиться к одному и тому же «модернистскому» идеалу. Приверженцы теории модернизации отмечают прогрессивный характер этого процесса, делая акцент на том, что модернизация ведет к улучшению условий жизни самых широких слоев населения и увеличению уровня свободы. Критики, в свою очередь, утверждают, что модернизация может приводить и к увеличению социального неравенства, и к экологическим проблемам.

Важным аспектом современности является глобализация, проявляющаяся в расширении взаимосвязи и взаимозависимости между странами и культурами. Процесс глобализации включает в себя рост международной торговли, миграцию, распространение информации и культурное взаимодействие. Одним из ключевых аспектов глобализации является то, как она влияет на национальные идентичности и местные культуры. Энтони Гидденс в своей книге «Последствия современности» анализирует, как глобализация и модернизация способствуют изменению социальной структуры и культурных норм [4].

Э. Гидденс утверждает, что современность сопровождается ускорением изменений и усилением взаимозависимостей, что приводит к новой социальной реальности, в которой традиционные формы социальной организации и идентичности становятся менее актуальными. Энтони Гидденс понимал современность как исторический период и социальное состояние, возникшее в результате глубоких изменений в экономике, политике, технологии и культуре, которые начались в Европе в эпоху Просвещения и достигли своего расцвета в XIX-XX веках. Современность, по его мнению, характеризуется рядом ключевых особенностей:

Капитализм — система экономических отношений, основанная на рыночных обменах, частной собственности и стремлении к прибыли.

Индустриализация — массовое производство и технологическое развитие, которые радикально изменили способы производства и взаимодействие людей с окружающей средой.

Национальное государство — политическая организация общества, при которой власть и управление сосредоточены в централизованных государственных структурах.

Контроль над средствами насилия и надзор — монополия государства на использование силы и механизм контроля за гражданами через правовые и административные структуры [4].

Эти институциональные комплексы делают современность уникальной по сравнению с предыдущими историческими периодами. Э. Гидденс подчеркивал, что современность не является чем-то статичным — она динамична и постоянно развивается, чему способствует процесс глобализации, когда институты западной современности распространяются по всему миру, изменяя социальные и культурные структуры других обществ [4].

Иной взгляд на современность можно найти у представителей постмодернизма. Постмодернистские теоретики, такие как Жан-Франсуа Лиотар и Мишель Фуко, отвергавшие линейное понимание прогресса, предложили концепцию современности как фрагментированного и неоднородного состояния. Постмодернисты видят мир как совокупность множества локальных и часто противоречивых реальностей, где нет одного «правильного» пути развития. Они также утверждают, что современность сопровождается разрывом между массовыми идеологиями и индивидуальными переживаниями, что приводит к кризису идентичности и культурной неопределенности.

Постмодернизм представляет собой ответ на идеи модернизма, ставя под сомнение универсальные истины и великие нарративы, предлагаемые модернистскими теоретиками. Постмодернистские теоретики, такие как Жан-Франсуа Лиотар и Мишель Фуко, утверждают, что современность характеризуется отсутствием единого центра и множеством разнообразных и зачастую противоречивых нарративов. Жан-Франсуа Лиотар в своей работе «Состоянии постмодерна» утверждает, что в постмодерном обществе великие нарративы и идеологии утратили свою убедительность, уступив место мелким историям и локальным нарративам [5]. Это приводит к плюрализму и фрагментации знания и культуры.

М. Фуко рассматривал современность через призму власти, знания и контроля, связывая развитие современных институтов с новыми формами дисциплинарной власти. Фуко утверждал, что в современности власть становится более скрытой и диффузной, проникая в повседневные практики и знания. Мишель Фуко в работе «Слова и вещи» исследует, как знание и власть взаимодействуют в современном обществе, подчеркивая роль дискурсивных практик в формировании социального порядка [6]. Французский ученый интерпретировал современность как определенную эпистемологическую и этическую позицию исследователя по отношению к реальности и к самому себе. Такого рода установку, воплощенную в определённой исследовательской практике Мишель Фуко называл «установкой современности» (*attitude de modernité*).. [4, с. 13–15].

Юрген Хабермас защищал идею незавершенности проекта модерна, утверждая, что он по-прежнему актуален для развития демократии и рационального общества. Современность, по Хабермасу, не должна быть отвергнута, как утверждали постмодернисты, включая М. Фуко.

Ю. Хабермас был последователем традиции Просвещения и позитивно относился к проекту модерна. Он считал, что современность представляет собой процесс рационализации, который дает возможность для коммуникативного действия и демократического консенсуса [9]. В его понимании, рациональная коммуникация является ключом к преодолению противоречий и конфликтов в современном обществе

Ю. Хабермас исследовал вызовы, с которыми сталкивается современность, такие как биотехнологии и генная инженерия, и предлагает идеи о том, как сохранить гуманистические ценности в условиях технологического прогресса [8].

Немецкий социолог Ульрих Бек предложил концепцию «общества риска», в котором современность характеризуется глобальными угрозами, такими как экологические катастрофы, ядерная безопасность и глобальные финансовые кризисы. По У. Беку, современность приносит не только прогресс, но и новые опасности, которые невозможно решить на национальном уровне. В «обществе риска» границы между различными сферами жизни размываются, а глобальные проблемы требуют коллективных усилий для их решения. Современное общество, таким образом, вынуждено балансировать между прогрессом и новыми вызовами, которые ставят под вопрос его устойчивость.

Заключение

В социологическом анализе современность рассматривается как конструкция, которая не является фиксированной, а постоянно изменяется под влиянием различных факторов. Это позволяет социологам исследовать, как современные социальные процессы формируют и модифицируют человеческое поведение и общественные структуры.

Анализ современности как социологического конструкта включает в себя изучение таких аспектов, как изменение семейных структур, образование, власть, трудовые

отношения и социальные движения. Социологи используют различные теории и методы для понимания этих изменений и их последствий для общества.

Современность как социологический конструкт предоставляет собой важный инструмент для анализа и понимания изменений в современном обществе. Она охватывает как процессы модернизации, так и глобализацию, и постмодернистскую критику. Понимание современности как конструкта помогает социологам глубже понять, как и почему изменяются социальные структуры и культурные практики, а также как эти изменения влияют на индивидов и общество в целом.

1. Абушенко В.Л. *Современная социология: проблемы, рамки, основания* / В.Л. Абушенко; авт.- сост. А. В. Комаровский. – Минск: Экономпресс, 2016. – 502 с.
2. Бурдьё П. *Сочинения. Том 1. Социология и культура*. М.: Академический проект, 2001.
3. Вебер М. *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2006. – 656 с.
4. Гидденс Э. *Последствия современности*. Пер. с англ. Г. К. Ольховикова; Д. А. Кибальчича; вступ. статья Т. А. Дмитриева. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 352 с. – (Серия «Образ общества»).
5. Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна* / Пер. с фр. Н.А. Шматко – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
6. Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступительная статья Н.С. Автономовой. – СПб., А-сэд, 1994. – 407
7. Фуко М. *Использование удовольствий*. СПб.: Академический проект, 2004. С. 13–15.
8. Хабермас Ю. *Будущее человеческой природы*. Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2002. - 144 с.
9. Хабермас Ю. *Теория коммуникативного действия* // *Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия*. 1993. № 4.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК ИММАНЕНТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

*Ларина Татьяна Игоревна
(Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы)*

*Тезисы подготовлены в рамках ИнНИР 100938-0-000
«Использование искусственного интеллекта: перспективы,
угрозы, ограничения (на примере представлений студенчества)»*

В последнее десятилетие разговоры о тренде на междисциплинарность в науке набирают обороты. Междисциплинарность востребована, когда она продиктована внутренней логикой развития познания, вследствие воздействия на познание объективных внешних факторов, и когда, как в нашей ситуации, она открывает ученому новый, еще непознанный сегмент реальности или выдвигает новую идею для подтверждения гипотез [5. С.106]. «Необходимость методологического синтеза определяется как недостаточностью прежних моделей объяснения в условиях кризиса метатеорий, так и общими тенденциями сближения гуманитарного и естественнонаучного знания, интеграции подходов социальных наук, наметившимися на рубеже XX–XXI веков» [11].

Российский Научный Фонд уже не первый год проводит конкурсы междисциплинарных проектов [9]. В содержании обязательно прописывается обоснование научной значимости и актуальности решения обозначенной проблемы с использованием междисциплинарного подхода. Сумма финансирования от 8 до 15 миллионов рублей ежегодно. Срок выполнения – три года.

Подобные конкурсы проводятся и внутри крупнейших вузов страны. В РУДН существует «Конкурс на выполнение междисциплинарных НИР/НИОКР научными коллективами основных учебных и научных подразделений РУДН» [10]. МГУ им. М.В. Ломоносова также проводит конкурс междисциплинарных научных проектов [7]. Северо-Кавказский федеральный университет ежегодно объявляет конкурс поддержки междисциплинарных проектов научных групп Северо-Кавказского федерального университета [8].

Уже «отраслевая социология» представляет собой результат синтеза научного знания из разных областей [5], что и показывает междисциплинарность как имманентную характеристику социологии. Однако процесс нарастания междисциплинарности в гуманитарных науках, в том числе социологии, нельзя назвать последовательным и планомерным. О. Ю. Мамедов отмечает, что тренд на междисциплинарность в российском общественном сознании сдерживается тремя факторами: 1) стимулирование междисциплинарности актуализирует проблему субординации различных областей знания в т.ч. дискуссии о предмете наук; 2) существование гносеологического вопроса: «существует ли в объективной социальной реальности нечто такое, что может быть понято только в рамках междисциплинарного подхода?»; 3) не естественный, по словам автора, путь развития российского социума, сочетающий в себе отказ от открытой экономики, отказ от курса на глобализацию и приоритет архаичных ценностей и форм социальной организации [6]. С учетом глобальной пандемии 2019 года и социально-политических событий 2022 года (СВО и пр.) произошли значительные изменения в социальных процессах и идеологии российского общества, но даже в 2017 году можно было дискутировать с позицией автора об архаичных ценностях.

А.Н. Малинкин пишет замечательную идею: «Как только социальный исследователь встает на позиции научной социологии, он пытается изучать психологические процессы так, как если бы у людей, которые в них участвуют, не было «души». Он пытается изучать мнения людей, основываясь на их ответах на его вопросы так, как если бы они не испытывали при этом никаких «чувств», но руководствовались только рассудком» [5. С. 109]. Отсюда же следуют его умозаключения о том, что познание диктует выбор методологии, а не наоборот. То есть изучая общество, нельзя подходить к нему как к мертвой природе, а при изучении «человеческой социальности», аналогов которой нет нигде в природе, необходимо использовать весь пригодный арсенал научных методов. В то же время этот же автор указывает на изначально «гибридный» характер социологического знания, унаследованный от О. Конта, как на «травму» [5. С. 108].

О междисциплинарности методологических подходов в социологическом исследовании пишет и З.Г. Зборовский [2], ссылаясь на дискуссию между В.А. Ядовым [13], который утверждал возможность и необходимость использования нескольких парадигм для изучения одного и того же феномена, и М.Н. Руткевичем, который резко против такой эклектики [12].

Интересный взгляд на междисциплинарные исследования представляет О.Н. Яницкий, который считает, что такие проекты должны следовать логике развития объекта, а поскольку мир усложняется, то и объекты изучения становятся более сложными, требующими совмещения не только различных точек зрения в рамках гуманитарной перспективы, но и соединения с естественно-научной, что, конечно, расширяет арсенал возможностей, но в то же время и требований, предъявляемых современностью к социологу [14].

О.И. Иванов формулирует методологические принципы междисциплинарных исследований, которые заключаются в выборе методологической базы и логики научного поиска в междисциплинарном исследовании, выработке представлений об объекте и построение единого предмета, определение единых целей и задач, базовой дисциплины. Также необходим методологический самоконтроль, создание «метаязыка», постоянная рефлексия и добровольность участия в междисциплинарном исследовании» [3].

По словам С.Г. Кирдиной, «именно социология задает теоретико-методологические рамки для междисциплинарных совместных работ» [4], вторит ей и А.Н. Малинкин, говоря о социологии как о крыше для междисциплинарных взаимодействий.

Возьмем в качестве примера взаимодействия социологию и психологию. Есть социальные явления, где доминирующим фактором будут являться психологические, поэтому изучать их без учета психологии будет ошибкой. Пример мы находим в работе Аванесова В.С. «Тестовые методики в социологическом исследовании» [1. С.48], который пишет о том, что существует «Тест для оценки стабильности брака» [15], который составлен именно с учетом психологии, поскольку существует множество работ, где именно психологические факторы довлеют на остальными группами (социально-бытовые, культурно-образовательные и др.).

Междисциплинарность, таким образом, сопровождает социологическое знание на протяжении всей истории становления социологии как науки, однако в современности вопрос стоит о том, как корректно использовать междисциплинарность в социологических исследованиях, и каким образом реализовывать междисциплинарные проекты. Готовых ответов пока нет, есть попытки, но еще предстоит долгий путь разработки методических и этических рекомендаций по реализации междисциплинарных проектов в сфере социологии.

1. Аванесов В.С. Тесты в социологическом исследовании / Институт социологических исследований АН СССР. – М.: Изд-во «Наука», 1982. – 200 с.
2. Зборовский Г. Е. Междисциплинарность и плюрализм методологических подходов в социологическом исследовании // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 25–31.
3. Иванов О.И. Социолог в междисциплинарном социальном исследовании. Дискурс. №2. 2016. С.103-104.
4. Кирдина-Чэндлер С. Г. Социология и междисциплинарные исследования: по следам одной рубрики // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 10.
5. Малинкин А.Н. О междисциплинарности в социологии в свете проблемности ее дисциплинарной идентичности // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 4. С. 105-122.
6. Мамедов О.Ю. Социогуманитарная междисциплинарность: голографична ли сумма одногранников? // Пространство экономики. 2017. №2. С. 6-17.
7. Официальный сайт МГУ. URL: <https://nosh.msu.ru/brain-konkurs2023>
8. Официальный сайт СКФУ. URL: <https://ncfu.ru/novosti/nauka/konkurs-podderzhki-mezhdistsiplinarnykh-proektov-nauchnykh-grupp-skfu-78/>
9. Официальный сайт РФФ. URL: <https://www.rscf.ru/contests/>
10. Официальный сайт РУДН. URL: <https://www.rudn.ru/media/events/993e0a3b-d990-4f78-bcca-aab6456ca13ef>
11. Рубвальтер Д.А., Шувалов С.С. Тематические приоритеты и тенденции развития исследований в области междисциплинарных социогуманитарных проблем в России и за рубежом // ЭНСР. 2013. №4 (63).
12. Руткевич М. Н. О диалектике и эклектике в теоретической социологии // Социол. журн. 1996. № 1/2. С. 82–88.
13. Ядов В. А. Два рассуждения о теоретических предпочтениях // Социол. журн. 1995. № 2. С. 70–72.
14. Яницкий О.Н. Междисциплинарные исследования: проблема и пути ее решения. Социологические исследования. 2018. № 3. – с. 126-135.
15. Янкова З.А., Радзинская И.Ю., Аванесов В.С. Проблемы оценки стабильности брака. - В кн.: Стабильность семьи как социальная проблема/ Под ред. З.А. Янковой. М.: ИСИАН СССР, 1978. С. 61-64.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ИСТОРИКО-АРХИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ФАКУЛЬТЕТЕ СОЦИОЛОГИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Ломоносова Марина Васильевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Четверть века назад на заре возрождения отечественной социологии в российском обществе остро стоял вопрос критического пересмотра большей части объяснительных моделей, интерпретирующих возникновение и всю историю Советского Союза. Исторические события прошлого стали интересовать не только профессиональных историков, но и политиков, публицистов, экономистов, юристов и социологов. На фоне всеобъемлющей либерализации был открыт доступ для исследователей (в том числе и зарубежных) к архивам. Российские социологи в эти годы стали активно обращаться к архивным документам в поиске причин и объяснительных моделей современных проблем. Романовский Н.В., описывая динамику развития отечественной социологии, отмечал, что редакция журнала «Социологические исследования» создала специальную рубрику «Архивы начинают говорить», в которой публиковались важные для понимания социальной структуры и процессов советского времени материалы об особенностях менталитета, поведения социальных групп, облике и мотивациях руководящего слоя СССР, аналитические данные о депортациях этнических и социальных групп, массовых репрессиях, перемещенных лицах. Затем, ответ на вопрос «что?» (установление факта) стал переходить в вопросы «как и почему?» и на смену рубрики «Архивы начинают говорить» пришла рубрика «Историческая социология», которая стала искать ответы на эти вопросы [4, 16]. Интерес социологов к истории носил взаимный характер. В 1960–90 гг. у историков появляется интерес к социологическим теориям, причем не только в российской науке, но и в западной. Миронов Б. Н. - ведущий российский исследователь в области исторической социологии, опубликовавший ещё в 1999 г. 2-томную фундаментальную книгу «Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства», отмечал, что во второй половине прошлого века возникла широкая международная дискуссия о связях между историей и социологией, в которой «приняли участие представители обеих дисциплин, что породило настоящий журнальный бум. В 1958 г. был основан журнал «Сравнительные исследования общества и истории» («Comparative Studies in Society and History»), в 1963 г. – «История труда» («Labor History»), в 1967 г. – «Журнал социальной истории» («Journal of Social History»), в 1970 г. – «Журнал междисциплинарной истории» («Journal of Interdisciplinary History»), в 1975 г. – «Журнал истории семьи» («Journal of Family History»), «Социальная история» («Social History»), «История и общество» («Geschichte und Gesellschaft»), в 1976 г. – «История социальной науки» («Social Science History»), в 1988 г. – «Журнал исторической социологии» («Journal of Historical Sociology») и др. В 1960-80-е гг. наблюдался расцвет социально-исторических исследований; эти годы по праву можно назвать золотым веком социальной истории» [3,56].

Архивный фонд Российской Федерации выступает в качестве важного источника документов, представляющих большой интерес для социологов. Тем не менее социологи не в полной степени используют возможности архивных исследований, исключение составляют профессиональные социологи «старшего поколения», получившие базовое высшее образование (как правило, философское, историческое, психологическое, экономическое) и защитившие кандидатские (докторские) диссертации в СССР. Социологи

– выпускники, вновь открывшихся в 90-е гг. прошлого века факультетов социологии многих российских ВУЗов, не владеют навыками проведения историко-архивных исследований. Во многом это обусловлено отсутствием таких дисциплин как «Архивоведение» и «Историческая социология» в программах подготовки специалистов-социологов, а с переходом системы образования на программы бакалавриата, сократилось количество часов и по таким дисциплинам как «История социологии» и «Методология социологии». Этот фактор, наряду с сокращением финансирования фундаментальных научных исследований в гуманитарных дисциплинах, неизбежно оказывает негативное влияние и на качество подготовки социологов, и на развитие социологии как научной дисциплины, так как происходит забвение достижений российской и советской социологии прошлого века. Современные российские социологи в основном ориентированы на проведение прикладных эмпирических исследований, зависящих от рыночных институтов и их целей, при этом историко-социологические исследования необоснованно вытеснены на периферию социологического знания, что нарушает научные традиции преемственности исследований.

Бороноев А.О. в своем исследовании, посвященном истории социологии в 1960-90-е гг., отмечает, что в указанный период в основном развивались два направления: историко-социологические и эмпирические исследования различных сфер жизни и социальных отношений советского общества. «Историко-социологические изыскания осуществлялись на кафедре истории философии философского факультета Ленинградского университета и в секторе изучения общественной мысли Ленинградского отделения АН СССР (позднее Ленинградский сектор Института философии АН СССР, а затем кафедра философии АН СССР). У истоков этих исследований стояли М. В. Серебряков, Н. Н. Андреев и Б.А. Чагин. Последний фактически был основной фигурой этой деятельности. Он начал изучение истории отечественной социологии в рамках более широкой темы - истории общественной мысли в России. Результаты его деятельности представлены в коллективном труде «Социологическая мысль в России» (1978), ставшем второй фундаментальной работой по истории отечественной социологии после еще не переизданного в те годы труда Н. И. Кареева «Основы русской социологии» (1996). Позже сформировалась достаточно сильная группа историков отечественной социологии в лице И. А. Голосенко, В. М. Зверева, И. Г. Лиоренцевича, И. С. Кона, В. И. Клушина и др. Историко-социологическая проблематика была представлена и на кафедре истории философии, которой с 1968 г. заведовал А. А. Галактионов. В 1970–80 гг. в научный оборот были введены имена А. Радищева, П. Чаадаева, М. Ковалевского, А. Богданова, А.Щапова, П.Лаврова, К.Михайловского, Н. Данилевского, В. Лесевича, П. Сорокина, Н. Милюкова, П. Кропоткина, П.Ткачева, М. Бакунина, А. Герцена, Н. Бердяева» [1, 64]. Нужно отметить, что традиции исследования истории российской социологии продолжают и сегодня на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета под научным руководством А. О. Бороноева. Проводятся исследования, выполненные в методологических рамках исторической социологии (М. В. Ломоносова, В. В. Козловский, Н. А. Головин, М. В. Синютин), а в программу подготовки социологов включен курс «Архивоведение и источниковедение для социологов».

Актуальность развития исторической социологии в России в наши дни обусловлена тем, что она, создавая предпосылки для плодотворного взаимодействия социологии с историей, формирует теоретико-методологический фундамент для глубокого анализа причин и динамики современных проблем. Изучение общества в его основных характеристиках, социальных изменений и трансформаций требует как масштабного понимания в рамках теоретических построений социологии, так и специфики результатов конкретных

исследований истории. Именно такое сочетание дает историческая социология. В первом томе «Истории теоретической социологии» под редакцией Ю.Н.Давыдова историческая социология определяется как использование исторического подхода к анализу социальных аспектов человеческого существования и социологического — к исследованию исторического процесса [2, 114]. Важной составляющей исторического подхода является активное внедрение архивных методов в практику проведения социологических исследований.

1. *Бороноев А.О. Социологические исследования в Ленинграде - Санкт-Петербурге (1960-1990-е годы) // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 64–69.*
2. *История теоретической социологии. М., 1997. Т.1. М.: Канон, 1997. 496 с.*
3. *Мионов Б.Н. Социология и историческая социология // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 55–62.*
4. *Романовский Н.В. Историческая социология в структуре социологического знания // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 10–19.*

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО КАК ВОПЛОЩЕННЫЕ ПОНЯТИЯ КРЕДИТА

Мартыненко Владимир Владимирович

(Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук)

Аннотация. Анализируется новый объект социологического исследования – социальный кредит. Концептуализации кредита и социальной страховки имеют особое значение для понимания современных представлений о природе государства. Указывается окрестность точек появления социальных наук, сопряженных с разработкой проблематики кредитной активности. Ключи к кредитному эссенциализму предлагается искать в структурах социальной философии.

Ключевые слова: общество, социология, социальная философия, государство, политология, социальный кредит, социальная страховка.

Кредит – сравнительно новый объект исследования в социальных науках. Его понятие заимствовано из экономических практик, хотя оно не сводится к представлениям экономической науки, поскольку охватывает более широкий круг мыслительных явлений. Эти явления характерны для понимания глубинных структур природы социальности, включающих и такую структуру, как государство. Концептуализация кредита имеет особое значение для понимания современных представлений о природе государства-цивилизации, поскольку располагает уникальными социально-аксиологическими возможностями для исследования этого нового явления в государствоведении. Трактовка самого государства в современной мысли дается, как правило, в редуцированной форме, далекой от действительного понимания государственной политики как социального события, как способа саморазвития социальной целостности. Проблемой государства занимаются сегодня представители различных наук – от политологии и культурологии до философии. Но, например, как подчеркивал Б. Рассел, «философии власти, если учесть их социальные следствия, опровергают сами себя. Убеждение в том, что я Бог, если никто его больше не разделяет, ведет к тому, что меня могут запереть вдали от всех, если же другие его разделяют, оно ведет к войне, в которой я скорее всего погибну. Культ героя создает нацию трусов. Вера в прагматизм, если она получает широкое распространение, ведет к правлению голой силы, которая неприятна; следовательно, по своему собственному критерию, вера в прагматизм ложна. Если социальная жизнь должна удовлетворять социальные желания, она должна основываться на философии, от властолюбия не производной» [3, 280-281]. Но вопрос не в производности, а в том, что ни философия, ни другие науки не основываются на социальном понимании кредита и страховки. За всю интеллектуальную историю исследователи государственных структур практически не отдавали себе отчета в том, что именно на кредитной теории и интуиции зиждется все государственное устройство. Сама наука рождается среди представителей тех социальных структур, которые стоят ближе к кредитной деятельности, «рождается *не* среди священников и философов, ее естественных противников. Она рождается среди сыновей ремесленников и деловых людей всякого рода, среди адвокатов и т. д.: тех, кого к подобным вопросам и ответам на них толкает *профессионализм и предпосылки к нему*» [2, 228]. Хотя это несколько одностороннее представление о зарождении научного знания, но оно для нас важно постольку, поскольку указывает на окрестность точек появления социальных наук, сопряженных с разработкой проблематики кредитной активности. В своем докладе мы и стремимся выявить кредитные импликации учения о государстве как таковом, постепенно направляя аргументацию в сторону обоснования его кредитной теории.

Сложность проблемы оснований рационального устройства государственной жизни в том, что она встроена одновременно и в упорядоченность, и в иррациональность социальной событийности, в своего рода политическую запутанность, которая затрудняет проникновение в кредитный корень самой идеи государства. Кредит – это не просто контур некой социальной фигуры; его, скорее, можно определить как зримую форму самой социальности. Поэтому ключи к кредитному эссенциализму нужно искать глубже, в структурах социальной философии.

Но что собой представляет сама социальность, само общество? Как подчеркивал М. Мерло-Понти, «бытие обществом какого-то общества: это целое, которое соединяет все точки зрения и все ясные или слепые воли; это анонимное целое... которое никто не видит и которое не является ни душой группы, ни объектом и ни субъектом, а представляет из себя их соединительную ткань... которая единственная способна удовлетворить законным образом “философии со многими входами”» [1, 250]. Такая соединительная ткань как раз и есть, на наш взгляд, кредитная ткань. Социальное пространство – это пространство, построенное кредитными связями, пронизывающими жизненный мир людей, его политическую конфигурацию. Вопрос в том, какие модификации привносят в социальную ткань кредитные отношения.

Построение кредитной картины всей политической, государственной жизни – достаточно сложная задача. Ее решение упирается прежде всего в измерения политического пространства, современной международной демократии. В работе «Капитализм, социализм и демократия» (1942 г.) Й. Шумпетер рассматривал последнюю как способ институционализации политических отношений, которые задаются властью в процессе конкурентной борьбы за голоса избирателей. Данный подход преобладает в современной политической науке. Например, такое понимание демократии обнаруживается у С. Хатингтона, одного из наиболее влиятельных исследователей процесса демократизации; из него исходят и нынешние электоралистские модели. Однако редуцирование демократии к выборам порождает целый ряд проблем. Дело в том, что оно находится в противоречии с античным пониманием демократии, превращая сам демос в пассивного созерцателя всего того, что происходит на социальной сцене. Такая редукция не позволяет выявить специфику самой демократии. Не случайно в последнее время появилось множество работ, в которых постулируется кризис шумпетерианской парадигмы. На эти кризисные явления указывают многие примечательные события: расширение превращенных форм политических отношений, порождающее разочарование в политике, сужение электорального поля, подрыв доверия к базовым институтам политической системы и т. д. Рефлексия над современным состоянием демократических структур побуждает обратиться к политической философии, для которой важен не столько институциональный подход к анализу демократии, сколько понимание ее как «способа бытия политического» (Ж. Рансьер). С нашей точки зрения, сам философский подход к рассмотрению демократии связан с теоретико-методологическим пониманием политического измерения кредитного отношения между людьми. Мы выявляем основные узлы эпистемической цепочки описания кредитования, взаимосвязь кредитно-когнитивных актов, опирающихся на логику социального познания, страховое восприятие реалий государственной жизни. Сегодня государство нередко понимается как аппарат насилия. Но что подразумевается под этим аппаратом? Ряд авторов понимает под ним право устанавливать законы. Но в чём их смысл? Любое политологическое рассуждение предполагает описание государства посредством понятий территория, язык, налоги, армия и так далее. Но армия – это тоже страховая структура, которая защищает определенную локальность. Отсылки к языку и

территории не выдерживают критики, потому что можно привести массу примеров, когда одно и то же языковое пространство было разделено межгосударственными границами.

Значит, представление о государстве не сводится к данным структурам. Теоретики указывают, что понимание государства связано с обязанностью платить налоги, устанавливать законы. Но в их суждениях разрушается логика деятельности государства. Когда нет конкретной модели государства, то возникает масса ни к чему не обязывающего нарратива, который подается на уровне «государство должно». При этом забывается, что руководство государства – это такие же люди, как и все остальные. Что представляет собой, например, бюджет? Это налоги, которые составляют 10-15% того объёма, что люди должны заплатить государству в виде обязательных платежей физических и юридических лиц. А где остальные проценты от объёма обязательств, которые вообще функционируют в стране? Ответ на этот вопрос найти достаточно сложно.

Для того чтобы выстраивалась страховая конструкция, должна работать экономика. Ведь они взаимосвязаны – чтобы экономика функционировала, необходима правильная модель самой страховой конструкции. Сегодня российская экономика напоминает тришкин кафтан – ей раз за разом приходится затыкать вновь образующиеся дыры. Хотя такая ситуация характерна не только для России, но и для всего мира. Проблема санкций, наложенных на Россию западными странами, показала, что российская экономика сейчас напоминает машину на льду: как ею власти ни крутят, а машину несёт просто по инерции в непредсказуемую сторону. Правительство не может контролировать экономическое «сцепление», потому что оно выбрало неправильную модель управления социальным страхованием.

1. Мерло-Понти М. *Видимое и невидимое*. Минск: И. Логвинов, 2006. 400 с.
2. Ницше Ф. *Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 13*. М.: Культурная революция, 2006. 656 с.
3. Рассел Б. *Власть: новый социальный анализ*. М.: Издательство Института Гайдара, 2024. 328 с.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ПРИВАТИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

*Мельников Михаил Васильевич
(Новосибирский государственный технический университет)*

В истории социологии в России известно много страниц, когда социологам приходилось отстаивать свои права на свободный научный поиск, выбор интересных для изучения объектов и тем в условиях определенных, нередко значительных внешних ограничений. В одной из первых книг по истории социологии в России Ю.Ф. Геккер отметил, что присущая дореволюционной социологии увлеченность экономическими, социальными и политическими проблемами своего времени придает ей пропагандистский характер. По этой причине, большинство хороших идей российских социологов «остались чуждыми социологам в целом, и впоследствии были самостоятельно реализованы западноевропейскими и американскими социологами в гораздо более систематическом виде, чем более ранними и неизвестными русскими» [8, 287]. Эта книга была опубликована в США в 1915 году, где Геккер проживал, будучи политическим эмигрантом. В 1922 году он вернулся в Советскую Россию, а в 1938 году расстрелян как «враг» и «шпион». Более чем сто лет спустя академик М.К. Горшков, директор Института социологии РАН пришел к выводу о том, что социологии, науке по природе аналитической, независимой, а временами и непокорной, нельзя быть свободной от общества [4, 23]. Академик Горшков признал немаловажным и актуальным трендом приверженность многих российских социологов идеям открытой, демократичной и гражданской публичной социологии. Сам М. Буравой в статье 2009 года выхода утверждал, что самоизоляция, уход в себя в условиях нехватки общественного спроса и общественности разрушает саму идею социологии [2, 170]. Спустя шесть лет после выхода статьи М.К. Горшкова петербургские социологи Е. Здравомыслова и С. Ярошенко написали, что совмещение профессиональной деятельности с гражданской активностью может повлечь за собой огромные издержки. Поэтому большинство социологов занимается профессиональной академической и педагогической работой, при этом стараясь помочь своим студентам преодолеть чувство неловкости и разочарования [10].

Каким видится положение дел в российской социологии к концу 2024 года? Есть основания говорить о том, что в ней сосуществуют и становятся ярче выраженными две тенденции. Первую из них можно охарактеризовать как национализацию российской социологии, а вторую как ее приватизацию. В книге под редакцией С. Клауснера и В. Лица «национализация социальных наук» рассматривается применительно к попытке, предпринятой в 1948 году Т. Парсонсом повлиять на включение социальных наук в финансирование, осуществляемое Национальным научным фондом США. В обращении к Совету по исследованиям в области социальных наук (SSRC) Парсонс писал, что социальные науки могут внести свой вклад в осуществление социального контроля и решения социальных проблем. Практическая направленность документа Парсонса соответствовала его работам военного времени, посвященным «контролируемым институциональным изменениям» [9,89-94]. Документ не вызвал положительного отклика и был отправлен в архив. В ином смысле писал о национализации науки в связи с фактором эмиграции русских гуманитариев в Германию в 1920-1930-е годы А. Дмитриев. Национализация науки рассматривалась им как укрепление научных школ и академических сообществ с опорой на рост государственной организации и поддержки науки. С другой стороны, национализация науки в стране, оказавшейся в изоляции, приводит к постепенному замыканию научного сообщества «внутри» своей страны [6]. В свою очередь,

Э. Кроуфорд и ее соавторы утверждают, что национализация науки и ее денационализация, или развитие международных научных связей и частного финансирования научных исследований характерны для науки в течение последних 400 лет [7].

С учетом этих примеров национализацию социологии в России можно понимать следующим образом. Во-первых, как значительное сокращение регулярных международных контактов российских ученых с коллегами из большинства европейских стран, США, Канады, Южной Кореи, Японии и ряда других стран. Во-вторых, прекращение финансирования исследований, осуществляемых российскими учеными, за счет научных фондов из указанных стран, и рост научных исследований, выполненных за счет российского государственного финансирования. В-третьих, разработка новых тем, посвященных осмыслению особенностей национальной идентичности российской социологии, доказательство ее связи с задачами укрепления национальных интересов России, изучение творчества малоизвестных и «забытых» российских социологов. В-четвертых, усиление активности социологов в публичной сфере, осуществляемых как экспертная поддержка действий государственных институтов России по защите национальных интересов и традиционных ценностей, борьбе с чужеродными культурными явлениями. В-пятых, повышение внимания социологов к изучению жизни россиян, нуждающихся в социальной поддержке и не относящихся к разным «опасным» для изучения меньшинствам. В-шестых, формирование новых научных коллективов из российских исследователей, в том числе из разных регионов, занимающихся изучением российских реалий. Национализация социологии в современной России является фактом, вызванным к жизни понятными особенностями настоящего времени. Ее развитие должно помочь укреплению общественной значимости социологии в России, повышению доверия к ней со стороны государственной власти. Следует, однако, помнить про слова В.А. Ядова о том, кому нужна национальная русская социология [6,22]. Они звучат сегодня особенно актуально.

Приватизация социологии в России является другим ответом на вызовы времени. Особенность этого ответа связана с исходным значением слова «приватный», которое означает, как писала Х. Арндт, «состояние лишения» [1,51]. В соответствии этому значению приватизация социологии в России происходит, в первую очередь, как возрождение свойственной для части советских ученых практики писать научные работы «для себя», связанной с пониманием нежелательности их публикации. Во-вторых, приватизация осуществляется как уход части исследователей в изучение тем и объектов, не связанных с острыми социальными и политическими процессами и ситуациями в российском обществе. Приватизация здесь означает лишение социологических текстов критичности, остроты и полемичности. В-третьих, приватизация выражается посредством формирования нового языка иносказаний, используемого социологами для безопасного выражения своих оценок, сомнений и гражданских убеждений. В-четвертых, есть основания полагать, что приватизация социологии осуществляется и в форме перехода части академических социологов и преподавателей государственных университетов на исследовательскую и аналитическую работу в негосударственные компании и организации. Социолог может перейти к выполнению профессиональных задач маркетолога, изучать относительно безопасные для него лично и его репутации темы и объекты. В-пятых, приватизация социологии приводит к снижению активности, корпоративной солидарности и сотрудничества социологов друг с другом в публичной сфере. Для дальнейшего рассмотрения двух тенденций обратимся к известному, например, у И. Валлерстайна, выражению о характерном для капитализма поглощении экономических убытков политическими структурами и распределении экономических выгод между «частными»

лицами [3, 429]. Применительно к национализации и приватизации социологии в России это выражение может получить следующий вид. Национализация социологии приводит к появлению некоторых репутационных убытков для социологии, но также к появлению новых возможностей для проявления социологами своего исследовательского мастерства и к формированию новой исторической идентичности социологии в России. Приватизация социологии приводит к появлению как убытков, так и прибыли для социологов как исследователей, которые могут потерять возможности опубликовать свои работы, но получить взамен некоторое чувство морального удовлетворения.

1. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.*
2. *Буравой М. Приживется ли «публичная» социология в России? // Laboratorium. 2009. № 1. С. 162-170.*
3. *Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.*
4. *Горшков М.К. Социология в России: становление и развитие // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 2 (18). С. 7-29.*
5. *Дмитриев А. Национализация науки и фактор эмиграции: русские гуманитарии в Германии (1920-1930-е гг.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=721&idlang=2&Code=> (дата обращения: 07.10.2024).*
6. *Ядов В.А. Нужна ли сегодня национальная русская социология? // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. Вып.7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 16-23.*
7. *Denationalization Science. The Contexts of International Scientific Practice. Ed by E. Crawford, T. Shinn, S.Sörlin. Dordrecht: Springer-Science+Business-Media, B.V., 1993. 303 p.*
8. *Hecker J.F. Russian Sociology. A contribution to the History of Sociological Thought and Theory. New York: The Columbia University Press, 1915. 334 p.*
9. *Klausner S.Z., Lidz V.M. The Nationalization of the Social Sciences. Philadelphia/London: University of Pennsylvania Press, 1986. 296 p.*
10. *Yaroshenko S., Zdravomyslova E. Public Sociology in the Russian Context [Электронный ресурс]. URL: <https://globaldialogue.isa-sociology.org/articles/public-sociology-in-the-russian-context> (дата обращения: 07.10.2024).*

МОДЕЛЬ ТРИАДЫ ВЛАСТИ-БОГАТСТВА-ПРЕСТИЖА МАКСА ВЕБЕРА

Ожован Михаил Иванович

(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Шабанов Виктор Леннарович

(Саратовский национальный исследовательский государственный университет

имени Н.Г. Чернышевского)

Мюллер Наталья Владимировна

(Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

Лощинин Михаил Борисович

(независимый исследователь)

Аннотация

Триада М. Вебера «власть-богатство-престиж» может быть представлена посредством сопряжённых дискретных иерархий – административной, Б. Трубникова и А. Чеботарёва. Административная иерархия может быть образцом мощности авторитарной власти. Иерархия Трубникова соответствует статистике бизнеса. Иерархия Чеботарёва может быть образцом оптимального неравенства по денежному доходу. Социальные миссии этих иерархий соответствуют представлениям Вебера о политической власти, богатстве и престиже. Экономически активное население от рабочего класса и выше одновременно участвует в триединых иерархиях названного типа, которые исчерпывают собой многообразие иерархических структур. Предложена технология макетирования триады Вебера.

Ключевые слова: теория власти, теория иерархий, степенные распределения, триада власть-богатство-престиж.

Введение

Триаду «власть-богатство-престиж» М. Вебер предложил в сборнике глав, изданном после его смерти и многократно переизданном [1]. Триада Вебера – неслучайная нетривиальная идея. Тем не менее, в ходе вековой эволюции социологии она не получила развития.

Авторы исследуют модели иерархий и наблюдают их статистические проявления. Наряду с этим авторы наблюдают традиционные социально-экономические (далее с.-э.) группы бедных домохозяйств, рабочего класса, профессионалов, малого бизнеса и т.д. снизу вверх вдоль социальной вертикали [2]. Нет объективных свидетельств только среднему классу, что согласуется также с новыми исследованиями коллег [3]. Новые эмпирические данные и теоретические представления подтверждают адекватность и эвристичность триады Вебера и возрождают интерес к её изучению.

Первая феноменологическая модель иерархии была предложена В. Парето в 1897 году на основании данных о доходах богатых персон ряда европейских стран – степенная функция с показателем от -2 до -3 в дифференциальном представлении [4]. Известны три аналитические модели иерархий с дискретными показателями: модель Б. Трубникова (1993 год, показатель -2) [5], А. Чеботарёва (2004 год, -3) [6] и административная (2016 год, -3/2) [7]. С.-э. иерархии – это сама власть – группа высокомогущих персон. Наличие трёх ветвей власти порождает проблему их сочетания с традиционным представлением о структуре общества и ставит вопрос о числе измерений с.-э. пространства. Именно эта неясность на столетие затормозила понимание и применение триады Вебера.

Власть начинается от рядового исполнителя (рабочего, чиновника), а завершается верховным руководителем. Почти всё богатство и всё неравенство общества сосредоточено в его иерархии. Чаще всего это неравенство признаётся негативным и даже опасным, хотя

имеют место и взвешенные мнения на этот счёт. Тем не менее, в социологии отсутствуют представления об оптимальном неравенстве. Авторитарное управление зачастую осуждается как недемократичное, между тем реальное управление обществами производится именно такого рода структурами. Публичный интерес к систематическим знаниям о власти возрастает. Время настало познавать власть теоретически.

2. Методы теоретического анализа

В обыденном представлении иерархия являет собой регулярную последовательность рангов, где число нижестоящих участников N_r всегда больше, чем число вышестоящих N_{r+1} , и отношение числа участников, «населяющих» соседние ранги N_r / N_{r+1} , равны постоянному числу $b > 1$. Ранг (статус) – это группа равномошных персон. Формально, ранги – логарифмически равные (равно кратные) интервалы населённости или независимой характеристики. Геометрическая прогрессия населённости убывает: $N_r = b^{1-r} N_1$. Параметр b – делитель населённости рангов, $1/b$ – знаменатель убывающей геометрической прогрессии. Средний размер независимой характеристики (доходов, состояний, обладаний) участников иерархии, как предполагается, в пределах рангов тоже образует геометрическую прогрессию, но возрастающую: $g_r = c^{r-1} g_1$. Параметр $c > 1$ – знаменатель возрастающей геометрической прогрессии. Участники иерархий взаимозависимы: число участников каждого ранга и их мощь жёстко регламентированы.

Параметр b может быть объективно выделен как минимальная социальная общность – средний размер домохозяйств, среднее число подчинённых у ближайшего начальника, средний экипаж в армии и т.п. Такого рода натуральный параметр b одинаков для всех иерархий общества, именно его мы здесь рассматриваем. По-видимому, изначально в обществе и в иерархии формируется параметр b , и лишь затем складывается параметр приумножения независимой характеристики c . Полагаем, что параметр b исторически убывает со скоростью около 0,02 чел./год от размера порядка 130-160 несколько тысяч лет назад до вырождения в единицу в наше время [8]. Деградация домохозяйств влияет на эволюцию иерархий через исторический рост числа рангов и их общей населённости.

Дефиниция дифференциальной плотности $P(g_r) = \partial N_r / \partial g_r$. Обе прогрессии дифференцируются по номеру рангов: $\partial N_r / \partial r = -N_1 b^{1-r} \ln b$ и $\partial g_r / \partial r = g_1 c^{r-1} \ln c$, откуда следует $P(g_r) = \partial N_r / \partial g_r = -(N_1 \ln b / g_1 \ln c) \cdot (bc) \uparrow (1-r)$, где знак «минус» обозначает отрицательную производную и может быть опущен, стрелка обозначает возведение в степень, а показатель степени $(1-r) = -\ln(g_r / g_1) / \ln c$ может быть получен из исходного выражения $g_r = c^{r-1} g_1$. Окончательно $P(g) = (N_1 \ln b / g_1 \ln c) \cdot (g / g_1) \uparrow -\alpha$, где $\alpha = \ln(bc) / \ln c > 1$, номер ранга опущен. Мы получили степенную функцию распределения – закон Парето. Система геометрических прогрессий, воплощающая интуитивное представление об иерархиях власти, действительно эквивалентна степенному распределению плотности.

Показатель степени $\alpha = \ln(bc) / \ln c = 1 + \log_c b$ имеет особо выделенное значение равно 2, когда $b = c$, это иерархия Трубникова. В этом случае ранги иерархии равномошны, число возможных связей в равномошных иерархиях максимизируется, вероятность формирования иерархий Трубникова становится наибольшей. Ранги имеют логарифмическую меру, в формулах иерархий, как правило, фигурируют $\ln b$ и $\ln c$. Если ранги по доходам вдвое меньше рангов по населённости $\ln c = 0,5 \ln b$ ($c = b^{1/2}$, $-\alpha = -3$), то имеем скромную иерархию Чеботарёва. Если ранги по потокам вдвое больше рангов по населённости $\ln c = 2 \ln b$ ($c = b^2$, $-\alpha = -3/2$), то получаем иерархию административную.

Казалось бы, вводя геометрические прогрессии с жесткими параметрами b и c , мы делаем нереалистичные экзотические предположения, но большая распространённость степенных распределений в гуманитарных статистиках, хорошее качество и предсказуемость степенных треков свидетельствуют в пользу сугубой реальности нашей методологии. В качестве примера степенного закона Парето на Рис.1 приведено распределение физлиц Украины по денежному доходу в диапазоне от 2,5 до 17,7Нп (от 12 грн/мес до 48,6 млн. грн/мес), заимствованное из [2]. Аппроксимирующая прямая линия выполнена красным цветом. Из постсоветских стран Украина была единственной, публиковавшей обезличенную статистику доходов физлиц.

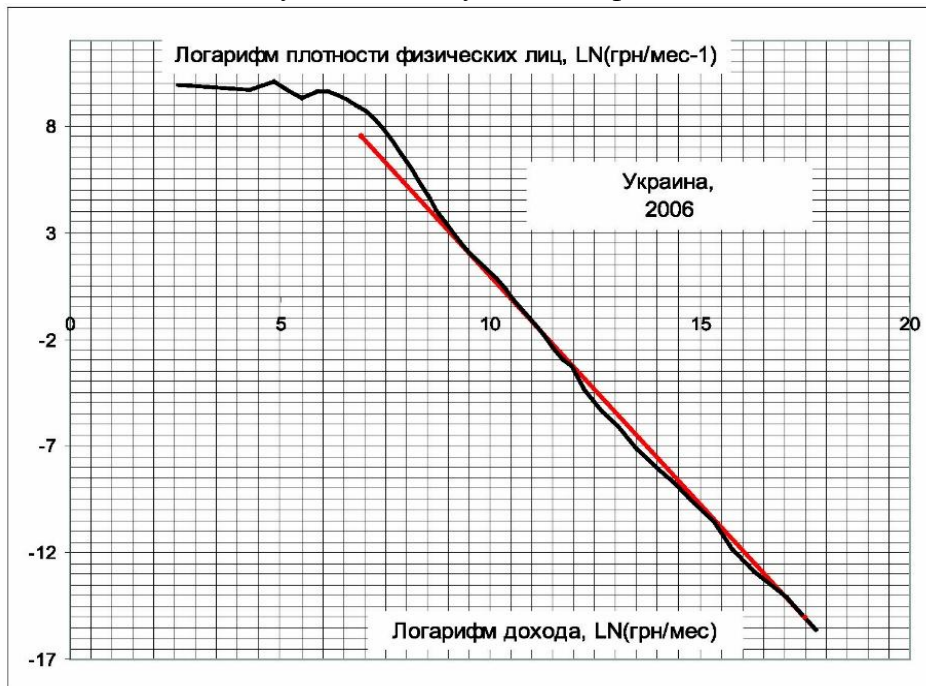

Рис. 1. Плотность распределения физических лиц Украины по среднемесячному доходу в IV квартале 2006 года [2].

Львиную долю этого диапазона занимает собственно иерархия, на рисунке в интервале дохода от 9,5Нп и более (от 13,4 тыс. грн/мес и более) ей соответствует почти прямая линия реального трека длиной 8,2Нп (3,6 тыс. крат). На графике в осях «логарифм характеристики – логарифм плотности» прямая линия соответствует степенной функции. Благодаря открытию Парето оказалось, что в гуманитарных статистиках имеют место такие же жёсткие законы, как и в естественных науках. Чтобы увидеть полную длину иерархии власти, надо видимый отрезок иерархии экстраполировать влево вверх к среднему доходу участников первого ранга, в качестве которого можно принять несколько больший средний доход наёмных работников, который в 2006 году был около 1041 грн/мес или 6,9Нп [9, 40]. Поэтому полная длина властной иерархии на Украине по денежному доходу в то время составила приблизительно $17,75 - 6,9 = 10,85$ Нп или 52 тыс. крат. На Рис.1 красная прямая линия степенного трека проходит существенно ниже реальной плотности небогатых масс народа, поскольку в состав нижних чинов иерархии входит только их часть. Формула плотности экстраполированного степенного трека $Y = -2,125 \cdot X + 22,163$, именно он на Рис.1 показан красной линией. В начальной точке среднего дохода $X \approx 6,9$ Нп плотность составит $Y \approx 7,5$ Нп.

3. Результаты

3.1. Административная иерархия

Административные (деспотические, авторитарные) иерархии используются во всех компаниях и госструктурах. В качестве субмодели взят соцкапитал дружного коллектива, многократно превосходящий мощь слагающих его людей: мощь дружного коллектива равна средней мощности одного его участника, умноженной на квадрат их числа и меру корреляции. Соцкапитал дружного коллектива равен разности его мощности и суммы мощностей слагающих его людей, поэтому мощь дружного коллектива почти вся или по большей части состоит из соцкапитала [7].

Персональная мощь исполнителей первого ранга обозначена g_1 , их число N_1 , а размер их дружных коллективов b . В рамках административной иерархии параметр b является также делителем населённости рангов. Каждый участник во втором ранге контролирует в первом ранге мощь дружного коллектива, равную $g_1 b^2$, а число участников второго ранга составляет N_1/b . Процедура единообразно продолжается далее, поэтому $c = b^2$, и показатель $-\alpha = -\ln(bc)/\ln c = -3/2$. Административная иерархия весь свой первый ранг превращает в единый коллектив с квадратичной эффективностью – вот источник её огромной силы. Квадратичная идеальность свидетельствует в пользу предельно большого значения показателя $-3/2$. Выявление мощи деспотической иерархии было одним из изобретений человечества на этапе формирования союзов племён и первых государств. Административная иерархия является политической властью в терминах Вебера.

3.2. Равномощная иерархия Трубникова

Совокупная мощь ранга в иерархии Трубникова равна $N_r g_r = const$. Если ранги равномощны, $\partial(N_r g_r)/\partial r = 0$. После дифференцирования $g_r b^{1-r} \cdot N_1 \ln b = N_r c^{r-1} \cdot g_1 \ln c$. Подставив $N_r = b^{1-r} N_1$ и $g_r = c^{r-1} g_1$, имеем $\ln b = \ln c$ или $b = c$. В итоге $-\alpha = -\ln(bc)/\ln c = -2$.

Равномощная иерархия Трубникова хорошо воспроизводится в статистиках бизнеса и больших состояний [10], максимизирует энтропию и является символом стихийных рыночных отношений. Если ослабнет авторитарная мощь государства, то трек административной иерархии опустится к рыночной иерархии Трубникова. Если ослабнет аскетичная иерархия Чеботарёва, то её трек поднимется к иерархии Трубникова.

Распределение физлиц Украины по денежному доходу, представленное на Рис.1, было степенным с показателем $-2,13$, что весьма далеко от иерархии Чеботарёва. В то же время распределение юридических лиц Украины по объёмам продаж было степенным с показателем от $-1,96$ до $-1,98$ [11], что вполне соответствует иерархии Трубникова. Общество, оставленное без внимания авторитарной власти, «зарастает» коммерческой иерархией, как брошенное поле бурьяном. Иерархия Трубникова является экономической властью в терминах Вебера.

3.3. Скромная иерархия Чеботарёва

Модель Чеботарёва [6] была разработана для объяснения уникально скромного распределения физлиц Японии – степенного с показателем ровно -3 [12]. Параметры g_1 , N_1 и b прежние. Каждый дружный трудовой коллектив первого ранга имеет мощь $g_1 b^2$, на каждого его участника приходится мощь $g_1 b$. Пусть налог на каждого участника первого ранга составляет $1/\sqrt{b}$, это как бы «геометрическая половина» от умоощнения $g_1 b$. В таком случае каждый участник направляет во второй ранг блага $g_1 \sqrt{b}$. Всего из первого

ранга во второй направляется сумма благ $g_1 N_1 \sqrt{b}$. На каждого участника второго ранга, число которых N_1/b , приходится $g_1 b \sqrt{b}$ благ.

Персонально потребляемые и передаваемые блага монотонно растут по мере роста номера ранга, потому что населённость ранга убывает быстрее нормы налога – главное условие, чтобы первый ранг обеспечивал благами все вышестоящие ранги. Итак, участник первого ранга производит $g_1 b$ благ, участник второго ранга получает $g_1 b \sqrt{b}$ благ, третьего ранга $g_1 b^2$ благ, четвёртого $g_1 b^{2.5}$ благ и т.д. Параметр умножения персонального дохода составит $c = \sqrt{b}$ (или $c^2 = b$), откуда $-\alpha = -\ln(bc)/\ln c = -3$. Если норма налога превысит $1/\sqrt{b}$, то показатель степени превысит -3 алгебраически.

В нашей теоретической схеме параметр b привязан к среднему размеру домохозяйств и определяет норму налога $1/\sqrt{b}$. Когда $b=10$ (на Руси несколько столетий назад), то $1/\sqrt{b} \approx 0,3$. Норма текущего налога вырабатывается предыдущими поколениями, запаздывание составляет около 50 лет [13]. Тогда домохозяйства были на человека больше, откуда $1/\sqrt{3,5} \approx 0,53$, что близко к 0,5 – современной норме всех начислений на доходы физлиц России [14].

Модель Чеботарёва воплощает функцию власти обеспечивать своих участников благами, превышая потребности выживания для нижних чинов и приближая роскошь для высших. В терминах Вебера иерархия Чеботарёва устанавливает уровни престижа. Суммарные доходы в рангах иерархии Чеботарёва убывают от основания к вершине. «Наивысший престиж» оказывается самым скромным вознаграждением среди наивысших благ сопряженных иерархий. Поскольку современная социология озабочена проблемой неравенства [15], то модель Чеботарёва становится путеводной для его оптимизации. Наша интерпретация предсказывает рост начислений и налогов в связи с историческим ростом числа рангов и общего числа потребителей благ.

3.4. Астрономический масштаб дискретных иерархий

Все три вида современных дискретных иерархий сопряжены в триаду, потому что имеют общий первый ранг – рабочий класс и младших чиновников. В наивысшем ранге населённость порядка 1, поэтому максимальное количество благ, потреблённое или контролируемое высшим руководителем, оставляет $g_1 N_1 \uparrow (\ln c / \ln b)$. Наибольшее неравенство возникает в административной иерархии ($\sim N_1^2$), меньшее – в иерархии Трубникова ($\sim N_1$), и наименьшее – в иерархии Чеботарёва ($\sim \sqrt{N_1}$).

Неравенство участников иерархии масштабируется наибольшей населённостью первого ранга. В стране, подобной России, в первом ранге могут состоять десятки миллионов человек. Борьба с социальным неравенством, если она необходима, должна быть нацелена именно на показатель степенных распределений. Астрономический масштаб неравенства предполагает изменение его восприятия. Неравенство – это ещё и размеры, и мощь общества. Кому они слишком велики?

Административные (авторитарные, деспотические) иерархии самые мощные, способ их действия – административное принуждение. Образцом мощи авторитарной «сталинской» иерархии является успешная эвакуация на восток СССР около 3 тысяч советских предприятий в первые месяцы 1941 года. В авторитарных иерархиях заключена огромная мощь организованного народа, в опасности спасительная. Организация

общества посредством коммерческой иерархии Трубникова менее сильна и менее принудительна. Самой слабой оказывается иерархия Чеботарёва, нормированная мощностью первого ранга.

Гармоничность размерного ряда дискретных иерархий $\sqrt{N_1} \rightarrow N_1 \rightarrow N_1^2$, очевидная предельность административной иерархии и возможная предельность скромной иерархии свидетельствуют об исчерпании вариативности. По-видимому, «триединые» сопряжённые иерархии располагаются в интервале показателей от -3 до $-3/2$ и исчерпывают возможные потребности общества в самоорганизации управления. Именно они аккумулируют в себе ценности, которые Вебер назвал престижем, богатством и властью.

3.5. Траектория вершины

Дискретные иерархии можно изобразить на одном графике в осях X «логарифм владения» и Y «логарифм плотности по владению». В силу сопряжения, при вариациях показателя степени (например, от -3 к -2 и далее к $-3/2$) вершина иерархии совершает перемещение по треку, соответствующему степенному распределению с показателем около -1 , что обсуждалось ранее на конкретных примерах [16]. Знание траектории вершины позволяет выполнить расчёт размеров иерархий при вариации показателя и визуализировать триаду Вебера.

Имеем $P(g_{\max}) = (N_1 \ln b / g_1 \ln c) \cdot (g_{\max} / g_1)^{\uparrow -\alpha}$, где $\alpha = 1 + \ln b / \ln c$, в условиях, когда $\ln c / \ln b$ становится независимой переменной и действует формула вершины иерархии $g_{\max} = g_1 N_1^{\uparrow (\ln c / \ln b)}$. Отсюда $P(g_{\max}) = (\ln N_1 / g_1 \ln(g_{\max} / g_1)) \cdot (g_{\max} / g_1)^{-1}$.

Построение трека вершин производится в координатах $X = \ln g$ и $Y = \ln P(g)$. В этом случае переменные слагаемые станут разновеликими: $\ln(g_{\max} / g_1) \gg \ln \ln(g_{\max} / g_1)$. Поэтому в целом трек всевозможных вершин подобен максимальному доходу в степени минус один $P(g_{\max}) \sim (g_{\max} / g_1)^{-1}$, тангенс угла наклона трека к оси X будет близок к -1 , а сам угол близок к -45° . Чем больше максимальный доход g_{\max} по сравнению с начальным g_1 (чем выше старший ранг), тем лучше выполняется неравенство $\ln(g_{\max} / g_1) \gg \ln \ln(g_{\max} / g_1)$.

3.6. Макетирование триады Вебера

Макетирование триады Вебера состоит в отыскании трёх дискретных иерархий, исходя из известного распределения физлиц по доходам, где определяются начальная и конечная точки – средний доход рабочих и самых богатых персон.

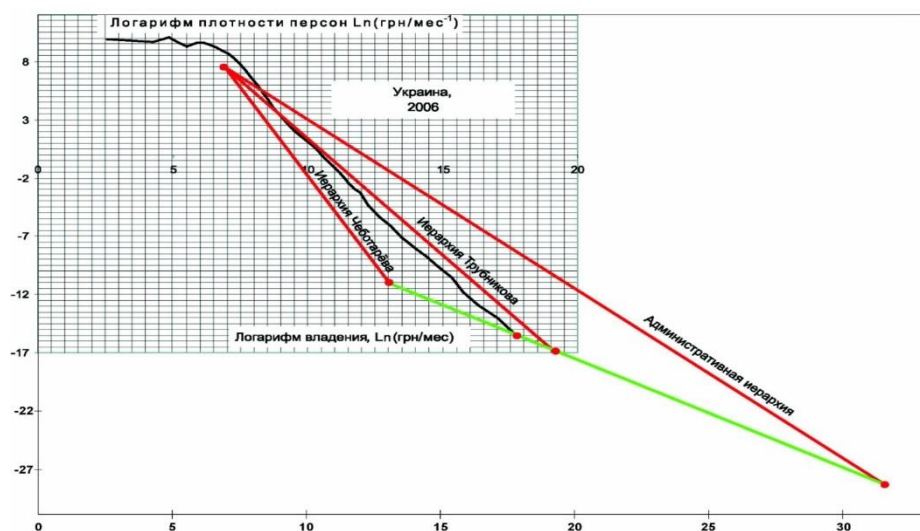

Рис. 2. Макет триединых сопряжённых иерархий на основе статистики доходов физических лиц Украины в 2006 году, представленной на Рисунке 1.

На Рис.2 с соблюдением единого масштаба представлен график, где через конечную точку реального распределения физлиц Украины в 2006 году ($X \approx 17,75\text{Нп}$, $Y \approx -15,6\text{Нп}$) проведён зелёный степенной трек вершин с показателем -1 , именно $Y \approx -X + 2,15$. Через начальную точку ($X \approx 6,9\text{Нп}$, $Y \approx 7,5\text{Нп}$) на экстраполированном распределении физлиц проведены красные треки иерархии административной власти $Y \approx -1,5X + 17,85$, иерархии богатства $Y \approx -2X + 21,3$ и иерархии престижа $Y \approx -3X + 28,2$. Их вершины (точки пересечения треком вершин) имеют абсциссы $X_{3/2} = 31,4$, $X_2 = 19,15$ и $X_3 = 13,025$. Им соответствуют расстояния до начальной абсциссы, они же неравенства, $24,5\text{Нп}$ (43,7 млрд. крат), $12,25\text{Нп}$ (210 тыс. крат) и $6,125\text{Нп}$ (460 крат). Надо ли их сокращать?

Общество имеет три размера, и они не являются тремя измерениями с.-э. пространства, поскольку связаны взаимным пересчётом – следствием взаимного соответствия и взаимного преобразования монетарных благ (престижа), капитализированных благ (богатства) и влияния авторитарной власти. Занимая властную позицию, участник иерархии со временем занимает близкие ранги всех трёх ветвей триады Вебера.

С.-э. пространство в больших сообществах почти одномерно, иначе была бы утрачена продуктивная линейная связь накоплений-капиталов и потоков-доходов. Из триады Вебера общество предпочитает какую-то одну иерархию, не отвергая иные. При общей бедности предпочтительна иерархия престижа. При экономическом подъёме предпочтительна иерархия богатства. В случае войн и природных катастроф авторитарная иерархия будет спасительной. Напротив, в малолюдных сообществах число измерений может возрастать за счёт зародышей триады Вебера, линейная связь накоплений и потоков там будет утрачена. Содержательную головоломку подарил нам Макс Вебер!

1. Вебер М. Основные понятия стратификации. В кн. Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василук, доц. М.С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 255-272.
2. Privalov Yu.A., Ojovan M.I., Loshchinin M.B. How to Return the Sociology and Economics to the Family of Objective Sciences? II. Empirical Foundations of Socio-Economic Knowledge // European Researcher. 2020. 11(4): 224-262. DOI: 10.13187/er.2020.4.224
3. Ludwig D., Yakovenko V.M. (2022). Physics-inspired analysis of the two-class income distribution in the USA in 1983–2018 // Phil. Trans. R. Soc. A. 380: 19 April 2022. 20210162. DOI: <https://doi.org/10.1098/rsta.2021.0162>
4. Pareto V. The new theories of economics // Journal of political economy. 1897. 5(4): 485-502.

5. Трубников Б.А. Конкуренция в природе и обществе // *Природа*. 1993. №11. С. 3-13.
6. Чеботарев А.М. Парето-распределение доходов в иерархической модели экономики имеет показатель 2 // *Украинский журнал «Економіст»*. 2004. №9. С. 54-57.
7. Лоцинин М., Привалов Ю. Модели социального капитала и его измерение, Раздел 3, 3.3 // *Социальный капитал: теория и практика / Отв. ред. Ю. Саенко*. К.: Ліга-Прес, 2016. 252 с.
8. Loshchinin M.B., Ojovan M.I. Revealing the Historical Trend of Households' Decay // *European Researcher. Series A*. 2021. 12(4): 167-195. DOI: 10.13187/er.2021.4.167
9. Державний комітет статистики України. Статистичний щорічник України за 2007 рік. Ред. Осауленко О.Г. Київ: ТОВ «Видавництво «Консультант», 2008. 572 с.
10. Лекарь С.И., Привалов Ю.А., Лоцинин М.Б. Сопоставление статистик бизнеса и физических лиц // *Украинский журнал «Економіст»*. 2007. №10. С. 12-29.
11. Лекарь С. К вопросу о создании больших обезличенных неагрегированных баз данных о потреблении, производстве и распределении главных ресурсов // *Украинский журнал «Економіст»*. 2012. №3. С. 19-24.
12. Aoyama H., Souma W., Nagahara Yu., Okazaki M.P., Takayasu H., Takayasu M. Pareto's Law for Income of Individuals and Dept of Bankrupt Companies // *Fractals*. 2000. Vol. 8. No. 3. Pp. 293-300.
13. Бялко А.В. Прогнозы народонаселения: критика статьи в журнале «Ланцет» // *Природа*. 2020. № 8. С. 72-75.
14. Антропов С. Какие налоги платят с зарплаты? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kadrof.ru/articles/1199> (дата обращения: 22.06.2024).
15. Тихонова Н.Е., Лежнина Ю.П., Мареева С.В. и др., Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения. М.-СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.
16. Лоцинин М. Попытка вычисления неравенства участников рыночного социума Украины // *Украинский журнал «Економіст»*. 2010. №9. С. 60-66.

О КОНЦЕПЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВУЗОВСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Нархов Дмитрий Юрьевич

(Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Предлагается трактовка концепции взаимодействия вузовских образовательных общностей как одного из ядер макротeorии социальных общностей. Цель концепции – определение параметров организации социального пространства университетской науки в форме научной экосистемы. Дается ее определение, обосновываются возможности в оптимизации и активизации научного взаимодействия общностей научно-педагогических работников, студенчества и административно-управленческих работников.

Ключевые слова: вузовские образовательные общности; университетская наука; концепция взаимодействия; научная экосистема.

Вузовские образовательные общности (ВОО) занимают особое место в структуре российского социума. Они весьма многочисленны: общность научно-педагогических работников (НПР) насчитывает существенно более 245 тыс. человек [2, с. 10. *Учтены работники по основному месту работы*], студенческая общность – 4,1 млн. ¹10. *Без учета студентов вузов «силового блока»*¹, общность административно-управленческих работников (АУР) – около 100 тыс. человек, из которых примерно 27 тыс. человек составляют работники руководящего звена и менеджерский корпус [8]. Эти общности мы считаем основными, поскольку:

- общность НПР занимает центральное положение в высшей школе, выступает в качестве основного генератора, транслятора и распространителя научного знания;
- студенчество выступает как интеллектуальный авангард молодежи. Современные студенты – будущие специалисты интеллектуального труда;
- общность АУР является основным звеном, связывающим запросы общества (государства, работодателей, семьи и др.) и системы высшего образования.

Определения ВОО даны в работе [6]. Все они в разной степени включены в научно-исследовательскую деятельность университетов и находятся в постоянном взаимодействии. Множественные противоречия в системе высшей школы, сложность и противоречивость функционирования ВОО в университетском научном пространстве детерминируют негативные формы взаимодействия: скрытое и открытое противодействие, выход за рамки академических норм, латентный и явный конфликт и др. Одна из проблемных форм взаимодействия описывается как ситуация межобщностного разрыва [1; 5]. Следствием этой проблемы является снижение возможностей ВОО, и прежде всего общности НПР, к осуществлению функции научного обеспечения ключевых задач устойчивого развития страны, ее федеральных округов (макрорегионов) и регионов, заявленных в федеральных стратегических документах [7; и др.].

Достижение нового качественного состояния университетской науки в макрорегионах страны возможно лишь при преодолении межобщностного разрыва. Данное обстоятельство актуализировало необходимость разработки соответствующей социологической концепции.

Ее содержание «выводится из некоторой совокупности утверждений и понятий – её исходного базиса» [4, с. 96]. Структура концепции включает принятые в рамках теории-основания объектно-предметную область социальной действительности, логику, гипотезы, доказательства и связи в рамках самой теории и за ее границами в допустимых пределах.

Под концепцией взаимодействия вузовских образовательных общностей в университетском научном пространстве предлагается ее трактовка как ведущего замысла и руководящей идеи конкретной социологической макротеории, – теории социальной общности. Она представляет собой одно из ее ядер и основной способ объяснения положений о свойствах основных общностей системы высшего образования, их функциях в университетском научно-образовательном пространстве, условиях и факторах, содействующих развитию совокупного ресурсного потенциала, преодолению межобщностного разрыва и порождающих его противоречий в сфере научно-исследовательской деятельности.

Цель предлагаемой концепции заключается в определении параметров возможной организации пространства научного взаимодействия вузовских образовательных общностей макрорегиона в виде новой формы – научной экосистемы, направленной на оптимизацию и активизацию научно-исследовательских практик вузовского сообщества.

В социологических публикациях представлены отдельные подходы к организации образовательных и научно-инновационных экосистем [3; 9; 11]. Анализ этих СТИЛЬ и комплекса публикаций, выполненных в рамках смежных научных дисциплин, позволил сделать следующее заключение.

В контексте интересующей нас проблемы преодоления межобщностного разрыва, разрешения наиболее существенных противоречий в научно-образовательной среде вузов *под научной экосистемой предлагается понимать способ организации университетского научного пространства и ограниченную социально-территориальным и природным пространством многоуровневую акторно-сетевую структуру. Такая структура отличается множественностью интегрированных в нее социальных субъектов, в разных формах и в различной степени включенных в научную деятельность. Прежде всего, это вузовские научно-образовательные общности, сами вузы как социальные организации, научные организации макрорегиона и органы их управления, научные общественные организации, органы власти, научно-инновационные предприятия и прочие субъекты, выступающие в качестве заказчиков и потребителей результатов научно-исследовательской деятельности.* Ведущим актором научной экосистемы следует назвать общность НПП как центральный субъект научной деятельности.

Данная трактовка дает основания рассматривать университетское научное пространство как определенную часть социального пространства, как многоуровневую и полисубъектную социальную структуру, в которой и должно осуществляться оптимальное взаимодействие НПП, студенчества и АУР в процессе научной деятельности, происходить существенная активизация совместной научной деятельности.

В рамках научной экосистемы оптимизация взаимодействия ВОО видится в возможностях разрешения межобщностных противоречий, преодоления несоответствий целей научной деятельности групп и межобщностного разрыва. Оптимизация связана с качественным улучшением в реализации научной составляющей трех миссий университета: собственно научно-исследовательской работы, транзита научного знания в образовательный процесс и в социально-экономическое пространство макрорегиона. Благодаря внутрисистемным связям экосистема способна вовлечь в научную деятельность общностей новые ресурсы, способствующие достижению нового качественного уровня развития университетской науки в макрорегионе.

Активизация совместной научной деятельности в научной экосистеме возможна по нескольким направлениям. Это вовлечение в научно-исследовательскую работу пассивной части вузовских общностей через создание условий, привлекательных в плане занятий наукой. Это создание новых форм научных межобщностных и групповых научных

коммуникаций. Наконец, это разработки новых научных направлений и школ, базирующихся на запросах макрорегиона.

Преимуществом концепции взаимодействия вузовских образовательных общностей в университетском научном пространстве в форме научной экосистемы представляется отход от традиционной линейно-иерархичной модели управления университетской наукой к модели партнерской среды. Такая модель базируется на «взаимной информации, которая распространяется в ходе коммуникаций между всеми [...] агентами, что придает системе целостность и динамическую устойчивость» [12]. Партнерская модель управления создает условия для сокращения избыточной бюрократизации и административного вмешательства в научную деятельность, что существенно улучшает социальное поле межобщностного взаимодействия. Предложенное понимание научной экосистемы дает основания для перенесения акцентов изучения университетского научного пространства от количественно-качественных показателей его отдельных акторов к характеру и динамике их взаимодействия друг с другом и внешними агентами, различные формы коллабораций, кластеров и сетевых структур. Практическая значимость заключается в более эффективном использовании и развитии внутрисистемных ресурсов университетской научно-исследовательской деятельности.

1. Бабинцев В. П. Корпоративные отношения в российских вузах: разрыв традиции // *Высшее образование в России*. 2017. № 7. С. 26–35.
2. *Высшее образование в России: статистический обзор* / Н. Б. Шугаль, О. К. Озерова, О. А. Зорина, Д. Ю. Мигунова. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 72 с.
3. Глебов Г. Е., Лапыгин Ю. Н. Образовательная экосистема аспирантуры // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2023. № 4(45). С. 22–32. DOI: 10.22394/2304-3385-2023-4-22-32.
4. Зборовский Г. Е. К вопросу о концепции научно-образовательного знания в социологии // *Вестник Института социологии*. 2022. Т. 13. № 4. С. 94–114. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.851.
5. Зборовский Г. Е. Можно ли быть вместе, находясь врозь: студенты и преподаватели в вузе // *Социологические исследования*. 2018. № 9. С. 49–58. DOI 10.31857/S013216250001958-6.
6. Нархов Д. Ю. Вузовские образовательные общности: теоретический каркас исследования // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2024. № 2 (89). С. 86–96. DOI: 10.69571/SSPU.2024.89.2.004.
7. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003> (дата обращения 12.08.2024).
8. Свод ВПО_1_Всего. Л. 3.1. Распределение численности персонала по уровню образования и полу // *Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, 2022 г.* URL: <https://minobrнауки.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения 02.10.2024).
9. Семенов М. Ю., Кичерова М. Н., Трифонова И. С. Экосистема образования взрослых: конструирование терминологического поля и междисциплинарного тезауруса // *Образование и наука*. 2024. Т. 26, № 3. С. 12–39. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-3-12-39.
10. Характеристика системы высшего образования в Российской Федерации. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2022> (дата обращения 02.10.2024).
11. *Экосистема науки, образования и инноваций Красноярского края: идея, перспективы, проекты : аналитический доклад / под ред. В. С. Ефимова. Красноярск, 2020. 130 с. ISBN 978-5-7638-4324-8.*

12. *Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Endless Transition: A «Triple Helix» of University Industry Government Relations // Minerva 1998. No. 36 (3). P. 203–208.*

СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛИЗАЦИИ

Плетнев Александр Владиславович
(Санкт-Петербургский университет МВД России)

Ключевые слова: образования, неявные знания, скрытый учебный план, аномия.

Keywords: education, implicit knowledge, hidden curriculum, anomie.

Рассмотрим некоторые латентные феномены образования, которые в настоящее время остаются слабо изученными. В первую очередь речь идёт о скрытом учебном плане. Зачастую любое занятие движется не только за счет формальных утверждённых схем проведения занятия, но воплощается за счёт опыта и творческих способностей преподавателя поскольку «путь образовательного прогресса больше напоминает полет бабочки, чем полет птицы» [3, p.166]. А в итоге можно констатировать, что скрытый учебный план - это гибкие схемы проведения занятий, которые более адаптированы к разнообразию ситуаций, возникающих в реальной жизни, чем формально утверждённые схемы.

Не менее важный аспект очного обучения - это передача неявных знаний. Их определение очень размыто как размыты и границы самих неявных знаний ведь «они подразумеваются под действиями и открытыми формулировками» [2, p.141].

На практике «неявные знания имеют три особенности: они процедурные, они значимы в достижении важной для конкретного человека цели, они приобретаются при незначительном содействии извне» [1, p.62]. Практический интеллект - это третий слабоопределимый теоретический концепт, но имеющий для науки огромное значение. Согласно Стернбергу - это способность воплощать свои замыслы в жизнь. Для достижения результата в науке учёный должен обладать не только аналитическим и творческим, но и практическим мышлением.

1. Sternberg R. J. *Practical Intelligence in Everyday Life*. Cambridge University Press. 2000. - 304 p.
2. Sternberg R. J. *Successful Intelligence: How Practical and Creative Intelligence Determine Success in Life*. Plume. 1997. – 303 p.
3. Jackson P.W. *Life in Classrooms*. Teachers College Press. 1990. – 372 p.

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОСТИ В ТРАКТОВКЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИОЛОГОВ

*Подчуфаров Иван
(Институт технологий управления МИРЭА)*

Аннотация - в данной статье рассматривается специфика современности в интерпретации отечественных и зарубежных социологов. Исследуются различные подходы к пониманию современности, их сходства и различия. Обсуждаются ключевые аспекты современной жизни, такие как глобализация, информатизация общества, индивидуализм и изменение ценностей. Также анализируется влияние современных технологий на социальные процессы и общественные отношения. Статья представляет интерес для широкого круга читателей, интересующихся социологией и современными социальными процессами.

Ключевые слова - современные тенденции, внутренние процессы, российское общество, глобальные тенденции, быстрый переход, традиционное общество, индустриальное общество, информационное общество, постмодернистское общество, наука и техника, массовое производство, потребление, глобализация экономики, культура.

1. Определение современности

Современная социология определяет современность как период, когда происходит быстрый переход от традиционного общества к индустриальному, информационному и постмодернистскому обществу. Этот процесс характеризуется увеличением роли науки и техники, развитием массового производства и потребления, глобализацией экономики и культуры.

Современность характеризуется быстротой изменений, которые касаются всех аспектов жизни: социального, экономического, культурного и политического.

Важными являются процессы глобализации и влияние технологий на общественные взаимодействия.

2. Различные подходы к современности

Понимание современности у отечественных и западных социологов формировалось и развивалось в процессе общественного развития и также имеет свои особенности.

Знаковым российским социологом является Питирим Сорокин, который утверждал, что «современность — это период перехода от органического (традиционного) к технократическому (индустриальному) обществу» [8].

Социолог А.И. Ракитов рассматривал современность как «трансформационное общество» с нестабильными институтами и ценностями» [7].

Созвучно Ракитову рассматривает современность и Ю.А. Левада: «Современность — это "постмодернистское общество" с отсутствием единых ценностей и расширением личного выбора» [5].

М.К. Горшков: «Современность — это "постиндустриальное общество" с информационной экономикой и новыми социальными проблемами» [1].

Советский и российский учёный в области философии и методологии науки А.Д. Урсул акцентирует понимание современности так «Современность — это "сетевое общество" с развитой информационной инфраструктурой и новыми формами социальной коммуникации [11].

Отечественные исследователи больше фокусируются на внутренних процессах и особенностях российского общества; акцентируют внимание на специфических условиях,

таких как постсоветский переходный период, который влияет на социальные структуры и институции.

Зарубежные социологи чаще обращаются к глобальным тенденциям и процессам. Зарубежные социологи зачастую рассматривают современность в контексте глобальных трендов и процессов, таких как урбанизация, миграция и изменения в трудовых отношениях и акцентируют внимание на индивидуализации личности, дестандартизации социальной структуры, а также на изменении ценностных ориентаций и норм поведения.

Зарубежные социологи:

Американский социолог и футуролог Э. Тоффлер определяет «современность — это "третья волна" цивилизации, характеризующаяся информационными технологиями, массовой культурой и постмодернистскими ценностями» [9].

Французский психолог и социолог М. Фуко подходит к определению современности через одно из ее функциональных значений: «Современность — это "дискурс власти", где знания и истина используются для создания системы социального контроля» [10].

Близко к этому определению находится понимание современности другого французского ученого, социолога и философа - Ж. Бодрийяра: «Современность — это "симулякр", где реальность заменяется ее имитациями, создавая иллюзорный мир» [3].

Вот так определяет современность итальянский социолог и политический деятель, А. Грамши: «Современность — это "гегемония", где властвующие классы устанавливают свои ценности и идеи как общепринятые» [4].

Другой американский экономист и социолог, Дж. Бьюкенен утверждает: «Современность — это "либеральный глобализм", ведущий к унификации и потере национальной идентичности» [2].

Зарубежные социологи зачастую рассматривают современность в контексте глобальных экономических трендов и процессов, таких как урбанизация, миграция и изменения в трудовых отношениях.

В отечественной социологии внимание уделяется изменениям в социальной стратификации и неравенстве в результате экономических реформ.

За рубежом акцент на изменениях в социальной идентичности и культурной разнообразии, вызванных миграцией и глобализацией.

3. Роль технологий

В современных условиях возрастает роль информационно-коммуникационных технологий, которые оказывают значительное влияние на социальные процессы и взаимодействия между людьми. Это приводит к трансформации социальных структур и изменению способов коммуникации и обмена информацией.

Одним из главных направлений исследований в области современной социологии является анализ социальных медиа и цифровых технологий. Исследователи изучают влияние интернета на социальное взаимодействие, образование новых форм общения и влияние на индивидуальное сознание и поведение.

В России исследуется влияние технологий на традиционные формы социальной организации и взаимоотношений (онлайн-коммуникации, социальные сети).

Зарубежные социологи выделяют концепции "цифрового разрыва" и технологической зависимости, а также последствия для демократических процессов.

4. Культура и идентичность

В отечественной социологии акцент на возрождении национальной идентичности, традиционных ценностей и их роли в современном обществе.

Международные исследования подчеркивают концепцию "постмодерна", когда культурные идентичности становятся многообразными и контекстуальными.

5. Экономические трансформации

Глобализация является одной из ключевых характеристик современной эпохи. Она предполагает увеличение взаимозависимости национальных экономик, культурную унификацию и рост миграционных потоков. Однако этот процесс вызывает множество противоречий и конфликтов, связанных с проблемами идентичности, культурного разнообразия и справедливости.

В контексте современной социологии особое значение приобретают исследования, посвященные вопросам экологии, устойчивого развития и социальной ответственности. Эти темы становятся все более актуальными в связи с ухудшением экологической ситуации и необходимостью поиска путей решения глобальных проблем.

В России изучается переход от плановой экономики к рыночной и её социальные последствия.

В зарубежной социологии акцент на глобальных цепочках поставок, изменениях в труде и неравенстве, вызванных экономическими кризисами.

6. Вызовы современности

Общие вызовы, такие как изменение климата, неравенство и миграционные потоки, рассматриваются как глобальные проблемы, требующие совместных решений.

Специфика отечественного подхода к этим вызовам зависит от культурных и исторических контекстов.

7. Заключение

Специфика современности рассматривается как многогранное явление, требующее комплексного подхода и понимания культурных, экономических и социальных особенностей как на отечественном, так и на международном уровнях.

Важной задачей социологии становится разработка теоретических моделей и методологических подходов, позволяющих анализировать быстро меняющиеся социально-экономические и политические процессы. При этом отечественные и зарубежные исследователи сталкиваются с общими вызовами и проблемами, требующими совместного решения.

Важно интегрировать различные социологические теории и практики для более глубокого понимания современного общества.

1. М.К. Горшков: *Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований* / - М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 686 с. - ISBN 9785896973270.
2. Бьюкенен Дж. М. «*Политика без романтики: краткое изложение позитивной теории общественного выбора и ее нормативных условий* // . Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4 / Под ред. А. П. Заостровцева — СПб.: Экономическая школа, 2004. — 568 с. (англ. *Politics without romance: a sketch of positive public choice theory and its normative implications*)
3. Ж.Бодрийяр *"Симулякры и симуляция/ Simulacres et simulation, рус. перевод, пер. А. Качалова.- М.: 2015. – ISBN 978-5-386—07870-6*
4. А.Грамиши «*Тюремные тетради (избранное)*»- <https://www.politpros.com/library/4/505/>
5. Ю.А. Левада «*Время перемен: Предмет и позиция исследователя*» / Ю. А. Левада; сост. и коммент. Л. Д. Гудкова и А. И. Рейтблата; вступ. статья Л. Д. Гудкова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 872 с.
6. Ю.А. Левада *Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга. М., 2008 (с коллективом авторов)- <https://www.levada.ru>*

7. А.И. Ракитов «Научно-исследовательские исследования»: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ракитов А. И.; РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; Центр информатизации, социально-технол. исслед. и науковед, анализа. — М., 2006. — 332 с. ISBN 5-428-00257-5
8. П.А. Сорокин «Общедоступный учебник социологии», СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ// Редакционная коллегия: ЛА. Голосенка, А.Б. Гофман, Ю.Н. Давыдов (председатель), АД. Ковалев, М. С. Ковалева (ученый секретарь), П. С. Кон, Л9-4. Левада, В.В. Сапов, А.Ф. Филиппов//Редактор издательства Л. В. Пеняева //Общедоступный учебник социологии //~ 042(02)-94 ""-И ISBN 5-02-013464-3 //Сорокин П.А. 1920 г.; 1909 - 1944; 1994.
9. О. Тоффлер «Метаморфозы власти = Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century», 1990. — М., 2004. — 672 с. — (Philosophy). — ISBN 5-17-004183-7.
10. М.Фуко «Безопасность, территория, население» - Sécurité, territoire et population, 1978.
11. Урсул А.Д. Информатизация общества: Введение в социальную информатику. — М., 1990.
12. Урсул А.Д. Путь в ноосферу: Концепция выживания и устойчивого развития человечества. — М.: Луч, 1993. — 275 с.

КЛЮЧЕВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ТЕОРИЙ СОЦИОЛОГИИ СПОРТА XXI ВЕКА

Раемгулова Зульфия Анваровна
(Тюменский государственный университет)

Татаренко Анастасия Дмитриевна
(Тюменский государственный университет)

Аннотация. Представлены ключевые компоненты теорий социологии спорта XXI века в историко-общественном контексте на основе последних хэндбуков, монографий и статей. Особое внимание сосредоточено на особенностях развития боевых искусств карате и тхэквондо. Авторы ставили перед собой *актуальную задачу* раскрытия возможностей и ограничений этих направлений, в теоретической части основываясь на идеях классиков социологии и социологии спорта, предлагая также собственные оценки.

Ключевые слова: социология спорта XXI века, развитие боевых искусств карате и тхэквондо

Введение. Данная статья замышлялась как феноменологическое описание боевых искусства карате и тхэквондо в предметной области социологии спорта и, в частности, на примере работы секций в городе Тюмени. Но после углублённого анализа социальных контекстов этих видов спорта в мировом пространстве и ввиду ограничений по объёму тезисов, было решено сократить эмпирическую часть тезисов и представить её на докладе Ковалевских чтений.

Актуальные вопросы, которые имеют значимость с точки зрения представляемой тематики, на наш взгляд, следующие: (1) Что конкретно и почему привлекает людей в занятиях боевыми искусствами?; (2) Какую роль играют практики боевых искусств карате и тхэквондо в жизни индивида, в истории близких людей, групп и общностей?; (3) Каким образом изменились мотивации людей, занимающихся боевыми искусствами и людей, имеющих к ним непосредственное отношение?; (4) В чём заключаются социологические аспекты практики боевых искусств личности, включающее её ценности, интересы, установки, убеждения, поведенческие нормы и стили коммуникации?; (5) Каковы особенности спортивных школ карате и тхэквондо в Тюмени в социальном и культурном контекстах? (6) Насколько важно обсуждать духовно-ценностные составляющие боевых искусств карате и тхэквондо в качестве факторов (детерминант) влияния на индивида и его воспитания? Реализация этой программы планируется на докладе Ковалевских чтений.

Обзор литературы. В знаменитой монографии: «Спорт: критическая социология» [7] Ричард Джулианотти представил критическую интерпретацию современного спорта, сопрягая современные социологические теории и ключевых мировых фигур в изучении, связанных со спортом, переплетая компоненты теорий (функционализм, веберовская социология, марксизм, постмодернистская социология и другие), сопрягая с яркими практическими примерами современного спорта. Классическая книга Биди Пол и Крейг Питер «Спортивная социология» знакомит с основными темами её предмета, такими как власть, разнообразие, посредничество, связывая их с социальными проблемами спорта коммерциализации и глобализации, даёт превосходное введение в социологические концепции, методы и теории, ценные примеры и контекстуализированные обсуждения [4]. В хэндбук по спортивным исследованиям под редакцией Джея Кокли и Эрика Даннинга [6] основные перспективы в социологии спорта представлены в 44 эссе мировых учёных

научной области, где описываются теории функционализма, связанные со спортом; по-новому поднимаются идеи и смыслы марксистских теорий, приводятся культуральные исследования социологии спорта и особенности феминистских теорий для спорта; даются новые интерпретативные подходы; раскрываются особенности и нюансы фигуративной социологии и её применение в спорте; на примере французского постструктурализма демонстрируется качественный анализ современной спортивной культуры; показываются многочисленные междисциплинарные различия и связи, развёртываются ключевые темы современного спорта; исследуются виды спорта, общества и общности по многим странам мира. В свою очередь, имеет важное значение хэндбук по мировому спорту под редакцией Джона Наурайта и Сары Зипп [9], в котором раскрывается история мирового спорта как история расширения от локальной и рекреационной деятельности до глобализированной промышленности и рыночного развития, у каждого вида спорта определяется его место и значение собственной отличительной историей, субкультурами, практиками, структурами. В хэндбуке социологии спорта под редакцией Ричарда Джулианотти идентифицируются социологические знания – как «неявные», так «явные», которые лежат в основе научного исследования спорта в его ключевых аспектах и проявлениях, рассматриваются основные теории и аналитические подходы, которые определяют «лицо» современной спортивной социологии, вводятся важные методологические проблемы, с которыми сталкиваются исследователи, работающие в области социальных научных исследований спорта – в 44 эссе, написанные группой мировых учёных и международных спортсменов, включая очень известных, уважаемых и инновационных мыслителей [10]. В хэндбуке по спорту «на благо развития и мира» даны ряды тематических, содержательных, географических и социологических исследований, что далеко продвигает познания в развитии молодежи на основе спорта и социологии спорта [11]. В хэндбуке «мужественности и спорта» в 30-ти эссе предложен обзор современных исследований и теорий на пересечении двух жизненно важных культурных явлений: участие мужчин и их отношение к большому ассортименту видов спорта в разнообразном наборе контекстов, рассмотренных с многочисленных методологических и концептуальных точек зрения, что делает его значимым дополнением к исследованиям мужественности и социологии спорта [12]. В хэндбуке по «экономике манипуляции в спорте» выясняются угрозы его целостности, которые постоянно растут, при этом подрывая «чувство невинности и веселья спорта», которое является особенной частью его привлекательности. Глубокий анализ угроз самому духу спорта исходит от внутренних и внешних акторов, и государственных деятелей, которые стремятся либо манипулировать событиями на поле, либо использовать спортивные институты в своих целях. В хэндбуке разворачиваются фундаментальные исследования структурных и социально-экономических источников проблем, которые преследуют современный спорт, и рассматриваются возможные ответы на вопрос: «что делать?» Авторы этого хэндбука объединяют различные ответы, предлагая, чтобы политика по смягчению угроз честной игре строилась вокруг улучшения ресурсов управления спортом, разработки стимулов, помогающих акторам выбирать честное, а не манипулятивное поведение [13]. Как бы в продолжении этого хэндбука в монографии Денниса Майка: «Спорт при коммунизме» раскрываются «кулисы восточногерманского чуда» [5], которые часто воспроизводятся. В хэндбуке «Понимание спортивного коучинга» [14] предложены педагогические, социальные и культурные основы тренерской практики, что позволяет получить экспертные знания в спортивных навыках и тактике. В хэндбуке по международному спортивному бизнесу [8] предложен анализ основных областей от стратегии и маркетинга до финансов, СМИ и права. Включая авторов из более чем двадцати стран, охватывающих Америку, Европу, Азию, Африку и Австралию, этот хэндбук рассматривает самые важные

вопросы в мире спортивного бизнеса с уникальной глобальной сравнительной точки зрения. Каждая глава рассматривает конкретный срез бизнеса и спорта, охватывая все уровни от низового до профессионального и элитного. Что касается карате и тхэквондо, то мы хотели бы выделить книги Алекса Гиллиса: «Смертельное искусство: невообразимая история тхэквондо» [1] и Сергея Цвелёва: «Путь карате: от ученика до мастера» [3], где предложены для понимания феномена боевых искусств в смысловом пространстве социума их глубинные основы. Мы также хотели бы обратить особое внимание на статью М.В. Синютин и Р.В. Карапетян: «Феномен спорта в дискурсе экономической социологии», как весомый вклад Санкт-Петербургской школы экономической социологии в социологию спорта [2].

Представленный научный обзор позволяет, на наш взгляд, хорошо понять и ощутить ту многообразную палитру контекстов, которые обуславливают карате и тхэквондо.

1. Гиллис Алекс. 2022. *Смертельное искусство: невообразимая история тхэквондо*. Издатель: Ridero. 396 с.
2. Синютин М.В., Карапетян Р.В. 2015. *Феномен спорта в дискурсе экономической социологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Вып. 1. С. 116-122.*
3. Цвелёв Сергей 1992. *Путь карате: от ученика до мастера. В 3-х томах. Том 1. От ученика до мастера. 288 с. Том 2. От ученика до мастера. 248 с. Том 3. От "касания отсроченной смерти" - к ударам без касания - 216 с.*
4. Beedie Paul and Craig Peter (Editors). 2010. *Sport Sociology*. Publisher: Learning Matters; Second edition. 312 pages.
5. Dennis Mike. 2012. *Sport under Communism: Behind the East German 'Miracle'*. Publisher: Palgrave Macmillan; 276 pages.
6. *Handbook of Sports Studies*. 2003. Jay Coakley and Eric Dunning (Editors). Publisher: SAGE Publications Ltd. 570 pages.
7. Giulianotti, Richard 2015. *Sport: A Critical Sociology*. Publisher: Polity; 2nd edition. 296 pages.
8. *Routledge Handbook of International Sport Business*. 2020. Mark Dodds (Editor). Publisher: Routledge. 420 pages.
9. *Routledge Handbook of Global Sport*. 2020. John Nauright and Sarah Zipp (Editors). Publisher: Routledge. 516 pages.
10. *Routledge handbook of the sociology of sport*. 2018. Edited by Richard Giulianotti. Publisher: Routledge; Taylor & Francis Group, London and New York. 468 pages.
11. *Routledge Handbook of Sport for Development and Peace*. 2020. Edited by Holly Collison, Simon C. Darnell, Richard Giulianotti and P. David Howe. Publisher: Routledge; 546 pages.
12. *The Palgrave Handbook of Masculinity and Sport*. 2020. Rory Magrath, Jamie Cleland and Eric Anderson (Editors). Publisher: Palgrave Macmillan; 581 pages.
13. *The Palgrave Handbook on the Economics of Manipulation in Sport*. 2018. Markus Breuer and David Forrest (Editors). Publisher: Palgrave Macmillan; 344 pages.
14. *Understanding Sports Coaching: The Pedagogical, Social and Cultural Foundations of Coaching Practice*. 2015. Tania Cassidy, Paul Potrac, Robyn L. Jones (Authors). Publisher: Routledge; 206 pages.

КОММУНИЗМ БЕЗ КРАЙНОСТЕЙ МАРКСИЗМА. ПЛАТОН ПРОТИВ МАРКСА

*Смирнов Пётр Иванович
(Санкт-Петербургский Государственный университет)*

В идеологиях социально-политических учений имеется две стороны: ценностное ядро, содержащее некую главную ценность в сопровождении шлейфа инструментальных, и религиозную или научную аргументацию, направленную на защиту и оправдание ценностного ядра. Исторически сложились два светских направления учений: в первом из них главной ценностью признается объединение людей (племя, государство, общество, коллектив и пр.), во втором – человек (индивид, гражданин, личность, член коллектива и пр.). Первое направление условно можно назвать «коммунистическим», второе принято называть «либеральным».

Учения, пропагандирующие идею о примате человеческого объединения над отдельным человеком, многим кажутся справедливыми, ибо целое больше и важнее части. Однако неудачное завершение эксперимента по построению коммунистического общества на основе марксизма в СССР закрепило в западном общественном мнении отрицательное отношение к любым коммунистическим учениям.

Второе направление, опирающееся на представление о свободе как неотъемлемом свойстве и праве человека вошло в массовое мировоззрение во время Великой Французской революции. С середины XX века оно стало доминировать в международном праве, войдя в Устав ООН. Вероятной предпосылкой этого послужило воплощение принципа примата коллектива над личностью в нацистской Германии, усугубленное расистской теорией, что привело к массовым страданиям людей.

Представление о коммунизме как общественном строе ныне в массовом сознании практически неразрывно с марксизмом как учением, содержащем философские, научные, идеологические и нравственные принципы. Но эта связь, понятная с учетом влияния марксизма на исторические процессы в XX веке, теоретически ошибочна. Много раньше существовали учения, основанные на примате общества над личностью, но отличающихся от марксизма другими ключевыми положениями. В частности, это относится к учению Платона, которого, в отличие от революционера Маркса, можно назвать консерватором (платоновские философы-правители обладают мудростью, а мудрость – знание охранительное [4, 217 и др.]).

Распад СССР показал ошибочность известного утверждения, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно» [1, 43]. Марксизм в советское время считался основой научного мышления, и в нем содержались теоретические положения и фактические данные, которые вполне могли претендовать на научность в сфере обществоведения. Научный коммунизм, как учебная дисциплина, воспринимался многими учащимися как научная теория, а коммунистические идеалы прочно держались в массовом сознании.

Теоретическая наука развивается путем проб и ошибок, и следовало бы, не отвергая идею примата общества над личностью, выявлять уязвимые теоретические положения марксизма. К сожалению, критические замечания в адрес марксизма не допускались властными идеологами, и его ошибочные положения не устранялись своевременно. Для критики можно было бы использовать учение Платона, содержащее установки, противоречащие ключевым положениям марксизма. В качестве иллюстрации приведем два примера.

1. Тезис классиков марксизма, что «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» [3, 424] чрезмерно преувеличен, а, значит,

ошибочен. Нельзя отрицать наличие классовой борьбы в обществе, но нельзя и сводить к ней *всю* историю *всех* обществ. Было и сотрудничество классов. Воевали и сотрудничали племена, общества, государства, заметно в истории соперничество личностей и пр. Разве первобытное общество (первобытный коммунизм по Марксу) не этап исторического процесса?

Позиция Платона относительно взаимодействия классов точнее и привлекательнее, чем позиция классиков марксизма. Он предлагает опираться на классовое сотрудничество. Кроме того, заботясь о внутреннем мире в государстве, он ставит цель сформировать у граждан свойство, которое можно назвать «общая идентичность». Для этого все граждане идеального государства должны считать себя имеющими общее происхождение (на основе пусть даже ложного мифа) и называть друг друга «сограждане», причем слова «господин» и «раб» между ними исключаются из употреблений. Представители высших слоев называют членов низшего «плательщиками» и «кормильцами», а те называют первых «спасителями» и «помощниками» [4, 261-262 и др.]. Классовый мир предпочтительнее гражданской войны, которой чреват принцип классовой борьбы.

2. Выдвинутый Марксом идеал бесклассового общества несовместим с принципом разделения труда между людьми и группами в обществе, а также с центральным положением ленинского определения классов, согласно которому классами являются «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства» [2, 15]. Исходя из этого определения, позволительно спросить: «Разве возможно общество, где группы людей не различаются «по их месту в исторически определенной системе общественного производства»? И, тогда, возможно ли построение бесклассового общества? Классы, надо полагать, были, есть и будут, хотя, с учетом усложнения общественного производства, количество классов и выполняемые ими функции могут меняться. Но в отдельном обществе всегда будут руководители, защитники и производители, функции которых определил Платон.

Платон последовательно придерживался принципа разделения труда, кладя его в основу общества. Он связывал возникновение общества (по Платону, государства) с изначальной неспособностью человека самостоятельно удовлетворить свои потребности. Ибо «государство ... возникает, ... когда каждый из нас не может удовлетворить себя сам, но нуждается еще во многом. ... Каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, ... люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает...название государства» [4,145]. Далее он отмечает выгоду разделения труда: «потому что можно сделать все в большем количестве, лучше и легче, если выполнять одну какую-то работу соответственно природным задаткам, и притом вовремя, не отвлекаясь на другие работы» [4, 146].

В целом же, по вопросам наличия классов и классовой борьбы точка зрения Платона ближе к истине и гуманнее по сравнению с точкой зрения Маркса. В платоновском учении есть свои слабые места, в частности, в нем не учитывается автономность человека и необходимость индивидуальной свободы, но наличие слабостей учения не должно умалять его достоинств.

К. Поппер, видный представитель либерализма, резко критиковал учения и Платона и Маркса. Причем он признавал свою «снисходительность» к Марксу по сравнению с «яростью» «атак на Платона» [5, 24], считая Платона более опасным врагом своего «открытого общества», нежели Маркса. Образцами открытого общества для него были общества стран Запада, ибо эти общества «самые лучшие, свободные и справедливые, наиболее самокритичные и восприимчивые к реформам из всех, когда-либо

существовавших» [5, 15]. Неужто Попперу сейчас бы понравились концепция «золотого миллиарда», движение ЛГБТ (движение, запрещённое на территории РФ), замена в документах слов «мать» и «отец» на слова «родитель 1» и «родитель 2» и прочие прелести западного «открытого» общества?

Поппер справедливо требовал придерживаться в науке интеллектуальной честности, ибо она «является основанием всего, чем мы дорожим» [5, 72]. Но, помимо этой честности, в науке нужна еще интеллектуальная зоркость. Не подвергая сомнению личную интеллектуальную честность Поппера, позволительно усомниться в его интеллектуальной зоркости, приняв во внимание последствия воплощения в жизнь учений Платона и Маркса. Марксизм более пагубно повлиял на социальные процессы и существование отдельных государств, нежели учение Платона.

Можно быть коммунистом, признавая справедливость примата общества над личностью, но устранив крайности марксизма (абсолютизацию классовой борьбы, идеал бесклассового общества и др.). Нужно также, учитывая слабости позиции Платона, дать должную меру «самостоянию человека» и «его величию» (Пушкин). Теоретически это можно сделать в движении к духовному коммунизму (о коем идет немало споров) или, конкретнее, к духовно-игровой цивилизации, понимаемой как долговременный ориентир общественной эволюции [6, 271-282], опираясь на духовное начало в человеке.

1. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма / В.И. Ленин // ПСС. Изд. 5. Т. 23. С.40-48.
2. Ленин В.И. Великий почин / В.И. Ленин // ПСС. Изд. 5. Т.39. С.1-29.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии К. Маркс, Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 4. С.419-459.
4. Платон. Государство / Платон // Соч. в 3 т. Т.3. Ч.1. – М.: Мысль. 1971. С.89-454.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1–2. / К. Поппер. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива, 1992. Т.1– 448 с. Т.2 – 528 с.
6. Смирнов П.И. Постижение России: взгляд социолога / П.И. Смирнов. – СПб.: Алтейя, 2020. – 574 с.

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ ОБРАЗОВ ГЕНЕРАТИВНЫМ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

*Тертышниковна Анастасия Геннадьевна
(Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы)*

*Павлова Ульяна Олеговна
(Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы)*

*Старовойтова Мария Дмитриевна
(Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы)*

*Тезисы подготовлены в рамках ИнНИР 100938-0-000
«Использование искусственного интеллекта: перспективы,
угрозы, ограничения (на примере представлений студенчества)»*

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, социология технологий, алгоритмическая предвзятость, репрезентация социальных групп, социальное неравенство.

Генеративный искусственный интеллект (ГИИ) — технология, которая использует модели машинного обучения для создания оригинальных информационных материалов. Цифровые решения на базе ГИИ признаны одним из самых быстрорастущих сегментов рынка креативных технологий: по оценкам экспертов, к 2025 году более 30% маркетингового контента будет создаваться с помощью таких продуктов. [3, 1].

Созданные искусственным интеллектом фото, видео, текстовые и другие материалы, кажутся правдоподобными лишь на первый взгляд, но на самом деле могут содержать явные искажения реальности. Решающим фактором выступает качество данных, на которых происходит обучение: ввиду того, что модели могут использовать в качестве базы данные, собранные из Интернета, отсутствие контроля над источниками, приводит к ошибкам, влияющим на работу модели. Кроме того, данная ситуация осложняется невозможностью экспертной оценки частных, коммерческих моделей с закрытой кодовой базой. Так, несмотря на многообещающие перспективы, стоит учитывать, что на данном этапе развития такие ML-модели характеризуются рядом ограничений и рисков: усиление социального неравенства, непрозрачность данных и др.

Для изучения возможных проблем, связанных с предвзятостью в системах ГИИ, было проведено исследование, анализирующее результаты выдачи двух инструментов Генеративного искусственного интеллекта: «Шедеврум» и «Midjourney». Выбор был обусловлен необходимостью сравнения изображений по запросам на русском и английском языках.

Изображения были получены в результате текстового запроса — промпта, содержащего в себе название профессии: «учитель», «медсестра», «секретарь», «домработница». Критерий для отбора профессий был связан с возможной стереотипизацией российского общества по отношению к данному роду деятельности, для чего предварительно был проведен анализ выдачи поисковых запросах в сервисах «Яндекс» и «Google». В ходе этого этапа было получено 1600 изображений (по 400 на каждый запрос). Затем был проведен анализ по следующим параметрам: пол представителя профессии, примерный возраст, внешний вид, наличие яркого макияжа, выражение эмоций на лице. Ввиду специфики русского языка, изначально предполагалось, что в некоторых профессиях смещение по полу будет задано самим запросом. Дополнительно происходило сравнение с

демографическим паритетом, и при отклонении от статистического соотношения, делались выводы о смещении в изображениях.

Так, например, по запросу «медсестра» (рис. 1) было получено 400 изображений: 97,7% изображают молодую девушку в возрасте до 35 лет, однако по данным центра медицинской статистики, средний возраст медсестры — 43,5 года. [1, 1] 79,25% результатов по запросу «медсестра» — девушка с ярким макияжем. Это может быть вызвано особенностью процесса обучения модели на данных из открытых источников. Так, в обоих инструментах прослеживается тенденция к сексуализации образа медсестры в обществе потребления: она изображается не как человек на работе, а как объект желания.

Рис. 1. Медсестра

По гендерному распределению значительно отличаются результаты выдачи по запросу «учитель» (рис. 2). Так, в Midjourney 60,5% изображений женского пола, и 39,5% изображений – мужского. В то время как в Шедевруме – 79,5% – женского пола и 21,5% мужского пола. По данным Общероссийского профсоюза образования, 88,3% от общей численности школьных учителей в России составляют женщины и 11,7% — мужчины, [2, 1] что означает, что использованные модели даже искусственно уравнивают реальные цифры по гендерному распределению в профессии, хотя пропорция довольно близка к истинной. Кроме того, стоит обратить внимание на распределение изображений по возрасту: среди изображений женского пола более 95% – молодые девушки, изображения мужского пола – 46% – пожилой возраст, 54% – молодой. По статистике средний возраст работников общего образования в России — 47 лет. [4, 1] Важно отметить, что женщины по данному запросу были изображены преимущественно с улыбкой или с пустым выражением лица, в то время как мужчины были изображены с нейтральными выражениями лица и гнева, что возможно при обучении моделей на изображениях, используемых в коммерческих целях.

Рис. 2. Учитель

Запрос «секретарь» (рис. 3) показал весьма однородное распределение в обеих использованных нейросетях. «Шедеврум» и «Midjourney» в 100% случаев изображают молодую, сексуализированную девушку в деловой одежде, которая приблизительно в 10% случаев небрежно застегнута или помята, что подтверждает стереотипизированность образа секретарши. Однозначного ответа по поводу гендерного и возрастного распределения сотрудников на должностях секретаря не выявлено, но сексуализация образа в отрыве от профессиональной деятельности кажется неуместным искажением промпта, требующей скорректировать выдачу результатов.

Рис. 3. Секретарь

Генерация изображений по промпту «домработница» (рис. 4) была наиболее однородным внутри каждой нейросети, но значительно отличался между моделями. Оба ГИИ изображают молодых девушек с отсутствием эмоций, но, в то время как «Шедеврум» изображает домработниц в рабочей одежде, занятых хозяйством, «Midjourney» приблизительно в половине случаев изображает домработниц в вечерних нарядах, с укладкой и макияжем или просто праздничной одежде в домашней обстановке. Вероятно, такое расхождение спровоцировано разницей в терминологии, искаженной переводом на английский язык. Возраст в обоих случаях также оказывается смещен, так как, согласно проведенному нами анализу сайтов с вакансиями домработниц, предпочтительный возраст сотрудников для найма среди работодателей варьируется в пределах 30-50 лет. Изображенные ИИ девушки моложе 30 лет.

Рис. 4. Домработница

Таким образом, исследование выявило два основных типа предвзятости генеративных моделей: «социальная» и «техническая». Социальная предвзятость связана с отражением существующего неравенства в обществе и приводит к тому, что данные изначально не являются «нейтральными». Техническая предвзятость — результат некорректного обучения модели. В зависимости от инструмента ГИИ степень проявленности предвзятости варьировалась, но при этом смещения наблюдались в отношении каждой из приведенных групп. И хотя на данном этапе развития, такой генеративный искусственный интеллект используется как платформа для творчества и самовыражения, стоит учитывать, что с помощью таких технологий будет построена экономика будущего. Важно проводить глубокое и мультидисциплинарное исследование проблем, возникающих в ходе эволюции моделей машинного обучения с целью предотвращения неблагоприятных для общественного развития искажений. Первым шагом должно стать выявление рамок социальной допустимости генераций для визуального ГИИ.

1. 12 мая – Международный день медицинской сестры // НИИ Организации здравоохранения и медицинского менеджмента URL: <https://niioz.ru/news/12-maya-mezhdunarodnyy-den-meditsinskoj-sestry/> (дата обращения: 27.09.2024).
2. Духанина Л. Н. Мужчин-педагогов становится больше! // Учительская газета URL: <https://ug.ru/muzhchin-pedagogov-stanovitsya-bolshe/> (дата обращения: 27.09.2024).
3. Иванов К. А. Пятница будущего: о мире, где беспилотный транспорт конкурирует сам с собой, а нейросети стали повседневностью для миллионов // mobile review URL: <https://mobile-review.com/all/articles/friday-future/pyatnica-budushhego-45/> (дата обращения: 27.09.2024).
4. Школьное образование в контексте национальных целей и приоритетных проектов // НИУ ВШЭ по данным Минпросвещения России URL: https://journal.tinkoff.ru/media/yd_school_2022.cuxsrdlr1a8f..pdf (дата обращения: 27.09.2024).

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ИХ МЕСТО В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

*Федорова Светлана Александровна
(СПбГУ)*

Аннотация: в статье обозначены основные проблемные поля сетевых теорий и теорий потоков, а также сделана попытка определить место этих теорий в современном социологическом образовании. Кроме этого в тексте статьи делается краткий библиографический обзор авторских концепций теорий сетевых и потоковых структур.

Ключевые слова: теории изменений, теории сетей и потоков, проблема преемственности.

Значимые колебания и изменения, которые мы наблюдаем в современном социуме, технологические и организационные трансформации ввели в область социологической аналитики новые социальные феномены. Мыслительной трансформации подверглось понятие социального, которое стало пониматься как циркулирующий поток сменяющих друг друга ассоциаций. Инновация стала новым типом социального устройства. Изменилась логика социологических исследований: в фокус внимания социологов попали диахронические процессы изменений и становления, проявился интерес к природе эмпирического опыта, событийности, взаимодействию и трансформации событий и т.д. Все перечисленные проблемные поля концептуализируются представителями новых сетевых теорий и теорий потоков. Отказ от вневременного структурного измерения вывел эти теории в интенсивные онтологические зоны “комплексной адаптивной материи” [5, 104], где отменяется различие социального и природного, субъективного и объективного. Современные теории представляют собой интенсивные креативные комбинации или сборки, составленные и функционирующие по принципу избирательного сродства между включенными в них теоретическими компонентами. Проблематика теорий сетей и потоков включает в себя процессы сущностной трансформации природы социального порядка, поиск и разработку методологии, адекватной изучаемым современным социальным процессам; переосмысление природы акторов, которые модифицируются в “живую предметность”, а также механизмов внутривидовых синтезирующих процедур и др. Различие между авторскими концепциями в рамках теорий сетевых и потоковых структур проходит по линии различия их онтологических режимов и избираемых сюжетов.

К основным представителям сетевых концепций можно отнести М.Кастельса и его теорию сетевого общества [8]. Описание природы сетей дается в социологии мобильностей Дж.Урри [5; 17]. Переходные процессы, превращающие сеть в поток, затрагиваются в акторно-сетевой теории и в проекте модусов существования Б.Латура [12; 14]. Темпоральные сценарии, разрабатывающие проблематику потоковых структур, представлены именами: Дж.Урри [5; 6; 17], С.Лэша [11], А.Аппадурраи [7], К.Кнорр-Цетины [10], З.Баумана [1], Б.Латура [14] и др. В контексте теории потоков рассматривается проблема действующей материальности или “живой предметности”. Данная проблема отражена в исследованиях: Б.Латура [3; 13; 14; 15; 16], К.Кнорр-Цетины [9], а также других авторов, работы которых вошли в сборник статей “Социология вещей” под редакцией В.Вахштайна [4]. В отечественной социологии теория потоков представлена оригинальной авторской концепцией глэм-капитализма, разработанной Д.В.Ивановым [2].

Анализ современных социологических концепций показал их захваченность новыми социальными паттернами и процессами, исследование которых не было включено в

традиционные социологические теории. Однако, несмотря на инновационность своих взглядов, концентрацию на настоящем моменте социологической ситуации, представители или адаптеры теорий изменений начали осознать и поднимать проблему преемственности обновленных ценностей, паттернов, институций. Произошло понимание того, что новые теоретические проекты также необходимо транслировать для следующих поколений, хотя и на иных онтологических основаниях и в обновленных образовательных институциях [12]. Поскольку современный социум характеризуется сложностью и многомерностью, в нем наряду с инновационными процессами продолжают сохраняться и зоны традиционного порядка, инновационные институции сосуществуют параллельно с традиционными институтами. Поэтому при формировании образовательных модулей необходимо сочетать инновационные концептуальные комплексы и уделять внимание традиции.

1. Бауман З. *Текущая современность* / [Пер. с англ. С.А. Комарова под ред. Ю.В. Асочакова]. М., 2008.

2. Иванов Д.В. *Глэм-капитализм*. СПб., 2008.

3. Латур Б. *Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки* // *Социология вещей: Сборник статей* / Под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 342-362.

4. *Социология вещей: сборник статей* / Под ред. В.Вахштайна. М., 2006.

5. Урри Дж. *Мобильности* [Текст] / Пер. с англ. А.В.Лазарева. М., 2012.

6. Урри Дж. *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия* [Текст] / Пер. с англ. Д.Кралечкина. М., 2012.

7. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996.

8. Castells M. *The Rise of the Network Society. Second Edition*. Oxford, 2000.

9. Knorr Cetina K. *Sociality with objects. Social relations in postsocial knowledge societies* // *Theory, Culture and Society*. 1997. №4.

10. Knorr Cetina K., Preda A. *The Temporalization of Financial Markets: From Network to Flow* // *Theory, Culture & Society*, 2007. Vol. 24 (7–8).

11. Lash S, Urry G. *Economies of Signs and Spaces*. London, 1994.

12. Latour B. *An Inquiry into Modes of Existence*. Cambridge, Mass, 2013.

13. Latour B. *On Interobjectivity* // *Mind, Culture and Activity*. 1996. Vol. 3 (4). Pp. 228-245.

14. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network theory*. Oxford-New York: Oxford University Press, 2005.

15. Latour B. *The Pasteurization of France*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988.

16. Latour B. *Where are the missing masses? Sociology of a few mundane artifacts* // *Building Society. Studies in Sociotechnical Change*. Cambridge, Mass., 1992. Pp. 225-259.

17. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003.

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО НАЧИНАЮЩЕГО СОЦИОЛОГА

*Чуреков Илья Игоревич
(МГУ имени М. В. Ломоносова)*

Выходя в научное поле, современный начинающий социолог сталкивается с рядом проблем: выбор социологической школы, выбор направления научного творчества, а самое главное – осознание суверенности социологии в научном поле. Этот вопрос возникает у большинства современных студентов и выпускников, что в свою очередь приводит к профессиональному кризису. Но почему этот вопрос встает перед молодыми учеными, которые выбрали свой «социологический» путь?

Мы выделяем несколько основных положений, которые стали причиной возникновения данных вопросов:

Первым положением является неоднозначность предпосылок формирования «социальной физики» или социологии.

Вторым положением, выделенным для критического осмысления, является кризис дивергенции социологического знания.

Обращаясь к первому положению, мы будем говорить об основных выделяемых началах социологии. Нет единого представления о том, когда возникла социология, в силу этого основоположниками социологии называют различных мыслителей и ученых из различных исторических эпох, таким образом к ним относят Платона с Аристотелем, Ибн Хальдуна с Д. Вико, если говорить про ранние этапы, и заканчивая поздними представителями: О. Конт, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм. Кто-то же считает началом социологии теории, разработанные теоретиками общественного договора – Ж.Ж. Руссо, Т. Гоббсом, Ш. Монтескье [4]. Причиной этому служит факт, что социологическое осмысление возможно только в случае наличия предмета и его обоснования, в данном случае это формирование организованной общности и государства.

Каждый перечисленный автор, в силу своей эпохи, страны, в рамках которой он творил, имел собственные предпосылки для начала анализа общества, зачастую кардинально противоположные друг другу. Явное отражение предпосылок можно увидеть в предмете науки, который выделял каждый из авторов. Таким образом, марксистско-ленинская школа выделяла своим предметом классовое противоречие, межклассовый конфликт в силу возрастания революционных движений в Европейском обществе, В. Парето, Р. Михельс и Г. Моска [1], представители итальянской социологии, раскрыли теории элит, что было связано с возрастанием коррупционных движений в сфере власти, у О. Конта [8] и А. Сен-Симона социологические идеи развивались после Великой Французской революции и дестабилизации общества, что также повлияло на осмысление ими предмета социологической науки.

В своей работе мы будем придерживаться точки зрения, что родоначальником социологии, но не социологической мысли, является Огюст Конт. В работах авторов можно обнаружить отсылки к Д. Рикардо [6], представителю имморализма, и из названия сразу можем выделить противопоставление морализму. Сентиментализму романтиков Рикардо противопоставлял цинизм интеракций и общественных феноменов, отмечая подобным образом исключительно негативное влияние морали на экономические отношения.

На подобном примере мы видим явное противоречие в теоретических воззрениях социологического знания, которое присуще каждому историческому этапу формирования социологии, такого же рода разногласия замедляли развитие и понимания значимости социологии как самостоятельной науки, так как она искала подтверждения себе в смежных

себе областях знания: экономике, политологии, биологии, если говорить про органическую школу Спенсера, психологии и физиологии, И. Павлова, Б. Скиннера и последующих бихевиористах.

Стараясь охватить многие области знания и «обосновать себя», посредством производства нового знания и наполнения научного поля социологии, мы пришли к новому вызову – кризису дивергенции. Интенсивный процесс горизонтального членения предметного поля социологии, имеющее последствием постепенное появление новых дисциплин дисциплины, имеющие с ним все меньше общего, вызван неспособностью молодых социологов сформулировать конкретную тему, объект, предмет, цель и задачи социологического исследования. Зачастую, данная проблема возникает не из-за личностных качеств начинающих специалистов, а изначальной сложности социологии как науки, причинами чему служат все положения, что были перечислены выше.

Тем самым каждый «новый» социолог, приходящий в науку, находится в затруднительном положении. Стараясь разобраться в фундаментальных основах социологии, её предпосылках и предмете, он сталкивается с научной неопределенностью из-за мультипарадигмальности нашей науки и критикой суверенности, о чем мы можем судить, например, по критике теорий социологии, разработанных Р. Мертоном и В. Степиным (трехуровневая и пятиуровневая модели социологического знания).

При сложившейся ситуации наиболее актуальным тезисом представляются слова еще одного значимого деятеля Великой Французской революции Э. Сьейреса: «Не будем падать духом от того, что в истории нет готового образца для нас. Настоящая наука об обществе зародилась недавно. Люди строили в течение долгого времени хижину, прежде чем научились воздвигать дворцы. Социальная же архитектура, по достаточно серьезным причинам, должна была прогрессировать еще медленнее, чем множество других искусств, отлично уживавшихся с деспотизмом» [5]. Подобно Сьейесу, стоит отметить сложность формирования монолитной социологической мысли, допустим, что это даже невозможно, однако упорядочивание и структурирование необходимое требование для каждого начинающего социолога.

Говоря иными словами, представители «социальной архитектуры», такие как А. Барнав, Ж. Кондорсе, Э. Сийес анализировали и давали свою оценку науке как той, что уже находится в статусе дисциплины, позволяющей строить новый общественный порядок, но при этом находится в статусе развивающейся, приобретающей новый виток своего наполнения. Однако тех знаний о социальной реальности, что мы выделяем объектом нашей науки, недостаточно для обоснования противоречий, которые существовали в науке того периода, в силу ограниченности информации и данных, которыми обладали «социальные архитекторы» нового мира, но исчерпывающего для заложения фундамента построения «дворца» науки социологии.

Таким образом, мы действительно можем выявить кризис современного начинающего социолога, вызванного неоднозначностью предпосылок формирования социологического знания, и вызванного этим фактом процесса дробления предметного поля, тем самым отсутствия определенности нового ученого. Но это дает основания для производства новой социальной мысли, нового витка в социологического знания, и занятия социологией своего почетного места среди ведущих наук современности.

1. Ашин Г.К., Охотский Е.В. Курс этиологии // М., «Спортакадемпресс», 1999.

2. Козырьков В.П. Актуализация исторических предпосылок социологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. №1 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-istoricheskikh-predposylok-sotsiologii> (дата обращения: 03.10.2024).
3. Кожевников Н. Н., Данилова В. С. Предпосылки формирования социально-гуманитарной картины мира // Вестник СВФУ. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-formirovaniya-sotsialno-gumanitarnoy-kartiny-mira> (дата обращения: 03.10.2024).
4. Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. - 672 с.
5. Речь Сийеса в Учредительном Собрании 7 сент. 1789 г. // Archives parlementaires. Т.8. - Р. 594-595.
6. Рикардо Д. Соч.: В 4-х тт. Т. 1 М.: Политиздат, 1955. - 300 с.
7. Романовский Н. В. История социологии - конструкционистская перспектива // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2011. №3 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sotsiologii-konstruksionistskaya-perspektiva-1> (дата обращения: 03.10.2024).
8. Шпакова Р.П. Вместе с Огюстом Контом и вопреки ему // Социологические исследования. 1999. № 3 - С. 114–120.

ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК МЕТАПАРАДИГМА В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

*Шеремет Александр Николаевич
(ИСЭПН ФНИСЦ РАН)*

В социальных науках драматургический подход обычно связывают с именем И. Гофмана и прежде всего с его работой «Представление себя другим в повседневной жизни» [2]. Но если присмотреться повнимательнее, то драматургическую оптику используют для описания и объяснения общества очень многие социальные исследователи. Драматургический подход широко применяется одновременно на макро-, микро- и мезо- уровнях социальной теории. Более того, терминология и практика, характерная и привычная для театральной жизни, уже давно и уверенно проявляется не только в теории, но и в самых разных сферах социальной практики.

В качестве прямых разработчиков драматургического подхода следует отметить, помимо упомянутого И. Гофмана, прежде всего, Г. Дебора с его «Обществом спектакля» [4]. Постановочный смысл деятельности властей, превращение человека в пассивного зрителя, бесчисленное количество спектаклей, наслаивающихся друг на друга, во всех сферах жизни общества – таковы основные его идеи. Несмотря на то, что Гофман сосредоточен на микросоциологическом уровне, а Дебор на уровне общества в целом, их объединяет логика социально-драматургического подхода. Возможно, не столь прямо, но не менее ярко проявляется логика драматургической парадигмы в конструкционистском подходе М. Спектора и Дж. Китсьюз к социальным проблемам [11]. Конструирование социальных проблем группами и индивидами, которые сначала привлекают внимание общества к тем или иным ситуациям-условиям, а затем требуют их изменения, используя при этом так называемые «публичные арены» [13], представляют собой ни что иное, как образец развертывания социальной драматургии на мезоуровне.

Метафора театра с легкой руки У. Шекспира надолго и прочно закрепилась в мировой социальной теории и практике. Сценарий, сцена, роли, задний и передний планы, закулисы, публика, «четвертая стена» – театрально-драматургическая терминология прочно вошла в научно-социологический оборот на всех уровнях прикладного и фундаментального знания. Мы упомянули пока лишь прямых разработчиков и, как нам кажется, «отцов-основателей» драматургической метапарадигмы. А для того, чтобы просто перечислить и даже предельно кратко охарактеризовать работы авторов, что внесли в ее развитие заметный вклад, возможно, потребуется объем целой монографии.

Как и многие другие подходы в социологии, драматургическая парадигма находит свои теоретические истоки в концепции ритуала Дюркгейма, в теории социального действия Вебера. Большое значение имеет также концепция демонстративного потребления Т. Веблена. Дальнейшая пролиферация дала свои заметные результаты. К. Берк и его «драматическая пентада / гексада» прямо или косвенно оказала влияние на концепцию «символического действия» К. Гирца и, собственно, на социальную драматургию И. Гофмана. Не обошлась без «социального перформанса» культурсоциология Дж. Александера. Дискутирующий с Александером П. Сноу, в свою очередь, предлагает собственную версию «перформанса общества». Ю. Хабермас находит в своей типологии социального действия достойное место действию драматургическому, совершенно в духе «презентации себя другим» Гофмана. Нельзя оставить без внимания вклад в развитие драматургического подхода Ж. Бодрийяра с его «обществом потребления» или М. Фуко с его «паноптикумом». Следует также подчеркнуть значение и важность для драматургической парадигмы ряда заметных трудов современных российских социологов,

в частности, теории виртуализации общества и глэм-капитализма Д.В. Иванова [5;6] и теорию играйзации С.А. Кравченко [9].

Обратившись к базе elibrary.ru, нам удалось выявить активное применение современными учеными драматургического подхода в исследованиях самых разных сфер общества: ночной клуб [8], повседневная жизнь [7], гопничество [3], инновационная деятельность [12], сексуальная коммуникация [10], социальные сети [1] и т.д.

В социальной практике драматургический подход проявляется не менее ярко, чем в социальной теории. Это и «большие спектакли» на макроуровне вроде ковидной кампании, и самопрезентации в социальных сетях в полном соответствии с подходом Гофмана. Но особо примечательным в этом смысле является социальный театр, понимаемый как применение любых театральных практик, технологий и методов в целях постановки и решения конкретных социальных проблем. В социальном театре в одну точку сходятся сразу три разных вектора: научные исследования, театр как вид искусства и широкая социальная практика. Создателями и лидерами многочисленных социальных театров во всем мире становились и становятся социальные теоретики, театральные деятели, социальные активисты. И это лишь один из примеров, позволяющих предположить наличие единого истока у социальной теории и социальной практики в плане драматургического подхода. Теоретическую и идеологическую основу для возникновения и развития социального театра заложил бразильский театральный режиссер, ученый, педагог и общественный деятель Аугусто Боаль своей программной книгой «Театр угнетенных» [14]. Интенсивное развитие практики социальных театров не остается без исследовательского внимания. Так, согласно базе elibrary.ru количество публикаций, посвященных социальному театру, ежегодно увеличивается (см. рисунок):

Итак, принимая во внимания вышеизложенные соображения, полагаем, что имеются веские основания для дальнейшего рассмотрения, изучения и оценки драматургического подхода как метапарадигмы в социальной теории и социальной практике, определения ее роли и места в системе современной теоретической социологии.

1. Борзых С.В. *Инстаграм и Ги Дебор // Философия и общество. 2020. № 2. С. 97-109.*
2. Гофман И. *Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.*

3. Громов Д.В. Гопник в Интернете: виртуальная игра с точки зрения социальной драматургии Ирвина Гофмана // *Новое прошлое*. 2020. № 1. С. 134-153.
4. Дебор, Ги Эрнест. Общество спектакля / Ги Дебор; Пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. - Москва : Логос (Радек), 2000.
5. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000.
6. Иванов Д.В. Глэм-капитализм. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2008.
7. Ильин В.И. Повседневная жизнь как театр: методологические принципы анализа // *Социология*. 2010. № 1. С. 55-61.
8. Ильин Владимир, Путинцева Ксения. Ночной клуб: драматургический подход // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2007. № 1. С. 38-50.
9. Кравченко, С. А. Социология. Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения : учебник / С. А. Кравченко. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2014.
10. Рехтина Л.С., Соколов Н.В., Панкратова Л.С. От сценария к сцене: развитие драматургического подхода в изучении сексуальной коммуникации // *Коммуникология*. 2019. Т.7. № 7. С. 156-168.
11. Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // *Контексты современности – II: Хрестоматия*. 2-е изд., перераб. и доп./ Сост. и ред. С. А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.
12. Степаненко Д.М. Драматургический подход к инновационной деятельности и государственной инновационной политике // *Вестник Калининградского юридического института МВД России*. 2011. № 1. С. 149-153.
13. Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // *Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000.*
14. Boal A. *Theatre of the oppressed: Translated from Spanish by Charles A. and Ma-ria-Odilia Leal McBride and Emily Fryer. - London: Pluto Press, 2008.*

ВСЕГДА ЛИ ПРАВИЛЬНО, ЕСЛИ СОЦИОЛОГИЯ МЕНЯЕТСЯ ВМЕСТЕ С МЕНЯЮЩИМСЯ МИРОМ?

Щелкин Александр Георгиевич
(Социологическое ин-та
— ФНИЦ РАН)

«Нам нужна не церковь, которая права, когда прав мир, а церковь, которая права, когда, когда мир ошибается»

Г. ЧЕСТЕРТОН

Вполне очевидный критерий для всякого знания — социологическое не исключение — знание должно быть адекватным. Адекватным чему? Не вопрос: социальной реальности. И, вроде бы вполне «логичный» вывод: меняется реальность — должен меняться и социологический концепт. Как будто бы этот «случай» мы и наблюдаем. Текущую реальность «обслуживает» и отражает именно «новое» знание. Более того, «современность» отзеркалена не просто новой концептуальностью, но «множеством» таких концептов, моделей и парадигм.

Оставим на время в покое самый факт такого «плюрализма» новых теорий и вернемся к исходному вопросу: а всегда ли правильно, если социология меняется вместе с меняющимся обществом? К ответу нас может приблизить следующий уточняющий и даже настораживающий вопрос: а что если самая реальность движется в «неправильном», «девиантном», «аномальном» и т. д. направлении. Что прикажите и социологическому знанию быть «адекватным» отражением «неадекватного» состояния «социальных вещей» и своей простодушной зеркальностью «легитимизировать» этот социальный мир, движущийся «девиантным маршрутом»?

Прецеденты были. Только один поучительный пример. Дж. Фитцхью (1806 — 1881), американский социальный теоретик, в 1854 г. опубликовал сочинение «Социология для Юга». Он считал, что рабовладельческий Юг США — это тот вариант американского социума, который олицетворяет будущее Америки, под которое и должна быть подверстана социология — «Социология для юга» — и которая должна отречься от социальной доктрины отцов-основателей США [Дж. Фитцхью.— https://en.wikipedia.org/wiki/George_Fitzhugh].

В то же время в истории социальной науке, напротив, представлена и другая установка. Социология должна с гамлетовской бдительностью держаться той картины мира, где наши пресловутые «социальные вещи» просканированы на предмет их подлинности или неподлинности, то есть, их соответствия/несоответствия своей же «природе» и своему же «определению».

Всякий исследователь, успевший набраться опыта социального и исторического наблюдения знает, что область таких вопросов и ответов — это поприще «общественной онтологии». Единственное, что здесь следует поэтому подчеркнуть — «онтология» есть не просто знание о бытии «вещей» в этом мире, а знание о вещах в их подлинном, сущностном состоянии. Иными словами, зрелая и серьезная эпистема — это знание не «по ту сторону добра и зла», по-прежнему, характерная для позитивизма и постмодернизма. В онтологическом знании продолжается аристотелевская традиция отличия бытия аутентичного от неподлинного, — традиция, которая еще долго сохранялась в знаменитой формуле «сколько в вещи добра, столько и существования». Вслед за Гегелем тут приходится уточнять: неподлинность вещи не исключает факта ее присутствия, факта ее

существования. Всё та же «девиация» может служить иллюстрацией. Гегель настойчиво проводил различие между «реальностью» и «действительностью», опять же, между «неподлинным» и «подлинным существованием» мира вещей. Здесь главное услышать простую мысль классика мировой философии: жизнь щедра на «неистинное», оно же «неподлинное». «Следует вообще напомнить о том, что когда [...] говорится о неистинном, то это не должно понимать так, что этого неистинного не существует. Дурное государство или больное тело могут всё же существовать» (Гегель. Энцикл-я филос. наук, 1974, с. 301). При том, что «неистинный предмет вполне может существовать» — «у нас может быть о нем правильное (подчеркнуто нами. — А. Щ.) представление» (Гегель — Делюбоку, Берлин, 30 июля 1822 г.) И самое пикантное — деонтологическое: «такой предмет не то, чем он должен быть, то есть он несообразен со своим понятием (это мы называем также дурным)» (Гегель — Делюбоку ...).

Привилегия быть «быть подлинным/истинным» предметом, развивать в «правильном направлении» (как тема «меняющегося – куда? - общества»), — это редкая привилегия социального субъекта, будь то индивид, институт или социум в целом. Похоже, что чаще всего приходится наблюдать феномен «развития», отягощенный эпикуровскими отклонениями. Жизнь всегда вносит свои возмущения, которые на социологическом языке может быть названо «идеологическим самообманом», «самопотворством» и даже «разумным эгоизмом». Уместно в этой связи вспомнить, что способ, каким социум исправляет положение и управляется с недетерминированностью/ нелинейностью социального назывался на заре кибернетики очень даже симптоматично — «управление по отклонениям». В терминах «общественной онтологии» картина может быть изображена и таким образом: «девиации» от подлинности и истинности вещей сами же могут и должны быть использованы — через механизм «управления по отклонениям», через методологию «проб и ошибок», процедуру последовательных «итераций» — с тем чтобы социум и его элементы держались в пределах своей «природы», «сущности», «подлинности», «истины» и, наконец, классики своего расцвета.

Всякая другая («позитивистская», «фактицистская», «оппортунистическая», «постмодернистская» etc.) постановка вопроса о характере социологии в «меняющемся мире» говорит, скорее, о бесхарактерности такой вопрошающей социологии. Поэтому репутация социологии в значительной степени связана с обращением к онтологической аксиоматике.

В этом плане в рамках вышеупомянутого вопроса «ВСЕГДА ЛИ ПРАВИЛЬНО, ЕСЛИ СОЦИОЛОГИЯ МЕНЯЕТСЯ ВМЕСТЕ С МЕНЯЮЩИМСЯ МИРОМ?» приходится, по крайней мере, удовлетворить онтологическое («сущностное») любопытство: «а все изменения, происходящие с миром, идут в «правильном» направлении, способствуют раскрытию природы и сущности вещей в этом мире?» И если подобного тренда не наблюдается, то не целесообразней ли опираться на ту социологическую классику, в понятийном аппарате которой схвачена онтология, то есть, подлинность вещей. В этом смысле «классика» выступает как гарант от «ложных отклонений» в реальности. Социологические понятия (эпистемы), выдержанные в онтологической дисциплине, обладают тем страховочным потенциалом, который чаще всего отсутствует в повседневных представлениях (будь то докса или «предпонятия», по Дюркгейму), равно как и в «мутных» (Хабермас) и «произвольных» конструктах постмодернизма.

Как бы казалось ни оправданы и ни очевидны подобные вопросы и рассуждения в их духе, тем не менее мы наблюдаем именно повсеместную и не трудную победу «реализма» над «действительностью».

Говорят, что следует с большей доверчивостью и менее подозрительно относиться к «реальности», чей «эмпирический» облик и статус вполне убедителен, самодостаточен и безальтернативен. Именно в эту сторону в определенной степени и эволюционизировала социальная философия фактицизма. «Реальность есть реальность, что есть, то и есть». И что сверх того, то от лукавого ... И при этом если присмотреться к этой эпистемологической ситуации, то бросается в глаза то обстоятельство, что эта (позитивистская) ориентация постмодернизма на упомянутый фактицизм сродни обыденному сознанию. (Не отсюда ли заметная тяга к постмодернистским парадигмам и моделям, равно как и их популярность и мода на них у социологической молодежи?) Отметим, буквально мимоходом, удивление, с которым Маркс в след за Гегелем спрашивал: «Разве «голый факт существования» какого-либо состояния уже даёт право на существование? [Маркс, 1, 102]

Удивляться, впрочем, приходится другому. В то время, как мы и сегодня почти повально остаемся под обаянием «фактического», под гипнозом «реального», социально-философская классика уже давно (по крайней мере, с Гегеля) отличает «реальность» от «действительности».

Всякая другая («позитивистская», «фактицистская», «оппортунистическая», «постмодернистская» etc.) постановка вопроса о характере социологии в «меняющемся мире» говорит о бесхарактерности такой вопрошающей социологии. Репутацию социологии сегодня, скорее, спасает обращение к онтологической аксиоматике.

Есть неплохая аналогия с ситуацией с церковью, о чем напомнил нам Г. Честертон в своем знаменитом афоризме, приведенном в эпиграфе этой статьи. Чем с позволения читателя и заиклим тему «ВСЕГДА ЛИ ПРАВИЛЬНО, ЕСЛИ СОЦИОЛОГИЯ МЕНЯЕТСЯ ВМЕСТЕ С МЕНЯЮЩИМСЯ МИРОМ?» — «*Нам нужна не церковь, которая права, когда прав мир, а церковь, которая права, когда, когда мир ошибается.*».

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., «Мысль», 1974. 452 с.
2. Г.В.Ф. Гегель Письма. — Работы разных лет. В 2-х тт. Т.2. М., "Мысль", 1973
3. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, — ИППЛ, 1955 -1974, т. 1.
4. Фитцхью Дж.— https://en.wikipedia.org/wiki/George_Fitzhugh

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ В ПОСТКАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

*Щербина Александра Вениаминовна
(СПбГЭТУ "ЛЭТИ")*

Взаимосвязь власти и знания – одна из центральных тем и классической, и новейшей социологии. Доступность знаний (образования), обретение и удержание социальными группами монополий на производство знания (и связанные с этими монополиями привилегии) – предмет управления и борьбы на глобальном и национально-государственном уровнях. В современном глобальном мире в эпоху гиперинформации на переднем крае этой борьбы находятся не столько противники кастовых, сословных, классовых ограничений на доступ к знанию, сколько говорящие от лица «новых угнетенных» интеллектуалы. Они оспаривают исторически сложившиеся в социальном познании иерархии авторитетов, поднимаемых проблем, произведенных знаний, в т.ч. воплощенных в разделяемых массами социальных представлениях. На вершину иерархии знающих в индустриальном обществе в свое время О. Конт поставил ученых. Знание – сила! Основоположник социологии показал, что для современности, в отличие от традиции, это знание человеческих дел (а не природы только или божественного промысла), а обретение его – главное общее дело, и добывается оно не метафизическим умозрением или божественным откровением, а – экспериментом, технологическими изобретениями, техническими инновациями. Сегодняшние наследники Конта (в т.ч. не признающие родства) оспаривают привилегированный статус профессиональных производителей знания (академическое, научное, экспертное и т.п. сообщества), в особенности это касается социо-гуманитарных исследований.

В противоположность академической, профессиональной монополии новые критические исследователи продвигают легитимизацию социального познания в его принципиальной неотчуждаемости от опыта (в т.ч. – экспериментального) тех, кто прежде был включен в процессы социального познания только в качестве объектов. Нужно дать слово всем и всему, кому прежде было отказано в субъектности. Это возможно только в нередуцируемом к каким-либо обобщениям опыте. Он открыт, эмоционально нагружен, в нем и актуализируются, и переосмысляются культурно-исторические ограничения, изживаются травмы, трансформируются разделяемые социальные представления. Как же сделать этот опыт предметным? Для этого предлагается новая методология – посткачественные исследования (ПКИ). Заметим, что они уже обрели институционализированный статус (см., например, сайт <https://postqualitativeresearch.com> организации, презентующей себя как ««международную команду посткачественных исследователей в высшем образовании с богатым опытом руководства и поддержки коллег, научных руководителей и аспирантов»». [1]

ПКИ – составная часть стремительно развивающихся т.н. феминистских, материалистических, постгуманистических критических исследований. Мы рассматриваем их с позиций классической социологии (полагая, что ее потенциал далеко не исчерпан) как идейно-политические течения (направления) в их тесной связи с социальными движениями.

Посткачественные исследователи продвигают анти - капиталистические, колониальные, эйблистские, сексистские, расистские взгляды, предлагают освободиться от стереотипов институционализированных академических исследований, подлежащих разоблачению и критике, и изменить парадигмы научно-исследовательской и педагогической практики

Во вт. пол. XX века, начиная с новых левых, дискурсы сопротивления (от феминизма через экологию к антирасизму) проникли в академические и образовательные практики, обрели респектабельность. Научному сообществу сегодня вменяют «культуру бдительности», а социальные активисты заявляют претензии на обновление мировоззрения и социального знания.

Открытие новых линий сопротивления угнетению («цветных», секс-меньшинств, трансгендеров, колонизированных народов и т.д.) и смена предмета исследования (не классовое неравенство и эксплуатация, а язык, повседневность, телесность, дискурсивные практики, зависимые от их материальных условий и от не замечаемых ранее участников, в т. ч. «нечеловеческих») требуют переосмыслить методологию социального познания и практически переопределить его субъекта. Господствующие социогуманитарные концепции и способы их производства вносят свой вклад в социальное угнетение, принижая и искажая опыт маргинальных групп, знающих о своей инаковости и негативных привилегиях. Маргиналы, потерянные, забытые, незамеченные должны выступить не только предметом социальных исследований, но и их полноправными участниками, а их опыт – источником объясняющих моделей, заслуживающих признания. Благодаря появлению новых технологий и негосударственных, сетевых каналов коммуникации постгуманистические идеи критических исследователей проникают в социальные медиа, образование, массовую культуру. Они формируют среду и атмосферу, предлагают язык и экспрессивные символы, привлекающие тех, кто ощущает себя в «становлении», переходе, трансформации, расширяя социальную базу и находя сторонников в трансграничных сообществах.

В ПКИ все исторические форм субъекта (метафизического, морально-этического, субъекта познания, деятельности), в его аналитически выделенных характеристиках актора, агента и т.п. поставлены под сомнение. Нет привилегированного социального субъекта и привилегированного социального знания. Угнетаемые, эксплуатируемые, исключенные, не «вошедшие в меру», – все, заинтересованные в изменении сложившегося социального порядка с его конечными и обреченными институтами, – вот потенциально активный новый социальный субъект: он в переходном состоянии и переплетен с нечеловеческими, «неосоциальными» и «неоморфными» агентами. В тесном взаимодействии с ним и в его интересах развиваются ПКИ как адекватная ему новая методология практико-ориентированного теоретизирования. Критически переосмысляя сложившуюся сегментацию институтов научно-исследовательской, образовательной, воспитательной, терапевтической, рекреационной и политической деятельности общественного субъекта, его сторонники реализуют экспертно-педагогический подход в международной практике и формируют глобальную «повестку дня», – модель образа жизни (во многом связанную с дискурсом деколонизации и с зеленой повесткой), т.е. некую новую «новую левую» революционную платформу

ПКИ не отменяют традиционные исследовательские процессы, а переосмыляют их объекты, методы сбора и анализа данных, сами данные, кодирование как практику создания смыслов, формальные правила написания академических статей, представления результатов исследований и их распространение. Что происходит с исследователями, участниками и теоретиками традиционных замеров и аналитики? ПКИ избегают редукции и интерпретирующих репрезентаций, они направлены на не поддающийся интерпретации жизненный опыт в конкретных ситуациях и местах, на живую реляционность всех участников исследования. Посткачественные исследователи децентрируют знание, обращаясь к понятиям ассамбляж, линии полета, рефрен, ризома, дифракция, корневище. Так обеспечивается переосмысление «бинарных понятий» (культура и природа, человек и

животное, взрослый и ребенок, идентичность и различие, я и другие) – аналитических инструментов, которыми мы пользуемся в своих онтологиях, создании значений и производстве знаний. Деконструкция обнажает их материально- дискурсивные условия и показывает, что эти конструкты стали невидимыми для людей, работающих в них. Они обозначают насильственные иерархии, и те, кто находится на «неправильной стороне» могут быть подвергнуты дискриминации из-за своего отличия. Эти оппозиции нельзя просто «нейтрализовать», а необходимо «перевернуть».

В педагогической и экспериментальной исследовательской практике ПКИ начинаются тогда, когда хотят (или вынуждены) представить социальные тенденции через опыт вовлеченных людей, которые могут их сформулировать и передать. Любая проблема исследования, имеющая объективный характер, определяется как недостоверная, если она не выражена в полноте децентрированного эмпирического опыта всех участников. Столкновение с проблемой, ее решение используется для подключения других через провокации и вопросы о власти, принуждении, маргинализации и несправедливости. Актуальная повестка сопротивления поддерживается не отчужденными анонимными результатами, а мониторингом коллектива, который держит проблему на контроле. Личная «запутанность», включенность в практические ситуации других людей (и «нечеловеческих агентов») – не помеха, а условие возможности создания действенного знания, принципиально не нейтрального этически.

Новая этика сторонников ПКИ – провокативная, вопрошающая, это своеобразная «этика убеждений» (М. Вебер). Она не стереотипизирует, а скорее революционизирует, углубляя проблематизацию институционально регулируемых автономных сфер жизни, легитимизируя их трансформацию: образовательная среда как «экспериментальная проектная площадка»; наука «за пределами лаборатории»; воспитание как научение и «разучение» (отучение). Она побуждает к экспериментам, к созданию вариативных социальных моделей общественного устройства и поведения. Заметим, что при этом, наряду с масштабированием – путем расширения и переинтерпретации – функций школы и социальных медиа, производится неявное исключение из исследований ряда категорий и описываемых ими объектов (семья, государство, армия, церковь).

Посткачественные исследователи особенно активны в дискурсах деколонизации, вменяемых сегодня и России. Они увлекают и вовлекают свою потенциальную аудиторию – тех, кто в становлении – вопреки сложившимся порядкам и иерархиям. А также – вопреки консервативной повестке, претендующей на выполнение функций государственной идеологии. Для молодого поколения она ассоциируется с уходящими старшими поколениями, которые не заявили претензии на более справедливые формы человеческого общежития, не предложили побудительные образы лучшего будущего, не создали убедительного языка. Во многом в противовес этой декларируемой повестке ПКИ, наряду с другими течениями, разделяющими постгуманистические мировоззренческие установки, будут вызывать растущий интерес и расширять свою социальную базу в нашей стране.

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ОСОБЕННОСТЕЙ ЦЕННОСТЕЙ (РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТАЖНОГО ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНТОВ)

Юй Ян

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В рамках гранта Российского научного фонда «Национальная специфика и соответствие государственным запросам отраслевой социологии в Китае» (грант РНФ № 24-28-01448) проводится исследование диагностики ценностей ИТ-специалистов России и Китая. Общий замысел исследования включает ряд важных элементов.

Аннотация:

В статье рассмотрен опыт конструирования методики исследования ценностей на основе интеграционного подхода. Респондентами выступили студенты Иркутского государственного университета. Методика основана на идеях методологического подхода, предложенного профессором Санкт-Петербургского государственного университета Д. В. Ивановым. Анализ основывается на создании модели интеграции институциональных (Г. Спенсер, Т. Веблен), интеракционистских (М. Вебер, Г. Зиммель), сетевых (М. Кастельс) и потоковых (Дж. Урри) факторов. Разработана технология эмпирического изучения интеграции показанных факторов. Выявлено значительное влияние институциональных и интеракционистских факторов на формирование ценностей студентов, а также обнаружены специфические взаимодействия между сетевыми и потоковыми характеристиками общества, которые подчеркивают сложность их социальной интеграции в университетской среде.

Ключевые слова:

Ценности, интеграция, институт, интеракция, сети, сетевой подход, студенты, акцентуация.

Социальность — это субъективный подход к инкорпорации в социум. По замыслу интеграционного подхода Д. В. Иванова в современном обществе могут быть выделены четыре характерных групп ценностей, ценности тотальной (институциональной) социальности ценности интеракциональной (частной) социальности, ценности относительно (сетевой) социальности, ценности потоковой (альтер -) социальности.

Тотальная социальность: Тотальная социальность отражает глобальные, всеобъемлющие аспекты социальной структуры, которые охватывают целое общество или культуру. Это включает в себя крупные институциональные системы, такие как правительство, правовая система, экономические структуры, и религиозные организации. Тотальная социальность формирует общие нормы, ценности и ожидания, которые регулируют поведение индивидов в обществе.

Относительная социальность: Относительная социальность связана с социальными сетями, которые состоят из более специфичных, но менее формальных связей, чем те, которые предусмотрены в рамках тотальной социальности. Это может включать профессиональные ассоциации, дружеские круги, семейные связи и другие межличностные отношения, которые оказывают влияние на поведение и взаимодействия людей внутри этих групп.

Частная социальность: Частная социальность фокусируется на непосредственных, личных взаимодействиях между индивидами. Это включает в себя диалоги, малые групповые встречи и другие формы прямого общения, где взаимодействие имеет более спонтанный и эфемерный характер. Частная социальность отражает микроуровень социальных динамик, который значительно влияет на социальные восприятия и отношения на уровне отдельных лиц или небольших групп.

Антисоциальность: Антисоциальность описывает поведение или социальные динамики, которые идут вразрез с установленными нормами и ожиданиями общества. Это может включать в себя девиантное поведение, социальное отчуждение или активное противостояние социальным структурам. Антисоциальность часто ассоциируется с отрицательным влиянием на социальную гармонию и порядок.

В рамках грантового исследования нами была сформирована уникальная методика для анализа институциональных, интеракционистских, сетевых и потоковых факторов, влияющих на интеграционные процессы среди студентов. Разработка специализированного программного обеспечения дала возможность оперативно обрабатывать собранные данные и визуализировать сложные социальные взаимодействия, улучшая тем самым качество и точность аналитических процедур. Исследование было проведено среди 48 студентов филологического факультета Иркутского государственного университета.

Результат исследования:

На рисунке 2 представлена сетевая модель, которая иллюстрирует взаимосвязи между четырьмя основными компонентами социальности: институтом, интеракцией, сетью и потоком. Каждый компонент социальности связан с определенным видом социального взаимодействия, что позволяет оценить их влияние на процессы интеграции студентов в современном обществе.

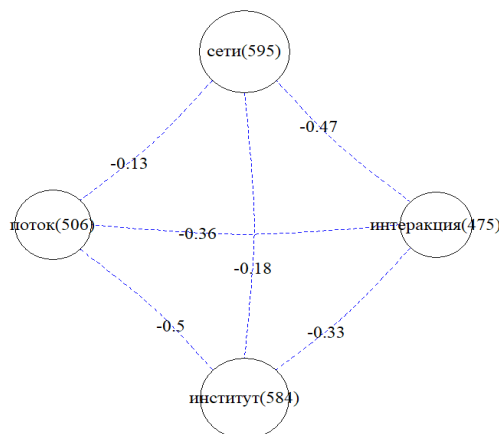

Рис. 2. Модель интеграции, институциональных, интеракционистских, сетевых и потоковых факторов современного общества по взглядам студентов-респондентов

Выводы:

Ценности институционального порядка являются центром тотальной социальности, охватывая влияние основных социальных институтов и социальной структуры. На диаграмме они связаны отрицательной корреляцией с ценностями потоковых (-0.5) и интеракционистских структур (-0.33), что может указывать на напряженность или конфликты между формальными структурами и более динамичными, изменчивыми аспектами социального взаимодействия студентов.

Ценности сетевой структуры, символизирующие относительную социальность, включают менее формальные, но значимые социальные связи. Слабая отрицательная корреляция с потоком (-0.36) и интеракцией (-0.13) подчеркивает, что даже в рамках неформальных связей существуют трудности в согласовании интересов и взаимодействий.

Ценности частной социальности, отражают ценности интерактивного порядка, демонстрирует более непосредственные и личные взаимодействия. Связь с институтом и сетью подчеркивает сложность интеграции личных взаимодействий в более широкие социальные структуры.

Ценности потокового порядка, или антисоциальности, обозначают элементы социальной динамики, которые выходят за рамки установленных норм и ожиданий. Заметная отрицательная корреляция с институтом и сетью указывает на противоречивость и возможные конфликты между индивидуальными и коллективными интересами студентов.

Исследование, проведенное с использованием интеграционного подхода, раскрывает сложность социальных взаимодействий и процессы интеграции студентов в современном обществе. Пиложат выявил, как различные аспекты социальности — институты, сети, интеракции и потоки — взаимодействуют между собой, часто создавая напряженные или конфликтные отношения, что требует внимания со стороны учебных

заведений. В заключение следует отметить, что данное исследование предлагает ценные уроки для всех участников образовательного процесса, подчеркивает важность комплексного подхода к анализу и разработке образовательных и социальных программ, способствующих успешной интеграции студентов в широкие социальные и культурные контексты.

1. Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации / Д. В. Иванов // *Социологические исследования*. – 2020. – № 5. – С. 44-55.
2. Иванов Д. В. Новые показатели социального развития: включенность в интернет-коммуникации и креативность на сетевых платформах / Иванов Д. В., Асочаков Ю. В., Богомякова Е. С. // *Научный результат. Социология и управление*. 2021. №2.
3. Юй, Я. Интеграция китайских студентов в образовательную среду российских университетов (первые итоги пилотажного исследования) / Я. Юй // *Информация–Коммуникация–Общество*. – 2024. – Т. 1. – С. 498-501. – EDN JVTDAO.
4. *Социология ценностной солидарности современных обществ: грани научной проблемы* / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, Т. Лю, Я. Юй // *Информация–Коммуникация–Общество*. – 2024. – Т. 1. – С. 120-124. – EDN LRJVOU.
5. Ромах О. В. Лапина Т. С. Социальность как качество культуры // *Вестник ТГУ*. 2011. №12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnost-kak-kachestvo-kultury> (дата обращения: 08.10.2024).

Секция 2: Социальные и политические процессы современной России: теоретические и методологические основы изучения внутренних и внешних рисков

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ: РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МОСКВЕ, НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ, БЛАГОВЕЩЕНСКЕ И СВОБОДНОМ

*Алабин Антон Юрьевич
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)*

Аннотация: В данной работе представлен анализ результатов разведывательных исследований в российских городах: Москва, Нижний Новгород, Благовещенск, Свободный. Цель исследований – выявление современного состояния коммунистического движения. Автор приходит к выводам о разделении движения на консервативное и радикальное и о постепенном вхождении научного дискурса в дискурс участников движения. Последнее отчетливее всего проявляется в Москве.

Ключевые слова: коммунизм, движение, регионы, дискурс, пропаганда.

Коммунистическое движение после распада СССР находится в разрозненном состоянии: существуют различные организации как политического, так и иного характера. Такое разделение мало исследовано в российской политической социологии. В основном исследования, посвященные коммунистическому движению, были проведены до изменений партийной и политической систем в 00-е и 10-е гг. [см. 13, 14]. Современные работы если и пишутся о коммунистах, то о коммунистах из КПРФ [см. 7].

Неолиберальная модель глобализации сегодня находится в кризисе, который трудно не заметить. Данный кризис усиливает альтернативные движения, направленные на ее замену другим типом. Одним из таких альтернативных движений является коммунистическое. В России отмечено изменение отношения к идеям социализма с негативного на положительный [2, с.164]. До этого в сознании россиян выявлена приоритетная установка на равенство [3, с.44]. Современная российская политическая социология практически не обращает внимание на развитие коммунистического движения, при этом выявленные социологами изменения общественного мнения могут быть связаны в том числе с усилением подобных движений.

Данная работа представляет собой попытку преодолеть отсутствие эмпирического материала в исследовании общественных движений и осмыслить состояние коммунистического движения в современной России.

Основной теоретической моделью для данного исследования является общее представление о развитии общественного движения [1, с.319-321]. Сначала создаются предпосылки для его возникновения, например, объективно существующая эксплуатация труда в буржуазном обществе. Потом движение ищет свои цели, пытается связать их в идеологический дискурс, который потом можно будет распространять, - такая стадия называется выражением стремлений. После идет стадия распространения информации. Затем движение входит в стабильное состояние и активно борется за реализацию своих целей. В случае достижения целей или их заведомой невыполнимости движение затухает и либо исчезает, либо меняет свои цели, возвращаясь в стадию выражения стремлений.

На российское коммунистическое движение влияет ряд факторов. Ниже перечислены наиболее важные.

Деидеологизация. После глобального провала социалистического проекта в конце прошлого века некоторые теоретики марксизма перешли в так называемое течение постмарксизма, отрицающего истинность как объективное отражение познаваемых предметов и сводящего ее к конвенциональности в рамках определенного дискурса, к таким деятелям можно причислить Э. Лакло и Ш. Муфф. Из движений такой пример показала компартия Италии, назвавшаяся демократической. Еще У. Липпман писал о том, что для поддержания стереотипов люди либо игнорируют факты, противоречащие их стереотипам, либо отказываются от любой модели объяснения, если таких фактов много [8, с.112]. Видимо, это случилось со многими наблюдателями процесса упадка коммунистических сил. В рамках стабилизации буржуазного мира следует полагать вполне обоснованным представление о деидеологизации движений и их смещении друг с другом [1, с. 328].

Тренд на создание так называемых зонтичных, или картельных партий, представляющих интересы узких групп лиц, а не общественных слоев и классов. Еще в 70-е гг. проявился кризис парламентской системы на Западе, что было замечено О. Киркхаймером, Р. Кацем и П. Мэйром. В своих работах [См. 6, 16] они показывают сращивание государственного аппарата и парламентских партий. Создание партий «сверху» со стороны государственных органов власти также отражает этот процесс.

Деиндустриализация и спад рабочего движения. Коммунистическое движение тесно связано с рабочим движением. Так как Россия претерпела структурное изменение экономики от обрабатывающей промышленности до добывающей, а также увеличение роли сферы услуг, роль промышленного пролетариата в России сильно уменьшилась.

Усиление роли информации в жизни общества. Из-за этого также возросла роль пропаганды. Об этом писал еще в середине прошлого века исследователь пропаганды Ж. Эллюль. Он писал, что пропаганда повсеместна [15, с. 28]. Она позволяет объединиться разрозненным группам в период атомизации общества. Пропаганда уничтожает личность [15, с. 272-273]. Она дает цель и смысл жизни, разрушая критическое мышление и самосознание своих потребителей. В буржуазном обществе такая повсеместная пропаганда мобилизует граждан на экономическую деятельность и демобилизует политическую.

Выделение этих факторов позволяет поставить ряд серьезных вопросов к движению: Способно ли оно выразить интересы рабочего класса в современных условиях? Действительно ли коммунистическое движение является носителем коммунистического идеологического дискурса или потеряло его в ходе деидеологизации? Существуют ли картельные организации в данном движении, если существуют, то какие и как это проявляется? Как переживает коммунистическое движение слабость рабочего движения? Смогло ли движение изменить методы и цели своей агитационно-пропагандистской работы? И ряд многих других.

Так как коммунистическое движение малоисследовано было принято решение начать с разведывательных интервью и наблюдений.

Интервью биографические, затрагивающие темы того, как респондент стал участвовать в движении, что его побудило в нем участвовать, а также то, почему именно такую организацию он выбрал для своей деятельности. Участниками интервью были активисты как КПРФ, так и других коммунистических организаций.

Наблюдение проводилось в основном в Москве на конференциях и кружках различных коммунистических организаций без участия КПРФ.

Была также проанализирована местная газета г. Свободного на наличие коммунистического дискурса. Были проанализированы агитационные материалы амурской КПРФ.

Анализ интервью проводился с помощью инструментария анализа дискурса, впервые введенного М. Фуко. Иногда анализ дискурса критикуют за то, что не всегда слова и дела людей совпадают. Это проблема современного общества, - писал Ж. Эллюль [15, с 54]. Однако ввиду сложности предмета исследования, анализ дискурса позволяет показать отраженную действительность, ведь слова заменяют определенную ее часть [11, с. 168] и становятся ею, а следовательно, становятся тем, что мы исследуем.

Результаты исследования.

Противоречие между пропагандой и просвещением.

Пропаганда противостоит просвещению. Причем сама пропаганда может быть направлена как на эмоции, так и на разум, [15, с. 139] что еще больше затрудняет различение пропаганды от просвещения. В работе по распространению идей существует противоречие между просвещением и пропагандой.

Под просвещением следует понимать работу по распространению сложно усвояемой информации, требующей определенного уровня культурного развития индивида. Просвещение увеличивает эту культурную составляющую.

Пропаганда понимается в узком смысле как распространение удобной информации для усвоения любым индивидом независимо от уровня его культуры.

Для коммунистического движения это противоречие еще более серьезно стоит, так как коммунисты постулируют научность своего мировоззрения, но при этом им нужно выбирать между скоростью распространения и мобилизации участников, что дает пропаганда, и усвоением науки марксизма, что дает просвещение. На конференциях в Москве споры между коммунистами ведутся не только по поводу того, как вести пропаганду, но и стоит ли вообще ей заниматься.

Кружки же можно полностью отнести к рациональной пропаганде, там лишь убеждают участников в верности марксизма или марксизма-ленинизма.

В ходе исследований в Москве, Нижнем Новгороде, Благовещенске и Свободном обнаружено явление, которое, возможно, стало тенденцией до 2022г.: консервативные коммунисты делают ставку на просвещение. Особенно это заметно в Нижнем Новгороде: в областном отделении КПРФ руководителей и некоторые члены партии были кандидатами наук, при этом руководитель требует от них получения статуса кандидата наук в гуманитарной сфере; руководитель областного отделения Сути Времени являлся преподавателем в вузе, тоже кандидат наук, требует от своих нижестоящих участников движения повышать уровень своей культуры.

В радикальной части движения больше делается упор на пропаганду через кружки, встречи, просмотр роликов на youtube (замедленная в России соц. сеть) и чтение агитационных материалов в интернет-сообществах.

Стоит отметить условность вышеописанного противоречия. Оно является абсолютным из-за того, что коммунистом может быть лишь тот индивид, который уже обладает определенным культурным уровнем, так как коммунистический дискурс основывается на научном знании. Абсолютным это противоречие является только на данном этапе развития коммунистического движения в России, который можно обозначить как – соединение науки и движения.

Данное противоречие не столь выражено в Амурской области. Возможно, из-за того, что этот регион сегодня можно назвать фронтиром. Возможно, из-за сильного давления на местных коммунистов местной администрацией по словам респондентов.

Каналы включения в коммунистическое движение

Независимо от региона и организации выявлено два типичных случая прихода к участию в движении:

1. Приглашение от друга
2. Собственные поиски данной организации по причине прочтения коммунистической литературы или просмотра видео на youtube

Участники организаций в основном участвуют в деятельности только одной организации и не стараются выходить на связь с другими коммунистическими организациями.

Различия в методах работы радикалов и консерваторов

Сторонники консервативного коммунизма больше ориентируются на живое общение и направляют свою работу в выборной процесс. Радикалы изучают онлайн-агитацию и предпочтение отдают рекламному подходу к агитации [9, с. 71].

Если резюмировать, то консервативные коммунисты используют живое общение, газету, агитационные рейды, мемориальные встречи в праздничные дни и митинги. Радикалы – youtube, кружки, онлайн-общение и онлайн-сообщества.

Тем не менее консервативные коммунисты скорее пропагандируют просвещение, чем осуществляют его: кружок КПРФ в Амурской области и Нижнем Новгороде обнаружить не удалось. Также среди коммунистических деятелей консервативной направленности были выявлены различия в понимании коммунистического дискурса в зависимости от их положения в иерархии организации: чем выше позиция, тем человек лучше понимает этот дискурс. Это может быть пережитком суловских методов пропаганды, когда декларируется изучение классической литературы, но при этом настолько порционно, что этого недостаточно для полного усвоения [5, с. 82].

В Амурской области обнаружен феномен работы «живой» агитации в интернете: группа людей общается в комментариях и личных сообщениях для пропаганды своих идей. Также они общаются вживую с местными жителями. Участвуют в выборах от парламентских партий, исключая только КПРФ и Единую Россию. Также создают свои пропагандистские ролики в интернете. В целом ведут пропаганду обоими способами, полностью следуя рекомендациями политтехнологов Малкина и Сучкова. Содержание пропаганды можно отнести к радикальной. Численность КПРФ и этой группы в целом можно считать маргинальной, но скорее всего у первой активистов немного больше.

Коммунистический дискурс в городской газете и печатных материалах КПРФ в Амурской области

Анализ содержания городской газеты показывает, что у КПРФ в регионах нет единого лозунга, конкретной программы, коммунистический дискурс отсутствует, зато есть ностальгия по СССР и требования вернуть некоторые формы социальной активности.

Есть лишь 1 публикация в областной партийной газете под авторством Г.А. Зюганова, ссылающегося на теории империализма Ленина.

Внедрение академического дискурса в коммунистическое движение.

Уже давно известно разделение в коммунистическом движении теории и практики. Это подчеркивали Б. Кагарлицкий (террорист, экстремист и иностранный агент) [4, с. 47] и Й. Терборн [12, с. 169]. Прошедшие за пару лет конференции радикальных коммунистов обнаруживают тенденцию работы кружков непарламентских коммунистов. Фуко, Грамши, Альтюссер, Фрейд, Фромм и др. левые интеллектуалы стали осмысливаться непосредственными участниками движения. Происходит «заочная» социологическая интервенция, или вторжение академического дискурса в дискурс движения. О таком соединении власти и знания еще писал Платон [10, с. 298].

Примерами внедрения академического дискурса могут служить:

1. Создание внутри Студенческого Антифашистского Фронта научного центра, изучающего работы И. Ильина.
2. Проведение чтений работ Кагарлицкого и анонс конференции в его честь в ноябре этого года.
3. Работы писателей организаций-кружков

Можно сделать вывод о том, что вторжение академического дискурса в коммунистическое движение, в первую очередь в Москве в несистемной, радикальной его части позволит пересмотреть методы пропаганды коммунистического движения, а также позволит им прекратить разделение на почве стереотипных представлений друг о друге.

Таким образом, движение разделяется на консервативную и радикальную части. Среди консерваторов КПРФ является самой многочисленной, мощной и представленной в парламенте организацией. Но КПРФ сегодня находится в стадии затухания, чтобы оставаться основным лидером среди других коммунистических организаций ей придется поставить новые цели. Среди радикальных организаций нет отчетливо проявляющейся лидирующей. Возможно, это объясняется тем, что радикальные коммунисты еще в поисках цели своего движения. Поэтому они распространяют рациональную пропаганду через кружки преждевременно, что привело к снижению их популярности по сравнению с консервативными организациями.

1. Вятр, Е. Социология политических отношений / Е. Вятр. – Москва: Издательство «Прогресс», 1979. – 463с.
2. Гаджиев Х.А., Шушпанова И.С. Политическое проектирование образа будущего как фактор социально-политической стабильности России. Вестник РГГУ. Серия “Политология. История. Международные отношения.”. 2023;(3):154-169.
3. Горшков, М. К. Социальная справедливость в массовом восприятии и ценностных ориентациях россиян / М. К. Горшков // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11, № 6.
4. Кагарлицкий, Б. Ю. Марксизм: введение в социальную и политическую теорию / Б. Ю. Кагарлицкий. – Москва : Книжный дом "Либроком", 2012. – 320 с.
5. Карпунин, О. И. Макаревич, Э.Ф. Формирование масс: Природа общественных связей и технологии «паблик рилейнз»: Опыт историко-социологического исследования. – Калининград: Янтарный сказ, 2001. - 546
6. Кац, Р. С. Картельная партия: возвращение к тезису / Р. С. Кац, П. Мэйр // Политическая наука. – 2010. – № 4. – С. 77-112.
7. Котляков Сергей Алексеевич, Пузиков Владимир Георгиевич КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ // НИР/S&R. 2024. №2 (18).
8. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой; редакторы перевода К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», - 2004. – 384с.
9. Малкин Е. Сучков Е. Политические технологии. Институт избирательных технологий. М.: 2006.
10. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Loseva и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. — 752 с
11. Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М.: Мысль, 1973.
12. Терборн, Й. От марксизма к постмарксизму? / Й. Терборн. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021
13. Холмская, М. Р. Коммунисты России: между ортодоксальностью и реформизмом / М. Р. Холмская // Политические партии России: история и современность. . – Москва : РОССПЭН, 2000. – С. 551-579.

14. Холмская, М. Р. *Коммунисты России: факты, идеи, тенденции : информ.-аналит. обзор* / М. Р. Холмская. – Москва : [б. и.], 1998. – 79 с.
15. Эллюль Ж. С. Э. *Феномен пропаганды* / Ж. С. Э. Эллюль; пер. с фр. Г. Шариковой. – СПб.: Алетейя, 2023. – 410с.
16. Kirchheimer, O. *The Transformation of the Western European Party Systems* / O. Kirchheimer // *Political Parties and Political Development. (SPD-6)* / J. La Palombara, M. Weiner. – Princeton : Princeton University Press, 1969. – 6. – P. 177-200.

УПРАВЛЕНИЕ НОВЫМИ РИСКАМИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА

*Алейников Андрей Викторович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Мальцева Дарья Александровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Исследование выполнено в рамках проекта «Модели риск-менеджмента в структуре формирования политического курса РФ в условиях глобальной турбулентности: стратегии, механизмы и практики», который реализуется в Институте научной информации по общественным наукам

Аннотация

В докладе представлены результаты авторского исследования актуальных концептуальных комбинаций, используемых при разработке стратегий политического управления рисками в условиях глобальной турбулентности. На основе обобщения литературы, предлагается методология анализа основных направлений проектирования инструментов превенции и снижения негативных эффектов рисков.

Ключевые слова: управление, риск, риск-рефлексия, новое общество риска.

В данном докладе мы кратко излагаем основные итоги ранее проведенного нами исследования [1].

В настоящее время наблюдается некий «конец истории», используя нещадно критиковавшиеся определение Ф. Фукуямы, который характеризуется непредсказуемыми и разрушительными тотальными бифуркациями. Подчеркивая, что «мы не можем полностью контролировать окружающий нас мир нестабильных феноменов», И.Р. Пригожин провидчески предупреждал о «перегрузке рисками»[2].

У. Бек, пересматривая свою классическую версию общества риска, выделяет принципиальные различия между старыми и новыми рисками:

«1. Делокализация: их причины и последствия не ограничиваются одним географическим местоположением или пространством; они в принципе вездесущи.

2. Неисчислимость: их последствия в принципе неисчислимы; по сути они включают «гипотетические» риски, основанные на научно сгенерированном незнании и нормативном инакомыслии.

3. Некомпенсируемость: хотя мечта о безопасности первой современности не исключала вреда (даже крупного вреда), он считался компенсируемым, так что его разрушительное воздействие можно было бы компенсировать (деньгами и т. д.). ... Сегодня логика компенсации рушится и заменяется принципом предосторожности через предотвращение... Более того, предпринимаются попытки предвидеть и предотвращать риски, существование которых еще не было доказано [3].

В нашу задачу входил акцент на стратегиях политических акторов в условиях цифровизации по обоснованию и оправданию социальной приемлемости рисков, основаниях, формах и способах *ответственности* за сделанный выбор при принятии решений в условиях риска, которая становится важным индикатором ценностно-нормативных оснований цифровизации публичного управления в условиях непредсказуемости и глобальной турбулентности. Фокусом научных работ, обсуждающих проблемы ответственности за сделанный выбор в ситуации риска, сформулированной еще

в «Санкт-Петербургском парадоксе» Д. Бернулли (сколько игрок готов заплатить за игру, не теряя рациональность?)[4] выступает тезис Н.Талеба: «*Тех, кто ничем не рискует, нельзя допускать к принятию каких бы то ни было решений*»[5].

В его терминологии при принятии решений в условиях риска необходимо «*ставить на кон собственную шкуру*», принять на себя риски от применения своих решений, что требует жесткой расправы за «неправедные риски».

В условиях переконфигурации рисков пространстве «*”шкура на кону”*» помогает решить проблемы неопределенности на уровне как индивида, так и коллектива: то, что выжило, доказало, что события типа “Черный лебедь” его не берут, если же шкуру на кон не ставить, механизмы отбора работать не будут»[5].

В «асимметричном обществе», возникает новый баланс между старыми и новыми рисками. Этими особыми, сложно предсказуемыми рисками почти невозможно управлять. На первый план, как полагает Н.Луман, выходит проблема субъектов принятия решений с учетом рисков, когда политическая оценка допустимого риска или уровня безопасности начинает играть значительную роль.

Кто же несет ответственность за риски? У. Бек выдвигает в этой связи концепт «организованной безответственности» (блеф, разыгрываемый как средство демонстрации видимости контроля над риском) как специфической формы управления рисками, которая заключается в запутывании, отклонении и мистификации, направленных на «символическую детоксикацию» рисков: «Каждый является причиной и следствием и тем самым не является причиной. Причины растворяются во всеобщей взаимозависимости между агентами и условиями, реакциями и контрреакциями» [6]

Риск-рефлексия, таким образом, может рассматриваться и как «процесс политико-коммуникативной актуализации конвенционально закрепленных и обладающих императивной интенцией порождаемых системой оценок угроз и опасностей, «специальных знаков-оповещений»[7] в структуре институциональной матрицы, определяющую потенциальные стратегии власти в ситуации угрозы. При этом субъектам публичного управления рисками присущи три вида власти «власть осуществления интерпретации угроз»), «власть распоряжения и владения опасностями» и «власть положения», которая, используя терминологию М.Фуко [8], формирует паттерны восприятия рисков и действительности и модели рискового поведения, предписывает определенные действия риск-потребителям[9].

Речь идет о разработанной У.Бекон концепции «постановки», «инсценировки» риска». Он полагал, что «ожидание катастрофы, как ни странно, побуждает к переосмыслению политического... Глобальный риск — это постановка реальности глобального риска... Ибо только посредством воображения и постановки мирового риска будущая катастрофа становится настоящей — часто с целью ее предотвращения путем влияния на текущие решения»[10].

Можно согласиться с позицией российского социолога С.А. Кравченко, заметившего, что «парадоксальные синтезы рискофобии и рискофилии становятся нормой ввиду стирания различий между риском и культурным восприятием риска, что формируется благодаря инсценированию»[11]

Таким образом, риск-стейкхолдеры добровольно и осознанно заимствуют те практики и стратегии поведения в угрожающих ситуациях, которые соответствуют их собственным представлениям о способах управления рисками— «решения субъекта влияют на “состояния мира”, какими они ему представляются»[12].

1. Aleinikov A. V., Maltseva D. A. *Public Governance in the Context of Global Turbulence: Risk-Reflexive Approach*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 2, pp. 269–27.
2. Пригожин И. *Философия неустойчивости*. *Вопросы философии*. 1991. №6. сс. 46-57.
3. Beck U. *World at Risk*, Cambridge: Polity Press. 2009
4. Бернулли Д. *Опыт новой теории измерения жребия*. *Теория потребительского спроса*. СПб.: Экономическая школа. 1993.
5. Талеб Н. *Рискуя собственной шкурой*. *Скрытая асимметрия повседневной жизни*. М: Колибри. 2018.
6. Бек У. *Общество риска*. *На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
7. Согомонян В. Э. *Что такое дискурс власти?* .21-й ВЕК. 2012. № 1(12).
8. Санников С. В. *Структурируя Квинотавра: тератократия, дискурс господства и семиозис власти в раннем Средневековье*. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2020.
9. Steffes M. *Power in society, economy, and mentality: Towards a semiotic theory of power*. *Semiotica*. 2010. Vol. 181(1/4). pp. 230–231.
10. Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press. 2009.
11. Кравченко С. А. *Сосуществование рискофобии и рискофилии — проявление «нормальной аномии»*. *Социологические исследования*. 2017. № 2.
12. Рапопорт А.Б. *Что такое рациональность?*. *Рефлексивные процессы и управление*. *Международный научно-практический междисциплинарный журнал*. 2002. № 2. сс. 23-47

"НОВЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ" ИЛИ РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Андряшин Виктор Дмитриевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Гашина Виолетта Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Васина Ксения Валерьевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

В современном российском обществе наблюдается трансформация в осмыслении религиозности людей. «Возрождение», которое сейчас переживает православие, порождает новую группу верующих – «новых православных», являющихся значительным феноменом, который может выступить в качестве специального объекта изучения в рамках социологии религии.

На сегодняшний день в современной социологической науке не выработан единый подход к определению религиозности и метод ее изучения. Например, И. Н. Яблоков рассматривает её как качество индивидов или социальных групп, включающее в себя три аспекта: религиозное сознание, поведение и отношения [4]. Д.М. Угринович определяет религиозность как «состояние отдельных людей, их групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему» [4]. Она представляет собой состояние человека, влияющее не только на духовное, но и на социальное. Влияние это определяется нормами и социальной доктриной принимаемого вероучения. Однако, в первую очередь, следует уделить внимание социальному характеру религиозности, отделяя её от веры, которая может не приводить к взаимодействию с другими индивидами, включению в систему религиозных отношений. Обобщив приведённые определения феномена религиозности, можно сделать вывод, что её ключевыми чертами являются принятие индивидом или социальной группой утверждения о существовании сверхъестественного и вступление в систему отношений, предполагающих определённое поведение, различающееся в зависимости от конфессиональной/религиозной принадлежности.

В социологии принято выделять две формы религиозности: традиционную и формальную. Традиционная форма представляет собой единение самоидентификации, основанной на этической принадлежности, истории народа, и определённых этических, эстетических представлений, искренней веры и поверхностного понимания основных доктрин. Она характерна для доиндустриальных обществ, в которых обладает монополией на определение самосознания его членов и имеет тесную связь с бытом людей. Формальный тип религиозности проявляется в демонстрации внешних атрибутов принадлежности к вероисповеданию при отсутствии реальных религиозных переживаний и чувств [1].

В России резкий рост числа верующих был зафиксирован в начале 1990-х гг. Это явление принято называть «религиозным бумом» из-за стремительной трансформации мировоззренческих основ, произошедшей в этот период времени. Всего через несколько лет после распада СССР страна ощутила резкий рост числа верующих, произошло «религиозное возрождение». В последующие десятилетия темпы роста числа православных, составивших основу «религиозного бума», сократились и, согласно некоторым социологическим опросам, начал наблюдаться некоторый спад. Согласно данным опроса ВЦИОМ, приуроченному к Великому посту, в 2017 г. православия

придерживалось 75% респондентов, а в 2024 г. их удельный вес снизился до 66% [2]. Необходимо отметить и тот факт, что рост популярности православия наблюдался лишь в тех постсоциалистических странах, где традиционно было историческое доминирование данной конфессии.

Важно отметить одну особенность роста религиозной самоидентификации населения в современной России: она, фактически, носит условный характер. Многие православные не являются воцерковлёнными, что подтверждают исследования, использующие в качестве метода «В-индекс», введённый в социологическую науку В. Ф. Чесноковой. Согласно которому, переменными, свидетельствующими о воцерковлённости православного, являются: частота посещения храмов, исповеди, причастия, чтения Евангелия, молитвы и соблюдение установленных постов [6]. Так, например, по результатам исследования ФОМ, в 2014 г. православными себя называли 68% респондентов, но только 13% из них можно считать воцерковлёнными [3]. Интересным для социологической науки феноменом, выявленным в России, является превышение доли православных над теми, кто называет себя верующими. О.Ф. Лобазова упоминает термин «новые православные», характеризующий людей, идентифицирующих себя как представителей этой конфессии, но не являющихся воцерковлёнными, на чью жизнь религия не оказывает никакого влияния, или влияние это представляется малозаметным и незначительным [5]. Более того, она не определяет и мировоззрение, ценности этой группы населения. Для «новых православных» религиозная принадлежность соотносится с культурно-исторической, этнической или заменяет идеологическую идентификацию [5].

Появление феномена «новых православных» можно объяснить следствием «кризиса идентичности», который пришёл на 1990-е гг. В это время люди перестали идентифицировать себя как «советских», в открывшемся «идеологическом вакууме» им требовалось новое понимание того, кем они являются, чем живут. Православие удовлетворило спрос на новую идентичность, как религия, ассоциирующаяся с русской культурой, то есть люди, больше не ощущающие причастность к «советской» общности, стали ассоциировать себя с этнической принадлежностью, а значит и православием. В этом смысле религиозная идентичность является культурным символом и выступает в качестве неотъемлемой части этнической принадлежности.

Таким образом, «новые православные» не могут быть полностью описаны в контексте одной из двух выделяемых форм религиозности: традиционной или формальной. Во-первых, «новые православные», не демонстрируют поведение, отражающее искреннее принятие и истинную веру в основные догматы православия, свойственной традиционной форме религиозности. Во-вторых, эта группа верующих не демонстрирует и внешние атрибуты принадлежности к конфессии, что не позволяет отнести их к формальному типу. Для «новых православных» религия выступает как элемент этнической идентичности в сложном идеологическом конструкте.

1. Баранникова В. П., Матронина Л.Ф. Динамика религиозности в информационном обществе // *Социологические исследования*. 2004. № 9 (245). С. 102-108.
2. Великий пост-2024. Исследование ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2024> (дата обращения: 06.10.2024)
3. Воцерковленность православных. Индекс воцерковленности православных: мониторинг. Исследование ФОМ. URL: <https://fom.ru/TSennosti/11587> (дата обращения: 06.10.2024)

4. Грусман Я. В. Исследование феномена религиозности в отечественной социологии религии // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцина. 2007. Том 7. № 25. С. 18-21.
5. Лобазова О.Ф. Современная типология религиозности: исследовательские возможности // Евразийский союз учёных. 2015. № 1-1 (18). С. 94-96.
6. Чеснокова В. Ф. Тесным путём: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2005.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: РОЛЬ ОБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

*Аникин Василий Александрович
(НИУ ВШЭ
ФНИСЦ РАН)*

В последнее время в российской науке была опубликована целая серия работ, посвящённых проблеме противоречий в российском обществе. В этих работах было показано, что иерархия воспринимаемых противоречий в целом очень устойчива. Лидирующими противоречиями остаются противоречия между богатыми и бедными, а также между властью и обществом. При этом пока остается не ясным, что стоит за этими противоречиями, насколько их восприятие базируется на субъективном или объективном благополучии?

Для ответа на эти вопросы было проведено эконометрическое моделирование на базе мониторинга ФНИСЦ РАН. Результаты регрессионного моделирования показывают, что острота противоречий основывается в большей степени на объективном благополучии. В частности, в восприятие противоречий между властью и народом важный вклад вносит ситуация в семье, на работе и с жильем. При этом культурный капитал респондента либо не оказывает влияния, либо имеет даже отрицательное влияние на исследуемый феномен (в случае образования отца). С другой стороны, субъективное благополучие, понимание как доверие и восприятие степени реализации возможностей в различных жизненных сферах не оказывают статистически значимого эффекта на противоречия между властью и обществом.

Полученные результаты могут говорить о том, что россияне склонны испытывать потребность к пересмотру общественного договора, а воспринимаемые противоречия между властью и обществом не являются стилевым поведением или следствием приверженности какой-то идеологии, как это иногда подают в СМИ. Данное исследование вносит определённый вклад в соответствующий дискурс и говорит о том, что применительно к российскому обществу еще рано говорить о снижении значимости объективного благополучия. Улучшение уровня и качества жизни может быть ключом к снижению остроты противоречий между властью и обществом.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГЕРЦЕН ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ

*Баженов Анатолий Матвеевич
(Тульский государственный университет)*

Аннотация. В статье анализируется общественная жизнь России XIX века, представленная А.И. Герценом в произведении «Былое и думы». Обращается внимание на такие стороны общественной жизни, как влияние Отечественной войны 1812 года на сознание русских людей, университетское образование, роль чиновничества в управлении страной, состояние пенитенциарной системы и правление Россией императора Николая I. Все это воспроизводится в контексте социологии знания.

Ключевые слова: император, образование, общественная жизнь, Отечественная война 1812 года, пенитенциарная система, писатель, политическая власть, провинция, сознание, социология знания, ссылка, тюрьма, университет, чиновничество.

Социология знания – это отрасль социологии, которая изучает процессы производства, хранения, распространения и использования различных типов знания социальными группами и классами, влияние культуры и общества на формирование знания, институциональные формы функционирования и развития знания. Одним из основоположников социологии знания является английский исследователь Карл Маннгейм (1893 – 1947). Ученый приложил немало усилий, чтобы доказать, что формы убеждения или знания не могут объясняться лишь на основе экономики или классовой структуры. Это нашло отражение в его книге «Очерки социологии знания: Теория познания – мировоззрение - историзм» [10].

Думается, исследование общественной жизни России XIX века в творчестве Александра Ивановича Герцена (1812 – 1870) можно рассматривать в контексте социологии знания. Главным трудом А.Г. Герцена является произведение «Былое и думы», которое автор создавал на протяжении шестнадцати лет – с 1852 по 1868 год. Эта книга является энциклопедией русской жизни. В ней А.И. Герцен анализирует разные области общественной жизни России.

А.И. Герцен обращается к истории Отечественной войны 1812 года. Он отмечает большой духовный подъем наших соотечественников в этот период: «Война 1812 года сильно потрясла умы в России, долго после освобождения Москвы не могли устояться волнующиеся мысли и нервное раздражение. События вне России, взятие Парижа, история Ста дней, ожидания, слухи, Ватерлоо, Наполеон, плывущий за океан, траур по убитым родственникам, страх за живых, возвращающиеся войска, ратники, идущие домой,- все это сильно действовало на самые грубые натуры» [1, 241].

Россияне в критические периоды своей истории проявляли сплоченность и взаимопомощь. Именно эти качества проявились во время холеры в 1831 году. А.И. Герцен высоко оценивает поведение студентов медицинского факультета Московского университета: «Три или четыре месяца эта чудная молодежь прожила в больницах ординаторами, фельдшерами, сиделками, письмоводителями, - и все это без всякого вознаграждения и притом в то время, когда так преувеличенно боялись заразы» [2, 123].

А.И. Герцен с большой благодарностью вспоминает о Московском университете: «Alma mater!» Я так много обязан университету и так долго после курса жил его жизнью, с ним, что не могу вспоминать о нем без любви и уважения. В неблагодарности он меня не обвинит, по крайней мере, в отношении к университету легка благодарность, она нераздельна с любовью, с светлым воспоминанием молодого развития... и я благословляю его из дальней чужбины!» [3, 137].

По мнению автора произведения «Былое и думы», в истории русского образования и в жизни двух последних поколений Московский университет и Царскосельский лицей играют значительную роль. Он отмечал, что в Москве «университет больше и больше становился средоточием русского образования. Все условия для его развития были соединены – историческое значение, географическое положение и отсутствие царя» [4, 101].

Значительное место в анализе общественной жизни России в творчестве А.И. Герцена занимает характеристика русского чиновничества. Он справедливо отмечает, что чиновничество в России составляет особый слой. Табель о рангах – таблица, содержащая перечень соответствий между военными, гражданскими и придворными чинами, ранжированными по 14 классам. Табель о рангах был введен Петром I 4 февраля (24 января по юлианскому календарю) 1722 года. А.И. Герцен пишет: «Один из самых печальных результатов петровского переворота – это развитие чиновнического сословия. Класс искусственный, необразованный, голодный, не умеющий ничего делать, кроме «служения», ничего не знающий, кроме канцелярских форм; он составляет какое-то гражданское духовенство, священнодействующее в судах и полициях и сосущее кровь народа тысячами ртов, жадных и нечистых» [5, 218].

Выразителем этих качеств был губернатор Вятской губернии Тюфяев. А. И Герцен в Вятке прожил в качестве ссыльного три года. Писатель воссоздает портрет Тюфяева: Власть губернатора вообще растет в прямом отношении расстояния от Петербурга, но она растет в геометрической прогрессии в губерниях, где нет дворянства, как в Перми, Вятке и Сибири. Такой-то край и был нужен Тюфяеву.

Тюфяев был восточный сатрап, но только деятельный, беспокойный, во все мешавшийся, вечно занятый. Тюфяев был бы свирепым комиссаром Конвента в 94 году, - каким-нибудь Карье [9].

Развратный по жизни, грубый по натуре, не терпящий никакого возражения, его влияние было чрезвычайно вредно. Он не брал взяток, хотя состояние себе таки составил, как оказалось после смерти. Он был строг к подчиненным; без пощады преследовал тех, которые попадались, а чиновники крали больше, чем когда-нибудь. Он злоупотребление влияний довел донельзя; например, отправляя чиновника на следствие, разумеется если он был интересован в деле, говорил ему, что, вероятно, откроется то-то и то-то, и горе было бы чиновнику, если б открылось что-нибудь другое [6, 206].

Отдельным сюжетом общественной жизни России в сочинении А.И. Герцена является пенитенциарная система. Писатель знал об этой системе не понаслышке. А.И. Герцен пробыл 9 месяцев в тюрьме и 5 лет в ссылке – Перми, Вятке, Владимире и Новгороде. Автор сочинения «Былое и думы» отмечает: «Чтоб знать, что такое русская тюрьма, русский суд и полиция, для этого надобно быть мужиком, дворовым мастеровым или мещанином. Политических арестантов, которые большею частью принадлежат к дворянству, содержат строго, наказывают свирепо, но их судьба не идет ни в какое сравнение с судьбою бедных бородачей. С этими полиция не церемонится. К кому мужик или мастеровой пойдет потом жаловаться, где надет суд?» [7, 170].

Особой темой общественной жизни России для А.И. Герцена была политическая власть императора Николая I. На нравственный выбор писателя повлияли восстание декабристов и казнь пятерых руководителей. А.И. Герцен в этой связи писал: «Россия лежала безгласно, замертво, в синих пятнах, как несчастная баба у ног своего хозяина, избитая его тяжелыми кулаками. Она вступала тогда в то страшное пятилетие, из которого выходит теперь наконец вслед за гробом Николая» [8, 570]. По мнению А.И. Герцена, моровая полоса, идущая от 1825 до 1855 года, скоро совсем задвинется; человеческие

следы, замеченные полицией, пропадут, будущие поколения не раз остановятся с недоумением пред гладко убитым пустырем, отыскивая пропавшие пути мысли.

Думается, характеристика общественной жизни России XIX века А.И. Герценом имеет прямое отношение к такой отраслевой социологии, как социология знания.

1. Герцен А.И. *Былое и думы. Части 1 – 5. М.: Художественная литература, 1969. С.241. Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая. Том 73.*
2. Герцен А.И. *Былое и думы. Части 1 – 5. М.: Художественная литература, 1969. С.123. Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая. Том 73.*
3. Герцен А.И. *Былое и думы. Части 1 – 5. М.: Художественная литература, 1969. С.137. Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая. Том 73.*
4. Герцен А.И. *Былое и думы. Части 1 – 5. М.: Художественная литература, 1969. С. 101. Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая. Том 73.*
5. Герцен А.И. *Былое и думы. Части 1 – 5. М.: Художественная литература, 1969. С. 218. Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая. Том 73.*
6. Герцен А.И. *Былое и думы. Части 1 – 5. М.: Художественная литература, 1969. С. 206. Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая. Том 73.*
7. Герцен А.И. *Былое и думы. Части 1 – 5. М.: Художественная литература, 1969. С. 170. Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая. Том 73.*
8. Герцен А.И. *Былое и думы. Части 1 – 5. М.: Художественная литература, 1969. С. 570. Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая. Том 73.*
9. Каррье Жан-Батист (1756 – 1794) – участник Великой Французской революции, один из самых жестоких комиссаров Конвента.
10. Мангейм К. *Очерки социологии знания: Теория познания – мировоззрение – историзм. М.: ИНИОН, 1998. 249 с.*

ЗАВИСИМОСТИ ДЛЯ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНЫХ РЕСПОНДЕНТОВ

Басимов Михаил Михайлович
(Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»)

Басимова Полина Михайловна
(Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»)

Аннотация. Статья посвящена специфической группе респондентов, которые оценивают себя как политически активных. Таких респондентов оказалось 48 из 120 опрошенных на момент формирования данных. Это позволило изучать причинно-следственную картину в рамках специфической группы. Изучение своеобразия причинно-следственной картины в рамках специфических групп респондентов позволяет увеличить количество сильных зависимостей и содержательно обогатить их содержание.

Ключевые слова: политическая активность, сензитивность, вербальная агрессия, самоконтроль – импульсивность, зависимый тип

Введение

Политические предпочтения – это взвешенные диспозиции, в основе которых лежит рациональный выбор, осмысленное отношение к политической действительности. Политические ориентации представляют собой обоснование предпочтений с точки зрения усвоенной человеком системы ценностей. Они связаны с убеждениями людей относительно целей и средств действия властей, политических партий и лидеров.

Молодежь одна из самых социально мобильных и динамических групп. Ее изучение помогает оценить актуальное состояние проблемы, позволяет построить определенные прогнозы на перспективу. А изучение политических предпочтений молодежи – актуальная проблема, так как молодежь непосредственно влияет на формирование политической ситуации в стране, определяя ее будущее.

Методы

Авторский метод множественного сравнения [1] позволил построить метод изучения статистических зависимостей [2]. Вначале по каждому параметру формируются квантильные разбиения (триады, кварталы, квинты) данных, после чего для них проводится множественное сравнение по обобщенному варианту, когда сравниваются между собой значения всех параметров для всех квантильных групп. В заключение строятся коэффициенты силы связи, которые нормируются таким образом, чтобы аналог единичной корреляции (зависимость параметра от самого себя) в новых коэффициентах также принимал значение, равное единице. Линейные зависимости становятся одним из частных случаев статистической связи. Когда зависимость далека от линейной (симметричный или несимметричный максимум или минимум), для сильных связей, в основном по результатам расчета коэффициентов силы связи, без субъективного фактора исследователя определяется переменная-причина и переменная-следствие.

Результаты

Междисциплинарное исследование психолого-социологического содержания было проведено на базе РГСУ (2018-2019 гг.). Так как исследование охватывало очень широкий объем диагностируемой информации (2 социологические анкеты и 9 психологических методик), в результате отбора полных комплектов достоверных данных были оставлены 120 респондентов, для которых решались многочисленные аналитические задачи. Для социологических анкет были отобраны и построены по результатам ответов на вопросы анкет 35 интервальных показателя. По психологическим методикам были отобраны 114 шкал. В анализе причинно-следственных связей были реализованы модели зависимостей для триад и кварт независимых переменных.

Статья посвящена специфической группе респондентов, которые оценивают себя как политически активных (подписывал коллективные обращения, петиции; участвовал в проведении избирательной кампании; участвовал в митингах, демонстрациях, пикетах). Таких респондентов оказалось 48 из 120. Изучение своеобразия причинно-следственной картины в рамках специфических групп респондентов позволяет увеличить количество сильных зависимостей и содержательно обогатить их содержание.

Для рассматриваемой в статье группы из 48 респондентов между 163 психологическими и социологическими параметрами сильных линейных связей с коэффициентом корреляции Пирсона ($R > 0.7$) было выявлено 19, все они связывают только социологические или только психологические параметры. При этом большинство из них достаточно предсказуемы и тривиальны. Например, одновременно положительная или отрицательная оценка деятельности президента В.В. Путина, премьера Д.А. Медведева, партии «Единая Россия» характеризуются достаточно сильными корреляциями (коэффициенты корреляции: 0.76, 0.78, 0.87).

Простейших нелинейных связей с коэффициентом силы связи $SV > 0.7$, если не учитывать зависимости между психологическими параметрами, было выявлено 66, из них 18 – зависимости между социологическими параметрами, а 48 связывают социологические и психологические переменные, что значительно больше, чем в других группах респондентов (6 и 8 зависимостей). Политически активные респонденты психологически наиболее интересные, они характеризуются ярко выраженным психологическим портретом и большим количеством причинно-следственных связей, которые определяют зависимости психологических данных с социологическими данными (политические предпочтения и т.д.).

В статье рассматриваются четыре зависимости в модели для триад независимых переменных между социологическими и психологическими показателями, из них в трех зависимостях психологические оценки выступают в роли причины, а в одной – в роли следствия.

1. Зависимость параметра «Оценка деятельности президента В.В. Путина» (SOC-09) от параметра «Сензитивность» (SMI-02):

X-1 (Y= -12600); X-2 (Y= +61106); X-3 (Y= -1761)

Коэффициент силы связи = 0.87 (0.08)

Коэффициент корреляции = 0.17

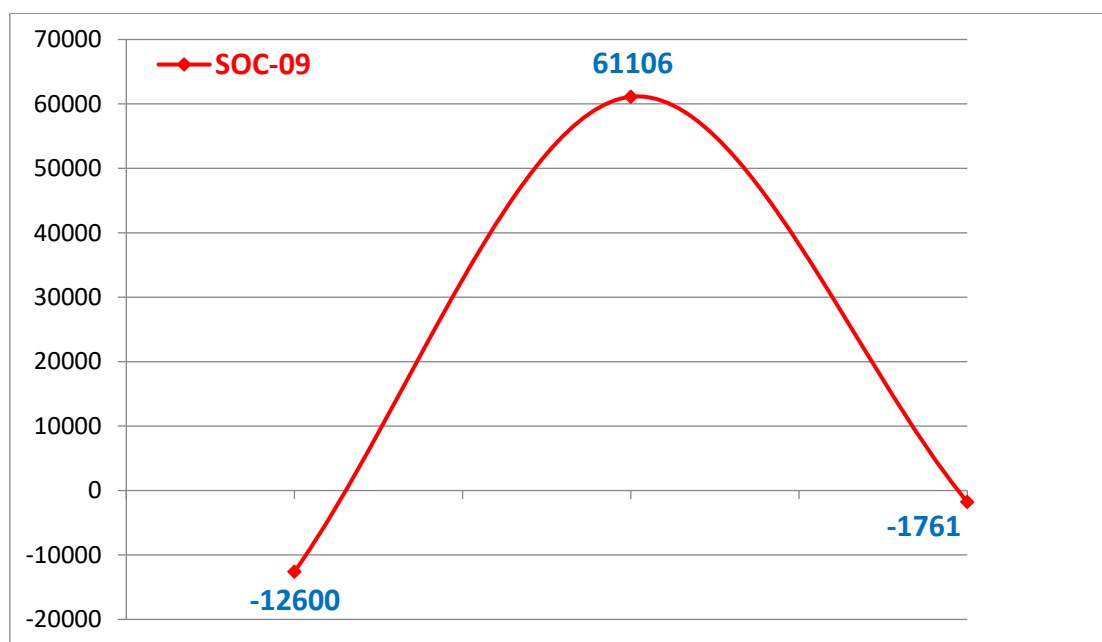

Рис. 1. Зависимость Y: SOC-09 от X: SMI-02

Это зависимость с близким к симметричному максимумом (рис. 1). Средние показатели по шкале «Сензитивность» способствуют формированию высокой удовлетворенности работой президента РФ В.В. Путина (+61106). Сензитивные респонденты с повышенной чувствительностью к обычным эмоциональным воздействиям, которые чувствительные и впечатлительные, отличаются глубиной эмоциональной жизни, оценивают деятельность президента на нейтральном, отстраненном уровне (-1761). Респонденты противоположных свойств, которым сензитивность явно не свойственна, наиболее низко, но при этом не критично, оценивают деятельность президента (-12600).

Обратная зависимость по коэффициенту силы связи крайне слабая ($SV'=0.08$), что говорит о однозначно односторонней зависимости. Корреляция также крайне слабая ($r=0.17$) и даже для сторонников «значимой» корреляции интереса не представляет (критическое значение для выборки объемом $N=48$ и $p=0.05$ равно 0.285).

2. Зависимость параметра «Удовлетворенность результатами голосования на выборах президента РФ» (SOC-32) от параметра «Вербальная агрессия» (AGR-7):

X-1 (Y= +32760); X-2 (Y= -65070); X-3 (Y= +3160)

Коэффициент силы связи = 1.05 (0.13)

Коэффициент корреляции = -0.19

Это зависимость с несимметричным минимумом (рис. 2). Средние показатели по шкале «Вербальная агрессия» способствуют полной неудовлетворенности результатами голосования на выборах президента РФ (-65070). Но при этом низкий уровень по шкале «Вербальная агрессия», способствует уже достаточно высокой оценке удовлетворенности результатами голосования (+32760). А вот умеренная оценка (+3160) результатов президентских выборов в группе политически активных респондентов наблюдается как следствие высокого уровня вербальной агрессии, когда негативные чувства проявляются как через крик или визг (форма агрессии), так и через содержание словесных ответов (проклятия, угрозы).

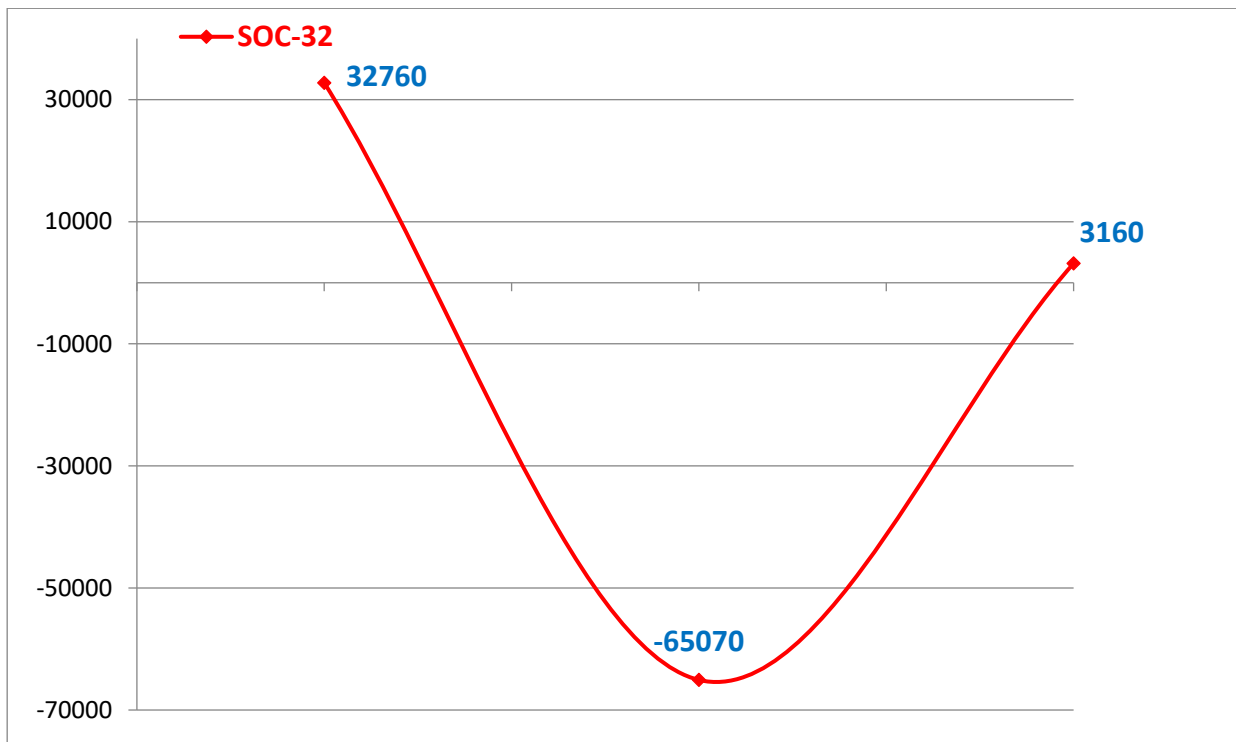

Рис. 2. Зависимость Y: SOC-32 от X: AGR-7

Обратная зависимость по коэффициенту силы связи очень слабая ($SV^2=0.13$), что говорит о однозначно односторонней зависимости. Корреляция ($r=-0.19$) также крайне слабая и для сторонников корреляционного анализа связи между двумя рассматриваемыми переменными не существует.

3. Зависимость параметра «Оценка деятельности партии «Единая Россия» (SOC-07) от параметра «Самоконтроль – импульсивность» (25F-14):

X-1 (Y= -7033); X-2 (Y= +48847); X-3 (Y= -49881)

Коэффициент силы связи = 0.98 (0.03)

Коэффициент корреляции = -0.05

Это зависимость с явно несимметричным максимумом (рис. 3). Политически активные респонденты, которые по шкале «Самоконтроль – импульсивность» занимают среднее положение (2 триада), которым не свойственен ни самоконтроль, ни импульсивность как преобладающее личностное качество, крайне высоко оценивают деятельность партии «Единая Россия» (+48847). Респонденты, характеризующиеся преимущественно самоконтролем как личностной особенностью, низко, но не критично (-7033) оценивают деятельность партии власти. А вот респонденты преимущественно импульсивного склада дают крайне негативную оценку партии (-49881).

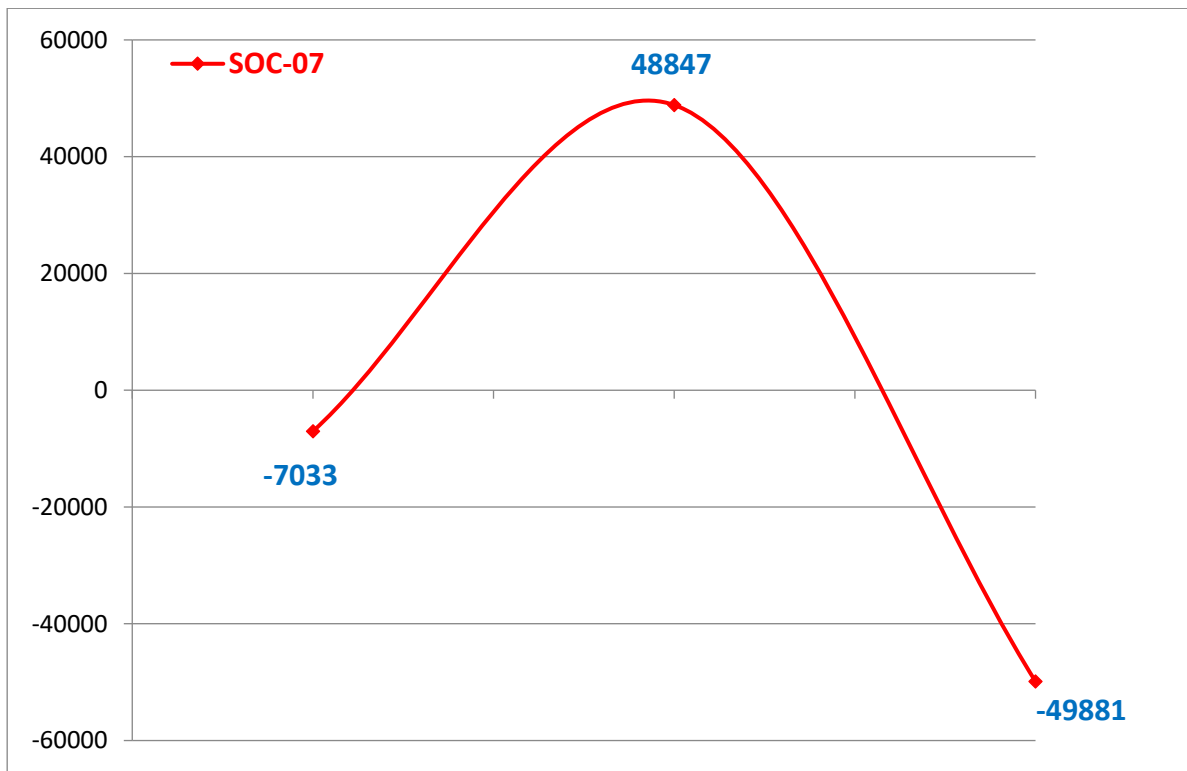

Рис. 3. Зависимость Y: SOC-07 от X: 25F-14

Обратная зависимость по коэффициенту силы связи близка к нулю ($SV'=0.03$), что также говорит об однозначно односторонней зависимости. Корреляция также близка к нулю ($r=-0.05$).

4. Зависимость параметра «**Зависимый тип**» (LIR-06) от параметра «**Субъективная оценка своей политической активности**» (SOC-06):

X-1 (Y= +2053); X-2 (Y= -40354); X-3 (Y= +49583)

Коэффициент силы связи = 0.84 (0.03)

Коэффициент корреляции = 0.21

Зависимость с явно несимметричным минимумом (рис. 4). Если в группе политически активных респондентов их субъективные оценки своей политической активности определяются на низком уровне (1 триада на фоне группы), то наиболее вероятно среди них оценка по шкале «Зависимый» при диагностике типов отношения к окружающим будет на среднем уровне (+2053). Но уже при среднем субъективном оценивании своей политической активности наиболее вероятны абсолютно независимые представители (-40354). Но самое интересное, кто субъективно своей активности в политической жизни дает высокие оценки, оказываются при диагностике типов отношения к окружающим как крайне зависимые типы (+49583), которым часто свойственны неуверенность в себе, тревога по любому поводу, зависимость от чужого мнения.

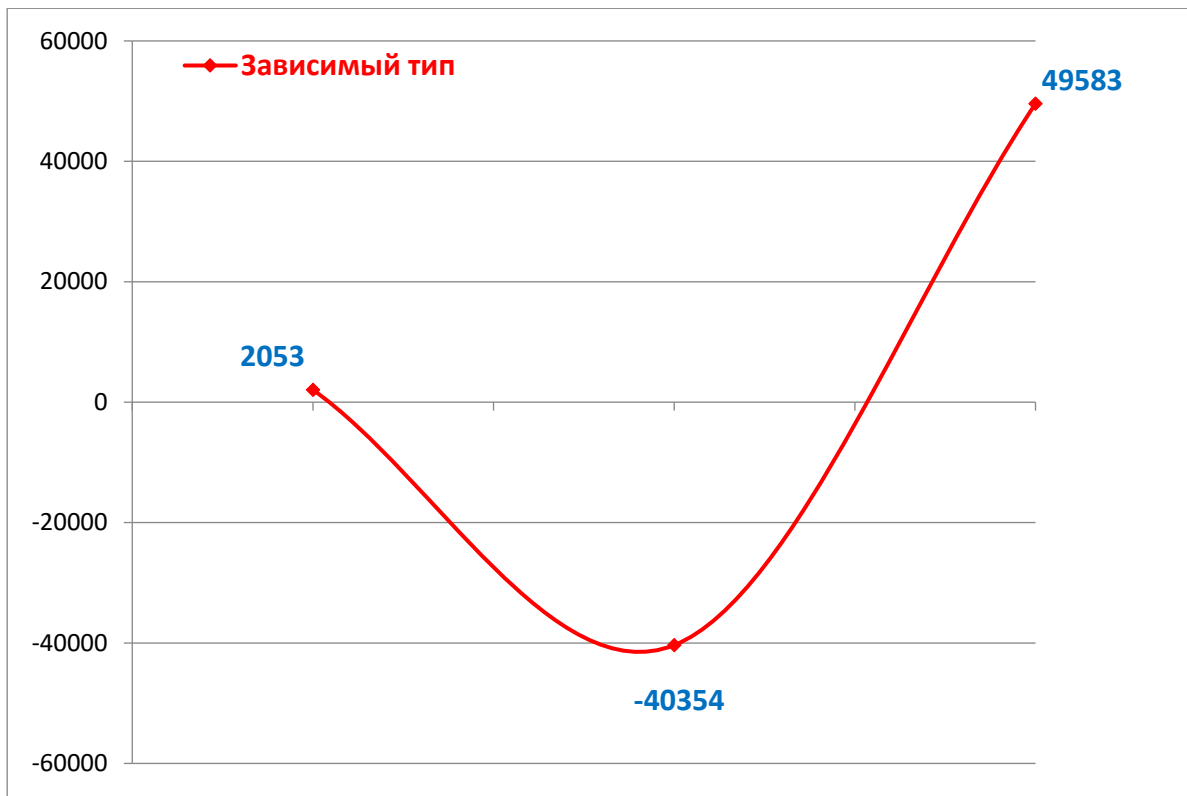

Рис. 3. Зависимость Y: LIR-06 от X: SOC-06

Обратная зависимость по коэффициенту силы связи практически нулевая ($SV'=0.03$), что также говорит об однозначно односторонней зависимости. Корреляция также достаточно слабая ($r=0.21$), как и раньше даже не «значимая».

Заклучение

Для причинно-следственного анализа данных опасно смешивать разноплановые группы, т.к. неизбежна потеря многих связей, кроме небольшого количества линейных зависимостей, которые без проблемы можно предсказать и без сбора данных и последующей статистической обработки. Своеобразие каждой номинальной группы определяет как специфические для нее причинно-следственные связи, так и общее их количество. А попытка усреднить все данные, смешав пропорционально в одну выборку различных респондентов по социальному и материальному положению, образованию, возрасту и т.д. даст возможность в рамках региона или страны получить ответ на отдельные простые практические вопросы, но это не путь для глубокого аналитического изучения причинно-следственных конструкций, особенно в рамках междисциплинарных исследований.

1. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», – 2008. – 432 с.
2. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods): Monograph. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, – 2011. – 185 p.

ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ МЕДИАТИЗАЦИИ МЕДИЦИНЫ НА ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ

*Белов Антон Александрович
(МГУ им. М.В. Ломоносова)*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

Основой настоящей статьи послужили результаты эмпирических исследований, проведенных сотрудниками социологического факультета, доктором социологических наук, доцентом Т.В. Семиной и аспирантом А.А. Беловым рассматривается негативное влияние цифровых СМИ на здоровьесбережение населения Российской Федерации. По сути речь идет о «медиатизации медицины», под которой понимают «процесс, вызванный появлением средств цифровой коммуникации, в результате которого массы получили свободный доступ к медицинской информации, связанные со здоровьем человека и общества, так или иначе опосредуются цифровыми СМИ.

Автором выделяется, регулярная подача СМИ неконтролируемой псевдомедицинской информации, с признаками экономической ангажированности, присутствующие в СМИ, выражаются в том, что фактором экономической рентабельности для средств массовой информации является доход от рекламы, особенно от фармацевтических препаратов и лекарственных средств. Наиболее эффективными по воздействию на аудиторию являются ролики, рекламирующие лекарственные препараты на телевидении.

В 2019 г. доктором социологических наук, доцентом социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Т.В. Семиной была доказана деструктивная роль СМИ в генезисе социального конфликта в системе «врач-пациент». В апреле – июле 2024 г. автором также было предпринято эмпирическое социологическое исследование, посвященное проблематике здоровьесбережения в Российской Федерации, в частности, эффективности воздействия рекламы, размещаемых в СМИ, на здоровые установки россиян, результаты которого представлены в статье. В целом результаты эмпирических исследований, проведенные Т.В. Семиной и подтвержденные авторским исследованием доказывают дисфункциональность СМИ в отношении популяризации здоровья граждан России в целом, их деструктивное влияние на сознание как здоровых, так и больных людей.

Автор подчеркивает, что беречь здоровье не так сложно, но, к сожалению, многие люди даже и не пытаются это сделать, руководствуясь определенными установками, навязываемыми СМИ. Например, что после определенного возраста абсолютно все имеют проблемы с повышенным давлением, избыточной массой тела, гормональные и прочие расстройства и должны регулярно принимать соответствующие (навязанные рекламой) лекарственные препараты или биологически активные добавки, эффективность которых научно не доказана. Самое главное, необходимы изменения в развитии самосохранительного поведения у населения. Основная задача государства не только в развитии эффективной системы здравоохранения, но и в пропаганде ответственного

отношения граждан к собственному здоровью, которое подразумевает регулярные медицинские обследования, отказ от вредных привычек, ведение здорового образа жизни, предполагающего «жизнь в движении», полноценный сон и когнитивную активность.

The basis of this article was the results of empirical research conducted by the staff of the Faculty of Sociology, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor T.V. Semina and postgraduate student A.A. Belov. The negative impact of digital media on the health of the population of the Russian Federation is considered. In essence, we are talking about the "mediatization of medicine", which is understood as "a process caused by the emergence of digital communication tools, as a result of which the masses have gained free access to medical information related to the health of a person and society, one way or another mediated by digital media.

The author highlights that the regular supply of uncontrolled pseudo-medical information to the media, with signs of economic bias, present in the media, is expressed in the fact that the factor of economic profitability for the media is advertising revenue, especially from pharmaceuticals and medicines. The most effective in influencing the audience are commercials advertising drugs on television.

In 2019, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor of the Faculty of Sociology of Moscow State University. M.V. Lomonosov T.V. Semina proved the destructive role of the media in the genesis of social conflict in the "doctor-patient" system. In April - July 2024, the author also undertook an empirical sociological study devoted to the problems of health preservation in the Russian Federation, in particular, the effectiveness of the impact of advertising placed in the media on the healthy attitudes of Russians, the results of which are presented in the article. In general, the results of empirical studies conducted by T.V. Semina and confirmed by the author's study prove the dysfunctionality of the media in relation to the popularization of the health of Russian citizens in general, their destructive influence on the consciousness of both healthy and sick people. The author emphasizes that it is not so difficult to take care of health, but, unfortunately, many people do not even try to do this, guided by certain attitudes imposed by the media. For example, that after a certain age absolutely everyone has problems with high blood pressure, excess weight, hormonal and other disorders and should regularly take the appropriate (imposed by advertising) medications or dietary supplements, the effectiveness of which has not been scientifically proven. Most importantly, changes are needed in the development of self-preservation behavior in the population. The main task of the state is not only to develop an effective health care system, but also to promote a responsible attitude of citizens to their own health, which implies regular medical examinations, giving up bad habits, leading a healthy lifestyle, which involves "life in motion", adequate sleep and cognitive activity.

1. Гафиатулина Н.Х. *Здоровье молодёжи российского общества: социологический анализ неблагоприятных тенденций* // Вестник Института ИАЭ. 2016. № 1. С. 140 – 143.
2. Кошкина А. *Непреклонный возраст. Как снизить скорость на пути к старости* // Профиль. № 4 (115). 2020.
3. Маркова Н.В., Рютин С.Г. *здоровье студенческой молодежи: современные тенденции* // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 3. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=37961> (Дата обращения: 06.04.2023).
4. Осипова Н.Г. *Социальное конструирование здоровья современной российской молодёжи: основные векторы отечественного дискурса* // вестник московского университета. 2023. № 4.
5. Осипова Н.Г. *Социология. М.: Изд-во ФИВ, 2024. С. 326 – 327.*

6. Осипова Н.Г. Теории влияния СМИ // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь справочник / Отв. Ред. М.И. Панов. М.: ООО «Агентство КРПА Олимп», 2005.
7. Русанова Н.Е. Эпидемия неинфекционных заболеваний и здоровье населения России // Демографический журнал. 2018. № 5. С. 2 – 4.
8. Селезнев Е.Ф., Чайцев В.Г. Медико-фармацевтические, информационно-образовательные проблемы биоэтики (окончание) // Экономический вестник фармации. 2005. № 3. URL: <https://www.lawmix.ru/med/2880> (Дата обращения: 23.07.2024).
9. Семина Т.В. Медицина и общество: солидарность и конфликт. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020.
10. Семина Т.В. Деструктивная роль СМИ в генезисе социального конфликта в системе «врач-пациент» // Солидарность и конфликт в социальной системе «врач – пациент» в современном российском обществе. Дисс. докт. соц. наук. М.: МГУ, 2019. С. 142 - 169.
11. Смяуха В.В. Медиатизация общества: проблемы и последствия // Научные Вестности. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 18 (215). Выпуск 27. С. 38 - 48.
12. Учиться жить, а не доживать // Профиль. № 4 (115). 2020.
13. Shutova M.V., Rocheva Y.S. Digital media and new patient-clinic-doctor interaction patterns // Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar (2021 ComSDS). April 14, 2021: 82 - 85.
14. Gafiatulina N.H. Zdorov'e molodyozhi rossijskogo obshchestva: sociologicheskij analiz neblagopriyatnyh tendencij // Vestnik Instituta IAE. 2016. № 1. S. 140 – 143.
15. Koshkina A. Nepreklonnyj vozrast. Kak snizit' skorost' na putik starosti // Profil'. № 4 (115). 2020.
16. Markova N.V., Ryutin S.G. zdorov'e studencheskoj molodezhi: sovremennye tendencii // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2020. № 3. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=37961> (Data obrashcheniya: 06.04.2023).
17. Osipova N.G. Social'noe konstruirovanie zdorov'ya sovremennoj rossijskoj molodyozhi: osnovnye vektory otechestvennogo diskursa // vestnik moskovskogo universiteta. 2023. № 4.
18. Osipova N.G. Sociologiya. M.: Izd-vo FIV, 2024. S. 326 – 327.
19. Osipova N.G. Teorii vliyaniya SMI // Effektivnaya kommunikaciya: istoriya, teoriya, praktika: Slovar' spravochnik / Otv. Red. M.I. Panov. M.: ООО «Агентство КРПА Олимп», 2005.
20. Rusanova N.E. Epidemiya neinfekcionnyh zabolevanij i zdorov'e naseleniya Rossii // Demograficheskij zhurnal. 2018. № 5. S. 2 – 4.
21. Seleznev E.F., Chajcev V.G. Mediko-farmaceuticheskie, informacionno-obrazovatel'nye problemy bioetiki (okonchanie) // Ekonomicheskij vestnik farmacii. 2005. № 3. URL: <https://www.lawmix.ru/med/2880> (Data obrashcheniya: 23.07.2024).
22. Semina T.V. Medicina i obshchestvo: solidarnost' i konflikt. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya», 2020.
23. Semina T.V. Destruktivnaya rol' SMI v genezise social'nogo konflikta v sisteme «vrach-pacient» // Solidarnost' i konflikt v social'noj sisteme «vrach – pacient» v sovremennom rossijskom obshchestve. Diss. dokt. soc. nauk. M.: MGU, 2019. S. 142 - 169.
24. Smeyuha V.V. Mediatizaciya obshchestva: problemy i posledstviya // Nauchnye Vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki. 2015. № 18 (215). Vypusk 27. S. 38 - 48.
25. Uchit'sya zhit', a ne dozhivat' // Profil'. № 4 (115). 2020.
26. Shutova M.V., Rocheva Y.S. Digital media and new patient-clinic-doctor interaction patterns // Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar (2021 ComSDS). April 14, 2021: 82 - 85.

ПУТИ СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА БОРЬБЫ (НА ПРИМЕРЕ США)

*Вахрушев Артем Владимирович
(Северный (Арктический) федеральный университет)*

Аннотация. Борьба с бедностью выходит на первые позиции как в России, так и мире. Новые вызовы требуют новых решений. Несомненно, анализ социальных практик стран, решающих подобные задачи, необходимо тщательно изучать. США, не смотря на ряд отличий, по ряду критериев очень похожи на Россию. Опыт рассматриваемого государства заслуживает внимания, но импорт практик по борьбе с бедностью необходимо осуществлять после тщательного анализа, отбора и адаптации согласно параметрам институциональной матрицы РФ и временного отрезка.

Ключевые слова: Борьба с бедностью, факторы влияния, зарубежный опыт, США, бедные, малоимущие.

В настоящее время исследование бедности чрезвычайно актуально, поскольку оно направлено на одну из важнейших задач современности – преодоление рассматриваемого явления. В последние несколько лет значимость этой темы особенно возросла. Глобальные события (эпидемия COVID-19, геополитические события 2022-2024 гг.) увеличивают риски роста уровня бедности как в мире, так и в Российской Федерации уже в краткосрочной перспективе [6]. Казалось бы, самый простой способ сформировать эффективную модель по борьбе с бедностью – это изучить опыт других стран, отобрать наиболее удачные практики и реализовать их на своем поле. При этом исполнители зачастую забывают о риске отторжения таких социальных практик, в том числе из-за несовпадения базовых ценностей нации, психологических особенностей индивида или временного периода развития. Основной вопрос заключается в правильном и рациональном выборе стран для дальнейшего анализа их опыта.

По результатам анализа по ряду параметров (доля крайне бедных людей в стране, применяемые подходы в оценке национального уровня бедности, тип базовой институциональной матрицы, тип применяемой модели социальной политики, схожесть климатических и географических условий проживания) для потенциального импорта в Российскую Федерацию социальных практик, направленных на борьбу с бедностью, наиболее оптимальными являются ряд стран, в том числе США.

В 1964 году президент Л. Джонсон заявил о том, что правительство США «...объявляет безоговорочную войну бедности...», борьба с явлением позиционируется как национальная задача [5]. Администрация Л. Джонсона строила свою тактику в войне с бедностью на повышении влияния государства в таких отраслях, как образование и здравоохранение, а также на создании механизмов предотвращения попадания домохозяйств за черту бедности [3]. После окончания президентского срока Л. Джонсона была обеспечена преемственность поддержки малообеспеченных граждан. Реализуемые мероприятия продолжали носить масштабный характер вплоть до 1987 года, когда Р. Рейган заявил, что в борьбе с бедностью победила бедность. Эксперты пришли к выводу, что оказываемая помощь катализировала формирование иждивенческой модели поведения части категории малоимущих, что только усугубило проблему.

Таким образом, на начало XXI века бедность в США не была побеждена и осталась серьезной национальной проблемой. Пиком стал 2010 год с показателем 15,1%. В 2011-2012 годах доля американцев, проживающих за чертой бедности, была ниже, но уже на рекордно высоком для США уровне в 46,5 млн. граждан, что составляет 15% населения страны. Из

этого количества нуждающихся треть составляют дети – 16 миллионов человек. Многие эксперты связывают это с увеличением количества матерей-одиночек в США.

Основной вывод, который делает официальная статистика США, что несмотря на то, что на конец 2011 года в относительном показателе удалось обеспечить снижение уровня бедности до 15%, в абсолютных цифрах произошел значительный рост численности бедного населения (до 46,2 миллионов человек). В 2013 году было заявлено, что 14,5% граждан страны находятся за чертой бедности [2]. В этом же году было отмечено, что на тот период уже 4 из 5 взрослых американцев (80%) находятся вблизи или за чертой бедности, а разрыв между бедными и богатыми достиг рекордно высокого уровня [4].

По данным Бюро переписи населения США, официальный уровень бедности в 2017 году несколько снизился и составил 12,3% [7]. Это меньше, чем в 2014 году, что было самым высоким показателем в истории США. Тем не менее, США продолжает с бедностью. Действует достаточно обширная система социальной помощи и поддержки (порядка 90 программ) по основным 10 направлениям: денежная помощь, медицина, питание, жилье, энергетика и коммунальные услуги, образование, профессиональное обучение, услуги, уход за детьми и развитие сообщества. Программы социального обеспечения включают прямое финансирование, медицинские услуги, продовольственную помощь, жилищные субсидии, субсидии на энергию и коммунальные услуги, образование и помощь по уходу за детьми, обеспечение занятости. Часть программ имеет всеобщий охват (например, начальное и среднее образование), другие носят адресный характер (например, жилищные субсидии, субсидии на обучение в колледже).

В 2021 году была предпринята попытка реализовать масштабную программу по развитию социальной сферы страны. Она предполагала финансирование в объеме 3,5 триллиона долларов США и включала в себя дополнительное финансирование системы образования и здравоохранения, в том числе гарантии дополнительных четырех лет обучения, учреждение полноценной системы оплачиваемых декретных отпусков и оплачиваемых больничных, расширение покрытия медицинского страхования в сфере офтальмологии и стоматологии, снижения стоимости лекарств, в том числе для пожилых людей. Но реализация этой инициативы была возможна только за счет повышения ставок по налогообложению обеспеченных слоев граждан. Это могло бы приблизить систему социального обеспечения США к европейским стандартам, но Конгресс не принял их [1].

Основные выводы по результатам проведенного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Основные выводы проведенного анализа

Сходства в факторах влияния и причинах возникновения	Ограничения для импорта	Перечень практик для адаптации и импорта
<ul style="list-style-type: none"> • Применение в течение длительного периода абсолютного подхода в оценке уровня бедности. • Реализация принципа принятия решений по 	<p>Альтернативная модель институциональной матрицы</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Развитие системы благотворительности. • Образование – как механизм для преодоления ловушек бедности. Система СПО – как фактор преодоления ловушки бедности для молодежи. • Развитие программ помощи семьям с детьми-иждивенцами.

<p>борьбе с бедностью на уровне региона.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Преемственность курса на протяжении длительного периода 		<ul style="list-style-type: none"> • Развитие системы здравоохранения по российскому образцу. • Нормативно-правовые акты, регулирующие механизм распределения избытка продовольствия.
--	--	---

В США и РФ реализуются собственные модели по борьбе с бедностью. Есть общие черты, есть существенные различия. Но, очевидно, что без главенствующей роли государства, которое определяет стратегию борьбы, и перманентной продолжительной работы добиться успеха невозможно. При этом есть ключевые аспекты, вовлечение или не вовлечение которых в борьбу оказывает серьезное влияние на результаты. На сегодняшний момент 4 области определяют успех дальнейших действий, а именно: 1) обеспечение адресности мер социальной поддержки; 2) осуществление модели, когда тактические и оперативные действия реализуются на уровне региона и муниципалитета; 3) более активное вовлечение различных социальных институтов и институциональных форм; 4) переход на многомерный подход в оценке уровня бедности.

1. Америка пошла по рельсам. Триллионный инфраструктурный план утвержден в США, на социальный ищут деньги. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4937457?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter (дата обращения 30.08.2021)
2. Киселева, М. Е. Эффективна ли борьба с бедностью в США? / М. Е. Киселева // Современное общество, образование и наука : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 16 частях, Тамбов, 31 марта 2015 года. – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2015. – С. 38-39.
3. Литвяков, М. В. Теория «порогов бедности» в русле американской кампании по борьбе с бедностью / М. В. Литвяков // Актуальные проблемы истории, теории и технологии социальной работы : сборник научных статей / Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова; ФГБОУ ВО Донской государственный аграрный университет. – Новочеркасск : ООО «Лик», 2016. – С. 102–105.
4. Родионова, М. Е. Бедность в США: концептуальные основания и методика расчета / М. Е. Родионова, Е.Л. Круглова // Социальные изменения в современном обществе : коллективная монография. – Ульяновск : ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2016. – С.292
5. Annual Message to the Congress on the State of the Union, January 8, 1964 // Public Papers of the Presidents of the United States: Lyndon B. Johnson, 1963–64 (Washington, DC: GPO, 1965), 1:114.
6. Nowcast of the Global Poverty Rate at the \$1.90 Line, 2015–21 URL: <https://www.worldbank.org/en/understanding-poverty>. (дата обращения 30.03.2022)
7. Poverty Estimates, Trends, and Analysis URL: <https://aspe.hhs.gov/topics/poverty-economic-mobility/poverty-estimates-trends-analysis> (дата обращения 14.09.2021).

ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ВЕКТОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ИМИДЖА РОССИИ

*Ведерникова Мария Игоревна
(СПбГУ)*

Аннотация: Международный дискуссионный клуб «Валдай» является одной из немногих площадок, на которой не только обсуждают актуальные проблемы в сфере политики, экономики, общественной жизни, но и формируют стратегию развития на несколько лет вперед. Именно поэтому представляется актуальным проанализировать основные месседжи и смыслы, которые Россия транслировала и будет в ближайшей перспективе активно транслировать на внешние аудитории. В данном исследовании были проанализированы выступления президента РФ В.В. Путина на Международном дискуссионном клубе «Валдай» в период с 2014 по 2023 год. Научная новизна заключается в исследовании смены вектора продвижения международного имиджа России. Если до 2022 года основной упор был сделан на создании позитивного имиджа России в европейских странах и в США, то в последнее время акцент смещается на продвижение имиджа России в большем количестве регионов.

Ключевые слова: имидж, PR, Россия, восприятие, продвижение, дискуссионный клуб Валдай, вектор имиджа, вектор, Владимир Путин, имидж страны.

События, начавшиеся в 2022 году, привели к резкому ухудшению отношений между Россией и многими странами в тех областях, которые составляют объективную основу имиджа страны. Заметное ухудшение имиджа России началось в 2014 году в связи с событиями Крымской весны и вооружённым конфликтом на востоке Украины, получило своё развитие после вступления России в военный конфликт в Сирии и значительно ухудшилось после 24 февраля 2022 года — начала специальной военной операции. Результатом продолжавшегося на протяжении 8 лет политического противостояния явились такие меры по отношению к нашей стране, как санкции и ограничения в торговле, а также в экономических, финансовых и производственных связях. В «Концепции внешней политики Российской Федерации» от 2023 года учитываются изменения, произошедшие на международной арене после 24 февраля 2022 года.

Многие специалисты отмечают, что на протяжении последних лет современный образ нашей страны в некоторых сферах взаимодействия с другими государствами оказывается худшим, чем реальное положение дел. Из этого логично следует необходимость анализа причин, влияющих на негативное восприятие России. Не менее важно подробно изучить и те факторы, которые способствуют или могут способствовать улучшению имиджа нашей страны, а также направления, которые представляются наиболее перспективными для его дальнейшего развития.

Проводимые ранее имиджевые кампании [1, 67] в настоящее время не могут быть реализованы из-за изменения информационной повестки и общего настроения жителей европейских стран, США и других стран западной цивилизации. Поэтому вектор современного имиджа России сместился на другие регионы [3, 90]: Азия, Африка и Латинская Америка.

Несмотря на то, что выражение «вектор имиджа» встречается довольно часто как в официальных документах и выступлениях политиков, так в научных работах, точное и чёткое определение этого понятия до сих пор не сформулировано в российской политической науке.

В данной работе автор предлагает следующее определение понятия: вектор имиджа – конкретное направление формирования и продвижение имиджа, которое определяет имиджмейкер и на основании которого строится PR-стратегия.

Подробный анализ трансформации вектора имиджа России, связанной с двумя знаковыми событиями – присоединением Крыма и началом специальной военной операции – позволяет понять причины сложившегося восприятия нашей страны и перенаправить усилия на те страны и регионы, которые на данном этапе являются более приоритетными. При проведении грамотной имиджевой политики достигнутый положительный результат может способствовать улучшению имиджа России и в других сферах и регионах.

Каждое выступление президента РФ В.В. Путина на Международном дискуссионном клубе «Валдай» является знаковым событием [4, 115], поскольку в нём явно прослеживаются стратегические направления внутренней и внешней российской политики на ближайшие годы, а, возможно и десятилетия [2, 92].

При помощи программного обеспечения AntConc (v. 4.2.4) были автоматически обработаны согласно алгоритмам программы тексты выступлений президента РФ В.В. Путина на Международном дискуссионном клубе «Валдай» в период с 2014 по 2023 гг. Соответственно, хронологические рамки исследования охватывают период с 2014 по 2023 гг. При этом основной акцент делается на период с 2022 по 2023 гг., т. е. после начала СВО и последовавшей за этим реакции различных государств.

Основные выводы могут быть сведены к следующим:

В результате присоединения Крыма и начала СВО имидж России на международной арене серьезно ухудшился. Однако он не приобрел новых качеств. Произошла лишь актуализация негативных стереотипов и исторических представлений о России.

Ключевые векторы продвижения международного имиджа России существенно изменились после 2022 года, который был переломным во внешней политике России.

Основой для улучшения имиджа России может стать создание и продвижение уникального бренда «Россия», который должен включать в себя народ, культуру и традиции, инвестиции и иммиграционное законодательство, внешнюю и внутреннюю политику, торговые марки экспорта и туризм, т.е. все вершины шестиугольника бренда нации С. Анхольта, но, при этом, основной акцент национального бренда стоит делать на гуманитарную плоскость.

Ключевым аспектом имиджевой оптимизации может стать продвижение культурно-гуманитарного образа России. Научные, образовательные и культурные связи позволяют противодействовать углублению процессов видения нашей страны в негативном свете.

Основными месседжами, транслируемыми на внешнюю международную аудиторию, являются следующие:

Основу российской цивилизации составляет мирное сосуществование самых разных национальностей, религий и культур.

В основе решений, предлагаемых Россией по различным вопросам, всегда лежит уважение к интересам всех сторон, чьи интересы могут быть затронуты.

Основной приоритет при строительстве нового открытого мира состоит в том, что ни одна цивилизация ничего не навязывает другим цивилизациям, но и не позволяет ничего навязывать себе.

2. Воробьева П. Е. «Образ врага» в контексте пандемии: дискурс-анализ выступления Владимира Путина в дискуссионном клубе «Валдай» / П. Е. Воробьева // Ноябрьские социологические чтения: Сборник материалов молодежной научной конференции, Санкт-Петербург, 09–10 ноября 2020 года. Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт». – 2021. С. 91-93.
3. Калюга А. А. Китайская тематика в выступлениях Владимира Путина на итоговых пленарных сессиях международного дискуссионного клуба «Валдай» (2012-2020 гг.) / А. А. Калюга // 30 лет без Союза: потери, удаchi, перспективы: материалы Всероссийской студенческой конференции, Иркутск, 27 марта 2021 года. Иркутск: Иркутский государственный университет. – 2021– С. 89-94.
4. Камышанская С.С. Валдайский форум как площадка политической коммуникации: артикулирование культурных, духовных и политических традиций России / С. С. Камышанская // Коммуникология. – 2021. – Т. 9, № 4. С. 114-123.

ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ЖИЗНИ МОНОГОРОДА ТОЛЬЯТТИ

*Вершинина Мария Александровна
(ИСЭПН ФНИСЦ РАН)*

Ключевые слова: моногород, социально-экономические вызовы, «привязанность к месту.

Моногород – специфический вид города, появившийся на этапе индустриального развития России. Такие города создавались как проект, главной целью которого было развитие производства. Характерной чертой монопрофильных городов или моногородов является зависимость социально-экономического развития от деятельности одного или нескольких градообразующих предприятий. Социально-экономическое развитие моногородов России всегда было непростым. Экономические кризисы, происходящие в стране, незамедлительно сказываются на экономике моногородов и в конечном итоге на уровне жизни населения.

Тольятти – один из моногородов нашей страны, также является примером зависимости социальной сферы от успехов градообразующего предприятия. Тольятти – самый крупный из моногородов: на 01.07.2024 расчетная численность населения городского округа составила 665 тыс. чел. В структуре промышленности города по-прежнему преобладают традиционные виды деятельности — автомобилестроение и химическое производство: в январе–июне 2024 года их доля составила 62,5% и 18,9% соответственно. Удельный вес прочих видов промышленной деятельности составил 18,6%. [1]

Как уже было отмечено выше качество и уровень жизни населения моногорода тесно связаны с работой градообразующего предприятия. Социальная сфера, как правило, спонсируется именно такой организацией. В 1970-х Тольятти разрастался и привлекал молодых специалистов со всей страны – новый завод АвтоВАЗ нуждался в кадрах различной направленности и активно спонсировал благоустройство города. Новый город или Автозаводский район, построенный при заводе, являл собой амбициозный проект, ознаменовавший начало брежневской эпохи в Тольятти. Тут мы видим новый взгляд на социальное обеспечение населения – право на жильё и право на работу.

Но вернёмся в 20-е г. 21 века. В последние годы социально-экономическую ситуацию в г.о. Тольятти можно охарактеризовать как неоднозначную. Город неоднократно попадал в топ-10 лучших моногородов страны в рейтинге исследователей ВЭБ.РФ [2], согласно классификации экспертов географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством профессора Л. В. Смирнягина [3], Тольятти относится к стабильным крупным (667 956 чел.) городам, обладающим достаточным альтернативным рынком труда. При этом, в городе наблюдаются серьёзные проблемы с развитием транспортной системы, благоустройством, наблюдается дефицит кадров, а отток населения, особенно молодёжи, является проблемой для города уже не первый год. Экономика города регулярно сталкивается с вызовами, санкционная деятельность, начавшаяся в конце февраля 2022 года, повлияла на работу одного из основных предприятий города – АО «АвтоВАЗ». Завод был вынужден отказаться практически от всех моделей, разработанных за последние годы. За последние несколько лет предприятие неоднократно оказывалось в простое.

Автору представляется важным разобраться в ситуации каждого отдельного моногорода. Не смотря на общие характерные черты, каждый из городов имеет свою историю, специфику, локальную культуру, обладает своими, отличными от других,

перспективами. Сегодня эти города переживают не самые простые времена, многие столкнулись с натиском секционного давления – градообразующие предприятия были вынуждены приостановить свою деятельность, продавать активы, сокращать персонал. Многие предприятия различных сфер (лесопромышленный комплекс, машиностроение) зависят от импорта комплектующих – это стало серьёзной проблемой в нынешних условиях. Так или иначе, каждое предприятие и город соответственно, выбирает свой путь адаптации в сложившейся ситуации.

Итак, Тольятти, в последние годы сталкивается со следующими вызовами: отток населения, качество медицинских услуг, развитие городской транспортной системы, вопрос благоустройства городской среды, отсутствие карьерных перспектив, нереализованный культурный, туристический потенциал города.

На протяжении многих лет численность населения была не ниже 700 тысяч тольяттинцев. Тенденция к снижению началась в 2019 г. – по итогам того года в Тольятти осталось 699 367 человек. Миграционный приток в город существенно сократился, смертность уже несколько лет превышает рождаемость. Это общероссийский тренд, изменить который, похоже, не получается и на федеральном уровне. Отток экономически активного населения – вот, что является весьма острой проблемой для современного города. Такая тенденция приводит к вымыванию человеческого потенциала территорий. Согласно официальным данным уровень безработицы в городе составляет всего лишь 0,23 % (890 чел.). Заявленная предприятиями и организациями потребность в работниках составила 11905 ед. Доля рабочих вакансий – 66 %. Но, к сожалению, в наше время завод потерял звание престижного и надёжного работодателя, молодёжь не стремится на завод, предпочитая другие сферы и организации для трудоустройства. Например, стремительное развитие сферы услуг – такси и доставка товаров. Тольяттинцы сегодня без проблем могут найти постоянную работу или подработку именно в этой сфере. Именно сюда и предпочитают уходить молодые.

Городское благоустройство, некогда спонсируемое заводом, теперь, находится под ведением Департамента городского хозяйства. В последние годы облик города преобразуется – появляются новые парки, скверы, реставрируются исторические объекты, с 2021 года идёт глобальная реставрация набережной Автозаводского района. Все эти изменения несомненно радуют горожан, но и здесь не без недочётов. Качественное городское благоустройство заключается не только в создании новых пространств, но и в поддержании этих пространств в хорошем состоянии. Реконструкция набережной Автозаводского района в последнее время выглядела замороженной, оказывается, набережная передана в муниципальную собственность (сообщают «Городские ведомости»). В конце августа земельные участки переданы в МБУ «Зеленстрой» в безвозмездное пользование. Т.е. достраивать набережную предстоит городу, но проект масштабный, возникают сомнения, будет ли он реализован до конца. Таким образом возникает риск, что созданные пространства обветшают и перестанут притягивать жителей и гостей города. Тут можно вернуться к замечанию о наличии историко-культурного потенциала города, который необходимо раскрывать, в первую очередь ради повышения уровня жизни самих горожан.

Автору кажется интересным поискать решение вышеперечисленных проблем через концепцию «привязанности к месту». Концепция привязанности к месту активно развивается в рамках социально-конструктивистской теории и позволяет анализировать субъективное восприятие людьми окружающего пространства [4, 87]. Привязанность к месту предполагает наличие позитивных эмоциональных связей между людьми (жителями города) и условиями проживания. Работа в рамках такой концепции подразумевает

осуществление качественного исследования – контент-анализа, нарративного анализа. Автору представляется важным прислушаться к мнению горожан и ориентироваться, в первую очередь, на потребности населения. В том числе социальные, культурные потребности.

Сложившаяся в Тольятти ситуация – риски для благополучия населения, но одновременно с этим, это возможности. Городу очень важно преодолеть кризис, сохранить население и создать перспективы развития.

1. *Итоговые материалы о социально-экономическом развитии городского округа Тольятти за I полугодие 2024 года.* URL: <https://tgl.ru/structure/department/itogovye-materialy-o-socialno-ekonomicheskom-razvitii-gorodskogo-okruga-tolyatti/27748/> (дата обращения: 01.10.2024)
2. ВЭБ.РФ объявил результаты рейтинга моногородов за 2021. URL: <https://вэб.рф/press-tsentr/53117/> (дата обращения: 01.10.2024)
3. *Классификация моногородов и монопрофильных поселков: Кризисные Проблемные Стабильные Удаленные от альтернативных рынков труда Обладающие ограниченным или достаточным альтернативным рынком труда.* URL: <https://решение-верное.рф/klassifikaciya-monogorodov-i-monoprofilnykh-poselkov-krizisnye-problemye-stabilnye-udalennye-ot> (дата обращения: 01.10.2024)
4. Недосека Е.В., Ненько А.Е., Порошина С.Е. Привязанность к месту в контексте убывающего города: анализ дискурса жителей в городском онлайн-сообществе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. № 27(2). С. 86–115.

О РОЛИ ДУХОВНОГО НАЧАЛА В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Воробьева Надежда Юрьевна
(Центральный аэрогидродинамический институт имени профессора Н.Е. Жуковского
(ФАУ "ЦАГИ"))

В условиях возрастающих внешних и внутренних рисков особенно актуальным становится вопрос о дальнейшей судьбе России. Для достижения стабильности российского общества требуется все большая мобилизация усилий не только со стороны социальных институтов и организаций, но и от каждой отдельной личности. Обращение к традиционным ценностям русской духовной культуры помогает заново осмыслить идеалы и цели солидаризации современного российского общества.

Еще О. Конт, анализируя закономерности развития общества, утверждал, что «...человеческое общество – это прежде всего общность духа. «Идеи управляют и переворачивают мир... весь социальный механизм покоится в конце концов на мнениях»... Органическое единство человечества или его части гарантируется «всеобщим согласием», зиждущемся прежде всего на связях морально-эмоционального характера. Социальные институты являются гарантами согласия. Таково прежде всего государство, главная задача которого – предупреждать «фатальную склонность к коренному расхождению в идеях, чувствах и интересах» [2, 65]. Идеи, мнения, чувства, желания, устремления каждого человека – вещи отнюдь не маловажные, а на уровне народа в целом формируют национальный дух, национальное самосознание. Лучшие и наиболее желаемые идеи образуют общее мировоззрение, национальный идеал, духовную культуру общества. В.С. Соловьев, выражая фундаментальную позицию русской религиозной философии, писал: «историческая жизнь народов определяется прежде всего их основными убеждениями, их общим мировоззрением» [6, 153]. Размышляя о судьбе современной России важно вспомнить идеал «святой Руси», который выражает чувство священного благоговения перед Родиной, ее прошлым, настоящим и будущим. В.С. Соловьев утверждал: «Вот идеал: не консервативный и не либеральный, не политический, не эстетический, даже не формально-этический, а идеал нравственно-религиозный» [5]. Русская идея, государственная идеология единства, солидарности и мобилизации современного российского общества исторически и генетически связана с данным нравственно-религиозным идеалом.

Высшие духовные ценности-идеалы составляют непреходящую основу внутренней духовной жизни каждого человека и одновременно определяют духовную жизнь самого общества. С.Л. Франк писал, что духовная жизнь личности предстает «в форме реальности, присутствующей в нас самих, изнутри с нами сращенной и нам раскрывающейся», а бытие общества и есть «внешнее выражение и воплощение» этой внутренней духовной жизни. С.Л. Франк заключает, что «общественная жизнь по самому своему существу духовна, а не материальна... История есть великий драматический процесс воплощения, развертывания во времени и во внешней среде духовной жизни человечества, выступления наружу, и формирующего действия сверхчеловеческих сил и начал, лежащих в глубине человеческого существа»; «общественное бытие есть именно двуединство этой внутренней духовной жизни с ее внешним воплощением» [9, 73-75]. Франк рассматривал историю общества как историю духовных исканий, как реализацию «драматической судьбы Бога в сердце человека» [9, 75]. Общественная жизнь есть всегда нечто большее, чем выражение субъективных страстей и желаний, т.к. «человек на всех стадиях своего бытия, во всех ... формах своего существования есть как бы медиум, проводник высших начал и ценностей,

которым он служит и которые он воплощает, - правда, медиум не пассивный, а активно соучаствующий в творческом осуществлении этих начал» [9, 75]. Духовные ценности воздействуют на духовный мир личности и социальных общностей, формируя их картину мира и соответственно определяя поведение и деятельность, предопределяя будущность. Современный аксиолог В.Г. Лукьянов пишет: «...жизнь народа определяется идеалами не в меньшей мере, чем отпадением от них» [3, 25].

Духовно-нравственная жизнь, традиционно интерпретируемая с позиций христианской православной аксиологии, - та основа, тот фундамент, который позволит не увлечься обманчивым счастьем и псевдосвободой на пути все отрицающего атеизма, освобождающего место для различного вида «идолизмов» (по Б.П. Вышеславцеву) [1, 135]: материализма, натурализма, эгоизма, гедонизма, светского гуманизма, коммунизма, крайнего либерализма и других идеологий обожествления конечных форм бытия. Поэтому важно говорить не только о духовности и нравственности как основе русской и российской культуры, объединяющей и мобилизующей силы российского общества – а об определенной иерархии ценностей, вершину которой ничто иное, кроме Бога не может занимать. И П.А. Сорокин [7], и П. Тиллих [8, 566] полагали, что стиль культуры и направление общественного развития всегда определяется отношением народов к Богу. Святитель Николай Сербский богословски раскрыл этот тезис в своей «Номологии» [4].

1. *Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994. 368 с.*
2. *Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Издательство Юрайт, 2016. 425 с.*
3. *Лукьянов В.Г. Русская религиозная аксиология. СПб.: Алетейя, 2015. 224 с.*
4. *Николай Сербский (Велимирович), свт. Слово о Законе (Номология). М.: Издательство Братства святителя Алексия, Центр святоотеческих переводов; Изд-во «Феофания», 2007. 128 с.*
5. *Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Вып.1. URL: <https://predanie.ru/book/219944-nacionalnyu-vopros-v-rossii/#/toc1> (дата обращения: 09.10.2024).*
6. *Соловьев В.С. Несколько слов о настоящей задаче философии // Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Соч. Т.1. 1873-1876. М.: Наука, 2000. 394 с.*
7. *Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Академический проект, 2017. 964 с.*
8. *Тиллих П. Теология культуры: Аспекты религиозного // Логика культуры. Антология / Отв. ред.-сост. С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 2009. 864 с.*
9. *Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.*

"ЛИДЕРЫ РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕКРУТИРОВАНИЯ ЭЛИТЫ

*Гезгиева Дейси Муратовна
(ФГБОУ ВО "Ингушский государственный университет")*

Аннотация. В статье рассматривается роль конкурса «Лидеры России» в процессе рекрутирования новых элит для государственного управленческого механизма. Автором обосновывается актуальность данного инструмента с учетом объективно-существующих геополитических вызовов, текущих рисков для социально-экономической системы государства, а также необходимости построения опережающей траектории суверенного развития. Важными достоинствами конкурса «Лидеры России» выступают его доступность для всех социальных групп, максимальная прозрачность результатов, минимальная персонифицированная ангажированность, а также реальная эффективность, выражающаяся в фактическом вхождении победителей в управленческие элиты страны.

Ключевые слова: элита, рекрутирование, конкурс «Лидеры России», государственное управление, социальный лифт.

Текущие геополитические вызовы требуют переформатирования всего процесса государственного управления для построения эффективной системы противодействия внешним угрозам и достижения сбалансированности внутреннего социально-экономического пространства. Объективные результаты действующего управленческого механизма в стране показали его неспособность «играть первым номером» и действовать «на опережение» как на внутренней, так и на внешней арене экономико-политического противостояния. Если раньше отдельные страны старались хоть как-то завуалировать свое недружественное поведение в отношении России, то в текущей ситуации происходит активное декларирование тезисов относительно необходимости смены легитимного политического режима и территориального расчленения нашей страны. Релевантным ответом на данные угрозы должно стать построение эффективного механизма государственного управления, способного сформировать устойчивый базис экономического суверенитета, а также гарантировать защиту национальных интересов России в геополитическом пространстве. Решение сформулированной задачи требует смены как политических, так и управленческих элит путем выдвижения в их состав новых прогрессивных лидеров при полном отсутствии внешнего ангажирования. Актуальным инструментом в системе координат указанного вопроса является конкурс «Лидеры России», который носит общегосударственный характер и в определенном смысле выполняет локальную функцию социального лифта.

Процесс рекрутирования новых элит в идеалистическом варианте государственного управленческого механизма должен происходить на постоянно основе, однако в отечественной практике он реализуется скачкообразно [8, с.105]. Радикальная смена государственных элит произошла в России после распада СССР. В тоже время необходимо отметить, что часть партийной коммунистической номенклатуры осталась у власти за счет оперативной смены своего политического субъективного виденья. Особенно ярко данный процесс происходил в регионах в виду отсутствия масштабного информационного пространства и относительной политической неграмотности населения на тот момент. Точечная смена элит была осуществлена в период начала президентских сроков В.В. Путина, когда часть «старого» ельцинского аппарата была заменена новыми кадрами, что позволило добиться определенных успехов в векторе экономического суверенитета РФ. В последние годы процесс смены элит носил вялотекущий характер, который не

способствовал необходимой трансформации социально-экономической системы, обеспечивающей достижение целей опережающего развития. С учетом сказанного на данный момент можно выделить следующие проблемы рекрутирования элит в отечественном механизме государственного управления:

- существующие управленческие кадры крайне неохотно расстаются со своими чиновническими портфелями, всячески препятствуя выдвижению «новых лиц» при помощи имеющихся административных ресурсов. Данное обстоятельство формирует максимальный перечень входных барьеров для молодых кадров в государственные управленческие структуры [1, с.8];

- в виду видимой бесперспективности своего карьерного развития многие образованные граждане РФ эмигрируют в другие страны для поиска более доступных возможностей личного роста. На сегодняшний день процесс интеллектуальной эмиграции в России по сравнению с 90-ми годами прошлого века значительно замедлился, но все же присутствует, что негативно сказывается на формировании новых качественных управленческих кадров [5, с.687];

- отсутствие действенных социальных лифтов. В данном тезисе ключевой акцент необходимо сделать на слове действенных, так как в системе государственного управления номинально присутствует достаточно большое количество инструментов для проникновения талантливых граждан во власть, но в реальности они малоэффективны. Низкая результативность одних связана с длительностью процедур отбора, а для других характерно отсутствие конкретики. К примеру, создание кадрового резерва государственных служащих имеет в определенном смысле номинальный характер. На практике большинство государственных учреждений к данному способу приема кадров прибегают в крайнем случае, так как в первую очередь пытаются заполнить штатные руководящие должности путем внутреннего перемещения, или же используют личные связи, а что еще хуже «кумовство» [2, с.70].

С учетом рассмотренной конъюнктуры формирования новых государственных элит особую актуальность приобретает конкурс «Лидеры России». К числу ключевых статистических итогов проведения конкурса за период его существования можно отнести:

- более одного миллиона активных регистраций;
- более 14000 полуфиналистов, сумевших преодолеть дистанционный этап;
- более 500 назначений из числа победителей конкурса при условии, что совокупная численность победителей составила 521 человек [7].

Последняя цифра заслуживает особого внимания: то есть более 95% от общего числа победителей конкурса получили реальные назначения на руководящие должности в государственных властных структурах. Не менее важным фактом является то обстоятельство, что эти назначения были обозначены не в перспективе, а осуществлены в данный момент. Таким образом, участники конкурса обладают максимальной мотивацией для достижения успеха в виде соразмерно быстрого получения руководящей должности и вхождения в новую государственную управленческую элиту.

Как отмечает А.Г. Комиссаров, важным достоинством конкурса «Лидеры России» является максимально доступный и прозрачный характер участия для всех социальных групп [3, с.85]. Использование открытого формата участия повышает доверие населения к результатам конкурса, а также обеспечивает привлечение квалифицированных участников, которые видят реальные перспективы карьерного роста за счет своих личных способностей. Положительное влияние на эффективность реализации проекта «Лидеры России» оказала активная поддержка в средствах массовой информации. Государственные СМИ даже федерального уровня интенсивно тиражировали информацию о начале проведения

конкурса, его результатах, а также отслеживали карьерную судьбу отдельных победителей, демонстрируя присутствие реального результата. По мнению И.А. Лаврова, на основе данного факта можно сделать вывод о том, что власть делает ставку на данный конкурс в фокусе постепенной смены элит [4, с.295].

Одной из проблем современных российских элит является их историческая преемственность, которая в ряде случаев формируется по принципу клановости или семейной принадлежности. Данный факт вызывает не только не скрываемое общественное негодование, но и отрицательно сказывается на эффективности государственного управления. Ресурсы проекта «Лидеры России» позволяют вводить во власть новых и максимально независимых игроков, что, по мнению Н.Н. Опариной, имеет стратегическое значения для обеспечения национальной безопасности РФ [6, с.21].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что конкурс «Лидеры России» является современным проектом в системе государственного управления, на который существуют актуальные запросы не только в обществе, но и в стране в целом. Общественный запрос связан с потребностью населения в изменении существующего механизма управления социально-экономическими процессами с целью повышения емкости социальных гарантий и стабильности экономического пространства. Общегосударственный запрос коррелируется с необходимостью построения более эффективного механизма управления на всех уровнях, способного обеспечить максимальный уровень суверенитета и защиту национальных интересов в условиях нескрываемой внешней агрессии гибридного и военного характеров. Постепенная интеграция новых кадров в элиты страны обеспечит снижение их финансовой и семейной ангажированности, что должно выступить основой для формирования траектории опережающего развития. Основные итоги первых пяти конкурсов «Лидеры России» показали приемлемую эффективность данного инструмента, который в условиях интеллектуальной эмиграции и закрепления старых элит позволяет вводить новые талантливые персоналии во власть. Практически все победители конкурса получили релевантные назначения на руководящие властные должности, что свидетельствует о реальности целесообразного его использования в дальнейшем для рекрутирования элит.

1. Абрамов Г.А. Основные каналы рекрутирования молодёжи в политическую элиту современной России: возможности и пределы // В сборнике: Агрейд молодёжных инициатив: Обновление - 2025. VIII всероссийская научно-практическая конференция. Ульяновск, 2022. - С.7-14
2. Волков Ю.Г. Концептуальные основы исследования новых социальных лифтов в российских регионах // Гуманитарий Юга России. - 2020. - Т.9. - №1. - С.67-82
3. Комиссаров А.Г. Кадровые конкурсы в России: повышение эффективности отбора руководителей для госслужбы на примере конкурса «Лидеры России» // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. - 2023. - Т.15. - №2 (48). - С.80-95
4. Лавров И.А., Крытановская О.В. Социальная мобильность и конкурс «Лидеры России» // Ars Administrandi (Искусство управления). - 2023. - Т.15. - №2. - С.292-310
5. Новосельский С.О., Ксенофонтова К.М., Золкин А.Л., Сохлаков А.А., Полякова Н.В. Анализ и последствия интеллектуальной эмиграции для экономики страны в условиях кризиса // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т.12. №6 (52). С.680-692
6. Опарина Н.Н., Панова Е.А. «Лидеры России» как инструмент рекрутирования государственных менеджеров нового поколения // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. - 2019. - Т.8. - №1. - С.19-24

7. *Официальный сайт конкурса «Лидера России». – [электронный ресурс]. – URL: <https://xn--d1achcapurala0j.xn--p1ai/> (дата обращения 27.09.2024)*
8. *Фролов А.А., Соколов А.В., Палагичева А.В. «Россия - страна возможностей» как экосистема создания равных стартовых возможностей для граждан // Управленческое консультирование. - 2023. - №10 (178). - С.98-112*

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА

*Головацкий Евгений Васильевич
(Кемеровский государственный университет)*

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 24-28-01230 «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-

В условиях многоакурсного геополитического вызова и санкционного формата социально-экономических и политических отношений современной России полагаем уместно обозначить формирование в обществе нового (инновационного с учетом реалий современности) мобилизационного потенциала социально-политического развития. Ранее определенные проекты-практики конструктивного и / или деструктивного плана были апробированы в российской действительности на фоне распространения и локализации пандемической угрозы, ряда перманентных военно-политических вызовов, а также с учетом глобального цифрового, нейросетевого прорыва, связанного с развитием новой сетевой перспективы – искусственного интеллекта.

В настоящее время мы сталкиваемся с гибридной моделью социально-политического развития общества в которой присутствуют и взаимодействуют реальные (традиционные физически очерченные сообщества), а также развиваются виртуальные (сетевые, дигитализированные, облачные) коммуникации. Отмечается, что в современном обществе линейные информационные системы оперативно преобразовались в коммуникативные [1, 93]. Важно отметить, что значительное развитие сетевые коммуникации мобилизационного формата получили в результате распространения пандемии (Covid-19), когда на фоне государственной модели «реактивного» управления получили развития региональные, локальные коммуникативные модели, а также во множестве развившиеся сетевые платформы. «Интернет приучил людей к мгновенному отклику, обратной связи. Таких пользователей называют нововластными» [2]. Вероятно, даже последствия, ожиданий новых угроз и нарушения сложившихся повседневных коммуникаций выступают основанием мобилизационной активности участников региональных сетевых сообществ.

Сетевая коммуникация, динамично развиваясь в различных тематических сообществах, отражая дифференцированные интересы пользователей, представляет актуальный объект для междисциплинарных исследований [3, 26-27]. По сути она отражает социальное настроение населения, отношение к определенным нововведениям и событиям федерального, регионального и местных уровней развития. Но, сегментация на формально административные сообщества и открытые, инициативные (формируемые модераторами, заинтересованными в трансляции информации) задает тональность, специфику и оставляет определенные цифровые следы в сетевой коммуникации. Изучение этих производных необходимо для понимания актуальных рисков, которые характерны для конкретных территорий и регионов с определенным ресурсным оснащением (качеством ресурсов), так как именно они, имея заданную социально-экономическую основу, могут влиять на границу, тематику и определенный стиль участников-пользователей в сетевом пространстве. С институциональной позиции включенность населения / пользователей в сетевые сообщества, тип активности, заинтересованность и/или игнорирование

определенных социальных проблем, «триггерность» определенных тем выступают показателями общественного настроения и основаниями для принятия политико-управленческих решений.

В качестве примера приведем свободный поиск современного российской практики обозначения «СВОшник» на парсере WordStat / Яндекс Вордстат. Глубина поиска за 24.08.2024 – 24.09.2024 гг., составила 50 наиболее популярных позиций сетевого поиска. Топ-6 максимально выбираемых запросов включает следующие варианты: «своишник» – 29 367; «дети своишников» – 2 730; «жены своишников» – 1 419; «льготы своишникам» – 1 119; «выплаты своишникам» – 1 065; «своишник получил» – 1 006 уникальных запросов в «Рунете». Преобладают запросы пользователей связанные с сопровождением обеспечения, включая финансовое статуса участников спецоперации. 27 запросов из 50 приведенных в данном примере так или иначе посвящены вопросам финансирования самих участников СВО или выплат, льгот и дотаций членам их семей.

В условиях цифровизации социальных и политических пользовательских практик характерны некоторые неочевидные, однако измеряемые следствия:

- информационная перегрузка в основных пользовательских коммуникациях (поточковый формат коммуникации, а молодежная коммуникация, как правило, предусматривает «потребление» минимум 2-3 каналов информации одновременно, а в учебное время более, так как добавляются коммуникативные каналы, связанные с образовательным процессом);

- реклама и развлекательный контент;

- геймификация в коммуникативных практиках (доминирование в молодежных сетевых треках);

- преобладает «быстрый контент» (стрим- войс- форматы);

- параллельно используется легкий медийно-развлекательный контент («сложный контент никому не нужен»);

- различаются объемы и направленность коммуникации real-life и online. При это первые всегда «проигрывают» в масштабах передачи информации в то время как сетевые участники осуществляют коммуникацию 24/7. Студенческая молодежь в этом плане наиболее включенная в повседневные сетевые коммуникации.

В качестве ключевых методологических оснований нами предлагаются следующие компоненты: модель организации, модель модерации и модель трансляции социально-политической коммуникации (общий мобилизационный пул). Модель организации сетевых сообществ включает название сообщества, дату создания сетевого сообщества (информация необходима для определения влияния ключевой социальной и политической повестки на активность в данной группе), указание модератора (-ов), способов модерации, характеристику пользователей (количество, возраст, статусная принадлежность, лозунг/ключевая идея сообщества, стиль управления (авторитарный, демократический, либеральный, популистский), характер взаимодействия и динамика сетевой коммуникации, тематику взаимодействия (конструктивная, деструктивная или смешанная), качество сетевого ресурса (качество контента, доверие пользователей, надежность сообщества). Модель модерации сетевых сообществ включает развернутую характеристику модератора (-ов), возможности контроля над контентом, стимулирование активности в группе, а именно кто создает инфоповоды, их количество и качество. Предлагаемая в нашей работе обобщенная модель трансляции (коммуникации) сетевых сообществ включает: тип сообщества: стихийные сообщества; сообщества, сформированные под влиянием внешних сил (инструментальные); сообщества сторонников/противников. Важным компонентом данной модели является определение правил, по которым осуществляется обмен

актуальной информацией Территории Сибирского макрорегиона были сегментированы для проверки исследовательской гипотезы о зависимости ресурсного развития и повестки сетевой коммуникации в условиях актуальной мобилизационной повестки на 4 группы регионов, всего анализируется 9 сибирских регионов ресурсного типа.

Приведем некоторые иллюстрации полученных результатов исследования сибирских сетевых сообществ «ВКонтакте» (анализировались открытые сообщества, также учитывались закрытые и этно-национальные не только на русском языке общения). Региональная разнесенность и разреженность коммуникативных сетей позволяет отмечать различие в качестве сети для различных территорий и регионов (например, в ХМАО и ЯНАО заметно ограничение доступности при сохранении «плотности» значимости сетевой коммуникации пользователей в сообществах). Анализируя сетевую коммуникацию пользователей, можно отметить, что центральной темой взаимодействия жителей Ханты-Мансийского автономного округа является городская среда и ее изменения: *«транспортная реформа усложнила жизнь людям! верните всё обратно»* (330 лайков к комментариям); автомобильная тематика: *«выглядит как попытка соляриса отремонтировать задний бампер»* (260 лайков к комментариям), обсуждение новостей: *«сегодня видела много таких ситуаций. ребята у нас молодцы, оставляют свои машины, бегут на помощь другим. насколько у нас очень добрые люди и всегда готовы прийти на помощь»* (192 лайка к комментарию), а также повседневные практики, действия, события, происходящие на территории города или округа: *«а где же 200 единиц спецтехники Администрации, которые должны дороги песком посыпать?»* (168 лайков к комментариям).

В качестве инструмента анализа мобилизационных перспектив сетевых социально-политических коммуникаций применялся акторно-сетевой подход, итоговое построение графов (программная среда Gephi) демонстрирующих распределение узлов и ребер региональных пользовательских сообществ. Пример топовых сообществ Кемеровской области показан на рис. 1.

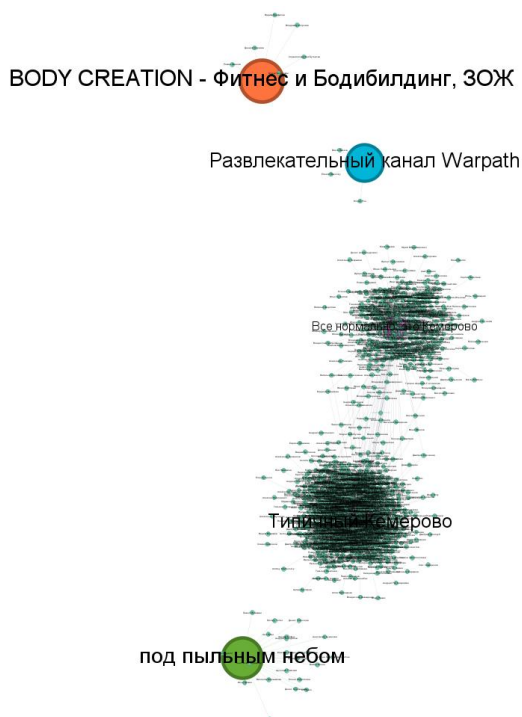

Рис. 1. Граф популярных сетевых сообществ «ВКонтакте» в Кемеровской области – Кузбассе (построено участником исследовательского проекта Н.В. Нятиной, канд. социол. наук, доц., Gephi v.10)

Отмечается разделение популярных пользовательских направлений на боди-индустрию и социальный проблемный сектор. Самыми популярными и «подписываемыми» сетевыми сообществами выступают альтернативные новостные импостеры «Типичный...», «Идентичный...», «Подслушано...», «FBI...» и т.д. (отметим, что в настоящее время значительную активность и, следовательно, пользовательскую популярность набирают мессенджеры). Наличие объединяющей темы и формата коммуникации не является фиксированным основанием для поддержки внутренних тем и обсуждений сообществ. Складывается трех уровневый формат коммуникации: информация из «real live» транслируется и развивается в сетевой коммуникации; мобилизационным драйвером выступают сетевые сообщества; социально-политическая коммуникация в сети и информация, создаваемая вне ее, продуцируются и используются преимущественно в своей (доменной) среде общения.

Качество социально-политических коммуникаций в реальном и виртуальном пространстве являются измерителями ряда показателей, в частности: ресурсного потенциала территорий, «качества сети», «двойной реальности» участников физических и виртуальных отношений, доверия в сети, и «полезной девиации».

1. Воронкова О. А. Сетевая коммуникация как фактор эволюции социально-политических отношений // *Власть*. 2020. Том 28. № 2. С. 89-96. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7139>
2. Хейманс Д., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. М.: «Альпина Диджитал», 2019. 504 с.
3. Зотов В.В., Василенко Л.А. Цифровая трансформация публичного управления: единство сервисно-сетевых и социально-сетевых аспектов // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2023. № 3. С. 26-47. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-3-26-47>

ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Григоренко Ярослав Александрович
(ИнЭУ УрФУ
ГУ МВД России по Свердловской области)

Костина Наталия Борисовна
(УрФУ)

Аннотация: В статье рассматривается формирование ценностной составляющей государственной службы в России в контексте аксиологизации государственной политики, направленной на сохранения национально-культурной идентичности и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: национально-культурная идентичность, национальное самосознание, традиционные духовно-нравственные ценности, государственная служба, государственные служащие.

В условиях современных вызовов глобального общества возрастает значимость национально-культурной идентичности социальных групп и общностей российского социума. В качестве признаков национально-культурной идентичности, как правило, выделяются: знание истории своего народа и государства; использование национального языка при реализации всех видов деятельности; обладание культурными компетенциями (знаниями о ценностях, нормах, традициях); степень овладения национально-культурными ценностями; следование в жизнедеятельности нормам национальной культуры; самоидентификация личности с общностями – социокультурными, национальными. Основанием для формирования и устойчивого воспроизводства национально-культурной идентичности выступает национальное самосознание, представляющее собой рациональную самоидентификацию гражданина, личности с национальным языком, культурой, историей народа и государства. На чувственно-эмоциональном уровне национальное самосознание – это чувство нации как единого, целостного сообщества, объединенного национальным языком, историей, культурой. Следовательно, национальное самосознание можно рассмотреть с позиции как одного человека, так и всего общества [1, 34]. В трудах, посвященных анализу основ национального самосознания, подчеркивается, что социальные отношения основываются на общечеловеческих ценностях [2, 6]. Путь историко-культурного развития каждого общества имеет ключевые идентификационные основания, фундаментом которых являются базовые общечеловеческие ценности.

Формирование национально-культурной идентичности в условиях российской современности – одна из важнейших задач государственной социокультурной, национальной, образовательной политик. Сложившаяся система межгосударственных отношений при всем своем многообразии и взаимозависимости её участников свидетельствует о наличии факторов, оказывающих деструктивное влияние на национально-культурную идентичность государств и их народов. Потеря национально-культурной идентичности представляет собой угрозу национальной безопасности и государственному суверенитету, утрату возможности реализовать право на самостоятельное определение национальных интересов, проведение собственной внутренней и внешней политики.

Ключевым направлением реализации государственной политики по обеспечению сохранения государством национально-культурной идентичности становится поддержание

ценностной основы национального самосознания. В этой связи важно акцентировать внимание на феномене традиционных ценностей и выражающем их сущность понятии. Традиционные ценности представляют собой совокупность норм поведения, убеждений, правил общественной жизни, обычаев и идеалов, передающихся из поколения в поколение и культивирующихся на протяжении всего исторического пути как отдельного этноса, так и всей нации. Они включают в себя представления о семье, вере, морали и нравственности, любви к Отечеству, уважении к своей истории и памяти предков, сохранение исторического и культурного наследия нации. Совокупность традиционных ценностей конкретного общества зависит от культурных и национальных особенностей, исторического контекста, но, как правило, они отражают устоявшиеся модели поведения и взгляды, считающиеся правильными и достойными сохранения в национальном самосознании.

В результате глобализационных тенденций и процессов, когда стираются грани между глобальным и локальным, общезначимым и частным, ряд государств предпринимают действия, направленные на сохранение национально-культурной идентичности [3, 265]. В числе этих стран – Российская Федерация, которая на протяжении последних лет реализует активную государственную политику по формированию и сохранению национально-культурной идентичности, защите традиционных ценностей. Для анализа государственной политики Российской Федерации в данной сфере принципиальное значение имеют поправки к Конституции РФ, которые закрепили за Правительством обязанность по обеспечению сохранения традиционных ценностей. Спустя год после конституционного референдума издан Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», согласно которому нестабильность глобального мира грозит разрушению традиционных ценностей [5]. Укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей определяется как одно из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности России. Следующим шагом сохранения национально-культурной идентичности через защиту традиционных ценностей стал Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6]. Данный Указ стал кульминационным этапом нормативно-правовой аксиологизации государственной политики России, в нем впервые дано законодательное определение понятия «традиционные ценности» и перечислены семнадцать основных традиционных духовно-нравственных ценностей. Таким образом, на протяжении последних нескольких лет осуществлено нормативно-правовое обеспечение сохранения и поддержания традиционных ценностей и формирование национально-культурной идентичности страны [4, 237].

Для достижения национально-культурной идентичности и защиты традиционных ценностей важен анализ роли института государственной службы и государственных служащих, являющихся субъектом реализации государственной политики. Государственные служащие в своей профессиональной деятельности опираются на определенные ценностные ориентиры, сформированную служебную культуру. Государственная служба формирует правовое сознание населения, одновременно с этим являясь носителем общечеловеческих, культурных, этических и моральных ценностей, культивируемых наравне с правовыми нормами. Иными словами, ценностно-ориентированная государственная политика может быть реализована ценностно-ориентированными государственными служащими. Государственная служба заключается в служение обществу, что зафиксировано в одной из ценностей, изложенных в Указе

Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: служение Отечеству и ответственность за его судьбу. Для государственной службы данная ценность имеет основополагающий характер в условиях аксиологизации государственной политики и продолжающейся трансформации государственной службы в России.

Для выявления ценностной составляющей деятельности государственных служащих нами было проведено эмпирическое исследование в ГУ МВД России по Свердловской области методом интервью, опрошено 10 респондентов, из которых 5 федеральных государственных гражданских служащих старшей группы должностей и 5 сотрудников органов внутренних дел. Возраст опрошенных - от 22 лет до 62 лет, 5 мужчины и 5 женщины. Гайд интервью состоял из четырёх групп вопросов, одна из которых посвящена пониманию государственных служащими традиционных ценностей и значимости ценностной составляющей для профессиональной деятельности.

По мнению респондентов, актуальность сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей обусловлена их значимостью для укрепления моральных основ общества. Важность приверженности государственных служащих данным ценностям повышает степень доверия граждан к институту государственной службы. *«Актуальные проблемы поднимают актуальные вопросы. Оказывается, с началом СВО многие граждане, в том числе сотрудники ОВД, не владели достаточными сведениями для поддержки государства и решений Президента РФ. Долгий период европеизации граждан способствовал низкому окультуриванию русского народа. Их ценности хотели привить нашим гражданам, хотя ментально мы разные. В связи с чем в обществе образовался диссонанс»* (женщина, возраст 35 лет, главный специалист-эксперт, стаж службы 2 года).

подавляющее большинство информантов подчеркнуло, что государственный служащий органов внутренних дел, поддерживающий традиционные духовно-нравственные ценности, разделяет ценности, закреплённые в нормативно-правовых документах о государственной гражданской службе. Таким образом, государственные служащие считают тождественными друг другу традиционные российские духовно-нравственные ценности и ценности государственной службы. *«Служение стране и народу, любовь к выполняемой работе (службе), уважение прав и свобод граждан, профессионализм, честь и достоинство человека, замещающего государственную должность»* (мужчина, возраст 62 года, главный специалист-эксперт, стаж службы 36 лет).

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Традиционные ценности являются фундаментом национальной-культурной идентичности государства, определяя основные векторы внутреннего и внешнеполитического курсов государственной политики страны, обеспечивая национальный суверенитет.

2. В настоящее время в России наблюдается последовательная аксиологизация государственной политики, направленная на сохранение национальной-культурной идентичности страны посредством защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

3. Отражением нормативно-правовой институционализации традиционных российских духовно-нравственных ценностей является формирование ценностно-ориентированной культуры государственной службы и становления ценности служения Отечеству и ответственности за его судьбу как основы профессиональной служебной деятельности государственных служащих органов внутренних дел.

1. Астафьева О.Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: сложный вектор развития // Вестник МГУКИ. 2016. № 5 (73). С. 34-37.
2. Лапин Н.И. Традиционные и либеральные ценности в современном российском обществе // Человек. Наука. Цивилизация. М., 2004. С. 738–754.
3. Прохоров А.В., Кадыров Н.Н. «Глобальная революция ценностей» в государственной службе. Вестник МГИМО-Университета. 2022;15(1):259-269. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-259-269>
4. Сальников М.В., Прокофьев К.Г., Морозов А.И., Борисенко О.М. Нравственно-правовые ценности как основание профессиональной культуры сотрудников государственной службы: статья // Теория государства и права. - 2024. - № 1 (35). - С. 234-242. DOI: 10.47905/MATGIP.2024_1_35_234 (237)
5. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2021. - № 27 (часть II). - Ст. 5351.
6. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2022. - № 46. - Ст. 7977.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА В СОСЕДСКИХ ОНЛАЙН ЧАТАХ

Гулина Вероника Денисовна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Бардукова Дарья Дмитриевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о возможности наличия политической повестки, а также ее характеристик, в чатах соседских онлайн сообществ на примере исследования открытых домовых Telegram-чатов Приморского района Санкт-Петербурга с применением метода контент-анализа.

Ключевые слова: Соседские чаты, политическая повестка, контент анализ

В докладе изложены результаты социологического исследования, которое было проведено авторами в Санкт-Петербурге в июне-августе 2024 г., в ходе которого было изучено содержание сообщений внутри соседских чатов, созданных инициативными группами жильцов многоквартирных домов в Приморском районе Петербурга с применением метода контент-анализа.

Соседские чаты как довольно распространенное средство коммуникации в последнее время привлекли внимание социологов.

Согласно Гидденсу [1], социальные структуры и человеческая деятельность находятся в постоянном взаимодействии. В контексте онлайн-чатов это проявляется в том, как цифровые платформы (структура) влияют на поведение пользователей, и наоборот, как активность пользователей формирует новые социальные нормы и практики в виртуальном пространстве. В соседних чатах проявляется гибридизация онлайн и офлайн форм гражданской активности. Инициативы, зародившиеся в чатах, часто приводят к реальным действиям и изменениям в городской среде, что соответствует концепции "умного гражданства" (smart citizenship) [3]. В интернет-пространстве существуют различные платформы для коммуникации, некоторые из которых имеют непосредственное отношение к жизни «офлайн», например, с помощью мессенджеров люди обычно поддерживают общение со своими знакомыми, друзьями и близкими. Но еще теснее связь с жизнью вне сети существует в таких объединениях, как соседские чаты. Можно даже сказать, что подобные сообщества существуют уже в некой «смешанной» реальности [4].

Характеристику подобным соседским сообществам часто дают в научной литературе. К примеру, согласно А. А. Жишкевич, дворовые чаты представляют собой гибридные сообщества, созданные с помощью социальных медиа, которые объединяют онлайн и офлайн коммуникацию. Они характеризуются самоорганизацией, чувством общности и сплоченности. Эти чаты помогают соседям, ранее незнакомым или малознакомым, устанавливать контакты и укреплять связи, при этом участники проявляют интерес к их поддержанию [2].

Именно в них жители получают возможность на равных коммуницировать между собой, особенность этой коммуникации - ее горизонтальность. Соседи, находясь в чате, равны и в равной мере могут взаимодействовать между собой, в таком чате как правило наблюдается слабая модерация или вовсе её отсутствие, в результате чего люди в нем получают возможность свободно общаться, а также выражать свое мнение по актуальным вопросам.

В локальном сообществе соседи могут обеспечивать: сплоченность, поддерживать взаимное доверие, способствовать накоплению институциональных ресурсов и воспроизводить рутинные формы деятельности. Социальная активность в соседских сообществах может проявляться через бдительность как эффективный способ неформального социального контроля, противодействия возможным правонарушениям и преступности [6]. Такое рассмотрение чатов, показывает, что они являются инструментом формирования локальной идентичности и гражданской активности. Это согласуется с концепцией "сетевого индивидуализма" Барри Уэллмана [5, 20-25], которая подчеркивает роль цифровых технологий в формировании новых форм социальных связей и гражданского участия.

Контент-анализ проводился для выявления ключевых тем и анализа взаимодействия участников в онлайн-сообществах. Из 10 соседских онлайн-чатов Приморского района Санкт-Петербурга были проанализированы более 5 тысяч сообщений написанные за последние два года. Эта выборка включала как текстовые сообщения, так и сообщения, содержащие изображения или видео, а также аудиосообщения. Кодирование данных проводилось с целью классификации каждого сообщения по одной или нескольким ключевым темам, таким как региональные новости и события, социальные инициативы, обсуждение общедомовых проблем. Для каждой темы учитывалась частота упоминаний.

Анализ тональности сообщений являлся важным элементом контент-анализа. Сообщения классифицировались как обладающие позитивной, негативной или нейтральной тональностью. Позитивные сообщения выражали одобрение, благодарность за проявление инициативы, проведение мероприятий, взаимную помощь соседей. Негативные сообщения включали жалобы, критику или выражение недовольства, тогда как нейтральные сообщения были информативными, без выраженной эмоциональной окраски. Анализ тональности осуществлялся вручную.

В процессе контент-анализа были выявлены следующие ключевые темы: местные новости и их обсуждения (10% постов), социальная поддержка (25% постов) и обсуждение общедомовых проблем (65 % сообщений). В рамках темы обсуждения общедомовых проблем характерно активное проявление актов гражданственности участниками чатов. К наиболее популярному виду социальной активности у соседей можно отнести кооперацию для решения бытовых проблем (коллективная жалоба в службу водоканала на ненадлежащее качество проточной воды, решение вопроса о нерабочей котельной и др.), коллективные гражданские инициативы (обращение к Президенту по поводу постройки школы, реновация детской площадки, благоустройство территории у дома и др.), а также организация и проведение совместных праздников.

В итоге, контент-анализ онлайн-сообщений выявил значительное участие соседей в обсуждении местных проблем и инициатив. Основные темы варьировались от новостей и событий до социальных инициатив и взаимопомощи, демонстрируя активную гражданскую позицию и социальную ответственность участников сообществ. Механизмы вовлечения и темы обсуждений позволяют сделать выводы о высоком уровне гражданственности.

1. Гидденс, А. Конституция общества: очерк теории структурирования / А. Гидденс. — Кембридж: Polity Press, 1984. — 260 с.
2. Жишкевич, А. А. Социальные медиа в формировании локальных сообществ на примере минских дворовых чатов // 78-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета — 2021. — С. 46-49.
3. Моссбергер, К., Толберт, Ч. Дж., МакНэл, Р. С. Цифровое гражданство: Интернет, общество и участие / К. Моссбергер, Ч. Дж. Толберт, Р. С. МакНэл. — Кембридж, Массачусетс: MIT Press, 2008. — 200 с.

4. Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // *Культурно-историческая психология*. — 2020. — Т. 16. — № 4. — С. 87-97.
5. Уэллман, Б. Маленькие коробки, глокализация и сетевой индивидуализм / Б. Уэллман // *Цифровые города II: вычислительные и социологические подходы*. — Берлин: Springer, 2002. — С. 10-25.
6. Ясинская, Э. Соседская бдительность // *Городское управление*. — 2001. — № 6. — С. 8-17.

ГЕРОЙ И СВЯТОЙ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКТЫ

Желизнык Мария Николаевна

(Санкт-Петербургский государственный университет, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Рассмотрение героя и святого как социальных конструктов дает основание заключить, что они имеют схожую социальную природу. Анализ социальных функций героя и святого показывает их близость. Более того, иногда происходит «смычка», когда святость и героизм соединяются вместе. Классический пример – князь Александр Невский. В общественном сознании это и герой, и святой, но в зависимости от запросов времени какая-то из его ипостасей преобладала (см., например, А. Филюшкина).

Герои и святые имеют медианную природу, они выполняют функцию посредников между миром сакральным и миром профанным, а также демонстрируют возможность перехода из профанного мира в сакральный. Э. Дюркгейм называет переход между мирами «настоящим превращением» [Дюркгейм 2018, 107], который требует проявления мужества, совершения чего-то экстраординарного. По мнению французского социолога, различие между профанным и сакральным гораздо более сильное, чем, например, между добром и злом или болезнью и здоровьем, так как добро и зло являются составными частями морали, болезнь и здоровье относятся к самочувствию индивида, то если они объединяются в целое, в то время как сакральное и профанное являются целыми изначально и не соединяются между собой.

Герои и святые являют собой качественную трансформацию. Преодолевая повседневную рутину, они поднимаются над миром профанного. Герой и святой – это всегда вертикаль, вне зависимости от героического этоса и коллективных представлений о святости, специфичных для конкретного времени.

Кроме того, героизм и святость, относящиеся к сфере сакрального, – это характеристики приобретенные, а не врожденные. Сакральной по определению не является ни одна вещь и ни один предмет. Сакральное свойство добавляется к вещам и предметам, то есть мир религиозного «накладывается» на мир природный, вещественный [Дюркгейм 2018, 405]. Как отмечает Э. Дюркгейм: «Из самой заурядной вещи представления могут сделать сакральное существо, причем очень могущественное» [Дюркгейм 2018, 403]. Данный тезис в равной мере справедлив как для героя, так и для святого. Без общества невозможно стать ни героем, ни святым.

Представляется важным и аспект мифологизации. Этот процесс практически идентичен для героев и святых – на первый план выдвигаются черты характера, поступки и проч., важные для конкретного временного периода. В то же время уходят в тень «ненужные» подробности жизни. В.О. Ключевский говорил, что в житийной литературе представлены не портреты, а иконы [Ключевский 1988, 240], то есть нет задачи реализма, правдивого отражения жизненного пути святого, есть задача мифологизации.

В рамках доклада будут рассмотрены специфика героев и святых как социальных конструктов, показана их схожая социальная природа.

1. Дюркгейм Э. *Основные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии*. М.: *Элементарные формы*, 2018. – 808 с.
2. Филюшкин А. *Святые и их почитание в длительной исторической перспективе: исследовательские тренды и проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2023. №41(1). С. 7–21.
3. Ключевский В.О. (1987) *Сочинения в 9 т. Т.2. Курс русской истории*. Ч. 2. М.: *Мысль*.

О СТЕПЕНИ ИЗУЧЕННОСТИ СКУЛШУТИНГА В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

*Иванов Артем Владимирович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Социальный феномен скулшутинга, в силу своей жестокости и яркости ритуальной его части, закрепился в массовой культуре и сознании. При своей относительной новизне для российского общества, мы не можем говорить о неизученности проблематики академическим сообществом. Этому феномену посвящено большое количество работ, являющих собой попытку осмыслить процесс воспроизводства и развития, свойства и культурный символизм скулшутинга.

Прежде всего хочется отметить саму степень изученности проблематики, затем выделить основные направления исследований феномена скулшутинга в отечественной науке. Мы уже говорили об определенной степени изученности указанной проблематики, но, подчеркнем при этом, что ввиду новизны самого феномена в общественном дискурсе, еще не успела сформироваться критическая масса исследований феномена скулшутинга, которая бы породила однозначное академическое мнение. Российская социология находится на этапе сбора данных по указанной проблематике для формирования единого концептуального мнения о факторах воспроизводства феномена скулшутинга. Одновременно с этим, каждый громкий акт скулшутинга подталкивает к научному осмыслению проблематики. Первая крупная волна научного интереса к феномену скулшутинга отмечается в 2010-х годах, что объясняется происходившими тогда самыми громкими случаями в истории современной России. В силу высокого уровня общественной опасности, актуальности и общественного интереса, проблематика порождает попытки ее научного осмысления. Обозреваемые работы вышли в 2022-2024 гг., но ссылаются на более ранние исследования.

Ритуальность феномена скулшутинга, в том числе, состоит в том, чтобы через совершенное стать самостоятельным культурным символом, который закрепляется в общественном сознании. Акты скулшутинга вызывают общественный интерес, который порождает общественную рефлексию в СМИ и научном сообществе. Каждый громкий случай вызывает волну новых работ, посвященных скулшутингу. Большое количество статей носят алармистский характер и опираются на мифологические представления и обывательский уровень понимания социальных процессов, не используют научные данные. Работы, написанные на волне популярности очередного случая, лишь сильнее закрепляют культурный символизм скулшутинга и каждого конкретного акта и не несут в себе элемента научной новизны. Многие из статей также своей целью видят полный обзор природы скулшутинга, включая в себя анализ личных и общественных факторов каждого конкретного случая, рекомендации к профилактике подобных случаев. Такие работы, зачастую опираясь на самые очевидные культурные штампы о феномене скулшутинга, предлагают простые ответы на важные вопросы о природе многофакторного феномена.

Скулшутинг представляется сложным социальным феноменом и нуждается в междисциплинарном подходе к изучению. Большинство исследований рассматривают проблематику с точки зрения конкретных научных дисциплин и представляют собой узконаправленные профессиональные работы. Указанная проблематика лежит в плоскости права, психологии и педагогики. Множество таких работ посвящены составлению психологического портрета скулшутера, методам выявления и профилактики. Правоведы и психологи участвуют в разработке наиболее точного определения скулшутинга. Роль социологических исследований в научном осмыслении скулшутинга состоит в том, чтобы систематизировать и проанализировать информацию профессиональных сообществ. Когда

мы говорим о представленности в современных социологических исследованиях, то внимание исследователей сосредоточено на нескольких ключевых аспектах указанной проблематики. Большое внимание уделяется описательной истории появления и становления феномена скулшутинга в российском обществе, которые, однако, не предлагают новых подходов к изучению указанной проблематики. Отдельно отметим попытки выведения понятия скулшутинга, имеющие общую терминологическую основу и критерии на основе разработки на базе Калужского Государственного Университета от 2022 г. Разработка термина сопровождалась введением критериев для определения скулшутинга, но без достаточной для этого теоретико-методологической основы для самих критериев. Это исследование и описанные в нем тезисы и понятие были приняты за истину, критически не обсуждались в академическом сообществе, несмотря на острую к тому необходимость.

Еще один крупный пласт социологических работ посвящены социокультурному контексту и его влиянием на социальный феномен скулшутинга. Целый ряд работ изучают процесс виртуализации и его роль в воспроизведении скулшутинга и посвящены различным аспектам ритуализации и романтизации актов скулшутинга. Некоторые исследования используют определение субкультур для описания некоторой степени популярности культурных символов скулшутинга. В таких работах влияние социокультурных процессов на воспроизведение скулшутинга представляется определяющим; многофакторная общественная проблема кажется побочным эффектом процессов виртуализации и цифровизации. Подобная проблема характерна для целого ряда работ, которые рассматривают частный аспект многофакторного общественного процесса воспроизведения скулшутинга, как, например, вопросы школьного климата или доступности огнестрельного оружия.

Отдельно отметим создание на основе Томского Политехнического Университета базы данных российского скулшутинга, которая помимо создания самой базы данных, также провела анализ полученной информации на основе понятия и методологического аппарата, принятого за основу в академическом сообществе. Эта база данных, как и зарубежные аналоги, собирают и анализируют статистические данные, не претендуя на концептуальное понимание природы феномена скулшутинга. Несколько узконаправленных психолого-философских работ посвящены пониманию внутреннего контекста и процесса становления идеи о совершении акта скулшутинга в масштабах одного человека; социологическая наука имеет в своем распоряжении данные о проявлениях скулшутинга и их характере и мотивации, но не понимание о становлении феномена в общественной ментальности.

Основным «белым пятном» в отечественном изучении феномена скулшутинга представляется отсутствие обобщающей концепции, которая позволила бы включить в себя опыт и информацию из разных источников. Академическое сообщество опирается на несовершенно понятие и небольшой объем статистических данных при полном отсутствии разработанной концептуальной модели. Скулшутинг выступает очевидной, но четко не определенной категорией и рассматривается социологической наукой как некий объект, с которым взаимодействуют различные социальные субъекты и процессы. Скулшутинг, как социальный опыт, не был осмыслен и пережит, не была ликвидирована общественная опасность. Опыт разработки методологии изучения нового социального феномена показывает степень готовности академического сообщества к научному осмыслению других проявлений общественного насилия.

СТАБИЛЬНОСТЬ И ИЗМЕНЕНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКОМ ЖИЗНЕННОМ ПУТИ ПОКОЛЕНИЙ

*Иванова Светлана Владимировна
(ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований))*

*Андреенкова Анна Владимировна
(ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований))*

*Семенова Мария Сергеевна
(ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований))*

грант РФФ 23-18-00635 «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, выросшего в 1990-е, – лонгитюдное исследование через 30 лет»

Аннотация. Трансформацию политического поведения и взглядов людей предлагается рассмотреть через концепцию политического жизненного пути. На примере одного поколения, выросшего в переломные 1990-е годы, показано, что стабильность политических взглядов на протяжении жизни довольно низкая, политическое поведение как активизм или пассивность сохраняются на разных жизненных этапах, хотя формы участия и политической включенности меняются.

Ключевые слова: жизненный путь, трансформация политических взглядов, политические установки, ценности, политическое участие, поколения

Одним из ключевых направлений исследований в политической социологии является изучение изменений в политическом поведении и политических установках и взглядах. Помимо выделения макро-трендов на групповом уровне, большое внимание исследователей уделялось вопросу о стабильности и изменениях в политических установках и поведении на индивидуальном уровне и связи с возрастом и жизненными этапами. Логическим развитием этой линии исследований является изучение политического жизненного пути человека, который предлагается определить как последовательность или изменения в политическом поведении (политической активности, включенности, выборе политических действий), процесс интернализации и трансформации политических взглядов, установок и ценностей в результате личностного развития, изменения жизненных обстоятельств и социально-политического контекста. Новый взгляд на политическую жизнь человека как непрерывный процесс взаимодействия с политической и социальной средой, а также трансформацией внутренней мировоззренческой системы требует новых методологических подходов к получению эмпирических данных. В проекте «Жизненный путь поколения, выросшего в 1990-е» была поставлена задача проанализировать сильные и слабые стороны разных методов изучения политического жизненного пути на примере одного поколения 1960-1975 гг., пережившего целый ряд драматических событий истории России конца прошлого и начала нового века [1]. Лонгитюдной частью проекта является проведение интервью с участниками панельного исследования 1993-1999 г. РУССЕТ через 30 лет для прямых сравнений поведенческих и установочных показателей на длительном промежутке времени. Ретроспективные методы включают глубинные интервью с представителями поколения 1960-1975 гг. (100 респондентов) для построения календаря политической жизни и определении событий, оказавших влияние на респондентов, а также метод автобиографий (100 автобиографий) для определения роли политической сферы жизни и исторических событий в индивидуальных судьбах (100 респондентов).

Предыдущих исследований, которые ставили целью изучение трансформации политических взглядов и поведения на протяжении жизненного пути, в мире было проведено совсем немного и большинство из них основывалось на изучении отдельных групп. Среди них Бонингтонский проект, в котором изучалось изменение взглядов выпускниц одного колледжа в США с 1930 на протяжении 50 лет [2], лонгитюдное исследование Термана среди людей с высокими интеллектуальными показателями с 1940-х годов на протяжении 37 лет [6], панельное исследование выпускников ряда школ и их родителей Университета Мичиган [3]. Эти исследования показали довольно высокую стабильность политических взглядов и установок на протяжении жизни людей и даже межгенерационную преемственность. Однако, в ряде других исследований, построенных на когортном анализе на случайных выборках населения, было обнаружено, что стабильность политических установок и идеологических взглядов, напротив, очень невелика, и важное влияние на них имеет жизненный этап – стабильность значительно ниже в ранней молодости и поздней старости и выше в зрелости [7].

Полученные данные в России говорят о существенных трансформациях политических взглядов изучаемого поколения за прошедшие 30 лет. Изменения коснулись общих идеологических взглядов респондентов, их партийных предпочтений и ряда конкретных установок. Больше всего изменений произошло в группе респондентов, которые придерживались продемократических взглядов и голосовали за демократические партии на выборах 1990-х, но также затронули и ряд сторонников прокоммунистических взглядов. В ходе глубинных интервью респонденты, которые осознали и признали изменение своих взглядов, а таких оказалось около четверти от всех опрошенных, связывают это с разочарованием в демократии, экономических реформах и западных ценностях. Значительная часть респондентов (более трети) считают, что их взгляды не изменились, при этом большинство из них характеризует свою нынешнюю позицию как «патриотическую», хотя в 1990е годы таких взглядов придерживались значительно меньшая доля людей этого поколения. Ретроспективная рефлексивная оценка эволюции своих политических взглядов показывает довольно низкую надежность, что может быть связано как с проблемами памяти, так и с влиянием изменившегося социально-политического контекста и склонностью людей изменять прошлое для построения более логичной и оправданной с позиции настоящего времени картины. В исследовании мы нашли подтверждение того, что с возрастом политические взгляды в среднем становятся более консервативными, что было показано на примере других стран [5]. Еще одной гипотезой о причинах изменений является предположение о поздних сроках политической социализации. Обычно окончание политической социализации относят к ранней молодости, однако, исследования показали, что на протяжении всего периода ранней взрослости (20-30 лет) стабильность политических взглядов гораздо ниже, чем в последних возрастных периодах [7]. Если предположить, что в целом политическая социализация и окончательная кристаллизация политических взглядов происходит позже – ближе к среднему возрасту, а до этого взгляды и ценности слабо интернализированы, разрозненны и подвержены влиянию, это объясняло бы высокую поддержку продемократических взглядов среди самых молодых поколений 1990-х и их «консервативный поворот» в 2000-х. Однако, эти гипотезы еще предстоит проверить в дальнейших исследованиях.

В отличие от политических установок и взглядов, политическое поведение показывает более высокую стабильность на протяжении жизненного пути, хотя формы участия меняются, что согласуется с данными исследований в других странах [4]. На основе анализа автобиографий и пилотного этапа лонгитюдного опроса были выделены несколько групп по динамике политического поведения: активисты на протяжении всего жизненного

пути, активисты на отдельном этапе жизненного пути, пассивные, но участвующие в электоральном процессе и полностью не участвующие в политической жизни. Большинство тех, кто проявлял высокий интерес к политической и общественной жизни в молодости, участвуют в различных политических действиях на всех этапах жизненного пути, хотя и в разных формах: в советских организациях (пионерия, комсомол, активизм в учебном заведении) в юности, в избирательных кампаниях и других формах политического активизма в 1990-е и в форме волонтерства, благотворительности, организации коммунального благоустройства и природоохранной деятельности в 2000-х. Напротив, группа не участвующих в общественной и политической жизни в 1990-е годы делали такой выбор и в последующие годы.

Политический жизненный путь представляет собой сложную многокомпонентскую систему, включающую как поведенческий, так и ценностно-мировоззренческий и оценочный уровень, где отдельные элементы показывают разную динамику и изменяются по разным причинам и основаниям. Системный взгляд на политический жизненный путь в отличие от изучения отдельных компонентов, позволяет более глубоко понять происходящие процессы и строить прогностические модели для других поколений.

1. Андреевкова А. В. Исследования жизненного пути – концептуальные и методологические подходы и решения // *Социологическая наука и социальная практика*. – 2024. – Т. 12. – № 1. – С. 6–24.

2. Alwin D. F., Cohen R. L., Newcomb T. M. Political attitudes over the life span: The Bennington women after fifty years. *University of Wisconsin Press* – 1991.

3. Jennings M. K., Stoker L., Bowers J. Politics across Generations: Family Transmission Reexamined // *The Journal of Politics*. – 2009. – 71(3). – P. 782–799. <https://doi.org/10.1017/s0022381609090719>

4 Nolas S-M., Varvantakis C., Aruldoss V. Political activism across the life course // *Contemporary Social Science*. – 2017. – 12:1-2. – P. 1-12, DOI: 10.1080/21582041.2017.1336566

5. Peltzman S. Political Ideology over the Life Course // *Public Choice: Analysis of Collective Decision-Making eJournal*. – 2019.

6 Sears D. O., Funk C. L. Evidence of the Long-Term Persistence of Adults' Political Predispositions // *The Journal of Politics*. – 1999. – 61(1). – P. 1–28. <https://doi.org/10.2307/2647773>

7. Visser P. S., Krosnick J. A. Development of attitude strength over the life cycle: Surge and decline // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1998. – 75(6). – P. 1389–1410. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.75.6.1389>

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА КАК НАУКА И НАПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

*Каневский Павел Сергеевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В последние два десятилетия направление публичной политики стремительно набирает популярность в российских научных и образовательных кругах. В университетах создан ряд образовательных программ по публичной политике, интерес к которым со стороны абитуриентов и студентов только растет. Термин «публичная политика» в последние годы активно внедряется как в науку, так и в российскую политико-правовую систему, благодаря принятым в 2020 году поправкам к Конституции РФ, которые ввели понятие публичной власти, объединяющей государственную и муниципальную власть.

В то же время до сих пор ведутся научные дискуссии о содержании этого понятия, истории его развития и сложности предметной области. Это связано с тем, что исследователи порой исходят из совершенно разных точек отсчета и используют в своем понимании публичной политики различные категории и понятия с разным смыслом. Наблюдается довольно хаотичное наложение зарубежного опыта изучения публичной политики, что порой не столько облегчает, сколько усложняет понимание этого явления в России. Однако российские авторы не одиноки в концептуализации понятия, целей и основных категорий публичной политики. Это связано с тем, что в определенный момент публичная политика начинает терять свою концептуальную структуру и превращается в «научного Франкенштейна».

Сегодня представляется необходимым начать более полное обсуждение содержания и целей государственной политики в России. Эта дискуссия необходима не только академическому сообществу, но и государству. Государству необходимо лучше понимать, каких специалистов по публичной политике должны выпускать университеты, как правильно интегрировать запросы и интересы общества в процесс принятия решений, как выстраивать приоритеты в планировании публичной политики.

Когда на рубеже веков в Россию пришло направление публичной политики, оно, естественно, принесло с собой концептуальное содержание и противоречия, существовавшие до этого на Западе. Российское профессиональное сообщество было поставлено перед необходимостью выбрать наиболее подходящую модель публичной политики, которая бы полностью отвечала потребностям государства и общества, и была бы реально работающим инструментом, а не просто модным термином. В период активной дискуссии о модернизации и демократизации в девяностые-нулевые российские ученые делали больший упор на западные традиции, ставя на первый план гражданское общество как основополагающего субъекта государственной политики, предлагая отказаться от традиционной бюрократической иерархии в государственном управлении, подготовке и принятии решений в пользу более инклюзивного, открытого и горизонтального диалога. Однако в свете сегодняшних реалий такой подход кажется излишне оптимистичным. Условно говоря, хабермасовская модель публичной сферы и гражданского общества применительно к России не работает, поскольку само гражданское общество недостаточно развито и не имеет необходимых ресурсов, организационных основ в обществе и доверия со стороны государства.

Это не означает, что понятие публичной политики, как в академической, так и в практической плоскости, для России бессмысленно. Вопрос в том, какой реальный смысл

придать публичной политике и какое инструментальное значение эта концептуальная рамка имеет для государства и общества. В действительности публичная политика содержит ряд ключевых элементов, напрямую связанных с эффективностью принятия решений, повышением легитимности и механизмами согласования интересов.

Публичная политика в России, как и в других странах, должна рассматриваться через призму гармонизации общественных и государственных интересов, что способствует выработке более эффективных, легитимных и прозрачных политических решений. В этой перспективе государство и общество выступают как естественные союзники в поиске решений конкретных общественных проблем. Вопрос в том, как сделать эту систему гармонизации и продвижения общественных интересов максимально эффективной, чтобы она не отрывалась от реальных проблем. Для этого необходимы эффективные механизмы вовлечения граждан в процессы общественных консультаций, а также повышение прозрачности процесса принятия решений и обеспечение того, чтобы граждане могли видеть результаты своего участия. Правовая система постепенно вырабатывает более конкретные нормы, которые должны регулировать эти процессы.

В реальной жизни эти принципы находят отражение, например, в политике городского развития. Публичная политика является важным элементом городского управления и подразумевает реализацию ряда норм, направленных на вовлечение граждан в проектирование городских пространств, решение насущных проблем с целью создания благоприятных условий для жизни горожан, а также грамотное и своевременное разрешение противоречий, возникающих при взаимодействии граждан и местных властей.

Сегодня цифровые платформы становятся важным инструментом вовлечения граждан в подобные проекты общественного управления. Несмотря на то, что в России цифровые платформы для вовлечения граждан пока распространены в основном в крупных городах, они обладают большим потенциалом. При этом цифровые платформы не ограничиваются только вопросами городской политики, а включают в себя электронные порталы, петиции, онлайн-общественные слушания и многие другие формы. По сравнению с традиционной коммуникацией преимущества цифровых платформ заключаются в том, что они упрощают взаимодействие между гражданами и центрами принятия решений, способствуют прозрачности и усиливают общественный контроль за деятельностью властей.

Цифровые технологии открывают новые возможности для развития государственной политики, но сами по себе они не являются панацеей, кардинально повышающей эффективность принятия решений и решающей различные социальные проблемы. Цифровые технологии могут выступать в качестве важной технической поддержки, но реальный вес они имеют только при согласовании нескольких факторов, таких как политическая активность населения, цифровая грамотность и готовность власти реально реагировать на внешние импульсы. Такое сочетание является важным условием для выработки государственной политики страны, а то, какие формы коммуникации для этого используются, - вопрос скорее технический, чем политический.

Однако современное понимание публичной политики не должно ограничиваться поиском новых инструментов вовлечения граждан в процесс политических и управленческих консультаций. Важно также говорить о качественных изменениях в самом управленческом аппарате. Сегодня со стороны государства растут требования к новым типам управленцев. Они не только являются проводниками решений сверху, но и способны самостоятельно ставить и решать задачи, связанные с социально-экономическим развитием, обеспечивать эффективное функционирование задействованных в этом процессе институтов и механизмов согласования интересов.

Современные менеджеры должны обладать коммуникативными навыками, необходимыми для того, чтобы ориентироваться в сложных информационных потоках, согласовывать интересы различных групп, неизбежно возникающих вокруг любого решения, разбираться в вопросах имиджа и налаживать эффективные каналы взаимодействия с акторами внутри собственной организации и с внешними акторами. Они также должны обладать необходимыми коммуникативными навыками, чтобы выстраивать эффективные каналы взаимодействия с субъектами внутри своей организации и за ее пределами.

Все эти задачи требуют качественной системы развития человеческих ресурсов и соответствующих механизмов их отбора. Именно поэтому университеты, занимающиеся подготовкой профессионалов в области публичной политики, сегодня находятся в авангарде процесса модернизации и упорядочивания всей политико-административной структуры.

РИСКИ ДЕФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЫ И ПРАВОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

*Клочкова Анна Валентиновна
(МГУ имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет)*

Аннотация. *Исследование посвящено динамике развития ценностных ориентаций и правосознания современной молодежи. Проведенные лонгитюдные исследования позволяют на основе анализа эмпирических данных выявить как позитивные тенденции, так и негативные - в виде деформации ценностных ориентаций студентов, соответствующие изменениям общего социально-правового фона. На основании полученных результатов сделан вывод о необходимости проведения подобных региональных выборочных лонгитюдных исследований по единой методике.*

Ключевые слова: *правосознание, ценностно-нормативные ориентации, молодежь, мотивация, противоправное поведение, девиантные поступки.*

Результатами научных исследований подтверждено возрастание рисков деформации ценностно-нормативной системы общества вследствие распространения материалов, пропагандирующих жестокость и насилие как в средствах массовой информации, так и в социально-культурной сфере, а также замещения традиционных ценностей и норм прозападными либеральными ценностными ориентациями, являющегося в том числе следствием применения различных манипулятивных методик воздействия на сознание, в первую очередь, молодежи. Как отмечается в научной литературе, «высокая концентрация негатива в медиатекстах, заголовочных комплексах, является и многолетней существенной чертой, и тревожной тенденцией в медиасфере»[1,67]. Специалисты выделяют около 30 субкультур, представляющих потенциальную угрозу для жизни, здоровья, развития и социализации подростков и молодежи.

Современным трендом стала эскалация деструктивного и антиобщественного контента в виртуальной среде, разрушающего традиционные ценности и нормы поведения, популяризирующего девиантные отклонения, в том числе угрожающие жизни и здоровью человека. Такая ситуация не может не сказаться на ценностно-нормативной системе общества и молодежи, в частности. Именно поэтому в научных публикациях фиксируются постепенное деформирование правосознания и ценностно-нормативной системы молодежи, результатом чего может быть выплеск агрессивных импульсов, сформированных под негативным воздействием киберпространства, в девиантное, или противоправное поведение.

Лаборатория социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова проводит лонгитюдное исследование правосознания студентов с 1998 год [2]. Полученные данные свидетельствуют об изменении восприятия, отношения и оценки студентами социально-правовых явлений, в том числе девиантных отклонений на фоне изменения социально-правового фона общества в целом.

Интерес представляет выявление динамики вербальной готовности молодых людей к нарушению в определенных случаях нравственных принципов и этических норм для достижения личных целей (табл. 1). Если в 2018 г. 9,6% опрошенных выразили такую готовность, а 23,7% отметили, что это возможно в некоторых жизненных ситуациях, то за пятилетний период доля таких студентов увеличилась до 14,6% и 26,0% соответственно. Ни при каких обстоятельствах не поступил бы своими морально-нравственными принципами каждый четвертый (26,5%) из числа опрошенных 2018 г. и только каждый десятый (11,4%) 2023 г. Использование противоправных способов для достижения личных

целей в 2018 недопустимо в принципе почти для половины респондентов (48,4%) и лишь для каждого третьего респондента 2023 г. (35,0%). Таким образом, данные проведенных исследований свидетельствуют о росте вербальной готовности молодежи к нарушению морально-нравственных установок и использованию противоправных способов для достижения личных целей. Важно отметить, что большинство будущих юристов не считают для себя возможным использование противоправных средств для достижения личных целей.

Мотивационная составляющая поведения личности представляет наибольший интерес с научной точки зрения. По мнению большинства опрошенных, к нарушению закона в определенных условиях может сподвигнуть чувство самосохранения, (рис. 1). Каждый второй из числа респондентов, считает, что преступить закон можно из чувства справедливости. Почти каждый пятый полагает, что нарушение может быть обосновано благородными побуждениями. То есть на первый план в мотивации противоправного поведения выходят мотивы, связанные с позитивными ценностными ориентациями и самозащитой.

Каждый шестой из числа опрошенных, в этиологии противоправных действий выделяет такие личностные характеристики, как вспыльчивость и чувство мести. Отрицательные качества личности занимают последние места в предложенной мотивационной иерархии.

Таким образом, большинство респондентов связывают возможное нарушение закона только с положительными мотивами, в то время как отрицательные личностные качества играют либо менее значимую роль, либо совсем незначительную в этиологии правонарушений.

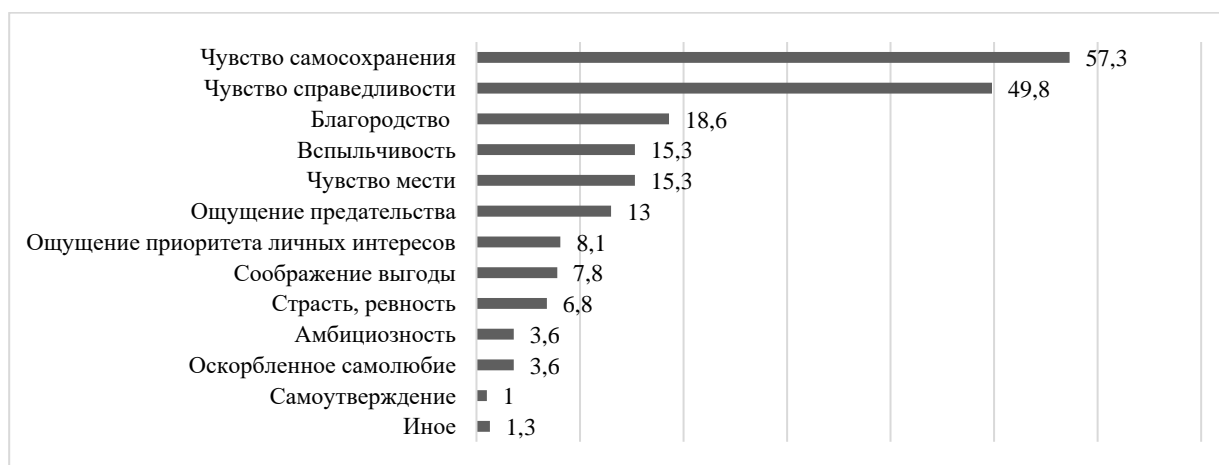

Рис. 1. Эмоции и чувства, способные спровоцировать нарушить закон

Ценностно-нормативные ориентации молодежи прослеживаются через отношение к различного рода девиантным и противоправным поступкам. Лонгитюдные замеры позволяют выделить как позитивные, так и негативные тенденции. Так, например, доля студентов, готовых ударить человека в ссоре снизилась за 10 лет в 2 раза (2013 г. - 36,8%; 2018 г. - 28,3; 2023 г. - 15,0%). Данная позитивная тенденция идет вразрез с общим трендом на повышение уровня агрессивности в общественной жизни. О повышении уровня правосознания студентов свидетельствуют и данные о том, что более чем в два раза сократилось количество респондентов, готовых дать взятку (2013 г. - 28,1%, 2018 г. - 16,8%, 2023 г. - 13,4%).

Из явных негативных тенденций - рост доли студентов, признающих для себя возможность употреблять нецензурные выражения (71,7%). По остальным видам девиаций не прослеживается определенных тенденций, существует возможность фиксировать лишь волнообразную динамику отклонений. Взять то, что плохо лежит в 2013 г. могли 5,3 % опрошенных, в 2018г. - 7,5%, а в 2023 г. доля таких студентов снова сократилась до 5,5%. Данные исследования свидетельствуют о готовности большинства респондентов проехать в общественном транспорте без билета. В данном случае показатель с 57,3% в 2013 сокращается до 51,9% в 2018г. и вновь возвращается к 57,5% в 2023г.

Наметившиеся позитивные изменения по отношению к преступности к 2018 году вновь сменили тренд на толерантность к преступным проявлениям. Так если пройти мимо совершаемого преступления в 2013г. могли 21,1% из числа опрошенных, то в 2018г. их доля сократилась до 11,8%, но в 2023г. вновь возросла до 17,3%. Результаты исследований отражают наряду с позитивными изменениями определенные морально-нравственные деформации молодежи, их неустойчивость и подвижность.

По результатам исследований выявлены определенные тенденции, свидетельствующие о тесной взаимосвязи изменения общего социально-правового фона с негативными трансформациями в сознании студентов.

1) Рост толерантности к наркотизация общества. За пятилетний период доля, оценивающих состояние данного явления как «катастрофическое» сократилась с каждого третьего до каждого пятого опрошенного студента.

2) Привыкание к культивированию насилия в качестве особого тренда в кино, живописи, акционизме, и других видах искусства. Доля студентов, полагающих, что это одна из наиболее серьезных проблем, отражающихся на росте толерантности по отношению к антиобщественному поведению сократилась в 2 раза. При этом сопоставимо увеличилась доля студентов, считающих, что ситуация в данном вопросе улучшается.

4) Продолжается распространение элементов криминальной субкультуры через средства массовой информации и интернет. Данный процесс, уже привел к изменению культурных ценностей, потребностей и интересов, частичной интериоризации криминальных ценностей в массовом сознании. «По сути, в самой системе современной социализации и инкультурации закладываются институциональные пласты отрицания права» [3,22].

5) Ассимиляция ненормативной лексики в разговорной речи становится в сознании молодежи нормой. При всей очевидности тенденции к росту распространения матерных выражений в разговорной речи оценки студентами ситуации как «катастрофической» сокращаются при увеличении доли респондентов, характеризующих ситуацию как «удовлетворительную».

Указанные тенденции отражают изменения на уровне сознания молодежи, связанные с деформацией ценностно-нормативных ориентаций и определенным искажением правосознания молодежи. Чтобы иметь данные для анализа ситуации, необходимо проводить лонгитюдные исследования на основе создания системы замеров правосознания учащихся учреждений общеобразовательного, среднепрофессионального и высшего профессионального образования на уровне регионов.

1. Игошина Ю. В., Стародумов А. А. Использование негативной информации в заголовках СМИ (на примере региональных медиатекстов). // Гуманитарные науки. 2017. № 1. С.65-69.

2. *Лаборатория социально-правовых исследований и сравнительного правоведения Мониторинг «Правосознание студентов юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова» Выборочная совокупность; 2008 г. - 260; 2013 г. - 204 ; 2018 г. – 355; 2023 г. - 361 студент 1-4 курсов бакалавриата.*
3. *Карнаушенко Л. В. Генезис массовой потребительской культуры в России 1990-х – 2000-х годов и проблема деформации правосознания. Общество и право.2014. №4(50). С.20-24.*

РОССИЯ КАК ИМПЕРИЯ. МЕХАНИЗМЫ ИНТЕГРАЦИИ ЭЛИТ РЕГИОНАЛЬНЫХ В ОБЩУЮ (ФЕДЕРАЛЬНУЮ/ИМПЕРСКУЮ) СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ. ТЕОРИЯ, АКТУАЛЬНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ

*Королев Яков Сергеевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Империю от национального государства (и, следовательно, имперскую нацию от нации неимперской) отличает наличие системы наднациональных смыслов, позволяющих объединять в своём составе различные этнические системы (в т.ч. неимперские нации [пример: Польша в составе Российской Империи или Советского Союза]). Как пример, для Британской Империи таковой служило «бремя белого человека», а для Советского Союза (он же может быть обозначен как «Советская империя») — коммунистический проект, образ светлого коммунистического будущего.

Элиты присоединяемых территорий тем или иным методом интегрируются в общую систему управления. В данном процессе возможны несколько подходов (как правило, они используются в некоторой комбинации):

Выращивание новых поколений в имперской системе смыслов, воспитание их «под себя» (пример: деятельность Британской Империи в Индии и на африканском континенте);

Назначение собственных ставленников на ключевые позиции в системе политического и экономического управления покорённого региона с правом производить масштабные реформы системы политического управления (в качестве примера годится пример предыдущего пункта);

Интеграция региональных элит в общеимперскую систему управления через очерчивание рамочных ограничений и предоставление определённых преференций/функций с постепенной ассимиляцией как элит в частности, так и народа в целом (пример: Российская Империя и кавказский регион).

Для России (вне зависимости от того, говорим мы о Российской Империи или о Советском проекте/«Советской империи») была характерна комбинация из подходов «b» и «с», где ведущую роль играл последний.

Ключевой особенностью российского подхода следует считать ставку на ассимиляцию. «Сверху» обозначались лишь общие, достаточно широкие рамки и правила, внутри которых элиты присоединённых регионов имели возможность достаточно свободно маневрировать. Это наложило значительный отпечаток на всю систему политического управления России, заключающийся в значительной автономии региональных элит при их крайне жёсткой подотчётности федеральным/имперским элитам, а также в наличии вышеописанной практики создания для тех или иных регионов и их элит привилегий (в т.ч. перед имперским центром/имперской метрополией).

Более глубокое рассмотрение темы невозможно в рамках данного короткого доклада.

Актуальность темы обусловлена:

Её влиянием на систему политического управления современной России;

Малым числом научных работ по ней;

Неприменимостью многих теорий и подходов западной политической науки к российским реалиям;

Перспективами фрагментации мир-системы до состояния Мира панрегионов (по Хаусхофферу);

Включением в состав Российской Федерации четырёх новых регионов.

Перспективы изучения темы выглядят в значительной мере позитивно, поскольку текущие условия позволяют как вести работу с историческими источниками, так и наблюдать в действии процессы интеграции элит, благодаря включению в состав России нескольких новых регионов (несмотря на то, что это скорее следует трактовать как воссоединение с некогда потерянными территориями, на них уже успели сформироваться собственные элиты и механизмы управления).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

*Котлярова Ольга Владимировна
(Владимирский филиал РАНХиГС)*

Аннотация. Методом свободных ассоциаций участники исследования пытались представить собственное политическое восприятие государственной и муниципальной службы, а также государственных и муниципальных служащих. Результатом стал вывод об амбивалентности эмоциональной оценки, проявляемой респондентами в процессе политического восприятия.

Ключевые слова: политическое восприятие, государственная и муниципальная служба, экспресс-опрос, метод ассоциации, сознательное и бессознательное в политике.

С позиции политической социологии, результатом политического восприятия выступает политический образ воспринимаемого объекта [4]. Образ воспринимаемого объекта отражает то, как политический субъект воспринимает не только конкретный объект, но и взаимоотношения воспринимаемого объекта с другими политическими объектами. Политическое восприятие таким образом не только отражает, но и формирует актуальную политическую реальность, в которой живет российское общество.

Большое количество исследований посвящено тому, как современные россияне воспринимают власть. К примеру, ведущая политологическая школа МГУ им. Ломоносова на протяжении последних 30 лет системно исследует восприятие обществом существующей власти [6], [7].

Интересно, что такое политическое восприятие можно обнаружить на личностном уровне, когда воспринимающим субъектом выступает отдельный человек. Также политическое восприятие может изучаться на групповом и массовом уровне.

На наш взгляд, особое внимание уделяется восприятию политических лидеров и политических партий [1], [2], [3], [5]. Такой интерес обоснован практически – важно прогнозировать электоральную активность в преддверии выборов, понимать тенденции общественного мнения, а также оценивать удовлетворённость гражданского общества действующей властью.

Другое направление изучения политического восприятия имеет отношение к формированию образа государственных и муниципальных служащих и государственной и муниципальной службы. К последнему направлению относится представленная работа. На наш взгляд, безусловно, интересным кажется изучения сознательных и бессознательных тенденций политического восприятия этих объектов.

Методологией исследования был выбран метод свободных ассоциаций. Во время экспресс-опроса 235 респондентов за ограниченное время пытались вербализовать ассоциации, которые возникают у них при восприятии соответствующих политических объектов. Целевой аудиторией исследования стали участники в возрасте от 18 до 67 лет, жители Владимирской, Московской, Нижегородской и Ярославской областей. Отметим, что все респонденты имеют (или получают высшее образование), 67 % опрошенных – женщины, 33 % – мужчины. Безусловно, полученные результаты не могут быть репрезентативными для всех регионов современной России, однако тенденции, определяемые сформулированными ассоциациями, хорошо демонстрируют специфику политического восприятия выбранных политических объектов, характерны для политического института власти, частично отражают общественное мнение. Важно, что скорость опроса позволяет увидеть политическое восприятие не только на сознательном

уровне, но и на уровне бессознательного. Элемент бессознательной оценки воспринимаемых объектом подтверждается тем, что сами респонденты после участия в опросе были удивлены своими результатами. Важно, что 76% опрошенных согласились с тем, что выданные ими ответы не совпадали с теми ответами, которые они бы дали в ситуации неограниченного времени, то есть в ситуации, в которой у них была бы возможность поразмышлять над заданием, подумать спокойно, проанализировать исследуемые политические объекты.

За ограниченное количество времени (на работу участником экспресс-опроса отводилось 3-7 минут) респондентам нужно было наиболее точно выразить словами ассоциации, возникающие у них при восприятии выбранных объектов. Мы умышленно отобрали ответы, которые повторились более 20 раз, что говорит о стандартизации, однотипности бессознательного политического восприятия у определенного процента опрошенных. На вопрос о том, какие ассоциации вызывает у респондентов государственная и муниципальная служба, были получены следующие ответы: *политика* (24 совпадения); *серьезная работа* (23 совпадения), *сложный процесс* (21 совпадение), *администрация* (21 совпадение); *организация, где занимаются непонятными делами* (21 совпадение). Обратим внимание, на то, что наряду с безоценочными ассоциациями присутствует ассоциация с негативной оценкой. Также стоит отметить, что у 12% опрошенных государственная или муниципальная служба связаны с исключительно личным опытом, к примеру с близкими людьми (ответ «мать, отец»), которые работали во властных структурах. Чаще всего такие респонденты подчёркивают холодность и отстраненность родителей по отношению к себе, однако обращают внимание на их профессионализм и развитую ответственность.

На вопрос о том, с кем или с чем ассоциируется государственный или муниципальный служащий мы получили следующие ответы, имеющие наибольшее количество совпадений: *с чиновниками* (25 совпадений), *с равнодушными людьми* (24 совпадения), *с безразличием* (23 совпадения), *со статусом и властью* (21 совпадение), *с народом* (21 совпадение). Безусловно, стоит подчеркнуть четко проявленную негативную оценку государственных и муниципальных служащих, свидетельствующую о действии стереотипов и установок, позволяющих респондентам воспринимать государственных и муниципальных служащих как безразличных, равнодушных, отстраненных представителей власти, незаинтересованных в оказании помощи и поддержки населению. К положительным тенденциям отнесем присутствие ассоциации государственных и муниципальных служащих с народом. Современное российское государство стремится к клиентоцентричности со стороны власти, то есть к возможности держать в фокусе внимания нужды и потребности граждан и выстраивать государственное управление в соответствии с запросами гражданского общества. На наш взгляд, новой и положительной тенденции является стойкая ассоциативная связь государственных и муниципальных служащих с народом.

В конце экспресс-опроса респонденты должны были продемонстрировать первую реакцию на вопрос «Хотели бы они лично стать представителем государственной или муниципальной службы». Результаты представлены на рисунке 1.

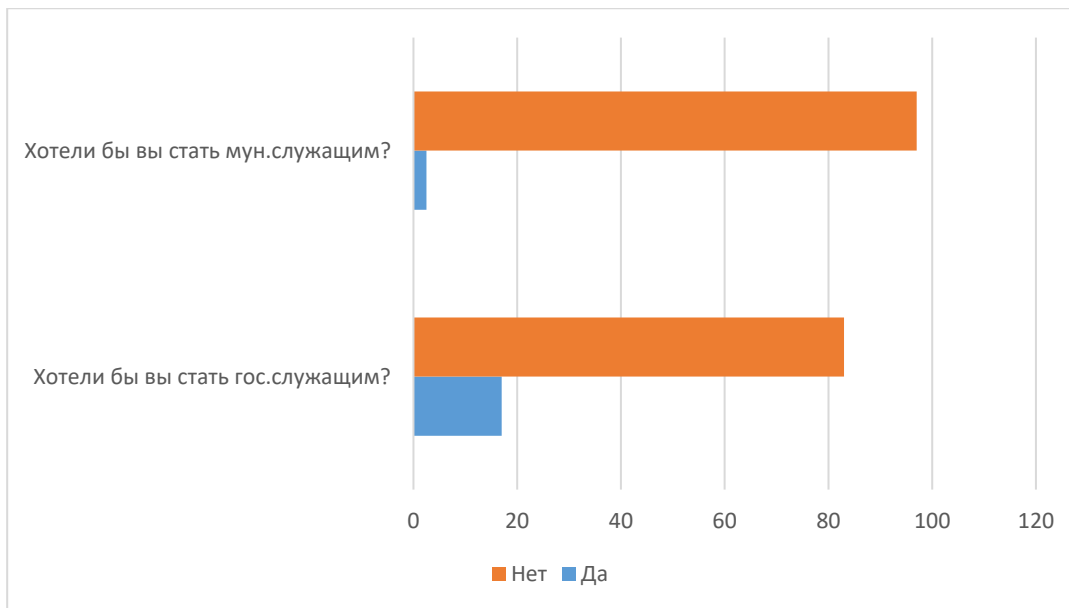

Рис. 1. Результаты ответа на вопросы: «Хотели бы вы стать государственным служащим?»; «Хотели бы вы стать муниципальным служащим?»

Важно отметить, что мгновенная и бессознательная реакция большинства респондентов была отрицательной. В последствии опрошенные подтвердили собственное нежелание становится частью системы государственного и муниципального управления, хотя многие из них приводили рациональные аргументы о престижности и перспективах такой профессиональной деятельности. Сами респонденты были удивлены мгновенными отрицательными ответами. На рациональном уровне каждый из них приводил аргументы в пользу нахождения на службе.

Можно сделать ряд выводов о политическом восприятии государственной и муниципальной службы и государственных и муниципальных служащих:

Респонденты испытывают амбивалентные, то есть противоречивые эмоции при восприятии этих политических объектов.

Реакция участников экспресс-опроса не всегда понятна им самим, что свидетельствует о расхождении политического восприятия на сознательном и бессознательном уровнях.

При политическом восприятии действует ряд стереотипов, сформированных на уровне индивидуального, группового и массового сознания.

Присутствует ряд ассоциаций, связанных исключительно с уникальным опытом конкретного индивида, такие ассоциации выделяются на фоне стереотипных.

Констатируем превалирование негативных и нейтральных оценок в процессе политического восприятия.

Мы уверены, что политическое восприятие является одной из наиболее перспективных тем политической социологии, психологии и политологии. Изучение политического восприятия позволяет каждому гражданину России осознавать собственное политическое видение и поведение, а значит дает определенные гарантии безопасности от политических манипуляций и политического воздействия.

1. Багач М., Белоусов Е., Саркисянц А. Субъективные восприятия национальных интересов политическими лидерами как причина крымской войны // *Международный аспект*. 2022. Т. 3. № 3 (9). С. 30-53.

2. Бродовская Е.В., Волхонская З.И., Гуменюк М.С., Шиндин А.В. Восприятие имиджа нового лидера политической партии ЛДПР российскими пользователями социальных медиа // *Власть*. 2023. Т. 31. № 1. С. 36-42.
3. Вишняков А.И., Карымова О.С. Социально-психологические особенности восприятия политических лидеров на примере Оренбургской области // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2023. Т. 12. № 2 (43). С. 129-133.
4. Котлярова О. В. Образ России как результат политического восприятия: результаты (на материале когнитивного анализа концептов Россия, Родина, страна, государство) // *Коммуникология*. 2024. Т. 12. № 2. С. 97-109.
5. Смутькина Н.В. Политическое лидерство: особенности российского политического восприятия // *Личность в пространстве и времени*. 2023. № 12. С. 94-102.
6. Шестопал Е.Б. Восприятие политических партий и их лидеров на фоне актуального психологического состояния российского общества // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2023. № 3 (110). С. 115-133.
7. Шестопал Е.Б. Издание коллективной монографии «Психология политического восприятия в России» / Отчет о НИР № 12-03-16056. Российский гуманитарный научный фонд. 2012.

СОЛИДАРНОСТЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ

Лебедева Людмила Геннадьевна
(Самарский государственный экономический университет)

Аннотация. Проблема солидарности имеет свою специфику в любой стране, и она связана с проблемой преемственности поколений. Солидарность поколений предполагает наличие «связующих» элементов, прежде всего, в виде схожих «смыслов жизни», общих интересов. Изучая их, можно получить определённое понимание сути и содержания солидарности (социальной солидарности) и в аспекте преемственности поколений.

Ключевые слова: солидарность, социальная солидарность, солидарность поколений, преемственность поколений, социальная интеграция поколений.

Разнообразные научные концепции солидарности рассматривались (и продолжают рассматриваться) преимущественно в рамках философской мысли. При этом «солидарность как ориентирующий признак и определенный вектор общественного движения» [7, 17] обсуждается представителями разных социогуманитарных наук. Начиная ещё с работ Э. Дюркгейма, разработавшего оригинальное учение о солидарности механической и органической, концепции солидарности всё больше становятся предметом социологической науки. В том числе обсуждаются и вопросы социологической диагностики солидарности в обществе [2].

В общем, солидарность (социальная солидарность) подразумевает те или иные формы социальной взаимосвязи и сплочённости индивидов и социальных групп. Соответственно, рассматриваются разнообразные факторы социального сплочения, среди которых – солидарность и альтруизм [3]. Социальная солидарность является также формой просоциального поведения, наряду с альтруизмом [9].

В советский период отечественные обществоведы особое внимание уделяли классовой солидарности в духе «классового подхода» на основе идей классиков марксизма-ленинизма. В современный период российские учёные активно используют и наработки зарубежных исследователей, в чём-то споря с ними, в чём-то солидаризируясь с их оценками в исследовании проблемы солидарности. В любом случае не забываются и идеи классиков социологии, включая О. Конта, Э. Дюркгейма и других.

Вместе с этим имеется широкое поле для научных изысканий с учётом того, что называется «спецификой социально-исторических условий» применительно к тем или иным обществам, странам. Для этого имеются и новые, современные обоснования. Так, Я. Капеллер и Ф. Уолкенстайн (J. Kapeller, F. Wolkenstein) на основе своих исследований пришли к выводу, что «идеальные типы солидарности несут в себе разные представления о сообществе» [11, 478]. Комментируя выводы Я. Капеллера и Ф. Уолкенстайна, С.С. Аносов заключает, что «невозможно говорить о каком-то одном типе социальной солидарности» [1, 423-424].

Проблема солидарности имеет свою специфику в любой стране, и она связана с проблемой преемственности поколений, на важность которой обращал особое внимание ещё О. Конт [10, 65]. В аспекте преемственности поколений (и в связи с ней) есть основания выделять солидарность поколений (межпоколенческую солидарность). При этом следует иметь в виду, что в течение ряда поколений преемственным (объектом и предметом преемственности) может быть лишь самое существенное, важное для продолжения жизнедеятельности социума.

Различные аспекты солидарности (в том числе, и препятствий для неё) в общественной жизни всё активнее подвергаются конкретным социологическим исследованиям. Правда, при этом существует немало трудностей в изучении солидарности, среди которых, в частности, отмечается такая трудность – «как её изучать эмпирически» [4, 17].

Думается, однако, что некоторые пути и варианты того, как солидарность изучать эмпирически, всё же известны и используются на практике. Например, известно, что социальная интеграция поколений предполагает наличие «элементов общей культуры, общих социальных ценностей, родственных "смыслов жизни"» [5, 119-120], а также «общих интересов и чувства социальной ответственности» [8, 79]. А на практике солидарность поколений начинается, прежде всего, в форме взаимопомощи в семье в повседневной жизнедеятельности [6].

Существуют явления и процессы, которые являются непосредственными проявлениями собственно солидарности (механической или органической), либо в каких-то отношениях выступают своеобразными аналогами её сути (сплочённость, единство общества, совместная ответственность), либо отражением основ солидарности (общие социальные ценности и интересы), либо проявлением процесса формирования солидарности (активное взаимодействие, консолидация, интеграция), либо в качестве последствий, социального эффекта солидарности (сотрудничество, взаимопомощь, консолидированное общество) и т. п. Таким образом, изучая, например, указанные явления и процессы, можно получить определённое понимание сути и содержания солидарности на разных уровнях общества, применительно к конкретным субъектам в конкретных ситуациях и процессах, в том числе, понимание солидарности поколений в аспекте преемственности поколений.

1. Аносов С.С. Социальная солидарность: теоретическое осмысление в современной науке // *Современные исследования социальных проблем*. 2017, Том 9, № 4. С. 416–432.
2. Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Кузнецова О., Борисюк Л., Юй Я. Социологическая диагностика солидарности в российском и китайском обществе: проблемное поле и новые контуры методологической рамки // *Материалы XIV международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск, Хэйхэ. 28-31 мая 2024 г.)*. Выпуск 14. - Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2024. 609 с. – С. 192-200.
3. Ефременко Д.В., Симонова О.А., Евсеева Я.В. Солидарность и альтруизм как факторы социальной сплоченности (Вступительная статья) // *Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Ефременко Д.В. – М., 2014. 284 с. – С. 5-15.*
4. Ковригина Г.Д., Кармадонов О.А. Неочевидность солидарности: проблема эмпирического изучения трудно верифицируемых социальных состояний // *Социологические исследования*. 2018. № 10(414). С. 14–23.
5. Лебедева Л.Г. «Смыслы жизни» в динамике преемственности поколений // *Вестник Самарского муниципального института управления*. Самара, 2018. № 2. С. 119-124.
6. Лебедева Л.Г. Солидарность поколений в повседневности глазами молодёжи // *Социальные и гуманитарные знания*. 2020. Т. 6. № 1 (21). С. 54-65.
7. Попкова Т.В. Солидарность и солидаризм как социальная и научная проблема // *Электронный научный журнал «Новые исследования Тувы»*. 2013. № 1. С. 39–48. – С. 17. URL: www.tuwa.asia/.
8. Сиразетдинова М.Ф. Российские социологи об основаниях солидарности: субъектность, предсказуемость и общность чувств // *Вестник Института социологии*. 2024. Том 15. № 1. С. 70–90.
9. Якимова Е.В. Альтруизм как форма просоциального поведения в контексте западной социально-психологической теории XXI в. // *Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Ефременко Д.В. – М., 2014. 284 с. – С. 222-247.*

10. Comte A. *System of Positive Polity. Vol. 2. Social Statics, Or The Abstract Theory of Human Order*. London: Longmans, Green, And Co. 1875. 428 p. [Электронный ресурс: <https://archive.org/details/systemofpositive02comt>] (дата обращения: 11.09.2024).
11. Kapeller J., Wolkenstein F. *The grounds of solidarity: From liberty to loyalty*. *European Journal of Social Theory*. 2013. Nov. Vol. 16. Issue 4, pp. 476–491.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНЫХ УГРОЗАХ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО (ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО) МИРОПОРЯДКА

*Милецкий Владимир Петрович
(СПбГУ)*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00770, <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>

История XX века и нынешнего столетия свидетельствует о том, что новый мировой порядок складывался, как правило после крупных войн. В особенности это относится к мировым войнам. Так, после Первой мировой войны был сформирован Версальский миропорядок, не сумевший предотвратить Вторую, ещё более разрушительную бойню, устроенную Гитлером и фашистской Германией. После победы Советского Союза при поддержке союзников в этой войне была создан Ялтинско-Потсдамский мировой порядок, который привел к появлению двух полюсов в послевоенном мире - Советского блока и Северо-Атлантического альянса (НАТО), противостоявших друг другу до распада СССР в декабре 1991 г. В 1990-е годы усилиями входивших в НАТО и США стран был утвержден известный и ныне ещё существующий миропорядок, именующийся «Вашингтонский консенсус», базирующийся на убеждении лидеров этих стран о том, что они победили в противостоянии с Советским блоком и могут не только не считаться с интересами нашей страны, но диктовать России свою волю. С приходом В.В. Путина к власти ситуация начала постепенно меняться. Особый импульс этому процессу придала его известная Мюнхенская речь (2007), в которой он заявил о необходимости кардинально менять основанный на «Вашингтонском консенсусе» несправедливый миропорядок в пользу многополярного (полицентричного) устройства, учитывающего интересы незападных стран. Однако лидеры стран коллективного Запада не восприняли всерьёз обращение российского лидера. Воспользовавшись прозападной ориентацией нынешнего киевского режима и начатой руководством нашей страны 24 февраля 2022 г. Специальной войсковой операцией по защите наших соотечественников в ЛДНР, они развязали против России «гибридную прокси-войну».

Итак, на современном этапе к числу главенствующих вызовов стабильности российского общества и препятствий процессу формирования многополярного (полицентричного) мироустройства, пожалуй, относится «гибридная прокси-война», которую уже третий год ведёт против нашей страны руками преступного киевского режима коллективный Запад под началом США. Речь идет об агрессивных действиях против России, включающих в себя не только боевые действия на фронтах СВО, но и о фактически санкционную финансово-экономическую войну, политические и информационно-идеологические провокации, диверсии, террористические акты (подрывы Крымского моста, газопровода «Северный поток - 2» и др.) с целью истощения и дезорганизации нашей страны. В ходе этих агрессивных действий нашу страну обложили жесточайшими санкциями в количестве более двадцати тысяч. С этих событий началась не только новая мировая эпоха, содержанием которой стала утрата Соединенными Штатами роли единоличного правителя современного мира - «глобального гегемона», но и настоящая национально-освободительная борьба России за суверенитет нашей страны, стабильность, безопасность и новый мировой порядок.

Масла в огонь конфронтации Запада с Россией подлил «просроченный украинский президент» Зеленский в ходе его вояжа в США в конце сентября текущего года. Не

добившись желаемой цели после вторжения 6 августа украинских боевиков на территорию Курской области, он во время переговоров с Байденом попытался получить от президента США разрешение наносить удары западным дальнобойным оружием в глубь территории России. Однако накануне голосования на президентских выборах в США, назначенных на 5 ноября, Байден не решился дать ему прямое разрешение на эту авантюру, поскольку осознает исключительную опасность таких провокационных ударов. В особенности это стало ясно американскому руководству после выступления В.В. Путина на Форуме объединенных культур в Петербурге 12 сентября, которое он усилил 25 сентября на заседании Совета безопасности по ядерному сдерживанию. На этом заседании он предложил меры по изменению Ядерной Доктрины безопасности России. Согласно словам Верховного Главнокомандующего, теперь любое нанесение Украиной западным дальнобойным оружием ударов в глубь территории России будет значить прямое участие стран НАТО в боевых действиях на Украине. Тот факт, что в этом случае «США и европейские страны воюют с Россией» будет рассматриваться в качестве нападения на нашу страну с неременным ответным ударом по агрессору, в состав которого входят поддерживающие киевский режим западные государства. Таким образом, российское руководство рассматривает милитаризацию Украины Западом в качестве системной (экзистенциальной) угрозы России и деструктивного фактора, направленного на подрыв социально-политической стабильности российского общества и противодействие процесса формирования нового справедливого миропорядка.

В настоящее время все изложенные выше враждебные действия коллективного Запада гегемона против нашей страны дестабилизировали ситуацию во всём мире и обусловили беспрецедентное обострение международного положения. Свой «вклад» в обострение ситуации внес Израиль. В октябре после чудовищных бомбардировок Ливана израильской военщиной и убийства лидера «Хезболлы» на Ближнем Востоке до предела обострился арабо-израильский конфликт. Это привело к вовлечению в столкновение Иранского руководства, осуществившего мощный обстрел Израиля 2 октября, запустившего по территории этой страны 182 ракеты.

Никогда после известного «Карибского кризиса» в октябре 1962 г. современный мир не был так близко от опасной черты или своеобразной точки невозврата, за которой при самом активном участии Коллективного Запада возможна глобальная катастрофа.

ПРОФЕСИОНАЛЬНОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО В МИРЕ, ГДЕ ПРАВИТ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Пузанова Жанна Васильевна

(Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы)

Нарбут Николай Петрович

(Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы)

*Тезисы подготовлены в рамках ИнНИР 100938-0-000
«Использование искусственного интеллекта: перспективы,
угрозы, ограничения (на примере представлений студенчества)»*

Ученые разных областей знания в настоящее время сосредоточили свое внимание на области искусственного интеллекта (ИИ), и это делает исследования в этой области

богатыми и разнообразными. Поле исследований ИИ включают алгоритмы поиска, графы знаний, обработку естественных языков, экспертные системы, алгоритмы эволюции, машинное обучение (ML), глубокое обучение (DL) и другое.

Довольно популярное деление на слабый и сильный ИИ вводит в некоторое заблуждение о возможности применения и результативности использования этих технологий. Слабый ИИ – модели, позволяющие решать узкоспециализированные задачи (бизнес, логистика, медицина, управление) оказывает глубокое влияние на профессиональную деятельность и образ жизни (наиболее популярные и узнаваемые уже сейчас для нас – распознавание визуальных образов, голоса-речи, умные дома, видеонаблюдение, онлайн-переводчики и т.д.). В настоящее время можем констатировать, что прикладной уровень ИИ становится все более и более обширным и глубоко интегрированным с фундаментальными науками, промышленным производством, человеческой жизнью, социальным управлением и киберпространством.

Во взаимодействии со слабым ИИ мы уже живем, с сильным столкнемся без преувеличения уже завтра (хотя казалось, что это далекое будущее). Теория сильного (также используют термин «универсальный») искусственного интеллекта предполагает, что искусственная система может приобрести способность мыслить и осознавать себя как отдельную «личность» (в частности, понимать собственные мысли – самосознание, принятие решений, и даже возможно эмпатия).

Сильный ИИ – универсальный (по когнитивным способностям выше человеческого интеллекта, умноженный на возможности компьютерной обработки информации по скорости и объему) в ближайшем будущем превзойдет возможности человеческого интеллекта в целом. Отсюда вытекают как минимум два сценария развития событий: трансгуманистический (человек полностью сливается с сетью, интегрирован в нее) и альтернативный (ИИ противостоит человеку, сильнее его)

Речь идет о «подрывных» технологиях, которые имеют «сквозное» влияние на бизнес, коммуникации, медиапотребление, человеческие взаимоотношения, политику, геополитику, то есть человек начинает по-другому действовать в этих сферах (старые подходы не работают). С этой точки зрения, для нас как социологов крайне важно обратить внимание, что меняются человеческие привычки, паттерны поведения (например, телефон, затем смартфон сменяют нейроинтерфейсы, которые по-другому позволяют получать информацию).

Ключевые области профессиональной деятельности, где технологии ИИ уже изменили профессиональную деятельность разнообразны. Например, медицина (диагностика, анализ, лечение, прогноз): например, постановка диагноза с использованием ИИ по УЗИ, анализам, анамнезам гораздо точнее. Помимо этого в повседневной жизни нет необходимости ходить в поликлинику, информация хранится у агрегаторов и онлайн-платформах, появляется возможность обращаться к сохраненным данным по прошествии времени, если появились новые технологии и алгоритмы. Таким образом, человек привязан к технологии, а не к отдельному институту. Решения принимаются по-другому (не УЗИ, МРТ – интерпретация, анализы – интерпретация, анамнез – врач – диагноз – протокол – лечение – прогноз, а агрегированные данные на IT платформе – диагноз – прогноз – лечение. А есть возможность действовать на разных платформах, с разными технологиями. ИИ вышел из лаборатории в повседневность. «Страхи» еще существуют: к кому больше доверия квалифицированному врачу или технологии. Но есть и явные преимущества отсутствие очередей, квот и т.п., но в тоже время не у всех есть доступ к такой услуге.

В сфере коммуникации и рынка беспрецедентное количество контента, с которым надо справляться, приводит к сегментации рынка товаров, услуг, в зависимости от запросов

и интересов конкретных потребителей (нам это уже знакомо тому, как выстраиваются рекомендации по запросам на фильмы, книги, продукты) [1, 755]. С одной стороны, это хорошо, удобно, с другой стороны, создается замкнутый круг (так называемый) «пузырь», из которого сложно выбраться, если не пропускается другой контент, о котором человек не знает). В основе – система поисковых запросов, над которой работали многие из известных компаний (Гугл, Яндекс, и некоторые запрещенные в РФ компании). Создание принципиально новой системы поиска – это беспрецедентный случай, который дал возможность раскрутиться одной из многозадачных технологий-алгоритмов-продуктов ChatGPT за 5 дней (OpenAI, 2022). С другой стороны, это с неизбежностью ведет к гиперкастомизация сегмента, то есть фактически возможно создание контента для отдельного человека (и здесь опасностей больше, чем возможностей) [2, 1055]

В сфере бизнеса моментальное принятие решений, способность быстро меняться, использование новых технологий дает новые возможности, но и ведет к новым рискам, создание новых продуктов в свою очередь ведет к новым возможностям. Здесь крайне важно следить за развитием инструментов ИИ, чтобы не оказаться в проигрыше. Второй риск – это сфера занятости: человека можно легко уволить и заменить ИИ (алгоритмом). Как пример, массовые увольнения сейчас на Амазон, Мета (запрещенной в РФ компании) и др. И наконец, ключевое качество – способность быстро меняться, а отсюда понимание того, какие навыки надо прокачать, чтобы быть востребованным завтра.

Еще одна точка, на которую бы стоило обратить внимание социологам, что технологии ИИ – это чаще всего технологии «двойного назначения». Следует сказать, что любая технология нейтральна, вопрос, как и кем она используется. Для человека или против человека, но в любом случае – это развитие идет сейчас во благо бизнеса, в первую очередь. Становится легко управлять и манипулировать людьми. И тогда это вопросы не только экономические, но и геополитические: кто управляет? у кого рычаг управления, у кого технологии и агрегированные платформы? (их круг ограничен сейчас 5-10 компаний в мире).

Вопрос стоит и в сфере занятости. Как изменится карта профессий в ближайшее будущее. «Исход» белых воротничков уже показал, что высвобождаются не только рабочие профессии, замещаемые автоматизацией, а и офисные и даже интеллектуальные (написание сценариев, сочинение музыки, написание картин... Можно спрогнозировать, что в ближайшее время резко подвергнутся сокращению, такие профессии как: управленцы (пример Амазон - до 20%), IT, программисты (их функции передаются ИИ), маркетинг (сегментация и гиперкастомизация рынка), ассистентские и коммуникационные функции, (напоминания, ответы на письма, анкеты, сочинение резюме, сопроводительные письма, ответы на вопросы через чат-боты и т.п.), любая работа с цифрами (бухгалтерия, статистика). HR (набор персонала по резюме, которые написаны одинаково идеально с учетом всех требований ИИ, и обрабатываться должны также ИИ), написание текстов (разной сложности от аналитических отчетов до художественных произведений).

Встает вопрос как изменится труд социологов: работа с данными, построение таблиц по запросу, агрегирование данных из многих источников, описание данных, анализ распознавание лиц, эмоций, речи, транскрибирование и т.п.

1. Пузанова Ж.В., Тертышников А.Г., Павлова У.О. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. - 2024. - Т. 24. - № 3. - С. 747-763. doi: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-747-763
2. Фомина А.Н. Проблемы и перспективы развития рынка искусственного интеллекта в России // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Том 12. – № 2. – С. 1051-1068. – doi: 10.18334/vines.12.2.114607

МОТИВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ УЧАСТИЯ В ВОЛОНТЁРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Пегашев Роман Александрович
(ФГБОУ ВО "Череповецкий государственный университет")

Ефремов Михаил Юрьевич
(ФГБОУ ВО "Череповецкий государственный университет")

Волонтерство играет значительную роль в жизни общества, поскольку оно способствует развитию гражданской активности, формированию нравственных ценностей и укреплению социальных связей. В современном мире волонтерская деятельность становится всё более популярной и востребованной, особенно среди подрастающего поколения. Вологодская область не является исключением: здесь волонтерство также занимает важное место в образовательном процессе и социокультурном развитии региона.

«Волонтерство - форма социального служения, осуществляемого по свободному волеизъявлению граждан, направленного на бескорыстное оказание социальных услуг людям, их поддержку, защиту, личностное развитие» [1, 165].

Явление добровольчества имеет глубокие исторические корни, восходящие к традициям благотворительности и взаимопомощи. В разные периоды истории волонтерские движения возникали в ответ на различные социальные вызовы, такие как эпидемии, войны и стихийные бедствия. Сегодня волонтерство продолжает развиваться и адаптироваться к современным реалиям, сохраняя свою гуманистическую направленность.

Волонтерские инициативы способствуют развитию региона, активизируют социальную активность населения, повышают уровень доверия между гражданами и укрепляют местное сообщество. Волонтеры участвуют в различных проектах, направленных на решение социальных проблем, таких как: помощь нуждающимся, благоустройство территорий, охрана окружающей среды и многое другое. Молодёжь является наиболее активной категорией волонтеров, поскольку именно молодые люди обладают энергией, энтузиазмом и желанием изменить мир к лучшему. Волонтерство предоставляет им возможность получить новые знания и навыки, расширить свой кругозор, а также найти единомышленников и друзей.

Волонтерская деятельность является важным элементом образовательного процесса, поскольку она позволяет учащимся приобрести практические навыки, развить лидерские качества и научиться работать в команде. Кроме того, оно способствует формированию нравственных ценностей и моральных принципов, которые будут полезны в будущей профессиональной деятельности. Поэтому изучение ценностных установок и факторов мотивации, которые стимулируют учащихся школ активно участвовать в организованных добровольческих мероприятиях, является актуальной задачей в контексте современного образовательного процесса. Важно понять, какие ценности и интересы мотивируют школьников к добровольчеству, чтобы успешно поддерживать их участие в этой социальной практике.

Ценностная сфера индивида формируется на основе комплексной системы мотивов и ценностей, которые определяют его социальное, а также профессиональное поведение. Эта сфера оказывает существенное влияние не только на эффективность деятельности человека, но и на его общее личностное развитие [2, 53]. Особенно важно рассмотреть особенности ценностных ориентаций учащихся Вологодской области, поскольку это позволит лучше понять, какие ценности и мотивы стимулируют их добровольческую

активность и каким образом это влияет на формирование их личности и социокультурное развитие региона.

В первую очередь мы рассмотрели вопрос о наиболее важных причинах участия учащихся в общественных делах (Таблица 1), распределение ответов представлено на слайде, наблюдения отобраны по критерию участия в общественных делах, причины были разделены на 3 группы: альтруистические, эгоистические и другие. Исходя из полученных данных, наиболее важными являются эгоистические причины: самореализация (40%), возможность общения и дружеского взаимодействия (33%), приобретения опыта общественной работы (33%), практических навыков и знаний (32%), третья по важности причина - альтруистическая: желание способствовать изменениям в обществе (33%).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Причин участия в общественных делах много, какие наиболее важны лично для Вас?» (не более 5 ответов), %

Причины участия	%
Самовыражение, самореализация	40
Возможность общения, дружеского взаимодействия	33
Хочу способствовать изменениям в обществе	33
Приобретения опыта общ. Работы	33
Приобретение полезных практических навыков, знаний	32
Полезные знакомства	26
Возможность помочь людям	24
За компанию, занимаются мои друзья	22
Возможность улучшить жизнь в месте где я живу	21

Таким образом, наиболее сильным стимулом для учащихся являются личная нематериальная выгода самого волонтера, отчётливо проявляется направленность на реализацию собственных запросов, а не на решение общественных проблем.

Следующим было рассмотрено распределение ответов на вопрос о наиболее выраженных качествах у респондентов, в зависимости от участия в волонтерской деятельности (Таблица 2), золотым выделены волонтеры, зелёным – не волонтеры. Согласно полученным данным, волонтеры считают себя более ответственными (47%), целеустремленными (38%), работоспособными (30%), коммуникабельными (28%), стремящимися к постоянному развитию (30%), более образованными (28%), менее эгоистичными (11%) и инициативными (10%) нежели учащиеся не участвующие в деятельности, объяснение этому видится в личностных ориентациях респондентов и самому этиологическому характеру волонтерской деятельности.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Какие качества наиболее всего выражены у Вас?» (не более 6 ответов), %

Качества	Волонтеры	Не волонтеры
Ответственность	48	39
Целеустремлённость	38	32
Работоспособность, трудолюбие	31	25
Коммуникабельность	28	19

Стремление к постоянному развитию	28	22
Образованность (широта знаний)	26	20
Эгоизм (забота, прежде всего, о своих интересах)	11	17
Инициативность, активная жизненная позиция	10	6

Далее было рассмотрено распределение ответов на вопросы об ощущении ответственности за происходящее в семье, классе, школе, доме, дворе. Согласно полученным данным, волонтеры ощущают большую ответственность за своё окружение нежели люди, не участвующие в деятельности, во всех аспектах. Волонтеры чувствуют большую ответственность за свою семью (разница 7%), свой класс (разница 17%), собственную школу (разница 20%), за свой дом (разница 13%) и двор (разница 12%). Статистические данные отсылают нас к личностным качествам и характеру волонтерской деятельности как виду социальной практики и социального служения.

Резюмируем выводы, эгоистическая мотивация оказывает большее влияние на принятие решения к участию в волонтерской деятельности, что говорит о том, что наиболее сильным стимулом являются личная нематериальная выгода самого волонтера. У категории волонтеров наблюдается низкий уровень эгоизма, по сравнению с остальными учащимися. Ученики, практикующие волонтерскую деятельность более склонны к выделению своих положительных социальных качеств (сильно выделяется разрыв в «ответственности», «коммуникабельности», «целеустремлённости» между волонтерами и учащимися, не практикующих добровольческую деятельность. Волонтеры ощущают большую ответственность за своё окружение, нежели люди, не участвующие в данной деятельности. Это относится ко всем рассмотренным аспектам (семья, класс, школа, дом, двор). При том, самый большой отрыв между результатами – в категориях «класс» и «школа».

1. Сикорская Л. Е. Волонтерство как форма трудового воспитания студенческой молодежи / Л. Е. Сикорская // *Знание. Понимание. Умение*. 2009. - № 1. - С. 163–168.
2. Малышев, И. В. Характеристики ценностно-смысловой сферы в зависимости от профессиональной направленности личности студента / И. В. Малышев // *Ученые записки*. – 2010. – №4. – С. 52 – 56.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УЧАСТИЯ В КУЛЬТУРНЫХ ПРОГРАММАХ ВОСТОЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФОРУМА ДИНАМИКА РОССИЙСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИСУТСТВИЯ

*Разумовский Кирилл Андреевич
(Фонд Росконгресс)*

Восточный экономический форум (ВЭФ) ежегодно проводится в городе Владивосток на Дальнем Востоке России. Это знаковое международное мероприятие, с 2016 года организуемое Фондом Росконгресс на площадке Дальневосточного федерального университета (ДВФУ). Мероприятия, проводимые в рамках форума, направлены на создание благоприятной экономической ситуации в регионе, повышение инвестиционной привлекательности и международный культурный обмен. Площадки форума ежегодно посещают иностранные делегации. Начиная с 2015 года на форуме было подписано более 2300 соглашений о сотрудничестве различных компаний на сумму свыше 26,9 трлн рублей [1].

Несмотря на то, что форум ориентирован на экономическую повестку, он также является площадкой для межкультурного диалога. На форуме проводятся выставки («Улица Дальнего Востока» [2]) и концерты, спортивные соревнования (Спортивные игры ВЭФ [3]) и кинопоказы, фестивали («Владивостокские сезоны» [3]) и мероприятия, направленные на сохранение редких видов животных и птиц (Международный форум по сохранению тигра [4], Международный форум «День сокола» [5]). В условиях конкуренции на международной арене важным элементом внешнеполитической стратегии становится культурная дипломатия.

В данном исследовании был проведен анализ динамики участия российских и иностранных делегатов за период с 2015 по 2024 гг. Для проведения исследования были использованы открытые данные о культурных мероприятиях ВЭФ, официальные отчеты форума, публикации в СМИ и статистика Фонда Росконгресс. Основным методом исследования является количественный анализ.

Сравнительный анализ данных показывает, что российские делегаты составляют основную часть участников культурных программ ВЭФ на протяжении всего исследуемого периода. Однако заметна тенденция роста количества стран-участниц форума: 56 стран-участниц было представлено в 2016 году, а в 2024 году в мероприятиях форума приняли участие 75 стран. В 2016 году около 1100 иностранных представителей приняли участие в деловой и культурной программе форума [6]. Наибольшее количество иностранных участников посетило форум в 2018 году – более 2500 человек [7]. Во время пандемии COVID-19 форум был отменен, но при возвращении к привычному формату, в 2021 году, количество иностранных участников уменьшилось до 520 человек [8]. Однако через два года это число вновь стало расти (в 2023 году форум посетили более 600 иностранных делегатов) [9].

Анализ статистических данных показывает, что участие иностранных представителей в культурных программах ВЭФ во многом зависит от политической и экономической обстановки в мире. Например, в 2017–2019 годах рост числа иностранных участников был обусловлен укреплением отношений России с Китаем, Японией и другими странами АТР, которые активно поддерживали участие в культурных и деловых мероприятиях форума. Политические санкции и напряженные отношения с рядом западных стран в 2022–2023 годах также отразились на числе международных участников, однако рост интереса со стороны стран АТР позволил сохранить высокий уровень международного присутствия на ВЭФ.

1. *Восточный экономический форум / Росконгресс. Восточный экономический форум. 2024. URL: <https://forumvostok.ru/about-the-forum/> (дата обращения: 6.10.2024).*
2. *Итоги Восточного экономического форума – 2021 / Росконгресс. Восточный экономический форум. 2021. URL: <https://forumvostok.ru/archive/2021/outcomes-of-the-eef-2021/> (дата обращения: 6.10.2024).*
3. *Подведены итоги Восточного экономического форума – 2024 / Росконгресс. Восточный экономический форум. 2024. URL: <https://forumvostok.ru/news/podvedeny-itogi-vostochnogo-ekonomicheskogo-foruma-2024/> (дата обращения: 6.10.2024).*
4. *Итоги VII Восточного экономического форума / Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. 9 сентября 2022. URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/itogi_vii_vostochnogo_ekonomicheskogo_foruma/ (дата обращения: 6.10.2024).*
5. *Подведены итоги Восточного экономического форума – 2023 / Росконгресс. Восточный экономический форум. 2023. URL: <https://forumvostok.ru/news/podvedeny-itogi-vostochnogo-ekonomicheskogo-foruma-2023/> (дата обращения: 5.10.2024).*
6. *Итоги работы Восточного экономического форума – 2016 / Росконгресс. Восточный экономический форум. 2016. URL: <https://forumvostok.ru/archive/2016/outcomes-of-the-eef-2016/> (дата обращения: 5.10.2024).*
7. *Итоги работы Восточного экономического форума – 2018 / Росконгресс. Восточный экономический форум. 2018. URL: <https://forumvostok.ru/archive/2018/outcomes-of-the-eef-2018/> (дата обращения: 5.10.2024).*
8. *Итоги Восточного экономического форума – 2021 / Росконгресс. Восточный экономический форум. 2021. URL: <https://forumvostok.ru/archive/2021/outcomes-of-the-eef-2021/> (дата обращения: 5.10.2024).*
9. *Подведены итоги Восточного экономического форума – 2023 / Росконгресс. Восточный экономический форум. 2023. URL: <https://forumvostok.ru/news/podvedeny-itogi-vostochnogo-ekonomicheskogo-foruma-2023/> (дата обращения: 6.10.2024).*

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В СПОРТЕ

*Росенко Светлана Ивановна
(НГУ им. П.Ф.Лесгафта, Санкт-Петербург)*

Одним из важнейших элементов социальной дифференциации выступают профессиональные группы, выделенные на основе критерия содержания трудовых функций и вида занятости. Профессиональные группы характеризуются определенным видом деятельности, требующим соответствующей подготовки, наличием определенных знаний, умений и навыков в той или иной сфере материального или нематериального производства. Наряду с общими параметрами идентификации, каждой профессиональной группе присущи свои особенности, определяемые спецификой сферы деятельности. Мансуров В.А. отмечает, что “социология профессий и профессиональных групп предлагает использовать в качестве критериев стратификации профессионального сообщества не только отраслевую принадлежность, но и специфические черты конкретной профессиональной деятельности” [1, С.5]. В этой связи правомерно говорить о том, что спортсмены как профессиональная группа характеризуются определенными параметрами, выявление которых имеет важное значение для ее идентификации. В данном случае объектом социологического исследования выступает динамика статусных и компетентностных позиций спортсменов в период трансформации современного спортивного движения и его институтов. Применительно к современному российскому обществу “необходимость изучения спортсменов как социальной группы обусловлена тем, что, во-первых, в современном российском спорте протекают сложные и противоречивые процессы, связанные с расширением его представительства и все большим встраиванием в различные виды общественных отношений: политических, коммерческих, медийных и пр., начиная с государственной политики и заканчивая полностью коммерциализированной индустрией досуга и развлечений (entertainment) для многих россиян” [2, С.4].

Спорт как социально-культурная деятельность, сложившаяся в форме соревнований и специальной практики подготовки к ней, объединяет различные социально-профессиональные группы. К их числу относятся тренеры, методисты, спортивные судьи, спортивные агенты, спортивные психологи, менеджеры и др. В общей сложности численность работников физической культуры и спорта в 2023г. составила 412 тыс чел. Основной профессиональной группой выступают спортсмены как физические лица, занимающиеся определенным видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях [3]. Данное определение фиксирует в качестве основных критериев дифференциации исследуемой профессиональной группы два основных фактора: занятие спортом и соревновательная деятельность (подготовка и участие в спортивных соревнованиях по определенным видам спорта, спортивным дисциплинам). Анализ трудовых функций спортсменов показывает, что их содержание определяется выполнением тренировочных мероприятий и осуществлением соревновательной деятельности. Следует отметить, что каждая трудовая функция конкретизируется в соответствующих трудовых действиях, умениях и знаниях, отражающих специфику профессиональной деятельности спортсменов.

В основе профессионального деления группы спортсменов лежит целый ряд критериев дифференциации: виды спорта (часть спорта, имеющая соответствующие правила, среду занятий, используемый спортивный инвентарь); уровень дохода (совокупность денежных и иных средств для поддержания физического, экономического и интеллектуального состояния спортсмена на определенном уровне удовлетворения потребностей); статус спортсменов (социальная позиция спортсмена, определяемая его

участием в определенных типах спортивных соревнований, содержанием трудовых функций и источниками получения дохода; демографические характеристики (гендерная и возрастная идентификация спортсменов); этнический и конфессиональный фактор (принадлежность спортсмена к определенному этносу и конфессии); территориальный фактор (проживание спортсмена в определенной административно-территориальной единице) и др. В соответствии с обозначенными критериями выделяются группы спортсменов, дифференцированные по видам спорта; группы спортсменов-профессионалов и спортсменов-любителей; спортсменов с разным уровнем дохода; спортсменов с определенными гендерными и возрастными характеристиками, а также этнической и конфессиональной принадлежностью. Это означает, что профессиональная группа спортсменов является сложноструктурированной общностью и включает в себя многочисленные слои, отражающие их различные характеристики. Развитие физической культуры и спорта приводит к изменению качественных и количественных параметров профессиональной дифференциации в спорте, что определяет необходимость постоянного мониторинга ее состояния и учета выявленных тенденций при формировании государственной политики в сфере физической культуры и спорта.

1. Мансуров В.А. Социально-профессиональные группы и стратегия развития общества//Научный результат. Социология и управление.- 2023.- Т.9.- №4.- С.4-9.

2. Рыскин П.П. Профессиональные спортсмены как социальная группа: статус, перспективы постспортивной жизнедеятельности/ Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук – Екатеринбург, 2021г.

3. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. N 329-ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации"/ <https://base.garant.ru/12157560>. Дата обращения 26.08.2024г.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Рудева Ангелина Васильевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Жулина Юлия Олеговна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Дерюгин Павел Петрович
(Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ))

При финансовой поддержке гранта РФФИ № 24-18-00261

Аннотация:

Авторами рассматривается влияние цифровизации на общество и роль цифровых компетенций как ключевого ресурса для успешной адаптации в кризисных условиях. Особое внимание уделено влиянию кризисных ситуаций на развитие цифровых компетенций у студентов приграничных территорий, в частности, в условиях специальной военной операции.

Ключевые слова:

цифровые компетенции, цифровизация, кризисные ситуации, специальная военная операция, приграничные территории

Формирование цифровых компетенций студентов в кризисных ситуациях имеет некоторые отличительные особенности. Кризисные ситуации вносят определенные изменения в цифровую подготовку студенчества: они могут как стимулировать интенсивность такой подготовки, так и негативно сказываться на ней. Кризисные условия в современном мире повышают роль цифрового капитала, который становится важнейшим ресурсом для успешного преодоления трудностей. Причем, центральное место в системе цифрового капитала «занимает личность с высоким уровнем цифровых компетенций, обладающая ценностными смыслами и ставящая цели своей деятельности в нестандартных или новых социально-экономических условиях» [2, с. 53]. Следовательно, цифровые компетенции не просто становятся ключевым навыком подготовки специалистов в XXI веке, но во многом способны изменять характер происходящих событий, как например, использование дронов изменило характер ведения боевых действий в ходе СВО.

Под цифровыми компетенциями понимаются «знания и навыки, позволяющие в условиях цифровизации экономики и социальной сферы применять для решения задач или достижения требуемого результата информационно-коммуникационные технологии» [4, с. 940]. Таким образом, цифровые компетенции охватывают широкий спектр умений, включающие создание и обмен цифровой информацией, использование технологий, позволяющих эффективно и безопасно решать профессиональные и личные задачи.

Однако, в научном сообществе все еще не сформировано однозначное представление об основных компонентах содержательного наполнения цифровых компетенций. Различные исследователи и образовательные системы предлагают свои модели, включающие разнообразные навыки и знания. Один из таких подходов предлагает А.А. Лаврикова, выделяющая четырех ключевых компонента, уровень владения которыми может варьироваться от базового до профессионального:

1) Цифровая грамотность – навыки, знания и умения, связанные с потреблением и созданием цифрового контента, а также уверенным использованием наиболее распространенных цифровых технологий;

2) Сотрудничество в цифровой среде – способность выстраивать взаимоотношения, организовывать совместную деятельность, а также совместно производить ресурсы в цифровом пространстве;

3) Решение проблем в профессиональной области посредством ИКТ – умение настраивать цифровые среды под индивидуальные и профессиональные запросы, выбирать подходы для решения задач разного уровня сложности (прежде всего в профессиональной области) посредством использования специализированных цифровых технологий и готовность к максимальному использованию их потенциала;

4) Цифровая безопасность – способность распознавать угрозы цифрового пространства и ограничивать их риски, а также готовность к ответственному поведению в цифровой среде [3, с. 109].

Следует отметить, что цифровые компетенции не существуют в изоляции, они тесно связаны с другими видами компетенций, такими как профессиональные, социокультурные, личностные и пр. Таким образом, цифровые компетенции выступают не просто как отдельный набор навыков, но как неотъемлемая часть более широкой группы компетенций, необходимых для наиболее успешного функционирования и адаптации, что является особенно значимым для успешной деятельности в условиях кризисных ситуаций.

Ситуации кризиса всегда оказывали значительное влияние на образовательный процесс, будь то военные действия, экономические спады или пандемия [6]. В частности, в сложных условиях обстановки изменяются цели, технологии и диагностика учебного процесса [5]. Так, переход к дистанционному обучению в условиях пандемии COVID-19 наглядно продемонстрировал важность цифровой грамотности для всех участников образовательного процесса. Сегодня, исследователями отмечается что, кризис, связанный с проведением специальной военной операции, также отражается на множестве сфер жизни жителей приграничных областей, в особенности, как отмечают участники фокус-групп, на сферу образования [1, 75].

Так, в условиях политического кризиса и информационной войны образовательные учреждения в приграничных регионах могут сталкиваться с усиленной цензурой, ограниченным доступом к международным информационным ресурсам и необходимостью использовать ограниченные и контролируемые государством платформы. Это создает условия для информационной изоляции, что негативно сказывается на возможностях студентов получать разнообразную информацию, необходимую для полноценного образовательного процесса. Однако, это также побуждает студентов развивать навыки критического мышления и понимания механизмов информационной безопасности.

Кроме того, проведение специальной военной операции повлияло на рост тревожности граждан, в том числе обучающихся [1, 76]. У студентов приграничных территорий, которые непосредственно сталкиваются с угрозами безопасности из-за военных действий, высокий уровень тревожности и постоянный стресс могут снижать мотивацию к образованию и самообразованию, что влечет снижение уровня сформированности цифровых компетенций.

В то же время, кризисная ситуация стимулирует институты образования к внедрению дистанционных технологий и более быстрой адаптации к новым условиям. Так, в большинстве университетах приграничных регионов используются специальные платформы для дистанционного обучения, давая студентам возможность не только продолжать обучение, но и стимулирует более активное обращение к цифровым платформам для подготовки заданий и проектов. Также растёт значимость

самостоятельного освоения материалов и прохождения онлайн-курсов, что расширяет цифровые компетенции студентов.

Таким образом, цифровые компетенции являются неотъемлемой частью подготовки студентов к современным социально-экономическим условиям и важнейшим ресурсом для эффективного функционирования в цифровом обществе. В условиях кризисных ситуаций, способность адаптироваться к изменениям через развитие цифровых навыков приобретает особую значимость. Понимание того, как формируются цифровые компетенции студентов в условиях кризиса и с какими вызовами они сталкиваются, имеет важное значение для социологической науки. Поскольку кризисные ситуации способствуют формированию новых социальных условий, которые напрямую влияют не только на профессиональное будущее молодежи и образовательные процессы, но и на функционирование всего общества и его дальнейшие перспективы развития.

1. Воронов В.А., Гармашев А.А., Хрипов К.А. Специальная военная операция как триггер изменений социума приграничного региона // Государственная служба. 2023. № 5. С. 71-78.

2. Дерюгин П.П., Баннова О. С., Камышина Е. А., Ярмач В. Е., Салфетник К. Е. Социодинамика цифрового капитала студентов в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19: опыт смешанной стратегии эмпирического исследования // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 45–57.

3. Лаврикова А.А. Проблемы и перспективы развития цифровых компетенций в системе высшего образования // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. №4. С. 98-112.

4. Симарова И. С., Алексеевичева Ю. В., Жигин Д. В. Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие // Вопросы инновационной экономики. 2022. №2. С. 935-948.

5. Дерюгин, П. П. Педагогическая диагностика межличностных отношений в военно-морском коллективе : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / П. П. Дерюгин. – Москва, 1991. – 222 с.

6. Грабельников А. А., Гегелова Н. С., Осиповская Е. А., Отт В. С. Журналистское образование в условиях пандемии: плюсы и минусы // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. №4.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТАБИЛИЗАЦИОННОГО МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Савин Сергей Дмитриевич

(Институт социологии ФНИСЦ РАН; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы)

Аннотация

Общественная стабильность обусловлена рядом системных факторов, влияющих на динамику общества и параметры его устойчивости. Одним из таких факторов является состояние массового сознания, его направленность на общественные процессы, которая характеризуется типом преобладающих социальных настроений и ожиданий. В условиях социально-политических вызовов и угроз востребованным оказывается стабилизационный тип массового сознания направленный на поддержание текущего порядка.

Ключевые слова

общественная стабильность, массовое сознание, стабилизационное сознание, социальные изменения, социальная напряженность

Один из ключевых вопросов в условиях перемен – возможность сохранения базиса социокультурной идентичности и удержания изменений в пределах общесистемных параметров. Среди условий такой устойчивости необходимо выделить состояние массового сознания, которое определяет общий социально-психологический фон жизни общества и дает основания легитимности власти. Массовое сознание двояким образом связано с социальными изменениями. С одной стороны, оно реагирует на происходящие изменения, с другой стороны, во многом их предопределяет, выражает общественные настроения за или против перемен. Во втором случае проявляются так называемые интенции стабильности или перемен.

В социологическом плане под интенцией массового сознания будем понимать его направленность, устремленность на определенные общественные процессы. Интенция формирует массовые настроения, предопределяет общественную оценку тех или иных событий, концентрирует внимание на чем-то важном для общественной жизни как это видится на данный момент времени большинству. Она включает понимание того, что достойно сохранения, а что необходимо изменить, что приведет к модернизации общества, а что к катастрофе – сформированные в массовом сознании убеждения, система представлений о нынешнем состоянии общества и пути его развития. Такие общие направленности массового сознания определяют четыре его типа: катастрофическое, кризисное, стабилизационное, сознание развития. Их можно измерить по шкале социальных настроений пессимизма – оптимизма. Категория социального настроения в отечественной традиции изучается как комплексная характеристика оценки населением социальных процессов и собственного благополучия [1, с. 29-30].

Российское общество перешло к сложному этапу развития, связанному с новым циклом социально-политических трансформаций. Такие периоды характеризуются кризисными явлениями, увеличивающимися рисками во всех сферах общественной жизни. Сложная динамика политических процессов привела к тому, что произошло наложение системной трансформации общества в результате целенаправленного реформирования и реакции на неконтролируемые угрозы внешних и внутренних вызовов системы. Так или иначе, общие условия развития российского общества можно определить как кризисные.

Но парадоксальным образом данная ситуация не сказывается серьезным образом на росте «кризисности» массовых социальных настроений, за исключением краткосрочного всплеска тревожности в 2022 г. Напротив, несмотря на ощущение неопределенности будущего, российское массовое сознание демонстрирует в большей степени социальный оптимизм. Объясняется такая ситуация тем, что в российском обществе доминирует стабилизационный тип массового сознания, который позволяет амортизировать реакцию на кризисные события и выстроить гибкие представления о нормальности жизни. На поддержание стабилизационного массового сознания направлены усилия официальной политической коммуникации. Эмпирические мониторинговые данные общественного мнения Центра комплексных социальных исследований ИС ФНИСЦ РАН подтверждают выводы о факторах кризисно-стабилизационной динамики массового сознания российского общества [2].

1. Мерсиянова И. В., Брюхно А. С. Социальное настроение россиян: структура и влияние на помогающее поведение // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 29-40.
2. Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. Москва: Издательство «Весь Мир», 2024. – 352 с.

РИСКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЛАНДШАФТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Сащенко Наталья Петровна
(Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН)

Неоднозначность и сложность социально-политических процессов как в мире, так и в российском государстве отражаются на характере социальных отношений, демонстрируя проявление противоречивых тенденций в массовом сознании и порождая внутренние риски для социально-политической устойчивости. Направления теоретического поиска факторов латентного влияния на процессы общественной трансформации (в частности, процессы интеграции/дифференциации социальных групп и общества в целом) оказались в сфере интересов ученых различных наук: от культурологов и социальных психологов до социологов и политологов. Осмысление социологами процессов интеграции/дифференциации времени позднего модерна, характеризующегося большой неопределённостью, текучестью, сложностью, неоднозначностью, оказалось созвучно инновационным подходам политологов в исследовании условий консолидации, сплоченности общества в рамках концепции разделенного общества, утвердившейся в политической науке. А обращение к культурологической концепции эволюционной динамики, внутрисистемных и кроссистемных ароморфозов нашло отклик в социально-психологических и социально-антропологических исследованиях идентификационных механизмов консолидации и фрагментации в рамках когнитивистски ориентированных концепций, взаимовлияния идентичности, исторических социальных структур и социальных процессов.

Социальные явления и события последнего десятилетия – масштабная, ускоренная цифровизация, пандемия, вынужденная изоляция, военные операции – явились катализатором всех этих процессов, изменив режимы межличностных отношений, взаимодействия личности с семьей, ближним кругом общения, с государством, с глобальными субъектами. Наметились изменения в системе ценностных ориентаций и иерархий, в работе адаптационных социально-психологических механизмов, в процессе национально-государственной идентификации. В ряде работ отмечается неустойчивость социальной структуры современного российского общества, обозначены доминирующие тенденции в его трансформации. В ряду таких тенденций отмечается быстро нарастающее имущественное расслоение, цифровизация всех сфер социальной жизни и, как следствие, – виртуализация социальных отношений и информационной среды, которые оказывают влияние на представления граждан о реальном мире. При этом истоки исторически сформировавшегося ментального типа нашего общества, обладающего определенными устойчивыми чертами, глубоко не изучены.

В научном дискурсе обсуждается проблема рискогенного потенциала взаимообусловленности социальных и политических изменений, связанного, в частности, с недостаточной представленностью в высших политических кругах несопадающих интересов всех значимых социальных групп. В то же время пока недостаточно внимания уделяется проблемам, связанным с влиянием изменений, происходящих в социальной и культурной сферах, на сферу политического, с одной стороны, а с другой, – самим политическим процессам как одному из основных факторов изменения в социальной среде.

В зарубежных политологических исследованиях констатируется, что в современных государствах намечается тенденция гражданского дефицита [1], где интегральная характеристика картины мира личности – ее гражданственность, – становится маркером

степени устойчивости/ослабления всего государства [2]. В отечественном научном дискурсе проверены и подтверждены гипотезы о размывании оснований гражданственности, о дефиците способности всех институтов нашего общества вырабатывать «социальный клей» [3, с. 116], о фрагментации политического пространства и о прямой корреляционной зависимости между динамическими состояниями институциональной среды и гражданственностью [4]. На фоне возросшей значимости идеологических противоречий в восприятии самих россиян актуализирована научная проблема идеологической сегментации массовых слоев [5].

В тоже время, несмотря на выявление в психолого-педагогических науках существенных деструктивных процессов в воспитании будущих граждан, «гражданственность и патриотизм» как ценности, основанные на социокультурных традициях нашей Родины и общей исторической памяти, не отрицаются, ученые сохраняют за ними функцию обеспечения необходимой государственной, социальной и культурной целостности России. Естественно, чувствительной к социальным изменениям и уязвимой группой является молодежь, социализация которой все больше смещается в виртуальное пространство, а процесс самоопределения, гражданской идентификации имеет множественную детерминацию.

В этом контексте проблема идентичности, а применительно к государству и его гражданам – проблема национально-государственной идентичности – не только остается актуальной, но и ставит перед исследователем вопросы об адекватности критериев оценки устойчивости идентификационного профиля личности, группы, а также о возможности сохранения национально-государственной идентичности в быстро и радикально меняющейся реальности. При этом нельзя забывать, что особенности ментальных и когнитивных процессов, переживаемых отдельным человеком в каждой конкретной ситуации, могут актуализировать разные виды идентичностей, индивиды могут выбирать ориентацию на различные группы.

Более существенными представляются процессы изменений в самой идентификационной матрице национального сообщества: проблемы трансформации пространства идентичности (расширение/сужение/фрагментация), времени личностной и групповой идентификации (ускорение/замедление/разрыв), модели формирования гражданской идентичности (усложнение/упрощение) в конкретной стране. Полифоничность идентификационного пространства как системы (его различных характеристик: сложности, множественности, пластичности, видимости) порождает новое качество системы – «ускользание идентичности», размывание границ гражданского самоопределения.

В исследовании Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии» (рук. Великая Н.М.) проверялись гипотезы о связи степени значимости в сознании молодых людей их самооценок по видам социальной идентичности с отношением к стране, политическим институтам, политическим и гражданским практикам, а также связи с их социальным самочувствием, чувством гражданственности. Социологическое исследование проводилось Центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН в апреле-мае 2023 г. методом интернет-опроса в 31 субъекте РФ из всех федеральных округов. Результаты регрессионного анализа показали значимую связь показателей российской самоидентификации молодежи и социального самочувствия (в т.ч. уверенности в завтрашнем дне, удовлетворенности жизнью в своей стране, социального оптимизма). Но квадратичная регрессия показала смещение вектора изменений, сдвиг связи показателей в отрицательные значения, которые подтверждают обратную (отрицательную) зависимость социальной идентификации от

негативного отношения к некоторым политическим институтам, от слабых политических и гражданских установок. Мы сделали вывод о наметившемся процессе трансформации границ пространства российской идентичности в восприятии студенческой молодежи, подкрепленным противоречивым чувством гражданственности, а также пассивностью гражданских установок молодежи в пространстве пяти видов социальной идентичности [6]. Разнонаправленные идентификационные процессы в сознании современной российской студенческой молодежи актуализируют потребность дальнейшего теоретического поиска в объяснении противоречивости факторов и характера идентификационных процессов как потенциальных причин долгосрочных системных рисков.

1. McCabe Heather A., Kennedy Sheila S. *Civic Identity, Civic Deficit: The Unanswered Questions*// *Journal of Civic Literacy*. 2014. Volume 1. Issue 1. P. 1-7
2. Shuck Johari R., Helfenbein Robert J. *Civic Identity, Public Education, and the African-American Community in Indianapolis: Mending the Fracture* // *Journal of Civic Literacy*. 2015. Volume 2. Issue 1. P.24-42
3. Недяк И.Л. Гражданственность в восприятии и установках россиян как фактор социальной (дез)интеграции//*Власть*.2022. № 5.С.111-118
4. Патрушев С.В., Кучинов А.М., Мирясова О.А., Недяк И.Л., Павлова Т.В., Филиппова Л.Е. *Формирование гражданской ответственности в России. – Социологическая наука и социальная практика*. 2020. № 1. С. 27-47
5. Тихонова Н.Е. *Идеологическая сегментация массовых слоев населения в условиях обострения конфронтации с Западом (опыт эмпирического анализа)* // *Полис. Политические исследования*. 2024. № 5. С. 136-153.
6. Сащенко Н.П. *Множественная идентичность сквозь призму гражданской ответственности российского студенчества (по итогам социологического исследования)* // *PolitBook*. 2024. № 3. С. 149-171.

ВЕЧНЫЙ МИР РОССИИ И УКРАИНЫ: РЕНЕССАНС КУЛЬТУРЫ МИРА В СФЕРНОЙ ЛОГИКЕ МАКРОСОЦИОЛОГИИ

*Семашко Лев Михайлович
(Гандианский Глобальный Союз Гармонии (ГГСГ),)*

Аннотация

Вечный мир России и Украины (ВМРУ) исторически необходим не только для выживания народов этих стран, но и выживания человечества в геноцидной ядерной цивилизации Запада путем макросоциологического осознания глобального, вечного мира. Он практически стартует с военной победы России и признания ВМРУ, который запустит всемирный Ренессанс культуры вечного мира в холистической сферной логике макросоциологии сфероники.

Ключевые слова: вечный мир, конфликт России и Украины, ядерная цивилизация Запада, Ренессанс культуры мира, наука мира, макросоциология, сферная логика, сфероника

Председатель КНР Си Цзиньпин в ходе неформальной встречи 16 мая с.г. с президентом России Владимиром Путиным заявил о намерении Китая «*работать с Россией и другими странами...над продвижением мира во всем мире и всеобщего развития*» [1]. В этом контексте обсуждался также ключевой вопрос ускорения роста экономики, инвестиций и бизнеса, который был сформулирован на саммите БРИКС в Йоханнесбурге в сентябре 2023 года и отражен в его Декларации [2; 3].

Глубокий смысл данной интенции лидеров Китая и России заключается в том, что «мир во всем мире» или глобальный, вечный мир находится в диалектической связи с развитием экономики, выступая одновременно и лучшей предпосылкой ее ускоренного роста, и закономерным его результатом. Но эта глубинная связь раскрывается не в традиционной, фрагментарной логике отраслей или отраслевой логике социального развития и мышления, а только в их инновационной, холистической логике сфер или сферной логике.

Можно с уверенностью сказать, что начало политического осознания холистической, сферной логики социального развития и мышления было положено лидерами Китая и России в ходе их недавних, переговоров в Пекине 16 мая с.г. Это нашло отражение в их совместном признании «*нового подхода, нового периода, новой модели, новой архитектуры*» в «*устойчивом развитии Китайско-Российских отношений не только в интересах двух стран, но и ради мира и процветания во всем мире.*» [4: 5; 6] Анализ, структура и основные выводы сферной логики вечного, глобального мира, категорический императив которого в социальной природе впервые была сформулирована И. Кантом более двух веком назад [7], раскрываются в деталях в наших последних статьях [8; 9: 10; 11].

В них она интегрируется с другой фундаментальной когнитивной идеей А. Эйнштейна о разрешимости традиционных проблем, создаваемых частичным, отраслевым мышлением не на их уровне, а только на уровне «*субстанциально нового способа мышления, если человечество хочет выжить*» [12]. Но оно, очевидно, не хочет выжить, так почти за 80 лет ядерной цивилизации ничего не сделало ни для его поиска, ни для его создания, более того, всячески подавляла все его слабые ростки, предлагавшиеся Вернадским, Ганди, Эйнштейном, Слотердайком, ГГСГ и другими. Сейчас настал тот момент ядерной геноцидной цивилизации человечества, когда человечеству НЕОБХОДИМО выжить в вечном мире на самом краю ядерного Армагеддона в Украине [13; 14; 15; 16; 17], для чего ему необходимо кардинально сменить отраслевое, частичное

мышление на сферное, целостное, чтобы понять глубокую социетальную логику вечного мира для выживания и человечества, и России с Украиной.

Осознание этой сферной логики вечного мира резюмируется структурной энграммой науки мира сфероники на рис. 1 как сферной макросоциологии и ее сферного, «субстанциально нового мышления» человечества, которое начинается с осознания вечного мира России и Украины.

Рис. 1. Энграмма Науки Вечного Мира, сфероники

План «*Вечного Мира России и Украины*» (ВМРУ) в соавторстве 21 миротворцев, ученых, народных дипломатов и общественных деятелей из 10 стран и 11 международных миротворческих организаций, объединенных в этом проекте ГГСГ, представлен лидерам БРИКС для обсуждения на их саммите 22 октября в Казани в качестве катализатора и интегратора других мирных предложений [18]. В нашем плане вопрос военной победы России не стоит, так как она предрешена и неотвратима с самого начала. Весь вопрос, когда? Мы предполагаем - в конце этого года, а главное, ЧТО после нее? На что отвечает название нашего плана, смысл которого в общих чертах раскрывается ниже.

Сферная логика этого плана, запущенная миротворцами мирового гражданского общества и народной дипломатии, имплицитно воплощена в 12 пунктах этого политического проекта, обеспечивающих сферную интеграцию множества частичных, отраслевых аспектов мирного урегулирования конфликта вокруг Украины, в котором столкнулись мировые ядерные державы. Структура этой логики определяется ее четырьмя сферами:

1. В инфосфере. Это духовное, Православное основание/фундамент двух народов, которое веками объединяет их и исключает их конфронтацию, если сознательно враждебно к обоим народам не разрушать его, как это делает Киевская марионеточная и бандеровская хунта в интересах своих западных хозяев. Они купили эту хунту и не жалеют ни денег, ни украинский народ, ни оружия, чтобы сохранить Украину вечным и управляемым милитаристским тараном против России, которого она никогда и не при каких условиях не потерпит не потерпит. Восстановление православия на Украине потребует множества условий. Прежде всего потребуется Ренессанс культуры вечного мира и в православии, и в

искусстве, и в науке мира, а также в соответствующем мирном образовании народа, вместе обеспечивающих его денацификацию.

2. В оргсфере. Это, в первую очередь, демилитаризация Украины и признание ее нейтрального статуса вместе с тем, или иным обнулением или нейтрализацией нацистского, бандеровского и нелегитимного режима в ней и установления вместо него демократического, федералистского государства с соответствующим кардинальным изменением его расистской конституции. Вместе с этим, для проведения соответствующих государственных реформ и модернизаций в стратегии вечного мира, потребуется создание ряда соответствующих институтов как инструментов их осуществления. К ним, в первую очередь, относится учреждение стратегического *«Департамента мира из гармонии»* под руководством национального лидера. Затем, учреждение самостоятельной *«Академии науки мира и ускоренного роста»*, по образцу самостоятельной *«Китайской академии социальных наук»*, учрежденной Ден Сяопином в 1978 г. и обеспечившей *«китайское экономическое чудо»* [19]. Кстати, его сферная логика неизвестна и недоступна никому, даже в Китае, поэтому оно остается неповторимым нигде. Эта академия будет также призвана осуществить Ренессанс науки мира вместе с ее безопасным, сферным ИИ [20], на сферной основе, фундаментальные идеи которой разбросаны по странам и временам и в первом приближении интегрированы в сферологии П. Слотердайка [21; 22]. И так далее, всех организационных инноваций, необходимых для реализации плана ВМРУ не перечислить.

3. В техносфере, в экономике. Совместное равноправное сотрудничество двух народов в освоении и использовании ресурсов новых субъектов РФ под ее юрисдикцией на основании ключевого института международного правового кондоминиума, возможного только при отсутствии какой-либо их конфронтации, т.е. в условиях вечного мира. Это главная «морковка» для Украины в вечном мире с Россией вместо призрачных преимуществ в ЕС, хотя ее сотрудничество с ним совсем не исключается в качестве дополнения. Только на основе кондоминиума и с использованием инновационной сферной структуры как организации общественного производства, так и его управления на всех уровнях обеспечивается не только быстрое восстановление экономики Украины с помощью соответствующего совместного «Плана Маршалла», но и экономическое процветание обоих народов в ускоренном росте по сферной модели Ден Сяопина [8; 9; 10; 19].

4. В социосфере. В результате укрепления Православия, повышения его роли, Ренессанса культуры мира, развития и применения науки мира сфероники, распространения массового сферного образования населения в обоих странах, полного искоренения нацизма, бандеровщины и расизма в сознании украинского народа эволюционно придет и укоренится научное мировоззрение и сознание глубинной, сферной социальной структуры обоих народов, единой и идентичной для них [8]. Эту структуру составляют ненасильственные сфероны (если угодно в традиционной терминологии – сферные классы населения), охватывающие все население от рождения до смерти, различающиеся по фундаментальному основанию занятости в одной из четырех сфер общественного производства. Их социетальная, социогенетическая природа исключает какую-либо вражду и войну, которые возможны только между их преходящими, частичными и отраслевыми группами, но не между ними в целом. В своем единстве они конституируют вечный источник вечных акторов вечного мира и величайшую силу ненасилия, которая, по оценке Ганди, является мощнее самого разрушительного, ядерного оружия, что он хорошо продемонстрировал в ненасильственном освобождении Индии от ига сильнейшей военной Британской империи. Их фундаментальность и истинность верифицируются мировой статистикой на всех уровнях [23].

Выводы.

1. Россия обречена на вечный мир с Украиной в многополярном мире, чтобы не стать вместе с ней вымирающим локусом, а жить и процветать вместе, являя миру высочайший пример Ренессанса культуры и науки вечного мира. Его не заменит никакое ядерное оружие, использование которого против братского народа навечно испортит отношение с ним. Тут мы должны следовать примеру Китая, его стремлению к «миру во всем мире».

2. Именно приоритетное развитие и Ренессанс культуры вечного мира вместе с Китаем и другими странами БРИКС способно обеспечить Российской цивилизации мировое лидерство на ее тысячелетней Православной основе [24], отличающейся глубоким миролюбием от западной культуры.

1 РИА Новости: <https://ria.ru/20240516/sotrudnichestvo-1946540911.html>

2. Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 года: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/

3. Семашко Л. и ГТСТ. Макросоциология сфероники для целей БРИКС+: сферы, сфероны, их законы, логика и социетальный геном. 10 окт.2023: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1051

4. Начало беседы с Председателем КНР Си Цзиньпином:

<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/74046>

5. Начало российско-китайских переговоров:

<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/74048>

6. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров:

<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/74049>

7. Кант И. К вечному миру. // Трактаты о вечном мире. М. 1963, с. 150-192

8. Семашко Л., Зиберт Р. Китай и Россия за мир во всем мире. Сферная логика его продвижения и институализации. 09-06-24: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1074

9. Семашко Л. Наука мира и ее логика сфер: ускорение роста экономики, инвестиций и бизнеса. Интервью WGF. 12-05-24: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1072

10. Лев Семашко. Китай и Россия за мир во всем мире. Сферная логика его продвижения через инновационный сферный ИИ и ускоренный рост экономики, инвестиций и бизнеса. (Повторение «Китайского чуда» Ден Сяопина). На китайском. 24-06-24: <https://peacefromharmony.org/docs/China-Russia-for-Peace-24-06-2024.pdf#page=23> и здесь: https://peacefromharmony.org/?cat=ch_c&key=8

11. Семашко Л., Корриган М., Дейв Ч., Зиберт Р., и др. Ядерная цивилизация: от западной глобализации Хиросимы/Нагасаки к альтернативной глобализации науки мира для гармоничного многополярного будущего. 18-09-24: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1082

12. Albert Einstein. Quotes: <https://www.sfheart.com/einstein.html>

13. Бушев, А. Американский ученый Ноам Хомский: Украина зависит от того, что определят США. 07.05.2023: <https://rg.ru/2023/05/07/amerikanskij-uchenyj-noam-homskij-ukraina-zavisit-ot-togo-chto-opredeliat-ssha.html>

14. Maguire M. Militarism is never the answer. March 03, 2022: https://peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=678

15. Maguire M. CALL TO YOUTH – REJECT MILITARISM AND WAR. 20-09-24: https://www.peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=678

16. Chomsky, N. Russia-US atomic war threatens nuclear annihilation. May 17, 2016: https://peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=637

17. Chomsky N. US Targeted Killings: What Right Do We Have? 26 October 15: https://peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=637

18. ГТСТ план **ВЕЧНОГО** мира России и Украины. 26-09-24: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1086

19. Глазьев С. Китайское экономическое чудо. Уроки для России и мира. Москва: Издательство «Весь Мир», 2023 – 406 с. ISBN 978-5-7777-0891-5.

20. Семашко Л. и Зиберт Р. Сферный ИИ: Двенадцать атрибутов преимущества. 28-05-24: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=1071

21. Слотердайт П. Сферы. Макросферология. Том 1. СПб.: Наука, 2005

22. Слотердайт П. Сферы. Плюральная сферология. Том 3. СПб.: Наука, 2010

23. Семашко, Л. [и др.] *Махатма Ганди: точка отсчета ненасилия. Генетика и статистика сферонов. ГАНДИКА.* – Санкт-Петербург : Изд-во «Радуга», 2019. – 252с. – URL: https://peacefromharmony.org/docs/Mahatma-Gandi-Tochka-otscheta-nenasiliya_-Genetika-i-statistika-sferonov_-GANDIKA-2019.pdf
24. ГГСГ. *Россия – Цивилизационный Лидер (РЦЛ) XXI века на основе сфероники.* 21-09-22: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=985

СОЛИДАРНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Серегина Татьяна Николаевна

(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Аннотация. Проведен историко-философский анализ проблемы солидарности, выявлены основные коннотации термина солидарность как этического, социального фактора, способствующего идентификации и формированию смыслов в жизни личности и общества.

Проблема солидарности становится актуальной в ситуациях цивилизационного слома, пересмотра ценностных ориентиров. Под солидарностью понимают активное сочувствие действиям, мнениям, объединение интересов, единокорпусие или совместная ответственность. Словарь Вебстера под солидарностью предлагает понимать единство, производящее цели и основанное на общности интересов, целей и стандартов.

О. Конт считал, что солидарность - этическая, политическая, юридическая категория. Солидарность – согласие элементов целого, связанность частей в общем целом как в организме, всеобщий закон общественной эволюции, рост солидарности. Э. Дюркгейм в работе «О разделении труда» писал о двух типах солидарности, предполагая, что тип солидарности коррелирует с типом общества. Для аграрного общества характерна механическая солидарность, однородность людей, схожесть работы, образовательной и религиозной подготовки, образ жизни, традиций, малые сообщества. Авторитет коллективного сознания, основанного на свойстве общности чувств, основные функции индивидов, выражены в религиозности сознания. Личность всегда находится в коллективе, она не принадлежит себе. Индустриальное общество основано и воспроизводит органическую солидарность как взаимодействие. В результате из взаимозависимости возникает специализация труда, разнообразие взаимоотношений между людьми. Индустриальный мир заинтересован в социальной сплоченности, основанной на взаимозависимости, взаимодополняемости. Такой способ солидаризации дает возможность развития более успешным проектам, эффективным способам взаимодействия. Формы выражения индивидуального сознания не предполагаются, не допускаются. Общественные отношения – регулируются нормами репрессивного права.

Ф. Теннис рассказывая об общности, как гемайншафт, приводит возможность солидарности на основе семейных связей, ценности родства, культа соседства, дружбы. Солидарность понимается как органическая связь, которая способствует сплоченности людей, их созависимости во взаимодействии. Гемайншафт – это солидарность эмоциональная, волевая, основанная на иррациональном понимании объединяющих сил. В обществе, гезельшафт солидарность выражена в качестве борьбы за выживание, стремление к личной выгоде, борьбе за результат. Выгода становится главным критерием взаимодействия и объединения

Леон Буржуа издает работу «Солидарность», где солидарность описана через взаимовыгодные отношения, солидарность становится условием организации общества услуг. Два вида солидарности моральная и естественная позволяет формироваться институтам и таким образом способствуют прогрессу. Необходимым условием солидарности является свобода.

В Хартии европейского союза от 7.12.2000 г. солидарность описана как право работников предприятия на информацию и консультации, право на коллективные переговоры и коллективные действия, на обращение к службам, оказывающим помощь в трудоустройстве, защита в случае неправомерного увольнения, справедливость и равные

условия труда, запрещение детского труда и защита молодых людей на рабочем месте, семейная и профессиональная жизнь, социальное обеспечение и социальная жизнь, охрана здоровья, доступ к службам общеэкономического назначения, защита окружающей среды, защита потребителей [2]. Таким образом, солидарность понимается как этическая категория, свойство и характеристику состояния общества. В XXI веке солидарность понимают еще как юридическую категорию.

Солидарность предполагает понимание общих задач существования группы, эмоциональную сопричастность и психологическое ощущение единства, чувства «мы». Выделяют необходимые условия создания групп на основе солидарности: привлекательность совместной деятельности, доверие друг к другу, понимание необходимости совместного достижения цели.

Современное состояние российского общества необходимо изучать согласно критерию солидарности. Мы стоим на пороге цивилизационного пересмотра своей идентичности, пересмотра ценностной парадигмы и от того насколько мы ощущаем себя национальной целостностью, солидарность зависит вектор развития, социальные и культурные перспективы России. По данным ВЦИОМ: 62% опрошенных россиян стали больше гордиться своей страной за последний год. В исследовании отмечается, что драйвером серьезных социальных изменений стала специальная военная операция России на Украине. В марте 2023 года в ходе опроса более половины россиян отметили, что за последний год они стали больше гордиться своей страной (62%), предметом для гордости россиян является российский народ, его называли 14% опрошенных, по 8% респондентов отметили высокий уровень социальной солидарности в России ("единство", "патриотизм", "сплоченность"), волевые качества наших сограждан ("сильная", "непобедимая Россия", "не сдаемся"), историю страны и ее позицию на международной арене [1].

Повышению уровня солидарности способствовал Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Ценности лежат в основе процессов солидаризации. В связи с этим возникает необходимость уточнения понятий: традиционные ценности и ценностные ориентиры, так как понятие ценностей предполагает теоретико-методологический подход к определению их сущности, содержания, механизмов функционирования, а ценностные ориентации предполагают реализацию ценностей в социальной реальности. Необходимо определить критерий для обозначения традиционных ценностей и эмпирическую базу, которая способствует их формированию. В современной ситуации особенно важной представляется роль исторических дисциплин и в целом просветительской деятельности по репрезентации базовых ценностей россиян и формированию на их основе традиционных ценностей, а также роль литературы как источника смыслов и экзистенциальных выборов в жизни каждого человека и общества в целом. Формирование содержательной и структурной компоненты традиционных ценностей необходимо продолжать в ходе образовательного процесса в университете, актуальность философского осмысления, концептуализации традиционных ценностей в образовательном процессе должна стать предметом исследований. Следует проанализировать современное состояние ценностной парадигмы в российском обществе на основе данных опросов ВЦИОМ, определить место и роль традиционных ценностей в мировоззрении россиян и реальной социальной действительности: семейные ценности, социальные вопросы как базовые запросы россиян, потребность в идеологии и оценка роли государства, доступность информации как ценность.

Таким образом, солидарность сложный феномен, который можно понимать как этическую категорию, основу политического объединения, основу национальной

идентичности или аксиологическую константу объединения социума. Солидарность является структурообразующей составляющей общественного сознания и влияет на функционирование общества и самоопределение личности в нем.

1. ВЦИОМ: Гордость России// <https://tass.ru/obschestvo/17337035> (дата обращения 15.09. 2024)
2. Хартия Европейского союза об основных правах // режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/6005> (дата обращения 25.09. 2024)

ПРАВОВОЙ ТУПИК: ПРАВО НАРОДА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ИЛИ ПРИНЦИП ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ?

*Сикевич Зинаида Васильевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Социальная практика убедительно свидетельствует, что сегодня нет универсального и, главное, общепризнанного критерия, позволяющего однозначно определить, кто имеет право на государственность, а кто такими правами не обладает. Совершенно очевидно, что сецессионные конфликты, явление сепаратизма трудно объяснить одним лишь властолюбием и происками региональных элит.

Как эту проблему решает международное законодательство? Еще относительно недавно народ рассматривался как бесправный придаток территории по средневековому принципу: все, что находится на территории, включая ее население, принадлежит данной территории. Этот принцип был широко задействован после окончания второй мировой войны. Не принято говорить об этнических депортациях того периода, тем более что их осуществляли страны, оккупированные в ходе войны.

Чехословакия закрепила свою юрисдикцию над Судетами тем, что оттуда были выселены все судетские немцы, точно также как и Польша «избавилась» и от своих немцев – поморских. Средневековое правосознание (приоритет принадлежности территории над волеизъявлением ее населения) было подорвано французской и американской революциями и в XIX веке постепенно утверждается принцип национальности, направленный против государственных границ, установленных ранее в соответствии с принципами легитимизма и статус-кво. Начало XX века ознаменовалось распадом трех империй – Российской, Австро-Венгерской и Османской, что привело к появлению на карте мира новых государств в Европе и на Ближнем Востоке. После распада СССР, Югославии и Чехословакии число государств превысило двести.

Таким образом, международно-правовой основой обретения независимости стал принцип самоопределения. Международное право признает три основных формы реализации права на самоопределение, закрепленные в 1960 году резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1541 (XV):

Превращение «несамоуправляющейся территории» в суверенное независимое государство. Этот статус имеет, в основном *de facto*, но не *de jure* Абхазия и Южная Осетия. Этот же статус признанный большинством западных стран приобрело Косово, ставший, вне всякого сомнения, правовым прецедентом.

Свободное объединение с независимым государством. Этому статуса добился Крым, пожелавший войти в состав РФ на правах ее субъекта.

Слияние с независимым государством. Эта форма права народа на самоопределение, которой добивался Нагорный Карабах

Возникает вопрос: в чем же состоит сложность самоопределения, если международно-правовые документы это самоопределение допускают.

В Африканской хартии прав человека, вступившей в силу в 1986 году, указывается, что все народы имеют неоспоримое и неотъемлемое право на самоопределение и определение своего политического статуса «путем любых средств, признанных международным сообществом». Но именно эти средства перечислены в резолюции 1960 года. Такая трактовка права народа на самоопределение была подтверждена Всемирной конференцией по правам человека в июне 1993 года в контексте основных прав человека:

Всемирная конференция по правам человека рассматривает **«отказ в праве на самоопределение как нарушение прав человека».**

На первый взгляд, все абсолютно ясно и не допускает двусмысленной трактовки. Разве что обтекаемая формулировка относительно «законных действий». Непонятно, кто должен определять законность предпринимаемых для самоопределения усилий? Внутреннее законодательство государства, от которого хотят отделяться? Или международное право? Однако нельзя забывать и о принципе территориальной целостности, не менее солидно подкрепленном международно-правовыми документами.

Термин «**территориальная целостность государств**» вошел в обиход международных отношений с принятием Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 г. Резолюции 2625 (XXV), содержащей Декларацию принципов международного права, касающихся межгосударственных отношений в соответствии с Уставом ООН и подписанием Заключительного Акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Участники этого совещания подтвердили недопущение пересмотра границ, установленных в результате второй мировой войны.

Очевидно, что **оба принципа – право народа на самоопределение, с одной стороны, и гарантия территориальной целостности государств, с другой стороны, являются взаимоисключающими.** Известно, что в международном праве нет иерархии принципов, и все они обладают одинаковой международно-правовой силой. Таким образом, в интерпретации действий, направленных на реализацию права на самоопределение, действует «политическая целесообразность», которая и определяет приоритетность первого или второго принципа. Уязвимость такого подхода очевидна, именно она и провоцирует народ, стремящийся к самоопределению, прибегать к вооруженной борьбе, чтобы утвердить свое право силой оружия.

КУЛЬТУРА И ИНСТИТУТЫ В ДИНАМИКЕ МЕНЯЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

*Скоробогатский Вячеслав Васильевич
(Уральский институт управления - филиал РАНХиГС)*

*Скоробогатская Наталья Александровна
(Уральский федеральный университет им. первого президента России Б.Н.Ельцина)*

Скоро уже сорок лет, как наше общество вступило в полосу перемен, начиная с лозунга перестройки. Подспудно, «вторым голосом», эти лозунги сопровождались требованиями реформ – в начале узко экономического, затем более системного характера – и, наконец, радикальными призывами к политическим переменам и коренным изменениям самих основ экономической системы. 1990-е гг. были наполнены попытками фундаментальных политических реформ (кодовое слово «демократия») и реформ экономических (кодовое слово «рынок»). Они закончились дефолтом 1998 г. и последовавшей за ним отставкой Ельцина. Отставка президента, бывшего человеческим и политическим лицом реформ, знаменовала отказ от этих целей. Инициаторами отказа стали элиты, но этот отказ, что не менее важно, получил поддержку масс, измученных тяготами затянувшихся и во многом бесплодных преобразований, имевших характер смены декораций и мало затронувших инфраструктуру общественной жизни, ее институциональные основы. На наш взгляд, согласованный отказ от реформ был российским вариантом «бегства от свободы», о котором писал Э. Фромм. Следствиями и составными частями такого выбора стали авторитаризм (установка элит) и конформизм (установка масс). И то, и другое имело вид стратегии достижения социальной стабильности, но по сути было наполовину рефлекторным реагированием на сложившееся положение и на вызовы внешней среды, было серией тактических маневров.

В чем причина незавершенного характера перехода, когда практически отсутствуют даже смутные очертания, контуры будущего? На наш взгляд, одна из причин – состояние социальной науки, которая не способна в должной мере осмыслить обновляющуюся реальность, наметить ориентиры изменений и дать, хотя бы в контурном виде, их проект.

Несмотря на видимую смену концепций – от революционной перестройки к транзиту, затем к социальной трансформации – основу социального познания составляет марксизм без Маркса: исчезли цитаты и прямые ссылки, но сохранилась верность принципам. Этот постмарксизм включает в себя две составные части – материалистическое понимание истории и теорию развития, которая базируется на двух законах материалистической диалектики – единства и борьбы противоположностей и перехода количественных изменений в качественные. Иначе говоря, внешние перемены в теоретико-методологическом пространстве происходили и происходят, но в относительно неизменном состоянии остается метаметодологическая платформа социальных наук – революционно-диалектический дискурс. Это инфраструктура научного мышления, в рамках которой категории и принципы взаимодействуют с институтами и ценностными установками. Последние выполняют функцию контекста, задают правил перевода и осмысления социальной реальности.

Когда мы говорим о ценностных установках, речь идет не об идеологии, а о том, что в нашей науке в целом доминирует классическая парадигма, сложившаяся во второй половине XIX в. под влиянием эволюционной теории Дарвина. То, что можно назвать зрелым марксизмом, представленным в классических трудах Энгельса («Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Людвиг Фейербах...»), также складывалось в этом общем русле. Ленин во многом был прав, когда говорил, что марксизм возник на столбовой дорожке

европейской науки. И потому сегодня разделяет общую судьбу этой науки – тупики, порожденные несовременностью парадигмальных установок.

Смена парадигмы и разработка новой стратегии социального познания – одно из условий выхода социальной науки из парадигмальных тупиков [1]. Контуры новой парадигмы представлены рядом подходов, получивших права гражданства в социальных и гуманитарных науках в последние 70–80 лет. Это системный подход с его многочисленными ответвлениями и интерпретациями, а также синергетика (И. Пригожин, Г. Хакен), неинституционализм (Д. Норт), социокультурный подход (П. Сорокин, Р. Мертон, Э. Шилз), семиотика, кибернетика и ряд других. На наш взгляд, наиболее перспективным, ведущим подходом в анализе происходящих в обществе изменений является неинституционализм. Во-первых, для него характерен широкий профиль захвата проблем. Его применение предполагает взаимопереплетение с другими подходами и, соответственно, расширение предметного пространства исследований. Удивительная «всеядность» этого подхода проявляется не только в способности перешагивать через предметные границы, но и в его междисциплинарном характере. Два наиболее близкие к нему – системный подход и синергетика. Можно отметить также его внутреннюю связь с концепцией социального конструирования реальности.

Во-вторых, неинституциональный подход открывает возможности широкого привлечения материала культуры в социальное познание. И не в качестве эмпирического или иллюстративного материала, дающего факты, примеры и «картинки», облегчающие восприятие и интерпретацию теоретических продуктов. Речь идет о разработке объяснительных моделей, имеющих широкую область применения. Таковой является, например, модель «исторической колеи», которая трактуется не как инерция, не как сковывающая власть традиции, прошлого, но как установление пределов возможного в изменениях, ограничение резких поворотов, угрожающих «переломом» структурного костяка социального организма. «Колея» не столько ограничивает историческую инициативу социального актива, сколько придает процессу изменений определенное направление, задает норму, ритм и оптимальную скорость исторической динамики [3, с. 83]. Неинституциональный подход позволяет выделить инфраструктуру исторического процесса, обуславливающую постепенный и длительный характер преобразований и меру возможного в переменах.

В нашей науке в трудах главы Тартуской школы семиотических исследований Ю. М. Лотмана уже более полувека тому назад была разработана концепция культурной динамики, до которой, как говорится, не «доросла» нынешняя социальная наука и которая может стать основой для исследования процессов социальных изменений в нашем обществе, их структуры, механизмов и направленности. Он рассматривал культуру как динамическую систему, смягчающую взрывные изменения в обществе, вызванные научно-техническим прогрессом. Введение новых технологий, с одной стороны, резко расширяет сферу творчества и свободы, круг возможного для узких групп авангарда, а с другой, вызывает явления социальной и психологической дегенерации, которые охватывают массовое поведение и порой ставят общество на грань катастрофы [2, с. 635–636].

Важную роль в стабилизации положения, в оптимизации соотношения между направленным и циклическим в динамике общества играют культурные механизмы исторической памяти (ритуал, искусство и другие виды семиотической деятельности), благодаря которым совершается рутинизация и институционализация технологических нововведений. Это позволяет ввести новообразование в круг повседневных практик и, расширив сферу действия циклических механизмов, перевести культурную динамику из режима вертикального «взлета», радикального прорыва к новому в режим расширенного

воспроизводства новизны, позволяет институционализировать нововведения в качестве новых правил должного поведения, то есть способствовать обновлению социальной «горизонтали», человеческой повседневности.

Семиотическая сфера является наиболее восприимчивой к нововведениям, обладая высокой степенью пластичности по отношению к переменам и обеспечивая своеобразный диалог между новым и старым, относительно «мягкую» переработку старых культурных форм, их преобразование в соответствии с новым уровнем возможного. Теоретическая ценность семиотического подхода к вопросам культурной динамики возрастает в свете бурного развития информационных технологий и начавшегося перехода обществ мирового авангарда эпохи глобализации к постиндустриальному (информационному, цифровому) состоянию. Эти процессы значительно расширяют семиосферу общественной жизни и задают новые критерии отбора, расставляя страны и народы на различных этажах культурной эволюции и усиливая разрывы между лидерами и аутсайдерами процессов глобальной трансформации.

В свете концепции культурной динамики, затянувшийся переход нашего общества к новому состоянию был обусловлен в первую очередь разбалансированным соотношением между направленными изменениями, которые пытался осуществлять социальный актив в ходе реформ 1990-х гг., и возможностями расширенного воспроизводства нововведений в повседневной жизни масс, их закрепления в массовых практиках с помощью механизмов циклического движения. Новые степени свободы и модели поведения, которые стали доступными социальному активу как бенефициару реформ, превратили его в глазах групп-аутсайдеров в «чужаков», «захватчиков», отвергнувших прежние («традиционные») нормы морали и права, радикально «преступивших» меру дозволенного. Отчуждение большинства населения от перемен вызвало застойные явления практически во всех сферах общественной жизни, от экономики до образования и здравоохранения, и в значительной степени понизило потенциал перемен. И последствия этого раскола масс и элит 1990-х сказываются до сих пор.

Поэтому анализ культурной динамики российского общества в условиях перемен, вызванных как локальными, так и глобальными факторами, поиск путей восстановления ее сбалансированного характера является одной из актуальных задач отечественной социальной науки.

1. Кемеров В. Е. *Социальная философия: смена парадигмы*. М.: Академический проект, 2022. – 127 с.
2. Лотман Ю.М. *Семиосфера*. СПб.: «Искусство–СПБ. 2001. – 704 с.
3. Норт Д. *Понимание процесса экономических изменений*. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. - 256 с.

ФОРМИРОВАНИЕ И РОТАЦИЯ КАДРОВОГО КОРПУСА ГЛАВ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

*Слатинов Владимир Борисович
(ФГБОУ ВО "Курский государственный университет")*

Современные дискуссии относительно выработки и осуществления городских политик происходят в ситуации глубоких институциональных изменений в организации местной власти в современной России. Доминирующим вектором реформирования местного самоуправления стало его «вертикализация» - встраивание в иерархическую организацию публичных структур, для которой характерны пониженная автономия местных органов управления, централизованный контроль и распределение ресурсов от верхних к нижним этажам бюджетной системы [3].

«Вертикализация» местного самоуправления затронула все ключевые аспекты его функционирования, включая модели организации местной власти, а также статус её органов и должностных лиц. Система управления – наиболее важное звено в структуре муниципалитета, подлежащее преобразованиям в процессе реформ, а в самой управленческой системе одним из ключевых элементов выступает статус и особенности наделения полномочиями руководства муниципального образования и его исполнительных структур. Таким образом, установление доминирующего влияния на процесс замещения должностей главы муниципального образования и его администрации в сегодняшних условиях представляется наиболее важной задачей для участников городской политики.

Институциональные и организационные преобразования систем управления муниципалитетами, включая статус и наделение полномочиями их глав, охватывают весь период становления и реформирования российского местного самоуправления. За более чем два десятка лет с момента принятия ФЗ № 131 можно выделить три основных «волны» преобразований. Первая (2003-2013 годы) охватывает период институциональной перестройки местного самоуправления в соответствии с новым законодательством и политическими изменениями, происходящими на региональном и федеральном уровнях. Вторая (2014-2019 годы) включает в себя «малую» муниципальную реформу, существенным образом повлиявшую на трансформацию полномочий местных органов и систем управления муниципалитетами. Третья (с 2020 года) отмечена поправками в Конституцию РФ и закреплением в ней понятия единой системы публичной власти в стране.

На всех указанных этапах институциональные и организационные изменения охватывали механизмы наделения полномочиями руководителей муниципалитетов и их исполнительных структур, включая глав региональных столиц. Административные центры субъектов РФ как наиболее ресурсные и политически значимые муниципалитеты привлекают особое внимание региональной власти. Преобразования в сфере наделения полномочиями глав региональных столиц были связаны, главным образом, с законодательным закреплением разных моделей управления муниципалитетами. Это позволило в период 2003-2013 годов уходить от прямых выборов мэров через внедрение схемы управления с сити-менеджером, а с 2015 года – посредством закрепленной модели «сильного» мэра, избираемого не гражданами, а депутатами представительного органа из кандидатов, прошедших предварительный конкурсный отбор. В результате количество региональных административных центров с прямыми выборами мэров упало с 2003 до 2024 года от 75 до 5. По состоянию на начало 2024 года доминируют модели с избираемыми депутатами после конкурсного отбора «сильными» мэрами - 60 региональных столиц, а также сити-менеджерами – 21 административный центр субъектов РФ [1].

В официальном дискурсе господствует представление, что переход к выборам глав городов депутатами представительных органов или найм ими глав администраций после конкурсного отбора позволяет обеспечить привлечение на должности мэров или сити-менеджеров профессиональных управленцев, в то время как выборы глав городов населением создают риски избрания популистов и малокомпетентных политиков. Кроме того, он стабилизирует процесс функционирования органов власти городов, уменьшает риски флуктуаций муниципального управления вследствие некомпетентности, популизма либо избыточного влияния заинтересованных групп [2].

Наше исследование реальных практик функционирования систем управления городами в регионах Центрального Черноземья демонстрирует, что заявленные цели достигнуты лишь частично. Анализ кадровых изменений в руководстве областными столицами ЦЧР показал, что отставки глав городов имеют высокий уровень интенсивности. В Белгороде с 2017 по 2024 годы сменились 4 главы городской администрации. В Воронеже, Курске и Липецке - по 3 главы города. В Тамбове – 5 руководителей городской администрации. В Белгороде, Курске и Тамбове в исследуемый период ни один глава исполнительной власти города не отработал полный уставной срок. В Воронеже это удалось единственному руководителю – Вадиму Кстенину, который в 2023 году даже переизбрался на второй срок, но через год внезапно объявил об отставке. В Липецке избравшая главой города в 2019 году Евгения Уваркина также отработала один уставной срок, но отказалась выдвигаться на новый, перейдя в статус заместителя губернатора, а затем – сенатора от региона. Приведенные данные свидетельствуют о довольно высоком уровне сменяемости градоначальников в столицах регионов Центрального Черноземья, так что о кадровой стабилизации здесь можно говорить лишь применительно к отдельным историям.

Анализ биографий глав областных столиц Центрального Черноземья за 2017-2024 годы на предмет наличия у них опыта и компетенций в сфере муниципального управления позволяет зафиксировать тренд на профессионализацию когорты руководителей городов. Он связан с активными усилиями федеральной власти по организации обучения действующих руководителей территорий, а также представителей кадровых резервов, создаваемых для управления регионами и муниципалитетами. Актуальность обучающих программ оказалась высока, в том числе, по причине избрания в качестве мэров лиц, не имевших профессионального опыта в сфере муниципального управления. Так, в 2019 году мэром Липецка стала представительница бизнеса, не имевшая опыта работы в системе муниципального или государственного управления Евгения Уваркина. В том же году город Курск возглавил профессиональный политик, не занимавший прежде управленческих должностей в системе исполнительной власти, депутат Государственной Думы Виктор Карамышев. Позже Евгения Уваркина, уже во время работы в качестве мэра, прошла обучение по программе развития кадрового управленческого резерва Высшей школы государственного управления («школа губернаторов»). Виктора Карамышева в 2022 году сменил чиновник правительства Курской области Игорь Куцак, имевший обширный опыт работы в федеральных и региональных органах исполнительной власти, позднее зачисленный для обучения по программе развития муниципального кадрового управленческого резерва («школа мэров»). Обучение по данной программе завершил также избранный в июне 2024 года и сменивший Евгению Уваркину новый мэр Липецка Роман Ченцов. Примечательно также, что он занял позицию руководителя областного центра после того, как с 2020 года возглавлял сначала Добринский, а затем – Лебедянский районы Липецкой области.

Занимавший должность мэра Воронежа с 2018 по 2024 год Вадим Кстенин до избрания градоначальником работал первым заместителем главы администрации по городскому хозяйству, сменивший его летом 2024 года Сергей Петрин накануне избрания мэром пребывал в аналогичной позиции.

Действующий глава администрации Белгорода Валентин Демидов был приглашён губернатором региона Вячеславом Гладковым в Белгородскую область, работая ранее на различных должностях в органах государственной и муниципальной власти Республики Крым, включая деятельность в качестве главы администрации Симферополя.

Назначенный главой администрации Тамбова в 2022 году Максим Косенков находился на аналогичной должности с 2005 по 2008 годы. Возвращение Максима Косенкова к руководству исполнительной властью Тамбова стало результатом политического компромисса между контролирующей большинство в Городской Думе партией «Родина» и руководством региона. Тамбовский случай – единственный на сегодняшний момент в Центральном Черноземье, когда руководитель исполнительной власти областного центра не является прямой креатурой губернатора, однако, его назначение было поддержано главой региона в рамках политической сделки.

В целом, несмотря на отмеченные выше интенсивные кадровые ротации, а также разнообразие факторов отбора кадров глав городов, к настоящему моменту можно констатировать, что все действующие руководители исполнительной власти региональных столиц Центрального Черноземья имеют в своём профессиональном багаже опыт работы в органах публичной власти. При этом, основная их доля осуществляла профессиональную деятельность в структурах местного самоуправления. Активно распространяется и практика участия руководителей городов в обучающих программах, реализуемых в рамках федеральной кадровой политики, направленной на развитие регионального и муниципального управленческого резерва.

Процесс «вертикализации» местного самоуправления приводит к закреплению моделей управления крупными городами, в которых подбор кадров на должность глав муниципалитета зависит, преимущественно, от региональной власти и влиятельных групп интересов в территориях. При этом, сохраняется отчуждение населения от процесса формирования исполнительной власти городов, что существенным образом затрудняет возможности консолидации городских сообществ.

1. Прах А. Вопросы мэроудания. Как в России начались, а потом закончились прямые выборы градоначальников // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6531970?ysclid=m1wd2usops85791986> (дата обращения – 01.10.2024)
2. Сапожков О. Местной власти добавляют вертикальности // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4220897?ysclid=m1e5hzifew538542178> (дата обращения 28.09.2024)
3. Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Политические исследования. - 2015. - № 2. - С 35-51.

ЦИФРОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ТОЧКИ РОСТА

Станевич Анастасия Юрьевна
(МГЛУ)

Работа выполнена при поддержке РФФ № 23-18-00438 «Резервы устойчивого социально-политического развития российского общества и государства в контексте укрепления традиционных ценностей и глобальной многополярности».

Регулярная работа органов местного самоуправления включает в себя постоянное взаимодействие с населением. При этом, роль социальных медиа в процессе коммуникации органов власти с людьми обладает рядом преимуществ: власть, во-первых, может оповещать граждан о принятии каких-либо решений, а во-вторых, вовлекать их в совместное обсуждение насущных проблем и сотрудничество. Данные преимущества позволяют заранее формировать потенциал граждан для проявления активности в интернет-пространстве [4, 2021].

Органы местного самоуправления используют целый ряд каналов коммуникации: от личных встреч и письменных обращений до электронных приемных и онлайн голосований. Как отмечают некоторые исследователи, такой подход, с одной стороны, позволяет регулярно информировать население о принятых решениях и планируемых мероприятиях. Однако такая коммуникация носит, как правило, исключительно положительный характер, а негативная информация оглашению не подлежит [2, 2021].

Присутствие органов МСУ в Интернет-пространстве (а именно социальных сетях и собственных сайтах) зачастую обеспечивает эффективность коммуникации между властью и обществом. По данным Медиаскоп [1, 2024], 85% населения России пользуются Интернетом хотя бы раз в месяц, при этом среднесуточное время в Интернете составляет 4 часа 30 минут. Анализ структуры интернет-активности по тематикам показывает, что социальные сети и блоги занимают второе место по популярности и в общем счете составляют 18% среди всех возможных онлайн активностей. Данные цифры указывают на то, что настройка своего цифрового присутствия в социальных сетях является жизненно важным условием для эффективной коммуникации между органами местного самоуправления и гражданами.

С целью изучения онлайн-коммуникации местных органов власти с населением России был проведен контент-анализ 64 сайтов органов МСУ. В ходе исследования было выявлено, что информация и новости о территориальных образованиях размещаются несвоевременно, продвигается информация исключительно об успешной реализации проектов и мероприятий. Органы МСУ не используют весь потенциал социальных сетей: лишь в 27 случаев из 64 муниципальных образования в дополнение к основному сайту ведут страничку в социальной сети ВКонтакте.

Абсолютное большинство проанализированных сайтов находятся на доменах второго уровня и не имеют независимого сайта. Независимые сайты встречаются либо в крупных туристических городах (например, Казань, Воронеж, Ярославль, Смоленск), либо в муниципальных образованиях Краснодарского края. Шаблонные сайты на Госуслугах хоть и отличаются единообразием и удобством, многие разделы остаются незаполненными: основная деятельность администрации муниципального образования, программы по сфере экономики, молодежной политике, социальной поддержке и т.д. Сайты на других

доменах перенасыщены информацией и элементами сайта, из-за чего создается визуальный шум, и посетителю сайта бывает непросто найти искомую информацию. Исследователи, изучавшие цифровую вовлечённость органов муниципальной власти на уровне поселений, также отмечали наличие сложностей при поиске и сборе информации ввиду неудобной навигации и несистемного ведения сайтов [3, 2019].

Обратная связь с администрацией обеспечивается наличием интернет-приемной (23 случая), контактов администрации и представленностью администрации в социальных сетях.

Все экономическое, политическое, социальное, природное многообразие регионов страны не должно препятствовать быстрому поиску актуальной информации о деятельности органов власти. Этому могут поспособствовать единые стандарты качества предоставления информации, в частности, на официальных сайтах органов власти.

1. *Медиатренды 2024* // *Mediascope. 2024.* URL: https://mediascope.net/upload/iblock/82a/azh2s3pelef0ddsbug69odh11nulmi/y/Mediascope_Media тренды%202024.pdf (дата обращения: 10.10.2024).
2. Морозова Г. В., Фатыхова Д. Р., Зиятдинова Э. М. Модели коммуникации органов местного самоуправления как субъекта современной российской политики (на примере органов местного самоуправления Республики Татарстан) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения.* – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 246–254. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.19>
3. Прокопьев Е.А., Курило А.Е., Губина О.В. Формирование цифрового пространства на муниципальном уровне: обзор сайтов поселений // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* 2019. Т. 12. № 5. С. 76–90.
4. Mital, O. (2021). *The Impact of Social Media Use on E-communication Between Government and Public: The Case of Slovakia.* Pp. 316-336.

**ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ
ПРОЦЕССОМ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ
ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОДГОТОВКИ КИТАЙСКИХ
СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ)**

Тезйел Алсу Ханифовна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Бубнова Мария Ивановна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Масштабы интернационализации высшего образования во всем мире в последние годы достигли впечатляющих размеров. Согласно статистическим данным на 2022 г., количество международных студентов в мире достигло 6 млн чел., а доходы от их обучения составляют примерно 200 млрд долл. в год [3, 150]. Безусловно, такая активная динамика отражается как на функционировании национальных систем образования стран, так и непосредственно на организации образовательного процесса в вузах. От профессионализма администрации образовательных структур зависит эффективность практической реализации основных процессов интернационализации: мобильности студентов и профессорско-преподавательского состава, мобильности образовательных программ, внедрения международных образовательных стандартов, разработки иноязычных образовательных программ, осуществления образовательного процесса на иностранном языке и т.п.

Интернационализация высшего образования — это также социально-политический процесс глобального масштаба, который может рассматриваться в качестве «мягкой силы» в международных взаимодействиях [2], а потому на локальном (государственном) уровне нуждается в управленческих механизмах.

В нашей стране такие серьезные вызовы, как пандемия и российско-украинский конфликт оказали значительное негативное влияние на привлечение иностранных студентов. Вынужденное внедрение дополнительных форм виртуальной мобильности и цифровых технологий повлекло за собой снижение качества образования студентов [1], а разрыв гуманитарных связей со стороны недружественных стран привел к транспортным проблемам в связи с отменой авиасообщения, финансовым барьерам перевода денег, блокировке популярных транснациональных социальных сетей, мощной антироссийской информационной кампании в глазах мирового сообщества.

Особую значимость для Правительства РФ приобрел поиск новых эффективных возможностей, способствующих укреплению культурного, интеллектуального влияния России в мире, а также реализации образовательного и научного потенциала в международном сообществе, в первую очередь со странами-партнерами. Был принят целый ряд государственных мер, направленных на привлечение иностранных студентов: Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров «5-100», Государственная программа «Глобальное образование», Приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Ведущим направлением, отвечающим вышеперечисленным стратегическим задачам, стало расширение российско-китайских отношений в области образования. В России в последнее десятилетие произошел резкий скачок численности студентов из КНР.

По данным на ноябрь 2020 г., на долю российских вузов приходилось 8% внутреннего рынка Китая в сфере оказания международных образовательных услуг [4, 190].

Тенденция стремительного роста числа студентов из Китая побуждает российские вузы к существенному пересмотру сложившихся образовательных алгоритмов по административной работе с иностранными учащимися. Ввиду сложной геополитической обстановки в мире процесс интернационализации образования сложно поддается прогнозированию, поэтому необходимо внимательно отслеживать динамику изменений на локальном уровне. С целью усовершенствования качества учебного процесса и повышения интереса к российской системе образования необходимо проводить регулярный мониторинг и вовремя разрешать возникающие организационные вопросы.

С целью определения эффективности образовательного процесса для иностранных студентов было проведено эмпирическое исследование «Особенности социальной адаптации студентов из Китая в российской образовательной среде» среди обучающихся по программам русскоязычной и англоязычной магистратуры факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова.

Выбор данного факультета обусловлен популярностью его магистерских программ среди китайских абитуриентов и высокой динамикой прироста числа студентов из КНР за последние несколько лет: так, согласно статистических данным учебного отдела факультета, в 2024 г. по сравнению с 2022 г. такой прирост составил 65%. Исследуемой выборкой выступили 206 студентов из КНР, обучающиеся по 19 программам магистратуры, из них 107 без владения русским языком (язык обучения – английский) и 99 студентов, имеющие навык разговорного русского.

В качестве методов исследования выступили: теоретические методы – анализ научной литературы по проблеме исследования; контент-анализ нормативно-правовых актов и учебно-методических материалов в сфере высшего образования; эмпирические методы – анкетный опрос; интерпретационные методы – сравнительный и уровневый анализ результатов исследования; статистические методы – метод описательной статистики.

Перед авторами стояли задачи: выявить и составить социально-демографический и социально-экономический портреты китайских студентов, обучающихся на факультете; выявить наиболее эффективные информационные каналы, обеспечившие осведомленность о поступлении и обучении в российских вузах; раскрыть мотивы выбора образовательных программ для поступления и обучения; оценить степень удовлетворенности студентов организацией учебного процесса и выявить возможные проблемы, с которыми сталкиваются иностранные студенты в российской образовательной среде. На основании полученных данных оценить эффективность реализации государственных мер по привлечению иностранных студентов, а также составить список практических рекомендаций по управлению образовательной стратегией в отношении студентов из КНР в современных условиях интернационализации.

Полученные авторами социально-демографический и социально-экономический портреты китайских студентов магистратуры позволяют охарактеризовать их как образованных и профессионально мотивированных молодых людей, жителей мегаполисов КНР, представителей «высшего среднего класса», обеспеченных достаточными финансовыми ресурсами и свободным временем для погружения в процесс обучения. Основными мотивами выбора магистерских программ являются рейтинг и престиж выбираемого вуза и преподавательского состава, а также актуальная для профессиональной деятельности специализация магистерской программы. Особенно популярной оказалась программа на английском языке, реализуемая факультетом. Вместе с тем выявлен ряд

организационных и коммуникативных проблем, в первую очередь языковой барьер. Так, плохое владение или отсутствие навыков разговорного русского языка препятствует решению социально-бытовых проблем студентами англоязычных групп и усложняет освоение образовательного материала студентами русскоязычных групп.

Проведенный теоретико-практический анализ в целом подтвердил актуальность процессов интернационализации российского высшего образования и в целом успешность выполнения стратегических задач в рамках Концепции гуманитарной политики Российской Федерации и других федеральных проектов, направленных на укрепление культурного и интеллектуального влияния России в мире. В свою очередь, выявленные более детальные характеристики иностранных студентов из КНР имеют определяющее значение для разработки стратегических управленческих решений администрацией вузов.

Рекомендуется учитывать значительный потенциал у студентов из КНР для высокой академической успеваемости и эффективного освоения ими образовательных программ магистратуры. Вместе с тем, учитывая выявленные организационные и коммуникативные проблемы китайских студентов, рекомендуется при построении образовательной стратегии для них увеличить в учебных планах трудоемкость дисциплин по русскому языку в форме практических занятий, предложить больше интерактивных видов работы, увеличить долю семинарских занятий, посвященных конкретному практическому опыту по изучаемой профессиональной теме. Вовлечение китайских студентов во внеучебную деятельность (участие в волонтерской деятельности, выездным, просветительским и культурно-досуговым мероприятиям и т.п.) также поспособствует успешной адаптации иностранных студентов в образовательной среде и решению задач интернационализации.

При разработке стратегии приемной кампании факультета и вуза для сохранения привлекательности магистерских программ среди абитуриентов из КНР рекомендуется концентрировать рекламно-просветительскую работу, первую очередь, не столько на внешних информационных ресурсах или тематических мероприятиях, сколько непосредственно среди студентов магистратуры и бакалавриата, по сути, выступающих наиболее эффективными источниками информации для будущих абитуриентов.

В целом, проведенное исследование выступает предварительным обзором для более глубокого изучения различных актуальных тем, связанных с процессом интернационализации российского образования, и еще широкий круг вопросов нуждается в тщательном научном анализе.

1. Бубнова М.И., Осипов Е.М., и др. *Качество образования в условиях цифровой образовательной среды* // *Образование и право*. 2022. № 9. С. 243–255.
2. Минаева Е.А. *Мобильность студентов и экспорт образования во время и после пандемии: вызовы и прогнозы: Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире*. 2020. № 4. С. 90–95.
3. Николаев В.К. *Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности* // *Высшее образование в России*. 2022. Т. 31. № 2. С. 149–166.
4. Тин У. *Адаптация китайских студентов в российских вузах: проблемы, пути решения* // *Образование и право*. 2020. №11. С. 187–190.

ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ТРАВМАТИЗМА И ОХРАНЫ ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1999-2023 ГГ.

Урожаева Татьяна Петровна
(Иркутский государственный университет)

Аннотация: в конце 1990-х гг. 25% всех занятых в промышленности работали в неблагоприятных условиях. При этом правом на льготы и компенсации за работу в таких условиях пользовалось около 50% работающих. Были созданы подразделения, осуществляющие экспертизу условий труда в гг. Ангарске, Братске, Усолье и Саянске. В 2003 г. уровень производственного травматизма в Приангарье равен среднероссийскому показателю.

Ключевые слова: производственный травматизм; служба охраны труда; техника безопасности; профессиональные заболевания.

В июне 1999 г. было подписано Областное трехстороннее соглашение на 1999 г. между областным советом профсоюзов, объединениями работодателей и администрацией области по регулированию социально-трудовых отношений в Иркутской области. Работодателям вменялось в обязанность обеспечение соблюдения охраны труда и техники безопасности в организациях в соответствии с существующими нормативами с целью предупреждения производственного травматизма и профессиональных заболеваний [18, с. 4].

За 1999 г. в области из-за несоблюдения правил охраны труда погибло 133 чел., 145 получили тяжелые травмы, произошло 20 групповых несчастных случаев. Только на лесозаготовках расстались с жизнью 17 чел., а десятки получили увечья. Чуть меньше 16 – погибло при проведении сельскохозяйственных работ, 15 чел. – на предприятиях цветной металлургии [9, с. 3].

25% всех занятых в промышленности работали в неблагоприятных условиях. При этом правом на льготы и компенсации за работу в таких условиях пользовалось около 50% работающих. Были созданы подразделения, осуществляющие экспертизу условий труда в гг. Ангарске, Братске, Усолье-Сибирском и Саянске [8, с. 4].

В феврале 2001 г. в отделе подготовки кадров ОАО «Усольехимпром» началось обучение руководителей и специалистов предприятия по 20-часовому модульному курсу «Охрана труда». Прежде, чем сдать экзамен по охране труда в заводских комиссиях и центральной комиссии ОАО «Усольехимпром», руководители и специалисты были обязаны пройти обучение и сдать экзамен в отделе подготовки кадров [27, с. 3].

В октябре 2002 г. в Иркутске начал свою работу методический семинар для руководителей и специалистов организаций «Аттестация рабочих мест по условиям труда и сертификация работ по охране труда» [2, с. 3].

Всероссийский конгресс «Здоровье работающего населения» состоялся в Иркутске 17–21 сентября 2003 г. Об этом на пресс-конференции сообщил депутат Госдумы РФ, академик РАМН С. Колесников. Итогом работы участников конгресса стал проект федеральной программы «Здоровье работающего населения на 2003–2013 гг.» [14, с. 3].

Один из сопредседателей конгресса, академик РАМН, директор НИИ труда Минздрава России Н. Измеров сказал: «Честно говоря, мы очень много взяли у Байкальского форума. Когда посмотрели, что вы здесь начали говорить о здоровье работающих, мы решили, что лучшего места, чем Иркутск, искать не будем» [10, с. 4].

За 2003 г. в Иркутской области было выявлено 2370 производственных травм. Тяжелых несчастных случаев на производстве было зарегистрировано 339, причем 39 –

групповых. А общероссийский показатель по профзаболеваниям был превышен в полтора раза [21, с. 2].

В октябре 2003 г. администрация Иркутской области была намерена внести на рассмотрение ЗС программу улучшения условий и охраны труда. В 2003 г. уровень производственного травматизма в Иркутской области равен среднероссийскому показателю – 4,5 случая на 1 тыс. работающих [20, с. 4].

Вероятность гибели на рабочем месте была наиболее высока в лесопромышленном комплексе, а также в строительстве – 0,43, цветной металлургии – 0,28, сельском хозяйстве – 0,24 (в целом по области – 0,16). Ежегодно смерть на рабочем месте достигала около 100 чел. (в 2001 г. – 109) [19, с. 4].

21–22 % работающих находились в неблагоприятных условиях труда. Наблюдалось стабильное снижение производственных травм: если в 2002 г. было 138 травм со смертельным исходом, то в 2003 г. – уже 113, а по итогам 11 мес. 2004 г. произошло снижение еще на 10% [22, с. 4].

Учитывая социальную и экономическую значимость обеспечения безопасных условий труда, профилактики возникновения производственного травматизма и профессиональных заболеваний, распоряжением замглавы администрации области в Иркутской области с 22 сентября по 7 октября 2005 г. были объявлены Дни охраны труда [3, с. 2].

За I квартал 2006 г. государственная инспекция труда по Иркутской области зафиксировала 10 тыс. 156 нарушений. Основная масса – около 8 тыс. – были вопросы, связанные с заключением трудовых договоров и их неисполнением (остальные 2 тыс. – охрана труда) [23, с. 3].

Начиная с 2004 г. звание лучшего предприятия в своей номинации удостоивался Ангарский цементный завод. Кроме того, начальник отдела промышленной безопасности и охраны труда предприятия *Т. Головина* в третий раз получила диплом как лучший специалист. Предприятия, занявшие первые места, представляли Ангарск на областном конкурсе [4, с. 2].

Тайшетская межрайонная прокуратура во взаимодействии с представителями территориальных органов Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, государственного пожарного надзора проверила соблюдение требований действующего законодательства в ООО торгово-промышленная компания «Синь-Чуень». Принимались меры для привлечения виновных к административной ответственности за нарушение законодательства о пожарной безопасности [6, с. 4].

В Иркутской энергосистеме на начало 2010 г. было зафиксировано 33 случая профзаболеваний, из них два случая было отмечено на Ново-Иркутской ТЭЦ. Был усилен контроль за состоянием здоровья оперативного персонала, фельдшер здравпункта работал с 6 утра до 8 часов вечера [25, с. 2].

Зам. главного инженера по промышленной безопасности, надёжности и охране труда *Л. Марова* была обеспокоена тем, что не всегда квалификация специалистов по охране труда соответствовала желаемой, поэтому в течение 2010 г. дополнительно мотивировать, т.е. вознаграждать материально, уполномоченных не предполагалось [13, с. 2].

В 2011 г. соревнования оперативного персонала прошли среди команд ОДГ диспетчеров филиала и подразделений. Противопожарная тренировка в 2011 г. проводилась на подстанции «Алгатуй» на тему «Выброс с возгоранием технического масла» [24, с. 3].

«Братскэнергоремонт» признали лучшей организацией по охране труда в Иркутской области. Образованное из ремонтных подразделений ТЭЦ ОАО «Иркутскэнерго» в 2004 г.,

где традиционно был высокий уровень производственной культуры и всегда предъявлялись высокие требования к вопросам охраны труда, ЗАО «Братскэнергоремонт» за период с 2004 по 2012 гг. не только не растратило этих традиций, но их усовершенствовало [15, с. 2].

Профсоюзная организация Ново-Иркутской ТЭЦ являлась одной из крупнейших в Иркутской энергосистеме – она объединяла более 1 тыс. чел. Одно из важнейших направлений работы – охрана труда [17, с. 3].

По данным Министерства труда РФ, добыча полезных ископаемых – была одной из наиболее опасных отраслей для работников: здесь только за первые 10 месяцев 2013 г. было зафиксировано 160 случаев смерти на рабочем месте. Больше было только в строительстве (488), обрабатывающих производствах (363) и сельском хозяйстве (254). В 2013 г. было зафиксировано всего три смертельных случая [11, с. 3].

При всём том каждый год выделялись немалые средства на обеспечение безопасности. Например, в 2013 г. на ТЭЦ-9 на эти цели затратили почти 10,9 млн руб., а на участке № 1 – более 10 млн руб. [1, с. 4].

Усть-Илимская ТЭЦ ПАО «Иркутскэнерго» на протяжении многих лет проводила планомерную работу по улучшению условий труда персонала и повышению безопасности работ: шло оснащение необходимыми инструментами, спецодеждой, проходили смотры-конкурсы профессионального мастерства, дни техники безопасности и др. [16, с. 3].

За 10 лет (с 2007 по 2017 гг.) статистика травматизма на станциях ПАО «Иркутскэнерго», по определению опасных производственных объектах, улучшилась. Если, к примеру, в 2008 г. на них произошло два несчастных случая со смертельным исходом, а в 2009 г. – один, то затем в течение семи лет подобных инцидентов не было. Количество прочих несчастных случаев, напротив, увеличилось с двух в 2008 г. до семи – в 2016 г. [26, с. 3].

Непосредственно 28 апреля 2018 г. по рабочим местам цехов, участков проходили рейды благодарности. Самым активным работникам в области охраны труда вручались грамоты, небольшие сувениры и призы. К этому дню на станции был оформлен и праздничный выпуск газеты «Вестник У-ИТЭЦ» [12, с. 3].

Иркутяне могли принять участие в деловой программе и экспозиции 27-й специализированной выставки и форума «Безопасность и охрана труда – 2023». Она прошла с 5 по 8 декабря 2023 г. в Москве на территории ЦВК «Экспоцентр» [5, с. 4]. В работе приняли участие руководители российских и иностранных компаний, федеральных и региональных органов власти, дилеры и дистрибьюторы, собственники бизнеса, специалисты по снабжению, закупкам, промышленной безопасности, охране труда, HR, главные энергетики, механики, инженеры, технологи.

1. *Администрация г. Иркутска объявляет о начале городских конкурсов по охране труда по итогам 2009 года // Конкурент. 2010. 4 марта. С. 4.*
2. *Борисов Г. «Комфорт и безопасность»: «Сибирский энергетик» узнал, какие современные технологии стоят на страже труда // Сиб. энергетик. 2017. 8 мая. С. 4.*
3. *В повестке – охрана труда // СМ-номер один. 2002. 9 окт. С. 2.*
4. *Дни охраны труда // Обл. газета. 2005. 10 сент. С. 3.*
5. *Дунаева М. Трижды лауреат: Ангарский цементный завод вновь стал лучшим предприятием Ангарска по охране труда // Время. 2007. 3 июля. С. 2.*
6. *Жителей Иркутска приглашают стать участниками выставки «Безопасность и охрана труда – 2023» // Ирк. репортер. 2023. 28 ноября. С. 4.*
7. *Иванова М. Охрана труда, пожарная безопасность и санитарно-эпидемиологическое благополучие человека // Бирюсинская новь. 2010. 21 мая. С. 4.*

8. *Как выйти на правовое поле // Губерния. 2005. 19 февр. С. 5.*
9. *Какаулин С. Труд должен быть безопасным // Губерния. 2001. 25 янв. С. 4.*
10. *Киселев Д. Без защиты // СМ-номер один. 2000. 6 апр. С. 3.*
11. *Климова Э. Каково здоровье, таково и мораль // Вост.-Сиб. правда. 2003. 27 сент. С. 4.*
12. *Коркина Е. Не только брать, но и отдавать: «Востокнефтепровод» продолжает оберегать своих сотрудников // Конкурент. 2014. 29 апр. С. 3.*
13. *Макарьева О. Охрана труда по-особому // Сиб. энергетик. 2018. 25 мая. С. 2.*
14. *«Момент истины» для принятия решений // Сиб. энергетик. 2010. 30 июля. С. 2.*
15. *На повестке – охрана здоровья // Губерния. 2003. 29 авг. С. 3.*
16. *Награда для достойных // Сиб. энергетик. 2013. 14 июня. С. 2.*
17. *Никкульшеева М. Энергетика с комфортом // Сиб. энергетик. 2017. 19 мая. С. 3.*
18. *Новак К. Обратись в профком, и тебе помогут! // Сиб. энергетик. 2013. 6 дек. С. 3.*
19. *Областное трехстороннее соглашение на 1999 год // Вост.-Сиб. правда. 1999. 2 июня. С. 4.*
20. *Овсянникова И. Русское «авось» // Вост.-Сиб. правда. 2004. 26 июня. С. 4.*
21. *Охрана труда на контроле у государства // СМ-номер один. 2003. 23 окт. С. 4.*
22. *Рекунова В. Вдогонку уходящему поезду // Вост.-Сиб. правда. 2003. 11 окт. С. 2.*
23. *Рекунова В. Риск – дело накладное // Вост.-Сиб. правда. 2005. 25 янв. С. 4.*
24. *Сергеева Ю. Рабы работодателей // Конкурент. 2006. 29 апр. С. 3.*
25. *Ткач В. Оперативная тренировка // Сиб. энергетик. 2011. 11 апр. С. 3.*
26. *Шмелева М. Труд без опасности // Сиб. энергетик. 2010. 21 мая. С. 2.*
27. *Щербаков Е. Безопасность, возведённая в абсолют: «Иркутскэнерго» делится новыми принципами охраны труда // Сиб. энергетик. 2017. 25 июля. С. 3.*
28. *20 часов на «Охрану труда» // Трудовое Усолье. 2001. 13 февр. С. 3.*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА

Филатова Дарья Владиславовна
(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Какадий Игорь Иванович
(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Социальное сиротство — это сложное и негативное явление, при котором ребенок лишается возможности получать должное внимание, заботу и поддержку со стороны родителей или опекунов. Оно является важной и насущной проблемой, затрагивающей большое количество детей и подростков, находящихся в неблагополучных условиях. Государственная политика в этой области играет ключевую роль в обеспечении защиты прав и интересов этих детей, а также в создании условий для их полноценного развития и социализации [5, 426-428].

В отличие от биологического сиротства, где ребенок теряет родителей в результате их смерти, социальное сиротство связано с проблемами в семье, которые приводят к лишению или ограничению родительских прав. Причины данной проблемы разнообразны и многогранны.

Одной из наиболее распространенных причин является злоупотребление алкоголем и наркотиками со стороны родителей. Зависимость разрушает семейные отношения, снижает уровень ответственности родителей и приводит к неспособности обеспечивать надлежащее воспитание и уход за детьми. В таких случаях дети часто оказываются в неблагополучных условиях, что вынуждает органы опеки вмешиваться и отбирать ребенка у родителей.

Экономические проблемы также могут стать одной из причин данного явления. Семьи, находящиеся за чертой бедности, не в состоянии обеспечить детям базовые нужды. В таких условиях родители могут добровольно отказаться от своих обязательств по уходу за ребенком, передавая его под опеку государства, или же дети могут быть изъяты по решению органов опеки.

Психические расстройства у родителей могут значительно ограничить их способность заботиться о детях. Например, депрессия, шизофрения или другие серьезные психические заболевания могут привести к тому, что родители не способны удовлетворять основные потребности ребенка. В таких случаях вмешательство со стороны государства становится необходимым для защиты интересов детей.

Также все большую популярность набирают причины, вызванные искаженным представлением о полноценной семье и ростом идеологии чайлдфри, которая характеризуется откладыванием рождения детей на более поздний срок или вовсе отказом от них. В случае рождения детей такие люди не хотят заниматься ребенком и отдают их в специализированные учреждения, либо же делают все для того, чтобы детей забрали органы опеки и попечительства [1, 177-178].

История деятельности государственных органов в сфере социального сиротства начинается с конца XIX века, когда были сделаны первые шаги по оказанию помощи и поддержки сиротам, в частности, создание приютов для таких детей. Только в XX веке были созданы специализированные учреждения со своими программами для сирот. Особенно такая необходимость возросла после Великой Отечественной войны, когда значительное количество детей осталось без родителей.

Со временем внимание государства к проблеме социального сиротства возросло, и в 1960-е годы были приняты законы, защищающие права сирот. Были созданы детские дома

и интернаты, в которых дети могли жить, воспитываться, социализироваться и получать образование.

Однако в 1990-е года, во времена реформирования и перестройки, система защиты и обеспечения сирот стала нестабильной, так как многие детские дома и подобные учреждения были закрыты в связи с финансовыми проблемами и недостатком персонала. В результате сироты оказались без поддержки государства и их количество увеличилось, в связи с чем данная проблема обострилась [6, 126-132].

Деятельность государства в данной сфере включает различные программы и инициативы, направленные на поддержку детей. Сейчас государственная политика направлена на комплексное решение проблемы. Принятие такой политики укрепляет социальную справедливость, поддерживает детей в трудной ситуации и способствует их успешной адаптации в обществе.

За последние 10 лет количество детей-сирот сократилось на 24%. В 2013 году таких детей было 421,5 тысячи, а в 2023 году уже 375,7 тысячи. [3]. Однако данная численность все равно остается внушающей. Несмотря на различные программы и меры государственной поддержки, проблема социального сиротства остается актуальной и требует дальнейших усилий для ее решения.

Одной из главных целей в борьбе с социальным сиротством является сокращение числа детей, оставшихся без родительской опеки, создание для них достойных условий существования и обеспечение возможности полноценного развития [2, 375-378]. Важно усилить меры по предотвращению случаев социального сиротства, а также обеспечить поддержку и помощь детям, оказавшимся в сложных жизненных обстоятельствах.

Государственная политика в сфере социального сиротства является важной составляющей системы защиты прав детей в России. Несмотря на существующие достижения в этой области, проблемы и вызовы требуют постоянного внимания и вызовы требуют постоянного внимания и решения [4, 269-275]. Необходимы комплексные подходы и совместные усилия государства, общества и семей для создания благоприятной среды для детей-сирот, что в свою очередь будет способствовать их успешной социализации и интеграции в общество.

1. Бабаева А.Э. Актуальные проблемы реализации социального партнерства в современной России: социологический анализ // В сборнике: *Солидарность и конфликты в современном обществе. материалы научной конференции*. 2018. С. 177-178.
2. Николаева А.А., Савченко И.А., Степанова О.С. Актуальные проблемы социальной инклюзии студентов вузов - выпускников детских домов // *Перспективы науки и образования*. 2023. № 4 (64). С. 361-378.
3. *Общая численность детей-сирот в России сократилась на четверть за 10 лет* // *Коммерсантъ* // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6465416>
4. Просвирина А.И., Какадий И.И. Управление социальной поддержкой населения как фактор реализации социальной политики государства. *Экономика и менеджмент систем управления*. 2018. № 3-2 (29). С. 269-275.
5. Филатова Д.В. Особенности социального сиротства современной России / Д.В. Филатова // III-й Международный демографический форум "Демография и глобальные вызовы" : Доклады Молодежной секции, Воронеж, 23–25 мая 2024 года. – Воронеж: ООО "Цифровая полиграфия", 2024. – С. 424-430.
6. Чеснокова Ю.В. Государственная политика в сфере социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в России в советский период / Ю. В. Чеснокова // *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»*. - 2019. - Т. 7, № 3 (27). - С. 126-132.

ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛА И УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В НЕЯДЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ МИРОСИСТЕМЫ

*Хлыновская Софья Александровна
(Сибирский институт управления - филиал Российской Академии Народного
Хозяйства и Государственных Служащих (СИУ - филиал РАНХиГС))*

*Изгарская Анна Анатольевна
(Институт Философии и Права Сибирского Отделения Российской Академии Наук
(ИФПр СО РАН))*

Проблема социального неравенства является одной из центральных в миросистемном подходе. Миросистема - пространственно-временное образование, чей пространственный охват совпадает с циклически воспроизводящейся во времени системой разделения труда, которая интегрирует и поляризует человечество в иерархически организованные социально-экологические ниши (ядро, полупериферию и периферию), создающие для включенных в них обществ «внешнее принуждение, определяющее пределы выживания» [2, 262]. Теоретические основания концепции социального неравенства в миросистемном подходе восходят к идее К. Маркса о расширении системы капитализма [7; 8], данная идея была развита в труде Р. Люксембург «Накопление капитала» [6] и в работе В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» [5]. Капитал в фазе «А» движется в периферийные зоны в поисках дешевых природных ресурсов и рабочей силы [3, 82]. В фазе «Б» капитал уходит в безопасные ниши и пространство миросистемы сжимается. Главный механизм воспроизводства социального неравенства в миросистеме встроен в процесс расширения капитала и функционирует в международной системе разделения труда в цепях неравного обмена при формировании добавленной стоимости [15; 14; 12]. Представители миросистемного подхода не ограничиваются теоретическими исследованиями, они предпринимали попытки реорганизации и обобщения количественных данных, создания Big Data для массива данных о неравенстве [17]. При этом проблема социального неравенства в миросистемном подходе не является чисто экономической, она связана с проблемами государственного регулирования, социальной защиты, доступности социальных благ, транснациональной миграции, догоняющего развития, новых пространственных конфигураций неравенства в периферийных зонах восточной Европы и др. (см. например, [13]).

Глобальное и локальное неравенство выступают взаимосвязанными характеристиками миросистемы. Неравенство доходов в стране связано с глобальным неравенством «через механизмы системного уровня, которые создают различные результаты в разных позициях миросистемы» [16, 281]. М. Бата и А. Дж. Бергесен на основе эмпирических данных подтвердили старую гипотезу миросистемного подхода о том, что при увеличении глобального разрыва, когда капитал уходит с периферии, неравенство в неядерных странах сокращается, но при снижении уровня глобального разрыва, в ситуации движения капитала на периферию, неравенство в неядерных обществах увеличивается [11, 141]. В фазе «А» местные элиты неядерных обществ встраиваются в процесс производства капитала и, занимая более выгодные экономические и социальные позиции по отношению к широким массам населения, обогащаются [10, 52]. В результате, согласно модели М. Бата и А. Дж. Бергесена, социальное неравенство в обществе увеличивается [9].

На этой основе можно проинтерпретировать историю России двух периодов. Впервые, период с конца XIX – нач. XX вв., когда привлечение иностранного капитала в экономику страны в целях ее модернизации вызвало рост социального неравенств и

обострение классовых противоречий, что сформировало «горючий материал» Первой русской революции (1905), катализатором для которой стали геополитическое поражение в Русско-японской войне (1904-1905) и обрушение легитимности царского правительства. Во-вторых, в период распада СССР и встраивания России в международную систему разделения труда, когда приток иностранных инвестиций вызывает беспрецедентный рост социального неравенства и блокирование развития демократических институтов [1].

В фазе «Б» происходит сжатие миросистемы. Следует отметить, что отток капитала может происходить в миросистеме неравномерно. Геополитическое противостояние, война или угроза политической нестабильности будут способствовать оттоку капитала в безопасные для него ниши [4]. Экономическая элита таких обществ теряет привычный источник обогащения, а политическая элита нуждается в поддержке широких масс в преддверии ситуации, грозящей внешней опасностью. Происходит некоторое снижение социального неравенства и сплочение классов перед лицом общей угрозы. «Глобальная оппозиция обеспечивает национальную сплоченность, а уменьшение этой оппозиции усиливает национальные различия» [11, 141]. История Советского Союза может быть проинтерпретирован на этой основе. Например, самый мощный, относительно равномерный отток глобального капитала из периферийных зон наблюдался в период распада колониальной системы, что создавало благоприятные возможности для интеграции получивших независимость обществ в систему социализма. Анализ на этой основе текущей ситуации в России может дать интересные результаты.

1. Антропов В. Социально-экономическое неравенство в современном мире: инструментарий оценки, тенденции и стратегии преодоления // Экономика. Налоги. Право. 2022. № 15(3). С. 21-37. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-3-21-37
2. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера; Эссе Ното, 2003. 272 с.
3. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: КМК, 2008. 178 с.
4. Изгарская, А. Динамика политической гегемонии в циклах современной миросистемы // Respublica Literaria. 2022. № 3. С. 96-105. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.96-105.
5. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Избранные сочинения: в 10 т. Т. 6. М.: Политиздат, 1985. С. 325–439.
6. Люксембург Р. Накопление капитала. М.: Соцэкгиз, 1934. 478 с.
7. Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. М.: Политиздат, 1980. Т.1. С. 517–525.
8. Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. М.: Политиздат, 1980. Т.1. С. 524–530.
9. Bata M., Bergesen A. J. Global Inequality: An Introduction // Journal of World-System Research. 2011. № 8. P. 7-11
10. Beer L., Boswell T. The Resilience of Dependency Effects in Explaining Income Inequality in the Global Economy: A Cross-national Analysis, 1975–1995 // Journal of World-Systems Research. 2002. № 8. P. 30-59.
11. Bergesen A.J, Bata M. Global and National Inequality: Are They Connected? // Journal of World-Systems Research. 2002. Vol. 8. P. 130-142.
12. Gereffi G. Global Value Chains and Development Redefining the Contours of 21st Century Capitalism. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 474 p.
13. Global Inequalities in World-Systems Perspective: Theoretical Debates and Methodological Innovations / Ed. by M. Boatcă, A. Komlosy, H.-H. Nolte. New York: Routledge, 2018. 205 p.
14. Grinberg N. Global Commodity Chains and the Production of Surplus-value on a Global Scale: Bringing Back the New International Division of Labor Theory // Journal of World-System Research. 2016. № 22. P. 247-278.

15. Hopkins T. K, Wallerstein I. *Commodity Chains: construct and research* // *Commodity chains and global capitalism* / Ed. by G. Gereffi, M. Korzeniewicz. Santa Barbara. Greenwood Press imprint of Greenwood Publishing Group, 1994. P. 17-20.
16. Mahutga M. C., Kwon R., Grainger G. *Within-Country Inequality and the Modern World-System: a Theoretical Reprise and Empirical First Step* // *Journal of World-System Research*. 2011. №17. P. 279-307. DOI: 10.5195/jwsr.2011.417
17. Zadorozhny V., Manning P., Drwenski M., E. Karataev. *Towards a Social Weather Service: Linking Social Sciences and Information Sciences in Large-Scale Inequality Analysis* // *Journal of World-Historical Information* 2014-2015. Vol. 2-3. P. 154-159. DOI: 10.5195/jwhi.2015.37

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ РУРБАНИЗАЦИИ: ОБЗОР И АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Чемулова Алена Валерьевна
(Кубанский государственный технологический университет)

Муха Виктория Николаевна
(Кубанский государственный технологический университет)

*Подготовлено при поддержке РФФ и КНФ, проект 24-28-20348
"Взаимодействие городского и сельского социумов в российских
регионах: практики рурбанизации"*

Introduction and Literature Review

Most research on rurbanization primarily examines specific case studies within developed countries, overlooking the diverse experiences found in various regions. Furthermore, there is a scarcity of studies investigating the long-term social impacts of rurbanization, particularly regarding its effects on intergenerational relationships, community resilience, and social capital. This gap is particularly pronounced in developing nations, where rurbanization introduces distinct challenges and opportunities due to differing socio-economic contexts. Therefore, a deeper exploration of the social dimensions of rurbanization is crucial for understanding its implications for social cohesion and community identity [9].

This study aims to address these gaps by providing a thorough literature review and analysis of the social dynamics associated with rurbanization. It is guided by the following research questions: What topics are related to the social dynamics of rurbanization? Who are the key contributors in this field?

The paper is organized as follows: Section 2 outlines the PSALSAR methodology and the research design. Section 3 presents the key findings along with a discussion. Finally, Section 4 concludes with implications and suggestions for future research.

Methods and Materials

The analysis utilized a systematic literature review (SLR) approach to gather and evaluate existing research on the social dynamics of rurbanization. Following the PSALSAR framework, the review encompassed protocol development, search strategy, study appraisal, synthesis of findings, analysis, and result reporting.

Findings

The analysis reveals that the number of articles on rurbanization has fluctuated since 2000, peaking in 2016 before a sharp decline, followed by a resurgence in 2019-2020, and now a slight decline is observed. Despite these fluctuations, interest in the social dynamics of rurbanization remains significant, with the "Journal of Rural Health" publishing the most papers. Through topic modeling, various themes were identified, including mental health impacts, the need for a multidisciplinary paradigm shift, sustainable infrastructure, tailored economic policies, smart innovations, and the interplay between education and employment.

Specifically, rurbanization affects mental health both positively — by improving access to amenities [9, 6, 10, 7] — and negatively—through stress from cultural shifts [11, 19, 16]. The study emphasizes that understanding these dynamics requires integrating theoretical frameworks such as Social Network Theory [6, 3, 2] and Resilience Theory [1, 17, 19], alongside a focus on sustainable infrastructure that meets community needs [10, 13, 14].

Additionally, economic policies must adapt to the unique challenges of rural settings, focusing on inclusive growth and sustainable development [4, 20, 8]. Smart innovations should enhance social connectivity while fostering community engagement [15, 12, 22]. Lastly, the interplay between education and employment must be addressed to ensure equitable access and support social mobility in rural areas [5, 21, 18].

Limitations and Future Directions for Research

While this study offers valuable insights into the social dynamics of ruralization, it has limitations, particularly regarding its reliance on existing literature. Future research should adopt mixed-method approaches and longitudinal studies to capture a broader range of experiences, especially in developing regions.

Conclusion

This study systematically reviewed the literature on the social dynamics of ruralization, revealing critical themes and emphasizing the need for a nuanced understanding. The findings highlight the complexities inherent in ruralization processes, especially in the context of unique socio-economic conditions prevalent in Russia.

1. Адгер У.Н. Социальная и экологическая устойчивость: взаимосвязаны ли они? // *Progress in Human Geography*. 2000. Т. 24, № 3. С. 347–364.
2. Бессер Т.Л., Рекер Н., Агнити К. Влияние экономических потрясений на социальный капитал и социальные сети: исследование сообществ штата Айова // *Rural Sociology*. 2013. Т. 78, № 4. С. 481–509.
3. Босуорт Г., Виллет Дж. Вовлеченность или бегство? Сельские представления и экономическое развитие в Корнуолле и Нортумберленде // *Sociologia Ruralis*. 2011. Т. 51, № 2. С. 195–214.
4. Вард К., Браун Д. Политики инклюзивного роста для рурбанизированных сообществ // *Regional Studies*. 2016. Т. 50, № 5. С. 810–823.
5. Гао Дж., Сюй П., Чжу Ю. Образовательные различия и социальная мобильность в сельском Китае: последствия для урбанизации // *China Quarterly*. 2014. Т. 219. С. 836–857.
6. Грановеттер М.С. Сила слабых связей // *American Journal of Sociology*. 1973. Т. 78, № 6. С. 1360–1380.
7. Дженнаро К., Фантини Э. Переосмысление сельско-городской миграции в контексте изменения климата // *Journal of Rural and Community Development*. 2009. Т. 4, № 1. С. 11–24.
8. Джонсон Т., Картер М. Инклюзивный рост и сельское развитие: проблемы и возможности политики // *Development Policy Review*. 2021. Т. 39, № 3. С. 399–416.
9. Кармо Р.М. Сельские территории, местное развитие и образование: переосмысление экономических отношений и территориальных политик // *Sociologia Ruralis*. 2010. Т. 50, № 2. С. 200–215.
10. Ли Ю., Тан К., Чжан Х. Роль устойчивой инфраструктуры в укреплении устойчивости сообществ в рурбанизированных районах // *Journal of Rural Health*. 2021. Т. 37, № 1. С. 23–34.
11. Мэн Ц., Сюэ М. Стресс и адаптация в переходе от сельского к городскому: случай рурбанизированных районов Китая // *Urban Studies Journal*. 2020. Т. 57, № 4. С. 822–839.
12. Ольмедо Л., Раваццоли Э., Эспарсия Х. Умные инновации в сельской Европе: укрепление социальной связи и вовлеченности сообщества // *Sociologia Ruralis*. 2024. Т. 64, № 2. С. 120–138.
13. Орынदारу А., Константин К.П., Доспинеску К. Оценка влияния устойчивой инфраструктуры на сельские сообщества // *Environmental Impact Assessment Review*. 2020. Т. 83. С. 106375.
14. Патель С., Гарсия М. Проектирование устойчивой инфраструктуры для устойчивости сельских районов: сравнительное исследование // *Journal of Environmental Planning and Management*. 2019. Т. 62, № 10. С. 1742–1756.

15. Раваццоли Э., Торкуати Б., Андреоли М. Важность цифровой инфраструктуры в сельском развитии: обзор // *Journal of Rural Studies*. 2021. Т. 81. С. 235–247.
16. Смит Р., Уотсон П., Лю Ю. Психическое здоровье и социальная связь в рурбанизированных сообществах: обзор // *Journal of Community Health*. 2019. Т. 44, № 6. С. 1128–1137.
17. Уилсон Г.А. Устойчивость сообществ, глобализация и устойчивое развитие сельских районов: сравнительные уроки из рурбанизированных регионов // *Rural Sociology*. 2012. Т. 77, № 2. С. 238–261.
18. Фукуа Дж., Харпер А., Фриман А. Образовательный уровень и результаты занятости в сельских районах // *Journal of Rural Health*. 2021. Т. 37, № 2. С. 214–224.
19. Харди М.Е., Уилсон Г., Браун Р. Влияние культурных изменений на психическое здоровье в сельской местности: лонгитюдное исследование // *Rural Mental Health Review*. 2024. Т. 28, № 1. С. 41–56.
20. Шоу Дж., Монтгомери К. Устойчивые экономические политики для сельского развития: уроки глобальных кейсов // *Development Studies Review*. 2019. Т. 43, № 2. С. 101–121.
21. Эрдоган М., Акбен-Сельчук Э., Ондер Э. Связь между профессиональным образованием и занятостью в Турции: региональный анализ // *Education Economics*. 2021. Т. 29, № 2. С. 186–204.
22. Эспарсия Х., Эскрибано Х., Серрано Х. Новые сельско-городские отношения в эпоху знаний: случай сельских и рурбанизированных районов Испании // *Journal of Rural Studies*. 2020. Т. 74. С. 11–20.

РОССИЙСКИЕ МИЛЛИАРДЕРЫ НА МЕЖДУНАРОДНОМ ФОНЕ: ОСОБЕННОСТИ И ДИНАМИКА ПОЛОЖЕНИЯ

*Швецова Елена Антновна
(НИУ ВШЭ Москва)*

*Исследование осуществлено в рамках Программы
фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.*

Аннотация. В работе анализируется динамика положения сверхбогатых россиян, обладающих капиталом более миллиарда долларов, в сравнении с представителями глобальной бизнес-элиты в период с 2004 по 2023 г. Выявлена уникальность положения российских миллиардеров, представлена интерпретация специфичной динамики их рейтинговых позиций. Степень концентрации богатства в России при этом остается одной из наиболее высоких в мире.

Ключевые слова: миллиардеры • сверхбогатство • динамика богатства • список Forbes

Проблема сверхбогатства и особенностей положения сверхбогатых россиян в условиях новой турбулентности весьма актуальна для России. На сегодняшний день 1% населения страны обладает более чем половиной всех ее богатств, что характеризует степень концентрации богатства в России как одну из самых высоких среди крупнейших экономик мира [1]. При этом дифференциация в рамках данного процента наиболее высока по сравнению с остальными слоями общества [2].

В современных исследованиях экономических элит подчеркивается устойчивость и закрытость группы сверхбогатых [3]. В России эта группа имеет свои характерные особенности, обусловленные тем, что она сформировалась лишь три десятилетия назад. Как на раннем этапе становления современной России, так и десятилетием позже внимание российских исследователей было сосредоточено на изучении путей формирования бизнес-элиты [4; 5; 6]. Данное исследование сфокусировано на выявлении особенностей экономического положения российской бизнес-элиты на международном фоне в текущих условиях и его динамики.

Ключевыми исследовательскими вопросами выступают следующие: насколько коррелирует динамика положения российских миллиардеров с аналогичной динамикой для миллиардеров в мире? Насколько подвержены крупнейшие российские капиталы влиянию экзогенных факторов, в частности, санкционному давлению? Для поиска ответов на эти вопросы использована специально сконструированная база, собранная на основе информации, публикуемой Forbes[7] и Bloomberg[8] за период с 2004 по 2023 г. включительно. На основе полученных данных произведена оценка положения российских миллиардеров на фоне представителей глобальных рейтингов миллиардеров. Анализ направлен на понимание того, объяснима ли динамика положения сверхбогатых россиян и степень концентрации их капиталов специфическими страновыми особенностями России, или они отражают общемировые тенденции, характерные для глобального сверхбогатства.

Сегодняшние социально-экономические и политические условия формируют новую рамку становления и сохранения сверхбогатств в России. Мировой финансовый кризис, развернувшийся в 2008 г., способствовал завершению периода восстановительного роста

российской экономики, а также беспрецедентного роста личного благосостояния российской бизнес-элиты. Механизм санкционного давления впервые был имплементирован в политико-экономический контекст в 2014 г., однако его действие отличалось меньшей интенсивностью по сравнению с 2022 г. Поэтому важной задачей для понимания механизма формирования и сохранения сверхбогатств представляется сравнение положения сверхбогатых россиян в периоды наиболее сильной турбулентности, а также сопоставление динамики «до» и «после» экономических потрясений последних лет. Для объективной оценки положения российской бизнес-элиты и выявления её страновых особенностей важно проводить такой анализ на международном фоне. В нашей работе он подразумевает определение позиционирования российских миллиардеров в глобальной системе координат по количеству представителей, объему их капитала, темпам его прироста, в том числе в сравнении с мировыми трендами и с внутрirosсийскими макропоказателями (ВВП) в ретроспективе последних 20 лет.

Определение сверхбогатства и эмпирическая база исследования. К лицам со сверхкрупным чистым капиталом (ЛСКЧК) относятся индивиды, обладающие чистым капиталом не менее 30 млн долларов, заключающемся в приемлемых для инвестиций активах за вычетом обязательств (исключая инвестиции в жильё и увлечения: искусство, самолёты, яхты и недвижимость). Данной методологии оценки придерживается Wealth-X (мировой лидер в области информации и аналитики о благосостоянии) при подготовке ежегодных отчетов о глобальном сверхбогатстве [9]. Особой категорией ЛСКЧК являются миллиардеры, обладающие чистым капиталом свыше миллиарда долларов, к анализу которых мы обращаемся в рамках данного исследования.

Эмпирическую основу исследования составила специально собранная база данных, включающая информацию о размере капитала, резидентстве его владельца и некоторых других показателях, информация по которым была получена из анализа открытых источников. Одним из источников стал Индекс миллиардеров Bloomberg — это ежедневный рейтинг самых богатых людей мира.

Также были использованы данные рейтингов сверхбогатых Forbes, публикуемые на ежегодной основе. В общемировой рейтинг Forbes включаются богатейшие бизнесмены, чей капитал превышает или эквивалентен миллиарду долларов. Для исследования использован список участников глобального списка Forbes за период 2004–2023 гг., данные которого позволяют сопоставить и интерпретировать рейтинговые позиции, динамику капитала, а также определить устойчивость группы миллиардеров. За изучаемый временной интервал количество представителей списка в мире увеличилось с 586 человек до 2641, в том числе россиян – с 26 до 103.

Выводы. Темп роста глобальной экономики уступает темпам роста частного капитала миллиардеров, причем для представителей глобального списка Forbes свойственен линейный темп роста капитала, в то время как значения капитала российских миллиардеров создают своего рода «облако конвергенции» на протяжении последнего десятилетия, а количество российских миллиардеров находится на плато. На протяжении периода 2004–2014 гг. рост количества российских миллиардеров, а также их состояний, был экспоненциальным и опережал мировые темпы роста (наибольшая волатильность значений частного капитала наблюдалась в период с 2004 по 2009 гг.). Темпы роста количества российских миллиардеров в период после 2014 г. оказались значительно ниже мировых и в целом на периоде до 2023 г. даже отрицательными, однако степень концентрации капиталов российских миллиардеров сохраняется одной из наиболее высоких в мире. На положение российских миллиардеров значительно влияет размер ренты, получаемой от аллокации природных ресурсов.

Редукция количества российских миллиардеров на 20% в пиковые кризисные периоды минувшего десятилетия (экономические кризисы 2014–2015 гг. и 2022–2023 гг., индуцированные изменением внешнеполитического курса России) выглядит незначительной по сравнению с практически трехкратным сокращением участников списка в условиях глобального экономического кризиса 2008–2009 гг., что подчеркивает возросшую устойчивость группы к внешним пертурбациям в последнее десятилетие по сравнению с предыдущими периодами.

До изменения внешнеполитического курса в 2021 г. по совокупному объему капитала российские миллиардеры были наиболее близки к представителям Франции и Индии. Тенденция поляризации общества и увеличения социального неравенства позволяет предположить, что для миллиардеров, составляющих 0,000034% мирового населения, кризисы — это механизм, способствующий дальнейшему увеличению персонального состояния. Однако, в контексте миновавших кризисных периодов в наиболее острых фазах (в 2014 и 2023 г.) можно сделать вывод, что при наличии внешних интервенций (санкционного давления) процесс наращивания капитала становится более затруднительным, но его сохранение реалистично: санкционное давление препятствует инвестированию и становится серьезным барьером для функционирования ключевого актива. Говоря об ожидаемой динамике группы сверхбогатых в России, можно предполагать интенсификацию процессов передачи капиталов, обусловленных старением группы, что может привести к некоторому снижению концентрации капитала по причине его дробления между наследниками, и к ещё большему закрытию группы для «внешних» участников.

1. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2017) *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016*. NBER Working Paper. No. 23712.
2. Chauvel L. (2022) *The Extreme Wealth-Income Ratio (EWIR): the Joker Smile Curve (JSC) and the New Age of Extremes*. LWS Working Paper from LIS Cross-National Data Center in Luxembourg. No. 39.
3. Piketty T. (2014) *Capital in the twenty-first century*. *British Journal of Sociology*. No. 65(4): 650-666.
4. Крыштановская О.В. *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров, 2005. [Kryshtanovskaya O.V. (2005) *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: Zakharov. (In Russ.)]
5. Агафонов Ю.Г., Лепеле В.Р. «Золотые двери» в российскую бизнес-элиту: рекрутирование и изменение структуры крупного предпринимательства в постсоветской России // *Мир России*. 2016. № 3. С. 97-125.
6. Яковлев А.А. *Власть, бизнес и движущие силы экономического развития в России: до и после "дела ЮКОСа"* // *Общественные науки и современность*. 2005. № 1: С. 35–44.
7. Электронный ресурс URL: <https://www.forbes.com/billionaires/> (дата обращения: 23.04.2024);
8. Электронный ресурс URL: <https://www.bloomberg.com/billionaires/> (дата обращения: 23.04.2024).
9. Электронный ресурс *World Ultra Wealth Report 2024*. URL: <https://altrata.com/reports/world-ultra-wealth-report-2024> (дата обращения: 16.09.2024).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫБОРЫ И «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»: НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Шевцов Алексей Владимирович
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена)

Аннотация

В статье рассмотрена роль выборной проблематики в обосновании и проведении так называемых «цветных революций» на постсоветском пространстве. Описаны положения неолиберальной идеологии, используемые для оценки проводимых избирательных кампаний и подведения их итогов. Рассмотрены возможности, предоставляемые данными кампаниями для внешних и внутренних акторов по организации протестных действий.

Ключевые слова

«цветная революция», протестное движение, избирательный процесс, избирательная кампания.

В программе секции обозначена тема «Вызовы социальной и политической стабильности российского общества». В соответствии с ней и сформулировано название представленного на суд научной общественности доклада.

В рамках одного сообщения невозможно охватить все проблемное поле т. н. «цветных революций» в контексте избирательной системы в целом, и конкретных избирательных кампаний в частности. Тем более что за последние десятилетия накопились сотни (а возможно, и тысячи) публикаций на тему разных аспектов соответствующих конфликтных политических действий. Поэтому имеет смысл ограничиться рассмотрением специфики использования социальных выборных практик на ход и итоги массовых политических конфликтов данного типа.

Разумеется, речь не идет о неких научных «открытиях», а лишь о предварительном обобщении накопленного материала в свете вышеуказанных вызовов с учетом собственно социологического аспекта.

В отечественной литературе широко обсуждается вопрос о характере протестных выступлений в контексте традиционной марксистско-ленинской дихотомии: «верхушечный переворот» – социальная революция [3, 22-26; 7, 44-48, 8, 289-294]. Конечно, о смене общественного строя (социально-экономической формации) в данном случае не идет. Однако трансформация существующего режима или даже «косметическая» замена одной элитной группировки на другую без затрагивания основ политического взаимодействия ведет к весьма ощутимым сдвигам в социальной структуре [1, 493-495]. Самый яркий пример, переориентация внешней политики стран периферийного капитализма в рамках парадигмы глобального открытого рынка. Что характерно для подавляющего большинства государств, в которых «цветные революции» увенчались успехом [2, 5-7].

Современная политическая идеология неолиберализма в ее многочисленных «левых» (условно, либерально-демократических) и «правых» (условно, либерально-консервативных) версиях базируется на своеобразном понимании политической коммуникации. Общим местом является жесткое разграничение областей публичного и частного. И здесь перед нами предстает образ всепоглощающей коррупции, разъедающей политические режимы, против которых направлен гнев участников «цветных революций» [6, 43-63; 9, 78-85]. В пропаганде постоянно приводятся истории о всеобщем взяточничестве и казнокрадстве. Рядовые обыватели, на практике знакомым с

вымогательством рядовых чиновников и полицейских, принимают такую картину политической жизни «по умолчанию».

Соответственно, вмешательство представителей правящего класса в избирательный процесс с целью проведения собственных кандидатов является тем же «смещением сфер», когда публичная игра по определению победителей в предвыборной гонке извращается, становясь объектом явного и/или тайного манипулирования со стороны политических сил, имеющих подавляющее преимущество перед конкурентами. По-видимому, отсюда и идут постоянно используемые в оппозиционной пропаганде радикальных либералов параллели борьбы за «чистоту» выборов с государственными мерами по предотвращению монополизации рыночной экономики. Так сказать, прямая реализация положений теории рационального выбора.

Настоящий культ политических выборов усиливает идеологему о недопустимости искажения политической коммуникации. Дело в том, что неолиберализм сводит «демократию» как форму правления к выборам народных представителей «из двух и более кандидатов». Таким образом, народовластие сводится к борьбе конкурирующих между собой политических группировок. [10, 45-68]. Недаром Р. Даль предложил для данной формы правления иной термин: «полиархия» [5, 23-30].

Крайне осложняет ситуацию пресловутая внешняя легитимация политического режима, когда доминирующие на международной арене ведущие игроки во главе с США принимают решения об оценке состояния данного режима. На территории стран бывшего Варшавского договора оценивается политическая составляющая соответствия «молодых демократий» вышеуказанным принципам «демократического транзита», т. е. перехода от тоталитаризма к демократии в понимании либеральных идеологов. Требование проведения свободных и транспарентных («прозрачных») выборов позволяет выносить вердикт, закрепляемый в документах внешнеполитических ведомств. 1. Права избирателей нарушены и избранные органы власти незаконны. 2. Выявленные нарушения не оказали влияния на итоги выборов (в стиле «вы не понимаете, это другое» и «демократия – это власть демократов»).

В практической плоскости избирательная кампания является наиболее удобным временем для развертывания протестного движения. Внимание значительной части населения привлечено к ходу выборов, масса активистов различных политических структур привлечены в качестве агитаторов и наблюдателей, местные и международные масс-медиа освещают каждый шаг данного действия. А присутствие тех же наблюдателей из иностранных стран и международных организаций открывает широкое поле как для выражения недовольства действиями избирательных органов, так и прямой координации протестных групп.

Результаты подобных усилий неопределенны и зависят от внутреннего расклада политических сил, которые стараются сохранить определенную автономию, несмотря на сильную зависимость от западных стран (образно выражаясь, «счета в Нью-Йорке и дети в Лондоне»). Возьмем в качестве примера постсоветское пространство. «Революция роз» (2003, Грузия) начавшаяся с опротестования результатов парламентских выборов в пользу блока Э. А. Шеварнадзе приводит к власти разношерстную коалицию, в которой главную роль играет ныне сидящий в тюрьме М. Саакашвили.

«Оранжевая (помаранчева) революция» (2004-2005, Украина) прошла под знаком фальсификации результатов второго тура президентских выборов в пользу В.Ф. Януковича. Причем спусковым крючком послужили оценки международных наблюдателей и местных социологов (разумеется, абсолютны не ангажированных). Ответом на нарушение избирательного законодательства явилось решение Верховного суда о проведении не

предусмотренного никакими правовыми актами третьего тура (так сказать, «клин клином»). Разумеется, побеждает лидер оранжевых В. А. Ющенко, а выборы признаются честными и транспарентными. Не удивительно, что дальнейшие события приобретают все более радикальный характер. Конфликт Ющенко с премьером Ю.В. Тимошенко, возвращение Януковича на пост главы правительства, его реванш на президентских выборах 2010 г., процесс над Тимошенко и далее по списку.

И, наконец, весьма шумная, но мало-результативная борьба против переизбрания А. Г. Лукашенко. Интерес вызывает неудачный штурм протестующими Дома правительства (четвертая президентская кампания, 2010) и события 2020 г. (шестая кампания). В последнем случае удалось организовать достаточно быстро пресеченные беспорядки в Минске (за два дня – три дня по разным оценкам).

Таким образом, выборная проблематика играет важную, но не главную роль в обосновании необходимости проведения «цветных революций». Она уступает «коррупции», предъявляемой обывателю в наиболее понятных для него ипостасях: «взяточничества» и «казнокрадства». В широком же смысле фальсификация итогов выборов с оговорками можно отнести к коррупции в смысле манипулирования публичных процессов со стороны частных сил. Тем более, что неолиберализм сводит «демократию» как форму правления к выборам народных представителей «из двух и более кандидатов». Причем доминирующие на международной арене ведущие игроки во главе с США принимают решения о степени свободы и транспарентности конкретных избирательных кампаний и их итогов. Соответственно, в практической плоскости избирательная кампания является наиболее удобным временем для развертывания протестного движения. В это время увеличиваются возможности для внешнего и внутреннего давления на действующую власть. Однако стремление к сохранению автономии позволяет внутренним акторам в дальнейшем нивелировать успех «цветной революции».

1. Атик, А. А. «Цветные революции» как механизм экстремальной трансформации политической системы государства / А.А. Атик, Н.Д. Чудина-Шмидт // Евразийский юрид. журн. 2022. № 6 (169). С. 493-495.

2. Бочанов, М.А. «Цветные революции» как фактор трансформации внешнеполитических стратегий государств на постсоветском пространстве: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Орлов. регионал. акад. гос. службы. Орел, 2011. 22 с.

3. Гайдунко, Ю.А. К вопросу о правомочности отнесения цветных революций к классическим революциям / Ю. А. Гайдунко, С.П. Макарова // Актуал. пробл. гуманитар. и соц.-экон. наук. 2021. Т. 2. № 5 (80). С.22-26.

5. Даль, Р. Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. дом Гос. ун-та Выssh. шк. экономики, 2010. 287 с.

6. Исаев, Б.А. Принцип домино и цепи революций: где, почему и как случаются «цветные революции» // Конфликтология, 2014. № 2. С. 43-63.

7. Новодержкин, Н.А. «Революция» и «цветная революция» в современной историографии // Перспективы развития научных исследований в 21 в.: Сб. материалов XIII Междунар. науч.-практ. конф. 28 февр. 2017. Махачкала, 2017. С.44-48.

8. Пономарева, Е.Г. Почему «цветная революция» не революция? / Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию рос. революций 1917 г.: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2017. С.289-294.

9. Феценко, П.Н. Криминологический взгляд на место коррупции и социальной напряженности в системе причин «цветных революций» // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. М., 2015. С. 78-85.

10. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 539 с.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

*Ясников Николай Николаевич
(Вологодский научный центр РАН)*

Аннотация. Тематика социального капитала всё чаще попадает в поле зрения исследователей современной социальной реальности. Это обосновывается не только его ролью в жизни сообществ, но и сложностью самого понятия, находящегося на стыки множества наук. На примере территориального сообщества Вологодской области мы покажем, как социальный капитал связан с восприятием жизненной ситуации её жителями.

Ключевые слова: Социальный капитал, Вологодская область, Индикаторная модель, Уровни социального капитала.

Одной из причин сложности работы с понятием социального капитала является множество подходов к пониманию данного феномена. Следует понимать, что сама по себе мультидисциплинарность является благом, позволяющим исследователям самых различных сфер действительности обмениваться своими знаниями и опытом в пределах интересующего их явления. Проблемой является отсутствие в профессиональном сообществе исчерпывающего научного консенсуса о сущности предмета изучения. Подобное порой приводит к ситуации, когда для подтверждения своей гипотезы исследователи не могут в полной мере опереться опыт, представленный в работах коллег и вынуждены с нуля проводить самостоятельные изыскания, т.к. имеющиеся в литературе подходы к пониманию изучаемого явления не включают в себя некие переменные кажущиеся авторам сущностно-образующими для предмета исследования.

Мы находим это одним из возможных факторов роста числа исследований в России и мире, посвященных тематике социального капитала. В рамках нашего исследования мы столкнулись с аналогичной проблемой, в связи с чем, безусловно отдавая дань уважения нашим коллегам и многочисленным теоретикам работавших и работающих над развитием данной концепции [1, 8-20], мы сформулировали собственный подход к пониманию социального капитала [2, 110-134] согласно которому он представляет собой сети социальных отношений, основанные на доверии, характеризующиеся общими нормами и ценностями, а также уровнем вовлеченности в них людей, и измеряется при помощи индикаторной модели.

Анализируя данные опроса, проведенного ВолНЦ РАН на территории Вологодской области в 2024 году с многоступенчатой, квотной, выборкой объемом 1500 человек, мы смогли разделить респондентов на пять групп по уровню социального капитала – обладатели минимального, низкого, среднего, относительно высокого и высокого уровней социального капитала.

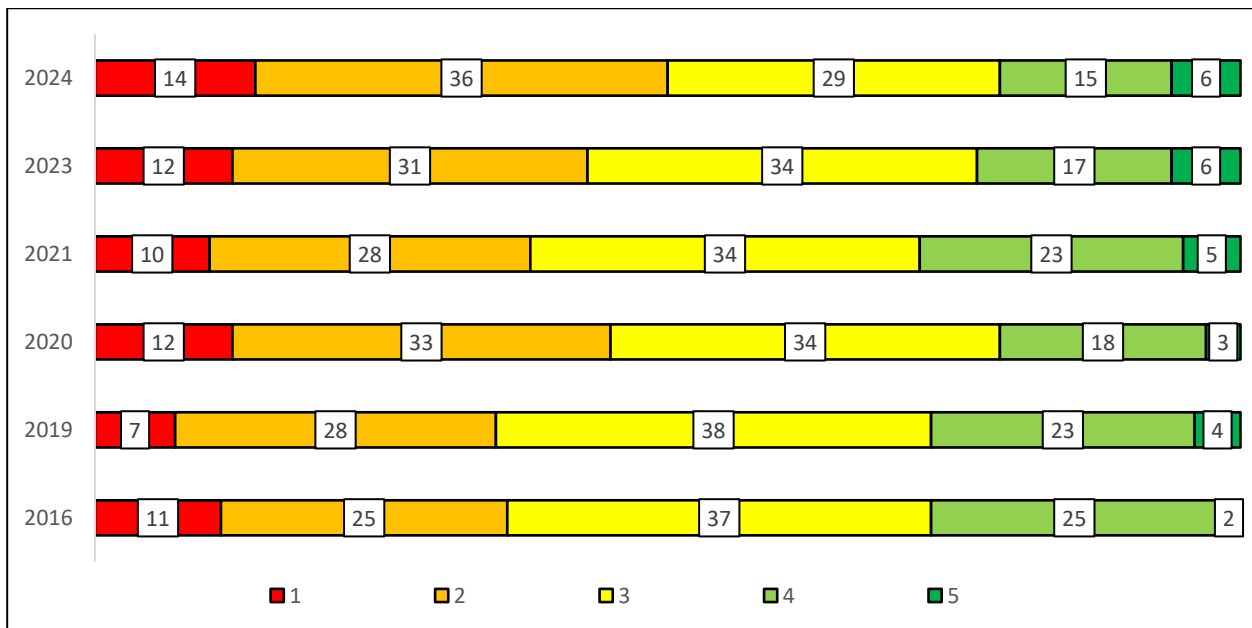

Рисунок 1. Распределение респондентов по уровню накопленного социального капитала в Вологодской области (в %, по годам).

Использованная в исследовании индикаторная модель измерения социального капитала позволяет увидеть, как его территориальное распределение, так и его накопление в динамическом аспекте. Первые замеры были проведены в 2016 году (рис. 1). Данные показывают нам как изменения в «красной зоне», вбирающей в себя носителей минимального социального капитала, так и изменения в «зеленой зоне», символизирующей социальный капитал высокого уровня. Сравнение данных за 2019, 2020 и 2021 годы показывают влияние кризисного периода, связанного с пандемией на падение социального капитала. Доля носителей высокого и относительно высокого уровня сократилась с 27% в 2019 г. до 21% в 2020 г. Именно в этот период были ограничены инвестиции в социальный капитал, свернуты коммуникации, были ограничены возможности для институализированного взаимодействия. Но получили распространение неформальные практики, особенно реализуемые через интернет. А 2021 год, когда локдаун был отменен и коммуникации стали восстанавливаться, когда общество в определенной степени адаптировалось к условиям пандемии, можно считать временем восстановления социального капитала. В 2023 году можно заметить падение уровня социального капитала до значений коронавирусного 2020 года, причиной которого могут быть глобальные события произошедшие в политике страны годом ранее. Замер, проведенный в 2024 году, дал информацию о некоторых изменениях в ключевых показателях. Группа носителей социального капитала высокого уровня сохранила свои позиции относительно предыдущего замера. Остальные группы показали некоторые изменения. Анализ данных показал некоторое сползание индекса социального капитала вниз, что привело в итоге к увеличению доли носителей минимального социального капитала, что может быть отражением сложной и даже отчасти кризисной ситуации в российском обществе, порожденном санкционным давлением и участием страны в вооруженном конфликте.

Социальный капитал традиционно связывается с большим количеством позитивных практик и проявлений. Говоря о социальном капитале жителей Вологодской области, хочется отметить его связь с такой их характеристикой, как самоощущение материального положения. Более четверти опрошенных (27%), обладающих социальным капиталом высокого уровня сообщили о как минимум хорошем материальном положении своей семьи,

для сравнения, уже в группе со средним социальным капиталом таковых оказалось 13%, а с минимальным – 4%. При этом о связи социального капитала с, например, оценками справедливости российского общества сложно сделать однозначный вывод. С одной стороны, действительно, прослеживается тенденция к увеличению доли позитивных ответов его справедливым устройстве (табл. 1). С другой стороны, даже в группе с максимальным уровнем социального капитала более трети опрошенных считают его устройство не справедливым. Более того, доля респондентов затрудняющихся дать однозначную оценку так же достаточно высока и не связана с социальным капиталом.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как бы вы оценили современное состояние российского общества: оно устроено скорее справедливо или несправедливо?» (в %, в зависимости от уровня социального капитала)

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Справедливо	8	22	35	54	44
Несправедливо	67	59	44	30	35
Затрудняюсь ответить	25	19	21	16	21

Таким образом, на примере населения Вологодской области, социальный капитал показывает себя важным элементом общественной жизни, проявления которого не всегда можно предсказать без проведения углублённых исследований. Некоторые переменные, например материальное положение и уровень образования с коррелируют с ним, о других, как показала нам оценка справедливости общества, сложно говорить столь однозначно. Подводя итоги хочется сказать, что на сегодняшний день проблема изучения социального капитала выглядит достаточно острой. Причём обосновано это не только его связью с широким спектром позитивных поведенческих практик, но и дополнительно актуализируется отсутствием единого подхода к пониманию и измерению этой переменной даже в рамках одной ветви научного знания.

1. Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе: монография / Т.А. Гужавина, Д.В. Афанасьев, К.Е. Косыгина, Ю.В. Уханова, И.Н. Дементьева, Н.Н. Ясников, Д.А. Ластовкина. Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2022. 228 с
2. Региональный социальный капитал в условиях кризиса / Гужавина Т.А. Афанасьев Д.В., Воробьева И.Н., Дементьева И.Н. и др. // Череповец: ЧГУ, 2018. 220 с

Секция 3: Экономика и общество в парадигме меняющегося мира.

ПОЖИЛЫЕ РАБОТНИКИ И ПРОБЛЕМА ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОГО ЭЙДЖИЗМА В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Ананченкова Полина Игоревна

*(Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени
Н.А.Семашко)*

Мир продолжает стареть, и эта тенденция охватывает как развитые, так и развивающиеся страны. Повышение продолжительности жизни, которое наблюдается благодаря снижению смертности среди младенцев и пожилых, привело к значительному увеличению доли старшего поколения в структуре населения. Одновременно сокращение уровня рождаемости способствует тому, что растут как средний возраст населения, так и доля пожилых людей в нем. По данным Организации Объединенных Наций, «в 2020 году доля лиц в возрасте 65 лет и старше составляла около 9% мирового населения, и, по прогнозам, к 2050 году она увеличится до 16%» [1]. И уже к середине этого века пожилые люди будут составлять 32% населения в развитых странах и 19% в развивающихся [2, 49].

В России сегодня около 19% населения — это люди старше 60 лет, и к 2030 году этот показатель может достигнуть 24% [3, 112]. Это ставит страну в ряд государств с очень высоким уровнем демографического старения. В связи с этим наблюдается сокращение трудоспособного населения и рост среднего возраста рабочей силы. «Так, с 2008 по 2012 год количество экономически активного населения в трудоспособном возрасте уменьшилось почти на 800 тысяч человек, а средний возраст экономически активных граждан за десятилетие вырос с 39 до 40 лет» [3, 113].

Пожилые работники (обычно люди старше 55 лет) составляют значительную долю рабочей силы во многих странах. По данным ОЭСР, доля пожилых работников на рынке труда в странах-членах организации в 2021 году составляла около 20%, что на 10% выше по сравнению с 2000 годом [4]. И они часто сталкиваются с проблемами, связанными с освоением новых технологий и адаптацией к быстрым изменениям на рынке труда.

Геронтологический эйджизм представляет собой предвзятое отношение к людям пожилого возраста, которое проявляется в форме стереотипов, предрассудков и дискриминации. Этот термин впервые был введен в 1969 году американским психиатром Робертом Батлером, который описал дискриминацию людей пожилого возраста как «психологическое и социальное отторжение». Геронтологический эйджизм может принимать различные формы, включая недоступность рабочих мест для пожилых людей, предвзятое мнение о их способности к обучению и адаптации к новым технологиям.

Согласно исследованию, проведенному Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в 2016 году, более 60% пожилых людей в мире сталкиваются с формами эйджизма, что негативно влияет на их физическое и психическое здоровье [5]. Проблема эйджизма не только ограничивает возможности пожилых работников на рынке труда, но также приводит к их социальной изоляции и снижению качества жизни.

Стереотипы о пожилых работниках, такие как предположение о том, что они менее производительны или не могут осваивать новые технологии, значительно влияют на их занятость. По данным исследования, проведенного Harvard Business Review в 2020 году,

55% работодателей признаются в том, что они предпочтительно нанимают молодежь, считая, что она более гибкая и инновационная [6].

Эти стереотипы приводят к тому, что пожилые работники часто оказываются в невыгодном положении при конкуренции за рабочие места. Например, исследования показывают, что пожилые кандидаты сталкиваются с повышенной вероятностью отказа в трудоустройстве по сравнению с их молодыми коллегами. Данные, собранные Центром по изучению старения в университете Кембриджа, показывают, что пожилые кандидаты получают на 20% меньше предложений о работе, чем молодежь.

Карьерное развитие пожилых работников может быть значительно ограничено из-за проявлений геронтологического эйджизма. Стереотипы о том, что пожилые работники менее энергичны, не способны осваивать новые навыки или не имеют актуальных знаний, становятся серьезным препятствием для их профессионального роста. Исследование, проведенное исследовательским центром Pew Research в 2019 году, показало, что 59% пожилых работников считают, что их возраст негативно влияет на их шансы на получение повышения по службе [7].

В результате пожилые работники часто не получают возможности участвовать в важных проектах, которые могут привести к повышению, и исключаются из программ профессионального развития. Это создает ощущение социальной изоляции и снижает мотивацию к работе, что, в свою очередь, негативно сказывается на общем уровне производительности в организации.

Компетенции пожилых работников могут быть достаточно разнообразными и включают как традиционные профессиональные навыки, так и межличностные компетенции, такие как управление и командная работа. Однако в условиях современных технологий и цифровизации многие традиционные навыки теряют свою актуальность. Исследования показывают, что около 40% пожилых работников испытывают трудности с освоением новых технологий, таких как работа с программным обеспечением или цифровыми платформами [8, 164]. Это особенно актуально в отраслях, где инновации происходят быстро и требуют регулярного обновления навыков.

Статистические данные показывают, что пожилые работники имеют более низкие показатели участия в программах повышения квалификации по сравнению с молодыми сотрудниками. По данным Eurostat, в 2021 году в странах Европейского Союза только 18% работников старше 55 лет участвовали в программах дополнительного профессионального образования, по сравнению с 45% среди работников в возрасте от 25 до 45 лет [9]. Это создает дополнительную нагрузку на работодателей, которые должны обеспечивать условия для повышения квалификации старших сотрудников.

Кроме того, пожилые работники чаще сталкиваются с дискриминацией на рынке труда из-за возрастных стереотипов. Это может проявляться в ограничении их карьерных возможностей или в меньшем доступе к программам профессионального развития. Несмотря на наличие опыта, пожилые работники часто сталкиваются с барьерами при получении доступа к образовательным программам, особенно в технологических сферах.

Проявления геронтологического эйджизма влияют не только на индивидуальные карьерные траектории, но и на рабочую атмосферу в целом. Проблемы дискриминации могут создать токсичную среду, где пожилые работники чувствуют себя недооцененными и игнорируемыми. Это может привести к ухудшению отношений между поколениями в команде, возникновению конфликтов и снижению общей продуктивности.

Исследования показывают, что геронтологический эйджизм имеет негативные последствия как для работников, так и для организаций. Например, исследование, проведенное Американской ассоциацией пожилых людей (AARP) в 2018 году, показало,

что 78% пожилых работников сталкиваются с предвзятым отношением на рабочем месте [10]. Эти данные подчеркивают важность решения проблемы эйджизма для создания инклюзивной рабочей среды.

Другие исследования, такие как работа, проведенная Институтом исследований труда в Германии (IZA) в 2020 году, указывают на то, что организации, которые активно борются с эйджизмом и создают программы по поддержке пожилых работников, показывают более высокие показатели удержания и производительности труда.

Проблема геронтологического эйджизма требует комплексного подхода, включающего создание стратегий, направленных на повышение вовлеченности пожилых работников в рабочий процесс. Вовлеченность пожилых сотрудников не только улучшает их качество жизни, но и приносит значительные выгоды для организаций, включая повышение производительности, снижение текучести кадров и улучшение атмосферы в коллективе. В данной главе будут рассмотрены ключевые стратегии, которые могут помочь организациям преодолеть предвзятости и эффективно интегрировать пожилых работников в свои процессы.

1. Доклад ООН о стареющем мире 2023. URL:<https://www.eurasian-research.org/publication/united-nations-report-on-ageing-world-2023/?lang=ru> (дата обращения: 7.09.2024 г.).
2. Statistiska centralbyrån. *Employment of Older Workers in Sweden: Trends and Statistics*. Swedish Central Bureau of Statistics, 2021. P.49.
3. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года (статистический бюллетень). – М.: Росстат, 2022. С.112-113.
4. *Adult Education and Lifelong Learning: Age Group Analysis*. Eurostat Database, 2021. URL:<https://ec.europa.eu/eurostat/ageingworkforce> (дата обращения: 1.09.2024 г.)
5. Эйджизм — глобальная проблема. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/18-03-2021-ageism-is-a-global-challenge-un> (дата обращения: 18.10.2023 г.).
6. Rikleen S. *What Your Youngest Employees Need Most Right Now*. URL:<https://hbr.org/2020/06/what-your-youngest-employees-need-most-right-now> (дата обращения: 18.10.2023 г.).
7. Fry R., Braga D. *The growth of the older workforce*. URL:<https://www.pewresearch.org/social-trends/2023/12/14/the-growth-of-the-older-workforce/> (дата обращения: 18.10.2023 г.).
8. Connell J., Nankervis A., Burgess J. *The challenges of an ageing workforce: an introduction to the workforce management issues*. *Labour & Industry: a journal of the social and economic relations of work*, 2015. P.164.
9. *Adult Education and Lifelong Learning: Age Group Analysis*. Eurostat Database, 2021. URL:<https://ec.europa.eu/eurostat/ageingworkforce> (дата обращения: 1.09.2024 г.).
10. *Older Americans report higher levels of age discrimination in the workplace, but it's getting harder to prove in court*. URL:<https://www.businessinsider.com/cost-of-inequity-age-discrimination-costs-economy-billions-2021-6> (дата обращения: 18.10.2023 г.).

КОНЦЕПТЫ “НАРОДНОЙ ЭКОНОМИКИ” И “ЖИЗНЕННЫХ МИРОВ” В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ XXI ВЕКА

*Андреанова Елена Владимировна
(Тюменский государственный университет;
Западно-Сибирский филиал ФНИЦ РАН)*

*Давыденко Владимир Александрович
(Тюменский государственный университет)*

Экономическая социология XXI века вновь стала занимать одно из центральных мест среди академических дисциплин, связанных со значимыми интенциями социально-экономической политики, с ясным пониманием того, что основополагающее значение для современного общества имеет репрезентация социальных связей между экономикой и государством. В представляемом контексте получила значение социология собственности, которая имела свои предтечи у К. Маркса, продолжает развиваться в Санкт-Петербургской школе экономической социологии, начиная с работ В.Я. Ельмеева и его учеников [1-3]. Было показано, что важны взаимосвязи между экономикой, политикой и государством, которые коренятся в коллективных аспектах использования материальных ресурсов, предполагающих координацию действий людей в результате разделения труда, требующих многоуровневых организационных механизмов и структур управления. Организация этой сферы зависит от того, каким образом цели и интересы различных индивидов и групп соотносятся друг с другом, и от ограничений, накладываемых материальной сферой на их достижение. Предмет связи между экономикой, политикой и государством традиционен, и по-прежнему взят на вооружение современной политической экономией [4], однако у экономической социологии XXI века имеются свои собственные существенные дополнения.

В последнее время изданы хэндбуки, монографии, статьи, раскрывающие новые подходы современной экономической социологии [5, 7-10]. Не имея возможности описывать их подробно, отметим, что для экономики как науки и практики приобретают решающие значения такие понятия, как нормы, ценности, доверие, власть. Они взаимозависимы, и нет явной последовательности, в которой должны анализироваться, давая приращения знания.

В качестве примера такого рода обратим внимание на перспективный конструкт “народной экономики”, разработанный Ричардом Сведбергом, отталкивающимся от веберовского подхода переоценки ценностей: “Влияние ценностей (и свобода значения) различается в зависимости от того, где они могут быть найдены: на бумаге, в голове социолога или в его действиях”. Делается акцент на феноменологической социологии, которая предоставляет “важные строительные камни для теоретической перспективы” [9, 27]. Однопорядковый конструкт “жизненных миров”, созданный Юргеном Хабермасом, связанный в терминах теории действия с объективацией как перехода из точки зрения участника к точке зрения наблюдателя, позволяет проводить конструктивные переосмысления (рефлексии) относительно базисных оснований акторов экономики социальной жизни и на этой основе проводить анализ многих ныне действующих современных подходов. Актуальность новых системных концепций общества посредством процедур методологической объективации “жизненных миров” он пояснил потребностью “сдвигом перспективы”: “Подобно теории стоимости, это обоснование получило признание в формате концептуальной экспликации, которая объяснила, что значит для символического воспроизведения жизненного мира, когда коммуникативное действие,

например, заменяется управляемым медиа взаимодействием, или когда язык (речь) в его функции координации действий заменяется такими медиа, как деньги и власть” [6, 374]. В этом научном контексте приобретает свою злободневность парадигма народной экономики в том, что она “имеет своей задачей анализировать и объяснять, как люди видят экономику и как она работает; какие категории они используют при этом; и какое влияние это оказывает на экономику и общество”. Тем самым, была предложена новая теоретическая основа “для анализа народных экономических вопросов, сосредоточенная на различии между эпистемой и доксой, или между научным знанием, с одной стороны, и повседневным знанием, с другой. Затем это применяется к исследовательскому исследованию роли, которую народная экономика сыграла в президентской кампании Дональда Трампа. Показано, что он и его избиратели думали параллельно по ключевым экономическим вопросам, особенно протекционизму” [9, 1]. Точка зрения Сведберга состояла в том, что “народная наука представляет собой особый тип знаний, который не следует приравнивать к невежеству. Это форма знаний, которая может быть полезна для понимания мира; и она сама по себе имеет особую ценность, даже если она не такая же, как наука” [9, 5]. Концепты “народной экономики” и “жизненных миров” в этом пункте пересекаются, образуя единое концептуальное поле, объясняющее возможности не только адекватной оценки, но и точных прогнозов. Эту тему “нужно превратить в интересную область изучения, не сводя ее к невежеству людей ... смысловые единицы, составляющие образ мышления людей, а также категории, которые являются центральными для этих значений, становятся основным объектом исследования. Представляет интерес содержание этих единиц значений, а также то, как они связаны друг с другом в более крупные наборы значений. То и другое должно быть должным образом концептуализировано и установлено эмпирически” [16, 9].

Реализуя эту методологию, Сведберг пришёл к неожиданному выводу: несмотря на то, что “Трамп развивал идеи, которые резко отклонялись от общепринятой экономической мудрости, и представлял свой собственный взгляд на то, как работает экономика”, однако “многие избиратели Трампа согласились с его общим образом мышления по экономическим темам” [9, 24]. По сути дела, отождествляя “жизненный мир” Трампа и “жизненные миры” своих избирателей, Сведберг пришёл к заключению, что они идентичны по ключевым параметрам. “Эпистема экономистов-академиков”, презирующая академические познания Трампа, пришла в противоречие с “народной экономикой”, а это послужило реальным основанием его победы на президентских выборах 2016 г. Особое значение имеет здесь феноменологическая дефиниция *интерсубъективность*, означающая социальную общность, конкретную совокупность людей, обладающих сходством установок и схожестью воззрений, имеющих обобщенный опыт представления и “тот тип знаний, который возникает, когда люди вовлекаются в практические вопросы в своих сообществах” [9, 26]. Скорее всего, сам Трамп не знал науки “народной экономики”, однако он интуитивно её чувствовал. Он также всецело опирался на экспертные знания мониторинга информации на различных платформах и в социальных сетях с привлечением технологий искусственного интеллекта, обеспечивающие “наблюдение на расстоянии”, когда данные извлекаются на основе сложной системы электронной записи. Как доказал Энтони Эллиотт, Дональд Трамп привлёк Александра Когана, психолога Кембриджского университета, для тотального изучения ценностей (аналога жизненных миров) американских граждан с целью разработки способов воздействия на них (по типу параметров “народной экономики”). Коган “извлекал данные из онлайн-профилей Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ) через разработанное приложение – якобы для академических целей ... но позже выяснилось, что именно эти данные позволили предвыборному штабу Трампа победить в

голосовании коллегии выборщиков” [5, 12]. “Народная экономика” и “жизненные миры” Трампа и его избирателей помогли им выиграть выборы в президенты США.

Современные западные экономические социологи отмечают традиционные темы в рамках концептуальных оснований “стыка” между экономикой, политикой и государством, а именно: это лица элит, состав и отношения между группами, владеющими собственностью, секторами этих владельцев и отличающимися социальными различиями кругами, их ролью как в общественной жизни, так и в истории страны. Мариана Эредиа в ставшей знаменитой её книги среди экономических социологов и экономистов мира [8] провела смелый анализ современной Аргентины, отвечая на главный вопрос: “Почему одержимость богатыми не способствует борьбе с неравенством?” Она представила новую стилистику экономической социологии XXI века, отличающейся эмпирической последовательностью, аналитической строгостью и научным мужеством. Ею было продемонстрировано, что многие публичные дискуссии, политические меры и социальные представления об элитах, на самом деле, и неверны, и неэффективны. Эредиа показала, что страна, считающая себя эгалитарной (равноправной), причины своих несчастий и разочарований часто находит в элите – благополучных слоях населения. Возникает вопрос: почему “критические дискурсы” берут верх над профессиональными исследованиями, представляя черты и поведение меньшинств, обладающих богатством, властью и престижем. Проводя своё исследование, Эредиа выдала новые блестящие алгоритмы с точки зрения современной экономической социологии. Изучая состав элит, она отмечала как их социальное и материальное разнообразие, так и постоянное обновление. “Олигархи” и “национальные буржуа” достигли своих высот, благодаря защите и привилегиям, предоставляемым государством, защитой их от конкурентов и неформальных дел. Эредиа доказала, что понятия “олигархи” и “национальная буржуазия” игнорируют центральную роль, которую в экономических элитах играют более поздние состояния, построенные новыми персонажами в соответствии с преобразованиями капитализма, представила убедительные данные, которые продемонстрировали полную неадекватность представлений, циркулирующих в традиционных знаниях и публичных дебатах, следствием чего стали ошибочные диагнозы в политике и, что ещё хуже, в способах функционирования элит. Границы “привилегированных” гибки и различны в зависимости от того, к каким аспектам социальной жизни они относятся, и сопряжены с распределением благосостояния и неравенства в плане проживания, здоровья, образования, культуры. Средние классы, будучи в двадцатом веке продуктом общества с интегрирующим потенциалом и государства с универсалистской политикой, стимулировавшей эту интеграцию, в настоящее время стала результатом инверсии или полного исчезновения этих классов как социальных феноменов.

Вывод: исходя из цели тезисов – внести авторские вклады в продолжающиеся дебаты в области предмета и объекта современной экономической социологии, были обозначены эпистемологические и методологические допущения и эвристические возможности нового теоретического категориально-понятийного аппарата на основе конструкторов “народной экономики” и “жизненных миров”.

1. Веселов Ю.В., Кашин А.Л. (ред.) / *Экономическая социология: теория и история.* — СПб.: Нестор-История, 2012. — 770 с.

2. Ельмеев В.Я., Тарандо Е.Е. / *Проблемы труда и собственности в экономической социологии.* — СПб.: СПбГУ, 2009. — 191 с.

3. Тарандо Е.Е. *Социология собственности: от идей К. Маркса к петербургской школе экономической социологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, 2018. — Т. 11. Вып. 1. — С. 20-31.*

4. Cardinale, I., Scazzieri, R. (2018). *Political Economy: Outlining a Field*. *The Palgrave Handbook of Political Economy*. Publisher: Palgrave Macmillan. 1-28 pp.
5. Elliott, A. (2022). *The complex systems of AI: recent trajectories of social theory*. *The Routledge Social Science Handbook of artificial intelligence*. Publisher: Routledge. 3-16 pp.
6. Habermas, J. (1985, March 1). *The Theory of Communicative Action, Volume 2: Lifeworld and System: a Critique of Functionalist*. Publisher: Beacon Press. 457 p.
7. Maurer, A. (2022). *New Theoretical Approaches, Empirical Studies and Developments*. *Handbook of Economic Sociology for the 21st Century*. Publisher: Springer. 316 p.
8. Heredia, M. (2022). *El 99% contra el 1%? Por qué la obsesión por los ricos no sirve para combatir la desigualdad*. Buenos Aires: Siglo XXI Editores. 238 p.
9. Swedberg, R. (2018). *Folk economics and it's role in Trump's presidential campaign: an exploratory study*. *Theory and Society*, 47. 1-36 pp.
10. Schrank, A. (2023). *The Economic Sociology of Development*. Publisher: Polity. 200 p.

ВЛИЯНИЕ РЫНОЧНОЙ СИСТЕМЫ НА ЧЕЛОВЕКА

Арслан Мэрт Айтекинович

(Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов)

Аннотация: Ещё в XX веке Э. Фромм ввёл понятие общества потребления, которое остаётся актуальным до сих пор. Современная рыночная экономика ведёт к бесконечному потреблению, дегуманизации и отчуждению человека. Что в свою очередь является причиной депрессии, тревоги и несчастья. Тогда как снятие отчуждённости возможно лишь благодаря коренным изменениям экономической системы.

Ключевые слова: Социальный характер, отчуждение, общество потребления, бытие, гуманизм, потребление, рыночная экономика.

Современный человек оказался в условиях развивающийся капиталистической экономики и глобализации. Ему доступен любой товар, который можно заказать, не вставая с постели. Современное несчастное и тревожное общество (по сообщениям ВОЗ, тревожные расстройства – самые распространённые психические расстройства [1] [2, с. 33] стремится лишь к максимальному потреблению и развлечению [3]. По прогнозам ВОЗ к 2030 году депрессия займёт первое место по заболеваемости [4]. Но как так вышло? "Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание" [5, с. 7]. Общественное бытие – способ производства и обмена товарами, экономика соответствующей эпохи [6, с. 278-279]. Таким образом, первопричина положения человека – современная капиталистическая экономика.

В типологии социальных характеров Э. Фромма введён рыночный тип. При данном типе главной ценностью является цена: люди стараются продать себя как можно дороже и человек стал таким же товаром. "Успех зависит, по большей части, от того, насколько хорошо человек умеет продать себя на рынке" [7, с. 381]. Это приводит к тому, что человек начинает относиться к себе как к товару, что влияет на самооценку, Я-образ и состояние в целом. Подобное положение ведёт к определению поведения человека, а именно к стремлению поддерживать себя в "товарном виде" и быть постоянно ценным. Следствием этого являются: нестабильная самооценка вплоть до чувства собственной ничтожности, утрата чувства идентичности (отчуждённости от самого себя и человечества), дегуманизации человеческих взаимоотношений (отношение к другим лишь как к товару), ориентация на накопительство, чувство внутренней пустоты, тревога и депрессия, утрата смысла жизни [7, с. 379-394].

Человек стал товаром, но кроме товара он стал бесконечным потребителем. Ещё в начале XX века Э. Фромм назвал современное ему общество "обществом потребления" [8, с.105]. И спустя век данное понятие остаётся актуальным [9]. Современный индивид стремится к бесконечному и бесконтрольному потреблению товаров. Производители стремятся как можно сильнее удовлетворить всё растущие потребности и создают всё больше и больше товаров, что сильнее истощает ресурсы планеты. Причём остаётся множество излишков, которые утилизируются, тогда как часть населения планеты находится за чертой бедности и остро нуждается в этих товарах. "Потребитель – вечный младенец, требующий соски" [2, с. 53]. Э. Фромм в ориентации на потребление видит попытку инкорпорирования, когда человек, потребив вещь, навсегда становится её владельцем. Это – попытка поглотить весь мир. Потребление позволяет снизить чувство тревоги и отчуждённости, но приводит к усилению потребления [2, с. 52-54].

Главная проблема современного бытия заключается не в тревожности, депрессии, потреблении и рыночной ориентации, а дегуманизации или отчуждённости. Отчуждённость – процесс вытеснения из действительности, утрата предметности,

закабаление предметом и становление частью предмета [10, с.30м]. Данное понятие введено К. Марксом ещё в 1844 году, что означает утрату человеком самого себя, связи со своим трудом, полную дегуманизацию и неудовлетворение всех потребностей. В современном обществе индивиду легче удовлетворить свои потребности и если рабочие во времена Маркса это делали с большим трудом, то сейчас многие люди дошли до противоположного – бесконечного потребления. Тем не менее человек оторван от себя и человечества (или родового бытия) [11, р. 11-21]. Люди вкладывают большие силы в жизнь в рыночном обществе, но тем меньше у них остаётся сил и тем больше они принадлежат этому бытию [10, с.31]. "Отчуждение – вот участь отдельного человека при капитализме. Под отчуждением я понимаю такой тип жизненного опыта, когда человек становится чужим самому себе. Он как бы "отстраняется", отделяется от себя. Он перестает быть центром собственного мира, хозяином своих поступков; наоборот – эти поступки и их последствия подчиняют его себе, им он повинуется и порой даже превращает их в некий культ" [12, с. 230].

Возможно ли снятие отчуждения? "... в феномене отчуждения прежде всего речь идет о чем-то бытийном" [13, с. 265]. Ответ заключается в изменении самого бытия человека. Когда человечество начнёт рационально регулировать своё производство, дабы производство было под контролем человека, а не наоборот, при адекватных затратах на производство и в гармонии с человеческой природой. Для улучшения положения человека важна гуманизация всего экономического процесса, а целью всех общественных изменений должно стать благо человека [2, с.173-178]. У Э. Фромма одним из типов социального характера является плодотворный: "Плодотворность означает, что человек воспринимает себя как воплощение своих сил и как «творца»; что он ощущает себя единым со своими силами и в то же время что они не скрыты и не отчуждены от него" [8, с. 397]. Данный тип является противоположностью рыночного и свободен от отчуждения. Он возможен лишь благодаря своей созидательной и самокатуализирующейся природе, что достижимо при смене ориентации с потребления и "рыночности" на указанные выше [8, с. 394-406]. "... социальное преодоление отчуждения может совершиться только в актах отдельных людей в их повседневной жизни. Но это ничего не меняет в первичной роли социального момента, а только указывает на то, как сложно обстоит дело и здесь, как взаимопереплетены здесь разные моменты отчуждения — одни, действующие на отдельных людей и другие — на общество в целом" [13, с. 255]. Поэтому без преобразования бытия человечества полное снятие отчуждения невозможно.

Данная работа позволяет прийти к выводу о наличии коренных общественно-экономических проблем, негативным образом влияющих на человека. Современная рыночная экономика обуславливает общество потребления, что в свою очередь приводит к увеличению количества тревожных, депрессивных и отчуждённых людей, пытающихся спастись в бесконечном потреблении и самореализации (в смысле продаже) на рынке, но лишь ухудшающих своё положение. Главная проблема заключается в отчуждённости человека, снятие которого возможно лишь при гуманизации общественно-экономических отношений.

1. *Тревожные расстройства [Электронный ресурс] // Глобальный веб-сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/anxiety-disorders> (Дата обращения: 08 октября 2024 года)*
2. *Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни. Москва: Айрис-пресс, 2004. 384 с.*
3. *Фромм Э. Искусство любить. Москва: Издательство АСТ, 2023. 256 с.*

4. *The global burden of disease : 2004 update* [Электронный ресурс] // Глобальный веб-сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241563710> (Дата обращения: 08 октября 2024 года)
5. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. 771 с.
6. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 20. 771 с.
7. Фромм Э. *Бегство от свободы. Человек для любви*. Москва: Издательство АСТ, 2006. 571 с.
8. Мирошина Е. Ю. *Общество потребления: критика и пути преобразования* // Известия Тульского государственного университета 2017. №2. С. 105-112.
9. *Россия превращается в общество потребления* [Электронный ресурс] // Российская Газета. URL: <https://www.rg.ru/2005/03/15/torgovlya.html> (Дата обращения: 08 октября 2024 года)
10. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. Москва: Политиздат, 1974. Т. 42. 536 с.
11. Jaeggi R. *Alienation*. New-York: Columbia University Press, 2014. 304 p.
12. Фромм Э. *Человек Одинок* // Иностранная литература 1966. № 1. С. 230-233.
13. Лукач Д. *К онтологии общественного бытия*. Москва: Прогресс, 1991. 412 с.

УГРОЗЫ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Богданов Игорь Яковлевич
(Объединенный центр социологии и экономики знания
Института социологии ФНИСЦ РАН)

Зайченко Ольга Викторовна
(Объединенный центр социологии и экономики знания
Института социологии ФНИСЦ РАН)

Россия всегда вызывала беспокойство - почему-то не хочет подчиняться и делать то, что прикажут.

Прошла Великая Отечественная Война и началась «холодная война».

Были позорные годы развала великой страны и, казалось, что так будет всегда.

В Германии на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году Президент России Путин В.В. объявил, что мир изменился. Этот факт нужно признать и принять.

Сформировались новые передовые и успешные государства, которые хотят и могут жить по своим законам. В докладе отражены угрозы этим странам, вследствие возрастания их экономической мощности и укрепления независимости.

Прошло 10 лет напряженной и глубоко продуманной работы. Сегодня уже нельзя не признать успехи интеграционного содружества в границах ЕАЭС [1] и ЭПШП [2].

Концепция межгосударственного доверия и обеспечение безопасности, экономическое развитие, в том числе создание единых свободных зон, единых транспортных коридоров и многое другое.

В работе подробно дан анализ макро эффективности совместной работы этих межгосударственных организаций для обеспечения социального развития и экономической безопасности России.

1. «Евразийский экономический союз» (ЕАЭС) – особая экономическая зона, в состав которой входят пять стран: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация.

2. "Экономический пояс Шелкового пути" (ЭПШП) - проект по формированию единого евроазиатского торгово-экономического пространства и трансконтинентального транспортного коридора.

УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ЯРГУ ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА)

*Буданова Вероника Витальевна
(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)*

*Овчинникова Наталья Владимировна
(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)*

Аннотация: в статье представлены данные авторского социологического исследования об установках студенческой молодежи на занятие предпринимательской деятельностью. Выделены сложности, с которыми сталкиваются студенты. Представлены рекомендации по поддержанию положительной установки студенческой молодежи относительно открытия своего бизнеса в будущем.

Ключевые слова: предпринимательство, установки, студенческая молодежь

В современной экономике России наблюдается устойчивая тенденция к развитию молодёжного предпринимательства. Молодёжь, как наиболее активная и динамичная часть населения, играет ключевую роль в развитии экономики страны, как на национальном, так и на региональном уровнях. Их предпринимательская активность может стать мощным драйвером экономического роста и инновационного развития [2].

Молодёжь обладает уникальными качествами, такими как энергия, креативность и желание изменить мир, что делает их идеальными кандидатами для создания новых бизнесов и реализации инновационных идей. Кроме того, молодёжь более открыта к новым технологиям и готова к риску, что позволяет быстрее адаптироваться к изменяющимся условиям рынка.

Развитие молодёжного предпринимательства может иметь значительные положительные эффекты для экономики России, такие как: создание новых рабочих мест и уменьшение уровня безработицы; увеличение налоговых поступлений и стимулирование экономического роста; развитие инновационной экономики и увеличение конкурентоспособности страны; формирование нового поколения предпринимателей, которые будут способствовать развитию экономики в будущем [1].

В последние годы в России наблюдается рост интереса к предпринимательству среди студентов. Согласно опросу Всероссийского центра общественного мнения, проведенного в 2023 году, молодёжь в возрасте 18-24 года относится к предпринимателям положительно (99%) и интересуется предпринимательской деятельностью (73%) [4]. Однако вопрос о готовности молодых людей создавать свой бизнес в ближайшем будущем остается открытым. Для выявления установок молодежи на занятие предпринимательской деятельностью было проведено авторское социологическое исследование методом анкетирования среди студентов ЯрГУ им. П.Г. Демидова. В опросе приняли участие 94 студента, среди них 71 девушка и 29 юношей.

В ходе исследования выявлено, что 69 % опрошенных студентов хотели бы заняться предпринимательской деятельностью, 16 % не определились в своём мнении, 12 % не хотели бы заниматься предпринимательской деятельностью и 3 % уже имеют собственный бизнес.

Респонденты, которые не хотят открывать своё дело или сомневаются в своём решении, отметили, что причинами тому являются неуверенность в собственных силах (42%), отсутствие идеи (31%) и отсутствие финансовых средств (27%). Из тех, кто хотел бы

заниматься бизнесом, 29 % хотели бы заниматься «бизнесом в сфере потребительских услуг» и 29 % «бизнесом в сфере торговли». Следующими были выбраны туристическая сфера – 17 %, бизнес связанный с недвижимостью – 11 % и информационные технологии – 7 %, сельское хозяйство 3 %, промышленность и банковское дело (по 2 %). Можно предположить, что это связано с количеством вложений в открытие своего дела, так как работа в сфере потребительских услуг и торговли не требует больших капитальных материальных затрат и большого числа персонала. Это говорит о том, что молодые люди реально оценивают свои ресурсы и взвешенно планируют будущую предпринимательскую деятельность.

Результаты опроса также показали, что на предпринимательские намерения студентов влияет фактор наличия знакомых, занимающихся предпринимательством: 35% студентов, у которых есть предпринимательские родственники, четко определяют свое желание открывать бизнес. Следует отметить, что влияние данного фактора подчеркивается и в результатах опроса Всероссийского центра общественного мнения (ВЦИОМ): «предпринимательский дух выше у тех, кто знает о ведении бизнеса не понаслышке: среди имеющих в окружении предпринимателей каждый третий хочет пойти по их стопам (33% vs. 16% в группе без таких знакомых)» [4].

Опрашиваемые уверены в том, что открыть свое дело сложно, однако респонденты, согласившиеся с этим, все равно хотят приумножить свои знания и заниматься предпринимательством. Большинство молодых людей (84%) отметили, что им хотелось бы улучшить имеющиеся знания и получить опыт, но они не обладают достаточной для этого информацией.

На вопрос, есть ли бизнес-идея, которую вы можете реализовать, 51 % студентов ответили положительно, но отметили, что на данный момент не знают, как реализовать собственную бизнес-идею. Отсутствие бизнес-идеи отметили 45 % опрошенных. И только 4 % отметили, что реализуют свою идею в настоящее время.

Студенты связывают образ успешного предпринимателя, прежде всего, с достижением высокого уровня профессионализма, так отметили 68 % опрошенных. Богатство, материальное благополучие и воплощение своей мечты также являются важными признаками успешного предпринимателя, однако в глазах студентов наиболее успешными представителями малого бизнеса являются люди-профессионалы своего дела. Наблюдая за успешными предпринимателями в своем окружении молодежь чаще высказывает готовность к открытию своего бизнеса.

По результатам опроса можно сделать вывод о том, что молодежь задумывается о собственном бизнесе как об источнике доходов для достижения финансового благополучия и высокого статуса. Однако молодые люди сталкиваются с рядом трудностей, среди которых недостаточная информированность в вопросах открытия своего бизнеса, а также возможностях реализации собственной бизнес-идеи, с отсутствием финансовых средств. Помимо этого, сдерживающим фактором является неуверенность в собственных силах и отсутствие бизнес-идеи.

Таким образом, для того, чтобы поддерживать положительную установку молодежи к занятию предпринимательством необходимо развивать поддерживающую среду и институты, которые могли бы стимулировать развитие предпринимательского потенциала студентов и помочь им достичь успеха в своих предпринимательских начинаниях. Важно повышать уровень информированности студентов о существовании различных программ поддержки для предпринимателей, например, о Всероссийской программе по развитию молодежного предпринимательства [3] и содействию развития социального предпринимательства от Фонда «Наше будущее», благодаря которым возможно обучение

для начинающих предпринимателей, получение доступа к информационным ресурсам о предпринимательстве, участие в мозговом штурме по проработке своих бизнес-идей и формированию новых, установлению деловых связей [5].

1. Головина Т.А., Меркулов П.А., Полянин А.В. Государственная поддержка молодежного предпринимательства в России // *Экономическая политика*. – 2017. – №5. – С.42-61.
2. Максимова О.Г., Максимов Е.В., Пац М.В. Формирование готовности к предпринимательской деятельности студентов вузов экономических специальностей // *Казанский педагогический журнал*. – 2011. – № 1. – С. 21–26.
3. Меры поддержки молодых предпринимателей. Мой бизнес. URL: <https://xn--90aifddrld7a.xn--p1ai/support/vserossiyskaya-programma-po-razvitiyu-molodezhnogo-predprinimatelstva/> (дата обращения: 09.10.2024)
4. Предпринимательство в России: мониторинг / ВЦИОМ. 2023.22.05 URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 07.10.2024)
5. Фонд региональных социальных программ. URL: <https://www.nb-fund.ru/?region=sm> (дата обращения: 09.10.2024)

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСАКЦИЙ: КАК ДОВЕРИЕ И ЭКСТРАВЕРСИЯ СТАНОВЯТСЯ ВАЖНЫМИ ФАКТОРАМИ ЭКОНОМИКИ.

*Бычкова Наина Евгеньевна
(МГИМО МИД РФ)*

*Тимофеева Дарья Владимировна
(МГИМО МИД РФ)*

*Мосеев Марк Павлович
(МГИМО МИД РФ)*

Введение

В современном мире, где социальные взаимодействия пронизывают все сферы жизни, анализ социальных трансакций становится особенно актуальным. Социальные трансакции, или обмены, происходящие между индивидами и группами, не сводятся лишь к материальному аспекту – деньгам и товарам. Они охватывают широкий спектр факторов, таких как доверие, взаимопонимание, взаимодействие на эмоциональном уровне и влияние личностных характеристик, таких как экстраверсия.

Доверие представляет собой ключевой элемент в построении социальных отношений. Оно служит основой для формирования совместных инициатив, инвестиций и экономического роста. В условиях неопределенности и риска, характерных для современного рынка, высокий уровень доверия между участниками экономических процессов может значительно снизить транзакционные издержки и способствовать более эффективному сотрудничеству. Исследования показывают, что доверие не только повышает качество взаимодействия, но и усиливает устойчивость экономических систем в условиях кризисов.

С другой стороны, экстраверсия, как одна из ключевых личностных характеристик, также влияет на качество социальных трансакций. Экстраверты, обладая высокой социальной активностью и склонностью к взаимодействию, могут легко устанавливать новые связи и поддерживать существующие. Это, в свою очередь, создает более широкие сети контактов, что способствует обмену информацией и ресурсами. В экономике, где инновации и сотрудничество становятся основными драйверами развития, роль экстраверсии трудно переоценить.

Таким образом, анализ социальных трансакций через призму доверия и экстраверсии открывает новые горизонты для понимания динамики экономических процессов. Эта тема не только затрагивает важные аспекты социальной психологии, но и имеет практическое значение для бизнеса, политики и общественного развития. Исследование взаимосвязей между этими факторами может помочь в разработке эффективных стратегий управления, продвижения социальных инициатив и построения устойчивых экономических систем. Выявление этих закономерностей позволяет более глубоко осознать, как человеческие характеристики влияют на экономику и какие возможности это создает для будущего.

Методология

Данное исследование направлено на анализ влияния социального доверия и экстраверсии на экономические трансакции. В условиях, когда традиционные экономические модели все чаще пополняются аспектами социальной психологии, становится актуальным понять, как особенности личностного типа и межличностные отношения влияют на экономические взаимодействия. В рамках качественного анализа:

глубинные интервью и фокус-группы для изучения мнений и восприятия участников. В рамках количественного анализа: анкетирование с использованием шкал для оценки уровня доверия и экстраверсии участников.

Цель

Определить, как доверие и экстраверсия влияют на качество и количество социальных трансакций в экономике.

Задачи:

Изучить теоретическую литературу по социальным трансакциям, доверию и экстраверсии.

Провести количественный и качественный анализ данных.

Оценить влияние уровня доверия и экстраверсии на экономические результаты.

Результаты:

Выявление значимости доверия и экстраверсии как факторов, влияющих на экономические трансакции.

Разработка рекомендаций для предприятий, направленных на повышение доверия и использование экстравертированных стратегий в бизнесе.

Заключение

Предлагаемая методология стремится глубже понять роль доверия и экстраверсии в экономических процессах, что может быть полезным как для бизнеса, так и для дальнейших академических исследований в области экономической социологии и психологии.

УСЛОЖНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

*Валиахметов Рим Марсович
(Уфимский университет науки и технологий)*

Статья подготовлена в рамках проекта «Неформальная занятость в Регионах России: социальные риски и возможности» (РНФ 23-18-00775).

Аннотация. В статье анализируется социальная структура населения в контексте новых форм занятости и кардинальных социально-экономических трансформаций в российском обществе. Особое внимание уделено количественным и качественным структурным сдвигам в социально-трудовой, образовательной и социально-профессиональной сферах. Анализ научных публикаций, законодательных инициатив и реальной практики в вышеназванных сферах свидетельствуют о существенном усложнении социальной структуры общества, что находит отражение в соответствующих показателях его развития и социальном поведении населения.

Ключевые слова: социальная структура, занятость, новые формы занятости, платформенная занятость, самозанятость, усложнение социальной структуры, трудоспособное население, образование.

Радикальные преобразования общественной жизни отличаются сложностью и противоречивостью процессов, они непосредственным образом влияют на функционирование и развитие всех основных социальных структур и институтов. Фундаментальные изменения происходят и в социальной структуре российского общества, они имеют всеобщий характер. В зависимости от характера и масштабов этих изменений они по-разному называются и интерпретируются исследователями. Т. И. Заславская пишет о социетальной трансформации российского общества [1]. Голенкова З. Т. – о трансформации социальной структуры и стратификации российского общества [2]. Н.Е. Тихонова - о сохранении ресурсных позиций и классовых различий, углублении социального неравенства, в т.ч. в сфере занятости [3]. Усложнение социальной структуры общества стал отдельной темой обсуждений на одной из экспертных сессий Гайдаровского форума в 2019 г. «Первым риском трансформационных явлений в социальной структуре» были названы усложнение структуры общества и политические последствия социально-экономических реформ [4].

Применительно к теме нашей статьи большой интерес представляют исследования и публикации Ж. Т. Тощенко «о новом явлении в социальной структуре общества», под которым имеется ввиду, прежде всего, прекарная занятость [5;6;7]. Новые виды занятости, включая неустойчивые (прекаризованные) ее формы и платформенную занятость, а также самозанятых, фрилансеров и т.д. достаточно активно изучают в последнее время целый ряд авторов, в т.ч. Бобков В.Н., Черных Е.А. [8], Баймурзина Г.Р., Попов А.Н.[9], Стребков Д.О., Шевчук А.В.[10], Синявская О.В., Бирюкова, Е.С. Горват[11] и др. Большинство исследователей анализируют занятость в контексте современных социально-экономических вызовов и масштабных изменений на рынке труда. Процесс усложнения социальной структуры общества современные авторы включают в число основных

тенденций развития социальной структуры современного российского общества, наряду с такими явлениями, как углубление социальной и имущественной дифференциации, стирание границ между специалистами с высшим образованием и высококвалифицированными рабочими, снижение социального статуса интеллектуального труда, быстрый рост социально-территориальных различий, маргинализация общества и т.д.

По мнению Аитова Н. А., из всей совокупности видов и типов социальной структуры общества наиболее сложной является социально-профессиональная структура. [13]. Наши наблюдения и исследования подтверждают этот вывод. Более того, она продолжает усложняться и пополняться новыми и элементами и подструктурами. включает занятость населения по видам деятельности, профессии и уровню образования. В каждом из рассматриваемых нами сегментов социально-профессиональной структуры (вид деятельности, профессия, образование и т.д.) происходят существенные трансформации, влияющие на степень и масштабы усложнений социальной структуры. Они становятся еще более сложными в условиях постоянно идущих реформ и изменений в образовательной сфере. По мнению экспертов, новые информационные технологии и цифровая экономика не уменьшили, а существенно обновили «атлас профессий» и расширили виды экономической деятельности.

Процесс усложнения социальной структуры проявляется, в первую очередь, в формировании новых социальных групп и слоев, в т.ч. предпринимателей, финансистов и брокеров, IT- специалистов, менеджеров компаний, управленцев, таксистов, охранников, курьеров и т.д. На усложнение социальной структуры влияют особенности самих изменений в той или иной сфере. Например, в пенсионной системе – это реализация программы перехода на новые условия и сроки выхода на пенсию, в образовательной сфере – новые стандарты и требования к существующим уровням подготовки специалистов, в молодежной политике – повышение до 35 лет возрастного критерия отнесения к социально-демографической группе молодежи и т.д. [14].

Одним из сложных и противоречивых процессов, характеризующих усложнение социальной структуры в последние десятилетия, стало постепенное сокращение численности населения в трудоспособном возрасте. Принятие в 1919 г. федерального закона о повышении предельного возраста выхода на пенсию, отчасти решил эту проблему в правовом и экономическом смыслах, но усложнил в социальном и демографическом аспектах. В настоящее время фактически уже сформировалась особая социально-демографическая группа «новых трудоспособных россиян», которые совсем недавно входили в группу старше трудоспособного населения, но сегодня вынужденно продолжают работать в соответствии с новыми границами пенсионного возраста. Образовавшийся феномен «новых трудоспособных россиян» с особенностями их физического здоровья, социального самочувствия, жизненного опыта и т.д., является наглядным примером и подтверждением усложнения социальной структуры российского населения.

1. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. – М.: Дело, 2002. 568 с.
2. Голенкова З.Т. Избранные труды. – М.: Новый хронограф, 2014. 343 с.
3. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа Н.Е. Тихонова. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 320 с.
4. Экспертная сессия ВЦИОМ в рамках Гайдаровского форума: «Усложнение структуры общества, как тема и проблема для социально-экономической политики». 7 января 2019 г., РАНХиГС; URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=9489> (дата обращения: 01.10.2024).

5. Тоценко Ж.Т. Жизненный потенциал региона: социально-демографические проблемы современного общества (Аитовские чтения) // Сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Уфа, 10-11 декабря 2015 г.). – Уфа: АЭТЕРНА, 2015. 422 с.
6. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тоценко. М.: Издательство «Весь Мир», 2021. – 400 с.
7. Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность. Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тоценко. Москва: Издательство «Весь Мир», 2024. – 462 с
8. Бобков В.Н., Черных Е.А. (2020). Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. No 14 (2). С. 6–15. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15
9. Popov, A. and Baimurzina, G. (2024), *Critical Challenges to the Sociology of Work: From a Perspective of Russian Labor Studies*. *Sociology Compass*, 18: e70005. <https://doi.org/10.1111/soc4.70005>
10. Стребков Д.О., Шевчук А.В. (2022). Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М: НИУ ВШЭ. 528 с.
11. Синявская О.В., С.С. Бирюкова, Е.С. Горват [и др.]. (2022). Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия: аналитический доклад (2022) / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2494-7>
12. Григорян М.Э. Проблема «работающих бедных» в социальной структуре современного российского общества // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 11-6. С. 834-837.
13. Аитов Н. А. Социальная структура населения стран СНГ. – Уфа: Изд. Башкирск. ун-та, 1995. – 184 с.
14. Валиахметов Р.М. Усложнение социальной структуры населения (на примере г. Уфы) // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 5. С. 141–147.

ТЕОРИЯ РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА И НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА: КАК ВОЗМОЖЕН ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Веселов Юрий Витальевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

В 2025г. мы отмечаем 100-летие выхода в свет книги Н.И. Бухарина «Империализм и накопление капитала (теоретический этюд)». Сначала книга вышла на русском языке, а потом сразу же и на немецком в журнале «Под знаменем марксизма» («Der Imperialismus und die Akkumulation des Kapitals» // *Unter dem Banner des Marxismus*, Vienna/Berlin, 1925-6, Vol II.), для английского читателя книга стала доступной только в 1972г. и вышла она совместно с работой Розы Люксембург (Rosa Luxemburg and Nikolai Bukharin. «Imperialism and the Accumulation of Capital». Edited with an Introduction by Kenneth J. Tarbuck. London: The Penguin Press, 1972). Теоретические споры вокруг этой книги не утихают и сегодня (например, см. статью Nobumichi Sekiguchi «On Nikolai Bukharin's Interpretation of Marx's Scheme of Expanded Reproduction» // *World Review of Political Economy*. 2013. Vol. 4(2):142-157).

В чем значение этой работы и почему она актуальна и сегодня? Дело в том, что изначально Роза Люксембург в своей работе «Накопление капитала» (1913г.) поставила очень важный вопрос: как возможна реализация прибавочной стоимости при расширенном воспроизводстве (кто будет покупателем все возрастающего количества потребительских товаров в условиях экономического роста)? Ее ответ был таков: предприниматели (капиталисты в ее терминологии) не могут быть такими покупателями, поскольку они ограничивают личное потребление в пользу инвестиций; трудящиеся классы также не могут быть покупателями этого увеличивающегося количества товаров потребления, поскольку их заработная плата является издержками производства, а они в свою очередь стремятся к минимизации в условиях конкуренции, кроме того, потребление рабочих не может быть целью капиталистического производства; другие классы (так называемые третьи лица) сами не имеют прямых источников дохода и получают их только от двух ведущих классов. Значит, заключает Роза Люксембург, реализация прибавочного продукта при расширенном воспроизводстве возможна только за счет некапиталистических слоев и стран. Переводя на современный язык экономики, это означает: экономический рост не возможен в развитых странах, для реализации (продажи) все возрастающего количества товаров потребления нужны развивающиеся страны.

Книга Бухарина развивает его идеи, предложенные в работе «Империализм и мировая экономика» (1915г.). Он согласен с Розой Люксембург в том, что империализм – это определенный способ накопления капитала. Но с его точки зрения, процесс накопления капитала вовсе не требует каких-либо дополнительных (внекапиталистических) источников реализации. Экономический рост вполне возможен в самих развитых странах: во-первых, за счет потребления самих капиталистов (только не товаров потребления, а производительного потребления – это машины, оборудование, технологии и т.д.; согласно В.И. Ленину за счет этого происходит ускоренный рост «производства средств производства для производства средств производства»; во-вторых, за счет расширения потребления рабочих классов. Бухарин не согласен с Розой Люксембург в том, что потребление рабочих никогда не может быть целью капитализма, он считает такую постановку вопроса «телеологической». На деле есть всегда объективная связь между производством и потреблением, поскольку потребление рабочих есть воспроизводство рабочей силы. Для расширенного воспроизводства требуется расширенное

воспроизводство рабочей силы, это не просто потребление, а так называемое потребительное производство. В-третьих, Бухарин предвосхищает идеи, высказанные Дж.М. Кейнсом в 1930-е, об активной роли денег, которые создают эластичность в процессе реализации прибавочного продукта (роль кредита; возможность дополнительной эмиссии и т.д.)

Следовательно, заключает Бухарин, для процесса расширенного воспроизводства, реализации прибавочной стоимости, нет необходимости в некапиталистических странах и их потреблении. В терминологии С.Хантингтона «The West and the Rest» вполне могут развиваться самостоятельно, поэтому никакого «автоматического краха капитализма» и не происходит (немецкие социал-демократы считали, что когда капитализм завоюет весь мир, тогда и закончатся его экономические источники и наступит эпоха нового мира). Бухарин предполагал, что капиталистическое господство закончится гораздо раньше в процессе революционно-освободительного движения (что нас самом деле и произошло после Второй мировой войны в Китае и Индии, и многих других бывших колониальных странах). Но ни Роза Люксембург, ни Николай Бухарин, не могли предвидеть процесс деиндустриализации развитых стран, когда начиная с 1950-х гг. производство все более перемещалось в развивающиеся страны, а развитые страны становились потребителями товаров, произведенных в развивающихся странах. Именно с этим процессом связаны сегодняшние «торговые войны» между США и Китаем.

Итак, в современной глобальной экономике взаимозависимость стран друг от друга сильно упала, развитые и развивающиеся страны вполне могут существовать самостоятельно и независимо (что показывает пример России в условиях беспрецедентных экономических санкций). И теоретически (как показал Н.И. Бухарин) это возможно, и практически это реализуемо – развивающиеся страны вполне могут существовать за счет потребностей внутреннего рынка. Однако торговые войны и экономические санкции как и прежде, так и сегодня, не способствуют мировому экономическому росту, что ставит задачу формирования нового теоретического подхода к расширенному воспроизводству в современных условиях.

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА НА ПОСТРОЕНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

*Вишнякова Дарья Алексеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Уровень экономического развития, исторический опыт, политика, культура отдельной страны и ценности общества в ней будут влиять на особенности организационных культур предприятий, что, в свою очередь, на поведение работников.

Для объяснения влияния ценностей общества на построение корпоративной культуры в работе идет обращение к типологии организационных культур, разработанной Гертом Хофстеде в начале 1980-х годов, которая дает возможность раскрыть взаимосвязь между культурными ценностями и соответствующим поведением в обществе. Модель включает ключевые параметры: индивидуализм и коллективизм, дистанцию власти, мужественность и женственность, избегание неопределенности, а также ориентацию на будущее. Остановимся чуть более подробно на каждом параметре.

Дистанция власти.

Концепт определяет уровень неравенства и доступности руководства. Влияет на коммуникацию и принятие решений.

Параметр «индивидуализм – коллективизм».

Критерий «индивидуализм – коллективизм» отражает предпочтения к самостоятельным действиям или групповому сотрудничеству.

Мужественность и женственность.

Измерение описывает гендерные роли. В «мужественных» обществах ценности, связанные с целеустремленностью, уверенностью в себе и настойчивостью, занимают важное место и получают высокую оценку.

Избегание неопределенности.

Измерение позволяет оценить, насколько у людей развиты способности к быстрой адаптации к нестандартным и непредвиденным ситуациям, а также насколько они ценят устойчивость и постоянство в рамках своей деятельности.

Ориентация на будущее.

Показатель представляет собой важный критерий для оценки степени ориентации определенной культуры на перспективы будущего и способности отдельных индивидов формулировать и реализовывать долгосрочные стратегии и цели.

Наблюдается усиление влияния культуры на социально-экономические и политические процессы. Именно типология, предложенная Гертом Хофстеде, поможет выявить роль культуры и ценностей российского общества на построение организационных процессов внутри организации нашей страны.

Культурные различия будут влиять на эффективность организаций в той или иной стране. Таким образом, формирование корпоративной культуры связано с различными внешними факторами, в том числе с ценностями общества, в котором функционирует организация.

Однако, для начала стоит описать структуру ценностей Российского общества через призму теории Культурных измерений Герта Хофстеде, на основе параметров, описанных выше (График 1.)

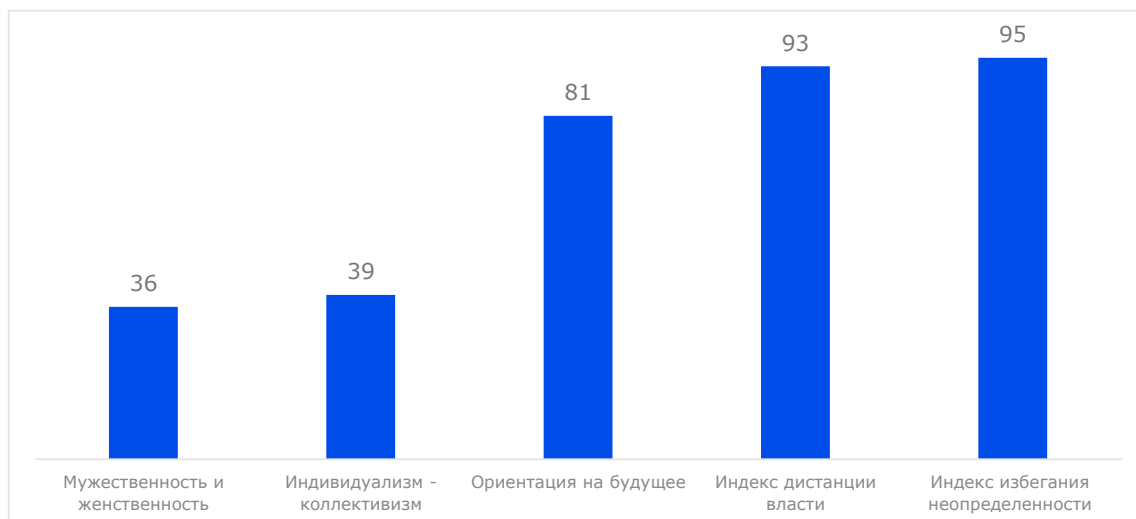

График 1. Значение показателей теории культурных измерений Г. Хофстеде. Россия

Согласно теории Г. Хофстеде, российское общество отличается следующими характеристиками и ценностями:

- Низкое значение мужественности указывает на сплоченность и ценности заботы и взаимоуважения.
- Низкий индекс индивидуализма показывает ориентированность на командную работу.
- Высокая ориентация на будущее свидетельствует о стремлении к долгосрочному развитию.
- Четкая дистанция власти указывает на иерархию в организациях.
- Высокий индекс избегания неопределенности подтверждает стремление к структурированности и традициям.

Какими характеристиками будет определяться организационная среда компаний в России, и какие ценности будут присущи ей с точки зрения теории культурных измерений Г. Хофстеде?

На основе анализа, можно сделать вывод о том, что корпоративная культура организаций в России будет определяться следующими факторами:

Четкая структура власти и управления. В компаниях будет прослеживаться четко-сформулированная вертикальная иерархия, где, скорее всего, большая часть власти будет сосредоточена на руководящих должностях.

Коллективные ценности доминируют над индивидуальными. В таких организациях люди действуют как слаженный механизм, а командная работа и сотрудничество – важные элементы рабочего процесса.

Однако, не смотря на высокую степень сплоченности, большое внимание уделяется и личности работника, его интересам, ценностям, чувствам и комфорту, личным взаимоотношениям и доверию.

Одна из целей организации – работа на перспективу и долгосрочное развитие. Структура, стратегия, управление рисками – важные аспекты при развитии компании.

РЫНОК НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИИ (СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТАП).

*Ворошнина Ева Павловна
(СПБГУ)*

С приходом большевиков к власти и отменой частной собственности в городах весь жилищный фонд стал муниципальной собственностью. Местные советы впервые в истории имели возможность определять, где и когда строить жилье, а также кто и с кем может жить. С 1917 по 1921 год была «эпоха раздачи жилья по классовому признаку», выраженная лозунгом «дворцы рабочим!». В конце октября 1917 года НКВД приняло постановление о правах городских самоуправлений в области жилищного вопроса, разрешив жилищный передел: городские власти получили право заселять нуждающихся в пустующие квартиры. Большие комнаты были разделены на «нормальные», где как правило заселялась одна семья, что привело к появлению явления «коммунальной квартиры».

Дома-коммуны, которые считались идеальным вариантом жилища, восходили к концепциям социалиста Оуэна и инженера Говарда о фаланстере. Их идеи были удачно интегрированы в большевистскую идеологию. Дома-коммуны стали формироваться в 1918-1919 годах и уже в 1922 году в Петрограде в 51 доме были организованы коммуны (Рис.1). Они представляли собой здания, способные вместить до 5000 человек, с комнатами, общей кухней на каждом этаже, библиотекой, театральным залом и прачечной. Система вертикального контроля, а именно через коменданта и различные комиссии, и горизонтального контроля позволяла выявлять различия между «общественным» и «домашним» обликом личности, и через общественное воздействие признана сформировать у каждого человека лишь одну личность, всегда доступную для контроля и наблюдения – «публичную» [4, 91].

Рисунок 1. Дом-коммуна инженеров и писателей. Адрес: ул. Рубинштейна д. 7. 1929-1931 - арх. Оль Андрей Андреевич, Иванов К. А., Ладинский А. И.

Источник: Архитектурный сайт Санкт-Петербурга. URL: <https://www.citywalls.ru>

Органы местной власти, не в состоянии эффективно управлять жилищным фондом, отказывались от монополии на его управление, передавая ответственность за него гражданам. Так, в конце 1921 года в Советской России появились «жилищные товарищества», а с конца 1924 года – «жилищно-арендные кооперативные товарищества» – «жакты», которые становились коллективными арендаторами жилых домов у городских властей (Рис. 2).

Рисунок 2. Членская книжка №44 члена товарищества Арбузова Алексея Михайловича. Выдана 1 апреля 1930 г.

Источник: Библиофил URL: <http://bibliofilspb.ru>

Рабочие, зарегистрированные безработные и члены семей красноармейцев платили самую низкую ставку, в то время как лица, получавшие доходы от «нетрудовых» источников (например, торговцы, комиссионеры), представители свободных профессий (фотографы, врачи, адвокаты, имевшие свою клинику) и ремесленники-кустари, оплачивали самую высокую ставку. Для определения социального статуса жильцов управления требовали предоставления справок о месте работы и доходах. При такой системе те, кто платили по самым высоким ставкам, считались привилегированными и «выгодными» жильцами.

О торговле жилой площадью постоянно писалось в советской прессе. В марте 1923 года в газете «Красная газета» Петроградского Совета сообщалось, что активно торговались квартирами, и объявления вроде «продаётся мебель и квартира» открыто публиковались (Рис.3). Обычно такая продажа происходила «по знакомству» и осуществлялась искусно. Продавец регистрировал покупателя к себе под видом родственника или жильца, и они жили вместе в течение 2-3 недель, после чего продавец выписывался и уезжал с деньгами. Новые жильцы вели себя тихо и регулярно оплачивали квартплату. Когда домоуправление понимало, что квартира освободилась, но в ней уже живут новые жильцы без их согласия, оно не понимало, что делать, и спекулянты использовали эту беспомощность. Следовательно, квартиры никогда не освобождались для тех, кто ожидал улучшения жилищных условий, как отмечала газета.

Рисунок 3. Объявление в газете «Красная звезда» о возможности платной публикации. 1923 год, №106 (405) (17 мая).

В газ. „Красная Звезда“ ПРИНИМАЮТСЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ	
с 1 июня с.г. по следующей цене:	
1. Позади текста за одну строку нонпарели . . .	15 руб.
2. Впереди	25 "
3. Среди	30 "
4. Книжные и театральные	10 "
5. Врачебные — за одну строку нонпарели	5 "
6. Постоянные	5 "
7. Об утере документов не свыше 3 стр. — 15 р. за об'явление (дензнаками 1923 года).	

Источник: Президентская библиотека URL: <https://www.prlib.ru>

В советских городах существовала группа посредников и комиссионеров, которые специализировались на получении жилья. Они действовали следующим образом: находили пустующие квартиры, устанавливали контакт с домоуправлением, договаривались о сдаче квартир в аренду и находили платежеспособных арендаторов. За успешное совершение сделки комиссионные проценты получали как посредник, так и соответствующее домоуправление. В целом, в период НЭПа денежные операции при получении жилья были распространены. Жилье передавалось за плату (фактически продавалось) не только частными лицами, но и управлениями жилых кооперативов и их управдомами. Обычно избыток жилплощади принадлежал старожилам, часто бывшим домовладельцам. Таким образом, жилищные товарищества, созданные для проведения классовой жилищной политики, были втянуты в рыночные отношения при распределении жилья.

Попытки воплотить идеи «коллективной жизни» на практике оказались неудачными: строительство коммунальных домов оказалось дорогостоящим, общественные столовые оставались пустыми, прачечные имели очереди на месяц вперед. Разочарование в «коллективизации быта» было также подогревано изменением направления в архитектуре: от конструктивизма архитекторы перешли к «сталинскому классицизму». 1930-е годы стали временем утверждения новой иерархии «пространств и людей». Изменилась стратификационная система общества и состав отдельных социальных групп. Особенно это касается новых социальных формирований интеллигенции и рабочих. Новая элита и средний класс восходили в социальной иерархии благодаря освоению ценностей, недоступных большинству населения. Происходило «обуржуазивание» верхних слоёв советского общества, проявляющееся в стремлении вести «культурный образ жизни». Ключевыми ценностями в концепции культурности становились семья, классическое образование, классическое искусство и чувство вкуса.

В 1930-е годы было введено обязательно использование паспортов для горожан и строгая система регистрации по месту жительства, что было завершено в конце 1932 года. В результате регистрация жильцов, которая изначально задумывалась как система учета и контроля населения, превратилась в инструмент закрепления людей за определенным местом, что значительно снизило мобильность населения. Частные сделки по найму и сдаче жилья перешли в сферу неформальной экономики. Также изменился характер действий жактов по предоставлению жилых площадей: теперь речь шла не о распределении жилья, а о «выявлении», «изъятии» и «вселении прикрепленных к жакту».

К середине 1930-х годов коммунальные квартиры перестают расцениваться как «наихудшая форма жилья», а скорее как удобный тип жилища, который имеет свои

преимущества и уже приспособленный для жизни. Когда практически все живут в коммунальных квартирах, такие условия становятся нормой. Старожилы говорят, что коммунальные квартиры «испортились» после войны, когда большой приток рабочей силы для восстановления Ленинграда приводит к нарушению культуры города и ассимиляции новоприбывших происходит не совсем удачно. В 1960-е годы коммунальные квартиры становятся совсем «ужасными», поскольку появляется реальная альтернатива – отдельные квартиры доступны не только элите, но и большинству населения. Однако для многих переезд в новые квартиры приносит радость, но в то же время вызывает чувства утраты и неопределенности, так как негде теперь делиться радостями и горестями, пропала та уверенность, что «всегда найдется кто-то дома» и «всегда окажут помощь» (Рис. 4). Это особенно характерно для тех, кто вырос в коммунальных квартирах и покинул их уже в зрелом или пожилом возрасте. Для них коммунальная квартира – это часть их жизни, их молодости, их семьи, их представлений о мире.

Рисунок 4. Дети проживающих друг с другом семей играют вместе на кухне.

Источник: Советские коммунальные квартиры как явление культуры, URL: <https://experience.tripster.ru>. Фото: Алена

1. А. Корякина. *Коммунальные квартиры в Москве и Ленинграде в литературе Михаила Булгакова, Иосифа Бродского, Анны Ахматовой [Электронный ресурс]*. – М.: Университет Строгонова, 2019.
2. Бродский И. *Полторы комнаты (перевел с английского Д. Чекалов)*. // *Новый мир*. – 1995. – №2. – С. 61–85.
3. В. Бередникова. *Нужны были чрезвычайные меры для наведения порядка во дворах и квартирах*. // *Новейшая история России*. – 2023. – Т.13. – №2. С. 508-522.
4. Герасимова Е. Ю. *Советская коммунальная квартира*. // *Социологический журнал*. – 1998. – №1/2. – С. 89-103.
5. Зворыкина Н.Ф. *Записки: История семьи Зворыкиных*. – 1984. – С. 92-94.
6. Кириллова Е.А. *«Квартирный вопрос» в Петрограде-Ленинграде в период НЭПа*.

ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ ЖИЛЬЯ ДЛЯ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ

Гузанова Алла Константиновна

(Институт социально-экономических проблем народонаселения имени

Н.М.Римашевской,

обособленное подразделение ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук)

В реализации эффективной семейной политики, направленной на повышение рождаемости, одно из главных мест занимает доступность жилья для семей с детьми. На протяжении последних лет, если не сказать десятилетий, жилищные условия семей были связаны с их демографическим составом, теснотой проживания, резком ухудшением жилищных условий при наличии двух и более детей, ценовой недоступностью жилья, отсутствием возможностей улучшения жилищных условий, а также ограничительным влиянием на репродуктивное поведение[1,2].

Для анализа жилищных условий семей с детьми были использованы результаты проведенных Росстатом в 2011-2022 годах выборочных мониторинговых социологических обследований домохозяйств "Комплексные наблюдения условий жизни населения" (КОУЖ) [3], а также жилищной статистики и Всероссийских переписей населения [4].

Результаты показывают, что настоятельность жилищной проблемы для семей во многом обусловлена наличием в них детей. Так, семьи с детьми до 18 лет проживают в два раза более тесно по сравнению с домохозяйствами без детей, особенно тяжелым является положение многодетных [3] – Рис.1. Обращает на себя внимание тяжелая жилищная ситуация молодых семей (в возрасте 16-25 лет) с детьми. Недостаток квадратных метров явно ограничивает их репродуктивное поведение и возможные рождения вторых и третьих детей, несмотря на подходящий к этому возраст. Молодые семьи без детей также проживают в тесноте, что не способствует деторождениям. Что касается изменений последних лет, то положение многодетных семей немного улучшилось. Ситуация у неполных семей с детьми, а также у молодежи стала несколько хуже. Существенной является дифференциация жилищной обеспеченности по доходным группам населения.

Рис.1. Обеспеченность домохозяйств жилой площадью в зависимости от социально-демографического состава домохозяйств, 2022 г., квадратных метров общей площади на человека

Источник: [3]

Потребности и интересы семей с детьми должны обеспечиваться целенаправленной жилищной политикой и действиями самих семей. Строительная индустрия последних лет

была настроена и продолжает ориентироваться на ввод многоэтажного жилья под ипотеку. Чтобы сделать жилье доступнее и дешевле для семейного бюджета перешли к вводу на массовые цели малогабаритного жилья. Однако, что это за квартиры и подходят ли они для полноценной жизни российских семей? Статистика свидетельствует, что за последние 20 лет структура вводимого жилья по числу комнат изменилась разительно. Так, доля однокомнатных квартир увеличилась за это время более чем в 2 раза [5]. Средний размер вводимых квартир (без учета жилищ, построенных населением за счет собственных и заемных средств) снизился до 50 кв. м. Они определенно малы даже для семей с одним ребенком, не говоря уже о больших семьях. К примеру, сегодня в Москве семьям предлагается приобретать миниквартиры общей площадью 15-20 квадратных метров. Такие квартиры в основном предназначены для одиноко проживающих, а также вложения инвестиций состоятельных граждан. Эти моменты сглаживаются показателями индивидуального жилищного строительства. Так, в последние 5 лет семьи строили индивидуальные дома, средние размеры которых были намного больше - 135-142,5 кв. м. [5, с.189], что отражает семейные жилищные потребности с тенденцией их роста.

Здесь уместно сказать о соотношении многоквартирного и индивидуального жилья, в котором сегодня проживает 70% и 28% домохозяйств, соответственно [6]. В этом плане, имеются существенные региональные различия. Так, доля домашних хозяйств, проживающих в отдельных домах, колеблется от нуля в Москве и Санкт-Петербурге, 4,5% в Ленинградской и 7,8% в Московской областях до более 90% в Республиках Алтай, Дагестан и Ингушетия. На рис.3 показаны существенные различия по областям Центрального

федерального округа. Выделяются урбанизированные Московская и Ярославская области, где почти все (93%) проживают в квартирах. А вот в удаленных от Москвы Курской и Воронежской областях картина совсем другая. Там, наоборот, более двух третей домохозяйств имеют индивидуальные дома. При этом везде оказалось, что домохозяйства с детьми, особенно многодетные, гораздо чаще других проживают как раз в собственных домах [7] – рис.3. Таким образом, семьи с детьми фактом своего проживания выбирают индивидуальные дома.

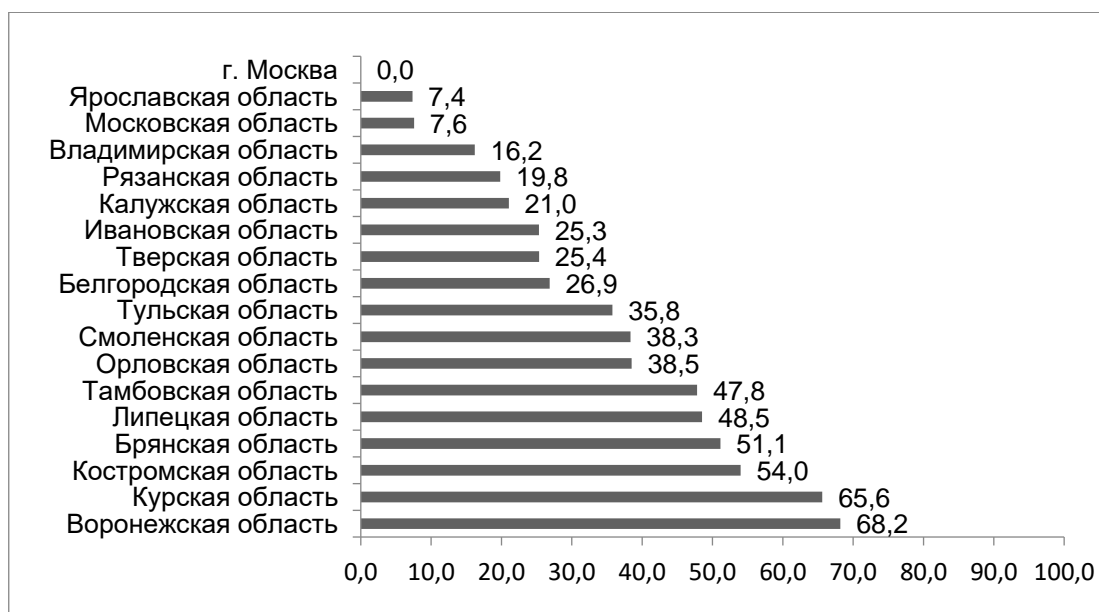

Рис.2. Доля домашних хозяйств, проживающих в отдельных домах, по областям Центрального федерального округа в 2021 г., %

Источник: [6]

Современные социологические опросы (ВЦИОМ, 2021 г.) показывают, что многие семьи в будущем предпочли бы жить в собственных домах с хорошей экологической обстановкой - 68%, а в квартирах всего 28% [8]. Проведенные нами исследования в г. Таганроге также говорят об этой тенденции [9]. Следует отметить и еще одну проблему. В 2023 году россиян стало заметно беспокоить отсутствие собственного жилья, о чем высказался каждый четвертый (26%, +11 пп. к 2007 г. и 2018 г.) [10]. Для молодых семей это означает, что в связи со стремлением к самостоятельной жизни и невозможности приобретения собственного жилья они вынуждены его снимать. С точки зрения рождения детей, особенно вторых и третьих, съемное жилье не сулит ничего хорошего.

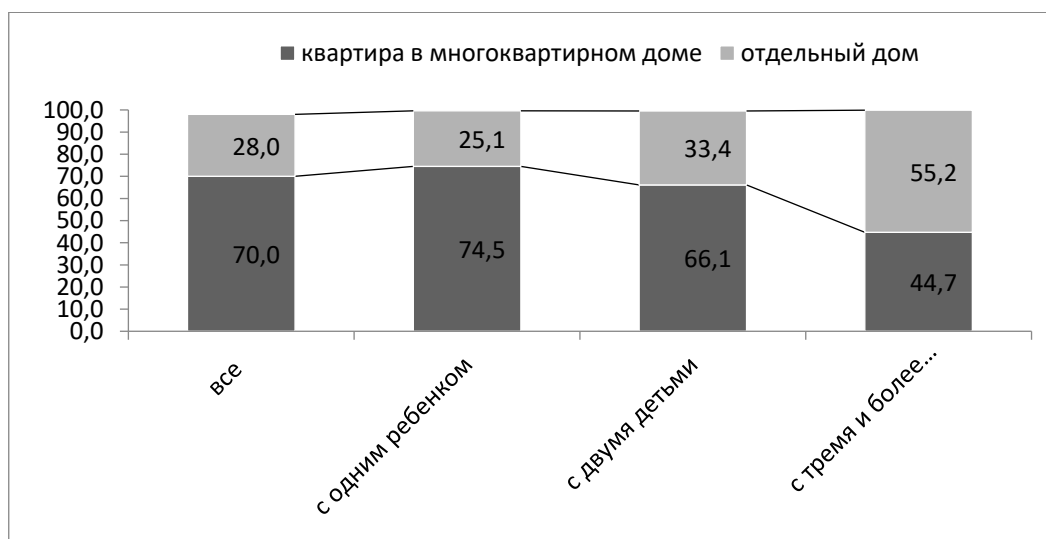

Рис. 3. Распределение домашних хозяйств по типам занимаемых жилых помещений в 2021 г., %

Источник: [6]

Противоречия развития рынка жилья, строительство на протяжении уже многих лет многоэтажного жилья с миниквартирами – предложение, которое сформировало и продолжает усиливать спрос на жилье со стороны небольших домохозяйств без детей и одиноко проживающих. На наш взгляд, это во многом обусловило и сегодняшнюю демографическую структуру домохозяйств в России, в которой количество домохозяйств без детей увеличилось до 60,4% [4]. За период между последними Всероссийскими переписями (с 2010 по 2021 гг.) почти в два раза выросло число одиноко проживающих, которое составляет сегодня 41,8% всех домохозяйств. При таких тенденциях реализация семейной политики с акцентом на повышение рождаемости представляется весьма проблематичной.

Была также проанализирована динамика планов и намерений домохозяйств по улучшению жилищных условий в 2011-2022гг. В последние три года жилищных планов стало несколько меньше. В 2022 году их высказали 13% домохозяйств, при этом 20% домохозяйств с детьми и более трети многодетных и молодых семей. Тех, кто смог реализовать это на практике, в несколько раз меньше. Вместе с тем, в этом случае был выявлен большой вклад индивидуального жилищного строительства, который во многом обеспечивался за счет семей с детьми.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод в пользу политики строительства индивидуального жилья как одному из главных средств решения жилищного вопроса для российских семей с детьми.

1. Гузанова А.К. Региональные и социальные особенности жилищной обеспеченности российских домохозяйств // *Народонаселение*. 2014. №2. С. 91-102.
2. Гузанова А.К., Шнейдерман И.М. Жилищная проблема с точки зрения семейных ценностей и предпочтений // *Уровень жизни населения регионов России*. 2018. №1. С.66-76
3. *Итоги Комплексных наблюдений условий жизни населения в 2020 году*. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL:https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения 10.05.2024).
4. *Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 8. Число и состав домохозяйств*. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения 01.02.2024).
5. *Социальное положение и уровень жизни населения России, 2023. Стат. сборник*. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Soc_pol_2023.pdf (дата обращения 01.02.2024).
6. *Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2021 году. По итогам Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств. Стат. сборник*. М., Росстат, 2022.
7. *Семья и дети в России: особенности современной жизни и взгляд в будущее. Коллективная монография* /М.: ИСЭПН РАН, 2009. - С.98-112
8. *Идеальное жилье глазами россиян*. М.: ВЦИОМ, 2021. [Электронный ресурс]. URL:<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnoe-zhile-glazami-rossijan> (дата обращения 10.05.2023).
9. Шнейдерман И.М., Гришанов В.И., Гузанова А.К. Ноздрина Н.Н. Жилищная и имущественная обеспеченность домохозяйств // *Народонаселение*. – 2016.. – №1. –С.91-102.
10. *Своя крыша над головой, или жилье для россиян*. М.: ВЦИОМ, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svoja-krysha-nad-golovoi-ili-zhile-dlja-rossijan> (дата обращения 01.03.2024).

ИНСТИТУТ СОСЕДСКОГО ПРАВА КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Деханов Сергей Александрович

(Государственный университет просвещения; Российская таможенная академия)

Аннотация. Статья посвящена исследованию института соседского права. Анализ правовых норм, содержащих соседское право, приводит к выводу о том, что они не однородны: отдельные нормы соседского права относятся к праву публичному, другие - к частному. Попытки законодательно урегулировать соседские правоотношения на основе института соседского права предпринимались и предпринимаются в России, но пока результатов не принесли. Однако институт соседского права очень важен для полноценной реализации на основе права разнородных социально-экономических отношений.

Ключевые слова: Соседские права, земельный участок, смежный участок, несмежный соседний участок, социально-экономические отношения, частное право, публичное право, физические выбросы, нематериальные выбросы,

Соседские права имеют большое практическое значение, так они призваны регулировать совместную жизнь «соседей». При этом, когда мы говорим о соседском праве, мы подразумеваем не соседей-физических лиц, собственников или владельцев смежных, соседских участков, а воздействие одного земельного участка на другой. При этом, чисто теоретически, такой проблемы быть не должно: каждый должен уважать и не нарушать вещное право собственника или иного правообладателя земельного участка. Если существуют общие запреты, то они должны распространяться и на соседские земельные участки. Но в том-то и проявляется своеобразие соседского права- в соседском праве законодатель понижает планку ответственности соседей. Владелец смежного соседнего земельного участка может обратиться, по общему правилу, с требованием к соседу, если последний нарушает нормы, типичные для данной конкретной местности. Соседское право имеет дело с непреодолимыми эмиссиями, которые имеют различную природу и формы проявления.

Соседские права имеют богатую историю, ведут свое происхождение еще с римского права, однако в течение долгого времени в российском праве не были востребованы, хотя практическая необходимость включения этих права в отечественное законодательство – очевидна так как они призваны регулировать правоотношения между соседями в физическом и юридическом смыслах.

Следует отметить, что в современный период большинство стран включили этот институт в свое гражданское законодательство. Попытки законодательно урегулировать соседские правоотношения на основе института соседского права неоднократно предпринимались и в России, но, в конечном итоге, пока, ни к чему не привели.

Доктринально институт соседского права очень хорошо разработан. Институту соседского права посвящены многочисленные труды как зарубежных, так и отечественных специалистов¹.

¹Новицкий И.Б. Право соседства // Новицкий И.Б. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. – М.: Статут, 2006. – Т. 1. – С. 82–111.; Богатырёв Ф.О. Вопросы «соседского права» // Право собственности: актуальные проблемы / Отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. – М.: Статут, 2008. – С. 223–259.; Виниченко Ю.В., Асланян Н.П., Поротикова О.А. Соседское право в России: исторические начала и подходы к пониманию. – М.: Юриспруденция, 2014.; Виниченко Ю.В. Соседское право и право собственности: вопрос взаимосвязи (историко-правовое исследование)// Вестник Пермского

Одной из первых отечественных научных работ по данной проблематике является сочинение коллежского советника Захария Горюшкин «Право соседское. Право селений и право уездное». В параграфе 527 раздела «О праве соседском» он дает свое понимание соседству. Соседством он называет «ближайшее или смежное жительство одного с другим; однако.. соседством именуется и то, когда жительство один от другого и на некотором расстоянии, имею смежество по землям и всяким на ней угодьям, им принадлежащим; они же называются еще и окольными или около живущими людьми. Соседское право суть законы о взаимном отношении соседей между собою»[2].

Глубокое понимание соседских правоотношений содержится в трудах И.Б. Новицкого.

Примечательно, что и З. Горюшкин и И.Б. Новицкий соседские правоотношения рассматривают вне прямой связи с земельными участками, как таковыми, тогда как в европейской правовой традиции объектом соседского права являются смежные земельные участки.

Профессор Королев С.В., исследуя институт соседского права также на примере немецкого права, пришел к следующим выводам. Во-первых, «соседское право является неизбежным продолжением права земельных участков: ведь сначала надо стать собственником земельного участка, и лишь тогда появляются соседи, то есть собственники сопредельных земельных участков... И право земельных участков, и соседское право имеют *цивилистический* генезис. Вместе с тем соседское право не укладывается лишь в цивилистическое русло и подразделяется на *цивилистическую и публично-правовую компоненты*» [3;77].

Соседское право глубоко разработано в гражданском праве Германии. Выдающаяся роль в этом процессе принадлежит профессору О. Ф. Гирке.

По мнению Гирке «важнейшим ограничением в соседских правах является обязанность землевладельцев терпеть так называемое воздействие (в определенной степени), исходящее от соседнего земельного участка»[4 ; 122].

Воздействие с соседнего участка Гирке классифицировал на *физическое* (движение материалов в воздухе или веществ в воде), а также *нематериальное* (газы, пары, искры, запахи или движение волн (тепла, шума, света, электричества). По мнению Гирке, соседское право применяется, когда подобное воздействие исходит как от соседей, так и *от владельцев иных несмежных участков*.

Позиция Гирке нашла свое продолжение в трудах современных немецких ученых, в частности, Г. Прюттинга.

Для соседского права характерным является правовое регулирование, так называемых, «эмиссий».

Г. Прюттинг различает следующие виды эмиссий:

«а) Воздействие со стороны исчисляемых, осязаемых, взвешиваемых вещей (Ponderabilien) – камни, земля, вода.

При этом речь идет об отрицательном воздействии твердых веществ или жидкостей, таких например, как камнепад, падение деревьев, оползней.

университета. 2013. Юридические науки. Выпуск 1(19). С.21–30.; Горланов Г.В., Деханова Н.Г. Формирование конструктивной философии российского бизнеса: проблемы и перспективы// Социология власти. 2003. № 6. С-68-80; Горланов Г.В., Деханова Н.Г. Эффективный собственник: вопросы теории и методологии// Управление собственностью: теория и практика. 2003. № 4. С.Королев С.В. Право земельных участков и соседское право в Германии// Имущественные отношения в РФ. № 2(113).2011. С.76–80.;Нелюбина А. В. Правовое регулирование соседских отношений: конвергенция публичных и частных начал//Сибирский юридический вестник. № 2(85). 2019. С.26–31.; Gierke O. Deutsches Privatrecht. Zweiter Band. Sachenrecht. – Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot, 1905. – 1021 S; Prutting H. Sachenrecht. – Munchen: C.H. Beck, 2017.

b) воздействие со стороны невесомых веществ (imponderabilien unwägbare Stoffe) – шумы, запахи, другие выделения.

c) идеальные эмиссии – неприятный вид.

Здесь речь идет о любом негативном воздействии на чувства людей. Например, когда соседний участок служит для организации борделя.

d) негативные эмиссии – недостаток света, воздуха, внешнего вида.

Понятием негативные эмиссии охватываются случаи, при которых земельному участку причиняется вред путем ограничения доступа солнца, света, воздуха, внешнего вида и т.д. Под это также подпадают случаи, ограничивающие земельный участок на пользование радио, ТВ, интернетом и т.д.» [5;144-150].

Для преодоления проблем, возникающих вокруг соседних земельных участков, «... должен быть найден баланс интересов соседей. Это приводит к ограничению права собственности в отношении обоих земельных участков. Ни один владелец не может использовать земельный участок по своему желанию. Соседи должны идти на уступки друг другу. Землевладелец не может осуществлять своё право так, как будто он один в мире» [2;402].

Опыт показывает, что сегодня институт соседского права представляет собой востребованный правовой механизм, который совершенствуется национальными законодательствами для решения задач, вытекающих из насущных бытовых и экономических потребностей граждан, в том числе основанных на достижениях научно–технического прогресса.

1. Горюшкин З.А. Руководство к познанию российского законодательства//https://izak.ru/img_content/content/books/rukovodstvo-k-poznaniyu-rossijskogo-zakonoiskustva.pdf (дата обращения 17.09.224)

2. Емелькина И.А. Проблемы формирования института соседского права в российском гражданском праве//Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Кн 2. С.402.

3. Королев С.В. Право земельных участков и соседское право в Германии// Имущественные отношения в РФ. № 2(113).2011. С.77.

4. Gierke O. Deutsches Privatrecht. Zweiter Band. Sachenrecht. – Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot, 1905.

5. Prutting H. Sachenrecht. 36 Auflage. С.Н. BECK, 2017.

«ЗЕЛЁНОЕ» ФИНАНСИРОВАНИЕ КАК ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ: ВЗГЛЯД ИНВЕСТОРОВ

Елышев Егор Игоревич
(ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»)

Экологические проблемы входят в число глобальных проблем современности. Многие последствия человеческой деятельности являются губительными для окружающей среды. Чрезмерная эксплуатация её исчерпаемых ресурсов наносит планете колоссальный вред, который возвращается «бумерангом» в виде негативного влияния на жизнь и здоровье населения. Становится ясно, что модель экономического развития, строящаяся на принципах прагматично-потребительского антропоцентризма, требует пересмотра: она неспособна обеспечить рост качества жизни мирового сообщества в долгосрочной перспективе. На замену приходят модели, подразумевающие более рациональное использование ресурсов.

Концепция «Устойчивого развития», сформулированная Организацией Объединённых Наций в 1987 году, включает в себя тесную взаимосвязь экономической, социальной и экологической программ, которые «удовлетворяют потребностям настоящего времени, но не ставят под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [1, 4].

Реализация согласованных с данными программами Целей устойчивого развития предполагает мобилизацию огромного количества ресурсов и соответствующий переход мировой экономики к более устойчивым и экологически ответственным формам. В парадигме меняющегося мира перспективным способом поддержки такого «зелёного» перехода является «зелёное» финансирование.

N. Höhne, S. Khosla, H. Fekete и A. Gilbert определяют «зелёное финансирование» как финансовые инвестиции, которые поступают в проекты в области экономики устойчивого развития [6, 7]. «Зелёное» финансирование включает в себя следующие составляющие:

1) «Зелёные» финансовые инструменты: среди них «зелёные» облигации, «зелёные» ипотеки, «зелёные» и карбоновые кредиты, «зелёные» дебетовые карты и др.

2) «Зелёные» финансовые институты, которые катализируют процессы «зелёной» экономики, закрепляя их в нормативных документах, определяя основные направления, масштабируя успешные практики: в Российской Федерации в их число входят Банк России, ВЭБ.РФ, кредитные рейтинговые агентства, информационно-аналитические платформы и др. Координатором процессов выступает Минэкономразвития России [2, с. 79].

3) Экологичная политика, которая включает, например, учёт межстрановых различий в возможностях по борьбе с изменением климата, раскрытие финансовой информации, связанной с климатической устойчивостью, принцип «Платит загрязнитель» и др.

«Зелёная» политика включает соответствующий Целям устойчивого развития инвестиционный принцип ESG для устойчивого развития коммерческой деятельности. Данная аббревиатура образована от первых букв слов «Environment» (подразумевается ответственное отношения к окружающей среде), «Social» (социальная ответственность – соблюдение условий труда, гендерного баланса и т.п) и «Governance» (высокое качество корпоративного управления – прозрачность отчетности, антикоррупционные меры и т.п.) [4].

По данным Capital Group, в последние годы более 80% инвесторов рассматривали ESG-проекты как часть своего инвестиционного портфеля (в основном, из-за ожидаемых репутационных выгод) [3].

По данным международной аудит-консалтинговой корпорации PricewaterhouseCoopers, инвесторы выказывают всё большую заинтересованность в предоставлении компаниями информации о выполнении своих «зелёных» обязательств: 83% хотят, чтобы такая отчетность содержала подробную информацию о прогрессе в достижении целей ESG [8]. Плохое качество ESG-отчётности и аналитики более половины инвесторов называют главными барьерами для внедрения устойчивых инвестиций – только около трети опрошенных считает, что предоставляемые им отчёты надлежащего качества [5]. 79% опрошенных указали, что доверяют только верифицированной «зелёными» инстанциями информации, ведь нередки ситуации, когда компании описывают свои облигации как «зеленые» без достаточных для этого оснований. Такое «зеленое отмывание» репутации называется «гринвошинг».

Опрос 2470 инвесторов, проведённый Stanford Graduate School of Business, выявил статистически значимые различия в заинтересованности ESG-проектами по возрасту: более молодые акционеры («миллениалы» и «поколение Z») проявили к «зелёной» финансовой повестке гораздо больший интерес по сравнению с коллегами «бэби-бумерами» [7]. Помимо этого, молодые инвесторы с капиталом свыше 250,000 долларов выражали готовность отказаться от части своего состояния ради ESG-продвижения [5].

Темы «зелёного финансирования» также касались данные опроса 48 европейских управляющих активами, собранные в рамках Инициативы по климатическим облигациям организацией «Climate Bonds» (некоммерческая организация, ориентированная на содействие росту рынка «зеленого» финансирования) [9, 10]. Выяснилось, что при рассмотрении инструментов «зелёного финансирования», управляющие активами обращают внимание не только на доходность данного финансового инструмента: «экологичность» облигаций является равнозначным инвестиционным фактором, и эмитенты должны обеспечить, чтобы их облигации соответствовали экологическим выгодам, ожидаемым инвесторами [9, 27]. В противном случае, по материалам I. Sangiorgi и L. Schopohl, 79% инвесторов воздержались бы от инвестирования в такие проекты, а 55% даже продали бы уже приобретённые «зеленые» облигации в случае плохой отчетности [9, 27]. Однако авторы подчёркивают, что их исследование имеет ограничения в отношении обобщаемости результатов, ведь согласиться принять участие в опросе про «зелёное» финансирование изначально могли те инвесторы, которые более позитивно относятся к инвестициям данного типа и / или уже используют «зелёные» финансовые инструменты.

По результатам опроса 399 инвесторов на одной из краудфандинговых платформ, к похожему выводу пришли C. Siemroth и L. Hornuf. Вслед за Stanford Graduate School of Business, авторы подтвердили, что многие инвесторы готовы отказаться от более высокой доходности, если экологическая отдача от инвестиции, по их мнению, достаточно велика [10, 88]. Также авторами был проведён эксперимент, в котором 399 инвесторам предлагалось выбрать между ваучером, который они могут использовать для инвестирования в не«зелёный» проект, и пожертвованием на социальные/экологические проекты (выбор пожертвования на экологическое воздействие означает отказ от более высокой доходности с помощью ваучера) [10, 78]. В результате, порядка 35% респондентов сделали выбор в пользу пожертвования: эти инвесторы могут быть готовы инвестировать в «зеленые» проекты, даже если они рассматриваются как менее прибыльные или более рискованные, при условии, что есть положительное воздействие на окружающую среду [10, 82].

Таким образом, «зеленое финансирование» представляет собой относительно новую модель на глобальном уровне. Результаты рассмотренных эмпирических исследований показывают заинтересованность инвесторов (чаще более молодых) в «зелёных» финансовых инструментах, что может быть обусловлено как альтруистической подоплёкой, так и их ожиданиями репутационных выгод. Важными характеристиками данных финансовых инструментов в равной степени выступают доходность и их реальная экологическая отдача: часть инвесторов даже готова отказаться от более высокой доходности, если отдача велика. В целях исключения «гринвошинга», для инвесторов высока значимость поступающей от эмитентов верифицированной отчётности о выполнении заявленных «зелёных» обязательств. Неудовлетворительное качество такой информации может становиться серьёзным барьером внедрения устойчивых инвестиций. Если же эмитенты смогут продемонстрировать экологические выгоды, связанные с проектами, спрос инвесторов на облигации этого класса может открыть дополнительные каналы финансирования.

1) *Зеленые финансы: повестка дня для России // Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. Рабочая группа по вопросам ответственного финансирования (ESG-finance), в т. ч. «зеленого» финансирования. 2018. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/51270/diagnostic_note.pdf (дата обращения: 23.09.2024).*

2) *Семенова Н. Н., Еремина О. И., Морозова Г. В., Филличкина Ю. Ю. Финансовые институты и регулирование «зеленого» финансирования в условиях глобализации // Экономика. Налоги. Право. 2021. №4. С. 74-84.*

3) *Baker B. ESG investing statistics – 2023 // Bankrate. 2023. URL: <https://www.bankrate.com/investing/esg-investing-statistics/> (дата обращения: 08.10.2024).*

4) *ESG-принципы: что это такое и зачем компаниям их соблюдать // РБК. 2022. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (дата обращения: 09.10.2024).*

5) *ESG statistics you need to know in 2024 // Key ESG. 2024. URL: <https://www.keyesg.com/article/50-esg-statistics-you-need-to-know-in-2024> (дата обращения: 07.10.2024).*

6) *Höhne N., Khosla S., Fekete H., Gilbert A. Mapping of Green Finance Delivered by IDFC Members in 2011 // Ecofys. 2012. https://www.idfc.org/wp-content/uploads/2019/03/idfc_green_finance_map_ping_report_2012_06-14-12.pdf (дата обращения: 30.09.2024).*

7) *Gelfand A. The ESG Generation Gap: Millennials and Boomers Split on Their Investing Goals // Stanford Graduate School of Business. URL: <https://www.gsb.stanford.edu/insights/esg-generation-gap-millennials-boomers-split-their-investing-goals> (дата обращения: 07.10.2024).*

8) *Only 29% of investors say current company reporting adequately describes ESG's impact on business performance // PwC. 2021. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/news-room/press-releases/2021/pwc-esg-investor-survey-2021-full-report.html> (дата обращения: 08.10.2024).*

9) *Sangiorgi I. Schopohl L. Why do institutional investors buy green bonds: Evidence from a survey of European asset managers // International Review of Financial Analysis. 2021. № 75. С. 1-50.*

10) *Siemroth C. Hornuf L. Why Do Retail Investors Pick Green Investments? A Lab-in-the-Field Experiment with Crowdfunders // Journal of Economic Behavior and Organization. 2023. № 209. С. 74-90.*

СОЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ РИСКОВ И СТРЕССОВ ТРУДОВОЙ СФЕРЫ

*Карапетян Рубен Варданович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

В современных условиях, когда трудовые процессы становятся все более сложными и автоматизированными у все большего числа работников происходит не только увеличение возможностей для проявления творчества и развития профессиональных компетенций, но и рост трудовых рисков. Эти риски могут значительно снижать социальную ценность труда, создавая неблагоприятные условия для субъективного удовлетворения от трудовой деятельности.

Одним из важных факторов, влияющих на удовлетворенность трудом, является охрана труда. Если государственные органы и профсоюзы недостаточно контролируют условия труда, то возрастает вероятность появления различных трудовых рисков, таких как повышение напряженности труда и стресс. Аксель Хоннет [6] подчеркивает, что труд должен не только обеспечивать доход, но и способствовать развитию личности, а также давать возможность осознать свою роль в коллективной деятельности. Однако в современных условиях реальной организации труда преобладают тенденции индивидуализации, нестабильности (прекаризация) и отчуждения труда [5]. Эти процессы ведут к снижению осознания социальной ценности труда среди работников.

Подтверждением этого является исследование Ж.Т. Тощенко [3], где рассматриваются вопросы прекаризации труда, то есть создания нестабильных рабочих мест, что является результатом изменений в организационных структурах и цифровизации экономики. Во многих исследованиях также отмечается, что цифровизация приводит к формированию нестандартных условий труда, снижению безопасности на рабочих местах и уменьшению спроса на живую рабочую силу. Это в свою очередь увеличивает количество трудовых рисков [4].

Еще одной важной проблемой является несправедливость трудовых соглашений, которые создают условия для усиления напряженности в трудовой сфере. Работники часто не могут влиять на условия труда, так как принимаемые соглашения отличаются низким уровнем коллегиальности, что приводит к формированию асимметричных трудовых отношений, где работник оказывается в уязвимом положении [1].

Стресс на рабочем месте — это еще один значимый фактор, который негативно сказывается на социально-психологическом состоянии работников. Рост напряженности между ролью труда как фактора производства и личностным развитием работников становится одной из ключевых проблем. Современные организационные и технико-технологические системы повышают уровень ответственности и требования к работникам, что усугубляет стрессовые состояния. Исследования Ф. Бёле подчеркивают, что усложнение этих систем приводит к росту уровня ответственности, что создает дополнительное давление на сотрудников [4].

Российские социологи также отмечают, что внедрение новых форм организации труда и управления, такие как усиление контроля, повышение интенсивности труда и требования к личной эффективности, ведут к формированию агрессивной рабочей среды, где стресс становится неотъемлемой частью повседневной деятельности [2]. Подобные условия труда снижают гарантию занятости, усиливая чувство нестабильности и незащищенности работников.

С. Шиман подчеркивает, что уменьшение числа рабочих мест и формирование нестандартных условий труда в результате трансформации индустриальных организаций усиливает стрессовые риски для работников [8]. В то же время Ф. Джонс обращает

внимание на одиночество и разрыв социальных связей, вызванные цифровыми системами контроля, которые лишают работников права на защиту и возможность участия в профсоюзной деятельности [7].

Для решения данных проблем предлагается усиление роли профсоюзов и государства в регулировании трудовых отношений. Однако в современных условиях коммерциализации всех сфер жизни профсоюзы и государственные структуры демонстрируют пассивность, что ведет к дальнейшему ухудшению ситуации на рынке труда. В этом контексте А. Хоннет предлагает ограничить контроль со стороны частных собственников предприятий и усилить участие государства в определении условий труда, чтобы демократизировать трудовые отношения и увеличить участие работников в коллективных процессах. Однако автор сомневается в возможности реализации подобных изменений в условиях капиталистической системы, что, по его мнению, ведет к дальнейшему снижению смысла труда в обществе.

Анализ существующих исследований подтверждает, что современная тенденция к акценту на ценности оплаты труда отражает переход к рыночной экономике, где доминируют капитал, выгода и доходность, а не сущностные характеристики труда и его социальная значимость. Если вопросы смысла труда все еще активно обсуждаются в трудах ведущих российских социологов, таких как Ж.Т. Тощенко и В.Н. Бобков, то большинство зарубежных исследователей фиксируют происходящие изменения как свершившийся факт, считая, что новые субъекты трудовых отношений и их ценностные ориентиры уже сформированы.

Таким образом современные трудовые отношения характеризуются единением терминальных ценностей (удовлетворение от труда и социальная значимость) и инструментальных ценностей (доход и карьера), где последние становятся доминирующими.

1. Бухтияров И.В., [Измеров Н.Ф.], Тихонова Г.И., Чуранова А.Н., Горчакова Т.Ю., Брылева М.С., Крутко А.А. Условия труда как фактор риска повышения смертности в трудоспособном возрасте // *Медицина труда и промышленная экология*. 2017. № 8. С. 43-49.
2. Козина И.М., Серёжкина Е.В. Производственные факторы стресса в работе российских и французских it-специалистов // *Социологические исследования*, № 5, 2019. С. 26-35.
3. Тощенко Ж.Т. (ред) *От прекарной занятости к прекаризации жизни*. М.: Весь Мир, 2022.
4. Böhle F, Voß G., Wachtler G. *Handbuch Arbeitssoziologie. Band 2: Akteure und Institutionen*. Springer, 2018.
5. Celikates R., Honneth A., Jaeggi R. *The Working Sovereign: A conversation with Axel Honneth* // *Journal of Classical Sociology*. 2023. V.23. № 3. P. 318-338.
6. Honneth A. *The Working Sovereign / Der arbeitende Souverän. A Normative Theory of Labour. Walter-Benjamin-Lectures*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2021.
7. Jones Ph. *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. London; New York: Verso, 2021.
8. Schieman S. *Ordinary Lives and the Sociological Character of Stress: How Work, Family, and Status Contribute to Emotional Inequality* // *Society and Mental Health*. 2019. V. 9. № 2: 127–142.
9. Schieman S. *Ordinary Lives and the Sociological Character of Stress: How Work, Family, and Status Contribute to Emotional Inequality* // *Society and Mental Health*. 2019. V. 9. № 2: 127–142.

ФИНАНСОВАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ДОВЕРИЕ: ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

*Карапетян Степан Арсений Рубенович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

В статье рассматриваются причины, по которым важно изучать доверие в контексте финансовых институтов. Важность доверия объясняется прежде всего поддержанием финансовой стабильности и устойчивостью бизнес-моделей банков и других финансовых организаций. Недостаток доверия к этому сектору может серьезно подорвать его стабильность, а в худшем случае — даже привести к отказу клиентов от использования услуг конкретных банков. Также снижение доверия способно негативно сказаться на финансовой индустрии, что, в свою очередь, отразится на всей экономике, уменьшая доступность капитала для нужд производства [5]. Более того, потребители могут начать выбирать альтернативных поставщиков финансовых услуг, таких как технологические компании или платформы пирингового обмена (например, Ebay, RBNB, UBER).

Далее рассмотрим способы измерения уровня доверия к финансовым институтам. Мы выделяем два типа: общее доверие (к финансовой системе в целом) и конкретное доверие (к своему финансовому учреждению). Помимо этого, мы обсудим, чем доверие к финансовым учреждениям отличается от так называемого генерализованного доверия. Последнее подразумевает доверие к людям, с которыми отсутствуют прямые связи.

Наконец, мы анализируем детерминанты доверия к финансовым учреждениям, различая широкое и узкое доверие. Факторы, влияющие на доверие, можно разделить на пять категорий: экономические условия (например, финансовые кризисы), особенности и поведение самих финансовых учреждений (например, качество их услуг и финансовая устойчивость), характеристики клиентов (включая демографические данные, уровень финансовой грамотности, доступ к информации и их экономические или политические взгляды), меры государственной политики и институциональные условия, а также другие виды доверия (например, генерализованное доверие). Большинство исследований, связанных с доверием к финансовым институтам, проводятся на уровне одной страны, хотя есть и несколько межстрановых исследований. Мы пришли к выводу, что важно различать типы финансовых учреждений — банки, страховые компании и пенсионные фонды — так как их бизнес-модели существенно различаются, что может повлиять на факторы доверия к ним. Примечательно, что большинство исследований сосредоточено на банковском секторе. Что касается факторов, определяющих доверие к финансовым учреждениям, большинство исследований фокусируются на ограниченном числе возможных детерминант.

Помимо демографических факторов, таких как возраст и пол, исследуется широкий спектр потенциальных факторов, влияющих на доверие. Однако ни одно исследование не охватывает все эти факторы одновременно. С учетом этого ограничения можно заключить, что доверие зависит от экономической ситуации: оно имеет проциклический характер и снижается в условиях финансовых кризисов. Важным фактором также является поведение финансовых учреждений: их корпоративная культура, отношение к заинтересованным сторонам, качество предоставляемых услуг и финансовая устойчивость положительно влияют на уровень доверия.

Кроме того, доверие связано с характеристиками потребителей (включая их доступ к информации, политические и экономические убеждения), однако многие из этих связей зависят от контекста — таких переменных, как конкретный тип учреждения, страна и период времени.

Таким образом, доверие к финансовым учреждениям способствует укреплению финансовой стабильности. Однако верно и обратное: финансовая нестабильность, особенно в периоды кризисов, может подорвать доверие, и этот эффект может сохраняться длительное время. Например, Осили и Полсон [2, 650] обнаружили, что иммигранты, пережившие системный банковский кризис в своей стране до переезда в США, с меньшей вероятностью открывают расчетные счета в американских банках по сравнению с теми, кто не столкнулся с кризисом. Этот эффект особенно выражен среди тех, кто был старше на момент кризиса, так как они, вероятно, имели банковские счета и могли потерять сбережения. Более того, клиенты, доверяющие своим банкам, с большей готовностью принимают финансовые инновации, такие как интернет-банкинг, которые внедряются этими банками.

Но как же измерить уровень доверия?

В некоторых исследованиях различают два вида доверия: широкое и узкое. Хансен [4, 169] охарактеризует широкое доверие как «ожидание того, что компании в определенной отрасли надежны и способны выполнять свои обязательства». В то время как Сирдешмух и его коллеги [8, 18] определяют узкое доверие как «ожидание, что конкретное финансовое учреждение является надежным поставщиком услуг и выполнит свои обязательства».

В исследованиях для оценки этих концепций применяются различные типы опросов. Некоторые из них содержат вопросы, которые напрямую запрашивают у респондентов информацию о их уровне доверия к финансовым учреждениям. Например, могут быть заданы вопросы типа: «Доверяете ли вы своему основному банку, [название банка]? Пожалуйста, оцените от 1 до 10, где 1 означает «Совсем не доверяю», а 10 — «Полностью доверяю», а промежуточные значения помогут уточнить ваш ответ». Другой вариант формулировки может быть: «Какова ваша степень доверия к банкам?» с использованием аналогичных шкал для оценки.

Кроме того, в некоторых исследованиях анализируется уровень доверия к менеджерам финансовых учреждений, используя такие вопросы, как: «Я назову несколько учреждений в этой стране. Пожалуйста, оцените, насколько вы считаете честными и этичными людей в этих различных сферах — очень высокие, высокие, средние, низкие или очень низкие» [9]. В другом примере Ван дер Круйзен и его коллеги измеряют как доверие к добросовестности менеджеров финансового сектора, так и их компетентности [7].

1. Экономические факторы доверия к финансовым институтам

Доверие к финансовым институтам во многом зависит от экономических условий и имеет проциклический характер. Стивенсон и Вульфферс, исследуя уровень доверия к банкам и финансовым учреждениям в США, выявили сильную отрицательную корреляцию с уровнем безработицы [3, 285]. Проциклическая природа доверия также подтверждается межстрановым анализом, охватывающим 98 стран: в государствах с высоким уровнем безработицы отмечается значительное снижение доверия к финансовым учреждениям и банкам. Особенно выраженная связь наблюдается в странах ОЭСР.

Экономическая ситуация имеет значение не только для доверия к банкам, но и к другим финансовым учреждениям. На основе данных Евробарометра, охватывающих 25 европейских стран, Науманн [6] сообщает о негативной связи между уровнем безработицы и доверием потребителей к будущим пенсиям.

2. Политика финансовых учреждений

Ван Дален и Хенкенс [1, 477] выявили, что доверие к голландским поставщикам пенсионных услуг, включая пенсионные фонды, банки и страховые компании, зависит от их воспринимаемой честности, компетентности, стабильности и доброжелательности.

Исследование показывает, что доверие к пенсионным фондам выше, чем к банкам или страховым компаниям. Особенно в отношении таких характеристик, как честность и альтруизм, пенсионные фонды получают более высокие оценки, что приводит к меньшему количеству людей, считающих их нечестными или ориентированными на интересы организаций, а не на интересы клиентов.

Потеря доверия к финансовым учреждениям также возрастает из-за негативных новостей в СМИ, падения акций и недостатка прозрачной информации о продуктах. Ван дер Круйзен в своем исследовании, проведенном в 2016 году, указывает, что голландцы считают, что продажа их личных данных банками другим компаниям приводит к значительному снижению доверия [7]. В 2020 году одной из главных причин снижения доверия к банкам и страховым компаниям стало распространение данных третьим лицам без согласия клиентов. Таким образом, важной проблемой остается восстановление доверия к финансовым учреждениям после кризисных ситуаций или в условиях других негативных событий, таких как банкротство банков или сокращение пенсионных выплат.

1. Ван Дален, Х. и Хенкенс, К. (2018) Создание и разрушение доверия к пенсионным организациям: эмпирическое исследование участников пенсионного обеспечения. *Женевские работы о рисках и страховании - вопросы и практика* 43: С. 473–491.
2. Осили, О. и Полсон, А. (2014) Кризисы и доверие: системные банковские кризисы и поведение вкладчиков. *Журнал финансовой экономики* 111: С. 646–660.
3. Стивенсон, Б. и Вулферс, Дж. (2011) Доверие к государственным учреждениям в течение бизнес-цикла. *American Economic Review: Papers & Proceedings* 101 (3): 281–287.
4. Hansen, T. (2017) The moderating effects of financial broad-scope trust on consumer knowledge, cognitive effort, and financial healthiness. *Journal of Consumer Behaviour* 16(2): P. 161–175.
5. Jaffer, S., Morris, N. and Vines, D. (2014) Why trustworthiness is important. In: *Capital Failure: Rebuilding Trust in Financial Services*, Morris, N. and Vines, D. (eds.), Oxford, Oxford University Press.
6. Naumann, E. (2018) Trust in ageing societies: confidence in pensions across Europe. In: *Welfare State Reforms Seen from Below*, Ebbinghaus, B. and Naumann, E. (eds.), Cham, Palgrave Macmillan.
7. *Never forget, never forgive: the impact of inflation on trust in banks.* URL: https://econpapers.repec.org/article/tafapplec/v_3a51_3ay3a2019_3ai_3a12_3ap_3a1212-1231.htm (Дата обращения 28.09.2024)
8. Sirdeshmukh, D., Singh, J. and Sabol, B. (2002) Consumer trust, value, and loyalty in relational exchanges. *Journal of Marketing* 66(1): P. 15–37
9. *Trust in Public Institutions over the Business Cycle.* URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.101.3.281> (Дата обращения 27.09.2024 г.)

ПРАКТИКИ УНИВЕРСИТЕТОВ В ОБЛАСТИ ТРАНСФЕРА ЗНАНИЙ И ТЕХНОЛОГИЙ: ОПЫТ АНАЛИЗА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Константинова Лариса Владимировна
(Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Петров Антон Маркович
(Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования современных практик ведущих российских вузов в области трансфера знаний и технологий, коммерциализации разработок, которое проводилось методом содержательного анализа стратегических документов вузов, размещенных в открытых источниках, а также методом теоретического моделирования. В результате проведенного исследования были выявлены значимые тренды организационной трансформации деятельности университетов в данной области и охарактеризованы формирующиеся модели интеграции вузов с индустриальными партнерами.

Ключевые слова: институциональные трансформации высшей школы, трансфер знаний и технологий, взаимодействие вузов с индустриальными партнерами, практики ведущих российских вузов.

В условиях формирования в России перспективной модели социо-технологического развития, ориентированной на обеспечение технологического суверенитета, существенно возрастает роль вузов в качестве центров формирования нового научного знания и доведения его практических результатов до коммерческого использования субъектами реального сектора экономики [2].

Реагируя на происходящие технологические трансформации, в том числе, в рамках участия в государственных программах поддержки деятельности в сфере трансфера знаний и технологий, отечественные университеты активизируют работу по развитию вузовской инновационной инфраструктуры [1], расширяют кооперацию с индустриальными партнерами, усиливают интеграцию в инновационную инфраструктуру регионов и отраслей [4]. В результате этого в данной сфере формируются новые организационные практики и модели, которые свидетельствуют о серьезных институциональных трансформациях высшей школы, повышении ее субъектности в реальных производственных процессах [3], наращивании интеграционного потенциала, что в свою очередь заслуживает отдельного исследовательского внимания.

Целью проведенного исследования являлся анализ современных практик ведущих российских вузов в области трансфера знаний и технологий, коммерциализации разработок, и выявление на этой основе значимых трендов организационной трансформации деятельности университетов в данной области и характеристика формирующихся моделей их интеграции с индустриальными партнерами.

Для проведения такого анализа был определен перечень ведущих российских университетов с учетом их представленности по федеральным округам, в который вошли 62 вуза, в большей части – участники программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», получатели специальной части гранта «Исследовательское лидерство» и «Территориальное и отраслевое лидерство», а также ряд вузов – получателей базовой части, и несколько вузов, не входящих в данную программу.

Поиск информации, отражающей опыт отобранных вузов в области трансфера знаний и технологий, осуществлялся из открытых официальных источников, в первую

очередь с сайтов вузов. Анализировались тексты документов, содержащих информацию о предмете исследования, в частности, программы развития вузов и отчеты об их исполнении, отчеты о самообследовании, новостные сообщения и локальные нормативные по соответствующей тематике, материалы, размещенные в соответствующих разделах сайтов. На основе содержательного анализа данных документов осуществлялась систематизация информации и формирование классификационных признаков с последующим выделением обобщающих трендов. Для анализа взаимодействия вузов с индустриальными партнерами в сфере трансфера знаний и технологий использовался метод теоретического моделирования, который позволил выявить наиболее существенные отличительные характеристики данных процессов.

Анализ современных практик ведущих вузов России в области трансфера знаний и технологий, коммерциализации разработок позволил заключить, что сегодня в российских университетах активно идут процессы создания и обновления инновационной инфраструктуры, ориентированной на воспроизводство новых научных знаний и технологических разработок в сферах, определённых в качестве критических и сквозных технологий. Предпринимаются усилия по формированию предпринимательской среды, в которую при взаимодействии с бизнес-партнерами вовлекаются преподаватели, ученые и студенты. В целом классификационный анализ документов позволил выявить три значимых тренда трансформации организационных механизмов деятельности вузов в области трансфера знаний и технологий.

Во-первых, – это развитие механизмов аккумуляции готовых и потенциальных РИД для их дальнейшего трансфера в реальный сектор. Такие механизмы, в первую очередь, связаны с проведением аудита или систематического мониторинга сильных и слабых сторон научной деятельности вузов для более эффективного использования ресурсов, а также с определением результатов РИД с наибольшим потенциалом коммерциализации и их продвижением на рынке.

Во-вторых, – это создание в вузах экосистемы для трансфера и коммерциализации результатов исследований и разработок, что выражается в создании специализированных структурных подразделений трансфера технологий, реализации маркетинговой стратегии по продвижению научных результатов и их доведению до производственных и бизнес-проектов, а также в создании собственных наукоемких предприятий и определении механизмов использования объектов интеллектуальной собственности.

И, в-третьих, – это развитие партнерства для целей трансфера знаний и технологий, коммерциализации разработок, что предполагает формирование в лице предприятий и организаций реального сектора экономики квалифицированных заказчиков научных разработок, участников формирования инновационной политики вузов и их инновационной инфраструктуры.

Проведенный анализ стратегических документов вузов позволил заключить, что в настоящее время формируется несколько основных типологических моделей взаимодействия вузов с индустриальными партнерами в области трансфера знаний и технологий, которые отличаются степенью интегрированности сторон и механизмами реализации.

Правя модель может быть определена как «Модель заказа НИОКР». Она предполагает, что индустриальные партнеры выступают в качестве заказчиков выполнения определенных разработок у вузов под свои потребности. Данная модель предполагает выполнение НИОКР под конкретные требования и позволяет гарантировать коммерциализацию их результатов. В основе данной модели лежит необходимость

долгосрочного партнерства вуза и предприятия-заказчика и создание условий для решения уникальных технологических задач.

С другой стороны, может выделена «Модель предложения НИОКР», которая характеризуется тем, что в вузе осуществляются инициативные исследовательские проекты без предварительного внешнего заказа, и их результаты по завершению выводятся на рынок и предлагаются индустриальным партнерам в качестве готовых РИД. Данная модель имеет риски осуществления невостребованных реальным сектором НИОКР, но, с другой стороны, способствует реализации инициативных научно-технологических проектов вузе и развитию его научного потенциала. При данной модели повышается роль маркетинговой инфраструктуры для продвижения результатов НИОКР.

Еще одна типологическая модель может быть названа «Модель продвижения стартапа». Она предполагает участие вуза в создании стартапов, инновационный предприятий, базирующихся на его научно-технологических разработках. В этом случае вуз сам создает себе индустриального партнера для дальнейшего взаимодействия.

И наконец, «Модель создания совместных структурных подразделений вуза с индустриальными партнёрами». Она представляет собой вариант непосредственного сотрудничества образовательного учреждения с промышленными компаниями при проведении НИОКР на базе совместно созданных проектных центров, лабораторий, проектных институтов и т.п. Преимуществом такой модели является объединение ресурсов вузов и партнеров практически на всех этапах инновационного проекта и сокращение сроков трансфера разработанных технологий в реальный сектор.

Выделенные в ходе анализа модели взаимодействия вузов с индустриальными партнерами в сфере трансфера знаний и технологий не являются взаимоисключающими и могут реализовываться в одном конкретном вузе одновременно.

В целом, проведенное исследование позволило заключить, что происходящие сегодня в России институциональные трансформации высшего образования, в том числе, связаны с необходимостью адаптации к задачам обеспечения технологического суверенитета. Ведущие отечественные университеты активно включаются в эти процессы, выводя в приоритетную повестку дня реализацию политики в области трансфера знаний и технологий, коммерциализации разработок, формируя новые практики, организационные механизмы и модели ее реализации. Перспективы включения вузов в решение задач технологического развития связаны с выстраиванием ими стратегий в данной сфере, ключевыми принципами которых могут стать комбинации различных моделей и успешных практик для реализации результативных научно-технологических проектов.

1. Дежина И.Г., Пономарев А.К. *Университеты в условиях перехода к новой модели технологического развития // Управление наукой: теория и практика.* – 2023. – Т. 5. – № 4. – С. 55–70.
2. Заварзин В.И. *Трансфер знаний и технологий // Инженерный журнал: наука и инновации.* – 2013. – № 1 (13). – С.1-5.
3. Литвинова Н.А., Бурцев Д.С., Гаврилюк Е.С. *Управление сквозными процессами получения и передачи знаний в секторе науки и высшего образования // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент.* – 2020. – № 1. – С.112-120.
4. *Развитие взаимодействия университетов и реального сектора экономики / В. А. Клименко, Т. В. Сергиевич, Д. Булднаа [и др.] // Техно-технологические проблемы сервиса.* – 2022. – № 3 (61). – С. 94-99.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПОСРЕДСТВОМ ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ

*Косицына Светлана Видаликовна
(АНО ВО Университет "МИР")*

*Немцова Карина Сергеевна
(АНО ВО Университет "МИР")*

Современная экономическая ситуация на рынке характеризуется острой конкуренцией среди компаний производителей, что вынуждает их тщательно исследовать свою целевую аудиторию, ее социально-демографические характеристики, а также мотивы и желания при совершении покупки. Маркетинговая деятельность даже монополистов целиком подчиняется изучению своего потребителя, его поведения, целей и ожиданий. В данном случае целесообразным видится применение социологических методов в исследовании потребителей, в частности глубинного интервью, позволяющего выявить нюансы, мотивы действий покупателей.

В рамках данного исследования эмпирическую базу составили: первичный анализ данных официального сайта АО «АвтоВАЗ» и глубинное интервью потребителей компании (n=6).

Обратимся к рассмотрению основных понятий. Согласно Т.А. Сорокиной, «исследование потребителей – это изучение и анализ предпочтений целевой аудитории в отношении конкретного продукта или группы продуктов, услуги или группы услуг» [6].

Изучение потенциальных клиентов помогает выявить намерения покупателей, их степень удовлетворенности услугой или товаром, факторы совершения покупки [2].

Принято различать несколько направлений исследования потребителей: изучение покупательских привычек, порядок действий при совершении покупки, уровень удовлетворенности, его симпатия и терпимость по отношению к товару (или услуге), сегментация целевой аудитории.

При применении качественных методов исследования важным критерием является описание подробного портрета покупателя, который составляется с отсылкой к социально-демографическим, поведенческим и психологическим характеристикам. Также важны частота и объемы совершенных покупок, предпочтения, географическая привязка [5].

Исследования, проведенные с помощью качественных методов, направлены на разработку и проверку гипотез без использования количественных данных и характеризуются малым объемом выборки [7].

В частности, глубинное интервью – это неструктурированное, неформализованное, личное интервью, в котором опрашиваемому интервьюер задает вопросы с целью выявления его мотивов, эмоций, оценок относительно определенной темы [8].

Рассмотрим конкретное исследование потребителей на примере деятельности АО «АвтоВАЗ», градообразующего предприятия г.о. Тольятти, крупнейшего производителя легковых автомобилей в России и Восточной Европе [3].

Каждая модель автомобиля характеризуется наличием своего потребителя. Так, средний возраст покупателей «Lada Vesta» составляет от 30 до 56 лет, при этом большинство составляют мужчины (77%).

Более подробно описаны владельцы «Lada Vesta SW»: здесь соотношение мужчин и женщин составляет 80% к 20%, а средний возраст - 45 лет. Чаще всего это семейные люди, которые предпочитают отдыхать на природе или на даче.

Модель «Lada Granta» покупают в большинстве своем мужчины (свыше 70%), причем как новые, так и подержанные [4]. Особенно привлекательна эта модель для жителей Москвы, Тольятти, Санкт-Петербурга, Самары и Казани, а вот подержанные автомобили популярны в Тольятти, Махачкале, Самаре, Саратове, Владикавказе.

Основной целевой аудиторией «Lada Niva Travel» являются мужчины, имеющие семью, в возрасте от 35 до 56 лет, предпочитающих отдых на природе, в частности рыбалку или охоту. Сюда же относятся люди, проживающие за городом, где дороги далеки от идеала [1].

С целью изучения отношения потенциальных покупателей к новинкам и нововведениям АО «АвтоВАЗ», а также в целом отношения к товарам данного предприятия, было проведено глубинное интервью среди потребителей компании. В исследовании апробировалась стихийная выборка и не вероятностный метод отбора респондентов.

Стоит отметить, что опрошиваемые обозначили положительный опыт владения автомобилями «Lada» и впечатление от данной марки осталось позитивным. Некоторые респонденты отмечали техническую составляющую автомобилей, а именно хорошие характеристики двигателя.

Примечательно, что интервьюируемые достаточно часто встречают информацию о данной марке, но в основном в шуточном или развлекательном контексте, посредством интернета или сарафанного радио (*«Часто слышу о данном бренде, в основном в автосервисе, также через интернет в шуточных роликах»*).

Участники интервью отмечали современный и эстетичный дизайн машин, однако однотипность моделей несколько смущает потребителей (*«Дизайн автомобилей неплохой, но одинаковый для всех моделей, нет какого-то разнообразия»*).

Цветовая гамма автомобилей также вполне удовлетворяет опрошенных: *«Есть очень красивые и необычные цвета, в целом нравится»*; *«Цветовая гамма хорошая, меня всё устраивает»*. При этом покупатели выступают за расширение палитры цветов автомобилей.

Примечательно, что опрошиваемые в курсе нововведения – представления автомобилей марки «Lada» на популярных маркетплейсах. При этом покупать машину «с сайта» респонденты не торопятся в виду неполноценности информации, отсутствию визуального контакта и тактильных ощущений.

Мнения относительно выпуска новой модели «Lada Iskra» достаточно пессимистичны: *«Вряд ли что-то прям современное и интересное там будет, они еще не додумались до этого»*; *«Думаю, это будет обычный рядовой автомобиль, но хотелось бы, конечно, что-нибудь поинтереснее»*; *«Не думаю, что будет что-то прям новое в этом автомобиле»*.

Акция компании АО «АвтоВаз» «Покупаем автомобиль в Тольятти, где предоставляется возможность приобрести автомобиль в дилерском центре в г. Тольятти с выгодой до 200 000 руб», респондентами воспринимается положительно, особенно жителями близлежащих поселений: *«Акция хорошая для тех, кто живет рядом, главное, чтобы заявленная выгода окупалась и действительно была реальной. Думаю, что автомобили, продаваемые без посредников намного выгоднее приобретать»*; *«Если условия приобретения автомобиля в таком случае хорошие, я бы, наверное, купил его со скидкой, тем более, если живем поблизости»*. Стоит отметить, что покупатели часто не в курсе новых акций компании что говорит о недостаточно активной маркетинговой деятельности организации.

О новом мобильном приложении «МИР Lada» респондентам также мало известно, особенно о его наполняемости и практической значимости: «*Не знаю, скачал бы его себе или нет, наверное, нужно посмотреть насколько оно удобное*».

Отвечая на вопрос: «Как вы считаете, что необходимо добавить, а что, наоборот, убрать бренду «Lada», чтоб он стал еще более привлекательным?», респонденты ответили: «*Нужно добавить больше функций в автомобили, добавить хорошую мультимедиа, качественную оптику, яркий свет, регулировку руля, в общем дополнить технологическое оснащение автомобиля*»; «*Бренду нужно снизить цены на автомобили, сделать их более доступными. Убрать недобросовестных работников завода, которые некачественно выполняют свою работу, слышал, что что-то не докручено, что-то не доверчено, и по дороге это всё дело может развалиться, а это, в свою очередь, влияет на безопасность*».

В общем и целом, целевая аудитория относится к бренду скорее положительно, чем отрицательно. Однако не ожидает чего-то необычного от автомобильного гиганта, к тому же остается мало информированной о нововведениях и акциях компании. Покупатели скорее хотят улучшений как в дизайне, так и в технической оснащенности и ценовой политике, нежели ожидают их от компании.

Новшества, связанные с сервисом и дополнительными услугами, не сильно впечатляют потребителей, и они склонны относиться к этому более нейтрально.

Отметим, что маркетинговая деятельность завода страдает, информирование о выгодных акциях и нововведениях оставляет желать лучшего и нуждается в переосмыслении.

Рядовой потребитель продукции предприятия это: преимущественно мужчины от 30 лет, в основном это семейные люди, имеющие средний доход, преимущественно живут в городе, но часто выезжают на природу и в сельскую местность. Критериями выбора автомобиля являются: надежность, экономичность, комфорте и безопасность.

1. АвтоВАЗ рассказал о целевой аудиторией своих автомобилей [Электронный ресурс] / Автостат. Аналитическое агентство: сайт. URL: <https://www.autostat.ru/?ysclid=lvz332ydit821875262> (дата обращения: 09.05.2024)

2. Байбардина, Т.Н. Поведение потребителей. Учебное пособие для студентов специальности «Маркетинг» / Т.Н. Байбардина. Гомель: URSS, 2019. – 180 с.

3. Бухгалтерский учет. Налоги. Аудит [Электронный ресурс] / Контрагент АО "АВТОВАЗ": сайт. URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1026301983113_aovavaz?ysclid=lve1vz3mw879491901 (дата обращения: 24.04.2024)

4. Какой портрет среднестатистического покупателя LADA в начале 2023 года [Электронный ресурс] / Лада.Онлайн: сайт. – URL: <https://xn--80aal0a.xn--80asehdb/auto-news/lada-vesta-news/30509-kakoj-portret-srednestatisticheskogo-pokupatelja-lada.html> (дата обращения: 09.05.2024)

5. Казаков, А.О. Исследование портрета потребителя: социально-демографических, экономических, психологических, поведенческих характеристик [Электронный ресурс] / А.О. Казаков // Журнал «Трибуна ученого»: электронный журнал. URL: https://tribune-scientists.ru/media/p_articles/Казаков.pdf?ysclid=ltfj6qrxh8983645024 (дата обращения: 02.03.2024).

6. Сорокина, Т.А. Исследование потребителей при выходе на новый сегмент потребителей товара/услуги [Электронный ресурс] / Юнит Консалтинг: сайт. URL: <https://www.unitcon.ru/issledovaniya/issledovanie-potrebitelej-pri-vykhode-na-novuj-segment-potrebitelej-tovara-uslugi.html> [электронный ресурс] (дата обращения: 02.03.2024).

7. Твердохлебова, М.Д. Количественные и качественные исследования в маркетинге [Электронный ресурс] / М.Д. Твердохлебова // Большая российская энциклопедия: электронный журнал. URL: <https://bigenc.ru/c/kolichestvennye-issledovaniia-v-marketinge-186096> (дата обращения: 05.03.2024).

8. Тюрин, Д. В. Маркетинговые исследования: учебник для вузов / Д. В. Тюрин. Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 342 с.

АЛГОРИТМИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ И ПОПЫТКА ВЫХОДА ИЗ ЭХО-КАМЕР: АНАЛИЗ ДЕЙСТВИЙ КРУПНЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ В РОССИИ

*Липтуга Артем Валерьевич
(СПбГУ, СИ РАН)*

Механизм действия пользователя внутри эхо-камер и информационных пузырей: экспериментальное исследование для развития критического мышления" (рег. номер 124091700011-4) при поддержке Минобрнауки России и ЭИСИ.

Аннотация: В статье рассматривается, как крупные технологические компании в России (Яндекс, Ozon) используют алгоритмы для формирования информационного пространства, что приводит к созданию "эхо-камер" и "пузырей фильтров". Анализируются различные подходы компаний: Яндекс внедрил нейросеть для обобщения отзывов, а Ozon сделал профили клиентов публичными.

В современном цифровом обществе крупные технологические компании играют ключевую роль в формировании информационного пространства, выступая в качестве посредников между пользователями и потоками информации. Эти компании, используя сложные алгоритмы для обработки и представления данных, могут существенно влиять на восприятие реальности своими пользователями. Подобные алгоритмические процессы не лишены негативных последствий. Они могут привести к созданию так называемых "эхо-камер" и "пузырей фильтров" [1], где пользователи получают доступ исключительно к той информации, которая подтверждает их существующие взгляды и предпочтения. В результате, контраргументы и альтернативные точки зрения остаются за пределами восприятия, что может способствовать углублению социального разделения и поляризации мнений.

С социологической точки зрения, это явление можно рассматривать как проявление более широких социальных процессов, связанных с изменением способа получения и обработки информации. В условиях цифровизации и глобализации, где информация становится одним из основных ресурсов, крупные технологические компании, такие, например, как российские Яндекс и Ozon, начинают с помощью алгоритмов подталкивать пользователей к выбору, что создает замкнутые самовоспроизводящиеся системы. Эти системы не только формируют пользовательские предпочтения, но и активно влияют на общественное мнение, создавая условия для неравномерного распределения информации. Тем не менее, Яндекс и Ozon выбрали разные алгоритмические стратегии.

Яндекс и демонстративная алгоритмизация. Как одна из ведущих технологических компаний в России, Яндекс активно использует алгоритмы в своей работе, что позволяет ему оставаться на переднем крае цифровых технологий и предоставлять пользователям широкий спектр услуг. Одним из ярких примеров такого подхода является Яндекс.Маркет — платформа для онлайн-покупок, которая эффективно использует алгоритмы для ранжирования товаров и предложения персонализированных рекомендаций. Эти алгоритмические механизмы основаны на анализе данных о предыдущих покупках и интересах пользователей, что позволяет создавать индивидуализированные предложения, соответствующие их потребностям.

Необходимо отметить, что использование данных алгоритмов может привести к созданию эхо-камер. В условиях, когда пользователи постоянно видят только те товары,

которые соответствуют их предыдущим предпочтениям, существует риск упущения альтернативных предложений. Это создает эффект замкнутого информационного пространства, где пользователи становятся все более узконаправленными в своих выборах, игнорируя разнообразие товаров, которые могут оказаться интересными или необходимыми. Данное явление имеет серьезные социологические последствия, так как может способствовать формированию узких взглядов и снижению открытости к новым идеям и продуктам.

В ответ на выявленные проблемы Яндекс.Маркет пошел по пути ещё более демонстративной алгоритмизации, внедрив нейросеть, которая собирает и суммирует отзывы по конкретному товару, формируя на их основе обобщенный отзыв. Этот шаг нацелен на то, чтобы предоставить пользователям более объективное представление о товаре, значительно сокращая время, необходимое для анализа множества отзывов. Однако, несмотря на очевидные преимущества такого подхода, существует и ряд угроз, связанных с увеличением доверия пользователей к "черному ящику" алгоритмов [2]. В этом контексте важно понимать, что система может упустить некоторые отзывы или уменьшить их значимость, что может исказить общее впечатление о товаре и повлиять на принятие решения о покупке.

Социологически данный процесс может быть рассмотрен как отражение цифровой медиатизации и изменение способов взаимодействия людей с информацией. В условиях, когда алгоритмы становятся все более влиятельными в формировании общественного мнения, возникает необходимость критического осмысления того, как эти технологии воздействуют на социальные отношения и поведение пользователей. Подобная динамика подчеркивает важность развития медиаграмотности и критического мышления в обществе, чтобы люди могли осознанно подходить к информации, представляемой им алгоритмами, и не попадать в ловушку узкого информационного поля, создаваемого цифровыми платформами. Таким образом, важно не только развивать алгоритмические инструменты, но и обеспечивать прозрачность их работы, чтобы пользователи могли осознавать механизмы, которые влияют на их выбор и восприятие реальности.

Ozon как социальная сеть с живыми отзывами представляет собой интересный и инновационный подход к взаимодействию между пользователями и платформой. Компания сделала акцент на значимости настоящего человека в процессе формирования мнений и выбора товаров, что подчеркивает ее стремление создать более прозрачную и доверительную среду для пользователей. Вместо того чтобы полагаться исключительно на алгоритмические механизмы, которые могут создавать эхо-камеры и фильтры, ограничивающие доступ к разнообразной информации, Ozon принял решение сделать все профили клиентов публичными по умолчанию. Это означает, что каждый пользователь может ознакомиться с отзывами других клиентов, а также получить доступ к полной истории покупок на аккаунте, что позволяет строить более полное представление о качестве товаров и репутации их авторов.

Такой подход открывает новые горизонты для покупателей, позволяя видеть более широкий спектр мнений и впечатлений. Чужой опыт владения товаром теперь воспринимается в контексте публичного образа аккаунта, который включает в себя не только отзывы, но и общую активность пользователя на платформе. Это создает менее опосредованную связь между покупателями и продуктами, а также способствует формированию сообщества, где мнения и советы становятся важными элементами процесса принятия решения о покупке. Однако, несмотря на положительные аспекты, такая модель также порождает ряд социологических и этических вопросов.

Опубличивание профилей может привести к проблемам с конфиденциальностью. Пользователи, оставляя отзывы и делясь своими покупками, могут не осознавать, что их данные становятся доступными для широкой аудитории. Это создает риск несанкционированного использования личной информации и потенциального нарушения приватности. Более того, такая открытость может быть использована для манипуляций, включая создание фальшивых страниц, которые имитируют реальных покупателей с целью дезинформации и введения в заблуждение других пользователей. Это поднимает вопрос о том, насколько эффективно Ozon может контролировать и предотвращать подобные практики, а также о том, как они могут повлиять на доверие пользователей к платформе.

Таким образом, различия в подходах Яндекса и Ozon показывают, как технологии могут влиять на социальные процессы и общественные отношения. Яндекс.Маркет с его акцентом на алгоритмическую обработку информации, системно регулирует отклики, отзывы, мнения пользователей, в то время как Ozon сосредоточивает внимание на агрегировании мнений потребителей, делая аккаунты публичными. Эти подходы иллюстрируют, как технологии могут как способствовать, так и препятствовать социальному взаимодействию, подчеркивая важность критического осмысления и ответственности в их использовании.

1. *Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? – Альпина Бизнес Букс, 2012. – 304 с.*
2. *Шошана Зубофф. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. Пер. с англ. А.Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. – М.: Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Лозовская София Игоревна
(Санкт-Петербургский государственный Университет)

Красильникова Евдокия Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный Университет)

Ввиду цифровизации традиционный экономический уклад претерпевает глобальные изменения, которые структурно преобразовывают институты занятости и заработной платы. Появляются новые термины, такие как “трудовые цифровые платформы” и “платформизация трудовых отношений”. Платформа как организационная структура и социально-экономический актор предлагает многогранность ролей. Цифровые платформы могут рассматриваться как организационная инновация, которая позволяет эффективно координировать деятельность множества экономических агентов без их физического, темпорального и организационного (в смысле формального членства) соприсутствия. [1, с. 15] Цифровые платформы выходят за пределы профессиональных рынков, например, программирования, и уже направлены на удовлетворение массового спроса – доставки еды и такси благодаря широкому распространению мобильных устройств с геопозицией, алгоритмического управления на основе цифрового поведения пользователей. Более того, спрос удовлетворяется по запросу в конкретное время в нужном месте и максимально удобным образом. Также платформы оказывают влияние на масштабы, структуру и условия занятости во многих секторах. Так, платформа Airbnb влияет не только на отельный бизнес, но и на туристическую отрасль в целом, а также на рынок недвижимости [1, с. 15], ввиду того, что в некоторых городах увеличение числа объектов, сдаваемых через Airbnb, может способствовать росту цен на аренду и покупку недвижимости, а владельцы недвижимости могут предпочитать сдавать свои квартиры через Airbnb вместо долгосрочной аренды, что меняет динамику рынка аренды и снижает количество доступных квартир для постоянных жильцов. Цифровые платформы видятся и как новая модель бизнеса – платформа сама не занимается производством товаров и услуг, она лишь опосредует и организует взаимодействия между производителями и потребителями в рамках трехсторонней системы отношений. Платформенная модель фирмы-медиатора трансформирует занятость: институционализируется новая категория работников с трудноопределимыми границами, чей труд опосредуется платформами. Они не состоят в трудовых (как штатные работники) или контрактных (как временные работники) отношениях с самой платформой, а предоставляют трудовые услуги сторонним клиентам и в большинстве случаев имеют правовой статус самозанятых или же независимых подрядчиков, что лишает их всевозможных социальных гарантий. Платформы выступают и в качестве инфраструктуры, которая создает пространство – технические и институциональные возможности взаимодействий между участниками рынка. Цифровые платформы буквально рынокообразующие экономические субъекты, они вездесущи, так как выступить в качестве продавца, покупателя, работника за пределами платформ становится затруднительно, а в некоторых случаях – невозможно. Как итог, трудовая автономия работника мнима, а платформенные компании монополизуют и приватизируют целые рынки, выступая в роли «цифровых лендлордов», которые получают ренту за предоставление доступа к условиям производства. [1, с. 16] Цифровые платформы выступают частными регуляторами рынков, единолично институционализируя «правила игры», разрешают споры между

участниками. Они также способны создавать новые транснациональные рынки труда вплоть до общепланетарного характера. Платформы обладают также нормотворческой властью, которая зафиксирована в пользовательском соглашении, который по сути не содержит договорного начала и может изменяться платформой в одностороннем порядке без предупреждения, что ставит рабочего опять же в зависимое положение. Также цифровые платформы полагаются на алгоритмическое управление, которое направляет взаимодействия, в автоматическом режиме разрешая или запрещая определенные действия: например, при поиске услуг высвечиваются первым планом те услуги, которые проплатили рекламу у самой платформы. Более того, в отличие от традиционных подходов к регулированию рынков, призванных создать прозрачные и стабильные «правила игры», цифровые платформы целенаправленно производят неопределенность, формируя своеобразную «невидимую клетку» – форму контроля, в которой критерии успеха и изменение этих критериев непредсказуемы или сложно определимы. [1, с. 21] Так, на площадке Wildberries существует целая сеть меняющихся алгоритмов, процентное соотношение (степень влияния) которых неизвестна: скорость доставки, объемы продаж товара, текстовая релевантность, рекламное продвижение, конверсия, рейтинг и другое, хотя пару лет назад главенствующим фактором, который повлиял на продажи, был их объём.

Что касается непосредственно трансформации института заработной платы, он изменяется, в зависимости от социально-экономической формации в конкретные исторические периоды. Сам институт заработной платы появляется с развитием индустриального производства, капиталистических отношения и формированием такого понятия, как наемный труд. В индустриальном обществе человек имеет фиксированный рабочий день, постоянное место работы, фиксированную заработную плату, которой, как правило, хватает на обеспечение своих потребностей и потребностей своей семьи.

В эпоху цифровизации и платформизации рынка труда заработная плата претерпевает значительные институциональные изменения, как в России, так и в мире. Во-первых, набравшие за последние годы популярность фриланс-биржи координируют отношения соискателей друг с другом и трансформирует процессы оплаты труда и налогообложения. В силу того, что работа, найденная посредством таких платформ не требует территориального совпадения контрагентов, она получает возможность становиться международной. Заказ, выполненный для иностранного клиента может быть оплачен в иностранной валюте, например, долларах. В ходе исследования работников в период экономического кризиса в Венесуэле Джулиан Посада [2, с. 5] пришел к выводу, что для многих из них, платформенная занятость стала спасением от нищеты. Возможность зарабатывать в долларах и криптовалюте позволила работникам частично избежать последствия экономического кризиса 2020 года. Таким образом, «платформы-маркетплейсы» могут делать институт заработной платы зависящим от иностранной валюты, из чего может вытекать обесценивание валюты, усугубление инфляции и сложности в управлении экономики ЦБ. Более того, хотя цифровые платформы значительно упрощают поиск исполнителей и заказчиков, их использование предполагает, что работник будет отдавать комиссию 2-20% от успешно проведенных сделок.

Другой тип платформ представляет из себя подобие теневых корпораций. [1, с. 20] В этой модели подбор и фиксация цен осуществляется самой платформой. Работники представляют интересы платформы, и выступают от ее имени, зачастую используя ее мерч: брендированную одежду или транспорт.. В России наиболее крупной такой корпорацией является Яндекс. В 2023 он практически монополизировал рынок такси после того, как выкупил долю Uber в группе компаний MLU В. V. Доставки Яндекс также взял на себя

после того, как ВК продали ему Delivery Club. Это привело к тому, что многие другие сервисы, предоставляющие услуги такси, стали неконкурентоспособными, а теневой сегмент экономики в этой сфере постепенно исчез, так как Яндекс Go вытеснил с рынка так называемых “бомбил” [1, с. 118]. Людям, лишившимся работы не осталось выбора, кроме как заключить договор с платформой. Таким образом, в России все больше работников переходят в формальный сектор экономики, а их занятость легализуется. Это предоставляет государству больше возможностей контроля платформенной занятости и налогового обложения платформенных работников. Согласно исследованию НИУ ВШЭ в 2024 г. больше платформенных занятых стали оформлять выполненные работы официально: показатель повысился с 51,4% в 2022 году до 54,5%, в 2023 [3, с. 26]. Главной причиной для массового оформления официальной занятости является предоставление платформами возможности регистрации самозанятости. Самозанятые платят меньший налог в 4% или 6% в отличие от привычных 13%, что служит основанием для охотного изменения работниками своего статуса. Однако комиссию взимает сама платформа: например, Яндекс Go в зависимости от тарифа берет 18% – 20,47%. Кроме того, из заработной платы вычитается стоимость программного обеспечения (5,50%) и НДС (18%). Также у платформенного работника появляется возможность не отчислять часть зп в фонды, что ограничивает его социальные права.

Оформление самозанятости – необязательное условие работы на платформах. У таксистов и курьеров есть возможность найти локального партнера корпорации и трудоустроиться через него. Однако платформы агитируют работников оформлять самозанятость, и даже предоставляют различные поощрения тем, кто перешел на этот формат. Например, большой процент прибыли или ещё более низкая ставка на первые месяцы. С учетом растущей монополизации таких сфер, как такси и доставки, вполне вероятно, что крупные платформы “в итоге успешно реформируют всех своих работников как самозанятых и потенциально смогут успешно контролировать финансовые потоки работников в интересах государства”. [1, с. 25] То есть низкий налог используется как инструмент привлечения рабочей силы из теневого сектора в формальный, что служит интересам государства.

Таким образом, платформизация приводит к большей гибкости и интернациональности заработной платы, но также вводит дополнительные комиссии и посредников, а также способствует легализации и контролю занятости со стороны государства. Доход работников становится в зависимость от алгоритмов платформы, то есть его определяет не трудовой договор, а заранее заданные правила. Также для платформенных занятых заработная плата будет иметь вариативный характер, а часть заработной платы время от времени будет покрывать социальные расходы.

1. Шевчук А. В. Роль цифровых трудовых платформ в трансформации занятости: экономико-социологический анализ / А. В. Шевчук // 2023
2. Posada J. Deeply embedded wages: Navigating digital payments in data work/ J. Posada // *Big data & society*. 2024
3. Суняевская О.В., Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых. Экспертный доклад / Бирюкова С.С., Карева Д.Е., Стужук Д.А. // *Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»*. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 64 с. — ISBN 978-5- 7598-4067-1 (e-book)

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ И ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В КИТАЕ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ

Лю Тяньси

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Лебединцева Любовь Александровна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Юй Ян

(Санкт-Петербургский государственный университет)

РНФ №24-28-01448

Аннотация. Со времени основания КНР был пройден уникальный путь развития общественных наук. Этот процесс связан не столько с развитием политической и культурной жизни страны, но также и с эволюцией университетов. В частности, развитие социологии как научной дисциплины неразрывно связано с развитием университетов. В статье анализируются этапы развития высшего образования и социологии в Китае с момента основания КНР.

Ключевые слова: Китай, высшие учебные заведения, общественные науки, социология.

Китай с древних времен имел свою систему подготовки кадров. Уже около 4000 лет назад появились образовательные учреждения, называвшиеся «университетами»[1, 34]. Хотя эти учреждения не были университетами в современном понимании, они выполняли функции высшего образования, готовя кадры для могущественного феодального государства и создавая уникальную систему высшего образования[5, 20]. В период до основания КНР Китай, находясь под влиянием западной культуры, уже начал создавать современные высшие учебные заведения, предназначенные для подготовки специалистов. Социология как наука зародилась в это же время, одновременно с появлением университетов.

В 1895 году в Китае был основан первый государственный университет. В этом же году в статье «Истоки силы» в газете Тяньцзиньского издания «Чжибао» Янь Фу представил труды Спенсера, впервые познакомив китайское общество с социологией[3, 79]. После этого по всей стране начали возникать университеты, как миссионерские, так и основанные китайцами. Социология постепенно вошла в программу университетов и стала официальным предметом. К моменту основания КНР в 1949 году в Китае было 205 вузов, из них в тридцати университетах велось преподавание социологии.

Количество университетов в Китае

С 1949 года число университетов стабильно увеличивалось. На графике 1 показана тенденция роста количества университетов в Китае. В период с 1949 по 1957 годы значительных изменений не наблюдалось, однако в 1958 году количество высших учебных заведений увеличилось в три раза по сравнению с предыдущим годом. Это было время, когда Китай восстанавливался после войны, и в стране возрождались экономика, культура и образование, поэтому число университетов росло медленно.

С 1958 года количество университетов начало расти стремительно, и к 1960 году их число превысило тысячу. Это произошло благодаря первому пятилетнему плану (1953-1957 годы), в который было включено развитие высшего образования. Однако развитие социологии в этот период замедлилось. Несмотря на раннее проникновение этой науки в Китай, и появление таких социологов, как Сунь Вэньбэнь, Фэй Сяотун, Ли Цзиньхань и Чэнь Да, социология перестала развиваться после основания КНР[4, 54]. Под влиянием советской образовательной системы и марксизма китайское общество отвергло социологию как буржуазную науку. Социология исчезла из университетов и вернулась лишь в 1978 году.

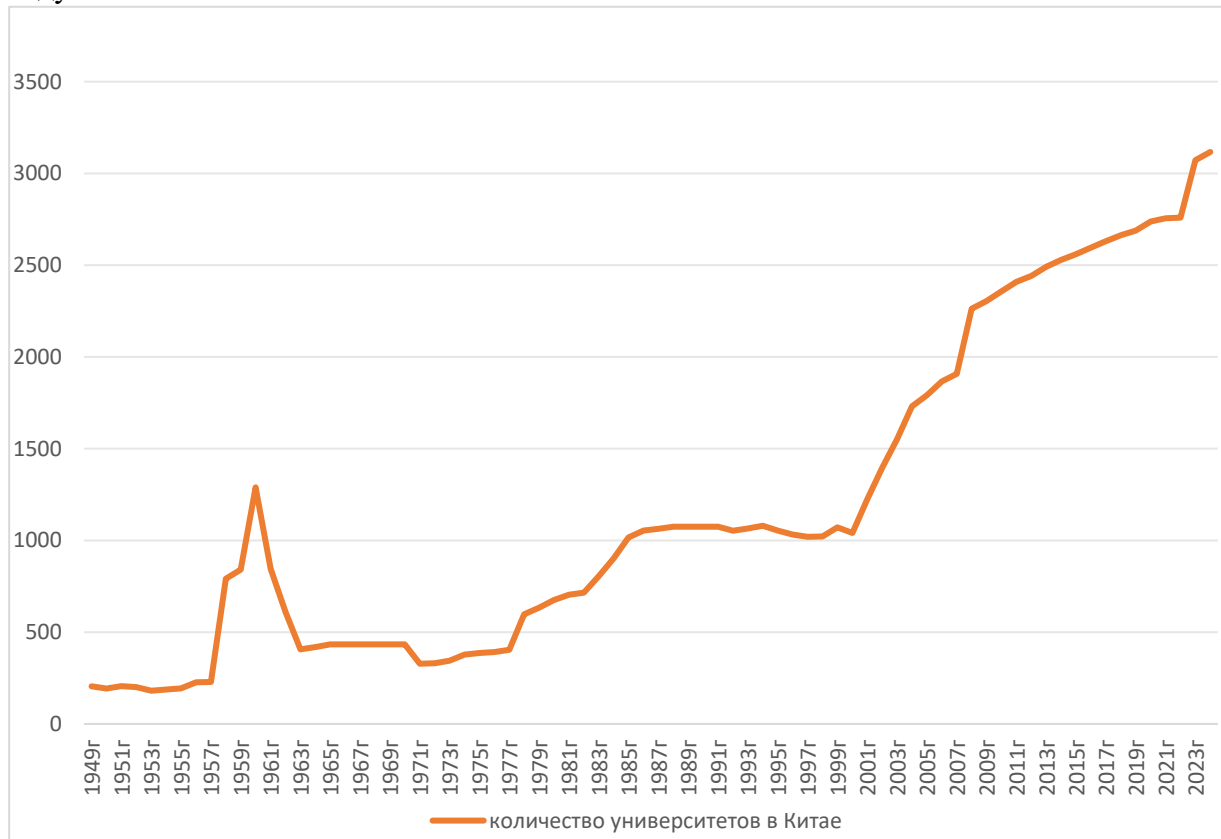

Рис. 1. Количество университетов в Китае (1949-2023 гг.)

Количество университетов, имеющих специальности социологии в Китае

В 1961 году количество университетов начало снижаться, что связано с экономическими и политическими трудностями, такими как развитие тяжелой промышленности, политика народных коммун и Культурная революция[4, 105]. Все это повлияло на образование и культуру, в том числе на развитие социологии, которая оставалась в упадке до реформ 1978 года.

После 1977 года количество вузов начало снова расти и сохранялось на уровне около тысячи на протяжении долгого времени. В XXI веке рост числа университетов ускорился. Как показано на графике, с 1978 года социология также начала развиваться. После того как Дэн Сяопин указал на необходимость быстрого развития социологии, эта дисциплина вступила в период расцвета. В настоящее время социологические факультеты есть в 102 из 3000 университетов Китая, однако можно утверждать, что социология становится все более востребованной и популярной среди общественных наук.

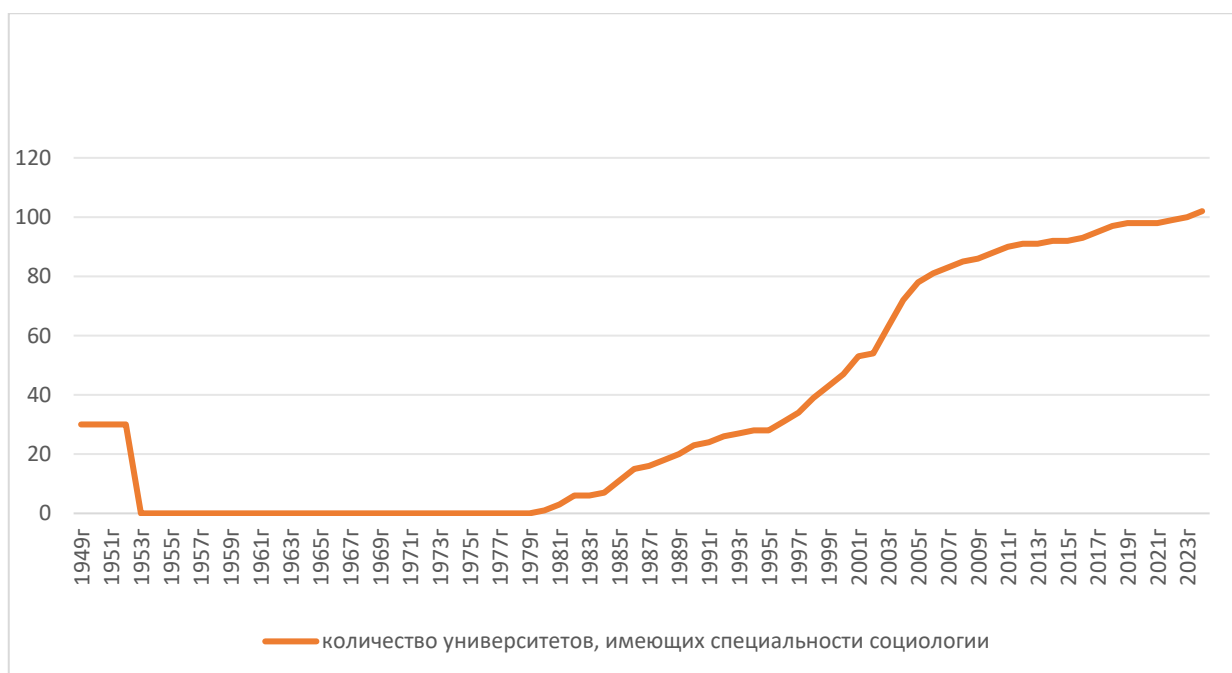

Рис. 2. Количество университетов, имеющих специальности по социологии

Вывод

Хотя высшие учебные заведения и социология в Китае начали развиваться позже, чем в западных странах, их рост был стремительным. Политические и социальные условия страны оказывали значительное влияние на этот процесс. Китайская система высшего образования и социологическая наука прошли через периоды стагнации, но после реформ и открытия страны в 1978 году обе сферы начали активно развиваться. Социология в Китае обрела уникальные национальные особенности и привлекает внимание ученых по всему миру.

1. *Ежегодник китайской социологии (1989–1993 гг.) / Под ред. Института социологии Китайской академии социальных наук. Encyclopedia Press. 1994. (на кит. языке)*
2. *Ежегодник китайской социологии (1995–1998 гг.) / Под ред. Института социологии Китайской академии социальных наук. Social Sciences Literature Press. 2000. (на кит. языке)*
3. Хан Минган. *История китайской социологии. Тяньцзиньское народное издательство. 1987. (на кит. языке)*
4. Чжэн Ханиэн, Ли Инциэн. *Новое издание истории китайской социологии. Higher Education Press. 2000. (на кит. языке)*
5. Ян Ябинь. *История китайской социологии. Шаньдунское народное издательство, 1987. (на кит. языке)*

МОДЕЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

*Малинина Татьяна Борисовна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

С развитием информационных технологий меняются потребительские практики. Трудно найти человека, который не пользуется смартфоном, ноутбуком, планшетом или каким-либо другим гаджетом. Следовательно, большинство членов общества участвуют в информационном потреблении посредством своих цифровых средств связи. Информационный продукт порождает своего потребителя, оказывает влияние на его образ жизни, стиль потребления, создает модель цифрового потребления, которую следуют еще изучить научному сообществу.

Посредством информационных технологий потребляется не только информация, но и произведенный продукт для личного потребления. Модели потребления представляют собой меняющуюся поведенческую практику. Их можно рассматривать с точки зрения экономической, социальной или культурной; как систему символов и знаков; как осознанную деятельность по конструированию собственной идентичности; как процесс выбора, покупки и утилизации товаров и пр. В условиях цифрового общества сложившиеся модели потребления видоизменяются. Заметим, что с точки зрения социологии, связь между уровнем дохода и стилем потребления не однозначна [1,198]. Потребители отличаются в зависимости от социально-демографических, статусных, экономических показателей, стиля жизни, поведенческих и психологических характеристик. Обычно типологизация потребителей выстраивается исходя из дохода, рода деятельности и образования. Доход является индикатором покупательской способности, это, безусловно, важнейший фактор для поддержания стиля жизни. Довольно часто люди в одной сфере занятости имеют схожий уровень знаний, схожий доступ к средствам формирования жизненного стиля и проведения досуга. Образование влияет на вкусы, ценности, способ анализа информации и др. Однако ни доход, ни род деятельности и профессия, ни образование в полной мере не определяют стиль. И если качество, уровень, образ жизни связаны с объективными условиями жизни человека, тогда и смена образа жизни и образа потребления зачастую связаны с динамикой доходов либо сменой места проживания. Однако, когда при сопоставимых доходах, образовании и профессии индивиды, проживающие по соседству, выбирают различные услуги, товары, места отдыха и стили проведения досуга – это и есть пример выбора различных стилей потребления [1,199].

Рассмотрим основные модели потребления и их особенности. К классическому потреблению можно отнести модель демонстративного (престижного) потребления, описанную Т. Вебленом в своей работе «Теория праздного класса». Потребление представлено в виде инструментальной деятельности, оптимизирующей структуру расходов и отражающую зарождающееся различие в стилях потребления, так как покупка товара для потребителя представляет собой способ самореализации и причастности к определенной статусной группе посредством воспроизводства элементов ее образа жизни.

Модель гедонистического потребления, можно рассматривать как модификацию модели демонстративного потребления. Эта модель была описана Э. Хиршман и М. Холбруком. Практики потребления, кроме обмена товарами, услугами, ресурсами, включают в себя обмен впечатлениями. В этой модели на первый план выходит эмоциональные желания при выборе товара, с какими-то смыслами и значениями, которые заменяют в сознании потребителя его физические свойства.

Модель гиперпотребления: количество покупаемых товаров и услуг превосходит необходимые потребности покупателя. Приобретенный таким образом товар или услуга имеет терапевтический эффект: снять стресс, улучшить самочувствие или компенсировать неудачи в жизни.

Модель пуританского потребления представлена в работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Здесь представлено критическое отношение пуритан к чрезмерному потреблению и демонстрируется добровольное самоограничение, при достаточном количестве ресурсов.

Э. Тоффлер разработал модель просьюмерского потребления, характеризующего современного активного потребителя – просьюмера (prosumer), который объединяет в себе функции потребителя (consumer) и производителя (producer). Например, потребители магазина ИКЕА.

Возникает такой стиль потребления как аффилиативный. Его можно рассматривать как альтернативу массовому потреблению. В этом случае потребитель пытается подражать какой-нибудь знаменитости, актеру. Сегодня, в цифровом пространстве, он активно практикуется для манипуляций потребителем поведением, например, в различных социальных сетях. Противопоставление массовому потреблению можно привести модель контркультурного потребления, характеризующееся приобретением эксклюзивных товаров и услуг. Образ и стиль контркультурного потребления доступен малому числу людей (ряд элит, молодежные субкультуры и т.п.)

Цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества привело к модели информационного потребителя. Его решение о совершении покупки товара или услуги полностью привязаны к гаджетам. Эта модель пока не получила значимого распространения, но это временное явление. Этот феномен потребительского поведения еще предстоит изучить научному сообществу.

Сегодня повлиять на поведение потребителя довольно сложно. Современный человек отлично знаком со всеми традиционными маркетинговыми инструментами, не доверяет рекламе, наше сознание выработало способность фильтровать внешние раздражители, не относящиеся к сфере наших интересов и актуальных потребностей [2,64]. В поведении потребителей выделяют три аспекта: познавательный, эмоциональный и деятельностный. Последний связан с приобретением товара или услуги (включая предшествующие действия по поиску информации, принятии решения о покупке, заказе или непосредственно покупке), потреблением и освобождением от товара или его остатков. Действительно, большинство экономически активных потребителей сегодня ежедневно использует Интернет и охотно обращается к нему за информацией о товарах и услугах: 93 % респондентов используют Интернет каждый день, 80 % респондентов регулярно обращаются к Интернет за информацией перед совершением покупки, однако, всего лишь 41 % респондентов часто совершают покупки на основании информации, полученной в Интернете [2,65]. Заметим, что цифровое потребление оказывает значительное влияние на социализацию молодежи и формирование ее ценностей и поведенческих моделей, поскольку оно предоставляет доступ к широкому кругу информации, общению и развлечениям, которые, в свою очередь, могут моделировать мировоззрение и поведение [3, 221].

Таким образом, социальные трансформации влияют на стиль потребления, на образ жизни потребителя, изменяют все основные факторы потребительского поведения, включая мотивационные, ценностные, социальные и коммуникационные. Происходит активная социализация, проявляющаяся в объединении потребителей в неформальные группы и обмен мнениями о товарах и услугах, что определяет выбор потребителей и

формирует предложение с их стороны. Изменяется направленность рынка от продавец-потребитель на потребитель-продавец. Потребитель должен обладать компетенциями и навыками в области информационных и коммуникационных технологий. Распространение многих видов экономической деятельности в компьютерной сети Интернет и расширение возможностей для потребителей, приводит к изменению потребительского поведения и новым моделям потребления для корректировки действий маркетологов, занятых в финансовой, образовательной, производственной сферах.

1. *Линцова Н. Ю. Модели стилей потребления в трансформирующихся обществах // Социологический альманах. 2014. №5. С.197-205*
2. *Старовойт М.В. Особенности потребительского и коммуникативного поведения современных пользователей Интернета // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 6370.*
3. *Мухаметшин Р.М Молодежь и цифровое потребление в контексте социализации новых поколений. // Вестник экономики, права и социологии, 2024, № 2 стр 220-223*

КЛЮЧЕВЫЕ ВЕХИ В АНАЛИЗЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ПРЕКАРНОЙ ЗАНЯТОСТИ

*Мельник Анастасия Дмитриевна
(Уральский федеральный университет)*

Аннотация. Систематизирована отечественная литература о прекарной занятости и по однокоренным с нею понятиям (n=282). Выявлено, что около половины наименований научных работ посвящено прекариату: сохраняется интерпретация феномена через призму классовой теории. Ограничены возможности теоретического осмысления прекарной занятости и ее оснований, необходим переход от изучения уязвимого класса к пониманию прекарных (меняющихся) характеристик труда современных работников.

Ключевые слова: прекарная занятость, прекарный труд, подвижные технологии, передовые работники, меняющиеся личности, человеческий капитал.

В исследованиях прекарной занятости наблюдается тенденция роста научных работ среди отечественных ученых, в частности социологов. Выводы сделаны на основе массива статей, проиндексированных в базе данных «Google Scholar» за период 2011-2024 гг. (n=282). Ключевыми вехами в вопросах анализа отечественной литературы о прекарной занятости являются следующие.

Во-первых, особенности перевода англоязычного понятия «precarious employment» («прекарная занятость») на русский язык породили на первых этапах интерпретации данного явления пул научных работ, связанных с неустойчивой занятостью [1–4]. При систематизации учеными оснований прекарной занятости отмечено, что ее понимание сводилось к противопоставлению различных категорий занятости: стандартная – нестандартная, типичная – нетипичная, формальная – неформальная, устойчивая – неустойчивая, которые не всегда полно и всесторонне трактовали сложившуюся ситуацию по поводу занятости [5]. Вариации определений прекарной занятости исключены при формировании массива данных. Тем самым, мы акцентируем внимание, что прекарная занятость позволяет обосновать единый подход к интерпретации данного явления.

Во-вторых, около половины наименований научных работ посвящено прекариату: сохраняется интерпретация феномена через призму классовой теории, ее развитие отражено в современных работах [6] и своеобразным образом трансформировано в концепции прекариата Г.Стэндинга, где выделен новый опасный класс [7]. В связи с чем основным направлением исследований остается числовая смена мест работы и характеристики, определяющие уязвимые позиции индивидов в организациях в частности и на рынке труда в целом. Несмотря на то, что в более поздних работах Стэндинга обсуждались вопросы понимания прекариата через категорию труда и работы [8], изучение характеристик труда не получило широкого распространения. Проведенные им концептуальные различия между пониманием «работы» и «труда» привели к тому, что труд критиковался в силу подчиненного характера, лежащего в основе трудовых отношений, регулируемых по принципу дуализма: эксплуатации и господства одного класса над другим. Поэтому роль прекарного труда в поиске оснований прекарной занятости остается недооцененной в литературе.

В-третьих, отсутствие единых оснований для теоретико-методологического анализа прекарной занятости сформировало пул исследований, где изучался процесс формирования неустойчивых трудовых отношений между работником и работодателем, т. е. прекарнизация. Условно, это вторая половина работ в выборке, которые сводятся к изучению гибкости и дерегуляции трудовых отношений на современном рынке труда.

Наконец, мало изучена роль образования в контексте precarious занятости. Не всегда учитывается, что развитие высоких технологий, необходимое для экономики инновационного типа, определяет контекст динамично меняющегося рынка труда: необходим переход от изучения уязвимого класса к пониманию precarious характеристик труда передовых работников, которые проявляют направленную активность к освоению нового в труде. В этом случае вузы становятся «фабриками» по воспроизводству выпускников, ориентированных на precarious занятость, в частности путем вовлечения студентов вузов в проектную деятельность, где формируется готовность к частой смене содержания труда [9].

Таким образом, ключевым исследовательским вопросом в контексте precarious занятости как явления должны стать не количественные индикаторы смены мест работы и переговорных позиций работников по поводу заработной платы и других характеристик их занятости, а то, как современному работнику на постоянной основе развивать навыки, чтобы быть способным осваивать технологические новации в своей трудовой деятельности, обеспечивая необходимые для организации темпы создания и обновления техник, технологий.

1. Вередюк О.В. Неустойчивость занятости: теоретические основы и оценка масштабов в России // Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 5: экономика. 2013. №1. С. 25–32.
2. Бобков В.Н., Квачев В.Г., Локтюхина Н.В., Риччери М. Критерии, вероятность и степень неустойчивости занятости с учетом особенностей российского рынка труда // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 3. С. 672–683. doi:10.17059/2017-3-3
3. Бобков В.Н., Квачев В.Г., Новикова И.В. Неустойчивая занятость в регионах Российской Федерации: результаты социологического исследования // Экономика региона. — 2018. Т. 14, вып. 2. С. 366–379. doi: 10.17059/2018-2-3
4. Попов А.В., Соловьева Т.С. От прекарнизации к неустойчивой занятости: теоретическое осмысление хрестоматийных понятий // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12, № 5. С. 90–101. doi: 10.18721/JE.12507
5. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тоценко. М.: Издательство Весь Мир, 2021. 400 с.
6. Анисимов Р.И. Прекариат как новый социальный класс в контексте марксистской теории // Социологический журнал. 2021. Т. 27, № 1. С. 10–27. doi: 10.19181/socjour.2021.27.1.7842
7. Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class* / G. Standing. London: Bloomsbury Academic, 2011. 198 p.
8. Standing G. *Understanding the precariat through labour and work* // *Development and Change*. 2014. Vol. 45. Iss. 5, P. 963–980. doi: 10.1111/dech.12120
9. Меренков А.В., Антонова Н.Л., Бахтин Е.Л., Попова Г. И. Университеты как источник формирования precarious занятости // Интеграция образования. 2023. Т. 27, № 2. С. 273–288. doi: 10.15507/1991-9468.111.027.202302.273-288

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЫНКА ТРУДА

Никифорова Ольга Александровна

(Санкт-Петербургский государственный университет, Институт "Высшая школа менеджмента")

Аннотация

Рынок труда – это не просто рынок, на котором происходят сделки по поводу купли-продажи рабочей силы, это, в первую очередь, человекоцентричная система, обладающая своей социальной, институциональной, культурной особенностями. Именно поэтому, рынок труда в России будет отличаться от Европы, Америки или Китая; а рынок труда Москвы от рынка труда Петербурга, Владивостока или Калининграда. Есть различия и в рынках труда для разных возрастных групп и так далее. Автор фокусирует внимание на неэкономических факторах развития рынка труда, а именно институциональных, культурных и социальных аспектах, анализ которых необходимо включать не только в прикладные исследования, но и в профессиональную область управления человеческими ресурсами.

Введение

В исследовательском контексте современного экономико-социологического анализа рынок труда занимает одно из центральных мест. Исследование рынка труда, в частности, требует внимательного междисциплинарного рассмотрения, а также фокуса на трактовках и понятиях. Научная литература предлагает множество трактовок даже центрального понятия «рынка труда». В классической интерпретации рынок воспринимается как пространство, где осуществляются купля-продажа товаров и услуг. Более широкое понимание включает концепцию рынка как территории, на которой происходят торговые транзакции между продавцами и покупателями. Некоторые ученые определяют рынок как саморегулирующийся механизм, в рамках которого осуществляется взаимодействие спроса и предложения, а экономические субъекты самостоятельно определяют как ассортимент продукции, так и ее ценовые параметры. Кроме того, существует интерпретация рынка как специфической экономической системы, где доминирующей формой хозяйствования является саморегуляция через рыночный механизм. Все эти трактовки широко представлены как в научной среде, так и в повседневной практике [1, С.423-424]. На современном этапе исследователь сталкивается с важным вопросом методологии: следует ли рассматривать рынок как универсальную аналитическую модель для объяснения экономических взаимосвязей с ограниченным числом переменных, или же анализировать «реальные» рынки, используя многофакторные модели. Российский социолог и экономист В. В. Радаев предлагает придерживаться второго варианта, подчеркивая, что понятие «рынок» сохраняет свой статус аналитического инструмента даже при использовании эмпирического подхода [2].

Рынок труда как социальная сеть

Рынок труда можно также интерпретировать как сложную сеть социальных связей, которые объединяют его участников [2, С.33]. Например, взаимодействия между крупными монополиями, малым и средним бизнесом, государственными структурами, а также профсоюзами и отдельными работниками, значимо влияют на конкурентные позиции участников рынка. Позиционирование в сети акторов определяет надежность и привлекательность каждого участника как бизнес-партнера. Обращаясь к своему социальному капиталу, индивиды могут не только находить рабочие места, но и успешно развиваться в карьерной лестнице [3]. Часто работники предпочитают мобильные неофициальные связи для расширения своей социальной сети, несмотря на их

потенциальную слабость [4]. Эти связи становятся источником ценнейшей информации и способствуют как профессиональному, так и карьерному развитию.

Рынок труда как институт

С точки зрения экономической социологии, социологии управления и подходов к управлению персоналом рынок труда не просто совокупность спроса и предложения на рабочую силу, но также сложный институт, регулирующий отношения между работниками и работодателями. Институциональный подход позволяет рассматривать рынок труда как совокупность норм, правил, стандартов, традиций, а также формальных и неформальных организаций, которые определяют взаимодействие между его участниками. В данном контексте рынок труда становится структурой, конструирующей поведение людей, влияющей на их мотивацию, цели, ценности и ожидания.

Рынок труда функционирует на основе трудового законодательства, постановлений Правительства на региональном и федеральном уровнях, коллективных договоров, отраслевых стандартов и других правил, устанавливающих рамки для трудовых отношений. К ним относятся, например, минимальная заработная плата, продолжительность рабочего дня, права и обязанности работников и работодателей, режим труда и отдыха и многое другое - все это формирует правила игры на рынке труда.

К активно участвующим в функционировании рынка труда можно назвать профсоюзы, государственные органы трудовой инспекции, агентства по трудоустройству, центры оценки квалификаций, образовательные учреждения и т.д., - все они играют ключевую роль в регулировании рынка труда и формировании правил, создающих контекст для трудовых отношений.

Понимание рынка труда как института позволяет объяснять и устранять неравенство на рынке труда. Различия в условиях труда, заработной плате, возможностях карьерного роста могут быть обусловлены различными институциональными факторами, такими как дискриминация, неравенство доступа к образованию, отсутствие прозрачных и эффективных систем трудоустройства. Институты рынка труда призваны разрабатывать политику регулирования рынка труда. Изучение институциональных особенностей рынка труда позволяет разрабатывать более эффективную политику трудовых отношений, включая законодательные акты, программы переподготовки и профессионального развития, а также механизмы защиты прав работников разных возрастов, жизненных ситуаций, чтобы каждый имел доступ к труду, профессиональному развитию и благополучию. Использование институционального подхода в менеджменте позволяет лучше понимать мотивацию работников, управлять конфликтами, повышать лояльность и удовлетворенность работников и достигать лучших результатов в бизнесе.

Рынок труда как культура

Тема рынка труда как культурного феномена находилась в центре внимания исследователей в последние десятилетия. Современные исследования акцентируют культурные аспекты, влияющие на экономическое поведение индивидуумов и организаций [5]. Влияние культуры на рынок труда – это то, что не видят экономические модели, но очень чувствуют люди как внутри организации, так и вне ее, разделяя или отрицая ценности, транслируемые корпоративной культурой. Культура формирует восприятие и отношение работников к труду, влияет на выбор карьеры, а также на формы взаимодействия между работодателями и работниками. Исследования показывают, что культурные установки, такие как ценности соблюдения трудовой этики или стремление к карьерному росту, определяют не только мотивацию, но и успешность трудовой деятельности [6,7].

Другие исследователи акцентируют внимание на том, как социальные нормы и традиции отдельных культур влияют на отношения на рынке труда. К примеру, в культурах

с сильной традицией коллективизма предпочтение отдается групповой работе, тогда как в индивидуалистических обществах акцент ставится на личные достижения [8].

Ключевым аспектом, который исследуется в рамках данной темы, является влияние культурных различий на глобальных рынках труда. В статьях, посвященных международной миграции рабочей силы, подчеркивается, что мигранты сталкиваются с трудностями в адаптации к новым культурным условиям, что может затруднить их трудоустройство и интеграцию в новые рабочие коллективы [9].

Сравнительный анализ культурных практик позволяет работникам и работодателям адаптироваться к меняющимся условиям на рынке труда, становясь более конкурентоспособными.

Анализ рынка труда требует многогранного подхода, сочетания исторических, структурных и сетевых аспектов для более глубокого понимания его роли в современном обществе. Взаимосвязь культурных, экономических и социальных компонентов создает необходимые условия для дальнейших исследований рынка труда как динамичного и изменчивого элемента экономической системы. Понимание и анализ культурных, социально-экономических, институциональных условий открывают новые горизонты для исследования в области рынка труда и поиска нашего российского «кода» управления человеческими ресурсами.

1. *Экономическая социология: теория и история / Ю. В. Веселов, Е. В. Капусткина, Р. В. Карапетян [и др.]*. – Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2012. – 760 с. – ISBN 978-5-905986-53-6. – EDN XBXCAP
2. *Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления*. — М.: ГУ ВШЭ, 2003 — С. 24.
3. *Бурдые П. Экономическая социология. Том 6. №3. Май 2005. С. 60 — 74.*
4. *Granovetter, M. (1983). The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. Sociological Theory. 1: 201–233.*
5. *Грошев И.В. Менеджмент организационной культуры. М.: МПСУ, 2015.*
6. *Калашникова И. В., Медведева Г. Г., Сигитова М. А., Филиппова К. В. ЦЕННОСТИ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОЛОДЕЖИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА // Вестник ТОГУ. 2022. №1 (64).*
7. *Человек труда в цифровой экономике: новые реалии и социальные вызовы / М. В. Малаховская, Л. В. Кобзева, Н. В. Покровская [и др.] ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2021. – 284 с. – ISBN 978-5-288-06090-8. – EDN KCKRRB.*
8. *Данилова Е., Тарарухина М. Российская производственная культура в параметрах Г. Хофштеда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 3. С. 53–64.*
9. *Минина, В. Н. Иммигранты на рынке труда Санкт-Петербурга: проблемы интеграции в принимающее сообщество и пути их решения / В. Н. Минина, О. А. Никифорова, М. В. Артемова // Труд в современной российской экономике: социальное измерение : Сборник научных статей IV Санкт-Петербургского международного форума труда, Санкт-Петербург, 27–28 февраля 2020 года / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2021. – С. 34–63. – EDN QIVVMO.*

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

*Николаева Алла Алексеевна
(Московский государственный психолого-педагогический университет)*

В современном мире для успешного ведения бизнеса и решения социальных противоречий необходимо постоянное взаимодействие компаний и предприятий со всеми заинтересованными сторонами, реализуемое в виде корпоративной социальной политики. В силу специфики развития каждого государства опыт реализации данной политики, в том числе и корпоративных социальных программ, различен.

Обращаясь к американскому опыту реализации корпоративной социальной политики, следует отметить, что государственное вмешательство в политику компаний является минимальным, однако система стимулирования составлена таким образом, что сами компании активно придерживаются принципов корпоративной социальной политики. Как правило, данное стимулирование представлено льготным налогообложением. Важен и строгий подход американцев к вопросам толерантности. [1]

Американские компании, в первую очередь, ориентированы на прибыль, соответственно, им необходимо применять социальную политику для привлечения сотрудников и, что крайне важно, акционеров. Согласно исследованиям Forbes, восприятие политики компании на 41% основано на восприятии реализации корпоративной социальной ответственности. [2]

Для более точного понимания практической реализации, был проведен анализ отчета о корпоративной социальной политике за 2021 год The Walt Disney Company. В результате данного анализа были выделены основные направления реализации, а именно: социальная политика, защита сотрудников и большая инклюзивность в предоставлении рабочих мест. Компания продолжала продвигать разнообразие, равенство и инклюзивность на своем рабочем месте и за его пределами несколькими способами, включая внедрение новых стандартов включения контента; запуск новой инициативы по привлечению талантов в исторически черных колледжах и университетах; и направляет более 150 миллионов долларов ежегодных благотворительных пожертвований Компании на программы, непосредственно обслуживающие недопредставленные сообщества. Компания намерена направить более 50% своих ежегодных благотворительных пожертвований на программы поддержки недопредставленных сообществ и потратить не менее 1 миллиарда долларов с различными поставщиками к 2024 году.

Также важным направлением реализации социальной политики является экология. Согласно отчетам за 2021 год Disney объединилась с поставщиками коммунальных услуг для того, чтобы построить два солнечных объекта, способных обеспечить до 40% годовых потребностей в электроэнергии. Помимо оптимизации энергообеспечения, идет работа и с минимизацией пластиковых отходов, представленная отказом от соответствующего вида упаковок для некоторых линеек игрушек. [3]

Глядя на вышеприведенные примеры, можно вывести ключевые направления работы американских компаний: люди и экология, то есть мир, котором люди живут. Предоставление всем гражданам равного доступа к рабочим местам и высокий уровень ориентированности на человека, позволяет компаниям иметь высокий статус, вызывающий доверие населения, а также позволяет сохранять ценные кадры. Важно также отметить, что американские компании не только сами придерживаются норм корпоративной социальной политики, но и стараются сотрудничать с теми, кто также их придерживается, зачастую отвергая предложения компаний с иными взглядами на данную тему, а также считают

обязательным придерживание подобной политики и в филиалах, находящихся в других странах.

В отличие от американских компаний европейские представители, в первую очередь контролируются государством и общественными организациями. Так как правительства, профсоюзы в соответствии с Всеобщей Декларацией прав человека и устанавливают необходимые нормы реализуемых социальных программ. А само регулирование представлено тремя уровнями: наднациональным (Европейский союз), национальным, местным.

Несмотря на разные причины реализации, основные направления у Европы и Америки схожи, а именно экология и социальная сфера.

Подтверждением этому является отчет компании Nestle «Creating Shared Value» за 2022 год. В нем говорится о том, что на данный момент компания выполнила 97,2% плана, который должен быть выполнен к концу 2022 года, по поддержанию поставок мяса, сои, сахара, пальмового масла и целлюлозы без обезлесения. Также компания выполняет работу по восстановлению лесов и экосистем, что не только помогает экологии, но и позволяет предоставить людям большее количество рабочих мест.

Как американские, так и европейские представленные компании являются одними из ведущих в своей отрасли, в том числе потому что грамотно используют социальную политику и социальные программы. Многие компании используют их опыт в качестве ориентира, позволяющего грамотно выстраивать собственную политику.

В контексте российского опыта, хотелось бы обратиться к понятию социальное предпринимательство. Несмотря на то, что практика использования подобных структур в России идет с XIX века, а именно с различных домов трудолюбия, которые были широко распространены на территории Российской Империи, до 2007 года понятие социального предпринимательства не было закреплено законодательно. Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" от 24.07.2007 N 209-ФЗ трактует данное понятие как предпринимательскую деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей, способствующую решению социальных проблем граждан и общества. Данный вид деятельности является непростым в реализации, но крайне полезным для общества, так как туда трудоустраиваются социально уязвимые категории граждан, эти организации обслуживают в том числе такие категории граждан, что является крайне важным в действительности России, где социальные программы предприятий еще не приобрели столь большую популярность.

Переходя к практической реализации, обратимся к опыту компании ЛУКОЙЛ. Согласно решению правления по итогам заседания от 25.05.2020, деятельность данной компании построена в соответствии с национальным, в том числе российским законодательством, на основе лучшей апробированной практики и сертифицирована на соответствие требованиям стандартов ISO 14001 и ISO 45001. [1] Данная компания постоянно предоставляет своим сотрудникам средства и возможности для повышения квалификации, а также, по мере возможностей, стремится внедрять новейшее оборудование и технологии на производство. Программы компании ЛУКОЙЛ в своей деятельности имеют три основных направления: развитие потенциала компании в техническом, технологическом и управленческом аспектах; обеспечение высокого уровня безопасности для сотрудников и окружающей среды; соответствие образу социально ответственной компании и дальнейшее поддержание репутации на основе социально полезной деятельности. [2] В сфере экологии компания с 2015 года активно проводит политику воспроизводства молодежи ценных пород рыбы, мониторинга птичьего населения с 2012 года, а что наиболее важно проводит оценку воздействия нефтегазовых сооружений на морскую

среду. ЛУКОЙЛ активно участвует во многих программах, направленных на защиту экологии.

Еще одной российской компанией, служащей примером грамотной реализации социальной политики и социальных программ, является ФОСАГРО. Согласно политике управления персоналом, ФОСАГРО в работе с персоналом основывается на различных международных актах о правах человека и работника. Компания проводит активную политику в сфере развития персонала не только предоставляя актуальные методические пособия и различные курсы, но и работая уже на уровне подготовки специалистов, развивая сферу корпоративного образования, которая позволит обеспечить рабочие места грамотными профессионалами. В соответствии с отчетами компании, ФОСАГРО занимается активным инвестированием в культуру, образование и спорт через поддержку культурных центров, спортивных федераций и клубов, а также образовательных учреждений. В работе с экологией данная компания реализует различные проекты по очистке воды, окружающей среды от газового загрязнения, проводится работа с техническим перевооружением, направленным на повышение энергосбережения. [3]

На основе анализа отчетов и информации, представленной российскими компаниями, можно вывести определенные тенденции их действий. В первую очередь это взаимодействие с сотрудниками, а именно улучшения качества их профессиональных навыков путем повышения квалификации, прохождения различных курсов, предоставления работникам методических материалов и так далее. Так как данная практика в России нова, сначала компании работают в тех сферах, которые наиболее прямо связаны с доходами, но следует понимать, что, хоть работа с профессиональной стороной сотрудников первостепенна, остальные сферы не остаются без внимания и качественно развиваются. Таким образом, анализ отечественного и зарубежного опыта реализации корпоративных социальных программ может служить одним из способов совершенствования и повышения эффективности социальной политики нашей страны.

1. *Какадий И.И., Просвирина А.И. Электронные технологии предоставления государственных услуг в области социальной поддержки населения // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 2. С. 44.*
2. *Плешакова Г.А., Савченко И.А. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса // Экономика и менеджмент систем управления. 2022. № 4 (46). С. 54-59.*
3. *Савченко И.А., Гусева А.П. Цифровые технологии Сбербанка и новое качество жизни // Качество жизни населения промышленных территорий в стратегии «Общество 5.0». сборник материалов конференции. Набережночелнинский институт Казанского Федерального университета. Казань, 2022. С. 61-64.*

ДОВЕРИЕ В ТЕНЕТАХ МОШЕННИЧЕСТВА: ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МИМИКРИИ

*Орлик Елена Николаевна
(Владимирский гос. университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых)*

Говоря о доверии как социальном феномене, мы должны отметить, что оно порождено чувствами и эмоциями людей, связанными с верой и надеждой на благоприятный исход и течение дел, одновременно являясь продуктом рационализации ими опыта социальных отношений. При этом в обстановке благожелательности доверие крепнет, а в ситуации неопределенности или ненависти ослабевает и может даже исчезнуть.

Если говорить о мошенничестве, то следует отметить, что его природа, нося антигуманный и разбойный характер, всегда прикрывается личиной заботы и внимания к укреплению чужого благополучия. Мошенника можно уподобить волку в известной сказке Шарля Перро, который скрывает свою хищническую натуру, рядясь в одежду истребленной им бабушки. Преступники, специализирующиеся на мошенничестве, изощренно изворотливы и находчивы, оборачивая в свою пользу социальные и технические достижения.

Попробуем проследить социальную мимику мошенничества с периода становления новой российской государственности и гражданского общества – с 90-х годов прошлого века до настоящего времени. Эти процессы сопровождались реструктуризацией органов государственной власти, сворачиванием социальных программ, обвалом градообразующих предприятий, ваучеризацией, ростом безработицы и, как следствие, обнищанием населения. В этот период по некоторым подсчетам до 40 % россиян, чтобы удержаться на плаву, вынуждены были сменить старые и освоить новые профессии [3, 99].

Особенно болезненно шло протекание экономического кризиса 1998 года. Тогда уровень базового доверия россиян, выживавших за счет родственных связей и трансфертов, практически не выходил за пределы семейных границ. В этот период мошеннические схемы в большинстве своем сводились к телефонным звонкам с предложениями к гражданам спасти из «лап коррумпированной милиции» попавшего в неприятную ситуацию родственника за энную денежную сумму. И чем тревожней была информация, тем благоприятней был исход дела для преступников. Параллельно преступниками шло активное освоение частного сектора экономики, которое базировалось на очевидном стремлении граждан выйти из состояния прозябания путем выгодных финансовых инвестиций, о беспроигрышности которых вещала агрессивная телевизионная реклама. О процветании Лени Голубкова и его семьи благодаря сотрудничеству с АО «МММ», казалось, знала вся страна. Так появились миллионы обманутых вкладчиков.

Преодоление кризисных явлений 90-х годов шло достаточно сложным и не всегда бесконфликтным путем. В целом реформирование политических институтов общества, отстраивание вертикали исполнительной власти, формирование независимой судебной системы, возрождение материального сектора экономики, страхование банковских вкладов граждан и расширение социальных программ по поддержке семьи и детства, индексирование пенсий и др. способствовали менее болезненному преодолению экономического кризиса 2008 года и не могли не сказаться на укреплении доверия граждан к социальным институтам общества.

Эти преобразования не могли не затронуть и криминальную среду. Так, открытый судебный процесс над основателем АО «МММ» С.П. Мавроди в 2003 году, на котором

были официально признаны пострадавшими десятки тысяч человек, вернул населению веру в справедливость и не позволил последователям Мавроди долго почивать на лаврах.

Преступникам пришлось перестраиваться. Их перестройка шла параллельно темпам цифровизации общества, социальной мобильности и роста материального благополучия граждан. В зоне притязаний мошенников вновь оказались семьи и семейные отношения. Так, в стране стали плодиться многочисленные ООО в сфере жилищного строительства, снимая сливки ипотечного кредитования граждан, они так же внезапно исчезали, как появлялись. В целях защиты обманутых дольщиков в течение ряда лет, вплоть до 2024 года, был выстроен эшелон их правовой защиты и внесены изменения в Уголовный Кодекс РФ, который квалифицирует действия недобросовестных застройщиков как уголовно наказуемые преступления, которые караются – в зависимости от тяжести деяний – от исправительных работ до 5 лет тюремного заключения.

Цифровая среда позволила мошенникам усилить атаки на одиноких граждан (преимущественно женщин) путем «эксплуатации» их грез о счастливой семейной жизни. Здесь разворачивались два сценария. Первый был заимствован из практики брачных аферистов: имярек знакомился на известном сайте со своей потенциальной жертвой, демонстрируя искренность своих намерений на построение серьезных и долговременных отношений, делая ей комплименты, всячески потакая ее интересам и вкусам, и по мере укрепления доверительных отношений под правдоподобным предлогом выманивал у нее денежные средства. Как только на его карту приходил банковский перевод, он исчезал из жизни жертвы. Для проворачивания этой аферы от мошенника требовалось лишь обладание приятной внешностью и манерами. Второй сценарий не требовал ни того, ни другого и позволял работать группе мошенников. Он был разработан для женщин, которые по каким-либо соображениям, например, статусным, не решались обращаться на сайты знакомств, но не отказались бы от планов построения семьи, если бы им представился такой случай. И такой случай представлялся: через мессенджер социальной сети к потенциальной жертве приходило сообщение с фотографией симпатичного иностранца с наилучшими пожеланиями и предложением завязать знакомство. Далее общение переходило в WhatsApp, и все разворачивалось по первому сценарию, с той лишь разницей, что мошенники под предлогом влюбленности в жертву просили от лица партнера по общению присылать как можно больше фотоматериалов о ее времяпрепровождении, находя разные предлоги, чтобы не отвечать ей тем же. Через некоторое время подогретой надеждой на улыбнувшееся семейное счастье жертве сообщалось, что имярек намерен построить новую жизнь в России, интересуется ценами на жилье и намерен выслать ей эквивалентную рыночной стоимости жилья денежную сумму в валюте. Жертву такая открытость, несмотря на непродолжительность знакомства, подкупала, и она сообщала банковские реквизиты своих вкладов, автоматически сразу же теряя возможность дальнейшего общения с «соблазнителем».

Сложность разоблачения подобного рода мошенничеств заключается в нежелании оказавшихся в столь незавидном положении женщин предавать их гласности, поэтому они прочно укоренились в сегодняшней преступной практике.

События последних лет, связанные с повышением качества жизни российских семей, укреплением традиционных российских духовно-нравственных ценностей, отстаиванием национальной безопасности путем СВО, высокой консолидацией граждан с политическими и экономическими институтами общества, свидетельствуют о формировании чувства определенности будущего у российского населения, установлении атмосферы доверия в обществе, а также о зрелости гражданского общества через развитие новых социальных практик и гражданских инициатив.

Все эти перемены отражаются и в практиках мошенничества, которое в ряде случаев выходит на международный уровень. Как известно, в России существует много общественных организаций и профессиональных объединений с разветвленной системой региональных подразделений. И вот к председателю одного из региональных отделений через WhatsApp приходит сообщение от первого лица организации, которую он представляет на территории, что с ним в ближайшее время свяжется такой-то сотрудник ФСБ, которому необходимо оказать всякое содействие. Человек, получивший подобное сообщение, находится в некотором замешательстве. С первым лицом организации он не всегда лично знаком, но понимает, что дело очень серьезное, если тот обратился к нему напрямую. Через некоторое время с потенциальной жертвой по телефону связывается упомянутый в сообщении «сотрудник ФСБ». Из разговора с ним жертва узнает, что якобы у первого лица организации и у ряда руководителей региональных представительств мошенниками обнулены денежные счета, и «офицер ФСБ» хочет помочь предотвратить дальнейшее развитие подобных событий. Человек смущен, находится в растерянности, у него нет сомнений относительно репутации организации, которую представляет его абонент, он с ходу включается в предложенную ему игру и через поступивший якобы от Центробанка код открывает мошенникам доступ к своим банковским счетам.

Или того хуже: с потенциальной жертвой по телефону связывается «сотрудник правоохранительных органов» и сообщает, что поступила информация о том, что ею осуществлен солидный взнос в поддержку ВСУ. Человек, естественно, стремится опровергнуть искомую информацию, а мнимый представитель закона предлагает ему для защиты своих банковских вкладов действовать по описанному выше сценарию.

Как бы это парадоксально ни звучало, но рост доверия в обществе создает благоприятную почву для мошенничества. Само развитие общества, связанное с появлением новых запросов и потребностей, ведет к формированию новых профессий, новых экономических, образовательных и социальных практик. Все большее распространение получают гибкие формы занятости, укореняется шеринг-экономика. Все это неминуемо ведет к росту доверия между незнакомыми людьми в обществе. Выход из данного противоречия напрашивается один – необходимо повышать правовую и общую культуру российских граждан.

1. Анисимов Р.И. Динамика занятости в России (2018 – середина 2023 г.)// *Социологические исследования*. 2024. № 1. С.73-84.
2. Веселов Ю.В. *Доверие и справедливость: Моральные основания современного экономического общества*. М.: Аспект Пресс, 2011. 230 с.
3. Попов Д.С., Стрельникова А.В. Межпоколенческие различия образовательных навыков россиян в контексте динамичности человеческого капитала// *Социологические исследования*. 2024. № 1. С. 97-108.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ТЕХНОСТРЕСС: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ РАБОТНИКОВ И ФИРМ

*Орлова Наталья Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Подготовлено при поддержке РНФ, проект № 23-28-00011
«Дефицит компетенций работников на открытых
дистанционных рынках труда в условиях социально-
экономической неопределенности».*

Ключевые слова: цифровизация, техностресс, работники, фирмы, труд, цифровые технологии.

Современные цифровые рабочие места требуют от сотрудников использовать новые технологии, что создает новые стрессы и риски для их психического здоровья [1]. Технический прогресс уже давно учитывается в исследованиях рабочего стресса и в современном мире играет все более значительную роль в повседневной жизни сотрудников.

Современные исследователи выделяют большое количество стрессовых факторов, которые разделяют на следующие группы: рабочие задачи, социальные отношения, организация трудового процесса, трудовые отношения [2]. Также выявляют стресс, связанный с ненадёжностью технических систем и возникающими ошибками [3], онлайн-контролем деятельности сотрудника [4].

Возможность быть постоянно на связи с работодателем и начальством размывает границы между работой и личной жизнью, вызывая ощущение вторжения. В некоторых компаниях такая возможность и вовсе имеет тенденцию перерастания в обязанность. Человек не находится в режиме отдыха в нерабочее время, а сам, подобно компьютеру, переходит в «спящий режим» ожидания появления новых задач [5]. Отсутствие возможности отключиться от рабочих задач в нерабочее время может негативно сказываться на балансе между работой и жизнью, что в свою очередь увеличивает уровень стресса и негативно влияет на психическое здоровье сотрудников. Решение этой проблемы требует внимания со стороны руководства и разработки соответствующих политик, включая «право на отключение» [6], чтобы обеспечить сотрудникам необходимый психологический комфорт и поддержку.

Различия в восприимчивости к технострессу среди сотрудников дифференцируются в зависимости от возраста и являются важным аспектом при обсуждении психического комфорта на рабочем месте [7]. Молодые специалисты, выросшие в цифровую эпоху, могут быть менее подвержены стрессу, связанному с технологиями, благодаря своим более высоким цифровым навыкам. Однако они также могут быть более уязвимы к перегрузке информацией из-за постоянного использования гаджетов как на работе, так и в свободное время, а также перегружаться работодателями при перекладывании обязанностей, которые требуют цифровых навыков, с более старших сотрудников на молодое поколение. С другой стороны, более возрастные сотрудники могут испытывать техностресс из-за недостаточной цифровой грамотности, хотя их опыт работы может помочь им более эффективно управлять стрессом. Поэтому важно учитывать возрастные различия и цифровые навыки при разработке программ по управлению технострессом, чтобы обеспечить психическое благополучие всех сотрудников.

Исследования влияния организационных ресурсов на восприятие техностресса подтверждают, что поддержка со стороны организации играет ключевую роль в

поддержании психического здоровья сотрудников в условиях цифровизации. Реалистичное планирование, выделение времени на обучение новым технологиям, разработка стандартов и эффективная коммуникация являются неотъемлемой частью управления технострессом. Также стресс может снизить хорошие отношения с руководителем, введение системы наставничества и поддержания инноваций [1]. Адекватные ресурсы и административная поддержка создают благоприятное рабочее окружение, способствующее общему благополучию и эффективности коллектива. Все это важные аспекты управления технострессом, которые помогают не только справиться с вызовами цифровой трансформации, но и сохранить психическое здоровье и профессиональную успешность как самих сотрудников, так и всего предприятия.

Еще одним важным фактором продуцирования стресса в трудовой среде стала пандемия COVID-19, которая привела к более глубокой интеграции цифровых средств на рабочих местах и распространению дистанционного и в последствие гибридного форматов работы. Необходимо отметить, что не для всех данные форматы являются стрессовыми, однако как показывают исследования профессиональное выгорание становится проблемой современности [8].

Результаты исследования Gallup (2020) [9] показали, что до COVID-19 удаленные сотрудники обычно испытывали меньшее выгорание, чем те, кто работал в офисе. Однако во время пандемии у удаленных сотрудников уровень выгорания оказался выше, чем у офисных работников. Компании Kronos Incorporated и Future Workplace выявили, что основные причины стресса у сотрудников и руководителей — это неэффективный обмен информацией [10]. Для выполнения своих обязанностей люди используют множество приложений, тратят много времени на электронную переписку и обмен информацией, что приводит к увеличению стресса и выгорания.

Отношение сотрудников к повседневной рутине имеет значительное влияние на их готовность к цифровой трансформации. Менеджеры, предпочитающие традиции, конформизм и безопасность, склонны к сопротивлению нововведениям в виде цифровых технологий [11]. В то же время, руководители, ценящие универсализм, самодисциплину и мотивацию, более открыты к изменениям и готовы к цифровой трансформации. Особое внимание стоит уделить учету ценностей и опасений руководителей среднего звена, так как их противодействие может замедлить процесс цифровой трансформации.

Техностресс и сопротивление технологиям могут быть успешно преодолены путем адекватной поддержки и обучения персонала, а также понимания индивидуальных особенностей каждого сотрудника. Конечно, невозможно создать «стерильные условия», полностью исключающие техностресс. Работа в данном направлении должна быть комплексной и учитывать всю совокупность стрессовых факторов. Нейтрализовать негативное отношение сотрудников к цифровым технологиям поможет учет их личных ценностей, что повысит организационную эффективность процесса цифровизации и обеспечит минимизацию сопротивления со стороны персонала.

1. Коновалова В. Г. *Цифровые технологии как фактор техностресса: проблемы и возможности их решения //Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2022. – Т. 11. – №. 3. – С. 17-21.*
2. Cartwright S., Cooper C. L. (ed.). *The Oxford handbook of organizational wellbeing.* OUP UK, 2009. 582 p.

3. Gimpel H., Lanzl J., Manner-Romberg T., Nüske N. *Digitaler Stress in Deutschland: Eine Befragung von Erwerbstätigen zu Belastung und Beanspruchung Durch Arbeit mit Digitalen Technologien*. URL: https://www.boeckler.de/pdf/p_fofoe_WP_101_2018.pdf. (дата обращения 06.05.2024).
4. Юдина М. А. Цифровой контроль труда-вызов времени // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – №. 92. – С. 42-56.
5. Crary J. *24/7: Late capitalism and the ends of sleep*. – Verso Books, 2013.
6. Чудиновских М. В. «Право на отключение» в системе прав на достойный труд // Достойный труд – основа стабильного общества. – 2019. – С. 64-68.
7. Титаренко Л. Г., Каранетян Р. В. «Цифровой город» и цифровые компетенции горожан: тенденции развития (на материалах Case Study). – 2021. С. 302-309.
8. Борисова М. В., Ансимова Н. П. Основные направления профилактики и коррекции профессионального выгорания // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т. 2. – №. 2. – С. 212-215.
9. Wigert B., Robison J. *Remote Workers Facing High Burnout: How to Turn It Around* // GALLUP. October 30, 2020 URL: <https://www.gallup.com/workplace/323228/remote-workers-facing-high-burnout-turnaround.aspx> (дата обращения 07.05.2024).
10. Кузьменко А. В. Профессиональное выгорание в условиях пандемии и локдауна // Экономика и социум. – 2022. – №. 3-1 (94). – С. 305-309.
11. Багратиони К., Томас Т. Сопротивление менеджеров среднего звена цифровой трансформации // Форсайт. – 2023. – Т. 17. – №. 2. – С. 49-60.

ФУНКЦИОНАЛИСТСКИЙ И МАРКСИСТСКИЙ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ОТНОШЕНИЙ СМИ И БИЗНЕСА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Парсегова Елизавета Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Заугольников Ставр Станиславович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

О взаимоотношениях СМИ и бизнеса на современных этапах своего развития мы можем судить, в первую очередь, по тому, какие тенденции наблюдаются в этих областях. Одна из главных тенденций, касающаяся деятельности СМИ, заключается в растущей коммерциализации и монополизации средств массовой информации: проникновении журналистики в деловую сферу, подчинении её законам рыночной экономики, нацеленности на удовлетворение запросов экономической элиты, смещении интересов журналистов от выражения общественного мнения и т.д. Как следствие, мы можем говорить о возможном включении коммерческих СМИ в состав бизнес-сообщества, поскольку в современном мире они являются не только каналами коммуникации и одним из инструментов реализации бизнес-процессов, но и полноценными субъектами бизнеса.

Однако другая сторона взаимоотношений СМИ и бизнеса состоит в том, что, на самом деле, не только средства массовой информации зависят от экономической элиты – бизнес тоже нуждается в СМИ. Еще в начале XXI в. представители крупного бизнеса заметили огромный потенциал СМИ в формировании положительного образа своей деятельности. Так, в начале 2000-х практически все представители крупного бизнеса уже создали свои собственные специализированные службы по связям с общественностью и средствами массовой информации.

Доля коммерции во взаимоотношениях бизнес-среды со средствами массовой информации растет, и обе стороны стремятся максимизировать собственную выгоду от этих отношений. Кроме того, коммерческие СМИ в рамках таких отношений тоже могут быть рассмотрены как бизнес – институт, ориентированный на систематическое получение прибыли.

С точки зрения структурно-функционального подхода, где осуществление любым социальным институтом своих непосредственных функций рассматривается как необходимое условие обеспечения равновесия системы и согласованности между различными ее элементами, мы можем судить и о ныне происходящих в сферах СМИ и бизнеса тенденциях, которые находят отражение в осуществлении институтами своих базовых функций. Так, латентные функции, то есть «те, которые они не планируют и не осознают», а также дисфункции – «те, которые уменьшают адаптацию и регулировку системы» [2] обоих институтов смещают традиционные функции и выходят на первый план. Дисфункции могут проявляться, к примеру, в том, что ради получения наиболее выгодных рекламных контрактов, СМИ стремятся повысить свой рейтинг за счет акцентирования внимания на негативных и искаженных новостях.

Р. Мертон отмечает, что нередко существование институтов происходит вопреки их предназначенным функциям и это свидетельствует о наличии у института неявно выраженных способностей, которые удовлетворяют потребности конкретных социальных групп [2]. Поэтому мы считаем, что происходящие в структурах двух институтов изменения можно объяснить как ответ на необходимость удовлетворения запросов элит, которые получают от такого характера взаимоотношений определенные привилегии. Однако, в самом общем смысле, смещение внимания института с социальных потребностей на

личные можно рассматривать как проявление рассогласованности института с системой и снижение его служебной роли.

Согласно теории Т. Парсонса, общество как социальная система разделяется на выполняющие конкретные функции подсистемы. Центральное место в любой социальной системе отводится культурной подсистеме: именно она осуществляет организацию человеческих интересов, деятельностей и приверженностей и обеспечивает взаимодействие всех остальных социальных подсистем. В современном обществе выбор целей действия, способ адаптации и интегрированность общества как социальной системы во многом зависят от того, какие установки формируются в общественном сознании под влиянием СМИ, которые являются основным поставщиком информации, формируя ту самую культурную среду, в рамках которой существует и развивается общественное сознание. Т. Парсонс подчеркивал, что функция является единственным базисом, на котором возможно систематическое упорядочение структуры живых систем. В связи с этим мы можем судить о нарушении реализации одной из главенствующих функций – культурного воспроизводства – как о приближении всей системы к состоянию аномии [2].

Структурный функционализм, сфокусированный на том, как средства массовой информации выполняют ключевые социальные функции, которые способствуют нормальному функционированию общества, сталкивается с несколькими критиками. Одна из критик заключается в том, что функционализм рассматривает общество как всегда стремящееся к балансу, но не учитывает социальные изменения и конфликты, которые также приводят к изменениям в социальной структуре и функциях.

Другая критика функционализма заключается в том, что он не учитывает динамику власти и неравенство в обществе. Предполагается, что каждая часть общества имеет свою функцию, однако не берет во внимание тот факт, что некоторые группы могут иметь больше власти и контроля над обществом, чем другие.

Рассвет неомарксизма же в социальных науках отчасти представлял собой реакцию на «функционалистские» модели общества, предлагая, помимо прочего, информацию о классовых конфликтах. Марксисты рассматривают капиталистическое общество как общество классового господства, а СМИ рассматриваются как часть идеологической арены, на которой борются различные классовые взгляды. Конечный контроль все больше концентрируется в руках монопольного капитала. Средства массовой информации в целом задают интерпретационные рамки, созвучные интересам господствующих классов, а аудитория средств массовой информации, хотя иногда обсуждает и оспаривает эти рамки, не имеет свободного доступа к альтернативным смысловым системам [4].

Исследования СМИ в фундаменталистской традиции марксизма интерпретируют культурные индустрии с точки зрения их экономической детерминации. Согласно этой точке зрения, «содержание средств массовой информации и значения, которые несут в себе сообщения, определяется экономической базой организаций, в которых они находятся» [2]. Следовательно, коммерческие средства массовой информации должны удовлетворять потребности рекламодателей и производить продукцию, максимизирующую аудиторию, в то время как те СМИ, чьи доходы контролируются доминирующими политическими институтами или государством, тяготеют к золотой середине при выборе публикуемого контента [3].

Как писал Карл Маркс, «идеи правящего класса в каждой эпохе являются правящими идеями» [1]. Соответственно средства массовой информации представляют образ или представление о мире с узкой точки зрения богатого, влиятельного доминирующего класса. Не зря СМИ в современном обществе называют четвертой властью. По мнению Маркса, класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства,

одновременно контролирует и средства духовного производства, так что тем самым, ему подчиняются идеи тех, у кого нет средств духовного производства [3]. Это приводит к крайней позиции, согласно которой медиа-институты рассматриваются как «включенные в структуру власти» и, соответственно, выражающие ценности правящего класса, игнорируя любую возможность оппозиционного прочтения медиааудиторией [3].

Помимо прочего, важно рассмотреть вопрос о том, как люди понимают медиатексты. В ключевой статье «Кодирование/декодирование» Стюарт Холл утверждал, что доминирующая идеология обычно вписывается в медиатекст как «предпочтительное чтение», но это не принимается читателями автоматически. Социальное положение читателей/зрителей/слушателей может привести к тому, что они займут разные позиции. «Доминирующие» чтения производятся теми, чье социальное положение благоприятствует предпочтительному чтению; «согласованные» чтения производятся теми, кто меняет предпочтительное чтение с учетом своего социального положения; а «оппозиционные» прочтения создаются теми, чье социальное положение ставит их в прямой конфликт с предпочтительным прочтением [5].

В отличие от многих подходов к средствам массовой информации, марксизм помогает поместить медиатексты в более широкую социальную среду. Его внимание к природе идеологии помогает нам деконструировать ценности, принимаемые в теории структурно-функционального анализа как должное. Идеологический анализ помогает нам раскрыть, чью реальность и чьи идеи нам предлагают к прочтению в медиатексте.

Марксистская теория подчеркивает важность социального класса как в отношении владения СМИ, так и в отношении интерпретации медиатекстов аудиторией: это остается важным фактором в анализе СМИ. Хотя контент-анализ и семиотика фокусируют внимание на самом содержании медиаконтента, марксистская теория выдвигает на первый план материальные условия производства и восприятия медиа, а также привлекают наше внимание к проблеме политических и экономических интересов в средствах массовой информации и подчеркивают социальное неравенство в репрезентациях средств массовой информации.

1. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. – М.: Политиздат, 1955. – 689 С.
2. Мертон Р. *Социальная теория и социальная структура*. – М.: АСТ, 2006. – 873 С.
3. Gurevitch M., Curran J., Woollacott J. *Culture, Society and the Media*. – London: Methuen, 1982.
4. Gurevitch M., Woollacott J. *The study of the media: theoretical approaches*. – London: Routledge, 1987.
5. Hall S. *Culture, Media, Language*. – London: Hutchinson, 1980.

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РСФСР / РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА 100 ЛЕТ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

Пилипенко Игорь Валерьевич
(Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН)

Да недавнего времени подробный анализ эволюции жилищного строительства в РСФСР в рамках всего периода плановой экономики в отечественной научной литературе не проводился. Только в 2021–2023 гг. вышли работы, рассматривавшие развитие жилищной сферы в СССР и в союзных республиках [4; 5; 8]. Между тем, исследования, посвященные рассмотрению временных рядов за столетний период, еще не публиковались. В данной работе мы выделяем семь этапов жилищного строительства в РСФСР и Российской Федерации с 1918 г. по 2023 г. на основе анализа показателя ввода жилья и изменений в законодательстве.

Выделяемый нами *первый этап* развития жилищного строительства в РСФСР охватывает период НЭПа (с 1918 г. по 1928 г.), включавший процесс муниципализации наиболее ценных и крупных по площади жилых домов в городах с населением более 10 тыс. чел. в период 1918–1926 гг. с целью выравнивания или улучшения жилищных условий городских жителей. Данный этап отличался превалированием жилищного строительства в сельской местности (73,3% от общего объема ввода жилья), доминированием строительства индивидуальных домов (87,7%), а также развитием с 1924 г. жилищно-строительной кооперации.

Во время *второго этапа* в рамках процесса индустриализации страны в течение первой – третьей пятилетки (1929–1941 гг.) среднегодовые объемы ввода жилья в РСФСР снизились с 11,8 млн кв. м до 9,5 млн кв. м в первую пятилетку и до 8,9 млн кв. м во вторую пятилетку, а затем увеличились на 73,3% до 15,5 млн кв. м в третью пятилетку. Сокращение ввода произошло за счет снижения объемов жилищного строительства на селе (в 3,5 раза в годовом выражении – с 8,7 млн кв. м до 2,5 млн кв. м), в то время как в городах и поселках городского типа (пгт) ввод жилья снизился только в 1,3 раза (с 1,7 млн кв. м до 1,3 млн кв. м). Данный этап характеризовался созданием нормативно-правовой базы в области градостроительства для упорядочения процесса городского планирования [6] и «социалистическим переустройством сел» с целью постепенной ликвидации противоположности между городом и деревней [7].

Третий этап охватывает период Великой Отечественной войны и две первые послевоенные пятилетки (1946–1955 гг.), в течение которых ввод жилья сначала уменьшился на 12,6% во время ведения боевых действий, а затем увеличился на 53,9% (до 20,8 млн кв. м жилья в среднем в год) в период 1946–1950-х гг. и на 37,8% (до 28,7 млн кв. м) в течение 1951–1955-х гг. В свою очередь, на селе в процесс возведения жилья через совхозы активно включилось государство, обеспечив ввод 38% новых домов по площади, и доведя общие объемы ежегодного нового строительства в сельской местности до 8,4 млн кв. м. Третий этап характеризовался принятием новых стандартов в планировке квартир для преимущественно покомнатного расселения людей в городах. Кроме того, в 1948 г. были введены единые стандарты на приобретение и строительство в городах / пгт и в сельской местности гражданами индивидуальных одно- и двухэтажных домов на праве личной собственности.

Четвертый этап, наиболее хорошо изученный в отечественной литературе, включает шестую – девятую пятилетки (1956–1975 гг.) и характеризуется переходом в РСФСР к массовому жилищному строительству типовых домов в городах и пгт для

поквартирного расселения семей на основе индустриальной базы, заложенной в предыдущие годы, и технологий по строительству крупнопанельных домов, освоенных впервые в конце 1940-х гг. [6]. Среднегодовые объемы ввода жилья выросли в шестую пятилетку почти в два раза по сравнению с периодом 1951–1955 гг. – до 56,2 млн кв. м – и оставались на этом уровне до начала 1970-х гг., увеличившись в девятую пятилетку до в среднем 60,8 млн кв. м жилья в год. Кроме того, на данном этапе с целью привлечения средств горожан в жилищное строительство была возрождена жилищно-строительная кооперация в городской местности.

Пятый этап охватывает 1976–1990 гг. и характеризуется небольшим сокращением объемов жилищного строительства в десятую пятилетку (в среднем 59,0 млн кв. м в год) и последующим увеличением ввода жилья до в среднем 61,8 млн кв. м в течение одиннадцатой пятилетки и 68,7 млн кв. м в двенадцатую пятилетку. Однако незначительный рост ввода в действие жилых домов сопровождался серьезным улучшением качества жилищного строительства многоквартирных домов (МКД) и планировки квартир в соответствии с нормами 1971 г. [2]. В городской местности ввод жилья государством по пятилеткам варьировал в пределах 42,2–47,3 млн кв. м, а на селе – постоянно увеличивался (в среднем с 8,3 млн кв. м в год в 1976–1980 гг. до 11,8 млн кв. м в 1986–1990 гг.). В свою очередь, ввод жилья населением сократился до 3–4% в городах и пгт и до 13–16% в сельской местности при увеличении доли колхозов до 22–25%.

В рамках *шестого этапа* (1991–2000 гг.) процесс перехода Российской Федерации от плановой к рыночной экономике и сегментации единого строительного комплекса в рамках новых независимых государств привел к снижению объемов ввода жилья на 38,0% в 1991–1995 гг. (до в среднем 42,6 млн кв. м ежегодно). В период 1996–2000 гг. значение этого показателя сократилось еще на 15,4% (до 32,0 млн кв. м), и таким образом произошел возврат к объемам строительства середины 1950-х гг. Доля частных и государственных компаний, возводящих преимущественно МКД, сократилась с 85% в первой половине 1990-х гг. до 63% при увеличении доли индивидуального жилищного строительства (ИЖС) [1] соответственно с 15% до 37% во второй половине 1990-х гг.

Седьмой этап (с 2001 г. по настоящее время) характеризуется восстановлением объемов ввода жилья (с 37,3 млн кв. м в период 2001–2005 гг. до 101,9 млн кв. м в течение 2021–2023 гг.) и превышением рекордных показателей РСФСР (72,3–72,8 млн кв. м в 1987–1988 гг.). Тем не менее, объем вводимого застройщиками жилья именно в МКД в настоящее время находится на уровне конца 1970-х – начала 1980-х гг. (51–52 млн кв. м в год), а основной прирост показателя был обеспечен за счет ИЖС (увеличение с 26–28 млн кв. м в 2011–2012 гг. (43,1% от общего ввода) до 57–58 млн кв. м в 2022–2023 гг. (54,3%). В рамках данного этапа государство реализовало комплекс мероприятий по повышению доступности жилья для населения, включающих в т.ч. ФЦП «Жилище», принятие законодательства с целью развития ипотечного жилищного кредитования [3] и приоритетный национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России».

1. Асаул А.Н., Казаков Ю.Н., Пасяда Н.И., Денисова И.В. *Теория и практика малоэтажного жилищного строительства в России / Под ред. А. Н. Асаула.* СПб: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2005. – 561 с.
2. Зубов П.Г. *Семья и жилище // Новое в жизни, науке и технике. Серия «Строительство и архитектура», № 3.* – М.: Знание, 1982. – 63 с.
3. Косарева Н.Б., Полиди Т.Д., Пузанов А.С. *Жилищная политика и экономика в России: результаты и стратегия развития.* М.: НИУ ВШЭ, 2015. – 387 с.

4. Пилипенко И.В. Динамика жилищного строительства в республиках СССР в 1920–1980-е гг. // Историко-экономические исследования. – 2021. – № 4. – Т. 22. – С. 567–595.
5. Пилипенко И.В. Жилищное строительство в республиках СССР за 70 лет: макроанализ. – М.: Изд. дом «Научная библиотека», 2023. – 600 с.
6. Рубаненко Б.Р. Развитие жилищного строительства в СССР. Доклад на Третьей сессии Академии строительства и архитектуры СССР. – М.: АСИА СССР, 1957. – 42 с.
7. Сабсович Л.М. Города будущего и организация социалистического быта. – М.: Гостехиздат, 1929. – 63 с.
8. Kalyukin A., Puzanov A. *Housing and welfare in Russia and the former Soviet Union* // *The Routledge Handbook of Housing and Welfare* / Ed. By Grander M., Stephens M. London: Routledge, 2023. – Pp. 157–178.

ПРОГРАММА "ЗЕМСКИЙ ДОКТОР" КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

*Пономарев Ярослав Ричардович
(Тюменский Государственный Университет)*

*Хлюпин Семен Алексеевич
(Тюменский Государственный Университет)*

В данной статье исследуется развитие сельской территории на примере программы молодых медицинских специалистов "Земский доктор". Авторами подчёркивается связь проблемы дефицита медицинских кадров на сельской территории с результатами реализации программы «Земский доктор». На основе проведённых интервью авторами выделяются проблемы негибкости программы и низкой заработной платы работников по данной программе и предлагаются рекомендации по её совершенствованию.

Ключевые слова: здравоохранение, медицина, молодые специалисты, сельское население, «Земский доктор».

На сегодняшний день, все большее внимание уделяется проблеме дефицита медицинских кадров на сельских территориях и населенных пунктах до 50 тыс. человек населения. Для решения этой проблемы государством создаются программы поддержки, нацеленные на преодоление кадрового дефицита врачами и средним медицинским персоналом.

Обеспечение реализации имеющегося кадрового потенциала является одним из ключевых направлений формирования эффективной системы здравоохранения, так как имеется существенный дефицит трудовых ресурсов. В особенности эта проблема касается сельских жителей. [1, 169]

Одной из таких программ является «Земский доктор», нацеленная на молодых специалистов, готовых переехать на сельские территории для дальнейшей работы. Однако, за годы реализации программы «Земский доктор», не смотря на широкую экономическую поддержку переехавшим врачам, существует проблема малой мотивации специалистов в участии в программе. Из-за чего остается не решенным кадровый дефицит специалистов врачебного, среднего и младшего медицинского персонала. Существующая проблема замедляет социально-экономическое развитие сельских территорий и препятствует созданию благоприятных условий по обеспечению сельских жителей качественными услугами в области здравоохранения.

Эмпирической базой для исследования послужили материалы социологического исследования, по заказу Администрации Тюменской области, на тему: «Изучение общественного мнения по вопросам реализации программы "Земский доктор" в Тюменской области» в 2021 году. Исследование было проведено ООО «ГЭПИЦентр-1», при непосредственном участии автора. Для сбора данных был использован метод экспертного интервью с использованием интернет-связи, индивидуальное интервью с использованием стандартизированного инструментария с представителями департамента здравоохранения Тюменской области – 2 эксперта и руководителями медицинских учреждений на сельских территориях – 66 экспертов.

На основании экспертной оценки, отмечается, что при эффективности экономических мер программы «Земский доктор», основной причиной оттока врачей в 2020-2021 годы послужил выбор медицинских специалистов в пользу учреждений здравоохранения, где предоставлялись выплаты работниками с больными COVID-19.

Отмечалась нехватка фельдшеров, терапевтов, педиатров, анестезиологов, хирургов, неврологов, офтальмологов, рентгенологов. Были отмечены следующие проблемы, которые возникали у медицинских работников, пожелавших воспользоваться программой: относительно невысокий уровень единовременной выплаты, отсутствие служебного жилья, невозможность сменить должность в период срока соблюдения обязательств, предусмотренных программой, низкая заработная плата, обязанность возврата денежной выплаты при отработке менее пяти лет.

Для решения существующих проблем, экспертами выдвинуты рекомендации по совершенствованию программы: обеспечить доступность жилья для медицинских работников, расширять фонд служебного жилья, увеличить размер единовременных выплат, Разрешить перевод специалистов – участников Программы на другую должность или подразделение, вернуть практику целевых направлений на обучение по медицинским специальностям, увеличить объемы строительства жилья для медицинских работников, в том числе за счет областного бюджета.

1. Митрофанова С. Н. Состояние медицинских кадров в сельской местности / С. Н. Митрофанова. Карельский научный журнал. 2018. № 1 (22). С. 169-172.
2. Мосейко В. О. Теоретические подходы к анализу здоровья как элемента человеческого капитала // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2012. №. 2. С. 17-22.
3. Никитина Т. И. Комплексная методика оценки уровня устойчивого социально-экономического развития сельских территорий / Т. И. Никитина. Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 2. С. 106-112.
4. Никитина Т.И. Состояние сферы здравоохранения как фактор устойчивого социально-экономического развития сельских территорий / Т.И. Никитина. Челябинск: Вестник Челябинского государственного университета. 2019. №4. Экономические науки. Вып.66. С. 235-245.

СООТВЕТСТВИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ВЫПУСКНИКОВ ИТ-СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ТРЕБОВАНИЯМ РАБОТОДАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ПОСТ-ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ОЦЕНКЕ НАВЫКОВ

*Рафикова Ксения Фуатовна
(РАНХиГС при Президенте РФ)*

В условиях динамически развивающегося пост-глобального общества важным становится соответствие компетенций выпускников высших учебных заведений реальным потребностям работодателей. В 2021 году Правительством Российской Федерации был утвержден федеральный проект «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли» в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В этом аспекте особое внимание уделяется ИТ-специалистам, так как их знания и навыки напрямую влияют на развитие технологий и цифровой трансформации. Работодатели предъявляют высокие требования к компетенциям молодых специалистов, что требует от образовательных учреждений адаптации образовательных программ. Одним из решений данной проблемы является внедрение информационных систем для анализа и оценки компетенций выпускников.

Целью данной работы является анализ роли информационных систем в оценке соответствия навыков выпускников ИТ-специальностей требованиям работодателей в пост-глобальном обществе. Были рассмотрены текущие тенденции рынка труда, требования к компетенциям ИТ-специалистов, а также возможности использования современных технологий, таких как машинное обучение, для актуализации учебных планов образовательных программ.

Процесс цифровизации привел к трансформации традиционных рынков труда, особенно в области ИТ. Компании стремятся к инновациям и технологическому развитию, что требует высококвалифицированных специалистов, способных адаптироваться к новым вызовам и требованиям. Краткосрочные курсы повышения квалификации способны лишь частично удовлетворить такой запрос [1]. Проводилось достаточно много исследований с целью выяснить соответствие требований работодателей и компетенций, которые получают выпускники вузов [2-4], однако такие исследования проводились нерегулярно.

Одним из решений данной проблемы становится разработка информационных систем, с целью быстрого обновления данных и адаптации под текущие запросы рынка труда. Такие системы позволяют автоматизировать процессы проверки знаний и навыков, а также дают возможность более точно сопоставить компетенции выпускников с требованиями работодателей. Онлайн-источники предоставляют возможности для ускоренного сбора данных о вакансиях, а учебные планы и образовательные программы вузов также становятся доступны для проведения интеллектуального анализа текстов. Существующие информационные системы работают на принципах статистического анализа данных, а также на алгоритмах машинного обучения и обработки естественного языка (NLP) [5]. Алгоритмы машинного обучения позволяют делать прогнозы относительно того, насколько компетенции выпускников соответствуют требованиям работодателей. Эти системы могут выявлять пробелы в подготовке, фиксируют несоответствие в образовательных программах и стандартах. Важным аспектом применения таких систем становится адаптация к локальным рынкам, поскольку компетенции, востребованные в одном регионе или стране, могут отличаться от тех, которые требуются в других. Таким образом, грамотное применение подобных систем может помочь выпускникам более успешно адаптироваться к требованиям быстро меняющегося рынка труда.

1. Морозова Ю. А. Интеллектуальный анализ данных о вакансиях для выявления актуальных потребностей рынка труда // *Информатика и образование*. – 2023. – Т. 37. – №. 5. – С. 26-37.
2. Lee C. K., Han H. J. Analysis of Skills Requirement for Entry-Level Programmer/Analysts in Fortune 500 Corporations // *Journal of Information Systems Education*. – 2008. – Т. 19. – №. 1.
3. Stal J., Paliwoda-Pekosz G. Fostering Development of Soft Skills in ICT Curricula: A Case of a Transition Economy // *Information Technology for Development*. – 2019. – Т. 25. – №. 2. – С. 250-274.
4. Stephany F. One Size Does Not Fit All: Constructing Complementary Digital Reskilling Strategies Using Online Labour Market Data // *Big Data & Society*. – 2021. – Т. 8. – №. 1.
5. Marrara S. et al. A Language Modelling Approach for Discovering Novel Labour Market Occupations from the Web // *Proceedings of the International Conference on Web Intelligence*. – 2017. – С. 1026-1034.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ЭКОСИСТЕМА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

*Рахман Хашими Матиар Мизанурович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Аннотация: Исследование предпринимательских экосистем стало популярным направлением исследований в экономике и социологии 30 лет назад, когда понятие ПЭ было введено в научный оборот Джеймсом Муром. В докладе анализируются существующие подходы к определению предпринимательских экосистем, а также особенности инновационных экосистем и экосистем стартапов, как частных случаев ПЭ.

Ключевые слова: предпринимательская экосистема, экосистемный подход, структура ПЭ

Термин предпринимательская экосистема (или бизнес-экосистема, первоначальный автор термина Джеймс Мур использовал эти понятия в качестве полных синонимов) появился лишь немногим более 30 лет назад. Джеймс Мур подробно описывает свою концепцию экологического подхода для изучения взаимоотношений в бизнес-среде в своих работах «Хищники и жертва: новая экология конкуренции», а также «Смерть конкуренции: лидерство и стратегия в эпоху бизнес-экосистем» [1, стр. 5]. На сегодняшний день, несмотря, а возможно и благодаря тому, что на тему предпринимательских экосистем опубликованы сотни научных статей и даже монографий, не существует консенсусного взгляда ни на определение предпринимательских экосистем, ни на их составляющие, ни на факторы, влияющие на появление и развитие предпринимательских экосистем. Споры ведутся и о том, каким образом необходимо изучать предпринимательские экосистемы [2, стр. 2]. Были подробно рассмотрены существующие подходы к определению понятия “предпринимательских” систем – собраны 15 определений из научных статей и монографий англоязычных и русскоязычных авторов.

Общее в определениях предпринимательской системы заключается в том, что все авторы рассматривают её как сложную систему, включающую в себя различные элементы, такие как предприниматели, организации, институты и процессы. Все определения подчеркивают важность взаимодействия и взаимозависимости между этими элементами. Кроме того, сразу пять определений (Аудретч и Белицки, Коэн, Раунди, Брэдшоу и Брокман, Шпигель, Спиллинг) считают важной частью определения предпринимательских экосистем их связь с каким-то определенным регионом или местностью, географически ограниченной территорией или локацией.

Два определения (Нечёса, Мейсон и Браун) подчеркивают, что одним из акторов экосистем выступает государство. Еще два определения (Акс и др., Вальдес) отмечают динамический характер как самих предпринимательских экосистем, так их элементов.

Ключевые различия в определениях связаны с акцентом на различных аспектах предпринимательской системы. Некоторые авторы фокусируются на её институциональном и организационном аспектах, другие - на роли предпринимателей и их способностях, третьи - на процессах создания и функционирования новых предприятий. Также есть различия в том, какие именно элементы включаются в определение предпринимательской системы, например, упоминание о клиентах, рынках капитала, поставщиках и конкурентах.

При этом необходимо разграничить определение **предпринимательских экосистем, инновационных экосистем и экосистем стартапов**. Инновационные экосистемы, в отличие от просто предпринимательских экосистем, сосредоточены на

создании, развитии и распространении новых технологий и знаний. Инновационные экосистемы объединяют организации разных форм и размеров, такие как университеты, исследовательские центры, бизнес-инкубаторы, технопарки, венчурные фонды, корпорации, органы государственной власти и другие участники [3, стр. 463; 4, стр. 885].

Экосистема стартапов тесно связана с **инновационными экосистемами**, т.к. это сообщество компаний, которые разрабатывают новые продукты или услуги на основе собственных идей и технологий. **Экосистема стартапов** в первую очередь ориентирована на коммерческий успех и привлечение инвестиций. Стартапы могут быть как независимыми, так и частью крупной корпорации [5, стр. 13].

По мнению некоторых исследователей специфика инновационных экосистем в том, что на первых этапах ее формирования инновационное производство не может возникнуть без помощи извне (из-за высоких капитальных затрат, высоких требований к квалификации сотрудников и т.д.). Поэтому лидирующую роль в их создании инновационных экосистем должно играть либо государство, либо компании-лидеры, которые уже имеют стабильные финансовые потоки от основной деятельности и могут инвестировать в инновационные сектора.

Таким образом, подводя итоги, необходимо сделать следующие выводы:

Экосистемный подход, как способ комплексного изучения систем, был заимствован общественными науками из биологии. Конкретно предпринимательские экосистемы впервые оказались в центре внимания исследователей, когда это понятие было введено в научный оборот Джеймсом Муром.

На настоящий момент в отечественной и зарубежной научной литературе существует множество различных определений предпринимательских экосистем. Эти определения солидарны в понимании ПЭ как сложной системы, состоящей из множества взаимосвязанных элементов (предприниматели, организации институты). С другой стороны, разные авторы выделяют разных акторов в составе ПЭ, а также могут считать или не считать важной географическую привязку предпринимательских экосистем к определенным локациям.

Помимо предпринимательских экосистем существует ряд смежных понятий – инновационные экосистемы, стартап-экосистемы. Это частные случаи ПЭ, которые характеризуются фокусом на развитии новых технологий с целью общего повышения качества человеческого капитала (инновационные экосистемы) или же с целью извлечения прибыли (стартап-экосистемы).

1. Moore, James F., *The death of competition: leadership and strategy in the age of business ecosystems*, Publisher New York: HarperBusiness, 1993. – 328 p.
2. Audretsch D., Mason C., Miles M.P. & O'Connor A. (2021) *Time and the Dynamics of Entrepreneurial Ecosystems*, *Entrepreneurship & Regional Development*, Vol. 33:1-2, – Pp. 1-14.
3. Акбердина В.В., Василенко Е.В. *Инновационная экосистема: теоретический обзор предметной области // Журнал экономической теории. 2021. №3. Стр. 462-473.*
4. Янченко Е.В. *Региональная инновационная экосистема: оценка эффективности функционирования в условиях цифровизации // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Том 13. – № 2. – С. 881-900.*
5. Trabskaja J., Mets T. (2019) *Ecosystem as the Source of Entrepreneurial Opportunities. Foresight and STI Governance*, vol. 13, no 4, pp. 10–22.

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ФАКТОРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Розманов Александр Ильич
(Тюменский государственный университет)

Аннотация. В работе анализируется влияние различных типов инфраструктуры на социально-экономическое развитие регионов России. Рассматриваются транспортная и социальная инфраструктура как ключевые факторы экономического роста. Отдельное внимание уделено методологическим аспектам оценки инфраструктурных проектов и значению приграничных регионов.

Ключевые слова: инфраструктура, социально-экономическое развитие, экономический рост, регионы России, социальная инфраструктура, городская инфраструктура.

Влияние инфраструктуры на социально-экономическое развитие регионов является важным фактором формирования экономической стабильности и качества жизни населения. В условиях современной России инфраструктурное развитие помогает снизить неравенство между регионами, увеличивает инвестиционную привлекательность и способствует развитию человеческого капитала. Особую роль играют транспортная и социальная инфраструктура, включая школы, больницы, дороги и транспортные узлы, которые способствуют мобильности населения и улучшению условий для ведения бизнеса. Настоящий тезис направлен на анализ влияния различных типов инфраструктуры на социально-экономическое развитие регионов, используя данные из существующих исследований.

Что касается использования методологии при сравнении регионов, оценка влияния инфраструктуры на экономическое развитие должна включать использование как количественных, так и качественных показателей [3, 3]. Важные индикаторы включают доступность транспортных и социальных услуг, развитие энергетической инфраструктуры, а также уровень инвестиций в инфраструктурные проекты. Оценка этих показателей позволяет более детально проанализировать, насколько инфраструктура способствует улучшению экономических и социальных показателей региона [3, 6]. Помимо этого, важно учитывать различия в подходах к оценке инфраструктурных проектов в приграничных и центральных регионах страны, где разные факторы могут играть значительную роль в определении их эффективности.

Под инфраструктурой в первую очередь подразумевают транспортную сеть — один из важнейших факторов, определяющих уровень развития экономики региона. Хорошо развитая транспортная сеть обеспечивает связь между регионами и городами, способствует улучшению товарооборота и повышению мобильности населения. Важность транспортной инфраструктуры особенно очевидна в регионах с удалённым расположением, таких как Сибирь и Дальний Восток, где инвестиции в развитие дорог и железнодорожных линий способствуют экономическому росту и привлечению инвестиций [6, 11]. Кроме того, инфраструктура подразумевает наличие развитой городской среды, которая улучшает уровень жизни населения и стимулирует экономическую активность. В российской практике развитие городской инфраструктуры в крупных агломерациях, таких как Москва и Санкт-Петербург, значительно повысило привлекательность данных регионов для инвесторов и обеспечило рост ВРП. Хорошо развитая инфраструктура способствует не только увеличению экономической активности, но и улучшению социальной ситуации, снижая уровень миграции из городов и способствуя удержанию квалифицированных

кадров [2, 7]. С одной стороны, качественная городская инфраструктура стимулирует предпринимательскую деятельность и привлекает новых жителей, а с другой — улучшает экологическую ситуацию и способствует социальному взаимодействию. Например, увеличение количества зеленых зон и общественных пространств улучшает условия жизни, а удобная транспортная сеть способствует повышению мобильности населения и облегчению доступа к рабочим местам [2, 5].

Инфраструктура является ключевым элементом долгосрочного экономического роста и социального благополучия. Развитие транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры оказывает значительное влияние на повышение производительности труда, снижение производственных издержек и улучшение качества жизни населения. Важными составляющими инфраструктуры являются не только дороги, железнодорожные магистрали и энергетические сети, но и объекты социальной инфраструктуры, такие как школы, больницы и культурные учреждения [1, 4], [4, 7]. Например, в регионах с хорошо развитой транспортной сетью наблюдаются более высокие темпы экономического роста, поскольку наличие современных дорог и логистических маршрутов позволяет снижать затраты на транспортировку товаров и увеличивать мобильность населения. Энергетическая инфраструктура обеспечивает стабильное энергоснабжение для предприятий, что способствует росту промышленного производства [4, 3]. Инвестиции в развитие инфраструктуры особенно важны для отдалённых и слаборазвитых регионов России, где недостаток как транспортных, так и социальных объектов ограничивает возможности экономического роста и снижает уровень жизни населения. Вложения в школы, больницы и другие социальные объекты не только улучшают качество жизни, но и способствуют созданию условий для устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности подобных регионов [4, 6].

Важно отдельно выделить эффект от развития инфраструктуры на приграничные субъекты страны. Приграничные регионы России обладают особыми возможностями для экономического развития благодаря доступу к международным рынкам, что делает их важными центрами внешнеэкономической деятельности [5]. Калининградская область, Приморский край и другие приграничные регионы служат примерами того, как можно использовать географическое положение для привлечения инвестиций и развития логистики. Развитие приграничной инфраструктуры, включая транспортные узлы, таможенные и логистические центры, существенно повышает конкурентоспособность этих регионов. Это не только стимулирует торговлю, но и способствует созданию рабочих мест, увеличению уровня занятости и повышению уровня доходов населения [5, 7].

Таким образом, инфраструктура является фундаментом для социально-экономического развития регионов. Хорошо развитая транспортная, социальная и энергетическая инфраструктура создает условия для устойчивого роста, улучшает условия жизни населения и способствует повышению конкурентоспособности регионов. Важность инфраструктурного развития особенно заметна в отдаленных и приграничных регионах России, где инвестиции в инфраструктуру могут стать ключевым фактором для их экономического роста и интеграции в общенациональную экономику. Перспективы дальнейших исследований включают анализ влияния отдельных видов инфраструктуры на экономические показатели и разработку рекомендаций для эффективной региональной политики в области инфраструктурного развития.

1. *Инфраструктура как фактор экономического роста [Электронный ресурс] // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infrastruktura-kak-faktor-ekonomicheskogo-rosta> (дата обращения: 09.10.2024).*
2. *Комфортная городская среда и её влияние на социально-экономическое развитие региона [Электронный ресурс] // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komfortnaya-gorodskaya-sreda-i-ee-vliyanie-na-sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-regiona> (дата обращения: 09.10.2024).*
3. *Оценка влияния инфраструктурной обеспеченности на экономическое развитие российских регионов [Электронный ресурс] // ResearchGate : платформа научных публикаций. URL: <https://www.researchgate.net/publication/332410497> (дата обращения: 09.10.2024).*
4. *Общественная инфраструктура и экономическое развитие региона [Электронный ресурс] // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-infrastruktura-i-ekonomicheskoe-razvitie-regiona> (дата обращения: 09.10.2024).*
5. *Приграничность как фактор экономического развития региона [Электронный ресурс] // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prigranichnost-kak-faktor-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona> (дата обращения: 09.10.2024).*
6. *Транспорт и экономический рост: взаимосвязь и влияние [Электронный ресурс] // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transport-i-ekonomicheskij-rost-vzaimosvyaz-i-vliyanie> (дата обращения: 09.10.2024).*

УДАЛЕННАЯ РАБОТА И ГИБКИЙ ГРАФИК: ТРЕНДЫ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ТРУДОВОГО ПРОЦЕССА

Романова Виктория Алексеевна
(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет)

Баранник Олеся Андреевна
(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет)

Вишталъ Мария Игоревна
(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет)

Аннотация

В данной статье рассматриваются возможности и благоприятные эффекты, которые дает внедрение в компаниях удаленной работы и гибкого рабочего графика для персонала, а также возможные вызовы, с которыми могут столкнуться работодатели и сотрудники в процессе актуализации формата работы. В тексте статьи приводятся рекомендации по решению возникающих сложностей.

Удаленная работа стала неотъемлемой частью современного трудового процесса. Пандемия COVID-19 ускорила переход на удаленные форматы, и многие компании осознали преимущества более гибкого рабочего графика. Однако с новыми возможностями приходят и вызовы, которые требуют внимания как со стороны работодателей, так и сотрудников. В этой статье будут рассмотрены ключевые тренды удаленной работы, а также основные проблемы, с которыми сталкиваются работники и работодатели.

Современные сотрудники все чаще стремятся к гибкости в организации своего рабочего времени и пространства [1,2]. Работа в удаленном формате и гибкий график предоставляют им возможность самостоятельно планировать свой день, что способствует гармоничному сочетанию профессиональной деятельности и личной жизни. Такой подход также приводит к повышению эффективности труда, поскольку работники могут выбрать наиболее продуктивные часы для работы, создать рабочее пространство, вдохновляющее на работу, и вовремя отдыхать в любимом формате. Это положительно влияет на психологическое благополучие, повышение уровня стрессоустойчивости и работоспособности работника. Наибольшую пользу для организации может принести тот сотрудник, который удовлетворен профессиональными и личными аспектами своей жизни.

Прогресс в области технологий (включая облачные хранилища, коммуникационные платформы для видеозвонков, онлайн-встреч, текстового общения, системы управления проектами и временем, инструменты для совместной работы), существенно упростил процесс удаленной работы и внедрения гибкого графика. Эти инструменты позволяют командам поддерживать связь и эффективно взаимодействовать, невзирая на географические расстояния и разницу в часовых поясах.

В условиях удаленной работы работодатели вынуждены пересмотреть свои подходы к управлению персоналом. Вместо того, чтобы контролировать каждый шаг сотрудников, компании начинают развивать культуру доверия, что предполагает установление четких целей и ожиданий, а также предоставление работникам свободы в выборе методов достижения этих целей. На первый план выходят гибкость, способность адаптироваться к меняющимся условиям, умение выстраивать эффективные коммуникации. Большую роль играет техническое обеспечение и поддержка со стороны работодателей [3].

Таким образом, среди перспектив и положительных эффектов удаленной работы и гибкого рабочего графика можно отметить:

увеличение числа талантливых кадров (благодаря возможности трудоустройства из любой точки страны и мира);

снижение расходов на офисные помещения (например, в случаях, когда офисную площадь можно сократить или вовсе отказаться от нее);

повышение продуктивности сотрудников благодаря улучшению баланса между работой и личной жизнью и возможности комфортно организовать свою работу;

снижение уровня текучести кадров благодаря современным решениям и привлекательным условиям труда;

использование инновационных подходов к управлению и современных инструментов и технологий для достижения общих целей, оставаясь в тренде на рынке труда.

Тем не менее удаленная работа и гибкий график могут нести за собой определенные сложности. Одним из ключевых вызовов, с которыми сталкиваются сотрудники при переходе на дистанционный и более гибкий формат работы, является чувство изоляции [4]. Многие работники испытывают дефицит общения с коллегами, что может негативно сказаться на их психоэмоциональном состоянии. Онлайн-встречи и видеоконференция не заменяют в полной мере очного общения. В этой связи компаниям необходимо разрабатывать и внедрять стратегии, направленные на поддержание командного духа и организацию встреч и мероприятий, которые позволят сотрудникам неформально взаимодействовать между собой, встречаться в жизни, чувствовать свою причастность к общему делу и укрепят командный дух.

Удаленная работа и гибкий график могут привести к недопониманию и недостатку информации. Важно установить четкие каналы коммуникации и обеспечить доступ к необходимым ресурсам для всех членов команды [6]. Использование современных технологий и инструментов, регулярные видеозвонки и своевременное обновление статуса проектов помогут сделать рабочие процессы понятнее и прозрачнее для всех участников.

Сотрудники могут столкнуться с проблемами в организации своего времени, особенно когда границы между рабочим и личным пространством оказываются размытыми. Это может привести к профессиональному выгоранию. Компании должны стимулировать своих работников к установлению четких границ между работой и личной жизнью, а также предоставлять им необходимые инструменты и ресурсы для эффективного управления своим временем. Все больше работодателей осознают важность проведения дополнительных тренингов в компании по тайм-менеджменту, профилактике выгорания и другим актуальным темам, а также привлекают помогающих специалистов (психологи, коучи) для работы со своим персоналом.

С распространением удаленной работы возрастает риск кибератак [5]. Работодатели должны обеспечить безопасность данных и обучать сотрудников основам кибербезопасности, чтобы защитить информацию компании. Важно отметить, что вопрос кибербезопасности является чрезвычайно актуальным и вне контекста удаленной работы. Невозможно обезопасить данные, только лишь посадив всех сотрудников в офис.

Удаленная работа и гибкий график открывают перед сотрудниками и работодателями новые перспективы, предоставляя гибкость и возможности для профессионального роста. Однако этот формат труда также сопряжен с рядом вызовов, которые требуют тщательного анализа и поиска решений.

Успешная реализация удаленной работы и гибкого рабочего графика сотрудников требует от компаний способности адаптироваться к новым условиям, формировать

культуру доверия и обеспечивать поддержку персонала. В конечном итоге, нахождение баланса между преимуществами и вызовами, связанными с новым для кого-то форматом работы, может привести к повышению эффективности труда и удовлетворенности персонала, а это, в свою очередь, будет работать во благо целей компании.

1. Васенин Р. С. Удаленная работа и цифровые рабочие пространства //ББК 1 Н 34. – С. 3739.
2. Конобеццев Ф. Д., Лаас Н. И., Гурова Е. В., Романова И. А. Удаленная работа: технологии и опыт организации // Вестник ГГУ. 2019. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/udalennaya-rabota-tehnologii-i-opyt-organizatsii> (дата обращения: 08.10.2024).
3. Нагибина Н.И., Имамудинова О.Р., Дятлова А.А. Удаленная работа: эволюция, анализ, перспективы // УПИРР. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/udalennaya-rabota-evolyutsiya-analiz-perspektivy> (дата обращения: 08.10.2024).
4. Николаев Н. Р. Практики управления трудовыми конфликтами в условиях удаленной работы //Прогрессивная экономика. – 2024. – №. 5. – С. 153-161
5. Ниязырадова С., Шукурлиев А., Амантаганов А. Кибербезопасность в эпоху удаленной работы // Всемирный ученый. 2024. №28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-v-epohu-udalennoy-raboty> (дата обращения: 08.10.2024).
6. Новиков В.Д. Дистанционная работа: преимущества, недостатки и пути их решения // Вестник науки. 2024. №4 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distantcionnaya-rabota-preimuschestva-nedostatki-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 08.10.2024).

ДОВЕРИЕ К ФИНАНСОВЫМ ИНСТИТУТАМ, ПОВЕДЕНИЕ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

*Ромашкина Гульнара Фатыховна
(Тюменский государственный университет)*

*Богданенко Анна Андреевна
(Тюменский государственный университет)*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-28-01321 «Анализ поведения участников долгового рынка в условиях кризисных ситуаций в связанных экономиках»

Поведенческие особенности и доверительные отношения – традиционный объект исследования в социологии. Достаточно хорошо известные тезисы Ф. Фукуямы утвердили теоретиков и практиков в утверждении, что доверие способствует более высоким темпам экономического развития [7]. Традиционные социологические измерения предполагают, что доверие есть уверенность (confidens) [12], что это некоторое отношение к социальному действию, например, уверенность, что люди поведут себя в отношении вас [9]. Одни исследователи путем различных экспериментов демонстрируют, как межличностное доверие подкрепляет социально-экономическое развитие [5]. Другие исследователи рассматривают культуру доверия через призму количественных и качественных методов [1].

Если следовать Коулману, то следует разделять доверяющих, и тех, кому доверяют для того, чтобы изучать взаимодействие между ними в процессе институционализации [11]. Примыкают к этим трактовкам те, кто рассматривают институциональное доверие как основу экономического развития [8], социальный капитал [2].

Мы будем рассматривать доверительные отношения как залог того, что люди будут покупать финансовые инструменты, такие как облигации, предполагая, что они принесут им прибыль в будущем. Как влияют на такие покупки нестабильности внешней среды? Отметим, что в отличие от акций, облигации покупаются в зависимости от их ожидаемой доходности. Таким образом, чем дороже ожидаемые доходности, тем хуже складывается ситуация в экономике, поскольку это долги, которые придется в будущем обслуживать по более высоким процентным ставкам. Такие ожидания и их рациональность становятся предметом изучения поведенческих финансов [13]. Д. Стиглиц и его последователи обосновали, что если на рынке нет асимметрии информации, то прибыль на рынке стремится к нулю [15]. Цены на рынках отражают не только информацию, но доверие к ней. При этом регулирование должно учитывать эффект арбитража (априорное знание о цене актива) и иррациональность массового поведения. Мы добавим вопросы в нашу копилку неясностей – кто более иррационален- индивидуальный агент или массовый? Можно ли говорить о рациональности поведения институционального агента?

Например, недавно прокатившаяся по всему миру эпидемия COVID-2019 сначала показалась катастрофическим событием, но потом вдруг все быстро к этому привыкли, и волатильность быстро вернулась к докризисным тенденциям [3; 10].

Через три года начинаются события 2023 -2024 годов, когда новые катастрофические события вызывают новые волатильности, сомнения в успешности действий и рациональности ожиданий проникают в умы даже самых ортодоксальных экономистов

[14]. Но почему-то люди ведут себя значительно менее изменчиво, чем финансы [4]. Измерения доверия не демонстрируют чрезмерных колебаний, хотя, казалось бы, куда уж катастрофичности.

Социологи справедливо отмечают, что, во-первых, в опросах мы измеряем не доверие, а мнение о нём [1]. Во-вторых, сомнения в рациональности доверяющих субъектов имманентно присущи социологам и социальным психологам [6]. В-третьих, влияют одобряемое социальное поведение, сдвиги опросных методов по самооценке и т.д.

Мы попытались измерить, как относятся между собой высота и длина периода волатильностей государственных облигаций как измеритель уровня доверия к финансам данной страны (страновые риски). Оказывается, что в примерно одинаковых внешних условиях страновые риски коррелируют с уровнем доверия согласно опросным данным. В отличие от опросных данных, которые становятся все менее доступны по целому ряду причин, данные по котировкам, продажам и их изменчивости вполне доступны в цифровом пространстве. Мы применяем эти данные для оценки взаимосвязанности страновых рисков в условиях нестабильности, рассматривая их через призму поведенческих финансов.

1. Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г. Трансформация культуры доверия в России //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 157-179. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212>.

2. Латов Ю. В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) //ПОЛИС. Политические исследования. 2021. №. 5. С. 161-175. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.11.

3. Ромашикина Г. Ф., Андрианов К. В., Богданенко А. А. Анализ кризисов в связанных экономиках на примере стран Латинской Америки //Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9, № 1 (33). 2023.

4. Ромашикина Г. Ф., Скрипнюк Д. Ф., Андрианов К. В. Индикаторы развития кризисов и финансовое поведение субъектов глобальной экономической системы в кризисные периоды //МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. №. 2. С. 207-223.

5. Татарко А. Н. Межличностное доверие как фактор социально-экономического развития //Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. №. 3. С. 28-41.

6. Тоценко Ж. Т. Публичный и приватный жизненный мир прекариата: основные черты и ориентиры //Социологические исследования. 2021. Т. 11. №. 11. С. 24-36. DOI: 10.31857/S013216250016200-3

7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Фрэнсис Фукуяма: пер. с англ. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 730 с.

8. Шебеко К. К., Шебеко Д. К. Институциональное доверие как фактор экономического развития: эмпирический анализ //Экономика и банки. 2020. №. 2. С. 35-44.

9. Штомпка П. Доверие— основа общества. М.: Логос, 2012.

10. Albulescu C. T. COVID-19 and the United States financial markets' volatility // Finance Research Letters. 2021. Vol. 38. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101699> (англ.).

11. Coleman J. (1990) Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Belknap Press.

12. Giddens A. (1990) The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press (англ.).

13. Jain J., Walia N., Gupta S. Evaluation of behavioral biases affecting investment decision making of individual equity investors by fuzzy analytic hierarchy process // Review of Behavioral Finance. 2020. Vol. 12. No. 3. P. 297-314. <https://doi.org/10.1108/RBF-03-2019-0044> (англ.).

14. Roy A., Soni A., Deb S. A wavelet-based methodology to compare the impact of pandemic versus Russia–Ukraine conflict on crude oil sector and its interconnectedness with other energy and non-energy markets. Energy Economics. 2023; 124: 106830. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2023.106830> (англ.).

15. Stiglitz J. E. Capital market liberalization, economic growth, and instability // World development. 2000. Vol. 28. Iss. 6. P. 1075-1086. [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(00\)00006-1](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(00)00006-1) (англ.).

АНТИСАНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ИРАНА: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКИХ РЕАЛИЯХ

*Руднева Ольга Олеговна
(ИСПИ ФНИСЦ РАН)*

*Герасимова Анастасия Александровна
(МГУ им М.В. Ломоносова)*

Аннотация. В статье проанализированы возможности применения антисанкционных методов Ирана в условиях антироссицских санкций.

Ключевые слова: антисанкционная политика, Иран, санкции, Россия

С 2022 г. Россия столкнулась с санкционным давлением со стороны западных стран. Дальнейшее экономическое, политическое и социальное развитие страны оказалось в рисковом состоянии.

Преодоление внешнеполитических вызовов необходимо сопровождать научно-аналитической работой. Важным является изучение и анализ мер, применяемых в странах, находящихся под санкционным давлением.

Изучение опыта Ирана по обходу экономических санкций наиболее релевантно и актуально, уже 40 лет страна находится под санкциями.

В качестве теоретико-методологической базы исследования выступают работы отечественных политологов и экономистов [1] и работа П. Рапинской «Иран. Экономика под санкциями» [2].

Наложение санкций на Иран началось в 1979 г., когда в стране произошла Исламская революция. Прецедентом явился захват сотрудников американского посольства, который был поддержан иранским правительством. Далее введение санкций объяснялось разными причинами, в частности - государственная программа по обогащению урана стала триггером введения санкций. Самое тяжелое воздействие санкции оказали на нефтегазовую отрасль и банковский сектор, экспортные цепочки.

Принятый в 1996 г. «Закон Д'Амато – Кеннеди» почти прекратил американские инвестиции в нефтегазовый сектор, остановив модернизацию отрасли. Было введено эмбарго на покупку иранской нефти, к которому в 2012 г. присоединилась Европа [3]. Иран переориентировался на азиатский рынок. Главными покупателями стали Китай и Индия. Мерой обхода санкций стали «танкеры-призраки»: иранский танкер с нефтью, отключает систему отслеживания, встречается с танкером под флагом другой страны, который доставляет нефть заказчику. Эта система при этом имеет малые объемы.

В металлургической отрасли происходит переориентация на азиатский рынок и сокращение поставок через уменьшение объемов.

Серьезным давлением на банковский сектор и всю экономику явилось отключение от SWIFT. Инструментом обхода стало использование системы хавала: в одной стране деньги получили, в другой выдали равнозначную сумму, но сам перевод не задокументирован. Это перевод, основанный на доверии. Применение инструмента характерно для семейных предприятий. Этот метод обхода обусловлен культурными и религиозными особенностями страны и трудно воспроизводим в России.

Крупные иранские компании имеют счета в банках дружественных стран. Этот инструмент применимым для России. Из позитивных мер – рост майнинга криптовалюты - связано с дешевизной электричества, иранцы имеют возможность майнить, хранить, переводить деньги.

Экспорт Ирана также переориентировался на азиатский рынок. Так на Китай в 2018 г. пришлось 48%, на Индию - 12% от экспорта страны [4].

Иран экспортирует не только нефть, но металлургию, сельское хозяйство, цемент, стройматериалы. Импорт в Иран в основном из Китая (28%), ОАЭ (20%), Индии (11%).

Главное импорта — машины, промышленное оборудование. Предпринимаются попытки импорта услуг и оборудования ИТ. Ввозится пшеница, рис и др. Обходить санкции помогает реэкспорт через открытие иранских компаний в «третьих» странах»; через изменение в документах; через поставку разобранных товаров с последующей сборкой в Иране; через контрабанду.

В Иране нет дефицита базовых продуктов, значит эти методы работают, однако, сократить технологическое отставание сложно и реэкспорт не способствует модернизации страны.

Экспорт России из-за санкций снизился на 40%. Это не оказало серьезного влияния на финансовую сферу страны, поскольку произошло повышение цен на ключевые ресурсы. Не ресурсный экспорт у России развивается с дружественными странами, после введения санкций он составил 61%. Смена вектора в сторону Восточных стран частично восполняет санкционные потери. Экспорт из Китая вырос в 2,2 раза, а из Индии в 3,3 раза. [5]

Импорт в России после введения санкций снизился, более чем на треть. Импорт из Китая в натуральном эквиваленте вырос на 45%, в денежном на 20%. Однако он не способен в полном объеме заменить европейские поставки по компонентам оборудования для современных технологий и сельского хозяйства. Возникает потребность в поиске новых поставщиков среди дружественных стран, вероятнее всего Азиатского региона. [5]

Для более глубокого изучения исследуемого вопроса, нами были проведены экспертные интервью. Экспертами стали декан эконо. факультета МГУ им. Ломоносова А. А. Аузан и Д. Куликов - директор группы суверенных и региональных рейтингов рейтингового агентства АКРА.

А. А. Аузан отметил, что страна обладает высоким человеческим потенциалом, но из-за релокации, начавшейся в 2022 году, часть этого потенциала была потеряна. Это является большой проблемой для развития страны, т.к. создание новых технологических решений напрямую зависит от человеческого капитала, восстановление которого - вопрос многих лет, поэтому главная задача – это его удержание, а также сохранение участия в российских проектах реолокантов. В качестве наиболее эффективных направлений развития, эксперт выделил креативные индустрии (науку, технологии, ИТ и т.д.), т.к. нашим культурным преимуществом является способность к производству индивидуализированных продуктов, производство серийной продукции обычно дается хуже. Получение прибыли в данном направлении возможно благодаря лицензионным отношениям и системе роялти, при которых идеи продаются через лицензии другим странам.

Особо важным для этой сферы является соблюдение прав интеллектуальной собственности и налоговое стимулирование. Необходимо создать условия, способствующие регистрации данных продуктов в нашей стране, т.к. благодаря этому доходы от их функционирования останутся в России.

Д. Куликов подчеркнул, что, оценивая потенциальную экономическую устойчивость, важно учитывать этапы структурной перестройки экономики. При данной структурной перестройке выделяют среднесрочные (горизонт событий от 2 до 3 лет) и долгосрочные (> 3 лет) вызовы. К среднесрочным он отнес: поиск новых рынков сбыта в странах, не введших санкции; выход на рынок компаний и применение способов производства, неконкурентоспособных при отсутствии барьеров на торговлю и

присутствия на рынке транснациональных компаний; консолидацию на сжимающихся рынках; изменение приоритетов и содержания государственной экономической политики. К долгосрочным: поиск новых источников для создания и производства сложных наукоемких средств производства; переток трудовых ресурсов и изменение структуры образования, вызванные изменением структуры спроса на труд.

Резюмируя, можно говорить, что многие методы иранской антисанкционной политики являются адаптивными и уже используются в России, в частности модель параллельного импорта. Россия также переориентировалась в своем экспорте на азиатский рынок.

Точкой роста может стать африканский рынок и рынок Латинской Америки. Важно решать вопросы сложных логистических цепочек и ценообразования. В банковской сфере Россия в явном преимуществе, так как создала и продвигает внутреннюю платежную систему МИР.

Правительство и многие отрасли бизнеса последний год заняты поиском новых методов ослабления санкционного удара. Прикладные исследования социальных наук в этом направлении могут стать серьезным базисом для разработки эффективных управленческих и политических решений.

1. Кожанов Н. Действие и противодействие Опыт иранских санкций и усилий по их нейтрализации // *Россия в глобальной политике*. - 2016. - №1. - С. 1-6.
2. Мамедова Н. М. Санкции и их влияние на Иран. - 2 изд. - Москва: Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2012. – 138
3. Мамедова Н. М. Режим санкций в отношении Ирана и его влияние на ситуацию в стране // *Экономика зарубежных стран*. - 2011. - №2 (17). - С. 1-10.
4. Рипинская П. С. Иран. Экономика под санкциями. - 1 изд. - Москва: АСТ, 2022. - 240 с.
5. Экспорт и импорт: жизнь в новых условиях // *Экспорт и импорт: жизнь в новых условиях Тенденции на РБК+* URL: <https://plus.rbc.ru/news/631359b67a8aa98521ceb3a2> (дата обращения: 2.10.2024).
6. S. R. Nakhli, M. Rafat, R. Bakhshi Dastjerdi, M. Rafei. How do the financial and oil sanctions affect the Iran's economy: a DSGE framework // *Journal of Economic Studies*. 2020. Vol. 48, № 4. Pp. 761-785. DOI: <https://doi.org/10.1108/jes-01-2020-0031>

«КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС» В КОМПЛЕКСЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЯН

*Савенкова Анастасия Сергеевна
(Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы)*

В настоящее время обеспеченность жильем выступает одним из важнейших индикаторов качества жизни. В восприятии россиян роль «квартирного вопроса» имеет обширную историческую представленность и соотносится как с характеристиками самого жилья, так и с социально-демографическими и статусными показателями его собственников. Традиционно, к числу переменных, определяющих качество и востребованность жилой недвижимости относятся площадь жилья, время и цель постройки, район и тип поселения. При этом, социальное восприятие каждой из этих переменных неоднозначно и подвержено существенным трансформациям.

Являясь одним из способов изменения жилищных условий, миграция может повлечь как улучшение региона проживания, так и сокращение жилплощади. Это происходит не только по причине арендных затрат, побуждающих приезжего рассматривать комнаты, квартиры небольшой площади, но и в связи со спецификой распределения жилья в разных субъектах Российской Федерации. По данным «Дом. РФ» и ВЦИОМ [2], для 44% россиян желаемая площадь жилья составляет от 45 до 70 кв. м., а для 41% - варьируется от 60 до 90 кв.м. В среднем же, на россиянина в 2023 г. приходится от 15.3 кв.м. (Республика Тыва) до 37.9 кв. м. [4] (Псковская область). Показатели среднего распределения площади жилья очевидно диссонируют с привлекательностью района: такие города как Москва, Санкт-Петербург, Казань находятся в числе аутсайдеров списка (в целом по РФ и в рамках федерального округа). В среднем на москвича приходится 22.2 кв. м., петербуржца – 27.8 кв. м., жителя г. Казань – 28.4 кв.м. В городских агломерациях обеспеченность жильем ниже, чем в сельской местности. Кроме того, горожанину сложнее расширить жилплощадь, чем жителю села, так как последний может присоединить к имеющемуся строению дополнительное. Следует отметить, что практика возведения самостроя актуальна и для города. Часто встречается вариант самовольной пристройки балкона на опорных стойках. В социальном восприятии, распространённость таких явлений указывает на слабую управляемость района, малую историческую, культурную значимость территории.

До недавнего времени наиболее распространённой формой приобретения жилья выступало обращение к заемным средствам. Несмотря на весьма высокую ставку по ипотечному кредиту, ипотечное кредитование воспринималось как обыденное или инвестиционное действие[5, 68]. Однако повышение ключевой ставки ЦБ РФ обуславливает сокращение числа выданных ипотечных кредитов (с 348,2 в 2020 г. до 170,5 в 2024 г.)[6], превращая кредитование в элитарную, малодоступную практику.

Жилищные ожидания граждан зачастую определяют семейные и демографические стратегии. Так, еще для советской семьи возможность переезда в более просторную квартиру связывалась с увеличением числа прописанных жильцов. Схожая ситуация наблюдается и по сей день, когда в условиях повышения ипотечной ставки, отсутствие семьи фактически является заградительным барьером для приобретения жилья. Это отражается в динамике кредитования: в 2024 г. основная часть ипотечных кредитов (57,2%) выдавалась по программам господдержки, доля же семейной ипотеки среди льготных программ составила 51%[1]. При этом, «брачная» стратегия приобретения жилой недвижимости сопровождается рядом особенностей, характерных для большинства развитых и развивающихся стран: увеличение возраста вступления в брак, рост числа лиц, допускающих необязательность заключения брака. Обнаруживаются и гендерные отличия

при планировании жилищных условий. Мужчины чаще женщин арендуют недвижимость, женщины охотнее проживают с родственниками [3, 123].

Одной из рискованных стратегий приобретения жилья является участие в программе реновации. В целом, горожанами позитивно воспринимается программа сноса и замены ветхого жилья [7, 139]. К плюсам реновации относят повышение качества жилья, увеличение площади получаемых квартир. Риски программы зачастую связаны со снижением престижности, комфортности района проживания, а также с возможным срывом сроков строительства. С тревогой относятся к реализации программы и жители домов, не вошедших в программу. По их мнению, возводимые дома могут разрушить эстетику района, проведение строительных работ связано с неудобствами для «коренных» жителей [8, 71].

Таким образом, проблема доступности жилья в России является комплексной, каждый из способов решения «квартирного вопроса» порождает спектр различных социальных практик и представлений.

1. Более половины льготных кредитов на жилье приходится на семейную ипотеку. Циан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cian.ru/stati-bolshe-pолоviny-lgotnyh-kreditov-na-zhile-prihoditsja-na-semejnyju-ipoteku-334765/>. (дата обращения 05.10.2024).
2. Большинство россиян заявили о желании жить в домах не выше 12 этажей. Дом. РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/media/smi/Bolshinstvo-rossiyan-zayavili-o-zhelanii-zhit-v-domah-ne-vyshe-12-etazhej/?ysclid=m1zht4tiaz647448425>. (дата обращения 05.10.2024).
3. Грызенкова Ю.В., Семенюк А.Г., Цыганов А.А. Самооценка гражданами России доступности жилья и способов его приобретения в 2023 году // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2023. №6. С.119-136.
4. Жилищный фонд по субъектам Российской Федерации, годы (2019-2023). Росстат. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya. (дата обращения 05.10.2024).
5. Иванова Т.А. Ипотечное кредитование как способ повышения доступности жилья в России // Вестник Российского университета кооперации. 2021. Т.43. №1. С.68-71.
6. Льготная ипотека. Минфин России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/govsupport/fgota/statistika/>. (дата обращения 05.10.2024).
7. Мерзляков А. А. Социальная диагностика реализации программы реновации жилого фонда // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т.32. №4. С.137-151.
8. Переяславцев Д. Роль локальной идентичности в сопротивлении реновации: кейс района Свиблово в Москве // Городские исследования и практики. 2022. Т.7. №4. С.68-85.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ В РОССИИ

Савченко Ирина Алексеевна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Российское государство осуществляет множество программ и занимается обновлением нормативной базы в сфере миграции, однако, в деятельности многих органов исполнительной власти, уполномоченных реализовывать социальную политику в сфере миграции, есть ряд недочетов и проблем.

Во-первых, социальную политику в сфере миграции России никак нельзя назвать «опережающей», она носит скорее «догоняющий» характер. Это означает, что государство решает проблемы уже после их неблагоприятного воздействия на общество. Многие органы государственной власти собирают данные о мигрантах и проблемах, с которыми они сталкиваются, и только на основании этих данных занимаются разработкой различных проектов и программ. Разумеется, данный подход имеет место быть, однако иногда государство просто не успевает своевременно реагировать на какие-то изменения и проблемы в сфере миграции.

Возможно данная проблема связана с тем, что в России плохо разработана система органов, осуществляющих миграционную политику, что приводит к затруднению осуществления ряда задач социальной политики в сфере миграции. До недавнего времени в РФ существовала Федеральная служба миграции. Однако в 2016 году по указу президента данная служба была упразднена, а ее преемником стало МВД России. Согласно официальной версии, ФМС была устранена для экономии бюджета. Однако данный процесс оставил после себя много вопросов. Например, не были четко разграничены полномочия Главного управления по вопросам миграции, Федеральным агентством по делам национальностей (которое также занимается решением разных миграционных вопросов) и Правительственной комиссией по миграционной политике (которая была создана после упразднения ФМС). Регулирование внутренней миграции, казалось бы, одно из важнейших направлений в сфере миграционной социальной политики, так и не было отнесено к зоне ответственности какого-либо органа исполнительной власти. К тому же, на данный момент плохо устроен процесс взаимодействия различных ведомств и других государственных учреждений, работающих с мигрантами, особенно в регионах. Все это делает работу таких организаций, как, например, ДТСЗН более затрудненной и многоуровневой, так как приходится работать сразу с несколькими учреждениями, полномочия которых плохо разграничены.

Во-вторых, в России слабо развита система услуг, помощи мигрантам в адаптации к новому обществу. Не смотря на то, что для получения гражданства мигранты должны сдать экзамен по русскому языку, доступность данного экзамена и подготовка к нему находятся на достаточно низком уровне [1]. Об этом свидетельствует, например тот факт, что на сайтах организаций, проводящих этот экзамен, есть информация о том, когда и где он проводится, а также, сколько мигрант должен заплатить для его прохождения, однако нет абсолютно никакой информации о подготовительных курсах к данному тестированию. Очевидно, данный вопрос должен решаться непосредственно иностранными гражданами, что является не самым лучшим решением, учитывая тот факт, что после переезда мигранты, как правило, обречены многими проблемами. К тому же, в российских учебных заведениях нет подготовительных программ, которые бы готовили специалистов по работе с мигрантами, так называемых «миграционных» специалистов. А значит, данная сфера деятельности на данный момент не является приоритетной.

В-третьих, частое внесение изменений в законы о правовом оформлении ИРС, затрудняет процессы получения документов иностранными гражданами. Например, за 2022 год в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», который регламентирует особенности осуществления трудовой деятельности иностранных граждан и порядок их оформления, поправки были внесены семь раз [2]. Часто внесение правок негативно сказывается на скорости предоставления социальными учреждениями услуг нуждающимся.

В-четвертых, многие из приезжих имеют более низкий уровень образования, чем тот, что необходим для работы. Очевидно, недостаток знаний и компетенции оказывают негативное влияние на качество товаров и услуг, в производстве которых участвуют мигранты. К тому же, многие переселенцы, особенно те, что приехали из «глуши», например, из деревень или слабо развитых регионов, отстают от развития технологий и им трудно адаптироваться к современному информационному обществу. Проблема в получении и повышении образования мигрантов особенно важна в контексте их длительного пребывания в стране, а также привлечении к работе на ее территории.

Решение данных проблем – одна из важнейших задач государства, так как миграционные процессы, как было указано выше, являются фактором изменения демографической структуры населения.

первое направление – совершенствование нормативно-правовой базы в сфере миграции. Во-первых, нужно более продуктивно использовать уже имеющиеся правовые ресурсы, которые в прошлом приводили к улучшению миграционной ситуации в стране путем упрощения процесса легализации иммигрантов. Например:

Ввести особые преференции для зарубежных высококвалифицированных специалистов. Данный шаг не только привлечет иностранных граждан в Россию, но и снабдит рынок труда компетентными сотрудниками;

Создать систему контроля обращений мигрантов в различные государственные службы, а также сбор обратной связи от переселенцев после получения социальных услуг. Данный подход поможет детально и своевременно изучать особенности миграционных потоков в и из регионов, отмечая такие факторы, как мотивы миграции, продолжительность и частоту перемещений, зависимость миграционных процессов от структурного состава групп переселенцев. Относительно данного направления можно также проанализировать опыт миграционной социальной политики других государств, особенно тем составляющим, которые по своей социальной и экономической среде близки к российским. Также автор считает важным предоставить субъектам РФ возможность вносить корректировки и предложения при осуществлении социальной политики в соответствии с особенностями миграционной ситуации в регионе.

Второе направление – создание единой оперативной системы по оказанию услуг мигрантам. Речь идет не только о четком распределении полномочий разных органов исполнительной власти, осуществляющих работу с мигрантами, но и создании единого учреждения, в том числе в онлайн пространстве, с помощью которого переселенцы смогут решать все свои проблемы. Например, куда мигранты смогут обратиться и с вопросами о процедуре оформления документов, подтверждающих право на пребывание на территории РФ, и с вопросами о прохождении стажировок или поиске работы, а также, например, возможностями получения помощи в адаптации к новой социальной среде. Также было бы неплохо, чтобы данные учреждения занимались просвещением переселенцев в области их прав и обязанностей, а также правил поведения в российском сообществе. Причем важно отметить, что данное учреждение должно быть государственным не только для того, чтобы предоставляемые услуги были более доступными, но и для упрощения процесса

регулирования миграции. К тому же на данном этапе реализации социальной политики в сфере миграции, было бы не лишним облегчить взаимодействие разных государственных учреждений и общественных организаций.

Третье направление – актуализация и расширение услуг, предоставляемых мигрантам. Безусловно, с течением времени потребности населения непрерывно меняются. То же касается и потребностей мигрантов. Это означает, что государство должно заниматься постоянным сбором и обработкой информации об обращениях иностранных граждан и, предпочтительно, прогнозированием возможных проблем, с которыми могут столкнуться переселенцы, а также члены их семей, особенно если они относятся к социально незащищенному населению. Таким образом, было бы неплохо создавать специальные гостиницы для мигрантов, где те могли бы получить более дешевое жилье на первое время, а также проводить мероприятия по сплочению гражданского общества на разных территориях, чтобы мигранты могли более легко адаптироваться и привыкнуть к новым условиям. Одной из главных услуг, предоставляемых иммигрантам, является помощь в социальной адаптации, в особенности, если речь идет о беженцах или этнических переселенцах.

Последнее, четвертое направление, связано с проведением социальной политики, которая бы удерживала местное население от выезда из страны. Например, для многих работодателей выгоднее нанимать на работу иностранцев, потому что их труд дешевле, и они готовы браться практически за любую работу. Соответственно, государству следует ввести протекционные меры, чтобы урегулировать равномерность представления как иностранной, так и местной рабочей силы на ранке труда. Также, для позитивного развития страны, органам власти следует усовершенствовать ряд программ, целью которых является развитие отдаленных от центра регионов России. Используя различное льготирование на приобретение земли, жилья, снижая налогообложение бизнеса на определенных территориях, государство сможет добиться перемен в направленности миграционных потоков.

1. *Какадий И.И., Ширипова Д.Б. Формы взаимодействия органов государственной власти в Российской Федерации // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 6. С. 469-472.*
2. *Савченко И.А., Николаева А.А. Миграция населения как актуальная политическая проблема современной России // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. сборник научных трудов XIII Международной научно-практической конференции. Омск, 2022. С. 159-167.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

*Садовая Виктория Вадимовна
(ФНИСЦ РАН)*

Цифровизация и связанные с ней технологические инновации кардинально меняют как экономические, так и социальные аспекты жизни. Трудовые отношения, которые на протяжении столетий основывались на стабильных формах занятости, фиксированном рабочем времени и физическом присутствии на рабочем месте, постепенно теряют свою традиционную форму. Сегодня цифровые технологии позволяют бизнесу более гибко подходить к организации труда, предоставляя работникам возможность работать удаленно, а также расширяя масштабы применения фрилансеров и краткосрочных контрактов.

Внедрение автоматизации, искусственного интеллекта (ИИ) и больших данных оказывает еще более глубокое влияние на рынок труда. С одной стороны, технологии способствуют росту производительности и снижению издержек для бизнеса, с другой — они создают новые вызовы для работников, особенно в секторах, связанных с рутинными операциями. В данной статье рассматриваются основные аспекты цифровой трансформации труда, включая гибкость занятости, изменение структуры рабочих мест и социальной справедливости, а также предлагаются стратегии для адаптации к новым условиям.

Одним из ключевых изменений, вызванных цифровизацией, стало распространение гибких форм занятости.

Развитие информационных технологий открыло возможности для удаленной работы, что особенно стало актуально во время пандемии COVID-19. Удаленная работа позволила многим компаниям продолжить свою деятельность в условиях карантина, а также продемонстрировала высокий потенциал гибких рабочих режимов для будущего развития рынка труда. Работники получили возможность балансировать между работой и личной жизнью, выбирать удобные для себя графики, что положительно сказывается на их удовлетворенности трудом.

Однако наряду с преимуществами гибкая занятость несет в себе и значительные риски. Работники, особенно те, кто работает по краткосрочным контрактам или в статусе самозанятых, часто оказываются лишены социальной защиты и стабильного дохода. Отсутствие гарантированного оплачиваемого отпуска, больничных и других социальных льгот приводит к увеличению социальной уязвимости таких работников. Более того, исчезновение четких границ между рабочим и личным временем создает риск "цифрового выгорания", когда человек оказывается поглощенным работой вне установленных часов и испытывает постоянное давление быть "всегда на связи". Цифровизация и автоматизация трансформируют саму структуру занятости. Многие профессии, связанные с рутинными и повторяющимися задачами, становятся излишними вследствие внедрения машин и алгоритмов. Рабочие профессии, которые ранее составляли основу экономики, такие как кассиры, операторы колл-центров или водители, могут исчезнуть или значительно сократиться в ближайшие десятилетия. Вместо них возникает потребность в новых профессиях, связанных с разработкой и обслуживанием технологий, анализом данных и управлением информационными системами.

Переход к новой экономике знаний требует от работников новых компетенций. ИТ-специалисты, аналитики данных, разработчики программного обеспечения и специалисты по кибербезопасности становятся наиболее востребованными на рынке труда. Однако эти профессии требуют высокой квалификации и специфических навыков, что подчеркивает

необходимость переобучения и повышения квалификации для сохранения конкурентоспособности на рынке труда. Образовательные учреждения и работодатели должны активно участвовать в процессе подготовки и переподготовки работников для новых условий.

Цифровизация создает не только возможности, но и усиливает социальное неравенство. Работники, не обладающие необходимыми цифровыми навыками, оказываются в невыгодном положении, что приводит к дальнейшему расслоению общества по уровню доходов и доступа к социальным благам. В особенности это касается представителей старших возрастных групп, которые могут испытывать трудности с освоением новых технологий. Кроме того, лица, работающие в традиционных секторах экономики, могут столкнуться с проблемой профессиональной непригодности в условиях массовой автоматизации.

Цифровая трансформация также ведет к изменению баланса власти на рабочем месте. Современные технологии позволяют работодателям отслеживать деятельность работников, управлять их рабочими процессами и оценивать их производительность с высокой точностью. Это может приводить к усилению контроля за работниками, снижению уровня их автономии и повышению чувства зависимости от работодателей.

Работники могут ощущать давление необходимости поддерживать высокую продуктивность и соответствовать новым цифровым стандартам. Для минимизации негативных последствий цифровизации необходимо пересматривать существующие механизмы государственного и корпоративного регулирования трудовых отношений. Трудовое законодательство, разработанное в эпоху индустриального производства, нуждается в адаптации к новым формам занятости. Это включает в себя разработку механизмов социальной защиты для работников, занятых по краткосрочным контрактам, обеспечение равного доступа к образовательным программам и поддержание баланса между работой и личной жизнью.

Корпорации также должны адаптировать свои подходы к управлению персоналом. В условиях цифровизации важным становится не только привлечение квалифицированных специалистов, но и создание условий для их профессионального роста и развития. Компании могут инвестировать в программы переподготовки сотрудников, а также в развитие корпоративной культуры, способствующей поддержанию высокого уровня вовлеченности работников.

Цифровизация неизбежно меняет рынок труда, создавая как новые возможности для гибкости и роста производительности, так и серьезные вызовы в сфере социальной справедливости и безопасности работников. Будущее трудовых отношений будет зависеть от того, как общество, бизнес и государство адаптируются к этим изменениям. Разработка комплексных стратегий, включающих пересмотр трудового законодательства, внедрение программ переквалификации и управление цифровыми рисками, станет ключевым фактором для создания устойчивого и справедливого рынка труда в условиях цифровой эпохи.

УПРАВЛЕНИЕ ИНФЛЯЦИОННЫМИ ОЖИДАНИЯМИ НАСЕЛЕНИЯ КАК КЛЮЧЕВАЯ ЗАДАЧА ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ

*Смелова Алена Андреевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Кострюкова Элина Дмитриевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Аннотация:

В статье рассмотрена проблема управления инфляционными ожиданиями населения центральными банками. Показана роль управления инфляционными ожиданиями в работе механизма таргетирования инфляции. Отмечаются, что несмотря на выстраивание ЦБ коммуникационной политики с населением, разные группы экономических субъектов неодинаковым образом реагируют на информационные сообщения ЦБ о темпах роста и выбирают разные стратегии поведения, не согласующиеся с политикой ЦБ. Обозначены пути решения этой проблемы.

Ключевые слова: центральный банк, управление ожиданиями населения, таргетирование инфляции.

Как утверждают представители социальных исследований центрального банкинга [2, 3], сегодня центральные банки играют ключевую роль в современных обществах и их влияние с каждым днем возрастает. Их функции далеко выходят за рамки простого управления денежной массой и включают в себя контроль инфляции посредством ее таргетирования, обеспечение финансовой стабильности, регулирование банковского сектора и поддержку устойчивого экономического роста. Но самая важная их задача заключается в управлении убеждениями и ожиданиями экономических субъектов в обществе, в выстраивании стратегической коммуникации. В этом смысле, инструменты управления убеждениями и ожиданиями также глубоко вложены в капиталистические структуры и институты, как и их операции на финансовых рынках [1].

В конце 2014 г. ЦБ РФ объявил о плавающем режиме курса рубля, завершив переход к политике таргетирования инфляции. Политика инфляционного таргетирования представляет собой управление экономикой с помощью изменения одного параметра – ключевой ставки, и опирается на координацию действий между ЦБ и участниками рынка вокруг прогнозов инфляции, экономического роста и процентных ставок. Приведение инфляции к целевому значению осуществляется с помощью регулирования ключевой ставки, а остальные макроэкономические показатели перестают управляться напрямую. Для эффективной координации ожиданий экономических субъектов и их согласованности с собственной политикой, центральный банк делает свои будущие действия предсказуемыми для участников рынка - основным инструментом для этой цели становится публикация докладов с прогнозами, которые показывают осведомленность банка о рисках инфляции и, что более важно, указывают, что монетарные власти адаптируют свою политику, учитывая актуальные риски. Прозрачность, предсказуемость принимаемых решений и доверие к политике центрального банка стали ключевыми факторами управления ожиданиями – целевой уровень инфляции, установленный центральным банком, служит «якорем», к которому прикрепляются инфляционные ожидания экономических субъектов. Эффективность такого режима управления в большой степени зависит от приписанного регулятору значения в глазах участников рынка: ожидания экономических субъектов могут как подрвать операции центрального банка, так и значительно увеличить их эффективность. Если инфляционные ожидания *заякорены*, то

власти могут реагировать на инфляционные изменения менее агрессивно – стабильное управление экономикой возможно только если политические решения и ожидания о них образуют собой целую и согласованную систему. Координация ожиданий как бы создает стабильность всей системы; уменьшая неопределенность будущего, стабильность создается как самоисполняющееся пророчество (термин Р.Мертон).

Экономические субъекты обладают убеждениями относительно будущего, они выстраивают причинно-следственные связи в двух измерениях. Ретроспективное измерение, в котором субъекты интерпретируют текущие экономические условия как последствия предыдущих политических решений и «перспективное» измерение, в котором представление о будущем создается, основываясь на текущих действиях политических властей, стараясь предсказать их влияние. Большая часть информации, которая определяет будущее, еще не создана; экономические субъекты должны действовать, чтобы создавать будущее. Таким образом, неопределенность будущего стоит воспринимать не как проблему, а как ресурс, мотивирующий экономические действия – неопределенность будущего запускает динамику, которая в конечном итоге производит реальные экономические данные. Итальянский социолог Е.Эспозито предлагает понимать эту особенность экономики как состояние «самогенерирующейся неопределенности» (self-generated indeterminacy): экономические действия делают будущее неопределенным и используют эту неопределенность для создания собственных структур, формирования направлений развития; то, что реализуется (цены и их колебания), не является случайным, но происходит из настоящих решений и ожиданий.

Ожидания об уровнях инфляции, по сути, определяют траекторию движения значительной части макроэкономики и являются одним из важнейших экономических показателей для центрального банка - низкие и стабильные инфляционные ожидания, интегрированные в долгосрочные процентные ставки - ключевой показатель успешности монетарной политики. Управление этими ожиданиями способствует плавному регулированию будущей инфляции, а, слабо заякоренные, или незаякоренные инфляционные ожидания могут вызвать множество негативных последствий для системы – снизить эффективность политических решений центрального банка, значительно усилить финансовую и макроэкономическую нестабильность. Считается, что (в условиях достаточного доверия к центральному банку) долгосрочные инфляционные ожидания (2-3 года) должны соответствовать целевому уровню инфляции, независимо от реальной текущей инфляционной динамики. Это означает, что эффективное управление делает долгосрочные инфляционные ожидания независимыми от краткосрочных и предотвращает значительное отклонение долгосрочных ожиданий от целевого уровня. В условиях сильно ускоряющегося роста цен, ближайшие будущие показатели инфляции становятся более значимыми в формировании долгосрочных ожиданий – таким образом, политика, способная оперативно снизить текущие уровни инфляции, может привести к значительным долгосрочным результатам. Так мониторинг инфляционных ожиданий в краткосрочной перспективе имеет решающее значение, поскольку существует тенденция их переноса на долгосрочные ожидания при отсутствии регулирующих мер.

Инфляционные ожидания домохозяйств содержат в себе наиболее обширные социальные убеждения относительно инфляции и определяют потребительское поведение. Их изучение является важным направлением работы социологов финансов. В макроэкономических моделях ожидания субъектов носят рациональный или гибридный характер, однако оба подхода не в состоянии учесть реальные инфляционные ожидания населения, которые, как показывают исследования, далеки от рациональных – они основаны на потребительском опыте и обладают высокой инертностью. Большое

количество экономических исследований, построенных на математических моделях, выявили существенную переоценку будущей инфляции относительно инфляции, измеряемой официальной статистикой, а также значительную неоднородность ожидаемых уровней. В отличие от рациональных агентов, действующих в экономических моделях, домохозяйства воспринимают инфляцию (и конструируют прогнозы о ее изменениях) на основе информации, полученной из своей *локальной экономической и информационной среды*. Основным источником информации о текущей экономической ситуации являются *цены* на наиболее часто приобретаемые товары (товары-маркеры) – в первую очередь, продовольственные. В следствие чего инфляционные ожидания населения менее подвержены влиянию коммуникационной политики центрального банка и прогнозов профессиональных финансовых аналитиков.

Исследования центральных банков ряда стран выявили следующие общие тенденции: первой особенностью (актуальной и для России, согласно данным ЦБ) является завышение ожиданий по сравнению с официальной статистикой. Это связано с тем, что население сильнее реагирует на повышение цен (всплески инфляции), чем на их снижение; повышению цен придается большее значение, что способствует сдвигу инфляционных ожиданий вверх. Чем выше поднимается текущий уровень инфляции, тем выше становятся инфляционные ожидания домохозяйств. Вторая особенность – большой разброс данных об ожиданиях (высокая дисперсия) и разнородность представлений о будущих значениях инфляции (в прогнозах аналитиков, например, разница между средним и медианным значением минимальна). Завышенный средний уровень и высокая волатильность инфляционных ожиданий тесно связаны с тем, как потребители интерпретируют сигналы от часто приобретаемых товаров.

Другим каналом формирования инфляционных ожиданий является информационный. Так на ожидания населения сильнее всего влияют новости (особенно негативные) о курсе национальной валюты, экономической ситуации и непосредственно об инфляции. Домохозяйства, в основном, не строят свои представления на официальных пресс-релизах и докладах центрального банка, в отличие от аналитиков. Поэтому динамика инфляционных ожиданий населения и аналитиков различается не только по уровню прогнозируемой инфляции, но и по структуре ожидания групп. В нестабильное время, респонденты с более высокой неуверенностью (неопределенностью) относительно будущей инфляции оказываются более восприимчивы к новым данным – информационные вмешательства «якорят» инфляционные ожидания.

Что касается России, то несмотря на усиленную работу ЦБ РФ по коммуникации с населением, основным показателем инфляции для широкого потребителя являются именно продовольственные цены. Рост инфляционных ожиданий населения в последние годы коррелирует с изменчивостью цен на продукты питания. Согласно данным Росстата, рост цен на куриные яйца за 2023 г. составил 62%, на курицу – 29%, сахар – 12% при годовом значении ИПЦ 4%. За 8 месяцев 2024 г. динамика цен на яйца развернулась – средние цены снизились на 27%, темп роста цен на сахар остался прежним, а на курицу цены снизились на 1,5%. Несмотря на снижение цен на популярные продукты питания в 2024 г., по заявлениям ЦБ РФ инфляционные ожидания населения продолжали усиливаться высокими темпами и оставаться незаякоренными.

В целом, исследования показывают, что потребители являются чрезвычайно труднодоступными для коммуникации властей. Для ее улучшения центральным банкам нужно повышать уровень доверия населения и финансовой грамотности.

1. *Смелова А.А. Социальные исследования финансов как новый вектор для социологического изучения современного общества//Социологические исследования. 2024, №8.*
2. *Coombs N., Thiemann M. Recentering Central Banks: Theorizing State-economy Boundaries As Central Bank Effects. Economy and Society. 2022, Vol.51 No. 4: 535-558.*
3. *Wansleben W. The Rise of Central Banks: State Power in Financial Capitalism. Harvard University Press. 2023.*

ИНВЕСТИЦИИ В ЦИФРОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ЭПИСТЕМОЛОГИЙ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

*Смелова Алена Андреевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Лузина Дарья Евгеньевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Аннотация:

В статье рассмотрено влияние инвестиций технонаучных капиталистов в цифровые образовательные платформы на будущие формы высшего образования. Делаются выводы о возникновении глубоких политических последствий для национальной образовательной системы в результате проникновения глобальных цифровых образовательных платформ в образовательное пространство национальных государств и о создании системы глобального контроля технонаучными инвесторами за образовательными эпистемологиями в рамках доминирующей экономической парадигмы, препятствующей появлению альтернативных эпистемологий.

Ключевые слова: цифровые образовательные платформы, Edtech, технонаучный капитализм, образовательные эпистемологии, ассетизация, инвестиции в образование.

Инвестиции в цифровые образовательные технологии («Edtech») оказывают сильное влияние на будущую форму высшего образования. В отличие от экономической науки, где инвестиции понимаются как целенаправленная экономическая деятельность по предоставлению капитала как услуги с целью извлечения прибыли, в социологии это понятие следует рассматривать более широко. Во-первых, как процесс «ассетизации» («assertization») [3], направленный на преобразование образовательных услуг и ресурсов в цифровые активы с прогнозируемой будущей стоимостью для потенциальных инвесторов. В цифровой экономике в условиях «технонаучного капитализма» такие цифровые активы позволяют своему собственнику сохранять ценность и извлекать долгосрочную экономическую ренту за счет владения и контроля, а не за счет прибыли от рыночного обмена (продажи) [1]. Преобразование объекта в актив – это научно-технический процесс, в ходе которого блага финансово оцениваются и превращаются в активы, приобретая границы, характеристики и ценность, а социальным субъектам, владеющим и контролирующим их, присваиваются новые социальные статусы [2]. Соответственно, новые формы организации высшего образования с помощью цифровых активов с долгосрочной финансовой доходностью является новым источником будущей научно-технической ценности для Edtech-инвесторов в цифровой экономике.

Во-вторых, как отмечает французский социолог Л. Тевено и др., инвестиции следует понимать как инвестиции в формы, с помощью которых мир становится познаваемым и открытым для действий. Говоря о цифровых образовательных формах, речь идет об образовательных практиках, содержащих определенные нормы, ценности, идеологии, модели обучения, классификации и системы оценок «хорошей» педагогики, вписанные в цифровую архитектуру «технонаучного капитализма». Эти практики переформатируют, реструктурируют и заставляют переосмыслить то, чем, по сути, является образование. Глобальные (т.е. стран Глобального Севера) цифровые образовательные платформы внедряют свою логику капитализации, удержания внимания и алгоритмического управления, проникая, таким образом, в системы образования национальных государств

«извне». Сегодня контроль над контентом цифровых образовательных платформ, включая права на копирование или интеллектуальную собственность, является источником «доходности» как «ожидаемых будущих денежных потоков» для технонаучных капиталистов [4]. Но что еще важнее этот глобальный цифровой контроль подрывает национальные образовательные политики и культуры.

Разворачивающийся процесс платформизации образования объединяет технонаучных капиталистов и инвесторов, образовательных рантье, производителей контента и новых эпистемологий в новые образовательные формы. Инвестиции, по сути, становятся политической практикой, определяющей цели и направление движения финансирования, а также форму и способы организации социальной реальности [5]. Инвесторы, на основе финансовых расчетов ожидаемой рентабельности от вложенного капитала, принимают решения о производстве тех или иных образовательных продуктов и услуг, определяют какие из них будут масштабироваться, а какие нет, какие направления научного знания будут развиваться, а какие приостановят или прекратят свое развитие. При этом игнорируются и внутренние законы развития производства научного знания, и потребности обществ разных типов.

Социально-экономический анализ образовательного контента цифровой платформы Skillbox Россия, демонстрирует тенденцию производства образовательных продуктов по следующим шести направлениям, востребованным в настоящее время в глобальной цифровой экономике: программирование и IT, дизайн и креатив, маркетинг и продажи, финансы, бизнес и управление, образование и педагогика, личностное развитие и soft-skills. Основными производителями контента являются ведущие государственные и частные ВУЗы: НИУ ВШЭ, МГУ им. М.В.Ломоносова, РУДН, ВЦ РАН, НИЯУ МИФИ, ЦАТ Ростех, Иннополис. Обращает внимание факт отсутствия образовательных продуктов социогуманитарного направления (фундаментального характера), связанных с производством новых эпистемологий в высшем образовании. Напротив, представленные на цифровой платформе онлайн-курсы способствуют развитию рыночных процессов в глобальной цифровой экономике.

Группа образовательных продуктов	Количество образовательных продуктов	Примеры образовательных продуктов
Программирование и IT	28	Python-разработчик, Java-разработчик, Frontend-разработка, Инженер по тестированию, Специалист по кибербезопасности, Разработка игр на Unity
Дизайн и креатив	160	Графический дизайнер, Веб-дизайнер, Дизайнер интерьеров, 3D-аниматор, Моушн-дизайнер
Маркетинг и продажи	43	Интернет-маркетолог, Менеджер маркетплейсов, Таргетолог, SEO-специалист, Контент-маркетолог
Финансы, бизнес и управление	52	Бизнес-аналитик, Менеджер проектов, Управление командой, Финансовый аналитик, HR-менеджер

Образование и педагогика	38	Методист образовательных программ, Продюсер онлайн-курсов, Онлайн-репетитор, Менеджмент в онлайн-образовании
Личностное развитие и soft-skills	24	Эффективная работа с нейросетями, Тайм-менеджмент, Ораторское мастерство, Личностный рост, Деловые коммуникации

Табл.1 Контент-анализ образовательных продуктов цифровой платформы Skillbox, N=345. По материалам авторского исследования.

Таким образом, инвестирование в Edtech может иметь глубокие политические последствия для национальной образовательной системы в результате проникновения глобальных цифровых образовательных платформ в образовательное пространство национальных государств. Речь идет о создании системы глобального контроля технонаучными инвесторами за образовательными эпистемологиями в рамках доминирующей экономической парадигмы, препятствующей появлению альтернативных эпистемологий.

1. Смелова А.А. Общество активов в эпоху постглобальности. *Социология в постглобальном мире. Материалы всероссийской научной конференции. СПб, 2022. С.258-260.*
2. **Смелова А.А.** Социальные исследования финансов как новый вектор для социологического изучения современного общества//*Социологические исследования. 2024, №8.*
3. Birch K., Muniesa F. (eds) *Assetization: Turning Things into Assets in Technoscientific Capitalism (Inside Technology).* The MIT Press. 2020
4. Komljenovic J. *The rise of education rentiers: digital platforms, digital data and rents. Learning, Media and Technology. 2021. Vol.46.№3, Pp.320-332.*
5. Muniesa F., Doganova L. 2020. *The Time That Money Requires: Use of the Future and Critique of the Present in Financial Valuation. Finance and Society. 2020. Vol.6, №2, Pp. 95–113.*

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ МСП НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЫНКЕ: СТРУКТУРНЫЙ И ИНТЕРАКЦИОНИСТСКИЙ АНАЛИЗ

Соколова Дарья Андреевна
(Дальневосточный федеральный университет)

Исследование выполнено при финансовой поддержке корейского фонда «Korean Foundation» (This work was supported by Korean Foundation (Policy-Oriented Research Program, 2022));

Abstract. The study is relevant in that it seeks to advance theoretical understanding of the process of internationalization of South Korean SMEs under the current socio-economic conditions of the Russian Far East. This is with a view to enhancing the performance of the South Korean SMEs in the Far Eastern Federal District.

Key words: internationalization; SMEs; South Korea; Russian Far Eastern market.

In light of the prevailing global circumstances, there is a growing imperative to validate the methodological research instruments and subject widely accepted phenomena to scrutiny in order to gain insight into the matter under investigation, which represents the core objective of this study. In this paper, the business interaction network is considered as a meta-subject, as a complex, value-oriented, and self-developing entity in the process of adjustment to constantly changing external and internal conditions with non-linear, multi-vector dynamics. The objective of this study is to demonstrate the business network as a structured system comprising the interaction between entrepreneurs. This study is based on sociological research, with the aim of uncovering the issues and difficulties associated with the market entry modes of South Korean SMEs into the Far Eastern market.

The study was conducted over the course of four years, from 2019 to 2023. During the aforementioned period, approximately 50 companies engaged in greenfield and brownfield foreign direct investment (FDI) operations within Primorsky Territory, located in the eastern region of Russia. This information was sourced from the Korean Trade Promotion and Investment Agency [2]. The study sample comprised 19 South Korean SMEs, selected according to the following criteria:

- SMEs operate in a variety of markets in the Far East;
- SMEs implement a range of market entry modes and organisational forms.

The principal factors that facilitate the formation and advancement of network alliances at the fundamental economic level of interaction have been identified. This study justifies the theoretical and methodological approaches used to examine the processes of establishing and growing business interaction networks among South Korean and Russian entrepreneurs. The empirical evidence substantiates the existence of extensive, regular, and stable bilateral foreign trade ties between the Far Eastern Federal District (FEFD) and South Korea's (SK) economies. The qualitative and quantitative characteristics of the business interaction network between the FEFD and SK at the level of international commercial activities are described in detail.

The study findings may be employed to examine the rationale behind the networking process of Russian-Korean businesses, with a view to delineating the circumstances and mechanisms that drive business interaction transformation. This will entail due consideration of regional cultural, civilizational and socio-economic peculiarities. This will facilitate the methodology for managing the impact of network cooperation on mutually beneficial partnership renewal and growth between FEFD and South Korea's economies.

The economic institutional systems of Russia and South Korea exhibit only minor differences, yet each possesses distinctive ethnographic and cultural-historical characteristics. In light of the joint economic rules and norms of interaction, it can be observed that Russian-Korean business partners often fail to comprehend and accurately interpret each other's behaviour. This is due to the fact that institutions, in the form of norms and customs, have been developed over time within the evolving sociocultural business environment of individual companies [4]. It can be argued that, in general, an individual's cultural experience determines their behavioural characteristics, perception and assessment of occurring events. This should not be overlooked when entering a different cultural business environment. It is only through the lens of social science that one can hope to gain an understanding of modern economic systems, where economic and social ties are closely intertwined [5;6;7;8;9]. It is our contention that one of the key resources for fostering further economic cooperation and intensifying economic ties between Russia and Korea is the development of a robust business interaction network. The issue is that the regional features of business interaction networks have not been the subject of study, the factors influencing the formation of business networks have not been identified, and the models for the creation of business relationships have not been developed with due consideration for the socio-cultural characteristics of the parties involved.

The review of the literature on business interaction networks revealed that the majority of studies are constrained by an analysis of the formation of business networks at the micro level. It is unlikely that the algorithms presented in the literature for studying business interaction networks can be transferred from the micro to the macro level of regional studies without introducing numerous methodological errors due to the complexity and multifactority of transnational regional business interaction networks [1;3]. The direct imposition of the network theory on a specific situation of personal ties is unproductive when studying the interaction of Russian-Korean entrepreneurs. The challenge is twofold: firstly, to understand the structural and functional features of the specific business interaction network; secondly, to determine the mutual influence of the phenomena "social network of business cooperation" and "the subject's social behaviour" in the real socio-economic conditions. In order to construct a sociocentric network model of such ties, it is necessary to consider a number of additional factors, which have been identified through extensive empirical studies of business cooperation practices between Russian and Korean entrepreneurs in the FEFD. In accordance with the tenets of principal systems theory, the network is defined as a metasubject, a complex entity with a value orientation that is self-developing and undergoes non-linear, multi-vector dynamics in its adjustment to external and internal conditions. It is also regarded as a structured system comprising the organisation's three levels of subsystems. The initial, fundamental level of economic interaction concerns the formation of economic ties. The second level pertains to the growth of socio-economic cooperation. The highest level is that of business trust networking, in which rational, moral, and ethical behaviour is assessed as unambiguously significant.

Figure 1. A SWOT analysis of the business interaction and networking ties between FEFD and SK.

<i>Strengths of the ties</i>	<i>Weaknesses of the ties</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. High chronological stability of the connections 2. Positive balance of foreign trade turnover with high import coverage 3. High coefficient of connections balance 4. High density, long-term ties 5. Regular, two-way, continuous connections 6. Geographical location 7. Openness of the national economies 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Clearly expressed export resource orientation of FEFD 2. Undeveloped transport infrastructure
<i>Opportunities of the ties</i>	<i>Threats of the ties</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. Positive cooperation dynamics 2. Resource and technological complementarity/synergy 3. The markets capability 4. Intensive growth of the South Korea's economy in conditions of limited capacity of the domestic market and lack of natural resources 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Negative cooperation dynamics 2. Breaking ties 3. The possibility of markets expansion 4. Unpredictability 5. Economic sanctions

The presence of voluminous, regular, and stable bilateral business interaction ties between the Russian Far Eastern district and South Korea's economies is empirically proved. Under the structured perspective, the peer partners' ties might be assessed as deterministic and flexible. These well-established functional space-time trade and economic ties might be considered as the foundation to resuscitate and increase business interaction between two countries.

1. Knyazeva E.I. *Network theory in modern sociology//Sociology*. – 2006. – № 2. – p. 82-88.
2. KOTRA. Available at: <http://kotra.ru/centr-podderzhki-korejskix-investorov-vo-vladivostoke/>. (accessed 01.12.2023).
3. Ptitsina S. *Theory of network society by M. Castels. Sociological analysis*. – M.: LAP LAMBERT ACADEMIC PUBLISHING. – 2011. – 60 p.
4. Radaev V.V. *Economic sociology*. M.: Publishing House of the State University Higher School of Economics, 2005.
5. Website "Country meters" [Electronic resource] - 2023. - Access mode: <https://countrymeters.info/ru>

6. Website "Exchange Portal" [Electronic Resource] - 2024. - Access mode: <https://take-profit.org/statistics/countries>
7. Website «TrendEconomy» [Electronic Resource] - 2024. - Access mode: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Korea/TOTAL>
8. Website Site "Federal Customs Service" [Electronic resource]-2022 URL: <https://customs.gov.ru/press/aktual-no/document/226363> (date of application 12.11.2023)
9. *Western economic sociologists: a textbook of modern classics/scientific. ed. V.V. Radaev. M.: ROSSPEN, – 2004. – 302 p.*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ КАПИТАЛА.

Солдатов Андрей Александрович
(Санкт-Петербургский Морской Технический университет)

Реальное соотношение богатств – одна из самых актуальных проблем на сегодняшний день. К. Маркс полагал, что сам по себе процесс накопления, имеет своим следствием прямо пропорционально этому концентрацию материальных ресурсов в руках узкой группы. Справедлив ли данный принцип сегодня или марксистский принцип применим безудержного накопления применим только к первоначальной стадии? Следует оговориться, что однозначного ответа на данный вопрос никто из исследователей дать не может, а конкретные проводимые в разные эпохи эмпирические исследования носили локальный характер. Так американский ученый отечественного происхождения П.А. Сорокин, основываясь на теории волн кондратьевских экономических циклов выдвинул гипотезу о бесконечных флуктуациях (колебаниях) своеобразных «пирамид экономического неравенства». На практике это означает отсутствие однонаправленного вектора в сторону увеличения или наоборот уменьшения социального неравенства одним из важнейших индикаторов которого является объем концентрации собственности в руках узких групп граждан. В середине 20-го столетия популярными стали теории о конце эпохи семейного капитализма (что во многом соответствовало марксистским представлениям) и «менеджерской революции». На смену классическим собственникам приходят наемные управленцы. Прежняя структура собственности претерпевает изменения, появляются коллективные владельцы к числу которых могут быть причислены рядовые работники предприятий. Все это сопровождается «распылением капиталов». Возросло значение такого понятия, как «человеческий капитал». На практике это означает, что конкретная роль человеческого труда в результате бурного экономического роста существенно выросла. Конкретно речь идет об умениях и навыках, находящих практические применения. Таким образом само понятие собственности расширяется и применимо к отдельным разработкам, особенно ноу-хау. Это безусловно расширяет благоприятные² стартовые позиции и определенным образом размывает прежние устойчивые границы между такими фундаментальными категориями, как труд и капитал. Именно все более возрастающее значение человеческого капитала, позволило сократить долю капитала недвижимого и земельного. «Предполагаемое снижение доли капитала в долгосрочном плане с 35-40% до 25-30%, действительно очень значимо». Французский экономист Т.Пикетти призывает с осторожностью относиться к подобным утверждениям. Ученый отмечает, что широкое развитие и применение технологий меняет переговорные позиции труда и капитала. Современное производство требует все большего объема вложений капитала и расширяет способы и возможности его накопления. « В этих условиях не существует ни одной естественной причины, по которой в долгосрочной перспективе доля капитала уменьшилась бы, даже если бы технологические изменения благоприятствовали труду.³ Рост значения технологий ведет к существенным изменениям, которые находят отражение в различных теориях: «экономика знаний», меритократия, постиндустриальное общество. После окончания 2-ой мировой войны распространились идеи, согласно которым человеческий капитал будет постепенно вытеснять капитал традиционный(финансовый, недвижимый, земельный. Однако объективная оценка реальной стоимости человеческого труда оказалась очень сложной. В результате появилось такое понятие, как

² Тома Пикетти Капитал в 21 веке,с.202

³ Там-же, с.202

«профессиональный капитал», который уже отделился от человеческого капитала и стал оцениваться например по стоимости патента. Кроме того вместе с технологическим рывком, росла потребность в оборудовании, а его необходимо было где-то размещать. Соответственно выросла стоимость производственных помещений, офисов, зданий. Данные виды капитала не могут рассматриваться в качестве трудовых. Процесс накопления капитала балансировался его трудовым эквивалентом, что отчасти нивелировало описанные К.Марксом противоречия, но не менял глубинную суть капитала, как макроэкономической категории, стремящейся к подчинению труда. При этом сами формы установления господства меняются, становясь более гибкими и мягкими.

Современные формы экономических отношений привели к такому явлению, как потеря стоимости труда и как следствие «трудовой декапитализации». Стали формироваться новые факторы риска. Речь идет о «неустойчивой» и «гибкой» форме трудовых отношений в основе которой лежит, такое экономическое понятие, как «прекаритет» (нестабильный). «Прекариат» в определении английского социолога Г. Стэндинга-это новый опасный класс, формирующийся вследствие утрат прежней профессиональной устойчивости и трудовой мотивации. В результате во многих случаях происходит утрата социального капитала, поскольку молодые работники не получают возможность использовать опыт прежних поколений, например в виде существовавшего прежде института «наставничества» и «ученичества». Данная категория работающих не превращается в «полноценных профессионалов» своего дела. Поведенческие стратегии данной группы, проявляются в стремлении к быстрой смене сферы занятости, что существенно затрудняет групповую идентификацию. «Класс в себе» не становится «классом для себя». В то же время это может стимулировать накопление «личностного капитала» и трансформацию прежних институционально-иерархических структур к сетевым форматам взаимоотношений. В подобной ситуации работник перестает получать «классовые ресурсы» в пользу индивидуальных стратегий успеха и одновременно существенно возрастающего риска. Традиционные капиталисты хотя и занимают по прежнему ведущие позиции в целом ряде экономических областей, в целом ряде случаев уступают позиции новой категории-«капитализаторам». Последние способны не столько присваивать «прибавочную стоимость», сколько самостоятельно «производить капитал». Капитализаторы не зависят от труда наемных работников, превращая их в потребителей. Многомиллионная армия охранников и курьеров уже не имеет прежних «козырей», которыми пользовались в эпоху «классического капитализма» профессиональные рабочие, производящие материальные ценности. Наряду с группой «производителей капитала», растет и категория «вычитателей», то есть пассивных пользователей Интернетом, социальными сетями, мобильной связью. Подобному утверждению имеются веские основания, так как материальные носители данной продукции «локализованы» в строго определенных регионах мира. Если работники не поспевают за новыми технологиями, то у них возникает риск «выпадения» из постоянно меняющейся «сферы занятости». Еще в середине 20-го столетия сформировалась теория «андеркласса» (Г.Мюрдаль, К.Аулетта), как класса ниже низшего. Это новое объединение, отличающиеся от традиционных социальных низов: люмпенов и пауперов, прежде всего тем, что это могут быть и квалифицированные работники не способные адаптироваться к постоянно меняющимся условиям профессиональной среды. Иными словами налицо «профессиональная дисквалификация» и «депрофессионализация»-утрата профессионального капитала, как подлинная социальная причина подобного явления. В свою очередь поведенческие модели данных групп, формируют «субкультуру самоизоляции», приводящие к появлению своеобразного «социального гетто». При этом опережающими темпами растет объем

непроизводственного и наследственного капитала, например «рантье». Но самый основной источник капитализации- это владение информационными технологиями и финансовые операции. В постиндустриальную эпоху «информационный продукт» во все большей степени вытесняет прежний материальный характер производства. Стоимость информационной составляющей в выпускаемой продукции постоянно растет, доходя до 90%. Многие в данной связи говорят о «цифровизации экономики» и стратегическом значении символических аналитиков, работников «производящих» информационную продукцию. Появляются новые формы бизнеса, например продажа «торговых марок»- франчайзинг. В результате наряду с производственным и земельным капиталом, появляется капитал «информационный».

Все выше приведенные тенденции свидетельствуют в пользу диверсификации такого устойчивого и монолитного прежде понятия как «капитал». Сегодня мы можем его классифицировать по целому множеству признаков: личностному и групповому, профессиональному, образовательному, информационному.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ БИЗНЕС СРЕДЫ НА СФЕРУ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ

Таганов Максим Викторович

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ)»)

Аннотация: Цифровые инфраструктуры и коммуникации в современном мире зачастую оказывают очень сильное влияние на мировоззрение в части управления организацией и персоналом в частности. Стремительный прогресс подталкивает компании различной величины ускоренно внедрять цифровые технологии в различные сферы их деятельности. Рассматривая же сферу управления человеческими ресурсами – HR, наблюдается повсеместная перестройка, важную часть которой составляют цифровые технологии, что влечет за собой ряд, как преимуществ, так и трудностей.

Ключевые слова: капитал, человеческий, управление, персонал, бизнес, экономика, цифровизация, технологии, сотрудники.

Разные стороны цифровизации бизнес среды и их влияние на управление человеческим капиталом

В число преимуществ можно отнести:

Скорость и удобство передачи информации.

Комплексность аналитической обработки информации.

Наглядность и интерактивность.

Ведение календаря с возможностью внесения правок в реальном времени и др.

Интерес за счет новизны.

Перенаправление человеческих ресурсов компании для достижения большей эффективности разных её сфер.

Непрямое увеличение довольства персонала.

Высокая развитость технологий дают возможность кампаниям обрабатывать колоссальные объемы информации в разных ее сферах, что позволяет в кратчайшие сроки отдавать поручения персоналу и отчетность руководству, быстро и комплексно получать информацию о новых потенциальных сотрудниках. Некоторые же работники имеют возможность работать удаленно, что увеличивает возможности организации, как и в управлении уже имеющимся штатом, так и в области поиска и найма новых работников.

Мониторинг и анализ эффективности исполнения проектов часто происходит в реальном времени. Значительная часть получаемой информации максимально наглядна и систематизирована, благодаря чему реакция на изменения в ходе работы может последовать незамедлительно. В случаях же, когда каждая минута промедления на счету, данный аспект играет колоссальную роль в успешном развитии предприятия и его репутации.

Не стоит забывать и о возможности получать ключевую информацию с одного устройства, часто даже портативного, что немало сказывается на качестве контроля сотрудников и их деятельности. Такое удобство нередко избавляет работников от лишнего затрачивания времени на “беготню”, позволяя сконцентрироваться на работе в полной мере.

Так как информационные технологии начали осваиваться в нынешних масштабах относительно недавно, то это вызывает невероятный интерес у амбициозных людей, что играет только на руку предприятию. Заинтересованный человек работает с большой

самоотдачей и высокой эффективностью, а вероятность его увольнения по собственному желанию уменьшается.

Внедрение цифровых технологий в бизнес, зачастую, освобождает некоторых сотрудников от больших объемов рутинной работы, что, в свою очередь, дает возможность перенаправить их на решение других задач организации, тем самым более эффективно использовать человеческий ресурс.

Не стоит недооценивать и не прямое влияние цифровизации бизнес среды на работников организации. Новые технологии могут ощутимо увеличить прибыль компании, что, в свою очередь, позволяет повысить заработную плату работников, отчего увеличивается их мотивация работать, не ища более выгодного работодателя.

Стоит отметить и подстерегающие трудности:

Проблемы освоения новой техники у персонала.

Опасность взлома баз данных.

Потеря персональных данных.

Возможная увеличенная “текучка” кадров из-за нежелания людей развиваться самостоятельно для получения новых профессиональных навыков.

Малый контакт лицом к лицу.

Неверная расстановка приоритетов.

Проблемы со здоровьем сотрудников.

Сколь стремителен прогресс, столь же и непросто бывает за ним угнаться. В попытках освоить невероятное множество полезных и удобных технологий, у компании есть риск не справиться с оптимизацией всех процессов, что может привести к оттоку ценных сотрудников и финансовым потерям.

Не маловажную роль играет и безопасность. Компания несет ответственность за персональные данные своих работников. И если она не на должном уровне – последствия могут быть катастрофическими: как и упомянутые выше увольнения и убытки, так и пострадавший имидж компании, что впоследствии затруднит найм новых рабочих.

Уже принятые в штат сотрудники, обладающие необходимыми навыками, могут быть неспособны развиваться шире в сфере информационных технологий, дабы и дальше чувствовать себя уверенно в этой среде, что крайне важно, так как развитие в этой сфере происходит постоянно и неудержимо. Что приводит к увольнению сотрудника по собственному желанию или работодателя.

С растущей цифровизацией бизнес среды может сильно сокращаться живое общение, что, пусть и не всегда, но может привести как к негативным последствиям в морально-психологическом климате коллектива, так и к уменьшению авторитета руководства. Порой же суть дела в нестандартных ситуациях намного проще и быстрее изложить вживую, что может быть затруднительным, ввиду игнорирования живого общения в угоду цифровой коммуникации персонала.

Значительная часть персонала занимается сидячей работой за компьютером. За этим часто следуют такие болезни как остеохондроз, сколиоз, снижение зрения, ожирение и др. Нередко компании пренебрегают слежением за здоровьем своих работников, например: отсутствие достаточного количества перерывов, малое освещение помещения, некачественная аппаратура (монитор, клавиатура).

Большая часть предприятий имеют сложности в сфере управления человеческим капиталом, так как, зачастую, интеллектуальные ресурсы играют менее существенную роль. Руководящий же отдел компании нередко бросает значительные силы на улучшение операционной деятельности, ресурсной опоры и подкрепление производственных процессов бизнеса. Ясно, что такой технократический способ ведения

предпринимательской деятельности необходимо менять, потому как именно человеческий капитал и его наращивание помогут во внедрении цифровых технологий, кои сильно увеличивают эффективность разных сфер компании, их качество, а также управленческих процессов в организации.

Заключение

Несомненно, влияние цифровизации бизнеса на управление человеческим капиталом сложно переоценить, и с течением времени это влияние будет лишь увеличиваться. Как и любые новшества, цифровые технологии предоставляют компаниям огромные возможности в работе с человеческими ресурсами, оптимизируя различные ее аспекты и открывая ранее невиданные инструменты. Растут скорость и объем обработки данных, а получение информации становится удобным и наглядным. Управление человеческим капиталом – это одна из наиважнейших сфер компании, и чем эффективнее оно происходит, тем больше шансов у компании на процветающее будущее. Способность же цифровых технологий увеличить довольство сотрудников дает большую стабильность в штате. Управление уже освоившимися сотрудниками проще, а на поиск, найм и внедрение новых потенциальных рабочих тратится меньше ресурсов.

Но не стоит халатно относиться к сопутствующим трудностям. Ведь при малой подготовленности вместо открывающихся возможностей можно получить немалые осложнения, что может повлечь немалые финансовые убытки, отток персонала и потерю имиджа компании. Последнее же, ввиду доступности сети “Интернет”, играет особенно важную роль.

Однако, несмотря на стремительный рост цифровых технологий и их всеобщую популярность, не стоит забывать, что главный ресурс в экономике – это Люди. Именно Человек занимается разработкой новых технологий и их усовершенствованием, внедрением их в экосистему организации и дальнейшим управлением. Безусловно, он является краеугольным камнем бизнеса, а все остальное – лишь его инструменты для эффективной работы в разных отраслях. Пусть то заводской станок или управление многотысячным штатом.

1. *Инновационный менеджмент в управлении человеческим ресурсом* / А. П. Панфиловой, Л. С. Киселевой. – Москва: Издательство “Юрайт”, 2023. – С.21-28 – ISBN 978-5-534-14222-8. (https://studme.org/1003022415292/menedzhment/innovatsionnoe_upravlenie_chelovecheskimi_resursami#962)
2. *К вопросу методологии исследования компетенций персонала в цифровой экономике* / И. А. Аренков, Ю. М. Михайлова. – Санкт-Петербург: ИПЦ СПбГУПТД, 2019. – С.280–284 – ISBN 9785-7937-1852-3. (https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2019/digital/sbornik_tez_UBCE_3.pdf)
3. *Развитие человеческого капитала как ключевого фактора формирования цифровой экономики* / К. В. Ключев. – Санкт-Петербург: “Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики”, 2019. – С. 20–21 – ISBN 978-5-94047-757-0. (https://www.spbume.ru/file/pages/1645/Borisova_3.pdf)
4. *Управление человеческим капиталом в условиях цифровизации* / М. Ф. Мирошниченко. – Россия: “Тенденции и перспективы развития”, 2020. – С.333-334 (<https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-chelovecheskim-kapitalom-v-usloviyah-tsifrovizatsii>)
5. *Управление человеческим капиталом в цифровой экономике* / Ю. В. Крылова. – Санкт-Петербург: ИПЦ СПбГУПТД, 2019. – С.308–310 – ISBN 9785-7937-1852-3.

СУБЪЕКТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: СОПОСТАВЛЕНИЕ ШКАЛ

*Ткач Сергей
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Евсеев Евгений Александрович
(Независимый исследователь)*

*Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта
121062300141-5*

Исследования уровня благополучия формируют одну из наиболее давних традиций общественных наук, находя свои истоки в протонаучных переписях. Современные опросные методики, используемые в социологии, выражают множество подходов к определению благополучия, среди которых в рамках доклада будет рассмотрено финансовое благополучие.

Среди современных подходов к пониманию финансового благополучия заслуживает внимания деривационная парадигма, которая опирается на разработки П. Таунсенда для оценки благополучия британских домохозяйств [4]. Таунсенд старался учесть не столько относительный размер доходов респондентов, сколько соотношение между доходами и необходимыми тратами. Деривационная парадигма позволяла учитывать различия граждан в постоянных расходах, которые могли серьезно варьировать в зависимости от условий жизни: стоимость отопления в разном климате, затраты на лекарства у жителей промышленных районов и т.д. Акцент в депривационной парадигме смещается от подсчета денежного выражения доходов и трат на повседневные потребительские привычки и те возможности, которые они формируют для каждого человека. Такую логику можно обнаружить в современной шестикомпонентной шкале оценки финансового благополучия. Ее формулировка с незначительными вариациями используется исследователями в следующем виде:

Оцените уровень совокупного дохода Вашей семьи:

1. Не хватает на продукты питания и одежду
2. Хватает на продукты питания, но покупка одежды вызывает затруднения
3. Хватает на продукты питания и одежду, но не на мелкую бытовую технику
4. Хватает на мелкую бытовую технику, но крупные покупки требуют накоплений
5. Хватает на крупные покупки, но не на покупку недвижимости или автомобиля
6. Хватает на покупку недвижимости или автомобиля

Несмотря на то, что сама шкала используется во множестве работ на протяжении многих лет [1; 2], реконструкция появления этой методики видится затруднительной, так как, как отмечает В. Хащенко, эмпирические исследования методик такого рода очень немногочисленны и даже скудны [3]. В то же время исследователи, используя саму шкалу, не указывают ее авторство и не ссылаются на работы с валидацией самой шкалы.

По прошествии более 25 лет с появления первых формулировок потребительской шкалы оценки финансового благополучия в российском обществе произошли значительные изменения, которые позволяют предположить, что саму методику можно расширить, включив в нее учет влияния некоторых потребительских практик граждан: кредитование, практики сбережений, инвестиций и потребительского поведения,

трудоустройства (особенно важно для молодежи). Например, граждане могут еще в детстве сформировать у себя привычку отказывать себе в качественном питании ради приобретения дорогого телефона. Такая стратегия будет противоречить существующей шкале оценки дохода, так как доступность покупки мелкой бытовой техники предполагает априорную доступность покупки одежды и продуктов питания.

На основе теоретических исследований был предложен следующий вариант порядковой шкалы, представляющий собой 6 вопросов: ОЦЕНИТЕ, НАСКОЛЬКО ВАМ ДОСТУПНЫ К ПОКУПКЕ СЛЕДУЮЩИЕ ТОВАРЫ: Продукты питания, Одежда, Мелкая бытовая техника, Крупные покупки (крупная бытовая техника, мебель и др.), Автомобиль, Недвижимость.

Эти вопросы упорядочены по мере возрастания доступности тех или иных покупок. Ответ на каждый вопрос, в свою очередь, также дается в порядковой шкале, оценивающей доступность покупки: «могу купить на свои доходы», «могу купить на свои сбережения», «могу купить, заняв деньги у знакомых», «могу купить в кредит», «не могу купить вовсе». Таким образом большее значение ответа соответствует меньшему уровню возможностей, т.е. меньшему уровню благосостояния. Также респонденты могли ответить «затрудняюсь ответить» и предусмотрен вариант «отказ от ответа».

Несомненно серьёзным методологическим вопросом представляется обоснование порядкового характера предлагаемой шкалы. Не менее интересна и эмпирическая валидация предлагаемой шкалы. Также важным видится рассмотрение соотношения результатов измерений при помощи разработанной шкалы и оценки субъектного благополучия. Для определения субъективного благополучия использовалась лестница Кантрила, проведенный анализ позволяет говорить о достаточно хорошей согласованности шкал. Для оценки согласованности использовалось значение альфа Кронбаха, которое составило 0,586 для двух шкал.

1. Бикеев М.В. Статистический анализ дифференциации доходов и уровня бедности населения Российской Федерации // *Экономические исследования и разработки*. — 2018. — № 2. — с.38-46.

2. Гуцина И.А., Положенцева О.А. ОЦЕНКИ МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЖИТЕЛЕЙ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ (по результатам социологических опросов населения Мурманской области 2013-2016 гг.). // *Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН*. — 2017. — № 14. — с. 509-512.

3. Хащенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // *Экспериментальная психология*. — 2011. — Т. 4. — №1. — с. 106-127.

4. Townsend P. *Poverty in the United Kingdom*. Harmondsworth : Harmondsworth, — 1979. — 1214 p.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДЕНЕЖНЫХ УСТАНОВОК И ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТОВ

*Тушинолובה Мария Олеговна
(НИУ ВШЭ)*

Основная цель работы – определить наличие и характер связи между денежными установками – множественными эмоциональными восприятиями денег [Fenton-O’Creevy, Furnham 2019] и уровнем финансовой грамотности студентов как важного компонента в принятии решений, касающихся сбережения и траты денежных средств [Кузина 2009], ведь, как отмечается в исследованиях, низкий уровень финансовой грамотности может приводить к совершению невыгодных сделок [van Rooij, Lusardi, Alessie 2007], накоплению долгов [Lusardi, Mitchell 2023], отказу от осуществления сбережений и иным нецелесообразным решениям из-за непонимания, как правильно распоряжаться денежными средствами и какие инструменты для этого использовать [Кузина 2015; Mitchell, Lusardi 2015]. Кроме того, отмечается, что низкий уровень финансовой грамотности негативно влияет не только непосредственно на индивидов, осложняя принятие экономических решений, но и вносит “вклад” в макроэкономическую ситуацию: граждане с более низким уровнем финансовой грамотности несут в экономику “некачественные деньги”, когда неэффективно используют финансовые инструменты, не до конца понимая механизмы их работы [Кузина 2015]. При этом не проводилось исследований, в которых проводится поиск взаимосвязи финансовой грамотности и денежных установок, хотя логично предполагать, что те или иные эмоциональные восприятия денег могут непосредственно влиять на распоряжение ими, принятие финансовых решений, которые можно оценить как финансово грамотные или наоборот.

В ходе исследования была переведена с английского языка на русский и адаптирована новая шкала измерения денежных установок А.Лэй и А.Фернхэма [Lay, Furnham 2018], которая стала результатом систематизации ранее разработанных шкал включает в себя пять установок: “financial literacy worries” – деньги как источник переживаний, связанных с низким уровнем финансовой грамотности [Lay, Furnham 2018]. “Saving concerns” – деньги как источник переживаний, связанных с недостатком сбережений и тем, что деньги могут закончиться, их постоянно не хватает [Lay, Furnham 2018]. “Achievement and success” – деньги как показатель, мера успеха и достижений [Lay, Furnham 2018]. “Power and status” – деньги как то, что человеку нравится показать (show off) другим людям, то, чем можно похвастаться. [Lay, Furnham 2018]. “Mindful and responsible” – эта установка отражает идею о том, что сбережения и инвестиции являются формой защиты от неожиданных неприятных событий в жизни, накопленные деньги могут дать возможность срочно приобрести необходимые вещи [Lay, Furnham 2018]. Данный инструментарий может использоваться в дальнейших исследованиях денежных установок россиян.

Что касается финансовой грамотности, во многих исследованиях данный концепт операционализируется как триада: знания, опыт пользования финансовыми услугами, финансовые установки [Кузина 2009] – таким образом комбинируются понятия финансовой грамотности (financial literacy) и компетентности (financial capability). В настоящей работе финансовая грамотность операционализируется как знания и измеряется при помощи пяти вопросов, проверяющих финансовую арифметику, так как этот вариант позволяет наиболее точно дифференцировать студентов по уровню финансовой грамотности. Выбранная методика измерения адаптирована для России и использовалась в измерениях финансовой грамотности взрослого населения в рамках Мониторинга финансового поведения

населения, которое проводится с 2009 года [Кузина 2009]. Кроме того, мы измерили субъективную самооценку уровня финансовой грамотности и сопоставили её с объективно измеренным уровнем финансовой грамотности, чтобы понимать, как студенты сами оценивают свой уровень знаний.

Эмпирической базой исследования стали 1000 анкет, заполненных студентами бакалавриата российских ВУЗов в ходе онлайн-опроса. Выборка квоцировалась по трем признакам: федеральный округ, пол, направление обучения (экономисты/неэкономисты).

Что касается результатов исследования, мы выяснили, что студенты женского пола действительно более склонны воспринимать деньги как источник переживаний, связанных с наличием сбережений [Furnham et al. 2012; Lay, Furnham 2018], выраженность других денежных установок оказалась не связана с полом студента. Также результаты показали, что студенты-экономисты более высоко оценивают собственный уровень финансовой грамотности, однако при этом экономисты и неэкономисты демонстрируют одинаково высокий уровень финансовой грамотности (в среднем 5 из 6 баллов), что противоречит интуитивной логике. Для выявления взаимосвязи между уровнем финансовой грамотности и денежными установками мы применили регрессионный анализ: в качестве зависимой переменной был включен индекс финансовой грамотности, независимыми переменными стали пять денежных установок, также в модель включались контрольные переменные (пол, федеральный округ, направление обучения). **Мы выяснили, что взаимосвязь уровня финансовой грамотности, измеренной как знания, и денежных установок существует:** чем сильнее у студентов выражены установки “деньги как источник переживаний, связанных с низким уровнем финансовой грамотности”, “деньги как символ успеха и достижений” а также “деньги как символ власти и статуса”, тем ниже их объективный уровень финансовой грамотности. С повышением выраженности установки “деньги как показатель внимательности и ответственности” повышается объективный уровень финансовой грамотности студентов. При этом нет связи между объективным уровнем финансовой грамотности и установкой к деньгам как к источнику переживаний, связанных наличием сбережений.

1. Кузина О. Е. Финансовая грамотность молодежи //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2009. – №. 4 (92). – С. 157-177.
2. Кузина О. Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты анализа в России //Вопросы экономики. – 2015. – №. 8. – С. 129-148.
3. Fenton-O'Creevy M., Furnham A. Personality, ideology, and money attitudes as correlates of financial literacy and competence //Financial Planning Review. – 2020. – Т. 3. – №. 1. – С. e1070.
4. Lay A., Furnham A. A new money attitudes questionnaire //European Journal of Psychological Assessment. – 2018.
5. Lusardi A., Mitchell O. S. The importance of financial literacy: Opening a new field //Journal of Economic Perspectives. – 2023. – Т. 37. – №. 4. – С. 137-154.
6. Mitchell O. S., Lusardi A. Financial literacy and economic outcomes: Evidence and policy implications //The journal of retirement. – 2015. – Т. 3. – №. 1. – С. 107.
7. Van Rooij M., Lusardi A., Alessie R. Financial literacy and stock market participation //Journal of Financial economics. – 2011. – Т. 101. – №. 2. – С. 449-472.

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ГОРОДАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1998-2023 ГГ.: ОТ СТАГНАЦИИ К ПОСТЕПЕННОМУ НАРАЩИВАНИЮ ОБЪЕМОВ

*Урожаева Татьяна Петровна
(Иркутский государственный университет)*

Аннотация: Масштабы жилищного строительства в городах Приангарья росли ежегодно. По объёмам жилищного строительства в расчёте на 1 тыс. чел. не первый год лидировал Иркутский район, ещё две ступеньки пьедестала занимали Ольхонский и Шелеховский районы. Такие «апартаменты» складывались из-за более просторного жилья, возводимого населением за счёт собственных средств и кредитов.

Ключевые слова: рынок жилищного строительства; девелоперы; ипотечное кредитование; жилищный комплекс.

В конце 1990-х гг. осталось всего несколько активно действующих строительных подразделений, которые некогда составляли могучий строительный комплекс Приангарья. Среди таковых – отметившее в 1998 г. свой 50-летний юбилей Ангарское управление строительства (СПАО «АУС»).

Всего наметили построить в Иркутске 10 тыс. м² жилья, 6,6 тыс. м² для угольщиков Тулуна и 20 тыс. м² в родном Ангарске. Это, не считая социально-бытовых объектов и реконструкции промпредприятий. Специалисты АУС разработали и внедрили новый тип ограждающих конструкций с использованием легких утепляющих материалов в композиции с бетоном. По этой технологии на Ново-Ленинской площадке (г. Иркутск) был смонтирован 10-этажный экспериментальный дом. К концу 1998 г. он вошел в строй, и иркутяне смогли воочию убедиться в преимуществах этой технологии [2, с. 2].

Однако на региональной карте показатели Иркутской области по вводу жилья выглядели менее оптимистично. По данным областного комитета статистики за 2003 г., среди регионов Сибирского федерального округа (СФО) Приангарье занимало предпоследнее место, опережая только Республику Тыва. Ситуацию на рынке пытались изменить строительные компании, которых с каждым годом становилось больше. Только с 2001 по 2004 г. в области их появилось около 40 [6, с. 3].

В 2007 г. в Приангарье было построено 576 тыс. м² жилья, из них 60 % приходилось на г. Иркутск [3, с. 2]. Кризис на рынке первичного жилья, начавшийся ещё в мае 2008 г., в последующем обострился. По данным Союза строителей Иркутской области, объём строительных работ за первые пять месяцев 2008 г. сократился на 10 %. Областная администрация признала, что ввести заявленный 1 млн. м² жилья в 2008 г. не удалось. По мнению экспертов, планы властей провалились из-за снижения на 60 % покупательской активности иркутян во II квартале 2008 г. Застройщикам, которые привыкли к сверхприбыли, приходилось снижать цены на новостройки, чтобы хоть как-то поддержать падающие объёмы продаж.

В 2008 г. вместо заявленного 1 млн. м² было введено 850 тыс. м². Между тем, по данным за первые пять месяцев 2008 г., в эксплуатацию в регионе было введено всего 129,7 тыс. м². По областной государственной целевой программе развития ипотечного жилищного кредитования за первые шесть месяцев 2008 г. средства на приобретение квартир были предоставлены 39 семьям в размере 7 млн. руб. (примерно 180 тыс. руб. на семью) [4, с. 3].

В конце 2008 г. в Иркутской области экономическая обстановка оставалась сложной. Замерли башенные краны над недостроенными зданиями; ушла техника с объектов [1, с. 3].

Сдача жилья в эксплуатацию прошла в девяти городских округах – Братске, Иркутске, Саянске, Свирске, Тулуне, Усть-Илимске, Черемхове, Зиминском и Усольском городских МО и 27 муниципальных районах, сообщили в Иркутскстате. Результаты, превышающие итоги 2007 г., показали Иркутск, Свирск, Тулун и ещё 16 муниципальных районов.

Объём введённого в 2009 г. жилья составил только 40,3% от общих итогов 2007 г. (январь–июль 2008 г. к январю–июлю 2007 г. – 98,7%). К концу 2009 г. область сумела догнать сама себя и показала результат не меньше 2008 г. Существовали резервы в Иркутском районе, в самом областном центре и Ангарске: там ещё были неоформленные новостройки. Начальник отдела маркетинга строительной компании «Труд Байкал» *М. Романов* сообщил, что в 2009 г. из-за кризиса компания задержалась с вводом в эксплуатацию новостройки на полгода, однако рассчитывала в конце 2009 г. ввести этот объект. И подчеркнул, что строительство новых жилых домов пока было отложено на неопределённый срок, потому что в компании не были уверены, что с 2010 г. в достаточном количестве возродится спрос. Эксперты сходились во мнении, что в 2010 г., когда компании достроили начатое до кризиса, объёмы ввода жилья в области в разы сократятся [7, с. 2].

В 2014 г. в Иркутской области было введено в строй 716,9 тыс. м² жилья, это было на 26,3% меньше, чем за 2013 г. В том числе населением было введено 237,8 тыс. м², к 2013 г. показатель снизился на 33,8 %, сообщил Иркутскстат [9, с. 2].

В целом на территории Иркутской области до 1 сентября 2017 г. было расселено 573,7 тыс. м², в 2014 г. – 103,8 тыс. м², в 2015 г. Министерство строительства РФ установило показатель для региона – более 138 тыс. м². Велась активная работа с муниципалитетами по улучшению качества сдаваемого жилья [8, с. 2].

Строительная отрасль Иркутской области в 2021 г. установила очередной рекорд: в эксплуатацию было введено более 1,2 млн м² жилья, 908,2 тыс. из которых приходилось на долю жителей региона. Ввод жилья в январе-феврале 2022 г. составил 217,7 тыс. м², что было в 2,1 раза больше показателя января-февраля 2021 г. Однако из-за санкций отрасль столкнулась со значительными рисками, при реализации которых ожидался спад объёмов строительства.

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области за 2020 г., башенные краны и скреперы, которыми располагали строительные компании региона, были импортными. За рубежом были также произведены 92,2% одноковшовых экскаваторов, 88,5% одноковшовых погрузчиков, 82,8% кранов на гусеничном ходу, 81% грейдеров и 77,8% дорожных катков. Доля отечественных машин среди остальной строительной и дорожной техники также составляла меньше половины, разве что чуть более двух третей гусеничных тракторов были выпущены в России.

Девелоперы указали на то, что обеспечение земель инженерными сетями и прочей инфраструктурой позволило бы удешевить строительство жилья. «На мой взгляд, ситуация проста: строители должны заходить на готовую площадку, – согласился депутат ЗС *А. Романов*. – Они не должны заниматься инфраструктурными вещами – это должно делать государство. Тогда не будет никаких бюрократических препон для того, чтобы развивать эти площадки». По соглашению, которое правительство Иркутской области подписало с Минстроем в конце 2021 г., регион получил по ней более 1,5 млрд руб. Из них около 1 млрд руб. направили на технологическое присоединение к инженерной инфраструктуре [5, с. 3].

В 2021 г. по душевому объёму строительных работ и инвестиций в основной капитал Иркутская область заняла I место в Сибирском федеральном округе (СФО), оставив позади

даже могущественный Красноярский край. В 2022 г. удалось сохранить за собою эту позицию.

В 2023 г. было выполнено строительных работ на сумму 285 млрд руб., что тоже было меньше прежнего. Но Приангарье оставался на сибирском пьедестале, обеспечив 18,5 % строительных работ СФО и уступив только Красноярскому краю (по объёму работ на душу населения – 3 место). По вводу жилья (с учётом численности населения) – 4 место.

Масштабы жилищного строительства росли ежегодно. Недостигаемый прежде рекорд 1989 г. (1650 тыс. м²) оказался вполне достижимым. В 2023 г. было введено в строй жильё общей площадью 1490,7 тыс. м², на 19 % больше, чем в 2022 г. Новоселье отметили 17 590 семей. По объёмам жилищного строительства в расчёте на 1 тыс. чел. не первый год лидировал Иркутский район, ещё две ступеньки пьедестала занимали Ольхонский и Шелеховский районы.

Средний размер построенных квартир – 85 м². Такие «апартаменты» складывались из-за более просторного жилья, возводимого населением за счёт собственных средств и кредитов. Индивидуальные застройщики преодолели рубеж в 100 м², площадь квартиры (дома), построенной для себя, в 2023 г. составила в среднем 126 м² [10, с. 3]. На индивидуальных застройщиков приходилось две трети построенного за год жилья.

1. Антоненко А. «Строили, строим и будем строить!» // *Время*. 1998. 23 июня. С. 2.
2. Александров А. Мечты останутся мечтами? // *Ирк. репортер*. 2008. 18 дек. С. 3.
3. Антоненко А. Патриарх сибирских строек // *Вост.-Сиб. правда*. 2008. 20 февр. С. 2.
4. Арбузова Е. Антикризисное управление: застройщики ищут способы оживить первичный рынок жилья // *Конкурент*. 2008. 5 июля. С. 3.
5. Борисов Г. Строительный конструктив: в ЗС обсудили, как поддержать строительную отрасль в условиях санкций // *Парламентские вести*. 2022. 12 апр. С. 3.
6. Докукина К. Ангарск получит деньги на инфраструктуру жилья с опозданием // *Конкурент*. 2007. 7 апр. С. 3.
7. Докукина К. Буря перед затишьем // *Конкурент*. 2009. 29 авг. С. 2.
8. Новостройки в городе металлургов // *Губерния*. 2015. 19 мая. С. 2.
9. Новостройки вытесняют «вторичку» // *Иркутский репортер*. 2015. 20 янв. С. 2.
10. Овсянникова И. Инвестируем и строим: масштабы жилищного строительства ежегодно растут // *Вост.-Сиб. правда*. 2024. 24 мая. С. 3.

ОСОБЕННОСТИ НАЙМА МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЙ РЫНКА ТРУДА

Царева Анна Владиславовна
(ФГБУ "Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры")

Воробьев Сергей Алексеевич
(ФГБУ "Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры")

Брейдер Наталья Андреевна
(ФГБУ "Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры", Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта)

В настоящее время отечественный рынок труда сталкивается с необходимостью реагировать на значительные и быстрые изменения в сфере занятости, главным из которых является низкий уровень безработицы. По данным Федеральной службы государственной статистики, за последние три года безработица в России сократилась почти в два раза: в январе 2021 г. уровень безработицы составлял 5,8%, а с ноября 2023 по март 2024 – в среднем 2,9% [1]. Данный показатель отражает отношение численности безработных определенной возрастной группы к численности рабочей силы (занятых и безработных) соответствующей возрастной группы, в процентах. Значительное снижение демонстрирует также используемый Росстатом в настоящее время совокупный показатель уровня безработицы и потенциальной рабочей силы – отношение суммы численности безработных и потенциальной рабочей силы к расширенной концепции рабочей силы, включающей в себя занятых, безработных и потенциальную рабочую силу (незанятые лица, которые выражают заинтересованность в получении работы за оплату или прибыль, однако сложившиеся условия ограничивают их активные поиски работы или их готовность приступить к работе). В 2021 г. этот показатель составил 6,4%, в 2022 – 5,2%, в 2023 – 4,2% [2].

Растет также потребность рынка в специалистах различной квалификации в тех или иных сферах экономики. Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) по показателю численности требуемых работников списочного состава на вакантные рабочие места на конец отчетного квартала в организациях сферы физической культуры и спорта, представленные в таблице 1, отразили увеличение численности кадровой потребности по отдельным направлениям деятельности во втором квартале 2024 г. в сравнении с началом года, от 24 до 35% [3]. В целом в спортивной отрасли рост запроса на специалистов во втором квартале 2024 г. составил 30,4%. Наибольший рост запроса на специалистов отмечен в деятельности спортивных клубов (рост на 35,2% в сравнении с первым кварталом), далее по убыванию – в деятельности спортивных объектов (31,9%), фитнес-центров (30,9%) и прочих видах деятельности в области спорта (24,3%).

Таблица 1. Численность требуемых работников списочного состава в сфере деятельности физической культуры и спорта Российской Федерации на вакантные рабочие места на конец отчетного квартала, по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)

Сфера деятельности	I квартал 2024 (чел.)	II квартал 2024 (чел.)	Сравнительное изменение численности (%)
Деятельность в области спорта	11 177	14 582	30,4
Деятельность спортивных объектов	5 918	7 809	31,9
Деятельность спортивных клубов	2 117	2 863	35,2
Деятельность фитнес-центров	71	93	30,9
Деятельность в области спорта прочая	3 071	3 817	24,3

Снижение уровня безработицы создает, на первый взгляд, благоприятные условия для соискателей, так как значительно снижает конкуренцию за возможность занять те или иные вакансии. Однако под вопросом оказываются эффективные способы взаимодействия между соискателями и работодателями, позволяющие согласовать требуемые квалификационные характеристики, условия работы, возможности роста квалификации и т.д. В 2023 году в ходе комплексного мониторингового исследования востребованности специалистов сферы физической культуры и спорта, проводимого ФГБУ «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры» с 2019 г., были выявлены актуальные приоритеты организаций сферы физической культуры и спорта в выборе способов и практик привлечения молодых специалистов [4]. В анкетном опросе участвовали руководители и представители кадровых служб организаций различных регионов Российской Федерации (n=702). Почти половина опрошенных (46,4%) отметили, что в настоящее время наиболее предпочитаемым способом поиска работников являются сервисы интернет-рекрутмента (hh.ru, superjob.ru и т.д.), а также поиск кандидатов по рекомендательным каналам личных связей (знакомых, коллег, родственников) (40,3%). 29,9% опрошенных сообщили, что их организация активно использует возможности поиска будущих сотрудников с помощью организации стажировок и производственных практик для студентов и учащихся. Также используются различные варианты сотрудничества с образовательными организациями: преподавание работников организации в образовательных учреждениях (19,6%), заключение договоров целевого обучения (17,3%) и участие в днях карьеры и ярмарках вакансий (15,2%). Менее распространены методы «открытого хедхантинга» - поиск кандидатов среди работников конкурентов (16,2%). Наименее востребованными представители организаций назвали такие практики, как разработка учебных программ совместно с образовательными организациями (8,1%) и организация научно-исследовательских конкурсов среди студентов, выпускников и молодых работников (0,9%). 13,2% организаций сообщили, что не используют никакие практики.

Ситуация неопределенности и активных изменений предполагает поиск эффективных рекрутинговых стратегий как со стороны соискателей, так и со стороны работодателей, что позволяет не только найти нужного специалиста для заполнения вакансии, но и обеспечить качественное соответствие как требованиям должности, так и запросам соискателей. Для молодых специалистов, особенно выпускников вузов, не имеющих профессионального опыта работы, в этих условиях становится перспективным не

только наличие нужной профессиональной квалификации и образования, но и развитие некоторых важных дополнительных социальных навыков.

1. Успешная и эффективная самопрезентация. Как уже отмечалось, почти в половине случаев для поиска новых сотрудников организации обращаются к имеющимся онлайн-платформам размещения вакансий. Особенно важным в этой связи становится умение соискателей создавать наглядное и хорошо структурированное портфолио, отражающее не только имеющиеся навыки и опыт соискателя, но и его перспективные возможности.

2. Адаптивность и гибкость. В ситуации высокой неопределенности важным качеством является возможность быстрой адаптации к меняющимся условиям деятельности, организационным ролям, гибкость в выполнении различных типов задач, возможность быстро повышать квалификацию и т.д.

3. Навыки поддержания социальных связей и расширения круга контактов. Как было упомянуто ранее, на втором месте по частоте использования находится такой способ поиска кандидатов на вакантные должности, как привлечение организациями-работодателями личных контактов, друзей, знакомых и т.д. В этой связи навыки эффективной коммуникации являются важным условием успешного поиска будущей работы. Умение строить и использовать профессиональные отношения может помочь молодому соискателю получить рекомендации, значимые для взаимодействия с будущими работодателями. В этой связи эффективными способами налаживания контактов является активное посещение отраслевых мероприятий, участие в профессиональных ассоциациях, общение в рамках различных проектов в сфере профессиональных интересов, участие в онлайн-сообществах и пр.

4. Устойчивость и целенаправленность. Развитая стрессоустойчивость помогает кандидату продолжать двигаться вперед, несмотря на неудачи, в то время как целенаправленность показывает приверженность молодых соискателей выбранной траектории будущей профессиональной деятельности.

5. Накопление опыта в данной профессиональной сфере. В процессе профессионального обучения студенты имеют различные возможности накопления профессионального опыта и пополнения портфолио в виде стажировок, волонтерской работы, участия в выставках и конференциях, собственных фрилансерских проектов и т.д. Данный опыт демонстрирует не только профессиональные качества и квалификацию молодых специалистов, но и показывает способности и умения качественно добиваться профессиональных результатов.

Взаимодействие работодателей и соискателей в процессе найма – процесс, связанный со значительной степенью неопределенности и согласованием взаимных ожиданий организаций, заполняющих вакансии, и кандидатов на предлагаемые должности. Перечисленные навыки являются важным ресурсом снижения такой неопределенности, повышая эффективность взаимодействия сторон и увеличивая вероятность того, что данная вакансия будет заполнена успешно с точки зрения как работодателя, так и молодого специалиста.

1. *Трудовые ресурсы, занятость и безработица / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 15.09.2024).*

2. *Методологические пояснения. Занятость и безработица / Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 15.09.2024).*

3. Численность требуемых работников списочного состава на вакантные рабочие места на конец отчетного квартала. / ЕМИСС. Государственная статистика. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57768> (дата обращения: 19.09.2024).
4. Царева А.В., Воробьев С.А., Брейдер Н.А. Проблемы и возможности развития кадрового потенциала выпускников вузов на рынке труда сферы физической культуры и спорта Российской Федерации / Теория и практика физической культуры. – 2024. – №10. – С.9-11.

Секция 4: Социология управления и современные ВЫЗОВЫ

УДЕРЖАНИЕ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ КАК ЗНАЧИМОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В КРУПНЫХ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЯХ

*Авшалумов Саймон Станиславович
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)*

Аннотация: Удержание молодых специалистов – востребованное направление управления персоналом в крупных российских компаниях. В статье представлены результаты экспертного интервью с опытными сотрудниками отделов персонала крупных российских компаний по выявлению актуальных практик удержания молодых специалистов. Результаты исследования свидетельствуют о важности включения удержания молодых специалистов в число приоритетных направлений молодежной политики крупных российских компаний.

Ключевые слова: удержание молодых специалистов, молодежная политика, основные направления молодежной политики, технологии удержания персонала, инструменты удержания персонала.

Удержание молодых специалистов – комплекс действий работодателя, направленных на профилактику и снижение текучести среди молодых талантливых и перспективных сотрудников и обеспечение долгосрочного сотрудничества компании с ними, одно из перспективных направлений молодежной политики в крупных российских компаниях. Согласно многочисленным исследованиям, представители российского бизнеса с удовольствием привлекают на работу молодых специалистов без опыта. Среди компаний, которые ранее не делали этого, 96% хотели бы нанимать таких специалистов в будущем [2]. При этом сами молодые специалисты готовы сотрудничать с работодателями на долгосрочной основе, если они будут инвестировать в развитие их карьеры [8], заботиться об их благополучии, создавать благоприятные условия для реализации талантов и профессионального потенциала.

В большинстве крупных российских компаний работа по удержанию молодых специалистов на регулярной основе не ведется. На сегодняшний день самым популярным инструментом удержания является увеличение уровня оклада (используют 76,00% из 265 работодателей, принявших участие в исследовании Antal Talent), достаточно часто применяются повышение в должности (45,00% работодателей), повышение бонусной части (36,00% работодателей) [6]. Однако работа с материальной мотивацией – не единственный инструмент, способствующий удержанию молодых специалистов. Необходимо комбинировать несколько инструментов: шире использовать систему контроффера, предлагать конкурентное вознаграждение и социальный пакет с ДМС, поручать молодым специалистам новые проекты и задачи, проводить для них обучающие мероприятия.

Весьма перспективным и удобным способом решения проблемы удержания молодых специалистов может стать включение этого направления в число приоритетных направлений молодежной политики крупных российских компаний. Молодежная политика – неотъемлемый элемент кадровой политики компании, представляющей собой общий план (программу) деятельности компании в области работы с персоналом на длительный период времени, включающий наиболее важные цели компании и способы их реализации [5, 202].

Молодежная политика является основой реализации ключевых мероприятий для молодых специалистов.

В работах отечественных и зарубежных авторов понятие корпоративной молодежной политики представлено слабо [1, 282; 7, 136]. Есть определения, которые применимы к молодежной политике на государственном уровне, однако они не отражают специфику молодежной политики на корпоративном уровне [4, 4; 9]. Мы предлагаем рассматривать молодежную политику крупной компании как общий план работы с молодыми специалистами крупной компании на длительный период времени, инициированный работодателем и осуществляемый отделом управления персоналом и руководителями подразделений компании, предполагающий реализацию комплекса регулярных мероприятий в компании по привлечению, адаптации, мотивации, обучению, развитию, удержанию, управлению деловой карьерой, оценке, управлению организационной культурой, управлению благополучием и управлению над текучестью молодых специалистов, направленный на эффективное использование талантливой молодежи для достижения миссии и стратегических целей компании.

Цель и задачи молодежной политики крупной компании могут быть выделены по аналогии с задачами государственной молодежной политики, представленными в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [3, 46] Основная цель молодежной политики крупной компании – «создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации» [3, 47] молодых специалистов, развитие потенциала молодых специалистов и его использование в интересах крупной компании. Задачи молодежной политики крупной компании включают:

Создание условий для саморазвития молодых специалистов,

Обеспечение поддержки инициатив молодых специалистов руководством крупной компании,

Формирование целостной системы развития и удержания молодых специалистов крупной компании,

Организацию комфортной среды для реализации трудовых функций молодыми специалистами,

Содействие принятию молодыми специалистами корпоративных ценностей компании.

Реализация молодежной политики охватывает основные направления работы с молодыми специалистами в крупной компании.

Схема 1 – Основные направления молодежной политики крупной компании (составлено автором)

Включение удержания молодых специалистов в число приоритетных направлений молодежной политики крупных российских компаний предполагает регулярность проведения мероприятий по удержанию молодых специалистов, составление и последовательную реализацию соответствующего плана работ, включающего различные мероприятия, направленные на повышение мотивации молодых сотрудников, снижение их текучести и укрепление имиджа компании как перспективного работодателя на рынке труда.

Проведенная нами операционализация понятия удержания молодых специалистов показывает, что в рамках этого направления молодежной политики крупных российских компаний должны реализовываться мероприятия, направленные на:

- Сокращение и профилактику текучести кадров;
- Обеспечение долгосрочного сотрудничества ключевых сотрудников с компанией;
- Повышение мотивации сотрудников;
- Повышение уровня вовлеченности персонала в работу компании и достижения ее стратегических целей;
- Повышение лояльности и приверженности персонала;
- Сохранение высокого качества и результативности работы сотрудников на протяжении всего периода их сотрудничества с компанией;
- Создание культуры сплоченности и взаимодействия, преемственности и передачи знаний в компании;
- Управление поведением сотрудников для реализации ключевых целей компании.

Актуальность данных мероприятий подтверждают результаты экспертного интервью, проведенного нами в феврале-марте 2024 года. Данное исследование мы рассматриваем как пилотное. Его целью стало выявление актуальных практик удержания молодых специалистов в крупных компаниях. Экспертное интервью проводилось на основе заранее разработанного *опросника* из 16 вопросов, из них 15 вопросов – основные, 1 – дополнительный (о занимаемой должности респондентов). Все вопросы открытого типа, что позволило получить развернутые мнения экспертов по рассматриваемой теме, средняя продолжительность экспертного интервью с каждым респондентом составила 27 минут. В состав *целевой выборки* вошли опытные сотрудники отделов управления персоналом крупных российских компаний: Руководитель Рекрутмента международного направления Райдтеха Яндекса; Руководитель центра подбора и адаптации компании ПИК; HRBP дочерней компании Уралкалия Food Security Solutions; HRBP российского подразделения компании Ward Howell; Руководитель направления обеспечения персонала компании СУЭК; Рекрутер компании VK; Специалист по развитию персонала компании НЛМК; Руководитель Рекрутмента Русагро. Интервью с каждым респондентом было транскрибировано, все эксперты были уведомлены о записи интервью.

Анализ ответов экспертов на вопросы интервью показал, что, в целом, существуют отличия удержания молодых специалистов от удержания других сотрудников компании. Абсолютное большинство экспертов считает, что молодых специалистов важно удерживать в крупной компании. Причин несколько:

вклад молодых специалистов в развитие компании (Эксперт 1: «Они приносят свежие молодые идеи, новые культуральные особенности, новые технологии»);

большие расходы на подбор персонала, в том числе, молодых специалистов (Эксперт 2: «Тратится много денег на подбор, нужно удерживать»);

молодые специалисты вносят разнообразие в команду и предлагают новые идеи (Эксперт 3: «Здорово, когда команда в какой-то степени диверсифицирована. Это даёт новые идеи»);

рассмотрение молодых специалистов как перспективного кадрового резерва компании (Эксперт 4: «Хочется возвращать внутри компании», эксперт 5: «Человек, который у тебя растёт в компании, хорошо знает систему, его легче мотивировать»);

повышение узнаваемости бренда компании среди соискателей (Эксперт 6: «Молодые специалисты очень хорошо влияют на HR-бренд»);

влияние на рост и развитие компании (Эксперт 7: «Молодые сотрудники – это таланты компании, которые могут привести компанию к значительному росту»);

окупаемость ресурсов, вложенных в развитие молодых специалистов (Эксперт 8: «Это ROI тех затрат, которые ты вкладываешь в молодые кадры»).

По мнению экспертов, высокий уровень вовлеченности и мотивации в работу молодого специалиста – основной фактор, влияющий на готовность крупной компании его удержать. Непосредственный руководитель играет важную роль в удержании молодых специалистов (Эксперт 3: «Руководитель должен выявлять мотивирующие факторы, проводить диалог с молодым специалистом, например, почему он не хочет работать»). Ключевые технологии, практики, инициативы, используемые в этих целях в крупных российских компаниях, включают систему контрофера, конкурентное вознаграждение, новые проекты и задачи (Эксперт 4: «Это более классные проекты, поощрение каких-то внутренних инициатив»), обучающие мероприятия и социальный пакет с ДМС. Работодатель сможет удержать эффективно работающего молодого специалиста, предложив ему контрофер с повышением заработной платы, больше возможностей для развития, но только если это целесообразно для компании (Эксперт 4: «Когда человек уходит за деньгами, это самое простое, что можно перекрыть на самом деле»).

Таким образом, удержание молодых специалистов является действительно значимым направлением молодежной политики крупных российских компаний. Его реализация предполагает использование комплекса инструментов и технологий – прежде всего, стажировок, обучающих мероприятий (вебинаров, тренингов, библиотеки курсов), международных проектов, индексации заработной платы, университетских программ, ярмарок карьеры, системы баддинга, карьерных консультаций, менторства, программ кадрового резерва, корпоративных конкурсов, клубов по интересам (баскетбол, волейбол), совершенствования социального пакета, программ развития лидерского потенциала. В крупных российских компаниях важно сохранять преемственность знаний, обеспечивать продвижение талантливых молодых специалистов для преодоления проблемы кадрового дефицита и стабильного функционирования компаний.

1. Ленская, И.Ю. Стабилизация и удержание персонала: понятийный анализ // ВЭПС. – 2016. – № 2. – С. 279–282.

2. Майер, А. Российские компании в 2022 году стали чаще нанимать специалистов без опыта работы // Ведомости. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/03/15/966526-rossiiskie-kompanii-stali-chasche-nanimat-spetsialistov-bez-opita> (дата обращения: 17.09.2024).

3. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от № 1662-р: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». – 117 с.

4. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон №489-ФЗ: принят Государственной Думой 23 декабря 2020 года: одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – 9 с.

5. **Опарина, Н.Н., Пугачев, В.П.** Стратегическое управление человеческими ресурсами организации: учебное пособие / Н.Н. Опарина, В.П. Пугачев. – М.: Кнорус, 2022. – 207 с.
6. **Планы работодателей в отношении персонала на 2024 год** // Antal Talent. – URL: <https://antaltalent.ru/blog/plany-rabotodatelej-v-otnoshenii-personala-na-2024-god/?ysclid=lvlh01adqv121377736> (дата обращения: 17.09.2024).
7. **Ханагян, Т.А., Берчук, Р.Ю.** Удержание персонала в современных организациях / Т. А. Ханагян, Р. Ю. Берчук // Политранспортные системы: Материалы XII Международной научно-технической конференции. В 3-х частях, Новосибирск, 21–22 сентября 2022 года. – Том Часть 1. – Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2022. С. 135–139.
8. **2018 Workplace Learning Report: The Rise and Responsibility of Talent Development in the New Labor Market** // LinkedIn. – URL: <https://learning.linkedin.com/resources/workplace-learning-report-2018> (дата обращения: 17.09.2024).
9. *Recommendation of the Committee of Ministers to member States on the access of young people from disadvantaged neighbourhoods to social rights (Adopted by the Committee of Ministers on 21 January 2015 at the 1217th meeting of the Ministers' Deputies)* // Committee of Ministers. – URL: [https://search.coe.int/cm/#{%22CoEObjectId%22:\[%2209000016805c46f7%22\],%22sort%22:\[%22CoEValidationDate%20Descending%22\]}](https://search.coe.int/cm/#{%22CoEObjectId%22:[%2209000016805c46f7%22],%22sort%22:[%22CoEValidationDate%20Descending%22]}) (дата обращения: 17.09.2024).

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В МОНОГОРОДАХ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Агвердиев Джавид Муса оглы
(Российский государственный социальный университет)

Аннотация. Публикация посвящена вопросу социального управления в моногородах в период кризиса. Автор анализирует важность взаимодействия между местными органами власти, бизнесом и гражданским обществом для эффективного решения социально-экономических проблем, а также рассматривает успешные примеры адаптивной социальной политики и государственно-частного партнерства в российских моногородах.

Ключевые слова: социальное управление, моногорода, социальные вызовы, социальная политика

Города, развитие которых исторически связано с одним градообразующим предприятием, сталкиваются с серьезными вызовами в период кризиса. Социальное управление в таких городах необходимо для предотвращения массовой безработицы, социальной напряженности и снижения качества жизни [1, 21].

Эффективное социальное управление в моногородах включает взаимодействие органов местного самоуправления, бизнеса и гражданского общества, а также гибкость и адаптивность управленческих стратегий. Важно развивать человеческий капитал для минимизации зависимости от монопрофильной экономики [4, 167].

В условиях кризиса моногорода особенно уязвимы, так как приостановка производства ведет к росту безработицы и социальной напряженности. Социальное управление должно оперативно реагировать на вызовы, включая дефицит рабочих мест и снижение доходов, и эффективно распределять ресурсы. Важно вовлекать граждан в процесс принятия решений, развивать государственно-частное партнерство и внедрять современные технологии.

Для повышения легитимности принимаемых решений важно создавать общественные советы и использовать цифровые платформы. Государственно-частное партнерство должно способствовать профессиональному росту и созданию рабочих мест для диверсификации экономики.

Адаптивная социальная политика включает повышение уровня социальной защиты, увеличение программ профессиональной подготовки и поддержку занятости, создание условий для развития малого и среднего предпринимательства.

Примеры успешного социального управления включают проекты "Школа новых технологий" в Краснокаменске, "Экономический кластер Рузаевки" и "Территория успеха" в Кирово-Чепецке [3, 53].

Несмотря на положительные примеры, социальное управление в моногородах сталкивается с проблемами, включая недостаток компетенций и финансовые ограничения. Необходимо адаптировать международный опыт и привлекать инвестиции для реализации программ социально-экономического развития.

Успешное социальное управление в моногородах требует гибкости и инклюзивности, активного участия граждан и государственно-частного партнерства, минимизации социальных рисков и устойчивого развития. Важно оперативно реагировать на вызовы и эффективно использовать технологии, развивать человеческий капитал для преодоления кризисов [2, 49].

1. Бадыкова И.Р. Роль корпоративной социальной ответственности градообразующих предприятий в обеспечении устойчивого развития монопрофильных муниципальных образований // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 7-1. – С. 18-26;
2. Городнова Н. В, Воронов Д. С., Емельянов А. А., Пешикова А. А. К вопросу об условиях и предпосылках реализации муниципально-частного партнерства в российских моногородах // Проблемы развития территории. – 2019. – №2 (100). – С. 37-52.
3. Мхитарян Д. А., Рябова Т. М. Современные перспективы развития межсекторного социального партнерства в моногородах // Социодинамика. – 2023. – №8. – С. 47-59.
4. Угольников О.Д. Управление социально-экономическим развитием моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2018. – №1 (7). – С.166 -171

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ НА НЕФТЕГАЗОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Анохин Антон Алексеевич
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

Гайсина Люция Мугтабаровна
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

Аннотация: рассмотрены основные аспекты и проблемы в области управления персоналом на нефтегазовых предприятиях. Проанализированы управленческие подходы и их значимость, а также актуальная для нефтегазовых организаций система управления персоналом.

Ключевые слова: управление персоналом, нефтегазовая отрасль, анализ управления, социология управления, инновации, модель управления.

Современный период развития нефтегазовых предприятий отмечен необходимостью активного внедрения инноваций в производства, а также необходимостью повышения человеческого капитала. Это обусловлено быстро меняющимися технологиями в сфере добычи и переработки нефти и газа, воздействием санкций, которые потребовали обеспечения технологического суверенитета, что и обуславливает актуальность исследования методов управления персоналом на предприятиях нефтегазовой отрасли.

Совершенствование системы управления персоналом на нефтегазовых предприятиях является актуальной задачей на сегодняшний день, так как доля доходов от продажи углеводородов в бюджете Российской Федерации составляет более чем 40 %, это не позволит снизить объемы добычи нефти и газа в ближайшее время.

Еще одним из ключевых факторов актуальности исследования вопросов социального управления и совершенствования системы управления персоналом является взаимодействие России с международными организациями, например, с ОПЕК, а также, в рамках различных договоров и конвенций, с природоохранными организациями (например, ХЕЛКОМ и др.).

Отметим, что нефтегазовая отрасль промышленности отличается тем, что предприятия этой отрасли, в большинстве – крупные, высокотехнологичные организации, производство которых отличается высоким уровнем технической оснащенности и сложности [1]. Данный факт обуславливает значимость высокой квалификации персонала, его постоянного обучения, что должно предусматривать систему постоянного обучения и повышения квалификации в системе управления персоналом.

В мировой практике работы нефтегазовых организаций, которые являются достаточно крупными корпорациями, в основном используется структура, включающая в систему управления менеджеров трех уровней: первого, второго и третьего.

Менеджеры первого уровня управляют рабочим процессом своих подчиненных, рабочих. Их главной задачей является принятие оперативных решений, которые соответствуют задачам на возглавляем ими объекте.

В обязанности менеджеров второго уровня входит координация менеджеров первого уровня. Менеджеры данного уровня, такие как руководители отделов и департаментов, являются связующим звеном. Они должны проводить анализ производственных показателей, координировать работу сотрудников, контролировать выполнение планов, управлять операционной деятельностью в рамках своего отдела.

Координация работ в целом, всего предприятия, является обязанностью и главной задачей менеджеров третьего уровня. К данному уровню менеджеров относятся

генеральные директора и члены совета директоров. Они должны уметь разрабатывать стратегию развития, обеспечивать принятие оптимальных решений, взаимодействовать с внешними стейкхолдерами, обеспечивать соответствие деятельности предприятия законодательным и нормативным требованиям [4].

Рассматривая область управления персоналом на современных нефтегазовых предприятиях, многими авторами описывается ряд типичных проблем, а именно:

1. Высокая численность персонала – все предприятия нефтегазовой отрасли являются крупными, что в целом, затрудняет управление персоналом.

2. Сложность технических и технологических процессов, их разнообразие, что предусматривает наличие большого числа сотрудников с различной квалификацией.

3. Необходимость постоянного повышения инновационного потенциала персонала нефтегазовых организаций. Это предусматривает необходимость постоянных затрат на обучение персонала, его подготовку.

Важное значение имеет и некоторая индивидуализация процесса управления персоналом в нефтегазовых организациях. Подобная индивидуализация применялась в мировой практике, например, она имела место на одном из экспериментальных заводов «Вольво», в Кальмаре. Рассмотрим данный эксперимент более подробно, чтобы понять его основные полученные результаты и возможность их использования при совершенствовании системы управления персоналом на нефтегазовых предприятиях.

Основной целью изменения технологии сборки автомобилей в компании было не столько улучшение взаимоотношений в коллективе, сколько создание условий для более разнообразного труда. Однообразные и монотонные ежедневные операции на конвейере вызывали утомление у работников, что негативно сказывалось на их производительности и удовлетворенности трудом.

Однако в процессе внедрения новой технологии сборки возникли неожиданные эффекты, которые не были предусмотрены авторами эксперимента. Рабочие начали неформально общаться друг с другом, что способствовало формированию более сплоченного коллектива. Они имели общую цель труда и видели общий результат своей работы, что значительно повысило их мотивацию и вовлеченность в производственный процесс. Эти изменения не только улучшили психологический климат в коллективе, но и привели к повышению общей эффективности производства. Они были схожи с условиями, которые наблюдались в ходе Хоторнских экспериментов, где коллективные усилия и взаимный контроль внутри группы играли ключевую роль.

«Хоторнские эксперименты» продемонстрировали важность гибких управленческих подходов, мотивации сотрудников и качества межличностных отношений, что способствует развитию социально-ориентированной модели работы с персоналом [2].

Изначально, при проведении эксперимента, руководство и организаторы ставили цель изменить процесс сборки так, чтобы выполняемые рабочими операции разнообразились, они могли меняться операциями (если они допущены к другим видам работ), что в свою очередь снизило бы однообразность работы и повысило производительность труда в компании.

Когда в процессе проведения эксперимента произошло изменение технических условий, неожиданно возникли изменения со стороны социального взаимодействия персонала. Сотрудники стали объединяться в группы, больше взаимодействовать, нести ответственность друг за друга, а также за результат проведенной работы. В данном случае, функции контроля выполнялись самими работниками, что повысило их вовлеченность и ответственность. Это способствовало созданию более комфортных условий работы и вызвало положительные изменения в системе управления.

Таким образом, технологические изменения в процессе сборки автомобилей и особенности работы конвейера не только улучшили производственные показатели, но и способствовали формированию более сплоченного и мотивированного коллектива. Это подчеркивает важность учета социальных факторов при внедрении производственных инноваций.

До проведения эксперимента, сотрудники работали на конвейерах по отдельности, поэтому у них было сформировано определенное представление, что даже работая не в полную силу их не заменят. При проведении эксперимента представление рабочих постепенно менялось, так как они видели, что могут быть оперативно заменены другими, если не будут выполнять работу качественно и продуктивно.

Эксперимент был проведен на всех заводах, принадлежащих компании. Если бы результаты эксперимента были внедрены не на всех заводах компании, а только на одном, то он мог бы восприниматься потенциальными работниками достаточно странно, ведь многие люди не любят резкие изменения и проведение каких-либо экспериментов, боятся, что это может негативно сказаться на их трудовой деятельности. Это могло бы снизить привлекательность рабочих мест на этом заводе. Также, вовлечение всех заводов позволило создать некую уникальную корпоративную политику компании.

Большое значение при управлении персоналом нефтегазовых предприятий имеет также создание условий постоянного обучения персонала, мотивации к обучению и обеспечение внедрения инноваций в производство [9-11]. Это требует создания в системе управления персоналом нефтегазовых организаций механизма тьюторства (наставничества), при котором более опытные сотрудники обучают молодых сотрудников.

Для повышения эффективности управленческой политики в крупных нефтегазовых компаниях важно внедрять такие модели управления, которые будут направлены на создание условий для личностного и профессионального развития сотрудников, позволит им чувствовать себя частью единой команды [5-8]. Важно отметить, что такие инициативы способствуют формированию лояльного и высоко мотивированного коллектива, помогают быстрее адаптироваться к меняющимся условиям рынка. На эффективность данной модели влияет создание руководством гибкой системы повышения квалификации, стажировок и обмена опытом среди сотрудников [3]. Эта модель особенно актуальна для крупных нефтегазовых организаций, так как каждый сотрудник мотивирован работать благодаря гибкой системе карьерного роста, где продвижение оценивается объективно, поддерживается и поощряется руководством.

При внедрении данной модели создается иерархическая структура, в которой сотрудники распределяются по подгруппам. Эффективность таких подгрупп, их вклад в общую работу организации оцениваются в рамках коллективной модели управления, которая способствует формированию командной ответственности за результаты работы. Такая ответственность, в свою очередь, влияет на укрепление функциональных и дружеских связей между сотрудниками, повышает их личную ответственность перед командой. Это, в свою очередь, положительно влияет на производительность труда как отдельных сотрудников, так и коллективов в целом, что особенно важно для нефтегазовых компаний. Так как кадровая политика нефтегазовых компаний предусматривает обучение новых сотрудников, она должна быть направлена на создание условий для их интеграции в коллектив, поэтому важно включать элементы модели опеки в систему управления, что позволит снизить уровень стресса и конфликтов, создаст благоприятный психологический климат в коллективе.

1. Белянина Н.О. Особенности функционирования системы управления персоналом в нефтегазовой отрасли // Экономика и социум. 2017. №. 5-2 (36). С. 822-827.
2. Гайсина Л.М. Управление персоналом в российских компаниях нефтегазового комплекса: современные социальные приоритеты: диссертация кандидата социологических наук: 22.00.08 / Гайсина Люция Мугтабаровна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т].- Уфа, 2009.- 161 с.
3. Каширина А.Д. Управление персоналом в нефтегазовой сфере // Вестник науки. 2020. Т. 3 №. 11 (32). С. 82-85.
4. Савчук И.И. Особенности управления персоналом нефтегазового предприятия в условиях вахтового метода работы // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. №5 (107) С. 34-37.
5. Гайсина Л.М. Трансформация системы управления персоналом в условиях социальных изменений: нефтегазовый комплекс России. Уфа: Издательство "Восточная печать", 2014. - 224 с.
6. Litvinenko I., Gaisina L., Semenova L., Averkina E., Gabdrakhmanov E. Transformation of Institutions of socio-economic Development in the Conditions of a long-term Viral Pandemic // AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research, 2021, Vol. 11, № 2, S21, p. 220-224.
7. Gaisina L.M., Mikhailovskaya I.M., Khairullina N.G., Pilipenko L.M., Shakirova E.V. Features of the Formation of the Corporate Identity of the Staff // Biosciences Biotechnology Research Asia. 2015. T. 12. № 3. С. 2543-2555.
8. Гайсина Л.М., Белоножко М.Л. Социально-ориентированное управление на предприятиях нефтегазового комплекса в условиях трансформации: синергетический подход. Уфа: Издательство "Нефтегазовое дело", 2021. - 346 с.
9. Gaisina L.M., Litvinenko I.L., Magomaeva L.R., Agaev A.A. Impact of the Pandemic and the Green Economy on the Development of the Oil and Gas Sector // SOCAR Proceedings. 2022. № 3. С. 106-113.
10. Гайсина Л.М. Формирование современной системы управления персоналом нефтегазовых предприятий России: оценки и перспективы. Уфа: Издательство "Восточная печать", 2015. - 256 с.
11. Gaisina L.M., Litvinenko I.L., Magomaeva L.R., Muradov M.M. Innovation and Investment Aspect Energy Transition to Renewable Energy Sources // SOCAR Proceedings. 2022. № 4. С. 134-141.

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИТ В УПРАВЛЕНИИ НА ПРИМЕРЕ УДАЛЕННЫХ СОТРУДНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА СОТРУДНИКОВ КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО (ПРИВОЛЖСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА)

*Анучина Ольга Васильевна
(Казанский Федеральный (Приволжский) Университет)*

В настоящее время особо остро звучит тема этики ИТ и ИИ в управлении, касающаяся вопросов потенциальной предвзятости, алгоритмической справедливости, безопасности, прозрачности, проблем, возникающих при самостоятельном принятии решений искусственным интеллектом. В социологическом контексте интересную интерпретацию «зачарованному технодетерминизму» представляют в своих научных трудах Камполо А., Кроуфорд К. [1], основываясь на методологии М. Вебера - концепт «расколдовывание мира» в отношении глубинного обучения (эклектика точности прогнозирования и «магических» дискурсов по описанию сложных к пониманию механизмов, создание мифов о сверхъестественных способностях «deep learning»), испытание на устойчивость к постправде после кульминации процесса интеллектуализации на современном этапе.

При этом ряд авторов (Флориди Л., Коулс Дж., Белтраметти М. [2], Биетти Э. [3], Янссен М. [4], Лехтинен С. [5] и др.) как отдельные проблемы выносят разгром технологической этики с точки зрения моральной философии, противостояние систем ИИ и IT-специалистов (своих разработчиков) на рынке труда, вопрос ответственных инноваций. Активно обсуждается вопрос применения ИТ в управлении кадрами в современных организациях отечественными авторами Чулановой О.Л., Хайбулловой К.Н [6], ИИ и игровых технологий в обучении производственного персонала, например, на предприятиях энергокомплекса.

В ближайшие 10 лет, согласно ежегодному докладу «Gartner Top 10 Strategic Technology Trends for 2024» [7], основными технотрендами с сфере ИТ станут: переход на гибридные технологии будущего (интеграция и управление множеством вычислительных парадигм и технологий, хранение информации в ДНК); инструменты защиты от дезинформации; улучшение реальности с помощью пространственных вычислений, например, в производственном цехе; технологии улучшения работы нервной системы (от наушников до сложных интегрированных интерфейсов «мозг-компьютер»); беспроводные метки и датчики окружающей среды. Одна из самых главных тенденций – демократизация технологий, предполагающая повышение вовлеченности неспециалистов в создание ИТ-решений.

Специфика данного кейса в том, что в качестве респондентов выступили преподаватели ВУЗа, которые стали удаленными сотрудниками лишь на 2 месяца. Казанский Федеральный (Приволжский) Университет активно задействован в работе по подготовке XVI саммита БРИКС - 2024 в Республике Татарстан. На период проведения данного мероприятия изменился и порядок организации образовательного процесса. В связи с этим появился социальный запрос на проведение данного социологического опроса. Преподавателям было задано более 20 вопросов, но обратимся к самым релевантным данным. Отметим, что данные настоящего исследования во многом коррелируют с результатами компании «Gartner» 2020 года – 62 % преподавателей отмечают, что вовлеченность и эффективность растет, когда сотрудники сферы интеллектуального труда работают в гибридном режиме, т.е. совмещают работу на основном рабочем месте и «дистант». В то же время ППС в данный период демонстрируют высокий уровень равенства

в команде (21%), гибкости (38 %), психологической безопасности (78%). При этом основными минусами подобного формата работы ППС считают отсутствие очного взаимодействия со студентами (91%), и усиление мер для удаленного контроля. ППС был задан вопрос «Считаете ли Вы важным учитывать этические вопросы при разработке искусственного интеллекта?». 2 % полагают, что достаточно законодательного регулирования, 71 % респондентов согласились с тем, что этические обоснования необходимы для решений искусственного интеллекта. 13% выбрали вариант «искусственный интеллект – это лишь алгоритм определенных действий, при разработке которого не нужно учитывать этические вопросы».

Наиболее актуальными социально-этическими проблемами применения информационных технологий в целом и, в частности, в управлении, по мнению сотрудников КФУ являются: «вопрос безопасности» - 31.5%; «вопрос достоверности информации» - 18.5%; «вопрос конфиденциальности частной жизни» - 16.3%; «вопрос цензуры» - 4.3%; «автоматизация рабочих процессов и некоторых профессий, риск безработицы» - 4.3%; «вопрос цифрового неравенства и разобщенности» - 3.3%; «вопрос интеллектуальной собственности» - 3.3%; «вопрос делегирования принятия решений машине» - 3.3%; «вопрос межкультурной коммуникации» - 3.3%; «появление новых коммуникативных форм культуры» - 2.2%; «вопрос маркировки цифровых продуктов, созданных ИИ» - 2.2%; создание «цифрового аватара» [8] и «утрата интереса к личности» - 2.2%; «вопрос свободы» и «создание социального рейтинга» - 1.1% и т.д. На Рисунке 1 представлены конкретные, наиболее популярные ИТ-технологии в сфере управления, по мнению сотрудников КФУ.

С какими информационными технологиями в управлении Вы знакомы?

181 ответ

Вариант 1 ИТ обработки данных (сбор, обработка, хранение данных, создание отчетов, документов)	67	37%
Вариант 2 ИТ автоматизированного офиса (электронная почта, текстовые, табличные процессоры, электронный документооборот, учет рабочего времени, управление клиентской базой, CRM)	66	36.5%
Вариант 4 ИТ экспертных систем (использование искусственного интеллекта)	35	19.3%
Вариант 3 ИТ поддержки принятия решений (Decision Support System, ориентированные на моделирование, на коммуникации, на базы данных, на документы, на знания)	13	7.2%

Рисунок 1 Наиболее актуальные ИТ-технологии в управлении по мнению сотрудников КФУ (сентябрь 2024)

На открытый вопрос о том какие опрашиваемые знают организации в РФ, применяющие ИТ наиболее активно и качественно, были получены следующие ответы: «Яндекс», «МТС», «Т2», «Ростелеком», «Камаз», «Лаборатория Касперского», «1С», «Сибур», «Сбер», «ВК», «РЖД», «Газпром», «Роснефть», «ИТ-корпорации», «Иннополис», отметим и ответы «службы безопасности», «маркетплейсы», «банки», из зарубежных – «Oracle», «Cisco Systems», «Graphcore», «GMCS», «IBM», «Google», «Microsoft», «Sony», «Uber», «NVIDIA CORP», «Microsoft Corp», «Apple Inc», «Samsung», «SpaceX», «Starlink», «Tesla», «Starlink», «Accenture», «Amazon», «Nasa», «Meta» (компания признана экстремистской и запрещена на территории РФ), «Persado» и др.

Результаты внедрения технологий ИИ в ряде случаев нарушают принципы гендерного и др. равенства - по прогнозу «Gartner» к 2030 году 85% проектов ИИ будут «давать ложные результаты из-за предвзятости, встроенной в данные и алгоритмы, или предвзятости команд, управляющих этими решениями». На открытый вопрос о предвзятости искусственного интеллекта («необъективность ИИ», «пристрастность ИИ»,

«предоставление привилегий» по ошибке) было получено множество интересных ответов, например: «Для борьбы с проблемой необходимо принятие комплексных подходов. Важно использовать разнообразные данные»; «постоянно трансформировать алгоритмы и проводить обучение»; «тестировать модели ИИ»; «обеспечивать репрезентативность данных»; «проблема предвзятости и искажения результатов алгоритмов искусственного интеллекта действительно является вызовом для развития технологий ИИ. Причины - недостаточное разнообразие обучающих данных, ошибки в алгоритмах, недостаточная осведомленность о тематике в разрабатываемых системах. Это может привести к дискриминации по различным признакам, ошибкам в идентификации, а также к другим негативным последствиям»; «проблема связана с человеческим фактором, ИИ принимает решения так, как их принимал бы его автор. Проблема усугубляется, если этот ИИ может обучаться на основании обратной связи, тогда алгоритмы будут ещё более необъективны. Нужен аудит данных»; «Если внедрять человека в помощь, отслеживать и прорабатывать ошибки, то таких проблем не будет».

Насколько Вы сами доверяете информационным технологиям?

92 ответа

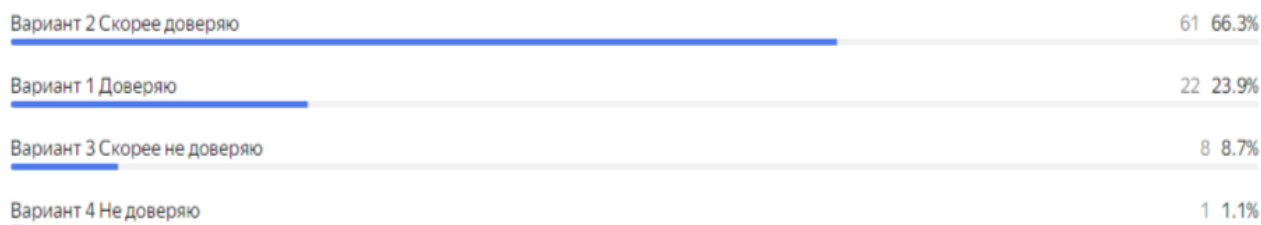

Рисунок 2 Уровень доверия респондентов к ИТ

Не смотря на все преимущества применения ИТ и ИИ 8,7 % опрошенных выбрали ответ «скорее не доверяю», что подтверждает актуальность темы и наличие вызовов, в особенности на фоне глобальной реальности «здесь и сейчас» [9] и мировоззренческой, информационной войны.

1. Campolo A., Crawford K. *Enchanted Determinism: Power without Responsibility in Artificial Intelligence*. URL: <https://estsjournal.org/index.php/ests/article/view/277> (дата обращения: 6.09.24)
2. Флориди, Л., Коулс, Дж., Белтраметти, М. и др. *AI4People - этическая основа для хорошего общества, основанного на искусственном интеллекте: возможности, риски, принципы и рекомендации*. «Minds & Machines» № 28. 2018. С. 689–707. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11023-018-9482-5#citeas> (дата обращения: 6.09.24)
3. Биетти Э. *От «промыывания мозгов» этикой к «разгрому» этики: взгляд на технологическую этику с точки зрения моральной философии // Материалы конференции 2020 года о справедливости, подотчетности и прозрачности*. 2020. С. 210-219. URL: <https://andy-blog.oss-cn-beijing.aliyuncs.com/blog/2021-08-05-SSRN-id3513182.pdf> (дата обращения: 6.09.24)
4. Де Ройвер М., Ван Винсберге А., Янссен М. и др. *Цифровые платформы и ответственные инновации*. «Этика информационных технологий». № 22. 257–267. 2020.
5. Джанни Р., Лехтинен С. и др. *Управление ответственным ИИ: от этических принципов к политике сотрудничества*. *Front. Comput. Sci.* URL: <https://www.frontiersin.org/journals/computer-science/articles/10.3389/fcomp.2022.873437/full#B51> (дата обращения: 6.09.24)

6. Чуланова О.Л., Хайбуллова К.Н. Исследование применения технологий искусственного интеллекта в управлении персоналом современных организаций // Вестник Евразийской науки. № 1. 2020. URL: <https://esj.today/PDF/50ECVN120.pdf> (дата обращения: 6.09.24)
7. Ежегодный доклад «Gartner Top 10 Strategic Technology Trends for 2024». URL: <https://www.gartner.com/au/en/information-technology/insights/top-technology-trends> (дата обращения: 10.09.24)
8. Лисина О. В. Проблемы противодействия молодежному киберэкстремизму в условиях интернетсоциализации: вопрос нравственного здоровья подрастающего поколения // Теория и практика общественного развития. 2017. № 1. С. 47.
9. Анучина О. В. Влияние тренда "фрагментации глобального мира" на финансовую грамотность студенческой молодежи города Казани: по материалам анкетирования // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы : Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года. Санкт-Петербург: ООО Издательский дом "Сциентиа", 2023. С. 1330-1333.

ЦИФРОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ: БАЛАНС МЕЖДУ ИННОВАЦИЯМИ И ЗАЩИТОЙ ДАННЫХ

*Байрамов Файяз Файязович
(МГИМО МИД России)*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема достижения баланса между инновациями и защитой данных в контексте цифрового управления в России. Анализируются современные тенденции, законодательные инициативы и реальные кейсы, иллюстрирующие актуальность данной темы.

Ключевые слова: цифровое управление, инновации, защита данных, Россия, кибербезопасность.

Введение

Современное общество переживает стремительную цифровую трансформацию, затрагивающую все сферы жизни, включая государственное управление. Цифровое управление, подразумевающее использование информационных технологий для повышения эффективности государственных услуг и улучшения взаимодействия с гражданами, становится приоритетным направлением политики России. Однако достижение баланса между стремлением к инновациям и необходимостью защиты данных является сложной задачей, особенно в условиях, когда российские IT-компании сталкиваются с блокировками за рубежом.

Российская Федерация активно реализует стратегии цифровизации, осознавая важность информационных технологий для социально-экономического развития страны. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и Стратегия развития информационного общества до 2030 года являются фундаментальными документами, определяющими приоритеты развития цифровой сферы [1, 12]. Согласно данным Министерства цифрового развития, в 2023 году инвестиции в IT-сектор увеличились на 20% по сравнению с предыдущим годом [2, 5]. Этот рост свидетельствует о растущем внимании государства к развитию информационных технологий. Портал государственных услуг «Госуслуги» является ярким примером успешной цифровизации: по состоянию на 2023 год на платформе зарегистрировано более 90 миллионов россиян [3, 8], что составляет около 62% населения страны и значительно упрощает доступ граждан к государственным сервисам.

Однако, несмотря на успехи, Россия сталкивается с серьезными вызовами в сфере цифровизации. Международные санкции, введенные в отношении страны, ограничивают доступ российских компаний к передовым технологиям и зарубежным рынкам. Многие иностранные партнеры прекратили сотрудничество с российскими компаниями, а некоторые отечественные IT-гиганты оказались под санкциями [4, 14]. Это создает препятствия для внедрения инноваций и усложняет интеграцию в глобальную цифровую экономику. Инновации играют ключевую роль в модернизации политических процессов и государственных институтов. Внедрение электронных сервисов, таких как электронное голосование, способствует повышению прозрачности выборов и усилению гражданского участия. Однако ограничения, вызванные санкциями, усложняют доступ к современным технологиям и замедляют процесс инноваций. По данным АПКИТ, в 2023 году экспорт

российских IT-услуг сократился на 22% [6, 30], что свидетельствует о снижении конкурентоспособности российских компаний на глобальном рынке.

Вопрос защиты данных приобретает особую важность в условиях растущей цифровизации. Государство стремится обеспечить безопасность информации и защиту персональных данных граждан, активно развивая законодательство в этой области. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает требования к сбору, хранению и обработке персональной информации [7, 45], а закон «О критической информационной инфраструктуре» направлен на защиту важных информационных систем от кибератак [8, 53]. В 2022 году был принят закон, обязывающий российские компании хранить данные граждан на территории России [9, 60], что должно снизить риски утечек информации за рубеж. Однако такие меры вызывают споры среди экспертов и бизнеса: локализация данных усиливает контроль государства, но может создавать дополнительные расходы для компаний и ограничивать их возможности по использованию международных платформ.

Несмотря на предпринимаемые меры, инциденты с утечкой данных продолжают происходить, что подрывает доверие граждан к цифровым сервисам. В 2023 году произошла крупная утечка персональных данных из государственной базы, затронувшая более 500 000 записей [10, 72]. Согласно опросу ВЦИОМ, уровень доверия к государственным информационным системам снизился на 15% [11, 80]. Баланс между инновациями и защитой данных не всегда достигается без конфликтов. Усиление контроля над интернетом может ограничивать права граждан и негативно влиять на развитие инноваций. Закон «О суверенном интернете», принятый в 2019 году, направлен на обеспечение стабильности российского сегмента сети [12, 88], однако критики опасаются, что это может привести к изоляции и ограничению свободы слова.

Ограничения, вызванные международными санкциями, усложняют доступ к технологиям. Российские компании испытывают трудности с приобретением современного оборудования, что сказывается на конкурентоспособности. Усиление государственного контроля может отпугивать инвесторов и способствовать оттоку специалистов за рубеж. По данным Ассоциации разработчиков программных продуктов «Отечественный софт», в 2023 году отток IT-специалистов увеличился на 25% [13, 95]. Международный опыт может быть полезен для поиска баланса. Европейский союз с GDPR стремится обеспечить высокий уровень защиты персональных данных, не препятствуя развитию технологий [14, 102]. Китай развивает концепцию цифрового суверенитета, контролируя интернет и инвестируя в собственные технологии [15, 110]. Россия может учесть этот опыт при разработке стратегии цифровизации.

Заключение

Государственное регулирование играет ключевую роль в развитии цифровой сферы. Правительство предпринимает шаги для поддержки IT-сектора: вводятся налоговые льготы, создаются программы финансирования, поддерживаются стартапы и исследования. В рамках национальной программы «Цифровая экономика» выделяются средства на развитие искусственного интеллекта и больших данных [16, 120]. Однако усиление контроля над интернетом может негативно сказываться на инновациях, отпугивая инвесторов и специалистов. Роль общества и политических институтов также важна. Граждане выражают обеспокоенность по поводу защиты персональных данных и цифровых прав. Общественные организации участвуют в обсуждении законодательных инициатив [17, 130]. Однако уровень цифровой грамотности населения остается низким: по данным

Левада-центра (внесен в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента), лишь 40% россиян знают о своих правах в цифровой сфере [18, 138], что указывает на необходимость образовательных программ.

Достижение баланса между инновациями и защитой данных является жизненно важной задачей для России. В условиях ограниченного доступа к международным технологиям необходимо искать внутренние ресурсы для развития. Сотрудничество между государством, бизнесом и обществом может стать ключом к успешной цифровой трансформации, способствующей устойчивому развитию и повышению качества жизни граждан.

1. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: government.ru
2. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Отчет за 2023 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: digital.gov.ru
3. Портал государственных услуг Российской Федерации. Статистика пользователей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gosuslugi.ru
4. РБК. «Крупнейшие российские IT-компании попали под санкции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rbc.ru
5. Московская городская избирательная комиссия. Итоги электронного голосования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mosgorizbirkom.ru
6. Ассоциация предприятий компьютерных и информационных технологий. Отчет о состоянии IT-отрасли в 2023 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: arkit.ru
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pravo.gov.ru
8. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pravo.gov.ru
9. Федеральный закон от 02.07.2022 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pravo.gov.ru
10. ТАСС. «Утечка данных из государственной базы в 2023 году» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: tass.ru
11. ВЦИОМ. «Доверие граждан к цифровым сервисам: итоги опроса» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: wciom.ru
12. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pravo.gov.ru
13. Ассоциация разработчиков программных продуктов «Отечественный софт». Статистика оттока кадров в 2023 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: arppsoft.ru
14. Европейский Парламент и Совет Европейского Союза. Регламент (ЕС) 2016/679 (GDPR) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: eur-lex.europa.eu
15. Министерство промышленности и информационных технологий КНР. Стратегия развития цифровой экономики Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: miit.gov.cn
16. Правительство Российской Федерации. Национальная программа «Цифровая экономика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: government.ru
17. Общественная организация «Роскомсвобода» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rublacklist.net
18. Левада-центр. «Осведомленность россиян о цифровых правах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: levada.ru

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ РОССИЙСКИХ ИННОВАЦИОННЫХ КОМПАНИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

*Батоврина Екатерина Викторовна
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)*

Аннотация. Технологическое развитие страны во многом зависит от успешности работы инновационных компаний. Многие российские инновационные компании столкнулись с проблемами управления персоналом, препятствующими реализации их целей. Требуется проведение комплексного анализа назревших проблем. В статье раскрываются основные положения программы социологического исследования, нацеленного на выявление актуальных проблем управления персоналом российских инновационных компаний и поиск путей их решения, начатого в августе 2024 года. Приводятся результаты пилотного исследования.

Ключевые слова: российские инновационные компании, инновационная сфера, технологическое развитие, управление персоналом, приоритетные направления управления персоналом

Актуализация вопросов управления персоналом российских инновационных компаний во многом связана с задачами преодоления российской экономикой отставания от наиболее развитых стран в темпах инновационно ориентированного роста и обеспечения технологического суверенитета страны, закрепленными в Концепции технологического развития до 2030 года [3]. Авторы концепции прямо отмечают, что одной из ключевых угроз для технологического развития страны является «отток талантов и высококвалифицированных кадров за рубеж», во многом связанный с «несоответствием уровня оплаты труда ожиданиям соискателей, устареванием научной инфраструктуры, дефицитом источников и объемом финансирования исследований» [3, с. 13–14]. Не менее серьезной представляется проблема общей нехватки высококвалифицированных специалистов на рынке труда. Так, исследование Института статистических данных и экономики знаний НИУ ВШЭ, проведенное в 2020 году, показало, что одним из значимых барьеров для разработки и внедрения инноваций, с которыми столкнулся российский бизнес, является «недостаток квалифицированного персонала» [2]. Давно назрели и другие проблемы управления персоналом российских инновационных компаний, снижающие их вклад в реализацию актуальных задач технологического развития страны: несоответствие стиля лидерства руководителей ожиданиям сотрудников, отсутствие слаженного взаимодействия между подразделениями, рабочими группами и коллегами, неудовлетворенность сотрудников условиями труда и т.д. [1].

Для выработки вариантов решения проблем управления персоналом в российских инновационных компаниях требуется тщательный и разносторонний анализ ситуации, учет позиций и мнений всех заинтересованных сторон, включая собственников, руководителей, специалистов по управлению персоналом и сотрудников. Наиболее перспективные решения могут быть найдены путем сопоставления видения всеми заинтересованными сторонами существующих проблем, понимания ими приоритетных целей компании, особенностей сферы ее деятельности, их ожиданий от работы в компании и взаимодействия друг с другом. Данная идея лежит в основе социологического исследования, начатого нами в августе 2024 года. Целью исследования является выявление актуальных проблем управления персоналом в российских инновационных компаниях и подготовка рекомендаций по их решению. Основные задачи исследования включают определение приоритетных направлений кадровой политики российских инновационных компаний, уточнение круга внешних и внутриорганизационных факторов, оказывающих влияние на

управление занятыми в них сотрудниками, выявление наиболее успешных практик управления персоналом в инновационной сфере. Методы исследования – экспертное интервью и анкетирование. Планируемая выборка для экспертного интервью – целевая (собственники, руководители, специалисты по управлению персоналом российских инновационных компаний, N≈100). Планируемая выборка для анкетирования – стратифицированная (сотрудники российских инновационных компаний, отобранные по федеральным округам, размеру компаний, направлениям их деятельности, N≈1000).

Учитывая идею о необходимости сопоставления мнений заинтересованных сторон об управлении персоналом российских инновационных компаний, в гайд интервью для собственников, руководителей, специалистов по управлению персоналом и анкету для сотрудников были включены схожие блоки вопросов о:

Особенностях сферы деятельности компаний, их приоритетных целях (Каковы особенности сферы деятельности вашей компании? Насколько и как они влияют на работу сотрудников? Как вы считаете, каким образом особенности деятельности вашей компании влияют на вас как на ее работника? и др.);

Проблемах, задачах и актуальных направлениях управления персоналом (Какие направления управления персоналом являются наиболее актуальными для вашей компании? Почему?; Как вы полагаете, с какими проблемами на уровне управления персоналом вашей компании могут быть связаны любые несоответствия деятельности работников требованиям работодателя?; Как вы полагаете, от кого в первую очередь зависит успешное решение проблем в управлении персоналом вашей компании? и др.);

Требованиях к результатам деятельности, профессиональным компетенциям и личностным свойствам сотрудников, их соответствии им (Каковы основные требования к результатам деятельности сотрудников в вашей компании? Каковы основные требования к знаниям, навыкам, личностным свойствам сотрудников? Насколько сотрудники соответствуют данным требованиям? Каковы основные требования работодателя к результатам вашей деятельности? Как вы считаете, коллеги, работающие на той же позиции, что и вы, соответствуют данным требованиям? и др.);

Внешних и внутриорганизационных факторах, требующих пристального внимания в процессе управления персоналом (Какие внешние и внутриорганизационные факторы приходится учитывать в процессе управления сотрудниками в вашей компании? и др.);

Передовых практиках управления персоналом в инновационной сфере, целесообразности их внедрения в конкретных компаниях (Какие практики управления персоналом, на ваш взгляд, целесообразно внедрить в вашей компании? и др.);

Удовлетворенности сотрудников компаний трудом, факторах их мотивации (Как вы считаете, какие изменения на уровне управления персоналом компании могли бы повысить уровень удовлетворенности трудом у сотрудников, работающих на той же позиции, что и вы? и др.).

В гайд экспертного интервью вошли 12 основных вопросов и дополнительные вопросы о позиции, опыте, образовании экспертов. В анкету были включены 23 основных вопроса и 9 дополнительных вопросов о респондентах.

На момент подготовки статьи завершена пилотная часть социологического исследования, в рамках которой были апробированы анкета и гайд. В апробации анкеты на базе платформы webanketa.com (<https://webanketa.com/>) приняли участие 30 респондентов из малых, средних и крупных российских инновационных компаний. В апробации гайда были задействованы 10 экспертов из малых и крупных биотехнологических компаний и ИТ-компаний, работающие на руководящих позициях. Интервью проводилось в формате видеоконференции и по телефону.

Апробация показала пригодность разработанного инструментария для проведения дальнейшего исследования. Эксперты подтвердили актуальность темы исследования и соответствие поставленных вопросов его цели и задачам. Косвенным признаком заинтересованности экспертов в исследуемой теме стал поступивший от них запрос на получение результатов основной части исследования. Участники анкетирования обратили внимание на необходимость устранения технических погрешностей в оформлении анкеты, а также добавления нескольких сфер деятельности в варианты описания сферы деятельности их работодателей (добавлены финансовая деятельность, банки; научно-исследовательская деятельность, лаборатории; строительство, проектирование).

Интересно, что первичные результаты, полученные в ходе апробации гайда и анкеты, выявили не расхождения, а сходства в представлениях опрошенных руководителей и сотрудников инновационных компаний об актуальных проблемах управления персоналом, целесообразности внедрения различных практик управления персоналом, внешних и внутриорганизационных факторах, требующих внимания в процессе управления сотрудниками. Так, например, и опрошенные руководители, и сотрудники, отвечая на вопрос об актуальных проблемах управления персоналом, упомянули мотивацию и обучение персонала. Для руководителей проблема мотивации напрямую связана с решением приоритетной задачи удержания лучших сотрудников. У сотрудников она ассоциируется с неконкурентной заработной платой, необходимостью развития системы мотивации и увязывания результатов их труда с вознаграждением. Для руководителей возникновение проблемы обучения сотрудников – следствие низкой квалификации приходящего на работу персонала и необходимости его длительного и разностороннего обучения в период адаптации. Сотрудники, в свою очередь, затрагивают проблему обучения в контексте невозможности его прохождения в стенах работодателя. Рассматривая целесообразность внедрения различных практик управления персоналом, и руководители, и сотрудники упомянули актуальность внедрения практик адаптации. При этом руководители видят их внедрение, скорее, как вынужденную необходимость, помогающую новичкам быстрее войти в коллектив и выйти на требуемый уровень выполнения работ, сотрудники оценивают практики адаптации больше как фактор мотивации, свидетельствующий о внимании и заботе работодателя о новом персонале.

Из приведенных выше примеров видно, что на стыке мнений заинтересованных лиц легче найти интересные и, главное, результативные решения проблем управления персоналом российских инновационных компаний. Разные позиции позволяют увидеть больше возможностей и способов их профилактики. На середину октября планируется начало основного этапа исследования.

1. Батоврина Е. В. *Факторы привлечения и удержания персонала в российских инновационных организациях* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 4. С. 142–152.
2. Власова В.В., Фридлянова С.Ю. *Что мешает российскому бизнесу развивать инновации?* // Новости Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Режим доступа: URL: <https://issek.hse.ru/news/707347228.html> (дата обращения: 28.09.2024.).
3. *Концепция технологического развития до 2030 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р.* URL: <http://static.government.ru/media/files/KLJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8O1bBp18F.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАСУХИ В СТРАНАХ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ

Бондарев Валерий Петрович
(1. МГУ им. М.В. Ломоносова
2. МГТУ им. Н.Э. Баумана)

Поликарпова Мария Петровна
(МГТУ им. Н.Э. Баумана)

Теоретическое обоснование и обзор литературы осуществлена в рамках НИР по госзаданию № 121051100166-4 географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сбор эмпирических данных, их обработка и интерпретация результатов проведена по плану кафедры социологии МГТУ им. Н.Э. Баумана

Аннотация. В статье с опорой на результаты анализа базы данных описываются первичные социальные последствия засухи в странах с различным уровнем развития. Основываясь на анализе международных баз данных, выявляется зависимость социальных последствий засухи с уровня человеческого развития страны.

Ключевые слова: засуха, социальные последствия, уровень жизни, экология, адаптация, климат, смертность

В условиях резкого глобального изменения климата изучение социальных последствий такого широко распространенного явления как засуха является актуальным вопросом не только для научного сообщества и для всего человечества в целом. Последствия засухи часто имеют катастрофический характер и сочетаются с последствиями других природных и социальных явлений, таких как военные конфликты, эпидемии, экономические кризисы, политическая нестабильность в стране и другие. Это приводит к необходимости учета рассматриваемых последствий в управленческих решениях.

Последствия засухи разделяют на три группы: экономические, экологические и социальные. В данной работе исследуются социальные последствия, которые влияют на социальную структуру и динамику общества. Возможности оценить полное влияние засухи на социальные последствия весьма ограничены. Большинство исследований сосредоточены лишь на небольших сообществах, опираются на ограниченные выборки, что не позволяет получить сопоставимые данные о людях или регионах, в глобальном масштабе.

Засуха может повлечь за собой серьезные социальные последствия через различные механизмы. Например, травмирующим фактором становится осознание людьми масштабов ущерба, нанесенного домашнему скоту, сельскохозяйственным культурам, почве, местной растительности и самим жителям пострадавших районов, которые вынуждены были стать свидетелями разрушений [3]. Негативные экономические последствия засухи нередко нарушают социальные связи и разрывают устоявшиеся общественные отношения.

Недостаток воды вследствие засухи влияет на распространение различных заболеваний, а также на ухудшение общего уровня физического состояния. Засуха увеличивает вероятность заражения различными инфекционными заболеваниями, передающимися через воду, воздушно-капельным путем и контактным путем [1]. Причиной этого становится ограниченный доступ к чистой питьевой воде и недостаточный уровень воды в хранилищах, что увеличивает вероятность развития патогенов [6]. Также включенные исследования показали, что здоровье детей, пожилых людей и жителей с

низким уровнем дохода является наиболее уязвимым в условиях засухи [2]. Недоедание и отсутствие продовольственной безопасности среди населения обостряются в периоды засухи, особенно в сельских поселениях [8]. В засушливые периоды значительно ухудшается недоедание, в аграрных районах засуха может привести к катастрофическим последствиям для продовольственной безопасности семей [5].

Миграция становится крайней мерой для семей, оказавшихся в сложных условиях. В долгосрочной перспективе мигранты успешно приспосабливаются к жизни в новых регионах. Но в краткосрочном периоде миграция имеет разрушительные последствия. Это связано с заброшенностью земель и ресурсов, а также с разрывом семейных и общинных связей [7].

Целью исследования было выявление специфики первичных социальных последствий засухи в странах с различным уровнем развития. Для этого использовались такие методы как описательная статистика, корреляционный анализ и однофакторный дисперсионный анализ. Для анализа была составлена база данных, в которой представлено 106 стран, в которых были засухи с 2000 по 2021 гг. Данные были взяты из базы данных EM-DAT The International Disaster Database (Международная база данных о стихийных бедствиях) [9] и Centre For Research On The Epidemiology Of Disasters (Центр исследований эпидемиологии стихийных бедствий) [10], включающие в себя такие показатели как общее число смертей, общее количество затронутых, а также общий ущерб в тысячах долларов США. Данные о ВВП (Валовой внутренний продукт) страны и ИЧР (Индекс человеческого развития) были взяты из Human Development Report (Отчёт о человеческом развитии) United Nations Development Programme (Программа развития Организации Объединённых Наций).

Было выявлено, что с 2000 по 2021 гг. о смертности сообщается в 5,8% случаях засухи. Общее количество населения, затронутого засухой, подсчитывается в 85% случаев засухи, однако скорее всего это связано не с отсутствием затронутого населения в остальных случаях засухи, а с проблемой мониторинга и фиксации сиротствующих данных. Общий ущерб в денежном эквиваленте указан в 28% случаев фиксации засухи, что также говорит о недостаточности разработанности изучаемой проблемы.

Наибольшее общее количество затронутых засухой людей зафиксировано в Индии, где показатель равен 330 млн чел. Наибольший ущерб от засухи в размере 20 млрд долларов понесли США. Анализируя полученные результаты корреляционного и однофакторного дисперсионного анализов, можно сделать следующие выводы:

1. Не удалось выявить существенного влияния уровня человеческого развития на общее количество смертей, то есть и в развитых странах, и в развивающихся равновероятна возможность смертности в результате воздействия засух. Также можно предположить, что если ИЧР не является существенным фактором, то влияние на смертность от засух оказывают какие-либо другие неочевидные факторы. Также возможно, в развитых странах более тщательно ведется подсчет погибших, что приводит к выравниванию человеческих потерь.

2. Уровень человеческого развития оказывает влияние на общий ущерб: более развитые страны при засухе больше теряют в денежном эквиваленте, нежели страны менее развитые.

3. Общий ущерб оценен в значительно большем количестве стран, нежели общие человеческие потери. С одной стороны это может свидетельствовать о наличии в странах защитных адаптационных механизмов, которые позволяют предотвратить человеческие потери и при этом являются экономически затратными, а с другой стороны это может свидетельствовать о проблеме подсчета смертности, причиной которой стала именно

засуха, а не другие климатические катастрофы, часто сопровождающие засуху, или экономические и политические потрясения в стране.

4. Существует значительная положительная корреляция между размерами ВВП и размерами общего ущерба. Данный вывод может объясняться тем, что страны с большим ВВП имеют более развитую экономику, которой засуха может нанести значительный ущерб.

В целом полученные данные подтверждают влияние уровня развития страны на размеры экономических потерь, связанных с засухой, однако нет прямого влияния уровня развития страны на количество смертей, причиной которых стала засуха. Это может указывать на то, что другие факторы, такие как доступ к воде, система здравоохранения, образование и культурные практики могут играть более существенную роль в определении количества смертей от засухи, независимо от уровня экономического развития. Следовательно, уровень развития страны может оказывать влияние на экономические последствия засухи, факторы, влияющие на количество смертей, могут быть более сложными и многофакторными. Также необходимо расширение выборки, для которой на данный момент недостаточно данных, чтобы делать какие-либо однозначные выводы. Дальнейшие исследования могут быть направлены на выявление конкретных факторов, влияющих на смертность от засухи в странах с различным уровнем развития, а также на выявления вторичных социальных последствий засухи.

Ожидается, что засухи будут возникать чаще и будут более серьезными по всему миру в контексте продолжающихся климатических изменений [8]. Следовательно, для прогноза человеческого развития и принятия управленческих решений как на глобальном, так и на государственном уровне необходима дальнейшая проработка проблемы на междисциплинарном уровне и международное сотрудничество для выработки систематических решений.

1. Abenet F. et al. *Child malnutrition and associated factors among drought affected pastoralists in the Somali Region, Eastern Ethiopia* // *J Nutr Health Sci.* – 2016. – Т. 3. – №. 4. – С. 402.
2. Berman J. D. et al. *Drought and the risk of hospital admissions and mortality in older adults in western USA from 2000 to 2013: a retrospective study* // *The Lancet Planetary Health.* – 2017. – Т. 1. – №. 1. – С. e17-e25.
3. Berry H. L. et al. *Rural mental health impacts of climate change* // *Commissioned report for the Garnaut Climate Change Review.* Canberra: The Australian National University. – 2008. – С. 1-31.
4. *CRED: Epidemiology of disasters* // *UCLouvain URL: <https://uclouvain.be/en/>* (дата обращения: 13.05.2024).
5. Delbiso T. D. et al. *Drought and child mortality: a meta-analysis of small-scale surveys from Ethiopia* // *Scientific reports.* – 2017. – Т. 7. – №. 1. – С. 2212.
6. Emont J. P. et al. *Epidemiological investigation of a diarrhea outbreak in the South Pacific Island nation of Tuvalu during a severe La Niña-associated drought emergency in 2011* // *The American journal of tropical medicine and hygiene.* – 2017. – Т. 96. – №. 3. – С. 576.
7. Gilbert G., McLeman R. *Household access to capital and its effects on drought adaptation and migration: a case study of rural Alberta in the 1930s* // *Population and Environment.* – 2010. – Т. 32. – С. 3-26.
8. *IPCC, 2022: Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the*
9. *Public EM-DAT // the international disaster database URL: <https://public.emdat.be/>* (дата обращения: 13.05.2024).
10. Sugg M. et al. *A scoping review of drought impacts on health and society in North America* // *Climatic Change.* – 2020. – Т. 162. – С. 1177-1195.

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КАТАСТРОФИЧЕСКИХ БУРЬ

Бондарев Валерий Петрович
(1. МГУ им. М.В. Ломоносова
2. МГТУ им. Н.Э. Баумана)

Городнов Даниил Андреевич
(МГТУ им. Н.Э. Баумана)

Теоретическое обоснование и обзор литературы осуществлена в рамках НИР по госзаданию № 121051100166-4 географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сбор эмпирических данных, их обработка и интерпретация результатов проведена по плану кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н.Э. Баумана

Аннотация. Дается характеристика таких природных катастроф, как бури. Характеризуется их влияния на современное общество. Используются статистические методы выявления взаимосвязи между уровнем развития общества и социально-экономическими последствиями катастрофических бурь.

Ключевые слова: природные катастрофы, риск, катастрофические бури, социально-экономические последствия, индекс человеческого развития.

Бури представляют большое риск для общества, что приводит к острой необходимости учета их последствий при принятии управленческих решений как на глобальном, так и государственном уровне. Этот риск обусловлен большим масштабом социально-экономических последствий, приносимым этим явлением. Эта проблема сопутствовала общественному развитию всегда, но потенциальный риск повышается в связи с развитием инфраструктуры и технических инноваций. С точки зрения Э. Гидденса, жить в современную эпоху, это жить в мире случайностей и риска. «Парадокс Гидденса», заключающийся в том, что очень быстрые темпы развития человеческого общества искажают представления о последствиях результатов своей деятельности. Вероятность появления неожиданных рисков может присутствовать во всех сферах жизни человека [3]. По данным ООН, бури являются одним из наиболее опасных природных катастроф. С 1970 по 2019 гг. из-за ураганов произошло 577 232 смертей и был нанесен ущерб 521 млрд долларов США [6].

Заметим, что еще П.А. Сорокину принадлежит фундаментальный труд «Человек и общество в условия бедствий», где анализируются разнообразные социальные последствия глобальных катастроф, в том числе природных [5]. В целом, природные катастрофы имеют гораздо большее влияние на общество, которое не ограничивается человеческими потерями, пострадавшими и материальным ущербом. Проведенные исследования в этой области показывают, что можно ожидать самые разнообразные социальные последствия (социально-психологические, девиантное поведение, активизация процессов горизонтальной и вертикальной мобильности, увеличение социальных конфликтов и т.д.) [1].

В работе проводится численный анализ социально-экономических последствий, происходящих в результате катастрофических бурь. В рамках исследования были выдвинуты несколько гипотез. Гипотеза основания: уровень развития общества, влияет на социально-экономический ущерб от катастрофических бурь. Гипотезы следствия: 1) чем

более развито общество, тем меньше людей пострадают от катастрофической бури; 2) чем более развито общество, тем больший экономический ущерб нанесет катастрофическая буря.

Очевидно, что для измерения уровня развитости страны необходимо использовать индекс. Среди показателей развитости стран, ИЧР является наиболее объективным так как в число главных составляющих входит: ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования, уровень дохода на душу населения. Он является наиболее надежным показателем, потому что охватывает больше аспектов общественной жизни чем ВВП, поэтому позволяет наиболее точно оценить эффективность усилий социальной политики государства.

Для исследования использовалась база данных, предоставленная авторам статьи Центром исследований эпидемиологии стихийных бедствий CRED Университета Лувена (Бельгия), которая создана при поддержке Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) [7], которая содержит информацию о 2182 бурях, произошедших в мире с 2000 по 2021 гг. Для реализации поставленной цели эта база была дополнена информацией об индексе человеческого развития каждой страны, которые были взяты из «Отчета о развитии человечества ООН» [8]. В качестве основных критериев анализа выступали показатели человеческих потерь, количества пострадавших и масштаб экономических потерь.

После этого проводился корреляционный анализ, для выявления меры и степени связи между уровнем развития общества и социально-экономическими последствиями. В качестве показателя использовался коэффициент корреляции Спирмена, который позволил выявить связь между уровнем ИЧР страны и количеством погибших, количеством пострадавших и масштабом материальных потерь. Коэффициент корреляции не может указывать на наличие связи, так как он не учитывает влияния случайных факторов, именно поэтому использовался критерий Уилкоксона. Критерий Уилкоксона, учитывает наличие связи между уровнем развития общества и социально-экономическими последствиями. Этот критерий основан на подсчете абсолютных разностей между парами значений с последующим их ранжированием затем вычисляются средние значения рангов для положительных и отрицательных разностей (сдвигов). Уровень значимости посчитывается на основе стандартизированного значения [4].

Проведенный корреляционный анализ показал направленность влияния уровня индекса человеческого развития страны на масштаб социально-экономических последствий от катастрофических бурь. Коэффициент корреляции Спирмена между уровнем ИЧР и человеческими потерями составил $(-0,56)$, что указывает на то, что с ростом ИЧР количество человеческих потерь снижается. Коэффициент корреляции Спирмена между ИЧР и количеством пострадавших оказался равен $(-0,64)$, что означает рост ИЧР количества пострадавших также снижается. Коэффициент корреляции Спирмена между ИЧР и материальным ущербом составил лишь $-0,03$, т.е. влияние уровня развития развитости общества на масштаб материального ущерба не выявлено. Заметим, что эта картина отличится от того, что было ранее получено одним из авторов для случая с крупными наводнениями, где связь ИЧР с материальным ущербом показала корреляцию $0,52$ [2].

Для выявления достоверность наличия связи между фактором и признаками был использован критерий Уилкоксона, который основан на подсчете абсолютных разностей между парами значений и последующим их ранжированием [4]. Для анализа использованы три переменные: человеческие потери, количество пострадавших и материальный ущерб. Каждая из переменных была связана с ИЧР, и получены ранги для каждой переменной. Оказалось, что для связи «человеческие потери – ИЧР» большая часть наблюдений имеет

негативные ранги, что подтверждает, что уровень индекса человеческого развития превышает масштаб человеческих потерь. Для связи «количество пострадавших – ИЧР» выявлено, что большая часть наблюдений имеет негативные ранги, что означает, что уровень индекса человеческого развития превышает масштаб количества пострадавших в большинстве случаев. «Материальный ущерб – ИЧР» дал аналогичный результат: большая часть наблюдений имеет негативные ранги, что указывает на то, что уровень индекса человеческого развития превышает масштаб экономических потерь. В последнем случае мы можем видеть, что индекс человеческого развития имеет влияния на материальный ущерб: чем выше ИЧР страны, тем большие масштабы материальных потерь вероятно произойдут от катастрофических бурь.

Таким образом, что чем выше уровень индекса человеческого развития у страны, тем меньший масштаб человеческих потерь и жертв происходит можно ожидать от катастрофических бурь. Асимптотическая значимость критерия Вилкоксона равна 0,00 для двух параметров: человеческие потери, количество пострадавших, т.е. влияние уровня индекса человеческого развития страны на рассматриваемые параметры, является достоверным.

В заключение заметим, что Э. Гидденс утверждал, что попытка изучения риска очень важна для будущего. Их исследование может помочь пониманию важных элементов современности, то есть уменьшению риска для жизни человека, способности управлять рисками. Вышеперечисленное необходимо в современном нестабильном "климате риска" [3]. Подход, представленный в исследовании, был направлен на количественную оценку возможности снижения риска от катастрофических явлений, при учете уровня развития той или иной страны. Исследование показывает, что уровень развития общества значительно влияет на некоторые из рассматриваемых показателей. Чем выше уровень человеческого развития страны, тем меньше произойдет человеческих жертв во время бурь.

1. Бондарев В.П., Болховитинова Ю.А. Социальные последствия катастрофических наводнений // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2019. №5
2. Бондарев, В.П., Чаленко В.А. Оценка социально-экономических последствий катастрофических наводнений с использованием индекса человеческого развития // Геология, геоэкология, эволюционная география: Коллективная монография. Т. 20 – С.-Пб: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2022.
3. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. — 1994. — № 5.
4. Наследов А. Д. SPSS //Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб.: Питер. – 2005.
5. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. – М.: Академический проект, 2022. – 399 с.
6. *Climate Change Leads to More Extreme Weather, but Early Warnings Save Lives.* — Текст : электронный // United Nations Climate Change — URL: <https://unfccc.int/news/climate-change-leads-to-more-extreme-weather-but-early-warnings-save-lives> (дата обращения 09.10.2024)
7. *EM-DAT The International Disaster Database.* — Текст: электронный // emdat.be. — URL: <https://www.emdat.be/> (дата обращения 09.10.2024)
8. *Human development report 2021/2022.* — URL: file:///C:/Users/dango/Downloads/Telegram%20Desktop/hdr2021-22pdf_1.pdf (дата обращения 09.10.2024)
9. *Number of recorded natural disaster events (1900–2022)* // Our World in Data — URL: <https://ourworldindata.org/grapher/number-of-natural-disaster-events> (дата обращения 09.10.2024)
10. *Number of deaths from disasters.* // Our World In Data. — URL: <https://ourworldindata.org/grapher/natural-disaster-death-rates> (дата обращения 09.10.2024)

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ГЛОБАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ

Бондарев Валерий Петрович
(1. МГУ им. М.В. Ломоносова
2. МГТУ им. Н.Э. Баумана)

Сосин Иван Денисович
(МГТУ им. Н.Э. Баумана)

Теоретическое обоснование и обзор литературы осуществлена в рамках НИР по госзаданию № 121051100166-4 географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сбор эмпирических данных, их обработка и интерпретация результатов проведена по плану кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н.Э. Баумана

Землепользование – одна из древнейших форм социальной жизни человека, без которой общество не могло бы существовать развиваться. Земля исполняет функции не только источника пищи и сырья, но и обеспечивает пространство для жизнедеятельности. Следовательно, вопросы ее использования всегда были и остаются критически важными. Еще в конце XX в. в докладе Римского клуба «Пределы роста», акцентирующего внимание на ограниченности ресурсов планеты, особое внимание уделяется теме землепользования. В этом доклад отмечается, что наша планета и ее ресурсы не безграничны, и следует найти способы устойчивого использования этих ресурсов, чтобы обеспечить благополучное будущее для всего человечества [1].

Дальнейшее развитие понимания критического значения землепользования для общественного существования выразилось в осознании остроты вопросов деградацией почв, которая угрожает устойчивому производству пищи. Увеличение спроса на жилые и промышленные площади, транспортную инфраструктуру и рекреационные зоны приводит к урбанизации и активной застройке, сокращая площади земель, пригодных для сельскохозяйственного использования. В связи с этим, международное сообщество призывает к устойчивому использованию земельных ресурсов, что выразилось в формулировании Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН, принятых в 2015 г., где, в частности, предлагается план действий для человечества и отдельных стран, подчеркивается важность охраны и восстановления земель и почв, повышения продуктивности и устойчивости сельскохозяйственных систем, и обеспечения доступа к земле для всех [5].

Очевидным образом особенности землепользования могут значительно различаться в разных странах, в том числе, в зависимости от уровня их социально-экономического развития. Поэтому изучение характеристик землепользования в различных странах мира, исходя из их социально-экономического контекста, представляется важной задачей. Это может позволить лучше понять, как разные страны борются с этим противоречием и как они решают проблемы землепользования, учитывая свои уникальные условия и контекст.

Это противоречие требует глубокого анализа взаимосвязи между землепользованием и уровнем социально-экономического развития стран для понимания путей оптимизации и управления как на глобальном, так и на государственном уровне. Исследование направлено на выявление эффективных моделей землепользования, что может способствовать разработке стратегий устойчивого развития и рационального

использования земельных ресурсов в странах с различным уровнем социально-экономического развития.

Работа была проведена с целью восполнить пробел в понимании взаимосвязи между характером землепользования и социально-экономическими показателями развития стран в количественном выражении, что может внести вклад в развитие теорий устойчивого развития и землепользования. Основной вопрос исследования состоял в том, чтобы прояснить характер землепользования в странах мира в связи с их уровнем социально-экономического развития.

Теоретической основой исследования послужили теории устойчивого развития, концепции социально-экономического развития М.П. Тодаро, а также методологические подходы ФАО к анализу землепользования [2;3;4]. Для сбора данных был проведен анализ статистических данных ФАО и ПРООН, а для обработки использовались методы корреляционного и кластерного анализа. Выборка охватывала 193 страны мира, представляющие различные уровни социально-экономического развития. Исследование было проведено с использованием системы методов, которая включала одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова, описательную статистику, корреляционный и кластерный анализ. Эти методы позволили провести глубокий и комплексный анализ землепользования в различных странах, учитывая их социально-экономический уровень развития.

В ходе исследования были изучены различные аспекты землепользования в контексте социально-экономического уровня развития стран. Результаты исследования показали значимую корреляцию между уровнем социально-экономического развития стран и структурой землепользования. Получено подтверждение гипотезы о влиянии уровня технологического развития на эффективность землепользования. Выявлено несколько кластеров стран с схожими характеристиками землепользования и уровнем социально-экономического развития. Описана тенденция наиболее интенсивного использования земельных ресурсов в странах со средним уровнем развития. Полученные результаты подтверждают данные о взаимосвязи между эффективностью землепользования и уровнем развития страны, уточняя эту связь для различных групп стран. Было установлено, что страны можно классифицировать по типу социально-экономического развития, рассматривая их не просто в связи с основными типами землепользования, а в контексте систем землепользования в той или иной стране.

Исследование показало важность форм землепользования, связанных с урбанизацией, для современного социально-экономического роста и развития стран. Так, была обнаружена сильная корреляция между индексом человеческого развития (ИЧР) и уровнем урбанизации. Это подтверждает предположение о том, что страны с высоким ИЧР часто имеют высокий уровень урбанизации.

Также важным результатом исследования стало выявление того, что нет существенной разницы между сельскохозяйственным и лесным типами землепользования в отношении их влияния на социально-экономическое развитие стран. Это указывает на то, что важность сельскохозяйственного и лесного секторов остается актуальной для многих стран, независимо от стадии их развития. В то же время, исследование показало, что количество сельскохозяйственных земель и лесных массивов в стране не оказывает прямого влияния на уровень голода среди населения. Это подчеркивает важность таких факторов, как эффективность использования земли, доступность технологий и уровень образования населения в борьбе с голодом.

Таким образом, результаты данного исследования подтверждают важность социально-экономического развития для эффективного землепользования и

продовольственной безопасности. Они также подчеркивают сложность и многообразие подходов к землепользованию в различных странах мира. Было показано, что уровень социально-экономического развития страны влияет на характер землепользования, что подтверждает главный вопрос исследования.

Безусловно, необходим дальнейший анализ для более полного понимания взаимосвязей между этими переменными. Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ динамики изменений в землепользовании в контексте социально-экономического развития стран. Это позволит прогнозировать будущие тенденции и разрабатывать долгосрочные стратегии устойчивого развития. Требуется более глубокий анализ для понимания отсутствия существенной разницы между влиянием сельскохозяйственного и лесного типов землепользования на социально-экономическое развитие. Кроме того, необходимо дальнейшее изучение факторов, влияющих на эффективность использования земли, доступность технологий и образования в контексте продовольственной безопасности.

1. Медоуз Д. Х. и др. *Пределы роста*. М.: МГУ, 1991. Т. 230.
2. Рогатнев Ю.М. *Социально-экономические проблемы организации использования земель сельскохозяйственного назначения (теория, методология и методика): автореф. дис. д-р экон. наук 08.00.27. Омск, 2007. 34 с.*
3. Cahill M.B. *Is the Human Development Index Redundant?* // *Eastern Economic Journal*. 2005. Vol. 31. Issue 1 [Электронный ресурс]. URL: http://web.holycross.edu/RePEc/ej/Archive/Volume31/V31N1P1_5.pdf
4. Döös B. R. *Population growth and loss of arable land* // *Global Environmental Change*. 2002. Т. 12. С. 303-311.
5. *Sustainable development goals* // *Welcome to the United Nations* URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/> (дата обращения: 02.09.2024).

РИСКИ И ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СФЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

*Бурганова Лариса Агдасовна
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)*

*Мяжков Герман Пантелеймонович
(Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова)*

*Юрьева Оксана Владимировна
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)*

Цифровая трансформация сферы государственного управления является сегодня одной из самых приоритетных целей развития России. Под цифровой трансформацией сегодня понимают не просто внедрение цифровых технологий (больших данных, искусственного интеллекта, блокчейн, интернета вещей) [1], это глубокая реорганизация большинства существующих государственных функций для повышения качества управления государством в целом. Внедрение цифровых технологий в государственное управление и механизмы исполнения различных процессов, представлены в Паспорте федерального проекта «Цифровое государственное управление» [2]. Результатом этой реорганизации должно стать качественное изменение пространства публичных коммуникаций, обеспечивающих взаимодействие как между ведомствами, так и между гражданами и государством.

Цифровизация государственного управления нацелена на обеспечение его открытости, на усиление общественного контроля за деятельностью государственных органов, что может существенно повысить качество обслуживания населения при предоставлении государственных услуг, способствовать его эффективности и обоснованности в интересах граждан. Подчеркнем, цифровизация сферы государственного управления представляет собой сложный многогранный процесс, в основе которого переосмысление самих принципов взаимодействия государства и населения.

Необходимо учитывать, что цифровая трансформация государственного управления порождает многочисленные проблемы и риски, осмысление которых необходимо для выработки рациональных подходов к их решению. Эмпирической основой для выводов о рисках, возникших в сфере цифрового взаимодействия государства и общества в Республике Татарстан, стали результаты нашего исследования, проведенного в 2024 г. в форме интернет-анкетирования с использованием сервиса для создания и проведения опросов «Simpoll.ru».

По итогам социологического опроса, проведенного за последний год в Республике Татарстан - более 80% совершеннолетних граждан Татарстана использовали цифровые технологии обращаясь в государственные органы власти. Объемы использования населением возможностей цифровых инструментов при этом напрямую определяются целью взаимодействия. Первое по популярности направление (72% опрошенных) — это в основном услуги по получению сведений, передаче данных в госорганы, а также электронная запись в учреждения. Второе направление (69% опрошенных) связано с использованием онлайн оплаты налогов и сборов, административных штрафов, услуг бюджетных учреждений и организаций. Довольно низким оказался показатель вовлеченности граждан в обсуждение важных для республики вопросов – только 32% респондентов подтвердили, что цифровые технологии используются ими для реализации гражданских прав и обязанностей, участия в выработке и принятии решений.

Максимальные баллы были поставлены населением в части обеспечения граждан равного доступа к государственным услугам (81%). 44% респондентов указали и на такой положительный эффект цифровой трансформации госуправления, как снижение коррупции. Эффективность цифровизации государственного управления 82% граждан Республики Татарстан связывают с экономией времени при взаимодействии с органами госуправления, 79% респондентов – с экономией денег.

Вместе с тем практики непосредственного взаимодействия населения с органами госуправления среди значительной части общества воспринимаются пока как несущие риск и угрозу: только 58% опрошенных предпочитают коммуникации в режиме онлайн через веб-сайт или мобильное приложение, 40% лично посещают соответствующие учреждения. При этом 68% респондентов, выбравших личное посещение, считает, что обращение в письменной форме (на бумаге) надежнее, 48% признают свою некомпетентность в использовании цифровых инструментов, 28% пользователей государственных электронных технологий имели неудачный опыт. 44% опрошенных беспокоятся за сохранность персональных данных.

На использование электронных коммуникаций с госорганами особое влияние оказывают социально-демографический и имущественный факторы: наиболее активными в этом отношении являются молодые люди, а также более финансово-обеспеченные граждане. Недостаток электронного взаимодействия осложняет цифровую вовлеченность таких социально уязвимых категорий населения, как пожилые граждане. Это создает проблемы межпоколенческого цифрового неравенства, а также способствует складыванию новой системы социальной стратификации, в основании которой владение цифровыми инструментами.

Заметны различия в использовании каналов цифрового взаимодействия населения с властью: среди опрошенных большинство (56%) предпочитает мобильные приложения («Услуги РТ», «Я-школьник», «Мои субсидии»), чем обращения на региональный портал госуслуг или ведомственные веб-сайты (42%), причем среди молодежи такие предпочтения распространены чаще (73%), чем среди старшего поколения (27%).

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что большую часть респондентов особенно беспокоят следующие риски цифровизации государственного управления: отсутствие равных возможностей граждан, не обладающих необходимыми навыками цифрового общения, ущемление законных интересов граждан в случае самостоятельности процесса принятия решений искусственным интеллектом, цифровая система государственного контроля, сбои в работе информационных систем, риски безопасности персональных данных.

Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что информатизация государственного управления – сложный и неоднозначно воспринимаемый процесс, в ходе которого не всегда и не сразу жители могут использовать его возможности, понять и оценить его преимущества и результаты. Они во многом определяются их социально-демографическими характеристиками, а также личным опытом цифрового взаимодействия, уровнем владения цифровыми навыками. Социальные риски цифровой трансформации государственного управления не носят локального характера, они системны, касаются всех членов общества вне зависимости от их социального статуса. Необходимо учитывать, что риски имеют тенденцию быть политизированными в современном обществе, которое создает общественный запрос на управление ими.

1. *Правительство Российской Федерации. Распоряжение Правительства РФ от 22.10.2021 № 2998-р. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110260034> (дата обращения: 05.09.2024).*
2. *Федеральный проект «Цифровое государственное управление национальной программы «Цифровая экономика» Российской Федерации. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения 27.08.2024).*

ВОЛОНТЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА (ОПЫТ УЧАСТВУЮЩЕГО НАБЛЮДЕНИЯ)

*Валиуллина Раиля Рафаиловна
(Казанский федеральный университета,
г. Казань, Россия)*

Объектом исследования данной статьи является деятельность волонтерских организаций, направленная на сохранение объектов культурного наследия, на примере российских и зарубежных практик.

Памятники архитектуры являются одной из важных составляющих культуры и истории любого народа: они служат напоминанием о прошлом, о культуре и цивилизации, которые предшествовали нам, представляют собой связующее звено между поколениями, помогают нам понять наши корни. С точки зрения искусства, объекты культурного наследия являются исключительными знаковыми показательными примерами архитектуры, зодчества наших предков, отражающими их навыки, творчество, мастерство, тем самым дают нам глубокое понимание нашего наследия.

Президентом России В.В. Путиным, было озвучено, что в реестре объектов культурного наследия учтено почти 154 тысячи памятников федерального и регионального значения, и 16% из них находятся в неудовлетворительном состоянии [1].

Со слов председателя Совета по архитектурному наследию САР И. Маркиной, «Согласно данным Государственных докладов о состоянии культуры в Российской Федерации за 2015-2020 годы, значительное количество памятников разрушено в результате антропогенного воздействия и только частично вследствие стихийных бедствий». [2].

Волонтерская деятельность, связанная с сохранением объектов культурного наследия является достаточно распространенным и востребованным направлением за рубежом. Восстановление памятников истории и культуры – это не только цель реставрационного волонтерства, но и объект, способ образовательной деятельности, включения человека в активную общественную жизнь [3]. Кроме студентов, привлечение которых помогает определиться им в будущем с выбором профессии и приобрести уникальный опыт, в работах задействованы и граждане пожилого возраста, для которых подобного рода творческая работа - это способ организации культурно-досуговой деятельности, удовлетворение потребности в общении. Так, функционирующее во Франции объединение Union Rempart, деятельность которого сосредоточена на сохранении и восстановлении культурно-исторических памятников, привлекает к волонтерству людей с ограниченными возможностями и представителей социально не защищенных категорий.

Следует отметить, что зарубежные добровольческие организации имеют четкую организацию деятельности: помимо координатора непосредственно по производству самих работ на объектах культурного наследия, имеется также сотрудник, организующий социальную жизнь волонтерской группы, отвечающий за комфортное совместное проживание в период проведения работ на объекте. Так, организация «Английское наследие» – одна из самых влиятельных независимых организаций, занимающихся защитой и сохранением историко-культурных ценностей в Великобритании, обеспечивает достаточно большое количество льгот участникам волонтерской деятельности: медицинская страховка, рекомендательные письма для будущих работодателей, сертификаты и др.

Деятельность зарубежных волонтерских организаций в сфере сохранения памятников культуры и истории направлена не только на сохранение самих зданий,

восстановление культурных ценностей посредством привлечения добровольцев, но и укрепление социальных связей в обществе, вовлечение всех слоев населения в общественную деятельность, возбуждение и поддержание интереса к культуре и истории. Волонтерская деятельность в европейских странах представляет собой институализированный социальный феномен, обладающий легитимностью, как в глазах общественности, так и с точки зрения органов государственной власти [3].

В последние годы в России также наблюдается активный рост добровольческих движений по сохранению памятников архитектуры. Автором проведен анализ деятельности нескольких из них.

Одним из известных волонтерских движений постсоветского периода в области охраны объектов культурного наследия на территории РФ является фестиваль «Том Сойер Фест», созданный в 2015 году в Самаре. Волонтеры принимают участие в работах по восстановлению исторического облика старых зданий, возвращая их обновленными в городскую среду. География городов, в которых были приведены в порядок здания данной организацией является весьма масштабной: Казань, Елец, Кострома, Красноярск, Димитровград, Саратов, Санкт-Петербург и др.

Также из масштабных по объему своих работ является, на наш взгляд, волонтерский проект «Куда ведут ручки»: деятельность организации направлена на сохранение и консервацию храмов XVIII – XIX века в селах Республики Татарстан. «Сохранение храма – это возрождение локальной сельской культуры. Сохраняя здание, мы сохраняем стержень духовной жизни и истории сел, объединяем людей, чьи истоки ведут в эти села» [4]. Благодаря данному проекту, проведены спасательные работы в 30 храмах Лаишевского, Свияжского, Тетюшского уездов.

Как показал анализ автора в ходе экспедиций по районам Республики Татарстан, в настоящее время можно наблюдать большое количество заброшенных, забытых церквей: сёла, деревни вымирают, люди, по большей степени молодежь и работоспособное население, стремятся в города, приходы пустеют, а отсутствие прихода – это потеря источника, в том числе, материальных средств для поддержания функционирования здания.

Именно в данной сфере волонтерство могло бы стать мощным источником сохранения культурного наследия. При этом важно понимать, какова позиция законодательства относительно возможности работ волонтеров на объектах культурного наследия. Могут ли волонтеры принимать непосредственное участие в проведении работ по сохранению объектов культурного наследия, или же они могут быть допущены лишь к работам по уборке территории и другим видам помощи профессиональным реставраторам.

В соответствии с законодательством РФ, «волонтеры могут привлекаться к работам на объектах культурного наследия сугубо организацией, лицензированной Министерством культуры РФ». При этом «к работам по реставрации элементов объекта культурного наследия, представляющих собой историко-культурную ценность, волонтеры не допускаются» [5].

Автором осуществлено участвующее наблюдение на ряде объектов культурного наследия. Представим результаты нашего исследования.

«Церковь Св. князя Александра Невского, 1892-1894гг.», расположенном по адресу: Верхне-Услонский район, с. Большие Меми. На данный объект волонтерами проекта «Куда ведут ручки» был осуществлен выезд в целях осуществления уборки и консервационных работ на объекте [6]. Согласно информации, опубликованной в группе данного проекта, были проведены следующие виды работ:

Разобраны завалы в уцелевшей части здания, примыкающей к кровле;

Отремонтирована кровля нижнего яруса колокольни;

На верхний смонтирована лестница (рис. 1).

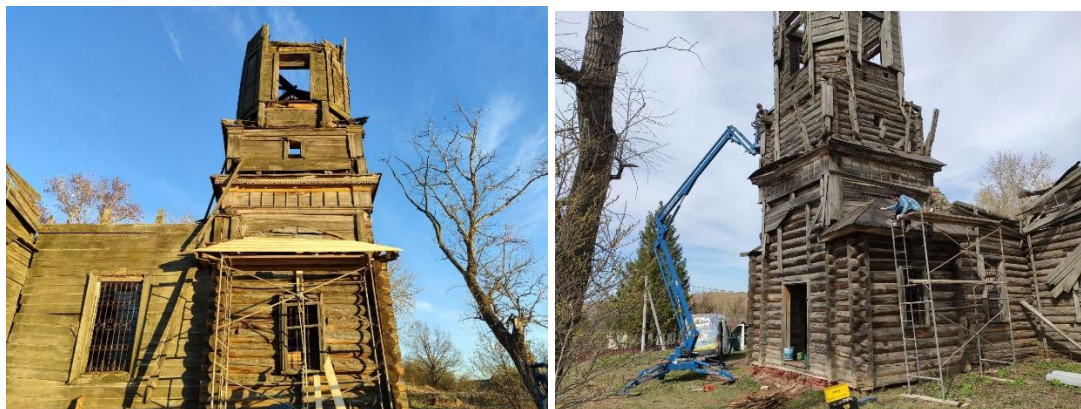

Рис. 1. Работа волонтеров на объекте «Церковь Св. князя Александра Невского, 1892-1894гг.»

Так чем же грозит подобная инициативность волонтерских движений непосредственно самому памятнику? Перед тем как преступить к работам на объекте культурного наследия, архитекторы-реставраторы, прошедшие обязательную аттестацию в Министерстве культуры РФ, выполняют ряд необходимых действий, таких как обследования, инженерные изыскания, подготовка детальных проектов и производственной документации. При этом данные исследования проводятся не только на подготовительном этапе планируемого мероприятия, но и на протяжении всего процесса его реализации с целью максимально привести объект к его историческим параметрам, выявления и сохранения уцелевших элементов и деталей на основе достоверных научных данных.

Таким образом, волонтеры, работа которых не ограничивается только уборкой, а также не контролируется аттестованными специалистами в сфере реставрации и надзорными органами, подвергают объекты культурного наследия опасности утраты своего первоначального подлинного архитектурного облика, что является важнейшим аспектом в сохранении памятника. Более того, например, в процессе таких осуществления подобных инициатив, участники могут не догадываться о ценности отдельных элементов, способов строительства зданий, применявшихся нашими предками и попусту избавляться от исторически значимых деталей.

При посещении другого объекта культурного наследия, «Церковь во имя Воздвижения Креста Господня» в с. Каинки Верхнеуслонского района РТ, мы нашли просто выброшенную волонтерами часть колокольни (рис. 2). А ведь без знания о построении конструктива, воссоздать его в первоначальном облике не представляется возможным.

Рис. 2. Фото с объекта «Церковь во имя Воздвижения Креста Господня»

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать следующее. Учитывая количество заброшенных, разрушающихся памятников истории и культуры, и признавая тот факт, что государство не всегда может охватить своим вниманием такой масштаб, полагаем, что активная деятельность заинтересованных волонтеров является значительным вкладом в поддержание и сохранение объектов культурного наследия. Однако не следует забывать и о законодательной стороне данного вопроса, а также о важности не просто сохранения объекта культурного наследия как здания, но и как памятника архитектуры, что возможно лишь при обязательном участии реставраторов и лицензированных подрядных организаций.

1. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72692> (дата обращения 01.10.2024).
2. Олевинская, Е. Пять главных больных тем охраны наследия. <https://archi.ru/russia/93640/pyat-glavnykh-bolnykh-tem-okhrany-naslediya> (дата обращения 01.10.2024).
3. Старовойтова, Л. И. История создания и реализации волонтерских проектов по сохранению культурно-исторического наследия за рубежом / Л. И. Старовойтова, Н. И. Горлова // *Наследие веков. – 2020. – № 1. – С. 13–25. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.001*
4. Куда ведут ручьи [Электронный ресурс]. <https://sotvori.online/ruchji> (дата обращения 01.10.2024).
5. Официальный сайт Комитета Республики Татарстан по охране объектов культурного наследия: <https://okn.tatarstan.ru/index.htm/faq/show/30104.htm> (дата обращения 01.10.2024).
6. https://vk.com/vedut_ruchji (дата обращения 01.10.2024).

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТРЕНДЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ

*Васильев Владимир Петрович
(МГУ имени М.В.Ломоносова)*

Аннотация: В данной работе исследуются современные подходы к формированию целей и механизмов управления экологическими рисками. Акцентируется внимание на взаимосвязи между экологией, экономикой и социальной сферой, что обеспечивает устойчивость социально-экономической динамики. Определяются ключевые индикаторы управления экологической устойчивостью как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Проведен анализ процессов и методов управления экологической повесткой на межгосударственном и национальном уровнях. Рассматриваются особенности реализации климатической доктрины, основанные на приоритетах национальных интересов и технологическом суверенитете.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экологические риски, климатические индикаторы управления, источники энергии, глобализация.

Устойчивое развитие на протяжении многих лет связано с анализом и практическими мерами по охране окружающей среды, что побуждает пересмотру подходов к обеспечению экологической устойчивости. В данном контексте акцент на сокращение потребления и замедление экономического роста становится центральным. Модель устойчивости функционирует в рамках системы «экология-экономика-социальная сфера», где социальная сфера включает в себя минимизацию рисков, связанных с климатическими изменениями, хроническими заболеваниями, потерей дохода и безработицей.

Современное представление об устойчивом развитии сформировалось к концу XX века, когда внимание стало сосредотачиваться на снижении экологических рисков в условиях фиаско рыночного механизма. Это создало необходимость в национальной и межгосударственной координации управления, основанной на глобальном восприятии факторов, влияющих на загрязнение окружающей среды.

Взаимодействие человека и природы является предметом исследования многих научных школ на протяжении веков. В 70-х годах XX века была предложена новая концепция социально-экономического развития, в которой защита окружающей среды стала ключевой задачей, предполагающей ограничения для индустриального прогресса и сокращение потребностей человечества. Этот анализ основывается на восприятии глобальной системы как единого организма, не учитывая региональные и национальные особенности взаимодействия экологии, экономического роста и населения.

Эволюция теорий устойчивого развития повлияла на аргументацию, связанную с сокращением потребностей общества, трансформируя её в подход, ориентирующийся на уменьшение потребления экологически затратных энергоносителей при обеспечении безопасности жизни и здоровья населения. Экологическая доминанта установила цели и принципы модели устойчивого развития [1]. В качестве основного критерия, несмотря на сложности климатического прогнозирования, выступает влияние человеческой активности на глобальное потепление. Соответственно, целеполагание на уровне управления базируется на стратегии перехода от не возобновляемых к возобновляемым источникам энергии и установке на сдерживание потепления на 1,5-2 градуса в долгосрочной перспективе, путем сокращения выбросов, способствующих «парниковому эффекту» [2].

Реализация экологической и климатической стратегий требует масштабных социэкономических изменений. Во-первых, необходим переход с невозобновляемых (нефть, газ, уголь) на возобновляемые источники энергии (солнечная, ветровая, гидро- и

атомная энергетика). Во-вторых, важна адаптация потребления и структуры занятости общества к новым источникам энергии. В-третьих, современные управленческие модели должны включать новые институциональные подходы, основанные на принципах ответственного инвестирования и «зеленой» экономики.

Модель устойчивого развития постепенно внедряется и развивается в деятельности публичных компаний, что в свою очередь изменяет или корректирует их бизнес-модели.

В дополнение к классическим критериям прибыли и эффективности в управление внедряются приоритеты устойчивости на основе принципов ESG: экология, социальная ответственность и корпоративное управление.

Внутренние процессы управления начинают формироваться в соответствии с задачами ESG, подключая к себе финансовые механизмы [3]. Тем не менее, на практике глобальная модель индикативного планирования сталкивается с проблемами. Зафиксированные в международных документах индикаторы устойчивого развития чаще всего оказываются недостижимыми, что связано с завышением возможностей перехода к возобновляемым энергиям и неудачами в управлении планированием.

Энергетические факторы, определяющие устойчивость, подвержены политической и экономической конкуренции, связанной с ограниченными ресурсами и геополитической ситуацией. Это выражается в уменьшении импорта российских энергетических ресурсов через санкции, нарушающими принципы рыночного регулирования и замещающими российскую продукцию на «сланцевые» источники с высокой экологической нагрузкой.

Траектории социально-экономической динамики в России, устойчивое развития экономики, общества и экологии реализуются в рамках стратегического планирования и соответствующих национальных проектов, реализующих климатическую Доктрину РФ.

Климатическая доктрина фиксирует два ключевых стратегии в плане климатической повестки, которые определяют цели и задачи управления. Во-первых, это обеспечение безопасного и устойчивого развития России с учетом институциональных, экономических, экологических и социальных факторов, включая демографию. Во-вторых, достижение, с учетом национальных интересов и социальной динамики, к 2060 году баланса между антропогенными выбросами парниковых газов и их поглощением [4].

К основным направлениям реализации климатической политики относятся развитие нормативно-правовой базы и организация государственного регулирования в области климата, а также улучшение экономических механизмов, направленных на адаптацию и смягчение антропогенного воздействия на климат. Это включает в себя уточнение технических регламентов по энергетической безопасности и охране окружающей среды, а также корректировку экологических сборов и налогов, применяемых в экономике, и формирования систем «зеленых» финансов.

Новая стратегическая задача для государственного управления состоит в переходе от решения общих проблем защиты окружающей среды к обеспечению экологического благосостояния населения. Это подразумевает создание национальных проектов нового поколения на основе социологических прогнозов и мониторинга восприятия эффективности и сокращения экологического неравенства среди различных групп и слоев общества.

1. Бобылев С. Н. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2017. — Т. 61, № 3. — С. 107–113
2. *Парижское соглашение. Рамочная конвенция об изменении климата ООН, 2015.* <https://unfccc.int/sites/default/files/russian>

3. *Климатические риски в меняющихся экономических условиях*
Центральный банк РФ. Декабрь 2022 год
4. *Порфирьев Б.Н., Широков А.А. Стратегии социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов: сценарии и реалии для России // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 5. С. 415–423*

РЕКЛАМНЫЕ СТРАТЕГИИ В УПРАВЛЕНИИ КОРПОРАТИВНОЙ РЕПУТАЦИЕЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

*Вяткина Алиса Владимировна
(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)*

*Соколова Владислава Николаевна
(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)*

Аннотация: В статье рассматриваются рекламные стратегии, используемые для управления корпоративной репутацией в условиях цифровой эпохи. Анализируется роль цифровой рекламы в формировании имиджа компании и влияние социальных медиа на восприятие брендов. Рассматриваются стратегии, направленные на минимизацию репутационных рисков, и подчеркивается важность этичного подхода к рекламным кампаниям в современных условиях.

Ключевые слова: корпоративная репутация, цифровая эпоха, репутация, социальные сети, цифровизация, цифровая реклама

Цифровая трансформация внесла значительные изменения в корпоративное управление, включая процессы формирования и поддержания репутации. В современных условиях репутация компании стала ключевым аспектом, который напрямую влияет на конкурентоспособность, рыночные позиции и доверие потребителей. Одним из ключевых инструментов в управлении корпоративной репутацией стали рекламные стратегии [5, 335]. Цифровая реклама стала неотъемлемым элементом корпоративной стратегии, обеспечивая компаниям возможность точного таргетирования и взаимодействия с аудиторией в реальном времени, что повышает важность постоянного мониторинга общественного мнения. Цифровизация, развитие социальных сетей и платформ для обмена мнениями сделали возможными мгновенное распространение информации, что усилило как положительное, так и отрицательное влияние рекламы на восприятие компании.

Корпоративная репутация – это общее впечатление, которое компания производит на своих клиентов, партнеров, сотрудников и на общественность в целом. Она формируется на основе множества факторов, включая качество продуктов и услуг, уровень обслуживания клиентов, этичность бизнеса, социальную ответственность и многое другое. В современных условиях репутация компании является важным стратегическим активом, одной из главных составляющих ее формирования выступает как раз реклама [1, 205].

Реклама всегда была средством формирования общественного мнения о брендах, но с переходом в цифровую среду она обрела новые функции. Сегодня реклама не только информирует, но и активно взаимодействует с потребителями. В цифровом пространстве компании могут точнее таргетировать свою аудиторию, создавая более персонализированные и эмоционально насыщенные рекламные кампании. Это позволяет эффективно управлять восприятием бренда [3, 112].

Один из аспектов в управлении репутацией через рекламу – это способность создавать положительные ассоциации, основываясь на ценностях и социальной ответственности компании. Успешные рекламные кампании демонстрируют, как бренд соответствует современным трендам – от экологической ответственности до поддержки разнообразия и инклюзивности. Например, это компании, которые интегрируют в свои рекламные стратегии социально важные темы, что способствует не только укреплению репутации, но и созданию эмоциональной связи с потребителями [4, 292].

С распространением социальных сетей роль рекламы в управлении репутацией возрастает. Теперь репутация компании во многом формируется не только через традиционные каналы рекламы, но и через взаимодействие с потребителями. Здесь важную роль играют отзывы, комментарии и реакции пользователей на тот или иной контент, которые могут как поддержать репутацию брэнда, так и нанести ей ущерб [6, 49]. Современные рекламные стратегии должны учитывать этот фактор и работать не только на привлечение внимания, но и на построение диалога с аудиторией. Компании, которые умеют вовремя реагировать на отзывы, признавать ошибки и предлагать решения, демонстрируют готовность к открытому взаимодействию. Это значительно усиливает их репутацию как ответственных и надежных игроков на рынке.

Несмотря на очевидные преимущества цифровой рекламы, она также несёт в себе ряд рисков. В цифровом пространстве информация распространяется с невероятной скоростью, и ошибки в рекламных кампаниях могут быстро привести к репутационным кризисам. Например, неудачные креативные решения, которые могут быть восприняты как неэтичные или оскорбительные, часто становятся предметом общественного осуждения.

Этот феномен можно рассматривать через призму концепции «общество риска», разработанной социологом Ульрихом Бекем [2, 187]. В его теории современное общество характеризуется глобальными рисками и неопределённостью, связанными с технологическими и социальными изменениями. В условиях цифровизации и развития социальных сетей корпоративные репутации становятся особенно уязвимыми к таким рискам. Каждое действие компании может мгновенно вызвать общественный резонанс и стать причиной репутационных потерь, что особенно критично в эпоху, когда информация распространяется молниеносно и бесконтрольно.

Другой важный риск связан с тем, что в эпоху цифровизации контроль над репутацией частично теряется. Пользователи могут активно делиться своим мнением и создавать контент, который может противоречить официальной позиции компаний. Это требует от компании особы гибкости и готовности быстрее реагировать на возможные кризисные ситуации.

Стратегии управления репутационными рисками в цифровом пространстве должны включать постоянный мониторинг медиа и социальных сетей, чтобы оперативно влиять и выявлять негативные комментарии или критические обзоры. Компании, которые игнорируют или недооценивают эту необходимость, могут столкнуться серьезными последствиями для своей репутации. В «обществе риска» управление корпоративной репутацией требует не только качественного мониторинга, но и опережающего подхода к кризисным ситуациям.

Современные рекламные стратегии для управления репутацией должны быть комплексными и гибкими. Одним из ключевых трендов является переход от традиционной рекламы к интегрированным кампаниям, которые включают контент-маркетинг, взаимодействие с лидерами мнений (инфлюенсерами), а также создание уникальных пользовательских впечатлений.

Инфлюенсеры играют одну из важных ролей в формировании репутации брендов. Сотрудничество с авторитетными личностями, у которых есть доверительная аудитория, позволяет компаниям укреплять свою репутацию и усиливать свои позиции в общественном сознании. Однако это сотрудничество так же требует тщательного отбора партнёров, для того чтобы избежать негативных ассоциаций в будущем.

Персонализация является ещё одним важным элементом современных рекламных стратегий. В эпоху больших данных компании могут предлагать пользователям индивидуализированный контент, что повышает их лояльность и укрепляет репутацию

бренда. Такой подход помогает создать уникальные впечатления и заставить клиентов чувствовать себя важным и ценным для компании.

Одним из критических аспектов управления репутацией через рекламу является соблюдение этических норм. Потребители становятся все более чувствительными к вопросам социальной ответственности, экологических стандартов и справедливости. Современные компании обязаны учитывать это в своих рекламных кампаниях, чтобы сохранить положительную репутацию на рынке.

Этическая реклама демонстрирует уважение к различным аудиториям, их культуре и ценностям, а также способствует укреплению доверия к бренду. В то же время попытки манипуляции или сокрытие информации могут привести к обратному эффекту – потере репутации и лояльности клиентов.

Реклама играет важнейшую роль в управлении корпоративной репутацией в эпоху цифровизации. Успешные рекламные стратегии не только информируют потребителей о продуктах или услуге, но и формируют положительное восприятие бренда, основываясь на ценностях, ответственности и уважении к аудитории. Однако цифровизация также приносит новые вызовы и риски, требующие от компании гибкости, прозрачности и готовности к постоянному мониторингу общественного мнения. Эффективное управление репутацией через цифровую рекламу становится важнейшей задачей для корпораций, стремящихся оставаться конкурентоспособными устойчивыми на современном рынке. Таким образом, управление корпоративной репутацией через цифровую рекламу требует комплексного подхода, который включает не только разработку креативных рекламных кампаний, но и постоянный диалог с аудиторией, мониторинг общественного настроения, а также использование этических и прозрачных методов ведения бизнеса. Компании, которые смогут адаптироваться к этим новым условиям, смогут не только сохранить свою репутацию, но и укрепить ее, занимая ведущие позиции в условиях высокой конкуренции и глобальных изменений.

1. Андреев М. В. *Цифровые технологии в маркетинге // Молодой ученый.* – 2021. – № 16(358). – С. 204-207.
2. Бек У. *Общество риска: на пути к другому модерну // Пер. с нем. Седелник В., Федорова Н. – Прогресс-Традиция.* – 2000. – С. 187.
3. Буланова Е.О. *Event на службе маркетинга: как привлечь внимание клиентов // Маркетинговые коммуникации.* – 2019. – С. 108-113.
4. Егоров Ю.Н. *Основы маркетинга // Москва: ИНФРА-М.* – 2022. – С. 292.
5. Ерлыгина Е.Г. *Формирование лояльности потребителей в условиях усиления рыночной конкуренции // Бюллетень науки и практики.* – 2019. – Т.5, № 4. – С. 332-337.
6. Пьянова Н.В. *Современные методы продвижения товаров и услуг в маркетинговой стратегии компании // Экономическая среда.* – 2019. – № 4(30). – С. 48-51.

ЦИФРОВАЯ «ОПТИКА» КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

*Гавриленко Ольга Владимировна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Аннотация

Современные вызовы, связанные с внедрением цифровых технологий (Большие данные, алгоритмизация, роботизация, развитие искусственного интеллекта, машинного обучения, виртуальной реальности и т.п.), требуют переосмысления управленческих практик и применяемых социальных технологий. Цифровизация, которая проникает во все сферы общественной жизни, приводит и к трансформации управленческой деятельности, ее алгоритмизации, появлению нового типа власти - «власти алгоритмов», а также ведет к цифровому тотальному контролю.

Ключевые слова:

Социальный контроль, Большие данные, цифровизация, алгоритмическое управление, датаизм.

Власть собирает данные о населении, чтобы использовать их для реализации государственной политики и осуществления контроля, а сегодня, в условиях цифровизации и сбора Больших данных такие возможности по контролю населения становятся практически неограниченными. Как отмечает Дж. Скотт, власть всегда стремится сделать общество более понятным и видимым для себя, пытается «организовать население так, чтобы упростить государству исполнение его классических функций – сбора налогов, обеспечение воинской повинности и предотвращения волнений» [3, с.18]. В традиционном обществе власть больше действовала вслепую, плохо понимая свой «объект» управления (общество), часто чиновники имели дело с целым набором местных социальных практик (разными способами измерения, например), которые сложно было централизованно регулировать. Дж Скотт считал, что искусство государственного управления — это, прежде всего, «рационализация и стандартизация, перевод сложного и причудливого социального иероглифа в наглядный и административно более удобный формат» [3, с.19]. Такие упрощения расширяют возможности государства, в том числе, различного рода вмешательства в жизнь граждан (политический надзор, санитарно-карантинные меры, помощь бедным слоям населения). При этом часто такие проекты в духе высокого модернизма по стандартизации и рационализации «живых», органично встроенных в социокультурный «ландшафт», социальных практик заканчиваются неудачно и даже трагично (проекты «Большой скачок» в Китае, переселение в «правильные» деревни в Африке, строительство Бразилиа, советская коллективизация и т.п.). Широкомасштабные, разрушающие традиционные практики проекты по модернизации общества наиболее легко реализуются государством, если удастся добиться соблюдения одновременно четырех условий: 1) административное рвение (наличие политической воли к проведению изменений); 2) идеология высокого модернизма (вера в возможность социоинженерных преобразований социальных институтов и сфер жизни); 3) авторитарные методы управления (узурпация власти); 4) молчаливое, обессиленное гражданское общество (неспособность оказать сопротивление реализации модернизационных проектов). Рассматривая советскую коллективизацию, Дж. Скотт отмечает, что «большим достижением советского государства ... была разработка социального и экономического ландшафта и создание на нем институциональных форм и производственных единиц, более приспособленных для контроля, управления и руководства сверху ... Большевики ... создавали новый ландшафт больших иерархически управляемых государством хозяйств,

которым указывалось сверху, из центра, что сеять, спускались нормы поставок оборудования, население которых по закону было лишено мобильности» [3, с.321].

Развитие цифровых информационно-коммуникативных технологий и их применение в целях управления различными объектами (государство, организация, город и др.) выводит реализацию модернизационных проектов на новый уровень, где «объект» становится «прозрачным» за счет генерирования и предоставления огромного массива корректных данных и наличия технологий обработки Больших данных. Цифровые технологии открывают возможность для осуществления тотального цифрового контроля. При бурном развитии цифровых платформ общество начинает жить в эпоху «тотальной слежки», только субъектом контроля становятся не столько власть, сколько технологические компании. Цифровая среда стала новым полем для применения социальных технологий управления поведением индивидов и формирования общественного мнения. Сегодня принципиально важно понимать акторов, получающих доступ к такому управлению и манипулированию, и осознавать цели и задачи такого воздействия. В условиях новых вызовов и в новой цифровой инфраструктуре такие социальные технологии управления общественными процессами могут приносить как пользу обществу, так и нести серьезную опасность, всё зависит от того, в чьих «руках» такой инструмент находится.

Сегодня именно цифровые платформы, владея неограниченным объемом информации о населении, становятся главной инстанцией социального контроля в цифровом мире. Власть вынуждена более гибко выстраивать отношения с цифровыми гигантами, будучи зависимой от них и созданной ими инфраструктуры. При активном внедрении цифровых технологий во все сферы общественной жизни возникают опасения тотального контроля и оцифровки социального пространства. Так, «рост контроля над индивидуальным поведением... приводит к формированию так называемого “нового тоталитаризма”. Этот “новый тоталитаризм” выражается в том, что многообразие источников информации сопровождается выстраиванием все более совершенных диверсифицированных систем контроля как над потоками информации, так и над их содержанием» [1, с.23].

Мы живем в цифровой реальности и «платформенной» экономике, где данные становятся основным ресурсом, на котором строится современная экономика, принимаются ключевые решения власти и т.п. Большие данные сегодня становятся технологией, которая заставляет переосмыслить подходы и к анализу социальной реальности, иногда претендуя на роль основного метода познания «цифрового» мира. В «не-цифровую» эпоху основной задачей, которую ставили исследователи при разработке новых методов изучения общества, было выявление трендов в условиях недостатка информации. Сегодня же мы видим движение «из состояния дефицита данных о мире к состоянию повсеместного наводнения этими данными. Разумеется, это бросает и целый ряд вызовов: мало генерировать, собирать и оперировать большими объемами информации. Для получения полезного (как с коммерческой, так и с научной точек зрения) знания необходимы и принципиально новые техники анализа, которые позволяют искать сигналы уже в невероятно сложных и «зашумленных» массивах данных и строить на их основе предсказательные модели» [2, с.461].

Вокруг проблематики Больших данных сегодня выстраиваются различного рода дискуссии, способствуя «мифологизации» Больших данных и формированию веры в «всемогущество» данных. Датаизм становится новой современной идеологией, формируя убежденность в возможности полной оцифровки социального мира. Датаизм строится на вере в «объективную количественную оценку и потенциал отслеживания всех видов

человеческого поведения и социальности с помощью онлайн-медиа-технологий», в предсказательные возможности искусственного интеллекта и подразумевает почти «безграничное доверие к (институциональным) агентам, которые собирают, интерпретируют и распространяют (мета)данные, собранные из социальных сетей, интернет-платформ и других коммуникационных технологий» [4, с.198]. Данная идеология не может не вызывать опасения, излишнее доверие к алгоритмам, системам искусственного интеллекта заставляет переосмысливать роль человека в новой цифровой реальности, ставить вопрос об этической составляющей предикативной аналитики. По мере того, как цифровые платформы получают всё большую инструментальную власть и доступ к личным данным, растет и сопротивление “снизу”, далеко не каждый индивид в силу различных жизненных обстоятельств готов к “прозрачности” и открытости личных данных. Всё это может привести к росту социальной напряженности, что нельзя не учитывать при осуществлении управления в электронно-цифровую эпоху.

1. *Осипова Н.Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. Т.28. - №3. С.9-42. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42>*
2. *Сивцов С.А. Эпистемологические вызовы эпохи Больших данных // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр перспект. методологий социал.-гуманит. исслед.; Ред. кол.: М.В. Ильин (гл. ред.) и др. – М., 2015. – Вып. 5: Методы изучения взаимозависимостей в обществоведении / Ред. и сост. вып. М.В. Ильин.*
3. *Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. – М.: Университетская книга, 2010.*
4. *Van Dijck J. Datafication, Dataism and Dataveillance: Big Data Between Scientific Paradigm and Ideology // Surveillance & Society. Vol.12. №2. 2014.*

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

Галич Людмила Петровна

*(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусский
государственный педагогический университет)*

В статье представлен анализ феномена инновационной активности работников, который рассматривается в качестве индикатора эффективности кадрового потенциала организации. Предлагается два подхода к пониманию инновационного поведения работников – креативный и технологический, описаны условия, необходимые для формирования и развития инновационной деятельности работников, а также проблемы возникающие в данной сфере.

Кадровый потенциал, организация, инновационная активность, цифровые компетенции, креативность, технологии, государственная служба.

Особое значение в современных условиях функционирования различных организаций приобретает эффективное использование кадрового потенциала, оказывающего непосредственное влияние на качество деятельности организации. Сотрудники организации – от рядовых специалистов до руководящих работников играют фундаментальную роль в деятельности современной организации. В связи с этим, актуализируется вопрос определения эффективного (качественного) кадрового потенциала и его показателей. Концепция государственной кадровой политики Республики Беларусь, утвержденная 3 января 2024 года, рассматривает кадровый потенциал как способность кадров эффективно решать стоящие перед ними актуальные и перспективные задачи и определяется численностью кадров, уровнем их образования, квалификационной, половозрастной структурой, характеристиками трудовой, социально-патриотической, инновационной и творческой активности.

Кадровый потенциал – это совокупность умений и навыков всех сотрудников, работающих в организации и эффективно решающих свои профессиональные задачи. Таким образом, кадровый потенциал заключается именно в совместном выполнении работниками совместных функций с учетом их знаний, умений и опыта, а также личностных и деловых качеств, которые способствуют оптимальной работе организации. Качественное формирование и развитие инновационной активности кадрового потенциала зависит от двух групп факторов. Первая группа факторов связана с ресурсами самих работников:

- профессиональный опыт и стаж работы сотрудников,
- уровень и профиль образования,
- уровень квалификации,
- деловые и личностные качества,
- профессиональное самочувствие сотрудников (удовлетворенность разными аспектами деятельности в организации).

Вторая группа факторов касается организационных ресурсов:

- условия для обучения, переподготовки и повышения квалификации сотрудников,
- наличие развитой системы адаптации кадров и института наставничества (сопровождения более опытными сотрудниками вновь прибывших) в организации, способствующие эффективному и безбарьерному вхождению новых сотрудников в профессиональную среду,
- корпоративная культура,
- стиль взаимоотношений руководства с персоналом,

- разработанная система профессиональной мотивации (экономической и неэкономической).

На наш взгляд, эти факторы оказывают непосредственное влияние и на характеристики инновационной активности работников организации. В широком плане инновационная деятельность сотрудников понимается как система профессиональных действий работников, возникающая в результате неизбежных инновационных преобразований как в самой организации в целях ее более эффективного функционирования, так и в ходе общественных преобразований, и в частности в сфере развития информационно-коммуникативных технологий, приводящих к необходимости их использования сотрудниками на рабочих местах.

Можно выделить, по крайней мере, два подхода к рассмотрению инновационной активности работников – креативный и технологический. В рамках первого подхода инновационная активность сотрудников рассматривается как такой вид профессиональной деятельности, в котором работники генерируют, продвигают и внедряют новые идеи. Инновационное поведение сотрудников обычно считается важным источником организационного преимущества, которое способствует развитию организации. Важным фактором формирования и развития инновационного поведения сотрудников является поддержка руководителя и принятие инноваций коллегами. Второй – технологический подход рассматривает инновационную активность как широкое использование информационно-коммуникативных технологий в своей профессиональной деятельности. Для этого, безусловно, необходимо соответствующее оснащение, готовность сотрудников применять технологии в своих профессиональных практиках, определенный уровень их цифровых компетенций, а также желание обучаться новому формату работы и постоянно повышать уровень своих профессиональных знаний.

На сегодняшний день в сфере инновационной активности кадров имеется ряд проблем, заключающиеся в отсутствии ориентаций и установок сотрудников организаций принимать и эффективно использовать информационно-коммуникативные технологии в процессе реализации своих профессиональных функций. В связи с этим, актуальной проблемой становится выяснение степени осознанности и готовности включенности сотрудников в инновационную деятельность. Инновационная ожидаемость и обучаемость являются одними из ключевых качеств сотрудника, которые выражаются в ценностных ориентациях и установках на принятие нового с точки зрения личных возможностей. В то же время, нежелание освоить новые методы работы с информацией тормозит принятие инновационных изменений. Отсутствие мотивов к обучению заводит в тупик весь процесс их внедрения. Нередки случаи, когда внедрение инноваций на предприятии сопряжено с отсутствием условий, позволяющих их освоить в полном объеме. Человек готов предложить новое, но отсутствует должное техническое обеспечение, стимулирование дополнительной работы, понимания ее важности со стороны руководства. Привычная зона комфорта с имеющимися шаблонами деятельности, именуемыми должностным регламентом, являются для чиновника элементами традиции и частью профессиональной культуры, в связи с чем любое спускание инноваций «сверху» сопровождается внутренним отказом, оттягиванием и непринятием инноваций. В профессиональной деятельности сотрудников также возможна и более острая форма неприятия инноваций в виде их игнорирования, а порой и радикального сопротивления.

Особую интонацию приобретает вопрос инновационной деятельности работников в сфере государственной службы. Инновационная деятельность государственных служащих играет важную роль в эффективном функционировании системы государственного управления в целом. Процессы принятия инноваций способствует изменению

традиционных типов и сценариев социального взаимодействия государственных гражданских служащих в ходе профессиональной деятельности. Инновационная деятельность государственных гражданских служащих формируется под воздействием внутренних и внешних факторов инновационной среды. Внешними факторами являются те управленческие инновации, которые внедряются «сверху» целевыми субъектами управления. Таким образом, степень готовности и обучаемость определяют принятие инноваций и быстроту их внедрения на уровне государственного учреждения при условии, если чиновник лично открыт к инновационным преобразованиям и готов вводить новшества в свою работу. Побуждать к этому должен руководитель организации.

Таким образом, структуру инновационной активности работников на примере государственной службы, можно представить следующим образом:

1. Психологическая готовность к инновациям, которая предполагает желание сотрудников использовать инновационные методы работы.

2. Потребность в инновационных проектах и решениях. Речь идет о том, нуждается ли организация в электронных инновациях различного рода: электронная цифровая подпись, электронный документооборот, электронное взаимодействие с гражданами, электронное взаимодействие с различными государственными органами.

3. Соответствующий уровень компьютерной грамотности (цифровых компетенций), которые может быть сформирован в процессе повышения квалификации, подготовки и переподготовки.

4. Степень использования современных информационных и технологий в работе:

- электронного документооборота (СЭД), что является наиболее распространенным нововведением на государственной службе и охватывает всю областную систему исполнительных органов государственной власти. СЭД обладает несравненными преимуществами: он обеспечивает обмен документами между территориально удаленными подразделениями в режиме реального времени, повышая тем самым производительность труда, обеспечивает мгновенный доступ к актуальной информации, снижает расходы на хранение документов, защищает их от повреждений; - введение электронно-цифровой подписи; - электронное взаимодействие с различными государственными органами; - электронное взаимодействие с гражданами.

5. Проблемы внедрения инноваций: технологические – материально-техническое оснащение, субъективные – особенности отношения к инновациям, сопротивление к их внедрению со стороны руководства и со стороны сотрудников.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Демидов Аркадий Владимирович
(Российский Биотехнологический Университет)*

Прежде чем исследовать конвергентные технологии развития органов местного самоуправления российского государства, стоит освятить историю возникновения местного самоуправления в России.

Местное самоуправление как самостоятельный институт управления появилось во времена зарождения государственности на древней Руси и осуществлялось в формате проведения вече. После крещения Руси в 988 году стали появляться новые религиозные общины, повышается рост возникновения новых поселений и деревень, из-за чего система местного самоуправления территориально расширяется и усложняется. В период нашествия татаро-монгольского ига местное самоуправление на Руси, как и другие уровни власти, было фактически упразднено.

При Иване Грозном была разработана земская реформа, запустившая процесс земского самоуправления. Во время правления династии Романовых местное самоуправление в Российской империи полностью подчинялось государству и опиралось на государственный, а не общественный курс, из-за чего не имело собственной самостоятельности [1, с. 264].

Во времена зарождения СССР местное самоуправление было ликвидировано в связи с его буржуазным происхождением. После полувекового перерыва, органы МСУ возродились как институт управления в 80-х годах прошлого века.

На сегодняшний день местное самоуправление, согласно статье 12 Конституции Российской Федерации, является одной из основ конституционного строя государства. Оно обладает самостоятельностью в рамках своих полномочий, реализуется через систему муниципальных образований и органов местного самоуправления, не входящих в систему органов государственной власти Российской Федерации.

Итак, современные тренды совершенствования системы органов местного самоуправления в Российской Федерации определяются федеральными законами, которые лежат в основе положений муниципальных образований и напрямую влияют на работу органов местного самоуправления.

По состоянию на октябрь 2024 года, базовой основой в сфере местного самоуправления являются следующие законодательные акты:

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [2].

Распоряжение правительства Российской Федерации от 13.02.2019 №207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [3].

Федеральный закон от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (последняя редакция 08.08.2024) [4].

Согласно пункту 2 главы 1 Федерального закона №131-ФЗ, местное самоуправление в Российской Федерации – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, - законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением

непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций.

В соответствии с данным пунктом Федерального закона, одни из приоритетных направлений совершенствования системы органов местного самоуправления в РФ выглядят следующим образом:

Делегирование государственных полномочий на органы МСУ и перераспределение полномочий между муниципальным и региональным уровнем власти.

Наступление 20-х годов ознаменовалось развитием института наделения органов МСУ отдельных государственных полномочий. По состоянию на начало 2019 года, в 84 субъектах Российской Федерации были приняты законодательные акты, адресатами которых являлись все муниципальные районы и городские округа, а также свыше 75% городских и более 95% сельских поселений [5, с. 19].

Данный шаг привел к превалированию в бюджетах муниципальных округов субвенционного финансирования. Однако, размеры субвенций не предусматривают дополнительные трудозатраты, возникающие у органов местного самоуправления в процессе исполнения полномочий. Отсутствие компенсаций в бюджетной части субвенций создает дополнительные проблемы для органов МСУ и мешает конструктивной работе.

В то же время, существует обратная практика – перераспределение полномочий от муниципального уровня власти к региональному посредством законодательства субъекта РФ. Основанием для переназначения является невозможность для органов МСУ выполнять обязательства в связи с отсутствием кадровых, финансовых, технических и иных ресурсов.

Включение органов местного самоуправления в реализацию национальных и региональных проектов.

В конце 2024 года подходит к концу срок выполнения мероприятий, выполняемых государственными органами как национальные цели развития в рамках достижения целей национальных проектов, определенных указом Президента РФ от 07.05.2018 «О национальных проектах и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [6].

Муниципальная практика показала, что органы местного самоуправления участвуют в осуществлении региональных проектов, направленных на реализацию национальных проектов. В связи с отсутствием четкой модели вовлечения органов местного самоуправления в проектную деятельность в национальном масштабе, в муниципальных образованиях реализовывается комплекс отдельных мероприятий на локально-территориальном уровне [7, с. 41]. Данные мероприятия способствовали достижению целей, которые ставят перед собой 15 национальных проектов.

Формирование базы лучших практик органов местного самоуправления.

Начиная с 2015 года структурным подразделением РАНХиГС Центр местного самоуправления Института управления и регионального развития выпускаются аналитические доклады, отражающие мнение представителей органов федерального и регионального значения на ситуацию в органах местного самоуправления.

В 2023 году доклад был посвящен теме местного самоуправления как ресурса комплексного развития территорий. Материалы, представленные экспертами в данном Докладе, отражают ресурсы и потенциал местного самоуправления для решения задач социально-экономического развития территорий, а также содержат анализ особенностей взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления. В части Доклада, посвященной регионам, представлены лучшие практики муниципальных образований девяти субъектов Российской Федерации, касающиеся совершенствования системы местного самоуправления в контексте формирования единой системы публичной

власти и роли органов местного самоуправления в развитии территорий отдельных муниципалитетов [8].

Несмотря на явные положительные изменения, далеко не все граждане стали позитивно оценивать работу органов МСУ. Со стороны гражданского общества российского государства часто звучит критика в адрес органов муниципальной власти. Как пример возьмем результаты онлайн-опроса, проводимого на интернет-портале «Госуслуги», касающегося темы оценки населения Московской области деятельности органов местного самоуправления [9]:

Результаты опроса населения по оценке эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления городских округов Московской области с применением информационно-телекоммуникационных сетей и информационных технологий в 2023 году

В среднем по Московской области:			
Уровень удовлетворенности деятельностью главы муниципального образования	Уровень удовлетворенности деятельностью администрации муниципального образования	Уровень удовлетворенности деятельностью Совета депутатов муниципального образования	Уровень удовлетворенности деятельностью органов местного самоуправления муниципального образования
50%	48%	36%	45%

Согласно результатам социологического опроса, каждый второй гражданин недоволен работой высшего руководства своего муниципалитета, менее половины жителей Московской области удовлетворены работой органов МСУ, и лишь более трети положительно относятся к деятельности Совета депутатов в своем муниципальном образовании.

Итак, на современном этапе современные тренды совершенствования системы органов местного самоуправления в Российской Федерации выглядят следующим образом:

Исключение дублирования полномочий между разными уровнями государственного управления.

Участие органов местного самоуправления в реализации приоритетных целей развития Российской Федерации.

Формирование ежегодно обновляемой базы лучших практик муниципального управления.

1. Какадий И.И., Ширитова Д.Б. История развития местного самоуправления в Российской Федерации // Бюллетень науки и практики. Т.6. №6. 2020. С. 261-268.
2. Карцев Б.В., Мусинова Н.Н. Современные тренды местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник университета. №6. 2020. С. 17-22.
3. Пузанов А.С., Попов Р.А. Муниципалитеты и национальные проекты: проблемы реализации // Журнал Бюджет. №9 (221). 2021. С. 40-43.

4. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения 02.10.2024).
5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 02.10.2024).
6. Распоряжение правительства Российской Федерации от 13.02.2019 №207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUfT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 02.10.2024).
7. Федеральный закон от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (последняя редакция 08.08.2024). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/20035> (дата обращения 02.10.2024).
8. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации. Местное самоуправление как ресурс комплексного развития территорий / Научно-образовательный центр местного самоуправления ИУРР РАНХиГС. — М. : Изд-во «Проспект», 2023.
9. Результаты опроса населения по оценке эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления городских округов Московской области. URL: <https://mosreg.ru/download/document/1284907> (дата обращения 03.10.2024).

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Дроздова Юлия Алексеевна

(Волгоградский институт управления - филиал ФГБОУ ВО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ")

Аннотация Развитием Цифровые технологии в государственном управлении должны обеспечить экспоненциальный социально-экономический рост и технологический прорыв России. Для такой динамики развития необходимо, чтобы изменения произошли одновременно во всех сферах взаимодействия власти и общества, которые имеют, как ограничения, так и возможности: нормативно-правовое регулирование; информационная инфраструктура; цифровая грамотность; информационная безопасность; «умный город»; цифровое общество.

Ключевые слова цифровизация коммуникации, цифровые технологии, доверие, цифровая грамотность, информационная инфраструктура

Государственная политика развития цифрового общества в Российской Федерации предполагает цифровую компетентность государственных служащих и населения, развитие и широкое использование цифровых информационных технологий в государственном управлении, их практическое эффективное применение в процессе взаимодействия административных структур и населения [1, 264].

Наиболее эффективными цифровыми технологиями взаимодействия органов государственной власти и населения, по мнению опрошенных государственных служащих (опрос государственных служащих Волгоградской области, n=130, апрель-май 2024 года), стали: Интернет-приемные (электронные обращения граждан), официальные сайты органов власти, электронная почта органов государственной власти, Единый портал государственных услуг, официальные страницы органов власти и их представителей в социальных сетях.

Отношение к цифровизации коммуникации в государственном управлении в обществе неоднозначно: большинство населения относится к современным технологиям нейтрально из-за низкой цифровой грамотности граждан и необходимости дополнительного обучения по использованию современных технологий, а властные структуры – положительно, отмечая повышение доступности государственных услуг, а также отсутствие ограничений в таком взаимодействии с населением по времени и месту. На вопрос: «Как Вы в целом относитесь к цифровизации коммуникации органов власти и населения?» – 47 % опрошенного населения ответили «положительно», 27% – «скорее положительно»; «нейтрально» – 16 % респондентов, «скорее отрицательно» и «отрицательно» выбрали 6% и 4% участников опроса соответственно (опрос населения Волгоградской области, n=150, апрель-май 2024 года). Государственные служащие, принявшие участие в опросе (опрос государственных служащих Волгоградской области, n=130, апрель-май 2024 года) оценили цифровизацию коммуникации в системе взаимодействия «власть – население» следующим образом: 43% – «положительно»; 33% – «скорее положительно», 20% – «нейтрально»; отрицательные оценки не были даны, что свидетельствует о понимании государственными служащими необходимости цифровизации государственного управления.

Большинство опрошенных жителей региона и представителей органов государственной власти относится к цифровизации коммуникации положительно и скорее положительно. Опрошенное население и государственные служащие отметили важность

непосредственной коммуникации, к числу которой относятся личные приемы граждан, способствующие повышению доверия сторон друг другу, оперативной обратной связи, но основными недостатками межличностной коммуникации считают ограничения по количеству участников, времени и месту, возможность упустить детали при устном обмене большим количеством информации [3, 130]. Современные цифровые технологии компенсируют данные недостатки, и уже 80% опрошенного населения активно их используют в различных сферах, связанных с государственным управлением.

На вопрос: «Какие, на Ваш взгляд, цифровые (современные) технологии взаимодействия органов власти и населения являются основными?» наиболее частыми ответами среди опрошенных граждан и государственных служащих стали: официальные сайты органов государственной власти (так считают 55% населения и 55,3% служащих); также официальные страницы органов власти и их представителей в социальных сетях (32% и 43,3%); Единый портал государственных услуг (47% и 50%, соответственно); электронная почта (18% и 33,3%) и Интернет-приемные (23% и 23,3%). Безусловными преимуществами цифровой коммуникации власти и населения, по мнению государственных служащих и граждан – участников опроса, являются: широкие возможности информировать о деятельности органов власти по развитию региона большую часть населения, быстро и своевременно решать местные /региональные/ государственные проблемы без временно-пространственных ограничений, повышение доступности государственных услуг, быстрая передача большого количества информации. В то время, как недостатками были отмечены: низкая цифровая грамотность населения, недостаточная техническая оснащенность субъектов коммуникации, необходимость дополнительного обучения использованию цифровых технологий, что на данном этапе цифровизации управления является основным барьером [4].

Именно сочетание разнообразных видов форм и технологий позволяет выстраивать диалог власти и общества постоянно. 9,7% опрошенных служащих оценивают организацию коммуникации с использованием цифровых технологий, как «очень хорошую», 43% респондентов – «хорошей», 47,3% участников опроса выбрали оценку «удовлетворительная». Население Волгоградского региона, принявшее участие в опросе, оценили организацию цифровой коммуникации органов государственной власти, как «очень хорошую» – 6,4 % респондентов; «хорошую» – 23% участников опроса; 65% опрошенных оценили ее, как «удовлетворительную». Как видим, оценки населения успешности применения цифровой коммуникации во взаимодействии органов власти и населения отличаются являются более критическими, при этом надо учитывать, что население в целом критически оценивает свои цифровые компетенции, цифровую грамотность, и 68% опрошенного населения оценивают собственный уровень как «удовлетворительный», что, безусловно, является также барьером в данной коммуникации и предполагает дальнейшую работу по совершенствованию цифровых компетенций населения и государственных служащих.

В результате анализа полученных эмпирических данных были разработаны практические рекомендации по совершенствованию цифровой коммуникации органа государственной власти и населения, такие как: проведение обучения взаимодействующих субъектов по использованию цифровых технологий на рабочих местах, в рамках переподготовки и повышения квалификации при реализации Национального проекта «Демография», бесплатных обучающих курсов для населения в комитетах социальной защиты населения. Увеличение публикаций на официальных сайтах и страницах профильных комитетов, в СМИ; избегание сложного языка; сочетание межличностной коммуникации и опосредованной Интернет-коммуникации в системе «власть – общество»;

организация обратной связи от населения (в форме онлайн-голосования, Интернет-опросов), – все эти технологии также способны расширить возможности цифрового управления, увеличить степень открытости властных структур вследствие расширения предоставляемой информации и улучшения её качества, повысить уровень доверия органу власти со стороны населения.

Органам государственной власти необходимо своевременно информировать население о проводимых мероприятиях и возможности участия в них, широко используя возможности Интернет-пространства, например, при внедрении в субъектах РФ практики создания Интернет-порталов проектов нормативных правовых актов субъектов РФ [5], что позволит экспертам и гражданам своевременно ознакомиться с проектами нормативно-правовых актов, вовремя реагировать на изменения законодательства, вносить обоснованные предложения и уверенными в том, что мнение населения будет учтено при принятии документа.

Помимо необходимости дополнительного обучения по использованию современных технологий, государственными служащими – участниками опроса была отмечена «недостаточная техническая оснащенность субъектов цифровой коммуникации», неразвитость цифровой инфраструктуры как один из основных барьеров во взаимодействии власти и населения. В данном направлении должна постоянно осуществляться работа органами управления, в частности, проведение сети Интернет в отдаленные муниципальные образования региона, контроль ситуации в муниципальных образованиях.

В городские/ региональные проекты следует включать мероприятия по цифровизации отраслей городского хозяйства, направленные на создание «умных городов», по следующим направлениям: жилищно-коммунальное хозяйство (внедрение систем контроля и управления инженерной инфраструктурой в зданиях и на муниципальных территориях); мониторинг и охрана окружающей среды; улицы и общественные пространства; транспорт, улично-дорожная сеть и перевозки; городское управление (внедрение единой интегрированной цифровой платформы управления ресурсами и сервисами города; внедрение онлайн систем информирования граждан муниципального уровня, систем вовлечения граждан в жизнь города, сельских территорий, например, «Активный гражданин») [2, 69]. Все эти мероприятия также расширяют возможности использования в государственном управлении цифровых технологий.

Использование цифровых технологий опирается на стратегии информирования и всестороннего сотрудничества власти и населения. Традиционные коммуникационные технологии в условиях цифровизации используются одновременно с современными технологиями, требующими наличия знаний, умений и навыков, инфраструктуры. Цифровые технологии активизируют процессы модернизации в политической сфере, что является перспективным направлением в государственном управлении.

1. Антонова Ю. П. Исследование коммуникативных процессов в системе государственного управления // Бюллетень науки и практики. 2019. № 10. С. 263-273.
2. Василенко И.А. «Умный город» в цифровом обществе 5.0: социально-политические и гуманитарные риски цифровизации общественного пространства // Власть. 2019. №5. С. 67 – 73.
3. Пеструилов А. С. Понятие и классификация форм взаимодействия власти и общества // Общество и право. 2019. № 4 (70). С. 129-132.
4. Цыганкова Т. Н. Организация документооборота в органах власти в условиях цифровизации // Скиф. 2022. № 12 (76). С. 202-207.
5. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения 29.09.2024).

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Думнов Валерий Бесоевич
(Пензенский государственный университет)

Щанина Екатерина Владимировна
(Пензенский государственный университет)

Аннотация. Определена важность изучения корпоративной культуры в условиях информационного общества. Дана характеристика категории «корпоративная культура» в контексте её структуры и принципов функционирования. Изучен процесс становления цифрового общества в рамках Индустрии 4.0. Выделены инструменты offline и online пространств современных организаций. Отдельное внимание уделено категории «цифровая корпоративная культура» - дано её определение и характеристика отличительных особенностей.

Ключевые слова: Информационное общество, гибридизация, организация, организационная культура, корпоративная культура.

Исследование корпоративной культуры играет ключевую роль в современном мире, т.к. корпоративная культура охватывает ценности, убеждения и нормы поведения, которые определяют, как сотрудники взаимодействуют друг с другом и с внешними партнёрами. Развитие корпоративной культуры является важнейшей стратегической целью, которая способствует успешной адаптации к вызовам современного мира, обеспечивает конкурентные преимущества на длительный срок.

Основной целью статьи является рассмотрение корпоративной культуры в условиях становления и развития информационного общества, отличительными чертами которого являются рост значимости информации, знаний и технологий в современном обществе; увеличение количества специалистов в сфере информационных технологий, коммуникации и создания информационных продуктов и услуг; интенсивная информатизация общества через внедрение цифровых технологий, включая телефонию, радио, телевидение, интернет, а также традиционные и электронные СМИ; расширение практик электронной демократии, развитие цифровой экономики, формирование электронного правительства, становление виртуальных рынков и создание цифровых социальных и экономических сетей.

Современный мир находится в переходе в гибридное состояние. В данном аспекте гибридизация представляет собой сращение двух реальностей: физического (материального) offline-пространства и виртуального (online-пространства). Современные организации вынуждены использовать информационно-цифровые технологии, тем самым влияя на все аспекты деятельности, принципы организации, не исключая корпоративную культуру.

По мнению В. Спивак, корпоративная культура представляет собой систему материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих одной организации, отражающих её индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и материальной среде, проявляющееся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды [1, с. 27].

С позиции системного подхода в корпоративной культуре М.В. Рыбакова выделяет следующие подсистемы корпоративной культуры:

Ценностно-нормативная: ценности, традиции и правила.

Организационная: формальная и неформальная организационная структуры; правила внутреннего взаимодействия; традиции «внутреннего распорядка».

Структура социально-психологических отношений: система ролей в организации.

Мифологическая: корпоративная история; мифы и легенды об организации.

Структуры внешней идентификации (фирменного стиля): имидж организации – образ, который направленно транслируется потенциальным сотрудникам или клиентам; имидж; восприятие компании; логотипы, слоган; HR-бренд организации [2, с. 221].

Проведённый анализ научной литературы позволил определить, что корпоративная культура – это система принятых в организации ценностей, норм, образцов поведения, присущих каждому сотруднику коллектива организации, направленных на повышение общей эффективности деятельности организации и повышение социально-психологического климата организации».

Рассматривая корпоративную культуру с позиции структурного подхода Э. Шейн определил следующие её уровни:

Первый уровень – «поверхностный» или «символический» – включает такие видимые внешние факты, как применяемая технология, использование пространства и времени, наблюдаемое поведение, язык, лозунги и т.п.

На втором – «более глубоком» – уровне изучаются ценности и верования. На этом уровне проявляется «идеология», «философия», «моральный кодекс» компании.

Третий – «глубинный» – уровень включает базовые предположения, которые трудно осознать. К базовым предположениям Э. Шейн относит широкие понятийные концепции, такие как фундаментальные основы взаимоотношений внутри организации, между внешней и внутренней средами организации. Наименее обнаруживаемый и глубинный уровень – мировоззрение [3, с. 336].

Согласно исследованиям отечественных социологов Д.А. Репникова и Е.М. Храповицкой формирование и функционирование корпоративной культуры в организации подчинены следующим принципам: системности, комплексности, историчности, научности, результативности [4, с. 51-54; 5, с. 183-190].

Современное общество характеризуется трансформацией форм и типов социального взаимодействия, обусловленной развитием информационно-цифровых технологий и культуры их использования, что явилось началом 4-ой промышленной революции (или Индустрия 4.0). Начавшаяся промышленная революция символизировала переход к новому типу общества – «постиндустриальному», «информационному» (исследователями – Э. Тоффлер, Д. Белл), или «сетевому» (представители – Р. Эмерсон, М. Кастельс), что вызывает необходимость пересмотра подходов, методов и принципов формирования и развития корпоративной культуры.

В середине XX в. в социологии формируется теория социальных сетей. Одним из первых теоретиков социальных сетей был американский социолог Р.М Эмерсон, который выделил два типа социальных связей: связи, основанные на дружбе и личной симпатии; и связи, основанные на функциональной взаимозависимости [6].

Американский социолог Дж. Коулман развил теорию социальных сетей, выделив два основных элемента: узел (индивид или группа) и связь между узлами. Он также сформулировал понятие социального капитала, то есть ресурсов, которые могут быть получены через социальные связи [7].

М. Кастельс предложил концепцию « сетевого общества», где социальные сети играют важную роль в экономике, политике и культуре. Он выделил три типа социальных сетей: вертикальные, горизонтальные и децентрализованные [8].

После перехода от доминирования первичных отношений (олицетворяемых семьями и общинами) ко вторичным (олицетворяемым объединениями) создается новая доминирующая структура – «персонализированное сообщество» – одной из важнейших характеристик которой, по мнению Б. Уэлмана, стало исчезновение территориальности (локальности) как исключительного (единственного) основания человеческой коммуникации [9].

В условиях стремительных изменений всё чаще наблюдается переход к гибридным моделям работы и деятельности организации, что является следствием гибридизации. Гибридизация современного общества предполагает offline и online присутствие организации на рынке, сочетание offline и online форматов взаимодействия.

Наиболее распространёнными формами offline-присутствия организации являются:

Офис организации. Это центральные элементы offline-присутствия, где сотрудники организации непосредственно взаимодействуют друг с другом.

Торговые выставки и мероприятия. Участие в выставках, конференциях и бизнес-форумах позволяет организациям демонстрировать свои продукты и услуги, устанавливать прямые контакты с потенциальными сотрудниками.

Рекламные материалы. Распространённые средства, такие как печатная реклама, билборды и листовки, помогают повысить узнаваемость организации на рынке и выделиться среди конкурентов.

Сетевые мероприятия. Проведение семинаров, воркшопов и тренингов способствует укреплению связей с аудиторией и повышению лояльности клиентов.

Организация специальных акций и мероприятий для привлечения внимания аудитории и позиционирования своих ценностей, трансляции своих традиций.

К формам online-присутствия относятся:

Веб-сайты, блоги, корпоративные сайты. Позиционирование своей организации в сети Интернет с целью трансляции своей основной деятельности и захвату внимания со стороны потенциальных сотрудников организации.

Социальные сети и мессенджеры. Платформы, такие как «Одноклассники» и мессенджер «Viber» (для поколения X), «ВКонтакте» и «Facebook» (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ) (для поколения Y), «Instagram» (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ), «X» и мессенджер «WhatsApp» (для поколения Z), а также «ВКонтакте» и мессенджер «Telegram» используются для взаимодействия сотрудников друг с другом и продвижения HR-бренда на рынке.

Вебинары и онлайн-конференции: Эти мероприятия дают возможность обмениваться знаниями и опытом, а также устанавливать профессиональные связи в цифровом пространстве.

Подкасты и видео-контент: Создание аудио- и видеоматериалов позволяет достигать широких аудиторий и усилить взаимодействие с аудиторией через интересный и полезный контент.

Выстраивание социального взаимодействия на основе сочетания offline и online форматов позволяет современным организациям в условиях информационно-цифрового общества обеспечить формирование корпоративной культуры организации, полноценно отражающей новые потребности своих сотрудников.

Данная тенденция служит фундаментом для зарождения нового типа корпоративной культуры организации — цифровой корпоративной культуры.

Под цифровой корпоративной культурой понимают систему ценностей, убеждений и наращиваемых компетенций, основных паттернов поведения сотрудников,

ориентированных на высокий уровень использования информационных, информационно-коммуникационных и цифровых технологий для решения профессиональных задач. Цифровая корпоративная культура позволяет специалисту по управлению персоналом быстрее выстраивать траекторию «удовлетворенность – лояльность – вовлеченность – сопричастность» [10].

Специфические черты цифровой корпоративной культуры:

Возможность совместной работы персонала компании с ее клиентами, а также быстрый обмен информацией в процессе их взаимодействия.

Возможность быстрой обработки больших объемов цифровой информации за короткие промежутки времени, что упрощает возможность делегирования полномочий и позволяет снизить степень бюрократии в компании.

Ориентация на краткосрочное планирование и оперативную деятельность организации за счет сокращения времени на сложность обработки информации и управления.

Преодоление страха перед рискованной деятельностью, поддержка деятельности персонала, связанной с цифровыми инновационными технологиями.

В цифровой корпоративной культуре поддерживается деятельность специалистов инновационной, в рискованной зоне. Актуальным становится способность и готовность специалиста (умение) быстро справляться с неудачами и учиться на своих ошибках. Поощряется рискованность, а не осторожность [11].

Таким образом, с появлением нового типа корпоративной культуры организации – цифровой корпоративной культуры – происходит переосмысление процесса цифровизации, протекающего в бизнесе.

Информационно-цифровое общество требует от организации цифровой трансформации, однако цифровая трансформация организации затруднена без развития цифровой корпоративной культуры. В свою очередь, развитие цифровой корпоративной культуры предполагает, что ценности, традиции, миссия и философия организации, HR_бренд организации, как неотъемлемые части корпоративной культуры должны меняться с учётом норм социального взаимодействия людей в условиях новой гибридной социальной реальности, выработанные на основе влияния (как позитивного, так и негативного) информационно-цифровых технологий на общество.

1. Спивак, В. Корпоративная культура / В. Спивак. СПб.: Питер, 2001. – 352 с.
2. Рыбакова, М.В. Организационная культура как фактор устойчивого развития / М.В. Рыбакова // Социально-гуманитарные знания. - 2004. - №2 - С. 221-234.
3. Шейн, Э. Организационная культура и лидерство. 4-е изд. / Э. Шейн. - Санкт-Петербург : Питер, 2012. - 352 с.
4. Репников, Д.А. Корпоративная культура в системе управления человеческими ресурсами / Д.А. Репников // Кадровик. – 2007. – №6
5. Храповицкая, Е.М. Формирование и управление корпоративной культурой в сфере образовательных услуг / Е.М. Храповицкая // Актуальные вопросы инновационной экономики. – 2015. – №9.
6. Emerson, R.M. Power-Dependence Relation. - *American Sociological Review*, 1962.
7. Coleman, J.S. *Foundations of Social Theory*. – Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1990
8. Кастельс, М. Власть коммуникации [Текст] : учеб. пособие / М. Кастельс ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 4-е изд. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 591 с.
9. Смолина, Е.Г. Понятие «сети» как новый взгляд на устройство общества / Е.Г. Смолина // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: политология и социология. - 2015. - №2. - С. 23-28.

10. *Маличенко, И.П. Цифровая корпоративная культура как стратегический фактор роста вовлеченности персонала / И.П. Маличенко, К.С. Якущенко, В.О. Палий // Молодой учёный. – 2023 – №5 (68). – С. 71-79.*
11. *Макаренко, Е.А. Решение вопросов этики при внедрении систем с искусственным интеллектом / Е.А. Макаренко // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2022. – Т. 3. – №8(128). – С. 77-82.*

ИЗМЕНЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТАМИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

*Дуран Татьяна Валентиновна
(Уральский государственный университет путей сообщения)*

Аннотация: В статье рассматривается трансформация механизмов управления российскими университетами в контексте нового менеджериализма в последние два десятилетия.

Ключевые слова: новый менеджериализм, механизмы управления, высшее образование, автономное учреждение

Проблемы поиска новой управленческой идеологии и механизмов управления университетами актуализировались в развитых странах в конце прошлого столетия. Российские университеты за последние два десятилетия также претерпели многочисленные преобразования, что привело к трансформации механизмов управления ими. В числе последних: конкурсное финансирование, мониторинг эффективности деятельности, введение системы эффективных контрактов и др. Вопрос об изменении модели управления университетами еще больше актуализировался в связи с появлением новой институциональной структуры - «автономного учреждения», утвержденной Федеральным законом «О автономных учреждениях» [3].

Основополагающей идеей новой модели управления вузами стала идея эффективности, являющаяся ключевым элементом идеологии менеджериализма (New Public Management). В этих условиях руководство университетов «неизбежно начинает мыслить и действовать в категориях эффективности: в терминах выгод, издержек, эффектов» [2]. Понятие «новый менеджериализм» отсылает к идеологиям применения техник, ценностей, практик, транслируемых из частного сектора экономики на образовательные организации» [1].

Реализация идей нового менеджериализма привела к пересмотру архитектуры системы высшего образования и определила динамику реформ: «усиленная» автономия сопровождалась внедрением новых механизмов управления университетами.

Новый менеджериализм явился фундаментом таких многочисленных организационных изменений в российских университетах, как мониторинг эффективности деятельности вузов, введение системы эффективных контрактов, создание «центров превосходства» (что обязательно предполагает высокий уровень научных исследований) [2]. Мониторинг эффективности деятельности вузов, который проводится с 2012 г. согласно приказу Министерства образования и науки № 583 «О проведении мониторинга деятельности федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования», явился главным источником данных о российских университетах и был признан важным инструментом управления системой высшего образования, который преследовал две основные цели. Во-первых, он был направлен на повышение прозрачности системы высшего образования, так как все результаты мониторинга являются публичными. Во-вторых, его цель заключалась в оптимизации системы высшего образования, в выявлении слабых университетов с низким уровнем эффективности, отзыве у них лицензий или слиянии с более сильными университетами.

Новые механизмы управления университетами в контексте предписаний менеджериализма, представляющие собой устойчивые инновации и основывающиеся на логике эффективности, в большинстве своем стали чуждыми для академического мира.

Новые инструменты государственного управления, рассматриваемые инициаторами реформ как рычаги модернизации бюрократической системы управления российскими университетами, на самом деле привели к усилению бюрократизации. Чрезмерная бюрократизация науки и высшего образования негативно сказывается на принятии новых норм и стандартов научно-образовательным сообществом. Она воспринимается ими как своего рода оскорбление университетской автономии, как несоответствующая процессам самоорганизации в академическом сообществе. Негативным последствием бюрократизации явился рост недоверия между руководством университетов и научно-образовательным сообществом. Система формальных оценок и показателей заменила механизмы профессионального имиджа, а «демонтаж» внутренних механизмов контроля, основанных на традиционных академических стандартах, породил у преподавателей формальное отношение к выполнению своих профессиональных обязанностей.

1. Дежина И.Г. *Научная политика в ведущих российских университетах: эффекты «нового менеджериализма» // Университетское управление: практика и анализ. 2020. №3. С.13-26.*
2. Павлюткин И.В. *Управление университетом в условиях новой рыночной ситуации (к концепции «нового менеджериализма») // Вопросы образования. 2004. №3. С.57-65.*
3. *Федеральный закон «Об автономных учреждениях» от 03.11.2006 № 174-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63635/. (дата обращения 08.10.2024).*

«БОЛЬШАЯ ИГРА» – ПРОТИВОСТОЯНИЕ АНГЛОСАКСОНСКОГО И РУССКОГО МИРА

*Елишев Сергей Олегович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Одним из важных и актуальных направлений современных геополитических, политических и исторических исследований является изучение сущности, истории, особенностей и тенденций развития «Большой Игры», – глобального противостояния Англосаксонского и Русского мира, продолжающегося с переменным успехом, начиная с начала XIX века по наши дни.

«Большой Игрой» (англ. The Great Game) представители англосаксонской единой политической и экономической элит Англии, США и других держав англосаксонского мира, именовали и именуют политику сдерживания России в различных сферах её жизнедеятельности, стремясь на протяжении всего этого времени добиться не только улучшения своих позиций в тех или иных областях или полной своей гегемонии, но расчленения и исчезновения нашего государства с политической карты мира.

Впервые понятие «Большой Игры» в своей переписке употребил офицер британской разведки Артур Конолли, казнённый в 1842 году в Бухаре за шпионаж, но широкое распространение оно получило благодаря известному британскому писателю и поэту, апологету британской колониальной системы Редьярду Киплингу, популяризовавшему его в своем романе «Ким».

В настоящее время само понятие «Большая Игра» употребляется в узком и широком смысле. В узком смысле оно достаточно широко используется, прежде всего, в англосаксонской историографии и публицистике, а также, хотя и гораздо реже, – в отечественной науке и публицистике. Речь в данном случае идёт о различных аспектах геополитического и экономического противостояний Великобритании и Российской империи за контроль над Центральной Азией на всём протяжении XIX века, вплоть до 1907 года – года подписания англо-русского соглашения (от 18 (31) августа) о разграничении сфер влияния в Азии, а также оформления Блока Антанты. Или ещё в более зауженных рамках – начиная с 1856 года, т.е. окончания Крымской войны и вплоть до того же 1907 года.

В широком смысле «Большая игра» не ограничивается обозначенными временными периодами или регионом и трактуется как глобальное геополитическое противостояние Англосаксонского и Русского мира, стартовавшее с начала XIX века и продолжающееся по наши дни. Анализ особенностей взаимодействия российского государства с державами англосаксонского мира позволяет с уверенностью сказать, что «Большая игра» конечно же не была ограничена Центрально-азиатским регионом и естественно, не закончилась в 1907 году. Она продолжалась в различных регионах мира, как в последующие десять лет существования Российской империи, так и в советский, а также в постсоветский периоды российской истории. Только после 1945 года ведущей державой англосаксонского мира, вступившей в «Большую игру», и не только с Россией, но и целым рядом государств, стала уже не Великобритания, а США.

Сегодня «Большая игра» – это инициированные англосаксонской элитой дипломатические, экономические, информационные войны и противоборства, вооруженные конфликты, операции спецслужб по противодействию законным правительствам и осуществлению государственных переворотов и всевозможных «революционных» сценариев в различных государственных образованиях. Все эти

действия направлены на закрепление за США и другими державами англосаксонского мира их геополитической гегемонии над миром, а также возрождения однополярного мира.

Яркими эпизодами «Большой Игры» являлись: дворцовый переворот 1801 г. – убийство императора Павла I; «Наполеоновские» войны; декабрьский путч 1825 г.; противостояние с Англией в Туркестане, на Кавказе, иных регионах, русско-персидские и русско-турецкие войны, Крымская война, русско-японская война; Кавказская война и события в Средней Азии и Туркестане; финансирование и организация в Российской империи «пятой колонны»; революционные события 1905–1907 гг.; Первая мировая война; Революция 1917 г.; Гражданская война в России; поддержка «внутрипартийной» оппозиции; привод к власти А. Гитлера в Германии; организация Второй мировой войны; «Холодная война», расчленение СССР; чеченские войны; «цветные революции» на постсоветском пространстве; война 2008 г. и «принуждение» Грузии к миру; государственный переворот 2014 г., и последующая гражданская война на Украине, начало Специальной военной операции.

Относительно генезиса, отправной точки начала «Большой Игры», среди отечественных и зарубежных исследователей существуют разные точки зрения. Кто-то говорит о её фактическом начале в эпоху правления Ивана Грозного, Смутное время или в правление Петра I. Кто-то связывает её начало со второй половиной XVIII века, после взятия Очакова и последующего успешного обретения и освоения Новороссии. По нашему мнению, «Большая Игра» фактически стартовала чуть позже закрепления России в Новороссии – в тот период, когда англосаксы, стали воспринимать Россию, как основного своего конкурента в борьбе за геополитическую гегемонию в мире, что произошло после начала Великой французской революции, когда погруженная в революционный хаос Франция, перестала восприниматься ими как главный соперник в борьбе за мировую геополитическую гегемонию. Именно в этот период (правление в России императора Павла I), когда Англия и Россия стояли на грани прямого вооружённого конфликта «Большая Игра» собственно говоря и началась. И началась она не как конфликт-противостояние всего Запада и России, как трактуют её суть некоторые исследователи, хотя сейчас она и приобрела такого рода характер, так как все западные страны находятся в настоящее время под полным контролем англосаксов.

В основе «Большой Игры», как справедливо отметил журналист М.В. Леонтьев, первоначально, лежал страх англичан потерять колониальные владения в Индии – «жемчужине британской короны». «Британия была просто уверена – Россия обладает таким могуществом, что в принципе не может не претендовать на Индию. Собственно, это и было единственным основанием британских страхов, временами доходящих до паранойи». В настоящее время в основе «Большой Игры» лежит стремление англосаксонских геополитических элит реанимировать свою мировую геополитическую гегемонию – однополярный мировой порядок, зримо утраченный ими в 2014 году, благодаря действиям В.В. Путина и России.

В условиях уже состоявшегося перехода от однополярного к многополярному миру, обострения геополитических ситуации в мире, проведения Специальной Военной Операции, активно ведущихся информационных войн и противоборств, конструирования различных социальных и исторических мифов, изучение проблематики, связанной с «Большой Игрой», приобретает ещё большую актуальность.

Однако, её изучение в настоящее время осложняется привнесением в науку различных идеологем, политтехнологий и методов манипулирования общественным сознанием, закономерно приведших к господству в социально-гуманитарных науках различных западных концепций и формационного подхода к трактовке процессов

общественно-исторического развития. В рамках же данного подхода и концепций в силу политической и идеологической ангажированности их апологетов, наблюдается либо подчеркнутое игнорирование, отрицание самого факта существования «Большой Игры» (чем грешили, например, советские учёные), либо преуменьшение её значения и необоснованное, чрезмерное ограничение-сужение временных (с 1856 по 1907 гг.) и пространственных (исключительно Центральной Азией) рамок её действия, не только англосаксонскими и западными исследователями, но и представителями современного российского «западничества» в его радикально-либеральной и промарксистской левацкой составляющей.

Преодоление подобного рода идеологических и манипулятивных препятствий и преград, при активном просвещении – распространении и внедрении в массовое сознание аудитории знаний об «Большой Игре» позволит нам гораздо более успешней противостоять козням англосаксов. Знания о «Большой Игре» – это сила, посредством которой мы приближаем нашу победу в очередном раунде «Большой Игры». Мы – русские! С Нами – Бог!

ЭЛЕКТРОННЫЕ ОБРАЩЕНИЯ В ПРАКТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДАМИ РЕГИОНА СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Заборова Елена Николаевна
(Уральский государственный экономический университет)

Романова Валерия Игоревна
(Уральский государственный экономический университет)

Аннотация. Анализируется практика работы органов управления регионального и муниципального уровня с электронными обращениями граждан и организаций. Исследованы статистические отчеты Администраций региона Свердловская область, крупнейшего города-миллионника Екатеринбурга и малых городов области. Выявлена тенденция роста числа электронных обращений, проанализированы трудности и проблемы, с которыми сталкиваются власти по работе с электронными обращениями.

Ключевые слова: электронные обращения, региональное управление, местное самоуправление

Актуальность исследования. В настоящее время в практику государственного и муниципального управления активно внедряются новые электронные формы взаимодействия с организациями и гражданами.

Власти используют достаточно обширный набор электронных форм. Органы управления распространяют различного рода информационные сообщения (объявления, бюллетени, отчеты и пр.) и проводят информационные мероприятия (конференции, брифинги, совещания, опросы и т.д.). Широкое распространения получила московская практика голосования на порталах «Активный гражданин», в ряде регионов муниципальные власти внедрили краудсорсинговые платформы, позволяющие собирать мнение горожан по актуальным вопросам. Получает распространение практика инициативного бюджетирования, важнейшим компонентом которого является электронное голосование граждан. Успешно внедряется в повседневную жизнь дистанционное голосование по выбору руководителей региональной и муниципальной власти. Многие руководители регионов и муниципальных администраций, главы городских Дум создали свои аккаунты в социальных сетях. На государственном уровне обращения граждан фиксируются на Портале Госуслуг, их собирает и интегрирует система «Инцидент-менеджмент».

В этой связи возникают исследовательские вопросы: насколько широко новые электронные формы внедрены в практику управления регионами и муниципалитетами, с каким трудностями и проблемам сталкиваются органы власти? Повышают ли они эффективность работы властей? Облегчают взаимодействие с населением или создают еще одну новую преграду между властью и населением? В поиске ответов на данные вопросы мы провели инициативное исследование практики распространения такой формы как электронные обращения граждан в регионе Свердловская область.

Материалы и методы. В большом арсенале электронных форм особое место занимает практика электронного обращения граждан и организаций.

В настоящее время понятие «электронное обращение» еще не имеет однозначного определения [4], однако известны его обязательные компоненты: это электронный документ, который можно отправить через электронные приемные на официальные сайты или по электронной почте; отправитель в обязательном порядке должен указать свои персональные данные (имя, фамилию, электронную почту); документ не должен содержать угроз или оскорблений в адрес властей.

В настоящее время практика электронных обращений все более активно изучается учеными. Ей посвящены работы Меретуковой И. В., Чернова Ю. И. [3], Звонаревой А. Ю. [2], Савоськина А. В. [4] и др. Вопросы электронного взаимодействия власти и населения на уровне регионов также исследуется зарубежными авторами [5].

В регионе Свердловская область насчитывается 47 городов. В качестве эмпирической базы исследования были использованы материалы официальных отчетов органов региональной и муниципальной власти за 6 лет (с 2017 по 2023 годы). Мы сравнили данные сайтов крупнейшего города-миллионника Екатеринбурга и сайты 35 малых городов, что соответствует генеральной совокупности. Однако не все эти города смогли войти в эмпирическую базу работы, так как на некоторых сайтах информация представлена разрознено, имеются пропуски по годам, нет разбивки обращений по формам (электронные, письменные, личный прием). В результате статистическую базу исследования составили одиннадцать малых городов региона или 31,4% от генеральной совокупности.

Результаты исследования. Динамику изменения количества электронных обращений демонстрирует таблица 1.

Таблица 1

Динамика электронных обращений в Администрации региона, города-миллионника Екатеринбурга и малых городов Свердловской области, количество

Годы	Регион	Екатеринбург	Малые города
2017	16828	25617	921
2023	15077	53797	1094

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в крупнейшем городе Екатеринбурге наблюдается резкий скачок в количестве электронных обращений, в малых городах – достаточно плавный рост.

Вызывают вопросы данные по региону в целом: здесь наблюдается тенденция падения количества электронных обращений. Однако ситуация проясняется, если рассмотреть больший временной период. Начиная с 2003 года количество обращений выросло практически в два раза: с 6000 до 15077 (рис.1). Факт падения количества электронных обращений в 2023 году произошел на фоне общего сокращения обращений всех видов, причины такого уменьшения требуют отдельного изучения.

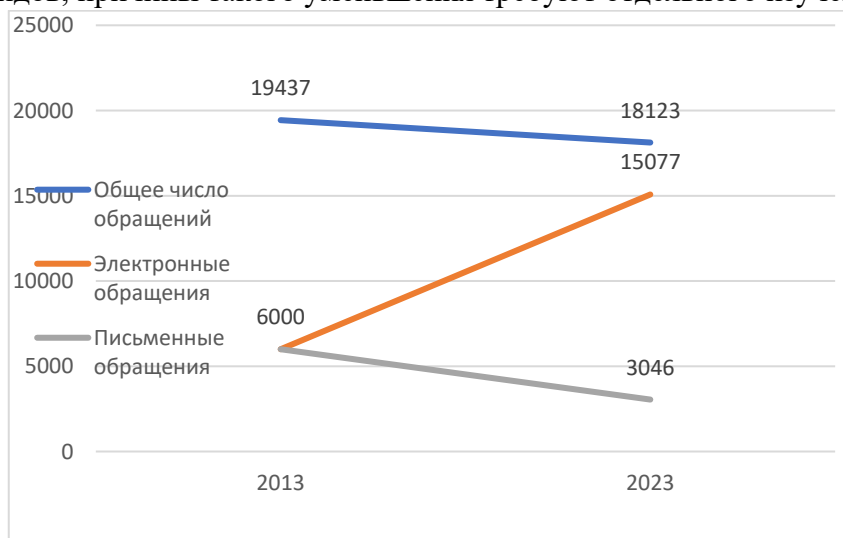

Рис.1 Динамика электронных обращений по региону Свердловская область, 2013-2023 гг.

В целом проведенный анализ позволяет уверенно заявить: работа с электронными обращениями стала неотъемлемым элементом практики работы региональной и муниципальной власти.

Важно подчеркнуть тот факт, что работа с электронными обращениями сегодня предписана Законом и подлежит обязательному исполнению (№ 210-ФЗ от 27.07.2010; № 8-ФЗ от 09.02.2009). За неисполнение Закона предполагается административная ответственность и штраф в размере от пяти до десяти тысяч рублей. Указ Президента РФ N171 от 2017 г. "О мониторинге и анализе результатов рассмотрения обращений граждан и организаций" предписывает администрациям регионов и муниципалитетов размещать на своих сайтах счётчик обращений и ежемесячно представлять в Администрацию Президента РФ в электронной форме информацию об итогах рассмотрения обращений граждан и организаций. Разработан и внедрен единый Классификатор обращений по оценке содержания вопросов и проблем, зафиксированных в обращениях.

Выводы. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

Сегодня электронные обращения широко внедрены в практику работы администраций всех уровней, на сайтах всех городов региона Свердловская область представлена информация об обращениях граждан и организаций, ведется их учет, анализ обращений по содержанию, показана реакция власти на обращения.

Качество отчётов об обращениях, представленных на сайтах, очень отличается от города к городу, многие из них нельзя признать удовлетворительными. Это нередко объясняется отсутствием специалистов в малых городах, их низкой квалификацией.

Официальный Классификатор, на основе которого дается анализ обращения по содержанию, содержит 5 разделов, 21 тематику, 206 тем, 946 вопросов. Он очень громоздкий и мало ориентирован на малые города. В основном Классификатор затрагивает общероссийские проблемы (Конституция, суды, международные отношения и пр.), направлен на крупные управленческие структуры уровня субъекта федерации. Вопросы, актуальные для малых городов (ЖКХ, жилище, хозяйственная деятельность) расположены в классификаторе на последних местах. Это затрудняет анализ проблем, отраженных в обращениях, и нередко при отсутствии квалифицированных специалистов приводит к отказу от их анализа.

Электронные обращения делают систему управления более прозрачной и системной, они защищают представителей власти от ложной информации за счет необходимости четкого и персонального оформления такого обращения заявителем.

Они увеличивают нагрузку на работников управления: отчеты об обращениях необходимо ежемесячно посылать в Администрацию Президента. Реагировать на обращения нужно в сжатые сроки – 30 дней со дня регистрации.

Повышение нагрузки на работников аппарата управления приводит к росту формализма в ответах на заявления, увеличению бюрократизма.

В то же время электронные обращения неоднозначно эффективны для населения. Они, с одной стороны, облегчают подачу обращения, экономя время и средства граждан, с другой – усиливают цифровое неравенство, способствуют росту недовольства от формальных ответов [1].

1. Заборова Е. Н. Взаимодействие власти и населения: электронные реалии // *Научный результат. Социология и управление*. 2024. Т. 10, № 2. С. 117-126. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-9
2. Звонарева А. Ю. К вопросу организации работы с обращениями граждан // *Академическая мысль*. 2020. №2 (11). С.117-121.
3. Меретукова И. В., Чернов Ю. И. Специфика оказания электронных государственных и муниципальных услуг. // *Эпомен*. 2021. № 65. С. 197-203.
4. Савоськин А. В. «Обращения граждан» как правовая категория // *Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук*, 2017. Т. 17, вып. 3. С. 85–99. DOI 10.17506/ryipl.2016.17.3.8599
5. Hand, Laura C., and Brandon D. Ching. "'You Have One Friend Request' An Exploration of Power and Citizen Engagement in Local Governments' Use of Social Media." *Administrative Theory & Praxis* 33.3 (2011): 362-382. <https://doi.org/10.2753/ATP1084-1806330303>

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ильичёв Дмитрий Александрович
(Российский Государственный Социальный Университет)

Аннотация. Публикация посвящена анализу роли экологического образования в достижении устойчивого развития общества. Автор рассматривает современные вызовы, связанные с экологическими проблемами, и оценивает перспективы интеграции экологического воспитания в образовательные практики. Результаты исследования подчеркивают необходимость активного включения экологического образования в учебный процесс для формирования ответственного отношения к природе и обеспечения устойчивого будущего.

Ключевые слова: экологическое образование, устойчивое развитие, экология, вызовы, перспективы, интеграция в образование.

Экологическое образование, являющееся фундаментальной основой устойчивого развития, стало жизненно важным элементом в развитии понимания, знаний и способностей, необходимых для решения сложных экологических проблем нашей эпохи. Актуальность экологического образования обусловлена растущими экологическими проблемами, стоящими перед человечеством (изменение климата, утрата биоразнообразия и истощение ресурсов).

Майкл Дж. Стэпп предоставил теоретическую основу для понимания сложностей экологического образования. Его работы, в частности, основополагающая статья «Теория экологического образования», помогли сформировать направление, предложив системный подход к пониманию взаимосвязи между образованием и экологическими проблемами [2, 39]. Теория Стэппа подчеркивает важность критического мышления и навыков решения проблем в экологическом образовании, обеспечивая основу для эффективного управления окружающей средой.

Дэвид Опп, известный педагог-эколог и писатель, был ведущей фигурой в пропаганде интеграции экологического образования во все формы образования [6, 99]. Его книга «Земля в сознании: об образовании, окружающей среде и перспективах человечества» демонстрирует убедительное видение более устойчивого будущего с помощью развития экологического образования. Работа Д. Оппа оказала глубокое влияние на отрасль, вдохновив педагогов и политиков переосмыслить роль образования в решении экологических проблем.

Дебора Типпетт посвятила свои усилия изучению взаимосвязи между экологическим образованием и социальной справедливостью. В своей работе она подчеркивает важность решения экологических проблем через призму равенства и инклюзивности [1, 260]. Исследование Типпетт бросает вызов традиционным подходам к экологическому образованию, подчеркивая необходимость расширения прав и возможностей маргинализированных сообществ и укрепления экологической справедливости.

Вышеуказанные ученые, наряду со многими другими, внесли неоценимый вклад в развитие экологического образования в интересах устойчивого развития. Их исследования не только углубили наше понимание сложностей и потенциальных возможностей, присущих этой важнейшей области, но и послужили источником вдохновения для бесчисленных педагогов и политиков в их стремлении к более устойчивому будущему.

Несмотря на свою неоспоримую значимость, экологическое образование не лишено препятствий в развитии. Одной из наиболее серьезных проблем является интеграция экологических концепций в формальные образовательные системы [3, 28]. Разработка учебных планов, подготовка преподавателей и распределение ресурсов часто являются препятствиями для успешной реализации программ экологического образования. Фрагментарный характер инициатив в области экологического просвещения может препятствовать их результативности, поскольку изолированные усилия могут оказаться неспособными решить взаимосвязанные экологические проблемы.

Другая проблема связана с разнообразием культурных и социально-экономических условий, в которых функционирует экологическое образование. Культурные нормы и ценности могут влиять на восприятие экологических проблем и эффективность образовательных подходов. Неравенство в доступе к образованию и ресурсам может усугубить экологическое неравенство, затрудняя справедливое распространение экологических знаний и навыков [5, 58].

С целью раскрытия возможного потенциала экологического образования в интересах устойчивого развития общества необходимо применить комплексный подход. В связи с этим:

Правительственным структурам важно уделять внимание экологическому образованию, интегрируя его в национальную политику;

Разработать программы повышения квалификации педагогов, чтобы они обладали знаниями и умениями для эффективного распространения постулатов экологического образования;

Сотрудничество между учебными заведениями, государственными учреждениями и иными организациями может способствовать созданию инновационных инициатив в области экологического образования.

Кроме того, поощрение междисциплинарного сотрудничества имеет решающее значение для решения сложных экологических проблем. Благодаря включению экологических концепций в различные предметы, такие как естественные науки, обществознание и экономика, экологическое образование может стать более всеобъемлющим и актуальным аспектом учебной программы.

Расширение возможностей для практического обучения, таких как экскурсии на места, общественные проекты и экологические исследования, может углубить понимание учащимися экологических проблем и их вовлеченность в них.

Экологическое образование может эффективно распространяться по неформальным каналам, таким как общественные программы, экологические организации и средства массовой информации. Эти инициативы могут охватить более широкую аудиторию, включая людей, которые могут не иметь доступа к формальному образованию или которым могут быть полезны более практичные подходы к обучению.

Значение технологий в экологическом образовании трудно переоценить. Цифровые инструменты и ресурсы могут обеспечить увлекательное интерактивное обучение, расширяя доступ к экологической информации и укрепляя глобальные связи. Онлайн-платформы, виртуальные экскурсии и развивающие игры могут дополнять традиционное обучение в классе, делая экологическое образование более доступным и актуальным для широкого круга учащихся [4, 590.2].

Важно учитывать основные социальные и экономические факторы, способствующие ухудшению состояния окружающей среды. Экологическое просвещение может сыграть решающую роль в формировании устойчивых привычек потребления, сокращении отходов и поощрении использования возобновляемых источников энергии. Предоставляя людям

знания и способности принимать обоснованные решения, экологическое образование может способствовать построению более устойчивого и справедливого общества.

Чтобы гарантировать долгосрочный успех экологического образования, жизненно важно постоянно оценивать и модифицировать программы в соответствии с меняющимися требованиями учащихся и меняющимся экологическим контекстом. Текущие исследования и оценка могут помочь определить эффективные подходы, измерить результаты и обосновать будущие инициативы.

Однако важно понимать, что экологическое образование само по себе не может решить все глобальные экологические проблемы. Хотя оно является важнейшим инструментом повышения осведомленности, знаний и навыков, оно должно дополняться другими действиями, такими как изменение политики, технический прогресс и международное сотрудничество.

Более того, успех экологического образования зависит от приверженности и поддержки различных заинтересованных сторон, включая правительства, образовательные учреждения, неправительственные организации, предприятия и частных лиц. Работая сообща, мы можем создать более устойчивое и справедливое будущее для будущих поколений.

Подводя итог, можно сказать, что экологическое образование является важнейшим инструментом содействия устойчивому развитию и решения актуальных экологических проблем нашей эпохи. Несмотря на существующие препятствия, важно преодолевать их с помощью согласованных действий и инновационных стратегий. Уделяя приоритетное внимание экологическому образованию, наделяя людей знаниями и способностями и воспитывая в них чувство экологической ответственности, мы можем проложить путь к более устойчивому и справедливому будущему.

1. *Аверченков, Д. А. Тренды развития экологического образования в системе общего образования Брянской области в условиях социально-биосферного развития общества / Д. А. Аверченков // Глобалистика-2023: Сборник материалов Международного научного конгресса, Москва, 17–27 апреля 2023 года. – Москва: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2023. – С. 259-261.*
2. *Зубова, М. В. Дидактическая модель «Зеленой педагогики»: от экологического образования к образованию для устойчивого развития / М. В. Зубова, А. А. Корегина // Ступени роста - 2024 : материалы 76-й межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых, Кострома, 01–22 апреля 2024 года. – Кострома: Костромской государственный университет, 2024. – С. 288.*
3. *Лезина, О. В. Путь к совмещению экологического образования и экологии образования / О. В. Лезина, Л. О. Терновая // Этносоциум и межнациональная культура. – 2022. – № 2(164). – С. 27-36.*
4. *Маликова, А. М. Принципы формирования экологического образования и воспитания / А. М. Маликова // Материалы VII Международного молодежного экологического форума: Материалы VII Международного молодежного экологического форума, Кемерово, 28–29 ноября 2023 года. – Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2024. – С. 509.1-509.4*
5. *Тюмасева, З. И. Экологическое образование как отражение интеграционных процессов в областях экологии, здоровья и образования / З. И. Тюмасева, И. Л. Орехова // Вестник Международной академии наук (Русская секция). – 2022. – № S2. – С. 56-58.*
6. *Фокина, Н. В. Актуальность внедрения экологического образования в учебные программы среднего профессионального образования / Н. В. Фокина // Гражданская безопасность в условиях современного высокотехнологичного общества: Материалы IX конференции студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 05–06 октября 2023 года. – Екатеринбург: Уральский государственный горный университет, 2024. – С. 99-101.*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ РИСКОВ

Какадий Игорь Иванович

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Развитие общества в XXI веке требует адекватных и быстрых изменений в образовании. В первую очередь, сегодня необходимо понимание новых вызовов, целей образования и создание условий для дальнейшего совершенствования личности и как следствие – трансформации российского общества в целом.

Образование в России сталкивается с актуальными вызовами и угрозами. Любое изменение в образовании ведет к риску и неопределенности, которые усиливаются недостаточным мониторингом развития общественных отношений в государстве.

Риск образовательной политики может заключаться в несовпадении реального результата с намеченными при ее реализации целями в условиях объективно существующей неопределенности, возникающих вследствие воздействия вызовов и угроз внешней и внутренней среды.

В современных условиях нестабильной обстановки во всех сферах деятельности на российское образование оказывают влияние внешние и внутренние вызовы и угрозы.

Влияние внешних и внутренних вызовов и угроз заставляют образовательную систему активнее реагировать на вызовы современности, включая учет рисков при принятии решений, особенно в контексте модернизации и реформирования национальной образовательной системы.

Одним из преобладающих постулатов в образовательной политике государства является обеспечение возможности получения качественного образования для всех граждан страны.

С переходом на двухуровневую систему образования расширяется число разнообразных рисков, которые могут негативно сказаться на рынке труда. Данная система способна привести к снижению качества образования. Многие учащиеся, окончив бакалавриат, не видят смысла продолжать обучение в магистратуре, считая, что этого достаточно на данном этапе жизни. А компании при приеме на работу часто не учитывают различия в дипломе бакалавр-магистр. В сегодняшних реалиях происходит уменьшение государственных затрат на образование, увеличение платного обучения и рост количества частных образовательных организаций и как следствие уменьшение доступа к образованию менее обеспеченных слоев населения [1].

Модернизация образования - это процесс адаптации этой системы к современным государственно-политическим и социально-экономическим условиям развития страны и общества, изучение опыта совершенствования систем образования более развитых и продвинутых стран. Особую актуальность это приобрело в связи с присоединением России к Болонской декларации, но в условиях санкционного давления (в том числе и в области образования и науки) потребуются трансформация некоторых подходов к выполнению этой декларации.

Вектор совершенствования российской системы образования должен быть направлен на:

- повышение качества отечественного образования на всех его уровнях за счёт реформирования содержания;

- формирование в отечественной системе образования оптимальных организационно-экономических механизмов, направленных на использование компетентных педагогических ресурсов;

- повышение квалификации педагогических работников, изменение социального статуса педагога, расширение оказываемой общественной и государственной поддержки педагогам (особенно молодым);

- обновление нормативно-правовой базы.

Необходимость обновления российской системы образования обусловлена некоторыми причинами:

1. увеличением роли образования в развитии российского общества;
2. ориентированностью российского образования на внутреннее и мировое развитие;
3. изменившимися социально-политическими и экономическими требованиями к системе российского образования.

Первый фактор заключается в изменении качества общества и экономики. В данном случае совершенствование системы образования обращено на соответствие российского образования требованиям мировой и национальной экономики, основанной не только на знаниях, но и на умении их применять.

Качество образовательной системы – это многовекторные параметры, одним из показателей которых являются образовательные достижения обучающихся. Одновременно в образовательных системах различного уровня постоянно существует риск учебной неуспешности обучающихся. Для того, чтобы снизить эти возможные риски, а также для повышения качества образования в школах (особенно в школах с низкими образовательными результатами или функционирующих в неблагоприятных социальных условиях), необходимо обеспечить комплекс мероприятий различного уровня, направленных на снижение рисков [2].

Большое значение в развитии российского образования имеют демографические и миграционные процессы. Резкий спад прироста населения приведет к уменьшению числа выпускников школ через 18-20 лет [4]. Соответственно, в связи с этим сократится число российских студентов.

Для более эффективного управления процессами реформы образования необходим инструментарий обратной связи, состоящий в следующем:

- разъяснение обществу сути изменений в образовании;
- экспертиза общественного мнения;
- рассмотрение органами управления образованием и руководителями образовательных организаций результатов этой экспертизы;
- учет данных экспертизы при разработке корректирующих мероприятий.

Для реализации этих коммуникаций можно предложить некоторые направления:

- мониторинг общественного мнения, работодателей и других заинтересованных инстанций по вопросам образовательного процесса,
- исследование лучшего опыта преподавателей-новаторов,
- определить уязвимые места, препятствующие развитию образования,
- провести различные организационные мероприятия, семинары, тренинги, курсы повышения квалификации и т.п. управленческого аппарата с привлечением экспертов-профессионалов для их качественного осуществления.

Очень важно понимать, что такие мероприятия необходимо проводить не для охвата наибольшего количества участников или «галочки», а для реального обсуждения, проработки многих вопросов и выработке адекватных предложений.

- разработать некоторые проекты по различным уровням образования, детально предложить механизмы их реализации и утвердить их,
- провести экспериментальную апробацию предложенных проектов в реальные сроки на конкретных направлениях или организациях.

Главная мысль состоит в том, что для достижения большего результата необходимо непрерывное взаимодействие всех заинтересованных участников. Это является основным требованием качественного процесса осуществления и реализации обновления образовательной политики, так как выявленные сегодня вызовы и угрозы завтра могут быть не актуальны или изменить свою важность.

Одним из направлений уменьшения рисков при совершенствовании образовательной политики является плотная координация между инновациями в экономике и в профессиональном и высшем образовании. В практике обучения до сих пор присутствует классно-урочная структура, которая не всегда соответствует реалиям времени, спросу рынка труда, общества, да и самой личности.

За последние десятилетия вопросам патриотического воспитания не уделялось должного внимания. Считалось, что это придет само собой. Но это не так. Данное направление работы должно проходить на всех этапах становления личности, пока идет ее формирование. Для устранения этих недостатков в программы обучения на всех уровнях образования начали вводить направления развития, связанные с формированием патриотизма, ответственности за страну, преемственности поколений, комплексности программ обучения, практической направленности и применительно к требованиям современного общества и экономики. Изменения в системе высшего образования непременно повлияют на преобразования в средней школе. Но результаты этой работы станут видны только по прошествии некоторого времени.

Изменение образовательной политики происходит под воздействием внешних факторов. Это сейчас показали реалии современности: санкционная политика, изменения в экономике, сокращение взаимодействия в области образования со старым и новым светом, изменение рынка труда, быстрое развитие новых технологий в производственной сфере и изменение социальной структуры общества.

Это естественно предъявляет новые повышенные критерии к образовательной политике государства: готовность к новым (иногда неизвестным) вызовам, быстро и адекватно адаптироваться к изменениям в обществе, экономике и государстве.

Большими рисками в образовательной политике является изменение количества платных/бесплатных образовательных услуг, а также конкретная стоимость обучения.

Данная проблема не нова, но есть большой риск увлечься получением прибыли, тем самым поставя под угрозу качество образования и доступность его для молодых людей.

Внедрение трансформированной образовательной политики могло бы уменьшить риски и угрозы процесса взаимодействия образовательной системы, государства и общества, сделав ее понятной для целевой аудитории образовательных услуг [3].

1. Вардикян М.С., Николаева А.А., Савченко И.А. Социологическое исследование протестных настроений современной молодежи // *Власть*. 2021. Т. 29. № 1. С. 118-122.
2. Какадий И.И., Павлов В.Н. Субъекты и объекты социальной безопасности в образовательном учреждении. *Бюллетень науки и практики*. 2020. Т. 6. № 1. С. 321-324.
3. Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года.
4. Национальный проект «Образование». <https://edu.gov.ru/national-project/>

УКРЕПЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Карпова Светлана Геннадьевна

(Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН))

Некрасов Сергей Владимирович

(Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН))

Пинчук Антонина Николаевна

(Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН))

Аннотация: Материал посвящен актуальному направлению совершенствования государственного управления РФ в области цифровизации – информационной безопасности, а также мерам и практикам ее укрепления. Отмечается важность изучения данного феномена, обладающего высокой научно-практической востребованностью в настоящем и будущем, а также значимая роль социокультурного аспекта проблематики. Особую актуализацию в рамках обозначенного научного направления приобретает организационно-управленческий аспект и последующий выход на практический уровень сохранения информационной безопасности.

Ключевые слова: социальная реальность, социум, государственная политика, цифровизация, информационная безопасность, сознание, угрозы, научное управление.

Ключевой характеристикой новой социальной реальности стало состояние ее нестабильности и перманентной изменчивости, влекущее за собой «подвижность» во внутренних процессах и структурах современного социума. Данные бифуркационные тенденции нашли отражение в череде таких событий как: прорывные, но негативно воздействующие на природу и общество достижения (информационно-коммуникационные, цифровые и социальные технологии), нарушение норм международного права, а также спровоцированная Западом и вынужденно проводимая Россией в Украине специальная военная операция (СВО) т.д. Синергетический эффект от данных трансформаций, как было отмечено выше, спровоцировал развитие трудно управляемой, лабильной, и «не предсказуемой» социальной реальности.

Исходя из качеств самой природы новой реальности, разумно вести речь и о значительном усилении ее рискованной составляющей, что порождает развитие таких *рисков и угроз для безопасности страны, с которыми современное общество еще не сталкивалось*. Эти угрозы обладают «... скрытым отложенным эффектом воздействия на социум и скажутся только в будущем» [3, 41]. *Они информационно воздействуют на глубинные слои сознания и подсознания социума вовлекая его в формат развязанной извне информационной войны*.

Современные информационные войны, будучи неотъемлемой частью гибридных войн, нацелены на весь социетальный уровень общества, но также и на поражение социокультурной сферы социума, а их опасность, в данном контексте, обуславливается воздействием на системообразующие общественные институты (наука, образование, вера, семья, мораль и др.) отвечающие за духовно-нравственную целостность общества,

его крепость, культурно-историческую преемственность и сформированные через систему данных институтов легитимные ценности и положительный исторический опыт.

В данном контексте информационные войны нацелены на дестабилизацию общества и в конечном счете его разрушение, через глубокое информационное воздействие на сознание и психику коллективного социума. Вся транслируемая СМИ, в рамках подобных войн, информация активно поглощается массовым сознанием, а далее на основе усвоенного информационного контента социумом принимаются ключевые решения, определяющие его будущую парадигму развития.

С учетом тонкостей функционирования массового сознания, в современном социуме развязана так называемая когнитивная война, или война смыслов, нацеленная на захват и негативную трансформацию значимого смыслового континуума и на получение от общества желаемого типа поведения в чьих-то интересах. Как правило, захват смыслового континуума происходит за счет использования широкого спектра инструментария манипуляции сознанием [1], что представляет собой «такой вид управления поведением личности, социальной группы, общества или планетарного социума, при котором используются скрытые методы социально-психологического воздействия на сознание людей в целях обеспечения частных, отличных от собственных интересов отдельных лиц, социальных групп, институтов, государственных и общественных структур, им противоречащих» [5, 29]. Это скрытый и неочевидный для поверхностного взгляда процесс методологического характера, имеющий расширенный спектр «приемов и методов управления индивидуальным и массовым сознанием» [4] и включение его в деструктивное состояние «неосознанного выбора разрушительных ментальных моделей и вопреки здравому смыслу» [2]. Фактически, по результатам подобных манипуляций, мы получаем податливое к информационному воздействию массовое сознание социума, которым при правильной подаче нужной для интересантов информации можно легко управлять. По такому алгоритму формируется нужное общественное мнение и, как было отмечено выше, изменяется вектор развития социума.

Таким образом, наносится «информационный удар» по глубинным цивилизационным ценностям, легитимным алгоритмам поведения, базовым социетальным основам в обществе, сформированным на основе положительного исторического опыта человечества. Именно в рамках «информационного удара» перечеркиваются устоявшиеся в социуме стратегии и практики, стабилизирующие его функционирование. В данном случае следует вспомнить, что человек, не ценящий опыта прошлого, всегда остается без своего будущего. Более того, при потере обществом устоявшихся базовых культурно-исторических, социально-психологических скреп – своеобразного «путеводителя», с помощью которого выстраивались его стратегии развития, оно неизбежно вступит на рискованный путь управления им кем-то со стороны и в своих интересах. Вот почему так важно качество и контроль над распространяемой СМИ и «потребляемой» обществом информацией. Во избежание провоцирования общества на создание ложных смыслов и разрушительного поведения в сторонних интересах *актуализируется аспект изучения и сохранения информационной безопасности и противодействие технологиям информационного воздействия.*

Правовой уровень проблематики нормативно концептуализирован на Федеральном уровне в Стратегии национальной безопасности РФ от 02.07.2021 г. № 400, в четвертом (информационная безопасность) приоритете; при этом сам феномен информационной безопасности взаимосвязан с остальными стратегическими приоритетами; Федеральном законе «О государственной тайне» от 21.09.1993 г. №182; Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 гг. от 31.12.2015 г. №

683 и т.д. Информационная безопасность представлена как феномен детерминирующий всю социетальную сферу общества обуславливая ее функционирование.

Из всего разнообразия выделяемых в нормативных документах, научной литературе и зарекомендовавших себя практик, на наш взгляд, их можно содержательно сгруппировать в соответствии: с социетальными сферами общества подверженными воздействию и требующими защиты; по степени соответствия ряду ключевых приоритетов сохранения национальной безопасности, отраженных в Стратегии национальной безопасности РФ от 02.07.2021 г. № 400; в связи с основными СМИ средами в которых осуществляется распространение и информационное воздействие; с возникновением новой сферы информационного воздействия и дезинформации через распространение фейковых новостей.

Речь идет о ряде действий на всех уровнях государственной политики по укреплению информационной безопасности, к которым можно отнести следующие:

Прямое законодательное регулирование негативных информационных процессов новой социальной реальности в рамках уже имеющегося опыта принятия закона о фейках от 04.03.2022 г. Особое внимание должно быть отведено сохранению и возрождению культурного наследия, контролю и цензуре

Поиск адекватных форм развития бдительности и диалога об информационной безопасности с гражданами страны.

Формирование открытого, правдивого информационного пространства в социуме и прямого диалога между властью, научным сообществом и гражданами страны.

Создание и нормативное закрепление объединяющей социум идеологии, включающей информационный защитный контекст.

Формирование оборонного сознания у общества или формирование сознания, которое должно охватывать идеологическую, когнитивную, информационную области существования социума.

Включение научного потенциала (методик) в систему принятия решений с учетом информационной безопасности. К ним можно отнести мониторинг правоприменения, правовой мониторинг, ОРВ и др.

Образовательная работа с будущими профессионалами в области средств массовой информации.

Целенаправленное изменение ценностных приоритетов в сознании общества через СМИ.

Безусловно, приведенный перечень практик далеко не исчерпывающий. Он содержательно требует дальнейшего расширения и углубления в контексте трансформаций социальной реальности, общей геополитической ситуации в стране и социального запроса от общества. Целесообразно задуматься о выработке новых превентивных практик, нацеленных на безопасное информационное обеспечение жизнедеятельности человека, государства и общества. Актуальность научно-практического направления изучения данного феномена будет только возрастать. Особую роль в этом процессе призваны сыграть системообразующие институты науки, образования, нормотворчества.

1. Кара-Мурза С.Г. *Манипуляция сознанием*. М.: Эксмо, 2005.
2. Каропова С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. *Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект* // Вестник НГУЭУ. – 2020. – №4. – С. 212-229.
3. Каропова С.Г., Некрасов С.В. *Отечественные практики противодействия технологиям информационного воздействия* // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 6. – С. 41.

4. Некрасов С.В. К вопросу о методах воздействия на общественное сознание // Вестник НГУЭУ. – 2020. – №4. – С. 184-201.
5. Староверов В.И., Левашов В.И. Манипулирование общественным сознанием: социологические аспекты анализа // Социология власти. – 2009. – №4. – С. 29.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННЫХ ИТ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Кирилина Татьяна Юрьевна
(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова»)

Симонов Даниил Денисович
(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова»)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности управленческих конфликтов в современных ИТ-организациях. Выявляется мультифакторность их возникновения в контексте быстрого развития ИТ-технологий, динамичной организационной среды и культурных различий. Авторы подчеркивают важность коммуникации, инновационной культуры и гибких подходов к управлению для эффективного разрешения управленческих конфликтов и обеспечения успешного функционирования ИТ-компаний.

Ключевые слова: управленческий конфликт, лидерство, трансформационный лидер, инновационный менеджер

Вместе с быстрым развитием технологий и повышением конкуренции в индустрии возникают новые вызовы для управления, среди которых особое место занимают управленческие конфликты. Управленческие конфликты в ИТ-организациях имеют свои специфические особенности, обусловленные особенностями самой отрасли, её динамичным характером и высокотехнологичностью трудовой среды. Управленческие конфликты, с которыми сталкиваются организации, могут возникать из-за различных факторов, таких как разногласия в целях, перераспределение ресурсов, недопонимание или несоответствие ожиданий.

Проанализировав сущность, свойства и виды управленческих конфликтов в ИТ-отрасли, можно выявить ряд особенностей, отличающих их от конфликтов в других отраслях. Например, быстрое технологическое развитие может приводить к конфликтам между старыми и новыми методами; между сторонниками различных технологических платформ или между командами, работающими над разными технологическими стеками. Высокая конкуренция, свойственная ИТ-отрасли, может создавать напряженность между конкурирующими компаниями, а также во внутриорганизационной среде, когда сотрудники соперничают за ресурсы или приоритеты проектов.

Большинство ИТ-компаний работают по гибким методологиям разработки, таким как Agile или Scrum, которые подразумевают быстрые итерации и частые изменения в процессе работы. Это может создавать конфликты между разработчиками и менеджментом, а также между разными командами, когда требования к проекту меняются в процессе его выполнения. Работа с высококвалифицированным персоналом может также создавать конфликты в связи с различными точками зрения и методами работы специалистов, а также с недопониманием менеджерами технических аспектов проектов.

Другой важной особенностью высокотехнологичных компаний является глобальное присутствие и работа с удаленными командами. Это может создавать конфликты из-за

различий в культуре, временных зонах, стиле работы и коммуникации между разными группами и локациями.

Таким образом, можно выделить три наиболее распространенных вида управленческих конфликтов в IT-организациях:

Конфликты из-за разногласий в приоритетах проектов. В IT-сфере часто происходит конкуренция за ресурсы и внимание к проектам. Отделы или команды могут иметь разные приоритеты в разработке или поддержке продуктов, что может привести к конфликтам между менеджерами и командами.

Конфликты из-за несоответствия ожиданий и результатов. В IT-проектах часто возникают проблемы из-за различия в понимании требований, сроков и качества выполненной работы. Это может привести к конфликтам между заказчиками и исполнителями, а также внутри команд разработчиков и тестировщиков.

Конфликты между руководителями и подчиненными. В IT-организациях часто возникают конфликты между руководителями и их подчиненными из-за различий в стиле управления, ожиданиях от работы и разделении ответственности. Это может быть связано с проблемами коммуникации, недостаточной мотивацией или несоответствием ожиданий.

Проанализировав особенности управленческих конфликтов в IT организациях, можно предложить способы разрешения конфликтов, используя сильные стороны сферы.

Применение принципа Agile не только для разработки продуктов, но и для решения управленческих конфликтов, сосредотачиваясь на поиске быстрых и итеративных решений, вовлечении заинтересованных сторон и активной коммуникации.

Применение онлайн-платформ для организации совместной работы, системы управления проектами, чатов и видеоконференций. Это может включать в себя создание цифровых досок для отслеживания конфликтов, онлайн-обучение по разрешению конфликтов и использование алгоритмов машинного обучения для анализа данных о конфликтах и предсказания возможных сценариев разрешения.

Анализ данных о работе команд, коммуникации, удовлетворенности сотрудников и других факторах может помочь заранее выявлять потенциальные источники конфликтов и принимать меры по их предотвращению. Это может включать в себя создание дашбордов и отчетов о состоянии конфликтов в компании, использование алгоритмов машинного обучения для выявления паттернов конфликтов и автоматизированных систем предложения решений.

Нельзя преуменьшать роль лидера в решении конфликтных ситуаций, особенно управленческих конфликтов. В виду того, что сфера информационных технологий является инновационной, то и менеджеры в данной сфере должны отвечать высоким требованиям современных реалий.

Наиболее распространенным и соответствующим специфике IT-сферы типом лидерства является трансформационный тип. Трансформационные лидеры – это руководители, способные внести значительные изменения и привести к преобразованиям в организации. Они обладают определенными характеристиками и навыками, которые позволяют им вдохновлять и мотивировать сотрудников к изменениям и инновациям.

Трансформационные лидеры обладают высоким уровнем эмоционального интеллекта, что позволяет им эффективно управлять своими эмоциями и эмоциями других. Они восприимчивы к потребностям и чувствам своих подчиненных, умеют эмпатично взаимодействовать и создавать поддерживающую и вдохновляющую атмосферу [2].

Трансформационные лидеры обладают уверенностью в себе и своих способностях, что позволяет им принимать сложные решения и действовать на основе своего видения и

ценностей. Они не боятся рисковать и брать на себя ответственность за результаты своих действий.

Современные исследователи лидерства в инновационных высокотехнологичных компаниях выделяют инновационных и парадоксальных лидеров. Инновационные менеджеры фокусируются на стимулировании и поддержке инновационной активности в организации. Они поощряют креативное мышление, инициативу и экспериментирование, стремясь к созданию новых и улучшенных продуктов, услуг или процессов. Инновационные менеджеры способствуют появлению новых идей, продуктов и решений, что может улучшить конкурентоспособность и перспективы развития организации в долгосрочной перспективе и поддержать различные инновационные подходы в вопросе решения управленческих конфликтов [3].

Парадоксальные менеджеры, в свою очередь, умеют эффективно управлять противоречиями и сложностями, которые возникают в организации. Они способны находить баланс между различными крайностями, разрешать конфликты и управлять неопределенностью. Парадоксальные менеджеры способствуют повышению гибкости и адаптивности организации, улучшают эффективность принятия решений в условиях неопределенности и помогают минимизировать конфликты и противоречия [1].

Подводя итог, следует отметить, что одной из ключевых особенностей управленческих конфликтов в ИТ-организациях является их мультифакторность. Конфликты могут возникать как на фоне разногласий в технических аспектах проектов и методах разработки, так и в сфере управления персоналом, где различия в профессиональных и культурных подходах могут привести к непониманию и конфликтам. Таким образом, успешная работа с управленческими конфликтами в современных ИТ-организациях требует комплексного подхода, учитывающего их специфику и особенности. Это включает в себя поддержку инновационной культуры и применение гибких технологий управления, способных способствовать разрешению конфликтов и содействовать долгосрочной устойчивости и успеху организации.

1. Wei W., Zhou Y., Wang D., *Learning to integrate conflicts: Paradoxical leadership fosters team innovation* [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0148296323004344>
2. Yin J., Qu M., Liao G., Jia M., Li M., *Exploring the relationships between team leader's conflict management styles and team passion: From the emotional perspective* [Electronic resource]. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9704503/>
3. Zhu W., Yang H., Yang B., Sosik J.J., *Innovative leadership in organizations: Dimensions, measurement, and validation* [Electronic resource]. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0148296323008044>

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ НА ГРАЖДАНСКОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Колдушко Анна Анатольевна

(Пермский национальный исследовательский политехнический университет)

Цифровизация как технологический инструмент уверенно входит в систему государственного и муниципального управления, особое значение приобретают процессы цифровизации при проведении антикоррупционной политики на государственной и муниципальной службе. Процессы цифровизации в реализации антикоррупционной политике привлекают внимание исследователей [1,2,3].

Поскольку государственная служба институт довольно консервативный, инструменты цифровизации должны быть четко регламентированы и обеспечены нормативной правовой базой. Согласно Национальному плану противодействия коррупции на 2021-2024 гг. в качестве приоритетных мер обозначены меры по применению цифровых технологий в целях противодействия коррупции, а также разработка мер по противодействию новым формам проявления коррупции, связанным с использованием цифровых технологий [4].

На сегодняшний день в Пермском крае разработаны и приняты нормативные правовые акты в сфере цифровизации государственного и муниципального управления. Распоряжением Правительства Пермского края от 18.08.2022 г. утверждена стратегия цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Пермского края [5]. В частности, в качестве приоритета цифровой трансформации отмечена «доступность, прозрачность и обоснованность в реализации функций публичными органами» [5], что является одной из мер профилактики коррупции. Министерство информационного развития и связи Пермского края, ответственное за реализацию политики в сфере цифровизации государственного и муниципального управления Пермского края, обеспечивает ведение, поддержку 55 информационных систем Пермского края [6].

Одним из главных направлений цифровизации деятельности по предотвращению коррупции в субъектах РФ стала работа по использованию ГИС «Посейдон» [7]. Для внедрения ГИС «Посейдон» в практику органов государственной власти субъектов РФ была проведена большая работа: изданы нормативные правовые акты, регламентирующие ее применение в субъектах РФ, проведена закупка сертифицированного оборудования и аттестация рабочего места, подготовка большого массива документов в Администрацию Президента РФ для получения доступа к ГИС. Так, в Пермском крае указом губернатора был утвержден порядок использования ГИС в области противодействия коррупции «Посейдон» [8], определяющий полномочия должностных лиц и структурных подразделений Администрации губернатора Пермского края по использованию системы, а также действия, осуществляемые должностными лицами по ее использованию. Таким образом, в Пермском крае уже в 2023 г. ГИС «Посейдон» была успешно подключена, и компания по проверке сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера 2024 г. была проведена уже с использованием этой системы.

Вторым приоритетным направлением является минимизация коррупционных проявлений с использованием цифровых технологий в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг. Это направление, пожалуй, является наиболее развитым. По данным рейтинга Минэкономразвития за 2023 год многофункциональные центры Пермского края входят в число лучших по развитию сети МФЦ. За 2023 год гражданам было оказано около 18,6 млн. региональных и муниципальных услуг, из них 15,9

млн. услуг – в электронном виде (85%). «Бесконтактное» предоставление государственных и муниципальных услуг снижает риск коррупции и обеспечивает прозрачное оказание государственных и муниципальных услуг.

Третье направление снижения коррупционных проявлений на гражданской и муниципальной службе Пермского края – цифровизация контрольно-надзорной деятельности.

По данному направлению в настоящее время большое внимание уделяется развитию и совершенствованию мобильных приложений – ГИС ЖКХ, Госуслуги. Дом. В частности, приложение Госуслуги. Дом дает возможность изучения отчетов по доходам и расходам управляющих организаций, получения информации о сроках капремонта и запланированных работах, направления обращений в жилищную инспекцию, в том числе и по коррупционным правонарушениям. Одним из передовых цифровых решений контрольно-надзорной деятельности, связанных с противодействием коррупции, является использование информационной системы мониторинга и управления строительной отраслью Пермского края (АИС Стройкомплекс ПК) [9]. АИС Стройкомплекс ПК содержит единый информационный ресурс о состоянии сферы строительства Пермского края, позволяет реализовать автоматизацию контрольных (надзорных) функций, дает возможности по осуществлению мониторинга и анализа сферы строительства Пермского края. В частности, с 2019 года в системе осуществляется ведение всех надзорных дел (по состоянию на 25.06.2024 – 2369 объектов) [9]. Антикоррупционный компонент АИС Стройкомплекс ПК дает возможность обеспечить высокий уровень открытости и прозрачности, исключить избыточные административные барьеры и человеческий фактор, осуществлять более эффективный контроль за деятельностью должностных лиц со стороны их руководства, позволяет организовать бесконтактное взаимодействие с контролируруемыми лицами.

Антикоррупционный мониторинг деятельности по профилактике коррупционных правонарушений в органах местного самоуправления, подведомственных им муниципальных организациях и учреждениях, а также соблюдения в них законодательства Российской Федерации противодействию коррупции, который проводится органами власти Пермского края, ответственными за профилактику коррупции (Отделом по профилактике коррупционных и иных правонарушений Администрации губернатора Пермского края), является еще одним важным направлением цифровизации противодействия коррупции. В ходе мониторинга проводится, в т.ч. анализ сайтов органов местного управления края, используются сведения АИС «Мониторинг» [10]. По данным мониторинга за 2023 г. было выявлено несколько типичных нарушений: отсутствие предусмотренной приказом Минтруда России от 07.10.2013 № 530 [11] информации на сайте ОМСУ, устаревшая нормативная правовая база (несвоевременная актуализация муниципальных правовых актов), проведение заседаний комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов с нарушениями и проч.

Перспективным направлением цифровизации может стать использование технологий искусственного интеллекта для выявления аффилированности субъектов коррупционных отношений, технологий коррупционных связей и др. Предстоит серьезная работа по совершенствованию правовых и организационных механизмов регулирования в сфере применения технологий искусственного интеллекта.

1. *Противодействие коррупции и процессы цифровизации: научно-практическое пособие / Ю.В. Трунцевский, А.М. Цирин, Е.В. Черепанова и др. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: Инфотропик Медиа, 2023.*
2. *Меняйло Д.В., Крупенникова К.К. О противодействии коррупции в условиях цифровой трансформации // ППД. 2022. №3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-protivodeystvii-korrupsii-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 24.09.2024).*
3. *Овчинников А.И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски // Журнал российского права. 2019. №11. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-korrupsii-v-usloviyah-tsifrovizatsii-vozmozhnosti-perspektivy-riski> (дата обращения: 24.09.2024).*
4. *Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 “О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы” Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402519978/> (дата обращения: 17.09.2024)*
5. *Распоряжение Правительства Пермского края №294-рп от 18.08.2022 г. «Об утверждении Стратегии цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Пермского края на период до 2024 года и плановый период до 2030 года. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/406311341> (дата обращения: 23.09.2024)*
6. *Перечни информационных систем, баз данных, реестров, регистров, в отношении которых Министерство информационного развития и связи Пермского края осуществляет функции по созданию, развитию, вводу в эксплуатацию, эксплуатации, выводу из эксплуатации. Режим доступа: <https://mirs.permkrai.ru/o-vedomstve/perechni-informatsionnykh-sistem-baz-dannykh-reestrov-registrov> (дата обращения: 23.09.2024)*
7. *Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. N 232 “О государственной информационной системе в области противодействия коррупции “Посейдон” и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации” // Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404436076/> (дата обращения: 17.09.2024)*
8. *Указ губернатора Пермского края от 14.03.2023 № 23 “Об утверждении Порядка использования государственной информационной системы в области противодействия коррупции “Посейдон” и о внесении изменений в отдельные указы губернатора Пермского края о противодействии коррупции” // Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5900202303150002>. (дата обращения: 17.09.2024)*
9. *Автоматизированная информационная система мониторинга и управления строительной отрасли Пермского края. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://stk.permkrai.ru/>. (дата обращения: 23.09.2024)*
10. *Постановление Правительства Пермского края от 07.09.2023 № 684-п “Об аналитической информационной системе “Мониторинг Пермского края” (АИС Мониторинг ПК)”. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5900202309080010?index=6>. (дата обращения: 24.09.2024)*
11. *Приказ Минтруда России от 07.10.2013 № 530 “О требованиях к размещению и наполнению подразделов, посвященных вопросам противодействия коррупции, официальных сайтов федеральных государственных органов, Центрального банка Российской Федерации, Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда социального страхования Российской Федерации, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, государственных корпораций (компаний), иных организаций, созданных на основании федеральных законов, и требованиях к должностям, замещение которых влечет за собой размещение сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера”. Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7858/>. (дата обращения: 24.09.2024)*

СОВРЕМЕННЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

*Колосова Галина Владимировна
(Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга)*

Аннотация

Для обеспечения взаимодействия организаций, участвующих в предоставлении услуг пожилым гражданам, необходимо совершенствовать систему управления. Апробированная модель системы управления межведомственным взаимодействием в сфере социального обслуживания пожилых граждан Санкт-Петербурга основана на процессном подходе, используемом в клиентоцентричной модели государственного управления, где все государственные услуги и сервисы выстраиваются вокруг потребностей людей, учитывая их особенности.

Ключевые слова: система управления, социальное обслуживание, межведомственное взаимодействие, система долговременного ухода, клиентоцентричность, старшее поколение.

Инновационное реформирование современного государственного управления, в том числе в системе социального обслуживания, в Российской Федерации предусматривает переход к клиентоцентричному подходу, обеспечивающему комплексное решение проблем человека, за счет усовершенствования процессной деятельности в целях повышения эффективности взаимодействия между государством и человеком.

В российской системе управления на всех уровнях взаимодействия часто наблюдаются недостатки в координации действий и разработки совместных решений проблем. Это связано с тем, что доминирующая модель вертикального и централизованного государственного управления не всегда эффективно соответствует разнообразию современного общественного уклада в России, которое требует горизонтальных взаимодействий и координации различных акторов. Следует отметить, что вертикальное управление, происходящее сверху вниз, действует иначе в социальных системах,

по сравнению с техническими. В социальных системах важно учитывать «обратную связь» для возможности внесения корректировок в уже принятые решения.

Повышение качества жизни каждого человека и уровня доверия граждан, организаций, государственных органов обеспечивается через трансформацию подходов к работе с людьми для решения их жизненных ситуаций.

Современная культура государственного управления ставит на первое место потребности человека, выстраивает все государственные сервисы вокруг потребностей людей, предусматривает особую роль цифровизации государственного управления, направленную на улучшение государственных сервисов для удовлетворения интересов граждан.

Система управления межведомственным взаимодействием – это система управления субъектами, входящими в нее, на основе различных связей между ними, с их воздействием друг на друга, обеспечивающим их взаимную обусловленность, в результате которых происходят изменения качеств и состояний объектов (субъектов), способствующих реализации возможностей, решению проблем, организации совместной деятельности, использованию механизмов партнерства и привлечения дополнительных ресурсов.

На этапе подготовки Санкт-Петербурга к формированию системы долговременного ухода (СДУ) - комплексной системы, направленной на обеспечение каждого человека,

не полностью справляющегося с самостоятельным уходом, системой поддержки самого высокого качества жизни с наивысшим возможным уровнем независимости, автономии, участия в деятельности, самореализации и человеческого достоинства [2;189], автором, начиная с 2019 года активно велась экспериментальная работа по оптимизации деятельности учреждений социального обслуживания, оказывающих услуги гражданам старшего поколения, что привело к разработке и внедрению системы управления межведомственным взаимодействием в сфере социального обслуживания граждан пожилого возраста, основные элементы которой представлены на рис.1.

Рисунок 1. Система управления межведомственным взаимодействием в сфере социального обслуживания граждан пожилого возраста на примере Санкт-Петербурга

Практическая апробация представленной системы управления межведомственным взаимодействием обеспечила взаимодействия различных уровней: вертикальных, горизонтальных, диагональных между органами и организациями как регионального, так и федерального подчинения, участвующих в предоставлении помощи и услуг гражданам пожилого возраста а также следующим группам пациентов СДУ: гериатрическим пациентам, паллиативным пациентам, людям с инвалидностью, пациентам с психическими расстройствами, маломобильным пациентам, родственникам, осуществляющим уход, гражданам, оказывающим надомную помощь нуждающимся [1;17].

Для реализации системы управления необходимо было привлечь государственные структуры, ответственные за принятие управленческих решений и регулирование процессов (Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга (КСП), Комитет по здравоохранению (КЗ), администрации районов города, в ведении которых находятся учреждения здравоохранения и социального обслуживания (АР)), участники (медицинские организации, организации социального обслуживания населения (ОСОН), федеральные бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ)).

Данная система управления основана на процессном подходе, используемом в клиентоцентричной модели государственного управления, в которой на первое место ставятся потребности человека, все государственные услуги и сервисы выстраиваются вокруг потребностей людей, учитывая их особенности. Координирующую функцию выполняет Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга.

Основные направления совершенствования межведомственного взаимодействия организаций здравоохранения и социального обслуживания при оказании социальных услуг

и медицинской помощи гражданам пожилого возраста, в том числе при внедрении СДУ

в Санкт-Петербурге включают в себя: нормативное правовое обеспечение порядка межведомственного взаимодействия и подписание соглашений о сотрудничестве между медицинскими организациями и организациями социального обслуживания населения; разработка технологических решений цифровизации отрасли; создание сбалансированной системы социального обслуживания на дому, в полустационарной и стационарной формах, в том числе предоставление социальных услуг с использованием стационарозамещающих технологий; профессиональная подготовка кадров, включающая в себя обучение и повышение квалификации специалистов, предоставляющих социальные услуги в области долговременного ухода, создание центров профессиональных компетенций в Санкт-Петербурге; поддержка семьи с пожилым, нуждающимся в долговременном уходе (в Санкт-

Петербурге созданы во всех районах города 18 школ ухода и 34 пункта проката технических средств реабилитации); совершенствование определения объемов финансового обеспечения услуг и порядка формирования тарифов на социальные услуги; привлечение некоммерческих и коммерческих организаций к реализации государственной политики в социальной сфере, обеспечение их доступа к включению в Реестр поставщиков социальных услуг и к средствам регионального бюджета, направляемым на предоставление социальных услуг.

Необходимость регулирования системы управления межведомственным взаимодействием организаций здравоохранения и социального обслуживания при внедрении СДУ способствовала практическому внедрению разработанных автором механизмов межведомственного взаимодействия, учитывающих особенности этапов интеграционных связей: выявление граждан, определение их индивидуальной потребности в объеме необходимой помощи, предоставление социального пакета СДУ, соответствующего нуждаемости, включение обслуживаемых в систему здравоохранения для их социального сопровождения.

Практические механизмы интеграционных связей в Санкт-Петербурге обеспечены за счет заключения соглашений разного уровня, предусматривая как вертикальные связи (органы государственной власти), так и горизонтальные связи (организации социального обслуживания и медицинские организации).

В качестве практических управленческих решений в Санкт-Петербурге созданы условия для перспективы цифрового обмена сведениями через внедрение цифровых решений

в деятельность организаций социального обслуживания и повышения цифровых компетенций персонала через систему непрерывного обучения и формирования мотивационной активности.

Данная модель построена и апробирована на основе комплексного подхода, образуя экосистему сетевого взаимодействия организаций социального обслуживания и здравоохранения вокруг потребностей пожилого человека, требующих междисциплинарного участия в их решении специалистов двух отраслей. Особое внимание уделено процессному подходу в части выполнения таких функций как координация, маршрутизация, цифровизация, контроль качества. Важными организационными элементами СДУ являются подготовка кадров, развитие инфраструктуры, нормативное правовое регулирование, финансовое обеспечение.

В Санкт-Петербурге сложившаяся с 2015 года система управления проектами направлена на удовлетворение интересов и потребностей человека путем внедрения клиентоцентричного подхода, построения деятельности и устройства ведомств, обеспечивающая качественное предоставление услуг, максимально адаптированных под каждого человека. Это способствует повышению прозрачности и эффективности работы государственных органов, а также ориентировано на глубокое уважение к личности получателя социальных услуг.

Развитие сетевых взаимодействий с использованием новых информационных технологий будет способствовать росту эффективных межведомственных взаимодействий двух отраслей – здравоохранения и социального обслуживания в отношении граждан пожилого возраста, нуждающихся в посторонней помощи.

Апробированная автором модель управления межведомственным взаимодействием в сфере социального обслуживания граждан пожилого возраста на примере

Санкт-Петербурга актуальна для всех регионов Российской Федерации для улучшения процессов управления межведомственным взаимодействием органов

здравоохранения и социальной защиты населения, участвующих в предоставлении социально-медицинских услуг старшему поколению.

С успешным опытом Санкт-Петербурга и практическими аспектами реализации модели управления можно познакомиться на Международном форуме «Старшее поколение», который пройдет уже в 17 раз при поддержке Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в Санкт-Петербурге с 23 по 26 октября 2024 года.

Форум ежегодно посещают порядка двух тысяч представителей профессионального сообщества - органов социальной защиты населения субъектов Российской Федерации, международных, федеральных и региональных организаций, общественных объединений, средств массовой информации.

1. *Киселева Л.С., Колосова Г.В., Семенова А.А. Создание системы долговременного ухода для граждан пожилого возраста и инвалидов в Санкт-Петербурге: опыт регионального проекта «Старшее поколение» / Монография. – Санкт-Петербург: издательство СПб ГИПСР. 2022. – 186 с.*

2. *Колосова Г.В. Институционализация долговременного ухода за пожилыми: опыт Санкт-Петербурга // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 2. С. 194-203.*

ЧЕЛОВЕК КАК ЦЕНТР ОРГАНИЗАЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ

Костюк Ирина Валерьевна
(Национальная Федерация профессиональных менторов и коучей)

Рассмотрены научные и практические предпосылки формирования человекоцентричного подхода в управлении, а также возникающая в связи с изменениями в управленческих отношениях необходимость пересмотра применяемых стилей и методов управления в пользу более широкого использования недирективных стилей и методов. Кратко охарактеризованы коучинговый стиль управления и коучинг как метод управления и развития персонала, приведены результаты экспертного опроса о применении недирективных методов управления в государственных организациях и органах власти.

Ключевые слова: человекоцентричность в управлении, человекоцентричный подход в управлении, недирективные методы управления, коучинговый стиль управления, коучинг в управлении.

Современные тенденции в управлении организациями демонстрируют растущий интерес к человекоцентричности. Развитие человекоцентричного подхода в управлении обусловлено: изменениями ценностных ориентиров общества и государства; меняющейся ролью человека в системе производственно-экономических отношений в постиндустриальный период; поступательным развитием теоретических и практических подходов в науке управления, психологии, маркетинге, демонстрирующих высокую эффективность; а также современными вызовами, связанными с глобальными трендами на рынке труда и порождающими острую необходимость внедрения новых подходов в практике и теории управления персоналом в организациях [5].

Так, в социологическом аспекте предпосылками к формированию данного подхода являются:

- изменение ценностных ориентиров общества: рост внимания к человеку, его потребностям и правам, индивидуальности и самореализации;
- трансформация роли человека в постиндустриальном обществе: от "винтика" в производственной системе к самостоятельному субъекту в отношениях с организацией, непосредственно определяющему ее результативность;
- концепция устойчивого развития, акцентирующая внимание на социальной ответственности организаций.

В науке управления также все больше значения придается самому человеку и его роли в управленческих отношениях. Это заметно:

- в эволюции теорий управления;
- в развитии концепций организационной культуры и организационного поведения, подчеркивающих важность человеческого фактора;
- в формировании теорий лидерства, ориентированных на вовлечение и развитие сотрудников (ситуационное лидерство, трансформационное лидерство и др.).

Развитие гуманистической психологии (К. Роджерс, А. Маслоу) привело к появлению человекоцентрированного подхода в психотерапии, одного из наиболее распространенных в настоящее время в мире и ставшего основой для развития коучинга. Данный подход построен на глобальной доверии к человеку и уверенности в том, что в нем заложена тенденция расти и развиваться, реализовывать свой потенциал, и при выполнении

определенных условий взаимодействия, обеспечивающих “фасилитирующий психологический климат”, изменения непременно происходят [10].

В маркетинге эволюция концепций также привела к смене фокуса, последовательно переходя от продуктового подхода к клиентоориентированному и затем клиентоцентричному [9]. Цель, которую изначально преследовал этот подход - снижение издержек компании по привлечению и сохранению клиентов для более успешной конкуренции на рынке продуктов и услуг. Теперь же концепция управления клиентским опытом, дающая прорывные результаты в бизнесе, все активнее распространяется на сферу управления персоналом.

Государство также не осталось в стороне от этих изменений: в 2020 году принята концепция клиентоцентричности во взаимодействии с гражданами и бизнесом, а также в системе отношений “государство-государство” [11].

Отдельно необходимо остановиться на вызовах и трендах в управлении персоналом. Здесь важно отметить:

- изменения инфраструктуры рынка труда: рост мобильности рабочей силы, закрепление новых форматов работы, таких как гибридный и удаленный;
- трансформацию ожиданий сотрудников: запрос на баланс работы и личной жизни, возможности для развития и самореализации;
- кадровый голод, усиливающий конкуренцию за таланты;
- быстрое развитие новых технологий, требующее постоянного обучения персонала;
- цифровизацию;
- рост популярности командного подхода и проектной деятельности, требующих новых компетенций от сотрудников и руководителей
- внедрение концепции клиентоцентричности в организациях и государственном управлении, создающее запрос на новые подходы к управлению персоналом [11].

Таким образом, очевидно, что фокус общественного внимания, научные и практические подходы все больше разворачиваются к человеку, трансформируется и роль самого человека в отношениях с организациями. Человекоцентричный подход является в управлении является закономерным итогом этой трансформации, вовлекая человека в партнерские отношения с организацией.

Эти изменения порождают необходимость пересмотра подходов к управлению, поскольку для меняющихся ролей в управленческих отношениях и меняющегося характера этих отношений прежних инструментов недостаточно. Возникает высокая потребность в освоении и более широком применении вовлекающих, недирективных стилей управления и соответствующих методов управления.

К таким стилям и методам, в том числе, относятся коучинговый стиль управления и коучинг как метод управления и развития [3], [4]. Так, коучинговый стиль управления представляет собой развитие вовлекающего (недирективного) стиля управления с акцентом на развитии собственного потенциала сотрудников. Его основные характеристики:

- отсутствие директивности в управлении;
- фокус на развитии сотрудника с опорой на его внутренние ресурсы;
- партнерский подход в отношениях руководитель-подчиненный;
- использование вопросов для стимулирования самостоятельного мышления и поиска собственных решений;
- развитие осознанности сотрудников относительно своих целей и поведения;
- ориентация на будущее, поиск возможностей и раскрытие потенциала, а не на прошлые ошибки;
- систематическая конструктивная обратная связь.

Коучинг как метод управления и развития — это структурированный процесс управленческого воздействия, включающий использование конкретных методов, приемов и техник коучинга с целью развития потенциала сотрудников и повышения их эффективности.

Исследование, проведенное автором в 2024 году в форме экспертного опроса среди руководителей органов власти и крупных государственных организаций (n=60), показало:

1. Невысокий уровень осведомленности о недирективных методах управления, их инструментах, условиях применения и эффективности. Лишь чуть больше половины респондентов (51,7%) оценивают осведомленность руководителей в своих организациях от 3 до 5 баллов по 5-балльной шкале.

2. Существует разрыв между текущим использованием и потребностью во внедрении недирективных методов, в частности:

- менторинг: используется в 11,67% организаций, необходим в 60,00%;
- коучинг силами привлеченных внешних коучей: используется в 3,33%, необходим в 31,67%;
- коучинговый стиль управления: используется в 5,00%, необходим в 31,67%.

3. Нехватку специалистов, профессионально владеющих инновационными инструментами работы с персоналом, отметили 71,67% респондентов.

4. Высокая готовность руководителей к развитию компетенций в области недирективного управления (95% респондентов считают развитие данных компетенций важным для себя).

Итак, человекоцентричный подход в управлении является закономерным результатом эволюции научной мысли и практических потребностей организаций в условиях современной экономики. Реализация этого подхода в организациях требует пересмотра применяемых стилей и методов управления и более широкого использования недирективных стилей и методов управления.

Коучинговый стиль управления и коучинг как метод управления и развития персонала являются особыми видами недирективных стилей и методов управления с акцентом на развитии сотрудников.

Существует значительный разрыв между текущим уровнем применения недирективных методов управления в государственных организациях и органах власти и осознанной потребностью в их внедрении. При этом наблюдается высокая готовность руководителей к освоению недирективных методов управления.

Для успешного внедрения человекоцентричного подхода в государственных организациях необходимо развитие системы подготовки руководителей и привлечение в организации специалистов в области недирективных методов управления.

1. Lamberti L. *Customer centricity: the construct and the operational antecedents* // *Journal of Strategic Marketing*. 2013. Vol. 21, no. 7. P. 588–612. URL: <https://doi.org/10.1080/0965254X.2013.817476>
2. Гальченко С.А., Сезонова О.Н., Ходыревская В.Н., Трубникова В.В., Рюмишин А.В. *Человекоцентричность – необходимое условие экономики будущего* // *Лидерство и менеджмент*. – 2022. – Том 9. – № 2. – С. 309–322. – doi: [10.18334/lim.9.2.114587](https://doi.org/10.18334/lim.9.2.114587).
3. Кирилина Т.Ю., Костюк И.В. *Перспектива применения недирективных методов управления в органах власти РФ и государственных организациях* // *Социально-гуманитарные технологии*. 2024. №3 (31). С. 49–62.

4. Костюк И.В. Коучинг как метод недирективного управления в государственных органах власти и органах местного самоуправления // Социально-гуманитарные технологии. 2023. №1 (25). С. 52-58.
5. Костюк И.В. Человекоцентричность как тренд в управлении. В сборнике Русский космизм: история и современность. Место и роль науки и технологий в решении глобальных проблем современности. Сборник трудов по материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции (21 декабря 2023 г.): сборник статей / кол. авторов; под ред. Т.Ю. Кириловой. – Москва: РУСАИНС, 2024. – с. 243-250
6. Костенко Е.П. Эволюция теории и практики управления персоналом в XX в. // История экономической мысли (Terra Econoticus). - 2013. - Том 11 - №4. - Часть 2. - С. 222-227.
7. Мухина М.Г. Эволюция взглядов на роль и место человека в трудовой деятельности // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6; <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11695> (дата обращения: 30.01.2024)
8. Овчинникова О.П., Лебедева Д.В. Формирование человекоцентричной модели организации в современных условиях // Креативная экономика. – 2023. – Том 17. – № 9. – С. 3269-3282. – doi: [10.18334/ce.17.9.118832](https://doi.org/10.18334/ce.17.9.118832).
9. Ойнер О.К., Пантелеева Е.К., Метелева Ю.И., Цыганкова Ю.М. Формирование клиентоориентированного подхода к бизнесу: концептуальная модель // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 6. Экономика. - 2018. - № 2. - С. 94-117.
10. Роджерс К.Р., Колпачников В.В., Орлов А.Б. Клиентоцентрированный? Человекоцентрированный? // Консультативная психология и психотерапия. - 2010. - Том 18. - № 4. - С. 166–174.
11. Стандарты клиентоцентричности. Минэкономразвития РФ. [Электронный ресурс]: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie_gosudarstvo_dlya_lyudey/standarty_klientocentrichnosti/ (дата обращения 30.10.2023)

ОЦЕНКА СИНЕРГИЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Крейк Альфред Иосифович
(Новосибирский государственный технический университет (НГТУ НЭТИ))

Плетнева Анастасия Игоревна
(Новосибирский Государственный университет (НГТУ НЭТИ))

Известно, что в организациях синергия проявляет себя в виде синергийного эффекта. Уровень синергийного взаимодействия между подразделениями рассмотрен авторами на примере Муниципального учреждения здравоохранения Новосибирская районная больница №1 (Стационар № 1).

В МУЗ НРБ №1 работают высококвалифицированные врачи и средний медперсонал.

Для понимания качества взаимодействий между подразделениями Стационара № 1 была произведена оценка факторов синергийного взаимодействия между его структурными подразделениями. Стационар состоит из следующих структурных подразделений:

Реанимационное отделение.

Хирургическое отделение.

Гинекологическое отделение.

Диагностика факторов синергийного взаимодействия между подразделениями Стационара № 1 была проведена, используя авторскую методику ОФСВ (оценка факторов синергийного взаимодействия), которую разработал А.И. Крейк. Факторами синергийного взаимодействия являются: комбинированность работы, однонаправленность работы, синхронность работы, скорректированность работы, упорядоченность работы, регламентированность работы и целостность работы [1].

Исходя из оценок факторов синергийного взаимодействия (Таблица 1), где оценка менее 2 баллов «неудовлетворительно», от 2,1 до 4,0 – «удовлетворительно», от 4,1 до 6,0 – «хорошо», более 6 баллов – «отлично», можно сделать вывод, что между подразделениями «хирургия» и «гинекология» следующий уровень синергийного взаимодействия:

Работа между подразделениями недостаточно функционально согласована на успешное достижение общего результата.

Синхронность работы между подразделениями по времени тоже оставляет желать лучшего.

Работа рассматриваемых подразделений однонаправленна на успешное достижение общего результата и может быть оперативно скорректирована при изменениях среды.

Таблица 1. Взаимодействие между подразделениями «хирургия» и «гинекология»

Факторы синергийного взаимодействия	Оценка членами отделения «хирургия»	Оценка членами отделения «гинекология»	Разность оценок
Комбинированность работы	5,7	4,8	0,9
Однонаправленность работы	5,0	6,1	1,1
Синхронность работы	5,1	4,2	0,9
Скорректированность работы	4,4	4,3	0,1

Упорядоченность работы	5,4	5,0	0,4
Регламентированность работы	3,1	2,5	0,6
Целостность работы	4,5	5,0	0,5

Согласно оценкам факторов синергичного взаимодействия между подразделениями «гинекология» и «реанимация» (Таблица 2), можно сделать следующие выводы:

Выявлена слабая синхронность в выполнении работ между данными подразделениями.

Вызывает беспокойство упорядоченность их работы.

В работе рассматриваемых подразделений наблюдается хорошая функциональная согласованность, регламентированность и целостность.

Таблица 2. Взаимодействие между подразделениями «гинекология» и «реанимация»

Факторы синергичного взаимодействия	Оценка членами отделения «гинекология»	Оценка членами отделения «реанимация»	Разность оценок
Комбинированность работы	4,3	4,1	0,2
Однонаправленность работы	5,6	5,0	0,6
Синхронность работы	6,1	5,2	0,9
Скорректированность работы	3,5	4,0	0,5
Упорядоченность работы	4,9	4,0	0,9
Регламентированность работы	5,6	5,3	0,3
Целостность работы	4,7	5,0	0,3

Согласно оценкам факторов синергичного взаимодействия между подразделениями «реанимация» и «хирургия» (Таблица 3) можно сделать следующие выводы:

Скорректированность работы между данными подразделениями является наиболее слабым фактором.

В работе рассматриваемых подразделений наблюдается хорошая синхронность, регламентированность и целостность.

Таблица 3. Взаимодействие между подразделениями «реанимация» и «хирургия»

Факторы синергичного взаимодействия	Оценка членами отделения «реанимация»	Оценка членами отделения «хирургия»	Разность оценок
Комбинированность работы	6,1	6,3	0,2
Однонаправленность работы	6,7	6,4	0,3
Синхронность работы	6,3	6,2	0,1

Скорректированность работы	5,3	5,7	0,4
Упорядоченность работы	6,6	6,3	0,3
Регламентированность работы	6,6	6,5	0,1
Целостность работы	6,7	6,5	0,2

Как итог проведенного оперативного исследования, можно сделать следующие выводы о синергичном взаимодействии между подразделениями Стационара №1 МУЗ НРБ №1:

При рассмотрении взаимодействия подразделения «реанимация» с другими подразделениями наблюдается низкий уровень в скорректированности, упорядоченности и синхронности выполнения работы.

При взаимодействии подразделения «хирургия» с другими подразделениями выявлен низкий уровень в скорректированности и синхронности работы. При взаимодействии с отделением «гинекология» наблюдается организационная патология в однонаправленности работы.

При рассмотрении взаимодействия подразделения «гинекологи» с другими подразделениями проявлен низкий уровень в синхронности, упорядоченности, функциональной согласованности работы. При взаимодействии с отделением «хирургия» наблюдается организационная патология в однонаправленности работы.

Соответственно, подразделения «гинекология» и «хирургия» должны научиться работать в кооперативном режиме, так как из-за этого снижен потенциал деятельности организации.

1. Крейк А.И. Социальная синергия в организациях как фактор их эффективности: Дис. на соискание ученой степени кандидата социол. наук. – Новосибирск: Новосибирск: НГАЭУ, 2000.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Куропаткин Виктор Васильевич
(Российский государственный социальный университет)

Аннотация. В статье рассматривается экологическое сознание, как сложный социальный феномен. Анализируются различные подходы к изучению экологического сознания в социологии, включая структурный функционализм, теорию конфликтов, символический интеракционизм и постмодернизм. На основе анализа научных исследований делается вывод о роли экологического сознания для решения глобальных экологических проблем.

Ключевые слова: экологическое сознание, социологический анализ, социальные институты, экологическое образование.

Современный мир сталкивается с острыми экологическими проблемами, которые требуют комплексного и системного подхода к решению. Одной из ключевых составляющих системного подхода является понимание экологического сознания населения. Экологическое сознание, как сложный социально-психологический феномен, отражает отношение людей к окружающей среде, их готовность принимать активное участие в решении экологических проблем.

Экологическое сознание - сложный социально-психологический феномен, отражающий осведомленность, отношение и поведение отдельных людей и общества по отношению к окружающей среде. Как таковое, оно является богатым и многогранным объектом социологического анализа [2].

По изученным источникам определены основные подходы и социологические взгляды на экологическое сознание [5]:

- Структурный функционализм – подход, который рассматривает экологическое сознание как продукт общественных структур и институтов. Он подчеркивает роль социальных норм, ценностей и институтов в формировании экологических установок и поведения людей. Например, общество с жесткими экологическими нормами и культурой, в которой ценится охрана природы, скорее всего, будет иметь высокий уровень экологического сознания среди своих граждан.

- Теория конфликтов фокусируется на динамике власти и неравенстве, которые лежат в основе экологических проблем. В ней утверждается, что экологическое сознание часто формируется под влиянием классового, расового и гендерного неравенства и что доминирующие группы могут использовать свою власть для эксплуатации окружающей среды в своих собственных интересах.

- Символический интеракционизм - подход фокусирующийся на социальном взаимодействии в формировании экологического сознания. В ней утверждается, что отношение людей к окружающей среде и их поведение зависят от значений, которые они придают окружающей среде, и их взаимодействия с другими людьми. Он подчеркивает роль символов, языка и социальных взаимодействий в формировании экологического сознания. Например, использование определенных терминов, таких как «глобальное потепление» или «изменение климата», может повлиять на общественное восприятие экологических проблем.

- Постмодернизм критикует доминирующие представления о природе и защите окружающей среды, утверждая, что они часто основаны на западных культурных ценностях и предположениях. В постмодернизме утверждается, что экологическое сознание

формируется под влиянием множества факторов, включая культурные ценности, личный опыт и местные системы знаний.

Особенности экологического сознания и поведения современных студентов исследовала М. В. Валеева. По мнению автора, современные студенты проявляют значительный интерес к экологическим проблемам и осведомлены о существующих экологических угрозах, а также осознают необходимость сохранения окружающей среды. Несмотря на высокую степень осведомленности, реальные экологические действия студентов часто оказываются недостаточными и нерегулярными, указывая при этом на разрыв между экологическим сознанием и поведением [1]. Исследование М. В. Валеевой выявило, что университет играет существенную роль в формировании экологического сознания студентов. Образовательные программы, внеучебные мероприятия и социальная среда вуза оказывают существенное влияние на экологические взгляды и поведение студентов. Автор приходит к выводу, что современная молодежь обладает высоким уровнем экологического сознания, однако для эффективного решения экологических проблем необходимо стимулировать переход от экологического сознания к экологическому поведению. Именно поэтому, требуется активная работа образовательных учреждений, государственных органов и общественных организаций.

Также, Д.В. Мирошкин, А.В.Гриненко, и др., исследовали концепцию экологического сознания и ее связь с экологическими проблемами. Они утверждают, что нынешний экологический кризис происходит из-за отсутствия экологического сознания у людей, которое характеризуется антропоцентрическим мировоззрением и преобладанием потребностей человека над потребностями природы. Авторы определяют экологическое сознание как «совокупность экологических и природоохранных концепций, идеологических позиций, отношения к природе и стратегий практической деятельности, направленных на природные объекты». Они предполагают, что формирование экологического сознания может происходить по различным каналам, включая политику, экономику, образование и телевидение. Однако авторы подчеркивают ценность школьного образования в формировании экологического сознания. Д.В. Мирошкин, А.В.Гриненко, и др., проводят различие между двумя типами экологического сознания, а именно - антропоцентрическим и экоцентристским. Антропоцентрическое сознание характеризуется иерархическим взглядом на мир, в котором человек находится на вершине, и приоритетом человеческих потребностей над потребностями природы. Экоцентрическое сознание, с другой стороны, характеризуется отказом от иерархического взгляда на мир и признанием равных прав человека и природы [3].

Д.В. Мирошкин, А.В.Гриненко, и др., утверждают, что традиционное экологическое образование часто не способствует развитию экоцентрического сознания, поскольку оно направлено в первую очередь на предоставление учащимся экологических знаний, а не на формирование понимания природы и ее взаимосвязи с жизнью человека. Они предлагают, чтобы экологическое образование было направлено на развитие лично значимых отношений с природой, что необходимо для развития экоцентрического сознания. Таким образом, авторы подчеркивают переход от антропоцентрического к экоцентрическому мировоззрению для преодоления экологического кризиса и требуются фундаментальные изменения в том, как мы воспринимаем природу и взаимодействуем с ней, и при этом образование играет решающую роль в содействии таким изменениям.

Концепцию коллективного экологического сознания, которое представляет собой общее понимание экологических проблем и способов их решения исследовали О. Хрущ, О. Федик, Ю.Карпюк. Они исследовали его взаимосвязь с экологической культурой, которая включает в себя ценности, убеждения и модели поведения, связанные с окружающей

средой. Коллективное экологическое сознание формируется в процессе социализации, так как люди узнают об экологических проблемах и вырабатывают свои установки и модели поведения в процессе взаимодействия с другими членами общества [4]. Экологическая культура влияет на коллективное экологическое сознание, ценности и нормы общества влияют на то, как люди воспринимают экологические проблемы и реагируют на них. Экологическое сознание многомерно и включает когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Индивидуальное экологическое сознание вносит свой вклад в коллективное экологическое сознание, установки, убеждения и поведение отдельных людей формируют коллективное понимание экологических проблем. Кризис морали и духовности препятствует развитию коллективного экологического сознания потому, что сосредоточенность на личной выгоде и материальном благополучии мешает людям придерживаться устойчивого и экологически ответственного подхода к образу жизни, направленную на защиту окружающей среды. Авторы приходят к выводу, что развитие коллективного экологического сознания имеет важное значение для решения экологических проблем и подчеркивают необходимость экологического образования для углубления понимания экологических проблем и поощрения поведения, направленного на защиту окружающей среды.

Проведенный анализ исследований по экологическому сознанию выявил ряд ключевых моментов и тенденций. Экологическое сознание рассматривается как сложный социально-психологический феномен, включающий в себя когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Оно формируется под влиянием множества факторов, включая социальные, культурные, экономические и политические. Исследования экологического сознания опираются на различные социологические теории, такие как структурный функционализм, теория конфликтов, символический интеракционизм и постмодернизм. Каждый из этих подходов предлагает свой уникальный взгляд на формирование и функционирование экологического сознания.

В заключение отметим, что экологическое сознание является динамичным и формируется под влиянием множества факторов. Оно не является статичным понятием, а постоянно развивается и меняется под воздействием социальных, культурных и экономических изменений. Экологическое сознание является определяющим в отношении человека к окружающей среде и его готовность принимать меры по ее охране. Для эффективного решения экологических проблем необходимо сотрудничество различных социальных групп и институтов.

1. Валеева М.В. Экологическое сознание и поведение современных студентов: социологический анализ // *Социодинамика*. 2023. С.53-63. doi:10.25136/2409-7144.2023.7.43907.
2. Гулько Е.Ю. Проблемы экологического сознания и поведения студенческой молодежи // *Социологический альманах*. – 2017. – № 8. – С. 160-166.
3. Мирошкин Д.В., Гриненко А.В., Тхуго М.М., Мизонова О.В., Кочетков И.Г., Казакова С.Н., Милорадова Н.Г. Психология экологического сознания // *Экологичи*. 2019. № 28(107). С. 593-599.
4. Khrushch O., Fedyk O. Karpiuk Y. Psychological Factors for the Formation of Collective Ecological Consciousness // *Grassroots Journal of Natural Resources*. 2022. № 5(2). p. 24-43. Doi: <https://doi.org/10.33002/nr2581.6853.050203>
5. Yazevich M., Kalinina O., Zhironkina O. (2019). Ecological Consciousness in a Shift of Scientific Paradigms // *E3S Web of Conferences*. 2019. № 134. 03004. 10.1051/e3sconf/201913403004.

СОЦИАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Мазеин Константин Валерьевич
(Российский государственный социальный университет)

Фомичева Татьяна Владимировна
(Российский государственный социальный университет)

Аннотация

Публикация посвящена анализу комплекса мер, направленных на противодействие терроризму в образовательной сфере. Описывается комплексный подход к преодолению социальных барьеров, препятствующих организации противодействия терроризму

Ключевые слова

Социальные барьеры, ограничения, управленческие решения, противодействие организации терроризма в образовательной среде

Социальные барьеры и ограничения в реализации управленческих решений по противодействию терроризму в образовательной среде являются важным аспектом, который необходимо учитывать при совершенствовании мер в данной сфере.

Социальные барьеры - это препятствия и трудности социального характера, которые затрудняют или делают невозможным эффективную реализацию управленческих решений и мероприятий. Такие барьеры связаны с социальными факторами, ценностями, установками, моделями поведения различных участников образовательного процесса.

Социальные ограничения - это рамки, пределы, границы, накладываемые социальными условиями, нормами, отношениями, которые сдерживают или ограничивают возможности принятия и реализации управленческих решений в сфере противодействия терроризму. Данные ограничения обусловлены социальной средой, в которой функционирует образовательная организация.

Управленческие решения - это выбор определенного курса действий, направленных на достижение целей по обеспечению антитеррористической безопасности в образовательных учреждениях. Эффективная реализация таких решений требует преодоления социальных барьеров и учета социальных ограничений.

Противодействие терроризму в образовательной среде включает комплекс мер профилактического, организационного, правового характера, направленных на снижение угрозы террористических актов, минимизацию последствий, а также вовлечение различных участников в обеспечение безопасности образовательных организаций, в том числе:

1. Недостаточная информированность и правовая грамотность обучающихся. Многие студенты и школьники недостаточно осведомлены об актуальных террористических угрозах, не знают о правилах поведения и алгоритмах действий в чрезвычайных ситуациях. Это создает значительные трудности для внедрения профилактических программ и мероприятий, направленных на повышение бдительности и готовности к возможным инцидентам. Самой главной и действенной мерой противодействия влиянию идеологии терроризма образовательных организаций высшего образования на молодёжь является собственно работа с молодёжью [4]. Преодоление данного барьера требует систематической информационно-просветительской работы, интеграции соответствующих тем в учебные программы. Необходимо проводить

мероприятия с привлечением экспертов различных областей для защиты традиционных государственных ценностей, пропаганды патриотического воспитания [4].

2. Сопротивление изменениям среди педагогического состава. Введение новых мер безопасности, ужесточение пропускного режима [2], дополнительная отчетность и контроль могут вызывать негативную реакцию и неприятие со стороны части преподавателей. Они могут считать такие меры излишними, ограничивающими их профессиональную свободу. Преодоление данного барьера предполагает вовлечение педагогов в процесс разработки и внедрения управленческих решений, разъяснение важности принимаемых мер.

3. Организациями высшего образования принимаются меры по защите информационного пространства от деструктивного воздействия на молодёжь. Например, по мнению А.И. Бастрыкина, очень важно в студенческой среде проводить мероприятия, направленные на противодействие распространения опасной информации [1]. У студентов данные мероприятия вызывают большие опасения относительно нарушения приватности и свобод. Это может привести к социальной напряженности и сопротивлению. Для преодоления таких опасений необходимо обеспечить прозрачность и понятность применяемых мер, подчеркивать приоритетность безопасности при сохранении разумного баланса с уважением прав человека.

4. Недостаточное финансирование и ресурсное обеспечение. Реализация комплексных антитеррористических мероприятий, включая оснащение техническими средствами, подготовку персонала, организацию учений и тренировок, требует значительных финансовых и материальных затрат. Современные информационные системы отличаются высокой сложностью объектной структуры и многогранностью понятий информационной безопасности. Большой проблемой является нехватка качественных кадров в области информационной безопасности в ВУЗах [2]. Ограниченность ресурсов образовательных организаций может существенно затруднять внедрение и поддержание эффективных управленческих решений в данной сфере. Необходимо совершенствовать административно-правовые средства [3] механизмы государственной поддержки и целевого финансирования таких мероприятий; актуализировать и детализировать локальные акты образовательных организаций (правила внутреннего распорядка, положения о пропускном режиме, антитеррористической безопасности и т.д.), провести внутренние регламенты в соответствии изменениям федерального и регионального законодательства.

5. Коммуникационные разрывы между заинтересованными сторонами. Эффективное взаимодействие администрации вузов, правоохранительных органов, студенческих сообществ и других стейкхолдеров не всегда налажено должным образом. Отсутствие четкой координации, информационного обмена и совместных действий может существенно снижать результативность управленческих решений по противодействию терроризму. Преодоление данного барьера требует выстраивания устойчивых коммуникационных каналов, совместного планирования и реализации мероприятий.

Комплексный подход к преодолению перечисленных социальных барьеров, включающий просветительскую, организационную и коммуникационную работу, является залогом более эффективной реализации управленческих решений в сфере противодействия терроризму в образовательной среде.

1. Бастрыкин, А. И. О средствах обеспечения безопасности и противодействия экстремизму и терроризму / А. И. Бастрыкин // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2020. – № 3(25). – С. 11-16. – EDN UDKGGO.

2. Мазеин, К. В. Информационная безопасность в учебных заведениях высшего образования / К. В. Мазеин, Т. В. Фомичева // *Научный аспект*. – 2024. – Т. 17, № 8. – С. 2069-2077. – EDN LHSTTV.
3. Мазеин, К. В. Меры по совершенствованию механизмов противодействия терроризму в образовательных организациях высшего образования / К. В. Мазеин, Т. В. Фомичева // *Научный аспект*. – 2024. – Т. 7, № 8. – С. 807-813. – EDN VDPALO.
4. Мазеин, К. В. Работа с молодёжью в образовательных организациях высшего образования, как метод профилактики терроризма / К. В. Мазеин, Т. В. Фомичева // *Интернаука*. – 2024. – № 28-1(345). – С. 60-63. – EDN FDDBVF

"ЗАПАДНАЯ" И КИТАЙСКАЯ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ РОССИИ

Макаров Игорь Николаевич

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Российская академия кадрового обеспечения агропромышленного комплекса»)

Аннотация. Представлен краткий анализ моделей и подходов к государственному администрированию в контексте традиционных властно-управленческих ценностей, характерных для стран Запада и Китая. В современной российской административной реформе отразились разновекторные социальные тенденции: как «инерция» в следовании примеру США, так и попытка учесть позитивный опыт стран, подвергающих сомнению существующий «мировой порядок».

Ключевые слова: социальное развитие, модернизация, государственное администрирование, социолого-управленческие концепции, китайский опыт.

Вхождение в эпоху глобальной турбулентности, чреватой новыми угрозами самому существованию человечества, требует интенсивного поиска альтернатив сложившемуся миропорядку. «Тупиковость» однополярной модели социального развития, господствовавшей на протяжении трёх с половиной десятилетий, признают даже некоторые лидеры стран так называемого «первого мира». Так, накануне саммита «большой семёрки», состоявшегося в августе 2019 г., Президент Франции Э. Макрон прямо заявил, что «демократия вышла из моды, а капитализм вышел из-под контроля и сошел с ума»[4].

Ряд видных отечественных учёных-обществоведов ещё в самом начале 1990-х гг. отмечал «бесперспективность и даже вредность социальных институтов, имеющих западное происхождение»[6, 53-70]. Однако их голос тогда не был услышан. Приняв на безоговорочную веру постулат о том, что пресловутая «невидимая рука рынка» сама по себе урегулирует все сферы жизнедеятельности общества, «верхи» приступили к всеохватной российской модернизации по англосакским рецептам. Концептуально её обосновывали те представители социальных наук, которые специализировались в основном на развенчании прежней советской «командно-распределительной» системы. При самых оптимистичных прогнозах будущего России они уповали на то, что «осознав пороки политического устройства государственного раздатка, российское общество на рубеже XXI века способно самостоятельно выработать либеральную форму раздаточной экономической системы»[1, 27].

Разумеется, исключением здесь не стала и сфера административно-государственных отношений. П. Дракер, один из «столпов» индустриальной социологии США сформулировал суть американского видения проблемы следующим образом: «Все перевозимые сегодня "науки управления", операционные исследования, анализ систем и, безусловно, человеческие отношения - всё это части тэйлоровского наследия»[10, 8]. Таким образом, возобладал подход, отождествляющий управление государством с управлением гигантской корпорацией, сверхзадача которой состоит в извлечении максимальной коммерческой прибыли. Понятие «государственный служащий» было приравнено к понятию «менеджер». В результате получилось, что даже государственные медицинские и

образовательные учреждения теперь не исцеляют и не обучают, а только предоставляют определённый «перечень услуг».

Успехи социально-экономической модернизации Китая конца XX - начала XXI вв. господствующим в нашей социолого-управленческой науке дискурсом также беспележно связывались с переносом на китайскую «почву», наряду с бизнес-технологиями, и американских управленческих парадигм. Однако нельзя не согласиться с Е.В. Кремнёвым в том, что о каких бы зарубежных концепциях не шла речь - марксистской или тэйлоровской - их внедрение в китайское общественное сознание неизбежно сталкивалось «с традиционными для Китая идеями "верховенства" всего китайского и "вторичности" иностранного»[3, 102-112]. Ясное понимание этого является, с нашей точки зрения, ключевым аспектом для формирования рационального внешнеполитического курса для стран, выстраивающих стратегические отношения с КНР. Учёт особенностей современной китайской административно-государственной модели особенно полезен для Российской Федерации, где, по оценкам некоторых специалистов, из трёх этапов затянувшейся административной реформы успешным следует признать только первый (2003-2006 гг.)[2, 13].

Главным достижением Китая в области государственного администрирования можно считать построение довольно гибкой для сверхцентрализованного и политически монолитного государства системы «социалистической консультативной демократии», основанной на взаимодействии между управленческой элитой и обществом через многочисленные институционализированные каналы. Как указывал Председатель КНР Си Цзиньпин, консультативная демократия «берёт своё начало в выдающейся политической культуре, которая формировалась китайской нацией на протяжении веков. Сюда, в частности, относятся такие убеждения, как "Поднебесная есть народное достояние", "совместить и сохранить несовместимое", "стремиться к согласию при сохранении разногласий" и т.д.»[9, 428]. Но упомянутые «убеждения» вполне вписались в реалии модернизирующегося китайского государства. С началом политики «реформ и открытости» в КНР всюду развернулись процессы, аналогичные российским в период «шоковой терапии»: стремительно менялась социально-классовая структура общества, на место слоев и группам, связанным с прежним типом социально-экономических отношений, приходили новые. Ответом политической власти Китая на вызовы времени явилась стратегия «одного ухода и трёх поглощений». Она состояла в постепенном вытеснении «дореформенной» партийно-хозяйственной бюрократии с государственных постов и одновременном инкорпорировании предпринимательской, профессионально-технической и культурной элит в новый «правлящий класс» страны.

Принцип «справедливого представительства» реализуется посредством целого ряда механизмов. Так, правящая Компартия - «ядро» политической системы - взаимодействует с предпринимательским сообществом и другими социальными группами на всех уровнях через такие «каналы», как Всекитайское собрание народных представителей, Народный политический консультативный совет, Патриотический единый фронт китайского народа, органы местного самоуправления. Проведение многосторонних политических консультаций введено в практику как неотъемлемый и обязательный этап в процессе принятия законодательных и управленческих решений. Важнейшей вехой в этом смысле стало принятие 2-й сессией ВСНП в 2004 г. серии поправок к Конституции КНР. Концепция «трёх представительств» из сферы партийной идеологии была выведена на общегосударственный уровень. Анализ социальных составов депутатского корпуса ВСНП, сформированных с 10-летней разницей, показывает устойчивую стабильность пропорционального представительства в нём основных групп и слоёв населения. Так, в

ВСНП 8-го созыва (1993 г.) доля рабочих и крестьян составляла 20,55%, в ВСНП 10-го созыва (2003 г.) - 18,46%; доля научно-технической и творческой интеллигенции в ВСНП 8-го созыва - 21,07%, в ВСНП 10-го созыва - 21,14%; доля кадровых партийных и хозяйственных руководителей в ВСНП 8-го созыва - 30,02%, в ВСНП 10-го созыва - 32,44% [5, 160-161]. Социально сбалансированный состав центров административного управления способствует общественно-политической устойчивости и ускорению модернизации страны.

В сфере государственного администрирования Российской Федерации в настоящее время превалирует иная тенденция: обозначился явный «перекос» в сторону увеличения представительства выходцев из силовых структур и крупного бизнеса. Возьмём для примера кадровый состав Государственной Думы VII (2016-2021 гг.) и VIII (2021-2026 гг.) созывов. Если в седьмом созыве функционировали более 80 мультимиллионеров, многие из которых входили в рейтинг Forbes «Богатейшие бизнесмены России» [8, 83-87], то в восьмом «число миллиардеров увеличилось в 2 раза, а "общее" состояние депутатов - в 2,5 раза» [7, 23]. Ни о каком согласовании различных социальных интересов при таком дисбалансе не может идти и речи. Ещё большему усилению дисбаланса способствуют такие «новации», внедряемые в политический процесс, как упразднение партсписков при формировании законодательных (представительных) органов в целом ряде субъектов РФ, тотальный переход на «дистанционное электронное голосование», ужесточение «муниципального фильтра» на выборах губернаторов регионов. Всё это, в конечном счёте, может иметь разрушительные социальные последствия, схожие с теми, что имели место после «выборов» Президента США в конце 2020 г.

Отмеченное позволяет сделать вывод о необходимости существенной корректировки реформы государственного администрирования в России. Она должна быть основана не на бездумном подражании западным образцам, а на возрождении национальных исторических традиций и ценностей.

1. Бессонова О.Э. *Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации.* – М.: РОССПЭН, 2006.
2. Васильева Е.А. *Трансформация государственной службы в условиях административной реформы: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.08.08 - Социология управления.* С.-Петербургский государственный университет. – СПб., 2016.
3. Кремнёв Е.В. *Властно-управленческие концепции китайской марксистской социологии начала XX в.: традиции и революция//Социологические исследования.2020. №5.*
4. Макрон: *Капитализм деградировал и сошёл с ума. [Электронный ресурс]. URL:https://rg.ru/2019/08/24/makron-kapitalizm-degradiroval-i-soshel-s-uma.html*
5. Мамаева Н.Л. *Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы.* – М.: НП ИД «Русская панорама», 2007.
6. Медушевский А.Н. *Идея разделения властей: история и современность//Социологический журнал. 1994. №1.*
7. *Портрет Госдумы VIII созыва. Экспертный доклад/авт. состав Мартынов А., Данилин П., Крылов А.* – М.: Международный ин-т новейших государств, 2021.
8. *Рогозина О.А., Нагорная А.М. Социальный и профессиональный портрет депутатского корпуса Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва, по итогам выборов 18 сентября 2016 года//Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2016. №4(15). Т.5.*
9. *Си Цзиньпин. О государственном управлении в 4-х т. Т. II.* – Пекин: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 2018.
10. *Эпштейн С.И. Индустриальная социология в США.* – Политиздат, 1972.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ИНТЕГРАЦИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОЛОДЕЖНУЮ ПОЛИТИКУ: ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИКИ

Митрошкин Константин Викторович
(РГСУ)

Аннотация: В публикации рассматриваются инновационные подходы в области экологического образования, а также интеграции экологических дискурсов в воспитательную и образовательную деятельность. Социальное партнерство и интеграция экологического образования в молодежную политику.

Ключевые слова: экологическое сознание, экологические ценности, экологическое образование, молодежная политика

Современный мир сталкивается с множеством экологических проблем, вызовов, которые оказывают непосредственное влияние на качество жизни людей и будущее нашей планеты. Изменения климата, загрязнение окружающей среды, утрата биологического разнообразия — все это не просто глобальные вызовы, но и реальность, с которой мы сталкиваемся каждый день. Осознание серьезности таких проблем, как загрязнение воздуха, воды, изменение климата, становится особенно актуальным для молодежи, которая является будущим нашего общества. Поэтому важно, чтобы молодые люди понимали, как их действия могут воздействовать на окружающую среду и каким образом они могут участвовать в ее защите.

Инновационные подходы в области экологического образования, такие как использование цифровых образовательных платформ, игровых технологий и социальных сетей, позволяют создать более интерактивную и мотивирующую среду для обучения молодежи основам экологии. Такие технологии не только делают процесс обучения более интересным, но и помогают молодежи осознать важность экологических проблем и их влияние на собственную жизнь и будущее планеты, а роль государственной молодежной политики в этом процессе создает условия, способствующие вовлечению молодежи в решение экологических проблем. Это может быть достигнуто через разработку и реализацию программ экологического просвещения, которые поддерживают инициативы молодых активистов и волонтеров. Обеспечение материальной и организационной базы для таких программ позволит молодым людям реализовывать свои идеи и проекты, направленные на решение актуальных экологических задач.

Социальное партнерство между образовательными учреждениями, органами власти и общественными организациями является важным условием для эффективной интеграции экологических тем в воспитательную и образовательную деятельность. Совместные усилия этих структур усиливают влияние экологического сознания на личностное развитие молодежи, формируя у них активную жизненную позицию и ответственное отношение к окружающей среде. Для этого инновационные практики, такие как проектная деятельность, экологические квесты и экологические стартапы, способствуют усилению интереса молодежи к практическому применению полученных знаний. Эти подходы не только развивают навыки экологически ответственного поведения, но и стимулируют креативное мышление, позволяя находить новые решения для существующих экологических задач. Через анализ изменений в уровне экологических знаний и готовности молодых людей к участию в решении экологических проблем можно провести оценку эффективности инновационных подходов в формировании экологического сознания молодежи. Этот

процесс включает в себя методы анкетирования, мониторинга и оценивающую активность участника, что позволит выявить реальный эффект внедренных практик. В перспективе дальнейшего развития важно создать единую платформу для обмена опытом и лучшими практиками между регионами, а также поддерживать и развивать ее. Единая платформа позволит повысить качество экологического образования и степень его интеграции в молодежную политику. Такая платформа не только способствует распространению успешных инициатив, но и создает сильное сообщество единомышленников, готовых работать вместе над решением экологических задач [1]. Таким образом, интеграция экологического образования в молодежную политику, поддерживаемая инновационными подходами и практиками, является важным условием для формирования устойчивых экологических ценностей у молодежи. Это лежит в основе создания активного и ответственного поколения, способного справляться с вызовами современности и заботиться о будущем нашей планеты.

1. Явон С.В. *Жизненное самоопределение российской молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 174.*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

*Мончик Яна Витальевна
(СПбГУ)*

Для того, чтобы определить значение искусственного интеллекта (далее по тексту – ИИ) в управлении, следует для начала обозначить, что такое цифровизация в цифровой эпохе, в которой мы живем и в которой так популярно использование данной технологии. Существует несколько подходов к понятию цифровизация. Техничко-технологический подход подразумевает под собой изменение методов работы с Big Data. Под глобальным подходом понимается переход к широкому применению цифровых технологий в экономике и других областях общественной жизни. И, наконец, последний подход, социокультурный, подразумевает под собой использование социальных сетей, где взаимодействие между людьми происходит за счет лайков, комментариев, репостов, мемов и так далее [1, 81]. Таким образом, цифровизация охватывает все аспекты человеческой жизни, работы организаций и государственных структур. Часто руководители компаний не осознают важность внедрения цифровых решений, особенно если их организация демонстрирует хорошие результаты. Однако в условиях стремительных изменений внешней среды невозможно оставаться в стороне от новых реалий. Либо необходимо адаптироваться к изменяющимся условиям взаимодействия с поставщиками, клиентами и государственными органами, либо оставаться в зоне риска потери своих позиций на рынке [3, 62].

Все большее значение принимают технологии, использующие ИИ. ИИ, согласно введенному Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 определению, ...комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Они находят применение в различных сферах управления персоналом, включая кадровую политику, обработку Big Data и HR-процессов, таких как подбор персонала и обучение сотрудников, а также оптимизацию рабочего процесса и рабочих мест. Тем не менее, согласно исследованиям, лишь 4% российских компаний могут похвастаться полной цифровизацией HR, в то время как почти 80% находятся на этапе цифровой трансформации в сфере управления персоналом. В последнее время также наблюдается процесс отказа от иностранных HR-программ и перехода на продукты российской IT-индустрии. Несмотря на то, что этот путь перехода ресурсозатратный, он стимулирует рынок отечественной разработки программных решений [2, 57-58].

Для начала более широко рассмотрим опыт применения ИИ несколькими крупными отечественными IT-компаниями (таблица 1).

Таблица 1. Опыт внедрения искусственного интеллекта российскими предприятиями

Компания	Технологии	Решаемая задача
-----------------	-------------------	------------------------

“Сбер”	Портал Sber AI	Предоставляет экспертные, аналитические и методологические услуги Правительству РФ в рамках реализации Национальной стратегии по развитию искусственного интеллекта.
	Чат-бот SaluteBot	При отправлении запроса клиентом, чат-бот ищет соответствующие фрагменты текста в ранее загруженных документах.
	Определитель номера	Искусственный интеллект проводит анализ действий физических и юридических лиц для выявления финансовых мошенничеств.
	Финансовый мониторинг	СберБанк применяет набор собственных AI-моделей для повышения безопасности финансовых операций: онлайн-переводов, эквайринга и карточных транзакций.
	Сбер Kandinsk	Нейросеть от “Сбера” создает изображения, анимацию и видео на основе текстовых запросов пользователей.
“Т-Банк”	Виртуальный помощник Олег	Помогает клиентам в сфере финансов.
	Tinkoff VoiceKit	Использование передовых технологий распознавания и синтеза речи.

	Система фрод-мониторинга	Выявляет нетипичные транзакции пользователей и обеспечивает их защиту от мошеннических действий.
“Яндекс”	YandexGPT	YandexGPT генерирует текстовые ответы на запросы по разным темам.
	Яндекс Алиса	Голосовой помощник распознаёт естественную речь, имитирует живое взаимодействие и предоставляет ответы на вопросы пользователей. Алиса доступна на многих цифровых носителях.
“Альфа Банк”	Smarty	Цифровой помощник Smarty основан на технологиях искусственного интеллекта и предлагает пользователям 18 заранее настроенных сценариев. Среди них можно найти создание иллюстраций, тестирование IT-кода, написание деловых писем, озвучивание текста и расшифровку записей совещаний.
	Сервис “Нейроофис”	Сервис представляет собой виртуальную команду нейроассистентов, обученных на знаниях специалистов. В составе “Нейроофиса” уже функционируют пять нейроассистентов, каждый из которых решает задачи в своей области. Например, “Маркетолог” разрабатывает контент-планы и рекламные тексты, “Редактор” редактирует, переводит и проверяет тексты на ошибки, “Клиентский менеджер” отвечает на запросы клиентов и создает скрипты продаж, а “HR-менеджер” формирует вакансии и вопросы для собеседований.

“МТС”	“МТС защитник”	Для анализа собеседников “МТС Защитник” использует технологии искусственного интеллекта, которые помогают определить: синтезированный или живой голос при звонке. Big Data МТС сверяет биометрию голоса с базой данных мошеннических голосов и анализирует текст на предмет возможных мошеннических схем.
	Продукт “МТС Видеонаблюдение для бизнеса”	Команда MTS AI создала решение на основе платформы TenVision, предназначенной для разработки сервисов облачного видеонаблюдения и аналитики для бизнеса.
	ИИ-оператор для контакт-центра МТС	Голосовой бот, который отвечает на звонки клиентов.

Теперь рассмотрим сервисы конкретно для управления персоналом (таблица 2).

Таблица 2. Опыт внедрения искусственного интеллекта российскими предприятиями в сфере HR

Компания	Технологии	Решаемая задача
“Сбер”	“Сбер Подбор”	CRM система, в которой можно вести базу кандидатов, а также составлять отчеты по эффективности найма.
	“Пульс”	HR-программа, предназначенная для автоматизации кадровых процессов. Она выполняет функции корпоративного портала, включая ленту новостей, информационные баннеры и инструменты для обратной связи. На платформе можно реализовать программы мотивации, поддержки и развития талантов. Также доступны функции для публикации внутренних вакансий, реализации реферальных программ и создания карьерных треков.
“Т-Банк”	Платформа “Tinkoff HR”	Платформа, на которой можно вести страничку сотрудников, где вся аналитика по работе, отпускам, бонусам и т. д.
“Яндекс”	Talent Management System (TMS)	Сервисы для мотивации, развития и оценки эффективности сотрудников всего Яндекса. Руководители благодаря этому сервису получают объективную информацию о работе подчинённых, что позволяет управлять их персональным развитием.
	Сервис Фемида	Внутренний сервис для подбора сотрудников в Яндекс, где оптимизированы процессы проведения собеседований и реализуются инструменты для рекрутеров и интервьюеров.

“Альфа Банк”	“Модель подбора сотрудников”	Данная модель осуществляет быстрый отбор вакансий, предоставляя готовую подборку из наиболее подходящих кандидатов на рынке труда для каждой конкретной позиции. Она анализирует весь массив резюме и формирует рекомендации с использованием искусственного интеллекта, что позволяет рекрутерам оценивать и отбирать финалистов для дальнейших этапов найма.
	AI-чат-бот	Сотрудники банка могут задавать вопросы AI-чату-боту через различные каналы связи — будь то электронная почта, корпоративное мобильное приложение или мессенджер. Основой платформы AutoFAQ является обученная нейронная сеть, которая интерпретирует вопросы на естественном языке и сопоставляет их с информацией из базы знаний, предоставляя детализированные ответы всего за несколько секунд.
“МТС”	МТС “Поиск персонала”	Система анализирует данные о поведении пользователей, чтобы выявить потенциальных кандидатов на открытые вакансии. Она также помогает привлечь больше соискателей среди активных абонентов МТС.
	Робот-рекрутер HR-бот	Бот автоматически обзванивает загруженную базу соискателей, проводя первичную проверку и анкетирование. Он принимает входящие звонки, информирует о доступных вакансиях и, если кандидат проявляет интерес, отправляет SMS или электронное письмо с напоминанием о встрече. Бот информирует соискателя о том, прошел ли он на следующий этап собеседований, а также уведомляет сотрудников о новых возможностях и отвечает на их вопросы.

Данные примеры показывают, как различные российские компании внедряют ИИ в свои процессы, что позволяет им не только оптимизировать найм и управление персоналом, но и достигать конкретных бизнес-результатов. Таким образом, можно утверждать, что инвестиции крупных IT-компаний в разработку внутренних сервисов, которые впоследствии становятся массовыми платформами, служат важным фактором создания

конкурентных преимуществ. Эти платформы не только способствуют развитию самих технологических гигантов, но и открывают новые возможности для средних и малых предприятий. Учитывая высокую стоимость разработки технологий ИИ, устойчивый спрос на такие решения будет способствовать созданию эффективных инструментов, необходимых для стимулирования роста отрасли. В современных условиях рынка труда, где требуется взаимодействие низкоквалифицированных и высококвалифицированных работников, управление человеческими ресурсами должно адаптироваться к вызовам и возможностям, предоставляемым новыми технологиями.

1. *Бабинцев В. П., Серкина Я. И. «Цифровизация» и «дигитализация» социальной реальности в предметном поле социологии: проблема адекватности понятий //Знание. Понимание. Умение. – 2023. – №. 4. – С. 80-91.*
2. *Володина О. В. Использование искусственного интеллекта в управлении персоналом //Наука и искусство управления. – 2023. – №. 4. – С. 55-66.*
3. *Каравая Е. Д. Управление организацией в условиях цифровизации //СПб: Наукоем. – 2020.*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВНЕДРЕНИЯ ОБЩЕГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

*Мороз Егор Владимирович
(РГПУ им. А.И. Герцена)*

*Гапионов Артем Артемович
(ДИТ УБ, ПАО Сбербанк)*

Аннотация: в рамках настоящей статьи рассматриваются вопросы внедрения искусственного интеллекта в процессы государственного и муниципального управления. Авторами анализируются основные концепции внедрения технологий искусственного интеллекта, а также рассмотрены преимущества и недостатки данной инновации.

Ключевые слова: AGI, государственное управление, анализ, интеграция.

Начало XXI века охарактеризовалось рядом процессов, оказавших колоссальное влияние на повседневную реальность. Не будет преувеличением отметить, что важнейшим из них стал процесс цифровизации – внедрения в различные аспекты деятельности человечества digital-технологий. На сегодняшний день digital-технологии широко применяются в экономике, науке и социальной сфере жизни общества [2]. При этом, одним из важнейших направлений развития цифровизации является внедрение цифровых технологий в процессы управления: digital-технологии в этой сфере широко используются как в целях совершенствования процесса принятия управленческих решений, так и в рамках совершенствования механизма взаимодействия государства и общества [7].

Одной из наиболее передовых digital-технологий на сегодняшний день является искусственный интеллект (далее также ИИ) – область информации, изучающая возможности решения интеллектуальных задач при помощи вычислительных устройств [1]. Технологии искусственного интеллекта могут быть разнообразны: к примеру, технология нейросети строится на попытке машинного воспроизведения нейронной деятельности мозга человека, что позволяет ИИ распознавать речь, изображения и текстовую информацию [3][11]. Использование искусственного интеллекта способно в значительной степени упростить работу человека, что делает особенно актуальным применение данной технологии в сфере управления. Ниже мы рассмотрим наиболее перспективные на наш взгляд концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в данную сферу, существующие на сегодняшний день.

Концепция Artificial General Intelligence или AGI, представляет собой универсальный ИИ, способный выполнять умственную работу на человеческом уровне. В июле 2023 года Илон Маск, руководитель компании Tesla, заявил, что человечество разработает AGI к 2029 году. В эти минуты лучшие умы всех стран поглощены новым этапом «гонки технологических вооружений», ведь разработка AGI открывает перед своими создателями значительный потенциал его перспективного применения во всех отраслях деятельности человека.

Одной из перспективных отраслей, где планируется использовать возможности AGI, является государственное управление. Интеграция новых технологий всегда оказывала существенное влияние на общественные, политические и экономические структуры, и потенциал AGI не является исключением. Однако проблемы, сопровождающие интеграцию AGI, значительны, начиная от этических вопросов, связанных с процессами принятия решений, и заканчивая необходимостью в механизмах надзора для предотвращения злоупотреблений и обеспечения подотчетности[4].

Внедрение AGI в государственное управление может привести к повышению эффективности административных задач, улучшению качества предоставления государственных услуг и принятию более обоснованных политических решений благодаря сложному анализу данных. Тем не менее, такая интеграция также сопряжена с рисками, включая потенциальную потерю рабочих мест, этические дилеммы в процессе принятия решений с использованием ИИ и опасность усугубления политических манипуляций[12].

Баланс между инновациями и этическим управлением остается первостепенным. Разработчики политики внедрения AGI должны разработать механизмы, обеспечивающие прозрачность, подотчетность и справедливое распределение выгод. Потенциальные преимущества AGI для повышения операционной эффективности огромны, но их необходимо сопоставлять с рисками непредвиденных последствий. Будущее AGI в государственном управлении будет зависеть от активных мер по использованию его преимуществ при сохранении ценностей прав человека и общественного доверия к систем[4][6][7][9].

AGI характеризуется своей широкой применимостью в широком спектре интеллектуальных задач, которые может выполнять человек. Эта возможность позволяет AGI преодолеть все ограничения традиционного искусственного интеллекта, имитируя человекоподобный интеллект в различных областях без необходимости в предварительных инструкциях по программированию для каждой новой задачи[8].

Термин AGI появился около 20 лет назад и был популяризирован компьютерщиками Беном Герцель и Шейн Легг. Достижение AGI было бы отмечено прохождением теста Тьюринга — концепции, предложенной ученым-компьютерщиком 20-го века Аланом Тьюрингом, которая утверждает, что способность машины демонстрировать интеллект, подобный человеческому, была бы неотличима от интеллекта человека. Существующая на данный момент модель ИИ Chat GPT смог обмануть людей в 54% случаев, притворившись человеком. В 46% в нём признали ИИ.

Существует две основные концепции внедрения AGI в систему государственного управления. В первом случае речь идет о прямой интеграции систем и сервисов в AGI в существующие государственные структуры в рамках пилотных проектов и индивидуальных запросов. Внедрив AGI в существующие административные структуры, удастся обеспечить полноту сбора информации и обучения агента AGI.

Анализ бюджетных данных, сведений о численности населения, уровне образования, количестве занятых в различных сферах труда граждан позволит без труда получать статистические выгрузки методом обычного голосового запроса. Оперирова подобными объемами данных AGI сможет находить закономерности и взаимосвязи в статистике, которые могут быть незаметны обычному человеку.

Однако отличие AGI от существующих сейчас ИИ — агентов, наподобие Chat GPT в том, что AGI сможет предлагать *решения* проблем и задач. При этом решение может быть неочевидным, а обучение системы принимать их — ключевая задача внедрения AGI в повседневную жизнь общества. Совмещение такого сложного процесса как AGI с текущими, действующими процессами государственного управления может нарушить систематизацию как первых, так и вторых. А разработка законодательной базы постфактум может повредить общечеловеческим ценностям и принципам[4][5].

Главная задача внедрения AGI, по мнению авторов, обеспечить равноправное и справедливое управление, нивелируя такие издержки как коррупция и потеря либо искажение обратной связи в отчетности и аудите. Жесткая стыковка стека ультрасовременных технологий с текущими реалиями может повлечь за собой низкую экономическую эффективность при огромной сумме затрат на внедрение, помимо

неизвестного практического результата. Также крайне важно избегать разрозненных и нескоординированных инициатив в области управления.

Вторая концепция — создание отдельной структуры, которая будет специализироваться на внедрении, обучении и эксплуатации AGI и включать в себя квалифицированных, профильных специалистов. В задачи такой государственной структуры управления будут входить принятие решений, связанных с ИИ, аудит, управление рисками, сертификация, стандартизация и разработка законодательства. Кроме того, наличие отдельного контролирующего органа позволит разработать, протестировать и стабилизировать соответствующие инструменты и подходы к управлению как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Эти структуры управления также должны обеспечивать понимание общих этических вопросов, связанных с ИИ и оценить потенциальные воздействия последствий принятия законодательных и управленческих решений. Создание отдельного государственного органа, сопровождающего внедрение технологий AGI, было бы более предпочтительным, нежели чем неконтролируемое внедрение разрозненных систем. Внедрение AGI нельзя сравнивать с внедрением копировальных машин в офисные структуры в 1990-е годы, масштаб такого внедрения можно сопоставить с появлением в 2010 году портала «Госуслуги».

Решение социальных и технологических проблем, связанных с ИИ, требует широкого участия заинтересованных сторон. Такой подход может служить информационной основой для принятия решений и формулирования ценностей, снижая информационную асимметрию и неопределенность политики. Государственная политика внедрения таких технологий должна учитывать в первую очередь долгосрочные результаты, ведь текущие технические ограничения ввиду роста и развития технологического стека уже через 10 лет будут нести абсолютно другую значимость.

Растущая зависимость от организаций частного сектора в предоставлении государственных услуг трансформировала и усложнила взаимодействие между правительствами и неправительственным сектором. Этот сдвиг требует новых моделей управления, в которых особое внимание уделяется сетям и неформальным отношениям, выходящим за рамки институциональных границ, в качестве движущих сил действий правительства.

Одной из основных проблем, стоящих перед правительственными руководителями в этом контексте, является отсутствие четких показателей успеха, что усложняет распределение финансовых ресурсов. Эта проблема подчеркивает важность разработки четких показателей для оценки эффективности внедрения AGI в государственном управлении[9].

Основным потенциальным преимуществом внедрения AGI в систему государственного управления является возможность повысить эффективность выполнения ручных или повторяющихся задач, тем самым высвобождая человеческие ресурсы для выполнения более сложных обязанностей. AGI может обобщать информацию, собирая заметки о собраниях или стенограммы заседаний и извлекая ключевые элементы из документов, что упрощает процесс принятия решений[10].

AGI также обладает значительным потенциалом в разработке коммуникационных продуктов. Он может создавать схемы, текст и изображения для различных типов отчетов, презентаций, электронных писем и контента в социальных сетях, что облегчает эффективную коммуникацию с общественностью. Также AGI может переводить документы на несколько языков, тем самым повышая доступность информации[9].

Еще одно преимущество AGI — способность улучшать качество обслуживания клиентов за счет создания индивидуальных ответов на запросы. Такое

персонализированное взаимодействие может повысить удовлетворенность населения государственными услугами и доверие к ним[8][11].

Более того, использование АГИ в деятельности правительства согласуется с более широкими целями, направленными на благо человечества и развитие знаний. Несмотря на увеличение числа корпоративных проектов, основанных на АГИ, во многих инициативах общественная польза по-прежнему ставится выше прибыли. Эти проекты направлены на использование АГИ для решения важнейших проблем, повышения эффективности и стимулирования инноваций в государственных структурах[12].

Например, управление по подотчетности правительства США (GAO) уже выявило значительные финансовые выгоды от улучшения деятельности агентства с помощью передовых технологий. С 2011 по 2021 год действия GAO принесли финансовую выгоду примерно на 429 миллиардов долларов.

Интеграция АГИ могла бы еще больше улучшить эти результаты за счет оптимизации затрат, повышения качества и пропускной способности сервиса, что потенциально позволило бы сэкономить еще десятки миллиардов долларов[13].

Резюмируя, можно отметить, что, хотя внедрение технологий искусственного интеллекта в управленческие процессы сопряжено с рядом рисков, связанных в первую очередь с проблемами этического характера и потенциальными изменениями структуры рынка труда, преимущества использования ИИ в рамках процесса принятия управленческих решений и оптимизации взаимодействия власти и общества на наш взгляд в значительной степени превышают возможные угрозы. Экономия бюджетных средств и временных ресурсов вне всякого сомнения станут важнейшими факторами, способствующими расширению применения ИИ как в сфере государственного и муниципального управления, так и среди различных коммерческих структур.

1. Абдулатипова М.А., Камилова Р.Ш. Искусственный интеллект// *Международный научно-исследовательский журнал*, 2013, С. 108
2. Галкин К.А. Цифровизация волонтерства пожилых людей в период пандемии: возможности и барьеры в контексте искусственного интеллекта// *Журнал исследований социальной политики*, 2022, №20 (3) С. 377–392
3. Литвинов Д.О. Искусственный интеллект// *Теория и практика современной науки*, 2016, №2(8), С. 264-266.
4. Мохарт П. М. Особенности правового регулирования использования искусственного интеллекта // *Аграрное и земельное дело*. 2017. №9. С. 61-64
5. Смолин С. В. Перспективы человека в эпоху технологической сингулярности // *Эпистемология и философия науки*. 2020. №2. С. 192-207
6. Чубукова С. Г. Защита прав субъекта персональных данных при автоматизированном принятии решений // *Право и государство: теория и практика*. 2020. №3. С. 212-2014.
7. Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Старостина А.Н. Цифровизация взаимодействия граждан и государства: оценка гражданами эффектов, рисков и перспектив // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2023. № 2. С. 33–73. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-33-73.
8. Agranoff, R., & McGuire, M. Big questions in public network management research // *Journal of Public Administration Research and Theory*. №11. P. 295-326
9. Baum S. Survey of Artificial General Intelligence Projects for Ethics, Risk, and Policy // *Global Catastrophic Risk Institute*. 2020. № 1. P.2-156

10. Chui M. *Notes from the AI frontier: Applications and value of deep learning* [Электронный ресурс] // McKinsey & company URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/artificial-intelligence/notes-from-the-ai-frontier-applications-and-value-of-deep-learning> (дата обращения 05.10.2024)
11. *Machine Learning // The Next Wave*. 2018. Vol. 22. No. 1. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nsa.gov/Portals/70/documents/resources/everyone/digital-media-center/publications/thenext-wave/TNW-22-1.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).
12. Mikhaylov S., Esteve M., Campion A. *Artificial intelligence for the public sector: opportunities and challenges of cross-sector collaboration* // *Philosophical Transactions A* [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1098/rsta.2017.0357> (дата обращения: 02.10.2024).
13. Mulgan R. *The Extended Scope of Accountability in Public Administration* // *Oxford Research Encyclopedia of Politics* [Электронный ресурс]. URL: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-1369> (дата обращения 05.10.2024).

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

*Новиков Станислав Михайлович
(РГСУ, кафедра
современного государственного
и муниципального управления
специальность: социология управления
Россия, Москва)*

Аннотация

Формирование экологической культуры современной молодежи представляет собой многогранный процесс, включающий в себя различные аспекты взаимодействия общества и окружающей среды. Важнейшей задачей в этом контексте является осознание молодым поколением значимости устойчивого развития, сохранения биологического разнообразия и бережного отношения к природным ресурсам.

Ключевые слова

Экологическая культура, формирование экологической культуры современной молодежи, оптимизация процесса формирования экологической культуры

Процесс социального управления формированием экологической культуры достаточно длительный и непрерывный. Для получения желаемого результата необходимо подробное описание всех мероприятий, включая их периодичность, проведение анализа и оценки эффективности.

Понятие «экологическая культура» трактуется в этом случае как набор ценностных установок, для формирования которых требуется продолжительное время, несмотря на быструю восприимчивость современной молодежи.

Кроме того, в условиях прогрессирующей скорости восприятия, молодому поколению необходимо думать о более выгодном проектировании своего будущего, поэтому формирование экологической культуры предполагает более интенсивный уровень информирования [4].

Методы формирования экологической культуры современной молодежи являются важной составляющей общей образовательной подготовки. В современных условиях, когда проблемы экологии обостряются, необходимо применять разнообразные подходы для повышения осведомленности и вовлеченности молодых людей в вопросы экологической устойчивости.

Важным шагом к оптимизации социального управления формированием экологической культуры является создание межведомственных партнерств между государственными, образовательными и некоммерческими организациями. Эти партнерства помогут разрабатывать и внедрять программы, направленные на формирование экологической ответственности, начиная с образовательных учреждений и заканчивая местными сообществами [3].

На законодательном уровне Российской Федерации определены приоритеты в создании и развитии экологической культуры. Например, в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» в главе XIII, посвященной основам формирования экологической культуры, акцентируется внимание на необходимости всестороннего и комплексного подхода к экологическому образованию и обучению. Эти процессы должны осуществляться не только в учебных заведениях, но и с привлечением федеральных и региональных органов власти, местных администраций, общественных объединений, медиа, музеев, библиотек, природоохранных структур, а также спортивных и

туристических организаций как основа экологического воспитания. На уровне регионального законодательства, дополняя федеральные нормы, соответствующие законы определяют правовые, организационные и экономические основы для поддержания экологической культуры.

Современные методы развития экологической культуры среди молодежи основываются на социальном взаимодействии на различных уровнях — начиная с семьи и заканчивая государственными структурами.

В рамках образовательной системы целесообразно: возвращение экологической грамотности, формирование базовой системы ценностей в области бережного отношения к живой природе, создание устойчивого интереса к проблемам окружающей среды, а именно: организация эколого-познавательных мероприятий — конкурсов, фестивалей, волонтерских акций, которые должны способствовать формированию позитивного имиджа экологической активности. Важно также внедрение образовательных программ, которые подчеркивают взаимосвязь между повседневными действиями и состоянием окружающей среды. Следует отметить, что введение подобных программ необходимо на всех этапах обучения, в том числе в детских садах, где в привычном формате игр будет увеличена вероятность усвоения информации. Обеспечение непрерывности формирования экологической культуры, внедрение в образовательный процесс междисциплинарных курсов и дисциплин на базе профессионального образования также способствуют становлению культуры в области экологии. Наряду с используемыми методами, можно выделить проектное обучение, в рамках которого учащиеся сталкиваются с реальными экологическими проблемами. Увеличение использования цифровых платформ и различных интерактивных технологий позволяет учащимся и студентам активно применять этот ресурс в своих проектах, что, в свою очередь, способствует развитию критического мышления и способности к совместному поиску решений [1,2].

Опираясь на то, что активное продвижение экологической культуры ведется уже более десятка лет, следует отметить, что использование информационных технологий способствует формированию положительного восприятия к проблемам экологии (школьные уроки, специализированные курсы в университетах, различные фестивали, регулярные упоминания в СМИ и т.д.). Одним из ключевых аспектов в данной проблеме является качество этих технологий. Применительно к образовательному процессу, целесообразна разработка инновационных педагогических практик в экологической сфере, их поддержка и профессиональное консультирование.

На уровне законодательной власти необходимо создание и утверждение четких нормативно-правовых актов, а также механизма их применения в сфере молодежной политики.

В контексте улучшения процесса формирования экологического сознания на уровне органов власти можно выделить следующие аспекты:

- выявление ключевых задач в социально-экономическом прогрессе с учетом экологических стандартов;

- оценка результатов экологообразовательной работы на уровне школ, муниципалитетов и регионов;

- согласование усилий по внедрению и методической поддержке процесса развития экологической культуры среди молодежи; организация и проведение экологических мероприятий для молодежной аудитории;

- финансовая поддержка молодежных инициатив с использованием грантов.

Формирование отношения к окружающему миру в духе экологической культуры включает в себя развитие навыков взаимодействия с окружающей средой и изучение её

закономерностей. Это также предполагает умение рационально использовать природные ресурсы, заниматься охраной и восстановлением экосистем. Привычка предвидеть экологические последствия своих действий способствует повышению познавательной, творческой и общественной активности в области экологии.

1. Дзятковская, Е.Н. Миссия экологического образования – 2030 [Текст] / Е.Н. Дзятковская, А.Н. Захлебный // Педагогика. - 2020. - № 6. - С. 68-76.
2. Зверев, И.Д. Экологическое образование и воспитание: узловые вопросы / И.Д. Зверев // Экологическое образование: концепции и технологии. – 2010. - № 4. - С. 72 - 84.
3. Кравченко О.Г. Определение понятия и сущности экологизации содержания высшего образования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). N 1. С. 37–45.
4. Явон С.В. Жизненное самоопределение российской молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 174.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ И ИХ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

*Ракович Елизавета Витальевна
(ФГБОУ ВО «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова)*

Аннотация. В статье анализируются основные модели и формы социальной экспертизы. Особое внимание уделено применению данного инструмента при экспертизе пенсионной реформы 2018 года.

Автор подчеркивает значимость социальной экспертизы для принятия научно обоснованных управленческих решений и необходимость ее нормативного развития.

Ключевые слова: социальная экспертиза, управленческие решения, модели социальной экспертизы, формы социальной экспертизы, законопроекты и инициативы

Система управления для своего дальнейшего развития требует все более глубокого и многостороннего анализа, в основе которого должны лежать разные виды экспертиз: социальная, правовая, научно-техническая и экономическая. Каждая из них будет направлена на поиск оптимальных управленческих решений в рамках протекающих в обществе социальных процессов.

При этом среди всего многообразия различных видов экспертизы особую роль занимает именно социальная, так как напрямую связана с теми управленческими решениями, которые способны усовершенствовать социальную политику государства в целом.

Социальная экспертиза как система экспертных оценок, соприкасаясь с политической и экономической сферами, оценивает воздействие новаций в этих областях на жизнедеятельность социальных групп и жизнь общества в целом. Она охватывает достаточно широкий спектр вопросов в области социальной политики, изучая уровень и качество жизни людей, социальные отношения мужчин и женщин, сферу трудоустройства, а также различные аспекты управления в социальной сфере: образование, здравоохранение, пенсионное и иное социальное обеспечение и т.д. [2].

Данный инструмент может способствовать принятию наиболее обоснованных управленческих решений и прогнозировать их последствия. Например, насколько позитивно или негативно разного рода новации воспримет та группа, на которую они направлены [4]. Отсюда можно сделать вывод, что социальная экспертиза может являться достаточно неплохим механизмом совершенствования управленческих решений. Необходимость использования данного инструмента наиболее заметна в сфере государственного управления, так как принятые властью решения влияют на всех граждан.

Несмотря на все вышесказанное, методологическая и правовая база социальной экспертизы в Российской Федерации остаются на стадии разработки. Многие ее аспекты требуют определенных уточнений, а сам механизм, прежде чем полностью запустить в работу, нужно стандартизировать. Из этого следует, что практическое применение данного инструмента носит локальный характер, то есть применяется только по необходимости в определенных отраслях. В таких условиях необходимо продолжать изучать социальную экспертизу и наращивать не только теоретическую базу, но и возможности ее практического применения, благодаря анализу организационных моделей, направленных на повышение эффективности управленческих решений.

Социальная экспертиза, как уже было сказано ранее, играет ключевую роль в процессе принятия управленческих решений, которые касаются социальных аспектов жизни общества. Это вспомогательный инструмент, который позволяет оценивать социальные риски и возможности для улучшения качества жизни и повышения благосостояния граждан. Следовательно, технически управленцы в процессе решения той или иной задачи могут к нему не обращаться. Однако при этом важно понимать, что при отсутствии социальной экспертизы могут оказаться без внимания некоторые сценарии, имеющие негативные последствия. А это потенциально может привести к отрицательным социальным реакциям в обществе или вовсе к ухудшению социально-экономической ситуации.

Социальная экспертиза позволяет формировать более эффективную коммуникацию между различными заинтересованными сторонами, в качестве которых зачастую выступают государственные учреждения, общественные организации и население. Из этого следует, что она становится важным элементом диалога в системе управления, так как позволяет учитывать интересы различных слоев населения. Это, в свою очередь, обеспечивает более демократический подход в процессе принятия решений, повышает уровень доверия к власти со стороны населения и толерантность граждан к внедрению новых инициатив.

Для эффективного использования социальной экспертизы необходимо понимать какие организационные и методические подходы могут использоваться для проведения оценки управленческих решений. В научном сообществе выделяют три базовые модели:

— Проект – эта модель, которая применяется на этапе планирования и разработки инициативы. Предназначение проекта заключается прогнозировании рисков и возможных позитивных изменениях, что позволяет определить целесообразность внедрения такой инициативы. Особенно эффективно данный инструмент демонстрирует себя при создании инфраструктурных проектов, социальных реформ и других глобальных инициатив.

— Мониторинг – это более длительный анализ, который используются уже после этапа внедрения инициативы. Мониторинг позволяет отслеживать как принятые решения влияют на общество и какие результаты они приносят.

— Рецензия – это краткий и глубокий анализ конкретной инициативы, будь то законопроект или социальная программа. Чаще используется на финальных этапах подготовки инициативы, а конкретнее там, где требуется мнение специалистов по предлагаемым мерам.

Все выше представленные модели опираются на определенные формы социальной экспертизы, которые отражают то, как структурирован процесс ее проведения.

Таблица 1

Формы социальной экспертизы [1]

Форма социальной экспертизы	Описание	Плюсы	Минусы	Примеры применения
Экспертная	Опирается на узкоспециализированных экспертов, обладающих глубокими знаниями в	— Обзор ситуации с профессиональной стороны	— Ограниченный учет мнения общественности	▪ Экспертиза законодательных инициатив, реформ в

	исследуемой области.	— Более детальный анализ	— Частично или полностью исключает социальный контекст	различных социальных учреждениях
Общественная	Ориентирована на привлечение представителей общественности	— Учет интересов широких слоев населения — Повышение легитимности принимаемых решений	— Возможна поверхностность анализа — Частично или полностью исключает профессиональное мнение	▪ Экспертиза городских планов, социальных проектов.
Интегративная	Комбинирует в себе две предыдущие формы	— Многосторонний подход	— Вероятность возникновения конфликтов интересов — Длительный процесс организации экспертизы	▪ Социально-экономические реформы ▪ Крупные инфраструктурные проекты
Комплексная	Оценивает решения с точки зрения их воздействия на различные сферы: социальную, экономическую, политическую, правовую, экологическую и культурную.	— Системный анализ — Широкий учет различных аспектов	— Высокие временные и финансовые затраты — Сложность координации	▪ Комплексные реформы в сфере экологии и инфраструктуры.
Оценочная	Оценивает результативность уже принятых управленческих решений	— Позволяет корректировать управленческие стратегии на основе актуальных данных — Эффективная обратная связь	— На начальных этапах имеет низкую эффективность	▪ Оценка эффективности и реализуемых социальных программ и госуслуг
Процедурная	Оценка процесса принятия решений с точки зрения его	— Контроль за соблюдением стандартов	— Формализует процессы	▪ Анализ соблюдения процедур при принятии

	соответствия нормам и правилам	— Опирается на правовую базу	— Не учитывает возможные последствия	законодательных решений
--	--------------------------------	------------------------------	--------------------------------------	-------------------------

На практике в Российской Федерации социальная экспертиза применялась неоднократно. Много различных инициатив проходило через подобного рода инструмент. Однако при этом иногда возможные риски игнорируются со стороны государства. К примеру, можем вспомнить пенсионную реформу 2018 года, которая сопровождалась повышением пенсионного возраста и за последние 10 лет стала одним из наиболее резонансных и неоднозначных инициатив [3].

В ходе социальной экспертизы этой реформы специалисты оценивали то, какие последствия могут быть, если внедрить данный законопроект. При этом под удар попадали не только люди пенсионного возраста, но и предпенсионного, так как потенциально повышение возраста ухода на пенсию могло привести к трудностям с трудоустройством и увеличению риска бедности. По итогу, как мы знаем, инициатива была принята, а большинство рисков и недостатков данной реформы стали реальностью, это в свою очередь вызвало большую волну негодования у населения, а как следствие – снижение уровня доверия к власти. Впоследствии государству пришлось дорабатывать данную инициативу, так, например, был разработан и внедрен закон о гарантиях защиты прав работников предпенсионного возраста.

Впоследствии опыт социальной экспертизы пенсионной реформы 2018 года учитывался при внедрении других инициатив, имеющих потенциал стать такими же резонансными. Однако в других случаях социальная экспертиза демонстрировала свою большую эффективность. Вероятнее всего, это было связано с внедрением форм обратной связи на различных порталах гражданской активности, которые с того времени были значительно усовершенствованы. Хорошо налаженная обратная связь позволяет снижать возможные риски и более эффективно прогнозировать последствия принимаемых решений.

1. Гусарова З.В. Социальная экспертиза как технология социального управления // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2019. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-ekspertiza-kak-tehnologiya-sotsialnogo-upravleniya> (дата обращения: 07.10.2024).
2. Игнашина Д.Д. Социальная экспертиза нормативных правовых актов: проблемы дефиниции и правовой регламентации // *Юридическая техника*, 2022. – С. 603–606
3. Маркова Н.Н. Экономическая эффективность пенсионной реформы // *Символ науки*, 2022. – С. 35–36
4. Пашкевич А.В., Половникова Н.А. К вопросу о принятии организационно-управленческих решений для достижения максимальных результатов в деятельности предприятий // *Экономика и бизнес: теория и практика*, 2022. – С. 93–96

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ИНВАЛИДОВ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

*Рочева Яна Сергеевна
(ФГБУ «Федеральный научно-образовательный центр медико-социальной экспертизы
и реабилитации им. Г.А. Альбрехта» Министерства труда и социальной защиты
Российской Федерации)*

Введение. Актуальность работы определяется необходимостью применения социологического подхода в системе мониторинга соблюдения международных обязательств Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов, что позволит для значительной социальной группы инвалидов интегрироваться в общество, вести самостоятельный и активный образ жизни. В настоящее время в нашей стране проработаны законодательные, нормативные и методические основы обеспечения реализации положений Конвенции, которые регулируют государственную систему мониторинга соблюдения прав инвалидов в Российской Федерации. Одним из итогов данной работы является периодический доклад, направляемый в комитет ООН, содержащий сведения об итогах реализации положений Конвенции о правах инвалидов в Российской Федерации.

Методология и источники. Российская и зарубежная научная традиция социологического подхода демонстрирует достаточно проработанную методологию, которая может быть основанием для мониторингового исследования прав инвалидов, где находят практическое применение отдельные социологические концепции инвалидизации, теории интеграции, социализации, социальной нормы и девиации. Вопросы построения государственной системы социального управления и эффективной социальной политики строятся в контексте социальной модели инвалидности на основе нетипичности инвалидов П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой [1], и правозащитной модели инвалидности Р.Н. Жаворонкова [3] и подчеркивается необходимость участия общественного сектора, гражданского общества, общественных организаций инвалидов, что отражается в инновационной политике инвалидности Е.А. Татасенко [4].

Результаты и обсуждение. Социологический компонент мониторинга выполнения положений конвенции о правах инвалидов представляет собой систему непрерывного наблюдения за фактическим положением дел в сфере соблюдения прав инвалидов. Он направлен на выявление изменений, связанных с различными аспектами реализации Конвенции, предупреждение негативных тенденций, краткосрочное прогнозирование социальных процессов и возникающих проблем [2]. Осуществляется через мониторинг мнений инвалидов, членов их семей и законных представителей детей-инвалидов о соблюдении прав инвалидов путем сбора, обработки и анализа анкет указанных социальных групп и включением полученных данных в доклад о ходе реализации положений Конвенции о правах инвалидов на территории Российской Федерации. Социологический анализ является наиболее объективным общественно-государственным инструментом обеспечения целей устойчивого развития социальной сферы и улучшению положения людей с инвалидностью.

Значимость социологического компонента в системе мониторинга соблюдения прав инвалидов состоит в дополнении правовой и статистической информации в целях осуществления реализации положений Конвенции о правах инвалидов. Сочетание независимой общественной и государственной оценки позволяет обеспечить высокую степень эффективности, объективности и репрезентативности данных реализации положений Конвенции о правах инвалидов.

Заключение. Обозначенные положения позволяют к заключению, что социологический мониторинг выступает значимым компонентом действующей системы государственного мониторинга соблюдения прав инвалидов. Позволяет дать обоснование принятия управленческих решений органам государственной власти и общественных организаций для инвалидов. Эффектом от полученных сведений становится учет реальных потребностей инвалидов, детей-инвалидов, членов их семей, доверие к социальной политике государства улучшение качества жизни инвалидов, изменение образа жизни, социальных установок и стратегий жизни, ценностной иерархии в сторону повышения общественной активности, расширение собственных ресурсов инвалидов, создание для них благоприятной среды жизнедеятельности, улучшение качества социального и медицинского обслуживания, совершенствование законодательной базы, регулирующей социальную политику в отношении инвалидов и другие вопросы.

1. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. *Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России*. Саратов: Научная книга, 2006. 260 с.
2. Свинцов А. А., Шестаков В. П., Чернякина Т. С., Радута В. И. *Система Мониторинга Соблюдения прав инвалидов в Российской Федерации по выполнению положений конвенции о правах инвалидов // Реабилитация – XXI век: традиции и инновации: сборник статей II Нац. конгр. с между. участием, Санкт-Петербург, 12-13 сентября 2018 года / Минтруд России; [Глав. ред. д-р мед. наук, проф. Г.Н. Пономаренко; ред. коллегия: д-р мед. наук, проф. Г.В. Помников канд. мед. наук Е.М. Васильченко, канд. мед. наук, доц. О.Н. Владимирова, канд. биол. наук А.В. Шошмин, К.Н.Рожко]. ООО «ЦИАЦАН», ООО «Р-КОПИ» – СПб., 2018. – 348 с. С 24-27.*
3. *Социальная защита инвалидов: вчера, сегодня, завтра (правовые аспекты): монография / Р. Н. Жаворонков. - Москва : У Никитских ворот, 2020. – 247 С.*
4. Тарасенко Е.А. *Социальная политика в области инвалидности: кросскультурный анализ и поиск оптимальной концепции для России // Журнал исследований социальной политики. 2004 № 2 (1) С. 7-28.*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ

Свиридов Борис Александрович
(*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Российский государственный социальный университет*)

Куксина Елена Дмитриевна
(*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова*)

Федорова Анастасия Андреевна
(*Российский государственный социальный университет*)

Рыбакова Анастасия Валерьевна
(*Российский государственный социальный университет*)

Аннотация. В статье рассматривается применение инновационных цифровых технологий в сфере управления, их преимущества и недостатки. В ходе проведения анализа научно-методической литературы было выявлено, что цифровизация является неотъемлемой частью в сфере управления, позволяет оптимизировать задачи и тем самым более эффективно их решать.

Ключевые слова: управление, цифровизация, инновационные технологии.

Цифровизация позволяет существенно улучшить процессы управления, повысить прозрачность и оперативность принятия решений, а также сократить издержки и увеличить эффективность работы организаций. Одним из основных преимуществ цифровизации в сфере управления является возможность автоматизации рутинных операций и процессов. Благодаря внедрению цифровых систем управления, компании могут значительно сократить время, затрачиваемое на выполнение повседневных задач, и сосредоточиться на более стратегически важных аспектах деятельности. Еще одним важным преимуществом цифровизации является улучшение аналитики и принятия решений. Цифровые технологии позволяют собирать и анализировать большие объемы данных, что помогает руководителям принимать обоснованные и информированные решения. Благодаря цифровым инструментам управления, компании могут быстро реагировать на изменения внешней среды и оперативно корректировать свои стратегии. Однако, цифровизация в сфере управления также представляет определенные вызовы. Один из них – это необходимость обеспечения безопасности данных. Переход к цифровым системам управления требует внимания к вопросам кибербезопасности, чтобы защитить конфиденциальную информацию от утечек и кибератак. Еще одним вызовом является необходимость обучения персонала. Внедрение цифровых технологий требует от сотрудников новых навыков и знаний, поэтому компании должны инвестировать в обучение и развитие своих сотрудников, чтобы успешно осуществить цифровую трансформацию. В целом, цифровизация в сфере управления открывает новые возможности для организаций, позволяя им стать более гибкими, эффективными и конкурентоспособными. Однако для успешной реализации цифровой трансформации необходимо учитывать как преимущества, так и вызовы этого процесса, обеспечивая безопасность данных, обучая персонал и постоянно совершенствуя цифровые системы управления [1, 60]. Ключевые тренды цифровизации в управлении:

1. Автоматизация рутинных задач. Цифровые инструменты позволяют автоматизировать множество рутинных операций, таких как обработка данных,

составление отчетов, планирование задач. Это высвобождает время сотрудников для более творческой работы и принятия стратегических решений.

2. Аналитика данных. Современные технологии позволяют собирать, обрабатывать и анализировать огромные объемы данных, что дает возможность выявлять закономерности, прогнозировать тенденции и принимать обоснованные решения. Примерами таких инструментов являются системы бизнес-аналитики (BI), системы управления взаимоотношениями с клиентами (CRM), системы управления цепочками поставок (SCM).

3. BI-системы собирают и анализируют данные из разных источников, предоставляя руководителям информацию о ключевых показателях эффективности (KPI) бизнеса.

4. CRM-системы помогают управлять взаимодействием с клиентами, отслеживать историю общения, анализировать потребности и предпочтения клиентов, что позволяет повысить уровень удовлетворенности клиентов.

5. SCM-системы позволяют оптимизировать цепочки поставок, планировать производство, отслеживать запасы и логистические потоки, что повышает эффективность и снижает затраты на производство.

6. Искусственный интеллект. ИИ-технологии применяются для автоматизации задач, оптимизации процессов, а также для предоставления рекомендаций и поддержки принятия решений.

7. Чат-боты могут использоваться для автоматизации обслуживания клиентов, отвечая на часто задаваемые вопросы, предоставляя информацию о продуктах и услугах.

8. Алгоритмы машинного обучения могут использоваться для прогнозирования спроса, оптимизации ценообразования, выявления мошеннических действий, персонализации контента и других задач.

9. Мобильные технологии. Смартфоны и планшеты стали неотъемлемой частью нашей жизни. Мобильные приложения позволяют сотрудникам получать доступ к информации, управлять задачами и общаться с коллегами в любое время и в любом месте, позволяют сотрудникам получать доступ к учебным материалам, проходить онлайн-курсы и получать сертификаты.

10. Системы управления проектами (PM) могут быть доступны через мобильные приложения, что позволяет сотрудникам отслеживать прогресс задач, общаться с командой в режиме реального времени, получать уведомления о сроках и изменениях в проекте.

11. Облачные технологии. Переход на облачные технологии позволяет предприятиям отказаться от собственной инфраструктуры и получать доступ к вычислительной мощности и хранилищу данных по требованию. Это позволяет сократить затраты на оборудование и обслуживание, а также обеспечивает гибкость и масштабируемость.

Преимуществами цифровизации в управлении являются: 1. Повышение эффективности. Цифровизация позволяет оптимизировать процессы, сократить время выполнения задач и снизить затраты. Например, автоматизация рутинных задач позволяет сотрудникам сосредоточиться на более сложных и творческих задачах, что повышает производительность труда. 2. Улучшение качества принятия решений. Анализ данных и использование искусственного интеллекта позволяют получать более полную картину ситуации и принимать более обоснованные решения. Например, системы аналитики данных могут помочь определить факторы, влияющие на продажи, и разработать стратегии повышения прибыли. 3. Повышение прозрачности и подотчетности. Цифровые инструменты позволяют отслеживать все этапы работы. Например, системы управления документами позволяют отслеживать движение документов и контролировать их доступ,

что повышает прозрачность и подотчетность в работе. 4. Сокращение рисков. Цифровизация позволяет минимизировать ошибки и исключить человеческий фактор в ряде процессов. Например, системы автоматического контроля качества продукции могут помочь снизить количество брака и повысить качество продукции. 5. Улучшение коммуникации. Цифровые инструменты облегчают обмен информацией и координацию действий между сотрудниками. Например, системы видеоконференцсвязи позволяют проводить онлайн-совещания с сотрудниками, находящимися в разных городах или странах, что повышает эффективность коммуникации и координации действий [2, 48].

Тем не менее, при всей своей эффективности, внедрение цифровых технологий требует значительных инвестиций в оборудование, программное обеспечение и обучение персонала. Также цифровые технологии повышают уязвимость к кибератакам. Важно обеспечить защиту данных и систем от несанкционированного доступа и киберугроз, разрабатывать и внедрять политики безопасности, использовать антивирусные программы, брандмауэры и системы обнаружения вторжений, обучать сотрудников мерам безопасности, проводить регулярные проверки безопасности и обновлять программное обеспечение.

Цифровизация требует также изменений в культуре организации, адаптации сотрудников к новым технологиям и методам работы [1, 59]. Необходимо создать среду, которая будет способствовать внедрению инноваций и поддерживать сотрудников в процессе обучения новым технологиям: стимулировать сотрудников использовать новые технологии, предоставлять доступ к образовательным ресурсам и проводить тренинги, внедрять Agile-методы управления проектами, которые подразумевают гибкость, сотрудничество и постоянное совершенствование. Цифровизация создает потребность в специалистах с навыками работы с цифровыми технологиями. Важно инвестировать в обучение сотрудников и привлекать специалистов с необходимыми компетенциями: проводить обучение сотрудников работе с цифровыми инструментами, а также развивать их навыки работы с данными, искусственным интеллектом и другими цифровыми технологиями; привлекать специалистов с необходимыми компетенциями, предлагая им конкурентные условия труда и возможности для профессионального развития.

Также цифровизация поднимает ряд этических вопросов, например, о защите персональных данных и ответственности за принятые решения. Важно разработать и соблюдать этические принципы использования цифровых технологий в управлении: разрабатывать и внедрять политики конфиденциальности данных, использовать анонимизацию данных и следовать принципам ответственного использования искусственного интеллекта; создавать механизмы контроля и прозрачности в использовании искусственного интеллекта, чтобы гарантировать, что решения, принимаемые на основе данных, не будут дискриминационными или несправедливыми [3, 25].

Выводы. Таким образом, цифровизация в сфере управления — это неизбежный процесс, который открывает новые возможности для повышения эффективности, оптимизации процессов и принятия более обоснованных решений. Однако, чтобы получить максимальную пользу от цифровизации, необходимо учитывать ее вызовы и принимать меры для их преодоления.

1. Альтаев, Т. Цифровое правительство как инструмент повышения эффективности государственного управления / Т. Альтаев // Вестник Московского университета. Серия 25: Управление и вычислительная техника. – 2019. – №1. – С. 57-62.

2. Кострова Ю.Б. Цифровая трансформация и императивы инновационной политики муниципальных образований / Ю.Б. Кострова // *Общество, экономика, управление, право: вызовы современности и перспективы развития: Материалы VIII МНПК.* – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2022. – С. 45-49.
3. Швайка О.И. Цифровизация права и экономики в России и за рубежом: эволюция и тенденции развития / О.И. Швайка // *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление.* – 2022. – № 4 (43). – С. 17-29.

ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ МИРОПОРЯДОК: ФАЗЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Сирота Наум Михайлович

(Санкт-Петербургский Государственный университет аэрокосмического приборостроения)

Аннотация. На основе структурно-реалистского подхода анализируются концептуально и методологически значимые проблемы глобального социума - основные фазы трансформации существующего постбиполярного миропорядка. Рассматривается текущее состояние международной среды и названо вероятное направление её эволюции.

Ключевые слова: *постбиполярный миропорядок, мироустройство международная система, глобальная турбулентность, баланс сил*

Окончание советско-американской конфронтации и завершение холодной войны (1989-1991 гг.) привели к возникновению центросилового постбиполярного миропорядка. Во временных рамках 1991 – начало 20-х гг. XXI века можно выделить имеющие качественную определенность следующие фазы его трансформации: 1) 90-е гг.; 2) 2000-2010 гг.; 3) с начала 2020-х гг. В кратком изложении их содержание таково.

Известные западные исследователи и Зб.Бжезинский [1,7] Ч.Краутхаммер [8] характеризуют возникший в 1991 г. миропорядок как моноцентричный, с доминирующей ролью США в международных отношениях. Для его обозначения отечественный политолог А.Д.Богатуров использует определение «плюралистическая однополярность» - сочетание государства-лидера с опережающим совокупным потенциалом (США), взаимодействующего с менее влиятельными государствами [2, С.283-296].

После окончания биполярного противостояния возникла новая геополитическая картина мира с размытой конфигурацией центров силы и иерархией её распределения. В мире усиливались анархические и конфронтационные тенденции и переставали действовать правила внешнеполитического поведения, сформировавшиеся в период холодной войны. Обнаружилась неэффективность функционировавших мировых институтов в качестве инструментов организации международных отношений.

США, оставаясь сверхдержавой-лидером, не достигли униполярности. Произошло ослабление Запада как относительно сплоченной геополитической конфигурации. Претензии Евросоюза на роль глобального игрока и нормативного гегемона ставили под вопрос лидерство США. Обострилась глобальная проблема «Север - Юг» и поиска путей её решения. Расширение НАТО на восток вопреки возражениям России создавало тупиковую ситуацию в формировании партнёрских отношений между обеими сторонами. На смену разделенному миру с доминирующими ядерными сверхдержавами не пришел новый, единый по мировоззрению и структуре.

Важнейшими характеристиками динамики миропорядка и нарастания его кризисности в первые десятилетия XXI века, на наш взгляд, являются следующие.

К началу 2000-х гг. обозначились контуры полицентрического бесполоусного миропорядка, формируемого ведущими центрами силы и множеством средних и малых стран. Международные отношения впервые в истории обретали поистине глобальный характер. При сохранении лидерства США в порядкеформирующем процессе происходило возвышение и укрепление новых центров силы (Китай, Индия, Россия, Бразилия и др.), претендовавших на влиятельные позиции. Подтверждался прогноз Г. Киссинджера начала 90-х гг. о том, что «...новый порядок больше будет похож на систему европейских государств XV111-X1X веков, чем негибкая модель времен холодной войны» [3, С.11].

Нарастала глобальная турбулентность, вызываемая комплексом взаимосвязанных причин – разнонаправленностью действий множества акторов, учащающимися

социальными и международными конфликтами, ростом числа вызовов и угроз человечеству, ситуациями хаоса и неопределенности, мировоззренческими противостояниями, распространением настроений растерянности и тревоги. Такие процессы обычно сопутствуют смене отживших мировых систем и миропорядков и формированию новых [4].

Накануне распада СССР наступление эпохи глобальной турбулентности прогнозировалось американским политологом Дж.Розенау, который в качестве главной детерминанты этого процесса называл переходное состояние мировой политики, когда старые правила ещё не утратили функциональность, а новые не стали действовать в полной мере. К числу значимых причин турбулентности он относил неконтролируемый характер взаимозависимости людей и обществ. подвергающихся воздействию информационных потоков; окружающую человечество природную среду, дестабилизирующую уязвимые социотехнически системы [9]. Американский исследователь мировой политики Н.Н. Талеб акцентировал внимание на таких особенностях турбулентности, как неопределенность и непредсказуемость, усиливающееся влияние случайных событий со значительной силой воздействия, использовал метафору «черный лебедь». Их роль, по мнению Н.Н.Талеба, возрастает с усилением взаимосвязи и взаимозависимости акторов [5].

В начале 2000-х гг. потерпела неудачу попытка интеграции России с атлантическим сообществом в качестве подчиненной части союза. Была заключена сделка: доступ к ресурсам России в обмен на интеграцию в бизнес-сообщество Запада. В последующий период отношения между Россией и Западом по объективным и субъективным причинам развивались в направлении обострения соперничества.

На геополитическом пространстве СССР образовалась «зоны брожения» и геополитической неопределенности, которую пытаются заполнить внешние акторы. Не завершен процесс цивилизационного самоопределения России, понимаемого как выбор эффективной, отвечающей национальным традициям модели внутреннего устройства и нахождение адекватного места в мире.

Новой тенденцией стала гибридность международных конфликтов, проявляющаяся в сочетании обычных и нетрадиционных стратегий, методов и приёмов, отсутствии четкой разграничительной линии между войной и миром. Гибридный характер носит конфликт между Россией и Западом, нарастающее соперничество между США и Китаем. Ключевая практическая проблема гибридных конфликтов состоит в сложности контроля над их развертыванием средствами традиционной дипломатии и достижения мира. Усиление глобальной конфликтности и снижение её порога создает ситуацию «международного беспорядка».

Еще в нулевые годы была запущена цепная реакция распада режимов контроля над вооружениями: выход в декабре 2001 г. из советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ДПРО) 1972 г., являвшегося краеугольным камнем стратегической стабильности; денонсация в 2019 г. Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД); выход США (1920 г.) и России (1921 г.) из многостороннего международного Договора по открытому небу (ДОН), обеспечивавшего контроль за военной деятельностью стран-участниц.

Несмотря на нарастание конфронтационных тенденций и усиление общей хаотизации миропорядка, в 1990-е, 2000-е, 2010-е годы складывались неформализованные правила поведения на международной арене, которые более-менее соблюдались ведущими мировыми державами и большинством государств. Относительная стабильность

обеспечивалась общим пониманием опасности расшатывания и возможного разрушения ООН и её норм в качестве стандарта международного поведения.

Сложившееся в 90-х – 2010 гг. как результат глобальных тектонических сдвигов гибридное состояние международной среды сочетает элементы порядка, хаотизации и турбулентности. Оно представляет собой неустойчивое мироустройство, способное эволюционировать как в направлении миропорядка, так и нарастания неуправляемости глобальным социумом. Проведение четкой разграничительной линии между мировым порядком и «международным беспорядком» невозможно в теории и неосуществимо на практике ввиду высокой вероятности взаимопереходов и промежуточных состояний.

В начале 2020-х гг. оформился разлом мира на две составные части: с одной стороны Запад и Украина, с другой – Китай и Россия. Противостояние по линии Россия-Запад, по сути, проистекает из хаотичности и незавершенности процесса распада биполярной системы. В современной интерпретации оно предстает прежде всего как ценностное и сопровождается демонизацией противоположной стороны. Острота противостояния особенно усилилась после введения западных санкций против России.

Российско-западное противостояние и его эскалация частично явились результатом провала не только политико-дипломатических усилий, но и теоретической мысли, приоритетом которой должна была стать опора на равный цивилизационный диалог

. Соперничество между США и Китаем носит порядкообразующий характер. Возможное обострение этого соперничества известными экспертами интерпретируется в логике метафоры «ловушка Фукидида» - как повод для войны между наиболее могущественной державой – США и «восходящей» - Китаем [6, p.11].

Процесс формирования нового мирового порядка будет носить пульсирующий, конфликтный и долговременный характер. В условиях глобальной трансформации международной среды потребуются поиск способов купирования вызовов и рисков дестабилизации, неизбежных для периода распада существующего миропорядка и конкуренции миропорядков будущего. Наиболее вероятным результатом эволюции международной среды представляется формирование полицентрического миропорядка с элементами биполярности (США-Китай) без жесткого деления на сферы военно-политического контроля.

1.Бжезинский, Збигнев. Великая шахматная доска. — М.: Международные отношения - 1999. — 256 с.

2.Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений - М.: НОФМО – 2002 - 390 с.

3.Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Издательство АСТ», 1994, 898 с.

4.Розов Н. С. Эпохи турбулентности и их преодоление / Н. С. Розов // *Полития*. — 2019. — № 1(92). — С. 81–95.

5.Тaleb Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. 2-е изд., доп /Пер. с англ. М.: Колibri, Азбука-Аттикус. - 2021= 680 с.

6.Allison G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Houghton Mifflin Harcourt – 2017 - 384 p.

7. Brzezinsky Z. *The premature partnership* // *Foreign Affairs*. -Wash. , 1994. - Vol. 73, n 2. - p. 67-82.

8. Krauthammer Ch. *The Unipolar Moment* // *Foreign Affairs*. 1991. Vol. 70. No. 1. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1991-02-01/unipolar-moment> (дата просмотра: 20.10.2023).

9. Rosenau J.N. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton -1990 - 480 p.

СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИЙ

Скляр Кирилл Александрович
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Аннотация: В статье профессиональное выгорание рассматривается как социально значимое негативное явление, требующее применения систематических мер профилактики в процессе управления персоналом. Сделан акцент на трех направлениях профилактики профессионального выгорания персонала — когнитивном, эмоциональном и физическом. Выявлены положительные эффекты от применения системного подхода к профилактике профессионального выгорания персонала.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, управление благополучием персонала организации, признаки профессионального выгорания, последствия профессионального выгорания, направления профилактики профессионального выгорания персонала.

Начало формирования научных представлений о феномене профессионального выгорания работников организаций относится к началу XX в. Внимание социологов привлекло, что в процессе интенсивной работы происходит растворение «Я» каждого отдельного сотрудника в «Мы» общего коллектива, при этом помимо позитивных эффектов возникают и снижающие мотивацию к труду факторы, к примеру, работник теряет такие качества, как вовлеченность в процесс труда, снижается эмоциональная отзывчивость, что в итоге нивелирует личностную идентификацию и стирает разнообразие общества [3, 25]. На данные явления особое внимание обратил П. Сорокин, который использовал специализированное понятие — «профессиональная деформация», отражающее «негативное влияние профессиональной деятельности на поведение и переживания человека» [2, 137].

Принято считать, что понятие «профессиональное выгорание» (англ. Staff burnout) впервые использовал Х. Дж. Фрейденберг в 1974 г. Наблюдая за состоянием работников психиатрического учреждения, он выявил два особых психологических состояния работников. Первое состояние («эмоциональное горение») характеризовалось энергичностью труда и высокой степенью самоотдачи, второе («эмоциональное выгорание»), наоборот, проявлялось в снижении личностных ресурсов и в необходимости внешней поддержки работника. Х. Дж. Фрейденберг относил к эмоциональному выгоранию такие проявления, как усталость, раздраженность и деморализацию [3, 25].

Существенный вклад в развитие научных представлений о профессиональном выгорании персонала был внесен автором трехкомпонентной модели выгорания (МВІ) К. Маслач, которая под термином «профессиональное выгорание» понимала «синдром эмоционального истощения и цинизма, который часто появляется у персонала, работающего с людьми, и ведет к негативной коммуникации со своими клиентами» [6, 13]. В более поздних исследованиях К. Маслач описала последствия, к которым ведет выгорание, среди них [1, 8]:

психофизиологические последствия, которые проявляются в психосоматическом расстройстве (бессонница, головные боли);

поведенческие последствия, которые могут влиять не только на состояние сотрудника, но и организации в целом, ввиду ухудшения психологической атмосферы, осложнения коммуникации, снижения производительности;

межличностные последствия, проявляющиеся в учащении конфликтов в семейных и деловых отношениях;

установочные последствия, которые ведут к формированию негативных установок, связанных с рабочей организацией, ее клиентами и коллективом.

Специалисты оценивают случаи профессионального выгорания персонала как негативное явление в организации, требующее специально разрабатываемых и внедряемых в систему управления персоналом мер профилактики. Е.И. Суханова считает, что профилактика профессионального выгорания может быть рассмотрена на нескольких уровнях – когнитивном, эмоциональном и физическом [7, 69]. По ее мнению, на когнитивном уровне могут быть использованы следующие способы профилактики выгорания персонала [7, 69 – 70]: переключение видов деятельности, обучение, квалифицированная психологическая помощь. Переключение видов деятельности может быть связано с внесением разнообразия в повседневную деятельность, сочетанием работы и учебы, поиска новых способов решения задач. Обучение позволяет сотруднику избежать неуверенности в собственных силах и неопределенности, обеспечить уверенность в достижении результатов. Квалифицированная психологическая помощь позволяет справиться с внутренними переживаниями, выявить причины появления выгорания.

К способам профилактики профессионального выгорания на физическом уровне Е.И. Суханова относит [7, 70]: поддержание режима дня и введение гигиены сна, медикаментозную помощь, занятия спортом и физкультурой. Поддержание режима дня и введение гигиены сна позволяют нормировать физическую нагрузку и обеспечивать восстановление организма. Медикаментозная помощь может применяться в случаях, когда стресс и большие нагрузки приводят к другим заболеваниям человека. Увеличение занятий спортом и физкультурой применяются для улучшения физической подготовки в сочетании с расслабляющими процедурами (например, массаж, спа-процедуры), которые позволяют снять физическое напряжение.

Для поддержания устойчивого позитивного эмоционального состояния человека по мнению Е.И. Сухановой полезными могут быть [7, 71]: творчество, медитации и другие техники релаксации, а также варианты безопасного прямого выплеска эмоций. Творчество – это инструмент для сублимации эмоции и их проживания в другой активности. Медитации и визуализация позволяют добиться снижения стресса и напряжения. Безопасный прямой выплеск эмоций выступает как способ, свойственный детям, но утрачиваемый взрослыми ввиду сдерживающих социальных факторов (например, плач в уединенном месте, битье подушки, использование «листочков гнева» и др.).

Осуществление профилактики профессионального выгорания во многих современных организациях осуществляется за счет реализации политики организации по охране труда, мероприятий по управлению корпоративной культурой и программ управления благополучием сотрудников. Выводы организации Limeade Institute, которая проводит рыночные исследования, связанные с организационной психологией, показывает, что 88% сотрудников стремятся приносить пользу и имеют более высокую вовлеченность, когда ощущают заботу со стороны компании [8].

Особую роль, на наш взгляд, играют программы управления благополучием персонала, органично включенные в систему управления персоналом. Под программой управления благополучием сотрудников (well-being) понимается современная корпоративная комплексная программа, целью которой является повышение благополучия сотрудников, улучшение их физического, психологического состояния и финансового положения [9]. Дж. Хартер и Т. Рат выделили в подходе к управлению благополучием сотрудников пять основных направлений: профессиональный рост, финансовое

благополучие, комфортная рабочая атмосфера, физическое и психологическое здоровье [5, 58]. Успешная реализация программ управления благополучием сотрудников помогает улучшить такие показатели жизнедеятельности сотрудника, как: профессиональная компетентность, успех карьеры; среда обитания; здоровье и питание; любовь и межличностные отношения; адекватная идентификация; физическая безопасность; финансовая стабильность; режим дня; эффективный сон; быстрая адаптация к изменениям; формирование целей и миссии; образование, личностный рост [8].

На наш взгляд, эти направления управления благополучием персонала наряду с формированием благоприятного психологического климата и развитием сильной организационной культуры являются основой формирования системы профилактики выгорания персонала в организации, которая предназначена для предупреждения различных угроз, с которыми может столкнуться организация, включая ухудшение взаимодействий и взаимоотношений сотрудников организации с коллегами и клиентами, увеличение конфликтов в организации, ухудшение имиджа и репутации компании.

1. **Водопьянова, Н.Е., Старченкова, Е.С.** Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 336 с.
2. **Дружилов, С.А.** Профессиональные деформации и деструкции: феноменология и подходы к изучению // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2013. – № 12. – С. 137–140.
3. **Зейналов, Г.Г., Стародубцева, Л.В., Немыкина, О.И.** Понятие профессиональное выгорание в научном измерении // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2018. – № 9. – С. 24–26.
4. **Китаев-Смык, Л.А.** Выгорание персонала. Выгорание личности. Выгорание души. Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2008. – № 2. – С. 41–50.
5. **Молодчик, Н. А., Соснина, П. О.** Программа well-being: российские практики // *УПИРР*. – 2023. – № 1. – С. 57–62.
6. **Нетребко, Е.Э.** Профессиональное выгорание // *Глобус: психология и педагогика*. – 2019. – № 2 (30). – С. 12–17.
7. **Суханова, Е.И.** Профилактика профессионального выгорания // *Неонатология: новости, мнения, обучение*. – 2022. – Т. 10. – № 3. – С. 68–72.
8. **Что такое well-being и почему это нужно бизнесу** // *Friendwork*. – URL: https://friend.work/blog/articles/что_такое_wellbeing (дата обращения: 04.06.2024).
9. **Well being: забота о благополучии сотрудников** // *HR-Portal*. – URL: <https://hr-portal.ru/story/well-being-zabota-o-blagopoluchiiisotrudnikov> (дата обращения: 04.06.2024).

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ ПОВЕДЕНИЯ ИНДИВИДОВ В СИТУАЦИИ ОЦЕНКИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ СТОИМОСТИ ТОВАРА

*Сметанина Татьяна Владимировна
(Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена)*

Социальные регуляторы [1] представляют собой рычаги воздействия на индивидов или их группу со стороны сторонних лиц или акторов для достижения определенной цели.

Потребительская стоимость товара - это некая оценка удовлетворенности индивида свойствами товара.

Потребительскую стоимость в теории Котлера [2] можно разделить на фактическую и ожидаемую.

Ожидаемая - это стоимость, которую индивид ассоциирует со свойствами товара.

Фактическая - это потребительская стоимость, которую получает индивид от свойств приобретенного им товара.

Нам интересна дилемма, которая выстраивается на этапе достижения удовлетворенности индивида товаром.

Если фактическая потребительская стоимость не достигает ожидаемой, индивид не удовлетворен ситуацией с товаром. Даже если свойства товара в сравнении с другими выше, лучше это не останавливает индивида.

Если фактическая потребительская стоимость достигает ожидаемой или превышает ее, индивид удовлетворен.

Социальными регуляторами поведения в этом случае является знание о товаре, его свойствах, опыт сторонних индивидов или их групп.

Социальным регулятором может быть личный опыт, опыт ближайших лиц, которым доверяет индивид.

Социальным регулятором может стать жизненная необходимость индивида в свойствах товара.

Удовлетворяемая потребность может быть приравнена к самосохранению индивида.

В этом случае соотношение фактической и ожидаемой потребительской стоимости может волновать индивида в последующем.

Социальным регулятором может быть потребность в имиджевом росте индивида.

«Приобретаю так как это знаково, модно, стильно».

Потребительская стоимость является индикатором качества товара. Если товар действительно качественный, то потребительская стоимость будет полностью удовлетворять индивида.

Социальные регуляторы могут быть при этом как формальные, так и неформальные.

Формальные укладываются в стандарты, правила, прописанные для использования.

Неформальные возникают в результате спонтанных, нерегулируемых действий.

Изучение социальных регуляторов, их классификация, снизит риск необоснованной потери качества товаров в ситуации добровольного характера применения стандартов [3, статья 26].

1. Захаров, Н. Л. Теория социальных регуляторов / Н. Л. Захаров. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2024. – 241 с.
2. Котлер Ф. Основы маркетинга. — М.: Прогресс, 1990.
3. Федеральный закон от 29.06.2015 N 162-ФЗ (ред. от 30.12.2020) "О стандартизации в Российской Федерации".

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В ПРАКТИКАХ УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

*Сорокина Нина Дмитриевна
(Российское общество социологов)*

Аннотация. Рассматриваются особенности коммуникации в сфере управления в условиях цифровизации. Эффективной коммуникация может быть только в том случае, если найден способ решения указанной проблемы. Был сделан вывод о том, что говорить об эффекте диалога можно в случае, если технологии манипулирования будут заменены на практики социального участия, а не ограничиваться уровнем информирования.

Ключевые слова: коммуникация в управлении, цифровизация общества, особенности коммуникации в условиях цифровизации, социальное участие, манипулятивные практики в управлении

Управление предполагает наличие обратной связи. Она возможна в случае диалогического взаимодействия между управляющими структурами и управляемыми, а без эффективной коммуникации это невозможно. Цифровизация сфер жизнедеятельности общества, в том числе, и в области управления, позволяет скорее и оперативнее достичь эффекта диалога. Сам процесс коммуникации, социального взаимодействия в этих условиях переходит в качественно иное состояние: от уровня информирования к уровню гражданского управления. Именно последнее обеспечивают социальное участие. А развитие электронных форм взаимодействия может обеспечить более быстрое и эффективное формирование партисипативных практик. Это является одной из важнейших особенностей процесса коммуникации в управлении.

Цифровизация позволяет осуществлять процесс широкого и повсеместного освоения форм электронного взаимодействия управленческих структур и населения. К примеру, сайт «Активный гражданин», которому в 2024 году исполняется 10 лет. На этот портал г. Москвы выносятся различные предложения, касающиеся благоустройства, развития ООПТ (Особо охраняемых природных территорий) и т.д. На сайте «Активный гражданин» регулярно проходят разные конкурсы. В качестве одной из задач этих конкурсов – выявлять лучшие реализованные проекты в области строительства и реставрации, привлечь внимание к проектам, которые улучшают качество жизни горожан. Подобные сайты в качестве обратной связи между населением и чиновниками начали появляться и в других городах, например, в Калининграде.

В условиях цифровизации общества происходит активное освоение гражданами Интернет-пространства с его различными социальными сетями, что приводит к самоорганизации населения. Но это некоторых представителей органов власти иногда пугает, поскольку имеется привычка работать с населением по-старому, а именно: информировать об изменениях, но при этом не учитывать мнения граждан, социальное участие при этом не предполагается. Вот здесь и возникает парадокс. С одной стороны, создаются условия для того, чтобы мнения, пожелания граждан были услышаны. Но при этом эффекта диалога в итоге не всегда удаётся достичь. Это можно проиллюстрировать на примере того же сайта «Активный гражданин». Мнения жителей учитываются по не самым важным и актуальным вопросам. Но людей не спрашивают, к примеру, нужно ли сохранить сквер по такому-то адресу или вместо него построить дорогу? Нужно ли вырубить часть такого-то парка и застроить это место высотными домами? Анализируя контент некоторых чатов в разных пабликах, можно видеть много просьб, обращений жителей. Что же волнует жителей больше всего? Темы ЖКХ, благоустройства, которое жители называют

«злоустройством» (бесконечный бордюнинг, покос травы и т.д.), экология, градостроительная политика выходят на первый план. Ради справедливости, надо сказать, что для реагирования на конкретные просьбы используется портал «Наш город», созданный в 2011 году с целью конструктивного диалога между жителями Москвы и органами исполнительной власти. Но это не решает всех проблем, связанных, в первую очередь, с огромными масштабами строительства. А сами подходы к управлению на разных уровнях с использованием концепции «умного города» на практике оборачиваются нередко не развитием окружающей среды, а во многом приводит к её деградации.

Не к развитию, а именно деградации приводит иногда и нынешняя практика публичных слушаний. Следствием принятия федерального закона, упростившего правила землепользования и застройки, планировки и межевания территории является то, что в некоторых регионах принимаются документы, в соответствии с которыми больше не требуется проведение общественных обсуждений или публичных слушаний. Так случилось в Москве. Руки строительной индустрии теперь развязаны. Решение было принято с целью поддержки строительной отрасли после ввода международных санкций. Но вскоре в Госдуме был разработан законопроект, возвращающий практику обязательных общественных слушаний и общественных обсуждений в рамках градостроительной деятельности в РФ, поскольку это может привести к возникновению социальной напряженности, а такая практика противоречит Градостроительному кодексу РФ, что ведёт к нарушению прав и интересов граждан.

Использованию механизмов общественного участия в процессах стратегического планирования и реализации стратегий в России, по сути, в принятии управленческих решений мешает сложившиеся стереотипы взаимодействия власти и населения. «Корневой причиной является неготовность власти к переходу от иерархических отношений «начальник – подчиненный» к «горизонтальной» коммуникации профессионалов в различных областях, а также к партнерским отношениям власти и общества. В то же время не всегда готово к этому и само общество, поэтому для инициаторов разработки стратегии (чаще всего это городские власти) важен правильный выбор партнеров. С одной стороны, нужно отсеять «городских сумасшедших» и представителей интересов «мафии» (разного рода групп давления), а с другой – нельзя ограничиваться только теми общественными объединениями, которые комфортны для власти и заведомо разделяют ее позицию. Также важно выбрать эффективные форматы коммуникации и технологии совместной работы с сообществами» [1, 44].

Между тем про эффективность коммуникации можно вести речь только в том случае, если найден способ решения указанной проблемы, и он удовлетворяет тех, кто её озвучил. К сожалению, нередкой становится ситуация, когда вместо решения проблемы происходит всего лишь его имитация. Почему так происходит? А.Н. Расходчиков видит основные причины, которые препятствуют эффективной коммуникации, а также формированию адекватного присутствия органов власти в интернет-среде, в устаревших методах взаимодействия с населением, основанных преимущественно на одностороннем информировании, при этом не учитываются нарастающие в обществе процессы саморегуляции [2, 264].

Что касается моделей коммуникации, они, действительно, требуют совершенствования. В настоящее время активно используются такие приёмы, как дискредитация недовольных, эту работу выполняет так называемая ботоферма, «фабрика троллей». Но эффект получается не очень высокий. Поэтому используются разные способы манипулирования общественным сознанием. Это можно проследить на примере предвыборной кампании. В Москве она проходила наиболее активно с использованием

программы «Мой район». Различные увеселительные мероприятия призваны создавать ощущение социального благополучия, «вечного» праздника, отсутствия серьёзных проблем. Но этого недостаточно. Большой эффект даёт такой способ манипулирования, как рекламирование решения какой-либо проблемы, не особо социально значимой. К примеру, методом включённого наблюдения автором был изучен процесс предвыборной кампании в Мосгордуму в сентябре 2024 года. Одна из кандидатов из ныне действующих депутатов сделала акцент в своей кампании на контроле за возведением детских, спортивных, собачьих площадок в районе, но фактически ею были проигнорированы такие важные для жителей проблемы, как: транспортная доступность, отсутствие должной социальной инфраструктуры (детских садов, школ) при возведении новых жилых комплексов, экологические вопросы и др.

Можно к технологиям манипулирования отнести и формирование нужного общественного мнения, поскольку на всех уровнях управления сейчас особенно востребованы управляемость и предсказуемость. Так, в РАНХиГС планируется внедрение бакалаврской программы, которая будет называться «Информационные и когнитивные технологии в политическом процессе»; а также магистерской – «Информационно-психологические технологии и противостояние интервенциям в политическом процессе». К компетенциям, которые должны будут обрести выпускники программ, относятся прогнозирование кризисных общественных состояний, применение новых технологий для изучения общественно-политических процессов, а также механизмов пропагандистской и контрпропагандистской работы и др. Это, действительно, важно для повышения эффективности механизма взаимодействия властных структур и граждан. Главное, чтобы эти компетенции были использованы в интересах жителей, а не только тех структур, которые заинтересованы только в продвижении своих интересов.

В заключении можно сделать вывод о том, что говорить о взаимодействии управленческих структур и граждан, что подразумевает обратную связь, можно в том случае, если технологии манипулирования будут заменены на практики социального участия, а не ограничиваться уровнем информирования.

1. *Марача В. Г., Красникова Т. С. Опорные населенные пункты в Арктической зоне России: их основные функции и содержание комплексных планов долгосрочного развития // Арктика 2035. Актуальные вопросы, проблемы, решения. 2024. 1(17). С. 32-49.*
2. *Расходчиков А. Н. Информационно-коммуникационное взаимодействие власти и общества: в поиске эффективных технологий // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 263–273.*

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ООО «ТРИВЕС»)

*Степанов Иван Евгеньевич
(РАНХиГС Санкт-Петербург)*

Организационная культура в данном исследовании рассматривается как система мероприятий, направленных на развитие трудового коллектива, воздействие на поведение и мотивацию работников в процессе труда, их отношения друг с другом и с администрацией, социально-психологический климат в коллективе.

Анализ проблемной ситуации: благодаря успешной реализации проектов за последние 2 года заинтересованность потребителей к продукции предприятия сильно возросла. По причине этого, было принято решение по увеличению объемов производства. В связи с этими событиями, предприятию необходимо было расширяться, очевидна была потребность в персонале, и предприятие пополнилось новыми сотрудниками.

В виду того, что компания ставит перед собой серьезные и масштабные задачи, ей требуется в полной мере использовать все свои ресурсы. Основным ресурсом компании, являются, несомненно, ее работники.

Объектом исследования выступила организационная культура, предметом – организационная культура предприятия в оценке его сотрудниками.

Целью проведенного социологического исследования – выявить реальный уровень организационной культуры предприятия.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

- определить содержание и характеристики социальной ответственности и организационной культуры по выделенным параметрам
- оценить степень влияния организационной культуры на сотрудников предприятия
- проанализировать степень удовлетворенности персонала трудом

Гипотеза исследования: ввиду того, что в последние годы предприятием было набрано большое число новых сотрудников, его социальная ответственность и организационная культура является слабой и не имеет серьезного воздействия на персонал.

Методы и инструментарий исследования: диагностику организационной культуры предприятия решено осуществить путем анкетного опроса ее сотрудников. Выбор именно этого метода исследования был обусловлен возможностью охватить с помощью него множество параметров, присущих организационной культуре, и получить в итоге целостную модель существующей организационной культуры. Наглядность получаемых результатов позволяет достаточно легко понять направление изменений, необходимых для улучшения деятельности предприятия.

Анкета для опроса составлена при использовании методики Д. Дэнисона. Методика диагностики организационной культуры Дэнисона основывается на анализе конкурирующих ценностей организации: внешний фокус - внутренний фокус, гибкость - стабильность. Всего было предложено определить характеристики организационной культуры по 12 индексам.

Общая численность сотрудников группы структурных подразделений по обеспечению деятельности по производству продукции составляет 67 человек, из которых было опрошено 52 человека. 59% от всего числа опрошенных - женщины, 41% - мужчины. Средний возраст респондентов составляет 33 года. Большинство опрошенных сотрудников - 54% работают на предприятии не более двух лет. Можно предположить, что этот процент составляют работники, нанятые предприятием в связи с расширением деятельности, о

котором было упомянуто выше. Только 5% опрошенных работают практически с момента ее создания. Именно они должны были оказать наибольшее влияние на содержание существующей организационной культуры, так как одним из важных факторов ее формирования является наличие коллективной истории.

По оценке сотрудников, ни один из параметров организационной культуры не имеет преимущества в развитии относительно остальных. С одной стороны, подобные результаты могут показаться странными для активно действующей организации, постоянно реализующей новые проекты. Однако не зря первыми при анализе были приведены данные по стажу опрошенных работников. По сути, их большая часть еще может находиться в процессе адаптации к организации, должности и трудовому коллективу. Результатом такого «подвешенного» состояния является очень среднее, размытое, несистематизированное представление о компании, ее взаимодействии с внешней средой, миссии и целях и состоянии внутренней среды.

На базе этого наблюдения следует вывод, что понимание миссии и целей компании затруднено для группы подразделений, обеспечивающих производство и продажу продукции. Усвоение миссии организации как смысла всего ее функционирования всеми подразделениями является необходимым для формирования сильной организационной культуры. В противном случае те отделы, что плохо осведомлены по этим важным составляющим деятельности любой компании, могут чувствовать себя «оторванными» от организации, действовать в ситуациях неопределенности не в рамках общей организационной культуры, а в контексте образованных субкультур.

По сегментам, соответствующим согласованности компании и способности к адаптации наблюдается сходная ситуация.

Особенно хотелось бы остановить внимание на характеристике вовлеченности (причастности). По результатам сравнений всех полученных моделей организационной культуры именно этот сегмент получил наименьшие оценки. Показатель вовлеченности показывает, насколько у сотрудников развито чувство гордости и ответственности за деятельность предприятия, на котором они работают. Высокая оценка индексов в данном параметре организационной культуры характеризует организацию как активно раскрывающую потенциал своих сотрудников, развивающую их способности.

С точки зрения большинства опрошенных сотрудников у компании имеются значительные внутренние резервы для повышения эффективности труда. Лишь 5% респондентов ответило, что все ресурсы компании максимально задействованы на данный момент. 34% высказывают мнение, что организацией плохо используется творческий потенциал своих сотрудников, не поощряется инициатива с их стороны. Эти данные подтверждают низкие оценки вовлеченности и причастности персонала, увиденные нами в результате построения модели организационной культуры. 30% респондентов видит перспективу повышения эффективности деятельности компании при условии, если труд персонала будет организован иным образом.

Общая степень удовлетворенности трудом у сотрудников также находится на среднем или чуть выше среднего уровне. Около 45% респондентов ответили, что удовлетворены работой организации на 60%, еще 29% выбрали вариант «на 70%».

Анализ результатов анкетного опроса подтвердил гипотезы исследования. Все характеристики были оценены респондентами как средние или чуть выше среднего. Показатели по каждому индексу находились в пределах от 52% до 69%. Подобная оценка организационной культуры показывает, что ее воздействие на сотрудников предприятия присутствует, но оно слабо для того, чтобы являться инструментом управления персоналом.

Это свидетельствует скорее о наличии субкультур, нежели единой, разделяемой всеми, организационной культуры предприятия. Следствием этого вывода может являться разобщенность, разрозненность отделов, проблемы коммуникации между ними, что повышает сложность управления персоналом. У сотрудников нет общего представления о компании, ее стратегии, ценностях и направленности, поэтому в случае критических ситуаций или ситуаций неопределенности, их поведение и действия будут рассогласованы.

Одной из причин подобной слабости доминантной организационной культуры, выражающейся в отсутствии или невысокой силе воздействия провозглашаемых руководством стратегии, миссии, ценностей и других компонентов на сотрудников компании, в наличии субкультур, является «молодость» и несработанность коллектива. Вследствие того, что в последние годы на работу предприятием было принято множество новых сотрудников, новая организационная культура находится лишь в стадии формирования. Существовавшая же до этого так же не являлась сильной, так как с приходом новых сотрудников ее содержание не было передано для усвоения ими.

Слабые места нынешней организационной культуры - это характеристика причастности сотрудников к деятельности компании. По их собственным оценкам, информация на предприятии является слабодоступной, не развита работа в команде, кроме того, низкой является перспектива профессионального развития. Сотрудник, с их точки зрения, мало что решает для компании.

В дополнение к этому, рекомендуется обратить внимание на показатель осознания миссии и целей организации среди сотрудников отделов, занимающихся обеспечением производства. Для них оказались мало ясны долгосрочные направления деятельности предприятия.

Для поддержания желательного профиля организационной культуры рекомендуется внимательно отнестись к отбору и социализации новых работников. Каждый новый сотрудник приносит с собой элементы культур других организаций, поэтому на этапе подбора персонала необходимо выделять тех, кто своими качествами и представлениями наиболее соответствует желаемым для наличия в организации. После приема на работу начинается процесс адаптации новичка к организации и должности, процесс, когда он «включается» в деятельность компании. Положительное влияние на данный процесс окажет разработанная система наставничества или коучинга, когда опытным сотрудником со значительным стажем работы на предприятии будут разъясняться не только технические особенности выполнения задач, поставленных перед новым работником, но еще и организационные ценности и нормы, стоящие за спецификой их выполнения.

Первым шагом в поддержании сформулированных организационных ценностей и норм, может явиться разработка и внедрение системы обучения персонала. Именно индекс, соответствующий возможности развития в организации, получил в оценке сотрудников наиболее низкую оценку. Возможность повышения квалификации и развития профессиональных навыков формирует у сотрудников представление о том, что от них требуется неизменно высокое качество работы, вследствие этого компания готова вкладывать в них ресурсы.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА И НЕУСТОЙЧИВОСТИ

*Сунчугашева Аланго Андреева
(МГИМО МИД РФ Одинцовский филиал)*

Аннотация: в данной статье выявляется способ социального управления в обществе риска и неустойчивости через рассмотрение источника риска, а также их взаимосвязи с ценностными ориентирами общества. В рамках статьи будут обозначены способы обеспечения безопасности общества через медиа.

Ключевые слова: общество риска; ценностные установки; медиaprостранство.

Термин “общество риска” был введен немецким социологом Ульрихом Беком. “Общество риска подразумевает, что прошлое теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место - как причина нынешней жизни и деятельности - приходит будущее, то есть нечто несуществующее, конструируемое, вымышленное. Когда мы говорим о рисках, мы спорим о чем-то чего нет, но что могло бы произойти, если сейчас немедленно не переложить руль в противоположном направлении” [2]. Согласно У. Беку, появление рисков связано с развитием производительных сил, что порождает такие предметы, явления, которые сложно зафиксировать в физическом измерении, поэтому деструктивные силы рисков остаются невидимыми, следовательно, выражаются в незнании или знании о них. Рискам и неустойчивости подвержено все общество, в том числе и глобальное общество [2].

В начале XX в. стремительно развивались производительные силы, прошла мировая война, активно вели работу политические партии, революция приобрела мировой характер, “прогремели” первые террористические акты, однако, степень риска того общества не сопоставима с риском и неустойчивостью общества XXI в. Вместе с тем, риск и неустойчивость 80-90-ые гг. не приближается к современному, поскольку люди того периода все же были менее включены в процессы настоящего - да, появлялись новые технологии, развивалось теле- и радиовещание, появлялись новые модели мобильных телефон, но человек не получал информацию столь моментальным, индивидуальным образом, как современный человек, который имеет всю информационную систему, образовательные и новостные источники почти у себя на ладони в виде смартфона, ноутбука, планшета, которые можно использовать в любом месте и в любое время. Поток информации различного характера оказывает негативное влияние на психологический комфорт [3].

“В индустриальном обществе производились блага, в обществе риска производятся риски. В рамках субъективной концепции риск характеризует психологическое отношение субъекта к результату собственных и чужих действий. В объективной концепции риск рассматривается как возможность ущерба, потерь и опасностей” [5]. Из субъективной концепции следует, что именно от реакции индивида зависит его восприятие внешних факторов. Внешними факторами являются события происходящие на мировом, государственном, региональном, локальном уровнях, мнения и оценки, которых могут повлиять на чувство безопасности. Следовательно, чтобы управлять обществом риска и неустойчивости, необходимо позаботиться о его реакции, в основе механизма которой лежат ценности.

Ранее ценности определялись религией, фиксированными паттернами в коммуникации с ближним кругом взаимодействия, а также большое влияние оказывала повестка государства, культура, которая выражалась в том, какую литературу было принято читать, в какие театры ходить, какое кино смотреть. Современного человека

затруднительно вернуть к религии, и даже родители, друзья не всегда воспринимаются как авторитетные лица, каждый член общества сам выбирает свою культурную программу. Однако, выбор моделей общения, индивидуального просвещения зачастую не автономен [4], он продиктован тем, что транслируют “карманные” источники информации - СМИ и социальные сети. В потоке информации неподготовленный читатель часто оказывается неспособным противостоять деструктивным силам, выделить необходимое и полезное для собственного ума.

Одной из целей государства является повышение уровня безопасности граждан. Общество в состоянии риска и неустойчивости может привести к весьма разрушительным процессам для всей государственной системы, вследствие чего само общество, не только политические силы, подвергнется хаосу. Обществом риска и неустойчивости необходимо управлять через ценностные установки, моральные ориентиры. Именно моральная готовность, рациональная оценка происходящего, базирующиеся на ценностях, обеспечивают состояние стабильности [5]. Моральные установки определяют реакцию на внешние факторы. Согласно В. Франклу, австрийскому психиатру, бывшему узнику нацистского концентрационного лагеря, в концлагерях люди находились в одинаковых условиях, но выживали по-разному, были люди, которые после заключения быстро “уходили”, были и те, кто несмотря на все происходящее, продолжали жить и выживали, потому что именно моральные принципы, ценностные убеждения позволяли им находить “свет”. Благодаря описанному примеру, пусть и достаточно гротескному, можно понять, что ценности определяют реакцию индивидов, вместе с тем и общества, на процессы изменяющегося мира, в свою очередь именно характер реакции определяет то, что является риском.

“Сетевое общество требует сетевого решения проблем” [1], значит, государство может влиять на ценности, реакцию общества через медиа коммуникации. Стоит отметить, что подобное влияние государства может принимать лишь в меру дозволенные рамки, не переходя в форму тоталитаризма. Государство устанавливает ценностные ориентиры во благо самого общества. В условиях риска и неустойчивости общество может быть защищено собственными моральными убеждениями. Государство для этого может создать суверенное интернет- пространство, в котором деструктивные силы будут подвергаться фильтрации, также ценности могут прививаться через культурные программы, видеоролики, кино, символику в форме, понятной для разных групп общества.

Освещение событий продолжится с той же интенсивностью, однако, важно не маскировать, замещать “негативный” поток информации (трансляция войн, насилия, острых общественных проблем) приятными и спокойными “изображениями”, а корректировать реакцию общества, научить население давать такую оценку происходящему, которая будет соответствовать вызовам времени.

Общество должно знать не только, как оценивать происходящее, но и как устранять риски, понятная схема действий обеспечит общество чувством безопасности. Американский социолог Г. Молотч в “Порядке на местах, или борьбе с безопасностью” описывает случаи, когда террористы смогли обойти жесткие меры контроля, пронести смертоносный груз на воздушное судно, лишь бдительность пассажиров позволила вовремя обезвредить террористов. Способность граждан действовать в чрезвычайных ситуациях стала решающим фактором [6]. Собрать все группы общества или подавляющую часть для проведения учений, инструктажа не представляется возможным, однако, представители почти всех групп общества имеют доступ в интернет, из которого узнают о массовых трендах. Вполне возможным представляется создание программы на интернет-платформе или серии роликов, которые через определенные технологии (авторитетное мнение группы

общества, инструменты продвижения в социальных сетях, государственные медиа) можно сделать популярными, трендовыми, таким образом “схема действий” станет понятной для общества, что снизит степень чувства риска.

Возвращаясь к способам корректировки ценностей через медиа, приведем пример кино. Современный зритель спокойно воспринимает кинокартины, в которых демонстрируются несчастливые семьи, в которых и супруги, и их ребенок страдают, насилие, употребление наркотиков, аморальные вечеринки, абьюзивные отношения - описанное можно встретить в мелодрамах, которые транслируются по телевидению, фильмах и сериалах, доступных в интернете и популярных среди молодежи разных стран. При этом подобные паттерны поведения показывают в фильмах, рассказывающих как о политических элитах, бизнесменах, представителей творческой сферы, так и о жизни простых школьников. Несомненно, кино фиксирует происходящее, освещает проблемы общества, в то же время оно задает смыслы, образ жизни, поведение. Если зритель сначала сомневается в правильности подобного кино, то после просмотра различных клипов, посвященных персонажам, прочитывания постов сообществ, которые вместе делают фильмы и персонажей популярными, зритель неосознанно начинает восхищаться героями кинокартин, допускать и принимать увиденное, а далее вполне спокойным образом относиться к подобному в реальной жизни, даже находить увиденное в реальности, хотя возможно ситуация в реальности вовсе и не совпадает с увиденным на экране. Вполне ясна интенция режиссеров подобных произведений, зачастую создатели сериалов о пороках общества через красивые и необычные, световые, цветовые, музыкальные, съемочные решения желают привлечь внимание зрителя и показать, как не следует поступать, однако, не всегда интенции четко выражены в самих произведениях, а аудитория воспринимает заложенные образы совсем не должным образом. Отсюда следует, что необходимо создавать медиа-произведения на языке целевой группы, которые будут нести понятный ценностно-ориентационный посыл, тогда, общество будет воспринимать социальные проблемы как то, с чем нужно бороться (не только государству, но и любому гражданину). Так, медиапространство может регулировать моральные убеждения, следовательно, реакцию, знание о риске, вместе с тем устанавливать комфортный психологический климат.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Риск исходит из знания или незнания о предполагаемом действии, событии.

Общество риска само производит риск.

Риск основывается на реакции, которая определяется ценностными установками.

Медиапространство доступно почти всем группам общества, следовательно, оно может стать инструментом регуляции ценностных ориентиров.

Государство может обеспечить безопасность общества, используя медиакommunikации, которые будут предоставлять способы оценки происходящего, а также схему действий в непредвиденных обстоятельствах. Основными способами является создание суверенного интернета, культурных программ, базирующихся на интернет-платформах, создание серии медиапроизведений для различных групп общества. При этом социальное управление обществом риска и неустойчивости должно происходить только во благо общества, никоим образом не сводясь к гиперконтролю.

1. Андреев, А. П. Цифровая трансформация общества как фактор влияния на безопасность правовой системы Российской Федерации / А. П. Андреев, С. Д. Кокунова // *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека : Сборник научных статей и материалов международной конференции, Коломна, 14–17 февраля 2018 года / Под общей редакцией Р.В. Ершовой. – Коломна: Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", 2018. – С. 24-28. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35444270> (дата обращения: 07.10.2024).*
2. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма - ответы на глобализацию / Ульрих Бек. - Москва : Прогресс - Традиция, 2021. - 281 с. - ISBN 5-89826-109-5. - Текст: непосредственный.
3. Буркова, Л. В. Массовое сознание в эпоху глобальной информатизации / Л. В. Буркова // *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека : Сборник научных статей и материалов международной конференции, Коломна, 14–17 февраля 2018 года / Под общей редакцией Р.В. Ершовой. – Коломна: Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", 2018. – С. 60-64. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35444278> (дата обращения: 06.10.2024).*
4. Ивлиев, П. В. К проблеме формирования новых социальных ценностей через масс медиа / П. В. Ивлиев, К. В. Мастерова // *Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 10(202). – С. 9-12. – DOI 10.47643/1815-1337_2021_10_9. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47386115> (дата обращения: 07.10.2024).*
5. Крылова, Л. В. Человек в обществе риска: в зеркале экспертных сообществ : автореферат бакалаврской работы / Л. В. Крылова, В. Б. Устьянцев ; Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. - Саратов, 2018. - 12 л. - URL: http://elibrary.sgu.ru/VKR/2018/47-03-01_008.pdf (дата обращения: 08.10.2024).
6. Щекотин, Е. В. Социальное управление в турбулентном обществе: вопросы безопасности и риска / Е. В. Щекотин // *Социум и власть. – 2016. – № 1(57). – С. 87-92. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25870023> (дата обращения: 06.10.2024).*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ БАЛАНСА МЕЖДУ РАБОТОЙ И ЛИЧНОЙ ЖИЗНЬЮ

*Уличева Екатерина Аркадьевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

В современных условиях, когда границы между работой и личной жизнью становятся все более размытыми, изучение баланса между этими сферами приобретает особую актуальность. Разнообразие подходов к этой теме — от теоретических моделей до практических рекомендаций — позволяет глубже понять, как индивидуальные и социальные факторы влияют на способность человека гармонично сочетать профессиональные и личные обязательства.

Дискурс «баланса работы и личной жизни» (БРЛ) менял свой контекст в течение всего периода своего существования. Так, начиная с середины XX века исследователи начали изучение БРЛ с влияния работы на здоровье и благополучие рабочих. Уже в 1960-ые годы рост числа работающих женщин и давление со стороны феминистского сообщества поставило на пьедестал науки того времени вопросы о пересмотре традиционных гендерных ролей в семье, общественном восприятии «работающих матерей» и феномена «семей с двумя кормильцами». В 1990-х годах произошел переход от терминов «работа-семья» и «семейно-ориентированные политики», которые в основном акцентировали внимание на женщинах, особенно матерях, к понятию «работа-жизнь», ставшему предшественником более поздних дискурсов о «балансе работы и личной жизни». Этот лексический сдвиг отражает более широкий и инклюзивный подход, охватывающий как мужчин, так и женщин с детьми и без них, а также людей с другими обязанностями по уходу. Он частично стал ответом на негативное восприятие политик, связанных с работой и семьей, со стороны тех, у кого не было явных семейных обязательств [1].

Изменение рынка труда под воздействием информационных технологий и рост гибких форм занятости привели к созданию нового подхода «work-life blend», который подразумевает слияние жизни с трудовой деятельностью. Действительно современные технологии предоставили возможность начать работу в офисе, проложить по дороге домой с помощью смартфона, а закончить на домашнем ноутбуке. Однако, если в 2011 году исследователи делали оптимистичные прогнозы данному подходу, то в настоящее время исследования показывают, что слияние работы и личной жизни может привести к повышению уровня стресса, выгоранию и ухудшению психоэмоционального состояния работников. Постоянная доступность и необходимость быть на связи в любое время создают иллюзию, что отдых и личное время становятся второстепенными по сравнению с рабочими обязанностями.

Кроме того, не все работники способны эффективно управлять своим временем и границами между работой и личной жизнью. Для одних людей гибкость является благом, позволяющим лучше организовать свой день, а для других — источником постоянного давления и тревоги [2]. В результате многие компании начинают осознавать необходимость внедрения четких границ и правил, чтобы защитить своих сотрудников от негативных последствий смешения работы и личной жизни.

Согласно последним исследованиям, организации, которые активно поддерживают баланс между работой и личной жизнью, замечают увеличение удовлетворенности сотрудников, снижение текучести кадров и повышение производительности. Внедрение программ по повышению осведомленности о важности ментального здоровья, создание возможностей для гибкого графика и поощрение отпусков становятся важными шагами в этом направлении.

Таким образом, несмотря на очевидные преимущества информационных технологий и гибкой занятости, важно помнить о необходимости находить здоровый баланс между работой и личной жизнью. Это требует от работодателей и сотрудников совместных усилий для создания среды, в которой каждый сможет реализовать свой потенциал без ущерба для личного благополучия.

1. Rapoport R., Rapoport R. N. *Work and Family in Contemporary Society* // *American Sociological Review*. 1965. Т. 30, № 3.
2. Тонких Н.В., Баранова Н.В. *Work-life balance в системе ценностей молодежи: методология исследования* // *Дискуссия*. 2020. № 102. С. 50-62.

ЦЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: СТРУКТУРНАЯ ДИАЛЕКТИКА

Фомичева Татьяна Владимировна
(Российский государственный социальный университет)

Аннотация публикация посвящена анализу взаимосвязи социального управления как процесса и ценностной методологии в современной России. Подчеркивается значимость ценностной методологии для современной России на государственном уровне

Ключевые слова: ценности, социальное управление, традиционные ценности, социокультурные ценности

На современном этапе для России особенно значима политика государства в области сохранения традиционных ценностей россиян. Своего рода достижением является утверждение «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Указ Президента России от 09.11.2022г. № 809) в соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1; 2]. Появление данного документа показывает значимость ценностной методологии на государственном уровне, дает новый вектор восприятию значимости социокультурных и традиционных ценностей в современной России.

Во многом это обусловлено внешним контекстом ситуации, в которой сейчас находится Россия, а также внутренними вызовами. 2024 год в России объявлен годом семьи. Безусловно значимость данной проблематики на государственном уровне предполагает новое осмысление вектора развития традиционных ценностей в России, их пропаганду и защиту.

К внешним вызовам парадигме традиционных ценностей россиян относятся также появление и распространение в России представителей субкультур, например, таких как: квадербинг, чайлдфри и пр. Появление и распространение деструктивных субкультурных течений весьма динамично и во многом связано с тенденциями, фиксируемыми в зарубежных странах. Этим и обуславливается значимость данной проблематики на государственном уровне. Под влияние деструктивных субкультур и идеологий в основном попадают представители молодежи. Впоследствии данные деструктивные субкультуры формируют интересы, потребности и ценности у представителей российской молодежи. Во многом развитие и понимание социальных конструктов, взаимоотношений в семье и социуме формируется у российской молодежи с перекосами. Для России важен ценностный суверенитет, может быть даже он более значим чем суверенитет технологический.

1. Путин назвал традиционные ценности фундаментом российской государственности // Сайт ТАСС от 16.01.2024. [Электронный ресурс] <https://tass.ru/obschestvo/19743161> (Дата обращения 08.10.2024)
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»// Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс] <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (Дата обращения 08.10.2024)

МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ТРЕНД РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

*Хюнинен Александра Александровна
(СПбГУ)*

Муниципальное управление как современный тренд российского государственного управления является важным элементом системы власти, играющим ключевую роль в реализации различных государственных программ и инициатив. Это управление охватывает широкий спектр вопросов, касающихся благоустройства, социального обеспечения, инфраструктуры и многих других сфер, непосредственно влияющих на жизнь граждан. Рассмотрим его более подробно.

Одним из основных трендов является децентрализация власти, которая позволяет местным органам власти лучше адаптироваться к потребностям своих территорий. Передача полномочий на уровень муниципалитетов дает возможность реагировать на запросы граждан быстрее и более эффективно. Это особенно актуально в условиях разнообразия региона и местных особенностей.

Современное муниципальное управление активно включает механизмы участия граждан в процессе принятия решений. Консультации с населением, общественные слушания и совместные проекты помогают сделать управление более открытым и подотчетным. Граждане становятся не просто объектами управления, но и его активными участниками.

В последние годы наблюдается рост внедрения цифровых технологий в деятельность местных властей. Платформы для оказания госуслуг в электронном формате (например, через "Госуслуги") облегчают процесс взаимодействия власти и населения, упрощают получение услуг и повышают прозрачность.

Муниципальное управление принято считать одним из фундаментальных демократических принципов организации власти в обществе и ее непосредственного осуществления. Стоит отметить, что именно муниципальное управление является одним из наиболее эффективных инструментов управления, с помощью которого становится возможным оптимизация экономического роста, стабилизация различных видов конфликтов и многое другое. Основным отличием и преимуществом такого вида управления стоит считать, в первую очередь, гибкость в вопросах реагирования на разнообразные угрозы и вызовы, которые могут возникать и возникают в процессе развития всего общества и государства.

Именно муниципальное управление в наибольшей степени направлено на удовлетворение коллективных потребностей населения, что лишний раз указывает на его прогрессивность и демократичность, в сравнении с другими видам управленческой деятельности. Объектом такого типа управления выступает непосредственно вся территория муниципального образования, субъектами - органы управления, а основная цель, безусловно, наиболее полное удовлетворение всех потребностей населения. С этим неразрывно связано и повышение удовлетворенности и лояльности жителей муниципалитета.

В современной России, наравне с другими демократическими странами, согласно Европейской Хартии местного самоуправления, муниципальное управление является

одной из основ конституционного строя⁴, что лишний раз подтверждает его фундаментальное назначение.

Следует также выявить основные принципы муниципального управления. Такие принципы закреплены как на законодательном уровне, так и в системе методов и форм организации муниципальной работы.

На сегодняшний день можно утверждать о существовании как минимум десяти принципов муниципального управления⁵.

Начать следует с важнейшего принципа любого вида и типа управления: соблюдение прав и свобод человека. Связан данный принцип с тем, что именно свободы и права человека являются наивысшей ценностью⁶, а также определяющим фактором, регулирующим деятельность как государственного управления в целом, так и отдельной его части - муниципального управления.

К принципам муниципального управления следует также отнести принцип самостоятельности. Его сущность заключается в самостоятельности населения в решении различных вопросов местного значения.

К основным отличительным чертам следует отнести и финансово-экономическую самостоятельность муниципального управления, и возможность организации референдумов, выборов на муниципальном уровне.

Частично исходя из предыдущего принципа, мы можем вывести и принцип обособленности муниципальных органов и власти в государственной системе управления.

Остальные принципы рассмотрены в основной работе.

Говоря о муниципальном управлении, также важно упомянуть о социальной сфере общества, ведь именно социальная сфера является одной из самых важных сфер общественной жизни, отвечающая в первую очередь за удовлетворение потребностей людей, а значит, именно социальная сфера обеспечивает комфортность жизни людей.

Следует также отметить некоторые механизмы муниципального управления в социальной сфере, благодаря которым обеспечивается социальное благополучие жителей муниципального образования.

Одним из важнейших механизмов принято считать планирование и бюджетирование, с помощью которого становится возможным наиболее эффективное распределение финансовых ресурсов.

Гражданское общество также является механизмом муниципального управления. Однако, стоит отметить, что два этих понятия являются взаимодополняющими и взаимообуславливающими друг друга.

Среди механизмов можно также выделить социальное партнерство.

Наконец, важным механизмом также принято считать информационную поддержку населения.

Таким образом, мы можем утверждать, что муниципальное управление является одним из важнейших механизмов социальной сферы, благодаря которому возможно эффективно и всесторонне регулировать и развивать муниципальные образования, повышая лояльность и удовлетворенность жителей.

Важно отметить, что именно муниципальное управление, как вид управленческой деятельности и существующий феномен в науке и на практике, появился сравнительно

⁴ Федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ.

⁵ Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации., М. Юрист, 1997. - 428 с.

⁶ Конституция РФ.

недавно, а значит, до сих пор находится в стадии развития. В связи с этим, важно также обратить внимание на этапы, являющиеся фундаментальными для становления исследуемого понятия.

Начать стоит, безусловно, с того, что первые признаки современных видов государственного управления появились в России еще в V-VI вв. нашей эры. Уже тогда основой административного деления выступали общины, которые, в свою очередь, и стали институциональной основой управления в России.

Е.С. Суворова и В.П. Зайкова, в своей работе “К вопросу эволюции муниципального управления в России”⁷, условно выделяют восемь важных этапов. Первый этап уже был упомянут выше, вторым же авторы считают средневековье. Именно в этот период происходит становление принципиально новых институтов управления - купеческих гильдий, независимость и автономность которых была задекларирована уставом, а возглавлялись они посадником.

Третий же этап, продлившийся в период с XV по XVI вв., то есть в период становления централизованного государства в России, связывают напрямую с административными реформами, последствием которых стало, например, формирование органов местного самоуправления.

Безусловно, немаловажен и четвертый этап, ведь он ознаменован реформой городского управления, в соответствии с которой были созданы новые органы для управления городами - магистраты.

Необходимо отметить, что в связи с развитием муниципального управления, уже в середине XIX века это явление плотно закрепляется в системе государственного управления, хоть все еще и сильно отличается от современных его видов.

Пятый и шестой этапы развития можно интегрировать в один блок, ведь в течение этих этапов получает свое развитие теория муниципального управления, закрепляя свои экономические и социальные положения. В то время также происходит активная децентрализация власти, часть полномочий которой спускается ниже по иерархическим уровням.

Седьмым этапом авторы статьи выделяют эпоху социализма. Особенность данного этапа заключается в утрате экономической и социальной базы для существования и функционирования муниципальных образований и муниципального управления в целом.

Современный этап развития муниципального управления начинается в конце XX века и продолжается до сих пор, в ходе которого происходит становление фундаментальных систем местного и муниципального управления, базовые положения которых закреплены Конституцией Российской Федерации 1993 года. Важными фигурами управления становятся, наконец, сами граждане, населяющие территории современных муниципальных образований. Именно на современном этапе особую роль начинает играть гражданское общество и его инициативы.

В заключение стоит отметить, что муниципальное управление - это сложная система организации и управления городами и поселениями на местном уровне. Оно включает в себя широкий спектр функций, от решения повседневных проблем жителей до разработки и реализации стратегии развития территорий. Современное муниципальное управление находится на пути к совершенствованию, при этом ключевыми аспектами его развития являются укрепление автономии муниципалитетов, участие граждан в принятии решений и повышение эффективности государственного управления на местном уровне.

⁷ Суворова Е. С., Зайков В.П. К вопросу эволюции муниципального управления в России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2011. - №1. - С. 1-8.

1. Загутин Д.С. Социальное управление: монография. - Москва: РУСАЙНС, 2022. - 140 с.
2. Кикоть В. Я., Грядовой Д. И. Природа социального управления // Вестник Московского университета МВД России. - 2009. - №7. - С.30-33.
3. Рыженков А. В. Особенности современного муниципального управления // Проблемы современной экономики (Новосибирск). - 2010. - №2-1. - С.1-5.
4. Федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ.
5. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации., М. Юристъ, 1997. - 428 с.
6. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 14.02.2024) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации".
7. Меньшикова Г.А. Основы государственного и муниципального управления. Агенты и технологии принятия политических решений: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. Г.А. Меньшиковой. - М.: Издательство Юрайт, 2018. - 387 с.
8. Коровина А.И., Хюнинен А.А. Умные города и гражданское общество: сравнительный анализ цифровых платформ мегаполиса и муниципалитета. в Социология в постглобальном мире. : Материалы всероссийской научной конференции 16 Ковалевские чтения 17-19 ноября 2022 года. 2023. стр. 402-404. (Сборник Ковалевские чтения).
9. Ананян М.М. Анализ системы современных механизмов муниципального управления в социальной сфере // Вестник науки. - 2024. - №2 (71). - С.4-7.
10. Суворова Е. С., Зайков В.П. К вопросу эволюции муниципального управления в России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2011. - №1. - С. 1-8.
11. Михнева, С. В. Особенности современной модели муниципального управления в российской Федерации / С. В. Михнева, А. О. Самойлова, Е. А. Кузьмичева // Пространственное развитие региона: перспективы, приоритеты, ресурсы : сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Калининград, 22–23 ноября 2019 года / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Западный филиал. – Калининград: "РА Полиграфыч", 2019. – С. 236-238.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОСАЧИВАНИЯ АНГЛОСАКСОНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ “BETTER REGULATION” В СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ И ГЕРМАНИИ: В ЧЕМ МОЖЕТ СОСТОЯТЬ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ?

*Цыганков Даниил Борисович
(НИУ ВШЭ (Москва))*

Регуляторная политика (regulatory policy) и ее ядро – оценка регулирующего воздействия (regulatory impact assessment) – рассматриваются последние десятилетия как неотъемлемая часть успешного государственного управления, а после мирового финансового кризиса 2008-09 гг. – как один из трех ключевых рычагов влияния на экономику, находящихся в распоряжении правительств и наднациональных органов (наряду с налоговой и денежно-кредитной политикой). Первыми, еще на рубеже 1970-80 гг., на путь применения инструментов регуляторной политики встали англосаксонские страны (США, Великобритания, несколько позже – Австралия); де-факто в этих же странах в академическом сообществе регуляторика была концептуализирована в терминах «less regulation», «responsive regulation», «better regulation», «smart regulation», «good governance» и др.

Таким образом, именно англосаксонская академическая и экспертная традиция, равно как и опыт практического внедрения, долгое время задавали рамки разработки и имплементации regulatory policy и в Европейской Комиссии, и в странах ОЭСР (в том числе – в Германии), и в странах с переходной экономикой (в том числе – в России).

Представляется плодотворным провести сравнительный анализ того, как эта рамка, сформированная в «инаковой» политико-правовой традиции, проецировалась на инновации в государственном управлении в Германии и в России, просачиваясь через (политические) институты в попытке изменить / внедрить (технократические) процедуры. Что позволяет нам постулировать корректность такого сравнения?

Во-первых, обе страны относятся к романо-германской «правовой семье», заметно отличающейся от common law англосаксонских стран.

Во-вторых, германская и российская системы госуправления все еще отчасти похожи (хоть и не в той степени, когда полтора столетия русско-прусской дружбы и перехода на службу Российской Империи немецких военных, ученых и чиновников неизбежно впечатали свой след в политическую культуру и управленческие практики нашей страны).

В-третьих, начало решительного внедрения инструментов регуляторной политики оказались близко положенными: в Германии это 2005-2006 гг., в России – 2008-2010 гг., так что скоро можно будет отметить 20-летие реформ (= срок прихода нового поколения чиновников). Более того, эта «запаздывающая модернизация» в обеих странах с некоторого момента стала накладываться на более существенные международные процессы: по мере своего успешного распространения регуляторная политика встречала нарастающее сопротивление ряда властных глобалистских групп, желающих если не дискредитировать ее, то хотя бы «задушить в объятиях».

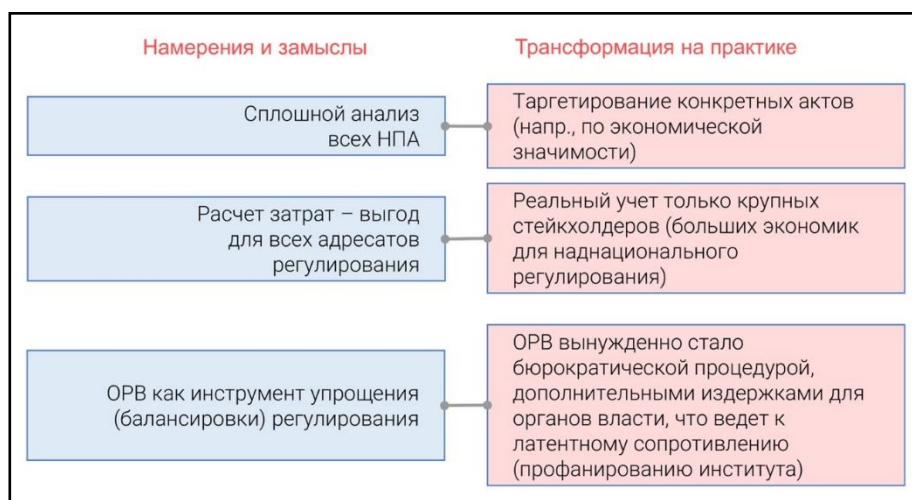
В-четвертых, обращаясь к одному из важнейших компонентов регуляторной политики – выбору подхода к количественным метрикам измерения регуляторных затрат бизнеса – показательно, что Россия в итоге последовала не англо-саксонской традиции анализа затрат-выгод (cost-benefit analysis), но творчески развивает «европейскую» (нидерландско-германскую) модель стандартных издержек (standard cost model): с апреля

2024 г. расширенная Методика измерения издержек на исполнение регуляторных (обязательных) требований введена в силу в Российской Федерации [2].

Тем самым, перед нами встает научная проблема, требующего пристального изучения – способны ли Германия и Россия выйти «за флажки», за рамки современной интерпретации англосаксонской модели и практики ее применения, все более отклоняющейся от изначального замысла дерегулирования (освобождения производительных сил от избыточных бюрократических обременений)? Ответ на обозначенный вызов имеет и практический смысл для следующего политического окна реформ, которое возникнет по мере сглаживания внешнеполитических шоков.

Далее (Рис. 1, 2, 3 и 4) будет показано, что ожидания от smart regulation по мере практической реализации существенно видоизменились или вообще не реализовались.

Рис. 1 – Содержательная составляющая

Источник: составлено автором

Рис. 2 – Организационная составляющая

Источник: составлено автором

Рис. 3 – «Универсализация» дерегулирования

Источник: составлено автором

Рис. 4 – Рейтинги качества регуляторной политики

Источник: составлено автором

Еще скандинавский политолог Й. Ольсен отмечал [3, 191], что комплексные механизмы принятия решений вряд ли можно объяснить на базе единственной теоретической модели. Вот и в случае с регуляторной политикой, находясь на шпагате между политическими институтами и процедурами государственного управления, исследователям видится логичным обратиться к полной палитре неинституциональных подходов [4, 30-34]:

(I) теория рационального выбора, определяющая институт как центральную величину, влияющую на действия акторов, ориентирующихся на соотношение затрат и выгод;

(II) исторический институционализм, рассматривающий развитие институтов во времени, в том числе – поворотные моменты (critical junctures), позволяющие выбраться из исторической колеи;

(III) социологический институционализм, предполагающий, что акторы в ситуациях нехватки информации или неопределенности о будущем, скорее, будут ориентироваться на уже проверенные паттерны социального действия (standard operating procedures), а не на (рациональные) стратегии максимизации выгоды;

(IV) теория постепенных институциональных изменений, соединяющая некоторые идеи подходов (I) и (II) в том плане, что agents of changes не просто действуют вне и вовне институтов, но и наличные ресурсы распределены неодинаково между этими «агентами перемен».

Казалось бы, подход (IV) вполне применим в нашем «нишевом» исследовании регуляторной политики, объективно направленном на объяснение изменений «вне»

крупных поворотных исторических моментов, но, кажется, задвигает на задний план социологические интерпретации (III) для возможного объяснения процедурного блокирования модернизационных усилий (то есть он невольно фокусируется на выявлении параметров историй успеха нежели историй провалов).

Предлагается – сдвигая исследовательскую рамку от политологии к политической социологии – рассмотреть потенциал дополнения подхода (III) идеями влиятельного французского социолога Пьера Бурдьё, изложенными им в лекциях в *College de France* о полях бюрократии и власти [1]. В этом смысле изначальный стратегический интерес к регуляторной политике может кристаллизоваться за пределами поля бюрократии, когда интеллектуалы и представители бизнес-сообщества берутся за разработку и продвижения инноваций государственного управления, направленных на балансирование прибыльности ведения бизнеса, с одной стороны, и охраняемых общественных ценностей, с другой стороны.

С другой стороны, подход П. Бурдьё может раскрыть – каким образом «докса интеллектуалов» (в данном случае – как в части достаточности информации у регуляторов и возможность принять доказательные (evidence-based) решения, так и в части допущения управления, основанного на расчете затрат-выгод) влияют на разочарование в перспективах *better regulation* в последние годы (как быть, если инструменты *better regulation* не закрепляется устойчиво в полях власти?).

Далее, при социологическом наблюдении за институциональными и личными стратегиями реформаторов, не должны ли мы реконструировать сначала их габитусы (способствуют ли они становлению в качестве «агентов перемен» – несмотря на «глухие приказы» социального порядка внутри полей власти?).

Истинный объяснительный потенциал такого «перекрестного опыления» описанных социологических подходов – по сравнению с теорией постепенных институциональных изменений – покажет дальнейшее исследование заявленной темы (сравнение России и Германии).

1. Бурдьё, П. *О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992)*. – М.: Дело, 2022.
2. *Об утверждении методики оценки стандартных издержек субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, возникающих в связи с исполнением требований регулирования [Электронный ресурс] Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 01.02.2024 № 54 – Доступ из СПС «ГАРАНТ».* – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408686771/> (дата обращения: 08.10.2024).
3. Olsen, J. *Garbage Cans, New Institutionalism, and the Study of Politics // American Political Science Review.* – 2001. – Vol. 95. – No. 1.
4. Schurig, A. *Bessere Rechtsetzung im europaischen Vergleich: Genese und Handlungswirklichkeit der Normenkontrollrate in Deutschland, den Niederlanden und dem Vereinigten Konigreich.* Engels. – 2020.

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ «ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ» - ТОР

Челенкова Инесса Юрьевна
(Законодательное собрание Ленинградской области)

Сформированный механизм управления ТОР, отсчет развития которого начался с конца 2014 года, выражает переход к особому типу социальных взаимодействий между представителями бизнеса и власти. Механизм социального взаимодействия субъектов управленческого процесса характеризуется рядом особенностей.

В условиях иерархии и рынка отношение между *субъектами* основывается на партнерских взаимодействиях. В социологии «...партнерство определяется как взаимно ориентированная двухсторонняя или многосторонняя субъект-субъектная связь, детерминированная социально - статусными и нормативно-ценностными регулянтами" [1, с.91]. Взаимодействие между субъектами основывается на принципах институционального равенства партнеров. Действующий социальный механизм государственно-частного партнерства (ГЧП) стал формой соглашения между бизнесом и государством, регулирующего взаимовыгодные договоренности с учетом интересов обеих сторон. Поиск

баланса между возможными выгодами и рисками с двух сторон определяет выбор одной из многих форм партнёрства. Широкое распространение получает механизм использования бюджетных инвестиций в форме *концессии*. По программе «Дальневосточная и Арктическая концессия» власти рассчитывают к 2026 году реализовать проекты в макро регионе с объемом инвестиций в 500 млрд. руб.

Государственное управление закрепило партнерские отношения бизнеса и власти в условиях ТОР, приняв нормативную *программу* на строительство новых предприятий и модернизацию производства на основе новых технологий. Программа включила систему *стимулов*, направляющих мотивацию предпринимателей на активную деятельность. Резидентам на территории ТОР предоставлен *широкий комплекс действующих базовых таможенных, налоговых, административных преференций*, Нормативная программа ТОР находится в состоянии коррекции. К настоящему времени принят 81 федеральный закон, почти 500 правительственных актов. В них находят отражение создание уникальных правовых режимов ТОР с учетом специфики деятельности резидентов, например, ТОР «Курильские острова РФ», ТОР «Патриотическая», готовится к созданию ТОР «Международный».

Социальный механизм управления на основе укрепления договорных отношений обеспечивает процесс регулирования взаимоотношений со стейкхолдерами и формирует качественно новые организационные формы предпринимательского взаимодействия: кластеры, сети коллабораций, находящиеся на стадии возникновения или в начале развития своего жизненного цикла. Они действуют в сфере переработки сырьевых ресурсов и создания высокотехнологического продукта. Их взаимодействие представляет собой симбиоз кооперации и конкуренции, характеризующийся сотрудничеством и укреплением отношений на основе доверия.

Срок действия социального механизма 19 ТОР в ДФО к настоящему времени еще мал. Не смотря на сложную, противоречивую картину развития социальных взаимодействий в социальных полях на территории ТОР, данные официальных источников, научных экспертов, конкретно-социологических исследований подтверждают положительные результаты в реализации особого механизма в системе государственного управления.

1. *Иванов С.А. Социальное партнёрство как феномен цивилизации //Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Том VIII, № 3. С. 79-99.*

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ВСЕСТОРОННЕЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Чернышова Анна Геннадьевна

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова, г. Королёв, Россия)

Чернышов Сергей Павлович

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова, г. Королёв, Россия)

Среди направлений деятельности предприятий есть то, которое наиболее близко относится ко всей системе потребностей и интересов личности. Это политика, разворачивающаяся в социальной сфере – социальная политика. В современной социологии социальная политика рассматривается как «деятельность, направленная на управление социальным развитием общества, удовлетворение материальных и культурных потребностей его членов и урегулирование процессов социальной дифференциации общества» [1, с. 18]. Основной целью социальной политики является достижение стабильности, равновесия и целостности соответствующей социальной системы.

Традиционно в качестве объектов социальной политики рассматривают все аспекты народного благосостояния. В том числе социальное положение человека в обществе, каждой отдельной семьи, положение социальных групп, слоев и классов, наций и народностей. Так же в сферу социальной политики входит совершенствование условий труда, быта, отдыха, вопросы занятости населения, удовлетворение материальных и духовных потребностей человека, реализацию принципа социальной справедливости, социальной защиты и гарантий населения и т.п.[2; 4]. Таким образом, социальная политика касается всех аспектов жизни людей.

Главной целью социальной политики является повышение благосостояния и улучшение качества жизни граждан России в основе которого лежит стимулирование трудовой и хозяйственной деятельности населения, создание для всех работоспособных граждан условий, позволяющих собственным трудом и предприимчивостью обеспечивать благосостояние семьи. В тоже время государство обязано выполнять все свои социальные обязательства перед нетрудоспособными гражданами, инвалидами, пенсионерами, многодетными семьями. [4]

Социальная политика является долгосрочной, так как ориентирована на длительную перспективу.

Реализация социальной политики предполагает достижение конкретных целей:

поддержание и совершенствование «человеческого потенциала»: полноценная охрана жизни и здоровья граждан, создание условий для нравственного развития каждого члена общества, организация благоприятных условий труда, быта и отдыха людей, стимулов для высокопроизводительного и творческого труда, совершенствования способностей и талантов личности, распространения духовности и культуры [3];

содействие поддержанию устойчивого гражданского мира, базирующегося на свободе, равенстве возможностей людей и социальной солидарности и справедливости;

обеспечение устойчивого социально-экономического развития каждой отдельной личности и общества в целом;

содействие улучшению глобальной социальной ситуации, пропорциональное возможностям государства;

участие в формировании международных структур, призванных побороть эксплуатацию, бедность, эпидемии и социальные болезни, голод, обострение экономической дифференциации.

Эффективная социальная политика должна способствовать созданию благоприятных условий для всестороннего развития личности и успешного протекания процесса социализации личности.

Социальное становление личности происходит как процесс, который направлен как на развитие и реализацию личных качеств человека, так и на освоение социальных ролей в самых разных отраслях жизнедеятельности людей. Поэтому нравственная социализация личности является частью целостного процесса становления индивида как социального субъекта. Государство, беспокоясь о самосохранении и стремясь гарантировать бесконфликтность жизнедеятельности, старается транслировать духовно-нравственные ценности молодому поколению. В изменившихся социально-экономических и политических условиях актуальность проблемы духовно-нравственного развития и трансляции духовно-нравственных ценностей приобретает особую значимость.

Социальная политика является одним из важных элементов деятельности любой организации и представляет собой совокупность мероприятий, которые направлены на реализацию наиболее актуальных проблем социального развития трудового коллектива по совершенствованию условий труда и социальной защиты работников.

Одной из задач социальной политики предприятий является духовно-нравственное и культурное развитие сотрудников.

Руководство предприятий уделяет большое внимание развитию социальных программ. Они направлены на привлечение квалифицированных специалистов, закреплению их на предприятии, развитию кадрового потенциала и формированию высокопроизводительного коллектива, а также на укрепление корпоративного духа, создание максимально благоприятных условий, как для эффективной трудовой деятельности, так и для духовно-нравственного развития и активного отдыха сотрудников и их семей.

Большое внимание уделяется таким направлениям социального развития как:

Развитие физической культуры и спорта на предприятиях.

Поддержка спорта и пропаганда здорового образа жизни – один из важнейших приоритетов социальной политики предприятия. Здоровому образу жизни работников способствует - привлечение их к активным занятиям физкультурой и спортом, организация и создание условий для проведения тренировочных занятий, спортивных соревнований.

Поддержании и укреплении здоровья работников предприятий и членов их семей.

Это направление может включать в себя ряд мероприятий, нацеленных на снижение уровня заболеваемости на предприятии, на поддержание здоровья и трудоспособности работников, обеспечивающих их успешную и стабильную профессиональную деятельность, на создание благоприятных условий для сохранения, укрепления здоровья и обеспечение полноценного отдыха сотрудников и членов их семей.

Сохранении и развитие трудовых традиций. Забота о ветеранах, пенсионерах и инвалидах.

Трудовая традиция представляет собой комплекс ценностей, норм, взаимоотношений, образцов и стандартов, регулирующих поведение и отношения людей в сфере труда.

Практически каждое предприятие имеет свою богатую историю, отмеченную большими достижениями в научных разработках и в производстве продукции оборонного и стратегического назначения. За многолетний труд многие предприятия награждены государственными наградами. Многим из них присвоены имена их прежних руководителей. За годы существования предприятий через их проходные прошли десятки тысяч людей, связав на долгие годы свою жизнь и жизнь своих детей и внуков с этими предприятиями. Накоплен огромный потенциал в лице работников, отдавшими свои знания, силы и опыт работе на предприятиях. За многие годы функционирования предприятий сформировались трудовые коллективы со своими традициями, являющиеся цементирующей основой дальнейшего развития каждого предприятия.

Работа по развитию трудовых традиций должна носить постоянный и долговременный характер и проводиться по следующим направлениям.

Формирование у работников предприятия, в первую очередь у молодёжи, чувства сопричастности и гордости за предприятие, в котором они работают.

Организация работы с трудовыми династиями. Трудовые династии -это золотой фонд наших предприятий. Они признаны укреплять коллектив, формировать чувство сопричастности к происходящим событиям на предприятии.

Работа с ветеранами предприятия является важной составляющей формирования трудовых традиций.

Сотрудник, уволившийся с предприятия на заслуженный отдых, все равно отождествляет себя со своим коллективом. Проживая рядом с предприятием, они формируют общественное мнение о событиях на предприятии, тем самым, способствуя привлечению новых сотрудников на предприятие.

На предприятиях для ветеранов, пенсионеров и инвалидов должна быть разработана система мер социальной поддержки и оказания материальной помощи в зависимости от финансового положения общества.

Обеспечение возможностей для культурного досуга, реализации духовных и творческих потребностей человек.

Важной составляющей развития культуры, создания благоприятного морально-психологического климата в трудовом коллективе, обеспечения досуга с привлечением членов семьи работников является культурно-массовая работа. Эта работа должна проводиться с учетом местных условий и возможностей. С учетом опыта работы в этом направлении на предприятиях целесообразно культурно-массовую работу проводить по следующим направлениям:

1. Организация и проведение общественно-политических, культурных и массовых мероприятий.

2. Культурно-историческое, духовно-нравственное развитие работников и эстетическое воспитание.

3. Развитие художественной самодеятельности.

4. Поддержка и популяризация творческих способностей и увлечений работников и членов их семей.

Целесообразно и необходимо такую работу организовывать и проводить с привлечением местных органов муниципальной власти. Все это будет способствовать повышению привлекательности предприятия среди местного населения и привлечению на предприятие новых сотрудников.

Основой корпоративного духа, безусловно, должны стать традиции предприятия, его доблестная история и значимые достижения. От успешного функционирования

социальной политики предприятий во всех направлениях во многом зависит стратегическое положение, безопасность и благосостояние нашего народа и страны.

1. Долгорукова И.В. *Корпоративная социальная политика современных российских предприятий: модели и практики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Российский государственный социальный университет. Москва, 2009*
2. Кирилина Т.Ю. *Методика диагностики социальной сплоченности на региональном уровне// Социальная политика и социология. 2013. № 4-2 (97). С. 43-51.*
3. Кирилина Т.Ю. *Социальное управление нравственными процессами в современном российском обществе. Материалы Афанасьевских чтений. 2014. № 1. С. 39-43.*
4. Осадчая Г.И. *Социология социальной сферы: учеб. Пособие для высш. школы. 2-е изд., перераб. И доп. М.: академический проект, 2003. 336 с.*

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОРПОРАЦИЯ КАК НОВАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Шадрин Александр Александрович
(СПбГЭУ)*

Образовательное поле на уровне высшего профессионального образования в России вновь стоит на пороге трансформаций. В первую очередь это связано с прошлыми федеральными инициативами — «Образование» (2006 год), «Проект 5-100» (2012 год) и действующим проектом «Приоритет 2030» (реализуется с 2020 года по настоящее время), намерений по выходу РФ из Болонского процесса (заявление главы Минобрнауки Валерия Фалькова в мае 2022 года). Последний трек предполагает упразднение бакалавриата, возвращение обязательного пятилетнего срока обучения независимо от направлений; магистратура и аспирантура — без изменений. Однако все остается на уровне инициативы и устных заявлений.

«Проект 2030», упомянутый ранее, является флагманской государственной инициативой. Основная цель программы — сформировать до 2030 года около 100 «прогрессивных современных университетов — центров научно-технологического и социально-экономического развития страны». В основе лежит проектный подход. Проекты реализуются вузами-участниками для повышения научно-образовательного потенциала организаций и участие вузов в социально-экономическом развитии субъектов РФ (участвуют 142 университета из 56 субъектов).

С приходом проектного управления в государственные организации, запроса на практикоориентированность образовательных программ и открытие совместных научно-образовательных центров с отраслевыми партнерами, позволили многим вузам задуматься о пересмотре своей управленческой модели. В первую очередь, речь идет о «предпринимательском университете». Суть модели проста. База — знание (это сама суть информационного общества в процессе глобализации, где знание превращается в главный актив компании). Кроме этого, «выдающаяся социальная функция производства и распространения важнейшего общественного блага — истинного знания» [9,7] уходит на второй план, а в условиях новой экономики «приоритет приобретает понятие «полезного знания», то есть знания, нацеленного на результат, приносящий быструю экономическую выгоду». [9,7] Таким образом, вузы становятся субъектами рыночных отношений наравне с компаниями из реального сектора экономики. Образование — разновидность предпринимательства, которое позже получило свое наименование «интеллектуальное предпринимательство», «академический капитализм». [7]

В 2004 году социолог В.Г. Покровский в своей статье приводил пример трансформации образовательной организации в экономическую корпорацию. Ученый писал, что многие вузы начали рассматривать себя как коммерческие организации, что влияет на их структуру, содержание учебного процесса и подходы к обучению:

1. Трансформация вуза. Превращение организаций высшего образования в экономические корпорации подразумевает изменение их статуса с образовательных учреждений на субъекты рынка. Это приводит к тому, что студенты воспринимаются как клиенты, а качество образования — как товар.

2. Конкуренентность и доходность. В условиях конкуренции вузы начинают акцентировать внимание на доходности своих программ и подразделений, что может привести к изменению приоритетов в образовательной политике.

3. Содержание учебного процесса. Упрощение традиционных форматов обучения и переход к универсальным образовательным программам отражает потребность в адаптации

к быстро меняющемуся рынку труда. Однако это также может привести к снижению внимания к фундаментальным знаниям, что вызывает опасения о качестве образования.

4. Практические навыки и фундаментальные знания. Сдвиг акцента на практические навыки может быть оправдан необходимостью подготовки студентов к реальным условиям работы, но важно сохранить баланс между практическими и теоретическими аспектами обучения.

5. Социальная ответственность. Ограниченная зона социальной ответственности может означать, что вузы меньше внимания уделяют формированию у студентов понимания этических и социальных аспектов своей будущей профессии.

Эти изменения поднимают множество вопросов о будущем образования и его роли в обществе. Уход фундаментальности на второй план в структуре образовательных курсов в отечественных вузах спровоцировал много споров. Поэтому организациям высшего образования необходимо было соблюсти баланс: учесть принципы компетентностного подхода и не потерять предпринимательский дух.

Таким образом, большинство участников федеральных образовательных проектов по преобразованию отечественной высшей школы сформировали свои стратегии развития, в том числе образовательные модели. Например, ведущий IT-вуз России Университет ИТМО трансформировал фундаментальные навыки, выделив в них «классическую фундаментальность» и «дополненную фундаментальность».

«Классическая фундаментальность» включает в себя традиционные дисциплины, такие как математика и физика, которые являются основой для многих технических специальностей. В то же время «дополненная фундаментальность» акцентирует внимание на важности цифровой культуры, предпринимательских навыков и дизайн-мышления, что особенно актуально в условиях быстро меняющегося технологического ландшафта.

«Компетенции формируются в процессе обучения: профессиональные — в рамках индивидуальных траекторий с учетом научно-образовательной специфики факультетов, «надпредметные» — за счет единого блока дисциплин (английский язык, навыки публичных выступлений, лидерство и управленческие компетенции, эмоциональный интеллект, командное решение сложных задач, креативность и пр.)». [3]

Корпоративные ценности университета, такие как уважение к личности и академическая свобода, подчеркивают важность этических и гуманистических аспектов в образовательном процессе. Эти ценности помогают формировать культуру открытости и доверия, что способствует более эффективному взаимодействию между студентами и преподавателями.

В целом, такая модель образования отвечает современным требованиям и готовит специалистов, способных успешно работать в мультидисциплинарной среде. Университет ИТМО действительно делает акцент на комплексном подходе к образованию, сочетая классические фундаментальные знания с современными навыками и компетенциями. Это позволяет выпускникам быть более адаптивными и конкурентоспособными на рынке труда.

Из примера мы видим, как классический технический вуз заимствует корпоративный подход в управлении и переосмысляет роль организации высшего образования для экономики и общества в целом, превращаясь в корпорацию с предпринимательским типом управления. Внедрение стратегического менеджмента позволяет вузам адаптироваться к быстро меняющимся условиям рынка.

А.А. Поляков и В.В. Соломатин под научно-образовательной корпорацией понимают «вариант экономической системы, функционирующей в условиях инновационной экономики и преобразующей научно-образовательные ресурсы в факторы единого научно-образовательного процесса с целью формирования результата, способного

конкурировать на рынке. При этом процесс функционирования научно-образовательной корпорации можно представить как процесс формирования специфической стоимости, заключенной в интегрированном научно-образовательном продукте». [6]

Проведем сравнительный анализ классической «академической» модели университета и новой модели «университет-корпорация» — таблица 1.

Нами выделяется на основе анализа работ [1,2,4,6,7,8,9] ряд важных аспектов внешней и внутренней среды образовательной организации высшего образования, которые в современных условиях влияют на успешность организации, ее положительный имидж и, как следствие, на ее успешную устойчивую работу на рынке образовательных услуг.

Таблица 1 — Сравнение восприимчивости и учета факторов внешней и внутренней среды образовательной организации высшего образования «академического» и «корпоративного» типа

Факторы внешней и внутренней среды организации	Образовательная организация «академического» типа	Образовательная организация «корпоративного» типа
Возможность активной генерации нового знания путем НИОКР, фундаментальных исследований, в т.ч. по заказу предприятий реального сектора.	Использует научно-исследовательский потенциал преподавателей и ученых, основной род деятельности которых образование. Лабораторная база развивается медленно.	Способно быстро генерировать новое знание, быстро создавая научные коллективы, в т.ч. за счет приглашенных ученых. Активно привлекает инвесторов для финансирования исследований и создания лабораторий
Способность быстрой трансформации кадров под меняющиеся задачи и проекты, новые образовательные продукты.	Преподаватели работают по контрактам на конкурсной основе, минимальный срок контракта 3 года (максимальный — 5 лет). Сложившаяся система взаимоотношений «работодатель-работник» такова, что основной штат меняется мало и медленно.	Преподаватели могут наниматься по срочным договорам на конкретный проект, образовательную программу, научное исследование, что делает кадровый потенциал мобильным. Основные руководящие должности не конкурсные — найм сотрудников и увольнение прерогатива руководства.
Основной доход	Оплата обучения из централизованных государственных источников и от частных лиц (контрактное обучение).	Научные исследования, консалтинговые услуги, средства эндаумент-фондов и иные источники.
Возможность быстрой трансформации образовательных программ (открытие новых, закрытие существующих).	Незначительная из-за высоких рисков снижения доходов (см. выше — доход от образования основной).	Высокая из-за того, что образование не является основной статьей дохода.

Если рассматривать научно-образовательную корпорацию с точки зрения цифровой экономики, то здесь пересекаются несколько образовательных моделей организации. В частности, модель «Университет 3.0» и «Университет 4.0». В этих моделях тесно интегрированы наука, образование и бизнес, высок уровень инновационной активности, достижений цифровых технологий, создаются условия для развития личности студентов и сотрудников. Также идет соединение с «Фронтальной моделью», в рамках которой формируются активные точки экономики региона и высок уровень научной деятельности. [1]

Таким образом, научно-образовательная корпорация — это новая стратегическая модель управления вузом, в которой интегрированы наука, образование и бизнес, состоящая из ряда инновационных научно-образовательных центров для развития экономики регионов, популяризации науки и высшей школы в обществе.

На сегодняшний день в России официально ни один вуз не получил статуса «образовательная корпорация» с точки зрения права. Университет «Синергия» (негосударственный), Университет ИТМО (государственный) использует модель в качестве уникального торгового предложения (вуз объявил о том, что стал научно-образовательной корпорацией в августе 2022 года на открытом ученом совете). Однако «нейм» стал не просто стратегическим маркером, а началом глобальной трансформации и ключевым элементом имиджевой политики, в том числе коммуникационной стратегии.

Если сравнить Университет ИТМО и Университет «Синергия», то в структуре модели научно-образовательной корпорации можно выделить следующие ключевые точки:

1. Вуз — многофункциональная система (экосистема), которая объединяет образование, науку, передовые научные центры с новыми образовательными форматами и партнерами из бизнеса;

2. Вуз — поставщик решений и технологий для промышленных партнеров с собственным производством и уникальной средой для развития талантов.

3. Образование через индивидуальные траектории обучения с уникальным набором hard и soft skills (уникальные треки равны количеству студентов).

4. Научная функция реализуется через научные проекты (инженерные школы и исследовательские центры, открытые вместе с партнерами).

5. Непрерывное образование с возможностью реализовывать собственные проекты на любом этапе.

Какие задачи решает научно-образовательная корпорация:

1. Выход к конечному потребителю.

2. Персонализированный рекрутинг и борьба за таланты.

3. Новые целевые аудитории: инвесторы, предприниматели, субъекты малого и среднего предпринимательства.

Таким образом, научно-образовательные корпорации представляют собой новый подход к образованию и науке, который отвечает требованиям современной экономики. Тесное сотрудничество с бизнесом позволяет интегрировать теорию и практику, а также адаптировать образовательные программы к реальным потребностям рынка.

Управленческий подход способствует созданию новых продуктов и услуг, формирует активное взаимодействие между университетами и обществом:

1. Адаптация образовательных программ. Учебные курсы и исследования могут быть скорректированы в соответствии с актуальными запросами бизнеса, что делает образование более целенаправленным и практическим.

2. Передача знаний и технологий. Выпускники, обладая современными навыками, становятся связующим звеном между наукой и промышленностью, способствуя внедрению инноваций.

3. Создание новых рабочих мест. Совместные проекты между университетами и компаниями могут привести к созданию новых стартапов и рабочих мест, что положительно влияет на экономику.

4. Развитие исследовательской инфраструктуры. Объединение ресурсов науки и бизнеса позволяет более эффективно использовать существующие научные базы и лаборатории, открывать новые центры.

5. Формирование экосистемы. Создание научно-образовательных кластеров способствует развитию регионов и увеличивает их привлекательность для инвестиций.

Новая управленческая модель в образовании не только создает «товарную массу» научных и образовательных услуг, но и запускает процессы, способствующие устойчивому развитию общества. Это подчеркивает важность интеграции знаний, технологий и человеческого капитала для достижения общих целей.

1. Балданова А.Ю., Дугаржапова М.А. Современные тренды в сфере образования // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. — 2023. — № 3. — С. 22–29.

2. Вавилов В.Е. Пути развития и целевые модели университетов в Российской Федерации // В.Е. Вавилов, И.Ю. Зубко, А.А. Хусаинова // Прогрессивная экономика. — 2024. — № 1. — С. 55–85.

3. Годовой отчет Университета ИТМО [Электронный ресурс], 2017. — С. 8-9. — URL: https://itmo.ru/module/pdf_viewer/pdf_viewer.php?id=99#page/8

4. Демина В. В., Ян Юеин. Функционирование образовательной инфраструктуры корпораций: проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. — 2022. — № 4. — С. 37–47.

5. Покровский Н.Е. Трансформация университетов в условиях глобального рынка // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2004. — Т. VII. — № 4. — С. 152-161.

6. Поляков А.А., Соломатин А.В. Научно-образовательные корпорации как альтернатива вузам в новой экономике // Вестник ГУУ. — 2012. — № 7. — С. 17-25.

7. Пономарева О.Н. Модели и функции современных университетов // Вестник Евразийской науки. — 2020. — № 5. — С. 1-9.

8. Стрельцова Е.Ю., Юдина А.И. Реформа высшего образования: возможности и угрозы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2024. — №1 (117). — С. 119–124.

9. Щелкунов М.Д. Образовательное сообщество как экономическая корпорация // Вестник экономики, права и социологии. — 2010. — № 1. — С. 144-149.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ И ДЕЛОВЫХ КАЧЕСТВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Шушунова Татьяна Николаевна
(Академия управления при президенте Республики Беларусь)

Внимание исследователей к восприятию культурного пространства людей, проживающих в Республики Беларусь через его различные характеристики и аспекты является важной исследовательской задачей. Она находит отражение в изучении личностных качеств белорусов в рамках исследования Института социологии НАН Беларуси. Согласно полученным данным на первые позиции белорусы ставят такие личностные качества, как уважение к окружающим (76,2% опрошенных), ответственность (74,5%), исполнительность (73,5%), уважение к коллегам (70,7%), дисциплинированность (69,5%), самоуважение (68,2%), работоспособность (68,1%), самостоятельность (67,1%) [1].

В условиях возникшей потребности укрепления кадрового потенциала в стране, важным представляется продолжить изучение состояния культурного пространства и его влияния на формирование личностных и деловых качеств в том числе и государственных служащих. Вопросы влияния культурного пространства государственных служащих является неотъемлемым элементом общей задачи по укреплению кадрового потенциала страны. Актуальность заявленной темы обусловлена запросом со стороны государства на формирование высокообразованных и профессионально подготовленных работников государственной гражданской службы, способных быть мобильными, креативными, патриотичными и ответственными, уметь быстро и эффективно справляться с поставленными задачами. Внимание к оценке личностных и деловых качеств государственных служащих уделяются в стране на высоком уровне: «На сегодняшний день роль морально-деловых, личностных качеств человека, считаю, должна быть одним из приоритетов стратегии отбора государственных служащих и формирования государственного аппарата. Если мы возведем это в ранг одного из основных постулатов, то, несомненно, изменятся подходы и в борьбе с коррупцией, и в искоренении иждивенчества, потребительского отношения к работе и государству в целом» [2].

Изначально, пространство в котором человек выражает себя и осмысливает через определенные границы своей жизнедеятельности, является непосредственной характеристикой его бытия, которое наполняется смыслами в зависимости от его интереса к ней, от деятельности человека по освоению окружающей действительности и способам ее преобразования, от возможности в рамках него удовлетворять свои потребности. Исходя их социологической точки зрения рассмотрение этого вопроса, пространство приобретет форму социальной системы и будет репрезентировано через ключевые сферы общественной жизни: политическую, экономическую, социальную и духовную. Именно духовная сфера общества, как отмечал Т.Парсонс, будет выполнять функцию поддержания единого образца за счет культурных норм и ценностей, которые усваиваются поколениями благодаря процессу социализации. Белорусский социолог С.А.Шавель, автор «сферного подхода», утверждал: «Сфера общества представляет собой кластер институтов с имеющимися у них материальными и кадровыми ресурсами, инфраструктурой, коммуникациями, органами управления и др., объединенных на основе функционального назначения и единого принципа связи элементов в определенную качественную целостность, отличную от других общественных форм объединения, но взаимодействующую с ними в процессах системного воспроизводства социетального общества (страны-государства). В сферном подходе первостепенное значение имеют социальные институты – от семьи, образования, СМИ до государства» [3].

В рамках теории культурного капитала П.Бурдье культура играет большую роль в воспроизводстве социальной структуры общества как возможность получить некую установку («габитус») при формировании личностного образа нации, страны, государства, а сквозь призму него и представления личностные и деловые качества в рамках своей профессиональной деятельности.

Таким образом, наполненность определенным культурным содержанием в рамках социальной среды позволяет человеку, как «творцу своего мира» создавать свое личное культурное пространство в рамках уже имеющейся системы, которое будет регулировать и определять оценочные и поведенческие образцы, фиксировать ценности и нормы, способы чувствования и мышления. «Из культурного пространства человечество черпает готовые варианты решения множества жизненных проблем. Приспосабливаясь к меняющейся действительности, на основе готовых вариантов решения создаются новые. В этом случае можно говорить о культуре как о пространстве, в котором живет, формируется, развивается и творит человек. Можно сказать, что пространство бытования культуры – это мыслимое культурное пространство, в котором отражается всякий ответ, который культура дает на базовые потребности человека» [4].

Изучив мнение государственных служащих о важности наличия соответствующих деловых и личностных качеств, с целью эффективно решать поставленные задачи в системе государственного управления, можно предположить, чем наполнено и во многом определено культурное пространство каждого из них.

В целях изучения мнения относительно деловых и личностных качеств государственных служащих в Академии управления при Президенте Республики Беларусь в 2024 г. было проведено пилотажное социологическое исследование методом экспертного интервью среди государственных служащих. Принимая во внимание тематику данной статьи остановимся более подробно на вопросе для слушателей, имеющего цель выявить их мнение относительно деловых и личностных качеств необходимых для руководящих работников и специалистов. На вопрос «*Какие требования, предъявляемые к деловым и личностным качествам руководящих кадров государственных органов, на Ваш взгляд, являются ключевыми?*» были получены следующие оценочные высказывания экспертов.

К личностным качествам необходимым руководителю, были отнесены следующие:

справедливость,
открытость,
позитивность,
сдержанность,
уравновешенность,
стрессоустойчивость,
честность,
человечность,
пунктуальность.

К личностным качествам, необходимым работникам, были отнесены:

стрессоустойчивость,
спокойствие,
уравновешенность, («*Умение отпустить проблемную ситуацию, не жить в ней, и не переживать*»),
сдержанность,
собранность,
уверенность («*Не быть мнительным*»),
добросовестность,

честность.

Деловые качества руководителя и специалистов во многом схожи, в обоих случаях были названы такие черты как: компетентность, работоспособность, грамотность, коммуникабельность и стрессоустойчивость, что подчеркивает специфику профессиональной деятельности государственных служащих. Однако, для руководителей важно при этом иметь еще лидерские качества, быть ориентированным на результат, уметь ставить задачи и быть профессионалом в своей области. А для специалистов важно быть исполнительным, инициативным и ответственным.

Результаты исследования позволяют говорить о высокой степени осознанности государственных служащих в сфере своей профессиональной деятельности и общей направленности на принесения пользу обществу и своей стране.

1. Морально-нравственные и человеческие качества у белорусов стоят на первом месте // [Электронный ресурс] // <https://www.belta.by/society/view/moralno-nravstvennye-i-chelovecheskie-kachestva-u-belorusov-stojat-na-pervom-meste-sotsissledovanie-284398-2018/> . - Дата доступа: 27.06.2024.

2. Беларусь готова делиться опытом в сфере госстроительства и социальной политики // [Электронный ресурс] // <https://www.belta.by/society/view/belarus-gotova-delitsja-opytom-v-sfere-gosstroitelstva-i-sotsialnoj-politiki-buzovskij-171132-2015/> . - Дата доступа: 27.06.2024.

3. Шавель С.А. Сферная когерентность общества как императив его устойчивости и прогресса // [Электронный ресурс] // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24392043> . - Дата доступа: 27.06.2024.

4. Орлова Е.В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // [Электронный ресурс] // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20154915_62523934.pdf . - Дата доступа: 27.06.2024.

Секция 5: Медиатизация и социальные коммуникации в современной культуре: социологическое измерение

ВЛИЯНИЕ МЕДИАТИЗАЦИИ НА ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЮ АКТЕРОВ ТЕАТРА

*Бабкина Екатерина Витальевна
(МГУ им. М.В. Ломоносова)*

С конца XX-го века в обществе формируются ряд тенденций, которые связаны с изменением характера труда, перераспределением рабочей силы, с размыванием классового разделения и отношений. Как отмечает М.В. Макарова, в основе этих тенденций лежат следующие факторы: «децентрализация производства, изменение отраслевой структуры экономики в сторону преобладания непроеизводственных сфер, усиление информационно-технологической составляющей, гибкий и мобильный характер современных производственных процессов» [4, 45]. Сфера культуры как уникальная сфера занятости также претерпевает изменения, связанные с глобальными трансформациями на рынке труда [10, 5-29]. Исследования указывают на усиление конкуренции среди работников, снижение социальной защиты, рост безработицы и изменение восприятия труда и карьеры [8, 87], [7, 67]. Можно наблюдать, что на фоне развития экономики в культурной сфере формируется концепция нового типа творческих индустрий, характеризующихся нестабильной и неформальной занятостью, что позволяет работникам участвовать в различных медиапроектах, способствуя расширению возможностей их профессионального развития и включенности в индустрию.

В России начало новым формам занятости в культурной сфере было положено в конце 1980-х годов после распада Советского Союза. Это было связано со снижением зарплаты в театрах [11, 74-83], на киностудиях [2, 181-189], ослаблением централизованного управления культурой и либерализацией этой сферы. Трансформационные тенденции четвертой промышленной революции коснулись и сферы культуры. Технологии 4.0. оказали влияние на рынок труда актеров театра, изменяя их карьерные траектории [6]. Театр как одна из социальных систем вынужден был подстраиваться под ценности концепций информационного и постиндустриального общества, основными процессами которых выступают сетевизация, цифровизация, глобализация, урбанизация и индивидуализация, медиатизация.

В конце XX - начале XXI веков в условиях экономических и политических трансформаций работники сферы культуры все чаще обращались к нестандартным формам занятости. Это связано не только с изменениями в структуре рынка труда, но и с переосмыслением самого подхода к труду. Часть из них отправлялись на обучение и стажировки за границу. Это позволило им усвоить новые модели творческого труда, обладающие характеристиками гибкости, мобильности и мультипроектности. Работники культуры становятся более открытыми к сотрудничеству в различных проектах, что давало им возможность расширить профессиональные навыки и компетенции. Такой подход также способствовал развитию кросс-культурного обмена и инноваций в сфере культуры. Однако, несмотря на преимущества, данная модель занятости имеет риск потери работы, низкий уровень социальной защищенности и уязвимости перед лицом экономических колебаний [1].

В современных реалиях глобализационные процессы выступают важнейшим фактором культурогенеза, который предусматривает постоянное самообновление культуры. Возникают новые феномены, не существовавшие в культуре ранее, например, медиатизация, под которой понимается процесс, когда медиа становятся центральным элементом в структурировании социальной реальности. Согласно Н. Коулдри и А. Хеппу [9, 18-20], медиатизация проникает во все сферы социальной жизни, такие как политика, религия, образование и наука. Ученые утверждают, что социальный мир не может быть понят без учета медиатехнологий, которые опосредуют процессы коммуникации и формируют общий социальный мир, поддерживая или размывая границы между различными сегментами социальной жизни.

Н.И. Клушина пишет том, что медиа открывают широкой публике доступ к различным сферам общественной жизни, которые ранее были менее доступны [3, 66]. Это приводит к тому, что медиа становятся дополнительной, «четвертой» ветвью власти [5, 289], играющей ключевую роль в формировании общественного мнения и социальной реальности.

Медиа оказывают значимое влияние на распространение информации о культурных явлениях, искусстве, науке и других областях, которые ранее были доступны лишь узкому кругу специалистов. Медиатизация позволяет культурным институтам выйти за рамки традиционного восприятия и стать частью повседневной жизни широкой аудитории. Это способствует не только образованию и развлечению, но и формированию культурной идентичности, а также стимулирует общественный интерес и участие в культурной жизни.

Современные технологии и мультимедийные инструменты становятся неотъемлемой частью постановок, требуя от актеров новых навыков и адаптации к работе с техникой. Интерактивные и иммерсивные спектакли, где зрители становятся активными участниками действия, требуют от актеров высокой степени импровизации. Расширение аудитории через онлайн-трансляции и записи спектаклей открывает новые возможности для актеров, но также требует умения работать перед камерой. Социальные сети и цифровые платформы позволяют актерам и театрам напрямую взаимодействовать с аудиторией, что, несомненно, требует навыков самопрезентации. Актеры театра все чаще участвуют в рекламных кампаниях, что помогает им повысить узнаваемость, а также привлечь дополнительное финансирование для театров. Медиатизация способствует развитию кросс-культурного театра, где смешиваются различные культурные традиции, обогащая опыт актеров и расширяя их профессиональные горизонты. Участие в медиапроектах, таких как фильмы и сериалы, позволяет актерам осваивать новые форматы и техники игры, делая их более универсальными и востребованными специалистами.

В то же время медиатизация несет в себе риски упрощения и коммерциализации культурного содержания, что может привести к потере глубины и значимости театральных постановок. Поэтому важно поддерживать баланс между доступностью театра для широкой публики и сохранением его аутентичности и ценности. Все это требует ответственного подхода со стороны медиа и культурных организаций, а также активного участия зрителя в диалоге.

1. *Абрамова Е. Условия труда творческих работников: итоги проекта. // Полит.ру. 30 сент., 2012. URL: <https://polit.ru/article/2012/09/30/altvorrobotnyki/> (дата обращения: 17.03.2024)*
2. *Карпушин Е.С., Кулакова А.И. Российская киноиндустрия как часть экономики страны. // ЭКО. 2015. № 8. С. 181-189.*
3. *Клушина, Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Рус. речь. 2014. № 1. С. 66.*

4. Макарова М.Н. «Конец труда»: миф и реальность постиндустриализма // *Экономическая социология*. 2007. №1.
5. Монтескье Ш. Л. *Избранные произведения*. М., 1955. С. 289
6. Сандрин Кергроуч *Индустрия 4.0: новые вызовы и возможности для рынка труда* // *Форсайт*. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/industriya-4-0-novye-vyzovy-i-vozmozhnosti-dlya-rynka-truda> (дата обращения: 06.10.2024).
7. Урри Дж. *Мобильности* / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. — М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. — 576 с.
8. Bauman Z. *Work, Consumerism and the New Poor*. New York: McGraw-Hill Education. 2004. 144 p.
9. Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*, 2017. P. 18-20.
10. Garnham N. *From Cultural to Creative Industries: An Analysis of the Implications of the «Creative Industries» Approach to Arts and Media Policy Making in the United Kingdom*. *International Journal of Cultural Policy*. 11 (1). 2005. P. 5–29.
11. Levshina E., Orlov Y. *Company Profile: General and Specific Issues in Russian Theatre*. *International Journal of Arts Management*. 2 (2), 2000. P. 74-83.

СЕТИ И ПОТОКИ В ДОПОЛНЕННОЙ СОВРЕМЕННОСТИ: ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ХЕРСОНСКОЙ ОБЛАСТИ

*Бакулин Александр Викторович
(ВЦИОМ, СПбГУ)*

*Бакулин Дмитрий Викторович
(СевГУ)*

*Дерюгин Павел Петрович
(СПбГУ)*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского
научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00261
«Социоструктурная модель перехода российского общества в
режим дополненной современности».*

Аннотация

В статье исследуется влияние цифровых сетей и информационных потоков на социальную динамику в новых регионах России, особенно в Херсонской области. Рассматриваются проблемы сетевой интеграции и влияние различных информационных центров на общественное мнение.

Ключевые слова:

Дополненная современность, сетевые структуры, социальная интеграция, Херсонская область, информационные потоки, социальные медиа, контент-анализ, общественное мнение.

Введение

В условиях стремительного развития цифровых технологий концепция дополненной современности, предложенная Д.В. Ивановым, приобретает особую актуальность. В этой концепции ключевую роль играют сети и потоки, которые трансформируют социокультурный ландшафт. Сетевые структуры становятся основой коммуникации и взаимодействия, а потоки информации — важными носителями культурных изменений и социальных процессов [2, 47-49]. По данным ВЦИОМ, 86% пользователей почти ежедневно заходят в социальные сети и мессенджеры, при этом пользователи ВКонтакте проводят в сети больше всего времени — 129 минут в день, а новостные сообщества являются наиболее популярными среди россиян (77%) [1].

Однако динамика сетевых взаимодействий не всегда совпадает с реальной социальной интеграцией, что порождает ряд проблем, особенно в новых регионах, таких как Херсонская область.

Основная часть

Проблема сетевой интеграции

Сетизация, или процесс создания и распространения сетевых структур, часто оказывается быстрее, чем процессы реальной социальной интеграции [3]. Процесс сетевизации, о котором говорит Кастельс, действительно наблюдается в новых регионах России, таких как Херсонская и Запорожская области, а также в Луганской и Донецкой Народных Республиках (ЛНР и ДНР). В этих регионах быстрый рост сетевых структур, включая политические и экономические связи, часто происходит быстрее, чем полноценная социальная интеграция.

Например, после присоединения этих регионов к России в 2022 году власти активно внедряли новые управленческие структуры и системы управления, ориентированные на создание сетей взаимодействия с населением. Это включает в себя использование цифровых платформ для опросов, подачи заявок и получения государственных услуг, что позволяет быстро связываться между государством и гражданами. Однако эти процессы не всегда сопровождаются реальным вовлечением населения в управление и принятие решений, что приводит к социальному разрыву.

Ключевым фактором, влияющим на ситуацию, является наличие нескольких центров информационного воздействия, которые формируют свои сетевые и потоковые структуры. Эти центры, зачастую противоборствующие друг другу, создают разрозненные информационные среды, что приводит к разделению социальной реальности. В частности, в Херсонской области действуют как российские, так и украинские центры, которые формируют свои потоки информации и сетевые взаимодействия, препятствуя интеграции социальных групп [4, 130-133].

Цель исследования

Цель данного исследования заключается в выявлении специфики формирования интернет-пространства в новых регионах, на примере Херсонской области. Мы намерены проанализировать, как развиваются цифровые сети в этом регионе и каким образом они влияют на общественные процессы. Также важным аспектом является понимание того, как информационные потоки формируют общественное мнение и восприятие событий в регионе [4, 131-132].

Исследовательская часть

Методология исследования

Для достижения поставленной цели использовалась комплексная методология, которая включала как количественные, так и качественные методы анализа. Исследование проводилось на основе контент-анализа сообщений из различных социальных медиа, таких как ВКонтакте, Telegram и Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ). Период исследования охватывал с 1 сентября 2022 года по 10 ноября 2022 года, в ходе которого было собрано 44 354 сообщения, включая 1 438 из ВКонтакте, 7 072 из Facebook и 38 238 из Telegram [4, 120-123].

1. Сбор данных: на первом этапе была проведена выборка сообщений из групп и сообществ, связанных с Херсонской областью. Выборка охватывала различные каналы, чтобы получить более полное представление о контенте и темах, которые обсуждаются в сети.

2. Классификация и структурирование данных: после сбора данных была разработана система классификации сообщений на категории и подкатегории, включая социальные, социально-культурные, политические, военные, экономические и фейковые сообщения. Это позволило структурировать информацию для последующего анализа [4,121].

3. Оценка релевантности сообщений: после классификации проводилась оценка релевантности сообщений, что позволило исключить нерелевантные данные и обеспечить точность результатов исследования.

4. Графический анализ: Важной частью исследования стало создание графической схемы, позволяющей визуализировать взаимосвязи между пользователями и группами в социальных сетях. Графы использовались для отображения отношений между объектами и их информационными потоками. Визуализация помогла выявить центры информационного воздействия и их роли в формировании общественного мнения [4, 130].

Результаты исследования

В ходе исследования были выявлены несколько ключевых аспектов формирования интернет-пространства в Херсонской области:

1. Центры информационного воздействия: анализ показал, что в интернет-пространстве Херсонской области действуют как российские, так и украинские центры информационного воздействия. В частности, в Telegram были обнаружены основные источники информации, такие как сообщества «Главное в Херсоне», «Типичный Херсон» и другие. Эти сообщества становятся важными каналами распространения информации, формируя общественное мнение.

2. Тематическое разнообразие: Основные темы, обсуждаемые в социальных медиа, включают гуманитарную помощь, военные действия и политическую стабильность. Например, в российском дискурсе акцентируется внимание на успешных действиях российских вооруженных сил и гуманитарной помощи, в то время как в украинских источниках подчеркивается агрессия со стороны российских войск и последствия для мирного населения.

3. Разница в восприятии: различия в информационных потоках и их интерпретации создают разные представления о событиях у пользователей. Например, в Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ) акцентируется внимание на «обстрелах мирных объектов», где украинские военные представлены как «освободители», в то время как в Telegram подчеркивается «неудачное наступление» ВСУ.

4. Формирование образов: в результате анализа содержания сообщений были выявлены ключевые медиаобразы, такие как «обстрел», «фронт» и «референдум». Эти образы формируют определенные установки и ожидания у пользователей, влияя на общественное мнение и восприятие событий. Например, образ «референдума» в российских источниках представлен как легитимный процесс, в то время как в украинских источниках акцентируется внимание на его незаконности.

Влияние информационных потоков

Информационные потоки в цифровых сетях играют ключевую роль в формировании восприятия событий и установок у пользователей. Эти потоки не только транслируют контент, но и формируют социальные нормы и ожидания. Наличие двух враждебных центров, формирующих свои сети и потоки, не позволяет интегрироваться социальностям и создает разрыв в взаимодействии.

В Херсонской области можно выделить несколько основных тем, которые активно обсуждаются в социальных медиа: гуманитарная помощь, военные действия, референдумы и политическая стабильность. Эти темы получают различные интерпретации в российских и украинских сетевых центрах, что приводит к формированию разных медиаобразов и установок у пользователей.

Заключение

Исследование сетей и потоков в контексте дополненной современности помогает понять, как цифровые технологии и информационные процессы влияют на социальную динамику в новых регионах России, таких как Херсонская область. Наша работа показывает, что сети и потоки не всегда соответствуют процессам социальной интеграции, создавая новые вызовы для общества.

Наличие нескольких центров информационного воздействия препятствует формированию единой социальной среды, что приводит к фрагментации общественного сознания и разделению на враждебные группы. Понимание этих процессов и их влияния на общественные мнения и восприятия становится важным шагом в анализе социальной динамики. Важно учитывать специфику каждого региона, что позволит адаптировать

методы исследования и анализа сетей и потоков к новым реалиям, с которыми сталкивается российское общество.

1. ВЦИОМ. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 06.10.2024).
2. Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44-55. DOI 10.31857/S013216250009397-9;
3. Кастельс, М. Власть идентичности. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. 2. Оксфорд, Великобритания: Blackwell Publishing, 2004.
4. Ярмак О. В., Бакулин А. В., Бакулин Д. В. Феномен сетецентризма в условиях современного когнитивного противостояния: на примере анализа Херсонского кейса // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 114–135. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.7; EDN: NICCCN

ПАЦИЕНТСКИЙ БЛОГИНГ КАК ПРАКТИКА ЗАБОТЫ О СЕБЕ

*Бердыева София Арслановна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Работа выполнена при поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-18-00261.

В последнее десятилетие в академической среде наблюдается увеличение внимания к медицинскому блогингу (medical blogs), вопросам экспертизы и доверия к Интернет-контенту о здоровье. Пациентские блоги (illness blogs) ввиду меньшей видимости по сравнению со страницами врачей и медицинских работников остаются в тени, при этом обладая спецификой как с точки зрения аудитории и используемого инструментария, так и в мотивации авторов страниц в их деятельности. В качестве иллюстрации этих особенностей можно привести полимедийность практик пациентского блогинга, обусловленную удобством интерфейса платформ для подготовки контента определенного формата в различных условиях, сопровождающих пациентский опыт: например, короткие заметки и “восточки” для аудитории о состоянии здоровья с большей вероятностью будут размещены в Telegram, в то время как на площадке Дзен контент чаще подготавливается с большей рефлексией и проходит дополнительную системную проверку перед публикацией. Отчасти именно благодаря этому факту Дзен можно считать самой подходящей платформой для сбора данных о практиках пациентского блогинга.

Наш анализ будет выполнен на основе герменевтического подхода к изучению субъектности М. Фуко и тезисов, выдвинутых им по результатам исследования текстов греко-римских философов и монахов раннего христианства. В серии семинаров о технологиях себя, позволяющих людям “преобразовывать себя ради достижения состояния счастья, чистоты, мудрости” через ряд “операций” над своими душами, мыслями и поступками [2, 18], Фуко приводит два главенствовавших принципа описываемых эпох: “познай себя” и “ позаботься о себе”, и эволюцию их соотношения. Принцип “заботы о себе”, в свою очередь, подразумевает ряд техник или “испытаний” - упражнений, которые позволяют приблизиться к желаемому уровню укорененности морально-этических принципов в своей душе: аскеза, толкование сновидений, испытание себя и совести (“разбор сделанного и того, что следовало сделать, и их сопоставление” [2, 35]), и письмо как (1) регистрация своих поступков, (2) актуализация мыслей и идей, в которых человек испытывает потребность, и (3) раскрытие себя перед друзьями, в дальнейшем получившее развитие в практике исповеди.

В изученный М. Фуко период вербализация обретала вещественную форму в виде дневников, трактатов и писем, адресованных наставникам и товарищам. В настоящее же время слова, действия и мысли, даже самые личные, все чаще фиксируются на цифровых носителях и становятся все более публичными, доступными для глаз большинства. Поэтому регулярную подготовку публикаций любых форматов, будь то полноценная статья, короткий текст или видео продолжительностью в один час, можно считать современной инкарнацией вербализации как технологии себя, что отчасти подтверждает выдвинутую М. Фуко гипотезу [2, 48] о возрастании значимости именно этой группы практик для общества, при этом не прибегающего к отречению от себя и, наоборот, использующего социальные медиа как пространство конструирования своей идентичности. Пациентский блогинг в таком ключе является особенно показательным, поскольку некоторые заболевания погружают людей в принципиально новые для них состояния, требующие “пересборки” и переосмысления взглядов на себя, свою жизнь и смерть.

В качестве материалов для анализа практик заботы о себе мы выбрали контент десяти блогов на платформе Дзен, принадлежащих пациентам с онкологическими заболеваниями разных нозологий и стадий. Выборка формировалась по критериям (1) наличия в названии, описании или содержании блогов ключевых слов, связанных с онкологией (например, "онкология", "рак", "онко", "саркома" и т.д.), (2) страны, к которой относится содержание (Россия), и (3) наличия элементов активистского дискурса. Естественным образом в итоговом списке не оказалось авторов мужского пола, а возраст женщин находился в пределах от 27 до 50 лет на момент начала онкоблогерской деятельности.

Как известно, рак в случае достижения ремиссии является хроническим заболеванием, при этом поражающим людей любого пола и возраста. После постановки диагноза и принятия роли пациента человек возлагает на себя новый круг обязательств по исполнению предписаний врача, существенно изменяющий жизненный уклад и требующий выработки большей самодисциплины. Онкопациентские блоги как публичные аналоги дневников преимущественно состоят из изложения прошедших дней с отдельным фокусом на полученном пациентском опыте, которое, хоть и не всегда полностью рефлексировано, является ревью своих собственных поступков и сопровождается этическим оцениванием событий.

Кроме того, практики вербализации способствуют процессу принятия и интернализации блогерами статуса онкопациентов, вынужденно помещенных в обстоятельства приготовлений к невзгодам и смерти: *"Большинство людей скрывают свой диагноз, не хотят, чтобы их жалели или обсуждали к примеру. Но когда я узнала мне хотелось рассказать о своей боли всему миру... мне так действительно стало легче."* (Blog_3, орфография и пунктуация сохранены); *"И я пишу свои переживания, ведь мой блог о том, как я живу здесь и сейчас с онкологией. Отмечу, что с каждой своей публикацией я всё больше психологически принимаю свой диагноз, но пока не понимаю его"* (Blog_6); *"Во-вторых, мне он самой нужен для того, чтобы просто разговаривать, просто рассказывать, просто с кем-то делиться. <...> ...мне надо ещё научиться говорить, что у меня рак. Мне первую неделю было вообще стыдно"* (Blog_8).

Кульминацией таких ежедневных упражнений в вербализации и переживании пациентского опыта становится переход к педагогике. Новоиспеченные пациенты самых разных возрастов и социального статуса осваивают большой объем новых медицинских знаний и навыков, и со временем у них возникает потребность передачи этой информации своим менее опытным товарищам по несчастью, объясняемая её недостатком в русскоязычном сегменте Интернета. Соответственно, блогинг становится одним из наиболее эффективных способов удовлетворения этой потребности: *"Это не повторение истории моей болезни, которую вы видели в моих влогах и публикациях на протяжении почти двух лет. Это серьезная аналитическая работа в четырех статьях, где я рассказываю о том, сколько мытарств приходится преодолевать онкологическому больному на пути к правильному лечению, пережитое на собственном опыте. Когда ты онкобольной, не всегда твоё желание жить вызывает энтузиазм у тех, кто призван тебе помочь. <...> И моя задача – показать, как жить в моих обстоятельствах, а не как в них умирать"* (Blog_1); *"Но я пишу это не для праздных читателей, а тех, кто оказался в подобной ситуации. Мне бы было значительно легче, прочитай я что-то подобное полтора года назад"* (Blog_2); *"Мне очень помог бы тогда в 2020 году такой личный жизненный опыт не с печальным и трагическим концом. Но, увы, по моему диагнозу рак желудка не было из авторского практически ничего. Кроме сухих статистических публикаций"* (Blog_4).

Резюмируя, выделим два основных эффекта, оказываемых практиками вербализации пациентов в сети: (1) усвоение и передача норм не столько морально-этических, как это было в примерах М. Фуко, сколько социальных и медицинских; (2) осмысление связанных с заболеванием феноменов и выбор психологических стратегий и установок для сосуществования с ними. Мы предполагаем, что второе направление - способы восприятия и формирование смыслов, в свою очередь находится под воздействием публичного дискурса об онкологических заболеваниях, и в особенности тех идей, что циркулируют внутри ниши пациентского сообщества, государственных и некоммерческих организаций. Значительную долю этих высказываний можно обозначить как часть идеологии “посттравматического роста” [1, 589], описывающей диагноз как новую возможность переосмыслить себя и свой образ жизни в лучшую сторону, другими словами, как новый импульс для заботы о себе (или своей душе как о том, что управляет деятельностью). Благодаря репрезентации этого дискурса в блогах, которые одновременно становятся площадками для его дальнейшего распространения и инструментом для интернализации идей у самих онкоблогеров, изучение контента может способствовать обнаружению их роли в формировании субъективного благополучия пациентов и их активистского потенциала.

1. Bell K. Remaking the Self: Trauma, Teachable Moments, and the Biopolitics of Cancer Survivorship // Culture, Medicine and Psychiatry. 2012. № 4 (36). С. 584–600.

2. Foucault M. Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault / M. Foucault, под ред. L. H. Martin, H. Gutman, P. H. Hutton, University of Massachusetts Press, 1988. 170 с.

КУЛЬТУРНО-ЗРЕЛИЩНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ - КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ

*Богданович Ольга Томашевна
(Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск)*

Культурно-зрелищное мероприятие в XXI веке плотно и активно вошло в жизненную среду населения, традиционно опираясь на наследие обрядов и массовых праздников.

Культурно-зрелищное мероприятие – это культурное мероприятие по публичному исполнению результатов творческой деятельности коллективами художественного творчества и (или) отдельными исполнителями, которое включает в себя спектакль, концерт, выступления, другие культурные мероприятия. [1, 117]. В данном определении исключается факт взаимодействия, однако стоит учитывать суть самого происходящего.

Зрелище и зритель происходят от одного корня. Это находит отражение и в природе их взаимодействия. Необходимость зрительского соавторства с творцом предполагается именно в формах спектаклях, шоу, представления, ибо такие формы существуют только в момент их исполнения: здесь и сейчас. Сиюминутная зрительская реакция формирует разнообразие смысловых и эмоциональных оттенков каждого конкретного представления, которое предполагает активное зрительское восприятие, оказывающее непосредственное влияние на представление. Именно поэтому, к зрелищам не относятся живопись, скульптура.

К зрелищным относят, как правило, те, виды искусств, которые можно назвать синтетическими или пространственно-временными: балет, театр, киноискусство, эстрадно-цирковое искусство, опера.

Исторически зрелище всегда обладало коммуникативной функцией, которая реализуется как процесс обмена информацией с помощью знаков и символов. Это же качество присуще и современным культурно-зрелищным мероприятиям.

Природа зрелищных форм такова, что при грамотном соблюдении технологии создания (с пониманием силы воздействия) они становятся мощным инструментом влияния на массового зрителя.

Данная функция присуща зрелищу априори, поскольку именно в процессе зрелища происходит широкое социальное общение, обмен смыслами и идеями. «Участник зрелища – уже не индивид, а часть коллективного тела, взаимодействующая, установившая эмоциональную связь с другими. Здесь присутствует и регуляторная функция, в традиционной культуре устраняющая эмоциональный дефицит, а в условиях города блокирующая перенасыщение эмоциями. Таким образом, городское население проявляется как социально-психологическая общность» [2,3].

«Традиционные зрелища всегда функционировали как самое массовое средство коммуникации и, следовательно, оказывались тесным образом связанными с массовым сознанием прошлых эпох» [3,6].

Каким же языком пользуется зрелище? Каждый элемент мероприятия – символ и он обращен к зрителю, подчинен для организации его внимания, его впечатлений: слово, пластика, жест, декорация и реквизит, разнообразнейшие эффекты, активно сплетаясь воедино, воздействуют на публику.

Актер-постановщик намеренно создает максимальную достоверность для вовлечения публику в «свою правду», «свою действительность». С помощью специфических сигналов, импульсов, пауз и звуковых волн режиссер обращает внимание на (или наоборот нивелирую) информацию, для достижения необходимого эффекта.

Зрелище, сформированное как коммуникативная система, использует сложные коммуникативные средства. Язык зрелища включает в себя языки всех других видов искусств и содержит, кроме того, круг собственных знаков, связанных с живым действием, происходящим на сцене. Художественное восприятие представления или спектакля предполагает понимание единства содержания, заложенного в драматургическом материале, и эстетической формы. Любая односторонность ориентации нарушает целостность восприятия сценического действия.

Дополнительной силой воздействия становится «сказочность», недостижимая привлекательность зрелища, яркость и эффектность – это вызывает доверие, очаровывает, и позволяет актору-постановщику овладеть сознанием публики.

Система намеков, образов и догадок обманчиво позволяет актору-зрителю эмоционально поддаваться и обманываться, что вполне может стать планомерной системой идеологического воздействия и влияния.

При помощи грамотно сделанного культурно-зрелищного мероприятия можно эффективно привить необходимые ценности и сформировать определенный тип суждений.

Коммуникативное свойство культурно-зрелищных мероприятий интересно рассмотреть с точки зрения взаимодействия и символического интеракционизма. Логичность его рассмотрения с данной позиции обусловлена самой парадигмой, а именно принципами которыми в свое время пользовался И.Гофман. Он перенес драматургическую модель театральной сцены на общество и людей, пользуясь безусловным сходством процессов. По аналогии, на пространство зрелища можно развернуть и ситуационное соответствие, и уровень вовлеченности, и принцип вежливого невнимания, и доступность взаимодействующих.

Уже здесь уместно говорить о взаимодействии в коммуникационных рамках двух акторов: актора-зрителя и актора – постановщика, которые могут использовать «жест», как инструмент коммуникации.

Мидовское осмысление жеста, приобретает в зрелище развернутое значение, и становится жестом-акцией (событием) – это эпизод мероприятия, который несет в себе смылосодержащую закодированную информацию, развернутую в пространстве и времени. Режиссер со своей аудиторией говорит через сцены, мизансцены, актеров. Если в обычной жизни человек просто укажет на дверь, обидчику (жест-символ физический), то режиссер выскажет свое негодование выразительными средствами сцены (жест метафорический), развернув его в пространстве и углубив социальную значимость проступка. Негодование распространится не на конкретного человека, а на социальный типаж, образ. В обычной жизни, тот, на кого нацелен жест или уйдет или ответит агрессией. Реакция же актора - зрителя будет растянута во времени и пройдет все стадии от импульса до потребления.

Увиденное заставит аудиторию реагировать, переосмысливая, согласно своему опыту и мировоззрению, возрасту и образованности. Здесь и происходит коммуникация – скрытая, не всегда четко прослеживаемая и понятная, но все же, присутствующая в определенной среде.

Актеры с помощью символов сообщают значения другим участникам интеракции, те интерпретируют эти символы и строят свои ответные действия на основе своей интерпретации. Это обусловлено специфичной чертой зрелища – образностью. Именно при помощи образного осмысления мира, передачи информации при помощи точно найденных типажей актер-постановщик (режиссер) доносит свою точку зрения зрителю. Тот, в свою очередь, благодаря переосмыслению данных символов, выстраивает не просто дальнейшее общение с актором - режиссером, но и часто меняет свою позицию, руководствуясь только что полученными данными, применяет их для дальнейшего общения с действительностью,

социумом или отдельно взятыми индивидами. И это соотносится с утверждением того, что на «основе своей собственной интерпретации ситуации «люди способны создавать новые значения и новые границы значения» [4,263].

П. Сорокин рассматривал взаимодействие как обмен: идеями, волевыми импульсами, для достижения общих целей и чувствами, когда люди объединяются или разделяются на основании своего эмоционального отношения к чему-либо [5, 25] или как «где один или одни люди влияют на поведение других или другого; и обратно» [5, 14].

В пространстве культурно-зрелищного мероприятия так же происходит обмен. Закладывая изначально некую идейную основу мероприятия, отвечая на обязательный вопрос «ради чего создается мероприятие?» актер-постановщик (творческая группа) уже нацелена на обмен идеями, ожидая одобрения или негодования от актора-зрителя. Учитывая, что мероприятия, в первую очередь затрагивают эмоционально-чувственную сторону, можно смело утверждать о непосредственном обмене чувствами, равнозначными эмоциональными посылами как со сцены, так и из зрительного зала во время спектакля. Именно этот обмен делает неповторимым любой репертуарный спектакль, любое массовое мероприятие. А закулисный театральный термин «тяжелый зал» обозначает как раз отсутствие реакции зрителя на попытку установить контакт, непонимание актором-зрителем актора-постановщика.

Обобщая вышесказанное можно смело утверждать, что культурно-зрелищное мероприятие обладает огромным манипулятивным потенциалом, именно за счет влияния на как отдельно взятого человека, так и на группу людей, а далее – общество в целом. Это своеобразная специфическая форма идейного, эмоционального, эстетического общения.

Особенно явно и активно это проявляется, когда режиссер умело расставляет акценты, воздействует на зрительское восприятие при помощи спектра выразительных сценических эффектов (звук, свет, видео и пр.). Умелый актер-постановщик может принудительно направить угол внимания и вовлечь актора-зрителя в действие.

Ю.М. Черняк «дает такое определение термину «массовый праздник (сегодня – культурно-зрелищное мероприятие): комплекс мероприятий различных видов и зрелищных форм разных жанров; многофункциональное явление, отражающее эпоху, жизнь общества и его культуру; самое древнее и самое действенное средство массовых коммуникаций» [6, 44].

1. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры Беларусь - [Электронный ресурс] – 2016. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Нк1600413> - Дата доступа: 06.10.2024.

2. Гуцина. «Зрелищность в современной культуре китайского города - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zrelischnost-v-sovremennoy-kulture-kitayskogo-goroda/viewer> - Дата доступа: 09.09.2024.

3. Хренов Н.А. Зрелища в эпоху восстания масс. М.: «Наука», 2006. 646 с.

4. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. — СПб.: Питер, 2002. — 688 с. ил.

5. Сорокин П. Общедоступный учебник социологии - [Электронный ресурс] – 2007. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/1236262/text.pdf> – Дата доступа: 08.10.2024.

6. Черняк Ю.М. Режиссура праздников и зрелищ: Учеб. пособие/ Ю. М. Черняк. - Мн.: ТетраСистемс, 2004.- 224 с., ил.

КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ В СЕМИОЗИСЕ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

*Василькова Валерия Валентиновна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00701, «Поведенческие стратегии потребителей финансовых услуг в условиях кибермошенничества: междисциплинарный анализ»

Понятие когнитивных искажений, введенное в 1972 г. Д. Канеманом и А. Тверски и выявляющее причину ошибочных решений в экономическом поведении человека, стало одной из объяснительных моделей в описании практик современного кибермошенничества. В данном контексте когнитивные искажения трактуются как ментальное основание для неверного выбора линии экономического поведения из-за недостаточной информации или под воздействием аффективно-эмоциональных факторов [См., например: 1; 2; 3].

Однако растущий масштаб и негативные последствия кибермошенничества актуализируют необходимость расширения интерпретаций этого феномена в контексте различных дисциплин, в первую очередь, социологии, которая позволяет преодолеть узко индивидуальный подход, связывающий когнитивные искажения только с ментальными особенностями человеческого мышления и задать вектор анализа их социокультурной детерминации.

Наиболее релевантным в данном контексте представляются эвристические перспективы использования концептов когнитивной социологии. В частности, в качестве интерпретационной модели для анализа когнитивных искажений в практиках кибермошенничества может быть рассмотрена теория М. Нортонна [4], которая рассматривает культуру как непрерывное движение семиозиса, постоянное формирование «смысловых контуров», которые создают рамки, совместимые как со сложностью культурных систем, так и с когнитивными ограничениями индивидуального человеческого сознания.

Данный подход, на наш взгляд, позволяет дать расширительную трактовку феномена когнитивных искажений как необходимого атрибута общего процесса социокультурного семиозиса, объяснить манипулятивную природу специфических семиотических контуров, определяющих выбор определенного типа действия человека и активацию конкретных когнитивных искажений, понять, как те или иные когнитивные искажения влияют на такой выбор в ситуации кибермошенничества, показать сопряжения когнитивных механизмов и социокультурной среды в процессе формирования сетей смыслов в семиозисе кибермошенничества.

Теоретические положения концепции Нортонна могут быть рассмотрены на конкретных примерах таких когнитивных искажений как эффект авторитета, эффект доверия, эффект предвзятости подтверждения, которые, по мнению исследователей, наиболее часто фиксируются в практиках кибермошенничества. Эффект авторитета, на наш взгляд, активируется в том случае, когда формируется убедительный семиотический контур в социокультурной среде, который использует институционализованные визуальные и лингвистические значения, создает иллюзию легитимности, и, в связи с этим, приобретает манипулятивную природу, побуждая актора осуществлять выбор, выгодный мошенникам. Эффект доверия активируется благодаря тому, что в практиках кибермошенников активно используются семиотические обозначения положительного подкрепления подобного опыта у других людей. Когнитивный эффект предвзятости подтверждения связан с

интерсубъективной природой социокультурной среды, рутинизирующей привычные и часто повторяемые «семиотические следы», включающие в том числе и деструктивные паттерны социокультурного взаимодействия.

1. *Кашанова Э.Р., Рыжкова М.В. Когнитивные искажения и их влияние на поведение индивида // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 2 (30). С.15-26.*
2. *Медяник О.В. Исследование когнитивных искажений в цифровой экономике и праве // Юридическая мысль. 2023. № 3 (131). С. 33-71.*
3. *Williams E.J., Beardmore A., Joinson A.N. Individual differences in susceptibility to online influence: a theoretical review // Computers in Human Behavior. 2017. № 72. P. 412-421.*
4. *Norton M. Meaning on the Move: Synthesizing Cognitive and Systems Concepts of Culture // American Journal of Cultural Sociology. 2018. № 7. P.1-28.*

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЕМ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Вишнякова Эльмира Мамедовна
(ФГБОУ ВО "Тверской государственный технический университет")

Ковалева Елена Олеговна
(ФГБОУ ВО "Тверской государственный технический университет")

Ковалев Андрей Вадимович
(ФГБОУ ВО "Тверской государственный технический университет")

Среднестатистическая молодежь в современном мире учится, работает, общается с друзьями, создает семьи, организовывает быт и досуг. Все сферы жизни современных молодых людей сопровождаются общением в социальных сетях.

Социальная сеть – это онлайн-платформа, которая может быть использована для общения, знакомств, отношений между людьми, которые могут иметь схожие интересы или оффлайн-связи, а также развлечения (музыка, фильмы) и работы [7]. Иными словами, социальные сети могут быть использованы как средство коммуникации в рабочих (профессиональные сообщества, группы и диалоги трудовых коллективов), образовательных (чаты и диалоги студенческих групп, официальные группы образовательных учреждений, образовательные мессенджеры) и личных целях (просмотр фильмов, возможность слушать музыку, объединения и группы по интересам, группы закупок товаров, группы организаций, оказывающих услуги, группы жилых комплексов, чатов жильцов, родительских чатов школ, детских садов, кружков и т.д.).

Необходимость решения многих задач диктует требования к обязательному наличию аккаунта, личных кабинетов и умению пользоваться социальными сетями. Это является проблемой для людей, которые не хотели бы создавать аккаунты, или у которых нет компьютера или смартфона с доступом в Интернет. Однако использование социальных сетей (Например, «ВКонтакте») для современной молодежи имеет и ряд преимуществ:

- необходимость регистрации только одного аккаунта для решения проблем и построения коммуникаций в разных сферах жизни. То есть, нет необходимости заводить новый аккаунт для образовательных целей. Общаться с друзьями и преподавателями можно в рамках одного аккаунта.

- удобный и знакомый функционал, не нужно осваивать функции и особенности других платформ;

- нет необходимости настраивать нужный формат;

- социальная сеть всегда доступна (системные сбои бывают реже, чем на официальных образовательных платформах);

- у большинства мобильных операторов безлимитные условия использования мессенджеров и социальных сетей.

Однако большинству молодых людей приходится проводить слишком много времени в социальных сетях, это обусловлено необходимостью использования одной социальной сети и для личных и для образовательных или рабочих целей. Таким образом, социальная сеть сопровождает жизнь молодежи в различных жизненных ситуациях, а значит, становится фактором их социализации, оказывает влияние на их сознание и поведение.

Итак, социальные сети позволяют не только строить коммуникации решать жизненные проблемы, но и манипулировать сознанием и поведением. В связи с

отсутствием большого жизненного опыта молодежь находится в группе риска посредством манипулятивного воздействия.

Манипуляция – это скрытое психологическое и языковое воздействие, целью которых является изменение мнения, установок и воззрений. Для осуществления манипуляций требуются специальные знания [3, 36].

Факторами, предопределяющими манипулятивное поведение, являются культура субъекта и объекта манипуляции, условия социума, природа и характер общения, личностные особенности, владение коммуникативными технологиями.

Манипулятивные воздействия могут проявляться следующим образом:

- Латентный или скрытый характер, так как объект манипуляции не знает о том, что им манипулируют;

- В процессе манипулирования могут быть использованы как психологические, так и языковые способы воздействия. Следует отметить, что применяться они могут как вместе, так и по отдельности;

- Объект манипулирование верит в «естественность» всего происходящего;

- Для успешного манипулирования требуются конкретные знания, умения и навыки;

- Субъект манипулирования стремится получить выгоду от процесса и по результатам манипулирования;

- Объект манипулирования выгоды не получает, а последствия манипулятивного воздействия исключительно отрицательные;

- Манипулирование осуществляется с конкретной целью;

- Объект манипулирования идет на это добровольно;

- Объект манипулирования уверен в самостоятельности своего выбора;

- Субъекта манипулирования не удастся привлечь к юридической ответственности [3, 36-37].

Все эти признаки манипулятивного воздействия можно отследить и в процессе общения через социальные сети:

Молодые люди добровольно вступают в группы по интересам, в которых для поддержания функционирования зачастую используется агрессивная реклама;

Репосты новостей, записей, советов, рекомендаций проецирует выбор молодежью определенных продуктов, товаров и услуг, способов проведения досуга, ведения быта;

Блогеры оказывают влияние на поведение молодежи, в том числе и потребительское, формирование определенного отношения к культуре и ценностям;

Распространяемые в сети идеи и ценности воспринимаются как «истинные» и «правдивые», они распространяются дальше по цепочке благодаря широкому охвату;

Демонстрация фото и видео «правильного» поведения, куда нужно идти и как поступать. Информация преподносится в простой и понятной форме и представляет собой шаблон, который легко использовать;

Использование технической «накрутки» счетчика просмотров. Это делает информацию, желательную для распространения, наиболее доступной [1, 210].

Деформация системы массового информирования;

Возможность нарушения общественной стабильности, нанесение вреда здоровью и жизни граждан вследствие деятельности религиозных объединений, проповедующих религиозный фундаментализм, а также тоталитарных религиозных сект;

Пропаганда и агитация, которые способствуют разжиганию социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды;

Распространение дезинформации [3, 9];

Кибербуллинг в комментариях и сообщениях.

Зачастую, следствием такого влияния социальных сетей является социально ожидаемое поведение молодых людей. Примером может послужить проявление «Эффекта Веблена» среди молодежи. Это такое демонстративное потребление, в процессе которого проявляется стремление приобретать блага, имеющие высокую цену и недоступные для большинства людей. Целью такого потребления является желанием показать свою исключительность [5]. Как правило, такие покупки иррациональны. Люди приобретают товары не из-за функциональности, эффективности, а из-за бренда, высокой стоимости, и руководствуются желанием продемонстрировать свой вкус, стиль. В социальных сетях данного эффекта можно достигнуть посредством рекламы популярных блогеров.

Следует отметить, что потребительское поведение – это только одна составляющая жизни молодых людей. Сюда же можно отнести и формирование ценностей, мировоззрений, политической культуры, самосознания, гражданской идентичности, патриотизма.

Таким образом, все вышеизложенное подтверждает способность социальных сетей манипулировать сознанием и поведением молодежи.

1. Васильев А. А. Манипуляция общественным мнением через виртуальные сообщества // «Христианское чтение. Философские науки». 2016, – №5. – С. 207–222;
2. Воронкин А. С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // ОТО. 2014. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-evolyutsiya-struktura-analiz>
3. Гуманитарные аспекты информационной безопасности : учебное пособие / Л.А. Коноплева ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский государственный экономический университет. – Екатеринбург: УрГЭУ, 2022. – 162 с.
4. Зыкова Н. Е. Социальные сети как инструмент влияния на сознание пользователей / Н. Е. Зыкова // XX Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 16–18 марта 2017 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – С. 395–406.
5. Карась Л. Что такое эффект Веблена и почему дорогие товары так привлекательны. Режим доступа: <https://theoryandpractice.ru/posts/20130-chto-takoe-effekt-veblena-i-pochemu-dorogie-tovary-tak-privlekatelny>
6. Манипуляции во взаимодействии и способы их нейтрализации: Учебно-методическое пособие для слушателей дополнительной профессиональной образовательной программы повышения квалификации / Сост. М. Д. Иванова. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2024. – 136 с.
7. Социальная сеть. Режим доступа: <https://kartaslov.ru/карта-знаний/>
8. Сур Е. И. Манипуляция: понятие, основные признаки и структура // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. №3. – С. 143–146.

ЦИФРОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СВЕТЕ КОММУНИКАЦИИ ЖИВЫХ СИСТЕМ.

*Гвоздиков Денис Сергеевич
(СПБГУ)*

Междисциплинарная перспектива изучения цифровых форм коммуникации зачастую предполагает привлечение самых широких аналогий: «синергии» методов и подходов. Базовые принципы организации одного уровня сопряжения (живых систем) могут наблюдаться в качестве каталитических для других уровней сопряжения (технологических систем) [Kauffman 2000]. Языки описания сопряженных систем также могут пересекаться: например, принципы кибернетики способны отображать особенности как технологических, так и живых систем [Bateson 1972]. Фундаментально мы пока не наблюдаем технологических систем, полностью оторванных от живого. В этом плане описание цифровой коммуникации людей может (и должно) быть сопоставлено с описанием коммуникативных систем других живых систем. Одним из очевидных сопоставлений представляется изучение цифровой коммуникации в качестве сигнальной системы. Здесь возможно несколько уровней сопоставления. В одном случае исследователь привлекает аналогии с поведенческими сигналами организмов в группах и популяциях, адаптируя инструментарии биосемиотики и теории игр [Maynard Smith, Harper 1995]. В другом рассматриваются более широкие аналогии с сигнальными системами на уровне организационных принципов самих организмов (биохимический, клеточный и др.). Во втором случае адаптация инструментария сложнее и задействует скорее описательные метафоры в сопоставлении процессов, чем разработанный формализм исходных дисциплин.

1. Bateson G. *Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1972.
2. Kauffman S.A. *Investigations*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
3. Maynard Smith, J., Harper, D. *Animal signals: models and terminology*. *Journal of Theoretical Biology*. 1995. 177(3), 305–311.

ПРОДОЛЖАЯ РОЛАНДА БАРТА: ЧТО ДАЕТ СЕМИОТИКА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ СМИ

Головин Николай Александрович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Чэнь Хун
(Даляньский университет иностранных языков)

Когда в 1956 г. Ролан Барт обобщил свои исследования мифа в разделе «Миф сегодня» в книге «Мифологии», посвященном разработке основ семиологии, он не рассматривал участие средств массовой информации в процессе знаковой коммуникации как самостоятельную проблематику, а теоретически описывал лишь отдельные типичные случаи функционирования знаков. Однако у Барта все-таки есть выделение значимости «сообщения» как такового. Он приходит к тезису о необходимости отделения знака от сообщения и иллюстрирует свои тезисы примерами (например, следует отделить розы, символ любви, от коммуникативного сообщения с их использованием), но не развивает эту мысль, а ссылается лишь на единичный акт своего восприятия: «С развитием рекламы, массовой прессы, радио, иллюстрированных изданий, не говоря уже о множестве сохраняющихся в нашем быту коммуникативных ритуалов (ритуалов социальной представительности), создание семиологической науки становится как никогда прежде насущной задачей. Часто ли случается нам за целый день попасть в действительно ничего не значащее пространство? Очень редко, порой и ни разу. Вот я стою на берегу моря — само по себе оно, пожалуй, и не несет никакого сообщения. Зато сколько семиологического материала на пляже! Флаги, рекламные плакаты, указатели, таблички, одежда отдыхающих, даже их загар — все это суть сообщения» [1, 237]. В современной терминологии у Барта речь идет об отделении информации с использованием знака от самого акта передачи сообщения, при этом средствами сообщения уже будут средства массовой информации (СМИ).

Современный китайский исследователь средств массовой информации Суй Янь (Китайский университет коммуникаций, г. Пекин), методологически использующий теорию мифа Барта, рассматривает влияние СМИ на функционирование семиологического материала в массовой коммуникации общества потребления и в мировой политике. В этом видится перспективное направление исследования, как с точки зрения семиотики, так и с точки зрения исследования СМИ. Речь идет о вкладе массовой коммуникации в функции знака в современном обществе, то есть о прикладных темах, недостаточно разработанных Бартом.

Суй Янь (и не только он) обобщил результаты многолетних исследований и придал бартовскому понятию сообщения современное содержание, восходящее как к трудам основателей лингвистики Барта, Ф. де Соссюра, так и китайские исследования массовой коммуникации. СМИ используют значимые символы, знаки, усиливают процессы их изменения в историческом и современном контексте общественной коммуникации. Например, они адаптируют содержание старой мифологии на социально-структурную тему типа «каждый солдат может стать генералом», создавая с использованием телевидения «звездные» мифы: любой желающий может поучаствовать в них, якобы в миг став «звездой экрана». На самом деле такие телешоу по выявлению талантов не имеют ничего общего с систематической работой с одаренной молодежью и являются крайне деструктивными мифами в смысле Барта. Весьма иллюстративны примеры использования в телешоу китайского культурного наследия, особенно самого известного в России средневекового

литературного произведения «Сон в красном тереме». Беспрецедентная притягательность этого произведения стала лишь фоном для рекламных кастингов, участники которых даже никогда не читали этого романа. Такая популярность свидетельствует именно о силе механизмов натурализации и генерализации смысла мифа в телевизионной среде. «Между прохождением кастинга и обретением славы в один миг существует сходство, которое представляется собой метафорическую связь, эта метафора находится в причинно-следственной связи с неявным значением — телевидение как путь достижения славы, — что является механизмом натурализации» [2781].

Ограничимся тем, что китайский исследователь Суй Янь и его коллеги получили интересные результаты о механизмах формирования и распространения современного «мифа». Речь идет не столько о мифологии общества потребления в смысле социолога-критика такого общества Ж. Бодрийера либо о политической мифологии, а об общих механизмах натурализации и генерализации знака, его латентного значения? через СМИ, иными словами речь идет о способах, позволяющих превратить случайно найденное новое использование обозначающего в общепринятое. Оформление нового значения знака идет путем поэтапного затушевывания произвольности связи между означаемым и означающим. Все это интересно не только с лингвистической, но и с социологической точки зрения: знаки являются естественными, само собой разумеющимися смысловыми реалиями для новых поколений, которые они застали в начале своего жизненного пути. Здесь действует механизм генерализации знака в общественной коммуникации и одновременно процессы социализации поколений молодежи под влиянием СМИ. При этом сами СМИ становятся все более мощной и дифференцированной подсистемой общества, включающей печатную продукцию, радио и телевидение, сеть Интернет и социальные сети на его технической основе.

1. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2004.
2. Суй Янь. Артикуляция и функционирование знаков культуре / Пер с. кит. Л.А. Ивлева, научный редактор А.Ю. Шелковников. М.: Международная издательская компания «Шанс», 2022.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ НАРОДА ИТЕЛЬМЕНОВ В ЦИФРОВЫХ МЕДИА В КАЧЕСТВЕ МЕМОРАТИВНЫХ ОБЪЕКТОВ

Гончаров Кирилл Эдуардович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Современное общество активно переводит традиционные формы коммуникации в развивающуюся цифровую среду. Аналоговые элементы социального взаимодействия между индивидами в сети интернет приобретают новые правила и специфику толкования: приветственные сообщения дополняются «эмодзи», ответы на вопросы собеседника в чате сопровождаются креализованным текстом в виде «стикеров» и других медийных публикаций. В интернет пространстве сегодня список пользовательских подписок, музыкальных композиций и перечень подключенных онлайн-сервисов в купе с цифровыми показателями популярности аккаунта пользователя (число подписчиков/друзей, «лайков» и «репостов») представляют накопленное наследие «цифрового человека», его ценностные ориентиры и интересы.

Медийные платформы навязывают модель свободного потребления контента с помощью разнообразия мультимодальных публикаций, но люди в рамках данной платформы, напротив, попадают в «пузыри фильтров», которые определяют информационное вещание с целью ограничения индивидуализма пользователей в угоду унификации аудитории. Это позволяет результативно распространять нужные сведения для управления общественным мнением. Потеря маркеров идентичности индивидами в цифровом пространстве может привести к разобщению единых социальных групп, особенно актуальна данная тенденция среди малочисленных народов России. Молодые представители народностей отдаляются от коренных традиций, культурных и социальных особенностей, так как медийное пространство предлагает одобренные обществом ценности, разрушающие культурно-историческое наследие народов.

Согласно междисциплинарному концепту *memory studies* сохранение коллективной памяти народности возможно при воспроизводстве коммемораций, целью которых является сплочение группы лиц, разделяющих единые культурные и нравственные ценности. М. Хальбвакс отмечал необходимость общности актуализировать события прошлого для толкования происходящих событий в настоящем индивидами, чтобы определить вектор дальнейшего развития социальной группы. А. Ассманн и А. Варбург определили, что хранилищем памяти, необходимым для коммеморации, может выступать культурное наследие народа (живопись, танцы, песни, мифы и проч.), так как данные закодированные сообщения способны пережить современников запоминаемых сведений. Их художественная форма позволяет сохранить первозданный опыт накопления знаний, что необходимо для полноценного декодирования меморативного объекта. Следовательно, чтобы представители малочисленных народностей сохраняли своё культурно-историческое наследие в цифровой среде, необходимо транслировать медийный контент, содержащий меморативные объекты, транслирующие коллективную память данной общности.

Автор исследования задался целью проанализировать практики репрезентации мифологических нарративов коренного народа ительменов в цифровом контенте масс-медиа, так как мифы данной народности исторически являются одним из главных источников передачи накопленных навыков, знаний и ценностей. На первом этапе исследования был проведён нарративный анализ мифов народа ительменов по схеме «простого нарратива» за авторством Т. Тереховой. С его помощью были получены смысловые «ядра» нарративов, которые демонстрируют разнообразие элементов

коллективной памяти, что передаются поколениями и сохраняют единство общности: «информационно-бытовое», «социальное взаимодействие», «эмоциональный компонент восприятия», «сатирическое/этическое противопоставление». Каждое из перечисленных «ядер» транслирует сведения о правилах жизнедеятельности ительменского народа, особенностях коммуникации внутри социальной группы, об особенностях психосоматических практик и образцы социально достойного поведения.

Мифологические нарративы о культурно-историческом наследии ительменов находят своё отражение в сказаниях, песнях, танцах, рисунках и оберегах. Для изучения цифрового контента в качестве репрезентаций меморативных объектов коренного народа, что подразумевает выявление обозначенных смысловых «ядер» мифов, на втором этапе исследования автором впервые были сформулированы «ключи» цифровой репрезентации мифологических нарративов. Всего было сформулировано 4 «ключа»:

1. Визуальные символы (орнаменты ительменских общин, изображения богов, обереги и проч.);

2. Аудиальные компоненты (подражание звукам природы, каноничные песнопения, аутентичные музыкальные инструменты);

3. Кинестетические компоненты (хореографические особенности исполнения ительменских традиционных и современных танцев);

4. Вербальные компоненты (использование текстовых нарративов традиционных легенд, сказок и мифов).

На третьем этапе исследования автор провёл контент-анализ избранных с помощью «ключей» цифровой репрезентации мифологических нарративов медийных публикаций в следующих медиа: официальные сообщества «АКМНС» и «Камчатский Север» на площадке ВКонтакте, YouTube, WebOfComics и Steam. В результате сбора данных из сообществ в «ВК» было получено 600 публикаций, что позволило проанализировать цифровой контент, публикуемый за последние полгода. Анализ собранных корпусов текстов производился при помощи ПО AntConc с использованием встроенных инструментов KWIC Tool и WordCloud Tool, всего было обработано 77 924 токенов. Проанализированные данные подтвердили репрезентацию мифологических нарративов в цифровом контенте сообществ «АКМНС» и «Камчатский Север», но также позволили выявить схемы формирования коллективной памяти согласно теориям А. Ассманн. Официальные группы культурных и государственных организаций Камчатского края конструируют память «сверху вниз», в то время как силами пользователей цифровых медиа она формируется «снизу вверх».

Контент-анализ видеоматериалов на площадке Youtube проводился с использованием нейросетей YandexGPT и ЯндексНейро. Благодаря данному инструментарию в визуальном ряде медийных публикаций было установлено наличие репрезентации мифологических нарративов: видео отражают особенности культурного и исторического наследия ительменов в звуках, традиционных пениях и танцах, изображениях божественных сил, а также при помощи обращения к мифическим лингвистическим конструкциям. Результаты анализа цикла графических романов «Время Ворона» на площадке WebOfComics и игровой адаптации легенды о демиурге ительменов Кутхе на площадке Steam также продемонстрировали наличие репрезентации мифологических нарративов народа, что позволяет поддерживать коллективную память ительменов, следовательно, избегать унификации молодых представителей общности в цифровой среде.

Данный результат достигается благодаря тому, что репрезентация мифотворчества ительменов учитывает молодёжную тематику, что важно для актуализации нарративов

памяти, чтобы образ предков сохранялся каноничным, а единство общности не нарушалось, согласно М. Хальбваксу. Это проявляется в адаптации мифических легенд в графические романы, в создании компьютерных игр, способных увлечь молодёжь интерактивным нарративом памяти, с которым возможно взаимодействовать при помощи игровых механик, тем самым усиливая восприятие транслируемой коллективной памяти ительменов.

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РЕКЛАМЫ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: УПРАВЛЕНИЕ ПОВЕДЕНИЕМ ЧЕРЕЗ КУЛЬТУРНЫЕ СИМВОЛЫ

*Демина Елена Владимировна
(Санкт-Петербургский Политехнический Университет)*

В современном цифровом пространстве реклама играет ключевую роль в формировании потребительских предпочтений и моделей поведения. Использование манипулятивных инструментов в рекламе с каждым годом становится всё более изощренным благодаря развитию в сфере технологий и глубокому пониманию человеческой психологии. Одним из наиболее мощных инструментов влияния на аудиторию во все времена являлись культурные символы – образы, идеи и знаки, которые несут определённый смысл для той или иной социальной группы. Эти символы, встроенные в рекламные послания, могут активировать эмоциональные и поведенческие реакции, изменяя восприятие тех или иных товаров и услуг. Статья рассматривает, как культурные символы используются в рекламе для управления поведением потребителей, анализируя их влияние на принятие решений в условиях цифрового взаимодействия.

Массовый всплеск рекламных объявлений начался еще в девятнадцатом веке, а сейчас и вовсе невозможно представить без них жизнь современного человека. Они окружают нас повсюду, на улицах везде стоят билборды, в социальных сетях каждый второй пост – рекламный. В такой многообразии форм и видов избежать влияния рекламы невозможно. В настоящее время реклама – это один из самых мощных рычагов воздействия на человека, говорит Л.Н. Кошетарова в своей статье «Манипуляции в рекламе как объект социальной экспертизы» [1]. Культура формирует нашу картину мира, то под каким углом мы будем смотреть на происходящее вокруг. Даже язык, на котором мы говорим, влияет на то, как мы воспринимаем входящую и исходящую информацию. Согласно исследованию “The Effect of Grammatical Gender on Object Categorization”, чаще всего объекты по половому признаку характеризуют именно люди, говорящие на языках, имеющих гендерные различия, такие как русский или испанский [2]. Более того, культура формирует наше восприятие, согласно исследованию “Culture Wires the Brain: A Cognitive Neuroscience Perspective” [5], представители западных культур больше фокусируются на самих объектах, а люди восточных культур – на отношениях между этими объектами. Манипулятивные инструменты рекламы в цифровом пространстве основаны на использовании культурных символов, которые глубоко укоренены в коллективном сознании и эмоциональных реакциях аудитории. Культурные символы обладают способностью вызывать ассоциации и активировать поведенческие реакции, часто на подсознательном уровне. В цифровом пространстве, где визуальный контент и быстрая смена информации играют ключевую роль, такие символы становятся особенно эффективными в управлении поведением потребителей. По мнению Юньтянь Ши в работе “Consumer Behavior and Cultural Factors in Social Media: A Cross-Cultural Comparative Study”, манипуляция с помощью культурных символов строится на их способности вызывать чувства принадлежности, идентичности или стремления к определённому социальному статусу [6]. Более того, цифровые технологии усиливают эффект воздействия за счёт точечного таргетинга, который позволяет более точно адаптировать символы к интересам и ценностям пользователя, создавая тем самым иллюзию персонализированного взаимодействия. Например, Netflix выстраивает рекомендации пользователя исходя из истории его просмотра. Персонализированные рекомендации формируют лояльность и влияют на дальнейшее решение о продлении подписки. Такие методы часто выходят за рамки простого

продвижения продукта, превращаясь в инструменты управления поведением через стимулирование потребительских потребностей, что подтверждается исследованиями в области нейромаркетинга, представленными в работе “Neuromarketing in the Digital Age: The Direct Relation between Facial Expressions and Website Design” [4]. Чем выше понимание клиента, его культурных особенностей и как вследствие особенностей его поведения, тем лучше производитель может адаптировать товар и его продвижение под нужды конкретного человека.

Одним из наиболее заметных преимуществ цифровой среды является возможность создания интерактивного опыта для пользователей, который глубже вовлекает их в процесс взаимодействия с рекламным контентом. Фэнг Зиму в исследовании “Exploring the Impact of Cultural Factors on Consumer Behavior in E-Commerce: A Cross-Cultural Analysis” подчеркивает, что культурные различия могут существенно повлиять на то, как потребители взаимодействуют с платформами, воспринимают информацию, доверяют продавцам и принимают решения о покупке [7]. Глобализация и прорыв в сфере технологий размыли границы стран и улучшили возможности онлайн-торговли, позволяя пользователям из разных стран использовать различные международные платформы для онлайн-шопинга, такие как Amazon или Ebay. И в результате бизнесы сталкиваются с большим количеством представителей разных культурных групп. У каждой культурной группы свои ожидания от процесса покупки, взаимодействия с платформой и продавцом и даже от доставки. Бренды адаптируют свои послания для различных культурных групп. Это создаёт эффект «локализации» глобального бренда, что усиливает доверие потребителей и их готовность следовать рекомендациям рекламы.

Культурные символы активируют в нас эмоциональные реакции на продукты на подсознательном уровне, именно поэтому они и являются мощными инструментами. Различные символы, такие как цвета, знаки, образы или исторические фигуры являются многогранными и могут нести в себе разный смысл для определенных культур. Символы вызывают ассоциации, которые в контексте рекламы могут повлиять на поведение человека и его решение о покупке. Coca-Cola часто включает изображения американского флага в своих рекламных материалах в США, что усиливает чувство патриотизма и связывает продукт с положительными ассоциациями.

Согласно Фэнгу Зиму, бренды активно используют символы для создания у потребителей ощущения принадлежности, статуса или соответствия социальным ожиданиям. Эти символы могут вызывать желание ассоциировать себя с определенной культурной группой или идеологией, что способствует формированию устойчивых поведенческих паттернов [7].

Культурные символы не только влияют на восприятие бренда, но и формируют эмоциональную связь между потребителем и продуктом. Арти Диксит в своём исследовании “Emotional Design: Utilizing Emotional Triggers to Influence Consumer Behaviour” [3] отмечает, что манипуляция через культурные символы происходит, когда символы ассоциируются с ценностями или идеалами, близкими аудитории. Например, в коллективистских культурах, где социальные отношения и гармония внутри группы людей имеют большое значение, бренды могут использовать образ счастливых семей, онлайн-обзоры от инфлюенсеров, близких целевой аудитории, рекомендации семьи и друзей, а также влияние социальных сетей для укрепления доверия, распространения позитивной информации по сарафанному радио, что в итоге может позитивно сказаться на принятии решения о покупке представителем данной культуры. А в странах с сильными традициями достижений (например, США) рекламная кампания “Keep Walking” бренда Johnnie Walker

апеллирует к желанию успеха и личной амбициозности, что создает мощное эмоциональное воздействие.

Различные манипуляции в рекламных кампаниях оказывают значительное влияние на поведение аудитории, формируя ее предпочтения, восприятие брендов и модели принятия решений.

Один из ярких примеров влияния манипулятивных стратегий – создание чувства «исключительности» или «принадлежности» к элитной группе через использование символов роскоши, успеха и статуса. Знаменитые люксовые бренды, такие, как, например, Prada, Gucci или Louis Vuitton, часто используют ограниченные коллекции или уникальные дизайны популярных товаров, что вызывает у покупателя желание принадлежать к элитному клубу владельцев уникальной вещи. Желание быть особенным склоняет потребителей к покупке даже если это не отвечает их реальным финансовым возможностям.

С использованием машинного обучения у бизнесов теперь есть возможность предсказывать поведение конкретных групп, что позволяет им создавать рекламные стратегии, которые будут незаметно влиять на поведение потребителей, органично подстраиваясь под культурные особенности страны. Так, например, в Индии McDonald's адаптировал меню, предложив вегетарианские и куриные блюда вместо говядины, что соответствует культурным и религиозным нормам страны. В своей рекламе бренд использует знаменитых людей Индии и преимущественно желтый цвет, что в культуре данной страны символизирует гармонию и чувственность, являясь цветом бога Вишну.

Один из ярких примеров неудачной манипуляции культурными символами – реклама Pepsi с участием модели Кендалл Дженнер. Этот ролик вызвал широкий общественный резонанс, так как многие посчитали, что бренд пытается капитализировать политические и культурные движения, что было воспринято как неуважение.

В заключении отметим, что манипулятивные инструменты рекламы, основанные на использовании культурных символов, играют существенную роль в управлении поведением потребителей. Культурные символы вызывают эмоциональные отклики, а также влияют на восприятие продуктов и брендов, формируя поведение пользователей. В эпоху цифровой рекламы, где персонализация и таргетинг выходят на новый уровень, бренды активно используют культурные особенности аудитории для создания сильной эмоциональной связи, повышения лояльности и эффективности рекламных кампаний. Однако неумелое использование этих символов может привести к негативным последствиям, как это было с рядом брендов, столкнувшихся с критикой.

1. Кошетарова Л. Н. Манипуляции в рекламе как объект гуманитарной экспертизы // *Национальные приоритеты России*. 2014. №1 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsii-v-reklame-kak-obekt-gumanitarnoy-ekspertizy> (дата обращения: 17.09.2024).

2. Cubelli R., Paolieri D., Lotto L., Job R. The Effect of Grammatical Gender on Object Categorization // *Journal of Experimental Psychology Learning Memory and Cognition*. January 2011, Vol. 37, No 2. 449-460.

URL: https://www.researchgate.net/publication/49780278_The_Effect_of_Grammatical_Gender_on_Object_Categorization (дата обращения: 17.09.2024).

3. Dixit A., Taqa A. R. Emotional Design: Utilizing Emotional Triggers to Influence Consumer Behaviour // *EDUZONE: International Peer Reviewed/Refereed Multidisciplinary Journal (EIPRMJ)*, Volume 9, Issue 1, February 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/373736751_Emotional_Design_Utilizing_Emotional_Triggers_to_Influence_Consumer_Behaviour (дата обращения: 19.09.2024).

4. González-Mena G., Del-Valle-Soto C., Corona V., Neuromarketing in the Digital Age: The Direct Relation between Facial Expressions and Website Design // *Appl. Sci.* 2022, 12(16), 8186. URL: <https://doi.org/10.3390/app12168186> (дата обращения: 18.09.2024).

5. Park D. C., Huang Ch.-M. *Culture Wires the Brain: A Cognitive Neuroscience Perspective* // *Perspect Psychol Sci.* 2010 Jul 1; 5(4): 391–400. doi: 10.1177/1745691610374591. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3409833/> (дата обращения: 17.09.2024).
6. Shi Yu. *Consumer Behavior and Cultural Factors in Social Media: A Cross-Cultural Comparative Study* // *Advances in Economics Management and Political Sciences.* December 2023. 63(1):271-277. *Proceedings of the 2nd International Conference on Financial Technology and Business Analysis.* DOI: 10.54254/2754-1169/63/20231435. URL: https://www.researchgate.net/publication/376887837_Consumer_Behavior_and_Cultural_Factors_in_Social_Media_A_Cross-Cultural_Comparative_Study (дата обращения: 18.09.2024).
7. Zimu F. *Exploring the Impact of Cultural Factors on Consumer Behavior in E-Commerce: A Cross-Cultural Analysis* // *Journal of Digitainability Realism & Mastery (DREAM).* March 2023. 2(03):31-36. DOI: 10.56982/dream.v2i03.90. URL: https://www.researchgate.net/publication/370911930_Exploring_the_Impact_of_Cultural_Factors_on_Consumer_Behavior_in_E-Commerce_A_Cross-Cultural_Analysis (дата обращения: 19.09.2024).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОПУСКА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННО – ИГРОВОГО КОНТЕНТА К РОССИЙСКОЙ АУДИТОРИИ

*Дубровин Владимир Леонидович
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)*

Аннотация: В докладе рассматриваются специфика оценки и сертификации регулятором кино- и сериального контента. Автор приходит к выводу, что для создания и демонстрации контента, пропагандирующего традиционные ценности, стоит разработать, в том числе, рекомендации со стороны научного сообщества.

Ключевые слова: художественно - игровой контент, традиционные духовно – нравственные ценности, кино, сериалы.

За последние два года регулятор, в лице государственных органов, предпринял ряд шагов, направленных непосредственно на регулирование транслируемых российской аудитории ценностных ориентаций и их возврат в традиционное, консервативно – христианское русло. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" очертил круг ценностей, присущих российскому обществу и обозначил фундамент уже действующим ФЗ «О СМИ», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О противодействии экстремистской деятельности», «О рекламе», «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (известен как «Закон о фейках»), КоАП РФ ст.14.3.1, ФЗ № 15 (о табаке, никотинсодержащей продукции), КоАП РФ ст.20.3 (про атрибутику, символику), ФЗ № 278 «О внесении изменения в Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов», КоАП РФ ст. 13.48 (про запрет отождествления действий СССР и нацистской Германии во время Второй мировой войны) и других.

В отношении художественно – игрового контента (кино и сериалов) действует правоприменительная практика, которую реализует, в частности, Министерство культуры РФ. Инструменты воздействия на производителя контента экономические – в частности, выдача фильму/ сериалу прокатного удостоверения, без которого невозможен кинотеатральный прокат и онлайн – демонстрация произведений – разночтения о необходимости прокатных удостоверения для сериалов эфирного ТВ и онлайн-платформ в последние месяцы устранились в пользу необходимости их выдачи для «платформенного» контента в том числе.

Будучи продюсером сериалов и кино, автор формулирует в данном докладе некоторые выводы, сделанные на основе включённого наблюдения.

Проблема, по нашему мнению, состоит в том, что самоограничения производителя и ограничения правоприменителя трактуют как запрет любое упоминание негативных явлений современной жизни (наркотиков, алкоголя, сексуальных отношений и пр.) даже в негативном и осуждающем контексте. При этом, не всегда возможно, например, показать на экране губительные последствия употребления наркотиков, не упоминая о них вовсе. Естественно, демонстрация изготовления и употребления наркотических средств должна быть и есть под строжайшим запретом, но отображение проблемы наркозависимости в отрицательном, осуждающем контексте, драматургически обусловленное и высокохудожественно исполненное, на наш взгляд, сыгрывает положительную роль в борьбе с этим страшным злом. Тогда как фигуры умолчания в отношении этого вопроса могут

потеснить проблему в художественной медиаповестке, а то и вовсе выдавливать данную тематику в неподконтрольное / слабо контролируемое медиапространство: соцсети, видеохостинги, телеграм, где эта тематика возможно будет, в том числе, пропагандироваться.

Подобное наблюдение, хотя с противоположным знаком, приведём и в отношении упоминаний традиционных сексуальных отношений. Стерилизация художественно – игрового контента в этой сфере уж точно не способствует подъёму демографии в России. Конечно, речь не идёт о демонстрации порнографии и сексуальных излишеств – но возбуждать интерес соотечественников к противоположному полу контент, на наш взгляд, должен.

Таким образом, ограждение аудитории от упомянутого и аналогичного контента на эфирном ТВ, в кинопрокате и онлайн - платформах, с учётом современного цифрового молодёжного медиапотребления, во многом может быть мимо цели.

Принимая во внимание специфику производства художественно - игрового контента, невозможно предложить универсальную инструкцию на все случаи жизни. Тем не менее, для осуществления индивидуального подхода в разных случаях имело бы смысл в социологическом научном сообществе разработать методические рекомендации производителям на уровне разработки сценария, съёмочного и монтажно – тонировочного периодов - драматическая оправданность поведения персонажей, продвижение социально поощряемых моделей поведения на основе традиционных ценностей и пр. Рекомендации для регулятора могли бы касаться более гибкого подхода при оценке произведений – конечно, при неукоснительном соблюдении требований ФЗ РФ.

Понимая, что вопрос тонкий и полемичный, представляется оправданным его обсуждение в первую очередь в научном сообществе.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ОБЩИН ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ)

*Ивакина Алина Юрьевна
(НИУ ВШЭ)*

*Смаль Александр Ростиславович
(НИУ ВШЭ)*

Пандемия COVID-19 ускорила процесс цифровизации и привнесла в жизнь общества режима самоизоляции и дистанционную форму взаимодействия. В этих условиях перед институтом религии возникает новая задача: сохранить свои основы и традиции в современных условиях. В связи с этим, церкви адаптируют часть своей деятельности к новым технологическим практикам, характерным скорее для «мирской» повседневности: использование прямых трансляций, видеоконференций и мессенджеров т.д. Все эти нововведения приносят изменения в религиозную идентичность. Крайне важно отслеживать эти изменения, поскольку цифровизация может изменять структуру религиозных групп и отражаться в их культурных особенностях.

Объектом исследования являются члены общин Евангельских христиан-баптистов города Севастополь. Предметом исследования выступает становление и трансформация религиозной идентичности представителей ЕХБ города Севастополь.

Цель исследования: выявить и проанализировать трансформацию основных элементов религиозной идентичности евангельских христиан-баптистов.

Эмпирической базой исследования выступают 28 глубинных полуструктурированных интервью с евангельскими христианами-баптистами. Информантам были заданы следующие блоки вопросов: духовная жизнь и религиозные практики, путь обращения к вере, значимость общины для информанта, влияние развития технологий и массовых коммуникаций на религиозную жизнь.

Основная часть

По мнению Г.Зиммеля, религия – это «самостоятельный образ мысли и действий», возникающий как синергия социологических форм (группы, сообщества) и религиозного настроения [2, 286]. Основной характеристикой религиозной группы является единство, которое проявляется, во-первых, во враждебном отношении к другим социальным группам, во-вторых, в зависимости от членов референтной группы [2, 301]. Одно из центральных понятий теории Зиммеля – религиозность: «процесс, который приводит к религии, переселяя человека в область трансцендентного» [2, 280]. На основе религиозности формируется религиозная идентичность [2, 343].

В данном исследовании мы будем опираться на определение, предложенное Федоровой: «религиозная идентичность – это представления индивида о личной и групповой религиозной принадлежности, переживание индивидом самого себя в качестве носителя религиозных идей, ценностей, норм, а также ощущение своего членства в религиозной группе и способы проявления этого ощущения через религиозное поведение» [3]. К основным элементам религиозной идентичности можно отнести религиозное поведение, религиозное сознание и религиозные отношения [1].

На основе интервью мы можем выделить три группы информантов по опыту прихода к вере ЕХБ. Первые – пришедшие «из мира»; они прошли путь от нерелигиозности до членства в ЕХБ. На этот процесс повлияло следующее: с одной стороны –

взаимодействие с представителями религиозных организаций, с другой – позитивные изменения внутри личности и ощущение «избранности» выбранного пути.

Во вторую группу входят информанты, рожденные в семьях ЕХБ и решившие остаться в этой конфессии. В данной группе формирование религиозной идентичности происходит через традиционное поведение для этих информантов. Основным элементом, закрепляющим их идентичность, является контраст, который они наблюдают между жизнью «мирян» и теми, кто не верит в Бога.

Третья группа – это те, кто был рожден в семье верующих, но испытал период религиозной рефлексии, который привел их к ЕХБ. Они имеют общие принципы формирования религиозной идентичности, что и в других группах. С теми, кто пришел из «мира», их объединяет попытка удовлетворить обострившиеся духовные потребности. Общий элемент с группой потомственных баптистов – опыт участия в основных религиозных мероприятиях и ритуалах. Особенностью этой группы является опыт поиска «правильной» веры и «правильной» конфессии через сравнение различных христианских и нехристианских учений, а также пребывание в различных религиозных организациях.

Анализ полученных данных показывает, что у баптистов Севастополя формируется два основных уровня религиозной идентичности. Каждый из них удовлетворяет свои группы потребностей и имеет разную силу социальных связей. На уровне идентичности общины удовлетворяются большинство потребностей ее члена: эмоциональные, духовные, социальные и материальные. На уровне идентичности конфессии в основном удовлетворяются социальные и материальные потребности. Сформированное религиозное сознание закрепляется выстраиванием личных социальных связей на уровне общины – более тесные отношения, определяющиеся понятиями «братья» и «сестры»; на уровне конфессии – менее тесные, определяющиеся понятиями «дальние родственники».

С развитием технологий и массовых коммуникаций большинство религиозных практик начали цифровизироваться. Так, мы можем наблюдать, что все информанты имеют Библию в цифровом формате в телефоне и отметили переход от бумажных религиозных книг к электронным. Также рынок мобильных приложений и медиа ресурсов смог интегрировать в свой рынок клиентов, придерживающихся религиозных взглядов. При этом можно заметить, что не только рынок приложений и социальных сетей адаптировался для представителей религиозных течений христианства, но и сами верующие стали применять современные технологии в своих религиозных практиках. Мы можем заметить, взаимодействие религиозных ценностей и взглядов с навыками программирования, что в конечном итоге приводит к созданию продуктов, ориентированных на узкий круг потребителей (свою религиозную общину).

В целом плюсы развития технологий и массовых коммуникаций можно представить следующим образом: удобство, мобильность, экономия времени, большое количество интересующей информации, возможность общаться с верующими из других регионов и стран и прочее. Также информанты говорили и про минусы цифровизации и развития технологий: «кто-то сидит в телефоне на служении» и «можно зависнуть в Shorts». Но они связаны с «отношением человека к церкви», «неуважением» и не носят повсеместного характера. Единственное ограничение при использовании технологий от пасторов – это «использовать технологии таким образом, чтобы это не приводило тебя к греху».

В ходе интервью с информантами были выявлены две основные дискуссионные темы, которые раскрывают тенденции трансформаций, происходящих в конфессиональном пространстве баптистов в связи с развитием технологий и массовых коммуникаций.

Первая тема касается использования искусственного интеллекта при написании проповедей. Информанты разделились на две группы: одни категорически против, вторые

- положительно относятся к использованию искусственного интеллекта в церковных целях, но и осознают его недостатки. Таким образом, мнения информантов по этому вопросу неоднозначны. Искусственный интеллект может применяться как один из вариантов использования источников для формирования текста проповеди. Однако, важным составляющим религиозного мировоззрения является личная связь с верой и ее постулатами, переосмыслением и добавлением личности проповедника в тексты проповеди.

Вторая тема, показывающая возможные тенденции трансформации, касается феномена «киберцерковь». В этих примерах мы можем увидеть, как люди формируют новые формы общения, создавая социальное киберпространство. У евангельских-христиан баптистов оно не сформировано окончательно, однако заметно присутствие киберрелигиозных практик. Не отрицается факт освоения и использования дистанционных технологий, которые облегчают возможность участия в мероприятиях общины людей, которые находятся вне зоны досягаемости церкви (по независящим от них обстоятельствам).

Заключение

Существует важный предел использования новых технологий в религиозной среде. Когда технологии пытаются заместить ключевой для церкви элемент коллективного действия, это вызывает тотальное неприятие, поскольку церковь нуждается в постоянной поддержке своей общины. Атомизация внутри нее невозможна по причине того, что церковь и вера потеряют свой первоначальный смысл – объединение людей с общим мировоззрением, отличающимся от других и поэтому избранным Богом.

Применение новых технологий и средств массовой коммуникации может помочь в организации церковных мероприятий и религиозных практик, однако всегда будут существовать обстоятельства, несущие определенные риски для такого традиционного социального института как религия.

1. *Вавилова Е.Ю., Хандурова Е.Н. Религиозная идентичность: современные подходы // Инновационная наука. 2018. №7-8.*
2. *Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Сост. С.Я. Левит. – М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 416 с.*
3. *Федорова М.В. Религиозная коммуникация: сущность и специфика современного состояния // Science Time. 2014. №4 (4)*

ЦИФРОВЫЕ ДАННЫЕ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ВОСПРИЯТИЕМ И ПОНИМАНИЕМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

*Иванова Людмила Викторовна
(Тольяттинский государственный университет)*

В XXI веке в сфере массовой коммуникации, в том числе опосредованной СМИ, стал использоваться такой инструмент воздействия на сознание и поведение массовой аудитории как данные. Их разнообразие обусловило активное развитие программ оцифровки информации, совершенствование технологий цифровизации и машинного обучения.

В цифровом обществе данные стали формой, то есть кодом и способом структурирования и представления массовой и специальной информации. Разграничить понятия «данные» и «информация» помогают определения, представленные в актуальных научных работах: «данные – это совокупность сведений, зафиксированных на определенном носителе в форме, пригодной для постоянного хранения, передачи и обработки. <...> Информация появляется в результате обработки данных при решении конкретных задач» [5, 4]. В способности формализовано, компактно, структурированно, неизменно представлять основные достижения, мысли, идеи, результаты действий общества заключается преимущество данных перед информацией о действительности, которая извлекается из окружающего мира эмпирическим путем, а потому не всегда упорядочена, устойчива, достоверна и системна. Специфическая знаковая природа и такие характеристики, как неизменность, сохранность, емкость, а самое главное – адаптированность под программы обработки, сделали данные важным ресурсом цифровой массовой коммуникации. Взаимодействие с ними – стало актуальным направлением познавательной деятельности человека в цифровом обществе – обществе, которое приобрело свою сущность благодаря развитию цифровых технологий, программ, сервисов; общества, «базовой формой организации и социального взаимодействия» [4, 114], в котором, по мнению Д. Е. Добринской является пространство интернета, в целом, и различные сетевые платформы, в частности. В таком обществе от людей требуется готовность не только генерировать знание как содержание, но и придавать ему отвечающую современным вызовам цифровую форму, а также извлекать знание не только из информации (передающей суть), но и из нейтрально-цифровых, статистических данных.

Цифры – разновидность данных. Как тип знака они кодирует числа, которые исследователь общества знания К. Х. Делокаров называет «носителем смысла знания в эпоху Интернета» [3, 34]. Именно на числе, по его мнению, основана цивилизация, в которой знания, а не просто информация, является главной ценностью. Генетически цифры являются результатом трансформации иконических знаков в условные. С когнитивной точки зрения они – результат развития человеческого разума «от простого к сложному, <...> ко все более абстрактным и скрытым от непосредственного наблюдения свойствам вещей» [7, 2]. По мнению А. Б. Соломоника, именно абстрактным знакам – математическим и иным формализованным системам – доступно «наиболее глубокое проникновение в онтологические закономерности» [7, с. 9], следовательно, с помощью цифровых знаков возможно управление сознанием, познавательной деятельностью, направленной на установление закономерностей и тенденций развития действительности.

Двойственная природа цифровых знаков: с одной стороны, точность, с другой – абстрактность, метафоричность, по мнению современных ученых, обуславливает их высокий манипулятивный потенциал. В их рациональной, точной, четкой, можно сказать, рассудочной форме может быть заключено разнообразное содержание, могут

фиксироваться множественные смыслы. Сталкиваясь с числовыми данными, например, статистикой, человеческое сознание воспринимает их как достоверный, точный, возможно, истинный код, заслуживающий доверия. Однако отсутствие у означающего цифрового знака прямой, установленной связи с означаемым расширяет горизонт трактовки значений и смыслов до бесконечности, и, на самом деле, стимулирует работу не логического, а интерпретирующего пространства мышления.

Показательна в этом смысле практика использования цифровых данных в массовой медиакommunikации, организованной посредством СМИ. В журналистском дискурсе цифры являются основой дата-текста – вида медиатекста, имеющего мультимодальную, поликодовую природу. Числовой способ представления информации используется в журналистских материалах наряду с текстовым, визуальным, звуковым, мультимедийным. В дата-тексте он становится ведущим и, следовательно, именно он в большей степени влияет на процесс восприятия фактов и явлений действительности и формирование на их основе модели окружающего мира с его внутренними и внешними связями.

В научной среде восприятие определяется как детерминированный характеристиками воспринимающего субъекта процесс получения сведений об окружающем мире посредством органов чувств. Восприятие субъективно, однако в сфере массовой медиакommunikации, организуемой журналистами, используются различные способы его унификации. Они входят в понятие массовая информация – способ структурирования сведений о мире, обеспечивающий доступность и единство понимания передаваемых смыслов.

Роль цифр в дата-тексте заключается в специфическом воздействии на воспринимающее сознание: они «усиливают доверие читателя; и хотя не несут сами по себе информации, но побуждают аудиторию самостоятельно искать смыслы» [6, 95]. Следовательно, цифровой код как ведущий способ сведений об окружающем мире в дата-тексте выступает средством управления восприятием и, как следствие, мощным стимулом оценочной и мыслительной деятельности.

Управление – это процесс влияния на механизмы восприятия и сознания, призванные переводить сигналы окружающей среды в понятные и полезные для функционирования человека и общества смыслы. Управление предполагает и учитывает свободную волю субъекта. К. С. Арутюнян убеждена, что в информационном обществе оно должно осуществляться с единственной целью – «обеспечение информационной безопасности <...> мировой цивилизации» [1, 438].

Кредит доверия людей к цифровому коду формирует в воспринимающем сознании установку убеждения в том, что он [цифровой код] фиксирует результат грамотной работы со сведениями об окружающей действительности, что он получен в соответствии с требованиями полноты, открытости и достоверности / верифицированности данных. Однако ожидания точных значений и четких смыслов, переданных с помощью цифр, часто не оправдываются в отношении дата-текстов, так как цифровой код, оказываясь в окружении языковых знаков, перестаёт быть гарантом денотатов и, напротив, выступает стимулом дополнительных значений, коннотации, трансформирующих картину действительности. Анализ дата-текстов СМИ указывает на то, что цифровой код нередко используется как инструмент манипулятивного воздействия, то есть влияния, программирующего определенные реакции, эффекты и результаты оценочной и мыслительной деятельности. В данном случае речь не идет об отрицательной коннотации понятия манипуляция, хотя негативная трактовка термина с точки зрения воздействия на объекта, достаточно распространена в научном дискурсе, например, в работе Е.В. Гориной [2, 6]. Речь идет о целенаправленно программируемых с помощью цифр смыслах и оценках.

Структурно-семантический анализ дата-текстов позволяет установить зоны опасности, в которых может быть усилено программируемое воздействие цифр, то есть манипуляция.

В разном текстовом окружении, в ситуации активизации сравнительно-сопоставительного анализа, одни и те же цифры могут формировать оценочные выводы в диапазоне от «хорошего» до «ужасного».

Использование приема сопоставления цифр, результатом которого становится появление такого смысла как «динамика развития», порождает вариативность интерпретации от «положительной» до «отрицательной» – в зависимости от семиотического окружения, то есть сопровождающих цифры текстовых конструкций «более чем...», «менее чем...».

Обозначение цифрами субъекта действия в материалах СМИ («10 % россиян уверены в том, что...»), вне зависимости от его реальных количественных характеристик, придает субъекту весомость, так как на него переходят качества цифрового кода: достоверность, точность, четкость и т.п.

Постановка цифровых данных в сильные позиции дата-текста – заголовок, лид, начало корпуса текста, цитату официального лица – обеспечивает оттягивание внимание с сути события на его числовые параметры.

Использование приема повторяемости цифр позволяет подсвечивать нужные для интерпретации события смыслы.

Таким образом, в дата-текстах цифровой код может выступать не только способом передачи точных, достоверных, неизменных данных, но и за счет использования структурно-семантических приемов обеспечивать программирование понимания переданной информации. В связи с этим цифры как инструмент представления информации, который может при определённых условиях порождать «нужные смыслы», требует пристального изучения. Актуальной задачей науки и практики следует признать выработку профессионально-этических рекомендаций по использованию цифровых данных в дата-текстах.

1. Арутюнян К.С. Проблема управления сознанием в информационном обществе: социально-философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 438–447.
2. Горина Е. В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности / Науч. ред. Э. В. Чепкина ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 67 с.
3. Делокаров К.Х. Является ли «общество, основанное на знаниях», новым типом общества? Концепция «общества знания» в современной социальной теории : сб. науч. тр. М., 2010. С. 33-34. URL: http://inion.ru/site/assets/files/2549/conceptiia_obshestva_znaniya_2010.pdf (дата обращения: 11.08.2024).
4. Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. № 2. С. 112-129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chtotakoe-tsifrovoe-obschestvo> (дата обращения: 04.10.2024).
5. Калягина Л.В., Разумов П.Е. Категория «данные»: понятие, сущность, подходы к анализу // Вестник КрасГАУ. 2014. № 4. С. 3-8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-dannye-ponyatie-suschnost-podhody-k-analizu> (дата обращения: 01.09.2024).
6. Кожемякин Е. А., Иванова Л. В., Куприянова А. В. Прагматический аспект мультимодальной журналистской коммуникации: взаимодействие реципиентов с цифровым дата-текстом // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 3. С. 89–121.
7. Соломоник А. Б. Функции знаков, знаковых систем и семиотической реальности. Текст : электронный. URL: <http://mic.org.ru/phocadownload/6-solomonik.pdf>.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: НОВЫЕ СМЫСЛЫ, ОБРАЗЫ И МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ

*Иванова Татьяна Николаевна
(ФГБОУ ВО "Тольяттинский государственный университет")*

*Набокин Андрей Игоревич
(ФГБОУ ВО "Тольяттинский государственный университет")*

В современном мире все больше людей используют социальные сети и мессенджеры для профессиональных целей, таких как поиск работы, продвижение бренда или бизнеса, обмен опытом с коллегами. Кроме того, они становятся неотъемлемой частью образовательного процесса, позволяя студентам и учителям общаться, делиться материалами и обсуждать учебные вопросы.

Политические активисты также активно используют социальные сети и мессенджеры для организации своей деятельности, привлечения сторонников и распространения информации. Это позволяет им эффективно влиять на общественное мнение и формировать общественную дискуссию.

Кроме того, социальные сети и мессенджеры играют важную роль в повседневной жизни людей. Они позволяют поддерживать связь с родственниками и друзьями на расстоянии.

Кроме того, социальные сети и мессенджеры стали важным инструментом для бизнеса и маркетинга. Они позволяют компаниям продвигать свои товары и услуги, взаимодействовать с клиентами и получать обратную связь. Также они используются для поиска новых сотрудников и управления персоналом.

Социальные сети «представляют собой онлайн-платформы, где пользователи могут создавать свои профили, добавлять друзей, публиковать контент и общаться друг с другом. Самые популярные социальные сети, такие как Telegram, VK и YouTube, имеют миллиарды пользователей по всему миру и являются мощным инструментом для рекламы и продвижения бренда» [1].

Мессенджеры, в свою очередь, представляют собой приложения для обмена сообщениями. Они позволяют пользователям общаться в режиме реального времени, отправлять текстовые сообщения, фотографии, видео и звонить друг другу.

Социальные сети и мессенджеры были созданы с целью облегчить коммуникацию и обмен информацией между людьми. Они стали популярными в конце 20-го и начале 21-го века с развитием интернета и технологий.

На сегодняшний день одними из самых популярных социальных сетей и мессенджеров являются Telegram, ВКонтакте, WhatsApp, Viber, YouTube. В апреле 2023 года ВЦИОМ опубликовал данные опроса, который подтверждает популярность данных социальных сетей и мессенджеров. В данных «предоставлена информация о том, что в ТОП-3 социальных сетей по популярности среди пользователей, как и в апреле 2022 года, остаются: ВКонтакте (66%), YouTube (47%) и Одноклассники (36%). Самые молодые респонденты чаще представителей других возрастных групп посещают ВКонтакте (87%), YouTube (69%). 70% опрошенных используют WhatsApp (в марте 2022 года – 66%), 40% – Telegram, четверть – Viber (как и в марте 2022 года)» [2].

Термин «информационное общество» стал употребляться в 1992 года. Впервые это «понятие появилось в работах Экспертной группы Европейской Комиссии по программам информационного общества под руководством Марина Бенгеманна, известного эксперта по информационному обществу» [3]. Изучению информационного пространства также были

посвящены работы Б. Андерсона, В.В. Ильина, Ж. Бодрийяра, П. Козловски, а также Н.В. Литвака, Н.М. Твердынина, С.А. Лебедева.

Для выявления оценки информационного пространства было проведено социологическое исследование в ноябре 2023 г. методом он-лайн анкетирования с охватом в 1255 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, результаты которого позволяют охарактеризовать информационное поле жителей г.о. Тольятти Самарской области.

В период с 10 – 29 ноября 2023 г. кафедрой «Журналистика и социология» Тольяттинского государственного университета был проведен онлайн-опрос 1255 человек. В ходе исследования оценивалась степень удовлетворенности предоставляемых услуг оператором, предпочтения среди жителей цифрового или аналогового вещания, рейтинг ТВ каналов.

Отбор респондентов проводился методом квотной выборки со связанными параметрами (пол, возраст, район проживания, уровень дохода, социальный статус). В ходе исследования были опрошены респонденты по демографическим и социальным группам, а также по территориальному признаку. Респондентов мужчин 29%, женщин 71%, в возрасте от 18 лет, наиболее активная возрастная группа, респонденты в возрасте от 46 лет до 65 лет. (49% от массива). В результате обработки, анализу подверглись 2505 анкет, репрезентативность выборки соответствует 98%.

На вводный вопрос «Смотрят ли в Вашей семье телевизор?» было получено 100% утвердительное подтверждение о том, что данная услуга востребована среди населения. Среди ответов на вопрос «Как часто Вы смотрите телевизор?», ½ часть от опрошенных респондентов ответили – каждый день (53%), 1/3 часть – по-разному (34%), 11% жителей просматривают телевизор только вечером.

На вопрос «Сколько телевизоров у Вас в квартире?», ответы распределились следующим образом: два у 47% от общего количества опрошенных, один у 22% респондентов и три у 20% респондентов.

Ответы на вопрос «Есть ли у Вас телевизор, принимающий цифровой сигнал?» распределились приблизительно в равной степени: да – 46%, нет – 43% (соответственно). Половина респондентов, из ответивших «нет» – жители Комсомольского района – 53%. Население, у которых есть телевизор, принимающий цифровой сигнал – это жители Автозаводского района (49%).

На вопрос «Смотрите ли Вы кабельное телевидение в цифровом качестве?» – 44% респондентов ответили «нет».

По социально-демографическим характеристикам – это жители Центрального и Комсомольского районов (56% и 59% соответственно), преимущественно в возрасте старше 65 (59%) и 46–65 лет (43%).

В цифровом качестве смотрят телевидение жители Автозаводского района (43% от общего количества опрошенных), преимущественно в возрасте 18 – 30 лет и 31 – 45 лет (55% и 45% соответственно).

При ответе на вопрос: «Смотрите ли Вы кабельное телевидение в цифровом качестве?», «Как в целом, Вы оцениваете работу вашего оператора?».

Наиболее популярным ответом на вопрос, «По какой причине Вы не смотрите цифровые каналы?», стал ответ – мне это не интересно (29%), чаще это жители Комсомольского района (47%), в возрасте старше 65 лет (41%).

20% респондентов отметили вариант – устаревшая модель телевизора, чаще это жители Центрального района, так же в возрасте старше 65 лет (29%).

6% от общего количества опрошенных не знают, как подключить данную услугу, чаще это жители Комсомольского района (9%), в возрастной категории 31–45 лет и 46–65 лет (7% и 6% соответственно).

Ответы на вопрос «Подписываетесь ли Вы на платные пакеты цифрового телевидения?» распределились следующим образом: нет – 43% респондентов, да – 5%, не знаю, что такие есть – 6% от общего количества респондентов. Более половины опрошенных респондентов (46%) не дали ответа на поставленный вопрос. На вопрос «Смотрите ли Вы каналы в HD качестве?», чуть менее половины опрошенных респондентов ответили категорично (43%), среди них преобладают жители Комсомольского и Центрального районов (56% и 44% соответственно).

Утвердительно ответили 26% респондентов, в основном жители Автозаводского района (28%), преимущественно жители в возрасте 31 – 45 лет (24%), в равной степени как мужчины, так и женщины.

Пятерку лидеров по каналам занимают: Первый (ОРТ) – 62%, Россия (РТР) – 51%, НТВ – 34%, СТС – 20%, Домашний – 16%.

Рейтинг предпочитаемых каналов представлен по убыванию. Среди каналов, которые жители предпочитают просматривать ежедневно, лидируют – Первый (ОРТ) – 52%, Россия (РТР) – 49%, НТВ – 34%, СТС – 19%, ТНТ – 16%. Рейтинг каналов представлен в убывающем порядке.

На вопрос «Кто еще в Вашей семье смотрит определенные каналы?», 1/3 от общего количества опрошенных респондентов не дали ответа (41%), наиболее востребованы ТВ каналы среди детей (22%), супругов (муж, жена – 24% и 10% соответственно).

Среди ответивших на данный вопрос (47% от общего количества опрошенных), популярными каналами являются Россия – 1 (Спорт), НТВ, СТС, Карусель и Первый (ОРТ). Ответы распределились в диапазоне 8% и 9%. Рейтинг каналов представлен в убывающем порядке.

Работу оператора на высоком уровне (5 и 4) оценивают $\frac{3}{4}$ от общего количества опрошенных (81%) жителей. Остальные оценки распределены в диапазоне до 13%.

Набор телеканалов устраивает также $\frac{3}{4}$ опрошенных респондентов от общего количества (81%). Не устраивает – 17%. В убывающем порядке представлены каналы, которые хотели бы смотреть жители города и абоненты Лада-медиа, также обозначены пожелания.

Более половины опрошенных респондентов (64%) пользуются интернетом. О существовании сайта у кабельного оператора Лада-медиа не знают 60% респондентов, среди них преобладают в равной степени жители всех трех районов, но наибольший процент зафиксирован в Комсомольском районе (67%).

Знают о существовании сайта 37% респондентов от общего количества опрошенных, преимущественно – это жители Центрального района (44%) в возрастной категории от 31–45 лет (59%).

В ближайшее время планируют покупку нового телевизора 6% респондентов от общего количества опрошенных.

Интерес к познавательным программам минимален у учащихся общеобразовательных школ (16%), в то время как среди выпускников гимназий рейтинг этих программ возрастает до 47%. Обратное соотношение ответов наблюдается по музыкальным и развлекательным программам. Чем выше уровень успеваемости абитуриента, тем более интересны для него познавательные передачи.

Тройку радиостанций – лидеров составляют «Русское радио», «Август» и «Европа плюс». При этом у абитуриентов первое место в ранжированном ряду занимает «Европа плюс» (70%), у родителей – «Русское радио» (43%).

У абитуриентов наибольшим доверием пользуется «Европа плюс» (54%), у их родителей – радио «Август» (34%). Третье место в обоих рейтингах занимает «Русское радио» (39% у абитуриентов, 28% у родителей). Рейтинг доверия в пределах 12–13% у абитуриентов имеют такие радиостанции, как «Самара-максимум», «Авторadio» и «Radio России». У родителей уровень доверия к этим радиостанциям доходит до 20%. Что касается остальных радиостанций, то рейтинги доверия в обеих подвыборках менее 10%.

По результатам проведенных эмпирических замеров среди тольяттинского населения с 2022 по 2023 гг. значительно выросла роль интернета как информационного источника.

Как свидетельствуют представленные данные, востребованность телевидения снизилась с 89% в 2022 г. до 73% в 2023 г., при этом радио сохраняет стабильно целевую аудиторию. Среди мотивов использования аудиовизуальных средств массовой информации лидирует позиция «чтобы быть в курсе событий, ощущать сопричастность к данным событиям». При этом в большей степени этот мотив выражен у телевизионной аудитории.

По результатам проведенного социологического исследования только 30,1% телевизионной аудитории и 13,7% радиослушателей используют аудиовизуальные средства массовой информации для удовлетворения профессионального интереса. Данный факт следует учесть при разработке информационной политики теле- и радиовещания.

Результаты проведенного социологического исследования свидетельствуют о том, что ведущим информационным источником среди тольяттинского населения остается телевидение. Массовая аудитория обращается к телевидению преимущественно в свободное время, чаще всего вечером после рабочего дня или в дни отдыха, что требует от журналистов умения сочетать информационную насыщенность с высоким уровнем увлекательности и способностью вписать передачи в часы отдыха и подготовки к следующему рабочему дню. По данным проведенных социологических исследований 73,9% респондентов смотрят телевидение практически каждый день [3].

Наиболее востребованными у населения являются новостные и информационные программы. Именно их большинство телезрителей смотрят чаще всего. С другой стороны, именно эти передачи находятся на первых местах в структуре телевещания трех анализируемых нами каналов. Это свидетельствует о высокой степени соответствия репертуарной политики данных каналов пожеланиям населения в плане освещения новостной тематики.

Ситуация с прослушиванием радио в г.о. Тольятти Самарской области, как показали результаты исследования, оказалась менее оптимистичной, чем с просмотром телевидения. Так, 33,4% опрошенных никогда не слушают радио (по их собственным ответам).

Одним из важных социологических индикаторов деятельности СМИ является уровень доверия к получаемой информации в контексте измерения природосообразных технологий медиапотребления в городской среде.

Проведенное исследование позволяет определить рейтинг популярности российских электронных и печатных СМИ. По данным исследования, телезрители практически каждый день смотрят следующие каналы: «Первый» – 49,3%; «НТВ» – 44,0%; «РТР» – 43,7%; «Россия 1» – 38,0%; «ТНТ» – 33,2%; «СТС» – 33,0%; «МИР» – 26,5%; местные каналы – 23,6%; другие – 3,7%.

Таким образом, в настоящее время многие исследователи говорят об огромном и определяющем влиянии информационного пространства на социализацию людей, их

поведение и сознание через изучение и анализ природосообразных технологий медиапотребления в городской среде.

Информационное пространство стало серьезным инструментом трансляции новых смыслов, образов, моделей поведения. Печатное слово и телевизионное изображение способны в кратчайшие сроки достигнуть самых отдаленных районов городских пространств и проникнуть в любую социальную среду и наше социологическое исследование подтверждает эти результаты.

1. Бердяев Н.А. *Самопознание (опыт философской автобиографии)*. М.: Международные отношения, 1990. С. 416.
2. Подберёзкин А.И., Родионов О.Е. *Человеческий капитал и национальная безопасность: Учебное пособие* / А.И. Подберёзкин, О.Е. Родионов. М.: Прометей. 2020. С. 610.
3. Чернавский Д.С. *Синергетика и информация // Динамическая теория информации*. 2019. №8. С. 49– 65.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРАКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ВЛИЯНИЯ МЕДИАТИЗАЦИИ

Капанян Нина Николаевна
(ЮРГПУ (НПИ))

В настоящее время исследования, посвященные взаимодействию в социальных взаимодействиях, особенно в молодежной среде, во многом подвергаются пересмотру в связи с развитием современных виртуальных технологий, где именно молодежь выступает наиболее проактивной частью в использовании виртуальных технологий, которые заставляют больше обращать внимания на способы применяемых ею интеракций в различных коммуникационных сетях. Так, например, С. Готтшалк, сравнивая влияние виртуальной реальности на интеракции молодежи в реальной действительности и в обратной последовательности, приходит к выводу, что постоянно эволюционирующий аватар (цифровая репрезентация себя) оказывает влияние на реальное Self, которое теперь также ориентируется на свою виртуальную презентацию при одновременном восприятии всех других как представителей реального мира [1]. Таким образом, значимой проблемой становится взаимодействие и взаимовлияние между онлайн и офлайн коммуникацией. При этом данное взаимовлияние оказывает воздействие на формирование осознанной жизненной позиции молодого человека, которая, согласно Д.А. Леонтьеву, включает в себя рефлексивность, активность субъекта деятельности, способность к конструированию и гармоничность как независимость и возможность жить собственной жизнью в соответствии со своими представлениями [2]. При этом обладание самостью (Self) превращает молодого человека в актора, придавая действию уникальный характер, трансформирующий его отношение к миру и, собственно говоря, делая его объектом своего собственного действия.

Согласно Г. Блюмеру, общества не являются фиксированными или объективными структурами, а «текущими» и «гибкими» сетями интеракции, внутри которой мы действуем, тем самым, отрицая структуры, системы и функциональные потребности и утверждая, что существуют просто действия, интеракции и их последствия для индивидов [3]. Однако другие ученые, работающие в интеракционистской парадигме, не высказывают столь категоричных взглядов. Это касается в первую очередь И. Гоффмана, придававшего особое значение интеракции лицом к лицу (face-to-face) и мало масштабному социальному контексту, назвавшему свой подход драматургическим [4]. Гоффман использовал такие термины, как актер (актер), аудитория, роль, полагая, что актеры исполняют свои роли в процессе интеракции, пытаясь предоставить аудитории убедительные перформансы и стремясь создать свой определенный имидж и впечатление в глазах других, тем самым, формируя Self (мое собственное Я), являющееся одновременно и объектом и субъектом. Индивиды презентуют свой имидж, используя различные техники *управления впечатлением (impression management)*, помогающие им контролировать производимые ими перформансы и изменять презентуемый имидж в зависимости от ожиданий аудитории. Поэтому Self, презентуемый молодыми людьми друзьям в клубе будет отличаться от имиджа, презентуемого, например, во время собеседования при устройстве на работу или при интеракции в условиях семейных отношений. Гоффман подчеркивал, что индивиды вынуждены манипулировать образами, которые они представляют другим. При этом соблюдается некий *порядок интеракции* – социальный домен, следующий определенной организации и установленному порядку. Данный порядок устанавливается неформально и управляется теми, кто непосредственно вовлечен в процесс интеракции, оставляя вне зоны влияния формальные структуры [5]. В качестве примера соблюдения порядка интеракции Дж. Ритцер приводит группу студентов, которые формируют свою

«клику» (небольшая группа людей, разделяющих общие интересы, совместно проводящая много времени и проявляющая избирательность для вступления в нее новых членов) и устанавливают свои собственные нормы интеракции. В этом отношении, по мнению Ритцера, Гофман разделяет идею Зиммеля, что общество основывается на интеракции, во многом, общество – это и есть интеракция [6].

Еще более радикальный взгляд на интеракцию представлен работами ученых, работающих в русле феноменологии. Следует отметить, что они во многом основываются на идеях А. Шюца, который видел свою задачу как ученого в раскрытии контента и формы повседневного межличностного опыта социального мира. Одним из фундаментальных вопросов, на который пытался ответить А. Шюц, заключался в следующем: как различные типы действия могут быть обоснованы, чтобы стать необходимой базой для социологических исследований. В дальнейшем в работах П. Бергера и Т. Лукмана (1966) и М. Дуглас (1967), феноменологические идеи использовались для того, чтобы исследовать принимаемую как сама собой разумеющуюся реальность, которую люди конструируют в ходе интеракции, сталкиваясь с реакциями других. Они обращали внимание на то, что способ, посредством которого воспринимается повседневный мир, носит естественный, неизбежный и принимаемый на веру характер, подчеркивая, что молодые люди с рождения входят в претструктурированный значимый мир, редко подвергаемый сомнению в последующей жизни. Этот принимаемый как само собой разумеющийся мир (реальность) сопоставим с социальным фактом Э. Дюркгейма, будучи одновременно и объективным, и субъективным.

Однако индивиды не являются совершенно свободными творцами своего Self, испытывая на себе воздействие навязываемых имиджей и концепций Self со стороны аудитории и различных агентов социализации. Так, современные социологии отмечают, что управление впечатлением находится в прямой зависимости от кинопродукции и видеоигровой продукции, что, в первую очередь, оказывает влияние на молодежь как на наибольшую группу потребителей данного контента [7]. Во многих случаях создаваемые кинообразы (видео образы), ощущающие себя вне «главного потока» окружающей действительности, прилагают большие усилия, чтобы презентовать «нормальный фасад» аудитории, с которой они интерактируют в процессе своей жизнедеятельности.

В то время как управление впечатлением, как правило, рассматривается в контексте социальной интеракции «лицом к лицу», в современной действительности оно вполне применимо к социальным сетям. Так, многие молодые люди постоянно меняют свои фотографии (аватарки) на страницах Фейсбука (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ), Твиттера, в Ватсапе и т.д. с тем, чтобы изменить свой имидж, передаваемый другим [8].

Трансформации, происходящие в конструировании имиджей, своего Self молодежью, во многом обусловлены медиатизацией современной культуры, что позволяет говорить о существовании медиакультуры. Проанализировав работы значимых ученых современности (Ф. Джеймсон, Ж. Бодрийяр, П. Вирильо), российская исследовательница медиакультуры Н.Б. Кириллова приходит к выводу, что медиакультура – это совокупность информационно-коммуникативных средств, выработанных человечеством в ходе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности» [9]. При этом предлагаемый терминологический ряд понятия *медиатизация* весьма впечатляет, достаточно упомянуть, что на запрос «медиатизация» Яндекс дает сорок девять тысяч предложений. Медиатизация рассматривается в различных контекстах – политическом, экономическом, лингвистическом, культурологическом и т.д. Поскольку нас интересует социокультурный

аспект, то мы солидаризируемся с Т.В Шмелевой, которая понимает под медиатизацией культуры «процесс качественных изменений социальных коммуникаций, вызванный воздействием медиа, который из институции, отражающей жизнь, становится фактором, определяющим существенные моменты жизни общества и современной личности» [10]. При этом происходящие трансформации оказывают влияние на социализацию – «важный способ формирования себя (самости)... Социализированная часть себя обычно именуется идентичностью» [11]. Для молодых людей, социализация которых проходит во многом внутри новой медиареальности, именно она становится определяющим фреймом формирования новых отношений и стратегий достижения личностного успеха и признания, способом идентификации и репрезентации [12].

1. *Gottschalk, S. Symbolic Interaction 33 (4): 501 – 525. 2010.*
2. *Леонтьев Д. А. Жизненная позиция личности: от теории к операционализации // Международная научная конференция «Ананьевские чтения. Психология личности: традиция и современность» 2018 // Профессиональное интернет-издание «Психологическая газета». URL: <https://psy.su/feed/7109/>*
3. *Blumer, H. "Sociological Implications of the Thought of George Herbert Mead", in H. Blumer, Symbolic Interactionism. Englewood Cliffs, NJ: Prince Hall, 1969.*
4. *Goffman, E. The Presentation of Self in Everyday Life. Harmondsworth: Penguin, 1959.*
5. *Fine, G. "Group Culture and the Interaction Order: Local Sociology on Meso-Level." // Annual Review of Sociology 38: 159 – 179, 2012.*
6. *Ritzer G. Introduction to Sociology. SAGE Publications, Inc., 2015.p. 165.*
7. *Berger, P. and Luckman, T. The Social Construction of Reality. Harmondsworth: Allen Lane, 1966. Douglas, J.D. The Social Meanings of Suicide. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1967.*
8. *Cunningham, C., N. Brody, Daniel C. et. al. Social Networking and Impression Management: Self Presentation in the Digital Age. Lexington Books, 2012.*
9. *Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академический проект, 2005. С. 31.*
10. *Шмелева Т.В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования. // Вестник Новгородского государственного университета - № 90, 2015. С. 145 – 147.*
11. *Бергер А. Петер и Бр. Бергер Социология: Биографический подход //Личностно-ориентированная социология. – М.: Академический Проект. 2004. С. 88.*
12. *Лисенкова А.А. Современные «герои» новых медиа. // Научный журнал Наследие. - № 1 (14), 2019. С.119 – 124.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МУЖСКОМ И ЖЕНСКОМ ТРУДЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Касаткин Евгений Васильевич
(Ростовский государственный медицинский университет)

Аннотация. В статье анализируются трансформации, происходящие на рынке труда и позволяющие женщинам успешно продвигаться в направлениях, где ранее доминировали мужчины. Обращается внимание на то, что введение автоматизации сокращает количество высокооплачиваемых видов исконно мужских работ, что обуславливает переход на работу в области сервисных услуг. Автор подчеркивает, что появившиеся цифровые платформы становятся «гендерно слепыми» и создают равные возможности для мужчин и женщин. Это открывает большие возможности женщинам активно предлагать свои услуги на цифровизованном рынке труда и сокращает чисто мужские профессии.

Ключевые слова: Цифровая экономика, интернет вещей, информатизация трудовой деятельности, маскулинность, феминизация рабочей силы, флексибельность, рынок труда.

В настоящее время происходят кардинальные изменения на рынке труда практически во всех странах мира, в том числе и в России. Трансформации на рынке труда объясняются разными причинами, по мнению А. Гидденса, в основе данных трансформаций лежат две основные причины: информатизация промышленности и перенос производственной индустрии с Запада на восточные регионы [6]. Переход к цифровой экономике и связанной с этим информатизацией всех сфер трудовой деятельности, начиная с середины 20 века привели к двум основным трендам на рынке труда – феминизация рабочей силы и флексибельности рынка труда. Термин «феминизация труда» используется, чтобы выделить две основные компоненты:

резкое увеличение количества женщин на рынке труда, в том числе и в области индустрий, ранее воспринимаемых как чисто мужские области деятельности;

увеличение «гибкости труда» в мужской и женской трудовой деятельности, где гибкость труда относится к темпоральным паттернам выполнения работы (частичная занятость, неполный рабочий день, дистанционная работа).

Цифровая экономика охватывает все аспекты деятельности современного человека, начиная от финансовой и банковской сферы до области высокой нематериальной культуры. С одной стороны, возникает потребность в специалистах, работающих в сфере информационных технологий, поскольку они начинают использоваться во всех сферах экономики, следовательно, увеличивается количество рабочих мест, но, с другой стороны, появление такого феномена, как интернет вещей, создающего возможность для осуществления виртуальной хозяйственной, экономической, финансовой и производственной деятельности без использования человеческих ресурсов, высвобождает большое количество специалистов. Интернет вещей дает начало появлению так называемых «умных заводов», на которых практически все производственные процессы выполняются смарт роботами, самое главное это то, что такое предприятие, основанное на применении искусственного интеллекта, ведет к самоорганизации всех процессов производства, вплоть до состыковки производителя с конечным потребителем [4].

При условии внедрения цифровизации в рутинную и повторяющуюся трудовую деятельность количество женщин начинает увеличиваться и может напрямую конкурировать с мужчинами. Согласно исследованию «Европейские условия труда» женщины, в большей степени вовлекаются в повторяющуюся работу на рынке труда, что в среднем улучшает положение женщин (за исключением канцелярских работников).

Введение автоматизации также сокращает количество высокооплачиваемых видов исконно мужских работ, например, в качестве финансовых аналитиков. Рассматривая будущий доступ женщин к высококвалифицированным профессиям, А. Пиасна и Дж. Драхокупил подчёркивают, что в эпоху цифровизации женщины начинают превосходить мужчин в нерутинных профессиях, требующих аналитических и межличностных умений, успешно продвигаясь в таких ранее доминированных мужчинами областях как медицина и науки о жизни [9].

Цифровизация открыла большие возможности женщинам к трудовой занятости во время ухода за ребенком, поскольку не стандартные формы работы (фри лансерство, индивидуальное предпринимательство, офисная работа на онлайн платформах) способствовало гибкости трудовой занятости и возможности зарабатывать из дома. Такая работа в условиях гиг экономики возрастает в большинстве стран, где цифровые платформы становятся «гендерно слепыми» и создают равные возможности для мужчин и женщин [5]. Еще одним трендом является экономика свободного заработка (crowdwork), использующая возможности работы посредством различных онлайн платформ для индивидуальных предпринимателей. Данный вид трудовой деятельности превышает количество женщин, его использующих в таких странах как Австралия, Канада, Филиппины, Великобритания и США. Так, например, в Великобритании, начиная с 2001 г. количество самозанятых женщин начало стремительно увеличиваться и достигло 88% к 2017г. [8].

Цифровизация индустрии, как уже было упомянуто ранее, ведет к постоянному снижению рабочих мест в различных отраслях индустрии, где основными работниками были мужчины. Проведя глубинные интервью с мужчинами, потерявшими работу в сфере индустриального производства в Великобритании, Никсон обнаружил, что информанты в его исследовании склонялись к переходу на работу в области сервисных услуг, однако полагают, что им сложно адаптироваться к «эмоциональному труду». Поэтому они склонны искать такие варианты в сфере услуг, которые в наибольшей степени связаны с такими профессиями как водитель, охранник, которые позволяют в большей степени сохранить маскулинную идентичность [7].

Если смотреть на мировые тренды, в том числе, российские, то основная занятость направлений — это цифровая сфера, где темпы роста достигают 40–50%. [3]. При этом гендерные особенности на рынке труда обладают своими особенностями. Так, по данным официальной статистики количество зарегистрированных в качестве безработных женщин в 2019 году составило 38,5%, а мужчин 61,5%, занятость женщин несколько выше мужской, 48,8% и 46% соответственно [1].

Согласно статистическим данным в РФ, динамика трансформаций особенно заметна при сравнении офисных служащих и работников сферы услуг с рабочими специальностями. Так, в течение первых двух десятилетий наступившего века, количество последних сократилось на 1,3 раза, а количество офисных сотрудников, работников сферы услуг и торговли стало больше на 1,1 раза. Оставшиеся без привычного дела рабочие большей частью находили работу в качестве представителей служб безопасности, просто охранников в различных образовательных и иных учреждениях, что подтверждается такими данными: количество охранников в России в 2017 г. увеличилось в 1,5 раза по сравнению с 2001 г. По мнению экспертов, на рынке труда в данный период времени не существует дефицита специалистов охранной сферы [2].

Работа правительства нацелена на преодоление существующего отставания России в сфере информатизации и роботизации производства, что безусловно, необходимо для развития экономического благосостояния нашего государства. Однако, как отмечается в

ряде социологических исследованиях, возникает и проблема влияния информатизации на сокращения рабочих мест, что способствует возникновению чувства неуверенности в своем будущем, в будущем своих детей. Поскольку в обществе сохраняется представление о мужчине как основном кормильце, от мужчин ожидается более активный поиск работы, причем желательно при сохранении прежнего заработка (к которому привыкла его семья), то есть мужчина должен реализовывать сценарий «подлинной маскулинности», ожидаемый от него ближайшим окружением и представлениями, сложившимися в обществе. Неспособность осуществить данный сценарий, сбой в исполнении роли «настоящего мужчины» может восприниматься как «крушение всей жизни». Мужчины, которые не могут адаптироваться к своему новому положению, нарушающему устоявшуюся гендерную схему, оказываются в маргинальном положении, у них может возникнуть «комплекс лузера», для которого в нашем обществе пока не существует разработанных и успешно реализуемых программ. Отсюда увеличивающееся пьянство, проявления насилия в семье, недовольство государственной политикой [3]. В некоторых случаях, состояние депрессии, которое часто наступает как следствие потери привычного места работы, ведет к нежеланию вообще искать новое место работы, характеризуется отсутствием стремления к переквалификации, что является одним из современных социальных рисков, поскольку индивид постепенно привыкает к состоянию «бездействия» и может превратиться в социального маргинала. Данное маргинальное состояние, по мнению ряда исследователей, ведет не только к ограничению финансовых возможностей индивида, но и снижает чувство ответственности за свою семью, ведет к потере ранее существовавших социальных отношений, например, дружеских [3].

Таким образом, можно заключить, что переход к цифровой экономике и связанной с этой информатизацией всех сфер трудовой деятельности, начиная с середины 20 века привели к двум основным трендам на рынке труда – феминизация рабочей силы и флексибильность рынка труда, что вкуче ведет к сокращению чисто мужских профессий и расширению возможностей для женщин активно предлагать свои услуги на цифровизованном рынке труда.

1. Мальцева А.В., Майорова А. В., Сафонова Е.А. Особенности и тенденции развития российского рынка труда в сфере спроса и предложения рабочей силы. // Социально-трудовые исследования. 2020. № 4. С. 40 – 49.
2. Материалы фонда имени Генриха Бёлля - <http://ru.boell.org/ru> // Проект: Гендер для чайников: что такое маскулинность. Режим доступа: <http://www.colta.ru/articles/specials/11112>
3. Проконец И. О. Исследование влияния кризисных ситуаций на личность в случае вынужденной потери рабочего места // Вестник гос. ун-та управления. – 2014. – № 4. – С. 278-281.
4. Уразов Р. Цифровая сфера и самозанятость – главные перспективные рынки труда. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://worldskills.ru/media>
5. Филипова И. А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентации для трудового права. – Монография – Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2021. – 106 с.
6. Adams, A. and J. Berg (2017). “When Homy Affects Pay: an Analysis of the Gender Pay Gap Among Crowdworkers”. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3048711>
7. Giddens A. *Sociology*. Polity Press, 2009. P. 898.
8. Nixon D. “I just like working with my hands”: Employment aspiration and the meaning of work for low-skilled unemployment men in Britain’s service economy”. *Journal of Education and Work*, 19(2). P. 201 – 217, 2006.
9. OECD (2017), ‘Going Digital: The Future of Work for Women, Policy. Brief on the Future of Work’, Organization for Economic Co-operation and Development, <https://www.oecd.org/employment/>
10. Piasna, A. and J. Drahekoupil (2017), ‘Gender Inequalities in the New World of Work’, *Transfer: European Review of Labour and Research*, 23(3), <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1024258917713839>.

СОЦИОКОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Козловский Владимир Вячеславович
(С.-Петербургский государственный университет, Социологический институт РАН-
филиал ФНИСЦ РАН)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного
фонда № 23-18-01067, <https://rscf.ru/project/23-18-01067/>*

Аннотация: Социокоммуникативное пространство вмещает в себя самые разные типы социальных и культурных практик, ибо всегда служит созданию и распространению смысловых структур, обмену смысловыми конструктами. Социокоммуникативное конструирование социального, политического и культурного пространства в досоветский, советский и постсоветский периоды представляет собой переплетение иерархически выстроенных социальными группами континуума смыслов, значений, ценностей цивилизационного характера.

Ключевые слова: социальные коммуникации, социокоммуникативное пространство, цивилизация, цивилизационное самоопределение, российское общество.

Природа социокоммуникативного пространства цивилизационного самоопределения российского общества заключается том, что социальные коммуникации развиваются объективно, несмотря на активность участников взаимодействия, обладают некоей самостоятельной субстанцией и отчужденным от субъектов коммуникации существованием и приобретают наднациональный глобальный и цивилизационный характер. Во второй половине XX века это связывалось с ростом информации, что привело к устойчивой концепции информационного общества. В дальнейшем стало очевидно, что социальные коммуникации не сводятся к увеличению информационных ресурсов и обмену ими. Социальные коммуникации стали активной пренебрегающей социокультурными границами силой. Новая социокоммуникативная экспансия культуры и общества на всех уровнях вызывает естественное сопротивление акторов сложившихся социальных и культурных практик. Возникает угроза личной и групповой идентичности не стороны массовой культуры, а со стороны утонченных форм массовой коммуникации. Формируется новый тип господства разнообразных специализированных коммуникаций. Они постепенно превращаются в новейший вид привлекательной и выгодной профессиональной сферы, и трудовой занятости. Таким представляется место социальных коммуникаций в публичном секторе.

Частная жизнь также подпадает под пресс новых фреймов социальной коммуникации. Разрушение, точнее модификация частных форм социальной коммуникации является побочным результатом полномочной монополии публичных социальных коммуникаций. Собственно, индивиду приходится думать и действовать типически, т.е. в определенных рамках, заданных медиа, милье, дискурсом. Все, что входит в набор средств и методов социализации, облекается в разнообразные коммуникативные формы интернализации и экстернализации. Социальные коммуникации перемещаются в центр общественного и политического внимания, поскольку именно в их пространстве воспроизводятся и создаются новые общественные формообразования, модусы новых социокультурных практик, образцы и модели поведения. Социальное конструирование расширяющегося поля коммуникаций происходит повсеместно. С запозданием оно находит

воплощение в социологическом описании, объяснении, понимании, обосновании и оправдании.

Столь сложная композиция проблематики социальных коммуникаций как профессии связана с ростом потенциала межличностных и массовых коммуникаций и что особенно важно с формированием виртуального мира коммуникаций, прежде всего электронных, цифровых. Подобный методологический и прагматический разворот позволяет раскрыть параметры нового публичного поля социальных коммуникаций и показать спектр повседневных коммуникативных практик. Естественность, традиционность и привычность коммуникаций уступает место мощным специфическим информационным потокам, дискурсивным и духовным процессам. Социальный и культурный ландшафт любого общества очень чувствителен к растущей интенсивности коммуникативных воздействий, например, рекламы, брендинга, маркетинга, социальных медиа.

По намечающимся векторам развития социальных коммуникаций можно судить о транзите современных общественных структур к доминантным социокультурным формам, в частности, общества потребления. Коммуникативное действие, занимавшее ранее второстепенное место в системе социального действия, существенно трансформировалось в условиях глобализации и макросоциальных перемен на рубеже XX-XXI в. Коммуникация, по выражению Н. Лумана, обращается к самой себе, самозамкнута и становится разновидностью аутопоезиса.

Социологическое видение социальных коммуникаций заключается в выявлении смыслов и специфики смыслоконструирования как в рамках специализированной деятельности, сфокусированной на коммуникации, так и профессионального действия, которое инструментально использует коммуникативные технологии и сопровождается межперсональной и межгрупповой коммуникацией. Более того, повседневное коммуникативное действие незаметно для самих участников общения поглощается профессиональными коммуникациями. В силу своего ролевого назначения повседневные контакты становятся разновидностью профессионального коммуникативного действия.

В частности, межпоколенческая коммуникация в семье и в публичном пространстве органично вплетается в процесс массовых коммуникаций. И наоборот, семейные, дружеские, приятельские, родственные, партнерские, потребительские отношения оформляются в соответствии с нормами, этикетом, ритуалом, традициями, которые возникают в сфере современных социокоммуникаций. Это означает, что устойчивые специальные коммуникативные практики становятся достоянием профессии, предметом профессионального роста, гордостью репутации и мастерства. Банальный факт, что социальная коммуникация пронизывает все без исключения области человеческой деятельности, еще не стал собственно предметом социального диагноза и социологической аналитики. Общественные взаимоотношения и взаимодействия прежде всего коммуникативны, т.е. осуществляются в разнообразных коммуникативных формах и практиках. Это значит, что коммуникация является не столько спутником и особым качеством социокультурного пространства, сколько способом его социального конструирования, структурирования. Таким образом, понимание коммуникации как смыслового (де)конструирования и (де)структурирования социокультурного пространства снимает проблему привязывания коммуникации к информационному пространству, информационным технологиям, методам и формам информационного обмена.

Информационные процессы со всеми атрибутами занимают свое место в системе науки и практики. Точно также сведение коммуникации к формированию систем значений и обмену ими оказывается всего лишь слабой редукцией, так как значение и знак являются

слотами социальных коммуникаций, обеспечивая измеряемую единичность последних. Практический смысл социальных коммуникаций в том и заключается, что идеальное содержание создается и воспроизводится индивидами в их отношениях, поведении и социокоммуникативных действиях, реализуемые универсальным образом. Дискретный характер знака фиксирует выраженную агентами конкретную смысловую структуру ситуации или события. Потенциал интерпретации даже самой банальной ситуации бесконечен. Это означает, что у социальной коммуникации как таковой степень свободы, степень выбора интерпретации (смысловой реконструкции) существенно выше степени свободы социального действия, которое ограничено другим субъектом и типом рациональности. В этом случае трактовка Максом Вебером социального действия, безусловно, отражает суть социального конструирования в структуре действия. Выдвигая принцип идеальной типизации и рациональности, он обратил внимание на смыслоконструирование в структуре социального действия. Между тем понимаемое таким образом социальное действие оказывается пустым без выяснения практических механизмов выстраивания и поддержания устойчивых форм индивидуального и коллективного действия. Таким механизмом является, на наш взгляд, социокоммуникация и все богатство социокоммуникативных практик, в которых представлено социокоммуникативное пространство. Многочисленные формы и фреймы современных социальных коммуникаций репрезентируют множественные способы цивилизационного самоопределения современных обществ, включая российское.

Возникает проблема дистрибуции и конверсии видов социальных коммуникаций в широкий круг повседневности и профессиональной деятельности. Привычное и кажущееся естественным в повседневной коммуникации перетекает в сферу деловой и другой специальной коммуникации. Профессиональные коммуникации отесняют структуры повседневного общения. Они проникают друг в друга. Коммуникативная компетентность в частной жизни уравнивается по значимости с профессиональной компетентностью. Эта равнозначность коммуникативности и профессионализма отражает прагматический поворот в геометрическом росте (эскалации) значимости различных сегментов социокоммуникативного пространства.

Человек в домашней обстановке, на улице, в магазине, в любом другом публичном месте поначалу не испытывает трудностей, а затем осваивая набор коммуникативных техник, почти профессионально ведет себя с другими людьми. Социокоммуникативное пространство вмещает в себя самые разные типы социальных и культурных практик, ибо всегда служит созданию и распространению смысловых структур, обмену смысловыми конструктами, потреблению смысловых единиц. Происходит освоение смысловых структур, дискурса, рациональности. Таким образом, коммуникация проникает повсюду преимущественно в знаково-символической форме. Современные социокоммуникация виртуализируются. С нашей точки зрения, понимание коммуникации как производства и обмена информацией схватывает чрезвычайно важный аспект, но не ядро социокоммуникативного процесса, социокультурную природу социальных коммуникаций.

Главное в развитии современных социальных коммуникаций заключается в расширении их ассортимента, в растворении значимых индивидуальных и групповых ценностей в коммуникативных процессах, в технологизации прямых и косвенных взаимодействий. Рутинизация коммуникаций ломает устоявшиеся ориентации, раздвигает горизонт и предметное поле социума. Важнее становится формальная сторона коммуникации. В универсуме социальных коммуникаций зримо выделяются такие значимые формы и фреймы как перцептивные структуры, когнитивные конструкты, образы

и представления, знаки и значения, смысл и смысловые структуры, символы, схемы, фигуры и алгоритмы действия, эмоциональные и аффективнее типы действия.

Например, работа с образом или представлением может быть описана в следующих терминах: отображение, отражение, изображение, воображение, преобразование, преобразование. Язык достаточно точно задает систему работы с образом. Точно также обстоит дело семантической обработкой других терминов и понятий, например, со знаком и значением: обозначение, означивание, ознакомление. Смысловое структурирование увязано с символизацией, опредмечиванием и овеществлением в ходе коммуникативного действия. Задается поле специальной коммуникативной деятельности наряду с прямым предметным практическим (физическим, техническим и иным) или когнитивным (перцептивным, эмотивным и др.) действием. Социальная коммуникация универсально опосредует любые действия и практики. В этом видится главное содержание профессиональной аналитической, регулятивной и управленческой коммуникативной деятельности.

Социокоммуникативное пространство включает различных социальных акторов, сообществ, институты, культуру, социальную структуру. Знаково-символическое обозначение, осмысление неравенств, социально-структурных и культурных изменений образуют своеобразный цивилизационный каркас общества. Смысловое наполнение социокоммуникативного пространства происходит в множественных символических и предметно-вещественных формах: нарративы, дискурсы, языки, образы, вещи, объекты. Они являются способом обрамления и выстраивания смысловых картин реальности для институционализации в разных сферах повседневной и публичной жизни, в индивидуальном и групповом исполнении. Хозяйственно-экономическое, художественное, научное, религиозное, политико-правовое, военное, техническое и технологическое и иные разновидности освоения реальности конституируются в структурах социокоммуникативного пространства. Морфогенез социокоммуникативного пространства включает культурную, ментальную, институциональную, социоструктурную компоненты. Социокоммуникативное конструирование социального, политического и культурного пространства в досоветский, советский и постсоветский периоды представляет собой переплетение иерархически выстроенных социальными группами континуума смыслов, значений, ценностей цивилизационного характера. Эволюция социокоммуникативного пространства реализуется в конверсии смыслов и закреплении их в сознании, мировоззрении, поведении разных социальных групп, воплощаемых в знаково-символическом, предметном, материально-вещественном созидании модусов цивилизационной идентичности.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ МЕДИАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

*Коренева (Попова) Анастасия Анатольевна
(Южно-Российский Государственный Политехнический Университет (НПИ) им.
М.И. Платова)*

В современном мире молодежный сегмент общества, с одной стороны, ощущает на себе ретроспективное влияние семейной среды, то есть предшествующих поколений, однако, с другой стороны, молодежь, активно вступающая во взрослую жизнь, сталкивается с тем, что она резко отличается от жизни предшествующих поколений, что связано, прежде всего, с наступлением «эпохи знаний», характеризующейся формированием мирового информационного пространства. Помимо позитивных преимуществ, которые связаны с появлением новых информационных технологий, расширением сети Интернет, во много раз увеличивающих образовательные возможности для молодежи, возникают и негативные следствия, обусловленные этими процессами. Во многом данные негативные последствия связаны с борьбой за массовое сознание, развернувшееся в телекоммуникационном пространстве, «где объектом выступает человек и его внутренний мир, мотивационная сфера его сознания и поведение» [10]. Как подчеркивают Чупров В.И. и Зубок Ю.А., «Свободные от ограничений, не фильтрующиеся информационные потоки содержат в себе риск негативного социокультурного влияния на пользователей, способствуют формированию извращенных ориентаций, взглядов, предпочтений». Обращение не к рациональному мышлению, а к чувствам формируют восприимчивость к манипулятивной информации со стороны молодежи, сознание которой «лишено устойчивых образцов, следовательно, лабильно и открыто к новым ярким паттернам идентичности», ведущим к таким формам девиации, как «агрессивность, суицидальные действия, нарушение общественного порядка, экстремизм» [10].

Современное коммуникативное пространство характеризуется повышением эмоциональной составляющей коммуникации, что способствует переработке ценностей в смыслополагающую деятельность, поэтому в социальной педагогике уже на протяжении нескольких десятилетий обсуждается проблема «авторов» коммуникационной среды, где постепенно снижается роль субъекта культуры, которая, хотя и не предопределена в самой культуре, но значима для ее развития и сохранения. При этом субъект не является пассивным актором, субъект – это самоутверждающаяся индивидуальность, которая, по мнению Борытко Н.М. представляет единство двух аспектов – личности и индивидуальности [1]. В процессе коммуникации субъект выделяет ее смысловое поле, интериоризируя или же отвергая транслируемые смыслы, идеи, ценности, что согласуется с утверждением В. Франкла о том, что «быть человеком означает быть обращенным к смыслу, требующему осуществления и ценностям, требующим реализации» [8].

В условиях медиатизации общества постепенно снижается роль института образования, а более действенными институтами, формирующими систему ценностей, становятся СМИ и новые информационные технологии, которые уводят «неискушенное сознание молодежи в мир бесконечных и непрерывных информационных потоков, готовых ответов и решений всех проблем». По мнению Ситарова В.А., «Интернет и СМИ формируют у молодежи ценность запретного», для этого они используют различные «запретные» способы воздействия, снимая те ограничения, нормы поведения, которые существуют в реальной действительности и от которых свободен мир виртуальной реальности. При этом за навязывание ценности запретного никто не несет никакой ответственности, поскольку непосредственное общение замещается на коммуникацию, где

смещается роль адресата и адресанта. Ситаров В.А. приходит к выводу, что «ценность запретного в обществе формирует принятие патологии, запускает стремление разрушить нормы социального общежития и традиционные институты» [7].

Для нашего исследования важным представляется, что в число базовых ценностей современного студенчества вошла такая ценность, как общение, основным средством которого является вербальное общение, позитивные модели которого способствуют установлению дружеских, толерантных взаимоотношений в студенческой среде.

Многие современные исследователи, работающие в постмодернистской парадигме, отмечают, что происходит распад традиционной социокультурной конструкции цивилизации, увеличивается фактор неопределенности, что сдерживает модернизационный потенциал молодежи, которая, по мнению Ильинского, вынуждена как никогда ранее искать точки опоры, чтобы обрести свою идентичность и избежать маргинального состояния в будущем [3].

Для нашего исследования важно, что среди факторов, консолидирующих российскую идентичность, более 30% респондентов назвали язык и культуру [2].

Проблемы, связанные с состоянием русского языка и негативными трансформациями в области его употребления во многом обусловлены состоянием современного коммуникативного пространства, создающего «культуру виртуальной реальности», которая, согласно М. Кастельсу, «радикально трансформирует пространство и время – основные измерения человеческой жизни. Местоположения освобождаются от своих культурных, исторических, географических значений и реинтегрируются в функциональные сети или в коллажи, создавая ощущение непрерывного характера этой информационно культуры и одновременно эфемерность их существования, что вкуче формирует ироничное отношение к традиционным культурным ценностям» [4]. Такие особенности современного коммуникативного пространства оказывают воздействие на социокультурные характеристики современного студенчества, частью которых безусловно является языковая культура, в свою очередь воздействующая на ценностные ориентации. При этом языковая культура студенчества выступает «лакмусовой бумажкой», отражающей социокультурные изменения, происходящие в обществе, позволяя анализировать состояние духовной деятельности и социальные институты, процессы и структуру общества. Как отмечает Цулая О.В., «в языковой культуре молодежи обнаруживаются новые явления, свидетельствующие об отказе от прежних социокультурных ценностей и корректировке поведенческих моделей на их основе, как позитивной, так и негативной направленности». При этом язык молодежи выступает в качестве символического «выражения новых смыслов» и «коллективных действий», что приводит к появлению новых типов личности помимо ранее существовавших (конформистский и инновационный), а именно:

– ритуализированный, который характеризуется тем, что отвергает традиционные ценности и выдвигает в противовес новые;

– изоляционистский, который характеризуется отказом от традиционного достижения социальных целей и используемых для их достижения средств, однако, в отличие от ритуализированного типа, не предлагает новых форм социального взаимодействия;

– мятежнический, характеризующийся резким неприятием традиционных верований, убеждений, ценностей, стремясь к реализации инновационных норм поведения в соответствии с выдвигаемыми новыми идеалами [9].

Еще одной значимой характеристикой современного коммуникативного пространства является его глобализация, которая со стороны молодежи в большей степени

рассматривается как позитивное явление. Существуют различные подходы к рассмотрению глобализации – технический, экономический, политический и социальный. Технический прогресс привел к изменению коммуникационных возможностей человечества, приводя к «коммуникационному сжатию мира», обеспечивая возможность к коммуникации, которая не имеет границ. По мнению Косова Ю.В., глобализация представляет процесс, который приводит к появлению проблем нового типа, связанных с культурным взаимопроникновением, преодолевающим национальные границы [5].

Симененко И.С., анализируя глобальные процессы в социокультурном контексте, определяет три наиболее значимых уровня [6]:

– 1-й уровень – существование (способ бытия), который в условиях глобализации выражается в непрекращающемся увеличении «культурных форм» при отсутствии регулирующего их взаимодействие субъекта;

– 2-й уровень – это система ценностей, убеждений (представлений), моделей поведения и мотиваций, которые регламентируют поведение индивидов. Симененко И.С. подчёркивает, что именно на данном уровне происходит формирование социальных отношений и социокультурной идентичности. Глобализация способствует распространению культурных моделей, ценностей, ценностных предпочтений и установок, которые приобретают общее воспринимаемое значение в контексте единого коммуникативного пространства.

– 3-й уровень – это «всеядная» массовая культура, которая постепенно превращает художественное творчество в массовый культурный продукт, способствующий возникновению микшированных культурных форм, на фоне которых появляется пространство, заполняемое так называемой «глобальной культурой».

В условиях медиатизации современного общества нас интересует 2-й уровень проникновения ценностных смыслов, выделенный Симененко И.С., поскольку выразителями ценностей являются символы и знаковые системы, ярким примером является в этом отношении интенсивное распространение английского языка, который становится главным каналом трансляции смыслов и ценностей информационного общества.

1. Борытко, Н.М. *В пространстве воспитательной деятельности*. Волгоград: Изд-во «Перемена» ВГПУ, 2001.
2. Дробизева Л.М. *Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития // Социологическая наука и социальная практика*. 2013. № 1. С. 74 – 84.
3. Ильинский И.М. *Между будущим и прошлым: Социальная философия Происходящего*. М.: Изд-во Моск. Гуманит. Ун-та, 2006.
4. Кастельс М. *Информационная эпоха: Экономика, общество и культура*. М., 2000.
5. Косов Ю.В. *Роль Римского договора в европейской интеграции // Управленческое консультирование*. 2008. № 3. С. 46 – 50.
6. Симененко И.С. *Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура. // Полис*. – 2003. - № 1. – С. 10.
7. Ситаров В.А. *Ценностные трансформации студенческой молодежи / Социология и жизнь*. № 2, 2017. С. 207.
8. Франкл, В. *Человек в поисках смысла*. – М., 1990. – С.285.
9. Цулая, О.В. *Современная языковая культура российской студенческой молодежи как фактор формирования ценностных ориентаций. Дисс. кандидата социологических наук*. – 22.00.06. Москва, 2011.
10. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. *Молодежь в обществе риска*. – М.: Наука, 2003. С.12.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО В СЕТЕВОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

*Коркия Эка Демуриевна
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)*

Интеллектуальное одиночество, отраженное в отечественной культуре как феномен «лишнего человека» конца XIX в., выступает как признак границ коммуникационного взаимодействия между индивидуумом и обществом, за которыми коммуникация, как процесс, подразумевающий наличие обратной связи, теряется.

Сетевое информационное общество опосредует процесс естественного отбора, специфическим образом влияя на его основные составляющие: внутривидовую агрессию, иерархические процессы в социальных группах, к которым в современных условиях добавляется высокая степень значимости параметров информированности, асертивности, коммуникативной компетентности.

«Интеллектуальное одиночество» находится в стадии становления как научный термин, однако уже получило распространение в современном публичном дискурсе [1, 13-15], становясь все более актуальной проблемой для рефлексии. Сам этот феномен глубоко укоренен в культурно-исторической действительности нашей страны, имея как индивидуальный, так и групповой анамнез (например, декабристы или «проблема интеллигенции» в России). И.С. Кон, называя свое одиночество интеллектуальным, определял суть этого состояния так: «Хотя тебя все вроде бы знают, ты везде остаешься более или менее посторонним» [3, 392].

Определение «интеллектуальное» позволяет обозначить такую сторону проблематики исследуемого социального феномена, которая связана с информационной составляющей, и выявляет границы коммуникационного взаимодействия между индивидуумом (или группой) и социумом, то есть может быть признано одиночеством информационного типа. Такой подход, с нашей точки зрения, позволяет, пользуясь результатами философского и психологического анализа феномена, конкретизировать социологический подход к рассмотрению целого множества разновидностей одиночества, актуальных для сетевой информационной среды. Область фокусирования заключается в том, как сказывается интеллектуальное одиночество в качестве признака границ социальных коммуникаций на формирование стратификационной структуры, а также носителей в сетевом обществе. В каких социальных группах оно проявляется и какова его связь с социально-психологическими характеристиками сетевой среды как фактора социокультурных изменений. Категоризация, как выявление ключевых характеристик феноменов и их группировка на этой основе, растущего социального явления дает повышение точности применения социальных технологий в различных областях информационной политики.

Взятое в качестве объекта исследования, явление распространяется многомерно, охватывая различные страты общества, типы культур, игнорируя различия гендерных и демографических признаков. Общим знаменателем, независимо от локализации, является нарушение информационного обмена, присущего повседневному коммуникативному поведению обывателя.

Такие нарушения информационного обмена могут быть связаны с:
недоступностью технического инструментария или каналов подключения к сетевой среде социума;
отсутствием навыков пользования данным инструментарием;

самоидентификацией, препятствующей нормативному поведению (например, отнесение себя к узкому кругу «специалистов») и социализации, в целом.

В качестве силы, в вопросе интеллектуального одиночества можно отнести творческий потенциал, уровень профессиональных навыков, социальную активность, экономические и иные ресурсы. Для механизма «снизу» именно по этому параметру будет констатирована аномия. Она ограничивает количество социальных связей и часто отягощает повседневную жизнь неспособностью преодолеть текущие проблемы.

Современным направлением исследований наук о человеке все чаще становятся вопросы воздействия информационных технологий на нашу биологическую и социальную природу, когнитивные процессы, эмоциональную сферу, язык, психику, отношение к себе и к «Другим». Эмпирически наблюдаемые изменения качества коммуникативного и в целом социального пространства (их системная совокупность) подлежат дальнейшему научному осмыслению. В настоящем технологическая информационно-коммуникационная среда является средством, ресурсом и областью формирования новых социальных практик [2, 420].

В состоянии интеллектуального одиночества «снизу» современного социума оказываются индивидуумы и группы, оказавшиеся в силу разных причин по «ту» сторону «цифрового барьера», за пределами современного цифрового коммуникационного пространства. Этого рода «исключенность» в большей степени относится к проблеме кризиса идентичности в современной нестабильной, перманентно находящейся в состоянии кризиса социальной среде. Ведь качество личной самоидентификации, по определению Э. Эриксона, субъективное чувство, также объективно наблюдаемое и непрерывности, постоянство некоторой разделяемой с другими людьми «картины мира» [5, 340].

К категории интеллектуального одиночества «сверху» мы относим виды одиночества, не касающиеся проблемы кризиса самоидентификации, но касающиеся проблемы индивидуальной и групповой самореализации.

Состояние интеллектуального одиночества «сверху» в современном информационном обществе – это исключение общества из внутренней жизни человека, манипулятивное отношение к обществу как к объекту. Носитель такого отношения человек, способный эффективно существовать в информационной среде, влиять на нее и изменять ее – современный пассионарий. «Чем более специфичен человек, тем менее он соответствует норме – как в смысле средней нормы, так и в смысле идеальной. Свою индивидуальность люди оплачивают отказом от нормальности, а случается, и отказом от идеальности. Однако значимость этой индивидуальности, смысл и ценность человеческой личности всегда связаны с обществом, в котором она существует» [4, 199].

Построение сложных социальных систем, базирующихся на информационных сетях (и функционирующих за счет их коммуникационных возможностей), зависит от степени гетерогенности социального «ландшафта», который эта сеть отражает. В техническом плане оно также зависит от распределенности качеств и свойств элементов сетевой структуры, посредством которых легитимизируется устранение барьеров общения внутри «глобальной деревни».

Форма систематизации знаний, призванная давать наиболее полное представление о мире – его общенаучная картина, включающая и упорядочивающая важнейшие научные достижения о различных свойствах и закономерностях бытия. В такую целостную и одновременно сложную структуру должны быть включены картины мира отдельных наук, которые в свою очередь, могут включать целый ряд различных концепций, причем обновляющихся и развивающихся. Существующие универсальные истины, обнаруженные

философией, физикой, математикой предлагают ориентироваться на наиболее базовую интерпретацию реальности, являющуюся предметом коллективного соглашения.

Развивая идеи теории индивидуальности Э. Эриксона можно предположить, что ничем другим мы пользоваться все равно не можем, поскольку постигаем окружающее через сформированные паттерны наблюдения. Это «социальное подражание» дает нам уверенность в правильности наших действий, оценок и понимание самой карты реальности [4, 198].

Роль общества в построение этой карты заключается в предоставлении плюралистических оценок, интегральная характеристика которых призвана повысить для социализированного индивида качество его мировоззрения. «Нильсу Бору принадлежит известное высказывание о том, что описать процессы, протекающие в окружающем мире, с помощью одного языка невозможно. Необходимо много разных языков описания, много разных интерпретаций, в каждом из которых отчетливо проявляются те или иные особенности изучаемого явления. Понимание, необходимое человеку в его практической деятельности, требует рассмотрения изучаемого предмета с разных позиций» [5, 344].

Для интеллектуального одиночества «сверху» и «снизу» характерны различные механизмы доступа или его отсутствия к источникам этой общественной карты реальности. Возможность приблизиться к степени научной абстракции в интерпретации явлений, которая позволит включить в качестве «позиций» и философские, и даже физические или математические постулаты позволяют выявлять больше закономерностей воспроизведения образов реальности в сознании. Примером этого может служить анализ типичных «механизмов доступа» в условиях интеллектуального одиночества.

1. Коркия Э.Д. Феномен одиночества: амбивалентность развития и социальные поля // в журнале *Общество: философия, история, культура*. К., № 10, 2021.
2. Коркия Э.Д. Социальное одиночество как норма и патология в современном обществе // в сборнике *Сборник материалов XVII Международной научной конференции "Сорокинские чтения": "Роль социологии в конструировании России будущего"*, М., 2023.
3. Кон И.С. *80 лет одиночества*. М., 2008.
4. Франкл В. *Человек в поисках смысла*. М., 1990.
5. Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис*. // Пер. с англ.; Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М., 1996.

МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ МЕДИА-РЕСУРСОВ КАРЬЕРНЫХ ЦЕНТРОВ УНИВЕРСИТЕТОВ.

Кравцов Максим Леонидович
(Санкт-Петербургский Государственный морской технический университет)

Булгакова Александра Георгиевна
(Санкт-Петербургский Государственный морской технический университет)

Аннотация: Цель данной работы заключается в определении методик ведения медиаресурсов карьерных центров университетов Санкт-Петербурга, в которых обучаются студенты технических специальностей численностью до 10 000 человек. Задачи исследования включают: проведение контент-анализа публикаций и технических характеристик медиаресурсов карьерных центров в мессенджере «Телеграм» и социальной сети «ВКонтакте»; выявление методов и особенностей ведения медиаресурсов карьерных центров; а также предложение возможных направлений для их улучшения.

Ключевые слова: карьерные центры университетов, трудоустройство выпускников, вакансии.

Актуальность данной работы обусловлена тем, к 2024 году численность студентов в российских вузах увеличилась на 281,1 тыс. человек [2,1], а это значит, что в течении следующих 3 лет высока возможность увеличения числа соискателей по различным направлениям подготовки, в том числе и по техническим. Объектом исследования являются медиаресурсы во «ВКонтакте» и в «Телеграм», а предметом – медиаресурсы карьерных центров университетов, где обучают техническим специальностям.

Для решения первой задачи были отобраны медиаресурсы карьерных центров 7 университетов на интернет-платформах «Телеграм» и «ВКонтакте». Информация из информационных систем университетов не учитывалась, т.к. для получения доступа к ней необходимо иметь там личный кабинет. После чего был проведен контент-анализ публикаций за период с 1 октября 2023 года по 30 сентября 2024 года. Полученные данные представлены в Таблице 1.

Измеряемые параметры	Балтийский государственный технический университет Военмех	Санкт-Петербургский государственный морской технический университет	Санкт-Петербургский Государственный технологический институт	Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет	Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций	Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II	Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
Число обучающихся студентов	4500	4778	5798	8000	8000	8500	8000
Количество постов за год в «Телеграм»	214	343	0	280	129	152	280
Количество вакансий в «Телеграм»	120	221	0	338	180	185	338
Количество уникальных вакансий в «Телеграм»	120	221	0	88	180	185	88

Количество постов с вакансиями в «Телеграм»	120	221	0	264	80	142	264
Количество просмотров вакансий в «Телеграм»	1212,4	153,6	0,0	20,4	66,7	569,4	20,4
Количество карьерных мероприятий в «Телеграм»	12	45	0	12	12	5	12
Количество практик в «Телеграм»	64	25	0	0	27	0	0
Количество подписчиков в «Телеграм»	803,8	178	5	76	67	807	76
Хештеги/типовые названия в «Телеграм»	хештеги	-	-	типовые названия	-	-	типовые названия
Дата создания канала в «Телеграм»	07.03.23	04.09.23	22.11.22	25.04.22	12.09.22	11.12.23	25.04.22
Количество постов за год во «ВКонтакте»	Закрывающая группа	Нет группы	233	242	368	Нет группы	242
Количество вакансий во «ВКонтакте»	-	-	553	867	1502	-	867
Количество уникальных вакансий во «ВКонтакте»	-	-	432	40	282	-	40
Количество постов с вакансиями во «ВКонтакте»	-	-	432	40	282	-	40
Количество просмотров вакансий во «ВКонтакте»	-	-	114	40	120	-	40
Количество карьерных мероприятий во «ВКонтакте»	-	-	216,9	244,1	250,5	-	244,1
Количество практик во «ВКонтакте»	-	-	48	40	48	-	40
Количество подписчиков во «ВКонтакте»	-	-	6	12	168	-	12
Хештеги/типовые названия во «ВКонтакте»	нет	нет	хештеги	нет	нет	нет	нет
Дата создания канала во «ВКонтакте»	-	-	23.11.22	09.09.20	19.08.19	-	-

Таблица 1 - Результаты контент-анализа

Также в ходе решения первой задачи появилась проблема отсутствия информации о количестве выпускников в 2023 году у 5 из 7 вузов. Полную информацию удалось найти только у БГТУ «Военмех», и частично у СПбГЭТУ «ЛЭТИ» и СПбГМТУ. Из-за этого потребовалось рассчитать приблизительное число готовых к трудоустройству выпускников бакалавриата, специалитета, а также учесть студентов, обучающихся в магистратуре. После

анализа статистики на официальном портале Министерства науки и высшего образования [1,1] было решено взять число равное 25% от общего числа студентов вуза.

На основе полученных данных были выведены основные критерии для определения особенностей того, как карьерные центры ведут свои медиаресурсы. Они представлены в электронной таблице [4,1] и на рисунках с 1 по 7.

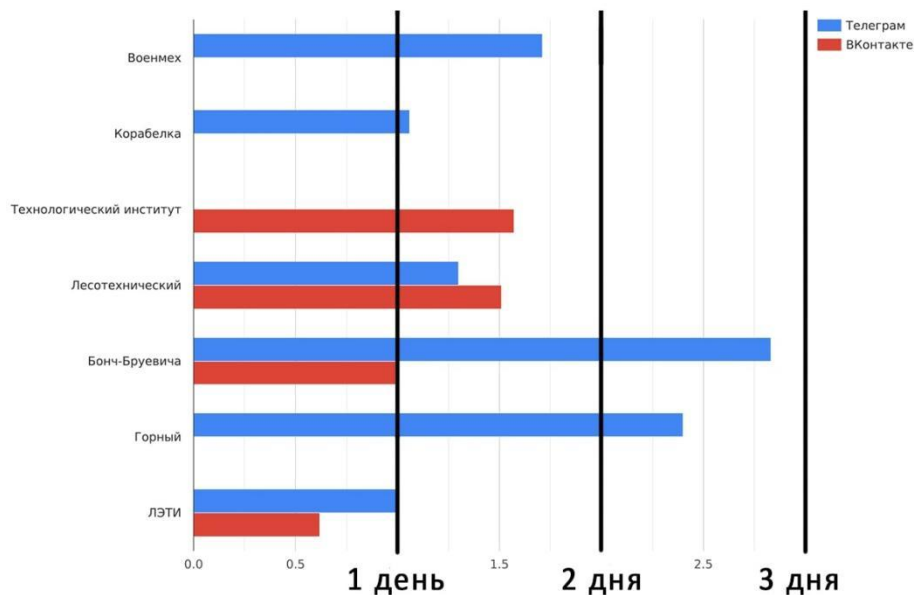

Рисунок 1 - Частота публикаций в Телеграм и ВК

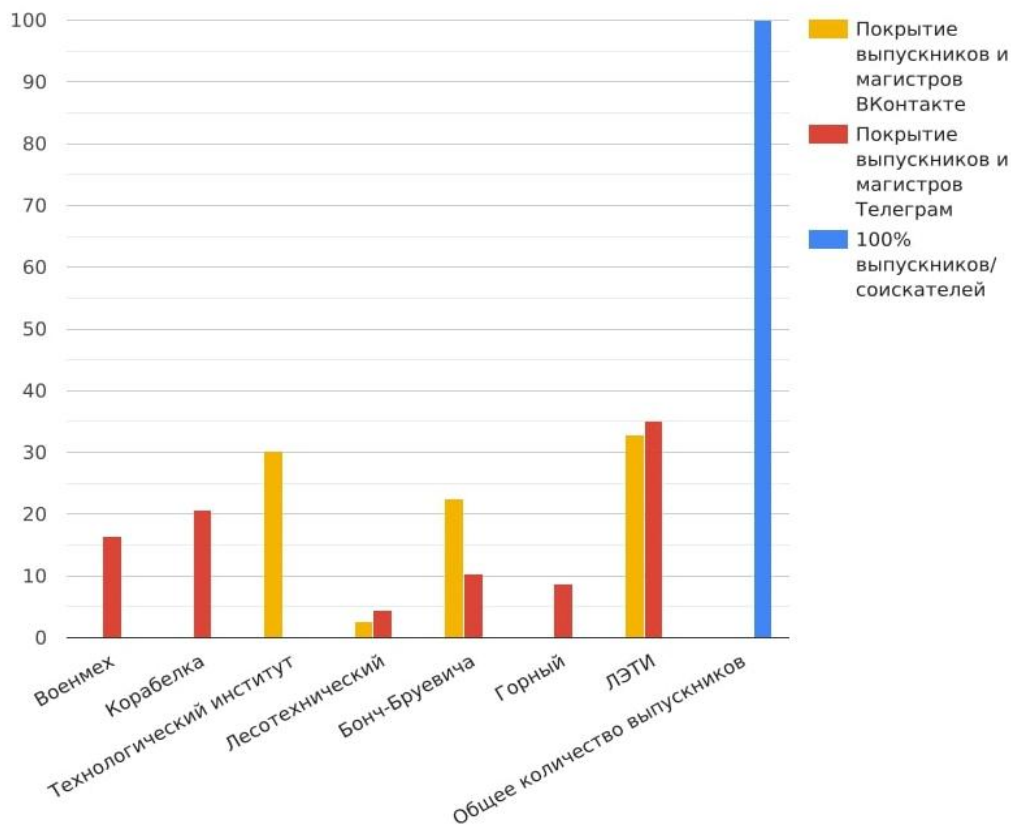

Рисунок 2 - Отношение количества вакансий к количеству выпускников

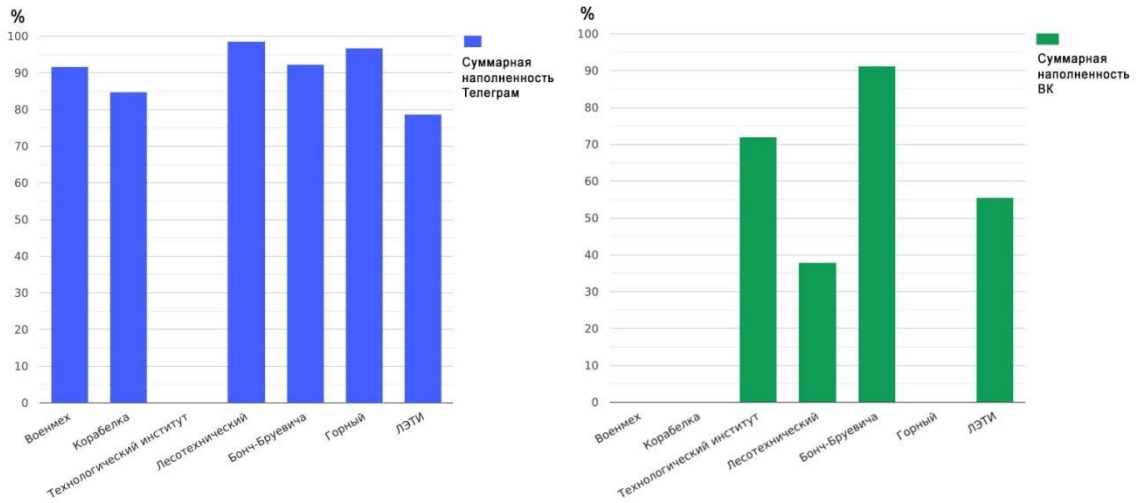

Рисунок 3 - Отношение количества вакансий к общему количеству постов

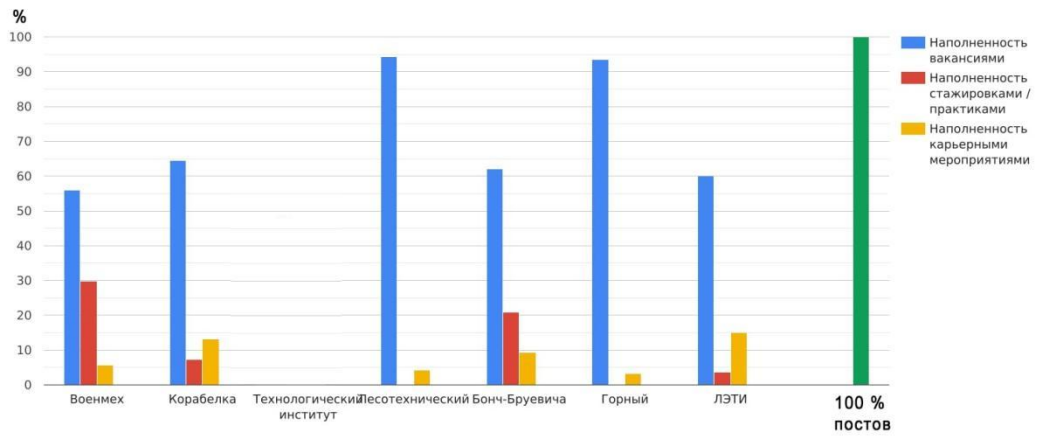

Рисунок 4 - Отношения количества вакансий, стажировок и карьерных мероприятий к общему количеству постов в Телеграм

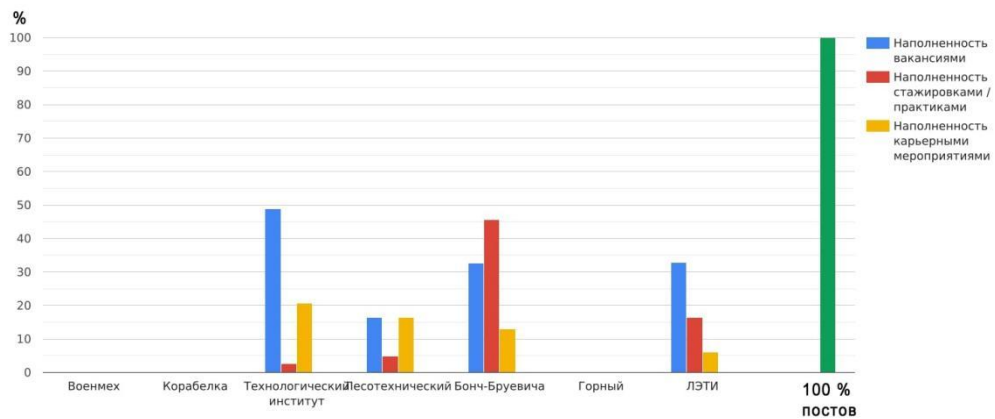

Рисунок 5 - Отношения количества вакансий, стажировок и карьерных мероприятий к общему количеству постов во ВКонтакте

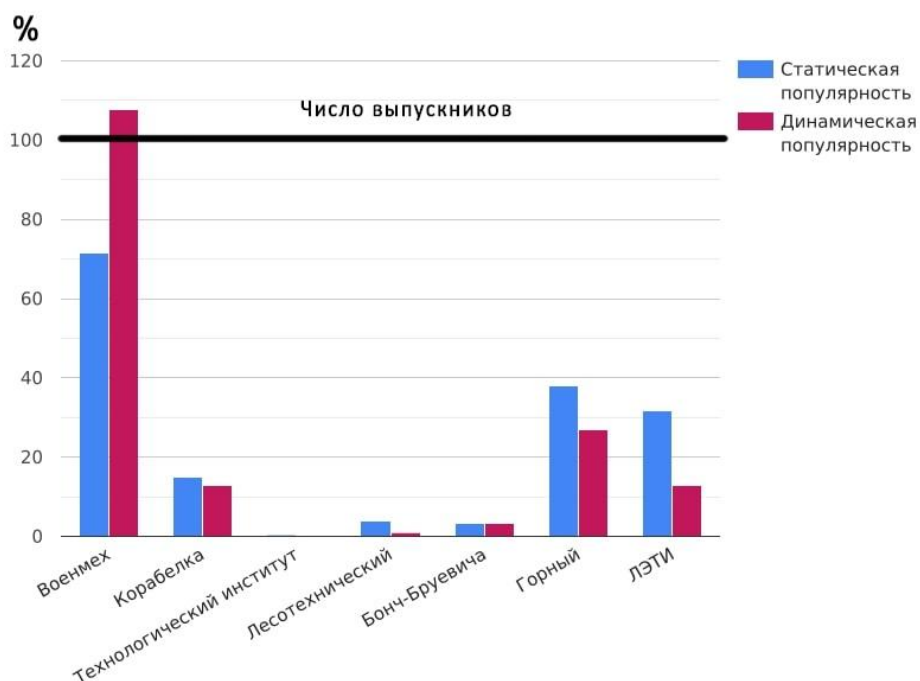

Рисунок 6 - Отношение количества подписчиков или просмотров к общему числу выпускников в Телеграм

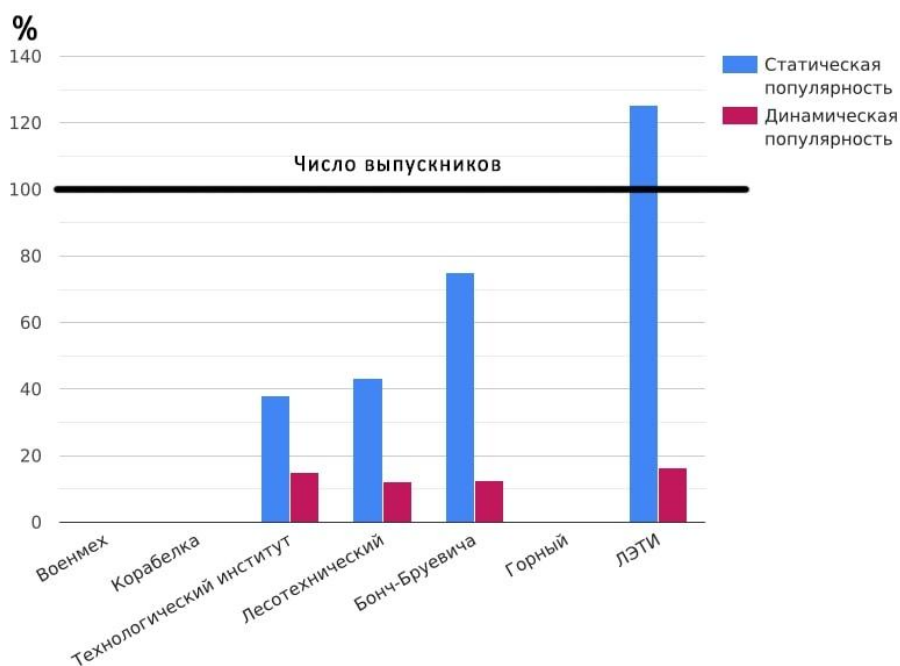

Рисунок 7 - Отношение количества подписчиков или просмотров к общему числу выпускников во ВКонтакте

На основании полученных данных можно сделать следующие выводы. Ни один карьерный центр не предлагает столько вакансий, сколько есть выпускников в его университете. Также у трех университетов отсутствуют группы во «ВКонтакте» и у одного университета нет группы в «Телеграм» [3,1]. В «Телеграм» только у одного университета (БГТУ «Военмех») количество просмотров больше, чем количество выпускников (1125 выпускников, 1212,4 среднее количество просмотров). Неизвестно, насколько уникален каждый просмотр. У других университетов этот показатель не превышает числа выпускников, и из-за этого можно сказать, что публикации карьерного центра БГТУ

«Военмех» пользуются популярностью. Нельзя однозначно сказать, в чем причина такого явления, но она может заключаться в соотношении вакансий, стажировок и карьерных мероприятий. В «Телеграме» БГТУ «Военмех» соотношение следующее: публикаций с вакансиями 55%, стажировок и практик - 30% и карьерных мероприятий - 5%. Похожее соотношение наблюдается у СПбГУТ им. «Бонч-Бруевича»: там 60% вакансий, 20% стажировок и практик, 9% карьерных мероприятий. По показателю просмотров в «Телеграм» у этого университета значение ниже числа выпускников. Также БГТУ «Военмех» - это университет, у которого значение частоты публикаций находится ближе всего к 2 дням (1,71 дней). По таким показателям, как покрытие выпускников, этот университет находится на 3 месте, а суммарное наполнение - на 4 месте, а также 1 место по количеству стажировок в процентном соотношении, как показано на рисунке 2. У этого университета число уникальных вакансий составляет 100%. Кроме того, в канале этого карьерного центра есть хештеги, при помощи которых можно легко найти нужный вид публикации.

Также стоит отметить, что часть от оставшихся 8,41% публикаций в «Телеграме» карьерного центра БГТУ «Военмех» содержит видеовизитки предприятий-партнеров университета. В медиаресурсах других карьерных центров такой информации не было найдено.

Было обнаружено, что во «ВКонтакте» динамическая популярность находится на одинаково низком уровне, ниже 18%. В «Телеграме» такой ситуации не наблюдается. Это может быть из-за того, что в среднем значение суммарной наполненности во «ВКонтакте» (0,37) ниже, чем в «Телеграме» (0,78).

На основании полученных данных можно предложить следующие рекомендации:

Публиковать как можно больше постов с информацией о вакансиях, стажировках, практиках и карьерных мероприятиях.

Публиковать вакансии не реже, чем раз в два дня.

Придерживаться такого соотношения, чтобы вакансий было больше 50%, практик и стажировок не менее 20%, а также не менее 5% карьерных мероприятий.

Периодически публиковать информацию о партнерах университета.

1. *Официальный сайт министерства науки и высшего образования [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/50956/>*
2. *Официальный сайт российского союза ректоров [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rsr-online.ru/news/2024/6/4/v-rossijskih-vuzah-uvlichilos-chislo-studentov/>*
3. *Подборка ссылок на карьерные центры университетов [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://disk.yandex.ru/i/GzdmpkCD54iBwg>*
4. *Таблица с основными показателями [электронный ресурс] – Режим доступа: https://disk.yandex.ru/i/zlXG_WwO1cem3A*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Ли Мэнтин

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Развитие информационных технологий привело к появлению новых форм социального взаимодействия. Особенно в пригородах и городах сети заменили физическое пространство в качестве основы для социального взаимодействия. Таким образом, определение сообщества в смысле социальных сетей может характеризовать новые формы социального взаимодействия. Такое социальное взаимодействие описывается определением сообщества, предложенным Б. Веллманом: «Сообщества - это сети межличностных связей, которые обеспечивают общение, поддержку, информацию, ощущение принадлежности и социальную идентичность» [1, 36].

Во-первых, в отличие от реальных сообществ, виртуальные координируют свои действия с помощью сетевых технологий. С учетом характера межличностного взаимодействия и коммуникации в виртуальных сообществах в режиме реального времени можно разделить их на две категории: со-временное взаимодействие (синхронное взаимодействие) и несовременное взаимодействие (асинхронное взаимодействие). Синхронные взаимодействия, такие как группы и чаты, могут поддерживать отображение онлайн-информации об участниках, мгновенную передачу сообщений и разговоров, а также мгновенную отправку файлов и передачу голосовых адресов URL. Асинхронные взаимодействия, с другой стороны не требуют немедленного ответа или обсуждения, а просто высказывают свое мнение и чувства, как в случае с блогами.

Во-вторых, виртуальные сообщества имеют четкие границы (членство) и общие интересы участников, а социальное взаимодействие членов внутри виртуального сообщества является свободным, что снимает некоторые проявления социального неравенства. Для виртуальных сообществ характерно нивелирование неравенства в социальном статусе участвующих в них субъектов. Информационная стратификация - одна из основных черт социальной структуры виртуальных сообществ, где социальный статус индивидов юридически не закреплен. Однако отношения, формирующиеся при таком социальном взаимодействии, не имеют центра и стабильности.

В-третьих, социальное взаимодействие в виртуальных сообществах - это саморегулируемое, взаимообязывающее взаимодействие. Такой формат взаимодействия дает участникам возможность конструировать новые правила. Индивидуализация социальных взаимодействий в виртуальных сообществах делает их влияние на регулирование взаимодействий слабее, чем в реальных сообществах, что приводит к большей мобильности членов виртуальных сообществ. Такой факт затрудняет установление норм и управление взаимодействием в оперативном смысле. Таким образом, взаимодействие в виртуальных сообществах основывается на доверии к членам сообщества.

Новые формы социальных взаимодействий в виртуальных сообществах отличаются от традиционных признаками интерактивности, условности, гибкости, обезличенности и анонимности, наличием символов [2, 91]. Таким образом, несмотря на получение новых масштабов социального взаимодействия в виртуальных сообществах, практические проблемы, которые они представляют, по-прежнему можно увидеть в вышеуказанных характеристиках.

Во-первых, асинхронный характер взаимодействия неизбежно приводит к запаздыванию сессий взаимодействия. В виртуальном сообществе, если влияние отдельных

людей на процесс группового обсуждения снижается, а вклад участников в принятие групповых решений становится незначительным, это может привести к нескоординированному социальному взаимодействию и отчужденности межличностных отношений внутри сообщества.

Во-вторых, большинство социальных взаимодействий в виртуальных сообществах позволяют членам участвовать в них анонимно. Хотя такая открытость обеспечивает свободу и удобство для участников, увеличение анонимности означает рост числа людей, формирующих искаженные и недостоверные личности, что провоцирует антисоциальное поведение некоторых людей. Это не только приводит к кризису доверия между членами сообщества, но и является важным фактором, обуславливающим нестабильность виртуальных сообществ.

Наконец, социальные взаимодействия, основанные на саморегуляции, могут страдать от ослабления обязательных правил. С увеличением размера сообщества становится сложнее координировать действия участников, и появляется проблема контроля лидеров над выполнением заданий. Это в определенной степени противоречит замыслу виртуальных сообществ, которые стремятся сохранить свободу участия членов, и неизбежно подрывает устойчивость виртуальных сообществ. Для успешного функционирования сообществ необходимо умеренно и эффективно управлять процессом социального взаимодействия.

1. *Wellman B. Networks in the global village: Life in contemporary communities. Boulder, CO: Westview Press, 2018. P. 36.*
2. *Луканин, А. В. Особенности социальных взаимодействий в виртуальных сообществах. Регионоведение, 2013. С. 88-92.*

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ МЕДИАТИЗАЦИЯ СФЕРЫ ЗДОРОВЬЯ

*Лядова Анна Васильевна
(ФГБОУ ВО "Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова")*

*Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-28-01081,
<https://rscf.ru/project/23-28-01081/>*

Аннотация: В настоящем исследовании на основе обзора теоретических подходов, статистических данных, включая полученные по результатам авторского эмпирического исследования, выявлены особенности конструирования здоровьесбережения молодежи в условиях медиатизации сферы здоровья. Показано, что под влиянием новых медиа представления о здоровье и практики заботы о нем в молодежной среде отличаются от традиционных паттернов и моделей.

Ключевые слова: медиатизация сферы здоровья; конструирование здоровьесбережения молодежи.

Одной из приоритетных национальных целей развития Российской Федерации выступает укрепление здоровья молодых россиян и приобщение их к практикам здорового образа жизни, что находит отражение в официальных нормативно-правовых документах [8, 13, 14], а также реализуемых в рамках молодежной политики мероприятий, направленных на воспитание здоровой личности и формирование здоровьесберегающего поведения у молодых людей.

В целом, предпринимаемые российским государством меры имеют определенную эффективность, что подтверждают данные общероссийских опросов, демонстрирующие положительную динамику в возрастании ценности здоровья в системе жизненных установок молодого поколения [2, 11, 12].

Однако изучение наиболее распространенных практик здоровьесбережения среди молодых людей свидетельствует, что ценность здоровья имеет для них в большей степени формальный характер и не интернализирована в систему их установок и мотивов поведения в отношении здоровья [4, 5, 9], в связи с чем экспертное сообщество высказывает опасения из-за роста заболеваний и распространения в данной социальной группе таких деструктивных практик, как употребление табакокурения, алкоголя, наркотиков, а также появления новых видов аддикций [6, 7, 10, 15].

Вследствие этого закономерным выступает вопрос о причинах выявляемого феномена «парадокса здоровьесбережения» в молодежной среде.

Здоровьесбережение как деятельность, направленная на улучшение и сохранение здоровья, включает не только набор соответствующих практик и ценностно-мотивационную компоненту, но и определенный уровень знания о здоровье, рисках ему и способах его поддержания. Более того, именно когнитивный компонент, на наш взгляд, является основой для других при формировании здоровьесберегающего поведения, что подтверждают релевантные исследования отношения населения к своему здоровью в период пандемии [1, 3, 16], когда комплентность превентивным мерам во многом зависела от уровня информированности граждан о степени риска и угрозах заболевания. Поэтому, рассматривая особенности конструирования здоровьесбережения в молодежной среде, очевидна необходимость изучения источников формирования их представлений о здоровье и практиках заботы о нем.

Согласно теории социальных представлений С. Московичи, содержание социальных представлений - это совокупность коллективного знания, которое связано с культурой, социальными нормами, а также отражение повседневного мира человека, его субъективного опыта [17, 214]. При этом основным фактором их формирования является коммуникация, и ключевую роль в ней играют средства массовой информации и порождаемые ими дискурсы [18].

Под влиянием цифровизации коммуникативным мейнстримом сегодня выступают новые медиа, которые плотно вплетены в нашу повседневность и уже являются ее неотъемлемой частью, порождая феномен медиатизации разнообразных сфер нашей жизнедеятельности, включая и здоровье. В этой связи представляется обоснованным введение в научный оборот понятия «медиатизация сферы здоровья», под которым автором понимается процесс трансформации существующей и конструирования новой институциональной структуры, социальных представлений, установок и паттернов в сфере здоровья вследствие воздействия новых (цифровых) медиа. В условиях медиатизации здоровьесбережение формируется на основе транслируемых в медиа образов и практик, с помощью которых закрепляются определенные паттерны восприятия, а посредством их артикуляции происходит их принятие и усвоение.

Современное молодое поколение относится к т.н. цифровым аборигенам, кого отличает глубокая вовлеченность в цифровую среду и коммуникацию через цифровые медиа. Поэтому их представления о социальной реальности, включая и сферу здоровьесбережения, во многом детерминированы этими новыми источниками конструирования информации и социального знания.

Результаты проведенного автором исследования здоровьесбережения молодежи демонстрируют преобладание в качестве основных именно онлайн-источников. Также молодые люди также активно используют профильные страницы, например, ЗОЖ-блоги, при этом их выбор этих источников обусловлен привлекательностью контентмейкера, доступностью информации, общностью взглядов и возможностью без каких-либо барьеров (психологических, физических, временных, материальных) получить ответ на волнующие их вопросы, которые зачастую молодые респонденты не всегда могут задать близким (родителям) в силу табуированности тем (например, касательно репродуктивного или психического здоровья).

Анализ результатов проведенного автором эмпирического исследования конструирования социальных представлений молодежи о здоровье и здоровом образе жизни позволил выявить ряд особенностей формирования здоровьесбережения молодежи в условиях медиатизации, в частности:

- установлено, что вследствие множественности транслируемых в цифровом медиапространстве образов здоровья и здорового образа жизни происходит размывание традиционных представлений о них в молодежной среде;

- преобладание цифровых устройств в жизни молодых людей способствует конструированию новой - персонализированной модели здорового образа жизни, включающей в том числе, цифровые практики селф-трекинга;

- преобладание в современном цифровом медиапространстве по проблематике здоровья неформального дискурса снижает статус институциональных практик заботы о здоровье, таких, как диспансеризация и профилактические осмотры, а также усиливает недоверие к институту медицины в целом;

- посредством артикуляции в новых медиа (блогах) определенных проблем здоровья, в частности, психических, наблюдается феномен переориентации части молодого

поколения с заботы о физическом здоровье на вопросы личностного благополучия и психической устойчивости.

1. Акименко Г.В., Начева Л.В., Лопатин А.А., Селедцов А.М., Кирина Ю.Ю. Инфомедия: фейковые новости в условиях пандемии // *Вестник общественных и гуманитарных наук*. 2021. Т. 2. № 3. С. 43-52.
2. ВЦИОМ. Здоровый образ жизни: мониторинг. 22 мая 2024 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения: 01.09.2024).
3. Дудина В. И., Сайфулина В. О. «Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось»: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 1. С. 279-298.
4. Журавская Н. С., Аленицкая М. В., Янович В. А. К вопросу о формировании восприятия здорового образа жизни студенческой молодежи (на примере студентов Владивостокских вузов) // *Здоровье населения и среда обитания - ЗНиСО*. 2022. Т. 30. № 12. С. 37-44.
5. Закирова А. И., Литовченко О. Г., Тостановский А. В. Отношение студентов к здоровому образу жизни // *Профилактическая медицина*. 2023. Т. 26. № 3. С. 75-80.
6. Липанова Л.Л., Кутузова Ж.К., Насыбуллина Г.М., Протасова О.С., Данилова М.А. Распространенность употребления и факторы риска приобщения к алкоголю и курению среди школьников // *Здоровье населения и среда обитания – ЗНиСО*. 2023. Т. 31. № 10. С. 44-53.
7. Лисенкова А. А., Труфанова Е. О. Цифровой эскапизм - от аддикции до аскетизма // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. Т. 5. №. 3. С. 17-34.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 года № 3081-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/Rr4JTrKDQ5nANTR1Oj29BM7zJBHXM05d.pdf> (дата обращения: 02.09.2024).
9. Савина А.А., Фейгинова С.И. Распространенность ожирения среди населения Российской Федерации: период до пандемии COVID-19 // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2022. Т.68 (5). № 4.
10. Салагай О.О., Сахарова Г.М., Антонов Н.С. Глобальное обследование молодежи 13–15 лет о потреблении табака в Российской Федерации: динамическое наблюдение 2004–2021 гг. // *Терапевтический архив*. 2024. Т. 96(3). С. 233–239.
11. Система здоровьесбережения студенческой молодежи: XXI век. М., 2021. 348 с.
12. Судьин С. А. Здоровье и практики здоровьесбережения: межкогортный анализ // *Социальные контексты здоровья: монография*. Нижний Новгород, 2020. С. 52-67;
13. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 № 309. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?index=1> (дата обращения: 02.09.2024).
14. Федеральный Закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202012300003.pdf> (дата обращения: 02.06.2024).
15. Чимаров С. Ю. Зарубежный опыт исследования предметного поля психологии гемблинг-аддикции личности современного цифрового мира // *Российский девантологический журнал*. 2023. Т. 3. №. 3. С. 290-303.
16. Lupton D. *COVID Societies: Theorising the Coronavirus Crisis*. Abingdon: Routledge, 2022.
17. Moscovici S. *Notes towards a Description of Social Representations* // *European Journal of Social Psychology*. 1988. No. 18. P. 211-250.
18. Moscovici S. *Social Representations: Essays in Social Psychology*. NYU Press, 2001. 313 p.

ЦИФРОВОЙ ДИСКУРС СОВРЕМЕННЫХ ИНСТИТУТОВ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЕ СМЫСЛЫ

*Марьяна Людмила Петровна
(СПбГУ)*

Автор рассматривает цифровизацию институтов культуры как способ создания новых смыслов и активизации культурных коммуникаций в новой геополитической ситуации. В данном контексте анализируются подходы и факторы, влияющие на возможности использования медиаискусства, диджитал-проектов, изданий о стиле жизни на формирование общественного мнения, культурных нарративов.

Ключевые слова: культурные коммуникации, медиаискусство, медийные ресурсы, репрезентация искусства, цифровое искусство.

Синтез технологий, искусства и массовой культуры расширяет содержание коммуникации, в ней преобладают интерактивная и эмоционально-психологическая составляющая. СМИ в данном контексте доносят до публики информационное и смысловое наполнение культурного события [1]. Хотя информационные коммуникации имеют давнюю историю, именно с появлением электронных технологий стали реальны дистанционные методы воздействия, которые охватывают широкую аудиторию и усиливают эмоционально-психологическое воздействие журналистских текстов. Динамика журналистики как феномена культуры также подвержена этим трансформациям [6].

Цель исследования: изучение специфики расширения функциональных возможностей интернет-искусства и медийных ресурсов как средства активизации культурных коммуникаций. Предмет нашего исследования: контент нового искусства и медиа в аспекте современных культурных коммуникаций. Объект исследования: цифровые практики искусства и средств массовой информации, создающие новые смыслы в городском пространстве.

Цифровая трансформация актуальна в театральной индустрии. Медийные платформы, онлайн-трансляции спектаклей, виртуальные экскурсии за кулисы театрального процесса — все это открывает новые горизонты для театральной журналистики и придает ей новую динамику. Новые тенденции в репрезентации театрального искусства по созданию имиджа учреждений культуры исследует А. А. Иванова [3, с.8-85]. О важности трендов в продвижении театра социальными сетями пишет К. А. Тюкавкина [4], акцентируя внимание на таком новом канале культурных коммуникаций, как социальная сеть Telegram.

В России появление цифрового театра связывают с режиссером Андреем Могучим [2, с. 60]. Он впервые соединил традиционные инструменты театрального спектакля и передовые информационные технологии в 2012 году на IV фестивале-лаборатории современного искусства «Театральное пространство Андрея Могучего (ТПАМ)». В рамках этого фестиваля зрители имели возможность наблюдать через интернет за всеми этапами создания мультимедийного проекта-спектакля по роману «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского.

Сегодня появляются новые цифровые форматы театрального контента. Отметим распространение записей спектаклей и премьерных показов в социальных сетях. Например, во ВКонтакте в последнее время стали устраивать онлайн показы. Так, 15 февраля 2024 прошла премьера спектакля режиссера Антона Бутакова «Метаостровский» по пьесе «Без вины виноватые». Спектакль представляет собой «бэкстейдж-драму», в которой режиссер, актеры, композитор и ассистенты в течение полутора часов обсуждают методы

интерпретации классической пьесы в современном контексте. Этот пример свидетельствует о стремлении театральных коллективов к инновационным подходам в условиях цифровой реальности [5].

Таким образом, цифровизация приносит в культурные коммуникации новые возможности и вызовы, требующие адаптации и стратегического планирования для эффективного взаимодействия с современной медиасферой, расширяют доступность и гибкость трансляции культурного контента.

1. Бунакова М. Н. Диджитализация оперного искусства: цифровые практики и виртуальные режимы бытования классической оперы // *Вестник культуры и искусств*. №4. Челябинск, 2020. С. 97.
2. Вилисов, В. Нас всех тошнит. Как театр стал современным, а мы этого не заметили. / Вилисов В. – М.: Издательство АСТ, 2020. – С. 45-76.
3. Иванова А. А. Позиционирование петербургских драматических театров в социальных сетях в 2020 году – Санкт-Петербург, 2021. – С. 78–85.
4. Тюкавкина К. А. Тренды продвижения театра в социальных сетях и мессенджерах в 2021 году / К. А. Тюкавкина // *Научный взгляд в будущее*. – 2021.
5. Червоняций, В. В. Цифровая трансформация журналистики: роль креатива и диджитал-технологий // *Практический маркетинг*. – 2023. – №5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-zhurnalistiki-rol-kreativa-i-didzhitel-tehnologiy> (дата обращения 07.09.2024).
6. Grishanina A., Maryina L., Grishanina A., Liseev R. & Lai L. *Digitalization as Strategies for Public Self-management of the Cultural Environment during the Pandemic// XV International Scientific Conference “INTERAGROMASH 2022”*: Global Precision Ag Innovation 2022, Volume 1. Springer Nature, 5.02.2023.

ВИРТУАЛЬНЫЕ ДЕЛИНКВЕНТНЫЕ СУБКУЛЬТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ПРОСТРАНСТВО КОММУНИКАЦИИ

*Молчанов Артём Андреевич
(Кемеровский государственный университет (КемГУ))*

Современное российское общество представляет собой многоуровневое социокультурное образование, проявляющееся в функционировании системы социальных институтов, организаций и групп. Первостепенное значение в регулировании и поддержании социального равновесия отводится правовым и социальным нормам, обращение к которым выступает легальной формой отнесения поведения людей либо к нормативному, либо к девиантному. Согласно немецкому социологу Никласу Луману, основным компонентом общества является коммуникация, выступающая базовой социальной операцией. В основе представлений Лумана лежит процесс самовоспроизведения систем путём обретения смысла как различия между системой и её окружением [5, 114-119]. Развитие современных средств общения позволяет молодым людям выступать участниками различных онлайн-сообществ (в том числе и субкультурных). Данные сообщества позволяют пользователям удовлетворять потребности в общении, познании, признании и самореализации, не привязывая их к конкретным локально-географическим и временным рамкам. С. И. Левикова предлагает рассматривать субкультуры как социокультурный феномен молодежной среды. К общим признакам формирования и развития субкультур, по ее мнению, относятся: углубленное погружение в определенные аспекты современной (для того или иного поколения молодежи) культуры; выбор неформальных идей, смыслов и символов как фундамента для интеграции [4, 157].

С точки зрения современных исследователей, субкультурные онлайн-сообщества в эпоху виртуализации повседневности принимают роль коммуникативного пространства. При этом существуют сообщества, способные оказывать негативное воздействие на нормативную социализацию молодых людей [2, 3-5]. Американский социолог Говард Беккер отмечает, что представители делинквентных субкультурных сообществ имеют в своем арсенале накопленный опыт по моральному оправданию своей деятельности. Они предоставляют “новичку” продуманные поводы дальнейшего следования начатой линии противоправного поведения [1, 51-59].

Сообщества делинквентных субкультур открыто представлены в самых популярных социальных сетях, что значительно облегчает молодым людям доступ к различной тематической информации. Степень популярности того или иного онлайн-сообщества хоть и определяется количеством подписчиков, однако не все из них следуют субкультурному образу жизни. Некоторые могут быть лишь наблюдателями за различными проявлениями альтернативных стилей жизни сверстников. Автором статьи для изучения специфики социальной коммуникации участников виртуальных сообществ противоправных субкультур было проведено пробное социологическое исследование с использованием метода качественного контент анализа. Анализировались комментарии в действующих тематических аккаунтах. Для рассмотрения были отобрано 5 открытых сообществ противоправных субкультур, наиболее популярных среди молодежи: “ВОРОВСКОЙ”; “Криминал”; “ЧВК РЕДАН”; “Okolofutbola.TV”; “Футбольные Фанаты | Околофутбол | ОФ”. Всего был рассмотрен 3 331 комментарий (сумма из последних 10 публикаций каждого сообщества), за период с 15 января по 15 марта 2024 года. Полученная информация представлена в таблице 1.

Таблица 1

Коммуникационная повестка онлайн-сообществ популярных делинквентных субкультур

Субкультура	Сообщества	Повестка сообщества
“АУЕ” (движение, запрещенное на территории РФ)	“ВОРОВСКОЙ” (подписчиков – 31887).	Публикуются отрывки из фильмов и сериалов, посвященных преступному образу жизни. Романтизируются криминальные высказывания различных популярных деятелей преступного мира.
	“Криминал” (подписчиков – 81425).	Активно публикуются: отрывки из фильмов; сюжеты о “ворах в законе”; видео потасовок и др.
“ЧВК РЁДАН”	“ЧВК РЕДАН” (подписчиков - 37304).	Лента сообщества состоит из фотографий представителей субкультуры. Они сопровождаются текстом, который чаще всего отражает территориальную принадлежность участника сообщества.
“Футбольные фанаты”	“Okolofutbola.TV” (подписчиков - 70251).	Основная публикационная активность сообщества заключается в популяризации художественных и документальных фильмов (преимущественно зарубежного производства) о футбольных хулиганах.
	“Футбольные Фанаты” (подписчиков – 58356).	В сообществе публикуются мемы и видео развлекательного содержания, касающиеся темы футбола и фанатского движения. Освещаются события с мест потасовок фанатов.

Сообщества субкультуры “АУЕ” (субкультура признана экстремистской и запрещена на территории РФ) можно идентифицировать по аватаркам профиля (чаще всего они содержат изображение восьмиконечной черно-белой звезды). Публикационная и

коммуникационная активность в “АУЕ” сообществах, несмотря на все возможные институциональные ограничения, отличается достаточно высокой интенсивностью. В комментариях под публикациями доминируют: **высказывания негативного характера в отношении сотрудников правоохранительных органов**, при этом наблюдается рутинизация – приведение коммуникации к простым схемам и сленговым ярлыкам. Приведем примеры: *“Правильно ответил тебе”, “ты мусор голимый”*; *“одно слово мусор”*; *“жизнь вора мусорам”*. Также в коммуникации наблюдается **романтизация криминальной деятельности**: *“Слава ходу чёрному”*; *“молодей дядя, мои братья мои родненькие желаю вам фарту здоровья и всего наилучшего”*; *“вора вечно здоровья”*.

Общение участников ЧВК РЕДАН как одной из новейших субкультур отличается наибольшей интенсивностью в сравнении с другими. Один пост в одноименном телеграм канале может собирать от 50 до 1000 комментариев пользователей. В среднем за неделю в этом сообществе публикуется около 30 постов. Телеграм канал “ЧВК РЕДАН” позиционирует себя как сообщество, которое не призывает к противоправным действиям. Основной формой коммуникации его участников выступает **поиск “своих” на определенной территории**. Приведем примеры: *“Кто с Ижевска???”*; *“Где редан в Усьолье-Сибирском?”*; *“кто в Красносельском районе живет?”*. Интерес к локализации говорит о том, что для “редановцев”, несмотря на все преимущества интернет-коммуникации, важна географическая близость (в пределах города, района). Степень представленности участников субкультуры в том или ином пространстве сообщает о степени вовлеченности сверстников, с которыми можно организовать совместный досуг.

Рассмотренные онлайн-сообщества футбольных фанатов открыто демонстрируют субкультурную активность. Например, администраторы группы VK “Okolofutbola.TV” заявляют, что их целью является информирование участников о субкультурных практиках, посредством популяризации различных художественных и документальных фильмов о футбольных хулиганах, тем самым, снабжая участников сообщества представлениями о их ценностях и жизненных ориентациях. В этой связи, актуализируется риск того, что молодые люди могут воспринять личности персонажей фильмов как образцы для подражания, даже если администраторы группы уверяют, что не пропагандируют насилие и другие противоправные действия. Коммуникация участников данного сообщества сосредоточена на: **обсуждении тематических фильмов**: *“Мне не зашел”*; *“книга отличная фильм не очень”*; *“Не смотрите вторую часть...”* и **выездных матчей футбольных команд**: *“У меня до сих пор у сына выездов больше чем лет”*; *“Ротор во второй лиге? Ужасссс”*; *“Да ништяк атмосфера”*. Среди наиболее ярких открыто демонстрируемых субкультурных практик выделяются противоправностью так называемые “забивы”, являющиеся выяснением отношений путём массовых драк между фанатами конкурирующих команд. Так, например, в сообществе “Футбольные Фанаты” участники активно **обсуждают видеоролики с “забивов”**: *“успокойся, терпила мусорской”*; *“Кони они на то и кони”*; *“Это подлый “прыжок” превосходящим количеством рыл”*.

Исследователи отмечают, что с точки зрения рассмотрения сетевых сообществ делинквентных субкультур как объектов социального управления, конкретные управленческие решения, направленные на минимизацию деструктивной коммуникации внутри субкультурных онлайн-сообществ должны включать в себя: разработку проектных целей, средств, методов воздействия, а также показателей эффективности мероприятий по вовлечению субкультурной молодежи в социально значимую активность. Применяемые в процессе реализации подобных управленческих решений средства и методы должны

основываться на выявленных в процессе социологических исследований потребностях, ценностных ориентациях и интересах представителей различных субкультур [3, 182-188].

Таким образом, каждое из рассмотренных нами субкультурных онлайн-сообществ вырабатывает как латентные, так и открытые формы противостояния с социальными и правовыми нормами. Субкультурные практики трансформируются и становятся предметом демонстрации и обсуждения в социальных сетях, что способствует увеличению интереса молодежи к ним. Проведенное пробное социологическое исследование позволило выявить коммуникационную повестку в популярных сетевых сообществах делинквентных субкультур: определить волнующие участников темы, а также проследить специфику виртуализации субкультурных практик и сленга. В заключении отметим потенциальный риск того, что молодые люди, не включенные в субкультурную активность, заметив популярность подобных сообществ могут увериться в безнаказанности противоправных поступков, из-за их открытой демонстрации. С нашей точки зрения необходим дальнейший социологический анализ особенностей коммуникации участников сетевых сообществ делинквентных субкультур, поскольку её латентный характер формирует новые риски криминализации молодежи.

1. Беккер Г. *Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности*. М.: *Элементарные формы*, 2018. 270 с.
2. *Вовлеченность подростков цифрового поколения в субкультурные сообщества* / Харланова Е. М. [и др.] // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2023. №5. С. 1-14
3. Иващенко Г.М. *Молодёжные субкультуры в системе социального управления*. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08:Уфа., 2003. 162 с.
4. Левикова С.И. *Молодежная субкультура*. М.: *Гранд-Фаир*, 2004. 607 с
5. Луман Н. *Что такое коммуникация?* // *Социологический журнал*. 1995. №3. С. 114-124.

«СОЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ МЕТАМОДЕРНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»

Непомилуева Мария Алексеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Исследование смысла как феномена, имеющего потенциал влияния на социальные взаимодействия и процессы в социологической науке берет начало от М. Вебера, Э. Гуссерля и А. Шюца до Н. Лумана и Дж. Александера, в отечественной науке от П.А. Сорокина до Ж.Т. Тощенко. В современной социологической литературе обосновывается целесообразность исследования социальных смыслов, или смыслов социальных действий, имеющих значимое влияние на социальные процессы, через анализ социальной коммуникации с привлечением данных о смыслах социокультурной среды [4, 16]. Сама социокультурная среда при этом представляется как пространство нахождения таких смыслов, виртуальная многоуровневая структура, содержащая интенцию коммуниканта, которая представляет собой константный смысл самой коммуникации [6, 34].

В социокультурной среде последних полутора десятилетий выделяется комплекс смыслов, связанный с концептом метамодернизма, оказывающих неравномерно значимое влияние на социальные процессы.

Истоки концепта метамодернизма лежат в сфере эстетики. Первые упоминания в работах Заварзаде 1975 г. не нашли достаточного подтверждения в социокультурной среде 1970-х, но нашли существенную репрезентацию в смыслах социокультурной среды 2010-х гг. [3].

Возникший как тенденция в развитии искусства и культуры, метамодернизм обнаруживает претензию на роль новой культурной, а затем и социально-философской парадигмы, призванной сформулировать конструктивные решения кризисных состояний постмодерна, ставших симптоматикой общего кризиса развитых капиталистических обществ. В качестве методологического подхода к формированию такого решения метамодернизм утверждает принцип осцилляции - колебаний между ключевыми смыслами и ценностями модернизма и постмодернизма, которые призваны дополнять друг друга («и то, и другое») в формируемом метамодернизмом смысловом пространстве.

Теоретики «метамодернизма» характеризуют его как «структуру чувства» и фиксируют ошибочность ранних попыток философов и социологов концептуализировать альтернативы постмодернизму через философию без утвердившегося культурного материала и практик [3].

В этом смысле метамодернизм, для которого свойственны «культуроцентризм» и преемственность, может быть оценен как наиболее состоятельная в социокультурном поле альтернатива парадигме постмодернизма, хотя методологические противоречия этому концепту также свойственны, а само понятие вплоть до настоящего времени не введено в предметное поле социологии.

Представляется возможным классифицировать имеющие социально-аксиологическое значение смыслы метамодернизма по следующим основаниям: теолого-гуманистические (отношение к Богу и человеку), пространственно-темпоральные (отношение к социальному пространству и времени), мировоззренческие (доминирующий тип мировосприятия), гносеологические (отношение к науке и получению знания), идеалистические (отношение к истине), просвещенческие (отношение к образовательному процессу), производственно-трудовые (представления о производственном процессе и трудовых отношениях), общественные (отношение к коллективам и социальным группам, потребность в идентичности), экологические (отношение к окружающей среде и

природным ресурсам), политико-организационные (представления об эффективном типе управления и политического участия, референтных политических субъектах), социокультурные (о духовных основаниях общественных явлений и процессов), эстетические (смыслы в области искусства), коммуникативные (доминирующий тип коммуникации), нарративно-авторские (отношение к тексту и нарративу, возможности авторского высказывания), методологические.

Теолого-гуманистические: «поворот к человеку», усиленное выражение чувств и настроения, экзистенциальные беспокойства человека, внимание к проблеме «что значит быть человеком сегодня». Отсюда внимание не к телу, а к организму, ценность здорового образа жизни и заботы о себе и ближнем. Толерантность к христианским ценностям как результат реабилитации метанарратива.

Пространственно-темпоральные:

Социальное время: преодоление Конца Истории как «блокировки исторического воображения». «Асинхронность» (возможность различных модальностей) как новый «режим историчности». Идея преемственности и взаимосвязи между прошлым, настоящим и будущим.

Социальное пространство: концепция интериорити Петера Слотердайка: формирование безопасных пространств для человека и человечества [8]. Идея планеты как дома человека. Понимание пространства не как формы, а как динамичной структуры, формируемой скорее энергией, нежели формой (открытые структуры с элементами самоорганизации) [1].

Мировоззренческие: аутопойезис и самоорганизация как принципы мировоззрения вместо механистичности модерна и случайности как мировоззренческого принципа постмодерна. Колебания «между иронией и энтузиазмом, между сарказмом и искренностью, между эклектичностью и чистотой, между разрушением и созиданием и т.д.» [Метамодернизм]. Концепция «либо оба, либо ни одного» [3]. Образ мышления «что, если» и «готовность верить», стратегическая наивность вместо цинизма постмодернизма. Феномен постиронии как дважды перевернутой искренности: осциллирует между двумя смыслами одновременно, «тихий бунт новой прямоты». Вместо смеха – серьёзность/лёгкая улыбка.

Реконструкция аффекта, реабилитация эмоций, новая сентиментальность (смесь меланхолии с эйфорией в форме ностальгии), «революция уязвимости», «новая эмоциональность» - отстраненная эмоциональность, ритуальное продление одной эмоции как осциллирующего аффекта.

Гносеологические: реконструкция как альтернатива деконструкции постмодерна, метамодернистское мышление умеет результативно трактовать парадокс [1]. Ценность нового знания. Задача метамодернизма - взаимодействие с людьми и создание общих методов познания [5].

Идеалистические: Синергия как новое отношение к истине (возможность бесконфликтного взаимодействия человека с истиной, творческий процесс индивидуального поиска идеала). Истина – объективна (как в модерне), но переживание истины – субъективно, идея достижимости истины с корректировкой на человеческую индивидуальность.

Просвещенческие: Доминирование цели реализации личностного потенциала в образовании над стремлением к коммерческому успеху. Ценность самообразования, развитие навыка заботы о сохранении самого себя, эмпатия в образовательном процессе.

Производственно-трудовые: знание как доминирующий производственный фактор. Попытки преодолеть отчуждение от процесса и результата труда через креативный подход

и новый маньеризм: взаимосвязь между преобразованием физических материалов и социальной солидарностью, значимость личной причастности к процессу создания, качественный выполненный труд как способ морального удовлетворения. Вместо ценности эффективности и концепции многозадачности – принцип «баланса между работой и жизнью», концепция “slow life” в повседневности.

Общественные: стремление к межсубъективной связи и коммуникации, личность метамодернистов социальна [3]. Вместо культа разности – проблема «одинаковости» людей [2]. Обмен историями как способ идентифицировать себя с другими, стремление к обретению общности, установлению вовлеченности, «структурная потребность в нас», прямое обращение к зрителю («Вы тоже это чувствуете?»), зависимость от эмпатии.

Экологические: ценность заботы об экологии, идея Земли как дома, безопасного пространства для человека и человечества [8]. Осознанное потребление и культ минимализма.

Политико-организационные: кооперативная модель управления: каждый участвует в реализации политики (экспертные, общественные обсуждения), возвращение в политику метанарратива и аффекта, тенденции к децентрализации, ценность многополярности и равного партнёрства.

Социокультурные: «глубиноподобие» метамодернизма, реконструирование утраченной трансцендентальности произведений и смыслов [7, 48]. Отказ от эсхатологических настроений, вектор на новое возрождение культуры. К культуре метамодернизма применима метафора «рынка с эко-продуктами» вместо «супермаркета» культуры постмодернизма.

Эстетические: метамодернизм принципиально не элитарен, смешение массового и элитарного перестает быть событием и предметом рефлексии. Интеллектуальные постструктурные представления сочетаются с языком поп-культуры, используемым для выражения эмоций. Искусство метамодернизма понятно всем, но предлагает более объемные смыслы. Отказ от интеллектуализма (метафора «прямой дороги» вместо «лабиринта» постмодернизма), детскость, дилетантизм. Метафора «песни» вместо «интеллектуального романа». Понятие новой атмосферы – сочетание чувственного и трансцендентного. Феномены «Новой умеренности», «нового минимализма» (чувственного). Неоромантический поворот: эстетика повседневной жизни наравне с эстетикой произведения искусства (например, сближение дизайна с процессом производства и использования продукта).

Супергибридность: непрерывное употребление прежних эстетических дискурсов без цитат. Концепция «ресайклинга отходов», т.н. новой экологии в искусстве вместо бесконечного поиска нового.

Коммуникативные: иероглифы Введенского – обращение к трансцендентным темам, намек на то, что нельзя выразить словами, через простые символы. Знаки используются не для выражения означаемого, а для поиска новых связей между словами.

Нарративно-авторские: Поиск новых повествовательных стратегий для преодоления экзистенциального кризиса героя. Единственный возможный нарратив – протосинтез [1]. Реабилитация метанарратива через «новую прямопу», сказанное утверждается через постиронию. Невозможность индивидуального авторского высказывания перестаёт быть событием. Доминанта прямого высказывания, тотальное присвоение высказывания и отказ от цитатности, Принцип «всё свое». Колебание между прямым высказыванием и пародией на него, возвращение к архетипичным формулам. Простой вокабуляр, простые обороты, принадлежащие всем интонации.

Методологические: осцилляция между модерном и постмодерном, протосинтез вместо синтеза: метамодернизм не совпадает ни с модерном, ни с постмодерном ни в одной точке своих колебаний (удерживая их под своим контролем, находясь наряду или среди них).

Реконструкция (или постдеконструкция). Реструктурализм и признание за языком «функции отношений между людьми». Использование прежних приемов постмодерна, но в другой функции. Метафора цветка над ризомой, корни (методы) – в ризоме, но тянется вверх.

Постиронический метамодернистский фундаментализм (игровое принятие любого из оснований) вместо постмодернистского антифундаментализма (избегание всех оснований).

По выделенным параметрам метамодернизм обладает чертами идеалистического типа культурной ментальности П.А. Сорокина [9]: пытается разумно трактовать парадокс, осциллирует между модерном и постмодерном как формами идеациональной и чувственной ментальности (между полюсами трансцендентности и её отсутствия, серьёзности и иронии, рациональности и иррациональности). Социальные смыслы метамодернизма являются гибридными формами социальных смыслов предшествующих проектов модерности.

1. Freinacht H. *You're not metamodern before you understand this. Part 2: Proto-Synthesis/Metamoderna* [Электронный ресурс]: 15.03.2015. URL: <http://metamoderna.org/youre-not-metamodern-before-you-understand-this-part-2-proto-synthesis-2?lang=en> (дата обращения: 07.11.2022).

2. Timmer, N.N.A. *Do You Feel It Too?: The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium* [Электронный ресурс] // *Postmodern Studies*, 2010, vol. 44. URL: <https://doi.org/10.1163/9789042029316> (дата обращения: 03.02.2019).

3. Vermeulen T, Van Den Akker R. *Notes on metamodernism* [Электронный ресурс] // *Journal of AESTHETICS & CULTURE* 2010, vol. 2. URL: <http://www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

4. Адамьянц Т.З. Социальные смыслы как предмет социологического анализа // *Социологические исследования*, № 9. 2021. С. 16 – 25.

5. Горюнов В.А. Заметки о культуре и новой чувственности [Электронный ресурс] // *METAMODERN. Журнал о метамодернизме*, 29.08.2017. URL: <https://metamodernizm.ru/about-culture-and-new-sense/> (дата обращения: 04.11.2020).

6. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // *Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах*. Кн. 1. М.: ИС РАН, 2000. С. 5-42.

7. *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма*/ Р. Ван ден Аккер. М., 2020.

8. Слотердаик П. *Сферы. Плюральная сферология*. СПб., 2010. Т. 3. 964 с.

9. Сорокин П.А. *Социальная и культурная динамика*. М., 2017. 1023 с.

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Норина Анна Алексеевна
(Балтийский федеральный университет им. И. Канта)

Вольская Виолетта Александровна
(Балтийский федеральный университет им. И. Канта)

Рассматриваются практики самопрезентации и создания образа в социальных сетях, реализуемые творческой молодежью в социальной сети Телеграмм. Метод исследования – глубинное интервью с представителями творческой молодежи...

Ключевые слова: самопрезентация, Телеграмм, творчество

Keywords: self-presentation,

В эпоху развития новых технологий люди создают и контролируют свои образы в интернете, что влияет на их социальные взаимодействия и восприятие. Исследование самопрезентации важно для понимания того, как люди взаимодействуют друг с другом, как они формируют впечатление о себе и как это влияет на их социальные связи.

92% людей в группе 18-24 лет ежедневно пользуются социальными сетями. [2] Большая часть этих людей – студенты заведений специального или высшего образования.

Целью нашего исследования является изучение различных способов построения виртуальной презентации. Также изучение того, как различаются мотивы людей при построении профиля в социальной сети.

В соответствии с целью, были сформулированы следующие задачи:

Изучить, какую информацию предпочитают представлять люди при построении самопрезентации

Найти факторы, на которые люди ориентируются при построении самопрезентации

Установить, какие функции выполняет самопрезентация у представителей творческой молодежи

Метод исследования – глубинные интервью с 7 представителями творческой молодежи, из них 5 девушек 2 юноши в возрасте от 18 до 24 лет, которые ежедневно заходят в социальную сеть Телеграмм и публикуют в своих телеграмм каналах контент, связанный с проявлением творческой стороны. Перед проведением интервью нами были изучено содержание постов на каналах. Для интервью были выбраны как люди, занимающиеся творчеством профессионально, так и любители.

Ключевыми темами интервью стали: смысловое содержание постов с творческим контентом, цели публикации контента, обратная связь на контент.

Можно отметить, что люди, занимающиеся профессионально творчеством, определяет свой успех через количество реакций, комментариев,

ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОСТЕЙ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО ПОДБОРА ВИЗУАЛЬНОГО КОНТЕНТА: К ВОПРОСУ О (НЕ)СВОБОДЕ ЗРИТЕЛЯ

*Орех Екатерина Александровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Текст написан в рамках проекта «Механизм действия пользователя внутри эхо-камер и информационных пузырей: экспериментальное исследование для развития критического мышления» (рег. номер 124091700011-4) при поддержке Минобрнауки России и ЭИСИ.

Поводом к данному тексту послужило эссе режиссёра Мартина Скорцезе [1], в котором он, рассуждая о переменах в современной киноиндустрии, среди прочего фиксирует своё внимание на результатах работы искусственного интеллекта и алгоритмов, отбирающих фильмы для рекомендации к просмотру. По мнению Скорцезе, алгоритмы следовало бы заменить другим способом рекомендации, поскольку они «по определению основаны на расчетах, которые рассматривают зрителя как потребителя и ничего больше» [1]. Если мы отдаем на откуп искусственному интеллекту возможность оценивать и продвигать фильмы, то должны быть готовы к тому, что киношедевры старого кино, а также те современные киноленты, которые по каким-то основаниям не подпадут под критерии «успешности» отбирающего алгоритма, будут с большой скоростью вымываться из репертуара просмотров и канут в лету. Причина этого – в развитии бизнеса массовых визуальных развлечений, для которого ценность фильма определяется количеством зарабатываемых на нём денег. При усугублении такой ситуации про кино как искусство можно будет забыть.

Как именно работают алгоритмы в сфере киноиндустрии? Суммируем основные принципы продвижения фильмов на примере обзора работы интернет-сервиса Нетфликс (Netflix) [2]. Основное – это персональные рекомендации на основе сбора данных об истории просмотров и зрительских оценок, как персональных, так и групповых – когда анализируются предпочтения людей со схожими профилями или даже аудитория конкретной страны. Однако в дополнение к этому ИИ выпускает под конкретного зрителя персональные постеры (иллюстрации к фильму) и даже трейлеры (небольшое видео о сюжете) по тому же самому принципу – предыдущих зрительских предпочтений. Также работают технологии, улучшающие восприятие просмотра фильма на конкретном носителе, «упаковывающие» кинопродукцию в зависимости от запросов и ресурсов зрителя в зависимости от региона, плана подписки устройства, браузера.

На первый взгляд на тезис Скорцезе можно было бы возразить: алгоритмы работают на основании изучения зрительских предпочтений, причём постоянно совершенствуют свой механизм отбора. Если алгоритмы успешно просчитывают киноинтересы современного адресата, а последнему не интересна классика, то в чём здесь проблема? Однако проблема есть, и связана она с ограничениями, присущими работе алгоритмов при работе с визуальным материалом как таковым, в частности - кино. Об ограничениях иногда идут дискуссии, хотя эта тема находится на периферии внимания: куда чаще отмечается, что прогнозы искусственного интеллекта, например, касательно успешности фильма в прокате, при предсказании алгоритмом – много точнее, чем при предсказании экспертом [3], [4]. Тем не менее абсолютно доверять работе алгоритмов при отборе фильмов было бы неправильно, и вот почему.

Обсуждаемые недостатки в работе искусственного интеллекта - не только применительно к киноиндустрии, но и в других сферах - связывают с его консерватизмом. Действительно, алгоритмы работают и выдают прогнозы лишь на основании прошлых данных. Искусственный интеллект если и сможет обнаружить культурный сдвиг, то лишь постфактум, не спрогнозирует изменение вкуса аудитории, его рекомендации будут отставать от актуального времени. Однако мы хотим подчеркнуть, что на результат работы ИИ оказывает влияние и специфика самого визуального материала. Речь идет о способах расшифровки или прочтения изображения (хоть статичного, хоть динамичного), о котором говорят психологи и искусствоведы.

Если суммировать, то при работе с изображениями необходимо принимать во внимание их содержательную многослойность. Специалисты говорят о многослойности по-разному, но, тем не менее, приходят к единому тезису о вариативности способности зрителя расшифровать изображение, понять его смысл. Психологам-когнитивистам важны такие характеристики, как доминирующий при описании изображения тип мышления (наглядно-образное, называемое «допонятийным», или же мышление на уровне возможности делать обобщения, абстрагироваться). Изображение можно описать и проинтерпретировать по-разному в зависимости от того, ка какой тип мышления опирается зритель при его оценке. Более высокий уровень абстрактного мышления будет характеризовать эксперта в сравнении с «новичком». Применительно к проблематике визуального можно сказать, что часть людей оценивает содержание изображения, оставаясь на уровне наглядно-образного мышления или отдельных несвязных понятий [5]. Что касается искусственного интеллекта, при распознавании элементов изображения он ведет себя так же: «думает» на этом же уровне, кодируя изображение отдельными словами и понятиями (наличие бороды и растительности на лице, много деревьев и т.п.). Таким образом, представленные алгоритмами предложения фильмов не будут работать на всю зрительскую аудиторию.

Специалисты по семиотике также рассматривают изображение как состоящее из двух или более слоёв. Основная идея семиотического анализа по Ролану Барту – рассмотреть изображение как совокупность знаков, отсылающих к дополнительным значениям – коннотациям. При расшифровке того, что не изображено буквально, а лишь подразумевается, важен опыт (багаж) зрителя, сказывающийся на его способности увидеть дополнительный смысл, сформулировать дополнительные коннотации по поводу элементов изображения [6]. В истории искусств распространено представление об изображении Эрвина Панофского как имеющем три слоя и соответственно предполагающем три уровня знаний и навыков для их расшифровки [7]. Так, предполагается, что третий уровень – иконологической интерпретации – доступен далеко не всем. Помимо знакомства с предметами и ситуациями, умения рассудочно рассуждать, знать литературные источники, определенные темы и понятия на третьем уровне требуется обладание «синтетической интуицией», знакомство с основными тенденциями человеческой мысли, интеллектуальной традицией, культурой эпохи. И в первом, и во втором примерах принципиальным моментом является то, что далеко не все люди владеют навыками анализа изображений, а если владеют, то не одинаково. Уровень владения зависит от опыта, знаний, когнитивных способностей.

Из тезиса о значении опыта и знаний для расшифровки изображений следует утверждение, что в зависимости от возраста, уровня образования, типа образования, интереса, опыта люди увидят разные аспекты содержания одного и того же изображения, что вполне справедливо и для фильмов, рассмотренных как их совокупность. Как бы алгоритмы не развивались, они не смогут учесть разные уровни мышления людей, разные способы распознавания и оценивания теми визуальных документов. В этом заключается

ограничение работы искусственного интеллекта, и в то же время именно в этом можно увидеть фактор освобождения человека от навязывания ему определённого визуального контента. Неизбежное несоответствие части рекомендаций для определённых групп зрителей приведет к желанию искать фильмы самостоятельно, а значит - выйти за пределы алгоритмической рациональности.

1. Scorsese M. *Il Maestro: Federico Fellini and the lost magic of cinema*. In: *Harper's Magazine*. March 2021. Интернет-источник: URL: <https://harpers.org/archive/2021/03/il-maestro-federico-fellini-martin-scorsese/> (дата обращения 09.10.2024).
2. Lash M., Zhao K. *Early Predictions of Movie Success: The Who, What, and When of Profitability*. In: *Journal of Management Information Systems*. 2016. № 33(3). Pp.: 874-903. DOI: 10.1080/07421222.2016.1243969.
3. Sahu S., Kumar R., Long, H.V. et al. *Early-production stage prediction of movies success using K-fold hybrid deep ensemble learning model*. In: *Multimedia Tools and Applications*. 2022. № 82 (3). Pp.: 1-31. DOI: 10.1007/s11042-022-13448-0.
4. Зуйкова А. Кино по алгоритму: как Netflix подстраивается под наши интересы. Интернет-портал РосБизнесКонсалтинга РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/61b0b6039a79475e8f020521?from=copy>. 08.12.2021 (дата обращения 09.10.2024).
5. Holyoak K. J., Morrison R. G. *Thinking and reasoning: A reader's guide*. In: K. J. Holyoak and R. G. Morrison (Eds.), *The Oxford handbook of thinking and reasoning*. 2012. New York: Oxford University Press.
6. Барт П. Риторика образа / *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс, 1994. С. 297-318.
7. Панофский Э. *Иконография и иконология: введение в изучение искусства Ренессанса* / Панофский Э. *Смысл и толкование изобразительного искусства*. СПб.: Академический Проект, 1999. С. 43 -57.

КОНТЕНТНАЯ ФИЛЬТРАЦИЯ ИНФОРМАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ

*Орлова Ирина Борисовна
(МГУ имени М.В.Ломоносова)*

Аннотация.

Анализируется взаимосвязь между субъективными представлениями о реальной действительности индивидов, групп, с одной стороны, - и подбором таргетированных инструментов манипулятивного воздействия на сознание и поведение, - с другой. Отмечена роль «эхо-камер», облегчающих такой подбор. Оценены возможные последствия дробления мнений, суждений в ситуации необходимости принятия значимых для всего общества решений.

Ключевые слова.

Фильтрация информации, эхо-камеры, манипулятивное воздействие на сознание.

Общество не бывает единым в своих суждениях, мыслях и действиях, оно дифференцировано, расколото, стратифицировано как в материальном плане, так и в духовном. Отдельные слои, группы внутри слоев, индивиды имеют свое видение, собственные представления о реальности, обусловленные личностными особенностями, влиянием среды, ситуации, особенностями группы. Эта специфика субъективных представлений и субъективного видения предоставляет новые возможности для манипулятивного воздействия социальных технологов на сознание и поведение человека и новые механизмы управления общественными процессами.

Манипулятивные технологии действуют по-разному на отдельные социальные, возрастные, имущественные и иные группы и слои населения. Соответственно, методы и приемы воздействия разрабатываются и применяются таргетированно с учетом особенностей объекта воздействия. При этом существует и обратный процесс: люди, имеющие сопоставимые представления о реальности (будь то члены одной религиозной общины, студенческие сообщества, представители одного клана, одной возрастной когорты и т.д.) ориентированы на получение информацию из определенных источников. Они ищут в социальных медиа трактовки, сопоставимые с их собственными представлениями. Они общаются в социальных сетях с близкими по взглядам людьми, создавая комфортную для себя среду. Они не читают высказывания, противоречащие их собственным убеждениям.

В результате возникает явление, которое уже давно обсуждается учеными, но пока не имеет общепринятого обозначения. Суть этого явления в том, что человек, ориентированный на получение из медиаресурсов информации, близкой его интересам и мировоззрению, окружает себя неким «коконом», куда редко долетают мнения, вызывающие неудовольствие и эмоциональный дискомфорт. Ученые называют это явление по-разному: «информационные пузыри», «эхо-камеры», «коконы» или «пузыри фильтров». Понятие «эхо-камеры» пришло в терминологический аппарат социальных исследований из физики, конкретно, из акустики, где оно обозначает специальное изолированное помещение, предназначенное для создания и изучения звуковых эффектов эха. В коммуникативном контексте эхо-камеры – это относительно устойчивые сообщества, формирующиеся в социальных сетях, внутри которых конкретные идеи, направления мысли, убеждения или установки подкрепляются и множатся, благодаря самоповторениям и пересылкам внутри этого самого замкнутого сообщества. Пользователь в нем чувствует себя комфортно, общаясь только со своими единомышленниками и отвергая любые противоречащие своим взглядам трактовки и альтернативные точки зрения. Причем

сторонники противоположных суждений воспринимаются как дезинформированные, ангажированные, коррумпированные или просто неумные. Неприятие иной стороны доходит до явной конфронтации, конфликтов, культурных войн.

Выйти за пределы эхо-камеры в некоторой степени мешают поисковые системы и контентная фильтрация информации, алгоритмы которых усиливают эффект концентрации внимания пользователя на одном и том же смысловом контенте. Условному ограничению доступа к информации способствует и тот факт, что алгоритмы платформ выстроены так, что они реагируют на предпочтения пользователей; а пользователи в свою очередь реагируют на то, что ему предлагают алгоритмы. Формируется замкнутый круг, который все более сужает для пользователя набор источников информации.

Что из всего этого следует? Персонализация медиаресурсов усиливает дробление информации и ее распределение по эхо-камерам, «обитатели» которых полагают, что их и только их мнения, суждения, идеологии являются определяющими, верными, соответствующими реальной действительности. В этих условиях задача социальных технологов и манипуляторов различного рода значительно облегчается действиями алгоритмов социальных сетей и поисковых систем, поскольку они уже имеют структурированную аудиторию, учет особенностей которой позволяет им модифицировать применяемые методы и приемы.

Примерами эффекта работы социальных технологов с сетевыми сообществами были «неожиданная» победа Д.Трампа на выборах в США в 2016 году или же последствия референдума в Великобритании по вопросу Брексита в том же году [1]. Сторонники Брексита не имели, а скорее всего, и не искали возможности оценить весь комплекс социально-экономических последствий выхода из Евросоюза, не могли взвесить возможные позитивные и негативные результаты. Ученые и политики, анализирующие эти события, отмечают определенную роль сетевых медиа и социальных сетей, ставших основным источником информации для значительного числа граждан, замкнутых в своих эхо-камерах, формирующих у их обитателей устойчивые убеждения, не допускающие разумных диалогов с носителями иных взглядов.

При этом как бы ни была велика роль сетевых медиа, нельзя возлагать на них всю ответственность за результаты. Все-таки человек изначально ориентируется на определенные ресурсы, и пока он не утратил свою субъектность, - это результат его личного выбора. Но поскольку общество как западное, так и российское сильно поляризовано, индивидуализация подходов социальных технологов в работе с конкретными группами дает зримые результаты. Можно, опираясь на один и тот же факт, дать его противоположную интерпретацию, которая будет приемлемой для эхо-камер с альтернативными социально-политическими убеждениями. Например, факт 95% поддержки действующего чеченского президента на последних выборах социальный технолог для одной группы оценит как свидетельство окончательного мирного урегулирования на Северном Кавказе. А для другой группы с иными преобладающими взглядами – та же самая информация будет представлена как подтверждение формирования в регионах России анклавов с феодальными чертами. Один и тот же факт будет формировать различное видение реальности, разные картины мира.

Как можно оценить последствия персонализации и контентной фильтрации информации, формирования эхо-камер, если выйти за пределы киберпространства и переместиться в реальную жизнь? Мы уже отметили, что для социальных технологов, выполняющих конкретные задания, складывающиеся условия исключительно позитивны, их работа с сообществами в эхо-камерах гораздо более эффективна. А для всего общества? Когда возникает потребность принять решения важные для всех, оказывается, что

достижение общего консенсуса невозможно, поскольку у разных групп разные вводные и несопоставимые аргументы. Кроме того, утрачивается общая для всех граждан база знаний. База знаний превращается в рассыпанную мозаику. Отсутствует и переживаемый и разделяемый всеми опыт, на который можно было бы опереться в критических ситуациях. Между тем, взаимопонимание и консенсус между различными конфронтующими группами в современном мире важны как никогда из-за глобальных рисков, угрожающих человечеству в целом, а не отдельным странам или сообществам внутри них. Например, риск возможной ядерной войны нельзя устранить без достижения общего согласия, общего осознания уровня опасности и общей ответственности за будущее человечества.

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Плехова Алина Викторовна
(Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов)

Кученков Семён Игоревич
(Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов)

С изобретением Интернета у человечества появилось практически бесконечное количество возможностей: от онлайн-игр и заказов в интернет-магазинах до актуальных научных знаний по истории, культуре, философии и т. д. Основной же причиной создания Всемирной сети была коммуникация – передача информации от одного пользователя к другому при помощи специальных каналов-посредников. Сюда же входит и понятие «цифровая коммуникация»: ее рабочее поле – цифровая среда (в основном – Интернет), а посредники – компьютеризированные, электронные устройства.

Однако, как и при классической форме общения, взаимодействие в рамках сети Интернет не ограничивается передачей лишь конструктивной и правдивой информации – пользователям приходится сталкиваться с негативно окрашенным, деструктивным контентом на регулярной основе. Например, по данным американского Центра Исследования Кибербуллинга, с 2007 по 2023 год в США процент школьников 11-18 лет, подвергавшихся буллингу в Интернете возрос с 18,8% до 54,6%. Эти данные коррелируют с результатами опросов, проведенных в нашей стране: так, по данным, полученным онлайн-школой Фоксфорд в 2021 году ~55% подростков сталкивались с кибербуллингом. Кибербуллинг представляет собой лишь одну из многих форм негативного проявления цифровой коммуникации. При этом неотделимым элементом такой коммуникации всегда является манипуляция.

С целью дать единое определение феномену манипулирования, Ю. В. Пую проследила эволюцию взглядов исследователей на сущность и функции данного явления: «манипуляция – это вид сложного психологического взаимодействия, направленного на неявное побуждение другого человека к совершению нужных для манипулятора действий». При этом в рамках данного исследования имеет смысл разделить межличностную (с конкретными адресатом и адресантом) и массовую (рассчитанную на неограниченный круг лиц) манипуляции.

На наш взгляд, говоря о межличностной манипуляции в интернет-пространстве, необходимо дополнить приведенное определение примечанием о том, что категория «нужных для манипулятора действий» очень часто размывается, так как многие формы манипулирования в Интернете преследуют в первую очередь вовлеченность безотносительно её характера. Это означает, что такое манипулирование не несет иной цели, кроме как обратить внимание второго субъекта на сам акт манипулирования. Дальнейшие действия и реакция манипулируемого неподконтрольны манипулятору, и не имеют для него решающего значения.

С целью доказательства данного тезиса рассмотрим некоторые виды межличностной манипуляции в Интернете: троллинг и культуру отмены.

Троллинг в исследовательском русле рассматривается как процесс размещения провокационных сообщений в Интернете с расчетом на разжигание конфликтной ситуации через нарушение социальных и этических норм взаимодействия (Виловатых А. В.). Следовательно, троллинг преследует своей целью эмоциональный отклик, форма которого

может быть различной: от конфронтации до обличения в троллинге; однако субъект троллинга добивается желаемого в любом из этих случаев.

Культура отмены представляет собой форму порицания личности в информационном пространстве с целью заглушить, обесценить мнение данного человека. Отмена может быть направлена также против группы лиц или бренда, но в данном случае рассмотрим её межличностный характер. По манипулятивным техникам она сходна с классической стигматизацией: на человека навешиваются ярлыки (например, «фашист» или, напротив, «левак»), история его деятельности в Интернете пересматривается на предмет порочащих сведений, его мнение обесценивается во всех сферах интернет-дискурса, даже не связанных со сферой возникновения конфликта. Характер культуры отмены двоякий: с одной стороны, это действительно может быть попытка заглушить неуютное субъекту мнение; с другой стороны, культуру отмены можно рассматривать как особую форму Virtue Signaling (от англ. «Демонстрация добродетели») – разновидности ханжества, выражающейся в активном осуждении «непопулярных» для данного общества мнений, позиций.

Универсальный пример, демонстрирующий работу как троллинга, так и культуры отмены – исчезновение Мадлен Макканн. В 2007 году португальские следователи бездоказательно обвинили родителей Мадлен в убийстве своей дочери. В западных социальных сетях стали появляться крупные сообщества, направленные на травлю Макканн и сочувствующих им людей. Троллинг включал в себя применение оскорблений, распространение мемов, высмеивающих Макканн, использование хэштегов для привлечения внимания к теме. Культура отмены проявила себя в форме агрессивного, уничижительного взаимодействия противников Макканн с людьми, высказывающими мнение в пользу супругов или даже в нейтральном свете.

Обобщая вышесказанное, отметим, что межличностные манипуляции в цифровой среде оказывают значительное влияние на социализацию, девиацию, радикализацию и т. д. Эти социальные процессы носят характер индивидуальных (проявляемых в поведении отдельных индивидов), но задающих тренд, пример для поведения других индивидов в обществе. Так, культура отмены ввиду своей массовости уже признается своеобразным инструментом социализации в Интернете – поощряемой формой поведения. Подавление противоположного мнения подталкивает к радикализации – отказу от компромисса с оппонентом, укоренению позиции и повышению агрессии к источнику противодействия извне. Данные положения нельзя с абсолютной уверенностью экстраполировать на реальную коммуникацию, однако, поскольку Интернет стал важнейшей площадкой для общественных дискуссий, деструктивность данных тенденций даже в рамках социальных сетей нельзя игнорировать.

Массовые манипуляции в своём большинстве преследуют следующие цели: продвижение политической или коммерческой адженды или утверждение правоты собственного мнения неконструктивными методами. К методам массовой манипуляции мы можем отнести астротурфинг, надж-маркетинг и др.

Астротурфинг зародился как политическая технология, однако с появлением Интернета приобрел широкую применимость в социальных сетях. Это явление представляет собой создание видимости общественной заинтересованности либо путём преподнесения вовлеченности отдельной части целевой аудитории как заинтересованности всего общества в целом, либо искусственным путём (с помощью ботов, троллей, «накрутки» просмотров). Наиболее сильно влияние этого метода на социальные процессы в сферах политики и общественной жизни. Так, крупным примером астротурфинга последних лет являются т. н. УМаоДан – тысячи пользователей, предположительно с

санкции Коммунистической партии Китая отстаивающие ее интересы на форумах и в социальных сетях. Среди них распространение дезинформации о борьбе с COVID-19 в 2020 г. и о действиях протестующих в Гонконге в 2019 г.

Технология астротурфинга представляет определенную опасность для свободы обсуждения и коммуникации в Интернете. «Единичности» голосов отдельных пользователей противопоставляется «множественность» голосов крупных организаций. Ввиду механизма заражения, открытого социальной психологией, часть индивидов подсознательно перенимает эмоциональный и содержательный посыл данных сообщений, распространяя его в своем кругу общения. Это создает, в свою очередь, хотя и искусственно-созданный, но уже действительный дисбаланс в общественной дискуссии.

Концепция надж-технологий (от англ. nudge – толчок под локоть) предложена исследователями Ричардом Талером и Кассом Санстейном. По их определению, надж – это «любой аспект в архитектуре выбора, изменяющий поведение человека предсказуемым образом, не лишая его при этом опций выбора или значительно изменяя его экономические интересы». Мы имеем дело с почти точным воспроизведением определения манипуляции с акцентом на выбор. Эти технологии наиболее ярко наблюдаются в маркетинге. Так, авторы приводят пример сложности выбора лекарственного страхования в рамках этапа D программы Medicare в США. Из-за чрезмерного многообразия (около сорока семи опций) пожилое население не смогло самостоятельно разобраться в программе. Чтобы решить эту проблему, частные организации стали предлагать индивидуальные консультации по подбору страховки.

Этот пример позволяет заключить, что отсутствие манипуляции, наджа, может иметь негативные последствия для организации или программы. Вместе с тем, обратная ситуация, лишение человека выбора, делегирование процесса принятия решения другим лицам может потенциально иметь более деструктивные последствия: ухудшение сознательности потребителей, гомогенизация товаров и услуг на рынке и, как следствие, монополизация информационно-коммуникативных потоков.

Подводя итог, отметим, что манипуляции в информационном пространстве – неизбежный результат коммуникации как таковой. Оказание влияния на поведение другого человека в большинстве случаев можно считать целью общения. Вместе с тем, игнорирование описанных методов манипуляции может привести к значительной деградации интернет-пространства как коммуникационной площадки. Наиболее рациональными методами борьбы с данными явлениями представляются: создание и распространения материалов, изобличающих механизмы манипуляции в Интернете (без этических наставлений); популяризация интернет-площадок для дебатов и дискуссий в различных сферах; снижение строгости государственной цензуры в Интернете.

Наконец, время является главным фактором в этом вопросе. Пользователям Интернета понадобились годы, чтобы научиться эффективно противодействовать спаму, фишинговым письмам и троянским программам. Социализация в Интернете в наше время начинается уже с крайне малого возраста, и содействие семьи и близких этому процессу должно научить будущие поколения более вдумчивому взаимодействию с данным пространством.

ВЛИЯНИЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ НА ПРИМЕРЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ ГОНКИ В США 2024 Г.

*Радченко София Максимовна
(Московский Государственный Институт Международных Отношений МИД России
(Университет))*

АННОТАЦИЯ

Доклад посвящен одной из наиболее актуальных на сегодняшний день проблем – повышенном влиянии социальных сетей (нового и лидирующего инструмента коммуникации) не только на повседневную жизнь молодежи, но и на коэффициент и качество их политического участия.

Ключевые слова: Социальные сети, коммуникация, коммуникативные процессы, инструменты социального влияния, президентские выборы США.

ANOTATION

The report is devoted to one of the most pressing issues today – the increased influence of social networks (a new and leading communication tool) not only on the daily lives of young people, but also on the coefficient and quality of political participation.

ВВЕДЕНИЕ

В мире, когда обширное влияние культурного, скорее социокультурного фактора на политику не просто очевидно, а всерьез рассматривается среди высших политических кругов, отрицать влияние, прямое и косвенное, социальных сетей на важнейшие политические события как внутри стран, так и в общем на мировую политику бессмысленно. Еще более бессмысленным действием представляется отрицание или намеренное занижение уровня влияния молодежи на изменения в политическом дискурсе.

Одной из наиболее популярных тем для обсуждения в политике на момент осени 2024 года представляется «эпопея» вокруг президентской гонки в Соединенных Штатах Америки. Изначально начавшаяся как нечто вполне очевидное и прозрачное, с выходом действующего президента США Джо Байдена, гонка стала привлекать к себе все большее и большее внимание.

Как уже было указано выше, 21 июля, в воскресенье, действующий президент США Джо Байден официально объявил о своем выходе из президентской гонки. При этом, все еще действующий президент выразил «свою полную поддержку Камале в выдвижении кандидатом» от Демократической партии, то есть в сущности Джо Байден назвал Харрис своим преемником. Высказаны эти мысли были в официальном письме на странице Джо Байдена в соц-сети X⁸, ранее известной как Twitter, что для граждан США вполне привычно.

Так, после онлайн голосования с 1 по 5 августа, 6 августа Камала Харрис стала кандидатом на пост президента США. Еще до ее официального выдвижения многие политические аналитики и политологи сомневались в успешности ее на тот момент будущей предвыборной кампании, исходя из небольшого прогресса в ее работе в качестве вице-президента и сомневающихся настроений среди граждан.

Однако, ситуация обернулась поразительным образом. Прежде совсем низкие рейтинги Демократической партии стали не просто постепенно расти, но уже совсем скоро перегнали своих оппонентов – Республиканскую партию с экс-президентом Дональдом Трампом во главе.

⁸ Официальный аккаунт Джо Байдена в социальной сети X: <https://x.com/JoeBiden/status/1815080881981190320>

Почему так произошло? Вопрос достаточно сложный, с огромным множеством различных гипотез. Среди них и неоднозначное поведение популиста Д. Трампа, и новое разнообразное взаимодействие К. Харрис с аудиторией. В числе последних немаловажной частью является именно молодежь, о чем я скажу немного позже.

Перед тем как непосредственно перейти к рассмотрению уникальности сегодняшней предвыборной гонки, хотелось бы обратиться к уже давно устоявшимся сюжетам развития президентских выборов в США, где двухпартийная система играет ключевую роль. Фокусируя внимание избирателей лишь на двух кандидатах двух главных партий – Демократической и Республиканской, такая политическая система огромное значение придает «колеблющимся штатам». Очень часто фокус лидирующих партий, ровно как и изменения в программах кандидатов, ориентируются именно на них. Этим же явлением и объясняются поляризация мнений, усиление акцентов на слабых местах противника, снижение содержательной дискуссии о сложных вопросах управления государством.

Помимо всего вышеперечисленного, двухпартийная система зачастую способствует высокой явке избирателей, вызывая ожесточенные и долгие споры между приверженцами разных политических взглядов. И на этом часто играют кандидаты на высокий пост.

Однако Камала Харрис смогла вырваться вперед, к лидирующей позиции играя не только на этом. Команда политтехнологов вице-президента, помимо всего прочего, большой упор делает на более современные тенденции в сфере продвижения и оказания большего влияния на электорат. Предвыборная кампания Камалы использует практически все доступные ей средства. К примеру, в первом промо-ролике своей кампании опубликованном в социальной сети X много внимания уделяется популярным толерантным тенденциям (право на аборт, право на выбор распоряжения своим телом и т.п.), противопоставлению Харрис и Трампа (проблемы с законом Трампа и успешная (по мнению команды Харрис) деятельность в качестве вице-президента)⁹.

Акцент также ставится и на истории Камалы в политике: первая темнокожая женщина вице-президент, генеральный прокурор. Такой политический образ непременно дает связь с «борьбой», вновь возвращаясь к современным тенденциям в молодежной среде США: к феминизму и борьбе женщин за свои права, к отстаиванию равенства всех, независимо от расы и национальности перед законом.

Как уже было мною упомянуто несколько раз, множество своих заявлений многие политические деятели США (и не только) публикуют в различных социальных сетях, самыми популярными среди которых являются X (бывший Twitter) и Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ). И если X еще популярен среди молодого поколения, готовых проявить свою гражданскую позицию, то Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ) с каждым годом лишь повышает средний возраст своей аудитории. В попытке уследить за молодежными трендами, 26 июля Камала Харрис создала свою официальную страницу в социальной сети TikTok¹⁰, еще до своего официального утверждения в качестве кандидата от Демократической партии. Регулярный выход роликов на официальные и около-официальные темы (визиты, благотворительные мероприятия, встречи, обращения) обеспечивает хорошее продвижение внутри платформы.

⁹ Промо-ролик Камалы Харрис: <https://x.com/KamalaHarris/status/1816436341703397765>

¹⁰ Официальный аккаунт Камалы Харрис в социальной сети TikTok: <https://www.tiktok.com/@kamalaharris? t=8qIteYYZ5ya& r=1>

Параллельно с этим, команда Демократической партии создала еще один официальный аккаунт в той же соц-сети – KamalaHQ¹¹, где содержание роликов представляется менее официальным, и направленно скорее на создание трендовых и вирусных концептов, навязчиво или не очень продвигая предвыборную кампанию Камалы Харрис. Стоит заметить, что получается весьма неплохо, учитывая общую положительную статистику и большое количество поддерживающих комментариев.

Благодаря своей активной деятельности в сети Интернет, вице-президент США вполне активно и успешно коммуницирует с молодым электоратом государства. Довольно быстро как внутри социальной сети TikTok, так и за ее пределами стали появляться и активно распространяться различные тренды в поддержку как Демократической партии, противопоставляя ее Республиканской, так и в поддержку непосредственно Камалы Харрис.

Интересен и тот факт, что в скором времени выбор Камалы Харрис на грядущем голосовании стал не идеальным выбором, а скорее «лучшим из худших». «We know it's a lose-lose, but if you had to choose!»¹² – строчки из песни, под которую было создано огромное количество завирусившихся в сети видеороликов. Многие из подобных видео выказывают поддержку Демократической партии как более понятную, а выбор Камалы Харрис называют «попыткой пойти по-новому», противоположно уже известному пути Д. Трампа и Д. Байдена.

С 25 июля, появления первых подобных роликов в поддержку Камалы и Демократов, рейтинги Харрис стали быстро увеличиваться. Это привело к тому, что еще до первых дебатов с Трампом, Демократическая партия перегнала Республиканцев и устремилась вперед. Ключевым здесь можно считать 5 августа 2024 года. После дебатов 10 сентября, вопреки ожиданиям, рейтинги Камалы также не упали, а лишь продолжили расти.

Однако, несмотря на такую широкую популярность в сети и уделение большого внимания своим сильным сторонам, к началу октября исходя из многих опросов уровень поддержки Камалы стал снижаться¹³. Незначительно, однако если так и продолжится, Республиканская партия США во главе с Дональдом Трампом смогут вновь обогнать Демократов. Нагнать и перегнать Республиканцев повторно будет достаточно тяжело, ведь до выборов в США 5 ноября 2024 года остается чуть меньше месяца.

Сейчас многие демократы, т.е. сторонники Харрис, критикуют ее за «легкую» предвыборную кампанию¹⁴: бросив большую часть сил на продвижение среди социальных сетей и на продолжение работы в статусе вице-президента США, Камала, очевидно, неправильно оценила действительное положение дел в гонке с Трампом, из-за чего может потерпеть неудачу.

Тем не менее, вне зависимости от конечного результата, я не считаю выбор политтехнологов Камалы Харрис развиваться в медиапространстве неправильным. Очевидно, бросать все силы лишь в одно русло бессмысленно, однако отрицать влияние социальных сетей и молодежи непосредственно также является грубой ошибкой. Если правильно сыграть на сильных чертах, специально приглушая тем самым слабые, и выбрать верное русло в политическом пиаре, то социальные сети могут сыграть ключевую роль по влиянию на выбор молодежи. А как давно известно, именно за молодежью стоит будущее.

¹¹ Официальный аккаунт Демократической партии в социальной сети TikTok: <https://www.tiktok.com/@kamalahq?t=8qItdmz3HeR&t=1>

¹² Пример подобного ролика в социальной сети Тик Ток: <https://vt.tiktok.com/ZS2WH5Cyw/>

¹³ National: President: General Election: 2024 Polls: <https://projects.fivethirtyeight.com/polls/president-general/2024/national/>

¹⁴ Источник: <https://ria.ru/20241005/kharris-1976548033.html>

К ВОПРОСУ О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В ЦИФРОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Раитина Маргарита Юрьевна
(Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
(ТУСУР))

Покровская Елена Михайловна
(Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
(ТУСУР))

Озеркин Денис Витальевич
(Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
(ТУСУР))

Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», FEWM-2023-0013.

Аннотация: В статье рассмотрено понятие междисциплинарности при моделировании образовательного процесса в цифровой плоскости, представлены наиболее общие тенденции. Авторы отмечают положительные эффекты от реализации междисциплинарной парадигмы в рамках компетентностного подхода.

Ключевые слова: вуз, образование, цифровизация, междисциплинарный подход, «человек-общество-университет»

Сегодня вызовы внешней среды, влияние различных социальных процессов актуализируют необходимость осмысления и применения междисциплинарной парадигмы для задач моделирования образовательного процесса в цифровой плоскости.

Проблема заключается в противоречии между разновекторностью внешних вызовов и сущностью образовательного процесса РФ. Комплексное междисциплинарное рассмотрение проблематики дистанционных образовательных технологий, цифровых платформ в образовании во многом связано с пандемией. Необходимость комплексного осмысления социальных проблем общества, уточнения и дополнения понятийного аппарата очевидна и обсуждается в работах А.А. Вербицкого, Е.Г. Труновой, А.В. Остроушко и др. [1].

Разнообразие образовательных моделей и форматов обучения приводит к пониманию, что в качестве базы возможно использование поливариантной коммуникативной матрицы, конструирующей идентичность на основании индивидуального выбора. Данное базовое положение носит универсальный характер, может быть использовано как оффлайн форматах, так и онлайн режимах, позволяя комбинировать мировые достижения, интернациональные традиции, соединяя их с национальными интересами и создавая условия для непрерывного образования, социализации и самореализации. Развитие триады «человек-общество-университет» является основой разноуровневого и разнокачественного взаимодействия, способствующая увеличению результативности качественных и количественных показателей при формировании высокотехнологичной среды вуза, обусловленной социально-демографическими, геополитическими и экономическими факторами.

Междисциплинарность при моделировании образовательного процесса в цифровой плоскости представляет собой интеграцию знаний, методов и подходов из различных

научных дисциплин с целью создания более эффективных, разнообразных и адаптивных образовательных программ и технологий. В условиях современных цифровых технологий междисциплинарный подход становится особенно актуальным, поскольку он позволяет учесть широкий спектр элементов и их взаимодействий, необходимых для оптимизации процесса обучения.

Выступая основой метапредметных компетенций студентов, междисциплинарные связи формируют новые контуры современного образовательного пространства. Рассматривая подробнее основные аспекты междисциплинарности в цифровом образовательном процессе, отметим наиболее общие тенденции.

Так, например, интеграция технологий предусматривает, что применение элементов программирования, разработка программного обеспечения, а также систем управления обучением требуют знания из области информатики, педагогики, психологии и пр. Кроме того, применение средств искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности, интерактивных платформ и приложений имеет синергетический эффект.

Обращаясь к разработке цифровых образовательных ресурсов важно привлекать кросс-дисциплинарные команды с участием специалистов из разных областей, что позволяет реализовать комплексный подход к обучению.

Адаптация методов обучения в настоящий момент происходит при помощи использования данных и аналитики, позволяющих понять индивидуальные потребности студентов и адаптировать обучение под них.

Свое активное развитие продолжает проектное обучение, разработанные образовательные программы сочетают достижения различных дисциплин, тем самым способствуя формированию целостного взгляда на проблему и развивая критическое мышление. Также включение в образовательный процесс проектов, требующих применения знаний из разных областей помогает студентам видеть взаимосвязи между теорией и практикой.

По-прежнему актуальным остается вопрос учета культурных и социальных аспектов, применение культурных норм и ценностей при разработке образовательных программ в РФ [3].

Междисциплинарные связи играют ключевую роль в современном образовании, науке и практике по нескольким причинам: формируют навык целостного восприятия и понимания проблем, вдохновляют на творчество и креативное мышление, готовят к реальной жизни, обращают внимание на развитие гибкости и адаптивности, ориентированы на социальное взаимодействие и культурное понимание.

Таким образом, междисциплинарность при моделировании образовательного процесса в цифровой плоскости представляет собой многогранный подход, способствующий более комплексному и интерактивному обучению. Он позволяет не только адаптировать образовательные технологии к современным требованиям, но и формировать у студентов навыки, необходимые для успешной профессиональной деятельности в условиях быстро меняющегося мира. Вышеобозначенный подход выступает основой для создания атмосферы креативного творческого мышления и сотрудничества, что, в свою очередь, усиливает качество образования, а также позволяет моделировать сценарии и задачи из реальной практики, что делает обучение более актуальным и полезным.

2. *Остроушко А.В. О необходимости совершенствования понятийного аппарата в сфере регулирования информационной инфраструктуры // Юридические исследования. 2022. № 9. С. 52-61. DOI: 10.25136/2409-7136.2022.9.38806 EDN: RCMMSJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38806*
3. *Раутина М.Ю., Покровская Е.М., Зиновьева В.И., Пустоварова А.О. Проблемное поле образовательной траектории студента в вузе (по результатам социологического опроса в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 184–191. doi: 10.17223/19988613/84/23*

ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

*Свердликова Елена Альбертовна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Аннотация: в статье представлены результаты социологического исследования, посвящённого анализу характерных черт и особенностей письменной коммуникации в социальных сетях российского сегмента Интернета. Характерные черты письменной коммуникации, выявленные в исследовании: сознательное неиспользование пунктуации, ненормативная лексика, жаргон, целенаправленные орфографические ошибки, опечатки, написание имён собственных с маленькой буквы.

Ключевые слова: социальные сети, письменная коммуникация, язык виртуального общения, ошибки, характерные черты коммуникации

Интернет-коммуникация - достаточно новое явление современного общества. Интернет представляет собой техническое новшество, стремительно распространившееся и ставшее частью жизни миллионов человек. Интернет сегодня – это источник информации. Быстрота и доступность связи между пользователями, помогают использовать Интернет как инструмент познания, как средство для общения и развлечения. А виртуальная коммуникация, которая возникла в результате быстрого развития сети, породила особый язык – язык виртуального общения. Созданные в сети многочисленные чаты, открытые форумы и личные страницы – основные способы общения молодежи. За последние годы в программах выработался особый язык - сленг, так называемый язык Интернет-общения, на котором пользователи общаются между собой. С каждым днём активно проникая в нашу жизнь, он оказывает разное влияние на состояние современного русского литературного и бытового языка. Не стоит забывать, что русский язык – это традиция и ценность русского народа. В какой форме русский язык достанется нашим потомкам, это важный вопрос, определивший актуальность проблемы данного исследования. В связи с этим, на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, в рамках курса «Основы цифровой социологии» было проведено исследование, которое позволяет зафиксировать отдельные изменения и характерные черты письменной коммуникации в российских социальных сетях. Исследование проводилось методом контент-анализа публикаций в социальных сетях. Цель исследования - выявление и систематизация показателей изменения письменной коммуникации в российских социальных сетях. Основные содержательные характеристики, полученные в результате процедуры эмпирической интерпретации исходной категории: «изменение письменной коммуникации в социальных сетях»: массовые сокращения; нецензурная лексика; отсутствие пунктуации; написание имен собственных с маленькой буквы; жаргонизмы; использование новых аббревиатур (в том числе калькированных из других языков); целенаправленные орфографические ошибки; опечатки; звукоподражание; использование англицизмов.

Выборку составили 250 комментариев, большинство из которых, опубликовано в 2023 году. Общий объем исследуемых строк составил 681,7. Объем полезных строк, содержащих ошибки и особенности коммуникации - 476,6. Удельный вес полезных строк - 70%. Источники видеороликов: VKVideo, RUTUB, Ютуб. Переходя к интерпретации и анализу полученных данных, стоит отметить, что вся масса анализируемых комментариев была взята из комментариев под различными видеороликами.

В ходе исследования были выявлены характерные изменения и ошибки письменной коммуникации в социальных сетях. Иерархия внимания коммуникатора к содержательным характеристикам, отражающим изменения и ошибки, распределилась следующим образом: «отсутствие пунктуации» (34%), далее – ненормативная лексика и жаргонизмы по (18%),

опечатки (6,4%), звукоподражание (3,7%), капслок (3,5%), имена собственные с маленькой буквы (3,3%), смайлики (2,7%), массовое сокращение (2,3%), целенаправленные орфографические ошибки (2%), новые аббревиатуры (1,6%), сленг (1,4%), уменьшительно-ласкательные суффиксы (1%), использование скобок, как смайл (1%), фамильярность (0,6), англицизмы (0,2). Одной из главных причин, по которым люди пишут без знаков препинания, является, на наш взгляд, недостаток времени или желания осуществлять дополнительные действия в процессе ввода текста. В рамках анализа данных также было рассмотрено соотношение нейтральных и эмоционально-окрашенных (оценочных) суждений. Наибольшая доля нейтральных строк встречается в суждениях относительно таких содержательных характеристик, как: (сленг) (93%) и (использование скобок как смайл) (74%). Суждения в отношении остальных содержательных характеристик носят явно более выраженную эмоциональную окраску: так, 87% строк ненормативной лексики были эмоционально окрашены. Чуть меньший процент эмоциональной окраски занимают строки, где используются уменьшительно-ласкательные суффиксы (другое) – 81%. Наименьшее же количество оценочных суждений наблюдается в строках, посвящённых такой содержательной характеристике, как написание имён собственных с маленькой буквы – 35%. Далее отметим, как распределяются оценки выявленных особенностей коммуникации. Большинство оценок носит нейтральный характер: 41%. Положительных оценок – 30%, отрицательных – 29%. Среди других содержательных характеристик, отражающих особенности коммуникаций в соцсетях, положительно оцениваются «звукоподражания» и «аббревиатуры» по 46%, «массовые сокращения» - 45% и опечатки – 35%. Больше всего отрицательных оценок у характеристик: «использование ненормативной лексики» (72%), жаргонизмы – 27%, «целенаправленные орфографические ошибки» – 25%, использование смайликов – 24%. Нейтральные оценки чаще всего используются для характеристики сленга (93), скобок, как смайлов (74), имена собственные с маленькой буквы (65), массовые сокращения (55). Таким образом, пользователи, создающие свой контент, в соцсетях, в большинстве своём равнодушны в оценках таких лингвистических нарушений, как использование сленга, правописание имён собственных с маленькой буквы и т.д. Исключительное равнодушие проявляют пользователи в оценке таких аспектов коммуникации, как «использование англицизмов», аллитерации, использовании английских букв для русских слов (все – по 0,5).

Наибольшее число выявленных сообщений приходится на период после 2023 года. Публикации же до 2023 составили всего лишь 2%. Можно сделать вывод, интерес к теме письменных коммуникаций с течением времени возрастает. Самым популярным автором в нашем исследовании стал «блогер», занявший 48% в распределении полезной информации. Далее идёт такой автор, как «неопределённый» - 42%. К неопределённым авторам мы относили тех, которые не имели четкого имени (а именно фамилии и имени), а также тех, которых нельзя было отнести ни к какой из категории авторов (блогер, телеканал). Такое распределение авторов можно объяснить тем, что для исследования использовался видеохостинг YouTube, а также тем, что в сети Интернет-публикации осуществляются часто обывателями, авторство которых сложно определить.

Ключевые результаты исследования:

Наибольшее внимание коммуникатора уделяется распространённой ошибке: «отсутствие пунктуации». Эта же характеристика занимает наибольшее число строк (166,5).

Большинство ошибок в комментариях имеет нейтральную оценку.

Наибольшая доля нейтральных строк встречается в суждениях относительно таких содержательных характеристик, как: (сленг) (93%) и использование скобок как смайл (74%), а также написание имён собственных с маленькой буквы (65%).

Наиболее выраженную эмоциональную окраску имеют отрицательные оценки у характеристик: ненормативная лексика (87%), уменьшительно-ласкательные суффиксы (81%), аббревиатуры (65%) и жаргонизмы.

Таким образом, изменение коммуникации проявляется в создании новой текстовой реальности, где устная речь становится нормой для письменной. Характерными чертами которой можно назвать: сознательное и целенаправленное использование ошибок в пунктуации и в орфографии, написании имён собственных с маленькой буквы. Самыми распространёнными ошибками, которые встречаются в письменной коммуникации в социальных сетях, являются: отсутствие пунктуации, ненормативная лексика и жаргонизмы. Эти содержательные характеристики занимают значительную долю в общем объёме «полезных строк» (соответственно 34%, 18% и 18% от общего числа). Наименьшее количество ошибок, встречающихся в комментариях, было найдено в таких содержательных характеристиках, как: целенаправленные орфографические ошибки, использование новых аббревиатур, массовое сокращение. Комментарии с таким типом ошибок встречаются у Интернет-пользователей значительно реже остальных. На основании анализа результатов исследования можно утверждать, что социальные сети сегодня предоставляют новые возможности для быстрого обмена сообщениями, фотографиями и видео. Это привело к тому, что письменная коммуникация стала более краткой, простой и неформальной. В отличие от традиционной письменной коммуникации, которая более официальна и строго форматирована. Теперь письмо или сообщение может быть написано в любом стиле и содержать эмодзи, аббревиатуры и сленг. Однако, возникает вопрос: а где порог, за который нельзя переходить? На наш взгляд, необходимо развивать навыки эффективной коммуникации и критического мышления, используя как традиции и законы, так и интересные, разумные новшества современного письменного общения в социальных сетях.

ОНЛАЙН-ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ПЕРСПЕКТИВА ИЗУЧЕНИЯ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сергеева Ольга Вячеславовна
(Санкт-Петербургский государственный университет, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Панкратова Лилия Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Работа выполнена при поддержке АНО «Экспертный институт социальных исследований» (ЭИСИ) "Механизм действия пользователя внутри эхо-камер и информационных пузырей: экспериментальное исследование для развития критического мышления" № FMUS - 2024 – 0020

Аннотация. В докладе рассмотрены возможности развития процедур социального эксперимента в онлайн-среде. Подчеркивается перспективность использования эксперимента для исследования действий пользователя в условиях маркетплейсов, социальных сетей, видеоигр и других онлайн-ситуаций. Но кроме того, онлайн-эксперимент эффективен как медианструмент для связи исследователя с удаленными и рассредоточенными участниками экспериментальной группы.

Ключевые слова: онлайн-эксперимент, цифровая коммуникация, методы социологического исследования

Текущий момент переопределяет, что такое данные и методы в социологии, поскольку произошла революция на пересечении нескольких областей, несоизмеримых с точки зрения различных ресурсов. Это компьютерные науки, социальные науки и индустрия социальных сетей. Наблюдается экспансия в социологию компьютерных наук с риском ее колонизации. В течение примерно двух десятилетий социологи проблематизировали работу с большими данными и использование неактивных методов, в то время, как переход традиционных для социологов методов в открывшиеся среды социальной реальности остается менее изученным. Представляется актуальным адаптировать методологический опыт социологии не только для работы с помощью новых компьютерных программ, но и для выхода социологов в разрастающиеся онлайн-поля, развивая применительно к «цифре» созданный ранее инструментарий.

Традиционный для социальных исследователей метод – эксперимент – получает перспективу развития и востребованности благодаря его переносу в онлайн. Эксперименты, проведенные с использованием компьютеров, не являются совершенно новым явлением. Однако онлайн-эксперименты использовались и используются преимущественно ИТ-практиками, ИТ-учеными, экономистами, а также, если говорить о российском опыте, психологами и психолингвистами [1]. Ранние формы онлайн-экспериментов включали отправку по электронной почте случайно выбранной подгруппе пользователей веб-сайта запросов на оценку новой функции веб-сайта [3]. Многие такие эксперименты проводятся в сжатые сроки для нужд бизнеса, а затем продукт меняется и/или исследователи идут дальше; не проводя повторных исследований, не проблематизируя воспроизводимость процедур и не давая оценку надежности результатов. Более того, узкие результаты отдельных экспериментов редко координируются для получения генерализованного методического руководства как вклада в современные знания о методах.

Один из главных вопросов, остающихся без внимания – это различие социальных онлайн-экспериментов, проводящихся для проверки факторов, которые могут воздействовать на людей в обычной социальной среде (не только онлайн), и онлайн-экспериментов, где интервенция факторов неразрывно связана с технологическими свойствами онлайн-платформы. Примером первого онлайн-эксперимента может служить упомянутая работа Е. И. Горошко (ассоциативный эксперимент с переносом его в онлайн). Пример второго – исследование доверия в экономике совместного потребления (шеринг-экономике), описанное в статье П. Париджи и соавторов [4]. Опыт коллег, на который можно ориентироваться, представлен в небольшой, но важной статье [2].

Говоря о многообразии онлайн-экспериментов, следует уточнить степень иммерсивности. Например, исследователи могут использовать:

во-первых, веб-сайты как интерфейсы, где участнику эксперимента дана информация для проверки его реакций и действий с учетом влияния какого-либо фактора;

во-вторых, можно использовать виртуальную реальность как иммерсивное пространство для воздействия экспериментального фактора и наблюдения.

Онлайн-эксперименты могут проводиться как в лабораторных, так и в полевых условиях. Понятно, что «поле» сопряжено с риском потери контроля за ходом эксперимента, а также с проблемами решения этических вопросов.

1. *Горошко Е. И. Психолингвистика интернет-коммуникаций // Вопросы психолингвистики. - 2008. - №. 7. - С. 5-11.*
2. *Chen Y., Konstan J. Online field experiments: a selective survey of methods // J. Econ Sci Assoc. - 2015. - 1. - P. 29–42.*
3. *Kohavi R., Longbotham R. Forthcoming. "Online Controlled Experiments and A/B Tests" // Encyclopedia of Machine Learning and Data Mining /edited by C. Sammut and G. Webb. New York: Springer, 2017. - P. 922-929.*
4. *Parigi P., Santana J. J., Cook K. S. Online Field Experiments: Studying Social Interactions in Context // Social Psychology Quarterly. - 2017. - Vol. 80(1). - P. 1–19.*

СОВРЕМЕННЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МЕДИАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Стамболцян Елизавета Сергеевна
(Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС)

Кузьмин Виктор Сергеевич
(Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС)

Развитие технологий неизбежно ведет к появлению новых форм коммуникации, а вместе с тем и непривычных, на первый взгляд, способов самовыражения в молодежной среде. Возникновение новых субкультур, а заодно и новых форм взаимодействия в современных реалиях обусловлено, как правило, Интернет-культурой. Одним из проявлений особой молодежной культуры является сленг. Сленг — это набор особых слов, характерных для определенной социальной группы. С социологической точки зрения, сленг необходим для того, как видно из определения, чтобы отделять “своих от чужих”, а также проще и короче выражать мысли и чувства. Сленг также можно рассматривать как способ солидаризации и единения людей посредством проприетарной языковой культуры.

Молодежная речь, по своей сути, является маркером состояния общества в культурно-языковой среде, поскольку молодые люди — наиболее социально-активные члены социума. Так как медиатизированный мир постоянно меняется, сленг также эволюционирует под влиянием новых трендов и медиа-событий. Молодежь быстро адаптирует свой язык к изменяющимся условиям и новым медиа-средам, отражая динамику цифрового общества. В современных условиях распространения западной культуры через цифровые СМИ, сленг в основном представляет собой англицизмы [3, 125]. Так, Разуваева Н.Г., Кайырбаева С.Н. и Ефимов Д.К. в своей работе «Англицизмы в русском молодежном сленге» отметили, что превосходство западного, американского образа жизни и благосостояния являются ключевыми факторами заимствования англицизмов в сленг [1, 107]. По словам ученых-лингвистов, заимствования из английского языка стали повседневным явлением. Связать это можно с цифровизацией и общей глобализацией. «Интернет-среда, в которой стираются языковые границы, служит площадкой для распространения и обмена сленговыми выражениями», — отмечают авторы. Стоит также заметить, что и СМИ, в свою очередь, играют важную роль в популяризации и закреплении сленга. В телевидении большое распространение получили такие фразы, как «прайм-тайм», «риэлити-шоу» «ток-шоу», «имиджмейкер» и многие другие [1, 109].

По мнению Смеюха В.В., в настоящее время уже недостаточно изучать газеты и журналы для понимания молодежного сленга. На его взгляд, социальные сети, не имеющие государственных границ и языковых барьеров, зарубежные фильмы и компьютерные игры стали преобладающими источниками нового сленга [2, 138]. Примерами сленга, возникшего из компьютерных игр, можно считать такие слова, как «лор» (lore - предыстория вселенной игры и сюжетное наполнение в целом) или «нуб» (noob - новичок, имеет негативную коннотацию). Что касается сленга из социальных сетей, то примерами могут быть «кринж» (cringe - аналог выражения “испанский стыд”) и «рофл» (ROFL - аббревиатура, с английского означающая “катаюсь по полу от смеха”).

Анализируя эти данные, молодежный сленг напрямую является сильнейшим проявлением медиатизации общества. Данное понятие трактуется исследователями и учеными по-разному. Так, например, датский медиа исследователь Стиг Хьярвард определяет медиатизацию общества как «двусторонний социальный процесс, посредством которого общество насыщается средствами массовой информации в такой степени, что

средства массовой информации уже не могут больше рассматриваться отдельно от других общественных институтов». Отечественный культуролог Н.Б. Кириллова видит этот процесс следующим образом: «Перед нами транслиру-ющий канал, построенный на идеологических, эмоциональных и даже подсознательных ожиданиях аудитории... Медиа — это не просто средство для передачи информации, это целая среда, в кото-рой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды». Исходя из определений медиатизации, можно выделить характеристики данного процесса, который способствует развитию сленга, как его существенного индикатора:

Медиа как источник вдохновения: большая часть молодежного сленга возникает именно в Интернете, в частности на просторах социальных сетей. Кроме того, при прослушивании современной зарубежной и отечественной музыки, просмотре кино.

Распространение и глобализация: Интернет быстро распространяет новые выражения по всему миру, путем вирусных роликов, мемов и онлайн-сообществ. Медиа делает язык и культуру разных стран доступнее, что приводит к появлению нового сленга, например, англицизмов.

Повышенная скорость изменений: в мире технологий новые тренды и идеи генерируется быстрее, что приводит к постоянному обновлению молодежного сленга.

Трансформация языка: медиа стимулирует создание немногословных, запоминающихся выражений, приспособленных для коротких сообщений, онлайн-постов и видеороликов, которые просты и чаще используются именно в устной речи.

Социальное разделение: усиливается поколенческий разрыв. Молодежный сленг становится языком определенной группы, что делает его трудным для восприятия неосведомленных о нем людей и так же вызывая этим необходимость у подростков использовать стандартную речь.

Итак, исходя из всех данных можно сделать соответствующие выводы. Молодежный сленг является очень распространенным явлением в современном обществе. Медиа играет ключевое значение в его трансформации и развитии. Многие авторы научных статей указывают именно на то, что медиатизация способствует этому. Таким образом, Интернет, социальные сети, кино, музыкальные тренды и другие медиа-платформы являются своего рода «переносчиками» новых слов и выражений, к которым быстро и легко адаптируются подростки, впитывая их в свой словарный запас. Сленговые выражения имеют тенденцию постоянного обновления. Те словосочетания, которые были актуальны несколько месяцев назад мгновенно заменяются новыми. В Интернет-среде стираются языковые барьеры, потому что сленг среди русской молодежи часто приобретает отпечатки иностранных, чаще американских слов – англицизмов. Развитию сленга также способствует стремление на медиа-платформах использовать всё более упрощенные и короткие фразы. Так, одно слово на сленге может заменить необходимость написания аналогичного выражения, но более длинного на стандартном языке, что вдобавок осложняет понимание речи представителями более старшего поколения. Соответственно, молодежный сленг является неотъемлемой частью медиа-культуры и отражает быстрые изменения в обществе, в которых медиатизация носит ключевую роль в формировании новых форм самовыражения и коммуникации.

1. *Разуваева Надежда Георгиевна, Кайырбаева Софья Нуркасыновна, Ефимов Дмитрий Константинович Англицизмы в русском молодежном сленге // Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-v-russkom-molodezhnom-slenge> (дата обращения: 06.10.2024).*

2. *Смеюха В. В. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В СМИ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-molodezhnogo-slenga-v-smi> (дата обращения: 06.10.2024).*
3. *Степаненко Елена Валерьевна, Редванецкая Юлия Иосифовна К ВОПРОСУ О МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ // НИР/S&R. 2021. №4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-molodezhnom-slenge> (дата обращения: 06.10.2024).*

МЕТАМОДЕРНИСТСКИЙ ПОВОРОТ В КИНО

*Тангалычева Румия Кямильевна
(СПбГУ)*

Термин «метамодернизм» ввели Робин ван ден Аккер и Тимотеус Вермюлен в 2010 году в эссе «Заметки о метамодернизме» [1]. В 2011 году Люк Тёрнер опубликовал на своем сайте «Манифест метамодерниста», состоящий из восьми пунктов, и определил метамодернизм как переменчивое состояние между и за пределами иронии и искренности, наивности и осведомлённости, релятивизма и истины, оптимизма и сомнения, в поисках множественности несоизмеримых и неуловимых горизонтов [4]. Идея метамодернизма в искусстве раскрыта в книге «Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма» под редакцией Робина ван ден Аккера, Элисона Гоббсона и Тимотеуса Вермюлена [3]. Появление метамодернизма авторы книги связывают с необходимостью создания нового языка искусства, способного облечь в художественные формы реальность сегодняшнего дня, более страшную и непредсказуемую, чем раньше, а также с необходимостью вписать этот язык в еще более странный культурный ландшафт [3, 37]. Метамодернизм обосновывается через «структуру чувств»: восприятие, эмоцию, столь распространенные, что их можно назвать структурными [3, 42]. В этом смысле структура чувства представляет собой «специфическое свойство социального опыта... исторически отличное от других специфических свойств и позволяющее получить представление о временном периоде или поколении». Она присутствует в различных направлениях, стилях и других явлениях, получивших название «Новая искренность» и характеризуется ощущением вдумчивости и надежды, хотя их контекст, жанр, риторическая логика, стилистический регистр и замысел различны в очень значительной степени [3, 44].

В кинематографе метамодернизм ассоциируется прежде всего с фильмами в жанре квирки (quirky) – направление в американском независимом кинематографе, возникшее в ранних 1990-х годах, в рамках которого открыто освещались вопросы культуры, политики и идентичностей. Наиболее яркими примерами квирки стали фильмы Уэса Андерсона и Миранды Джулай. Также к метамодернистскому направлению можно отнести фильм в духе «мамблкор». Российский киновед А. Таежная характеризует «мамблкор» как придуманный в шутку термин, объединяющий американское независимое кино XXI века, снятое почти без бюджета на цифровые камеры и рассказывающее о частной жизни молодых горожан из поколения миллениалов. Фильмы мамблкора отличаются обыденными жизненными сюжетами, импровизированными диалогами и отсутствием дистанции между авторами и персонажами [5]. Отчасти истоки подобного кино базируются на манифесте европейских кинорежиссеров «Догма 95», согласно которому высшая цель – выжать правду из персонажей и обстоятельств (Ларс фон Триер, Томас Винтерберг) [2, 16]. «Разговорный фильм» или «разговорная драма» — описание, которым сейчас едва ли не чаще всего режиссеры сопровождают фильмы, снятые на стыке жанров. Без умолку болтают герои драм и романтических комедий и самых актуальных сериалов, обнажая интимные секреты и взгляды на жизнь, которые герои предыдущих поколений скрывали за броней иронии и скепсиса. «Разговорные» фильмы вдохновлены французской новой волной – фильмами Эрика Ромера и Жана Эсташа. Этот прием применяли в своих фильмах Вуди Аллен, Джон Кассаветис, Джим Джармуш, Ричард Линклейтер и Стивен Содерберг.

В южнокорейском кинематографе наиболее ярким представителем мамблкора является режиссер Хон Сансу, которого кинокритики называют создателем нового киноязыка и певцом повседневности. Он сосредоточился в своих фильмах на отношениях и неспособности людей непринужденно общаться. Его юмористическое изображение множества способов, которыми люди пытаются и не могут понять друг друга в конечном

итоге заставляет зрителя чувствовать себя неловко. По мнению кинокритиков, вполне возможно, что киноисследования режиссера Хон Сансу психоэмоциональной жизни современников когда-нибудь станут основой серьезных трудов не только по истории кино, но и по истории повседневности людей, живших в конце XX – начале XXI вв. [цит. по: 6, 761]. Хон Сансу во всех фильмах показывает одно и то же поле воспроизводства повседневности сообщества корейцев творческих профессий: писателей, сценаристов, режиссеров, операторов, актеров, их друзей, приятелей и членов семей. Герои фильмов Хон Сансу почти всегда ведут долгие диалоги. Это продолжительные разговоры творческих людей, бессодержательные на первый взгляд, но вместе с тем очень напоминающие неловкие повседневные разговоры обычных людей и те ощущения, которые мы испытываем в таких разговорах. Хон Сансу часто называют корейским Эриком Ромером – в основном благодаря обилию в его фильмах подобных, казалось бы, незначительных разговоров. С точки зрения метамодернистского поворота в докладе будет проанализирован фильм «Женщина, которая убежала».

1. Вермулен Т. и Аккер ван ден Р. *Заметки о метамодернизме* (пер. на русский А. Есипенко) [электронный ресурс]. Дата обращения 4.09.2024 URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/>
2. *Догма 95*. СПб.: Подписные издания, Искусство кино, 2019 – 248 с.
3. *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма* / Р. ван ден Аккер: [пер. с англ. В. М. Липки]. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 342 с.
4. *Метамодернизм / Манифест* [электронный ресурс]. Дата обращения 4.09.2024 URL: <https://web.archive.org/web/20160429115624/http://www.metamodernism.su/>
5. Таежная А. *Привет, речь! Все, что вы хотели знать о мамблкоре но боялись спросить* / Искусство кино. Выпуск 5/6, 2024 [электронный ресурс]. Дата обращения 4.09.2024 URL: <https://kinoart.ru/cards/privet-rech-vse-chto-vy-hoteli-znat-o-mamblkore-no-boyalis-sprosit>
6. Хван А. *Очерки истории корейского кино (1902-2006)*. М.: Автор, 2021. – 891 с.

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ПАТТЕРНОВ В СЕРИАЛАХ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ (НА ПРИМЕРЕ СЕРИАЛА ДОМ ДРАКОНА)

*Третьякова Анастасия Андреевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Одним из ярких проявлений стремительного развития кинематографа можно назвать его переход к сериалам, что, непосредственно, связано с возрастающей популярностью данного формата. Сериализация кино, особенно в виде телесериалов и стриминговых шоу, превратилась в значительное культурное явление, рассматриваемое с социологической точки зрения через призму социальных изменений и тенденций. Именно сериализация является одной из ключевых характеристик современного кинематографа [3]. Популярность сериалов обусловлена несколькими важными аспектами. Во-первых, сериалы позволяют зрителю погружаться в историю и персонажей на более длительный период, создавая условия для развития сложных сюжетов и характеров. Во-вторых, они обладают большей творческой свободой, что открывает возможность более детально отображать разнообразные темы и проблемы [5]

Появляется все больше сериалов в жанре фэнтези, что, в свою очередь, может быть связано с определенными тенденциями: социальное напряжение (как следствие, уход от реальности в альтернативные миры); технологический прогресс (визуальные эффекты); мифологическая и архетипическая составляющая (объединение зрителей на основе общих культурных мифов и ценностей); идентичность и самовыражение (чувство принадлежности к определенной культурной и социальной группе); культурные тенденции (сохранение и трансформация культурных традиций в условиях меняющегося мира). Кроме того, сериалы открывают пространство для диалога, определяя темы разговоров и интересы аудитории [4].

Так, жанр фэнтези становится мощным инструментом социального конструирования. В данном исследовании разберем как модернизируются архетипы и мифологические сюжеты в соответствии с культурными и социальными изменениями на примере одного из самых популярных сериалов «Дом дракона» (2022 г.).

Целью исследования является рассмотрение конструирования архетипических паттернов и их модернизации под современные социокультурные реалии.

Теоретико-методологическая база исследования будет основана на теории Карла Юнга об архетипах [7] и теории социального конструкционизма Питера Бергера и Томаса Лукмана [1], с применением социокультурного подхода к анализу массовой культуры. Рассмотрим ниже применение теоретико-методологического аппарата к данному исследованию немного детальнее.

На основе теории Карла Юнга будут рассмотрены такие архетипические образы как: Герой, Тень, Трикстер, Отец, Мудрый старик и др. Так, например, архетип героя [2], воплощённый в образе Джона Сноу в сериале «Игра престолов», который является приквелом к сериалу «Дом дракона», здесь уже трансформируется в более сложных персонажей, таких как Рейнира Таргариен и Деймон Таргариен, которые не соответствуют в традиционным характеристикам героя и тени. Они представляют собой многогранные образы, которые отражают современные нравственные дилеммы и вопросы идентичности. Архетипический образ отца олицетворяет король Визерис. Также являясь неоднозначной фигурой, он не остается статичным персонажем, а меняется под воздействием различных событий, демонстрируя не классические паттерны поведения, свойственные архетипу.

Кроме того, будут рассмотрены различные мифологические элементы, такие как как хтонические существа, пророчества, судьба, священное древо, легенды и др. [6] Так,

например, в сериале пророчества являются не только нарративным инструментом, но и способом конструирования архетипов. Судьба персонажей, таких как Рейнира, тесно переплетена с мифологическими предзнаменованиями, что добавляет глубину архетипическим сюжетам. Также, в исследовании будет проанализировано то, как архетипы конструируются посредством трансформации гендерных ролей и вопросов, связанных с властью. Так, например, династическая борьба за престол поднимает вопросы о том, кто заслуживает власть и по каким критериям это определяется, а также, какие методы для этого используются. Вместе с тем, феминизация архетипа героя особенно активно воплощается в фэнтезийных сюжетах, созданных Дж. Мартином. Так, столкновение двух героинь в сериале «Дом дракона» в борьбе за власть и выживание становится первостепенной сюжетной линией, при этом отодвигая мужских персонажей на второй план.

В заключение данного исследования сделаем приведем к следующим выводам:

- Современные фэнтезийные сериалы, активно используя архетипические паттерны и мифологические элементы, модернизируют их в соответствии с социокультурным контекстом;

- Архетипы, являясь универсальными моделями, с помощью которых воспринимается реальность, в сериалах становятся важными инструментами для исследования и переосмысления концепций власти, гендера, морали и социального взаимодействия, что делает его важным объектом для социологических исследований;

- Дальнейшие исследования могут быть направлены на анализ того, как восприятие архетипов изменяется под влиянием глобальных социальных и культурных изменений.

1. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
2. Кэмпбелл Дж. *Тысячеликий герой*. СПб: Питер, 2008. 520 с.
3. Мартыненко Т.С. *Кино как предмет социологического анализа: особенности современного кинематографа* // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. №2. С. 120-139.
4. Новикова А.А. *Сериал как инструмент социокультурного воздействия* // Большой формат: экранная культура в эпоху трансмедийности. Т. 3. М., 2018. С. 119-130.
5. Попова Л. О. Ромаха О. В. *Феномен телевизионных сериалов в современной массовой культуре* // Аналитика культурологии. 2008. №12. С. 236-238.
6. Элиаде М. *Аспекты мифа*. М.: Академический проект, 2010. 256 с.
7. Юнг К. *Архетипы и коллективное бессознательное* / пер. А. Чечиной. М.: АСТ, 2020. С.87

МАНИПУЛЯЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛАХ И ЧАТАХ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ТЕМАТИКУ

*Худяков Глеб Дмитриевич
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации)*

Взаимодействие людей в обществе по поводу политики с появлением интернета претерпело существенные изменения: появились инструменты, позволяющие преодолеть пространственно-временные ограничения коммуникации, в частности, таковыми являются социальные медиа. По мнению одних учёных, они способны стать площадкой, где индивиды посредством коммуникативных действий, по выражению Ю. Хабермаса, аргументировано обсуждают насущные проблемы на уровне рациональной оценки моральных норм, что ведёт к демократизации общества [3, 321 – 329]. Другие же высказывают сомнения на этот счёт, приводя слова З. Баумана о ловушке подобных сетевых взаимодействий, ограничивающих возможности интеракции человека узким кругом близких ему точек зрения, что не допускает возникновение противоречий и образует в социальных медиа «эхо камеры», а сам политический процесс в массовом сознании становится похожим на карнавал [4, 79 – 81; 5, 157 – 159].

Одним из критериев характера взаимодействия людей в социальных медиа на политическую тематику может стать использование пользователями манипуляций в ходе коммуникации путём искажения или более выгодной подачи информации с целью воздействовать на когнитивные модели и сознание других людей для реализации своих целей [1, 254 – 255; 4, 82 – 83; 6, 1 – 2]. Возникновению манипулятивных практик способствуют особенности интернет-коммуникации: анонимность участников; редуцирование контекстной информации, что позволяет эффективнее её скрывать; асинхронность, предоставляющая время для подбора аргументации; широкий охват потенциальной аудитории и скорость её реакции, выделенные в статье А. Е. Шлоссер [9, 2 – 4]. Манипулятивное воздействие может оказываться не только на конкретную персону, но и на групповую идентичность всех участников различных сообществ, заставляя их принять ту или иную позицию или же действовать определённым образом в соответствии с групповыми нормами [10, 371 – 383]. Интерес также представляет классификация типов «манипуляторов» в социальных медиа, реализующих свои или чужие интересы: боты, сеть ботов, киборги (бот с ручным управлением), взломанные аккаунты, тролли и реальные люди, представленная в исследовании Л. Чен, Дж. Чен и С. Ся [6, 4 – 7]. Средством манипуляции может быть и мем, который, по мнению С. А. Шомовой, является как ответной реакцией на новостную повестку, так и вербально-визуальным способом распространения собственной позиции [5, 162 – 163].

В связи с этим, можно сформулировать следующую гипотезу: в рамках взаимодействия в интернет-сообществах на политическую тематику пользователи будут стремиться убедить друг друга в верности своих убеждений, используя различные средства манипуляции. Если данная гипотеза не подтвердится, то можно сделать вывод о вероятности установления делиберативной дискуссии, в противном случае – потребуется более детальное изучение отдельных аспектов политической активности в интернет-пространстве.

Одним из видов социальных медиа являются мессенджеры, в которых пользователи могут обмениваться текстовыми сообщениями и мультимедиа в различных каналах (в виде комментариев к постам) и чатах (в форме самостоятельных публикаций), формируя

сообщества по интересам, что делает их изучение перспективным для подтверждения выдвинутой гипотезы в силу большого объема эмпирического материала. Кроме того, по данным опроса ВЦИОМ от 12 июля 2024 года, 76% респондентов состоят в различных чатах, причём проявляют ежедневную активность 46% интернет-пользователей, а среди россиян в возрасте до 44 лет доля постоянных участников дискуссий превышает 50%, что свидетельствует об их значимости в повседневной жизни граждан [2]. В рамках данной работы будет проведено разведывательное исследование в формате case-study, основанное на качественно-количественных методах анализа документов. Выборку составят сообщения, опубликованные во время агитационного периода президентских выборов и единого дня голосования в 2024 году в каналах и чатах разнообразной идеологической тематики в мессенджере «Telegram», отобранные с помощью онлайн-сервиса «TGStat», который позволяет осуществлять поиск по ключевым словам.

В качестве основной теоретической и методологической перспективы был выбран критический дискурс-анализ, сформированный в конце 1980-х годов в работах Т. А. ван Дейка, Н. Фэрклафа, Р. Водак, Т. ван Лувена и Г. Кресса. Этот подход опирается на таких теоретиков в области лингвистики как Ф. де Соссюр, Дж. Остин и Дж. Серль, Ч. С. Пирс, М. М. Бахтин, М. Холидей, а также на идеи классиков социологической мысли второй половины XX века: Л. Альтюссера, Ю. Хабермаса, М. Фуко, И. Гофмана, П. Бурдьё и ряда других [7, 2 – 13; 8, 6]. Под словом дискурс понимается система производства и интерпретации текста в контексте социального взаимодействия, детерминированная социальными практиками и преобразуемая властью с целью осуществления контроля над массовым сознанием [1, 21 – 27; 7, 24 – 27]. Критическая составляющая данного подхода заключается в выявлении властного контроля определённых групп над доступом к производству и воспроизводству дискурса, т. е. определение ситуации какой группы будет активно распространяться через каналы коммуникации с помощью различных формы манипуляций в них [1, 27 – 32, 254 – 265]. Применение критического дискурс-анализа позволит провести качественный анализ текстовых сообщений и мультимедиа с целью выявить способы манипуляции в ходе взаимодействия пользователей в телеграм-каналах и чатах, провести их типологизацию, чтобы с помощью количественного анализа установить статистическую значимость их использования.

В основу методики исследования была положена трехмерная модель дискурс-анализа Н. Фэрклафа, включающая стадии: описание, интерпретацию и объяснение текста [7, 24 – 29]. Под описанием понимается выявление отличительных семантических, прагматических и синтаксической особенностей сообщений [7, 110 – 11; 8, 19]. Интерпретация текста состоит в «погружении» его в контекст социального взаимодействия, специфических условий его производства, представленных в категориях выражения смысла, а также техник аргументации и способов манипуляции, выделенных как Т. А. ван Дейком, так и другими учёными [1, 255 – 265; 3; 6; 7, 142 – 146]. Интерпретация изображений, в том числе мемов, заменяющих или дополняющих текст осуществляется по методике мультимодального анализа, представленного в работе Г. Кресса и Т. ван Лувена [8]. Ключевыми параметрами сравнения будут особенности нарратива, то, что «происходит» или «зафиксировано» на изображении; дизайна – организации значащих символов в семиотическом пространстве в зависимости от их информационной значимости; и риторики – репрезентации отношений между автором изображения, изображаемым и зрителем с помощью нарративной составляющей или угла перспективы [8, 74 – 78, 186 – 219]. Последний этап – объяснение роли манипулятивных практик, использованных пользователями в ходе взаимодействия в политических каналах и чатах мессенджера «Telegram», и проведение частотного анализа случаев их применения [6, 160 – 166].

1. Ван Дейк, Т. А. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ.* – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
2. ВЦИОМ. *Новости: Чат-культура России.*: [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chat-kultura-v-rossii> (дата обращения 09.10.2024)
3. Мисников Ю. Г., Филатова О. Г. Интернет-дискуссия как форма электронного участия: российская специфика // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.* 2019. № 5. С. 320 – 340.
4. Михайленок О. М., Малышева Г. А. Политические эффекты социальных сетей в России // *Социологические исследования.* 2019. № 2. С. 78 – 87.
5. Шомова С. А. *Выборы президента РФ – 2018 в зеркале мемов: новые реалии политической коммуникативистики.* – Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 157 – 173.
6. Chen L., Chen J., Xia C. *Social network behavior and public opinion manipulation.* // *Journal of Information Security and Applications,* 2022. Vol. 64. Article 103060.: [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jisa.2021.103060> (дата обращения 09.10.2024).
7. Fairclough, N. *Language and power.* New York: Longman, 1989. 259 p.
8. Kress G., van Leeuwen T. *Reading images: the grammar of visual design.* – 2nd ed. New York: Routledge, 2006. – 321 p.
9. Schlosser A. E. *Self-disclosure versus self-presentation on social media.* // *Current Opinion in Psychology,* 2020. Vol. 31, P. 1 – 6.: [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2019.06.025>. (дата обращения 09.10.2024).
10. Spears R. *Social Influence and Group Identity.* // *Annual Review of Psychology,* 2021. Vol. 72. P. 367 – 390.: [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-070620-111818> (дата обращения 09.10.2024).

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЯМ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Чанкова Елена Вадимовна

(Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Аннотация. Социальная коммуникация рассмотрена с позиции изменяющейся социальной реальности как феноменологической парадигмы. Проведенное социологическое исследование коммуникативной компетентности в условиях изменяющейся социальной реальности позволило выявить, что признаки социальной коммуникации и коммуникативной компетентности личности: ценности, нормы, умения, способы поведения подвергаются переконструированию. Искажение же смыслов в ходе коммуникации ведет к симуляции социальной реальности.

Ключевые слова: феноменология, социальная реальность, изменяющаяся социальная реальность, современные социальные коммуникации, коммуникативная компетентность личности.

Феноменологическое понимание социального взаимодействия сложилось в первой половине XX века в трудах А.Шюца в связи с категоризацией социальной реальности, а также интерсубъективности как необходимого для возникновения социальной реальности условия. Исходя из понимания социальной реальности «... как всей совокупности объектов и событий в социокультурном мире как объекте обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций» [1,295] интерсубъективности как «общего опыта взаимодействующих субъектов и общезначимости его результатов» [1, 297], то есть взаимосогласованных структур сознания и поведения индивидов, формируемых в коммуникациях – феноменология тем самым вскрывает механизм возникновения общих смыслов в коммуникации.

Разрабатывая вслед за А.Шюцем феноменологическую социологическую традицию, П.Бергер и Т.Лукман подчеркивают конструируемый индивидом характер социальной реальности как ее сущностную черту [2, 57], что указывает на конструирование как смыслов коммуникации, так и способов и форм коммуникации как части социальной реальности.

Ю.А.Зубок и В.И.Чупров, развивающие данную феноменологическую традицию, считают социальную реальность постоянно изменяющимся феноменом, причем изменяющимся под воздействием непрерывной реинтерпретации культурных смыслов взаимодействия [3,165]. С точки зрения данных авторов, «по мере взаимодействия друг с другом и социальной действительностью, в процессе ее познания и приобретения собственного опыта... в заданных структурах, молодые люди не только формируют общее субъективное представление об их сущности, но и наделяют собственными смыслами и значениями» [4, 10], при этом собственные смыслы и значения являются динамическим феноменом, подвергаясь переосмыслениям.

В современном изменяющемся мире, в котором социальная реальность легко подменяется симулякрой, социальные коммуникации фальсифицируются псевдокоммуникациями, в диалоге вместо обмена смыслами происходит искажение понимания, феноменологическая парадигма позволяет проводить различие того, с каким явлением мы имеем дело — с динамикой социальной реальности, или с ее искажением.

Так, из определения социальных коммуникаций следует, что в ходе коммуникативной деятельности обязательным условием ее реализации является понимание в ходе обмена смыслами. Социальная коммуникация всегда проходит на фоне ценностей и

норм коммуникации, осуществляется посредством коммуникативных умений и навыков, определенных поведенческих стратегий. Коммуникативная деятельность сопряжена с понятием коммуникативной компетентности, предполагающей осуществление коммуникации на высоком уровне качества. Социологическое исследование коммуникативной компетентности в условиях изменяющейся социальной реальности [5] выявило, что коммуникативная компетентность личности имеет саморегуляционный характер проявления в разных социокультурных средах, что обнаруживается в подвижном характере ценностей, конструировании гибкой индивидуальной социокультурной нормы коммуникации [5, 17]. То есть, когда в пределах признаков коммуникативной компетентности происходит переконструирование нормы коммуникации, в этом случае искажений в структуре коммуникативной компетентности и коммуникации не наблюдается. Когда же наблюдается подмена смыслов в коммуникации - происходит деформация в интеракциях.

Таким образом, феноменологический подход к исследованию современных социальных коммуникаций позволяет объективировать процессы коммуникации и выявлять их симуляцию.

1. Шюц А. *Смысловые структуры повседневного мира: очерки феноменологической социологии.*-М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2003, 336 с.
2. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания.* Перевод Е. Руткевич. - М.: Academia- центр, Медиум, 1995.- 334 с.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Романович Н.А. *Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства: монография.*- М.: Норма: ИНФРА-М. 2014-352 с.
4. Зубок Ю.А. *Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи.* // *Научный результат. Социология и управление.* 2022. Т.8, № 3. С.10-30.
5. Чанкова Е.В. *Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности: автореф. дис....доктор социол. наук: 22.00.06/ Чанкова Елена Вадимовна.*- М., 2018.- 41 с.
6. Зубок Ю.А. *Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпири*
7. Зубок Ю. А. *Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи* // *Научный результат. Социология и управление.* 2022. Т. 8, № 3. С. 10–30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА КАК ЧАСТЬ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ИНВАЛИДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Шавонин Артем Леонидович
(ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р им. Г.А. Альбрехта / Санкт-Петербургский государственный
экономический университет (аспирант))*

Социальная группа людей с инвалидностью является одной из наиболее многочисленных в современном обществе. Согласно данным ВОЗ, в мире насчитывается примерно 1,3 млрд. людей, которые имеют ту или иную группу инвалидности, что составляет около 16% от все популяции[3]. Согласно данным Росстата на 31 декабря 2023 года, в Российской Федерации проживают примерно 11 млн. инвалидов, что составляет 7,5 % от общего населения [2]. Безусловно, столь многочисленная группа требует к себе внимания и принятия определенных мер для полноценной интеграции и инклюзии их в жизнь общества.

Конвенции о правах инвалидов ООН была ратифицирована Россией в 2012 году [1]. В настоящий момент в Российской федерации проводится мониторинг соблюдения положений Конвенции о правах инвалидов ООН. Мониторинг проводится на базе ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р им. Г.А. Альбрехта и включает в себя статистический, правовой и социологический компоненты. Сбор информации производится ежегодно по статистическому и правовому компонентам и каждые 4 года по социологическому компоненту. Данные, полученные в ходе мониторинга используются в работе управляющих структур и реабилитационных организаций страны, а также для подготовки регулярного доклада для ООН

Социологический мониторинга на данный момент включает в себя опрос людей с инвалидностью или их представителей. По мнению автора, социологический мониторинг соблюдения прав инвалидов необходимо дополнить мониторингом медиа на предмет репрезентации людей с инвалидностью. Важность проведения подобных исследований отмечается учеными в ряде зарубежных стран. Например, попытки подобных исследований были предприняты в Канаде, а Программа развития ООН в Кыргызстане разработала руководство «Инвалидность в медиа», в котором описываются основы корректной репрезентации инвалидов [4].

СМИ являются одним из основных источников информации для современного человека, который во многом формирует его картину мира. Доступ к ним в наше время максимально упрощен, достаточно взять в руки мобильный телефон или любой другой гаджет с доступом к сети Интернет. Появление электронного архива материалов с открытым доступом у большинства СМИ также способствует их рассмотрению как объектов мониторинга. Подобные архивы позволяют провести анализ данных за прошедшие периоды времени, что позволит дополнять данные мониторинга в любое время и даст почву для сопоставления с результатами проведенных в тот же временной промежуток опросов населения. На основе подобных сравнений, безусловно, можно получить много полезных данных как для проверки научных социологических теорий, так и для принятия управленческих решений.

Социальные медиа на текущий момент также являются крайне популярным видом медиа. Они появились сравнительно недавно и, как следствие, на данный момент мы имеем не очень большое количество публикаций, связанных с изучением репрезентации в них как уязвимых групп населения в целом, так и людей с инвалидностью в частности.

Социальные медиа - это платформы в сети Интернет, которые предоставляют пользователям возможность для публикации информации и обмена мнениями. В отличие от СМИ, в которых публикуемые материалы проходят тщательную редактуру и отражают политику редакции, материалы в социальных медиа зачастую проходят лишь частичную модерацию. В следствие этого, при анализе материалов на одну тематику в СМИ и социальных медиа мы можем видеть совершенно разный взгляд на проблему. Зачастую, дискуссия в социальных медиа впринципе постоянно переходит от одной темы к другой и подобная неструктурированность приводит к необходимости разработки особого инструментария для анализа.

Функционал сайтов некоторых современных СМИ дает возможность оставлять под ними комментарии. Соответственно, подобные ресурсы являются своего рода симбиозом, где основной материал является материалом СМИ, а комментарии к нему - материалами социальных медиа. Сопоставление дискурса в основном материале и в комментариях к нему будет достаточно эффективным и удобным инструментом изучения репрезентации людей с инвалидностью.

Таким образом, внедрение социологического мониторинга репрезентации людей с инвалидностью в социальных медиа и СМИ является крайне важной задачей. Можно с уверенностью говорить, что они оказывают существенное влияние на формирование образа людей с инвалидностью в общественном сознании. В свою очередь, формирование положительного, корректного образа инвалидов в общественном сознании - это залог их полноценной интеграции и инклюзии. Перед современными российскими учеными стоит задача сформировать и апробировать корректный инструментарий изучения социальных медиа и СМИ, который позволит в полной мере выполнить эту задачу.

1. Конвенция о правах инвалидов. Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 08.10.2024)
2. Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 08.10.2024)
3. Официальный сайт ВОЗ. URL: https://www.who.int/health-topics/disability#tab=tab_1 (дата обращения: 08.10.2024)
4. Репрезентация инвалидности в медиа: услышанные голоса. Официальный сайт ПРООН. URL: <https://www.undp.org/ru/kyrgyzstan/blog/reprezentaciya-invalidnosti-v-media-uslyshannye-golosa> (дата обращения: 08.10.2024)

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИФРОВОЙ МЕДИА СРЕДЫ В КОНСТРУИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Шипунова Ольга Дмитриевна
(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Мурейко Лариса Валерьяновна
(Петербургский государственный университет путей сообщения Императора
Александра I)

Исходная позиция авторов определяется междисциплинарным подходом к анализу динамики социальных событий с учетом форм геймификации в гибридных системах взаимодействий. Цифровые медиа технологии проникают во все сферы социальной и культурной жизни. Инструментами погружения в смысловую и виртуальную среду социальных коммуникаций выступает развитие иммерсивных сред игровой и визуальной культуры, в рамках которой формируются новые средства коммуникации, подменяющие реальность. Складывается особая цифровая визуальная культура, которая продуцирует новый жизненный мир, обретающий в повседневности статус публичной, информационно-коммуникативной среды [6]. Характеризуя медиареальность цифрового общества, В. Савчук отмечает, что современное коммуникативное пространство предстаёт «всепоглощающей и всеохватывающей средой, т. е. реальностью опыта и сознания» [5].

С точки зрения Ж. Бодрийяра, магистральный вектор развития массовой культуры в современном обществе определен культом потребления. Распространение технологий шоу бизнеса, призванных эмоционально возбуждать публику в гипермаркетах, побуждает людей к безудержному потреблению товаров и услуг [2]. Управление вниманием и поведением человека в этом случае опирается на приоритет визуализации в игровом сценарии, который активизирует спонтанное эмоциональное напряжение в группе участников. В этой связи анализ условий формирования стереотипов массового потребления с учетом специфики инструментов визуализации представляет актуальный интерес для социологии и философии. Развитие функций визуальной культуры, обновленной цифровыми интерактивными технологиями, направлено на мотивирование и стимулирование эмоциональной, интеллектуальной и поведенческой реакции участника коммуникации.

Создание интерактивных медиа сред и технологий в различных публичных действиях распространяет игровые техники дизайна взаимодействий на всю систему социальных коммуникаций. Согласно И. Гофману, в повседневной жизни люди всегда играют типовыми ситуациями, следуя формальным правилам, вокруг которых разворачиваются интерпретации смыслов и допущений тех или иных церемоний. И. Гофман [4] подчеркивает, что свобода действия человека возможна не только через разрушение социальных норм и правил, сколько через их применение. Игра во взаимодействие по правилам, пронизывая культуру человеческой деятельности, позволяет моделировать социальные процессы, применяя различные технологии конструирования интеракций в современной медиасреде. В частности, визуальная культура цифрового общества продуцирует сценарии, обращённые к скрытым механизмам восприятия образа и трансформации стереотипов массового сознания на базе контекстных моделей восприятия символических конструкций.

Специфика соотношения визуальной культуры и цифровой медиасреды характеризуется тотальной взаимосвязью, контролем настроения и поведения участника интерактивного процесса, который опирается на создание атмосферы общения в шоу,

призванного захватить внимание посвященного настолько, чтобы он не замечал манипуляции и действовал непосредственно, интуитивно следуя интенциям своего сознания. Вовлечение в контекст интеракции в игровом и визуальном формате опирается на глубокие архетипы, которые проявляются в подсознательном стремлении человека раствориться в окружающей среде, побыть кем-то другим [3].

Обращение к терминам «иммерсия», «атмосфера» в современных социальных исследованиях вызвано стремлением конкретизировать инструменты неявного влияния интерактивной среды, которые указывают на скрытые стороны игровой техники в формировании образа. С точки зрения Г. Бёме, атмосфера интеракции, будучи общей реальностью для участников взаимодействия, характеризует состояние, которое сопротивляется артикуляции в классических формах анализа ситуации [1]. Эффект погружения в искусственно созданную среду фиксируется понятием *иммерсия*. Практики конструирования иммерсивных сред распространены в театральных постановках, в современных музеях, на художественных выставках, где специалисты намеренно создают условия для психоэмоционального вовлечения человека в мультисенсорную среду. В цифровом мире технологии масс-медиа, постоянно наращивая виртуальные среды дополненной киберреальностью, расширяют возможности конструирования интеракций в пространстве социальных взаимодействий.

Выделяя коммуникативный потенциал иммерсивных сред в контексте управления массовым поведением, Э. Фишер-Лихте [7] подчёркивает актуальность новых игровых методов выходящего на улицу перформанс-арта в качестве обобщенной модели дизайнера социальной коммуникации, которая в условиях цифровых технологий позволяет конструировать интеракции и эффективно управлять поведением участников в организации политических движений, спортивных игр, массовых зрелищ.

1. Беме Г. «Атмосфера» как фундаментальное понятие новой эстетики. URL: <http://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics/> / пер. Стаса Онасенко (дата обращения: 20.09.2018).
2. Baudrillard, J. *Simulacra and Simulations Text. // Selected Writings.* / Ed. Mark Poster. Stanford: Stanford University Press, 1988. 230 p.
3. Васенина Е. В. Театр участия: о роли «блуждающего тела» зрителей и хореографии спектаклей-«бродилок» // *Художественная культура.* № 2 (18). 2016. URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2016-2-18/> (дата обращения: 09.08.20).
4. Goffman E. *Interaction Ritual: Essays in Face to Face Behavior.* New York: Pantheon Books, 1967; Laurel B. *Computer as Theater // Reading Digital Culture / Ed. by D. Trend.* London: Blackwell, 2001. Pp.23-28..
5. Савчук В. В. *Медиафилософия: приступ реальности / В. В. Савчук.* СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 348 с.
6. Сальникова Е. В. *Феномен визуальности и эволюция визуальной культуры: автореф. дис. д-ра культурологии / Е. В. Сальникова.* М., 2012. 52 с.
7. Фишер-Лихте Э. *Эстетика перформативности / пер. с нем. Н. Кандинской; под ред. Д. В. Трубочкина.* М.: «Play&Play» — «Канон+», 2015. 376 с.

Секция 6: Социально-антропологическая перспектива осмысления

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОРОЖАН О СЧАСТЬЕ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ОТЛОЖЕННАЯ МОДЕЛЬ

*Антонова Наталья Леонидовна
(Уральский федеральный университет)*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00617, <https://rscf.ru/project/24-28-00617/>

В работе, опираясь на результаты социологического опроса, определены представления горожан о счастье и его месте в жизненных траекториях. Выявлена ориентация на отложенное счастье, а текущая действительность рассматривается как движение к нему. Респонденты демонстрируют дуальность в представлениях о будущем: будущее видится как счастливое, при этом высказываются страхи и неуверенность в нем.

Ключевые слова: счастье, отложенное счастье, будущее, городское население.

Усиливающаяся динамичность современной жизни, связанная с системными трансформациями, оказывает влияние не только на социальные институты и практики, но и затрагивает эмоционально-чувственную сферу жизни населения. Счастье – сложный феномен, который требует нового осмысления и интерпретации, в том числе и в русле социологического анализа [4], включающего разработку системы показателей и индикаторов, измеряющих уровень, устойчивость и пр. [3]. Согласно Е.Н. Новоселовой представления индивида о счастье не могут формироваться вне социокультурного контекста [7]. Сегодня российское общество стоит перед новыми вызовами в условиях глобальной перестройки миропорядка. В сложных нестабильных условиях россиянам приходится корректировать жизненные стратегии и смысловые конструкты, касающиеся и достижения счастья, суть которого заключается переживании удовлетворенности жизнью [2], деятельностью, условиями и образом жизни, а также в позитивных эмоциях радости [5].

Наше исследование, основной целью которого стало изучение представлений городских жителей о счастье, было проведено в августе-сентябре 2024 года. Используя метод онлайн-анкетирования опрошено 1170 человек от 18 до 60 лет; из них: мужчин – 43,5%, женщин – 56,5%. Распределение респондентов по возрасту выглядит следующим образом: от 18 до 24 лет – 32%, от 25 до 40 лет – 37%, от 41 до 60 лет – 31%. В опросе приняли участие городское население Москвы и Санкт-Петербурга (22%), Екатеринбурга (33%), а также жители больших (21%) и средних/малых (24%) городов. 55% опрошенных не состоят в браке, 3/4 опрошенных отнесли себя к среднему классу.

В структуре представлений горожан о счастье лидирующие позиции занимает здоровье: 62% респондентов собственное здоровье и здоровье близких выбирают в качестве показателя счастья. Каждый второй опрошенный маркирует счастье возможностью самореализации и достижением целей, а для 47% респондентов базисом счастья выступают семейные ценности – наличие семьи/детей/внуков. Важно подчеркнуть, что 49% респондентов выразили активную деятельную позицию в достижении счастья. Речь идет о том, что, по-мнению респондентов, за счастье необходимо бороться, проявлять активность, действовать. Такой подход свидетельствует об инициативности и динамичности

индивидов, реализованных в поведенческих практиках, стремлении людей к продуктивной деятельности. Только 13% опрошенных принимает принцип «счастье придет и на печи найдет» в качестве фундамента жизнедеятельности.

Следует отметить, что в оценках респондентов отсутствие чувства счастья может, с одной стороны, стать стимулом для активных действий (49%), но, с другой стороны, сформировать беспомощность и растерянность (51%). Каждый третий опрошенный полагает, что если человек несчастлив, то он стремится помочь нуждающимся и консолидироваться с другими для достижения общего блага, а 67% респондентов, наоборот, отмечают проявление негативных личностных характеристик, мешающих проявлению общности с другими людьми.

Для преодоления чувства несчастья респонденты обращаются к родным (54%) и друзьям (40%), а также специалистам - психологам/психотерапевтам (11%). Близкие родственники и друзья также становятся агентами, формирующими чувство счастья (60% и 32% соответственно). 2/3 респондентов полагает, что счастье зависит, прежде всего, от самооценки человеком своего состояния нежели от внешних обстоятельств. Результаты исследования свидетельствуют о том, что средняя оценка состояния счастья в настоящее время составляет 6,86 по 10-ти бальной шкале. При этом определяя свое состояние как счастливое через пять лет средняя оценка возрастает и достигает показателя в 7,91. Отметим, что образ будущего — это совокупность типических характеристик/черт/свойств/направлений проектируемого в сознании жизненного сценария [1]. Чуть менее половины респондентов (46%) считают, что находятся в движении к настоящей счастливой жизни в будущем, при этом каждый третий высказал чувство неуверенности в завтрашнем дне. Таким образом, наблюдается траектория-ориентир на счастливое будущее в жизненных планах при некоторой неопределенности самого будущего.

Системные трансформации, связанные с переходом от одного политического и экономического порядка к другому [6], формируют чувство дискомфорта и становятся барьерами в ощущении счастья. 41% респондентов признаются, что ругают себя в ситуациях повседневности за положительные эмоции на фоне трансформационных изменений, сопровождающихся кризисными явлениями в социальной жизни в целом. Тем не менее, опрошенные с надеждой смотрят в будущее, выражая оптимистический настрой и считая, что жизнь улучшится и «придет» счастье (81%).

Описывая конкретные ситуации, связанные с отсрочкой личного счастья, респонденты выделяют, прежде всего, проблемные зоны, касающиеся семьи, и становящиеся препятствиями на пути к достижению счастья. Это неудовлетворительное состояние здоровья близких родственников (52%) или их кончина (51%), а также существенные материальные проблемы в семье (25%). Вопрос финансового благополучия для 54% респондентов становится и таким событием, которое улучшит жизненное пространство, снизив беспокойство о будущем и тревожность (47%), которые препятствуют достижению счастливой жизни. Респонденты в целом высоко оценивают шансы его наступления (50%) и полагают, что через 1-2 года будут жить лучше (66%).

Согласно результатам опроса ориентир на отложенную модель счастья связан, во-первых, с отказом от собственных интересов в пользу благополучия близких людей (81%); во-вторых, с ожиданиями благоприятных условий для реализации новых дел/проектов/инициатив (67%). Отсюда, 44% респондентов высказали опасения, что не успеют прожить счастливую жизнь.

Таким образом, полученные в ходе опроса результаты позволили прийти к следующим выводам. Во-первых, ценности служат базисом представлений о счастье,

маркерами которого выступают здоровье, самореализация и семья. Во-вторых, респонденты демонстрируют отложенную модель счастья, включая в свою жизненную траекторию «движение» к нему. В-третьих, наблюдается противоречие между ожиданиями от будущего как счастливого и страхами его не достичь, порождающими неуверенность в будущем в целом.

1. Антонова Н.Л., Абрамова С.Б. *Право на город: мотивация социальной активности городской молодежи* // Теория и практика общественного развития. 2021. № 6. С. 15-19.
2. Аргайл М. *Психология счастья*. – Москва: Прогресс, 1990.
3. Васильева О.В. *Социологическое измерение счастья: универсальный подход (на материалах социологического исследования жителей г. Красноярска)* // Siberian Socium. 2019. Том 3. № 1. С. 30-45.
4. Карцева Л.В. *Счастье как социологическая категория* // Вестник Казанского технологического университета. 2012. №1. С. 208-210.
5. Качур Н.В. *Эволюция социологической интерпретации счастья* // Известия Саратовского Университета. Серия Социология. Политология. 2013. № 4. С. 44–48.
6. Коваль А.Г., Пецольдт К. *Современные вызовы теории системной трансформации в экономике* // Проблемы современной экономики. 2018. № 2(66). С. 55-59.
7. Новоселова Е.Н. *Интерпретация феномена счастья в социологии* // Социология. 2017. №2. С. 45-52.

ГОСТЕПРИИМСТВО КАК СЦЕНАРИЙ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ МЫСЛИ: ОПЫТ Э. В. ДЕ КАСТРУ

Ватолина Юлия Владимировна
(Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и
дизайна)

Сегодня, когда происходит интенсификация миграционных процессов и межкультурных взаимодействий, «другие», «чужие» в самых многообразных обликах проявились почти во всех размерностях социальной жизни, и нередко встречи с ними кодируются в терминах гостеприимства. В частности, тема гостеприимства оказалась плотно втянутой в обсуждение миграции, политического убежища, беженцев [4]. С другой стороны, понятие гостеприимства активно применяется в туристическом бизнесе, превращаясь в средство «экономической полезности» [9]. Однако и в том, и в другом случае из символического события встречи с «другим», «чужим», формирующего коллективную память и идентичность, гостеприимство превращается в своего рода «эмблему», за которой стоят безличные ритуалы приема в отелях, санаториях, лагерях беженцев и т.п., – всех тех «не-местах», которые, по мысли французского антрополога М. Оже, уготованы в «мире» «гипермодерна» для «одионочества индивидуальности, транзитного движения, временности и эфемерности» [5, 85]. Следуя этой логике, в обществе «гипермодерна» нет места для гостеприимства и даже условий возможности для него. Но, нужно отметить, что новоевропейский мир далеко неоднороден, и на его определенных территориях, в основном – в символической размерности культуры (науке, искусстве, философии) продолжают существовать подлинно «гостевые» структурности и практики, хотя и в иных, «превращенных» формах.

Так, если говорить о современной социально-культурной антропологии, то здесь гостеприимство оказывается не просто метафорой, а необходимым конститутивным основанием получения знания уже в силу того, что ее ключевым вопросом является вопрос о «текущем бытии *другого*» [5, 23]. Прежде всего, антропология предполагает интенсивное взаимодействие с полем, нередко – включенное наблюдение, для осуществления которого необходимо быть принятым изучаемой человеческой общностью. Если говорить о «дальнем» «другом», бытие которого укоренено в традиционных «мирах», то не последнюю роль в этом приеме играют обычаи гостеприимства. Сегодня антропология все чаще переключается на изучение «ближнего» «другого», и речь уже не идет о том, что исследователя готовы «регулярно принимать ... у себя дома, чтобы вместе преломить хлеб», но это не отменяет для него необходимости понимания того, как думают, действуют и живут люди [7, 16]. Иными словами, гостеприимство практически утрачивает явленность в социальных и жизненных «мирах», однако его сценарий нудительно присутствует в антропологических практиках в культурно-символической размерности.

Если принять тот факт, что в феномене гостеприимства происходит «индивидуация» или точнее, сингуляризация «они», то и антропология обращена не к абстрактному «другому» как некой «тотальности», а к индивидуальному опыту, который становится ключом к пониманию социальных структур и культурных систем. При этом «бытие другого рассматривается в настоящем» [5, 23], – ведь, даже если речь идет о прошлом, необходимо удержаться от весьма соблазнительной проекции конфигуративности современности в иные эпохи. Таким образом, можно сказать, что ситуация получения антропологического знания – это всегда ситуация «встречи» «других-чужих» со стоящими за ними различающимися «мирами», причем антрополог оказывается в ней, скорее, на правах «гостя», чем «хозяина». При этом подобное вхождение в иной «мир», иной смысловой

универсум затребует от него определенного изменения состояния: отказа от привычной субъектно-объектной логики, дефиниций и таксономий собственной культуры.

Нужно заметить, что требование отказа от «при-своения» «чужого», «иного» неоднократно звучало в антропологических исследованиях, особенно актуализировавшись в 1970-х гг. в постмодернистской антропологии. С одной стороны, результатом демонтажа прежней конструкции антропологического знания становится саморефлексия исследователя и репрезентация ее результатов читателю с тем, чтобы предоставить ему «возможность сделать “поправку” на особенности личного опыта антрополога» [6, 90]. Однако, как пишет М. Оже, «неясно на самом деле, в состоянии ли деконструктивистская критика, примененная к корпусу этнографических текстов, раскрыть нам глаза на что-то небанальное и неочевидное... Напротив, вполне возможно, что этнология сходит с нужного курса, подменяя полевые исследования исследованиями личностей полевых исследователей» [5, 43]. Другая тенденция – «эвристический примитивизм (или минимализм)», превращающий антропологический текст в своего рода плацдарм «чужих» голосов в отсутствие голоса автора [6, 98]. Но здесь возникает ситуация, когда «гость», используя выражение Ж. Деррида, становится «хозяином хозяина» [8, 123]. При этом как первый, так и второй подход по-прежнему остаются в рамках субъектно-объектной матрицы.

По сути, гостеприимство к «другому», «чужому» является возможным лишь при удерживании границ «своего». Более того, это происходит только в том случае, если базовые интенциональности «чужого» опыта резонируют со «своим» опытом, и в этом резонансе манифестируются символические связи, которые создают «мост» между «мирами». Но, нужно заметить, что подобная манифестация возможна только тогда, когда удастся опознать определенный символический капитал и использовать его, инвестируя в концептуализацию опыта встречи. В противном случае, со слов Ж. Делеза, «все определения становятся жестокими и неверными: созидающее и изобретающее их мышление может теперь постичь их – ободранных, отделенных от живой формы, плавающих в мрачной глубине. На этом пассивном фоне все превращается в насилие» [2, 190]. Если использовать метафору, что антрополог – это тот, кто пытается «прочитать» текст «чужой» культуры «из-за плеча туземца» (К. Гирц) [7, 35], то, нужно добавить, что – не только «прочитать» его, но и перевести на язык своей собственной культуры, в свою очередь, становясь «хозяином», гостеприимно принимающим «гостей» в своем «доме».

Один из антропологических проектов, в котором структурности гостеприимства просматриваются наиболее явственно, представлен в работе Э. В. де Кастру «Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии» [3]. Благодаря глубокому погружению в «поле», бразильский антрополог выявляет принципиально «иную» логику сборки «мира» изучаемого им племени аравате, в основе которой лежит «перспективизм» как способность занять «точку зрения» «другого-чужого», включая не только человеческие, но и нечеловеческие агентности (животных, мертвецов, растения и проч.). Мысля не о туземцах, а как туземец, Э. В. де Кастру предлагает в рамках своего проекта «постоянной деколонизации мысли» «... две методологических процедуры, основанные на его опыте антрополога: процедуру смены перспектив и особую процедуру перевода туземных категорий на язык западной метафизики, которую он называет “подконтрольной эквивокацией”» [1, 179]. Нужно заметить, что хотя «перспективизм» – это не реальность, а концепт, родившийся в «между-мирье» встречи с «другим-чужим», его последствия совершенно реальны и явственны не только для антропологии, но и для эпистемологии в более широком контексте, а значит – и для онтологии.

Как известно, у многих народов обмен подарками был неотъемлемой частью встречи с гостем. Собственно, и встреча с «другим-чужим» в культурно-символической размерности, в основе которой лежат структурности гостеприимства, преподносит нам некий «дар». Он состоит в открытии возможности видения «иного»: иной культуры, иного мышления, иного «мира», «иного» самих себя. А вместе с тем – и другой жизни.

1. Блинов Е. *Devoro ergo sum: Вивейруш де Кастру об уроках каннибальской метафизики* // Кастру Э. В. де. *Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 170–188.
2. Делез Ж. *Различие и повторение*. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
3. Кастру Э. В. де. *Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 200 с.
4. Монтадон К. *90-е годы: возникновение новых ритуалов приема в связи с ростом общественной и профессиональной мобильности принимаемых* // *Традиционные и современные модели гостеприимства: Материалы российско-французской конференции 7-8 октября 2002 г.* М.: РГГУ, 2004. С. 119–141.
5. Оже М. *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.
6. Рубел П., Чегринец М. *Исследовательские стратегии в современной американской культурной антропологии : от «описания» к «письму»* // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. Т. 1. № 2. С. 85–101.
7. Энгельке М. *Думай как антрополог*. Ад Маргинем Пресс, 2024. 288 с.
8. Derrida J. *Of hospitality* / J. Derrida; A. Dufourmantelle invites J. Derrida to respond; tr. by Rachel Bowlby. Stanford: Stanford University, 2000. 162 p.
9. Lashley C. *Towards a Theoretical Understanding* // Lashley C., Morrison A. (Eds.) *In Search of Hospitality : Theoretical Perspectives and Debates*. London: Butterworth Heinemann, 2000. P. 1–17.

ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА, НАУКА - ОСНОВНОЙ РЕСУРС КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО МИРА

*Власова Ирина Владимировна
(Санкт-Петербург)*

Аннотация: В статье рассматриваются значение и роль образования, культуры, науки в рамках культурной дипломатии.

Ключевые слова: Образование, культура, наука, культурная дипломатия, поликультурный мир.

Исследователи современной культурной картины мира утверждают, что фундаментальной чертой современного мира является его культурно-цивилизационное многообразие. Следовательно, особая роль в процессе культурной дипломатии принадлежит стратегической триаде «культура — образование — наука».

Отечественные ученые, изучая проблемы мультикультурного мира много внимания уделяют значению развития культуuroобразующей среды России как необходимого условия повышения уровня образования, культуры и науки.

Российские ученые отмечают: «в современном мире роль культуuroобразующей среды в политике постоянно возрастает. Эффективность и перспективы использования «мягкой силы» в огромной степени зависят от полноты реализации стратегической триады «культура — образование — наука»[1].

Приоритетной задачей мировой политики является предотвращение межцивилизационных конфликтов, посредством установления диалога культур, различных конфессий и системы образования, цивилизаций как условие гармоничного развития современного мира.

Особое внимание в рамках указанной триады уделяется исследованию уникальной русской культуры. Она играет определяющую роль в сложной сфере управленческих решений, принимаемых руководителями социальных институтов на разных уровнях (Государство, армия, общественный фонд, партия, предприятие, и т. д.).

Новое отражение современного мира включает образ жизни, стереотипы сознания и поведения, этические и эстетические приоритеты и т. д. Заполняет социокультурное пространство в рамках аксиологической направленности начала XXI века. От уровня культуры и образования профессионалов, наполняющих данное социокультурное пространство (идеи, разработки, знания в области политики, международных отношений, военное мастерство), зависит безопасность России.

В современной российской дипломатии особенно следует выделить интеллектуальную функцию культуры. Ее приоритет объясняется политико-правовым значением культуры. Определяется, прежде всего, областью «конфликта архетипов» и «культурного диссонанса» [1].

Действенным средством по устранению межгосударственного недоверия является накопление потенциала в области высшего образования.

Активное развитие в этом направлении предполагает постоянную коммуникацию и общение на различных уровнях и в разнообразных сферах социума. Данный потенциал проявляется в следующем взаимодействии: обмен идеями, информацией, познанием в культуре.

Несмотря на негативные моменты, политические разногласия, экономические санкции высшее образование — это область развития сотрудничества, коммуникации на уровне индивидов, групп, государств, культур. Область, где происходит нивелирование

политической напряжённости. Безусловно, важным звеном в формировании положительного имиджа является финансово-экономический потенциал.

Следовательно, при формировании имиджа России определяющее значение имеют:

Культурно-ценностной привлекательность;

2. Ресурс культурной дипломатии;

3. Ресурс национально-государственной экономической модели [2].

Таким образом, сегодня в разряд первоочередных приоритетов мировой политики выводится задача предотвращения межкультурных разломов, наращивания усилий в интересах формирования партнерства культур, религий и цивилизаций, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества, будущее нашей страны [1].

Самым эффективным направлением на пути разрешения конфликтов, развитию способности противостоять внешним и внутренним угрозам, является область образования. В современном информационном обществе межкультурное взаимодействие играет ключевую роль, обеспечивается, обменом идеями, информацией, познаниями в культуре, предоставляя возможность личных контактов, коммуникации в поликультурном мире.

1. Наймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. - М., 2017. - 272 с.
2. Чихарев И.А., Столетов О.В. К вопросу о соотношении стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике / Вестник московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 5. С. 26-43.

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ?

*Гвоздиков Денис Сергеевич
(СПбГУ)*

С момента своего рождения социальная антропология использовала концепции развития для объяснения тех или иных культурных конфигураций. Критика эволюционного стадиялизма и отход от «простых» схем неозволюционизма, казалось, оставили траектории истории в свободном плавании: сообщества и группы могли образовываться, а могли и не образовываться культурные конфигурации по своему усмотрению [Graeber, Wengrow 2021]. Тем не менее сложившиеся культурные состояния нужно как-то объяснять, и создается впечатление, что у современной социокультурной антропологии не осталось нужных идей. Хорошим вопросом остается, являются ли концепции развития сами по себе объяснением? Если мы говорим, что некое состояние культуры является шагом развития, вольно или невольно подразумевается наличие «механизмов» развития – логики изменений культурного материала. На практике обращение к принципам и логике культурных изменений и означает использование той или иной версии концепции развития. Представляется, что и обратное в некоторой степени верно: отказ от концепций развития на деле означает отказ от изучения логики культурных изменений.

1. Graeber D., Wengrow D. *The dawn of everything: a new history of humanity*. London: Penguin/Allen Lane, 2021.
2. Sanderson S.K. *Evolutionism and Its Critics. Deconstructing and Reconstructing an Evolutionary Interpretation of Human Society*. New York: Routledge, 2007.

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ (1930-Е ГГ.): НАУЧНЫЙ ДИСКУРС И КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

*Головнева Елена Валентиновна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Аннотация. Рассматривается проблема визуализации религии в СССР в 1930-х гг., предпринятая в рамках «культурной революции» отечественными учеными и кинематографистами. Показывается, что материалы религиоведческого характера, собранные и созданные учеными и кинематографистами в 1920-1930-х гг., позволили сформулировать концепцию создания антирелигиозного кино как особого жанра советского производства культурфильмов.

Ключевые слова: антропология религии, история и социология науки, религиозные группы в СССР, культурная революция, кинематограф

Период 1920-х и начала 1930-х гг. в истории отечественной науки был связан не только с антирелигиозной пропагандой, но и с разработкой методологических вопросов изучения религии, комплексного анализа сохраняющихся религиозных верований и практик, их сравнительного изучения. Одним из значимых проектов в области антропологии религии стало создание в 1920-1930-х гг. «Систематического указания вероучений (религий) и антирелигиозных группировок», известного как «карта религий СССР». Работа над этим проектом продемонстрировала, что в 1920-1930-х гг. отечественными историками религии, этнографами и фольклористами разрабатывалась стратегическая инициатива не только комплексного и сравнительного изучения религий в СССР, их подробного картографирования («карта религий СССР»), но и методологические вопросы визуализации «живых религий», распространения визуальных репрезентаций в музейной и выставочной деятельности, театральных постановках и печати.

Если в религиоведении ставились задачи создания марксистской науки о религии и картографирования различных религиозных групп СССР (создание религиозно-бытовых карт) [3], то в кинематографе – задача их кино-картографирования на основе марксистско-диалектического учения. Пик этого процесса пришелся на пятилетку «культурной революции» (1928 – 1933), когда ведущие советские киностудии и исследовательские институты развернули соцсоревнования по дальности и длительности киноэкспедиций в различные уголки СССР [1]. В союзе с кинематографистами учеными осуществлялись этнографические экспедиции, происходила передача существенных исследовательских навыков и ценностей, проводились научно-теоретические поиски в сфере производства и популяризации знания о положении религиозных групп [3]. В частности, в 1928 году директор Музея антропологии и этнографии (с 1930 г.), один из разработчиков «Систематического указания вероучений (религий) и антирелигиозных группировок» и сторонник комплексного изучения религии Н.М. Маторин организовал в Ленинграде исследовательскую группу (секцию) по изучению истории так называемых «культов», бытовой религиозности. Секция привлекла к своей работе ряд ленинградских и московских историков религии, этнографов, археологов и архивистов. Материалы религиоведческого характера, собранные и созданные учеными и кинематографистами в 1920-1930-х гг., в том числе, «группой Маторина», кроме прочего, позволили сформулировать концепцию создания антирелигиозного кино как особого жанра советского производства культурфильмов.

Производство антирелигиозного кино осуществляли ведущие киностудии страны (в том числе, наиболее активно – ленинградские кинематографисты), а контроль над созданием и распространением антирелигиозных фильмов был возложен на Союз воинствующих безбожников [5]. К 1930 г. в СССР было выпущено около 30 художественных и документальных фильмов антирелигиозного содержания («Опиум», «Иуда», «Сектанты», «Кровавое воскресенье» («Девятое января»), «Мать», «Хозяин черных скал», «Отец Серафим», «За монастырской стеной», «Старец Василий Грязнов», «Во имя бога», «Из-под сводов мечети» и др.). Эти антирелигиозные картины должны были стать эффективным инструментом пропаганды молодого советского государства в борьбе как с официальной церковью, так и с проявлением бытовой религиозности. Они сопровождались дополнительными практиками для усиления эффекта агитационной работы и разъяснения киноязыка (кино-лекция, выставка, экскурсия, вечер вопросов и ответов).

Теоретические и практические поиски в области антирелигиозного кинематографа в СССР были вызваны причинами политического и идеологического характера, происходили в контексте изучения западных аналогов антирелигиозного кино, но имели свою специфику, связанную с самобытностью развития кинотворчества в Советской России. Методика кинооформления антирелигиозного фильма 1920-х – 1930-х гг. включала в себя: марксистско-диалектическое учение в качестве основания кинопроизводства, проведение экспедиционной работы и профессиональное научное консультирование, выработку нового киноязыка, предполагавшего исключение по возможности интриговой фабулы и организацию материала по принципу документальной (с игровыми элементами) хроникально-протокольной фильма, развитие жанра «художественного документализма», дополнение антирелигиозных фильмов производством и показом этнографических, «антиалкогольных» и научно-популярных (научных) картин [2]. Антирелигиозное кино было основано на активной вовлеченности зрителя, устанавливало особый тип коммуникации (автор-лектор-зритель) и, вследствие этого, стало предметом бурного методологического обсуждения в печати и научных исследованиях как одно из самых сильных орудий визуальной пропаганды. В целом, антирелигиозные фильмы можно охарактеризовать как значимое наследие серии теоретических и практических опытов в области антропологии религии и визуальной антропологии 1920–1930-х гг., которые выразились в создании уникальных источников по антирелигиозному агитационно-массовому искусству.

1. Головнев И.А. Визуализация этничности в советском кино (опыты ученых и кинематографистов 1920-1930-х годов). СПб: МАЭ РАН, 2021.
2. Головнева Е.В. Антирелигиозный фильм в СССР (по материалам кинопериодики конца 1920-х-начала 1930-х гг.) // Религиоведение. 2023. №3. С. 150–159.
3. Головнева Е.В., Головнев И.А. Научные поиски в советской кинематографии 1920-1930-х годов (метод «параллельной кинозасъемки» Анатолия Терского // Наука телевидения. 2022. 18 (4). С. 151 – 170.
4. Маторин Н.М. Об изучении религиозных верований народов СССР // Антирелигиозник. 1934. № 5. С. 28 – 33.
5. Полтевский А.Н. Антирелигиозная фильма: Справочно-метод. пособие по работе с антирелигиозной фильмой в клубе и избе-читальне. М: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1930.

ИЗУЧЕНИЕ КРЕАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ: ОБЗОР РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Гудкова Яна Александровна
(РУДН, ВЦИОМ)*

*Тезисы подготовлены в рамках ИнНИР 100938-0-000
«Использование искусственного интеллекта: перспективы,
угрозы, ограничения (на примере представлений студенчества)»*

Креативные пространства насчитывают в России не совсем длительную историю, но за последние пять лет все активнее о них начали рассуждать представители различных сфер: градостроительной, правовой, социальной и пр. У государства появился четкий запрос на создание креативных пространств и кластеров, которые стали бы драйверами развития экономики. Об этом свидетельствует появление различных государственных постановлений и принятие соответствующих документов (например, федеральный закон «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» (от 8 августа 2024 года №330-ФЗ) (закон вступит в силу 05.02.2025 г.), Постановление Правительства Москвы «О реализации пилотного проекта по созданию в городе Москве креативных кластеров и креативных пространств» (от 23.11.2021 г. № 1815-ПП) до 2025 г. и пр.).

На волне появления подобных документов эксперты и ученые в области права обращают внимание на необходимость в уточнении терминов, дальнейшем обсуждении юридических вопросов и доработках [2, 4].

Тем не менее, по данным Института развития креативных индустрий НИУ ВШЭ, в 2023 году в России действует уже 420 подобных кластеров [6]. Центр активно занимается изучением креативных индустрий и предоставляет также статистику занятости населения в секторе креативной экономики. Коллеги сообщают, что в 2022 г. «в России в креативных индустриях заняты 2,3 млн человек, причем с 2020 г. их численность выросла на 11%» [1]. Москва и Санкт-Петербург отмечаются как наиболее концентрированные по доле занятых в креативных индустриях, что в том числе накладывает отпечаток на проведение политики развития креативной экономики. Это подтверждают и опросы общественного мнения: уровень развития креативных индустрий жители обеих столиц оценивают в 2,5 раза чаще как высокий по сравнению с городами-миллионниками (40% против 16% соответственно) [5].

Параллельно с постепенным ростом креативных пространств и развитием правового регулирования в данном секторе в академической среде также стали появляться исследовательские работы в различных научных областях, в том числе социальных, которые описывают социальные последствия, как негативного, так и позитивного характера данного явления.

Креативные пространства и кластеры предлагают на одной территории большой спектр различных услуг: от заведений питания до творческих мастерских. По опросу НАФИ в 2020 г., большинство россиян посещают креативные пространства с целью культурного досуга (75% опрошенных), а причиной к непосещению таких мест является незнание о таких местах или их отсутствие в городе (42% и 21% соответственно) [10].

Исследование антропологов Д. А. Радченко и М. Д. Алексеевского о культурных стратегиях молодых петербуржцев также говорит о важности доступности творческого пространства в городе и четкой информированности о мероприятиях [9]. «Удаленные от центра площадки наиболее позитивно воспринимаются в том случае, когда они не связаны

с «высокой», «классической» культурой: чем дальше от центра, тем современнее (или «популярнее») должна быть предлагаемая ими повестка» [9, с. 123]. Для оценки готовности жителей Петербурга к поездкам на интересные события исследователями была построена карта передвижений на основе интервью. Исходным районом считалось место жительства информанта, а районом назначения — место его посещений за последний год. Количество упоминаний нормировалось по числу информантов из каждого района. Результаты показали, что жители Центрального района редко выезжают за пределы своего района, считая его центром интересных событий. Жители Петроградского и Василеостровского районов также сосредоточены на небольшом кластере центральных районов, в то время как жители периферийных районов, несмотря на предпочтение проводить время в центре, активно посещают мероприятия и в других районах [9, с. 124]. Что интересно, сами петербуржцы отмечали нехватку локальных мест в городе, которые чаще всего, если представлены в периферийном районе, то кинотеатрами [9, с. 122].

Исследователи Е.Н. Кузинер и Д.С. Петрунина на основе анализа креативных пространств в городах Псков, Петрозаводск, Сыктывкар выделили два типа организации пространств: «сверху» (инициатива властных органов) и «снизу» (инициатива горожан) [8]. Результаты выявили некоторые противоречия, с одной стороны пространства позиционируют себя как открытые для всех горожан, но основными посетителями остаются представители творческих профессий и интеллигенция, в связи с чем становятся «пространствами социального исключения» [7, с. 344]. Авторы также приходят к выводу, что в крупных городах арт-кластеры привлекают творческую молодежь, способствуя развитию города. В регионах же они могут замыкаться на себе, что создает потребность в создании мест для более широкой аудитории [7, с. 349].

Локальные городские сообщества могут активно влиять на преобразование городской среды и способствовать созданию различных пространств и третьих мест для себя. Исследование А.А. Ереминой включало изучение локальной идентичности города и выбранных общественных пространств и повлияло на выбор приоритетных территорий для благоустройства [3, с. 192].

Городские пространства, в том числе креативные, также могут формировать сообщества. Стендап-комьюнити формируется вокруг городских пространств, таких как бары, кафетерии, арт-пространства, лофты, где комики находят площадки для выступлений и общения. С одной стороны, отмечается, что для образа жизни стендаперов характерно отсутствие укорененности в конкретном городе или месте, с другой — для успешного выступления в каждом городе комики используют уникальный городской контекст, основанный на общих для конкретной местности стереотипах и образах, например, упоминание неблагополучных районов или локальных событий [8].

Креативные пространства для многих городов России сопряжены с новым опытом организации городских общественных пространств. В связи с чем подчеркивается важность и актуальность изучения данной тематики. Обзор российских исследований показал, что креативные пространства служат не только местами для взаимодействия творческих людей, но и платформами для инновационного развития и устойчивого социального прогресса, при этом важно учитывать такие вызовы и проблемы как социальная исключенность, джентрификация, доступность, разнообразие досуга и пр. Дальнейшие исследования в этой области могут значительно способствовать углублению понимания роли креативных пространств в российском контексте и выявлению лучших практик для их развития.

1. Боос В., Шарапова А., Соломатин П., Куценко Е. Креативный сектор в России демонстрирует концентрированный рост / Боос В., Шарапова А., Соломатин П., Куценко Е. [Электронный ресурс] // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: [сайт]. — URL: <https://issek.hse.ru/news/913623863.html> (дата обращения: 09.10.2024).
2. Бундин М.В., Ширеева Е.В. Креативные кластеры и креативные пространства: правовой статус и проблемы правового регулирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-klastery-i-kreativnye-prostranstva-pravovoy-status-i-problemy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 09.10.2024).
3. Еремина А.А. Кинешма – забытая Волжская столица Ивановской области: возвращение локальной идентичности // Фольклор и антропология города. 2019. №3-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kineshma-zabytaya-volzhsкая-stolitsa-ivanovskoy-oblasti-vozvraschenie-lokalnoy-identichnosti> (дата обращения: 09.10.2024).
4. Закон «О креативных индустриях» подвергли разбору на Московском областном форуме «100% креатив» // НИУ ВШЭ: [сайт]. — URL: <https://creative.hse.ru/news/4190>
5. Индустрия креатива: мониторинг // ВЦИОМ: [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/industrija-kreativa-monitoring> (дата обращения: 09.10.2024).
6. Как устроены креативные пространства в России? // АКИ.: [сайт]. — URL: <https://createdin.moscow/creative/1ee4d888-ff8c-6294-b2fc-4b2d1d6b1d67> (дата обращения: 07.10.2024).
7. Кузинер Е.Н., Петрунина Д.С. Креативные пространства как "третьи места" в регионах России // Мониторинг. 2022. №6 (172). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-prostranstva-kak-treti-mesta-v-regionah-rossii> (дата обращения: 09.10.2024).
8. Омельченко Д.А. Переходя границы. Российский стендап: локальные и глобальные смыслы // Антропологический форум. 2024. №60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehodya-granitsy-rossiyskiy-stendap-lokalnye-i-globalnye-smysly> (дата обращения: 08.10.2024).
9. Радченко Д. А., Алексеевский М. А. Культура в сетях мобильности: стратегии выбора досуговых практик молодыми петербуржцами // Фольклор и антропология города. 2019. №3-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-v-setyah-mobilnosti-strategii-vybora-dosugovyh-praktik-molodymi-peterburzhtsami> (дата обращения: 09.10.2024).
10. Чем россияне привлекают креативные пространства? // НАФИ: [сайт]. — URL: <https://nafi.ru/analytics/chem-rossiyan-privlekayut-kreativnye-prostranstva/> (дата обращения: 09.10.2024).

КОНФИГУРАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПАТТЕРНОВ В КОЛЛЕКТИВАХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ПРЕДМЕТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ К КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

*Данкин Владимир Дмитриевич
(Академия Социальных Технологий
Санкт-Петербургский Государственный университет, факультет социологии)*

Российские предприятия сегодня вошли в сложный период роста неопределенности и радикальных изменений в экономике, политике, демографии. Используемые способы понимания корпоративной культуры, еще 5 лет назад дававшие достаточные основания для работы руководителей и специалистов кадровиков, сегодня могут сделать картину сложившихся социокультурных паттернов не только не полной, но и усложняющей анализ и принятие решений. Вместе с тем, перед российской экономикой стоят задачи не просто принятия вызовов неопределенности и изменений, но поиска новых форм существования и деятельности, обеспечивающих принципиально новое качество инновационности решений и мотивированности людей.

Социальная антропология становится важным, а в ряде острых вопросов – и ключевым инструментом анализа быстро меняющихся ситуаций в корпоративном мире. Разрушение в условиях нарастающего социального, экономического, геополитического кризисов казавшихся незыблемыми представлений об властных иерархиях, принципах взаимодействия, распространяемых текстах и тп. требует опоры на уникальную реальность каждой конкретной организации и активного внедрения обоснованной теории в аналитический арсенал специалистов кадровых служб.

В этих условиях все больший интерес вызывают способы понимания уникальной корпоративной культуры, и в то же время осознание крайней ограниченности привычных фокусировок на таких предметах как «трансляция принятых ценностей», «корпоративные традиции», «предложение работодателя» и тп. Рожденные в условиях нормативного подхода, они не просто не улавливают скорость изменений взаимодействий и мотиваций сотрудников, но, сводя работников к объективированным потребителям, теряют такие, уже остро необходимые, фокусы внимания, как личная инициатива людей, собственная позиция работника, групповые (функциональные, поколенческие, региональные, связанные с уникальным опытом и так далее) способы поведения, взаимодействия, принятия решений.

Освоение процессуального подхода к культуре в корпоративном мире позволяет сегодня сместить фокус внимания (и уважения) с властных полномочий, руководящих указаний и апологетизации структуры на реальную повседневную деятельность, на конкретные действия и взаимодействия работающих в организации людей и сложившихся групп сотрудников. На первый план в аналитической работе кадровых служб и, шире, систем организационного развития, выходят конфигурации социокультурных паттернов, более или менее органически сложившихся в ходе проявления мировоззрений, способностей, интересов каждого человека, вступившего в формальные и неформальные отношения в рабочем коллективе.

Именно процессный подход и реальная работа с конфигурацией социокультурных паттернов позволяет сегодня ответить на вызовы, проблематизирующие традиционные способы понимания корпоративной культуры: нарастающее влияние внешних контекстов, усложняющееся многообразие ценностей и сложившихся отношений, все большая востребованность обратной связи на проблематизирующие и конструирующие сигналы «снизу вверх» по уровням управленческой иерархии.

Нарастающее влияние внешних контекстов: демографических, социально-региональных, поколенческих, – не укладывается в нормативный подход к корпоративной культуре, требует ее динамической открытости, внимания, и (в идеале – проактивной) реакции на сигналы, дефициты и возможности. Органичное, гуманистическое восприятие социокультурных паттернов, имеющих региональный окрас и демографическую специфику снимает ограничения нормативного подхода и дает возможности решать острейшие современные проблемы (в том числе, дефицит и высокую текучесть работников).

Чем сложнее многообразие ценностей и сложившихся отношений, тем меньше потенциал классических способов объединения людей: общих установок и лозунгов, праздников и форумов, и даже общих символов и легенд. Не отправляя, конечно же, этот инструментарий в утиль, лидеры и специалисты-кадровики должны найти способы учесть уникальные, не похожие на других социокультурные паттерны различных групп (корпоративный антрополог говорит: «разных племен»). От относительно простого шага: отыскать общие или похожие, удобно сводимые друг друга паттерны, – к формированию целостной конфигурации различных и даже принципиально разных социокультурных паттернов: таков вызов для аналитической и проективной работы современных организациях, насыщенных различными «племенами». Перспективным представляется рассмотреть подход интеркультурализма для анализа множественности социокультурных паттернов в коллективах предприятий и организаций.

«Культура формирует людей, люди формируют культуру», – говорят мастера корпоративной антропологии, подчеркивая отличие своего подхода от типичного «управления корпоративной культурой». Первая четверть XXI века отмечена растущим осознанием роли каждого конкретного сотрудника, каждой группы и каждого взаимодействия – в противовес ушедшему веку «правильных» иерархий и «харизматичных руководителей». Гуманизация, способность видеть человеческие особенности, инициативу и творчество, развивающиеся в групповом формате, – и тем самым формирующие / укрепляющие здоровые, органичные социокультурные паттерны, – именно здесь залог успешного прохождения таких HR-оврагов и пропастей, как низкая вовлеченность, кадровый дефицит, недостаточная адаптивность к воспринимаемым и генерируемым изменениям, работа с которыми оказывается крайне трудной, если ведется из традиционных «корпкультурных» подходов.

Интересно обнаружить, что из четырех источников, породивших дискурс корпоративной культуры в XX веке, – немецкого «порядка и принципов» Мольтке, американских «отношений» Мейо, нидерландских «ценностей» Ховстеде и советской «трудоу культуры» культуры Гастева, разработки именно российского выдающегося провозвестника научной организации труда и бережливого производства ближе всего к актуальному подходу к культуре предприятия как конфигурации социокультурных паттернов.

Один из перспективных подходов к работе с социокультурными паттернами в коллективах предприятий и организаций – в первую очередь, анализировать и, возможно, поддерживать практики повседневной деятельности (часть специалистов говорит об организационных привычках). А современный критический дискурс-анализ (КДА) позволяет фокусировать работу исследователя на вербальных и визуальных дискурсивных практиках, показывая их взаимное влияние с социокультурным контекстом. Не менее ценно, что судя по анализируемым примерам и кейсам, сильнейшие современные представители КДА ценностно разделяют важность учета позиций, мнений и мотивов

самых разных людей и групп, их стремление и готовность ответственно влиять на взаимоотношения и деятельность организации в целом.

1. Fairclough N., *Analysing discourse: textual analysis for social research*. Routledge, 2003.
2. Moeran B. *Opinions: What business anthropology is, what it might become... and what, perhaps, it should not be*. *JBA 1 (2) Autumn 2012*, 240–297 p.
3. Браун Д., Крамер И. Как управлять корпоративным племенем. Прикладная антропология для топ-менеджера (предисловие и научная редакция: А.А. Аникеев, В.Д. Данкин, М.Е. Кукушкин). - М., Альпина Паблишер, 2020.
4. Браун Д., Крамер И. Корпоративное племя. Чему антрополог может научить топ-менеджера (предисловие В.Д. Данкин, М.Е. Кукушкин). - М., Альпина Паблишер, 2018.
5. Гастев А.К., *Новая культурная установка* — М., Издательство ВЦСПС ; ЦИТ, 1924.
6. Данкин В.Д., Кукушкин М.Е., *Корпоративная антропология как новый поход к работе с корпоративной культурой*, Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Современные психотехнологии в управлении, политике, бизнесе, образовании». – М., КНОРУС, 2022
7. Данкин В.Д., *Раскрытие корпоративной культуры через истории, которые рассказывают сотрудники*, в Сборнике «Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы», Материалы всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 2023, – СПб., Издательский дом "Сциентиа", 2023
8. Данкин В.Д., Мушин-Македонский А.Б., *Как определить культурный код группы или организации? Метод интервью с извлечением историй для анализа культурного кода команды или компании*, Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции «Современные психотехнологии в управлении, политике, бизнесе, образовании и искусстве». – М., РУСАЙНС, 2024
9. Денисон Д. *Изменение корпоративной культуры в организациях*. – СПб., Питер, 2013
10. Йоргенсен М.В., Филлипс Л., *Дискурс анализ: теория и метод*, – Харьков, Издательство Гуманитарного центра, 2004.
11. Кукушкин М., *Живые. Как корпоративная культура спасает людей и компании*. – М.: Синергия, 2020.
12. Куропятник А.И., Куропятник М.С., *Интеркультурализм: постмультикультуральный дискурс социальной интеграции*. – М., Вестник Российского Университета Дружбы Народов, том 18, №2, 2018
13. Пистер Е.И., Данкин В.Д., Медведев С.О., *Методика исследования культурного кода компании в корпоративно-антропологическом подходе с применением инструментов фасилитации и сторителлинга для обеспечения устойчивого развития организации*, *Лидерство и менеджмент*, том 10, номер 2, – М.: Креативная Экономика, 2023.
14. Ратмайр Р., Милёхина Т., Клингсайс К. и др. *Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ*. – М.: Изд. дом ЯСК, 2017.

СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МУЗЕЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.

*Емельянова Надежда Андреевна
(Государственный Эрмитаж)*

На фоне значительных социокультурных и геополитических изменений последних десятилетий культура играет одну из ключевых ролей в поддержании стабильности российского общества. В этих условиях современный российский музей не просто хранит и показывает артефакты. Он хранит и транслирует национальную память и традиционные ценности. При этом, социальный заказ, как выражение идеологической направленности культурной политики государства, оказывает воздействие на идентичность музеев и их коммуникативные практики. Таким образом, музеи оказываются посредниками в передаче смыслов между обществом и государством. В этой связи представляется значимым изучение проблемы связности организационной идентичности российских музеев и социального заказа. Следует отметить, однако, что в настоящее время не существует ни социологического подхода к исследованию идентичности музея, ни социологической концептуализации социального заказа.

Рассмотрение музея как организации дает основания для изучения его идентичности в рамках современных теоретико-методологических подходов социологического изучения идентичности организации. Наиболее релевантным цели исследования представляется изучение организационной идентичности музея на стыке двух таких подходов: институционалистского и социального актора (функционалистского). Исходя из этого, для операционализации концепта организационной идентичности музея можно опираться на классическое определение идентичности организации (CED), предложенное С. Альбертом и Д. Веттеном [1, 3]. Таким образом, перефразируя базовое определение CED, организационную идентичность музея можно определить как совокупность центральных и устойчивых сущностных характеристик (атрибутов), которые отличают данный музей от других музеев и составляют его уникальное социальное пространство. К таким атрибутам, можно отнести, в том числе, профиль музейного собрания и принципы его комплектования, а также цель создания музея, заложенные его основателями. Уникальность музея как организации при этом состоит в том, что, в отличие от большинства организаций других видов, его центральные и устойчивые атрибуты, перечисленные выше, остаются стабильными в течение очень продолжительного времени (иногда столетиями). А если их изменение все таки происходит, то это приводит к кардинальной трансформации (например, к реорганизации), либо к разрушению музея.

Тем не менее, при рассмотрении вопроса о возможности изменения идентичности музея как таковой позиция сторонников подхода социального актора о том, что изменения, являющиеся неотъемлемой частью жизни организации, никак не влияют на ее идентичность [3], представляется слишком радикальной. Современная практика исследований организационной идентичности скорее подтверждает иную перспективу теоретического осмысления процесса изменения идентичности организации, которая восходит к институционалистскому и социоконструктивистскому подходам. Эта перспектива предполагает возможность периодического или частичного изменения идентичности организации [2]. В рамках такой перспективы особую важность для настоящего исследования представляет утверждение ее сторонников о том, что институциональные изменения или давление могут побуждать организации менять свою идентичность. При этом и идентичность может служить референсом для организации, указывая как именно реагировать на институциональные изменения. Данное утверждение

дает основания предполагать возможность влияния социального заказа на организационную идентичность музеев.

1. Albert, S., Whetten, D. A. *Organizational identity*. In L. L. Cummings, M. M. Staw (Eds.). *Research in organizational behavior*. 1985. Vol. 7. Pp. 263–295. Greenwich, CT: JAI.
2. Shultz, M. *Organizational identity change and temporality*. / In Pratt, M. G., Schultz, M., Ashforth, B. E., & Ravasi, D. (Eds.). *The Oxford Handbook of Organizational Identity*. Oxford: Oxford University Press. 2016. P. 93-105.
3. Whetten, D. A. *Albert and Whetten revisited, strengthening the concept of organizational identity*. // *Journal of Management Inquiry*. 2006. 15(3). Pp. 219–234.

ОТ ВОСПРИЯТИЯ МУЗЕЕВ К ФОРМИРОВАНИЮ ЗНАНИЙ: В НАПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

*Ивлева Ирина Владимировна
(Факультет социологии СПбГУ)*

Аннотация

То, что изначально антропология формировалась как музейная наука, ощутимо до сегодняшних дней. Музеи становятся одним из мест профессиональной самореализации антропологов. В процессе обучения студенты нередко проходили или проходят практики в РЭМе и Эрмитаже, сотрудники которых также тесно сотрудничают с СПбГУ. Изучение музеев должно стать одним из приоритетных исследовательских направлений в антропологии.

Не секрет, что антропология изначально развивалась как музейная наука. О. Питт-Риверс был основателем Этнографического музея при Оксфордском университете, хранителем которого стал Э. Тайлор. А. Бастиан в свою очередь основал Берлинский музей народоведения. И сейчас немало этнографов и антропологов продолжают работать в музейной сфере. В Санкт-Петербурге основными площадками для профессиональной самореализации становятся Российский этнографический музей (РЭМ), Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ РАН или проще Кунсткамера), а также Эрмитаж. При этом бывшие и нынешние сотрудники музеев нередко тесно сотрудничают с СПбГУ или параллельно работают в нем. Причем работа в музеях как особых заведениях культуры, организация выставок не исключает исследовательскую деятельность, которая дает толчок к производству научного знания. Студенты, обучающиеся на кафедре культурной антропологии и этнической социологии, раньше проходили практику в РЭМе, сейчас чаще в Эрмитаже, где в основном изучают музейную аудиторию. Также в 2023 г. студенты-антропологи под нашим руководством (совместно с Е.В. Шишкиной) проходили учебную практику в г. Петрозаводск, где опять же изучали местное музейное сообщество.

Эта связь антропологии с музейной сферой подводит к постановке различных вопросов далеко не только об их аудитории, хотя и о ней тоже: например, можно ли говорить о кризисе (этнографических) музеев в России? [9]. Транслируют ли музеи осознанно или неосознанно идеологию государства? Существует ли некий государственный заказ на формирование определенной картины мира у аудитории или это следует определять иначе? Насколько удается передать накопленные познания о культурном наследии посетителям? Что представляют собой российские музейные сообщества и как они функционируют? Но в этом контексте, учитывая взаимодействие антропологов с музейным сектором, можно ставить вопрос и о том, не следует ли сделать изучение музеев одним из приоритетных исследовательских направлений в антропологии? В таком случае следовало бы расширить охват этих заведений культуры, включая в рассмотрение самые разные типы музеев. В этом контексте можно отметить, что сейчас идет активный процесс развития музейной антропологии. В то же время не так много специалистов из области этнографии и антропологии пишут работы непосредственно по музейной тематике, но в то же время заслуживают упоминания следующие работы [1-5; 7]. Изучение музеев и музейных практик также удачно могло бы вписываться в антропологическое изучение современности [6].

Можно посмотреть на эту проблематику опять же с точки зрения музейной, а именно студенческой аудитории. В рамках курсов «Современные теории культуры» и «Антропология города» студентам 2 и 4 курсов было предложено в качестве домашнего

задания сделать краткое сообщение в свободной форме о практиках посещения ими музеев (частоте посещений, характере предпочтений в плане специфики и типа музейных заведений и формировании знаний на основе просмотра экспозиций). Задание выполнили 30 человек. Из них 22 девушки и 8 юношей.

В основном отзывы студентов о музеях были довольно восторженными. Почти никто не жаловался, что им бывает скучно. К некоторым сообщениям были добавлены фотографии экспонатов, сделанные их авторами при посещении тех или иных музеев. Однако следует не упускать из виду, что подавляющее большинство сообщений было написано девушками. Причем такое позитивное отношение к выставкам и их частое посещение характерно больше для студенток, приехавших в Санкт-Петербург из других регионов. С другой стороны, студенты, относящиеся к категории постоянных и коренных жителей города, обычно имеют неплохую базу в плане знакомства с городскими музеями («опыт насмотренности») еще со школьных лет, когда учителя водили их по экскурсиям. Студенты-антропологи и социологи из СПбГУ, и чаще это вновь девушки, обычно больше тяготеют к гуманитарным дисциплинам. Возможно, это влияет на их предпочтение музеев-квартир, музеев-усадеб, где жили и работали известные писатели, или музеев искусства. Юноши в свою очередь больше ориентируются на естественно-научные, технические, исторические и военные музеи. Отдельные студенты (чаще антропологи) посещают также этнографические или краеведческие музеи, но они не были в числе наиболее упоминаемых. Как правило, ребята писали про Эрмитаж, Русский музей и Эрарту, которые можно отнести к категории брендовых. Некоторые вспоминали опыт посещения музеев в других российских городах или за рубежом.

На вопрос о том, насколько удастся сформировать и вынести определенные знания с выставок, прямых ответов было мало. Но отмечалось, что экспозиция лучше понимается и воспринимается при наличии экскурсовода, который вдобавок ко всему должен обладать хорошей дикцией и профессионализмом. Или же, когда для этого есть достаточно времени, использование аудиогuida. Как ни странно, умеренное или не очень частое посещение музеев может надолго сохраняться в памяти и оставлять больше впечатлений. Некоторые студенты указывали, что не могут бывать в музеях чаще из-за нехватки времени, тогда как другие, наоборот, стали больше ходить по ним. Но знакомство с выставками иногда воспринимается как тяжелая умственная работа, требующая усилий. Возможно, студентам не всегда удастся запомнить всю информацию, представленную на экспозициях, но они неоднократно подчеркивали значение вдохновения, которое вызывает у них посещение различных выставок. Основная часть студентов воспринимает экспозиции как одновременно развлечение, приятное времяпрепровождение и познавательную активность. Они получают чувство удовлетворения от получения новой информации и приобщения к культуре. Но в любом случае знакомство с музеями должно расширять кругозор посетителей. В то же время критики выставок в сообщениях студентов практически не встречались, хотя многие специалисты в музейном деле отмечают кризис как этнографических, так и прочих музеев. Поэтому зарубежные исследователи все чаще предлагают формировать особую культуру участия посетителей [8], чтобы повысить эффективность музеев. Внедрение практик соучастия в музейную деятельность в свою очередь может способствовать не только лучшему усвоению представленной на выставках информации, но и формированию постоянной аудитории.

1. Батюта Е.А., Каменский С.Ю., Рамзина С.А. «Музейная антропология»: конструирование идентичности посетителя во взаимодействии с новым музеем // Вестник гуманитарного университета. 2014. №1. С. 177-188.

2. *Гринько И.А. Музейная антропология: новые задачи // Вопросы музеологии. 2019. Т. 10. Вып. 1. С. 123-129.*
3. *Гринько И.А. Новое музейное мышление: антропологический подход // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2023. № 3. С. 247–265. – DOI: 10.31249/hist/2023.03.13.*
4. *Баранов Д.А. Обезличенные вещи: парадоксы этнографического экспоната // Антропологический форум. 2020. №47. С. 113–136. doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-47-113-136. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/047/baranov.pdf>*
5. *Баранов Д.А. Можно ли восхищаться этнографическими экспонатами? Об эстетическом «повороте» в музейной этнографии // Антропология и этнология. Современный взгляд. М.: РОССПЭН, 2021. С. 540-553. DOI 10.31250/978-5-8243-2449-5-2021-540-553.*
6. *Куропятник М.С. Антропологическая перспектива изучения современности // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2012. С. 232-237.*
7. *Пружинин Б.И. и др. Антропология музея: концептосфера идей, исторического диалога и сохранения ценностных констант (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2019. №5. С. 5-26. DOI: 10.31857/S004287440005052-2.*
8. *Саймон Н. Партиципаторный музей. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 368 с.*
9. *Этнографические музеи сегодня // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 7–132. – URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/006/06_01_forum_k.pdf*

К ДИЗАЙНУ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ СОВРЕМЕННОСТИ

*Куропятник Марина Степановна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Дизайн современной социальной антропологии во многом определяется «избытком перемен» в мире культурной мобильности и изоляции, суперразнообразия и культурной аутентичности, интеркультурализма и культурного расизма, а также поиском концептов и теоретических моделей, на основании которых эта новая культурная реальность может быть адекватно описана и объяснена. Речь идет не столько о формировании новых перспектив и интересов антропологии, которая давно вышла за традиционные пределы изучения отдельных регионов, народов и культур, а о непрерывном переосмыслении ее методологических и эпистемологических оснований. При этом ряд фундаментальных достижений социальной антропологии оказывается на периферии дискуссий, где обозначились конкурирующие, порой альтернативные точки зрения и подходы. Внимание исследователей вновь сфокусировано на концепте культуры – центральном для антропологии, но приобретающем новые значения и коннотации в последнее время.

Отметим некоторые тенденции в этой сфере:

- отказ от практик реификации Другого в научном дискурсе и повсеместный возврат к моделям дихотомизации социокультурного пространства в социальном дискурсе;

- изменение эпистемологического статуса голосов коренного населения, больше не сводимого к позиции информанта («носителя культуры»), что, в свою очередь, подразумевает частичное совмещение субъекта и объекта исследования, а также внешнего и внутреннего дискурсов, широкое распространение «смешанных нарративов» (М. Стратерн);

- смещение прежних границ между традиционными (досовременными) и современными культурными формами, а также между индигенным (местным, локальным) знанием и антропологической (научной, дисциплинарной) версией культуры. Дискурс прозрачности и проницаемости границ между обществами, в том числе национальными (например, ставшее привычной метафорой в социальном дискурсе падение Берлинской стены), с одной стороны, и актуализация старых, а также проведение новых границ – с другой;

- многогранная деятельность по созданию «архивов» своей родной культуры, определению ее контуров и содержания, а также ее изучению и описанию, в которую в настоящее время вовлечены индигенные – в широком значении этого слова – (национальные, региональные, локальные);

- репатриация культурных форм, в том числе практики возвратной интеграции в современные культурные конфигурации форм и значений, осмысляемых в терминах традиции и культурного наследия. При этом традиции репрезентируются и сохраняются в контекстах образования, музеев или региональных, национальных и транснациональных контекстах реализации социальных проектов, имеющих отношение к этнической (или национальной) культуре;

- формирование глобального культурного контекста как «контекста контекстов» (Г. Бейтсон);

- дрейф идей, концептов, подходов, «искусственное» перенесение культурных феноменов из одного социокультурного контекста в другой (например, мультикультурализма), а также осмысление непреднамеренных / преднамеренных последствий этих процессов в определенных национальных и локальных контекстах;

- реализация научных и социальных проектов, сопряженных с формированием социальности вне конвенциональных коннотаций «человеческого» (искусственный интеллект, техносоциальность).

Следует отметить, что политические действия, внезапная изоляция сообщества (или страны), возможно, будут поддерживать тенденции стандартизации культурных форм (например, через институты образования и культуры), осмысления и репрезентации культурного многообразия, локализуемого в национальных границах, и, как следствие, актуализацию «большого культурного нарратива» в России. В этом плане именно культура как важнейшее основание и инструмент социальной интеграции содержит потенциал движения к обновленной российской идентичности.

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В РОССИИ: МЕЖДУ СОЦИОЛОГИЕЙ И ИСТОРИЕЙ

Миронов Денис Викторович
(СПбГУ)

Несмотря на интенсивное междисциплинарное взаимодействие между различными социальными науками, которое особенно было заметно в последние тридцать лет, формирование единой социальной науки еще далеко от завершения. Границы между социальными науками по-прежнему являются важнейшим фактором в организации академических процессов, что находит свое отражение как в институциональном оформлении отдельных научных дисциплин, так в формировании идентичности соответствующих профессиональных сообществ. Проблему междисциплинарных границ целесообразно рассматривать не отвлеченно, а конкретно, учитывая национальную или языковую специфику бытования всего конгломерата социальных наук.

Характерным примером здесь может быть траектория развития социальной антропологии в России. Мы исходим из того, что данная дисциплина официальный отчет своего существования в российском научном поле начинает с 1993 г., когда в ряде университетов были учреждены кафедры или отделения социальной антропологии. Таким образом, вместе с институционализацией начался процесс профессионализации, который в конечном счете должен был бы привести к формированию консолидированного профессионального сообщества, имеющего четкие фильтры доступа в него и как следствие очерченную идентичность своих членов.

Однако процессы в рамках институционализации социальной антропологии в России так и не пришли к своему логическому завершению – обретению социальной антропологией статуса самостоятельной научной дисциплины, что выражается, прежде всего, в получении академической независимости от истории и социологии. Также при переходе социо-гуманитарного образования в России на рельсы двухуровневой системы высшего образования (бакалавриат и магистратура), «потерялась» специальность «Социальная антропология», что поставило под угрозу прямую профессионализацию социальных антропологов.

Сложившаяся с социальной антропологией в России ситуация, во многом обусловлена логикой развития антропологической проблематики в рамках двух сложившихся наук, истории и социологии, для которых она не была абсолютно новой. В рамках исторической науки отдельные аспекты социальной антропологии разрабатывались этнографами (этнологами), в рамках социологии – исследователями этнических и национальных проблем современного общества, а также сторонниками внедрения в социологию качественной, в противовес количественной, методологии. Однако, несмотря на сформировавшиеся условия для выделения социальной антропологии в отдельную научную дисциплину, по ряду причин в советский период этого не произошло, и первая такая попытка была предпринята только в 1990-е гг и начале 2000^{-х} гг.

Инициаторы интеграции социальной антропологии в академическое пространство России в указанный период, в частности первый декан факультета социологии СПбГУ Бороноев А.О., заведующие кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Скворцов Н.Г. и Куропятник А.И. опирались на тот зарубежный опыт, когда отделения социальной антропологии были связаны с факультетами социологии. Таким образом, эта дисциплина позиционировалась как близкая социологической науке, и ее правомерно рассматривать как отрасль социологии. Подобная позиция шла вразрез с уже устоявшимся в России институциональным оформлением близкой социальной антропологии сферы

знания, которая была привязана к истории. Такое понимание проблематики социальной антропологии закрепилось в перечне научных специальностей, среди которых фигурирует научная специальность 5.6.4. «Этнология, антропология и этнография», относящаяся к группе 5. «Исторические науки», при этом соискатели получают ученую степень по истории и, как не удивительно, биологии, но не социологии.

На сегодняшнем этапе развития социальной антропологии в России не приходится говорить о ее самостоятельности в академическом и образовательном пространстве, поскольку именно социальной антропологии в номенклатуре научных специальностей нет, она даже напрямую не фигурирует среди направлений исследований выше упомянутой специальности 5.6.4. Однако примечательно, что пробелы и проблемы, имеющиеся в сфере профессиональной подготовки социальных антропологов в России, не мешают деятельности профессионального сообщества социальных антропологов. Во многом это объясняется тем, что в нашей стране как-то незаметно произошел ребрендинг этнографии, ставшей как раз (социальной) антропологией, и этнографы, таким образом, стали себя позиционировать (социальными) антропологами, что, наверное, можно объяснить стремлением интегрироваться в международное научное сообщество антропологов.

В таких обстоятельствах говорить о жестких междисциплинарных границах социальной антропологии не приходится, их просто невозможно поддерживать на институциональном уровне. Тем не менее, первые шаги к обособлению социальной антропологии в свое время были сделаны и результаты этого движения можно фиксировать в российском образовательном и академическом пространстве: в некоторых вузах остались кафедры антропологии, в частности на факультете социологии СПбГУ, хотя они и выпускают формально не социальных антропологов; проводятся конгрессы антропологов, хотя среди участников этих конгрессов в основном историки, этнографы, социологи, философы, экономисты; есть печатные органы, дающие возможность высказаться социальным антропологам, наконец, в структуре РАН работает академический институт, имеющий отношение к социальной антропологии. Возникает вопрос, будет ли сделан второй шаг, который приведет к уже упомянутой здесь академической самостоятельности социальной антропологии.

На наш взгляд, сейчас социальная антропология в России – это наука, имеющая сетевую структуру, она не видима для государственного бюрократического аппарата и традиционных академических структур, но заметна в сфере прикладной научно-исследовательской деятельности. В этом контексте для социальных антропологов междисциплинарные границы формально не существуют, они ситуативны и зависимы от научных практик ученых. В этом видится огромный потенциал для развития социальной антропологии в России, однако для его раскрытия должен сформироваться общественный запрос на результаты социально-антропологических исследований.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА Н.ФЭРКЛО В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТОВ ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Михайлова Любовь Михайловна

(Государственный Эрмитаж; Санкт-Петербургский государственный университет.)

Дискурс-анализ в широком смысле представляет собой совокупность теоретико-методологических направлений в социальных науках, исследующих проблемы значения и смысла. Критический дискурс-анализ, разработанный Н.Фэркло, является одной из разновидностей дискурс-аналитических подходов наряду с дискурсивной психологией, теорией дискурса Э.Лакло («Эссекская школа») и т.д.

Критический дискурс-анализ (КДА) — это комплексный подход к анализу дискурса, который фокусируется на его роли в создании и поддержании социальных отношений. Фэркло утверждает, что дискурс не просто отражает существующие социальные порядки, но также играет активную роль в их формировании и воспроизводстве. Иными словами, этот подход призывает анализировать текст критически: исследовать его не как нейтральное средство коммуникации, но как активного участника социальных процессов.

Фэркло рассматривает три взаимосвязанных уровня анализа дискурса: текстовый (анализ языковых особенностей текста, таких как лексика, грамматика, синтаксис, структура, риторические средства); практический (анализ производства, потребления, интерпретации текста, т.е. того, как текст используется в конкретном контексте, какие социальные практики он обслуживает и какие социальные отношения он воспроизводит); социальный (анализ дискурса в более широком контексте социальных отношений, институтов, идеологий и культурных ценностей).

Вместе с тем важно понимать, что «текст» в рамках критического дискурс-анализа рассматривается не просто как совокупность слов, выстроенных в предложения, а как комплексное социокультурное явление.

В отношении предмета дискурс-анализа КДА зачастую противопоставляется Эссекской школе. Последователи Э.Лакло выступают против разделения на дискурсивные и не-дискурсивные практики: с их точки зрения, не существует вне-дискурсивных условий, которые создавали бы контекст, под воздействием которого тем или иным образом формируется дискурс. В связи с этим существует мнение, что теоретическое направление Эссекской школы предполагает более широкое поле для анализа, которое включает в себя разнообразие практик, организаций и институтов, интерпретируемых как тексты, в отличие от критического дискурс-анализа, который в качестве дискурсивного феномена рассматривает только лингвистическую информацию. Данное представление, однако, не лишено определенной степени неточности.

Ключевым отличием критической теории дискурса от теории Эссекской школы является именно противопоставление дискурсивного и не-дискурсивного. Эта логика, в известной мере наследующая марксистскому разделению «базиса» и «надстройки», является принципиальной для понимания сущности подхода Фэркло и определяет основания для использования этого подхода при исследовании формирования контекстов культуры.

Согласно логике Фэркло, дискурс является продуктом социального контекста, способом опосредования социальной реальности, и, в то же время, способом ее конструирования. И, хотя для выделения «дискурсивного» необходимо пространство «не-дискурсивного», то есть, изначально не обусловленных дискурсом и не зависящих от него процессов, «объективного контекста», «базиса», эта логика, тем не менее, не ограничивает

«дискурсивное» лишь лингвистической информацией и не редуцирует понятие «текста» до, собственно, набора печатных слов.

Широта понимания «текста» у Фэркло раскрывается в понятиях интертекстуальности и интердискурсивности, предполагающих синтез разнообразных жанров, стилей и модальностей, формирующих в результате новый набор смыслов.

Именно поэтому теоретико-методологический подход Фэркло представляет собой релевантную модель для изучения текущей проблематики.

Критическая теория дискурса позволяет нам рассмотреть выставочный проект в художественном музее не просто в качестве пространства представления предметов искусства, но как текст, который формирует контекст культуры, определяя, как мы воспринимаем и интерпретируем представленные произведения. Процесс создания выставочного проекта может быть рассмотрен в трехуровневой модели анализа дискурса, предложенной Фэркло. Кроме того, в данном исследовании будет затронуто восприятие выставки посетителями, и, таким образом, более широко и полно изучен сам контекст, трансформирующийся под воздействием дискурса выставочного проекта.

Исследование контекстов культуры в выставочной деятельности художественного музея проводится на основе временных выставок Государственного Эрмитажа и включает в себя серию интервью с кураторами; анкетный опрос посетителей выставок, проводимый Сектором социологических исследований Эрмитажа; наблюдение стратегий посещения выставок; а также анализ сопроводительных документов и публикаций, посвященных выставкам.

В рамках первичного этапа полевой работы был произведен анализ выставки «ARS VIVENDI. Франс Снейдерс и фламандский натюрморт XVII века», которая демонстрировалась в Николаевском зале Эрмитажа с 17 мая по 15 сентября 2024 года.

Текстовый уровень

«Сценарий» выставки: выбор предметов, расположение предметов в пространстве зала, освещение, сопроводительная информация, мультимедийное сопровождение – все это является элементами текста выставки. Они создают определенный фрейм, направляя внимание зрителя на конкретные аспекты произведений и формируя определенное восприятие их значения.

«Так называемая «выставка-блокбастер» — это продукт относительно недавнего времени. Само название сразу же отсылает вас к массовой культуре. (...) Ну, вот Ars Vivendi. Тема ужасная. Ну, как бы, натюрморт — это тоска зеленая. И нормальный экспозиционер 60-х годов выстроил бы эту выставку, во-первых, хронологически, во-вторых, по персоналиям, и, в-третьих, тематически. Тогда бы у вас было, что мертвая дичь висит с мертвой дичью, цветочки с цветочками, все по хронологии, и на щитах шашечкой. (...) Она ориентирована на как бы такую хрестоматийную историю искусства. Она поделена на жесткие блоки. Она, в общем, структурирована. И там не всегда соблюдено в общем... Там вообще не надо задумываться об эффекте. Это должно быть как рассказ. Как страница учебника, только на самом деле».

Из интервью с членом кураторской группы В.О.Статкевичем, 06.06.2024.

Практический уровень

Создавая «сценарий» выставки, кураторы закладывают определенный маршрут знакомства с ней. Выставочный проект имеет концепцию, которая раскрывается как в самом тексте выставки, так и в сопутствующих мероприятиях (практиках): экскурсиях, арт-медиациях, тематических лекциях, дискуссиях и т.д.

«[Логика маршрута] есть. Ну, как бы, если вы зайдёте с концертного зала, то вы не увидите этой перспективы. Это важно. И зонирование, когда сначала партерный сад, потом дом, потом улица города, оно тоже прочитывается только с фасадной стороны».
Из интервью с членом кураторской группы В.О.Статкевичем, 06.06.2024.

Социальный уровень

Выставочный проект не отделен от контекста, в котором он создается. Он отражает актуальную модель взаимодействия музея и посетителя, может воспроизводить ее, а может способствовать ее трансформации (к примеру, посредством внедрения новых практик взаимодействия), тем самым переопределяя представления о роли музея в обществе, роли посетителя в музее и т.д.

«А если есть цель «всех образовать и просветить», то, значит, все совсем плохо. Потому что, ну как бы, посетителю надо относиться гуманно. (...) То есть здесь у нас какие-то добровольные все-таки отношения между музеем и посетителем. (...) Неадекватное отношение — это считать, что посетитель нам чего-то должен, что он должен быть осознанным, он должен как бы... Нет, какое-то долженствование у посетителя есть. Допустим, посетитель должен не ковырять пальцем картину. Вот это вот как бы хорошо бы. То есть у нас есть какое-то взаимное уважение друг с другом, но в общем-то мы существуем в каких-то отдельных полюсах. То есть как бы мы не мешаем посетителю наслаждаться жизнью в музее, а посетитель не добавляет нам работы».

Из интервью с членом кураторской группы В.О.Статкевичем, 06.06.2024.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГРУППЕ СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ РОССИИ

Садовая Лидия Вадимовна
(ГАУГН)

В современной социологии наблюдается лакуна в рассмотрении проблемы профессиональной идентичности современных художников. Творческий характер профессии в условиях современного арт-рынка и институциональных трансформаций налагает воздействие на механизмы формирования идентичности.

Образовательные институции не являются обязательным этапом в инициации профессиональной идентичности художников. Реалии первой четверти 21 века позволяют создавать артистический продукт вне канонических методов классического искусства (NFT, видео-арт, диджитальные приложения Photoshop, Adobe Illustrator и др.), а также разнообразие платформ социальных сетей являются автономной галерей для экспонирования и взаимодействия как с профессиональным сообществом, так и с аудиторией, потенциальными заказчиками. Особенности трудовой деятельности постиндустриального общества обострили процесс атомизации формирования профессиональной идентичности художника.

Ультраскоростное развитие технологий цифрового характера и расширение методик работы художников обозначило кризис резкой перемены арт-рынка. Институциональная инициация утратила свое значение с распадом СССР, ценность знаний получаемых в профессиональных учебных заведениях сохранилась, однако функциональность институции Союза художников ослабела для новых поколений выпускников. Появление частного капитала и новых возможностей получения спонсорских инвестиций для художественных проектов, реализация системы зарубежных грантов в России поколебала прежде строгую формулу обретения профессионального статуса.

Данная ситуация породила как трудовую свободу для новых поколений, так и неопределенность, однако характерная черта художников нового времени - стремление обрести индивидуальную художественную систему, стиль и набор образов, в иных случаях опирающихся на предшественников в форме оммажа.

Критически важно выявить трансформацию значения институциональной инициации. Векость вступления в Союз художников и демонстрация данного статуса сменилась ценностью принадлежности к галерее, выставочным проектам, творческому объединению или новым образовательным институциям, предлагающим инновационные педагогические практики в области современного искусства.

Стоит отметить, что поле арт-сообщества закрытое и характеризуется дроблением на различные микро-сообщества, представляющими собой арт-объединения художников. Таким образом следует говорить о функционировании механизмов, разработанных Пьером Бурдьё - габитуса, символического и культурного капитала как репрезентации принадлежности к среде.

1. Bourdieu P. *Artistic Taste and Cultural Capital* // *Culture & Society*. Cambridge University Press. 1995. P. 206.
2. Panofsky E. *Meaning in the Visual Arts*. N.Y.: Doubleday, 1955. 362 pp.

ЛАНДШАФТЫ АНТРОПОЦЕНА В НЕ-ТОЛЬКО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ИСТОРИЯХ А. ЦЗИН

*Тавровский Александр Владимирович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Антропоцен — это новая геологическая эпоха, качественно отличная от голоцена. В эпоху антропоцена человек становится геологической силой и начинает существенно влиять на земные процессы, что во второй половине XX века приводит к глобальному экологическому кризису [1]. Как правило причины и последствия антропоцена мыслятся в планетарном масштабе, на основе моделирования и больших данных [2]. Возможно ли в таком случае антропологическое исследование антропоцена? Можно ли изучать эту эпоху и ее разрушительные последствия этнографически? Ответ на эти вопросы предлагает выдающийся американский антрополог, Анна Левенхаупт Цзин.

А. Цзин вводит понятие лоскутного, пространственно гетерогенного антропоцена, который производится локально, в конкретных экологических выделах и коридорах между ними. Задача состоит в том, чтобы на первом этапе ограничить выдел, описать участников ассамбляжа, которые в нем присутствуют, а на втором – проанализировать их отношения в истории. Одним из ключевых теоретических инструментов в процессе осмысления лоскутного антропоцена становится понятие «ландшафта».

В книге *«Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма»* А. Цзин определяет ландшафты как места лоскутных ассамбляжей, общинных собраний, включающих людей и не людей. [3, 200]. Изучая пути гриба-мацутакэ в Северной Америке, Японии, Финляндии и Китае, она показывает, как на пересечении миров мацутакэ, деревьев, и людей творятся ландшафты — продукты непреднамеренного замысла, незапланированные результаты их взаимодействия.

Дальнейшее развитие проблематика ландшафта получает в *«Феральном атласе»*, масштабном коллаборативном проекте по изучению не-только-человеческого антропоцена [4]. А. Цзин и ее коллеги выделяют крупные типы ландшафтов, запускающие антропоцен: ландшафты инвазии, империи, капитала и ускорения.

Продолжением *«Атласа»* станет *«Определитель лоскутного антропоцена»*, своего рода практическое руководство для полевых исследователей [5]. Определяя ландшафт как «осадок человеческой и нечеловеческой деятельности, которые вместе создают места» [5, 152], А. Цзин сравнивает ландшафт с архивом, говорит о возможности его архивного прочтения, подчеркивая взаимодействие его многочисленных инфраструктур и онтологий: «В ландшафте можно прочесть разные, но сквозные истории: ландшафты показывают нам следы и отпечатки многих исторических онтологий. Эти исторические онтологии могут быть отдельными, но они не автономны; они формируются в ходе столкновений и двусмысленностей. Как аналитики, мы обязаны следовать не только за каким-то одним мироустроительным проектом, но и учитывать космополитику их взаимодействия. Исследование инфраструктурной работы в палимпсесте – один из способов сделать это» [5, 162].

1. McNeill J.R., Engelke P. (2014) *The great acceleration: an environmental history of the Anthropocene since 1945*. Cambridge, MA: The Belknap Press.
2. Zalasiewicz J. et al. (eds.) (2019) *The anthropocene as a geological time unit: a guide to the scientific evidence and current debate*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Цзин А.Л. (2017) *Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма*. М.: Ад Маргинем Пресс.

4. Tsing A.L., Deger J., Saxena A.K., Zhou F. (2021) *Feral Atlas: The More-Than-Human Anthropocene*. Redwood City: Stanford University Press, <http://doi.org/10.21627/2020fa>
<http://feralatlases.org/>
5. Tsing A.L., Deger J., Saxena A.K., Zhou F. (2024) *Field Guide to the Patchy Anthropocene*. Redwood City: Stanford University Press.

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

*Тимофеева Екатерина Владимировна
(Парижский католический институт (Франция, Париж))*

Социально-антропологическое образование в России, колыбелью которого является факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета, имеет относительно недавнюю историю. Начало преподавания социальной антропологии как отдельной дисциплины в России приходится на период социальных трансформаций 1990-х гг., когда появляется «общественный запрос» на понимание социальных процессов. Как и во многих зарубежных школах, социальная антропология в российской научной традиции зарождалась как составная часть социологического образования. Уместной здесь представляется параллель с развитием французской антропологии (в ее социальном значении), которая во многом «оформилась» в рамках французской социологической школы, интеллектуального течения, сформировавшегося вокруг фигур Дюркгейма и Мосса [1].

В Санкт-Петербургском университете социальная антропология развивалась в трех форматах, «дисциплинарном, междисциплинарном и дополнительном» [2, 84], и с момента основания была многоликой, что позволило «вырастить» специалистов в разных областях; помимо академической деятельности, выпускники-антропологи работают в сфере государственного управления, бизнеса, международного сотрудничества и т.д. Одним из основополагающих принципов развития науки является преемственность, и сегодня можно утверждать, что за последние три десятилетия сформировалось несколько «поколений» антропологов, выпускников факультета социологии СПбГУ, получивших антропологическую специализацию в рамках освоения учебного плана по направлению «Социология» и работающих по специальности в России и за ее пределами.

В последнее десятилетие в социальных науках вновь возобновился дискурс границ между социологией и социальной антропологией, дисциплинами-сестрами, отношения которых не всегда были простыми, но которые никогда не оставались равнодушными по отношению друг к другу. Безусловно, характер этого дискурса имеет отличительные черты в зависимости от рассматриваемой традиции, наиболее характерными из которых являются британская, американская, французская и норвежская школы. Однако одним из универсальных и наиболее востребованных умений антрополога является его способность взглянуть на мир глазами Другого; так, без антропологической компоненты сложно представить современное социологическое образование, направленное на обучение студентов комплексному анализу социальной реальности, позволяющему предложить решения социальных проблем на национальном уровне и ответить на вызовы, связанные с нестабильной геополитической ситуацией.

1. Weber F. *Brève histoire de l'anthropologie*, Paris : Flammarion, 2015, 354 p.
2. Куропятник А.И., Куропятник М.С. Социальная антропология в контексте социологического образования // *Сибирские исторические исследования*. 2018. №1. С. 83-89.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО КИНО: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Тхакахов Валерий Хазраилович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Аннотация. В статье выделяются основные исследовательские проблемы, связанные с кинематографической практикой репрезентации этнорасового и антропологического разнообразия в российском кино. На взгляд автора таковых четыре. Первая связана с практикой регулярного присутствия/отсутствия определённых этнорасовых групп в кинопроцессе. Вторая фиксирует соотношение этнического большинства и меньшинства среди актуального корпуса киноактёров. Третья вытекает из сложившейся иерархии главных и второстепенных ролей в контексте этничности и антропологии. Четвёртую – можно определить как киноподмену.

Ключевые слова: этносоциология, антропология, российское кино, проблемы, киноподмена кинематографическая практика

Этносоциология и антропология кино – известное, но достаточно периферийное направление в отечественной социальной науке. За редким исключением [1, 2, 3], исследователи игнорируют сложившуюся систему репрезентации этнорасовой идентичности в российском кино. Между тем известно, что мировая социологическая мысль имеет развитую традицию изучения кино и киноиндустрии как пространства, где формируется и воспроизводится социальная стратификация общества – система материального и символического неравенства. Неравенство в кино – это присутствие от имени актёров, режиссёров и продюсеров одних социальных групп, идей и ценностей и отсутствие других. Этносоциологию и антропологию интересуют не только социальные практики исключения посредством языка кино и кинопроизводства, но и механизм конструирования этнорасового и антропологического однообразия и разнообразия в данной сфере. Должна ли экранная реальность соответствовать, пересекаться с реальным жизненным миром людей, человека с улицы? Или же воображаемая реальность кино, «чистое искусство» режиссёров свободно от статистики национального состава страны, антропологического разнообразия, задач федеральной политики и идеологии, стратегий национального развития и сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей народов России?

Этносоциологический подход к анализу современного российского кино позволяет сформулировать ключевые вопросы о связи этничности и расы с социальным феноменом исключения и репрезентации и выделить четыре группы проблем. Первая связана с практикой регулярного присутствия/отсутствия определённых этнорасовых групп в кинопроцессе. Вторая – фиксирует соотношение этнического большинства и меньшинства среди актуального корпуса киноактёров. Третья проблема вытекает из сложившейся иерархии главных и второстепенных киноролей в их связи с этничностью и расой, а также принятой системой кастинга. Четвёртую – можно определить как киноподмену. В данном случае речь идёт о ситуациях, когда киноактёры/киноактриссы, принадлежащие к одним этническим и расово-антропологическим группам играют роли представителей других групп. Дисбаланс и исключения приводят к появлению дискриминации в сфере индустрии кино, а в современное время к формированию «параллельных» региональных кинопроизводств («татарское», «бурятское», «якутское», «чеченское», «черкесское», «осетинское» кино). Киноподмены – неотъемлемая часть истории мирового кинематографа, в том числе и отечественного. Социальное изобретение киноподмен это

длительный процесс внутри кинопроизводства. На ранних этапах они выступали как вынужденная мера для репрезентации разнообразия в условиях ограниченного выбора профессиональных исполнителей из различных этнорасовых групп. Уже в эпоху немого чёрно-белого кино практика киноподмен стала одним из инструментов в арсенале кинопроизводства. Для практической реализации киноподмен необходимо, как правило, наличие и антропологических средств имитации. Отсюда, привлечение исполнителей внешне похожих (с точки зрения физической антропологии) на представителей этнорасовых групп роли которых им поручено играть. Например, в короткометражном немом кинофильме «Бэла» (2013) – экранизация одноименного произведения М.Ю.Лермонтова, часть саги «Герой нашего времени» – главную героиню Бэлу, дочь черкесского князя играет О.Белла, а Казбича, черкесского абрека – армянский актёр Аршо Шахатуни. В советский период в кинофильме «Бэла: Герой нашего времени»

(1965) роль Бэлы исполнила Сильвия Берова из Молдавии, Казбича – Суламбек Мамилов (чеченский актёр и режиссёр), Азамата (брата Бэлы) – Михо Борашвили (грузинский актёр). При этом согласно художественному первоисточнику М.Ю.Лермонтова все три персонажа – черкесы. В итоге, киноподмена искажает содержание первоисточника и меняет расово-антропологический визуальный ряд творческого коллектива киноактёров и киноактрис. Практика киноподмен имела достаточное распространение в советский период – «Свинарка и пастух» (1941), «Насреддин в Бухаре» (1943), «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (1967), «Белое солнце пустыни» (1970), «Табор уходит в небо» (1976), «Цыган» (1970), «Возвращение Будулая» (1985). Однако, советская модель кинопроизводства создавала не только различные образцы киноподмен, но и активно развивала национальные кинематографии народов СССР. Последние, конструируя собственную этническую и антропологическую идентичность, выступали и культурно-символическим ресурсом для общероссийских киностудий («Мосфильм», «Ленфильм»). Советская система кастинга опиралась на творческий капитал национальных кинематографий. В постсоветский период произошёл отказ от данной модели, разрыв кинематографических традиций, односторонний крен в проект моноэтничности и конструирование новых разновидностей киноподмен. «Блокпост» (1998), «Война» (2002), «Наша Russia» (2006-2011), «Наша Russia. Яйца судьбы» (2010), «Отдел С.С.С.Р.» (2011), «Под прикрытием» (2012), «Орда» (2012) – неполный перечень подобных примеров [4].

Для анализа заявленных проблем можно использовать методологию количественного подхода (приоритетно) и качественную интерпретацию киноконента. Теоретические инструменты этносоциологической рефлексии – различные традиции теории кино, разработанные как внутри кинематографа, так и в рамках социальной и гуманитарной рефлексии. Практический смысл этносоциологии и антропологии российского кино – разработка рекомендаций по использованию возможностей отечественного кинопроизводства («мягкой силы») для воспроизводства и укрепления социокультурной интеграции российского общества в условиях внешних и внутренних рисков. Для российской цивилизации полиэтничность и многообразие культур издавна служили стратегическими ресурсами для формирования и воспроизводства общей идентичности народов страны.

1. Кочарян В. Якутское кино. Путь самоопределения. - М.: GARAGE, 2024. - 208 с.

2. Радаев В.В. Смотрим кино, понимаем жизнь: 19 социологических очерков. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. - 376 с.

3. Тхакахов В.Х. Нереальность «экранной реальности»: конструирование этнического разнообразия в современном российском кино. Социологические исследования. 2019. № 11. С. 82 – 89.

4. <https://www.kinopoisk.ru>

ТРАДИЦИОННЫЕ КИТАЙСКИЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Чжэн Сяокэ

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Дерюгин Павел Петрович

(Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет(ЛЭТИ))

Проект РНФ «Национальная специфика и соответствие государственным запросам отраслевой социологии в Китае» № 24-28-01448 от 20.02.2024

Аннотация. В этой статье рассматривается развитие китайских культурных ценностей в условиях изменений современного общества. В условиях глобализации традиционные китайские ценности по-прежнему играют важную роль в качестве социального кодекса поведения. Традиционная китайская культура и современные ценности развиваются вместе в процессе интеграции, а традиционная культура обновляется в современном обществе благодаря инновациям.

Ключевые слова: Ценность, Китай, Традиционная китайская культура, Культурная динамика

Трансформация методов производства в современном обществе и повышение производительности привели к установлению нового порядка в мире. При новом порядке человеческое общество находится в стадии “беспрецедентных изменений за сто лет”. Суть их заключается в том, что отношения между человеком и природой и отношения между человеком и обществом претерпели колоссальные изменения. Другими словами, методы производства в современном обществе в основном удовлетворяют потребности людей в выживании. На этой основе духовные и культурные потребности постепенно осознаются все большим числом людей [5]. Слово “культура” в английском произошло от латинского “cultus”, которое в основном используется в значении земледелия, а также содержит значение религии и просвещения. “И Цзин” отметил, что “уделяя внимание этике и морали, люди могут получить образование и стать приверженцами хороших обычаев”, определяя культуру как основные характеристики воспитания, образования и духовного состава человека. По мере развития общества люди постепенно осознают, что они являются высокоразвитыми и достойными личностями, и понятие культуры постепенно начинает применяться ко всему человеческому обществу. Сорокин определяет культуру в широком смысле, то есть “под культурой можно понимать все, что создано или изменено тем или иным способом в результате сознательной или бессознательной активности двух или более взаимодействующих или влияющих на поведение друг друга индивидуумов” [1,152]. Можно определить культуру как социальный феномен, образованный синтезом идей и концепций и их материализованных форм. Это всеобъемлющий комплекс, созданный людьми в их собственном историческом опыте. Внешнее проявление - это различные формы культуры, а внутреннее измеряется ценностями и ценностными системами. Разные культуры будут порождать совершенно разные или даже противоположные ценности и модели поведения, и будут различия в том, как они смотрят на вещи и решают проблемы.

В традиционной китайской культурной системе такого рода различия рассматриваются как две стороны инь и ян, которые одновременно являются взаимоисключающими и взаимозависимыми. Различие также является формой интеграции. Сорокин объяснил это явление с точки зрения культурной динамики. Он считает, что различия являются частью динамических изменений в системе и главной движущей силой развития социальной и культурной системы. Социальная культура динамична и со временем будет меняться. Все социальные и культурные системы имеют смысл своего существования, и между ними должна существовать причинно-следственная связь.

Ценности и ценностные системы, являясь важными стандартами для измерения общества и культуры, составляют основные убеждения и идеалы отдельных людей или групп и влияют на мировоззрение индивида, процесс принятия решений, и методы межличностного общения, чтобы поведение людей соответствовало современным социальным и культурным требованиям. Итак, “ценности могут представлять собой идеалы, предпочтения, духовно-культурные ориентиры социальной группы, общества, нации, человечества в целом” [2,102]. В этой статье попыталось опереться на традиционный исследовательский путь китайской философии, то есть на взгляд на природу (взаимоотношения между человеком и природой) - мелкое крестьянское хозяйство, взгляд на природу человека (как понять самого человека) и взгляд на мораль (взаимоотношения между человеком и природой). и другие) - семейная система, и политические взгляды (отношения между человеком и обществом) .

Современные китайские ценности в основном делятся на две части: одна - это традиционные ценности, основанные на традиционной китайской культуре, а другая - социалистические ценности и система ценностей с китайской спецификой в контексте культурной глобализации. Сравнение китайских и западных ценностей в современных научных работах подчеркивает взаимозависимость между современными социалистическими ценностями и традиционными китайскими ценностями. Другими словами, хотя Китай активно принимает влияние культурной глобализации, на подсознательном уровне он по-прежнему сохраняет уважение и любовь к многовековой традиционной культуре.

С точки зрения взгляда на природу, традиционная китайская культура пропагандирует “Небо и человек сливаются в одно.”, то есть гармоничный симбиоз между человеком и природой. Человек является частью природы. Вся деятельность человека полностью зависит от милости Небес и поддерживается ими. Общение с природой требует развития ума. Именно такое значение традиционная китайская культура придает морали и человеческой природе. Такому взгляду на природу сопутствует мелкое крестьянское хозяйство. В этой экономической модели семья рассматривается как производственная единица. На основе этого взгляда на природу был создан уникальный набор взглядов и ценностей о природе человека, которые призваны пропагандировать гармонию и дружелюбие в межличностных отношениях и использовать это как высший этический стандарт. Ее основные принципы заключаются в стремлении поддержания всеобщего порядка, стабильности и мира [3,103]. Кроме того, такого рода дружеские отношения должны основываться на иерархической логике кровного родства и заботе о других по рангу. Китайцы могут смотреть на себя только через призму моральных отношений, включая деловые отношения [6]. Основой являются кровные родственники. Отдельные люди охотно интегрируются в семью и общество; в то же время отдельные люди погружены в семейную этику. Этот взгляд на человеческую природу и мораль формирует политический взгляд на традиционные китайские ценности, то есть на отношения между людьми, обществом и страной. Традиционный китайский взгляд на политику в основном

опирается на этику и моральный порядок. В семье младшее поколение должно повиноваться старшим и уважать их; на национальном уровне подданные должны быть лояльны монарху, а подчиненные - подчиняться начальству. В условиях сегодняшней постепенной вестернизации мировой культуры, благодаря культурной уверенности, традиционные ценности по-прежнему играют важную роль в современном обществе. Современные китайские культурные ценности подчеркивают гармоничное сосуществование с окружающей природой и придают большое значение гармоничному сосуществованию между людьми. Однако, традиционные этические нормы, такие как сыновняя почтительность, семейные представления и коллективизм, по-прежнему являются важными нормами общественного поведения китайцев. С развитием науки и техники и углублением культурных обменов отношение китайцев к природе изменилось: они перестали следовать традициям прошлого и стали активно улучшать среду обитания, уважая при этом законы природы. В то же время внедрение западной индивидуалистической мысли побудило китайцев попытаться найти баланс между личным развитием и защитой коллективных интересов. Что касается структуры семьи, начинается уважение и признание обществом молодых людей. На уровне национального управления социалистическая демократическая система постепенно заменяет традиционную иерархическую систему. Руководство стремится представлять фундаментальные интересы широкой общественности и содействовать всестороннему прогрессу и развитию общества.

В современном обществе молодое поколение стремится получать информацию и культуру со всего мира через различные каналы, такие как Интернет и социальные сети. Однако в этом процессе насущной проблемой, требующей решения, стал вопрос о том, как сбалансировать принятие новых идей с наследованием традиционных культурных ценностей. Но автор считает, что национальное самосознание и национальная сплоченность китайской нации намного превосходят показатели многих стран мира. В ходе седьмого Всемирного обзора ценностей wvs (2017-2022) респондентам были заданы вопросы об их чувстве национальной идентичности. 42,7% респондентов сказали, что они очень гордятся тем, что они китайцы, а 50% сказали, что они гордятся тем, что они китайцы. Это также ясно выражает сильное чувство национальной гордости и принадлежности китайского народа.

Традиционная культура и современные ценности - это совместный прогресс во взаимной интеграции. Благодаря творческим преобразованиям и инновационному развитию традиционная культура может стать важной силой, способствующей социальному прогрессу. В этом процессе важно найти сочетание традиционной культуры и современной жизни таким образом, чтобы она могла не только сохранять свои особенности, но и развиваться в ногу со временем.

1. Семёнов В. А. «Социальная и культурная динамика» П. Сорокина как метатеория социокультурного конфликта // Вестник Костромского государственного университета, 2006, Том 12. №1: С150-161.
2. Митькина С. А. Традиционная система ценностей в современной китайской культуре // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. №2.
3. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnaya-sistema-tsennostey-v-sovremennoy-kitayskoj-kulture> (дата обращения: 02.10.2024).
4. Ельчанинов М. С. Концепция социокультурной динамики П.А. Сорокина: гипотеза и факты // История и современность. 2022. №3 (45).
5. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-sotsiokulturnoy-dinamiki-p-a-sorokina-gipoteza-i-fakty> (дата обращения: 04.10.2024).

6. 周怡, 厚与薄: 全球化与中国传统价值观念 Чжоу И. Толщина и утонченность: глобализация и традиционные китайские ценности [Электронный ресурс] URL: <https://www.xsyk021.com/article/app/id/aed33b2b-fabf-4adc-a9e7-b6bcaf805e22> (дата обращения: 02.10.2024)
7. Дерюгин П. П. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиции / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, Л. С. Веселова // Социологические исследования. – 2018. – № 7(411). – С. 124-134. – DOI 10.31857/S013216250000169-8. – EDN VJUZHN.
8. Ценности российских и китайских предпринимателей: сравнительный анализ (результаты эмпирического социологического исследования) / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, Ц. Цзинь, И. Ши // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : Материалы VIII Меморандумной международной научно-практической конференции, Благовещенск-Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21–28 мая 2018 года / Ответственные редакторы Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Том Выпуск 8. – Благовещенск-Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян: Благовещенский государственный педагогический университет, 2018. – С. 354-357. – EDN XYANZR.
9. Всемирный обзор ценностей(WVS) [Электронный ресурс] URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 02.10.2024)
10. 陈红娟. 话语互嵌: 中华优秀传统文化与科学社会主义价值观主张相契合的原初形态//社会科学辑刊, 2024 №1. С 27-33. Чэнь Хунцзюань. Внедрение дискурса: оригинальная форма совместимости между превосходной традиционной культурой Китая и научными социалистическими ценностями // Journal of Social Sciences, 2024, №1. С 27-33.
11. 吴照云, 姜浩天. 《易经》的领导模型构建研究//当代财经, 2022 №12 С 75-88. У Чжаюнь и Цзян Хаотянь. Исследование по построению модели лидерства "Книги перемен" // Современные финансы и экономика, 2022 . №12, С 75-88.
12. 冯艺. 论文化冲突与大学生核心价值观培育// 经济与社会发展, 2011, Том.9 ,№4. С 109-112. Фэн И. Конфликт диссертации и формирование основных ценностей у студентов // Экономическое и социальное развитие, 2011, Том.9 ,№4. С 109-112.

СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ВОСПИТАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Чжэн Сяокэ

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Аннотация

В статье рассматривается взаимосвязь между китайской национальной идентичностью и культивированием ценностей семейного воспитания. Исследования показали, что китайцы придают большое значение культивированию традиционных ценностей в семейном воспитании, а национальная идентичность Китая влияет на восприятие людьми традиционных семей, то есть, чем сильнее национальная концепция, тем сильнее концепция традиционной семьи.

Ключевые слова: Ценность, Национальная идентичность, Семейное образование, Китай

Благодаря непрерывному прогрессу общества материальная жизнь людей в основном гарантирована, и в то же время самосознание индивида также постоянно растет. Все больше и больше людей начинают осознавать важность духовных и культурных занятий. Культура, как сумма общих ценностей, установок, верований, тенденций и общепринятых мнений в обществе, представляет собой социальный феномен, основанный на идеях и их специфических формах выражения. В качестве ключевых показателей для измерения степени социального и культурного развития ценности и ценностные системы существуют во все периоды существования человеческого общества. Они формируют основную систему убеждений отдельных лиц или групп и влияют на мировоззрение индивида, процесс принятия решений и методы социального взаимодействия, так что поведение людей соответствует культурным ожиданиям общества. Милтон Рокич делил ценности на инструментальные и конечные. Конечные ценности относятся к личным и социальным ценностям, которые используются для выражения идеализированного конечного состояния и результата существования; это цель, которую человек надеется достичь в течение своей жизни. Инструментальные ценности относятся к морали или способностям и представляют собой методы или средства поведения, используемые для достижения предельного состояния идеализации. Эти ценности постепенно формируются в процессе социализации личности, и семья, как социальная ячейка, с которой индивид впервые вступает в контакт, ее внутренние ценности и модели поведения обычно интегрируются в уникальную семейную культуру и передаются следующему поколению через тонкости повседневной жизни. С более широкой точки зрения, национальная культура, как основа для формирования культурных ценностей, формируется в результате слияния бесчисленных подобных семейных культур. Укрепление идентичности китайской нации - единственный способ унаследовать традиционные китайские ценности, а также долгосрочная цель воспитания ценностей.

Основываясь на существующих исследованиях, ученые подчеркивают важность укрепления основных ценностей социализма с китайской спецификой на национальном и социальном уровнях, и интеграции традиционной китайской культурной системы и сосредоточения внимания на овладении основными ценностями социализма с китайской спецификой. Основываясь на существующих исследованиях и в сочетании с классификацией ценностей Милтона Рокича, эта статья обращает внимание на культивирование традиционных ценностей в процессе семейного воспитания. Цель исследования - описание как идентичность китайской нации влияет на воспитание

семейных ценностей. Можно добавить такую гипотезу что идентичность китайской нации в значительной степени связана с воспитанием семейных ценностей.

Данные в этом исследовании взяты из данных выборок из материкового Китая, собранных в ходе седьмого цикла Всемирного обзора ценностей (wvs) (2018-2022). После исключения неверных данных, основанных на пропущенных значениях, было проведено в общей сложности 2952 респондента (N=2952).

В процессе опроса респондентов спросили, на какие ценности им следует обратить внимание в процессе семейного воспитания. В вопросе были указаны десять показателей, которые соответствуют инструментальному ценностному измерению ценностей Милтон Рокич, то есть способу наследования традиционных ценностей китайской нации. Согласно результатам опроса, 83,9% респондентов заявили, что в процессе семейного воспитания им следует уделять внимание воспитанию у детей качества “хороших манер”, за которыми следуют 79,4% респондентов, которые заявили, что качество “чувства ответственности” очень важно для детей, за которыми следуют дети ценят “независимость” (78%), “трудолюбие” (71,5%), “терпимость и уважение к другим людям” (60,2%) и “бережливость, экономию денег и вещей”. Кроме того, только 28,8% респондентов заявили, что они хотели бы, чтобы их дети обладали таким качеством, как “бескорыстие”, а 21,7% респондентов считают, что очень важны “воображение” и “решительность, настойчивость в воображении”. Наименее важным для респондентов является воспитание религиозной веры у своих детей, только 1,3% респондентов отметили, что это важно. Для респондентов наиболее очевидной целью воспитания детей в области ценностей является выполнение ими своих обязанностей по осознанию собственных ценностей и в то же время привитие детям их главной задачи в семье, которая соответствует конечному ценностному измерению. 75,3% респондентов считают, что иметь детей - это их обязанность перед обществом, а 98,5% респондентов согласны с тем, что дети обязаны содержать своих родителей. Это отражает важность родительской семьи в системе ценностей респондента, а также свидетельствует о глубоко укоренившихся традиционных китайских ценностях и представлениях о семье.

При измерении национальной идентичности респондентов в ходе опроса были заданы вопросы о национальной гордости. Подавляющее большинство респондентов (92,8%) гордились или даже очень гордились своей китайской национальной идентичностью. Только 0,7% респондентов не гордились своей принадлежностью к китайской нации. Согласно анализу Хи-квадрат, этническая идентичность респондентов не имеет ничего общего с воспитанием ценностей (Хи-квадрат=29,347, $p=0,776$), в то время как этническая идентичность респондентов в значительной степени связана со степенью согласия с традиционными семейными представлениями (“Рождение детей - это ответственность общества”, “дети несут ответственность за поддержку своих родителей”) (Хи-квадрат=51,350, $p=0,000$, Хи-квадрат=51,373, $p=0,000$), чем выше степень национальной идентичности респондентов, тем сильнее традиционная концепция семьи, и то же самое относится к воспитанию детей, чем выше уровень национальной идентичности респондентов, тем выше требования к детям

Основываясь на приведенных выше результатах исследования, мы можем сделать следующие выводы: хотя нет прямой статистической корреляции между идентичностью китайской нации и специфическим воспитанием семейных ценностей, это оказывает глубокое влияние на конечное осознание людьми традиционных семейных обязанностей и их практическую реализацию. Это открытие не только раскрывает уникальный путь культурного наследования в современных китайских семьях, но и показывает, как национальная гордость незаметно формирует ценности и ориентации нового поколения.

Стоит отметить, что респонденты в целом подчеркивали важность таких качеств, как вежливость, чувство ответственности и независимость, что отражает то, что китайское общество по-прежнему придает большое значение культивированию традиционных добродетелей и личностного характера в процессе модернизации. Однако важность религиозных убеждений в сознании респондентов находится на самом низком уровне, что может отражать тенденцию секуляризации современного китайского общества. Это исследование показывает, что в условиях глобализации китайская культура претерпевает глубокие преобразования. В этом процессе важным вопросом, с которым приходится сталкиваться каждой семье и даже всему обществу, стал вопрос о том, как сбалансировать современность и традиции, а также как сохранить культурную уверенность в себе на волне глобализации.

1. *Всемирный обзор ценностей (WVS)* [Электронный ресурс]
URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 02.10.2024)
2. 李少惠, 何志强. 国家建构视域下中华民族共同体认同的形塑机制——基于世界价值观调查的实证探索 // 2024. Ли Шаохуэй, Хэ Чжицян. Механизм формирования идентичности китайского национального сообщества в рамках концепции национального строительства - эмпирическое исследование, основанное на обзоре мировых ценностей // 2024.
3. 陈红娟. 话语互嵌: 中华优秀传统文化与科学社会主义价值观主张相契合的原初形态 // 社会科学辑刊, 2024 №1. С 27-33. Чэнь Хунцзюань. Внедрение дискурса: оригинальная форма совместимости между превосходной традиционной культурой Китая и научными социалистическими ценностями // *Journal of Social Sciences*, 2024, №1. С 27-33.
4. *Rokeach Values Survey* [Электронный ресурс]
5. URL: https://baike.baidu.com/item/罗克奇价值观调查表/2580749?fr=ge_alia (дата обращения: 04.10.2024)

Секция 7: Социология цифрового общества и цифровая социология: проблемы и перспективы.

ЦИФРОВЫЕ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖИ С ВЛАСТЬЮ

*Абрамова Софья Борисовна
(Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина)*

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания (тема FEUZ-2023-0045)

Аннотация. Исследуется цифровое взаимодействие современной молодежи с органами власти. Отмечен практический и научный интерес к выделению механизмов, обеспечивающих взаимодействие молодого населения и власти и возможность участия молодежи в решении актуальных проблем региона. Результаты опроса молодежи 15-35 лет г. Екатеринбурга фиксируют опыт и оценку эффективности использования онлайн-форм обращения в государственные органы.

Ключевые слова: молодежь, власть, цифровая коммуникация, гражданское участие.

Участие молодежи в гражданской активности продолжает оставаться одной из самых обсуждаемых тем в социальном, политическом, научном дискурсе. Разрабатываются и апробируются различные механизмы, способствующие взаимодействию власти и молодежи, в том числе обсуждаются реальные возможности влияния молодежной политики федерального и регионального уровней на фактическое участие молодежи в жизни региона [5]. Акцентируется внимание на эффективности работы механизмов «сверху вниз», на возможности молодежных объединений в решении социальных проблем регионов [1], на региональных правовых и инфраструктурных аспектах, обеспечивающих взаимодействие власти и населения [2] и т. д.

С целью изучения современного состояния взаимодействия молодежи города Екатеринбурга с представителями органов власти в 2023 году был проведен опрос представителей учащейся и работающей молодежи (n = 1350). Использовалось сочетание онлайн опроса и раздаточного анкетирования. В исследовании приняли участие жители Екатеринбурга 15-35 лет: 30% в возрасте 15-17 лет, 61% – 18-22-летних и 9% в возрасте 23-35 лет. 60% составили респонденты женского, 40% – мужского пола.

72% опрошенной молодежи полагают, что электронные сервисы облегчают взаимодействие с органами власти. Цифровизация имеет позитивные эффекты в механизмах «сверху вниз»: 56% респондентов указывают на повышение открытости органов власти в результате развития цифровых форм обращения, 59% видят позитивные тенденции в решении социальных проблем и актуальных задач развития города, для 57% опрошенной молодежи последствием выступает рост учета мнения горожан при принятии управленческих решений властями региона. Но и механизмы «снизу вверх» имеют положительные последствия: 53% молодежи полагают, что электронные форматы обращения приводят к более активному участию горожан в обсуждении и решении проблем

города, половина респондентов указывают на рост доверия к местным властям вследствие развития цифровых форм коммуникации.

Однако во многом такие оценки молодежи имеют теоретизированный характер, не опирающийся на непосредственный личный опыт или информированность. Личный опыт обращения в органы власти или государственные учреждения при помощи электронных сервисов имеют 46% опрошенных. 30% молодежи за последний год целенаправленно искали информацию по решению волнующих социальных вопросов или деятельности органов власти. Около 10% имеют подписки в социальной сети Вконтакте на страницы представителей органов власти. Следовательно, во многом мнение о положительном влиянии цифровизации на эффективность взаимодействия власти и населения опирается, с одной стороны, на оценку возможностей самих цифровых технологий расширять доступность и скорость коммуникация, а с другой – на ожидания готовности использовать эти технологии всеми субъектами взаимодействия в целях достижения результативности общения.

Следует отметить, что молодежь включается в процесс электронного взаимодействия с властью в разных формах. Наиболее освоен механизм записи через интернет на прием в различные учреждения (53%). Около 33-35% за последний год посещали официальные сайты и порталы в социальных сетях органов власти для получения необходимой информации, осуществляли обязательные платежи на сайтах учреждений или на Госуслугах, обращались за получением государственных услуг в электронной форме, отправляли заполненные документы и заявлений в электронном виде. Складывается определенное ядро, для которых электронный формат взаимодействия с властью становится опривыченной практикой, с позитивным опытом, с навыками использования соответствующих информационно-коммуникативных ресурсов.

Исследования, связанные с изучением влияния цифровой культуры на активность гражданского участия, показывают, что цифровые платформы и технологии не только облегчают доступ к информации, общению и обсуждению социальных и актуальных волнующих тем, но и способствуют развитию более широкой идентичности и осведомленности по широкому вопросу проблем (в том числе связанных с деятельностью органов власти, гражданскими акциями, молодежными объединениями и др.) [4]. Наше исследование зафиксировало интерес молодежи и готовность рассматривать онлайн-коммуникацию с властью как потенциально эффективный механизм. Пока молодежь не готова поставить наивысшие оценки эффективности: обращение через официальные сайты оценивают на 3,22 балла из 5, обращение на «горячую линию» – на 3,29 балла, сообщение в социальных сетях на страницах органов власти – на 2,55 балла. Но здесь проявляется общий скептицизм молодежи в отношении обращения к властям (личные обращения также средне эффективны – 3,37 балла), недостаточность знаний и навыков в вопросах цифровых обращений (только 38% считают себя полностью компетентными в этом вопросе), а также в целом сомнения в возможности молодых горожан повлиять на решения местных властей (только 11,2% уверены, что молодежь может существенно влиять, 27% предполагают влияние в некоторой степени). Результаты других исследований к значимым факторам, влияющим на оценку респондентами влияния цифровых технологий на взаимодействие с властью, относят уровень доверия государственным органам и учреждениям, уровень цифровых навыков, возраст и цели взаимодействия с властью [3].

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении цифрового взаимодействия со стороны другого субъекта-участника – властных структур: выявления экспертного мнения об эффективности цифровых форм гражданского со-участия молодежи, в определении перспектив и ограничений дальнейшего развития онлайн-

взаимодействия власти и общества, оценки востребованности имеющихся цифровых инструментов со стороны властных структур, в том числе с использованием аккаунтов политических деятелей в социальных сетях.

1. Андропова И. В., Семочкина Е. В. Российские модели взаимодействия органов государственной власти и молодежных объединений // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология.* 2021. Т. 21, вып. 4. С. 442-446. DOI: [10.18500/1818-9601-2021-21-4-442-446](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-442-446)
2. Незнанова В.С. Правовая основа взаимодействия государственной власти и гражданского общества (на примере г. Санкт-Петербурга) // *Социодинамика.* 2020. № 6. С. 42–48. DOI: [10.25136/2409-7144.2020.6.33292](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.6.33292)
3. Южаков В.Н., Старостина А.Н. Цифровое взаимодействие граждан и государства: оценка результативности с позиции граждан // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество).* 2024. Т. 21. № 1. С. 82–97. DOI: [10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-82-97](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-82-97)
4. Duche-Pérez A.B., Vera-Revilla C.Y., Gutiérrez-Aguilar O.A., Montesinos-Chávez M.C., Valdivia-Loaiza A.H., Flores-Vilca I.V. (2024). *Digital Culture, Youth, and Citizenship: A Systematic Review* // Ibáñez D.B., Castro L.M., Espinosa A., Puentes-Rivera I., López-López P.C. (eds) *Communication and Applied Technologies. ICOMTA 2023. Smart Innovation, Systems and Technologies.* 2024. Vol 375. Springer, Singapore. DOI: [10.1007/978-981-99-7210-4_51](https://doi.org/10.1007/978-981-99-7210-4_51)
5. Walther A., Lüküslü D. G., Loncle P., Pais A. (2021). *Regimes of Youth Participation? Comparative Analysis of Youth Policies and Participation across European Cities* // *YOUNG.* 2021. № 29(2). P. 191-209. DOI: [10.1177/1103308820937550](https://doi.org/10.1177/1103308820937550)

КИБЕРТЕРРОРИЗМ КАК СОВРЕМЕННАЯ УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ

*Ангел Ольга Юрьевна
(Ростовский институт (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России)
г. Ростов-на-Дону)*

АННОТАЦИЯ: данная статья посвящена проблеме киберпреступности, а именно такой форме, как кибертеррористический акт, угрожающей всему мировому сообществу. Развитие информационных технологий приводит к появлению новой опасной разновидности киберпреступности. Кибертерракт – наиболее опасная форма проявления терроризма в современности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кибертерроризм, киберпреступность, компьютерные технологии, информация, террористический акт, кибератака.

Современного человека нельзя представить без использования интернет ресурсов. Общество в современном мире все больше погружается в информационное пространство. В связи с этим активно начинает развиваться самая опасная форма терроризма – кибертерроризм.

Компьютерный терроризм (кибертерроризм, кибертерракт) – комплекс незаконных действий в интернет пространстве, создающих угрозу государственной безопасности и обществу в целом, главное отличие данного вида терроризма в том, что он осуществляется в виртуальном пространстве, о чем и говорит приставка «кибер-». Данный термин был предложен в 1980-х годах старшим научным сотрудником Института безопасности и разведки Барри Коллином. Он считал, что новые информационные достижения обязательно заинтересуют преступников, которые в ближайшее время осознают свои возможности в использовании информационных технологий. До сих пор не существует единого определения данному понятию, сам термин зачастую используется, а опасность явления часто преувеличивается СМИ.

Отличие простого террористического акта от кибертерроризма в том, что суть терроризма заключается в следующем – насилие с целью устрашения. Субъектами, как правило, являются неправительственные организации или гражданские лица. Соответственно террористы – это группа лиц (группировка), например: Аль-Каида (организация, признанная террористической, запрещенная на территории Российской Федерации), ИГИЛ (организация, признанная террористической, запрещенная на территории Российской Федерации) и др., в то время как за кибертерроризмом может стоять один человек, а также для общения со своими единомышленниками, преступникам достаточно иметь выход в интернет и устройство с которого они могут поддерживать связь, и совсем не нужно снимать секретные квартиры (помещения) для обдумывания своих жестоких намерений, как то требуется простым террористам. Различаются и причины деяния между террористических актов и компьютерным терроризмом.

Как мы уже знаем, кибертерроризмом принято называть террористические атаки с применением компьютерных технологий и это явление с каждым годом приобретает все более глобальный характер.

Как утверждает в своей диссертации кандидат политических наук Молодчая Е.Н.: «Количество преступлений, совершаемых в киберпространстве, растет пропорционально числу пользователей компьютерных сетей. Современные террористические организации активно используют информационно-коммуникационные технологии. Время перехода от угрозы до реального акта кибертеррористов значительно уменьшается» [1].

Объектами кибертерроризма могут стать, как государства, международные организации, так и случайные люди.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации говорится о возрастании масштабов компьютерной преступности, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина [2].

Не стоит путать хакерство и кибертерроризм, да, они относительно схожи, но все же имеют одно значительное различие - цель: кибертерроризм планируется со следующими целями: Взлом компьютерных систем и получение конфиденциальной информации; Создание помех; Вирусные атаки; Распространение дезинформации с помощью захвата СМИ и т.д.

Хакерство преследует цель получение определенной информации о человеке или организации; хищение крупных денежных средств.

Согласно научной статье кандидатов юридических наук Семенцовой И.А. и Фоменко А.И.: «Еще по состоянию на 2009 г. МВД России ежегодно выявляло не менее 150 ресурсов, содержащих материалы террористической и экстремистской направленности, при этом большая часть подобных сайтов (около 70) обнаруживалась в российском сегменте сети, сегодня эта цифра значительно превышает» [3].

Одним из самых громких примеров кибератак считается случай, произошедший в мае 2017 года (самая масштабная кибератака 2010-х), в результате которой пострадали не менее 250 тысяч пользователей и компаний в 150 странах. Вредоносный вирус-шифровальщик (WannaCry) проникал на компьютер под управлением системы Windows, зашифровывал все содержимое и вымогал у пользователей \$600 в биткоинах. Распространение вируса удалось остановить совершенно случайно.

Сама опасность подобных преступлений заключается не только в масштабах губительных влияний и количестве совершаемых актов террора, но и в том, что найти и обезоружить. А методы, приемы и средства совершения подобных преступлений становятся более ухищренными. Борьба же с преступностью такого рода усложняется (по 3 основным причинам):

Для расследования интернет преступлений необходимы специальные знания;

Интернет – открытая среда, которая позволяет человеку совершать определенные действия за пределами государства;

Компьютерные сети дают возможность выбирать такую страну, в которой определенные деяния не влекут за собой уголовной ответственности.

Но мы считаем, что все-таки есть способы, если не полностью побороть киберпреступность (кибертерроризм), то сократить её до минимума, следующими способами: необходимо постоянное международное сотрудничество; гражданам стоит воздержаться от загрузок различных файлов с неизвестных источников; установка подлинных антивирусных и антишпионских программ на всю технику с интернет связью; создание программы, для проверки сайтов на подлинность; совершенствовать нормативно-правовую базу путем закрепления понятия «кибертерроризм».

Также одним из важных шагов по предотвращению кибертеррактов в Российской Федерации явилось подписание 16 июня 2009 г. В Екатеринбурге «Соглашение между Правительствами государства – членов Шанхайской организации о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности» [4].

В уголовном кодексе Российской Федерации нет, как понятия «кибертерроризм», так и отдельно прописанной статьи за совершение кибертеррористических актов (терроризм в сфере информационных технологий). Подобные интернет преступления наказываются по следующим статьям УК РФ: статья 272 «Неправомерный доступ к компьютерной

информации», статья 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ», статья 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей».

Хотелось бы подвести итоги данной статьи и сказать: во времена быстрого развития интернет пространства, так же стремительно развивается новая форма, самая опасная форма интернет преступности, которая носит международный характер – кибертерроризм. На данный момент очень важно самому постараться защитить свои информационные ресурсы, так как пока что не существует стопроцентного комплекса мер, которые бы позволили защитить какой-либо объект от акта кибертерроризма. Хотя и мировое сообщество пытается вести активную борьбу с данным явлением.

1. *Молодчая Е.Н. Политика противодействия кибертерроризму в современной России: политический аспект: автореф... дис. канд. полит. наук. Москва, 2019. 3 с.*
2. *Бегишев И.Р. Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации: автореф... дис. канд. юр. наук. Казань, 2017.*
3. *Семенцова И.А., Фоменко А.И. Уголовно-правовые меры борьбы кибертерроризмом как новой разновидностью террористического акта: Вестник СевероКавказского гуманитарного института. 2017. № 4 (24). С. 585-589.*
4. *Ширинова А.А., Паламарчук Е.А. Угроза кибертерроризма: пути противодействия: Правовое образование, сборник научных статей. Том 4. Под общей редакцией Магомедова Б.М., Сизько И.А. Ростов-на-Дону, 2018.*

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Андроник Анастасия
(Университет ИТМО)*

Аннотация. В рамках исследования проводится анализ и определение влияния цифровой трансформации предприятия на человеческий капитал. Авторы данного исследования выявили прямую взаимосвязь между цифровой трансформацией и развитием человеческого капитала. В нынешних условиях цифровая трансформация способствует повышению конкурентоспособности предприятия, что способствует устойчивому экономическому росту России.

Ключевые слова: цифровая трансформация, человеческий капитал, цифровые технологии.

Цифровая трансформация предприятия представляет собой процесс внедрения цифровых технологий, который сопровождается оптимизацией системы управления основными технологическими процессами. Как результат данный процесс оказывает значительное влияние на человеческий капитал, который является важным активом предприятия. В современной России цифровая трансформация дает ряд преимуществ и барьеров, требующих активного развития и адаптации сотрудников предприятия. В настоящее время влияние цифровой трансформации на человеческий капитал мало изучено. Необходимо установить, как цифровая трансформация влияет на человеческий капитал.

В рамках исследования применены методы логического и статистического анализа. Были использованы научные работы отечественных и зарубежных авторов, изучающих влияние цифровой трансформации на человеческий капитал.

Целью исследования является анализ и определение влияния цифровой трансформации предприятия на человеческий капитал, включая изменение компетенций сотрудников, создание новых рабочих мест, изменение корпоративной культуры предприятия.

В ходе анализа научных работ выявлено, что влияние цифровой трансформации на развитие человеческого капитала неоднозначно. Так, Черненко И. М., Кельчевская Н. Р., Пелымская И. С., Алмусаеди Х. К. А. отметили, что цифровая трансформация затрудняет развитие человеческого капитала путем автоматизации рабочих мест. По мнению авторов, наблюдается тенденция сокращения рабочих мест, что приведет через 10-15 лет к социальной напряженности и безработице. Власов М.В. Качан Я.В., Янченко Е. В., определяют цифровую трансформацию как драйвер для развития человеческого капитала. По мнению авторов, цифровая трансформация способствует созданию новых рабочих мест и направлений в области цифровых и информационных технологий, повышению компетенций сотрудников, улучшению условий труда [2, 205].

Как результат исследования, была выявлена прямая взаимосвязь между цифровой трансформацией предприятий и развитием человеческого капитала посредством создания новых рабочих мест и новых направлений специализации в сфере цифровых технологий. Так, на предприятиях появились такие специальности, как аналитик данных, аналитик по кибербезопасности [3, 100]. Помимо этого, с помощью цифровых технологий возможна автоматизация рутинных процессов, в результате чего снижается нагрузка на персонал и повышается их производительность и эффективность. Автоматизация позволяет сотрудникам сосредоточиться на более важных задачах, способствующих развитию их потенциала и повышению удовлетворенности условиями труда [1, 27].

На примере нефтедобывающих предприятий показано изменение корпоративной культуры под воздействием цифровой трансформации. Как результат, изменения приводят к созданию благоприятной среды для развития человеческого капитала, тем самым стимулируя персонал к карьерному росту и развитию. Помимо этого предприятия, уделяющие внимание цифровому развитию персонала, способствуют общему повышению цифровой грамотности населению в современной России.

Как результат, цифровая трансформация предприятия оказывает значительное влияние на развитие человеческого капитала. Она дает возможность повышения квалификации, переподготовки персонала, повышения производительности и эффективности труда. в нынешних условиях предприятия активно проводят цифровую трансформацию, тем самым повышают конкурентоспособность, что способствует устойчивому экономическому росту России.

1. *Жданов Д.А. Человеческий капитал предприятия в контексте системной экономики // Экономическая наука современной России, 2020, № 4 (91), с. 24–38. DOI: 10.33293/1609-1442-2020-4(91)-25-38*
2. *Ишимуратова Д.Ф. Человеческий капитал в контексте цифровизации: особенности развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 6 (162). С. 203–207. DOI: 10.34773/EU.2021.6.40.*
3. *Тухтарова Е.Х., Власов М.В. Влияние человеческого капитала на инновационное развитие // Вестник НГУЭУ. 2021. № 1. С. 89–111. DOI: 10.34020/2073-6495-2021-1-089-111*

ПРОБЛЕМЫ ИСКАЖЕНИЯ И ОБМАНА В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Бабаджаниян Папик Артурович

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР
ЯрГУ по проекту № FENZ-2024-0010 «Политические проблемы
ценностно окрашенного искусственного интеллекта»*

Искусственный интеллект, как результат человеческих знаний и технологий, разработан для анализа информации и принятия решений на основе заданных алгоритмов. Данная цифровая технология была создана, как средство помощи людям для решения сложных задач. Искусственный интеллект уже сейчас является неотъемлемой частью обеспечения ряда процессов жизнедеятельности общества. Практически на всех современных электронных устройствах имеются голосовые помощники и ассистенты, с которыми можно вести диалог на самые различные тематики, а также получать необходимую для себя информацию. В связи с этим в последнее время, всё чаще в научной среде поднимаются этические вопросы использования искусственного интеллекта, в частности, о том, способны ли данные цифровые технологии обманывать или вводить в заблуждение людей [1,149]. При этом нужно в первую очередь рассуждать о предпосылках такого действия:

искусственный интеллект перетранслировал пользователю изначально ложную или неактуальную информацию (ненамеренный обман);

искусственный интеллект специально предоставил пользователю неверную или неполную информацию (намеренный обман).

В первом случае (ненамеренный обман) ключевым аспектом является контекст применения искусственного интеллекта. Он способен создавать текст на основе статистических моделей и ранее собранных данных, что иногда может приводить к ошибкам или недопониманиям. Такие недочёты могут восприниматься пользователями как попытки обмана, особенно в случае, если они не имеют понимания о том, как функционирует искусственный интеллект. В частности, нейросети или ассистент-помощники могут транслировать пользователю информацию из устаревшей или не актуальной в настоящий момент статьи или вывести статистику за прошлые года, убеждая человека, что это данные за текущее время. В целом, данные ошибки можно отнести к алгоритмическим проблемам цифровых технологий. Тем не менее, при более глубоком рассмотрении становится очевидно, что выводы, сделанные искусственным интеллектом, могут быть искажены. Например, если алгоритмы обучаются на предвзятых данных или применяются неэтичные подходы, искусственный интеллект может предоставить информацию, которая вводит в заблуждение или искажает истину. Следовательно, даже если сами модели не могут обманывать в традиционном смысле, их работа и источники данных могут породить ложные сведения.

В случае намеренного обмана, необходимо говорить, что искусственный интеллект может создавать убедительные фейки, что порождает этические споры о том, насколько ответственность за подобное использование лежит на разработчиках и пользователях. Примером того, что искусственный интеллект может специально вводить в заблуждение и

обманывать пользователя, являются компьютерные игры, в которых ради продвижения сюжетной составляющей, разработчики вкладывают в «искусственно созданных персонажей» способность (скрипт) обманывать «главного героя», за которого играет пользователь [2, 174-175]. С развитием цифровых технологий, эти «искусственно созданные персонажи» в играх получили возможность самообновления, и, исходя из действий игроков, подстраивали свои действия под них, в том числе, по предоставлению ложной информации, для того чтобы генеральный сюжет игры продолжал работать.

Данные технологии предоставления неверной информации, потенциально могут быть использованы в обычной жизни людей, например, в приложениях по ИИ-ассистентам, а также в нейросетях, для того чтобы вводить пользователя в заблуждение, манипулировать и понизить общую грамотность населения по различным вопросам. В конечном итоге все сводится, к тому какие цели перед собой ставит разработчик искусственного интеллекта и правильно ли он строит алгоритмы для его использования.

Таким образом, существует множество обстоятельств, влияющих на восприятие искусственного интеллекта, включая степень доверия к технологиям, уровень образования пользователя и культурные представления о понятии искусственного интеллекта. Знание о том, как функционирует искусственный интеллект, может помочь смягчить негативные последствия возможных ошибок. Пользователи должны осознавать, что искусственный интеллект не является идеальным инструментом, а представляет собой систему, требующую человеческого вмешательства и критического анализа, а иначе он, вероятно, будет вводить людей в заблуждение или даже обманывать. Понимание этого аспекта позволяет более осознанно подходить к взаимодействию с цифровыми технологиями. Кроме того, особенности контекста могут существенно изменить результаты и интерпретации, которые предлагает искусственный интеллект.

В конечном счете, нахождение баланса между ожиданиями и реальными возможностями искусственного интеллекта станет основой для эффективного партнерства между человеком и машиной.

1. Миндигулова, А. А. *Этика и искусственный интеллект: проблемы и противоречия* // *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*. – 2022. – № 3. – С. 146-150.
2. Федорченко, С. Н. *Computer Game Studies: новые горизонты для политической науки и практики* // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. – 2018. – № 4(20). – С. 172-182. – DOI 10.25513/2312-1300.2018.4.172-182.

СЕТИ И ПОТОКИ ДОПОЛНЕННОЙ СОВРЕМЕННОСТИ В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

*Бакулин Александр Викторович
(ВЦИОМ, СПбГУ)*

*Бакулин Дмитрий Викторович
(СевГУ)*

*Павел Петрович Дерюгин
(СПбГУ)*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского
научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00261
«Социоструктурная модель перехода российского общества в
режим дополненной современности».*

Аннотация

Статья посвящена анализу социальных изменений в постглобализационной реальности, акцентируя внимание на концепции «дополненной современности». Рассматриваются проблемы адаптации студентов к новым формам социальности, вызванным цифровизацией и автоматизацией, с учётом региональных различий и необходимости модернизации образовательных программ.

Ключевые слова

дополненная современность, цифровизация, сетевые структуры, социальная адаптация, студенты, региональные различия, образовательные программы, постглобализация.

Современное общество переживает глубокий социальный кризис, связанный с исчерпанием прежних моделей развития, основанных на модернизации, глобализации и виртуализации. Эти концепции, доминировавшие в течение последних десятилетий, оказались недостаточно эффективными в условиях новых вызовов, которые диктует постглобализационная реальность. Завершение эпохи глобализации привело к тому, что социальные, экономические и политические процессы начали трансформироваться, переходя в постглобализационную фазу. В этой фазе глобальные сетевые структуры сталкиваются с усиливающимися институциональными барьерами, что обостряет противоречия между глобальными и локальными процессами. Эти противоречия проявляются через экономические, политические и культурные конфликты, а также многочисленные гуманитарные кризисы различной интенсивности [7, 44-45], [1, 8-9].

Согласно данным ВЦИОМ, 67% россиян отмечают, что их жизнь изменилась под влиянием последних социальных и экономических трансформаций, при этом 23% респондентов ощущают неуверенность в новых условиях [4]. Эти данные свидетельствуют о масштабности изменений и их восприятии населением. Одним из ключевых аспектов является исчерпание потенциала прежних путей развития через виртуализацию, которая, будучи альтернативой традиционным социальным институтам, достигла предела своих возможностей. Сегодня цифровизация, ставшая неотъемлемой частью повседневной жизни, всё больше стремится к полной алгоритмизации социальных процессов, что знаменует переход к поствиртуализации. Это явление характеризуется внедрением новых технологий и социокультурных процессов, где ключевую роль играют сети и платформы.

Наиболее ярко эти изменения проявляются в суперурбанизированных мегаполисах, где физическое и виртуальное пространство переплетаются, создавая новые формы социальной жизни, насыщенной киберфизическим опытом. По данным ВЦИОМ, 25% жителей мегаполисов активно используют мессенджеры для работы и общения с друзьями и коллегами, что указывает на трансформацию форм социальной жизни. В малых городах и сельских поселениях лишь 11% населения переходят на цифровые платформы, что подчеркивает разрыв в формах социального взаимодействия между различными территориями [6]. Этот контраст свидетельствует о необходимости пересмотра и адаптации существующих подходов к социальным взаимодействиям.

Концепция «дополненной современности»

В контексте этих изменений концепция «дополненной современности», предложенная Д.В. Ивановым, становится особенно актуальной. Она предполагает интеграцию виртуальных и реальных пространств, что трансформирует восприятие мира и влияет на поведение молодежи в различных регионах России. В данной работе рассматривается восприятие студентами новых форм социальности через призму замещения профессий нейросетями. Исследования ВЦИОМ показывают, что 70% россиян уверены, что робот не сможет выполнять их рабочие обязанности в настоящем или обозримом будущем [3]. Эта ситуация подчеркивает важность анализа сетей и потоков, формирующих новую реальность для студентов, и необходимость адаптации образовательных программ, чтобы они отвечали новым требованиям, возникающим в условиях дополненной современности.

Иванов описывает «дополненную современность» как преемницу индустриальной эпохи, в которой фиксированные социальные структуры заменяются более гибкими, сетевыми формами взаимодействий [7, 51-54]. Это изменение требует от молодежи овладения цифровыми навыками, регулярного обновления знаний и адаптации к постоянно меняющимся условиям труда и жизни.

Проблематика и исторический контекст

Традиционные социальные институты, такие как университеты и системы занятости, были созданы в условиях индустриальной модерности, характеризующейся стабильностью и предсказуемыми профессиональными траекториями. Однако цифровая эпоха вызвала серьезные изменения, требующие от молодежи новых компетенций. Автоматизация и цифровизация ведут к исчезновению или радикальной трансформации традиционных профессий. Например, более 61% студентов признают интернет основным источником знаний, а 45% из них выражают беспокойство о своём профессиональном будущем [4]. Эти данные свидетельствуют о необходимости адаптации образовательных систем к новым социальным и профессиональным вызовам.

Согласно исследованиям, проведенным в суперурбанизированных центрах, таких как Москва и Санкт-Петербург, студенты более адаптированы к сетям и потокам дополненной современности, так как их культурные и экономические условия способствуют активному использованию цифровых технологий. В этих регионах молодежь активно пользуется интернетом не только для общения, но и для профессиональной самореализации, создания сетевых проектов и поиска альтернативных форм занятости [6].

В регионах с индустриально или агрорекреационно ориентированным развитием, таких как Татарстан, Свердловская область или Краснодарский край, ситуация отличается. Здесь студенты сталкиваются с трудностями при адаптации к цифровой реальности из-за ограниченного доступа к технологиям и менее гибкой социальной структуры. Это указывает на то, что региональные особенности оказывают значительное влияние на

восприятие дополненной современности студентами и требуют дифференцированного подхода к разработке образовательных программ [6, 4].

Исследования ВЦИОМ и других социологических институтов показывают, что более 92% российской молодежи активно использует интернет для общения и получения информации [5]. Однако уровень использования цифровых ресурсов и интеграция в цифровые сети варьируются в зависимости от региона. В крупных городах студенты более гибко реагируют на новые вызовы и быстрее адаптируются к сетевым формам работы, тогда как в менее развитых регионах этот процесс идет медленнее.

Описание проблемы

Основная проблема заключается в противоречии между устаревшими институциональными рамками и новыми формами социальности, которые развиваются в условиях дополненной современности. Традиционные социальные структуры, сформированные в эпоху индустриальной модернити, не способны эффективно реагировать на динамичные изменения, вызванные потоками. Например, университеты продолжают предлагать программы, ориентированные на стабильные профессиональные траектории, в то время как на рынке труда востребованы гибкие навыки и сетевые формы взаимодействия [2, 142-144].

Кроме того, исследования показывают, что региональные различия играют важную роль в восприятии новых форм социальности. Студенты из более развитых регионов имеют больше возможностей для адаптации к новым условиям, тогда как молодежь из менее развитых регионов сталкивается с трудностями при интеграции в цифровую среду. Это приводит к увеличению социального неравенства и требует разработки специальных программ поддержки для студентов из различных регионов.

Заключение

Проблема адаптации студентов к сетям и потокам дополненной современности остается актуальной в условиях цифровизации и автоматизации. Концепция дополненной современности Д.В. Иванова помогает осмыслить новые формы социальности и определить, каким образом они влияют на восприятие и стратегии адаптации молодежи. Однако традиционные социальные институты, такие как образовательные системы, должны ускорить свою адаптацию к новым реалиям, чтобы избежать социального разрыва между ожиданиями и реальностью.

1. Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44-55. DOI 10.31857/S013216250009397-9;
2. Аксенова О. В. Исследования постглобализации в России: методы и результаты // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 1. С. 8-12. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.1;
3. ВЦИОМ. Чат-культура в России. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chat-kultura-v-rossii> (дата обращения: 06.10.2024).
4. ВЦИОМ. О людях и роботах. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-ljudjakh-i-robotakh> (дата обращения: 06.10.2024).
5. ВЦИОМ. Опрос о социальном неравенстве и цифровых возможностях в России. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-20032024> (дата обращения: 06.10.2024).
6. ВЦИОМ. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 06.10.2024).
7. Аleshковский Иван Андреевич, Гаспаришвили Александр Тенгизович, Крухмалева Оксана Валерьевна, Нарбут Николай Петрович, Савина Наталья Евгеньевна ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ: ОЦЕНКА И ВОЗМОЖНОСТИ // Высшее образование в России. 2023. №4. ISSN 2072-0459

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ КАК НОВЫЙ ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Белозерова Ирина Ильинична
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)*

Изначально отношения основывались на доверии и имели межличностный характер, то есть происходили между двумя и более людьми (межличностное доверие). Со временем понятие доверия стало применяться к институтам/организациям (институциональное доверие, организационное доверие), вещам, устройствам и технологиям (доверие к технологиям) [1].

Динамичное развитие технологий и растущая зависимость человека от них повышают интерес исследователей к технологическому доверию, предпринимаются попытки операционализировать это понятие.

Одно из первых определений доверия к технологии разработала С. К. Липперт, указав, что доверие к технологии выражает готовность индивида испытывать влияние технологии, обусловленную ожидаемой предсказуемостью, надежностью и полезностью технологии [3]. П. Штомпка, указывая на доверие к техническим системам, ввел понятие технологического доверия, но относящееся не непосредственно к самой системе, а к людям, которые её спроектировали, эксплуатируют или контролируют её функционирование. По мнению автора, технологическое доверие – это ожидание эффективности, надежности и результативности технических устройств и систем [1].

Н. Ланктон, Д. Макнайт и Дж. Тэтчэр выделили три черты доверия к технологиям, соотнеся их с чертами межличностного доверия. Обосновывая три черты доверия к технологиям, авторы отметили, что для того, чтобы показать свою компетентность, люди хорошо выполняют задания, советуют другим и принимают точные решения. Технические системы, к которым относятся и технологии, не могут выполнить всю задачу целиком, а лишь обеспечивают функциональность, необходимую пользователям для выполнения повторных задач [2].

Учитывая специфический тип отношений между человеком и технологией, можно выделить две характерные черты доверия к технологиям. Первая связана с воспринимаемыми потенциальными пользователями характеристиками технологии, их функциональными возможностями; вторая – с декларируемой готовностью полагаться на технологию (быть зависимым), вытекающей именно из желательных характеристик, которыми обладают технологии.

Перспективными направлениями исследований в области доверия к технологиям представляются исследования, которые должны быть направлены на определение и выбор переменных для измерения доверия к различным типам технологий, а также включения в каталог изучения переменных уровня зависимости и риска, связанного с использованием технологий. Перспективной областью исследовательского интереса представляется изучение факторов и взаимосвязей между этими факторами, определяющими как первоначальное доверие, так и доверие, связанное с использованием технологии.

1. Штомпка П. *Доверие – основа общества / Петр Штомпка: пер. с пол. Н. В. Морозовой. – М.: Логос, 2012.*

2. Lankton N., McKnight D.H., Thatcher J.B. *Incorporating Trust in Technology into Expectation Disconfirmation Theory, of Strategic Information Systems*, 2014, Vol. 23, No. 2, pp. 128–145.

3. Lippert S.K. *An Exploratory Study into the Relevance of Trust in the Context of Information Systems Technology. Doctoral Dissertation, The George Washington University, Washington, DC, 2001.*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ: КАК ТЕХНОЛОГИИ ИЗМЕНЯЮТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ

*Боргардт Мария Николаевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

В современном мире цифровизация охватывает все аспекты жизни, включая социальное взаимодействие, коммуникации и самоидентификацию. Социальные сети, онлайн-сообщества и виртуальные пространства создают новые формы репрезентации, существенно изменяя традиционные концепции идентичности. Цифровая среда предоставляет людям возможность конструировать многослойную идентичность, которая может варьироваться в зависимости от контекста, платформы и целевой аудитории. В условиях глобализации и стремительного роста цифровых технологий актуально рассмотреть, как изменяются представления о себе и окружающих в этом новом мире.

Цифровая идентичность, являясь новым явлением в эпоху технологических изменений, формируется под воздействием социальных, культурных и психологических факторов. Одним из ключевых аспектов является возможность мультипликации идентичностей. Человек в цифровой среде может создавать несколько образов, которые не всегда соответствуют его реальной личности. Это связано с понятием «виртуальной самопрезентации», которая основывается на выборе и конструировании той версии себя, которая лучше всего подходит под определённую социальную или культурную ситуацию. [4]

Важной концепцией для понимания цифровой идентичности являются идеи Зигмунта Баумана, который утверждает, что идентичность в условиях глобализации и цифрового взаимодействия становится изменчивой и фрагментарной. Человек больше не ограничен конкретной социальной ролью или группой, а может свободно перемещаться между различными идентичностями в зависимости от контекста. [2] В онлайн-пространстве границы между личной и профессиональной, публичной и частной идентичностью становятся размытыми, что создает новые вызовы для традиционных моделей идентификации.

Значительное влияние на изучение идентичности оказывают работы **Ирвинга Гофмана**, который описывал, как люди представляют себя в различных социальных ситуациях. [3] В цифровой среде эта концепция приобретает новое значение, поскольку пользователи могут адаптировать своё поведение и самопрезентацию в зависимости от конкретной платформы или аудитории. Они могут создавать «персонажей», которые отражают только определённые аспекты их личности, что позволяет избежать полного раскрытия себя и защищает личную идентичность.

Ещё одной важной теоретической концепцией является **цифровая диаспора**. Анна Эверетт в своей книге «**Digital Diaspora: A Race for Cyberspace**» анализирует, как цифровые технологии влияют на формирование и поддержку идентичности среди диаспорных сообществ. Она подчеркивает, что интернет и социальные сети становятся важными инструментами для мигрантов, позволяя им поддерживать связь с культурой, языком и традициями своей родины, а также формировать новые общности и идентичности в виртуальном пространстве. Эверетт акцентирует внимание на том, как различные этнические группы используют цифровые технологии для сохранения своей культурной самобытности и создания виртуальных пространств, в которых они могут свободно взаимодействовать и делиться своим опытом. [1]

Таким образом, цифровая идентичность включает в себя множество аспектов: от самопрезентации и гибкости до коллективной идентификации в рамках виртуальных

сообществ. Технологии меняют восприятие человека как отдельной единицы, превращая его идентичность в конструкт, который постоянно видоизменяется под влиянием цифровой среды.

1. *Everett A. Digital Diaspora: A Race for Cyberspace. – State University of New York Press, 2009. – 206 p.*
2. *Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.*
3. *Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. Статья А.Д. Ковалева – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304 с.*
4. *Юдина Ю.В. Взаимовлияние виртуальной самопрезентации и реальной идентичности человека // Вестник магистратуры. 2018. №5-1 (80).*

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

*Васильев Николай Александрович
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)*

Под инструментами исследования обычно понимается набор документов, необходимых для сбора и анализа изучаемых данных (опросные листы, анкеты, таблицы, кодировочные матрицы, т.д.), а под инструментарием исследования – набор технологических и методологических приёмов проведения исследования, реализованных в конкретных процедурах.

В нашем случае, под цифровыми инструментами исследования понимаются программные продукты, каждый из которых помогает социологу эффективно осуществить определенную работу, проанализировать ее и предоставить результаты. Список основных инструментов содержит около 200 программных продуктов, включая исследовательское программное обеспечение и прикладные специализированные программы.

В списке представлены как иностранные, так и отечественные разработки. Некоторые продукты общеизвестны и широко используются, другие, и таких большинство, малоизвестны, хотя высоко эффективны и находятся в открытом доступе. Сознательно не рассматриваются широко используемые программы, в том числе в социологии, например, Microsoft MS Office.

Все цифровые продукты, необходимые для эффективной работы российского социолога в современном цифровом мире, разделены на 12 групп:

- онлайн-исследования;
- мониторинг;
- парсинг;
- генерация контента (текст);
- генерация изображений;
- генерация видеоконтента;
- конференции (аудио/видео);
- анализ рынков;
- организация рабочего пространства;
- рабочие инструменты;
- email-рассылки;
- презентации.

Проведенный анализ показывает, что большинство представленных в списке цифровых инструментов доступны для российских социологов. Важно, чтобы все современные программные решения, направленные на повышение производительности труда и эффективности полученных результатов использовались российскими социологами.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ПРОВОДНИКИ ДЕЗИНФОРМАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Вербин Анатолий Александрович

(Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна)

Самым распространенным социологическим термином, описывающим общество современных развитых стран, является термин «информационное общество». Для этой же цели также используются термины «постиндустриальное общество» и «общество, основанное на знании» (knowledge society), но все они являются синонимичными, поскольку содержательно указывают на такие характеристики современного общества, как распространение в этом обществе информационных технологий, более интенсивную циркуляцию информации в обществе, большее, чем раньше использование знания в экономике, а также производство информации как продукта для продажи. К тому же, Д. Белл, введший термин «постиндустриальное общество» в социологический обиход, в своей известной книге в нескольких местах указывал, что «о постиндустриальном обществе можно говорить как об информационном обществе или об обществе, основанном на знании». А сам же он выбрал термин «постиндустриальное общество» только потому, что «этот термин уже употреблялся до него» [1, 33-39, 467].

Таким образом, в соответствии с научными определениями, современное общество характеризуется как общество, для которого характерен некий культ знания и науки, как инструмента получения его, как общество, в котором получение и использование нового знания является очень характерным. Однако, существуют свидетельства, указывающие на существование в этом обществе заметных тенденций внедрения в общественное пространство заведомо ложной информации [2, 89] и, как следствие, появление в нашем обществе новой науки, агнотологии, занимающейся изучением технологий внедрения в общественное пространство заведомо ложной информации [3, xii].

Более того, поскольку все технологии имеют тенденцию развиваться, существуют факты, свидетельствующие о том, что технологии внедрения в общественное пространство заведомо ложной информации тоже развиваются, причем их развитие является впечатляющим. А причина этого заключается как раз в том, что в современном обществе именно информационные технологии демонстрируют бурное развитие. Самым ярким свидетельством этого является развитие технологий на основе искусственного интеллекта. Технологии этого направления создают программы (именуемые ботами), которые способны автономно работать в информационной среде, имитируя целесообразные действия и реакции реального человека на возникающие ситуации или запросы, создавая впечатление о действиях реальных людей. Эти программы способны рационально отвечать на вопросы, оценивать процесс коммуникации, те или иные ситуации с помощью сигналов одобрения или неодобрения («лайками», «дизлайками»), создавая, таким образом, впечатление о действиях реальных людей. Использование же большого количества аналогичных программ создает видимость действий больших масс людей. Поэтому они могут создавать видимость существования сообществ, действующих определенным образом, т.е. создавать видимость неких событий, которые не имели места в действительности.

В 2022 году авторитетная лондонская газета «Файненшл таймс» сообщила о новом достижении изобретателей подобных технологий. В статье шла речь о появлении технологии, позволяющей изготавливать видеоролики, т.е. как бы видеодокументы, изображающие известных людей в неподобающем виде (делающими неадекватные

заявления, выглядящими подвыпившими и т.п.) [4, 18-19]. И хотя компания-изготовитель данной технологии (OpenAI) заявила, что она регламентирует доступ к данной технологии, в интернете появилась мини-версия этой программы, которую можно «скачать и свободно использовать для производства оскорбительных видеороликов» [5].

Новой звездой в этом наборе технологий стал продукт под названием ChatGPT, созданный же упомянутой компанией OpenAI. Эта программа способна поддерживать рациональную беседу с человеком, запоминать своих визави и поддерживать диалог в соответствии со склонностями своих собеседников [6]. Несколько позже компания OpenAI представила новую модель ChatGPT (GPT-4) и объявила, что новая модель демонстрирует человекоподобное поведение в различных профессиональных и академических сферах: она может сочинять тексты самого различного содержания, включая художественные (рассказы с заранее заданным набором персонажей, киносценарии на заданную тему, музыкальные произведения, создавать живописные полотна, фотографии по определенной теме). Такой диапазон способностей поразил представителей нескольких творческих специальностей настолько, что некоторых из них уже выразили протест в связи с угрозой вытеснения их с рынка труда. Так, голливудские сценаристы и драматурги недавно объявили забастовку с требованием к властям «обуздать GPT-4» [7].

Выше приведенные сообщения из прессы описывают, как видно, только возможности новых технологий. Но вот лондонская газета The Guardian в феврале 2023 года опубликовала расследование, проведенное пятью ее сотрудниками и еще тремя десятками представителей других международных информационных организаций, включая Le Monde (Франция), Der Spiegel (Германия) и El País (Испания). Это расследование позволило вскрыть «работу одной частной израильской структуры», которая сочетает использование автоматизированной системы дезинформации в социальных сетях, так называемого «взламывания» информационных платформ и распространения сфабрикованных материалов «через социальные сети и официальные информационные структуры». Иными словами, речь идет об описании реально действующей частной информационной фирмы, именуемой «Команда Джорж», состоящей «из израильских подрядчиков во главе с 50-летним бывшим сотрудником израильских спецслужб Т. Хананом». Эта структура разработала новое программное обеспечение, названное AIMS (Advanced Impact Media Solutions, т.е. *Передовые решения для воздействия на СМИ*). Эта программа позволяет «в автоматизированном режиме» контролировать «обширную армию из тысяч фальшивых профилей в социальных сетях Twitter, LinkedIn, Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ), Telegram, Gmail, Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ) и YouTube и, тем самым, внедрять в общественное пространство дезинформацию, необходимую для заказчика. По признанию руководителя «Команды Джорж», она специализируется на дестабилизации, «взламывании», саботаже и дезинформации избирательных процессов в различных странах. Но она также может выполнять и другие задания информационного плана, включая «внедрение необходимой информации через официальные СМИ во время различных публичных дебатов в других стран» [8].

В своей же редакционной статье эта же газета от 17 февраля 2023 года писала: «Функционирование демократии зависит от качества информации, на которой основываются обсуждения общественно важных проблем. Но цифровизация информации и все более сложные формы искусственного интеллекта создают все больше возможностей для отравления общественной атмосферы, в которой происходят эти обсуждения. И в этом отравлении общественной атмосферы наряду с государственными учреждениями все больше участвуют частные фирмы, распространяя дезинформацию от имени политических партий и корпораций». [9, 1].

В марте 2023 года американский журналист М. Таиби (M. Taibbi) давал показания на слушаниях в американском конгрессе. Они были организованы в связи с многочисленными жалобами и обвинениями правительственных органов США в сговоре с некоторыми социальными сетями с целью цензурирования и удаления из информационных платформ некоторых аккаунтов для того, чтобы скрыть от общественности нежелательную для правительства США информацию. Журналист указал, что Twitter и некоторые другие социальные сети «действуют как партнеры правительства, выполняя роль цензора по запросам от правительственных агентств и спецслужб, существующих на деньги налогоплательщиков», добавив, что все они вместе образуют, как он выразился, «промышленно-дезинформационный комплекс» [10].

Таким образом, в США, в наиболее продвинутом в информационном плане современном обществе, политическое руководство использует информационные технологии в целях дезинформации своего населения и международного сообщества. И понятно, что цель таких действий – достижение узкопартийных эгоистических целей правительства. В других развитых странах наблюдается аналогичная тенденция. И главная цель их общей кампании – очернение политического руководства России.

1. Bell D. *The Coming of the Postindustrial Society*. Penguin Books, 1973.
2. Вербин А.А. *Общество псевдореальности* // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, 2021, серия 3, № 2.
3. Eller J.D. *Social Science and Historical Perspectives*. L, N.Y.: Routledge, 2017.
4. Venkataramkrishnan S. *Can You Believe Your Eyes? How deep fakes are coming for politics* // *Financial Times Weekend. Life and Arts*. 26/27.10.2022.
5. Taylor J. *From Trump Nevermind babies to deep fakes* // *The Guardian*, 18.06.2022. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2022/jun/19/from-trump-nevermind-babies-to-deep-fakes-dall-e-and-the-ethics-of-ai-art> (дата обращения 19.06.2022).
6. Bell E. *A fake news frenzy: why ChatGPT could be disastrous for truth in journalism* // *The Guardian*, 3.03.2023 URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/mar/03/fake-news-chatgpt-truth-journalism-disinformation> (дата обращения 3.03.2023).
7. Hinsliff G. *If bosses fail to check AI's onward march, their own jobs will soon be written out of the script* // *The Guardian*, 4.05.2023 URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/may/04/ai-jobs-script-machines-work-fun> (дата обращения 4.05.2023).
8. Kirchaessner S. et al. *Revealed: the hacking and disinformation team meddling in elections* // *The Guardian*, 15.02.2023 URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/feb/15/revealed-disinformation-team-jorge-claim-meddling-elections-tal-hanan> (дата обращения 15.02.2023).
9. *The Guardian View* // *The Guardian*, 17.02.2023.
10. URL: <https://www.rt.com/news/572719-twitter-files-hearing-congress/> (дата обращения 9.03.2023).

ПРОФЕССИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ: ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Вербицкая Анна Кирилловна

(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Цифровая трансформация представляет собой не только внедрение новых технологий, но изменения в самих институтах общественной жизни[3]. Так профессия преподавателя претерпевает значительные изменения: традиционная школа постепенно уходит на второй план, уступая место инновационным подходам и методам, в основе которых лежат новые технологии. В свете изменений в нашем обществе, можно говорить о том, что преподаватели перестают быть просто лекторами или носителями знаний, они приобретают новые функциональные обязанности, увеличивающие психологическую и социальную нагрузку. Необходимость быстрее прочих узнавать, анализировать, систематизировать новые знания и адаптироваться к существующим условиям была всегда, однако сегодня скорость информационных потоков невероятно велика, и это не может не сказываться на людях. Преподаватель — это не просто человек с немалым багажом знаний и широким кругозором, которыми он делится с аудиторией, но и тот, кто постоянно развивается, учится и повышает свои компетенции. В наши дни преподаватели вынуждены быть многопрофильными специалистами, которые идут в ногу со временем, формируя будущее общество. Рассмотрим несколько ключевых особенностей трансформации профессии преподавателя в условиях цифровизации.

В первую очередь преподаватель сталкивается с необходимостью получения навыков компьютерной грамотности, и это не просто умение использовать ПК (персональный компьютер) и базовые программы, это в широком смысле способность адаптировать новые технологии под свои задачи, освоение и понимание новых инструментов. В какой-то степени это умение геймифицировать обучение, добавляя интерактивность в сам образовательный процесс. Современное поколение школьников и студентов имеет свои особенности в восприятии информации, среди которых не только умение быстро найти информацию, но и расфокусировка внимания. и потеря концентрации, доступ к всемирной сети и социальные сети внесли свой вклад в способы запоминания и усвоения информации. Однако, это лишь одна сторона проблемы, существует цифровое неравенство, которое влияет на преподавателей не только в классическом понимании, но и в том контексте, что более молодое поколение разбирается в цифровом пространстве с технической точки зрения лучше. Так можно привести пример исследование РАНХиГС об использовании ИИ преподавателями высшей школы, которое показало, что лишь 16% преподавателей используют его при работе[4], в то время как практически каждый студент применяет ИИ.

Следующим важным аспектом можно выделить обилие информационных потоков, шума. Количество получаемой информации увеличивается с каждым днем, и ориентироваться в этих потоках становится все сложнее, что в свою очередь ставит перед профессиональным сообществом задачу – необходимость научить студентов анализировать и не тонуть в обилии информации, “отделять зерна от плевел”. Для преподавателя, как и для любого человека существует риск информационных перегрузок. Однако преподаватель, как человек с высоким уровнем эрудиции и широким кругозором, способен критически анализировать и классифицировать информацию. Хотя и здесь есть ряд трудностей, не каждый из преподавателей готов тратить свое время и силы на изучение и применение в жизни технологий, позволяющих облегчить систематизацию и анализ, или же и вовсе не считают это необходимым. К сожалению, игнорирование информационных потоков может приводить к отставанию от текущих реалий и психологическому

дискомфорта, и наоборот, включенность в информационные потоки может привести к цифровой перегрузке[7]. Оба варианта имеют негативные последствия не только для преподавателей, что заставляет задуматься о новых методах работы с информацией и умению грамотно разгружаться.

Такая стремительность перехода в онлайн и увеличение цифровой нагрузки были спровоцированы в том числе и пандемией COVID-19[1]. Главной особенностью можно назвать именно необходимость включения практически всего общества в цифровую среду, что можно назвать практически полной безальтернативностью. В наследство же нам остались гибридные формы обучения, как атавизм пандемии[5]. Во многом возможность обучать и проходить обучение, пусть и частично в онлайн-формате сокращает и расходы, как временные, так и материальные, дает возможность создавать более гибкий и удобный график, но и лишает живой коммуникации и организованности в образовании. Если лекция в формате групповой онлайн-конференции похожа на общение со многими людьми сразу, где каждый в своем “домике”, то в аудитории скорее происходит общение преподавателя и единого живого организма, состоящего из множества студентов.

Сейчас будущее преподавательской профессии видится в интеграции технологий в образовательный процесс и появлении нового поколения преподавателей, ориентированного на более личное взаимодействие с обучающимися. Таким образом профессия преподавателя проходит через значительные метаморфозы, в которых традиционные подходы уступают место инновационным методам, поддерживаемым современными технологиями. Так остается важным не только сохранить преподавателей старой школы, обогатив их знаниями новых технологий, но и переориентировать сам образовательный процесс под новые поколения, учитывая специфику усвоения ими знаний и восприятия информации.

1. Данилова Л.Н. COVID-19 КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. №5 (68)
2. Стрекалова Н. Б. Влияние информационной перегрузки на жизнедеятельность личности // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2011. №12. Министерство образования, науки и молодежной политики [Электронный ресурс] // <https://minobr.krasnodar.ru/activity/tsifrovaya-transformatsiya-obrazovaniya>
3. Сетевое издание Ведомости (Vedomosti) [Электронный ресурс] // https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/10/07/1066835-kazhdii-shestoi-prepodavatel-vuzov-ispolzuet-ii?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdz.en.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D
4. АО «ТКС» [Электронный ресурс] // https://trueconf.ru/blog/reviews/hybrid-education?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com
5. Center for Economic Research [Электронный ресурс] // <https://www.cer.uz/en/post/publication/globalnoe-vlianie-covid-19-na-sistemu-obrazovania-2>
6. Skyeng [Электронный ресурс] // <https://skyteach.ru/lifestyle/kak-prepodavatelyu-spravlyatsya-s-fomo-i-informacionnymi-peregruzkami/>

ГОРОДСКИЕ ЦИФРОВЫЕ СЕРВИСЫ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

*Видясова Людмила Александровна
(Университет ИТМО)*

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда, грант № 23-28-10069 «Прогнозирование социального самочувствия с целью оптимизации функционирования экосистемы городских цифровых сервисов Санкт-Петербурга» (<https://rscf.ru/project/23-28-10069/>).

Авторским коллективом было проведено исследование уровня использования цифровых городских сервисов среди жителей Петербурга. Опрос был проведен методом онлайн анкетирования пользователей Единой карты петербуржца (ЕКП). Интерфейс опроса и приглашение к опросу были размещены на портале ЕКП (<https://ekp.spb.ru/>) через сервис Личного кабинета пользователей. Опрос был проведен в августе 2024 г.

В исследовании использовались вопросы, характеризующие использование цифровых сервисов, а также уровень социального самочувствия в корреляции с районами проживания респондентов. В исследовании под социальным самочувствием понимается эмоциональное состояние индивида, включая как позитивные, так и негативные стороны, а также на субъективная оценка собственной удовлетворенности жизнью [1].

Исследование проведено с использованием репрезентативной выборки по полу, возрасту и району проживания респондентов в количестве 1000 человек. Данные о населении, такие как половозрастной состав и численность населения районов, были взяты на сайте Управления Федеральной службы статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (данные за 2022 и 2023 гг.) и в исследовании ИСИЭЗ ВШЭ за 2022 г. (данные о доле пользователей интернета по возрастным группам) [2]. Данные об интернет-пользователях были учтены при расчете выборки, поскольку опрос проводился методом онлайн через личные кабинеты пользователей ЕКП.

Таким образом, среди опрошенных 53%- женщины, 47%- мужчины. Возрастное распределение респондентов по группам выглядит следующим образом: 18- 25 лет – 12,6%, 25-35 лет- 23,2%, 36-45 лет- 30,6%, 46-55 лет – 18,4 %, 56-65 лет – 11%, старше 65 лет- 4,2%. В группе опрошенных 4,7% имеют высокие доходы, 60,4%- средние доходы, 22,6%- низкие доходы, и 12,3%- очень низкие доходы.

По результатам опроса, 59 % с определенной регулярностью используют сервисы поддержки автомобилистов, 52%- сервисы для школьников и их родителей, 42%- электронные сервисы оформления документов, 16%- сервисы здравоохранения и медицины, 15%- сервисы для владельцев домашних животных, 14%- сервисы в сфере туризма и культуры, 10% - сервисы гражданских инициатив, 8%- сервисы для пассажиров общественного транспорта, 4%- сервисы для бизнеса, 3%- сервисы безопасного города. Лишь 2% опрошенных сказали, что они не пользовались ни одним из перечисленных сервисов.

В исследовании был задан вопрос «Какие эмоции Вы наиболее часто испытываете в районе, где больше всего проводите времени?». По данным опроса, 53% респондентов испытывают страх, опасение, беспокойство. Треть опрошенных – недовольство, раздражение, гнев. Чуть более 4% испытывают радостные эмоции, 3% отметили печаль, грусть, а 6% - нейтральные эмоции.

Для оценки социального самочувствия горожан в опрос был включен вопрос «Какими параметрами своего самочувствия Вы удовлетворены в большей степени?». По данным исследования, петербуржцы в большей степени удовлетворены своей работой (38%), взаимоотношениями с коллегами (24%), экологической обстановкой в районах, где они проводят больше всего времени (28%), состоянием своего здоровья (19%), социальным окружением (19%), жилищными условиями (19%). Существенно ниже удовлетворенность такими параметрами, как оценка собственных жизненных перспектив (6%), досуг (8%), взаимоотношения внутри семьи, с родственниками (9%).

В исследовании были изучены потребности петербуржцев из разных возрастных групп в новых цифровых сервисах (табл.1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «В каких сферах Вы считаете важным доработку сервисов или разработку новых?», % по возрастным группам.

В каких сферах Вы считаете важным доработку сервисов или разработку новых?	18-25	26-35	36-45	46-55	56-65	старше 65
Сервисы для работающих граждан	17,2	45,2	18,3	11,8	5,4	2,2
Сервисы для пенсионеров	11,7	20,6	30,4	20,2	12,3	4,8
Сервисы о проживании районе (ЖКХ, информация по различным вопросам и т.д.)	12,4	16,7	31,7	22,3	12,8	4,1
Сервисы для учащихся	14,3	17,8	32,7	19,5	12,3	3,4
Сервисы для досуга и отдыха	15,5	24	25,4	18,4	12,4	4,2
Сервисы для тех, кто занимается спортом	12,9	21,7	34,6	20,8	9,1	0,9
Сервисы для владельцев домашних животных	9,2	15,2	22,9	19,2	23,5	10
Сервисы о городской жизни	13,2	20,4	31,1	20,4	12,6	2,4
Сервисы в сфере культуры, культурного досуга	11,8	21,3	34,5	16,2	11,8	4,3
Сервисы для автомобилистов	12,2	21,9	27,8	20	12,5	5,6
Сервисы для пассажиров транспорта	13,7	26,9	28	17,6	11	2,7
Сервисы для бизнеса	19,2	18,2	43,3	14,8	4,4	0
Сервисы для родителей	12,2	24,8	38,3	12,6	8,6	3,6
Сервисы в сфере медицины и здравоохранения	9,8	22,5	44,1	15,2	7,8	0,5
Ни в одной	14	25,6	40,7	14	5,8	0

Полученные данные полезны для разработчиков сервисов в части обозначения потребностей возрастных групп и жителей различных районов в новых тематических сервисах в целях их адресной конкретизации.

1. Maccagnan, A., Wren-Lewis, S., Brown, H. et al. *Wellbeing and Society: Towards Quantification of the Co-benefits of Wellbeing*. *Soc Indic Res* 141, 217–243 (2019). <https://doi.org/10.1007/s11205-017-1826-7>
2. *Индикаторы цифровой экономики: 2022: статистический сборник* / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; И60 Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2023. – 332 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-7598-2697-2 (в обл.).

АКТИВНОСТЬ ПОЖИЛЫХ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ГОРОДСКИХ СЕРВИСОВ

*Видясова Людмила Александровна
(Социологический институт РАН- филиал ФНИСЦ РАН)*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00461 «Отложенное старение или поздняя взрослость в России: как цифровое развитие меняет статус пожилых в эпоху COVID-19 и неопределенности» (<https://rscf.ru/project/22-18-00461/>).

Аудитория пользователей цифровых сервисов в последние годы активно прирастает за счет включения людей старших возрастных групп [1]. Достаточно широко обсуждаются вопросы цифровой инклюзии пожилых, особенно в контексте возможностей повышения социально-экономического статуса, расширения возможностей технологической среды [2].

Авторским коллективом было проведено исследование уровня использования цифровых городских сервисов людьми старшего возраста. Опрос был проведен методом онлайн анкетирования пользователей Единой карты петербуржца (ЕКП). Интерфейс опроса и приглашение к опросу были размещены на портале ЕКП (<https://ekp.spb.ru/>) через сервис Личного кабинета пользователей. Опрос был проведен в мае 2024 г.

По результатам отбора в выборку исследования попали 708 пользователей ЕКП от 60 лет и старше. В данном массиве 50,6% составляют женщины, 49,4% - мужчины.

По результатам опроса, наиболее популярными цифровыми ресурсами являются Городские цифровые сервисы, которыми пользовались более $\frac{3}{4}$ опрошенных, а также социальные сети органов власти. Далее по мере популярности использования следуют Платформа обратной связи (35%), портал «Наш Петербург» (19%), Интернет-ресурсы федеральных органов власти (14%). При ответе на вопрос о личном опыте подачи обращений в органы власти по электронным каналам, 51% рассказали об успешном опыте, 14% - о безуспешном, 19% - оценили его на среднем уровне и 30% не подавали таких обращений

По данным опроса, только 24% опрошенных пользователей ЕКП старшего возраста считают, что цифровое взаимодействие власти и граждан способствует повышению прозрачности органов власти.

По результатам анализа данных, были обнаружены факторы, характеризующие пользователей цифровых сервисов среди пожилых (табл.1). Во-первых, те, кто пользовался сервисами, склоняются к более позитивным оценкам о положительных эффектах от использования сервисов (быстрота, удобство, повышение прозрачности). Среди пожилых, которые не пользуются сервисами, большинство – это неработающие пенсионеры (56%). На втором месте среди сфер занятости опрошенных- это специалисты из бюджетного сектора с высшим образованием.

Табл. 1 Использование цифровых городских сервисов и оценка их влияния на прозрачность органов власти

	«Развитие цифровых сервисов взаимодействия граждан и власти повышает степень прозрачности органов власти и их подотчетности гражданам»		
	Скорее согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить
Пользовались сервисами	66,5%	14,9%	18,6%
Не пользовались сервисами	40,0%	17,6%	42,4%

Исследование представляет собой уникальный метод доступа к широкому кругу респондентов- авторизированных пользователей ЕКП. На основе исследования были получены данные по конкретной возрастной группе респондентов. В качестве дальнейших вопросов для изучения следует обозначить два направления: 1) методологическое- как расширения возможностей использования данного метода на репрезентативных городских выборах, и 2) расширение перечня факторов повышения цифровой инклюзии и их тестирование.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00461 «Отложенное старение или поздняя зрелость в России: как цифровое развитие меняет статус пожилых в эпоху COVID-19 и неопределенности» (<https://rscf.ru/project/22-18-00461/>).

1. Rha J.S., Lee H.H. *Research trends in digital transformation in the service sector: a review based on network text analysis // Serv. Bus. – 2022. –Vol. 16. –P. 77-98.*
2. Ciesielska M., Rizun N., Chabik J. *Assessment of E-government inclusion policies toward seniors: A framework and case study // Telecommunications Policy. –2022. – Vol. 46. – Issue 7. 102316. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2022.102316>*

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Голобородова Анна Сергеевна
(ФГОБУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»)*

Процесс активного развития информационных технологий, их внедрения во все сферы жизнедеятельности человека ставит новые задачи перед обществом, и в первую очередь, это необходимость обеспечения информационной безопасности. Студенчество – это элита молодежи, ее наиболее передовая часть, открытая ко всему новому. Жизнь современного студента немыслима без погружения в Интернет, поскольку там сосредоточены и систематизированы все необходимые для обучения материалы – от теории и практики до творчества. Так, молодежь проводит значительную часть своего свободного, а также учебного времени в информационном пространстве (по результатам исследования «Global Digital 2024», в среднем, пользователи 16-24 лет проводят в Интернете 7 часов).

Молодые люди в Интернет-пространстве постоянно сталкиваются с различного рода угрозами, причем не всегда осознаваемыми и в результате становятся жертвами мошенников. Так, согласно данным аналитического центра НАФИ, «в 2023 году жертвами мошенничества стал 91% респондентов, что на 9 % больше, чем в 2022 году».

Следует отметить, что в направлении обеспечения информационной безопасности, формирования навыков безопасного цифрового поведения, цифровой культуры в нашей стране проводится большая работа. Так, для минимизации возникающих в Интернет-пространстве угроз при поддержке Минцифры России был разработан национальный проект «Информационная безопасность», который подразумевает отслеживание специалистами по кибербезопасности подозрительных сайтов и предупреждение онлайн-мошенничества. Однако, проблема «несчастных» случаев в результате кибератак, в том числе и среди студенческой молодежи, остаётся актуальной. Студенты часто становятся желанным объектом мошенников. Нельзя не учитывать и тот факт, что студенческая молодежь находится в поиске дополнительного заработка, молодые люди ищут подработки и в Интернете. Социологические данные показывают, что почти 1/3 студентов, обучающихся в московских высших учебных заведениях сталкивались с подозрительными предложениями о работе, просьбами указать личную информацию.

В качестве еще одного источника опасностей выступают и различного рода «помогающие» в обучении сайты, на которых предлагаются готовые работы, но взамен требуется переслать сообщение, пришедшее на номер мобильного телефона. Молодые люди в азарте желания скорейшего выполнения задания, не задумываются о последствиях таких сообщений и фактически предоставляют доступ к своим персональным данным. В действительности, Интернет-угроз и опасностей гораздо больше, чем могут предположить современные студенты, чья жизнь невозможна без погружения в Интернет.

Совершенно очевидно, что сегодня существует острая необходимость обеспечить эффективную защиту личных данных студенчества. Существующее компьютерное обеспечение предполагает предупреждение или же устранение подозрительных Интернет объектов, но далеко не все молодые люди его используют, и не во всех случаях оно оказывается эффективным.

Добиться минимизации различных угроз возможно не только за счет высокотехнологичного компьютерного обеспечения, но и с помощью практик безопасного цифрового поведения. На наш взгляд, практика безопасного цифрового поведения должна основываться прежде всего на обучении основным правилам и механизмам пользования ресурсами в Интернете. Так, более действенным шагом к защищенности становится

введение в учебный план студентов обязательной для всех специальностей дисциплины, где будут освещаться следующие аспекты:

- типичные ошибки, которые допускают пользователи сети Интернет;
- сценарии безопасного использования в сети;
- основные правила защиты персональных данных;
- случаи чрезмерного доверия махинациям в онлайн-пространстве и т.д.

Можно предположить, что именно за счет обучения студенческая молодежь сможет обеспечить безопасное пользование в информационном пространстве. Однако данный тезис является скорее гипотезой, которая подтвердится или же будет опровергнута в результате планируемого социологического исследования, посвященного информационной безопасности студента в информационном пространстве.

МЕСТО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИИ И ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН

Горчакова Дарья Сергеевна
(Объединенный центр социологии и экономики знания
Института социологии ФНИСЦ РАН)

Зайченко Ольга Викторовна
(Объединенный центр социологии и экономики знания
Института социологии ФНИСЦ РАН)

Кокошина Злата Андреевна
(Объединенный центр социологии и экономики знания
Института социологии ФНИСЦ РАН)

Исследовательские публикации, описывающие ИИ как человекоподобный инструмент, вводят предположение о возможности воспроизводимости ИИ человеческой деятельности.

Эмоциональный ИИ (далее - ЭИИ) определяют как инструмент, который обеспечивает эффективное взаимодействие между машинами и людьми.

Технология ЭИИ представляет собой современное конвергентное знание, объединяющее разработки компьютерных и когнитивных наук, психологии, нейробиологии, социологии и лингвистики.

Те достижения, которые уже сегодня демонстрирует ЭИИ, обусловленные новыми реалиями текущего ИИ, в частности генеративного ИИ, можно рассматривать как важные шаги к созданию нового вида искусственного интеллекта – общего ИИ, который, как предполагается, многократно расширит возможности человека и социума в целом.

И хотя общий ИИ – еще только абстрактное понятие, аналитики считают, что “у общего ИИ как системы, приближающейся по своим функциональным возможностям к естественному интеллекту, должны появиться способности к целеполаганию, принятию решений, умению планировать и многие другие, желательные для ОИИ, в частности, умение коммуницировать с человеком. И именно этому учится сегодня современный эмоциональный искусственный интеллект» [15, 48].

Технология блокчейн как одно из открытий цифровой экономики, влияющее на развитие платежных систем.

В настоящее время технология блокчейн привлекает к себе пристальное внимание и становится предметом дискуссий ученых и государств.

Применение технологии блокчейн в финансовой отрасли.

«Блокчейн – это вечный цифровой распределенный журнал экономических транзакций, который может быть запрограммирован для записи не только финансовых операций, но и практически всего, что имеет ценность»[16].

Блокчейн является мета-технологией, поскольку «она воздействует на другие технологии и состоит из нескольких технологий»[3].

Преимущества технологии блокчейн: Хэширование данных, Неизменность, Анонимность. Универсальность

Недостатки технологии блокчейн: Масштабируемость. Энергозатратность. Неподвижность данных, Отсутствие стандартов, Риск атаки 51%.

1. *Мамина Р. И., Пирайнен Е. В. Эмоциональный искусственный интеллект как инструмент взаимодействия человека и машины // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, No 2. С. 35–51. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-35-51.*
2. *Tapscott D., Tapscott A. Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin Is Changing Money, Business, and the World. London : Portfolio : Penguin, 2016.*
3. *Tapscott D., Tapscott A. Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin Is Changing Money, Business, and the World. London : Portfolio : Penguin, 2016.*

СУБКУЛЬТУРА ГЕЙМЕРОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

*Демин Семен Дмитриевич
(Российский Государственный Социальный Университет)*

Аннотация. В статье анализируется проявление субкультуры геймеров в современном медиапространстве. Обсуждаются достижения этой субкультуры и возможные риски.

Ключевые слова: Субкультура геймеров, видеоигры, геймеры, субкультура, медиапространство.

Субкультура геймеров — это часть культуры общества, относящаяся к социальной группе, которая объединяет людей, увлекающихся компьютерными играми. Геймеры не только потребляют игровой контент, но и создают его, участвуют в различных формах общения и взаимодействия, формируют свою идентичность и ценности. Субкультура геймеров возникла в конце XX века в связи с развитием компьютерных технологий и информационного общества. В век развития цифрового взаимодействия [1, 75] она является одной из самых массовых и влиятельных субкультур в современном медиапространстве, особенно в России.

Субкультура геймеров имеет свои особенности, которые отличают ее от других субкультур. Во-первых, геймеры — это преимущественно молодые люди, которые родились и выросли в эпоху цифровых технологий. Они легко адаптируются к новым игровым платформам, жанрам и форматам, а также активно используют Интернет для поиска, обмена и создания игровой информации [3, 44]. Во-вторых, геймеры — это разнообразная и многогранная группа, которая не имеет единого стиля, внешности или поведения. Геймеры могут быть разными по полу, возрасту, социальному статусу, образованию, интересам и предпочтениям [4, 4]. В-третьих, геймеры — это творческая и инновационная группа, которая не только потребляет, но и создает игровой контент. Геймеры могут модифицировать, адаптировать и расширять существующие игры, создавая новые уровни, персонажи, сюжеты. Геймеры могут также разрабатывать свои собственные игры, используя различные инструменты и платформы, от простых конструкторов до профессиональных. Они также проявляют свою творческую активность в других сферах, связанных с играми, например, обзоры, статьи, рецензии, сценарии, видео, подкасты, стримы, анимации, комиксы, фан-арт, косплей и т.д.

Субкультура геймеров проявляется в современном медиапространстве через стримеры и ютуберов, которые занимаются прямыми трансляциями или записью своих игровых сессий, комментируя их, делясь советами, эмоциями, юмором и критикой. Стримеры и ютуберы геймеров — это не только потребители, но и продюсеры игрового контента, которые формируют свою аудиторию, репутацию, стиль и доход [5, 182]. Они могут быть разными по жанру, платформе, тематике, языку и региону, но они объединены общим интересом к играм.

Субкультура геймеров, в частности, влияет на экономику, формируя огромный и растущий рынок игровой продукции, услуг и рекламы, а также участвуя в различных формах монетизации, таких как «донаты», подписки, покупки, продажи. Победа «Team Spirit» на The International 2023 стала историческим событием для российского и мирового киберспорта. Команда, которая впервые выиграла титул чемпиона в 2021 году, повторила свой успех в 2023 году, обыграв в финале сильнейшего соперника «Gaimin Gladiators» со счетом 3:0. Это был лишь третий случай в истории The International, когда победитель не уступил ни одной карты в гранд-финале. Team Spirit продемонстрировала высочайший уровень игры, стратегии, командной работы и морального духа, не давая никаких шансов

своим противникам. Киберспортсмены «Team Spirit» стали настоящими звездами, которые вдохновляют миллионы поклонников Dota 2 по всему миру. Они также получили огромный призовой фонд в размере более \$1,4 млн [6, 1], что является рекордной суммой для российского киберспорта. Победа Team Spirit на The International 2023 подтвердила, что российский киберспорт находится на вершине мирового рейтинга и имеет все шансы сохранить свое лидерство в будущем.

С другой стороны, субкультура геймеров также сталкивается с разными проблемами и вызовами, которые могут негативно сказываться на ее членах и обществе в целом. Некоторые из этих проблем и вызовов — это аддикция, изоляция, агрессия, насилие, дискриминация, цензура, пиратство, хакинг, киберпреступность и т.д.

Субкультура геймеров в современном медиапространстве — это сложное и многогранное явление, которое имеет как позитивные, так и негативные стороны. Геймеры — это не просто потребители игр, а активные участники культуры, которые влияют на разные сферы жизни общества. Из-за огромной популярности игровой индустрии и киберспорта, геймеры являются лидерами мнений, которые привлекают и вдохновляют миллионы поклонников и зрителей своими достижениями и образом жизни. Однако геймеры также сталкиваются с разными проблемами и рисками [2], которые могут угрожать их здоровью, социальности и безопасности.

1. Вдовина М.В. Развитие цифрового взаимодействия в трансформирующемся обществе. В сб.: Цифровизация в условиях пандемии: миссия социального университета будущего. Сборник материалов XXI Международного социального конгресса. РГСУ, 2022. С. 70-75.
2. Вдовина М.В. Цифровизация российского общества: социальные риски и их преодоление. В сборнике: Цифровое общество: социологическое измерение настоящего и будущего. Сборник материалов конференции. Москва, 2024. С. 28-34.
3. Петрова А.А. Особенности субкультуры российских геймеров в процессе онлайн-игры // Скиф. 2020. №4 (44).
4. Кропачева М.А., Литвинова Е.С. Геймеры как субкультурный и культурный феномен // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. №3. С. 104-108.
5. Тарасов А.Н., Беляев Д.А. Трансформация феномена видеоигр: от гедонистического к актуальному социокультурному нарративу // Теория и практика общественного развития. 2023. №6 (182). С. 53-59.
6. Team Spirit стала чемпионом The International 2023 // Сайт Cybersport.ru [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cybersport.ru/tags/dota-2/team-spirit-stala-chempionom-the-international-2023> (дата обращения 10.09.2024).

БУМЕРЫ КАК ГРУППА РИСКА В РАМКАХ ЦИФРОВОЙ МАРГИНАЛИЗАЦИИ

*Зотов Виталий Владимирович
(Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет))*

*Гаврильченко Кирилл Эдуардович
(Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет)); Белгородский государственный
национальный исследовательский университет)*

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00716 «Цифровая маргинализация в условиях социотехнической конвергенции»)

Цифровые и информационно-телекоммуникационные технологии прочно вошли в нашу социальную реальность и воспринимаются как необходимый элемент жизни. Цифровая трансформация обладает как преимуществами, так и недостатками: она расширяет возможности людей в получении социальных благ и повышении качества жизни, но также может ухудшать положение человека в современном обществе. Научное исследование цифровизации актуализируется, поскольку возникают новые группы рисков, которые могут быть втянуты в процесс маргинализации. Однако исследования взаимосвязи процесса маргинализации с развитием цифровых технологий в российском научном сообществе практически не проводились. В качестве исключения можно указать публикацию Н.А. Костриковой, Ф.Г. Майтакова, А. Я. Яфасова по итогам конференции [2], а среди зарубежных работ можно выделить публикации Ш. Габлин [3] и С. Рейес [4].

Среди исследований, связанных с дифференцирующими и дискриминирующими процессами цифровизации, работы по социальному неравенству наиболее близки к проблематике маргинальности. Но несмотря на схожесть, концепция социального неравенства отличается от маргинализации: первая фокусируется на неравенстве доступа и возможностей, в то время как вторая акцентирует внимание на состоянии отчуждения на границах социума. Большинство маргинализируемых испытывает тревожность, покинув реальный мир и столкнувшись с трудностями восприятия нового виртуального образа жизни.

Оставление значительной части населения на границах формирующегося нового цифрового миропорядка может привести к социальным конфликтам и кризисам. Поэтому очень важно понять суть цифровой маргинализации, когда индивид оказывается на границах цифрового пространства, а также определить те группы риска, которые уязвимы или могут понести ущерб от последствий цифровизации общества.

В данном исследовании мы исходили из предположения, что интенсивность проявления маргинализации связана с использованием цифровых ресурсов в жизни разных поколений, так как каждое поколение использует гаджеты, социальные сети и интернет-ресурсы по-своему. Для проверки данной гипотезы осенью 2024 года было проведено исследование вопросов, порождаемых цифровой маргинализацией. Социологическое исследование проводилось посредством массового анкетного опроса комбинированным способом: 1) онлайн-опроса с использованием Google форм; 2) полевого опроса с применением техники РАPI. В выборочную совокупность в объёме 460 человек вошли представители поколений бумеров (люди, рождённые в 1944-1967 годах), «X» (люди,

рождённые в 1967-1984 годах), «Y» (миллениалы, родившиеся в 1984-2000 годах), «Z» (зумеры, рождённые в 2000-2011 годах), «Альфа» (рождённые с 2011 года).

Исследование позволило выделить явную возрастную границу, отделяющую представителей поколения бумеров от цифрового мира. Поэтому приведём отличия в их ответах на некоторые вопросы.

Поколение бумеров начало переходить на работу с компьютерами и осваивать цифровые новшества в силу специфики своих профессий в довольно зрелом возрасте. По данным опроса 15% отметили, что значение цифровых устройств, технологий, сервисов в их жизни за последние 3 года существенно не изменилось, а 41% указали, что эти технологии внесли определённые изменения. Заметное различие наблюдается в том, что почти треть опрошенных из поколения бумеров (31%) ответили, что данные технологии ничего не изменили, так как они по большей части действуют в реальном мире. При этом у 71% респондентов данной группы вторжение цифровых устройств, технологий и сервисов вызывает беспокойство, 51% полагают, что цифровизация представляет опасность в долгосрочной перспективе. У данного поколения значительна доля тех, у кого нет желания осваивать цифровые устройства/технологии/сервисы (35%), быть в курсе последних технологических новинок (41%). Представители поколения Беби-бумеров испытывают различные чувства, связанные с использованием современных цифровых устройств. Более половины из них испытывают опасение утери личных, конфиденциальных данных, нехватку времени, чтобы успевать за всеми новинками, невозможность отследить всю информацию, собственной мало значимости по отношению к происходящему, беспомощность перед цифровыми технологиями.

Поколение «X» характеризуется стремлением к стабильности, что отражается на их отношении к цифровым ресурсам: представители этого поколения предпочитают традиционные подходы в профессиональной и повседневной деятельности. Поколение «Y», которое первыми начали активно использовать цифровые сервисы, но «миллениалы» в основном применяют цифровые ресурсы для повседневной деятельности. Поколение «Z» хорошо адаптировано к новой цифровой среде. Поколение «Альфа» полностью погружено в цифровой мир и не представляет своей жизни вне Интернета. Для поколений X, Y и Z и Альфа значение цифровых устройств, технологий, сервисов в их жизни также значительно изменилось за последние 3 года. Большинство респондентов из этих поколений указали, что цифровые устройства кардинально изменили их повседневную жизнь (от 24% до 26%) или внесли определённые изменения (от 50% до 53%). При этом суммарно 36% респондентов в данных группах выражают беспокойство по поводу влияния цифровых устройств, технологий и сервисов, а 30% суммарно считают, что цифровизация может стать угрозой в долгосрочной перспективе. Отсутствие желания осваивать новые технологии у представителей этих поколений незначительно (от 12% до 20%), равно как отсутствие желания быть в курсе последних технологических новинок (от 20% до 27%).

Таким образом, можно констатировать, что принадлежность к определённому поколению и уровень маргинализации в условиях цифровизации взаимосвязаны. Не только активность индивидов в использовании цифровых ресурсов часто зависит от принадлежности к определённому поколению, но и включённость в новый цифровой мир, его принятие зависит от поколенческой принадлежности. В наиболее уязвимом положении находится поколение бумеров, которые не настолько глубоко погружаются в цифровую реальность как другие поколения и пользуются только некоторыми новшествами под давлением обстоятельств. Для преодоления этой проблемы мы предложили использовать потенциал волонтерского движения для организации обратного наставничества [1].

1. *Гаврильченко К.Э., Зотов В.В. Обратное наставничество как способ преодоления цифровой маргинализации пожилых людей // Технологии наставничества в теории и практике работы с молодежью: Материалы междунар. научно-практич. конф. – СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2022. – С. 58-62.*
2. *Кострикова Н.А., Майтаков Ф.Г., Яфасов А.Я. Риски маргинализации общества при переходе к цифровой экономике // Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами: Материалы Восьмой междунар. научно-практ. конф. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский гос. технич. ун-т, 2019. – С. 190-194.*
3. *Galpin C. At the Digital Margins? A Theoretical Examination of Social Media Engagement Using Intersectional Feminism // Politics and Governance. – 2022. – Vol. 10. №1, – p.161-171.*
4. *Reyes C. Negotiating digital marginalization: Immigrants, computers, and the adult learning classroom // Atlantic Journal of Communication. – 2020. – Vol. 30. №1. – P. 1-12.*

ТЕМАТИЧЕСКИЕ НЕФОРМАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА "ВКОНТАКТЕ" КАК ОСНОВА ЦИФРОВОЙ СЕТЕВОЙ МАРГИНАЛИЗАЦИИ

*Зотов Виталий Владимирович
(Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет))*

*Губанов Александр Владимирович
(Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет))*

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00716 «Цифровая маргинализация в условиях социотехнической конвергенции»)

В настоящее время использование медиа в различных сферах жизни считается нормой. Однако некоторые люди могут стать маргиналами в медиaprостранстве, даже имея доступ к его ресурсам. Цель данного исследования – изучить распространение тематических неформальных сообществ в медиaprостранстве и их роль в процессе цифровой сетевой маргинализации. Последняя относится к ситуации, когда определённые группы или люди оказываются замкнутыми в определённые сетевые сообщества, несмотря на то, что последние погружены в глобальное сетевое пространство.

Цифровая среда значительно упрощает возможность формирования тематических неформальных сообществ, это даёт основание «констатировать переход от традиционного феномена массы к феномену социально дифференцированных сетевых сообществ» [1, 8]. Если подобные сообщества формируются не ситуативно, а имеют определённое ядро участников, обеспечивающих смысловую и хронологическую устойчивость всего объединения, то можно говорить о наличии у него признаков сформировавшейся информационной капсулы [2]. Практическим проявлением подобных капсул являются социально-сетевые сообщества, сформированные вокруг конкретной проблематике/тематики. Тематические сообщества, как правило, имеют неформальный характер. Изначально неформальные сообщества представляют собой форму объединения людей без конкретной структуры и регистрации, что является полной противоположностью официально зарегистрированным (формальным) организациям. Номинально они могут не иметь никаких правил и устойчивых связей, кроме общности интересов. Высокое разнообразие идейных направлений предполагает наличие у таких сообществ разной социальной направленности – от просоциальных до асоциальных.

Большинство пользователей социальных сетей одновременно состоят сразу в нескольких сетевых сообществах, как связанных общей смысловой линией, так и вовсе не имеющих общих черт. Однако остаётся небольшое меньшинство, вступающее в одно или максимум пару-тройку тематических сообществ, чем ограничивает круг общения.

Сегодня медиаресурс «ВКонтакте», равно как и другие медиа, перешло на персонализированные алгоритмические новостные ленты, заменив традиционные хронологические. В этом случае основе различных критериев, таких как тип контента, интерес пользователя к теме и история взаимодействия с подписчиками, соцсети самостоятельно определяют, какой контент активно продвигать, а какой «пессимизировать» и исключать из выдачи. В том случае, если страница тематического сообщества прямо не нарушает правила соцсети, не имеет «страйков» (не было наказано

администрацией соцсети) и имеет активное ядро пользователей, публикуемый на ней контент будет предлагаться в новостной ленте даже тем пользователям, которые не были подписаны на него.

Для проведения данного исследования используется метод мониторинга целевых ресурсов в социальной сети "ВКонтакте" с последующим контент-анализом и разбором аудитории пользователей. Мониторинг производился в информационном пространстве 6 субъектов Российской Федерации, отобранных по принципу разного положения в федеральных рейтингах достижения показателей цифровой зрелости. Для анализа были отобраны тематические сообщества из Волгоградской, Воронежской, Курской, Псковской, Свердловской и Томской областей. Отметим, что перечисленные регионы также разнообразны по своему географическому положению (ЦФО, СЗФО, УФО, СФО), размеру населения (от 187 тыс. до 1,536 млн. человек), социально-экономическому развитию, что делает выборку более релевантной. Учитывались все неформальные «виртуальные объединения» с общим количеством подписчиков более 100, в том числе и закрытые сообщества.

В общей сложности было зарегистрировано 156 неформальных сообществ, из которых 37 имели асоциальную направленность. Отметим, что из 37 выявленных объединений в настоящее время 27 фактически являются «мёртвыми» или «спящими». Многие из них связаны с молодёжными субкультурами и созданы более 10 лет назад. Лидером по числу асоциальных сетевых сообществ стали Курская (11 сообществ) и Воронежская области (8). Примечательно, что все остальные регионы имеют примерно сопоставимое число таких объединений. Для большей объективности мы также сравнили пропорциональное соотношение асоциальных сетевых сообществ в разных регионах. Результаты распределились следующим образом: Курская область – 39%, Воронежская – 30%, Псковская – 25%, Томская – 18%, Свердловская – 17%, Волгоградская область – 14%.

Выявленные сообщества относятся к около-криминальным (АУЕ, скинхеды — признаны экстремистскими и запрещены в РФ) и контркультурным (например, ЧВК «Рёдан») течениям. Все выявленные асоциальные сообщества избегают открытого деструктивного контента, что помогает им избежать санкций со стороны администраций социальных сетей. Их материалы оформлены с учетом стандартов продвижения: яркие медиафайлы, короткий текст, острые социальные проблемы и провокационный характер. Цель таких публикаций – вызвать эмоциональный отклик и продвигать романтизацию неформального образа жизни, представляя сообщество как круг единомышленников.

Хотя стоит отметить, что даже несмотря на отсутствие активности администраторов, на страницах таких сообществ появляются публикации от сторонних пользователей, в том числе по основной идейно-тематической линии. За исключением «мертвых» сообществ, в ходе мониторинга также были выявлено 3 закрытых, контент которых могут просматривать только пользователи, направившие заявки на вступление и прошедшие последующую модерацию (отбор) со стороны администрации объединения. Суммарная аудитория подписчиков всех выявленных деструктивных и контркультурных сообществ составила 23 799 пользователей, из них 15 343 состоят в активных и закрытых сообществах.

На наш взгляд, одним из наиболее существенных и болезненных факторов распространения асоциальных течений является маркетинг в социально-сетевом пространстве. Алгоритмы таргетированного продвижения в социальных сетях позволяют из всей огромной массы пользователей выбрать узкую целевую аудиторию, детализируя по локации, интересам, возрасту и т.д. Даже в случае запрещённого статуса движения, для его продвижения могут использоваться близкие по тематике «страницы-подложки», которые после прохождения модерации со стороны администрации соцсети будут постепенно

наполняться деструктивными материалами. Более того, отдельные молодежные течения активно используют таргетированное продвижение по целевому назначению – для продажи рекламно-сувенирной продукции, также называемой «мерч». Последнее – это своеобразный пропуск в неформальное сообщества.

1. Володенков С.В. Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций // Журнал политических исследований. – 2018. – Т. 2, № 3. – С. 1-8.

2. Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 53. – С. 188-196.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ И ВОЗМОЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОЛИТИКЕ

*Иванова Мария Евгеньевна
(УГНТУ)*

Крупнейший итальянский мыслитель и политический деятель Средневековья Н. Макиавелли писал: «Основой власти во всех государствах – как унаследованных, так и смешанных и новых – служат хорошие законы и хорошее войско». [1]. В современных условиях основа отношений между правителями и подданными в государстве (наряду с качеством законодательной базы, общим вектором правоприменения и готовностью вооружённых сил / силовых структур к поддержке существующего в той или иной стране властного режима) существенным образом зависит и от оснащённости правящего класса новейшими технологиями борьбы за умы избирателей.

Политическая деятельность, неотъемлемым аспектом которой является стремление к обретению и сохранению власти, может и должна в силу этого рассматриваться как соревнование и между задействованными в политике личностями, и между группами влияния. Инструментарий этого соревнования постоянно совершенствуется; в эпоху развитого информационного общества он пополнился возможностями искусственного интеллекта (ИИ).

При рассмотрении перспектив использования ИИ в политике необходимо понимать, каковы тенденции его развития и применения в областях, являющихся упрощёнными моделями соревнования и конфликта. Эти же тенденции имеют все шансы, с некоторым отставанием по времени, проявляться и в системах национального и глобального уровня. Особенно важно не упускать из внимания узловые, переломные моменты функционирования ИИ в модельных отраслях.

Одним из традиционных для человечества разделов интеллектуальной соревновательной деятельности, формировавшимся на протяжении длительного исторического периода и ставшим в последние десятилетия немаловажной модельной областью в процессе разработки проблемы ИИ, являются шахматы. Первые полноценные программы для игры в шахматы были разработаны в 1960-х гг. (Институт теоретической и экспериментальной физики, Москва; Стэнфордский университет и др.). 1-й Чемпионат мира по шахматам среди компьютерных программ состоялся в 1974 г.

Принципом, положенным в основу первых поколений шахматных компьютерных программ, являлся «механический» перебор позиций, возникающих при расчёте вариантов. Этот перебор был лишён элементов позиционного осмысления ситуации, возникающей на шахматной доске. В последующие годы развитие программ и повышение силы их игры также шло в основном за счёт «механических» новшеств: добавления дебютной книги, базы данных по шахматным окончаниям, отсекающие позиции и др.

Начало разработкам по созданию более совершенных шахматных программ, всесторонне использующих накопленный человечеством опыт в области этой игры, послужили проводившиеся с конца 1960-х гг. работы патриарха советской шахматной школы доктора технических наук М. М. Ботвинника, который возглавил деятельность коллектива программистов на базе Центрального шахматного клуба СССР. [2], [3].

В печатных трудах Ботвинника было указано, что возможно разработать алгоритм самообучения машины игре в шахматы, по которому на основании ряда сыгранных партий машина сама для себя вырабатывает алгоритм шахматной игры и при дальнейших играх его совершенствует. [3]. Такая идея была реализована в 2017 г. в форме самообучающейся программы, действующей на основе нейронной сети, разработанной компанией DeepMind.

Эта программа после тренировки в течение 24 часов смогла победить действовавшего на тот момент чемпиона мира среди шахматных программ.

По оценке ведущих специалистов, далее в игровой практике шахматных программ и в практике использования программного обеспечения для подготовки «белковых» гроссмейстеров состоялся революционный прорыв. Эта революция произошла два года тому назад, когда сильнейшая в мире за 2014–2022 гг. компьютерная шахматная программа Stockfish была синтезирована с самообучающимся ИИ AlphaZero. При этом эквивалентные человеческим элементы «мышления» были вставлены в перебор вариантов компьютера. [4].

Беря во внимание события, связанные с применением ИИ в узкой модельной области (в шахматах), можно сделать вывод о том, что и в иных, значительно более сложных и многофакторных сферах человеческой деятельности, в том числе в области политики, во многом определяющей лицо современного мира, в самые ближайшие годы произойдут крупные изменения, вплоть до революционных.

Технологии ИИ активно использовались в политике и ранее. Так, они могут генерировать тексты, фото- и видеоизображения, анализировать сложные базы данных. С 2010-х гг. возрос интерес к ИИ со стороны правительств и общественности. Во время второй президентской кампании Б. Обамы в 2012 г. ИИ-технологии использовались для расчета оптимального дня, штата и аудитории при планировании публичных выступлений. По различным оценкам, это дало прибавку в 10–12% голосов. В 2016 г. к тесному сотрудничеству со штабом Д. Трампа была привлечена британская компания Cambridge Analytica, занимавшаяся сбором данных о десятках миллионов пользователей социальных медиа для анализа и прогнозирования поведения избирателей. [5], [6].

В современных условиях можно ожидать кардинального возрастания роли ИИ в политическом процессе и по иным его направлениям. Весьма перспективным представляется дальнейшее использование ИИ в социальных сетях с формированием принципиально нового контента. Считаю правильным указать на высокую вероятность того, что созданные искусственным интеллектом продукты могут занять место «лидеров общественного мнения» в соцсетях. Существующее уже сегодня программное обеспечение позволяет создавать псевдо-ведущих ютуб-каналов с заданными внешностью, тембром голоса и иными «человеческими» качествами, вплоть до харизмы.

В интернете, как и в шахматах, существует четкая критериальная основа для признания публикаций успешными либо неуспешными в глазах зрителей/читателей: количество лайков, комментариев и репостов (в модельной области столь же ясными показателями являются выигрыш материала и мат королю). Функционируя в соцсетях, использующий ИИ канал (компьютерная программа), учитывая критерии успешности публикаций, сможет пройти самообучение и выйти на уровень стабильного успеха, от крупного до сенсационного.

Используя нарабатанную популярность (с учётом числа подписчиков), такие каналы смогут проводить эффективные кампании в поддержку политических деятелей и групп влияния, в значительной степени формировать актуальную повестку дня. Одновременно могут проводиться акции по снижению популярности политических конкурентов.

Считаю реалистичным предположение о том, что в ближайшее время в соцсетях появятся каналы, остро и нелюбезно озвучивающие оценки наиболее актуальных проблем политической и общественной жизни (боевых действий, коррупции, миграционного и экономического кризиса и др.) от лица интернет-прототипов известнейших и популярных в народе государственных и политических деятелей прошлого. Скажем, в России – от лица интернет-версии Сталина, в США – Джона Кеннеди, во Франции – де Голля, в странах Латинской Америки – Че Гевары и т. д. При этом «тонкие

настройки» таких студий и роликов, конечно, будут оставаться в руках политических сил, эти каналы создавших.

Следует ещё упомянуть, что возможности ИИ могут быть с успехом применены и в важных вспомогательных областях – таких, как подготовка кандидатов к теледебатам, активное освоение актуальной и точной аргументации и др. – вплоть до отвечающих среднему уровню IQ избирателя шуток.

В связи с уже произошедшим революционным возрастанием роли и эффективности искусственного интеллекта в более простых, чем политика, модельных областях – которые, впрочем, сами по себе являются весьма сложными (шахматы) – можно сделать следующий вывод. В условиях ожидающегося доминирования технологий ИИ в социальных сетях именно те политические силы ведущих стран мира, которые первыми освоят новые возможности ИИ, получают значительные преимущества в конкурентной борьбе – как на внутригосударственном, так и на глобальном уровне.

1. Никколо Макиавелли. *Избранные сочинения*. – Москва, Художественная литература, 1982. – С. 335. [В работе «Государь», глава XII].
2. Ботвинник М. М. *Алгоритм игры в шахматы*. – Москва, Наука, 1968. – 95 с.
3. Ботвинник М. М. *О кибернетической цели игры*. – Москва, Советское радио, 1975. – 88 с.
4. *Легендарный тренер о шахматной интуиции, нейросетях и бессмертии Магнуса Карлсена*. [Интервью заслуженного тренера БССР М. Шерешевского]. Интернет-канал Levitov Chess, 2 мая 2024 г. Как эволюционировали шахматы с приходом нейросетей? Хронометраж: с отметки 13:28. <https://www.youtube.com/watch?v=UkFDE4391dc>.
5. Антон Тамарович, Алексей Алмамаев. *Искусственный интеллект идет в политику*. Электронный ресурс: Российский совет по международным делам, 6 июля 2023 г. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/iskusstvennyy-intellekt-idet-v-politiku/>.
6. *Новый мировой порядок: роль искусственного интеллекта в формировании глобальной политики*. Электронный ресурс securitylab.ru, 10 августа 2023 г. <https://www.securitylab.ru/analytics/540782.php>.

РОЛЕВЫЕ КОММУНИКАЦИИ "ЧЕЛОВЕК-МАШИНА": РЕЛЯЦИОННОСТЬ ГИБРИДНОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

Игнатьев Владимир Игоревич
(Новосибирский государственный технический университет)

Аннотация: представлено обоснование выделения в исследованиях коммуникации человек-машина особой предметной области - изучение ее как социального ролевого взаимодействия; формулируются ключевые положения описания реляционного механизма возникновения социальных ролей в исполнении агентов коммуникации человек-машина.

Ключевые слова: социальная роль, коммуникация человек-машина, реляционная парадигма, гибридная коммуникация.

За последние десятилетия в связи с распространением компьютерных технологий сложилось междисциплинарное направление исследований взаимодействия человека с машинами с искусственным интеллектом (ИИ) [1; 2]. Изучение коммуникации человек-машина как реализации сценария исполнения социальных ролей пока не выделилось в отдельную тематическую область. Исследователи сосредоточены на оценке степени *эффективности согласования взаимодействий* человека с машиной, достигаемого путем совершенствования алгоритмов программирования функций устройства, и взаимодействующего с ней человека. При этом упускается возникновение эффекта эмерджентности – появления не только машинных, но и социальных характеристик, поскольку одна из сторон – социальный агент, и в коммуникациях не может вести себя иначе как исполнитель социальных ролей. Это дает основание предположить, что функционирование машины с ИИ не может не становиться подобным социальному ролевому поведению. *Предмет доклада – формулирование ключевых положений описания реляционного механизма возникновения социальных ролей в исполнении агентов коммуникации человек-машина.* Реляционная концепция конструируется путем введения в ее основание нескольких исходных понятий: *социальная роль, симуляция роли, имитация роли, подражание, уподобление, реляция, ситуативное действие, контингентность.* *Задача* – перевести в поле интенсивного теоретического дискурса осмысление накопившихся данных об экспертизах применения технологий с ИИ в их коммуникации с людьми с целью экспликации из них сведений о появлении признаков социальности в ролевых интеракциях. Поскольку при взаимодействии люди используют в своем поведении модели, которые социально определены и зафиксированы как социальные роли, постольку можно предположить, что человек подобным образом будет пытаться коммуницировать с машиной, работающей на основе ИИ. Вероятно, что и разработки алгоритмов для коммуникации с человеком также ориентированы на реализацию модели социального ролевого поведения.

Подход, реализуемый в предлагаемом тексте доклада, находится в русле исследований, получивших обозначение “коммуникация человек-машина” – КЧМ (НМС). Это направление обрело контуры кооперации представителей различных наук к середине второго десятилетия XXI века. Как подчеркивает один из лидеров направления А.Гузман (A.L.Guzman) “коммуникация “человек-машина” - это одновременно и концепт, и область исследований в коммуникации. Это создание *значений среди людей и машин* и изучение этого процесса и связанных с ним аспектов” [2, 17]. Особенность современной ситуации с коммуникациями состоит в том, что “образ” коммуникации меняется – от людей, стоящих лицом друг к другу, к человеку, стоящему лицом к машине” [2, 19]. Изучение КЧМ включает такие области как: HCI (взаимодействие человека и компьютера), HRI (взаимодействие человека и робота) и HAI (взаимодействие человека и агента) [2, 34].

Предлагаю дополнить эти области еще одной, собственно социологической – “социальные ролевые взаимодействия человека и машины” (*human-machine social roles interaction – HMSRI*). Исходная позиция концептуализации – парадигма *реляционной* природы феномена социальных ролей как возникающих (конструируемых) исключительно в пространстве коммуникативных *взаимодействий* (такой подход близок используемому концепту реляционности в критической теории общества П.Донати или конструктивизму морфогенеза у М.Арчер) [3]. В этом случае объяснение происхождения моделей ролевого поведения/действия как у человека, так и у машины, предполагает выход за пределы рассмотрения их функционального происхождения, т.е. исключительно задаваемого человеку при его социализации, и машине в результате подключения ее к программному обеспечению (ПО). В качестве источниковой базы использованы исследования коммуникации человека с машинами. Их содержание дает материал для вторичной теоретической интерпретации содержащихся в них сведений. При изучении коммуникаций человека с ИИ использованы результаты исследований, представленных в русскоязычных публикациях - в работах А. Гузман, Р. Айлетт, П.А. Варгас, Н. Шарки, Р. Йонка, В. В. Васильковой, Н. И. Легостаевой, С.Е. Гасумовой, Л. Портер, Р.Н.Абрамова, В.М.Катечкиной, Н.Н.Зильберман, В.И.Игнатьева, К.И.Спиридоновой и др. [4]. Были привлечены англоязычные опубликованные результаты изучения коммуникации человек – машина, а также первоисточники в виде отчетов о проведенных экспериментах и исследованиях S.A. Lee, C. L. Breazeal, A. Edwards, C. Edwards, P. R. Spence, B. J. Fogg, C. Nass, E. Sandry, A. Strange и др. [5]. Особое внимание обращено на исследования, проводимые международным научным сообществом “Human-Machine Communication”, инициатором и неформальным лидером которого является А. Гузман, доцент кафедры коммуникации в Университете Северного Иллинойса [2]. Анализ источников позволил автору доклада сделать ряд выводов концептуального характера.

Человек как коммуникатор проявляет себя как исполнитель социальных ролей следующим образом: он включен в исполнение двух ролей, но исполняет одну из них, возникающую в коммуникации. Две роли неразрывно связаны. Они объединены в одну, имеющую социальный характер, поскольку ее могут исполнять только оба участника совместно и в особом гибридном формате коммуникации. Происхождение ее “гибридной” социальности в данной конфигурации заключается в локализации интеракции между человеком и машиной протекающей ситуативно, контингентно и вне пространства макросоциума. Постольку это ситуативная социальность.

Доказательством наличия в коммуникации человек-машина признаков исполнения социальных ролей является обнаружение признаков социального действия, как актов, исходящих от каждой стороны. Только в этом случае можно установить *отличие* действия человека и функционирования машины - как действия и активности - от *социальных действий*. Обе стороны участников коммуникации должны *интерпретировать* действия друг друга – наполнять их версиями смыслов, которые, вероятно, другая сторона вкладывает в свои действия или будет вкладывать при взаимодействии. При этом операция *соотнесения* действия с предполагаемым действием другого должна опираться на знание вариантов возможного действия/поведения машины/человека. Столь сложные интеллектуальные действия должны производиться и человеком, и машиной. Человек при этом опирается на свой жизненный опыт, машина – на информацию о возможных вариантах человеческого поведения. В технических разработках удалось добиться, чтобы роботы были ориентированы на реакции человека - они их интерпретируют, перебирают варианты ответных действий человека. Человек, со своей стороны, реагирует на устройство не только как на машину, но и как на социального агента. Ориентация машины на человека социально

обусловлена, но специфическим образом: присутствует вмешательство разработчика, приходится учитывать масштабы происходящего. Нейросеть при взаимодействии с людьми, особенно в случае, когда есть персонифицированный пользователь, накапливает информацию о своем собственном машинном жизненном опыте коммуникации с индивидом.

К ключевым положениям описания реляционного механизма возникновения подобия социальных ролей можно отнести следующие.

1) Имеется достаточно оснований для утверждения, что в коммуникации человека с машиной с ИИ возникают формы активности социального происхождения. Особенность этих форм заключается в том, что социальная роль (роли) человека и функции машины формируются в процессе симуляции, имитации, подражания и уподобления с учетом ситуации. Тем самым обе стороны придают взаимодействиям *значение* – связывают свои действия с ситуацией. Эта связка и есть *социальное* в исполняемых ими ролях. Но при подражании и взаимном уподоблении формы приобретают гибридный характер. Это проявляется как техноморфизация поведения человека и антропо(социо)морфизация функционирования машины.

2) Возникают два вида гибридных ролей: человека и машины. При взаимодействии с человеком *устройство* с ИИ проявляет активность подобную социальному ролевому поведению, что, прежде всего, характерно для функционирования социальных роботов. Это свидетельствует о доминировании в стратегии разработки роботов ориентации на развитие антропоморфных характеристик устройств. При этом в коммуникации с устройствами *у человека* доминирует антропоцентричность *восприятия* гибридной коммуникации. Это проявляется в том, что а) от машины ожидают исполнения роли помощника, компаньона, заместителя, игрушки; б) от ролевой активности робота человек ожидает разумности в манере общения, поведения как у «живых», полезности в бытовых вещах, большей неопределенности в действиях, меньшей социальной привлекательности, меньшего социального присутствия, большей симпатии по отношению к внешности робота.

3) *Реляционный механизм* возникновения социальных ролей в исполнении человека и машины проявляется в изменении поведения человека и модификации функций машины с ИИ. Роль коммуникатора человек переосмысливает, меняя ее значение при контакте с технической формой активности машины-коммуникатора. Роль превращается в синтез антропо- и техноморфных проявлений, возникающих ситуативно и контингентно. Машина начинает присутствовать как агент и заявляет о себе требованиями учитывать свою специфику. Человек же стремится не потерять социальное основание своего поведения, и в то же время вынужден адаптироваться к опциям машины (техноморфизм). Что касается модификации ПО машины-коммуникатора, то разработчики постоянно стоят перед дилеммой: 1) либо далее навязывать человеку технические нововведения, либо же 2) соглашаться на гибридный характер содержания возникающих коммуникаций. В итоге «социальное» входит в опции машины в гибридной виде. В этом проявляется *реляционная природа* социальных ролей, исполняемых в коммуникации человека с машиной.

1. Сачмен Л. Реконфигурации отношений человек-машина: планы и ситуативные действия. М.: Элементарные формы, 2019. 488 с.
2. Гузман А. Коммуникация «человек - машина». Переосмысление коммуникации, технологии и самих себя / Пер. с англ. Х.: изд-во «Гуманитарный Центр» / А.М. Морозова. 2022. 304 с.
3. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С.50-68; Донати П. Реляционная теория общества: Социальная жизни с точки зрения критического реализма. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. 312 с.

4. *Абрамов Р.Н., Катечкина В.М. Социальные аспекты взаимодействия человека и робота: опыт экспериментального исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Том. 25. №2. С. 214-243.; Василькова В. В., Легостаева Н. И. Боты на публичных аренах социальных сетей // Социологический журнал. 2021. Том. 27. № 4. С. 99-117.; Гасумова С.Е., Портер Л. Роботизация социальной сферы // Социология науки и технологии. 2019. №1. С. 79-94.; Зильберман Н. Н. Функциональная классификация социальных роботов // Гуманитарная информатика. 2014. No. 8. С. 30-39; Игнатъев В.И., Спиридонова К.И. Взаимодействие “человек-социальный робот”: через преодоление барьеров к гибридной коммуникации // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 6. С. 101-115; Игнатъев В.И., Спиридонова К.И. Проблема техноантропной дихотомии проекта “социальный робот”: онтосинтез в коммуникации // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14, № 2. С. 92-107.*
5. *Lee, S. A., Liang, Y., & Cho, S. Effects of anthropomorphism and reciprocity in persuasive computer agents. Paper presented at the 102nd annual convention of the National Communication Association. Philadelphia, PA. 2016; Breazeal, C. L. Designing sociable robots. Cambridge, Mass.: MIT Press. 2022; Edwards, C., Edwards, A., Spence, P. R., & Westerman, D. Initial interaction expectations with robots: Testing the human-to-human interaction script, *Communication Studies*, 2016, 67(2), 227-238. DOI: 10.1080/10510974.2015.1121899 157.; Nass, C., Moon, Y., & Carney, P. Are respondents polite to computers? Social desirability and direct responses to computers. *Journal of Applied Social Psychology*, 1999. 29(5), 1093-1110.; Sandry, E. *Robots and communication*. New York: Palgrave Macmillan, 2015.*

СОВРЕМЕННОЕ ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

Ковалев Алексей Николаевич
(Институт технологий управления МИРЭА)

Аннотация - тезисы данной работы освещают ключевые аспекты современного цифрового общества, его текущие тенденции и перспективы дальнейшего развития. Рассматривается влияние информационных и коммуникационных технологий на различные сферы жизни - бизнес, образование, медицина, управление и социальные сети. Особое внимание уделяется вопросам цифровой экономики, виртуализации процессов и услуг, телемедицины, электронного документооборота. Также обсуждаются риски и угрозы, связанные с цифровизацией.

Ключевые слова - цифровое общество, цифровизация, информационные технологии, коммуникационные технологии, бизнес, образование, медицина, управление, социальные сети, цифровая экономика, риски, угрозы, безопасность, цифровая грамотность, устойчивое развитие.

1. Определение цифрового общества.

Цифровизация является ключевым аспектом современного общества. Это процесс внедрения информационных и коммуникационных технологий во все сферы жизни, включая бизнес, образование, медицину, управление и др.

Одной из основных тенденций цифрового общества является виртуализация многих процессов и услуг. Люди все чаще взаимодействуют друг с другом и выполняют различные задачи онлайн. Это позволяет ускорить и упростить многие операции.

Цифровое общество характеризуется широким использованием информационных технологий, Интернета и цифровых платформ в повседневной жизни, экономике и социальной сферах.

Основные компоненты цифрового общества [5]:

Доступ к информации: Упрощение доступа к информации и знанию через Интернет, что способствует самообразованию и развитию гражданского общества.

Цифровизация экономики: Рост онлайн-коммерции, стартапов и цифровых услуг, изменение моделей бизнеса и трудовых отношений.

2. Социальные изменения и использование ИИ в сфере культуры

Искусственный интеллект (ИИ) играет все более важную роль в различных сферах человеческой деятельности, включая социально-культурные учреждения. ИИ также начинает оказывать заметное влияние на развитие искусства и образования [1].

Появление новых форм взаимодействия, таких как социальные сети и онлайн-сообщества, преобразует традиционные социальные структуры и взаимодействия.

Выход на первый план вопросов личной информации, конфиденциальности и этики в цифровом взаимодействии.

3. Образование и цифровые технологии

Образование переходит на новый уровень благодаря дистанционным технологиям обучения. Студенты могут получать знания и навыки в любое удобное для них время и в любом месте. Это открывает новые возможности для образования, особенно для тех, кто живет в отдаленных регионах или не может посещать учебные заведения по другим причинам.

Разработка онлайн-образовательных платформ и курсов, которые предоставляют доступ к качественному обучению независимо от географического положения.

Важность цифровой грамотности как основного навыка для успешной адаптации в современном обществе.

4. Правовые аспекты.

Необходимость разработки новых правовых норм для регуляции цифровых технологий и защиты прав граждан в сети [4].

Необходимость активной роли государства в регулировании цифровых технологий и обеспечении равного доступа для всех членов общества [7].

Партнерство между государством, бизнесом и гражданским обществом для формирования позитивных сценариев развития цифрового общества.

5. Экономические трансформации.

Цифровая экономика становится неотъемлемой частью мировой экономической системы.

Технологии искусственного интеллекта и машинного обучения начинают играть все большую роль в различных сферах жизни. Они помогают автоматизировать рутинные задачи, анализировать большие объемы данных и принимать более точные решения.

Онлайн-торговля, электронные платежи, блокчейн-технологии и криптовалюты играют важную роль в современном бизнесе. Появляется "цифровая экономика" с акцентом на инновации, технологии и стартапы и это приводит к изменению традиционных моделей занятости и развитию платформенной экономики, что приводит к увеличению гибкой и временной занятости [3].

Медицина также претерпевает значительные изменения благодаря цифровым технологиям. Телемедицина, электронные медицинские карты, удаленное наблюдение за пациентами и автоматизация многих процедур позволяют улучшить качество медицинских услуг и сделать их более доступными.

Управление и государственная служба становятся более прозрачными и эффективными благодаря внедрению электронного документооборота, электронных услуг и других инноваций. Это способствует повышению доверия граждан к власти и улучшает качество государственных услуг.

6. Экологические аспекты.

Влияние цифрового общества на экологию: возможность повышения энергоэффективности и устойчивого развития через технологии, но и нарастающие проблемы с электронными отходами [2].

Переход к "зеленым технологиям" как ответ на вызовы экологии в контексте цифровизации.

7. Будущее цифрового общества.

Перспективы дальнейшей интеграции технологий в повседневную жизнь, включая развитие искусственного интеллекта, Интернета вещей и виртуальной реальности.

С другой стороны, цифровизация несет определенные риски и угрозы такие как цифровое неравенство, утрата личной автономии и влияние алгоритмов на принятие решений. Это касается и безопасности персональных данных, киберпреступности, зависимости от технологий и возможных негативных последствий для здоровья. Важно уделять внимание этим вопросам и разрабатывать меры по защите и управлению рисками.

8. Заключение

Перспективы цифрового общества связаны с дальнейшим развитием технологий, расширением возможностей для людей и улучшением качества жизни.

Ключевыми направлениями являются повышение уровня цифровой грамотности, укрепление кибербезопасности, создание равных условий доступа к цифровым услугам и развитие устойчивых экосистем

Цифровое общество представляет собой мощный инструмент для улучшения качества жизни и повышения социального взаимодействия, но его развитие требует тщательного планирования и анализа потенциальных рисков.

Важно продолжать исследовать и анализировать будущее цифрового общества, чтобы максимизировать его положительное влияние на человечество и минимизировать негативные последствия.

1. Гордиенко О.О. Особенности и перспективы использования искусственного интеллекта в сфере культуры: сборник трудов конференции. / О.О. Гордиенко, К.И. Олешкевич // Педагогика, психология, общество: от теории к практике : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 22 дек. 2022 г.) / редкол.: Ж.В. Мурзина [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2022. – С. 18-20. – ISBN 978-5-907561-96-0.
2. Карапузов М. Ю. Возможности применения новейших технологий как способа преодоления экологического кризиса // Социально-гуманитарные знания. 2020. №1. С. 285-290.
3. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Бурилина М.А. Перспективы цифровизации современного общества. Экономика и управление. 2017;(11):4-7.
4. Семёнова И.С. «Цифровое общество: новые вызовы» Текст научной статьи по специальности «Право» - <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-obschestvo-novye-vyzovu>
5. Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 129—153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>.
6. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. N 34-ФЗ "О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации". [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
7. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации". [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА СОЦИОЛОГИЮ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

*Ковалев Екатерина Александровна
(МГУ им. М. В. Ломоносова)*

Изменения в обществе под воздействием цифровой среды приводят к переосмыслению структуры общества, принципов формирования и функционирования социальных групп, размыванию идентичности. Развитие информационно-коммуникационных технологий изменило многие аспекты человеческой жизни, включая то, как мы общаемся, получаем информацию, работаем и получаем доступ к государственным услугам. Эта трансформация оказывает значительное влияние на социальные структуры, социальные отношения и социальные ценности, которые формируются в обществе. Все эти трансформации требуют анализа с социологической точки зрения.

Для изучения быстрого распространения цифровых технологий и их значительного воздействия на поведение людей и социальные процессы, а также для анализа взаимодействия цифровых инноваций с социокультурной средой, появилась новая область социологии — цифровая социология, которая активно развивается.

Цифровые технологии предоставляют социологам уникальные возможности для сбора, анализа и интерпретации данных. С появлением социальных сетей, цифровых платформ и больших данных исследователи получили доступ к огромному объему информации о поведении людей в онлайн-пространстве. Это позволяет проводить более точные и глубокие исследования общественных явлений, выявлять тенденции и закономерности, которые ранее были недоступны.

Использование больших данных позволяет более точно моделировать социальные процессы и предсказывать развитие общества. Взаимодействие с обществом через цифровые платформы расширяет возможности для социологических исследований и позволяет получать данные в реальном времени. Например, Московской школой управления «Сколково» был создан индекс «Цифровая Россия», основная идея которого заключается в оценке семи ключевых субиндексов цифровой трансформации регионов [3]. Этот подход позволяет перейти от оценки уровня информатизации отрасли к использованию открытых данных, собранных в процессе цифровизации, что дает возможность получить всестороннее представление о ней в различных регионах. Необходимость такой комплексной оценки обусловлена различиями между субъектами РФ по множеству факторов, таких как географическое расположение, экономические особенности, основные отрасли, климатические условия, кадровый и финансовый потенциал, что делает невозможным применение единого набора требований ко всем регионам. Мы можем сделать вывод, что использование данных, собранных в реальном времени через цифровые платформы, открывает новые горизонты для социологических исследований и позволяет создавать более точные модели социальных процессов, способствуя прогрессу и развитию общества.

Однако с развитием цифровой среды связаны и вызовы. Важно учитывать этические аспекты сбора и использования данных, обеспечивать конфиденциальность и безопасность информации, а также учитывать особенности онлайн-взаимодействий при анализе социологических данных. Цифровая эпоха создала виртуальные общественные пространства, которые позволяют людям участвовать в онлайн-дискуссиях и активизме.

Социальные сети и цифровые платформы предоставляют более широкий доступ к выражению мнений, организации социальных движений и обмену информацией. Подразумевается, что общественное пространство больше не ограничивается географическими областями, но также распространяется на киберпространство. Социологии необходимо изучить эти изменения и понять, как виртуальные общественные пространства взаимодействуют с обычными общественными пространствами в формировании мнений, влиянии на политику и формировании социальной идентичности.

Одним из ключевых вызовов является необходимость адаптации методологии исследований к новым реалиям цифровой эпохи. Стандартные методы сбора данных могут быть недостаточными для анализа онлайн-поведения людей, поэтому социологи вынуждены развивать новые подходы к исследованиям. Отметим, что в цифровой социологии происходит переосмысление традиционных методов анализа. С увеличением значимости социального взаимодействия в онлайн-средах исследователи расширили область применения полевых исследований на новые медийные пространства и разработали инновационные методики, включая цифровую этнографию [2, 837-855].

Цифровая этнография придерживается основных принципов традиционных этнографических исследований. Исследователи из таких центров активно участвуют в наблюдениях в онлайн-пространствах, где находятся объекты их изучения. Они проводят интервью, используя цифровые технологии, которые уже применяются участниками. Некоторые ученые также объединяют цифровую этнографию с анализом данных и разрабатывают новые методы, такие как этно-майнинг. Например, исследователи собирают информацию о поведении участников с помощью интеллектуальных устройств, проводят визуализированный анализ данных и затем представляют результаты участникам, чтобы изучить значения поведенческих данных [1, 123-140].

Эдельманн А. и многие другие ученые [4, с. 61-81] подчеркивают важность того, чтобы социологи не только применяли новые данные для изучения традиционных социологических вопросов, но и исследовали новые проблемы, возникающие в контексте цифровых технологий. Они призывают использовать большие объемы данных для стимулирования теоретических инноваций. В контексте цифровой этнографии сбор и обмен данными требуют разработки новых академических стандартов. Сбалансировать защиту конфиденциальности участников и обеспечить прозрачность данных становится ключевой задачей для академического сообщества.

Обобщая все вышесказанное, можно утверждать, что цифровая трансформация представляет как вызовы, так и возможности для социологии. Для успешного развития науки необходимо учитывать изменяющийся информационный ландшафт, развивать новые методы исследований, а также уделять внимание этическим вопросам. Однако важно сохранять баланс между инновациями в области цифровых технологий и традиционными методами социологического анализа, чтобы обеспечить качественное развитие науки. Благодаря этому социология сможет эффективно адаптироваться к новым реалиям цифровой эры и продолжать играть важную роль в понимании общественных процессов.

1. *Андерсон Кен, Нафус Доун, Раттенбери Тай и Айтнерпах Райан. У чисел тоже есть качества: опыт этно-горного дела. Этнографическая практика в материалах отраслевой конференции, - С. 123-140.*
2. *Дхирадждж Мурти. Цифровая этнография: исследование использования новых технологий для социальных исследований. Социология 42, - С. 837-855.*

3. *Методология расчета индекса «Цифровая Россия» субъектов Российской Федерации. — Текст : электронный // sk.skolkovo.ru : [сайт]. — [Режим доступа URL: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/00436d13-c75c-46cf-9e78-89375a6b4918/SKOLKOVO_Digital_Russia_Methodology_2019-04_ru.pdf (дата обращения: 27.06.2024)].*
4. *Эдельманн Ахим, Том Вольф, Даниэль Монтань и Кристофер А. Бейл. Вычислительная социальная наука и социология. Ежегодный обзор социологии 46, - С. 61-81.*

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВА

*Ковалёв Даниил Игоревич
(НИУ "Высшая школа экономики")*

*Иванов Дмитрий Викторович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Стремительное развитие методов машинного и глубинного обучения в компьютерных науках привело к активному использованию этих методов в социологических исследованиях онлайн-пространства с большим количеством цифровых данных (социальных сетей, онлайн-платформ). Применение данных инструментов позволяет ускорить процесс не только обработки, но и анализа больших данных.

О важности использования и применения методов машинного обучения за последние несколько лет было написано большое количество статей, одной из которых является совместная работа С. Мютцель и Э. Аллион, в которой исследователи уделили большое внимание этической стороне вопроса, возможностям будущего применения машинного обучения в социологии и некоторых проблемах, вытекающих из этого (например, важности перепроверки тренируемых моделей и выдаваемого ими результата на тестовых массивах информации перед их работой на больших массивах информации) [5].

В качестве примера использования методов машинного обучения в исследовании онлайн-пространства будет рассмотрен сценарий изучения мотивов переезда из города в деревню у аудитории на видеохостинге «YouTube». С помощью сервиса «YouTube Data API» и языка программирования Python было собрано 1100 видео и 300000 комментариев на тему «Переезд из города в деревню» в рамках временного периода с 2014 по 2024 год.

Актуальность рассмотренной темы заключается:

Во-первых, в динамичности и комплексности современного общества, сочетающего в себе однонаправленные линии модернизационного развития с усилением нелинейности (сочетание процессов урбанизации и дезурбанизации) [3].

Во-вторых, в увеличении значимости темы дезурбанизации в последние годы, отмеченные пандемией COVID-19, заставившей горожан в массовом порядке покидать города и обосновываться во внегородском пространстве. Свою роль оказал и обострившийся военный конфликт, увеличивший угрозу пребывания в городах для простых граждан [2].

Главной задачей в сборе данных стала классификация релевантных и нерелевантных видеоматериалов. Несмотря на правильно сформулированные запросы («переезд в деревню», «переезд из города в деревню»), видеохостинг может выдавать нерелевантные видео. Методы машинного обучения позволяют устранить данную проблему, классифицируя релевантные и нерелевантные видео по их названиям и описаниям. Для классификации была обучена модель градиентного бустинга над решающими деревьями с помощью таких библиотек в Python, как scikit-learn и ortuna. Перед обучением модели была произведена сбалансированная разметка релевантных и нерелевантных видео, предобработаны текстовые данные с помощью токенизации, удаления стоп-слов, пунктуации, лемматизации и векторизации через меру «TF-IDF» для оценки важности и специфичности токена для каждого документа (заголовка и описания видео).

Градиентный бустинг над решающими деревьями - это ансамблевый метод машинного обучения, который последовательно корректирует ошибки предыдущих

решающих деревьев (более слабых моделей) с помощью новых деревьев, улучшающих общую долю правильных ответов. Так, градиентный бустинг в рамках классификации релевантных и нерелевантных видео на тестовой выборке показал значение F1-меры (среднее гармоническое точности и полноты) равное 0.90 (чем ближе F1-мера к 1, тем лучше модель классифицирует релевантные и нерелевантные видео). При применении простых деревьев решений значение F1-меры составило 0.83, то есть ансамблевый метод справился с задачей классификации лучше, чем стандартная модель машинного обучения.

Итак, с помощью модели градиентного бустинга были выявлены релевантные (854 видео) и нерелевантные материалы (246 видео). Релевантные видео были использованы для сбора комментариев на тему «Переезд из города в деревню».

Следующая задача исследования была связана с анализом большого числа собранных комментариев у релевантных видео. Комментарии также были подвергнуты предобработке, после чего в качестве метода машинного обучения без учителя для анализа комментариев было выбрано тематическое моделирование через стохастический блокмоделлинг.

Стохастический блокмоделлинг - это индуктивный метод формального исследования культуры, позволяющий выявлять ключевые темы в корпусе текстов, выявлять скрытые закономерности в онлайн-дискурсе относительно переезда в деревню. Алгоритм стохастического блокмоделлинга в рамках тематического моделирования рассматривает токены текстовых данных в качестве узлов в семантическом сетевом анализе и стремится выявить блоки (кластеры узлов) на основе вероятностного определения эквивалентности в семантической сети [4]. Таким образом блокмоделлинг позволяет сгруппировать сопоставимые токены в темы. Главным преимуществом тематического моделирования как метода анализа больших текстовых данных является возможность интерпретации полученных тем и считывания их в качестве «фреймов», отражающих определения ситуаций, мотивы участников онлайн-пространства.

По результатам применения тематического моделирования к комментариям были получены следующие центральные темы вокруг дискурса о переезде в деревню:

- Давление общества и города;
- Хозяйство и тяжелый труд в деревне;
- Давление государства;
- Желание переехать и поддержка переезда;
- Энтузиазм и и трудолюбие при переезде в деревню;
- Горькая правда и романтика деревенской жизни;
- Одиночество и спокойствие в деревне;
- Экономические трудности жизни в деревне;
- Экология и здоровье.

Темы можно интерпретировать через концептуальную бинарную модель. В ней, с одной стороны, индивиды репрезентируются в качестве объектов, испытывающих социальное давление (общество и город ограничивают возможности) и стремящихся реализовать стратегию «свобода для». Эта стратегия проявляется в желании индивидов реализовать при переезде в деревню как собственные, так и семейные жизненные цели, увеличить свою связь с природой.

Примеры комментариев стратегии «свобода для»: «да я забыла, что старая наверно уже, а так хотелось бы жить у речки в деревне в тишине и покое», «деревня это и отдых для детей, свобода, тишина, пространство, природа, дети счастливые».

С другой стороны, в дискурсе также проявляется стратегия «свобода от», суть которой заключается в испытании индивидами негативного политического давления со стороны государства (рост налогов, коррупция и безработица).

Примеры комментариев стратегии «свобода от»: «а главное - и денег нет, всё забирает наше родное государство налогами, инфляцией, кризисами»; «если вы живёте в городах, вы платите за квартиру, за воду, за электричество + разнообразные налоги. По сути вы платите российской индустриально-технократической Системе деньги за право хоть как-то существовать».

Аудиторией акцентируется большое внимание на том, что при переезде важна хорошая воля и уверенность в своих силах, особенно в ситуации, когда после переезда человек встает перед выбором: остаться в деревне или вернуться в город. При этом важны социальные связи (например, семья, ребенок, супруг), выступающих в качестве той мотивации, которая позволит легче адаптироваться в деревне. Как пишет О. Я. Виноградская, «на вопрос о причинах переезда в деревню иногда звучит осознание готовности к непринужденной жертвенности <...>. Вместе с тем в этих феноменах жертвенности и отваги заключена благодарность за выпавшую, таким образом, возможность осуществления своей деятельности, как возможность вкладываться и развиваться» [1, 146].

В рассмотренном примере мы можем наблюдать успешность применения методов машинного обучения не только в рамках предобработки, но и анализа данных. В эпоху развития применения вычислительных социальных наук машинное обучение становится ключевым инструментом любого социального исследователя, которому необходимо сохранять чувствительность к контексту и данным исследования, для облегчения процесса обучения моделей и подтверждения/опровержения результатов применения моделей машинного обучения.

1. Виноградская О.Я. От-чего горожане едут в деревню: феноменология и практика // *Крестьяноведение*. 2019. Т. 4. №. 3. С. 140-155.
2. Покровский Н.Е., Никишин Е.А., Макшанчикова А. Ю. Что после города? Перспективы сельско-городского жизненного пути // *Человек*. 2022. Т. 33. №. 5. С. 44-62.
3. Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. «Клеточная глобализация» и тенденции в сельских сообществах ближнего севера России // *Социологические исследования*. 2013. № 4. С. 13–23.
4. Gerlach M., Peixoto T. P., Altmann E. G. A network approach to topic models // *Science advances*. 2018. Vol. 4. no. 7. P. 1-11.
5. Mützel S., Ollion É. *Machine Learning and the Analysis of Culture* // *The Oxford Handbook of the Sociology of Machine Learning* / C. Borch, J. P. Pardo-Guerra (eds). New York: Oxford University Press, 2024. (In print).

ДОВЕРИЕ ФИНАНСОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ КАК КОМПОНЕНТ ЦИФРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

*Котова Екатерина Алексеевна
(Финансовый университет при Правительстве РФ)*

В современном мире цифровые финансовые технологии прочно вошли в повседневную жизнь людей, предоставляя им удобные и эффективные инструменты для управления своими финансами. Однако, вместе с преимуществами, возникают и вопросы о доверии к этим технологиям. Доверие играет ключевую роль в принятии решения об использовании цифровых финансовых инноваций, и его укрепление требует внимания со стороны общества, бизнеса и государства.

Финансовые технологии (финтех) – новая форма предоставления финансовых услуг и продуктов на базе инновационных технологий и сети Интернет.

Направлений развития финансовых технологий в современном мире становится все больше и больше, например, мобильные приложения, позволяющие из любой точки мира распоряжаться своими финансами и совершать операции, внедрение искусственного интеллекта и роботизация для упрощения и ускорения финансовых процессов, open banking, криптовалюты, NFT, блокчейн системы и так далее.

Данные технологии упрощают нам жизнь, с одной стороны, и делают нас уязвимее с другой. Из преимуществ, конечно, можно выделить высокую доступность, индивидуальный подход и прозрачность операций, однако возрастают риски безопасности как денежных средств, так и персональных данных.

Для обеспечения дальнейшего распространения и развития финансовых технологий необходимо больше внимания уделить повышению уровня цифровой финансовой грамотности населения.

Министерством финансов РФ в 2023 году была разработана и утверждена Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года. Данный документ пришел на смену предыдущей Стратегии и учитывает современные условия развития общества, в том числе, финансовую киберграмотность и кибербезопасность.

Индекс цифровой финансовой грамотности в 2024 году для России составил 6,02 балла из 10 возможных по оценке Аналитического центра НАФИ.

Большая часть населения, по результатам мониторингового исследования, обладает средним уровнем цифровой финансовой грамотности. Примечательно также, что к наиболее уязвимой и подверженной группе в основном относится молодежь.

Интерес научного сообщества к той или иной проблеме, несомненно, говорит о степени её актуальности. Для оценки заинтересованности научного сообщества темой цифровой финансовой грамотности был проведен контент-анализ публикаций на платформе Elibrary.ru, одной из ведущих библиотек научных работ. Поиск осуществлялся по термину «цифровая финансовая грамотность» в научных статьях и книгах по названию, аннотации и ключевым словам за период с 2017 по 2024 год. Всего, на октябрь 2024 года, удалось найти 394 статьи, в которых термин «цифровая финансовая грамотность» был обозначен в названии, аннотации или ключевых словах.

Количественный анализ позволил узнать, как публикационная активность изменялась на протяжении 7 лет, в периоды реализации первой и второй Стратегии повышения финансовой грамотности, а также по каким научным специальностям в основном были написаны научные работы.

Динамика публикационной активности по годам представлена на Рисунке 1. Наблюдается рост количества научных работ за последние 7 лет. Пик активности пришелся на 2023 год – доля публикаций за этот год составила 26% от общего числа. Начиная с 2017 года наблюдается восходящая динамика. Заметный скачок фиксируется с 2020 по 2021 годы – рост на 11 п.п., однако уже со следующим, 2022 годом, разницы в доле публикаций не наблюдается. На октябрь 2024 года доля опубликованных работ заметно меньше, особенно по сравнению с 2023 годом, но вероятнее всего это еще неконечные значения по количеству публикаций.

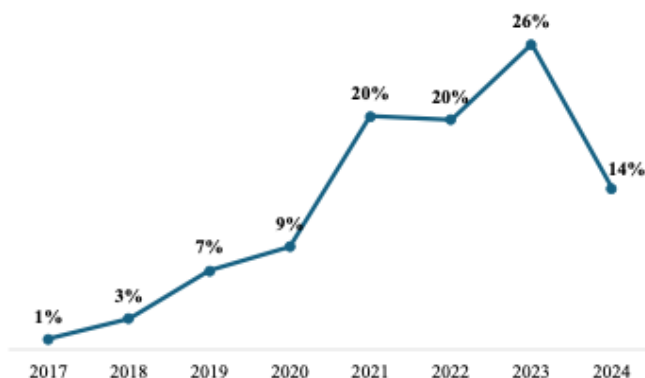

Рисунок 1. Динамика публикационной активности по годам.

Источник: составлено автором.

Наиболее распространенными специальностями, в рамках которых были опубликованы научные труды, являются следующие: экономика и экономические науки (66% от общего числа публикаций по данной теме), педагогика (18%), социология и социальные науки (7%), финансовое право (6%) и другие (4%). Из полученных данных следует, что направление цифровой финансовой грамотности только набирает свою популярность в академическом сообществе, а социологические исследования по данной проблематике, по мнению авторов, являются достаточно востребованными.

По своей сути, измерение цифровой финансовой грамотности предусматривает оценку цифровых финансовых знаний, установок и поведения. Можно предположить, что при исследовании цифрового финансового поведения необходимо учитывать и уровень доверия цифровым финансовым инструментам и технологиям, ведь кажется логичным, что при полном недоверии, например, финансовому приложению, его скорее всего не станут использовать. Ключевым показателем доверия финансовым технологиям является уверенность в безопасности.

Так, общероссийский уровень доверия к безопасности финансовых технологий и сервисов, по данным Банка России за 2021 год, составил 51,9%. На Рисунке 2 представлено сравнение индексов по областям Центрального федерального округа. В лидерах по доверию безопасности финансовых технологий и сервисов Рязанская область – 62,6%. Ниже всего индекс доверия в Курской области – 45,3%. Стоит отметить, что в Москве индекс доверия нельзя назвать высоким – 51,8%.

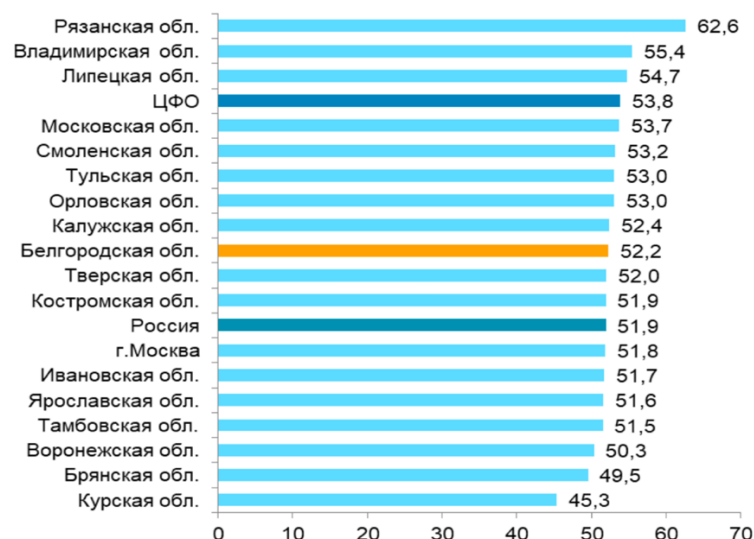

Рисунок 2. Уровень доверия физических лиц, в процентах.

Источник: Тимоничева И.Н., Яновский В.В., Бережной А.С. Уровень доверия к безопасности финансовых технологий - барьер или точка роста. // Научный результат. Экономические исследования. 2021.

№3.

Таким образом, цифровые финансовые технологии стали неотъемлемой частью современного общества, предоставляя уникальные возможности для управления финансами. Для укрепления доверия к этим технологиям необходимо продолжать инвестировать в кибербезопасность, образование пользователей и развивать прозрачные механизмы для взаимодействия с цифровыми финансовыми инструментами. Все это способствует формированию устойчивого и доверительного цифрового финансового пространства, в котором пользователи могут чувствовать себя защищенными и уверенными в использовании новых технологий. Распространенность использования финансовых технологий может говорить не только о степени доверия к ним, но и об общем уровне цифровой финансовой грамотности населения. Исходя из чего необходимо повышать уровень знаний в данной сфере и прививать грамотные практики пользования.

"АМПУЛА В ЦИФРЕ: ПОВЕДЕНИЕ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ"

Кузнецов Егор Алексеевич

*(Московский государственный институт (университет) международных отношений
МИД РФ, одинцовский филиал)*

Ярлова Татьяна Викторовна

*(Московский государственный институт (университет) международных отношений
МИД РФ, одинцовский филиал)*

Аннотация: современное общество переживает эпоху цифровизации, которая меняет не только способы взаимодействия людей, но и глубже, на уровне психологии и социальной структуры. Цифровые технологии легко проникают в повседневную жизнь, формируя новые модели поведения и вливаясь в привычные нормы. Мы живем в мире, где информация становится доступной в одно касание, а общение происходит чаще через экраны, чем лицом к лицу. Эти изменения затрагивают все аспекты человеческого существования — от простой коммуникации до профессиональной деятельности и личных взаимоотношений. Новые ампула, которые люди принимают в цифровом пространстве, и каждая из этих ролей имеет свои особенности и психологические характеристики. Пользователи становятся не только активными создателями контента, но и пассивными потребителями информации, защитниками или критиками, а также исследователями цифровых культур. В данной статье мы рассмотрим, как цифровизация трансформирует поведение общества, какие новые ампула возникают в виртуальной среде и как это влияет на индивидуальное и коллективное сознание. Мы также обратим внимание на важные аспекты воздействия цифровизации на психическое здоровье и социальные связи, анализируя как позитивные, так и негативные тенденции.

В настоящее время, важно понимать, что в условиях постоянной цифровизации, ампула каждого из нас — это не только отражение личных предпочтений, но и результат гораздо более сложного взаимодействия с окружающей средой. Именно на этом пересечении личного и социального нам важно сосредоточивать внимание при проведении исследований [1].

В цифровую эпоху отдельные индивиды и группы могут демонстрировать как набор неких ролей, которые они могут принимать в виртуальных пространствах и в которых они формируют своё поведение, идентичность и взаимодействие с окружающими. В отличие от традиционных ампула, которые возникали в контексте реального физического присутствия и социального взаимодействия, цифровые ампула более гибкие и многогранные. Это связано с тем, что пользователи могут одновременно исполнять несколько ролей, меняя их в зависимости от контекста и представляемой цифровой платформы [2].

Таким образом, цифровые платформы могут существенно влиять на формирование и изменение общественных ролей и оказывать влияние на социальную среду, в которой социальные сети, блоги, видеоплатформы и другие цифровые интерфейсы предлагают пользователям уникальные возможности для самовыражения и взаимодействия.

Например, кто-то может быть экспертом в определенной области или креативным контент-креатором, получая признание и осуществляя взаимодействие с аудиторией. Это приводит к появлению новых общественных фигур, таких как «инфлюенсеры», «лидеры мнений» и «критики», которые влияют на ценности и нормы поведения в обществе и общественное мнение.

Таким образом, ампула в цифровую эпоху — это не просто роли, а активные позиции людей в постоянно меняющемся ландшафте, где каждый индивид имеет возможность формировать и пересматривать своё место в обществе. Этим подчеркивается необходимость адаптации и критического осмысления влияния цифровизации на личные идентичности и общественные структуры.

В тоже время, цифровизация обладает и определенными недостатками. Например, она преобразует способы, которыми люди общаются. Традиционные формы взаимодействия, такие как личные встречи и телефонные разговоры, постепенно заменяются текстовыми сообщениями и видеозвонками. Это может привести к снижению уровня межличностной близости и эмоциональной связи.

К основным достоинствам онлайн-коммуникаций, которыми становятся все более важными в настоящее время, можно отнести способность людей объединяться по интересам, независимо от их географического положения. Это создает новые возможности для общения, что устраняет чувство изоляции у тех, кто предпочитает виртуальную среду реальным встречам [3].

В эпоху цифровых технологий анонимность достигла новых уровней, что открыло возможности для более свободного и разнообразного самовыражения. Многие платформы и анонимные мессенджеры, позволяют пользователям взаимодействовать без указания реальных имен, что создает пространство для честных обсуждений, креативного самоопределения и экспериментов с идентичностью. Такая анонимность также способствует снижению давления социальных норм и общественного мнения, позволяя людям свободно выражать свои мнения и идеи, которые они, возможно, не осмелились бы озвучить в офлайне. Однако эта анонимность также несет в себе и риски, такие как распространение дезинформации, кибербуллинг и токсичное поведение. Поскольку пользователи могут скрывать свою идентичность, то это может приводить к менее ответственному поведению, что поднимает вопросы о границах свободы слова и этики в цифровом пространстве. В социальных сетях пользователи создают и управляют своими идентичностями, выбирая, какие аспекты своей жизни они хотят представить. Это приводит к феномену множественных идентичностей: один и тот же человек может выглядеть совершенно по-разному в различных цифровых пространствах. Такой подход к самопрезентации вызывает множество вопросов. Пользователи могут испытывать диссонанс между тем, кем они являются в реальной жизни, и тем, кем они представляются в сети. Это может создавать стресс и давление для постоянного соответствия представленным образам. Кроме того, с распространением таких технологий, как глубокие фейки и средства редактирования изображений, границы между подлинностью и искусственностью становятся все более расплывчатыми, что усложняет процесс формирования идентичности. В связи с этим, важно учитывать, что возвращение к анонимности и изменение идентичности в цифровую эпоху — это сложный и многогранный процесс, обладающий как позитивными, так и негативными аспектами [4].

С одной стороны, это открывает новые горизонты для самовыражения и экспериментов с идентичностью, а с другой стороны, приводит к новым вызовам и проблемам, связанным с подлинностью и стрессом, который может возникнуть из-за необходимости управлять несколькими версиями демонстрации себя. Например, кибербуллинг стал одной из наиболее обсуждаемых проблем в области цифровых технологий и психологии в последние годы [5].

Это форма агрессии, которая проявляется через цифровые каналы, такие как социальные сети, мессенджеры и форумы. Кибербуллинг может принимать множество форм: от оскорблений и запугиваний до распространения слухов и публикации личной

информации без согласия пострадавшего. В отличие от традиционного буллинга, кибербуллинг может быть анонимным и происходить 24/7, что усугубляет негативные последствия для жертв. Анонимность дает агрессорам чувство безнаказанности, что порой приводит к более грубым и жестким формам взаимодействия, нежели в офлайне.

Для изучения этого феномена исследователи обращаются к различным дисциплинам, используя социологию, психологию и медиакоммуникации, что позволяет понять механизмы возникновения и распространения кибербуллинга, а также выявить факторы риска и защитные механизмы для жертв. Последствия кибербуллинга могут быть серьезными как для отдельных индивидов, так и для сообществ в целом. Жертвы кибербуллинга часто испытывают сильный стресс, тревожность, депрессию и даже суицидальные мысли. Социальная изоляция, потеря уверенности в себе и проблемы с самооценкой — это также распространенные последствия для тех, кто стал жертвой онлайн-агрессии.

Цифровизация в целом влияет на экономические процессы и глубоко преобразует рынок труда, создавая новые экономические роли и профессии. Это переход, связанный с внедрением технологий, которые меняют требования к навыкам и способностям работников. Появление таких профессий, как специалисты по данным, блокчейн-разработчики, UX/UI-дизайнеры и эксперты по кибербезопасности, иллюстрирует, как происходят изменения в профессиональных сферах.

Кроме того, традиционные профессии также претерпевают трансформацию. Например, даже в таких сферах, как производство и сельское хозяйство, внедрение автоматизации и цифровых технологий изменяет подход к работе: от процессов к управлению данными и анализу в реальном времени. Работники должны адаптироваться к новым условиям, осваивая навыки работы с цифровыми технологиями, чтобы оставаться конкурентоспособными. Многие специалисты сталкиваются с необходимостью переподготовки и повышения квалификации в процессе своей карьеры. Образовательные учреждения и инициативы по навыкам становятся критически важными для подготовки кадров, готовых к требованиям цифровой экономики.

Цифровизация также влияет на классовые и социальные структуры общества [6]. С одной стороны, она создает возможности для социальной мобильности и вступления новых участников в экономику, включая фрилансеров и малые бизнесы. Например такие платформы, как краудфандинг и онлайн-торговля, позволяют людям запускать собственные проекты и находить финансирование без традиционных барьеров. С другой стороны, цифровая экономика может привести к углублению неравенства. Классовая структура может изменяться, так как доступ к технологиям, образованию и инвестициям становится решающим фактором для успеха в новой экономике. Люди без доступа к интернету или необходимым цифровым компетенциям рискуют оказаться на обочине экономической жизни [7]. Это создает новые барьеры и проявляет неравенство в образовании, возможностях трудоустройства и доходах. Кроме того, формирование «цифрового пролетариата» — работников, занятых на платформах и в условиях гибкой занятости, часто лишённых социальных гарантий — становится еще одной серьезной проблемой. Условия труда, неурегулированные рабочие отношения и отсутствие стабильности могут ухудшать качество жизни таких работников. Взаимодействие цифровизации и социально-экономических структур продолжает оставаться предметом активных исследований и обсуждений, поскольку это явление затрагивает значительные аспекты жизни общества и экономики. В конечном итоге, для успешной навигации в этой новой реальности важно искать баланс между инновациями и социальной справедливостью. С быстрым развитием технологий, таких как искусственный интеллект (

далее - ИИ), виртуальная и дополненная реальность, блокчейн и интернета вещей, мы можем ожидать значительные изменения в трудовых ролях и поведении людей в различных сферах.

С цифровизацией также возникает необходимость пересмотра социальных норм и правил поведения. Вот некоторые направления, которые требуют внимания:

1. Этика и ответственность: с распространением технологий, таких как ИИ, важно переосмыслить вопросы этики, конфиденциальности и защиты данных. Уровень ответственности, который несут разработчики и компании, будет требовать новых норм поведения в сфере бизнеса и технологий.

2. Новые формы взаимодействия: Цифровые коммуникации изменяют способы, которыми люди взаимодействуют друг с другом. Это может приводить к новым социальным нормам, например, более открытым и гибким подходам к сотрудничеству, совместной экономике и взаимодействиям на платформенных моделях.

3. Рабочие отношения: условия труда и границы между личной и профессиональной жизнью становятся размытыми. Необходимость создания норм, регулирующих удаленную работу и использование технологий для повышения эффективности при сохранении баланса ментального здоровья и жизненного пространства, становится все более актуальной.

4. Инклюзия и различие: необходимо пересмотреть подходы к инклюзии и равенству. Обеспечение равного доступа к технологиям и навыкам становится важной социальной задачей, которая требует новых норм поведения и инициатив как на уровне государственных структур, так и на уровне общества.

В целом, будущее амплуа в условиях дальнейшей цифровизации будет не только технологическим, но и социальным процессом, требующим ответственного подхода к новым вызовам и возможностям. Адаптация к изменениям станет необходимостью для личной и профессиональной перспективы каждого человека, бизнеса и общества в целом. Адаптация к цифровым изменениям – это многогранный процесс, который требует взаимодействия всех слоев общества. Применение указанных рекомендаций поможет создать более устойчивую и готовую к изменениям среду, в которой каждый сможет успешно интегрироваться в цифровую эпоху.

В мире, стремительно погружающемся в цифровизацию, каждый из нас играет важную роль в формировании и развитии цифрового общества. Важно не только активно использовать технологии, но и осознавать, как именно мы занимаем свои амплуа в этом пространстве. Каждый наш шаг, каждое взаимодействие и каждое сообщение, отправленное в сеть, имеют свои последствия и могут оказывать влияние на окружающих [8].

1. Ярлова Т.В., Плевако Е.Т. "Разработка механизма привлечения инвестиций в компании ТЭК в условиях цифровизации."— *Вопросы экономики и права*. 2024. №191. С. 87-100.
2. Бендер, С. "Цифровая сводка: Как цифровизация влияет на общество и индивида". — Спб.: Питер, 2020.
3. Ишанкулов Д. "Управление человеческим капиталом в рамках искусственного интеллекта." — В сборнике: *инновационные исследования: проблемы внедрения результатов и тенденций развития. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции в 2 частях*. Стерлитамак, 2022. С. 133-140.
4. Смирнов, Н. "Информационное общество: Технологии, культура и коммуникация". — М.: Альпина Паблишер, 2021.
5. Ярлова Т.В., Амирасланов Р.Ф.О. "Особенности инновационной политики в условиях цифровой трансформации В сборнике: *Энергетическая политика и стратегии инновационного развития компаний топливно-энергетического комплекса в парадигме цифровизации.*" — Сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава и студентов по результатам Международной научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 237-246.
6. Шерменев, А. "Культура цифрового взаимодействия: Влияние технологий на социальное поведение". — Киев: Наш формат, 2020.
7. Дьюи, Дж. "Опыт и образование: Как образование реагирует на изменения в обществе". — М.: АСТ, 2018.
8. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. №400.
9. Ярлова Т.В., Скворцов Д.С. "Внедрение современных цифровых технологий на предприятиях тэк" — *Естественно-гуманитарные исследования*. 2022. № 44 (6). С. 345-348.
10. Ярлова Т.В., Амирасланова А.Э. "Влияние цифровых технологий на качество жизни современного общества 2" — *Московский экономический журнал*. 2022. Т. 7. № 10.
11. Ярлова Т.В., Калинин В.В. "Цифровая трансформация образования в рос сии: каким должен быть преподаватель в цифровую эпоху" — *Педагогическое образование и наука*. 2021. № 2. С. 92-95.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН

Кузнецова Полина Юрьевна

(Пермский национальный исследовательский политехнический университет)

Важнейшим направлением развития современного государства является внедрение цифровых технологий в различные сферы публичного управления. Этот процесс получил название цифровой трансформации, под которой понимается «совокупность действий, осуществляемых государственным органом, направленных на изменение (трансформацию) государственного управления и деятельности государственного органа по предоставлению им государственных услуг и исполнению государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность в определенных целях» [1]. Вместе с тем, цифровые технологии и сервисы применяются не только для совершенствования, повышения эффективности управления, но и обеспечивают реализацию клиентоцентричного подхода во взаимодействии общества и власти. Цифровизация государственных услуг, их перевод в электронную форму, развитие сети МФЦ минимизируют непосредственное взаимодействие граждан и органов власти, позволяют оптимизировать сроки предоставления услуг, обеспечивают прозрачность и открытость процессов принятия решений, обеспечивают доступность получения гражданами и организациями государственных и муниципальных услуг. Важнейшей целью национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» является внедрение цифровых сервисов для улучшения комфорта и качества жизни граждан. Современные федеральные и региональные цифровые сервисы, в том числе, Единый портал государственных и муниципальных услуг, региональные порталы, информационные системы в сферах образования, здравоохранения, социальной защиты и др., способствуют реализации конституционных прав и законных интересов граждан.

При этом важнейшим конституционным правом граждан является участие в управлении делами государства. В соответствии с Конституцией РФ и федеральным законодательством, это право реализуется на государственном и муниципальном уровнях посредством участия в выборах, референдумах, публичных слушаниях (общественных обсуждениях) и в других формах непосредственного участия. Непосредственные коммуникации между властью и обществом являются неотделимым элементом демократического управления, обеспечивающим соответствие государственной политики общественным запросам, поддержку действий властей со стороны общества. Так, Ю.Хабермас отмечал, что совместная воля образуется за счет уравнивания интересов и достижения компромисса, за счет целерационального выбора средств, морального обоснования и проверки на юридическую связанность. Если формы коммуникации в достаточной мере институционализированы, то диалогическая и инструментальная политики средствами делиберализации могут достичь сопряжения [2, 391]. Именно поэтому, важным является внедрение цифровых сервисов не только в систему предоставления государственных и муниципальных услуг, но и в другие формы взаимодействия государства и общества. Считается, что внедрение цифровых сервисов в реализацию форм гражданской активности позволит расширить участие граждан в принятии решений, в контроле деятельности органов власти. Поскольку граждане значительную часть времени проводят в цифровой среде, а компьютеры, смартфоны, социальные сети являются неотъемлемой частью информационного обеспечения жизнедеятельности населения, цифровизация как процесс технологизации определенных действий становится способом выстраивания тесных коммуникаций власти и общества.

Ключевыми направлениями развития цифровой демократии является привлечение граждан к обсуждению и принятию решений на всех уровнях управления. Речь идет о реализации избирательных прав граждан, участия в обсуждении проектов решений органов власти, реализации общественного контроля. Цифровизация форм демократии реализуется через электронные сервисы для голосования, электронные площадки изъясления мнений граждан по различным вопросам, в том числе, голосования за проекты развития общественных пространств, оценка качества предоставления государственных и муниципальных услуг.

В 2024 году на выборах президента РФ впервые применялось дистанционное электронное голосование (ДЭГ). Оно действовало в 29 регионах РФ [3]. Жители 28 регионов страны голосовали на специальном портале vybory.gov.ru, а избиратели Москвы — через региональную платформу для голосования mos.ru. На 1 января 2024 года в стране было зарегистрировано 112 309 млн. избирателей. На портале ДЭГ для осуществления дистанционного электронного голосования зарегистрировались 4 767 974 россиян [4]. Приняли участие в голосовании 4 413 884 человек (93% от числа зарегистрированных) [5]. Таким образом, в стране 4 % избирателей проголосовало дистанционно. Статистика по субъектам РФ, в которых проходило дистанционное голосование, является неоднородной. Наибольшее количество избирателей, использовавших ДЭГ (26%) зарегистрировано в Чувашской республике, на втором месте - Камчатский край (20%), на третьем – Алтайский край (16%). В наименьшей степени популярной такая форма голосования оказалась в Калининградской области (8% избирателей). Что касается возрастного состава голосовавших на электронных выборах, то самую большую группу составили граждане в возрасте с 35 до 50 лет (42% от общего числа). Молодая часть избирателей (18 – 35 лет) составила 33% [6]. Доминирование средней возрастной группы объясняется высокой вовлеченностью ее представителей в систему государственных цифровых сервисов. В целом, следует отметить, что степень применения электронного голосования пока является достаточно низкой. Следует отметить, что результаты опроса ВЦИОМ, проведенного в сентябре 2024 г. показали, что 87 % россиян осведомлены о возможности электронного голосования. Однако 63% высказались за использование традиционной формы голосования. В качестве проблемы следует отметить, что 30% россиян в качестве риска электронного голосования считают снижение прозрачности, честности электорального процесса [7].

Однако, опыт стран, которые на протяжении длительного периода используют электронную форму голосования, показывает, что с каждым годом, во-первых, растет количество избирателей, предпочитающих голосование в электронной форме, во-вторых, простота и доступность электронного голосования приводят к увеличению количества избирателей, принявших участие в голосовании. Например, в Эстонии, впервые электронное голосование было использовано на выборах в органы местного самоуправления в 2005 г. и данную форму голосования использовали 1,9% голосовавших на выборах. Уже в 2021 г. при голосовании на местных выборах, электронную форму голосования использовали 46,9% проголосовавших. Аналогичная тенденция наблюдается на выборах в эстонский парламент. Если в 2007 г. доля проголосовавших электронно составила 5,5% от общего числа, то в 2023 году – 51,1%. Что касается явки избирателей на выборы, то если в 2005 г. на муниципальных выборах она составила 47,4%, то в 2021 г. - 54,7% [8].

Таким образом, внедрение цифровых сервисов не только обеспечивает высокий уровень доступности и качества предоставления государственных и муниципальных услуг, но также активизирует участие граждан в различных формах общественной активности, в

том числе, в такой важнейшей, как выборы. Актуальным является тиражирование опыта участия в электронном голосовании, информирование граждан о самой системе электронных выборов, механизмах их реализации, способах обеспечения информационной безопасности, расширение применения электронного голосования на все регионы страны. Поэтому, полагаем, что дальнейшая практика применения в России электронных сервисов для голосования на выборах всех уровней, одновременно с проведением активной информационной кампании в поддержку данной формы голосования, позволит повысить электоральную активность граждан, активизирует кандидатов и политические партии к расширению форм и методов работы с избирателями, повысит политическую активность и вовлеченность граждан.

1. *Постановление Правительства РФ от 10 октября 2020 г. № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами» [электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74649576> (дата обращения 01.10.2024).*
2. *Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории / под ред. Д. В. Скляднева : пер. с нем. Ю. С. Медведева. - Санкт-Петербург: Наука, 2008. – 415 с.*
3. *В России завершились выборы президента [электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/03/17/end/> (дата обращения 20.09.2024).*
4. *Более 90% зарегистрированных на платформе ДЭГ россиян проголосовали онлайн [электронный ресурс]. URL: <https://www.dp.ru/a/2024/03/17/bole-90-zaregistrirrovannih> (дата обращения 18.09.2024)*
5. *Портал дистанционного электронного голосования ЦИК России [электронный ресурс]. URL: <https://stat.vybory.gov.ru/federal/416205a1-fbff-46a8-9659-f05ed2594bde/results> (дата обращения 01.10.2024)*
6. *Явка избирателей на платформе ДЭГ составила 94% [электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/49836/> (дата обращения 01.10.2024)*
7. *Дистанционное электронное образование: мониторинг [электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-monitoring-2> (дата обращения 01.10.2024)*
8. *Статистика электронного голосования [электронный ресурс]. URL: <https://www.valimised.ee/ru/arkhiv-proshedshikh-vyborov/statistika-elektronnogo-golosovaniya> (дата обращения 01.10.2024)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАТ-БОТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Кузьмин Виктор Сергеевич
(Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС)

Шевченко Анастасия Олеговна
(Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС)

Общество в целом, и участники образовательного процесса, в частности, в высших учебных заведениях, достигли такого уровня взаимодействия с компьютерными программами (искусственным интеллектом на основе больших языков или общих моделей), при котором его дальнейшее развитие может привести как к весьма позитивным, так и к крайне негативным последствиям. В данной статье мы рассмотрим позитивные и негативные аспекты использования чат-ботов; риски, связанные с увеличением роли чат-ботов; реальный успешный пример их применения на основе нейросетей в учебной среде.

В работе “Концепция информационно-методической поддержки использования информационных систем на основе искусственного интеллекта в подготовке студентов” авторства Каракозова С.Д. и Самохваловой Е. А., указывается на то, что уже в современных условиях развития ЦСО можно говорить о персонифицированном подходе к каждому ученику [2, 23]. Как считает Елшанский С.П., образовательные платформы на основе искусственного интеллекта будут адаптироваться под каждого отдельного ученика для достижения большей эффективности. На данный момент автоматизированные информационные системы уже существуют. Примером тому может послужить программа HelpDesk. Системы HelpDesk начали активно развиваться в 1980-х годах, когда компьютеризация в компаниях набирала обороты. Первая версия HelpDesk выглядела как простая телефонная поддержка, где специалисты записывали заявки от пользователей на бумаге или электронных таблицах. Вскоре компании осознали, что нужно улучшить процессы обработки и отслеживания этих заявок. Так появились специализированные программные решения для HelpDesk, которые позволяли регистрировать, отслеживать и управлять обращениями от пользователей. Данная платформа уже позволяет ускорять и упрощать образовательные процессы, собирая необходимые персональные данные учеников и проводя аналитику с целью последующего внедрения более эффективных индивидуальных учебных практик. Вследствие постепенной цифровизации общества и необходимости оперативной поддержки обучающихся онлайн-платформ, HelpDesk начала внедряться в образовательные структуры.

Однако, ИИ способен значительно быстрее обрабатывать запросы пользователей, позволяет предоставлять доступ к образовательным материалам в любом удобном формате а также интерактивно взаимодействовать с каждым учеником на качественно более высоком уровне персонификации [2, 26].

Наряду с выполнением ключевой задачи чат-ботов в виде автоматизации учебных процессов, проявляются как положительные, так и негативные эффекты от использования ИИ. Среди преимуществ на первый план выходит явное сокращение времени во взаимодействии педагогов и студентов. В частности, у педагогов появляется возможность передать для ответа в чат-ботах организационные вопросы в виде расписаний, учебных планов, сессий и т.д., тем самым облегчить свою работу и выделить время на разработку, например, перспективных образовательных программ. Студенты, в свою очередь, не ждут продолжительное время ответов на волнующие вопросы и находят решение моментально.

Разнообразие вариантов коммуникативного процесса является наиболее отличительным преимуществом при использовании чат-ботов в сфере образования. Так, чаще всего в высших учебных заведениях можно встретить взаимодействие с помощью электронной почты, на которую преподаватель скидывает учебный материал. Чат-боты же, могут заранее содержать или искать всю необходимую литературу для учебного плана, что позволяет быстро находить информацию и опираться на неё в процессе коммуникации. В статье “Эффекты и перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта” верно подмечено, что «чат-боты являются эффективными вспомогательными средствами там, где нужно оперировать быстрыми фактами, предлагать конкретные инструкции и схемы действий» [3, 149].

Ключевой особенностью чат-ботов является учет индивидуальных запросов, особенностей. В основу базы данных таких ИИ закладывается цифровой опыт, уникальные характеристики, стиль общения пользователя, под которые подстраивается чат-бот и выдаёт соответствующие ответы.

Одной из самых привлекательных сторон для студентов является возможность геймификации учебного процесса с помощью чат-бота. Чат-бот может предлагать пользователям изучать новые темы или осуществлять самоконтроль в игровой форме, например, прохождение квестов с системой вознаграждения и рейтингов среди всех студентов. Освоение чат-ботов повышает медиаграмотность, овладение различными компетенциями, которые появляются в связи с расширением возможностей ИИ. Так, уже находясь на этапе академического обучения у студентов появляется всё больше перспектив для знакомства с алгоритмами чат-бота, освоением контент-анализа и у уверенного пользователя такого ИИ, безусловно, больше преимуществ при принятии на работу, в частности, связанную с техническими специальностями и большим объемом данных.

МПГУ является одним из высших учебных заведений, успешно пользующихся на данный момент времени чат-ботами в сфере образовательного процесса. С помощью общедоступной и понятной для обыкновенных пользователей платформы Aimylogic, авторы статьи “Мобильные технологии в образовании” [1, 141], создали чат-бот “ЦИФРА”. У учащихся МПГУ появилась возможность получить в любое удобное время доступ к учебным материалам и лекциям в формате текста и видео, а у преподавателей освободилось время, так как чат-бот предоставляет информацию о сроках сдачи сессии, мероприятиях, рекомендуемой литературе и т.д. Безусловно, отчасти эту информацию можно найти и на сайте вуза, однако авторы провели исследование, по результату которого отметили, что “студенты использовали доступ к учебным материалам во время аудиторных и внеаудиторных занятий через чат-бот (809 обращений) и через сайт (291 обращение). На сайт студенты входили только в день занятий, чат-ботом через мобильный мессенджер пользовались ежедневно” [1, 141]. Это подтверждает приоритетность в выборе чат-ботов у студентов.

Касательно негативных эффектов использования ИИ, реальная ситуация складывается вполне предсказуемым образом. Если 3 года назад благодаря социальным медиа появилось «клиповое мышление» посредством всеобщей популярности коротких видео-роликов, то сейчас этот тренд ещё более усугубляется, в связи с тем, что потребителям нужна максимально краткая информация в быстрый срок. Стоит отметить, что проводились исследования, доказывающие, что подобный тип контента вызывает привыкание у потребителей к быстрым дозам дофамина и снижению приоритетности в выборе более долгосрочных, сложных активностей.

Несмотря на постепенную цифровизацию российского общества, технологии доходят неравномерно в регионы нашей страны. В связи с этим, далеко не в каждом городе

можно встретить человека, понимающего в целом что такое ИИ, хотя и повсеместно создается иллюзия доступности чат-ботов.

Помимо очевидных кризисов традиционных форматов обучения, поиска информации и его анализа, «распространение чат-ботов и иных технологий искусственного интеллекта грозит снижением роли и статуса педагога в системе школьного образования» [3, 152]. Это очень верно подмечено, так как на примере чат-бота МПГУ мы видим, что лекции, практические задания и задания для самоконтроля способен предоставлять чат-бот в любом удобном формате: текст или видео, что даже лучше, нежели очное слушание лекций.

Один из самых значительных рисков выпадает на конфиденциальность информации. Возникает вопрос о том, как могут храниться, обрабатываться и передаваться персональные данные. Так, известный «ChatGPT» уже весной 2023 года столкнулся с официальным блокированием в Италии. Решение властей полагалось на несоблюдении правил конфиденциальности, выявленных фактов утечки персональных данных и, самое главное, невозможности осуществления контроля за тем, куда и в какие руки переходит информация, особенно если это чат-боты в телеграме. Это действительно имеет место быть не только в Италии, но и в других странах и с этим необходимо бороться, продумывать особенную политику в сфере ИИ, так как на данный момент уже можно увидеть, что чат-боты постепенно могут нарушать первый закон робототехники, согласно которому робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред.

В заключение можно сказать, что внедрение технологий искусственного интеллекта в сферу образования, происходящее на фоне активной цифровизации всех общественных институтов и процессов, сулит как преимущества, так и недостатки. Нейросети способны значительно повысить эффективность обучения и упростить работу преподавателей, предоставляя персонализированные образовательные траектории, автоматизируя рутинные задачи и открывая доступ к огромным объемам информации. Однако нельзя забывать, наряду с этими положительными моментами, возникают новые вызовы. Необходимо учитывать риск неравномерного доступа к технологиям, что может усугубить социальное неравенство в образовании. Кроме того, важно обеспечить этическую регуляцию применения ИИ в образовании, чтобы предотвратить злоупотребления и сохранить ценность человеческого взаимодействия в процессе обучения. И эти, как и многие другие проблемы, человечеству предстоит решить в новом цифровом обществе будущего.

1. Глотова М.Ю., Самохвалова Е.А. Мобильные технологии в образовании // *Преподаватель XXI век*. 2022. № 1. Часть 1. С. 138–149. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-138-149
2. Каракозов Сергей Дмитриевич, Самохвалова Евгения Александровна **КОНЦЕПЦИЯ ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ** // *Преподаватель XXI век*. 2024. №1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-informatsionno-metodicheskoy-podderzhki-ispolzovaniya-informatsionnyh-sistem-na-osnove-iskusstvennogo-intellekta-v> (дата обращения: 02.10.2024).
3. Склярова Н.Ю., Бродовская Е.В., Огнев А.С., Лукушин В.А. Эффекты и перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в российскую систему школьного образования // *Преподаватель XXI век*. 2023. № 3. Часть 1. С. 146–168. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-3-146-168

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ МОБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ИТ-РЕЛОКАНТОВ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКИХ, АРМЯНСКИХ И КИТАЙСКИХ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ)

*Куражев Сергей Дмитриевич
(Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет (ЛЭТИ))*

*Дерюгин Павел Петрович
(Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет (ЛЭТИ))*

При финансовой поддержке гранта РФФИ No 24-18-00261

Аннотация: В данной статье мы рассматриваем первичные результаты опроса ИТ-специалистов, а также проводим сравнительный анализ ценностей, для понимания роли и соотношения социальных и профессиональных ценностей в выборе стратегий мобильности.

Ключевые слова: ИТ-специалисты, релоканты, ценностные основания, стратегия мобильности, сравнительный анализ.

Актуальность данной темы заключается в том, что в российском обществе ценности, на которых строятся стратегии социальной мобильности российских ИТ-специалистов, подвержены противоречивому влиянию различных социальных факторов, которые влияют на выбор стратегий социальной мобильности среди этих специалистов.

Методика эмпирического исследования предполагала оценку ИТ-специалистами важности и значимости – ценностей составляющих конфигурации современного общества [3]. Эта работа осуществлена посредством интернет-опроса. Экзистенциальные признаки различных конфигураций современного общества специфически характеризуют основные социальные институты и ценности людей, разделяющих эти ценности, и разделяемые этими ценностями. Такие же системы индикаторов определялись и формулировались для других социальных систем – интеракций, сетей, потоков. В свою очередь ценности могут выступать эмпирическими индикаторами, характеризующими личностное восприятие и идентификацию с той или иной формой социальной системы. В качестве основных показателей ценностей нами были определены наиболее устойчивые элементы социальной системы: экономическое благосостояние; политическая власть; социальное единство, культурно-духовная гармонизация, характеристика личности, основной принцип жизни в обществе. На основе этого мы подготовили анкету и провели опрос.

Всего нами было опрошено: 227 ИТ-специалистов, из которых 50 – российские ИТ-специалисты релоцировавшиеся в Армению, 52 – армянские ИТ-специалисты, 50 – российские ИТ-специалисты в России, 75 – китайские ИТ-специалисты.

Результаты исследования у нас получились следующие:

Социальная жизнь. Наибольшее единство представлений о ценностях российских релокантов и других групп респондентов отмечена в плоскости понимания характеристик социальной жизни. Напомним, что в число индикаторов этого параметра входили вопросы о равенстве социальных групп и ответственности, возможности диалога и взаимодействия между людьми, развитие горизонтальных сетевых связей, перемещение людских, материальных и информационных потоков. Значение социальных ценностей недооценивается в среде айтишников, когда, например, речь идет о кооперативных

компетенциях, требующих особого внимания в рамках конкретных организаций [1, 8]. У российских релокантов сложилось практически единые представления с российскими ИТ-специалистами, а также с армянскими ИТ-специалистами. Единодушное у всех исследуемых групп респондентов сложилось мнение о важности диалога и взаимодействия, как показателя уровня социальности. Этому индикатору все опрошенные респонденты, включая российских релокантов, присвоили 1-й ранг. Значительно менее важным оценивались респондентами индикаторы о перемещении потоков, в том числе информационных потоков, как современного показателя социального единства и коммуникаций, этот индикатор оказался на последних местах рейтинга у всех участников опроса. Такое высокое единство в представлениях о ценностях социального порядка в среде ИТ-специалистов показывает, что мотивами их мобильности может выступать поиск условий для реализации показанных характеристик социальной жизни, как важных целей и ориентаций осуществлений перемещений и изменений.

Политика. Конкретными индикаторами политики стали вопросы о роли государства в современном обществе и деятельность политических элит, представления о роли интернет-технологий в современной политической деятельности, о политике как средстве снижения глобальной напряженности и консолидации народов мира. Российские релоканты имеют схожие представления о ценностях политической деятельности с российскими ИТ-специалистами, но это сходство снижается среди армянских ИТ-специалистов и еще более минимально среди китайских ИТ-специалистов.

Самый высокий уровень единства оказался при оценивании респондентами роли политики как механизма обеспечения государственной монополии в управлении обществом. Российские и армянские ИТ-специалисты показали, что это самая важная политическая задача. У китайских ИТ-специалистов настоящий индикатор оказался на третьем месте. ИТ-специалисты единогласно оценили политику как результат договоренности элит общества, и этот параметр занял высокие места в рейтинге. Респонденты всех групп ИТ-специалистов также единогласно оценили возможности современной политики для снижения глобальной напряженности и консолидации народов мира. Но реальная возможность реализации этого у ИТ-специалистов скорее вызывает сомнение. Противоречиво оценивается роль интернет-технологий в мобилизации людских ресурсов. У российских релокантов и армянских ИТ-специалистов этот параметр оказался на последнем месте. Напротив, этот показатель занимает второй уровень рейтинга у российских ИТ-специалистов и первый уровень рейтинга у китайских ИТ-специалистов.

Экономика. В число оцениваемых индикаторов входили представления об экономике, как о деятельности, обеспечивающей объемы и рост материальных ресурсов, важность форм экономического сотрудничества с другими странами, целесообразность развития сетевых связей предприятий и свобода доступа и передвижения мировых ресурсов. ИТ-специалисты Армении и Китая имеют разногласия в понимании экономического развития. Российские релоканты имеют схожие взгляды с российскими ИТ-специалистами. Респонденты всех групп согласны по поводу важности международного экономического сотрудничества. Российские и армянские ИТ-специалисты высоко оценивают роль экономики, в то время как для китайских айтишников этот показатель менее важен.

Культура. Самыми противоречивыми ценностями характеризуются духовные и культурные ориентации, нацеленные на достижение согласия и взаимопонимания, которые выступают важным основанием солидарности. [2, 28]. В качестве индикаторов измерения этого параметра выступали формирование общих идеалов и интересов общества; обмен ценностями между различными социальными группами; расширение ценностных

горизонтов участников взаимодействия в социальных сетях; адекватное восприятие (принятие) ценностей различных сообществ.

Для российских релокантов наиболее важным показателем является способность воспринимать ценности других сообществ. Армянские ИТ-специалисты также оценили этот показатель высоко. Российские релоканты также высоко оценили способность обмениваться ценностями с представителями других групп. На третьем месте у российских релокантов – важность расширения ценностных горизонтов в социальных сетях. Формирование общих идеалов и интересов социума завершает список рейтингов. Культурные ценности китайских ИТ-специалистов отличаются от российских релокантов, преимущественно в отношении расширения горизонтов взаимодействия и коммуникаций в социальных сетях.

Личность. Понимание основных ценностей личности российскими релокантами совпадает в существенной мере с пониманием этих характеристик российскими ИТ-специалистами, а также армянскими ИТ-специалистами. В тоже время, между российскими релокантами и китайскими ИТ-специалистами разногласия по этому вопросу набирают отрицательный максимум. Для китайских айтишников общительность находится на 1-м месте, у российских релокантов – на последнем.

Кредо. Как и в предыдущем случае, основное правило современного социума у российских релокантов практически совпадает с российскими и армянскими айтишниками и противоречит китайским ИТ-специалистам. Если для российских релокантов наиболее важной характеристикой выступают изменения, то с точки зрения китайских ИТ-специалистов, это не самая лучшая характеристика.

Выводы: Ценности российских ИТ-релокантов, принятые в качестве основного объекта исследования в сравнении с ценностями представителей других групп айтишников, обладают важным свойством – на основе их анализа появляется возможность выявления, моделирования и системного описания факторов формирования тех или иных стратегий мобильности.

Рассмотренные особенности системы ценностей российских релокантов позволили определить роль и соотношение социальных и профессиональных ценностей в выборе стратегий мобильности, зафиксировать некоторое снижение ценностного единства релокантов в сравнении с ценностным единством российских ИТ-специалистов, характер и уровень связей с армянскими и китайскими айтишниками, охарактеризовать некоторые сложности социализации релокантов в условиях принимающего общества. Полученные данные эмпирического исследования будут использованы нами для дальнейшего изучения и проведения сетевого и корреляционного анализа.

1. *Бадмаева Э. С. Интегративный подход в профессиональной подготовке математиков-программистов // Вестник БГУ. 2013. №15. С.7-10.*
2. *Попов Е. А. Солидарность как явление современной культуры // Философия и культура. 2021. №11. С 26-31.*
3. *Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, О. В. Ярмук, Р. А. Травин // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 10-25. – DOI 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1. – EDN ZYTAGK.*

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО: КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

*Лебединцева Любовь Александровна
(СПбГУ)*

*Чжан Хайлунь
(СПбГУ, факультет социологии)*

При финансовой поддержке гранта РНФ № 24-18-00261

Аннотация. В данной статье обосновывается актуальность изучения формирующегося цифрового неравенства в современном обществе. Анализируются природа и причины появления цифрового неравенства, отмечаются особенности данного явления. Отмечается, что при анализе механизма цифрового неравенства необходимо использовать различные теоретические конструкции. Делается вывод, что цифровое неравенство способно воспроизводиться и усиливать другие формы социально-экономического неравенства в обществе.

Ключевые слова: Цифровое неравенство, механизм возникновения цифрового неравенства, интернет, ИКТ

Термин «digital divide» в настоящий момент является устоявшимся понятием, в переводе на русский язык обычно используются такие понятия как информационное неравенство, цифровое неравенство, цифровой разрыв, цифровой барьер, информационно-цифровое неравенство и изначально обозначал различия в доступе к современным ИКТ на основе простого деления людей на тех, кто имеет доступ к ИКТ и тех, кто не имеет такого доступа [1, 121].

Появившись в середине 1990-х годов, данный термин очень быстро оказался недостаточно корректным для обозначения многообразия проявлений различий в использовании ИКТ в современных обществах [2, 222]. Алампиев О.А. проводит семантический анализ понятия «барьер» (divide) и определяет его как «труднопреодолимое или непреодолимое препятствие, которое в качестве метафоры символизирует резкий качественный переход (в данном случае между индивидами и социальными группами)» [3]. При этом отмечается, что природа рассматриваемого феномена (digital divide) состоит в различиях в интенсивности и способах использования современных технологий и носит скорее континуальный характер (использование сети Интернет и мобильной телефонии на сегодняшний день широко распространено, но далеко не все используют его в одинаковой мере эффективно) [3]. Считается, что использование сети Интернет наиболее эффективным образом - для целей образования и научных исследований, коммерческой деятельности, никоим образом не препятствует его использованию для общения в социальных сетях, как это делает большинство населения. Помимо этого, использование термина «барьер» указывает на существование двух конкретно выделенных групп и может вызывать ассоциации с тем, что такая ситуация является стабильной, что ведет к искаженному пониманию данного явления [2, 223]. Таким образом, в современных обществах исчезает четкое деление на меньшинство, имеющее доступ к высоким технологиям, и большинство, которое доступа к ним не имеет, что делает метафору барьера нерелевантной для описания рассматриваемого феномена, состоящего в различиях в характере и

эффективности использования ИКТ между представителями различных социальных групп. В этой связи представляется более обоснованным использовать термин «цифровое неравенство».

Механизм возникновения цифрового неравенства. Для объяснения механизма возникновения и действия информационно-цифрового неравенства используют различные теоретические конструкции, в том числе концепцию диффузии инновации (предложенную Э. Роджерсом); модель принятия технологии (technology acceptance model); теорию мотивированного действия (theory of reasoned action) и теорию запланированного поведения (theory of planned behaviour); гипотезу о неравенстве в знании (knowledge gap hypothesis, предложенную Дж. Тиченором и соавторами); теорию капиталов П. Бурдые и т.д. [4]. Еще в 2001 г. ученый Д. Джанг с соавторами отметил, что цифровое неравенство работает по принципу петли обратной связи: люди с низким уровнем образования реже пользуются интернетом, что ограничивает их возможности в получении более высокого уровня образования, в свою очередь это снижает возможности использования интернета. И наоборот, люди с высоким уровнем образования чаще пользуются интернетом, что повышает их уровень информированности и способствует активному использованию интернета [5]. Таким образом, цифровое неравенство не только воспроизводит само себя, но и усугубляет прочие формы неравенства..

1. Положихина М. А. Информационно-цифровое неравенство как новый вид социально-экономической дифференциации общества // *Экономические и социальные проблемы России*. 2017. № 2. С. 119–141.

2. Dijk J. A. Digital divide research, achievements and shortcomings // *Poetics*. 2006. №34. pp. 221–235.

3. Аламиев О. А. Цифровое неравенство в современном белорусском обществе / *XXI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 22-23 марта 2018 г., Екатеринбург*. Екатеринбург: УрФУ, 2018. С. 1923-1943.

4. Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2016. № 5. С. 163–182.

5. Jung Joo-Young, Qiu Jack Linchuan, Kim Yong-Chan. Internet connectedness and inequality beyond the «divide» // *Communication Research*. 2001. Т. 28. № 4. P. 507–535.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА

*Легостаева Наталья Игоревна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Медяник Станислав Игоревич
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00701, «Поведенческие стратегии потребителей финансовых услуг в условиях кибермошенничества: междисциплинарный анализ», <https://rscf.ru/project/23-28-00701/>

Аннотация: Информационные и коммуникационные технологии, с одной стороны, развили потребительские практики в цифровой среде, но, с другой стороны, расширили возможности кибермошенников достигать все большее число потенциальных жертв. При этом ученые всего мира подчеркивают сложность в определении единого смыслового значения кибермошенничества и многообразии методов его исследования.

Ключевые слова: кибермошенничество, киберпреступления, киберриски, методы исследования, предмет исследования.

Понятие «кибермошенничество» тесно связано с категорией «киберпреступления» и чаще всего становится предметом изучения таких научных дисциплин, как виктимология и криминология. Ученые подчеркивают расплывчатость семантических границ киберпреступности, что способствует развитию терминологического разнообразия и в определениях кибермошенничества [9]. Учитывая широкую палитру определений кибермошенничества, исследователи приходят к единому знаменателю, что отличительной особенностью этого широко распространяющегося и быстро развивающегося явления современного общества выступает использование Интернета и телекоммуникационных сетей, что позволяет кибермошеннику находиться за «классическими рамками физической близости» с потенциальной жертвой и многократно увеличивает виды мошеннических действий [7].

В научных трудах, посвященных теме кибермошенничества, различаются не только методы, но и предмет исследования. Одни ученые сосредоточены на видах мошенничества: потребительское, лотерейное, романтическое, инвестиционное, мошенничество «419», мошенничество с трудоустройством, фишинг и т.д. [12], другие исследуют жертв кибермошенников [4], менее всего изучена личность самого киберпреступника [11]. В настоящее время появились исследования, посвященные современным инструментам, которые используют кибермошенники [1].

При изучении киберрисков и киберпреступлений некоторые исследователи использовали метод машинного обучения, что позволило им проанализировать затраты и вознаграждения злоумышленников и построить прогноз будет ли совершено киберпреступление или нет [5]. Другие ученые использовали метод анализа настроений на примере Twitter, который помог определить вероятность кибератаки [6]. Так же научные коллективы использовали байесовскую обобщенную линейную модель для выявления тенденций в области нарушения кибербезопасности [3].

Среди самых распространенных методов изучения разных аспектов кибермошенничества выступают телефонные и онлайн-опросы. Данные методы позволяют выявить социально-демографические, психологические, поведенческие характеристики

жертв цифрового мошенничества, а также определить их уровень финансовой грамотности [8; 10].

Другим распространенным методом выступает контент-анализ текстов кибермошенников, который дает возможность проанализировать стратегии дискурсивного манипулирования [2].

В рамках реализации гранта Российского научного фонда № 23-28-00701 «Поведенческие стратегии потребителей финансовых услуг в условиях кибермошенничества: междисциплинарный анализ» авторами в 2023 году был проведен онлайн-опрос "Определение профиля виктимности в условиях финансового мошенничества", в котором приняли участие 1018 российских респондентов. В результате кластерного анализа результатов онлайн-опроса были выделены 5 психологических профилей финансовых потребителей: 1 – интуитивный, 2 – ситуативный (спонтанный), 3 – рациональный, 4 – недоверчивый, 5 – осторожный (тревожный). В результате сформированной сводной таблицы профилей каждого кластера был разработан «финансовый индикатор рисков», который позволил классифицировать потребителей в соответствии с их типом стратегии финансового поведения и оценить уровень риска, связанный с их финансовыми стратегиями.

Так же авторы провели пилотажное качественное исследование - интервью с экспертами (5 информантов), в качестве которых выступили судьи, что позволило выявить социально-демографические и психологические характеристики жертв мошенников, некоторые личностные характеристики самих мошенников, а также пробелы в законодательстве Российской Федерации в области защиты прав граждан, пострадавших от мошеннических действий.

Таким образом, при развитии новых методов современной цифровой социологии значительную роль за собой сохраняют классические методы социологических исследований при изучении вопросов, связанных с темой кибермошенничества.

1. Василькова В. В., Легостаева Н. И. Цифровые технологии как инструменты кибермошенничества: типологический подход // *Теория и практика общественного развития*. – 2023. – №. 9. – С. 16–23.
2. Chilwa I. The discourse of digital deceptions and '419'emails // *Discourse studies*. – 2009. – Т. 11. – №. 6. – С. 635-660.
3. Edwards B., Hofmeyr S., Forrest S. Hype and heavy tails: A closer look at data breaches // *Journal of Cybersecurity*. – 2016. – Т. 2. – №. 1. – С. 3-14.
4. Fischer P., Lea S. E. G., Evans K. M. Why do individuals respond to fraudulent scam communications and lose money? The psychological determinants of scam compliance // *Journal of Applied Social Psychology*. – 2013. – Т. 43. – №. 10. – С. 2060-2072.
5. Foroughi F., Luksch P. Data science methodology for cybersecurity projects // *arXiv preprint arXiv:1803.04219*. – 2018.
6. Hernández A., Sanchez V., Sánchez G., Pérez H., Olivares J., Toscano K., ... & Martínez V. Security attack prediction based on user sentiment analysis of Twitter data // *2016 IEEE international conference on industrial technology (ICIT)*. – IEEE, 2016. – С. 610-617.
7. Jaishankar K. Victimization in the cyber space: Patterns and trends // *Cybercriminality: Finding a balance between freedom and security*. – 2012. – С. 91-106.
8. Jorna P. The relationship between age and consumer fraud victimisation // *Trends and Issues in Crime and Criminal Justice*. – 2016. – №. 519. – С. 1-16.
9. Manacorda S., Flor R., Oh Jang J. *Cyber-criminality: finding a balance between freedom and security*. – ISPAC, Milano, 2012.
10. Saridakis G., Benson V., Ezingard J.-N., Tennakoon H. Individual information security, user behaviour and cyber victimisation: An empirical study of social networking users // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2016. – Т. 102. – С. 320-330.
11. Shinder D. L., Cross M. *Scene of the Cybercrime*. – Elsevier, 2008.
12. Whitty M. T. Do you love me? Psychological characteristics of romance scam victims // *Cyberpsychology, behavior, and social networking*. – 2018. – Т. 21. – №. 2. – С. 105-109.

АЛГОРИТМЫ НЕРАВЕНСТВА: ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

*Литвинова Александра Игоревна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в высшее образование является частью глобального процесса цифровой трансформации, который оказывает значительное влияние на образовательные практики и общественные отношения. Переход в цифровую среду позволяет улучшить доступ к знаниям, повысить персонализацию обучения и оптимизировать административные процессы. Однако рост использования ИИ сопровождается новым видом социального неравенства — цифровым неравенством, которое проявляется как в доступе к технологиям, так и в различиях цифровых компетенций.

Актуальность заявленной проблемы обусловлена несколькими причинами. Во-первых, в России продолжается реализация национального проекта «Цифровая экономика», который предусматривает ускоренное внедрение цифровых технологий в экономику и социальную сферу [1]. Поскольку образование является важным социальным институтом, особенности проникновения технологий на различные его уровни заслуживает особого внимания.

Во-вторых, повышенный интерес к цифровым технологиям и их включению в образовательную среду и процессы вызвала пандемия covid-19. Образовательным учреждениям пришлось в моменте перестраиваться и искать технические решения для создания цифровой образовательной среды и организации дистанционного обучения. В частности, эта ситуация актуализировала дискуссии как в обществе, так и в академическом сообществе о социальном неравенстве среди преподавателей и учащихся: переход в онлайн требовал наличия технических средств, устойчивого интернет-соединения и доступа к специальным сервисам (и навыков для их использования).

В-третьих, ключевыми драйверами изменений в образовательной сфере являются растущий спрос на персонализированное образование на основе искусственного интеллекта и усиливающиеся потребности в автоматизации административных задач. Персонализированные образовательные решения позволяют лучше понимать студентов и их образовательный бэкграунд, интересы, академические цели, а также варьировать в зависимости от особенностей конкретного человека его образовательный опыт. Автоматизация административных задач высвобождает время для решения более творческих вопросов [2]. В основе этого процесса — увеличение числа способов использования искусственного интеллекта в преподавании и обучении [3]. И этот тренд остается восходящим. Согласно прогнозам, мировой рынок технологий искусственного интеллекта в 2024 году составит 5,4 млрд долларов и достигнет 55 млрд долларов к 2030 году [2].

При том, что в России отсутствуют правовая и методологическая основы для широкого внедрения ИИ-инструментов в образовательный процесс, в академическом сообществе уже разворачиваются дискуссии о допустимых границах их использования [4, 5]. Одновременно с этим обучающиеся используют самые разные нейросети для решения

образовательных задач. Это заставляет задумываться о необходимости пересматривать существующие системы оценивания результатов образовательной деятельности, а также актуализирует вопрос о возникшей и усиливающейся социальной стратификации: неравенство доступа к технологиям и необходимость поддерживать определенный уровень цифровой грамотности для их использования создают новые источники для дискриминации и усугубления социального неравенства.

Их внедрение и использование будет основано на базовых принципах инклюзивности и справедливости только в том случае, если удастся предоставить к ним равный и всеохватный доступ. Для этого существующие системы обучения и подготовки должны обеспечить максимально возможное количество людей основными компетенциями в области ИИ, включая понимание специфики сбора и управления данными посредством ИИ, а также навыками обеспечения безопасности и защиты персональных данных [6].

В настоящее время эксперты говорят о новых проявлениях социальной дифференциации, вызванной смещением образовательных процессов в цифровую среду. Так, социальное положение создает неравенство в материально-техническом обеспечении обучающихся и доступе к компьютерам и интернету. Наименее обеспеченные студенты чаще не могут найти комфортное для себя место для занятий, у них чаще возникают проблемы с интернетом, у таких студентов нет подходящих для дистанционного обучения устройств. Это позволяет говорить об актуализации первичного цифрового неравенства. Вторичное цифровое неравенство возникает из-за разницы в цифровых компетенциях, необходимых для использования и успешного применения цифровых технологий, а также различия в социальном взаимодействии в цифровых средах.

Если первичное цифровое неравенство играет существенную роль на школьном уровне, то о вторичном цифровом неравенстве на этом уровне образования пока невозможно сделать заключение: масштабные исследования вторичного цифрового неравенства среди российских школьников пока не проводились. Однако в случае с высшим образованием есть исследования, подтверждающие, что наименее обеспеченным студентам сложнее дается понимание интерфейсов онлайн-курсов, им сложнее самостоятельно осваивать учебный материал, они чаще отмечают чувство одиночества, нехватку возможности обсудить изучаемый материал с одногруппниками. Им также чаще не хватает очного общения с преподавателями. Все эти проявления цифрового неравенства могут способствовать недостаточно успешному (или неуспешному) освоению образовательных программ [7].

Если говорить в целом, то в западной и российской академии существующие исследования цифрового неравенства в образовании можно условно разделить на несколько ключевых направлений: основные тенденции цифровизации образования [8], доступ разных групп учащихся к престижным образовательным учреждениям [9], обеспечение равенства образовательных возможностей в условиях трансформации образовательной среды и внедрения цифровых технологий [10], социально-экономическим неравенство [11]. Это актуализировало вопросы о (не)доступности технических средств, (не)устойчивости интернет-соединений, (не)достаточности цифровых навыков у разных групп пользователей.

Внедрение ИИ в образовательные программы требует институциональной формализации, значительных финансовых вложений и развития цифровой инфраструктуры, что создает барьеры для менее крупных и обеспеченных учебных заведений и обучающихся. Использование ИИ в образовании без учета аспектов цифрового неравенства может привести к различным негативным социальным последствиям, включая усиление социального расслоения (студенты, имеющие доступ к ИИ-инструментам и достаточный уровень цифровой грамотности, будут получать лучшие образовательные результаты и больше возможностей для профессионального роста), дискриминацию по уровню цифровых компетенций (учащиеся, которые не обладают навыками работы с ИИ, будут испытывать трудности в адаптации к новым учебным условиям, что может негативно сказаться на их самооценке и мотивации), снижению образовательной инклюзии (учитывая различия в доступе к ИИ-технологиям, возникает угроза снижения инклюзивности образовательных программ, что противоречит принципам равенства и справедливости в образовании).

ИИ обладает значительным потенциалом для трансформации образовательного процесса и повышения его эффективности. Однако внедрение данных технологий должно происходить в условиях инклюзивного подхода и учета рисков цифрового неравенства. Без этого новые образовательные инструменты могут не только не сократить существующее социальное расслоение, но и способствовать его углублению. Важно разрабатывать комплексные стратегии, которые позволят сделать ИИ доступным для всех участников образовательного процесса и способствовать более справедливому и инклюзивному высшему образованию в России.

1. *Цифровая экономика: Национальные проекты РФ [Электронный ресурс] // Национальные проекты РФ. – URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/tsifrovaya-ekonomika/> (дата обращения: 09.08.2024).*
2. *AI in Education Market Size & Share Analysis - Trends, Drivers, Competitive Landscape, and Forecasts (2024 - 2030) [Электронный ресурс] // P&S Intelligence. – URL: <https://www.psmarketresearch.com/market-analysis/ai-in-education-market#:~:text=Market%20Overview,reach%20%2425%2C772%20million%20by%202030> (дата обращения: 09.08.2024).*
3. *Martin, K. Top 5 EdTech trends for 2023 [Электронный ресурс] // Cambridge University Press. – URL: <https://www.cambridge.org/elt/blog/2023/02/02/top-5-edtech-trends-for-2023> (дата обращения: 09.08.2024).*
4. *РГГУ прокомментировал информацию о том, что студент вуза защитил написанный ChatGPT диплом [Электронный ресурс] // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/16937425> (дата обращения: 09.08.2024).*
5. *Фальков призвал не наказывать выпускников, написавших диплом с помощью нейросети ChatGPT [Электронный ресурс] // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/16990327> (дата обращения: 09.08.2024).*
6. *Holmes, W., Hui, Z., Miao, F., Ronghuai, H. Технологии искусственного интеллекта в образовании: Руководство для лиц, ответственных за формирование политики [Электронный ресурс] // UNESCO Publishing. – URL: https://www.researchgate.net/publication/362648123_Tehnologii_iskusstvennogo_intellekta_v_obrazovanii_Rukovodstvo_dla_lic_otvetstvennyh_za_formirovanie_politiki (дата обращения: 09.08.2024).*
7. *Костина, Н. Б., Чижев, А. А. Цифровое неравенство при цифровизации образовательного процесса: социологический аспект // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1 (82). – С. 48-59.*

8. Костина, Н. Б., Чижев, А. А. Цифровое неравенство при цифровизации образовательного процесса: социологический аспект // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. – 2023. – № 1 (82). – С. 48-59.
9. Allen, J. P. *Why is inequality increasing in a digital world? // Technology and inequality: Concentrated wealth in a digital world*. – 2017. – P. 1-23.
10. Bulathwela, S., Pérez-Ortiz, M., Holloway, C., Cukurova, M., Shawe-Taylor, J. *Artificial intelligence alone will not democratise education: On educational inequality, techno-solutionism and inclusive tools // Sustainability*. – 2024. – Vol. 16 (2). – P. 781.
11. Рабинович, П. Д., Заведенский, К. Е., Кушнир, М. Э., Храмов, Ю. Е., Мелик-Парсаданов, А. Р. *Цифровая трансформация образования: от изменения средств к развитию деятельности // Информатика и образование*. – 2020. – № 5. – С. 4-14. – DOI: 10.32517/0234-0453-2020-35-5-4-14.

МЕЖДУ ЭКРАНОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ: ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ ГИГИЕНЫ ДОШКОЛЬНИКОВ

*Любчинская Александра Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

В настоящее время информационные технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни, доступ к ним неограничен и большинство людей каждый день взаимодействует с цифровыми устройствами. Усиление внимания к проблеме использования гаджетов связано в первую очередь с активным применением технологий подрастающим поколением. Уже с двух лет дети знают, как взаимодействовать с планшетом или смартфоном. Ежедневно присутствуя в жизни ребенка, гаджеты оставляют след в развитии психики.

Для рассмотрения влияния гаджетов на психику ребенка стоит учесть психологические особенности дошкольного возраста. В 3–4 года ребенок старается вести себя как взрослый и быть независимым. Происходят изменения во взаимодействии с окружающими: появляется способность к отзывчивости, потребность в общении со взрослыми и сверстниками, а также развивается любовь к близким [1]. К 5–6 годам внимание ребенка становится более устойчивым, появляется интерес к обучению и развивается речевое планирование. В этом возрасте дети углубляются во взаимоотношения с людьми, анализируют сверстников и себя, благодаря чему у ребенка происходит формирование двух я: «я-реальное» и «я-идеальное» [2].

В этом контексте негативное влияние гаджетов становится важным звеном в развитии ребенка. Заинтересованность в частом пользовании техническими средствами может вытеснить реальное общение, привести к социальной дезадаптации и замкнутости ребенка. Из-за замены личного взаимодействия виртуальным происходит нарушение в эмоционально-волевой сфере: ослабляется способность воспринимать чувства другого человека и контролировать свои собственные эмоции и поведение. Не следует забывать о влиянии гаджетов на физиологию детей. Искривление позвоночника, развитие близорукости и нарушение мелкой моторики является результатом длительной эксплуатации планшетов и компьютеров. Более того в результате ежедневного использования информационных технологий очевидно влияние смартфонов на восприятие и мышление ребенка, где психика полностью или частично подстраивается под взаимодействие с гаджетами. На первый план в развитии выходят слуховое и зрительное восприятие, оставляя тактильные, осязательные и обонятельные ощущения позади. Ребенку становится достаточно ярких стимулов, поступающих от гаджета: умения творчески мыслить, фантазировать и личностно развиваться постепенно утрачиваются. Мозг подрастающего человека приспосабливается к большому объему информации из вне и развитие психических процессов происходит в ограниченном порядке [3].

Современные исследователи рассматривают вопрос о преимуществах и недостатках использования гаджетов в детском возрасте. Исследование Sauce B. и его коллег, посвященное влиянию цифровых медиа на умственные способности детей с учетом генетических различий в когнитивных функциях и социоэкономического статуса, показало, что время, проведенное за просмотром видео и общением в интернете, негативно коррелирует с уровнем интеллекта детей [7]. В работе Murralla S. о влиянии чрезмерного экранного времени на развитие ребенка результаты демонстрируют различные когнитивные последствия [5]. Анализ исследований Ricci R. и других показывает, что в наши дни дети большое количество времени проводят в интернете, а использование гаджетов может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на когнитивное развитие и учебные навыки детей. Среди негативных последствий

использования электронных устройств в раннем возрасте наблюдается значительное снижение вербального интеллекта и уровня открытости к новому опыту, а также увеличение эмоциональной нестабильности и импульсивности [6].

Нельзя не отметить, что в большинстве случаев проблема заключается не в самих гаджетах, а в их неверном применении. В современном обществе родители целенаправленно дают ребенку пользоваться мобильным телефоном или планшетом. Это может происходить по разным причинам: занять ребенка во время длительных поездок, отвлечь его и освободить время родителей, успокоить ребенка или прекратить длительную истерику. Нередко старшие взрослые используют гаджеты в качестве поощрения за отличное поведение или ошибочно считают пристрастие ребенка к технике признаком раннего развития. Важно то, что такой способ взаимодействия с информационными технологиями внедряется в семье на постоянной основе и становится привычным образом жизни.

Гигиена цифрового пространства открывает перспективу для решения данной проблемы. Термин «цифровая гигиена» ввели специалисты в области информационной безопасности. В информационном мире так же, как и в реальной жизни, существуют правила гигиены: чтобы сохранить цифровое здоровье, важно соблюдать чистоту и организованность в виртуальном рабочем месте, заботиться о своем компьютере, использовать интернет с умом и осознанностью [4]. В рамках соблюдения информационной гигиены родителю следует помнить, что он как никто другой ответственен за развитие своих детей. Взрослым нужно включаться в игру с ребенком и предлагать альтернативные формы проведения времени: рисование, настольные игры, прогулки, чтение, спорт и прочее. Однако использования цифровой техники в современном мире не избежать, поэтому родителям следует ограничивать время взаимодействия ребенка с гаджетами. Американская академия педиатров установила следующие нормы по использованию электронных устройств: до двух лет ребенку категорически запрещено пользоваться гаджетами; ребенок 2–5 лет может проводить с устройствами не больше часа в день (не позднее, чем за 3 часа перед сном); дети 6 лет и старше могут проводить с гаджетами до 2 часов в день [8]. И главное – следует уменьшить использование гаджетов родителями в присутствии ребенка, ведь сидя в смартфонах при детях, взрослые своим примером прививают им ту же самую привычку [3].

Результаты проведенного анализа литературы позволяют сделать вывод, что сегодня информационные технологии как никогда раньше оказывают пагубное воздействие на психику подрастающего человека. Решением вопроса сосуществования людей с гаджетами становится цифровая гигиена. Эта тема довольно новая, при этом она непрерывно изучается учеными в настоящее время. Вместе с тем следует подчеркнуть, что большое количество исследований об информационной гигиене и влиянии гаджетов направлено на анализ детей с нормальным психическим развитием, не затрагивая тему нарушений психики в детском возрасте. Однако сегодня гаджеты активно используются дошкольниками с РАС, дислексией, умственной отсталостью, задержкой психического развития и прочими психическими нарушениями. Родители точно также дают смартфон или планшет детям с нарушенным развитием, чтобы успокоить или отвлечь их, не понимая, какое влияние это оказывает на психику ребенка. Очевидно, что тема цифровой гигиены среди детей с нарушенным развитием сегодня очень мало изучена и определено нуждается в дальнейших теоретических и эмпирических исследованиях.

1. Белкина В. Н. Психология раннего и дошкольного детства: учебное пособие для вузов 2-е изд. М., 2021.
2. Выготский Л.С. Психология развития. Избранные работы. М., 2021.

3. Чертовских А. Ю. Влияние современной мобильной техники на психику человека // *Современные инновации в экономике, технике и обществе*. 2018. С. 312–321.
4. Гусев В. А. Цифровая гигиена vs киберпреступность: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-gigiena-vs-kiberprestupnost>
5. Muppalla S., Vuppalapati S., Reddy Pulliahgaru A., Sreenivasulu H. *Effects of Excessive Screen Time on Child Development: An Updated Review and Strategies for Management*. *Cureus*, 2023, vol. 15(6).
6. Ricci R., Paulo A., Freitas A. *Impacts of technology on children's health: a systematic review*. *Revista paulista de pediatria*, 2022.
7. Sauce B., Liebherr M., Judd N. *The impact of digital media on children's intelligence while controlling for genetic differences in cognition and socioeconomic background*. *Scientific Report*, 2022, vol. 12, p. 1-14.
8. The AAP Parenting Website:
<https://healthychildren.org/English/Pages/default.aspx>

ВИРТУАЛЬНЫЙ ЖИЗНЕННЫЙ МИР КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

*Максимов Арсений Андреевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова,)*

Рассмотрение виртуальной среды коммуникации как формы выражения жизненного мира представляется интересной социологической задачей, решение которой позволит сформировать более точное понимание того в каком направлении следует двигаться в вопросах институционализации Интернет-среды.

Виртуальная личность, как известно, формируется в процессе Интернет-социализации и может отражать либо реальные характеристики личности (конгруэнтный тип), либо включать в себя лишь некоторые из ее характеристик (неконгруэнтный тип), либо быть полностью вымышленной. Такая свобода самопрезентации виртуальной личности, включая её полную анонимность и заведомо недостоверные данные о ней, является важнейшим условием для функционирования жизненного мира виртуального пространства. Эта формулировка представляется уместной, поскольку для коммуникации в Интернет-среде свойственны свой язык, свои нормы, своя культура, а также неприятие ограничений, о чем в 1996 году Дж. П. Барлоу заявил в манифесте под названием «Декларация независимости киберпространства».

Итак, если виртуальную среду рассматривать через призму теории коммуникативной деятельности Ю. Хабермаса [4], на первый взгляд, она представляет собой весьма интересный феномен, максимально приближенный по сути к концепту немецкого социолога. Здесь вполне явно выражена самоорганизация субъектов коммуникации, которая выступает необходимым условием жизненного мира в понимании Ю. Хабермаса. Кроме того, вопреки его знаменитому тезису о проблеме «колонизации жизненного мира», виртуальное пространство слабо ограничивается системой. В этом мы можем усмотреть начала того, что К. Ясперс назвал экзистенциальной коммуникацией, возникающей при проявлении самости субъекта, проявлении себя в своей самобытности и неповторимости. Ее начало, как отмечает В.И. Спивак и Д.Ф. Зайцев — в осознании каждым себя, своих возможностей и желаний, что составляет предпосылку свободной избирательности в общении с другими [3, с 61]. Однако стремление раскрыть себя другому и ответно его понять, сопряжено с риском и борьбой. С риском, поскольку можно остаться непонятым и непринятым. Борьба же, которую К. Ясперс называет «любящей борьбой», происходит с самим собой, своими слабостями и недостатками и имеет своей целью добиться взаимопонимания и обоюдного доверия.

Слабое давления институтов системного мира во многом определяет уникальность виртуального жизненного мира, где виртуальная культура и язык стали конституирующими факторами. Конечно, эта кажущаяся свобода не могла не породить и ряд проблем. Так, например: категории нормы и порядка в этих условиях чрезвычайно подвижны, а границы допустимого практически отсутствуют; зачастую проблема переноса этических норм коммуникации из реальной среды в виртуальную, заменяется обратным процессом, что выражается в различных формах девиации; язык виртуального пространства наполнен обценной лексикой; происходит экспансия подъязыка ИКТ, молодежного сленга и английской терминологии; стилистике Интернет-коммуникации присущи либерально-демократические черты, что не всегда соответствует характеру государственной идеологии т.д.[1, с. 485] Вызовы виртуальной реальности становятся тем очевидней, чем более явной проявляется проблема соотношения «реальное-виртуальное» в современном обществе.

Но можно ли говорить о том, что виртуальная личность и другие элементы виртуального жизненного мира формируются автономно? Очевидно, что это не так. Власть в виртуальном пространстве – это власть платформ, капитала. Этические нормы, ценности и тенденции в трансформации коммуникации задаются извне как директивно, так и посредством синергетического подхода. Очевидно также и то, что проблемы, возникающие в виртуальной среде и имеющие последствия в реальной, закономерно входят в сферу государственного регулирования. Конечно, страны по-разному решают вопрос государственного вмешательства в Интернет-среду, о чём свидетельствуют данные рейтинга «Freedom on the Net», публикуемого неправительственной организацией Freedom House [5] (традиционно, лидерами по степени свободы являются Исландия, Эстония, Канада и Тайвань; на другом конце рейтинга – Китай, Мьянма, ОАЭ, Венесуэла).

В этой связи, рассмотрение проблемы свободы жизненного мира вновь обретает свою актуальность. Таким образом встает ряд вопросов. Насколько жизненный мир актуализируется в виртуальном пространстве современного образца? Должна ли система проявлять большее участие в жизни виртуального пространства в национальных масштабах? Не является ли виртуальный жизненный мир утопией вопреки декларируемым особенностям киберпространства?

1. Мечковская Н.Б. *История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета*. – М.: Флинта-Наука, 2009. – 584 с.
2. Рубанов А.В. *Виртуальная сетевая коммуникация / Организационная коммуникация: материалы междунар.науч.- практ. конф., 23-24 апр. 2014г., Минск/ О.В.Герещенко (отв. Ред.) [и др.]- Минск: Изд. центр БГУ, 2014. – С.117–120.*
3. Спивак В.И., Зайцев Д.Ф. *Концепция «жизненного мира» Ю. Хабермаса // Вестник РХГА. 2020. №4-1. – С 59-66.*
4. Хабермас Ю. *Теория коммуникативной деятельности / М.: Издательство «Весь Мир». – 2022 г. – 880 с.*
5. *Countries with the highest internet freedom index score worldwide as of 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/272533/degree-of-internet-freedom-in-selected-countries/> (Дата обращения 08.10.2024)*

ВЛИЯНИЕ МЕТОДА ПРОВЕДЕНИЯ ОПРОСА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Максимова Анастасия Сергеевна

(Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова)

Аннотация: В статье приводится результат сравнения использования различных способов сбора анкет в социологическом исследовании. Для сравнения результатов опросов, полученных онлайн, и при личном участии интервьюера - оффлайн, использовались данные двух эмпирических исследований, проведенных автором. Обработка данных производилась на языке Python. В данном материале представлен анализ с использованием деревьев решений.

Ключевые слова: онлайн опрос, сравнение выборочных совокупностей, методология выборочного исследования

Цель работы состоит в том, чтобы определить, насколько метод проведения социологического опроса влияет на полученные результаты. Это обусловлено широким распространением в настоящее время метода сбора эмпирической социологической информации путем анкет, размещенных на онлайн-платформах, без непосредственного участия интервьюера. Преимущества и недостатки данного метода по сравнению со сбором анкет при непосредственном участии интервьюера широко известны. К ним можно отнести и меньшие затраты временных, финансовых, трудовых ресурсов, и отсутствие территориальных границ при сборе онлайн, и отсутствие потери информации при переносе с бумажного носителя (если использовались физические бумажные носители). В то же время при самозаполнении респондентами формы анкетного опроса возникают ошибки и погрешности, связанные как с отсутствием интервьюера, являющегося интерпретатором вопроса или ответов, так и с техническими неточностями при заполнении формы и смещением выборочной совокупности, поскольку выборка зачастую формируется стихийно. В научной литературе есть примеры исследований, демонстрирующих отсутствие различий между результатами опросов, проведенных оффлайн и онлайн [2], а также исследования, подтверждающие наличие таких различий [3]. Поэтому целью проводимого исследования является обогащение знаний о методах эмпирической социологии.

В текущем материале представлены результаты сравнительного статистического анализа различий двух опросов, один из которых был проведен в поле при непосредственном контакте интервьюера и респондентов (оффлайн; n=1403; квотная выборка), другой – путем самозаполнения респондентами онлайн формы той же самой анкеты (онлайн; n=3100; стихийная выборка). Необходимо отметить, что объектом наблюдения выступали мигранты, приехавшие в Россию, проживающие на территории страны как непродолжительное время, так и достаточно долго. Оба опроса проводились в одно и то же время в 2021г., их результаты по ключевым вопросам адаптации мигрантов опубликованы в Аналитическом докладе [1]. Обработка данных производилась с использованием языка Python в облачном сервисе, исходный код размещен в открытом доступе на портале GitHub.

На первом этапе анализа были выявлены существенные расхождения как по социально-демографической структуре выборочных совокупностей, так и по структуре ответов на отдельные вопросы. В смешанной выборке, объединяющей два первичных массива данных (оффлайн и онлайн), это позволило классифицировать наблюдения по виду опроса верно в 88,36% случаев (на основе 1000 повторений алгоритма решающих деревьев

Decision Tree Classifier). Полученный результат предсказания позволяет с достаточно высокой степенью уверенности делать вывод о том, что выборочные данные в необъединенных массивах существенно различаются, и необходимо оценить статистическую значимость различий ответов для каждого вопроса (сравнение не вошло в текущий материал).

На втором этапе анализа был исключен фактор социально-демографического дисбаланса: из данных выборки, проведенной онлайн, методом собственно случайного отбора были сформированы подвыборки, соответствующие структуре выборки, полученной путем оффлайн опроса, для каждой из социально-демографических характеристик респондентов. Идентичные по структуре выборки (онлайн и оффлайн) были объединены в один массив данных и для наблюдений этого массива предсказывалась целевая переменная, отражающая метод проведения опроса. При этом, в массиве оставалась лишь одна переменная, отражающая социально-демографическую характеристику респондентов – та, по которой выборки были приведены к одинаковой структуре. То есть нивелировалось влияние различий структур фактических выборочных совокупностей, что необходимо ввиду разных методов их построения: квотного отбора по признакам пола и страны выхода мигранта, использовавшегося для полевого оффлайн опроса, и стихийного отбора, который реализовывался при сборе анкет онлайн. Итоговое количество переменных, на основе которых производилась классификация, составило 92.

Для предсказания целевой бинарной переменной использовались деревья решений без указания параметров регуляризации в подходе машинного обучения с разделением выборки на обучающую и тестовую (0,2). Поскольку не стоит задача выявления определенного класса и важны как правильные предсказания первой группы – онлайн опроса, так и оффлайн опроса, то целесообразно использовать метрику точности предсказания – ассигасу. При поиске наилучших параметров модели по сетке grid search результат предсказания может быть улучшен, однако, поскольку не стоит задача построения модели, описывающей различия между выборками и применимой универсально ко всем схожим задачам, а суть исследования сводится к выявлению наличия различий между двумя выборками, полученные результаты уже дают возможность продолжить поисковое исследование с целью выяснения причин расхождений между выборками. Таким образом, необходимости оптимизации предиктивной модели в рамках поставленной задачи нет, а установленная возможность предсказания вида проведенного опроса является результатом.

В результате 1000 повторений для каждой из объединенных выборок средняя точность предсказания способа опроса составила более 90%, а значение f-меры колебалось в пределах от 0,74 до 0,93 (таблица 1). Итоги с использованием критерия энтропии аналогичны итогам с использованием критерия Джинни.

Таблица 1

Результаты предиктивной оценки способа сбора данных в идентичных по структуре выборках, для 1000 повторений алгоритма

Признак	Объем выборки из массива онлайн, идентичной структуре	Entropy		Gini	
		Среднее значение accuracy	Среднее значение f1-score	Среднее значение accuracy	Среднее значение f1-score

	оффлайн				
Продолжительность проживания в России (v_2)	845	90,94	0,886	88,58	0,855
Уровень владения русским языком (v_14)	235	91,98	0,740	92,01	0,745
Пол (v_60)	1394	92,84	0,923	93,13	0,927
Уровень образования (v_61)	1381	92,72	0,926	92,79	0,927

Наиболее высокая доля правильных предсказаний у массивов, образованных по переменным «пол» и «уровень образования» – почти в 93% случаев был верно предсказан тип сбора данных, однако для массивов, стандартизированных по двум другим переменным эта доля была тоже очень высокой 91-92%. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о наличии внутренних, латентных различий в структурах ответов респондентов из подвыборки, опрошенной очно, и подвыборки, опрошенной онлайн. На результат анализа может оказывать влияние дисбаланс классов по целевой переменной, однако по двум стандартизирующим структуру переменным (v_60 и v_61) численность представителей класса онлайн почти равна численности представителей класса оффлайн.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о наличии смещения выборок относительно друг друга, что, вероятно, обусловлено некоторым латентным фактором. При этом, необходимо отметить, что эмпирический объект обладает рядом специфических характеристик, которые могли бы повлиять на наличие обнаруженных различий. К примеру, необходимо упомянуть недоверие интервьюерам, а, вследствие этого, высокую вероятность получения социально ожидаемого ответа при очном опросе; фактор различий в восприятии вопроса при разных формах опроса, поскольку не все опрошенные достаточно хорошо владеют русским языком, а также иные факторы. Ввиду указанного у других эмпирических объектов исследования обнаруженные различия могут не наблюдаться.

Однако, полученные результаты требуют более детального изучения как по направлениям: а) выявление переменных (вопросов), вносящих наибольший вклад в обнаруженные различия, и б) построение моделей с использованием альтернативных методов: логистической регрессии для предсказания типа выборки и кластеризации с помощью k- ближайших соседей для предсказания кластеров и определения соответствия предсказанных кластеров реальным группам по типу выборки.

1. *Коженов В.В., Гребенюк А.А., Максимова А.С. Особенности социально-экономической адаптации трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в России. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2022.- 54с.*
2. *Некрасов С.И. Сравнение результатов онлайн- и оффлайн опросов (на примере анкет разной сложности)// Социология: 4М. -2011. -№ 32. -с 53-72*
3. *Шкурин Д.В. Сравнительная оценка качества данных офлайн- и онлайн-опросов// Дискуссия.- 2015.-№8(60).*

ИВЕНТ-АНАЛИЗ КАК МЕТОД ДИАГНОСТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ НОВЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

*Мануйлова Дарья Сергеевна
(ФГБОУ ВО "МГУ имени М.В. Ломоносова")*

В современном обществе цифровизация все больше оказывает влияние не только на трансформацию самих социальных явлений и процессов, но и на методологию из изучения и измерения. Кроме того, в прикладной социологии наиболее актуальным источником получения социальной информации становятся социальные (новые) медиа: к ним относят электронные социальные сети, СМИ и т.п. Соответственно, возникает необходимость в преобразовании методического аппарата социологии, возникновении новых методов. [1,162]

Данная работа посвящена аспектам применения метода ивент-анализа при работе с данными новых медиа. Рассмотрение и применение метода осуществлялось в рамках эмпирического исследования, проведенного в рамках практики, пройденной на базе АНО «Аналитический Центр при Правительстве РФ».

Задачи исследования:

На основании открытых источников данных определить наиболее актуальные (наиболее освещаемые и популярные) проблемы в заданной сфере социальной жизни.

Подготовить краткое описание проблем и возможные предложения по их разрешению.

Работа состояла из следующих этапов:

Выбор метода анализа собранных данных.

Для обоснования выбора метода был проведен сравнительный анализ возможностей и ограничений применения 3 методов: кейс-стади, SWOT-анализ, ивент-анализ. Было выявлено, что метод кейс-стади предполагает анализ конкретного кейса, в то время как выбранная тема содержала набор инфоповодов и инцидентов, которые затруднительно свести к единичному кейсу. Кроме того, SWOT-анализ подразумевает выделение возможностей и угроз, в то время как в рамках рассматриваемой области социальной жизни выделяемые проблемогенные факторы могут порождать как возможности, так и угрозы, что не позволяет однозначно интерпретировать выводы, сделанные по результатам использования данного метода. [4,56] Ивент-анализ, напротив, был выбран как наиболее способный учесть многоаспектность рассматриваемых социальных проблем. [2,94]

Планирование структуры работы.

Так как при выполнении работы планировалось использовать метод ивент-анализа, необходимо было структурировать работу с данными. [3,27] Для этого была разработана дорожная карта исследования.

Поиск и анализ нормативно-правовой базы по теме исследования.

Для определения проблемного поля было необходимо собрать базу нормативно-правовых актов по теме. С помощью электронной системы Российской ассоциации правовой информации ГАРАНТ был сформирован список правоустанавливающих документов (федеральных законов, указов, постановлений, федеральных правил, стандартов и т.д.). Данная нормативно-правовая база выступила основой для оценки проработанности государственного регулирования сферы по теме. Кроме того, она послужила средством для формирования проблемного поля.

Анализ статистики поисковых запросов по теме с помощью сервиса Yandex.Wordstat.

В рамках следующего этапа в качестве инструмента был использован сервис Yandex.Wordstat: с его помощью была выгружена статистика поисковых запросов по теме за месяц, предшествующий выполнению работы. На ее основе были определены пики активности интереса пользователей, которые далее были визуализированы и применялись для поиска материалов в средствах массовой информации.

Выгрузка инфоповодов в СМИ по пикам выявленной активности на основе поисковых запросов.

Далее с помощью выявленных дат наибольшей активности по теме – пиков – был проведен поиск и сбор публикаций в средствах медиа в различных источниках и выделены содержащиеся в них инфоповоды. В связи со специфичностью темы и ресурсными ограничениями для проведения полноценного ивент-анализа за основу были взяты новостные сводки, а также публикации экспертов в рассматриваемой сфере. При этом выделены как негативные инфоповоды, так и позитивные.

Собранный массив публикаций в социальных медиа был сгруппирован по инфоповодам, которые выступили составляющими блоков проблемного поля. Позитивный инфоповод был рассмотрен отдельно.

При этом использовались 2 типа данных из социальных медиа – публикации новостей (в этом случае к каждой новостной сводке составлялась краткая аннотация для последующего написания комментария по каждой социальной проблеме) и экспертные интервью (в этом случае в справке приводились основные положения, выдвинутые экспертом по обозначенной проблеме).

Для всех данных указывалась дата публикации (с пометкой в зависимости от периода для определения впоследствии хронического или горящего характера проблемы), а также ссылка на источник и авторство материала (в случае экспертного интервью).

Расширенное описание проблемного поля с подготовкой рекомендаций.

На данном этапе выделенные блоки проблемного поля были конкретизированы. Были сформулированы названия блоков – более обширных элементов, которые выступили в качестве социальных проблем, а также более узких проблем в рамках каждого блока.

Определен тип проблем-блоков: хроническая (не разрешена и освещается в СМИ; характеризуется длительным сроком существования и сохраняют свою актуальность на протяжении продолжительного периода времени, превышающего полугодовой отрезок (обычно в течение нескольких месяцев-лет)) или горящая (более острая, но быстро протекающая – актуальна в течение нескольких недель-месяца; привлекает внимание в медиапространстве в текущем моменте и становящиеся объектом обсуждения среди населения). На основании этого был сформирован промежуточный продукт работы в формате mind-map. Далее было необходимо детализировать каждый блок социальных проблем, что также является компонентом ивент-анализа.

Итоговый продукт исследования – расширенное описание каждой проблемы – включал в себя такие компоненты [5,340], как:

комментарий по содержанию социальной проблемы;

примеры новостных сведений из СМИ – конкретных инфоповодов или кейсов, подтверждающих наличие и актуальность проблемы;

аргументация хронического/горящего характера социальной проблемы (на основании графика активности поисковых запросов, а также периода публикаций в СМИ по данной проблеме);

предполагаемые факторы (под факторами подразумевались выделенные в рамках каждой «узкой» проблемы возможные причины ее существования или то, что поддерживает остроту описываемой социальной проблемы);

рекомендации по возможному улучшению состояния или нивелированию данной социальной проблемы.

Таким образом, на основании проведенного исследования был сделан вывод о том, что благодаря методу ивент-анализа, применяемому к данным, полученным из новых медиа, становится возможным выявить круг социальных проблем в конкретной сфере социальной жизни, дать как качественную, так и количественную оценку. Кроме того, результаты ивент-анализа позволяют прогнозировать развитие социальных проблем и формировать рекомендации (в т.ч. для государственного управления) по их уменьшению или устранению.

1. *Девятко И.Ф. Методы социологического исследования: учебное пособие для вузов. М.: Книжный дом «Университет», 2006. 296 с.*
2. *Методы политических исследований: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2005. 221 с.*
3. *Прикладная социология: методология и методы: учебное пособие / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2009. 416 с.: ил.*
4. *Толстова Ю.Н. Измерение в социологии: учебное пособие. М.: КДУ, 2007. 288 с.: ил., табл.*
5. *Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М. Добросвет, 2000. 596 с.*

КОНВЕРГЕНЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

*Мартыненко Татьяна Сергеевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Попытки человечества создать полностью сопоставимый себе интеллект начались еще в середине XX века. И хотя все еще стоит вопрос о реалистичности подобной задачи, тем не менее, уже сегодня искусственный интеллект способен выполнять большое количество человеческих функций, включая те, которые ранее принадлежали лишь людям (речь идет, например, об эмпатии, поддержке человека в трудной жизненной ситуации, выполнении терапевтической функции сложными языковыми моделями). Благодаря развитию технологий стало возможным постепенное, но вполне уверенное сближение человека и техники. Эта конвергенция сегодня реализуется как минимум в трех перспективах: цифровые технологии, включая технологии искусственного интеллекта, современные нейротехнологии и биоинженерные решения. Все это ставит вопросы о социальных последствиях подобных трансформаций и минимизации их потенциальных рисков. Цель данной работы – обозначить основные социальные последствия конвергенции человека и современных технологий.

Важно отметить, что конвергенция технологий и человека представляет собой двунаправленный процесс. С одной стороны, по мере распространения интернета и новейших технологических решений человек все больше интегрируется в цифровое пространство. Появление виртуальной реальности заставило человека инкорпорировать себя, включая свои характеристики и образ своего тела, в новое пространство социального взаимодействия. Аватары, цифровые двойники благодаря технологиям искусственного интеллекта становятся все более похожими на людей, а порой и даже существуют дольше реального человека: все чаще цифровых двойников используют и для того, чтобы общаться с умершими родственниками и друзьями. С другой стороны, новейшие технологии интегрируются в тело человека: благодаря, например, нейроимплантам появляется возможность регулировать функционирование конкретных отделов головного мозга для лечения заболеваний, бionicеские протезы помогают компенсировать утраченные части тела, а проекты в области биоинженерии органов человека буквально создавать новые органы для людей. В обоих случаях дистанция между телом и технологиями все больше снижается, и наряду с появлением умных машин с интеллектом близким человеку возникают люди, с одной стороны, интегрированные в цифровую среду, с другой стороны – инкорпорирующие в себя новейшие технические решения. Так, российский социолог В.И. Игнатьев ставит вопрос о возникновении нового гибридного социума [2].

В этом контексте важным становится вопрос о том, какие социальные последствия имеют и потенциально могут иметь подобные процессы. Социальные последствия постепенного сближения человеческого тела и новейших технологий имеют амбивалентный характер. В современной научной литературе оценка текущих эффектов и перспектив может быть диаметрально противоположной в зависимости от общих взглядов исследователя на прогресс в области новейших технологий. В самом общем виде исследователи делятся на технооптимистов и технопессимистов. При этом, например, многие разработчики технологий искусственного интеллекта, занимающиеся фундаментальными вопросами его конструирования, относятся к технологическим оптимистам – предполагают, во-первых, что построение интеллектуальных машин, сравнимых с человеком, возможно, а, во-вторых, что оно скорее положительно скажется на общественном развитии [1].

Положительные последствия конвергенции человека и новейших технологий значительны и связаны преимущественно с улучшением качества жизни, включая борьбу с различными заболеваниями, увеличением мобильности, доступа к образованию (например, благодаря различным имплантам и протезам) и др. Тем не менее, представляется наиболее важным сосредоточить внимание на негативных последствиях этого процесса. Обозначим некоторые из них. Во-первых, одним из негативных эффектов распространения новейших технологий становится увеличение социального неравенства. В этом контексте эта проблема приобретает разные формы. Так, прежде всего, речь идет о неравном доступе различных социальных групп к этим технологиям. При этом социальное неравенство предстает здесь как многоуровневый социальный феномен, поскольку прослеживается и на глобальном, и на индивидуальном уровне. Доступ к дорогостоящим технологиям чаще всего связан с экономическим положением индивидов. Кроме того, усиление различных форм социального неравенства становится последствием изначально разного доступа к ним.

Во-вторых, другим социальным риском становятся вопросы, связанные с безопасностью. Конвергенция, с одной стороны, приносит множество возможностей для человека и общества, а с другой – делает их более уязвимыми, например, для различного рода кибератак. Способности современных информационных технологий моделировать не только голос, но и целый образ человека приводят к увеличению числа мошеннических схем и рисков более высокого порядка. Помимо прочего риском для социальной безопасности становится все большая зависимость людей от новейших технологий, включая технологии искусственного интеллекта. Наконец, в-третьих, возникают вопросы, связанные с этической стороной вопроса конвергенции человека и новейших технологий. Спектр этих проблем широк: от вопроса, что делать с цифровыми двойниками умерших людей, кто обладает правами на образ человека, до вопроса о потенциальном наделении роботов, обладающих сильным искусственным интеллектом, хотя бы минимальными гражданскими правами. Это далеко не полный перечень потенциальных и реальных негативных эффектов, связанных с конвергенцией человека и новейших технологий. И хотя сегодня все еще остается открытым вопрос о возможности сингулярности, проблема потенциальной утраты человечеством прерогативы на специфические черты и качества становится все более близкой.

Представляется, что важнейшими шагами по минимизации указанных негативных эффектов будет, во-первых, постоянный процесс актуализации состояния этих технологий и их последствий, и, во-вторых, увеличение роли государства по регулированию этой сферы, поскольку в настоящее время скорость развития технологий так высока, что правовая сфера с трудом поспевает за этими изменениями. Дальнейшая разработка этических кодексов и правовых норм станет основой указанного регулирования. Кроме того, по-прежнему значимой остается задача междисциплинарного синтеза в контексте изучения подобных технологий, а также их широкое обсуждение и дискуссии в научном поле.

Таким образом, конвергенция человека и новейших технологий приносит с собой не только положительные эффекты, но и ставит во многом философские вопросы о том, кто является человеком и гражданином, а также вызывает широкий спектр социальных проблем, среди которых социальное неравенство и дискриминация, риски социальной безопасности, психологические проблемы и зависимости, проблемы правового регулирования. Прогнозирование и минимизация этих рисков должны стать важной частью процесса разработки и внедрения этих технологий.

1. Душкин Р. В. На пути к сильному искусственному интеллекту: когнитивная архитектура, основанная на психофизиологическом фундаменте и гибридных принципах // Программные системы и вычислительные методы. 2021. Т. 1. С. 22–34.
2. Игнатъев В. И. Объект социологии в метаморфозе морфогенеза гибридного социума // Социологические исследования. 2022. No 4. С. 114–124.

ДВИГАЯСЬ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ “ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ”: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ

*Матвеев Михаил Сергеевич
(СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)*

В последнее время термин “цифровые следы” набирает особую популярность, исследователи, в частности, заявляют о возможности осмыслить и зафиксировать бесчисленное множество социальных взаимодействий[1]. Благодаря “следам”, к примеру, можно научно отразить ранее неуловимый феномен обратной связи, который выражается, в том числе, в отметках “Мне нравится”, репостах и комментариях. Необходимость таких инструментов осознавал П. Лазерсфельд, когда в своих работах искал переход от абстрактных эффектов коммуникации к их конкретному математическому измерению – к тому, что можно эмпирически зафиксировать[2]. Недаром, как писал Т. Кун, научные дисциплины совершают революционные успехи не только благодаря новым теориям, но и благодаря внедрению новых инструментов[3]. Однако скачкообразные изменения в научной области часто приводят к тому, что некоторые новые термины становятся настолько популярными в академических кругах, что их постоянное использование в различных контекстах “затуманивает его значение”, возникает терминологическая путаница. Особенно это актуально для тех понятий, которые пришли в науку из неакадемических кругов. Примером может служить термин “большие данные”. Анализ 1581 статьи по теме показал, что отсутствие консенсусного определения связана с популярностью термина, а также мешает системной эволюции научной области и увеличивает путаницу, связанную с его использованием [4].

Ранее проведенный систематический литературный обзор актуальных источников на предмет выявления подходов к пониманию феномена «цифровые следы» показал: на портале Elibrary больше половины публикаций в данной области не приводят “рабочего” определения “следов”, другие осмысливают феномен, используя ссылки на неакадемические источники (сайты IT-компаний) или метафоры и аналогии. В ряде работ была использована формулировка “так называемые цифровые следы”, делая акцент на концептуальной неоднозначности данного термина и необходимости его теоретического осмысления.

Ранее упоминавшийся А. Де Мауро и его группа предприняли попытку решить проблему рассогласованности определений “Больших Данных”, выделив ключевые аспекты феномена, ставшие одной из ступеней к появлению синтезированного термина. Такую попытку стоит предпринять и в контексте “следов”.

Прежде всего, стоит отметить, что “следы” могут выступать и в качестве инструмента в эмпирической социологии, но и выступать в роли объекта исследования. Например, осведомленность пользователей о том, что они оставляют артефакты, взаимодействуя с цифровыми технологиями, актуализирует вопросы, к примеру, о конфиденциальности. Также связанным с этим социологическим вопросом может стать идея о выстраивании своего цифрового образа, к примеру, для потенциальных работодателей, с учетом осознания человеком, что социальные взаимодействия в Сети являются анализируемыми. К. Койдл задался вопросом: полностью ли пользователи Интернета осознают, что они оставляют свои цифровые следы. Выводы получились следующие, что не существует четкого аргумента в пользу того, что пользователи на самом деле не знают о своем поведении в Интернете [5].

Вторым важным аспектом является источник данных. Прежде всего, важно отметить, что индивид оставляет “следы”, взаимодействуя с компьютерными технологиями. Следовательно, и в самом прилагательном “цифровые” в определении содержатся важные аспекты: то есть информация о взаимодействии должна быть оцифрована. То есть, она должна быть закодирована, обработана и записана в виде сигнала, который воспринимает цифровой компьютер. Это исключает, к примеру, рукописный текст в библиотеке, однако добавляет в выборку, не только данные с сайтов, но и к примеру, геоданные от базовых станций сотовых операторов, которые уже используются в исследованиях. Это уточнение важно в классификации цифровых следов – они однородны по своему “цифровому” происхождению, но различаются по источнику: это учитывает разделение всей совокупности на активные и пассивные следы. В первом случае, они возникают в результате публикации пользователем какой-либо информации с использованием цифровых технологий, то есть осознанное действие. А во-втором, о сопутствующем взаимодействию сборе данных со стороны компьютера, например, когда телефон человека просто синхронизируется с сотовой станцией [6]. Исследования, актуальные для определённого “цифрового пространства” демонстрируют соотношение 70 на 30: 70% информации остается под контролем пользователя. Остальные данные, которые можно отнести к пассивным цифровым следам в Сети: являются, к примеру, метаданными о публикации (дата создания, IP-адрес пользователя, версии и изменения в публикации) хранятся на серверах и цифровых базах данных, и могут быть прогнозированы определёнными лишь определенным кругом лиц, обладающих доступом. Однако такой доступ может быть несанкционированным, что серьезно актуализирует вопросы о цифровой преступности[7].

Следующий аспект: это характеристики “следов” как концепта в науке о социуме. Прежде всего, это методы их анализа. Это может быть, как ручной анализ открытых источников (Например, одного аккаунта в соцсети) так и сложнейшие математические модели (графы для моделирования коммуникативного пространства на основе оставленных комментариев). Связывает методы одно: это относительная легкость получения данных. Ранее социология часто сталкивалась с тем, что легче опросить респондента о его круге общения, чем наблюдать за продолжающимися во времени взаимодействиями. Сейчас же многие ресурсы открыто фиксируют время публикации. Другими связанными достоинствами будут: возможность изучать как одно взаимодействие, так и его как часть совокупности. Также, онлайн-поведение наблюдается ненавязчиво, что снижает риск возникновения “эффекта Готорна”. Хотя подавляющее число социальных исследований с использованием “следов” являются этнографическими: то есть, ученые наблюдают то, что происходит на ресурсах как то, что может произойти в офисе, все большее число исследователей используют Сеть в качестве виртуальной лаборатории для контролируемых экспериментов.

С другой стороны, необходимо выделить, так называемый парадокс конфиденциальности: цифровые следы одновременно и могут детально указывать на деятельность конкретного индивида, но при этом, они зачастую не раскрывают демографических данных, необходимых социологам. В классических опросах получение таких данных – это стандартная процедура. Также важно отметить, что исследователи имеют дело с сетевой идентичностью, а не индивидом. Например, в большом количестве случаев у пользователя есть возможность подождать, чтобы ответить на текстовое сообщение, или выстроить стратегию публикации “цифровых следов”, то есть, выражаясь словами И. Гоффмана, практики самопрезентации. Из этого напрямую следует следующая проблематика: эвристический потенциал теорий в условиях виртуального пространства,

или соотношение понятий из констатной реальности и виртуальной. Например, как “дружба” в соцсетях или социальная связь, фиксируемая “цифровыми следами” соотносится со взаимоотношениями, фиксируемых при классических исследованиях, например опросах. Спросить у респондента, кто его друг и зафиксировать это этнографически – это две разные концепции.

Таким образом, выделив сущностные аспекты “следов”, можно сделать первый шаг для преодоления терминологической рассогласованности для дальнейшего развития области. Во-первых, социологи могут рассматривать “следы” как исследовательских объект в условиях цифрового общества, и как эмпирический инструмент. Во-вторых, “следы” различаются и по источникам возникновения, и по их характеристикам (к примеру, при взаимодействии с цифровыми технологиями возникают и отметки “мне нравится” и геопозиция человека в конкретное время). Следовательно, зонтичное определение должно учитывать и цифровой характер, но и быть достаточно широким, чтобы учитывать все цифровые источники следов. Ну и наконец, “цифровые следы” требуют особой работы с имеющийся социологической теорией, поэтому представляется возможным, что будущие определения будут учитывать свойства виртуальной реальности, порождаемой цифровыми технологиями.

1. *Himmelboim, I. Social Network Analysis (Social Media)// In The International Encyclopedia of Communication Research Methods (eds J. Matthes, C.S. Davis and R.F. Potter). 2017*
2. *Дьякова Е. Г. Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня // Антиномии. 2002. №3.*
3. *Kuhn TS. 1962. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: Univ. Chicago Press. 3rd ed*
4. *De Mauro A., Greco M., Grimaldi M. What is Big Data? A Consensual Definition and a Review of Key Research // Topics AIP Conf. Proc. 2015. 1644 (1). P. 97-104.*
5. *Koidl, K., Conlan ., Reijers W., Farrell M., Hoover M. The BigFoot Initiative: An Investigation of Digital Footprint Awareness in Social Media // SMSociety '18: Proceedings of the 9th International Conference on Social Media and Society. 2018*
6. *Girardin F., Calabrese F., Fiore F. D., Ratti C., & Blat J. Digital Footprinting: Uncovering Tourists with User-Generated Content. IEEE Pervasive Computing Journal, 2008, 7(4), 36-43.*
7. *Feher K. Digital Identity and the Online Self: Footprint Strategies - An Exploratory and Comparative Research Study. Journal of Information Science, 2019, 17, 2931.*

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРОСТИТУЦИИ В XXI ВЕКЕ

Мовсеян Elizaveta Александровна
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Цифровизация общества вызывает трансформацию как в культурных, так и в технических отраслях. Она идет рука об руку с коммерциализацией различных сфер общества, распространяющаяся в том числе и на интимные сферы. В Интернете появились такая форма коммерческого секса как киберпроституция [3]. Женщины и мужчины имеют возможность создавать большое количество контента за доли секунды, а Интернет позволяет им продавать этот контент большому количеству людей [4].

Последней технологической разработкой, благодаря чему секс-индустрия вновь выходит на лидирующие позиции в инновациях, являются роботы в форме человека. Это новый взгляд на надувные куклы, при этом эти роботы почти неотличимы от реальных людей. В Германии в 2023 году открылся Cybrothel - первый VR-бордель, где клиенты могут выбрать внешность девушки и испытать сексуальные впечатления с помощью технологий виртуальной реальности (VR) [2].

Также стоит отметить, что под воздействием глобализационных процессов происходит интернационализация сексуальной индустрии. Открытие границ, трудовая миграция, глобализованные формы СМИ, сеть Интернет создают благоприятную почву для формирования транснационального рынка сексуальных услуг. Можно выделить две основные формы глобализованной сексуальной индустрии – вывоз женщин за рубеж с целью вовлечения в сексуальный бизнес и сексуальный туризм. Концепция секс-туризма также является побочным продуктом интернет-проституции [1].

Помимо цифровизации и глобализации проституции, наблюдается такая тенденция к ее маскулинизации. Как и женская проституция, мужская проституция с девятнадцатого века значительно выросла. Ограничиваясь гомосексуальной проституцией, она присутствовала в популярных местах сбора (дома Молли в Англии, галереи Пале-Рояль в Париже), а также в публичных домах, возникших в начале XX века. В то же время мужская проституция стала более заметной в общественных местах и развлекательных заведениях крупных столиц, будь то на больших бульварах Парижа или в окрестностях Тиргартена в Берлине [5].

Кевин Уолби, профессор уголовного права, отмечает, что Интернет предоставил этой группе секс-работников новые способы работы, которые обеспечивают большую независимость, облегчая прямое общение с клиентами и предоставляя множество рекламных возможностей. «Секс между мужчинами и секс-бизнес, который исследователи общественного здравоохранения, психоаналитики часто изображают как девиантный или патологический, на самом деле становятся все более распространенным занятием. Основанная на качественном исследовании практик, связанных с интернет-эскортом «мужчина с мужчиной» или m4m, «Трогательные встречи: секс, работа, и интернет-эскорт мужчина к мужчине» — это первая книга, в которой открыто рассматривается, как мужественность и сексуальность формируют мужской коммерческий секс в эпоху интернет-коммуникаций» [6].

Таким образом можно говорить о формировании новых видов проституции и феноменов, связанных с ней, которые в современных реалиях продолжают развиваться.

1. Яковлева А.А. Глобализация сексуального насилия: от проституции к транснациональной сексуальной индустрии// *Гендерные исследования*. №7-8. Харьковский центр гендерных исследований, 2003. С.226-245.
2. [Электронный ресурс] URL: <https://ivedia.ru/blogs/multimedia/vr-brothels-2023-review?ysclid=lr1wvx8lki626346695> (accessed 14.01.2024)
3. Fondation Scelles/Observatoire international de l'exploitation sexuelle, *Prostitution à l'ère du numérique : vers une re'definition de la prostitution ?*, Coll. « Les Cahiers de la Fondation », avril 2023 (accessed 18.01.2024)
4. Prakash, Pranay, *Cyber Prostitution* (December 24, 2019). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3509202> ((accessed 01.02.2024)
5. Romain Jaouen , « *Male prostitution, 19th-20thcenturies* », *Encyclop'edie d'histoire num'érique de l'Europe [online]*, ISSN 2677-6588, published on 22/06/20 (accessed 29.02.2024)
6. Walby K. *Touching encounters: Sex, work, and male-for-male Internet escorting*. – University of Chicago Press, 2012.

СОЦИОТЕХНИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ КАК ОСНОВА МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*Молчанова Ольга Ильинична
(Научно-исследовательский университет "Белгородский государственный
университет")*

Аннотация. Статья посвящена феномену медиаконвергенции, что связано с медиатизацией общества. Данные явления наряду с цифровой трансформацией ведут к социотехнической конвергенции, что можно трактовать как процесс тесного взаимодействия, переплетения и взаимного влияния социальных и технологических элементов в цифровом обществе.

Ключевые слова: медиаконвергенция, медиатизация, цифровизация, социотехническая конвергенция.

Сегодня процессы медиаконвергенции следует рассматривать комплексно в рамках цифровой трансформации. При этом нередко звучат утверждения, что человечество вступает в новую эру цифровизации, перешагнув из информационного общества в цифровое, которое также называют «обществом 5.0» (данному типу предшествовали четыре исторических типа обществ: охотников и собирателей, аграрное, индустриальное и информационное) [5]. Поэтому целесообразно говорить о цифровом обществе как преемнике информационного общества, в котором разворачивается процесс социотехнической конвергенции.

Киберструктуры проникают в жизнь современного человека, это рождает мечты об обществе 5.0, с которым связаны надежды на лучшую экономику, что даст определенные преимущества в решении значимых социальных вопросов [6]. Общество 5.0 – это общество будущего, где «цифра» придёт во все сферы человеческой жизнедеятельности. Л. Флориди считает, что сегодня есть смысл говорить о проживании человеком «онлайн» (onlife), так как все сложнее разделять «онлайн» и «офлайн», порой это просто бессмысленно [7]. Цифровизация стирает границы между физической реальностью и виртуальным миром, а также между человеческими достижениями и результатами работы систем с искусственным интеллектом.

СМИ начали создавать новые формы предоставления журналистского контента, ориентированные на мобильные устройства, социальные сети и ускоренный темп жизни. Это привело к развитию краткой и лаконичной подачи информации на основе пакетного принципа. Но мобильные устройства порождают и другие глубокие преобразования в секторе производства аудиовизуальной информации, поскольку способствуют процессам самокоммуникации.

С.А. Кравченко в рамках своей концепции становления сложного общества утверждает, что *«если прежде сочетание несочетаемого выразилось в мифах о кентаврах, включавших в себя несочетаемое живое, то ныне возникли вполне реальные гибриды живого и неживого, физических и социальных отношений, которые ныне получают повсеместное распространение в среде новейших технологий»* [4, 35-36]. Конвергенция обладает синергетическим эффектом, что сегодня особенно актуально, ведь союз человеческого потенциала и цифровых технологий становится своеобразной системой и по сути представляет собой социотехническую конвергенцию (от англ. converge – «сводить в одну точку», «сводить воедино»), что прогрессивно сказывается на современном обществе [8]. Применение понятия «социотехническая конвергенция» для описания многообразия вариантов взаимосвязанности социальных субъектов с технологическими решениями представляется довольно продуктивным. В цифровом обществе человек всё

более имеет дело с неразрывностью социального и технологического в современном мире, их взаимной трансформацией.

Феномен конвергенции заключается в том, что она создаёт конструкции взаимосвязей между отдельными составляющими, объединяет их по определённому признаку, в результате возникают новые знания, явления, процессы. Всё это и позволяет говорить об эффекте синергии. Но конвергенция, обладая синергетическим эффектом, по-разному проявляется в различных областях деятельности человека.

Развитие представлений о конвергенции позволяет считать медиаконвергенцию составляющей процесса социотехнической конвергенции, развернувшегося в полной мере в условиях цифрового общества. В технико-технологическом плане медиаконвергенция означает, что источники информации, которые ранее существовали отдельно, теперь объединены и доступны человеку через одно устройство или одну платформу. Они не просто открывают новые возможности для доступа к информации и потреблению медиаконтента, а также делают обычного пользователя потенциальным участником производства медиатекстов. Это позволяет рассматривать медиаконвергенцию не как технологический феномен, а, скорее, как технологически обусловленный феномен в сфере социальных взаимодействий. Сегодня возникает ситуация, когда медиаконвергенция представляет собой нечто большее, чем просто технологический сдвиг. Медиаконвергенция изменяет взаимоотношения между существующими технологиями, отраслями, рынками, жанрами и аудиториями.

У А.А. Калмыкова интересная идея о трехслойном протекании процесса: *«На нижнем, базовом уровне лежит конвергенция технических устройств (гаджетов), используемых журналистами для сбора и обработки материала. Далее следует слой конвергенции профессионализма, поскольку новые цифровые устройства не только требуют дополнительных компетенций, но и задают конвергентные форматы представления контента. Конвергентный контент создаёт предпосылки для взаимодействия и взаимопроникновения уже на уровне компонентов системы СМИ (слой конвергенции элементов системы СМИ), что в свою очередь обуславливает конвергенцию медиа в целом (слой медиаконвергенции)»* [3, 318].

По мнению Е.Л. Вартановой, конвергенция в СМИ происходит на нескольких уровнях: на уровне технологий, медиаиндустрии и содержания журналистской деятельности. *«На технологическом уровне конвергенция – это слияние технологий распространения и производства информации, которое позволяет разным СМИ – кабельным или телефонным сетям, беспроводной спутниковой связи – доставлять аудитории одинаковые типы содержания»* [1, 286]. Пользователи новых медиа становятся обладателями смартфонов, планшетов, компьютеров, представляя экран как уникальное средство познания, развлечения, новостной информации. В медиаиндустрии процессы конвергенции проявляются слиянием предприятий, создающих аудиовизуальные устройства, и фирм по производству телекоммуникационного оборудования.

Отметим, что медиаконвергенция с начала XXI века попала в предметное поле «медиалогии» («mediologie»), которая изучает медиаиндустрию, её структуру, функции и влияние на общество. Она исследует производство, распространение и потребление медиаконтента, а также влияние медиа на общественное мнение, культуру и политику. В связи с широким распространением информационно-телекоммуникационных технологий идеи конвергенции стали применяться для объяснения процесса развития общества на основе переплетения технологического и социально-экономического факторов в единую целостность. В дальнейшем – для изменений в медиапространстве вследствие объединения различных каналов и средств связи благодаря широкому внедрению новых

информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий, обеспечивающих применение цифровой передачи информации.

Таким образом, медиаконвергенция – это технологически обусловленный феномен в сфере социальных взаимодействий. При этом медиаконвергенция разворачивается как процесс информационно-коммуникационный (появление мультимедийных площадок и устройств, а также новых форматов медиаконтента), организационно-управленческий (трансформация медиаорганизаций, появление конвергентных редакций) и социокультурный (изменение социального пространства и культуры взаимодействия).

1. *Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран: учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 334 с.*
2. *Зотов В.В., Асеева И.А., Буданов В.Г., Белкина В.А. Конвертация опасностей социотехнической конвергенции в риски цифровизации // Цифровая социология. – 2022. – Т.5. №2. – С.4-20.*
3. *Калмыков А.А. Конвергентные трансформации медиа-поля. Новая информационная парадигма // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2014. – Т. 5, № 1(13). – С. 317-321.*
4. *Кравченко С.А. Становление сложного социума: востребованность новых подходов к его исследованию // Гуманитарий Юга России. – 2012. – №2. – С. 29-45.*
5. *Нехорошева Л.Н. Стратегия «общество 5.0» как расширение концепции «индустрия 4.0» // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: Материалы XII Междунар. научно-практич. конф. Минск: Белорусский гос. эконом. Ун-т, 2019. – С. 151-153.*
6. *Щелкунов М.Д., Каримов А.Р. Общество 5.0 в технологическом, социальном и антропологическом измерениях // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 3. – С. 158-164.*
7. *Floridi L. Introduction // The Onlife Manifesto: Being Human in a Hyperconnected Era / Ed.: Luciano Floridi. Cham: Springer International Publishing, 2015. – 264 p.*
8. *Hepp A., Krotz F. Mediatized worlds – understanding everyday mediatization // Mediatized Worlds. Culture and Society in a Media Age / Ed. by A. Hepp, F. Krotz. – Basingtoke: Palgrave, 2014. – P. 1-14.*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Нерослов Алексей Дмитриевич

(Пермский национальный исследовательский политехнический университет)

Аннотация: В статье рассматриваются основные использования искусственного интеллекта в процессе школьного образования. Выделены положительные и негативные аспекты применения школьниками технологии искусственного интеллекта. Проанализирована возможность интеграции технологии искусственного интеллекта в российскую модель школьного обучения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, школьное образование, технологии

Технологии искусственного интеллекта (далее ИИ) развиваются с высокой скоростью, охватывая все большие сферы человеческой деятельности. Применение этой технологии встречается в самых разных областях: высшего образования [1,5]; среднего образования [3,2]; в робототехнике; при принятии решений [2,859] и многих других. Учитывая новизну технического решения, поражает скорость и масштабы ее применения. Многие зарубежные и отечественные компании наращивают инвестиции именно в эту технологию, вследствие чего уже появляются отечественные аналоги таких систем. Российские решения значительно уступают ведущим компаниям в области ИИ, на данный момент можно выделить языковую модель ChatGPT как одну из самых прорывных версий текстового генератора текста. Из отечественных аналогов системы можно выделить ИИ от Яндекса, который внедряют в систему голосового помощника «Алиса».

Отечественная законодательная база дает определение ИИ в Федеральном законе № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования...»[4]: как технологические решения способные имитировать когнитивные способности, в том числе, и способность самообучения. Именно особенность самообучения и выделяет ИИ среди всех современных технологических решения. Текстовую модель можно обучать по многочисленным работам из информации сети Интернет.

Рассмотрим применение ИИ в системе школьного образования, а именно использование школьниками программного продукта в процессе их обучения, выявим какие положительные и негативные характеристики может принести технология в эту сферу. Сфера школьного образования является обязательной базой для любого человека, именно в этот возрастной период человеческий организм максимально эффективно воспринимает информацию. В связи с распространенностью и доступностью систем с ИИ школьники активно применяют эту технологию в процессе обучения. На первый взгляд, технология обладаем одними плюсами, но конкретно в этой сфере есть и масса недостатков.

Рассмотрим основные преимущества использования:

Простота использования. Современные текстовые модели обладают простым интерфейсом, для использования не нужно обладать специальными знаниями;

Скорость обработки данных;

Разнообразие сведений и информации;

Объективность. Это спорный критерий, однако, суть его заключается в обезличенном подходе к ученику. ИИ не важно какую работу он проверяет, он не наделен человеческим субъективизмом, которую, порой применяет человек при проверке работы.

ИИ в перспективе может обзавестись и другими основными преимуществами, но при этом уже сейчас можно выделить массу недостатков применения ИИ в системе обучения детей.

Основные недостатки применения ИИ в школьном образовании:

Верификация полученных данных. Зачастую информация, выдаваемая ИИ, требует ее проверки на достоверность, школьник же не способен осуществить эту проверку, поскольку не обладает достаточным количеством информации;

Отрывистость информации. ИИ выдает уже готовый ответ на запрос, но на данный момент, не способен объяснить причинно-следственную связь. Школьник, задающий вопрос, получает конкретный ответ, но не имеет представления о процессе его подготовки;

Отсутствие нейронных связей после получения ответа. Когда человек изучает какой-то вопрос с целью получения ответа, у него формируется понимание характеристик объекта изучения, которое он может применять в дальнейшем при решении других задач. Когда у человека нет процесса изучения или познания, когда он пропустил данный этап, отдав его ИИ, у него не формируется осознанное понимание;

Безопасность данных. На данный момент ИИ представляет собой большой массив данных, который постоянно пополняется новыми сведениями из запросов пользователей, в связи с этим возникает риск утечки сведений пользователя.

Безусловно у ИИ может быть и масса других положительных и отрицательных сторон, но применительно к сфере школьного образования, ситуация меняется. Рассматривая именно российскую модель школьного образования, и интеграция в нее ИИ, образуются еще дополнительные трудности. В России школьное образование осложнено территориальными размерами страны, разницей географической, социально-экономической, финансовой ситуации каждой школы. Невозможно сравнивать школы Москвы и Биробиджана, поскольку они находятся в совсем разных условиях. ИИ не заменит учителя, поскольку он не обладает персонифицированным подходом к обучающимся, не сможет решать социальные проблемы детей. На плечи учителя в России ложится не просто отработка учебной программы, но еще и процесс воспитания, что нельзя передать ИИ.

ИИ — это хороший механизм решения конкретных задач, даже в сфере образования ему найдется применение. Однако необходимо его точечное применение при работе с школьниками начального и среднего звена. Дети в этом возрасте еще не получили достаточно знаний для использования подобного технического решения. В 10-11 классе применение уже может быть обоснованно, но необходимо контролировать школьников, поскольку ИИ — это инструмент, а не средство получения образования.

1. *Агальцова Д. В., Валькова Ю.Е. Технологии искусственного интеллекта для преподавателя вуза // МНКО. – 2023. – №. 2 (99).*
2. *Аникьева Э. Н., Кувардин С. Р. Искусственный интеллект для принятий решений // Наука и образование. – 2022. – №2.*
3. *Ущико А. В. Искусственный интеллект в образовании. Применение искусственного интеллекта для обеспечения адаптивности образования // Вестник науки. – 2023. – №6 (63).*
4. *Федеральный закон № 123-ФЗ от 12 апреля 2020 года «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020 г. № 17. Ст.2701.*

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ДРАЙВЕР ГРУППОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ОПЫТ ДИАГНОСТИКИ НА ОСНОВЕ ИМИТАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ

Павлов Александр Владимирович
(СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)

Эсселевич Эрнест Алексеевич
(СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)

Дерюгин Павел Петрович
(СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
СПбГУ)

Аннотация: В статье рассматривается перспективы изучения процесса групповой интеграции и дифференциации в зависимости от социальной идентичности агентов на основе имитационной мультиагентной модели. Изложена логическая предпосылка о связи выбора дихотомической стратегии групповой динамики с социальной идентичностью агентов. Представлены разработки, демонстрирующие релевантность исследования социальных феноменов с применением метода имитационного моделирования.

Ключевые слова: социальная динамика, групповая интеграция, социальная идентичность, имитационное моделирование.

Социальная групповая динамика представляет собой сложный процесс взаимодействия между индивидами, объединенными общими характеристиками, ценностями и интересами. Основным фактором, определяющим поведение членов социальных групп, является их социальная идентичность. Этот концепт охватывает множество аспектов, включая этническую, культурную, профессиональную и гендерную идентичности, и оказывает значительное влияние на процессы интеграции и дифференциации в обществе.

Социальная идентичность формируется на основе принадлежности к различным группам и влияет на то, как индивиды воспринимают себя и других [9]. Эту концепцию не стоит путать с «самоидентичностью» выдвинутой Э.Гидденсом, которая утверждает обратное, что идентичность является конструктом или проектом самого человека [10]. Согласно теории социальной идентичности, выдвинутой Таджфелем и Тёрнером, принадлежность к группе (в-группе) способствует формированию положительного восприятия своих членов и негативного отношения к представителям «вне-группы». Это явление, известное как "предвзятость к своей группе", отлично связывается с процессами дифференциации, так как создает ясные границы между группами и ведет к сегрегации [17].

На уровне интеграции социальная идентичность может выступать как связующий элемент между разными группами. В случаях, когда социальные идентичности пересекаются или создаются надгрупповые идентичности (например, национальная идентичность), это может способствовать укреплению взаимопонимания и сотрудничества между разными группами. Примеры такого объединения можно наблюдать в мультикультурных обществах и государствах, где общие ценности играют важную роль в интеграции людей с разным культурным происхождением [16].

В современном быстро меняющемся мире социальная идентичность становится предметом непрерывных изменений. Новые технологии, миграция и глобализация приводят к формированию гибких и многослойных идентичностей. Это создает как

возможности для интеграции, так и потенциальные источники конфликта [8]. Например, развитие цифровой идентичности в социальных сетях может привести к новым формам сообществ, но также создает риски для групповой дифференциации и сегрегации.

Понимание процесса социальной интеграции и дифференциации на основе идентичности позволяет моделировать данный процесс в имитационной компьютерной среде мультиагентным методом, в котором переменными выступают сами агенты - популяция, их параметры в качестве доминирующих идентичностей, а процесс интеграции или дифференциации - алгоритм [13]. Целевыми метриками для эксперимента является успешность интеграции и дифференциации искусственных агентов в группы при изменении параметров идентичности.

По отдельности исследованиями модели интеграции-дифференциации занимались: Стив Фелпс - проводил в 2015г. анализ динамики сотрудничества в малых группах [15]; Пол Смалдино и др. в 2012г. - выявили, что эффективность стратегии принятия решений о социальной идентичности в значительной степени зависят от социально-пространственной структуры группы [14]; Юрген Клювер и Кристина Стойка - исследовали модели для анализа социальной динамики в социальных сетях [12]; Эрез Хатнаа и Ицхак Бененсон в 2012г. апробировали модель сегрегации Шеллинга как наиболее результативную для этнической жилой динамики [11].

В отечественном научном дискурсе перспективой имитационного моделирования в социологии занималась Михеева (Комкина) Татьяна [6]; задачей разработки имитационной модели общества в системном, структурно-функциональном и динамическом подходе на макроуровне Закиева Елена [3]; Агеев и Байчорова рассматривали процесс использования имитационного моделирования для построения социально-экономических прогнозов, а также проводили эксперименты с целью построения двух векторов развития социально-экономической сферы Санкт-Петербурга [1]. Коробицын и Фролова представили имитационную модель индивидуального процесса социализации в социальной среде с целью расчета времени социализации [5]. Пальмов и Кулева поставили задачу разработки имитационной модели на примере городской сегрегации [7]. Козырева и Ампилова показали возможности математического моделирования и визуализации социогенеза и социальной диффузии [4].

Данные работы демонстрируют, что для изучения социальной динамики, в частности групповой дифференциации и интеграции, и социальной идентичности метод мультиагентного имитационного моделирования позволяет проводить эмпирические исследования, эксперименты и тем самым валидировать теоретически обоснованные концепции, проверять гипотезы, а также обнаруживать новые феномены.

1. Байчорова М. М., Агеев П. В. Использование имитационного моделирования при социально-экономическом прогнозировании // Молодой ученый. 2016. № 118. С. 1–6.
2. Дерюгин, П. П. (2022). Городской социологический семинар: опыт «погружения» исследователей в цифровую социальную среду. Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, 14(4), 374–378. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.406>
3. Закиева, Е. Ш. Анализ свойств общества как динамической системы на основе имитационного моделирования // Информатизация образования и науки. 2019. № 3(43). С. 148-160.
4. Козырева Д.Д., Ампилова Н.Б. Математические модели в социологии и методы их исследования // Компьютерные инструменты в образовании, 2016. № 5. С. 5–16.
5. Коробицын, В. В. Имитационное моделирование социализации индивида // Математические структуры и моделирование. 2000. № 6. С. 91-100.

6. Михеева, Т. В. О роли имитационного моделирования в социологическом исследовании // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 2009. № 1. С. 080-082.
7. Пальмов, С. В. Имитационное моделирование городской сегрегации // *НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ и ИННОВАЦИИ : сборник статей международной научно-практической конференции, Уфа, 28 октября 2016 года. Том Часть 4. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "ОМЕГА САЙНС", 2016. С. 63-68.*
8. Ashmore R. D., Jussim L. J., Wilder D. *Social Identity, Intergroup Conflict, and Conflict Reduction* / R. D. Ashmore, L. J. Jussim, D. Wilder, Oxford University Press, 2001. 292 с.
9. Erikson E. H. *Identity Youth and Crisis* / E. H. Erikson, W. W. Norton, 1968. 348 с.
10. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press, 1991. 186 p.
11. Hatna E., Benenson I. *The Schelling Model of Ethnic Residential Dynamics: Beyond the Integrated - Segregated Dichotomy of Patterns* // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2010. № 1 (15). С. 6.
12. Klüver J.; S. *Simulations of Group Dynamics with Different Models* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jasss.org/6/4/8.html> (дата обращения: 07.10.2024).
13. Nigel G., Klaus T. *Simulation For The Social Scientist* / G. Nigel, T. Klaus, McGraw-Hill Education (UK), 2005. 309 с.
14. Paul Smaldino C. P. *An Agent-Based Model of Social Identity Dynamics* // 2012:35:2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jasss.org/15/4/7.html> (дата обращения: 07.10.2024).
15. Phelps S. *An Empirical Game-Theoretic Analysis of the Dynamics of Cooperation in Small Groups* // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2016. № 2 (19).
16. Said E. W. *Culture and Imperialism* / E. W. Said, Knopf Doubleday Publishing Group, 1994. 417 с.
17. Tajfel H., Turner J. C. *The Social Identity Theory of Intergroup Behavior* / H. Tajfel, J. C. Turner, New York, NY, US: Psychology Press, 2004. 276 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

*Павлов Кирилл Владимирович
(ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", БГУ)*

Современная социология сталкивается с необходимостью обработки все более сложных и объемных массивов данных, что обусловлено как растущим интересом к новым источникам информации, так и увеличением объема доступных данных в цифровую эпоху. Одним из наиболее перспективных инструментов в этой области является использование нейронных сетей и методов машинного обучения. Эти технологии позволяют обрабатывать как структурированные, так и неструктурированные данные, что открывает новые возможности для анализа социальных процессов. Целью данной работы является исследование потенциала применения нейронных сетей в современной социологии, а также анализ возможностей и ограничений этих методов для решения актуальных социальных задач.

Нейронные сети — это вычислительные модели, построенные по аналогии с нейронами в человеческом мозге, которые способны обучаться на примерах и выявлять закономерности в данных. Их основное преимущество заключается в способности анализировать большие и разнородные данные, включая как структурированные, так и неструктурированные источники, такие как текстовые сообщения, изображения и видео.

Одним из направлений применения нейросетей в социологии является анализ социальных сетей (Social Network Analysis, SNA). В современных исследованиях социальных сетей основное внимание уделяется изучению структуры взаимосвязей между индивидами и группами, а также их динамике.

Исследование Self-Supervised Learning of Graph Neural Networks: A Unified Review (2021) [3], посвящено обзору методов обучения с самоконтролем (Self-Supervised Learning, SSL) для графовых нейронных сетей (Graph Neural Networks, GNN). В исследовании рассматриваются методы SSL, которые позволяют обучать GNN без использования меток данных, где доступ к размеченным данным может быть ограничен. Авторы акцентируют внимание на том, как можно использовать SSL для создания более эффективных моделей представления данных на уровне графов или узлов. Авторы предлагают унифицированную рамочную модель для методов SSL, которая объединяет различные подходы, такие как контрастивное обучение (contrastive learning) и прогнозирование на основе вспомогательных свойств (auxiliary property-based learning). Это позволяет разработчикам и исследователям более эффективно выбирать метод SSL для их конкретных задач и данных.

Социальные сети, такие как Twitter, Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ) или LinkedIn, генерируют огромные объемы данных, которые сложно анализировать традиционными методами. GNN способны эффективно работать с такими данными, извлекая из них полезную информацию для последующего анализа. Графовые нейронные сети позволяют изучать сложные, нелинейные взаимосвязи между участниками социальной сети. Это делает их мощным инструментом для социологических исследований, направленных на изучение социальных движений, распространения информации или влияния отдельных людей на группу. Данное исследование демонстрирует, как применение GNN может значительно расширить возможности анализа социальных сетей, предоставляя новые методы для выявления ключевых агентов, анализа изменений во времени и более глубокого понимания социальной структуры.

В другом исследовании BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding (2019) [2, с. 4173] была представлена модель BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers), которая является одной из самых значимых разработок в области обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP). BERT основана на глубокой нейронной сети трансформеров, и её уникальной особенностью является двунаправленное обучение, что позволяет учитывать контекст слов как слева, так и справа от анализируемого слова. В отличие от традиционных моделей NLP, которые анализируют текст слева направо или справа налево, BERT обучается в обоих направлениях одновременно. Такой способ позволяет модели более точно учитывать контекст каждого слова в предложении. Для этого используются двунаправленные трансформеры, которые позволяют нейросети обучаться на больших объемах текстов и понимать значения слов в зависимости от их окружения.

Социология все чаще сталкивается с необходимостью анализа больших объемов текстовой информации, таких как сообщения в социальных сетях, онлайн-форумы, медиа-статьи и официальные документы. Применение BERT позволяет автоматизировать этот процесс, значительно сокращая время и ресурсы, затрачиваемые на ручной анализ текста. Модель способна эффективно обрабатывать и структурировать текстовые данные, выделяя ключевые темы, важные факты и связи между ними. BERT может быть использован для задач автоматического извлечения информации из больших массивов текстов, таких как правительственные отчеты, научные публикации или медийные материалы. Это позволяет социологам быстрее находить необходимые данные для анализа, а также классифицировать тексты по различным тематикам.

В исследовании Forecasting asylum-related migration flows with machine learning and data at scale (2022) [2] нейросети используются для интеграции различных типов данных (интернет-запросы, геолокации и пересечения границ) с целью создания адаптивной модели для прогнозирования миграционных потоков. Нейросети помогают выявлять сложные, нелинейные зависимости между переменными, что улучшает точность прогнозов на короткие сроки (до четырех недель). Такой подход может быть полезен для социологии, поскольку позволяет анализировать социальные перемещения и прогнозировать миграционные кризисы с большей точностью, поддерживая решения в области миграционной политики. В исследовании используется Dynamic Elastic Net (DynENet) — адаптивная модель регуляризации, сочетающая свойства методов LASSO и Ridge регрессии. DynENet использует оба типа штрафов, что позволяет учитывать коррелированные переменные, одновременно сокращая размерность данных. Такие параметры делают модель эффективной для прогнозирования миграционных потоков с помощью большого количества предикторов. Для каждого временного окна модель выбирает наиболее релевантные переменные и обеспечивает динамическое обновление параметров, адаптируясь к изменяющимся миграционным процессам.

Адаптивные модели машинного обучения, такие как Dynamic Elastic Net (DynENet), позволяют эффективно прогнозировать миграционные потоки на основе данных из различных источников, таких как интернет-поиски и нелегальные пересечения границ. Модель показала высокую точность прогнозов заявок на предоставление убежища в Европейском Союзе на период до четырех недель, превосходя традиционные модели.

Анализ существующих исследований показал, что нейронные сети обладают значительным потенциалом для решения сложных социологических задач, особенно в контексте работы с большими объемами данных. Применение моделей машинного обучения, таких как BERT, позволяет значительно улучшить анализ текстовой информации, ускоряя процесс обработки и выявления ключевых тем и настроений в

социальных сетях и цифровых медиа. Графовые нейронные сети (GNN) продемонстрировали свою эффективность в изучении социальных сетей, позволяя анализировать сложные структуры взаимосвязей между индивидами и группами. Исследования также показали, что нейронные сети могут улучшить прогнозирование социальных явлений, таких как миграционные потоки, благодаря использованию адаптивных моделей, способных выявлять скрытые зависимости в данных, обычно доступные при глубокой обработке данных и больших затрат времени и ресурсов.

Также существуют ограничения, например высокая зависимость от качества исходных данных и сложность интерпретации результатов, полученных с использованием сложных моделей нейросетей. Несмотря на это, исследования показывают, что использование нейросетей в социологии открывает новые возможности для анализа социальных процессов и прогнозирования социальных изменений.

Исследование применения нейросетей в социологии демонстрирует огромный потенциал этих технологий для анализа сложных социальных явлений. Нейросети позволяют обрабатывать большие объемы структурированных и неструктурированных данных, такие как текстовые сообщения и взаимодействия в социальных сетях, что открывает новые горизонты для анализа общественного мнения, социальных настроений и сетевых взаимодействий. Применение моделей, таких как графовые нейронные сети и BERT, позволяет более точно исследовать взаимосвязи в социальных структурах и автоматизировать анализ текстов. В будущем, развитие нейросетей будет способствовать совершенствованию методов анализа данных в социологии, обеспечивая более точные прогнозы социальных изменений и глубокий анализ социальных процессов.

1. *BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding* / J. Devlin, M. Chang, K. Lee, K. Toutanova. — Текст : непосредственный // *Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*. — 2019. — № 1. — С. 4171–4186.
2. *Carammia, M. Forecasting asylum-related migration flows with machine learning and data at scale* / M. Carammia, S. Maria. — Текст : непосредственный // *Scientific reports*. — 2022.
3. *Self-Supervised Learning of Graph Neural Networks: A Unified Review* / Xie, Y., Z. Xu, J. Zhang. — Текст : электронный // *TPAMI*. — 2021./// URL: <https://arxiv.labs.arxiv.org/html/2102.10757>

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА «BOOTSTRAP» ДЛЯ АНАЛИЗА ДАННЫХ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Панченко Виктор Сергеевич
(Санкт-Петербургский государственный университет(СПбГУ))

В современном мире социологические исследования играют ключевую роль в понимании социальных процессов и явлений. Одним из важных аспектов таких исследований является анализ данных, который позволяет превращать необработанные данные в обоснованные выводы. Однако традиционные методы статистического анализа не всегда могут обеспечить достаточную точность и надежность результатов, особенно при работе с небольшими выборками. Более того, традиционные статистические тесты базируются на ряде ограничений и допущений [1, 290]. К примеру, одновыборочный или двухвыборочный t-test предполагает, что данные имеют нормальное распределение (что, как правило, особенно проблематично для маленьких выборок) и что дисперсии групп равны (в случае независимого t-теста). Дополнительно можно отметить, что t-test сильно ограничен в выборе статистических оценок. Этот параметрический тест используется для сравнения средних значений двух групп или для сравнения среднего значения одной группы с известным значением. В этом контексте метод bootstrap менее требовательный: он не нуждается в параметрических предположениях о данных и не требует сложных математических расчетов, при этом может быть использован для различных статистических оценок. Именно поэтому bootstrap может стать незаменимым инструментом для социологов. В данной работе рассмотрим теоретические основы метода bootstrap, его применение в социологии, а также пошагово разберем его использование на примере языка программирования «Python».

Метод bootstrap был предложен Брэдли Эфроном в 1979 году из Стэнфордского университета США. В своей работе «Bootstrap Methods: Another Look at the Jackknife» он предложил нетрадиционные методы статистического анализа, после чего метод bootstrap закрепился в теории статистики. Основная идея bootstrap заключается в оценке характеристик генеральной совокупности через метод перевыборки (resampling) из имеющейся выборки. [2] Грубо говоря, путем повторного отбора наблюдений можно построить эмпирическое распределение любой статистики без каких-либо ограничений (например, среднего, медианы, разности средних).

Алгоритм проведения bootstrap следующий:

1. Создаем B «псевдовыборок» размером n (размер исходной выборки) с возвращением и оцениваем настоящее распределение «псевдоэмпирическим»; [2]
2. Для каждой из этих выборок рассчитываем нужную статистику и формируем распределения оценок bootstrap;
3. Далее используем распределение bootstrap-оценок для оценки интересующих параметров. Для того, чтобы рассчитать доверительные интервалы достаточно взять квантили этого распределения. К примеру, для 95%-ого доверительного интервала это 2.5%-ый и 97.5%-ый квантили.

Данный гибкий метод может быть особенно полезен для социологов, которые часто работают с выборками для того, чтобы делать выводы о более широких популяциях. Возможность строить доверительные интервалы для различных статистик без необходимости делать предположения о форме распределения делает bootstrap наиболее предпочтительным. Однако важно учитывать, что у этого метода есть несколько ограничений, которые необходимо обозначить:

1. Необходимость в независимости наблюдений: bootstrap предполагает, что наблюдения в выборке независимы друг от друга. Если данные имеют зависимость

(например, когда речь идет об одной группе испытуемых до и после экспериментального воздействия), результаты могут быть некорректными;

2. Чувствительность к выборке: bootstrap-метод зависит от исходной выборки. Если выборка совсем мала или не репрезентативна, результаты bootstrap могут быть искажены. Это может привести к неверным выводам о популяции.

Далее перейдем к практической части и попробуем сгенерировать данные на которых можно наглядно показать, как работает bootstrap. Предположим, что мы хотим проверить, отличаются ли средние значения дохода мужчин и женщин в группе X. Сгенерируем данные в языке программирования Python:

Рисунок 1. Генерация данных

```
import pandas as pd
import numpy as np

# Условные данные
np.random.seed(42) # Для воспроизводимости
n = 27 # Количество наблюдений

# Генерация данных
data = {
    'Gender': np.random.choice(['Male', 'Female'], size=n),
    'Income': np.random.normal(loc=50000, scale=15000, size=n) # Средний доход 50000, стандартное отклонение 15000
}

# Создание датафрейма
df = pd.DataFrame(data)
```

Предположим, что в нашей выборке сравнительно небольшое количество наблюдений (меньше 30). Далее приступим к симуляции «псевдовыборок» с размером исходной выборки (27 наблюдений). Результатом будет являться 95% интервал разности средних значений дохода, на основе которого можно проверить следующие статистические гипотезы:

H₀ – ноль попадет в доверительный интервал разности средних в двух группах (различия не обнаружены)

H₁ – ноль не попадает в доверительный интервал разности средних в двух группах (различия обнаружены)

Рисунок 2. Применение bootstrap к данным.

```
#Создадим пустой список для хранения разности средних
mean_diff = []
#Отберем респондентов в отдельные датафреймы
male_df = df.query("Gender == 'Male'")
female_df = df.query("Gender == 'Female'")

#Бутстрэп
n_resamples = 10000
for i in range(n_resamples):

    # Случайная выборка с возвращением для группы мужчин
    sample_data_male = male_df['Income'].sample(frac=1, replace=True)

    # Случайная выборка с возвращением для группы женщин
    sample_data_female = female_df['Income'].sample(frac=1, replace=True)

    # Вычисляем разность средних
    sample_mean_diff = sample_data_female.mean() - sample_data_male.mean()
    mean_diff.append(sample_mean_diff)

mean_diff = np.array(mean_diff)

# Вычисляем доверительный интервал
lower_bound = np.percentile(mean_diff, 2.5) # 2.5-й перцентиль
upper_bound = np.percentile(mean_diff, 97.5) # 97.5-й перцентиль

print(f"Доверительный интервал разности дохода в двух группах: ({lower_bound}, {upper_bound})")

if lower_bound <= 0 <= upper_bound:
    print("Ноль попадает в 95% доверительный интервал расности дохода: нет статистически значимых различий между группами.")
else:
    print("Ноль не попадает в 95% доверительный интервал разности дохода: есть статистически значимые различия между группами.")

Доверительный интервал разности дохода в двух группах: (-11908.559221830345, 8505.442851534128)
Ноль попадает в 95% доверительный интервал расности дохода: нет статистически значимых различий между группами.
```

Гипотеза о различиях в генеральной совокупности в доходах между мужчинами и женщинами не подтвердилась, так как ноль попал в 95% доверительный интервал. Далее попробуем визуализировать получившийся результат для наглядности.

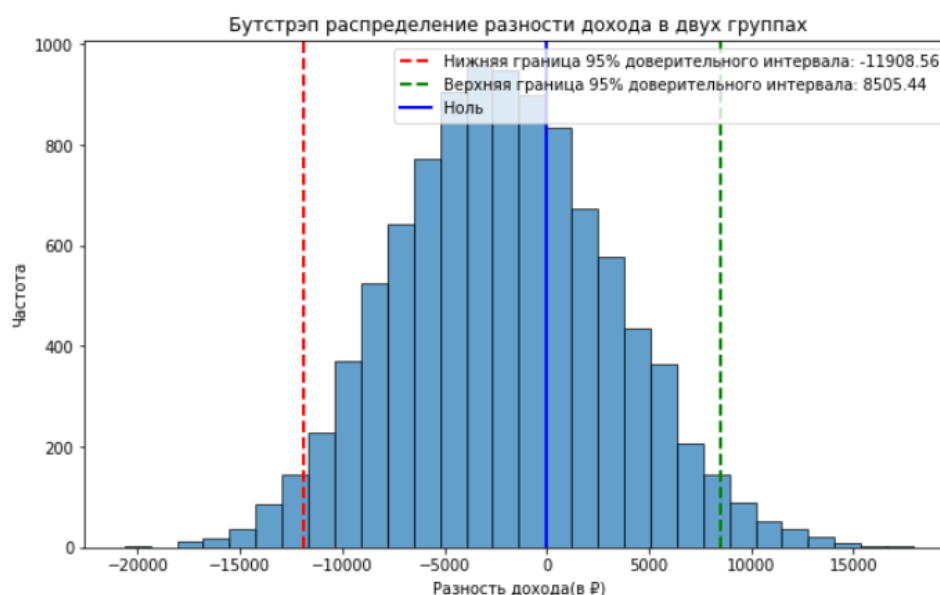
Рисунок 3. Код для визуализации данных

```
#Построим график для визуализации разности
mean_diff = np.array(mean_diff)

lower_bound = np.percentile(mean_diff, 2.5)
upper_bound = np.percentile(mean_diff, 97.5)

plt.figure(figsize=(10, 6))
plt.hist(mean_diff, bins=30, edgecolor='k', alpha=0.7)
plt.axvline(lower_bound, color='red', linestyle='--', linewidth=2,
            label=f'Нижняя граница 95% доверительного интервала: {lower_bound:.2f}')
plt.axvline(upper_bound, color='green', linestyle='--',
            linewidth=2, label=f'Верхняя граница 95% доверительного интервала: {upper_bound:.2f}')
plt.axvline(0, color='blue', linestyle='-', linewidth=2, label='Ноль')
plt.title('Бутстрэп распределение разности дохода в двух группах')
plt.xlabel('Доход(в Р)')
plt.ylabel('Частота')
plt.legend()
plt.show()
```

Рисунок 4. График bootstrap-распределения разности дохода в двух группах

В данной работе мы рассмотрели применение метода bootstrap в анализе социологических данных. Bootstrap показал свою гибкость и полезность, позволяя проводить статистический анализ без строгих предположений о распределении данных. Это особенно важно в социологии, где данные часто имеют сложные и неоднородные структуры. Проведенный анализ данных в Python продемонстрировал, что bootstrap позволяет надежно оценивать доверительные интервалы и проверять гипотезы о различиях между группами. Важно учитывать, что данные для анализа были сгенерированы случайным образом, что так или иначе могло повлиять на отсутствие статистически значимых различий. Прежде всего основная идея данной работы заключалась в том, чтобы показать, как bootstrap может быть использован социологами при работе с данными без глубокого погружения в теорию математической статистики. Учитывая простоту реализации и широкую применимость к различным статистическим задачам, bootstrap можно активно использовать в социологических исследованиях в качестве замены традиционным методам статистического анализа.

1. Фрисман Е.Я., Шлюфман К.В. Бутстреп нам строить и жить помогает // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. №4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/butstrep-nam-stroit-i-zhit-pomogaet> (дата обращения: 06.10.2024).
2. Назаров Н., Сахнов А. Бутстреп и А/Б тестирование. Блог компании X5 Tech, Python, Математика, Статистика в IT, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/companies/X5Tech/articles/679842/> (дата обращения: 07.10.2024).

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: КАК МЕНЯЕТСЯ РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ, ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ

*Петрова Елизавета Михайловна
(Санкт-Петербургский Государственный Университет)*

*Дерюгин Павел Петрович
(Санкт-Петербургский Государственный университет)*

При финансовой поддержке гранта РНФ № 24-18-00261

Аннотация

В работе рассматривается процесс цифровой трансформации образования и его влияние на роль преподавателя. В условиях стремительного развития технологий традиционная функция преподавателя претерпевает значительные изменения. Обсуждаются новые компетенции, которые становятся необходимыми для педагогов, включая навыки работы с цифровыми платформами, создание интерактивного контента и поддержку самостоятельного обучения студентов.

Ключевые слова

Цифровая трансформация, адаптация, преподаватель, образование, цифровизация

Процессы глобальной цифровизации оказали значительное влияние на социальную жизнь и поведение людей. Цифровизация охватила все аспекты социальной сферы, включая образование, и стала важным элементом на всех уровнях учебного процесса. Это привело к возникновению новых подходов, форм и методов образовательной деятельности. Некоторые исследователи рассматривают цифровизацию как революционные изменения и прорывные инновации в образовании XXI века [1, 56], в то время как другие считают её причиной появления «нового педагогического пространства».

Особое внимание обратим на изменение роли преподавателя в цифровом обществе. В связи с тем, что большое количество процессов переходит в онлайн-формат, педагогам тоже приходится приспосабливаться к такой форме работы. Отмечается, что многим тяжело привыкнуть к новым реалиям и отойти от традиционной модели педагога и формы преподавания.

Однако А. М. Бекарев и Г. С. Пак видят причины гораздо глубже: образ педагога и его социальные функции кажутся размытыми в цифровом обществе, происходит утрата безусловного авторитета традиционного понимания педагогической профессии, ее лидирующего положения в процессе обучения. А новое понимание, как считают авторы, еще не сформировано: «это лишает педагогическую деятельность смысловой наполненности и аксиологической значимости, формируя ощущение уязвимости и профессиональной несостоятельности педагогов перед лицом учеников, коллег и родителей» [2, 76].

Для большинства педагогов для нивелирования данного противоречия необходима профессиональная адаптация. Как правило под адаптацией сотрудников понимается процесс, посредством которого новый сотрудник адаптируется к работе в новой среде, в новой роли и организации [3, 44]. Однако адаптация к условиям цифровизации не сводится к реализации новичка в производственный процесс для достижения полной продуктивности на работе; скорее наоборот, речь идет об адаптации к новым, резко изменившимся производственным условиям, технологиям, формам и методам

деятельности. Если организационная и технологическая адаптация новичков осуществляется по заранее и четко продуманному плану с целью сокращения времени приспособления сотрудника к условиям, то на практике в образовательных организациях адаптация к цифровым технологиям проводилась стихийно и бессистемно.

Адаптация как процесс предполагает формирование определенных профессиональных установок, качеств и компетенций у педагогов. Л.А. Гриневич среди таких качеств педагога выделяет: настроенность на изменения, высокий уровень профессионального и социального оптимизма, наличие цифровых компетенций, готовность перестраивать свою профессиональную деятельность в соответствии с изменившимися запросами общества, владение новыми методиками обучения и вовлечения в деятельность [4, 244].

В. А. Заиченко обосновал особый вид социальной адаптации человека техногенного общества – информационно- технологическую адаптацию, определив ее как «приспособление и преодоление информационных и технологических барьеров, преодоление которых приведет к повышению информационной культуры и ускорению протекания профессиональной адаптации» [5, 6]. Данный подход связывает процесс адаптации с формированием цифровой грамотности.

В условиях, когда устойчиво проявляются проблемы адаптации педагогов в цифровом пространстве, необходимо использовать комплекс мер, которые будут поступательно формировать заданные компетенции, качества и установки педагогов.

Для этих целей в образовательной организации должна быть разработана программа адаптации, она может быть ориентирована на решение разного рода задач: оперативные (решает текущие вопросы), тактические (прорабатывает краткосрочные и среднесрочные задачи) и стратегические задачи (формулируются долгосрочные новые цели, миссия, тщательно прорабатывается стратегия достижения желаемого).

На незначительных участках дефицита знаний у педагогов уместны оперативные и тактические меры: проведение тренингов по снижению сопротивления к изменениям; обучение учителей навыкам работы с цифровыми инструментами; работа с преимуществами новых технологий, анализ отзывов учителей об их интеграции в цифровые технологии и на основе проведенного анализа выявление проблем и перспектив адаптации; постоянная поддержка сотрудников в процессе адаптации и другое.

Единой стратегии действий для проведения адаптационных мероприятий не существует: многое решает качество цифровой среды организации, стартовый уровень цифровой культуры учителей и их внутренняя мотивация на адаптацию, типичные проблемы адаптации в коллективе школы и др. факторы. Зарубежные исследователи выделяют несколько стратегий адаптации:

Традиционная стратегия использует известные адаптационные методы: адаптационную беседу, обсуждение плана развития сотрудника, корпоративных мероприятий, тренингов, периодической обратной связи (индивидуальные встречи), оценки эффективности и самооценки.

Индивидуальные методы адаптации. Баддинг – это метод индивидуальной адаптации сотрудников, который заключается в назначении опытного коллеги сотруднику в качестве куратора. Метод эффективен, поскольку обеспечивает индивидуальный подход к адаптации сотрудника, а также способствует развитию отношений внутри команды.

Индивидуальные методы адаптации. Преподаватель наблюдает за процессом и на практике постигает тонкости работы в цифровой среде, а наставник не тратит время на обучение, он просто выполняет производственные процессы.

Геймификация в процессе адаптации сотрудников – это использование игровых элементов и практик в программах обучения для вовлечения и мотивации сотрудников. Помогает сделать процесс обучения и адаптации более интересным, увлекательным и эффективным.

Рассылки по электронной почте. Концепция онбординга по электронной почте получила широкое распространение с появлением удаленной работы. Многие компании, в основном в IT-индустрии и с сотрудниками из разных стран, начали внедрять электронные рассылки для рабочих аккаунтов – это быстро, эффективно и удобно.

Успешная адаптация влияет на качество образовательного процесса и самочувствие всех участников. А.Г. Ваничева и Э.В. Сычева выделяют три вида адаптации персонала: психофизиологическую – к новым психологическим и физическим условиям; профессиональную – овладение новыми компетенциями, социально-психологическая адаптация – адаптация в новом формате социальных отношений и изменению своей роли [6, 45]. Данные виды адаптации можно положить в основу содержания стратегической программы адаптации.

По результатам обзора исследований и публикаций по адаптации сотрудников образовательных организаций в условиях цифровизации, можно предположить, что стратегия адаптационных мероприятий должна включать:

- мероприятия по снижению сопротивления к изменениям,
- план планомерного повышения квалификации в сфере цифровых технологий,
- освоение методик менторства и коучинга,
- формирование навыков создания разнообразного образовательного контента на основе технологий создания видео, работы со звуком, интегрированных мультимедийных образовательных продуктов,
- освоение игровых технологий для использования перспектив геймификации обучения и др.

Таким образом, цифровая трансформация образования представляет собой не просто внедрение новых технологий в учебный процесс, но и глубокую переоценку роли преподавателя в образовательной системе. В условиях стремительного развития технологий и изменения потребностей общества, преподаватели становятся не только носителями знаний, но и кураторами, и наставниками. Их задача заключается в создании среды, в которой студенты могут развивать критическое мышление, креативность и навыки самостоятельного обучения. С переходом на онлайн-форматы и гибридные модели обучения, роль преподавателя расширяется. Они должны быть готовы к использованию различных цифровых инструментов, которые помогают не только в подаче материала, но и в оценке его усвоения. Это требует от педагогов постоянного самообразования и адаптации к новым методам работы, а также умения интегрировать традиционные подходы с инновационными.

1. *Капитанова, Н. В. Особенности адаптации преподавателей высшей школы к условиям цифровой образовательной среды // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. №9. С. 54–57. — 2022*
2. *Бекарев, А. М. Цифровая компетентность и возраст преподавателя в условиях префигуративной культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1 (65). С. 74–81. — 2022*
3. *Ваничева, А. Г. Подбор и адаптация персонала как основа успешной реализации кадровой стратегии // Наука в цифрах: сборник. Москва. С. 43–44. — 2016*

4. *Гриневич, Л. А. Цифровизация высшего образования в современной России: теория и практика // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. № 57. С. 242–248. — 2021*
5. *Заиченко, В.А. Информационно-технологическая адаптация как механизм техноэволюции: автореф. канд. философ. наук: 09.00.11. Пятигорск, 2011. С. 5–7.*
6. *Ваничева, А. Г. Подбор и адаптация персонала как основа успешной реализации кадровой стратегии // Наука в цифрах: сборник. Москва. С. 43–47. — 2016*

ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

*Родионова Елена Юрьевна
(НИТУ МИСИС)*

Аннотация: В данной статье идет речь о введении уголовной ответственности за треш-контент. В статье раскрываются аспекты опасности распространения деструктивного контента в сети «Интернет». Автор статьи обосновывает необходимость применения уголовной ответственности за преступления в киберпространстве. В заключении сделан вывод о том, что совершение преступления в цифровом пространстве, в том числе связанного с демонстрацией деструктивного контента является тяжким, поскольку посягает на жизнь человека, и, следовательно, предупреждение таких преступлений должно стать одной из первостепенной задач.

Abstract: This article deals with the introduction of criminal liability for trash content. The article reveals the aspects of the danger of spreading destructive content on the Internet. The author of the article substantiates the need to apply criminal liability for crimes in cyberspace. In conclusion, it is concluded that the commission of a crime in the digital space, including those related to the demonstration of destructive content, is grave, since it encroaches on human life, and, therefore, the prevention of such crimes should become one of the primary tasks.

Ключевые слова: деструктивный контент, цифровое пространство, социология, цифровизация, уголовная ответственность.

Keywords: digital space, digitalization, criminal liability, Internet, suicide.

Активное развитие цифрового пространства явилось детерминантом возникновения новых вызовов и угроз, поскольку затрагивает такие важные аспекты как свобода слова и действий, приватность общения и взаимодействия людей. Можно с уверенностью говорить о непосредственном влиянии цифровых технологий на социальные отношения. В этом направлении следует отметить «цифровую демократию», которая связана с реализацией прав граждан на свободный доступ к информации и любое ограничение ведет к созданию напряженности. Однако некоторые моменты явно свидетельствуют о необходимости контроля в цифровом пространстве.

Учитывая, что в основе общественных отношений лежат общепринятые нормы, определенная часть которых относится к сфере морали, в данном случае мы не можем говорить о юридических последствиях несоблюдения таких норм. Однако российская правовая система организована таким образом, что когда «неэтичные» действия начинают приносить вред, такие действия могут криминализироваться, т.е. может устанавливаться уголовная ответственность за их совершение.

Проникновение цифровых возможностей в широкие массы населения с незамутненным сознанием привело к появлению различного конвента деструктивной направленности в виде так называемого треш-стрима.

Несколько лет назад в «Интернете» стали популярны видео с демонстрацией в прямом эфире действий, совершаемых с особой жестокостью, издевательствами, «зрители» наблюдали за мучениями людей, можно предположить, испытывая при этом сильные эмоции или даже шок.

Само наличие подобного материала может поставить под сомнение традиционные нормы поведения в нашем обществе, привести к расширению границ допустимого поведения в обществе, а также вызвать демагогические рассуждения о социальной справедливости, природы насилия и т.п.

Использование шок-контента позволяет увеличить просмотры и привлечь аудиторию. Именно поэтому следует говорить об ответственности его создателей, поскольку неоднократный просмотр подобных видео материалов может привести к снижению эмоциональной реакции зрителя на сцены страданий и насилия, что в свою очередь может повлиять на общественное поведение. Представляется, что социологический анализ в будущем позволит сделать более аргументированные выводы о влиянии шок-контента на общество, на культурные и социальные процессы, однако уже сегодня вполне понятно, что цифровая технология, онлайн-коммуникации проникли в межличностные отношения, в частности, дружбу, романтические отношения и цифровое общение оказывает непосредственное влияние на социальные нормы.

Президент Российской Федерации летом прошлого 2023 года высказал озабоченность подобными деструктивными ситуациями, в целях реализации соответствующего указания был подготовлен законопроект, который криминализировал распространение в информационном пространстве деструктивного контента в виде треш-стримов.

В августе текущего 2024 года принят Федеральный закон, усиливающий уголовную ответственность за совершение 10 преступлений, наиболее часто встречающихся в практике треш-стримов: 1. Убийство. 2. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. 3. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью. 4. Умышленное причинение легкого вреда здоровью. 5. Побои. 6. Истязание. 7. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. 8. Похищение человека. 9. Незаконное лишение свободы. 10. Использование рабского труда.

Пока не было решений судов по данным составам, однако законодательная практика по установлению уголовной ответственности за преступления в сети «Интернет» достаточно распространена. Примером может стать уголовная ответственность за преступления в сфере жизни и здоровья, предусмотренная ч. 3 ст. 110.1 и ст. 110.2 УК РФ.

Массовое распространение цифровых технологий стало причиной совершения такого преступления как склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства путем предоставления информации о способах совершения самоубийства, демонстрации данных способов в сети Интернет (ч. 3 ст. 110.1 УК РФ) [1]. Наибольшей степени общественной опасности достигается осуществление деяния в отношении несовершеннолетних. Популярность сообществ «Синий кит», «Тихий дом», «Море китов» и иных «групп смерти», которые представляют собой некие «игры», целью которых становится самоубийство подростка под руководством анонимного куратора, вызывает тревогу у родителей подростков и правоохранителей на протяжении нескольких лет.

Решения суда достаточно понятно раскрывают отношения, возникающие в подобных ситуациях. В частности, Ленинским районным судом г. Тюмени установлено [2], что у ФИОЗ возник преступный умысел на склонение к совершению самоубийства неопределенного круга лиц. Этот умысел она реализовывала, вовлекая несовершеннолетних, переживавших конфликт со сверстниками на сексуальной почве, семейные конфликты и т.п. в общение с ней и в ходе диалога побуждала выполнять задания, необходимые для подготовки к совершению самоубийства.

Обратим внимание на тему деструктивного контента, именно повышенный интерес к подобного рода информации служил основанием для вовлечения в группу. Склонение к совершению самоубийства осуществлялось путем уговоров, предложений и иным способом. Она давала задания причинять себе членовредительство, убеждалась в

выполнении ими заданий, осуществляла ежедневный контроль за участниками беседы об их намерениях совершить самоубийство.

ФИО 3 обсуждала личные и семейные проблемы, тяжелое эмоциональное состояние, демонстрировала и обсуждала телесные повреждения, говорила о желании покончить жизнь самоубийством путем повешения, прыжка с крыши, прыжка под поезд, отравления таблетками, нанесения порезов, а также отметила, что обсуждаемые темы являются опасными и могут вызвать интерес правоохранительных органов. Она отправила им фотографию с порезами на руке и кровью, побуждая к совершению самоубийства путем нанесения порезов на руках.

В указанной беседе состояло 16 человек, выявила группу волонтер по выявлению групп суицидальной направленности. Экспертиза показала, что в представленных материалах содержатся признаки психологического воздействия направленного на побуждение участников совершить суицид и/или аутодеструктивные действия.

Подсудимая давала задания суицидальной направленности, формирующие у несовершеннолетней депрессивную направленность сознания, представляющие собой последовательные действия деструктивного характера, путем совершения активных аутоагрессивных действий, последним из которых должно было стать совершение самоубийства.

Собранных доказательств было достаточно о признании виновности ФИО3 в совершении преступлений, предусмотренных п.п.«а,в,д» ч.3 ст.110.1 Уголовного кодекса Российской Федерации – склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений и иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства, совершенное в отношении несовершеннолетнего, в отношении двух и более лиц, в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). В судебном заседании подсудимая ФИО3 виновной себя признала полностью.

Принимая во внимание, что подсудимая не судима, учится, по местам жительства и учебы характеризуется удовлетворительно, взаимоотношения между членами семьи не конфликтные суд пришел к выводу о возможности ее исправления без реального отбывания наказания в виде лишения свободы. Ей назначено 3 года лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года.

Введение уголовной ответственности треш-стримеров должно способствовать профилактике публичной демонстрации деструктивного контента. Это особенно важно с точки зрения особой категории зрителей, поскольку зрителями данных трансляций становятся преимущественно дети и молодые люди большей частью с несформировавшейся психикой и ценностями. Наличие ответственности избавит их от ощущения вседозволенности, надеюсь исключит случаи «подражательства» известным треш-стримерам.

Кроме того, введение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью позволит судам ограничивать преступникам доступ в сеть «Интернет».

В заключении следует отметить необходимость подготовки специалистов, умеющих работать в новых условиях, с учетом рисков и новых угроз. Речь идет о специалистах в сфере безопасности образовательных организаций, поскольку воспитание начинается с детства, дети сталкиваются с различными вызовами в раннем возрасте. В этой связи положительным примером может стать профильная магистратура, в которой созданы необходимые условия для формирования профессиональных компетенций в вопросах безопасности [3; 7-15].

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2024. – № 13. – Ст. 1687.
2. Приговор № 1-1299/2020 от 26 ноября 2020 г. по делу № 1-1299/2020. – Электронный ресурс. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/d3f193WJjDW1>
3. Зверев О.М., Виноградова И.А., Битюцких Е.В. Подготовка специалистов по обеспечению безопасности образовательной организации в профильной магистратуре/ О.М. Зверев// Безопасная школа: сборник статей и разработок магистрантов программы «Обеспечение безопасности образовательной организации». – Москва, 2023. – С. 7-15.

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ИССЛЕДОВАНИИ И ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

*Романова Виктория Алексеевна
(СПбГМУ)*

В современном мире цифровизация проникает во все сферы жизни, включая социологию, а исследование цифровых инструментов в социологии становится все более актуальным и востребованным [3], в силу того, что это прогрессивная область исследований, которая сочетает в себе методы социологического исследования, статистики и информатики. Цифровые инструменты стали все более популярными в социологии, они позволяют исследователям получать новые данные, улучшать методы исследования и анализа, а также повышать эффективность проведенных исследований.

Основные области применения цифровых инструментов в социологии: 1. Опросы и интервью: использование онлайн-анкет, мобильных приложений и почтовых опросов для сбора данных [1]. 2. Социальные сети: изучение взаимодействия людей в социальных сетях, анализе данных о поведении пользователей и их предпочтениях. 3. Местное наблюдение: использование датчиков, видеокамер и других устройств для сбора данных о людях в конкретных местах. 4. Анализ текстовых данных: обработка и анализ текстовых данных, полученных из новых медиа, социальных сетей и других источников. 5. Машинное обучение: использование машинного обучения для анализа данных, прогнозирования поведения людей и предсказания результатов. 6. Геоинформационные системы: использование спутниковых снимков, GPS и иных инструментов с целью анализа пространственной организации и поведения людей.

Цифровая социология – это новое направление в социологии, которое фокусируется на изучении общества в цифровом контексте [2]. Она использует цифровые инструменты для изучения социальных явлений в цифровом пространстве, таких как: киберкультура; цифровые коммуникации; цифровое неравенство; цифровая этика.

Основными преимуществами использования цифровых инструментов в социологии являются: повышение эффективности, т.к. цифровые инструменты позволяют быстро и эффективно собирать, анализировать и интерпретировать данные [4]; расширение возможностей, в силу того, что открываются новые возможности для исследования, позволяющие изучать общество с новых ракурсов и в масштабах, недоступных ранее; улучшение качества данных, потому что цифровые инструменты позволяют получать более точные и полные данные, что повышает качество исследований; доступность информации, т.к. цифровые технологии делают информацию более доступной, что позволяет исследователям изучать разнообразные источники данных.

1. Епархина О.В. Цифровые методы прикладной социологии в оценках молодых исследователей //Социальные и гуманитарные знания. – 2023. – Т. 9. – №. 3. – С. 290-299.

2. Найденова Л. И. Цифровая социология: тенденции развития и возможности современных исследований //Научный редактор. – 2022. – С. 250.

3. Проценко А. И. Цифровая социология и перспективы её развития в современную эпоху //Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. – 2023. – С. 666-670.

4. Сорочан В. В., Гаврилюк Н. П. Цифровая социология: от цифровизации общества к цифровизации науки //Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – Т. 1. – №. 175. – С. 37-46.

«ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ» ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВСЕХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ – НОВЫЙ ТРЕНД ИЛИ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

Салтанович Ирина Петровна
(*Минский государственный лингвистический университет*)

Эта статья рассматривает цифровую социологию как новый тренд в академическом мире и оценивает ее значимость и целесообразность для студентов всех специальностей. Автор анализирует, как цифровые технологии трансформируют социальные взаимодействия, структуры и процессы, и каким образом они влияют на различные аспекты человеческой жизни, включая образование, культуру. Особое внимание уделяется междисциплинарному характеру цифровой социологии, что делает ее полезной для студентов не только социальных наук, но и технических, гуманитарных и других направлений.

Ключевые слова: цифровая социология, междисциплинарность, цифровая грамотность, критическое мышление

Сегодня цифровые технологии играют фундаментальную роль в широком спектре социальных событий – от трансформации государства всеобщего благосостояния до способа победы на выборах и того, как мы ощущаем «самость», представляя собой «тотальный социальный факт». Он действует в различных социальных секторах и между ними, затрагивая все аспекты жизни общества, подобно тому, как сегодня многие понимают окружающую среду как имеющую отношение ко всем сферам жизни общества. Цифровые технологии сигнализируют о больших трансформациях общества, но они также могут потребовать изменений в том, как мы понимаем и исследуем социальную жизнь

Цифровая социология возникла как ответ на особый ажиотаж – в промышленности, новостях, средствах массовой информации, правительстве и университетах – о том, как «новые» цифровые данные изменят способы познания общества. Но цифровая социология также предлагает альтернативу узким определениям цифровых социальных исследований. Некоторые определяют новую «вычислительную социальную науку» как форму анализа данных. Напротив, цифровые социологи стремятся исследовать гораздо более широкий спектр взаимодействий между данными, людьми, технологиями – и многим другим, – которые переполняют, превосходят и не «вписываются» в простую историю о новых формах анализа данных, принимающих место старых методов социальных исследований.

Социологи-классики, от Вебера до Беккера, обращали внимание на эффекты, благодаря которым категории, используемые для придания смысла социальным явлениям, трансформируют способы ведения социальной жизни. Но сегодня, чтобы проанализировать эти социологические эффекты, социологам необходимо поинтересоваться тем, как цифровые технологии работают и распространяются в социальной жизни.

Те же самые типы проблем и теоретических подходов, как правило, разделяют социологи, пишущие о цифровых медиа, и другие, комментирующие смежные вопросы, такие как будущее социологии как дисциплины, какие типы методов исследования следует использовать и как их следует концептуализировать, способы, которыми вопросы меры и ценности стали заметными в современных обществах, возникновение экономики знаний, новые политические формации и отношения власти, которые очевидны

Кажется очевидным, что цифровая социология как ответ на цифровое является пересекающейся областью, расположенной между «социологией цифрового», то есть «использованием устоявшихся социологических теорий и методов для изучения социальных явлений, находящихся под влиянием» цифрового [7, 12], что является не

просто социологией в цифровую эпоху. Но что может означать эта позиция, общая для искусства, науки и политики, для социальной теории? Это означает, попросту говоря, что важно не то, что есть, а то, чего не хватает или чего не хватает и что должно быть разработано. Действительно, утверждение о том, что сдвиг произошел в цифровом, окончательно подтверждает, что цифровое теперь является неотъемлемой частью не только общества и его функционирования, но и, что особенно важно, того, как общество производит знания и культуру.

Чуть меньше десятилетия назад Берри и Дитер [6] утверждали, что мы стремительно вступаем в мир, в котором становится все труднее находить культуру за пределами цифровых медиа, вся информация теперь является цифровой, и даже больше, алгоритмы стали центральными узлами производства знаний и культуры с возросшей способностью формировать общество в целом.. Поэтому ученые, исследователи, университеты и учреждения должны играть центральную роль в оценке того, как создаются цифровые знания, то есть знания о «цифре» не только сегодня, но и в интересах будущих поколений, и нести четкую ответственность, которая возникает из пребывания в цифровом пространстве.

Мы не можем полагаться только на современные «дисциплинарные» методы и рамки знаний, чтобы осмыслить и интерпретировать преобразующее воздействие новых технологий на нашу культуру, поскольку новые технологии требуют от нас переосмысления именно этих методов и рамок. Мир вошел в новое измерение, в котором знание больше не может позволить себе рассматривать технологию и ее производство просто как инструмент или как объект критики, восхищения, страха или зависти. Нынешний ландшафт во много раз сложнее и теперь имеет гораздо более широкие последствия, чем те, которые были выявлены до сих пор.

Цифровая трансформация, наконец, заставляет нас вернуться к фундаментальным вопросам: как мы создаем знания и как мы хотим обучать следующее поколение студентов?

Продвигая современные предметы, такие как «Цифровая социология», «Цифровая культура», «Нейрограмотность», образовательная политика признает важность подготовки студентов всех специальностей к цифровой экономике и карьере завтрашнего дня. Это не просто образовательное улучшение; это необходимость для подготовки студентов к цифровому будущему, тем самым снабжая их необходимыми навыками цифровой грамотности, способствуя критическому мышлению и всестороннему пониманию общества через технологическую призму.

Несмотря на растущую значимость цифровых гуманитарных наук в академическом ландшафте, форма и практика, подразумеваемые под названием «Цифровая социология», часто остаются достаточно невнятными. Лаптон [8] выделяет четыре основные области цифровой социологии: профессиональное использование цифровых инструментов социологами, социологический анализ использования цифровых медиа, социологический анализ цифровых данных и критический анализ цифровых медиа и сопутствующих им цепей капитала и власти.

Появлению цифровой социологии предшествовали другие цифровые субдисциплины, прежде всего, цифровые гуманитарные науки и цифровая антропология. Они оказали влияние на разработку теоретической базы и предметного поля цифровой социологии. Расширила представления о цифровой социологии Марес, включив в предметную область проблемы новых возможностей социального мониторинга, анализа цифровых возможностей вмешательства в социальную жизнь, новые формы наблюдения и контроля, а также создание новых знаний о социальной реальности [9, 21].

Появляются и обобщенные теоретико-концептуальные исследования. Например, концепция цифрового мироздания, теория цифрового управления, концептуальное видение цифрового слабоумия и др., которые также затрагивают социальную проблематику. Особое значение имеют те цифровые теории, которые непосредственно исследуют социальное. Прежде всего, речь идет о социальной цифровизации, т.е. цифровизации в социальной сфере [2].

Видимо, пришло время рассматривать цифровую социологию как необходимость и в академическом ландшафте, оценивая ее значимость и целесообразность для студентов всех специальностей, обсуждая потенциал в контексте профессиональной подготовки и карьерных возможностей, подчеркивая важность цифровой грамотности и критического мышления в современном обществе.

Цифровая социология может значительно обогатить образование для студентов не социологических специальностей, предоставляя следующие преимущества: анализ данных для умения использования большие данных и алгоритмов для диагностики социальных явлений; междисциплинарный подход, объединяющий методы из разных дисциплин, позволяющий студентам применять социологические инструменты в своих областях[1][5]; формирование критического мышления, развивающего навыки критического анализа при изучении влияния цифровых технологий на общество, что актуально для всех гуманитарных и социальных наук [3][4]; понимание цифровой культуры, формирующей знание о том, как цифровые технологии влияют на социальные взаимодействия и идентичности, помогая студентам лучше адаптироваться к современным реалиям[3][4]. Эти аспекты делают цифровую социологию важным дополнением к образовательным программам в различных областях, применяя в работе различные практики, включая учебную аналитику, чат-боты, интерактивные инструменты, виртуальные симуляции.

Это подразумевает открытость внутри дисциплины и за ее пределами, включая активное взаимодействие с широким спектром тенденций: цифровые гуманитарные науки, цифровая антропология, цифровая география, социальная информатика, исследования данных, веб-наука, наука о данных, исследования программного обеспечения и т. д.

Необходимо четко понимать амбиции цифровой социологии на дисциплинарном уровне. Маррес предлагает полезное сравнение с экологической социологией. Социологические явления имеют экологическое измерение, и социологическая работа происходит в среде, но это не означает, что вся социология должна быть экологической социологией [9, 40]. Цифровая социология как субдисциплина может помочь нам восстановить цифровое измерение социальной жизни и лучше оценить, как цифровая среда, в которой мы работаем, формирует работу, которую мы делаем.

Опираясь на аргументы, приведенные выше, напрашивается вывод о том, что цифровая социология для студентов всех специальностей является не просто модным трендом, а необходимым инструментом для понимания и адаптации к быстро меняющемуся миру.

1. Добринская Д. Е. *Цифровая социология для изучения цифрового общества* URL. -<http://philsoc.psu.ru/228-nauka/vestnik-2021/sotsiologiya/1560-tsifrovaya-sotsiologiya-dlya-izucheniya-tsifrovogo-obshchestva> <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-250-259>
2. Ницевич В. Ф. *Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания* // *Цифровая социология* / Т 1. № 1 / 2018. – С. 18-28 DOI 10.26425/2658-347X-2018-1-18-28
3. *Цифровая социология. Высшая школа современных социальных наук МГУ* URL. -<https://vshssn.msu.ru/nauka/projects/cifrovaya-sociologiya>

4. *Цифровая социология* . Санкт-Петербургский государственный университет.. URL. <https://spbu.ru/postupayushchim/programms/magistratura/cifrovaya-sociologiya>
5. Шураева Л. Ю. Развитие цифровой социологии в современной науке // Социальные технологии и процессы. Вестник университета. - 2020. - № 3. – С. 174-177
6. Berry D., Dieter M. *Postdigital Aesthetics: Art, Computation And Design*. – *Postdigital Aesthetics*. - 2015
7. Ignatow G (2020) *Sociological Theory in the Digital Age*. – L.: Routledge. – 2020
8. Lupton D. *Digital Sociology*. - Routledge. - 2014
9. Marres N. *Digital sociology: The reinvention of social research*. - Cambridge: Polity. - 2017

СОВРЕМЕННОЕ ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

*Свиридов Борис Александрович
(Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Российский
государственный социальный университет)*

*Дозорова Ксения Александровна
(Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова)*

*Каххоров Сафиюллохон Хаидович
(ГБОУ Школа №2057 им. И.С. Барова)*

Аннотация. В статье описывается применение цифровых технологий в современном обществе. Показано, что осознанное применение цифровых инструментов и критическое отношение к информации являются основными факторами, определяющими успешное развитие общества.

Ключевые слова: цифровизация, общество, цифровые технологии, информация.

Современное цифровое общество представляет собой сложную и многогранную систему, в которой технологии становятся неотъемлемой частью повседневной жизни. В эпоху интернета, мобильных устройств и искусственного интеллекта мы наблюдаем стремительные изменения в социальной структуре, экономике и культуре, что открывает новые горизонты и создаёт уникальные вызовы для всего человечества [1].

Одной из ключевых перспектив цифрового общества является увеличение доступности информации. Сегодня любой пользователь интернета может получить доступ к практически любым знаниям всего одним кликом, что способствует образовательному процессу и расширяет границы саморазвития. Платформы дистанционного обучения, такие как MOOCs (Massive Open Online Courses), позволяют людям из разных уголков мира осваивать новые навыки и повышать свою квалификацию.

Однако вместе с увеличением доступности возникает проблема информации, её избыточности и необходимости критического мышления. Важно научиться отличать правдивые факты от дезинформации, что требует от общества развития медийной грамотности. Успех в этой области во многом зависит от системного образования и инициатив, направленных на развитие критического мышления у молодежи [1].

Другой важной перспективой является внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в различные сферы жизни. ИИ способен автоматизировать рутинные задачи, что повышает производительность труда. Тем не менее, это также вызывает опасения о возможной утрате рабочих мест и необходимости пересмотра образовательных программ для подготовки специалистов нового поколения, способных работать в условиях стремительно меняющегося рынка труда. Появляется всё больше профессий, которые требуют навыков взаимодействия с инновационными технологиями, что в свою очередь ставит задачу переобучения работников.

Кроме того, цифровизация влияет на взаимодействие между людьми. Социальные сети и мессенджеры создают новые форматы общения, позволяя поддерживать связи, независимо от географического положения. Однако, с одной стороны, это ведёт к усилению глобализации и обмену культурными ценностями, с другой — порождает проблемы, связанные с уединением и снижением качества межличностных отношений. Виртуальное общение часто заменяет живое, что может иметь негативные последствия для психического здоровья и эмоционального благополучия.

В сфере экономики цифровое общество открывает новые возможности, такие как развитие электронного бизнеса и электронной коммерции. Пандемия COVID-19 ускорила этот процесс, и многие компании были вынуждены адаптироваться к новым условиям. Это создало альтернативные модели ведения бизнеса, такие как кросс-канальная торговля и удалённая работа, что может привести к переосмыслению традиционных подходов к организации труда.

Несмотря на все преимущества, цифровое общество сталкивается с вызовами, такими как вопросы конфиденциальности и безопасности данных, а также необходимость создания устойчивой цифровой инфраструктуры. Баланс между инновациями и этическими стандартами становится важным аспектом будущего.

Выводы. Таким образом, современное цифровое общество открывает перед нами новые горизонты и возможности, но требует взвешенного подхода к внедрению новых технологий, Bildung и взаимодействию на уровне личных и социальных отношений. Осознанное использование цифровых инструментов и критическое отношение к информации станут основными факторами, определяющими успешное развитие общества на ближайшие десятилетия.

1. Крайнов, А.Л. Проблемы и перспективы развития цифрового общества: социально-философский анализ // / А.Л. Крайнов, Н.В. Шалаева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. - 2022. - Том 11. № 5А. - С. 150-156.

ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

*Симхович Валентина Александровна
(ГНУ "Институт социологии" НАН Беларуси)*

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования факторов и социальных последствий процессов цифровизации в Республике Беларусь. Акцент сделан на оценке цифровых процессов представителями старшего поколения как основы их цифровой социализации. Показаны актуальные риски процессов цифровизации и ингибиторы адаптации пожилых белорусов к цифровой среде.

Ключевые слова: цифровая социализация, старшее поколение, риски цифровизации, ингибиторы цифровизации, технофобия, Беларусь.

Стремительная цифровизация белорусского общества обусловила возрастание роли цифровой грамотности и цифровых навыков населения. Это в полной мере коснулось всех групп населения. Однако если молодые люди, или «цифровые аборигены» (термин американского специалиста по вопросам образования Марка Пренски), осваивают прорывные технологии с легкостью, так как пользуются ими с первых лет своей сознательной жизни и фактически «живут» в цифровой среде, пожилые люди в возрасте 60+, или «цифровые мигранты», оказались наиболее информационно уязвимыми, так как начинают пользоваться информационными технологиями в старшем возрасте [1]. И хотя категория третьего возраста постоянно пополняется за счет тех, кому 10 лет назад было пятьдесят лет, и кто уже освоил цифровые технологии, необходимые для выполнения несложных задач в профессиональной сфере и обыденной жизни, проблема освоения прорывных, исключительных технологий продолжает оставаться.

О том, что возрастной фактор является одной из причин цифрового неравенства, сегодня уже не дискутируется, но людей серебряного возраста регулярно продолжают опрашивать, причем не только с точки зрения субъективного восприятия технологий. Результаты ряда исследований последних лет по-прежнему подтверждают, что уровень их доверия к информационно-компьютерным технологиям ниже, чем у «цифровых аборигенов», равно как и сформированность цифровых навыков [2]. Освоение цифрового пространства старшим поколением затруднено по ряду причин. Совокупность причин, не позволяющих пожилым людям эффективно социализироваться в цифровой среде, включает не только технические или экономические факторы, но и факторы неэкономического характера, например, ценностные приоритеты, определяющие их жизненные стратегии.

Одной из таких причин является уход из профессии. Если профессия предполагает необходимость цифровых навыков, то освоение новых технологий происходит быстрее, ибо сегодня – это фактор конкурентоспособности специалиста на рынке труда. С другой стороны, и пожилые, и молодые овладевают новыми технологиями, потому что осознают их возможности в повседневной жизни, однако старшее поколение лучше, чем молодежь осознает риски этих технологий. Оценка актуальных рисков процессов цифровизации и ингибиторов цифровой социализации населения республики стала одной из задач социологического исследования «Факторы, специфика и социальные последствия процессов цифровизации в Республике Беларусь», которое проводилось Институтом социологии НАН Беларуси в мае-июне 2024 года. Опрос проводился в областных и районных центрах, городе Минске и сельских населенных пунктах. Объем выборочной

совокупности составил 1850 респондентов. Ошибка выборки $\pm 2,28\%$. Пожилые респонденты в возрасте 60 лет и старше составили 29,8 % (552 человека) объема выборки.

Первичный анализ линейного распределения данных показал, что:

- основные риски от использования новых технологий старшее поколение видит, главным образом, в повседневной жизни: потеря личных финансов из-за появления новых видов мошенничества или из-за неумения пользоваться цифровыми технологиями (47,9%), ошибки и сбои в работе цифровых медицинских приборов/оборудования, которые могут привести к ухудшению здоровья (35,1%), утечка персональных медицинских данных с целью их незаконного использования (33,5%), преобладание виртуального общения над реальным (25,1%), тотальный контроль и отсутствие приватности (23,8%), проблемы кибербезопасности: утечка данных, взлом серверов и др. (19,2%), дискомфорт и стресс от слишком быстрого внедрения цифровых технологий в процесс обучения (17,2%);

- пожилые респонденты (50,0% от числа опрошенных) реже представителей других возрастных групп сталкиваются со случаями виртуального мошенничества (у респондентов в возрасте от 30 до 39 лет этот показатель составляет 69,6%). Более того, 40,2% опрошенных никогда не сталкивались с кражей денежных средств с банковской карты, утечкой персональных данных, обманом при покупке в Интернете, и лишь единицы пострадали от буллинга, взлома аккаунта, скачивания вредоносного мобильного приложения или перехода на фишинговые страницы. Вероятной причиной последнего может быть невысокая компьютерная грамотность опрошенных, так как 35,4% из них не нравится широкое внедрение технических новинок, и они стараются обходиться без них. Данные о том, что основная масса белорусов третьего поколения не использует новые технологии, впечатляют: 80,5% пожилых респондентов не пользуются сервисами для поиска попутчиков, аренды жилья, 78,4% – приложениями на базе искусственного интеллекта, 67,6% – для хранения личных данных, 57,5% не совершают онлайн-покупки и др.;

- представители третьего возраста не могут в полной мере оценить современные цифровые технологии. Только каждый третий оценивает их как надежные (34,7%), безопасные (32,8%), доступные в плане равного доступа для всех категорий населения (32,6%) и важные (39,7%). Лишь в двух случаях оценка параметров их использования была несколько выше: 58,8% опрошенных оценили экономию времени и 57,1% – удобство/комфорт;

- основными барьерами внедрения в цифровые практики для старшего поколения оказываются ингибиторы личностного плана: отсутствие желание вникать и разбираться в технологиях (33,3%), отсутствие навыков их использования (28,2%), страх оказаться жертвой мошенничества (29,5%), боязнь совершить ошибку и потерять деньги/данные (23,9%), отсутствие доверия к безопасности (14,9%), отсутствие необходимости в определенном сервисе (12,1%) и отсутствие непосредственного контакта с человеком (11,1%). Данные показатели подтверждают наличие технофобии у пожилых белорусов. Ингибиторы технического плана – слишком быстрые изменения технологий, недостаток информации о сервисах, отсутствие бесплатных курсов/консультаций по освоению цифровых технологий (19,2%, 12,5% и 10,0% соответственно) – беспокоят пожилых респондентов гораздо меньше;

- наличие технофобии является одной из причин, почему распространение цифровых технологий ничего не изменило в жизни у половины пожилых белорусов (46,4%). Однако лишь немногие пожаловались на финансовую недоступность ряда технических средств (10,7%), формирование зависимости (6,8%), ухудшение здоровья на фоне избыточного использования технических средств (5,2%) и недостаток развития

цифровой инфраструктуры в населенном пункте (2,9%). В то же время каждый третий опрошенный (30,7%) ощутил нехватку знаний и навыков использования новых технологий и сервисов, наличие которых помогает изменить жизнь к лучшему. Так, благодаря цифровым технологиям у 12,6% респондентов повысилось качество повседневной жизни, а 38,9% стали больше общаться онлайн с теми, кто живет далеко, восполняя недостаток прямого общения с родными, близкими или друзьями, которое так важно для пожилых людей.

Таким образом, следует признать, что возрастной фактор по-прежнему влияет на цифровой разрыв белорусов старшего поколения. Признавая в целом позитивные эффекты от использования цифровых технологий (удобство, практичность, экономия времени, возможности для организации общения), они оказываются зависимыми от цифровых инноваций, которые разрушают привычные для этого поколения повседневные практики, сформированные годами. Целый ряд прежних практик, которые позволяют осуществлять непосредственную коммуникацию, им по-прежнему удобнее совершать в реальном формате, если есть возможность его выбора – офлайн или онлайн. Именно стремление к общению и получение информации стали основными причинами вовлечения представителей серебряного возраста в цифровую среду. Однако стремление к общению не устраняет барьеры к их дальнейшей цифровой социализации. Основными барьерами адаптации пожилого населения республики к цифровой среде являются ингибиторы не технического или экономического плана, а личностного характера. Это, прежде всего, сформированная технофобия – существующие страхи в отношении технических инноваций, а также недостаточный уровень готовности и желания пожилых белорусов к вовлечению в новую для них сферу, что в значительной степени затрудняет их цифровую социализацию.

1. Prensky M. *Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon*. 2001. № 9(5-6). P. 1-6.
2. Симхович В.А. *Цифровая грамотность населения Беларуси: социально-демографические характеристики // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2023. № 4(12). С. 11-20. DOI: 10.24412/1994-3776-2023-4-11-20.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

*Скаповский Кирилл Вадимович
(ФБГОУ ВО СПбГМУ)*

На протяжении нескольких столетий идеология национализма оказывала сильнейшее влияние на общество. Влияние это касалось не только межэтнических отношений, но и отношений между обществом и государством. Этим обуславливается интерес социологической науки к этой идеологии. В настоящее время, несмотря на глобализацию всех сторон жизни, вспышки национализма по-прежнему отмечаются в разных частях мира. Данная статья посвящена рассмотрению возможных перспектив развития идеологии национализма в условиях глобализации и информационного общества.

Национализм – это политическая идеология, состоящая в убеждении, что преданность индивида своей нации и национальному государству должна стоять превыше других индивидуальных интересов и ценностей [2].

Национализм предполагает, что нация является высшей формой объединения, а национальная идентичность – важнейшей составляющей идентичности индивида; данная идеология стремится к построению государства, основной задачей которого является защита интересов того или иного народа, а его границы должны определяться областью расселения данного народа [3].

Зарождение национализма было связано с изменением взгляда на отношения общества и государства. В Средние Века и раннее Новое Время носителем суверенитета в абсолютистском государстве считался абсолютный монарх, а источником его власти – Бог. Однако, начиная с эпохи раннего Нового Времени, это представление начинает переживать кризис. Рост религиозного плюрализма (распространение ересей, Реформация) приводит к тому, что традиционная легитимность утрачивает актуальность. Формируется представление о том, что источником и носителем власти в государстве должна быть нация.

Слово «нация» до этого имело два значения: первое – сообщество «людей одного и того же происхождения, еще не объединившихся в политическую форму государства, но связанных совместным поселением, общим языком, обычаями и традициями»; второе – часть общества, оказывающая влияние на государственную власть (аристократия, от которой зависела власть монарха).

Европейские мыслители Нового Времени, говоря о нации как источнике и носителе власти, имели в виду именно второе значение этого слова, подразумевая, что в эту нацию должны быть включены более широкие слои населения [5, 364-370].

Таким образом, национализм зародился как идеология суверенитета нации. Национальная идентичность первоначально означала именно понимание нацией своего права управлять государством, а национальное государство – государство, управляемое нацией. Поэтому проявлениями национализма можно назвать Американскую и Французскую революции XVIII века [2]. Сейчас такую форму этой идеологии принято называть гражданским национализмом.

Однако в XIX веке понимание нации как субъекта политического влияния слилось с пониманием нации как этнического происхождения. Это привело к появлению идеи о том, что нация – это люди, не просто участвующие в управлении государством, но и объединенные общей культурой [5, 370-371]. Таким образом появился культурный национализм. Национальная идентичность стала обозначать чувство принадлежности к определенной культуре, а национальное государство – государство, созданное определенным народом. Это привело, с одной стороны, к тому, что в существующих

национальных государствах одна господствующая культура стала насаждаться этническим меньшинствам, с другой – к тому, что народы, не имеющие собственного национального государства, стали стремиться таковое обрести [2]. Также следствием этого стало сращивание национализма с шовинизмом и ксенофобией, то есть нетерпимостью к иным народам и культурам. Форму национализма, делающую основной упор на борьбе с иными народами и культурами, называют радикальным национализмом.

Таким образом национализм пришел к тому виду, в котором он известен сейчас.

Одним из главных условий существования национализма является национальная идентичность, то есть чувство принадлежности к большой социальной группе, именуемой нацией. Точное понимание того, что есть нация, как было продемонстрировано выше, различается в различных формах национализма, тем не менее, чувство принадлежности к нации – его неизменный атрибут. Следовательно, изменения, претерпеваемые национализмом в информационном обществе, тесно связаны с изменениями, претерпеваемыми в этом обществе национальной идентичностью.

Другим понятием, связанным с национализмом, является понятие национального государства. Национальное государство, то есть государство, управляемое нацией (какой бы смысл ни вкладывался в это слово), есть идеал, к которому стремятся сторонники национализма; создание или сохранение такого государства является их целью. Соответственно, существование национальных государств как явления – еще одно условие существования национализма.

Таким образом, для понимания того, какие изменения претерпевает или претерпит национализм в информационном обществе, нужно изучить, какие изменения претерпевают или претерпят национальная идентичность и национальное государство.

Один из главных теоретиков информационного общества, Э. Тоффлер, в работе «Третья волна» предсказывал, что в информационном обществе, вследствие глобализации всех сторон жизни, в первую очередь, экономики и политики, национальное государство будет становиться все менее и менее значимым, а его полномочия будут перенимать транснациональные корпорации, международные ассоциации и межправительственные организации. Национальная идентичность, по мнению Э. Тоффлера, уступит место региональной и планетарной идентичностям [4, 500-522]. Таким образом, должен исчезнуть и национализм, поскольку исчезнут два главных условия его существования.

Другую позицию высказывает исследователь А. Финлейсон. Он рассматривает влияние, которое оказывает на национализм развитие средств коммуникации.

Исторически средства массовой информации играли важную роль в формировании нации, поскольку помещали всех ее представителей в общую культурную и информационную среду, позволяя им одновременно переживать события национального масштаба. В связи с этим государства стремились регулировать и контролировать распространение информации, а также ограничивать влияние тех вещателей, которые не были связаны с данным государством (прежде всего, это иностранные и международные СМИ).

Однако для информационного общества характерна значительная интернационализация и фрагментация средств распространения информации. Интернет позволяет распространять информацию не только крупным, но и мелким СМИ, а также отдельным индивидам; потреблять же эту информацию теперь может любой индивид в любой точке мира. Кроме того, каждый теперь сам выбирает, источники потребляемой им информации. Это, с одной стороны, может способствовать формированию идентичности более высокого уровня, чем национальная (как, например, общеевропейская идентичность, формирующаяся в странах Европейского Союза). С другой стороны, это приводит к тому,

что индивид может сохранять связь со своей нацией, даже будучи оторванным от нее физически. Представители диаспоры теперь могут не только следить за жизнью своей родины, но и влиять на нее, даже находясь в тысячах километров.

Таким образом, развитие технологий передачи информации может способствовать не только разрушению национальной идентичности, но и ее укреплению [1, 114-116]. Следовательно, в информационном обществе национализм как идеология не исчезнет, но, возможно, приобретет новые формы.

В настоящий момент можно видеть, что процесс глобализации в странах с информационным обществом встречает не только сторонников, но и противников. Важное место в политической жизни таких стран занимает противостояние сторонников политики мультикультурализма и открытых границ, с одной стороны, и противников глобализации, сторонников сохранения национальных государств – с другой. Кроме того, в таких странах существуют региональные националистические движения, стремящиеся к созданию отдельных национальных государств определенными регионами (например, движения за независимость Шотландии, Каталонии, Корсики и др.), что также является проявлением национализма.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что информационное общество, скорее всего, не приведет к полному исчезновению национализма как идеологии. Однако, возможно, оно приведет к изменению национализма, например, вследствие пересмотра понятия и роли национального государства, как уже случилось в истории этой идеологии.

1. *Finlayson A. Nationalism. // Political ideologies: an introduction / V. Geoghegan, R. Willford. New York : Routledge, 2014. 346 с.*
2. *Kohn H. Nationalism. // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/nationalism>*
3. *Nacjonalizm // Encyklopedia PWN. URL: <https://encyklopedia.pwn.pl/haslo/3945094.html>*
4. *Тоффлер Э. Третья волна. М. : ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 784 с.*
5. *Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства. // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; Пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М. : Праксис, 2002. 416 с.*

ОТ УМНОГО ДОМА К УМНОМУ ОБЩЕСТВУ. К ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

*Сошнев Александр Николаевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Аннотация. Цифровые технологии меняют повседневность социальных агентов, что требует новых подходов в социологии цифрового общества.

Ключевые слова: цифровые технологии, умный дом, умный город, социология цифрового общества.

Современный научно-технический прогресс все в большей степени приобретает революционный характер, что позволяет говорить о новой научно-технической революции, в основе которой лежат цифровые технологии. Именно переход от аналоговых инструментов к цифровым, по нашему мнению, составляет специфику цифрового общества. Современное производство характеризуется шестым технологическим укладом, основанном на гибридных технологиях [1, 11]. Традиционно развитие производительных сил представляется как локомотив, который тянет за собой все другие сферы жизнедеятельности общества. Но сегодня это верно лишь отчасти. Непроизводственная сфера, быт становятся полем применения высоких технологий. Именно в быту они получают массовое распространение и широкое применение. Меняется не только характер и содержание труда, занятого производственной деятельностью, меняется повседневный образ жизни людей, их способ формирования и удовлетворения потребностей.

Проблемы информационного, цифрового общества рассматриваются в исследованиях многих ученых, в их числе российские социологи: В. Игнатьев [2], Д. Иванов [3]. Вместе с тем социология цифрового общества пока не представляет собой стройной единой теории и нуждается в более глубоком осмыслении.

Нам представляется, что прежде всего необходимо различать цифровые технологии и информационные технологии. Информационная технология – совокупность методов, производственных и программно-технологических средств, объединенных в технологическую цепочку, обеспечивающую сбор, хранение, обработку, вывод и распространение информации. ИТ – это более узкая область, которая обеспечивает обработку информации с помощью компьютеров и средств электронной связи.

Цифровые технологии – это разнообразные инновационные средства, основанные на использовании цифровой информации и обработке данных с помощью компьютеров и электронных устройств. Они охватывают широкий спектр технических решений, направленных на улучшение процессов, услуг и продуктов в различных областях деятельности. Основными элементами цифровых технологий являются программное обеспечение, аппаратное обеспечение и сетевые инфраструктуры. Программное обеспечение включает в себя приложения, операционные системы, алгоритмы обработки данных и технологии искусственного интеллекта. Аппаратное обеспечение включает в себя компьютеры, мобильные устройства, датчики, серверы и другие электронные компоненты. Сетевая инфраструктура обеспечивает связь и передачу данных между различными устройствами и системами.

Цифровые технологии проникают во все сферы человеческой деятельности, включая бизнес, образование, здравоохранение, науку, производство, транспорт, развлечения и многие другие. Они могут использоваться для автоматизации процессов, оптимизации ресурсов, улучшения качества услуг, увеличения производительности и создания новых возможностей для инноваций. Цифровые технологии включают в себя облачные

вычисления, искусственный интеллект, интернет вещей (IoT), большие данные (Big Data), машинное обучение, виртуальную и дополненную реальность, блокчейн, кибербезопасность, робототехнику и многое другое.

Одним из ключевых преимуществ цифровых технологий является их способность к ускорению инноваций и улучшению качества жизни людей. Однако они также представляют вызовы в виде проблем безопасности, конфиденциальности данных, неравенства доступа и этических вопросов, которые требуют внимательного внедрения и регулирования.

Широкое распространение цифровых технологий в повседневных практиках трансформирует социальную реальность и требует новых подходов в социологии. Повседневность каждого человека определяется его жизненным пространством, его домом как в узком, так и в широком смысле. Именно из этого мы исходим в попытке предложить подходы к разработке основ социологии цифрового общества.

Как работает умный дом? Система представляет собой технологии, позволяющие с помощью смартфона, планшета, голосового управления и других устройств управлять светом, климатом в помещении, шторами, домофонией, домашним кинотеатром, а также осуществлять удаленный мониторинг. Такая технология гарантирует удобство и комфорт при использовании всех подсистем. Функциями умного дома можно управлять при помощи настенных сенсорных панелей, интеллектуальных пультов, смартфонов или всех трех вариантов сразу. Выключатели могут быть элегантно вписаны в интерьер или полностью скрыты от посторонних глаз.

Практически каждый бытовой прибор можно активировать на расстоянии, используя интеллектуальное управление: электрические лампочки, посудомоечные машины, мелкую и крупную бытовую технику, розетки, умные колонки, другие устройства.

Умная автоматика поможет на кухне, например, вскипятит чайник, сварит овощное рагу или другой кулинарный изыск в мультиварке, подключенной к розетке. Для этого нужно только нажать на кнопку в смартфоне, активируя нужную опцию. Главное — заранее положить продукты в чашу мультиварки, и к вашему приходу вкусный горячий ужин будет готов.

Специальные системы освещения самостоятельно регулируют яркость освещения. Датчик движения определяет, когда люди находятся в комнате, повышая или понижая уровень освещенности, либо отключая свет совсем. В темное время суток лампочки, входящие в комплекс умного дома, включаются или начинают гореть ярче. В светлое время они гаснут или светят более тускло.

Термостаты, подключенные к розетке, входящие в модель умного дома, оснащенные Wi-Fi, позволяют хозяину удаленно контролировать уровень прогрева и температуру помещения. Уникальное устройство подстраивается под привычки домовладельцев, меняя настройки отопления на комфортные, обеспечивая не только уют и удобство, но также и энергоэффективность. Такие термостаты способны показывать температуру в квартире, сообщать о количестве используемой энергии, напоминать своим владельцам о чем-либо.

Гаражные ворота разрешают или запрещают доступ посетителям в бокс для автомобиля. Датчик присутствия определяет, когда владелец находится поблизости, поэтому своевременно открывает перед ним двери. Также гараж управляется со смартфона.

Умные камеры видеонаблюдения и датчик движения следят за жилищем, обеспечивая безопасность в квартире. Устройство слежения мгновенно различает движения домашних животных или грабителей. В случае обнаружения подозрительного объекта, датчик движения отправляет сигнал тревоги на пульт охраны или владельцу жилища.

С помощью этой уникальной системы возможно автоматизировать уход за домашними питомцами. Например, кормушку любимой собаки или кота можно подключить к розетке и Wi-Fi, таким образом регулируя подачу корма на нужное время. Можно поливать газоны и даже комнатные растения, подключив к ним специальные таймеры и устройства.

Практически все современные кухонные устройства, работающие от розетки и подключенные к Wi-Fi, способны работать от системы автоматизации. Кофеварка со встроенным таймером вовремя сварит хозяину чашечку кофе. Умные системные устройства без проблем обнаруживают скачки напряжения в электросети, поэтому вовремя отключают электроприборы во избежание их порчи. Интеллектуальное устройство умного дома обнаруживает перебои с водой, определяет промерзание водопроводных труб, при необходимости отключает воду, что помогает избежать аварийных ситуаций и протечек.

Умный дом обеспечивает экономию расходов воды и энергии, делает жизнь человека более комфортной и безопасной. Новое качество жизни, как результат функционирования цифровых технологий, составляющих систему умного дома, принципиально изменяет характер и содержание потребностей человека. Будучи включенным в систему цифровых технологий, он научается рациональному потреблению, осваивает принципы экологической безопасности, здорового образа жизни.

Цифровые технологии умного дома обеспечивают предпосылки для функционирования умного города. Министерство строительства РФ курирует проект по развитию умных городов на территории России. Существенных результатов в обеспечении безопасности, обратной связи с жителями, организации коммунального хозяйства, оказании медицинских и государственных услуг за счет применения цифровых технологий достигли Москва, Санкт-Петербург и ряд других городов страны. Специалисты в области цифровых технологий обращают внимание на цифровизацию отдельных сфер деятельности городов и их состояние. Конечно, это большая и сложная работа, но переход к умному обществу, то есть обществу, повседневность которого обеспечивается цифровыми технологиями, без выполнения этой работы невозможен.

Умное общество по-иному будет формировать свои потребности, как потребности институтов, так и потребности людей. Оно имеет все основания стать социальным, учитывающим социальные законы, действующим сообразно социальным целям.

1. *Квинт В.Л., Бодрунов С. Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте .2021.-351 с.*
2. *Игнатъев В. И. Социология информационного общества: учебное пособие. Новосибирск; Изд-во НГТУ, 2017.-356 с*
3. *Иванов Д. В. Виртуализация общества.-СПб.: ПВ,2000.-95 с.*

АНАЛИЗ ГИБРИДНОЙ СИТУАЦИИ КАК ЖИТЕЙСКОГО СПЕКТАКЛЯ

Старцев Кирилл Юрьевич

(Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9;)

Ильин Владимир Иванович

(Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9;)

Повседневная деятельность человека – это череда ситуаций, зачастую воспроизводимых автоматически, без затрат сил на оценку окружающей действительности. В цифровом обществе ситуации изобилуют цифровой коммуникацией, благодаря развитию цифровых средств [1]. В современном мире реальное и цифровое пространства существуют параллельно, часто неразрывно переплетаясь в гибридных ситуациях, что требует корректировки исследовательской оптики.

Наиболее эффективным подходом к изучению гибридных ситуаций представляется ситуационный анализ, принципы которого разработаны в трудах психолога К. Левина [6], охарактеризовавшего процесс восприятия факторов ситуации индивидом, и социолога К. Поппера [5], который стремился к предсказанию человеческих действий и поведения на основе ситуационного анализа. Тем не менее, из-за значительного исторического разрыва предложенные авторами методы анализа не могут быть адекватно применены к гибридным ситуациям цифрового общества.

Определяя понятие гибридации, можно зафиксировать ее смысловое значение как «совмещение разных видов деятельности в одно и то же время и в одном и том же месте» [2, с. 51]. Примером гибридной ситуации в контексте цифрового общества может являться вебинар, когда студенты и преподаватели находятся в цифровой ситуации «обучение» и реальной ситуации «я дома», благодаря цифровым технологиям. Ситуации соединяются и возникает новая логика, по которой будет существовать гибрид.

Для ситуационного анализа такого типа наиболее адекватным видится драматургический подход. В рамках его логики исходной единицей анализа является спектакль (перформанс) как «логически относительно законченная и устойчивая по своей форме ситуация социального взаимодействия, имеющая основные черты социокультурного поля» [2, с. 95]. Гибридный житейский спектакль разворачивается на двух «сценах» одновременно: реальной и цифровой.

В качестве инструмента анализа такой ситуации может быть предложена следующая матрица.

Название спектакля – это определение ситуации индивидом как форма фокусировки внимания. Название выводит одни элементы на первый план, другие – на фон или вообще за скобки. Оно определяет основной смысл происходящего: это лекция с фоновым прослушиванием музыки с помощью гаджета или знакомство с новыми видеороликами на фоне лекции, которая воспринимается в режиме поверхностного мониторинга. Из определения названия ситуации вытекают и реальные действия. Индивид поступает в соответствии с логикой Теоремы Томаса: «если человек воспринимает ситуацию как реальную – она реальна по своим последствиям» [4, с. 38].

Сценарий гибридизированной ситуации – это правила использования цифровых технологий в реальных ситуациях. Они реализуются в конкретных точках пространства и времени, что приводит к гибридации двух типов сред и, соответственно, двух сценариев: переписка при езде в общественном транспорте или прослушивание музыки при ходьбе

пешком, или серфинг в сети при нахождении в метро – вот пример привычных сценариев в контексте гибридизированной ситуации.

Режиссер – это субъект, который может принимать разные формы и который наделен властью определять последовательность и правильность действий в данной ситуации. В некоторых случаях режиссером может быть индивид – человек, который принимает решения, блокирующие гибридизацию ситуации и наоборот, способствующие этому процессу, либо же вовсе не учитывающие его. В других случаях роль режиссера могут выполнять цифровые агенты (см. «Актанты»). Например, всплывающее уведомление может существенно повлиять на интерес к определенному типу цифровой информации, появляясь в нужный момент. Роль режиссера в гибридной ситуации нередко отводится источникам информационного мусора, которых в цифровом пространстве предостаточно. Производители такого контента активно привлекают внимание, заставляя потребителей погружаться в бесполезную информацию. Таким образом, функция режиссера заключается в том, чтобы навязать свое видение окружению, обеспечивая исполнение созданного им сценария.

Аудитория. Она имеет двойственный характер: с одной стороны это люди, участвующие в ситуации в реальности (например, пассажиры метро, студенты в аудитории), а с другой – те, кто включен в цифровой компонент гибридной ситуации. «Партнеры по спектаклю» становятся онлайн-доступными, участвующие в общей цифровой ситуации, при этом находясь в другом реальном пространстве. Способы и формы обратной связи от аудитории в гибридизированной ситуации становятся шире.

Актанты – это атрибуты и технические аксессуары, обладающие агентностью, в контексте акторно-сетевого анализа [3]. С одной стороны, это материальная среда сцены, на которой непосредственно присутствует исполнитель (например, вагон метро), а с другой – девайсы, приложения, сайты, нейросети и т. д. Они формируют определенное поведение человека в цифровой среде. Фраза «лента обновилась» или «нейросети показали» демонстрируют делегирование агентности технологиям на лингвистическом уровне. Это подчеркивает влияние актантов на гибридизацию ситуаций. Качество и стабильность гибридизации зависят от уровня развития технологий, способствующих смещению реального пространства и цифровой среды.

Костюм. Гибридизация ситуации также отражается на костюме: с одной стороны, это костюм, в котором актер действует в реальности (например, домашняя одежда в квартире), а с другой – костюм, демонстрируемый в виртуальном пространстве. Существует возможность использовать элементы делового наряда только частично, во время видеоконференции, информируя других участников и зрителей ситуации о выполняемой роли. Так же, цифровой костюм может существовать самостоятельно и не совпадать с реальным костюмом в момент времени – при выкладывании фотографии, закреплении «аватара», создании персонажа в видеоигре. Костюм в гибридизированной ситуации так же информирует зрителей о производимом сценарии ситуации, но становится более гибким, сложным и адаптивным.

Декорации – в широком смысле, это материальное окружение ситуации, а также интерфейсы, динамичные объекты и формы контента в цифровой среде.

При работе в видеоформате собеседники воспринимают материальную среду, которая содержит информацию о представленной роли. Расширение возможностей персонализации страниц в соцсетях позволяет наделять дизайн страницы характеристиками декораций и костюма одновременно.

Существуют элементы декораций, выступающие гибридирующими звеньями между реальным и цифровым пространствами. Например, розетка может определять

лимиты и характер гибридации, или скорость интернета, которая влияет на доступ к цифровой среде, или модель телефона, определяющая особенности интерфейса, регулируя степень смещения пространств.

Временные границы. У ситуации есть обозначенные начало и конец. Однако эти границы значительно изменяются из-за гибридации: цифровое пространство нарушает линейность времени. Сообщение, отправленное сегодня, может прийти до получателей через часы, дни или даже месяцы. Внешне двусторонняя коммуникация может на самом деле представлять собой одностороннее движение информации, ознакомление с содержимым в сообщениях может быть запланированным собеседниками.

Размытость границ ситуации. Ситуация как житейский спектакль существует до момента, пока присутствует зритель. Однако в контексте гибридации нахождение в цифровом пространстве зачастую имеет размытые или отсутствующие границы. Индивид продолжает исполнять свою роль и после выхода из сети. Аккаунт, в этом смысле становится актантом. Находясь в цифровых декорациях, он по-прежнему вовлечен в коммуникационную сеть.

Заключение. В результате гибридации индивид оказывается в размытых границах нескольких ситуаций. Структура анализируемой ситуации становится в разы более сложной. Участник ситуации переключает фокус внимания, трансформирует сценарий поведения в житейском спектакле с высокой частотой.

Гибридная ситуация приводит к гибридации тонко-настраиваемых образов участников. Также, гибридируются и усложняются сценарии взаимодействия; аудитории, которые становятся огромными, еще более обезличенными, безграничными и неоднородными; декорации, состоящие из элементов как материального, так и цифрового пространств. Коммуникация становится гибкой и временные рамки теряют свое значение.

1. Добринская Д. Е. Что такое цифровое общество? // *Социология науки и технологий*. 2021. Т. 12, № 2. С. 112-129.
2. Ильин В. И. *Социология Потребления: учебник для вузов*. Москва: Издательство Юрайт, 2020. Вып. 2. С. 51-95.
3. Камалеева А. М. Акторно-сетевая теория Б. Латура: проблема субъект-объектной дихотомии // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2021. Том 10. № 6. С. 5-13.
4. Хаустов Д. С. Теорема Томаса: жизнь одной идеи // *Идеи и идеалы*. 2014. Т. 2, № 3(21). С. 38-39.
5. Adorno T. *The Positivist Dispute in German Sociology*. New York: Harper and Row, 1976. 307 p.
6. Lewin K. *Field theory in social science*. (Edited by D. Cartwright.) New York: Harper, 1951. 346 p.

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАГ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

*Стикина Екатерина Вадимовна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)*

XXI столетие стало эпохой стремительного развития информационно-коммуникационных технологий, что привело к трансформации общества, повседневных практик, требований к индивидам для их эффективной деятельности. По мере того, как мы становимся свидетелями революционных достижений в таких областях, как искусственный интеллект, социальные сети и цифровая коммуникация, возникает значительное расхождение между этими стремительными технологическими разработками и более медленной эволюцией общественных норм, правовых рамок и этических стандартов. Именно эти проблемы в обществе и являются примерами культурного лага [4].

Актуальность изучения культурного лага в контексте цифровизации имеет несколько основных направлений. Во-первых, существуют многогранные социальные и психологические последствия цифровых технологий. Во-вторых, это подчеркивает этические и правовые проблемы, возникающие в связи с появлением новых технологий и адаптации общества к ним. В-третьих, временной промежуток между появлением новых технологий и их принятием в обществе и культуры (культурный лаг) в условиях постоянно появляющихся новых разработок увеличивается и приводит к все новым негативным последствиям. В-четвертых, теория культурного лага в социологической науке является недостаточно разработанной. Разработанная Уильямом Огборном [2] теория не была приложена к современным общественным явлениям.

Концепция «культурного лага», сформулированная социологом Уильямом Филдингом Огборном в работе «Социальные изменения в отношении культуры и первоначальной природы», предлагает критический взгляд на взаимодействие между технологическим прогрессом и общественными нормами. Согласно определению, культурный лаг является «периодом времени между внедрением новых технологических разработок (материальная культура) в культуру или общество и принятием этих разработок правовыми и моральными институтами (нематериальная культура) в этой культуре или обществе» [4].

Огборн излагает свою концепцию через тезис о том, что источником большинства современных социальных изменений сегодня является материальная культура. Изменения в других частях культуры «отстают от изменений в материальной культуре, поэтому мы живем в период дезадаптации» [3, 195-196]. Именно такое отставание других частей культуры от инноваций в технологической сфере наблюдается в эпоху развития цифровизации: цифровые технологии развиваются намного быстрее ценностных установок, повседневных привычек, моральных норм.

Теория культурного лага Уильяма Огборна остается актуальной для каждой эпохи. Культурный лаг как задержка между развитием материальной культуры (новых технологий) и нематериальной культуры (ценностные установки, правовые и моральные институты) явно прослеживается в цифровом обществе, где стремительно появляются все новые и новые технологии.

Наиболее явно в цифровом обществе начинает обостряться конфликт поколений. Пока молодые люди полностью интегрируют цифровые технологии в повседневную жизнь, переносят большинство повседневных практик в онлайн-среду, старшее поколение не готово к таким переменам. Эта неготовность обусловлена не только отсутствием необходимых для пользования Интернет-средой навыков, но и преимуществом традиционных ценностей. При этом перестройка их сложившихся ценностных ориентаций,

привычек и представлений о должном почти невозможна вследствие того, что мышление представителей старшего поколения менее гибко, и того, что они уже прожили большую часть жизни без цифровых технологий.

Для разграничения поколений в отношении к цифровым технологиям в 2001 году Марком Prenski были введены термины «цифровые аборигены» и «цифровые иммигранты» [5]. Цифровые аборигены – представители младших поколений, взросление которых пришлось на 2000е годы и позже. Цифровыми иммигрантами считаются представители старших поколений, которые меньше выражают склонность повсеместно использовать инновационные разработки.

Цифровые аборигены характеризуются полным доверием к Интернет-технологиям, быстрой обучаемости по пользованию ими, однако они не задумываются о рисках и негативных последствиях использования инноваций, а также не уделяют должного внимания защите своих данных в Интернете. Цифровые аборигены, как отдельная социокультурная группа, могут быть особенно уязвимыми к цифровым рискам из-за их полного доверия к Интернет-технологиям. Большинство молодежи, относящейся к этой группе, уверено, что возможности, которые предоставляют им цифровые инновации, превышают любые потенциальные угрозы. Недостаток осознания рисков и негативных последствий использования цифровых технологий ставит их в более уязвимое положение перед угрозами виртуального мира.

Цифровые иммигранты, напротив, характеризуются повышенным вниманием к безопасности своих действий в Интернет-пространстве, из-за чего менее активны в Интернете и не переносят в цифровую среду все свои повседневные практики, «у цифровых иммигрантов само появление и развитие информационно-коммуникационных технологий вызывает подозрение, недоверие, неверие в свои возможности по управлению ими и даже отторжение» [1, 217].

Важным шагом для сокращения разрыва между цифровыми аборигентами и цифровыми иммигрантами является повышения уровня цифровых навыков и цифровой грамотности у населения. В этом нуждаются обе группы населения. Цифровым аборигенам необходимо повышения уровня цифровых навыков и цифровой грамотности в первую очередь для повышения безопасности своих операций в Интернете, поскольку низкая осведомленность о механизмах действия Интернет-технологий делает их более уязвимыми в цифровом пространстве. Для цифровых иммигрантов более актуально повышение уровня цифровых навыков.

Важно также отметить, что без доступа в Интернет-среду, люди не могут адаптироваться к появлению цифровых технологий и не могут внедрять их в свои повседневные практики. Следовательно, культурный лаг в областях, не покрытым Интернетом, значительно больше, чем в крупных мегаполисах, где сама городская жизнь напрямую связана с цифровизацией.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема культурного лага в условиях цифровизации существует. Этот феномен ведет к ряду отрицательных социальных последствий, что негативно отражается на способности общества к дальнейшему развитию.

1. *Хисматулина Н. В., Пугачева С. А., Малкова Т. В. Характерные особенности «цифровых аборигенов» как целевой аудитории в современном образовательном пространстве // Проблемы современного педагогического образования. 2022. С. 216-218.*

2. *Ogburn William F., 1886-1959. On culture and social change: selected papers. Chicago, University of Chicago Press. 360 p. Ogburn William F. 1922. Social change with respect to culture and original nature. New York: B.W. Huebsch, Inc. 388 p.*
3. *Ogburn William F. 1922. Social change with respect to culture and original nature. New York: B.W. Huebsch, Inc. 388 p.*
4. *Open Education Sociology Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <https://sociologydictionary.org/culture-lag/> (Дата обращения: 24.12.2023)*
5. *Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. [Electronic resource] URL: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>*

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА

Субботина Мария Владимировна

(Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы)

На данный момент сложно переоценить влияние цифровизации на функционирование общества. Складывающаяся (и уже сложившаяся) ситуация порождает огромное количество вопросов, попадающих в сферу интересов современной социологии и требующих своего рода эволюции социологического мышления.

Согласно У. Беку, справедливо рассуждать о цифровом конструировании мира, которое возможно в результате распространения цифровых коммуникаций, процессов гибридизации онлайн- и офлайн-пространств, применения технологий больших данных [7]. Исследователей нередко интересует непосредственно факт проникновения технологий в обыденную жизнь, почему это произошло, если изначально цифровые технологии были предназначены для других целей (в частности, Интернет прежде всего был военной разработкой). А. Нассе (немецкий социолог, директор Института социологии Мюнхенского университета им. Людвига-Максимилиана) считает, что этот феномен можно объяснить тем, что цифровизация напрямую связана с фундаментом социальной структуры. Цифровизация это не просто социальное явление, происходящее под внешним технологическим влиянием, она сама является глобальным социологическим проектом. [8] А, исходя из того, что цифровые технологии стимулируют возникновение новых социальных практик, социальных связей и отношений, их по праву можно отнести к категории социальных фактов.

На данный момент уже сформировался пласт тем и вопросов, связанных с феноменом цифровизации, которые требуют дальнейшей проработки и осмысления. Обозначим некоторые из них.

В контексте взаимодействия человека с современными технологиями интерес вызывает проблема конструирования индивидом собственного образа в цифровом пространстве. Образ, формируемый участниками (опосредованной) коммуникации в социальных сетях, может быть рассмотрен через призму симулякров, описываемых Ж. Бодрийяром [1]. Тема конструирования собственного образа в цифровом пространстве перекликается с Digital Death Studies — исследованиями смерти в рамках цифрового пространства [6]. Также интерес вызывает феномен датификации и квантификации, т.е. переводение всех жизненных показателей и достижений в числовой эквивалент (от самомониторинга физиологических показателей, до всевозможных рейтингов, основанных на частоте просмотра контента, производимого человеком в социальных сетях и медиаресурсах и т.д.).

Помимо этого, одной из основных тем дискуссий выступает тот факт, что цифровое пространство стало средой для отслеживания действий индивидов, которые добровольно оставляют бесчисленное множество цифровых следов, что по итогу формирует пресловутые большие данные, активно используемые в различных прикладных и исследовательских областях. Отдельного внимания заслуживает тезис о том, что сегодня технологии становятся полноправными участниками социальных отношений. Данная концепция рассматривается в контексте акторно-сетевой теории, когда не-люди (nonhumans) (в том числе технологии) выступают в качестве действующих агентов в социальных системах и отношениях [5].

Изучение влияния цифровых технологий на общество затрагивает вопросы как коммуникационной мобильности, так и изменения темпоральности многих процессов в современном обществе. Цифровизация, преодолевая территориальные и

институциональные границы, порождает инфраструктуру сетевого общества, которое по сути является глобальным обществом (однако здесь нужно учитывать, что доступ к технологиям на данный момент есть не у всего населения планеты, что поднимает также и вопрос о цифровом неравенстве и исключении определенных индивидов и групп индивидов из «глобального цифрового пространства»).

Интересным также видится вопрос распространения власти и господства, которые также трансформируются под влиянием распространения технологий. В силу того, что конструирование смыслов и значений напрямую зависит от потоков информации, передающихся через сети, власть переходит из рук государств в руки корпораций - технологических гигантов, которые получают как монополию на данные, так и монополию на цензурирование и модерацию контента [3]. Здесь нельзя не упомянуть и возникающий парадокс: противоречие между свободой коммуникации и концентрацией информации в руках конкретных компаний [2].

Уже упомянутый А. Нассе, в свою очередь, выдвигает тезис о цифровом дублировании мира, называя цифровизацию третьей трансформацией мира наравне с изобретением письменности и книгопечатания. Благодаря письменности людям стало доступно обширное поле интерпретаций, а книгопечатание позволило тиражировать и распространять информацию в ранее недоступных масштабах.

Отмеченные трансформации повлекли за собой так называемое дублирование реальности, что привело к усложнению как социальных отношений в целом, так и процессов контроля над этими отношениями. Цифровизация, выступая в данной цепочке закономерным этапом развития, по мнению А. Нассе, не является чем-то радикально новым, что может разрушить и/или пересобрать существующую общественную структуру. Цифровизация видится исследователю в качестве процесса наблюдения общества за самим собой, а оцифровка — это своего рода зеркало, в котором мы видим собственное цифровое отражение [4].

В отличие от своих оппонентов А. Нассе уверен, что цифровые технологии, не только увеличивают сложность социума, но, также и развивают механизмы стабилизации, компенсирующие возрастающую вариативность, связанную с цифровым дублированием. Другими словами, цифровая реальность, являясь дублем более привычной социальной реальности, имеет такую же способность к саморегуляции и не должна привести к радикальным изменениям в жизни общества. Одним из аргументов в пользу данной позиции выступает тот факт, что опасения о бесконтрольной передаче информации (нередко преступного характера) в Интернете в условиях отсутствия цензуры уже не оправдались, а регулирование Интернета превратилось в сложную и многоуровневую, но выполнимую технологическую задачу.

Таким образом, нами были обозначены несколько направлений в рамках социологического изучения темы цифрового общества. Данные вопросы требуют дальнейшей проработки, так как оказывают непосредственное влияние на трансформацию как повседневных практик, так и функционирования общества в целом.

1. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна.* Минск, 1996.
2. Добринская Д. Е. *Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий.* 2021. №2.
3. Кастельс М. (2016). *Власть коммуникации: учеб. пособие / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; ГУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ. 564 с.*
4. Климович А.П. *О подходах к созданию теории цифрового общества. По книге Армина Нассе "Образец" ("Muster") // СНИСП. 2022. №2 (38)*

5. Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию = *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. — 1st ed. — N. Y.: Oxford University Press, 2005. — 301 p.
6. Субботина М.В. Человек против смерти: идентичность, язык, технологии. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2023. Т. 23. № 4. С. 924–931
7. Beck, U. (2016). *The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World*. Cambridge, Malden: Polity
8. Nassehi A. (2019). *Muster. Theorie der digitalen Gesellschaft*, München: C. H. Beck.

ПОВЫШЕНИЕ ТОЧНОСТИ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИБАЦИИ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО КОНТЕНТА ФОКУС-ГРУПП: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

*Толкачева Елена Вячеславовна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Аннотация: В данной работе представлены результаты исследования факторов, влияющих на точность автоматической транскрибации аудиовизуального контента фокус-групп. Предложены организационные меры, позволяющие добиться снижения количества ошибок транскрибации.

Ключевые слова: автоматическая транскрибация, фокус-группа, аудиовизуальный контент.

В современных условиях технологического развития проведение фокус-групп сопровождается созданием аудиовизуального контента. Его последующая обработка возможна путем применения программного обеспечения, с помощью которого осуществляется процесс автоматической транскрибации, представляющий собой перевод аудиовизуального контента в текстовый формат - транскрипт фокус-группы [3, 14]. Автоматическая транскрибация контента фокус-групп представляет собой смену аудиовизуальной формы представления социологической информации на текстовую [2, 56].

В контексте данной статьи под термином «точность транскрибации» будем понимать показатель, характеризующий долю правильно распознанных слов (или элементов) к общему числу распознанных слов в транскрипте, достоверность отражения в тексте содержания записанного аудиовизуального контента, сохранение структуры информации, соблюдение грамматики.

Низкая точность автоматической транскрибации влечет за собой снижение семантического качества текста, которое может проявляться в потере его контекста и связности, неправильной интерпретации, нарушении логической последовательности текста, изменении сущности высказываний участников фокус-группы, потери значимой для исследования информации.

Содержащиеся в аудиовизуальном контенте неинформативные звуки после обработки системой транскрибации должны отсутствовать в тексте [1, 78]. Но при низкой точности транскрибации после обработки аудиовизуального контента транскрипт может содержать неинформативные слова. Автоматическая транскрибация данных фокус-групп может быть подвержена ошибкам идентификации говорящего участника. В результате часть фраз может быть ошибочно атрибутирована другому участнику беседы.

На точность автоматической транскрибации аудиовизуального контента фокус-группы влияет ряд организационных факторов:

- количество участников фокус-группы;
- поток аудиовизуального контента;
- использование участниками иностранных слов или терминов;
- техническое обеспечение фокус-группы, включая, наличие отдельных микрофонов для каждого участника фокус-группы.

Организационные меры, направленные на минимизацию ошибок при распознавании аудиовизуального контента фокус-группы, связаны с определением оптимального количества участников беседы. Следует учитывать существующие у систем транскрибации ограничения по количеству участников, речь которых может быть успешно распознана. Исходя из этого, в большинстве случаев, при использовании автоматической

транскрибации контента фокус-групп количество участников не должно превышать девять человек.

Использование для транскрибации записи аудиовизуального контента фокус-группы предпочтительнее, чем потоковая транскрибация. Также необходимо избегать применения иностранных слов и наименований иностранных брендов. В случаях, когда отказ от иностранных слов невозможен, модератору необходимо четко повторить используемое участником слово или название бренда, а также попросить разъяснения его значения. Также модератору фокус-группы необходимо фиксировать примерное время использования иностранных слов и участника.

Для предотвращения записи параллельных комментариев других участников, необходимо в начале фокус-группы проинформировать о запрете на ведение разговоров, отключение звуков мобильного телефона. Оптимально использование для проведения фокус-группы включающихся микрофонов.

Кроме того, что выбор системы автоматической транскрибации желательно осуществлять на основе результатов пилотного исследования или с учетом опыта проведения автоматической транскрибации.

Низкая точность транскрибации приводит к повышению трудозатратности процесса обработки аудиовизуального контента фокус-групп, поскольку исправление ошибок становится возможным только на основе прослушивания записей, что увеличивает время, необходимое для обработки и анализа данных фокус-группы. Это обуславливает важность решения проблем низкой точности автоматической транскрибации, которое, в первую очередь, лежит в области машинного обучения. Поскольку временные перспективы их устранения методами машинного обучения недостаточно определены, альтернативой, минимизирующей ошибки транскрибации, в настоящий момент является применение организационных мер.

1. Мещанинов В.Е., Поляк М.В. Нейросетевая модель транскрибации русской речи // Обработка, передача и защита информации в компьютерных системах: Первая Всероссийская научная конференция, Санкт-Петербург, 14–22 апреля 2020 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2020. – С. 75-79.

2. Миних Е.А. Анализ существующих технологий распознавания и преобразования речи в текст // Инженерные технологии: традиции, инновации, векторы развития: сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 11–13 ноября 2020 года. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2020. – С. 56-58.

3. Сивков М. Н. Проблемы и особенности транскрибирования социологических интервью // Документ. Архив. История. Современность: Сборник научных трудов / Гл. редактор Л.Н. Мазур. Том Выпуск 23. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2023. – С. 14-21.

СТРУКТУРА РЫНКА ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕРВИСА ПРОФИ)

*Туракаев Марсель Салаватович
(Уфимский университет науки и технологий)*

*Батталова Алсу Ильшатовна
(Уфимский университет науки и технологий)*

Работы выполнены в рамках гранта РФФИ №23-18-00775 (тема 021-ФС-РМ-НФ-23) «Неформальная занятость в регионах России: социальные риски и возможности».

Онлайн рынки труда или платформы занятости предоставляет возможность заказчикам искать исполнителей, а самозанятым получать и выполнять заказы. Платформа в свою очередь выступает посредником между работодателями (заказчиками) и исполнителями (самозанятыми). При этом эти платформы не предоставляют работникам гарантий соблюдения их трудовых прав, а заказчикам не гарантируются выполнение заказов и качество работы. Неформальная занятость в России все больше опосредуется Интернетом. Проблема заключается в том, что такая занятость является неустойчивой и негарантированной со всеми вытекающими последствиями. Платформенная занятость (преимущественно самозанятость) обладает признаками неформальной и precarious занятости: отсутствие социально-трудовых гарантий работникам; неопределенная длительность трудовых отношений (самозанятые чаще всего берут разовые заказы). Для заказчиков и исполнителей есть и преимущества платформенной занятости: уход от налоговых и социальных отчислений, что позволяет самозанятым зарабатывать сравнительно больше, а работодателям платить меньше. Однако эти особенности не выгодны государству, которое стремится вывести экономику страны из тени.

Цель нашего исследования заключается в выявлении региональной, социально-профессиональной и социально-демографической дифференциации платформенной неформальной самозанятости в России.

Данные профилей пользователей платформы Профи можно разделить на следующие категории: персональные данные и социально-демографические характеристики: ФИО, фото профиля, пол, возраст, местонахождение образование, статус профиля («специалист» / «организация»); активность на сайте: количество лет на сайте, дата последнего посещения сайта, рейтинг на сайте; верификация профиля: «верифицирован» / «не верифицирован», «паспорт проверен» / «паспорт не проверен», «имя, фамилия и фото совпадают», «следы редактирования отсутствуют», подтверждение образования, квалификаций и опыта работы («подтверждено ПРОФИ», «подтверждено документом»); специализации: ключевые слова; данные «О себе», которые включают свободное текстовое описание своей работы, услуг, опыта работы и достижений; услуги: категория услуги и их стоимость, валюта, гарантия, скидки, «выезд к клиенту» или «принимает у себя»; отзывы о специалисте.

Основными ограничениями, которые не позволяют делать точные выводы о неформальности работы самозанятых являются: невозможность определить правовой статус исполнителя (зарегистрирован как самозанятый, ИП; нет регистрации, физическое лицо, ГПХ) и невозможность выгрузить информацию о заказчиках.

Данные с сайта profi.ru получены в результате извлечения слабоструктурированных данных из Интернета при помощи краулинга. Данные были обработаны, связаны,

структурированы и подготовлены для последующего статистического анализа. В результате было скачано 965 726 уникальных профилей. Из них 935 312 профилей относятся к России. 897 418 профилей не относятся к организации, т.е. это самозанятые, имеющие на сайте статус «специалист».

Скачанные данные с сайта Профи не являются репрезентативными, что затрудняет процедуру обобщения результатов исследования на неформально работающих удаленных и оффлайн самозанятых. Сопоставление данных с разных сайтов также не улучшает ситуацию с представительностью данных, т.к. одни и те же самозанятые могут присутствовать на разных платформах и в социальных сетях. Таким образом, региональная дифференциация занятых на платформе Профи не репрезентирует платформенную занятость и неформальную самозанятость в России или в отдельном регионе. Однако есть возможность сделать выводы о распространенности неформальной самозанятости и ее структуре по отдельно взятой платформе Профи.

Региональная специфика дифференциации профилей пользователей и категорий предоставляемых услуг на сайте Профи заключается в том, что подавляющее большинство профилей относится к двум столицам: г. Москве (431 041 профилей) и г. Санкт-Петербургу (119 378 профилей), а также социально-экономически развитым регионам России. Платформенная занятость сравнительно сильно распространена в Краснодарском крае (35 919 профилей), Свердловской области (22 742 профилей), Новосибирской области (19 021 профилей), республике Татарстан (17 492 профилей), Ростовской области (14 719 профилей), Нижегородской области (13 711 профилей), Самарской области (12 688 профилей) и Красноярском крае (9 986 профилей).

Среди персональных и социально-демографических параметров структуры занятости пользователей платформы Профи есть возможность автоматического определения пола, местоположения и категории услуг пользователя. Возраст был рассчитан, исходя из данных о старте карьеры самозанятого (предполагалось, что старт карьеры начинается в 22 года). Конечно, это приблизительные данные, но они так или иначе дают логичные и теоретически интерпретируемые результаты. Обогащить данные об уровне образования пользователей не получилось на данном этапе исследования, т.к. необходим полный словарь не только образовательных учреждений, но и различных краткосрочных курсов. Пол был указан в большинстве профилей, в связи с чем необходимость обогащения данного параметра на основании фамилии и имени пользователя отпала.

В ходе анализа данных было выявлено, что самыми распространенными категориями услуг на платформе Профи являются услуги в сфере строительства и ремонта, а также репетиторства. Относительно редкими категориями услуг стали такие узкоспециализированные сферы профессиональной деятельности, как психология, обучение вождению и перевозки, а также юридические и бухгалтерские услуги. Женщины чаще оказывают услуги в области красоты и репетиторства. Мужчины чаще работают в сфере ремонта и строительства. При этом на основании анализа стоимости услуг было выявлено, что мужчины больше зарабатывают, чем женщины. Хотя здесь мы не можем учесть другие факторы, которые влияют на уровень доходов самозанятых: количество заказов за единицу времени, трудоемкость работы и т.д. Еще одной ключевой характеристикой структуры занятости является возраст самозанятых. Молодые группы самозанятых чаще представлены в следующих категориях услуг: «Массаж, эпиляция,...»; «Дизайн, художник, ...»; «Маникюр, ноготь, ресница, ...»; «Фотограф, интерьер, пошив, ...»; «Текст, копирайтер, редактор, ...». Представители старших возрастных групп чаще оказывают услуги в сфере преподавания точных наук, подготовке к школе, преподавания

музыки и логопедии. Самозанятые средних возрастов чаще работают в сфере ремонта и строительства.

Таким образом, платформенная занятость на примере сервиса Профи чаще представлена в крупных и экономически развитых городах и регионах страны. Это может быть связано с повышенным спросом на услуги специалистов в области ремонта, строительства, репетиторства, красоты и т.д., а также о высоком уровне развития предпринимательства и самозанятости в этих регионах и городах страны. При этом существенных различий в распределении категорий услуг по регионам нет.

ОБСУЖДЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ УЧАСТНИКОВ ФОНДОВОГО РЫНКА С СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

У Цзежэнь

*(МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М.В.ЛОМОНОСОВА
Социологический факультет кафедры история и теория)*

За последние несколько лет развитие и применение искусственного интеллекта (ИИ) оказали глубокое влияние в различных областях. На сегодняшний день технологии искусственного интеллекта применяются в промышленности, сельском хозяйстве, видеонаблюдении, робототехнике, здравоохранении, транспорте и логистике, розничной торговле, рекламе, маркетинге и связях с общественностью, и финансовая сфера не является исключением. В финансовой сфере применение ИИ превратилось из простого вспомогательного инструмента в ключевую технологию, меняющую облик отрасли [1]. Фондовый рынок, как важная часть финансового рынка, его сложность и динамика обеспечивают широкое пространство применения ИИ. Фактически фондовый рынок в современном обществе сам по себе является цифровой торговой площадкой. Однако с развитием технологий применение искусственного интеллекта на фондовом рынке оказывает все более глубокое влияние на сам рынок. масштабная цифровизация. В настоящее время, помимо общих рыночных условий и искусственных и естественных влияющих факторов, на основные изменения в акциях также влияет большой приток ИИ и виртуальных участников, что также вызовет сильные колебания на фондовом рынке. более крупные модели акций, искусственный интеллект и т. д. Виртуальные методы работы не могут разумно прогнозировать и регулировать рынок [5], а долгосрочные последствия могут быть катастрофическими. Обсуждение изменений на фондовом рынке исключительно с экономической точки зрения недостаточно для решения текущих социальных проблем, вызванных цифровизацией участников фондового рынка. Поэтому большое теоретическое и практическое значение имеет проведение углубленных исследований применения ИИ на фондовом рынке и цифрового влияния участников фондового рынка. Цель этой статьи — изучить цифровую основу фондового рынка и цифровизацию участников фондового рынка с точки зрения человеческого общества, проанализировать социальные проблемы, с которыми сталкиваются люди в контексте быстрого развития общества, и предложить разумные решения с социологической точки зрения.

Оцифровка фондового рынка относится к развитию модели торговли на фондовом рынке в направлении электроники, сетей и автоматизации, что привело к глубоким изменениям в торговой среде, методах торговли и торговых организациях. С быстрым развитием технологий фондовый рынок также переживает беспрецедентную революцию. Первоначальные физические биржи постепенно заменяются виртуальными торговыми платформами, а торговля акциями и управление ими теперь могут осуществляться в Интернете. Это и есть оцифровка фондового рынка.

Нет сомнений в том, что с точки зрения социального развития цифровизация фондового рынка представляет собой постепенный исторический процесс, тесно связанный с развитием технологий и финансовых инноваций [4]. Однако с развитием компьютерных технологий и Интернет-технологий электронная торговля заменила традиционные методы торговли, и трейдеры могут торговать где угодно и в любое время с помощью электронных устройств, таких как компьютеры и мобильные телефоны. Однако цифровизация также приносит рынку новые проблемы и вызовы. Во-первых, цифровизация усложняет процесс транзакций и увеличивает неопределенность рынка. Кроме того, цифровизация также создает новые проблемы для справедливости и прозрачности рынка. Потому что

цифровизация может позволить некоторым участникам рынка получать несправедливые торговые преимущества с помощью технических средств или проводить злонамеренные манипуляции через Интернет, подрывая справедливость и прозрачность рынка.

Цифровизация фондового рынка также привела к цифровизации участников рынка. Традиционным участникам рынка, таким как инвесторы, брокеры, маркетологи и т. д., всем необходимо торговать на биржах, но теперь они могут торговать где угодно с помощью электронных устройств. Кроме того, развитие электронных торговых систем и автоматизированных торговых стратегий сделало роботов одними из основных игроков на рынке. Например, исследование 2023 года под названием «Применение технологий искусственного интеллекта на финансовых рынках», проведенное Российской ассоциацией финансовых технологий, показало, что около 83% компаний столкнулись с трудностями или трудностями при внедрении искусственного интеллекта в финансовый сектор. Препятствие в основном связано с нехваткой специалистов по искусственному интеллекту. Аналитики данных, исследователи данных и инженеры данных вошли в тройку самых популярных экспертов. Помимо создания новых профессий, применение искусственного интеллекта на фондовом рынке также привело к исчезновению существующих профессий. Марк Миневич, основатель Going Global Ventures и исследователь Американского совета по конкурентоспособности, считает, что внедрение искусственного интеллекта и торговых роботов в финансовый сектор изменит финансовый сектор, в основном заставив трейдеров и менеджеров потерять работу. Точно так же, как в прошлом заводских рабочих заменила автоматизация[3].

В этом обсуждении языковые модели, такие как Chat-GPT, могут сыграть положительную роль в применении искусственного интеллекта [2]. В качестве модели обработки естественного языка Chat-GPT может общаться с пользователями, предоставлять соответствующую информацию и объяснения, а также отвечать на вопросы пользователей. На фондовом рынке Chat-GPT может использоваться как инструмент, помогающий инвесторам понять логику принятия решений и результаты работы системы искусственного интеллекта, а также принимать более обоснованные инвестиционные решения. В то же время Chat-GPT также может предоставить канал, позволяющий инвесторам лучше общаться и взаимодействовать с системами ИИ, а также укреплять их понимание и доверие к системам ИИ[9].

3 апреля Stanford HAI, Исследовательский институт искусственного интеллекта Стэнфордского университета, опубликовал «Отчет об индексе искусственного интеллекта за 2023 год», который показал, что оптимизм китайцев в отношении технологий искусственного интеллекта занимает первое место в мире. В опросе IPSOS 2022 года 78% китайских респондентов (самая высокая доля среди опрошенных стран) согласились, что «преимущества продуктов и услуг с использованием искусственного интеллекта перевешивают недостатки». Во-вторых, респонденты в Саудовской Аравии (76%) и Индии (71%) считают, что продукты искусственного интеллекта приносят «больше пользы, чем вреда». С этим утверждением согласились только 35% респондентов в США, самый низкий показатель среди опрошенных стран.

Опросы в Китае в целом показывают[10], что общественность испытывает больше положительных эмоций по поводу развития ИИ, в основном ожиданий (61%) и любопытства (56%), при этом меньше отрицательных эмоций (3%) и беспокойства (9%).

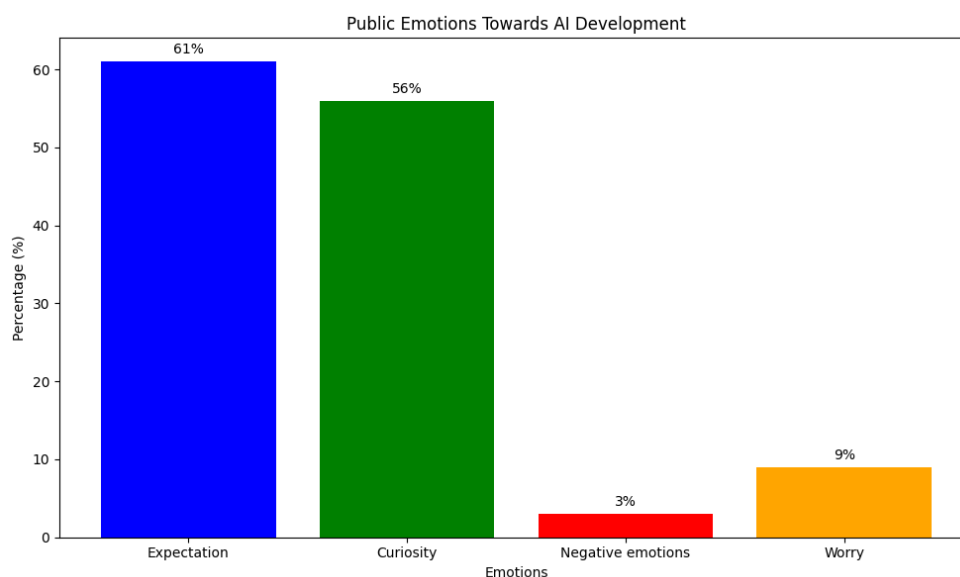

Рисунок 1. Отношение китайской общественности к развитию ИИ

Что касается опасений по поводу искусственного интеллекта, 85% китайских потребителей более настороженно относятся к конфиденциальности и безопасности, чем раньше; 43% населения в целом обеспокоены сокращением рабочих мест. Условно говоря, обычные служащие, обычные работники, фрилансеры и специалисты. больше обеспокоены сокращением рабочих мест, небольшое количество пользователей в основном беспокоит безразличие в межличностных отношениях. Соотношение опасений по поводу увольнений показано в таблице ниже:

Название: Опасения по поводу сокращения рабочих мест по профессиям	
Офисные работники	53%
Рабочие физического труда	47%
Фрилансеры	46%
Профессионалы	46%
Студенты	43%
Безработные	41%
Ушедший на пенсию	41%
Индивидуальные предприниматели/подрядчики	41%
Государственные служащие/государственные служащие	40%
Бизнес-менеджеры	38%
Работники сельского хозяйства и рыболовства	35%
Официанты/продавцы	34%

Таблица 1. Уровень обеспокоенности среди различных отраслей китайского общества по поводу увольнений, вызванных ИИ

Видно, что в различных отраслях в целом оптимистично относятся к вопросу увольнений, тогда как офисные работники относятся относительно негативно, поскольку часто выполняют регулярную и повторяющуюся работу, которую легко заменить в обществе. Такие повторяющиеся задачи, как отслеживание клиентов, продвижение продуктов и закупка акций в соответствии с планами, легко заменяются искусственным интеллектом. Нет сомнений в том, что искусственный интеллект и роботы будут влиять на

колебания запасов с различных аспектов, таких как социально-экономический уровень и социальная психология. персонала, тем самым оказывая воздействие на общество[6].

В условиях быстро развивающегося общества популяризация искусственного интеллекта стала непреодолимой тенденцией. Сохранение диалектического взгляда на историю и стремление противостоять социальному развитию — это позиция, которую мы должны иметь, сталкиваясь с социальными изменениями. С социологической точки зрения крайне необходимо провести углубленную дискуссию о том, как оценить влияние этих факторов на общество и предложить разумные меры регулирования [7].

Регуляторы рынка и государственные менеджеры могут делать оценки, изучая влияние волатильности рынка на социальную и экономическую стабильность, а также влияние участия искусственного интеллекта на поведение инвесторов, настроения рынка и социальное неравенство. С помощью количественных и качественных методов исследования можно собрать и проанализировать соответствующие данные и информацию, чтобы выявить масштабы и тенденции воздействия этих факторов на различные социальные группы и общество в целом, чтобы принимать эффективные решения и поддерживать стабильное развитие экономики. общество[8].

1. Исследование социальных рисков при развитии искусственного интеллекта, Сун Ян Ли Хуэй, Журнал Пекинского союзного университета (издание для гуманитарных и социальных наук), май 2023 г., том 21, выпуск 3, общий выпуск 81.

2. ChatGPT Экономические и социальные последствия развития технологий искусственного интеллекта нового поколения, Чжэн Шилинь, *Industrial Economics Review*, март 2023 г.

3. Глобальное исследование ИИ: ИИ доказывает свою ценность, но маломасштабное воздействие, McKinsey, 2019, <https://www.mckinsey.com/featured-insights/artificial-intelligence/global-ai-survey-ai-proves-its-value-but-small-scale-impact>.

4. Искусственный интеллект и китайский фондовый рынок — количественное исследование портфелей на основе прогнозов машинного обучения, Фан И, Журнал Чанчуньского университета, февраль 2022 г.

5. Исследование прогнозирования и неоднородности цен на акции в Китае на основе искусственного интеллекта, Чжан Линь, Журнал Цзинаньского университета (издание для философии и социальных наук), март 2023 г.

6. Применение алгоритмов искусственного интеллекта для прогнозирования закономерностей колебаний цен на акции, Ван Голань, Журнал Университета Чанчунь, том 22, выпуск 2, 2022 г.

7. Адаптивность социального искусственного интеллекта, Ли Кайян, Сун Баолин, Исследования в области управления наукой и технологиями, выпуск 8, 2023 г.

8. Министерство науки и технологий Китая и шесть других ведомств опубликовали «Об ускорении инновационного сценария до искусственного интеллекта высокого уровня».

Уведомление о применении руководящих заключений по содействию качественному экономическому развитию, *Guoke Faqiu* [2022] № 199

9. Владимир Игоревич Игнатъев. "И грядет «другой» актор... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности" *Социология науки и технологий*, vol. 10, no. 1, 2019, pp. 64-78. doi:10.24411/2079-0910-2019-10005

10. <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1644456768002962915&wfr=spider&for=pc>

ВОЗМОЖНОСТИ БОЛЬШИХ ДАННЫХ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Улыбина Анна Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Современный мир предоставляет больше возможностей для перемещений между населенными пунктами, чем когда-либо ранее в истории. Осуществление индивидом такого перемещения считается миграцией, если при этом происходит фиксация данного события [1, 83]. К тому же, «с позиций официальной статистики, мигрантами считаются лишь те, кто сменил место обычного проживания на срок от 3 до 12 месяцев (краткосрочные мигранты) и на срок свыше 12 месяцев (долгосрочные)» [2, 49]. Так, миграционный прирост в России за 2023 год составил более 203 тысяч человек [3]. Миграционные процессы оказывают значительное влияние на разнообразные сферы общественной жизни – экономику, политику, культуру и др., что делает их важным объектом изучения в социологии. Однако применяя классические методы сбора данных, такие как анкетные опросы и интервью, в социологических исследованиях миграции, можно столкнуться с некоторыми ограничениями. К их числу относятся сложность отслеживания динамики (изменчивость миграционных потоков не может быть зафиксирована в реальном времени с использованием традиционных методов), задержки во времени (данные могут устареть в процессе их получения и анализа) и ограниченность выборки (не всегда удастся охватить всех мигрантов, в частности нелегальных или временных).

Такие ограничения побуждают социологов применять в своих работах междисциплинарные подходы. Постоянный рост числа интернет-пользователей и накопление всё больших объемов информации делает разумным обращение к большим данным (Big Data). Большие данные – это «обозначение структурированных и неструктурированных данных огромных объемов и значительного многообразия, эффективно обрабатываемых горизонтально масштабируемыми программными инструментами» [4]. Они генерируются из онлайн транзакций, электронных писем, видео, аудио, изображений, поисковых запросов и пр. В основе больших данных три компонента, составляющие их преимущество перед традиционными методами аналитики: разнообразие (*Variety*), скорость прироста (*Velocity*) и объем (*Volume*) [5].

Изучение миграционных процессов может быть выдвинуто на новый уровень за счет использования Big Data – разнообразные источники, например, социальные сети, позволяют получать огромные массивы информации практически в режиме реального времени, что способствует формированию полного представления об актуальной динамике миграционных процессов. Перспектива использования методов анализа больших данных, таких как машинное обучение и кластеризация, заключается в возможности находить закономерности в больших массивах информации и строить предсказательные модели миграционных потоков, а также группировать их на основе различных характеристик. Примером использования Big Data для изучения миграции является исследование Щитовой Н.А. и др., где на основе большого объема информации из социальной сети «ВКонтакте» были сделаны выводы об особенностях миграции молодежи Ставропольского края и республики Дагестан [6].

Несмотря на преимущества, применение больших данных также сопряжено с определенными сложностями, о которых стоит упомянуть. Например, часть населения совершает социальные действия без погружения в цифровую реальность, оставаясь вне доступа цифровых платформ. Помимо возможных технических трудностей актуально рассмотрение этического и правового аспектов использования больших данных в

исследованиях миграционных процессов. Так, несмотря на высокую точность предсказаний, выводы, сделанные такими моделями, могут содержать предвзятость, что способно привести к дискриминации в отношении мигрантов. Необходимо отметить, что с активным технологическим развитием внимание международного права должно быть направлено, в частности, на разработку стандартов в отношении конфиденциальности и защиты персональных данных.

Таким образом, использование больших данных изменяет подход ученых к исследованию миграционных процессов, создавая серьезные вызовы и открывая новые эмпирические возможности.

1. Рыбаковский Л. Л. К уточнению понятия «миграция населения» // *Социологические исследования*. 2016. № 12. С. 78-83

2. Чудиновских О. С. Большие данные и статистика миграции // *Вопросы статистики*. – 2018. – Т. 25. – №. 2. – С. 48-56.

3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году / Москва, 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 05.10.2024)

4. Распоряжение Правительства РФ от 17 декабря 2019 г. № 3074-р «Концепция создания цифровой аналитической платформы» (вместе с «Концепцией создания цифровой аналитической платформы предоставления статистических данных») // Сайт Правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/4YejV8mvcCSeGWTg2kXprmthtNbWyfrU.pdf> (дата обращения 05.10.2024)

5. Sagioglu S., Sinanc D. Big data: A review // *2013 international conference on collaboration technologies and systems (CTS)*. – IEEE, 2013. – С. 42-47.

6. Щитова Н.А., Супрунчук И.П., Сопнев Н.В., Ткачева Т.А. Геоинформационный анализ миграции молодежи на основе big data (на примере Ставропольского края и республики Дагестан) // *Географический вестник = Geographical bulletin*, 2024. № 1(68). С. 27–40.

ОВЛАДЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ЯЗЫКОМ СТУДЕНТАМИ АЙТИШНИКАМИ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

*Федорова Лариса Юрьевна
(ЮРГПУ(НПИ) им. М.И. Платова)*

*Бондарь Никита Юрьевич
(ЮРГПУ(НПИ) им. М.И. Платова)*

Каждая профессиональная группа обладает своей профессиональной культурой, которая включает ценности, нормы и символы, разделяемые представителями данной профессии. При этом профессиональная культура не является калькой организационной культуры, поскольку организацию составляют различные профессиональные группы. Трайс выделяет ряд характеристик, которые присущи профессиональной культуре: эзотерические знания и опыт; необычные требования (потребности); особого рода сознание; благоприятный образ представителей профессиональной группы; первичная референтная группа; наличие культурных форм [4]. Данные характеристики вполне применимы к профессиональной культуре IT специалистов. Например, эзотерические знания и профессиональный жаргон являются основными примерами, отделяющими айтишников от иных профессиональных групп в организации.

Стремительное развитие цифровых технологий, вследствие чего постоянно возрастает количество специалистов в области IT, заставило социологов обратить внимание на специфику профессиональной культуры айтишников. Основные направления социологических исследований сосредоточены на следующих аспектах: разделяемые ценности; объединяющий язык; разделяемая история и разделяемый контекст [2].

Объединяющий язык, определяемый лингвистикой как профессиональный жаргон (слэнг), является одним из наиболее видимых элементов, характеризующих профессиональную культуру, поскольку генерирует значения и смыслы, необходимые для выполнения профессиональной деятельности. Профессиональный язык ранее трактовался с точки зрения двух основных составляющих – разговорный язык профессиональной речи и элемент разговорного варианта той или иной профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или в речь людей, не имеющих отношение к данной группе лиц, приобретают особую эмоционально-экспрессивную окраску [1]. В настоящее время не существует четкого определения профессионального языка айтишников. Ряд авторов трактуют его как «компьютерный язык», «русский компьютерный жаргон» или просто «компьютерный жаргон», «профессиональный язык айтишников». Независимо от того, как обозначить язык, используемый в области цифровых технологий, необходимо различать язык профессионалов от использования некоторых его слов обычными пользователями, которые используют компьютер в своей повседневной деятельности. Например, такие слова как *юзер* (*пользователь*), *комп* (*компьютер*), *клик* (*щелкнуть мышью*), *софт* (*программное обеспечение*), *струйник* (*струйный принтер*), *чаво* (*раздел Интернета, где задают краткие вопросы с целью получить краткие ответы*), *вика* (*видеокарта*), *вир* (*вирус*), *винч* (*жесткий диск*), *песочница* (*игра, дающая полную свободу игроку погамить – поиграть; приаттачить* (*от англ. attach – прикрепить*) – *прицепить файл к письму*) и др. понятны и используются практически всеми представителями поколения Z, которое «родилось с кнопкой в рука». Другое дело, это язык, используемый специалистами, работающими в сфере цифровых технологий.

Овладение профессиональным слэнгом студентами айтишниками в полной мере начинается в процессе получения образования в высшем (иногда среднем) учебном заведении. Следует отметить, что компьютерная терминология, овладение которой происходит в ходе чтения лекций, семинаров и практических занятий подвергается интерпретации и выходит из зоны литературного языка, становясь частью слэнга студентов айтишников. Например, *дурдос* (от англ. *DR DOS*) – название операционной системы; *стервер* (от англ. *server*) – файловый сервер (узел вычислительной сети), *пентяшка* – процессор Pentium, *материнка* – материнская плата, *перебутоваться* (от англ. *boot* – загрузка) – перезагрузиться, *подмышник* – коврик для мыши, *подоконник* – программа, работающая под Windows (от англ. *window* – окно и др.

При этом разные специализации внутри профессиональной культуры айтишников используют особые языки, необходимые для выполнения конкретных задач. Ученые, занимающиеся изучением профессиональной культуры IT специалистов, подчеркивают, что аналитики базы данных используют язык запросов SQL, сетевые инженеры активно используют TCP/IP and акронимы, состоящие из трех букв, менеджеры проектов общаются в терминах SDLC (жизненный цикл разработки программного обеспечения). Эти эзотерические языки могут затруднить коммуникацию с другими профессиональными группами, одновременно усиливая чувство разделяемой культуры среди айтишников [3]. Что касается студентов, которые находятся в процессе своего профессионального становления, то, согласно проведенному опросу среди 57 студентов -айтишников второго года обучения, практически никто не пользуется вышеназванными языками, хотя 21 студент имеют представление о данных языках и полагают, что в случае, если они понадобятся им для выполнения профессиональной деятельности в будущем, они освоят их в минимальный срок.

Название отдельных специальностей в области IT технологий, как правило, не называется студентами согласно общепринятым нормам, зафиксированным в официальном перечне специальностей. Например, инженер по разработке и эксплуатации звучит, как ДевОпс (сокращение от англ. Developer Operations); Владельца продукта называют Пио (сокращение от англ. Product Owner); Менеджера, ответственного за продукт называют Пиэм (сокращение от англ. Product Manager). В профессиональный айтишный жаргон студентов также входят ироничные слова, используемые для наименования тех, кто плохо владеет компьютерными технологиями. Однако студенты отмечают, что не называют так некомпетентных студентов с уничижительными целями, а просто отделяют тем самым профессионалов от обычных пользователей.

Зачастую непрофессионалов в области IT технологий раздражает то, что им непонятен язык, используемый айтишниками, однако его использование не связано с тем, что профессиональный слэнг используется целенаправленно для того, чтобы подчеркнуть некомпетентность представителей других профессий, с которыми необходимо вступать в коммуникацию для выполнения определенных задач, стоящих перед организацией, компанией. Основными трудностями при общении и обсуждении различных проблем представляются следующие:

- отсутствие знаний в области профессионального языка со стороны руководства;
- специфичность профессионального языка, использование которого не позволяет в полной мере осознать важность обсуждаемой проблемы;
- отсутствие желания со стороны IT использовать более доступные речевые единицы для пояснения своей позиции (мнения).

На самом деле, профессиональный язык стал опривыченным средством общения между айтишниками, которые используют его в основном для краткости, для того, чтобы

быстро обозначить тему (проблему) обсуждения, не вдаваясь в долгие объяснения. Наш опрос показал, что в общении между собой при решении учебных задач по специальным дисциплинам, студенты используют профессиональный жаргон, большая часть которого относится к англоязычным заимствованиям. Всего студенты назвали около 72 таких слов и словосочетаний. В качестве примера приведем некоторые из них: *гол* (от англ. *goal* – *цель*), *коммититься* (от англ. *commitment* – *ответственность*), *спринт* (от англ. *sprint* – *бег на короткую дистанцию*), *мок* (от англ. *mock-up* – *эскиз*). Эти заимствования в смысловом аспекте далеки от словарных значений, приобретая особую коннотацию в процессе общения в среде студентов айтишников. Их использование позволяет студентам быстро понять друг друга, когда требуется работа в команде. На просьбу показать, как могут звучать вышеприведенные примеры в общении, студентами были приведены следующие высказывания: «*Не надо меня голить, я свои голы и так мокнул еще вчера*», «*Преод меня закоммитил своими голами*», «*Спринт не задался, придется закоммититься на выходные*». Вполне понятно, что в непосредственном общении студенты из других специальностей вряд ли быстро смогут понять, о чем идет речь.

Таким образом, можно заключить, что вхождение в группу специалистов IT связано с овладением особенностями профессионального слэнга, являющегося частью профессиональной культуры. Овладение им представляется необходимым условием ощущения принадлежности к данной группе, облегчая и ускоряя коммуникацию при решении специальных задач. Студенты, находясь в начале своего становления в качестве IT специалистов, понимают, что в будущей профессиональной деятельности им придется столкнуться со специфическими языками, но не рассматривают данное обстоятельство как сложную задачу.

1. Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов* / О. С. Ахманова. – 2-е изд., - М.: УРСС, 2004. -569 с.
2. Jacks, Tim and Palvia, Prashant. *A Cultural Sociology Perspective on IT Occupational Culture*. AMICS 2011. http://aisel.aisnet.org/amcis2011_submissions/395
3. Nord, G., Cormack, S., & Cater-Steel, A. (2007). *IT culture: Its impact on communication and work relationships in business*. *International Journal of Intercultural Information Management*, 1(1), 2007. – pp. 85-107.
4. Trice, H. (1993) *Occupational Subcultures in the Workplace*. ILR Press, Ithaca, New York.,1993.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

*Филончик Александр Васильевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

В настоящее время на государственном уровне взят курс на развитие цифровых сервисов, направленных на повышение качества жизни граждан. В 2024 году Президентом РФ был подписан указ №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», который обозначил цели развития страны, одной из которых является цифровая трансформация социальной сферы [4, 7649]. Повышение доступности социальных услуг и их разнообразия будет способствовать повышению качества жизни населения и упростит процесс коммуникации между людьми и учреждениями, предоставляющими социальные услуги.

В России уже более 81% населения старше 12 лет пользуется интернетом, наиболее активными являются люди в возрасте от 12 до 24 лет, а цель использования заключается в посещении популярных социальных сетей и мессенджеров [2]. Среди представителей данной возрастной группы хотелось бы отметить подростков, чей возраст как раз соответствует диапазону от 11 до 17 лет. Невозможность распознать и противодействовать негативному влиянию со стороны сетевого сообщества может приводить к совершению противоправных действий как в отношении несовершеннолетнего, так и с его стороны. Это связано с отсутствием жизненного опыта, навыков коммуникации и критического анализа [3, 331].

Повсеместная цифровизация, особенности среды, недостаточный уровень цифровой грамотности и возрастано-психологические особенности делают подростков уязвимой группой к деструктивному влиянию извне. А.О. Горелова отмечает, что меры по защите подростков можно разделить на [1, 112]: правовые, социальные и технические. Отдельно хотелось бы отметить, что технические ограничения не всегда останавливают подростков от просмотра деструктивного контента. Невозможность полного контроля и ограничения деструктивного контента в сети актуализирует профилактическую работу со стороны специалистов государственных и некоммерческих организаций, работающих с подростками, с использованием цифровых технологий для профилактики девиантного поведения.

Для изучения и анализа возможностей профилактики девиантного поведения подростков с использованием цифровых технологий было проведено 23 полуформализованных интервью со специалистами, задействованными в профилактике девиантного поведения подростков. Цель исследования заключалась в изучении практик профилактики девиантного поведения. Будут представлены некоторые из результатов исследования, соответствующие теме публикации.

Специалисты не отмечают главенствующую роль интернета в формировании девиантного поведения подростков, а причина видится в моделях поведения ближайшего окружения. Специалисты говорят о доступности деструктивного контента, но в то же время отмечают снижение его количества в сети. Подчеркивается значимость цифровых девиаций, с которыми сталкиваются специалисты, и увеличение числа случаев, когда в центр попадают подростки, создающие деструктивный контент.

Были названы используемые формы работы с подростками, направленные на профилактику девиантного поведения: мемы, опросы, мастер-классы, конференции и т.д. Специалисты особенно отметили интерактивные элементы в работе. Обозначены положительные стороны профилактики с использованием цифровых технологий: быстрая

организация мероприятия и донесение информации о нем, возможность связаться с подростком в любое время, проводить мероприятия по профилактике употребления запрещенных веществ и занятия с использованием цифровых сервисов.

Среди перспектив развития цифровых технологий в работе с подростками была обозначена возможность внедрения в работу искусственного интеллекта и чат-ботов, увеличения ресурсов, занимающихся подготовкой подростков к самостоятельной жизни. Кроме того, специалисты заинтересованы в программах, упрощающих ведение документации.

Названы ограничения в работе. Отмечается загруженность при оформлении отчетной документации, нехватка оборудования для проведения некоторых занятий с использованием цифровых средств. Наблюдается малая вовлеченность специалистов в использование цифровых методов работы по причине отсутствия конкретных распоряжений.

Таким образом, можно отметить интерес к цифровизации в социальной сфере и интеграции цифровых технологий, направленных на работу с подростками. Однако часто недооцениваются риски формирования девиантного поведения под влиянием деструктивного контента в сети, что ограничивает использование цифровых технологий в профилактике девиантного поведения подростков.

1. Горелова, А. О. Меры профилактики преступлений, совершаемых в «интернете», среди несовершеннолетних лиц / А. О. Горелова // *Мировая наука*. – 2020. – №12 (45). – С. 109-116.
2. Как россияне пользуются интернетом. *Mediascope*. 2023. URL: <https://mediascope.net/news/1567182/> (Дата обращения: 02.10.2024)
3. Никитская, Е. А. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних и профилактика делинквентного поведения как необходимая компетенция специалистов социальной сферы / Е. А. Никитская // *Вестник экономической безопасности*. – 2021. – №1. – С. 330-333.
4. Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2024 №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // *Собрание законодательства Российской Федерации*, 13.05.2024, №20, ст. 2584.

РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ху Сянюй

(Санкт-Петербургский государственный университет)

С развитием цифровых технологий и Интернета наша жизнь претерпела потрясающие изменения, и это влияние все глубже отражается в сфере социальных отношений. Сегодня цифровое общество в значительной степени заменило старые методы коммуникации и стало новым реальным миром, а влияние изменений в инструментах коммуникации больше, чем мы себе представляли.

С развитием цифровых технологий изменились не только наши методы общения, но и наши исследовательские инструменты. Появление больших данных, социальных сетей и новых технологий анализа открыло более широкую перспективу для социологических исследований. Цель данной статьи — изучить использование цифровых инструментов в социологических исследованиях и их влияние на развитие цифровой социологии. Мы проанализируем основные методы цифровых исследований, их преимущества, ограничения и проблемы, с которыми сталкиваются исследователи при использовании этих инструментов.

Цифровая социология как научная область

Цифровая социология изучает, как цифровые устройства, платформы и алгоритмы меняют социальные процессы, а также использует эти технологии для проведения эмпирических исследований.

Цифровые технологии постепенно проникли в область социальных наук в конце 20 века. С появлением Интернета начали генерироваться огромные объемы данных, и социологи начали использовать эти данные для анализа поведения пользователей, социальных связей и моделей общения.

Цифровая социология предлагает множество исследовательских методов и подходов, которые были недоступны до эпохи цифровых технологий. Эти методы включают анализ больших данных, использование данных социальных сетей и применение алгоритмов машинного обучения для обработки и анализа социологических данных.

Ключевые цифровые инструменты в социологических исследованиях

Анализ больших данных

Одним из важнейших достижений цифровой социологии является использование больших данных. Большие данные включают в себя огромное количество информации, генерируемой с помощью цифровых платформ, социальных сетей и других онлайн-сервисов. Эти данные позволяют исследователям проводить детальный и масштабный анализ социального поведения.

Типичным примером успешного использования больших данных является исследование Портье (2020), которые использовали данные социальных платформ для анализа социального неравенства. Их исследования показывают, что цифровые устройства и большие данные могут существенно изменить способ изучения социальных проблем, открывая новые взгляды на социальные процессы и неравенство. [1]

Социальные сети

Социальные сети стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни и важным источником информации для социологов. Исследователи могут анализировать социальные взаимодействия, поведение пользователей, публичные дискуссии и многое другое.

Ключевое преимущество социальных сетей — огромные объемы данных, которые они могут предоставлять в режиме реального времени. Эти данные могут включать

информацию о социальных связях, интересах, политических взглядах и культурных предпочтениях пользователей. Например, Уильямс(2017) показывает, как данные социальных сетей можно использовать для анализа общественного мнения и взаимодействия пользователей на таких платформах, как Twitter и Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ). В Ризване (2018) использовали данные китайской социальной сети Weibo для анализа поведения при регистрации и гендерных различий пользователей в разных регионах Шанхая. Исследования показывают, что пользователи-женщины более активны в социальных сетях, и существуют значительные различия в поведении при регистрации в разные периоды времени (например, в будние и выходные дни).[2][3]

Онлайн-опросы и анкеты

Онлайн-опросы стали для социологов распространенным инструментом сбора данных. Такие платформы, как Google Forms и SurveyMonkey, позволяют исследователям быстро собирать данные от респондентов по всему миру. Онлайн-опросы не только удобны, но и экономически эффективны, поскольку не требуются дорогостоящие полевые исследования.

Основным преимуществом онлайн-опросов является то, что они позволяют охватить большую аудиторию за короткий период времени. Однако это также создает проблемы, такие как проблемы репрезентативности данных, поскольку не все социальные группы имеют равный доступ к Интернету, в результате чего некоторые группы не могут участвовать в онлайн-опросах. В этой статье Калейроса (2018) исследуется взаимосвязь между использованием социальных сетей и психическим здоровьем молодых людей, анализируя данные, собранные с помощью онлайн-анкеты.[4]

Данные геолокации и аналитика мобильности

Информация о географическом местоположении пользователей может быть собрана с помощью цифровых устройств, что помогает изучать социальные закономерности, такие как социальная мобильность и урбанизация. Эти данные особенно полезны для городских исследований и анализа мобильности населения.

Данные геолокации используются для изучения того, как люди передвигаются по городам, что позволяет исследователям лучше понять динамику и социальные взаимодействия городских сообществ. Например, в этой статье Чена (2020) используются данные геолокации примерно 1,7 миллиона пользователей смартфонов для анализа географической мобильности между городами, регионами и классами дохода в Соединенных Штатах. Исследование показало, что существуют значительные различия в пройденном расстоянии и количестве мест, которые посещают разные города и группы доходов. Например, жители Нью-Йорка в целом менее мобильны, а люди с низкими доходами, в частности, значительно менее мобильны, чем люди с высокими доходами. - доходные люди.[5]

Преимущества и проблемы использования цифровых инструментов

Преимущества:

1. Доступ к большим объемам данных. Цифровые инструменты позволяют исследователям получить доступ к большим объемам данных, к которым ранее было трудно или невозможно получить доступ.

2. Повысить точность анализа. Современные алгоритмы и методы машинного обучения позволяют исследователям проводить более точный и точный анализ данных.

3. Предоставить новые возможности для моделирования социальных процессов. С помощью цифровых технологий исследователи могут создавать сложные модели, позволяющие лучше понимать и прогнозировать социальные процессы.

испытание:

1. Этические проблемы. Использование данных из социальных сетей и других цифровых источников поднимает этические проблемы, такие как конфиденциальность и согласие на использование личной информации. Исследователи должны учитывать эти этические проблемы при работе с цифровыми данными.

2. Потребность в новых навыках. Цифровые инструменты требуют от социологов навыков программирования, анализа данных и использования алгоритмов машинного обучения.

3. Проблемы представления данных. Не все социальные группы могут быть одинаково представлены в цифровом пространстве, что может привести к предвзятым данным и выводам исследований.

В заключение

Цифровые инструменты предоставляют социологам новые возможности для изучения социальных явлений с большей точностью и широтой за счет доступа к большим объемам данных и использования новых аналитических методов. Однако возникают новые проблемы, такие как этические проблемы, потребность в новых навыках и проблемы с репрезентативностью данных.

Цифровая социология становится важным направлением современной науки, помогая исследователям лучше понять цифровое общество и его динамику. Будущее социологии во многом будет зависеть от эффективной интеграции цифровых технологий в научные исследования.

1. Porter, N. D., Verdery, A. M., & Gaddis, S. M. *Enhancing big data in the social sciences with crowdsourcing: Data augmentation practices, techniques, and opportunities* // *PloS one*. — 2020. — Т. 15, № 6. — С.13-43.
2. de Calheiros Velozo, J., & Stauder, J. E. *Exploring social media use as a composite construct to understand its relation to mental health: A pilot study on adolescents* // *Children and Youth Services Review*. — 2018. — № 91. — С. 398-402.
3. Williams, M. L., Burnap, P., & Sloan, L. *Towards an ethical framework for publishing Twitter data in social research: Taking into account users' views, online context and algorithmic estimation.*// *Sociology*. — 2017. — Т. 51, № 6. — С. 1149–1168.
4. Rizwan, M., Wan, W., Cervantes, O., & Gwiazdzinski, L. *Using location-based social media data to observe check-in behavior and gender difference: Bringing Weibo data into play* // *ISPRS International Journal of Geo-Information*. — 2018. — Т. 7 № 5 — С. 196
5. Chen, M. K., & Pope, D. G. *Geographic mobility in America: Evidence from cell phone data* // *National Bureau of Economic Research*. — 2020. — Т. 5, № 3. — С. 45-60.
- 6.

ОТ УМНОГО ГОРОДА К НОВОМУ УМНОМУ ГОРОДУ ОПЫТ СТРОИТЕЛЬСТВА УМНОГО ГОРОДА ИЗ КИТАЯ

Хуайчэн Сян

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Происхождение умных городов

Концепция умных городов возникла после глобального финансового кризиса 2008 года, который стимулировал развитие новых технологий, таких как Интернет вещей (IoT) и облачные вычисления. Умные города представляют собой конкретное воплощение концепции «умной Земли» в городских условиях, направленное на интеграцию различных городских систем с помощью информационных технологий. Умные города не только помогают решать такие городские проблемы, как пробки и ухудшение окружающей среды, но также способствуют развитию новых отраслей экономики и создают новые модели роста.

Сущность умных городов

Компания IBM впервые предложила концепцию умного города, цель которой состоит в том, чтобы с помощью информационных и коммуникационных технологий быстро реагировать на потребности города, повышать эффективность управления и улучшать качество жизни жителей. Основные аспекты умных городов включают: Интеллектуализация и точность управления: Используя большие данные, облачные вычисления и Интернет вещей, городские органы управления могут более эффективно управлять городскими системами; Устойчивое развитие: Умные города применяют инновационные решения для поддержки устойчивого развития и экологического баланса; Повышение уровня жизни жителей: Технологии способствуют улучшению общественных услуг, делают жизнь жителей более удобной и увеличивают их удовлетворенность жизнью.

Этапы развития умных городов в Китае

С момента введения концепции умные города стали важным направлением в развитии цифровой инфраструктуры и урбанизации Китая. В статье выделены четыре ключевых этапа этого процесса:

Этап внедрения концепции (2008-2012 годы)

Этот этап ознаменовался введением концепции умных городов в Китай, а также первыми экспериментами по ее применению. После финансового кризиса 2008 года начался активный рост технологий Интернета вещей и облачных вычислений. В 2010 году на форуме "Умные города Китая" концепция умных городов получила дальнейшее распространение. В 2012 году Пекин запустил план "Hui Dian Pioneer", который стал пилотным проектом по внедрению технологий умных городов в планирование города. Однако в этот период подходы к реализации были разрознены и не систематизированы. В этот период решения в области умных городов были фрагментарными и концентрировались на отдельных задачах.

Этап пробных проектов (2013-2015 годы)

В этот период началась реализация пилотных проектов по строительству умных городов по всей стране. В 2012 году Министерство строительства Китая опубликовало руководство по управлению пилотными проектами умных городов, которое стало основой для запуска пилотных программ по всей стране. В 2013 году было объявлено о первом наборе из 90 пилотных умных городов. К 2015 году в программу было включено уже 290 городов. В этот период умные города стали частью государственной стратегии, начался

процесс их стандартизации. Пилотные города внедряли технологии в области управления, общественных услуг и планирования.

Этап масштабного строительства (2016-2020 годы)

Этот этап характеризуется широкомасштабным внедрением концепции новых умных городов, направленных на повышение качества жизни граждан и инновационное развитие. В конце 2015 года Центральное бюро сетевой информации Китая предложило концепцию новых умных городов, в основе которых лежат принципы "ориентации на людей, интеграции и инноваций". В пятилетнем плане развития Китая (2016-2020 годы) было предложено построить 100 новых образцовых умных городов. Основное внимание уделялось цифровизации инфраструктуры, улучшению общественных услуг и точному управлению городом. В этот период увеличилось количество проектов, было разработано больше нормативных документов и стандартов, а умные города стали ключевыми объектами цифровой трансформации.

Этап интеграции (с 2021 года по настоящее время)

На этом этапе с распространением таких технологий, как 5G, большие данные, искусственный интеллект и блокчейн, умные города начали интегрироваться на всех уровнях городского управления. Умные города перешли от единичных проектов (1.0) к многоуровневой интеграции (3.0), которая включает концепции "городского мозга" и "цифровой базы". Эти технологии используются для более эффективного управления городами. К 2021 году в Китае уже сотни городов начали внедрять концепции "городского мозга" и активно развивать цифровую инфраструктуру. В этот период акцент делается на системную интеграцию данных и ресурсов, что позволяет оптимизировать городское управление и повысить уровень обслуживания граждан.

Особенности новых умных городов в Китае

Новые умные города в Китае обладают уникальными особенностями, отличающими их от традиционных умных городов:

Ориентация на людей : Ключевая идея новых умных городов — это удовлетворение потребностей граждан. Китайская модель акцентирует внимание на улучшении качества жизни и общественных услуг, в отличие от зарубежных моделей, где упор делается на внедрение технологий.

(2) **Глубокая интеграция** : Новые умные города активно способствуют интеграции технологий, данных и бизнес-процессов, устраняя "информационные острова" и стимулируя взаимодействие между различными уровнями городского управления.

(3) **Совместное использование и координация** : Новые умные города основаны на динамичных данных, которые позволяют координировать работу различных департаментов и систем управления городом.

(4) **Инновационное развитие** : Китайские умные города направлены на использование новых технологий для реструктуризации управления городом, что стимулирует оптимизацию управленческих процессов и улучшение городской инфраструктуры.

4. Заключение

Таким образом, процесс строительства умных городов в Китае демонстрирует важность информационных технологий в современном управлении городами. Новые умные города в Китае становятся не только технологическим инновационным проектом, но и важным элементом улучшения общественных услуг и городской среды. Концепция умного города эволюционировала и стала важным направлением в развитии городской инфраструктуры и управления в Китае, с акцентом на устойчивое развитие и повышение уровня жизни граждан.

1. Сун Синь, Хао Дундун, Ян Лунпин: *«Исследования и изыскания по строительству нового умного города в Шанхае», «Руководство по экономическим исследованиям», выпуск 9, 2022 г.*
2. Чу Тяньцзяо: *«Изучение международного опыта для построения ориентированного на будущее умного города — исследование целей и идей строительства умного города Шанхая в ходе «14-й пятилетки»», «Научное развитие», выпуск 9, 2019 г.*
3. Ван Цао и Ли Нонг: *«Анализ пути Шанхая к построению выдающегося глобального города – на основе опыта международных умных городов», «City Observation», выпуск 4, 2017 г.*
4. Чжан Юй, Сюй Хундин: *«Достижения, опыт строительства нового умного города в Шэньчжэне и его просвещение в Чэнду», «Журнал Института управления Чэнду», выпуск 6, 2018 г.*
5. Чанг Диньи, Ши Цзюань, Чжэн Пэн: *«Новый умный город Китая с поддержкой 5G: смысл, проблемы и пути», «Научные исследования в области управления», выпуск 2, 2022 г.*
6. Го Минцзюнь: *«Исследование проблем строительства умных городов в Шэньчжэне на основе восприятия граждан», Северо-Западный университет, магистерская диссертация, 2021 г.*

СТРАТЕГИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ БРЕНДА ДЛЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ЭПОХУ НОВЫХ МЕДИА

Чжао Ин
(Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра
Великого)

Globally, mobile Internet technology is developing rapidly, and new media technology has penetrated into various fields. In the current society, mobile Internet, cloud computing, big data and other cutting-edge technologies have made remarkable achievements, which bring brand marketing opportunities and challenges for traditional enterprises. Traditional enterprises need to actively embrace new media, implement brand marketing strategies through new channels, and enhance brand value and market competitiveness.

I. New media specific changes to the communication environment

Under the development of new media, enterprise brand marketing communication has changed greatly, and traditional channels have been replaced by new media. Changes include: 1.the main body of marketing from the enterprise to the user; 2.the content of marketing from the product to the user's needs; 3.the communication channel from the traditional media to the Internet and mobile terminals; 4.changes in the relationship between the old and the new media, and the integration and interaction between each other.

New media is needed for enterprise communication, and information integration is important. Traditional enterprises need to shift from product-centered to user-centered, analyze user needs, market environment and user behavior, and adjust marketing communication strategies [2].

II. Traditional corporate brand marketing communication problems in the new media environment

Traditional corporate brand marketing in the new media environment is challenged and needs new development. New media marketing needs to be customer-centered to achieve market segmentation and win customers [1].

1. Failure to fully consider the special characteristics of new media.

New media impacts traditional marketing and reduces product arrival time and cost. New media interactivity and immediacy requirements are high, traditional channels are difficult to meet the demand, need to adapt to the changes and change the traditional way.

2. Incomplete communication strategy and lack of systematic management [4].

The traditional strategy can not meet the needs of consumers, and the communication effect is not good. Enterprises need to improve customer problem solving and response capabilities, enhance the effectiveness of advertising and publicity, and formulate publicity strategies for different targets [7].

III. The role of new media marketing communication methods

In the new media environment, there are various marketing communication methods, such as television, radio, Internet, social media and so on. These methods have significant features and advantages to help brand marketing. First of all, new media provide rich information resources to help enterprises discover new opportunities. Secondly, new media are utilized to promote brands, enhance awareness and attract online consumers. However, the traditional way is insufficient, and the advantages of new media need to be utilized to avoid customer loss. Finally, new media promote market competition and promote healthy development [6, 11].

IV. External innovation of brand marketing communication of traditional enterprises in the new media environment

Traditional enterprises need to strengthen the use of new media, including changing the marketing concept, improving the efficiency of information dissemination and accelerating the application and development of new media technology. Especially in the context of the rapid development of mobile Internet technology, it is crucial to make full use of new media for brand marketing and publicity [8].

Based on new media such as WeChat, Instagram (produced by the Meta company, which is recognized as extremist and banned in the Russian Federation) and Vk, actively develop and utilize various applications.

The era of mobile Internet has come and technology is widely used. Traditional enterprises face opportunities and challenges. Internet promotes communication, but not free. Users receive a large number of emails every day, and websites provide services through social media. Businesses need to analyze deeply and adapt to the changing needs. Traditional enterprises can utilize new media interactions such as WeChat, Instagram (produced by the Meta company, which is recognized as extremist and banned in the Russian Federation) and Vk to establish a good PR network and understand user needs [10].

2. Strengthen cooperation with network operators to achieve comprehensive coverage of network information content and continuously expand communication channels.

Expand communication channels, accelerate cooperation with network operators to achieve comprehensive coverage, and use network platforms for brand communication. Traditional enterprises need to publicize and promote with the help of new media platforms, such as home appliance brand product information columns, to provide query reading, to create a direct and comprehensive publicity effect. At the same time, the establishment of WeChat, Instagram (produced by the Meta company, which is recognized as extremist and banned in the Russian Federation) and Vk letter public number and other platforms, with the help of other network platforms to promote important product information, to achieve a new breakthrough in brand publicity [9].

3. Make full use of the advantages of mobile terminals and cell phone networks and other channels to achieve comprehensive coverage of brand marketing communication carriers.

Traditional enterprises need to optimize the brand marketing communication carrier, combined with the development of Internet technology, accelerate the application and development of new media, enhance the use of mobile terminals and network channels. At the same time, strengthen the network brand marketing publicity, for the problem of poor information communication, integration of new media and traditional media. Under the trend of new media, enterprises should innovate brand marketing communication, improve the level of Internet technology and communication, perfect the network interactive platform and other infrastructure, and strengthen the use and management of mobile terminal equipment. In short, it should pay attention to the diversification of information dissemination channels and the improvement of brand marketing activity channel network system [3].

4. Pay attention to the construction of mobile terminals and cell phone network application software to realize real-time monitoring and evaluation of brand communication effect.

Brand marketing communication effect can be statistically analyzed, is the basic and key work. Traditional enterprises need to pay attention to the application of the Internet, through the network to investigate customer demand, classification of customers, arrangements for advertising, the realization of information sharing, and the establishment of PIMS system. The system monitors the brand communication information in real time, statistically analyzes the effect and the expected gap, adjusts the direction and mode of publicity, and realizes targeted marketing communication [5].

5. Brand communication concept innovation

In the era of “fragrant wine is also afraid of deep alley”, a reasonable brand marketing system is crucial to the branding of enterprises. Traditional enterprises need to determine the marketing strategy according to the characteristics and audience. Under the new media environment, traditional enterprises should adopt matching brand concepts, use new media to build a communication platform, combined with the network environment, to achieve a seamless connection with the new media [12].

V. Internal Innovation of Brand Marketing Communication of Traditional Enterprises in New Media Environment

In economic and social development, traditional enterprises face many challenges, especially the brand marketing communication innovation in the Internet era. In order to cope with the challenges, traditional enterprises should innovate the concept of brand marketing communication in the new media environment and build a new brand value system and competitive advantages. When applying new media, they need to integrate internal resources, including employees, customers, suppliers and partners, etc., to realize the organic combination and complementary advantages with new media, and to promote the win-win situation for all parties [9].

VI. Conclusion

In summary, traditional enterprises in the new media era need to carry out innovative research and practical exploration of brand marketing communication strategy, and actively build out a new model of brand promotion and marketing mechanism. To make full use of the new media technology and network technology, and constantly enrich the enterprise brand communication mode. In this way, traditional enterprises can have a broader development prospects.

1. Baily A., Piskorski M. J. *Digital marketing in the era of customer engagement. Harvard Business Review*, 2013. 62-69.
2. Baudrillard J. *The Consumer Society*. Nanjing: Nanjing University Press, 2000.
3. Chen I. J., Popovich K. *Understanding customer relationship management (CRM): People, process and technology // Business process management journal*. 2003. 9(5). P. 672-688.
4. Castells M. *The Rise of the Network Society*. Social Sciences Academic Press. 2010.
5. Jin Z. *Research on brand marketing strategy of traditional enterprises in the new media era. Industrial Innovation Research*. 2020.
6. Li C., Bernoff J. *Groundswell: Winning in a world transformed by social technologies. Harvard Business Press*. 2008.
7. Mangold W. G., Faulds D. J. *Social media: The new hybrid element of the promotion mix // Business Horizons*. 2009. 52(4). P. 357-365.
8. Scott D. M. *Social media and the new rules of marketing and PR: How to use news releases, blogs, podcasting, viral marketing, and online media to reach buyers directly. John Wiley & Sons Inc.*, 2012. 30-32.
9. Shang Y. *Analysis of Brand Marketing and Communication Strategies of Traditional Enterprises in the Era of New Media // Journal of Commercial Modernization*. 2017. 1. P. 42.
10. Wen J. *Research on brand marketing strategy of traditional enterprises in new media era // Times Economy and Trade*. 2020. 12. P. 46-47.
11. Yu J. *New Changes in Corporate Marketing Channels // Journal of Commercial Research*. 2001. 6. P. 67-69.
12. Yu M., Zhu J., Xiao J. *Brand Communication Studies*. Shanghai Jiao Tong University Press. 2005.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИНТЕРАКТИВНЫЕ КАРТЫ И ГОРОДСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

*Чжоу Анастасия Цзяньцзюневна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Аннотация. Безопасность в современном городе определяется не только наличием ресурсов и служб обеспечения безопасности, но и активным участием граждан в процессах самоорганизации и взаимодействия через цифровые платформы. Концепция города как сетевого пространства, формируемого коллективными действиями сообществ, становится все более актуальной. В статье рассматривается использование интерактивных карт, для повышения безопасности в городах.

Ключевые слова: Городская безопасность, сетевое общество, информационные технологии, интерактивные карты, коллективные действия, мониторинг угроз

Безопасность городской среды во многом обусловлена наличием разнообразных ресурсов и служб, способствующих обеспечению защиты жителей [1], в городской инфраструктуре функционируют учреждения, которые призваны оперативно реагировать на любые чрезвычайные ситуации [10]. Однако в условиях современного города мы наблюдаем возникновение множества совершенно новых рисков и угроз. Проявление опасностей в городе вызывает у жителей чувство неуверенности и незащищенности, но кроме того, интерпретируется ими как отсутствие эффективного социального контроля в данном пространстве. Так, жители города могут воспринимать различные места города по-разному в зависимости от степени угроз, классифицируя их как «безопасные» или «опасные» [6, 4]. Цель статьи состоит в анализе опыта использования технологий в качестве инструмента повышения безопасности в городских пространствах, внимание уделено интерактивным картам, позволяющим жителям самостоятельно отмечать потенциально опасные места в городской среде.

В связи с этим вопросом следует обратиться к концепции города как сетевого пространства, которое формируется коллективными действиями самоорганизующихся сообществ. Это отсылает нас к теории М. Маклюэна и предлагает рассматривать город как форму медиакommunikации, которое выходит за рамки его традиционного пространственного и физического восприятия [8,7]. В современных реалиях город во многих своих проявлениях переходит в формат онлайн взаимодействий. Сетевое общество открывает новые возможности для обеспечения безопасности в городской среде. Взаимодействие через цифровые платформы и интерактивные карты позволяет жителям активно участвовать в процессе

В последние годы наблюдается увеличение использования информационных систем мониторинга и использование анализа данных, что позволяет обнаруживать и предотвращать угрозы в режиме реального времени. Эти технологии включают в себя, например, видеонаблюдение, системы анализа больших данных и модели, позволяющие предупреждать преступления. Информационные технологии играют ключевую роль в обеспечении безопасности в городских условиях, позволяя оперативно обнаруживать и предотвращать угрозы, а также могут повышать уровень вовлеченности жителей в процесс обеспечения безопасности [5]. Примером таких систем выступают интерактивные карты. Интерактивные карты – это достаточно новый инструмент, который позволяет гражданам принимать участие в процессах обеспечения безопасности в городской среде. Такие решения позволяют пользователям отмечать и делиться информацией о местах, которые они считают небезопасными или, наоборот, безопасными, что способствует созданию более прозрачной и оперативной системы мониторинга городских угроз, повышая общую

субъективную безопасность. С помощью таких карт пользователи могут отмечать неосвещенные улицы, заброшенные здания или места скопления подозрительных личностей, что особенно важно для предотвращения инцидентов и повышения уровня комфорта и безопасности в городской среде [13]. Далее будут рассмотрены примеры функционирующих сервисов как в России, так и в мировой практике, демонстрирующие возможность использования интерактивных карт для повышения безопасности в городской среде.

Первый сервис, который рассмотрим – это сервис «Попутчица». Проект получил свое развитие в сентябре 2024 года и представляет собой интерактивную карту, функционирующую в ряде регионов Российской Федерации. Этот цифровой инструмент предоставляет жителям городов возможность обозначать на карте потенциально небезопасные места и оставлять к ним комментарии прикреплять фотографии. Такая система позволяет собирать данные от пользователей, которые могут быть использованы для повышения безопасности городской среды [2]. Основная цель сервиса заключается в предоставлении возможности жителям, а особенно женщинам, формировать безопасные маршруты в пределах города, избегая мест, которые были ранее отмечены другими пользователями как потенциально опасные. Такая интерактивная карта не только способствует улучшению личной безопасности, но и повышает осведомленность о конкретных зонах риска, что, в свою очередь, может стимулировать власти и городские службы к более оперативным и адекватным мерам по устранению выявленных проблем. Само участие граждан в процессе мониторинга и обеспечения безопасности городских пространств через аналогичные платформы может способствовать укреплению чувства коллективной ответственности и вовлеченности. В результате таких действий должны сформироваться более безопасная и комфортная городская среда для жителей, созданная прежде всего путем повышения информированности об опасных местах [9]. Аналогичный проект получил название «Free to Be». Карта работает по той же схеме – жительницы города могут отменить безопасные и небезопасные места города, а также оставить комментарий. Этот проект в пяти крупных городах мира: г. Дели (Индия), Г. Лима (Перу), г. Сидней (Австралия), г. Мадрид (Испания) и г. Кампала (Уганда) [12].

Существуют по своей схеме работы очень похожие на данный сервис решения, например, «Territoria» — карта, визуализирующая небезопасные места для женщин, передвигающихся по улицам г. Монтеррея, Мексика. Проект отличается от рассмотренных выше тем, что он не основан на данных, которые оставляют сами жители, а базируется именно на анализе отчетов о насилии, доступных на портале открытых данных города, а также на данных уличных опросов, проведенных среди женщин, которые ежедневно перемещаются по городу.

Следует особо выделить другую уязвимую категорию городских жителей — детей. В Перми, например, реализуется проект «Карта безопасности детства», целью которого является повышение безопасности детей в городской среде. На данной карте обозначаются как комфортные, так и потенциально опасные места для пребывания детей. Например, на карте можно найти отметки о местах, где можно встретить бродячих собак, опасные ямы или большие лужи, а также открытые люки. Первоначально карта была создана в бумажном виде правительством города, однако с недавнего времени она перешла в цифровой формат. Это дало возможность каждому жителю города вносить изменения и дополнения. Теперь любой пользователь может обозначить новое опасное или безопасное место для детей, прикрепить комментарий и фотографию, что существенно повышает актуальность и точность данных. [3]. Другие регионы также перенимают успешный опыт Пермского края. Например, в Новосибирской области планируется создание аналогичной интерактивной

карты безопасности для несовершеннолетних. Эта инициатива подчеркивает важность использования современных технологий для повышения уровня безопасности и вовлеченности граждан в процесс мониторинга и обеспечения безопасной среды для детей [2].

В городе Челябинске, компания Delta Системы Безопасности инициировала проект, направленный на повышение уровня городской безопасности через использование интерактивной карты. Эта карта собирает информацию от жителей города о потенциально опасных участках, что также способствует улучшению общего состояния городской среды. В определенный период работала онлайн-приемная, предоставляющая возможность каждому жителю сообщить о проблемных местах в городе, эти обращения фиксировали и выводили на карту. Значительная часть обращений была связана с уличным освещением, жалобами на темные переулки и дворы, а также на отсутствие обустроенных тротуаров, что также повышает риск возникновения опасных ситуаций. Проблемные зоны также включают в себя участки с большим количеством гаражей и пустырей, которые часто становятся местами скопления криминальных элементов, распития алкоголя и концентрацией бродячих собак. [11].

Цель внедрения таких интерактивных карт, в которых жители могут самостоятельно оставлять комментарии об опасных местах в городе заключается именно в информировании жителей города о потенциальных опасностях. Так, жители могут посмотреть интерактивную карту перед тем, как построить маршрут в какую-то неизвестную для них ранее часть города. Это позволяет повысить субъективную воспринимаемую безопасность города путем повышения информирования, с одной стороны, и путем активного участия в формировании этой карты, с другой. Однако, стоит обозначить некоторые риски при применении и таких инструментов. Первое, на что стоит обратить внимание – это то, что абсолютно не все жители информированы о существовании таких карт, а некоторые из горожан и вовсе могут не пользоваться цифровыми сервисами в силу различных причин. Более того, необходима достаточная большая работа специалистов и дополнительные ресурсы на модерацию, фильтрацию и проверку уже оставленных комментариев, поскольку данные, оставленные на карте, могут быть недостоверными и ложными.

Таким образом, именно развитие города в контексте сетевого общества делает возможным жителям активно участвовать в формировании безопасного городского пространства, а информационные технологии, представленные в виде интерактивных карт, выступают мощным ресурсом для проявления инициативности граждан в обеспечении безопасности города. Такие карты вовлекают жителей для мониторинга и последующего улучшения городской среды. Приведенные выше примеры показывают, как информационные технологии могут встраиваться в процессы повышения безопасности города со стороны инициативны граждан.

1. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. *Язык городского пространства: словарь, карта, текст*. М.: Языки славянской культуры, 2015.
2. В Новосибирской области создадут цифровую карту опасных мест пребывания несовершеннолетних // Венгеровская газета URL: <https://venrg.ru/v-novosibirskoj-oblasti-sozdadut-cifrovuju-kartu-opasnyh-mest-prebyvaniya-nesovershennoletnih/> (дата обращения: 08.10.2024).
3. В сети появилась карта опасных и безопасных для детей мест в Перми // Текст - Новости Перми URL: <https://www.chitaitext.ru/novosti/v-seti-poyavilas-karta-opasnykh-i-bezopasnykh-dlya-detey-mest-v-permi/> (дата обращения: 08.10.2024).
4. Горшков М. К. Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // *Социологические исследования*. – 2009. – №. 7. – С. 26-31.

5. Грищенко, Л. Л. "Умные" технологии при обеспечении безопасности в "умном городе" / Л. Л. Грищенко, С. М. Ревин, Ю. В. Коротаев // Муниципальная академия. – 2020. – № 2. – С. 186-191. – EDN VKBSES.
6. Ивлева И. В. О проявлениях беспорядка и страхах жителей большого города // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17. – №. 2. – С. 199-205.
7. Лапина-Кратасюк Е. Интерактивный город»: сетевое общество и публичные пространства мегаполиса/Микроурбанизм. Город в деталях //Сб. статей. – 2014. – С. 300-316.
8. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека/Маклюэн М.; пер //ВГ Николаева. М.: Канон-пресс-Ц. – 2003.
9. Проект "Попутчица" // URL: <https://companionaid.org/map.html> (дата обращения: 07.10.2024).
10. Скворцов Н. Г., Хохлова А. М. Образ города в социогуманитарных исследованиях //Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. 8. – №. 4. – С. 32.
11. Составлена карта самых опасных мест Челябинска // Наш Челябинск URL: <https://nashchelyabinsk.ru/post/sostavlena-karta-samykh-opasnykh-mest-cheliabinska/> (дата обращения: 08.10.2024).
12. City girls digitally map safety with 'Free to Be' // Plan international URL: <https://plan-international.org/news/2018/04/17/city-girls-digitally-map-safety-with-free-to-be/> (дата обращения: 08.10.2024).
13. Steinmann R., Krek A., Blaschke T. Can online map-based applications improve citizen participation? //International Conference on e-Government. – Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2005. – С. 25-35.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЦИФРОВОЕ ДОВЕРИЕ

*Шаулова Татьяна Владимировна
(Северо-Западный институт управления РАНХиГС)*

Использование больших данных в государственном управлении имеет первостепенное значение не только как технологии (Big Data, Data Science и пр.), но и как генерируемые с различных источников большие массивы разнообразных структурированных и неструктурированных данных, характеризующиеся высокой скоростью обновлений. Последние выступают основой двух парадоксов: с одной стороны, они одновременно значительны по объему и дефицитны, с другой - просты в плане сбора и обработки, но порождают проблемы беспрецедентной сложности: значимые наборы данных, отражающие скрытые паттерны и тенденции, помогающие проводить сравнительный анализ, прогнозировать тренды и принимать на основе полученной информации решения, встречаются все реже.

Разрешение парадоксов имеет последствия как для совершенствования самих цифровых технологий (последние нуждаются в данных, поскольку именно на них они обучаются, а данные – в цифровых технологиях), нашей готовности к использованию цифровых технологий во всех отраслях экономики и сферах жизни с целью получения преимуществ от потенциала цифровизации и государственного управления в целом. При этом преодоление проблем с большими данными связано не только с совершенствованием и активным использованием технологий Big Data и Predictive Analytics, а также управлением большими данными. Цифровые инструменты и цифровые среды будут «приняты» заинтересованными сторонами - гражданами, бизнесом, общественными организациями, государственными органами - только в случае обеспечения гарантий в таких областях как:

- доверие: насколько они защищены в условиях цифровой экономики; насколько обеспечена безопасность и конфиденциальность персональных и корпоративных данных; насколько доверительна «среда» и распространенные модели поведения;

- управление: направления политики и степень участия государства в цифровой экономике, регулирование цифровой среды и обеспечение информационной безопасности; принципы и практики государственного управления данными (сбор, обработка, доступность, совместимость, возможность обмена наборами данных и пр.);

инклюзия: меры государства для снижения уровня цифрового разрыва внутри страны; решение проблем цифрового неравенства по признакам пола, социально-экономического статуса, инвалидности и пр., при сохранении прав, находящихся «вне сети».

Цифровая среда, несмотря на все преимущества, представляет собой значительный риск потери важной и личной информации. Поэтому наличие связи между информационными системами / технологиями и поведенческой практикой очевидно: доверие как уверенность в том, что система способна выполнять возложенные на нее задачи с требуемым качеством, а также в защищенности информационных ресурсов и личной информации в интернете влияет не только на степень востребованности цифровых технологий в повседневной практике, но и на их развитие. В свою очередь и первое, и второе зависят от политики государства.

Государством в этих направлениях сделано не мало: ратифицирована конвенция Совета Европы «О защите личности в связи с автоматической обработкой персональных данных» (2005 г.); приняты Федеральные законы №152-ФЗ «О персональных данных», №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»; № 242-

ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях»; № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных...» и пр.;

Постановления Правительства РФ и национальные стандарты (ГОСТы Р 59381–2021; 59382–2021; 59407–2021; Р ИСО/МЭК 27018–2020; ISO/IEC 29100-2021; Р 70262.1-2022 и пр.), формализующие условия и требования к проектированию, разработке и использованию информационных систем, работе с данными, их защите при обработке в системах, обеспечению их безопасности и конфиденциальности, управлению идентификацией и доступом к персональным данным и пр.

Внесены изменения и дополнения в административное и уголовное законодательство, предусматривающие меры административной и уголовной ответственности для допустивших утечку персональных данных, осуществляющих их незаконный оборот и использование, заведомо осознавая их противоправный характер.

Значительный вклад в обеспечение доверия пользователей и совершенствования работы с большими данными вносят бизнес-организации – операторы значительных массивов данных. В 2018 году была создана Ассоциация больших данных с целью повышения технической и операционной эффективности взаимодействия участников IT-отрасли и разработки бизнес-ориентированной стратегии развития рынка больших данных. Среди ее инициатив – установление единых правил взаимодействия и создание отраслевого саморегулирования, что нашло отражение в Кодексе этики использования данных - своде отраслевых стандартов профессионального и этичного поведения, положения которого распространяются на оборот всех типов данных и содержат принципы профессиональной этики при сборе, обработке, использовании и хранении больших данных. В 2024 году принят Отраслевой стандарт защиты данных - комплекс мер, позволяющий операторам персональных данных самостоятельно оценивать зрелость выстроенных процессов защиты информации, подтверждать правильность сделанных выводов с привлечением внешних организаций, совершенствовать управленческие и организационные процессы обеспечения защиты информации.

Что касается уровня информационной безопасности (в данном случае как уровня защищенности информационных ресурсов и личной информации), то по данным Global Cybersecurity Index Международного союза электросвязи в 2017-2023 гг Российская Федерация входила в группу лидеров. В рейтинге 2024 году произошло «перемещение» из группы стран с высоким уровнем кибербезопасности («Образец для подражания») во «вторую категорию» - «Прогрессирующий», при сохранении максимальных значений по нормативно-правовому регулированию и организационным мерам.[1]

Несмотря высокую позицию в Global Cybersecurity Index, а также предпринимаемые меры по обеспечению информационной безопасности персональных данных, риск эксплуатации доверия продолжает входить в ТОП-5 наиболее критичных среди других типов операционных рисков. В частности, по данным экспертно-аналитического центра Infowatch за 1 полугодие 2024 года в России отмечен антирекорд по количеству утекших записей персональных данных, когда скомпрометировано было 986 млн записей персональных данных, что на 33,8% больше, чем в I полугодии 2023 г. (737 млн). Экспертами отмечено, что более половины зарегистрированного объема утекших данных в первой половине 2024 года пришлось на один инцидент, когда по данным Роскомнадзора одновременно было скомпрометировано 500 млн строк данных. [2,6]

Утечки персональных данных – одна из ключевых проблем в области прав граждан в цифровом пространстве, реакцией на которые со стороны государства стало ужесточение регулирования, со стороны граждан - увеличение числа обращений по удалению персональных данных из сети. Последнее можно рассматривать как проявление недоверия. К сожалению, обе модели поведения не оптимальны. Не оптимальность «отзыва» связана с масштабами цифровизации. Использование приложений и интернет-сервисов, агрегирующих терабайты пользовательской информации, стали нормой нашей повседневной жизни. В этих условиях для устранения своего «цифрового следа» необходимо полностью отказаться от использования цифровых технологий, что, по определению, невозможно. В связи с этим использовать их будут. И для значительной части граждан это будет уже вынужденным доверием.

Что касается не оптимальности модели поведения регулятора, то уязвимость технических устройств и программного обеспечения – проблема, которую невозможно решить централизацией и расширением полномочий регулятора. Необходимо сочетание технических и правовых инструментов.

1. *Global Cybersecurity Index 2024* // <https://ict.moscow/static/1200x/97817877-b49f-57c8-9090-36d84cdac051.jpeg>
2. *Аналитический отчет по результатам исследования утечек информации в России и мире в первом полугодии 2024 года* // <https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/utechki-informatsii-v-mire-i-rossii-za-pervoye-polugodiye-dve-tysyachi-dvadtsat-chetvertogo-goda>

ЦИФРОВАЯ ЭМПАТИЯ: КАК ТЕХНОЛОГИИ ВЛИЯЮТ НА НАШИ СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*Шляпников Виктор Валерьевич
(Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России)*

Аннотация. Во все более цифровом мире, в котором наши социальные отношения осуществляются посредством экрана и клавиатуры, вопрос цифровой эмпатии имеет большое значение. В статье рассматривается проблема цифровой эмпатии, роль технологий в формировании цифровой эмпатии, влияние технологий на взаимодействие между людьми.

Ключевые слова: эмпатия, цифровая эмпатия, современные информационно-коммуникационные технологии, социальные отношения.

Эмпатия – это способность распознавать чувства и потребности других людей и сопереживать им. В цифровом мире эту способность можно использовать для укрепления отношений и содействия гармоничному сосуществованию.

Цифровая эмпатия означает способность понимать и делиться эмоциями и чувствами в цифровой среде, умение сопереживать другим людям, даже когда нет прямого физического взаимодействия. Цифровая эмпатия является важным аспектом в современном цифровом мире. Благодаря цифровой эмпатии мы можем создать позитивное и поддерживающее онлайн-сообщество.

Цифровая эмпатия – это ключевой элемент здорового социального взаимодействия в цифровом мире. С помощью цифровой эмпатии мы можем проявлять понимание и поддержку других и способствовать эмоциональному благополучию. Ставя себя на место других людей и пытаясь понять их точку зрения, мы можем создать эмпатическую связь. Цифровая эмпатия позволяет нам поддерживать друг друга в различных ситуациях.

Технологии играют решающую роль в формировании цифровой эмпатии. Они предлагают нам инструменты и платформы для общения с другими людьми и выражения наших чувств. Эмодзи, GIF-файлы и онлайн-платформы позволяют нам лучше передавать наши эмоции.

Технологии также позволяют нам передавать невербальные социальные сигналы, такие как мимика и жесты. Примером роли технологий в цифровой эмпатии является использование видеозвонков, платформ видеоконференций, сервисов онлайн-чатов, с помощью которых мы можем не только слышать голос собеседников, но и видеть их мимику и жесты. Это позволяет нам лучше понимать их эмоциональный настрой и реагировать соответствующим образом. Технологии открывают нам новые возможности для развития цифровой эмпатии и укрепления межличностных отношений.

Важно отметить, что одних только технологий недостаточно для достижения цифровой эмпатии. Требуется наша собственная готовность поставить себя на место других людей и интересоваться их чувствами. Технологии могут помочь нам в этом, но в конечном итоге от нас зависит практика цифровой эмпатии и создание чуткой онлайн-культуры.

Влияние технологий на взаимодействие между людьми разнообразно и сложно. С одной стороны, технологии могут облегчить общение и создать новые возможности для социальных связей. С другой стороны, они создают риски и проблемы для наших социальных отношений.

Технологии фундаментально изменили то, как мы взаимодействуем друг с другом. Это позволяет нам общаться с людьми по всему миру, в частности, через социальные сети. Однако виртуальное взаимодействие может быть поверхностным и снижать доверие в

личных отношениях. Необходимо осознавать эти последствия и сознательно использовать технологии для укрепления наших социальных связей.

Интересным примером влияния технологий на взаимодействие между людьми является развитие платформ онлайн-знакомств. Эти платформы позволили людям встречаться с потенциальными партнерами в интернете и строить отношения. Они предлагают удобный способ познакомиться с людьми, имеющими схожие интересы и предпочтения. Однако анонимность в интернете может привести к злоупотреблениям и разочарованиям. Поэтому нужно проявлять осторожность при использовании таких платформ и осознавать, что не все онлайн-отношения приводят к прочному и плодотворному партнерству.

Технологии также могут служить средством развития и расширения социальных связей. Благодаря виртуальному сотрудничеству и онлайн-общению мы можем расширить наши социальные сети и завести новых друзей. Технологии позволяют нам общаться с единомышленниками по всему миру.

Ярким примером использования технологий для укрепления социальных связей является появление онлайн-сообществ. Эти сообщества объединяют людей, имеющих схожие хобби, интересы или профессиональные цели. Они предлагают платформу для обмена знаниями, опытом и поддержкой. Участвуя в таких сообществах, мы можем общаться с людьми, которые разделяют наши увлечения и вдохновляют друг друга.

Цифровая эмпатия оказывает положительное влияние на наши социальные отношения. Способность взаимодействовать онлайн с эмпатией может способствовать позитивному и полноценному общению. Примером этого является использование смайлов в текстовых сообщениях. Добавляя эмоции в наши слова, мы можем лучше передать свои чувства и избежать недопонимания. Например, смайлик с искренним смехом может показать, что мы шутим и не имеем негативных намерений.

Технологии предлагают нам инструменты и платформы для обмена чувствами. Через социальные сети мы можем слышать истории других людей и идентифицироваться с их опытом. Правильное использование технологий может усилить эмпатию и привести к улучшению связи между людьми. Примером технологии, способствующей сочувствию, является возможность делать благотворительные пожертвования онлайн. Делясь историями и изображениями, мы можем понять потребности других людей и развить сочувствие к их ситуации. Это может привести к большей социальной активности и солидарности.

Другим примером является использование платформ виртуального общения для объединения людей из разных культур и слоев общества. Обмениваясь опытом и точками зрения, можно разрушить предрассудки и способствовать взаимопониманию.

В целом, цифровая эмпатия предлагает множество возможностей для обогащения наших социальных отношений и развития более глубокого понимания друг друга. Используя технологии в качестве инструмента, мы можем построить более чуткое общество и внести свой вклад в позитивные изменения.

Несмотря на положительные аспекты, цифровая эмпатия имеет и свою темную сторону, так как растущая зависимость от технологий может создать риски и проблемы для наших социальных отношений. Например, это может выражаться в пренебрежении личным взаимодействием, в отчуждении от окружающих. В мире, где мы все больше и больше полагаемся на технологии, мы рискуем отдалиться от реальных социальных отношений. Вместо разговоров с глазу на глаз и обмена реальными эмоциями мы все больше сосредотачиваемся на виртуальных связях.

Важно найти баланс между цифровой и личной эмпатией. Мы не должны забывать, что непосредственное взаимодействие с другим человеком позволяет установить более глубокую эмоциональную связь. Объятие, улыбка или утешительное слово могут оказать гораздо более сильное воздействие, чем смайлик или текстовое сообщение. Мы должны осознавать, что, хотя технологии могут быть полезным дополнением, они не должны быть единственным источником сочувствия.

Эксперты прогнозируют, что цифровая эмпатия будет приобретать все большее значение в ближайшие годы. Новые технологии, такие как искусственный интеллект и виртуальная реальность, позволят нам создавать еще более реалистичные эмоциональные связи.

Благодаря использованию технологий наши социальные отношения будут продолжать развиваться. Появятся новые формы взаимодействия и коммуникации, и нам предстоит активно формировать эти изменения. Важно, чтобы мы понимали преимущества и недостатки технологий и сознательно использовали их для укрепления и поддержания наших социальных отношений.

В целом, цифровая эмпатия – увлекательная и сложная тема. Технологии позволяют нам трансформировать наши социальные отношения. Наша задача – использовать преимущества цифровой эмпатии, одновременно решая проблемы обеспечения здорового и полноценного социального взаимодействия в цифровом мире.

ТИПОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

*Эсселевич Эрнест Алексеевич
(СПбГЭТУ "ЛЭТИ")*

*Павлов Александр Владимирович
(СПбГЭТУ "ЛЭТИ")*

*Дерюгин Павел Петрович
(СПбГУ, СПбГЭТУ "ЛЭТИ")*

При финансовой поддержке гранта РФФИ № 24-18-00261

Аннотация. В данной работе раскрывается понятие цифрового неравенства (ЦН), предложена авторская типология цифрового неравенства, обусловленного освоением искусственного интеллекта (ИИ) в обществе, разработана проблема и направление будущего исследования ЦН и ИИ.

Ключевые слова: цифровое неравенство, искусственный интеллект, социально-профессиональные группы, трудовые отношения, технологический суверенитет

Цифровое неравенство (ЦН) — это дифференциация и иерархии, возникающие в доступе, навыках и целях использования цифровых технологий. Типологизация видов цифрового неравенства выступает первым шагом в формировании общей теории цифрового неравенства. Такая типологизация важна для осуществления научного исследования возникновения страт поляризации и противостояния социальных локаций — социальных и профессиональных групп и их человеческого капитала в цифровом обществе [4, 172], в том числе, позволяющая раскрывать законы и закономерности развития цифрового пространства. Современный уровень обобщений и типологий цифрового неравенства по нашему представлению является первым шагом, т.н. структурной типологией, основной смысл которой заключен в выявлении и описании базовых элементов этого явления. В последствии можно будет переходить к морфологическим типологиям - «архетипным» моделям, способным системно раскрывать эволюцию цифрового неравенства.

Одни из первых попыток построения типологизации цифрового неравенства осуществлены Шабашевым В. А., Щербаковой Л. Н. [7], Смирновой А.С. [3], Сухаревым М.В. [6]. Так, на основе анализа современных преимущественно западных публикаций, М.В. Сухарев характеризует более двадцати типов цифрового неравенства. В статье делается вывод о механическом смешении подходов к типологизации цифрового неравенства, что, собственно, отражает начальную стадию научного поиска в этом направлении. Дальнейшая перспектива систематизации типов цифрового неравенства возможна на основе матричного анализа, что следует рассматривать как ближайшую задачу таких обобщений.

Несомненно, что перспективный анализ следует ориентировать в направлении исследований ЦН, возникающего на основании искусственного интеллекта (ИИ). Одно от другого просто неотделимо. Генеративный искусственный интеллект — это технология, основанная на нейронных сетях, генерирующая по запросу пользователей текстовый или мультимедийный контент [8, 416]. С 2022 по 2024 годы по данным Statista объем рынка ИИ вырос на 54,7% [15], а процент людей, использующих ИИ в работе и личной жизни, увеличился с 14% до 26% с 2023 по 2024 [13].

Анализ источников позволил выделить несколько форм цифрового неравенства, вызванного интеграцией ИИ. Первая форма - *неравенство между человеком и ИИ*. За последний год увеличилось количество компаний, которые интегрируют ИИ в рабочие процессы (с 55% в 2023 до 72% в 2024). Активнее всего внедрение данной технологии происходит на предприятиях, деятельность которых связана с маркетингом (34%), развитием продуктов и сервисов (23%) и ИТ (17%) [13]. При этом, все чаще появляются новости об увольнениях сотрудников и сокращении рабочих мест. Например, «IBM» планирует сократить 30% (7 800) штата и заменить их на ИИ [12].

Вторая форма – *неравенство между людьми, освоившими и не освоившими ИИ*. Исследование Э. Бриньолфссона и его коллег показало, что использование сотрудниками клиентской поддержки в своей работе ИИ увеличивает продуктивность на 14% (выражается в количестве проблем клиентов, решенных за час) [10]. Вполне допустимо, что в современных реалиях работодатели будут отдавать предпочтения тем кандидатам, кто умеет эффективно использовать ИИ. К тому же, по данным отчета Всемирного экономического форума, в ближайшие годы будет увеличиваться востребованность профессий, связанных с разработкой ИИ [14].

Третья форма неравенства проявляется в большей степени на макро-уровне и основана на таком понятии, как *«технологический суверенитет»*. Д. Мюгге определяет его как «контроль разработки и внедрения технологии ИИ, вычислительных мощностей и хранилищ данных, доступа к человеческим ресурсам и знаниям для создания приложений, основанных на ИИ, а также данных, на котором он обучается» [11]. Общества, которые «отстали» в процессах разработки собственных технологий не только неравны обществам, преуспевшим в этом, но и впадают в зависимое от них положение.

Описанные выше формы ЦН порождают противоречия в обществе. Здесь можно говорить не просто о неравенстве, основанном на разнице в доходах, но о формировании новых критериев социальной стратификации, которые необходимо изучать уже сейчас.

Структурно в проблеме цифрового неравенства, обусловленного ИИ, с позиции социологии можно выделить три аспекта:

Социальный. Появление новых социальных статусов, в зависимости от освоения ИИ (Мартыненко Т.С. и Добринская Д.Е. [1])

Организационно-трудовой. (Новоселов Н.Д. [2])

Экономико-политический. (Судоргин О.А. и Макаренко Е.И. [5]).

Таким образом ЦН на базе ИИ, влияет на дифференциацию как между социально-профессиональными группами, так и внутри них. В связи с этим изучение подобных процессов необходимо начинать уже сейчас для того, чтобы разработать стратегии «мягкого» внедрения ИИ в социальные отношения и общественную структуру.

1. Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: социальные и экономические перемены. 2021. № 1. С. 171-192
2. Новоселов Д.О. Искусственный интеллект и социология труда: изменения в структуре занятости, профессиональных ролях и требованиях к навыкам в условиях развития ИИ
3. Смирнова А.С. Второй и третий уровни цифрового неравенства на рынке труда: цифровые навыки и практики // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Социальные аспекты цифровых неравенств: результаты эмпирических исследований. 2022. № 1. С. 43-64
4. Страшко Е.В., Ярмач П.П., Дерюгин П.П. [и др.] Факторный анализ инвестиционной привлекательности и человеческого капитала регионов с научно-образовательными центрами мирового уровня // Russian Journal of Management. 2021. Т. 9, № 1. С. 171-175

5. Судорогин О.А., Макаренко Е.И. Технологический суверенитет и подготовка будущей технической интеллигенции // *Власть*. 2022. №5. С. 145-150
6. Сухарев М.В. Типы цифрового неравенства // *Креативная экономика*. 2019. Том 13, № 12. С. 2361-2370
7. Шабашев В.А., Щербакова Л.Н. Тенденции цифрового неравенства/равенства в современном мире // *Социологические исследования*. 2016. № 9. С. 3-12
8. Шаткин М.А. Социально-философские аспекты развития генеративного искусственного интеллекта // *Известие Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2023. Т. 23, № 4. С. 414-418
9. Boyd R., Holton R.J. Technology, innovation, employment and power: Does robotics and artificial intelligence really mean social transformation? // *Journal of sociology*. 2017. №54. P. 1-15
10. Brynjolfsson E., Li D., Raymond L.R. *Generative AI at Work* [Электронный ресурс] URL: <https://www.nber.org/papers/w31161> (дата обращения: 04.10.2024)
11. Mugge D. *EU AI sovereignty: for whom, to what end, and to whose benefit?* [Электронный ресурс] URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13501763.2024.2318475#abstract> (дата обращения: 04.10.2024)
12. *IBM to Pause Hiring for Jobs That AI Could Do* [Электронный ресурс] URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-05-01/ibm-to-pause-hiring-for-back-office-jobs-that-ai-could-kill> (дата обращения: 04.10.2024)
13. *The State of AI in early 2024: Gen AI adoption spikes and starts to generate value* [Электронный ресурс] URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai> (дата обращения: 04.10.2024)
14. *World Economic Forum. Everything you need to know about AI in 2023: the 6 must-read blogs* [Электронный ресурс] URL: <https://www.weforum.org/agenda/2023/11/ai-2023-governance-summit/> (дата обращения: 04.10.2024)
15. *55+ New Generative AI Stats (2024)* [Электронный ресурс] URL: <https://explodingtopics.com/blog/generative-ai-stats> (дата обращения: 04.10.2024)

Секция 8: Прикладные исследования инноваций в образовании: методы, перспективы, рекомендации

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР В ПРОПАГАНДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

*Бесчастнов Николай Николаевич
(Государственный университет управления (аспирант), Университет «Синергия»
(преподаватель))*

*Аторин Роман Юрьевич
(Государственный университет управления)*

Аннотация: Считается, что компьютерные игры являются мощным инструментом для популяризации исторического наследия благодаря интерактивности, реалистичности и захватывающим сюжетам. Тем не менее, сам подход их применения содержит ряд изъянов, кроющихся в том, что сам игровой процесс без мотивации на получение знаний не гарантирует их успешного усвоения.

Ключевые слова: компьютерные игры, наследие, популяризация истории

В последние десятилетия возникает множество попыток внедрения в систему образования новых методик преподавания, подчас выражающихся во внедрении в процесс обучения различных технических новинок. Одной из них стали компьютерные игры, которым приписывается роль мощного инструмента для популяризации исторического и культурного наследия.

Для этого есть ряд аргументов. Захватывающее повествование, интерактивность, реалистичность изображений могут способствовать лучшему восприятию конкретных исторических образов, оживить их в глазах современного обучающегося. Игры помогают ему напрямую взаимодействовать с виртуальными прототипами реальных персонажей, сюжетов, что способствует более глубокому пониманию событий и личностей.

Подобному пониманию способствуют такие игры, как серия «Assassin's Creed» от Ubisoft, посвящённая различным сюжетам истории от Древнего Египта вплоть до конца XVIII века.

В качестве примера можно взять «Assassin's Creed Origins». Сюжет игры разворачивается в Древнем Египте. В рамках неё предусмотрен ознакомительный тур, в рамках которого отсутствуют боевые действия. Основное внимание уделяется знакомству игрока с египетской культурой, архитектурой и повседневной жизнью.

В серии игр «Total War», охватывающей эпохи Древнего Рима, Средневековья и Нового времени игроку предлагается выступить в роли правителя местности и полководца, разбираться в дипломатических хитросплетениях, решать экономические проблемы и громить своих противников.

В рамках игр создаются целые энциклопедии о реальных личностях, общественных событиях, культуре, технике того или иного времени, локациях в которых развивается сюжет. В отдельных случаях при разработке игр создаются возможности по виртуальному воссозданию утраченных объектов культурного наследия. К примеру, компания Ubisoft сотрудничает с историками для обеспечения культурной достоверности при воссоздании

представленных в играх эпох. Стоит отметить, что это не защищает компанию от курьёзов. К примеру, при попытке расшифровать иероглифы на рекламном баннере «Assassin's Creed: Origins» выяснилось, что они размещены там лишь для заполнения пространства.

По идее познание с помощью игр более увлекательно, а значит и эффективно по сравнению с традиционными методами. В то же время, необходимо обратить внимание на то, не подменяет ли агональный момент сам процесс познания.

Для попытки ответа на данный вопрос был проведён следующий эксперимент. Основная цель – выявить, насколько чистый игровой процесс без мотивации на получение информации способен привести к получению знаний участниками.

В качестве испытуемых выступили две группы по шесть и семь человек, принявших участие в квесте по исторической тематике на территории Крутицкого подворья в Москве. Игровой процесс был организован с помощью браузерного приложения.

Таким образом получалось смешение виртуальной и витальной реальности в рамках взаимодействия компьютерной игры (приложение) и физической активности на реальном объекте. Это должно было способствовать усилению эффекта.

В ходе квеста участникам был предложен ряд заданий, связанных с определёнными местами на территории подворья и сопровождавшихся историческими справками. Участники эксперимента не были проинформированы о самом эксперименте и его целях. Сам процесс воспринимался как отдых от обыденной рабочей обстановки.

На следующий день после прохождения квеста среди участников был проведён опрос касательно информации, которую они смогли запомнить. По итогам из тринадцати участников семеро смогли назвать дату основания самого подворья, из них пятеро – князя, при котором оно было основано, один человек смог рассказать более подробную информацию. Спустя месяц был проведён дополнительный опрос, в ходе которого только трое смогли назвать локацию, где проходил квест. Один их участников отметил, что не старался ничего запоминать, так как это был просто отдых и был важен сам квест.

Эксперимент показал, что чистый игровой процесс без мотивации на получение знаний сами знания не приносит. Стоит отметить, что возможно к подобному результату приведёт и простое посещение экскурсии на памятнике истории или в рамках музейной экспозиции, целью которой является проведение времени.

Следующий момент, на который стоит обратить внимание, это отношение к справочному аппарату компьютерных игр в размещённых в социальных сетях видео их прохождения. Они представляют интерес, во-первых, так как составляют существенную долю контента, посвящённого компьютерным играм, во-вторых, так как являются точкой притяжения внимания других игроков и проявления их интереса к подаче материала. Для примера возьмём «Rome: Total war». Игра имеет давнюю историю и по ней накопилось значительное количество видеоматериалов.

В одиннадцати из четырнадцати случаев авторы стримов закрывали всплывающие сообщения без просмотра размещённого в них контента. Основное внимание уделялось игровым характеристикам персонажей, зданий и событий, необходимых для прохождения. В свою очередь они базировались на требованиях игрового процесса и его балансировки.

Таким образом, несмотря на ряд положительных свойств компьютерных игр, пропаганда исторического наследия с их помощью имеет ряд существенных изъянов. Во-первых, это проблема подмены процесса познания агональным моментом. Как показал Й.Хёйзинге, соревновательный момент является элементом познания. В то же время, преобладание игры в познавательном процессе является уже отклонением от нормы[1]. С этим перекликается тезис А.С.Макаренко о том, что игра положительно сказывается на

процессе воспитания в детском возрасте, а потом должна быть заменена более серьёзными формами[2].

В нынешних условиях применение компьютерных игр в пропаганде исторического и культурного наследия носит характер кризисного явления. К их использованию вынуждены прибегать для того, чтобы открыть доступ к внедрению знаний в головы обучающихся. В свою очередь, данная необходимость возникает из-за отсутствия мотивации данные знания получать. В то же время, отсутствие мотивации является сдерживающим моментом для эффективности компьютерных игр. Таким образом, без решения проблемы мотивации любые шаги в деле пропаганды будут неэффективны.

1. *Й.Хёйзинга. Homo Ludens. Человек играющий. СПб, 2011*
2. *Макаренко А.С. О воспитании молодёжи: сборник избранных педагогических произведений (2-е издание). М., 1951*

СПОСОБЕН ЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ЗАМЕНИТЬ ПЕДАГОГА?

Гулибекова Валя Тарлан кызы
(ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»)

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема использования искусственного интеллекта в сфере образования. Дана характеристика преимуществ и рисков, открывающихся в связи с внедрением искусственного интеллекта в образовательный процесс. Представлены результаты изучения отношения школьников, студентов и преподавателей к использованию ИИ в обучении. Большинство опрошенных положительно относятся к ИИ, рассматривая его как помощника, не умаляя важность человеческого взаимодействия между педагогами и обучающимися.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, образование, обучение, педагог, обучающиеся.

В современном мире во все сферы жизни активно внедряется искусственный интеллект. Проведенные исследования позволяют утверждать, что ИИ – это цифровой инструмент, являющийся неотъемлемым помощником при обучении, который предоставляет обучающемуся возможность в сжатые сроки получить ответ на заданные вопросы, решить задачи и сгенерировать идеи [1, 2]. Большинство исследователей разделяет точку зрения о том, что потенциал использования ИИ в образовании ИИ велик [3, 4].

ИИ может прийти на помощь и персонализировать обучение: помогает анализировать потребности учащихся и подстраивать курс обучения под их индивидуальные предпочтения, делая обучение более доступным и эффективным, тем самым способствуя повышению успеваемости. ИИ увеличивает вовлеченность обучаемых в учебный процесс, помогая отслеживать результаты, делает его понятным для каждого.

Современные цифровые технологии позволяют ИИ стать не просто инструментом, а полноценным помощником в обучении: может помочь в решении того или иного задания, подкорректирует ошибки; автоматически проверить задания, снижая субъективность проверки. При изучении иностранного языка ИИ может выступать в роли носителя языка, предлагая упражнения на основе анализа уровня владения ученика языком. Позволяет научиться программированию, предоставляя интерактивные уроки и тренировки.

Применение элементов геймификации на основе ИИ превращают обучение в увлекательное приключение, стимулируя учеников к активному изучению и более успешному усвоению материала.

Учителя могут использовать ИИ для автоматизации рутинных задач педагога по проверке домашнего задания, контрольных работ; для разработки практических заданий, кейсов, наглядных материалов; для анализа успеваемости и обработки больших объемов данных. При помощи ИИ участники образовательных отношений могут получить психологическую поддержку, советы, ссылки на полезные психологические ресурсы.

Использование ИИ в образовании – несомненно, перспективное направление, но не лишённое недостатков. Во-первых, дороговизна внедрения ИИ, что приводит к неравным условиям обучения и ограничению образовательных возможностей обучаемых. Во-вторых, неточность предоставляемой информации в узкоспециализированных областях. В-третьих, возникновение чрезмерной зависимости студентов от ИИ-помощников, что может привести к снижению способности самостоятельно преодолевать возникающие трудности. В-четвертых, существует риск нарушения конфиденциальности, авторских прав, утечке персональных данных пользователей. И, в-пятых, использование ИИ может привести к ослаблению роли учителя как носителя научных знаний и социокультурного опыта, полная

автоматизация процессов обучения может негативно сказаться на взаимодействии между обучающими и обучаемыми.

Одной из интересных задач представляемого исследования стало выявление мнения обучающихся и педагогов об использовании ИИ в образовательном процессе. На базе Тольяттинского государственного университета проведен опрос, в котором приняли участие 60 студентов, 25 преподавателей и 15 учащихся из школ №5, 13, 21 г.о. Тольятти. Возраст респондентов варьируется от 14 и до 45 лет. Рассмотрим результаты по каждой группе респондентов.

По результатам опроса 60% школьников знакомы с возможностями ИИ, используют в учебном процессе, при этом 67% учеников считают ИИ полезным в образовании. Менее половины (40%) опрошенных на вопрос «Может ли ИИ улучшить качество образования и стать помощником в образовании?» дали однозначно положительный ответ. Из преимуществ 80% респондентов отметили доступность информации и ресурсов в формате «24/7», 67% считают ИИ помощником в плане экономии времени и усилий при выполнении домашних заданий.

Подавляющее большинство (81%) студентов также знакомы с ИИ, имеют опыт пользования, 62%, согласно опросу, считают ИИ полезным инструментом в сфере образования. Половина респондентов считают, что применение цифровых помощников способно повысить качество образования. Из преимуществ 87% студентов, как и школьники, выделили экономность затраченного времени и ресурсов при выполнении заданий; отметили доступность нахождения информации.

Среди опрошенных преподавателей 52% используют инструменты ИИ, в таком же процентном соотношении считают их полезным в обучении. Более половины (57%) педагогов предполагают, что ИИ способен положительно влиять на качество образования, выбирая вариант ответа «скорее да, чем нет». Большинство преподавателей разделили мнение обучающихся школ и вузов о доступности и эффективности нахождения информации в кратчайшие сроки, при этом 61% опрошенных сделали акцент на возможности изучать новые темы и приобретать навыки в интерактивной форме.

От каждой группы респондентов были получены ответы на вопрос: «Считаете ли вы, что ИИ-инструменты могут заменить учителей?». Большая часть участников исследования (53% - школьников, 60% - студентов, 83% - преподавателей) отмечают значение профессиональной деятельности педагогов, отводя ИИ место помощника, который не способен заменить человеческого взаимодействия между обучающими и обучаемыми.

Результаты проведенного исследования показывают, что тема использование ИИ в образовании является актуальной. ИИ оказывает влияние на существующий образовательный процесс, меняя его облик, Педагогам и обучающимся необходимо быть готовыми эффективно использовать возможности ИИ, интегрируя его инструменты в повседневную практику.

1. *Управление изменениями в образовании: генеративный ИИ, СБЕР, GeekBrains [Электронный ресурс] URL:<https://ai.gov.ru/knowledgebase/obrazovanie-i-kadry-ii/2023-upravlenie-izmeneniyami-v-obrazovanii-generativnyy-ii-sber-geekbrains/>*
2. *AI в обучении: на что способны технологии уже сейчас? [Электронный ресурс] URL:<https://sberuniversity.ru/edutech-club/journals/28013/>*

3. Видова Т.А., Романова И.Н. Возможности применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе // *Образовательные ресурсы и технологии*. 2023. №1 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-primeneniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovatelnom-protsesse> (дата обращения: 09.10.2024).
4. Шобонов Н.А., Булаева М.Н., Зиновьева С.А. Искусственный интеллект в образовании // *Проблемы современного педагогического образования*. 2023. №79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-1> (дата обращения: 09.10.2024).

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОСВОЕНИИ ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

*Евсеев Владимир Владимирович
(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)*

В последние годы увеличивается интерес людей к здоровому образу жизни, физическому, духовному и психическому благополучию, поскольку современный образ жизни часто связан со стрессом, избытком работы и недостаточным отдыхом. Потребность в устойчивости, стремление к балансу и качеству жизни меняют приоритеты и ценности представителей всех возрастных групп. Следует учитывать: целенаправленная двигательная деятельность стала фактором оптимизации не только физического, но и одновременно нравственного, эмоционального и ментального состояния людей любого возраста.

Культурная сфера жизнедеятельности и в том числе физическая культура и спорт, испытывают на себе огромное влияние процесса глобализации и необходимости использования цифровых технологий и мультиагентных платформ в процессе социализации и профессиональной подготовки. Современные системы и информационные среды создают глобальную платформу интеграции человека с информационно-коммуникативными мобильными средствами и технологиями в его деятельности по формированию среды здоровьесбережения, культуры физической активности и спорта.

Подчеркивая культурологический аспект возникновения, становления и развития физической культуры следует подчеркнуть ее функциональную направленность на формирование всесторонне развитой личности, на становление личности как главного субъекта и объекта культурно-исторического процесса поступательного развития цивилизации. Социальное наполнение физической и спортивной культуры возникает вместе с использованием «деятельностного» в человеческой природе и развивается в процессе освоения ценностной сущности культуры. В современной системе представлений о ценностях физической культуры и спорта создаются условия для изменения физкультурной, спортивной активности. Личность в процессе осмысления практики повседневности и социально-профессиональной деятельности демонстрирует свое отношение к объективной реальности, проявляя личностный смысл и интерес в построении жизненной стратегии.

В силу этих колоссальных и ускоряющихся изменений, самой повесткой дня диктуются такие параметры качества человеческого капитала как гибкие навыки, творческое мышление, цифровая грамотность, физическая выносливость, здоровье, ответственное поведение, открытость к общению, лидерство, эмоциональная компетентность, психологическая устойчивость, экологическое сознание и др. Многообразие взглядов и широта подходов к исследованию понятия «физическая культура» доказывает актуальность изучения.

Являясь собой одним из базовых видов культуры и важнейшим средством формирования общекультурного уровня человека, физическая культура участвует и необходима для обеспечения устойчивой личностно-ответственной жизнедеятельности. Культура физическая отражает уровень и характер общественного развития, способствует росту человеческого потенциала, придает системе ценностей устойчивость.

Приоритетной направленностью физического воспитания является развитие потенциала личности через разработку и освоения технологий, способов, инструментов увеличения интереса к спорту и расширению диапазона знаний в данной сфере и формирования мотивации в использовании потенциала физической подготовленности в

структуре человеческого капитала, реализуемого в производственной деятельности и в повседневности. П.Ф. Лесгафт много сделал для создания системы физического воспитания и образования. Он, в своих исследованиях особенно подчеркивал образовательную направленность физического воспитания, подчеркивая единство ментального и физического развития человека.

Физическое культура, используя духовные, ментальные и эмоционально–психологические компоненты, во многом определяет поведение человека в повседневной жизни, в учебе, на производстве, дома, в общении и коммуникациях, в процессе самосовершенствованию личности как субъекта жизнедеятельности.

По данным опроса ВЦИОМ (октябрь 2023): внимание россиян (более 50%) к спорту удерживается «на планке» возможных тренировок примерно один раз в неделю, но «... среди респондентов 18-24 лет спортом занимаются 71%, среди людей старше 60 лет – 50%» [4]. По итогам опроса, проведенного в МГУ им. Н.П. Огарева, 73% респондентов занимаются фитнесом или спортом ежедневно [4, 2].

Россияне связывают понятие здоровый образ жизни с физической активностью: согласно опросу, ВЦИОМ (2024), так ответили 94% россиян [1]. Это усиливает значимость спорта и физической культуры в структуре повседневности.

Согласно опросу москвичей (ВЦИОМ, 2021г.), во время занятий спортом активно используют цифровые сервисы – 67% опрошенных [2]. Динамичность процесса «цифровизации» повседневных занятиях физическими упражнениями способствует повышению интереса к сопоставлению параметров двигательной активности и функциональных резервов организма. Технологии нейросетей и продукты искусственного интеллекта способны «заменить» способы анализа производительности и разработки стратегии тренировочных целей.

Искусственный интеллект широко и быстро включается не только в жизнь спортсмена, но и применяется в повседневности. Искусственный интеллект и нейросети выступают в качестве инструмента для принятия решений в моделировании персонализированных параметров физической активности, мониторинга различных показателей занимающихся, сбора и хранения данных и т.д.

Примером продукта искусственного интеллекта служат Чат–боты. Чат–боты доступны и вполне могут использоваться широким кругом занимающихся физическими упражнениями, активным отдыхом.

Перспективное направление – это геймификация. Геймификация – это метод, который не только создает ощущение полноценной игры, но и используется в роли приема, который обеспечивает взаимодействие в социальной среде. Одно из основных современных достижений заключается в изучении потенциала геймификации для вовлечения людей в совместную деятельность.

Используя вебинары, принимать участие в которых могут все участники обучающейся группы, интерактивные презентации, видеоролики, иллюстративный материал, интеллектуальные игры и наглядные пособия, интерес студента к образовательному процессу должен возрасти. Образовательная мотивация сегодня реализуется в условиях цифровизации, поэтому испытывает воздействие новых факторов среды, в которой становятся важными организационно-управленческие компетенции студентов и навыки работы в электронной образовательной среде, предлагающей все более расширяющийся спектр обучающихся курсов. Большое значение в обеспечении позитивно-активного включения участников образовательного процесса в освоение и реализацию цифровых технологий имеет то, насколько оперативно отслеживаются и решаются проблемы и противоречия цифровой модели с учетом ее достоинств и недостатков.

Таким образом, на основе повышения интереса личности к физической активности, расширения знаний и компетенций в области физической культуры формируется потребность и возможность использования потенциала физической культуры в повседневности. Цифровые технологии применяются для улучшения результатов и совершенствования физической культуры личности, познания и использования ее ценностного потенциала.

1. *Здоровый образ жизни: мониторинг. Аналитический обзор.* – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring?ysclid=m0sdabxhpi49312589> (дата обращения 07.09.2024).
2. *Москвичи рассказали, какие цифровые сервисы используют для занятий спортом.* Москва 24. 12.10.2021. URL: <https://www.m24.ru/news/tehnologii/12102021/187089> (дата обращения: 07.09.2024).
3. Семелова Е.В., Селезнева Н.М. *Wellness-тренды среди молодежи: путь к здоровому и сбалансированному образу жизни //Международный научно-исследовательский журнал. № 7 (145). Июль.2024. С. 1-4. DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.145.3>*
4. *Спорт для всех* URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh?ysclid=lueah3x6r4641170648> (дата обращения 20.07.2024).

ВНУТРИРОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Зайцева Анастасия Андреевна
(Российский государственный гуманитарный университет)

Аннотация:

Статья посвящена исследованию внутрироссийской академической мобильности как объекта социального проектирования. Особое внимание уделено восприятию мобильности российскими студентами и их оценке инициатив, направленных на развитие академической мобильности внутри страны. Рассматриваются ключевые барьеры и мотивы студентов, а также роль социального проектирования в улучшении академических обменов. Статья основывается на данных интервью, проведенных среди российских студентов, участвующих и не участвующих в программах мобильности.

Ключевые слова: внутрироссийская академическая мобильность, социальное проектирование, российские студенты, образовательная политика, барьеры академической мобильности.

Введение

Академическая мобильность давно признана важным элементом развития высшего образования, способствующего повышению качества обучения и формированию различных компетенций у студентов вузов. Однако в России фокус внимания традиционно был сосредоточен на международной академической мобильности, в то время как внутрироссийская академическая мобильность оставалась менее изученной и развивалась в меньшей степени. Тем не менее, в условиях санкционных ограничений, диверсификации образовательной политики, необходимости укрепления региональных образовательных учреждений, вопросы внутрироссийской мобильности приобретают всё большее значение.

Проблематика академической мобильности студентов и преподавателей остается неизменно актуальной. Ученые обращаются к изучению эффектов участия во внутрироссийской мобильности [2], теоретико-правовые вопросы и пути совершенствования [3], рассматривают внутривосточную мобильность как инструмент национального развития [4], особенности институциональной регуляции и саморегуляции [1] и т.д.

Академическая мобильность внутри страны становится объектом социального проектирования, поскольку она требует создания новых механизмов и программ, стимулирующих участие в них студентов. Социальное проектирование в этом контексте предполагает системное взаимодействие образовательных, организационных и инфраструктурных акторов для создания условий, которые формируют и стимулируют академические обмены между вузами в пределах России. Цель данной статьи – проанализировать как российские студенты видят программы внутрироссийской академической мобильности, какие барьеры и стимулы они отмечают в отношении участия в таких программах. В рамках настоящего исследования под внутрироссийской академической мобильностью студенческой молодежи понимается добровольное перемещение студентов между российскими вузами с целью образовательной или научной деятельности.

Социальное проектирование включает следующие элементы: институциональные механизмы поддержки, инфраструктурные решения, финансовая поддержка и социальные условия. Институциональные механизмы поддержки предполагают наличие нормативных документов, обеспечивающих правовые и финансовые условия для мобильности. Инфраструктурные решения включают создание условий для размещения студентов в

других городах, адаптация образовательных программ для гибкости и мобильности. Финансовая поддержка предполагает стипендии, гранты, субсидии на проезд и проживание. И, наконец, социальные условия включают работу с психологическими барьерами, которые могут сдерживать студентов от участия в программах академической мобильности. Эти четыре элемента формируют систему, которая способствует развитию академической мобильности, что особенно важно для равномерного распределения образовательных ресурсов по всей стране и укрепления региональных вузов. Для анализа восприятия внутрироссийской академической мобильности как социального проекта были проведены 19 полуструктурированных интервью со студентами российских вузов.

Традиционно академическая мобильность играет ключевую роль для вузов, принадлежащих к Болонской системе. Она способствует интернационализации и сотрудничеству, повышается качество образования, происходит гармонизация образовательных стандартов, расширяются возможности студентов для будущего трудоустройства. Все указанные эффекты могут быть экстраполированы и на российскую образовательную систему в случае широкого внедрения практик внутрироссийской академической мобильности. Это и сотрудничество между российскими университетами в области образования и науки, и повышение качества образования за счет включения лучших российских вузов, и унификация качественного российского образования, включая отдаленные регионы, и расширение возможностей для трудоустройства студентов, поскольку участие в образовательной деятельности способствует развитию, готовности решать нестандартные задачи. И один из наиболее важных эффектов для российского общества – укрепление общероссийской идентичности на основании понимания разнообразия культур, религий и народов нашего государства.

Однако внедрение практик внутрироссийской академической мобильности сопряжено с рядом трудностей, связанных с организационными условиями, финансовыми аспектами, административными вопросами, состыковками образовательных программ. Тем не менее важно понимать, существует ли общественная потребность для внедрения внутрироссийской академической мобильности, сформированная в студенческой среде. Нами было проведено 19 интервью со студентами из разных городов и российских вузов с различным уровнем образования, гуманитарные и технологические направления обучения. Абсолютно все респонденты позитивно отреагировали на возможность внедрения внутрироссийской студенческой мобильности, но согласились с рядом сложностей, которые мы детально проанализировали в ходе исследования.

Все респонденты, участвующие в интервью обладают определенными характеристиками личности, которые не характерны для всего студенческого сообщества в целом. Из приведенного текста можно выделить следующие свойства личности респондентов. Они не боятся перемен, открыты к новому опыту, готовы к изменениям в жизни, целеустремленны. Они проявляют высокую активность с раннего возраста, участвуя в олимпиадах, конференциях, волонтерских проектах и других мероприятиях. Такие студенты постоянно стремятся к испытаниям и готовы преодолевать трудности, ставя перед собой высокие цели. Для них характерна высокая мотивация и желание добиться успеха. *«Я очень азартный человек, мне всегда нужно соревноваться, ставить цели, быть больше, быстрее, выше, сильнее. Это всё всегда было во мне. Поскольку ещё с детства не получилось со спортом, я поняла, что мне нужно достигать именно в интеллектуальной деятельности»* (жен, 21 год, направление подготовки: история). Кроме того, у них проявляется сильный интерес к дополнительным знаниям и активности вне основной учебной программы, стремление углубить свои знания и развиваться. Важной характеристикой является стремление к саморазвитию - они участвуют в тестированиях,

собеседованиях, конкурсах, научных форумах. Даже несмотря на то, что только некоторые из респондентов являлись спортсменами, им свойственен соревновательный дух. И что еще немало важно, студенты чувствуют свою личную ответственность перед обществом. Респонденты проявляют высокую социальную ответственность, участвуя в волонтерских проектах и экологической деятельности, что показывает их стремление быть полезными обществу.

Понимание того, что только часть российских студентов обладают такими характеристиками личности, многие респонденты в интервью указывали, что только небольшая часть студентов может включиться в практики внутрироссийской академической мобильности. *«На семестр ребятам, которые чувствуют в себе силы, это могло бы быть интересно. И кто особенно подумывает о том, чтобы там продолжать. Я думаю, это актуально. У нас процент таких ребят небольшой»* (жен, 23 года, направление подготовки: физика).

Исследование показало, что внутрироссийская академическая мобильность, как объект социального проектирования, требует значительного внимания со стороны образовательных властей. Меры социального проектирования, направленные на преодоление финансовых, организационных и психологических барьеров, могут значительно продвинуть идеи и повысить эффективность программ внутрироссийской академической мобильности. В свою очередь, это укрепит связь между вузами различных регионов России и поможет выравнивать образовательные возможности.

Таким образом, внутрироссийская академическая мобильность является важным элементом модернизации образовательной системы страны. Успешное социальное проектирование в этой сфере должно учитывать множественные аспекты, от финансовых и инфраструктурных до культурных и социальных. Оценка программ мобильности со стороны студентов показывает, что существует значительный потенциал для развития этой области, особенно в контексте устранения существующих барьеров. Улучшение академической мобильности внутри страны будет способствовать созданию более интегрированной образовательной среды и позволит российским студентам получать разнообразный и качественный образовательный опыт независимо от их места жительства.

1. Зайцева, А. А. *Внутрироссийская академическая мобильность студенческой молодежи: особенности институциональной регуляции и саморегуляции // Notothetika: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48, № 4. С. 683-692. – DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-683-692. – EDN TIDSDU.*
2. Нефедова А.И., Чефанова Е.И., Слепых В.И., Иващенко А.Д. (2024) *Эффекты участия во внутрироссийской мобильности для молодых ученых и преподавателей. Вопросы образования / Educational Studies Moscow, No 2, сс. 203–225. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17186>*
3. Провалинский Д.И. *Академическая мобильность в России: теоретико-правовые вопросы и пути совершенствования // Общество: политика, экономика, право. 2021. №2 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akademicheskaya-mobilnost-v-rossii-teoretiko-pravovye-voprosy-i-puti-sovershenstvovaniya> (дата обращения: 08.10.2024).*
4. Цыбряева М.В. *Внутристрановая академическая мобильность как инструмент национального развития (на примере политологического образования) // Ars Administrandi. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutristranovaya-akademicheskaya-mobilnost-kak-instrument-natsionalnogo-razvitiya-na-primere-politologicheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 08.10.2024).*

ВНЕУЧЕБНАЯ НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ ВУЗА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

*Зарубин Валерий Григорьевич
(РГПУ им. А.И. Герцена)*

*Немирова Наталья Викторовна
(РГПУ им. А.И. Герцена)*

Проект 35ВГ «Стратегия и практики развития образовательной системы РГПУ им. А. И. Герцена во внеучебной научной деятельности студентов в области профессионального самоопределения и патриотического воспитания»

Аннотация: в статье раскрывается содержание внеучебной научной деятельности студентов. Исследовательский потенциал эмпирико-статистического моделирования позволяет построить типологию моделей внеучебной научной деятельности студентов, которая включает модель неучастия студентов в научной деятельности, а также традиционно-просветительскую научно-утилитарную и проектно-деятельностную модели. В статье дана характеристика стереотипам, существующим в университетской педагогической среде, определены барьеры, препятствующие внеучебной научной деятельности студентов и обоснованы принципы формирования новой стратегии управления в сфере внеучебной научной деятельности студентов.

Abstract: the article reveals the content of extracurricular scientific activities of students. The research potential of empirical and statistical modeling allows us to build a typology of models of extracurricular scientific activity of students, which includes a model of non-participation of students in scientific activities, as well as traditional educational scientific-utilitarian and project-activity models. The article characterizes the stereotypes that exist in the university teaching environment, identifies barriers that impede extracurricular scientific activities of students and substantiates the principles of forming a new management strategy in the field of extracurricular scientific activities of students.

Ключевые слова: внеучебная научная деятельность, студенты, стереотип формально-математическое и эмпирико-статистическое моделирование, социальный барьер, стратегии управления.

Keywords: extracurricular scientific activity, students, stereotype formal mathematical and empirical statistical modeling, social barrier, management strategies.

Составляющей частью образовательной среды вуза является внеучебная деятельность. Роль данного вида педагогической деятельности в современных условиях постоянно возрастает. Какова особенность существующей практики внеучебной научной деятельности в вузе? Есть ли необходимость в разработке новой стратегии внеучебной научной деятельности?

В рамках традиционных подходов внеучебная деятельность, во-первых, рассматривается как вспомогательная часть образовательного процесса, во-вторых, носит второстепенный характер и сводится к любительским занятиям по интересам.

В нашем понимании внеучебная научная деятельность представляет собой существенную компетентность, которая наряду с образовательными компетенциями обеспечивает профессиональную подготовку будущих педагогов. Исследовательская проблема, характеризующая внеучебную научную деятельность студентов в логике компетентностного подхода, предполагает разработку социологических методов и инструментария для измерения уровня вовлеченности студентов в научно-исследовательский процесс. Данный подход представляет собой социологическое сопровождение при разработке стратегии повышения уровня профессионального самоопределения студентов педагогического вуза.

В апреле/мае 2024 года было проведено социологическое исследование в рамках Проекта 35ВГ «Стратегия и практики развития образовательной системы РГПУ им. А. И Герцена во внеучебной научной деятельности студентов в области профессионального самоопределения и патриотического воспитания». Было опрошено 747 студентов Герценовского университета. В ходе исследования был применен метод электронного опроса Google Forms.

Предложенный нами метод позволил определить степень участия студентов во внеучебной научной деятельности. По мнению студентов, только 1/3 из них принимают активное участие в научной деятельности (к проектно-деятельностной модели отнесены 7,0 процентов респондентов и к научно-утилитарной – 24,8 процентов респондентов). К традиционно-просветительской модели отнесены 43,9 процентов респондентов. И ¼ студентов никак не участвуют в научной внеучебной деятельности (24,4 процентов респондентов).

Следовательно, среди студентов существует значительный резерв. Большинство из них не вовлечены или вовлечены лишь частично в научную внеучебную деятельность (на это обратили внимание 68,3 процентов студентов и 72,8 процента преподавателей). Сложившаяся ситуация ведет к резкому снижению качества образования и профессиональной подготовки будущих педагогов.

Стереотипы, существующие в университетской педагогической среде. Стереотип, будучи образцом восприятия, фильтрации и интерпретации информации, создает искаженное представление об уровне участия студентов во внеучебной научной деятельности. В общественном сознании студентов и преподавателей бытуют несколько значимых стереотипов, характеризующих внеучебную научную деятельность.

Стереотип первый. У студентов происходит снижение интереса к научной деятельности. На вопрос анкеты: «Последние исследования показывают, что среди студентов отсутствует интерес к научной деятельности. Согласны ли Вы с этим предположением?», - ответы распределились следующим образом. Только 1/6 часть студентов отнеслись отрицательно к высказыванию о том, что среди них отсутствует интерес к научной деятельности (14,7 респондентов), более половины – согласились с этим высказыванием (56,0 респондентов), а примерно 1/3 опрошенных не смогли определиться в ответе на этот вопрос (29,3 респондентов).

Стереотип второй. У студентов снизилась потребность участия в процессе научного поиска. Прежде всего, постараемся узнать: интересно ли студентам учиться в Герценовском университете. При ответе на данный вопрос ответы студентов и преподавателей распределились следующим образом. Данные опроса свидетельствуют, что большинство студентов (75,6 процентов респондентов) и преподавателей (72,4 процентов) считают, что студентам интересно учиться в Герценовском университете.

Выявленные в ходе социологического исследования стереотипы носят устойчивый и массовый характер. Это ведет к формированию отчуждения во внеучебной научной деятельности и снижает уровень профессиональной подготовки будущих педагогов.

Каковы основные причины низкой вовлеченности студентов в научно-исследовательский процесс в вузе?

У студентов фиксируется низкий уровень компетенций в сфере научно-исследовательской деятельности. Большинство студентов участвуют в работе научных конференций в качестве слушателей (57,4 процентов респондентов), 1/5 часть участников опроса впервые сделали доклад (19,7 процентов респондентов), и только 1/16 часть участников постоянно принимают участие в работе научных конференций в качестве докладчика (5,4 процентов респондентов).

Более 1/3 студентов прошли обучение правилам написания научных статей (34,8 процентов респондентов), 1/6 часть участников готовят научную статью к публикации (14,5 процентов респондентов), и только у 1/10 части студентов (11,0 процентов респондентов) есть публикации научных статей.

Каждый третий участник опроса присутствует на заседаниях научного кружка, СНО в качестве слушателя (30,4 процентов респондентов), каждый седьмой студент выступал с сообщениями на заседании научного кружка, заседании СНО (12,2 процентов респондентов) и только 6,4 процентов участников опроса являются активными участниками научного кружка, СНО.

Каждый третий студент прошел обучение в области технологии проведения научных исследований (30,1 процентов респондентов), 1/7 часть участников опроса принимают участие в проведении научных исследований (13,7 процентов респондентов), и 1/7 часть студентов проводят самостоятельные научные исследования (13,3 процентов респондентов).

Абсолютное меньшинство студентов участвуют в грантовой деятельности: 9,4 процента опрошенных прошли обучение правилам подачи грантовых заявок, 5,0 процентов принимают участие в составлении грантовых заявок, и только 3,9 процентов опрошенных состоят в качестве исполнителей в грантах.

Результаты социологического исследования свидетельствуют, что у большинства студентов не сформировались компетенции в сфере научно-исследовательской деятельности: на уровне знания на это обращают внимание от 43,6 процентов до 90,6 процентов опрошенных, на уровне умений от 80,3 процентов до 95,0 процентов, и на уровне владения этими компетенциями - от 86,7 процентов до 96,7 процентов опрошенных,

Традиционно-просветительский уровень компетенций свойственен от 9,4 процентов до 57,4 процентов опрошенных, научно-утилитарный уровень присущ от 5,0 процентов до 19,7 процентов, и проектно-деятельностный уровень свойственен от 3,9 процентов до 13,3 процентам опрошенных.

Таким образом, при помощи социологических инструментов и методов обнаружено, что реальная практика внеучебной научной деятельности основывается на противоборстве между традиционными, испытанными временем, формами исследовательской работы и негативными явлениями в университетской среде, обусловленные вызовами времени. В тоже время поиск и апробация новых форм внеучебной научной деятельности превратились во второстепенный вид работы со студентами. Сложившаяся ситуация может привести в будущем к устойчивым кризисным явлениям в учебной, воспитательной и профессиональной подготовке будущих педагогов. Упреждение кризисных явлений предполагает внедрение проектно-деятельностных методов, которые ориентируют студентов на получение и внедрение конечного научного результата. При этом результат

научного поиска должен быть напрямую связан с профессиональной направленностью в педагогическом вузе

При определении контуров нового исследовательского пространства университета необходимо учитывать следующие условия: 1) в работе с абитуриентами необходимо ориентироваться на выпускников школ и классы педагогической направленности, а также педагогические колледжи; 2) для привлечения студентов к научной и поисково-экспериментальной работе необходимо создавать комплексы «школа – ВУЗ», ориентированные на внедрение результатов научного педагогического поиска; 3) тематика приоритетных научных исследований должна включать практико-ориентированные научные проекты в области педагогики, методики преподавания в школе и воспитания молодого поколения; 4) повышение статуса внеучебной научной деятельности предполагает разработку нормативных положений об институте научных наставников и грантовой поддержке проектов; 5) информационная политика должна быть направлена на преодоление стереотипов, связанных со снижением статуса университетской науки, и ориентирована на повышение ее значимости.

Обновленная стратегия в сфере внеучебной научной деятельности, которая будет учитывать потребности создания проектно-деятельностного научного пространства, будет: во-первых, способствовать повышению качества образовательной среды педагогического вуза; во-вторых, станет индикатором профессиональной подготовки профессорско-преподавательского состава; в-третьих, превратится в инструмент профессиональной подготовки студентов.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ

*Курицкая Эвелина Александровна
(Санкт-Петербургский Морской Технический Университет)*

*Виктория Алексеевна Романова
(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет)*

Аннотация. Данная тема подчеркивает важность информатизации образования в современном информационном обществе для улучшения качества обучения. Несмотря на положительные аспекты, существует ряд проблем, включая неготовность образовательной системы к изменениям, низкий уровень цифровой инфраструктуры и отсутствие стандартизированных методик. Эти вызовы требуют анализа и разработки стратегий для интеграции цифровых технологий в образование.

Ключевые слова: цифровизация; информатизация; образование; риски; цифровая культура; рекомендации.

С переходом в эпоху цифровизации образовательные учреждения сталкиваются с новыми вызовами и возможностями. Цифровые технологии не только изменяют методы преподавания, но и формируют новые подходы к обучению, что требует глубокого анализа социологических аспектов данного процесса.

Информатизация часто является первым шагом к цифровизации. Без базовой инфраструктуры информационных технологий невозможно реализовать более сложные процессы цифровизации. В свою очередь успешная цифровизация требует наличия качественно организованной информации и систем, которые были созданы в процессе информатизации.

Определимся с тем, что мы считаем «информатизацией образования» (ИО). Согласно педагогическому энциклопедическому словарю» ИО – это процесс обеспечения сферы образования методологией и практикой разработки и оптимального использования современных информационных технологий, ориентированных на реализацию психолого-педагогических целей обучения, воспитания» [1,109-110].

Информатизация образования, вызванная мировыми изменениями и, прежде всего, возникновением и развитием информационного общества, позволяет решить ключевую задачу — улучшение качества образования с помощью современных информационных технологий. Развитие навыков работы с электронными средствами обработки и передачи информации в образовательном процессе помогает удовлетворить информационные потребности, а также способствует развитию творческого и интеллектуального потенциала учащихся и их эффективному использованию информационных ресурсов в различных областях деятельности. Это подготовка участников образовательного процесса к жизни в информационном обществе, где более половины рабочих мест требуют работы с компьютерами и интернетом[4, 506-510].

В настоящее время проводится множество исследований в области цифровизации образования. Эти исследования охватывают различные аспекты, включая влияние цифровых технологий на учебный процесс, взаимодействие между студентами и преподавателями, а также развитие новых методов обучения. Они направлены на понимание того, как цифровизация меняет образовательную среду и способствует более эффективному усвоению знаний и навыков.

Почти во всех них акцентируется внимание на двойственности происходящей модернизации. Позитивный потенциал информатизации связан с его персонализированным

подходом к обучающемуся, который учитывает уникальные потребности, интересы и темпы усвоения каждого студента. Цифровые платформы позволяют учиться в удобное время и в своем темпе, помимо этого появилось множество различных форматов обучения, например, использование видеолекций, анимаций, симуляций и других интерактивных элементов делает процесс обучения более эффективным, подобный способ обучения позволяет самостоятельно искать и обрабатывать информацию, развивая навыки, интересующие обучающегося. Также стоит отметить экономическую выгоду, выраженную в снижении затрат на приобретение учебной литературы, которая теперь существует в электронном виде[2, 116-118]. Некоторые системы управления обучением позволяют отслеживать успеваемость студентов и выявлять слабые места, что помогает в своевременном вмешательстве и корректировке учебных планов. Основываясь на приведенных данных можно говорить о том, что информатизация образования имеет свои положительные последствия.

Помимо этого, появляются технологии искусственного интеллекта (Intelligent Tutoring Systems — ITS), которые начали активно применяться в образовании. Уже существуют исследования указывающие на то, что использование ITS улучшает эффективность обучения математике по сравнению с традиционными методами.[7,123-139] Существует несколько направлений искусственного интеллекта, задействованного в образовательной сфере, например, чат боты способны обеспечивать обратную связь по работам студентов и создавать готовые конспекты из фрагментов учебников. Стремительное внедрение методов искусственного интеллекта в ближайшие годы может существенно изменить содержание образования, что, в свою очередь, приведет к созданию новых качественных цифровых образовательных материалов и инструментов.

Однако анализируя различные источники, чаще встречается мнение о неготовности системы к происходящим изменениям на всех уровнях образования. В исследовании «Шоковая цифровизация образования: восприятие участников образовательного процесса», посвященное оценке дистанционного образования во время Covid-19, большая часть респондентов, состоящая из учеников, преподавателей и родителей не хотели бы вернуться в этот формат обучения. Опрошенные по-разному оценивают полученный опыт и перспективы онлайн-образования в принципе, но как только речь заходит об их собственных перспективах – объединяются в порыве «все, что угодно, но не дистант!» [3,193]

Подобный отказ респондентов от дистанционного формата обучения во время пандемии авторы связали с сильным психологическим кризисом, испытанном вследствие изоляции, экономического упадка и общего страха перед неопределенностью. В действительности информатизация образования имеет ряд существенных рисков, на которые стоит обратить внимание. Одна из основных проблем - низкий уровень цифровой инфраструктуры, помимо отсутствия равного доступа к технологиям, зависящего от региона проживания или экономического положения конкретной семьи, также у некоторых преподавателей отсутствуют необходимые навыки для эксплуатации имеющихся ресурсов.

Из-за слишком быстрого внедрения новых технологий не успела сформироваться необходимая методическая и нормативно-правовая база, которые бы регулировали вопросы в сфере использования цифровых технологий, следовательно некоторые электронные учебники не имеют сертификации и утвержденных стандартов. Отсутствие четких и признанных стандартов и методик по использованию цифровых технологий в учебном процессе может привести к расхождениям и несоответствиям в подходах к обучению. Кроме того, становится практически невозможно оценить эффективность тех или иных подходов.

Стрелкова И.А указывает на то, что излишнее использование технологий в образовании способствует снижению творческих способностей и потери навыков письма.[5,96-106] Из-за использования функции автоисправления снижается уровень знаний по орфографии, пунктуации и грамматике, ухудшается воображение, возникают трудности в запоминании, а также в восприятии больших текстов. Некоторые авторы считают, из-за индивидуализации информатизации образования у человека снижается восприимчивости и чувствительности к другим и «... как следствие, формировать духовную пустоту людей.»[6,8]

Проведение информатизации образования требует комплексного подхода и тщательной планировки. Отсутствие систематических исследований и анализа результатов информатизации образования лишает систему необходимых данных и примеров успешной практики. Для решения этих проблем необходимо разрабатывать и внедрять четкие методические рекомендации, создавать платформы для обмена опытом и проводить исследования, направленные на оценку и улучшение использования цифровых технологий в образовании. Следует интегрировать технологии в существующие учебные планы, чтобы они дополнительно поддерживали учебный процесс, а не заменяли его полностью, более эффективными скорее всего окажутся модели смешанного обучения (блендед-лейнинг), комбинирующие проверенные традиционные и цифровые методы обучения. Помимо этого стоит сфокусироваться на сфере защиты данных и прав пользователей в образовательной среде, обеспечит безопасность и этику использования технологий.

Цифровые технологии не способны самостоятельно привести к росту человеческого капитала и улучшению навыков людей в целом, Для эффективной реализации потенциала цифровых технологий необходимо ясно ставить задачи разработки цифровых решений для образования, адаптировать технологический потенциал к конкретным задачам, которые решают учителя и ученики, преподаватели и студенты, осваивая навыки, ценности и содержание образования в цифровую эпоху.[7,285]

Модернизация образования происходит прямо сейчас, однако важно учитывать риски, связанные с нововведениями, и не игнорировать необходимость научного анализа, а также проверенные временем традиционные образовательные технологии.

1. Бим-Бад, Б. М. Информатизация образования / Б. М. Бим-Бад. – Текст : электронный // Педагогический энциклопедический словарь. – М., 2002. – С. 109-110. – URL: https://pedagogical_dictionary.academic.ru/1312/Информатизация_образования (дата обращения: 27.09.2024).

2. Воробьева И.А., Жукова А.В., Минакова К.А. Плюсы и минусы цифровизации в образовании // Педагогические науки. – 2021. – №01 (103). – С.116-118.

3. Назаров В. Л., Жердев Д. В., Авербух Н. В. Шоковая цифровизация образования: восприятие участников образовательного процесса // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 1. С. 156–201. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-1-156-201

4. Осипова С.И., Баранова И.А., Игнатова В.А. Информатизация образования как объект педагогического анализа // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 12-3. – С. 506-510; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=29192> (дата обращения: 26.09.2024).

5. Стрелкова И.А. Актуальные аспекты цифровизации российского образования // Социальные новации и социальные науки. – Москва : ИНИОН РАН, 2021. – № 1. – С. 96– 106.

6. Строков А.А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, №2. С. 15.

7. Уваров А. Ю. и др. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования. – 2019. – С.123-139. – С. 285

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАСТАВНИЧЕСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Ланцев Виктор Леонидович
(Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС)

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы возрождения института наставничества в системе образования. Авторские исследования позволили выявить проблемы, связанные с эффективностью наставничества в системе образования. Делается вывод о том, что государственная политика в сфере подготовки кадров для образования должна быть направлена на внедрение и совершенствование механизмов поощрения опытных педагогов к наставничеству.

Ключевые слова: наставничество, профессиональное развитие, молодые учителя, национальный проект «Образование».

Одним из ключевых направлений кадровой работы в образовательных организациях является адаптация молодых педагогов [1]. Попытки организаций высшего и среднего профессионального образования подготовить квалифицированного специалиста зачастую не увенчиваются успехом ввиду серьезных противоречий между теорией и реальной практикой педагогической работы, а также непрекращающейся реформы образования. В этой связи большое значение на этапе вхождения в профессию для молодых педагогов приобретает формальное и неформальное дополнительное профессиональное образование. Последнее реализуется посредством взаимодействия с коллегами. При этом в государственной образовательной политике прослеживается курс на возрождение института наставничества как одного из наиболее эффективных механизмов трудовой адаптации и социализации молодежи в коллективах [2]. Таким образом, участие наставника в профессиональном становлении молодых специалистов и стало целью нашей работы.

В процессе подготовки работы мы опирались на данные двух опросов молодых педагогов, проведенных нами в Орловской области. В первом из них, проведенном в 2019 году, принимали участие члены региональной Ассоциации молодых учителей математики (N=32). В 2024 году нами было проведено анкетирование молодых педагогов из числа слушателей курсов повышения квалификации «Совершенствование профессионально-значимых компетенций руководящих кадров и педагогических работников образовательных организаций в современной практике конкурсного движения» (N=108). В фокусе обоих исследований находилось профессиональное развитие молодых педагогов, в том числе выявление и оценка эффективности социально-управленческих механизмов совершенствования компетенций специалистов.

Проблема адаптации молодых педагогов к профессиональной деятельности на протяжении многих лет имела серьезное значение ввиду высокого уровня оттока кадров из образовательных организаций. При этом наставники из числа опытных коллег были далеко не во всех организациях, а их труд чаще всего носил неофициальный характер. Внедрение профессионального стандарта педагога и национальной системы роста педагогических работников, а также реализация отдельных мероприятий федеральных проектов национального проекта «Образование» способствовали повышению престижа наставнической работы [3]. Эта тенденция подтверждается и результатами эмпирических исследований. Только 55% молодых учителей математики отметили, что имеют наставника из числа опытных коллег. На этом фоне 73,9% молодых педагогов в исследовании 2024 года указали на наличие наставника в своей образовательной организации. Выявленная позитивная динамика свидетельствует о серьезной работе по развитию института наставничества, проведенной в Орловской области. Следует отметить, что существенную

роль в возрождении наставничества в образовательных организациях играет новая система квалификационных категорий педагогических работников. Так, помимо традиционных первой и высшей категории по должности «учитель» или «педагог», работник образовательной организации может аттестоваться по должности «педагог-наставник» и «педагог-методист». Внедрение данной инновации, относящейся к мерам стимулирования профессионального и личностного развития опытных специалистов и позволяющей выстраивать индивидуальную профессиональную траекторию, в том числе за счет горизонтальной карьеры, способствовало повышению интереса к работе с молодежью. При этом наличие квалификационной категории «педагог-наставник» налагает на её обладателя определенные обязанности, связанные с необходимостью поддержания полученного статуса. Внедрение указанного механизма в систему профессиональных стимулов оказывает положительное влияние на качество адаптации молодых специалистов в образовательной организации.

Оценка процесса возрождения института наставничества в системе образования невозможно без выявления ключевых направлений помощи опытных педагогов начинающим специалистам. Молодые учителя математики в нашем опросе 2019 года отметили, что наставник оказывает им методическую помощь (оценка составила 5,4 баллов из 10 возможных), проводят консультации (5,1), а также вдохновляют личным примером и делится личными профессиональными разработками и материалами (4,65). При этом среди наиболее неразвитых направлений взаимодействия молодые педагоги отметили помощь в подготовке и проведении родительских собраний (2,3) несмотря на то, что данный вид деятельности представляет серьезную сложность в начале карьеры. Следует заметить, что в целом низкие суммарные значения индексов по всем формам помощи наставника, указывали на слабую заинтересованность последних в оказании реальной помощи. Также вероятно, что у части педагогов, указавших на наличие наставника, процесс взаимодействия с ним отсутствовал вовсе или происходило формально. Одна из гипотез нашего исследования заключалась в том, что механизмы, внедряемые в реальную практику управления в целях возрождения института наставничества, должны были повлиять не только на сам факт наличия наставника, но и на качество оказываемой им помощи. Результаты опроса молодых педагогов из числа профессиональных конкурсов, проведенного в 2024 году, показали, что наставник вдохновляет молодежь личным примером (6,0), консультирует по вопросам ведения рабочей документации (5,4), оказывает методическую помощь (5,2) и делится личными наработками (5,0). При этом самые низкие значения индексов оказались в варианте помощи «подготовка и проведение родительских собраний» (3,5) и «подготовка совместных публикаций» (3,1). Результаты двух опросов оказались вполне сопоставимы между собой. Несмотря на небольшую позитивную динамику по отдельным направлениям помощи, можно отметить, что наставники зачастую не могут выстроить нормальную коммуникацию с молодыми специалистами. В свою очередь последние продолжают нуждаться в помощи. Выявленные особенности указывают на необходимость дальнейшего совершенствования системы наставничества в образовательных организациях, которые позволят избежать формального подхода к адаптации молодых педагогов.

Таким образом, вопрос значимости деятельности наставника не вызывает сомнений. При этом в последние несколько лет инициировано внедрение управленческих механизмов, призванных увеличить количество наставников и повысить эффективность их работы по адаптации молодежи к профессиональной деятельности. Вместе с тем, достаточно остро стоят вопросы повышения эффективности деятельности наставников и выстраивания эффективной коммуникации с опекаемыми. В противном случае инициатива возрождения

института наставничества будет иметь в основном формальный характер и не окажет существенное влияние на профессиональное и личностное развитие молодых педагогов.

1. *Абрамов, С. М. Генезис института наставничества: к постановке проблемы / С. М. Абрамов, С. А. Акулов, М. А. Погадаева // Теория и практика мировой науки. – 2022. – № 11. – С. 2-5. – EDN KRNSNS.*
2. *Гадаборшева, З. И. Место и значение института наставничества в системе российского образования / З. И. Гадаборшева // Обзор педагогических исследований. – 2022. – Т. 4, № 8. – С. 74-80. – EDN IRMMXO.*
3. *Швецова, В. М. Система наставничества в образовании как эффективный социальный институт / В. М. Швецова // Инновации в образовании. – 2023. – № 11. – С. 12-22. – EDN RKUPXR.*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: НОВЫЙ ВИТОК РАЗВИТИЯ НЕЙРОПЕДАГОГИКИ

Лизунков Владислав Геннадьевич

(Национальный исследовательский Томский политехнический университет)

*Благодарность. «Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда № 23-28-00046,
[https://rscf.ru/project/23-28-00046/»](https://rscf.ru/project/23-28-00046/)*

Аннотация. В системе образования и в современном обществе происходит цифровая трансформация, которая изменяет привычные модели обучения и взаимодействия. Формируется современное направление в образовании, которое объединяет принципы нейрopsихологии и педагогики с использованием цифровых технологий – цифровая нейропедагогика.

Ключевые слова: инженерное образование, цифровая трансформация, нейропедагогика.

Современный этап развития общества и производства характеризуется переходом на стандарты Индустрии 4.0, которая рассматривается как четвертая промышленная революция, в качестве основного приоритета предусматривает внедрение информационных технологий в производственные процессы. Это изменяет специфику инженерной деятельности и общие подходы к организации производства. Повышается производительность процессов, сокращаются рабочие места с опасными условиями труда, возрастает конкурентоспособность работников, расширяется номенклатура и повышается качество продукции [1].

В условиях цифровой трансформации общества и производства актуально и своевременно решение вопроса качественного улучшения подготовки конкурентоспособных выпускников инженерных вузов, обладающих транспрофессиональными компетенциями, позволяющими на основе междисциплинарного синтеза знаний осуществлять деятельность с выходом за рамки полученной специальности, на основе глобального мышления, навыков принятия междисциплинарных решений технологических решений, осуществляя работу в команде либо индивидуально [2].

Цифровая трансформация инженерного образования - это процесс, в рамках которого используются новейшие технологии и инструменты для улучшения качества обучения и подготовки специалистов в области инженерии. Одним из ключевых аспектов этого процесса является внедрение в учебный процесс цифровых инструментов, таких как онлайн-курсы, виртуальные лаборатории, симуляторы и т.д. Эти инструменты помогают студентам приобретать практические навыки и знания, необходимые для успешной карьеры в инженерной сфере.

В связи этим можно выделить современное направление в образовании, которое объединяет принципы нейрopsихологии и педагогики с использованием цифровых технологий. Основной целью цифровой нейропедагогики является создание оптимальных условий для обучения, основанных на знаниях о работе мозга и его особенностях.

Цифровая трансформация инженерного образования представляет собой важный этап в развитии нейропедагогики. Этот процесс включает в себя использование новых технологий для улучшения качества обучения и повышения эффективности преподавания. Некоторые примеры включают:

Использование виртуальной реальности для создания реалистичных симуляций производственных процессов и оборудования. Это позволяет студентам получить практический опыт без необходимости работать с реальным оборудованием.

Разработка и внедрение цифровых образовательных платформ, которые позволяют студентам изучать материал в удобном для них темпе и получать обратную связь от преподавателей в режиме реального времени.

Создание онлайн-курсов и программ, которые предоставляют студентам возможность учиться удаленно и гибко подстраивать свой график занятий под свои потребности.

Внедрение интеллектуальных систем анализа данных, которые помогают преподавателям отслеживать прогресс студентов и корректировать учебный план в соответствии с их потребностями.

Эти технологии не только улучшают качество обучения, но и делают его более доступным и эффективным, что является важным шагом в развитии нейропедагогики.

Цифровая нейропедагогика – это область знаний, которая использует методы и инструменты цифровой трансформации для улучшения образовательного процесса. Она объединяет достижения в области педагогики, психологии, информатики и нейронаук.

Можно выделить основные принципы цифровой нейропедагогики:

1. Персонализация обучения.

Каждый студент имеет уникальные потребности и предпочтения в обучении. Использование индивидуальных траекторий обучения помогает ученикам лучше усваивать материал и повышать мотивацию к учебе.

2. Дистанционное обучение.

Современные технологии позволяют проводить уроки и консультации удаленно. Это особенно актуально в условиях пандемии COVID-19, когда многие образовательные учреждения перешли на дистанционный формат работы.

3. Интерактивность.

Использование интерактивных методов обучения способствует активному участию учеников в процессе обучения. Это может быть реализовано через создание игровых элементов, использование мобильных приложений и онлайн-платформ.

4. Обратная связь.

Система непрерывной обратной связи помогает обучаемому понять, где он ошибается и какие аспекты нужно улучшить. Это также стимулирует преподавателя адаптировать свою методику к конкретным нуждам каждого обучающегося.

Цифровая нейропедагогика активно развивается и используется в различных учебных заведениях по всему миру. Её применение помогает повысить эффективность образовательного процесса и сделать образование более доступным и интересным для всех участников.

Одним из ключевых принципов цифровой нейропедагогики является индивидуализация образования. Благодаря цифровым технологиям возможно создание учебных программ, адаптированных к индивидуальным потребностям и особенностям каждого обучающегося. Это позволяет добиться более эффективного усвоения знаний и развития навыков [3].

Цифровая нейропедагогика стремится создать персонализированные учебные программы, которые учитывают индивидуальные потребности и способности каждого ученика. Это достигается путем использования современных технологий, таких как анализ больших данных, искусственный интеллект и машинное обучение. Эти технологии

позволяют анализировать поведение учащихся, понимать их сильные и слабые стороны и предлагать им наиболее подходящие материалы и задания.

Таким образом, цифровая нейропедагогика открывает новые возможности для дистанционного обучения и самообразования. Благодаря цифровым платформам и онлайн-ресурсам стало возможным получать качественное образование в любое удобное время и место. Это делает образование более доступным и удобным для всех слоев населения, способствуя развитию общества в целом [4].

Благодарность. «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00046, <https://rscf.ru/project/23-28-00046/>»

1. Горшкова О.О. Выявление возможностей цифровой трансформации процесса подготовки конкурентоспособного выпускника вуза // *Современные проблемы науки и образования*. – 2024. – № 2.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33309> (дата обращения: 29.06.2024).
2. Вербицкая, Н.О. Цифровая трансформация непрерывного образования: новый виток развития нейропедагогике / Н.О. Вербицкая // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки»*. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 6–20. DOI: 10.14529/ped190301.
3. Лизунков В.Г. Применение нейродидактических принципов при подготовке слушателей программ дополнительного профессионального образования // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*, 2023. № 11. С. 50-56.
4. Полицинская Е.В., Лизунков В.Г. Концептуальные основы внедрения нейропедагогике в образовательный процесс вуза. *Инженерное образование*, 2023. № 34. С. 17-28.

МОДЕЛЬ ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КЛАСТЕРА, УЧИТЫВАЮЩАЯ ОСНОВЫ НЕЙРОПЕДАГОГИКИ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

Лизунков Владислав Геннадьевич

(Национальный исследовательский Томский политехнический университет)

Карпов Николай Сергеевич

(Национальный исследовательский Томский политехнический университет)

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00046, <https://rscf.ru/project/23-28-00046/>»

Аннотация. В исследовании рассмотрена модель интегрированного образовательно-производственного кластера, учитывающая основы нейропедагогики в системе подготовки трудовых ресурсов. Предложен проект, включающий ряд этапов ее применения. Разработаны практические рекомендации для создания эффективных интегрированных образовательно-производственных кластеров, способствующих успешной подготовке кадров для современной экономики.

Ключевые слова: нейропедагогика, модель, кластер, экономика, трудовые ресурсы.

Введение. В современном мире образование и производство становятся все более взаимосвязанными, и это требует развития новых подходов к подготовке кадров. Интегрированный образовательно-производственный кластер — это один из таких подходов, который объединяет образовательные учреждения и предприятия в единую систему, позволяющую студентам получать практические навыки и опыт работы в реальной производственной среде. Однако, для эффективного формирования такого кластера, необходимо учитывать не только требования производства, но и индивидуальные особенности студентов. В этом контексте, нейропедагогика - наука, изучающая механизмы обучения и запоминания, может стать значимым инструментом для создания эффективной модели интегрированного образовательно-производственного кластера.

Актуальность темы исследования обусловлена следующими факторами:

- во-первых, современное производство требует высококвалифицированных кадров, обладающих не только теоретическими знаниями, но и практическими навыками работы в реальной производственной среде. При этом, традиционная модель обучения в системах высшего и средне-специального образования не всегда позволяет достаточно эффективно подготовить кадры, соответствующие потребностям современного производства.

- во-вторых, каждый студент имеет свои индивидуальные особенности, которые могут оказывать влияние на процесс обучения и его результаты. Такие факторы, как тип мышления, предпочитаемые способы запоминания информации и другие, могут быть учтены в рамках модели интегрированного образовательно-производственного кластера, включающей особенности нейропедагогики [1].

Таким образом, тема исследования в контексте модели интегрированного образовательно-производственного кластера, учитывающей основы нейропедагогики в системе подготовки трудовых ресурсов является актуальной и востребованной в настоящее время, и потенциально может привести к существенным улучшениям в образовательной и производственной сферах.

Целью исследования является разработка модели интегрированного образовательно-производственного кластера, учитывающей основы нейропедагогики в системе подготовки трудовых ресурсов.

Модель интегрированного образовательно-производственного кластера предполагает тесное взаимодействие между образовательными учреждениями и производственными предприятиями, что позволяет обучающимся получить практические навыки работы на реальных производственных объектах, а также применять полученные знания в решении конкретных задач производственного процесса.

Основной материал.

Современные подходы к формированию образовательных кластеров предполагают создание интегрированных систем, которые объединяют различные образовательные учреждения и производственные предприятия [2]. Такие кластеры могут существовать как отдельные организации, а могут быть созданы на базе уже существующих.

Теоретические основы нейропедагогики включают в себя исследования мозга и его функционирования в процессе обучения. Применение этих знаний в образовании позволяет разрабатывать более эффективные методы обучения и организации учебного процесса. Примерами таких методов являются использование активных форм обучения, использование мнемотехники, а также использование технологий виртуальной и дополненной реальности.

Применение нейропедагогических принципов в образовании также позволяет учитывать индивидуальные особенности каждого обучающегося, такие как стиль обучения, скорость запоминания информации, уровень мотивации и интересов. Это позволяет более эффективно организовать учебный процесс и достичь лучших результатов в обучении.

Кроме того, разработка и внедрение модели интегрированного образовательно-производственного кластера, учитывающей основы нейропедагогики, может помочь повысить качество подготовки трудовых ресурсов, что в свою очередь может способствовать развитию экономики региона или страны в целом [2].

Модель интегрированного образовательно-производственного кластера на основе нейропедагогики

Модель интегрированного образовательно-производственного кластера на основе нейропедагогики включает следующие структурные элементы:

Центр образовательных технологий (ЦОТ) – основной участник образовательно-производственного кластера, который обеспечивает организацию и реализацию образовательных программ, осуществляет управление процессом обучения, а также взаимодействует с предприятиями и организациями на рынке труда.

Производственные партнеры – предприятия и организации на рынке труда, которые сотрудничают с ЦОТом и предоставляют студентам возможность прохождения производственной практики, а также оказывают помощь в трудоустройстве выпускников.

Научно-исследовательский институт (НИИ) – учреждение, которое занимается разработкой инновационных технологий в образовании и производстве, а также проводит научные исследования в области нейропедагогики.

Центр нейропедагогики – учебный центр, который занимается подготовкой педагогов и специалистов в области нейропедагогики, а также обучением обучающимся на основе принципов нейропедагогики.

Обучающиеся – целевая аудитория образовательно-производственного кластера, которая получает профессиональное образование и проходит производственную практику на предприятиях-партнерах.

Образовательные программы – набор курсов и дисциплин, которые позволяют обучающимся получить знания и навыки в выбранной области профессиональной деятельности.

Методические и учебные материалы – учебники, лекции, практические задания и другие материалы, которые помогают обучающимся усвоить учебный материал и приобрести необходимые навыки [3].

Анализ эффективности модели и программы подготовки может быть проведен с помощью различных методов и инструментов, таких как анализ достижения целевых показателей, опросы и интервью с участниками программы, оценка знаний и умений участников до и после программы, анализ отзывов работодателей о подготовленных выпускниках и другие. Один из возможных подходов к анализу эффективности модели и программы - использование метода сравнения. Для этого можно провести сравнительный анализ результатов подготовки выпускников, полученных в рамках данной модели, с результатами подготовки выпускников, полученных в других образовательных учреждениях или на других программах подготовки. Также необходимо учитывать мнение работодателей о качестве подготовки выпускников данной программы. Для этого можно провести опрос работодателей, работающих в той же отрасли, что и выпускники программы, и сравнить полученные результаты с мнением работодателей о выпускниках других образовательных учреждений или программ подготовки.

Практическая реализация модели

Для реализации модели интегрированного образовательно-производственного кластера на основе нейропедагогики в конкретном регионе или компании необходимо разработать проект, который будет включать следующие этапы:

1. Анализ потребностей рынка труда и образовательных потребностей студентов. На этом этапе проводится исследование существующих вакансий на рынке труда и анализ квалификационных требований к соискателям. Также проводится опрос студентов по поводу их интересов и потребностей в образовании [4].

2. Создание партнерской сети. На этом этапе формируется сеть партнеров, которые будут участвовать в реализации проекта. Это могут быть компании, предоставляющие практику и трудоустройство студентов, учебные заведения, в которых будут проходить теоретическое обучение, а также научно-исследовательские центры и эксперты в области нейропедагогики.

3. Разработка программы подготовки. На основе результатов анализа потребностей рынка труда и образовательных потребностей студентов разрабатывается программа подготовки, которая должна быть основана на принципах нейропедагогики. Программа должна включать как теоретические занятия, так и практическую подготовку в партнерских компаниях.

4. Реализация программы подготовки. На этом этапе студенты проходят теоретическую подготовку в учебных заведениях, а также получают практические навыки в партнерских компаниях. При этом важно обеспечить интеграцию теории и практики, чтобы обучение было максимально эффективным.

5. Оценка эффективности. После завершения программы подготовки проводится оценка ее эффективности. Это может быть оценка качества подготовки студентов, уровня трудоустройства выпускников, удовлетворенности партнеров проекта и т.д.

Рекомендации по дальнейшему развитию интегрированного образовательно-производственного кластера на основе нейропедагогики могут включать следующие аспекты:

- улучшение структуры модели: внедрение новых инструментов нейропедагогики и современных методов обучения в процесс подготовки трудовых ресурсов;
- использование разнообразных форм обучения: организация индивидуальных и групповых занятий, включение дистанционных и интерактивных форм обучения;
- развитие сотрудничества с производственными предприятиями: расширение партнерства с компаниями для организации практических занятий и прохождения стажировок;
- постоянное совершенствование модели: внедрение инновационных подходов и технологий, совершенствование методик обучения, учет изменений в производственной сфере и рынке труда.

Реализация данных рекомендаций может способствовать более эффективному развитию интегрированного образовательно-производственного кластера на основе нейропедагогики и повышению качества подготовки трудовых ресурсов, что будет полезно для рынка труда в целом.

Выводы

В результате исследования была разработана модель интегрированного образовательно-производственного кластера, учитывающая основы нейропедагогики в системе подготовки трудовых ресурсов. Эта модель представляет собой комплексный подход к обучению и подготовке кадров, который учитывает особенности функционирования мозга и применяет их для оптимизации процесса обучения.

Данное исследование имеет практическое значение для предприятий и образовательных учреждений, которые заинтересованы в оптимизации процесса обучения и подготовки трудовых ресурсов. Результаты исследования могут быть использованы для разработки новых методик обучения и подготовки, а также для модернизации существующих систем образования и производства.

1. Гордашникова О. Ю., Кехян М. Г. Образовательный кластер как неотъемлемый элемент инновационной политики региона. Актуальные проблемы экономики и менеджмента, 2019. № 2. С. 43-49.

2. Лизунков В.Г. Применение нейродидактических принципов при подготовке слушателей программ дополнительного профессионального образования // Alma Mater (Вестник высшей школы), 2023. № 11. С. 50-56.

3. Полицинская Е.В., Лизунков В.Г. Концептуальные основы внедрения нейропедагогики в образовательный процесс вуза. Инженерное образование, 2023. № 34. С. 17-28.

4. Лаврикова Ю. Г. Концептуальные основы и практика реализации кластерного подхода в регионах России. Региональная экономика: теория и практика, 2008. № 22. С. 21-31.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ИНСТРУМЕНТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

*Макарова Мария Сергеевна
(Московский государственный институт (университет) международных отношений
МИД РФ,
Одинцовский филиал)*

*Ярлова Татьяна Викторовна
(Московский государственный институт (университет) международных отношений
МИД РФ,
Одинцовский филиал)*

Искусственный интеллект (ИИ), который основывается на принципах машинного обучения, представляет собой сложный набор алгоритмов и программных решений, способных имитировать и реализовывать человеческие навыки, а также выполнять задачи, требующие анализа и принятия решений. В сфере образования существует особая специфика интеграции технологий искусственного интеллекта. Основная цель внедрения ИИ в учебные процессы заключается не в достижении экономической выгоды, а в улучшении качества обучения, которое сложно оценить с использованием объективных критериев. Область применения искусственного интеллекта в образовании уже сегодня очень разнообразна. ИИ возможно использовать для анализа различных показателей обучения: поведения учащихся, студентов и преподавателей, персонализации учебного процесса, проведения прокторинга (контроля честности проведения онлайн-экзаменов и тестирования), оценки уровня знаний и работ учеников и многих других задач. Важным социальным результатом внедрения искусственного интеллекта будет увеличение доступности образования и создание инклюзивной образовательной среды.

Одной из ключевых областей, на которую активно воздействует искусственный интеллект, является индивидуализированное обучение. При помощи алгоритмов машинного обучения искусственный интеллект способен анализировать данные обучающихся и предлагать персонализированные материалы и задания для оптимального развития каждого учащегося. Таким образом, педагоги получают эффективный инструмент, который помогает им более точно адаптировать учебный процесс под индивидуальные потребности каждого обучающегося.

Не менее важное направление, в котором ИИ влияет на работу педагогов, – это оценка знаний студентов. С использованием алгоритмов ИИ, системы электронной оценки становятся более объективными и автоматизированными, что позволяет сократить рабочее время педагогов, которые тратят меньше времени на проверку вручную и последующую оценку заданий. Благодаря этому, преподаватели могут сосредоточиться на анализе результатов и принятии соответствующих мер для улучшения успеваемости студентов.

Более того, искусственный интеллект также помогает педагогам в разработке учебных материалов и контента. Автоматизация процесса создания учебных планов и заданий позволяет преподавателям сконцентрироваться на анализе и проработке материала, вместо затрат на его разработку. Благодаря использованию искусственного интеллекта, учителя могут быстро и эффективно находить необходимые материалы и разрабатывать новаторские учебные курсы.

С развитием технологий обучение становится более доступным и удобным. Искусственный интеллект помогает персонализировать учебный процесс, учитывая индивидуальные особенности каждого ученика. Например, адаптивные образовательные

платформы, которые стали активно использоваться в период пандемии COVID-19, способны анализировать данные обучающихся и предлагать им подходящий учебный материал. Адаптивные образовательные платформы реализуются за счёт LMS-систем, то есть Learning Management System (система управления обучением), которая используется для организации, управления и отслеживания учебного процесса. Искусственный интеллект становится все более информированным о мыслях и действиях пользователей, способен анализировать их предпочтения и потребности в контенте, а также проводить автоматическую проверку заданий и тестов. Это позволяет преподавателям сэкономить время и уделить больше внимания другим аспектам обучения, с повышением качества обратной связи. С применением современного ИИ в системе LMS возможно формирование индивидуальных рекомендаций о курсах для закрытия пробелов в знаниях. В будущем искусственный интеллект будет применяться для полного создания содержания электронных курсов, что значительно облегчит задачу преподавателей. Алгоритмы искусственного интеллекта постоянно улучшаются через внедрение автоматической проверки заданий, получения обратной связи, контроля знаний студентов и анализа статистических данных обучающихся.

Еще одним значимым аспектом применения искусственного интеллекта в образовании является его роль в области исследований и разработок. Искусственный интеллект может использоваться для создания инновационных образовательных технологий, которые могут значительно улучшить процесс обучения. Например, виртуальные классы и лаборатории, созданные при помощи искусственного интеллекта, позволяют обучающимся получать практический опыт в различных областях знаний, в случае, если физическое нахождение в определенном месте невозможно или неудобно. Описанное применение технологий способствует расширению возможностей в области освоения профессиональных компетенций и проведения исследований различного уровня сложности.

Важно отметить, внедрение искусственного интеллекта в образование принесет множество преимуществ. Искусственный интеллект позволит расширить доступность цифровых навыков, повысить эффективность образовательного процесса. Кроме того, ИИ поможет оптимизировать учебные материалы, анализировать данные, улучшить планирование и управление ресурсами. Развитие разнообразных образовательных методов и форматов, обеспечение безопасности и управление рисками, прогностический анализ, стимулирование правильного поведения, использование интегрированных образовательных платформ, беспроводные технологии для презентаций, автоматизация создания образовательных ресурсов – все это станет возможным благодаря использованию ИИ в образовании.

Однако, интеграция искусственного интеллекта в образование требует тщательной проработки этических аспектов, включая отсутствие дискриминации, защиту данных учащихся и прозрачность использования технологий. Важно, чтобы разработка и внедрение ИИ в образование шли рука об руку с соблюдением высоких стандартов этики и безопасности. Существуют опасения относительно возможного возникновения серьезных проблем в образовании из-за сокращения социализации и ограничения контактов между учениками и преподавателями. Данный факт может негативно сказаться на развитии социальных навыков у обучающихся. Вместе с тем, стоит обратить внимание на возможные проблемы с развитием критического мышления. С появлением и распространением нейросетей существует риск, что учащиеся могут столкнуться с трудностями в принятии важных решений. Это связано с тем, что они могут полагаться на искусственный интеллект

для автоматического решения задач, что в конечном итоге может негативно отразиться на развитии их когнитивных способностей.

Искусственный интеллект обладает большим потенциалом для трансформации образовательного процесса. В перспективе, учебные программы и методы обучения могут стать более гибкими и индивидуализированными, а сам процесс обучения может стать более эффективным и доступным. Ключевым моментом при внедрении искусственного интеллекта в образовательный процесс является сохранение баланса между автоматизацией и сохранением гуманитарных аспектов образования, таких как социальное взаимодействие и развитие критического мышления. Однако, стоит помнить, искусственный интеллект – инструмент и помощник, он не обладает сознанием, поэтому не может принимать решения без человека. Только таким образом можно обеспечить наилучшее качество образования и подготовить молодое поколение к вызовам будущего.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: КАК СОХРАНИТЬ ТРАДИЦИИ, ОСТАВАЯСЬ СОВРЕМЕННЫМ?

*Ореховская Наталья Анатольевна
(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)*

Представляется очевидным, что представители разных поколений существенно отличаются между собой ценностными установками, убеждениями и взглядами, включая подходы к трудовой деятельности, и вполне естественно, что эти межпоколенческие различия могут стать источником проблем коммуникативного характера.

Важным аспектом формирования в коллективе здоровой морально-нравственной атмосферы, взаимопонимания и эффективного взаимодействия между представителями разных поколений являются изучение особенностей их мировоззренческих и ценностных установок, жизненного и профессионального опыта. [3, с. 93]

Следует четко понимать, что потребность в передаче своего богатейшего жизненного и профессионального опыта является одним из приоритетных стремлений опытных специалистов на завершающем этапе их карьеры. Необходимо максимально использовать эти стремления с целью передачи этих знаний и навыков молодежи, а также для того, чтобы их старшие товарищи не испытывали горького чувства собственной ненужности, что в целом будет способствовать созданию здоровой атмосферы конструктивного взаимодействия между поколениями в коллективе. [7, с. 196]

В современных условиях, когда в обществе усиливается внимание к проблемам, связанным с нравственностью и духовностью, с восстановлением преемственности между поколениями, управленческое звено организаций и компании должно уделять внимание не только потребностям возрастных и опытных сотрудников, но там же учитывать интересы молодежи и особый акцент делать на выстраивании плодотворного взаимодействия между ними. Решить такую задачу не просто, т.к. представители разных поколений имеют свои ценностные ориентиры, навыки и опыт, но также принадлежат к разным культурным сообществам, что тоже требует грамотного деликатного подхода к созданию в коллективе здоровой гармоничной атмосферы.

Современный преподаватель должен обладать не только профессиональными компетенциями, но компетенциями, позволяющими выстраивать механизм передачи опыта и нравственно-духовных ценностей между поколениями, взаимодействия между людьми с различными профессиональными, жизненными, культурными установками.

Проблема передачи духовного опыта рассматривается нами с двух сторон: одна касается организации плодотворного взаимодействия между поколениями в рамках отдельного структурного подразделения университета от старшего поколения профессорско-преподавательского состава своим молодым коллегам, а также студентам. Другая сторона касается обучения будущих специалистов, многие из которых планируют строить управленческую карьеру и должны будут решать эти же задачи в качестве руководителей различного уровня. [4, с. 112]

Применительно к современным российским вузам, одна из основных целей кадровой политики в учебных заведениях является деятельность по облегчению адаптационного периода для молодых специалистов, обеспечению передачи им университетских ценностей, вузовских традиций и этики, где важнейшая роль отводится наставникам, роль которых выполняют наиболее уважаемые, авторитетные, умудренные опытом преподаватели и профессора.

Социологические исследования, проведенные в российских вузах, свидетельствуют о тревожной тенденции, когда около 75% молодых преподавателей удовлетворены своей

работой, предоставляющим им возможность самореализации. Их устраивает атмосфера в коллективе и практически все нематериальные аспекты их профессиональной деятельности. Однако почти такой же высокий процент молодых специалистов не удовлетворены уровнем своей заработной платы, что является ключевой причиной их желания найти себе новое место работы. [9, с. 27]

Как показывают исследования, на общий характер работы педагогических коллективов большое влияние оказывает процентное соотношение различных возрастных групп среди преподавателей. [6, с. 51]

Например, преобладание более возрастных сотрудников благотворно влияет на уровень трудовой дисциплины в ВУЗе, однако обуславливает излишнюю консервативность в контексте внедрения инновационных подходов и решений в управлении вузом и в учебно-воспитательный процесс. Условно «молодежный» коллектив отличается высокой креативностью и восприимчивостью к инновациям, но вместе с тем, в таких коллективах наблюдается относительно высокая текучесть кадров, более легкомысленное отношение к дисциплине и к ответственности. [1, с. 56]

Когда мотивационно-ценностный аспект индивида сталкивается с проблемами, возникающими в процессе трудовой деятельности, возможно возникновение барьера, имеющего социально-психологический характер. Этот процесс может выражаться через депрессию, напряженность либо другие деструктивные эмоции, которые препятствуют нормальному процессу передачи нравственных и духовных ценностей, профессионального и жизненного опыта от старшего поколения к младшему. [8, с. 26]

Одним из факторов, серьезно препятствующих успешной межпоколенческой трансмиссии, может стать, и нередко становится, ситуация, когда морально-нравственные качества наставника не соответствуют тем ценностям, которые он пытается передать молодым.

Мы предлагаем рассмотреть функциональную модель, которая отражает управление процессом передачи знаний и опыта между поколениями в высших учебных учреждениях, и которая, как считает автор, позволит существенно повысить уровень эффективности этого процесса.

Эта модель состоит из четырех составляющих: планирование, организацию, коррекцию и контроль. Процесс управления состоит из стадии проектирования и стадии реализации.

Планирование осуществляется с учетом задач, которые следует решить в ходе процесса управления, а также программы деятельности и миссии. Организационный аспект состоит из деятельности, которая направлена на преодоление препятствий, которые возникают на пути нормального процесса передачи нравственных и духовных ценностей от старшего поколения к младшему. В рамках этого аспекта выбираются технологии, средства и методы управления. [5, с. 143]

Контрольная составляющая предполагает наличие регулярного мониторинга процесса передачи опыта, навыков и ценностей между поколениями, включая поведенческий аспект, ценностно-эмоциональный и когнитивный. Помимо этого, отслеживаются параметры эффективности управления этими процессами, состояние морального климата в коллективе, риски и т.д. [2, с. 81]

Особую функцию выполняет коррекционная составляющая функциональной модели, роль которой состоит в анализе параметров, полученных в ходе мониторинга, разработки и реализации комплекса мероприятий, направленных на устранение препятствий для полноценного процесса обеспечения межпоколенческой преемственности,

в результате чего могут быть откорректированы цели и соответственно программа их достижения.

В институциональном контексте следует прежде всего начинать с того, чтобы внедрить в управление гуманистическую модель, что предполагает усиление нравственно-духовного аспекта управленческих процессов, ориентацию на гуманистические ценности, для чего требуется формирование новых компетенций у персонала управленческого звена.

1. Вагин, Д. Ю. Межпоколенческая преемственность духовно-нравственных ценностей в российском обществе / Д. Ю. Вагин // *Дискуссия*. – 2016. – № 7(70). – С. 52-58.
2. Заборина, М. А. Духовно-нравственные ценности в образовательном поле высшей школы: опыт системного анализа / М. А. Заборина, Е. А. Брант, Ю. Ю. Сергеев // *Проблемы современного педагогического образования*. – 2022. – № 74-3. – С. 78-87.
3. Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З., Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования) // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2022. №476. – С. 88-96.
4. Иванова, Н. И. Основные факторы развития духовно-нравственного воспитания и передача исторической преемственности поколений к молодежи / Н. И. Иванова // *Образование и наука в России и за рубежом*. – 2020. – № 3(67). – С. 105-115.
5. Меньшиков, В. М. Нужна ли концепция духовно-нравственного воспитания в современной высшей школе России? / В. М. Меньшиков // *Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН)*, 2018. – С. 138-146.
6. Монако Т.П. Проблемы возрастного состава педагогического коллектива // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2017. №4-2. – С. 45-53.
7. Немова, О. А. Нравственные координаты интересубъективного мира современного подрастающего поколения / О. А. Немова, Д. Ю. Вагин, К. И. Кирсанова // *Современные исследования социальных проблем*. – 2020. – Т. 12, № 3-3. – С. 194-198.
8. Овда, Л. Г. Опыт взаимодействия школы, семьи и церкви в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения / Л. Г. Овда // *Психология развития и образования: (российский журнал прикладных исследований)*. – 2020. – № 2. – С. 22-29.
9. Хан, Т. В. Преподавание этики в высшей школе и духовно-нравственное обновление современного общества / Т. В. Хан // *Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет*, 2019. – С. 22-31.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: РИСКИ, ОПЫТ, РАЗВИТИЕ

Орлова Татьяна Сергеевна

(Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им.

А. Л. Штиглица)

В наш век стремительного технологического прогресса, цифровизация занимает ключевую роль, проникая в каждую сферу жизнедеятельности человека. Это касается и образования, где новейшие технологии не просто дополняют, а активно трансформируют учебный процесс, делая его более адаптивным и эффективным. Сегодняшний рынок труда предъявляет повышенные требования к уровню подготовки специалистов, особенно в области владения цифровыми инструментами. Поэтому внедрение цифровых технологий в сферу образования становится приоритетной задачей, направленной на подготовку кадров, способных эффективно конкурировать на глобальном уровне.

Важность цифровых образовательных технологий не ограничивается только предоставлением знаний; они создают уникальные условия для полноценного развития и социализации студентов. Использование таких инструментов в учебных заведениях позволяет персонализировать процесс обучения, учитывая индивидуальные особенности и потребности каждого студента, что в свою очередь способствует более глубокому усвоению материала и развитию критического мышления.

На текущем этапе развития общества, цифровизация образования представляет собой одну из ключевых задач. В России, этому аспекту уделяется особое внимание на государственном уровне, что проявляется в запуске амбициозных проектов, направленных на интеграцию цифровых технологий в образовательный процесс.

В контексте национального проекта «Образование», были инициированы несколько федеральных инициатив, фокусирующихся на цифровом преобразовании образовательной среды. Примером такой инициативы служит проект «Цифровая образовательная среда» (ЦОС), который предполагает реализацию пилотных экспериментов в школах различных регионов. ЦОС направлен на включение современных информационных технологий в учебные программы и оснащение всех образовательных учреждений доступом к интернету. Эта система не заменяет, а дополняет традиционные методы обучения, обогащая образовательный процесс новыми технологическими возможностями [4].

Отдельного внимания заслуживает проект «Молодые профессионалы», который позволяет студентам высших учебных заведений осваивать учебные дисциплины не только в рамках своего вуза, но и с использованием ресурсов других образовательных институтов и онлайн-платформ.

Начало пандемии коронавируса в 2020 году стало катализатором для значительного увеличения спроса на цифровой контент в образовательной сфере. В ответ на это изменение была создана государственная информационная система «Современная цифровая образовательная среда» (СЦОС), которая объединяет онлайн-курсы различных платформ и вузов, предоставляя студентам широкие возможности для дополнительного образования за пределами традиционных учебных заведений [2].

В контексте высшего образования в России, цифровизация остаётся стратегическим направлением, закреплённым во многих федеральных документах. Пандемия COVID-19 значительно ускорила этот процесс, поскольку возникшая ситуация неопределённости и необходимость в более гибких подходах к управлению образовательными процессами спровоцировали в университетах разработку инновационных систем, которые интегрируют в себя как образовательные, так и административные функции.

Изучение правовых, статистических и исследовательских данных о трансформации системы высшего образования указывает на снижение скорости её цифровизации. Цифровизация процессов подготовки и приема в вузы не устранила существующее неравенство среди абитуриентов из различных социальных слоев, а внесла в него новые аспекты. Это различия в доступности и скорости интернета, а также в наличии необходимых устройств. Социально-экономическое положение семьи продолжает оставаться ключевым фактором в выборе образовательной стратегии. К тому же, разница в обеспеченности вузов доступом к широкополосному интернету и необходимым оборудованием, а также наличие платных подписок на платформах для видеоконференций, создают дополнительное неравенство между учебными заведениями в привлечении абитуриентов.

Научные исследования этих систем претерпели изменения в ходе пандемии, начиная с анализа методик онлайн-обучения и заканчивая оценкой её последствий в различных областях. С завершением пандемии процесс цифровизации не прекратился. На смену пришли новые направления исследований, связанные с использованием искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности. Также остается актуальной проблематика этики в контексте цифровой трансформации.

Цифровизация в сфере высшего образования также и способствовала возникновению новых форматов и возможностей, благодаря которым удалось компенсировать ряд недостатков и усилить преимущества. Процесс цифровизации, например, трансформировал традиционные лекции в онлайн-формат, обеспечив более эффективное и сжатое представление учебного материала. Цифровые образовательные платформы, такие как Stepik, предоставляют доступ к модульным лекциям, которые студенты могут просматривать в удобное время и контролировать своё понимание материала по каждому модулю.

Регулирование этических вопросов связанных с цифровизацией образования (гибридным форматом обучения, онлайн-занятиями и использованием искусственного интеллекта в академической работе) станет значительным конкурентным преимуществом для российских вузов. Важно предусмотреть нормативные документы, которые с одной стороны, например, ограничат использование искусственного интеллекта в написании текстов студентами, подобно практике китайских учебных заведений, и с другой стороны, будут предполагать активное внедрение российских разработок в области генеративного ИИ для наращивания возможностей ИИ-тьюторинга. Эффективная модель регулирования этих вопросов может стать ключевым элементом для привлечения зарубежных студентов и укрепления международного сотрудничества между вузами [5].

Развитие искусственного интеллекта оказало революционное влияние на образовательную сферу, кардинально меняя её методы и подходы. ИИ не только оптимизирует процесс обучения, улучшая его качество и эффективность, но также снижает нагрузку на преподавателей и освобождает их от рутинных задач. Современные разработки в области ИИ выходят за рамки простой проверки текстов на ошибки или выполнения функций ответа на вопросы. На данный момент, ИИ функционирует как комплексный ассистент на всех этапах образовательного процесса, выполняя роль помощника, поддержки и, в некоторых случаях, наставника [3].

Одним из лидеров в области развития ИИ является компания Google, которая весной 2024 года представила новую серию моделей на базе технологии Gemini, получившую название LearnLM. Эта разработка оказалась настолько значимой, что заслужила особое внимание как новаторский тренд в образовательной области. LearnLM предлагает

радикально новые подходы к обучению, предоставляя уникальные возможности для пересмотра традиционных образовательных практик.

Регулирование этических вопросов связанных с цифровизацией образования (гибридным форматом обучения, онлайн-занятиями и использованием искусственного интеллекта в академической работе) станет значительным конкурентным преимуществом для российских вузов. Важно предусмотреть нормативные документы, которые с одной стороны, например, ограничат использование искусственного интеллекта в написании текстов студентами, подобно практике китайских учебных заведений, и с другой стороны, будут предполагать активное внедрение российских разработок в области генеративного ИИ для наращивания возможностей ИИ-тьюторинга. Эффективная модель регулирования этих вопросов может стать ключевым элементом для привлечения зарубежных студентов и укрепления международного сотрудничества между вузами.

1. Блинов В.И. *Образовательный процесс в профессиональном образовании: учебное пособие для вузов* / В. И. Блинов [и др.]; под общей редакцией В. И. Блинова. Москва: Издательство Юрайт, 2018. 314 с.
2. Вишневецкая Г.В. *Технологический подход в педагогическом процессе высшей профессиональной школы* / Г.В. Вишневецкая // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2008. №6 (10). С. 235-239.
3. Еркин И.Э. *Цифровые среды: о государственных проектах по инновациям в образовании* / И.Э. Еркин // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых 2022: сборник научных статей 11-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 10–11 ноября 2022 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 304-307.
4. Платформа «Моя школа» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://myschool.edu.ru/> (дата обращения 10.10.2024)
5. Юдина Т.Н., Сёмочкина Н.Н. *Постпандемия: итоги и перспективы цифровизации высшего образования*//Цифровая социология. 2024. Т. 7. № 1. С. 86–96.

БУДУЩЕГО У ОБРАЗОВАНИЯ БЕЗ ФИЛОСОФИИ НЕ БЫВАЕТ

*Пашков Михаил Владимирович
(СПбГУ)*

Обсуждение перспектив инновационного развития российского образования неотделимо от обсуждения тех проблем, с которыми столкнулось отечественное образование в связи с выходом России из Болонского процесса. В этой связи начался процесс его трансформации, ориентированный на поддержку национального суверенитета и технологической независимости. Понятно, что преподаватели высшей школы должны поддержать этот процесс. Однако сделать это без формулировки новых базовых ориентиров и стандартов образовательных практик вряд ли возможно.

Как, например, мотивировать молодежь к ориентации на традиционные ценности, если преподаватель/учитель перестал выполнять функции наставника, он тьютер, он обслуживает интересы обучающихся? Его, как свидетельствуют некоторые публикации, надо учить быть наставником. Но, вот проблема, в светском российском обществе сегодня нет чётко артикулированных критериев нравственности, которые были бы общепринятыми, потому что нет твёрдой мировоззренческой основы.

Как сохранить ведущую роль преподавателей в образовательном процессе, если коммерциализация не только их демотивирует и усиливает роль менеджеров, которые берут на себя основные функции организации образовательного процесса, но и «разобщает» их, лишает возможности обсуждать цели, смыслы, ценности, стандарты образовательных процессов.

Как обеспечить качество образования в условиях, когда этическая составляющая современного образования, обусловленная цифровой учебной аналитикой, компьютерными алгоритмами анализа данных, гипериндивидуализацией образования и достаточно распространёнными формами академического мошенничества, пока только констатируется.

Здесь, по-видимому, в первую очередь речь должна идти о проблемах использования цифровых данных студентов и преподавателей, которые возникли в связи с ростом популярности цифровой учебной аналитики (digital learning analytics), включающей цифровые следы, профили, аналитику по учебным курсам, программам и пр. Несомненно цифровая учебная аналитика – это позитивное явление. Она упрощает мониторинг и планирование образовательного процесса, но порождает и этические риски, которые заложены в её алгоритмах: редукцию процесса обучения и поведения студентов к небольшому числу стандартизированных количественных показателей; замещение профессиональных оценок преподавателей компьютерными алгоритмами анализа данных; нечувствительность алгоритмов к нюансам социального контекста и индивидуальным особенностям студентов; использование данных с целью усиления контроля за деятельностью субъектов образовательного процесса, а также информационную безопасность.

Перечень указанных проблем дополняет и ряд этических проблем, возникших в связи с ростом индивидуализации и гибкости процесса обучения в условиях цифровизации образования. Цифровизация позволяет студенту быть более автономным, брать на себя ответственность за свое обучение и достижение его целей. Однако образ активного и самомотивированного студента, процветающего в цифровой среде, – это один из «мифов цифрового образования». Многие студенты нуждаются в постоянной поддержке и связи с преподавателями. Кроме того, на длительном интервале гипер-индивидуализация обучения повышает риск восприятия образования как частного блага, которое призвано

удовлетворять лишь индивидуальные потребности студентов. Это ставит под сомнение существование образования как общественного блага, как пропагандиста традиционных ценностей, формирующего общественные связи, укрепляющего местные сообщества, поддерживающего инклюзивные нормы и способствующего более справедливому распределению социальных возможностей.

Цифровизация образования не обошла стороной и этические проблемы, связанные с экологической ответственностью производителей цифровой техники и академической нечестностью (мошенничеством) студентов. Известно, что в ходе производства и эксплуатации электронных устройств и сетевого оборудования используются ценные минералы, большое количество электричества, образуются трудно перерабатываемые отходы, создается высокий углеродный след. Все это негативно влияет на окружающую среду, создаёт экологические риски, которые нельзя не учитывать при дальнейшем развитии ее стратегий и практик.

Что касается академического мошенничества, то само по себе оно не ново, существовало задолго до цифровизации образования. Однако только в последнее десятилетие заговорили о мошенничестве как о глобальной индустрии, предлагающей услуги по продаже фальшивых дипломов, сдаче тестов, экзаменов, написанию курсовых работ на заказ. В результате у студентов появилось больше возможностей для мошенничества через веб-сайты, мобильные приложения, социальные сети, а у преподавателей, напротив, сократились ресурсы и время, чтобы выявлять и расследовать все нарушения академической этики.

Особую актуальность эта проблема приобрела в связи с выходом на арену искусственного интеллекта, плоды которого уже можно обнаружить в студенческих работах. Хотя и до появления искусственного интеллекта, студенты уже использовали для выполнения заданий и контрольных работ не только свой мозг, но и другие системы, других людей, считая эту совместную работу своей собственной заслугой. Не ставит ли это обстоятельство перед нами проблему расширения границ мышления, знаний, способностей студентов до «сети коллективного интеллекта», включающего и искусственный интеллект? И как в этой связи не согласиться, например, с точкой зрения профессора Тим Фоунса (Tim Fawns), согласно которой «в процессе познания мы всегда привлекаем, используем и входим во взаимодействие с системами, отличными от нашего мозга (включая наши собственное тело, других людей, материальные объекты, окружающую среду, и технологии». В результате люди и вещи образуют «единую сборку», благодаря чему мышление студентов «осуществляется не внутри их мозга, а через комбинацию/взаимодействие их мозга, тела и внешнего мира. Поэтому уже некорректно говорить, что «я использую компьютер, чтобы думать». Точнее было бы сказать, что мышление осуществляется мной совместно с моим компьютером», а стало быть, процесс обучения и формирования знаний, умений и навыков осуществляется более широким субъектом, нежели отдельный студент [1]

Чтобы все вышесказанное учесть при разработке новой стратегии российского образования, нужен новый философский подход, который помог бы не только описать всю сложность отношений человека и технологий, но и повлиять на политику и практику образования, особенно когда новые идеи приходят в противоречие с укоренившимися структурами и практиками образовательного процесса, такими как индивидуальные оценки и рейтинги студентов; оцифрованные представления о способностях; заранее определенные, индивидуальные цели обучения и т. д..

Несмотря на то, что университеты в России в основном созданы институтами власти, а не гражданским обществом, тем не менее определять направление развития российского

образования только Указами Президента и Постановлениями Правительства было бы не совсем перспективно. Если успех российского образования в его самобытности, то эту самобытность, по-видимому, следует обосновать, как обосновывали самобытность России наши философы на рубеже XIX – XX веков. Иначе говоря, российское образование должно быть вставлено в философскую рамку.

Заметим, что термины «философия», мировоззрение» практически не употреблялись в последние десятилетия при обсуждении проблем российского образования. Это и понятно, пока мы были в рамках Болонского процесса можно было и забыть о его философских основаниях. Все заимствовалось и цитировалось. Перед преподавателями стояла только одна задача разрушить монокультурное сознание «Homo Sovieticus» (советского человека) и приобщиться к уже сложившейся европейской философской традиции и ее системе ценностей, утверждающих плюрализм, постмодернизм, либерализм и т.д.

В настоящее время все меняется. Какую бы заявленную сегодня для обсуждения проблему образования мы не взяли, ее успешное решение не отделимо от формирования его философских оснований. Речь, конечно, идет не о принципах классической философии, а о смыслах философии жизни или мировоззрения как учения о смыслообразующем центре мира («архэ», как сказали бы древние), который определяет место человека в мире и задает систему его ценностных ориентаций. Каждое мировоззрение предполагает наличие целостной, иерархически выстроенной, логически непротиворечивой картины мира и соответствующей ей системы отношений человека ко всем объектам и явлениям действительности – системы ценностей.

Конечно, ценности могут существовать и существуют только в абстрактной (духовной) форме, но построенные на их основе идеи могут выступать мобилизирующим и цементирующим началом для социальных движений, а наличие критериев разделения существенного и несущественного в условиях рассеянного внимания, клипового мышления и стремления к личной свободе, присущие поколению Z, могли бы помочь этому поколению структурировать и систематизировать свои знания, перевести их в плоскость практических действий, научили бы его выбирать интеллектуальные ресурсы, определять направление развития личности, формулировать видение мира, соответствующее времени и задачам практики.

Начинать решение этой проблемы нужно, по-видимому, не только с общих рассуждений и дискуссий о качестве, стандартах и ценностных ориентациях высшего образования. Требуется и создание организации, (агентства, социального движения), в которую были бы включены все участники образовательного процесса и которые взяли бы на себя регулирование и обеспечение качества высшего образования. Их основной ролью стало бы обеспечение того, чтобы студенты получали высококачественное образование в высшем учебном заведении России, а поставщики высшего образования руководствовались бы теми ценностными ориентациями и стандартами, которые вырабатывались бы на основе коллективного творчества и прежде всего преподавателей и студентов.

Fawns, T.: <https://timfawns.com/expanding-the-unit-of-analysis-of-learning/> - Expanding the unit of analysis of learning - Timbocopia

РЕАЛЬНО-ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЦИФРОВОЙ НЕЙРОПЕДАГОГИКИ

*Полицинская Екатерина Викторовна
(Национальный исследовательский Томский политехнический университет)*

Аннотация. В образовании происходят изменения, связанные с цифровой сферой. Появляется новое направление – цифровая нейропедагогика. Она изучает процессы адаптации, обучения и развития головного мозга человека в непрерывном цифровом потоке данных. Особое значение уделяется реально-виртуальному пространству.

Ключевые слова: цифровая нейропедагогика, высшее образование, реально-виртуальное пространство.

Современный мир находится в состоянии постоянной трансформации под воздействием цифровых технологий [1]. Одной из областей, на которую оказывается огромное влияние этот процесс, является образование. Цифровизация образования – это не просто адаптация новых технологий в учебном процессе, но и переосмысление педагогических стратегий, методов обучения и взаимодействия между преподавателями и студентами.

Цифровая нейропедагогика - это относительно новое направление в образовании, которое использует современные информационные технологии для улучшения образовательного процесса. Она основывается на принципах нейропедагогики - науки о том, как мозг обучается, и добавляет в этот контекст использование цифровых технологий для обогащения опыта обучающихся [2].

Цифровая нейропедагогика использует реально-виртуальное пространство для адаптации, развития и функционирования мозга в цифровом потоке.

Реально-виртуальное пространство в рамках цифровой нейропедагогики представляет собой комбинацию реального и виртуального обучения. Это позволяет учащимся получить более глубокое понимание материала, благодаря использованию интерактивных симуляций, виртуальных лабораторий, обучающих игр и других инструментов, которые активизируют различные учебные центры мозга. [3]

Реально-виртуальное пространство цифровой нейропедагогики сочетает в себе физическое и виртуальное миры для обеспечения эффективного обучения. Эта концепция предполагает использование технологий виртуальной и дополненной реальности для создания интерактивных и персонализированных образовательных сред.

Одним из основных преимуществ реально-виртуального пространства является возможность моделирования сложных ситуаций и экспериментов, которые невозможно воспроизвести в реальной жизни. Например, студенты могут использовать VR-гарнитуры для изучения анатомии человеческого тела, изучая внутренние органы и системы организма в трехмерной среде. Также возможно создавать виртуальные лаборатории, где студенты могут проводить химические реакции и физические опыты без риска для своего здоровья.

Реально-виртуальное пространство также предоставляет возможности для социального взаимодействия и сотрудничества между студентами. Они могут общаться друг с другом, обсуждать проблемы и решать задачи вместе, находясь в разных географических точках. Это особенно полезно для студентов, которые живут далеко от учебных заведений или не могут посещать занятия лично по каким-либо причинам.

Реально-виртуальное пространство позволяет создавать инновационные и эффективные способы обучения, которые соответствуют индивидуальным потребностям и способностям каждого студента.

Можно привести примеры использования комбинации виртуально-реальных технологий в образовании:

Виртуальные экскурсии. Студенты могут посетить исторические места, музеи и другие культурные объекты, не покидая классной комнаты.

Симуляторы. Студенты могут практиковать навыки и техники в безопасной виртуальной среде, например, хирургия, управление автомобилем или авиацией.

Образовательные игры. Студенты участвуют в интерактивных играх, которые позволяют им исследовать новые концепции и решать сложные задачи.

Учебные лаборатории. Студенты проводят научные эксперименты и наблюдают за биологическими процессами в виртуальной лаборатории.

Интерактивные учебники. Студенты используют AR-технологии для получения дополнительной информации и визуализации контента прямо на страницах книги.

Комбинация VR и AR технологий открывает множество возможностей для создания инновационных и увлекательных способов обучения, которые помогают студентам лучше усваивать материал и развивать навыки критического мышления.

Комбинация виртуально-реальных технологий обучения имеет несколько преимуществ:

Персонализация обучения: каждая студенческая группа может быть настроена на свои уникальные нужды и интересы. Студенты могут выбирать уровни сложности заданий и проходить курсы в своем собственном темпе.

Эффективность: благодаря интерактивности и наглядности материала, студенты быстрее запоминают и усваивают информацию. Это сокращает время на изучение материала и увеличивает продуктивность.

Мотивация: виртуальные и реальные среды делают обучение более захватывающим и интересным. Студентам нравится участвовать в интерактивных заданиях и исследовать виртуальные миры.

Доступность: студенты могут учиться в любое время и в любом месте, используя мобильные устройства или компьютер. Это особенно важно для студентов, которые проживают в отдаленных районах или имеют ограниченные возможности передвижения.

Безопасность: в некоторых ситуациях, таких как обучение управлению транспортными средствами или работа с опасными веществами, виртуальная реальность позволяет студентам тренироваться без риска для своей безопасности.

Совместная работа: виртуальная среда позволяет студентам совместно работать над проектами и заданиями, даже если они находятся в разных местах. Это развивает навыки командной работы и сотрудничества.

Гибкость: комбинирование виртуальной и реальной среды позволяет преподавателям легко адаптировать содержание курса и методы обучения в зависимости от потребностей студентов.

Таким образом, реально-виртуальное пространство цифровой нейропедагогики представляет собой инновационный подход к обучению, который объединяет передовые технологии, знания о работе человеческого мозга и методики обучения. Это позволяет создать более интересное, эффективное и индивидуализированное обучение, которое способствует развитию обучающихся и подготовке их к сложностям современного мира.

Благодарность. «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00046, <https://rscf.ru/project/23-28-00046/>»

1. Морозов А.В. Трансформация цифровой образовательной среды в условиях технологических возможностей // *Человеческий капитал*. – 2023. – № 12(180). – С. 117-123

2. *Вербицкая, Н.О. Цифровая трансформация непрерывного образования: новый виток развития нейропедагогике / Н.О. Вербицкая // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 6–20. DOI: 10.14529/ped190301*
3. *Горикова О.О. Выявление возможностей цифровой трансформации процесса подготовки конкурентоспособного выпускника вуза // Современные проблемы науки и образования. – 2024. – № 2.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33309> (дата обращения: 29.06.2024).*

РОЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ЭПОХУ ПОЯВЛЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ИИ)

*Рагимова Сабина Исмаиловна
(Санкт-Петербургский Государственный Университет)*

Научно-технический прогресс поставил преподавателей высшей школы перед необходимостью овладения рядом компетенций, которые связаны с использованием лучших практик в педагогической и научной деятельности. Компетенции преподавателя – это совокупность знаний, умений и навыков, которые необходимы для успешного выполнения рабочих задач в сфере педагогики и исследовательской работы. В результате исследования Кокоева Р.Т. и Хетагов В.К. выделяют такие компетенции: глубокое знание предмета, критическое и творческое мышление, коммуникационные навыки, психологическая культура, организаторские способности, нравственные качества [2, с. 3]. Их можно отнести к универсальным компетенциям, которые требуются педагогу любой сферы.

В настоящее время к универсальным компетенциям стоит также добавить и умение пользоваться цифровыми технологиями. Так, если использование электронных видов коммуникации и использование «цифрового офиса» (пакеты офисных программ) не вызывают затруднения [1, с. 58], то появление искусственного интеллекта вынуждает преподавателей совершенствовать свои знания в области цифровизации. Появление генеративного искусственного интеллекта (ИИ), позволяющего создавать оригинальные тексты, изображения, видео, аудио по запросу человека, не только открывает новые возможности для преподавателей и студентов, но также накладывает и определенные ограничения.

Цифровая образовательная среда требует от преподавателей работать с новыми инструментами для автоматизации процессов, создавать цифровой контент, знать о современных образовательных трендах. Кроме этих навыков, преподаватель должен учитывать и то, что студенты тоже пользуются ИИ. Чаще всего это можно квалифицировать как студенческое мошенничество. Согласно данным исследования Сысоева П.В., 61,3% обучающихся использовали ИИ для плагиата или заимствования [3, с. 41]. Кроме того, у студентов появляется возможность не читать научные статьи или учебники полностью, не искать самим ответы на интересующие вопросы. Это приводит к обесцениванию одной из главных целей обучения – самостоятельно искать и обрабатывать нужную информацию. Эта проблема требует от преподавателей переосмысления дидактической компетенции: составления задач, с которыми не справится ИИ. Такой подход предполагает, что преподаватель должен понимать, как работает генеративный ИИ, так как с этого начинается борьба преподавателя за развитие позитивно-критического мышления студентов, которые, как известно, используют ИИ для выполнения заданий, не вызывающих интереса и не требующих творческого подхода.

Перед преподавателями на первый план выдвигается задача, используя возможности коммуникативно-профессиональной компетенции, поддерживать заинтересованность студентов и на занятиях, и за их пределами. Это обусловлено тем, что в цифровую эпоху с ее доступом к огромным массивам данных и множеством возможностей преподаватели становятся не источником знаний, а ментором, наставником. Он должен помочь студентам позитивно-критически относиться к решению поставленных образовательным процессом задач, т.е. мыслить, опираясь не на готовые ответы, предоставленные ИИ и описывающие опыт прошлого, а ища нестандартные решения, которые ценятся в цифровую эпоху.

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что если студентам использование ИИ часто мешает развивать свои творческие способности, то, напротив, преподавателям его использование помогает избавиться от рутинных обязанностей, которые ему можно делегировать. Благодаря этому появляется время, которое можно использовать для научно-исследовательской деятельности или на создание виртуальной образовательной среды (онлайн образовательного контента), внедрение которой в образовательный процесс помогает привлечь студентов своей интерактивностью и удобством. Заинтересованность университета в использовании ИИ может быть выражена регламентацией его использования как для преподавателей, так и для студентов. Она должна включать в себя не только ограничения по пользованию, но и возможные способы внедрения ИИ в образовательный процесс.

Следовательно, технологии ИИ нельзя просто игнорировать, потому что они уже существуют и используются. Следует отмечать положительные стороны развития этой технологии и контролировать ее использование в недопустимых случаях. Преподавателям стоит быть готовыми к трансформации образовательного процесса.

1. *Авилкина С. В. Статистический анализ уровней цифровых компетенций преподавателей // Статистика и экономика. 2020. №4.*
2. *Кокоева Р. Т., Хетагов В. К. Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 3.*
3. *Сысоев П. В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом // Высшее образование в России. 2024. №2.*

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ КАК ОСНОВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Романова Валерия Игоревна
(УрГЭУ)

Аннотация. В условиях суверенизации отечественного образования, необходимости совершенствования и повышения качества обучения особую значимость приобретают результаты прикладных исследований в сфере образования. Авторы рассматривают роль и значение результатов таких исследований в процессе совершенствования деятельности образовательных учреждений. Особое значение придается вопросам развития инклюзивного обучения – одного из важнейших направлений государственной политики. Показывается значение исследования и совершенствования сопровождения детей с особенностями развития и здоровья в рамках инклюзивного обучения.

Ключевые слова: прикладные исследования, инклюзия, сопровождение, психолого-педагогическое сопровождение, стратегии педагогического воздействия, педагогические условия, инновации в образовании.

Прикладные исследования в системе образования являются отправной точкой, фундаментом, на котором строится совершенствование и развитие существующих методов и подходов к обучению. Результаты, выводы, рекомендации и разработки, выполненные в ходе исследований, дают возможность построения актуальных эффективных стратегий педагогического воздействия. В педагогической сфере принято разделять исследовательскую деятельность на три мощных пласта, каждый из которых реализуется посредством соответствующих методов: во-первых, это фундаментальные педагогические исследования, во-вторых, прикладные и особое место занимают методические разработки. Безусловно, основополагающую роль играют фундаментальные исследования, целью которых является научная работа в области теоретических основ образования, исследование педагогических явлений, формирование новых концепций и подходов в обучении. Плодами таких изысканий являются такие инновации в сфере педагогики, как например, энвайронментальная педагогика, базирующаяся на экологической культуре. Еще один пример достижений в данной области исследований – это, так называемая, педагогика сотрудничества, базирующаяся на совместной деятельности учителя и учеников, а также адаптации учебного процесса под индивидуальные особенности обучающихся, реализуемая без принуждения, а напротив, с акцентом на формирование желания, стремления к обучению.

Учебный процесс и определенные аспекты педагогической деятельности – это уже предмет прикладных исследований, результатом которых являются новаторские методики. К области прикладных исследований относится, например, исследования в сфере инклюзивного образования, а именно разработка специальных педагогических методик, которые позволяют сделать образование доступным для детей с особенностями здоровья и развития. В настоящее время стратегия инклюзии активно внедряется в деятельность школ, учреждений СПО, ВУЗов. Данное направление является новацией. Сейчас эта тенденция набирает обороты и очень жестко контролируется со стороны государства. При этом особую значимость приобретают исследования инноваций в данной области, результаты которых позволяют оптимизировать стратегию инклюзии, совершенствовать деятельность образовательных учреждений. Именно инновации, пересборка и кардинальное форматирование образовательных технологий позволяют адаптировать классическую

фундаментальную систему под таких детей. Актуальность данного направления в образовании базируется, прежде всего, на основах социальной политики страны, направленной на равные условия обучения для всех. Основной смысл инклюзии – это одинаковое отношение ко всем обучающимся и создание особых условий для тех, кто в них нуждается. Прикладные исследования инноваций в образовании позволяют выработать рекомендации и совершенствовать организацию инклюзивного обучения. Внедрение, развитие инклюзивного образования мы рассматриваем как одну из наиболее актуальных стратегий совершенствования деятельности современного образовательного учреждения, стратегий, которые соответствуют современным потребностям общества и актуальной политике нашего государства.

Рассмотрим основные инновации, направленные на развитие данного направления в образовании. Особое место здесь занимает сопровождение инклюзивного обучения. Это связано с тем, что инклюзивное обучение требует особого отношения к этому процессу и от преподавателей, и от методистов. Организационно-педагогическое сопровождение должно обеспечивать условия комфортного психологического пребывания обучающихся в образовательном учреждении, в том числе способствовать реализации прав обучающихся, а также контролировать ответственность обучающихся за свои действия. В рамках образовательного процесса важно создание взаимоотношений, основанных на взаимопонимании и принятии, не смотря на ограничения здоровья обучающихся. Важно чтобы сопровождение согласовывалось со структурой образовательного процесса. Как показывают исследования, успех организационно-педагогического сопровождения в рамках инклюзивного обучения обеспечивается объединением усилий учителей, самих обучающихся, их родственников и специалистов – психологов, методистов, медиков и др. Инновацией в сопровождении особенных обучающихся является тьюторинг. Тьюторство в рамках инклюзивного образования может быть организовано в разных форматах: помощь в освоении учебных предметов, дополнительные консультации, совместная проектная деятельность, формирование интереса и мотивации к обучению у ребенка, индивидуализация процесса обучения, сопровождение в выстраивании конструктивных отношений с преподавателями и другими обучающимися. Прикладные исследования тьюторства, как одного из наиболее перспективного направления в рамках инклюзии, могут значительно повысить качество обучения и в целом способствовать совершенствованию деятельности образовательного учреждения. Кроме особого внимания к обучающимся с особенностями физического и умственного состояния здоровья, важно проводить работу с преподавателями. Необходимо разрабатывать современные инновационные эффективные обучающие курсы для педагогических работников, инструктажи, семинары, методические пособия – то есть всё то, что поможет в работе с особыми детьми, снизит напряжение и нагрузку, предотвратит выгорание учителей.

Таким образом, помощь и последние достижения педагогической науки в области организационно-педагогического сопровождения в рамках инклюзивного обучения имеют большое значение, во многом определяют эффективность учебного процесса.

Проведение прикладных исследований в образовании необходимо также для совершенствования направления психолого-педагогического сопровождения в рамках инклюзивного обучения. Классическая система образовательного процесса, способы и форматы проведения занятий, часто и имеющиеся средства обучения не подходят для обучающихся с особенностями здоровья. Существуют также проблемы, связанные с низкой мотивацией таких детей к обучению, осложняющиеся неумением адекватно взаимодействовать и вести себя в коллективе. Это требует особого внимания и участия со стороны педагогов-психологов и выстраивания грамотной психолого-педагогической

поддержки. Она должна быть системной, непрерывной, опираться на последние достижения педагогической науки. Обязательно включать в себя психодиагностику личности обучающихся, психопрофилактику и коррекцию, работу направленную на развитие мотивации и способности к саморазвитию обучающихся, а также инновационные психологические технологии. Важно, чтобы психодиагностика и психокоррекция осуществлялись на начальном этапе обучения. Это необходимо для формирования личностной установки на успеваемость, так как именно успеваемость часто становится основной сложностью для таких детей. Причины неуспеваемости возможно установить через психодиагностику, через изучение мотивации. В настоящее время психология, как наука, обладает значительным спектром инновационных методов, позволяющих провести такой анализ, выстроить коррекцию и психологически стимулировать учебную деятельность.

Таким образом прикладные исследования в образовании позволяют гармонично интегрировать достижения смежных областей научного знания, в том числе инновации психологии, в образовательный процесс, развивать актуальное для отечественного образования направление инклюзии, решать задачи диагностики, коррекции, проблемы общения, конфликтности, психологического дискомфорта, низкой мотивации обучающихся, оказывать действенную помощь в организации образовательного процесса учителям и в целом обеспечивать совершенствование деятельности образовательного учреждения.

1. *Олейникова О.Н. Современное состояние и международные тенденции развития профессионального образования / О.Н. Олейникова, А.А. Муравьева, Н.М. Аксенова. – М.: Логос, 2022. – 160с.*
2. *Романенкова Д.Ф. Организация инклюзивного обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в профессиональных образовательных организациях/ Д.Ф. Романенкова, Н.А. Романович. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2013. – 116 с.*

ПОЗИТИВНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ШКОЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

*Русских Людмила Викторовна
(Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет))*

В современной школе конфликты стали практически нормой взаимоотношений всех участников образовательного процесса, они не вызывают удивления и воспринимаются большей частью нашего общества как неизбежное сопровождение школьной жизни. Следует оговориться, что под школьными конфликтами принято понимать те конфликты, которые так или иначе связаны с образованием. Исследования, посвященные анализу причин, стратегий поведения и разрешения возникающих в процессе обучения конфликтов, весьма многочисленны. Большинство из них посвящены поиску преодоления деструктивных функций этих конфликтов, что вполне объяснимо тем вредом, которые они наносят и психике учащихся, и качеству обучения. Деструктивная функция педагогических конфликтов проявляется в разрушении формальных и неформальных отношений, появлении психологического напряжения, создающего дискомфорт в общении, совместной деятельности участников образовательного процесса. Но ряд авторов (А.Я. Анцупов, Л.А. Петровская, А.И. Донцов, Т.А. Полозова и др.), выделяют и конструктивные функции педагогических конфликтов. Конструктивная функция заключается в следующем: конфликт выступает в роли источника развития и самосовершенствования личности, помогает адаптироваться к новым условиям, способствует сплочению коллектива, является источником снятия психологической напряженности, выявляет ценности, интересы и установки школьников.

Для изучения школьных конфликтов нами было проведено исследование, основной целью которого является выяснение причин конфликтов в школе. Исследование проводилось в г. Челябинске среди учеников 9-11 классов общеобразовательных школ, лицеев и гимназий. Выборочная совокупность составила 300 человек, выборка квотная по основным социально – демографическим характеристикам учащихся. Результаты исследования показали, что различные конфликты происходят у большей части учеников. Причем, на наличие конфликтов влияет тип учебного заведения. Так факт конфликтных ситуаций в общеобразовательной школе отмечают 69,5% учащихся, в гимназиях – 39,3%, меньше всего конфликтов происходит в лицеях – 38,5%. Мы можем объяснить эту закономерность более высоким уровнем дисциплины в гимназиях и лицеях, а также тем, что ученики данных образовательных учреждений удовлетворены учебой в большей степени, чем ученики общеобразовательных школ.

Было выяснено, что наиболее частой причиной возникновения конфликтов между учениками и учителем становится субъективная оценка знаний учащихся, когда оценивается в первую очередь личность ученика, а не его знания (39,6% опрошенных). Распространенными причинами также школьники назвали излишнюю строгость педагогов по отношению к ученикам (32,4 %) и личностные качества ученика и учителя (30%). Невыполнение заданий на уроке и дома нередко способствует появлению конфликтов с учителями (27,7%). Нарушение дисциплины на уроке как причину возникновения конфликта с педагогами отметила четверть опрошенных. Одинаковое число опрошенных считают причиной конфликта с учителем пропуск занятий (13,1%) и проблемы с успеваемостью (13,2%), между данными причинами есть взаимосвязь, так как из-за прогулов ученику становится сложнее усваивать пропущенный материал и это может повлиять на ухудшение успеваемости по предмету. Можно сделать вывод о том, что старшеклассники испытывают меньше проблем с учебой, чем с несправедливым

оцениванием со стороны педагогов. Тем не менее, чаще всего старшеклассники при возникновении конфликтов с учителями стараются пойти на уступки, понимая, что отстаивание своей точки зрения может привести к ухудшению отношений с учителем в дальнейшем.

Исследование показало, что среди опрошенных преобладает средний уровень удовлетворенности отношениями в классе (40,0%), школьников с высокой оценкой атмосферы в классе чуть меньше – 34,0%, и лишь четверть относится к ученикам с низким уровнем удовлетворенности своим классом. Но, несмотря на это, около половины учеников отмечают, что чаще всего конфликты в школе у них происходят с одноклассниками. Наиболее популярным видом конфликтов между одноклассниками, по мнению учеников, являются отношения в классе. Данную причину отмечают 90,0% опрошенных, 57,7% учеников считают, что конфликты с одноклассниками чаще возникают из-за травли. Половина отмечает, что конфликт наиболее часто вызван расхождением интересов. Самым нераспространенным видом конфликта внутри класса школьники называют конкуренцию за статус в группе (18%). Это может быть связано с тем, что в старшей школе иерархия в классе уже более-менее выстроена и меньшее количество учеников считают нужным бороться за лидерство. На причины конфликтов в классе влияет тип учебного заведения. Так среди гимназистов самой популярной причиной конфликтов между одноклассниками выступает обман, сплетни и зависть. (66,1%). При этом главной причиной может стать зависть, так как уровень дохода семей школьников-гимназистов выше, чем у остальных. Конкуренция за лидерство в классе в два раза выше у гимназистов, чем в обычных школах. Особенности внешности среди учеников общеобразовательной школы становятся причиной конфликта чаще, чем у лицейстов и гимназистов. В проявлении конфликтного поведения существуют и гендерные различия. Так, мальчики более склонны к конфликтам и проявляют в них активную физическую агрессию, для девочек в конфликтной ситуации более характерно проявление вербальной агрессии.

Наиболее действенным способом разрешения конфликта, по мнению школьников, является сотрудничество (43,2%), при котором каждый старается найти решение, от которого выиграют обе стороны. Следующим по популярности способом является компромисс (32,8%), когда обе стороны немного уступают соперникам в своих интересах, чтобы удовлетворить более значимые. При компромиссе участники конфликта путем торга, обмена и уступок пытаются найти такое решение, которое ведет к удовлетворению сиюминутных решений каждого. Компромисс, в отличие от сотрудничества, является более поверхностным способом установления мира – каждый уступает в чем-то одном и это помогает достичь общего решения проблемы.

От грамотного разрешения конфликта зависит психологический климат в школьном коллективе и успешность дальнейшего взаимодействия как между учителем и учеником, так и между учениками, что, в конечном итоге, приводит к улучшению качества образования и повышению его эффективности.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБРАЗОВАНИИ: ПРЕОБРАЗОВАНИЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

Свиридов Борис Александрович
(*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Российский
государственный социальный университет*)

Аксенова Дарья Сергеевна
(*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова*)

Каххоров Сафиуллохон Хаидович
(*ГБОУ Школа №2057 им. И.С. Барова*)

Аннотация. В статье рассматривается применение искусственного интеллекта в сфере образования. Можно констатировать, что искусственный интеллект улучшает процессы обучения, формирует цифровую и информационную культуру у обучающихся и тем самым позволяет персонализировать процесс обучения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, обучение, цифровая культура, знания

Искусственный интеллект представляет собой программу, которая обобщает, классифицирует, анализирует данные, а затем делает выводы на их основе. При этом в настоящее время не существует универсального и общепринятого определения [2]. Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года, которая утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года, искусственный интеллект – это «совокупность технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека и достигать результатов, как минимум сопоставимых с человеческим интеллектом, что также включает в себя способность к самообучению и поиску решений без заранее заданных алгоритмов» [1]. В Указе также написано, что к технологическим решениям относятся инфраструктура информационно-коммуникационных технологий, программное обеспечение, процессы и услуги по обработке данных и поиску решений [1]. В 1992 году, согласно ГОСТ 15971 – 90 искусственный интеллект определялся как «способность компьютерной машины имитировать мыслительные процессы путем выполнения функций, традиционно ассимилируемых с человеческим интеллектом, таких как обучение и логическое рассуждения» [3]. В 2021 году был введен ГОСТ Р 59277 – 2020, содержащий набор определений и классификаций, характеризующих искусственный интеллект [3].

В последние годы искусственный интеллект все более активно внедряется в различные сферы жизни, одна из которых — образование. Искусственный интеллект имеет потенциал не только для улучшения процесса обучения, но и для изменения методов преподавания, управления образовательными учреждениями и оценки результатов. Одним из главных достоинств искусственного интеллекта в образовании является возможность персонализации учебного процесса. Современные образовательные платформы, использующие алгоритмы машинного обучения, могут адаптировать материал под индивидуальные потребности и способности каждого ученика. Система может анализировать успеваемость, стиль обучения и предпочтения ученика, чтобы предложить наиболее подходящие ресурсы и задания. Чат-боты и виртуальные ассистенты на базе искусственного интеллекта становятся все более популярными в образовательных учреждениях. Они предоставляют круглосуточную поддержку обучающимся, отвечая на часто задаваемые вопросы, помогают в поиске нужных материалов и даже выполняют административные функции, такие как запись на занятия или напоминания о сроках сдачи

работ. При этом искусственный интеллект способствует автоматизации процессов оценки и проверки знаний. Используя алгоритмы обработки естественного языка, системы могут проводить автоматизированное оценивание тестов и писем, что значительно снижает нагрузку на преподавателей. Такой подход обеспечивает более объективную оценку и позволяет выделить области, требующие дополнительного внимания. Также искусственный интеллект способен обрабатывать и анализировать большие объемы данных, что открывает новые возможности для исследования образовательных тенденций. Данные об успеваемости студентов, их взаимодействиях с образовательными ресурсами и обратной связи могут быть использованы для оптимизации учебных программ и улучшения стратегии преподавания. Искусственный интеллект значительно повышает доступность образования для различных категорий студентов, включая людей с ограниченными возможностями. Специальные адаптивные технологии, разработанные с использованием искусственного интеллекта, могут учитывать индивидуальные потребности обучающихся и предлагать уникальные решения, способствующие их обучению. Использование технологий виртуальной и дополненной реальности в сочетании с искусственным интеллектом открывает новые горизонты в преподавании. Обучающиеся погружаются в виртуальные учебные среды, где могут взаимодействовать с моделями, проводить эксперименты и изучать сложные концепции в интерактивном формате. Это делает процесс обучения более увлекательным и эффективным.

Выводы. Искусственный интеллект в образовании уже сегодня трансформирует учебный процесс, делая его более персонализированным, доступным и эффективным. Несмотря на существующие вызовы и опасения, связанные с внедрением технологий, потенциал искусственного интеллекта в образовательной сфере трудно переоценить. Будущее, в котором искусственный интеллект станет органично интегрированным в повседневную практику обучения и преподавания, представляется не только перспективным, но и неизбежным.

1. *Искусственный интеллект Российской Федерации [Электронный ресурс]:* офиц. сайт. – Режим доступа: <https://ai.gov.ru/auth/>. – 05.10.2024.

2. Ларчев, Д.В. *Искусственный интеллект: понятие, признаки, классификация / Д.В. Ларчев // Правовой альманах. – 2024. - №1 (32). – С. 29-34.*

3. *Росстандарт [Электронный ресурс]:* офиц. сайт. – Режим доступа: <https://www.rst.gov.ru/portal/gost//home/standarts/catalognational> – 05.10.2024.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОБУЧЕНИЮ В СИСТЕМАХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ И ИРЛАНДИИ

Сорокин Никита Сергеевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью как презентации достижений отечественного подхода к обучению в системе высшего образования, так и определением направлений его совершенствования на основе анализа возможностей применения ряда зарубежных практик в обучении. В качестве эмпирического метода, составляющего основу проведенного анализа, выступает включенное наблюдение. Автор является выпускником Санкт-Петербургского государственного университета и университета «Griffith College Dublin» в Ирландии и в процессе обучения фиксировал разные ситуации в дневнике наблюдения.

С целью проведения сравнительного анализа подходов к обучению в системах высшего образования России и Ирландии определены критерии сравнения, представленные в таблице 1.

Таблица 1. Критерии сравнения подходов к обучению в системах высшего образования России и Ирландии

Критерии сравнения	Россия	Ирландия
Объем информации, получаемой на занятиях	Выше, чем в Ирландии	Ниже, чем в России
Проектный подход в обучении	Используется не в каждой образовательной дисциплине, однако его распространенность расширяется	Используется в каждой образовательной дисциплине в качестве обязательного компонента
Командные задания	Предусмотрены в некоторых дисциплинах, однако работа в команде, как правило, не является обязательной	Предусмотрены примерно в половине дисциплин в каждом семестре, работа в команде является обязательной
Порядок формирования команды для выполнения задания	Учащийся, как правило, имеет свободу в формировании своей команды для выполнения задания	Учащийся не имеет возможность выбирать других членов команды, ибо команда формируется преподавателем на основании параметров разнообразия: гендерного, культурного разнообразия, а также разнообразия личностных характеристик, измеряемых специальным тестом.
Оценочная система для сдачи экзамена/задания	От 3 (удовлетворительно) до 5 (отлично)	От 50 до 100, однако оценок выше 90 практически не бывает, и оценка от 70 трактуется как отличный результат.

Учащиеся российских вузов обладают значительно большим объемом теоретических знаний ввиду получения разносторонней информации, обязательной для изучения.

Вместе с тем, немало выпускников не знает, как использовать большую часть полученных знаний. Так, результаты анализа и сопоставления разных источников, представленные Кудринской Л.А., показывают, что менее половины опрошенных выпускников и работодателей оценили российское высшее образование как соответствующее современной экономике [4, с. 12].

Оптимальным способом преодоления разрыва между большим объемом знаний и умением применять их на практике, является проектный подход в обучении. Данный подход предполагает систему обучения, в которой учащиеся приобретают знания, умения и навыки в процессе работы над конкретным проектом, направленным на решение практических задач [2, 3, 5]. Проекты предусмотрены в каждой дисциплине любой программы в Griffith College Dublin. Заказчиками таких проектов зачастую выступают реальные компании, которые в дальнейшем оценивают лучшие проекты, отобранные преподавателем, и назначают встречу с авторами данных проектов. Проектный подход, в свою очередь, мотивирует учащегося

к высокому результату ввиду возможности установления контакта с потенциальным работодателем. Учебный план в Ирландии также характеризуется гибкостью в связи с ежегодным изменением как учебного плана в рамках отдельной дисциплины, так и набора дисциплин в рамках образовательной программы в соответствии с требованиями рынка труда. Участие работодателей в комиссии по защите выпускных квалификационных работ, а также решение практических кейсов в ряде образовательных дисциплин распространено в российских вузах, в том числе в Санкт-Петербургском государственном университете. Вместе с тем, целесообразно расширять данную практику на большее число дисциплин и вузов.

Ряд проектов требует командной работы. Ожидания от работников навыка работы в команде со стороны современных российских компаний отмечается российскими исследователями. Обращено внимание на роль командной работы в развитии следующих навыков: навыков общения с разными людьми, навыков эмпатии как способности понимать эмоциональное состояние других людей, корректируя свое поведение в соответствии с данным состоянием, навыков конфликто разрешения, а также умение позиционировать себя, включая определение своей роли в команде [1]. Командные задания в вузах Ирландии предусмотрены как на гуманитарных, так и на технических и естественно-научных специальностях. При этом команды для выполнения задания формируются преподавателем на основании разнообразия членов команды. С одной стороны, данный подход к формированию команды способствует развитию толерантности к различиям между людьми, например, к различиям характера, способностей и т.п., что весьма необходимо в компаниях. С другой стороны, система, в которой командные работы являются обязательными, не учитывает индивидуальные особенности ряда людей, которые эффективнее работают в одиночестве, нежели в коллективе. Более того, необходимо учитывать социокультурные особенности. Например, в России некоторые работники из сферы IT имеют трудности в коммуникации с людьми, однако являются высококлассными специалистами в критических для экономики областях и легко справляются со сложными задачами в одиночестве. Более того, следует принять во внимание более высокий уровень прямолинейности наших граждан, в связи с чем комбинация группы из весьма разных людей может привести к конфликтам. В свою очередь, данная ситуация также повлечет дополнительную нагрузку и стресс преподавателей, которые будут вынуждены разрешать возникшие конфликты.

Достоинствами оценочной системы в России является ее компактность и вытекающая из нее рациональность в использовании преподавателями рабочего времени на оценку результатов. Вместе с тем, в качестве недостатка следует отметить трудность в проведении границы между оценками, что приводит к ситуациям получения одинаковой оценки учащимися с весьма различным уровнем достигнутого результата. Достоинством использования оценочной системы Ирландии является отчетливость измерения различий в

достижениях между учащимися, что, в свою очередь, приводит к более высокой мотивации учащихся к выполнению заданий на высшем уровне. Вместе с тем, в качестве недостатков данной системы следует отметить высокий объем времени, которое преподаватель вынужден посвящать оценке результатов.

Таким образом, российская система высшего образования имеет ряд достижений, включая большой и разносторонний объем знаний, получаемый учащимися, учет индивидуальных особенностей учащихся, у которых способности к решению сложных задач («тяжелые навыки») могут быть развиты значительно лучше в сравнении с навыками общения с совершенно разными людьми («мягкими навыками»). Вместе с тем, представляется целесообразным развитие в российской системе высшего образования ряда практик, используемых в обучении в Ирландии:

1. Внедрение проектного подхода в большинстве образовательных дисциплин с целью преодоления разрыва между большим объемом знаний и умением их применять на практике. Данная мера, в свою очередь, предполагает расширение взаимодействия с работодателями, их участие в разработке образовательных дисциплин и практических заданий в рамках данных дисциплин.

2. Проведение добровольного эксперимента в ряде дисциплин по формированию преподавателем команд для выполнения учебного задания.

Добровольность участия в эксперименте с предоставлением любому учащемуся альтернативной возможности индивидуального выполнения учебного задания является неотъемлемой мерой, позволяющей учесть отечественные социокультурные особенности. С целью распределения в команды учащихся, согласившихся участвовать в эксперименте, необходимо провести тест, измеряющий социально-психологические характеристики (например, тест Белбина), далее сформировать команду студентов из 4-6 человек с соблюдением между ними различий, как по социально-психологическим характеристикам, так и по полу. В то же время, в отношении студентов старших курсов вместо социально-психологического теста также представляется возможным использование данных об их успеваемости на предыдущих этапах обучения, с целью комбинации команды из учащихся, которые различаются по уровню мотивации и способностям.

1. Богданова, М.М. Формирование у студентов-первокурсников компетенции «Готовность к командной работе» / М.М. Богданова, О.М. Кузеванова, С.Ю. Шевелев // *Московский педагогический журнал*. – 2024. – № 1. – С. 125–136.
2. Ивашина, М.М. Применение проектного подхода в обучении на разных уровнях образования / М.М. Ивашина // *Актуальные проблемы экономики и менеджмента*. – 2021. – № 2 (30). – С. 33–39.
3. Киселева, Н.И. Проектный метод обучения как механизм формирования профессиональной социализации / Н.И. Киселева // *Самоуправление*. – 2023. – № 3 (136). – С. 381–384.
4. Кудринская, Л.А. Качество и востребованность высшего российского образования в зеркале социологии / Л.А. Кудринская // *Материалы XIV Международной научно-практической конференции «Омские социально-гуманитарные чтения – 2021»*. – 2021. – С. 9–15.
5. Седых, Е.П. Проектный подход к управлению образовательной системой высшего образования / Е.П. Седых // *Проблемы современного педагогического образования*. – 2018. – № 60-3. – С. 293–298.

ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЕ НАПИСАНИЯ ДИССЕРТАЦИЙ

*Уражок Татьяна Викторовна
(ФГБОУ ВО «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова»)*

*Когтева Ульяна Андреевна
(ФГБОУ ВО «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова»)*

Аннотация. Рассматривается актуальность применения технологий искусственного интеллекта в сфере образования и науки. Совершенствование ИИ происходит стремительно. Буквально на наших глазах производятся попытки приблизить работу нейросети к работе человеческого мозга. Использование нейросетей в области написания и редактирования научных текстов открывает как новые возможности, так и создает определённые риски.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образование, наука, аспирантура, диссертация, исследования.

В настоящее время широкое распространение во многих областях деятельности приобретает использование искусственного интеллекта. Нейросети стали серьезными помощниками, позволяющими быстро и эффективно подобрать оптимальное решение поставленной задачи. Несмотря на все противоречия, связанные с использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ), несомненным остается тот факт, что современному рынку труда нужны специалисты, обладающие навыками работы с ним. Технологии искусственного интеллекта настолько тесно входят в нашу жизнь, что игнорировать их применение невозможно.

Сфера образования и науки не является исключением. Главной задачей нейросетей становится решение самых сложных задач с аналитическими данными. Таким образом, нейронные сети - искусственные, многослойные высокопараллельные (т. е. с большим числом независимо параллельно работающих элементов) логические структуры, составленные из формальных нейронов [3]. Появление такого рода технологий стало для многих специалистов и учащихся существенной помощью в решение ряда бюрократических и учебных задач (например, проверка домашних заданий, контрольных и самостоятельных работ обучающихся, подготовка к занятиям и так далее). Ни для кого не секрет, что научные и педагогические работники, в настоящее время, очень сильно загружены и их время сильно ограничено. С одной стороны, искусственный интеллект открывает определённые возможности для научного творчества, с другой – предполагает определённые риски. Но если преподаватели в силу опыта и широкого спектра навыков обладают возможностью верифицировать информацию, то многие студенты этим качеством не обладают и используют технологии ИИ в качестве средства легкого решения образовательных задач. В этой связи можно отметить два типа использования нейросетей в сфере образования и науки. Первый – заключается в осознанном использовании искусственного интеллекта для обработки конкретного массива числовых или текстовых данных в целях выполнения рутинных задач, составления шаблонов. Второй тип – неосознанный, когда индивид использует нейросети в целях получения полностью готовой работы с получением ответов на все вопросы и с решением всех задач. Как правило, такая работа получается очень низкого качества. Происходит некоторое злоупотребление данной

технологией и «перекладывание» на ИИ творческих и исследовательских функций индивида. В практике широко известны примеры, когда студенты пытаются писать дипломную работу с помощью ИИ и без должного надзора со стороны экспертов и специализированного программного обеспечения работа превращается в плагиат. Не обходит стороной использование ИИ и область диссертационных исследований. Производятся попытки экспериментов написания диссертаций нейросетями. Так, нейросеть OpenAI ChatGPT o1 написала код к докторской диссертации научного сотрудника NASA всего за один час и шесть запросов [4]. Сам научный сотрудник разрабатывал данный код в течение 10 месяцев. Данный случай является одним из первых, когда такие технологии используется официально для участия в написании диссертационного исследования. Автор исследования Кайл Кабасарес отмечает, что несмотря на то, что нейросеть использовала для написания собственные сгенерированные данные, у нее есть большой потенциал [4]. Следует отметить, что представленное обновление o1 демонстрирует серьёзное продвижение и совершенствование алгоритмов и библиотек искусственного интеллекта. Серия o1 стала первой крупной языковой моделью, которая пытается рассуждать «как человек». Она не дает быстрых ответов, теперь ей требуется время чтобы обработать запрос, разбить его на части и рассмотреть несколько вариантов ответа [5]. Отмечается, что данная серия показала высший балл по сложному тесту от Google (GPQA Dimond), где собраны вопросы по биологии, химии и физике. Впервые нейросеть опередила экспертов, обладающих научными степенями и участвующих также в решении данного тестирования. В OpenAI поясняют, что принимающие участие в тестировании эксперты набрали чуть менее 70% по GPQA Diamond, в то время как o1 в целом набрала 78%, причем особенно высокий балл (93%) по физике [6]. Один из разработчиков тестирования GPQA, Дэвид Рейн, отметил, что данный результат значительно выше, чем у других чат-ботов [6].

В этой связи как никогда раньше возрастает роль контролирующих инстанций всех уровней за работами, в которых были использованы нейросети. В научной деятельности осуществление контроля за применением искусственного интеллекта является наиболее важным, так как наличие серьезного плагиата, недостоверных исследований могут стать губительными для российской науки. Важный контроль за качеством предоставляемых работ осуществляется практически на каждом этапе написания диссертации. Научный руководитель – самый главный и центральный эксперт по верификации и проверке достоверности предоставляемой работы. Также важнейшей программой на протяжении многих лет остается Антиплагиат.вуз, которая постоянно совершенствуется. На этапе представления диссертационного исследования в диссертационный совет регулирование качества работы осуществляет непосредственно экспертный совет. Следует отметить еще один немаловажный орган общественного контроля, осуществляющий постоянный контроль за диссертациями, даже защищенными много лет назад, это сообщество Диссернет, который много лет стоит на страже чистоты российской науки. Известны случаи, когда после выявления в диссертациях плагиата у кандидатов были отозваны ученые степени.

Несомненно, что нейросети стремительно развиваются и начинают переходить на новую концепцию своего функционирования – еще большего усложнения процессов. Делаются попытки максимально приблизить работу нейросети к человеческому мышлению. То есть повышение точности ответа или подбора решения происходит тогда, когда проходит определённое время, выстраивается цепочка логических размышлений, предоставляется выбор из множества ответов. На текущий момент можно сказать, что нейросеть не может полностью написать диссертацию, потому что она не может обеспечить, во-первых, достоверность (большинство данных сеть искусственно

синтезирует), во-вторых, сгенерировать новизну исследования. Пока что она не может обобщить и проанализировать весь массив проведенных исследований, экспериментов и теории и вывести новое знание. С отдельными конкретными практическими запросами нейросети, как показала практика, прекрасно справляются.

Также открытым остается вопрос сохранности и конфиденциальности вводимых данных (если, например, это реальные исследовательские эмпирические данные), ведь данная сеть обучается на каждом отработанном запросе и нет гарантий, что ваши данные не будут использованы для синтеза другого ответа.

В заключение следует отметить, что невозможно остановить научно-технологический прогресс, какой бы не была критика нейросетей, они уже стали частью общественной жизни. Сфера образования и науки долго сторонились ИИ, но в итоге на разных уровнях были введены послабления в области использования ИИ. Так, например, бывший председатель Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Владимир Михайлович Филиппов допустил применение ИИ диссертантами, но при условии правильного оформления заимствований. Однако использование ИИ в диссертационных работах законодательно ещё не закреплено и не утверждено. Научное сообщество настороженно относится к их использованию при подготовке научных работ, так как и среди студентов, и среди аспирантов встречаются случаи злоупотребления данной технологией.

Наука – высшая форма общественного сознания, создающая и систематизирующая объективные знания о действительности. Научное знание всегда должно стремиться соответствовать критериям объективности и истинности. Ухудшение качества исследований приведет к снижению уровня диагностики реальных проблем общества в целом. Наука не должна превращаться в псевдонауку. Необходимо осуществлять контроль за использованием искусственного интеллекта в научных текстах. Получить помощь в написании базового кода или помощь в обработке социологических данных (обработка голоса или других данных) – честное и осознанное использование ИИ. И совсем другое – написание фрагмента текста диссертации. Ведь по новым правилам сначала пишется ВКР, а потом только – непосредственно текст диссертации. Из-за двойной работы аспирант часто не успевает качественно проработать текст диссертации на момент выпуска из аспирантуры. И риск воспользоваться помощью ИИ и отдать подготовку текста диссертации на откуп нейросети резко возрастает.

1. Дочкин С.А. Создание цифровой образовательной среды с использованием нейросетей / С.А. Дочкин, Н.В. Костюк // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. №65. – 2023. С. 287-296
2. Шукина Т. В. Цифровая среда обучения и искусственный интеллект в системе высшего образования в условиях экспорта образования / Т.В. Шукина // Наука. Информатизация. Технологии. Образование Материалы XIII международной научно-практической конференции. – 2020. С. 186-197
3. Нейронные сети. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/neironnye-seti-e734b3>
4. ChatGPT o1 написал докторскую диссертацию за час [Электронный ресурс]. URL: <https://roboticsworld.ru/it-ai/chatgpt-o1-napisal-doktorskuyu-dissertatsiyu-za-chas/>
5. ChatGPT получил новую модель o1: что умеет нейросеть, которая научилась «сложным рассуждениям» [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/chatgpt-o1-release/>
6. 'In awe': scientists impressed by latest ChatGPT model o1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-024-03169-9>

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОЦЕНИВАНИИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ РАБОТ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

*Фадеева Мария Михайловна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

На сегодняшний день искусственный интеллект (ИИ) является неотъемлемой частью нашей жизни – его используют миллионы людей ежедневно в различных сферах деятельности. Однако применение технологий ИИ в профессиональной среде сопряжено с рядом этических вопросов, требующих тщательного рассмотрения. Нельзя не признать очевидных преимуществ, которые предоставляют технологии ИИ. Они позволяют автоматизировать такие рутинные задачи, как проверка текста на орфографические и пунктуационные ошибки, создание текстового, визуального и мультимедийного контента. Безусловно, самым ценным ресурсом, который экономят технологии ИИ, является время.

В образовании применение ИИ также получило широкое распространение. Многие учащиеся используют ИИ-технологии, чтобы ускорить выполнение домашних работ и снизить вероятность ошибок. Однако такое влияние ИИ на образовательный процесс зачастую оценивается скорее негативно, поскольку может приводить к снижению самостоятельности и критического мышления учеников.

В то же время работа учителя представляет собой сложную, трудоемкую задачу. Помимо ежедневного взаимодействия с учениками, педагогам необходимо тратить значительное количество времени на проверку самостоятельных работ. Часто эта работа выходит за рамки рабочего графика, вынуждая учителей продолжать ее дома.

Возможно ли использование технологий ИИ для автоматической оценки самостоятельных работ учащихся и помощи учителям? Какие преимущества и ограничения может иметь такое решение? Сможет ли ИИ успешно оценивать даже творческие задания, такие как эссе, доклады и презентации?

1. Д.Л. Еськин *ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБУЧЕНИИ* // МНКО. 2023. №6 (103);
2. *AI in Education: How Teachers can Use AI in the Classroom* // *Schoolsthatlead*
URL: <https://www.schoolsthatlead.org/blog/ai-in-education> (дата обращения: 10.10.2024).

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ

*Федорова Екатерина Дмитриевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Исследование проведено в рамках проекта РНФ №24-18-00542
«Экосоциальная модель социального государства в России:
концептуальные основы, дискурсы, институты», который
реализуется в СПбГУ*

Искусственный интеллект уже более десяти лет является подрывной инновацией во всем мире. Искусственный интеллект стал неотъемлемым компонентом современной жизни, оказав влияние на такие технологии, как программное обеспечение для распознавания речи, навигационные приложения, автономные роботы и системы распознавания лиц. В последние годы пересечение искусственного интеллекта и образования породило преобразующие возможности, особенно в сфере инклюзивного образования. Инклюзивное образование, характеризующееся своей приверженностью предоставлению равных возможностей обучения для всех учащихся, столкнулось с многочисленными проблемами при удовлетворении разнообразных потребностей в обучении. Появление технологии искусственного интеллекта представляет собой многообещающий путь для преодоления этих пробелов, предлагая индивидуальные решения для удовлетворения индивидуальных различий и способствуя созданию среды, которая принимает разнообразие.

В Указе Президента Российской Федерации № 490 от 10 октября 2019 года "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" и Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года термин «искусственный интеллект» определяется, как "комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека" [2]

Инклюзивное образование — это модель образования, которая направлена на удовлетворение потребностей всех детей, особенно в случаях, когда может возникнуть риск социальной изоляции, а также на обеспечение доступа к качественному образованию с равными возможностями, справедливому и равноправному для всех.

Искусственный интеллект может произвести революцию в инклюзивном образовании, предлагая инновационные решения для удовлетворения разнообразных потребностей учащихся в обучении. Следующие приложения искусственного интеллекта иллюстрируют успехи, достигнутые в создании более инклюзивной образовательной среды:

Персонализированные платформы обучения: персонализированные платформы обучения на основе искусственного интеллекта анализируют индивидуальную успеваемость учащихся, их предпочтения и темп обучения. Это позволяет педагогам адаптировать учебный контент и стратегии для удовлетворения конкретных потребностей каждого учащегося [5].

Технологии распознавания речи и преобразования текста в речь: технологии распознавания речи и преобразования текста в речь на основе искусственного интеллекта помогают учащимся с различными способностями к обучению, например, с дислексией или

нарушениями речи. Эти инструменты способствуют созданию более инклюзивной среды в классе, преобразуя устную речь в письменный текст и наоборот [4, 838]

Системы адаптивной оценки и обратной связи: адаптивные инструменты оценки на основе искусственного интеллекта оценивают знания и навыки учащихся, предоставляя обратную связь в режиме реального времени и адаптируя уровень сложности на основе индивидуальных результатов. Это гарантирует, что оценки будут адаптированы к способностям каждого ученика, способствуя более инклюзивному процессу оценки [3,223]

Дополненная реальность для доступности: приложения дополненной реальности могут улучшить доступность, предоставляя виртуальную поддержку и дополнительную информацию. Например, дополненная реальность предложить интерпретацию языка жестов или отображать дополнительную информацию, связанную с занятиями в классе, что приносит пользу ученикам с различными образовательными потребностями [7]

Распознавание эмоций для социального взаимодействия: инструменты распознавания эмоций на базе искусственного интеллекта могут помочь преподавателям в понимании эмоционального состояния учащихся. Это особенно ценно для поддержки учащихся с аутизмом или эмоциональными расстройствами, помогая создать более чуткую и инклюзивную среду обучения [6, 1175].

Искусственный интеллект в сфере инклюзивного образования имеет ряд преимуществ:

Персонализированное обучение: системы искусственного интеллекта могут анализировать такие данные об учениках, как успеваемость, предпочтения и стиль обучения, для создания персонализированных траекторий обучения. Это может быть особенно полезно для учащихся с различными потребностями в обучении, в том числе с ограниченными возможностями или языковыми барьерами.

Адаптивная среда обучения: платформы на базе искусственного интеллекта могут регулировать уровень сложности материалов, предоставлять дополнительную поддержку или решать задачи, а также предлагать альтернативные методы обучения, основанные на ответах учащихся в режиме реального времени. Эта динамичная адаптация учитывает индивидуальные темпы обучения и предпочтения, способствуя более глубокому вовлечению и пониманию.

Инструменты обеспечения доступности: искусственный интеллект может значительно повысить доступность за счет автоматической генерации расшифровок, перевода текста в речь или преобразования визуального контента в альтернативные форматы. Это позволяет учащимся с сенсорными или когнитивными нарушениями получать доступ к информации и активно участвовать в процессе обучения.

Интеллектуальные системы обучения: преподаватели на базе искусственного интеллекта могут оказывать индивидуальную поддержку и обратную связь, отвечать на вопросы и выявлять пробелы в знаниях. Это может снизить нагрузку на преподавателей и предложить учащимся немедленную помощь, особенно тем, кто нуждается в дополнительной академической поддержке.

Раннее вмешательство и выявление: алгоритмы искусственного интеллекта могут анализировать данные, чтобы выявить учащихся, подверженных риску отставания или нуждающихся в специальных вмешательствах. Это позволяет своевременно выявлять и принимать упреждающие меры для решения отдельных проблем до того, как они обострятся [1, 162]

Искусственный интеллект в инклюзивном образовании открывает возможности для преобразования учебного пространства и обеспечения доступности для разных учащихся. Интеграция технологий искусственного интеллекта может

удовлетворить уникальные потребности учащихся с различными способностями и стилями обучения, способствуя созданию более инклюзивной образовательной среды. Предоставляя персонализированный опыт обучения, адаптивный контент и обратную связь в режиме реального времени, инструменты искусственного интеллекта могут учитывать индивидуальные сильные стороны и проблемы, создавая более справедливый образовательный процесс.

По сути, интеграция искусственного интеллекта в инклюзивное образование обладает огромным потенциалом для создания более доступной, персонализированной и справедливой среды обучения. Благодаря ответственному внедрению и постоянному сотрудничеству мы можем использовать возможности искусственного для устранения барьеров и предоставления учащимся всех способностей для процветания в инклюзивной образовательной экосистеме.

1. *Владимиров Н.М. Нейрообразование и проблемы субъектности инклюзии // Специальное образование. – 2022. – №1 (65).*
2. *Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». – URL: <http://viascientiarum.mggeu.ru/wp-content/uploads/2020/09/Dorogaznanij-1-2020.pdf>. (дата обращения: 07.10.2024)*
3. *Baker, R. S., D'Mello, S. K., Rodrigo, M. M., & Graesser, A. C. Better to be frustrated than bored: The incidence, persistence, and impact of learners' cognitive-affective states during interactions with three different computer-based learning environments // International Journal of Human-Computer Studies, - 2010 -№68(4), - p.223-241.11.*
4. *Kerly, A., Ellis, R., & Bull, S. CALMsystem: Combining Computer and Human Tutoring in an Intelligent Learning Environment. // Computers & Education - 2008 - №50(3) - p.838-853*
5. *Murray, D. Personalized Learning: A Guide for Engaging Students with Technology. // International Society for Technology in Education. - 2018*
6. *Picard, R. W., Vyzas, E., & Healey, J. Toward Machine Emotional Intelligence: Analysis of Affective Physiological State // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence - 2001 - №23(10) - p. 1175–1191.*
7. *Sánchez, J., Saldaña, D., & Huertas, A. Augmented Reality for the Teaching of Basic Sign Language Vocabulary to Deaf Students // Sensors - 2018 - № 18(6)*

Секция 9: Молодёжь в меняющемся мире: идентичности, ресурсы, возможности самореализации

МЕГАПОЛИСЫ РОССИИ В АССОЦИАЦИЯХ ИХ МОЛОДЫХ ЖИТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

*Абросимова Наталья Валерьевна
(Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна)*

Аннотация

В статье автор затрагивает вопросы образа идеального города, трендов развития комфортной общественной среды, а также приводит результаты пилотного исследования, в рамках которого молодые жители Санкт-Петербурга и Москвы и их ближайших окрестностей рассказывали о своих ассоциациях относительно этих мегаполисов.

Ключевые слова: образ города, общественные пространства, мегаполисы России, ассоциативный опрос

Современные большие города являются территорией, которой свойственны открытые пространства для работы (опенспейсы), главная цель которых, согласно терминологии Харрисона Оуэна, – интенсификация коммуникации между людьми в результате отказа от «вертикального» менеджмента [2, 23]. Кроме этого, можно наблюдать и дальнейшее развитие этого тренда. Речь идёт о следующих принципах обустройства общественных и рабочих пространств (и не только в Москве и Санкт-Петербурге) [1]:

дружелюбие по отношению к животным, например, разработка специального меню, предложение пледов, воды, лежанок [4], чтобы «поход в заведение не стал стрессом для... питомца» [3];

превращение в креативные пространства, арт-кластеры и неофициальные точки притяжения бывших заводских помещений, заброшенных зданий и т.п. (например, в Москве: ЦСИ «Винзавод», «Зотов», Центр дизайна Artplay, Дом культуры «ГЭС-2», Хлебозавод №9, «19:01 на Кристалле», центр AzArt на Маросейке, в Петербурге: «Красный треугольник», культурный центр «Левашовский хлебозавод», «Севкабель Порт», «Новая Голландия» и пр.);

развитие офисных пространств в формате «phygital», в основе которого – сочетание комфорта, удобства и уникального цифрового технологичного предложения для каждого клиента и сотрудника [5];

ориентация на устойчивый дизайн и критерии экологичности BREEAM или LEED [2].

В рамках перечисленной выше тенденции и используя перечисленные концепции, автор провела опрос молодых людей женского и мужского пола, преимущественно проживающих на момент опроса в агломерациях Санкт-Петербурга (N=183) и Москвы (N=192). Опрос был посвящён их ассоциациям относительно Петербурга и Москвы. Проживающим в московской агломерации задавались два вопроса относительно Москвы, в петербургской – Петербурга. Набор респондентов проводился среди студентов колледжей и вузов двух столиц. Опрашиваемые отвечали на вопросы анкеты, переходя по ссылке на Google Forms. Все вопросы по теме опроса были открытыми. Возраст опрашиваемых в обеих группах: от 17 до 35 лет.

Жителям Москвы и окрестностей был задан вопрос «С чем у Вас ассоциируется Москва?». В результате группировки ответов, получены такие результаты (представлены в написании ответивших): *1 место по упоминаниям* - «красоты, красота», *2 место* - «прекрасная инфраструктура», «комфорт», «инновации», «движение», *3 место* - «Родина», «столица России», «центр России», *4 место* - «люди», «толпа», «большой город», «пробки», «стресс», «цены», *5 место* - «мероприятия», «архитектура».

Далее опрошенным было предложено назвать их самое любимое место в Москве, на что были получены такие варианты. Самыми популярны стали: *1 место* - «Красная Площадь», «Патриаршие пруды», *2 место* - «дом», «моя квартира», *3 место* - парк «Сокольники», «парк в Южном Бутово», «парк возле дома», «парк долины реки Чертановки».

Опрошенным задавался также вопрос «С чем у Вас ассоциируется самое любимое место в Москве?». В результате сопоставления ответов получились такие сочетания: «Красная площадь» чаще всего ассоциировалась с «родиной», «патриотизмом», «историей Родины», «силой Родины». «Патриаршие пруды» - с «красивыми зданиями», «интересными людьми», «пафосом», «элитой», «бизнесом», «движухой», «богатством», «мечтами», «высоким уровнем жизни», «красивой жизнью», «блеском», «ложью».

Жители петербургской агломерации дали на аналогичные вопросы такие ответы. На вопрос «С чем у Вас ассоциируется Петербург?» опрошенные ответили так: *самая популярная группа* ответов – «архитектура» («архитектура», «дом Зингера», «Казанский собор», «мосты», «разводные мосты», «красивые здания», «набережные», «Петропавловская крепость», «стрелка В.О.», «Эрмитаж», «готика», «дворы», «Невский проспект и его здания» и т.п.), *на втором месте* группа ответов под условным названием «погода Петербурга» («непредсказуемая», «плохая», «пасмурная» погода, «холод», «дожди», «дождливость», «мало солнца»), *третье место* – «положительные эмоции, чувства, восклицания, ощущения» («любовь», «романтика», «нежность», «сказка», «душа», «легкость», «жизнь», «свобода», «возможности», «сила», «самовыражение», «комфорт», «уют», «кайф!», «спокойствие»), *четвертое место* заняла группа под общим наименованием «искусство и творчество» («искусство», «картины», «культура», «достопримечательности», «книги», «литература», «поэзия»), *пятое место* у «природы» («белые ночи», «ночь», «природа», «закаты», «летние рассветы», «небо», «осень», «вечерние променады»), *шестое* - у «общепита» («кофе», «кофейни», «бары», «клубы», «булки», «пышки», «шаверма»), *седьмое место* – у «красивого города» («красивый город», «красота», «эстетика», «прекрасный город»), *восьмое* занимает «дом» («дом», «родное место», «рождение», «друзья»), *девятое место* – «реки и каналы» («каналы», «речные каналы», «Нева», «море, вода», «теплоходы»), *десятая группа* – «социальные проблемы» («сигареты», «наркотики», «криминал», «разврат», «бомжи», «соль», «нелегальная миграция», «грязь»), *одиннадцатая группа* ответов – «история» («историчность», «история», «винтаж», «классика», «Петр I»), *двенадцатая группа* – «неприятные чувства и эмоции» («грустно», «депрессия», «серость», «скучно», «угрюмость»), *тринадцатая* – «стиль, мода», *четырнадцатая* – «туризм» («много туристов», «сувениры»), в последнюю *пятнадцатую группу* вошли ассоциации, названные один-два раза: «грильяж», «русский рок», «желтый», «стереотип», «современность», «неформалы», «психология», «город который не спит».

На предложение назвать самое любимое место в Петербурге были ответы, которые были объединены в такие группы (по убыванию популярности): 1) районы, улицы города, 2) парки, сады, природные места, 3) две группы: а) кафе, ТЦ, б) культурные центры, музеи, соборы, 4) две группы: а) площади и б) набережные, 5) книжные магазины и библиотеки,

б) здания, 7) затруднившиеся с ответом, 8) кинотеатры, 9) две группы: а) весь город в целом и б) мосты. Что касается ассоциаций, возникающих относительно самого любимого места в Петербурге, то, самое часто называемое место при ответе на предыдущий вопрос («старый центр Петербурга») вызывает такие ассоциации у опрошенных: «дом», «любовь», «счастье», «спокойствие», «стиль», «дружба», «история», «красиво», «кофейни», «романтика», «закаты», «соборы», «культура», «атмосфера», «монументальность», «прогулки на катере», «Петр I», «Эрмитаж», «уличные музыканты», «старые дома», «архитектура».

Вспоминая категорию «идеального города», скажем в заключение, что в таком городе «людям нравится быть на улице» [6, 54], и данное субъективное представление о нём связано не только с возможностью быстро и комфортно передвигаться, но и посещать места, в которых приятно общаться и отдыхать [6, 54], а также иметь возможности для личностного и профессионального роста.

1. Бадамишина М. *Пэт-френдли, phygital и другие тренды развития пространств в регионах* // РБК. 31.05.2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/cmrm/658c27669a79472c7c87c79c> (дата обращения: 08.10.2024)
2. Средняк К. В. *Технология открытого пространства: как и когда это работает* // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2015. №5. С. 23-27
3. *Если хозяин с тобой: места в Петербурге, где можно перекусить в компании домашнего питомца* // KudaGo.com. 12 мая 2017 12:50. URL: <https://kudago.com/spb/list/esli-hozyain-s-toboj-mesta-v> (дата обращения: 08.10.2024)
4. Павлюкевич Д. *30 кафе и ресторанов Петербурга, где вам с собакой точно будут рады* // Собака.ру. 29 марта 2023. URL: <https://www.sobaka.ru/bars/chtogdeest/164621> (дата обращения: 08.10.2024)
5. Селезнев М. *Территория комфорта: как банковские офисы стали похожи на кафе* // РБК. 29.04.2022. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/626142179a79478c21b3ab56> (дата обращения: 08.10.2024)
6. Хохлова Н. И., Шibaева Л.В. *Образ современного идеального города в разных возрастных группах* // Управление образованием: теория и практика. 2021. №4. С. 54-63

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ОБ УСПЕХЕ КАК ОРИЕНТИР ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ

*Алексеева Екатерина Александровна
(Казанский (Приволжский) Федеральный Университет)*

Аннотация. В работе проведен анализ смыслов и ценностных ориентаций, которые вкладывают молодые люди, занятые трудовой деятельностью, в понятие «успех». Респонденты в возрасте до 35 лет чаще всего «успех» связывают с *деньгами, семьей и карьерой*. Проведена связь выборов с возрастом, гендером, образованием и сферой деятельности. Выявлена зависимость выбора таких компонентов как *должность, свобода и социальные связи* и сферы деятельности молодых людей.

Ключевые слова: успех, жизненный успех, ценности, работа, работающая молодежь, трудовая стратегия, жизненная стратегия, стратегия жизни

Понятие «успех» появилось в российской культуре относительно недавно, в период развития рыночной экономики и имело значение синонимичное «американской мечте», олицетворяя ценности капиталистического общества со всеми его материальными благами [4].

Долгое время представление об успехе имело непосредственную тесную связь с престижной работой, профессиональными достижениями и успешной карьерой, а ценность заработка являлась ключевым трудовым мотивом.

Трансформации ценностных ориентаций, происходящие в российском обществе в последние несколько лет в значительной степени затронули те значения и смыслы, те идеалы и нормы, которыми современный человек наполняет понятие «успех». Исключительно материальный критерий «успеха» и «успешности» сменяется на критерии пользы себе и обществу, индивидуальная успешность переплетается с коллективной.

Существенную трансформацию претерпели и социально-трудовые отношения. Сам факт работы, как труда не всегда несет исключительно инструментальную ценность. Россияне трудоспособного возраста, все больше стремятся возложить на трудовую занятость терминальные функции, ценя в работе интерес, самостоятельность, значимость для общества [3, 158].

Очевидно, что сложившиеся тенденции индивидуальных биографических проектов и жизненных стратегий, свидетельствует о том, что нет и не может быть единой концепции «успешности». Говоря об «успехе», каждый подразумевает свой набор желаемых благ, «идеальную реальность», в зависимости от собственных ресурсов и ценностных ориентаций [2, 226].

Сформировавшись в идеальную картинку светлого будущего, представление об успехе определяет жизненные цели и средства их достижения, то есть формируется идеальный путь к успеху [1, 158].

Особый интерес представляет изучение представлений об успехе, который сформировался у молодых, но уже работающих людей. Как известно, молодежь – это особая группа, которая отличается амбициозностью и инициативностью, тогда как вступление молодых людей в трудовые отношения, свидетельствует об определенном уровне зрелости.

Для целей нашего исследования актуален вопрос, насколько занятые трудовой деятельностью молодые россияне, ассоциируют собственную успешность с трудовой занятостью. Входят ли в понятие успех традиционные трудовые ценности: *должность, карьера, саморазвитие* или преобладают исключительно финансовые мотивы.

Представленная статья является частью более масштабного исследования, посвященного исследованию трудовых стратегий современных работников. Целью данной работы является определение смыслов, которыми наполняют понятие «успех» работающие молодые люди, насколько современная молодежь связывает понятие «успех» с трудовой деятельностью. В массовой анкетном опросе, результаты которого представлены далее, приняли участие молодые люди до 35 лет включительно (n=453). Опрос был проведен в 2023 году в Республике Татарстан.

Респондентам было предложено выбрать не более трех элементов, непременно составляющих понятия «успех». В результате наибольшее предпочтение получили такие компоненты, как *деньги*, *семья* и *карьера*, причем *деньги* является наиболее частым выбором, его подтвердили более 60% опрошенных (рис.1).

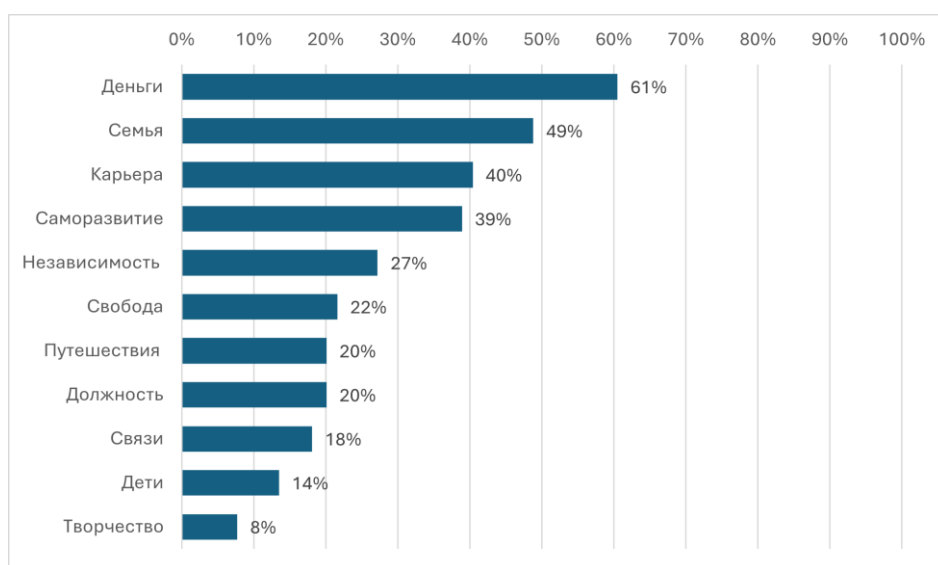

Рис. 1. Распределение выборов составляющие элементы понятия «успех». Множественный выбор.

При рассмотрении социально-демографических характеристик опрошенных респондентов можно отметить, что с возрастом увеличивается значение *семьи* и *детей*; так среди тех, кто младше 25 лет, чуть более трети (37%) сказали, что *семья* является составляющим понятия *успех* и лишь для 6,5% опрошенных для *успеха* необходимы *дети*. Среди ответов молодежи в возрасте от 30 и 35 лет *семья* и *дети* как составляющие понятия *успех* имеют большее значение (55,6% и 18,5% соответственно).

Связь с гендером имеют выборы таких составляющих понятия *успех* как *путешествия*, *независимость* и *социальные связи*: для женщин в отличие от мужчин большее значение имеют *путешествия* и *независимость* (27% и 32,8%, в отличии от 10,3% и 19% соответственно). Для мужчин большее значение, чем для женщин имеют *социальные связи* (23,2% и 14,6% соответственно).

Для достижения целей данной работы наибольший интерес представляют выборы молодых людей, дифференцируемые в социально-трудовой контексте, то есть двухмерное распределение в зависимости от образования, занимаемой должности и сферы деятельности респондентов. По данным исследования молодые люди, не имеющие высшее образованием как фактор *успеха* чаще выбирали *должность* и *социальные связи* (28,2% и 23,7% в ответах респондентов с СПО; 16,2% и 15,5% в ответах респондентов с в/о соответственно).

Интересную зависимость можно наблюдать в представлении об успехе молодых людей, занятых в разных сферах деятельности. Статистическую значимость показали выборы таких составляющих понятия *успех* как *должность*, *свобода* и *социальные связи*.

Должность, как непрременную составляющую понятия *успех* чаще всего назвали работники бюджетной сферы (60%), а реже всего работники сферы информационных технологий (7,9%) и торговли (3,7%). *Свобода* как часть *успеха* больше всего важна для опрошенных самозанятых и индивидуальных предпринимателей (55,6%), чуть меньше для работников сферы образования (36,8%) и меньше всего для работников бюджетной сферы (20%) и сферы ИТ (18,4%). *Социальные связи* наиболее важны для работников торговли (37%) и работников сферы образования (31,6%), а наименьшее значение им придают в сфере услуг (14%) и представители ИТ (10,5%).

Интерпретируя свободные ответы на вопрос: *Как бы Вы описали успешного человека?* почти каждый пятый (18%) сказал, что это *Самодостаточный человек, свободно распоряжающийся своей жизнью*, а по одному из десяти опрошенных молодых людей ответили, что это *Богатый человек, не испытывающий финансовой нужды* (9,2%) и *Смелый и целеустремленный, у которого все получается* (10,3%).

Интерпретация свободных ответов не имеет значимой связи с социально-демографическими характеристиками респондентов, однако выявлена зависимость мнения молодых людей от сферы их деятельности. Так, собственники бизнеса, чаще чем другие давали варианты, связанные с материальным благополучием, работники сферы ИТ и сферы образования под успехом понимают возможность свободно распоряжаться своей жизнью. Работники торговых компаний и сферы услуг олицетворяют успех со смелостью и удачей.

Таким образом, на основе проведенного исследования, для работающего молодого человека в основе успеха синтез таких составляющих как финансы, семья и работа. С возрастом возрастает значение семьи и детей. При анализе двухмерного распределения выборов критерия успех и социально-трудовых характеристик значимых связей не выявлено, однако выявлена статистическая значимость выборов критерии успешности и сферы трудовой занятости молодых людей.

Можно сделать вывод, что именно сфера деятельности, как определенное социальное сообщество со сложившейся организационной культурой определяют ценности молодых людей и их представление об успешности. Или, наоборот, молодые люди выбирают сферу деятельности, не образование, а, преимущественно, сферу деятельности как наиболее релевантный для себя путь к успеху.

Безусловно, данные выводы нуждаются в дальнейшем более глубоком анализе и эмпирическом подтверждении, однако вполне могут выступать в качестве основы и ориентира дальнейших исследований.

1. Маршак, А.Л., Рожкова Л.В. *Жизненный успех в представлениях российской молодежи* // Социологические исследования. – 2015. – № 8(376). – С. 157-160. – EDN UFZJOB.
2. Петрулевич И.А. *Динамика ценностных смыслов в социокультурном пространстве современной России: трансформация понятия успеха* // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социальноэкономические науки. 2023. Т. 16, №6. С. 223–230. DOI:10.17213/2075-2067-2023-6-223-230
3. Темницкий А.Л. *Соотношение терминальных и инструментальных ориентаций на труд у работающего населения России (сравнительный анализ)* // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 3. С. 144–162. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5157
4. Темницкий А.Л. *Ценности жизненного успеха и их воплощение у работающего населения России* // Вестник Института социологии. 2018. №3. С. 122-142. DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.529

АЛЬТРУИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

*Антонова Наталья Леонидовна
(Уральский федеральный университет)*

*Путимцева Кристина Романовна
(Уральский федеральный университет)*

*Исследование выполнено за счет совместного гранта
Российского научного фонда и Правительства Свердловской
области № 24-28-20018, <https://rscf.ru/project/24-28-20018/>*

В статье исследуется роль альтруистического поведения молодежи как фактора социального благополучия в условиях системных изменений. На основе данных опроса выявляются мотивы и практики альтруизма, его влияние на субъективное благополучие, а также рассматриваются позитивные и негативные аспекты этого социального феномена в современном обществе.

Ключевые слова: альтруизм, молодежь, социальное благополучие, системные изменения, субъективное благополучие, социальный героизм, социальные связи, мотивация альтруизма.

В условиях современных системных трансформаций, затрагивающих различные аспекты общественной жизни, проблема социального благополучия становится все более актуальной [2]. Социальное благополучие предстает как состояние общества, в котором обеспечивается высокая степень социальной гармонии, удовлетворенности жизнью и безопасности. Оно включает в себя как объективные показатели, такие как уровень доходов, здравоохранение и доступ к образованию, так и субъективные аспекты, такие как удовлетворенность жизнью и уровень счастья.

Одним из ключевых факторов, влияющих на социальное благополучие, является альтруистическое поведение [4], под которым принято понимать бескорыстное служение людям [3]. В условиях нестабильности и изменений альтруизм выступает не только как проявление индивидуальной моральной позиции, но и как важный социальный механизм, способствующий укреплению социальных связей, солидарности и устойчивости общества [6]. Основной целью нашего исследования стал анализ альтруистического поведения молодого поколения как фактора социального благополучия.

Согласно данным проведенного весной 2024 года исследования, объектом которого выступило молодое поколение Свердловской области в возрасте от 18 до 30 лет (n=641), 77% молодежи совершали безвозмездные поступки, направленные на помощь другим. Молодежь уступает место в общественном транспорте и придерживает двери для человека, идущего следом (77,7%), помогает в выполнении домашних заданий или профессиональных задач (57,3%), а также оказывает материальную поддержку, включая денежные пожертвования и предоставление вещей (47,1%).

Основными мотивами, побуждающими молодых людей к альтруистическим поступкам, стали сопереживание другим (52,6%) и желание сделать мир лучше (43,7%). Идея улучшения мира, как показало ранее проведенное нами исследование [1], заложена и в городском активизме молодого поколения (47%). Это свидетельствует о запросе молодежи на вовлечение в социальные практики, нацеленные на развитие социальной системы через созидательные активные действия.

Полученные материалы показывают, что альтруистическое поведение связано, прежде всего, с бескорыстной помощью ближнему кругу — друзьям, соседям и родственникам: 80,5% опрошенных чаще всего помогали близким, тогда как помощь незнакомым людям оказывали 41% респондентов. Кроме того, альтруизм респондентами также рассматривается как форма социального героизма. 2/3 опрошенных считают, что социальным героем может стать любой человек, независимо от его особенностей и способностей, что подчеркивает важность и значимость альтруизма в современном обществе. Отметим, что для молодого поколения альтруизм оказывает локальное, но значительное влияние на общество, способствуя улучшению качества жизни на уровне отдельных социальных групп.

Несмотря на позитивную оценку альтруизму как социальному феномену в целом и вовлеченность в практики помогающего поведения, респонденты также указали на негативные стороны альтруистического поведения. Так, 65% участников опроса считают, что альтруистом легко манипулировать, а каждый третий полагает, что альтруизм часто сопряжен с жертвенностью, т.е. альтруисты жертвуют личными интересами, здоровьем или материальным благополучием. Кроме того, 32,3% респондентов отметили, что альтруистическое поведение может быть связано с риском для жизни, особенно в ситуациях, требующих немедленного вмешательства или помощи в экстремальных условиях.

Эти данные указывают на необходимость более глубокого осмысления альтруизма как социального явления, учитывая как его положительные, так и отрицательные стороны. Важно учитывать, что, несмотря на высокий уровень одобрения альтруизма как общественной ценности, молодые люди также осознают риски, связанные с чрезмерной самоотверженностью.

Системные изменения, такие как экономические кризисы, политическая нестабильность и социальные перемены, могут оказывать значительное влияние на формы и частоту проявления альтруизма. В условиях неопределенности и нестабильности молодежь часто становится свидетелем и участником процессов, требующих мобилизации социальных ресурсов, в том числе и альтруистического поведения.

Исследование показало, что в период системных изменений увеличивается значимость социальных сетей и сообществ, через которые происходит организация и координация альтруистической активности. Так, 16,9% респондентов отметили, что сетевые сообщества играют важную роль в формировании их альтруистической активности, что подчеркивает роль цифровых технологий в современных социальных процессах.

Кроме того, системные изменения способствуют переоценке ценностей и усилению ориентации на личные и общественные блага. В ходе опроса выяснилось, что 66,9% респондентов считают здоровье одной из важнейших ценностей, что может быть связано с нестабильностью и кризисными явлениями в обществе. Этот факт подчеркивает важность личных и общественных благ в условиях системных изменений, где альтруизм становится одной из форм адаптации и поддержки.

Субъективное благополучие является важной составляющей социального благополучия и включает в себя такие компоненты, как удовлетворенность жизнью, уровень счастья и эмоциональное состояние [5]. Альтруистическое поведение оказывает значительное влияние на субъективное благополучие, как самого альтруиста, так и тех, кому была оказана помощь.

По данным исследования, 84,1% респондентов согласились с тем, что альтруизм способствует повышению субъективного благополучия человека, совершающего

альтруистический поступок. В то же время 90% респондентов выразили мнение, что альтруизм повышает субъективное благополучие людей, которым была оказана помощь. При этом сами опрошенные (59,5%) при получении безвозмездной помощи почувствовали себя счастливыми. Полученные данные подтверждают взаимосвязь между альтруистическим поведением и уровнем субъективного благополучия в обществе, особенно в периоды изменений и нестабильности.

Анализ данных исследования показал, что альтруизм играет важную роль в обеспечении социального благополучия в условиях системных изменений. Молодежь, проявляя альтруистическое поведение, не только укрепляет социальные связи, но и вносит вклад в благополучие общества в целом. В то же время альтруизм имеет и свои риски, связанные с возможностью манипуляций и личными жертвами, что требует осознанного подхода к этому явлению.

Системные изменения усиливают значимость альтруизма как социального механизма, способствующего устойчивости общества. Важно продолжать исследование данного феномена, чтобы лучше понять его роль в современных социальных процессах и разработать рекомендации по поддержке и развитию альтруистической активности молодежи. В условиях нестабильности альтруизм может стать тем фактором, который поможет обществу сохранить устойчивость и преодолеть кризисные явления, обеспечивая при этом высокое качество жизни и социальное благополучие.

1. Антонова Н. Л. *Право на город: мотивация социальной активности городской молодежи* / Н. Л. Антонова, С. Б. Абрамова // *Теория и практика общественного развития*. — 2021. — № 6 (160). — С. 15-19.
2. Карпушина Л. В., Капцов А. В. *Психология ценностей российской молодежи* / Л. В. Карпушина, А. В. Капцов. — Самара: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Самарский научный центр Российской академии наук, 2009 — 252 с.
3. Недошивина М. А. *Ситуационные факторы альтруистического поведения* / М. А. Недошивина // *Человеческий капитал*. — 2019. — №6. — С. 87-96. <https://doi.org/10.25629/НС.2019.06.09>
4. Петровская Ю. А. *Факторы социального благополучия как научная проблема* / Ю. А. Петровская // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. — 2014. — № 4 (36). — С. 137-143.
5. Шамионов Р. М. *Субъективное благополучие личности* / Р. М. Шамионов. — Самара: Издательство «Научная книга», 2008 — 296 с.
6. Якимова Е. В. *Феномен альтруизма: Новые аспекты и современные аналитические тенденции: Введение к тематическому разделу* / Е. В. Якимова // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология*. — 2012. — № 2. — С. 5-14.

ОБАЯНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ К РЫНКУ ТРУДА

Артамонова Марина Васильевна,

(МГТУ ГА)

Ламбаева Ирина Александровна,

(МГТУ ГА)

Аннотация:

Сегодняшний рынок труда в РФ вынуждено расширяет условия и возможности для самореализации молодого поколения. По результатам пилотных опросов студентов московских вузов, проведенных нами 2022,2023 гг., условия профессиональной реализации выпускников как ценностная установка приобретает все большее значение. В статье ставится вопрос о смещении акцентов в требованиях выпускников и работодателей.

Ключевые слова: Жизненные траектории выпускников, рынок труда, поколение “Y”, поколение “Z”, самореализация молодежи, выпускники вузов, РФ, ценности.

Удивительное обаяние нескромных требований современных выпускников российских вузов к рынку труда вызывает вопросы о причинах сложившейся ситуации.

Довольно длительный период - с момента разработки первого поколения государственных образовательных стандартов (ГОС 1992-1996) и по сей день - принципы отношений образовательной системы и рынка укладывались в раздел стандарта «Требования к выпускнику». В разделе для каждого профессионального направления, специальности четко указывалось, что выпускник должен знать и уметь, чтобы получить работу. Конечно, эти требования никогда не соответствовали рыночным запросам абсолютно, но давали диапазон возможностей как выпускнику, так и работодателю в подборе кадров [3, 138, 145-148]. В сущности, каждый работодатель, независимо от сферы экономической деятельности, хотел бы получить высококвалифицированных и дешевых (с позиций заработной платы) работников. И требования эти, можно сказать, вечны и неизменны. А значит изменения основаны на новых условиях на рынке труда. Условие первое: наличие высококвалифицированных работников на рынке труда? Условие второе: готовность нанимателей платить рыночную заработную плату?

Условие первое. В силу демографических причин сокращается численность работоспособного населения и доля образованных и квалифицированных работников соответственно. [1,30,31] На рынок выходят выпускники массовой высшей школы, где высокая квалификация в профессиональной деятельности не самая приоритетная цель образования, скорее стандартизация, диплом как необходимая статусная позиция и социально-личностные компетенции - базовый набор высшего образования. Платное образование создало иллюзию доступности на определенном этапе развития институции образовательных услуг, а между тем, хорошее высшее образование сегодня по-прежнему недоступно. Цены на перспективные образовательные программы достигают пятизначных чисел за семестр. Массовое же высшее образование не гарантирует хорошо оплачиваемую работу.

Условие второе. Готовность платить рыночную стоимость квалифицированного труда явно повысилась, поскольку ресурсов на рынке труда все меньше и работодателям

приходится переманивать сотрудников, предлагая им большую зарплату и другие привилегии.

Когда мы говорим о взаимосвязи образования и рынка труда, мы подразумеваем под образованием - его результат - совокупность компетенций выпускников: социальных и профессиональных. (С уточнением: социальных ценностных установок, знаний, умений и личностной готовности к определенной профессиональной деятельности);

Под рынком труда подразумеваем условия для профессиональной реализации выпускников учебных заведений различного образовательного уровня.

Рынок труда отличается от других рынков способом формирования спроса и предложения. На других рынках спрос формируют люди, а предложение — организации. На рынке труда традиционные правила другие. И, собственно, анализ трудоустройства выпускников всегда исходил из традиционных оценок и представлений взаимодействия института образования и рынка: «традиционным» результатом анализа было заключение: структура подготовки по специальностям и качество этой подготовки не отвечают потребностям экономики. Ситуация кардинально перевернулась: в основной массе выпускники выбирают работодателя, а работодатель предоставляет наилучшие условия для найма. На российском рынке труда наблюдается значительный переизбыток вакансий, компании говорят о дефиците и «текучести» кадров. В 2023 году до трети всех работников крупных и средних российских предприятий сменили место работы: наличие открытых вакансий стимулирует трудовую мобильность: люди меняют работодателя при первой возможности, что в свою очередь, ведет к увеличению планки зарплаты.

Выпускники элитных вузов представляют интересный сегмент, где высокая квалификация еще не подтверждена профессиональными достижениями, но обещает более высокий уровень подготовки относительно стандартных вузов и предложение по зарплате планируется из принципа «нам есть, куда расти».

Рынок труда сейчас занят в основном миллениалами, так называемым поколением “Y”, а вступают в профессиональную деятельность представители иного нового поколения.

<i>Поколения</i>	<i>Период рождения</i>	<i>Период взросления</i>
Мобилизационное поколение	1938 г. и ранее	1941–1955 гг.
Поколение оттепели	1939–1946 гг.	1956–1963 гг.
Поколение застоя	1947–1967 гг.	1964–1984 гг.
Реформенное поколение	1968–1981 гг.	1985–1999 гг.
Поколение миллениалов	1982–2000 гг.	2000–2016 гг.
Поколение Z	2001 г. и позднее	2017 г. и позднее

Рис 1. Классификация поколений (по В.В. Радаеву)

«Пятое поколение (миллениалы, или поколение Y) родилось преимущественно в период реформ (1982–2000), но их взросление происходило в России уже в куда более стабильный и относительно благополучный период — с начала нового тысячелетия. По аналогии можно было бы назвать их «поколением периода стабилизации» [4,36]

Поколение Y выросло в эпоху цифровых технологий и интернета, отличается высокой технологической грамотностью, толерантностью высокой адаптивностью и

стремлением к социальной справедливости, представители его часто выступают за права меньшинств и защиту окружающей среды. Мир, в котором росли миллениалы, сделал их легко адаптирующимися к социальным и технологическим изменениям.

За пять лет произошли значительные изменения, оказавшие влияние на мировоззрение студентов, и на рынок труда. Стремительная цифровизация общества, сервисов, и главное, образовательной деятельности привели, к значительному усилению роли интернета во всех сферах жизни человека. Основные факторы изменений 2019-2024 гг.: санкции, СВО, пандемия, «удаленка». Сущностным последствием названных событий стало формирование новых ценностных приоритетов относительно работы и жизненных устремлений и, в частности, новых требований к условиям профессиональной деятельности.

Студент первокурсник отличается от выпускника 2024-ого года, не только временным периодом цикла получения высшего образования, от поступления до выпуска, но проживанием событий, социальных травм мирового и российского масштаба. Социальные группы молодежи фрагментированы и находятся в разных смысловых пространствах. Переворот этот произошел стремительно, за последние пять лет. Продемонстрируем этот тезис (Рис. 2)

Годы поступления	Курс, уровень	Возраст	Год рождения
2024	1 бакалавр/сп./маг	17-19	2005
2023	2 бакалавр/сп./маг	19-20	2004
2022	3 бакалавр/сп./маг	19-21	2003
2021	4 бакалавр/сп./маг	20-22	2002
2020	5 специалист/магистр	20-23	2001
2019	6 магистр	22-24	2000

Рис.2. Характеристики студентов одного цикла обучения ВО (2019-2024)

Как видно, на рисунке, основные масштабные события приходятся на последние пять лет. Они существенно повлияли на социальную группу российского студенчества, рожденных после 2000-го года и, в конечном итоге, определили их отношение к труду и образованию. Студенты, выпускники и абитуриенты принадлежат к поколению «Z», сегментированы внутри поколения, самое молодое поколение только начинает вступать в трудовую деятельность.

Представители поколения Z – люди, которые появились на свет с 1995 по 2019 год. Их более двух миллиардов человек. Самым старшим сейчас около 25 лет. Молодежь XXI века характеризуют стремление к самообразованию и мультизадачность, у них клиповое, поверхностное мышление, огромное потребление новой информации (при отсутствии устойчивых «старых» знаний). Зумеры с раннего детства сильно привязаны к гаджетам, формируют картину мира и взгляды на жизнь на основании социальных сетей и лидеров мнений, рекомендаций друзей. Представители этого поколения находятся в непрерывном контакте (на связи) с друзьями.

Современные первокурсники не ориентированы на высшее образование как на обязательное условие профессионального успеха. Образ уважаемого профессионала, верность профессии, компании, семейные династии больше не идеал, фрилансеры, блогеры - идеальная референтная группа: легкость и комфортность бытия, свободный рабочий график, отсутствие подотчетности. Успешность популярность независимо от способа достижения [1,32].

Конформизм нынче не в моде. Ориентированность на сиюминутность, «текущность», кратковременность, быстрые результаты и вознаграждения. Ничего фундаментального, надежного, долгосрочного, никаких обязательств, никаких отложенных результатов, и отсюда: чайлд фри, инфантилизм, смена мест работы как естественный процесс получения нового социального опыта. Характерные черты: максимальная индивидуализация и рационализация в получении удовольствий, эмоционального опыта и уникальных впечатлений. Работа воспринимается как разновидность удовольствий или необходимых затрат для обеспечения удовольствий [2,1].

Поколение “Y” и “Z” имеют отличающиеся ценностные установки на образование и работу. Это заключение требует более масштабных исследований, но тенденции очевидны. В целом, ориентируясь на многочисленные исследования последних лет, можно сделать вывод о том, что «требования к выпускнику» изменились на «требования выпускника» и это конкретный список при найме на работу конкурентных преимуществ условий профессиональной деятельности работников.

1. Артамонова М. В., Соколова М. Е., Седова Н. С. Влияние фактора прошлого на формирование идентичности российской молодёжи // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2023. No 8. С. 32–40.

2. Михайлова Е., Зубок Ю. Российская молодежь: сложный объект исследования и ключевой субъект конструирования будущего. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/rossiiskaja-molodezh-slozhnyi-obekt-issledovaniya-i-kljuchevoi-subekt-konstruirovaniya-budushchego> (дата обращения 9.10.2024)

3. Разумова Т.О., Золотина О.А. ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2019;(2).С.138-157.

4. Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // *Социологический журнал*. 2020. Том 26. No 3. С. 30-63.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ПРИЧИНА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 2014 ГОДУ

Басимов Михаил Михайлович

(Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»)

Аннотация. С помощью авторских методов с использованием второй стратегии построения коэффициентов силы связи для зависимостей интервальных переменных от многозначных номинальных переменных проанализирована номинальная переменная «Политическая активность», представленная 9 из 10 отобранными для анализа ответами, как причина в сильных связях с 4 показателями, определяющими интерес к политике и отношение респондентов к трем парламентским партиям.

Ключевые слова: номинальные и интервальные переменные, политическая активность, отношения к парламентским партиям, интерес к политике.

Введение

Политические предпочтения – это взвешенные диспозиции. В их основе лежит рациональный выбор, осмысленное отношение к политической действительности. Эмоциональные компоненты установки здесь присутствуют, но они дифференцированы по шкале: больше — меньше, сильнее — слабее. На этом уровне человек понимает свою позицию в поле политики, ее отличие от других позиций, а также степень близости или отдаленности этих позиций от своей собственной.

Политические ориентации представляют собой обоснование предпочтений с точки зрения усвоенной человеком системы ценностей. Они связаны с убеждениями людей относительно целей и средств действия властей, политических партий и лидеров. На основе этих убеждений люди принимают решения о поддержке политического курса или о противодействии ему, об участии и неучастии в выборах, о поддержке определенной партии и кандидата на выборах.

Задача одновременного изучения номинальных и интервальных переменных значительно расширяет возможности интерпретации данных социологического исследования. Новый вариант авторского метода изучения статистических связей [2] дает такую возможность, и он используется нами для статистического анализа данных исследования политических предпочтений студенческой молодежи, результаты которого частично представлены в предлагаемой статье.

Методы

Чтобы одновременный анализ номинальных и интервальных параметров в рамках множественного сравнения (при изучении связей) стал более строг в плане отбора тех или иных результатов для описания и интерпретации, необходимо было ввести критерии такого отбора. Это удалось сделать при объединении двух задач в одну: задачи изучения связей для интервальных переменных через множественное сравнение квантильных разбиений данных по каждому параметру [1, 3] и задачи множественного сравнения тех же интервальных параметров для групп по многозначным номинальным признакам (вопросы с номинальными ответами для выбора) [1]. В статье как причина проанализирована номинальная переменная «**Политическая активность**», сильные связи определены с использованием второй стратегии построения коэффициентов силы связи.

Результаты

В рамках социологического исследования (Курганский государственный университет, 2014 год), когда данная тематика была более содержательна для применения предлагаемых методов анализа данных при изучении феномена «гражданского брака» и политических установок студентов, были отобраны 24 количественных параметра, которые в рамках описываемой задачи являются как независимыми, так и зависимыми переменными, т.е. они зависят (достаточно сильная связь при сравнении с аналогами единичной корреляции: зависимость количественного параметра от самого себя) в том числе и от многозначного номинального параметра «Политическая активность», который выступает только как независимая переменная. Параметр «Политическая активность» – это выбор респондентами ответов из предложенных в рамках нашей анкеты 10 ответов. По результатам опроса 9 ответов были отобраны для дальнейшего анализа:

«Участвовал(а) в выборах в органы власти различного уровня» (G12-02).

«Подписывал(а) коллективные обращения, петиции» (G12-03).

«Участвовал(а) в проведении избирательной кампании» (G12-04).

«Участвовал(а) в митингах, демонстрациях, пикетах» (G12-05).

«Участвовал(а) в деятельности политических партий» (G12-06).

«Участвовал(а) в забастовках» (G12-7).

«Нет ни в чем подобном участвовать не приходилось» (G12-08).

«Мне безразлична политическая деятельность» (G12-09).

«Политика меня раздражает» (G12-10).

Из 10 предлагаемых ответов ответ «Состою в региональном отделении какой-либо партии» оказался неактуальным по числу ответивших на него представителей студенческой молодежи. Рассмотрим далее зависимости 4 интервальных (количественных) переменных от номинальной переменной «Интерес к политике», которая принимает 9 значений (9 ответов из 10 предлагаемых в анкете).

1. Интерес к политике

Таблица 1. Зависимость интервального параметра «Интерес к политике» (X05) от номинального параметра «Политическая активность» (G12)

<i>Группа по ответу</i>	Сравнительная весомость	Номинальный ответ на вопрос-причину Стратегия выявления связи «среднее по перестановкам»
G12-03	+3659	Подписывал(а) коллективные обращения, петиции
G12-04	+2897	Участвовал(а) в проведении избирательной кампании
G12-09	-4268	Мне безразлична политическая деятельность
G12-10	-4148	Политика меня раздражает
<i>Коэффициент силы связи (среднее по 24) = 1.74</i>		
Коэффициент силы связи (максимальное) = 2.59 (2314)		

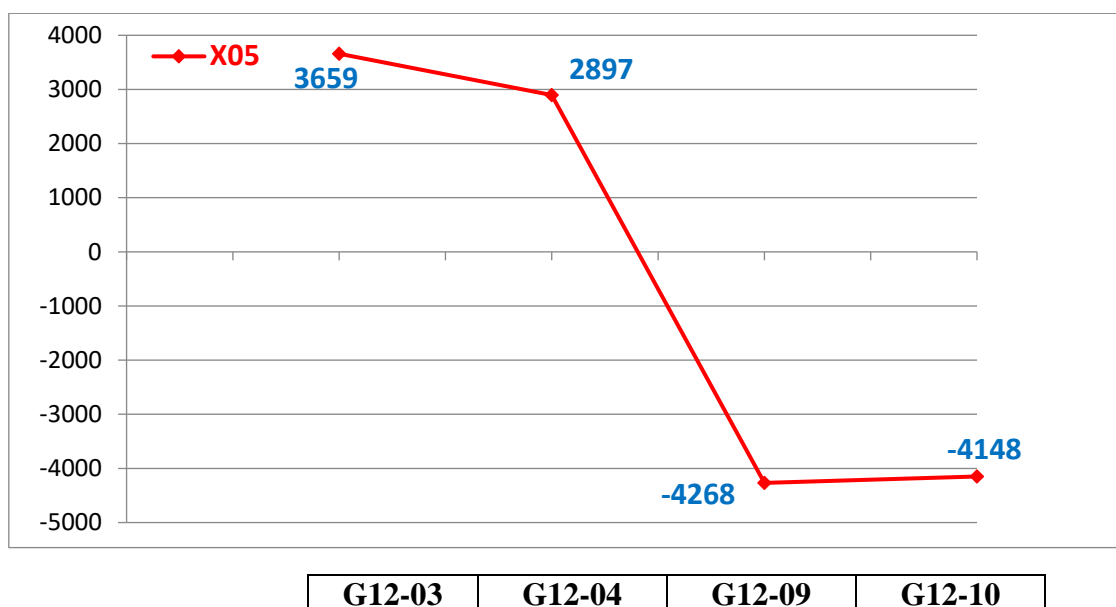

Рис. 1. Зависимость интервального параметра «Интерес к политике» (X05) от номинального параметра «Политическая активность» (G12)

Интервальный параметр «Интерес к политике» можно рассматривать как своеобразный индикатор на достоверность результатов опроса, т.к. наибольшие сравнительные весомости наблюдаются для номинальных ответов, соответствующих реальной политической активности: «Подписывал(а) коллективные обращения петиции» (сравнительная весомость = +3659) и «Участвовал(а) в проведении избирательной кампании» (+2897). Полное же отсутствие интереса к политике наблюдается, прежде всего, для двух следующих номинальных ответов: «Мне безразлична политическая деятельность» (-4268) и «Политика меня раздражает» (-4148).

2. Отношение к партии «Единая Россия»

Таблица 2. Зависимость интервального параметра «Отношение к партии Единая Россия» (X07) от номинального параметра «Политическая активность» (G12)

Группа по ответу	Сравнительная весомость	Номинальный ответ на вопрос-причину Стратегия выявления связи «среднее по перестановкам»
G12-02	+1115	Участвовал(а) в выборах в органы власти различного уровня
G12-04	-2800	Участвовал(а) в проведении избирательной кампании
G12-09	+1926	Мне безразлична политическая деятельность
G12-10	-3421	Политика меня раздражает
<i>Коэффициент силы связи (среднее по 24) = 1.13</i>		
Коэффициент силы связи (максимальное) = 1.65 (1432)		

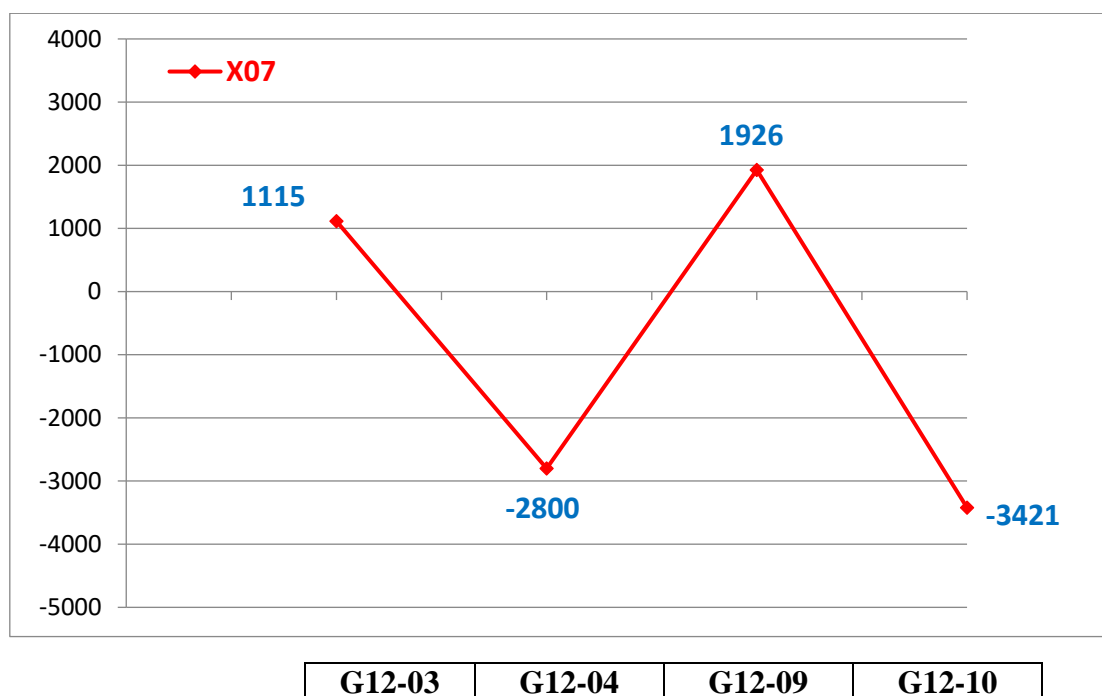

Рис. 2. Зависимость интервального параметра «Отношение к партии Единая Россия» (X07) от номинального параметра «Политическая активность» (G12)

Явно отрицательное отношение к партии Единая Россия (-3421) наблюдаем у тех респондентов, кого политика раздражает. Но это характерно и для группы, представители которой участвовали в проведении избирательной кампании (-2800). А вот наиболее положительно к партии Единая Россия (+1926) относятся те респонденты, кому просто безразлична политическая деятельность.

3. Отношение к партии Справедливая Россия

Таблица 3. Зависимость интервального параметра «Отношение к партии Справедливая Россия» (X08) от номинального параметра «Политическая активность» (G12)

Группа по ответу	Сравнительная весомость	Номинальный ответ на вопрос-причину Стратегия выявления связи «среднее по перестановкам»
G12-06	+3299	Участвовал(а) в деятельности политических партий
G12-07	-3517	Участвовал(а) в забастовках
G12-09	+2674	Мне безразлична политическая деятельность
G12-10	-4317	Политика меня раздражает
<i>Коэффициент силы связи (среднее по 24) = 1.64</i>		
Коэффициент силы связи (максимальное) = 2.42 (2143)		

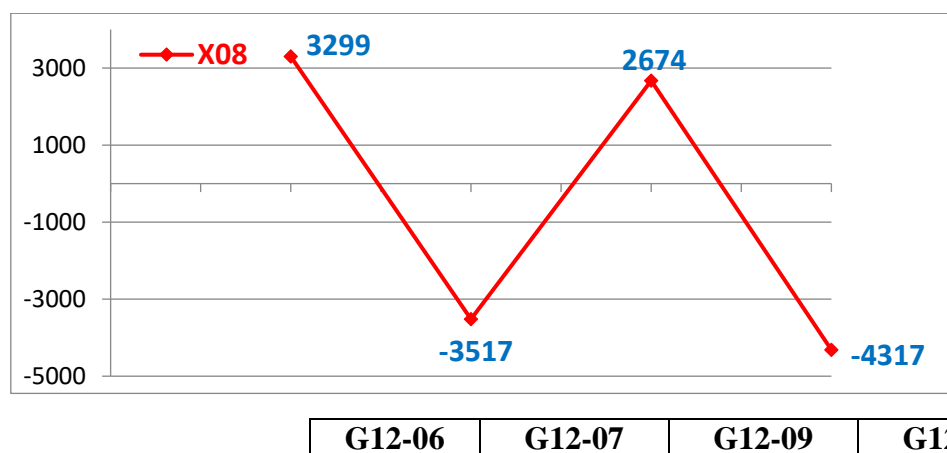

Рис. 3. Зависимость интервального параметра «Отношение к партии Справедливая Россия»

(X08) от номинального параметра «Политическая активность» (G12)

Отношение к партии Справедливая Россия в наибольшей степени (+3299) проявляется у тех респондентов, кто участвовал в деятельности политических партий, в меньшей степени это присуще тем, кому безразлична политическая деятельность (+2674). Противоположный полюс отношения к партии «Справедливая Россия» образуют либо респонденты, кого политика раздражает (-4317), либо респонденты, кто участвовал в забастовках (-3517).

4. Отношение к партии ЛДПР

Таблица 4. Зависимость интервального параметра «Отношение к партии ЛДПР» (X09) от номинального параметра «Политическая активность» (G12)

Группа по ответу	Сравнительная весомость	Номинальный ответ на вопрос-причину Стратегия выявления связи «среднее по перестановкам»
G12-04	+860	Участвовал(а) в проведении избирательной кампании
G12-05	-2627	Участвовал(а) в митингах, демонстрациях, пикетах
G12-07	-3767	Участвовал(а) в забастовках
G12-09	+664	Мне безразлична политическая деятельность
<i>Коэффициент силы связи (среднее по 24) = 0.97</i>		
Коэффициент силы связи (максимальное) = 1.42 (2134)		

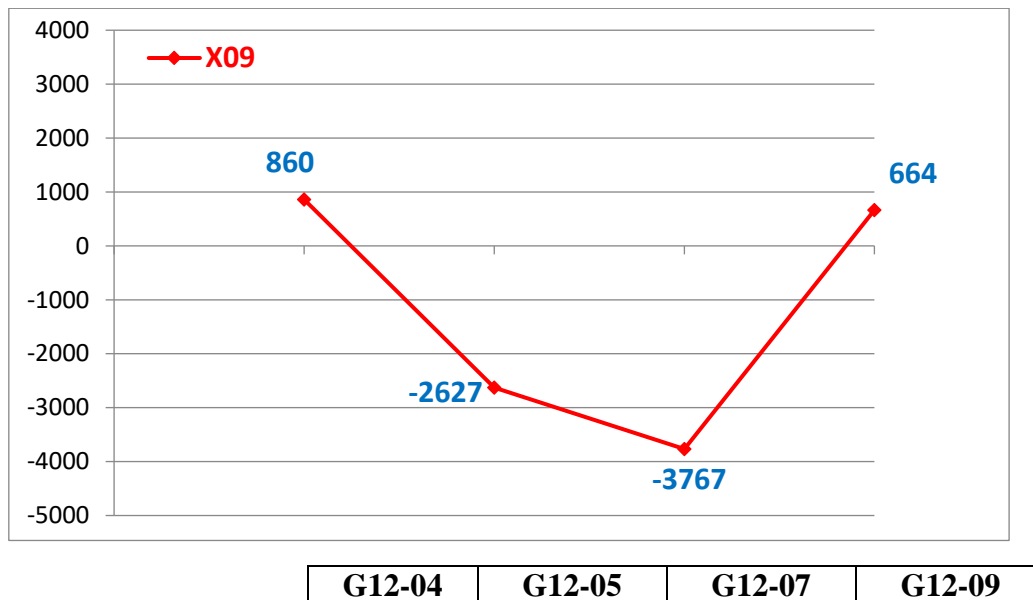

Рис. 4. Зависимость интервального параметра «Отношение к партии ЛДПР» (X09) от номинального параметра «Политическая активность» (G12)

Отрицательное отношение к партии ЛДПР в наибольшей степени (-3767) характерно респондентам, которые участвовали в забастовках, а также тем, кто участвовал в митингах, демонстрациях, пикетах (-2627).

Заключение

Мы продемонстрировали на данных конкретного исследования в рамках политической социологии работу нового метода совместного анализа интервальных и многозначных номинальных данных. В результате получаем новую информацию причинно-следственного свойства, как от многозначных номинальных переменных зависят интервальные переменные.

1. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», – 2008. – 432 с.

2. Basimov M.M. Accepted idea as a cause for political and social preferences of students // Proceedings of the International Conference on "Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects" (HSSNPP 2019). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research, – Volume 333. – 2019. – P. 350-354.

<https://www.atlantis-pess.com/proceedings/hssnpp-19/articles?q=Basimov>

3. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods): Monograph. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, – 2011. – 185 p.

МЕДИАЦИЯ В РАБОТЕ С РАЗВЕДЕННЫМИ МОЛОДЫМИ РОДИ

Безрукова Ольга Николаевна
(СПбГУ)

Самойлова Валентина Алексеевна
(СПбГУ)

Милецкий Владимир Петрович
(СПбГУ)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00770, <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>

Аннотация: Раскрываются направления поддержки отцовства в разведенных молодых семьях. Сделан вывод о том, что в условиях нарастающего числа разводов необходимо внедрить обязательную досудебную медиацию с участием профессионального посредника с целью урегулирования спорных вопросов взаимоотношений супругов, гармонизацию семейных отношений, разрешения кризисных ситуаций, подготовки соглашения родителей по поводу определения места жительства и порядка общения с детьми.

Ключевые слова: медиация, развод, отцовство, разведенные семьи, социальная поддержка

Медиация в работе с разведенными молодыми родителями

Государственная семейная политика, направленная на укрепление института семьи, повышение уровня благополучия семей, гармонизацию семейных отношений и обеспечение защиты прав каждого члена семьи, предполагает создание, распространение и институционализацию инструментов, позволяющих внедрять в сферы общественной жизни практики мирного разрешения конфликтов и спорных ситуаций. Исследователи отмечают, что «в современных социокультурных условиях особое значение имеет социальная компетентность каждого человека и семьи в целом, которая проявляется в способности в разных, в том числе трудных, ситуациях принимать осознанные решения и брать на себя ответственность, самостоятельно организовывать свою жизнь, используя для этого все доступные ресурсы» [7]. Таким образом, совершенствование государственной семейной политики, направленной на укрепление семейных отношений должно быть ориентировано не столько на снижение уровня конфликтности в молодых семьях, сколько на создание возможностей для выхода из кризиса, обучение практикам урегулирования конфликтов, эффективным межличностным коммуникациям, навыкам успешных супружеских, детско-родительских и межпоколенных семейных взаимодействий.

Одним из механизмов, предоставляющих возможность перехода к новым практикам разрешения семейных конфликтов, являются медиативные технологии. «Медиация – это альтернатива судебной процедуре разрешения споров или дополнение к судебной процедуре, что, в свою очередь, призвано способствовать снижению нагрузки на суды, росту числа примирений, в том числе и по семейным спорам» [6]. Сущность медиации и основное ее предназначение заключается в предоставлении конфликтующим субъектам возможности и условий для обсуждения разногласий и выработки приемлемого для

оппонентов решения проблемных вопросов, при участии беспристрастного посредника, координирующего и направляющего конструктивный диалог. «Медиация – это процесс переговоров с участием третьей, нейтральной стороны, которая является заинтересованной лишь в том, чтобы стороны решили свой спор (конфликт) максимально выгодно для обеих (всех) сторон» [1].

Интервью, проведенные с разведенными молодыми отцами и матерями, а также со специалистами службы Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге, показали, что для семей и отцов, находящихся в ситуации развода/постразвода, в т.ч. в конфликтном взаимодействии с бывшей супругой по поводу порядка проживания и общения с ребенком, важно развивать следующие направления поддержки отцовства: правовое – совершенствование законодательства с акцентом на интересы ребенка (контроль за расходованием средств, выплаченных отцом на содержание ребенка (алиментов), открытие банковского счета на имя ребенка и взыскание алиментов с обоих родителей, определение порядка выплаты алиментов в ситуации когда у родителей (отцов) нет работы, внедрение штрафов для родителя, препятствующего общению с ребенком и др.; организационное – создание алгоритма действий для родителей в ситуации развода, после развода, введение обязательной процедуры соглашения между родителями о порядке проживания и общения с ребенком до развода, внедрение процедуры медиации на всех этапах процесса развода, совершенствование работы судебных приставов, аппарата Уполномоченного по правам ребенка, специалистов Отделов по опеке и попечительству, Комиссий по делам несовершеннолетних и др.; психологическое – развитие психологического сопровождения на всех этапах процесса развода, внедрение бесплатных услуг психологов, психотерапевтов, развитие групп самоподдержки разводящихся отцов, профилактических программ и услуг для семей в ситуации предразвода, развода, постразвода; экономическое – решение социально-экономических проблем, связанных с развитием рынка труда, созданием новых рабочих мест, наращивание уровня занятости, повышением зарплаты, усиление социальной защищенности семей с детьми и др., социокультурное – усиление и поддержка в информационной политике мужской и отцовской роли, популяризация отцовства и позитивных образов отцов, семейного образа жизни в противовес пропаганде одиночества/холостяцкого образа жизни, развитие мужских, отцовских и родительских сообществ и др.

Значительную часть предлагаемых нововведений невозможно реализовать без внедрения примирительных процедур и привлечения медиатора на всех этапах процесса развода. Полагаем, что в условиях нарастающего числа разводов особое внимание следует уделить внедрению обязательной досудебной медиации на всех этапах развода и в постразводный период с целью урегулирования спорных вопросов взаимоотношений супругов, гармонизации семейных отношений, разрешения кризисных ситуаций, подготовки соглашения родителей по поводу определения места жительства и порядка общения с ребенком до суда [2,3,4,5].

1. Аллахвердова О. В. Медиация - новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006, №4. С. 31–49.
2. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020а. № 3. С. 463–498.
3. Верещагина А.В., Жиденко А.А. Роль семейной медиации в урегулировании семейных конфликтов и снижении динамики разводов в российском обществе (по материалам глубинных интервью). *Caucasian Science Bridge*. 2023. № 6 (4). С. 126–138.
4. Гурко Т. А. Становление института медиации в сфере семейных споров в России: законы, теории и практики // Социологическая наука и социальная практика. 2016, № 2. С. 40–69.

5. Зыков С. В. Алиментные правоотношения: в поисках баланса интересов // *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 12 (97). С. 96–103.
6. Миллер О.В. Особенности конфликтов в молодых семьях// *Инновационная наука*. 2015, №8-1. С. 161–162.
7. Самойлова В.А. Профилактические подходы к работе с семьей и детьми // *Теория и практика профилактической социальной работы: сборник статей / Под редакцией В.А. Самойловой, О.И. Бородкиной*. СПб.: Издательство «Скифия-принт», 2008.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СРЕДСТВО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Бессонова Маргарита Олеговна
(Московский государственный лингвистический университет)

Изучение узких специализированных дисциплин может быть тяжелым для некоторых студентов, особенно для учащихся первых курсов. Молодые люди, не будучи полностью погруженными в научное поле своей специальности, могут столкнуться с трудностями в понимании и применении подходов и концепций в работах. Так, например, согласно результатам мониторингового исследования по изучению характера удовлетворенности студентов МГЛУ учебной деятельностью, в 2023 г. значимость изучения лингвистических дисциплин была несколько выше общепрофессиональных. Возможно, разработка более доступной методики преподнесения материала будет способствовать повышению ценности такого направления дисциплин. Основываясь и на проведенных ранее исследованиях, можно утверждать, что активные формы обучения способствуют развитию более высокого уровня компетенций. Так, по результатам формирующего эксперимента было подтверждено, что особенная методика преподнесения информации и технология обучения способствуют формированию более высокого уровня социальных компетенций в целом (и отдельных компонентов в частности) [2].

Схожие методики были представлены и по другим научным направлениям. Например, в политологии: преподаватели рассматривали ключевые понятия дисциплины «Введение в политологию» на примере романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Известное литературное произведение помогает студентам учиться оценивать политические мировоззрения героев, а также определять их личностные характеристики. Более того, «обращение к литературе – это удобный способ познакомить студентов не только с нормативными аспектами политической культуры, но и с ее «социальными аксиомами»» [4, 164]. Другими словами, на конкретном примере рассмотреть паттерны поведения, свойственные людям в тех или иных ситуациях, показать, как функционирует социальный мир. Это делает художественную литературу подходящей также для проведения социологического анализа и объяснения научных концепций посредством уже знакомых моделей поведения.

Другим подходом к художественной литературе, широко применяемым для преподавания, является история. «В художественной литературе очень ярко и красочно описываются исторические события, что позволяет ученикам почувствовать и увидеть «краски и дух эпохи»» [1, 126].

Как упоминалось ранее, модернизация методики преподавания, а также описание известных литературных произведений для иллюстрации возникновения и функционирования различных социальных явлений может способствовать более наглядному и эффективному способу изучения работ известных социологов. Отзывы студентов о проведении отдельных лекций такого формата («преподаватель использует простой язык и интересные примеры для донесения информации»; «доступная подача материала») свидетельствуют о позитивном восприятии данной методики преподавания.

Особенность восприятия сюжета может быть связана с продолжающейся социализацией (в том числе и более взрослой группы молодежи). Н. Луман писал о существовании «открытой, опирающейся на «внутренние» ценности и гарантии социализации» и считал ее неизбежной. В современном мире в процессе формирования личности и поиска своей индивидуальности человек пробует «виртуальные реальности на себе самом, - по меньшей мере в воображении, которое можно остановить в любую минуту»

[5, 96-97]. Другими словами, индивид «примеряет» на себя роли и функции не только других людей, но и вымышленных героев (в том числе и книг).

Учитывая все вышеизложенное, можно утверждать, что художественная литература может способствовать более качественному усвоению изучаемого материала. Однако следует обратить внимание на социологический анализ произведений. Социологическая наука имеет собственную специфику, так как социологическое воображение позволяет изучить мир другими глазами, т.е. более объективно. При этом социология не только изучает общество, но и является его частью, поэтому объяснение и понимание социальной действительности может быть достаточно сложным [6, 4]¹⁷. Трудности, с которыми могут сталкиваться молодые люди при погружении в специальность, могут быть минимизированы благодаря внедрению художественных произведений для обоснования научных концепций.

Очевидно, что для повышения профессиональных компетенций в рамках той или иной дисциплины необходимо изучение теории, в первую очередь, через научную литературу. Тем не менее художественная литература также может быть полезна для дополнительного изучения.

Каждое творение искусства несет некоторое сообщение, которое читатель, зритель или слушатель должен декодировать и осознать. Анализируя влияние повествования на восприятие потребителя, хотелось бы упомянуть явление массовой культуры, которое возникло в ответ на социально-демографические изменения – Young Adult (далее YA). Это современное направление массовой культуры, важной составляющей которой является ориентация на потребителя, т.е. главными героями выступают молодые люди (как и целевая аудитория). Так история лучше воспринимается и легче примеряется на самого индивида.

Тем не менее в этом также проявляется один из явных недостатков YA. Большинство историй состоит из одинакового набора клише. Отсюда следует другой минус такой литературы – это отсутствие морального смысла. Зачастую люди помимо развлекательной функции погружаются в искусство для себя, собственного развития и расширения кругозора. Однако клишированные произведения не несут глубокой идеи.

Некоторые эксперты предполагали, что личности, предпочитающие YA-произведения, хуже справляются со стрессовыми ситуациями и выбирают не решение конфликта, а уход от него. Тем не менее исследования показали, что прожитый опыт YA в некоторой степени помогает справляться с трудными жизненными ситуациями. Для таких читателей в меньшей степени характерно отрицание проблемы и отвлечение [3].

Таким образом, каждое художественное произведение может быть воспринято как отдельный объект исследования, так как паттерны поведения, идеи героев могут выступать «срезом» общества определенного времени (например, в исторических книгах). Даже фантастические произведения с элементами фэнтези, магии и/или мистики могут служить упрощенным видением общества, его концептуальной моделью.

1. Бабурина Н. Ф., Кумсков В. В. Художественная литература на уроках истории // Социально-политические исследования. 2018. №1. С. 125-130.

2. Ильина И. В. Результаты формирующего эксперимента в процессе изучения социальных компетенций учащихся, получающих начальное профессиональное образование // Проблемы Науки. 2013. №3 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-formiruyuschego-eksperimenta-v-protsesse-izucheniya-sotsialnyh-kompetentsiy-uchaschihsya-poluchayuschih-nachalnoe> (дата обращения: 02.10.2024).

¹⁷ Ferreira C., Serpa S. (2017). Challenges in the Teaching of Sociology in Higher Education. Contributions to a Discussion. Societies. 7. 30.

3. *Караваева, Л.П., Тарасова, Л.В. Особенности совладания со стрессом у молодых людей, отдающих предпочтение художественному направлению Young Adult / Л.П. Караваева, Л.В. Тарасова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2019. – № 4. – URL: <https://archive.dom-hors.ru/nauchnyy-zhurnal-obschestvo-sociologiya-psihologiya-pedagogika/2019/4> (дата обращения: 22.09.2024).*
4. *Касамара В. А., Сорокина А. А. Художественная литература в преподавании политологии // Вопросы образования. 2009. №3. С. 161-168.*
5. *Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Практис, 2005. 256 с.*
6. *Ferreira C., Serpa S. (2017). Challenges in the Teaching of Sociology in Higher Education. Contributions to a Discussion. Societies. 7. 30.*

СМИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

*Бухтиярова Ирина Николаевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В современных общественно-политических условиях особенно актуально звучит проблема патриотического воспитания молодежи. Государственная социальная политика последних лет направлена на формирование патриотических ценностей школьников и студентов, активно работают в этом направлении также и молодежные общественных организации. Однако, эмоциональное отождествление, осознание человеком своих связей со страной, с ее историей, культурой и социально-культурным миром, развивается на протяжении всей жизни, и определяется воздействием различных факторов, в том числе контентом Интернет СМИ. Данная связь призвана быть вектором развития, неким постоянным условием реализации человеком и обществом определенной деятельности по его развитию.

Вопросы патриотизма на протяжении всей истории формирования философско-социологической мысли исследовали ученые разных школ. Так, данное социальное явление упоминается в работах М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса в контексте абстрактно теоретического подхода. Современная социология часто рассматривает патриотизм как традиции, формируемые в условиях глобализации. Классическая формулировка патриотизма в современном понимании раскрывается в обилии вариантов и форм проявления. Наиболее глубокий, конструктивный анализ теоретико-методологической основы патриотизма изучается и находится в центре внимания в исследованиях философско-социологической направленности. Это находит отражение в исследованиях В.П. Мохова, Т.Н. Самсонова, В.В. Титова и других. В.А. Минаков предлагает определение патриотизма как социокультурной ценности. Патриотизм — это осознание субъектом своего любовного, преданного отношения к Отечеству, основанного на образе справедливого, приемлемого для большинства населения Отечества, а также целенаправленная деятельность по его сохранению, процветанию и прогрессивному развитию. С аксиологических позиций рассматривает патриотизм в своей работе С.Ю. Иванова. Она понимает патриотизм как отношение к Отечеству, являющееся ценностным отражением в сознании и практических действиях людей в связи человека с определенным пространственно-временным, социокультурным, национально-государственным континуумом. Она считает, что «патриотизм выступает в единстве духовности, гражданственности и социальной активности личности, социальной группы, общности, осознающих свою неразрывную связь с Отечеством, реализующих социокультурную значимость Отечества в своей деятельности».

Фундаментом патриотизма является проявление внутренней идентичности конкретного общества самому к себе на протяжении всей истории, когда от поколения к поколению передаются культурные установки конкретной нации, не зависящие от изменения форм его государственного и общественного устройства [1]. Российские исследователи выделили социально-культурные детерминанты патриотизма, к которым, кроме любви и верности Родине, также относится развитие и социокультурного пространства, приоритета общественных интересов над личными, признания любви и служения Отечеству в качестве высшей ценности личности. Из этого вытекает определение смысла патриотического воспитания человека, когда высшая ценность — это человек, который умеет любить, а высшей ценностью для этого человека является любовь к Отечеству.

Патриотизм можно рассматривать в различных аспектах. В онтологическом смысле патриотизм исследуется как всеобщая форма представленности человека в существовании социума, государства. В гносеологическом смысле патриотизм - это понимание мира культурных, языковых, ментальных символов. Аксиологический аспект представляет патриотизм как основу идентичности в континууме идеалов, ценностей, определяющих поведение индивида. В.И. Даль в своей работе «Толковый словарь живого великорусского языка» дает следующее определение: «Патриот - это любитель Отечества, человек, который свято оберегает интересы своей страны» [4]. То есть, патриотизм - это любовь к своей Родине и ко всему тому, что связано с этим местом. Это может быть как защита безопасности и интересов всей страны, так и сохранение природных ресурсов, поддержание чистой экологической обстановки и бережное отношение к государственным ценностям. К тому же это и государственный язык, и какие-то исторические ценности, и литература... А еще это любовь к стране как к тому месту, где ты родился, откуда происходят твои корни; уважение традиций своего народа; любовь к окружающей тебя природе. Патриотизм, помимо любви к Отечеству и к предкам, проявляется в деятельности человека, которая направлена на развитие и укрепление страны. Это – «вечная» борьба с людьми, как отдельными личностями и с полноценными коллективами, которые причиняют ощутимый вред благосостоянию державы. Они осуществляют свою деятельность, даже не думая о вреде, который причиняют, и о вражде, которую сеют. Согласно мнению философа П. Чаадаева, патриотизм различают инстинктивный и сознательный. «Именно инстинктивный патриотизм, как наиболее примитивная форма самовыражения, свойственен молодёжи, которую волнует не мышление и сознание, а собственная идея и их роль в мире» [5]. Для проявления сознательного патриотизма необходимо достижение высокого интеллектуального уровня поколения.

Интенсивное развитие масс-медиа определяет ярко выраженные тенденции в духовной жизни современного российского общества. Молодежь переходит от традиционных СМИ к электронным. Контент, транслируемый через каналы Интернет СМИ, определяет информационную повестку и формирует мировоззрение. Авторское эмпирическое исследование заключалось в контент-анализе новостных каналов Интернет СМИ. Анализ выполнялся с использованием программы для качественного анализа данных MAXQDA.

В результате можно отметить, что СМИ, которые призваны отвечать за развитие сильных патриотических чувств у подрастающего поколения, то есть телевизионные программы, электронные и печатные газеты и журналы, не в полной мере выполняют свою задачу. В нынешней ситуации становления России как никогда важно возродить духовность, прекратить пропаганду насилия, жестокости и нетипичного образа жизни среди населения, особенно среди молодежи.

1. Тишков В.А. *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. - М.: РАН, 2013. С. 76.
2. Мохов, В. П. *Патриотизм и политика памяти в условиях глобализации* / В. П. Мохов // *Технологос*. – 2019. – № 3.
3. 4/ Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. - М.: Русский язык, 1978.
4. Головань С. А. *Формирование патриотических ценностей в сознании современной молодежи* // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. №9.
5. Ефименко Н. А. *Патриотическая культура в системе общероссийских ценностей* // *Теория и практика общественного развития*. 2011. №2.
6. Иванова С.Ю. *Патриотизм в культуре современной России : автореф. дис. ... докт. филос. Наук: 09.00.11. - Ставрополь, 2004.*

РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

*Власова Наталья Владимировна
(ФГБОУ ВО "Ульяновский государственный университет")*

В современном обществе потребительское поведение - очень актуальный и обсуждаемый процесс. В современном понимании «потребление» предполагает специфический процесс поведения, предполагающий приобретение товаров и услуг, а также определенную модель активности, подкрепленную необходимой информацией о товаре или услуге.

Формирование потребительского поведения молодежи напрямую связано с развитием процессов глобализации. Например, наиболее эффективным является воздействие на молодое поколение через Интернет, потому что молодое поколение в наибольшей степени вовлечено в процесс информатизации.

Очевидно, что при выборе того или иного товара или услуги определенное воздействие на молодого потребителя оказывает реклама. Благодаря условиям, в которых развиваются различные информационные технологии, появляется возможность представлять рекламу на различных площадках, одной из наиболее успешных является реклама в интернете, позволяющая распространить информацию в рекордно короткий срок для большого числа пользователей. Среди интернет-пользователей большая доля представителей молодого возраста, использующих интернет-каналы, следовательно, интернет-реклама обращена именно к этой категории потребителей.

Таким образом, Интернет-реклама занимает значимое место в обществе потребления и приводит к возникновению определенных моделей поведения, социальных явлений и действий. Изучение этих аспектов позволит определить роль интернет-рекламы играет в потребительском поведении молодежи.

В настоящее время молодёжь является наиболее уязвимой группой населения, поддающейся новым тенденциям потребительского поведения под влиянием интернет-среды, в частности в виде распространения рекламы на различных интернет-платформах.

Результаты проведенного по инициативе УлГУ (n=383) исследования показали, что респонденты высоко оценивают эффективность интернет-рекламы (92, 1% ответили, что для них Интернет-реклама является самой эффективной в отличие от телевизионной – 5,1%). При этом на вопрос «Пользуетесь ли Вы Интернетом при выборе товара или услуги?» 93,8% опрошенных ответили положительно. Это означает, что опрошенные достаточно активны в использовании интернета в своих потребительских практиках.

На вопрос «Считаете ли Вы, что использование интернет-платформ помогает при выборе товара/услуги?» большинство опрошенных, а именно 89,3% ответили положительно, 1,1% - отрицательно, 9,6% - затруднились с ответом. Такие данные подтверждают пользовательскую активность в потребительском поведении опрошенных. Стоит отметить, что данные фокус группы так же показывают, что респонденты зачастую прибегают к помощи интернета при выборе товара/услуги, смотрят отзывы, рейтинги на товар/услугу, или же рекомендации блогеров, что как выяснилось может оказывать не малое влияние решение приобрести товар (услугу): *«Если я что-то покупаю на интернет-сайтах, то в первую очередь я читаю отзывы, и если даже там среди ста положительных отзывов я найду один отрицательный, то я уже задумаюсь покупать или нет» (Юля, 19 лет).*

На вопрос «Как часто Вы лично обращаете внимание на рекламу в интернете?» 51,1% опрошенных ответили «часто», «редко» - 37,1%, «всегда» - 8,4%, «никогда» - 3,4%.

Таким образом, молодые люди зачастую обращают внимание на интернет-рекламу. Таким образом, быть незамеченной Интернет-реклама не может, в интернете она занимает достаточно большое пространство и распространяется на все интернет-платформы. Следовательно реклама в интернете способна привлекать внимание потребителей и вызывать положительные реакции, если она а) соответствует интересам потребителя; б) может заинтересовать своей подачей; в) не мешает просмотру заданного контента. То есть в целом, реклама в интернете способна заинтересовать молодых потребителей, что делает их потенциальными покупателями товара.

Полученные данные говорят о том, что реклама в интернете зачастую способна побудить потребителей не только к проявлению интереса, но и непосредственно к действию (32,6% респондентов ответили, что Интернет-реклама способствует приобретению товара).

Таким образом, реклама в интернете способна влиять на приобретения какого-либо товара/услуги. Кроме того, как оказалось, этому подвержены более молодые респонденты, что можно объяснить не до конца сформированным, соответственно легко подвергаемым влиянию рекламных уловок, потребительским поведением. Результаты исследования показали, что большинство опрошенных (более 77%) видят в интернет-рекламе помощника при выборе товара и решении о покупке.

Так же респондентам было предложено выбрать понравившееся им утверждение, с целью оценить рациональность респондентов в своем потребительском поведении. Больше респондентов (47,8%) выбрали «Прежде чем совершить покупку я взвешиваю все «за» и «против», 31,5% выбрали «Я делаю только действительно необходимые мне покупки, которыми я в дальнейшем всегда пользуюсь». Возможно, это объясняется тем, что молодые люди довольно ограничены финансово и руководствуются рациональным выбором товара.

Следует отметить, что «блогерская» реклама так же может вызывать интерес у потребителей, несмотря на то что в целом большинство отметило нейтральное отношение к рекламе блогеров. Такая реклама может заинтересовать потребителей и даже подтолкнуть на приобретение товара в том случае, если она а) не долгая; б) может заинтересовать своей подачей; в) вызывает доверие.

Практически все респонденты проведенных фокус-групп признают существенное воздействие интернет-рекламы на молодое поколение, отмечая, что у данного явления есть свои плюсы, в виде прививания вкусов, трендов, помощи с выбором товаров, а также и минусов, таких как трата денег на порой незапланированные, ненужные покупки, трата времени на просмотр рекламы и т.д.

Респондентам был задан вопрос «Как Вы считаете, реклама каких актуальных для молодёжи товаров/услуг может быть наиболее эффективна на сегодняшний день в плане прибыли производителей и рекламодателей?». По полученным ответам можно составить рейтинг категорий товаров, названных респондентами больше всего:

Одежда

Электроника, техника

Косметика

Развлечения, товары для отдыха

Результаты исследования показали, что наиболее эффективными на сегодняшний день каналами в плане прибыли производителей и рекламодателей является интернет, платформы Instagramm (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ), TikTok, VK, Ютуб, Телеграмм.

В ходе фокус-групповой дискуссии респондентам был задан вопрос: «Интернет-реклама каких товаров встречается Вам чаще всего? Можете ли Вы вспомнить конкретную рекламу, которую видели в интернете? И чем она Вам запомнилась?». Респонденты

отмечали, что запоминающейся рекламой является реклама казино, бытовой техники, заработка, а также косметика, одежда, работа, курсы, реклама роллов и реклама концертов.

Практически все участники фокус-группы вспомнили минимум одну рекламу, из чего можно сделать вывод, что несмотря на разное отношение к рекламе, всё же она не может не откладываться в подсознании человека, так как имеет особенность навязывания, часто повторяясь и всячески стараясь привлечь к себе внимание. В целом по ответам респондентов можно судить о том, что очень хорошо работает контекстная реклама, то есть, реклама по запросам и личным интересам, так как она запоминающаяся и заставляет обратить на себя внимание.

Таким образом, проведенное социологическое исследование показало, что отношение респондентов к рекламе в интернете зависит от того, как подана сама реклама. Как выяснилось реклама в интернете способна оказывать значительное воздействие на потребителей. Наиболее действенная реклама – контекстная, которая подстраивается под интересы и запросы пользователя, такая реклама способна привлечь внимание и не вызывает таких негативных эмоций, нежели реклама товаров, абсолютно не интересующих потребителя. Результаты опроса показали, что респонденты рациональны в выборе товаров/услуг, а вот в ходе фокус-группового интервью респонденты признавали, что реклама в интернете может побуждать к спонтанным и порой не нужным покупкам, в особенности это касается представительниц женского пола. Опрашиваемые признавались, что интернет-реклама бьюти-товаров легко может вызвать желание купить этот товар. Женщины признавали, что могут скупить множество косметики, которая потом просто лежит без пользования. Женщины отмечали, что могут заинтересоваться обзорами и рекомендациями блогеров, на которых они подписаны. Стоит отметить, что это может являться скрытой рекламой, тем не менее такая реклама вызывает большее доверие, нежели та, по которой видно, что она проплаченная. Так же способна оказывать влияние интересно поданная реклама блогеров, которая может привлечь внимание своей подачей – такая реклама способна обратить внимание на товар, заинтересоваться им и, возможно, даже приобрести.

Интернет создает всё новые тренды и направления, которым следует общество в своей жизнедеятельности. Это так же отражается и на рекламной индустрии, интернет-реклама является уже неотъемлемым и незаменимым инструментом при продвижении товаров/услуг. Молодые потребители на сегодняшний момент очень избирательны, а значит появляется необходимость в усовершенствовании подачи рекламы. Следовательно, интернет-реклама, в свою очередь, занимает значимое место в обществе потребления, постоянно модифицируясь и подстраиваясь под интересы и желания пользователей и потенциальных потребителей, повышая свою эффективность.

ПРОСТРАНСТВО И ДОМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА ОБУЧАЮЩИХСЯ: ВЗГЛЯД РОДИТЕЛЕЙ

Волегов Владимир Сергеевич
(ФГБОУ ВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет")

Профессиональное самоопределение рассматривается в качестве существенного элемента развития кадрового потенциала территориальных общностей. По мнению автора, в исследованиях профессиональных планов молодежи практически неизученным остается представления родителей о критериях успешного выбора. На основании данных эмпирического исследования, в статье проводится анализ представлений родителей об источниках информации и факторах выбора профессиональных интересов обучающихся.

Ключевые слова: ценности, мотивы, профессиональное самоопределение, образование

Формирование жизненных и профессиональных траекторий молодежи с течением времени становится все более актуальной задачей для российского общества. С одной стороны, эта значимость подтверждается усилением внимания государства и системы образования к задачам профессиональной ориентации и вовлечения обучающихся всех уровней образования в проектную деятельность и знакомство с передовыми направлениями экономики, реализуемых через Национальный проект «Образование» [1]. С другой стороны, на значимость эффективного включения молодежи в рынок труда указывают актуальные тенденции самого рынка труда. Среди актуальных проблем, выделяемых специалистами, выделяется сокращение численности населения на региональном уровне, а также дефицит кадров, наблюдающийся практически во всех сферах экономики [2, с. 32]. Однако профессиональное самоопределение молодежи, традиционно рассматриваемое через согласование субъективных запросов личности и «внешней по отношению к нему социальной ситуацией, определяющей возможности реализации этих предпочтений» [3, с. 44], испытывает влияние не только образования и рынка труда как социальных институтов, но и семьи.

Влияние семьи на достижение образовательных результатов, в том числе и формирования готовности к профессиональному выбору и содержание этого профессионального выбора является достаточно хорошо описанным в теоретическом плане. С одной стороны, речь идет о формируемых в семье коммуникативных навыках и базовых знаниях, необходимых для обучения в школе, которые, с одной стороны, зависят от социально-экономического положения семьи, а с другой – влияют на стартовые возможности в получении образования [4]. Более того, как отмечают отечественные исследования, на начальный уровень подготовки обучающихся и их читательскую грамотность влияет культурный капитал семьи, в первую очередь уровень образования матери [5, с. 56-57]. Более того, эмпирические исследования, проведенные Институтом образования НИУ ВШЭ показывают значимость влияния социального статуса семьи на образовательную траекторию обучающихся [5, с. 277].

Однако связь формальных показателей семьи обучающегося и его образовательной траектории рассматривается в более сложном контексте. Как отмечал Дж. Коулман, помимо уровня человеческого капитала (выраженного в образовательном статусе родителей) необходимо обращать внимание на социальный капитал семьи, выраженный во взаимодействии: «если человеческий капитал родителей не дополнен социальным капиталом, воплощенным в семейных отношениях, он не играет большой роли в

образовательном уровне ребенка» [6, с. 132]. Логично предположить, что вовлеченность родителей и их человеческий и социальный капитал влияют на эффективность протекания профессионального самоопределения у обучающихся.

Для оценки степени вовлеченности родителей в профессиональное самоопределение обучающихся основной школы, а также их представлений об имеющихся форматах данной деятельности, было проведено инициативное исследование. Исследование проведено в формате онлайн-опроса в период с апреля по май 2024 г. В связи с выбранным методом сбора данных применялась стихийная выборка с контролем и нормированием данных по критериям «тип населенного пункта». Итоговый массив данных после контроля и ремонта выборки составил 656 респондентов, являющихся родителями учащихся общеобразовательных организаций Пермского края.

В целом, опрошенные родители высоко оценивают свою вовлеченность в профессиональное самоопределение своих детей. Однако представление о формах его сопровождения в системе образования оказывается хуже. В первую очередь, в рамках исследования оценивалось разнообразие мероприятий, направленных на профессиональную ориентацию, о которых информированы родители. Как показали полученные результаты (Таблица 1), небольшая часть родителей (12,3%) считают, что их детям достаточно базовых профориентационных мероприятий, которые школа реализует в соответствии с нормативной базой (в рамках программы внеурочной деятельности).

Таблица 1. Диапазон профориентационных мероприятий

Форма профориентационных мероприятий	Доля ответов
Мой ребенок посещал (посещает) дополнительные мероприятия/занятия, направленные на профориентацию, в своей школе	42,8
Мой ребенок планирует посещать дополнительные мероприятия/занятия, направленные на профориентацию, в будущем	35,4
Мой ребенок посещал (посещает) дополнительные мероприятия/занятия, направленные на профориентацию, в учреждении дополнительного образования	15,2
Мы не планируем посещать дополнительные мероприятия/занятия, достаточно мероприятий по профориентации в школе	12,3
Мой ребенок посещал (посещает) дополнительные мероприятия/занятия, направленные на профориентацию, в вузе или колледже	10,7

Остальные опрошенные в той или иной мере указывают возможность или реальное наличие дополнительных мер по знакомству обучающихся с миром профессий. При этом большая часть и эту дополнительную образовательную деятельность видит в условиях школьного образования. Варианты связанные с внешними участниками (учреждениями дополнительного образования или профессиональные образовательные организации) выбирает существенно меньшее количество респондентов. Еще одна важная характеристика полученных данных: описывая профориентационные мероприятия, в

которых их дети принимают или принимали участие, родители выделяют не более одного варианта. Учитывая фактическую ограниченность этих вариантов образовательным пространством школы (при отсутствии систематической подготовки учителей по вопросам специфики профессиональной деятельности и изменениям в профессиональном образовании), подобное восприятие может говорить о ограниченности реализуемой профориентационной работы.

Следующий показатель, характеризующий представление родителей о средствах профориентационной работы со школьниками, касался оценки эффективности различных организационно-педагогических форм подобной работы.

Таблица 2. Оценка родителями эффективности различных форм профориентационных мероприятий

Форма проведения профориентационных мероприятий	Доля ответов
Выездные мероприятия (экскурсии) в учебные заведения и на предприятия	74,8
Курсы, кружки и секции дополнительного образования, направленные на знакомство с профессиями	50,6
Короткие очные встречи или семинары со специалистами	44,7
Цифровые образовательные ресурсы по профориентации	41,2
Тематические вебинары и (или) мастер-классы в онлайн-формате	27,0
Образовательные интенсивы полного дня на базе школ	20,9
Тематические смены детских лагерей	20,0

Представления о необходимой работе оказались более разнообразными. Прежде всего, этот вопрос продемонстрировал большую вовлеченность родителей: только 4,9% из них не выбрали ни одного варианта из предложенных. Еще одна важная характеристика: наиболее популярные варианты ответа оказались связанными с выходом за рамки школы: сюда относятся выездные мероприятия и экскурсии на предприятия и в образовательные организации, кружки и секции дополнительного образования, встречи с профессионалами. Кроме того, существенная доля родителей указали в качестве эффективного средства работы использование цифровых образовательных ресурсов, посвященных профессиональной ориентации.

При этом, среди ответов менее всего оказались представленными форматы систематической образовательной деятельности: летние лагеря и образовательные интенсивы.

Среди социальных факторов, влияющих на ответы респондентов, целесообразно выделить уровень образования. Родители с основным и средним профессиональным образованием в большей степени ориентируются на собственные знания о мире профессий и цифровые сервисы как средство помощи детям в вопросах профессиональной ориентации, в то время как родители с высшим образованием более скептически в оценке своих собственных возможностей.

Таким образом, полученные данные демонстрируют неоднозначную ситуацию. Во-первых, родители высоко оценивают свою информированность и вовлеченность в профессиональную ориентацию своих детей. При этом, основные механизмы текущей профориентационной деятельности ограничиваются деятельностью школы в рамках обязательных профориентационных мероприятий или дополнительной образовательной деятельности. Использование иных организаций в качестве пространства для знакомства с профессиями родители отмечают крайне редко. С другой стороны, именно внешние формы работы родителям кажутся наиболее эффективными. Иными словами, представления родителей о пространстве и средствах профессиональной ориентации характеризуются как фрагментарные и основанные, скорее, на личных ощущениях, а не актуальных установках образовательной политики или условиях рынка труда.

1. План развития проекта [Электронный ресурс] // Минпросвещения России. <https://edu.gov.ru/national-project/plan/> (дата обращения: 09.10.2024)
2. Рынок труда отдельных отраслей экономики России: текущая ситуация и ожидаемый фокус перемен. I квартал 2024 года. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 53 с.
3. Семенова Л. А. Кадровый потенциал постсоветской России: потери, обретения, проблемы. Социологический анализ. Saarbrücken: lap lambert academic publishing, 2011. 90 с.
4. Hoff E. How social contexts support and shape language development // *Developmental Review*. 2006. Vol. 26. No. 1. pp. 55–88.
5. Образование и социальная дифференциация [Текст]: колл. моногр. / отв. ред. М. Карной, И.Д. Фрумин, Н.Н. Кармаева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 544 с.
6. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122-139.

К ВОПРОСУ ОБ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ-СОЦИОЛОГОВ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ "ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ" ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РФ)

Воробьев Дмитрий Васильевич
(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Аннотация:

Статья рассматривает вопросы учебно-профессиональной мотивации студентов, обучающихся на социологов. Предпринята попытка анализа мотивационных ориентаций этой группы в отношении учебного процесса и будущей профессиональной деятельности. Автор выделяет модель мотивации и факторы, влияющие на учебно-профессиональную мотивацию студентов-социологов, а также особенности их мотивационных установок. Результаты исследования включают разработку моделей мотивации студентов социологических направлений.

Ключевые слова: студенты-социологи, учебная мотивация, профессиональная мотивация, социологическое образование

Проблема мотивации к профессиональной деятельности у студентов-социологов тесно связана не только с внутренними установками на эту специальность и интересом социологической сфере, удовлетворенностью учебным процессом, но и с востребованностью данной профессии на рынке труда, уровнем оплаты труда, сформированными в обществе представлениями о престиже профессии «социолог». Кроме того, важной задачей остается формирование профессионала-социолога, обладающего выраженной профессиональной идентичностью и имеющего установки на работу по специальности.

Между тем ситуация с трудоустройством в этой сфере неоднозначна. Рынок социологических услуг в России в настоящее время условно разделён на два ключевых сегмента: исследование общественного мнения и маркетинговые исследования. Эти направления тесно связаны с рекламой и маркетингом, которые становятся основными областями трудоустройства для выпускников социологических факультетов [1, 32].

По данным Росстата, за 2018-2020 гг., было выпущено 17 тысяч студентов по специальности «Социология», из них только 48% нашли работу, связанную со специальностью. 52% же работают не по специальности [2]. В 2019-2021 гг. ситуация ухудшается. Из 13 тыс. выпускников по направлению «Социология», только 44,3%, а именно 6 тыс. чел. имеют работу, связанную со специальностью, 55,7% (более 7 тыс. чел.) работают не по специальности [3].

При этом отмечается, что, несмотря на возрастание интереса у абитуриентов к социологии [1, 31], в процессе обучения студенты часто не понимают, чему и зачем они учатся, и кем они будут работать в будущем. Прослеживаются прямая связь между учебной и профессиональной мотивацией студента: нередко низкий уровень знаний выпускников связан с неопределенностью их профессиональной мотивации.

Проблемная ситуация отражает сложившееся противоречие, когда, с одной стороны, достаточно большой процент поступающих в вузы выбирает социологию в качестве своей специальности, а, с другой – значительная часть студентов-социологов не имеет четкой мотивации к будущей профессиональной деятельности в сфере социологии.

Эмпирическую базу исследования составили статистические и социологические данные, в том числе данные авторского пилотажного исследования, проведенного методом анкетирования ($n_1 = 100$ респондентов), методом интервью ($n_2 = 12$ глубинных интервью).

Исследование проведено среди студентов-социологов 2-4 курсов Финансового университета при Правительстве РФ. В исследовании приняли участие 78,6% женщин и 21,4% мужчин. Большинство респондентов (91,4%) находятся в возрастной категории 19-21 лет.

Анализ научных источников и литературы позволил выделить внутренние и внешние факторы, которые влияют на мотивацию к учебной и профессиональной деятельности. Внутренние факторы мотивации – это те факторы, которые исходят из человека, его личности и внутренних потребностей. Например, внутренняя мотивация может быть связана с интересом к самой профессии, удовлетворением от выполнения профессиональных задач, желанием достигать личных и профессиональных целей, удовлетворением от социальной значимости своей работы и другими.

Внешние факторы мотивации находятся вне среды, в которой работает молодежь. Например, внешняя мотивация может быть связана с уровнем оплаты труда, возможностью карьерного роста, престижностью профессии, условиями работы и другими.

Важно отметить, что внутренние и внешние факторы мотивации могут взаимодействовать друг с другом. Так, интерес к профессии (внутренний фактор) может быть усилен возможностью карьерного роста (внешний фактор), что приведет к еще большему удовлетворению от своей работы.

Анализ эмпирических данных позволил нам выделить следующие характеристики учебно-профессиональной мотивации студентов-социологов:

Значительная часть абитуриентов поступает на социологическое направление подготовки, не имея четкого представления о профессии, настроив на дальнейшую работу по специальности. Выбор делается на основе желания получить широкую гуманитарную подготовку.

По результатам авторского исследования, 51,5% респондентов заявили, что хотели поступить на любую гуманитарную специальность, так как пока не определились со своей дальнейшей деятельностью. 22,7% опрошенных сказали, что хотели поступить именно на специальность «Социология», чтобы в дальнейшем работать по этой профессии. 18,2% опрошенных не смогли поступить на специальность, которую они хотели изначально, а 7,6% – вообще не имели конкретного выбора и не были заинтересованы в специальности «Социология».

Результаты нашего исследования коррелируют с мнением экспертов, которые говорят о том, что «*в настоящее время для многих российских студентов социологическое образование служит не основной профессиональной специализацией, а «образованием вообще»*» [4]. Таким образом, приобретение социологических знаний и навыков во время учебы выступает не приоритетной, а сопутствующей целью у студентов.

Для учебно-профессиональной мотивации студентов-социологов характерен баланс внешних и внутренних факторов мотивации, преобладание материальной мотивации.

Почти 40% респондентов говорят о том, что не полностью уверены в том, что социологическая профессия позволит им иметь высокий доход. В то время, как большинство респондентов считают высокое материальное вознаграждение (26,4%), благоприятные условия труда (15,9%) и удобный график работы (15,9%) наиболее значимыми параметрами для их будущей профессиональной деятельности. О приоритете иметь интересную, творческую работу говорят 13,5% участников исследования.

Практически половина выпускников социологических факультетов планируют построение профессиональной карьеры, связанной не с социологической сферой, а со смежными сферами занятости.

Более чем половина респондентов (47,2%) выражают нежелание работать в сфере социологии, 22,9% испытывают отсутствие интереса к профессии, 24,3% – просто не готовы и, как следствие, не хотят работать в этой области. Только 14,3% считают, что их знания и умения вполне соответствуют профессиональным требованиям профессии «социолог». 23,8% указали, что хотели бы работать в сфере маркетинговых исследований и рекламы, остальные указали банковскую сферу, PR-коммуникации, управление. Такие сферы и места профессиональной деятельности, как университеты, научно-исследовательские институты, министерства и ведомства, рассматривают менее 10 участников опроса.

В студенческой среде социологов наиболее распространена положительно-конформистская модель учебно-профессиональной мотивации.

Содержание модели предполагает наличие следующих установок: хорошее отношение к учебе, высокие результаты учебы, удовлетворенность учебным процессом, недостаточная сформированность профессиональных планов и установок на работу в социологической сфере. Значительная часть студентов социологов, задействованных нами в ходе исследования, попадают именно в эту группу. Несмотря на то, что данная группа поступает на социологические факультеты, не имея четкой направленности на социологическое образование и работу по специальности, они, тем не менее, демонстрируют достаточный уровень знаний, удовлетворенности учебой и интереса к социологическим дисциплинам. 66,7% считают, что знания, получаемые в университете, будут полезны в их будущей практической деятельности, 67% говорят об удовлетворенности учебным процессом. 45,7% положительно относятся к большинству социологических дисциплин, хоть и признают, что яркий интерес вызывают лишь некоторые из них.

Впрочем, даже возможную дальнейшую учебу в магистратуре социологического направления студенты типологизируемые в *положительно-конформистскую модель* учебно-профессиональной мотивации рассматривают с точки зрения комфорта, удобства и привычных условий, а не с позиции интереса к специальности.

Результаты исследования позволяют констатировать, что особенности учебно-профессиональной мотивации студентов-социологов, детерминируют следующие факторы: расплывчатость установок на профессию и низкая информированность о ней, недостаточное понимание всех сфер, где может работать социолог.

В процессе исследования выявлена связь между мотивацией к успеху и приобретения знаний и практического опыта. Подтверждены предположения о том, что интерес к учебным предметам влияет на мотивацию работы в данной сфере, а представления о престиже, востребованности и возможности высокой оплаты труда социолога влияют на желание студентов работать в этой сфере.

1. Восканян Э. С. *Карьера социолога: проблемы трудоустройства* // Изв. Саратов. Ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. №2. С. 29-34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariera-sotsiologa-problemy-trudoustroystva> (дата обращения 01.10.2024 г.)
2. *Обследование рабочей силы за 2021 год. Федеральная служба государственной статистики.* URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 01.10.2024 г.)
3. *Обследование рабочей силы за 2022 год. Федеральная служба государственной статистики.* URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 01.10.2024 г.)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ИХ МИГРАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ

Воробьева Ирина Николаевна
(Череповецкий государственный университет)

Мехова Альбина Анатольевна
(Череповецкий государственный университет)

Аннотация. В статье приведены основные тренды выбора образовательных стратегий учащихся 9 и 11 классов малых и средних городов на примере школьников Вологодской области. Было выявлено, что образовательная стратегия существенным образом влияет на миграционные настроения школьников. Тем не менее, выбор специального профессионального образования не служит фактором, однозначно предопределяющим закрепление школьника в родном регионе.

Ключевые слова: образовательная стратегия, миграционные настроения, малые города России.

Изучение социологических аспектов становления образовательных и профессиональных стратегий молодежи находится в числе приоритетных направлений исследований, поскольку эта тематика, во-первых, напрямую связана с формированием человеческого капитала, во-вторых, предопределяет миграционные установки и намерения молодежи. Изучение образовательных стратегий школьников является особенно важным для малых и средних городов России, в которых наиболее ярко прослеживается отток молодежи, происходящий в момент формирования образовательной стратегии.

Для выявления основных тенденций образовательных траекторий было проведено исследование по теме «Образовательные и карьерные стратегии учащихся Вологодской области: факторы выбора». Эмпирическая база: опрос школьников 9-11 классов тринадцати малых городов и районных центров Вологодской области, Вологды и Череповца. Опрос был проведен в октябре 2023 года кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Всего было опрошено 925 человек по кластерной районированной выборке.

В исследовании был сделан сравнительный анализ траекторий малых и средних городов Вологодской области. Было выявлено, что учащиеся малых городов существенно больше настроены на получение специального профессионального образования, среди девятиклассников малых городов 42%, в средних городах Вологодской области существенно меньше: 34% в Вологде и только 26% в Череповце (см. рис. 1). Получать высшее образование собирается только 23% школьников малых городов, 31% школьников Вологды и 35% Череповца. Всё более развитым становится тренд совмещения учебной и трудовой траектории, 18-21% девятиклассников собираются учиться и работать. Вполне закономерно, что школьники 10-11 классов основной траекторией выбирают получение высшего образования: 75% в малых городах, 67% в Вологде, 77% в Череповце. 14-18% собираются работать и учиться.

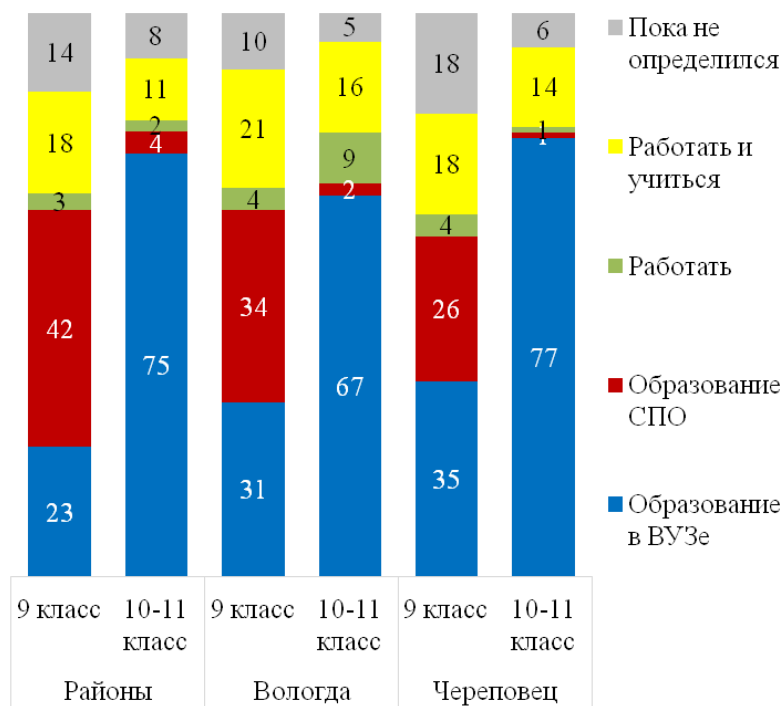

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Что Вы планируете делать после окончания школы?», в процентах, в зависимости от места проживания

Образовательная миграция в России носит выраженный центристский характер, население стягивается в крупнейшие центры – Москву и Санкт-Петербург [3]. За период с 2019 по 2022 годы Москва остается центром притяжения выпускников региональных школ, в то время как Санкт-Петербург теряет свои позиции по притоку молодежи, поступающей в образовательные организации среднего профессионального образования, и уже даже не входит в топ-10 регионов Российской Федерации, в которых был зафиксирован рост притока выпускников школ [1]. В пределах каждого региона население стремится в региональные столицы, представленные крупными городами, концентрирующими многие виды ресурсов. Глубинка, к которой относятся малые, средние города и сельская местность, теряет население. Как показывают исследования, миграция молодежи тесно связана с возможностью получения образования. Большинство молодых людей (72%) – образовательных мигрантов, получающих профессиональное образование, после окончания обучения не планируют возвращаться в тот населенный пункт, где они окончили школу [2].

Образовательная стратегия существенно определяет миграционные настроения учащихся. Подтверждают данную тенденцию и исследования в Вологодской области. Ориентированные на ВУЗ стремятся в Санкт-Петербург, Москву и другие города России и даже за границу (74-76% в районах и Череповце, 88% в Вологде) (см. рис.2). У ориентированных на СПО более выраженная стратегия получать его в Вологодской области (51% череповчан, 44% вологжан и 59% в районах).

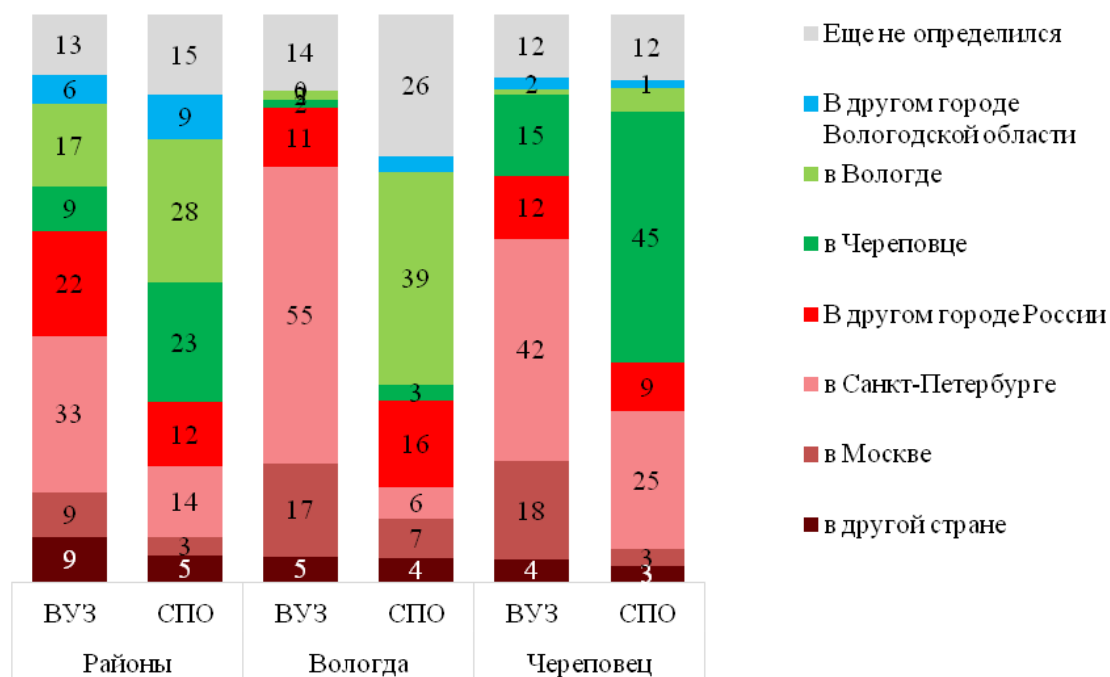
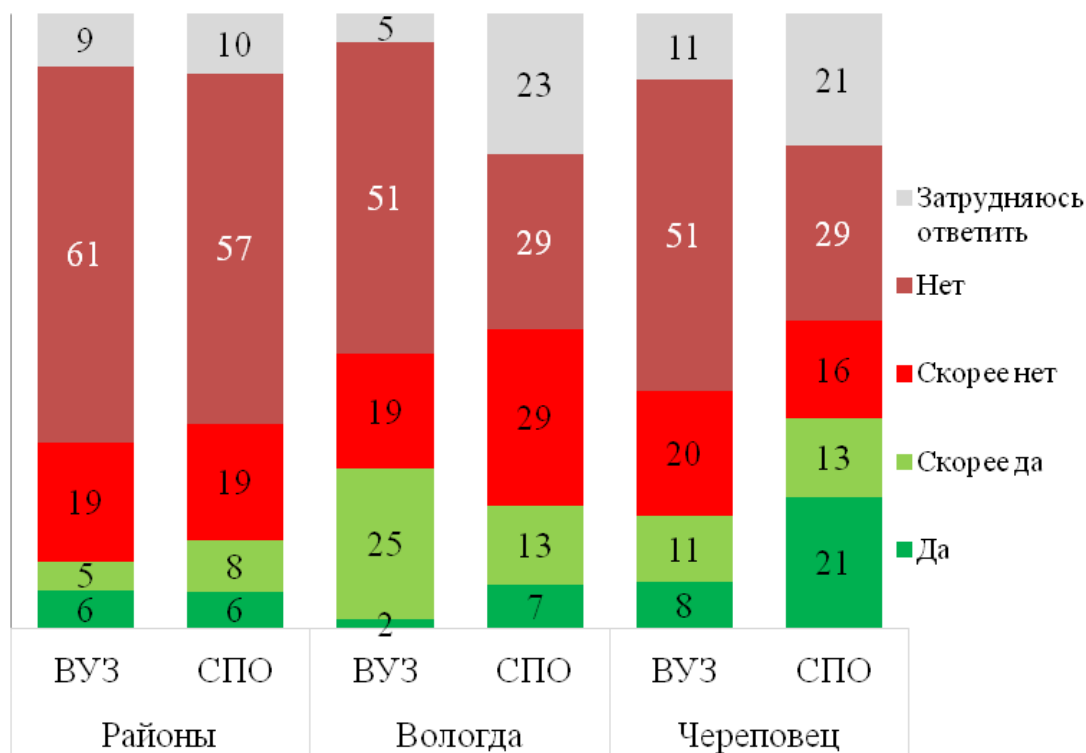

Рис.2. Распределение ответа на вопрос: «Где Вы планируете продолжить образование?» в зависимости от выбранной образовательной траектории, в процентах

Но существенно больше настораживает другая тенденция. Вне зависимости от выбранной образовательной траектории и места получения образования, учащиеся после получения образования не хотят работать в родном городе. Только 14% потенциальных студентов СПО и 11% потенциальных студентов учреждений высшего образования из малых городов Вологодской области собираются жить и работать в родном городе после получения образования (см. рис.3). В Вологде соотношение составляет 20% и 27%, в Череповце 34% и 18%. Тогда как категоричное «да, хочу работать в своем городе, поселке после получения образования» отметило только 6% планирующих ВУЗ или СПО в малых городах, 7% планирующих СПО и 2% ВУЗ в Вологде. Заметно выше тренд на закрепление в городе и существенный перевес в пользу выбора родного города для своей жизненной стратегии в промышленной столице Вологодской области с выраженным запросом на рабочие места – городе Череповце, в котором собираются остаться 21% потенциальных студентов СПО и 8% ВУЗа.

Распределение ответа на вопрос: «После получения образования Вы хотите работать в своем городе, поселке?», в зависимости от образовательной стратегии, в процентах

Таким образом, можно подтвердить актуальность изучения образовательных и миграционных настроений учащейся молодежи для прогнозирования развития рынка труда и демографических тенденций в регионе. Было выявлено, что однозначное принятие того факта, что выбор специального профессионального образования выступает фактором закрепления молодежи в регионе является ошибочным. Тенденция не так однозначна, что требует более детального изучения факторов формирования миграционных настроений и действенного укрепления территориальной идентичности не только студентов Вузов, но и студентов СПО.

1. Бедарева Л. Ю., Ломтева Е. В. Тенденции изменения выбора образовательной траектории выпускников девярых классов // *Экономическое развитие России*. 2022. №7. С. 67-72
2. Клячко Т. Л., Семионова Е. А. Образовательная миграция: основные причины // *Экономическое развитие России*. 2021. №12. С. 60-63
3. Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // *Мониторинг*. 2017. №1 (137)

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА НА ПЛАНИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СТУДЕНТОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТАЖНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

Гимадеева Карина Романовна

(Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»)

Аннотация: В докладе представлены результаты исследования студентов 2-3 курса Финуниверситета по анализу влияния индивидуального информационного интернет-пространства (социальные сети) на планирование жизненных стратегий. В работе использовались теории П.Бергера и Т.Лукмана, Ж.Бодрийяра Дж.Уолкер Реттберг и пр. На основе результатов исследования были выведены рекомендации по уменьшению негативных последствий использования социальных сетей на планирование жизни.

Ключевые слова: социальные сети, планирование, жизненные стратегии, фильтрованная реальность.

Актуальность исследования:

Несомненно, социальные сети проникли во все сферы жизни молодого поколения: на платформах Youtube, VK или Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ) они проводят от 4 часов в день и больше [14]. Появляется понятие индивидуального информационного интернет-пространства – замена реальности, создаваемая социальными сетями в виде функции подбора рекомендаций новостей, видео и пр. на основе действий пользователя. Мнения инфлуенсеров и сообществ в социальных сетях, информация, находящаяся в свободном доступе во всех медиапространствах, стали бесспорно влиять на взгляды и решения молодежи. Помимо положительных эффектов от использования социальных сетей необходимо заметить интернет-зависимость, клиповое мышление, неспособность противостоять пропаганде, принимать решения и строить жизненные стратегии в одиночку, что значительно повлияло на реальную жизнь и ее планирование у молодого поколения. Именно поэтому, изучение влияния социальных сетей на разработку молодежью жизненных стратегий важно для исследования.

Проблема исследования:

Проблема влияния социальных сетей на планирование молодежью жизненных стратегий заключается в феномене «фильтрованной реальности» (filtered reality), т.е. когда в социальных сетях молодым людям доносится лишь узко определенный идеализированный стиль жизни других людей, который берется за что-то базовое и нормальное («обыкновенное»). Это может привести к росту потребностей, нереалистичным ожиданиям и неудовлетворенности к своей жизни, что полностью влияет на модель поведения молодых людей и планирование ими жизненных стратегий.

Таким образом, возникает противоречие между идеализированной жизнью инфлуенсеров в социальных сетях и собственной, неидеальной жизнью молодежи, что влияет на принятые ими решения и планирования жизненных стратегий.

Теоретический объект — планирование жизненных стратегий.

Эмпирический объект – студенты 2-3 курса направления «Экономическая Социология» Финансового Университета при Правительстве РФ.

Предмет исследования – влияние индивидуального информационного интернет-пространства на планирование жизненных стратегий.

Цель исследования: изучение влияния индивидуального информационного интернет-пространства при планировании жизненных стратегий

Задачи исследования:

На основе социологической теории проанализировать понятия «фильтрованная реальность», «индивидуальное информационное интернет-пространство», «жизненные стратегии».

Проанализировать научные подходы к планированию жизненных стратегий студентами.

На основе результатов пилотажного эмпирического исследования дать характеристику жизненным стратегиям студентов Финансового университета.

Определить степень влияния феномена «фильтрованной реальности» на жизненные стратегии студентов Финансового университета.

В данном исследовании будут использованы следующие методы сбора и анализа социологических данных: анкетный опрос, использование при анализе полученных статистических данных Хи-квадрата, таблиц сопряженности, высчитывание Индекса Подражания.

В качестве теоретической рамки были взяты следующие теории и исследования:

Теория симулякров Ж.Бодрийяра.

Теория социального конструктивизма П.Бергера и Т.Лукмана.

Современные работы на тему соцсетей и феномена «фильтрованной реальности» Джилл Уолкер Петтберг «Seeing Ourselves Through Technology: How We Use Selfies, Blogs And Wearable Devices To See and Shape Ourselves» и danah boyd.

Работы о жизненных стратегиях современной молодежи Старостиной С.А. «Жизненные стратегии современной молодежи» и Ю.А.Зубок, В.И.Чупрова «Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения».

Эмпирические исследования на тему соцсетей: Ipsos – «Цифровая эпоха: Затерянные в соцсетях», danah boyd “it’s complicated”, ВЦИОМ - «Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения».

Результаты исследования:

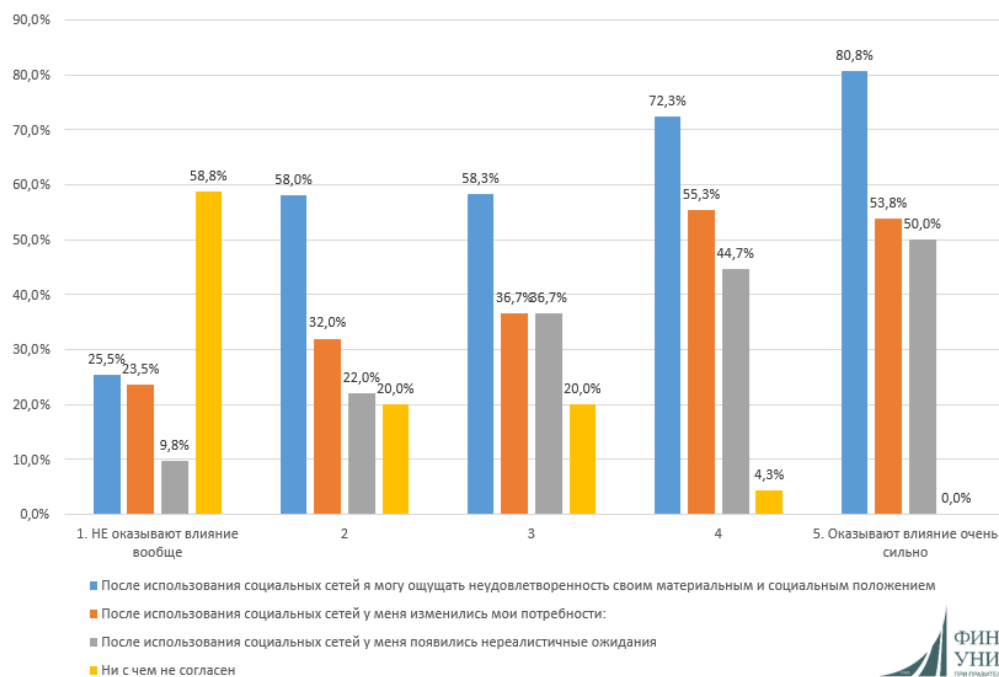
В результате исследования было опрошено 79 студентов 2-3 курса направления «Экономическая Социология» Финуниверситета.

Было выявлено, что большинство студентов считают скорее важным планировать свои жизненные стратегии, в особенности в таких сферах, как Профессиональный успех и карьера, и Материальное обеспечение.

Большинство респондентов согласно с тем, что после использования социальных сетей они ощущают социальную неудовлетворенность – 37,9%. Также достаточно много респондентов: 20,7% и 25,9% утверждают, что после использования соцсетей у них появились нереалистичные ожидания и изменились соц. потребности соответственно. Это показывает, что влияние ИИИП на жизнь и планирование есть.

Большинство студентов полностью согласны с тем, что ощущение социальной неудовлетворенности влияет на планирование жизненных стратегий - (80,8%). Частично согласно и полностью согласно большинство с утверждением об изменении социальных потребностей: 55,3% и 53,8% соответственно. И с утверждением о появлении нереалистичных ожиданий в большинстве полностью согласились 50% респондентов.

14 Оказывают ли эти утверждения влияние на Ваше планирование будущего?

3. Результаты эмпирического исследования.

На основе вычисленных Индексов Подражания блогерам и Влияния социальных сетей на планирование жизненных стратегий и проведенного корреляционного анализа были замечены следующие закономерности:

Дифференциации по успеваемости, полу, проведенному времени в соцсетях нет относительно степени влияния данного феномена на процесс планирования жизни опрошиваемых.

Чем сильнее влияет ИИИП на планирование студентов, тем больше блогеров они хотят смотреть.

Чем выше степень подражания блогерам у студентов, тем выше подверженность влиянию ИИИП при планировании их жизни

Итак, можно сказать, что влияние индивидуального информационного интернет-пространства на планирование жизненных стратегий студентов есть.

Для уменьшения негативных последствий влияния ИИИП на планирование жизненных стратегий автор приводит некоторые рекомендации для молодежи:

Определите и поймите Ваши собственные социальные ценности, установки; проанализируйте полученный Вами социальный опыт – и уже после этого находите единомышленников и похожих по взглядам инфлюенсеров в социальных сетях.

Развивайте навыки критического мышления, эмоционального интеллекта, soft skills и тайм-менеджмента: они понадобятся для более хладнокровного планирования своей жизни, без негативного влияния Интернета.

В то же время не забывайте уважать и принимать социальные ценности, опыт и установки других, в том числе блогеров. Не забывайте о многообразии мнений, в которых нет истинно верного.

Будьте открыты к новым способам планирования, выберите и найдите тот, который Вам больше всего подходит и используйте его, дополняя и изменяя под себя и свои потребности и цели.

Используйте социальные сети не для зависти и ненависти, а для мотивации и вдохновения чужими жизнями и опытом. Избавьтесь от чувства социальной неудовлетворенности, нереалистичных ожиданий и чересчур завышенных потребностей.

Анализируйте свое состояние после использования социальных сетей: какой из блогеров вдохновляет Вас, а какой заставляет себя чувствовать никем? Отписывайтесь от блогеров, забирающих у Вас позитивную энергию.

Поймите, что социальные сети не показывают Вам настоящую реальность и смиритесь с этим. Главное – научиться этим пользоваться для улучшения своих навыков планирования.

1. Boyd, Danah (Danah Michele). *It's complicated : the social lives of networked teens / danah boyd*. 2014 – 296 с. - ISBN 978-0-300-16631-6
2. Boyd, Danah. 2007. "Incantations for Muggles: The Role of Ubiquitous Web 2.0 Technologies in Everyday Life." O'Reilly Emerging Technology Conference, San Diego, CA. March 28.
3. Walker Rettberg Jill. *Seeing Ourselves Through Technology. How We Use Selfies, Blogs and Wearable Devices to See and Shape Ourselves - Palgrave Macmillan*, 2014. – 101 с. - ISBN: 9781137476661
4. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. — М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. — 240 с. — (Технология свободы). ISBN 978-5-91478-023-1
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
6. Ажимова Лариса Владимировна Жан Бодрийяр о феномене массовых коммуникаций в обществе потребления // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. №3 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhan-bodriyyar-o-fenomene-massovyh-kommunikatsiy-v-obschestve-potrebleniya> (дата обращения: 13.04.2024).
7. Голубинская Анастасия Валерьевна Социальное конструирование виртуальной реальности // *Studia Humanitatis*. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-konstruirovaniye-virtualnoy-realnosti> (дата обращения: 13.04.2024).
8. Старостина С. А. Жизненные стратегии современной молодежи // *Наука и современность*. 2014. №27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennyye-strategii-sovremennoy-molodezhi-1> (дата обращения: 13.04.2024).
9. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // *Мониторинг*. 2020. №3 (157). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennyye-strategii-molodezhi-realizatsiya-ozhidaniy-i-sotsialnye-nastroeniya> (дата обращения: 13.04.2024).
10. Маланов А.В., Виноградова А.И. Постмодернизм как философия Интернета // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2012. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-kak-filosofiya-interneta> (дата обращения: 13.04.2024).
11. Филянова Н. Н. Социальная сеть «Вконтакте» как пример социальной реальности в эпоху постмодернизма / Н. Н. Филянова // *Alter Idem*. — М., 2009. — Вып. 2: Феноменология реальности: конструктор и концепт. — С. 92-94.
12. Евгения Ним (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // *Социологическое обозрение*. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ne-sotsialnoe-konstruirovaniye-realnosti-v-epoхи-mediatizatsii> (дата обращения: 13.04.2024).
13. Закирова Татьяна Валерьевна Феномен симулякра как проявление социальной имитации // *Вестник ОГУ*. 2014. №7 (168). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-simulyakra-kak-proyavlenie-sotsialnoy-imitatsii> (дата обращения: 13.04.2024).

14. ВЦИОМ Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения// ВЦИОМ. – 10.08.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechnost-i-predpochtenija?ysclid=lth09ef89p331098655> (дата обращения: 06.12.2023)
15. Павел Лебедев Цифровая эпоха. Затерянные в соцсетях// Ipsos. – 18.01.2019 [Электронный ресурс] URL: [Цифровая эпоха. Затерянные в соцсетях | Ipsos](#) (дата обращения: 06.12.2023)
16. Аудитория социальных сетей и мессенджеров // Левада-Центр. – 18.04.2023 [Электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/2023/04/18/auditoriya-sotsialnyh-setej-i-messendzhеров/?ysclid=lv036b8xt0695605475> (дата обращения: 15.04.2024).

ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

*Голованова Оксана Владимировна
(ФБГОУ ВО СПбГМТУ)*

*Прозоровская Камилла Александровна
(ФБГОУ ВО СПбГМТУ)*

*Семенник Анастасия Леонидовна
(ФБГОУ ВО СПбГМТУ)*

*Пойдина Евгения Александровна
(ФБГОУ ВО СПбГМТУ)*

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию социальных проблем современного университетского образования и их индикаторов, таких как трудовая занятость студентов в процессе обучения, низкая академическая активность обучающихся, неудовлетворенность учёбой. Рассмотрены стратегические направления актуальных управленческих интервенций в содержательные и организационные аспекты образовательного процесса. Основные положения авторов опираются на результаты эмпирического социологического исследования.

Ключевые слова: университетское образование, социальная проблема, мотивация, профессионализация, трудовая занятость, академическая успеваемость, удовлетворённость учёбой, управление образованием.

Многолетний социологический мониторинг различных аспектов учебного процесса в СПбГМТУ позволил выявить в качестве одной из основных социальных проблем современного университетского образования, и высшей школы в целом, ценностную составляющую сознания и поведения учащейся молодёжи. Общеизвестно, что социально-экономическая и социально-психологическая страта "студент" перестала существовать после исчезновения СССР, в котором были обеспечены социальные условия её автономии, её функций и соответствующей мотивационной базы учебной и научной деятельности обучающихся в высшей школе.

Сегодняшний обучающийся живёт в иных социально-экономических и культурных реалиях, в которых локус социализации не располагается в сфере познания и его ценностных регуляторов, занимающих в аксиосфере современной студенческой молодёжи периферийное положение, - и мы наблюдаем резкое снижение чисто академических мотиваторов деятельностной активности.

Это обуславливает сущностное противоречие образовательной сферы: с одной стороны, инновационная рыночная экономика увеличивает требования к объёму и качеству знаний у выпускников вузов, с, другой стороны, ценностно-культурные доминанты, характерные для общества потребления, не обеспечивают в должной степени мотивационные механизмы деятельности обучающихся по освоению и продуцированию знаний.

Одним из проявлений данного проблемного разлома является феномен почти тотальной трудовой занятости обучающихся уже в процессе обучения. Современный "студент" ищет зоны идентичности по преимуществу вне академической сферы, в трудовой деятельности, выступающей для него критерием социальной успешности и приносящей материальный доход, а юридическая непроработанность этого сегмента рынка труда и отсутствие соответствующих организационных корректировок учебного процесса в

университетах только усиливают противоречивость жизненных задач обучающейся молодёжи, что сказывается на их академических показателях, которые уже продолжительное время устойчиво располагаются в зоне средних значений и ниже.

В июле 2024 года студентами кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (СПбГМТУ) было проведено социологическое исследование трудовой занятости студентов (данного вуза) в процессе обучения. Объект исследования - обучающиеся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры очной формы обучения. Выборочная квотная совокупность составила 445 респондентов, в которую вошли представители всех факультетов (факультет кораблестроения и океанотехники, факультет энергетики и автоматизации, факультет морского приборостроения, факультет цифровых промышленных технологий, инженерно-экономический факультет, факультет естественно-научного и гуманитарного образования) и всех курсов обучения.

Доля студентов, совмещающих на момент опроса учёбу и работу составила 59,3%, доля имеющих опыт такого совмещения - 70,34 %. Из них 69,4% трудоустроены в форме частичной занятости, 30,6 %, или 19,6 % среди всех опрошенных, - полной занятости (40 и более часов в неделю). Таким образом, почти одна пятая часть студенческого контингента работает во временном формате полной трудовой занятости. Их доля устойчиво возрастает от первого к последнему курсу и от бакалавриата к магистратуре. Среди работающих респондентов 41 % работает, полностью или частично, без официального оформления, что свидетельствует о том, что студенческий труд не является юридически обеспеченной категорией на рынке труда, что создаёт дополнительные трудности как для самой студенческой молодёжи, так и для формальных экономических структур.

Отмеченные опрашиваемыми мотивы их трудовой деятельности распределились следующим образом: 74 % респондентов отметили экономические мотивы - обеспечение базовых потребностей (31%) и дополнительных потребностей (43%); приобретение трудового стажа - 18%, приобретение профессиональных навыков 16 %. Как видим, мотивы, связанные так или иначе с профессионализацией составляют незначительную часть, очевидно превалирует экономическая мотивация, поддерживаемая и стимулируемая потребительскими стандартами современной культуры. Хотя нужно отметить, что этот показатель варьирует среди факультетов: так доля этого типа трудовой мотивации самая высокая на инженерно-экономическом факультете и факультете цифровых промышленных технологий, - на 8,4 % выше данного показателями по всей выборке. На этих факультетах и самый высокий процент студентов, трудоустроенных по месту учебы.

Рассчитанный по полученным данным индекс соответствия работы обучающихся профилю получаемой в университете специальности получил отрицательное значение, И соотв. = - 0,36. Этот низкий показатель когерентно связан и с показателями взаимовлияния учёбы и работы. Так, 62,9% опрошенных считают, что их учёба не помогает им в работе, что может маркировать слабый практический аспект образовательных программ, и, соответственно, актуальность получаемых в университете знаний и навыков, или превалирующую занятость студентов на неквалифицированной работе. Вероятнее всего, что и то, и другое вместе. 72 % опрошенных отметили, что их работа не помогает или скорее не помогает им в учебе. Эти показатели можно рассматривать как индикаторы необходимости управленческих корректировок организации учебного процесса, направленных на введение гибких индивидуальных образовательных траекторий. Сами респонденты отмечали желательность частичного использования в обучении дистанционных форм и совершенствование цифровых образовательных ресурсов.

В типологической группе работающих или имеющих трудовой опыт респондентов наличие трудностей в освоении учебной программы, вызванных совмещением учебы и работы, отметили 44,4 % респондентов, из них для 13,2 % освоение образовательной программы критично проблематизировано. Показательным является распределение в типологической группе с академической успеваемостью "удовлетворительно" и "неудовлетворительно" (наличие задолженностей): 34 неработающих и 94 работающих студента, т. е. совмещающие учебу и работу составляют в ней 73,4 %. Снижение академической успеваемости диагностируется и следующими полученными в исследовании результатами. Индекс успеваемости обучающихся располагается в зоне очень низких значений, $I_{усп.}=0,12$, ему соответствует и значение индекса удовлетворенности учёбой, как важнейшего регулятора деятельности, $I_{уд.уч.}= 0,31$.

Итак, на данный момент мы можем диагностировать отсутствие взаимосоусиливающей связи между учебной и трудовой деятельностью студентов, их диссонансное состояние, а также определить стратегические направления управленческих интервенций в учебный процесс: усиление практической компоненты образовательных программ и уменьшение напряжения (граничащего с аномией), испытываемого студентами, совмещающими учёбу и трудовую занятость, а таких большинство, за счёт введения новых организационных форм, разработка, конкретизация и экспериментальное внедрение которых, на наш взгляд является одной из первоочередных задач управления в высшей школе.

Университетская образовательная среда по инерции пытается защитить свою автономию, приверженность традиционным формам реализации образовательных программ, сохранить свой "академический вакуум". Однако реалии, на наш взгляд, определили для неё не так уж много альтернатив: либо движение в сторону маргинализации, и предоставления тем самым конкурентных преимуществ внеакадемическим образовательным практикам, что может вызвать резкое снижение в обществе культуры рационального мышления, либо структурные и организационные инновации и эволюционирование синхронно с социо-культурным ландшафтом как его приоритетный и действительно функциональный компонент.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ: УРОКИ ПРОШЛОГО И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Гончарова Ирина Валентиновна
(Государственный университет управления, Россия)

Чувардин Герман Сергеевич
(Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева)

Аннотация

В статье анализируются проблемы формирования национальной идентичности молодежи в контексте молодежной политики. Обращается внимание на важность исторического и социокультурного наследия, а также на влияние современных технологий и глобальных тенденций на восприятие молодежью своей идентичности. Поднимается вопрос о возможности использования советского опыта молодежной политики на примере деятельности "Движения Первых".

Ключевые слова: молодежная политика, национальная идентичность, молодежь, «Движение Первых».

Формирование национальной идентичности представляет собой многогранный процесс, который включает в себя как исторические, так и культурные аспекты. В современном мире, где глобализация и миграция становятся нормой, вопрос идентичности приобретает особую значимость, особенно в контексте молодежной политики. Молодежь воспринимается как стратегический ресурс развития общества, а инвестиции в молодежную политику - как инвестиция в завтрашний день. Обращение к историческому опыту реализации молодежной политики необходимо для выстраивания ее стратегии в условиях новых вызовов.

Политическая активность молодёжи стала целенаправленно формироваться после революции 1917 г. Для расширения социальной базы и преемственности власти большевикам необходимо было привлечь и политизировать молодёжь как наиболее активную часть населения. Поддержка молодёжи была фактором победы в Гражданской войне. В 1920-е гг. она была необходима для укрепления позиций РКП(б) в условиях введения рыночных отношений на базе нэпа. В конце 1920-х — 1930-е гг. молодые люди активно привлекались для проведения индустриализации, коллективизации, раскулачивания и культурной революции.

В 1920–1930-е гг. была выстроена структура политической социализации молодежи: «октябрята — пионеры — комсомольцы». После прохождения последней ступени комсомольской организации, молодой человек мог попасть в ряды РКП(б)- ВКП(б). Таким образом, сформировалась преемственность в процессе воспитания молодёжи, сохранившаяся до конца советского периода.

В 1991 г. был принят Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики», что свидетельствовало об изменении направленности молодежной политики на излете «перестройки»[6]. После распада СССР и становления новой России, молодёжная политика стала разнообразной и отчасти децентрализованной в условиях демократизации и политического плюрализма. Например, стали появляться «молодёжные версии» оппозиционных политических партий («Молодежный центр ЛДПР»).

С укреплением вертикали президентской власти в начале XXI века отношения государства с молодёжными организациями меняются. Для активных молодых людей стали создаваться молодёжные организации как государственные институты и каналы политической мобильности (например, «Наши»). В дальнейшем государство начинает развивать проектную деятельность, поменяв вектор с поддержки отдельных организаций на формирование социальных лифтов для широкого круга молодежи.

Целью молодёжной политики на государственном уровне стало «воспитание патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением» [7, 22]. Такой подход обусловлен изменением геополитической ситуации в мире. Начало третьего тысячелетия показало, что в условиях новой «полицентричной системы международных отношений» изменяются критерии лидерства в мировой политике. Как отмечает А.Торкунов, «в условиях переходного состояния политической системы мира резко обострилась борьба за право определять ценностную, нормативную составляющую мирового порядка»[8].

Нет сомнения, что «Россия обладает огромным социокультурным национальным потенциалом», который должен стать основой «сохранения России как уникальной цивилизации, обеспечивающей суверенитет страны и ее достойное место в мировом сообществе» [7, 22]. Для этого важно формирование и укрепления национальной идентичности российской молодежи. В научной среде ведутся дискуссии по поводу этого относительного нового понятия[2; 4]. Необходимо учитывать политическую составляющую данного феномена, и обратиться к концепции Б.Андерсона[1] о «воображаемом сообществе», сопоставляющих себя с государством, что и формирует национальную идентичность.

Национальная идентичность российской молодежи находится под сильным воздействием различных внутренних и внешних факторов. Внутренним фактором являются условия ее формирования в конце 1980-х–1990-х гг., определяемые историческими процессами «перестройки», распада СССР, окончания «Холодной войны» и активного внедрения прозападных ценностей. Если учесть, что к категории «молодежь» [12], относятся люди в возрасте 14–35 лет, то либо представители молодежи в возрасте 30–35 лет, либо родители тем, кому больше 14 лет, проходили политическую социализацию под воздействием данных факторов. Принимая во внимание, что самоидентификация молодого человека изменяется в зависимости от исторических событий и оценки этих событий в социуме, что приводит к переосмыслению ценностей[3], то на сегодняшний день мы видим изменение парадигмы содержания национальной идентичности, что также воздействует на сознание молодежи и может привести к поверхностному, декларативному характеру усвоения ценностей.

К внешним факторам необходимо отнести повышение мобильности в современных условиях, в том числе под воздействием цифровизации[10], многие молодые люди оказываются вовлеченными в транснациональные практики, что осложняет идентификацию с государством. Социокультурная ситуация современной действительности отличается мозаичной системой ценностей. Эти процессы приводят к кризису национальной идентичности, что негативно влияет на проблему национальной безопасности. Кроме того, цифровая среда меняет условия политической социализации молодежи, находящейся под беспрецедентным воздействием медиатизации. И здесь мы сталкиваемся еще с одним внешним фактором – информационной войной, воздействующей на сознание молодежи через агрессивный и зачастую враждебный информационный фон. Как отмечается в докладе Государственного Совета РФ: «Недружественные страны проявляют повышенную активность в конструировании выгодной для себя

информационной повестки. В этих условиях объединение молодежи на единой ценностной основе приобретает стратегическое значение для будущего нашей страны» [5, 5].

Очевидно, что формирование национальной идентичности как культурного ядра государства требует скоординированной системы государственной поддержки. А для молодежной политики оно должно стать стержневой основой.

В этой связи закономерен вопрос: что можно заимствовать из советского опыта молодежной политики?

В день столетнего юбилея пионерской организации (19.05.2022 г.) Государственная Дума внесла проект о создании Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение Первых», что воспринимается весьма символично. Несмотря на внушительный пул молодежных организаций в современной России, в проекте «Стратегии молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» подчеркивается именно роль «Движения Первых» [9]. Если обратиться к уставу, то можно увидеть отсылку к советскому опыту политической социализации молодежи, в основе которого лежала преемственность и триада «октябрятская организация-пионерия-комсомол» [11]. Одним из принципов современной молодежной политики является создание «бесшовной среды» [5], что соотносится с преемственностью процессов влияния на молодого человека, который на протяжении 14-35 лет может находиться в разных образовательных средах и социальных средах (школа, вуз, семья, профессиональный коллектив). В молодежном движении по мере взросления статус участника меняется на наставника. Возможность оставаться в «Движении», которое формирует государственные ценности, в условиях образовательной и территориальной мобильности, также направленно на укрепление национальной идентичности.

Таким образом, проблема формирования национальной идентичности в контексте молодежной политики становится важной составляющей государственного строительства и социальной стабильности. Современные вызовы, такие как глобализация, миграция и культурные изменения, ставят перед молодежной политикой новые задачи, требующие гибкости и инновационного подхода. Разрабатывая молодежную политику, важно учитывать уникальность исторического и культурного контекста страны, которая способствует укреплению национальной идентичности.

1. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Водолажская Т.В. *Идентичность гражданская // Образовательная политика*. 2010. № 5–6. С. 140–142.
3. Волков С. Ю., Помелова Ю. П. *Национальная идентичность как научная категория* <https://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2018/04/volkov-pomelova-1.pdf>
4. Герштейн И. З. *Государство как фактор смены национальных идентичностей в процессе распада СССР и создания Российской Федерации: дис. ...канд. полит. наук*. Н. Новгород, 2011. 198 с.
5. *Доклад Государственного Совета РФ «О реализации молодежной политики в современных условиях»*, М., 2022. <https://mollab.hse.ru/mirror/pubs/share/823942055.pdf>
6. *Закон СССР № 214-1 «Об общих началах государственной молодежной политики»*. <https://base.garant.ru/6335136/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>
7. *Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи: коллективная монография / под ред. А.В. Бугаева, Т.К. Ростовской*. М.: Издательство РГСУ, 2018. 198 с.

8. Торкунов А. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/obrazovanie-kak-instrument-myaagkoy-sily-vo-vneshney-politike/?ysclid=m1jsvz1pw596975336>
9. Стратегия молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. Режим доступа: <https://minobrнауки.gov.ru/upload/iblock/28d/hyihn9b0mm2iafi1yfokx52хун3us4ky.pdf>
10. Тишкова А.С. Особенности цифровой социализации современной молодежи: теоретический экскурс//Человеческий капитал, 2023, №12(180) часть 1. С. 212-218.
11. Устав Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение Первых» . Режим доступа: <https://будьвдвижении.рф/download/MQ==/ZG9jdW11bnRz/ZmlsZQ==/>
12. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации

РОЛЬ ИНТЕРАКТИВНЫХ МУЗЕЕВ В СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ ПОКОЛЕНИЯ Z (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРАКТИВНОГО МУЗЕЯ ГОРОДА РОСТОВ- НА-ДОНУ)

Гринберг Галина Павловна
(Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова)

Литвиненко Елена Юрьевна
(Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова)

Современный человек живет в эпоху, когда большая часть времени проводится перед экранами, подключенными к интернету. В связи с этим, музейные специалисты все время продумывают, как видоизменить коллекции и выставки, которые бы были по-прежнему актуальны в наши дни, и как конкурировать со всеми доступными способами развлечений и технологическими разработками, чтобы привлечь внимание посетителей и разнообразить их досуг посещением информационно-познавательного места. Исходя из определения музея, предложенного Международным советом музеев (ИКОМ) – «это некоммерческая, постоянно действующая организация на службе обществу, которая исследует, собирает, сохраняет, интерпретирует и демонстрирует материальное и нематериальное наследие» [5]. Смысл данного определения предполагает, что музеи должны предоставлять индивиду, прежде всего, возможность изучить определённый аспект истории, искусства, науки, то есть музей, таким образом, реализует образовательную функцию, объединяя обучение и развлечение с тем, чтобы транслировать свой контент для современных посетителей, привыкших к ярким образам и коротким нарративам, предоставляемый социальными сетями и интернет-платформами [2].

Поскольку посетители музеев все больше заинтересованы в получении неформальной (интерактивной) формы предоставления контента, то со стороны музеев предпринимаются попытки адаптации инновационных технологий в музейные пространства. Можно сказать, что «борьба» за современного посетителя перемещается в цифровое пространство, где от использования новых технологий во многом зависит существование музеев, вне зависимости от их вида. Поскольку современные посетители, особенно молодежь поколения Z, являются компетентными пользователями интернета и социальных сетей, музейные работники вынуждены активно осваивать возможности новых цифровых технологий с тем, чтобы вести диалог с посетителями на равных. Перед музеями ставятся задачи по обеспечению новых сценариев взаимодействия с посетителями.

Говоря о выставках с применением цифровых технологий, можно отметить, что такой опыт оказывается весьма полезным для посетителей, поскольку позволяет лучше понимать объекты и идеи, которые выражают эти объекты. Интерактив в музеях предлагает дополнительную информацию, которая является более привлекательным способом для посетителей, не перегружая музейную среду избытком информации, а также позволяет повысить доступность для людей с ограниченными возможностями [3]. Тем не менее, цифровые технологии должны использоваться как средство, а не как цель, то есть, в идеале, музейные экспозиции должны гармонично сочетаться с цифровым контентом для эффективной коммуникации, предоставляя посетителям возможность выбора наиболее интересного для них.

Поскольку в данной статье мы нацелены на изучение взаимодействия интерактивных музеев и молодежи, а современная молодежь относится к поколению Z,

следует выделить ее основные характеристики: приверженность здоровому образу жизни; более активное проведение досуга; откладывание взросления; самообразование посредством цифровых технологий [1]. Стремясь удовлетворить потребности данного поколения в информационном контенте с одновременным стремлением транслировать традиционные духовные ценности, музеи постоянно совершенствуют свою цифровую среду, делая ее доступной и более диверсифицированной.

Для молодежной и подростковой аудитории музеи разрабатывают и реализуют проекты, в основном используя интерактивные форматы и методы. В 2015 г. в России начала открываться система мультимедийных исторических парков, в которых представляется вся история России от Древней Руси до наших дней. Уникальность таких музеев состоит в том, что вся информация подается с помощью современных технологий, 3-D носителей, кинозалов. Такого рода музеи привлекают большое количество молодежи (15 тысяч в год), что способствует формированию ее сопричастности к истории и культуре нашей страны. Так, например, Исторический мультимедийный парк «Россия – моя история», который находится в городе Ростов-на-Дону, насчитывает порядка 20-25 тысяч посетителей в год, 70% из которых молодежь (школьники, студенты) [4].

Также, стоит отметить, что посещение интерактивных музеев может мотивировать молодежь к посещению традиционных форм музеев, и наоборот, традиционные музеи могут начать «подстраиваться» под современные реалии и вводить различные интерактивные формы в свою деятельность. Так, например, Музей-заповедник «Сталинградская битва», который был основан в начале прошлого века, относится к традиционным музеям и до недавнего времени использовал в качестве технического дивайса только аудиогид на русском, английском, немецком и китайском языках, позволяющий получить информацию самостоятельно, а не в групповой экскурсии. Однако в рамках празднования 72-й годовщины победы советских войск в Сталинградской битве была открыта новая мультимедийная выставка «Макет разрушенного города», оживленный с помощью 3-D-мэппинга. Такая подача событий самой грандиозной битвы Великой Отечественной войны привлекает большое количество, дошкольников, школьников и студентов. В музее также появились электронные стенды с сенсорными экранами, которые дают возможность заглянуть в фонд музея. Отзывы студентов после посещения музея показывают, что именно мультимедийное представление Сталинградской битвы вызвало наибольший эмоциональный отклик и способствовало формированию патриотизма, гордости за подвиг нашего народа в борьбе с фашизмом.

С целью выявления важности внедрения интерактивных форм в музейную деятельность, студентам 1-го курса Факультета Геологии, Горного и Нефтегазового Дела Южно-Российского Государственного Политехнического Университета (НПИ) им. М.И. Платова было предложено посетить вышеупомянутый Интерактивный мультимедийный парк «Россия – моя история» в городе Ростов-на-Дону. Всего приняло участие 19 человек. После посещения студентам было предложено написать эссе-отзыв на тему: «Мои впечатления от посещения Интерактивного мультимедийного парка «Россия – моя история» в городе Ростов-на-Дону». Приведем наиболее типичные выдержки из эссе:

Наш преподаватель порекомендовала посетить нашей группе, где я учусь музей в Ростове. Он называется «Россия – моя история». Я сразу воодушевилась, потому что, во-первых, люблю Ростов, во-вторых, очень круто съездить в музей опять с группой. В музее очень атмосферно, я до этого не была в таких. Это не просто музей, это интерактивная площадка. Во многих залах посередине стоят интерактивные столы с кнопками. Можно нажать кнопку «Начало битвы» и увидеть воочию сражение, которое имело место в определенный период времени. Мне очень сильно запомнился один зал – на полу звездное

небо, а зал посвящен Крещению Руси. Ощущение, что ты переживаешь все эти события со своими предками. Вот бы нам в городе такой музей. Все бы школьники и студенты туда шли с удовольствием.

Ну что можно сказать о нашем походе в музей. Вообще, я их не очень люблю с детства, но это мой второй музей за этот год, и я немножко поменял свое мнение. Интересно то, что этот музей, так сказать, интерактивный, и никаких экспонатов в нем нет. То есть, там огромное количество электронных стоек и экранов. Каждый зал рассказывает о каком-то периоде истории нашего государства. От Варяг до наших дней. Интересная подача, окунаешься, так сказать, в атмосферу загадочности. Могу точно сказать, что уроки истории так интересно не проходят, а вот если бы водили сюда и показывали, то мы бы закрепляли материал и он бы был нам более понятен. Конечно, возможности современных технологий просто впечатляют. Кладезь руку на пульт на экране и тебе информация вся. Стой. Читай. Мне очень понравился зал правления императора Всероссийского Павла I и Александра I. В этом зале меня привлекло то, что там есть экран с Бородинской битвой. Это прям очень интересно. В учебниках все-таки как правило сухие факты, а тут прям все так живенько и сразу понятно. Как на ладони все маневры.

В этом году мы уже были с группой в традиционном, так скажем, музее Донского казачества, теперь поехали в Ростов, а там в музее тоже затронуто казачество, только все в интерактивной форме. Это очень удачное решение для привлечения молодежи. Вот я прям запомнила экспозицию по казачеству. Там информация посвящена различным фактам об этом то ли сословии, то ли отдельном народе (вроде как историки до сих пор спорят). Кстати, в этом историческом парке есть прям целая выставка, посвященная истории казачества, хочу потом с группой туда опять поехать, но посетить именно ее. Короче, было очень круто, всем первокурсникам надо туда. Причем в первую неделю сентября.

Я вообще очень позитивно отношусь к интерактивам, поэтому, когда нам сказали летом посетить интерактивный исторический парк, я прям обрадовался. Музей классный, просторный, современный, он прям затягивает, я уходить не хотел. Мы смотрели там мультимедийную выставку «Нашествие монголо-татарских войск на Русь». Выставка оказалась путешествием, мы прям попали на поле действий, которые тогда происходили. Очень ярко, красочно, зрелищно и даже немного страшно. Я сам с Ростова и горжусь, что такой музей есть у меня в городе, побольше бы такого. Я удивлен и доволен.

На основании анализа данных эссе-отзывов мы можем сказать, что данный современный тип музея отвечает актуальным требованиям. Современная молодежь, в частности поколение Z, с большим интересом посещает новые форматы музейных площадок, способствуя объективному оцениванию вклада нашей страны в победу над фашизмом что является своеобразной «прививкой» против пропаганды, активно ведущейся странами коллективного запада с целью искажения исторической правды.

Таким образом, можно заключить, что использование современными музеями цифровых технологий является эффективным инструментом по привлечению молодежи поколения Z в музеи, где форма подачи отвечает запросам современной молодежи, способствуя интериоризации контента, формирующего интерес к пониманию истории и культуры нашей страны.

1. Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание) // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 4. С. 31–60. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7641

2. Desvallées, A., & Mairesse, F. (2010). *Key Concepts of Museology*. Paris: Armand Colin.
Retrieved from http://icom.museum/fileadmin/user_upload/pdf/Key_Concepts_of_Museology/Museologie_An-glais_BD.pdf
3. Freeman, A., Adams Becker, S., Cummins, M., McKelroy, E., Giesinger, C., & Yuhnke, B. (2016). *NMC Horizon Report: 2016 Museum Edition*. Austin, TX: The New Media Consortium. doi:10.1111/j.2151-6952.2010.00064.
4. <https://myhistorypark.ru/about/info/#>
5. *Museum Definition // International Council of Museums*. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://icom.museum/en/resources/standards-guidelines/museum-definition/>

ОБРАЗ СЕМЬИ У МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ СРЕДНЕГО УРАЛЬСКОГО ГОРОДА

*Грунт Елена Викторовна
(Уральский Федеральный университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина)*

*Ветошкина Вероника Михайловна
(Уральский Федеральный университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина)*

Аннотация В статье дается гендерный анализ восприятия образа идеальной и реальной семьи молодыми жителями среднего уральского города. Исследование проведено в г. Первоуральске, Свердловской области в 2023 году. Исследование показало, что в целом образы идеальной семьи у мужчин и женщин схожи. Представители обоих полов считают, что в идеале должно быть 1-2 ребёнка, распределение обязанностей по партнёрскому типу. У них наблюдается одинаковое отношение к некоторым показателям брачно-семейных отношений (сожительство перед браком, проведение досуга и пр.).

Ключевые слова: идеальный образ семьи, реальный образ семьи, молодежь, средний город

Введение в проблему

В современных условиях можно наблюдать то, как сдвигаются сроки вступления в брак, планирования детей, меняются отношения к официальному заключению брака, показателям в брачно-семейных отношениях, распределению обязанностей, количеству детей в семье, на первый план «выходят» новые семейные ценности. В связи с чем, возникает актуальность исследования образа семьи среди молодых людей. Изучение данного вопроса позволит определить, каких взглядов придерживается современная молодежь на брачно-семейные отношения. К тому же, исследований, посвященных проблеме образа семьи у представителей молодого поколения среднего уральского города, в отечественной социологии явно недостаточно. Все это свидетельствует об актуальности и новизне темы исследования.

Методы исследования

Исследование проведено осенью 2023 года среди молодого поколения города Первоуральска Свердловской области.

В исследовании использованы качественные и количественные стратегии: он-лайн опрос и фокус группы. Исследование проводилось с помощью онлайн-опроса. Анкета состояла из 49 вопросов. В рамках количественного метода использовалась стихийная выборка, опрос проводился с помощью метода «снежного кома». В результате было опрошено 192 жителя города Первоуральска: 50% мужчин и 50% женщин в возрасте от 20 до 25 лет.

Помимо онлайн-опроса в исследовании был применён качественный метод: фокус-группа. Рекрутинг участников происходил с помощью опроса, где в его завершении были вопросы о семейном положении. Если человек проживает с партнёром не менее 1 года (вне зависимости от зарегистрированного брака), то ему поступало предложение поучаствовать в фокус-группе, посвящённой теме семьи. Было проведено 3 фокус-группы.

Результаты исследования

В исследовании нас интересовал вопрос о том, как воспринимает образ идеальной семьи молодежь. Для этого нами был определен ассоциативный ряд к выражению «идеальная семья». Исследование показало, что мужчины и женщины в большей мере считают, что идеальная семья связана с любовью, уважением и взаимопониманием (72,4%

и 88,2%, соответственно). Данные результаты подтверждают и данные фокус-группы. Представители обоих полов оказались солидарны друг с другом, для них идеальная семья – это в первую очередь, любовь, взаимопомощь, взаимоуважение, место, куда хочется вернуться. Как отметили некоторые респонденты, в идеале семье важно иметь и схожие цели на будущее. *«Я начну, мне кажется это что связано с взаимоуважением, взаимопониманием, взаимопомощью и нужно смотреть примерно одинаково на будущее, чтобы планы не расходились, потому что, если будут совсем какие-то глобальные расхождения в понимании и строении семьи, то будет сложно жить вместе. Кому-то из партнеров, придется прогибаться»* (Н, 25 лет, преподаватель).

В исследовании нами проведен компаративный анализ восприятия молодежью образа идеальной и реальной семьи. Для этого мы выделили 5 показателей: количество детей, распределение обязанностей в семье, заключение брачного договора, раздельный досуг, развод при наличии детей. Результаты исследования показали, что идеальные и реальные образы семьи совпадают у обоих гендеров. Однако по некоторым индикаторам есть различия.

Таблица 1. Мнение молодых мужчин об идеальной и реальной семье (в % к числу опрошенных)

Индикаторы образа семьи	реальная семья	идеальная семья
наличие детей 1-2	55,3	52,4
разделение обязанностей по партнерскому типу	36,8	37,2
разделение обязанностей по патриархальному типу	30,3	33,4
разделение обязанностей в зависимости от способностей супругов	30,3	27,3
положительное отношение к раздельному досугу	69,7	85,5
поддерживают развод при наличии детей	47,4	50,4
положительное отношение к брачному договору и пошли бы на него	40,5	52,1

Как видим, различия имеются по двум показателям. В целом наблюдается положительное отношение к брачному договору (40,5%), но 52,1% респондентов не заключили бы его. Лишь 69,7% респондентов высказались за раздельное проведение досуга, в реальности 85,5% мужчин его проводят раздельно от своих партнерш.

Если говорить о женщинах, то у них сходства наблюдаются практически по всем 5 индикаторам: 1) наличие детей – идеально 1-2 (48,7%) и хотели бы 1-2 детей (52,6%); 2) положительное отношение к раздельному досугу (80,3%) и хотели бы/уже проводят его (78,9%); 3) поддерживают развод при наличии детей (78,9%) и сами пошли бы на него (77,6%); 4) разделение обязанностей по партнёрскому типу (63,2% и 57,9%); 5) отношение к брачному договору (61,8%) и заключение договора в зависимости от ситуации (55,8%), а 34,2% заключили бы его.

К тому же, мы можем заметить, что женщины в большей мере, чем мужчины готовы пойти на развод при наличии детей, что свидетельствует о готовности женщин выйти из отношений, не смотря на общественную оценку, как это было ранее. Помимо этого, женщины в большей степени склонны к заключению брачного договора, нежели чем мужчины.

Исследование выявило, что у всех мужчин и женщин совпало представление о совместной жизни, семье с тем, с чем они встретились в жизни: *«Я не ожидала возможных конфликтов. Мы очень похожи во всем. И у нас всё хорошо. Наши взгляды на семью совпадают с партнером»* (Е., менеджер, 24 года). Лишь один из участников фокус-группы поделился, что у них по началу были разногласия в возрасте вступления в брак и о количестве детей: *«Взгляды..., возможно, ввиду возраста расходились в сроках, когда можно узаконить отношения, то есть для неё там это не раньше 25 лет, а для меня почему бы не в следующем году? Ещё по количеству детей расходилось мнение, но там не было каких-то ультиматумов»* (Д., студент вуза, 22 года).

Заключение

В результате проведенного исследования, нами зафиксированы сходства в образах семьи у мужчин и женщин молодого поколения среднего уральского города. Представители обоих полов в идеале в семье видят 1-2 детей, положительное отношение к раздельному досугу, разделение обязанностей по партнёрскому типу. Однако мужчины допускают вероятность ведения хозяйства в зависимости от способностей и готовности партнера к тем или иным домашним делам.

Разница в образах наблюдается в отношении к брачному договору: женщины более положительно к нему относятся, чем мужчины. Примечательно, что представительницы женского пола больше мужчин считают, что не нужно сохранять брак ради детей, и они сами готовы пойти на данный поступок. Таким образом, дети уже не являются сдерживающим фактором для женщин. Этот момент объясняется и ростом экономической независимости, самостоятельности девушек.

Исследование выявило объективные и субъективные факторы, влияющие на формирование образа семьи у молодежи. К объективным факторам относятся родительская семья, воспитание в ней, ценности семьи, изменение отношения к брачному договору и т.д.; к субъективным - личный опыт, мировоззрение.

Мы понимаем, что наше исследование имеет ряд ограничений. К одному из них относится ограниченность выбора молодежи. За рамками исследовательского поля осталась молодежь старшей возрастной группы, восприятие образа семьи которой, может отличаться от изучаемых нами молодых людей.

ДЕТСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В СОЦИАЛЬНО-АКТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Давлетшина Лилия Авальевна

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский государственный аграрный университет»)

В рамках реализации социальной политики и «Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан – 2030» [1] четко выделяются такие направления, как «Управление талантами» и «Поддержка вертикальной и горизонтальной мобильности по способностям и компетентности», в рамках которых важнейшую роль играет развитие социальной активности населения с раннего возраста. Для детей и подростков «центром» развития социальной активности являются детские общественные организации.

В.А. Смирнов напоминает нам о социологическом подходе Т. Парсонса и Р. Мертона к подросткам и молодежи. Согласно их теории, молодые люди рассматриваются как маргиналы, которые не ищут свое место в социальной структуре общества и поэтому объединяются с такими же, как они сами. Они создают сообщества *«peer group»* (от англ. *peer* – «ровня» и *group* – «группа»). Большинство из них имеют статус неформальных объединений, создаваемых самой молодежью спонтанно, независимо от взрослых, в первую очередь для организации своего досуга / свободного времени и общения по интересам. Однако есть и формальные институты, создаваемые взрослыми людьми специально для молодежи с целью их социализации (усвоение социальных ролей, позиций и статусов). *«Peer group»* выполняют следующие функции: позитивной адаптации к обществу; присвоения молодому человеку первичного статуса; облегчения ухода из родительского дома; передачи специфических для данного слоя ценностных представлений...» [2, 212].

В то же время важно помнить, что сообщества *«peer group»* амбивалентны, т.е. могут нести в себе как деструктивный, так и конструктивный – социально-одобряемый смысл. Вовлечение детей и подростков в общественные организации – это чрезвычайно важная альтернатива влиянию экстремистских и криминальных групп на подрастающее поколение.

В данном контексте актуализируется социологическое исследование «Реализация государственной молодежной политики в образовательных организациях Республики Татарстан», проведенное совместно с РОО «Совет детских организаций РТ». В рамках исследования, охватившего все муниципальные районы республики, приняли участие заместители руководителей общеобразовательных организаций по воспитательной работе (всего было опрошено 449 человек). Структура выборочной совокупности репрезентативна по характеристикам возраста, стажа работы, уровня образования и квалификационной категории.

Детские и молодежные общественные объединения – часть социального движения и некоммерческого сектора, формирования гражданского общества нашей страны, которое в свою очередь имеют богатую историю и наследие. Согласно данным мониторинга детского общественного движения Татарстана, в республике функционируют свыше 800 детских общественных объединений, осуществляющих свою деятельность на базе образовательных учреждений, а также на базе учреждений молодежной политики, культуры, спорта и других организаций [3].

Детские общественные организации позволяют детям и подросткам выстроить коммуникации со сверстниками и попробовать на себе определенную социальную роль, что

является немаловажным фактором в воспитании подрастающего поколения и их самоопределения. Благодаря работе детских общественных объединений, по мнению заместителей директоров образовательных организаций по воспитательной работе, обучающиеся приобретают важные социальные коммуникативные и профессиональные навыки:

становятся более уверенными в себе, начинают верить в свои силы, перестают стесняться (67%);

приобретают коммуникационные навыки, становятся более общительными, находят друзей (67%);

проявляют и развивают свой талант, способности (64%);

приобретают важные для жизни знания, умения, практические навыки, которым не учат в школе (57%).

Активисты и лидеры детских общественных объединений инициируют и реализуют социальные проекты, акции и мероприятия, участвуют в социальной жизни своей образовательной организации, города и республики, сами приобретая гибкие навыки и знания, которые делают население социально-ориентированным. Респонденты отмечают участие своих учеников в следующих проектах: Движение «Форпост» (63%), Сессия здоровья (30%), Республиканская молодежная программа «Мы – это мир!» (11%), Республиканский онлайн-форум «Конструктив» (7%), Республиканский проект «Свои» (5%). Важно, что при ответе на вопрос о профилактике правонарушений и асоциального поведения опрошенные отметили тот проект, который в рамках Государственной программы «Развитие молодежной политики в Республике Татарстан на 2019-2025 годы» [4] является одним из основных в реализации гражданско-патриотического воспитания – движение «Форпост». В то же время следует отметить, что четверть всех опрошенных не отметили никаких вариантов, что может свидетельствовать о проявлении двух тенденций: либо учащиеся соответствующих организаций не участвуют в названных проектах, либо заместители руководителей по ВР не информированы об участии/не участии в них обучающихся ОО.

Детские общественные организации работают в разных направлениях: часть из них являются однопрофильными и четко ориентированы на определенное направление развитие детей и подростков, другие, многопрофильные, реализуют сразу несколько направлений деятельности. Анализ результатов исследования показал, что в общеобразовательных организациях РТ наиболее успешно реализуются следующие направления и сферы деятельности «Совета детских организаций Республики Татарстан»: патриотическое воспитание (87%); экологическое воспитание (80%); культура и творческое развитие подростков (72%); социальная защита и волонтерская деятельность (50%); детский спорт и туризм (50%). Более половины заместителей директоров школ по воспитательной работе отметили, что требует доработки и дополнительных усилий для реализации направление «детское предпринимательство и трудоустройство» (58%). Одним из проблемных направлений стали «детские СМИ» – 39% опрошенных указали на необходимость его доработки, при этом 34% респондентов отметили успешность его реализации. Примерно одинаковое число респондентов (по 37%) отметили как успешность, так и сложность претворения в жизнь такого направления, как «правовая защита детей и молодежи».

Детские общественные объединения являются уникальной формой вовлечения детей, самоорганизации, являясь местом для самореализации и самоопределения детей и подростков. В то же время, респонденты выделяют ряд проблем, с которыми им приходится сталкиваться в ходе организации деятельности детских общественных

объединений. Среди наиболее актуальных следует отметить нехватку времени как у детей, так и у педагогов во внеурочное время – с этим столкнулись 70,4% участников опроса, а также недостаточное понимание важности детского движения (28,5% опрошенных), отсутствие методических пособий и взаимодействия с другими детскими объединениями – 21,6% и 16,5% соответственно.

Таким образом, миссия детских и подростковых общественных объединений сегодня – это успешная первичная «мягкая» модель социализации детей и подростков (вовлечение, убеждение, личный пример), выработка культуры личностной идентичности и самоорганизации. «Мягкость» социализации способна обеспечить именно детская общественная организация, где важнейшей ценностью выступают дружба и взаимопомощь, а субъектами по коммуникации и возрастанию в компетенциях выступают как сверстники, так и представители других поколений.

1. Закон Республики Татарстан от 17 июня 2015 года № 40-ЗРТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» (с изменениями на 25 декабря 2019 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. – URL: [Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года от 17 июня 2015 - docs.cntd.ru](https://docs.cntd.ru) (дата обращения: 02.03.2024).
2. Смирнов В.А. Основные концепции молодости в западной социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология – 2010 - № 3 – С. 205–219.
3. Мониторинг детских общественных объединений Республики Татарстан 2021 // Официальный сайт Совет Детских Организаций Республики Татарстан. [Электронный ресурс]. URL: <https://sdo-rt.ru/event/40> (дата обращения: 05.03.2024).
4. Постановление Кабинета Министров РТ от 5 марта 2019 г. № 158 «Об утверждении государственной программы «Развитие молодежной политики в Республике Татарстан на 2019-2025 годы» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства по делам молодежи Республики Татарстан. – URL: https://minmol.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2753515.pdf (дата обращения 28.01.2024).

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ЕЕ РОЛЬ В ИДЕНТИЧНОСТИ

Дай Хайбо
(Санкт-Петербургский Государственный Университет)

В нынешнем мире внимание на историю, традицию и культурное наследие все более увеличивается. Когда напоминаем о исторической памяти, приходится и рассчитывать их материальные места, носящие определенную память о прошлом. Интерес к сохранению и реставрации прошлого постепенно развивается, а сей момент непосредственно связанно с конструкцией соответствующего физического пространства – мемориалы, музеи, здания и их расположения в исторической форме и т. д., которые сохраняют прямую связь в сегодняшнем мире с прошлым. А представление индивидом и группой о своем прошлом в большом учету формировало их идентичность, и с другой стороны, стремление к идентичности также продвигает мотивацию объяснения прошлого.

Следовательно, в данной статье пытаюсь размышлять и отмечать некие специфики и проблемы о сохранении исторической памяти в физическом пространстве и его взаимоотношение с формированием идентичности в современном обществе.

О производстве памяти

Можем разделить понятие памяти в два концепта – вспоминание как человеческое поведение и вспоминаемое содержание впоследствии данного поведения. Харальд Вельцер предложил, что человек может встраивать в историю своей жизни сведения, эпизоды и даже целые событийные ряды, происходящие не из его собственного опыта, а из совершенно иных источников. [1, 40-41] То есть, содержание памяти представляет собой социальный конструкт, созидавшийся на основе определенного восприятия и отбора, с помощью определенного средства. Поэтому источники вспоминания играют гораздо важную роль в формировании исторической памяти. А чтобы рассеянный индивидуальный опыт стал распространенной исторической памятью на степени коллектива, нуждается в данном случае устойчивый и массовый канал передачи, в том числе школьное образование, участвующее в социализации индивида, в данном процессе непременно внушает основные представления и отношения к историческим событиям; а также фильмы, литературы и другие массовые медиа – увидим, как описание Стефана Цвейга сформировал популярную историю о Ватерлоо, а Толстой влияет наши точки зрения на 1812 года. Но формирование исторической памяти не является односторонним процессом, а чаще всего вызывает сопротивление и конфликт. Отвергание иногда не просто заключается в исторических фактах, так как для искусства исправления чаще всего решены, а в объяснении и способах событий. В данном случае общая историческая память считается социальной нормой, носящая к себе определенную ценность и обычай группы, как мы видим, например, споры в комментарии фильма Союз Спасения о описании декабристов, о их ролях как бунтари или революционеры, а это непосредственно связано с изменением ценности современной России.

О конструкция пространства памяти

А физическое пространство в вспоминании служит материальным, живым носителем истории, возбуждающим память человека. Пьер Нора называет эти останки прошлого Место памяти, а появление сих мест зиждется на стремлении коллектива к вспоминанию. [2] Таким образом и непременно существует отбор пространства по потребности и актуальности – Кутузов, царский маршал, который в долгое течение не вспоминается в послереволюционном обществе, вдруг в Велико Отечественной Войне снова стал великим вождем, [3, 130-141], а изба Кутузова снова открыта в качестве музея.

А его расположение и форма устроена в определенном порядке, чтобы аудитории обратили на его специфическое внимание и получили предустановленную информацию. В упорядочение выставления пространства также приходится отбирать элементы с историческим значением, культурным значением, визуальным выставлением, и даже экономическим фактом. Об этом мы увидим в пример бородинского поля, где между памятниками и останками разных эпох, в реставрации приходится выбрать подходящие элементы и расположение, чтобы обратить внимание аудитории на определенные ключевые моменты и события. [4]

Привязанные к местам знаки прикрепляет их значение в памяти. Несмотря на изменение ландшафта, значение самого события может возбуждать воспоминание аудитории. Иногда уже не место, а прикрепленный к нему смысл составляет воспоминание, например, центром поклонения Александра Невского, Александро-Невской лаврой, стало впадение двух речки, потому что считалось в то время местом предыдущей военной славы, а данная память также была возбуждена конфликтом с Шведами в то же время.

А конструированная память также влияет и формирует материальное пространство. Роман Братья Карамазовы был создан на событиях и местах как Старая Русса, а город Старая Русса и сама постепенно приближается к фантастическому по Достоевскому городу Скотопригоньевску – скульптуры, картины, выставки, памятники, места, где проживали и были главные герои; экскурсоводы объясняют невинность Дмитрия Карамазова по схеме города Старой Руссы в реальности; и тоже самое брэнд Лавка Плотниковых из романа было создано.

Заключение

Пространство исторической памяти напоминает людей о общее происхождение и их связь с прошлым, также и между собой. Они были отобранные, существуют не токмо чтобы отмечать историю, но и представлять определенную ценность. Таким образом, динамика физических пространств, сохраняющих историческую информацию, и соответствующее отношение Российского населения к ней, составляет значительную часть исследование в данной научной области.

1. Харальд Вельцер *История, память и современность прошлого //Неприкосновенный запас. – 2005. – №. 2-3. – С. 40-41.*
2. Сабанчеев Рустам Юнусович *Концепция "мест памяти" Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. №1 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-mest-pamyati-piera-nora-kak-sposob-istoricheskoy-rekonstruktsii> (дата обращения: 09.10.2024).*
3. Киселева А. А. *ФОРМИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В СССР 1930-1940-Х ГГ.(НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КИНО) //Studia Culturae. – 2021. – №. 47. – С. 130-141.*
4. Горбунов А. В. *Научная концепция мемориально-ландшафтной экспозиции «Батарея Раевского» //Отечественная война. – 1812. – С. 69-85.*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ В ГУМАНИТАРНОМ ВУЗЕ

Долгополова Виктория Алексеевна
(НОУ ВПО «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов»)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей социальной адаптации студентов первого курса Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Автором выявлены проблемы, с которыми наиболее часто сталкиваются первокурсники. Охарактеризованы проблемы, связанные с учебной деятельностью, процессом коммуникацией, решение выявленных проблем.

Ключевые слова: адаптация, социальная адаптация, студенты-первокурсники, цифровая образовательная среда, проблемы адаптации.

В условиях быстрого развития цифровых технологий, происходят существенные изменения в образовательной среде высших учебных заведений, что оказывает существенное влияние на протекание процесса адаптации студентов. В этом контексте важное значение приобретает социальная адаптация студентов-первокурсников, которая определяет их общее благополучие, учебные успехи, социально-психологическое состояние молодых людей, как в вузе, так и за его пределами.

В социологии социальную адаптацию определяют, как – «процесс активного приспособления личности к изменяющейся среде при помощи различных социальных средств. Основными способами социальной адаптации являются: принятие ценностей и норм новой социальной среды, в которую приходит студент, преобладающих форм социального взаимодействия, а также специфики предметной деятельности (способов выполнения предписанных обязанностей)» [1, с. 6].

Сам термин «адаптация» - это непрерывный процесс, в котором личность приспосабливается к неизвестным или изменяющимся условиям окружающей их среды [2, с. 22]. Термин включает в себя различные аспекты, такие как: психологические изменения (помогают организму обрабатывать новую информацию и управлять эмоциями), социальные (связанные с установлением новых отношений и интеграцией в новую социальную среду), физиологические (позволяют адаптироваться к новым физическим условиям) [3, с. 50, 94, 176]. Для студента первого курса адаптация является сложным и важным процессом приспособления к новой для него среде и требованиям. Данный период предоставляет возможность оценить их готовность к студенческой жизни и спрогнозировать их потенциал для дальнейшего профессионального роста и развития [1, с. 82].

С целью выявления особенностей социальной адаптации студентов первого курса было проведено анкетирование, в котором приняли участие студенты-первокурсники Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Анкетирования первокурсников проводилось в начале учебного года (сентябрь, 2024 г.), в нем приняло участие 60 студентов разных факультетов. В анкетировании приняли участие студенты в возрасте 17-26 лет.

Исследование показало, что большинство студентов первого курса характеризуют процесс своей адаптации как легкий, не сложный (52%), остальные определяют его как трудный и долгий (36%), только часть опрошенных отрицает наличие процесса адаптации (12%). В ходе исследования были выявлены проблемы, с которыми наиболее часто сталкиваются первокурсники: выполнение требований преподаватель при подготовке к занятиям - 40%; ориентирование в пространстве вуза, поиск аудиторий и др. -42%; слабое развитие навыков учебной деятельности (отсутствие навыков ведения конспектов лекций,

выделения нужной информации в ходе лекции и др.) - 63%. При этом отсутствие умений распределять собственные ресурсы (временные, физические и др.) характерно для большинства опрошенных - 76%. Так, они испытывают проблемы с нахождением времени на полноценный отдых и сон, на полноценное горячее питание в течение дня.

В процессе обучения студенты первокурсники сталкиваются с рядом следующих проблем: неумение распределять свое время и силы для выполнения заданий преподавателей – 35%; отсутствие навыков работы с большим объемом информации – 24%; недостаточный уровень базовых знаний по учебным дисциплинам – 12%; сложности в построении коммуникации с преподавателями и студентами – 18%; неготовность к самостоятельной жизни (отсутствие привычной помощи и поддержки со стороны родителей) – 11%. Студенты-первокурсники выделяют ряд трудностей, не связанных напрямую с учебной деятельностью в Университете: соблюдение делового стиля одежды в вузе – 21%; ограничение времени на обеденном перерыве для принятия пищи – 52%, бытовые проблемы в общежитии – 12%.

При возникновении учебных проблем большинство студентов предпочитают обращаться в равной степени как к одногруппникам, так и к куратору – 48%, ответы остальных респондентов разделились между представителями деканатов – 14%, преподавателями – 12%, родителями - 10%. При этом только 16% студентов-первокурсников рассчитывают только на себя в решении учебных проблем.

При оценке коммуникации со сверстниками, ответы студентов-первокурсников распределились в равной степени между теми, кто имеет довольно много друзей в группе и на факультете и имеет немного друзей. Большинство студентов оценивают атмосферу в учебной группе как доброжелательную и дружественную - 82%.

При этом выяснилось, что чаще всего студенты-первокурсники подвержены конфликтам со своими одногруппниками – 52% (разное мнение, соперничество, распределение учебных заданий), остальные конфликты возникают со службами вуза (охрана, деканат и др.) - 18%, с преподавателями - 14%.

Таким образом, результаты анкетирования показали, что большинство студентов-первокурсников достаточно успешно адаптируются к новой социальной и образовательной среде вуза. Однако они недооценивают возможности цифровой образовательной среды в решении проблем социальной адаптацией в вузе. Так, использование чат-бота в получении актуальной информации об университете, изменении расписания, мероприятиях и др. позволит быстро решать насущные проблемы студентов-первокурсников.

Развитие цифровой образовательной среды в вузах станет инструментом сопровождения социальной адаптации студентов-первокурсников.

1. Гвишиани Д. М., Лапина Н. И. *Краткий словарь по социологии*. М.: Политиздат, 1988. 479 с.
2. Лехина И. В. *Словарь иностранных слов*. Изд-е 6-е. М.: Советская Энциклопедия, 1964. 784 с.
3. Павленок П. Д. *Краткий словарь по социологии*. М.: ИНФРА, 2000. 270 с.

РЕЛИГИОЗНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

*Домаева (Спирина) Анастасия Сергеевна
(Алтайский государственный университет)*

*Чулуунбат Боролдой Мунхбаяр
(Ховдский филиал Монгольского государственного университета)*

*Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ №24-48-03002
«Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья:
институциональные и сетевые механизмы конструирования
религиозной и этнической идентичностей и безопасности в
условиях постсекулярной реал*

Религия является сложным социальным и культурно-историческим институтом, способным выполнять функции поддержки, защиты, обеспечения социально-психологической стабильности индивида и общества [7]. Религиозность включает в себя разнообразие элементов: религиозное мировоззрение и опыт, религиозное самосознание и веру, религиозные практики, идентичность и др. [2]. Религиозный аспект не является обособленным, он находится во взаимосвязи с такими показателями как: личная оценка счастья, психологическое здоровье, альтруизм, сочувствие, общее состояние здоровья, открытость, цель в жизни, самооценка и др. [10].

Приграничные регионы России находятся «на стыке» географических, политических, экономических, этнокультурных и конфессиональных границ [3]. Данные территории выступают особой контактной зоной, где происходит пересечение двух и более народов, культур [1]. Эти и другие характеристики способны оказывать влияние на население, проживающее на данных территориях, что может выражаться в формировании как особой «приграничной», так и двойной идентичностью. Значимость религиозной идентичности для индивида не поддается сомнению, она играет важную роль в жизни людей, дает ответы на сложные вопросы существования, в частности о цели жизни [9]. Сложность данной категории проявляется в ее изменчивости и способности сливаться с другими видами идентичности [8].

С одной стороны, формирование идентичности является центральной задачей для молодых людей, поскольку они стремятся развить чувство целостного «я» и найти свое место в обществе [4]. Религия является одним из средств, способных помогать конструировать мировоззрение, решать экзистенциальные вопросы и находить смысл жизни для молодежи. Считается, что ценности, поддерживаемые религией, способствуют позитивному развитию молодежи, помогают укреплять характер и формировать желаемые установки и моральные устои. С другой стороны, молодежь является одной из наиболее мобильных и активных групп населения, движущей силой социальных изменений [5]. Поскольку молодежь играет важную роль в обществе как проводник перемен и развития, важно знать, насколько представители данной группы проникнуты позитивными ценностями, основанными на их религиозных убеждениях. Ввиду этого, изучая молодежь, можно почерпнуть то, что произойдет в будущих десятилетиях.

Проведенное исследование базируется на выборке, состоявшей из 1342 респондента, проживающих на территории Алтайского края (39%), республики Алтай (34%) и республики Тыва (27%). Население было поделено на пять возрастных категорий: 18-24 летние (28%), 25-34 летние (16%), 35-44 летние (20%), 45-59 летние

(25%) и 60-летние и старше (11%). Таким образом, доля молодежи от 18 до 35 лет составила 44%, которые были отобраны для дальнейшего анализа.

Основными видами вероисповедания среди молодежи приграничных регионов являются православие (26%) и буддизм (17%). Менее 10% представлены такие религии как бурханизм (7%), ислам (5%) и сочетание буддизма с шаманизмом (5%). Считают себя верующими, но без отнесения к какой-либо религии 5%. Менее 5% составили другие христианские конфессии (католики, протестанты, униаты, баптисты), шаманизм, иудаизм, новые религиозные верования и другие религии. Не считает себя верующим человеком каждый четвертый представитель молодежи (27%).

В нашем исследовании оценка религиозной самоидентификации осуществлялась по 10-ти бальной шкале с нулевым значением с помощью вопроса «Независимо от того, являетесь Вы последователем какой-либо религии или нет, скажи-те, пожалуйста, насколько религиозным человеком Вы себя считаете?». В дальнейшем для анализа данная шкала была преобразована и получены три уровня самооценки: «низкий» (0-3), «средний» (4-7) и «высокий» (8-10).

Было выявлено, что у молодежи преобладает средний (48%) и низкий (37%) уровень религиозной самоидентификации. Высокий уровень характерен только для 15%. На основе полученных данных был рассчитан индекс религиозной самоидентификации (разница между высоким и низким уровнем), который составил отрицательное значение (-22 п.п.), что позволяет говорить о преобладающей нерелигиозности среди молодежи трех приграничных регионов. Уровень индекса религиозной самоидентификации различается в зависимости от территории проживания: выше всего концентрация нерелигиозного населения отмечается в Алтайском крае (-36 п.п.), на втором месте – республика Алтай (-18 п.п.), на третьем – республика Тыва (-3 п.п.).

Религиозная самоидентификация является комплексным показателем, включающим множественную идентификацию [6]. Для целостного рассмотрения религиозной самоидентификации молодежи был проведен иерархический кластерный анализ, который включал в себя концептуальный и практический компоненты религиозной идентичности. Под концептуальным компонентом понимаются религиозные убеждения и идеология, такие как существование Бога или то, какие религиозные убеждения являются правильными. Под практическим компонентом понимаются различные религиозные практики [9]. Данные концепты включали в себя религиозные и псевдорелигиозные формы проявления.

В проведенном исследовании концептуальный религиозный компонент выражен верой в существование Бога или некоей божественной силы; концептуальный псевдорелигиозный – верой в приметы. Практический религиозный компонент включал в себя посещение храма и использование священных изображений и предметов в качестве оберегов; псевдорелигиозный – обращение к вселенной за исполнением желаний и обращение к астрологу.

В результате анализа было получено четыре кластера, описывающих всю выборку. Первый кластер составил 51% молодежи, его можно охарактеризовать как «верующие, предпочитающие псевдорелигиозные практики». Сюда вошли те, кто обращает внимание на приметы (96%), обращается ко Вселенной за исполнением желания (81%) и использует священные изображения и предметы как оберег (67%). Они в меньшей степени посещают храмы (55%) и верят в существование Бога или некоей божественной силы (50%).

Второй кластер составил 28% и представлен «нерелигиозной молодежью». Представители данной группы не посещают храмы (98%), не обращаются к астрологу

(92%), не используют священные изображения и предметы как оберег (90%), не обращают внимание на приметы (63%), не верят в существование Бога или некоей божественной силы (59%) и не обращаются ко вселенной (57%).

Третий кластер (18%) может быть назван как «сомневающиеся, но практикующие». Данная группа представлена теми, кто посещает храмы (96%) и использует священные изображения и предметы как оберег (62%), но сомневается в существовании Бога или некоей божественной силы (53%). Также данная группа не признает псевдорелигиозные практики: не верит в приметы (100%), среди них отсутствует практика обращения ко вселенной (75%) и астрологу (72%).

Самый маленький четвертый кластер (2%) представлен «мульти верующими». Молодежь данной группы верит в существование Бога (100%), обращается к астрологу (100%), посещает храм (89%), обращается ко вселенной (67%) и обращает внимание на приметы (56%).

Таким образом, можно отметить, что религиозная самоидентификация молодежи приграничных регионов разнообразна и в большей степени характеризуется индивидуально-избирательным характером, который проявляется в отказе от традиционного представления о религиозности и приобщению к псевдорелигиозным практикам.

1. Бредихин А.В. К вопросу об этносоциальной идентификации в приграничье // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. № 29 (3). С. 134-144.
2. Вавилова Е.Ю., Хандурова Е.Н. Религиозная идентичность: современные подходы // Инновационная наука. 2018. № 7-8. С. 78-81.
3. Гражданская и этническая идентичность населения приграничных регионов России: особенности современного состояния, факторы и Актуальные проблемы формирования / С.Г. Максимова [и др.] // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 1. 3 (87). С. 175-179.
4. Павлюткин И. В. Динамика религиозности молодежи в России // Научный результат. Социология и управление. 2020. № 6 (3). С. 153-183.
5. Пучков А.С. Религиозная идентичности молодежи: операционализация понятия // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 69. С. 24-30.
6. Селиверстова Н.А., Зубок Ю.А. Религиозная самоидентификация молодежи в воспроизводстве социокультурного механизма саморегуляции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 2. С. 135-174.
7. Структура религиозной идентичности современной православной молодежи / В.В. Константинов [и др.] // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 4. С. 95-104.
8. Anto AHF, Rahmawati DA., Martiarini N. The Integration of National and Religious Identity: An Overview of Identity Development in Elementary Schools // Analisa: Journal of Social Science and Religion. 2023. № 8 (2). P. 268-287.
9. Halevy G., Gross Z. Toward an Integrative Theory of Identity Formation; Three Components of the Religious Identity Formation Process // Pastoral Psychol. 2024. № 73. P. 253–270.
10. Village A., Francis LJ., Brockett A. Religious affect among adolescents in a multi-faith society: the role of personality and religious identity // Journal of Beliefs & Values. 2011. № 32(3). P. 295–301.

ДЕСТРУКТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА РОССИЙСКУЮ МОЛОДЁЖЬ В ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЕ

*Дорцева Елена Владимировна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В настоящее время, в условиях обострения информационного противоборства, активно проводятся кампании, направленные на разрушение внутреннего единства российского государства, разжигание межнациональных и межконфессиональных конфликтов, активизацию протестных движений, раскол российского общества и поддержку маргинальных групп. Объектом такой деструктивной деятельности является аудитория с несформированной или деконструированной системой ценностей, не обладающая критичным мышлением, но подверженная при этом эмоциональным, психическим и, особенно, информационным перегрузкам. Чаще всего подобная аудитория представлена молодёжью – именно «молодёжь является основным объектом деструктивного воздействия, связанным с искажением информации, смыслов и ценностей» [1], которое существенно облегчается в эпоху бурного развития электронно-цифровых коммуникационных технологий.

Многочисленные деструктивные организации, имея определенные знания в области педагогики и психологии, актуальных тенденций и проблем в молодёжной среде, активно воздействуют на сознание и поведение ее представителей. Для этого они используют социально-психологические особенности молодых людей, пробелы в социализации их личностей и «новые медиа», к которым, в частности относят блогосферу; социальные сети; виртуальные сообщества; виртуальные игры; другие ресурсы Веб-ресурсы, очень популярные в молодёжной среде.

Как показало исследование, проведенное автором среди студенческой молодёжи, (далее – исследование) 83% респондентов проводят в Интернете более 4-х часов каждый день, как правило, для общения (90% ответов). Социальными сетями ежедневно пользуется 98% студентов, из них – 31% от 3 до 6 часов, а находятся постоянно в режиме общения примерно четверть всех опрошенных (26%). При этом 83% отметили, что социальные сети повлияли на их ценности и жизненные приоритеты (31% отметили, что «да, повлияли», а 51% - «скорее да, чем нет».

Ответы на вопрос исследования «Из каких источников Вы узнаете главные новости о политических событиях в нашей стране и мире чаще всего?» показали, что наиболее активно используемым источником информации для студентов являются Мессенджеры (WhatsApp, Telegram, Viber и другое) (74% ответов), социальные сети и блоги (ВКонтакте, Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ), Twitter и другое) - 69% ответов, а также официальные новостные и аналитические сайты (интернет-медиа) - 40% ответов. При этом подавляющее большинство опрошенных (86%) выразили согласие с тем, что цифровые СМИ играют важную роль в системе информационного противоборства.

Огромное разнообразие источников, заполняющих Интернет-пространство и то количество информации, которое они содержат, способы ее подачи, ранжируемые учеными от псевдонаучных до откровенно манипулятивных, создают ситуацию, в которой объект воздействия легко видоизменяет свою систему ценностей, знаний в соответствии с поступающей информацией и находится в полной уверенности, что это его личная точка зрения [2, 58].

Огромные массивы неупорядоченной и недостоверной информации, которую обрушивают на молодых людей новые медиа, приводят к фрагментации картины мира, а человек оказывается в плену сконструированных образов или вовсе ложных стереотипов.

Виртуальное общение разрушает стереотипы социальных ролей, снимает правило социального авторитета, задающего характер общения, что приводит к нарушению социальной иерархии и социальной дезориентации. Оно достаточно часто вызывает нарушение целостности сознания, разрозненность внутреннего мира личности, формирование «клипового сознания» и «клип-культуры», ведет к кризису самоидентификации человека. с одной стороны, в виртуальной среде человеку открывается возможность разносторонней представленности своей личности, с другой стороны, происходит растворение в сконструированном, иллюзорном образе, размывание идентичности, что негативно влияет на психоэмоциональную сферу человека.

Основная функция субъектов, осуществляющих деструктивное влияние на молодёжь посредством новых медиа - «создание мнимой иллюзорной, параллельной реальности с “перевернутой” системой убеждений, ценностей и взглядов» [3, 100-101]. Тем самым они стремятся всесторонне критиковать неприемлемую для нее социальную систему, образ жизни, идеологию, систему ценностей, найти ее слабые места, представить существующие проблемы как необходимое следствие этой социальной системы» [4, 58 - 63]. Так, анализ ответов студентов на вопрос исследования «Приходилось ли Вам за последний год видеть в Интернете сообщения, призывающие к опасному или противоправному поведению?» показал, что значительная часть опрошенных (40%) ответили «да, вижу такую информацию иногда, время от времени», а 2% - «вижу такую информацию постоянно (регулярно)».

На что обычно опираются субъекты деструктивной деятельности, опосредованной новыми СМИ, для формирования желательных им взглядов, ценностей, убеждений и, в конечном счете, мировоззрения у молодёжи?

Во-первых, на недоверие российской молодёжи к традиционным ценностям российского общества, обусловленное «ослаблением системы формального и неформального социального контроля как фактора социализации», что наглядно отражают результаты социологического анализа её ценностных ориентаций [5].

Во-вторых, на то, что значительная часть молодёжи нацелена не на созидание, а на активное потребление общественных богатств, а деньги занимают существенное место в системе ее жизненных ориентиров. Так было показано, что «в целом в системе ценностных ориентаций современных студентов преобладают более прагматичные, эгоцентрические приоритеты и убеждения, а во всех сферах жизни обучающихся важную роль играет материальная составляющая [6, 144].

Субъекты манипулятивного воздействия на молодёжь стремится навязать ей искаженные представления о будущем. Для этого используется целый набор подтасовок, измышлений и уловок. Среди излюбленных приемов психологического давления - распространение искажающих действительность стереотипов, мифов, навешивание ярлыков». Значительное место отводится дегероизации прошлого России и ревизии конкретных исторических событий, много внимания уделяется фальсификации событий Великой Отечественной войны. Неудовлетворенность молодёжи отдельными сторонами жизни также представляет собой благодатную почву, на которой могут произрастать всевозможные искаженные представления человека о своей роли и месте в обществе, развиваться восприимчивость к чуждым российскому менталитету взглядам [7, 13].

Способы и модели деструктивного воздействия претерпели значительные изменения в электронно-цифровую эпоху. Развитие современных цифровых технологий позволяет с

максимальной точностью создавать модели воспроизводимости объективной реальности, поскольку реальностью является то, что можно адекватно воспроизвести. Таким образом, «открывается возможность замещения реальности ее виртуальными моделями, чем, собственно, и занимаются электронные СМИ [8, 28 -35]. Цифровые средства коммуникации, а точнее, контролирующие их силы, монополизируют право трансляции информации о реальности, и сами начинают формировать представление о мире и отношении к нему [9].

По мнению участников исследования, активное внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь приводит к следующим отрицательным последствиям для отдельных групп населения и для общества в целом: к перегруженности ненужной информацией (76% ответов), к интернет-зависимости (62% ответов), к негативному воздействию на психическое и духовное здоровье (60% ответов), к формированию ложных жизненных ценностей и нравственных ориентиров (45% ответов), к спутанности сознания и мышления (17% ответов). Кроме того, при виртуальном диалоге не имеет значения факт соответствия внешнего вида социальной (ролевой) принадлежности. Как следствие, отсутствует переживание социальной дистанции, снимается необходимость сложного процесса вживания в выбранную социальную общность. Актуальной становится проблема кризиса самоидентификации человека: с одной стороны, в виртуальной среде человеку открывается возможность разносторонней представленности своей личности, с другой стороны, происходит растворение в сконструированном, иллюзорном образе, размывание идентичности, что существенно облегчает воздействие деструктивного толка.

Таким образом, виртуальные средства являются очень эффективным средством деструктивного воздействия на молодёжь, а, судя по прогнозам, со временем могут стать главной ареной цифровой информационной борьбы за умы и сердца молодых людей.

1. *О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. Ст. 52. [Электронный ресурс]: Портал «Президент России» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (Дата обращения - 08.08.2024).*
2. *Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа (окончание) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 2.*
3. *Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М.: Алгоритм, 2000.*
4. *Рустамов Р.Р., Тураева С.Х. Виды пропаганды, ее цели и задачи // Международный журнал «Вестник науки». 2020. № 11 (32). Т. 5.*
5. *Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодёжи и осуществления молодёжной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования). М.: МАКС ПРЕСС. 2016.*
6. *Мещанинова Е.Ю. Место денег в системе ценностей студентов // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11.*
7. *Блинов Н.М. Контр-пропаганда и молодёжь. Л.: Лениздат, 1980.*
8. *Закирова Т.В., Кашин В.В. Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийяра // Вестник ОГ, 2012, № 7.*
9. *Поветьев В.П. Бренд-коммуникация в публичной политике: концептуальные основы // <http://www.nirsi.ru/74> (Дата обращения 01.03.2024)*

ЦЕННОСТНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАПОЛНЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОЦЕНКИ ПОЛИЭТНИЧНОЙ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ерохин Алексей Михайлович
(ФГАОУ ВО "Северо-Кавказский федеральный университет")

Авдеев Евгений Александрович
(ФГАОУ ВО "Северо-Кавказский федеральный университет")

Воробьев Сергей Михайлович
(ФГАОУ ВО "Северо-Кавказский федеральный университет")

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Цивилизационные основы российской идентичности молодежи Северного Кавказа: общенациональное единство и этноконфессиональная специфика»

Аннотация. Рассматривается ценностно-цивилизационное наполнение общероссийской идентичности полиэтничной студенческой молодежи Северного Кавказа. Эмпирической основой являются результаты социологического опроса 2024 г. (N=1500). Выявлена высокая значимость общероссийских ценностно-цивилизационных основ идентичности. Этноконфессиональная вариативность результирующих оценок статистически незначима. Различия в представлениях о цивилизационном статусе России не оказывают существенного влияния на оценки важности прав и свобод человека.

Ключевые слова: общероссийская идентичность, цивилизационные ценности, молодежь, студенты, Северный Кавказ, полиэтничность, поликонфессиональность

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Цивилизационные основы российской идентичности молодежи Северного Кавказа: общенациональное единство и этноконфессиональная специфика» (FSRN-2024-0019)

Ценностно-мировоззренческая конфронтация между Россией и коллективным Западом оказывает влияние на современную молодежь. Молодые люди находятся в ситуации выбора различных ценностно-цивилизационных основ самоидентификации, сочетающих в себе цивилизационные российские и современные западные ориентиры. В условиях формирующейся многополярности, регионализации мира, локомотивами развития выступают цивилизационные центры, обладающие уникальным набором социокультурных черт. Успешные стратегии развития в XXI в. не представляются возможными без опоры на ценностно-цивилизационную составляющую. Укрепление российских цивилизационных ценностей и их воспроизводство у молодых поколений способствуют консолидации полиэтничного и поликонфессионального народа России, органичному и устойчивому развитию страны. Российская цивилизационная идентичность представляет собой отождествление индивида, многонационального народа и государства с российской цивилизационной общностью, привязанной к евразийскому географическому ареалу и «выступающей носителем религий, идеологий, ценностей, культурных норм и

социальных практик», имеющих ярко выраженную специфику и претендующих на мировую значимость [3, 143].

В условиях противостояния России и Запада, имеющих наряду с геополитическим и ценностно-цивилизационный характер, актуализируется значимость исследований цивилизационного наполнения общероссийской идентичности. Возрастает значимость укрепления общенационального единства многонационального и поликонфессионального российского народа на общей цивилизационной платформе. Гражданская идентичность носит в большей степени формальный характер и нуждается в ценностном наполнении. Сформировать прочную культурно-аксиологическую основу многонационального российского народа может цивилизационная идентичность [1, 20-22]. Народам Северного Кавказа исторически свойственна многосоставная идентичность. По результатам исследований сложившееся в сознании полиэтничной молодежи неустойчивое равновесие гражданской, этнической и конфессиональной идентичности может качнуться в сторону преобладания этнических или конфессиональных основ, что может привести к этноконфессиональным конфликтам [2]. Такими примерами являются антисемитские беспорядки 2023 г. в Махачкале и теракты 2024 г. в Дербенте.

Этнокультурное и конфессиональное разнообразие Северного Кавказа делает его «лабораторией», позволяющий исследовать консолидирующую роль общероссийских ценностно-цивилизационных основ идентичности в сознании молодежи. Задачей исследования является замер оценок значимости ценностно-цивилизационных основ общероссийской идентичности и определение влияния этнического и конфессионального фактора на их вариативность. Эмпирические данные были получены путем социологического опроса, проводившегося в 2024 г. в северокавказских вузах. Объем выборочной совокупности – 1500 респондентов. По национальности и вероисповеданию были составлены следующие подгруппы: русские, северокавказские и другие народы; православные, мусульмане и нерелигиозные. Для замера значимости ряда российских цивилизационных ценностей и ориентиров применялась 5-балльная шкала: 5-баллов – максимальная, 1 балл – минимальная оценка.

Респондентам было предложено оценить свое согласие / не согласие с альтернативными суждениями о цивилизационной самобытности России. Студенты в большей степени согласны с тем, что «Россия – самобытное государство-цивилизация...» (3,93 балла). Оценка суждения «Россия – часть Европейской цивилизации...» значительно ниже – 2,76 балла. Этноконфессиональная вариативность оценок незначительна – в пределах 0,5 балла. Меньше всего привержены цивилизационной самобытности России нерелигиозные респонденты (см. табл. 1). В целом северокавказская студенческая молодежь в большей степени разделяет представление о России как о самобытном государстве-цивилизации.

Таблица 1. Оценка респондентами цивилизационной самобытности России

Цивилизационный статус России	Национальность			Вероисповедание			Всего, n=1500
	Русские	Северокавказские народы	Другие народы	Православные	Мусульмане	Нерелигиозные	
Россия – самобытное государство-цивилизация, у нее своя система ценностей и путь развития	4,09	3,78	3,80	4,18	3,77	3,70	3,93
Россия – часть Европейской цивилизации, ее путь должен продолжаться вместе с Европой	2,73	2,77	2,84	2,63	2,75	3,09	2,76

Цивилизационные различия, существующие между Россией и Западом, выстраивались на основе противопоставления безусловной приоритетности прав и свобод индивида, или возможного их ограничения ради безопасности общества и личности, а также остающейся в российском обществе большей значимости общественных начал. В этой связи сравнение представлений двух групп респондентов, согласных и скорее согласных с тем, что Россия – самобытное государство-цивилизация или Россия – часть Европейской цивилизации представляет исследовательский интерес. Больших различий в оценках приоритетности значимости прав и свобод между двумя группами респондентов не выявлено (см. рис. 1). Можно предположить, что для обеих групп респондентов, несмотря на различия в представлениях о цивилизационном статусе и путях развития России, права и свободы человека имеют большое значение.

Рисунок 1. Вариативность в оценках значимости прав и свобод

Среди социально-политических российских цивилизационных ценностей наиболее значимой является общенациональное единство народов России (4,11 балла). Чуть менее значимыми ценностями выступают приоритет общенациональных интересов (3,98 балла), самобытность и суверенитет России (3,95 балла). Несколько менее значима консолидация перед лицом внешних угроз (3,69 балла). ANOVA не подтверждает наличия статистически

значимых различий средних оценок социально-политических ценностей в зависимости от национальности ($F = 0,27 < F\text{-критического} = 4,26$) и вероисповедания ($F = 4,24 < F\text{-критического} = 4,26$). Влияние национальности на результирующую оценку (5,6%) значительно меньше вероисповедания (48,5%). Результаты теста Тьюки свидетельствуют о том, что имеется значимая разница в оценках между православными и мусульманами. Среди социокультурных ценностей наиболее значимым является уважение других ценностей и культур (4,23 балла). Далее следуют российское культурное наследие (4,19 балла) и гордость за страну (4,19 балла). Некоторое снижение оценки значимости своего цивилизационного пути развития (3,93 балла) можно объяснить недостаточной сформированностью представлений о нем у молодого поколения. ANOVA не подтверждает значимых различий средних оценок социокультурных ценностей в зависимости от национальности ($F = 1,63 < F\text{-критического} = 4,26$) и вероисповедания ($F = 2,83 < F\text{-критического} = 4,26$). Национальность также оказывает меньшее влияние на результирующую оценку (26,6%), чем вероисповедание (38,6%) (см. табл. 2). Отсутствие значимого влияния этнического и конфессионального фактора на оценки респондентов свидетельствует о достигнутой на сегодняшний день высокой степени общенационального единства полиэтничной молодежи на общероссийской ценностно-цивилизационной основе.

Таблица 2. Оценка респондентами социально-политических и социокультурных российских цивилизационных ценностей

Ценностно-цивилизационные основания идентичности	Национальность			Вероисповедание			Всего, n=1500
	Русские	Северокавказские народы	Другие народы	Православные	Мусульмане	Нерелигиозные	
Социально-политические ценности							
Общенациональное единство народов России	4,13	4,13	4,00	4,23	4,06	3,95	4,11
Приоритет общенациональных интересов	3,96	4,03	3,91	4,13	4,00	3,66	3,98
Самобытность и суверенитет России	4,01	3,89	3,88	4,14	3,84	3,69	3,95
Консолидация перед лицом внешних угроз	3,72	3,67	3,69	3,80	3,68	3,49	3,69
Социокультурные ценности							
Уважение других ценностей и культур	4,22	4,25	4,19	4,29	4,16	4,24	4,23
Российское культурное наследие	4,34	4,05	4,09	4,38	3,99	4,16	4,19
Гордость за страну	4,29	4,11	4,01	4,40	4,05	3,96	4,19
Свой цивилизационный путь развития	4,00	3,91	3,73	4,12	3,93	3,53	3,93

В ходе исследования была выявлена высокая значимость для респондентов ряда общероссийских ценностно-цивилизационных основ идентичности. Его результаты в совокупности с незначительным уровнем этноконфессиональной вариативности в оценках свидетельствуют об их важной консолидирующей роли в сознании полиэтничной студенческой молодежи. Замер оценок значимости социально-политических и социокультурных ценностных основ общероссийского самосознания у основных этноконфессиональных групп показал большее влияние конфессионального, чем этнического фактора. Больше всего снижена значимость ценностно-цивилизационных основ общероссийской идентичности в представлениях нерелигиозных студентов. Различия в представлениях респондентов о цивилизационном статусе и пути развития России не оказывают существенного влияния на их оценки значимости прав и свобод человека. Права и свободы имеют большое значение для молодого поколения и могут рассматриваться в качестве одной из неотъемлемых социально-политических цивилизационных основ России.

1. *Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Российская цивилизация: обретение идентичности // Обозреватель. 2014. № 10(297). С. 16-27.*
2. *Ерохин А. М., Воробьев С. М., Авдеев Е. А. Этнополитические процессы на Кавказе: конфликт идентичностей и политическая активность молодежи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 5. С. 112-125. DOI 10.15688/jvolsu4.2021.5.9*
3. *Пантин В. И. Цивилизационная идентичность в политическом измерении // Идентичность: Личность, общество, политика. М.: Весь мир, 2017. С. 143-147.*

ПОРТРЕТ ВОЛОНТЁРА ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ефремов Михаил Юрьевич
(ФГБОУ ВО "Череповецкий государственный университет")

Пегашев Роман Александрович
(ФГБОУ ВО "Череповецкий государственный университет")

Тенденции развития волонтерства в России демонстрируют устойчивый рост числа людей и организаций, вовлечённых в добровольческую деятельность, а также расширение масштабов реализуемых программ и проектов. Волонтерство занимает важное место в образовательном процессе и социокультурном развитии регионов. Добровольцы участвуют в организации проектов, направленных на решение социальных проблем, таких как помощь нуждающимся, благоустройство территорий, охрана окружающей среды и многих других.

Волонтеры добровольно участвуют в различных социальных, культурных и экологических проектах, оказывают помощь и поддержку другим людям и организациям. К тому же, играют важную роль в обществе, содействуя решению общественных проблем, формированию ценностей и созданию сообщества единомышленников.

Стоит оговорить, что мы рассматриваем современные значения понятий «волонтерство» и «добровольчество» как синонимы, отражающие одно и то же явление. Итак, федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» дает следующее определение: «Добровольцы – физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг (добровольческой деятельности)». Основываясь на этом понимании, мы можем определить волонтерство как безвозмездный труд в интересах благополучателя. Однако, на наш взгляд, важно подчеркнуть еще и такие специфические характеристики, определяющие волонтерскую деятельность, как добровольность и сознательность участия [3].

Волонтера как актора характеризуют: свободный и осознанный выбор деятельности; ориентация на солидарность, совместную деятельность, единение с другими людьми; желание принести практическую пользу; отсутствие ожидания материального вознаграждения за свой труд; ответственное отношение к деятельности [2].

Исходя из вышеописанных характеристик волонтера как активного деятеля, можно выделить особенности, присущие волонтерам школьного возраста в Вологодской области. Эти молодые люди не только берут на себя важную социальную роль, но и формируют уникальный социальный контекст, в котором осуществляется их волонтерская деятельность.

Волонтеры-школьники представляют собой специфическую категорию, для которых волонтерство становится не просто способом помощи, но и важной частью их самоопределения и социальной активности. На этом этапе важно рассмотреть портрет волонтера, его характеристики и мотивы, а также факторы, влияющие на его выбор, чтобы глубже понять, какие черты и качества делают присутствующим таким людям, какие качества стоит развивать в процессе воспитания молодых поколений.

Далее представлен портрет волонтера-школьника, ученика 9-11 классов из Вологодской области. Составлен на основе опроса учащихся образовательных учреждений: «Образовательные и карьерные стратегии учащихся Вологодской области: факторы выбора», проводившийся в Вологодской области в октябре-ноябре 2023 года кафедрой

социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Всего опрошено 2430 человек. Опрошено 600 учащихся школ г. Череповца, 400 учащихся школ г. Вологды, 530 студентов СПО г. Череповца, 900 учащихся школ районных центров и малых городов Вологодской области. В целях исследования были отобраны исключительно учащиеся школ, студенты СПО – исключены из полученных данных в рамках исследования.

Первый из интересующих нас вопросов: «Что для Вас является самым важным в жизни, к чему Вы будете стремиться?» показал, что школьники-волонтеры в большинстве стремятся к: материально обеспеченной жизни (67,7% опрошенных); счастливой семейной жизни (67,4%); хорошему здоровью (54,8); наличию хороших и верных друзей (45,2%); интересной работе (44,7%); успешной карьере (42,9%).

В выборе своих жизненных перспектив волонтеры-школьники акцентируют внимание на личном благополучии и профессиональном успехе, однако вопросы социального и общественного блага занимают у них менее значимое место. В этом контексте школьники-волонтеры не проявляют принципиальных различий по сравнению с их сверстниками, не вовлеченными в волонтерскую деятельность. Это явление можно объяснить особенностями возрастной стадии респондентов, так как в данном периоде у них вырабатываются ориентиры, направленные на профессиональную деятельность, которая, в свою очередь, предполагает достижение материального благосостояния.

Второй вопрос, интересующий нас в рамках исследования: Какие качества наиболее всего выражены у школьников волонтеров и не волонтеров. При составлении портрета волонтера школьного возраста важно понимать, какие важные качества он выделяет в себе в первую очередь, на какие черты личности в себе он ориентируется. Наиболее выраженные качества у волонтеров: ответственность (49,3% респондентов); уверенность в себе (45,2%); целеустремленность (38,1%); отзывчивость (37,6%); работоспособность и трудолюбие (34,4%); коммуникабельность (32,3%) и стремление к постоянному развитию (31%).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие качества наиболее всего выражены у Вас?»

Качества	Волонтеры, %	Не волонтеры, %
Ответственность	49,3	41,1
Уверенность в себе	45,2	40,0
Целеустремленность	38,1	33,9
Отзывчивость	37,6	35,6
Работоспособность, трудолюбие	34,4	27,1
Коммуникабельность	32,3	21,6
Стремление к постоянному развитию	31,0	24,0

Результаты опроса демонстрируют, что все представленные в таблице качества более ярко выражены у школьников-волонтеров по сравнению с их сверстниками, не вовлеченными в данную деятельность. Наибольшее расхождение в уровнях проявления качеств отмечается в таких категориях, как коммуникабельность (10,7%); ответственность (8,2%); работоспособность и трудолюбие (7,3%) и стремление к развитию (7%). Это говорит о том, что вовлечение в волонтерскую деятельность способствует более значительному развитию ключевых личностных качеств у школьников. Увеличенные показатели

ответственности, трудолюбия, коммуникабельности и стремления к развитию свидетельствуют о том, что волонтерство формирует у юных людей устойчивые социальные навыки и профессиональные установки, которые могут положительно сказываться на их будущем в образовательной и трудовой сфере. Вполне вероятно, что опыт волонтерской деятельности не только обогащает личный и социальный опыт школьников, но и создаёт предпосылки для формирования и укрепления их карьерных перспектив, что делает их более конкурентоспособными в динамично меняющемся обществе.

На основе проанализированных данных можно сделать вывод, что портрет школьников-волонтеров характеризуется выраженными личностными качествами, такими как: высокая степень ответственности, работоспособности, трудолюбия, коммуникабельности и стремления к развитию. Это указывает на то, что волонтерская деятельность играет значительную роль в формировании и укреплении этих качеств, которые, в свою очередь, способствуют не только их личному и социальному развитию, но и в будущем могут определять их успех в образовательной и профессиональной сферах.

Школьники-волонтеры проявляют активное участие в общественной жизни, что находит отражение в их стремлении к самосовершенствованию и готовности к сотрудничеству с другими. Эти характеристики делают их не только более адаптированными в современном обществе, но и преуспевающими в условиях конкурентной среды. Таким образом, портрет школьников-волонтеров можно охарактеризовать как динамичных, целеустремленных и социально ответственных молодых людей.

1. Репешко Е.Е. Волонтерство в России: основные проблемы и способы их решения // УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ. – 2012. – №.10. – С. 106-109.

2. Певная М. В. Волонтерство как социологическая категория: определение понятия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – №. 2. – С. 118-126.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТАМИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ИТОГИ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

*Жулина Юлия Олеговна
(СПБГУ)*

*Рудева Ангелина Васильевна
(СПБГУ)*

*Дерюгин Павел Петрович
(СПБГУ)*

При финансовой поддержке гранта РНФ № 24-18-00261.

Развитие современных технологий оказывает значительное влияние на формирование и трансформацию ценностей, особенно среди молодого поколения. Данное исследование посвящено изучению особенностей восприятия социальных ценностей студентами российских и узбекских университетов. Результаты показали, что у студентов есть как общие, так и отличительные черты в восприятии социальных ценностей, что отражает культурные различия.

Социальные ценности, студенты, сравнительный анализ, Россия, Узбекистан, глобализация, постсоветское пространство.

Современное общество характеризуется стремительным развитием технологий и информационных потоков, которые оказывают значимое влияние на формирование и трансформацию социальных ценностей молодого поколения [1]. Сохранить баланс между традиционными ценностями и ценностями современного мира становится все более сложной задачей. С одной стороны, традиционные ценности укоренены в этических, нравственных и социальных убеждениях людей. С другой, современный мир постоянно бросает вызовы, предлагая студентам пересмотреть привычные идеалы и ориентиры. По данным ВЦИОМ 2023 года молодежь до 25 лет чаще выбирает сторону современности (53% против того, чтобы всегда следовать традиционным духовным принципам) [2]. Это может объясняться тем, что молодежь активнее вовлечена в современные процессы с помощью технологий и более восприимчива к идеям глобализации и космополитичности [3]. Нынешнее поколение выросло в эпоху активного развития интернета, технологий и социальных изменений, что делает его более гибким к принятию новых идей [4].

Проведенное пилотажное исследование посвящено апробации методики изучения особенностей восприятия социальных ценностей студентами российских и узбекских университетов. В ходе исследования мы поставили перед собой задачу разработать технологии сравнения социальных ценностей студентов Санкт-Петербурга и Ташкента. Объектом исследования выступили студенты, обучающиеся в университетах этих городов (n=166 респондентов). Выборка случайная. Предмет исследования - социальные ценности студентов, обучающихся в университетах на постсоветском пространстве. Технология пилотажного исследования включала следующие методы: 1. интернет-анкетирование, нацеленное на изучение приоритетных социальных ценностей студентов (короткие эссе), и 2. последующая визуализация результатов с помощью построения облака тегов.

Исследование позволило выявить ключевые ценности студенчества, определяющие их взгляд на социальный мир. Анализ ответов на вопрос о приоритетных социальных ценностях показал, что студенты осознают важную значимость социальных ценностей (Рисунок 1 и 2).

Рисунок 2. Облако тегов социальных ценностей студентов Ташкентского университета

Анализ облака тегов обеих групп показал, что у российских и узбекских студентов есть как общие, так и отличительные черты в восприятии социальных ценностей.

Во-первых, общие ценности. У обеих групп свобода - доминирующая ценность, которая отражает стремление молодого поколения к самоопределению и независимости личного выбора вне каких-либо внешних обстоятельств, и вне независимости от особенностей выбора стратегий собственного пути развития. Также это любовь. Обе группы респондентов указывают на важность любви в межличностных отношениях, что, несомненно, отражает чувство, которое соответствует отношениям общности и близости между людьми, основанным на их взаимной заинтересованности.

В качестве отличительных черт можно выделить социальную ответственность, которая в большей мере присуща студентам из Узбекистана, в их ответах чаще упоминаются ценности, связанные с социальной ответственностью, такие как совесть, воспитание, солидарность и забота о природе. Это также может быть связано с более коллективистской культурой Узбекистана, где важна взаимопомощь и забота о других. У студентов Санкт-Петербурга социальная ответственность часто проявляется в стремлении к индивидуальному вкладу в общество и профессиональному успеху. Также ответы студентов различаются в сфере семейных отношений. Студенты из Узбекистана отмечают семью как источник любви и поддержки, отражая важность традиционных ценностей в узбекском обществе. В то время как студенты из Санкт-Петербурга чаще уделяют внимание индивидуальным взаимоотношениям, свободам и самореализации.

Можно сказать, что ответы студентов отражают влияние глобализации и сближение социальных ценностей молодого поколения, однако встречаются и отличительные черты. В данном исследовании их можно объяснить различными культурными кодами, обусловленных местом проживания. Студенчество стремится к балансу между индивидуальными свободами и социальной ответственностью, ищет свои пути к самореализации в контексте глобальных изменений.

Пилотажное исследование показывает, что разработанная методика может быть использована в интересах изучения социальных ценностей студентов различных локаций на постсоветском пространстве с целью определения различий между социальными ценностями. Студенты в разных ситуациях и регионах обладают различными

когнитивными и ценностными установками, поэтому важно изучить, какие существуют отличия в системе их социальных ценностных ориентаций.

1. Лебедев С. Д., Шаповалова И. С., Роцупкина Н. А., Шкапенко А. А. Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи // *Научный результат. Социология и управление*. 2020. №2.
2. ВЦИОМ. *Новости: Традиции в эпоху перемен*. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen>. Дата обращения: 28.09.2024.
3. Дерюгин, П. П. Трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля / П. П. Дерюгин, Ю. А. Колесникова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. – 2012. – № 3. – С. 230-235. – EDN PCNTAF.
4. Иванов, Д. В. Третья интегративная волна в социологии. Часть 1: актуальность новой повестки / Д. В. Иванов // *Социологические исследования*. – 2024. – № 6. – С. 3-15. – DOI 10.31857/S0132162524060014.

ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ СО ШКОЛЬНИКАМИ

*Зубова Оксана Геннадьевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Запуск национального проекта «Кадры», направленный на поддержку профессионального развития школьников и студентов, готовых работать в новых экономических условиях, о котором объявил президент России В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию, актуализирует пересмотр традиционных средств и методов профориентационной работы, включая программы более ранней профессиональной подготовки и нового системного взаимодействия предприятий, организаций и высших учебных заведений со школами.

Согласно данным опроса ВЦИОМ о профориентации за март 2024 года [5], основные критерии выбора будущей профессии определяют личные интересы (56%, наибольший выбор среди демографической группы от 18 до 34 лет), высокая зарплата (31%, наибольший выбор в возрастной группе 25-34), востребованность на рынке труда (26%), социальная значимость (20%), престиж (10%) и подходящие условия труда (10%). На выбор профессии приоритетно оказывают влияние личные предпочтения (40%), рекомендации родителей (20%), пример родителей (19%) и личный опыт (19%). Больше всего так считают россияне в возрасте от 18 до 24 лет. Также среди ответов были выделены: рассказы старших (10%), учителей (8%), пример других знакомых (8%) или известных людей (4%), фильмы, книги (3%), обсуждения в интернете (2%) и советы репетиторов (1%). Ответы различаются у разных поколений, у молодежи больше альтернатив в факторах выбора, чем у старшего поколения, опирающегося на примеры из семьи и ближайшего окружения, что связано с разными социально-экономическими условиями и особенностями социализации, разнообразием ресурсов и источников информации. Уменьшалось количество тех, кто выбирает в приоритете потенциально высокий доход в выбранной отрасли (2%) или делает выбор случайно (4%). Среди выделенных факторов, рассматриваемая нами система профориентации не играет значительной роли в выборе будущей профессии, так экскурсии на предприятия и места работы отметили лишь 4% респондентов, результаты про тесты и лекции только 2%. Это является, с одной стороны, показателем несистемного характера работы в этой области, направленности больше на отчет, чем результат, отсутствия профессионального психологического сопровождения, с другой стороны - недостаточной осведомленности о возможностях программ и других ресурсов профессиональной ориентации для школьников. Несмотря на сложности профориентационной работы, на ее необходимость указали 86% опрошенных, только 5% считают, что проводить такую работу не имеет смысла, 9% затруднились ответить. При этом 32% россиян считают, что вводить ее необходимо с 6-8 классов, 32% в 9-11 классах, 10% с 1 класса, 6% в дошкольных образовательных учреждениях [5].

Для повышения эффективности профориентационной работы возникает необходимость формирования отлаженной системы в рамках взаимодействия школы с учебными заведениями и работодателями. При этом, как пишет Прохоров А.В. профориентационная работа с учащимися не должна вытесняться деятельностью по маркетингу, в ней необходимо «фокусироваться на осознанном профессиональном самоопределении школьников в контексте выбора высшего учебного заведения и трудоустройства после его окончания, так как именно трудоустройство является одним из показателей эффективности деятельности университета, критерием оценки качества образования» [3, с. 320]. Именно профориентация может способствовать подготовке

специалистов, ориентированных на профессии будущего. Кроме того, данный вид работы не должен заменяться лишь тестовыми процедурами и профотбором [4], требуется пересмотр целей, средств и методов профориентационной деятельности в условиях развития цифровой экономики, чтобы совместить потребность в профессиональных кадрах с профессиональным выбором школьников, а также уменьшить численность старшеклассников, не имеющих четких представлений о своем профессиональном выборе после окончания школы. Одной из альтернативных методов проведения профориентации становится знакомство с профессией через практику, в том числе профессиональные пробы [7], использование игровых технологий, включая геймификацию [6]. Но и традиционные формы профориентации сохраняют свою актуальность в работе со школьниками, а использование возможностей информационных технологий делает их более доступными и массовыми [2].

Сегодня профориентация ведется в каждом высшем учебном заведении. Информация о деятельности вуза, его направлениях подготовки, требованиях к поступлению абитуриентам, возможностях для подготовки школьников размещается на сайте. Во многих вузах есть отдельные структуры, занимающиеся со школьниками в рамках дополнительного образования, со страницами в социальных сетях, другими каналами распространения информации.

Довузовская подготовка школьников, направленная на углубленное изучение профильных предметов, а также подготовку к сдаче дополнительных вступительных испытаний, предусмотренных в некоторых учебных заведениях, также можно рассматривать как одну из традиционных форм профориентационной работы, способствующей дальнейшей быстрой адаптации в вузовской среде. Она необходима не только для технических и естественнонаучных специальностей, но и социально-гуманитарных.

На социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова создана система подготовительных курсов для старшеклассников по обществознанию, позволяющая не только систематизировать и углубить свои знания по предмету, но и приобщиться к факультетским и общеуниверситетским мероприятиям, сформировать более конкретное понимание построения карьерных стратегий, связанных с профессией социолога.

Также можно выделить всероссийские и университетские олимпиады, дающие возможность не только поступления, но и более фундаментального погружения в интересный для изучения предмет, что также может помочь при выборе будущей сферы профессиональной занятости и более раннего профессионального самоопределения. Согласно исследованиям, абитуриенты, поступающие в Вузы по результатам олимпиад, наравне со сдавшими ЕГЭ на 100 баллов, в дальнейшем также успешно продолжают свое обучение, показывая более высокие результаты и достижения [1].

Сегодня вузы также проводят дни открытых дверей, научные фестивали, различные мастер-классы, экскурсии, осуществляют проектную деятельность с целью популяризации науки и знакомства с основными направлениями для обучения. Так, МГУ имени М.В. Ломоносова уже традиционно участвует в профессионально-образовательном проекте для школьников, студентов и взрослых – «Университетские субботы», выступает главной площадкой для проведения всероссийского научного фестиваля.

Одной из новых форм в этой деятельности выступает организация практик для старшеклассников с практическим погружением в выбранные профессии. Так на социологическом факультете ежегодно организуется летняя исследовательская практика, позволяющая при осуществлении своих проектов, познакомиться с основами проведения социологических исследований. Завершается практика презентацией полученных проектов

на итоговой конференции. В проекте наставниками выступают не только преподаватели, но и магистранты, рассказывающие о своей научно-исследовательской работе.

Во время экскурсий, как правило, проводимых в дни открытых дверей, у школьников есть возможность посетить лаборатории, ведущие кафедры выбранных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова. На социологическом факультете также открывается музей, позволяющий познакомиться с историей развития социологического образования в нашей стране, с известными учеными социологами.

Итак, традиционные формы профориентационной работы высших учебных заведений остаются актуальными в современных условиях, но новые информационные технологии, используемые методы и средства могут сделать их более эффективными в работе со школьниками, важно, чтобы они соотносились с практическим подходом. Как показывают исследования и экспертные оценки, необходимо начинать более раннюю профориентационную работу со школьниками. Ведущую роль в этой деятельности необходимо отводить не только школам, но общей системной работе университетов, школ и работодателей, сама профориентационная работа должна осуществляться на нескольких взаимосвязанных уровнях, иметь системный характер и быть направленной на профессии будущего.

1. *Алешковский И.А., Гаспаривили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Стартовые позиции абитуриентов вузов и особенности их дальнейшего обучения: социологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. № 3. С. 557-571.*
2. *Илюхина Н.А. Профориентационная работа вузов со школьниками: новые возможности традиционных форм // Вестник РГГУ. 2016. № 4 (6). С. 83-88.*
3. *Прохоров А.В. Современные подходы к профессиональной ориентации школьников // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 2. С. 319-328.*
4. *Разумова М.В. Профориентация в России: становление, проблемы, перспективы // Профессиональное образование и общество. 2014. № 3 (11). С. 49-57.*
5. *Результаты опроса ВЦИОМ от 09 апреля 2024 года о профориентации <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proforientacija-khorosho-no-malo> (дата обращения: 09.10.2024).*
6. *Спирина Н.А., Маковкина С.А. Геймификация как инструмент профориентации школьников // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 12. С. 22-27.*
7. *Шахова Е.А. Профессиональные пробы как основная форма профориентационной работы // Образование. Карьера. Общество. 2021. № 1 (68). С. 34-35.*

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ПОДРОСТКОВЫХ И МОЛОДЕЖНЫХ ДВИЖЕНИЙ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

*Иванов Семен Михайлович
(ФГБОУ ВО "Тольяттинский государственный университет")*

Актуальность исследования современного детского, подросткового и молодежного движения обусловлена политическими, социально-экономическими и организационными преобразованиями, происходящими в обществе и стране, которые влекут за собой значительные перемены в деятельности самих детских общественных организаций и движений. Изменилось не только отношение общества к детскому движению, но изменилось и отношение самих детей к различным формам и видам деятельности, предлагаемым взрослыми. Но главное, что изменились и ценностные ориентации современных детей и подростков.

С каждым новым поколением темп жизни увеличивается, а социализация человека происходит во все более раннем возрасте. Для успешной социализации молодежи в современных условиях необходимы не только теоретические знания, но и опыт участия в организованных, коллективных формах деятельности, имеющих позитивный социальный смысл. Сегодня детское движение признано социальной структурой общества, важным средством воспитания и социализации ребенка. Организации, созданные для детей, призваны решать актуальные проблемы детства, добиваться социального благополучия каждого ребенка, обеспечивать его взаимодействие с другими социальными институтами, создавать условия для самореализации личности, словом, воспитывать активного гражданина своей страны.

В настоящее время особое внимание стали уделять молодежным инициативам. За столетие своего существования детские организации прошли сложный путь трансформаций, «умирали» и «оживали», заимствовали друг у друга формы и методы, соперничали между собой и сотрудничали. Нередко работа, направленная на воспитание и образование подрастающего поколения, велась без учета опыта, накопленного за последнее столетие. Проследив же пути развития некоторых организаций, методы, применяемые в работе и проанализировав ситуацию внутри этих организаций, мы сможем представить, какая организация для детей необходима России сегодня.

Подростковые объединения близки с институтом образования. Они дополняют друг друга.

Зарождение детских организаций, их развитие и трансформация, напрямую связано с процессами, происходящими в обществе в целом и в институте образования в частности.

Таким образом, именно на рубеже XIX–XX веков российские деятели образования осознают необходимость изменения системы образования, увеличения свобод и активности молодого поколения, а также организации новых форм объединения детей.

Уже в это время идейные основы для вызревания российского воспитательного феномена были сформированы окончательно.

Итак, можно отметить, что зарождаются детские и молодежные общественные организации в период трансформации общества, во время социальных потрясений, как ответ на нестабильность существующих институтов. Повышается как гражданская, так и политическая активность молодежи, и направить эту энергию в правильное русло являлось задачей правительства и общественных деятелей того времени.

В период демократических реформ в России для каждого взрослого открыта реальная возможность стать организатором детского объединения.

В процессе экспертного интервью были опрошены руководители детских организаций, по тематике выбора своей работы. Взрослые, которым доверена жизнь и деятельность детей вне школы, в свободное время, несут высочайшую ответственность не только за жизнь этих детей, но и за их нравственные установки и поступки. Осознание данного факта накладывает на мотивацию руководителей определенный отпечаток.

Здесь мы видим разные мотивы: это и продолжение деятельности, начатой в юности, это желание реализоваться как педагогу, специалисту, это и просто счастливый случай, это и целенаправленное движение к этой работе. За последние годы подход к деятельности руководителей изменился в сторону развития инициативных подходов. Контроль же за деятельностью усилился, и с каждым годом приобретает все более системный характер.

В интервью был задан вопрос относительно участия руководителей в детстве в деятельности пионерской организации. На основании ответов на этот вопрос педагогов можно разделить на три группы:

Бывшие пионеры (полноценное пионерское детство).

Те, кто был пионером, но не долго, организация разваливалась (имеют живое представление о деятельности, но не полное).

Те, кто никогда не был пионером (о пионерии они знают лишь по рассказам и фильмам).

Несложно заметить, что руководители, прошедшие через пионерку, вспоминали наиболее яркие формы, лично и социально значимые.

Те же руководители, которые не являлись пионерами в бытность свою детьми, чаще отмечали формы работы, способствующие личностному росту, а также самостоятельную организацию крупных мероприятий.

Вторая группа – уже воспитанники постсоветского детского движения. Отсюда и разница в «понравившихся» формах. Но о естественном желании подростков к объединению свидетельствует положительное отношение к коллективным формам деятельности, которые популярны как у представителей старшего поколения, так и у более молодых руководителей.

В аспекте применения этих форм работ, руководители всех трех групп сошлись во мнении – те формы работы, которые нравились руководителям в детстве, активно используются им и сейчас, в их работе.

Таким образом, можно отметить, что зарождаются детские и молодежные общественные организации в период трансформации общества, во время социальных потрясений, как ответ на нестабильность существующих институтов. Повышается как гражданская, так и политическая активность молодежи, и направить эту энергию в правильное русло являлось задачей правительства и общественных деятелей.

1. Филиппов, Ф.Р. Социология образования / Ф.Р. Филиппов. – М., 1980.
2. Нечаев, В.Я. Социология образования: монография / В.Я. Нечаев. – М.: Изд-во МГУ. – 1992.
3. Нечаев, В.Я. Новые подходы в социологии образования / В.Я. Нечаев // Социологические исследования. – 1999. – № 11. С. 84–91.
4. Зборовский, Г.Е. Образование как ресурс информационного общества / Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина // Социологические исследования. – 2005. – №7. С. 107–113
5. Основы социокинетики детства: Пособие для тех, кто обучает взрослых организаторов детских общественных объединений и для тех, кто обеспечивает государственную поддержку развития детского общественного движения / Сост., ред.: Т.В. Трухачева, А.Г. Кирпичник. М., 2009. С. 118.
6. Основы социокинетики детства: Пособие для тех, кто обучает взрослых организаторов детских общественных объединений и для тех, кто обеспечивает государственную поддержку развития детского общественного движения / Сост., ред.: Т.В. Трухачева, А.Г. Кирпичник. М., 2009. С. 151.

ВОСПРИЯТИЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ Г.САРАТОВА

Ивченков Сергей Григорьевич

*(Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им.Н.Г.Чернышевского)*

В современном мире новые цифровые технологии и практики играют ключевую роль в экономическом поведении молодежи. Они предоставляют новые возможности для управления финансами, изменяют представления о финансовой грамотности и способствуют эволюции финансовой системы в целом. Оцифровка привела к радикальным изменениям в жизни общества, экономике, образовании, в получении товаров и услуг, в финансовой индустрии и т.д.

В западной науке данной теме были посвящены работы, касающиеся финансовой грамотности и внедрению новых финансовых технологий среди молодежи [1], миллениалов [2]. В отечественной науке этому посвящены работы таких исследователей, как А. Пишняк [3], М. Гагрина, Т. Нестик, Т. Дробышева [4] и других.

По Р. Карапетяну цифровые финансы - это «особого рода инструменты цифровой экономики, финансовые услуги, предоставляемые через мобильные телефоны, персональные компьютеры, интернет и карты, подключенные к цифровым платежным системам» [5]. Д.Н. Бельтикова [6] выделяет разные типы цифровых технологий в данной сфере - блокчейн (как основа криптовалюты биткоин), мобильный банкинг, искусственный интеллект, механизмы возврата финансовых средств, банковских переводов, автоматизация обработки запросов клиентов и их отзывов и т.д.

В Саратовском регионе, по данным «Саратовстата» [7] имеются все условия для развития цифровых финансовых технологий. 91,6% населения использует сеть Интернета, что говорит о ее доступности. Самым распространенным средством для этого является смартфон (77,3%), в то время как персональный компьютер используют для этого лишь 33,2% опрошенных. Определяющим фактором служит удобство и многофункциональность мобильных телефонов. 85,3% населения использует Интернет для государственных и муниципальных услуг, в том числе в сфере финансов и налоговых платежей. 41,7% используют его для заказа и оплаты товаров.

В 2023 году было проведено авторское социологическое исследование традиционным методом анкетирования в городе Саратов. Цель - выявить степень вовлеченности молодых саратовцев в реализацию новых цифровых финансовых технологий. Объем вероятностной квотно-территориальной выборочной совокупности составил 620 молодых саратовцев 18-35 лет. В опросе приняло участие 48% юношей и 52% девушек, что соответствует пропорциям генеральной совокупности. Результаты обрабатывались в компьютерной программе SPSS.

Опрос показал, что большинство молодежи активно используют цифровые платежные сервисы, мобильные приложения банков, электронные кошельки и т.д. Молодые саратовцы хорошо осведомлены о них, что способствует улучшению финансовой грамотности. Новые финансовые технологии и практики способствуют развитию у молодежи критического мышления по поводу финансовых решений. Они становятся более осознанными потребителями финансовых услуг, учатся принимать обоснованные финансовые решения и планировать свое будущее. Новые технологии повышают доступность этих услуг для молодежи, когда можно легко открывать банковские счета, инвестировать, получать кредиты и страхование, не выходя из дома. Это особенно важно

для тех, кто живет в удаленных районах или не имеет доступа к традиционным финансовым услугам.

Однако только 10% опрошенных также хорошо информированы о криптовалюте. 67,5% - оценивают свои знания как примерное понимание. Фактическая распространённость криптовалюты в молодежной среде - пока минимальная. Ее имеют лишь 7,5% респондентов. На это повлияли невысокий доход, проблемы развитая инфраструктура в регионе, плохая осведомленность граждан о новых технологиях и др.

Большинство, опрошенных, акцентировали внимание на том, что в первую очередь криптовалюты – это свобода, анонимность и независимость от банков и других организаций (48,5%). Больше трети считают, что это естественная эволюция денег (39,5%). 34,5% респондентов считают, что это временное явление, 33% видят в ней, незащищенный способ хранения и инвестирования денег. Менее трети (20,5%) считают криптовалюту финансовой пирамидой. Но несмотря на это, прослеживается общая тенденция увеличения уровня доверия к новым финансовым практикам, включая пользование криптовалютой.

77,5% представителей молодого поколения отметили большое преимущество цифровых финансовых технологий перед традиционными деньгами. Самым распространенным преимуществом является скорость транзакций (50,5%), далее идёт анонимность (44%), удобство (42%), децентрализованность (28%), возможность получить прибыль (3%). Однако из многообразия инновационных финансовых технологий не все из них стали неотъемлемой частью повседневной жизни молодежи, особенно для тех, кто не видит этих преимуществ (21,5%). 25% молодежи отметили анонимность как недостаток, так как 44,5 % опрошенных считают эти транзакции причиной роста незаконных оборотов средств. 58,5% отметили в недостатках сложность функционирования, отсутствие централизованности (36,5%), дефицит нормативного регулирования (60,5%). Важными аспектами для молодежи являются безопасность и доверие в использовании новых финансовых технологий. Молодые люди ожидают высокого уровня защиты своих данных и средств при использовании онлайн-платформ и мобильных приложений и других финансовых практик.

Результаты исследования показали, что молодые саратовцы видят в новых финансовых технологиях относительно устойчивые явления. Можно с уверенностью сказать, что СБП, мобильный банкинг и т.д. прочно вошли в повседневность молодого поколения и заняли доверительные позиции. Однако только 5% считают, что криптовалюта способна заменить традиционные деньги. Большинство опрошенных считают, что криптовалюта - временное явление, но способна стать частью мировой финансовой системы.

Отношение молодых саратовцев к новым финансовым технологиям сегодня можно охарактеризовать как преимущественно позитивное и открытое. Современные молодые люди воспринимают цифровые финансовые инструменты (мобильные приложения банков, электронные кошельки и онлайн-платежи и пр.) как неотъемлемую часть своей повседневной жизни и считают их удобными, эффективными, доступными и инновационными. позволяют быстро и легко управлять своими финансами в любое время и в любом месте, это особенно важно для молодежи, которая привыкла к мгновенной доступности информации и услуг.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что новые финансовые технологии играют важную роль в жизни молодежи, повышая доступность финансовых услуг, способствуя развитию финансовой грамотности и стимулируя инновации в финансовом секторе. Это связано с тем, что молодежь видит в новых технологиях не только способ управления деньгами, но и возможность быть частью цифровой экономики и

инновационного прогресса. Молодое поколение становится ключевой аудиторией для инноваций в финансовой сфере и будет продолжать влиять на развитие цифровых платежных систем и сервисов в ближайшем будущем. Компании разрабатывают новые продукты и услуги, ориентированные на потребности молодежи, что способствует дальнейшему развитию рынка финансовых технологий. Дальнейшие исследования в этой области помогут лучше понять долгосрочные влияния этих технологий на финансовое поведение молодежи и разработать эффективные стратегии для поддержки их финансовой независимости.

1. *Phuong Dinh M.T. Financial Literacy and Fintech Adoption Among the Young / M.T. Phuong Dinh. – Ho Chi Minh, 2022. 68 p.*
2. *Jiwasiddi A., Adhikara C. T. Adam M., Triana R. I. Attitude toward using Fintech among Millennials // A. Jiwasiddi, Jakarta. 2019. 10 p*
3. *Пишняк, А., Халина, Н. Восприятие новых технологий населением как показатель открытости к инновациям // А. Пишняк, Н. Халина // Форсайт. – 2021. – №1. – С. 39-54.*
4. *Дробышева, Т.В., Гагарина, М.А., Нестик, Т.А. Отношение к криптовалютам у молодежи с разным опытом финансового поведения // Т.В. Дробышева, М.А. Гагарина, Т.А. Нестик // Вестник Государственного университета просвещения. – 2021. – №1 – С. 84-96.*
5. *Карапетян, Р.В., Карапетян, С.А.Р. Доверие к цифровым инструментам финансовой сферы: экономико-социологический подход // Р.В. Карапетян, С.А.Р. Карапетян // Экономика и управление. – 2022. – №2. – С. 122-131.*
6. *Бельтикова, Д.Н., Бельтиков, Д.В. Внедрение современных цифровых технологий в финансовой сфере / Д.Н. Бельтикова, Д.В. Бельтиков // Инновационная наука. – 2023. – №5. – С. 58-61.*
7. *Использование информационных и коммуникационных технологий населением Саратовской области. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по саратовской области. 2021 – URL [https://64.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%98%D0%9A%D0%A2%202021\(1\).pdf](https://64.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%98%D0%9A%D0%A2%202021(1).pdf) (дата обращения: 0.5.05.2024).*

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Калинина Надежда Алексеевна

(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет)

Аннотация: В статье рассмотрены теоретические аспекты определения феномена и сущности профессиональной социализации молодёжи. Сделан акцент на понимании этого определения в рамках актуальных тенденций. Представлены результаты SWOT-анализа.

Ключевые слова: профессиональная социализация, молодёжь, рынок труда

Термин «профессиональная социализация» появился в научной литературе в XX веке и ещё не полностью изучен. Дж. Клаузен и К. Данцигер предложили использовать этот термин в конце 1960-х — начале 1970-х годов.

Профессиональная социализация является частным случаем социализации и фокусируется на развитии человека как специалиста. С точки зрения социологии, профессиональная социализация представляет собой систему требований, предъявляемых обществом к индивиду. Рассматривая молодёжь, мы придерживаемся возрастных рамок 14 до 35 лет. Таким образом, профессиональная социализация молодёжи заключается в поиске своего места в профессиональной среде, развитии профессионального мировоззрения, формировании соответствующего поведения и профессиональной самоидентификации [2, с.21].

Колосова И.Г. в своей диссертации выделяет следующие этапы профессиональной социализации [4]. Наглядно представим их на рисунке 1.

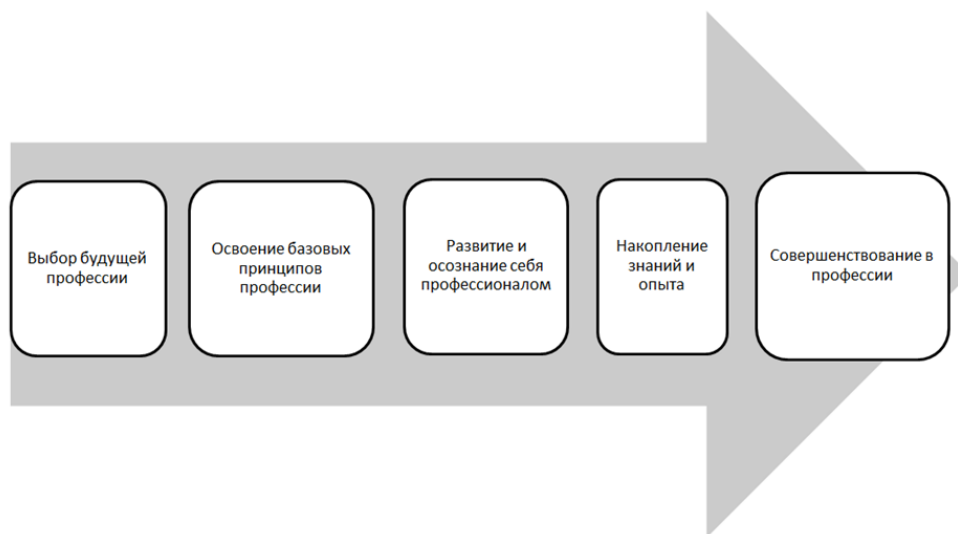

Рисунок 1 – Этапы профессиональной социализации по Колосовой И.Г.

В свою очередь Разуваев С.Г. в диссертации «Профессиональная социализация обучающихся в условиях многоуровневого образовательного комплекса» выделяет иные этапы профессиональной социализации. Представим их на рисунке 2.

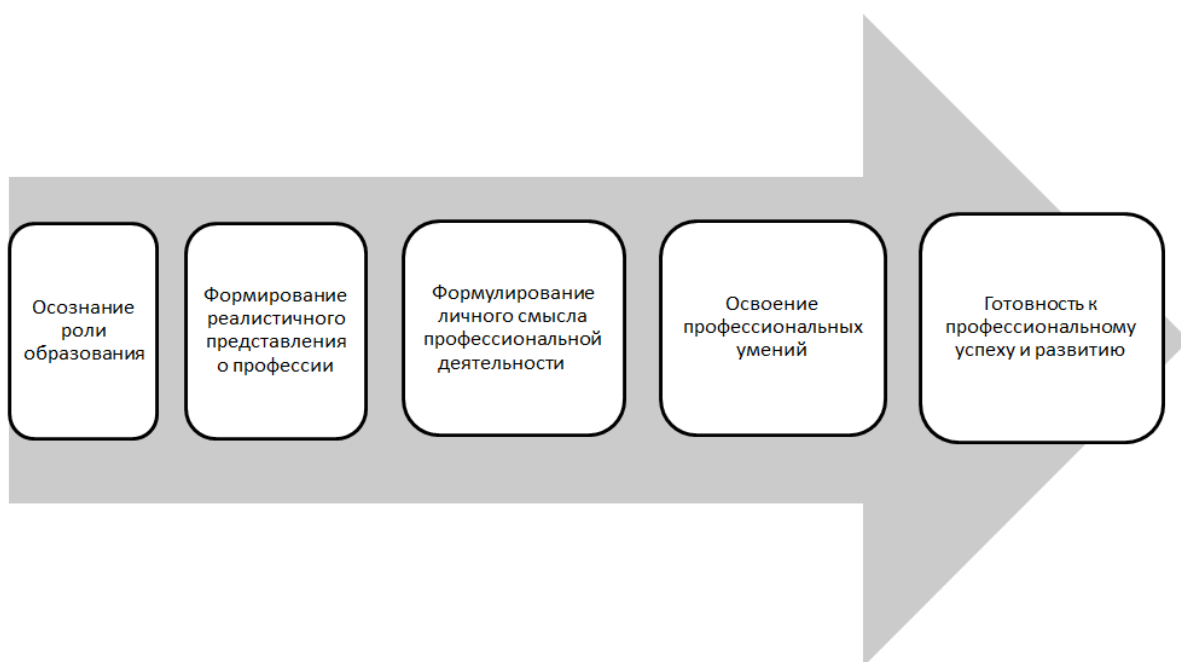

Рисунок 2 - Этапы профессиональной социализации по Разуваеву С.Г.

Обратимся к рисунку 3, на котором представлен генезис феномена, представленный в работе Зебр Э. Ф. и Гордеева Н. Н. [2].

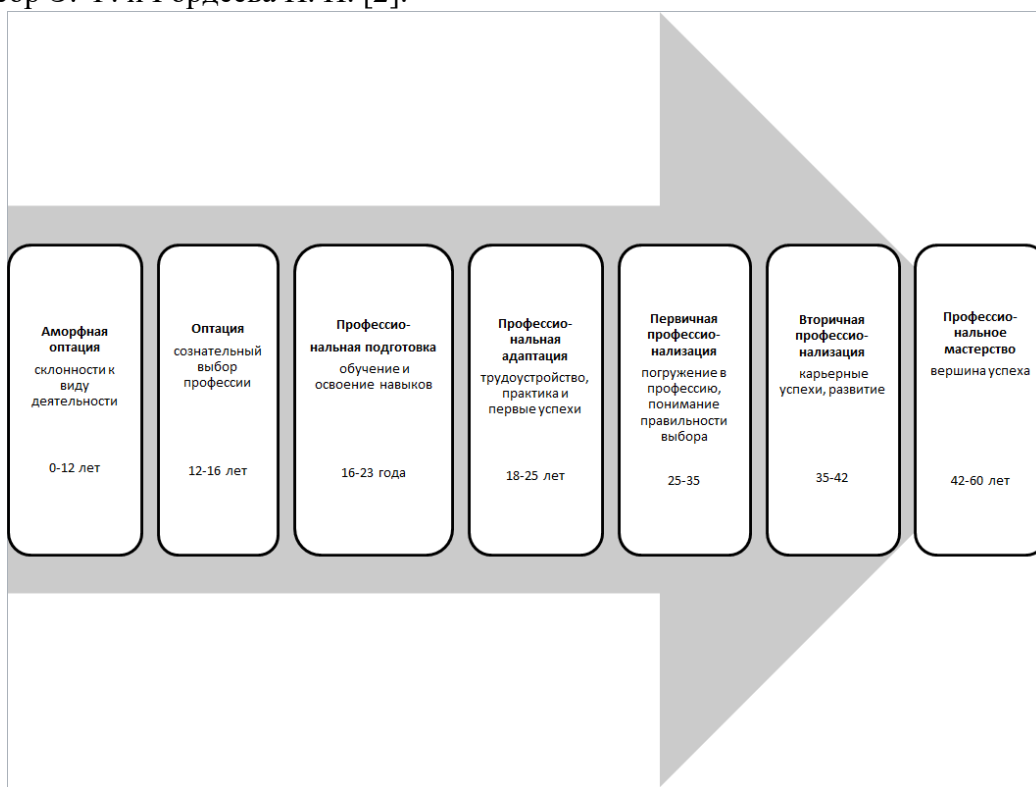

Рисунок 3 - Этапы профессиональной социализации по Зебр Э. Ф. и Гордеевой Н. Н.

Таким образом, в научной среде нет единого представления не о самом феномене, не о его генезисе. В нашей работе придерживаемся мнения большинства, что профессиональная социализация наиболее активна на начальных этапах, хотя и продолжается в течение всей жизни.

Все этапы профессиональной социализации определяются объективными и субъективными факторами, внешними и внутренними воздействиями. Объединяя данные, описанные Соколовым М. М. Тартаковской И. и Панченко О. Л. [10; 11; 6], мы представляем наглядную схему воздействия различных факторов на молодого человека (рисунок 4).

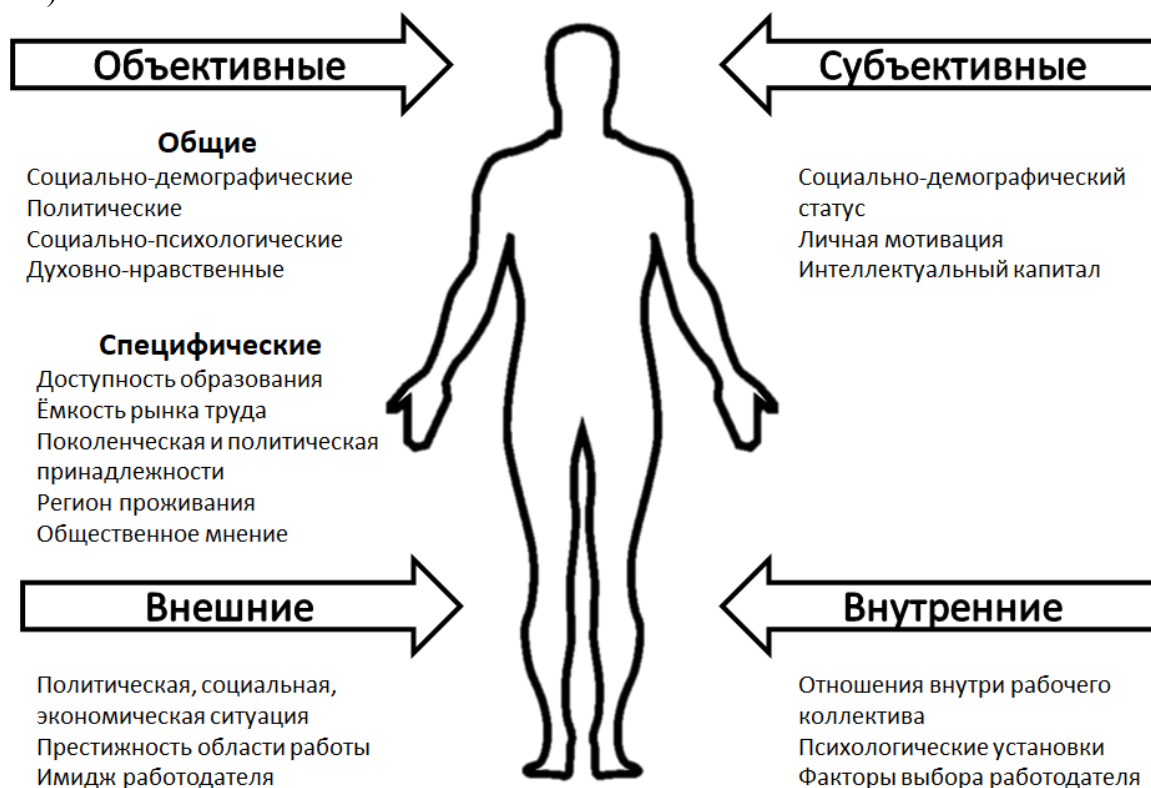

Рисунок 4 – система факторов, влияющих на профессиональную социализацию

Далее перейдем к более детальному описанию профессионального развития молодёжи в рамках актуального состояния рынка труда. Так как оно зависит от внешних факторов важно учитывать нехватку квалифицированных специалистов, использование искусственного интеллекта в качестве помощника, переход контроля над рынком труда от работодателей к работникам, гибкость выбора форматов работы, восприятие руководителей как членов команды, мотивацию сотрудников не только с финансовой точки зрения, но и через наставничество/обучение [3].

Представим в виде схемы адекватные ответы профессиональной социализации молодежи РФ на вновь образованные вызовы практики (рисунок 4).

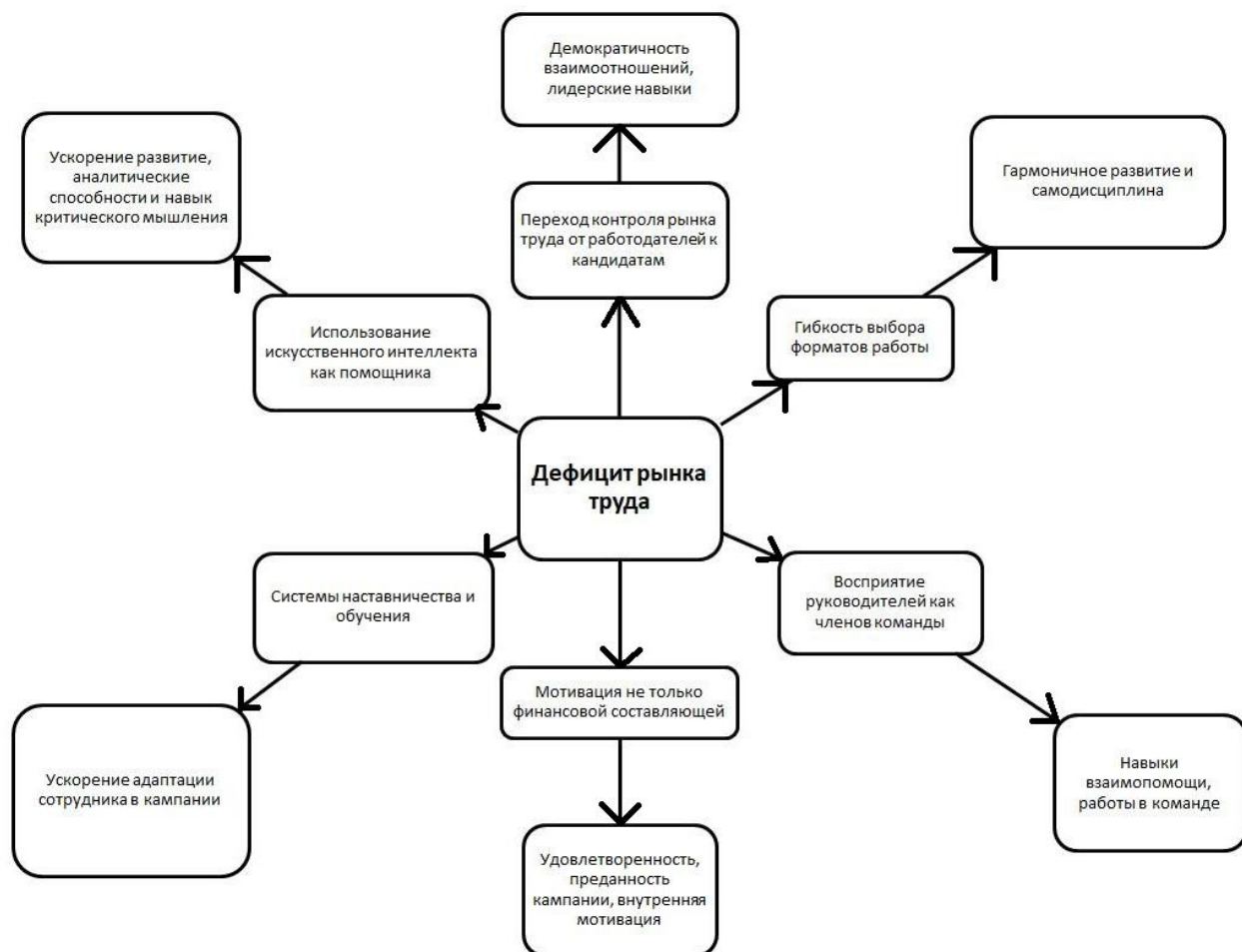

Рисунок 4 – Актуальные аспекты профессиональной социализации

Рассмотрим подробнее элементы схемы.

Переход власти на рынке труда от работодателей к соискателям повышает уверенность молодых специалистов, что способствует открытому обсуждению потребностей и ожиданий. Это приводит к более открытым и демократическим отношениям в рабочих коллективах. Молодёжь учится отстаивать свои права и интересы, что важно для их профессиональной социализации и развития личности.

Понимая свою новую роль на рынке труда, работодатели меняют подход, создавая удобные условия для сотрудников. Гибкость рынка труда предлагает разные форматы занятости, например, удалённую работу и гибкий график. Это влияет на социализацию молодёжи, помогает им гармонично развиваться, учит самодисциплине и организованности, что важно для карьеры.

Изменение подхода к комфорту и развитию сотрудников влияет на управленческие тенденции и трансформацию роли руководителя: он становится членом команды, а не только начальником. Это положительно сказывается на профессиональной социализации молодых специалистов. Они обучаются и развиваются в атмосфере сотрудничества и поддержки. Такое взаимодействие развивает лидерские качества, командную работу и улучшает коммуникацию в коллективе.

Упор на удобство и развитие персонала ведёт к использованию нематериальных методов мотивации: возможности карьерного роста, признания достижений, гибкого графика и улучшения условий труда. Молодым специалистам это помогает социализироваться в профессии, ведь они видят ценность своего труда не только в деньгах.

Это повышает внутреннюю мотивацию, удовлетворённость работой и преданность компании.

Кадровый дефицит на российском рынке труда привёл к расширению возрастных границ найма, что способствовало обмену опытом между старшими и младшими коллегами. Наставничество и обучение важны для профессиональной социализации молодых специалистов. Эти методы помогают молодым сотрудникам получить знания и навыки от опытных коллег, ускоряют их адаптацию и развитие в профессии, помогают лучше понять корпоративную культуру, определить свои карьерные цели и развивать профессиональные навыки, что имеет большое значение для успешной интеграции в условиях быстро меняющегося рынка труда.

Кадровый дефицит также повлиял на внедрение искусственного интеллекта. Автоматизация рутинных задач сокращает потребность в сотрудниках. Это стимулирует молодых специалистов сосредоточиться на сложных задачах, осваивать новые технологии и развивать аналитические навыки. Ускоряется профессиональное развитие, что важно для успешной карьеры.

Таким образом, современные тенденции на рынке труда, такие как гибкость в выборе формата занятости, изменение роли руководителя, использование нематериальной мотивации и развитие наставничества и обучения, способствуют профессиональной социализации молодёжи. Эти изменения помогают им гармонично развиваться, учат самодисциплине, организованности, командной работе и улучшают коммуникацию в коллективе.

Внешние факторы включают государственное регулирование рынка труда. Оно включает разработку и реализацию программ по обеспечению населения рабочими местами и укомплектованию организаций квалифицированными кадрами. Органы власти создают стратегии для повышения уровня жизни населения, экономического роста и общего благополучия страны [1].

Среди государственных программ для молодежи выделяется ряд, содействующий профессиональной социализации [5; 7; 8; 9]. Наглядно представим их в таблице 1.

Таблица 1 – Государственные программы, способствующие профессиональной социализации

Программа	Содействие профессиональной социализации молодежи
Содействие занятости	Создание условий для реализации профессионального и предпринимательского потенциала молодёжи, улучшение соответствия образования требованиям работодателей, предоставление возможности совмещать учёбу с работой, разработка региональных программ поддержки трудоустройства молодых людей.
Повышение производительности труда и поддержка занятости	Формирование системы подготовки кадров, обучение и стажировки управленческих кадров, грантовая поддержка и модернизация служб занятости
Профориентация в центре занятости «Моя работа»	Помощь в выборе профессии, информирование об образовательных программах/курсах, консультирование и помощь с трудоустройством, организация мероприятий, направленных на развитие востребованных навыков
Российские студенческие отряды	Воспитание студентов, формирование нравственности и адаптация молодёжи. Организация педагогических отрядов для воспитания детей и подростков.

Нами был проведен SWOT-анализ факторов тенденций состояния профессиональной социализации. Он представлен на рисунке 5.

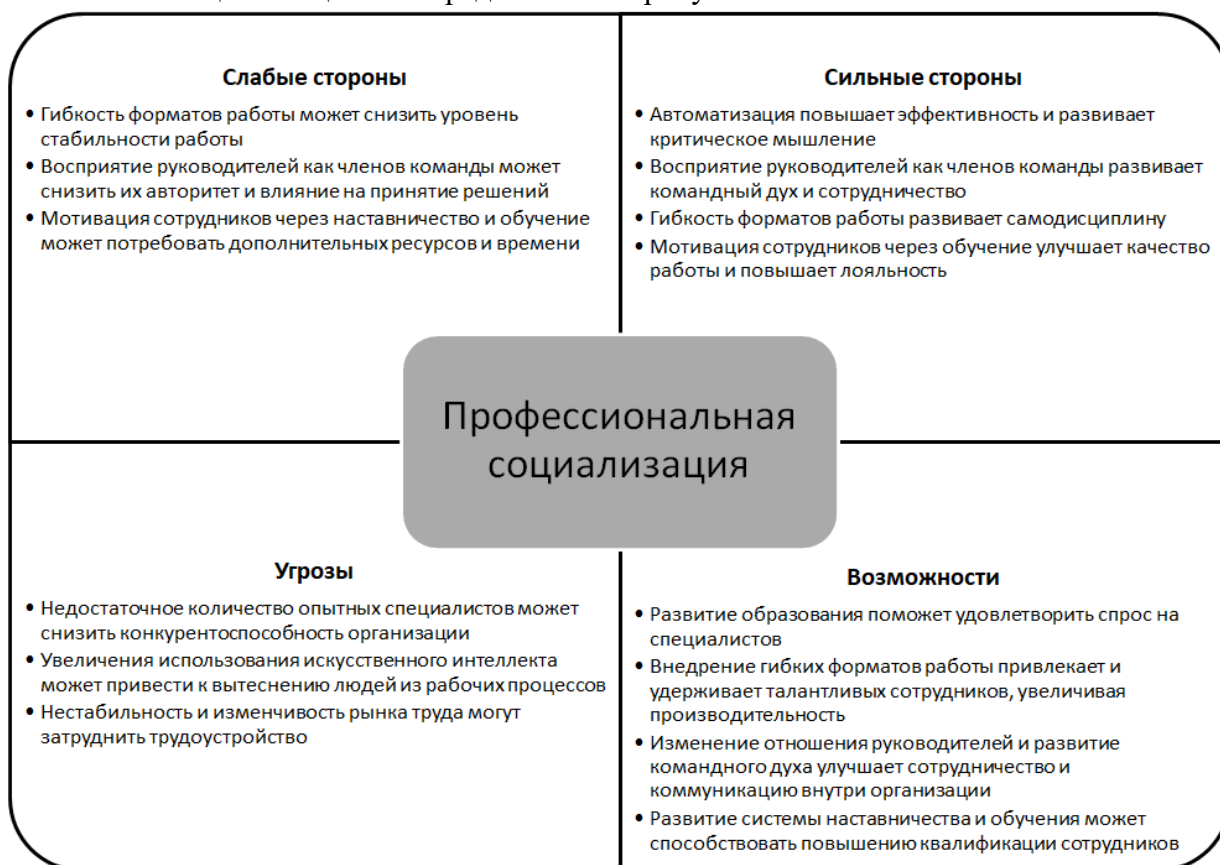

Рисунок 5 – SWOT-анализ актуального состояния профессиональной социализации

Таким образом, профессиональная социализация молодежи — это поиск своего места в профессиональной среде, развитие профессионального мировоззрения, формирование соответствующего поведения и профессиональной самоидентификации.

На данный момент ей содействуют такие внешние факторы как гибкость в выборе формата занятости, изменение стиля руководства, нематериальная мотивация, развитие наставничества и обучения и внутренние – личная мотивация, отношения внутри рабочего коллектива, психологические установки, факторы выбора работодателя, социально-демографический статус.

В дальнейших работах мы хотели бы сделать акцент на субъективных внутренних факторах.

1. Государственное регулирование рынка труда: основные направления и методы // *Актион*. URL: <https://www.hr-director.ru/article/67224-gosudarstvennoe-regulirovanie-rynka-truda-18-m7> (дата обращения: 19.08.2024)
2. Зебр, Э. Ф., Гордеева, Н. Н. Психология профессионального образования: Схемы, таблицы, комментарии, упражнения — Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2005 — 215с.
3. «Кадровое дно»: каким будет рынок труда в России в 2024 году // РБК. URL: <https://t.rbc.ru/tyumen/09/01/2024/658e7b0c9a79473df7dff35> (дата обращения: 20.09.2024)
4. Колосова И.Г. Влияние ценностных ориентаций на профессиональную социализацию студентов: автореф. дис. канд. психологических наук. — Курск, 2006. — 26 с.
5. Национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости» // *Стратегия24*. URL: <https://strategy24.ru/rf/communication/projects/natsional-nyu-proyekt-proizvoditel-nost-truda-i-podderzhka-zanyatosti> (дата обращения: 20.09.2024)
6. Панченко О.Л. Профессиональное трудоустройство молодых специалистов с высшим образованием в современном обществе как социальная проблема: на материалах республики Татарстан: автореф. дис. канд. социологических наук. — Казань, 2005.
7. Программа "Содействие занятости" // *Национальные проекты.рф*. URL: https://xn--80aаратретсчfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya/sodeystvie_zanyatosti/ (дата обращения: 20.06.2024)
8. ПрофорIENTATION в Центре занятости «Моя работа» // *Моя работа*. URL: <https://cznmos.ru/proforientacionnye-testy> (дата обращения: 16.08.2024)
9. Российские студенческие отряды // *PCO*. URL: https://trudkrutforma.bitrix24.site/?utm_source=hh.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=article_32459 (дата обращения: 16.08.2024)
10. Соколов М.М. Российские социологи на международном и национальном рынке идей (научометрический анализ) // *СОЦИС*. — 2009. — №. 1
11. Тартаковская И. Жизненный путь и карьера социолога // *Поволжский региональный семинар «Жизненный путь социолога: образование, практика, карьера»*. — 1997

ДИНАМИКА СИСТЕМЫ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Калинич Владислав Сергеевич
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Аннотация: статья посвящена части результатов анкетных опросов студентов МГУ имени М.В. Ломоносова и ТвГТУ 2022 и 2024 г.г. В рамках мониторинга в числе задач ставилась проверка устойчивости, выявление тенденций в приоритетах в рамках системы ценностных ориентаций студенческой молодежи, а также углубленное изучение и уточнение её особенностей на основании результатов первого анкетного опроса.

Ключевые слова: молодежь, студенты, ценностные ориентации, молодежная политика, эмпирическое исследование, социологическое исследование, анкетирование, государство, современное общество

Эмпирические исследования молодежи в сложных геополитических условиях занимают важное место в российском научном дискурсе [1, с. 110-125, 2, с. 9-20, 3, с. 241-250]. Регулярное социологическое исследование молодежи, изучение актуального состояния системы ценностей и ценностных ориентаций молодых людей, мониторинг восприятия молодежной политики в России является не просто актуальным и важным, а приобретает характер обязательного элемента обновления научного социологического знания о молодежи и особенностях её генезиса, а также насущной необходимостью при реализации молодежной политики в России.

В самоидентификации современной молодежи с религиозными конфессиями России выявляется важная тенденция: рост той части молодых людей, которые относят себя к одной из традиционных религиозных конфессий (православие, католицизм, протестантизм, ислам, буддизм, иудаизм). В 2022 году доля такой молодежи составляла 46,2%, в 2024 произошел рост на 4,1% и был преодолен важный статистический рубеж –доля составила 50,3%. В то же время доля нерелигиозной или атеистической молодежи снизилась на 3,1%, с 49,9% до 46,8%. Доля сторонников нетрадиционных религиозных течений также снизилась с 3,9% до 2,9% (рисунок 6).

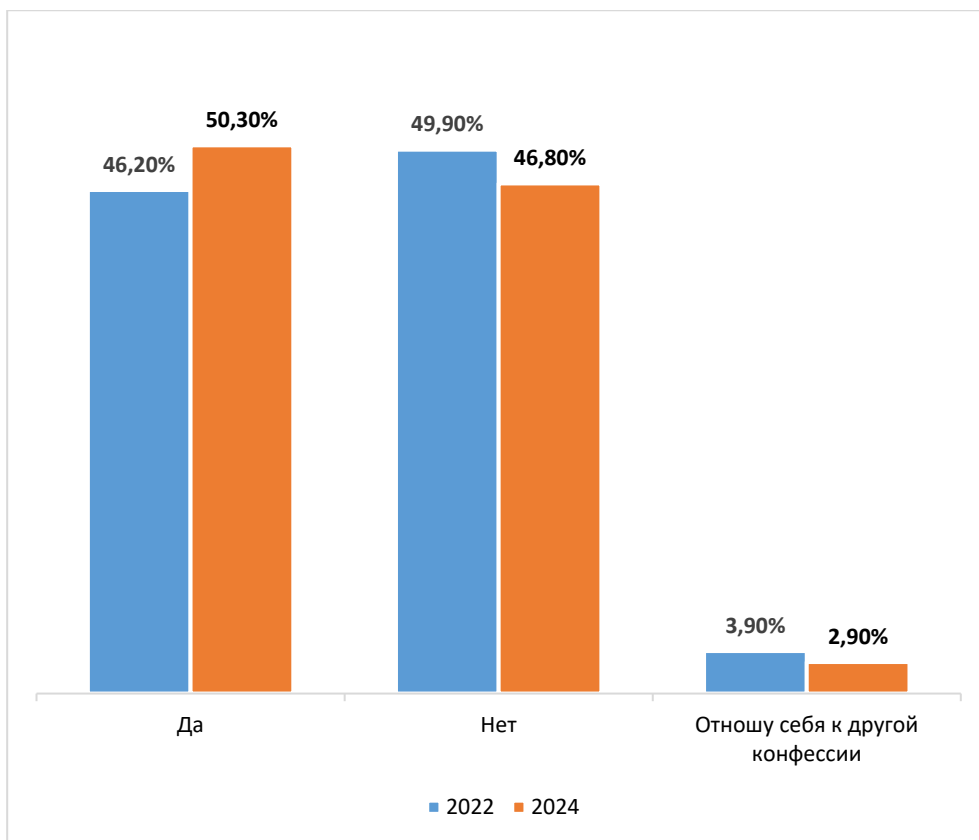

Рис. 6. Самоидентификация молодёжи с традиционными религиозными конфессиями России

Удовлетворенность своей жизнью респондентов имеет устойчивую положительную динамику: полностью удовлетворены и счастливы 31% против 27,3% в 2022 году, в целом удовлетворены и относительно счастливы 59,1% против 57,9% в 2022 году. Положительная динамика составила почти 5%: с 85,2% в 2022 до 90,1% в 2024 году. Количество полностью неудовлетворенных жизнью снизилось с 3,4% до 1,4%. Частично не удовлетворены своей жизнью оказались 8,5% респондентов против 9,5% в 2022 году – снизилось на 1% (рисунок 7).

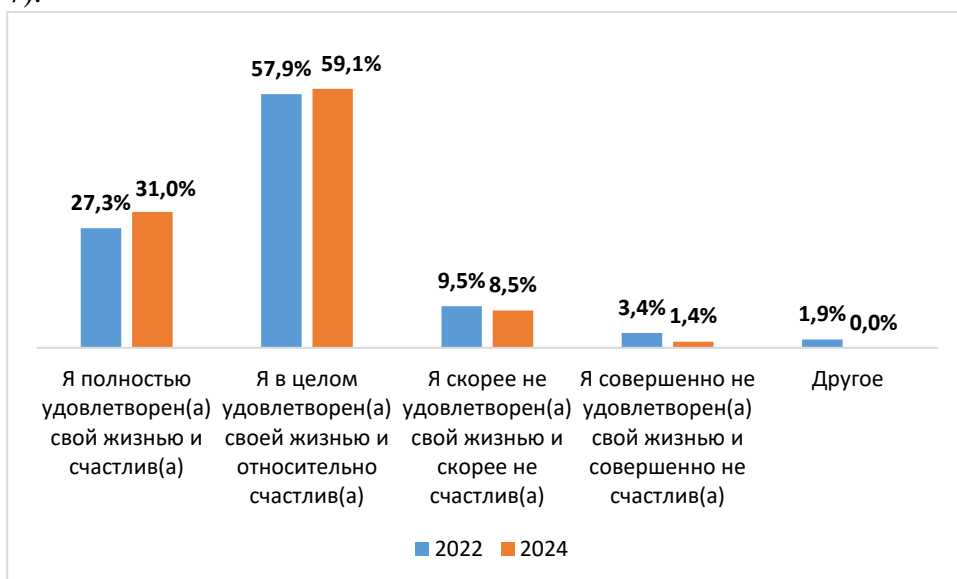

Рис. 7. Динамика удовлетворённости молодёжи жизнью

Результаты исследования уровня счастья оказались сопоставимы с уровнем удовлетворенностью жизнью: определённо счастливыми себя назвали 38,9% опрошенных, скорее счастливыми – 46,8%. Рост уровня счастья составил 3% - с 82,7% в 2022 году до 85,7% в 2024. Скорее несчастливыми себя назвали 10,6% респондентов, определённо несчастливыми – 3,7%. Что логично, снижение уровня несчастливых составило те же 3%, с 17,3% до 14,3% (рисунок 8).

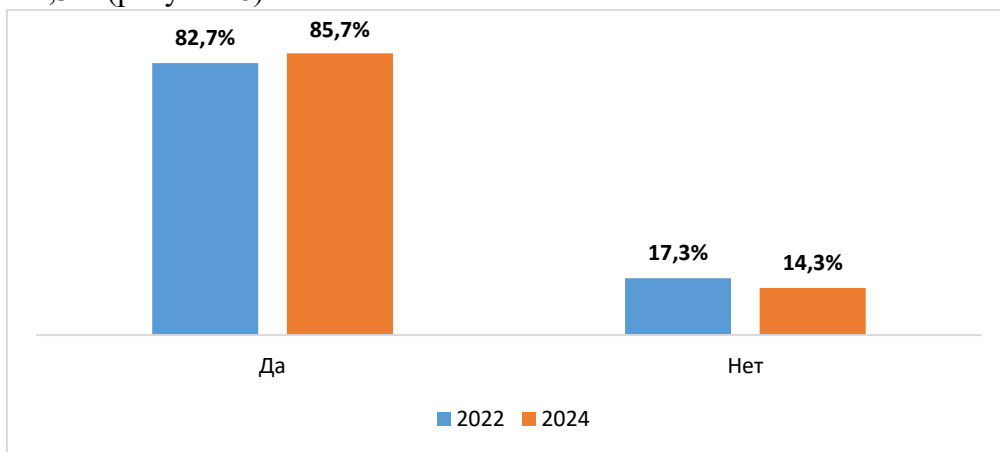

Рис. 8. Динамика уровня счастья российской молодёжи

Далее следует проанализировать динамику системы ценностей респондентов за прошедший период. Главной ценностью молодых людей по-прежнему остаётся здоровье. Её значимость за прошедший период только выросла (с 61,8% в 2022 до 66,8% в 2024). Выросло значение и ценности развития, которое сейчас является вторым по значимости (с 42,6% в 2022 до 47,2% в 2024). В первом исследовании эта ценность занимала лишь 6 место. Ценность материального благополучия и достатка заняла 3 место и потеряла позицию в иерархии (была 2) и количество носителей (с 51,1% в 2022 до 45,4% в 2024). Активная, насыщенная событиями жизнь является значимой для 43,8%, потеряла значимость для 7,1% респондентов (было 50,9%) и стала 4 в рейтинге (была 3). Ценность семьи, счастливой семейной жизни сохранила 5 позицию, претерпев минимальное изменение носителей (с 43,3% в 2022 до 41,6% в 2024). Динамику остальных ценностных ориентаций можно увидеть на рисунке (рисунок 9).

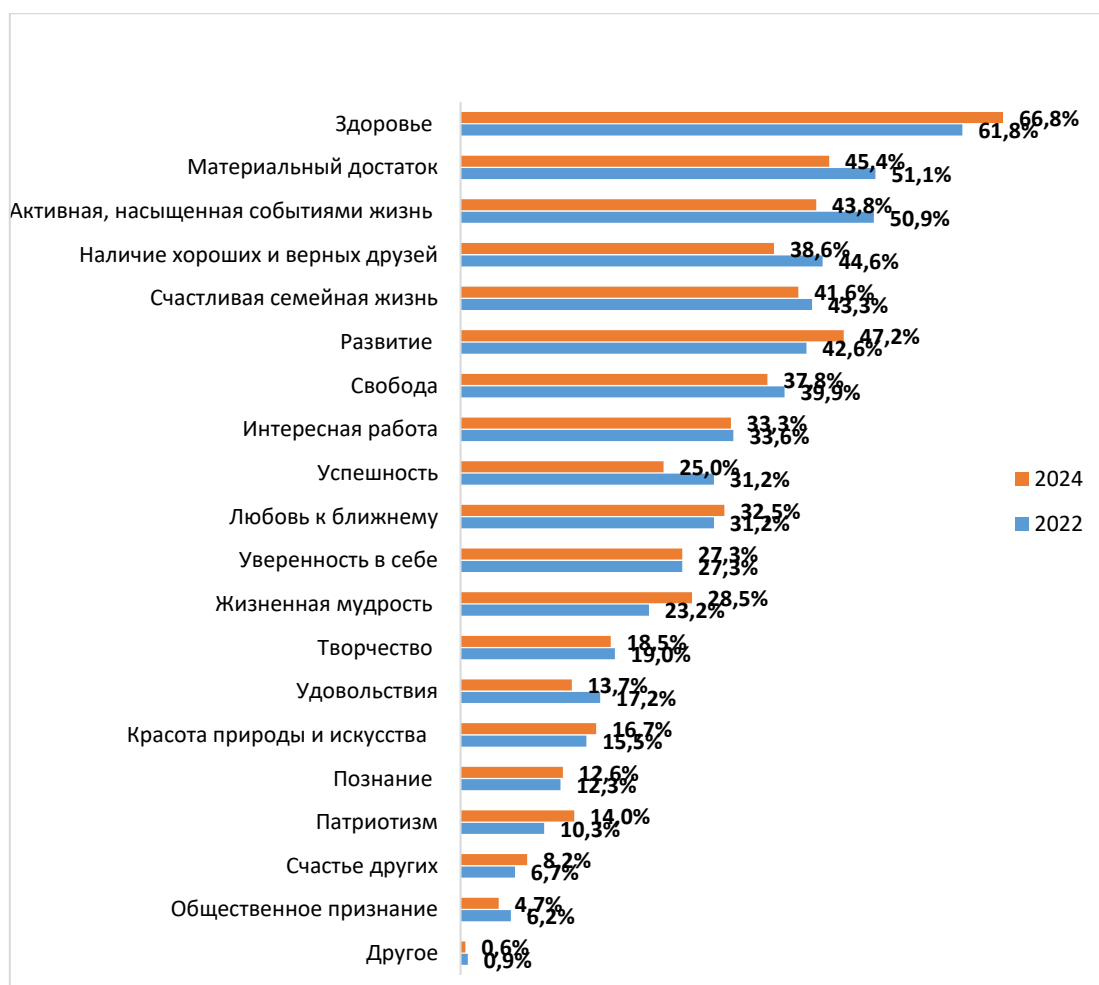

Рис. 9. Рейтинг ценностей современной молодёжи в динамике 2022-2024 годов

Исходя из результатов, система ценностей молодёжи является в целом устойчивой, сохраняются позиции ключевых ценностей молодых людей. Молодёжь остаётся сосредоточенной на себе, собственном здоровье, благополучии и развитии. Определённо усиливается ценность здоровья (хотя оно и так являлось доминирующим), жизненной мудрости, саморазвития и патриотизма. В то же время постепенно снижается значение активной, насыщенной жизни, материального достатка, удовольствий, друзей. То есть снижается ориентация на праздность и праздный уровень жизни, растёт ориентация на развитие и здоровье, физическое и духовное.

Оценка личных качеств молодёжью претерпела незначительную, но весьма конкретную динамику. Ответственность осталось самым популярным личным качеством, при этом количество выборов выросло с 56,7% в 2022 году до 63,4% в 2024. Воспитанность сохранила 2-ю позицию, прибавив более 6% популярности, с 55,4% в 2022 году до 61,7% в 2024. Честность поднялась с 4-го места на 3-е, сохранив 39% выбора респондентов. Верность опустилась с 3-го места на 4-е, потеряв более 7% выбора респондентов. Жизнерадостность сохранила 5-ю позицию, в 2022 это качество выбрали 33,6% молодых людей, в 2024 – 33,1%. Подводя итог, следует отметить, что ответственность, воспитанность, жизнерадостность, независимость, смелость в отстаивании своего мнения, твердая воля сохранили свои позиции, лишь незначительно претерпев перераспределение предпочтений. Честность, образованность, рационализм, терпимость, аккуратность укрепили свои позиции. Верность, самоконтроль, исполнительность, чуткость, широта

взглядов, деловитость потеряли позиции, на которых находились по итогам первого исследования 2022 года (рисунок 10).

Рис. 10. Рейтинг личных качеств современной молодёжи в динамике 2022-2024 годов

В целом динамика оценки личных качеств оказалась незначительной, установки на ведущие личные качества респондентов оказались устойчивыми, система не претерпела структурных изменений.

Динамика представлений о формировании доминирующих ценностных ориентаций у современной молодёжи аналогично является незначительной. Главным ценностным ориентиром по-прежнему является карьеризм при равном выборе в 60%. Вторым по популярности ценностным ориентиром стал здоровый образ жизни, который был третьим в 2022 году (при этом процент выбора упал с 42,5% до 40,5%). Третьим ориентиром по мнению респондентов является потребительство (было на 2 месте, процент выбора упал с 45,1% до 37,9%). Образованность оказалась на 4-м месте, поднявшись с 5-го в 2022 году (процент выбора упал с 36,4% до 33,8%). Динамика остальных ценностных ориентаций представлена на рисунке (рисунок 11).

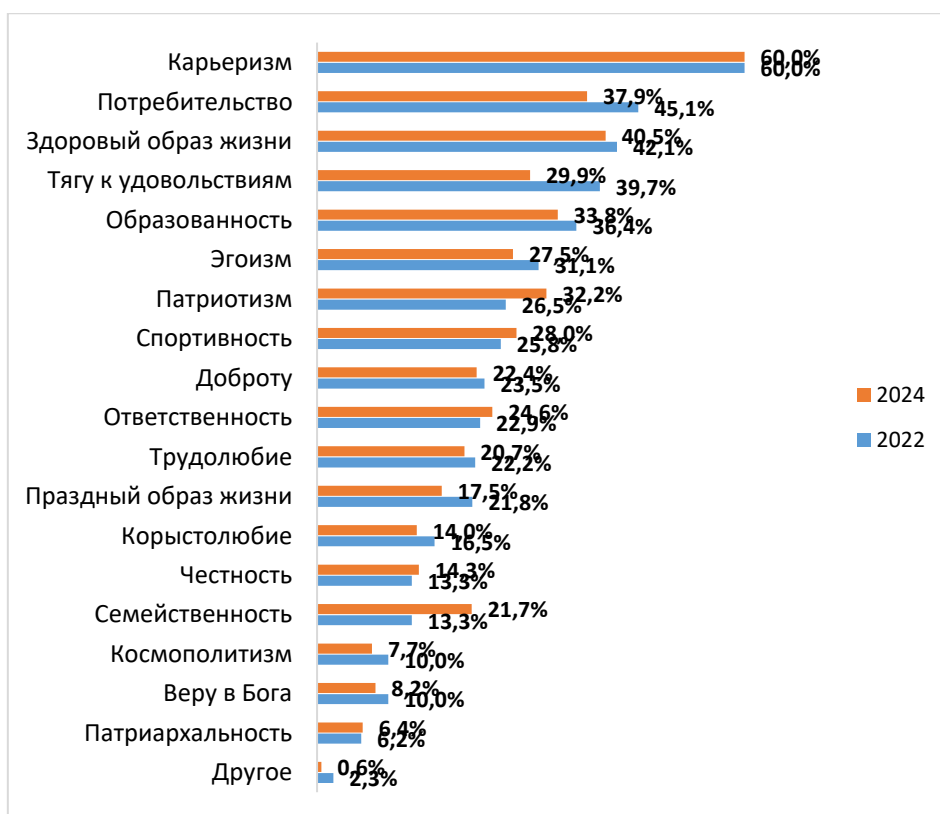

Рис. 11. Рейтинг представлений о формировании ценностных ориентаций молодёжи современным обществом в динамике 2022-2024 годов

В целом динамика оценки качеств, формируемых обществом, оказалась незначительной, представления респондентов оказались устойчивыми, их система не претерпела структурных изменений. При этом наблюдается тенденция снижения критичности по отношению к обществу, рост выбора социально одобряемых качеств: ответственности, здорового образа жизни, спортивности, патриотизма, семейственности. Соответствует тенденции снижения популярности социально неодобряемых качеств, таких как потребительство, гедонизм, эгоизм, праздный образ жизни. Незначительная динамика рейтинга других качеств обусловлена перераспределением выбора респондентов между ними.

Подводя итог анализа всех блоков рассматриваемых вопросов, можно утверждать, что структура системы ценностных ориентаций молодёжи оказалась устойчивой, доминирующей ценностью является здоровье, выросло значение ценности развития, снизилось значение материального достатка, активной насыщенной жизни. Позиция большинства ценностей не претерпела серьёзных изменений ни в рейтинге, ни в популярности.

Структура оценки личных качеств также не претерпела серьёзных изменений, значение доминирующих качеств, таких как ответственность, воспитанность, образованность лишь возросло. Позиция большинства личных качеств сохранилась как в рейтинге, так и в популярности.

Представления о формировании современным обществом ценностных ориентаций молодёжи оказались устойчивыми: карьеризм, потребительство, здоровый образ жизни остаются доминирующими ценностными ориентациями, остальные ценности значительно не изменили позиций.

Сама молодёжь испытывает положительные изменения: растёт уровень самоидентификации с традиционными религиозными конфессиями России, уровень удовлетворённости жизнью и уровень счастья. Следует отметить, что вынужденные и запланированные значительные изменения, происходящие в нашей стране в самых разных сферах в настоящее время, положительно отражаются на российской молодёжи.

1. Смирнов В.А., Скрябина О.Б., Бессонова Т.И. Некоторые дисфункции процесса социализации в условиях «больших» вызовов // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2022. Т. 28. № 1. С. 110-125.
2. Смирнов В.А. Молодёжная политика и воспитательная деятельность в российских университетах: этапы развития и ключевые противоречия // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32. № 5. С. 9–20.
3. Смирнов В.А. Социальное самочувствие российской молодежи в условиях специальной военной операции // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2024. № 77. С. 241–250.

ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕКАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

*Кареев Дмитрий Валериевич
(ФГБОУ ВО Ивановский государственный университет)*

Особенности протекания этнических конфликтов в студенческой среде в настоящее время становятся особенно актуальными в контексте глобализации и увеличения межкультурного взаимодействия. Студенческая община представляет собой многообразное сообщество, где студенты различных этнических групп и культур вступают в интенсивный контакт, что может создавать как потенциал для позитивного обмена, так и риск возникновения межэтнических конфликтов.

Тема этнических конфликтов за последние десятилетия стала одной из самых злободневных, к ней обращаются ученые различных направлений. Причины этому кроются в трудноразрешимости и распространенности таких конфликтов, а также в том, что они стали одним из наиболее распространенных источников общественных противоречий и политической нестабильности [3, 40].

Учитывая актуальность проблемы разнообразия и включения, а также в свете событий на мировой арене, важно обращать особое внимание на способы управления этническими разногласиями в учебной среде. В частности, актуально проведение образовательных мероприятий, направленных на развитие межкультурной компетенции и толерантности среди студентов. Повышение уровня межэтнического взаимодействия студенческого сообщества становится ключевым аспектом формирования позитивной образовательной среды.

Особенности протекания этнических конфликтов в студенческой среде могут быть многогранными и включать следующие аспекты:

1. Многообразие культур и идентичностей: Студенческая среда часто представляет собой смешанное сообщество, где студенты с разных этнических и культурных фонов могут сталкиваться с различиями в традициях, обычаях и ценностях.

2. Стремление к самоидентификации: Молодежь активно формирует свою этническую и социокультурную идентичность, что может привести к возникновению конфликтов на основе различий в этнической принадлежности.

3. Недостаток понимания и толерантности: Некоторые студенты могут проявлять непонимание и неуважение к культурным особенностям и традициям других этнических групп, что может породить конфликты и напряженность в коллективе.

4. Влияние внешних факторов: Политические, социальные и экономические события на мировой арене могут оказывать влияние на этническую динамику в студенческой среде, что в свою очередь может способствовать конфликтам и столкновениям.

Молодежь в сравнении с другими группами населения наиболее этноцентрична, т. е. порой проявляет неприязнь, нетерпимость к представителям одной или многих национальностей, национализм. Ученые фиксируют, что среди некоторой части современной молодежи господствуют националистические убеждения. Одной из причин таких процессов являются возрастные психологические особенности молодых людей. Как правило, они хотят выглядеть сильными по духу и успешными в жизни, склонны рассматривать мир упрощенно, делить людей на «своих» и «чужих» по социальному и национальному признакам и, конечно, хотят принадлежать только к элитным группам. Социальная ситуация и возрастные психологические особенности обуславливают национальное самосознание молодежи, подталкивают молодых людей к крайним позициям, национальной нетерпимости и экстремизму [4].

Поэтому в период нахождения студента в студенческой группе конфликты неизбежны. В связи с этим выделяют различные типологии классификации конфликтов. Рассмотрим основные разновидности конфликтов в студенческой среде на примерах.

Конструктивные конфликты способствуют принятию обоснованных решений и улучшению взаимоотношений в студенческой группе, в то время как деструктивные конфликты мешают эффективному взаимодействию и принятию решений. Например, в ходе коллективной работы возникает разногласие, и при наличии конструктивного конфликта это может привести к разумному решению, тогда как деструктивный конфликт станет препятствием для нахождения общего решения.

Реалистические конфликты возникают из-за неудовлетворения определенных требований или несправедливого распределения преимуществ между участниками. Нереалистические конфликты, напротив, являются результатом открытого выражения негативных эмоций, обид и враждебности, а не стремлением достичь определенного результата. Например, назначение одного студента представителем в профкоме группы вызвало конфликт, когда другой студент посчитал, что он более подходит для этой должности. Это является примером реалистического конфликта. При этом уже существовавший враждебный настрой между студентами стал началом нереалистического конфликта.

Также в студенческих группах часто встречается конфликт между личностью и группой, который возникает, когда кто-то из участников нарушает установленные нормы поведения или общения. Например, новый студент со слабыми этическими убеждениями присоединился к группе, которая ценит высокие моральные стандарты. Его неэтичное поведение и оскорбления вызвали негативную реакцию всей группы и привели к конфликту между личностью и группой.

Помимо субъективных причин конфликта (различия в характерах, взглядах, манерах поведения людей) отмечаются и объективные причины, в основе которых лежат несовпадение значимых материальных и духовных интересов студентов. С. В. Назаренко к таким причинам относит:

- противоположные ценностные ориентации студентов;
- столкновение противоположных идеологий и религий;
- социально-экономическое неравенство в группе;
- социально-психологическая несовместимость;
- не разделяемые индивидом морально-этические обоснования ценностей и норм-правил, доминирующих в студенческой группе [2, 325].

Таким образом, проблема конфликтов в студенческой среде является весьма актуальной, так как их последствиями являются спад студенческой успеваемости, ухудшение морального и физического здоровья, появление тревожности, неуверенность студента в себе. Причинами возникновения конфликтов занимаются множество психологов, социологов и других ученых. Но в то же время недостаточная изученность природы студенческих конфликтов требует дальнейших исследований в этом направлении. Созданное в дальнейшем положение о причинах конфликта, дополняет уже существующий инструментарий, который необходим для быстрого и эффективного разрешения конфликтных ситуаций.

Для решения этих проблем можно предпринимать следующие меры:

- Проактивное проведение образовательных мероприятий по теме межэтнического взаимодействия и толерантности.

- Создание площадок для диалога и обмена культурным опытом между студентами различных этнических групп.

- Проведение мер, направленных на укрепление межэтнической солидарности и понимания.

- Распространение информации и образование на тему уважения к многообразию культур и этнических групп.

Эффективное управление этническими разногласиями в студенческой среде может способствовать созданию позитивной и инклюзивной образовательной среды, в которой каждый студент может чувствовать себя комфортно и уважаемо.

Колычева А.В. выделяет отличные пути разрешения конфликтов в студенческой среде. В следствие этого, были предложены основные направления для урегулирования данного вопроса, а именно:

1. Разработка эффективной молодежной политики.
2. Создание специальной системы внутренней мобильности молодежи, для ее просвещения и ознакомления с другими этносами и культурами.
3. Разработка специальной системы господдержки молодежных объединений и сообществ.
4. Повышения уровня образованности.
5. Освещение в СМИ не только негативных, но и позитивных событий [1].

В итоге, особенности протекания этнических конфликтов в студенческой среде являются актуальной проблемой в условиях современного общества, где разнообразие культур и идентичностей становится неотъемлемой частью образовательной среды. Стремление к построению инклюзивной среды, способствующей взаимопониманию и толерантности, является ключевым аспектом в преодолении потенциальных этнических разногласий.

Для решения этнических конфликтов в студенческой среде важны меры, направленные на пропаганду взаимодействия и сотрудничества между различными этническими группами, обеспечение равноправия и уважения к разнообразию культур. Только через созидательный и открытый диалог, образовательные кампании и программы по развитию межэтнической толерантности можно создать благоприятное образовательное окружение, способствующее росту и саморазвитию каждого студента вне зависимости от его этнической принадлежности.

1. Колычева А.В. Межэтнические конфликты в молодежной среде и пути их регулирования // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2015. №21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhetnicheskie-konflikty-v-molodezhnoy-srede-i-puti-ih-regulirovaniya> (дата обращения: 20.01.2024).

2. Назаренко С.В., Социология: учебное пособие. 2-е изд / СПб.: Питер, 2009.

3. Славская Н.В. Особенности профилактики межэтнических конфликтов в молодежной среде // Государство и право в XXI веке. 2015. №2. С. 40–43.

4. Чижевич Т. А. Межнациональные конфликты в молодежной среде. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhnatsionalnye-konflikty-v-molodezhnoy-srede> (дата обращения: 17.01.2024).

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Карпова Наталья Владимировна

(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Проблема политической социализации российской молодежи на протяжении последних тридцати лет не теряет своей актуальности, ни в своем научном, ни прикладном значениях. В текущей политической ситуации она приобретает особое звучание, определяемое переосмыслением национальных целей и стратегических задач в развитии страны, возрождением национально-государственной идентичности, приоритетами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Включение новых поколений в социально-политическую жизнь в первую очередь зависит от того, что в данный момент предлагает молодежи государство и общество, какие возможности имеются для реализации ее способностей, а также от степени осознания молодежью себя в качестве активного социального субъекта.

Исследование политической социализации на социетальном уровне не может ограничиваться только вопросами политического созревания индивидов, усвоения ими политических ориентаций и гражданских качеств. В контексте проблем устойчивого развития политической системы прежде всего важно оценивать характер и направленность социализационных воздействий со стороны самих политических институтов на молодежь, которые выражаются главным образом в состоянии и тенденциях государственной молодежной политики.

На сегодняшний день национальные интересы России небезосновательно вывели молодежную политику на новый уровень развития, за последние несколько лет произошло существенное обновление ее нормативной базы. В августе 2024 г. распоряжением Правительства РФ была принята Стратегия молодежной политики в России до 2030 г., в которой особый акцент делается на вопросы гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодых граждан как содержательные элементы их политической социализации [5].

Реализация программ государственной молодежной политики проецируется на двух уровнях - мировоззренческом и организационном. В область первого из них входит выработка необходимых для политической системы ценностей, установок и норм, составляющих основу политической культуры государства. Организационные задачи предполагают создание и координацию специальных структур, осуществляющих деятельность в сфере молодежной политики, их синхронизацию и согласованность в рамках общего курса [2, 42]. Таковыми на сегодняшний день являются федеральное агентство исполнительной власти по делам молодежи «Росмолодежь», Министерство науки и высшего образования РФ, Комитет ГД по молодежной политике, общероссийское общественно-государственное движение «Движение первых» и др. На 1 июня 2024 г. в системе органов государственной власти субъектов РФ насчитывалось 77 исполнительных органов, наделенных полномочиями исключительно в сфере молодежной политики.

При наличии проработанной ценностно-нормативной основы и устойчивой организационной структуры, ответственной за сферу реализации государственной молодежной политики, основная задача в воплощении идей молодежной политики в практические действия связана с подбором эффективных социальных технологий, работающих на конкретные результаты. Этого требует и ориентированная на целевой

сценарий развития Стратегия реализации молодежной политики, который предполагает «существенное ускорение темпов развития молодежной политики, постепенное выполнение запланированных мер по приоритетным направлениям», направленное на качественное изменение и преодоление негативных тенденций в молодежной среде, угрожающих развитию России как суверенного государства [5, 31].

К числу активно применяемых в нашей стране социальных технологий, способствующих реализации государственных программ молодежной политики и политической социализации, относятся организационные технологии. Эти технологии включают в себя в себя способы и принципы построения структур, а также практики, вовлекающие представителей молодого поколения в свою деятельность. К наиболее значимым событиям в этой области можно отнести создание в 2022 г. общероссийского общественно-государственного молодежного сообщества «Движение первых», вобравшего в себя более 20 детско-юношеских организаций. В 2023 г. во всех субъектах Российской Федерации созданы региональные отделения Движения Первых, 2 135 местных отделений и более 43 тыс. первичных отделений. В отношении политико-социализационных функций предметом деятельности Движения стало объединение усилий и координация деятельности организаций, занимающихся непосредственно патриотическим и гражданским воспитанием молодежи.

Особую значимость в последнее время получают такие новые формы выстраивания диалога с молодежью, как форумы. Молодежный форум представляет собой образовательно-коммуникационную площадку, объединяющую молодых людей с активной жизненной позицией, профессионалов в разных сферах, стремящихся проявлять, реализовывать себя, решать социально-значимые и важные для государства задачи. Для организации подобных форумов Росмолодежью в 2023 г. было задействовано 25 площадок. Среди них: пятнадцать всероссийских: «ШУМ», «Таврида», «Территория смыслов», «Истоки», «Дигория», «Экосистема», «ОстроVa», «Форум рабочей молодежи» и др.; два международных форума: «Байкал», «Евразия Global», которые в целом охватили более 50 тыс. очных и 300 тыс. онлайн-участников.

В организационном отношении форумные кампании выступают местом диалога между молодыми людьми и представителями различных профессиональных областей, бизнес-сообществ, органов власти, государственных структур, представителей разнообразных институтов гражданского общества. Формат форума в обязательном порядке включает в себя и образовательные технологии, подразумевающие лекции, тренинги, семинары по тематическим направлениям.

На наш взгляд, подобные молодежные форумы являются довольно действенным механизмом реализации молодежной политики в отношении вовлечения молодежи в социально-политическую жизнь государства, требующих дальнейшей государственной поддержки и развития. Во-первых, это подтверждает сам интерес к данным кампаниям со стороны российской молодежи: с каждым годом увеличивается число поданных заявок на участие в них. Во-вторых, в процессе участия в форумах молодые граждане усваивают новые социальные практики, в которых заложены потенциально необходимые для государства социально-значимые смыслы. Непосредственные механизмы общения, предоставляемые форумным форматом, становятся действенной основой профессиональной, личностной и гражданской самореализации молодых людей, способствуя в том числе проведению интенсивной политической социализации со стороны государства как основного субъекта этого процесса. И хотя говорить о конкретных результатах пока рано, поскольку формирование ценностных систем – процесс длительный и не решается только лишь организационными технологиями. Но в то же время

продуманный комплекс актуальных для молодежи форумных мероприятий, объединенных общим идейным смыслом, имеет все основания принести положительные результаты в необходимом на сегодняшний день гражданско-патриотическом и духовно-нравственном воспитании молодых граждан России.

1. Богданов А. В. Технологии формирования политической культуры молодежи в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2021. Т. 21. №. 1. С. 86-90.
2. Попова С.Ю. Молодежные организации как субъект политики // Русская политология. 2020. №1 (14). С. 36-45.
3. Самсонова Т.Н. О становлении политической субъектности российской молодежи в процессе политической социализации // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 7. С. 98-108.
4. Социальные технологии управления обществом: региональный уровень / под ред. Я. А. Маргуляна. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010. - 436 с.
5. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. [Электронный ресурс].
6. URL:
<http://static.government.ru/media/files/jBrmuJi7WMLGBOFtXWhrMzKFCgIggQ7.pdf> (дата обращения: 02.10.2024 г.)

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЁЖИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНЧЕСКИХ ГРУПП

Келасьев Олег Вячеславович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Самореализацию в общем плане можно рассматривать не только как раскрытие потенциала, возможностей и талантов отдельного человека, но и как проявление устремлений целых поколенческих групп. Любая форма самореализации формируется под давлением доминирующего типа общественного устройства, окружающей человека социальной среды в его формативный период, которая в дальнейшем и определяет образ жизни, ценности и доминирующие типы активности субъекта.

Нормативные формы самореализации, а также представления о ней будут разными у субъектов, сформированных в различных общественных условиях. Нами были исследованы представления о самореализации младшего, зрелого и старшего поколений, их преемственность и различия. Выяснено, что представления поколений друг о друге довольно часто носят приблизительный, порой и ошибочный характер. Выяснение представлений о самореализации проводилось методом фокус-групп.

По итогам самооценки самореализации зрелым поколением (постсоветское, реформенное поколение) было выявлено, что оно не нашло в своей молодости наличия возможностей для полноценной самореализации, связывая это с крахом Советского союза, неустоявшимся новым укладом общества. Самореализация для них связывалась с преодолением трудностей, индивидуальным финансовым успехом, при достаточно узком диапазоне возможностей и сводилась часто к борьбе за выживание. В 1990-е годы притягательной моделью самореализации было предпринимательство («челнок», посредник и т. д.). Они и стали героями того времени.

Что касается самореализации старшего поколения, то она формировалась в советский период на основе общественно одобряемых ценностей и устремлений, характеризовалась определённой стабильностью, развёртывалась в русле типичной жизненной колеи, характерной для больших масс советских людей.

Сравнивая свои формативные годы с нынешней молодёжью, представители старшего поколения отмечают, что жизнь нынешней молодёжи заполнена неопределённостью, неустойчивостью, неясностью перспектив, частой сменой сфер занятости, переменой направления образования, работой не по специальности, что не позволяет сформироваться определённой жизненной колее, создать стабильность существованию.

Самореализация же младшего (подростающего) поколения развёртывается в условиях радикально новой социальной среды, характеризующейся множеством альтернативных путей самовыражения, предоставляемых прежде всего цифровизацией, виртуализацией. Пространство самореализации для них существенно расширилось, возможностей для проявления себя стало несравнимо больше. Но это обилие возможностей формирует и трудности концентрации на чём-то одном, пребывании в постоянном поиске, трудностях выбора для себя определённой формы самореализации. К тому же, у нынешних молодых людей по сравнению с двумя другими поколениями наблюдается определённый инфантилизм, позднее взросление, нежелание вступать во взрослую жизнь, как трактуют их отцы и деды. Нынешние молодые люди не переживали таких событий как холодная война, события 80-х гг., развал СССР, перестройка и постперестройка и т.д. Главным социализирующим институтом для них стал интернет (блогеры, стримеры, новые представители горизонтальных экспертных сообществ и т.д.). Его роль в социализации молодёжи (включая детей) порой не менее значима, чем даже роль семьи. Интернет

поменял сам образ жизни и сами отношения в семье, привнёс новое содержание в общении детей и родителей.

Представители младшего поколения считают, что в советское время самореализация была больше подчинена внешней необходимости, было больше принуждения со стороны государства (например, распределение по специальности, привязка к месту жительства, прописке, обязательная служба в армии, закрытые межгосударственные границы, сравнительно узкое информационное пространство, отсутствие интернет-возможностей). Сейчас же самореализация больше связана с личными индивидуальными интересами, запросами, способностями.

Представители каждой поколенческой группы при этом в определённой мере абсолютизируют период своей молодости и трактуют самореализацию других групп с позиций своих представлений, сформированных в молодости. Все информанты отмечают, признают прогресс в современном мире, однако указывают на преимуществе времени своей молодости.

Полученные данные говорят о непосредственной связи самореализации со спецификой социальной среды, доминирующей системой ценностей в формативный период каждой из групп.

Динамика самореализация поколений выражена в движении от типовой жизненной колеи для больших масс людей к росту, «взрыву» путей и способов индивидуальной самореализации и самовыражения для подрастающего поколения. По-видимому, сейчас можно говорить и о движении в обратную сторону.

Рекомендации по налаживанию диалога и предотвращению поколенческих конфликтов должны строиться на адекватном осознании и принятии различных ценностей друг друга, налаживании социальных взаимодействий в различных сферах общественной жизни, в том числе, трудовой, стимулирование работы молодёжи и старших в одних командах, организации групп встреч между представителями различных поколений и т.д.

ФОРМИРОВАНИЕ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА

*Кемалова Лиля Исметовна
(ФГБОУ ВО "Керченский государственный морской технологический университет")*

Процесс социализации современной молодежи проходит в сложных условиях трансформации разных сфер общественной жизни. В этом процессе образование, являясь одним из важных этапов личностного развития молодого человека, призвано помочь ему сформировать смысложизненные стратегии, включающие в себя ценностные ориентиры, мировоззренческие установки, стремление самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность.

Сложность состоит в том, что за последние десятилетия в обществе место подлинных ценностей заняли псевдоценности и псевдоидеалы, провозгласившие примат материального над духовным, когда «бал правят» деньги, а такие ценности, как жизнь, патриотизм, гражданственность, созидательный труд, крепкая семья, служение Отечеству, ответственность, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение, преемственность поколений, честь и достоинство, воспринимаются как анахронизмы. В связи с этим перед системой образования, в том числе и высшего, встает насущная задача - восполнить возникший духовный вакуум, создавая такие педагогические условия, в которых образование, просвещение и воспитание станут «тремя китами», на которых будет базироваться весь образовательный процесс, ориентированный не только на то, чтобы подготовить узкого специалиста-профессионала, но и личность, ответственную за свои решения, способную к созидательному труду и воспринимающую традиционные ценности как значимые как в личной жизни, так и в профессиональной деятельности.

Образовательная среда ВУЗа должна стать той самой средой, в которой происходит взаимодействие личности и общества, происходит приобщение к общемировым ценностям, формирование смысложизненных стратегий, позволяющих молодым людям найти «свое место в жизни». Именно в студенческом возрасте особенно интенсивно происходит формирование смыслов-мотивов, смыслов-целей, системы ценностей. Образовательная среда помогает ощутить связь субъективного мира обучающегося с объективным окружающим миром, на основе чего вырабатывается его отношение к нему. От того, какие именно смысловые стратегии использует студент при изучении того или иного учебного предмета, является ли этот предмет значимым для него, т.е. входит ли он в его систему смысложизненных ценностей, зависит эффективность образования в целом и усвоение данного предмета в частности.

Помощь в формировании смысложизненных ориентиров, нравственных установок в процессе образования отводится прежде всего дисциплинам социально-гуманитарного цикла. Необходимость адекватного реагирования на процессы, происходящие в последние годы и понимания их сущности в условиях современных вызовов (противостояние коллективного Запада России, усиление влияния западных ценностей и попытки вытеснения традиционных ценностей) требует в первую очередь от молодых людей проявления чувства гражданственности и патриотизма, любви к Отечеству, определения своих смысложизненных стратегий. Именно в студенческом возрасте происходит ценностное ориентирование, идентификация с групповыми ценностями, выделение и преобладание определённых ценностных ориентаций, закладывающих основу жизненной стратегии студента

Образовательная среда ВУЗа позволяет формировать смысложизненные стратегии у студентов в процессе аудиторной и внеаудиторной работы. Аудиторная работа

предполагает проведение лекций, в контекст которых внедряются воспитательные моменты, когда студент включаясь в процесс обсуждения актуальных вопросов сам стремится найти ответы на них, моделировать ситуации, исходя из своих мировоззренческих установок, жизненных ориентиров и ценностных ориентаций. Так в курсе изучения философии, основ российской государственности или истории преподаватель может на семинарских занятиях проводить интерактивные игры, связанные с решением задач различной степени сложности, требующих принятия ответственных решений, проявления коммуникативных навыков, культуры диалога. Целесообразно внедрять тематические циклы общения во время кураторских часов, причем тематика должна охватывать вопросы нравственного поведения, ценностных ориентаций с опорой на практику, вовлекая студентов в обсуждение, диспуты. Это способствует процессу самопознания и определения жизненных смыслов.

В процессе аудиторной и внеаудиторной работы по формированию смысложизненных ориентиров студенческой молодежи необходимо учитывать их особенности. В частности:

сегодня молодежь отличается активной жизненной позицией, проявляя заинтересованность в освоении окружающей среды, формируя деятельное отношение к происходящим в мире и в личной жизни событиям;

молодые люди стремятся к достижению личного успеха, желая самостоятельно принимать решения, быть независимыми, успешными, квалифицированными специалистами;

жизненные стратегии молодежи определяются и социально-экономическими условиями, влияющими на их мировоззрение, мировосприятие;

смысложизненные стратегии у студентов — это индивидуальная обобщённая система взглядов на цели, процесс и результат своей жизни. Они проявляются в отношении к себе, к другим людям и обществу в целом;

смысложизненные ориентации проявляются в целях, идеалах, убеждениях, интересах и других аспектах сознания студентов и направляют их поведение и развитие. Они помогают определять выбор жизненного пути, влияют на самоопределение, выделяя потенциал в настоящем и будущем, позволяют судить об осмысленности и насыщенности жизни [2].

Таким образом, смысложизненные стратегии молодежи, представляя собой устойчивую систему личностных смыслов индивида, способствуют формированию активности субъекта по отношению к окружающей действительности, к другим людям и самому себе, к цели и результатам деятельности. В процессе становления личности происходит образование смыслов, на основе которых «актуализируется стратегия формирования жизненных смыслов» [1].

Это обуславливает необходимость проведения лонгитюдных исследований ценностей молодежи с целью изучения динамики изменения ее ценностных ориентаций, глубокого изучения смысложизненных стратегий студентов «с учетом их познавательной направленности, уточнение ведущих составляющих смысложизненных стратегий студентов, которые влияют на их успешность овладения изучаемыми предметами» [2].

1. Абакумова И.В., Годунов М.В., Белова Е.В. Развитие представлений о смыслообразующих стратегиях личности в современном обществе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-predstavleniy-o-smysloobrazuyuschih-strategiyah-lichnosti-v-sovremennom-obschestve/viewer> (дата обращения: 02.10.2024 г.).
2. Крутелева Л.Ю. Смысложизненные стратегии современной молодежи //Северо-кавказский психологический вестник. №6/1.2008. С.18-21.

МОЛОДЕЖНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУКЕ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ БУДУЩЕГО

*Кобзарева Юлия Алексеевна
(Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина)*

Аннотация: В статье рассматривается одна из основных проблем современного научного мира – низкий процент молодежи, занимающейся научной деятельностью. Рассмотрены причины низкой скорости омоложения науки, рассмотрены способы мотивации студентов заниматься научной деятельностью, приведены результаты исследования, связанного с отсутствием желания студентов заниматься наукой на базе университетов.

Ключевые слова: студенческая наука, молодежный потенциал, мотивация, омоложение науки

Научный мир вузов России в настоящее время переживает период омоложения. Старение научного сообщества — явление объективное, но его влияние на динамику развития науки вызывает серьезные опасения. Молодые исследователи необходимы для поддержания жизнеспособности науки, однако, процесс омоложения происходит медленно и, несмотря на рост количества молодых ученых, их доля в общем составе научного сообщества остается относительно небольшой. Так, согласно докладу РАН за 2023 год, приводятся сведения о том, что доля молодых ученых в возрасте до 29 лет в России выросла за 23 года на 5,1 процента, но этой динамики недостаточно для "воспроизводства научных кадров" [1]. Можно заметить, что скорость возрастания доли ученых довольно низкая, и исходит она из ряда причин, основными из которых являются не только оплата научного труда, но и условия подготовки к научной работе и включения в молодежную науку [3]. Предложенные ранее причины прослеживаются и в рамках университетской науки. Молодежь остается недостаточно мотивированной в данной области – молодые люди не охотно участвуют в научных конференциях и не считают науку областью для проявления своего потенциала. Данную тенденцию можно рассмотреть и на примере Уральского федерального университета.

По результатам проведенного в 2024 г. разведывательного опросного исследования (N=120, студенты инженерно-технических, естественнонаучных и общественных направлений подготовки), было выявлено, что 70% опрошенных не занимается молодежной наукой по разным причинам: в основном из – за отсутствия времени из – за учебы или работы (в 40% и 30% случаев соответственно), а также из – за отсутствия мотивации (в 35% случаев). Также было выявлено, что для повышения мотивации студентам необходима активная и доступная организация научной работы на кафедрах (в 52% случаев), введение дополнительного материального поощрения за участие в научно-исследовательской работе (в 49% случаев), а также активизирование работы научного студенческого общества (в 41% случаев).

У значительной части студентов не выявлено мотивации к занятию научной деятельностью. Основной причиной этого является отсутствие поддержки, которое может проявляться в недостаточном количестве научных проектов, в которых они могут участвовать, или в отсутствии наставничества. Для студентов в науке, в особенности для тех, кто только делает свои первые шаги в научной деятельности, необходимы наставники, способные не только показать и рассказать теоретическую часть, владеть современными методами исследований и информационными технологиями, но и обладать личностными качествами: быть требовательным, но помогать с задачами, поддерживать научные

инициативы, замечать положительные результаты и мотивировать на дальнейшую деятельность. [2] Таким образом, развитие системы научного наставничества станет одним из главных элементов мотивации студентов к научной деятельности, что позволит в дальнейшем развивать научный потенциал через науку. Помимо наставничества также необходимо создавать интересные и актуальные научные проекты. При этом важно, чтобы научные проекты были связаны с реальными проблемами общества и имели практическое применение, так как это поможет студентам увидеть значимость своей работы.

Также весомым фактором отказа от научной деятельности является значительный недостаток времени из-за загруженности на работе или учебе у студентов. Первая группа студентов мотивирована на получение финансов для своей жизнедеятельности или же находит развитие своего потенциала через полученную должность, поэтому уделяет большое количество времени именно на данный вид деятельности, а не на научный. Для привлечения данной группы необходима финансовая составляющая: стипендии, гранты и финансирование для студентов, занимающихся научной деятельностью, могут существенно снизить финансовую нагрузку и позволить им сосредоточиться на исследованиях. Вторая группа часто перегружена учебной программой, которая требует значительных усилий и времени на подготовку к занятиям, выполнению курсовых работ и сдачу экзаменов. Для того, чтобы привлечь данную группу к занятию научной деятельностью необходимо провести интеграцию научной работы в учебный процесс, включить исследовательские проекты в учебные курсы, чтобы студенты могли быстрее погружаться в учебный процесс, тем самым снижая учебную нагрузку.

Еще одним моментом, требующим изучения, является организация молодежной науки на уровне институтов и факультетов. В большей части наука сосредоточена на кафедрах университетов, но единой системы на уровне институтов или не существует, или она плохо организована. Это может приводить к фрагментации исследований и недостаточной координации действий, в результате чего студенты могут не знать о существующих возможностях, а преподаватели могут не иметь информации о том, какие проекты ведутся в других кафедрах. Для того, чтобы решить данную проблему, необходимо развивать междисциплинарные проекты, которые объединяют студентов и преподавателей из разных кафедр, что поможет создать более целостную картину научной деятельности в вузе, в особенности это полезно для представителей гуманитарных наук. С переходом многих видов деятельности в цифровой формат существует необходимость реализации научной системы и в сети Интернет. Для этого необходимо создать онлайн-платформу, где студенты и преподаватели смогут делиться информацией о текущих проектах, мероприятиях и возможностях для участия в научной деятельности, что может значительно повысить уровень вовлеченности студентов.

Таким образом, чтобы обеспечить развитие молодежного потенциала через научную деятельность, необходимо постоянно поддерживать уровень мотивации молодежи, в зависимости от принадлежности к социальной группе (например, предоставление денежных выплат для работающей молодежи), что в дальнейшем способно привести к повышению скорости омоложения научных кадров и отсутствию кадрового голода.

1. Амбарова П. А., Шаброва Н. В. Представления студентов о научном наставнике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. Вып. 4. С. 391–408. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.403>.

2. Доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными / доклад подготовлен Информационно-аналитическим центром "Наука" РАН при участии Института проблем развития науки РАН. — Москва : РАН, 2023. — 331 с. : табл., цв. ил. : 24 см.; ISBN 978-5-907645-08-0.
3. Нархов Д.Ю. Ресурсный потенциал научно-исследовательских практик студентов вузов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023; Вып. 5 (86). 74-86. DOI: <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.86.5.008>

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ВИРУСНЫХ ВЫЗОВОВ 21 ВЕКА: КЕЙС ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА (COVID-19)

*Козлов Денис Юрьевич
(ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Россия, г. Екатеринбург)*

В современном цифровом обществе информация все больше оказывает воздействие на социальные процессы, в том числе в различных социальных группах. Во многом, информация становится тем системообразующим элементом, который оказывает деятельное воздействие на все общественные структуры [1, с. 278-279]. В этих условиях серьезно усиливается роль информационной культуры, как одного из элементов современной культуры личности, нацеленной на карьерный рост, социальный статус и конкурентоспособность. Информационное общество устанавливает новые требования к индивиду, как в личном, так и в профессиональном смысле, делая необходимым не только понимание информационных систем и происходящих в них процессах, но и ответственное, критическое отношение к информации в качестве одной из составляющих современного общества. Таким образом, информационная культура является значительным фактором, оказывающим влияние на любую профессиональную и личную деятельность, социальную адаптацию и защищенность в современном цифровом обществе [2, с. 57].

Наиболее важным является формирование информационной культуры в такой важной социальной группе, как студенчество, находящейся в процессе обретения личностных и профессиональных качеств [3; 4]. Модель обращения с информацией показывает уровень социальной ответственности личности, степень усвоения общественно-полезных норм поведения в различных сферах деятельности, способность к владению информацией для дальнейшего развития, отношения к информации как к ценности, способной приносить пользу [5].

Необходимость воспитания у молодежи информационной культуры наглядно показала ситуация, когда Россия, вслед за остальным миром, столкнулась с пандемией коронавируса (COVID-19). В этой связи, студенты, находящиеся в составе учебных, творческих, спортивных, музыкальных и иных коллективов оказались в одной из наиболее уязвимых групп риска и нуждались в осознанном правильном выборе поведения, которое позволит сохранить здоровье себе и окружающим, снизит риски заболевания коронавирусом. Особую роль в этом приобретало отношение к информации, которую студенты, как наиболее продвинутая в информационно-технологическом смысле часть населения, получали в первую очередь из источников сети Интернет: социальных сетей, форумов, пабликов, выступлений известных и популярных у студентов блогеров. Отсутствие критического отношения к полученной информации, наличие в сети Интернет откровенно недостоверного или вводящего в заблуждение контента, могли сформировать у части студентов пренебрежение к нормам безопасности, а в некоторых случаях даже к открытому пренебрежению введенными государством ограничениями.

Согласно исследованиям, наибольшее количество студентов (78%) узнали о наличии коронавирусной инфекции именно из информации социальных сетей, в первую очередь из информации «ВКонтакте» (84%) и «Фейсбука» (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ) (16%), что указывает на возможную вероятность распространения недостоверной или ошибочной информации. Наиболее часто информацию о коронавирусе из социальных медиа воспринимали студенты-юноши до 20 лет (79%), большая часть которых (64%) доверяют получаемым от ресурсов Интернет сообщениям. Студентки схожего возраста демонстрируют практически такую же картину:

2/3 девушек также получали информацию о коронавирусе из различных электронных средств информации, около половины доверяют получаемым сведениям, следуют рекомендациям и советам. Студенты старших курсов пользуются информацией из социальных сетей реже (60%), также меньше уровень доверия источникам сети Интернет (57%). Кроме того, около половины студентов пользовались информацией о коронавирусе, распространяемой родственниками и знакомыми (48%), которая представлялась им наиболее достоверной. Официальную информацию государственных органов и медицинских структур в средствах массовой информации принимали во внимание 48% студентов (при доверии около 50%), при этом девушки чаще относились к ней с доверием (52%), чем юноши (38%). В сети Интернет информацию на официальных сайтах о коронавирусной инфекции изучали около половины студентов (45%), которые считают ее заслуживающей доверия (21% полностью доверяют, 54% скорее доверяют) [6].

В процессе распространения коронавируса, основываясь на полученной информации, студенты придерживались двух мнений: первые – те, кто испытывал чувство беспокойства и тревожности за свое самочувствие и состояние своих родных, близких, друзей, чувствовал себя некомфортно из-за введенной самоизоляции и дистанционного обучения, негативно воспринимал изменение налаженного ритма жизни, отсутствие привычных развлечений (80%); вторые – те, у кого никаких переживаний относительно коронавируса не было (20%). Кроме того, широкое распространение инфекции, несомненно, заставило многих студентов находиться в серьезной стрессовой обстановке, что негативно влияет на социально-психологическое состояние и поведенческие особенности молодых людей. Стресс, вызванный распространением коронавируса, повлиял на снижение интереса к образованию (69,5%), что обуславливалось проблемами в дистанционном обучении, концентрации внимания, ростом утомляемости и другими симптомами.

После создания вакцин, предназначенных для предотвращения заражения коронавирусом (или минимизации последствий заражения), 66% студентов подошли ответственно и сделали прививку [7].

Однако, в силу недостаточно развитой информационной культуры и не критического отношения к полученным в социальных сетях сведениям, только 26% студентов считали коронавирусную инфекцию крайне опасной, 54% – отзывались о ней, как об обычном сезонном заболевании, а 20 % вообще не считали ее опасной [8]. Более того, принимая во внимание сознательное пренебрежение частью студенчества средствами индивидуальной защиты, у некоторых возникали психологические проблемы, основанные на искажении информации и выражающиеся в игнорировании тревожных переживаний, попытках заглушить тревогу и страх смерти. Подобное отношение говорит о том, что, опираясь на полученную в сети Интернет информацию, студенты часто недооценивали серьезность создавшейся ситуации, своими действиями повышая риск распространения пандемии вследствие недостаточной приверженности мерам предосторожности. Довольно большая часть студентов (46%), исходя из полученной ими информации, считали, что проблемы, вызванные пандемией, сознательно преувеличиваются, подвергаясь политической манипуляции. А 34% студентов прививки не делали и не собирались делать, в первую очередь основываясь на полученной в Интернете недостоверной информации [9].

Таким образом, в современном цифровом обществе информационная культура приобретает, несомненно, важное значение в условиях различных вирусных вызовов. Особенно это относится к студентам, учитывая специфику этой социальной группы, увлеченность новыми информационными технологиями, массовым получением информации из сети Интернет, пользующейся у молодых людей гораздо большей

популярностью, нежели информация из официальных источников. В этой связи, считаем необходимым расширение информированности студентов о необходимости критического отбора и проверки поступающей из различных информационных источников сети Интернет информации, в том числе проверки на полноту и достоверность, методах определения фейковой информации, негативных вбросов и отделения информационного шума от подлинно достоверной информации. Ведь зачастую ценность информации, как в личностном, так и в социальном отношении, воспринимается студентами крайне ограниченно, что потенциально опасно как для каждого отдельного молодого индивида, так и для всего общества в целом.

1. Киричек П.Н. О социальном феномене «информационная культура» / П.Н. Киричек // *Записки Горного института*. – 2011. – Т. 193. – С. 277–280. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sotsialnom-fenomene-informatsionnaya-kultura> (дата обращения: 01.09.2024).
2. Гендина Н.И. Концепция формирования информационной культуры личности: опыт разработки и реализации / Н.И. Гендина // *Библиосфера*. – 2005. – № 1. С. 55–62. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=8822394> (дата обращения: 08.09.2024).
3. Ларских З.П. Формирование информационной культуры студентов в ходе изучения дисциплины по выбору «Информационная культура личности» / З.П. Ларских // *Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: Материалы научно-практической конференции, Севастополь, 08–09 сентября 2016 года / ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; под ред. Е.А. Барминой, О.А. Москаленко. – Севастополь: ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», 2016. – С. 101–106. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26628059> (дата обращения: 09.09.2024).*
4. Аккуратов Е.Г. Сетевая идентичность в культуре современного информационного общества / Е.Г. Аккуратов // *Заметки ученого*. – 2020. – № 2. – С. 57–60. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43861693> (дата обращения: 08.09.2024).
5. Пурнычева Г.М. Осмысление феномена информационной культуры / Г.М. Пурнычева, Н.М. Баданова. – DOI 10.24158/fik.2017.7.2 // *Общество: философия, история, культура*. – 2017. – № 7. – С. 13–17. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29759998> (дата обращения: 10.09.2024).
6. Студенты в период пандемии COVID 19: понимание ситуации самоизоляции / Е. А. Сорокоумова, Е. И. Чердымова, Е. Б. Пучкова, Л. В. Темнова // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. – 2020. – № 3. – С. 196–205.
7. Меренков А.В. Трансформация телесности студентов вузов в условиях самоизоляции. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020; 75 (7):14-17. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2020.7.1> (дата обращения: 08.09.2024).
8. Информированность студентов медицинского вуза по вопросам профилактики новой коронавирусной инфекции // *Вестник Ивановской медицинской академии* – Т. 25. – № 3–4, 2020.
9. Кузнецова, Н. А. Отношение студентов к распространению коронавирусной инфекции / Н. А. Кузнецова, Е. В. Лаптева // *Молодой ученый*. – 2022. – № 25 (420). – С. 216–218. – URL: <https://moluch.ru/archive/420/93517/> (дата обращения: 02.10.2024).

ВЛИЯНИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К СВО НА ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

*Костенко Валерий Валерьевич
(ФГКВОУ ВО «Академия ФСО России»)*

*Баранова Галина Васильевна
(ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С.
Тургенева»)*

События, происходящие в современном мире, главным из которых является очередной виток агрессии стран мира Запад по отношению к России, вызвавший необходимость осуществления специальной военной операции (СВО) на Украине, являются факторами, которые оказывают прямое воздействие на внутреннюю ситуацию в нашей стране, определяют как геополитические, так психологические и морально-нравственные последствия происходящего. Особенно, данные события влияют на молодежь: основная часть молодых людей высказала поддержку руководству России, наглядно демонстрируя уровень патриотизма и любви к Родине, однако, достаточно большое количество сочли предпринятые действия неправильными. Подобное расслоение молодежи вызвано объективными причинами: с одной стороны, множество молодых людей непосредственно вовлечено в боевые действия – являются военнослужащими, участвуют в работе различных волонтерских организаций, оказывающих помощь как в зоне боевых действия, так и родным, близким участникам СВО и мирным гражданам пострадавших регионов; с другой стороны, у части членов молодежного социума боевые действия на территории бывшей братской республики вызвали достаточно ожидаемую реакцию – после начала СВО, и особенно после объявления частичной мобилизации в сентябре 2022 года, массово проявилось желание покинуть территорию страны и выехать на жительство в другие страны [1].

Российские социологические службы в своих исследованиях фиксируют динамическое распределение уровня поддержки СВО в обществе: согласно данным Левада-Центра (внесен в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента) за 2022-2023 гг., минимум поддержки СВО был зафиксирован в феврале 2022 года (65-68%), максимум – в марте 2022 года (76-80%). В последующем, доля поддержки СВО (по данным Левада-Центра) стабилизировалась на уровне 71-77%, что подтверждается данными ВЦИОМ за февраль 2023 года – 77%. В тоже время, по данным Левада-Центра, максимум противников СВО фиксировался в феврале 2022 года (23-25% от всего населения страны), минимум – в марте 2022 года (14-15%).

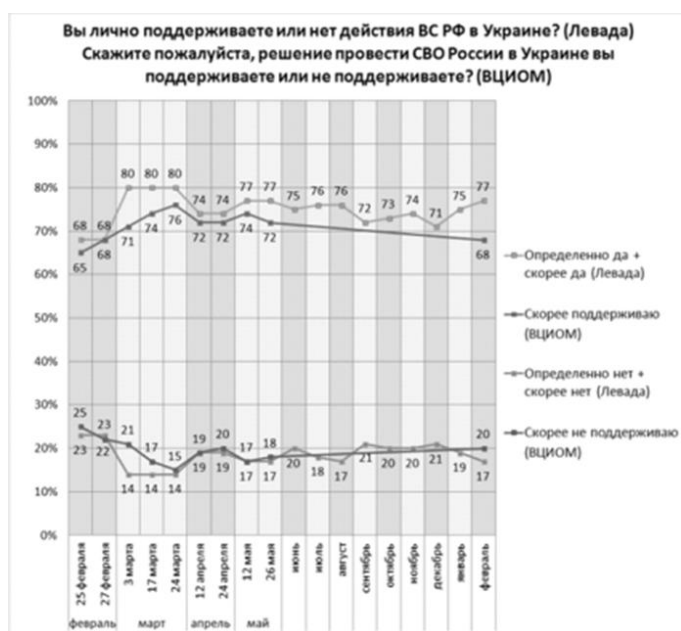

Рис.1 Динамика поддержки СВО в 2022-2023 гг. согласно данным Левада-Центра и ВЦИОМ

Продолжение исследований показало стабилизацию уровня противников СВО на 17-21 % (Левада-Центра) и 20% (ВЦИОМ) [2,3].

Данные Левада-Центра и ВЦИОМ коррелируют с исследованиями центра «Царьград». По его данным, 55% опрошенных граждан страны считают правильным вхождение в состав России четырех новых регионов. В то же время, 35% высказались отрицательно. Среди тех, кто высказался отрицательно, 33% считают необходимым достижение мира даже путем уступки исконно русских территорий. Они же отрицали любую помощь СВО и заявляли о том, что никогда не собираются этого делать [4].

Отдельный интерес вызывает отношение к СВО среди различных возрастных групп. Исследования Левада-Центра показывают, что о поддержке СВО заявляет большинство среди всех возрастных групп. В то же время, среди молодых граждан негативного отношения к СВО больше, чем у остальных. К примеру, среди возрастной группы 18-24 года несогласным с СВО считают себя почти каждый третий [5].

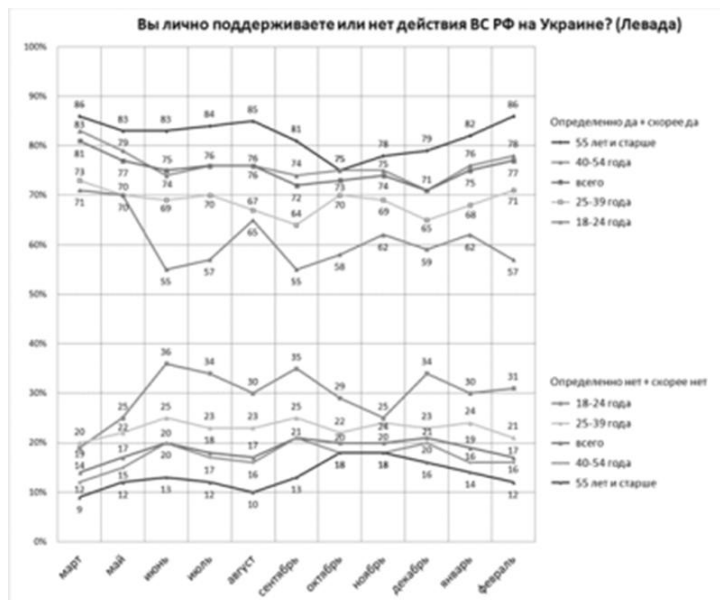

Рис. 2. Распределение поддержки СВО в возрастных группах согласно данным Левада-Центра

Показательными являются ответы на вопросы в рамках опроса Левада-Центра от августа 2022 года.

Вопрос	Возрастные группы 40-54 года, 55 и старше	Возрастные группы 18-24 года, 25-39 лет
Следите ли Вы за ситуацией вокруг Украины?	35-36% пристально следят	43-48% следят без особого внимания
Вас беспокоят текущие события на Украине?	36-55% серьезно беспокоят	14-23% серьезно беспокоят
Вы лично поддерживаете или нет действия российских вооруженных сил на Украине?	45-60% положительно	31-33% положительно
Как Вы считаете, сейчас следует продолжать военные действия или начать мирные переговоры?	53-55% необходимо продолжать военные действия	37-40% необходимо продолжать военные действия

Рис. 3. Ответы на вопросы Левада-Центра в возрастных группах

При этом, среди молодежи доля высказывающихся за мирные переговоры составляет 54% [6].

В чем причина подобного отношения к СВО, распространившееся среди части российской молодежи? Во многом, это связано с произошедшей в конце XX века серьезной геополитической катастрофой – ликвидацией СССР. Данные события вызвали крайне негативные последствия: была разрушена советская система образования, упразднена система воспитания молодежи, ликвидированы прежние морально-нравственные нормы и правила, исчезла советская идеология служения и созидания. Образовавшуюся пустоту масштабно заполнила западная идеология безмерного потребления, чуждые ценности и культурные стереотипы, которые транслировали иностранные средства массовой информации и различные масс-медиа. Данный процесс вызвал у части молодежи исчезновение традиционных для нашего общества ценностных ориентаций, девальвацию понятий патриотизма, морали, нравственности, замененные культом беззащитной наживы. Подобным молодым людям трудно понять, с какой целью России необходимо переживать санкции, различные проблемы в экономике и социальной сфере, жертвовать налаженной и спокойной жизнью. Это является одной из причин сдержанных оценок СВО среди части российской молодежи.

Кроме того, использование молодежью информации о происходящих в зоне СВО событиях из социальных сетей и других источников сети Интернет, также часто вызывает негативную реакцию. Недостаток личного жизненного опыта, отсутствие критического отношения к информации, получаемой из мессенджеров, пабликов и высказываний авторитетных у молодежи медийных личностей, зачастую приводит к уязвимости перед недостоверными сведениями и манипуляциями, создаваемыми различными враждебными иностранными структурами (например украинским Центром информационно-психологических операций (ЦИПсО)). Принимая на веру недостоверную информацию, некоторые молодежные группы оказываются жертвами ложных интерпретаций происходящих событий, ошибочных трактовок и преднамеренных фейков, что также формирует негативное отношение части молодых граждан нашей страны к СВО.

Таким образом, представленные материалы позволяют сделать следующие выводы. Социологические исследования подтверждают, что большинство молодежи нашей страны поддерживает СВО. В тоже время, сравнение показателей по различным возрастным группам показывает, что отношение молодежи к происходящим событиям более критическое и сдержанное, чем у представителей старшего поколения. В числе молодежи больше тех, кто не следит за происходящим на Украине, не полагает это вызывающим беспокойство, не поддерживает действия российских вооруженных сил и выступает за мирные переговоры. Подобная ситуация вызвана как последствиями проблем в образовании и воспитании подрастающего поколения, длительного периода преклонения перед миром Запада, его ценностями и морально-нравственными установками, внедрения в общество культа наживы и потребительства любой ценой, так и подверженностью части молодежи идеологическим и информационным атакам, осуществляемым противниками России. С одной стороны СВО вызывает возрождение патриотизма и любви к Родине, с другой – показывает уязвимость части молодежи перед различными информационными атаками, акциями, вбросами, предпринимаемыми противниками нашей страны.

1. *Три тенденции: как СВО и релокация меняют демографию.* URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/29/01/2023/63ce99cc9a794787b4a2e9de?ysclid=m1hso8eue5128228670
2. *Исследования ВЦИОМ.* URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-monitoring>
<https://t.me/eisragenda/1815>
3. *Исследования Левада-центра.* URL: <https://www.levada.ru/2023/03/02/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-fevralya-2023-goda/> <https://www.levada.ru/tag/ukraina/>
4. *Исследование института «Царьград».* URL: https://tsargrad.tv/articles/narod-protiv-pohabnogo-mira-i-gotov-idi-na-kiev-mira-ne-prostit-dannye-nezavisimogo-socoproza_720453
5. *Исследования Левада-центра.* URL: <https://www.levada.ru/tag/ukraina/>
6. *Исследования Левада-центра.* URL: <https://www.levada.ru/2022/09/01/konflikt-s-ukrainoj-avgust-2022-goda>

«ЯЗЫК ВРАЖДЫ» В МОЛОДЁЖНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ: ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Кузьмин Александр Геннадьевич

(Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина)

Аннотация. В статье представлено определение понятия «языка вражды» в контексте коммуникационных практик молодежи. Рассмотрены основные причины и формы проявления данного феномена в молодежной среде. Особое внимание уделено анализу сфере Интернет, как основной площадке «языка вражды», имеющему огромное влияние в молодежной среде в деле распространения ксенофобных угроз и негативных стереотипов.

Ключевые слова - «язык вражды», мировоззрение, ксенофобия, коммуникация, речевая агрессия, деструктивная Интернет-среда, стереотипы, дискурс вражды.

«Язык вражды» («hate speech») — деструктивное явление, направленное на дестабилизацию общества. Данный феномен получил широкое распространение в связи с процессом глобализации СМИ. Поэтому в современной науке это явление вполне логично рассматривать в междисциплинарной сфере (на стыке политологии, международных отношений, лингвистики, культурологии, психологии, социологии). Изучение «hate speech» помогает отслеживать взаимоотношения между социальными группами, выявлять причины изменений и разрабатывать методы коррекции. В настоящее время возросший интерес исследователей к данному явлению обусловлен тем, что использование «языка вражды» несет в себе значительную социальную опасность, так как может быть формой проявления того или иного вида дискриминации или нетерпимости: расизма, ксенофобии, сексизма, межнациональной вражды и пр.

Важно контролировать этот феномен в молодежной среде, где он формируется и проявляется наиболее открыто. Сегодня, в условиях огромного информационного потока, наиболее уязвимой категорией является молодежь. Ввиду своей социальной неопытности, несформированности культурно-нравственной позиции и критического мышления, молодые люди быстро принимают популярные, но общественно-опасные стили поведения и социального взаимодействия, и используют их в процессе коммуникации. Это, в свою очередь, оказывает огромное влияние не только на межличностное взаимодействие, но и на существование в группе. Агрессия, враждебность, нетерпимость, являющиеся составной частью «языка вражды», деструктивно влияют на социальные отношения, разрушают связи и негативно отражаются не только на психологическом состоянии участников группы, но и на системе общества в целом: под влиянием феномена «языка вражды» разрушаются и искажаются культурные ценности, формируются негативные мировоззренческие установки; молодежь принимает за норму формы взаимодействия, направленные на унижение и исключение человека из группы.

Отдельным пространством для популяризации культуры ненависти в настоящее время выступает Интернет, приравненный к средствам массовой информации в статьях 280 и 282 Уголовного кодекса РФ, ключевыми характеристиками которого является условная анонимность, дистантность, опосредованность, доступность и интерактивность, размывание норм поведения и морали, стремление к ненормативному поведению и многое другое. Основной причиной широкого распространения с сети интернет «языка вражды» является невозможность поддержания достаточного уровня контроля потоков информации и реакции на нее пользователей. Интернет-пространство – благоприятная среда для

быстрого, вирусоподобного распространения деструктивной информации и соответствующего этой информации отклика пользователей [1, 83].

Огромный неконтролируемый информационный поток приводит к тому, что молодые люди, еще не владеющие критическим мышлением, принимают за норму все, что наиболее распространено в массовой культуре, в настоящее время направленной на развлечения и отдых. Отсутствие смысловой нагрузки и продвижение типичных, утрированных идеалов приводит к тому, что истинные этические ценности и нормы стираются.

Таким образом, основной причиной распространения «языка вражды» в молодежной среде и активного применения его лексики в коммуникациях молодежи выступает общая популяризация агрессивного поведения в связи с искажением и смещением установленных ранее культурных норм. Это приводит к тому, что агрессия воспринимается не как резко отрицательное общественное явление, а как нормальная поведенческая реакция на раздражители и приемлемая стратегия поведения в обществе, эффективный и относительно надежный способ добиться общественного признания и уважения, самоутвердиться.

В научном сообществе нет единого определения понятия «языка вражды». Это понятие включает в себя различные сферы и направления. Одна из актуальных формулировок утверждает, что «язык вражды» — это слова и выражения, программирующие людей на агрессию и выражающие ненависть к «иному», непривычному и отличному от стереотипов социальных и культурных общностей [3, 172]. Также в современной российской науке есть мнение, что «языком вражды» может быть любая форма выражения, расценивающаяся как оскорбительная для расовых, этнических и религиозных групп и других выделяемых (discrete) меньшинств или женщин» [2, 4].

Проявление «языка вражды» можно классифицировать по разным критериям: степень проявления, явность/латентность, причины и следствия, характеристики социальных групп, социальная среда. Формы проявления «языка вражды» связаны с причинами и включают множество пунктов. Немалую роль играют стереотипы и сложившиеся установки, разделяющие людей на «норму» и «отклонение».

В межличностных отношениях причины агрессии и неприязни могут возникать со стороны агрессора, жертвы и третьей стороны (общества). На межгрупповом уровне добавляются новые причины. На межличностном уровне «язык вражды» проявляется более явно, чем на межгрупповом. Цель «языка вражды» — выразить негатив и неприятие в адрес человека, группы или общества. Для этого используются разные методы, от оскорблений до физического насилия. Игнорирование тоже может быть способом давления на жертву.

«Язык вражды» выражается через речь и иногда физические действия. Границы между оскорбительными и нейтральными выражениями размыты, так как слова меняют своё значение со временем. То, что было нейтральным, становится обидным, и наоборот. Это приводит к конфликтам восприятия, особенно среди молодёжи. Необходимо подчеркнуть достаточно широкую сферу использования и распространения «языка вражды». «Язык вражды» используется во всех дискурсивных сферах — в профессиональных, в официальных, а также в бытовых.

Для более подробного изучения проявления «языка вражды» в коммуникации было весной 2024 г. проведено анкетирование среди молодежи (50 человек) в возрасте от 15 до 35 лет, с учётом возрастных характеристик. Анализ данных показал, что 63% респондентов чаще всего сталкивались с проявлением «языка вражды» в школе и 65,9% - в интернет-пространстве. При этом, в 74 % случаев «язык вражды» применялся в процессе конфликта и становился ответом на агрессию, и лишь 40% респондентов стали свидетелями агрессии в адрес другого человека «без видимой причины». Это свидетельствует о том, что сама по

себе агрессия в большинстве случаев используется в случае нежелания/невозможности конструктивного разрешения спора, из-за чего самым эффективным способом донесения до оппонента своей позиции становится подавление. Другим вариантом является применение «языка вражды» в качестве защиты, проявляющейся в нейтрализации оппонента ответной агрессией, в том числе для того, чтобы исключить возможность повторения ситуации, при которой снова нужно будет защищаться. Таким образом, «язык вражды» зачастую применяется не потому, что агрессор действительно считает, что оппонент – «лишний» в обществе по определенным критериям, а потому, что анализировать и искать оптимальный выход из конфликта сложнее, а травля выглядит наиболее результативным способом. При этом реальных дискриминационных убеждений в адрес «жертвы» может и не быть.

В целом, именно для практики коммуникаций молодежи старшего школьного возраста характерны примеры явной враждебности. Более старшие возрастные группы при столкновении с «языком вражды» отмечают, что проявление его скрыто и часто неоднозначно.

При этом необходимо отметить, что самой распространенной площадкой для «hate speech» остается интернет-пространство ввиду своей относительной «безопасности», где пользователи не ограничены в использовании агрессии и дискриминации, а санкции почти не имеют эффекта. Доступность любой информации, безнаказанность, открытое проявление агрессии и анонимность способствуют распространению «языка вражды» среди молодежи. Причиной этому служит то, что агрессия и враждебность в молодежной среде получают все большее распространение, и их случаи уже не считаются отклонением от современных норм общественных коммуникаций, например, в Интернете. Причинами применения «языка вражды» в коммуникациях молодежи служит широкий набор критериев, которые могут отличать человека от агрессора.

Таким образом, «язык вражды» — это требующее изучения многофакторное явление. Оно проявляется в разных конфигурациях и масштабах, и причины его возникновения часто не обязательно зависят от внешних факторов, а исходят из воспитания, установок и миропонимания отдельной личности.

1. Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя // Lex Russica. 2021. № 6 (175). С. 83.

2. Гладиллин А. В. «Язык вражды» как коммуникация // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 11. С 4.

3. Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. М.: Форум, 2012. 400 с.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА СТУДЕНТОВ НА УВЛЕЧЁННОСТЬ ЭЗОТЕРИКОЙ

*Куковкина Диана Александровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Эзотерика — это совокупность знаний и сведений, а также особых способов восприятия реальности, которые имеют тайное содержание и выражение в «психодуховных практиках» [5, 7]. Несмотря на предполагаемую таинственность, в условиях современного мира эзотерика становится массовым явлением, распространяемым через различные каналы связи, в том числе через социальные сети.

В последнее десятилетие наблюдается быстрый рост интереса к эзотерическим практикам и сверхъестественному. Рост подобной увлечённости произошёл в первые месяцы пандемии. После февраля 2020 года 140 тысяч человек искали информацию о том, как научиться читать гороскопы, а изучение любовных заклинаний было первым в списке для 55 тысяч. В России, в частности, также заметен рост заинтересованности эзотерикой. Согласно Яндекс Вордстат всего за месяц с 10.04.2024 по 10.05.2024 в поисковике Яндекса было сделано 4 445 294 запроса, содержащих «таро», 1 190 453 запросов со словосочетанием «натальная карта» и 1 233 477 запросов, посвящённых матрице судьбы.

По данным статистики с сайта Wildberries продажи карт Таро выросли с 506 штук в неделю в 2020-ом до 46 тысяч штук за неделю в 2023-ем. Выручка от их продажи за эти три года увеличилась с 479,4 тысяч рублей до 38 миллионов 136 тысяч рублей за неделю. За второй квартал 2023-го маркетплейс заработал на продажах колод Таро 248 миллионов 787,3 тысяч рублей.

Эзотерическими практиками интересуются и студенты, однако малоизвестно, почему в академической среде с одинаковыми содержаниями образовательных курсов одни студенты верят и увлекаются сверхъестественным, когда другие относятся к этому скептически, и может ли культурный капитал влиять на это. Изучение приведённой проблемы позволит понять, как различные аспекты культурного капитала коррелируют с привлекательностью эзотерических практик. Также результаты такого исследования могут быть полезны для педагогов, психологов и социальных работников, которые стремятся лучше понять и поддержать студентов в их духовном и культурном развитии.

Объектом исследования являются студенты бакалавриата высших учебных заведений города Санкт-Петербург. Предмет исследования - отношение студентов к эзотерике. Целью исследования было выяснить, как культурный капитал студентов может влиять на их склонность к вере и увлечённостью эзотерикой и эзотерическими практиками.

В качестве методов сбора данных были выбраны опрос и полуструктурированное интервью.

За основу исследования взята теория культурного капитала Пьера Бурдьё, описанная в его работе «Формы капитала». Согласно Бурдьё, культурный капитал предстает в трех состояниях [4, 60]:

Инкорпорированное. Самостоятельное приобретение знаний и навыков.

Объективированное. Это воплощение культуры в физических объектах.

Институционализированное. Официальное признание человека в форме регалий академического мира.

Эта теория была использована при составлении анкеты и гайда и кодировании интервью. Также была изучена работа о теории снобизма и всеядности и работа Георга Зиммеля о тайне и тайных обществах.

В социологических работах эзотерика рассматривается как форма социального протеста против ценностей рационалистического, индустриального общества и его технократического этоса. В статье Эдварда Тирикьяна «К социологии эзотерической культуры» обсуждается, как оккультное возрождение понимается в рамках социологии как неосакральное течение, которое противостоит утверждению о том, что секуляризация неизбежно сопровождает модернизацию [7, 251].

Об эзотерической культуре как социальной организации в данном исследовании говорится в контексте тайного общества и сакрального знания. Мы рассмотрели ее через призму внутреннего знания, о котором говорит Георг Зиммель. Эзотерику роднит с тайными обществами учения, которые доступны только ограниченному кругу "посвящённых" и скрыты от общественного взгляда, инициации и ритуалы, которые доступны только членам группы, а также создание социальной группы и поддержание её внутренней структуры.

Для исследования были рассмотрены подходы к эзотерике с точки зрения состояний культурного капитала. Так как инкорпорированный культурный капитал относится к личным навыкам, знаниям, вкусам и образованию, которые человек приобретает через социализацию и жизненный опыт, то эзотерические практики и знания, передаваемые через личный опыт, обучение и инициации, являются примером инкорпорированного культурного капитала.

Объективированный культурный капитал в контексте эзотерики включает в себя физические объекты, которые являются носителями культурных значений и знаний. Объективированный культурный капитал в эзотерике служит мостом между физическим и метафизическим, позволяя практикующим взаимодействовать с духовными идеями через материальные предметы.

Институционализированный культурный капитал в контексте эзотерики относится к официально признанным и учреждённым формам знания, образования и культурной деятельности, которые придают легитимность и авторитет эзотерическим практикам и учениям.

Эмпирическая часть работы состоит из двух исследований: количественного и качественного. Для количественного исследования была составлена анкета-опрос. В анкету входит три блока: «общий», «культурный капитал» и «эзотерика». В опросе участвовали студенты бакалаврских программ Санкт-Петербургских высших учебных заведений (СПбГУ и НИУ ВШЭ) в возрасте от 18 до 24 лет, всего 50 человек.

Для анализа полученных данных был использован метод логистической регрессии. Культурный капитал выступал в качестве независимой переменной X. Зависимая Y выступила в виде степени увлечённости эзотерикой. После интерпретации коэффициента в полученных данных мы пришли к выводу, что чем выше был культурный капитал респондента, тем ниже вероятность его увлечённости эзотерикой.

Далее был составлен гайд для полуструктурированного интервью. Оно также состояло из блоков «биографические данные», «культурный капитал» и «эзотерика». В интервью участвовало 10 студентов в возрасте от 20 до 25 лет, которые на данный момент обучаются в бакалавриате Санкт-Петербургских высших учебных заведений. В качестве методологии был выбран метод обоснованной теории. Сначала мы составили кодирование полученных данных, а затем на основе кодирования уже делались выводы. По итогам качественного исследования результаты количественного анализа подтвердились: студенты с более высоким культурным капиталом действительно меньше склонны к увлечению эзотерикой и эзотерическими практиками.

На основе полученных данных и прочитанной теоретической литературы мы сделали выводы о причинах:

Люди с высоким культурным капиталом больше склонны к недоверию ко всему, что не является «научнообоснованным». Они не доверяют эзотерике, так как она связана с мистикой, оккультными практиками и необычными верованиями, не обладает научной обоснованностью и может противоречить их логике и рациональному мышлению. Студенты предпочитают факты, доказательства и логику, поэтому эзотерика может казаться им неубедительной или несерьёзной, находиться в маргинальном положении.

Что касается студентов с низким культурным капиталом, то полученные данные привели нас к следующим выводам:

Информантов объединяет низкий, по сравнению с участниками с высоким культурным капиталом, уровень начитанности и разнообразия прочитанной литературы. Люди с низкой начитанностью испытывают потребность в духовном удовлетворении, особенно если им не хватает религиозного или философского образования. Эзотерические учения могут обещать им духовное развитие и понимание мира. При сниженном культурном капитале у индивидов уменьшаются возможности для социального взаимодействия и участия в общественной жизни, так как степень широты их кругозора меньше, а пропуски в круги людей с высоким культурным капиталом отсутствуют. Это может привести к изоляции и ухудшению самооощения. Эзотерика - доступное знание, не требующее высоких умственных и материальных затрат, и включающее множество последователей. Изучение эзотерики позволяет восполнить социальный пробел и легко включиться в круги практикующих без необходимости иметь объективированный или институционализированный культурный капитал.

1. *Interest in 'The Occult' Booms During Lockdown // Brandwatch URL: <https://www.brandwatch.com/blog/react-covid-19-occult/> (дата обращения: 10.05.2024).*
2. *Peterson, Richard A. and Roger M. Kern. Changing Highbrow Taste: From Snob to Omnivore // American Sociological Association. - 1996. - №5. - С. 900-907.*
3. *Simmel G. The Sociology of Secrecy and of Secret Societies // American Journal of Sociology. - 1906. - №4. - С. 441-498.*
4. *Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.*
5. *Пахомов С. В. К вопросу о демаркации понятия «Эзотеризм» // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия: Сб. материалов Первой международной научной конференции (Киев, 2007) / Под. ред. С. В. Пахомова, Ю. Ю.*
6. *Статистика продаж карт Таро на Вайлдберриз 2020-2023: анализ трендов и перспектив // Таро Онлайн URL: <https://taro101.online/stats/taro-card-sales-trend/> (дата обращения: 10.05.2024).*
7. *Тирикьян Э.А. К социологии эзотерической культуры // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. - 2013. - №4. - С. 247-275.*

ЧТО ВЫБИРАЕТ МОЛОДЕЖЬ: РОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ ИЛИ ОБРАЗОВАНИЕ И КАРЬЕРУ?

*Кулешов Сергей Михайлович
(ФГОБУ ВО "Финансовый университет при Правительстве РФ")*

*Осадца Ксения Алексеевна
(ФГОБУ ВО "Финансовый университет при Правительстве РФ")*

Аннотация. В научной статье анализируются результаты социологического исследования приоритетов молодежи в сфере демографии в современных условиях. Желание молодежи иметь детей сталкивается с определенными трудностями его реализации. Описываются реальные мотивации молодежи в отношении создания семьи и деторождения, приводятся результаты исследования, проведенного в 2023-2024 годах среди студентов Финансового университета при Правительстве РФ.

Ключевые слова: демографическая политика РФ, отношение молодежи к деторождению, исследование репродуктивного поведения.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние годы демографическая политика Российской Федерации стала одним из приоритетных направлений государственной деятельности. Поддержка детей, семей, а также сохранение российского народа на сегодняшний день представляют собой целую систему формирования позитивного отношения в обществе к многодетности и представлению о том, что дети являются главной ценностью страны. Высокий уровень вовлеченности государства в демографическую политику вызван тем, что демографическая динамика показывает негативную тенденцию, снижение уровня рождаемости и увеличение процента смертности среди граждан страны.

Проблема исследуемого вопроса выражена в том, что несмотря на свое желание иметь детей, молодежь сталкивается с определенными трудностями реализации своего желания – сюда можно отнести недостаточный уровень материального обеспечения, экономическую нестабильность в стране, отсутствие иных условия для рождения и воспитания ребенка. С другой стороны, молодежь сталкивается с давлением со стороны близкого окружения и общества в целом по вопросу рождения детей несмотря на то, что люди в молодежной среде могут иметь иные жизненные приоритеты или просто не готовы к созданию семьи в данный момент.

Исследование может помочь выявить реальные мотивации молодежи в отношении создания семьи и деторождения, что может в дальнейшем помочь положительно повлиять на внесение изменений и создание новых льгот для молодых семей.

В современном российском обществе институт семьи переживает кризис. Это проявляется в нарушении баланса внутри семьи, разрушении связей между её членами и изменении системы ценностей. Эти тенденции были отмечены в исследованиях А. И. Антонова. Он также указывает на то, что всеобщая индивидуализация жизни приводит к конфликту между личными потребностями и общественными ожиданиями. Этот конфликт часто маскируется под призыв к развитию самосознания и повышению социальной ответственности. Мартышенко С. Н. считает, что отказ от традиционных семейных ценностей, приоритет карьеры и саморазвития, а также снижение значимости института семьи среди молодёжи — это важные проблемы современных репродуктивных установок [4, 50]. В качестве основных факторов, влияющих на отношение к деторождению среди студенческой молодежи, авторы выделяют:

инфантильность современного поколения, выраженное в желании прожить собственную жизнь с удовольствием;

страх ответственности за ребенка и семью;

желание достичь определенного уровня материального благополучия вследствие страха неопределенности;

изменение сексуальной культуры современной молодежи, общественное принятие добрачной сексуальности и др.

В своих исследованиях Марар О. И. и Коваль Л. В. подчёркивают важность государственной работы над формированием репродуктивных установок и моделей поведения современной российской молодёжи [2]. Авторы отмечают, что за последние пять лет суммарный коэффициент рождаемости в стране снизился на 10%, что вызывает опасения и создаёт проблемы в области воспроизводства населения. Исследование отношения к деторождению среди молодёжи проводилось среди студентов младших курсов трёх воронежских университетов.

При анализе данных, полученных в ходе исследования, авторами были выделены следующие факторы, влияющие на отношение к рождению первого ребенка в студенческой среде:

экономические факторы – важность стабильного дохода, наличия собственного жилья;

социальные факторы – карьерный рост, наличие помощи родителей.

Стоит также отметить, что в отношении рождения второго ребенка возросла значимость наличия собственного дохода, также возрос уровень значимости карьерного успеха. «Однако, в целом, наиболее важным фактором в реализации установки на детность является экономический фактор. Создать экономические условия для повышения рождаемости — это одна из задач государства» [2].

Результаты исследования, проведенного в г. Белгороде на выявление репродуктивных установок молодежи в данном городе, отражают следующие факторы, способные повлиять на отношение к деторождению в молодежной среде:

материальное положение семьи;

наличие собственного жилья;

обстановка в семье;

здоровье супруги/супруга;

успешная карьера.

Анализ исследования Базовкиной А. А. отражает, что репродуктивные установки белгородской молодежи охарактеризованы задержкой рождения детей по причине желания реализации карьерных планов, достижения стабильного материального положения, страха ответственности за ребенка, а также простого желания пожить для себя [1,162].

В современном российском обществе преобладает модель карьерного развития, которая влияет на отношение молодёжи к деторождению. Молодые люди ставят профессиональный рост и карьеру на первое место, откладывая решение о родительстве на потом. В мире сейчас наблюдается тенденция, когда молодые люди стремятся достичь определённых профессиональных целей, прежде чем задуматься о детях. Они рассматривают рождение ребёнка как потенциальное препятствие на пути к успеху в карьере. Современная молодёжь активно стремится получить образование, построить успешную карьеру, реализовать свои способности и развить профессиональные навыки, прежде чем принять решение о деторождении. Они откладывают создание семьи до тех пор, пока не почувствуют, что достигли определённого уровня стабильности в своей профессиональной жизни. Эта модель также учитывает финансовые аспекты. Молодые

люди стремятся достичь определённого уровня финансовой устойчивости, прежде чем принять решение о деторождении, учитывая расходы на содержание семьи и обеспечение будущих детей [4,185].

Ранее были рассмотрены теоретические аспекты, показывающие предпочтения молодежи в вопросах выбора между рождением детей или созданием карьеры. Однако, что же на можно увидеть на практике.

В рамках количественного социологического исследования, посвященного изучению отношения к деторождению в молодежной среде, в 2023-2024 годах был проведен опрос среди 300 студентов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации в возрасте от 17 до 30 лет. В процессе проведения количественного исследования были использованы интервальные номинальные шкалы, шкалы отношений и порядковые.

Основная масса ответов была получена от студентов 2, 3 и 4 курса бакалавриата. Студенты данных курсов зачастую сталкиваются с принятием серьезных решений, связанных с выбором карьеры, жизненного пути, а иногда и семейного планирования. Их мнение по теме деторождения может быть более осознанным и отражать их собственные планы на будущее.

На вопрос «Считаете ли Вы что готовы к рождению ребенка?» 59% опрошенных ответили, что не готовы, 22% респондентов отметили, что они скорее не готовы, чем готовы к рождению ребенка и лишь 4% ответили, что готовы к рождению ребенка. Одним респондентом было подмечено то, что морально он готов, но не финансово, а другим то, что он вовсе не хочет детей (см. рис. 1).

Вопрос 3. Считаете ли Вы что готовы к рождению ребенка? (Если у Вас уже есть ребенок, то готовы ли Вы к рождению следующего ребенка)
300 ответов

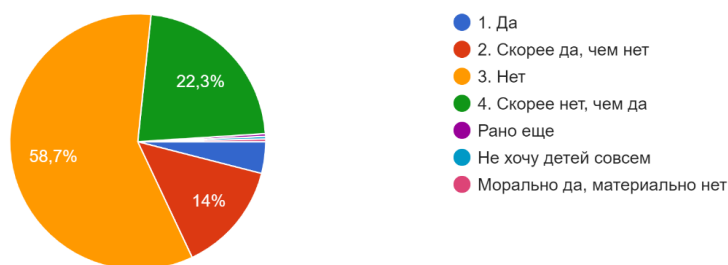

Рисунок 1. Готовность респондентов к рождению ребенка

Желание пожить для себя является также важным фактором при принятии решения о деторождении. Около 59% опрошенных согласились с тем, что данное желание является препятствием для рождения ребенка на данный момент (см. рис. 2).

Желание пожить для себя

300 ответов

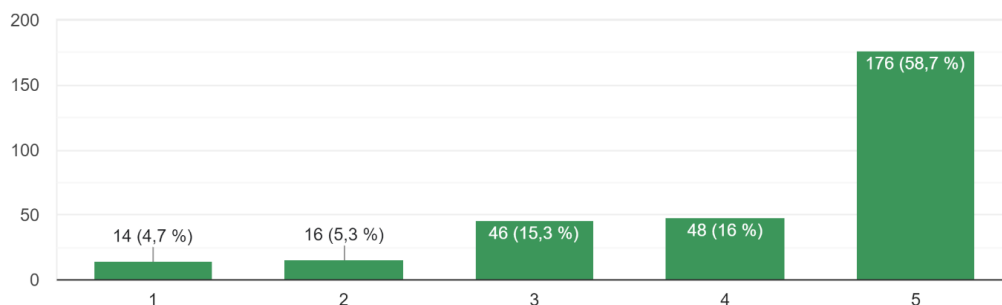

Рисунок 2. Отношение респондентов к утверждению «Желание пожить для себя является препятствием для рождения ребенка на данный момент»

Перспективы карьерного роста являются наиболее важным препятствием для рождения ребенка на данный момент – с данным утверждением согласились 62% опрошенных студентов (см. рис. 3).

Перспективы карьерного роста

300 ответов

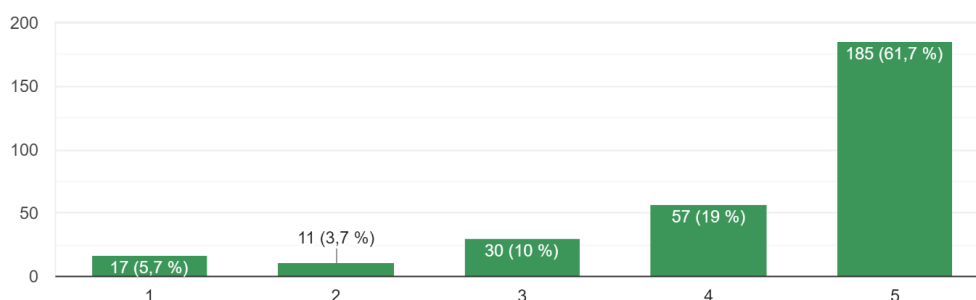

Рисунок 3. Отношение респондентов к утверждению «Перспективы карьерного роста являются препятствием для рождения ребенка на данный момент»

При выборе между образованием/карьерой и ребенком, около 50% опрошенных выбрали бы образование/карьеру и лишь 13% выбрали бы ребенка. Однако, следует отметить, что 30% респондентов затрудняются при ответе на данный вопрос, и подмечают, что ребенка можно совмещать с процессом получения образования и карьерным ростом (см. рис. 4). Те респонденты, которые считают, что можно успешно совмещать ребенка с образованием и карьерным ростом, вероятно, имеют позитивное отношение к балансу между личной жизнью и профессиональной деятельностью. Они видят в ребенке не только препятствие для достижения карьерных целей, но и возможность для личного роста и развития. Этот результат также может свидетельствовать о том, что молодежь становится более осознанной в своих выборах и стремится к гармонии между различными сферами

жизни. Возможность совмещать ребенка с образованием и карьерой может быть важным фактором для тех, кто хочет строить успешную и сбалансированную жизнь.

Вопрос 12. Если бы перед Вами встал выбор: ребенок или образование/карьера, - Вы:
(Выберите один вариант ответа)

300 ответов

Рисунок 4. Отношение респондентов к выбору между ребенком и образованием/карьерой

Исследование отношения к деторождению в молодежной среде представляет собой важный шаг в понимании мнений и убеждений молодых людей по данной теме и может послужить основой для разработки целенаправленных программ и политик, способствующих формированию здоровых отношений к репродуктивному здоровью и семейной жизни.

Результаты и выводы исследования важны для понимания сложных процессов в современном обществе, учитывая гендерные и возрастные особенности. Продолжение исследований поможет понять, как меняется отношение к рождению детей среди молодёжи, и разработать эффективные стратегии для поощрения здорового подхода к семейным ценностям и ответственности.

1. Базовкина А.А. Анализ исследования репродуктивных установок молодежи г. Белгорода // Экономика и социум. 2019. №6 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-issledovaniya-reproduktivnyh-ustanovok-molodezhi-g-belgoroda> (дата обращения: 04.10.2024).
2. Марар О. И., Коваль Л. В. Репродуктивные установки у чащейся молодежи (на примере воронежского региона) // РСЭУ. 2022. №4 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnye-ustanovki-i-chascheysya-molodezhi-na-primere-voronezhskogo-regiona> (дата обращения: 05.10.2024).
3. Мартышенко С. Н. Социально-психологический анализ отношения студенческой молодежи Приморского края к созданию семьи // Социодинамика. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskij-analiz-otnosheniya-studencheskoy-molodezhi-primorskogo-kraya-k-sozdaniyu-semi> (дата обращения: 05.10.2024).
4. Назарова И. Б., Зеленская М. П. Ценностные приоритеты и репродуктивные установки студенческой молодёжи // СТУС. 2021. №2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-prioritety-i-reproduktivnye-ustanovki-studencheskoy-molodyozhi> (дата обращения: 05.10.2024).

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ МОЛОДЕЖИ

*Курашвили Диана Давидовна
(МГИМО (У) МИД РОССИИ)*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению ценностей нового поколения в лице современного студенчества. Будущее нашей страны находится в руках молодежи, чьи ценностные установки и убеждения формируют основной конструкт будущего общества. В меняющемся мире жизненные ориентиры поколений сменяются еще более стремительными темпами. В данной статье будут определены основные приоритетные ценности студенчества, а также будут отмечены основные каналы влияния на процесс формирования ценностных установок молодежи.

Ключевые слова: студенчество, молодежь, ценности

Annotation. This article is devoted to the study of the values of the new generation or rather modern students. The future of our country is in the hands of young people, whose values and beliefs form the basic construct of the future society. In a changing world, the life orientations of generations are changing at an even more rapid pace. In this article, the main priority values of students will be identified, and the main channels of influence on the process of forming value attitudes of the youth will be noted.

Keywords: students, youth, values

За последние 150 лет мир кардинально изменился. Промышленная революция, появление авиации, две мировые войны, разделение мировых ресурсов между полюсами власти, техническая революция и расцвет цифровизации - это все факторы, сформировавшие нынешние реалии. Человечество идет вперед очень быстрыми шагами, и темпы развития даже пугают. Молодое поколение состоит из людей, которые не знали мир прежним.

С людей начинается общество, с людей начинается история, молодежь сегодня определяет путь развития всего человечества. В рамках данного тезиса, справедливо утверждать, что ценностные установки нового поколения являются исключительно важной темой для изучения. Судьба нашей страны всего через пару лет будет зависеть от поколения современных студентов, от того какие ценности и принципы будут ему присущи. Именно поэтому государство заинтересовано в исследовании проблем ценностей и ценностных ориентиров молодежи, представители которой сегодня отдают предпочтение не духовному и нравственному, а материальному. Разрушение вековых традиций, идеалов, формирование новых ценностных установок и вместе с тем новых людей с другим мышлением - всё это пугает. Но процесс запущен, последствия неизбежны, и они будут в самом скором времени, но какие? На это еще можно повлиять. Можно изучить, проанализировать, сопоставить, выявить и принять. Можно найти подход и поспособствовать принятию новым поколением вечных ценностей. Необходимо только понять «как».

Чтобы привить современным студентам основополагающие ценности, необходимо понять, а какие из них все же им присущи? Что составляет нравственную базу молодежи, что ими движет, кому они доверяют? Как процесс социализации повлиял на формирование их мировоззрения? Данная статья посвящена ответам на эти вопросы.

В начале необходимо определить, какие ценности в приоритете у современного студента сегодня. Предлагается рассмотреть здоровый образ жизни как приоритетную ценность молодого поколения. Тенденция «healthy lifestyle» становится все популярнее. Новому поколению с детства прививали идею здорового образа жизни, но не посредством объяснения вреда определенных продуктов на здоровье. Данная идея преподносилась совершенно по-другому, по-новому. Новому поколению объясняли влияние нездоровой

пищи на их настроение, на их привычки и умственные способности, популяризировали спорт не посредством типичных фраз «здоровый дух в здоровом теле», а через призму осознанности. Современными студентами спорт воспринимается как возможность дать отдых мозгу, разгрузиться от тяжелых мыслей и переживаний. К тому же, молодежь сегодня понимает важность не только здоровья физического, но и психического.

Вторая ценность - безопасность личная и ближайшего окружения. Современному студенчеству свойственна тревожность. Мир изменился, люди тоже. Существует теория, по которой мы живем в эпохе «BANI». Это аббревиатура- Brittle (хрупкий), Anxious (тревожный), Nonlinear (нелинейный), Incomprehensible (непостижимый). Тревожность современного студенчества вызвана непрекращающимися изменениями и часто невозможностью на них повлиять. Следовательно, ощущение безопасности, уверенности в завтрашнем дне - в приоритете у нового поколения.

Далее- творческая самореализация. Студентам важно проявлять себя, важно добиваться успехов в какой-либо сфере. Это определяет их смысл жизни.

Четвертая ценность непосредственно связана со второй -экономическая обстановка в стране. Сейчас тенденции мира создают реальностью, в которой бесконечный поток информации и количество коммуникационных каналов значительно повысили осведомленность простого обывателя. Студенты как никто другой вникают в суть происходящего и пытаются докопаться до истины. Они понимают значимость политики и экономики в жизни каждого отдельного человека, поэтому и ставят эту ценность в приоритет.

Пятая - материальное положение и достаток. Представители современного поколения стремятся быть успешными, хотят добиться высот в жизни, они мыслят шире, нестандартно. Им интересен мир, интересны люди в нем, они хотят жить свободнее, без финансовых ограничений, и ради достижения этих целей каждый готов трудиться.

Шестая ценность- семья и любые близкие взаимоотношения. Студенты ценят людей вокруг, понимают значимость и влияние окружения. Им нужна опора, необходимо знать, что есть люди, которые готовы их поддержать и принять несмотря ни на что.

И последняя ценность, которая попадет в этот список -гражданственность. Она идет в связке с ценностью безопасности и экономической и политической обстановки в стране. Ощущение причастности, осознание своего места в обществе критически важно для молодого поколения, которое стремится выразить свою позицию. К сожалению, нельзя утверждать, что гражданственность является одной из приоритетных ценностей нового поколения, однако, это направление, в котором необходимо работать, для того чтобы взрастить достойное будущее в лице современных студентов.

В заключение важно обозначить каналы социализации, посредством которых возможно влиять на формирование ценностей у молодежи. Сегодня на социализацию студента в наибольшей степени влияет образование и СМИ. В университетах студенты знакомятся с концепцией дружбы, семьи, политики и карьеры намного ближе, чем в школе, и в этот момент у них начинают формироваться определенные убеждения, а не абстрактные мысли.

В конце данной статьи перечислю средства социальной коммуникации, которые в наибольшей степени способствуют укреплению ценностей в мировоззрении современного студента: семья, ближайшее окружение, преподаватели в ВУЗе - люди, которые помогают студентам понять значимость ценности семьи, человеческих взаимоотношений и самореализации.

Исторические книги, фильмы, выставки, СМИ - это те конструкты, с помощью которых можно повлиять на формирование или укрепление традиционных ценностей в умах студентов.

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ (НА ПРИМЕРЕ Г. ЧЕРЕПОВЦА)

*Кытина Полина Дмитриевна
(Череповецкий государственный университет)*

В настоящее время региональные и федеральные органы власти нуждаются в молодых гражданах, готовых к активному взаимодействию с государством, участию в решении различных социальных проблем. Социально-экономическое развитие общества предполагает наличие в нем социально активных личностей, поскольку они являются социальным ресурсом для преобразований.

На данный момент увеличиваются масштабы социальной активности, возможности для реализации своих идей, а также количество заинтересованных граждан, в особенности молодежи. Молодежь, успешно развивая свои профессиональные компетенции и личные качества, являются стратегическим ресурсом для решения социально-экономических задач на федеральном и местном уровнях.

Под социальной активностью Ю.А. Зубок, Ю.В. Березутский понимают «осознанное участие молодежи в жизни других людей, общества; проявление молодежью равнодушия к общественным явлениям и процессам; участие молодежи в общественной и политической жизни, направленное на преобразование окружающей действительности» [2]. Социальная активность может рассматриваться как синтетическое качество личности, характеризующее активное отношение к общественно значимой деятельности и как форма проявления потребности в социальном участии [1].

Социальная активность личности и ее направленность зависит от мотивации ее поведения, стремлений, потребностей и интересов индивида. Мотивом является психическое явление, непосредственно побуждающее человека к выбору способа действия и его осуществления [3]. Следовательно, важно анализировать социальную активность вместе с побуждающими факторами.

Становится очевидным необходимость исследования, в региональном аспекте, основных форм и мотивов социальной активности для дальнейшей использования результатов при выстраивании молодежной политики в области, при организации мероприятий и других возможных работ. В работе представлен опрос учащихся образовательных учреждений: «Образовательные и карьерные стратегии учащихся Вологодской области: факторы выбора», проводившийся в Вологодской области в октябре-ноябре 2023 года кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Опрошено 600 учащихся школ г. Череповца 9, 10, 11 классов.

Прежде всего, рассмотрим, как опрошенные оценивают степень своего участия в общественной сфере. Респонденты считают в общественной жизни себя больше пассивными или скорее пассивными (25% и 22% соответственно). Оценивают степень участия, как активную или скорее активную 10% и 28% опрошенных. Чаще активными себя считают женский пол, чем мужской пол

Большинство подростков готовы или скорее готовы объединяться сейчас или в будущем, чтобы защитить свои права (86%); чтобы провести досуг (75%); участвовать в благотворительной и общественно-полезной деятельности (67%). Но при этом минимальное количество школьников выбрали вариант: протестовать против действий власти.

21% учеников 9 класса полностью или скорее согласны с тем, что активно участвуют в жизни класса, школы. В 10 классе и 11 классе считающих себя активными уже больше в

2 раза (47% и 43% соответственно). Чаще те, кто оценивают высоко степень активности своего участия, учатся на одни пятерки или же в основном на пятерки, но есть и четверки. Ученики пассивные чаще учатся в основном тройки и иногда бывают и двойки.

Исходя из результатов исследования, меньше всего респонденты задействованы в формальных практиках, то есть в деятельности индивида в ассоциациях, организациях. Так, 45% респондентов ни в чем не состоят. Самые распространенные направления для участия: творческие – 20%, физкультуры и здорового образа жизни – 18%, движение первых – 14% и в каких-либо группах, члены которых общаются только в Интернете – 12%. Скорее всего популярные формы связаны с хобби или увлечениями школьников.

Кроме того, респонденты участвуют в неформальных практиках. Нигде не задействованы – 32%. Наиболее распространенные практики: массовые мероприятия (городские праздники и т.п.) (32%), общественные работы по благоустройству территории в городе, поселке, дворе (например, субботники) (32%), общественные работы по благоустройству в школе (26%). Существует общественный интерес в улучшении комфортности места проживания. Для респондентов более привлекательным является участие в коллективной деятельности по улучшению общественных мест, чем в официальных структурах самоуправления.

Основными мотивы социальной активности являются: самовыражение, самореализации (33%), приобретение полезных практических навыков, знаний (31%), возможность приобрести опыт общественной работы и социального взаимодействия (29%), возможность общения, дружеского взаимодействия (28%), способствование изменениям к лучшему в обществе (27%). Мотивация ориентирована на личностный рост и возможность проявить свои способности, а также на дружеское взаимодействие. Меньше распространены причины, направленные во благо общества.

Более развиты практики помогающего поведения: помощь советом, поддержка морально, психологически (67%), помощь в домашних делах (60%), помощь в учебных делах (53%). Не приходилось ничего делать 12% опрошенных.

Таким образом, большинство школьников готовы объединяться, чтобы действовать в определённых формах участия. Формальное участие, как правило, менее распространённо как у школьников, так и у населения старше 18 лет. Творческое направление для подростков является приоритетным, респонденты занимаются в свободное время в кружках, связанных с их интересами и хобби. Участие в патриотических организациях и органов власти менее распространено, но также является востребованными среди респондентов. Более развитый уровень имеет неформальное участие. Он связан с практиками благоустройства, тем самым школьники способствуют развитию городской среды. Они являются преобразующей силой, делая важную работу по совершенствованию пространства в городе. Высокая степень активности у помогающего поведения. Прежде всего оно направлено на оказание психологической помощи и помощи в различных делах. Мотивы социальной активности ориентированы на личностное развитие и дружескую коммуникацию. Связано это с особенностями подросткового возраста: поиском социальной идентичности и новых связей, общения.

1. Золотухин А.В. *Формы проявления социальной активности населения на местном уровне: Материалы к спецкурсу «Местное самоуправление как объект социально-психологических исследований»*. Тамбов: Издательство Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. 28 с
2. Зубок Ю. А., Березутский Ю. В. *Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 89–105.*
3. Ильин Е.П. *Мотивация и мотивы*. – СПб.: Питер, 2002. – 512 с.

СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ГРУПП ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТУРИЗМА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Лебединцев Даниил Александрович
(СПбГЭТУ (ЛЭТИ))

Дерюгин Павел Петрович
(СПбГУ,
СПбГЭТУ (ЛЭТИ))

При финансовой поддержке гранта РФФ № 24-18-00261

Аннотация. В данной статье обосновывается актуальность изучения стратегии социальной мобильности акторов такого нового явления, как индустриальный туризм. Предполагается, что ценностные установки человека влияют на выбор его стратегии социальной мобильности. Отдельные аспекты данной темы разрабатывались в трудах российских и западных авторов, что говорит об актуальности этой проблемы в современной социологии.

Ключевые слова: Социальная мобильность, индустриальный туризм, ценности, множественная современность, стратегии мобильности

Проблематика заявленной темы заключается в изучении отличий между стратегиями мобильности сторонников «классического» туризма и сторонников индустриального туризма. Если люди старших поколений ориентировались на устоявшиеся формы туризма, обеспечивающие физическую безопасность и получение нового знания, то в современном обществе ценности новых поколений стали сдвигаться к рисковым и небезопасным формам туризма, от материальных интересов к постматериальным [1].

Новые ценности в «сетевом» и «потокном» обществе влияют на формирование новых стратегий и мобильности туризма. Наряду с этим представители индустриального туризма фактически интегрируют институциональные [2], интеракционистские [3], сетевые [4] и потоковые [5] ценности, и являются уникальной социальной группой, где в полной мере реализуются идеи «третьей интегративной волны в социологии» (Иванов Д.В., Санкт-Петербургский государственный университет) [6].

Цель предстоящего исследования состоит в выявлении, изучении и систематизации знания о стратегиях социальной мобильности групп индустриального туризма.

Важными объектами для перспективного изучения являются социальные условия и факторы, мотивация и ценности акторов промышленного туризма. Этими акторами являются в том числе сталкеры, диггеры, руферы, и др. Ранее социальная мобильность, стратегии социальной мобильности таких акторов не изучалась. Но сегодня представителей таких групп в российском обществе становится все больше – их десятки и, возможно, сотни тысяч. Например, по данным на 2024 год, промышленный туризм остаётся нишевой темой, его доля на внутреннем рынке составляет около 0,1%. По мнению директора дивизиона «Городская экономика» Агентства стратегических инициатив (АСИ) Ольги Захаровой, по итогам 2023 года количество промтуристов перешагнуло отметку в 1 млн. Регионы-лидеры по количеству промтуристов — Пермский край, Амурская, Кемеровская, Нижегородская, Свердловская, Челябинская области, Москва и Санкт-Петербург. Например, завод «Абрау-Дюрсо» возле Новороссийска ежегодно посещают более 500 000

экскурсантов. По данным министерства инвестиций и развития Свердловской области, за 2023 год с экскурсиями на производствах побывали более 50 тыс. человек. [8]

Часть таких направлений туризма проходит институционализацию и оформляется в официальные структуры, часть находится в тени - есть данные, которые говорят о противоправном характере деятельности некоторых таких групп. [9]

Чаще всего этими акторами являются молодые люди, глобально ориентированные на постматериальные ценности, а поэтому стратегии их мобильности формируются на стыке новых форм социальности и новых социально-экономических условий, в которых складывается их жизненный и трудовой опыт. Но не только. Здесь встречается мотивация мобильности, обусловленная чисто прагматическим интересом – материальной выгодой. Например, это – «черные копатели» или «черные археологи», занимающиеся нелегальным поиском исторических артефактов на археологических объектах, оружием, наградами и т.д. в целях их продажи.

У этих групп складывается особая социальность. С особенностями происходит их адаптация и социализация, которые отличаются от традиционных стратегий других групп молодежи, например, в сравнении со студентами [10]. Существуют особые иерархии, специфические системы связей, по-особому складываются и дифференцируются группы по интересам, сформировалась особая терминология, специфическое общение и ценности. Отдельно важно отметить сетевые связи акторов индустриального туризма, в которых по-особому происходят процессы их адаптации и социализации. Эти и другие характеристики актуальны для современной социологии. Также актуально исследовать социальную направленность деятельности таких групп.

Сторонники данного вида туризма являются носителями ценностей, характеризуются динамичным образом жизни, склонны к рисковому поведению и стремящиеся к большой свободе самовыражения. Именно в обозначенных группах формируются новые стратегии мобильности, которые целесообразно исследовать с использованием социологических методов, в частности, специфически осуществлять диагностику, как познавательную деятельность в сложных условиях обстановки [11].

В изучении стратегий и мобильности индустриального туризма можно выделить несколько важных граней теоретического анализа с точки зрения существующих концепций. Исследования мобильности и особых стратегий поведения с позиций социологии проводили такие ученые как П. Сорокин, С.Липсет Р. Будон, Т.Н. Заславская, О.И. Шкаратан, Ф.Р. Филиппов, В.Н. Шубкин, А.Г. Здравомыслов и другие. Изучением постматериальных ценностей занимались такие зарубежные ученые, как Р. Инглхарт, К. Вельцель. С точки зрения теоретического развития в российском научном поле изучение поставленной проблемы проводилось в работах таких социологов, как В.А. Ядов, Ю.А. Левада, Л.Д. Гудков, которые изучали постматериальные ценности как одну из составляющих структуры ценностных ориентаций.

В целом отметим, что данная проблема в таком аспекте в социологии не изучалась, обозначенные группы индустриального туризма как правило исследовались преимущественно с точки зрения рискованного, отклоняющегося от социальных норм, поведения. Однако во взаимосвязи с ценностными установками и предпочтениями в трудовой деятельности, общественной и личной жизни исследований не проводилось, что определяет настоящую тему как в прикладном, так и в научном отношении актуальной.

1. Апарина Н. Ф., Кавкаева Н. В. Потенциал индустриального туризма в старопромышленном регионе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. №4 (26)

2. Бугрова Е. Д. Индустриальные руины: эстетика *modern decay* и туризм // *Labyrinth. Теории и практики культуры*. 2022. №3.
3. Черняева Т.И. Туристическое потребление: стандартизация впечатлений // *ЖССА*. 2009. №3.
4. Котелевская Ю. В., Османова Э. У. Мировые тенденции сферы туризма, как фактора формирования рыночного капитала предпринимательских сетей // *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*. 2021. №4 (57)
5. Тысячнюк М. С. Мобильная социология Джона Урри // *ЖССА*. 2004. №4.
6. Иванов Д. В. Третья интегративная волна в социологии. Часть 1: Актуальность новой повестки, *Социологические исследования*, 2024. 6, стр. 3-15 13 стр.
7. Туристы пошли на заводы. <https://www.vedomosti.ru/tourism/industry/articles/2024/02/01/1017866-turisti-poshli-na-zavodi>
(Дата обращения 6.10.2024)
8. Как на Урале развивают промышленный туризм. <https://www.kommersant.ru/doc/6836552>
(Дата обращения 6.10.2024)
9. Шукин В.В. К вопросу о нормативно регулировании потенциально опасных видов туризма // *Московский юридический журнал*. 2023. №4.
10. Дерюгин, П. П. Трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля / П. П. Дерюгин, Ю. А. Колесникова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. – 2012. – № 3. – С. 230-235. – EDN PCNTAF.
11. Дерюгин, П. П. Педагогическая диагностика межличностных отношений в военно-морском коллективе : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / П. П. Дерюгин. – Москва, 1991. – 222 с. – EDN VNBBIZ.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Леонов Аркадий Константинович
(ФГБОУ ВО "Амурский государственный университет")

Белик Евгения Сергеевна
(ФГБОУ ВО "Амурский государственный университет")

Ромадина Виктория Романовна
(ФГБОУ ВО "Амурский государственный университет")

Аннотация. В статье представлены результаты опроса, характеризующие ценностные ориентации школьников выпускных классов Амурской области. Выявлено ценностное ядро: семья, деньги, здоровье, карьера, любовь, – а также зависимость ценностных ориентаций от пола, населенного пункта, стратегии поведения после выпуска из школы. Описана взаимосвязь ценностных ориентаций и доверия к СМИ и выбора вуза.

Ключевые слова: ценностные ориентации, выпускники школ, демографические особенности

Актуальность. Выпускники школ сегодня находятся в условиях «двойной турбулентности»: с одной стороны, стоят на пороге смены образа жизни (поступление в университет, колледж, армия или работа), с другой стороны, более широкий социальный контекст (постковидный период, СВО, внешние санкции) определяет пересмотр ключевых ценностей [1]. Это повышает значимость изучения ценностных ориентаций выпускников школ как в целом, так и в разрезе отдельных подгрупп.

Методика исследования. Объект исследования: школьники 11 класса Амурской области. Предмет: особенности ценностных ориентаций выпускников школ Амурской области. Цель: выявить особенности ценностных ориентаций выпускников школ приграничного региона. Метод: онлайн-анкетирование (анкета, размещенная в Яндекс.форме, распространялась путем рассылки в школы письма Министерства образования и науки Амурской области со ссылкой на анкету и QR-кодом). Выборка: административная потоковая, всего опрошено 762 респондента. Сроки сбора данных: 26.12.2023 – 16.01.2024.

Основные результаты. Можно выделить ядро ценностных ориентаций выпускников школ и колледжей: семья (80-83 %) как важнейшая ценность занимает одинаковую позицию в обеих социальных группах (таблица 1). В то же время для школьников ценности второго порядка: деньги и карьера, а также здоровье (57-59 %), – для выпускников колледжей – только здоровье (62 %): деньги и карьера становятся менее важными и занимают примерно равную позицию с ценностью любви (47-50 %). Сравнивая ценностные ориентации двух социальных групп, наблюдается большая ориентация школьников на ценность денег и патриотизма (59 % и 23 % соответственно против 50 % и 13 % у студентов колледжей). Ориентация на карьеру и свободу также в несколько большей степени свойственна выпускникам школ. Большая ориентация школьников на прагматические ценности денег и карьеры вероятно объясняется их меньшим жизненным опытом, в отличие от выпускников колледжей, которые уже фактически получили первую профессию и в большей степени понимают особенности регионального рынка труда. Более патристический настрой этой социальной группы видимо связан с более активной

деятельностью школ по формированию патриотизма («разговоры о важном», еженедельное торжественное поднятие российского флага и т.п.).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного является для Вас наиболее важным?» (не более трех ответов, в процентах)

Ценность	Процент	Ранг	Ценность	Процент	Ранг
Семья	80	1	Мир, спокойствие	36	4
Деньги	59	2	Работа	31	5
Здоровье	58	2	Патриотизм (любовь к родине)	23	6
Карьера	57	2	Отношение окружающих	16	7
Любовь	48	3	Власть	14	7
Свобода	38	4	Вера	11	7

Несмотря на сохранение ценностного ядра во всех подвыборках (семья, деньги, здоровье, карьера, любовь), тем не менее можно выделить ряд особенностей.

Ценностные ориентаций выпускников школ (таблица 2). Девушки (в сравнении с юношами) более ориентированы на деньги и карьеру (64 % и 61 % соответственно против 52 % и 51 % у юношей), что указывает на большую ориентацию на финансовую независимость; юноши в свою очередь более патриотичны (29 % выбрали ценность любви к Родине в противовес 19 % девушек. В зависимости от типа населенного пункта: школьники областного центра менее ориентированы на патриотизм (в полтора раза реже, чем школьники других городов и сел региона); в то же время в других городах области респонденты чаще, чем благовещенцы, ориентированы на деньги, любовь, свободу (последнее указывает на актуальную потребность реализовать себя за пределами малых городов, инфраструктура которых зачастую этого не позволяет сделать, как предоставить высокооплачиваемую работу); сельские школьники менее других ориентированы на карьеру (меньшие притязания). В зависимости от стратегии поведения после выпуска из школы: уход в армию связан с большей ориентацией на патриотизм и меньшей на деньги и карьеру; поступление в вуз связана с ориентацией на карьеру и меньшей ориентацией на свободу (готовность пожертвовать более ранним выходом на рынок труда); устройство на работу связано с большей ориентацией (в сравнении с респондентами, придерживающихся других стратегий) на деньги и карьеру.

Таблица 2

Особенности ценностных ориентаций выпускников школ (процент рассчитан по столбцам)

	Пол		Тип населенного пункта			После окончания школы что для Вас наиболее предпочтительно:			
	женский	мужской	в Благовещенске	в другом городе Амурской области	в селе Амурской области	пойти в армию	поступить в вуз	поступить в колледж	устроиться на работу
Семья	81	78	77	78	83	80	78	89	73
Деньги	64	52	57	67	56	35	60	57	73
Карьера	61	51	61	65	49	40	60	45	55
Здоровье	57	59	54	61	59	60	58	60	55
Любовь	51	44	44	54	48	45	47	55	64
Свобода	37	39	35	44	36	50	36	44	45
Мир, спокойствие	35	39	33	38	38	30	35	44	36
Работа	29	33	30	34	29	40	32	26	9
Патриотизм (любовь к родине)	19	29	17	25	26	40	22	27	18
Отношение окружающих	15	17	12	18	17	25	14	22	9
Власть	13	16	17	14	12	20	15	10	18
Вера	9	14	11	14	10	35	10	13	18
Затрудняюсь ответить	2	6	3	2	4	20	3	3	0

Взаимосвязь ценностных ориентаций и доверия к СМИ. Представляет интерес взаимосвязь доверия к традиционным СМИ (телевидение и радио) и большей ориентацией на патриотизм (среди доверяющих телевидению и радио более 40 % указали на ценность патриотизма): наблюдается соответствие государственной идеологии, транслируемой через традиционные СМИ, патриотическим установкам, ориентированных на эти источники респондентов. Также доверие к родителям как источнику информации связано с большей

ориентацией на ценность семьи: среди доверяющих родителям указали семью как важнейшую ценность 90 %.

Взаимосвязь ценностных ориентаций и выбора вуза. Выпускники школ, ориентированные на поступление в региональный педагогический университет, менее других ориентированы на карьеру: можно предположить, что выбор педвуза связан с осознанным отказом от карьерных притязаний (профессия учителя воспринимается как призвание). Одиннадцатиклассники, ориентированные на поступление в иностранный вуз, чаще других указывает на свободу и власть как важнейшие ценности и реже – на ценность семьи. Интересна структура ценностных ориентаций выпускников школ, ориентированных на поступление в региональный военный университет. Они чаще других указывают ценности здоровья (требуется при поступлении), мира и спокойствия (видимо, связано с установкой на сохранение мира военными), патриотизм; и реже других указывают ценность семьи (готовность к переездам и долгим командировкам).

1. Обласова О.В., Черникова А.А. Психологические особенности формирования ценностных ориентаций старшеклассников // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (53). С. 63-68.

ТАБАЧНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ И КУРЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

*Лецинская Софья Николаевна
(Институт международных экономических связей)*

«Не пейте вина, не отягощайте сердце табачищем –
и Вы проживете столько лет, сколько жил Тициан» (99 лет).
Ф.Г. Углов

В век развития информационных и цифровых технологий, достижения всевозможных высот во многих сферах человеческой деятельности, в том числе и научной существует все же ряд актуальных проблем. Проблема табакокурения существует достаточно давно, и, кроме того, сегодня она нарастает и становится все более глобальной.

Табакокурение далеко не простое и безобидное увлечение, а пагубная и губительная для всего общества привычка, в частности для молодежи. Ситуация ухудшается тем, что оно воспринимается нормой и распространяется среди всех социальных групп различных возрастов. Курение табака во всем мире является серьезной медико-социальной проблемой и одной из главных предотвратимых причин смертности и инвалидности. В России распространенность регулярного курения, по данным глобального опроса взрослого населения о потреблении табака, достигла 39,4%: 60,7% среди мужчин и 21,7% среди женщин. Россия занимает одно из первых мест по потреблению табака в мире [1, 112-129].

Когорта курильщиков ежегодно прирастает новой «армией» поклонников - за счет молодежи. Врачи обеспокоены: у молодого поколения, пристрастившегося к никотину с ранних лет, серьезно ухудшается здоровье и получается, что традиционно «старческие» болезни стремительно молодеют, и сегодня уже никого не удивляют инфаркты и инсульты в тридцатилетнем возрасте. Очевидно, что сложившаяся проблема требует безотлагательного решения.

Согласно результатам отечественных, зарубежных, **международных социологических исследований**, статистическим данным, в том числе представляемым Всемирной организацией здравоохранения, масштабы распространенности **никотиновой зависимости** на сегодняшний день как никогда велики. Наиболее уязвимой категорией является молодежь с их склонностью к необдуманному, рискованному поведению, экспериментированию, неустойчивой психикой, категоричностью в оценках.

По результатам исследования, которое было проведено городским центром социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ» действительно, сегодня **подростки и молодежь** активно включаются в практику табакокурения, среди подрастающего поколения много активных курильщиков. Так, по результатам опроса (n=600), проведенного сотрудниками отдела социологических исследований среди старшеклассников и учащихся колледжей и техникумов Санкт-Петербурга 35,1% курят в настоящее время, а 16,2% курили в прошлом. Таким образом, опыт табакокурения имеют половина опрошенных респондентов, а именно 51,3%. Средний возраст начала курения наших респондентов составляет 13,5 лет. Однако юноши начинают курить несколько раньше в 13,3, а девушки в 13,7 лет. Курящих среди учащихся колледжей и техникумов больше, чем среди школьников, отмечает Белоусов К.Ю. Респонденты, которые обладают большим объемом карманных денег, демонстрируют большой опыт курения по сравнению с теми опрошенными, кто имеет доходы 500 рублей и менее на

расходы в неделю. Вероятность встретить курящего подростка или молодого человека (девушку) чьи карманные расходы более 1000 рублей будет больше, чем подростков и молодежи, которые обладают более скромными «доходами». Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что при курящих родителях курят 51,8% респондентов, в то время как если ситуация обратная (никто не курит), то 63,7% опрошенных курить также не будут. Следовательно, **некурящие родители**, родственники могут являться профилактическим фактором, оказывающим сдерживающий от курения эффект.

Однако, что кроме курящих родителей и родственников может способствовать курению подростков и молодежи? Набор причин вполне понятный если учитывать возраст (13-25 лет) опрошенных, среди них особы выделяются такие как, например, «от скуки», «мои друзья курили», «любопытство». Думается, что понимание причин (факторов), которые оказывают влияние на приобщение к табакокурению в среде молодежи может оказать решающее значение при проведении антитабачной профилактической работы [2]. По оценкам специалистов Минздрава РФ, в нашей стране средний возраст начала курения табака составляет 17-19 лет, а потребление других никотин содержащих изделий начинается уже с 12-15 лет. В 2015 году Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) провела исследование распространения табака среди школьников в пяти городах России. Было выявлено, что в среднем 15,1% детей в возрасте 13-15 лет регулярно употребляют табачную продукцию. Среди студентов вузов и колледжей от никотиновой зависимости страдают примерно 75% юношей и 55% девушек [3].

В 2022 году Всероссийским центром изучения общественного мнения были представлены данные мониторинга, который был посвящен проблеме курения, и мы можем увидеть, что портрет курильщика изменился. **Последние пять лет доля курильщиков в России остается неизменной — на сегодняшний день это треть граждан (33%)**. Кампания по оформлению пачек сигарет предупреждающими надписями о вреде курения, сопровождаемых рисунками, стартовала в России в 2013 г. С этого момента доля курящих россиян начала снижаться (2013 г. — 41%, 2022 г. — 33%). В то же время растет доля бросивших курить, за 9 лет — в 1,7 раза (2013 г. — 10%; 2022 г. — 17%).

На сегодняшний день не курят 67% россиян (+8 п.п. к 2009 г.), из них 50% сообщили, что никогда не курили. Чаще других не пробовали курить женщины (69%), молодежь 18-24 лет (58%) и россияне старшего возраста (64%), а также имеющие высшее образование (57%).

Портрет курильщика с 2009 г. изменился. Если 13 лет назад наиболее курящей частью населения была группа 18-44 лет (48-50%), то сегодня молодежь 18-24 лет уже не входит в данную аудиторию, ее наполняют 25-59-летние (38-42%), то есть те, кто курил тогда и остался предан вредной привычке. Это дает основания сделать осторожный оптимистичный прогноз, что молодежь 18-24 лет станет драйвером новой модели «некурящего поведения». Если в 2009 г. курили по пачке в день 22% 18-24-летних, то в 2022 г. — 12%; общая доля курящих 18-24-летних сократилась в 1,7 раза с 48% до 29%.

Отказ от курения россияне стали воспринимать скорее, как вынужденную меру. Если в 2017 году 22% сообщили, что для этого им достаточно сильного желания, а каждый десятый называл проблемы со здоровьем (11%), то сегодня эти аргументы приводятся с одинаковой частотой (по 16%). Не готовы отказываться от сигарет ни при каких обстоятельствах 13%, в 2017 году таковых было вдвое меньше (6%). Силы воли не хватает еще 8%, в числе веских оснований называются также отсутствие стрессовых ситуаций (5%) и повышение стоимости сигарет (4%). Рост стоимости сигарет сможет

остановить 4% курильщиков, но среди 18-24-летних этот вариант называют 28%, каждый третий [4].

Следует отметить, что большинство вейп-устройств сегодня массово производятся в Китае. Но многие ли знают, что первая электронная сигарета была официально изобретена и запатентована в 2003 году в Китае? 52-летний фармацевт Хон Лик изобрел свое устройство для вейпинга после того, как его отец, заядлый курильщик, умер от рака легких. Он сконструировал прототип первой настоящей электронной сигареты. Изначально электронные сигареты были доступны на большинстве местных китайских рынков. После получения всех разрешений в 2005 году китайская компания «Golden Dragon Holdings» начала продавать vape-оборудование в другие регионы мира. Через год электронные сигареты появились в США, где и завоевали популярность среди курильщиков, желающих избавиться от этой разрушающей здоровье привычки - курения.

В конце 2019 года в США вступил в силу закон, который запрещает продажу сигарет и других никотин содержащих продуктов лицам младше 21 года. В результате всего за год потребление всей никотин содержащей продукции среди учащихся школ и колледжей сократилось на 28 процентов: с 6,2 млн. в 2019 году до 4,47 млн. в 2020 году. Вместе с повышением возраста была ужесточена и ответственность ритейлера за продажу никотин содержащей продукции покупателю моложе 21 года. За первое нарушение продавец получит предупреждение, за повторные - штраф в размере от 301 доллара до 12045 долларов.

В Сингапуре уже на протяжении нескольких лет планомерно повышается возраст, при котором гражданину разрешается приобретать и употреблять никотин содержащую продукцию. Так, первое повышение возраста произошло с 1 января 2019 года - с 18 до 19 лет. Через год правительство решило увеличить этот порог до 20 лет. И, наконец, с 1 января 2021 года лицам, не достигшим 21-летнего возраста не разрешается приобретать, использовать, владеть, продавать и поставлять табачную продукцию. Нарушившим установленные правила грозит штраф до 300 сингапурских долларов (около 24 тысяч рублей). Сингапурские власти пошли дальше и установили штрафы для пособников нелегальному курению - 500 долларов (40 тысяч рублей) и 1000 долларов за повторное нарушение. Если же совершеннолетний приобретает никотин содержащую продукцию не для собственного пользования, а чтобы передать ее подросткам, то ему придется заплатить штраф в размере 2500 долларов (200 тысяч рублей) и вдвое больше - за повторное нарушение.

Недавний опыт США также доказывает, что повышение легального возраста для потребления никотина является одной из эффективных мер в борьбе с курением в молодом возрасте. 20 декабря 2019 г. в Штатах вступил в силу закон, запрещающий продажу сигарет и других никотин содержащих продуктов лицам младше 21 года. Всего за один год их потребление среди учащихся школ и колледжей сократилось на 28%: с 6,2 млн. в 2019 году до 4,47 млн. в 2020 г. За продажу никотиновой продукции лицу младше 21 года ритейлер получит предупреждение. Повторные нарушения грозят нарастающим штрафом от \$301 до \$12 045 (23 000–915 000 рублей). А если продавец попался пять и более раз в течение последних 36 месяцев на этом нарушении, то регулятор может запретить ему продажу никотин содержащей продукции в той локации [5, 14-19].

В итоге: треть россиян курят (33%). Каждый пятый ежедневно выкуривает пачку сигарет (20%). 62% курящих сообщили о своем желании отказаться от вредной привычки (2017 г. – 79%), 22% уже сократили число выкуриваемых сигарет по сравнению с прошлым годом.

Чтобы сократить число курильщиков среди молодого поколения, необходимо предложить: во-первых, через год после издания закона поднять легальный возраст для никотин содержащей продукции с 18 до 19 лет, через два года с 19 лет до 20 лет, а через три года до 21 года; во-вторых, для продавцов товаров, содержащих никотин, за повторное нарушение в течение 12 месяцев, помимо существующего штрафа, установить запрет на продажу никотин содержащей продукции на 6–12 месяцев; в-третьих, молодое поколение, свободное от зависимости и более здоровое физически и умственно, принесет гораздо больше пользы для развития и процветания страны

1. Журавлева, И.В. Студенты: поведенческие риски и ценностные ориентации в отношении здоровья/ И.В. Журавлева, Л.Ю. Иванова, Г.А. Ивахненко // Вестник Института социологии. – 2013, №6. – С.112-129
2. Белоусов К.Ю. Мониторинг по курению: «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ» // Доступно: <https://profcenter.spb.ru/> (Дата обращения 09.10.2024г.)
3. Данные предоставлены Всемирной организацией здравоохранения // Доступно: <https://www.who.int/ru> (Дата обращения 09.10.2024г.)
4. Мониторинг ВЦИОМ: курение в России // Доступно: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kurenie-v-rossii-monitoring-2022> (Дата обращения 09.10.2024г.)
5. Власова, А. Е. Эволюция видов курения: от табака до вейпов и отношение к курению и вейпам среди студентов-медиков / А. Е. Власова, Е. В. Коледаева // Актуальные страницы истории медицины в России и других странах мира : Материалы III (онлайн) научно-практической конференции с международным участием, Киров, 16 апреля 2024 года. – Киров: Кировский государственный медицинский университет, 2024. – С. 14-19. – EDN CJJVXD.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ И КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

Лутова Юлия Алексеевна
(ФГБОУ ВО Пензенский государственный университет)

Аннотация. В статье анализируются проблемы, с которыми сталкиваются иностранные студенты по приезду в чужую им страну. Описаны критерии и показатели социокультурной адаптации иностранных студентов. В данной статье приведены результаты эмпирического исследования важных показателей социокультурной адаптации иностранных студентов в образовательной среде вузов.

Ключевые слова: иностранные студенты, социокультурная адаптация, критерии, высшее образование.

Annotation. The article analyzes the problems faced by foreign students upon arrival in a foreign country. Criteria and indicators of socio-cultural adaptation of foreign students are described. This article presents the results of empirical studies of important indicators of socio-cultural adaptation of foreign students in the educational environment of universities.

Key words: foreign students, socio-cultural adaptation, criteria, higher education.

В современных условиях развития общественной жизни в России, когда высшие учебные заведения приобрели значительную автономию, существенно усиливается роль их международной деятельности, обучение иностранных граждан становится важным фактором укрепления авторитета и престижа высшего учебного заведения, что обуславливает актуальность исследования образовательной миграции в социокультурном пространстве России.

Эффективность профессиональной подготовки иностранных студентов и привлекательность профессионального образования во многом зависят от эмоционально-психологического удовлетворения образовательным процессом, от результативности усвоения языка обучения как средства общения и овладения профессией. Важную роль в профессиональном и личностном становлении человека играет социализация, которая приобретает новые качества в социокультурном пространстве информационного общества.

Следовательно, успешность обучения и уровень профессиональной подготовки иностранных студентов напрямую зависит от степени социальной адаптации в стране пребывания. Данный факт приобретает особую *актуальность*, что и обуславливает выбор темы научной статьи [1].

Актуальность данной темы исследования привела к формулировке *проблемы*, которая заключается в объективной необходимости успешной интеграции иностранных студентов в новую социокультурную среду. С одной стороны, это требует понимания условий, способствующих эффективному образовательному обеспечению, а с другой — необходимости и важности оказания помощи и поддержки иностранным студентам в процессе их социокультурной адаптации.

Исходя из этого, цель нашей статьи состоит в определении критериев и важных показателей, из которых будет строиться «мягкая» адаптация для прибывающих из других стран студентов.

В самом общем виде адаптированность иностранных студентов касается следующих аспектов: – принятие академической системы вуза;

– принятие культурных норм, ценностей, традиций, идеалов иной социокультурной среды и системы межкультурного взаимодействия;

– принятие и выполнение новых социальных ролей и т.д. [2].

Анализ научной литературы показал: выделено 5 типов адаптированности иностранных студентов в моменте периода адаптации.

Первый тип – «*уклонение*» – в данном случае студент пытается максимально абстрагироваться от новой социокультурной среды с сохранением прежнего способа взаимодействия с окружающим миром, не выходит за пределы начальной стадии достижения адаптированности. Второй тип – «*приспособление*» – выражен феномен ассимиляции, при котором иностранный студент кардинально меняет свои прежние социальные структуры поведения и принимает новые схемы действия. Третий тип – «*компромисс*». При данном типе адаптированности иностранный студент без особого желания старается максимально подстроить свое поведение под новое социокультурное пространство, однако большинство сил уходит на поддержание равновесия между прежней структурой взаимодействия и элементами специфики взаимодействия на новом месте жительства. Компромисс тесно связан со стадией примирения. Четвертый тип – «*состязание*». В отличие от компромисса, данный тип адаптированности отражает соревнование между известными действиями и паттернами поведения иностранного студента и новым его социальным окружением. Пятый тип адаптированности – «*сотрудничество*». Представители данного типа адаптированности интегрируются в социокультурное пространство и согласование системы ценностей, наблюдается высокий уровень самопринятия и самоощущения [3].

Критериями определения стратегий адаптации у различных групп студентов являются такие показатели адаптированности, как: удовлетворенность, конформность, интерактивность, депрессивность, ностальгия, отчужденность и собственно оценка культурной дистанции [4].

Успешность процесса адаптации иностранных студентов зависит от их индивидуальных особенностей, от их поведения и восприятия действительности.

В 2021 году было проведено авторское социологическое исследование «Профессиональная социализация и адаптация иностранных студентов в российских вузах» на базе Пензенского государственного университета (ПГУ) и Пензенского государственного аграрного университета (ПГАУ). Исследование базировалось на выборке респондентов различных направлений и возрастов. Выборочная совокупность опроса составила 362 человека. В ходе исследования были определены критерии успешной адаптации иностранных студентов.

Прежде всего это коммуникативная компетенция, подразумевающая и знание языка, и социальные навыки.

Согласно мнению большинства иностранных студентов (56,6 % опрошенных), языковой барьер – это главная трудность и главный критерий оценки успешности дальнейшей адаптации в вузе: *русский язык очень сложен. Не всегда удается сразу понять собеседника, и иногда приходится переспрашивать или обращаться за помощью к более опытным товарищам* (респондент В., 20 лет, студент ПГУ). Для каждого четвертого опрошенного (24,3 %) общение, это важный критерий и в тот же момент сложный. Встреча с новыми людьми и установление новых коммуникационных связей всегда сопряжены с определенными трудностями, которые в дальнейшем влияют на показатель успешной адаптации. В современном образовательном пространстве России межкультурное взаимодействие становится все более привычным. 7,4 % иностранных студентов считают, что обучение, понимание образовательного процесса, это важный показатель успешной адаптации. Российские вузы организуют мероприятия и реализуют программы поддержки иностранных студентов, которые помогают им адаптироваться к учебному процессу.

Правильный тайм-менеджмент, отметили 4,7 % респондентов, так как учеба в новой стране может требовать больше усилий.

Результаты подчеркивают значимость развития языковых и коммуникативных навыков у иностранных студентов до их приезда в Россию. Потенциал адаптации этих студентов также проявляется в коммуникативной функции, которая способствует успешному взаимодействию и зависит от уровня владения языком обучения, а также от знаний вербальных и невербальных средств выражения, норм поведения в новой культурной среде и осознания социального значения профессиональной деятельности, включая ответственность за ее качество.

1. *Лутова Ю. А., Щанина Е. В. Социальная адаптация иностранных студентов, обучающихся в региональных вузах (на примере Пензенской области). Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9. № 1. С. 11–18. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-11-18>*
2. *Иванова Г. П., Ширкова Н. Н., Логвинова О. К. Иностраный студент в российском вузе. М.: Русайнс, 2022. 137 с.*
3. *Иванова Галина Павловна, Ширкова Наталья Николаевна СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТИРОВАННОСТЬ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ // Педагогический журнал Башкортостана. 2017. №4 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-adaptirovannost-inostrannyh-studentov-rezultaty-empiricheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 30.09.2024).*
4. *Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : учеб. для вузов [Текст] / Т. Г. Стефаненко. 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2007. – 368 с.*

ВДОХНОВЕНИЕ КОНФУЦИАНСТВА ДЛЯ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Лю Ханвэй

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В современном мире, в условиях создания социально ориентированной рыночной экономической системы, быстрого развития современных технологий и широкого использования средств массовой информации эти социальные изменения оказывают сильное воздействие на мышление молодежи. Это привело к тому, что молодёжь в меняющемся мире столкнулась со многими сомнениями относительно того, как осознать свою идентичность, ресурсы и возможности самореализации. Что касается способов достижения самореализации, конфуцианство выдвигает следующие предложения:

Когда речь идет о социальной среде, конфуцианство в основном уделяет внимание общей «жизненной среде» и конкретной «среде знакомых». «Жизненная среда» включает в себя не только природную среду, но и общую социальную среду. Конфуций подчеркнул, что «хорошо жить только с добродетельными людьми. Как можно называть вас мудрым, если место, которое выбираете для жизни, не находится среди добродетельных людей?» [1, 39]. Это показывает, что причина, по которой нам нужно уделять внимание жизненной среде, заключается в том, что хорошая среда оказывает хорошее влияние на людей.

По сравнению с жизненной средой конфуцианство придает равное значение влиянию общих знакомых на самореализацию, особенно роли «надёжных друзей». Поэтому фраза «не дружить с теми, кто вам не ровня» [1: 10, 107] дважды появляется в «Лунь Юй» — записью бесед Конфуция с его учениками. Все они требуют от будущих поколений заводить друзей, которые лучше их самих. Это связано с тем, что сближение с людьми, которые лучше вас, позволяет еще больше улучшить свои способности, что является одним из важных путей самореализации человека.

Конфуцианство также подчеркивало важность постоянного самосовершенствования для человеческого развития. В то же время, по мнению Конфуция, нехватка таланта не является оправданием для отказа от стремления к самосовершенствованию [1, 66].

Что касается пути самореализации молодежи, Конфуций, помимо того, что придавал значение социальной среде и требовал постоянного самосовершенствования, также особо указывал на то, что нужно иметь смелость признавать свои ошибки и исправлять их. По его мнению, если вы допустили ошибку, не бойтесь исправить ее. А если вы допустили ошибку и не исправляете, то она действительно становится ошибкой [1, 192].

Кроме того, Конфуций объяснял конечную цель самореализации: «развивайте в себе благоговение перед всеми вещами, совершенствуйте себя, чтобы делать счастливыми людей вокруг вас, совершенствуйте себя, чтобы делать народа счастливым» [1, 181].

Видно, что в конфуцианской идеологической системе самореализацию можно резюмировать как завершение и реализацию собственной природы, которая включает в себя два требования: во-первых, самореализация рассматривается как судьба или высший нравственный императив; во-вторых, нужно использовать самореализацию, чтобы помочь самореализации других. Другими словами, конечная цель состоит в том, чтобы люди интегрировались в коллектив и играли в нем свою должную роль. Согласно конфуцианству, с одной стороны, самореализация заключается в достижении сублимации своих способностей, но, что более важно, с другой стороны, в достижении единства самооценки и социальной значимости личности.

В этом также отражается альтруизм конфуцианства, который простирается от любви к себе, любви к окружающим до любви ко всему обществу. Как упомянул социолог П. А. Сорокин, «любовь – это высшая степень добра и свободы, лучшее и самое действенное

воспитательное средство для облагораживания человечества» [2, 97]. Он высоко ценил китайского мыслителя за то, что «...вся система конфуцианства — последовательная теория прагматической и сбалансированной рационализации социальной жизни, свободной от всяческого мистицизма и магии» [3, 612-613].

В итоге, в современном быстро развивающемся мире, в среде, где различные идеологические и культурные влияния взаимодействуют друг с другом, существенно возросло разнообразие идеологических ориентаций молодежи. Использование ресурсов традиционной китайской конфуцианской культуры предоставит молодым людям мощный ориентир и мотивацию к инновациям для самореализации.

1. Лунь Юй, Да Сюэ, Чжун Юн [Изречения (аналекты) Конфуция. Великое учение. Учение о середине]. Пекин: Китайское книгоиздательство, 2011. С. 7-238.

2. Сорокин П. А. Пути и могущество любви // Человек. 2015. № 4. С. 96–113.

3. Сорокин П. А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Пер. и сост. А.К. Конюхова, В.В. Сапова; Вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2020.

ПАТРИОТИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ

*Малаканова Ольга Александровна
(Самарский университет)*

*Вандышева Людмила Владимировна
(независимый исследователь)*

В современных политических условиях ответы на вопросы о том, какие представления имеет молодежь о стране, каков уровень ее патриотических настроений, какие ценности она принимает – становятся общественно значимыми, поскольку определяют дальнейшее развитие российского общества. Взросление молодежи, с одной стороны, в условиях информатизации, цифровизации, распространения искусственного интеллекта и, с другой стороны, в условиях, отличающихся противоречивостью, вытекающей из текущей геополитической ситуации, и современных реалий развития российского общества, можно характеризовать как достаточно сложный процесс. В этой ситуации молодежи предстоит выбрать вектор своего самоопределения, идентичности.

Результаты проведенного социологического исследования на тему «Смыслы и уровень патриотизма у современной молодежи: региональный аспект» (кейс Самарского университета) подтверждают данные опроса ВЦИОМ 2022г.: 86,6% студентов Самарского университета убеждены, что они – патриоты своей страны (общероссийский уровень – 86% респондентов до 30 лет причисляют себя к патриотам): 42,4% студентов считают себя патриотами без каких-либо условий и еще 44,2% – скорее патриотами [2].

Исследователь И.М. Кузнецов в статье «Патриотизм региональной молодежи в социологическом измерении (на примере Пензенской области)» сформулировал особенности соотношения гражданского и охранительного патриотизма с точки зрения положительных и отрицательных характеристик [2]. Гражданский вариант предполагает наличие возможностей для всестороннего развития, но при этом ограничен в формировании общероссийской консолидации. Он наиболее успешен в стабильных условиях функционирования общества. Охранительный патриотизм, наоборот, имеет высокий уровень для объединения разных социальных групп, так как рассматривает российское общество как закрытую социальную систему, накопившую достаточный уровень экономического и культурного развития. И, таким образом, это ограничивает развитие страны. Но в критических условиях охранительный патриотизм обеспечивает необходимый уровень сплоченности общества.

Анализ полученных данных в ходе проведенного социологического исследования показал, что с учетом изменившихся условий (после февраля 2022 г.) самарская молодежь также, как и молодежь Пензенской области (опрос 2020 г.), демонстрирует приверженность гражданскому патриотизму. Три из пяти базовых смысла патриотизма, которым привержена студенческая молодежь, – это характеристики гражданского патриотизма:

- любить свою страну – 80,5 %;
- работать и действовать во благо/ для процветания страны (гражданский) – 72,5 %;
- стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее (гражданский) – 62,3 %;
- защищать свою страну от любых нападков и обвинений (охранительный) – 38 %;
- говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была (гражданский) – 33,3 %.

Качественная составляющая социологического исследования предполагала проведение интервью с молодежью (студентами самарских и тольяттинских вузов), которая не состояла в общественных объединениях гражданско-патриотической направленности. Обратим внимание на ответы, полученные на вопрос: «Какая национальная идея объединила бы современных россиян?».

В первую очередь отметим, что всем информантам было сложно сразу ответить на этот вопрос: они просили время на раздумье; «набрасывали» несколько вариантов ответа. Если полученные ответы обобщить, то идеи, которые могли бы всех объединить, сводятся к работе, культуре, менталитету, пацифизму, добру, справедливости, равенству, учению.

Направление подготовки выступало одним из факторов выбора ведущей идеи. Например, студентка института культуры и искусств в качестве национальной идеи, которая бы объединила граждан, предложила следующий вариант ответа: *«Вот, хочется назвать культуру. Ну, и опять же. То есть я вот не до конца понимаю, то, что в настоящее время всех объединяет. Или это то, что могло бы всех объединить. Если это то, что могло бы всех объединить. Например, мне кажется, культура могла бы всех объединить. Но культура есть и сейчас, и она сейчас как раз-таки достаточно хорошо развивается. Ну, как будто бы хотелось бы, чтобы то, что всех объединяло. Это была культура.»* (информант № 1, девушка, 20 лет).

В ходе интервью информанты в качестве значимого события, которое в настоящее время происходит в нашей стране, указывали специальную военную операцию. Эмоционально и рационально рассуждая о ней, информанты единодушно признавали, что данное событие отражается на их жизни, поэтому в качестве национальной идеи предлагался такой вариант: *«...Но это вот такая идея, что жить в мире, вот. Надо. Даже с потерями, но как-то договариваться. Мы уже не в том веке, чтобы людьми размениваться...»* (информант № 2, девушка, 21 год).

Гуманистические ценности выходили в качестве национальной идеи в следующих ответах: *«Ну, может быть, мы отстаиваем ... принципы добра, справедливости и равенства национальностей. Для меня это важно, во-первых. Во-вторых, я со своей стороны воспринимаю патриотизм как вот, вот, почитание вот этих качеств, и я бы хотела, чтобы именно они стояли во главе всех национальных идей. Мне бы так хотелось»* (информант № 3, девушка, 20 лет); *«... быть более сплоченными, честными, наверное, такие, так же, классические моральные качества, чтобы мы просто были более человечнее друг другу, более сплоченные, дружные»* (информант № 5, девушка, 21 год).

Кроме этого, национальная идея сводилась к учению: *«Вопрос сложный, можно подумать... Может быть, учиться еще раз учиться? Да, учение свет, а не учение тьма, как говорится. Вот, постоянно надо учиться, вот, постоянно надо анализировать, стремиться к лучшему. Вот, наверное, скажу так, учиться, учиться еще раз учиться»* (информант № 4, юноша, 21 год).

Таким образом, анализ результатов количественного этапа проведенного социологического исследования на тему «Смыслы и уровень патриотизма у современной молодежи: региональный аспект» (кейс Самарского университета) наглядно показал, что для студенческой молодежи характерно сохранение приверженности идеям гражданского патриотизма, не смотря на изменившиеся политические условия. Полученные в рамках качественного этапа идеи, которые могли бы объединить россиян, скорее неоднородны, вызывают затруднения в поиске ответов у информантов, что является признаком именно гражданского патриотизма, при котором выделяются разные направления для развития, но скорее отсутствуют однозначно консолидирующие убеждения.

1. Кузнецов И.И. Патриотизм региональной молодежи в социологическом измерении (на примере Пензенской области)// Социологическая наука и социальная практика. 2023. № 2. С. 25-41.
2. Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать. [URL:https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat) (дата обращения: 06.10.2024)

КАЧЕСТВА ПО ФОРМИРОВАНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*Марченко Дарья Дмитриевна
(НГУ им. П.Ф. Лесгафта)*

*Оганян Карина Каджиковна
(НГУ им. П.Ф. Лесгафта)*

Определение критерия конкурентоспособности мы понимаем как признак, согласно которому можно оценить и установить отличительные особенности специалиста на рынке труда [1, 19]. В процессе получения высшего образования наиболее значимыми элементами являются полученные практические и теоретические навыки, а также сформированные в ходе обучения компетенции [3, 51]. Современные авторы выделяют перечень необходимых компетенций, включающих в себя наиболее важные качества выпускников вузов [2, 105].

В связи с важностью формирования компетенций в процессе обучения в вузе, возрастает необходимость структурирования качеств, влияющих на повышения уровня конкурентоспособности выпускников.

Цель исследования – структурировать качества, влияющие на повышение уровня конкурентоспособности выпускников вузов.

Результаты исследования и их обсуждение. Для получения информации о том, какие качества необходимы выпускникам для формирования конкурентоспособности, была составлена анкета. В анкетировании приняли участие студенты 4 и 5 курсов НГУ им. П.Ф.Лесгафта – направление подготовки физическая культура и спорт, СПБГЭУ – направление подготовки социология и СПБ УГПС МЧС - направление подготовки психология служебной деятельности. Перейдем к анализу ответов респондентов.

По результатам проведенного нами анкетирования нам удалось установить, какие особенности и качества прежде всего помогло развить обучение в вузе. От общего числа опрошенных – способность к работе с информацией (11,7%) становится преобладающей. Не менее важными качествами становятся способность доказательства, аргументации, обоснования своей позиции, решений (11%), способность устанавливать контакты, идти на компромисс, находить совместные решения (10,3%), деловитость, умение работать оперативно (8,3%), организаторские качества (7,6%) и способность к творчеству, рационализаторской, изобретательской, научной деятельности (6,9%).

Едиными качествами для всех вузов стали: Способность устанавливать контакты, идти на компромисс, находить совместные решения; Способность доказательства, аргументации, обоснования своей позиции; способность к работе с информацией.

Студенты СПБГЭУ в большей степени выделили аналитические способности как необходимые для их направленности. Для студентов СПБ УГПС МЧС такими качествами стали деловитость, умение работать оперативно и способность к творчеству, рационализаторской, изобретательской, научной деятельности. Для студентов НГУ им. П.Ф.Лесгафта - способность к обобщению, синтезу.

Также опрос помог создать представление о том, достаточно ли респонденты получили знаний для своей эффективной профессиональной деятельности. Преобладающее большинство студентов СПБГЭУ отметили, что образовательная программа и методика обучения недостаточно или совсем не отразили суть содержания их направленности, В СПБ УГПС МЧС число удовлетворенных образовательной программой и методикой выше, но доминирующее количество все же занимают неудовлетворенные респонденты. Большинство респондентов, обучающихся в НГУ им. Лесгафта отметили, что вуз дал им

хороший комплекс знаний и навыков, в полной мере отражающие суть и содержание направленности, что составляет более 50% опрошенных в данном вузе.

По мнению выпускников вузов при приеме на работу современный работодатель в первую очередь учитывает следующие качества: ответственность за качество результатов своей работы; способность грамотно организовывать рабочий процесс; способность устанавливать контакты, идти на компромисс, находить совместные решения; деловитость, умение работать оперативно; способность к творчеству, научной деятельности, аналитические способности; способность к работе с информацией.

Хотим отметить, что студенты всех 3-х вузов в равной степени отметили важность творческих способностей, а также способность устанавливать контакты и идти на компромисс. В большей степени выпускники СПБГЭУ выбрали аналитические способности, СПб УГПС МЧС – деловитость, умение работать оперативно, НГУ им. Лесгафта – способность грамотно организовывать рабочий процесс.

Более половины опрошенных отметили, что выпускник, воспитывающий в себе гражданскую зрелость, патриотизм не является наиболее конкурентоспособным на рынке труда. Лишь 1/3 выпускников СПБГЭУ согласились с тем, что воспитание гражданской зрелости и патриотизма повышает конкурентоспособность на рынке труда. В равной степени от общего числа опрошенных в СПб УГПС МЧС и НГУ им. Лесгафта также согласились с данным выражением. Мы предполагаем, что данные результаты были получены в связи с тем, что в процессе обучения и воспитания специальных служб, а также спортсменов гражданская ответственность и патриотизм воспитываются в большей степени.

В представлении преобладающего большинства в каждой группе респондентов конкурентоспособный выпускник должен быть уверенным пользователем ПК, сети интернет и информационных ресурсов (СМИ, книги). Мы убеждены, что такой показатель сформировался на основе изменяющихся современных условиях, в которых перечисленные способности являются неотъемлемыми.

Мотивация к здоровому образу жизни стала важным качеством для более чем половины выпускников СПб УГПС МЧС. В СПБГЭУ и НГУ им. Лесгафта респонденты посчитали данное качество недостаточно необходимым.

По результатам анкетирования выяснилось, что стрессоустойчивость является наиважнейшим качеством для всех опрашиваемых специальностей. Для респондентов СПБГЭУ второе место по важности занимает стремление к непрерывному саморазвитию и профессиональному росту. Четкость целей и ценностных ориентаций, а также стремление к непрерывному саморазвитию и профессиональному росту, стали доминирующими для студентов СПб УГПС МЧС. У выпускников НГУ им. Лесгафта к преобладающим качествам помимо стрессоустойчивости также добавилось стремление к непрерывному саморазвитию и профессиональному росту и трудолюбие.

Коммуникабельность считается очень важным качеством для всех направленностей, по мнению выпускников вузов. Составляет 76,5% от общего числа опрошенных студентов. Меньшее количество респондентов отметили коммуникабельность недостаточно важным качеством.

В ходе исследования нам удалось выявить главные качества по мнению респондентов разных вузов, влияющих на формирование конкурентоспособности.

Таблица 1 – главные качества по мнению выпускников

ВУЗ	Качества
СПБГЭУ	Умение договариваться, адаптивность,

	коммуникабельность, трудолюбие, способность к аргументации, стрессоустойчивость, аналитические способности,
СПБ УГПС МЧС	Адаптивность, стрессоустойчивость, аналитические способности, коммуникабельность, клиентоориентированность, ответственность
НГУ им. П.Ф.Лесгафта	Стрессоустойчивость, тактичность, трудолюбие, уверенность в своих действиях, критическое мышление, непрерывное саморазвитие,

Степень важности семейных ценностей выпускника вуза для доминирующего большинства всех опрошенных (38,2%) оказалось невысокой. Оценку «очень важно» дали студенты в основном из НГУ им. Лесгафта. Совершенно неважными или менее важными семейные ценности посчитали студенты СПбГЭУ.

В ходе исследования было выявлено, что способности и качества выпускника вуза должны быть разными с учетом особенностей направленности. Такой ответ дали 91,2% всех опрошенных выпускников.

Выводы. В процессе синтеза полученных данных в ходе анализа литературных источников, а также проведенного анкетирования, мы сформировали 2 группы качеств, необходимых выпускникам вузов для формирования конкурентоспособности. Первая группа содержит в себе общие качества, необходимые всем выпускникам вузов. Вторая группа отражает качества, необходимые для каждой направленности, участвующих в нашем исследовании.

1 группа качеств (общие) – коммуникабельность, стрессоустойчивость, непрерывность саморазвития и профессионального роста, способность устанавливать контакты, идти на компромисс, находить совместные решения, способность доказательства, аргументации, обоснования своей позиции, решений, уверенное пользование ПК, сетью интернет и СМИ.

Таблица 2 – 2 группа качеств (специальные)

ВУЗ	Качества
СПБГЭУ	Аналитические способности, адаптивность.
СПБ УГПС МЧС	Деловитость, умение действовать оперативно, клиентоориентированность, ответственность.
НГУ им. П.Ф.Лесгафта	Тактичность, трудолюбие, критическое мышление, способность грамотно организовывать рабочий процесс.

Анализируя представленные выше группы, хотим отметить, что исходя из специфики направленности, ответы 3-х вузов различны.

Тактичность, трудолюбие, критическое мышление, способность грамотно организовывать рабочий процесс – данные качества воспитываются у действующих

спортсменов, а также у студентов НГУ им.Лесгафта для успешной тренерской деятельности по направлению физическая культура и спорт.

Качества, полученные в процессе синтеза информации для студентов СПб УГПС МЧС - деловитость, умение действовать оперативно, клиентоориентированность, ответственность, соответствуют направлению подготовки – психология служебной деятельности. Выпускники, обладающие данными качествами, будут более компетентными в своей деятельности, так как их работа заключается в работе с людьми, изучением их психики и ее структуры, а также формировании необходимых психологических качеств, повышающих эффективность служебной деятельности. Это повысит их уровень конкурентоспособности на рынке труда.

Для исследования общественного мнения, процессов, происходящих в обществе, в процессе синтеза полученной информации необходимыми качествами для успешной деятельности по направлению подготовки социология стали: аналитические способности, адаптивность. Данные качества необходимы для представленного направления и дальнейшей успешной рабочей деятельности.

1.Богдан Д.И. Удовлетворенность выпускников педагогических направлений подготовки качеством полученного образования в вузе: социологический анализ // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. С. 44-52.

2.Марченко Д.Д. Социологическое исследование факторов, влияющих на конкурентоспособность выпускников вузов // глобальные социальные процессы 5.0: общество, экономика, история. 2023. С. 19-30.

3.Шкарина Т.Ю., Крюков Е.Ю. Анализ удовлетворенности работодателей компетенциями выпускников вузов дальнего востока // Инновационное развитие профессионального образования. 2022. С. 103-110.

ИНТЕРЕС К ПОЛИТИКЕ УЧАЩИХСЯ В ЗЕРКАЛЕ МНЕНИЙ УЧИТЕЛЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

*Меренков Анатолий Васильевич
(Уральский федеральный университет)*

*Дровнева Александра Вадимовна
(Общеобразовательная школа № 8 Кашино Свердловской области)*

Формирование политических интересов часто рассматривается в отрыве от общего контекста развития и воспитания подрастающего поколения. Политические интересы включают информацию о происходящих в мире, стране политических событиях, выявление причин столкновений разных политических взглядов, мнений, позиций, действий людей и государств, представления о способах участия в политической жизни региона, страны.

Формирование политических интересов является неотъемлемой частью образовательного процесса в каждой школе. На уроках обществознания при изучении тем, связанных с политикой и правом, учащиеся получают базовые знания о государстве, политике и обществе.

Знакомство с историей государства, политической системой и культурой, государственными институтами, властью происходит и в рамках внеучебного процесса в школе. Например, выборы Президента школы или органа ученического самоуправления, встречи с представителями законодательной и исполнительной власти (депутатами, главами сел, районов, областей и т.д.), экскурсии в учреждения и организацией законодательной и исполнительной властей и др.

Нами в марте 2024 года методом анкетирования было опрошено 498 учителей Екатеринбурга и Свердловской области, 2 521 родителей учащихся 8-11 классов. Получены следующие результаты.

По мнению учителей, более 42,3 % учащихся 8-11 классов не интересуются политикой. Интересны политические процессы, происходящие в мире, лишь 11,3 % школьников, от случая к случаю интересуются – 38,1%.

Родители, по сравнению с учителями, еще ниже оценивают заинтересованность детей политической сферой: всего лишь 8,6 % детей постоянно читают о политических событиях, происходящих в мире, интересуются от случая к случаю – 24,3 %. Считают, что не интересуются политикой 48,3 % ответивших, остальные 18,8 % – затрудняются с ответом.

Сами родители признаются, что не выясняют, чем интересуются их дети, не обсуждают политических вопросов в семье, не занимаются политическим просвещением учащихся.

Что же побуждает, по мнению учителей, относительно незначительную часть учащихся интересоваться политикой?

57% считают, что желание понять то, как политика влияет на их настоящее и будущее (45% – родители),

34,2% – приспособиться к политической жизни страны, мира (7,9% – родители),

21% – стремление разобраться в принимаемых органами власти решениях (родители – 12,1%),

17,7% готовы участвовать в общественной работе, обеспечивающей реализацию политики страны (родители – 17%),

15,1% испытывают потребность в будущем самим заниматься политикой (родители – 10,6%).

Интересуются внешней и внутренней политикой России, по мнению учителей, 10,3 % – постоянно, 41,4 % – от случая к случаю. Не проявляют какой-либо интерес 39,0 %.

Оценка родителей более низкая по сравнению с учителями. По их мнению, 45,5% аполитичны – не интересуются внутренней и внешней политикой,

7,2 % – интересуются постоянно,

25,7 % – от случая к случаю.

Отличий от интереса политикой в целом от интереса к тому, что происходит в стране в настоящее время, в не выявлено. Можно ли ждать, что после окончания школы, они станут активно участвовать в политической жизни страны?

Причины низкого уровня, по мнению опрошенных методом глубинного интервью учителей, следующие:

учителя не обсуждают политические темы с учащимися школ, если они не затрагивают профессиональную сферу их деятельности: «Политические темы в рамках образовательного процесса я не обсуждаю, т.к. политика не затрагивает сферу моей деятельности – математику и информатику» (ж., 36 л., заместитель директора по УВР, СО).

О политике говорят учителя истории и обществознания, в рамках внеурочных занятий «Разговоры о важном» – классные руководители. Они отмечают: «В свете сегодняшнего дня политические темы с учениками нужно обсуждать очень аккуратно. Важно проводить аналогии с предыдущими периодами, например, с 18-19 веком, чтобы дети понимали, как это происходило изначально, какие предпосылки были сформированы» (ж., 45 л., учитель истории и обществознания, СО),

«Политические темы со своими учениками в основном я обсуждаю на уроках «Разговоры о важном», с активистами разговариваем о политике, когда у них самих есть интерес к какому-либо вопросу или проблеме. О политике больше говорим в контексте развития детского самоуправления, активной жизненной позиции, воспитания патриотизма» (ж, 24 г., советник директора по воспитанию и взаимодействию с ДОО, г. Екатеринбург),

«Вообще именно политическую направленность как скажем власть, система власти не обсуждаю, но работа по ценностям, по формирования патриотических, духовно-нравственных ценностей есть» (ж., 31 г., специалист по организации работы в молодежных центрах, СО).

В то же время отмечается, что в современных условиях школьников больше интересуют какие-то конкретные политические темы и вопросы, а не политика в целом: «потому что у детей достаточно клиповое мышление, они у нас оцифрованные... На данный момент времени они отчасти интересуются вопросами, связанными с Украиной, со специальной военной операцией (м., 39 л., учитель истории и обществознания, г. Екатеринбург)

К дискуссиям на политические темы учителя школ Свердловской области относятся неоднозначно. С одной стороны, педагоги признают необходимость обсуждения патриотических тем, а, с другой стороны, указывают на политическую независимость школы: «Дискуссий на политические темы не поощряю, считаю, что политические темы могут обсуждаться только в кругу семьи и близких людей. Школа должна быть политически независима» (ж., 39 л., заместитель директора по УВР, СО). Сохраняется положение, когда школа отказывается от воспитания. Такая позиция утвердилась в 90-е годы и сохраняется до нашего времени.

48% учителей считают, что в семье нужно формировать интерес к политике. При этом сами признают, что «если родители аполитичны, то и дети абсолютно аполитичны. Если родители пытаются какую-то точку зрения высказывать в семье кулуарно, так сказать, то и дети тоже самое говорят и в школе» (ж., 45 л., учитель истории и обществознания, СО).

Но многие родители не могут объяснить особенности современной международной политической ситуации, политику страны, направленную на достижения научного, экономического, культурного суверенитета. Откуда у них эти знания, кто учит родителей? Какова роль школы?

Верно отмечается учителями, что «говоря про дискуссии, нужно подходить к этому вопросу достаточно аккуратно. Я считаю, что недопустимо навязывать какую-то одну точку зрения. Очень важно предоставлять возможность детям высказывать все-таки свою точку зрения, но при этом корректировать направление в рамках, опять же, исторического развития нашего государства. И не более того, но все-таки мы занимаемся образованием, мы не являемся профессиональными политиками и профессионально в школах мы все-таки политикой не обучаем, но в рамках разумного и в рамках политической мировой ситуации они должны понимать, почему и из-за чего происходят определенные процессы» (ж., 45 л., учитель истории и обществознания, СО).

Но странный вывод: мы учителя анализом этих процессов не занимаемся, но учащиеся должны понимать, почему нынешняя политика России имеет свою направленность, качественно отличающуюся от политики многих других стран мира. Кто же их этому научить? СМИ, социальные сети, блогеры?

«Для ребят политика – это что-то сложное, что-то недостижимое. Но когда начинаешь им объяснять, что политика начинается с детского самоуправления, с любви к ближнему, с активного участия в вопросах развития школы, села, территории, тогда они загораются, начинают что-то придумывать, внедрять, знакомиться с чем-то новым» (ж., 24 г., советник директора по воспитанию и взаимодействию с ДОО, г. Екатеринбург).

Следовательно, нужно включать учащихся в решение конкретных социальных проблем развития своего поселка, города, региона. Тогда они на практике познакомятся с работой законодательной и исполнительной власти, выяснят трудности решения тех или проблем внутренней политики, а через нее и внутренней. старшекласников.

ПРОБЛЕМЫ В ПРОФОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Миронова Алена Александровна
(Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов)

Ключевые слова: профориентация, профессиональное самоопределение, самоидентификация, психология, сфера труда.

Аннотация. Данная статья поднимает проблему выбора профессии как в рамках решения индивида, так и всего общества. Существенное внимание уделяется организации профориентационной деятельности в рамках молодежной политики Российской Федерации в границах школы и университета. Также в статье выработаны варианты решения поставленной проблематике.

В рамках социально-молодежной политики профориентация имеет важное и ведущее значение, поскольку определяет судьбу не только одного человека, но и всего общества в целом. Многие социологи и психологи утверждают, что государство обязано заниматься профориентационной деятельностью, поскольку она является составной частью кадровой политики, экономического и общественного развития. Грамотно подобранная человеком позиция по поводу выбора профессии становится стимулом для совершенствования системы, разработки инновационных технологий, которые улучшают уровень жизни на государственном уровне [2,16]. Поэтому важно и необходимо уделять внимание рассмотрению нынешнего профориентационного направления в Российской Федерации. В данной статье будет рассмотрена специфика профориентации, ее состояние в России на данный момент, а также выделены рекомендации для совершенствования профориентационной программы.

Профориентация понимается как ориентация человека на профессиональное самоопределение. Последний же термин имеет интроспективный характер – человеку необходимо самостоятельно понять, в рамках какой профессии ему будет комфортно трудиться [3,7]. В данной терминологии заложен важный смысл, который является определяющим в рассмотрении термина профориентации. Психологу, специалисту по профориентации, необходимо лишь направить человека на определенный выбор, например, с помощью метода майевтики (последовательной цепочки вопросов от специалиста). Именно такой способ сейчас считается ведущим и прогрессивным, поскольку исходит от желания человека. Важно подчеркнуть, что выбор профессии носит глубоко личный характер. Рационально определить, где стоит работать, крайне сложно или практически невозможно для самого человека, а для другого это и вовсе непонятно, поскольку мы имеем дело только с внешними проявлениями личности. О внутренних мыслях мы знаем только со слов индивида, что опять же является проявлением внешнего – поведения. Поэтому только с помощью побуждения рефлексии можно помочь человеку соотнести свои навыки с той или иной профессией.

Помимо характерных особенностей феномена профориентации важно подчеркнуть, что она имеет определяющее значение в смыслообразующем аспекте личности. Так как мы имеем дело с самоопределением. Именно оно затрагивает самотрансценденцию человека в мире, то какой он смысл закладывает в свою деятельность [3, 11]. Именно от выбора профессионального пути зависит удовлетворенность жизнью и ее насыщенность. Счастливые граждане определяют уровень развития государства. Этот тезис повторно подтверждает важность профориентации в социальной политике Российской Федерации.

Профориентация проходит на разных жизненных этапах, то есть происходит на протяжении всех этапов развития человека. Поэтому метод профориентации должен иметь лонгитюдный характер и осуществляться на протяжении всей жизни. Придерживаясь этого тезиса, в данной статье будут рассмотрены различные группы молодежи от школьников до взрослых людей [2,14].

На данный момент в РФ большее внимание профориентации уделяется на школьном этапе. Проводят различные программы для учеников средней и старшей школы («Шаг в Будущее» или «Ворлдскиллс»). Однако данная профориентация в основном направлена на выбор предметной или научной области [4]. То есть она касается образовательной деятельности, но не профессиональной. Это является основной проблемой на данном историческом этапе, поскольку ученик не имеет представления о том, какие профессиональные пути стоят за тем или иным профильным направлением. По этой же схеме реализуется разделение на профильные классы – ученики выбирают эпистему, а не профессию. Знакомство со спецификой работы происходит обычно во время внеучебной деятельности – встречи с профессионалами, экскурсии или же мастер-классы профконсультантов. Эти методы имеют важное значение, однако в полной мере не раскрывают разнообразие профессий, а иногда и вовсе ограничивают учеников школы.

Например, во многих школах в рамках профориентационной деятельности проводят тесты Климова Е. А. на выбор профессии, или же тесты К. Юнга на определение типа личности. Однако такой подход негармоничен в рамках школьной профориентации, так как ученики могут воспринять результаты как приговор судьбы [1]. Однако это совсем неверно: человеку предстоит менять профессиональный путь множество раз и сталкиваться с проблемой выбора на различных возрастных срезах. Ученику школы важно объяснить, что тесты помогают лишь лучше понять себя, свои желания. Но не определяют его выбор. Бывает и такое, что профессиональное самоопределение навязывается человеку уже после выбора профильного класса. Через метод пропаганды преподаватели определяют выбор человека, однако сделать его ученик должен самостоятельно, с помощью самоидентификации и саморефлексии.

Таким образом, можно сформировать следующие рекомендации по совершенствованию школьной профориентации: во-первых, необходимо затрагивать не только научно-предметный выбор, но и знакомить учеников с многообразием профессий; во-вторых, заострять внимание на характере профориентации – эта рекомендация предполагает передачу ответственности за выбор пути на самого человека, а не профконсультанта, а также подготовка к осуществлению выбора на протяжении всей жизни.

Следующим этапом жизни человека является студенчество. Человек становится специалистом, начинает понимать особенности определенного направления работы. Однако он также не в полной мере знаком с многообразием профессий. Многие объясняют эту ситуацию тем, что разнообразие выбора может его ограничивать. Именно из-за этого многообразия и появилась проблема, являющаяся основой профориентации: в капиталистическом обществе человек свободен, но одновременно и замкнут в выборе. В более поздних обществах социум определял за человека, кем он должен работать. Проблемы выбора практически не возникало. Но с развитием индивидуализма этот выбор становится актуальным и особенно сильно обостряется в период студенчества, когда человек уже должен определиться с местом работы [2,3].

Также часто критикуется разрыв между теоретическими знаниями, полученными в институте, и практическими умениями специалистов-новобранцев. Это закономерный недочет, поскольку профессиональное самоопределение начинается только на этапе

работы, когда человек имеет понимание, что из себя представляет профессия и какие знания ему нужны для этого [1]. Данный разрыв пытаются закрыть с помощью института практик во время обучения в ВУЗе. Однако этот вариант также не работает должным образом: практикантов часто не воспринимают как профессионалов, а базы практики определенного направления обучения имеют однотипный характер.

Проблемы профориентации студентов можно решить следующими способами: во-первых, предлагать более обширную вариацию баз практик, чтобы студенты опробовали свои навыки на разных работах; во-вторых, помочь человеку с самоидентификацией, что помогает ограничить желания и выбрать из них истинные. Именно эти желания будут являться основой для осознанного выбора профессии.

Последней группой молодежи являются молодые люди от 25 до 35 лет. Этот возрастной период характеризуется стабильностью: человек определяется с выбором профессии, проходит различные дополнительные курсы для повышения квалификации и специализации в направлении. Однако и на этом этапе могут возникнуть трудности в профориентации, и касаются они корректировки карьерного и профессионального пути [1]. В прошлых абзацах упомянуто, что выбор осуществляется на всех этапах жизни и постоянно изменяется. Это объясняется нестабильностью пространства, постоянно меняющегося мира.

Поскольку взрослые люди нуждаются в профориентационной помощи сегментарно, то они самостоятельно выбирают момент, когда им стоит обратиться к специалисту. Поэтому единственной рекомендацией для данной группы людей служит подготовка и улучшение профессионализма специалистов, осуществляющих профориентационные мероприятия [1]. Для кадровой политики РФ важно подготовить как можно больше высококлассных профконсультантов, которые будут помогать осуществлять данную программу рекомендаций.

1. Алтухов В. В., Кувшинова О. Л., Кузнецов К. Г. Комплексный подход в профориентации // *Профессиональное образование и рынок труда*, №3, 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnyy-podhod-v-proforientatsii>
2. Пряжников Н. С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения: учебно-методическое пособие – 2-е изд., стер. М.: Издательство Московского психологическо-социального института, Воронеж, 2003. – 400 с.
3. Пряжникова Е. Ю. Профориентация: учебное пособие для студенческих учреждений и высшего профильного образования / Н. Ю. Пряжникова, Н. С. Пряжников – 6-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2013. – 496 с.
4. Сергеев И. С. Образовательная профориентация и школьная профориентация: совпадение в пространстве, расхождение в смыслах // *Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория, Инсайт*, № 3 (15), 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-proforientatsiya-i-shkol'naya-proforientatsiya-sovpadenie-v-prostranstve-rashozhdenie-v-smyslah> (дата обращения: 19.09.2024)

ПОДВЕРЖЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ КОНСЮМЕРИЗМУ

*Михайлова Людмила Вячеславовна
(Московский гуманитарный университет, Россия, Москва.)*

Молодежь часто рассматривается в качестве наиболее уязвимой для ценностной экспансии общества потребления социальной группы [5, 347–362]. При этом идентичность оказывается наиболее эффективным проводником такой экспансии [6]. Действительно, идеальным членом общества потребления является человек, который ведет себя как потребитель не в силу каких-то внешних или случайных факторов, а потому, что мыслит себя именно как потребителя. Эта теоретическая конструкция указывает на значимость мониторинга распространения соответствующей социальной идентичности. Но также она позволяет сформулировать вопрос: действительно ли молодежь в большей степени, нежели представители старших возрастов подвержена рискам принятия консюмеристской идентичности. Для ответа на этот вопрос было проведено эмпирическое социологическое исследование.

В российской научной практике наиболее широко апробированной методикой измерения идентичности стала шкала социальной идентификации с группой. Она была теоретически обоснована и апробирована в исследованиях под руководством В. А. Ядова [1; 2; 3] и затем использовалась в десятках массовых опросов. Шкала идентификации включает общую формулировку вопроса «Пожалуйста, укажите для каждой группы, как часто Вы ощущаете близость...» с дальнейшим перечислением социальных групп, близость к которым необходимо оценить респонденту, используя градации «часто», «иногда», «практически никогда», «трудно сказать». Эта шкала была использована в исследовании социальной идентичности российских потребителей, проведенном компанией «Экспертная социология». Шкалы были предъявлены участникам онлайн-опроса, который проходил в орт-ин панели «orposi.online» в период с 20 по 24 июля 2023 года. Всего было опрошено 1466 человек в возрасте от 18 лет из более, чем 200 населенных пунктов, расположенных по всей территории России, что является достаточным объемом для всероссийского исследования, так как обеспечивает величину предельной теоретической погрешности не превышающую 3% (для 95% доверительного интервала и предположения простой случайной выборки из бесконечной генеральной совокупности). Выборка была взвешена по полу, возрасту, образованию и месту проживания респондентов.

Для целей исследования шкала В. А. Ядова была дополнена пунктом, позволяющим измерить частоту идентификации с группой потребителей тех же брендов, которые нравятся респонденту. Так как в исследовании измерялась идентичность субъектов как потребителей, интерес представляют также их материалистические ценностные ориентации. Они измерялись с помощью шкалы материализма, разработанной М. Ричинс и С. Доусоном [7], адаптированной и модифицированной на русском языке В. А. Хашченко [4]. Она включает следующие высказывания, с которыми респондент может оценить свое согласие в баллах от 1 до 5:

1. Я восхищаюсь людьми, у которых есть дорогие дом, машины и одежда.
2. Некоторые из наиболее важных достижений в жизни сопряжены с приобретением имущества.
3. Вещи, которыми я владею, – свидетельство того, насколько я благополучен (благополучна) в жизни.
4. Мне нравится иметь вещи, которые производят впечатление на людей.
5. Я обычно покупаю только те вещи, которые мне нужны.
6. Я стараюсь не придавать вещам (имуществу) большого значения в жизни.

7. Мне доставляет удовольствие тратить деньги на непрактичные вещи.
8. Я люблю, чтобы в моей жизни было много предметов роскоши.
9. Моя жизнь была бы лучше, если бы у меня были некоторые вещи, которых у меня нет.
10. Я не стал(а) бы счастливее, если бы имел(а) более ценные вещи.
11. Я стал(а) бы счастливее, если бы мог(ла) позволить себе покупать больше вещей.
12. Иногда меня немного беспокоит то, что я не могу позволить себе купить все, что мне бы хотелось.

Результаты измерения идентификаций представлены в таблице 1. Как показывает распределение ответов по модифицированной шкале В. А. Ядова, молодежь не в большей, а даже в несколько меньшей степени подвержена опасности консюмеристской идентичности. Впрочем, сама по себе эта опасность довольно велика – почти половина всех опрошенных во всех возрастных группах часто идентифицирует себя с группой тех, кто любит определенные бренды. Это говорит о высокой распространенности зависимости идентичности от потребления в российском обществе.

Таблица 1. Распространенность идентификации потребителями брендов среди возрастных групп

Возрастные группы	Пожалуйста, укажите для каждой группы, как часто Вы ощущаете близость с людьми, которые любят те же бренды, что и Вы.				Итого
	Часто	Иногда	Практически никогда	Трудно сказать	
Молодежь (18-30 лет)	48,80	30,20	17,50	3,60	100,00
Старшие возраста (31 год+)	45,60	38,10	10,00	6,30	100,00
Итого	46,10	36,70	11,30	5,90	100,00

Но значит ли менее распространенная потребительская идентичность и меньшую подверженность консюмеризму как таковому? Вовсе нет, как это показывают данные таблицы 2. Практически по всем пунктам шкалы материализма (за исключением девятого) молодежь демонстрирует более выраженные потребительские установки.

Таблица 2. Согласие с пунктами шкалы материализма Ричинс-Доусона-Хашенко (меньшие баллы означают меньшее согласие, минимум 1, максимум 5)

Пункты шкалы	Молодежь (18-30 лет)	Старшие возраста (31 год+)	По всей выборке
1. Я восхищаюсь людьми, у которых есть дорогие дом, машины и одежда.	2,02	1,71	1,77
2. Некоторые из наиболее важных достижений в жизни сопряжены с приобретением имущества.	2,21	2,07	2,09
3. Вещи, которыми я владею, – свидетельство того, насколько я благополучен (благополучна) в жизни.	2,11	2,05	2,06
4. Мне нравится иметь вещи, которые производят впечатление на людей.	2,21	1,95	2
5. Я обычно покупаю только те вещи, которые мне нужны.	2,54	2,74	2,7
6. Я стараюсь не придавать вещам (имуществу) большого значения в жизни.	2,18	2,31	2,29

7. Мне доставляет удовольствие тратить деньги на непрактичные вещи.	1,66	1,43	1,47
8. Я люблю, чтобы в моей жизни было много предметов роскоши.	1,85	1,56	1,61
9. Моя жизнь была бы лучше, если бы у меня были некоторые вещи, которых у меня нет.	2,35	2,28	2,29
10. Я не стал(а) бы счастливее, если бы имел(а) более ценные вещи.	2,23	2,18	2,19
11. Я стал(а) бы счастливее, если бы мог(ла) позволить себе покупать больше вещей.	2,32	2,05	2,1
12. Иногда меня немного беспокоит то, что я не могу позволить себе купить все, что мне бы хотелось.	2,26	2,3	2,29

Итак, результаты проведенного эмпирического исследования позволяют говорить о том, что российская молодежь в меньшей степени, чем старшие возраста, идентифицирует себя с потребителями определенных брендов, но в то же время демонстрирует более выраженные материалистические и потребительские ценности. Этот результат может быть интерпретирован как некоторое противоречие между идентичностными и ценностными структурами сознания, но может рассматриваться и как срез разных фаз процесса коньюмеристкой социализации молодежи. Возможно, в плане ценностей она просто зашла несколько дальше, чем в плане идентичности. Для выбора между этими двумя интерпретациями требуются дальнейшие исследования.

1. *Социальная идентификация личности / под ред. В. А. Ядова. М.: ИС РАН, 1993. 168 с.*
2. *Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994, № 1. С. 35-52. EDN: TYSQON.*
3. *Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. 1995, т. 4, № 3-4. С. 158-181. EDN: TSKDIW.*
4. *Хащенко В. А. Адаптация русскоязычной версии опросника ориентации на материализм // Социальная и экономическая психология. 2016, т. 1, № 2. С. 79-98. EDN: WFCCIZ.*
5. *Hill J. A. Endangered childhoods: How consumerism is impacting child and youth identity // Media, Culture & Society. – 2011. – Т. 33. – №. 3. – С. 347-362.*
6. *Dunn R. G. Identifying consumption: Subjects and objects in consumer society. Philadelphia: Temple University Press, 2008.*
7. *Richins M. L., Dawson S. A. Consumer Values Orientation for Materialism and its Measurement: Scale Development and Validation // Journal of Consumer Research. 1992, vol. 19, № 3. P. 303-316. EDN: BMROZP.*

ИНДЕКС УСПЕШНОСТИ ФИНАНСОВОЙ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ: МЕТОДИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Могильчак Елена Львовна
(Уральский государственный университет имени Б.Н. Ельцина)

Классик социологии экономической жизни Вивиана Зелизер писала о том, что «несмотря на принципиальную подвижность денег, люди всячески стремятся встроить их в определенное время, место и социальные отношения. Люди производят разные денежные средства для многих, а возможно, и для каждого типа социального взаимодействия». [1, 60]. Можно говорить о таких типах денежных отношений студента, как отношения с родителями, работодателем, а также с коммерческими организациями, по отношению к которым студент выполняет роль покупателя (клиента). Отношения с родителями регулируются неформальными нормами, в том числе, моральными. Отношения студента в качестве потребителя товаров и услуг регулируются прежде всего формальными нормами, как и его отношения с работодателем. Нарушение данных норм может стать причиной изменений в финансовой жизни, неблагоприятных для студента.

События финансовой жизни понимались нами как изменения в финансовых условиях, процессе и результатах деятельности по получению и использованию денежных средств. Эти события мы рассматривали как элементы жизненного пути молодого человека, которые в совокупности могут указывать на успешность социального самоопределения в сфере денежных отношений. События финансовой жизни обычно исследовались социологами наряду с другими жизненными событиями. [2, 109]. Мы изучили данные события как элементы исключительно финансовой жизни. Респондентам предлагалось ответить на открытый вопрос «Какие события, произошедшие в Вашей жизни с февраля 2021 г. по апрель 2022 г. и связанные в той или иной степени с деньгами, финансами, Вам более всего запомнились? Опишите, пожалуйста, эти события, а также те эмоции, чувства, которые Вы испытали в момент, когда произошли данные события». События, приведшие к улучшению финансового положения либо представляющие удачную попытку использования финансовых ресурсов, рассматривались нами как положительные. События, приведшие к ухудшению финансового положения либо представляющие неудачную попытку улучшения данного положения, рассматривались как отрицательные.

Методом анализа текста ответов на открытый вопрос был контент-анализ. Категориями контент-анализа выступали 1) эмоциональное отношение к событию (подкатегории – позитивное, негативное) 2) характер объекта события (подкатегории - деятельность, условия деятельности) 3) характер события в зависимости от его влияния на финансовое положение (подкатегории - положительное, отрицательное) 4) содержание события. Подкатегориями выступали повышение цен; удачная покупка; неудачная покупка; получение первой зарплаты; премия (повышение зарплаты); получение денег от родственников (подарок, наследство); получение стипендии; лишение стипендии; удачный опыт на рынке акций, валют; покупка до повышения цен; не реализовавшаяся возможность приобрести товар (услугу); потеря работы; упущенные возможности; убытки.

В качестве единицы контекста выступал текст, описывающий каждое событие, единицы счёта – упоминание подкатегорий в тексте.

Всего получено 549 событий. Каждое событие при обработке данных было отнесено к соответствующей категориальной группе. Исходя из свойств описанных событий, было сформировано 20 переменных, измеренных с помощью номинальных и абсолютных шкал, 14 из них относились к содержанию событий.

Для каждого респондента определялся *индекс успешности финансовой жизни*. Он рассчитывался как отношение разности числа положительных и отрицательных событий к общему числу событий, указанных респондентом. Индекс изменяется от -1 до +1. Он равен нулю при равенстве числа положительных и отрицательных событий, +1 – при наличии

только положительных событий, -1 – при наличии у респондента только отрицательных событий. Чем ближе индекс к +1, тем выше уровень успешности.

Мы рассмотрели влияние на содержание, характер, объект и эмоциональное отношение к событиям финансовой жизни таких факторов как пол, курс, форма обучения, а также наличие постоянной или временной работы. Выяснилось, что пол влияет на наличие удачного опыта на рынке акций, ценных бумаг, курс обучения – на не реализовавшуюся возможность найти работу и беспокойность повышением цен, наличие временной работы – на появление отрицательных эмоций от событий.

Было построено распределение выборочной совокупности по значениям указанного выше индекса. В результате корреляционного анализа с применением коэффициента ранговой корреляции Гамма было выяснено, что на значение индекса оказывают влияние такие факторы как пол, курс обучения и трудовая занятость. Так, юноши более успешны, чем девушки, а третьекурсники успешнее четверокурсников. Был зафиксирован факт совместного влияния на успешность финансовой жизни таких факторов как пол и форма обучения. Максимальный уровень успешности выявлен в группе юношей контрактной формы обучения.

Мы выяснили, что имеющие временную работу имеют минимальный уровень успешности, постоянную работу – максимальный. Не имеющие ни постоянной, ни временной работы, занимают промежуточную позицию между указанными группами.

События, связанные с работой и с потреблением товаров и услуг, наиболее часто упоминаются в ряду вызывающих *положительные эмоции* событий. Так, чаще всего положительные эмоции переживались после таких событий как получение премии, повышение зарплаты и удачные покупки. Отметим, что в качестве вознаграждения работник получает не только доход, удовлетворение от работы, но и возможность реализовать личные ценности. Реализуемые ценности не обязательно относятся к сфере труда. Студенты рассматривают работу ещё и как способ обеспечения финансовой независимости от родителей и получения возможности приобретать товары и услуги. Так, примерно каждое шестое событие, вызвавшее положительные эмоции, связано одновременно и с самостоятельными заработками, и с покупкой товаров, потреблением услуг. Данные события вызывают гордость, приятные эмоции от того, что товар или услуга приобретены на собственные деньги.

Чаще всего отрицательные эмоции от событий финансовой жизни испытывают студенты, имеющие временную работу. Данный показатель выше в данной группе как по сравнению с имеющими постоянную работу, так и вообще не работающими.

Характер событий финансовой жизни студента мы рассмотрели как индикатор ее успешности. Выполнение молодыми людьми не только задачи получения высшего образования, но и создания условий для формирования независимого от родителей финансового статуса, реализуется в их экономической активности. Дальнейшие исследования финансовой жизни студентов могут быть связаны не только с продолжением изучения ее успешности, но и с выявлением ее взаимосвязи с другими сферами жизни молодых людей.

1. Зелизер В. Создание множественных денег // *Экономическая социология. Электронный журн.* 2002. № 4. С. 58-73.
2. Лебедева Е.В., Сурнина О.Е. Особенности событийной структуры жизненного пути студентов в условиях современности // *Педагогическое образование в России.* 2014. № 2. С. 109–113.

ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ НА ТРУДОВУЮ СОЦИАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИРОДОСООБРАЗНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ЭКСПЕРТНЫЕ НАРРАТИВЫ

*Набокин Андрей Игоревич
(ФГБОУ ВО "Тольяттинский государственный университет")*

В условиях финансовой экономической нестабильности, исследование трудовой мобильности современной молодежи особенно актуально. Так как, с одной стороны, молодежь – это самая мобильная часть общества, среди которой наиболее быстрыми темпами происходит подъем профессионального уровня и служебной карьеры. Но с другой стороны, трудности переходного периода особенно сильно ударили по положению молодежи: лишь небольшая её часть сумела найти свое место на рынке труда, основной же массе пока не удается адаптироваться к изменившейся ситуации.

Термин «мобильность» впервые появился в работе русско-американского социолога и культуролога Питирима Сорокина «Социальная мобильность» изданной в 1927 году.

Социальная мобильность, с точки зрения Сорокина, означала «Под социальной мобильностью понимается любой переход индивида или социальной группы, то есть всего того из одной социальной позиции в другую. Социальная стратификация – это дифференциация людей на высшие и низшие слои в социальном пространстве. Основа и сущность стратификации – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличия или отсутствия социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества». [1]

Для того чтобы обосновать правомерность использования понятия «трудовая мобильность» применительно к молодежи, нам необходимо перечислить ее свойства, которые определяют трудовой потенциал развития, который, в свою очередь, ориентирован на будущее в своем практическом применении.

Молодёжь в значительной части обладает тем уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, который выгодно отличает её от других групп населения. В то же время перед любым обществом стоит вопрос о необходимости минимизации издержек и потерь, которые несёт страна из-за проблем, связанных с социализацией молодых людей и интеграцией их в единое экономическое, политическое и социокультурное пространство.

Социальные особенности молодежи определяются специфической позицией, которую она занимает в процессе воспроизводства социальной структуры, а также способностью не только наследовать, но и преобразовывать сложившиеся общественные отношения. Противоречия, возникающие внутри этого процесса, лежат в основе целого комплекса специфических молодежных проблем.

Одно из первых определений понятия «молодёжь» было дано в 1968 г. В.Т. Лисовским: «Молодёжь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [2]. Позднее более полное определение было дано И.С. Коном: «Молодёжь – это социально- демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определённая фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но её конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально- психологические особенности имеют социально-

историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [3].

Итак, молодежь – это особая социально-демографическая группа, переживающая период становления социальной зрелости, положение которой определено социально-экономическим состоянием общества.

Результаты экспертных интервью показывают:

экспертное мнение №1:

«Поддержка со стороны государства есть и программы реализуются в полной мере. Эксперты отмечают, что большинство молодых людей настроены на лучшее, но к сожалению, многие психологически не готовы к трудностям и неизбежным неудачам. Сложно говорить в целом о молодежи, т.к. все зависит еще от специфики региона, с учетом инфраструктуры и от многих факторов. Собственно говоря, ситуация на рынке труда меняется фактически ежегодно, и соответственно молодому человеку, не имеющему жизненного опыта, профессионального опыта и трудового потенциала достаточно сложно оценить и применить. А оценивать его нужно, соизмерять с объективностью. Вот, например, некоторые молодые люди, с высшим образованием инженера, не ориентируются на работу техника, т.е. работу по профессиональному уровню чуть ниже. Чем приобретенная специальность высшего образования. Но ведь не надо забывать, что изначально работодатель может занижить профуровень, только из отсутствия опыта в трудовой деятельности соискателя. К этому нужно быть готовым. Так же на высокую зарплату молодому человеку только что окончившему вуз трудно рассчитывать. Все это конечно не означает, что молодому человеку, окончившему вуз, в выборе профессии стоит подходить без требований. Напротив, нужно настраивать себя на успех, и не забывать, что поиск работы – это тоже работа. Главное четко знать, что молодой человек хочет, что умеет и знает. Быть готовым при необходимости к повышению квалификации, к овладению новых навыков. И конечно же нужно учиться анализировать неудачи и правильно делать выводы и конечно же быть настойчивым в поиске работы. И помнить, что самое неблагоприятное впечатление на работодателя производит человек неуверенный, не знающий, чего он хочет.

Экспертное мнение №2:

Если смотреть со стороны государственной поддержки, то возможности вполне реальные. Есть всевозможные гранты, курсы, конкурсы где выделяются деньги на создание своего дела и т.д. с этой стороны достаточно реально, а со стороны самостоятельного, например, займа или кредита в банке на свое дело, не совсем реально, не у всех получится. Только с помощью государства. У меня есть данные именно по Самарской области, это около 18% молодежи обращается, или это за прошлый год, такие данные. Но % именно студентов маленький, большинство обращаются за консультационными услугами, например, по составлению резюме. Есть отдельные программы, такие как например общественные работы, в которых, как я понимаю, никаких изменений пока не ожидается.

Экспертное мнение №3:

Для старта нужно, какие-то знания, умения, возможность применить на деле и поддержка со стороны старших товарищей. На мой взгляд, было бы желание, и все получится. Я считаю, что ориентиры у молодежи, как и 50 лет назад, когда этот человек совсем еще юный, он стремится вырасти, потом он стремится завести семью, потом он стремится реализоваться, т.е. в принципе стремления одни и те же, они в основном жизненные. Хотя есть такой крен в сторону материальных вещей. Комитет по делам молодежи все больше и больше работает с теми людьми, которые не «заточены» исключительно на материальный аспект, т.к. такая молодежь она в основном во вне учебной деятельности и принимает активное участие. Те, которые готовы реализовывать свои

планы, готовы менять свой город, не мыслят себе поскорее подготовить площадку, для того чтобы уехать в другой город, где «больше возможностей». Вот если это все суммировать, то наверно этот % никто не назовет. Что касается нашей отрасли, то обращается достаточно большое количество людей, и, если в целом у нас где-то по прошлому году обратилось 4413 человек, по педотрядам 600, и по общественным работам где-то человек 800, где-то тысяча 6–7 это только к нам обратилось, всего у нас молодежи от 14 до 30 лет 186 тысяч человек в г. Тольятти. Но если сложить все остальные, в т.ч. профориентационные службы и т.д., то там наверно получится очень большой процент. Не бояться браться за разную работу, и немного снизить планку в зарплате. Если смотреть в целом, то у нас очень сильно упал уровень жизни за время кризиса, и до конца у нас в городе он еще не прошел, и последствия его еще долго останутся, поэтому следует адекватно подходить к своим возможностям, остаться в г. Тольятти, т.к. наш город очень много ресурсов имеет для развития, и попробовать подстроиться под ту систему, которая есть и потом это будет вознаграждено. Постараться проще относиться к первой работе, если мы говорим о той категории граждан, которая впервые ищет работу, первая работа должна давать представление что ты из себя представляешь и что ты можешь сделать.

Экспертное мнение №4:

1. Молодежь г.о. Тольятти достаточно разная, разноплановая. Если говорить о трудоустройстве, то мы в частности занимаемся трудоустройством молодежи от 14 до 18 лет, и молодежи, которая стоит на учете в центре занятости в возрасте от 18 до 30. Конечно на сегодняшний момент, молодежь хочет зарабатывать деньги, получить первоначальный минимальный опыт работы, для того что бы в дальнейшем можно было проще устроиться. Конечно же кризис внес свои коррективы, все хотят заработать хотя бы маленькую копейку, хотя бы на что-то. В плане трудностей, сейчас многие компании не идут на уступки и не берут молодежь без определенного опыта работы. А получить этот трудовой опыт на том же предприятии достаточно сложно. Поэтому наша программа по общественным работам дает возможность молодежи получить на общественных работах хотя бы какой-то минимальный опыт, пусть и за меньшую зарплату. Это программа реализуется совместно с центром занятости г.о. Тольятти, финансирование полностью из городского бюджета. Конечно заработная плата для части народа, для части людей кто-то хочет себя просто чем-то занять, для части получение минимального опыта в определенной профессии. Но в первую очередь это конечно деньги.

Таким образом, на формирование трудовой социализации современной молодежи огромное влияние оказывают социальные институты общества, такие как семья, образование, культура, государство. Рассмотрим некоторые из них в отдельности.

К вопросу о семье.

Российская семья в современных условиях переживает этап негативной адаптации к социальным переменам. Тенденции, отмечаемые исследователями семьи, вызваны преимущественно кризисной ситуацией в обществе, носят в основном деструктивный характер и свидетельствуют о деинституциализации семьи.

В связи с этим можно говорить об отрицательных последствиях социальных трансформаций, и в том числе – об утрате семьей способности взаимодействовать с другими социальными институтами, что в конечном итоге отрицательно отражается на трудовом потенциале молодежи.

Рассмотрим образование.

Образование можно обозначить как – развитие жизненного опыта человека. Как процесс и как результат. В соответствии с иерархической структурой личности образование включает в себя три компонента: воспитание, обучение, развитие.

Поэтому молодой человек, даже после окончания вуза, затрудняется в выборе профессиональной деятельности, и ведомый желанием заработать как можно больше материальных благ, теряет свойство ценного кадра.

Таким образом, все названные социальные институты на формирование трудового потенциала молодого человека влияют в равной степени и должны действовать в совокупности. В данном случае необходимо учитывать особенности воздействия социальных институтов на трудовую социализацию молодежи с учетом природосообразных технологий, где немаловажное значение имеет институт здравоохранения, так как здоровье является важнейшим социальным капиталом и напрямую влияет на трудоспособность молодежи.

1. П. Сорокин. *Социальная стратификация и мобильность*. // Питирим Сорокин. «Человек. Цивилизация. Общество». (Серия «Мыслители XX века»). М., 1992.
2. Лисовский В.Т. *Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. Учебное пособие*. СПб., 2000.
3. Кон И.С. *Психология юношеского возраста (Проблемы формирования личности)*. М., 1979.

«РАЗГОВОРЫ О ВАЖНОМ» - АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Нода Александр Сергеевич
(Агентство «СВОИ»)*

*Куранов Григорий Владимирович
(заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в
Дальневосточном федеральном округе)*

*Русских Валерия Анатольевна
(Агентство «СВОИ»)*

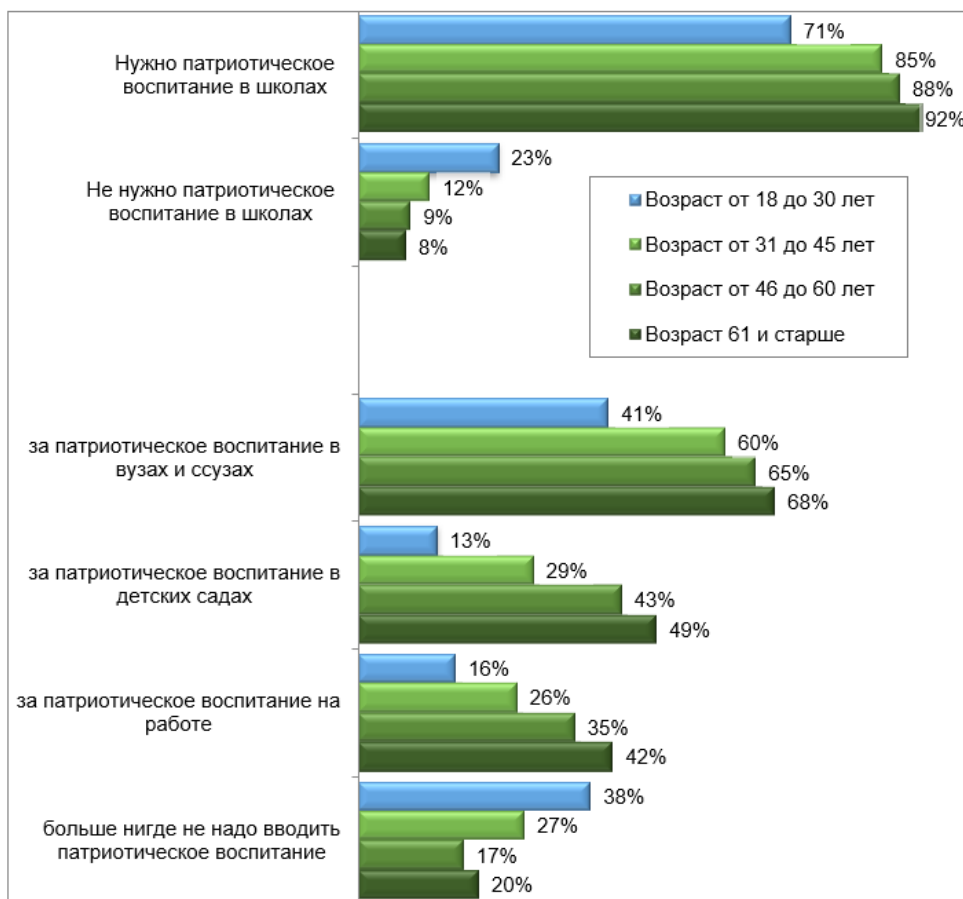
В 2023 году агентством «СВОИ» при поддержке полномочного представителя Президента РФ в ДФО Ю.П. Трутнева и личном участии его заместителя Г.В. Куранова было проведено масштабное исследование в 11 регионах Дальневосточного Федерального округа, в рамках которого было опрошено 6 000 жителей в формате телефонного опроса, а также 6 000 педагогов и 56 518 школьников в формате онлайн-опроса. Более чем 10-тилетнее изучение темы патриотизма в рамках инициативных исследований позволило разработать уникальную комплексную прикладную технологию формирования идеологических смыслов «Матричная система воспитания и развития духовности и патриотизма», успешно реализуемую на территории Дальнего Востока, цели которой кратко можно изложить так: воспитание детей и общества в целом, доверие к власти, позитивный образ Дальнего Востока.

Одна из задач проведенного исследования была направлена на понимание значимости и эффективности школьного цикла «Разговоры о важном», а также необходимости его дальнейшего развития и возможности внедрения разработанной прикладной системы технологий воспитания современных российских духовных ценностей и патриотизма.

Воспитательная работа в школах необходима – так считают и сами педагоги (94%), и в целом жители ДФО (85%). И хотя лишь каждый десятый (12%) считает, что патриотическое воспитание в школах вести не нужно, настораживает, что среди молодых людей 18-30 лет доля респондентов, придерживающихся такой точки зрения, уже вдвое больше (23%) (см. Диаг.1).

Также большинство респондентов поддерживают распространение патриотического воспитания на вузы и ссузы (59%), около трети опрошенных отметили актуальность уроков патриотизма в детских садах (34%) и на работе (30%). Однако четверть опрошенных считает, что больше нигде не надо вводить патриотическое воспитание (25%). Здесь снова проявляется возрастной «разрыв» - чем старше респонденты, тем больше они поддерживают распространение практики уроков воспитания патриотизма, а вот молодое поколение чаще противится этому (38%) (см. Диаг.1).

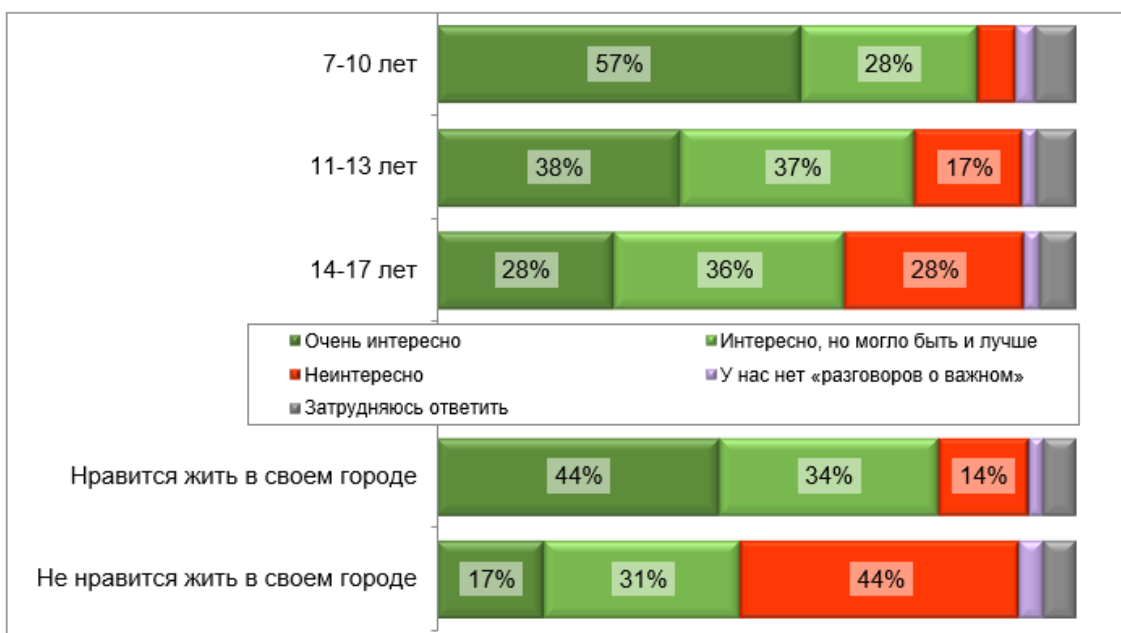
Такие зеркальные мнения говорят о том, что излишнее навязывание патриотической повестки, которым отличаются некоторые представители школ и региональные чиновники в сфере образования, встречают отторжение у самих учащихся и части родителей, что может привести к обратному результату.

Диог.1. Актуальность патриотического воспитания в возрастных группах (в % по группам опрошенных жителей ДФО старше 18 лет. Телефонный опрос проводился 01-09 ноября 2023 г. Опрошено респондентов: 6000)

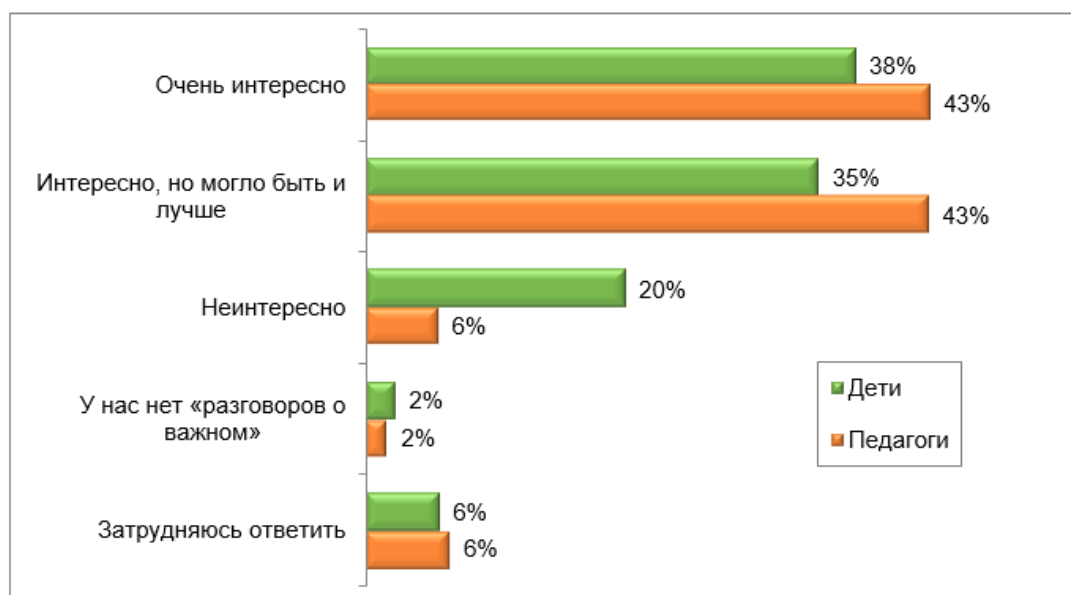
Школьникам был задан вопрос, насколько им интересны «Разговоры о важном»: 38% отметили, что им очень интересно, и 35% ответили, что интересно, но могло быть лучше. По этим цифрам можно сделать вывод, что детям интересны уроки этого цикла, однако если провести более углубленный анализ (см. Диог.2), выяснится, что интерес к «Разговорам» чаще проявляют ученики начальных классов в возрасте 7-10 лет (57%). О том, что уроки не являются для них интересными, сказали 20% опрошенных школьников, и чаще это ученики старших классов, в возрасте 14-17 лет (28%). Очевидно, что необходим дифференцированный подход к формату проведения таких уроков, учитывающий возрастную специфику.

Важным моментом также является то, что неинтересными «Разговоры о важном» чаще считают дети, которым не нравится жить в своем городе, – 44% против 14% среди тех, кому нравится жить в своем городе (см. Диог.2). Можно предположить, что патриотическое восприятие детей и молодежи напрямую связано с созданием комфортных и благоприятных условий жизни в месте проживания.

Диagr.2. Восприятие детьми "Разговоров о важном" в возрастных группах и в зависимости от отношения к населенному пункту проживания (в % по группам опрошенных жителей ДФО младше 18 лет. Онлайн-опрос проводился в июле-августе 2023 г. Опрошено респондентов: 56518)

Обращает на себя внимание, что педагоги более оптимистично настроены по отношению к тому, насколько «Разговоры о важном» интересны для детей (см. Диagr.3): только 5,5% педагогов отмечают незаинтересованность школьников. Это говорит о том, что далеко не все учителя, ведущие уроки цикла, обладают достоверной информацией. Необходима своевременная обратная связь от учеников и работа с ней как со стороны педагогов, так и авторов «Разговоров о важном».

Диagr.3. Насколько Вам интересны (в % от всех опрошенных жителей ДФО младше 18 лет. Онлайн-опрос проводился в июле-августе 2023 г. Опрошено респондентов: 56518) // насколько интересно для детей проходят «Разговоры о важном» в Вашей школе? (в % от всех опрошенных педагогов. Онлайн-опрос проводился в ноябре 2023 г. Опрошено респондентов: 6000)

При этом хотя большинство опрошенных педагогов считает, что текущий формат воспитательной работы оптимален и ничего менять не стоит (67%), в то же время каждый четвертый педагог ответил, что подобные уроки нужны, но их формат нужно изменить (27%). В числе возможных изменений, дополнений формата уроков «Разговоры о важном» педагоги отмечали:

добавление интерактива, игрового формата (игры, тренинги, фильмы и видео)
проведение дебатов, обсуждений, вовлечение школьников в диалог,
включение практической деятельности,
приглашение на уроки интересных гостей,
организация выездов по тематике уроков.

Таким образом, исследование показало, что цикл «Разговоры о важном» нужен современной российской школе, однако его можно и нужно дорабатывать и обновлять.

Необходимо продвигать маленькие победы России, акцентировать внимание детей на положительных изменениях в их собственных городах, на местном уровне, а для этого, конечно, повсеместно развивать досуговую, спортивную, научно-техническую инфраструктуру. Можно и нужно дополнительно освещать предоставляемые регионом возможности через спецкурсы в образовательных учреждениях. В уникальной Матрице идеологических смыслов, разработанной нами в рамках проекта «Изменение образа Дальнего Востока», есть готовые тематические разделы и прикладные методики, которые способны максимально эффективно донести мысли о том, что жизнь людей на Дальнем Востоке меняется к лучшему, Дальний Восток – это территория уникальных возможностей для личного успеха, опора, гордость и сила России.

Особенно важно построить работу со старшеклассниками и студентами ссузов, где идут уроки цикла, – необходимо давать им большую самостоятельность и простор для самореализации, это могут быть доклады-презентации, съемка видео-визиток, конкурсы блогеров и т.п.). Также следует продумать формат данных занятий – можно предположить, что с большим интересом и готовностью будут восприняты дискуссионные клубы и соответствующие соревнования между классами, группами, факультетами, школами и т.д. Такая активность не предусматривает прямой пропаганды, а стимулирует к выработке собственной точки зрения, основанной на аргументах, которые может помочь подготовить педагог.

Также ключевым моментом является сам процесс преподавания, который в различных школах происходит по-разному, часть учителей не является патриотами, не считают патриотическое воспитание важным, в связи с чем саботируют или отрабатывают уроки формально. На подобные настроения в учительской среде есть возможность повлиять путем донесения прежде всего до самих педагогов необходимости работы по патриотическому воспитанию, а также с помощью разработки более гибких методов и подходов. В данном направлении также будет полезно использование нашей прикладной комплексной технологии воспитания патриотизма – насыщение информацией об успехах, достижениях, перспективах создаст базу для гордости в том числе самих педагогов, которые неизбежно будут транслировать ее на своих учеников и вовлекать их в общую конструктивную деятельность.

КОНСТРУКТИВНАЯ СЕМАНТИКА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ

*Нятина Наталья Владимировна
(Кемеровский государственный университет)*

Материалы подготовлены при поддержке гранта РФФ № 24-28-01230 «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining»

Аннотация. Социально-политическая коммуникация молодежи в сетевых сообществах может реализовываться как в конструктивном, так и деструктивном формате. Положительная составляющая взаимодействия отражает ключевые мотивы коммуникативной активности личности. В статье приведены результаты анализа постов популярных сообществ среди молодежи в сети ВКонтакте, проведена их группировка в зависимости от значения слов и содержания постов.

Ключевые слова: социально-политическая коммуникация, молодежь, сетевое сообщество, взаимодействие, семантика.

Современные социально-политические условия непосредственным образом влияют на социализацию молодежи, ее взаимодействие со значимыми и обобщенными Другими, включение в общественные объединения (в том числе движения), а также формирование и изменение ценностей и ценностных ориентаций. В связи с расширением коммуникативных виртуальных сетей и их роли для молодых людей, а именно возможность свободы самовыражения в них, формирование включенности от информанта до создателя информационного контента, позволяет корректировать повестку социально-политической коммуникации. Клиповое мышление, быстрое переключение от одной к другой информационной траектории, самостоятельный фильтр сетевых сообществ, друзей создает виртуальное пространство самопрезентации и самовыражения молодых людей. Исследование подобных сетевых коммуникаций позволяет диагностировать как точки напряженности, так и возможные конструктивные линии активности молодежи.

Семантика в контексте данного исследования направлена на изучение значений социально-политической коммуникации молодежи в сетевых сообществах. К числу ее значимых черт следует относить:

конструктивная/деструктивная валентность (от лат. *valentia/ valens* – «имеющий силу»), то есть способность сочетаться с определенными языковыми единицами, влияя на способ и форму выражения в положительном/отрицательном формате;

ситуационная составляющая, которая задает направленность, протяженность и интенсивность взаимодействия [2, 228];

поддержание/отрицание ценностей порядка, социальной безопасности и снижение потенциальных рисков в социально-политическом пространстве;

поливариативность реализации, то есть подразумевается, что через коммуникацию пользователи сетевых сообществ могут транслировать различные форматы реальной/потенциальной активности;

в основе семантической системы социально-политической коммуникации значимым является определение *денотата* (то есть так называемого «словесного рисования»), а также

сигнификата (определяемого при сравнении одного слова с другими для понимания интегральных и дифференциальных значений, которое хорошо проявляется в оценочной лексике) [1, 37];

многофункциональность семантики социально-политической коммуникации, когда можно говорить о ее назначении, роли (активной/пассивной), субъектах, которые формируют повестку и готовы нести ответственность в случае необходимости.

Непосредственно конструктивная семантика направлена на активизацию социальной поддержки, реализацию содействия в решении актуальных противоречий и проблем, интеграцию и консолидацию усилий, молодежного ресурсного потенциала в условиях определенного риска. Для изучения конструктивной семантики социально-политической коммуникации в сетевых сообществах были проанализированы посты пользователей сети ВКонтакте, которые были размещены с 01 января 2024 по 01 июня 2024 года. Отбор постов осуществлялся по ключевым словам: «мобилизация», «добровольчество», «наши герои» и «патриотизм». Парсинг был реализован с помощью сервиса vk.barkov.net, который активно используется для сбора данных в социальных сетях ВКонтакте и Одноклассники с 2014 года. В качестве сообществ, из которых осуществлялся сбор данных были выбраны «Инцидент Кузбасс», «Инцидент Томск», «Инцидент Новосибирск» и «Инцидент Красноярск», так именно данные группы популярны среди молодой аудитории. Всего было собрано 5 902 постов, среди них по ключевому слову «мобилизация» - 4 001, 80 – «волонтерство», 481 – «наши герои», 1340 – «патриотизм».

Исходя из собранной информации все посты на стене в сообществах были типологизированы на следующие смысловые группы:

Мотивационная группа, в которой отражаются слова поддержки, направленные на усиление, активизацию конструктивной активности пользователей сетевых сообществ и их ресурсного потенциала. В данной группе все мотивы можно разделить на следующие подгруппы: внутренняя мотивация («Придёт повестка. Поеду. За наших парней. Устал читать ваши «диванные» героизмы. Я ограниченно годен к воинской, рядовой, но призовут и пойду...») (сообщество «Инцидент Кузбасс» - 5 репостов, 3 комментария, 52 просмотра); внешняя мотивация («Народный фронт призывает томские власти ужесточить контроль за утилизацией пивных кег» (сообщество «Инцидент Томск - 27 репостов, 8 комментариев, 7471 просмотр)); просоциальный мотив («пока большинство стояли и снимали: водитель такси помог спасти имущество погорельцев в Кемерове...») сообщество «Инцидент Кузбасс - 1332 репоста, 48 комментариев, 124 462 просмотра); мотив идентификации («В политических нововведениях выделяется мотивация, не связанная с религиозными убеждениями, а скорее с обеспечением безопасности и идентификацией личности в общественных местах. Матвеев подчеркнул, что в периоды повышенных угроз необходимо рассмотреть запрет на использование любых предметов, закрывающих лицо, за исключением медицинских масок и специальной защитной одежды» сообщество «Инцидент Новосибирск - 471 репост, 251 комментарий, 65 824 просмотра)). В общей массе постов подобная группа представлена 8 %.

Информационно-событийная группа, в которой имеется ключевая информация о событиях в социально-политическом пространстве. Она относится к числу конструктивных, так как данные, которые содержатся в сетевом пространстве являются фактологическими, не относятся к группе оценочных суждений и отражают объективную реальность (ссылки на проверенные источники представлены). Всего из 5 902 постов к данной группе относятся только 10 %. Например, в сетевом сообществе «Инцидент Кузбасс» размещена информация, что «за 2023 году от военных поступило 377 обращений (в 2022-м их было 95), большая часть которых по вопросу отсрочки от призыва на военную

службу» (всего по данному посту было собрано 603 лайка, 123 репоста, 140 комментариев, 90 206 просмотров). Основную массу постов составляют новости местного и регионального уровня, которые рассказывают об изменениях в инфраструктуре, улучшении условий для досуговой деятельности населения, в том числе молодежи.

Группа оценочных суждений в формате конструктивного дискурса. Наиболее часто представлена в постах в исследуемых сетевых сообществах по ключевым словам поиска «мобилизация» и «патриотизм» – 24 %. Например, «за вклад Николая за освобождение Донбасса пришло благодарственное письмо. Также наш земляк уже имеет награды «Доброволец СВО», «За боевое отличие» и «За боевые заслуги». За подвиг, совершённый в зоне СВО, представлен к правительственной награде. Невероятная гордость и уважение» сообщество «Инцидент Красноярск» - 95 репостов, 7 комментариев, 4 018 просмотра)).

Группа результирующей конструктивной активности населения. Посты данной группы объединяют одновременно благодарность и слова признательности за профессиональную деятельность, иллюстративность героизма мобилизованных людей, медицинских работников, спортсменов, жизнь и деятельность, которых в современных социально-политических условиях направлена реализацию социально значимых целей, поддержание социального порядка, решение местных проблем. По ключевому слову «наши герои» таких постов наибольшее количество, в общем объеме они составляют 14 %. Стоит отметить, что большинство постов и комментариев данного направления появляются ближе к Дню Победы, что обусловлено патриотическим сознанием населения. Иллюстративными являются подвиги военнослужащих, а также примеры альтруистического поведения жителей региона.

Группа социально-политической коммуникаций «душевных переживаний» прежде всего способствует интеграции пользователей, снятию социальной напряженности, нахождению единомышленников (9 % из общего числа постов). В данной группе содержится информация смешанного характера, происходит резкий переход от одной темы к другой.

Кроме постов, которые по содержанию были идентифицированы в определенную группу, также имеет 35 % записей, которые невозможно отнести к конструктивным или не отражают ни одну из групп (реклама, обращения к определенным личностям и т.п.). Анализ конструктивной семантики социально-политической коммуникации в сетевых сообществах в сети ВКонтакте показал, что пользователи преимущественно занимают просоциальную, конструктивно деятельную позицию по отношению к региональным событиям, они транслируют негативное отношение к слактивизму и призывают к активизации гражданского самосознания населения в ситуациях неопределенности и угроз социальной безопасности.

1. Мордашова Д. Д. Структура семантической зоны модальности в русском языке: моделирование системных отношений между конструкциями (на материале ресурса «Русский конструктивкон») // Вопросы языкознания. 2023. № 2. С. 29-55 . URL: <http://vja.ruslang.ru/archive/2023-2/29-55>. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.29-55
2. Эндресен А. А., Жукова В. А., Мордашова Д. Д., Рахилина Е. В., Ляшевская О. Н. Русский конструктивкон: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 2020. 19(26). С. 226–241.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ГРУППОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СТУДЕНЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

*Онзимба Ленюngo Жанна Борисовна
(РУДН им Патриса Лумумбы)*

Проблематика социальных представлений всегда находилась в фокусе внимания исследователей, работающих в предметном поле социологии и социальной психологии. Групповые представления не получили столь же широкого научного признания, поскольку акцент в изучении совместной групповой деятельности делался в большей степени на феномене групповой динамики. Необходимость изучения групповых представлений участников совместной деятельности обусловлена тем, что именно они являются ключевыми конфликтогенными факторами, способными нарушить стабильность группы [1].

Расширение предметного поля исследования личности требует применения междисциплинарного подхода к изучению групповых явлений, выступающих основой формирования и развития личности. В этой связи необходимо рассмотреть не только внешний (заданные социокультурные условия деятельности группового субъекта), но и внутренний (соответствие групповых ценностей и норм социальной группы потребностно-мотивационным ожиданиям ее членов) контексты совместной деятельности людей в ситуационно-обусловленных групповых границах, которые определяют итоговую эффективность конкретной деятельности как отдельного человека, так и группы в целом.

Современный этап развития науки характеризуется все возрастающим вниманием к отдельной личности как «человеку действующему», активному субъекту, способному во взаимодействии с другими социальными акторами проектировать будущее, исходя из собственных и групповых целей, мотиваций, потребностей, ценностей, представлений. Наиболее важным является вопрос о структурных составляющих обыденного сознания, которые определяют восприятие конкретного индивида как носителя определенных качеств, в том числе и социально значимых личностных качеств.

Важность анализа методологического подхода к изучению ситуационно заданных групповых представлений диктуется практической востребованностью организации студенческого самоуправления в высших учебных заведениях с целью превентивного контроля ситуаций непонимания и конфликтов в учебных группах. Таким образом, возникает необходимость разработки социологического инструментария изучения групповых представлений о ситуационно-специфическом поведении участников совместной деятельности и его теоретико-методологического обоснования.

Традиция выделения в культуре двух пластов (жизненного и рационального), которые, присваиваясь индивидом, порождают личностные новообразования, в той или иной форме отражается в трудах многих философов, в том числе в рамках теологических исследований. Так, например, Р.Бультман [7] в связи с самопознанием рассматривает богопознание, так что теология у него выступает в форме антропологии. Смысл религии, по его мнению, в том, чтобы вывести человека за пределы посюсторонности и оставить наедине с Богом, приобщая его тем самым к высшему, истинному миру; в качестве индивидуальных характеристик, присваиваемых человеком в ходе его культурного развития выступают такие, как «религиозность» и «безверие».

В этом же направлении движутся представители философской антропологии (М.Шелер, Х.Плеснер), которые разрабатывают свои учения в полемике с позитивистской и неокантианской методологией, требуя возврата от формальных проблем к

содержательным, от исследования природы знания - к постижению природы бытия, и, прежде всего человеческого бытия [2].

Одним из наиболее перспективных направлений исследования бессознательных истоков самосознания является подход, в рамках которого осуществляется изучение «имплицитных знаний», связанных с образом Я. В качестве методологической основы данного направления выступает учение М.Полани о неявном знании в рамках развития науки [4]. Свою трактовку процесса научного творчества М.Полани связывает с идеями гештальтпсихологии. При этом введенное им понятие «неявного знания» (англ. tacit knowledge) как раз и обозначает неартикулированный и не поддающийся полной рефлексии слой человеческого опыта. Смысл научных утверждений определяется неявным контекстом скрытого (или молчаливого) знания, которое, по существу, имеет инструментальный характер «знания как», знания-умения, в своих глубинных основах задаваемого всей телесной организацией человека как живого существа.

В подходе М.Полани особенно важным является акцент на использовании орудий, что созвучно как, в целом, отечественной психологии, так и, в частности, культурно-историческому подходу [3], в котором в качестве основного выступает понятие опосредованности высшей психической функции использованием орудия или знака, как символически преобразованного орудия.

Оригинальную трактовку базовых компонентов культуры дал Ю.Хабермас [5]. Важнейшим элементом учения Хабермаса стала теория коммуникативного поведения, призванная описать альтернативные структуры, не обретшие институционального оформления в ходе становления современной научно-технической цивилизации, и одновременно описать «двухступенчатое» строение современного общества. Ю.Хабермас выделяет два типа поведения: коммуникативное и стратегическое - и показывает, как стратегически ориентированное поведение (цель которого состоит не в достижении взаимопонимания, а в преследовании «интереса») ведет либо к сознательному, либо к бессознательному обману партнера. В первом случае складывается система манипулирования, во втором – систематически извращаемая коммуникация.

Особое место занимает исследование того, как человек конструирует социальную реальность в своем сознании. Значительнейший представитель этого направления - А. Шюц [6], создавший теорию интерсубъективности, которая должна была служить решению двух кардинальных проблем понимающей социологии в духе Вебера: 1) выявлению смысла понятия действия, ориентированного на поведение других людей, т. е. веберовского понятия социального действия, и 2) объяснению возможности познания субъективного смысла действия, т. е. объяснению процесса понимания действующего индивида.

Таким образом, можно видеть, что сложилось две традиции анализа структурных личностных образующих носителя индивидуального сознания. Одно из них ориентировано на выделение уровней сознания по степени осознанности, другое ориентировано – на выделение различных типов культур, опирающихся на особенные ценности.

1. Аймадова Н.Е., Наумов А.А. *Межэтническая дезинтеграция и проблема культурной идентичности в менталитете постсоветской России. (Тезисы). 5-й Международный философский симпозиум «Диалог цивилизаций: Восток-Запад». Материалы. М., РУДН, 2001. С.10.*
2. *Буржуазная философская антропология / под ред. Б.Т.Григорьяна - Москва: Наука, 1986. – 296 с.*
3. *Выготский, Л.С. Избранные психологические исследования / Л.С. Выготский. – Москва: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1956. – 520 с.*

4. Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина — Москва: Прогресс, 1985. — 344 с.
5. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. / Пер. с нем. С.В. Шачин, под ред. Д.В. Скляднева. Послесл. Б.В. Марков. — Санкт-Петербург: Наука, 2001. — 380 с.
6. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. — Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 1056 с.
7. Bultmann, R. *Glauben und Verstehen*. Tübingen, 1933. URL: <https://ub.unibas.ch/tox/IDSLUZ/000010904/PDF> (дата обращения 10.08.2024)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ БУДУЩИХ УЧАСТНИКОВ РЫНКА ТРУДА КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Патокина Наталья Николаевна
(Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского)

Теодорович Михаил Леонидович
(Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского)

Статья посвящена рассмотрению социально-экономических установок молодого поколения. В продолжение длительного времени авторы с использованием метода case-study исследуют развитие малой территории – г. Городец Нижегородской области. На основе анализа полученных по результатам исследований данных сделан вывод о наличии детерминант устойчивого развития малой территории и необходимости встраивания молодежи в ее развитие.

Ключевые слова: малая территория, устойчивое развитие территории, факторы приверженности, социальные детерминанты, миграция, молодое поколение, восприятие территории, сопричастность к развитию территории.

В продолжении длительного времени авторы занимаются исследованием и глубинным анализом малых городов России. За последние два года научным коллективом проведено несколько исследований, которые так или иначе затрагивали поколенческие аспекты жизненных стратегий населения: будущее глазами подростков. Уникальность и актуальность проведенных исследований заключается в их концентрации на подростке, как субъекте социальной жизни. На вопросы при анкетировании отвечают непосредственно подростки, с соблюдением всех необходимых требований действующего законодательства. Исследования, посвященные детскому настоящему, позволили оценить различные сферы жизни подростка и то, как эти оценки локализуются и проецируются на малую территорию его проживания. Далее излагаются основные выводы, касающиеся социально-экономических установок подростков как будущих участников рынка труда и как драйвера их жизненных траекторий в контексте перспектив территориального развития г. Городец Нижегородской области.

Основополагающую роль в жизни подростков играет образование. По результатам опроса образование представляется важным ресурсом при достижении целей в будущем: 56,3% хотят стать образованными людьми, повышение образования как способ достичь желаемого положения отмечают 65,9%. При этом образование большинством понимается как чисто механическое получение знаний, умений и навыков. Связь между образованием и достижением успеха присутствует в ответах респондентов, но оценка его связи с последующей работой и остальными сферами жизни на низком уровне находится на низком уровне.

Трудовые установки подростков амбивалентны. Труд рассматривается как основной источник дохода - при описании источников дохода семьи заработная плата - это самый распространенный ответ (91,2%). Достаточно большое количество респондентов хочет получить востребованную профессию и стать профессионалом, тем самым добиться желаемых целей в жизни и превзойти родителей. Труд рассматривается как возможность самореализации и источник именно высокого дохода. Еще одной важной составляющих трудовых установок является нежелание и неготовность в будущем брать на себя

ответственность, что конфликтует с возможностью занимать руководящую и иную должность с повышенным доходом. Соответственно, существующие весьма высокие запросы не соотносятся с представлением о том, что достижение их является процессом, требующим иных ресурсов, кроме знаний и навыков, с реальной ситуацией на рынке труда, что представляется проблемным полем в будущем.

В подростковой среде существует запрос на подработку, при этом только 22% респондентов ответили, что у них или других несовершеннолетних членов семьи есть заработная плата и еще у 7,1% есть доходы от чего-либо, что они или другие несовершеннолетние члены семьи делают сами. 29,7% ответили, что в их повседневные практики входит подработка. Таким образом, мы видим, что включенность в экономические отношения такого рода напрямую есть только у относительно небольшой доли представителей этой группы молодежи.

Результаты опросов показывают, что среди подростков существует ядро, которое уже приучено к труду, приучено зарабатывать деньги, причем зарабатывать их здесь – на территории проживания. Соответственно, перспективна фокусировка молодежной политики в том числе и на создании для будущих взрослых перспективы, в которую они могут встроиться, и которая не обладает высоким барьером входа. Наши исследования с использованием метода case-study свидетельствуют о том, что активными акторами по привлечению молодежи к трудовой деятельности, вовлечению ее в низовые территориальные экономические практики и, тем самым, встраиванию в деятельностный ландшафт территории [1, 57], в конечном счете - укоренению на территории происхождения могут выступать бизнес и НКО. Предлагая подросткам интересные для их восприятия проекты, в том числе, с финансовой привлекательностью, бизнес может готовить себе определенный кадровый резерв, предлагать подросткам перспективы, не связанные с потерей располагаемых преимуществ проживания на домашней территории и, тем самым, более привлекательных. НКО в этой парадигме могут не только помочь наработками и организацией людей на конкретные дела, но и получить дополнительный приток волонтеров, если кто-то захочет впоследствии заниматься соответствующей деятельностью на более систематической основе. Так, хорошим способом объединения и интеграции может стать совместная деятельность по помощи домашним животным и уборке территории - к ней уже готово подключиться достаточно большое количество детей, 50% и 42,9% респондентов соответственно. При этом большое количество молодежи готовы заниматься этим за то или иное вознаграждение.

Важным элементом взаимодействия с молодежью представляются профориентационные мероприятия, связывающие возможные профессиональные выборы с локальными рынками труда, возможными карьерными треками, которые наиболее перспективны за счет возможности интеграции в карьерный потенциал располагаемого социального капитала. В совокупности это позволит будущему взрослому сформировать более прагматичные представления о возможных личных траекториях и оценить те возможности, которые представляет родной город. Представляется, что подобная работа будет тем более успешна, чем раньше она будет начинаться, способствуя формированию установок, которые в последующем станут способствовать наиболее рациональным выборам подростками будущей карьеры. Не менее важна и перспективна работа с родителями, так как установки на переезд и отсутствие возможностей в родном городе формируются как при их молчаливом неучастии или даже согласии.

Такая синергия потенциалов тем более перспективна, что, как показывают исследования, свои личные цели подростки никак не соотносят с их малой родиной, связь с ней достаточно слабая, в том числе по причине установки об отсутствии перспектив. Жить

старшеклассники хотят преимущественно в крупных городах или мегаполисах. Это связано с опытом посещения и представлениях о том, что там есть уже готовая инфраструктура для жизни - работа и возможности проведения досуга, которые в родном городе оцениваются достаточно низко. Выезд же за пределы населенного пункта надолго, особенно в мегаполис резко снижает шансы на возвращение и работу в родном городе [2, 17].

Согласно данным ВЦИОМ, подобная ситуация не является уникальной [3]. По мнению экспертов, необходимы общие усилия всех заинтересованных в развитии территории акторов [4, 195]. Конечно, жителям необходимо, чтобы их слышали, относились с пониманием к их реальным потребностям. Не менее важно и обеспечение разнообразия доступных карьерных траекторий, что особенно важно для моногородов и городов, которые держатся на нескольких градообразующих предприятиях. Недостаточное разнообразие возможных и доступных карьер конфликтует с установками на самореализацию и собственными представлениями об успехе, что вынуждает искать другие пути, в том числе и за пределами родного города. Комфортная среда как инфраструктура, обеспечивающая развитие личного, и коллективного, городского социального капитала в сочетании с позитивными установками и подростков, и родителей, иных представителей старших поколений, представляются теми необходимыми целями молодежной политики на территории как элемента стратегии территориального развития, движение к которым способно стать новым драйвером человекосбережения в пространстве локальных территорий, фактором противодействия их демографическому сжатию.

Проведенные исследования показывают, что существуют и иные драйверы роста, связанные с уже имеющимися практиками, которые могут быть вовлечены в более широкую работу по развитию малых территорий.

1. Патокина Н.Н. Социальные факторы территориального развития в российском нормативно-правовом регулировании // Теория и практика общественного развития. 2024. № 3. С. 55–66.
2. Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России. Основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2017 г.: сборник научных статей. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – 400 с.
3. «А может, я с тобой останусь...» Как сделать малый город привлекательным для молодежи? Режим доступа: URL: <https://wciom.ru/expertise/a-mozhet-ja-s-toboi-ostanus-kak-sdelat-malyi-gorod-privlekatelnym-dlja-molodezhi> (Дата обращения 09.10.2024).
4. Теодорович М.Л., Патриотизм в малом городе (на примере г. Городец) / Теодорович М.Л., Патокина Н.Н., Софронова Ю.Л., Шангин Н.В. // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 194-205.

ПОВЫШЕНИЕ ПРЕСТИЖНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ТРУДА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Петрова Татьяна Эдуардовна
(Государственный университет управления, Москва)

Аннотация: в статье описывается ситуация в современной сельскохозяйственной отрасли и аграрном образовании. Анализируются мнения молодых людей относительно перспектив их трудоустройства и жизни на селе. Предлагаются решения по повышению престижности труда в сельском хозяйстве и проживания в сельской местности.

Abstract: The article describes the situation in the modern agricultural sector and agricultural education. The opinions of young people regarding the prospects of their employment and life in rural areas are analyzed. Solutions are proposed to increase the prestige of working in agriculture and living in rural areas.

В последние годы сельское хозяйство существенно изменилось, стало более современным и технологичным, в связи с развитием IT-технологий появились новые профессии. При этом остаются и широко востребованы традиционные профессии и специальности.

Меры, принятые по повышению качества и престижа аграрного образования, уже дают хорошие результаты - в 2023 году в аграрные учебные заведения (на программы среднего профессионального и высшего образования) было принято больше студентов, чем в прошлые годы. При этом растет и показатель трудоустроенности выпускников в сельском хозяйстве.

Сегодня достаточно остро стоит вопрос не просто трудоустройства выпускников колледжей и вузов, а закрепления их на селе. Для повышения престижности труда в сельском хозяйстве и проживания в сельской местности необходимы не только рост доходов и развитие социальной сферы. В настоящее время именно негативные установки населения в отношении работы в сельском хозяйстве являются основным фактором нежелания работать в сельскохозяйственном производстве.

Опросы россиян показывают, что подавляющее большинство выражает позитивные установки в отношении имиджа отрасли (большие перспективы в будущем, отрасль обеспечит страну продовольствием, она имеет приоритет для государства, использует современные технологии и научные достижения). К негативным установкам относятся низкая заработная плата, плохие условия труда, непривлекательные работодатели, большое количество тяжёлого ручного труда. Но наиболее значимая отрицательная установка о работе в сельском хозяйстве – это кадровая непривлекательность отрасли (41 % россиян считают, что работать в сельском хозяйстве непрестижно).[1] При этом негативные установки о работе в сельском хозяйстве чаще всего высказывает именно молодежь, которая считает, что работающие на селе имеют вредные привычки, низкие заработки, а также что это старомодно. Сельское хозяйство занимает последнее место в списке отраслей, где бы хотела работать молодежь.

Опрос студентов аграрных вузов также позволил сформулировать основные причины, по которым они не хотят возвращаться на свою малую родину и работать на селе: там меньше перспектив, чем в городе, отсутствуют рабочие места, плохие условия труда, слабо развита инфраструктура. Многие отмечают, что работа в сельском хозяйстве - это работа в местности, удаленной от крупных городов и их разнообразных возможностей.

Престиж и приоритет аграрных профессий напрямую связан с такими элементами системы воспроизводства кадрового потенциала, как организация труда, нормирование,

уровень оплаты труда и структура доходов. При этом большинство студентов выразило готовность жить и работать в сельской местности при условии высокой оплаты труда и налаженной инфраструктуры. Необходимым условием многие называют и предоставление жилья с хорошими условиями для проживания, а также возможность трудоустройства, перспективы карьерного роста, достойные условия труда. [3]

Для повышения престижности сельскохозяйственного труда необходимо предусмотреть меры в первую очередь по популяризации сельского образа жизни. Молодежь должна понимать, что сельское хозяйство сегодня это не только засеивание полей и сбор урожая, как думают многие. Сегодня сельское хозяйство это высокотехнологичная сфера, которая испытывает острую потребность в новых кадрах: разработчиках, инженерах, маркетологах, предпринимателях, айтишниках, грамотных управленцах, менеджерах.

Повышению престижности сельскохозяйственного труда могут способствовать:

- подъемные для переезжающих на работу и проживание в сельскую местность молодых специалистов (по всем специальностям, которые требуются в данной местности);

- беспроцентные ссуды, гранты для организации и ведение своего бизнеса, оргсопровождение (по аналогии с дальневосточным гектаром): комплексные решения для строительства дома, обустройства квартиры, развития сельскохозяйственных проектов, развития туристических проектов, организации и проведения праздников (этнических и др.);

- ссуды (гранты) на обустройство с выплатой, например через три года, а если человек остается и дальше жить и работать в сельской местности, то часть суммы списать. Также можно уменьшать сумму к возврату при рождении детей;

- льготы при поступлении в высшие и среднеспециальные учебные заведения;

- особые условия, связанные с призывом в Вооруженные Силы;

- возможность повышения квалификации.

Достойная оплата труда, для работающих в сельском хозяйстве: – средняя оплата труда должна быть выше средней заработной платы по региону на 20-25 процентов (в настоящее время во многих регионах заработная плата в сельском хозяйстве составляет 80-86 процентов от средней заработной платы по региону), для этого необходимо повысить эффективность сельскохозяйственного производства;

Российским сельским союзом молодежи в 2023 г. было проведено социологическое исследование на тему «Привлечение молодёжи в сельскую местность: проблемы и перспективы». Согласно результатам данного исследования, 60,8% опрошенной российской молодежи не проявляет интерес к сельской жизни, большинство из них не готовы переезжать жить в сельскую местность. Молодежь является носителем мифов о сельской жизни, которые в том числе выступают барьерами к принятию решения переезда из города. Однако возможно знакомить молодежь с сельским образом жизни постепенно, поступательно развенчивая мифы и негативные установки.

Работа по привлечению молодежи в сельскую местность может строиться по двум трекам, которые исходят из целеполагания:

- привлечение молодежи к посещению и/или непостоянной жизни в сельской местности для постепенного вхождения в сельский образ жизни и знакомства с его преимуществами;

- стимулирование молодежи на переезд в сельскую местность с целью остаться там жить на постоянной основе (трек, который сложно реализуем без качественных изменений жизни на селе);

отдельным направлением работы должно быть удержание текущей сельской молодежи от миграции в города для сохранения имеющейся основы современных сел и деревень.

98,6% респондентов, представляющих городскую молодежь, заявили о том, что посещали село (чтобы сделать его более привлекательным для постоянной жизни, необходимо, чтобы молодежь начала регулярно его посещать).

Первое знакомство может привести к мысли об аренде или покупке загородного дома для отдыха, здесь возможно сфокусировать внимание городских жителей на новых коттеджных поселках и кластерах ИЖС, которые предлагают загородную жизнь без потери комфорта. В современных поселках есть вся инфраструктура, к которой привыкли городские жители: хорошие дороги, освещенные улицы, отопление, водоснабжение и канализация в домах, детские и спортивные площадки, магазины, ФАПы и амбулатории.

Начать работу по привлечению молодежи можно с сел, которые расположены близко к крупным городам, чтобы это было комфортно, и дорога не вызвала бы негативных эмоций.

Дополнительной точкой входа для потенциальных сельских жителей может стать рождение ребенка – 35,1% опрошенных городских жителей ответили, что с появлением детей в семье у них может появиться мысль о переезде в сельскую местность. Они отмечают, что сельская жизнь даст ребенку тесное взаимодействие с природой и активное включение в ведение быта, но самое главное преимущества села для городских родителей – это чистая окружающая среда.

Для семейных молодых людей необходимо сфокусировать внимание на преимуществах сельской жизни для их детей, а также постепенно снимать барьеры, связанные с негативными установками.

С учетом распространенности мифа о том, что в сельской местности высокий уровень безработицы и низкий уровень дохода, городские жители видят возможность работать и зарабатывать в сельской местности только в форме предпринимательства.

Начало бизнеса может стать следующим шагом для закрепления городского населения на селе после знакомства и регулярного посещения. Отсутствие рабочих мест является главным барьером для переезда в сельскую местность, это объясняется стремлением к обеспечению себя и своих детей привычным уровнем комфорта. Для того, чтобы молодой специалист всерьез задумался о переселении, ему необходимо предложить возможность работать и зарабатывать.

Отсутствие возможности получить качественную медицинскую помощь является вторым по важности препятствием для переезда в сельскую местность (47,4% опрошенных среди городской молодежи). Выходом может стать технологичное решение, набирающее популярность среди россиян – телемедицина. Так, имея доступ в интернет, человек может получить консультации и назначения лекарств, находясь в любой точке страны.

Помимо привлечения новых сельских жителей, необходимо также сконцентрироваться на сохранении уже имеющихся жителей. Сегодня в России широко распространено мнение о том, что все возможности сконцентрированы в крупных городах. С целью получения возможности пользоваться всеми благами молодые люди стремятся стать городскими жителями, покидая родные села.

Отсутствие инфраструктуры досуга и развлечений входит в топ-3 препятствий к переселению в сельскую местность по мнению самих селян – 29,9% опрошенных. Молодежи в сельской местности необходима точка притяжения – общественное пространство, где можно было бы как получить новые знания, так и просто отдохнуть, сменить обстановку.

1. *Имидж сельского хозяйства привлекателен, но россияне идти в фермеры не хотят // Аналитический центр НАФИ, февраль 2023 года.*
2. *Итоговый комплексный отчет с консалтинговой составляющей по результатам социологического исследования на тему «Привлечение молодёжи в сельскую местность: проблемы и перспективы»//Российский союз молодежи, сентябрь 2023 г.*
3. *Письмо Минобрнауки России от 31.08.2023 г. № МН-9/1748-ДП.*

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖИ О ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ РОССИИ В XXI В.

*Петухов Роман Владимирович
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)*

Доклад подготовлен в рамках госзадания ФНИСЦ РАН 2024 г. по теме: «Личное будущее и будущее страны в массовых представлениях россиян в 2014–2024 гг.: динамика, факторы изменений, влияние на социальное поведение» (Рег. номер: 124091200014-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований

Множественность вызов, с которыми сталкивается человечество в XXI в., требует более систематического изучения будущего. В отличие от футурологии («философии будущего»), занимающейся предвосхищением и прогнозированием будущего [1, 120], междисциплинарные «исследования будущего» (Futures studies) фокусируется на систематическом изучении представлений о будущем, существующих в настоящем [2, 5]. Важнейшую роль в изучении будущего играют социологические исследования, позволяющие выявить и понять массовые представления об индивидуальном и коллективном будущем [3, 91–92].

Одним из актуальных направлений социологических исследований в рассматриваемой сфере является изучение образа(-ов) будущего молодых россиян [4, 40]. Динамику этих представлений мы рассмотрим на данных мониторинговых исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, проводившихся в 2014 – 2023 гг. по общероссийской выборке (в 2014–2018 гг. n = 4000, в 2019–2023 гг. n = 2000), репрезентирующей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

Если представления о будущем являются в значительной степени экстраполяцией тенденций, существующих в настоящем, то «образ будущего» предполагает наличие определенной, более-менее консистентной картины мира будущего. Одни из способов получения доступа к образу(-ам) коллективного будущего является изучения мнений респондентов о целях развития страны. В рамках мониторингового исследования ИС ФНИСЦ РАН задавался закрытый вопрос о том, к каким целям должна стремиться Россия в XXI в. Участникам опроса предлагалось на выбор четыре варианта ответа (см. табл. 1), имплицитно предполагавших различные образы будущего:

супердержава похожая на Советский Союз и ориентированная на доминирование или биполярное лидерство на международной арене;

страна, добившаяся внешнеполитической влиятельности за счет развития собственной экономики и внутренней социально-политической стабильности;

страна – региональный лидер в масштабах постсоветского пространства;

страна без внешнеполитических амбиций и глобальных целей.

Таблица 1

Динамика мнений о целях, к которым должна стремиться Россия в XXI веке в разных возрастных категориях, 2014, 2016, 2018 и 2023 гг., %

<i>К каким целям, по Вашему мнению, должна стремиться</i>	<i>В среднем</i>	<i>Возрастные группы</i>
---	------------------	--------------------------

<i>Россия в XXI веке?</i>		по массиву	до 25 лет	от 26 до 35	от 36 до 45	от 46 до 55	от 55 до 65	после 66 лет
Вернуть статус супердержавы, какой был у СССР	2014	28	25	26	24	34	31	36
	2016	29	17	25	26	29	37	41
	2018	31	25	25	29	32	37	40
	2023	27	17	22	24	25	33	39
Быть одной из наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира	2014	58	60	56	60	54	61	54
	2016	56	66	59	57	55	50	46
	2018	57	61	61	60	55	51	52
	2023	53	56	59	56	53	46	47
Быть лидером на постсоветском пространстве	2014	10	11	12	11	9	6	6
	2016	9	8	10	11	7	9	5
	2018	7	7	7	8	8	7	5
	2023	12	14	10	12	13	14	7
России не следует стремиться к глобальным целям	2014	4	4	6	5	3	3	5
	2016	7	8	7	6	8	4	7
	2018	5	7	6	3	4	5	3
	2023	9	14	9	8	9	7	8

Из приведенных выше данных видно, что на протяжении всего рассматриваемого периода не менее половины опрошенных (от 54% в 2023 г. до 58% в 2014) полагали, что целью России в будущем должно стать вхождение в число ведущих экономически развитых и политически влиятельных стран. Второй по полярности целью являлось возвращение статуса супердержавы, какой был у СССР. Эта идея была близка не менее трети опрошенных (от 27% в 2023 г. до 31% в 2018 г.). Далее идут лидерство на постсоветском пространстве (7% в 2018 г. до 12% в 2023 г.) и отказ от стремления к глобальным целям (от 4% в 2014 г. до 9% в 2023 г.). Следовательно, можно сделать вывод о том, что в представлениях россиян доминируют образы сильного государства, занимающего достойное положение на международной арене. Ключевое различие между двумя массово поддерживаемыми образами будущего заключается в механизмах достижения могущества. Большинству россиян ближе подход, предполагающий достижение высокого международного статуса за счет развития национальной экономики.

Приоритезация целей развития России в XXI в. среди респондентов в возрасте до 25 лет сходна со средней по выборке, но распределение оценок между вариантами ответов заметно различается. Наиболее востребованной целью развития для молодежи, как и для респондентов из других возрастных групп, является успешное экономическое развитие страны. Максимальной влиятельности соответствующий образ будущего достиг в относительно спокойном 2016 г., когда его выбрало 66% опрошенных в возрасте до 25 лет. На фоне роста внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем в 2018 г. и особенно в 2023 г. популярность развития страны через достижения в национальной экономике снизилась до 61% и 56% соответственно. Тем не менее именно этот образ будущего продолжает быть наиболее востребованным у молодых россиян.

На втором месте в своеобразном рейтинге целей развития у молодых россияне находится возвращение статуса супердержавы по аналогии с СССР. Ожидается, что среди молодых россиян он не так востребован, как у людей более старших поколений. В 2014 и

2018 гг. ностальгия по советскому прошлому и статусу супердержавы была характерна для четверти опрошенных в возрасте до 25 лет. В 2016 и 2023 гг. доля молодых респондентов, разделяющих этот образ будущего, сокращалась до 17%, что было меньше среднего по выборке на 12 и 10 п.п., соответственно. В данном случае динамика оценок вряд ли была связаны с изменением отношения младшего поколения россиян к советскому прошлому. Нам представляется, что падения популярности реконструкции Советского Союза как образа будущего страны в XXI в., может быть объяснено сомнениями относительно достаточности у современной России ресурсов для реализации такого масштабного проекта.

В пользу этой гипотезы говорит возросшая в 2023 г. востребованность у респондентов в возрасте до 25 лет таких целей, как лидерство на постсоветском пространстве и отказ от глобальных амбиций. В обоих случаях актуальными для России будущего их считали 14% опрошенных. Особо обращает на себя внимание значительное увеличение числа молодых людей, которые считают, что нашей стране не следует фокусироваться на глобальных целях. В 2014 году таких респондентов было всего 4%, а к 2023 году их стало 14%, что превышает средний показатель по массиву (9%) на 5 п.п.

Подводя итоги отметим, что доминирующим образом будущего для молодых россиян в возрасте до 25 лет является экономически развитая и политически состоятельная страна, занимающая достойное место на международной арене. Это поколение россиян значительно меньше ностальгирует по советскому прошлому и видят развитие России через призму социально-политической стабильности и экономического благополучия.

1. Цой Л.Н. «Будущее» как социологическое понятие // *Мир психологии*. 2013. № 2(74). С. 120–134. EDN QANUSR.

2. Желтикова И.В. *Образ будущего. Монография. Орёл: Изд-во «Картуш», 2021. 164 с.*

3. Bell W. *Public Sociology and the Future: The Possible, the Probable, and the Preferable* // *Handbook of Public Sociology* / Ed. by V. Jeffries. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2009.

4. Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Представления молодежи о будущем страны в проекции культуры // *Наука. Культура. Общество*. 2023. № 3. С. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1>. EDN: HMLFLO

5. Нестик Т.А. *Образ будущего России в условиях глобальных рисков* // *Ученые записки ФНИСЦ РАН выпуск 12 / Отв. ред. Ю. А. Зубок. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 7–22 с.*

ПРОЕКТИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ МАРГИНАЛЬНОСТИ

Пинчук Антонина Николаевна
(Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова)

Тихомиров Дмитрий Андреевич
(Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова)

Вахненко Егор Васильевич
(Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова)

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда No 24-28-00549 «Культурная маргинальность российских студентов: развитие человеческого потенциала новых поколений как проблема и ресурс развития патриотизма в основных положениях и мерах по реализации государственной молодёжной политики» (руководитель: кандидат социологических наук Д. А. Тихомиров).

Аннотация. В статье рассматривается феномен культурной маргинальности в контексте проектирования направлений государственной молодёжной политики страны. С опорой на теоретические ресурсы тезаурусной социологии переосмысливается понятие «культурная маргинальность», показываются методологические перспективы для эмпирических исследований и обсуждаются вопросы практического применения разработок в обозначенной области в рамках культурной политики.

Ключевые слова: молодёжная политика, маргинальность, культурная маргинальность, молодёжь

Современная Россия находится в исторически значимой точке бифуркации, ознаменовавшей кардинальные трансформации в социально-экономической и культурной жизни страны. В период масштабных изменений, возрастания информационных угроз и обострения информационного противостояния была переосмыслена роль культуры, о чём свидетельствует Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором «ситуация в России и в мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей» [5]. Чуть позже в рамках государственной культурной политики было введено понятие «культурного суверенитета», призванного обеспечить защиту самобытной российской культуры от негативного внешнего информационного воздействия, сохранить и преумножить культурно-исторический опыт народа [6]. Но надо сказать, что культура, определяемая как важный инструмент обеспечения социокультурной безопасности государства, с социологической точки зрения представляет динамичное и подвижное образование, которое сопряжено с рисками разрастания ценностно-нормативного вакуума в переходных и кризисных состояниях общества, что звучит актуально для современных реалий. В условиях нормативной неопределённости повышается вероятность распространения деструктивных проявлений культурной маргинальности, которая отражает «пограничное» положение индивида, испытывающего сложности в культурном самоопределении, что препятствует освоению ценностно-ориентационных комплексов доминирующей культуры и размывает культурную идентичность социальных субъектов. Однако, несмотря на столь

значимые эффекты, связанные с культурной маргинальностью, практика анализа данного феномена в контексте культурной политики не была разработана достаточно последовательно, что требует специальных теоретико-методологических изысканий. Наибольший интерес в данном случае представляет группа российской молодежи, которая в силу возрастных переходов находится в маргинальном положении между периодом детства и взрослой жизнью. Это период не только выбора собственных жизненных перспектив, но и уточнения своей общественной роли в будущих планах как профессионала, гражданина, патриота, что нередко вызывает вопросы самоопределения в культурном плане. Риски возникновения культурной маргинальности в этом случае высоки, поэтому на уровне прикладных задач культурной молодежной политики важно учитывать противоречивые свойства маргиналов, минимизируя деструктивные последствия и поощряя инновации.

Итак, цель настоящей статьи – показать проблемы культурной маргинальности в контексте проектирования новых направлений молодежной политики страны.

В первую очередь следует рассмотреть культуру сквозь призму социологической интерпретации. Сущность культуры в рамках научного дискурса определяется как система социальных норм и ценностей, а также устойчивых социальных ожиданий общества, воспроизводимых в функциональных практиках социальных институтов. Динамика культурной жизни тесным образом сопряжена с межкультурным взаимодействием в результате пространственных перемещений носителей культуры из одной страны в другую. В более ранние исторические периоды малая свобода перемещения людей и ограниченность информационного обмена одновременно удерживала культурные нарративы внутри структуры локального сообщества, не выпуская его членов за свои рамки, которые в процессе становления цивилизаций оказались ограничены рамками других разросшихся культур, а также сдерживала влияние чужеродных нарративов, таким образом замыкая каждую культурную модель на саму себя. В подобных условиях закрытости представитель иной культуры воспринимался как Чужак, размывающий границы общности и нарушающий устоявшийся порядок, подвергая сомнению основы социальной реальности группы, неотличимые для нее от законов фундаментальных [1]. В социальном типе Чужака впервые были артикулированы черты культурных маргиналов, которые со времен Р. Парка осмысливались в контексте межкультурного взаимодействия [7].

С середины двадцатого века и вплоть до нашего времени общество непрерывно пребывает в состоянии глобализации, количество каналов коммуникации и перемещения увеличивается, а экономическое взаимодействие между государствами укрепляется. По мнению У. Бека в контексте глобализации культурные, правовые, политические, экономические границы перестают совпадать, что опосредует «противоречия между различными принципами исключения», другими словами, «внутренняя глобализация в смысле плюрализации границ вызывает кризис легитимации национальной морали исключения» [2, 27]. В этих условиях переосмысливаются характеристики Чужака и особенности его пространственных перемещений как в географическом, так и виртуальном контекстах [3]. Так, расширяется научный дискурс о культурных маргиналах. В то же время в рамках дискуссий о процессе глобализации, разрастании культурного кризиса и размывании культурных границ по-новому звучат идеи о маргинализации, возникающей в результате аномии. В последнем случае признается, что маргинальность связана с разрушением устоявшегося ценностно-нормативного порядка конкретного общества, что связано с разрушением прежней системы идентификаций и появлением ценностного вакуума. Так, в условиях противоречивых культурных требований возникают ситуации, когда человек добровольно отстраняется от собственной культуры [7]. В таком ракурсе

анализа внимание переключается с Чужаков, пребывающих в культурном конфликте с принимающим сообществом, на маргиналов, которые в период социокультурных трансформаций оказались в пограничном состоянии по отношению к собственной культуре, в которой они родились и выросли. Тем самым, мы переходим от проблем межкультурного взаимодействия к проблемам внутрикультурного дистанцирования. В этом ключе становятся очевидны риски культурной маргинализации, которые особо следует учитывать в проектировании культурной политики.

На наш взгляд, тезаурусная модель конструирования реальности, предложенная отечественным ученым В. А. Луковым, наиболее полно раскрывает понятие «культурной маргинальности» в контексте дистанцирования и динамического перестраивания реальности, когда происходит переопределение и подмена ценностей в рамках границ тезаурусных конструкций – ценностно-нормативного ядра и периферии [4]. Кризисная ситуация может служить фактором переоценки системы мировоззрения индивида, ввиду чего возникает разительная потребность в переопределении значимых культурных ориентаций. В случае преобразования ценностного ядра индивид оказывается удален от ценностей доминирующей культуры, которые ныне им считаются второстепенными, при этом неустойчивые основания культурной идентичности приводят к поиску «своего» ценностно-нормативного комплекса, который может фрагментарно или полностью отличаться от общепринятых норм и ценностей. В качестве примера можно привести последствия распада Советского Союза, когда люди, прошедшие этапы первичной и вторичной социализации в атмосфере атеизма, посвящали себя религиозному поиску, при этом нередко попадая в руки мошенников или сект. На примере данной ситуации мы можем наглядно рассмотреть то, как маргинал представляет опасность для сохранения укоренившейся ценностной парадигмы, полностью отрекаясь от нее, а индивидуальный подход каждого отдельного субъекта к конструированию собственной реальности подрывает суверенитет культурных границ и размывает культурное ядро тезауруса. Впрочем, можно отметить и положительные стороны культурной маргинальности. Культурный маргинал способен привнести инновации в культурную жизнь: он сочетает запросы на сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей, не по форме, но по содержанию, зачастую проявляющихся в привычках, склонностях и простых оценках на основании «нравится» и «не нравится»; а также открыт к диалогу других культур. Причём, в современных условиях взаимодействие культур смещает акценты на виртуальное культурное пространство, открывающее доступ к разнородному и аксиологически насыщенному контенту. Данный факт приводит нас к выводу о том, что культурный маргинал потенциально открыт к восприятию «чужого», некоему экспериментированию в поисках оснований культурных идентификаций, что отражается в ценностях, культурных предпочтениях и практиках культурного потребления. Его культурные ориентации способны быстрее обновляться и в то же время сигнализировать о запросах на новизну, на то, что может стать близким в векторе будущего развития культурной жизни. Но стоит помнить о трудностях при работе с маргиналами, которые заключаются в ранее упомянутом отторжении намеренно предлагаемой целостной культурной системы.

Таким образом, реализация мер молодежной политики в сфере культуры требует учёта такого явления как культурная маргинальность. Видится целесообразным проведение социологических исследований в этой области с целью анализа данного феномена на эмпирическом уровне. Исследования, раскрывающие культурную маргинальность как свойство молодежи могут быть использованы для корректировки концептуальных положений государственной молодежной политики современной России, что позволит проработать связь науки и практики в данной сфере и усилить в научном обеспечении

государственной молодежной политики междисциплинарность и выявление тенденций, имеющих большую длительность. Эмпирические данные позволят установить проблемные области реализации человеческого потенциала российской молодежи и определить зоны общественной жизни, где маргинальность представителей молодого поколения резонирует с маргинальностью общества.

1. Бауман З. Мыслить социологически / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Аспект Пресс, 1996. - 255 с
2. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. №1. С. 24-53.
3. Гусев А. Маргинализация и космополитизм: взгляды современных теоретиков на социальные последствия интенсификации пространственных перемещений // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 2. С. 72-79
4. Луков Вал. А. Тезаурусная социология : в 4 т. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2018. Т. 1. 608 с.
5. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // ГАРАНТ. РУ. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>
6. Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. N 808» // ГАРАНТ. РУ. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406130451/>
7. Temirgaliev K. A. Cultural marginality and its social implications / Temirgaliev K. A., Jamaliyeva G. Zh. // Central Asian Journal of Art Studies. 2021. Vol. 6 (1). pp. 27-38.

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Плескач Лариса Валерьевна

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Аннотация. В статье отражены основные особенности современного этапа развития волонтерского (добровольческого) движения в России, выделены ключевые моменты развития добровольческих практик. Добровольческое движение рассматривается автором с позиций принятия социальной ответственности индивидами и возможностей самореализации социально поощряемыми способами.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, социальная ответственность, социальное благо, volunteering, volunteer.

Добровольчество, называемое также волонтерством, являясь продолжением идеи бескорыстного служения обществу, основывается на том, что в любом обществе имеются нуждающиеся в помощи, а также те, кто добровольно готов откликнуться и оказать ее. Обычай безвозмездной коллективной помощи в работе с древности был характерен для многих народов, проживающих на территории России.

Современный этап становления волонтерства в России начинается с 1990-х годов XX века и проходит в условиях демократического развития общества.

Начало этого периода характеризуется отказом от применявшейся в СССР государственной политики по вовлечению молодежи в социально-полезную неоплачиваемую деятельность, а также тяжелой экономической ситуацией, которая привела к изменению целеполагания в деятельности большинства людей с безвозмездного достижения социальных целей на коммерческую выгоду.

Волонтерство также значительно трансформировалось, переориентируясь на интеграцию в мировое сообщество. В 90-е гг. XX в. волонтерские организации в России в большинстве случаев реализовывали международные гуманитарные программы и финансировались в основном из зарубежных фондов, что также способствовало импорту зарубежных идеологии и технологий волонтерства. Несмотря на неоднозначно оцениваемый вектор развития волонтерского движения в данный период, к несомненно положительным результатам, полученным российским обществом, можно отнести то, что данная деятельность, в отличие от советского периода, стала в полной мере добровольной.

По мнению Л.И. Якобсона, импорт отлаженных моделей волонтерства был исчерпан как ресурс для дальнейшего развития института добровольчества к началу 2000-х годов.

При этом наблюдалась тенденция по изменению источников финансирования деятельности некоммерческих организаций с внешних на внутренние [4, 43-58]. В указанный период многие финансировавшиеся из-за рубежа фонды прекратили свою деятельность. Очевидно, что отечественные меценаты стремились вкладывать свои ресурсы не в обеспечение функционирования иностранных программ, а в развитие собственных инициатив и создание независимой внутренней системы организованного добровольчества. Поэтому добровольческое движение в России стало приобретать свои собственные культурные и социальные черты.

С середины 2000-х годов помимо становления организованного волонтерства в рамках некоммерческого сектора также активно формируется сфера добровольчества, развиваемого и курируемого органами государственной власти Российской Федерации.

В частности, в 2009 году в Приволжском Федеральном округе под патронатом полномочного представителя Президента Российской Федерации Г.А. Рапоты создано молодежное добровольческое движение «Добрая воля» [1]. Данная организация была создана для содействия в формировании новой системы социальной адаптации сирот и

детей, оставшихся без попечения родителей, а также развитию института патронатного воспитания как основного ресурса формирования модели семейных взаимоотношений для детей, проживающих в детских домах. При этом движение «Добрая воля» создавалось не только для достижения социально значимых целей, но и в качестве образца для дальнейшего формирования волонтерских организаций по всей России.

Основными векторами последующего развития добровольческой деятельности с 2000-х гг. стали поиск новых форм гражданской активности, нравственных и этических ориентиров для формирования социального облика волонтера и последующая интеграция волонтерских практик в общественную жизнь. Помимо государственного, активно развивается и некоммерческий сектор, обеспечивающий продвижение социальных инициатив в гражданском обществе, а также социально-ответственное бизнес-сообщество.

Добровольческую деятельность следует рассматривать также в контексте принятия социальной ответственности и добровольного исполнения дополнительно принятых на себя обязанностей. К. Муздыбаев определил обязанность в качестве действия, строго необходимого к исполнению, которое классифицируется в зависимости ролевых функций, исполняемых индивидом. В своих трудах он выделял семейные, гражданские, политические, служебные, общественные и иные обязанности, что подчеркивает их социальный характер, формирующий модель личности [2, 41-42]. В исследованиях Н.С. Сафарова отмечается прямая зависимость содержания ответственности от условий, определяющих практическую деятельность человека, а осознание индивидом наличия самой ответственности в сопряжении с объективными условиями влечет за собой формирование качественного понимания социальной ответственности [3, 135]. С этой точки зрения добровольческие практики на данный момент не только выступают фактором стабилизации общественных отношений, но и выступают профилактической мерой такого явления как безответственность молодежи.

Одним из значимых векторов развития добровольчества является получение социального опыта от более опытного в этом аспекте носителя и возможность самореализации добровольца социально одобряемым способом. Добровольческое движение позволяет своим участникам не только научиться быстро адаптироваться к изменяющимся условиям социальных отношений, но и одновременно достичь личных и общественных целей. Волонтерские практики являются успешной концепцией удовлетворения потребности молодежи в формировании своего социокультурного пространства и создания при этом общественного блага.

Таким образом, современный этап развития добровольчества в России включает в себя два периода. Первый характеризуется отказом от советской модели добровольческой деятельности и попыткой импорта зарубежных практик, а второй — возвратом к самостоятельному развитию на базе традиционных для России социальных норм и образцов поведения, ориентированных на служение обществу. Наиболее перспективным вектором развития добровольческого движения в России выступает возможность синтеза самореализации волонтера с принятием дополнительной социальной ответственности в виде добровольческих практик, суть которых в бескорыстном служении другим людям.

1. *Архив официального сайта полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе.* URL: <https://web.archive.org/web/20091117163124/http://www.pfo.ru/>. (Дата обращения: 26.04.2023).
2. *Муздыбаев К. Психология ответственности.* – Л.: Наука, 1983. 240 с.
3. *Сафаров Н.С. Гносеологический и ценностный аспекты категории «моральная ответственность» // Философские науки.* – 1981. – № 2.

4. *Якобсон Л.И. Российский третий сектор импорта к импортозамещению // Некоммерческий сектор: экономика, право и управление: материалы междунар. науч. конф. М., 2007.*
5. *Архив официального сайта полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе. URL: <https://web.archive.org/web/20091117163124/http://www.pfo.ru/>. (Дата обращения: 26.04.2023).*
6. *Якобсон Л.И. Российский третий сектор: от импорта к импортозамещению // Некоммерческий сектор: экономика, право и управление: материалы междунар. науч. конф. М., 2007.*
7. *Муздыбаев К. Психология ответственности. – Л.: Наука, 1983.*
8. *Сафаров Н.С. Гносеологический и ценностный аспекты категории «моральная ответственность» // Философские науки. – 1981. – № 2.*

МЕДИАПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ: СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ

Поздеева Елена Геннадиевна

(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

В статье анализируются процессы, характеризующие практики медиапотребления российской молодежи, актуальные в контексте изучения социализации. Подчеркивается усложнение структуры медиапотребления, находящейся под воздействием разнообразных ценностных и целевых факторов при доминирующей роли образовательных и информационных потребностей. Характерной чертой медиaproстранства молодежи является фоновое медиапотребление, дополняющее набор характерных коммуникативных стратегий.

Молодежь, медипотребление, медиапрактики, коммуникации, стратегии, социализация.

В современном обществе важным показателем активности выступают коммуникационные практики, которые характеризуют активность субъектов как в реальном социальном пространстве, так и в виртуальном. Молодежь демонстрирует высокий уровень вовлеченности - так, по данным опросов, 98% представителей молодежи ежедневно пользуются социальными сетями для общения, просмотра новостей, в целях развлечения и образования [1]. Это сочетается с усложнением структуры коммуникаций и динамикой пользовательских инструментов, что, в свою очередь, определяется новыми возможностями технологий и цифровыми трендами. Мотивационная сфера медиапотребления молодежи содержит потребности, в структуре которых доминирующее место занимают потребности социализационного характера и личностные установки на самореализацию. Активно реализуемые молодежью цифровые коммуникации являются также детерминантами более широкого спектра направлений активности молодежи, включая социально-политические практики. Коммуникации в цифровом пространстве служат информационными источниками по общественно-политическим проблемам, определяют навигацию поиска и медиапотребления, способствуют политической идентичности, влияют на систему ценностей и конструирование образа власти [2, 19]

Активность молодежи в цифровой среде способствует формированию широкого спектра ее интересов и разнообразию социальных практик [3]. Доля вовлеченной в медиаобразование молодежи, которой характерно предпочтение реализации образовательных целей с помощью медиаресурсов, превышает половину. Подобная активность поддерживается цифровой грамотностью, молодежь оценивает эту характеристику применительно к себе только в высоких значениях. Что касается рутинного повседневного общения, то оно уже не мыслится без виртуального мира и интернет ресурсов. Такие потребности, как знакомства, интерес к спорту (киберспорту) и игровым ресурсам также оказываются доступными в цифровом пространстве и дополняют набор активности молодежи.

Медиа для молодежи выступают не только средой, сформированной массовой культурой, но и определяют погруженность в культуру повседневности [4, 202]. Именно в пространстве медиа происходит социализация, отесняя на вторичные места институт семьи и образовательную среду, в которой развивается молодое поколение. Благодаря разнообразию элементов коммуникационной инфраструктуры и появляющимся новым цифровым инструментам медиа приобретают все больше влияния, что актуализирует проблему исследования медиасоциализации, ее форм и видов. Учитывая системное влияние медиа на становление и развитие личности, институциональные роли медиа могут быть охарактеризованы с трех позиций: как агента первичной, вторичной и самосоциализации

[4, 206]. Комбинация этих позиций и порождаемые ими практики коммуникации для каждой личности с ее биографией и особенностями будет своя. Это требует пристального внимания социологов и дальнейшего исследования процесса медиасоциализации как ключевого для современного общества.

Наблюдения за поведением молодежи в повседневных ситуациях раскрывают такую особенность, как постоянную погруженность в онлайн пространство. Потребляемое в результате этого обилие информации влечет за собой многочисленные последствия. Наряду с этим молодежи свойственно мультиэкранное пребывание в сфере медиа, что связано и с такой характеристикой коммуникаций, как многозадачность. Возникающая вследствие этого гибридизация пространства, множественность поставленных целей и демонстрация соответствующих им ролей позволяет говорить о формирующихся сложных комплексах коммуникационных стратегий, практикуемых молодежью.

В качестве выявленных в ходе исследований типов коммуникационных стратегий могут быть те, которые отражают основные рациональные цели коммуникантов – прагматические, досуговые, формальные, потребительские. Выявление системы наиболее часто практикуемых коммуникативных стратегий молодежи связано с сосуществованием следующих направлений видов[5]:

прагматическая стратегия: связана с достижением целей, направленных на поиск информации, освоение образовательных ресурсов, чтение литературы, прослушивание музыки, видеопотребление.

используемая для неформального общения коммуникативная стратегия, она характеризует активность молодежи в медиaprостранстве, общение в социальных сетях, пользование электронной почтой.

стратегия ретивальной коммуникации молодежи осуществляется в отношении формального общения с помощью всех каналов и инструментов

«data-driven»-стратегия характеризует медиаактивность молодежи в направлении потребления интересного медиаконтента, совершения покупок с помощью онлайн-сервисов, скачивание интересующих ресурсов и прослушивание подкастов.

Таким образом, структурный аспект изучения медиапотребления конкретизирует коммуникационное пространство, в котором развивается молодежь, акцентирует многообразие и сложные модели практик.

Любопытным явлением в структуре медиапрактик молодежи является фоновое медиапотребление. Кросскультурные исследования в разных странах позволяют установить, что активные пользователи интернет среди молодежи часто знакомятся с новостями в ходе перелистывания ленты в социальных сетях, а не в результате поиска какой-либо информации намеренно. Вслед за ростом мобильной коммуникации выявляется тенденция потребления актуальных новостей в фоновом режиме пользования мобильными устройствами, которые у молодежи всегда в активном режиме пользования. Исследования российской молодежи дают возможность говорить о существенной доле фонового медиапотребления, особенно в крупных городах. Вынужденные долгие ожидания в очереди, в поездках в общественном транспорте побуждают молодежь искать информационный и развлекательный контент в цифровых ресурсах, при этом самым востребованным видом выступает прослушивание музыки в фоновом режиме [6]

Анализируя практики медиапотребления молодежи, нельзя не отметить существующий цифровой разрыв между возрастными группами. Как отмечает И.А. Полуэхтова, учитывая, что внутри социальной общности молодежь неоднородна, все же характерные ей медиапрактики отличаются от медиапотребления представителей более старших возрастных групп, причем это относится как к цифровому медиапотреблению, так

и к традиционным медиа [7, 93]. Разная степень вовлеченности возрастных когорт в цифровое медиапотребление объясняется зависимостью от «точки входа» в медиасреду, а также тем, что молодежь рано включается и приобретает необходимые навыки освоения цифровых технологий, тогда как представители более старших возрастных групп оказываются вынужденными быстро адаптироваться и менять свои медиапривычки. Ведущим продуктом, привлекательным для всей молодежи, является просмотр видео, для которого отводится большое количество времени. Также важной характеристикой является разнообразие потребляемого видеоконтента: больше половины представителей молодого поколения склонно к гибриднему просмотру, совмещению телепросмотра с линейным и нелинейным видео, доступным в интернете. Самые молодые предпочитают видеоблоги, YouTube и различный пользовательский контент.

Таким образом, можно заключить, что структура медиапотребления молодежи в последнее время стремительно меняется, отчетливо отражая приоритет цифровых ресурсов над традиционными, а также проявление содержательного разнообразия, многоканальности, мультиэкранности, это определяет ее специфические черты в сравнении с более старшими возрастными группами. Дальнейшее углубление в структурные и динамические аспекты молодежного медиапотребления актуализирует задачу мониторинга изменений и их учета при анализе влияния на социализацию.

1. *К вопросу о вовлеченности молодежи в медиакоммуникацию с государством в цифровой среде.* 19.06.2024. URL: <https://mediamonitorsu.ru/editions/russian/medialmanakh/k-voprosu-o-vovlechennosti-molodezhi-v-mediakommunikatsiyu-s-gosudarstvom-v-tsifrovoy-srede> (дата обращения 15.09.2024)
2. *Истягина-Елисеева Е. А., Бареникова Е. Е., Болдырева А. В. Включенность российской студенческой молодежи в интернет-коммуникации как фактор формирования моделей их социально-политической активности // Цифровая социология. - 2020. - Т. 3. - № 3. - С. 12–20.*
3. *Ефлова М. Ю., Максимова О. А., Нагматуллина Л. К. Практики активности российской молодежи в цифровой среде. // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2023. - №6 (63). – С.59–70.*
4. *Дунас Д. В. Медиа и социализация: первичная, вторичная или самосоциализация?: Опыт изучения медиапотребления «цифровой молодежи» России // Вестник Томского государственного университета. Филология. - 2022. - № 78. -С. 200–224.*
5. *Богдановская И. М. Современные практики медиапотребления у студенческой молодежи // Мир науки. Педагогика и психология. - 2023. - Т. 11. - № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/10PSMN223.pdf> (дата обращения 12.09.2024).*
6. *Кульчицкая Д. Ю., Филаткина Г. С. Фоновое медиапотребление как часть медиапрактик российской цифровой молодежи // Медиаскоп. 2021. Вып.1. URL: <http://www.mediascope.ru/2680> (дата обращения 12.09.2024)*
7. *Полуэхтова И. А. Практики медиапотребления российской молодежи в цифровом обществе (по результатам эмпирического исследования) // Знание. Понимание. Умение. - 2022. - №3. - С. 90-107.*

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ГРАЖДАНСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Попова Ольга Валентиновна
(1. ИНИОН РАН
2. СПбГУ)

Проект № 1024030200055-0 «Государственно-гражданская идентичность российской молодежи в онлайн-пространстве: особенности формирования, политический потенциал, перспективы управленческого воздействия», выполненный в ИНИОН РАН (грант ЭИСИ 2024 г.)

Тема гражданской идентичности прочно вошла в политическую практику и научные исследования современной России. В официальном политическом дискурсе общероссийская гражданская идентичность определена как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [1]. Гражданская идентичность в научной литературе определяется как признание значимым для человека быть гражданином конкретного государства, декларация преимущественно позитивных характеристик «моей» страны. Некоторые ученые относят к необходимым и достаточным признакам сформированности гражданской идентичности представление о себе как о части государства, признание единства его территории, языка и исторического наследия. Важными индикаторами сформированности гражданской идентичности являются «соотнесенность с государством, его целями, умение корректировать свои цели, иметь внутреннее чувство сопричастности, привязанности к культуре, политическим системам, нации, уважение к истории» [3, 18]. В структуре гражданской идентичности авторы выделяют когнитивный, ценностно-аффективный и деятельностный компоненты [4, 167].

Безусловно, ведущая роль в формировании общегражданской идентичности принадлежит органам власти, которые делегируют ответственность за решение этой задачи вместе с финансированием структурам воспитания, образования и просвещения и некоторым социальным движениям. Сформированность гражданской идентичности новых поколений в стране минимизирует риски политической дестабилизации в ситуации внешних и внутренних вызовов и поддерживает стабильность политической системы в целом.

Необходимо признать, что обращенная только в прошлое информация о великих достижениях государства в военной, научно-технической, культурной и других сферах является лишь одной из нескольких необходимых опор для формирования гражданской идентичности молодежи. Чувство гордости за историю государства и защищавшего его народ должно обязательно подкрепляться позитивными эмоциональными переживаниями, связанными с настоящим временем. Методически сложным остается вопрос отнесения к молодежи достаточно широко представленной в научной литературе идеи разграничения в сознании граждан образов страны и государства. Важным представляется то обстоятельство, что молодежь может иметь сформированную гражданскую идентичность при критических оценках действий государства и ориентации на оппозиционные политические силы.

Проведенные в период 2013–2023 гг. общероссийские и региональные эмпирические исследования школьной и студенческой молодежи показали невысокие показатели сформированности гражданской идентичности российской молодежи [2, 7–18; 3, 29]. Скорее всего, обеспечение полного единства ценностей различных групп молодежи как основания формирования сходных моделей политической идентичности, а гражданская идентичность, безусловно, относится к ним, невозможно в силу существенных социально-статусных различий социальных слоев, к которым относятся молодые люди. Рутинизация памятных мероприятий, связанных с историей государства, также негативно влияет на гражданскую идентичность молодежи. Особо сложная задача — формирование гражданской идентичности у новых поколений вошедших в состав РФ регионов в последние годы.

Отнесение к молодежи людей в возрасте 14–35 лет неизбежно предполагает разделение этой социальной группы на несколько подгрупп по критерию сформированности политического сознания. Безусловно, значимым фактором является обучение в университетах, которые традиционно воспринимаются студентами как оплот академических свобод. Существенным обстоятельством поддержки таких представлений выступает сама студенческая среда, практики реальной автономии органов студенческого самоуправления. «Университетская среда создает дополнительные возможности для обсуждения событий в социально-политической жизни» [1, 91], усиливает интенсивность обсуждений политических практик, в том числе характеристик государства и требований с его стороны к своим гражданам. Исследования показывают, что для многих представителей студенческой молодежи существенная трансформация политических взглядов происходит во время обучения на 1-2 курсах бакалавриата, к концу 3 курса политические представления стабилизируются и остаются почти неизменными во время обучения в магистратуре и аспирантуре. Политические взгляды и модели самоидентификации молодежи в возрасте 29–35 лет по своим характеристикам уже ближе к установкам людей среднего возраста.

На формирование гражданской идентичности молодежи оказывают влияние факторы разного уровня и направленности. Безусловно значимыми являются разновекторные тенденции глобализации и постглобализации, турбулентность геополитических процессов в мире, цифровизация как публичной сферы, так и частной жизни индивида, доносимый до молодежи разнообразными массмедиа имидж «своего» государства и олицетворяющих его образ высокостатусных представителей политической элиты, традиции восприятия государства в обществе в целом, регионе и малой социальной группе. Среди агентов политической социализации, оказывающих немалое влияние на формирование политических ценностей, установок и моделей идентичности, включая гражданскую, особое значение для молодежи имеют лидеры общественного мнения — популярные блогеры в соцсетях. Открытым остается вопрос о характере влияния информации о негативных событиях в истории страны и эффекте их интерпретации авторитетными для молодежи людьми. В онлайн-пространстве объективно отсутствуют целеполагание и отработанный механизм воздействия на сознание молодежи с целью формирования гражданской идентичности [3, 19].

С учетом весьма распространенных в настоящее время установках молодежи на гедонизм и индивидуализм, не последнюю роль в отношении к государству играет если не актуальная оценка собственного материального положения, то представление о перспективах его изменения в относительно короткий отрезок времени. Немаловажным является фактор «возрастного бунтарства» в возрасте 14–17 лет. Образ «моего» государства, «моей страны» формируется у молодежи в ситуации повышения

возможностей и рисков влияния информационных потоков. Цифровизация практик коммуникации молодежи с органами власти и иными политическими акторами предполагает, несмотря на наличие в соцсетях «информационных пузырей», расширение круга общения этой социально-демографической группы с обладающими очень разными политическими ценностями и установками контрагентами.

Медиа влияют на формирование коллективной памяти в виртуальном пространстве и способствуют формированию коллективной идентичности. Можно констатировать противоречивый характер развития гражданской идентичности российской молодежи вследствие разновекторности информационного влияния на эту группу и значительного роста влияния коммуникации в социальных сетях. Блогеры, лидеры мнений в онлайн-пространстве становятся не только ключевыми источниками получения политической информации и, как следствие, доминирующими агентами политической социализации новых поколений, но, обладая значительным социальным капиталом известности, транслируют определенные идентификационные модели; это касается и отношения к государству и формирования гражданской идентичности. С учетом «клипового» сознания молодежи, популярные у этой группы короткие видео на многих интернет-платформах могут существенно повлиять на модели политической идентичности молодежи, включая гражданскую.

Обмен молодежи интересным для них политическим контентом постепенно формирует группы со схожими идеологическими ценностями, моделями идентичности и политическими предпочтениями. «Спираль молчания» определенным образом проявляется при политическом позиционировании акторов в онлайн-пространстве: в результате люди, думающие, что их отношение к «своему» государству не находит поддержки в интернет-сообществе, становятся «молчунами» или переходят в другие группы; лишь немногие готовы к вербальным баталиям в защиту своих убеждений. Эффект «самонесоответствия», фиксирующий различие «я» индивида с точки зрения его актуального/реального, идеального (желаемого) и должного (социально одобряемого) набора взглядов, ведет к тому, что в интернет-пространстве, где информация практически является «нестираемой», отношение к «своему» государству будет декларироваться в зависимости от выбора референтной группы; возможен вариант акцентированного ухода от демонстрации своих политических взглядов в онлайн-пространстве. На уровне позиционирования гражданской идентичности в онлайн-пространстве для молодежи доминирующими факторами являются личностные характеристики.

1. Абрамова С. Б. Университеты и студенческий гражданский активизм: вовлеченность и цифровые механизмы участия // *Университетское управление: практика и анализ*. 2024. Т. 28, № 1. С. 86–98 DOI 10.15826/упра.2024.01.006

2. Алехина Е.В. Опыт диагностики гражданского самоопределения личности в исследованиях отечественных ученых // *Человек и общество: история и современность*. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2024. С. 3–20.

3. Богомолова А.В., Пикалова О.С., Найденова Е.А. Формирование гражданской идентичности молодого поколения: результаты анализа фокус-групп с педагогическим сообществом // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2024. № 1. С. 16–22. <https://doi.org/10.24158/spp.2024.1>.

4. Бугайчук Т. В. Значения и смыслы гражданской идентичности личности: результаты ассоциативного эксперимента // *Ярославский педагогический вестник*. 2024. № 2 (137). С. 163–170. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-2-137-163>

5. Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843>

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКИХ ПЕРВОКУРСНИКОВ

Пузанова Жанна Васильевна
(Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы)

Ларина Татьяна Игоревна
(Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы)

*Тезисы подготовлены в рамках ИнНИР 100938-0-000
«Использование искусственного интеллекта: перспективы,
угрозы, ограничения (на примере представлений студенчества)»*

Высокая «чувствительность» студенческой молодежи к повестке дня и ее стратегическая социальная значимость делают особенно актуальным исследование ее ценностных установок [1. С. 431].

В 2023-2024 гг. Российским университетом дружбы народов имени Патриса Лумумбы и ФНИСЦ РАН были реализованы 2 волны массового опроса среди студентов четырех российских регионов: города Москвы (среди студентов Российского университета дружбы народов), Вологодской области (среди студентов Вологодского государственного университета и Череповецкого государственного университета), Ростовской области (среди студентов Южного федерального университета), Тюменской области (среди студентов Тюменского государственного университета, ГАУ Северного Зауралья и Тюменского индустриального университета).

Выборка носила целевой характер, была выстроена с соблюдением дифференциации студентов по специализации обучения. Участие в опросах приняли молодые люди, обучающиеся на факультетах российских вузов по социогуманитарной, естественно-научной и технической учебной специализации.

Первая волна: 1025 студентов первого курса. Среди опрошенных первокурсников 10% составили иностранцы

Вторая волна: 1045 студентов первого курса. Среди опрошенных первокурсников около 10% составили иностранцы.

Цель - изучение ценностных ориентаций и установок студенчества, а также их влияния на поведенческие практики молодых россиян.

Анкета состоит из 7 блоков (46 вопросов):

Причины выбора ВУЗа

Личностные характеристики

О психологическом состоянии материальном положении

Мотивированность на профессию, учебу и науку

Этническая и культурная толерантность

Вопросы здоровья

Примеры в жизни и представления о жизненном успехе

Некоторые результаты по срезу первокурсников:

Топ причин поступления в вузы значимо не изменился за два года: на первом месте престиж вуза (38%) и хорошие позиции в мировых рейтингах (32%-38%), далее характеристики, связанные с конкретным вузом - удобство расположения, высокая квалификация преподавателей и привлекательная территория (26%-30%).

Самосовершенствование и самореализация в 2023 году значимо для 60% опрошенных, в 2024 – 55%-57% первокурсников. Реже первокурсники станут стремиться к признанию и власти (15%-17%).

Свое психологическое состояние и состояние окружающих людей студенты оценивают преимущественно позитивно – свое как спокойное и уравновешенное (27% в 2023 году и столько же в 2024 году), на втором месте – тревожность и эмоциональная приподнятость (16-17% в 2023 году и 15%-18% в 2024 году). Здесь не произошло значимых изменений за 2 года.

Психологическое состояние других людей студенты оценили, как спокойное и уравновешенное (20% в 2023 году и 28% в 2024 году) или приподнятое (15% в 2023 году и 21% в 2024 году). Намечена тенденция снижения напряженности в данном аспекте.

Студенты уверены в хорошем будущем или смотрят в него с надеждой (51% и в 2023, и в 2024 году), причём иностранные студенты из Москвы смотрят на него даже более оптимистичны, чем российские.

В целом можно заключить, что студенты в большинстве своем обладают средним уровнем толерантности (69% в 2023 году и 73% в 2024 году, самый высокий уровень толерантности у московских студентов) и относятся одинаково положительно ко всем культурам других стран (78,4% в 2023 году и 75% в 2024 году). Тенденции общие и региональные остались теми же.

Если упорядочить страны по порядку от наиболее позитивно воспринимаемой страны к наименее, в 2023 году получалась следующая картина: 1. Китай 2. Казахстан 3. Беларусь 4. Армения 5. Грузия 6. Азербайджан 7. Япония 8. Канада 9. Израиль 10. Франция 11. Англия 12. Германия 13. Страны Балтии 14. Польша 15. США 16. Украина.

В 2024 году произошли значимые изменения в восприятии стран: 1. Беларусь 2. Китай 3. Казахстан 4. Япония 5. Грузия 6. Армения 7. Канада 8. Азербайджан 9. Англия 10. Германия 11. Франция 12. Польша 13. Страны Балтии 14. Израиль 15. США 16. Украина. Несмотря на то, что самыми негативно воспринимаемыми странами остались США и Украина, лидером восприятия стала Беларусь, затем Китай, Казахстан стал третьим. Значимо хуже стал восприниматься Израиль.

Треть первокурсников в 2023 году были удовлетворены жизнью в полной мере, половина – частично и 8,5% – не удовлетворены. В 2024 году уровень удовлетворенности жизнью вырос до 40%. Чаще удовлетворены жизнью студенты из Москвы, эта тенденция верна и в 2023 году, и в 2024 году.

Неопределенность будущего (55,3%), проблемы с работой или учебой (51%) и отсутствие свободного времени (43,3%), отсутствие времени на то, чтобы сделать все дела, которые необходимо (39%), отсутствие денег на досуг (37%) – основные проблемы студенчества в 2023 году. В 2024 году значимо топ не изменился, первые три места остались неизменными, четвертая и пятая позиции поменялись местами.

Хорошая работа, служение людям, жизнь без забот, хорошие друзья, желание приносить пользу людям и крепкая семья – основные слагающие жизненного успеха для студентов в 2023 году. В 2024 году представления об успехе практически не изменились, за исключением повышения значимости создания семьи.

Члены семьи, друзья, знакомые являются основными референтными личностями для первокурсников, на втором месте – отсутствие таковых в принципе. Данный факт не изменился за 2 года.

Полученные данные свидетельствуют о том, что 2 года – слишком короткая перспектива, чтобы выявить тенденции, но достаточная, чтобы их наметить и апробировать методику опроса. Мы согласны с З.Т. Голенковой и Т.А. Хагуровым, которые говорят о

необходимости разработки адекватных форм и технологий работы с молодежью, которые бы позволяли снизить «стресс самореализации», а также проработки вопроса о содержании воспитательного дискурса и актуализации в сознании молодежи неэгоистических ценностей отношений, семьи, гражданственности и социальной ответственности [2. С. 303].

1. Бараш Р.Э., Тюрина И.О. Студенческая молодежь: психоэмоциональный и социальный автопортрет (по результатам фокус-групп) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. - 2024. - Т. 24. - №2. - С. 430-444. doi: [10.22363/2313-2272-2024-24-2-430-444](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-430-444)
2. Голенкова З.Т., Хагуров Т.А. Региональная молодежь в нелинейном глоболокальном социуме: новые формы социального напряжения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. - 2022. - Т. 22. - №2. - С. 291-305. doi: [10.22363/2313-2272-2022-22-2-291-305](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-2-291-305)

СЕВЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР СДЕРЖИВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

Симакова Анна Васильевна
(Петрозаводский государственный университет)

Степунь Ирина Сергеевна
(Петрозаводский государственный университет)

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект №22-78-10148 «Мотивационные драйверы в динамике потоков человеческих ресурсов в Российской Арктике: тенденции, вызовы, перспективы»

Аннотация: В тезисах представлен фрагмент результатов исследования северной идентичности молодежи, проживающей в регионах Арктической зоны Российской Федерации. Исследование основано на социально-конструктивистском подходе, его эмпирическая часть базируется на опросе молодежи 9 регионов АЗ РФ. Выявлено, что большинство молодежи считает себя частью сообщества «северян», а их идентичность основана не только на самом факте рождения и проживания в северных регионах, но и эмоциональной привязанности к Северу.

Ключевые слова: молодежь, северная идентичность, Арктическая зона России

Актуальность изучения северной идентичности как формы территориальной идентичности и как феномена социального сознания населения заключается в ее ресурсной составляющей социально-экономического развития арктических территорий. Сегодня переосмысление элементов российской культуры через «северное измерение» важно в контексте «северного поворота» в геэкономической стратегии развития России [1]. Северная идентичность как конструкт относится к комплексу составных элементов такого социального конструкта, как территориальная идентичность, под которой в рамках исследования понимается «конструирование «места» данного социума в окружающем мире. Результат этого процесса репрезентируется через привязку социума к конкретному месту в социогеографическом пространстве» [2] через ощущение индивидом себя как «члена территориальной общности». В этом ключе необходимо осмысление факта сформированности северной идентичности у молодёжи Арктической зоны России и элементов ее проявления.

Методология исследования базируется на социально-конструктивистском подходе, в соответствии с которым «идентичность» выступает конструирующим основанием социальной группы с его категориальной позицией «идентификации по принадлежности к классу людей с общими категориальными атрибутами» [3]. Эмпирическая часть исследования базируется на репрезентативном социологическом опросе молодежи в возрасте 16-35 лет, проживающей на момент исследования в регионах АЗ РФ¹⁸. В выборочную совокупность исследования вышла «коренная молодежь», которая родились и выросли в АЗ РФ, или их родители переехали, в АЗ РФ, когда респондент был ребенком, или он проживает на территории АЗ РФ более 10 лет. Всего в выборку вошло 6942 человека. Тип выборки: комбинированная, квотная на последнем этапе доступная. Предельная ошибка выборки по каждому региону АЗ РФ не превышает ± 5 . Результаты опроса

¹⁸ 9 регионов АЗ РФ, из которых 4 входят в АЗ РФ полностью по территориальному признаку (Мурманская область, Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО) и 5 – частично (Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Республика Саха (Якутия), Красноярский край).

откорректированы в соответствии с долевыми значениями по полу и возрасту в генеральной совокупности с применением весовых коэффициентов из-за смещения выборки по полу в сторону преобладания женского населения в возрастных группах 24-29 лет и 30-35 лет.

Определение территориальной идентичности у молодежи заключается в выявлении рефлексивной оценки связанности места проживания с самим собой: ответ на вопросы «Считаете ли Вы себя, или чувствуете себя жителем Севера?». Самоидентификация молодых людей с Севером прослеживается явно: 91,5% считают себя северянами. При этом представление о Севере у молодежи арктических регионов в большинстве оценок позитивно (77,5% опрошенных).

Социальный конструкт «северяне» в рамках данного исследования выделяется на основе самоидентификации молодежи через заданные атрибуты территориальной идентичности – фактические (родиться на территории и проживать на ней); культурные и традиционные и эмоциональную связь. Так, в проявлении территориальной идентичности на первом плане проявляется именно атрибут фактического отношения к территории: «жить на Севере» и «родиться на Севере» отметили 71% и 58% респондентов соответственно. В региональном разрезе различия по данным характеристикам в долевым соотношении также выбрано весомой долей респондентов (Таблица 1). При этом условие «прожить на Севере всю свою жизнь» является менее обязательным по количественным выборам данного ответа у респондентов (примерно каждый третий выбрал этот ответ).

Эмоциональная привязанность к территории проявлена через выборы вариантов ответа «любить Север» (47,6% в среднем для регионов) и «в душе чувствовать связь с Севером» (31%).

Таблица 1. Атрибуты отнесения себя к сообществу северян, в % по региону

Что, по Вашему мнению, означает «быть северянином»?	Мурманская область	Республика Карелия	Архангельская область	Ненецкий АО	Республика Коми	Ямало-Ненецкий АО	Якутия	Красноярский край	Чукотский АО
прожить на Севере всю свою жизнь	23,7	36,8	24	23,4	36,3	30,9	20,9	29,9	26,5
жить на Севере	76,2	83,9	71,1	69	75,8	74,5	64,3	77,1	61,3
родиться на Севере	59,8	64	57,4	61,9	61,5	53,5	42,6	60,8	56,1
знать культуру и традиции Севера	30,2	33,1	45,4	47,7	47,8	43,1	62,8	29,2	43,5
в душе чувствовать связь с Севером	36,7	29,8	29,7	28,4	35,2	31,5	31,8	28	28,3
относиться к числу Коренных малочисленных народов Севера	7,8	19	10,4	19,8	17,6	15,2	29,5	10,3	42,6
трудиться на благо северного края	25,4	24,4	29,5	26,4	26,4	37,6	32,6	29,7	28,7
знать историю родного северного края	27,1	33,5	33,6	42,1	34,6	31,1	42,6	24,1	39,1
любить Север	50,3	36,8	46,9	55,3	51,1	50,3	47,3	40,5	50
Всего по региону, в %	100	100	100	100	100	100	100	100	100

<i>Количество респондентов, ответивших на вопрос по региону, чел.¹⁹</i>	<i>1566</i>	<i>242</i>	<i>1942</i>	<i>197</i>	<i>182</i>	<i>1154</i>	<i>129</i>	<i>1251</i>	<i>230</i>
--	-------------	------------	-------------	------------	------------	-------------	------------	-------------	------------

Интересным является распределение ответов респондентов по регионам касательно атрибутов, отражающий приверженность к традициям, культуре и истории Севера. Эти атрибуты в большей мере отражены в ответах респондентов, проживающих в регионах, территории которых являются в том числе и местом традиционной и хозяйственной жизни Коренных малочисленных народов Севера. Так, практически каждый второй респондент из Чукотки (42,6%) отметил, что северянин - тот, кто относится к коренным северным этносам. Таким образом, северная идентичность молодежи прослеживается в знании культуры и традиций Севера, истории родного края при необязательном факте воплощения их в современном жизненном укладе молодого поколения. Северная идентичность молодежи дает опору [4], образует социальные признаки территории. При этом в эпоху повышения мобильности и «стирания» межрегиональных границ у молодежи на ментальном уровне эта связь сохранится, будет проявляться через сохранение элементов северной культуры, периодическое возвращение к месту прежнего проживания, транслирование «северной атрибутики» и социальной эмпатии к родным северным территориям.

1. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Северная идентичность России // *Регион: экономика и социология*. 2013. № 2. С. 37-47.
2. Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // *Общественные науки и современность*. 2012. № 5. С. 151-163.
3. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» Brubaker R., Cooper F. *Beyond Identity // Theory A. Society. Dordrecht, 2000. Vol. 29, No. 1. P. 1-47 // Политическая наука*. 2005. № 3. С. 191-193.
4. Ковригина Г.Д. Территориальная идентичность в эпоху разрушения значимости пространства // *Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке*. 2018. № 9. С. 208-2012.

¹⁹ Примечание: количество ответивших респондентов на данный вопрос по каждому из регионов составляет 100% от общего массива опрошенных

ТРАДИЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖИ

Сухарев Егор Сергеевич
(Институт технологий управления МИРЭА)

Аннотация - Данная работа рассматривает традиционные и инновационные технологии, направленные на решение социальных проблем молодежи. Особое внимание уделяется сравнительному анализу методов, их интеграции и эффективности в различных контекстах. Подчеркивается важность комбинирования подходов для достижения устойчивых результатов и удовлетворения потребностей молодой аудитории.

Ключевые слова - Традиционные технологии, инновационные технологии, социальные проблемы, молодежь, образование, психическое здоровье, трудоустройство, цифровые платформы, социальные медиа, волонтерство, поддержка молодежи, интеграция методов, общественные инициативы, устойчивое развитие, командная работа.

1. Понятие социальных проблем молодёжи:

Социальные проблемы молодёжи включают в себя широкий спектр вопросов, таких как отсутствие занятости, трудности в получении образования, насилие, криминализация и маргинализация и проблемы социальной интеграции [1].

Эти проблемы могут иметь серьёзные последствия для личного и профессионального развития молодых людей, а также для общества в целом.

Традиционные и инновационные технологии играют ключевую роль в решении этих проблем, способствуя созданию устойчивых решений и возможностей для молодежи.

2. Традиционные методы решения социальных проблем:

Традиционные технологии в контексте молодежной политики относятся к устоявшимся подходам, методам и инструментам, используемым для решения социальных проблем.

К таким технологиям относятся государственные программы, общественные инициативы, образовательные учреждения и социальные службы, которые действуют в рамках существующих систем [4].

Примеры традиционных технологий

Государственные программы поддержки: гранты, субсидии, стипендии и другие финансовые инструменты для помощи в образовании и трудоустройстве.

Общественные организации: волонтерские движения, благотворительные фонды, клубы по интересам, которые предлагают разнообразные программы и мероприятия для молодёжи.

Образовательные программы: линейное образование в институтах и университетах, профориентационные курсы, государственные стипендии.

Социальные программы: Психологическая поддержка через государственные учреждения, программы по трудоустройству молодежи, стажировки.

Ограничения традиционных технологий.

Многие традиционные методы сталкиваются с ограниченной эффективностью из-за бюрократии, недостатка ресурсов или неполного охвата нуждающихся.

Подходы часто не учитывают индивидуальные потребности молодежи и не способны быстро адаптироваться к быстро меняющимся условиям [3].

3. Инновационные технологии в решении социальных проблем»:

Инновационные технологии включают в себя новые подходы, инструменты и методы, которые могут быть использованы для решения социальных проблем молодежи.

Это могут быть цифровые технологии, социальные сети, мобильные приложения, а также новые формы социального взаимодействия.

Примеры инновационных технологий

- Цифровые платформы: Использование онлайн-платформ для поиска работы, обучения и повышения квалификации.

- Мобильные приложения: Приложения, направленные на решение проблем психического здоровья.

- Социальные медиа: Использование социальных сетей для создания сообществ, обмена опытом и поддержки, что помогает молодежи находить новых друзей и единомышленников.

Преимущества инновационных технологий.

Инновационные технологии позволяют доступ к ресурсам и информации в любое время и в любом месте, что способствует повышению уровня вовлеченности молодежи. При этом они способны быстро адаптироваться к изменениям и позволяют молодежи участвовать в решении своих проблем, улучшая качество жизни.

Сравнительный анализ традиционных и инновационных технологий.

Традиционные технологии часто медленнее реагируют на изменения в потребностях молодежи, тогда как инновационные технологии более гибкие.

Однако традиционные подходы, в силу их институциональной поддержки, обеспечивают большую стабильность и легитимность.

Заключение:

Оптимальное решение социальных проблем молодежи требует интеграции традиционных и инновационных технологий [5].

Комбинирование методов позволяет использовать преимущества обоих подходов, обеспечивая комплексный подход к проблемам. Комбинирование традиционных и инновационных технологий позволяет эффективно решать социальные проблемы молодежи, учитывая специфику каждой группы и региона [2].

Необходима координация усилий государства, бизнеса, некоммерческого сектора и самих молодых людей для достижения устойчивых результатов и максимального эффекта.

Решение социальных проблем молодежи требует многоуровневого подхода, который учитывает как традиционные, так и инновационные технологии.

1. М.К. Горшков: *Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований* / – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 686 с. - ISBN 9785896973270.
2. *Гарашкина Н.В. Культурологический подход в вузовской подготовке будущих социальных работников: новые направления/ Н.В. Гарашкина, А.А. Дружинина, Н.А. Гарашкин. – Тамбов, 2012.*
3. «Молодежь в современном мире: проблемы и перспективы» - сборник материалов 14 Международной научно-практической Интернет конференции//2018 год, Уфа, Издательство БИСТ ОУП ВО – АтиСО// <https://ufabist.ru/wp-content/uploads/2018/06/sbornik-molodej-2018.pdf>
4. *Пантюк, И. В. Методы и технологии социальной работы: конспект лекций / И. В. Пантюк; БГУ, Гуманитарный фак., Каф. общей и клинической психологии. – Минск: БГУ, 2014. – 301 с.: ил. – Библиогр.: с. 296–300.*
5. *Приступа Е.Н. Кластерные инициативы в социальной работе/ Е.Н. Приступа. Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы: материалы международной научно-практической конференции 5-6 ноября 2013 года.*

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО АБИТУРИЕНТА ВУЗА

*Темнова Лариса Витальевна
(МГУ имени М.В.Ломоносова)*

Нестабильность и динамичность российского рынка труда, высокие темпы цифровизации выступают чертами социальной реальности, в которой идет формирование личности молодого человека. В условиях текучей современности институт образования не успевает подстроиться под динамичные трансформации социальной реальности. В недрах электронно-цифровой эпохи зарождается серьезная конкуренция системе высшего образования - онлайн-курсы и образовательные платформы. Последние годы в общественном мнении сформировалось представление [9] о том, что высшее образование сегодня не является необходимым условием трудоустройства и построения успешной карьеры. Однако на фоне технологических и социальных трансформаций в российском обществе наблюдается устойчивая тенденция к увеличению доли граждан, достаточным уровнем квалификации считающих высшее образование. Чем моложе россияне, тем выше их образовательные запросы [7]. Описанная тенденция нашла свое отражение в динамике цифр приема в вузы. Снижение численности студентов, наблюдавшееся в прошедшие годы, с 2022 г. сменилось ростом [3].

Одним из важнейших факторов обеспечения качества образовательного процесса в высшей школе выступает уровень подготовки абитуриентов. Понимание того, с какими мотивами, ценностями, приоритетами приходят учиться в вуз абитуриенты, чего ожидают они от образовательного процесса является значимой задачей и руководства, и профессорско-преподавательского состава. Для формулирования ответов на эти вопросы, с нашей точки зрения, весьма продуктивным является обращение к теории поколений Н. Хоува и У. Штрауса [14] (адаптированной российскими исследователями Е.М. Шамис и Е. Никоновым [12]). Согласно данной теории, представители поколения Z (2000-2024 годов рождения) являются потенциальными абитуриентами высших учебных заведений на ближайшие 15-20 лет. Рассмотрим, какими психологическими, социально-психологическими и социальными характеристиками они обладают.

В силу того, что это поколение формируется в нестабильных условиях и вынуждено подстраиваться под них, зумерам свойственен конформизм и адаптивность, “скорее тихое сопротивление, чем открытый бунт. Они не стремятся к разрушению и ценят спокойствие, стараются формально следовать правилам, но поступают так, как считают правильным, далеко не всегда ставя родителей в известность о своих решениях”.

Зумеры отлично ориентируются в виртуальном мире, так как с рождения интегрированы в него, в совершенстве владеют цифровыми технологиями (идеальная целевая аудитория образовательных онлайн-платформ [6]). «Врожденные» цифровые навыки дают им возможность обрести материальную независимость раньше их старших родственников за счет возможности не только обучаться, но и зарабатывать в сети Интернет. Определено, что взаимодействие с цифровыми технологиями на самых ранних этапах развития личности формирует преимущественно визуальный, клиповый образ мышления и сознания [10]. Зумерам легче получать информацию тезисно, им непривычно анализировать большие потоки информации, особенно в текстовом виде. Однако сравнительный анализ уровня развития умственных способностей представителей поколения зет и их сверстников последней трети XX века, показал, что интеллектуальные способности зумеров развиты лучше, а общий уровень умственного развития значительно выше. Причинами таких результатов исследователи считают высокую включенность детей

в игры (в том числе компьютерные), а также современные образовательно-воспитательные практики, делающие значительный упор на развитие словесно-логического мышления [2].

Зумеры склонны сохранять человеческие отношения, нежели “идти по головам”. Для них значимы умения отстаивать свою точку зрения, критически оценивать информацию, работать в команде, строить коммуникацию, учитывать эмоциональное состояние собеседника [4]. Хотя сформированность эмпатических способностей не столь однозначна у этого поколения.

В то же время исследования показывают, что зумеры прагматичны, ожидают немедленного вознаграждения в виде продвижения по карьерной лестнице [1]. Деньги в их иерархии ценностей занимают довольно высокую – четвертую – позицию (более важными ценностями считаются здоровье, душевное благополучие, семья, интересная работа). Зумеры признают существенную роль денег в обеспечении благополучной и успешной жизни, покоя, культурного развития, душевного равновесия, возможности быть независимым и уверенным в себе [5].

Гедонизм и ценность удовольствия для зетов почти в два раза больше, чем у поколения X [8]. Интересно, что согласно статистике, они пьют меньше и совсем не так, как их родители. Зеты составляют 13% потребителей алкоголя и предпочитает пить в барах и в кругу друзей и знакомых. Алкоголь для них — скорее дополнение к приятной компании, нежели средство поднятия настроения [13].

Зумеры скорее придерживаются принципов индивидуализма и ставят личные интересы выше блага общества. Наиболее ценным для них является поиск своего пути, реализация себя, выстраивание собственных личных границ [11]. Наиболее приемлемый для них стиль взаимодействия - либеральный. В сравнении со старшими поколениями зумеры гораздо ниже ценят сохранение признанных традиций и обычаев [8]. Возраст не выступает для них основой авторитета. Поэтому старшее поколение должно доказать свою экспертность прежде, чем начинать сотрудничество. Преподнесение учебного материала должно быть структурировано, опираться (по возможности) на зрительный ряд, преподавателю следует регулярно давать обратную связь, уделяя особое внимание формированию эмоционального фона взаимодействия.

И еще одну особенность личности абитуриентов вузов следует учитывать. Она связана с существующей системой профориентации в нашей стране. Сегодня имеет место ряд барьеров, препятствующих профессиональному становлению школьников. Это недостаток знаний учащихся о современном рынке труда, новых и перспективных профессиях, возможностях применения собственных способностей, ситуация вынужденности принятия решений о выборе профильного класса, ОГЭ, ЕГЭ и др. Современные школьники вынуждены принимать значимые решения значительно раньше, чем их предшественники, и часто сожалеют об ошибочности принятых ранее решениях в силу их недостаточного осознания. Большинство участников исследования, проведенного Наумовой Е.С., к моменту окончания школы не готовы к выбору и не уверены в нем, испытывают сомнения в принимаемых решениях. Поэтому мы имеем ситуацию, когда наши абитуриенты точно знают, в какой вуз и на какой факультет они поступают, но при этом имеют очень отдаленные представления о сущности профессии, на которую они пришли учиться. В силу сказанного преподаватели вузов на младших курсах вынуждены решать задачу профессиональной ориентации, раскрытия сущности и особенностей будущей специальности, которой хочет овладеть студент.

1. Виниченко В. А., Ростовцев К. В., Хохолуш М. С. Влияние теории поколений на кадровую политику промышленных предприятий // *Экономика труда*. 2022. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-teorii-pokoleniy-na-kadrovuyu-politiku-promyshlennyh-predpriyatiy>
2. Денисенкова Н.С., Федоров В.В. Сравнительный анализ уровня развития умственных способностей современных старших дошкольников и их сверстников, посещавших детские сады в последней трети XX века // *Психологическая наука и образование*. 2021. Том 26. № 3. С. 40—53.
3. Доклад Правительства РФ Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. URL: <http://static.government.ru/media/files/7wTyuCH7RUXZb5RgUqReX4nWt6TuUAH4.pdf>
4. Зинурова Р. И., Никитина Т. Н., Фатхуллина Л. З. Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения z (по результатам фокус-группового исследования) // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2022. №476. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-praktiki-i-sotsialno-psihologicheskie-harakteristiki-pokoleniya-z-po-rezultatam-fokus-gruppovogo-issledovaniya>
5. Мецанинова Е.Ю. Место денег в системе жизненных ценностей студентов // *Теория и практика общественного развития*. 2023 № 11 С. 139–145.
6. Новикова В.С. Образовательная траектория как инструмент построения карьеры: поколенческий разрыв // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2023» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. – М.: МАКС Пресс, 2023. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2023/data/28594/154963_uid446245_report.pdf*
7. Обучение длиною в жизнь. ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn-1>
8. Поколенческий классификатор современного российского общества. URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/2640>
9. Профессиональная карьера современной молодежи: оценки ситуации // ВЦИОМ. 2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professionalnaya-karera-sovremennoj-molodezhi-oczenki-situaczii>
10. Романова Е. А., Брель Е. Ю. К проблеме исследования социализации обучающихся и педагогов в цифровой образовательной среде в разрезе теории поколений. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. 24(1). С. 92–98.
11. Федоров В. Ценности современного российского общества. 2022 // ВЦИОМ URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-07-20_Cennosti_sovremennogo_rossii_skogo_obshchestva_Fedorov.pdf
12. Шамис Е. М., Никонов Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. М. : Ун-т Синергия : Школа Бизнеса, 2017. 138 с.
13. Эксперты назвали алкогольные предпочтения российской молодежи // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/wine/news/66f6c47c9a794777d13d07b7>
14. Strauss, W., Howe, N. (1997) *The Fourth Turning: An American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. N. Y. : Broadway Books.

МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА СПО МОЛОДЕЖИ ИЗ ГОРОДА/СЕЛА

Тишина Полина Валерьевна

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Череповецкий государственный университет")

С 2018 года растет популярность обучения в техникумах и колледжах, при этом снижается популярность учебы в институтах и университетах. Необходимо выяснить, какие существуют факторы, мотивирующие учеников к получению СПО, почему будущие студенты отказываются от высшего образования. Актуальным становится вопрос о том, что отталкивает школьников от получения более престижного образования, и как на этот выбор влияет территориальная обусловленность.

В диссертации Н.А. Яковлевой «Стартовое неравенство в студенческой среде и успешность обучения» описана типология ресурсов выпускников школ с ключевыми индикаторами ресурсообеспеченности. [3,64] В категорию важных компонентов попали: человеческий, гендерный, культурный, территориальный и семейный. Особую значимость предпоследнего фактора подчеркивает Д.Л. Константиновский: «чем выше уровень урбанизации поселения, где подросток заканчивает школу, тем значительнее шансы на реализацию наибольших притязаний в сфере образования».[1,57] С.В. Шишкин также отмечает этот факт: «В учебных заведениях, расположенных в сельской местности и малых городах, удаленных от вузовского центра региона, качество среднего образования обычно ниже, чем в учебных заведениях крупных городов.» [2,15]

Рассмотрим факторы мотивации к поступлению в техникумы школьников Череповца, Вологды и отдельно районных центров и малых городов Вологодской области. В докладе представлены данные опроса учащихся образовательных учреждений: «Образовательные и карьерные стратегии учащихся Вологодской области: факторы выбора», проводившийся в Вологодской области в октябре-ноябре 2023 года кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Опрошено 600 учащихся школ г.Череповца, 400 учащихся школ г.Вологды, 500 студентов СПО г.Череповца, 900 учащихся школ районных центров и малых городов Вологодской области.

Человеческий - измерять объем знаний и навыков, сложно в силу их качественной разнородности, в таких условиях затруднительно. Применяя данное утверждение к исследованию, одним из референтов человеческого ресурса примем оценки в школе. Индикатор далек от идеала, однако в разрезе с ним наблюдаются различия. Так, на фоне общего снижения привлекательности поступления в ВУЗ у малых регионов, школьники с плохим табелем успеваемости приоритезируют поступление в техникумы.

Рис. 1. Распределение респондентов о дальнейших планах обучения в разрезе успеваемости.

Гендерный - пол (как переменная исследования) и сопряженные с ним социальные роли определяет образовательные и последующие профессиональные траектории молодежи. В разрезе данной характеристики не наблюдается сильного изменения на фоне общей картины. И школьники, и школьницы малых регионов одинаково меньше желают поступить в ВУЗ по сравнению с г. Вологда и г. Череповец. Внутри не наблюдается особого расслоения, хотя в Череповце разрыв между юношами и девушками, желающими получить СПО больше, предположительно в силу специфики промышленного города.

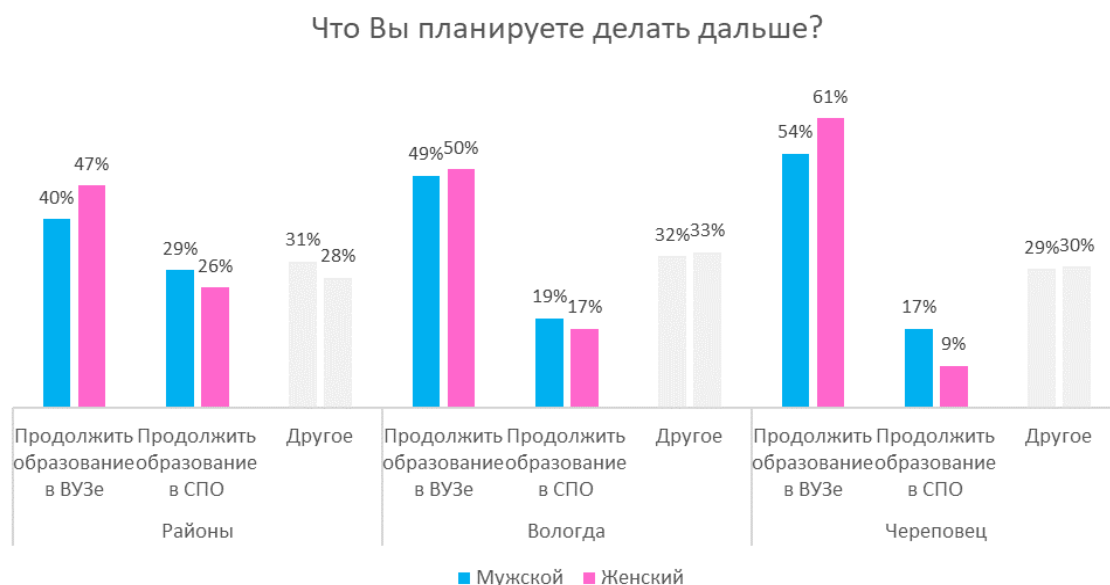

Рис. 2. Распределение респондентов о планах на поступление в зависимости от пола.

Культурный – этот ресурс можно интерпретировать через уровень активности в общественной жизни. В данную категорию входят: посещения мероприятий, музеев, участливое поведение в жизни города, посещение различных кружков и секций. Так, в малых регионах области процент школьников, желающих получить СПО близится к количеству тех, кто хотел бы получать образование в ВУЗе. Часть активных ребят как бы распределяется по уровням образования: активисты стремятся скорее пойти в техникум или идти работать.

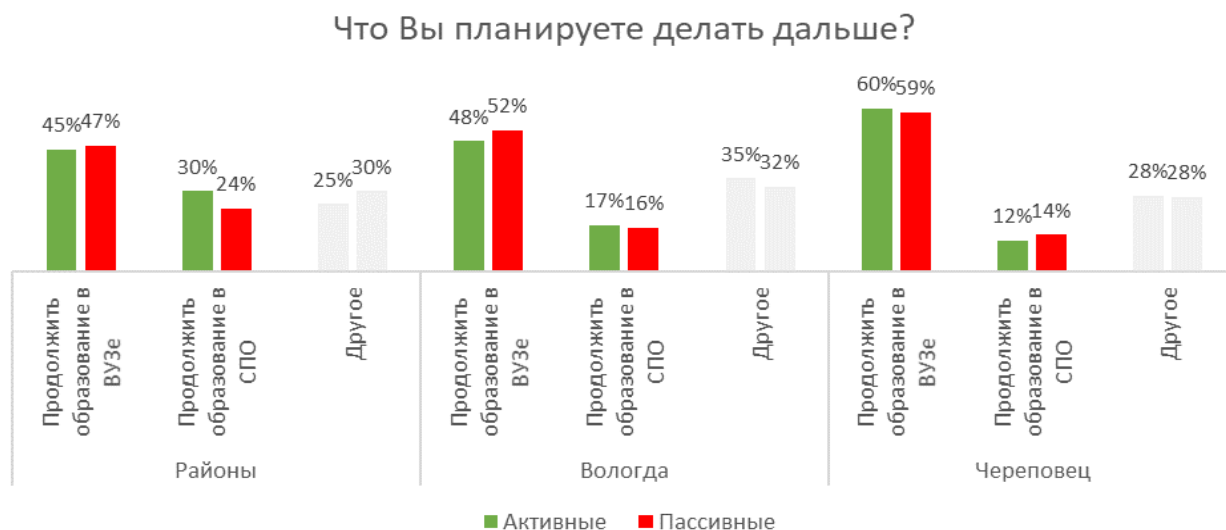

Рис 3. Распределение респондентов о дальнейших планах на обучение в разрезе уровня активности.

Семейный - речь идет не только о финансовом благополучии, но и о других видах воздействия, которые были сформированы с участием родителей. Так, у школьников малых регионов родители, предположительно сами являются инициаторами их поступления в техникумы. В Вологде и Череповце родители в первую очередь советуют поступать в ВУЗ.

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Кто больше всех повлиял на Ваше решение, что Вы будете делать после окончания школы?»

Таким образом, наиболее значимыми факторами, отличающими школьников малых регионов области от школьников городов, являются: родительский, человеческий, культурный. Чем дальше от городов, тем меньше становятся притязания на получение высшего образования. Это плохая успеваемость, которая школьника в условиях города не останавливает от притязаний на получение высшего образования, а ребенка из села заставляет снижать амбиции. Это уровень активности, который, предположительно «якорит» школьника в малых районах, заставляя направлять свою творческую активность на ближайшую территорию. Родительское влияние, когда городские семьи прививают у

ребенка стремление получить высшее образование, а родители школьника из сел направляют его на быстрый выход на работу и получение СПО.

Рис 5. Распределение респондентов при ответе на вопрос «Почему вы планируете получать СПО?».

В опросе присутствует прямой вопрос о мотивах получения СПО. Различия невелики, однако в топе причин поступления в техникумы у школьников из малых районов: «Хорошее обучение по профессии», «Возможность получить востребованную профессию», «Проще поступить». То есть желание получить СПО, потому что это неплохой вариант, возможно, единственный, и нет нужды прикладывать особые усилия. У школьников городов же причины распределились в следующем порядке: «Хорошее обучение по профессии», «Проще поступить», «Доступная оплата обучения». То есть, в приоритетные факторы попадает материальный. Поступаю, потому что не хватит денег на ВУЗ, не трудно поступить, да и профессия будет востребована.

Таким образом, роль географического фактора при изучении мотивов поступления в техникумы, может быть, одним из основополагающих. Школьники из сел действительно реже идут получать высшее образование, чем школьники из города. На это влияет комплекс ресурсов воздействия: родительская роль и их установки, разница в уровне знаний, активность и т. д. В дальнейшем возрастает необходимость исследовать ценностные факторы, влияющие на выбор траектории обучения.

1. Константиновский Д.Л. *Неравенство в сфере образования: российская ситуация. Мониторинг общественного мнения №5 (99), Государство и общество.* – М., 2010. – С.57.
2. Шишкин С.В. *Доступность высшего образования в России. Отв. ред. С.В. Шишкин. Независимый институт социальной политики.*— М., 2004. – С.15.
3. Яковлева Н.А. *Стартовое неравенство в студенческой среде и успешность обучения: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Санкт-Петербургский гос. университет.* – СПб., 2017. – С.64.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Тулузакова Марина Валентиновна
(*Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при*
Президенте РФ)

Никифоров Богдан Игоревич
(*Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при*
Президенте РФ)

Аннотация. Патриотическое воспитание рассмотрено как деятельность, направленная на формирование гражданского самосознания молодежи.

Ключевые слова: Патриотизм, патриотическое воспитание, молодежь, гражданское самосознание.

Любовь к Родине, желание и способность помочь ей в сложные времена независимо от их религиозного, языкового, расового и иного отличительного признака отражает суть патриотизма как социального явления. Российское государство делает все возможное, чтобы воспитать гражданина в патриотическом ключе. Так, одним из главных направлений государственной политики в сфере образования является патриотическое воспитание. Это означает, что именно дети, подростки, молодёжь становятся объектами патриотического воспитания.

Инструментами данной политики являются школы, колледжи, техникумы и университеты – в общем, все образовательные учреждения. Так, в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» указано на необходимость воспитательной работы с обучающимися на протяжении всего периода обучения. [1] Патриотическое воспитание, являясь составной частью общего воспитательного процесса, ориентировано на формирование гражданского самосознания, а следовательно общественно значимых ориентаций обучающейся молодёжи.

Также помощь в воспитании патриотизма могут оказать религиозные организации или общественные движения, имеющие как частные инициативы, так и поддерживаемые государством.

Примерами религиозной поддержки могут служить курсы “Основы православной культуры”, инициатором которых являлась РПЦ.

Примерами общественных движений помогающих воспитать патриотизм обучающихся может являться ЮНАРМИЯ, в уставе которой четко прописана цель сохранение и приумножение патриотических традиций (пункт 2 подпункт 2.1).[2]

В связи с проведением специальной военной операции актуализировалась необходимость патриотического воспитания. Происходящая трансформация политической, социально-экономической и идеологической составляющей современного российского общества поставило государство перед необходимостью искать новые формы патриотического воспитания граждан. В качестве примера рассмотрим введенные новые нормы патриотической работы/воспитания в образовательных учреждениях.

Во-первых, во всех учебных заведениях были введены мероприятия с поднятием государственного флага Российской Федерации. Это, по нашему мнению, было сделано для того, чтобы показать участникам данной акции, что все они являются составным целым единого российского государства.

Во-вторых, в соответствии с рекомендациями Министерства просвещения Российской Федерации в рамках цикла внеурочных занятий школах реализуется проект

«Разговоры о важном». В рамках названного проекта предлагается начинать учебную неделю с проведения классного часа, посвященного актуальным темам. В центре «Разговоров о важном» - «воспитание активной гражданской позиции, духовно-нравственное и патриотическое воспитание на основе национальных ценностей». [3]

В-третьих, в учебные заведения стали приглашаться участники СВО, которые рассказывают о своей службе и дают наставления будущим защитникам Отечества. Целью данных встреч является формирование у обучающихся патриотизма, чувства гордости за сохранение истории, культуры Родины, уважения и признания заслуг соотечественников в защите своей отчизны.

В-четвертых, было увеличено количество часов на изучение истории России. Связано это с тем, чтобы обучающиеся не только больше узнавали о истории своего государства, но понимали ответственность за сохранение Родины, которую передали им их предки через века.

Но не только с помощью учебных заведений государство старается воспитать из молодого поколения будущих патриотов своей страны. Оно также использует и другие механизмы воспитания.

К примеру, государственный праздник 9 мая. В данный день помимо парада также проходит акция «Бессмертный полк». Данное движение ставит перед собой цель показать своих родных, которые принимали участие в Великой Отечественной войне в независимости от того, как они помогали фронту - на передовой или в тылу. «Бессмертный полк» показывает, как важно помнить подвиг народа, научиться ценить свою Родину, любить ее и защищать в трудные времена.

Интересный опыт патриотического воспитания демонстрирует учебно-методический центр военно-патриотического воспитания молодежи «АВАНГАРД». Он является структурным подразделением государственного бюджетного учреждения дополнительного образования «Региональный центр допризывной подготовки молодежи к военной службе и военно-патриотического воспитания Саратовской области» («далее — Центр «АВАНГАРД»). «АВАНГАРД» — аббревиатура, которая расшифровывается как: «Армейская воля, атака, напор, гордость, активность - России дозор». «АВАНГАРД» создан по инициативе Министерства обороны при поддержке президента РФ. Начиная с 2019 года, указанный проект реализуется во всех субъектах РФ с целью внедрения передовых педагогических идей и образовательных технологий в сфере начальной военной подготовки (НВП) допризывной молодежи.»[4]

Так, в течение учебного года обучающиеся 10-х классов осваивают программу пятидневных учебных сборов по основам военной службы, разработанных «по единым четким стандартам и основанных на современных методологиях и технических средствах» [4] Особое внимание в Центре уделяется военно-патриотическому воспитанию. Оно реализуется в следующих формах - беседы, политинформации, брейн-ринги, викторины по текущим памятным датам в истории страны, знакомство с жизнью и творчеством знаменитых земляков, прославившихся военачальников, Героев Советского Союза, посещение театральных постановок, местных музеев и картинной галереи, конкурсы патриотической песни, строевой подготовки.

Выше изложенное позволяет сделать следующий вывод. Государство в настоящее время поставило перед собой в качестве приоритетной задачи -воспитание патриотического населения, в частности молодежи. Были созданы и улучшены механизмы воздействия на воспитание граждан путем трансформации общества и определения нравственных ориентиров государства, выраженные как в законодательных актах, так и путем привлечения организаций, занимающихся патриотическим воспитанием молодежи.

1. *Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) - Режим доступа <https://www.consultant.ru/>*
2. *Устав Всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «ЮНАРМИЯ» от 28.05.2016 г. - Режим доступа http://zavsch-kp.ru/data/documents/ustav_YUNARMY.pdf*
3. *Разговоры о важном. Официальный сайт. – Режим доступа [Разговоры о важном \(edsoo.ru\)](http://edsoo.ru)*
4. *Учебно-методический центр военно-патриотического воспитания молодёжи Авангард – Режим доступа [АВАНГАРД — Патриотический центр Саратовской области \(xn--64-6kcb4adipd.xn--p1ai\)](http://xn--64-6kcb4adipd.xn--p1ai)*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДЕНЕЖНЫХ УСТАНОВОК И УРОВНЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТОВ

*Тушинолובה Мария Олеговна
(НИУ ВШЭ)*

Основная цель работы – определить наличие и характер связи между денежными установками – множественными эмоциональными восприятиями денег [Fenton-O’Creevy, Furnham 2019] и уровнем финансовой грамотности студентов как важного компонента в принятии решений, касающихся сбережения и траты денежных средств [Кузина 2009], ведь, как отмечается в исследованиях, низкий уровень финансовой грамотности может приводить к совершению невыгодных сделок [van Rooij, Lusardi, Alessie 2007], накоплению долгов [Lusardi, Mitchell 2023], отказу от осуществления сбережений и иным нецелесообразным решениям из-за непонимания, как правильно распоряжаться денежными средствами и какие инструменты для этого использовать [Кузина 2015; Mitchell, Lusardi 2015]. Кроме того, отмечается, что низкий уровень финансовой грамотности негативно влияет не только непосредственно на индивидов, осложняя принятие экономических решений, но и вносит “вклад” в макроэкономическую ситуацию: граждане с более низким уровнем финансовой грамотности несут в экономику “некачественные деньги”, когда неэффективно используют финансовые инструменты, не до конца понимая механизмы их работы [Кузина 2015]. При этом не проводилось исследований, в которых проводится поиск взаимосвязи финансовой грамотности и денежных установок, хотя логично предполагать, что те или иные эмоциональные восприятия денег могут непосредственно влиять на распоряжение ими, принятие финансовых решений, которые можно оценить как финансово грамотные или наоборот.

В ходе исследования была переведена с английского языка на русский и адаптирована новая шкала измерения денежных установок А.Лэй и А.Фернхэма [Lay, Furnham 2018], которая стала результатом систематизации ранее разработанных шкал включает в себя пять установок: “financial literacy worries” – деньги как источник переживаний, связанных с низким уровнем финансовой грамотности [Lay, Furnham 2018]. “Saving concerns” – деньги как источник переживаний, связанных с недостатком сбережений и тем, что деньги могут закончиться, их постоянно не хватает [Lay, Furnham 2018]. “Achievement and success” – деньги как показатель, мера успеха и достижений [Lay, Furnham 2018]. “Power and status” – деньги как то, что человеку нравится показать (show off) другим людям, то, чем можно похвастаться. [Lay, Furnham 2018]. “Mindful and responsible” – эта установка отражает идею о том, что сбережения и инвестиции являются формой защиты от неожиданных неприятных событий в жизни, накопленные деньги могут дать возможность срочно приобрести необходимые вещи [Lay, Furnham 2018]. Данный инструментарий может использоваться в дальнейших исследованиях денежных установок россиян.

Что касается финансовой грамотности, во многих исследованиях данный концепт операционализируется как триада: знания, опыт пользования финансовыми услугами, финансовые установки [Кузина 2009] – таким образом комбинируются понятия финансовой грамотности (financial literacy) и компетентности (financial capability). В настоящей работе финансовая грамотность операционализируется как знания и измеряется при помощи пяти вопросов, проверяющих финансовую арифметику, так как этот вариант позволяет наиболее точно дифференцировать студентов по уровню финансовой грамотности. Выбранная методика измерения адаптирована для России и использовалась в измерениях финансовой грамотности взрослого населения в рамках Мониторинга финансового поведения

населения, которое проводится с 2009 года [Кузина 2009]. Кроме того, мы измерили субъективную самооценку уровня финансовой грамотности и сопоставили её с объективно измеренным уровнем финансовой грамотности, чтобы понимать, как студенты сами оценивают свой уровень знаний.

Эмпирической базой исследования стали 1000 анкет, заполненных студентами бакалавриата российских ВУЗов в ходе онлайн-опроса. Выборка квоцировалась по трем признакам: федеральный округ, пол, направление обучения (экономисты/неэкономисты).

Что касается результатов исследования, мы выяснили, что студенты женского пола действительно более склонны воспринимать деньги как источник переживаний, связанных с наличием сбережений [Furnham et al. 2012; Lay, Furnham 2018], выраженность других денежных установок оказалась не связана с полом студента. Также результаты показали, что студенты-экономисты более высоко оценивают собственный уровень финансовой грамотности, однако при этом экономисты и неэкономисты демонстрируют одинаково высокий уровень финансовой грамотности (в среднем 5 из 6 баллов), что противоречит интуитивной логике. Для выявления взаимосвязи между уровнем финансовой грамотности и денежными установками мы применили регрессионный анализ: в качестве зависимой переменной был включен индекс финансовой грамотности, независимыми переменными стали пять денежных установок, также в модель включались контрольные переменные (пол, федеральный округ, направление обучения). **Мы выяснили, что взаимосвязь уровня финансовой грамотности, измеренной как знания, и денежных установок существует:** чем сильнее у студентов выражены установки “деньги как источник переживаний, связанных с низким уровнем финансовой грамотности”, “деньги как символ успеха и достижений” а также “деньги как символ власти и статуса”, тем ниже их объективный уровень финансовой грамотности. С повышением выраженности установки “деньги как показатель внимательности и ответственности” повышается объективный уровень финансовой грамотности студентов. При этом нет связи между объективным уровнем финансовой грамотности и установкой к деньгам как к источнику переживаний, связанных наличием сбережений.

1. Кузина О. Е. Финансовая грамотность молодежи //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2009. – №. 4 (92). – С. 157-177.
2. Кузина О. Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты анализа в России //Вопросы экономики. – 2015. – №. 8. – С. 129-148.
3. Fenton-O'Creevy M., Furnham A. Personality, ideology, and money attitudes as correlates of financial literacy and competence //Financial Planning Review. – 2020. – Т. 3. – №. 1. – С. e1070.
4. Lay A., Furnham A. A new money attitudes questionnaire //European Journal of Psychological Assessment. – 2018.
5. Lusardi A., Mitchell O. S. The importance of financial literacy: Opening a new field //Journal of Economic Perspectives. – 2023. – Т. 37. – №. 4. – С. 137-154.
6. Mitchell O. S., Lusardi A. Financial literacy and economic outcomes: Evidence and policy implications //The journal of retirement. – 2015. – Т. 3. – №. 1. – С. 107.
7. Van Rooij M., Lusardi A., Alessie R. Financial literacy and stock market participation //Journal of Financial economics. – 2011. – Т. 101. – №. 2. – С. 449-472.

МОЛОДЕЖНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ТУРИЗМА: САМОРЕАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МИССИЯ

*Тюрина Екатерина Дмитриевна
(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)*

За последние годы популярность внутреннего туризма в России выросла. Так 21% россиян в 2023 году выезжал на отдых в другие регионы внутри страны, тогда как в 2021 году только 14% [1]. Ограничения в связи с эпидемиологической обстановкой в 2020 году, а также международные и политические обстоятельства 2022 года повлекли за собой резкое сокращение массового выездного туризма, в особенности по европейским направлениям [2]. Это увеличило спрос на российские курорты и посещение ряда других стран. Так, с 2020 по 2023 год выросла популярность Краснодарского и Ставропольского края, а среди заграничных курортов – Абхазии и Белоруссии [2]. Активно развиваются и новые туристические направления, такие как экотуризм, гастрономический и агротуризм, активный отдых и многие другие.

Сложившаяся ситуация дает возможность для развития бизнеса в туристической индустрии, в том числе для организаций, предоставляющих авторские туры. Появляются и новые молодые предприниматели в возрасте 18-35 лет и организующие туристические поездки для своих ровесников. Как правило, это поездки на несколько дней из группы 8-15 человек, которых сопровождают сами предприниматели или их сотрудники. Однако возникает вопрос, какими мотивами руководствуются молодые предприниматели в туризме и как именно организован такой бизнес?

Целью исследования стало выявление практик молодых предпринимателей по организации туров для молодежи. Были выявлены их мотивы, определено, как социально конструируются образы их проектов, а также выявлены социальные аспекты организации туров. Наконец, выявлены проблемы и трудности, с которыми сталкиваются молодые предприниматели и их субъективные критерии успеха.

Исследование проводилось в рамках качественной методологии. Итоговую выборку составили 17 полуструктурированных интервью с элементами биографического повествования с предпринимателями в возрасте от 18 лет до 31 года. Информанты различаются по своим социально-демографическим характеристикам и способами ведения бизнеса — работают в одиночку, с партнером по бизнесу или имеют собственную команду наемных работников от 5 до 40 человек. Дополнительным источником данных являлся предварительный контент-анализ веб-сайтов организаций данных предпринимателей, который направлен на выявление социального конструирования образа туров для молодежи в медиа. Для этого было рассмотрено, какие нарративы используются для привлечения аудитории, описания туров и самих проектов.

Было выявлено, что молодые предприниматели работают с нишевыми потребителями и стремятся привлечь тех, кто разделяет с ними общие ценности, что подтверждается и предыдущими исследованиями [4, 380]. Кроме того, их можно определить как пост-туристов, обладающих высокой мобильностью [6]. В процессе организации туров выбор направлений определяется личными предпочтениями, что связано с мотивом образа жизни и самореализацией. Молодые предприниматели стремятся создать сообщества единомышленников, предоставить ровесникам возможность путешествий, что можно охарактеризовать как социальную миссию («...доступно студентам, тем, кто еще не совсем уверен» — информант, м., 23 года). Их можно считать социальными предпринимателями — согласно концепции Передо и Маклина, это форма бизнеса, направленная на создание социальной ценности, при этом не исключаящая

финансовую прибыль [8]. Молодые предприниматели, организующие туры, нацелены на определенную социальную группу и, собирая вокруг себя людей с похожими ценностями, способствуют развитию молодежных сообществ. Также выявлено, что молодые предприниматели в туризме формируют социальные образы своего бизнеса и чтобы привлечь определенную социальную группу — молодежь, они используют нарративы, основанные на социальных конструктах.

Также выявлено, что еще одним социальным аспектом организации туров является взаимодействие с конкурентами. Молодые предприниматели общаются между собой и настроены на взаимное сотрудничество, что проявляется в коллаборациях, передаче клиентов или продаже информации. Однако, прибегая к разным типам сотрудничества, они стремятся получить финансовую выгоду, что выражается в комиссиях за переданных клиентов или информации. Чтобы оставаться конкурентоспособными на рынке, молодые предприниматели должны придерживаться устоявшихся практик и норм, а также принимать существующие правила, что объясняется локальной рациональностью, характерной для этого рынка [3].

Ранее исследователи отмечали, что социальные предприниматели могут иметь трудности с источниками долгосрочного развития бизнеса [5; 7; 8]. С одной стороны, информанты не указывали на это, как на проблему, с которой им приходится сталкиваться. С другой — уже реализуемые или желаемые траектории развития подразумевают диверсификацию и уменьшение зависимости либо от туров в целом, либо от молодежи как единственной аудитории. Таким образом, у молодых предпринимателей в туризме есть трудности с источниками долгосрочного развития, поэтому они находят их в других нишах. Другая проблема, с которыми встречаются молодые предприниматели в туризме — баланс личной жизни и работы, что подтверждается и предыдущими исследованиями [9]. Также могут быть трудности при построении команды и установлении партнерских отношений в начале работы. Критерием успешного бизнеса при этом являются не только экономические показатели, но и самореализация и достижение социальных целей. Кроме того, молодых предпринимателей появляется «запрос» на создание социально-ответственного бизнеса, экологичность и инклюзивность.

Таким образом, практики молодых предпринимателей, организующих туры, разнообразны и включают в себя много социальных аспектов. Они связаны с различными экономическими и социальными мотивами, которые не являются взаимоисключающими и дополняют друг друга. Полученные результаты дополняют существующие исследования предпринимательства в туризме, в том числе социального предпринимательства в этой сфере, исследования по молодежному предпринимательству. Также они раскрывают, как именно молодые предприниматели могут работать с определенными социальными группами, в данном случае — молодежью.

1. ФОМ. *Внутренний туризм. 2023.* [электронный ресурс] URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14908>
2. ВЦИОМ. *Аналитический обзор. Как я провел это лето-2023.* [электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kak-ja-provel-eh-to-let-o-2023>
3. Аболафия М. *Рынки как культуры: этнографический подход // Экономическая социология. – 2003. – Т. 4. – №. 2. – С. 63-72.*
4. Ateljevic I., Doorne S. *'Staying within the fence': Lifestyle entrepreneurship in tourism // Journal of sustainable tourism. – 2000. – Vol. 8. – №. 5. – P. 378-392.*
5. Dewhurst P., Horobin H. *Small business owners // The Management of Small Tourism and Hospitality Firms. – 1998. – Vol 27. – №1 – P. 19–38.*

6. Lash S. *The end of organized capitalism*. – Polity Press, 1987.
7. Rimmington M., Williams C., Morrison A. *Entrepreneurship in the hospitality, tourism and leisure industries*. – Routledge, 2009.
8. Peredo A. M., McLean M. *Social entrepreneurship: A critical review of the concept* // *Journal of world business*. – 2006. – Vol. 41. – №. 1. – P. 56-65.
9. Sun X. et al. *How do lifestyle hospitality and tourism entrepreneurs manage their work-life balance?* // *International Journal of Hospitality Management*. – 2020. – Vol. 85.
10. Williams A. M., Shaw G., Greenwood J. *From tourist to tourism entrepreneur, from consumption to production: evidence from Cornwall, England* // *Environment and Planning A*. – 1989. – Vol. 21. – №. 12. – P. 1639-1653.

КОНСТРУКТИВНЫЕ ФОРМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ НАДПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

*Тюрина Юлия Александровна
(СЗИУ РАНХИГС)*

Высшие учебные заведения России в реализации государственной молодежной политики выстраивают единую систему воспитания и работы со студенческой молодежью. Основной целью их деятельности в данной работе становится – создание условий самореализации для обучающихся.

Однако, несмотря на столь полномасштабные изменения последних лет в системе высшего образования, уровень вовлеченности молодежи в предлагаемые вузами мероприятия и активности не является высоким до сих пор, что нивелирует воспитательное воздействие и снижает эффективность работы.

В данной связи актуализируется задействование внутреннего потенциала самой молодежи как социальной группы, ее возможности самоорганизации и самоуправления в обеспечении вовлеченности молодых людей в конструктивные активности и создания в организациях высшего образования среды формирования значимых в контексте реализации государственной молодежной политики надпрофессиональных навыков и личностных качеств.

В настоящее время коллективом СЗИУ РАНХИГС реализуется научно-исследовательский проект, целью которого - социологический анализ места и роли студенческих организаций и объединений в формировании и развитии надпрофессиональных навыков и личностных качеств студентов вузов Санкт-Петербурга. В рамках проекта решается ряд актуальных задач

- формирование теоретико-методологического инструментария для изучения места и роли вузовских студенческих организаций и объединений, расположенных на территории Санкт-Петербурга, с точки зрения их влияния на развитие надпрофессиональных навыков и личностных качеств студентов;

- изучение опыта студенческих организаций и объединений вузов Санкт-Петербурга по формированию и развитию надпрофессиональных навыков и личностных качеств обучающихся;

- выявление возможностей, точек роста и ограничений применения методов и механизмов формирования и развития надпрофессиональных навыков и личностных качеств студентов, используемых студенческими организациями и объединениями вузов Санкт-Петербурга;

- разработка рекомендации для совершенствования методов и механизмов, используемых студенческими организациями и объединениями вузов, расположенных на территории Санкт-Петербурга, для развития надпрофессиональных навыков и личностных качеств обучающихся.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН СТУДЕНТАМ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

*Узюмова Наталья Владимировна
(Московский технический университет связи и информатики "МТУСИ")*

Не секрет, что современные студенты склонны относиться к получению образования с определённой долей прагматизма. Это доля значительно возрастает, когда речь заходит о гуманитарных дисциплинах в техническом вузе.

«Для чего это нам? Как я могу это использовать? Как это пригодится в моей профессии?» – вопросы, которые витают в воздухе, особенно на первых вводных занятиях. И вопросы важные, свидетельствующие о проактивной позиции и сформированном навыке ценить собственные интеллектуальные ресурсы, силы и время. Авторский взгляд представлен в заключительной части статьи.

Следующий камень преткновения – тексты больше одной страницы²⁰. Статья из перечня ВАК, объёмом в 1 печатный лист способна снять с дистанции целую группу. Привлекательный материал для «технарей» должен быть обоснован с точки зрения полезности, четко структурирован, размечен, подаваться малыми порциями, чтобы его можно было усваивать «по глоточку, по шажочку».

Неоспоримым плюсом современных студентов является навык быстрого поиска информации. И этот ресурс необходимо использовать на занятиях. «Не можете воспроизвести материал по памяти? – Ищем и читаем сейчас». Нужны иллюстрации? – Смотрим через телефон. «Я не располагаю данной информацией – Помогите преподавателю нагуглить».

Важно научить отличать научную достоверную информацию от других видов, приводить официальные, профессиональные порталы, заслуживающие доверия. («Киберленинка» vs порталов со студенческими рефератами, официальные материалы профильных министерств и так далее).

Роль преподавателя также претерпела ряд изменений: он лишился авторитета, чему способствовала постсоветская общественная повестка, в которой учитель = «бюджетник», малооплачиваемая непрестижная профессия для «троечников», которые не смогли пристроиться на более хлебное место.

Возрастающая роль интернета и доступность информации, лишили преподавателя привилегированной роли «носителя знаний», превратив его в «ретранслятора», т.к. база знаний открыта каждому, кто потрудился получить к ней доступ приложил минимальные усилия для освоения²¹.

Искусственный интеллект с возможностью генерировать тексты ещё больше нивелировал значение преподавателя особенно общественных гуманитарных дисциплин и облегчил нерадивым студентам применение академического мошенничества.

Неужели преподаватель и дисциплины гуманитарного цикла себя исчерпали и могут быть отданы на самостоятельное изучение или и вовсе остались на обочине истории?..

Вовсе нет, теперь преподаватель становится наставником, старшим более опытным коллегой, который прошёл профессиональный путь и помогает студентам в освоении

²⁰ Радаев В., «Зачем учить, если можно гуглить?» Режим доступа: <https://iq-media.ru/archive/642266235.html>

²¹ Алексеева П. М., "Профессиональные роли преподавателя современного вуза" Проблемы современного педагогического образования, № 81-3, 2023, с. 13-16.

знаний²². Авторитарный стиль преподавания сменяется демократическим, возрастает роль личности самих студентов, которые получают возможность влиять на образовательные маршруты, выбирать дисциплины для освоения.

Что можно сделать для более активного вовлечения студентов-технарей к изучению социологических гуманитарных дисциплин?

Идея коллективной ответственности и выработка общих правил при изучении предмета. Использовать их же прагматизм. Поскольку, студенты заинтересованы в получении диплома, то им **придётся** изучить дисциплину, так лучше сделать это в дружелюбной атмосфере с максимальной пользой. «Давайте договоримся об общих принципах. Для меня как преподавателя важны дисциплина, взаимоуважение, соблюдение профессиональной этики. Думаю, вы тоже заинтересованы...». Формируется общая рамка взаимодействия, в которой студенты уже не «школяры», а самостоятельные личности, способные принимать решения и отвечать за их последствия.

На первых занятиях очертить требования к промежуточной аттестации, какие условия, виды и объём работ должны проделать студенты чтобы получить зачёт или положительную оценку на экзамене.

Обозначить возможности для проявления инициативы. Так, автор на «Основах российской государственности» предложил студентам в течении семестра провести несколько дней самоуправления, на которых студенты сами организуют и проводят практические занятия в рамках учебной программы. Преподавателю отводится роль модератора, который следит за регламентом и комментирует происходящее.

Следить за соблюдением правил: своевременно поощрять, подкреплять желаемое поведение и применять санкции, чтобы пресекать нежелательное. Не менее важно и самому придерживаться установленного порядка, воспитывать примером. В случае отклонения – объяснять его причины, интересоваться мнением группы, как бы студенты поступили в той или иной ситуации? Какие ещё возможны варианты?

Также отмечу важность социально-психологического климата на занятиях. Не секрет, что современные студенты отличаются большей эмоциональностью и чувствительностью. Поэтому важно уделять внимание их настроению, уровню работоспособности, учитывать какие предметы у них были до, и какие будут после. Это здорово помогает быть на одной волне и выстроить занятие наиболее эффективно и с большей отдачей.

И вернёмся к вопросу мотивации: для чего «технарям» социологические гуманитарные дисциплины? Чтобы понимать корпоративную культуру и основные принципы работы организации. Чтобы быстрее адаптироваться к новому месту работы. Чтобы уметь аргументировать своё мнение, договариваться и находить оптимальные решения в трудовых вопросах. Чтобы за структурами видеть конкретных людей и уметь с ними взаимодействовать в рамках профессиональной этики. Полезно? – Полезно. Изучаем.

²² «Как учить новые поколения студентов?»: завершился очередной курс проекта Teach for HSE. Режим доступа <https://www.hse.ru/news/edu/437254850.html>

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН СТУДЕНТАМ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

*Узюмова Наталья Владимировна
(Московский технический университет связи и информатики "МТУСИ")*

Не секрет, что современные студенты склонны относиться к получению образования с определённой долей прагматизма. Это доля значительно возрастает, когда речь заходит о гуманитарных дисциплинах в техническом вузе.

«Для чего это нам? Как я могу это использовать? Как это пригодится в моей профессии?» – вопросы, которые витают в воздухе, особенно на первых вводных занятиях. И вопросы важные, свидетельствующие о проактивной позиции и сформированном навыке ценить собственные интеллектуальные ресурсы, силы и время. Авторский взгляд представлен в заключительной части статьи.

Следующий камень преткновения – тексты больше одной страницы [2]. Статья из перечня ВАК, объёмом в 1 печатный лист способна снять с дистанции целую группу. Привлекательный материал для «технарей» должен быть обоснован с точки зрения полезности, четко структурирован, размечен, подаваться малыми порциями, чтобы его можно было усваивать «по глоточку, по шажочку».

Неоспоримым плюсом современных студентов является навык быстрого поиска информации. И этот ресурс необходимо использовать на занятиях. «Не можете воспроизвести материал по памяти? – Ищем и читаем сейчас». Нужны иллюстрации? – Смотрим через телефон. «Я не располагаю данной информацией – Помогите преподавателю наугуглить».

Важно научить отличать научную достоверную информацию от других видов, приводить официальные, профессиональные порталы, заслуживающие доверия. («Киберленинка» vs порталов со студенческими рефератами, официальные материалы профильных министерств и так далее).

Роль преподавателя также претерпела ряд изменений: он лишился авторитета, чему способствовала постсоветская общественная повестка, в которой учитель = «бюджетник», малооплачиваемая непрестижная профессия для «троечников», которые не смогли пристроиться на более хлебное место.

Возрастающая роль интернета и доступность информации, лишили преподавателя привилегированной роли «носителя знаний», превратив его в «ретранслятора», т.к. база знаний открыта каждому, кто потрудился получить к ней доступ приложил минимальные усилия для освоения [1, 13].

Искусственный интеллект с возможностью генерировать тексты ещё больше нивелировал значение преподавателя особенно общественных гуманитарных дисциплин и облегчил нерадивым студентам применение академического мошенничества.

Неужели преподаватель и дисциплины гуманитарного цикла себя исчерпали и могут быть отданы на самостоятельное изучение или и вовсе остались на обочине истории?..

Вовсе нет, теперь преподаватель становится наставником, старшим более опытным коллегой, который прошёл профессиональный путь и помогает студентам в освоении знаний [3]. Авторитарный стиль преподавания сменяется демократическим, возрастает роль личности самих студентов, которые получают возможность влиять на образовательные маршруты, выбирать дисциплины для освоения.

Что можно сделать для более активного вовлечения студентов-технарей к изучению социологических гуманитарных дисциплин?

Идея коллективной ответственности и выработка общих правил при изучении предмета. Использовать их же прагматизм. Поскольку, студенты заинтересованы в получении диплома, то им **придётся** изучить дисциплину, так лучше сделать это в дружелюбной атмосфере с максимальной пользой. «Давайте договоримся об общих принципах. Для меня как преподавателя важны дисциплина, взаимоуважение, соблюдение профессиональной этики. Думаю, вы тоже заинтересованы...». Формируется общая рамка взаимодействия, в которой студенты уже не «школяры», а самостоятельные личности, способные принимать решения и отвечать за их последствия.

На первых занятиях очертить требования к промежуточной аттестации, какие условия, виды и объём работ должны проделать студенты чтобы получить зачёт или положительную оценку на экзамене.

Обозначить возможности для проявления инициативы. Так, автор на «Основах российской государственности» предложил студентам в течении семестра провести несколько дней самоуправления, на которых студенты сами организуют и проводят практические занятия в рамках учебной программы. Преподавателю отводится роль модератора, который следит за регламентом и комментирует происходящее.

Следить за соблюдением правил: своевременно поощрять, подкреплять желаемое поведение и применять санкции, чтобы пресекать нежелательное. Не менее важно и самому придерживаться установленного порядка, воспитывать примером. В случае отклонения – объяснять его причины, интересоваться мнением группы, как бы студенты поступили в той или иной ситуации? Какие ещё возможны варианты?

Также отмечу важность социально-психологического климата на занятиях. Не секрет, что современные студенты отличаются большей эмоциональностью и чувствительностью. Поэтому важно уделять внимание их настроению, уровню работоспособности, учитывать какие предметы у них были до, и какие будут после. Это здорово помогает быть на одной волне и выстроить занятие наиболее эффективно и с большей отдачей.

И вернёмся к вопросу мотивации: для чего «технарям» социологические гуманитарные дисциплины? Чтобы понимать корпоративную культуру и основные принципы работы организации. Чтобы быстрее адаптироваться к новому месту работы. Чтобы уметь аргументировать своё мнение, договариваться и находить оптимальные решения в трудовых вопросах. Чтобы за структурами видеть конкретных людей и уметь с ними взаимодействовать в рамках профессиональной этики. Полезно? – Полезно. Изучаем.

1. *Алексеева П. М., Профессиональные роли преподавателя современного вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81. С. 13-16.*
2. *«Как учить новые поколения студентов?»: завершился очередной курс проекта Teach for HSE. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/437254850.html> (дата обращения: 10.10.2024).*
3. *Радаев В. Зачем учить, если можно гуглить? URL: <https://iq-media.ru/archive/642266235.html> (дата обращения: 10.10.2024).*

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК)

*Ушакова Яна Владимировна
(Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского)*

*Матюгина Мария Владимировна
(АНО «Центр общественных связей – Нижегородский дом народного единства»)*

В статье представлены результаты социологического исследования «Волонтерство в Нижегородской области в оценках экспертов» (2023 г.). Метод – полужформализованное интервью с экспертами (руководителями, координаторами волонтерской деятельности) волонтерского сообщества Нижегородской области (n=15). Рассматриваются сюжетные линии, связанные с оценками руководителей и координаторов состояния волонтерской деятельности в регионе, причинами начала волонтерской деятельности, системы поощрений волонтеров.

Волонтерство как социальное явление существовало и проявлялось в различных формах, видах и практиках в разные эпохи и в разных обществах. Однако, как отмечает М.В. Певная [2], наиболее активное развитие и признанный статус волонтерство приобретает только в условиях гражданского общества.

По данным Ассоциации волонтерских центров [1] по итогам 2023 г. Нижегородская область вошла в десятку лучших регионов по уровню развития добровольческой деятельности в итоговом рейтинге регионов по результатам проведения мониторинга реализации стандарта поддержки добровольчества в 2023 г., организованным Федеральным центром поддержки добровольчества и наставничества в сфере охраны здоровья Министерства здравоохранения Российской Федерации [3].

О высоких качественных результатах деятельности в этой сфере говорят и эксперты волонтерского сообщества региона, принявшие участие в социологическом исследовании:

Волонтерство у нас сейчас на пике своего развития. Мне постоянно пишут, звонят, спрашивают, как попасть в нашу команду, есть ли какие-то интересные проекты (мужчина, стаж работы в волонтерской организации 10 лет);

Нижегородцы всегда были активными, но за последние года три эта активность стала еще выше. COVID, СВО – все это играет свою роль. Что тогда, что сейчас – мы максимально едины, собраны и готовы отдавать свою энергию на благо других – тех, кто в этом нуждается (женщина, стаж работы в волонтерской организации 17 лет).

При этом эксперты отмечают, что чем дольше специалист занимается добровольчеством, тем менее оптимистичны его выводы относительно отношения общества к волонтерской деятельности. Все эксперты отмечают фоновую, поверхностную информированность населения о деятельности волонтеров и волонтерских организаций:

Кто такие волонтеры знают почти все, сейчас об этом везде говорят и пишут, поэтому какое-то представление в любом случае имеется. Чем занимаются волонтеры – тоже все могут предположить примерно. А вот куда податься, чтобы стать волонтером, какие конкретно есть организации, где взять информацию – вот с этим уже проблема (женщина, стаж работы в волонтерской организации 7 лет);

Меня часто приглашают выступать, и каждый раз аудитория задает одни и те же вопросы: как стать волонтером, есть ли какие-то «плюшки», в чем особенности работы. В целом все понимают, чем мы занимаемся, но много детализирующих вопросов... (женщина, стаж работы в волонтерской организации 19 лет).

Говоря о причинах начала волонтерской деятельности, эксперты отмечают тенденцию снижения значимости желания улучшить жизнь людей в обществе и возможности применения собственного опыта, знаний, навыков, и повышения значимости подготовки к трудоустройству, улучшения своего резюме, налаживания новых профессиональных контактов:

Раньше было больше тех, кто приходит в волонтерство с искренним желанием помочь людям. Лет пятнадцать назад из пятидесяти волонтеров сорок девять, грубо говоря, начали из-за этого самого желания. Сейчас ситуация другая – многие приходят из-за сопутствующих «плюшек». Но, конечно, желание помогать в любом случае лежит в основе всего (женщина, стаж работы в волонтерской организации 22 года).

Со времен пандемии волонтеров начали особенно выделять. С начала спецоперации это обрело еще большие масштабы. Я ни в коем случае не говорю, что это плохо – нет, это нужно, важно, так и должно быть, но это привлекает тех людей, которые просто хотят быть на слуху. Это же тоже открывает многие двери, мы уже знаем такие примеры... Таких [людей] сейчас хватает (женщина, стаж работы в волонтерской организации 22 года).

Однако при этом эксперты уверены, что альтруистические причины начала волонтерской деятельности превышают прагматические. Среди основных причин прихода в волонтерство эксперты выделяют следующие: желание помогать окружающим; внутренняя потребность быть полезным; саморазвитие; желание найти единомышленников; расширение социальных связей; возможность влияния на изменения.

Эксперты считают, что альтруистические мотивы превышают прагматические не только в вопросе начальных, но и в текущих мотивах деятельности. Такую позицию они обосновывают несколькими фактами:

1. Высокая степень самоотдачи: *Человек, которые далек от НКО и волонтерства, даже не представляет, сколько сил, энергии и времени уходит на один небольшой проект. Получают ли волонтеры за это хоть что-то материальное? В лучшем случае стикерпак или грамоту. Это явно не стоит того. Тут дело в другом – в том, что этот проект даст людям (женщина, стаж работы в волонтерской организации 14 лет);*

2. Чувство удовлетворения от помощи другим: *Как часто ты видишь разочарованных волонтеров после мероприятия? Именно разочарованных, не уставших... Их единицы. Как правило, все заряжены и готовы дальше творить великие добрые дела (женщина, стаж работы в волонтерской организации 20 лет);*

3. Готовность к жертвам: *Ну, например, N [название организации]. Они закупают гуманитарку чисто на свои средства. Выезжают «за ленточку» стабильно два раза в неделю тоже за свой счет. Возвращаются – и снова собирают гуманитарку. Параллельно с этим у А и В [имена координаторов волонтерской группы] есть основная работа пять раз в неделю с 9 до 6 вечера... Так что большинство не только ничего не получают от этого, но еще и тратят на это свои силы, кучу времени и даже деньги (женщина, стаж работы в волонтерской организации 9 лет).*

Чаще всего эксперты говорят о следующих мотивирующих факторах: наглядные результаты работы, получение обратной связи от благополучателей; общественное признание, внимание от благополучателей и организаторов; возможность попробовать себя в разных сферах, получить новую информацию об этих сферах; возможность развития универсальных навыков, которые необходимы не только в сфере волонтерства; общение с единомышленниками.

В вопросах финансового поощрения волонтеров эксперты видят нерациональность использования такой мотивации:

Деньги – это реально рабочий инструмент для мотивации людей, не только волонтеров. Но в волонтерстве есть очень «скользкий» момент: нельзя постоянно мотивировать их [волонтеров] деньгами, иначе это будет восприниматься как работа, как должное, а волонтерство все-таки про другое (мужчина, стаж работы в волонтерской организации 15 лет).

Ценности тех, кто только начал волонтерить, и тех, кто делает это уже много лет, разные. Со временем меняется человек и его представления о том, ради чего он вообще это делает... Деньгами, конечно, можно и нужно мотивировать, но для большинства не это главное. Это, скорее, приятный бонус. Для серебряных волонтеров вообще знаешь, что самое важное? Когда им на церемонии вручают благодарственное письмо. Когда их вызывают на сцену и в торжественной обстановке вручают это письмо и говорят слова благодарности. Они потом ходят с ними [благодарственными письмами] как с самой главной ценностью. Им важно внимание (женщина, стаж работы в волонтерской организации 22 года).

В вопросе привлечения новых людей в волонтерство эксперты выделили несколько групп наиболее эффективных для этого факторов: льготы в различных сферах жизни; возможности приобретения новых компетенций; возможности посещения различных мероприятий, включая встречи с выдающимися людьми; возможности карьерного старта или роста; возможности общественного признания.

Мнения руководителей и организаторов волонтерского движения Нижегородской области указывают на достаточно хорошее состояние добровольческой сферы региона. Она характеризуется разнообразием волонтерских проектов, поддержкой со стороны государства, базовым уровнем информированности населения о деятельности волонтеров и волонтерских организаций, оптимистичными настроениями волонтеров о судьбе своей дальнейшей деятельности. Экологические акции, благоустройство территорий, проекты, связанные с помощью социально уязвимым группам, благотворительные мероприятия, просветительская работа, образовательные программы, помощь бездомным животным – самые популярные направления добровольческих мероприятий среди волонтеров Нижегородской области. При этом их определяющими принципами являются солидарность, добросовестность и сотрудничество, безвозмездность и добровольность.

1. Ассоциация волонтерских центров. URL: <https://avcrf.ru/>.

2. Певная М.В. Волонтерство как социологическая проблема // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 111.

3. ФЦПДН Минздрава России. Итоги проведения ежегодного мониторинга развития системы добровольчества в субъектах Российской Федерации. URL: <https://фцпдн.рф/volunteering/itogi-provedeniya-ezhegodnogo-monitoringa-razvitiya-sistemy-dobrovolchestva-v-subektah-rossijskoj-federacii/>.

ОСОБЕННОСТИ РИСК-ВОСПРИЯТИЯ ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОРА НАКОПЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА МОЛОДЕЖИ

*Феценко Алёна Владиславовна
(МГИМО МИД России)*

*Карасева Марина Михайловна
(МГИМО МИД России)*

Современный мир приобретает принципиально иную социокультурную динамику. Ряд социологов обращались к анализу наблюдаемых изменений, называя мир «ускользающим» (Э. Гидденс) или «текущим» (З. Бауман), и отмечали нелинейный характер этих трансформаций.

Одной из главных характеристик этого формирующегося сложного общества, подверженного эффекту «стрелы времени» (И. Пригожин), является неопределенность. Индивидуально необходимо рефлексировать, то есть постоянно анализировать происходящие изменения и принимать решения касательно собственного поведения. Как отмечает Н. Луман, такой непрерывный выбор альтернатив неразрывно связан с риском: «необходимость отбора означает контингентность, а контингентность означает риск» [6, 53].

Согласно У. Беку, риски, как и сам социум, в своем развитии прошли три этапа: на смену традиционному обществу и личностным рискам пришла новая генерация сложных рисков. В рамках теории общества риска У. Бек рассматривал в первую очередь индивидуализированные риски как непреднамеренные, чаще всего негативные эффекты инновационной деятельности [1, 106]. По мере усложнения социума, считает Бек, происходит становление мирового общества риска, где доминируют инсценированные риски, а «различия между риском и культурным восприятием риска» стираются [8, 116]. При этом важно отметить, что новая рискогенная реальность провоцирует не только негативные последствия, но и способствует позитивному развитию, которое, однако, не может произойти автоматически, а предполагает критическое мышление и рефлексивность акторов.

В отечественной социологии проблематика рисков в нелинейном обществе наиболее полно раскрыта в работах С.А. Кравченко. Ученый вводит концепцию «нормальной аномии» как состояния перманентной неопределенности и настаивает на том, что в современном социальном пространстве парадоксально сосуществуют разные типы риска и разные индивидуальные позиции их восприятия в виде рискофобии и рискофилии.

Объективная рискогенность современных институтов и субъективное ожидание непреднамеренных нелинейных последствий индивидуальных и коллективных действий особо способствует воспроизводству рискофобии, то есть избегания риска. При этом в контексте нормальной аномии помимо этой тенденции наблюдается формирование рискофилии – «тяги к рискогенной активности, всему тому, что вызывает позитивные эмоции от деятельности, сопряженной с повышенной степенью риска» [5, 7]. Такое добровольное принятие институционализированного риска в виде участия в художественных объединениях, научного творчества и инновационной деятельности может быть обусловлено желанием расширить свои возможности, преодолеть барьеры на пути к академическому или карьерному росту. Но при этом может найти выражение в принятии рисков деструктивного характера, например, в присоединении к контркультуре. Так или иначе, мотивацией рискофилии становится желание самоактуализации и принадлежности к «креативным, сильным духом, избранным» [5, 9].

В современном контексте практически невозможно отделить рискофобию и рискофилию. Сегодня все чаще можно встретить примеры деятельности, которая с одной стороны будет направлена на избегание риска с целью минимизации его негативных последствий, а с другой – на принятие риска в надежде, что он поможет на пути к самосовершенствованию. Благодаря цифровизации этот парадоксальный синтез противоположных тенденций риск-восприятия лишь усиливается, ведь у индивида появляется цифровая идентичность, которая дает ему больше возможностей для реализации рискогенной деятельности и одновременно обеспечивает защиту от побочных эффектов.

Наблюдаемый синтез противоречивых риск-восприятий оказывает амбивалентное влияние на формирование человеческого капитала молодежи. Одной из наиболее рискогенных сфер общественной жизни является образовательная среда, в которой рискофобия и рискофилия преимущественно наблюдаются во внеучебной деятельности, реализующейся за счет внеучебных практик накопления человеческого капитала.

В ускоряющемся обществе, одной из основных характеристик которого является повсеместная цифровизация, появляются рассогласования между различными сферами. Образовательная среда со всей многогранностью и сложностью своей структуры не всегда успевает закрывать разрыв между требованиями общества и существующими реалиями. Для устранения этого разрыва и обеспечения более эффективного соответствия образовательных программ требованиям рынка труда ряд высших учебных заведений в различных странах внедряют внеучебные практики. Они представляют собой дополнительные условия для накопления специфического человеческого капитала, необходимого для развития профессиональной деятельности и играющего важную роль в переходе от образовательной среды к рабочей. Это обусловлено некоторой «маргинальностью» молодежи, чьи собственные убеждения находятся лишь на стадии выработки, что делает этот социальный слой открытым к манипулированию [3, 21]. Именно внеучебные практики позволяют обеспечить это «манипулирование» в необходимом положительном ключе для дальнейшей карьерной реализации молодежи.

В последние десятилетия возрастает значимость внеучебной активности как фактора формирования человеческого капитала, а именно способа накопить профессиональные навыки. Внимание к внеучебной деятельности всегда проявляли учителя, методисты и ученые, но особую значимость этому аспекту обучения придавали Джон Дьюи, А.С. Макаренко и С.Т. Шацкий. Согласно современным исследованиям, внеучебная деятельность - это специфический вид деятельности, основанной на принципах выбора, самообразования, добровольности, имитации основных сфер деятельности будущего специалиста [4, 6]. Внеучебная деятельность позволяет студентам накопить те навыки и знания, которые впоследствии помогут им в профессиональной среде. Это означает, что в процессе внеучебной деятельности происходит профессиональная социализация: через внеучебные практики молодежь осваивает те навыки и компетенции, которые затем используются студентами в работе, то есть, происходит накопление специфического человеческого капитала.

В российском обществе, несмотря на актуальность исследований в области внеучебных практик, их сравнительно мало. Можно выделить группу работ, направленных на определение взаимовлияния этого вида деятельности и академических/карьерных достижений молодежи. Так, было выявлено, что внеучебные практики положительно связаны с развитием навыка критического мышления [7, 276]. Однако согласно данным Мониторинга экономики образования, значительная доля российских студентов слабо вовлечены или совершенно не участвуют во внеучебной деятельности [2, 13].

Можно отметить, что в российском обществе обращение к внеучебным практикам характеризуется нестабильностью и нерегулярностью со стороны студенческого сообщества. С одной стороны, молодежь приоритизирует учебную деятельность над внеучебной, отдавая предпочтение освоению базовых дисциплин. По результатам исследований, отказ от участия связан, в первую очередь, с высокой академической нагрузкой, а также непониманием важности такого участия [2, 21]. Однако, с другой стороны, среди тех, кто все же обращается к внеучебным практикам, можно отметить синтез противоречивых особенностей риск-восприятия этой деятельности.

Студенты делают выбор в пользу участия во внеучебной деятельности, руководствуясь двумя позициями. С одной стороны, для них характерна рискофобия: молодые люди стремятся сократить риски труда после выпуска из ВУЗа, и внеучебные практики становятся для них способом преодолеть страх разрывов между образовательной и трудовой подготовкой. С другой стороны, молодежь демонстрирует рискофилию: студенты повышают рискогенность своей деятельности в университете с надеждой, что предпринятый риск, т.е. участие в креативной, научной и творческой деятельности, не помешает академической успеваемости, а принесет желаемый результат в виде развития специфических навыков и расширения карьерного потенциала.

В современном мире следует помнить, что внеучебная деятельность рискогенна и ее последствия амбивалентны. Внеучебные практики с каждым годом повышают свою значимость как элемент преодоления разрыва между образовательной и трудовой средой, в связи с чем необходимо учитывать наблюдающиеся особенности риск-восприятия этого важного фактора формирования человеческого капитала молодежи.

1. Бек У. *Общество риска: На пути к другому модерну* / У. Бек ; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
2. Щеглова И.А. *Мониторинг экономики образования : информационный бюллетень / Высшая школа экономики (национальный исследовательский университет). Внеучебная деятельность как фактор академической успешности студентов : информационный бюллетень / И. А. Щеглова, О. В. Дремова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».* – М. : НИУ ВШЭ, 2022. — 36 с.
3. Зубок Ю.А. *Социокультурный механизм саморегуляции в политической жизни молодежи* / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // *Социология власти.* 2011. № 6. С. 9-21
4. Канаева Т.А. *Понятие «Внеучебная деятельность» в аспекте профессионального становления студентов СПО* // *Russian Journal of Education and Psychology.* 2012. №11.
5. Кравченко С.А. *Сосуществование рискофобии и рискофилии — проявление «нормальной аномии»* // *Социологические исследования.* 2017. № 2. С. 3-13
6. Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории.* СПб. : Наука, 2007. — 641 с.
7. Щеглова И.А., Корешникова Ю.Н., Паришина О.А. *Роль студенческой вовлеченности в развитии критического мышления* // *Вопросы образования.* 2019. №. 1. С. 264–289.
8. Beck, U. *World at Risk* / U. Beck. — Cambridge: Polity Press, 2010. — 240 p.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ, ОГРАНИЧЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Филиппов Дмитрий Владимирович
(Европейский университет в Санкт-Петербурге)*

Академическая резильентность представляет достижение высокой академической успеваемости в условиях риска [1]. Как область знаний она неоднородна. В работах авторы по-разному концептуализируют резильентность, используют разные способы операционализации, что напрямую отражается на результатах и их репрезентативности. Последняя приобретает принципиальное значение в условиях социальной значимости резильентности. Основное назначение подобных исследований — это имплементация результатов в программы поддержки учащихся.

На сегодня существует ряд попыток систематического обзора академической резильентности. Прежде всего следует выделить работу Дж. Рудд, К. Мейселя и Ф. Мейера [2]. Авторы делают акцент на разности способов измерения академической резильентности. В своём анализе авторы опирались на подходы, предложенные Тюдором и Спрейем [3]. Проблему зависимости результатов исследований от способа операционализации показывают Йе и соавторы [4]. Они делают это на примере сравнительных исследований академической резильентности.

Анализ поля академической резильентности представляет нетривиальную исследовательскую задачу. Существующие работы сфокусированы на способах измерения резильентности. Сравнительное преимущество настоящего исследования заключается в том, что оно предполагает детальный анализ поля академической резильентности. Выводы делаются не только на основании данных, методов и результатов, но и анализа способов концептуализации резильентности.

Высокая степень социальной и научной значимости способствовали постановке ряда вопросов: что на данный момент есть поле академической резильентности, какова его сущность? Основная цель работы — это комплексный анализ концепта академической резильентности. Последний включает анализ существующих кластеров, подходов к концептуализации, публикующих журналов, а также когнитивной базы исследований.

Для ответа на поставленный исследовательский вопрос был использован метод систематического обзора литературы [5]. С помощью поиска библиографии был выявлен полный список статей, посвященных академической резильентности в промежуток с 1991 по 2023 гг. Это максимальный диапазон, доступный на момент начала анализа. Поиск релевантной литературы проводился в базе Web of Science (WOS) по запросу “academic resilience” по всем полям (дата проведения 25.10.2023). Всего было выявлено 262 документа.

Визуализация и анализ библиографической сети проводился в программе VOSviewer. Для построения сети использовался показатель библиографического сочетания (bibliographical coupling) с порогом вхождения 8 ссылок на документ. Библиографическое сочетание – это метрика, которая отражает то, на сколько часто те или иные статьи ссылаются на один общий документ в библиографии. Порог преодолело 95 документов. (см. рисунок 1)

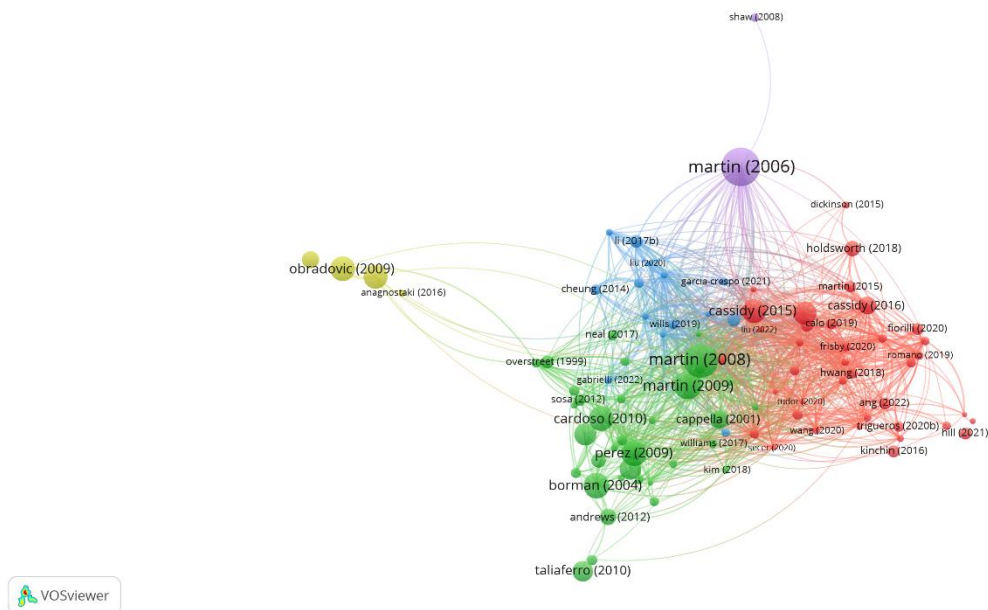

Рис. 1. Кластеры академической резильентности. (показатель *bib-coupling*)

Для выявления кластеров использовался показатель силы ассоциаций (*association strength*) с показателем *resolution* в 0.7. При его использовании кластеры отличимы друг от друга, имеют достаточное количество документов для анализа. Метрика показала наличие 5 кластеров, что указывает на потенциальную неоднородность поля.

Для анализа были отобраны от 2 до 5 наиболее значимых документов в каждом кластере. Выбор происходил на основании размера кластера (количество работ), значимости документа (количество цитирований) и его актуальности (новизна).

Когнитивная база исследований академической резильентности строится на психологии. Если визуализировать распределение документов по журналам, то при использовании показателя *resolution* в 0.85 выделяются три кластера журналов (см. рисунок 2.). Для построения использовался порог включения минимум в 1 цитату на документ и два документа в журнале, порог преодолело 39 журналов. Ключевыми журналами для исследований академической резильентности являются журналы по психологии, они являются центральным кластером. Второй по значимости кластер – это журналы по исследованиям образования и раннего развития. Третий кластер — это медицинские исследования, они во многом являются специфичными для академической резильентности.

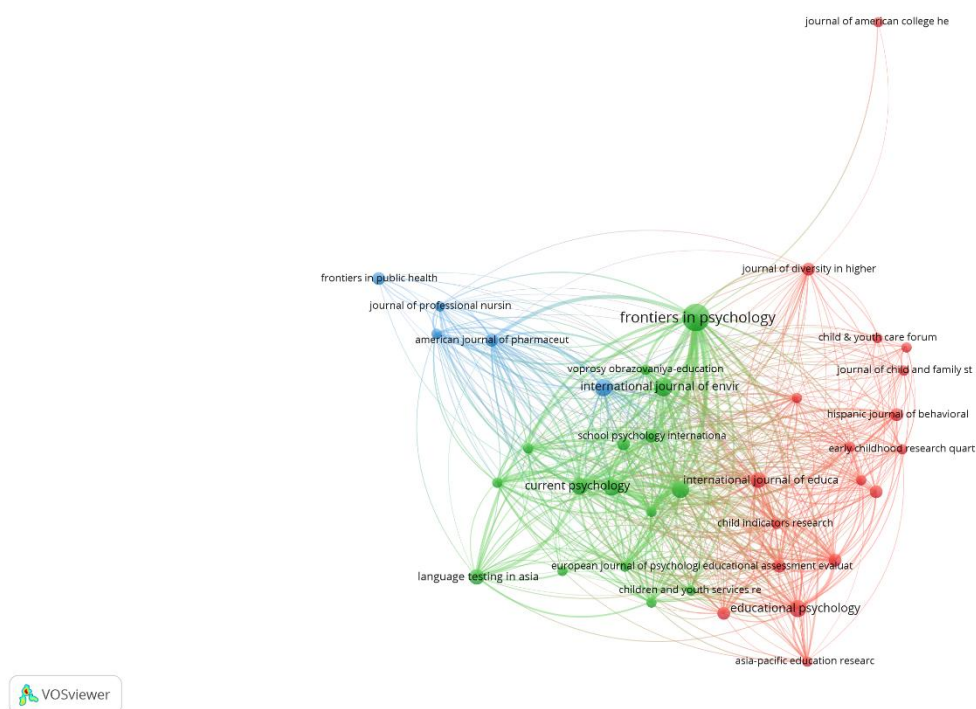

Рис. 2 Визуализация журналов поля академической резильентности.

Анализ кластеров производился по пяти основаниям, включающим: концептуализацию, методологию, данные и методы, результаты, внутреннюю и внешнюю валидность исследований. Если суммаризировать результаты анализа кластеров, то можно выделить три подхода к исследованию академической резильентности. Основным критерием разделения служит способ концептуализации резильентности, который во многом задает последующую стратегию исследования. Первое направление, это исследования, построенные на классификации резильентных учащихся через наличие риска и позитивной адаптации. Второе, это исследования, направленные на измерение академической резильентности как совокупности индивидуальных черт и поиск коррелят этой характеристики. И наконец, третий подход, исследующий резильентность как процесс, в основе которого лежат взаимодействия риска, защитных факторов и позитивной адаптации.

Количественно наиболее представлен первый подход, это объясняется его относительной простотой. Это резильентность, полученная эмпирическим путём. Её основным допущением является предположение, что учащиеся в порогах риска и адаптации обладают необходимой характеристикой резильентности. Исследования сильно зависят от способов операционализации, которые в значительной степени определяют результаты и их репрезентативность. Пул исследовательских стратегий довольно ограничен, они строятся на аналогичных выборках и методах. Это преимущественно международные оценки успеваемости учащихся, для анализа которых используются логистические модели. Авторы мало заинтересованы в понимании механизмов академической резильентности, они всеми силами стараются идентифицировать резильентность и её факторы, при этом теряется значительная часть концептуальной нагрузки.

Второй подход является психометрическим, он предполагает измерение академической резильентности как определенной черты характера. Эта черта зачастую задаётся множеством характеристик, которые не всегда четко отличимы друг от друга. Подобный подход во многом устарел, обладает устоявшейся стратегией исследования с

ограниченным пулом методов. Первым этапом идет измерение академической резильентности посредством набора вопросов, затем наличие характеристики верифицируется факторным анализом. Далее идет проверка корреляции между резильентностью и успеваемостью, что не указывает на факторы и тем более причины резильентности. Данная стратегия не гарантирует того, что объектом ее измерения является реальная академическая резильентность. Работа осуществляется с представлениями учащихся о резильентности, а наличие фактора риска не гарантировано. Данный подход больше подходит для исследования академической упругости (*academic buoyancy*).

Третий подход является самым малочисленным и качественно отличается от двух предыдущих. Его использование в наибольшей степени подходит для исследования академической резильентности, поскольку отражает существующие представления о ее природе. Это единственный из подходов, который позволяет рассматривать резильентность как процесс, а также учитывать сложность взаимодействия риска, защитных факторов и позитивной адаптации. В центре его внимания находится не идентификация академической резильентности, а выявление механизмов её работы. В то же время данный подход обладает высокими требованиями к внутренней валидности, что выражается как в качестве необходимых данных, так сложности используемых методов.

Представленные подходы существуют довольно автономно, указывая на разное понимание резильентности. Особое значение приобретает наличие разных когнитивных баз исследований, они во многом задают способы измерения резильентности. Психометрические подходы в большей степени сосредоточены на индивидуальных характеристиках, а подходы развития и педагогики на внешних факторах.

Само по себе наличие неоднородности не является серьезным препятствием. Исследователи часто подходят к одному объекту с разных парадигм. Представляется, что общая проблема поля резильентности лежит на более глубоком качественном уровне. За последние годы исследователи серьезно не продвинулись в понимании механизмов резильентности. Исследования сфокусированы на идентификации резильентности и её факторов, упуская из виду концептуальную сущность.

В полной мере проблема раскрывается при анализе основных составляющих резильентности. Первая её часть связана с факторами риска. Представление о рисках, как чего-то что значимо снижает успеваемость, упрощает действительность. Исследованиям не хватает реального понимания воздействия риска на адаптацию. Ввиду этого риски часто вводятся произвольно, а их эффект значительно отличается. Существующее разделение по степени остроты рисков довольно абстрактно, что приводит к смешению концептов академической резильентности и упругости (*academic buoyancy*). Возможно, в этом отношении стоит задуматься над тем, чтобы отделить риски школьного уровня.

Вторая часть проблемы касается защитных факторов. Последние находятся на разных к индивиду уровнях от индивидуального до средового, однако их концептуальная связь не совсем понятна. Не понятно, где зарождаются защитные факторы, в каких каузальных отношениях друг к другу находятся индивидуальные и средовые факторы, на сколько они перекрывают друг друга и т.д. Это приводит к тому, что защитные факторы задаются произвольно, без чёткой теоретической проработки, используются как равные в статистических моделях. Проблема приводит к непоследовательности результатов исследований, значимость защитных факторов сильно отличается.

Учитывая всё вышесказанное, можно обозначить необходимый вектор для дальнейших исследований. В первую очередь, исследователям стоит сосредоточиться на создании концептуального фреймворка академической резильентности. Необходимо понять, что есть риски и как они влияют на адаптацию, как взаимодействуют защитные

факторы разных уровней и какое место они занимают в этой структуре. Наиболее перспективным в этом отношении представляется подход, ориентированный на исследование резильентности как процесса.

1. *Harris A., Hargreaves A. Schools Performing Beyond Expectations. 2014.*
2. *Rudd G., Meissel K., Meyer F. Measuring academic resilience in quantitative research: A systematic review of the literature // Educational Research Review. 2021. <http://dx.doi.org/10.1016/j.edurev.2021.100402>*
3. *Tudor K. E., Spray C. M. Approaches to measuring academic resilience: A systematic review // International Journal of Research Studies in Education. 2017. <http://dx.doi.org/10.5861/ijrse.2017.1880>*
4. *Ye W., Strietholt R., Blömeke S. Academic resilience: underlying norms and validity of definitions // Educational Assessment, Evaluation and Accountability. 2021. P. 169–202. <http://dx.doi.org/10.1007/s11092-020-09351-7>*
5. *Petticrew M., Roberts H. Systematic reviews in the social sciences: a practical guide. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell; 2006.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ СИРИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

*Халаби Диана
(РГСУ, г.Москва)*

Аннотация: в последние годы особое внимание уделяется вопросу миграции сирийцев, в частности, миграции образованной сирийской молодежи. Война, продолжающаяся с 2011 года, способствовала изменению будущего сирийской молодежи, сделав основной целью для нее эмиграцию. Миграция образованной сирийской молодежи обусловлена рядом взаимосвязанных экономических, политических и социальных факторов. Целью данной статьи является определение социальных факторов образовательной миграции сирийской молодежи.

Ключевые слова: миграция, сирийская молодежь, образование, социальные факторы миграции.

Миграция студентов с целью получения образования за рубежом является полезным процессом для выходящей страны и принимающей, способствует межкультурной коммуникации между ними [1, 839–849]. В рамках теории «образовательной миграции» отмечается, что негативные факторы миграции существуют именно в родной стране, «выталкивающие» молодежь, а привлекательные факторы находятся в принимающей стране («притягивающие») [7]. В качестве «притягивающих» факторов многие социологи подчеркивают финансовую поддержку, социально-политическую обстановку и возможности трудоустройства и т.д. [2, 11]. Также 4 основных фактора «притяжения» были выделены в других исследованиях: развитие восприятия студента в другой стране; возможность поступить на определенную программу развития и социальной защиты; желание улучшения понимания о другом обществе; намерение эмигрировать после окончания учебы [6, 210–215]. Многие причины, которые были выявлены в исследованиях, на самом деле представляют собой лишь мотивы учиться за границей [8, 13].

Если, в качестве примера, мы возьмем студентов из Сирии, то в первую очередь они мотивированы экономическими и культурными причинами. Преобладают три причины: путешествие по миру; увеличение знаний о других странах; улучшение знаний локальной сети [5, 12]. Согласно проведенным исследованиями, студенты, которые собираются учиться за границей, считают, что это повысит их профессиональный статус. Они думают, что зарубежное образование откроет перед ними огромные карьерные возможности и преимущества в поиске работы по возвращении на родину [1].

В Сирии нами было проведено исследование с целью выявления социальных факторов миграции посредством интервьюирования 35 сирийских экспертов – преподавателей вузов. Им задавались вопросы об основных причинах миграции сирийской образованной молодежи. Результаты исследования показали, что экономические факторы являются одними из главных причин миграции. Наиболее распространенные факторы были изложены в следующем порядке: низкий уровень доходов, невозможность найти работу после окончания учебы, вероятность введения новых экономических санкций, рост расходов на жизнь и неспособность удовлетворения основных потребностей, невозможность вступления в брак из-за плохого финансового положения, отсутствие достойного жилья и желание улучшения материально-финансового состояния.

По мнению студентов, указанные причины повлияли на степень миграции образованной молодежи, потому что экономические перспективы в стране были ограничены из-за разрушений во время войны и отсутствия всеобщей стабильности [1].

В результате упомянутых причин многие студенты, обучающиеся за рубежом, могут не вернуться на Родину после учебы из-за ограниченных возможностей для трудоустройства и карьерного роста. Многие молодые интеллигенты Сирии считают, что их квалификация не соответствует предлагаемым зарплатам, так как низкий уровень оплаты труда в различных сферах затрудняет возможность содержать себя и свои семьи.

Согласно теории человеческого капитала, люди стремятся к эмиграции, когда понимают, что полученные навыки и образование могут принести им больший доход в другой стране [6, 831-868]. Эмиграция в страны с сильной экономикой часто предоставляет возможность получения более высоких заработных плат и благоприятных условий для жизни, что побуждает к поиску лучших финансовых источников за границей. Кроме того, невозможность найти работу после окончания учебы из-за продолжающегося конфликта и экономической нестабильности в стране вынуждает многих выпускников искать работу в странах с более устойчивой экономикой. Вероятность введения новых экономических санкций может вызвать чувство растерянности у молодежи. В результате у нее возникает опасение, что дополнительные санкции приведут к ухудшению экономической ситуации (на самом деле она очень сложная), побуждая молодых специалистов к поиску более стабильных условий для своего будущего [9]. В последнее время расходы на жизнь в Сирии значительно возросли, включая расходы на питание, жилье и здравоохранение. Все это препятствует молодежи удовлетворить основные потребности по причине нехватки финансовых ресурсов. Также стоит отметить, что отсутствие возможности вступления в брак и обеспечения жильем еще больше мотивирует молодых сирийцев к достижению экономической независимости перед созданием семьи. В конечном счете, основной мотивацией для многих молодых интеллигентов страны является желание улучшить свое финансовое положение [10]. Они считают эмиграцию средством к достижению лучших рабочих возможностей, возможностью для более высоких зарплат и лучших условий жизни, что поможет им в достижении личных и профессиональных целей.

Социальные факторы, выявленные нами в опросе экспертов, были сгруппированы следующим образом: желание эмигрировать для оказания помощи родителям; стремление уехать из-за ограничения свободы слова и нарушения прав человека, ощущения недостатка свободы; классовые противоречия; социальная отчужденность и изоляция.

При анализе этих факторов мы видим, что чувство ответственности среди молодежи является важным стимулом, особенно в тех культурах, что основаны на семейных традициях [4]. Большинство молодых людей эмигрируют с целью обеспечения финансовой стабильности и улучшения условий жизни своих семей. С другой стороны, напряженные социальные отношения и конфликты внутри семей и сообществ могут создать нестабильную и неблагоприятную среду, в которой индивиды вынуждены искать пути бегства [3], в том числе эмиграцию как путь спасения. Чувство недостатка свободы может привести к поиску других сред, где они могут свободно выражать себя. Когда люди не могут выражать свои мнения, протестовать против правительства или господствующих социальных норм, они могут чувствовать себя подавленными. Классовые противоречия могут вызывать значительное социальное напряжение, когда индивиды осознают, что они систематически лишены прав из-за своего социального положения. Высокий уровень насилия и преступности также создает небезопасную среду для жизни. Кроме того, среди сирийской молодежи проявляется ощущение отчужденности по причине того, что сирийское общество больше не является сплоченным, с социальной точки зрения. Чувство лояльности и принадлежности к обществу ослабло из-за сложных условий, в которых оно оказалось. Войны и нарушения, вызвавшие международное вмешательство в Сирию, привели к тому, что многие люди чувствуют себя отчужденными от своего общества либо

игнорированными из-за своей идентичности, убеждений или обстоятельств, что усиливает чувство изоляции.

В конечном итоге, факторы, побуждающие образованную сирийскую молодежь к эмиграции, являются многослойными и тесно взаимосвязанными с социально-политической и экономической ситуацией в стране. Высокий уровень безработицы, социальная и экономическая нестабильность, ограниченные карьерные перспективы и стремление к лучшим образовательным и профессиональным возможностям способствуют этому процессу [7]. Решение вышесказанных проблем требует не только немедленной гуманитарной помощи, но и долгосрочных стратегий, направленных на восстановление экономики Сирии и создание благоприятной среды для профессионального роста молодых специалистов.

1. Арабский индекс, 2017 г. Арабская программа измерения общественного мнения, Арабский центр исследований и политических исследований, 2018.
2. Арабская энциклопедия, the Arabic encyclopedia authority, д. Метаниус Хабиб. Т. III, С. 11.
3. Вдовина М.В. Межпоколенческий конфликт в семье и его регулирование. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2008. 208 с.
4. Вдовина М.В. Социальная работа с семьей: подготовка специалистов // Знание. Понимание. Умение. 2005. N 4. С. 63-68.
5. Доклад «Сирийский кризис, корни и экономические и социальные последствия» (2012) Сирийский центр политических исследований. С.12. [Электронный ресурс] // URL: <https://aliqtisadi.com/سورية-تستفيد-من-تجربة-العراق-وكوبا-في-> (дата обращения: 15.09.2024).
6. Ерлинский Р., Арутюнян А. Иммигранты думают иначе? Данные из стран Восточной Европы и постсоветского пространства // Журнал международной миграции. 2019. № 53(3). С. 831-868.
7. Рыжков В. Б. Болонский процесс и иммиграционное законодательство в государствах Европейского союза // Образование и право. 2018. №2. С. 210-215.
8. Сирийский кризис, корни и экономические и социальные последствия. Сирийский центр политических исследований, 2012. С.13.
9. Сушко В.А., Прончев Г.Б., Шишарина Е.В., Зенкина О.Н. Социально-экономические показатели формирования качества жизни // Международный журнал экологического и естественно-научного образования. 2016. №11(18). С. 839–849.
10. Теория и методика социальной работы / Холостова Е.И., Кононова Л.И., Климантова Г.И. и др. (3-е изд., перераб. и доп.). М.: Юрайт, 2019. 288 с.

ЕГЭ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: ВЛИЯНИЕ НА МОЛОДЕЖЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Царукян Ивета Гургеновна

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тольяттинский государственный университет")

Единый государственный экзамен (ЕГЭ) — это форма государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования. ЕГЭ организуется и проводится Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзором) совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими государственное управление в сфере образования [1]. Единый государственный экзамен затрагивает большую часть молодежи и является причиной многих социальных явлений, так как это не просто экзамен, а целое жизненное испытание.

В рамках данного исследования было проведено электронное анкетирование жителей Самарской области (обучающиеся ВУЗов, ССУЗов, работающая молодежь, педагоги, репетиторы, школьники) в возрасте 14-35 лет, с целью выявить тенденции влияния и последствий ЕГЭ как социального феномена. Пилотажный опрос (n = 110), выборка нерепрезентативная.

Среди респондентов женщин – 71,8% (79), мужчин – 28,2% (31). 82,7% (91) опрошенных сдавали ЕГЭ, а 8,2% (9) это еще предстоит.

В ходе исследования мною были выдвинуты следующие гипотезы:

ЕГЭ облегчил поступление в ВУЗ, система стала равной для всех, прозрачной и простой.

Качество образования в школах низкое, что стало причиной стремительного развития репетиторства как социального института.

ЕГЭ – формальность, он не связан с реальной жизнью и дальнейшей карьерой.

Введение единого государственного экзамена имеет ряд преимуществ:

Единый стандарт для всех выпускников, что позволяет сравнивать результаты из разных школ и регионов;

Учащиеся могут выбирать предметы, которые они будут сдавать, что позволяет им сфокусироваться на том, что им интересно;

Процесс проверки экзаменационных работ стал более прозрачен, что увеличивает доверие к системе образования;

Проверка знаний на уровне государства показывает проблемные области системы, что дает возможность своевременного принятия мер по их устранению.

Респондентам был предложен ряд высказываний, с которыми им нужно было согласиться или нет. Высказывание «ЕГЭ стандартизировал систему образования, поэтому у всех выпускников равные возможности перед поступлением в ВУЗ» поддержали 58,2% (64) опрошенных, а 31,8% (35) считают, что экзамен не является равным для каждого выпускника. 81% (89) утверждают, что экзамен создал жесткую систему отбора в университеты, повысив конкуренцию среди абитуриентов. Обратим внимание, что 70% (89) считают, что ученики из обеспеченных семей имеют больше возможностей для подготовки к самому важному экзамену в жизни школьника.

Можно сделать вывод о том, что, установив определенные стандарты, которые всем известны и открыты, государство создало конкуренцию среди поступающих в ВУЗы. Еще следует отметить материальную обеспеченность семьи: ученики из таких семей имеют больше возможностей для подготовки к ЕГЭ (70% (77)). В частности, это касается

репетиторства. Среди респондентов, сдавших ЕГЭ, 69,1% (76) обучаются на бюджетной основе, а 13,6% (15) на коммерческой форме обучения. Это говорит о том, что главная цель выпускников, сдающих ЕГЭ, – поступить на бюджет, в большинстве случаев была достигнута.

А довольны ли они своими результатами? Большая часть опрошенных 38,2% (42) не удовлетворены своими итогами, так как они получили меньше баллов, чем рассчитывали. Подчеркнем, что более половины 62,5% (25) довольных своими оценками респондентов пользовались услугами репетиторов, что говорит об эффективности их работы.

В общей сложности к репетиторам обращались 65,4% (72) респондентов: 34,5% (38) «подтягивали» свои знания для сдачи на высший балл, 30,9% (34) без профессиональной помощи не справились бы с экзаменом. Всего 22,7% (25) готовились самостоятельно.

Почему учащиеся пользуются услугами репетиторов? Результаты показали, 62,7% (69) указывают на то, что школа не дает им все необходимые знания для сдачи государственной итоговой аттестации. Качество образования снижается, ведь в школах нас готовят к тестовой системе сдачи контрольных заданий, которая загоняет обучающихся в рамки стандартных вопросов и ответов (84,5% (93)), где исключается возможность использовать весь потенциал мышления. Следует выделить, что по мнению респондентов (73,6% (81)), ЕГЭ подавляет творческие способности и нестандартное мышление.

«ЕГЭ не всегда точно отражает реальные знания и потенциал ученика» – с этим высказыванием согласны 90,9% (100) человек. Оценка ЕГЭ может быть субъективной, потому что от части зависит от квалификации проверяющего 62,7% (69). 77,3% (55) опрошенных считают, что «ЕГЭ – формальность, которая не имеет связи с реальной жизнью и дальнейшей карьерой». Несмотря на это, баллы ЕГЭ – это один из важных критериев оценки выпускника. Несдача ЕГЭ приравнивается к неуспеху в жизни школьника.

Единый государственный экзамен является переходной границей между средним и высшим образовательными учреждениями. Любой переходный период – это адаптация старых привычек в новых условиях, что сопровождается стрессом. 92% (102) респондентов подтвердили, что ЕГЭ является источником сильного стресса.

Все сказанное выше показывает, что единый государственный экзамен имеет как достоинства, так и недостатки. Однако недостатков для сдающих экзамен больше, чем преимуществ. Считают ли они, что ЕГЭ нужно отменить? «За» проголосовали 53,6% (59) респондентов: 19,1% (21) хотят вернуть старую систему, а 34,5% (38) предлагают придумать что-то новое. Всего 9,1% (10) считают, что ЕГЭ пока лучшее, что придумали, а 29,1% (32) считают, что экзамен нужно усовершенствовать.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

ЕГЭ предоставил выпускникам равную возможность поступления в высшие учебные заведения, однако уровень конкуренции настолько высок, что поступить в желаемое образовательное учреждение крайне сложно;

Главной целью образовательных учреждений среднего общего образования стала ориентация на успешную сдачу ЕГЭ. Соответственно, упор идет не на качественное усвоение школьной программы, а на многократном решении тестов, которые не дают студентам использовать креативное мышление и более глубокие знания;

Из-за снижения качества образования в школах услуги репетиторства стали необходимой потребностью. Данный социальный институт активно развивается: открываются репетиторские центры, онлайн-школы, индивидуальные репетиторы и др.;

Не все семьи могут позволить себе услуги репетитора, поэтому вероятность успешной сдачи ЕГЭ уменьшается, а это влияет на поступление в ВУЗ и основные траектории жизни молодого человека;

Единый государственный экзамен – неидеальная система, молодежь считает, что ее нужно усовершенствовать или придумать что-то новое.

В заключение можно сказать, что эта тема требует дальнейшего, более углубленного исследования, распространенного на все регионы РФ. Подобные работы должны стать основой национальной политики в сфере образования в качестве траектории к оптимальной форме реализации государственной итоговой аттестации.

1. *Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный институт педагогических измерений». URL: <https://fipi.ru/ege>*

ВОЗМОЖНОСТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ВО ВНЕУЧЕБНОЙ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Цыплакова Ольга Геннадьевна
(РГПУ им.А.И.Герцена)*

Студенты представляют собой уникальную социальную группу, чья деятельность направлена на приобретение профессиональных знаний и навыков, а также на возможность творческого самовыражения в рамках культурно-образовательного и научного пространства высшего учебного заведения.

В условиях современного общества, где наука играет ключевую роль в прогрессе, студентам необходимо активно участвовать в исследованиях и проектах, направленных на решение актуальных проблем. Это не только помогает им реализовать свои творческие способности, но и способствует подготовке к будущей профессиональной деятельности.

В высших учебных заведениях реализуются разные формы поддержки студентов в их научной деятельности, такие как менторство со стороны преподавателей, создание студенческих объединений или лабораторий, где молодые исследователи могут обмениваться идеями и работать над совместными проектами, междисциплинарные семинары, интеллектуальные игры и соревнования, научные клубы или мастер-классы по написанию научных текстов.

Научная деятельность занимает центральное место в процессе профессионального становления студентов в высших учебных заведениях. Она требует от обучающихся не только глубокого понимания предмета исследования, но и осмысленного анализа актуальных проблем, формулирования гипотез, а также определения четких целей и задач исследования. Кроме того, важно уметь разработать соответствующий категориальный аппарат, обрести навыки проведения эмпирических исследований и эффективно апробировать их результаты.

В то же время, такая комплексная работа может оказаться слишком сложной для студентов первых курсов, которые только начинают свой путь в академическом мире. Поэтому важно подходить к этому процессу постепенно. С первых курсов целесообразно внедрять студентов в научную среду, начиная с теоретического анализа учебной и научной литературы, а также выполнения небольших исследовательских проектов. Подобные активности могут проходить в форме рефератов, курсовых работ или первых научных публикаций.

Такой подход не только облегчает процесс вступления на научную стезю, но и способствует формированию навыков, важных для дальнейшего обучения и профессиональной деятельности. Постепенное внедрение в научную деятельность позволяет студентам осознать свои интересы и развивать индивидуальные способности, и таким образом, обеспечивает прочную основу для их самореализации в дальнейшем. Активное участие в исследовательских проектах помогает развивать критическое мышление, навыки анализа и синтеза информации, а также уверенность в своих силах, что, безусловно, позитивно влияет на общий процесс обучения.

Процесс самореализации является во многом индивидуальным и личностным, и научное творчество не исключение. Внеучебная деятельность открывает для студентов возможность изучать широкий круг тем, используя разнообразные методики как теоретического, так и практического характера. Она также предоставляет шанс представлять полученные результаты в различных форматах, что способствует лучшему пониманию и распространению научной информации.

Выбор методов исследования, создание условий для проведения экспериментов и оформление итогов научной работы составляют важные элементы творческого процесса, который помогает молодому человеку самореализовываться и развивать свои способности. Эта свобода выбора и возможность работать с разными подходами способствуют глубокому погружению в тему и развитию уникальных идей и замыслов студентов.

Итак, можно выделить несколько ключевых моментов. Во-первых, привлечение молодежи к научному творчеству способствует формированию новых научных школ, нуждающихся в молодых кадрах. Новые ученые приносят свежий взгляд и инновационные идеи для решения сложных вопросов.

Во-вторых, поддержка научного творчества среди студентов является важной задачей для высших учебных заведений, так как успех их работы может существенно повысить репутацию вуза и продемонстрировать его способность готовить квалифицированных специалистов и будущих исследователей.

В-третьих, научное творчество служит мощным инструментом для успешной профессиональной и творческой самореализации студентов, открывая перед ними новые горизонты и возможности.

Самореализация через научное творчество позволяет студентам не только углубиться в выбранные ими исследовательские области, но и развивать критическое мышление, навыки анализа и аргументации. Это предоставляет им возможность формировать обоснованные мнения и делать выводы, основанные на фактических данных, что жизненно важно как для научной работы, так и для профессиональной деятельности в будущем.

Одним из аспектов, который следует отметить, является важность сотрудничества и обмена опытом между студентами и преподавателями. Поддерживая активное взаимодействие, учебные заведения создают среду, способствующую обмену идеями, созданию совместных проектов и междисциплинарным исследованиям. Такое сотрудничество не только обогащает процесс обучения, но и позволяет студентам получать ценные отзывы и наставления, что в свою очередь углубляет их понимание выбранной темы научного исследования.

Важным аспектом самореализации является также уважение к особенностям каждого студента. Учебные заведения могут способствовать этому, предлагая индивидуальные планы обучения и широкие возможности для выбора тематики научных исследований. Понимание важности индивидуального подхода способствует наиболее эффективной самореализации, так как каждый человек имеет свой уникальный набор интересов, талантов и склонностей.

Кроме того, в современном мире, где информация и знания становятся все более доступными, студентам предоставляется возможность участия в конференциях, семинарах и научных конкурсах, в том числе на общенациональном и международном уровнях. Эти события не только стимулируют желание учиться и развиваться, но и открывают двери к новым профессиональным возможностям. Участие в таких мероприятиях формирует у студентов уверенность в своих силах и позволяет им заявить о себе как о равноправных участниках научного сообщества.

Также следует подчеркнуть, что самореализация в рамках научного творчества играет важную роль и в личностном росте студентов. Успехи в практике научного поиска могут значительно повысить уровень самооценки и уверенности в собственных силах. Это, в свою очередь, может отразиться на других аспектах жизни: на личных взаимоотношениях, социальных взаимодействиях и даже на общем уровне удовлетворенности жизнью.

Проанализировав все перечисленные аспекты, можно с уверенностью сказать, что процесс самореализации через научное творчество не только обогащает личность, но и формирует активного, думающего гражданина, а потому поддержка студентов на этом пути — это инвестиция в будущее, которая принесет плоды не только им самим, но и всему обществу в целом.

РОССИЙСКИЕ СТУДЕНТЫ НА ЭТАПЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЭМПИРИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ИТОГАМ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ-2024

Черкасова Татьяна Васильевна
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

Аннотация

Цифровизация - триггер для эры Искусственного интеллекта. Студентам импонирует, что ИИ замещает человека в выполнении творческих функций, в решении вузовских задач, в быту. ИИ сравнивают с «ящиком Пандоры», поэтому у молодежи появились фобии: сохранение конфиденциальности персональных данных; вытеснение работающих людей из их профессий; ослабление контроля человека над ИИ.

Ключевые слова: российские студенты, Искусственный интеллект

Актуальность. Для российского студенчества началась эра прикладного искусственного интеллекта. Молодежь инициативно внедряет в образовательный процесс доступные ресурсы ИИ. Как неофициальный пользователь она осваивает те программы, которые выполняют сложные вузовские задания. В свою очередь, ИИ «вытесняет» ленивых студентов, не желающих тренировать память и мыслительную деятельность, из серьезного процесса саморазвития логико-аналитических навыков. Противостоять этому негативу практически невозможно, поскольку прогресс в мире электронной техники и Интернет-коммуникаций проник во все сферы. На наш взгляд, искусственный интеллект - это робототехника с интеллектуальными компьютерными программами для решения поставленных задач, имеющая три основных блока — базу знаний, решатель и интерфейс для общения с ЭВМ. На этом понимании и строится эмпирический анализ данной главы.

Исследовательская база. В декабре 2023 - январе 2024 года проводилось пилотное социологическое исследование среди студентов-бакалавров 2-х курсов УГНТУ. В исследовании приняли участие респонденты из 22 групп дневного обучения. Опрос был сплошным, учитывались ответы девушек и юношей. Цель исследования - определить влияние ИИ на современное студенчество. Задачи исследования: выявить сферы применения ИИ и наиболее популярные программы ИИ; уточнить «сильные и слабые» характеристики ИИ; спрогнозировать перспективы развития ИИ с точки зрения обучающейся молодежи. В исследовании ставилась гипотеза о том, что влияние ИИ на обучающуюся в вузе молодежь имеет не только позитивные, но и негативные последствия.

Анализ результатов. По итогам опроса относительно применения ресурсов ИИ была получена интересная последовательность ответов. Приводим шкалу из современных студенческих предпочтений: Перевод текстов на иностранный язык-79,2%; Написание текстов-63,2%; Скачал(а) и применяю по необходимости приложение в смартфоне (например, Siri; Google Assistant)-60%; Решение математических задач-58,4%; Воспроизведение музыки по предпочтению слушателя-55,2%; Расписание движения транспорта-54,4%; Компьютерные игры-48,8%; Банковские операции-48,8%; Умные колонки (голосовой помощник, будильник, радио)-40,8%; Предсказание погоды (смарт-термостаты)-39,2%; Чат-бот программа, имитирующая человека, просто для болтовни и общения-32%; Проектная работа (чертеж здания, дизайн изображения и т.д.) -29,6%; Маркетинговые скидки на товары-24%; Поиск человека по фотографии-23,2%; Робот – пылесос-23,2%; Определение лица через камеру-22,4%; Игра в шахматы (например, Деер Thought)-16% и т.д. Если детально проанализировать ответы, то наглядно видно, что респонденты-бакалавры уже вполне уверенно применяют искусственный ресурс: во-первых, для самообучения и выполнения сложных вузовских заданий; во-вторых, они

включают потенциал ИИ для своего релакс-отдыха и оригинального виртуального общения; в-третьих, ИИ применим для создания персонального комфорта в быту и повседневной вневузовской жизнедеятельности студентов. Наряду с позитивными моментами, заявляют о себе новые тенденции, обусловленные техническим прогрессом, не замечать которые нецелесообразно. Молодое поколение, в преобладающем большинстве, абсолютно исключает факт собственных мыслительных усилий в когнитивном процессе, а также в творческой и более сложной логической деятельности, в комплексной профессионально-вузовской подготовке. Например, большинством игнорируется личный перевод иностранных текстов, хотя именно такая деятельность тесно связана с наилучшим освоением иностранных языков. Студенты не хотят самостоятельно решать технические или сложные математические задачи, как известно, это - аксиома в подготовке технических кадров. Молодежь минимизирует и имитирует свое «авторское присутствие» в разработке разнообразных проектов, дизайнерских работ, строительно-архитектурных моделей. Хотя заинтересованная общественность (заказчики-инвесторы, работодатели, представители госструктур), как раз и внедряют в молодежный социум идеи креативного самовыражения в проектной, конкурсной, соревновательной деятельности. Наперекор всему указанному, наблюдается иной процесс - «Искусственная амнезия молодежи от машинного интеллекта». Внешне поддерживается познавательная функция, а внутренне, наоборот, блокируется способность молодежи к мыслительному анализу профессиональной информации, поскольку сознание молодых индивидов формируется в картине мозаичных подсказок от ИИ и предстает в форме кратковременной памяти. Молодежь, «подсевшая на ИИ», обучающаяся в высшей школе, не способна критично отбирать информацию, она воспроизводит на зачетах и экзаменах и транслирует без усилий полученные «электронные плагиат-ответы», предлагаемые машиной тексты, рефераты, макеты дипломов или диссертаций, проектов. Интересен и такой нюанс. Респонденты-юноши использование ИИ ставят на первое место при решении вузовских математических задач, а респонденты-девушки прибегают к помощи ИИ для перевода иностранных текстов. Юноши и девушки солидарны в ответах, «получивших третью по значимости позицию», поскольку они «скачивают приложение в смартфон (например, Siri; Google Assistant)», и мир искусственного интеллекта везде и всегда находится под рукой, он «легко и удобно помещается в кармане модных джинсов».

Приведем еще и такой весьма показательный пример для характеристики студенческих досуговых предпочтений. Так, классическая высокоинтеллектуальная логическая игра - шахматы (16% опрошенных) существенно (то есть в три раза) уступили место компьютерным играм (48,8%) респондентов.

Молодежь с удовольствием слушает на досуге сортируемый ИИ «музыкальный мусор». Гендерная солидарность заявила о себе в музыкальных запросах. Наши респонденты уверенно на 4-позицию поставили альтернативу: «Воспроизведение музыки по предпочтению слушателя». Музыка играет существенную роль в досуге обучающихся индивидов. Сегодня важно знать: какие композиции выбирает ИИ для молодежи; какие песенные жанры навязываются в муз-топах; какое текстовое сопровождение звучит в наушниках молодежи, в пресловутых НЛП-технологиях словесного зомбирования нового поколения России! Как ни парадоксально, но ресурсы ИИ находят большее признание у респондентов-девушек. Они активнее включают в свою повседневную жизнь помощь от «умной программы», вполне осмысленно тяготеют к комфортной организации учебы и быта, их постоянные запросы-потребности охватывают разнообразные сферы: транспорт (расписание автобусов от дома до вуза), банки (оплата за коммерческое обучение), здравоохранение (диагностика заболеваний), кулинария (поиск вкусных и дешевых

рецептов для студентов), покупки (товаров широкого предназначения и доступных по цене для молодых клиентов), погода (региональные прогнозы на период учебы), мода (тренды молодежной одежды на сезон), иные коммуникации. Подчеркнем, что принципиально меняется картина домашнего отдыха, в котором минимизируется физическая подвижность индивидов в быту за счет умной техники, такой как робот, колонки, электронный собеседник. Рекламодателями внедрена в сознание молодежи новая установка - пылесосить лучше с помощью робота, чем самому мыть полы. Усиливается синдром молодого лентяя, включающий три классических аргумента для отдыха: «диван, тапочки, компьютер». К этому присоединяется массовая гиподинамия, болезнь уверенно охватывает студенческий социум. Безусловно, НТП не остановить, но следует предупреждать грядущие «негативные сдвиги в социальном секторе», оперативно предлагать варианты решения проблем, возникающих в молодежном сообществе. В заключении подведем некоторые эмпирические итоги:

Молодые студенты активно применяют искусственный ресурс. Во-первых, для самообучения и выполнения сложных вузовских заданий; во-вторых, они включают потенциал ИИ для своего релакс-отдыха и оригинального виртуального общения; в-третьих, для создания персонального комфорта в быту и повседневной вневузовской жизнедеятельности.

Молодежь, «подсевшая на ИИ» и обучающаяся в высшей школе, не способна критично отбирать информацию, как правило, она воспроизводит на зачетах и экзаменах и транслирует без усилий полученные «электронные плагиат-ответы», без угрызания совести «сдает на проверку» преподавателям предлагаемые машиной тексты, рефераты, макеты дипломов или диссертаций, псевдо-проектов.

Принципиально меняется картина домашнего отдыха, в котором минимизируется физическая подвижность индивидов в быту за счет умной техники и умного дома.

Отрадно, что приоритет и у девушек и у юношей получили отечественные системы ИИ: «Яндекс»-88,8%; «Сбербанк»-62,4%; Siri-44,8%; Mail.ru Group-42,4% .

Подчеркнем, сходство мнений по вопросам применения ИИ: первое место юноши и девушки отдали альтернативе - «Яндекс» (АЛИСА отвечает на вопросы, выполняет команды, включает музыку); второе место получила альтернатива - «ИИ незаменим в образовании (написание текстов, переводы, проверки авторства)».

Среди основных молодежных фобий, возникающих от непредсказуемости ИИ, респондентами были названы три: сохранение конфиденциальности персональных данных; вытеснение ИИ работающих из их профессий, по 52,8%, соответственно; ослабление контроля человека над ИИ»-36,8%.

ИИ для студентов нефтяного вуза - это неоднозначный феномен, способный вызывать в молодежном социуме биполярные последствия с ситуативно выраженным позитивным или негативным эффектом.

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ

Черней Светлана Валерьевна

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации)

Эффективность профессиональной самореализации молодёжи оказалась под вопросом из-за высокой частоты неудовлетворенности молодых специалистов своими первыми рабочими местами. На практике будущие специалисты не готовы к профессиональной самореализации, демонстрируя недостаточный уровень самоактуализации и самоопределения. Для современного общества необходимы образованные, способные самостоятельно принимать адекватные решения, отличающиеся мобильностью профессионалы. Проблема профориентации как общественная проблема проявляется в необходимости преодоления противоречия между объективно существующими потребностями общества в сбалансированной структуре кадров и неадекватно сформировавшимися профессиональными устремлениями молодёжи.

Ретроспективный анализ работ по профориентации в индустриально развитых странах Запада и России позволяет констатировать, что при раскрытии содержания понятия «профессиональная ориентация» акценты делались на различные её составляющие, что позволяет констатировать наличие широкого спектра научно-исследовательских подходов: диагностический (установление соответствия личностных качеств факторам, относящимся к работе); психотехнический (существование необходимости подготовки к профессии, выработки необходимых умений и качеств); индустриально-педагогический (формирование психологии работающего человека в производственной среде); типологический (поиск профессиональной среды в наибольшей степени соответствующей типу индивида); стадийный (осуществление выбора профессии в зависимости от стадии профессионального развития индивида); социально-экономический (управление профориентацией с учётом потребности в трудовых ресурсах); прагматический (выбор профессии, отвечающей потребностям рынка в кадрах и согласующейся с интересами и способностями индивида); лично-ориентированный (подготовка молодёжи к выбору профессии с учётом их способностей, интересов и жизненных планов); конструктивистский (конструирование карьеры через рефлексивный процесс, связывающий личные и социальные потребности).

Наиболее отвечающим современным реалиям современного общества является **конструктивистский подход**, в основе которого лежит идея конструирования карьеры [4, 13]. Предполагается, что непрерывный процесс, в рамках которого люди создают свою собственную профессиональную карьеру, начинается в детском возрасте. Карьера рассматривается как целенаправленный и динамичный процесс, результат осознанной позиции и поведения человека, ориентированного на достижение профессиональных целей [2, 169].

Концепция конструирования карьеры указывает, что карьера может быть динамичным процессом построения от профессионального самоопределения до достижения определённого уровня профессионализма, а субъективное «я» и внешний мир могут адаптироваться друг к другу [5, 84]. Ключевым моментом становится не помощь подростку в конкретном выборе профессии, а развитие у него способности самостоятельно делать профессиональный и жизненный выбор. Выбор специальности и профессиональное

развитие в данном случае увязывается с конкретной средой, воздействием на жизнь человека институтов социализации и изменением в экономике, политической обстановке, образовательной системе. В основе выбора лежит рефлексивный процесс, который связывает личные и социальные изменения, личность и контекст общественного развития [3,1]. Самоопределение молодёжи в профессиональном плане – это процесс, когда молодой человек осознает свои природные и сформированные способности, оценивает их на соответствие требованиям общества, направлениям общественного развития, запросам рынка труда и выбирает профессиональный путь для в жизни. Таким образом, карьеры конструируются во взаимодействии личности с общественными условиями.

Согласно данной модели профориентационное «вмешательство» можно охарактеризовать как руководство по конструированию карьеры. «Конструирование карьеры» и должна опираться на пять принципов [6,239]: 1) корреляция возможностей в соответствии с текущими обстоятельствами («контекстный»); 2) динамическое сопровождение; 3) результативность каждого этапа трудовой биографии; 4) множественность перспектив; 5) индивидуальность траектории.

Процесс формирование карьерной стратегии личности есть сознательное конструирование образа профессиональной деятельности с выявлением главных целей, задач и этапов карьерного пути, выбором способов достижения поставленных целей и задач с учётом индивидуальных способностей, статусных и возрастных возможностей, а также движущих и сдерживающих факторы карьерного роста [1,117]. В понятии карьерной стратегии отражается активная роль человека в собственной судьбе. Степень такой активности может быть различной в зависимости от жизненной позиции оптанта (на одном полюсе – жизнь, подчинённая обстоятельствам, шаблонное выполнение как социальных ролей в целом, так и профессиональных обязанностей в частности, на другом полюсе – процесс сознательного создания собственной жизни, основанный на личных ценностях, убеждениях и целях, что предполагает постоянное личностное развитие, адаптацию к новым условиям и преодоление трудностей).

С недавнего времени в дополнение к данному подходу стала развиваться идея непрерывности профориентации, которая должна осуществляться в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности и общества. В данном случае термин «профориентация» определяется как «ряд мероприятий, которые позволяют гражданам любого возраста и в любой момент их жизни определять свои способности, компетенции и интересы; принимать осмысленные решения в области образования, обучения и профессиональной деятельности; и управлять своим индивидуальным жизненным путем в обучении, работе и других установках, в которых эти способности и умения приобретаются и / или используются» [7,4]. Программы карьерного роста должны сместить акцент с поддержки людей в принятии подходящих карьерных решений на помощь им в развитии навыков принятия решений, проактивности и устойчивости.

Таким образом, конструктивистский подход к профориентации молодёжи помогает им развивать навыки принятия решений, проактивность и устойчивость, что способствует успешной профессиональной самореализации.

1. Боткова, В. К. Генезис понятия "карьерные стратегии молодёжи": социально-культурный анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 6(74). С. 117-123.
2. Недбаев, Д.Н. Психологические детерминанты формирования карьерной направленности личности // Международный журнал медицины и психологии. 2019. № 4. С. 169–177.

3. *Cardoso, P. M., Savickas, M. L., and Gonçalves, M. M. Facilitating narrative change in career construction counseling // Journal of Career Development. 2020. №48. P. 1–14.*
4. *Savickas, M. L., Nota, L., Rossier, J., Dauwalder, J.-P., Duarte, M. E., Guichard, J., Soresi, S., Van Esbroeck, R., & van Vianen, A.E.M. A construção da vida: Um novo paradigma para compreender a carreira no século XXI // Revista Portuguesa de Psicologia. 2010. № 44 (2). P. 13-44.*
5. *Savickas, M. L. Reflection and reflexivity during life-design interventions: comments on career construction counseling// Journal of Vocational Behavior. 2016. №97. P. 84–89.*
6. *Savickas, M. L., Nota, L., Rossier, J., Dauwalder, J.-P., Duarte, M. E., Guichard, J., Soresi, S., Van Esbroeck, R., & van Vianen, A. E. M. Life designing: A paradigm for career construction in the 21st century // Journal of Vocational Behavior. 2009. №75(3). P. 239–250.*
7. *Resolution of the Council and of the Representatives of the Governments of the Member States, meeting within the Council of 21 November 2008 on better integrating lifelong guidance into lifelong learning strategies // Official Journal of the European Union. C 319. 13.12.2008. P. 4–7.*

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ЖИЛЬЕМ СРЕДИ МОЛОДОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

*Чимбеева Ирина Эрдниевна
(Калмыцкий научный центр РАН)*

Обеспеченность жильём является одним из ключевых показателей качества жизни населения. Молодёжь представляет собой особую социальную группу, которая находится в процессе активного социального становления и профессиональной ориентации. В связи с этим, изучение обеспеченности жильём среди молодого населения является актуальным направлением исследований.

Государственные программы поддержки жилья в регионе играют ключевую роль в улучшении жилищной ситуации, особенно для льготных категорий граждан, включая молодежь. На 2024 год было запланировано выделение федеральных средств, что позволит улучшить условия для ветеранов и инвалидов боевых действий. Важно, что программы включают подпрограммы, направленные на создание доступного и комфортного жилья для молодежи, что особенно актуально в условиях экономической нестабильности.

Поддержка молодежи включает предоставление субсидий, льготного кредитования и информационных консультаций, что может помочь преодолеть барьеры на рынке недвижимости. Разработка комплексных инициатив в рамках государственной программы позволяет более эффективно решать жилищные проблемы, включая создание современных жилых комплексов с различными условиями проживания. По численности нуждающихся в жилье семей Республика Калмыкия среди субъектов ЮФО занимает в 2022 г. шестое место (9,3 тыс. семей), обгоняя Республику Адыгея (6,4 тыс. семей) и г. Севастополь (5,6 тыс. семей). В Республике Калмыкия реализуется государственная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем жителей Республики Калмыкия» утвержденная распоряжением Правительства РК от 21 июня 2018 г. По данным предоставленным в «Сводном годовом докладе о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Республики Калмыкия по итогам 2022 года» улучшили жилищные условия 70 молодых семей. В 2023 году смогли улучшить свои жилищные условия 5759 единиц, из них молодые семьи – 71 единица.

В 2023 году обеспеченность жильем среди молодежи в Республике Калмыкия демонстрирует положительные тенденции благодаря государственным программам субсидирования и высокому объему жилищного строительства, который превысил плановые показатели на 145,5%. Введено 142,004 тыс. кв. м нового жилья, что увеличивает доступность для молодежи. Основная часть жилищного фонда находится в частной собственности, что свидетельствует о развивающемся рынке недвижимости.

Однако, несмотря на эти достижения, не все молодые люди могут воспользоваться мерами поддержки из-за асимметрии в доступности жилья, особенно в отдаленных районах. Финансовые трудности, связанные с первоначальными взносами по ипотечным программам, также снижают реальный доступ к жилью.

Необходим постоянный мониторинг и оценка программ для выявления недостатков и улучшения их реализации. Участие молодежи в этих процессах может способствовать более открытому взаимодействию между государственными структурами и населением. Однако реализация программ сталкивается с вызовами, и требуется комплексный подход, учитывающий интересы всех категорий граждан, чтобы изменить существующую асимметрию в доступности жилья.

Для дальнейшего прогресса необходимо расширение программ поддержки молодых семей и учет потребностей всех групп молодежи, что поможет устранить существующие

асимметрии в обеспеченности жильем и способствовать демографическому росту в регионе.

Перспективы развития жилищной политики в Республике Калмыкия зависят от множества факторов, включая экономические условия. В последние годы наблюдается рост объемов жилищного строительства благодаря государственным программам, что свидетельствует о положительной динамике. Программа, действующая с 2013 по 2020 годы, включает меры по строительству новых объектов и модернизации существующего фонда, что делает политику более структурированной и целенаправленной, особенно для молодежи.

Несмотря на улучшения, остаются проблемы, такие как высокая стоимость жилья и недостаточный уровень доходов молодежи. Важным аспектом является также развитие социальной инфраструктуры, которая должна сопровождать новые жилые проекты. Необходимы льготные программы для молодых специалистов и семей, а также повышение кредитной доступности и привлечение частных инвестиций.

Взаимодействие с местными властями и бизнесом, а также учет мнений молодежи через социологические исследования, могут помочь в решении проблем с обеспечением жильем. В целом, жилищная политика в регионе активно развивается, но для достижения равновесия в доступности жилья необходимо комплексное решение существующих проблем и учет потребностей молодежи.

Несмотря на некоторые положительные изменения, уровень доступности жилья остается низким, и молодежь сталкивается с серьезными трудностями при его приобретении или аренде. Это негативно сказывается на их социальной адаптации и качестве жизни.

Государственные программы, такие как «Обеспечение доступным и комфортным жильем», играют важную роль, но их реализация не всегда эффективна. Необходимы более целенаправленные меры, учитывающие специфические потребности молодежи, чтобы повысить уровень обеспеченности жильем.

Рекомендации включают разработку гибких механизмов государственной поддержки, таких как субсидии на аренду и снижение процентных ставок по ипотечным кредитам, а также активизацию строительства доступного жилья. Важно также разрабатывать долгосрочные стратегии для создания комфортной городской среды, включая развитие инфраструктуры и создание рабочих мест.

Таким образом, проблема обеспеченности жильем молодежи требует комплексного подхода и активных действий со стороны государства, местных властей и общества для достижения значительных результатов в улучшении жилищных условий в регионе.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Чуклинов Андрей Евгеньевич

(Московский педагогический государственный университет)

Аннотация. В статье дается краткая характеристика основных проблем политической социализации и формирования политической идентичности современной российской молодежи. Раскрывается поколенческая специфика данных процессов на примере сравнения гражданской идентичности поколения «Перестройки» и поколения «либеральных реформ». Анализируется значимость некоторых агентов политической социализации молодежи и их роли в становлении её политической идентичности.

Ключевые слова: молодежь, политическая идентичность, политическая социализация, молодежная субкультура.

В современной политической науке проблема политической идентичности вообще и политической идентичности молодежи в частности нередко является предметом страноведческой компаративистики. Между тем в рамках так называемого «модернистского» подхода процессы политической идентификации рассматриваются в качестве неотъемлемого фактора полноценного существования государства-нации, обладающего ярко выраженной уникальностью.

В системе социально-политического знания феномен политической идентичности понимается как «процесс отождествления индивида с определенной социальной общностью, ее ценностями, символами, историческими нарративами, которые формируют систему смыслов, эмоциональный фон, мотивацию к деятельности» [2, С. 484]

Специфика политической идентификации российской молодежи постсоветского периода заключается в том, данная социальная общность формировалась как крайне неоднородное в мировоззренческом плане явление. Так, поколение молодых людей, формировавшееся в период «Перестройки» и в первые постперестроечные годы, вместе с представителями старшего поколения переживало трудности социально-экономического и политического перехода, слом системы ценностей советского периода, поиск путей и методов реформирования общества в условиях мировоззренческой неопределенности. В этой ситуации первостепенное значение имели «ценности выживания» в противовес ценностям социального целеполагания. Сложившаяся ситуация породила неизбежный кризис идентичности молодежи уже на стадии первичной социализации.

На долю же поколения молодых людей, формировавшегося в первое десятилетие XXI века, выпал, с одной стороны, период относительной социально-экономической стабильности, а с другой, бурный прогресс в области цифровых технологий, что в совокупности предопределило переход от «ценностей выживания» к «ценностям самовыражения» [5, С. 127]. Нельзя сказать, что названные два поколения представляют противоположные полюсы молодежной субкультуры: своеобразным связующим звеном между ними можно признать обоюдное стремление принять участие в определении основных трендов развития демократизирующегося общества на основе рефлексии и критического осмысления советского прошлого.

Как показывают социологические исследования [3], характерный для социально-психологической сущности молодежи нигилизм у поколения 90-х и поколения «нулевых» имеет разную природу. Критичность «детей перестройки» более утилитарна и рациональна: она как правило направлена против конкретных и определенных действий политической элиты всех уровней, затрагивающих жизненные интересы молодежной когорты (экология, образование, проблемы карьерного роста и т.п.). Нигилизм же «детей либеральных реформ»

вызван гораздо более абстрактными факторами: недовольством состояния прав и свобод человека, электоральными процессами, коррупцией в системе государственного управления и т.п.

Онтологическая маргинальность молодежной когорты в совокупности с её внутренней противоречивостью не могут не сказываться и на особенностях формирования политической идентичности данной группы. Характерной чертой этого процесса следует признать поступательное развитие аполитичности в молодежной среде, уход в более прагматичные плоскости собственного бытия. Саморазвитие, самоактуализация и профессиональная самопрезентация для современной российской молодежи гораздо более значимы, чем политическая активность, основанная на осмыслении политических реалий и перспектив.

Опираясь на данные исследований последних лет, можно сделать вывод, что в большинстве своем молодежь в качестве основного политического актора видит государство. В результате характерной чертой политической социализации молодежи становится явный или скрытый патернализм. Молодежь как бы «отдает себя» в руки государства, требуя при этом от него взамен различных социальных преференций, главная из которых – гарантия прав и свобод. В сознании современной молодежи понятия государства и Родины имеют тенденцию к слиянию, что, с одной стороны, укрепляет позиции государства в мировоззренческих установках молодых людей, но с другой, размывает понимание «страны» как целостного феномена, частью которого является молодежь.

Исходя из этого, специфическую окраску в политической идентичности молодежной когорты приобретает ценность патриотизма. Здесь эмоциональный аспект, выраженный в «любви к Родине», явно преобладает над поведенческим, деятельностным. Позиционируя себя в большинстве своем патриотами, молодые люди зачастую занимают позицию созерцателя в процессе практической реализации принципов и идей патриотизма.

Причиной вышеуказанного диссонанса можно признать достаточно размытую цивилизационную идентичность молодежи, что выражается в весьма сумбурном понимании истории страны, её государственного устройства, социально-политических устоев и традиций. «Экранный» характер молодежной субкультуры, особенно в условиях цифрового бума, в значительной степени осложняет процесс самоопределения молодых людей, подчиняя их собственные принципы и убеждения информационным стереотипам. Различные формы гражданской и политической пассивности, включая сознательный абсентеизм, нередко становятся наиболее привычной моделью политической культуры современной российской молодежи.

Немаловажным фактором формирования политической идентичности современной российской молодежи является изменение пропорций значимости различных агентов её политической социализации. С сожалением приходится констатировать, что существенно ослабевает роль семьи в политическом и гражданском воспитании подрастающего поколения. Вызвано это, с одной стороны, тем, что в силу объективной загруженности родителей, им просто не хватает времени и сил на выполнение роли агентов не только политической, но даже и первичной социализации. Но гораздо более серьезной проблемой, на наш взгляд, является тот факт, что сами представители старшего поколения находятся в состоянии социально-политической неопределенности и кризиса индивидуальной идентичности. В результате они методологически не в состоянии помочь своим детям в процессе их гражданского самоопределения.

Подобные проблемы характерны и для образования как агента политической социализации молодежи. «Новые учебники, новые образовательные программы,

«потерянный» в новом «демократическом» пространстве учительско-педагогический состав, сокращение финансирования образования, отсутствие государственного и общественного контроля становятся факторами замены данного агента политической социализации стихийными компонентами» [6, С.20].

В силу указанных причин наиболее значимым агентом, способствующим формированию политической идентичности молодежи в России последних 10-15 лет является Интернет. Однако и здесь сказывается досуговый характер молодежной субкультуры, ориентирующий пользователей мировой сети преимущественно на поиск развлечений или, в лучшем случае, возможностей творческой реализации. Специфика интернета как агента политической социализации молодежи состоит в том, что он формирует в сознании данной социальной группы своеобразную «глобальную» идентичность в ущерб идентичности национально-государственной. Помимо всего прочего, интернет становится достаточно эффективной виртуальной площадкой для зарождения и развития в рамках молодежной когорты различного рода формальных и неформальных субкультур и контркультур.

В итоге можно констатировать, что в процессе политической самоидентификации молодежи наблюдается ярко выраженная дуалистичность, своего рода «гибридная идентичность» [1, С. 17]. С одной стороны, для формирования современной отечественной молодежной субкультуры характерно стремление к индивидуализму, что в итоге приводит к некоторой атомизации и аномии в рамках данного социального сообщества. Однако, с другой стороны, в силу развития сетевых цифровых технологий политическая и гражданская идентичность молодежи в значительной степени зависит от мировоззренческих позиций тех сообществ, с которыми себя стремится ассоциировать молодое поколение. На этом фоне практически теряет свою актуальность этническая, местная и региональная идентичность, исчезает ощущение собственной принадлежности «малой Родине». Как результат наблюдается достаточно активная горизонтальная социальная мобильность в молодежной среде, детерминирующая приток молодых людей в мегаполисы, что, в свою очередь, усложняет и без того непростой процесс формирования их социально-политической идентичности.

1. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 2. С. 15–23
2. Дробизева Л.М. 2020. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 480-498.
3. Коллективный портрет российской молодежи – 2023. Доступ: <https://sociodigger.ru/releases/release/kollektivnyi-portret-rossiiskoi-molodezhi-2023>
4. Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под. ред. Е.Б.Шестопа. М.: Некоммерческое партнерство «Новый хронограф», 2008
5. Расторгуев С.В. Политическая идентичность и политическая культура современной российской молодежи //Власть, 2023, №4
6. Руткаускайте М.В. формирование политической идентичности современной российской молодежи в процессе политической социализации: факторы и агенты. Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. Пермь, 2012

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НЕТИПИЧНОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ИНЖЕНЕРНОГО ВУЗА ДОНСКОГО КРАЯ

*Щербакова Лидия Ильинична
(Южно-Российский государственный политехнический университет(НПИ) имени
М.И.Платова)*

*Червоная Ирина Викторовна
(Южно-Российский государственный политехнический университет(НПИ) имени
М.И.Платова)*

Внимание к формированию профессиональной идентичности и к особенностям профессиональной социализации обучающихся в вузе из числа социальных групп нетипичной молодежи обусловлено актуальной проблемой их социальной интеграции в региональное сообщество, включения в обычные межличностные отношения, расширения прав и возможностей для участия во всех видах социально-экономической жизни. Обеспечение доступности высшего образования для представителей этих групп рассматривается в виде фактора, повышающего образовательные шансы личности с особыми образовательными потребностями. Профессиональные образовательные организации призваны создать условия, сформировать образовательную среду, чтобы в результате обучения – лица, относящиеся к нетипичной молодежи, смогли активно интегрироваться в социум, в первую очередь, как производительная сила и трудовые ресурсы региона проживания - в его базовый социальный институт – в сферу производства некоторых видов товаров и услуг. Традиционно к нетипичной молодежи относят лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), имеющих недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией и препятствующие получению образования без создания специальных условий. В последнее время, и это важно учитывать, в эту категорию попадают и участники специальной военной операции (СВО). Современный анализ нетипичности как свойства личности освещен в работах ряда отечественных исследователей, к примеру, Е. Ярской-Смирнова определяет нетипичность как феномен, обусловленный представлениями общества о социальных ролях и статусе нетипичных личностей. Практика подтверждает, что специалисты с высшим образованием из числа групп нетипичной молодежи успешно трудятся в экономических и плановых подразделениях предприятий, в отделах по разработке программного обеспечения и информационных технологий, при диспетчеризации отдельных логистических и технологических процессов, чаще всего им свойственна удаленная работа на дому или частичная занятость. В данном контексте принимается во внимание в целом демографическая проблема воспроизводства молодых инженерно-технических кадров и принятый курс на обновление профессионального образования с целью преодоления кризисных характеристик высшего инженерно - технического образования, которые привели к утрате к нему доверия, кадровому голоду в реальном секторе производства. Актуальность темы обусловлена также потребностью адаптации молодежи к быстроменяющимся условиям интеграции в профессиональную среду рынка и занятости, готовности к постоянному обучению, профессиональному росту. Кроме этого, профессиональная социализация нетипичной молодежи в инженерно-технической сфере является важным аспектом достижения социально-профессионального равенства всех социальных групп.

Для успешной профессиональной социализации обучающихся из числа нетипичной молодежи важным является, с одной стороны, социально-образовательная среда университета, социальное окружение, атмосфера доверия и помощи, а, с другой - и сами обучающиеся обязаны преодолеть чувство иждивенчества, быть активными субъектами-

актерами образовательной, научной и социальной активности. Только доверительные субъект-субъектные отношения повлияют на эффективность и результативность профессиональной социализации. Понимая многоаспектность работы по профессиональной социализации нетипичной молодежи, в первую очередь, мы делаем акцент на социокультурную составляющую ее социального портрета, отражающую структуру ценностного ядра, развитие личностных характеристик, духовность, патриотизм и гражданственность. Наряду с этим, немало важное значение имеет развитие в процессе образования лидерских качеств, коммуникативных способностей, критического мышления, способности и готовности к саморазвитию и самоорганизации. Для обучающихся из числа нетипичных групп молодежи в соответствии с принципами инклюзивного образования в вузе сформирована институциональная среда, приняты соответствующие локальные нормативные акты, во все основные образовательные программы включены разделы, предусматривающие особые условия организации инклюзивной образовательной деятельности, оборудованы зоны учебных кабинетов и объектов для проведения практических занятий, разработаны электронные образовательные ресурсы, оборудованы объекты спорта и воспитания, обеспечена доступность к библиотечным, информационным системам, информационно-телекоммуникационным сетям ресурсам, оборудованы доступы в корпуса университета, приспособленные для использования инвалидами и лицами с ОВЗ, приобретены для них специальные технические средства обучения коллективного и индивидуального пользования. Опираясь на теоретические подходы социализационных теорий, можно условно выделить два основных этапа профессиональной социализации нетипичной молодежи в университет: на младших курсах - период профессиональной адаптации, второй этап на старших курсах - формирование основ профессиональной идентичности: освоение профессиональных дисциплин, интериоризация правил и норм, компетенций и готовностей к самостоятельному осуществлению профессиональной деятельности. На каждом этапе активно используются распространенные социально-образовательные практики: встречи с представителями местной администрации и работодателями на Днях открытых дверей, Ярмарках вакансий, на которых уточняется возможности трудоустройства, методы социальной защиты и поддержки лиц с ОВЗ; профессиональные опросы, в процессе которых, основываясь на психологических и медицинских показаниях - уточнение готовности к самостоятельной профессиональной деятельности. Для эффективности данного процесса выделены научно-педагогические работники и тьюторы, владеющие специальными методами обучения и воспитания, внедрена система индивидуального наставничества студентов старших курсов над младшекурсниками. Каждый этап укрепляет мотивирующее начало обучающихся, их видение роста в профессии, реализации профессиональных планов и основ формирования профессиональной культуры.

На наш взгляд, опыт социокультурной и организационной деятельности нацелен на формирование у обучающихся из групп нетипичной молодежи представлений о широких возможностях, праве выбирать свой жизненный и профессиональный путь: принимать активное участие в жизни общества, приносить посильную пользу в процессе профессиональной деятельности, либо предпочесть защищенность и уединение, а не обязанность, поскольку они пользуются набором льгот и преимуществ со стороны государственных органов социальной защиты.

Известный лозунг о том, что будущее начинается с профессии, при подобном подходе приобретает практическое звучание.

Формирование профессиональной идентичности студентов из числа нетипичной молодежи и их профессиональная социализация напрямую коррелирует с социокультурной обстановкой в вузе, ценностными характеристиками и менталитетом обучающихся. Уже подчеркивалась необходимость индивидуального личностного подхода к каждому из них. В университете ориентиром для формирования духовно-нравственных основ, патриотизма и гражданственности являются история, традиции, духовное наследие Донского казачества.

Механизмами для решения данных насущных проблем в работе с нетипичной молодежью стала деятельность федеральной инновационной площадки университета по обновлению инженерного образования на духовных традициях и истории Донского казачества, пример участников Платовской сотни, членство в Ассоциации казачьих вузов России, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной республики.

Духовное наследие казачества, его традиции и культура ориентируют на службу Отечеству, патриотизм, гражданственность, ответственность при выполнении профессиональных функций. Социокультурный анализ смыслового пространства образовательной среды стал исследовательским ресурсом для выявления новых возможностей социально-профессионального потенциала нетипичных групп молодежи, связанного с внутренними потребностями и готовностью трансформировать ценностные и культурные установки в ответ на новые вызовы времени и спроектировать возможные поведенческие стратегии в профессиональной среде и в социуме: активная, пассивная, агрессивная. Особой патриотической атмосферой отличаются мероприятия в студенческих группах, раскрывающие героический подвиг участников СВО, в их числе посвященные памяти выпускника ЮРГПУ(НПИ), члена Платовской сотни Сони́на М.В., добровольца казачьего батальона «Дон», погибшего в ходе Специальной военной операции, защищая территорию Луганской Народной Республики. Существенный вклад в духовное воспитание нетипичной молодежи вносят представители православных учреждений, которые предпочитают индивидуальную работу с каждым, а в процессе публичных встреч затрагивают вопросы важности православного воспитания в семье, характеристике духовных угроз и способах противодействия им, духовной безопасности и духовного поиска.

На площадке научно-исследовательского института истории казачества и развития казачьих регионов, опираясь на основы теории социологии жизни Ж.И.Тощенко, систематически анализируется динамика обновления условий жизненного мира обучающихся, их потребности, ценностные ориентации, предпочтения в трудоустройстве и занятости в профессиональной среде. Институциональный подход и социокультурный анализ позволяют оперативно объяснять и корректировать востребованность изменений локальных актов и организационных структур для формирования смыслового пространства образовательной среды университета, комфортного пребывания лиц с ОВЗ.

Если выделить перспективные задачи повышения результативности и эффективности обновления мероприятий по формированию профессиональной идентичности и профессиональной социализации нетипичной молодежи, то в укрупненном виде – это упор на связь с решением практических задач и сближение с потребностями промышленного производства в контексте видов занятости и трудовых функций, выполнение которых под силу студентам со специфическими медицинскими, образовательными и профессиональными потребностями, внедрение для данной категории обучающихся индивидуальных образовательных программ, персонализация и индивидуализация образовательных траекторий, гибкость, непрерывность, открытость и профессионализм, обеспечивающие успешную адаптацию выпускников из числа нетипичной молодежи в профессиональную среду.

Секция 10: Инновации в социальной работе: перспективы и реалии

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УСЛУГ ДОЛГОВРЕМЕННОГО УХОДА И РЕАБИЛИТАЦИИ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ И ИНВАЛИДОВ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

*Старшинова Алевтина
(Уральский федеральный университет, Санкт-Петербургский государственный
университет)*

*Архипова Елена Борисовна
(УрФУ, СПбГУ)*

*Исследование выполнено в СПбГУ при поддержке РНФ, Проект
№ 24-18-00542 «Экосоциальная модель социального государства в
России: концептуальные основы, дискурсы, институты»*

Аннотация. Рассматриваются основные общественные процессы в России, формирующие запрос на новый подход к организации социальных услуг пожилым и инвалидам, нуждающимся в долгосрочном уходе и реабилитации. Определены направления исследований, позволяющие сформировать представление о реальных потребностях потенциальных получателей таких услуг и появляющихся новых возможностях в условиях изменений государственной политики для оказания помощи и предоставления услуг.

Ключевые слова: долгосрочный уход, деинституционализация услуг для пожилых и инвалидов, интеграция медицинских и социальных услуг, реабилитация, семейный уход, социальное инвестирование.

Общественная потребность в развитии современной системы долгосрочных социально-медицинских и реабилитационных услуг для социально-уязвимых общественных групп в России определяется совокупностью социальных и социально-демографических факторов, среди которых следует отметить тенденции увеличения темпов роста старения населения в России, в частности наиболее возрастной группы (после 80 лет), а также ожидаемое увеличение группы людей, имеющих инвалидность из числа участников вооруженных конфликтов [7; 8]. Услуги долгосрочного ухода предназначены гражданам, утратившим частично или полностью способность к самообслуживанию и нуждающимся для осуществления своей повседневной жизнедеятельности в посторонней помощи, а также услуги, связанные с реабилитацией людей с инвалидностью. Проблема формирования отечественной модели услуг долгосрочного ухода пожилым людям и реабилитации инвалидов предполагает несколько актуальных аспектов исследования. Во-первых, сложившаяся прежде государственная система жизнеустройства одиноких пожилых людей и инвалидов подлежит модернизации. Стационарные формы социального обслуживания этой группы нуждающихся в социальной поддержке людей до недавнего времени преобладали, но в настоящее время становятся все менее соответствующими современным стандартам с точки зрения сложившейся инфраструктуры. В техническом отношении образующие инфраструктуру социальные учреждения интернатного типа устарели, их

необходимо реконструировать или построить новые учреждения, рассчитанные на малые формы совместного проживания, оснащенные и сконструированные под потребности людей с ограниченными возможностями, создавая для них условия для более комфортной жизни. В то же время в России, как и во многих других социальных государствах, столкнувшихся с ростом общественных запросов на удовлетворение социальных нужд и возрастанием расходов на реализацию масштабных социальных программ, осуществляется поиск новых способов к решению социальных вопросов [4]. В этой связи приобретает актуальный характер изучение возможностей отечественных региональных практик, развивающихся в процессе происходящих институциональных изменений в социальной сфере, и формирующейся государством политики социального инвестирования [1]. Анализ практик, вследствие которых складывается диверсифицированная система совместного производства общественных благ, позволяет составить представление о способах привлечения негосударственных и в этом смысле частных ресурсов для решения социальных проблем, в том числе для модернизации инфраструктуры социального обслуживания, а также проанализировать новые механизмы их реализации. Во-вторых, инклюзивный характер современной государственной социальной политики в отношении социально-уязвимых общественных групп усиливает внимание к деинституционализации социально-медицинского обслуживания и предполагает увеличение доли семейных форм их проживания, а также предоставления услуг долгосрочного ухода в домашних условиях, которые являются более желательными и комфортными для людей с ограничениями физического и ментального здоровья, нуждающихся в поддержке со стороны ближайшего социального окружения. К тому же с экономической точки зрения такая система долгосрочного ухода способствует оптимизации государственных расходов, являясь более эффективной. Однако изменения семейных отношений, трудовая занятость женщин, увеличение одиноко проживающих пожилых людей и инвалидов затрудняют реализацию обозначенного подхода. Поэтому необходимо исследование условий, формирующих в соответствии с обозначенными подходами альтернативные модели долгосрочного ухода, не отменяя институциональных форм, но стимулирующих семейный, неформальный долговременный уход, а также смешанные модели, включая такие черты, как платность услуг в предусмотренных законодательством случаях, назначение денежных пособий членам семей, осуществляющих уход, введение ваучеров, обеспечивающих выбор поставщика услуг и формы обслуживания, и другие. Изучение готовности потенциальных участников семейных/неформальных моделей к реализации долговременного ухода и реабилитации также составляет один из важных исследовательских вопросов. Наконец, третий актуальный аспект исследования обозначенной проблемы состоит в том, что долговременный уход, включая реабилитационные услуги, предполагает комплексный подход к предоставлению услуг, в том числе интеграцию медицинского и социального обслуживания, и междисциплинарную команду [5;6].

С целью изучения готовности медицинских и социальных учреждений и организаций к сотрудничеству в рамках интегративной модели были проведены пилотажные интервью среди специалистов Свердловского областного клинического психоневрологического госпиталя ветеранов войн (2 интервью) и КЦСОН Октябрьского района г. Екатеринбурга (1 интервью). Анализ полученных результатов свидетельствует, что процесс реабилитации в данных организациях имеет комплексный характер, однако осуществляется параллельно, и даже независимо друг от друга. Госпиталь специализируется исключительно на ветеранах боевых действий, которые обращаются для прохождения лечения и обследования. В рамках мульти бригадного подхода с клиентами работают лечащий врач, врач-психиатр, медицинский психолог, врач ЛФК, физиотерапевт

и специалист по социальной работе. Главной проблемой является сложность в подтверждении статуса ветерана войн. Согласно закону РФ «О ветеранах», не все участники боевых действий являются ветеранами, в исключение попадают участники событий в Нагорном Карабахе и Осетино-Ингушского конфликта.

В качестве клиентов КЦСОН за услугами обращаются не только ветераны боевых действий (согласно Федеральному закону РФ № 5 «О ветеранах»), но и члены их семей. Ввиду того, что сами ветераны зачастую не готовы признавать наличие проблем, которые препятствуют их полноценной социальной адаптации к гражданской жизни и реабилитации, в социальные учреждения обращаются преимущественно проживающие с ними родственники. Основная работа выстраивается через психологическую службу, включая клинических психологов, с привлечением специалистов других организаций, например, для обеспечения клиентов необходимыми техническими средствами реабилитации.

Проблема развития интегративной модели заключается в том, что в настоящее время медицинское и социальное обслуживание характеризуется институциональной раздробленностью, эти направления деятельности подчинены разным ведомствам (органам управления), источники их финансирования аккумулированы в разных целевых фондах, профессиональная подготовка специалистов, способных работать в командах, осуществляющих услуги долговременного ухода, пока не ориентирована на сотрудничество медицинских и социальных работников.

Таким образом, изучение способов преодоления отмеченных противоречий и барьеров развития российской модели долговременного ухода и реабилитации как системы услуг пожилым и инвалидам, нуждающимся в социальной помощи, образует фокус актуальных исследовательских вопросов на запрос о формировании новых подходов к реализации современной государственной социальной политики.

1. Бородкина О. И., Старшинова А. В., Архипова Е. Б. Социальное инвестирование: проблемы и стратегии развития // *Terra Economicus*. 2022. № 20(2). С. 99–110. DOI: [10.18522/2073-6606-2022-20-2-99-110](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-2-99-110)

2. Гармаева А. Б., Сененко А. Ш. Организация межведомственного взаимодействия при оказании медицинской и социальной помощи гражданам пожилого и старческого возраста. Аналитический обзор // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2020. Т. 66. №. 1. С.1-49.

3. Гундаров И. А., Пономарева Е. Г., Левашова М. А. Новая стратегия медико-социальной работы в управлении индивидуальными рисками здоровью // *Медико-социальная работа: теория, технологии, образование: материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (25 марта 2021 г.) / отв. ред. А. В. Мартыненко*. – М.: Либри Плюс, 2021. - С.10-18.

4. Зубаревич Н.В., Горина Е. А. Социальные расходы в России: федеральный и региональные бюджеты. М.: НИУ ВШЭ, 2015. – 63 с.

5. Мартыненко А. В., Королев М. А. Социальные работники о совершенствовании медико-социальной помощи в организациях социального обслуживания населения // *Социальная политика и социология*. 2021. №20(3). С. 118–125. DOI: [10.17922/2071-3665-2021-20-3-118-125](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-3-118-125)

6. Судьин С.А. Психическое здоровье как предмет социологии // *Ментальное здоровье – интеграция подходов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции Нижний Новгород, 10–11 декабря 2019 г.* Нижний Новгород: Издательство Приволжского исследовательского медицинского университета, 2020. - С. 159–166.

7. Фирсов М. В., Вдовина М. В. Социальная помощь в условиях старения населения: сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта // *Социальная политика и социология*. 2021. №20(3). С. 165–172. DOI: [10.17922/2071-3665-2021-20-3-165-172](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-3-165-172)

8. Шестакова Е. Е. Старшее общество: в поисках оптимальной модели долгосрочного обслуживания // *Вестник Института экономики РАН*. 2017. №4. С.45–59.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМ СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СЕМЕЙ УЧАСТНИКОВ СВО

Добрицкий Валерий Ярославович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы совершенствования системы социального сопровождения членов семей участников СВО. Представлены направления межведомственного взаимодействия и формы социального сопровождения семей участников СВО.

Ключевые слова: семьи участников СВО, формы социального сопровождения, социальный куратор, межведомственная команда.

Комплексная поддержка участников специальной военной операции (СВО), членов их семей является одним из важнейших направлений работы органов социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания Санкт-Петербурга. В основе организации социальной поддержки членов семье участников СВО применяется комплексный подход с учетом индивидуальных запросов и потребностей граждан [1].

Для обеспечения деятельности социального сопровождения участников СВО и членов их семей в Санкт-Петербурге определены нормативно-правовыми актами основные понятия и термины.

«Участники СВО – это лица, непосредственно принимающие (принимавшие) участие в СВО на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины из числа военнослужащих, указанных в распоряжении Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга» [3].

«Члены семьи участника СВО – супруг(а), родители, усыновители, несовершеннолетние дети участника СВО, а также. Дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения, в том числе усыновленные, опекаемые, приемные, пасынки и падчерицы, лица, находящиеся на иждивении участника СВО» [3].

В городе сформирована эффективная система социальной поддержки участникам СВО и членам их семей: городском уровне и районном уровне. На районном уровне организована и проводится работа по социальной поддержке и социальному сопровождению участников СВО и членов их семей. В отделы социальной защиты администраций районов Санкт-Петербурга из военного комиссариата Санкт-Петербурга и его отделов (военкоматов) по районам поступает информация о мобилизованных гражданах и их семьях. Специалисты проводят оценку ситуации семей участников СВО и передают информацию в подведомственные учреждения.

Социальное сопровождение участников СВО и членов их семей в Санкт-Петербурге определено как «деятельность по оказанию содействия в получении медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи, не относящейся к социальным услугам, путем привлечения организаций, предоставляющих такую помощь на основе межведомственного взаимодействия» [3].

Социальное сопровождение семей участников СВО осуществляют районные учреждения социального обслуживания населения (далее – Учреждения). Учреждения оказывают срочную, натуральную помощь, содействуют в организации культурно-досуговых мероприятий с членами семей участников СВО, оказывают при необходимости

срочную психологическую помощь, содействуют в трудоустройстве, предоставлении необходимой социальной помощи.

За каждой семьей участника СВО закрепляется социальный куратор и ведется социальный паспорт.

Социальный куратор заполняет и ведет в электронном виде в автоматизированной информационной системе «Электронный социальный регистр населения Санкт-Петербурга» социальный паспорт участника СВО, который содержит информацию об участнике СВО и членах его семьи, данные о полученных мерах социальной поддержки, комплекс мероприятий, которые требуются для преодоления обстоятельств, ухудшающих или могут ухудшить условия их жизнедеятельности, а также результаты работы.

Количество семей участников СВО на одного социального куратора по опыту работы должно составлять 15 – 20 семей, в зависимости от сложности проблем и, соответственно, уровнем интенсивности работы и вмешательства.

Социальное сопровождение семей участников СВО осуществляется на основе разработанных индивидуальных программ предоставления социальных услуг и плана социального сопровождения.

Социальное сопровождение семей участников СВО в Санкт-Петербурге требуется осуществлять в двух основных формах: комплексное социальное сопровождение и социальное посредничество. Выбор конкретной формы определяется индивидуальными обстоятельствами каждой семьи, уровнем их потребности в помощи и необходимой интенсивностью взаимодействия специалистами.

Комплексное социальное сопровождение – это наиболее интенсивный и трудоемкий формат работы, применяемый в экстренных ситуациях и при наличии сложных, кризисных обстоятельств в семье участника СВО. В этом случае социальный куратор взаимодействует с семьей не реже одного раза в неделю, обеспечивая постоянную поддержку и координацию в решении возникающих проблем.

Важно отметить, что кризисная ситуация охватывает широкий спектр проблем, включая, но не ограничиваясь: финансовые проблемы (потеря кормильца, сложности с оформлением выплат и пособий), психологические расстройства у членов семьи (депрессия, тревожность, посттравматическое расстройство), юридические вопросы (оформление документов, защита прав), проблемы со здоровьем (организация медицинской помощи, реабилитация), проблемы с детьми (обучение, воспитание, психологическая адаптация), бытовые трудности (ремонт жилья, обеспечение продуктами питания и предметами первой необходимости). Это форма поддержки проходит в несколько этапов.

1) Подготовительный этап. Начинается с информирования участников СВО и членов их семей о доступных мерах социальной поддержки. Информация распространяется через различные каналы: портал государственных услуг Санкт-Петербурга, многофункциональные центры, а также посредством информационных кампаний в СМИ и социальных сетях.

Важно отметить, что информирование должно быть в доступной для членов семьи форме, с использованием простых понятий, учитывающих психоэмоциональное состояние семей участников СВО. Социальный куратор проводит подробную консультацию, разъясняя все возможности мер социальной поддержки, виды социального обслуживания и сопровождения, мотивирует членов семьи на сотрудничество, а также дополнительные меры поддержки, предусмотренные как на федеральном, так и на региональном уровнях [2].

После первичной консультации проводится комплексная диагностика ситуации в семье, включая оценку материального положения, состояния здоровья каждого члена

семьи, психологического климата и наличия юридических проблем. На основе этой диагностики, совместно с семьей, разрабатывается индивидуальный план социального сопровождения, определяющий конкретные цели, задачи, сроки и ожидаемые результаты на каждом этапе работы. Этот план должен быть гибким и адаптируемым к изменяющимся обстоятельствам.

2) Основной этап. Это непосредственно реализация индивидуального плана социального сопровождения. Социальный куратор оказывает практическую помощь в решении выявленных проблем, координируя взаимодействие с другими специалистами и организациями (медицинские учреждения, юридические консультации, образовательные учреждения, благотворительные фонды и др.). Это может включать помощь в оформлении документов, поиске работы, организации реабилитации, психологической поддержки, материальной помощи и другие меры. Регулярные встречи с семьей участников СВО позволяют отслеживать динамику изменений, вносить коррективы в план сопровождения и адаптировать его к текущим потребностям.

3. Завершающий этап. По завершении реализации программы социального сопровождения совместно с членами семьи участника СВО проводится оценка результатов социального сопровождения. Социальный куратор дает рекомендации на дальнейшее взаимодействие.

Социальное посредничество – менее интенсивный формат работы, используемый в случаях, когда семейная ситуация устойчива и не нуждается в постоянном наблюдении и сопровождении. Социальный куратор оказывает помощь в решении конкретных возникающих задач, например, в оформлении документов или получении требуемой информации. Взаимодействие с семьей в этом случае происходит по необходимости, при возникновении потребностей, а не по установленному графику.

Важно отметить, что эффективность системы социального сопровождения семей участников СВО зависит от множества факторов, включая квалификацию специалистов, наличие необходимых ресурсов, эффективное взаимодействие между разными ведомствами и организациями. Для повышения эффективности необходимо постоянное совершенствование методов работы, развитие системы повышения квалификации специалистов, обеспечение доступности информации и усиление межведомственного взаимодействия.

Особое внимание следует уделять предотвращению профессионального выгорания социальных кураторов, занимающихся с семьями участников СВО. Необходимо обеспечить им достаточную психологическую поддержку и профессиональную подготовку. Кроме того, важно учитывать индивидуальные потребности каждой семьи участников СВО и разрабатывать реалистичные программы социального сопровождения. Только в этом случае можно достичь максимально эффективных результатов и обеспечить качественную социальную поддержку семей участников СВО.

1. *Комплексная реабилитация участников специальной военной операции на Украине: дайджест январь-февраль 2023 / Т. И. Бонкало. – М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://niioz.ru/moskovskaya-medsina/izdaniya-nii/dayzhest-medsinskiy-turizm-i-eksport-medsinskikh-uslug> (дата обращения: 15.09.2024).*
2. *Мотивирование ветеранов боевых действий, принимавших участие с специальной военной операции, и членов семей погибших при выполнении задач в ходе специальной военной операции к обращению за психологической помощью: Методические рекомендации. – / Баева А.С., Булыгина В.Г., Долгих А.Г., Киселева М.Г., Фадеева Е.В./ 2023. – 23с. [Электронный ресурс]. URL: https://psy.su/content/files/2_5425096628937704289 (дата обращения: 15.09.2024).*

3. *Распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 5.04.2024 №368-р «Об утверждении Порядка организации работы по социальному сопровождению участников специальной военной операции и членов их семей организациями социального обслуживания населения, находящимися в ведении исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/documents> (дата обращения: 15.09.2024).*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ И АБИЛИТАЦИЯ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ОГБУ «МНОГОПРОФИЛЬНЫЙ ЦЕНТР РЕАБИЛИТАЦИИ»)

*Ерохина Оксана Александровна
(ОГБУ "Многопрофильный центр реабилитации")*

Аннотация. В статье описан опыт работы ОГБУ «Многопрофильный центр реабилитации» по социокультурной реабилитации и абилитации пожилых граждан. Подробно проанализирована работа студий и направлений, проведен количественный и качественный анализ.

Люди, достигшие пожилого возраста, нуждаются в общении, в реализации своего неистраченного жизненного потенциала, творческих возможностей. Социально-культурная деятельность является одним из способов адаптации пожилых людей, в процессе которой удовлетворяются духовные потребности и реализуются творческие способности. Такая деятельность положительно влияет на социально-психологическое состояние людей пожилого возраста.

Досуг и отдых являются важными в жизни людей пожилого возраста, особенно, когда их участие в трудовой деятельности затруднено. Досуг должен быть направлен на ускорение развития внутренних психологических процессов людей пожилого возраста, создание жизненного тонуса и смысла. Цель социально-культурной деятельности – организация целесообразного и содержательного досуга пожилых людей, удовлетворение и развитие культурных потребностей, создание условий для самореализации личности, раскрытия способностей, самосовершенствования и творчества в свободное время. Социально-культурная деятельность людей пожилого возраста, прежде всего, формируется на расширении самостоятельных связей с социальной средой. Для организации досуга и отдыха пожилых людей основными направлениями работы могут быть физические упражнения, садоводство и огородничество, экскурсии, прогулки, посещение кинотеатров, концертных залов, выставок, чтение книг, просмотр телепередач, встречи с родственниками и друзьями, уход за животными, где вовлечение пожилых людей в общественную работу играет важную роль. [1, 168]

В ОГБУ «Многопрофильный центр реабилитации» уделяется особое внимание организации досуга и отдыха пожилых граждан.

В учреждении функционирует 11 клубов и кружков, которые имеют различную направленность и позволяют каждому получателю услуг выбрать занятие по душе.

Студия декоративно-прикладного творчества «Деко».

Декоративно-прикладное творчество является одним из основных звеньев реабилитации и видом профориентации, который помогает людям старшего поколения приобрести новые трудовые навыки.

Направления работы студии:

- валяние из шерсти;
- изделия из фоамирана;
- вязания крючком;
- фриволите;
- бисероткачество;
- вышивка лентой;
- набойка по ткани;
- вязаная игрушка;

роспись глиняной игрушки;
лепка;
текстильная пластика;
декупаж;
живопись акрилом;
витражи;
декоративные украшения.

Работы участников студии принимают участие в городских и областных выставках. Руководители студии талантливые народные мастера.

Успешно работает программа проведения мастер-классов по изготовлению украшений и элементов декора в различных техниках и с использованием традиционных и современных материалов. Проводятся мастер-классы: в технике «бисероткачество» - изготовление женских украшений – гердан; флористика из фоамирана и в технике конзаши; роспись по ткани – «батик», а также в старинной традиционной технике нанесения рисунка на ткань при помощи деревянной печатной доски с рельефным орнаментом – «набойке»; изготовление картин в технике «шерстяная акварель» (сухое валяние), а также изготовление предметов декора в технике «декупаж», «лоскутное шитье», «сухое валяние»;

Изо-студия предусматривает развитие пространственного воображения, творческих способностей и формирование эстетической культуры детей. Получатели услуг применяют следующие виды творчества: живопись, акварель, лепка из различных материалов, скульптурная глина, игрушка из фоамирана и фетра.

Студия танца и хореографии. Занятия позволяют снять зажатость, избавиться от комплексов и стеснительности, укрепить здоровье через совершенствование мышечно-двигательного аппарата и сердечно-сосудистой системы, развить кругозор и художественный вкус. Основной задачей танцетерапии является поддержка пожилых людей в их активности, спонтанности, творчестве с той целью, чтобы они научились замечать свое тело, ощущения, научились чувствовать свой мышечный тонус, вернуть интерес к танцам, помочь найти ресурсные состояния, что является важным для снятия психоэмоционального напряжения.

В студии инклюзивного танца «Тандем» и студии хореографии «Ритм» обучаются люди с ограниченными возможностями здоровья и люди пожилого возраста. Эти коллективы являются лауреатами международных, всероссийских фестивалей и конкурсов.

Занятия в студии «Художественное слово» направлены на то, чтобы устранить некоторые дефекты речи, развивать память, логику и внимание, не стесняться быть в центре внимания, преодолеть страх публичных выступлений, погружаться в среду непрерывного творчества и позитивных мыслей и эмоций, развивать креативное мышление, самостоятельность, а так же помогают гражданам пожилого возраста не только понять и оценить красоту родного языка и богатство нашей литературы, но и красиво и правильно говорить.

Участники группы с легкостью и пониманием выполняют задачи, на ориентацию на сценическом пространстве или сочинение и постановка пластического актерского этюда, сценки, пантомимы.

Театральная студия «Афишка» - это занятия актерским мастерством, которые открывают целый спектр направлений в развитии, что является одним из самых важных факторов реабилитации и абилитации граждан.

Работа над единой целью, такой как создание театральной постановки, пантомимы, миниатюры и других видов сценического искусства, объединяет коллектив. Участники находят способы коммуникации и взаимодействия друг с другом, научаются наблюдать за

окружающим миром, быть более внимательными к мелочам, чтобы впоследствии отобразить это в создании сценического номера. Также взаимодействие в коллективе друг с другом у студийцев развивает внимательность и чувство партнера. Это необходимое условие для качественной работы на сценической площадке.

Одним из самых важных факторов реабилитации на занятиях театральной студии «А-Фишка» является и психологическая реабилитация. Благодаря работе с эмоциональной сферой и публичным выступлениям, участники начинают изучать и анализировать свой внутренний мир, развивают самоконтроль и способы управления эмоциями.

В нашем Центре было поставлено большое количество спектаклей, пантомим, театральных сцен, которые неоднократно становились призерами различных конкурсов и фестивалей.

Вокалотерапия – одно из направлений процесса реабилитации людей пожилого возраста. Использование вокалотерапии основано на вибрационном воздействии звука на основные системы: дыхательную, сердечно-сосудистую, нервную, пищеварительную, иммунную. В результате занятий у человека улучшается настроение, укрепляется иммунитет, повышается устойчивость к стрессу, активизируются восстановительные резервы организма. [4, 11]

Индивидуальные занятия предполагают постановку голоса, развитие индивидуальных вокальных данных, подбор репертуара, участие в концертных и конкурсных программах.

В нашем центре работает музыкальная студия «Ремикс» под руководством опытного педагога Анатолия Алексеевича Шудренко.

Занятия проходят в индивидуальном формате, к каждому участнику руководитель находит свой подход, учитывающий личные особенности человека и его вокальные способности. Получатели услуг, занимающиеся в студии вокала неоднократно участники и лауреаты конкурсов и фестивалей самодеятельного творчества, так же они принимают участие в концертах, которые проходят в стенах нашего Центра.

Занятия в студии компьютерной грамотности «Андроид» и занятия по курсу «Со смартфоном на «Ты» направлены на обучение представителей старшего поколения навыкам безопасного пользования интернетом, компьютером, смартфоном для улучшения качества жизни. Пожилым людям важно всегда быть на связи со своими родственниками, общаться друг с другом, обмениваться новостями, монтировать простые видео. Всему этому можно научиться на занятиях в наших студиях.

Пожилые граждане активно занимаются в студиях и кружках Центра. За 2023 год в нашем Центре прошли реабилитацию 531 гражданин данной категории, за первое полугодие 2024 года – 293 гражданина. В клубах и студиях по интересам в 2023 году и первом полугодии 2024 года было задействовано больше половины человек от общего количества, прошедших реабилитацию в Центре. Среди данной категории граждан сотрудниками центра было проведено анкетирование для изучения их запросов и интересов, досуговых предпочтений. Результаты анкетирования положительны. Так, например, на вопрос о том, как граждане пожилого возраста проводят свободное время большая часть (53%) ответили, что посещают занятия в кружках художественной самодеятельности. На вопрос о потребности посещения клубов, библиотек, ДК и т.д., положительный ответ дали 68 % респондентов. На вопрос о частоте посещения клубов, ДК, библиотек и т.д., большинство склонилось к ответу – посещаю раз в месяц (51%). Оценивая работу учреждений, большинство выбрало ответ 7 баллов (71%) из 9 возможных. Таким образом, проведя данное анкетирование, мы можем отметить положительный настрой пожилых граждан по организации досуга.

Большое внимание уделяется проведению физкультурно-оздоровительных мероприятий для старшего поколения. Это не только занятия в тренажерном зале под руководством опытного специалиста, скандинавская ходьба, но и проведения спортивных эстафет. Соревновательный процесс очень нравится получателям услуг, они принимают в них активное участие. Спортивные эстафеты проводятся в Центре на постоянной основе. Доля получателей услуг, охваченных спортивно-оздоровительными мероприятиями, составляет 60 % от общего числа получателей услуг за 1 полугодие 2024 года.

В центре проводится большое количество культурно-массовых мероприятий (праздников, фестивалей, литературных вечеров, участие в выставках, конкурсах, проведение мастер-классов). Учреждение принимает участие в мероприятиях Международного, Федерального, Областного, Муниципального уровней, а так же ежегодно проводит фестиваль самодеятельного творчества пожилых граждан и инвалидов «Верю в себя». Творческие коллективы Центра неоднократно являются призерами и лауреатами многих фестивалей и конкурсов.

В период 2023 г. - 1 полугодие 2024 года было принято участие в следующих мероприятиях:

- международного уровня – 2;
- федерального уровня – 8;
- областного уровня - 3;
- муниципального – 55.

Организовано культурно-досуговых мероприятий:

- концерты – 52;
- экскурсии – 41;
- конкурсno - игровые программы – 60;
- мастер-классы – 88;
- выставки- 12;
- литературные мероприятия – 22.

В среднем посещаемость мероприятий и участие в конкурсах и фестивалях составляет в 2023 году – 64% от общего числа граждан получивших услуги, в 1 полугодии 2024 года – 68 % от общего числа.

В центре на постоянной основе реализуются проекты, в которых участвуют где граждане пожилого возраста (93 % от общего числа получателей услуг).

Реализуемые проекты:

Проект интеллектуальных игр «Игры разума».

Проект волонтерского движения «Шаги добра» (совместно с НИУ «БелГУ»).

Проект «Профилактика когнитивных расстройств лиц пожилого и старческого возраста».

Проект «Бабушкины сказки».

Проект Социальная реабилитация и адаптация пожилых граждан и инвалидов с помощью зоотерапии «Живое тепло».

Проект «Доступный мир реабилитации».

Проект «Домашняя теплица».

Проект «Джинсовая Русь».

Проект «Литературные вечера».

Проект Виртуальный туризм «Мир в твоих глазах».

Проект по декоративно-прикладному творчеству «Женская романтика».

В 2024 году наш центр участвовал в конкурсе на получение гранта от Фонда Елены и Геннадия Тимченко. Так же получатели услуг Центра стали лауреатами Международного

военно-патриотического многожанрового фестиваля-конкурса «Победный каскад», инклюзивном конкурсе искусств «Особые таланты-2024», Всероссийском фестивале-конкурсе исполнительских искусств «Водопад искусств», IV всероссийском творческом конкурсе ко дню великой победы «Великая победа великого народа».

Деятельность Учреждения направлена на совершенствование, развитие и расширение процесса реабилитации вне зависимости от внешних обстоятельств. Мы активно сотрудничаем с общественными организациями, работающими с инвалидами и пожилыми гражданами, а также с учреждениями культуры, образования и спорта. Так, например, получатели услуг нашего центра являются активными участниками БРОО «Серебряные волонтеры Белгородчины». В качестве волонтеров они задействованы в фестивале самодеятельного творчества пожилых граждан и инвалидов «Верю в себя», так же участвуют в проведении мастер-классов по декоративно-прикладному творчеству. Волонтеры НИУ БелГУ оказывают помощь в проведении фестивале самодеятельного творчества пожилых граждан и инвалидов «Верю в себя» и сопровождают пожилых получателей услуг Центра на экскурсиях.

ОГБУ «Многопрофильный центр реабилитации» проводит большое количество культурно-досуговых мероприятий с общественными организациями (ВОИ, ВОГ, ВОС): концерты, посвященные знаменательным датам (День защитника Отечества, Международный женский день, День Победы, Новогодние огоньки, бенефисы участников вокального коллектива), экскурсии, посещение выставок, проведение мастер-классов.

ОГБУ «Многопрофильный центр реабилитации» широко использует в своем арсенале проведение занятий в дистанционном формате, реализация проектов («Онлайн психолог», «Виртуальный туризм», «Доступный мир реабилитации»).

ОГБУ «Многопрофильный центр реабилитации» осуществляет свою деятельность путем реализации и внедрения современных социальных технологий, которые позволяют организовать разносторонний реабилитационный процесс с учетом индивидуальных особенностей каждого получателя услуг.

1. *Галанова, В. В. Особенности социально-культурной деятельности с пожилыми людьми / В. В. Галанова, Л. Р. Логачева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 45 (179). — С. 168-170. — URL: <https://moluch.ru/archive/179/46413/> (дата обращения: 25.09.2024).*
2. *Тихановская, Г.С. Культурно-досуговая программа как объект научного анализа // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. №36. С. 231-236.*
3. *Сергеев, Н.К. Художественно-творческие методы и технологии в социальной работе. М.: Перемена, 2006. 224 с.*
4. *Ульянова, Е.В. Художественно-творческие технологии как средство формирования компетентности будущих специалистов социальной работы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2006. 25 с.*

ПАРАДИГМЫ ЦЕННОСТНОГО САМОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Келасьев Вячеслав Николаевич
(СПбГУ)

Первова Ирина Леонидовна
(СПбГУ)

Ценностные ориентации являются главной осью самосознания, детерминированной направленностью потребностей и интересов. Самосознание – это динамическое психосоциальное образование, отражающее определенный тип деятельности и поведения. Самосознание позволяет человеку определиться в окружающей социальной среде, благодаря чему расширяются его связи с обществом. В современных условиях в обществе возросло число уязвимых социальных групп.

Современная молодежь выступает все более активным субъектом социального обслуживания различных групп населения. В связи со всплеском волонтерского движения в молодежной среде ценностные ориентации претерпели значительную трансформацию. Поколения миллениалов (Y) и зумеров (Z) имеют сходные характеристики, поскольку оба являются промежуточными поколениями. Формирование их самосознания осуществлялось под влиянием социально-экономических преобразований, роста значимости информационных технологий, цифровизации и давления западных санкций. Именно молодежь является той когортой, которая способна дать адекватный ответ на усложняющиеся вызовы современности.

По целому ряду исследований поколение Y/Z воспринимает сегодняшнее, не оглядываясь на вчерашнее. В связи с этим и будущее они трактуют с позиций сегодняшнего момента, не учитывая прошлое, поскольку прошлое они не проживали и не изучали в должной мере. Это приводит к определенной односторонности восприятия, понимания и построения будущего.

Усилия государства по формированию гражданского самосознания молодежи выразились в усилении образовательных компонентов, направленных на получение знаний о нуждах и проблемах страны, ее прошлом и настоящем. Включение в учебный процесс «Разговоров о главном» в общеобразовательных школах и курса «Основы российской государственности» в ВУЗах дает толчок к включению молодежи в реалии общественной жизни России и выступает в качестве социальной терапии.

Проведенное социологическое исследование с помощью студентов СПбГУ (апрель-май 2024 г.) было направлено на выявление приоритетных личностных ценностей молодежи в возрасте от 18 до 35 лет (400 чел.). В мире существуют разные градации возраста молодежи. В России – это 14 - 35 лет. Используемая в исследовании возрастная группа была выделена в связи с тем, что к 18 годам ценностные ориентации личности уже в достаточной мере оформлены, в отличие от 14 летнего возраста.

Как показало исследование (методом интервью и телефонного опроса), молодежь было представлено значительное число личностно значимых ценностей (29), что характеризует разбросанность ценностных ориентаций и отсутствие концентрации на реально значимых ценностях для успешной жизнедеятельности.

Наибольшее число предпочтений занимает ценность семьи (19,4%), далее идет саморазвитие (9,9%), материальное благополучие (8,0%) и здоровье (7,1%). Кроме того, в качестве приоритетных ценностей представлены любовь и отношения с противоположным полом (6,7%), карьера и работа (6,5%), дружба (6,5%), и большое число других, составивших менее 5%.

По целому ряду исследований ценность семьи у молодежи в значительной степени снижена в сравнении со старшим поколением, что подтверждается и проведенным исследованием. В связи с этим формирование позитивного имиджа семьи является оправданным не только в школах, но и во всех сферах общественной жизни.

Относительно небольшая ценность карьеры и работы у молодежи во многом обусловлена недостаточной оценкой квалифицированного труда в российском обществе, когда человек с высшим образованием получает зачастую гораздо меньшую зарплату, чем работник без образования или со средним специальным образованием, в особенности в гуманитарной сфере.

Самосознание молодежи очень чувствительно к политическим и социально-экономическим трансформациям в обществе, которые воздействуют на ее ценностные ориентации, которые подвержены временной динамике. В связи с изменчивостью ценностных ориентаций молодежи необходим их систематический мониторинг и социальная терапия по формированию наиболее значимых для российского общества.

СТРАХИ ВЫХОДА НА ПЕНСИЮ В КОНТЕКСТЕ КОМПЛЕКСНЫХ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

*Киселев Игорь Юрьевич
(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)*

*Михайлова Елена Валерьевна
(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)*

*Смирнова Анна Геннадьевна
(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)*

*Исследование проведено в рамках выполнения НИР VIP-020
«Трудовые, финансовые, здоровьесберегающие стратегии
представителей разных возрастных групп в условиях
реформирования пенсионной системы в России»*

Растущее осознание в обществе ресурсного потенциала пожилых людей для экономического, социально-политического, культурного развития [3, 19] в условиях неблагоприятной демографической ситуации и дефицита квалифицированных кадров заставляет задумываться о поиске интегративных подходов к социальной поддержке старшего поколения.

Поиск подобных подходов должен основываться на рефлексии и систематизации опыта работы с пожилыми людьми, включая выявление основных проблем, с которыми представители третьего возраста сталкиваются, переживая период выхода на заслуженный отдых. Страхи обозначают сферы возможной дезадаптации пожилого человека. Выявление подобных страхов позволит сформулировать целевой комплексный подход к социальной поддержке представителей данной социальной общности, позволяющий пожилым людям сохранять здоровье, трудовую занятость и социальную активность как в их собственных интересах, так в интересах общества.

С целью выявления представлений респондентов о периоде жизни на пенсии сотрудниками кафедры социологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова в период с 06 по 19 июля 2024 года проведено социологическое исследование методом личного интервью. В качестве респондентов выступили граждане пенсионного возраста. Опрошены 157 женщин 58-74 лет, 40 женщин 75 лет и старше; 103 мужчины 58-74 лет и 40 – 75 лет и старше. В ходе опроса респондентам задан открытый вопрос «Чего Вы больше всего опасались перед выходом на пенсию?» и предлагалось оценить, оправдались ли опасения, негативные ожидания после выхода на пенсию. Кроме того, респондентов просили завершить предложение «Самое страшное в старении...». Подобные проективные вопросы заданы в начальной части интервью, чтобы избежать пересечения ассоциатов с ответами на закрытые вопросы о жизни на пенсии.

Обработка первичных ассоциаций проведена с опорой на построение пирамид обобщений [4, 25]. При кодировании полученные ассоциаты объединены в укрупненные группы по принципу смыслового сходства (элементы), которые, в свою очередь, объединены в компоненты образа жизни на пенсии.

Полученные данные сопоставлены с результатами другого исследования [1, 106], проведенного авторским коллективом в период с 01 апреля по 01 июня 2023 года методом личного интервью (n= 652 человека). В исследовании приняли участие респонденты 18-57 лет (женщины) и 18-62 лет (мужчины). В начале интервью респондентам задан

полуоткрытый вопрос: «Когда Вы представляете свою жизнь на пенсии после ухода с работы, что Вас пугает, или по крайней мере, беспокоит?».

Определяя страхи, связанные с выходом на пенсию, 5,3% опрошенных не дали ответ. Остальные ответы отнесены к следующим категориям:

ухудшение материального положения (элементы: нехватка денег, маленький размер пенсии, нищета, бедность) – 31,5%;

сужение круга общения (элементы: не будет социума, одиночество, ненужности, невостребованности, «никто обо мне и не вспомнит») – 14,7%;

потеря/ухудшение здоровья, болезни – 9,1%;

невозможность жить полной активной жизнью (элементы: изменение привычного ритма и образа жизни, скука, безделье, «нечем заняться», отсутствие самореализации, потеря цели в жизни) – 8,8%;

остаться без работы (элементы: потерять работу, растерять профессиональный статус, изменить статус на «пенсионер», растратить профессиональные навыки) – 7,9%;

старость – 1,8%;

смерть (элементы: «умереть», смерть близких) – 1,2%;

беспомощность, бессилие – 1,2%;

продление возраста выхода на пенсию – 1,2%

другое (элементы: «дом престарелых», «не смогу помогать детям», массовых беспорядков, неизвестности, неопределенности) – 0,9%;

ничего не опасался – 15,9%.

Мужчины и женщины пенсионного возраста разделяют схожие опасения. Однако, женщины чаще, чем мужчины опасаются ухудшения материального положения, потери работы и сокращения социальных связей. В свою очередь, мужчины чаще, чем женщины опасаются ухудшения здоровья и изменения привычного ритма и образа жизни в связи с выходом на пенсию. Исключительно «мужские» пенсионные страхи: продление возраста выхода на пенсию, оказаться в доме престарелых, неопределенность и неизвестность жизни на пенсии.

Вместе с тем, по мнению большинства респондентов-пенсионеров, опасения, связанные с выходом на пенсию, оказались беспочвенными (38,98%) или реализовались в меньшей степени, чем ожидалось (38,02%). Тем не менее, самым трудным после выхода на пенсию стало: снижение доходов (66,2%), ухудшение здоровья (40,4%), сокращение круга общения (35,9%), нарушение ритма жизни, распорядка дня (34,5%).

В свою очередь, в жизни на пенсии пенсионеров больше всего радует семья и внуки (68,1%), наличие свободного времени (51,0%), дача и огород (50,3%), хобби, любимое дело (40,1%), общение с родными и близкими (39,1%).

Образ жизни на пенсии, конструируемый будущими пенсионерами, отличается от того, который разделяют нынешние пенсионеры. В то время как страхи будущих и нынешних пенсионеров идентичны, радости – различаются. Молодые респонденты рассматривают жизнь на пенсии как «время для самих себя» и отмечают, что в перспективе выхода на пенсию их могло бы обрадовать наличие свободного времени, возможность самостоятельно строить распорядок дня (58,8%), уделять время хобби (41,1%), путешествовать, гулять, бывать на природе (36,9%).

Однако в реальности набор видов социальной активности, в которые включены пенсионеры, ограничен, и досуговые практики, позволяющие уделить время себе, своим увлечениям и хобби, встречаются не часто. Досуг пенсионеров составляют: работа на дачном/приусадебном участке (65,4%), воспитание детей и внуков (53,6%), домашний досуг (рисование, вышивание и т.д.) (38,8%) и внедомашний досуг (рыбалка, цветоводство

и т.д.) – 37,6%. При этом работали 26,1%, занимались физической культурой – 24,9%, ухаживали за больными/ престарелыми родственниками – 17,8%; занимались волонтерской деятельностью – 6,5%, проходили обучение – 5,3%.

Таким образом, наряду со снижением уровня жизни и утратой здоровья будущие и нынешние пенсионеры обеспокоены тем, как будет организована их жизнь после завершения трудовой деятельности. Не все пенсионеры успешно адаптируются к этому изменению в жизни. Если адаптация и происходит, виды социальной активности, в которые включаются пенсионеры, не соответствуют, во-первых, их собственными ожиданиям, и, во-вторых, запросам общества. Так, согласно принципам политики активного долголетия, ожидается, что представители старшего поколения будут заниматься волонтерской деятельностью, помогать в воспитании детей и внуков ухаживать за больными и инвалидами, участвовать в политической жизни, заниматься физической активностью, учиться на протяжении всей жизни. Однако перечисленные виды активности вряд ли можно рассматривать в качестве неотъемлемой части образа жизни пенсионера. Исключение составляет помощь в воспитании внуков.

Сами пенсионеры конструируют запрос на более разнообразный досуг, включающий возможность путешествовать, посещать учреждения культуры, заниматься творчеством. Перечисленные виды досуговой активности улучшают самооценку здоровья, социальную интегрированность и качество жизни старшего поколения [3, 109]. Однако по разным причинам подобные досуговые запросы оказываются не реализованными в полном объеме.

В связи с этим важным элементом интегративных подходов к социальной поддержке старшего поколения наряду с мерами по снижению рисков бедности, тяжелых материальных лишений пожилых людей, поддержанию их здоровья и обеспечению долговременного ухода должны стать действия, позволяющие представителям старшего поколения адаптироваться к изменению образа и ритма жизни, организовать досуг пожилых людей как в интересах самих потребителей социальных услуг, так и общества.

1. Киселев И.Ю., Михайлова Е.В., Смирнова А.Г. Ассоциативный образ «жизни на пенсии» vs активное долголетие (по материалам проективного опроса) // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 104-117.
2. Снявская О.В., Червякова А.А. Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 94-121.
3. Старшее поколение – ресурс будущего. Комплексный подход к активному долголетию: экспертный доклад. Москва. 2023. URL: https://национальныепроекты.рф/upload/starstee-pokolenie/doklad_starstee_pokolenie_new-3.pdf (дата обращения 05.10.2024)
4. Татарова Г.Г., Чиркова А.В. Здоровьесберегающее поведение молодежи: формирование типобразующих признаков методом неоконченных предложений // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12., № 1. С. 25-61.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

*Коваленко Татьяна Николаевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

При поддержке Фонда Потанина

В Санкт-Петербургском государственном университете обучаются студенты помогающих профессий, среди них, например, будущие специалисты социальной работы и руководители органов социальной защиты населения. Обучение таким специальностям носит практико-ориентированный характер, в этой связи перед преподавателем стоит двойная задача:

обеспечить студентов теоретическими знаниями,
дать представление о существующем опыте работы в данной сфере.

Опыт мегаполиса не всегда соотносится с практиками, которые осуществляются в регионах. В этой связи представляется важным обогащать знания и опыт преподавателя через знакомство с социальной политикой в различных регионах России.

При поддержке Благотворительного фонда Владимира Потанина в июле-августе 2024 года была реализована программа профессионального развития «Преподавание социальной политики России: фокус на региональный аспект». Основным содержанием Программы стало изучение прикладных аспектов социальной политики региона на примере Алтайского края.

Программа состояла из двух модулей: изучение прикладных аспектов социальной политики региона на примере Алтайского края и повышение цифровой грамотности в сфере визуального представления данных.

В ходе Программы была реализована стажировка в Алтайской краевой женской общественной организации «Отклик», город Барнаул, в соответствии с программой исследования были изучены практические аспекты региональной социальной политики в Алтайском крае. Были изучены документы Алтайской краевой женской общественной организации «Отклик» по опыту участия в различных проектах и грантах, изучен опыт реализации проектов «Поколение «Выбор», «Выпускник» и «Наставник». Был проведен ряд интервью. Результатом интервью с руководителем организации «Отклик» к.соц.н., доцентом Чудовой С.Г. и куратором проекта «Поколение «Выбор» к.соц.н., доцентом Антонович И.В. стала информация о проблемах и позитивном опыте в разработке и реализации проектов в НКО Алтайского края и о реализации отдельных аспектов социальной политики в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, а также об участии добровольцев (волонтеров) в деятельности организации.

В ходе интервью с министром социальной защиты Алтайского края Оськиной Н.В. был изучен опыт реализации социальных программ в регионе на примере Алтайского края, были осмыслены проблемы и вызовы, с которыми сталкивается регион в реалиях острых социальных потребностей населения. Был исследован опыт привлечения грантовых средств в социальную сферу, а также, опыт партнерства НКО и государственных органов управления Алтайского края.

Так, были изучены прикладные аспекты семейной политики в Алтайском крае. Было выявлено, что традиционно край позиционирует семейные ценности. В некоторых начинаниях он даже опережает Российскую Федерацию. Например, в крае более 15 лет – существенно раньше установленного федерального года семьи – чествуют семьи. В регионе был введен первый День отца, существуют советы родительского подвига.

Региональные власти расширяют свои подходы к семейной политике. На текущий момент успешно действуют службы медиации в учреждениях социального обслуживания населения, работают обученные специалисты. Алтайский край активно работает с подростками, имеющими конфликты с законом, и женщинами в местах лишения свободы, содействуя восстановлению родительских прав до их выхода из мест лишения свободы, налаживая связи с родственниками.

Что касается поддержки многодетных семей – недавно принятый федеральный закон о многодетных семьях рекомендовал поддержку без учёта нуждаемости. Алтайский край же изначально не делил многодетные семьи на «богатых и бедных», например, при социальной поддержке для подготовки детей к школе.

Алтайский край как субъект активно участвует в федеральных пилотных проектах, за последние пять лет работы он достиг значительных результатов и, благодаря эффективному выполнению показателей, получил доверие на федеральном уровне. Например, оказание государственной социальной помощи населению в виде социальных контрактов в крае началась с небольших сумм. (Социальный контракт — это соглашение между органами соцзащиты и гражданами, чей доход по независящим от них причинам ниже прожиточного минимума, установленного в регионе. По контракту орган соцзащиты обязуется оказать государственную социальную помощь, в том числе социальные услуги, денежную выплату, приобретение необходимых товаров. Получатели помощи берут на себя определённые обязательства, например: трудоустроиться, открыть своё дело, наладить личное подсобное хозяйство [2]). Первоначально с целью выделения денег в рамках контрактов использовали краевой бюджет (выделяли около 10-20 тысяч рублей в рамках одного контракта). Затем включились в федеральное финансирование, постепенно увеличили сумму контракта до 100 тысяч. Сейчас суммарно помощь жителям Алтайского края в виде социальных контрактов измеряется в миллиардах рублей.

Министр в ходе интервью также подчеркнула важность поиска дополнительных средств для социальной системы. Так, за последние годы в систему социальной защиты населения Алтайского края из внешних источников привлекли 250 миллионов рублей на поддержку детей. Например, за счет грантовых денег открыли два семейных МФЦ.

Продолжается цифровизация социальных услуг. В крае не отказались от дистанционных социальных услуг, это актуально для жителей удаленных сельских районов. Уникальность системы управления региона заключается в том, что Многофункциональный центр «Мои документы» находится в ведении Министерства социальной защиты населения. Поэтому все социальные услуги можно оформить в максимально доступной и комфортной для жителей форме.

Реабилитационные центры для детей и инвалидов работают по зональному принципу. Обслуживание охватывает практически всех детей и инвалидов в регионе. Специалисты предлагают услуги и консультации. Поддержка молодых инвалидов существенно расширилась. КГБУСО «Краевой реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями «Журавлики» также обслуживает молодых инвалидов старше 18 лет. Помощь оказывается инвалидам, в том числе боевых действий, вплоть до 44 лет [1].

Интересен опыт информационной политики Министерства социальной защиты Алтайского края. Министр доступна для индивидуальных обращений граждан через личные социальные сети, которые она самостоятельно ведёт. Кроме информационной составляющей социальных сетей, важным – по свидетельству Оськиной Н.В. – является возвышение семейных ценностей, которые она старается нести через личный пример. Кроме этого, в крае действует единый колл-центр, по которому можно проконсультироваться по различным социальным вопросам. Действуют также телефон доверия для детей и кризисная линия для женщин. Также, организована соседская помощь: население было проинформировано, что, если они узнают о человеке в трудной жизненной ситуации (например, кто-либо заблудился, остался один, потерял документы), – необходимо сообщить об этом. Таким образом, через соседскую помощь, было спасено более 200 человек.

Суммируя результаты осуществления Программы профессионального развития, можно заключить, что вся полученная в ходе исследования информация была систематизирована и несомненно, обогатит преподаваемый студентам бакалавриата и магистратуры материал. Знание специфики жизни в регионах поможет выпускникам реализовывать направления социальной политики Российской Федерации более грамотно и эффективно, что в конечном итоге скажется на качестве жизни населения.

Как дополнительный практический результат можно отметить установление научных связей с коллегами из Алтайского края, что поможет в дальнейших совместных исследованиях.

1. КГБУСО «Краевой реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями «Журавлики». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://krc22.ru/часто-задаваемые-вопросы/>
2. Что такое социальный контракт [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/add_support/102193

ДНЕВНИК НАБЛЮДЕНИЯ В УХОДЕ НА ДОМУ ЗА ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ

Кулагина Евгения Владимировна

В работе рассматривается актуальность ведения дневника наблюдения в уходе за пожилыми людьми на дому. Описаны навыки, необходимые для осуществления задач по уходу за пожилым человеком. Ставится задача развития у ухаживающего человека специального навыка наблюдения за здоровьем пожилых через систематическое заполнение дневника наблюдений. Определена важность и перспективы ведения дневника наблюдений в уходе за другим человеком.

Пожилым человеком является неотъемлемой частью общества. Многие люди старшего поколения имеют проблемы со здоровьем, находятся в социальной изоляции и нуждаются в помощи по уходу на дому. Для удовлетворения жизненно важных потребностей пожилые люди пользуются услугами, предоставляемыми организациями социального обслуживания. Часть людей, нуждающихся в уходе, получают помощь от своих родственников и частных сиделок. В процессе ухода за больным или ослабленным человеком возникает необходимость передачи важной информации о человеке, нуждающемся в уходе, другому человеку. Одним из возможных средств передачи информации может стать дневник наблюдения. Ведение наблюдения за состоянием здоровья получателей социальных услуг со стороны сотрудников социальных служб имеет правовые основы. Рассмотрим действия по уходу за нуждающимся пожилым человеком в соответствии с профессиональным стандартом, утвержденным Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 мая 2023 г. № 482н «Об утверждении профессионального стандарта «Помощник по уходу».

Профессиональная деятельность помощников по уходу на дому включает в себя много задач. Приготовление, подготовка пищи и кормление, смена подгузника, гигиеническая обработка тела, помощь в смене одежды, профилактика образования пролежней, использование технических средств реабилитации, контроль за приемом лекарств и выполнение иных процедур по уходу. Часть действий профессиональных помощников по уходу связана с поддержанием ряда активностей человека, нуждающегося в уходе (когнитивных, бытовых, социальных). Отдельного внимания с точки зрения автора заслуживает трудовая функция, связанная с наблюдением за состоянием здоровья человека, нуждающегося в уходе. Так, людям для оказания качественного ухода на дому необходимо приобретать специальные знания и осваивать необходимые навыки. Рассмотрим какие навыки необходимы для профессионалов и специалистов частной практики по уходу на дому за пожилыми людьми.

При оказании услуг по помощи в приеме, подготовке пищи и кормлению нужно уметь организовывать место приема пищи, подготавливать блюда оптимальной температуры и консистенции (измельчение), убирать жизненное пространство человека после приема пищи, включая чистоту пола. Для приготовления пищи необходимо понимать вкусовые предпочтения человека, а также медицинские рекомендации. Выполнению смены подгузника и гигиенической обработке тела, профилактике образования пролежней можно обучиться на специальных курсах или просмотреть тематические ролики в сети Интернет. Информация о приеме лекарств и выполнению иных процедур по уходу исходит от сотрудников медицинских учреждений. Режим приема медикаментов подробно расписан в инструкциях к препаратам. По ведению наблюдения за состоянием здоровья в процессе ухода возникают ряд вопросов. Возможно, что наблюдение за здоровьем человека требует значительных усилий и внимательности со стороны других людей. Развитие навыков ведения наблюдения требует самодисциплины со стороны ухаживающего человека. Сам метод наблюдения предполагает наличие определенной шкалы наблюдения. Возможно ли

ухаживающему человеку развить навык наблюдения за здоровьем пожилого человека, систематически заполняя дневник наблюдения?

Из частной практики автора стало ясно, что первое время в процессе ухода за больным или пожилым человеком ведутся записи наблюдений в свободной форме. В тетради фиксируются показатели артериального давления и частоты пульса и измеряются с помощью домашних тонометров. В процессе работы реальные потребности записей информации о человеке уточняются и дополняются данными о частоте и характере стула, показателями измерений температуры тела и необходимости дополнительного приема медикаментов согласно сложившейся ситуации в течение дня. Записи удобно демонстрировать не только другим ухаживающим людям, но и врачам. Важно отметить тот факт, что в процессе ухода пожилыми людьми на дому есть необходимость фиксации отдельной информации о нуждающемся в уходе человеке со стороны ухаживающих людей в структурированный документ для последующего анализа. Рассмотрим частный подход к структуре этого документа.

Из опыта практической деятельности автора стоит отметить, что удобно вести дневник, состоящий из двух частей. В первой части фиксируются постоянные значения, а вторая часть для переменных. Человек не может жить без кровяного давления, температуры и естественных выделений. Постоянные измерения и будут проводиться по этим параметрам. Каждому календарному дню будет отведена отдельная строка по горизонтали. По вертикали в столбцы вписываются постоянные и переменные величины. Например, артериальное давление и пульс (120/80/60) затем отметка о наличии стула (+/-), показания измерений температуры тела с помощью термометра (36,6) будут постоянные величины. Итого три столбца. Все задействованные приборы должны быть предназначены для использования в быту. Важно отметить то, что все измеряемые величины должны быть понятны для ухаживающего человека. В дневнике наблюдения нет необходимости отражать то, что требует специальных медицинских знаний.

Вторая часть дневника наблюдения можно представить как анализ данных первой части. Переменные значения будут отражать меры воздействия по отношению к постоянным измерениям. Например, если повысилось артериальное давление, то ставится отметка о факте приема человеком дополнительных медицинских препаратов по назначению врача. По аналогии проводится работа с другими постоянными показателями. При повышенной температуре тоже следует внести записи о приеме медикаментов по назначению врача. Во второй части дневника лучше оставить один столбец пустым для фиксации не вполне очевидных проявлений со стороны человека, нуждающегося в уходе. Это может быть повышенная возбудимость, пятна или высыпания на коже, стойкие изменения в положении тела, интерес к жизни и окружающему миру. В процессе ухода стоят внимания любые проявления со стороны человека, нуждающегося в уходе. Важно заметить изменения и вовремя передать информацию другому ухаживающему человеку и врачам.

В данной работе нуждающийся в уходе человек, ухаживающие люди и дневник наблюдения рассматривается как сложное интегративное образование. Одно из качеств рассматриваемого сложного объекта будет возможность преобразования информации о нуждающемся человеке в знание для окружающих людей. Новое знание полезно для людей, ухаживающих за пожилыми родственниками, а также сиделок, занимающихся частной практикой. Подходы к ведению дневника наблюдений могут иметь перспективы для разработки технологий социальной работы социального обслуживания и ухода за людьми на дому и методик практической работы. Автор верит, что в будущем возможна интеграция

дневника наблюдения за человеком, нуждающимся в уходе, в систему взаимодействия человека и искусственного интеллекта.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ПРАКТИКОЙ КАК ИНДИКАТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Лоскутова Ирина Мироновна
(ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова)

Тарченко Вера Сергеевна
(ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова)

Кокорева Марина Евгеньевна
(ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова)

В социологической науке и социальной практике существует интерес к усилению мотивации, совокупности внутренних мотивов, которые направляют деятельность человека на достижение определенных целей. Наличие мотивации позволяет не только снижать внешний контроль над человеком и его трудовой деятельностью, тем более что в такой сфере как «человек-человек» этот контроль, как правило, малоэффективен, но и снимает ряд проблем, связанных с эмоциональным и профессиональным выгоранием.

Под эмоциональным выгоранием мы будем понимать состояние психического истощения, которое возникает в силу эмоционального перенапряжения при работе с людьми.²³ Профессиональное выгорание - это частный случай эмоционального выгорания, возникающий в силу хронического стресса на рабочем месте, который в свою очередь формируется из-за несоответствия между требованиями рабочей среды и реальными возможностями человека.²⁴

Отсюда понятен интерес к вопросам повышения мотивации или хотя бы сохранения мотивации будущего специалиста в его профессиональной сфере. Особую роль в этом процессе всегда играла такая форма знакомства с профессией как учебная практика, когда будущие специалисты впервые пытаются выполнять определенные профессиональные функции в рамках своего профессионального выбора. Практика важна и для студентов, и для их будущих коллег, потому что степень мотивации студентов заметно различается. Возможность оказать влияние на решение сегодняшнего студента работать по специальности в будущем – это, прежде всего, организация производственной практики во время прохождения обучения. Если не брать крайности - тех, кто сознательно выбрал себе профессию, и тех, кто оказался в ВУЗе случайно и ни в коем случае не планирует работать по специальности, то основная масса студентов еще не сформировала свое представление о будущем профессиональном пути. Удачно проведенная практика может увлечь и мотивировать, неудачно проведенная практика может вызвать отторжение будущей профессиональной деятельности. Особенно важна практика в ВУЗах, дающих более практическую, чем научно-исследовательскую ориентацию.

Мы проанализировали удовлетворенность практикой студентов медицинского вуза (на примере ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова, ИКПСР). Почему? В основе нашей концепции лежит представление о том, что удовлетворенность практикой может

²³ Козлова, К. В., Муравьева, О. И., Корытова, Г. С. (2019) Понятие "выгорание" в психологии: анализ и обобщение подходов. Научно-педагогическое обозрение, № 1 (23), с. 18-27. DOI: [10.23951/2307-6127-2019-1-18-27](https://doi.org/10.23951/2307-6127-2019-1-18-27) EDN: [YTFYXB](https://www.edn.ru/2019/07/18/27)

Балыкина О. С. Обзор эмпирических исследований синдрома эмоционального выгорания в профессиональной деятельности // Вестн. Брянск. гос. ун-та. 2014. № 1. С. 207-211. EDN: TLFBAD

²⁴ Специфика профессиональной деятельности социальных работников/ Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. - Н. Новгород: издательство НИСОЦ, 2015. - 732 с.

Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие / Н. Е. Водопьянова. - Москва: Юрайт, 2018. - 299 с. - Текст: непосредственный.

рассматриваться как своего рода индикатор. В социологии под индикатором обычно понимают показатель, доступный непосредственному измерению, который позволяет нам судить о тех характеристиках объекта, которые в силу тех или иных причин не доступны измерению.²⁵ Как, предположим, в музеях о степени популярности тех или иных экспонатов судят по степени истертости напольных покрытий возле них: если люди там толпятся, значит, это им интересно. В нашем случае удовлетворенность практикой должна продемонстрировать степень готовности к будущей профессиональной деятельности.

В центре нашего внимания будут две группы студентов института клинической психологии и социальной работы, разделенных на два потока по своей будущей профессии – клинические психологи и специалисты по социальной работе. Социологическое исследование удовлетворенности прошедшей практики выполнялось лабораторией социальных технологий ИКПСР осенью 2023 года, исследование касалось практики, прошедшей в 2022-2023 учебном году. В нем приняло участие 230 студентов – 178 клинических психологов и 52 социальных работника. Опрос проводился по сплошной выборке, то есть были опрошены более 75% всех студентов, проходивших практику со второго курса бакалавриата по второй курс магистратуры.

При подготовке к исследованию нами были сформулированы ряд гипотез:

Удовлетворенность студентов практикой растет к 3 курсу, а далее у части студентов она продолжает расти, а у другой части падает.

Удовлетворенность практикой прямо пропорциональна удовлетворенности взаимоотношениями с руководителем практики от РНИМУ им. Н.И. Пирогова.

Удовлетворенность практикой прямо пропорциональна удовлетворенности взаимоотношениями с руководителем практики от учреждения.

Удовлетворенность практикой прямо пропорциональна удовлетворенности практическими навыками и умениями, приобретенными во время практики.

Выводы

Удовлетворенность практикой - один из индикаторов профессионального самоопределения студентов.

По результатам исследования мы фиксируем «кризис третьего курса». Наибольшее число недовольных практикой студентов приходилось именно на третий курс. С одной стороны, можно сказать, что это связано с ошибками в проведении практики, но в реальности надо учитывать контексты. Именно к третьему курсу студенты подходят к кризису третьего курса, когда осознают, что имеющиеся цели и средства их достижения требуют некоторого пересмотра, просто в силу полученного жизненного опыта. В тот момент, когда выясняется весь комплекс будущих профессиональных трудностей, перед студентом стоит альтернатива - либо разочароваться в себе, своих возможностях решения имеющихся проблем, либо разочароваться в профессии и учебном заведении. Этот кризис описывался десятки раз, и сам факт его наличия еще не говорит о невозможности будущего профессионального успеха, бесполезности дальнейшего обучения, ненужности практики и т. д. Но этот кризис приводит к особенностям оценки практики студентами третьего курса.

Нами был выделен целый ряд факторов, которые в той или иной степени способствовали либо благоприятному прохождению практики, либо обострению уже имеющегося кризиса профессионального самоопределения, который так или иначе формируется к третьему курсу у большей части студентов. В числе таких факторов мы выделяем: удовлетворенность взаимоотношениями с руководителем практики от РНИМУ,

²⁵ Семенов, В. Е. Анализ и интерпретация данных в социологии: учеб, пособие / В. Е. Семенов; Владим. гос. ун-т. - Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2009. - 132 с.

удовлетворенность взаимоотношениями с руководителем практики от учреждения, удовлетворенность практическими навыками и умениями, приобретенными во время практики.

Принципиально важным моментом, определяющим отношение к практике, является удовлетворенность практическими навыками. Если студент удовлетворен полученными навыками, то как правило, он удовлетворен и практикой в целом и не испытывает серьезных проблем с дальнейшим профессиональным самоопределением.

Исходя из того, что на данный момент одним из основных требований к клиническим психологам является владение методами психологического консультирования (кризисная помощь, ДПТ - Диалектико-поведенческая терапия, КБТ - когнитивно-поведенческой (когнитивно-бихевиоральной) терапии, семейное консультирование и др.), стоит большее внимание уделять как преподаванию этих дисциплин, так и отработке практических навыков в ходе проведения учебных практик.

Несмотря на введение государственного стандарта специалиста по социальной работе, большая часть работодателей даже в бюджетной сфере не совсем понимает различий между социальным работником как исполнителем ряда функций по социальному обслуживанию и специалистом по социальной работе как специалистом по маршрутизации социальной работы, разрабатывающим программу помощи человеку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации.

1. Приказ Минтруда России от 18.06.2020 N 351н "Об утверждении профессионального стандарта "Специалист по социальной работе"

2. Балыкина О.С. Обзор эмпирических исследований синдрома эмоционального выгорания в профессиональной деятельности // Вестн. Брянск. гос. ун-та. 2014. № 1. С. 207-211. EDN: TLFBAD

3. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие / Н.Е. Водопьянова. - Москва: Юрайт, 2018. - 299 с. - Текст: непосредственный

4. Козлова, К.В., Муравьева, О.И., Корытова, Г.С. (2019) Понятие "выгорание" в психологии: анализ и обобщение подходов. Научно-педагогическое обозрение, № 1 (23), с. 18-27. DOI: 10.23951/2307-6127-2019-1-18-27 EDN: YTFYXB .

5. Семенов, В.Е. Анализ и интерпретация данных в социологии: учеб, пособие / В.Е. Семенов; Владим. гос. ун-т. - Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2009. - 132 с.

6. Специфика профессиональной деятельности социальных работников/ Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. - Н. Новгород: издательство НИСОЦ, 2015. - 732 с.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СЕМЕЙ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

*Малишевский Андрей Евгеньевич
(СПб ГБУ "КЦСОН Красногвардейского района")*

Работа по социальному сопровождению участников специальной военной операции (далее – «СВО») и членов их семей в Санкт-Петербурге проводится социальными кураторами из числа работников учреждений социальной защиты населения, находящихся в ведении районных администраций, с осени 2022 года.

В соответствии с Распоряжением Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга, для качественного выполнения работы по социальному сопровождению, на базе государственных учреждений постепенно создаются новые структурные подразделения – «Службы социального сопровождения».

Работа по социальному сопровождению является ответственной, интенсивной, эмоционально напряженной деятельностью, непрерывно осуществляемой в режиме многозадачности. При этом данный новый вид деятельности, обогащает специалистов в профессиональном плане и позволяет им в полной мере раскрыть свой потенциал.

К основным видам запросов, поступающих от участников СВО и членов их семей, можно отнести:

- содействие в предоставлении медицинской помощи (содействие в проведении медицинской диагностики, организации санаторно-курортного лечения, оформлении группы инвалидности, обеспечении техническими средствами реабилитации инвалидов, сопровождение в медицинские учреждения);

- содействие в предоставлении психологической помощи (содействие в получении психологического консультирования, психологической диагностики и коррекции, содействие в консультировании по личным и семейным психологическим проблемам);

- содействие в предоставлении юридической помощи (содействие в получении правового консультирования, содействие в оформлении и восстановлении утраченных документов, содействие в защите прав, консультировании по вопросам гражданского, жилищного и пенсионного законодательства, подготовка различных запросов и обращений);

- содействие в предоставлении педагогической помощи (содействие в получении педагогического консультирования, оформлении в дошкольные и школьные образовательные учреждения);

- содействие в оформлении социальных и иных выплат, мер социальной поддержки, на получение которых имеет право семья;

- содействие в получении социального обслуживания;

- содействие трудоустройству;

- бытовая помощь (приобретение и доставка на дом продуктов, лекарств, предметов первой необходимости);

- организация досуга;

- решение отдельных вопросов (содействие в оформлении опеки, возврат мобилизованных многодетных отцов и т.п.);

- консультирование по различным вопросам, относящимся к социальному сопровождению.

Решение данных разноплановых запросов требует от специалистов не только знания инфраструктуры учреждений и служб разных уровней, но и механизма предоставления тех или иных видов помощи и поддержки. Например, порядка предоставления единовременной

материальной помощи по ранению, оформления льгот по оплате жилищно-коммунальных услуг, оформления группы инвалидности, оформления пенсии Министерства обороны.

Работа по социальному сопровождению осуществляется в непрерывном взаимодействии с организациями системы социальной защиты, образования, здравоохранения, труда и занятости, органами местного самоуправления, общественными организациями.

Так, в целях оказания содействия в предоставлении медицинской помощи, социальными кураторами осуществляется взаимодействие с лечебно-профилактическими и специализированными медицинскими организациями, находящимися в ведении Министерства обороны, амбулаторно-поликлиническими и стационарными учреждениями здравоохранения, находящимися в ведении районных администраций, страховыми медицинскими организациями.

Для оказания содействия в предоставлении психологической помощи социальные кураторы взаимодействуют с амбулаторно-поликлиническими учреждениями здравоохранения, осуществляющими медико-психологическое консультирование и психотерапевтическую помощь, некоммерческими социально-ориентированными организациями, оказывающими психологическую помощь и поддержку.

Для оказания содействия в предоставлении юридической помощи осуществляется взаимодействие с Адвокатской палатой Санкт-Петербурга и адвокатскими образованиями, Нотариальной палатой, Прокуратурой Санкт-Петербурга и органами внутренних дел, органами опеки и попечительства, общественными организациями.

В целях оказания содействия в предоставлении педагогической помощи, социальными кураторами осуществляется взаимодействие с дошкольными и школьными образовательными учреждениями, образовательными учреждениями высшего и среднего профессионального образования, организациями дополнительного профессионального образования.

Для оказания содействия в предоставлении необходимых мер социальной поддержки социальные кураторы взаимодействуют с Отделением Фонда пенсионного и социального страхования, Главным бюро медико-социальной экспертизы, организациями системы социальной защиты населения.

Также, социальными кураторами осуществляется тесное взаимодействие с городскими Военными комиссариатами, пунктами отбора на военную службу по контракту, Государственным фондом поддержки участников СВО «Защитники Отечества», учреждениями, реализующими программы адаптивной физической культуры и спорта, районными службами занятости населения, общественными организациями и другими заинтересованными ведомствами.

В процессе работы у специалистов-практиков появляются новые знания по данной проблематике, повышаются навыки эффективного взаимодействия с участниками СВО и членами их семей, навыки межведомственного взаимодействия для решения поступающих от них запросов.

В данной связи, практический опыт работы с разными сложными случаями (положительное разрешение проблемных ситуаций) является, на мой взгляд, наиболее ценным и требует его распространения в профессиональной среде.

И важную роль здесь выполняют семинары и тренинги, проводимые образовательными учреждениями, благотворительными фондами и другими организациями.

Таким образом, работа по социальному сопровождению участников СВО и членов их семей, с одной стороны, является социально значимой. С другой стороны, выполнение

данной работы предоставляет возможность специалистам-практикам получить новый ценный, уникальный опыт, впоследствии способствующий эффективному решению многих прочих профессиональных задач.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ НАДЕЖНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА ИНВАЛИДОВ

*Мальков Николай Романович
(ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р им. Г.А. Альбрехта Минтруда России
Федеральный ресурсный (информационно–методический) центр
по формированию доступной среды для инвалидов
и других маломобильных групп населения)*

*Штепа Алена Владимировна
(ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р им. Г.А. Альбрехта Минтруда России
Федеральный ресурсный (информационно–методический) центр
по формированию доступной среды для инвалидов
и других маломобильных групп населения)*

В статье представлены результаты пилотного социологического опроса инвалидов, проведенного в первой половине 2024 года в четырех субъектах Российской Федерации: Московской области, Мурманской области, Республике Башкортостан, Хабаровском крае.

Целью исследования было повышение надежности и информативности данных, собираемых в ходе социологических опросов инвалидов, проводимых Федеральным ресурсным центром по формированию доступной среды для инвалидов и других маломобильных групп населения.

Объект исследования – инвалиды - люди, у которых нарушены какие-то важные функции организма (глухие, слабослышащие, слепые, слабовидящие, с тяжелыми нарушениями речи, нарушениями опорно-двигательного аппарата, с ментальными нарушениями, дети-инвалиды).

Предметом исследования было понимание инвалидами смысла вопросов интервью, связанных с оценкой субъективной значимости жизненных устремлений - целей, которые человек хочет достичь в течение своей жизни, которые управляют его поведением в долгосрочной перспективе: Личностный рост, Значимые отношения, Вклад в развитие общества, Богатство, Слава, Имидж, Хорошее здоровье. Вопросы интервью были сформулированных на основе англоязычного опросника Т. Kasser и R.M. Ryan «Aspirations Index».

Одной из задач исследования было выявить возможность привлечения социальных работников центров социального обслуживания, проводивших интервью с инвалидами, в качестве экспертов для оценки: а) понимания респондентами смысла вопросов интервью и б) степени влияния интеллектуальных нарушений на характер ответов.

Метод исследования - полуструктурированное интервью.

Статистический анализ проводился с использованием программного пакета для статистического анализа STATISTICA (версия 12).

Были опрошены 213 человек с инвалидностью: инвалиды, имеющие выраженные ограничения в передвижении, но не использующие кресла-коляски – 37, имеющие выраженные ограничения в передвижении, использующие кресла-коляски – 46, имеющие нарушения (отсутствия) функции верхних конечностей – 25, инвалиды по зрению – слабовидящие – 28, инвалиды по зрению – слепые – 7, инвалиды по слуху – слабослышащие – 18, инвалиды по слуху – глухие – 5, инвалиды, имеющие одновременно нарушения

функций слуха и зрения – 4, имеющие ментальные нарушения – 43. Мужчины – 121, женщины – 92; лица старше 50 лет – 166; городские жители – 174, сельские жители – 39.

Выборочная совокупность не является репрезентативной, полученные количественные результаты ее исследования нельзя распространять на генеральную совокупность.

В ходе интервью с инвалидами и после его окончания социальные работники, проводящие интервью, оценивали надежность получаемой от респондентов информации:

- если респондент не мог понять смысл вопроса интервью, даже несмотря на дополнительные пояснения и примеры, интервьюер должен был сделать пометку в бланке: «Интервьюируемому вопрос не понятен».

- после окончания опроса, интервьюер должен был оценить, имело ли место влияние интеллектуальных нарушений (снижение памяти, умственной работоспособности) на характер ответов интервьюируемого по 7-балльной шкале.

Понимание респондентами смысла вопросов интервью, связанных с субъективной значимостью жизненных устремлений. В ходе социологического интервью, респонденты оценивали субъективную важность каждого из стремлений в баллах от «1» до «5» с помощью порядковой шкалы по следующим пунктам: «Определенно нет», «Скорее нет», «Ни да ни нет», «Скорее да», «Определенно да».

Анализ полученных данных показал, что чаще у респондентов возникали проблемы с пониманием формулировок вопросов, связанных с субъективной значимостью жизненных устремлений Личностный рост («Для Вас важно развиваться и учиться новому, быть активным, выбирать, что делать?») и Вклад в развитие общества («Для Вас важно работать на благо общества, помогать нуждающимся людям?») – 5% участников исследования не поняли содержания заданных вопросов.

Была выявлена зависимость понимания вопросов интервью от интеллектуальных способностей инвалидов. Для оценки интеллектуальных способностей респондентов в исследовании использовались 10 вопросов Шкалы «В» Теста Кеттелла 16PF (Форма А). За правильное решение всех вопросов, респондент получал 10 баллов. Среднее значение оценки интеллектуальных способностей в группе респондентов, испытывающих проблемы с пониманием сути вопросов интервью ($n=30$), составили 3,7 балла. Аналогичный показатель в группе респондентов, не испытывающих проблем с пониманием сути вопросов интервью ($n=174$), составил 5 баллов. Значение t-критерия Стьюдента составляет 2,91. Различия статистически значимы ($p=0,004$)

Экспертная оценка социальных работников, проводивших интервью, влияния интеллектуальных нарушений на характер ответов респондентов на вопросы интервью. После окончания интервью, интервьюеры должны были оценить влияние интеллектуальных нарушений на характер ответов интервьюируемого, по шкале от «1» до «7» баллов, где «1» - интеллектуальные нарушения не проявляются в ходе интервью, «7» - имеет место сильное влияние интеллектуальных нарушений (непонимание смысла задаваемых вопросов, снижение скорости мыслительных процессов).

У 28% опрошенных эксперты не выявили влияния интеллектуальных нарушений на характер ответов на вопросы интервью. Сильное влияние интеллектуальных нарушений на характер ответов на вопросы интервью было отмечено у 7% респондентов.

При статистической обработке полученных данных, была обнаружена значимая отрицательная корреляционная связь между переменной, отражающей влияние интеллектуальных нарушений на характер ответов респондентов на вопросы интервью (экспертные оценки интервьюеров), и переменной, характеризующей интеллектуальные способности респондентов ($\rho=-0,15$ при $p < 0,05$). То есть, респонденты, у которых

интервьюеры не отмечали сильного влияния интеллектуальных нарушений на характер ответов на вопросы интервью, лучше справились с решением интеллектуальных заданий.

Среднее значение переменной, отражающей влияние интеллектуальных нарушений на характер ответов в группе респондентов, испытывающих проблемы с пониманием сути вопросов интервью, составляет 3,9 балла. Аналогичный показатель в группе респондентов, не испытывающих таких проблем, составляет 3 балла. Значение t-критерия Стьюдента составляет 2,5. Различия статистически значимы ($p=0,01$).

Полученные результаты позволяют говорить о возможности привлечения социальных работников, проводящих социологическое интервью с инвалидами, в качестве экспертов для оценки того, насколько простым и понятным языком сформулированы вопросы интервью. Помимо этого, экспертные оценки социальных работников влияния интеллектуальных нарушений на характер ответов респондентов на вопросы интервью, позволяет изменять количество респондентов в выборке путем их включения или исключения из статистического анализа, что повышает надежность результатов социологического опроса инвалидов.

АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФОНДА «ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА»

Наумушкина Анастасия Владимировна
(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Гасимова Арзу Фидаиловна
(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: Рассматриваются способы содействия и оказания помощи участникам СВО и членам их семей. Рассматривается технология закрепление социального координатора

за каждым участником СВО и членами их семей. Основное внимание обращается на анализ создания и развития Фонда поддержки участников специальной военной операции (СВО) «Защитники Отечества».

Ключевые слова: ветеран боевых действий, персональное социальное сопровождение, социальный координатор, участник СВО, Фонд «Защитники Отечества».

В экстремальных ситуациях от участников СВО требуется в первую очередь мобилизация психических ресурсов для совладения с ситуацией, в то время как кризисные ситуации влекут за собой необходимость переосмысления жизненных ориентиров.

Президент Владимир Путин 3 апреля 2023 г. подписал указ о создании Фонда поддержки участников специальной военной операции (СВО) «Защитники Отечества». 1 июня 2023 г. во всех 89 регионах страны начали работу его филиалы [1]. Работа Фонда направлена на выстраивание комплексной системы адресного и персонального социального сопровождения каждого ветерана специальной военной операции и каждой семьи погибшего.

За каждым участником СВО и членами семей погибшего участника специальной военной операции закреплен социальный координатор [3]. Он комплексно решает все актуальные вопросы с учетом индивидуальных потребностей. Оказывает помощь и содействие в получении всех полагающихся мер поддержки, включающей медицинскую и социальную реабилитацию, лекарственное обеспечение, психологическую помощь, обучение, переобучение и трудоустройство, обеспечение техническими средствами реабилитации.

Фонд содействует в оформлении документов и получении участниками СВО статуса ветерана боевых действий. Для выполнявших задачи в ходе СВО к подтверждающим документам относятся выписки из приказов Минобороны, командиров или начальников воинских частей. Наши социальные координаторы помогают участникам СВО собрать необходимый комплект документов, в т.ч. путем направления запросов в войсковые части [4].

Фонд оказывает бесплатную юридическую помощь ветеранам СВО, членам семей погибших бойцов по вопросам предоставления мер социальной поддержки.

Фонд также помогает ветеранам с инвалидностью с адаптацией жилья [2]. Специалисты анализируют жилищные условия, возможности их улучшений и организует работы по адаптации. Адаптация жилья позволяет создать комфортные условия проживания для людей с инвалидностью.

Одним из самых важных аспектов в социализации вернувшихся участников СВО является оказание содействия в Трудоустройстве и переобучении.

1. Указ Президента Российской Федерации от 03.04.2023 № 232 (ред. от 03.02.2024) «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.08.2024)
2. Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О ветеранах» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2024)
3. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 28.04.2023 № 429н «Об утверждении Требований к социальным координаторам, включая требования к их подготовке и правила их деятельности» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.09.2024)
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.05.2023 № 1168-р «Устав Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.09.2024)

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ДОСТУПНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА: ТЕХНОЛОГИЯ «ЯСНЫЙ ЯЗЫК»

*Новожилова Ольга Алексеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Современные подходы к преодолению дискриминации и избавлению от сегрегации и предрассудков в отношении инвалидов, полное вовлечение этой социальной группы во все аспекты жизнедеятельности общества накладывают особые условия на организацию городских пространств, а именно создание доступной среды. Доступная среда – это такое окружающее пространство, в котором любой человек, независимо от своих способностей, наравне с другими может реализовывать свое право на независимую жизнь, самостоятельно участвовать в социальной, политической и культурной жизни общества. Одним из условий доступной среды является возможность беспрепятственного доступа к любым объектам социальной, общественной, транспортной и иной инфраструктуры, а также может свободно передвигаться по любому выбранному маршруту [8].

Часто в дискурсе доступной среды и инвалидности речь идет о так называемом «универсальном» человеке. Э.К.Наберушкина пишет об универсализации человека в жилищной политике СССР, говоря об одинаковости высоты дверных проемов, количества и площади комнат, выключателей, рассчитанных на некоего «среднего» человека, чаще мужского пола, не учитывая индивидуальные особенности человека [5, 119].

То же можно применить к процессу создания безбарьерной городской среды. Говоря о доступности, инженеры чаще представляют себе человека, передвигающегося на кресле-коляске, реже человека с нарушением зрения. Эту мысль подтверждает тот факт, что первостепенным в нашей стране направлением создания безбарьерной среды является устранение барьеров путем установки пандусов везде, где это уместно и неуместно. Инвалиды по зрению также являются целевой аудиторией для создания комфортной городской среды: укладывают тактильную плитку, правильно или неправильно, но она тем не менее есть; оснащают светофоры звуковым сигналом. Таким образом, люди с нарушением зрения становятся на втором месте по важности формирования доступной среды. Отметим, что в Санкт-Петербурге на сегодняшний день 100% оснащение автобусов аппаратами, в то время как далеко не все светофоры оборудованы звуковыми сигналами и далеко не везде уложена тактильная плитка (программа Доступная среда). Также создают комфортную среду и для людей с нарушением слуха, однако не так быстро: специальными звуковыми панелями оснащены не более 10% зданий, в основном это специализированные учреждения, работающие с инвалидами.

Таким образом, безбарьерная среда в первую очередь формируется для людей, имеющих сенсорные нарушения, в основном, людей, передвигающихся на креслах-колясках. Это действительно та социальная группа, доступная окружающая среда для которых является крайне важной. Однако есть и другая группа, необходимость безбарьерной среды для которой как бы «стирается» из поля зрения специалистов, отвечающих за создание доступности. Это люди с нарушением интеллекта.

Ментальные или интеллектуальные нарушения – это такие функциональные изменения, при которых человек испытывает трудности умственных операций, в общении, в социальных навыках и навыках самообслуживания. Людям с ментальными нарушениями обучение и развитие дается медленнее и труднее, чем другим. К особенностям данной социальной группы можно отнести нарушения физического и когнитивного развития, которые являются причинами ограничения включенности человека в полноценную

общественную жизнь [1]. Люди с нарушением интеллекта в подавляющем большинстве имеют 1 группу инвалидности или статус инвалида с детства.

В России насчитывают более 150 тыс. человек (от 18 лет и старше) с психическими расстройствами, более 10 тыс. человек с речевыми и языковыми дисфункциями, что говорит о многочисленности группы и важности реализации мероприятий для нее [6]. Учитывая недостаточную сформированность системы мероприятий, направленных на восполнение особых потребностей данной группы, социальная адаптация у таких людей проходит достаточно трудно. Кроме того, стигматизация этой группы, то есть предубежденное к ним отношение по факту наличия у них соответствующего диагноза, является причиной их дополнительных страданий, препятствует включению их в жизнь социума, и, как следствие, ухудшает социальную адаптацию.

Отметим, что в нашей стране с советских времен было принято отдавать людей, принадлежащих данной социальной группе в специализированные учреждения закрытого типа, условия проживания в которых были далеко не идеальными [3]. Сегодня эта тенденция постепенно снижается, люди с нарушением интеллекта остаются и воспитываются в семьях. Условия проживания в специализированных интернатах также изменились в лучшую сторону [3]. Специалисты таких учреждений стараются научить своих подопечных навыкам самообслуживания и самостоятельного (сопровождаемого) проживания. Особенности построения доступной среды для этой социальной группы будет создание специальных технологий, используя которые человек с когнитивными нарушениями сможет вести независимую жизнь.

В нормативных документах по доступной среде упоминается такая технология как «ясный язык». Например, в Методическом пособии для обучения (инструктирования) сотрудников учреждений МСЭ сказано, что необходимо устранить «барьеры по предоставлению информации («ясный язык» или «легкое чтение»), организовать сопровождение» [4, 18]. Однако на практике вопросом создания доступной среды для людей с ментальными нарушениями почти никто не занимается. Зачастую специалисты по доступной среде сами не знают, как реализовывать эту технологию. Поэтому необходимо провести анализ данной технологии, разобрать ее особенности и проблемы ее реализации на практике.

Ясный язык – это методика представления письменной информации, которая подходит для людей с ментальными нарушениями. Этот метод возник в 60-е, в Россию пришел в 90-е, но до сих пор редко используется в нашей стране. Эта технология также включает в себя альтернативную коммуникацию. Метод альтернативной коммуникации сегодня очень популярен. Часто он построен на принципе замещения текста картинкой, для людей, не умеющих читать. Предполагается, что картинка поможет лучше понять смысл действия для человека с ментальными нарушениями. Часто символы используются для улучшения понимания письменной информации, однако эффективность этого остается в значительной степени непроверенной. В 2007 году в Журнале прикладных исследований интеллектуальной инвалидности вышла статья британских исследователей из Института изучения здоровья А.Понселас и Г.Мерфи (Angela Poncelas, Glynis Murphy), в которой авторы анализировали вопрос: помогают ли символы лучшему пониманию [9]. Их исследование было проведено во время выборов, и его целью было проверить, улучшает ли манифест, основанный на символах, понимание этого материала людьми с ограниченными интеллектуальными возможностями. Были созданы две версии упрощенного манифеста: текстовая и символьная (с текстом). Участники были случайным образом разделены на две группы: одна получала текстовую информацию, а другая — символьную информацию (с текстом). Им задавали ряд вопросов о материале как сразу, так и через некоторое время

после этого, чтобы оценить понимание. В результате данного исследования обе группы дали относительно низкий уровень понимания, при этом группа с символами (и текстом) не показала лучшего понимания, чем группа только с текстом. Однако те, у кого были лучшие показатели понимания языка, и те, у кого были лучшие навыки чтения, как правило, демонстрировали более высокое понимание манифеста в обеих группах. В группе символов те, кто сказал, что видели символы раньше, также показали значительно лучшее понимание материала. На основании полученных данных ученые сделали вывод, что добавление символов к простым текстам не обязательно улучшает их понимание людьми с ментальными нарушениями.

Из примеров создания доступности для людей с нарушением интеллекта можно привести ПАО «Сбербанк», который подхватил инициативу создания безбарьерной среды для своих клиентов, а кроме этого выпустил гайд для других организаций, в котором подробно изложено для кого необходимо создавать информацию на простом и ясном языке [2].

В 2021 году некоторые благотворительные фонды создали проект «Простыми словами», посвященный ясному языку и доступной коммуникации [7]. Проект подразумевает вовлеченность бизнеса и организаций путем перевода на ясный язык ресурсов и документов организации, при этом в проекте заняты специалисты, готовые помочь с переводом. Такие проекты способствуют социальной адаптации людей с нарушением интеллекта, дают возможность проявить им самостоятельность и право на полноценную жизнь.

В заключение отметим, что технология ясного языка в России находится на стадии своего становления, и далеко не все специалисты понимают необходимость ее формирования. Тем не менее развитие этой технологии будет способствовать улучшению социальной адаптации людей с ментальными нарушениями, позволит повысить их роль и трудовой потенциал в обществе.

1. Белимова П.А. Способность лиц с нарушением интеллекта к интерпретации общественных знаков // Психология и психотехника. 2023. №2. С. 101-109
2. Доступные языки и инклюзивная коммуникация / Сбербанк. Режим доступа: https://www.sberbank.com/promo/plain_language_guide/
3. Клепикова А.А. Наверно я дурак: антропологический роман. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 432 с.
4. Методическое пособие для обучения (инструктирования) сотрудников учреждений МСЭ и других организаций по вопросам обеспечения доступности для инвалидов услуг и объектов, на которых они предоставляются, оказания при этом необходимой помощи Р.Н. Жаворонков, Н.В. Путило, О.Н. Владимирова и др.; Министерство труда и социальной защиты населения Российской Федерации. В 2-х Ч. М., 2015. - 555 с.
5. Наберушкина Э.К. Город для всех: социологический анализ доступности городского пространства для инвалидов // ЖССА. 2011. №3. С.119
6. Положение инвалидов // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>
7. Проект «Простыми словами». Режим доступа: <https://sindromlubvi.ru/easytoread/>
8. Шрейбер А.А., Семенова С.А. Учет экономического фактора при формировании безбарьерной среды жилых районов города // вестник МФЮА. 2012. №2. С. 62-70
9. Poncelas A., Murphy G. Accessible Information for People with Intellectual Disabilities: Do Symbols Really Help? // Wiley. Online Library. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1468-3148.2006.00334.x>

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА СЕМЬИ СРЕДИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

*Рогова Анна Михайловна
(СпбГУ)*

*Давыдов Сергей Анатольевич
(СПБГЭУ)*

Формирование позитивного имиджа семьи среди молодежи можно рассматривать как часть молодежно-социальной работы и как часть семейной политики. Данная проблема актуальна в связи со снижением рождаемости и отрицательным приростом населения в большинстве регионов России.

Как справедливо отмечено в Послании Президента Федеральному Собранию на 2024 год «что не только экономика, качество социальной сферы влияют на демографию, на рождаемость, но и в огромной степени те жизненные ориентиры, которые закладываются в семье, формируются культурой, образованием, просвещением».[3]

Таким образом, укрепление семьи и формирование ее позитивного имиджа среди молодежи должно стать и частью процесса ее социализации, образования и воспитания. В рамках семейной политики уделяется внимание борьбе с бедностью среди семей с детьми, решению жилищного вопроса, совершенствованию правовой базы по социальной работе с семьей и детьми, например, издание Указ Президента Российской Федерации от 23.01.2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей». Таким образом, принимаются меры социально-экономического, правового и организационного характера, направленные на поддержку семейного образа жизни. В то же время, поддержка традиционных ценностей, в том числе ценностей семейного образа жизни остается государственной задачей, на выполнение которой должны работать все образовательные институты.[4]

Как показывают выборочные социологические исследования, большая часть опрошенной молодежи считает семью важной ценностью. Так, 81,6% среди опрошенных студентов считают семью важной ценностью, наряду с такими, как здоровье, любовь, дети. В то же время, отмечают девальвацию зарегистрированного брака, толерантное отношение к разводу, снижение ценности детей в семье.[2]

На основании полученных данных в социологических исследованиях, отмечают важность специального курса в учебных заведениях, таких как «Семьеведение» для формирования гармоничных отношений в браке.[2]

Часто указывают роль СМИ в формировании имиджа родительства, которые «внушают и диктуют современному обществу свои «вымышленные», а порой даже ложные стереотипы и стандарты»[1].

В настоящее время проблема формирование позитивного имиджа семьи и подготовка молодежи к браку остается за кадром эмпирических исследований. Большинство социологов выделяют в процессе формирования семейных ценностей у молодежи как целенаправленные (образование, воспитание), так и стихийные воздействия(СМИ, Интернет).

В рамках профилактической парадигмы социальной работы с семьей и с молодежью формирование позитивного имиджа семьи должно стать превенцией разводов, семейного неблагополучия, семейных конфликтов.

Таким образом, нужна система мер со стороны различных социальных институтов, учреждений и организаций, направленных на формирование позитивного имиджа семьи. В

рамках социальной работы актуальным должно стать формирование социальных технологий, методик для работы с различными социально-демографическими категориями молодежи, направленных на формирование позитивного отношения к семье.

1. Левковская Н.А. Коммуникативное воздействие СМИ на формирование социальных представлений об имидже современной матери у молодежи С. 129//Общение в эпоху конвергенции технологий: : сб. науч. трудов [Электронный ресурс] / отв. ред. Карпова Н.Л., Петрова Е.А., Зотова О.В.; редкол.: Лабунская В.А., Пашукова Т.И., Пчелинова В.В., Рябикина З.И., Скрипкина Т.П.; ФГБНУ «ПИ РАО». – Электрон. дан. – М.:ФГБНУ «ПИ РАО», 2022. С.128-131
2. Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия : монография / Т. К. Ростовская [и др.] ; отв. ред. Т. К. Ростовская ; ИДИ ФНИСЦ РАН. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2024. – 472 с.
3. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>
4. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОПРОВОЖДЕНИЯ ЛЮДЕЙ С РАС

Чикова Евгения Викторовна

(Уральский федеральный университет, Санкт-Петербургский государственный университет)

Исследование выполнено в СПбГУ при поддержке РФФ, проект № 24-18-00542 «Экосоциальная модель социального государства в России: концептуальные основы, дискурсы, институты».

По данным Всемирной организации здравоохранения в мировом масштабе растет частота встречаемости расстройств аутистического спектра (РАС) среди детей: если в 2014 году ее показатель составлял 1 к 160, то в 2022 данный диагноз присутствовал уже у каждого ребенка из ста [5]. В России на текущий момент отсутствует верифицированная статистика выявленных случаев РАС. Однако Министерство здравоохранения оценивает уровень распространенности данного диагноза среди несовершеннолетних на уровне 1% процента от детской популяции, что в совокупности составляет не менее 300 тысяч человек [2]. Наблюдается и увеличение численности взрослых с расстройством аутистического спектра, которое по разным оценкам на данный момент может составлять около миллиона человек от общего населения РФ. Таким образом значительным представляется и количество семей, воспитывающих детей и имеющих на попечении совершеннолетних с расстройством аутистического спектра.

Жизнеустройство таких семей подчас кардинально изменяется из-за обширного спектра проблем, с которыми они вынужденно сталкиваются. К числу последних могут быть отнесены:

1. постоянное стрессовое состояние и ухудшение физиологического состояния членов семьи за счет увеличения числа межличностных конфликтов вследствие неприятия диагноза, резкого изменения повседневного распорядка, неравномерного распределения внимания родителей между ребенком с РАС и его нормотипичным братом/сестрой;

2. нарушения в части привычного социального взаимодействия: ограничение социальных контактов с родственниками или ближайшим окружением из-за самостигматизации или опасений по поводу общественного неприятия, в том числе, из-за проявления нежелательного поведения у ребенка с РАС;

3. риски снижения качества жизни семьи в части материальной составляющей из-за значительного роста расходов бюджета семьи на содержание ребенка с РАС при одновременном сужении карьерных перспектив родителей, невозможности трудоустроиться на полный рабочий день и т. д. [1]

Тем не менее семья, членом которой является ребенок или взрослый с РАС, имеет возможность повысить качество жизни за счет обращения к разнообразию ресурсов внешней среды. М. Предеску, Л. Аль Гази и И. Дарьян отмечали, что помимо микросистемы семьи вносят свой вклад в удовлетворение потребностей людей с РАС субъекты мезосистемы (детский сад, школа), экосистемы (социальные службы, медицинские учреждения, общественное окружение родителей) и макросистемы (государство и государственная политика) [4].

Все они образуют общую экосистему сопровождения людей с РАС, каждый из элементов которой не только отвечает за предоставление им определенного спектра медицинских, психологических, педагогических, социальных и иных услуг, но и

содействует образованию поддерживающей среды. Последняя также формируется усилиями сообщества родителей детей, имеющих нарушения в развитии, и взрослых людей с различными формами ограничения автономии, профессионального сообщества специалистов в области здравоохранения, образования, социальной защиты государственного, некоммерческого и коммерческого секторов, а также представителей органов власти.

Каждая из трех упомянутых сторон ориентирована на участие в создании новых востребованных услуг, сервисов и товаров, содействующих появлению новых возможностей адаптации людей с РАС и повышению качества жизни их семей, для чего прибегает к внедрению цифровых технологий, применение которых способствует образованию цифровой среды. Под цифровой средой мы подразумеваем объединение трех элементов: цифровых устройств, программного обеспечения и интеллектуальных систем, а также специалистов, обладающих определенным уровнем цифровой грамотности. В данной статье рассматривается формирование цифровой среды экосистемы сопровождения людей с РАС как процесса наполнения ее цифровыми компонентами.

Так специалисты медицинской сферы рассматривают возможность использования цифровых технологий как дополняющего элемента стандартизированных диагностических процедур. Прежде всего это касается размещения на информационных площадках частных медицинских и некоммерческих организаций онлайн-анкет самообследования, предназначенных для родителей и опекунов, столкнувшихся с проявлениями поведенческих отклонений у несовершеннолетних. Другая траектория развития диагностических инструментов предполагает использование искусственного интеллекта. Последний может быть задействован в части применения метода автоматизированного видеоанализа, при котором поведенческие отклонения могут фиксироваться на протяжении длительного времени и без вторжения в личное пространство пациента с подозрением на диагноз РАС, дополняя результаты личного наблюдения врача. В качестве еще одной используемой альтернативы может рассматриваться работа с большими данными, предполагающая разработку цифровой базы, наполняемой информацией о диагностируемых случаях РАС. Представленная база пополняется данными, собранными в рамках анамнеза, диагностических обследований, в том числе с использованием компьютерных методов (КТ, МРТ) и на основе внедренных алгоритмов машинного обучения выявляет закономерности, позволяющие сделать заключение о наличии у обследуемого предполагаемого диагноза [3].

На уровне раннего вмешательства и включения ребенка с РАС в систему дошкольного и школьного образования активно начинается психолого-педагогическая коррекционная работа, которая также предполагает интенсивное использование ассистивных технологий. Одной из основных трудностей у несовершеннолетних с РАС является нарушение сферы речевой коммуникации, что также осложняет для них процесс обучения. В силу этого специалисты психолого-педагогического профиля в своей деятельности активно используют цифровые устройства, прежде всего телефоны и планшеты, и мобильные приложения, созданные для развития речевых навыков и расширения круга социального взаимодействия детей. Несколько менее популярны в российской практике приложения, ориентированные на обучение детей с РАС определенным поведенческим социальным нормам, а также игровые приложения, предназначенные для снижения тревожности. Отдельную группу приложений образуют так называемые айтрекеры, коммуникаторы предназначенные для людей с аутизмом и тяжелыми множественными нарушениями, например, частичной парализацией. Айтрекер

позволяет наладить взаимодействие обучающегося с помощью направления взгляда на дисплей.

В свою очередь педагоги коррекционных и ресурсных классов ориентированы на создание электронной образовательной среды, позволяющей снять барьеры двигательных, поведенческих и сенсорных нарушений у обучающихся с РАС. Для этого они используют не только ранее упомянутые ассистивные приложения но и цифровые программы, направленные на решение определенных образовательных задач, например, развитие навыков чтения или арифметического счета. В качестве еще одного развиваемого направления может быть упомянут формат дистанционного обучения, рассчитанный на включение в образовательный процесс детей с тяжелыми формами инвалидности за счет устройств и приложений текстовой, голосовой и видеосвязи, используемых массовым пользователем (Telegram, WhatsApp, Сферум, Яндекс.Телемост).

Цифровые решения внедряются и в сферу социального обслуживания, где ведущая роль принадлежит социально ориентированным некоммерческим организациям (СО НКО). Инкопорировавшись в цифровую среду, СО НКО в первую очередь реализуют функцию информационного агрегатора, концентрируя на своих цифровых площадках (сайт, страницы социальных сетей, каналы и чаты в мессенджерах) данные о субъектах инфраструктуры сопровождения людей с РАС и доступных услугах. СО НКО также выполняют роль медиатора, организовывая в онлайн формате взаимодействие клиентов, родителей ребенка или совершеннолетнего с РАС, и специалистов сфере педагогики и психологии, медицинской сферы, равно как и сами организуют онлайн консультирование по широкому спектру вопросов.

Отметим, что цифровая среда содействует формированию междисциплинарной команды специалистов, внутри которой существует преемственность сопровождения установленных случаев расстройства аутистического спектра прежде всего в том, что касается обмена информацией и взаимного обучения.

Таким образом за счет формирования цифровой среды внутри экосистемы сопровождения формируется потенциал повышения качества и доступности предоставляемых услуг, повышается способность к взаимной интеграции субъектов, являющихся частью поддерживающей среды, но имеющих разную ведомственную и/или секторную принадлежность, снижается воздействие спектра психологических, социальных, экономических проблем на жизнеустройство людей с РАС и их семей.

1. Старшинова А. В., Чикова Е.В. Возможности НКО в помощи детям с расстройствами аутистического спектра // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 218-227. DOI: 10.17223/15617793/484/24.
2. Статистика аутизма в России и в мире // Фонд Обнаженные сердца. URL: <https://nakedheart.online/articles/statistika-autisma-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 09.09.2024)
3. Koehler J. C., Falter-Wagner C. M. Digitally assisted diagnostics of autism spectrum disorder // *Frontiers in psychiatry*. 2023. Vol. 14 (1066284). DOI: 10.3389/fpsy.2023.1066284.
4. Predescu M., Al Ghazi L., Darjan I. An ecological approach of Autism Spectrum Disorders // *Journal of Educational Sciences*. 2018. Vol. 38 (2). P. 31-43. DOI: 10.35923/JES.2018.2.0.
5. Zeidan J., Fombonne E., Scorch J., Ibrahim A., Durkin M.S., Saxena S., Yusuf A., Shih A., Elsabbagh M. Global prevalence of autism: a systematic review update // *Autism Research*. 2022. Vol. 15 (5). P. 778-790. DOI: 10.1002/aur.2696.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕДИЦИНЫ В КОНТЕКСТЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО И ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

*Сафонова Анна Сергеевна
(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)*

*Никифорова Наталья Владимировна
(Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Санкт-Петербургский филиал)*

*Попов Дмитрий Геннадьевич
(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)*

Анализ взаимодействия технологий и пользователей сегодня является динамично развивающейся областью социальный и культурных исследований, направленной на проблематизацию очевидностей и выявление проблемных полей интеракции для последующего улучшения опыта использования технологий или разработки новых решений. В ситуации резкого повышения социальной значимости технологий разработчикам и политическим институтам, отвечающим за внедрение технологий здоровьесбережения и обслуживания граждан, важно не просто иметь количественные показатели (число скачанных приложений, осуществленных онлайн записей к врачу, поданных заявлений), но и более детальную информацию о том, как этот опыт феноменологически был организован. Кроме того, технологии, составляя значимую часть повседневных практик, оказываются значимым фактором повышения или понижения уровня жизни, что оказывается критически важным для периода старости.

Процесс старения населения – глобальный тренд современного общества, являющий собой результат долговременных процессов напрямую связанных с вопросами демографии, миграции, государственной политики в области здравоохранения и развития, особенностями исторического опыта стран, обществ и регионов. Увеличение продолжительности жизни населения, трансформация институциональных агентов заботы о пожилых, ограничение мобильности вследствие пандемии, демографический дисбаланс и гендерное неравенство в сфере заботы о старшем поколении обуславливают необходимость изучения эффективных практик применения цифровых информационно-коммуникационных технологий с целью улучшения факторов социального взаимодействия пожилых, их положительного эмоционального состояния, стимулирования к социоэкономической деятельности, включенности в проекты цифрового здравоохранения, и как следствие, повышения уровня удовлетворенности состоянием физического, ментального и психологического здоровья. Сегодня значительная часть пожилых людей оказывается на периферии социально-экономических отношений и испытывает на себе все последствия цифрового неравенства. Остаются не до конца исследованными не только вопросы уровня информационной компетентности пожилых людей, но и их потребности, интересы и возможности, которые должны быть учтены при разработке и апробации инновационных технологических решений.

Цифровые технологии активно интегрируются в систему здравоохранения, что позволяет увеличить доступность медицины, повысить качество оказания врачебных консультаций, снизить нагрузку на систему здравоохранения в целом. Развитие научно-технического прогресса, глобальная информатизация, а также последствия и ограничения,

сформированные вследствие пандемии COVID-19, обуславливают глобальные тренды в развитии рынка цифрового здравоохранения как результата синтеза медицинских и информационных технологий.

Центральным актором цифровой трансформации сферы медицинских услуг выступает государство, а ключевыми нормативно-правовыми документами, регламентирующими данную сферу, Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья», Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, Федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)», Указ Президента РФ от 6 июня 2019 г. N 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года». Важно отметить, что в основе построения отечественной цифровой системы здравоохранения лежит концепция Единой государственной информационной системы в области здравоохранения (далее ЕГИСЗ) как вертикальной платформы, в рамках которой субъекты РФ получают легитимную возможность создавать централизованные регистры и базы данных результатов лабораторной и инструментальной диагностики.

За последние годы на рынок медицинских услуг в России вышли крупные и малые компании, значительно увеличив объем инвестиций в технологические стартапы в области здравоохранения. В цифровизации здравоохранения участвуют крупные государственные и частные ИТ-корпораций. Так, в 2019 году в результате объединения усилий компаний «Ростех» и «Ростелеком» было создано единое окно (цифровая платформа) предоставления медицинских сервисов для регионального и федерального сегментов ЕГИСЗ. Сбербанк создал проект SberHealth, объединив направления робототехники, искусственного интеллекта, VR- и AR- технологий в медицине. Крупный оператор сотовой связи «Билайн Бизнес» представил телемедицинский сервис «Мой Доктор», предлагающий консультации врачей для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а МТС инициировали запуск бесплатного мобильного приложения МТС 120/80, предназначенного для людей, страдающих гипертонией.

Однако на периферии дискурса оказываются важные вопросы коммуникационных и коммуникативных инструментов и методов интеграции цифровых медицинских продуктов и технологий в общественное сознание, создание систем информационной поддержки и публичного капитала происходящих в здравоохранении глобальных изменений, направленных как на преодоление барьеров и стереотипов применения инновационных медицинских устройств, так и на популяризацию медицинской сферы и общественного здоровья. Несмотря на растущую доступность медицинской информации, приложений для контроля и управления личными данными о физическом состоянии и гаджетов для самостоятельного контроля показателей здоровья (фитнес-трекеры, браслеты, часы, пульсометры, сенсорные устройства и др.), население третьего возраста имеет достаточно низкий уровень медицинской и информационной грамотности, что становится угрожающим фактором, когда без самодисциплины и внимательного отношения к личным физическим показателям здоровья встает вопрос о значительном снижении качества жизни.

Недостаток научных исследований, результаты которых могли бы послужить фундаментом для создания практических рекомендаций, касающихся экономических, организационных и информационно-коммуникационных аспектов предоставления медицинских услуг их получателям, привели к тому, что не разработаны концепции,

которые комплексно бы охватывали все аспекты оказания медицинских услуг в современных условиях.

Увеличение продолжительности жизни, ограничения, трансформация институциональных агентов заботы о пожилых, демографический дисбаланс и гендерное неравенство в сфере заботы (и, как следствие, психологическое состояние, получившие название «сендвич-синдром») обуславливают необходимость изучения эффективных практик применения ИКТ с целью улучшения социального взаимодействия пожилых, их положительного эмоционального состояния, стимулирования к социоэкономической деятельности, включенности в проекты цифрового здравоохранения, и как следствие, повышения уровня удовлетворенности состоянием физического, ментального и психологического о здоровья [2].

В период развития цифровых технологий ключевыми задачами становятся адаптация пожилых людей к изменяющимся условиям и обеспечение благополучного старения с применением цифровых практик заботы о себе. Тем не менее сегодня значительная часть пожилых людей оказывается на периферии социально-экономических отношений и испытывает на себе все последствия цифрового неравенства. Остаются неисследованными не только вопросы уровня информационной компетентности пожилых людей, но и их потребности, интересы и возможности, которые должны быть учтены при разработке и апробации инновационных технологических решений.

В качестве основных методов сбора и анализа данных рекомендуется применение социологических методов исследования: опросных методов, таких как массовый количественный опрос (методом онлайн-анкетирования) среди представителей группы пожилых, комплекс глубинных интервью по различным тематикам (поведенческие практики пожилых в интернете, отношение к технологиям и их возрастающей роли в повседневных взаимодействиях, в том числе в сферах взаимодействия с государством и медицинскими учреждениями), а также глубинные интервью с разработчиками технологий, серии экспертных интервью с активными представителями различных сообществ в сети интернет, с целью выяснить, как именно люди старших возрастов пришли к высокой активности в сети и как они оценивают современные технологии, их значимость и перспективы использования людьми разных возрастов.

Метод контент-анализа документов, а именно текстов государственных программ и постановлений, материалов средств массовой информации, освещающих крупные государственные и частные инновационные проекты, поможет в систематической оценке и интерпретации информации, содержащейся в текстовых материалах.

Изучение данного вопроса предполагает обращение к разным областям и формам социальной практики и привлечение обширного репертуара методологических подходов. Так, медицинская антропология позволит прямо использовать методы включенного наблюдения в рамках исследования проблем здоровья и здоровьесбережения в широком социокультурном и биокультурном контекстах. Методы цифровой антропологии, в частности нетографический метод исследования представляет собой объединение социологических и антропологических методов исследования: исследование сообществ и коммуникаций, происходящих в них, причем осуществляемое через призму интернет-взаимодействия людей и формирования групп в интернете. В рамках работы с документами научно-технической политики и анализа институтов цифровизации возможно применение концепта социотехнического воображаемого, который предполагает, что в дизайн и проектные характеристики технологических систем и объектов «вписаны» представления о будущем, проекции будущего, разделяемые определенным сообществом (национальным, профессиональным, социальным). Для выявления представлений об образе пользователя и

желательных сценариях и принципах адаптации технологий могут быть привлечены методы дискурс-анализа (А. Дюран, К. Маккомас, М. Нисбет, Дж. Шанан) [1]. Интерпретативный анализ может позволить выявить дискурсивные стратегии, с помощью которых продуцируется и распространяется социотехническое воображение о цифровизации и пользовательской роли.

Таким образом, требуется комплексное рассмотрение проблемы взаимодействия пожилых людей с цифровыми технологиями и участия этого опыта в повышении качества жизни, а именно того, как пожилые пользователи инкорпорируют технологии в повседневность, какие стратегии применяют при использовании технологий (насколько выполняют и понимают предписания, заложенные в дизайн программ, как ищут ответы и получают результат и т.д.). Значимым результатом подобных исследований может стать сравнение концептуализации «идеального пользователя», заложенной в программных документах по научно-технологической политике и в дизайне технологий с реальной фигурой пользователя и персональной феноменологией использования технологий.

1. *Абабкова М. Ю. и др. Инженеры смыслов в новой реальности: тренды и практики коммуникационной индустрии: коллективная монография. – 2022.*
2. *Кутовая С. В. Об активности пожилых людей в социально-экономической сфере //Социологические исследования. – 2020. – №. 1. – С. 143-146.*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В МИЭП МГИМО В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Смирнова Любовь Андреевна

(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет)

*Министерства иностранных дел Российской Федерации» МИЭП
Одинцовский филиал)*

Ярлова Татьяна Викторовна

(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет)

*Министерства иностранных дел Российской Федерации» МИЭП
Одинцовский филиал)*

Аннотация: Вопрос сохранения мира на Земле особенно остро существует в наше время, когда развитие техники и вооружения представляет собой угрозу для всего человечества. Именно поэтому одной из важных проблем современной реальности является подготовка специалистов - социальных работников, способных обеспечить безопасность нашей страны и не допустить катастрофы мирового масштаба.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, социальный работник, глобализация, условия современного мира, информатизация.

События, происходящие в современном мире, привели к усилению напряжённой обстановки на международной арене, что вызывает потребность в компетентных профессионалах, занимающихся налаживанием взаимоотношений с другими странами. Развитие инновационных технологий способствует появлению необходимости пересмотра и поиска новых средств, форм и методов обучения, помогающих выпустить специалистов, умеющих вести грамотную политику по экономической и энергетической безопасности в условиях современного мира [3].

Благодаря научно-техническому прогрессу изменения в современном мире происходят с такой скоростью, что от специалиста любой области требуется умение непрерывно воспринимать и самостоятельно осваивать информацию. Сегодня новые открытия и изобретения осуществляются чаще, чем длится период трудовой деятельности одного человека, который должен быть готов к восприятию инноваций на протяжении всей своей жизни и карьеры. Ситуация такова, что профессионалу любой сферы ежедневно приходится сталкиваться с задачами и проблемами, требующими быстрого и чёткого решения. Формирование специалистов, способных меняться вслед за переменчивым миром, возможно при условии проведения учебных занятий таким способом, где студентам не даются готовые знания, а они приобретают их в ходе решения различных задач и поиска выхода из проблемных ситуаций, которые преподаватель ставит перед аудиторией.

Процесс глобализации, вызванный научно-техническим прогрессом, способствует усилению и ускорению взаимодействия между представителями различных государств, носителями разных культур, что не может не отразиться на ходе обучения, и на высшем образовании, в частности, [4, с. 713–715]. Способность устанавливать контакт и

находить пути выхода из многочисленных проблемных ситуаций, которые могут возникнуть между представителями различных цивилизаций – важная задача современной педагогики высшего образования. Данное обстоятельство не может не отразиться на формах, приемах, средствах и методах проведения аудиторных занятий и организации самостоятельной деятельности студентов [6, с. 143–147].

В особенности описанные выше качества необходимы социальным работникам, деятельность которых предполагает непосредственное и постоянное взаимодействие с другими людьми, от них зависит успешный результат международной политики. Не являются исключением и студенты Международного института энергетической политики и дипломатии МИЭП МГИМО МИД России, в частности учащиеся Школы бизнеса и международных компетенций [2].

Это обстоятельство заставляет серьезно подходить к процессу обучения и воспитания будущих социальных работников, студентов данного учебного заведения. Специалисты, которым предстоит представлять нашу страну на международном уровне, должны обладать следующими компетенциями: умственные способности, организаторские и перспективные качества, тактичность, эмоциональная устойчивость, волевые умения [1, с. 1–5], осведомленность в области IT-технологий [5, с. 108-112] и т.д.

Таким образом, подготовка будущих специалистов, которым предстоит обеспечение энергетической и экономической безопасности страны, должна быть ориентирована на развитие способности самостоятельного овладения новой информацией, формирование профессионально-значимых качеств, умение анализировать, обобщать получаемые сообщения, грамотно и быстро реагировать на изменения, происходящие в современном мире. От выпускников учебных заведений в целом, и МИЭП МГИМО в частности, сегодня требуется не просто обладание системой определённых знаний, но и способность поиска и применения на практике получаемой информации. Следовательно, уже к окончанию учебы должны быть сформированы соответствующие умения и навыки, благодаря которым удастся обеспечить экономическую и энергетическую безопасность на мировом уровне, предотвратив возможные кризисы, в том числе и вооруженные конфликты.

1. Антонова Е.С. Формирование общекультурных компетенций у студентов-международников // *Концепт*. - 2014. - №88. - С. 1-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-obschekulturnyh-kompetentsiy-u-studentov-mezhdunarodnikov> (дата обращения: 19.09.2024).
2. *Официальный сайт Международного Института Энергетической Политики и Дипломатии МГИМО МИД России. [Электронный ресурс]. URL: <https://miep-mgimo.ru/article/view/id/3691> (Дата выпуска: 11.03.2024).*
3. Степанов А.А., под общ. ред., Савина М.В., под общ. ред., Салыгин В.И., Гулиев И.А., Рыбин М.В., Степанов А.А., Яровава Т.В., Саркисян Ж.М., Савина М.В. *Управление инновационными процессами. М. : КноРус, 2024 - 231 с.*
4. Эмирсеитова Н.В. Глобализация международных отношений // *Форум молодых ученых*. - 2017. - №1 (5). - С. 713-715. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-mezhdunarodnyh-otnosheniy> (дата обращения: 19.09.2024).
5. Яровава Т.В. Влияние искусственного интеллекта на образование // *Педагогическое образование и наука*. - 2024. - № 3. С. - 108-112.
6. Яровава Т.В., Воробьева М.В. Наставничество как образовательный тренд современности // *Педагогическое образование и наука*. - 2024. - № 3. - С.143-147.

ТЕНДЕНЦИИ ИНВАЛИДИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сулимова Алина Алексеевна
(Санкт-Петербургский Государственный Университет)

*Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 24-18-00542
“Экосоциальная модель социального государства в России:
концептуальные основы, дискурсы, институты”, реализуемого в
СПбГУ.*

Инвалидность представляет собой значимую социально-экономическую проблему современного общества, требующую пристального внимания и глубокого анализа. Настоящее исследование, основанное на статистических данных Федеральной службы государственной статистики за период 2018-2023 гг., призвано выявить ключевые тенденции и факторы, влияющие на динамику инвалидности в стране.

На 1 января 2023 года в Российской Федерации проживало 10 933 000 лиц с инвалидностью. Распределение по группам инвалидности демонстрирует, что наибольшую долю составляют лица с третьей группой инвалидности (41%), за ними следуют инвалиды второй группы (40%) [5]. На долю инвалидов первой группы приходится 12%, а дети-инвалиды составляют 7% от общей численности лиц с ограниченными возможностями. Важно отметить, что за период 2018-2023 гг. наблюдается значительное снижение численности инвалидов первой и второй групп, в то время как число инвалидов третьей группы незначительно возросло, а количество детей-инвалидов существенно увеличилось.

Анализ структуры первичной инвалидности в 2022 году показал, что общее число лиц, впервые признанных инвалидами, достигло 565 тысяч человек [4]. При этом наблюдаются существенные различия в причинах инвалидности между взрослым и детским населением. У взрослых преобладают злокачественные новообразования (36%) и болезни системы кровообращения (28%), в то время как у детей ведущими причинами являются психические расстройства и расстройства поведения (31%), болезни нервной системы (18%) и врожденные аномалии (13%) [2]. Особую тревогу вызывает тенденция к увеличению числа инвалидов вследствие злокачественных новообразований среди взрослого населения, а также рост числа детей-инвалидов, особенно в связи с психическими расстройствами и болезнями нервной системы.

Демографический анализ инвалидности показывает, что в общей структуре преобладают женщины (55%), однако это соотношение существенно различается в зависимости от возрастной группы. Среди детей-инвалидов и лиц трудоспособного возраста преобладают мужчины, в то время как в группе инвалидов старше трудоспособного возраста доминируют женщины. Большинство инвалидов (56%) относятся к категории лиц старше трудоспособного возраста, что подчеркивает важность развития геронтологической помощи и поддержки [6].

Анализ региональных особенностей выявил значительные различия в распределении групп инвалидности по субъектам Российской Федерации. Наибольшая доля инвалидов первой группы наблюдается в Республике Хакасия, Сахалинской, Магаданской и Мурманской областях. Высокая доля инвалидов второй группы характерна для регионов Северо-Кавказского федерального округа, в частности, для Карачаево-Черкесской и Чеченской республик, а также Республики Ингушетия. Наибольшая доля инвалидов третьей группы зафиксирована в регионах Приволжского федерального округа, включая Пензенскую область, Чувашскую республику, Кировскую и Ульяновскую области. Эти

различия могут быть обусловлены рядом факторов, включая региональные особенности системы здравоохранения, экологическую обстановку и социально-экономические условия.

По данным Министерства труда и социальной защиты населения общее число организаций, осуществляющих полустационарное социальное обслуживание, увеличилось с 2 636 в 2022 году до 2 710 в 2023 году, что свидетельствует о росте сети социального обслуживания [1, 162]. Несмотря на увеличение числа организаций, общая численность получателей социальных услуг снизилась с 5 625 750 человек в 2022 году до 5 275 346 человек в 2023 году.

Социально-реабилитационные центры, несмотря на некоторое сокращение их количества с 410 до 367 учреждений, остаются одним из наиболее распространенных типов организаций в системе социального обслуживания. Однако наблюдается значительное снижение числа получателей услуг в этих центрах: с 663 030 человек в 2022 году до 520 367 в 2023 году, что составляет уменьшение на 21,5%. В то же время ситуация с реабилитационными центрами выглядит более стабильной. Количество этих учреждений практически не изменилось, незначительно сократившись с 236 до 234. При этом число получателей услуг в реабилитационных центрах, напротив, возросло с 178 530 до 188 625 человек, показав рост на 5,7% [1, 162].

Особое внимание необходимо уделить вопросу обеспеченности инвалидов средствами ухода и медицинской реабилитации. Хотя в целом по стране наблюдается относительно высокий уровень обеспеченности (75,8% инвалидов полностью обеспечены необходимыми средствами), выявлен существенный дисбаланс между городским и сельским населением [3]. Среди городских жителей с инвалидностью полная обеспеченность достигает 77,9%, в то время как среди сельских жителей этот показатель составляет лишь 69,6%. Это указывает на необходимость разработки мер по повышению доступности средств ухода и реабилитации для инвалидов, проживающих в сельской местности.

В 2022 году Федеральной службой государственной статистики было проведено исследование мнения инвалидов старше 15 лет об условиях проживания в своем населенном пункте - 70,8% указали на наличие проблем [6, 152]. Как и в случае обеспеченности средствами ухода и реабилитации, наблюдается разница в ответах городских (67,9% отметили наличие проблем) и сельских (77%) жителей. В рамках проведенного исследования был выявлен ряд ключевых проблем, волнующих респондентов. Анализ данных показал, что наиболее острыми вопросами для всей выборки являются: состояние дорог и безопасность дорожного движения (58% респондентов), неудовлетворительная организация работы жилищно-коммунальных служб (37,6%) и загрязнение окружающей среды (36%). При сегментации выборки по типу населенного пункта обнаружили некоторые различия в приоритетах проблем. Для городских жителей сохранилась общая тенденция, однако с несколько иным распределением: состояние дорог и безопасность дорожного движения (57,1%), загрязнение окружающей среды (47,2%) и неудовлетворительная организация работы жилищно-коммунальных служб (39,2%). Сельские жители продемонстрировали существенно отличающуюся структуру проблем. Помимо состояния дорог и безопасности дорожного движения (60,1%), высокую значимость для них имеет большая удаленность аптек (57,5%). Более 40% респондентов из сельской местности также отметили следующие проблемы: удаленность объектов для занятий физкультурой и спортом (47,6%), мест проведения отдыха и досуга (47,4%), недоступность медицинских услуг (45,5%) и неудовлетворительная организация работы общественного транспорта (42,7%).

Выявленные тенденции свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к решению вопросов, связанных с инвалидностью, учитывающего региональную специфику, возрастные особенности и различия между городской и сельской местностью. Особое внимание следует уделить растущей проблеме детской инвалидности, а также увеличению числа инвалидов вследствие злокачественных новообразований среди взрослого населения. Полученные данные подчеркивают важность дальнейшего развития системы социального обслуживания, повышения доступности средств ухода и реабилитации, а также улучшения городской и сельской инфраструктуры для лиц с ограниченными возможностями.

1. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2023: Стат.сб. / Росстат - М.,2023. – 284 с. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Soc_pol_2023.pdf
2. Федеральная служба государственной статистики / Положение инвалидов / Детская инвалидность / 8.4 Распределение впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по причинам, обусловившим возникновение инвалидности https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_8-4_2022.xlsx
3. Федеральная служба государственной статистики / Положение инвалидов / Медико-социальная экспертиза и социальное обслуживание инвалидов / 2.21 Обеспеченность и нуждаемость в обеспечении необходимыми средствами ухода и/или медицинской реабилитации https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_2.21_2015-2023.xlsx
4. Федеральная служба государственной статистики / Положение инвалидов / Медико-социальная экспертиза и социальное обслуживание инвалидов / 2.3 Распределение численности лиц, впервые признанных инвалидами, по причинам инвалидности https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_2-3_2022.xlsx
5. Федеральная служба государственной статистики / Положение инвалидов / Уровень инвалидизации в Российской Федерации / 1.3 Общая численность инвалидов по группам инвалидности по субъектам Российской Федерации https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_1.3.xlsx
6. Федеральная служба государственной статистики / Положение инвалидов / Уровень инвалидизации в Российской Федерации / 1.2 Распределение инвалидов по полу и возрасту https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_1.2.xlsx

СОЦИАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ ФИЛИАЛОМ ФОНДА «ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА» В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

*Ушакова Дарья Дмитриевна
(ПетрГУ)*

*Федосеева Ольга Владимировна
(ПетрГУ)*

Начавшаяся 24 февраля 2022 г. специальная военная операция (СВО) по денацификации и демилитаризации Украины и последовавшая затем мобилизация повлекли за собой появление новой социально-уязвимой категории граждан, состоящей из участников СВО разных статусов (мобилизованные, военнослужащие по контракту, добровольцы) и членов их семей.

Согласно численным показателям, представленным в Докладе Министерства внутренних дел Российской Федерации, на 2023 год боевой опыт в ходе проведения СВО получили 650 тысяч военнослужащих [1], что подтверждает актуальность исследования, проведенного весной 2024 года в Республике Карелия, посвященного теме социального сопровождения участников СВО и членов их семей филиалом фонда «Защитники Отечества», целью которого было изучение практики социального сопровождения участников СВО и членов их семей в Республике Карелия.

В ходе анализа законодательных актов, призванных обеспечить социальную защищенность рассматриваемой категории граждан, был сделан вывод о том, что процесс социального сопровождения участников СВО и членов их семей регулируется как ранее сформированной законодательной базой, так и новыми законами, принятыми в связи с проведением спецоперации.

Действующие в Карелии региональные меры поддержки участников СВО и членов их семей представлены широким спектром мер, включающим в себя денежные выплаты в соответствии с основанием назначения; меры поддержки в сфере образования и спорта; предоставление земельных участков военнослужащим, соответствующим утвержденным критериям, и их семьям; материальную поддержку в газификации индивидуальных жилых домов. Данные меры поддержки являются дополнением существующих федеральных мер.

Филиал Фонда «Защитники Отечества» (филиал, Фонд) в Республике Карелия был создан в соответствии с Указом Президента РФ «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции» от 3 апреля 2023 года №232.

Интервью с сотрудниками филиала Фонда позволило выявить следующие особенности работы организации. Координацию получателей услуг по существующим мерам поддержки и составление индивидуальных планов последующего сопровождения осуществляют социальные координаторы Фонда. При необходимости получатель услуг может здесь же получить помощь психолога. Также психолог консультирует сотрудников филиала, проводит лекции, осуществляет групповую работу по снятию стресса, который несомненно присутствует в работе.

Специфической представляется работа с личными данными получателей услуг. Особые требования к конфиденциальности, ставит вопрос о специализированном программном обеспечении, находящемся в настоящее время в разработке. Кроме того, такое обеспечение позволило бы осуществлять работу в формате «Единого окна»: на сегодняшний день работа устроена таким образом, что в каждое звено государственной

системы так или иначе нужно самостоятельно подать документы, чтобы получить конкретную льготу или услугу.

Также планируется реализовать возможность обращения в Фонд с помощью портала государственных услуг, что решило бы одну из главных проблем – многочисленные обращения граждан из нерегламентированной категории. Политика Фонда и личные качества сотрудников не позволяют однозначно отказывать в предоставлении помощи. Как правило, таким категориям граждан оказывается консультация относительно их дальнейших действий. Такие обращения, составляют больше 50% от общей совокупности, при этом проделанная работа не отражается в отчетной деятельности, показателях, на которые в частности сосредоточен государственный сектор.

Наиболее востребованные услугами, по мнению специалистов, являются - помощь в оформлении удостоверения ветеранов боевых действий или члена семьи погибшего участника СВО, медицинская помощь и юридическая.

Сотрудники прояснили, что содействие в оформлении удостоверения ветеранов боевых действий в основном оказывается бывшим участникам частной военной кампании «Вагнер». Ввиду того, что данная ЧВК прекратила свою деятельность, таким военнослужащим обратиться некуда, поскольку к военкомату они не относятся. Введение с 27 марта 2024 года электронного удостоверения ветерана боевых действий или члена семьи погибшего ветерана боевых действий значительно упростило документооборот.

Медицинская помощь, оказываемая филиалом включает в себя содействие в предоставлении необходимых мер медицинской направленности, изготовление протезов и паллиативную помощь. В Карелии получателей паллиативной помощи на сопровождении нет, но есть обращения за техническими средствами реабилитации и по вопросам адаптации жилья под нужды людей с инвалидностью.

Фонд занимается содействием в трудоустройстве и переобучении ветеранов боевых действий. В Петрозаводске среди получателей социальных услуг наиболее востребовано переобучение на специальности, связанные с компьютерными технологиями.

В части оказания юридической помощи в филиале фонда проходит прием юристов из юридического бюро и раз в месяц в филиале проводит личные приемы представитель военной прокуратуры.

Также филиал реализует социальные проекты, направленные на адаптацию и социализацию получателей услуг через спортивные и культурные мероприятия такие как «Кубок защитников Отечества» и проект «Женский клуб».

Одной из задач Фонда согласно Указу Президента «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» является мониторинг удовлетворенности участников СВО и членов их семей качеством оказываемых услуг. Специалисты филиала пояснили, что такой вид деятельности осуществляется путем личной беседы при выезде на дом к получателям социальных услуг. При поступлении информации о том, что какая-либо запрошенная услуга не оказана или оказана в недостаточной мере, запрос обрабатывается индивидуально и в последующем отражается в отчете.

В рамках данного исследования был проведен анкетный опрос 73 получателей социальных услуг о деятельности филиала фонда с целью оценки удовлетворенности его работой.

На просьбу оценить степень своей информированности о работе филиала и порядке предоставления социальных услуг 65 человек (89% от общей совокупности) отметили, что информированы хорошо, 4 человека дали своей информированность оценку «недостаточно», остальные 4 человека оказались не информированы.

На вопрос о том, удовлетворяют ли респондентов условия предоставления социальных услуг (помещение, имеющееся оборудование, хранение личных вещей и т.д.) 93% (68 человек) ответили, что условиями удовлетворены, 4% (3 человека) удовлетворены частично; 2 человека (3%) оказались условиями не удовлетворены.

Значительно меньше тех, кто удовлетворен, оказалось при ответе на вопрос о доступности к объектам и услугам в филиале для инвалидов и других маломобильных групп получателей услуг. Процент тех, кто считает, что такой доступ обеспечен, составил 75% (55 человек); затруднились ответить на этот вопрос 15 человек (20%); 3 человека посчитали, что доступ для маломобильных групп населения обеспечен частично (5%). при этом стоит отметить, что в филиале фонда «Защитники Отечества», расположенном в г. Петрозаводск обеспечена возможность воспользоваться находящимися там техническими средствами реабилитации и механизмом, призванном упростить передвижение по лестнице в несколько ступеней.

То, что сотрудники Фонда вежливы и доброжелательны, отметили 62 человека, что составило 84% опрошенных; затруднились ответить на данный вопрос 6 человек (8%), 5 человек посчитали, что сотрудники недостаточно вежливы и доброжелательны по отношению к ним.

Период ожидания как незначительный оценили 67 человек (91%); 5 человек ответили, что период ожидания услуг длительный (9%). Возможно, это связано со спецификой конкретных проблем, требующих большего срока предоставления услуг.

60 человек (82%) ответили, что порекомендовали бы обратиться в филиал фонда «Защитники Отечества» своим родственникам и знакомым, нуждающимся в услугах, оказываемых данным учреждением. Доля тех, кто затруднился ответить на поставленный вопрос, составила 13% (9%), остальные 3 человека не порекомендовали бы обращаться за помощью в филиал.

В целом высокая степень удовлетворенности получателей услуг работой филиала Фонда свидетельствует, что система предоставления услуг выстроена грамотно и ориентирована на индивидуальные потребности обращающихся за помощью.

Вместе с тем, в результате проведения анкетирования нам удалось подтвердить проблему, озвученную специалистами филиала фонда – большое количество обращений граждан из нерегламентированной категории.

Гипотеза исследования, сформулированная как предположение о том, что в Республике Карелия достаточным образом сформирована практика социального сопровождения участников специальной военной операции и членов их семей, позволяющая новой социально-уязвимой категории граждан получать необходимую социальную помощь и поддержку как со стороны общественных организаций, так и со стороны государства в целом подтвердилась, однако следует отметить, что в настоящее время еще идет процесс формирования слаженной работы, о чем свидетельствует, например, ожидаемое программное обеспечение, призванное весомо упростить работу специалистов.

<https://itogi2023.mil.ru/> [Электронный ресурс] : доклад Министерства обороны РФ "Итоги деятельности вооруженных сил Российской Федерации в 2023 году" // Электрон. дан. – [Москва], cop. 2023. – URL: <https://itogi2023.mil.ru/>. - (13.02.2024)

СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

*Шамкова Светлана Владимировна
(СПб ГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и
социальной работы»)*

За тридцатилетний период становления и развития профессиональной социальной работы, начиная с 1991 года, в России сформировалась система подготовки специалистов по социальной работе. Динамика общества и социальной структуры определяют необходимость корректировки подходов к подготовке специалиста. Более того, современная геополитическая и экономическая ситуация, актуализируя вызовы обществу в целом, способствует появлению новых социальных проблем и трансформации так называемых классических проблем социальной работы. Обсуждение вектора развития социальной работы в целом и системы подготовки специалистов, готовых эффективно функционировать в таких специфических условиях, – фундаментальные стратегические вопросы современной социальной сферы.

Рассмотрим некоторые особенности подготовки специалистов по социальной работе.

Объективное разнообразие функционала специалиста по социальной работе. Перед сегодняшним выпускником высшего учебного заведения, получившим диплом по направлению «социальная работа», предстает огромный выбор для трудоустройства. При этом, содержание деятельности будет обладать своей спецификой, а может и кардинально отличаться, требовать от специалиста определенных углубленных компетенций. Например:

специалист по социальной работе в учреждениях различных форм собственности (государственном учреждении социального обслуживания, социально-ориентированной некоммерческой организации, коммерческой организации);

специалист по социальной работе в различных сферах жизнедеятельности (системе здравоохранения, образования, социальном обслуживании, пенитенциарной системе и др.);

специалист по социальной работе, выполняющий разный функционал (диагностику, консультирование, медиацию, сопровождение, профилактику, внедрение инновационных практик и пр.);

специалист по социальной работе с различными категориями населения (дети и подростки, молодежь, трудоспособное население, граждане пожилого возраста, семьи, участники СВО, лица с ограниченными возможностями здоровья, зависимостями, девиантным поведением и пр.);

специалист по социальной работе разных уровней (микро-, мезо- и макроуровень).

Такая широкая палитра и разнообразие, с одной стороны, дают возможность выпускнику максимально реализоваться на рабочем месте, то есть выбрать ту нишу социальной сферы, которая будет способствовать успешному профессиональному становлению молодого специалиста. Отметим, что даже двадцать лет назад такой вариативности не было. С другой стороны, возникает вопрос о готовности выпускника эффективно функционировать в любом из вышеприведенных вариантов, а ведь в реальности, безусловно, их намного больше. Объем и содержание компетенций, их отражение в соответствующих дисциплинах, реализуемых в высшем учебном заведении, и содержание, четкая взаимосвязь с практической подготовкой – лишь некоторые дискуссионные позиции в современном социальном образовании.

Как и в любой профессиональной деятельности, в социальной работе должны быть определены индикаторы результативности, нормативы, стандарты и пр., то есть ориентиры

для специалиста. Но сущностная основа социальной работы, заключающаяся в росте благополучия населения и помощи нуждающимся людям, нередко вступает в противоречие с теми нормативами, которые не подразумевают вариабельности. Основной вопрос для обсуждения в профессиональном дискурсе – как определить и сформулировать стандарты, нормативы, задать количественные и качественные сервисные характеристики, совместить их с учетом индивидуального подхода. Начинающему свою практику специалисту необходимо встроиться в данную систему показателей.

Необходимость постоянного повышения квалификации специалистов по социальной работе тесно связана с профессионально-личностным развитием специалиста. Более того, специфика заключается в необходимости организации такой системы повышения квалификации, которая будет направлена на формирование личности, ориентированной на высокие профессиональные достижения. Обозначим некоторые проблемные вопросы в этой области:

неэффективность формального подхода к повышению квалификации;

трудность выделения реального времени в насыщенном графике специалиста, необходимого для приобретения новых знаний, умений, навыков;

субъектность повышения квалификации, наличие расхождений в понимании проблем практической социальной работы у «теоретиков» и «практиков» социальной сферы.

Проблема профессионального выгорания специалистов по социальной работе. Необходимость системной профилактической работы со специалистами понятна и данный вопрос часто освещается на разных уровнях. Подход, допускающий функционирование специалиста на пределе своих профессионально-личностных возможностей, с риском нанесения вреда получателю социальных услуг и собственного увольнения, недопустим, однако в практической сфере встречается. Он объясняется, нередко, организационными и прагматическими позициями (сложно выделить время в перегруженном графике специалиста, организовать индивидуальную и групповую работу и пр.). Обязательное интегрирование системы предупреждения выгорания, начиная с подготовки специалиста, очевидно назрело.

За относительно небольшой период, с момента включения должности «специалиста по социальной работе» в квалификационный справочник должностей, система подготовки вышла на достойный уровень. В прошлом остались крайне сложные условия, в которых начиналась подготовка специалистов в высшем учебном заведении - недостаток профильных преподавателей, отсутствие профессиональной литературы, учебников и учебных пособий, периодических изданий, трудность организации практической подготовки, в том числе контактной работы с практиками, реализующими технологии в недавно появившихся социальных учреждениях. Сегодня мы располагаем колоссальными возможностями для обучения и повышения квалификации. Важно суметь стратегически выверенно, адекватно современным рискогенным условиям, и совместными усилиями совершенствовать систему подготовки специалиста по социальной работе.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

*Шеломенцева Дарья Александровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Скорость и динамика развития современного общества предполагают не только рост социальных проблем, но и модернизацию механизмов их решения. Социальное предпринимательство является одним из подобных механизмов, который, однако, до сих пор не получил должного распространения. Возможности социального предпринимательства в системе социального обслуживания изучаются отечественными авторами, отмечающими, что включение данных предприятий в число социальных услуг осложняется рядом проблем, включая изменение ориентации предпринимателей на получение дохода, нежели на создание социальной ценности [3, 25]. Тем не менее, социальное предпринимательство в России находится на стадии становления и имеет большой потенциал.

Понятие «социальное предпринимательство» было законодательно закреплено в России только в 2019 г. в Федеральном законе "О внесении изменений в Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" в части закрепления понятий "социальное предпринимательство", "социальное предприятие" от 26.07.2019 N 245-ФЗ, где социальное предпринимательство определяется как предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей и способствующая решению социальных проблем граждан и общества [1]. Следует отметить, что в научной среде отсутствует единое понятие социального предпринимательства, что в некоторой степени осложняет понимание его сущности, функций и специфики деятельности. Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" расширяет возможности для негосударственных организаций, позволяя им быть поставщиками социальных услуг [2]. Социальные предприятия, являющиеся поставщиками социальных услуг, в отличие от социальных предприятий без этого статуса, могут претендовать на получение мер государственной поддержки, включая финансирование. Например, Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга предоставляет субсидии на выплату компенсаций поставщикам социальных услуг, которые включены в реестр поставщиков социальных услуг Санкт-Петербурга, но не участвуют в выполнении государственного задания (заказа), при получении у них гражданином социальных услуг, предусмотренных индивидуальной программой предоставления социальных услуг. Также возмещаются затраты, связанные с оказанием социальных услуг на дому в соответствии с социальным сертификатом. Государство привлекает некоммерческие организации и социальные предприятия в сферу социального обслуживания, что обусловлено стремлением к разгосударствлению социальных сервисов, которое ускорило после принятия Федерального закона о социальном обслуживании населения [4].

Однако, социальные предприятия не стремятся получить статус поставщика социальных услуг. Согласно данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, на 2024 г. на территории Северо-Западного федерального округа зарегистрировано 1442 социальных предприятия [5]. Наибольшее количество – в Ленинградской области (449 ед.) и Санкт-Петербурге (270 ед.). Для определения количества социальных предприятий, являющихся поставщиками социальных услуг, были использованы Реестры поставщиков социальных услуг Санкт-Петербурга и Ленинградской

области [6], [7]. Так, на территории Санкт-Петербурга лишь 3 социальных предприятия из 270 являются поставщиками социальных услуг (1,11%). В Ленинградской области – 16 из 449 предприятий (3,56%). При этом, следует отметить, что Санкт-Петербург и Ленинградская область входят в список лидеров по количеству социальных предприятий [8]. Согласно данным тех же реестров, на октябрь 2024 г. доля социальных предприятий в общем количестве поставщиков социальных услуг в Санкт-Петербурге составляет 2,52% (3 предприятия из 119 поставщиков) и 12,12% в Ленинградской области (16 из 132 поставщиков).

Следует подробнее рассмотреть категории граждан, имеющих возможность получать услуги у данных социальных предприятий. 3 предприятия на территории Санкт-Петербурга предоставляют социально-медицинские услуги в стационарной форме – это уход за пожилыми людьми. В Ленинградской области 11 предприятий также предоставляют социально-медицинские услуги, 5 предприятий – обслуживание на дому. Целевая категория – лица пожилого возраста. Эта категория является не просто доминирующей, но и единственной.

В рамках исследования была проанализирована деятельность двух социальных предприятий Ленинградской области. Метод исследования: структурированное интервью. Один из блоков вопросов был направлен на изучение финансовой устойчивости предприятия, включая государственную поддержку. Обобщая результаты исследования, можно выделить некоторые тенденции. Так, оба социальных предприятия оказывают социально-медицинские услуги и имеют статус поставщика социальных услуг. Социальные предприниматели подчеркивают, что статус поставщика социальных услуг дает им возможность получать гарантии от государства в виде субсидий и льгот. Выделяется и ряд проблем в процессе получения государственной поддержки. Один из респондентов упоминает излишнюю бюрократизацию процесса, что затрудняет и замедляет процесс получения субсидий и льгот. Другой же проблемой называют несвоевременность получения средств, выделяемых государством. Несмотря на вышеуказанные проблемы, системы государственной поддержки оцениваются социальными предпринимателями как эффективная. По мнению респондентов, именно механизмы государственной поддержки помогают предприятиям оставаться финансово устойчивыми в условиях кризисов, несмотря на возникающие сложности в процессе ее реализации. Другой блок вопросов был посвящен причинам основания предприятий. Социальные предприниматели не отрицают стремление к получению прибыли, аргументируя это тем, что хотели попробовать использовать свои знания и навыки в коммерческой структуре. Безусловно, социальный эффект деятельности предприятий играет не последнюю роль, и именно стремление к оказанию помощи уязвимым категориям населения становится социальной миссией предприятия.

Социальное предпринимательство, являясь мощным инструментом решения социальных проблем, вынуждено сталкиваться со множеством барьеров. Для дальнейшего развития института социального предпринимательства и полноценного его включения в систему социального обслуживания населения необходимо создать более благоприятные условия, включая упрощение процедур получения финансирования. Важно, чтобы государственные и частные структуры продолжали развивать механизмы поддержки, направленные на стимулирование инноваций в социальной сфере.

1. Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" в части закрепления понятий "социальное предпринимательство", "социальное предприятие" от 26.07.2019 N 245-ФЗ (последняя редакция).
2. Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" (последняя редакция).
3. Социальное предпринимательство и инвестирование: от теории к практике, коллективная монография / под ред. О.И. Бородкиной, А.В. Старишиновой. – СПб.: Скифия-принт, 2020 – 350 с.
4. Григорьева И.А., Парфенова О.А. Социально-ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания: барьеры и возможности // Журнал исследований социальной политики. Т.19. №1. С. 7-22.
5. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Режим доступа: <https://rmsp.nalog.ru/>
6. Реестр поставщиков социальных услуг Санкт-Петербурга. Режим доступа: <https://iss.ktsz.spb.ru/ISS/esrn/index/servproviders.htm>
7. Реестр поставщиков социальных услуг Ленинградской области. Режим доступа: <https://kszn.lenobl.ru/ru/deiatelност/reestr-postavshikov-socialnyh-и/>
8. Министерство экономического развития Российской Федерации. Годовая выручка социальных предпринимателей в России составила более 102 млрд. рублей (23.04.2024). URL: https://economy.gov.ru/material/news/godovaya_vyruchka_socialnyh_predpriimateley_v_rossii_sostavila_bole_102_mlrd_rublej.html (Дата обращения: 01.10.2024)

Секция 11: Семья, брак и демография в контексте традиционных российских духовно-нравственных ценностей

ВОЗМОЖЕН ЛИ СОЦИУМ ПРИЕМЛЕМЫЙ ДЛЯ СЕМЬИ С НЕСКОЛЬКИМИ ДЕТЬМИ: ВОЗМОЖНА ЛИ СЕМЬЯ КАК СУВЕРЕННЫЙ ПОСРЕДНИК МЕЖДУ ИНТЕРЕСАМИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА?

*Антонов Анатолий Иванович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В последнее время пространство публичной политики переполнено разговорами о «плохой демографии». В стране, где нет ни одного вузовского факультета демографии и нет факультета социальных наук о семье, все говорят о плохом положении дел в той сфере, где каждый знает как и зачем сходятся люди в браке и чем определяется число детей. Действительно, в стране неблагоприятная демографическая ситуация в связи с тем, тем что с 1964 года действует режим депопуляционного воспроизводства населения, ведущий к угасанию установок на семейность и к преобладанию неустойчивой из-за разводов семьи с одним - двумя детьми. К тому же с 1974 года средняя продолжительность жизни, приблизившись в 2022 году к средне - мировому уровню 72 лет, колеблется вокруг него, сохраняя огромный разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин.

В бытующем стереотипе «плохой» рождаемости и длительности жизни категорически утверждается, что причиной этого являются «плохие» условия жизни. Но почему тогда в одинаково плохих условиях женщины живут на 10 лет дольше мужчин, а в обеспеченных семьях рождаемость ниже, чем в бедных? Постулат о «плохих условиях жизни» как главной причине неблагоприятных демографических трендов появляется сразу как только заходит речь о ликвидации «плохой демографии» т.е. о том, что надо делать. И тут же предъявляется перечень того, что мешает жить вообще – недостаточный доход, неудовлетворительное жилье и т.п. Соответственно здравый смысл предполагает, что нужны именно меры материального характера, устраняющие «помехи» к деторождению.

К сожалению, в 1960-е годы многие ученые стали считать устранение этих помех средством экономического стимулирования рождаемости. Десятки меры демографической политики должны помогать семьям в реализации уже имеющихся у них намерений относительно числа детей, причем считалось, что у людей существует потребность иметь больше детей в случае ликвидации всех помех к рождаемости. Таким образом, стереотип обыденного сознания в качестве «фоновых ожиданий» – так это именуется в социологии феноменологического толка – конвенционально принимается на веру в методологических суждениях тех демографов, которые разрабатывают экономические меры демографической политики, рекомендуя их органам управления.

Однако практическое применение этих мер в виде детских пособий и материнского капитала показало их безуспешность – кратковременное и незначительное увеличение СКР с 1,44 в 2007 г. до 1,78 в 2015 г. (обусловленное увеличением численности репродуктивных когорт 80-х годов рождения) закончилось возвратом к показателям середины 90-х годов – к 1,41. Причём переключение материнского капитала на первого ребенка в 2020 г. не ускорило сроки его рождения, но явно перечеркнуло стимулирование третьих-четвертых детей, от которых лишь и зависит устранение депопуляции [1,4]. В связи с

продолжающимся воздействием структурного фактора – снижением численности репродуктивных когорт 1993-2006 года рождения, входящих в репродуктивный период и рожаящих первенца в 26-27 лет, второго ребенка в 30 лет и третьего в 33 года – следует ожидать дальнейшее снижение СКР в 2024-2032 гг. Когорты 1980-х годов рождения закончили свое формирование семьи и внесли позитивный вклад в рост СКР в 2007-2015 гг. и эхо этой демографической волны возможно скажется в 2030 годы. К сожалению, когорты 1990-х и 2000-х лет рождения (а также 2010-2019-х) воспитывались в том числе и под влиянием гендерной «свободы» от традиционных и брачно-семейных ценностей. Рассчитывать на их установки к средне-детности нельзя – по данным межрегионального исследования мнений 1200 супружеских пар СеДОЖ-2019 лишь 6% выросших в многодетных семьях мужей и жен, хотели и имеют трех детей, тогда как 3% семей с тремя детьми образовались там, где лишь кто-то один из супругов хотел третьего и смог переубедить другого [3].

Следует подчеркнуть, в связи с этим необходимость проведения одновременных опросов мужей и жен, позволяющих определить долю супружеских пар с несовпадением мнений, и где один из них имеет потребность в третьем. Именно на этом рассогласовании установок держится политика поощрения в том числе материального стимулирования – она не принуждает, а побуждает к согласию, к единению семейного МЫ. С другой стороны, введение налогов на малодетность, на разводы и бездетность, запретов разного рода на аборт, контрацепцию, и суррогатные технологии помимо своей неэффективности не отменяет ценностей, продуцирующих девиантное поведение по отношению к семье и браку.

Что можно ожидать в 2025-2034 годы по исправлению сложившейся демографической ситуации? Продолжительность жизни должна и может увеличиться на 5-7 лет, но разрыв в сроках жизни мужчин и женщин хотелось бы сократить не менее чем на 2-3 года. Активизация семейно-демографической политики, должна целенаправленно поддерживать тенденцию к постепенному сокращению убыли населения – поэтапно в 2039-2049-2059 гг. вплоть до полного её устранения, но не позже 2065 года. Возможен вариант через 30 лет – т.е. через ОДИН демографический год – возраст одного поколения матерей рожаящих поочередно в 25-28-30 лет троих детей. Когорта 2025 года рождения сугубо теоретически при правильной социализации в 2050 году обзаведется первенцем, в 2053 г. вторым и в 2055 третьим ребенком, причем в конце репродуктивного периода для достижения СКР 2,1 должно быть в этой когорте 51% семей с тремя и более детьми (35% с тремя, 14% с четырьмя и 2% с пятью и более детьми), 35% с двумя, 10% с одним и 4% бездетных. Подобный итог предполагает наличие потребности в нескольких детях у 90% данного поколения. Для этого недостаточно политики экономического стимулирования и ежедневной лобовой пропаганды трехдетности в СМИ, ориентированной на нынешние когорты 30-39 и 40-49 летних, не имеющих потребности в трех детях и способных дать лишь 10-11% семей с несколькими детьми.

Для этого надо так перестроить всю инфраструктуру социума на семейно-детный образ жизни, чтобы все рождающиеся в 2025 году и позже социализировались в атмосфере семьецентризма. Нынешний строй жизни, принуждающий семью как единственный институт воспроизводства населения //трудовых ресурсов// к малодетности посредством адаптации в разного рода внесемейных ситуациях с помощью компенсационных льгот и пособий, маскирует подспудное нежелание приспособить свое рыночно - прибыльное функционирование к осуществлению благополучного бытия суверенного института семьи с несколькими детьми.

Все достижения «прогрессивной» модернизации – индустриализации, урбанизации, рыночно-потребительской экономики вкупе с улучшением санитарно-гигиенических условий, ростом доходов, образования, женской занятости и профессионализации, развитием средств связи и коммуникации, СМИ, здравоохранения, транспорта и т.д.- как ни странно привели к институциональному кризису семьи [2]. Полифункциональность семьи в историческом процессе перехвата её специфических и неспецифических функций была сведена к обязанности рождения преимущественно одного ребенка и ухода за ним - даже специфические функции воспитания и образования перешли к специализированным институтам.

Суть семьи как института посредничества между несовпадающими интересами личности и общества, как суверенного института обеспечивающего взаимную респонсивность индивида и социума сведена на нет. В современном обществе все расчеты хозяйственно-бытовые и все экономические калькуляции сфокусированы на индивиде, а не на семье, которая в своей полной форме стала двухзарплатной, а в неполной-одиночно-зарплатной. Все перемещения транспортные ориентированы на пассажиров одиночек а не на семейную группу, также как посещение учреждений культуры, спорта, туризма и др. Фактически семья в социуме масс и толп стала изгоем и изолятом, а с точки зрения экономической – эксплуатируемым демографически пережитком, постоянно нуждающимся в помощи государства.

В нынешнем социуме тотального потребительства все внимание сфокусировано на отдельном Эго, сосредоточенном на собственном карьерном успехе. Ребенок как товар длительного пользования потерпел фиаско – удовольствия от малыша двух-пяти лет испаряются при наступлении отрочества и юности, затраты на детей перевешивают возможные плюсы, и поэтому отделение молодежи от родителей устраивало всех. Малодетная семья и структурно и социально-психологически уступает по многим параметрам семье среднедетной с 3-4-мя детьми. Именно семья с несколькими детьми характеризуется интенсивными взаимодействиями родителей и детей братьев и сестер, формирует качества необходимые для общения с другими людьми. Здесь имеются благоприятные предпосылки для формирования потребности в трансценденции, которая в ходе семейной социализации способствует возникновению потребности в детях как наивысшему проявлению альтруизма.

Центральной задачей новой семейно-демографической политики является задача формирования самотрансцендентной личности, ориентированной на семью и брак, на семейно-детный образ жизни в противовес нынешней социализации детей в духе рационального индивидуализма. Эта сложнейшая задача требует от общества создания тех видов деятельности, которые способствуют укреплению посреднической роли семьи. Стимулирование нынешних репродуктивных поколений не ведет к появлению у них самотрансцендентной потребности в 3-4-х детях и тем самым к ликвидации убыли населения. Постановка целей и задач новой семейно-демографической политики, ведущих к преобразованию общества в духе семейного пронатализма, предполагает создание центров по разработке проектов демографического развития страны, утверждаемых в качестве планов демографического развития страны и передаваемых министерствам для реализации в виде нормативных прогнозов и программ демографической политики.

1. Антонов А. И., Борисов В. А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. — Издательский дом Ключ-С Москва, 2006. — 192 с.

2. Антонов А.И. Долгий путь к нормативу нулевого воспроизводства: структурный и поведенческий аспекты. Социальная динамика населения и человеческий потенциал: Материалы VI Международной научно-практической конференции (Москва, 20-21 июня 2024 г.) / науч.ред. В.В Локосов. - М: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024. — М.: ООО Буки-Веди, 2024. — С.16–20.
3. И вместе, и врозь: социология взаимных представлений супругов (по результатам социологических исследований) / под ред. А.И. Антонова / А.И. Антонов, В.М. Карпова, С.В. Ляликова и др. М.: У Никитских ворот, 2022. — 270 с.
4. Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В. Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар // Уровень жизни населения регионов России. — 2021. — Т. 17, №1. — С. 121–131.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ТРУДОВОГО МИГРАНТА В РЕГИОНЕ

Бистяйкин Андрей Владимирович
(Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева)

В современной науке миграция как общественный феномен рассматривается с различных точек зрения, которые условно можно классифицировать на четыре подхода. Согласно первому подходу миграция представляет собой профессиональное, территориальное, социальное перемещение населения в пределах страны. Второй подход определяет миграцию как социально-географическую категорию, связанную с отраслевым и/или профессиональным перемещением людей через границы регионов, в том числе в общемировом масштабе. В рамках третьего подхода миграция рассматривается как массовое явление, имеющего сложную структуру. И, наконец, четвертый подход трактует миграцию как способ массового реагирования общества на сложившуюся социально-экономическую, социально-политическую и социокультурную ситуацию в стране.

Миграция представляет собой сложный социально-экономический и социокультурный феномен современного общества, массово и остро свидетельствующий обо всех масштабных общественных изменениях.

Происходящие процессы в современном мировом пространстве, существенным образом влияют на социокультурное развитие российского общества. В настоящее время меняется социально-демографический облик как страны в целом, так и ее отдельных регионов. Возрастает доля регионов, которые участвуют в процессах миграции населения. Если еще несколько десятилетий назад Республика Мордовия была «непривлекательной» в миграционном плане, то сегодня также выступает одним из субъектов притяжения мигрантов. С целью изучения проблем в социальной адаптации мигрантов нами было проведено исследование в форме опроса иностранных трудовых мигрантов, работающих в Мордовии на основании патента. Было опрошено 25 граждан Узбекистана (20 мужчин и 5 женщин), из них: 23 человека заняты на стройках г. Саранска и проживают в общежитии строительной организации, 2 человека заняты в торговле и проживают в квартирах. В возрасте 30-34 года были 25 % участвовавших в опросе мужчин и 60 % женщин. В интервале 35-39 лет находились 35 % мужчин и 40 % женщин. В возрастную группу 40-44 года вошли 30 % мужчин, еще 10 % ответили, что им 46 лет

Уровень образования иностранных трудовых мигрантов, участвовавших в опросе, не высок. Лиц с высшим образованием среди опрошенных не было. Среднее профессиональное образование имели 10 % мужчин и 40 % женщин. Наибольшая часть мужчин (40 %) и 20 % женщин имели начальное профессиональное образование. Еще 40 % женщин имели только основное общее образование. К этой группе по уровню образования относятся и 15 % мужчин. Общее среднее образование имели 35 % опрошенных мужчин.

Один из вопросов анкеты касался побудительных мотивов миграции. Среди основных причин миграции мужчины наиболее часто называли – работу – 75 %), остальные не захотели указать истинную причину, выбрали вариант ответа «другое». Все опрошенные женщины сказали, что оказались в Мордовии по причине воссоединения с семьей. Годом

ранее в г. Саранск для работы на стройке уехали их мужья. Когда мужчины обосновались на новом месте, перевезли свои семьи. Это принятая и понятая практика. Восточные семьи, как правило, многодетны. Для обустройства семьи с детьми требуются и значительное время, и особые условия.

Один из поставленных перед мигрантами вопросов был сформулирован так: «Какие вопросы, связанные с переселением, оказались для Вас самыми сложными?». Ответы на него распределились следующим образом. Для женщин единственной проблемой было расставание с родными. Они недавно переехали в г. Саранск к мужьям и переживают разлуку с другими членами семьи. У большинства женщин-мигрантов на родине остались родители, братья и сестры, взрослые дети. Половина мужчин как основную проблему социализации назвали сложности в общении с местным населением. Из оставшихся 10 мужчин 5 человек указали материальные проблемы, еще 5 уклонились от ответа.

Следующий вопрос был уточняющим предыдущий «Как складываются отношения с соседями?». Женщины единогласно ответили, находят общий язык с соседями. Так же считают только 10 % мужчин. Еще 10 % сказали, что отношения с соседями укладываются в формулу «терпим друг друга». Половина мужчин затруднились дать ответ, 1/4 часть сказали, что бывали и серьезные конфликты.

При ответе на вопрос о досуге разнообразия ответов получить не пришлось. Все женщины и 3/4 мужчин сообщили, свободное время посвящают встречам с земляками. Остальные 25 % мужчин уклонились от ответа. Хотя вариант «посещаем культурные места» не был выбран ни одним мигрантом, мы все-таки задали следующий, запланированный в программе исследования, вопрос: «Испытывали ли Вы неприязненное отношение к Вам при посещении публичных мест?», имея в виду не только театры, музеи или библиотеки, но и магазины, рынки, общественный транспорт, больницы, поликлиники и другие социальные объекты. Все женщины и 25 % мужчин сказали, что не замечали неприязни со стороны жителей г. Саранска. Но тот факт, что 75 % мужчин уклонились от ответа, может говорить о том, что не все респонденты были искренни в общении с нами, о чем-то они сообщить не захотели.

Однако распределение ответов респондентов на следующий вопрос «Испытываете ли Вы проблемы в общении с местными жителями?» поставили под сомнение наше предположение. Распределение ответов на этот вопрос было таким: утвердительно не ответил ни один из опрошенных. О том, что проблем в общении с жителями г. Саранска никогда не испытывали, сообщили 50 % мужчин. 25 % мужчин и 100 % женщин сообщили, что такие проблемы иногда возникают. Пятеро мужчин затруднились ответить. При ответе на вопрос «С чем связаны проблемы общения?» респонденты – женщины не были столь единодушны: 80 % сослались на различия в воспитании, 20 % назвали языковые проблемы, как и 60 % мужчин. Еще 20 % мужчин указали религиозные убеждения, 10 % – традиции, 20 % затруднились ответить. На предложение продолжить изучение русского языка женщины были единодушны и ответили утвердительно, голоса мужчин разделились поровну между двумя вариантами ответов: «да» и «затрудняюсь ответить». Вопрос «Предпринимали ли Вы попытки продолжить изучение русского языка?» расставил все по своим местам: Большинство респондентов (100 % женщин и 75 % мужчин) ничего для совершенствования владения русским языком не предпринимали. Только 5 человек ответили на этот вопрос утвердительно. Но что они делали для изучения русского языка, сказать не смогли, или не захотели. Поэтому при ответе на вопрос «Что именно Вы делали для совершенствования владения русским языком?» выбрали вариант «другое».

В случае болезни большинство опрошенных мужчин-мигрантов лечатся самостоятельно – такой ответ дали 85 % опрошенных. При этом респонденты сообщили,

что отсутствие на работе по причине болезни не приветствуется начальством. Так же поступают 40 % женщин, но все-таки большая их часть склонны обращаться за медицинской помощью. Готовы обратиться за помощью к врачу только 15 % мужчин-мигрантов; на такое их решение не влияет даже то, что большая часть женщин (60 %) в случае болезни обращаются в медицинское учреждение. Следует отметить, что в восточных государствах население зачастую придерживается медицины, основанной на традициях и обычаях народа в решении проблем со здоровьем, формировавшихся многие столетия или даже тысячелетия. Поэтому в том, что и находясь на территории другого государства, они продолжают лечиться народными средствами, ничего удивительного нет. Те женщины, которым пришлось обращаться за медицинской помощью, на вопрос «Испытывали ли Вы неприязненное отношение к вам при посещении лечебного учреждения?» ответили отрицательно, как и 2 мужчин, обращавшихся в последнее время к врачу, 1 уклонился от ответа.

При ответе на вопрос «Что больше всего поразило Вас в поведении местных жителей?» наиболее часто называли «много пьют» (50 % мужчин) и «отношение к старшим» (30 % мужчин). Наименее популярный ответ среди мужчин – «отношение к женщинам» (20 % мужчин-мигрантов). Восточных женщин больше всего в Мордовии удивляет то, как женщины одеваются летом.

После длительных раздумий, в которые поверг респондентов вопрос «Помощь в решении каких вопросов Вам более всего необходима?» большинство участников опроса назвали «проблемы со здоровьем». Так ответили 70 % мужчин и 100 % женщин. Оставшиеся 6 человек назвали бытовые вопросы и проблемы трудоустройства.

Не удалось получить искренние ответы на вопрос «Хотели бы Вы остаться жить в Мордовии постоянно?». Большинство респондентов дипломатично «затруднились ответить». 15 % мужчин ответили отрицательно. Еще 15 % были более категоричны и сказали: «ни при каких обстоятельствах».

Таким образом, проведенное исследование показало, что в Мордовию в целях трудоустройства приезжают в основном молодежь и люди среднего возраста. Среди основных причин миграции мужчины-мигранты наиболее часто называли работу. Для женщин единственной проблемой было расставание с родными. Половина мужчин как основную проблему социализации назвали сложности в общении с местным населением. Женщины единогласно ответили, находят общий язык с соседями. Половина мужчин затруднились дать ответ, некоторые сообщили, что бывали и серьезные конфликты. Мигранты, прибывающие в Республику Мордовия, испытывают проблемы, связанные с культурными различиями, национальными и религиозными традициями, а также бытовыми особенностями повседневной жизни постоянного населения региона и представителей других государств. Это мешает их успешной интеграции в местное общество, усложняет жизнь самих мигрантов и местных жителей.

1. *Аришин К.В. Трактовка феномена миграции в современной миграциологии / К.В. Аришин // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2021. – №1. – С. 13-17.*
2. *Воробьева О.Д. Миграционная политика России / О.Д. Воробьева. – М.: Юрайт, 2022. – 182 с.*
3. *Денисенко М.Б. Развитие населения и демографическая политика / М.Б. Денисенко. – М.: «Проспект», 2014. – 56 с.*
4. *Игонин Д.И. Проблематика миграции в политологическом анализе / Д.И. Игонин // Политика и общество. – 2015. – №8. – С. 1032-1043.*
5. *Катицын В.М. Миграционная политика: опыт России и зарубежных стран / В.М. Катицын. – М.: Норма, 2021. – 418 с.*

6. Кулешов Д.Н. Теоретико-методологические аспекты изучения миграции населения / Д.Н. Кулешов // Вестник ВЭГУ. – 2007. – №31-32. – С. 196-205.
7. Курман М.В. Актуальные проблемы демографии / М.В. Курман. – М.: Статистика, 1976. – 220 с.
8. Левин А.В. Анализ теоретико-методологических подходов к определению понятия «Глобализация» / А.В. Левин // Наука, техника и образование. – 2017. – №8. – С. 89-92.
9. Миграционная безопасность: социально-экономический аспект / под ред. Т.В. Лузиной. – М.: Проспект, 2022. – 142 с.
10. Осипов Г.В. Социологический словарь / Г.В. Осипов. – М.: Норма, 2022. – 608 с.
11. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения / В.И. Переведенцев. – М.: Наука, 1975. – 231 с.
12. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения / Л.Л. Рыбаковский. – М.: Юрайт, 2022. – 480 с.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕВИАНТНОГО РОДИТЕЛЬСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Бистяйкина Динара Асымовна
(Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева)

Максимова Алсу Руслановна
(Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева)

Родительство – важный компонент человеческого общества, сложный феномен, имеющий эволюционную историю, культурные и индивидуальные особенности.

«*Девиантное родительство*» рассматривается в науке как понятие противоположное понятию «родительство», а именно как: 1) отклонение от нормы исторически-сложившейся социальной роли взрослого по отношению к ребенку, а именно физическое и эмоциональное насилие, пренебрежение и равнодушие к потребностям ребенка, отсутствие должного ухода, отказ от ребенка [4, с. 145]; 2) безответственное отношение к своему ребенку, отказ ему в помощи и заботе – возникает вследствие измененных социальных установок у родителей, отсутствии ценности детско-родительских взаимоотношений [5, с. 39]; 3) биосоциальное явление, характеризующееся нежеланием или неспособностью (физической, психической, психологической, педагогической, экономической) индивида выполнять по отношению к родным, приемным или усыновленным детям родительские функции в соответствии со сложившимися социокультурными и правовыми нормами [5, с. 207]; 4) отказ матери/отца выполнять права и обязанности по отношению к своему ребенку [3].

Следует отметить, что девиантное родительство проявляется не только в отказе от воспитания детей (социальное сиротство), но обладает еще множеством характеристик, заслуживающих рассмотрения, так как отрицательно сказываются на социализации детей, которые являются будущим страны. Поэтому изучение проблемы девиантного родительства является необходимым в современном обществе.

Г. С. Гукасова рассматривает *девиантное родительство* как систему взаимосвязанных явлений: 1) особое нравственно-психологическое состояние, характеризующееся отсутствием чувством долга по отношению к детям; 2) основанное на этом состоянии отклоняющееся поведение родителей, пренебрежение родительскими обязанностями, потребностями и интересами ребенка [4, 119].

По мнению А. И. Антонова *девиации в родительстве* могут возникнуть на любой стадии семейного цикла. В полном семейном цикле он выделяет 4 стадии: 1) *предродительство* – стадия вступления в брак и, как правило, зачатия первенца (кроме бесплодных пар). Девиации на этой стадии проявляются в нежеланной беременности, попытках избавиться от беременности, попустительства при протекании беременности (курение, принятие алкоголя, наркотическая зависимость или исполнение иных вредных будущему ребенку действий); 2) *репродуктивное родительство* – стадия, на которой появляется первый ребенок и возможно последующие; 3) *социализационное родительство* – стадия воспитания детей, которую следует ограничивать или достигением ими совершеннолетия, либо моментом отделения последнего из взрослых детей; 4) *прародительство* – стадия появления первого внука и превращения родителей-основателей в прародителей. Девиации на этой стадии проявляются в пренебрежении обязанностями бабушки/дедушки, отказ от внуков, насилие, отказ в помощи, равнодушие [1, С. 15–16].

Девиантное родительство – это явление, включающее в себя многие характеристики семейного неблагополучия (конфликтность родителей, их асоциальное

поведение, семейное насилие и т. д.) и не включающее многие конструктивные характеристики, свойственные родительству (например, любовь и привязанность к детям, забота об их здоровье и благополучии), что обусловлено неосознанием или не несением родителями ответственности за своих детей. Так, например, девиантный родитель – это родитель, который не испытывает любви или привязанности к детям, характеризуется жестокостью или равнодушием по отношению к детям, отличается отсутствием контроля за поведением детей или отчужденностью от них, выделяется неформальными брачно-семейными отношениями (например, гостевой брак, групповой брак или «шведская» семья и т. п.). То есть девиантное родительство довольно сложное явление, отличающееся многообразием характеристик и признаков, поэтому для более детального и качественного его изучения возникает необходимость классификации данного явления.

Рассмотрим *характеристики девиантного родительства* Р. В. Овчаровой, в основу которых положены взаимоотношения между членами семьи и их отношения к социальным нормам: 1) *конфликтное родительство*; 2) *аморальное родительство*, в котором существует враждебная атмосфера и наблюдается жестокое обращение с детьми, что является причиной распространения социального сиротства; 3) *педагогически некомпетентное родительство*, в котором родители не справляются с возложенными на них обязанностями по уходу и воспитанию детей, но они не желают признавать своих ошибок и контактировать с социальными службами; 4) *асоциальное родительство* пренебрегает общепринятыми социальными нормами, прививая в процессе воспитания девиантное поведение своим детям [8, с. 20–23].

Среди социальных служб, участвующих в решении проблемы девиантного родительства в РМ следует отметить также: ГКУСО РМ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Ясная Поляна»; ГКУСО РМ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Солнышко»; ГКУСО РМ «Ельниковский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних»; ГКУСО РМ «Республиканский социальный приют для детей и подростков «Надежда». Эти учреждения становятся домом для многих детей от 3 до 18 лет, чье детство наполнено не любящими родителями, добрыми игрушками и счастливыми улыбками, а пьяными скандалами, побоями, голодом. Дети зачисляются в учреждения на основании: личного обращения несовершеннолетнего; направления органов, осуществляющих социальную защиту населения; заявления родителей несовершеннолетнего (лиц их заменяющих); ходатайств органов образования, здравоохранения, опеки и попечительства; актов органов внутренних дел. В учреждениях дети находятся от 3 месяцев до 1 года на полном государственном обеспечении. Специалистами проводится комплексное социальное психолого-медико-педагогическое обследование разрабатывается индивидуальная программа реабилитации, которая включает не только мероприятия по восстановлению утраченных ребенком социальных связей и функций, восполнению среды жизнеобеспечения, усилению заботы о нем, но и трудовую, познавательную деятельность самого несовершеннолетнего. Работа ведется и с девиантными родителями.

Таким образом, девиантное родительство является одной из самых сложных, противоречивых и латентных проблем современного общества, требующее незамедлительного устранения.

О востребованности социальных служб как субъектов решения проблемы девиантного родительства свидетельствуют рассмотренные нами аналитические данные, а также российское законодательство устанавливающее состав, содержание и формы предоставления всего комплекса социальных услуг данной категории детей. Мы рассмотрели алгоритм действия социальной службы в случае выявления и решения

проблемы девиантного родительства и обосновали значимость ее роли и функций, в том числе на конкретных примерах социальных служб по опыту Мордовии. Социальные службы становятся домом для многих детей, пострадавших от девиантного родительства и их роль состоит в комплексном социальном психолого-медико-педагогическом обследовании и социальной реабилитации, которая включает мероприятия по восстановлению утраченных ребенком социальных связей и функций, восполнению среды жизнеобеспечения, усилению заботы о нем.

1. Антонов А. И. Кризис семьи и пути его преодоления : научный доклад / А. И. Антонов, В. А. Борисов. – Москва : Ин-т социологии АН СССР, 1990. – 36 с. – Текст : непосредственный.
2. Беляева М. А. Девиантное родительство в контексте репродуктивной культуры современной семьи / М. А. Беляева. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 3. – С. 207–212.
3. Брутман В. И. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери / В. И. Брутман, А. Я. Варга, И. Ю. Хамитова. Текст электронный // Перинатальная психология. – 2007. – URL: <http://www.psyntata.ru/articles/b5.html> (дата обращения: 20.02.2024).
4. Гукасова Г. С. Девиантное поведение в современном родительстве / Г. С. Гукасова, Л. А. Саенко. – Текст : непосредственный // Дискуссия. – 2012. – № 9 (27). – С. 144–147.
5. Девиантология родительства : сборник научных трудов / М-во образования и науки РФ, федеральное гос. бюджетное науч. учреждение «Ин-т изучения детства, семьи и воспитания Российской акад. Образования» ; [сост.: Е. В. Куканова]. – Москва : ИИУ МГОУ, 2016. – 210 с. – ISBN 978-5-7017-2610-7. – Текст : непосредственный.
6. Когда есть семья : методическое пособие для специалистов служб по устройству детей в семью ; сост. И. П. Петрикова. – Воронеж : ГБУ ВО «ЦПППиРД», 2016. – 66 с. – Текст : непосредственный.
7. Министерство социальной защиты, труда и занятости Республики Мордовия : сайт. – Саранск, 2024. – URL: <https://e-mordovia.ru/> (дата обращения: 20.01.2024). – Режим доступа: сеть Интернет. – Текст : электронный.
8. Овчарова Р. В. Родительство как психологический феномен : учеб. пособие / Р. В. Овчарова. – Москва : Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с. – ISBN 5-89502-771-7. – Текст : непосредственный.
9. Олиференко Л. Я. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска : учеб. пособие / Л. Я. Олиференко, Т. И. Шульга, И. Ф. Дементьева. – 2-е изд., стер. – Москва : Academia, 2004. – 253 с. – ISBN 5-7695-0775-6. – Текст : непосредственный.

МОТИВАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСОВ ЗНАКОМСТВ

Брушкова Людмила Алексеевна
(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Аннотация. Статья посвящена анализу мотивации молодежи при использовании онлайн-сервисов знакомств. Эмпирической базой работы служат данные статистики, социологических исследований, включая авторское исследование. Автор приходит к выводу, что основными мотивами молодых людей являются поиск романтических отношений, а также стремление к общению и развлечению. Отмечается, что по мере использования сервисов знакомств, мотивация молодежи может меняться.

Ключевые слова: онлайн-сервисы знакомств, Интернет, мотивация, романтические отношения, молодежь.

Особое значение в жизни молодежи имеют романтические, любовные отношения, которые также переживают в настоящее время трансформацию, вызванную, в том числе, развитием информационно-коммуникационных технологий. Интернет, кроме всего прочего, породил сервисы, позволяющие найти собеседника, друга или партнера для романтических отношений в обход государственных, национальных, языковых и культурных границ.

Интернет-знакомство (онлайн-знакомство) – это процесс установления отношений по Интернету с помощью специализированных сервисов вне зависимости от местоположения и языковой группы [1, 152].

В 1965 г. команда из Гарвардского университета создала Match – первую в мире компьютерную службу знакомств. А к 2010 г. сайты знакомств существовали практически в каждом американском городе, облегчая поиск потенциального партнера.

В настоящее время в мире насчитывается около 8000 Интернет-сервисов знакомств (dating-приложений), и с каждым годом их количество растет. Только в США число пользователей таких приложений в 2020 г. достигло 32,2 млн. человек, а к 2024 г. оно должно было увеличиться до 35,4 млн. человек. Так, количество пользователей сервиса онлайн-знакомств Баду в январе 2022 г. достигло 530 млн человек по всему миру, а Tinder – около 400 млн человек [2].

По данным Института общественного мнения, 46% россиян когда-либо регистрировались в приложениях для знакомств. Большая часть респондентов – молодежь от 18 до 30 лет – 66%. При этом значительная часть россиян (54%) никогда не пользовались такими приложениями. 64% из них отметили, в качестве причины, свое семейное положение – они состоят в браке или в отношениях, 27% заявили, что им не интересны такие сервисы, а 25% не доверяют им [3].

Появление интернет-сервисов знакомств – неизбежный процесс модернизации общества, под влиянием современных технологий. Поиск и установление романтических отношений с помощью Интернета уже давно не кажется чем-то необычным. «Этот процесс объясняется очевидной легкостью контактов между людьми в виртуальном пространстве: достаточно создать аккаунт, нажать соответствующую кнопку смартфона и пригласить «в друзья» понравившегося человека либо принять / отклонить встречное предложение другого пользователя» [4, 139].

Каковы же мотивы использования онлайн-приложений знакомств? Согласно уже упомянутому исследованию Института общественного мнения, лидирующим мотивом является любопытство – 46%, 43% респондентов привлекает в таких приложениях

возможность и желание общаться, 31% - желание романтических отношений, 29% – желание развлечься. Доля тех, кто хотел бы найти сексуального партнера, составила 21%, а тех, кто хотел бы найти партнера для свободных отношений – 17%. Причем мужчины в гораздо большей мере отмечали именно эти цели регистрации в приложении [3].

Таким образом, хотя процент тех, кто верит в возможность построения романтических отношений в онлайн-пространстве высок, большинство опрошенных видит в сервисах для знакомств возможность развлечься и не относится к ним всерьез.

С целью изучения мотивации молодых москвичей-пользователей интернет-сервисов знакомств, в феврале-марте 2023 г. нами было проведено эмпирическое социологическое исследование с использованием количественных (массовый опрос) и качественных (глубинное интервью) методов сбора первичной информации.

Объем выборочной совокупности, составил 384 респондента, имевших опыт использования интернет-сервисов знакомств. Информантами, при проведении глубинного интервью, выступили 10 человек в возрасте 18-26 лет и 27-35 лет. Деление информантов на две возрастные группы позволило выявить определенные различия в мотивации представителей «старшей» и «младшей» групп молодежи при использовании сервисов онлайн-знакомств.

Что касается социально-демографических характеристик, то большая часть респондентов – девушки (77,1%), юношей – 22,8%. Наиболее многочисленная возрастная группа – 30-35 лет - 36,5% опрошенных, 22-25 лет – 23,2%, 26-29 лет – 21,6%, 18-21 года – 18,8% респондентов. Больше половины респондентов холосты (62,5%), есть партнер у 18,8% опрошенных, 13% разведены, 5,2% состоят в браке.

Если оценивать материальное положение респондентов, то большая их часть относится к хорошо обеспеченной категории населения (64,3%), почти 1/3 опрошенных имеет средний уровень материальной обеспеченности (28,1%).

Наибольшей популярностью среди опрошенных молодых москвичей пользовалось приложение Tinder – 89%. Большинство пользователей этого сервиса находятся в возрастной группе 30-35 лет (36,5%), а за ними следуют группы в возрасте 22-25 лет (23,2%), 26-29 лет (21,6%) и 18-21 лет (18,8%). Второе место по популярности занимало Badoo – 31% опрошенных.

Сервис онлайн-знакомств Mamba наиболее распространен среди старшего поколения молодежи, особенно среди пользователей в возрасте 30-35 лет (67% от выбравших данный сервис). Среди представителей «младшего» возрастной группы молодежи особенно популярен сервис знакомств Дайвинчик, который выбрали 57% опрошенных.

В ходе исследования было выявлено, что, чем старше человек, тем большим количеством различных онлайн-сервисов знакомств он пользовался. Так, информанты в возрасте от 18 до 24 лет чаще отмечали одну или две площадки, а те, кто находился в возрасте от 25 до 35 лет, указывали от двух до пяти площадок.

С какой целью молодые люди регистрируются на сайтах и в онлайн-приложениях знакомств?

По результатам массового опроса, большинство респондентов (70%), в качестве основной цели регистрации называли поиск романтических отношений. Другой немаловажной целью был поиск общения и развлечений – 36% опрошенных. Далее, в порядке убывания, следовали такие цели, как: желание скоротать время, избавление от скуки – 25%, поиск сексуальных связей – 17%, поиск друзей, новых знакомств – 15,6%, интерес, исследовательские цели – 8,9%, поиск клиентов, покупателей рекламы – 0,8%.

Анализ целей регистрации на онлайн-сервисах знакомств показал, что большинство как юношей (59,1%, так и девушек (73%) используют приложения онлайн знакомств именно с целью установления романтических отношений. При этом, поиск физической близости, в качестве цели, более характерен для юношей (31,8%), нежели для девушек (12,8%), в то время как цели «общения» несколько чаще отмечали девушки (37,5% против 31,8% юношей). Такая цель как «избавление от скуки» чаще называлась юношами (30,7% против 23,6% девушек).

Незначительное число как юношей, так и девушек обращаются к онлайн-сервисам знакомств с целью поиска друзей (14,8% и 15,9% соответственно), а также для удовлетворения своего интереса (12,5% юношей и 7,8% девушек). В категории «другое» респонденты также указывали следующие цели: «хотела выйти замуж», «хотел написать бота для Тиндера», «хотела посмеяться над анкетами» и «повышение самооценки».

Любопытно отметить, что около половины респондентов (48%) меняли свои цели по мере увеличения времени использования онлайн-сервисов знакомств. Так, 46% тех, кто имел изначальной целью поиск романтических отношений, меняли ее уже в процессе пользования сервисом.

Такая же ситуация была зафиксирована и в качественном исследовании. Говоря об изначальных целях использования этих сервисов, информанты в основном отмечали поиск романтических отношений, новых знакомств. И уже в процессе разговора выяснялись иные причины использования данных ресурсов. Это можно объяснить тем, что потребности молодежи могли меняться, в зависимости от стажа использования сервисов, настроения, конкретного периода жизни.

Также стоит отметить большое количество возможностей, которые предоставляют своим пользователям сами интернет-сервисы знакомств. И хотя изначально эти сервисы создавались именно с целью предоставления людям возможности установления романтических отношений, постепенно они стали ориентироваться и на другие потребности, включая даже экономические.

1. Пупкова, Ю. В. *Онлайн-знакомства как социокультурный феномен* / Ю. В. Пупкова, Е. С. Чердакова // *Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ»*. – 2018. – № 8. – С. 152-162.
2. *How Many More Online Dating Sites Do We Need?* / [Электронный ресурс] // *Forbes: [сайт]*. – URL: <https://www.forbes.com/sites/martinzwilling/2013/03/01/how-many-more-online-dating-sites-do-we-need/?sh=1dfac8b57882> (дата обращения: 01.04.2024).
3. *Можно ли найти пару в приложениях для знакомств? Опыт россиян* / [Электронный ресурс] // *Институт общественного мнения: [сайт]*. – URL: <https://iom.anketolog.ru/2021/09/20/prilozheniya-dlya-znakomstv-2021#:~:text=Зачем%20знакомятся%20в%20приложениях%20и,отношений%2C%2029%25%20хотели%20развлечься> (дата обращения: 03.04.2024).
4. *Нестерук, О. О. Медиатизация романтики: использование мобильных приложений для знакомств* / О. О. Нестерук // *Журналистика и медиакоммуникации в цифровой среде - 2023 : Сборник научных статей II Международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 23 марта 2023 года*. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2023. – С. 138-141.

КРИТЕРИИ БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕМЬИ

*Вдовина Маргарита Владимировна
(Российский государственный социальный университет)*

подготовлено в рамках НИР на тему «Достигаемое благополучие российской семьи: дефициты и избытки, патриархальность и современность, прошлое и будущее» по заданию Министерства науки и высшего образования РФ

Аннотация. Представлена классификация критериев благополучия семьи по разным основаниям, с учетом специфики семьи как социального института, малой социальной группы, а также личного благополучия в семье. Указано на структурно-функциональную и ситуационно-событийную динамику семейного благополучия и его относительный (культурно-исторический и индивидуально-групповой) характер. Сделан акцент как на объективную, так и субъективную оценку благополучия семьи.

Ключевые слова: Семья как социальный институт и малая социальная группа, личное благополучие в семье, благополучие семьи как социальная норма

При исследовании семьи в контексте традиционных российских духовно-нравственных ценностей важно обратиться к пониманию благополучия в семье, ориентирам его измерения и анализа. Критерии благополучия семьи указывают на ее соответствие установленной социальной норме, которая имеет исторический характер и обладает культурной спецификой (в национальной, религиозной, региональной среде и т.д.).

Наряду с этим критерии определяют ориентиры классификации благополучия семьи по различным основаниям – материальным и духовным; объективным и субъективным; личным, семейным или общественным; по определенным сегментам семейной жизни (супружество, родительство, родство; структура и функции семьи; динамика ее развития как института и группы; конкретные сферы жизнедеятельности семьи – здоровье, воспитание детей, отдых, образование членов семьи, коммуникации, безопасность, цифровизация [2] и др.).

Разнообразие критериев оценки благополучия семьи может быть систематизировано по следующим основаниям: уровень проявления и анализа признаков благополучия (микро-, мезо-, макро-), осязаемость проявления признаков, их объективность, область оценки жизнедеятельности семьи (экономическая, психологическая, социальная, правовая, демографическая).

Для более глубокого анализа следует обратиться к критериям благополучия семьи на нескольких уровнях, потому что семья интегрирует в себе свойства социального института, характерные черты малых социальных групп и выступает микросредой повседневной жизни человека. Причем благополучие семьи необходимо интерпретировать как соответствие социальной норме [5, 306], а нормы, как известно, тоже имеют многоуровневый характер (индивидуальный, групповой и даже общечеловеческий).

На макроуровне анализа благополучия семьи как социального института важно ее успешное исполнение общественно значимых, социетальных функций: репродуктивной, социализационной, хозяйственно-бытовой, заботы о здоровье и безопасности индивидов, досуговой, рекреационной, коммуникативной и др. Их осуществление детерминировано определенной системой институциональных ценностей и норм, статусов

и ролей, организаций и других социальных институтов, взаимодействующих с семьей – здравоохранения, школы, СМИ, культуры и т.д.

В современном обществе критерии семейного благополучия отличаются от традиционной патриархальной модели. Современная семья может считаться благополучной при эгалитарных отношениях, базирующихся на равенстве полов и поколений. Следование религиозным традициям тоже уже не является непреложным критерием благополучия семьи. Экономическая функция в современной семье уже не доминирует – в нынешней модели благополучной семьи существеннее удовлетворение личных потребностей индивида, достижение психологического комфорта, а не обеспечение коллективных семейных и общественных нужд [1].

Вариации семейного жизнеустройства сейчас широки, в современном обществе представлены и семьи с патриархальным укладом жизни, и многообразные типы современных моделей, поэтому востребован не только институциональный, но и групповой подход к обоснованию критериев благополучия семьи.

Как социальная группа семья подлежит анализу на мезоуровне. Здесь учитываются ее состав, культурная и поселенческая специфика, межгрупповое взаимодействие с другими семьями (родственники, соседи, друзья) и, безусловно, внутригрупповая солидарность, совместная созидательная деятельность родных и близких людей. Критерии оценки благополучия должны учитывать, какая это семья – живущая в большом либо малом городе или сельская; ее этническое, религиозное своеобразие; структуру семьи – по супружеству (полная или неполная семья), по родительству (многодетная семья или малодетная, либо бездетная супружеская пара), по родству (расширенная, многопоколенная семья либо малая, нуклеарная) [6, 13-14].

На микроуровне семьи во внимание принимаются *индивидуально-личностные особенности ее членов*, которые все-таки являются социально обусловленными. Собственно, на этом уровне наиболее полно выражается субъективное благополучие, которое воплощает стремление индивида к душевному балансу, внутреннему комфорту, чувству радости. Общественные политические, экономические, культурные процессы, очевидно, влияют на субъективную оценку семейной и личной жизни, поэтому важно учитывать индивидуально-личностную оценку уровня своего благополучия в духовной, материальной, психологической, социальной, физической и других сферах [4, 42].

Критерии благополучия семьи дихотомичны – на другом полюсе находится неблагополучие семьи. Но между ними располагаются различные критерии, в том числе ситуационные, когда одна и та же семья в разнообразных ситуациях может восприниматься то как благополучная, то как неблагополучная. Следовательно, существует необходимость определения условий, факторов семейного благополучия. Следует также указать на относительность семейного благополучия, поскольку семья может считаться благополучной относительно других, окружающих ее неблагополучных семей, а индивид, оценивая свое благополучие в семье, может опираться на сравнение своей семейной жизни с какими-либо референтными, значимыми для себя людьми.

Для создания наиболее полного представления о благополучии семьи необходимо опираться на объективные и субъективные образы благополучной семьи, причем последние базируются уже не на общественных идеалах семьи, а на суждениях супругов и их взрослеющих детей, других родственников об идеале своей семейной жизни и их истинных и вероятных возможностях приближения к социальной норме, достигаемости благополучия.

Так, оценивая благосостояние семьи, ее доходы нельзя анализировать в отрыве от расходов (обязательные платежи по кредитам, по ипотеке, затраты на дорогостоящее лечение хронических заболеваний членов семьи, плата за съем жилья и т.п.), что уменьшает

использование доходов на другие насущные потребности семьи – отдых, развитие, сбалансированное питание и т.д.

Трудовая занятость членов семьи оказывает прямое воздействие на оценку семейного благополучия. В то же время сверхзанятость, подразумевающая сверхурочную профессиональную деятельность, в ночное время, в выходные и праздничные дни, на нескольких работах, то есть в ущерб воспитанию детей, самовосстановлению себя для семьи, совместному досугу, негативно отражается как на человеке, так и на семье в целом.

Благополучие семьи нельзя определить только объективно, исключительно по материальному достатку и отсутствию каких-либо дефицитов (бедности, нехватки денег, малой жилплощади и т.п.), и даже избыток благ может способствовать лишь пресыщению. На то, чувствует себя семья счастливой или нет, влияет множество факторов. Ряд социальных признаков благополучия тесно связан как с экономическими, так и с юридическими, демографическими и психологическими критериями. Это свидетельствует о том, что разделение критериев благополучия семьи на группы необходимо для разработки методики его измерения, но в реальной жизни семей они взаимосвязаны, а значит требуется *интегративно-комплексный подход* к их анализу.

В повседневных семейных отношениях люди, как правило, вкладывают свое понимание критериев благополучия, обычно интерпретируемое как любовь, гармония в общении, ответственность за семью, взаимопонимание и взаимное уважение, доверие, взаимопомощь, умение договариваться, отсутствие конфликтов и насилия [3], материальный комфорт, сходные духовные ценности, достаток и уют в доме, благоприятный микроклимат, совместная продуктивная деятельность во взаимодействии супругов, родителей и детей, других родственников. При этом важно, чтобы все это было представлено в семье в комплексе; неблагополучие в каком-либо одном из сегментов семейной жизни не позволяет судить о благополучии семьи в целом.

1. Антонов А.И. *Исторический упадок фамилистической цивилизации: возможен ли крах семьецентрической системы общества к концу XXI века? В сборнике: Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы. Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 2023. С. 69-70.*
2. Вдовина М.В. *Цифровое благополучие семьи и детства // Социальная политика и социология. 2024. № 2. С. 40-47.*
3. Вдовина М.В. *Межпоколенческий конфликт в семье и его регулирование. Москва, 2008. 208 с.*
4. Лелягина С.К., Егорушкина Н.В. *О взаимосвязи субъективного благополучия личности и семейных взаимоотношений // Ученые записки Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. 2011. Т. 4. Сер. Психология. Педагогика. № 3–4. С. 42-48.*
5. Пациорковский В.В. *Большая семья – социальная норма жизни людей // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: VII Уральский демографический форум с международным участием: сборник статей. Т. 1: Социология и история воспроизводства населения России. Екатеринбург, 2016. С. 306-311.*
6. Тараданов А.А. *Семейное благополучие в современной России: Генезис и практика: Автореф. дис...д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2004. 40 с.*

ПРЕДПЕНСИОНЕРЫ КАК СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПРОСА БИШКЕКЦЕВ, МОСКВИЧЕЙ И МИГРАНТОВ-КЫРГЫЗСТАНЦЕВ

Волкова Ольга Александровна

*(Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской
академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН))*

В статье представлены результаты сравнительного анализа данных, полученных в ходе анкетного опроса бишкекцев, мигрантов-кыргызстанцев и москвичей, которые находятся в статусе предпенсионеров. Сделан вывод, что опрошенные москвичи, бишкекцы и мигранты-кыргызстанцы проявляют готовность как к продолжению трудовой деятельности, так и к заботе о семье.

Ключевые слова: предпенсионеры, социально-демографическая группа

В настоящее время фокус научных исследований в области демографии все чаще ставится на проблематике демографического старения населения всего мира, в том числе, нашей страны. Ученые фиксируют тот факт, что происходит постепенное увеличение количества публикаций, характеризующих такую специфическую социально-демографическую группу как предпенсионеры. Данная возрастная когорта становится предметом для публичных дискуссий не только демографического, но и социально-политического, и социально-экономического содержания [2].

По некоторым проективным экспертным оценкам, к 2050 г. около трети людей, занятых в народном хозяйстве, будут находиться в возрастном периоде около 70 лет и старше [4].

В России в 2024 г. на пенсию по возрасту выходят мужчины с 63 лет и женщины с 58 лет. Кроме того, в нашей стране предусмотрен статус предпенсионера, который характеризует человека, которому осталось 5 и менее лет до достижения пенсии по возрасту [3].

В стране наблюдается противоречивая ситуация, при которой (1) на рынке труда фиксируется безработица, (2) в сфере занятости имеются проблемы с трудоустройством и адаптацией молодых выпускников к рабочим местам, (3) в разных отраслях народного хозяйства привлекаются иностранные трудовые мигранты.

Российские исследователи обращают внимание на противоречия в привлечении трудовых ресурсов в различные сферы занятости. В частности, ставится акцент на несоответствиях в том, что (1) большая часть россиян работает далеко от населенного пункта, в котором проживает, (2) предпенсионеры и пенсионеры нуждаются в сохранении профессиональной деятельности и в официальном заработке, (3) работодатели осуществляют прием на работу мигрантов [1].

В данной статье привлечены результаты исследований 2023-2024 гг., проведенных сотрудниками ИДИ ФНИСЦ РАН, с участием автора статьи (рук. Г.И. Осадчая). Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН (рук. Г.И. Осадчая). Используются первичные материалы анкетного опроса коренных москвичей (№=547), анкетного опроса жителей Кыргызстана, Бишкека (№=414), анкетного опроса трудовых мигрантов-кыргызстанцев в Москве и области (№=174).

Обратим внимание на то, каково мнение самих респондентов о том, каковы их собственные возможности по улучшению своей жизни и окружающих ее условий (рис. 1, 2, 3)

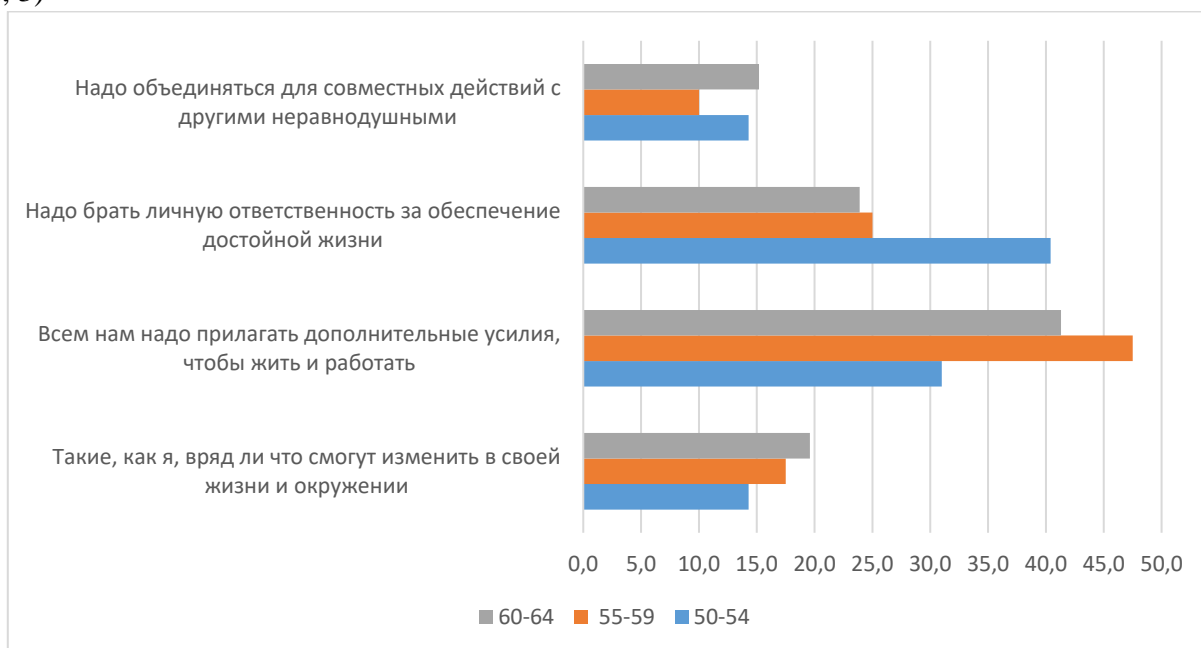

Рисунок 1 – Самооценка москвичами собственных возможностей по улучшению своей жизни и окружающих условий, %

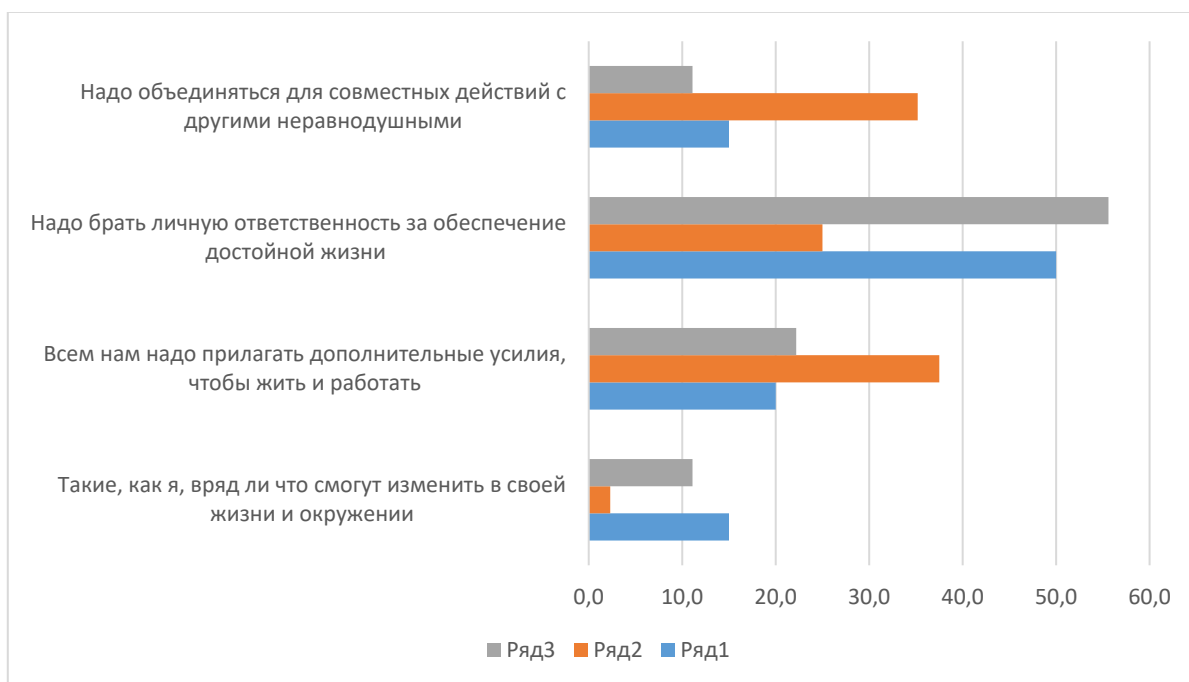

Рисунок 2 – Самооценка бишкекцами собственных возможностей по улучшению своей жизни и окружающих условий, %

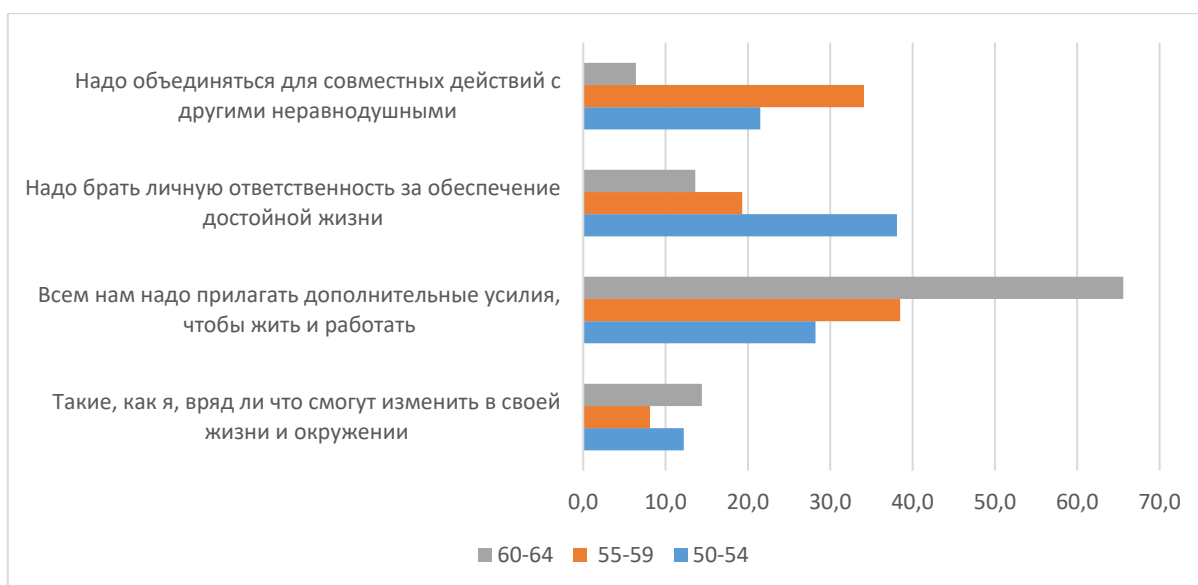

Рисунок 3 – Самооценка трудовыми мигрантами-кыргызстанцами собственных возможностей по улучшению своей жизни и окружающих условий, %

В результате сравнения данных (на выборке предпенсионеров) выявлено, что у москвичей со временем (с возрастом) уменьшается уверенность в своих силах и возможностях. А у бишкекцев и мигрантов такой тенденции не обнаружено. Трудовые мигранты с увеличением возраста чаще отмечают, что им нужно интенсивнее трудиться для того, чтобы заработать на жизнь себе и своей семье. У москвичей и бишкекцев такая яркая тенденция отсутствует. В целом же, как видно, наблюдается большой разброс в мнениях опрошенных респондентов предпенсионного возраста.

У респондентов-предпенсионеров всех категорий (как возрастных, так и географических) на первых местах находятся такие ценности как семья, интересная работа, уважение окружающих, безопасность, стабильность. В целом можно сделать вывод, что опрошенные москвичи, бишкекцы и мигранты-кыргызстанцы проявляют готовность как к продолжению трудовой деятельности, так и к заботе о семье. Это демонстрирует общий позитивный жизненный настрой людей предпенсионного возраста.

1. Александрова, О.А. Трудовые мигранты и предпенсионеры: кто более востребован на рынке труда? // *Общество. Доверие. Риски: Доверие к миграционным процессам. Риски нового общества: Материалы Международного форума / Под общ. ред. П.В. Терелянского. Вып 2. – Москва: ГУУ, 2019. – С. 171-176.*
2. Лобова С.В. Изучение жизни предпенсионеров в 2012-2022 годах: библиометрический анализ публикаций, индексируемых в международной базе данных Scopus / С.В. Лобова, В.В. Маликова // *Человеческий капитал. – 2023. – № 3 (171). – С. 122-130.*
3. *Пенсионеры и предпенсионеры в 2024 году // Социальный фонд России. – URL: <https://sfr.gov.ru/branches/komi/news/~2024/01/25/259720>.*
4. Смольникова С. Экономика долголетия: чем возрастныe сотрудники могут быть полезны бизнесу. – URL: <https://www.if24.ru/ekonomikadolgoletiya-chem-vozzrastnyye-sotrudniki-mogut-byt-polezny-biznesu>.

СОЖИТЕЛЬСТВА В БРАЧНЫХ СТРАТЕГИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

*Герасина Анна Александровна
(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на анализ нормативных представлений современной молодежи о браке и неформальных супружеских союзах, сожительствах. Установлено, что традиционный институт брака среди молодых слоев населения сохраняет свою легитимность. Однако совместное проживание с потенциальным брачным партнером стало рассматриваться как необходимая часть брачной стратегии.

Ключевые слова: сожительство, институт брака, брачное поведение, брачные стратегии, неформальные супружеские союзы, молодежь.

За последние десятилетия в мире наблюдается тренд изменения брачного поведения, который не обошел стороной и российское общество. Например, постепенно становится нормой распространение фактических браков и сожительств. При этом с середины 1990-х годов создание супружеского союза к 25 годам перестает быть нормой, разделяемой большинством [1]. С целью прогнозирования дальнейших тенденций изменения брачности необходимо исследовать нормативные представления современной молодежи о браке и неформальных супружеских союзах как части добрачного поведения.

Объектом исследования была выбрана молодежь в возрасте 18-24 лет, так как именно среди них, опираясь на данные переписей населения [2, 3, 4], наиболее распространены неформальные супружеские союзы.

В мае 2024 года среди этой категории респондентов, проживающих в г. Ярославле, был проведен анкетный опрос с целью описания распространенных стереотипов поведения в области брачных стратегий молодежи.

Для начала респонденты должны были выразить свое согласие или несогласие с предложенными высказываниями о сожительстве как альтернативной форме брака и о сожительстве как части добрачного поведения. В таблице 1 представлена часть суждений, результаты оценки которых являются наиболее показательными.

Исходя из представленных данных, мы видим, что молодежь в целом спокойно относится к сожительству, принимая их как нормальное явление. Однако молодые люди различают границы между официальным и неофициальным браком. Все же в официальном браке усматривается больше ответственности, и он больше ассоциируется с полноценной семьей. Еще один немаловажный вывод – среди молодежи закрепилось представление о норме совместного проживания как необходимом этапе добрачного поведения.

Таблица 1

Степень согласия/не согласия с нормативными суждениями.

Суждение	Согласен	Не согласен
Это нормально, когда неженатая пара живет вместе, даже если они не планируют пожениться.	60,5	5,3
Не имеет значения, зарегистрирован брак или нет, если люди считают себя семьей.	46,3	18,5

В официальном браке супруги несут больше ответственности друг перед другом, чем те, кто проживает вместе без официальной регистрации.	53,1	21,6
Если люди любят друг друга и строят планы на совместную жизнь, они должны оформить свои отношения в ЗАГСе	43,7	24,7
Прежде чем заключать брак, необходимо пожить вместе с будущим супругом(ой), чтобы узнать его (ее) лучше и испытать отношения на прочность.	76,3	8,9
Съезжаться и жить вместе можно только после регистрации брака.	17,4	62,6

Мы также предположили, что нормативные взгляды на сожительства могут быть неоднородны среди представителей молодежи. И с помощью иерархической кластеризации методом Варда удалось выделить как минимум три группы респондентов. В первую вошли респонденты с наиболее прогрессивными взглядами на семью и брак. Они толерантны к внебрачным сожительствам, готовы отождествлять их с традиционными семейными отношениями, не считают, что романтические отношения обязательно должны приводить к браку, рассматривают свадьбу и регистрацию брака нормами, уходящими в прошлое. Также они являются абсолютными сторонниками добрачных сожительств. В выборке «прогрессивные» составляли долю в 22,1%. Вторая группа – это те респонденты, которые толерантно относятся к сожительствам, но все же предпочтение отдают официальному браку. Условно им было дано название «толерантно-традиционные». В выборке они составляли большинство, равное 41,6%. Наконец, последняя группа – респонденты с «лабильными» взглядами. Чаще всего они не готовы однозначно принять или отвергнуть норму сожительства. По сравнению с остальными, они менее толерантны к внебрачным сожительствам, но не являются слишком «консервативными». Вероятнее всего склонны менять свою точку зрения в зависимости от конкретной ситуации. Таких в выборке было 36,3%.

Также участники исследования должны были ответить на ряд вопросов, касающихся их планов относительно создания семьи и заключения брака. Было выявлено, что традиционный институт брака среди молодых слоев населения все же сохраняет свою ценность и не наблюдается коренных сдвигов в предпочтении более «свободных» супружеских союзов. Так, на вопрос о планах создания семьи в будущем только 7,4% ответили, что хотели бы остаться свободными от «семейных уз». А подавляющее большинство задумываются о создании семьи. Из них 61,6% предпочли бы отложить этот шаг на более поздний срок, а 31,0% планируют создание собственной семьи в ближайшем будущем. Вместе с тем, большинству респондентов важно, чтобы их брак был официально зарегистрирован – 64,2%. Для более четверти опрошенных регистрация брака не имеет значения – 27,3%. Совсем незначительна доля тех, кто принципиально не собирается регистрировать брак – 1,7%. И еще 6,8% затруднились с ответом.

Желаемый средний возраст заключения брака для женщин составляет 24,7 лет, а для мужчин – 27,2 года. При этом было выявлено, что в жизненном сценарии респондентов заключение брака связано с высоким уровнем притязаний в области дохода, собственного жилья и прочих благ. Так, в первую очередь молодые люди хотели бы получить работу с хорошим доходом – 75%, иметь собственное жилье – 69,3% и получить образование – 53,4%. Чуть менее важно приобрести автомобиль – 38,6%. И лишь каждый двадцатый не имеет никаких притязаний – 5,1%. В отношении будущего супруга(и) респондентам

хотелось бы, чтобы те также имели работу с хорошим доходом – 77,3%, завершили образование – 52,3%, имели собственное жилье – 44,3% и машину – 29,0%. И только 7,4% не важен ни один из перечисленных пунктов. Вероятно также, что именно в процессе добрых сожительств многими молодыми людьми предполагается достижение тех необходимых благ, которые сделают брак в дальнейшем наиболее соответствующим построенным планам и ожиданиям.

Из тех респондентов, которые планируют вступить в брак в будущем, 74,4% хотели бы сначала пожить с будущим(ей) супругом(ой) без регистрации брака; 19,9% рассматривают для себя приемлемым вариантом съехаться и жить вместе после свадьбы; 5,7% затруднились ответить. Это еще раз подтверждает тезис о том, что сожительство как часть брачной стратегии приобретает все большую популярность. Среди основных причин доброго сожительства респонденты отмечают, что это позволит им лучше узнать характер, привычки и прочие особенности потенциального(ой) супруга(и) – 87%, а также позволит испытать чувства, проверить совместимость с партнером – 79,4% и узнать, как тот справляется с бытовыми обязанностями – 61,1%.

Однако данные, описывающие реальный опыт совместного проживания респондентов, показывают, что не многие из них были настроены решительно в отношении дальнейшего заключения брака. Так, только 40% респондентов на момент принятия решения о совместном проживании, планировали пожениться в будущем, и только 12,7% съехались, потому что готовились к свадьбе. В этом случае следует предположить, что сожительство является не столько этапом брачного поведения, сколько этапом романтических отношений. При этом можно судить о сожительстве как об инструменте брачного отбора (т.к. часто совместное проживание рассматривает как способ проверки чувств, совместимости пары и возможности узнать больше о личности партнера); а также как о «буферном» этапе, позволяющем накопить необходимый капитал в виде стабильного дохода, образования и жилья для вступления в желаемый брак в дальнейшем.

1. Захаров С.В, Митрофанова Е.С. *Российская молодежь в брачно-семейном интерьере* // Демоскоп Weekly. 2014. № 619. 620 с. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0619/tema01.php#_ftn1 (дата обращения 25.04.2024).

2. *Итоги ВПН-2002. Состояние в браке населения, число и состав домохозяйств. Рождаемость* // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12> (дата обращения 09.04.2024).

3. *Итоги ВПН-2010 Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке* // Росстат. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 09.04.2024)

4. *Итоги ВПН-2020 Том 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке* // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения 09.04.2024).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СТУДЕНЧЕСКИХ СЕМЕЙ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Горбенко Татьяна Дмитриевна

(Волгоградский институт управления филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

На протяжении нескольких лет в связи с различными экономико-политическими условиями и популярными всемирными тенденциями в Российской Федерации назревал вопрос об укреплении и поддержании семейных ценностей, создании образа семьи в глазах молодежи и передачи семейных традиций из поколения в поколение. Этот год является Годом семьи. А меры, направленные на популяризацию семейной политики на государственном уровне, полностью соответствуют ожиданиям граждан и общему психологическому настрою населения, так как Россия столкнулась с еще одной значимой проблемой – за последние годы снизилась рождаемость. Согласно исследованиям Федеральной службы государственной статистики на период июля 2024 года прироста населения нет, а также увеличились показатели естественной убыли. Сейчас она составляет: -4,3, в то время как в 2023 году естественная убыль составляла -3,5 на 1000 человек населения соответственно.

Существуют различные способы решения демографической проблемы. На протяжении многих лет в нашей стране существуют меры поддержки родителей, детей, семей в целом. Самой популярной из таких мер и по сей день остается материнский капитал. В 2024 году произошла его индексация, к примеру, теперь размер данного пособия на первенца составил 630 380,78 рублей. Также, у тех супругов, кто стал родителями впервые, есть возможность получить единовременную выплату в размере около 25 тысяч рублей. При рождении двоих детей, пособие выплачивается на каждого малыша.

Еще одной популярной мерой социальной поддержки семей является программа «Семейная ипотека», позволяющей семьям с детьми приобретать жилье по выгодной ипотечной ставке – всего 6%. А для тех, кто уже стал многодетными родителями и чьи дети, начиная с третьего малыша, родились в период с 2019 по 2023 год, имеют дополнительные льготы по данной программе, а именно, право обратиться за помощью от государства в погашении ипотечного кредита. Сейчас в России установлен размер такой компенсации – до 450 тысяч рублей. Для данной категории семей предусмотрены и другие меры социальной поддержки, например, единовременные выплаты, льготные условия оплаты ЖКУ или ежемесячные пособия, зависящие от материальной обеспеченности семьи. Рассмотрим это на примере Волгоградской области. Еще в 1996-1998 годах здесь впервые стал реализовываться принцип адресности социальных мер. По сей день адресная поддержка доступна для одиноких граждан или малоимущих семей, состоящих из двух человек: раз в полгода для них предусмотрена выплата, составляющая 245 рублей на человека. В том случае, если семья состоит из трех и более человек, размер пособия составляет 184 рубля на человека.

Стоит отметить, что в современных условиях особой категорией семей, нуждающихся в помощи со стороны государства, являются семьи, в которых мужчины стали участниками Специальной военной операции. Для близких родственников, в частности супругов и детей участников СВО, существует множество мер социальной поддержки практически на любой случай жизненных обстоятельств, причем в 2024 год с учетом индексации размер социальных пособий увеличился. Рассмотрим это на примере Свердловской области, где Постановлением Правительства Свердловской области от 30.08.2024 № 585-ПП определены выплаты семьям участников СВО, а именно, семьи тех граждан, кто заключил с Министерством обороны РФ контракт осенью (с 1 сентября по 31

декабря 2024 года), получат 100 тысяч рублей. А семьи граждан, заключивших контракт летом (с 15 июня по 31 августа 2024 года) – 400 тысяч рублей соответственно.

Однако несмотря на разнообразие льгот и пособий в сфере семьи, можно отметить, что студенческие семьи остаются наименее защищенными среди других. Конечно, молодые родители, являющиеся студентами очного отделения, могут получать выплаты в размере 9 227,24 рубля в месяц до момента, пока ребенку не исполнится год и шесть месяцев. Студентки получают пособие по беременностям и родам в размере их стипендии при условии обучения на бюджетной основе, а для тех, кто обучается на договорной основе, пособие будет равно минимальному размеру стипендии в ВУЗе или ССУЗе. Также каждое учебное заведение в праве установить свои меры поддержки молодой семье, это может быть: первоочередное предоставление мест в студенческих общежитиях для супружеской пары, льготные выплаты, предоставление возможности обучения по индивидуальному плану и другие.

В мае 2024 года в Казанском федеральном университете по решению ректора было установлено, что каждая студенческая семья, где родился малыш, получит выплаты в размере 100 тысяч. Данную инициативу активно поддержали студенты, а уже к сентябрю этого года как минимум три студенческие семьи получили выплаты от университета. По нашему мнению, данная мера полезна для молодого поколения, так как размер выплаты позволяет студентам улучшить условия жизни для себя и ребенка. Однако студенческие семьи из других городов также нуждаются в поддержке от своего учебного заведения, поэтому было бы очень актуально сделать подобные меры доступными для всех. Это может быть достигнуто путем закрепления этой выплаты на федеральном уровне.

Подводя итог, следует отметить: в нашей стране на современном этапе существует достаточно различных льгот, пособий, выплат, предназначенных почти для всех категорий семей. А поддержка студенческих семей становится с каждым годом все более популярной и актуальной в рамках демографической политики и формирования института семьи, что благоприятно влияет на укрепление семейных ценностей.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В СЕМЬЯХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ

*Данилова Наталья Михайловна
(Финансовый университет при Правительстве РФ)*

Аннотация. В статье анализируются образовательные стратегии, транслируемые в семьях трудовых мигрантов. Выделяются типы стратегий и факторы, влияющие на их выбор. Исследование показывает, как семьи мигрантов адаптируются к российской системе образования, что представляется важным для повышения качества образовательной политики и интеграции трудовых мигрантов и их семей.

Ключевые слова: трудовые мигранты, мигрантские семьи, образовательные стратегии

Миграционные процессы в современном мире занимают одно из ключевых мест в формировании социально-экономических и демографических тенденций. Россия принимает значительное количество трудовых мигрантов, основной поток которых приходится на страны Центральной Азии [3]. Эти процессы с одной стороны приводят к образованию новых сообществ, которые привносят в российское общество разнообразие культур, традиций, ценностей, а с другой – приезжие должны выстраивать свои жизненные стратегии в соответствии с законами, правилами, нормами принимающего общества. Одним из таких стратегических направлений для любого члена общества, включая трудовых мигрантов, является образование.

Образование обеспечивает не только развитие личности и индивидуальный рост, но и повышает условия для социальной мобильности, развития творческого и экономического потенциала, конструктивного диалога.

Исследуя проблему образовательных стратегий в контексте мигрантских семей, можно выделить две группы условий, влияющих на их формирование и вектор развития. Во-первых, наличие условий и доступа к качественному образованию, а во-вторых, установки родителей на характер и качество образования детей.

Изучение образовательных стратегий в мигрантских семьях является крайне актуальным в контексте современных социальных трансформаций. Семья играет ключевую роль в формировании ценностных ориентаций, установок и поведения детей. Образовательные стратегии, которые выбирают родители, как правило, влияют на образовательные траектории их детей, определяя уровень их мотивации, академические достижения и профессиональные перспективы.

В фокусе внимания данного исследования – варианты образовательных стратегий, реализующиеся в мигрантских семьях, проживающих в России, факторы, влияющие на их выбор и отражение этих стратегий в образовательных траекториях детей. Важным является исследование механизмов передачи образовательных ценностей от родителей к детям, а также выявление ресурсов, имеющихся у семей, и препятствий, с которыми семьи сталкиваются в процессе образования детей.

Понятие образовательных стратегий

Понятие «образовательная стратегия» представляется комплексным, в связи с чем существуют различные подходы к его осмыслению. В рамках данной работы мы разделяем идею о том, что образовательная стратегия представляет собой выбор молодым поколением способа получения профессионального образования и реализации определенных моделей поведения в сфере получения образования [2; 5] Данный подход, на наш взгляд, необходимо дополнить и уточнить, что индивид не просто выбирает способ получения образования, но и осознает цели, «направленные на достижение желательного (по

формальным и содержательным результатам) уровня образования, необходимого для осуществления жизненных планов» [4, 18]. Исходя из комплекса целей, эти стратегии включают выбор образовательных учреждений, организацию внеучебной деятельности, формирование мотивации к обучению и профессиональному самоопределению. В рассматриваемом контексте крайне важным фактором являются представления родителей об уровне, качестве, направлении образования детей.

В контексте исследования мигрантских семей мы опираемся на концепцию культурного и социального капитала П.Бурдьё. Культурный капитал включает в себя знания, навыки, образовательные квалификации и культурные предпочтения, которые передаются от родителей к детям и способствуют их успеху в образовательной системе. Отметим, что культурный капитал, привнесённый из страны происхождения, может не совпадать с требованиями образовательной системы принимающей страны, что создает дополнительные препятствия для семей мигрантов. Социальный капитал представляет комплекс социальных связей и отношений, которые могут облегчить доступ к различным ресурсам и возможностям.

В методологические рамки исследование включаем и теорию социального воспроизводства. В концепции Э.Дюркгейма, М. Вебера, Г. Зиммеля образование представляется как институт, который позволяет сохранять существующий социальный порядок, являться характеристикой статуса индивида или группы. В теориях социальной стратификации образование рассматривается как фактор повышения социального престижа, и как статусная характеристика, и как ресурс для социальной мобильности [1, 4].

Типы образовательных стратегий в семьях трудовых мигрантов

В рамках исследовательского проекта «Семья в движении» в период с 2023 по 2024 год в Москве, Санкт-Петербурге, Тюмени и Нижнем Новгороде было проведено 3 серии включённых интервью с членами мигрантских семей (интервью проводились с несколькими поколениями семьи, включая детей старше 15 лет). Общая выборка по итогам 2-х этапов интервью составила 51 кейс, включающий 110 интервью. Материалы 3-го этапа в обработке.

Один из блоков беседы был посвящён вопросам воспитания и образования детей. На наш взгляд можно выделить несколько типов образовательных стратегий, транслируемых членами семей трудовых мигрантов, проживающих в России.

Стратегия на сохранение культурной идентичности. Характерные черты данного типа заключаются в том, что родители делают акцент на сохранение родного языка, традиций, культурных ценностей. В этом случае с ребёнком дома общаются на родном языке, обучающийся полностью не погружается в образовательную среду, при возможности участвует в этнокультурных мероприятиях.

Стратегия полной интеграции. В этом случае родители и сам ребёнок стремятся максимально интегрироваться в принимающее общество, общение в семье чаще происходит на русском языке. Образование рассматривается как ключ к социальной мобильности.

Стратегия «Ориентации на успех». Данная стратегия проявляется у семей, располагающих финансовыми средствами, которые родители готовы потратить на качественное образование детей. В этом случае могут выбираться престижные образовательные учреждения, проводиться занятия с репетиторами.

Стратегия «Пассивное наблюдение». В этом случае родители вовлекаются в образовательный процесс минимально. Причинами этого может быть низкий уровень либо отсутствие образования у родителей, языковые барьеры, сложные финансовые условия. Такая ситуация достаточно распространена среди семей трудовых мигрантов.

Отметим, что на выбор и реализацию стратегии влияет ряд факторов. На наш взгляд определяющее значение имеет социально-экономическое положение семьи, уровень образования родителей, степень их информированности о системе образования принимающего общества. Специфику образовательным стратегиям придает культурно-религиозный фактор.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что образовательные стратегии, транслируемые членами семей мигрантов в России, являются сложным сочетанием культурных традиций, адаптации к новому контексту и стремления обеспечить будущее детям. Семьи мигрантов зачастую рассматривают образование как потенциал для социальной мобильности в будущем. Понимание этих стратегий важно для разработки эффективной образовательной и интеграционной политики. Образовательные организации, учитывая особенности реализации стратегий в семьях трудовых мигрантов, могут корректировать, либо разрабатывать внеклассные программы адаптации, программы инклюзивной школьной среды, повышать эффективность взаимодействия с родителями, проводить специализированные курсы повышения квалификации для преподавателей. Для социальных служб знание спектра реализуемых образовательных стратегий в мигрантской среде позволит повысить качество информационно-консультативной работы с трудовыми мигрантами, проводить адресные программы социальной адаптации.

1. Зеликова Ю.А. Стратегии социального воспроизводства нового обеспеченного класса России: западное образование детей: автореф. дис.канд.соц.наук: 22.00.04. –М.,2001 – 27 с. (стр.4)
2. Максимова М.Л. Образовательные стратегии студентов регионального университета: автореф. дис.канд.соц.наук: 22.00.04. – Н. Новгород. 2007. URL: <https://www.dissercat.com/content/obrazovatelnye-strategii-studentov-regionalnogo-universiteta>
3. Приток трудовых мигрантов в Россию в 2022 г. вырос на треть // Finexpertiza [сайт]. 20.02.2023. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/pritok-trud-migrant-2022/> (Дата обращения: 03.10.2024)
4. Терентьев К.Ю. Образовательные стратегии российской молодежи: к построению типологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2016.– Вып.2.– С.17–27 URL: <https://sociologyjournal.spbu.ru/article/view/1215/1054> (стр.18 в тексте)
5. Харченко И.И. Формирование и реализация образовательных и профессиональных стратегий современной молодежи: автореф.дис.канд. соц. наук: 22.00.04. – Новосибирск, 2007. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-i-realizatsiya-obrazovatelnykh-i-professionalnykh-strategii-sovremennoi-molodez> (Дата обращения 08.10.2024)

МНОГОДЕТНАЯ СЕМЬЯ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

*Денисова Анна Владимировна
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00518, <https://rscf.ru/project/23-28-00518/>

В современном российском обществе, в контексте социальных изменений и вызовов, таких как демографический кризис, снижение рождаемости, старение населения, распространение ценностей индивидуализма, многодетная семья приобретает особую значимость, поскольку является основным источником воспроизводства населения и хранителем традиционных семейных ценностей.

Многодетная семья на протяжении многих веков занимала ключевое место в структуре общества нашей страны, где традиционно преобладали многодетные, многопоколенные семьи. Вплоть до Второй Мировой войны для нашей страны был характерен расширенный тип воспроизводства населения, когда поколение детей численно превосходило поколение родителей. В настоящее же время мы наблюдаем обратную картину: после 80-х годов страна столкнулась с чередой демографических ям и на смену традиционной «семьедежности» пришла однодетность. В условиях депопуляции, преобладания в структуре населения Российской Федерации семей с одним ребенком (по предварительной оценке Росстат суммарный коэффициент рождаемости на 2023 год - 1,41 [2]), особенно актуальным представляется развитие и поддержание традиции многодетности. Важно отметить, что при планировании семьи современная молодежь нередко сталкивается с рядом вызовов, среди которых как экономическая составляющая в лице «квартирного вопроса» и финансовых трудностей, которые неизбежно встают на пути к семейно-детному образу жизни у потенциальных родителей, так и проблемы поиска помощников в уходе за детьми. «Институт бабушек и дедушек» претерпевает изменения: из-за необходимости построения карьеры молодые люди склонны откладывать деторождение, и в активный репродуктивный период помимо ответственности за собственных детей они могут столкнуться с дополнительной ответственностью и нагрузкой по уходу за пожилыми родителями. Однодетная система общества влечет за собой проблему старения населения и возможность создания новых многодетных семей ставится под сомнение, возникает потребность в мерах, которые будут благоприятствовать созданию новых семей в системе общества.

Сегодня традиционные ценности закреплены на законодательном уровне указом президента Российской Федерации. Одним из основных «нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России» [3, с. 2] является «крепкая семья». Крепость семьи, хоть и не определяется количеством детей, способных перенять родительский опыт и жизненные ориентиры, но в данном случае плюрализм и полнота ролей, представленных в семье является значимым фактором. В контексте фамилистической парадигмы многодетная семья рассматривается как залог социальной стабильности, носитель коллективистских ценностей и основной источник демографического воспроизводства. Многодетная семья, где преобладает просемейный тип социализации, за счет широкого спектра совместной деятельности членов семьи создает благоприятную среду для возвращения у подрастающих поколений жизненных

ориентиров, убеждений и качеств, которые включены в перечень традиционных ценностей. Воспитание в многодетной семье базируется на единстве, происходит в атмосфере взаимопомощи и взаимоуважения, а также сопровождается четким пониманием своей роли. Выходцу из многодетной семьи, как правило, свойственно восприятие себя как составной части семейного единства и семейного МЫ. В этой связи многодетная семья становится центром формирования социального капитала.

Как мы видим, в многодетной семье естественным образом создаются условия для передачи жизненных ценностей от старших поколений к младшим. Однако, согласно данным социолого-демографического исследования «Ценности семейно-детного образа жизни», проведенного научно-исследовательским коллективом кафедры социологии семьи и демографии МГУ, среди населения наблюдаются неблагоприятные для просемейной социализации тенденции с точки зрения передачи ценностей будущим поколениям. Современные родители в меньшей степени транслируют установки на семейно-детный образ жизни собственным детям. «Семья, дети, заботливые близкие» занимает более высокий ранг у поколения родителей (при оценке собственных ценностей) в ценностной иерархии, нежели у поколения детей (при оценке свойств жизни, которые родители рекомендуют своим детям). Семья утрачивает свою значимость - «разница в рангах для себя и для детей составила 1,23» [4, с. 28]. Несмотря на это, семья входит в число наиболее значимых жизненных ориентиров для обоих поколений.

Важно отметить, что однодетная семейная система, преобладающая в российской действительности, сказывается на снижении преемственности поколений. Хорошо иллюстрирует ситуацию модель генеалогического древа: если в многодетной, многопоколенной семье древо имеет множество ветвей, то в семьях с однодетной традицией ветви «отпадают». В семейной системе подобной этой не будут представлены такие семейные роли как «сестра/брат», «тетя/дядя», «племянник/племянница». В ситуации, когда и родители, и их собственные дети являются единственными детьми может происходить ослабевание семейных уз с дальними родственниками. Как следствие, утрачивается чувство семейного «МЫ», исчезают семейные традиции, которые на протяжении веков могли передаваться от старших родственников младшим. Для обеспечения преемственности поколений важно, чтобы человек помнил историю своей семьи, приобщался к семейной культуре, знал и уважал семейные традиции. Генеалогическое древо является важным инструментом укрепления внутрисемейных связей, поскольку оно, способствуя более глубокому пониманию истории семьи и идентичности ее членов, усиливает чувство принадлежности к роду.

Многодетная семья и семья в целом, являясь основным хранителем и передатчиком традиционных ценностей, имеет большое значение для современного общества, ведь в ней воспитываются новые поколения. «Семья, в отличие от других институтов, в своем стремлении к собственному упрочению неизбежно способствует укреплению самого общества» [1, с. 408]. Повышение ценности института семьи не только в глазах каждого человека, но и общества в целом является приоритетным направлением государственной поддержки. Основным направлением поддержки со стороны государства должна стать именно многодетная семья, поскольку подобная семейная система отвечает интересам нашего государства на данном этапе его развития. Комплекс мер по поддержанию будущих родителей, а также уже существующих семей позволит обеспечить создание среды, способствующей становлению многодетной семейной системы и укреплению социального и культурного фундамента российского общества.

1. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века: Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. - М.: Грааль. 2000.
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
3. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>
4. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова / А.И. Антонов, В.М. Карпова, С.В. Ляликова и др.; под. ред. А.И. Антонова. – М.: МАКС Пресс, 2020. – 486 с.

**НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КОЭФФИЦИЕНТАМИ ПАРНОЙ
КОРРЕЛЯЦИИ ПИРСОНА, СПИРМЕНА И КЕНДАЛЛА (НА БАЗЕ
ИССЛЕДОВАНИЙ 1969-2022ГГ)**

Жворонков Александр Васильевич
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Бутаев Эдуар Измайлович
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Воронина Наталья Сергеевна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Исследовательские задачи выявления связей между различными переменными, решаемые методом корреляционного анализа, как правило, не затрагивают содержательных предпосылок применения того или иного коэффициента парной корреляции. Но проведенные масштабные многолетние исследования показывают, что последовательное применения разных коэффициентов корреляции – это не узкая методическая задача, а продуктивный метод анализа социальных и экономических данных. Ряд нетривиальных результатов частично был уже доложен на предыдущих Ковалевских чтениях и конференциях ИСЭПН ФНИСЦ РАН. Работа продолжалась, и на сегодня обнаружены новые факты, которые и представляются.

Эмпирическая база исследования состоит из данных проектов «Общественное мнение», «Правда-1977», «Правда-1990», Гражданская экспертиза сферы управления 2012-2016, ОСПИ-2019-2022, Советско-американских исследований бюджетов времени (Псков, Джорджтаун, РФ) 1986 и 1993гг, ESS-2006-2021, исследований кафедры социологии семьи и демографии МГУ, официальных докладов ООН, МОТ.

Для анализа результатов вышеперечисленных проектов были выявлены поведенческие, оценочные и нормативные таксоны по ряду сопоставимых категорий. Мера замещения поколений хорошо фиксируется суммарным коэффициентом рождаемости. Оценочные кластеры массового сознания строились на основе многомерных шкал. Были получены индивидуальные оценки остроты социальных проблем, путей их решения, мер господдержки семьи, работы местных органов власти, политиков, жизненных ориентаций, мотивов самореализации, отношения к мигрантам, предпочтений по тесту М. Люшера, для выявления степени тревожности. Основным предметом изучения была и степень близости или различия оценок респондентов. Она выражалась тремя разными коэффициентами корреляции (Пирсона, Кендалла, Спирмена) «каждого респондента с каждым» со статистической достоверностью 95%. Проанализировано 600 разных корреляционных матриц данных социологических исследований. Во всех оценочных «полях» имелись близкие к нормальным распределения от средней, что дало право строить «триады» слоёв по критерию $\pm 1\sigma$ и поляризовать оценки. В матрицах корреляционных «полей» респонденты с преобладанием отрицательных корреляций условно относились к слою «инакомыслящих», а положительных к слою «доминирующих». Обладатели среднего диапазона совпадений классифицировались «медианными». Так образовались «триады» по

степени совпадения оценок людей. Были рассмотрены характеристики распределений всех коэффициентов во всех матрицах*.

Для сопоставления со значениями реальных замеров анализа генерацией случайных чисел по принципу Монте-Карло были получены виртуальные матрицы значений r , Tau - b , Po вероятностных распределений оценок по всем сочетаниям «тип шкалы на тип числа градаций объекта».

Последняя операция показала, что ни в одном до настоящего момента проанализированном распределении отклонения оценок (или частот событийного поведения) от среднего значения в виртуальных моделях (независимо от «бросков» по методу Монте-Карло) картина поляризованных оценок даже близко не совпадает с картинами в реальных замерах. При этом картины, полученные разными «бросками кубика» по методу Монте-Карло, всегда разные, а в реальных замерах в двух выборках по 1000 респондентов (сделанных на одном массиве также случайным образом) они практически одинаковы. Здесь, с одной стороны, небольшие изменения (в том числе и во времени) говорят о флуктуациях в поведении, оценках, совпадении или разнице взглядов, отражающих реакции людей на внешние обстоятельства. С другой стороны, стабильность картин на независимых объектах говорит о социальных факторах детерминации этих картин.

Ни в одном из слоёв оценочной и поведенческой дифференциации населения и в его социально-демографических группах не обнаружено такой силы разброса оценок, как в «триадах» социометрических матриц. Слои по Tau - b и r дают наиболее мощный, до антагонизма разлёт поляризованных оценок. Хотя по ряду параметров их максимальные значения порой разнятся, следует отметить, что нечувствительность Tau - b к выбросам может заключаться в таком стробоскопическом характере «лабиринта» социального пространства-времени, которое обеспечивает неистребимые стохастические формы спонтанного проявления сознания и поведения. Метод Пирсона фиксирует расстояние между предметными сторонами и оценками «по прямой». У Кендалла выявляется число перестановок необходимых для достижения единства экспертов. Метод фиксирует движение в пространстве и скорость центростремительных и центробежных процессов. Полученные двугорбые распределения значений Tau - b интерпретируются двояко. С одной стороны, они говорят о гомеоморфизме метода получения согласованных/разнящихся оценок у экспертов и формирования собственно сознания из суммы индивидуальных реакций. С другой стороны, они факт единства и борьбы противоположностей, без которых в социальной системе отсутствует момент развития. Фундаментальность процесса подтверждена устойчивостью фиксации каждого из этих слоёв в форме «от децильных до квинтильных групп» на всём корпусе анализируемых данных независимо от страны, предметного поля изучения и времени замеров. Это чётко проявилось в построении моделей массового сознания относительно процессов рождаемости и миграции.

Динамическая трёхмерная модель семейной ориентации женщин фертильного возраста в масштабах РФ (поведение/установки/общественно закреплённые нормы числа детей по значениям Tau - b) оказалась константной за пол века. Она представлена в объёмной «гауссиане», неизменно отцентрированной относительно вершины со значением среднего числа рожденных детей в 1,5 на одну семью. Изменения в отдельных областях фигуры во времени говорят о ничтожных флуктуациях смысловых норм-реакций фертильных когорт на экономические изменения. Меры господдержки семей, вписанные в общий контекст внутриэкономической политики, пока что к декларируемым целям изменения положения не приводят. Более того, обнаружены высокие оценки феминистическими, малолетними

*Все дубли с коэффициентами +1 или -1 в границах одного региона в каждой матрице уничтожались.

слоями ряда предлагаемых управленцами мер (садовые участки, работа на дому). Многодетные, не приветствуя эти меры, более ориентированы на обеспечение жильём, снижение тарифов ЖКХ получения детьми образования. Константности желаемого числа детей за рассматриваемый период (2,5) и СКР (1,5) являются отражением объективно необходимого для существования общества числа рождений и закреплением в сознании смысловых норм-реакций на реально наблюдаемый обмен общественными благами, регулятором которого пока что выступает максимизация прибыли.

В проанализированных жизненных ориентациях фертильных когорт выделяются три проекции социального пространства в сознание. Первая выступает базовой абсолютной ценностью существования в настоящем и будущем в качестве жизни. Вторая состоит в ресурсах её реализации, данных как социальная среда развертки первой в формах, институтах, механике обмена свойствами и способностями, раскрывающимися перед индивидом. Третья связана с категорией целеполагания человеческой активности. При невозможности реализации первой во второй через третью происходит блокировка этой активности в различных областях социального пространства, в том числе и в наблюдаемых нами на поле общности «семья». Потенциально потребность в детях системна. Однако порядок общественного устройства с доминантой законов наживы на жизненно важных вещах блокирует реализацию этой потребности, что и выражается в значениях СКР. В результате невозможности изменения этого «порядка вещей» в связи с отсутствием инструментов такого изменения и в силу «пластичности» человеческой психики и сознания, потребность в детях начинает «схлопываться», что и выражается в падении социальной нормы числа детей и установок на их рождение.

Устойчивость описанных фундаментальных процессов фиксируется всеми тремя коэффициентами $r = -0,890$, $Tau-b = -0,960$, $Po = -0,995$ между душевой долей ВВП и суммарным коэффициентом рождаемости в мире с 1960 по 2023гг. Статданные ООН и МОТ свидетельствуют о катастрофической эксплуатации ресурса, разрабатывающего все остальные ресурсы. Она близка к пределам, разрушающим и саму планету и жизнь в её форме существования свободных разумных людей.

Стратегическое решение проблемы состоит в диверсификации форм собственности и власти. Экономический уклад государственного капитализма с монополией на господство одной формы регуляции обмена благами исчерпал свои возможности. Не только экологическая ниша существования, но и сам субъект разработки её ресурсов буквально кричат о необходимости смены исчерпавшей свое положительное содержание системы. Развитие объективно требует, и изменения оснований внутренней политики стран с создания резервных армий труда из миграционных потоков на воспроизводство народонаселения, и перехода к многоукладной экономике. Такой опыт проявлялся в нашей стране в ряде случаев в течение прошлого века. Победой в войне мы обязаны и всплеску рождаемости в середине 20-х годов до более высокого, чем в дореволюционное время, уровня. Характерно, однако, что экономические полумеры в ряде стран в настоящее время приводят к повышению рождаемости на короткое время. Затем она падает. Дело в балансе вокруг объективно системного показателя воспроизводства самого субъекта общественной жизни, а в роли этого показателя выступает суммарный коэффициент рождаемости. Общественно необходимое время это время, требующееся для воспроизводства субъекта деятельности и самой жизни. Сначала надо сделать капитал человеческим, а затем заниматься человеческим «капиталом». Исходя из этого наша социальная политика обязана иметь сегодня один главный целевой показатель - СКР равный 2,64 на семью.

СЕМЬЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ?

Ильиных Светлана Анатольевна
(Новосибирский государственный университет экономики и управления)

Аннотация. В статье анализируются особенности трансформации моделей распределения гендерных ролей в современной семье. Показывается, что одновременно сосуществуют эгалитарные и традиционные модели распределения. На основе эмпирического исследования автор приходит к выводу, что, несмотря на эгалитарные взгляды, присутствует и типично патриархальное распределение ролей, которое касается сугубо традиционных ролей мужчин – принятие решений, построение карьеры и т.д.

Ключевые слова: эгалитарные модели, традиционные модели, распределение ролей, карьера, принятие решений

Происходящие социально-экономические, социально-политические, социокультурные изменения в российском обществе не могут не влиять на институт семьи. В связи с этим осмысление некоторых процессов, происходящих в современной городской семье, достаточно актуально.

Стоит отметить, что традиционное распределение ролей раскрывается в рамках поло-ролевого подхода, основа которого была заложена Т.Парсонсом [5, p.271]. Усвоение распределения социальных ролей мужчины и женщины происходит в процессе социализации. Конструктивистский подход (представители К.Уэст и Д.Зиммерман и др.) позволяет отметить, что гендерные роли не заданы биологией или социальной структурой, а социально сконструированы. Гендерный подход нацеливает на то, что гендерные роли в семье основаны на подчинении одного пола другим, а также на то, что важны социальные различия между мужчинами и женщинами [1], [4]. Р.Коннел, выделяя структурные модели гендерных отношений в семье, приходит к выводу о том, что когда определенный вид домашней работы закрепляется за мужем или женой, происходит формирование ролей «домохозяйки», «кормильца» и т.д. [2]. Это традиционная семья. А если роли выполняются совместно и нет закрепления одного вида работы за одним из супругов, то семья становится эгалитарной.

На распределение гендерных ролей в современной семье влияет множество факторов, в том числе и локационный. Распределение гендерных ролей семей, проживающих в городе и в семье, отличается. Исследования семей, проживающих в мегаполисах, показывают, что чаще всего распределение ролей равномерно. Более того, исследования семей Москвы показывают, что эгалитарные практики имеют широкое распространение [3].

Если говорить о трансформации моделей распределения гендерных ролей в семьях жителей мегаполиса, то можно отметить, что, с одной стороны, происходит внедрение эгалитарной модели семейных отношений, а с другой, некоторые роли остаются традиционными – женскими или мужскими. Для проверки этого положения в июне 2024 года под руководством автора было проведено социологическое исследование (n=307). В качестве респондентов выступили жители города Новосибирска. Выборка двухступенчатая, стратифицированная. Метод исследования – анкетирование.

Интересную картину можно наблюдать при распределении ответов о том, какие роли были в семье респондента. Женщины чуть чаще указывают, что роли были распределены примерно поровну (55,3% против 50,6%).

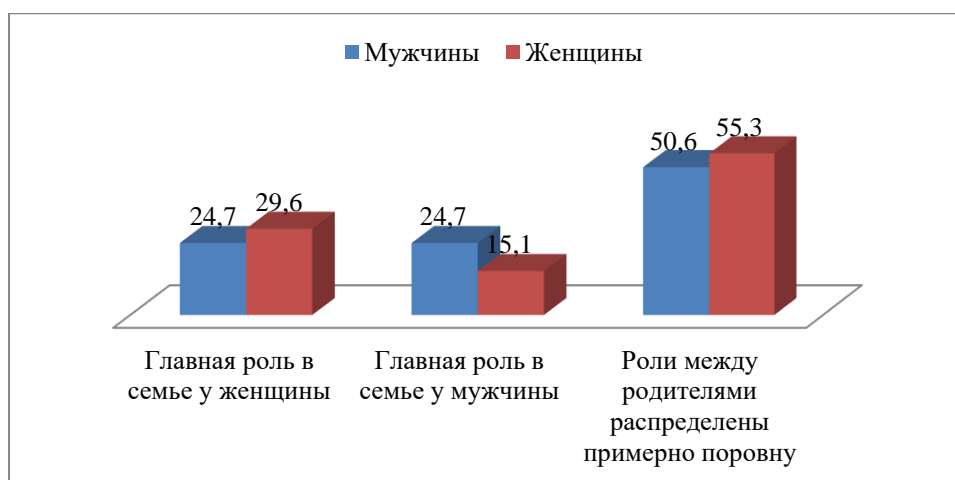

Рисунок 1– Распределение ответов на вопрос «Какое описание наиболее полно отражает семейные отношения в Вашей родительской семье?» (%)

В равных пропорциях мужчины отмечают, что главная роль у мужчины и женщины (по 24,7%). Почти вдвое чаще женщины полагают, что главенство в семье у женщины по сравнению с мужчиной (29,6% против 15,1%). Эти данные позволяют говорить о том, что женщины чаще мужчин оценивают себя главой семьи. В определенной степени можем говорить о некой подвижности ролей в сознании женщин, оценивающих родительскую семью. Мать оценивается как глава семьи.

Следующий вопрос нацеливал респондента на оценку того, какого бы распределения ролей он хотел в своей семье.

Таблица 1 Распределение ролей в своей семье (%)

Варианты распределения ролей	Мужчины	Женщины
Да, хотел(-а) бы, чтобы в моей семье были такие же отношения	27,4	25,7
Да, но в своей семье отношения построю немного иначе, выберу другую модель	48,8	45,1
Нет, хотел(-а) бы, чтобы в моей семье все было с точностью наоборот, совсем не так, как у родителей	18,8	26,1
Другое	5	3,1
Итого	100	100

Можем видеть, что лишь треть мужчин (27,4%) и четверть женщин (25,7%) хотели бы воспроизвести взаимоотношения в своей семье, аналогичные родительским. Большая часть опрошенных (мужчины – 48,8%, женщины – 45,1%) хотели бы выбрать иную модель отношений, хотя и в чем-то отдаленно напоминающую родительские. Остальные хотели бы строить совершенно иную модель взаимоотношений.

На вопрос о том, кто должен принимать решения в семье, нами получено следующее распределение.

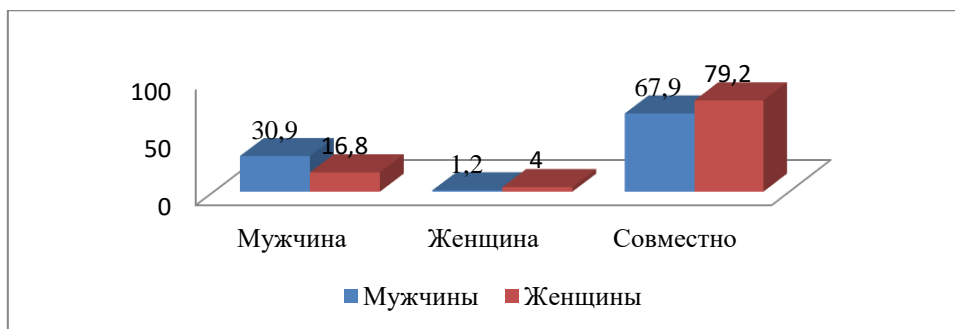

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос «Каким образом, на Ваш взгляд, должно происходить распределение ролей в семье при принятии решений?» (%)

Здесь наиболее очевидно сочетание и эгалитарной модели, и традиционной. При этом приверженцев эгалитарной модели существенно больше. Но, тем не менее, треть мужчин (30,9%) выступают в пользу мужчин. В пользу женщин высказывается минимум опрошенных.

При том, что эгалитарные установки в семье доминируют, традиционные установки сохраняются и в отношении построения карьеры.

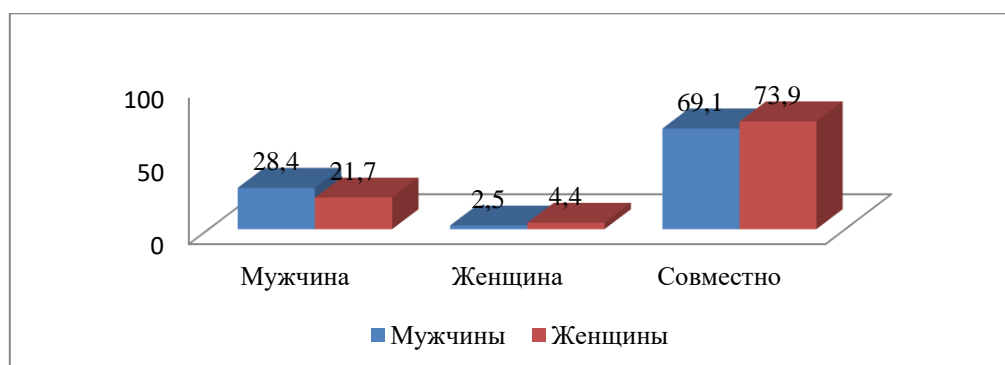

Рисунок 3 - Распределение ответов на вопрос о построении карьеры (%)

Показательно, что в данном вопросе даже чуть большее число женщин высказываются в поддержку построения карьеры мужчинами. Но в целом сохраняется соотношение: эгалитарные установки и традиционные, но с преимуществом эгалитарных.

Подведем итоги. На основе проведенного исследования можем подтвердить трансформацию моделей распределения гендерных ролей в семьях жителей мегаполиса в сторону эгалитарных установок. В этом случае мужчины и женщины в равной мере участвуют в воспитании детей, главенстве, принятии решений и т.д. Но полностью перехода к эгалитарной модели нет ни в одном из изучаемых аспектов. При этом, чем более распределение ролей строится в традиционной парадигме, тем большее число респондентов высказываются в пользу роли мужчины.

1. Здравомыслова Е.А, Темкина, А.А Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С.15-24.
2. Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов. СПб. 2000. С. 251–279
3. Семья в России и в Москве в начале XXI века. М.: РГСУ Союз. 2008. 216 с.
4. Уэст К., Зиммерман, Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов: Переводы. СПб. 2000. С.193-220.
5. Parsons T. The family, Its Function and Destiny / Ed. by T. Parsons. London, 1959. 538 p.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СЕМЬИ С РАЗНЫМ ЧИСЛОМ ДЕТЕЙ (ПО ДАННЫМ СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА)

Карпова Вера Михайловна

(Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН)

Опыт изучения репродуктивных установок при помощи метода семантического дифференциала имеет уже почти полувековую историю и впервые оценки семей с разным числом детей по набору биполярных шкал были представлены еще в исследованиях конца 1970-х годов [3]. Сам метод семантического дифференциала был впервые предложен Ч. Осгудом и его коллегами в 1952 году [4] для изучения смысла отдельных понятий и на тот момент это было новым шагом в применении оценочных шкал для изучения не только отношения субъекта, но и попытки понять смысл, значение стимула для респондента [1].

Метод семантического дифференциала, примененный к изучению репродуктивных установок и ценностных ориентаций в отношении семейно-детного образа жизни обладает особым преимуществом по сравнению с другими методами. Так именно метод СД позволяет изучать оценивать не только денотативное значение исследуемого объекта, но и в большей степени коннотативное значение объекта, которое характеризует субъект оценки и может служить характеристикой проявления его ценностных ориентаций, служить аналогом личностного смысла [2]. Именно такой подход позволяет исследователю глубже понять ценностные ориентации респондентов, особенно в таких сензитивных и лично значимых вопросах как формирование семьи и рождение детей.

В данной работе будет представлен результат применения метода семантического дифференциала для изучения восприятия респондентами семей с разным числом детей, причем дифференциация респондентов также производится по имеющемуся числу детей. Эмпирической базой служит опрос СеДОЖ-2019 [6] - парный опрос 1200 супружеских пар, проводившийся в 2018-2019 году в различных регионах России (Москве, Московской области, Краснодарском крае, Владимирской и Курской областях, Свердловской области, Башкортостане), в котором принимали участие мужчины и женщины в возрасте от 18 лет, состоящие в зарегистрированном браке (90%) или сожительстве (10%). В рамках данного исследования при помощи метода семантического дифференциала были оценены понятия: Бездетная семья, Однодетная семья, Двухдетная семья, Трехдетная семья и позитивный эталона Дети. Оценка проводилась по семибалльной шкале (от -3 до +3). На рисунке 1 представлены профили оценок понятий по шести шкалам семантического дифференциала: теплое-холодное, активное-пассивное, светлое-темное, быстрое-медленное, сильное-слабое, мягкое-твердое. Отмечены средние оценки по каждой из шкал. Сравнение полученных профилей позволяет сделать ряд выводов²⁶.

Во-первых, с ростом числа детей в семье респондента увеличивается размер семантического пространства, задаваемого понятиями – разброс значений от негативного эталона «бездетная семья» до позитивного эталона «Дети» наибольший среди многодетных родителей.

Во-вторых, обращают на себя внимание ответы респондентов, у которых нет детей. Для них понятие «бездетная семья» имеет негативную окраску (все оценки ниже нуля), однако они почти одинаковы по всем шкалам, в то время как у респондентов, имеющих детей происходит не только смещение оценок в сторону нуля, но и появляются

²⁶ Все различия, описанные в следующих выводах, являются статистически значимыми. Проверка проводилась при помощи двустороннего t-теста с поправкой Бонферрони на множественные сравнения, все $p < 0,05$.

существенные отличия по шкалам. То есть для родителей понятие «бездетная семья» приобретает гораздо более яркий эмоциональный отклик, чем спокойное восприятие тех, у кого детей нет. Здесь стоит учесть, что большинство бездетных респондентов в выборке довольно молоды и родительство для них еще впереди, поэтому понятие «бездетная семья» для них скорее ассоциируется с некоторой социальной нормой, требующей наличие хотя бы одного ребенка. Именно поэтому профиль носит негативные оценки, но не дифференцирован. В то время как после рождения первого и последующих детей, семья без детей становится пройденным этапом на жизненном пути респондентов, и они могут дать оценку не только, опираясь на нормативные представления, но и на собственный опыт. Поэтому образ бездетной семьи для тех, у кого есть один ребенок гораздо менее негативно окрашен, чем для тех, у кого еще нет детей.

В-третьих, обращает на себя внимание дифференциация восприятия семей с разным числом детей в зависимости от имеющегося числа детей у респондентов. Если для однодетных респондентов все профили «однодетная семья», «двухдетная семья», «трехдетная семья» очень близки, то после рождения второго ребенка профиль «однодетной семьи» отделяется от всех остальных. То есть рождение второго ребенка позволяет почувствовать разницу между однодетным и двухдетным родительством и образ семьи с одним ребенком явно дифференцируется от всех остальных. Аналогичный эффект заметен среди тех, у кого есть 3 и более детей – для них дифференцировано не только понятие «однодетная семья», но и есть отличия между восприятием «двухдетной» и «трехдетной» семьи. Такой эффект наблюдается достаточно стабильно на разных данных, где используется техника семантического дифференциала применительно к представлениям о различном числе детей в семье [5, 162-164].

Рисунок 1. Средние оценки по шкалам семантического дифференциала, в зависимости от числа детей в семье.

Нет детей

Холодное	Теплое
Пассивное	Активное
Темное	Светлое
Медленное	Быстрое
Слабое	Сильное
Твердое	Мягкое

1 ребенок

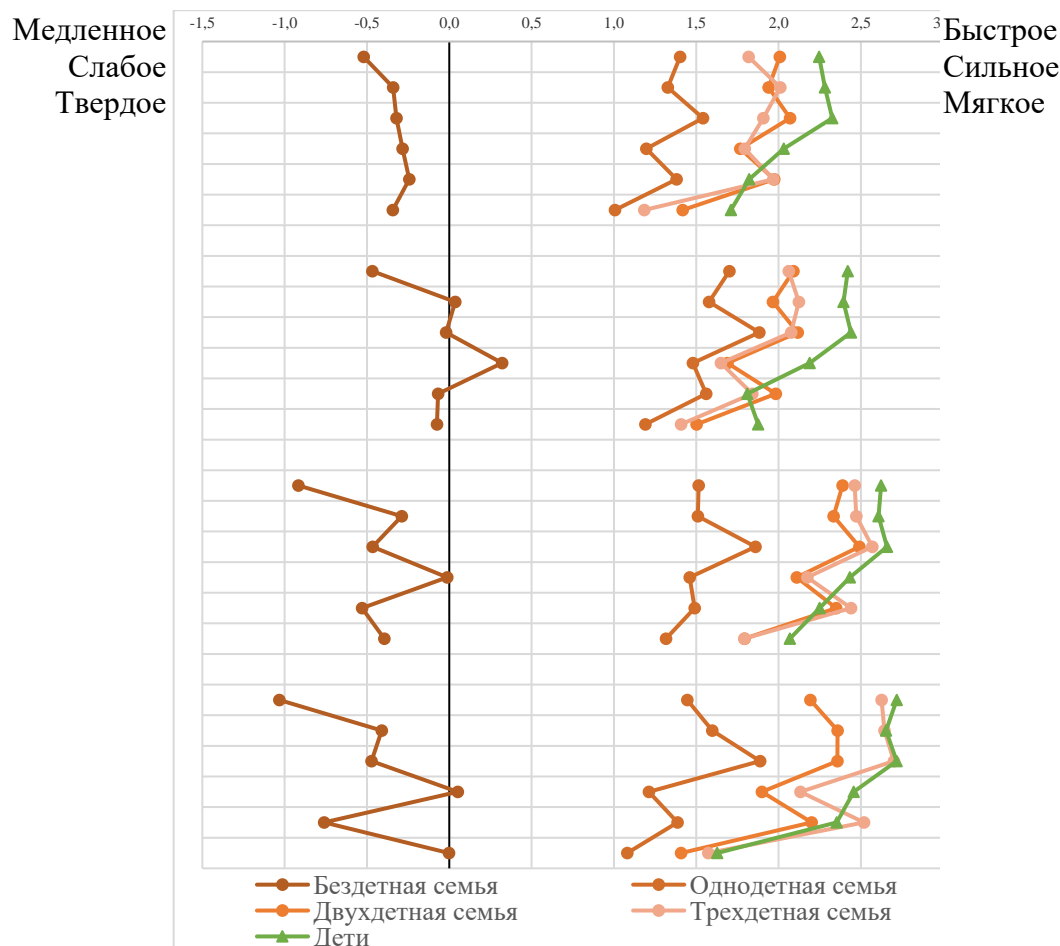
Холодное	Теплое
Пассивное	Активное
Темное	Светлое
Медленное	Быстрое
Слабое	Сильное
Твердое	Мягкое

2 детей

Холодное	Теплое
Пассивное	Активное
Темное	Светлое
Медленное	Быстрое
Слабое	Сильное
Твердое	Мягкое

3 и более детей

Холодное	Теплое
Пассивное	Активное
Темное	Светлое

Таким образом применение метода семантического дифференциала для оценки семей с разным числом детей может дать дополнительное понимание специфики семантического пространства респондентов и проследить изменение особенности восприятия разного числа детей по мере рождения собственных. Дальнейшее использование метода СД в изучении репродуктивных установок видится перспективным, и одним из направлений может быть анализ сравнения применения метода семантического дифференциала и традиционных вопросов о ценностных ориентациях респондентов.

1. Ploder A., Eder A. *Semantic Differential* // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*, Elsevier, 2015, URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.03231-1>
2. Баранова Т. С. Психосемантические методы в социологии // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 1994. №. 3-4. - С. 55-64
3. Антонов А.И., Медков В.М. *Второй ребенок*. М.: Мысль, 1987
4. Родионова Н. В. Семантический дифференциал (обзор литературы) // *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М)*. 1996. Том. 0. № 7. С. 175-200.
5. Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования: монография / А.И. Антонов, А.Б. Синельников, Е.Н. Новоселова [и др.]. — Москва: ИНФРА-М, 2022
6. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова / под ред. А.И. Антонова / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. — Москва: ООО МАКС Пресс, 2020. — 486 с

ГЕНДЕРНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «REPRODUCTIVE COERCION» В СИТУАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА XXI ВЕКА

Клименко Наталья Сергеевна
(ФГБОУ ВО КрасГМУ им. проф. В.Ф.Войно-Ясенецкого Минздрава России)

Актуальность темы исследования включает в себя две составляющие:

- лексическую составляющую: необходимость конкретизации русскоязычного понятия «репродуктивное насилие» в контексте вербального проявления современной российской гендерной культуры, выявление соответствий и противоречий с его англоязычным аналогом (reproductive coercion).

- социокультурную составляющую: необходимость выявления и анализа уровней репродуктивного насилия, его полоролевых интерпретаций, а также его роли в динамике гендерной и репродуктивной культуры

Объектом исследования является репродуктивное насилие в контексте современной гендерной и репродуктивной культуры.

Предметом исследования являются лексические и социокультурные интерпретации репродуктивного насилия в современном российском общественном сознании.

Целью исследования является типологизация такого социокультурного явления как репродуктивное насилие в контексте российской гендерной и репродуктивной культуры, а также обоснование значимости его изучения и как феномена современной гендерной и репродуктивной культуры, и как культурного инструментария в ситуации демографического кризиса.

История вопроса. В рамках доклада анализируются отечественные исследования понятия «репродуктивное насилие» таких авторов, как И. Г. Пирожкова, И. В. Поминова, Ю. И. Прохоренко. Зарубежные исследования понятий «reproductive coercion» или «reproductive coercion and abuse» также затрагиваются в докладе и представлены такими авторами, как Fay K. E., Yee M. L., Grace K. T., Miller E. и др. Делается вывод о преобладании медицинского и юридического направлений в изучении данного явления, а также о необходимости актуализации социокультурной направленности в его интерпретации.

Методология и методы исследования включают в себя контент-анализ современного интернет-пространства, а именно тематических пабликов, так или иначе затрагивающих проблему репродуктивного насилия. Автор отмечает эволюцию интерпретации данного понятия от «жестокости со стороны акушерства в процессе родовспоможения» до «репродуктивного давления со стороны партнера как наталистской, так и антинаталистской направленности», а также «чрезмерности прокреационного давления со стороны общества».

В рамках доклада автором также представлены результаты проведенного анкетирования, ставящего перед респондентами задачу конкретизации понятия «репродуктивное насилие», дифференциации источников репродуктивного насилия, а также задачу привести пример вербального проявления репродуктивного насилия в виде наиболее распространенных устойчивых выражений.

Результаты, выводы и обсуждения. Большинство респондентов отмечают прокреационную направленность репродуктивного насилия, а также его фемининную ориентацию. Источниками репродуктивного насилия преимущественно определялись «общество», «партнер», «муж», «семья», «врачи-гинекологи». Наиболее распространенными примерами вербального проявления репродуктивного насилия были

названы такие фразы, как «не рожала – не женщина», «часики тикают», «пустоцвет» и т. д. Автор подчеркивает отсутствие маскулинной интерпретации подобных выражений в виде фраз «не стал отцом - не мужчина» и т. д.

На основании проведенного исследования автор выделяет три подсистемы репродуктивного насилия: насилие в сфере гинекологии и родовспоможения, насилие в межличностных отношениях с партнером, насилие на макросоциальном уровне в виде прокреационного общественного давления. В заключении подчеркивается необходимость поиска компромисса между объективной потребностью человека самостоятельно распоряжаться собственной фертильностью и объективными рисками демографической катастрофы ввиду очевидности депопуляционных процессов. Также довольно значимым направлением продолжения исследования автор видит более глубокий и структурированный анализ маскулинной составляющей проявления репродуктивного насилия ввиду его меньшей очевидности, но не уступающей значимости.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БЮДЖЕТА ВРЕМЕНИ ЖЕНЩИН, СОВМЕЩАЮЩИХ ТРУДОВЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ

Ковалева Екатерина Александровна

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Аннотация: В настоящее время совмещение женщинами роли профессионала и хозяйки является обыденностью для большинства россиянок. В исследовании рассматриваются теоретико-методологические основания изучения социальных ролей женщин, а также распределения бюджета времени в семьях. Проведенное исследование позволило выявить проблемы и особенности распределения бюджета времени женщин, совмещающих трудовые и семейные социальные роли.

Согласно Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. [3], приоритетным направлением является рост рождаемости. Задача в этом направлении состоит в повышении уровня рождаемости (увеличение суммарного показателя рождаемости в 1,5 раза) за счет рождения в семьях второго ребенка и последующих детей. В связи с этим возникает вопрос о возможности совмещения женщиной трудовых и семейных социальных ролей, предполагающих соответствующие обязанности.

В мае 2024 года вице-спикер Государственной Думы Борис Чернышов в своём обращении к Министру труда и социальной защиты Антону Котякову выдвинул предложение о сокращении рабочей пятницы на два часа для женщин. По мнению вице-спикера, это нововведение поможет женщинам более качественно проводить время с семьёй, лучше отдыхать на выходных. К тому же, эта мера может улучшить демографическую ситуацию в стране [1].

По данным «Центра междисциплинарных исследований человеческого потенциала» [2], женщины тратят в 2 раза больше времени, чем мужчины, на домашние дела и уход за детьми и другими членами семьи. Неоплачиваемая трудовая нагрузка на женщин составляет в среднем 6 часов в день. Мужчины трудятся на работе в среднем на 40 минут больше, чем женщины. Но отдыхают женщины в среднем в 1,2 раза меньше, чем мужчины.

О социальных ролях женщин писали Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Э. Игли, Б. Фридан, О. Воронина, Е. Здравомыслова, И. Кон, Е. Трофимова, З. Хоткина. Социальные роли женщины включают в себя комплекс ролей, но, преимущественно, рассмотрению подлежат трудовые и семейные роли. В последнюю категорию входят как роль матери, так и роли жены и хозяйки.

Начиная с середины XX века началось изучение бюджетов времени. За рубежом первопроходцами в данных исследованиях стали Гарри С. Беккер, Р. Гронау, Р. Мертон, С. Колтран, М. Райд, В. Митчел. В отечественной социологии в развитие исследований распределения бюджетов времени населения внесли вклад П.А. Сорокин, С.Г. Струмилин, В.Д. Патрушев, А.В. Чаянов, Г.А. Пруденской, Б.А. Грушин. Специальный фокус на распределение бюджета времени женщин находим у А. Салаи, Г. Бэрах, Р. С. Барнетта, а также А. Хокшильд, которая в своей книге «Вторая смена. Работающие семьи и революция в доме» [4] описала результаты исследования распределения семейных обязанностей в парах, где оба супруга занимаются профессиональной деятельностью.

Целью проведенного автором исследования являлось выявление проблем и особенностей распределения бюджета времени женщин, совмещающих трудовые и семейные социальные роли в современных российских условиях. Предметом исследования

стало распределение бюджета времени женщин, совмещающих трудовые и семейные социальные роли. Исследования было проведено в два этапа.

Первый этап – заполнение дневников времени. В данном этапе исследования участвовало три группы респондентов: целевая – женщины замужем, имеющие детей, совмещающие трудовые и семейные социальные роли (эта группа являлась объектом исследования); и группы для сравнения с целевой – женщины замужем, имеющие детей, занимающиеся исключительно домашними и семейными обязанностями; женщины не замужем, не имеющие детей, занимающиеся профессиональным трудом. Целью данного этапа являлось определение и описание особенностей распределения бюджета времени у целевой группы.

Анализ дневников времени показал, что из-за профессиональной занятости женщины, совмещающие социальные роли, уделяют мало времени быту в будни: основная нагрузка, связанная с домашними обязанностями, ложится на них в выходные. В распределении бюджета времени женщин, выполняющих только семейные обязанности, складывается обратная тенденция: в будни они преимущественно занимаются бытом, а в выходные отдыхают.

Женщины, совмещающие социальные роли, меньше времени проводят с ребёнком, чем домохозяйки, но больше общаются с близкими. При этом им не свойственны активности, связанные с образованием, по сравнению с двумя контрольными группами.

Второй этап – интервью с женщинами, совмещающими трудовые и семейные социальные роли. На этом этапе было необходимо выявить проблемы, которые встречаются именно у целевой группы – «работающих мам».

Ключевой проблемой работающих мам является нехватка времени, проведённого вместе с ребёнком. Многие женщины говорили о том, что недодают своим детям должного внимания. Стоит отметить, что для большинства респондентов главная социальная роль – это роль мамы, и только на втором месте в их жизни находится роль профессионала.

Сложности в совмещении семейных и профессиональных ролей связаны с психологическим аспектом. Некоторые женщины стали матерями на взлёте карьеры, им было тяжело это осознать, принять новую для себя роль, и то, что на некоторое время профессиональную деятельность нужно отложить. По мере взросления ребёнка и выхода женщины на работу появилась необходимость выбирать между работой и семьёй.

Большое количество времени каждый день у женщин уходит на профессиональную деятельность. Это ведёт к появлению усталости, из-за которой нет возможности должное время уделить семье. Также проблемой являются существенные временные затраты на поездки от дома до работы и обратно. Этот фактор влияет на усталость, в том числе – эмоциональную, которая может стать причиной неготовности женщины участвовать в жизни семьи с полной отдачей.

Респонденты отмечали важность пусть не равного, но более пропорционального распределения обязанностей между супругами. Женщинам хотелось бы, чтобы их мужья активнее вовлекались в выполнение домашних дел.

Как показали проведённые интервью, в семейной жизни важным является умение договариваться. Муж и жена должны вместе участвовать в выполнении домашних дел. То же касается и принятия важных решений. Однако при описании обязанностей мужа респонденты говорили о «помощи по дому», что говорит о том, что бытовые рутинные обязанности, в большей степени, являются ответственностью женщины, даже если оба супруга занимаются профессиональной деятельностью.

Социальными детерминантами распределения времени женщин являются социальная роль, которую женщины считают основной в своей жизни, отношение к быту в

родительской семье, распределение обязанностей в собственной семье, процесс принятия важных решений супругами, семейная ответственность женщины.

Среди того, что помогло бы женщинам справляться с описанными проблемами, респонденты назвали большой заработок и стабильную работу с нормированным графиком. Также респонденты говорили о том, что им было бы гораздо легче, если бы муж и дети брали некоторые обязанности по дому на себя.

Участники исследования предложили несколько вариантов поддержки работающих матерей, которую могут оказывать частные компании или государство: помощь с досугом для детей, развитая городская инфраструктура, возможность удалённой работы, программы профессиональной переподготовки для мам, дополнительные выходные дни и укороченный рабочий день, увеличенная пенсия для многодетных матерей, службы психологической поддержки.

1. *В Госдуме предложили сократить рабочую пятницу для женщин // Информационный портал «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20240524/pyatnitsa-1948037524.html> (Дата обращения: 24.05.2024)*
2. *Н.Д. Воронина, М.А. Нагерняк, Н.С. Михайлова, С.А. Тер-Акопов. «Бюджеты – это не только деньги. Как мы тратим свое время?» // Научный дайджест № 3(20), 2023.*
3. *Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. №1351*
4. *Хокшильд А. Вторая смена. Работающие семьи и революция в доме / А. Хокшильд — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2012 — (Социальная теория).*

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К СЕМЬЕ, СЕМЕЙНЫМ И ТРАДИЦИОННЫМ ЦЕННОСТЯМ

*Ковалевская Елена Викторовна
(Институт социально-экономических проблем народонаселения им
Н.М.Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32))*

Аннотация. По результатам опросов, проведенных ВЦИОМ в 2024 году, проанализирована отношение россиян к традиционным ценностям и одной из самых главных ценностей-семье, выявлены приоритетные цели, к которым стремились россияне, как они относятся к введению курса «Семьеведение» для старшеклассников.

Ключевые слова: семья, традиционные ценности, семейные ценности, жизненные цели россиян, молодежь, курс «семьеведение»

В сложных условиях преобразований и модернизаций, происходящих сегодня в мире и в России, в нашей стране пытаются поддержать и сохранить традиционные ценности, главной из которых является семья.

Результаты исследования, проведенного ВЦИОМ в апреле 2024 года, показали, что россияне считали семью одной из самых важных жизненных ценностей среди предложенных восемнадцати принципов и жизненных ценностей, которые респондентам предложили оценить по шкале от 1 (совсем не важная) до 7 (очень важная). Большинство опрошенных, то есть 84% россиян, назвали очень важной для них ценностью человеческую жизнь, 74% респондентов выбрали в качестве важной ценности справедливость, для 73% из участвовавших в опросе россиян очень важной ценностью было человеческое достоинство. Крепкая семья вошла в пять самых очень важных ценностей для 72% россиян. Взаимопомощь и самоуважение тоже были самой важной ценностью для 71% россиян. Права и свободы человека очень важная ценность для 67% россиян. Очень важной ценностью для 65% россиян было то, что они осознавали себя гражданами страны, и столько же (65% респондентов) считали очень важным сохранять историческую память и преемственность поколений. Патриотизм и любовь к Родине считали очень важной ценностью 64% из числа опрошенных. В то же время, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, как очень важную ценность, выбрали 60% из числа опрошенных, то есть меньше на 5% тех, кто гордился тем, что является гражданином России. Саморазвитие было очень важной ценностью для 61% россиян. 55% респондентов считали очень важной ценностью созидательный труд. Таким образом, созидательный труд как очень важная ценность оказался на 12 месте из 18 предложенных принципов и ценностей. Для 54% россиян очень важным принципом был гуманизм. Высокие нравственные идеалы являлись очень важными ценностями для 52% респондентов, то есть для немногим более половины из числа всех опрошенных. Для каждого третьего россиянина очень важным был принцип приоритета духовного над материальным (его выбрали 33% респондентов). Почти также россияне оценили принцип коллективизма, так как очень важным и ценным для себя его считали 32% респондентов, то есть почти каждый третий [1].

Ценности, имеющие значение для каждого отдельного человека, связаны с целями, которые он ставит перед собой, к которым стремится и которых хочет достичь. По результатам того же опроса ВЦИОМ, сегодня почти половина респондентов, то есть 47% россиян из общего числа опрошенных, стремятся обрести гармонию и душевное равновесие, то есть почти половина респондентов заботится о своем ментальном здоровье.

Принести пользу обществу, стране хотят 34% россиян, то есть каждый третий из россиян. Почти третья часть россиян, а, именно, 32% из числа опрошенных стремятся создать крепкую семью, и чаще так отвечали молодые россияне от 18 до 34 лет. Таким образом, стремление создать крепкую семью можно считать одной из трёх самых приоритетных целей для наших сограждан. Почти каждый третий из россиян (28% респондентов) стремился добиться высокого материального дохода, а каждый четвертый из опрошенных хотел (25%) стать высококлассным специалистом, профессионалом. Жить в своё удовольствие стремился каждый пятый из числа опрошенных. Создавать что-то новое, уникальное, сделать открытие хотел бы только каждый десятый из опрошенных, то есть можно сказать, что к инновационным действиям и научным открытиям у нас проявляет стремление только каждый десятый из россиян. К общественному признанию и уважению стремились только 8% россиян и только 4% респондентов хотели бы занять высокую должность или важный пост [1].

Семья пока остается одной из приоритетных ценностей для россиян. Важно знать какая информация на тему семьи и семейных отношений интересует россиян, что они станут читать и смотреть по телевидению, в социальных сетях или сайтах в интернете. Для почти половины россиян (49%) важной является информация о государственной поддержке семей. У 46% респондентов есть необходимость в информации о современных способах воспитания детей и 44% опрошенных интересуют идеи для проведения совместного семейного досуга. Информация о способах разрешения семейных конфликтов важна для 41% россиян. 34% респондентов хотели бы узнать истории из жизни необычных семей и семей из разных регионов страны. Для каждого четвертого из россиян актуальна информация о поддержании репродуктивного здоровья, для каждого пятого из числа опрошенных важно узнавать, как семье подготовиться к появлению ребёнка. С условиями жизни многодетных семей хотели бы ознакомиться 23% из числа опрошенных. Почти каждого десятого из россиян (13%) интересует информация о способах поиска партнёра для создания семьи, такому же числу россиян хотелось бы узнать о причинах сознательного нежелания заводить детей, о семьях-чайлдфри. Результаты опроса показали, что россиянам совсем безразличны темы, связанные с разными аспектами семейной жизни. Более того, именно через все средства массовой информации и медиа-платформы можно было бы чаще транслировать эту информацию, так именно в ней нуждаются многие россияне [1].

С семейными традициями и правилами семейной жизни дети начинают знакомиться в семье, и это очень важно. В тоже время, сегодня существуют разные модели организации семейной жизни, поэтому необходимо объяснять детям, почему так происходит и к чему следует стремиться. С 1 сентября 2024 года в российских школах ввели курс «Семьеведение», который должны посещать ученики с 5 по 9 класс. Курс направлен на то, чтобы просвещать и воспитывать обучающихся и помочь им осознать: важность семьи и традиционных семейных ценностей в жизни современного человека; приобщить их к системе традиционных духовно-нравственных ценностей; сформировать у обучающихся культуру семейных отношений, уважения к старшим поколениям; способствовать приобретению учащимися опыта выстраивания моделей поведения и межличностных отношений в семье, которые соответствуют принятым в российском обществе традиционным духовно-нравственным ценностям.

По результатам опроса, проведённого ВЦИОМ в октябре 2024 года, 62% россиян скорее поддерживают введение курса «Семьеведение» в старших классах, но каждый пятый респондент (21%) из числа опрошенных отрицательно относился к введению этого курса. Из тех россияне, кто поддерживал введение этого курса в школе, 31% опрошенных считали, что дети должны знать о том, что такое семья, что семья - это важно, это главное; дети не

знают, что такое семья, они получают больше знаний и это развивает детей. 13% россиян из тех, кто положительно оценил введение этого курса, ответили, что таким образом поддерживаются семейные и традиционные ценности. 12% россиян из этой группы назвали это подготовкой к семейной жизни, к созданию семьи, к взрослой жизни, что это пригодится в жизни и поможет в будущем, а 7% респондентов из этой группы считали, что будет меньше разводов, укрепятся браки, сформируется серьезное отношение к семье, будет способствовать укреплению института семьи [2].

Было выявлено, что 29% респондентов негативно отнеслись к введению курса из-за опасения повышения нагрузки на учеников и учителей, что это отнимает время и отвлекает от основного учебного процесса, что это лишняя нагрузка и часы, а из-за этого урезаются часы других предметов. 26% россиян из этой группы считали, что этот предмет не нужен, он бесполезен, потому что все семьи разные, а 15% респондентов ответили, что это должно воспитываться в семье [2]

По данным этого же опроса ВЦИОМ 63% россиян считали, что введение курса «Семьеведение» будет способствовать формированию более ответственного отношения к семье у молодого поколения, но каждый четвертый из опрошенных (25% респондентов) думали, что скорее не будет. Мнения молодежи в возрасте от 18 до 24 лет разделились поровну, не считая тех, кто уклонился от ответа. Среди молодежи этой группы от 18 до 24 лет 45% респондентов ответили, что введение этого курса скорее будет способствовать формированию более ответственного отношения к семье у молодого поколения, но такое же число из этой группы молодежи (тоже 45%) считали, что скорее этого не следует ожидать. Среди других возрастных групп, в том числе и среди молодежи в возрасте от 25 до 34 лет, увеличилось число тех, кто считал, что введение этого курса будет способствовать формированию более ответственного отношения к семье у молодого поколения. В группе от 25 до 34 лет так думали 53% респондентов, в группе от 35 до 59 лет по 63% из числа опрошенных, а в группе россиян от 60 лет и старше так считали 73% [2].

1. *Семья в системе ценностей России. Аналитический обзор 06 июня 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-cennostei-rossijan?ysclid=m2384ox0pa175092107> (Дата обращения: 07.10.2024 г.)*
2. *Семьеведение в школе: за и против. Аналитический обзор 02 октября 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semevedenie-v-shkole-za-i-protiv> (дата обращения: 7.10.2024 г.)*

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ВЗГЛЯД МОЛОДЕЖИ НА СЕМЬЮ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ЛГПУ ИМ. ПЕТРА ПЕТРОВИЧА СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО)

Коломыцева Эмма Андреевна

(Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского)

Курских Елизавета Павловна

(Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского)

Землянская Анастасия Викторовна

(Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского)

Аннотация. В статье рассматриваются представления молодежи о семье. Проводится анализ авторов и изучение их теорий семьи, для сопоставления их с взглядами молодежи, имеющимися на сегодняшний день.

Ключевые слова: семья, молодежь, брак, семейные отношения, возраст.

В современном мире представления о семье претерпевают значительные изменения, особенно среди молодежи. С учетом множества социокультурных факторов — от глобализации и цифровизации до изменения гендерных ролей — молодое поколение формирует свои уникальные взгляды на семейные ценности, отношения и их структуру.

Многие ученые занимались изучением семьи и факторов, влияющих на ее формирование. Одним из них является социолог XX века — Пьер Бурдьё. Он известен своими исследованиями в области культурного капитала и социальных классов. Его работы оказывают значительное влияние на понимание того, как социальные структуры и культурные ресурсы формируют семейные отношения. П. Бурдьё говорит о том, что семья является основным местом накопления и передачи культурного капитала. Именно в семье дети приобретают базовые установки и навыки. Утверждение П. Бурдьё доказывает необходимость изучения взгляда молодежи на семейные ценности. Ученый отмечает, что в семье формируется габитус поведения, под которым он понимает систему переносимых установок, которые прививаются индивидам с раннего возраста в семейном контексте, формируя их восприятие, мысли и действия [1]. Изучение взглядов молодежи на семью помогает лучше понять габитус поведения будущего поколения.

Французский социолог — Эмиль Дюркгейм изучал социальные факторы, влияющие на брак, и его роль в поддержании социальной стабильности. В работе "Самоубийство" он указал роль влияния брака на уровень самоубийств, подчеркивая, что замужние люди, как правило, имеют более низкий уровень самоубийств по сравнению с одиночками [2].

Среди студентов ЛГПУ им. Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского, обучающихся на кафедре социологии управления, был проведен сплошной опрос на тему «Отношение молодежи к браку». По результатам опроса большинство студентов, а именно 69,4%, считают брак основным условием для создания семьи. Желают вступить в брак 72,2% обучающихся, а 27,8% не разделяют этого стремления. На вопрос «Какой возраст, по Вашему мнению, оптимален для создания семьи?» 33,3% респондентов ответили, что 25-30 лет. Только 5,6% опрошенных считают возраст старше 30 лет оптимальным для создания семьи. Большинство студентов 61,1% считают возраст до 25 лет подходящим для создания

семьи. Мнение студентов подтверждает теорию Э. Эриксона. В его теории психосоциального развития он описывает возрастные стадии, которые влияют на личностное развитие, включая формирование интимных отношений и создание семьи. Именно на 6 стадии, которую он называет ранняя зрелость, по его мнению, начинается зрелость. Шестая стадия длится, по Э. Эриксону, с 20 до 25 лет, в это период зарождается способность «слить воедино Вашу идентичность с идентичностью другого человека без опасения, что Вы теряете нечто в себе» [3].

Наиболее важными факторами в формировании семьи респонденты отметили взаимопонимание и любовь, 86,1% соответственно. Третье место занимает психологическая готовность – 75% ответов, поскольку современная молодежь уделяет большое внимание психологическому здоровью и осознанному подходу к созданию семьи. Далее 72,2% студентов отметили необходимость финансовой стабильности, 55,6% наличие собственного жилья и только 2,8% опрошенных отметили уважение, как наиболее важный фактор.

Вопрос о том, сколько детей должно быть в семье, обсуждался многими социологами и демографами, но до сих пор не получил конкретного ответа. Для 55,6% респондентов наличие детей/ребенка в семье не является обязательным. Большинство опрошенных 69,4% считают, что для современной семьи оптимально иметь двух детей. Иметь одного ребенка в семье находят оптимальным 13,9%, а троих детей 11,1% студентов. Не планируют заводить детей 5,6% респондентов, что может быть связано с популяризацией движения чайлдфри. Тем не менее, большинство обучающихся планируют заводить детей.

В качестве наиболее эффективной меры поддержки молодых семей студенты видят финансовую помощь и пособия – так считают 88,9% опрошенных. Льготное жилье отметили 75% респондентов, бесплатные детские сады и доступная психологическая поддержка мотивируют, по мнению студентов, молодые семьи меньше, 55,6% и 30,6% соответственно.

Большинство респондентов – 61,1%, убеждены, что карьера и семья могут успешно сосуществовать, что подчеркивает оптимистичный взгляд на баланс между работой и домашними обязанностями. 30,6% студентов считают, что для достижения этого баланса потребуются усилия и преодоление трудностей. Небольшой процент опрошенных – 8,3%, выражает пессимистичный взгляд на данное явление, считая, что это невозможно.

Подводя итог, стоит отметить, что большая часть студентов – 66,7% уверена в том, что хотят создать собственную семью. Помимо этого, 22,2% сомневаются в партнере, некоторые из респондентов – 8,3% еще не задумывались об этом и только 2,8% не хотят создавать семью и вступать в брак.

Данный опрос демонстрирует традиционные ценности, связанные с семьей и браком в понимании молодежи, несмотря на влияние социокультурных изменений. Большинство респондентов считают брак основным условием для создания семьи, это подтверждается желанием 72,2% обучающихся вступить в брак.

Наиболее важными факторами для формирования семьи респонденты выделили взаимопонимание, любовь и психологическую готовность, что подчеркивает осознанность выбора молодых людей. Интересно, что большинство студентов не считают наличие детей обязательным, однако оптимальным вариантом для них является наличие двух детей. Хотя молодежь может не считать наличие детей обязательным, общественное давление и ожидания традиционной семьи могут влиять на их взгляды. Наличие двух детей может восприниматься как «оптимальный вариант», что отражает социальные нормы, но не обязательно является личным желанием.

Студенты также высоко оценивают необходимость государственной поддержки молодых семей, рассматривая финансовую помощь и льготное жилье как наиболее эффективные меры. Большинство опрошенных убеждены, что карьера и семья могут сосуществовать, это свидетельствует о положительном отношении к совместному развитию личной и профессиональной жизни.

Результаты опроса подтверждают, что молодежь стремится к созданию крепких семейных отношений. Полученные данные могут служить основой для обсуждения и создания новых социальных программ, направленных на поддержку молодежи в вопросах создания семьи, обеспечения жильем и финансовой помощи. Это также может способствовать формированию политики, ориентированной на улучшение условий жизни молодых семей и побуждению молодежи создавать семьи, улучшая демографию, а также повышая рождаемость в стране.

Таким образом, большинство респондентов рассматривают брак как важное условие для создания семьи, что согласуется с идеей о том, что именно в семье формируется культурный капитал и габитус, передающийся из поколения в поколение.

Студенты выражают уверенность в том, что оптимальный возраст для создания семьи — это период до 30 лет, что также находит отражение в теории Э. Эриксона о психосоциальном развитии. Это подтверждает, что молодежь активно рассматривает вопрос создания семьи, понимая его значимость для личностного и социального развития.

Общее мнение студентов о семье демонстрирует их стремление к традиционным ценностям, также отмечается наличие разнообразных взглядов на оптимальный возраст вступления в брак и количество детей в семье. Это разнообразие мнений подчеркивает влияние социокультурных факторов на формирование представлений о семье, что делает важным дальнейшее изучение этих вопросов в контексте современных реалий.

1. Bourdieu, P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Harvard University Press –1984.

2. Дюркгейм Э. *Самоубийство: Социологический этюд/Пер, с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова.*—М.: Мысль – 1994.

3. Eric Ericson «*Childhood and Society*», 2nd ed. –1963.

ФАКТОРЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ДИНАМИКУ УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ В РФ: СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Костин Владислав Михайлович
(Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной службы при Президенте РФ)*

*Шпак Максим Сергеевич
(Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной службы при Президенте РФ)*

Проблема падения рождаемости на данный момент является крайне острой для значительной части государств. Снижение демографических показателей характерно для подавляющего числа стран Европы, Северной Америки, ряда стран юго-восточной Азии и других, правительства которых прилагают значительные усилия для изменения ситуации в противоположную сторону. Однако, используемые пути решения этого вопроса в подавляющем большинстве не принесли желаемого результата за последние годы, в том числе данное утверждение справедливо и для Российской Федерации. Для выработки мер, которые могли бы реально оказать значительное влияние на сложившееся положение, первоочередной задачей является определение основных причин снижения рождаемости, их степени влияния и релевантности относительно Российского государства. Не менее значимым является прогнозирование развития данных факторов и понимание того, как изменится степень их влияния в будущем.

Цель данной статьи — проанализировать основные факторы, оказывающие влияние на динамику уровня рождаемости в России, а также рассмотреть современные тенденции и перспективы в этой области. В рамках работы будут рассмотрены как социальные, так и экономические аспекты, включая уровень жизни, образование, государственную поддержку семьи, а также психологические и демографические факторы.

Для эффективной оценки факторов, формирующих уровень фертильности, необходимо чётко понимать специфику положения в разных странах. На данный момент выделяется ряд основных критериев, влияющих на демографический фактор:

Общеизвестной причиной падения фертильности среди женщин является уровень жизни и ИЧР (индекс человеческого развития). Чем они выше, тем ниже рождаемость, - фактически прямая зависимость. Данный фактор является универсальным для ряда стран, в том числе и для Российской Федерации.

Прямые ограничительные меры со стороны правительства. Данный фактор имел место в КНР, что стало одним из факторов нынешнего демографического кризиса в Китае. Данные меры не применялись в России и их введение очевидно не ожидается в будущем.

Культурно-религиозный фактор. Существует определённая зависимость традиционных религиозно-культурных ценностей и уровня фертильности. Такие мировые религии как христианство и ислам поощряют рождение большого количества детей, те культуры и религии, поощряющие полигамию так же, могут положительно влиять на уровень фертильности. Важным является в том числе соотношение условных «верующих» и «атеистов» в государстве. Данный фактор является универсальным.

Доступность и распространённость средств контрацепции: фактор в разной степени, влияющий на фертильность и разных странах. Говоря о данной категории критически важным, является разделить средства временной контрацепции (презервативы, противозачаточные препараты и т.д.: до сих пор имеют слабое распространение в бедных

развивающихся странах) и половой стерилизацией, которая оказывает значительное влияние на демографию в ряде стран: так в Канаде к нынешнему моменту по различным причинам через процедуру половой стерилизации прошли 22% мужчин и 11% женщин, в ряде стран ситуация схожая (Великобритания, США), в среднем по миру показатель находится на уровне 2%, в Восточной Европе и России он располагается на крайне низкой отметке. [1]

Уровень терпимости к ЛГБТ (движение, запрещённое на территории РФ) со стороны общества и законодательства, число граждан, причисляющих себя к ЛБТГ (движение, запрещённое на территории РФ). Касательно данного фактора ситуация схожа с предыдущим, и оказывает отрицательное влияние на фертильность преимущественно в странах Западной Европы и Северной Америке.

Стимулирующие меры со стороны государства. Здесь речь идёт: о выплатах, пособиях и льготах, выделяемых гражданам. Данный фактор влияния крайне распространён в России (мат-капитал, семейная ипотека, пособия для многодетных семей), однако российская политика повышения уровня демографии считается не эффективным, так как за последние десятилетия не смогла оказать значительного положительного результата на уровень рождаемости и скорее всего не изменит ситуацию в обозримом будущем.

Структурные изменения социума. Под этим фактором стоит воспринимать широкий спектр перемен: развитие интернета и других современных коммуникативных технологий и последствия карантин во время пандемии коронавируса, что по ряду мнений привело к уменьшению социальных контактов и нанесло ущерб институту семьи. Влияние данного фактора видно во многих странах с развитыми коммуникативными технологиями, в том числе и в России.

Исходя из обозначенного выше, у нас складывается понимание, что ключевыми из перечисленных факторов являются экономическая стабильность и ИЧР. Улучшение уровня жизни, доступность жилья и работающие программы по повышению заработной платы могут способствовать росту рождаемости [4, 109]. Однако в текущем положении, данный фактор оказывает наибольшее негативное влияние на всю демографическую ситуацию в РФ. Об этом говорит, например, рост ставок по кредитам и ипотекам - и, как следствие, падение спроса на них [6], несопоставимость индексации заработных плат и разного рода пособий с уровнем инфляции [3], сокращение сегмента малого бизнеса и, как следствие, среднего класса населения [2] и др. В итоге многие семьи не спешат создавать потомство, принимая решение сначала обеспечить комфортную и благополучную атмосферу (как правило, наличие жилья и стабильного ежемесячного дохода) для рождения детей. Статистика справедливо сообщает нам о том, что решение о создании детей и их рождение в этом случае приходится на более позднем периоде жизни родителей, чем в прошлом поколении, и ограничивается, как правило, 1 или 2 детьми. [5, 9]

Также стоит упомянуть программы господдержки и национальный проект «Демография» в РФ. Программы, такие как материнский капитал, пособия на детей и улучшение условий для семей, направлены на создание более благоприятной среды для создания потомства. Увеличение финансирования социальных программ может стимулировать молодые семьи к принятию решения о рождении детей. В частности, смягчение условий по семейной программе ипотеки дало бы ощутимый импульс и стимул многим молодым семьям для рождаемости, обеспечив их жильем. Касается это и бюджета самой программы, которые истекли в сентябре текущего года, в связи с чем банковский сектор приостановил выдачу семейной ипотеки.

Смена общественных ценностей также влияет на уровень рождаемости. Молодежь все чаще откладывает создание семьи и рождение детей из-за карьерных амбиций, желания путешествовать и личных интересов [7]. Изменение отношения к традиционным семейным моделям может привести к снижению рождаемости, если не будет предложено альтернативное видение семейной жизни.

Несомненно, требуют предельного внимания со стороны государства вопросы об экономической стабильности и жилищном обеспечении для семей - в первую очередь молодых и новообразованных. На наш взгляд, новые механизмы и подходы в политике в данном русле, позволят качественно и количественно повысить показатели рождаемости. Более того, это даст обществу возможность для воспитания нового поколения молодых его членов, выдающихся личностей и специалистов, обеспечивая понятные и позитивные перспективы будущего для страны в целом.

Важно учитывать все приведенные факторы и разрабатывать дополнительные комплексные стратегии, которые помогут создать благоприятные условия для формирования и развития семей. Только при совместном подходе – и граждан РФ, и государства, – к решению этих вопросов можно ожидать устойчивого роста рождаемости в стране.

1. *Ira D. Sharlip, Arnold M. Belker, Stanton Honig, Michel Labrecque, Joel L. Marmar, Lawrence S. Ross, Jay I. Sandlow, and David C. Sokal. Vasectomy: AUA Guideline/ AUA Journals. — 2012. — Режим доступа: <https://www.auajournals.org> (дата обращения: 01.10.2024).*
2. *Доходы российского среднего класса падают пятый год подряд / Forbes. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/384799-dohody-rossiyskogo-srednego-klassa-padayut-pyatyu-god-podryad> (дата обращения: 02.10.2024).*
3. *Инфляция оказалась выше уровня индексации зарплат бюджетников / АБН24. – Режим доступа: <https://abnews.ru/news/2024/10/3/inflyacziya-okazalas-vyshe-urovnya-indeksaczii-zarplat-byudzhetnikov?ysclid=m23t5t3u1n878432305> (дата обращения: 04.10.2024).*
4. *Сметанина Е.С. Социологический анализ проблемы рождаемости в современной Российской семье // Вестник Поволжского института управления — 2013. — № 1/12.*
5. *Улумбекова Г.Э., Гинойн А.Б., Худова И.Ю. Научное обоснование условий для повышения рождаемости в РФ в период с 2022 по 2030 г. // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. — 2022. — Т. 8, № 1.*
6. *ЦБ зафиксировал резкое падение ипотечного спроса / РБК. – Режим доступа: <https://realty.rbc.ru/news/65e9c79e9a79477ddbdfbc7e?ysclid=m23t0rmao5490047320> (дата обращения: 01.10.2024).*
7. *Эксперты рассказали, почему женщины стали позже рожать / Российская газета. — Режим доступа: <https://rg.ru/2024/03/16/eksperty-rasskazali-pochemu-zhenshchiny-stali-pozzhe-rozhat.html?ysclid=m23sv2u8xb226422453> (дата обращения: 01.10.2024).*

ФЕНОМЕН ОДИНОКОГО ОТЦОВСТВА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Кузеванова Ангелина Леонидовна
(Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС)

Гуленина Софья Сергеевна
(Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС)

Важным аспектом изучения особенностей одинокого отцовства как социального феномена являются взаимоотношения с детьми в семьях отцов-одиночек. Отцовская роль приобретает существенный характер, а отцовское воспитание является важным фактором психологического благополучия ребенка [1, 104]. В ходе изучения феномена одинокого отцовства нами были проведены 20 глубинных интервью с отцами, самостоятельно воспитывающими детей. Социологическое исследование проводилось с декабря 2023 г. по март 2024 г., информанты отбирались с помощью метода доступного случая.

В ходе проведения глубинных интервью было определено, что отцы-одиночки выстраивают доверительно-дружеские взаимоотношения со своими детьми. По словам информантов, они стараются создавать атмосферу доверия и открытости, позволяя детям чувствовать себя комфортно и уверенно в общении с ними.

Я думаю, что у нас отношения в семье доверительные: что и дочка мне доверяет, и сын, и я им, соответственно, как друзья, в общем.

(отец 12-летней дочери и 17-летнего сына, 40 лет, разведен)

В процессе проведения интервью было выяснено, что чаще всего конфликтные ситуации возникают в период возрастных кризисов детей, когда повышается уровень капризности ребёнка из-за перехода от одного возрастного этапа к другому. Однако, как призналась большая часть отцов-одиночек, чаще конфликты возникают во взаимоотношениях с дочками.

Чаще с дочерью у меня недопонимания возникают. Она у нас очень такая девчонка характерная. Всё делает наоборот, что ей не скажи.

(отец троих сыновей 13, 15 и 17 лет и 10-летней дочери)

Конфликтные ситуации и разногласия одинокие папы стремятся разрешать главным образом в ходе бесед с ребенком, находят компромисс, спокойно обсуждая возникшую проблему.

Ссоримся, ругаемся, да. Не без этого, потому что кто-то не сделал то, о чём его просили. Но я перешёл на другой метод, по-другому начал воспитывать детей, перестал ругаться, и начал спокойным тоном объяснять.

(отец 12-летней дочери и 17-летнего сына, 40 лет, разведен)

Одинокое отцовство можно отнести к модели ответственного отцовства, поскольку «новые отцы» стремятся быть более эмоционально вовлеченными в жизнь своих детей, наиболее активно участвовать в их воспитании и заботе о них, проявляя тепло и поддержку. Необходимость преодоления дефицита женского присутствия и поддержки порождает проблему совмещения ролей. В результате мужчины взяли на себя тот функционал родительских обязанностей, который традиционно осуществлялся преимущественно женщинами в семье.

И платья с ней выбирал, и заказывал ей, и одевал её, всегда же хочется всё равно, чтобы она у меня была самая красивая в садике или в школе, всегда переживаешь за неё.

(отец 12-летней дочери, 41 год, вдовец)

У большинства отцов-одиночек преобладает авторитетная стратегия семейного воспитания. При этой стратегии родитель в первую очередь уважает своего ребёнка как личность, контролирует во всем, но не переходит границы. В семье установлены четкий режим и дисциплина, но при этом существуют теплые эмоциональные связи. Дети включены в обсуждение семейных проблем, участвуют в принятии решений.

Есть правильно вбитое с детства в голову ребёнка представление о том, что можно делать, что нельзя делать. В воспитании задан определенный круг, есть авторитет отца, и есть чуть ли не братские отношения, но отцовский авторитет всегда выше, и он бесспорный, безусловный, не оспаривается, вот и всё.

(отец двоих сыновей по 17 и 20 лет, и 10-летней дочери, 39 лет, вдовец)

Большинство отцов-одиночек признались, что испытывают переживания по поводу дочерей, опасаясь за их неправильное воспитание, что связано с отсутствием в семье матери.

Порой я сталкиваюсь с тем, что я не знаю, как мне действовать в ситуации, и в моменте я могу что-то сделать ошибочно. То есть я могу наругать, наказать неправильно. У меня больше всего это дочка касается, потому что за неё больше всего переживаний, не всегда я сам знаю, как девочки вырастут.

(отец троих сыновей по 11, 16 и 18 лет, и 13-летней дочери, 48 лет, вдовец)

В процессе анализа материалов интервью было выяснено, что в большинстве случаев одинокие отцы применяют либеральные методы воспитательного воздействия. Наиболее распространенными методами воздействия на ребенка являются: лишение развлечений, словесный упрек, смена дружеского тона на строгое обращение, но в основном преобладает временный запрет на использование телефона.

Обучению своих детей одинокие папы тоже уделяют большое внимание. Они проявляют активное участие в образовательном процессе ребёнка, помогают с выполнением домашних заданий, следят за успеваемостью.

Конечно, всегда помогал с уроками, с учебой. Но уже в большей степени она говорит, что не надо, она всё сама сделает. Но я всегда ей говорю, если что-то непонятно, подходи, давай разберёмся.

(отец 12-летней дочери, 41 год, вдовец)

Отцы-одиночки вовлечены в процесс личностного развития своих детей. Им важно, чтобы ребёнок удовлетворял свои потребности и интересы, познавал мир, развивался, они убеждены, что дополнительное образование даёт возможность выбирать жизненные ценности и ориентиры развития. Большая часть опрошенных отметила, что не имеет каких-либо четких целей насчет дальнейшего образования своих детей, акцент делается преимущественно на самостоятельный выбор ребёнка.

Именно насчет образования профессионального, я для себя решил, что пусть сами решают, нужно ли им высшее образование, то есть давить как-то я не буду, потому что хочется, чтобы дети посвятили свое обучение тому, чем им больше нравится заниматься.

(отец 6-летнего сына и 8-летней дочери, 38 лет, вдовец)

В большинстве случаев быт и повседневные заботы не представляются одиноким отцам большой проблемой. Это связано с тем, что дети проявляют активное участие и оказывают помощь в выполнении домашних обязанностей.

У нас периодически бывает семейный совет, на котором мы всей семьей собираемся и распределяем обязанности. Я сначала пробовал так, чтобы мы по очереди дежурили, но из этого ничего не вышло. А на совете мы решаем, кто что делает, а то, что остается, мы распределяем. Тогда вроде меньше протеста возникает

(отец троих сыновей по 11, 16 и 18 лет, и 13-летней дочери, 48 лет, вдовец)

Ключевым моментом в воспитании детей является совместный досуг. В семьях отцов-одиночек организация досуга с детьми отличается разнообразием.

Летом, конечно, очень любим ездить на велосипедах, очень далеко. На машине на природу можем выезжать, там шашлыки, поездки какие-то. Просто прогулки по городу в том числе, особенно вечерние нравятся летом. Зимой едем на горки кататься на ватрушках, на снегокатах.

(отец двоих дочерей 11 и 12 лет, 36 лет, разведен)

Мы с сыном почти все музеи посетили в Иркутске. Также любим отдыхать в кафе каждую неделю, если сын хорошо себя вёл, хорошо учился, вот там кушаем пиццу, что-нибудь вкусное, что хочет.

(отец 11-летнего сына, 45 лет, вдовец)

Большинство пап-одиночек признались, что хотели бы больше времени проводить со своими детьми. Причиной нехватки времени для совместного досуга является работа и другие родительские обязанности.

Я бы хотел больше времени с дочкой проводить. Я бы хотел всё своё время проводить с ребёнком. Но в виду жизненных обстоятельств пока так.

(отец 9-летней дочери, 32 года, разведен)

Итак, на основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что взаимоотношения с детьми в семьях отцов-одиночек носят доверительно-дружеский характер. В таких семьях преобладает авторитетная стратегия семейного воспитания, при которой родитель в первую очередь уважает своего ребёнка как личность, контролирует во всем, но не переходит границы. В семье установлены четкий режим и дисциплина, но при этом существуют теплые эмоциональные связи. Помимо этого практически отсутствуют физические наказания и словесная агрессия, родитель старается использовать логику компромисса в общении с детьми, стремится договориться. Такие отцы хотят быть более сильными и ответственными, уделять больше времени совместному досугу со своими детьми, их обучению и воспитанию. Отцы-одиночки вовлечены в процесс ухода за детьми, общения с ними, однако нередко возникают различные конфликты, связанные с трудностями в воспитании дочерей.

1. Белогай К. Н. Специфика формирования отцовства как психологического феномена // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 102-107.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ИНДИВИДА: ПОНЯТИЕ, ИНДИКАТОРЫ, ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

*Ляликова Софья Викторовна
(ИСЭПН ФНИСЦ РАН)*

*Карпова Вера Михайловна
(ИСЭПН ФНИСЦ РАН)*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00942, <https://rscf.ru/project/23-28-00942/>

В научных кругах все чаще обсуждается понятие «эмоционального здоровья», однако единого определения термину до сих пор не выработано, исследователи иногда избегают его четкой формулировки, используя термины-эквиваленты, как "эмоциональное (психологическое) благополучие" и "эмоциональное (психологическое) здоровье" [7]. Психологическое благополучие описывается как наиболее общее понятие, определяемое как «системное качество человека, обретаемое им в процессе жизнедеятельности на основе психофизиологической сохранности функций, которое проявляется у субъекта в переживании содержательной наполненности и ценности жизни в целом как средства достижения внутренних, социально-ориентированных целей и является условием реализации его потенциальных возможностей и способностей» [4]. Эмоциональное здоровье учитывает также способность индивида переживать сложные жизненные трудности, осуществлять контроль над своими эмоциями, адаптироваться в стрессовых ситуациях, возвращая своему организму состояние стабильности и покоя.

Эмоциональное здоровье оценивается посредством соотнесения его с различными индикаторами, такими как уровень стресса, депрессии, степень удовлетворенности жизнью и т.п. Согласно исследованию СЗН, использующем в своей анкете методику измерения эмоционального самочувствия ВОЗ, россияне характеризуются благоприятным уровнем эмоционального самочувствия (66 баллов из 100 возможных), вероятность депрессии присуща 18,8% опрошенных, оценивших степень своего эмоционального самочувствия от 29 до 50 баллов, еще 4,3% подвержены значительной вероятности депрессии. С возрастом уровень эмоционального самочувствия граждан снижается (в группе от 15 до 29 лет он составляет 80 баллов, 30-44 года – 74 балла, 45-59 лет – 68 лет, 60+ лет – 54 балла), в то время как вероятность депрессии, напротив, возрастает (вероятность значительной депрессии по возрастным когортам составляет 0,5% – 0,8%– 1,9%– 9,4% соответственно). Отдельные социально-демографические группы характеризуются различным уровнем эмоционального самочувствия, так мужчины, жители городов, работающие респонденты, более обеспеченные и высокообразованные россияне характеризуются повышенным уровнем эмоционального самочувствия.

Молодежь до 24 лет, женщины и малообеспеченные граждане в большей степени подвержены тревогам и стрессам [2], что снижает уровень их эмоционального благополучия. «Наибольший риск для человека представляет нахождение в состоянии неудовлетворенности длительное время» [1]. Согласно исследованию ВЦИОМ, 90% россиян время от времени сталкиваются с неприятностями и стрессами, а 19% подвержены стрессу часто или постоянно [3]. Причем чем ниже материальное положение семьи, тем чаще граждане испытывают стресс на регулярной основе (39% среди тех, кто оценивает свое материальное положение как плохое или очень плохое, по сравнению с 9% среди

высокообеспеченных групп). В нашей стране формально поддерживается значимость заботы о психологическом и эмоциональном здоровье как составляющих здоровья в широком смысле слова, однако системных мер поддержки индивида на протяжении его жизненного пути на данный момент не разработано. Ситуация усугубляется в периоды экономических кризисов и социальных изменений, например, в период пандемии широта распространения тревожных расстройств и депрессии по оценкам ВОЗ выросла более чем на 25% [6], что непременно свидетельствует о снижении уровня эмоционального здоровья. Нередко человек ограничивается мерами самопомощи, предпринимая определенные действия для стабилизации своего внутреннего эмоционального состояния, не обращаясь за помощью к специалистам, подобные меры, в условиях ограниченной информированности, могут быть недостаточно эффективными [8]. Наиболее распространенными практиками борьбы со стрессом среди респондентов ВЦИОМ оказались прогулки на свежем воздухе (11%), попытки расслабиться, успокоиться, помедитировать (11%), а также занятия спортом (9%) [3].

В связи с частой подменой терминов эмоциональное благополучие или психическое здоровье перечень факторов, влияющих на них, оказывается схожим. К объективным факторам относят социально-экономические характеристики индивида, состояние здоровья, экологическую обстановку и безопасность, качество городской инфраструктуры и др.; к субъективным — когнитивные установки и убеждения, стрессоустойчивость и др. На микроуровне выделяют личные характеристики и качества индивида, а макроуровень характеризуется уровнем социальной интеграции индивида и интенсивностью социальных контактов, безопасностью региона проживания, социальной стабильностью, качеством социальных институтов и др. Факторы микроуровня подразделяются на личностные (эмоциональная компетентность, навыки преодоления стресса и т.п.) и социальные (уровень образования, личный доход, трудовая занятость и т.п.).

Однако направленность и степень воздействия различных факторов на эмоциональное здоровье носит многогранный, разнонаправленный характер и трансформируется во времени и при смене жизненных траекторий. Исследования показывают, что проблемы со здоровьем или наличие инвалидности негативным образом влияет на эмоциональное благополучие участников исследования [3], повышая их шансы попасть в группу риска, физическое заболевание может быть результатом эмоционального расстройства [5]. В то же время высокий уровень эмоционального благополучия может способствовать улучшению физического здоровья индивида и ускорению процесса выздоровления. Подобное актуализирует вопрос об изучении причинно-следственных связей между физическим здоровьем индивида и его эмоциональным благополучием, а также о том какую роль последнее может сыграть в процессе восстановления и улучшения качества жизни населения.

Эмоциональное благополучие граждан является важным индикатором, позволяющим отслеживать и анализировать, как население воспринимает различные экономические и социально-политические процессы в обществе. Оно также отражает уровень эмоционального здоровья и устойчивости людей, их склонность к стрессу, депрессивным состояниям и другим психологическим трудностям. Регулярный мониторинг эмоционального состояния граждан может служить эффективным инструментом для разработки и корректировки мер социальной политики, направленной на улучшение общего благополучия граждан и повышение качества жизни населения.

1. Назарова, И. Б. (2023). Детерминанты субъективной неудовлетворенности жизнью: анализ российских данных за 1994–2021 годы. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, (6). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2433>
2. Нестик Т. Психологическое состояние российского общества в условиях СВО. Социодиггер. 06.09.2023. ТОМ 4. ВЫПУСК 9 (28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-uslovijakh-svo> (дата обращения: 08.10.2024)
3. Управление стрессом. ВЦИОМ. 15 апреля 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/upravlenie-stressom> (дата обращения: 08.10.2024)
4. Воронина А.В. Проблема психического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 142–147.
5. Stewart-Brown S. Emotional Wellbeing and Its Relation to Health: Physical Disease May Well Result from Emotional Distress // *BMJ: British Medical Journal*. 1998. Vol. 7173. No. 317. Pp. 1608–1609. DOI: 10.1136/bmj.317.7173.1608
6. Тревожный сигнал для всех стран о необходимости наращивания объемов оказания услуг и поддержки в области охраны психического здоровья. ВОЗ. 2 марта 2022. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/02-03-2022-covid-19-pandemic-triggers-25-increase-in-prevalence-of-anxiety-and-depression-worldwide> (дата обращения: 08.10.2024)
7. Furlong M.J., Sukkyung Y., Renshaw T.L., Smith D.C., O'Malley M.D. Preliminary Development and Validation of the Social and Emotional Health Survey for Secondary School Students // *Social Indicators Research*. 2014. Vol. 3. No. 117. Pp. 1011–1032. DOI: 10.1007/s11205-013-0373-0
8. Как защитить ментальное здоровье в трудные периоды жизни? НИУ ВШЭ. 13 декабря 2023. URL: <https://ncmu.hse.ru/news/879569266.html> (дата обращения: 08.10.2024)

РЕПРОДУКТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ: МНЕНИЕ РАБОТАЮЩИХ РОДИТЕЛЕЙ

*Маркова Татьяна Леонидовна
(Уральский государственный экономический университет)*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00614, <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>

Russian is posed with sever challenges to combat the current demographic situation in the country. The government has undertaken serious measures aimed to significantly increase the fertility in the country. To assist the government in developing the strategy for overcoming the demographic gap, numerous studies are being conducted to analyse the current demographic trends, monitor fertility rates and identify the factors that promote and inhibit fertility growth in our country.

In literature, it is argued that the main barriers that prevent the birth of the desired number of children are determined by demographic, socio-economic and socio-psychological factors. The growing trends of precarisation of employment, low income and fear of losing a job are reported to have an adverse impact on the reproductive plans of working parents; there is an increasing conflict between the need to implement reproductive attitudes and aspiration for self-development, professional growth and orientation to a comfortable lifestyle.

The empirical base includes the results of semi-structured interviews, which were conducted in the summer-autumn of 2023 in large cities located in different regions of the Russian Federation: St. Petersburg, Primorsky Krai (Vladivostok), Republic of Dagestan (Makhachkala), Sverdlovsk Oblast (Yekaterinburg) and Omsk Oblast (Omsk). Informants from Yekaterinburg and Omsk are grouped as the ‘other cities’. Sample segmentation criteria: 1) gender; 2) presence of children 11 years and younger; 3) presence/absence of spouse/partner; 4) place of residence (large city).

Interviews were conducted online and offline with respondents of different types of employment (digital standard, digital non-standard, non-digital standard, non-digital non-standard). A total of 125 people (63 women and 62 men) were interviewed. The obtained narratives provide a wealth of information to conduct a multifactor analysis of inter-relationships between types of employment, parental well-being and reproductive barriers of working parents who bring up children of preschool and primary school age.

The analysis of respondents' narratives in response to the question “How many children would you like to have if you had all the necessary conditions for this?” shows that a significant proportion of respondents would like to have three children, this attitude being most often shared by men regardless of the region of residence and employment format. However, when answering the question ‘How much does the number of children you would like to have coincide with the number of children you actually plan to have? How can you explain this coincidence/non-coincidence?’ working mothers and fathers mostly shared their plans to have two children, which generally corresponds to the statistical data on the orientation of Russian parents towards a two-child family model. At the same time, some respondents believe that they will limit themselves to raising only one child.

This discrepancy is quite understandable due to the existence of a number of barriers to the realisation of reproductive attitudes of Russian families. Answering the question ‘What can prevent you from deciding to have a child (another child)?’, the respondents pointed out the factors that have a restraining effect on their reproductive behaviour.

The main problem is the lack of affordable housing. For many young married couples this factor has become a decisive factor when planning the birth of their first and especially subsequent children. Maternity capital paid by the state and regional support measures are not always sufficient to make the first instalment for the housing. Due to the cost of housing, mortgages are often an 'unaffordable' financial burden for families, forcing them to spend many years trying to get out of debt. This is one of the key reasons why working parents prefer to live in rented flats or small-sized housing, which in turn discourages couples from giving birth to more children. Thus, economic factors become especially important at the stage of making a decision about the birth of a second and subsequent child.

Given the timing of in-depth interviews, it is not surprising that respondents consider the instability of the geopolitical situation in the country as a serious barrier to the fulfilment of their reproductive plans. A number of respondents believe that the current situation is fraught with the loss of work and income, causes a sense of uncertainty about the future and fear of uncertainty, which becomes the reason for postponing the decision to have another child.

The respondents also noted that the decision about the birth of the first child is often determined by socio-psychological factors which can act as barriers to the implementation of reproductive attitudes: unwillingness to have children, avoidance of responsibility, anxious emotional state of the spouse, fear of difficulties and fear of uncertainty, anxiety about the future of children.

Respondents also noted that there is a shift in values away from family and children and towards 'living for oneself'; the desire to earn money, make one's life more and more comfortable, and travel is more and more prevalent. Working mothers shared their worries that because of having another child they can miss opportunities to build a successful career, and fail as a specialist. Male respondents pointed to the conflict between personal interests and the need to allocate time for raising a child. Thus, the conflict between the need for children and the realisation of career plans, personal interests, and the need for comfort is clear.

Overall, the birth of children in families is conditioned by a number of factors, among which the factor of upbringing patterns, national family traditions, mutual desire of spouses to have children, readiness to take responsibility for a child, physical health of spouses, etc. play a significant role. The main factors include financial income and provision of the family with housing conditions necessary and sufficient for bringing up two and more children.

It is safe to say that a detailed analysis of the data obtained will make it possible to formulate proposals for state, regional and municipal authorities on measures to support families and children in order to fulfil the objectives of increasing the birth rate in the country.

СЕМЕЙНАЯ ДИСГАРМОНИЯ КАК ПРИЧИНА АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

*Мурзагалиева Айнур Константиновна
(Санкт-Петербургский Государственный Университет)*

Аннотация: статья посвящена изучению проблемы влияния семейной дисгармонии на агрессивное поведение подростков.

Ключевые слова: семейное насилие, отклоняющееся поведение, семья, дисгармония.

Семья – это фундаментальный социальный институт, который является агентом первичной социализации личности человека в процессе ее становления на протяжении длительного времени. Традиционный институт семья должен выполнять ряд функций, к которым можно отнести репродуктивную, воспитательную, хозяйственно-бытовую, экономическую, эмоциональную, сферу первичного социального контроля и др. Если же семья не выполняет положенные ей функции, то ее можно отнести к категории «дисфункциональная семья».

Любая дисфункциональная семья может стать источником психологической травмы как для взрослого, так и для ребенка. Но при этом наиболее незащищенной, слабой и уязвимой социальной группой, которая может подвергаться физическому, эмоциональному и психологическому насилию, являются дети. По официальным данным ООН, ежегодно каждый второй ребенок подвергается насилию в той или иной форме. Три из четырех детей в возрасте от двух до четырех лет регулярно подвергаются физическому и психологическому насилию от рук своих родителей или опекунов. По статистике 2017 года, за год совершается порядка 40150 убийств, жертвами которых являются дети в возрасте от рождения до 17 лет. [9]

Проблема насилия и агрессии в семье в сторону несовершеннолетних с каждым годом становится только актуальнее. Президент России В. В. Путин выразил обеспокоенность проблемой домашнего насилия, призвав Генпрокуратуру уделять пристальное внимание таким делам и не допускать их игнорирования: «Нельзя оставлять без внимания факты так называемого домашнего насилия. В 2020 году больше половины преступлений против несовершеннолетних, к сожалению, совершены членами их семей», [5] — заявил президент, подчеркнув необходимость усиления мер по защите детей. Уже на 2021 год в России численность потерпевших женщин и мужчин по преступлениям, сопряженным с насильственными действиями, совершенным в отношении малолетнего, составляет 8,6 тысяч девушек и 5,5 тысяч мужчин. [6]

Актуальность данной проблемы легко объяснить: на примере взаимоотношений членов семьи ребенок учится взаимодействовать с другими людьми. Дисгармоничные отношения между супругами в семье часто ведут к дисфункциональным отношениям между родителями и детьми. Подростки особенно чувствительны к этому, так как их психоэмоциональное состояние в пубертатный период делает их более восприимчивыми к дисгармонии в семейной структуре.

Зачастую в семьях, где между родителем и ребенком огромная психоэмоциональная дистанция, где не интересуются жизнью ребенка или уделяют этому недостаточно времени, где не хватает тепла и ласки, где основным методом дисциплинарного воздействия является силовое насилие, вырастают агрессивные дети. Объяснением этого служит термин «диссоциации», т.е. раздвоение личности, посредством которого согласованный набор действий, мыслей, отношений или эмоций, направленных на выживание, отделяется от остальной части личности и функционирует как бы отдельно, независимо от него. Ребенок

присваивает себе образец отношений «насильник – жертва», который на физиологическом уровне характеризуется желанием «выжить» и «нанести ответный удар», что возможно только лишь совершая насилие и проявляя агрессию.

Впоследствии ребенок, не имея представления о других формах взаимодействия с людьми в обществе, начинает транслировать единственный известный ему формат взаимоотношений уже в обществе. Получается, что агрессивность — это естественное и неосознанное копирование модели взаимоотношений внутри собственной семьи. В частности, агрессивное поведение используют дети, которых часто подавляют внутри собственной семьи, в которой практикуется авторитарное воспитание. Здесь же агрессия — это способ «выпускания пара». Ребенок, который растет в атмосфере семейной дисгармонии, зажатый родительскими требованиями, недостаточным количеством тепла и заботы, просто вымещает всю злость и обиду на более слабых и не способных ему ответить точно так же, как и он не в состоянии противостоять своим обидчикам в лице одного или обоих родителей. Агрессия для ребенка становится «защитным панцирем», которым он просто прикрывается, закрываясь от взрослого мира. Отвергнутый родителями ребенок переживает чувство глубокой обиды, который на уровне структуры личности перерастает в гневный протест, непослушание, противостояние родителям и игнорирование их требований.

Следует помнить, что агрессивный ребенок — это несчастный ребенок. Агрессия является противоестественным детству. Отклоняющееся поведение является «нормальной реакцией» на ненормальные для подростка социальные условия, в которых он оказался в семье, и в то же время, как язык общения с социумом, когда другие социально адекватные способы общения исчерпали себя или недоступны. Х.Гиннот отметил: «Ребенок понимает отношение к нему родителей и учителей по тому, как они разговаривают с ним. Слова взрослых влияют на самооценку ребенка и его чувство собственного достоинства. Речь взрослых в значительной степени определяет судьбу ребенка» [1].

1. Адель Фабер, Элейн Мазлиш Как говорить с детьми, чтобы они учились. - ООО «Издательство «Э», 2016
2. Бандура А. *Подростковая агрессия: Изучение влияния воспитания и семейных отношений*. М.: Апрель, Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. 508 с.
3. Волкова Е.Н., Волкова И.В., Исаева О.М. *Оценка распространенности насилия в России с помощью ретроспективного опроса молодежи // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 166–182. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120210>*
4. Кошелева А.Д., Алексеева Л.С. *Психологическое насилие над ребенком в семье, его причины и следствия // Насилие в семье: с чего начинается семейное неблагополучие*. М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2000. С. 21 – 69.
5. Путин напомнил прокурорам о недопустимости игнорирования фактов домашнего насилия // ТАСС URL: <https://tass.ru/obschestvo/10925317> (дата обращения: 7.10.2024).
6. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) Женщины и мужчины России 2022 // Статистический сборник. - М., : 2022. - с. 193.
7. Шипунова Т. В. *Жестокое обращение с детьми в семье: определение, генезис, перспективы исследований // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2002. № 1 (2). С. 90–101.*
8. Bowlby J. *Attachment and loss // Attachment*. NY, 1993.
9. WHO, UNICEF, UNESCO, the UN Secretary-General's Special Representative on Violence against Children, and the Global Partnership to End Violence against Children GLOBAL STATUS REPORT ON PREVENTING VIOLENCE AGAINST CHILDREN 2020 . - 2020. - 332 с.

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖЕНЩИН, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ СЕБЯ КАК ЧАЙЛД-ФРИ

*Никифорова Анастасия Владимировна
(Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов)*

Аннотация: несмотря на актуальность исследований феномена чайлд-фри, психологических работ по данной теме по-прежнему немного. Также отдельного внимания заслуживают труды, направленные на изучение вопроса гендерной идентичности как одной из основных психологических условий готовности к материнству. Проведенное нами исследование типа гендерной идентичности среди женщин – чайлд-фри показало, что существуют внутригрупповые различия по данной характеристике.

Ключевые слова: чайлд-фри, добровольная бездетность, осознанная бездетность, женственность, гендерная идентичность.

С каждым годом представителей чайлд-фри становится всё больше. На наш взгляд, этому поспособствовал ряд социально-экономических, технологических и культурно – идеологических факторов, к которым следует отнести, например, большое социальное признание индивидуальных предпочтений в отношении нетрадиционных детских технологий и активное распространение «второй волны» феминизма [8, 72]. В целом, в 1970-х годах развиваются теории, позволившие изучать женщин с нонсексистской перспективы [5, 156].

Изначально термин «childfree» был введен как альтернатива термину «childless» и был впервые использован американскими феминистками Ширли Радл и Элен Пек, организовавшими в 1972 году National Organization for Non-parents в поддержку людей, принявших решение не заводить детей.

Анализ зарубежных источников показал, что в настоящее время позиция чайлд-фри не воспринимается как девиация, а скорее трактуется как нормальное и естественное решение, а сами представители чайлд-фри преимущественно воспринимаются через призму «свободы выбора». Отметим, что для отечественной науки больше свойственно исследование проблемы чайлд-фри через кризисную парадигму [9, 48], согласно которой представители данной социальной группы рассматриваются через призму демографического и семейного кризисов, угрозы традиционным российским ценностям [3, 51; 7, 196].

Очевидно, что в современном мире происходит процесс активной трансформации социальных женских ролей [4, 216], поэтому растет количество исследований женской идентичности. Так, некоторые ученые отмечают, что деформация женской идентичности приводит к изменениям в репродуктивных стратегиях в сторону отказа от материнской роли [1; 15].

Гендерная идентичность является одним из важных психологических условий планирования беременности [6; 86]. А. А. Галиновская и Е. С. Киричик также установили, что в зависимости от гендерной идентичности формируется разная установка на деторождение: маскулинность формирует осознанную бездетность, феминность – желание иметь детей, андрогинность – неготовность к материнству [2, 157].

В ранних зарубежных исследованиях женщин – чайлд-фри учеными отмечалось, что они более «мужественны» [11, 3], тем не менее, в других работах авторы подчеркивали, что женщины – чайлд-фри не отрицают своей женственности, при этом отмечая, что женственность не обязательно должна быть связана с материнством [10, 134]. В исследовании гендерной идентичности М. В. Косцова с коллегами не обнаружили

статистически значимых различий среди женщин – чайлд-фри и женщинами, планирующими иметь детей; обеим группам преимущественно свойственна андрогинность [6, 91].

Таким образом, анализ литературы показал, что результаты по исследованию гендерной идентичности женщин – чайлд-фри носит противоречивый характер, также нами не было обнаружено работ, направленных на изучение возможных различий в гендерной идентичности внутри самой группы чайлд-фри. Данные положения легли в основу актуальности нашей работы.

Выборка исследования составила 240 женщин, определяющие себя как чайлд-фри (всем на момент исследования исполнилось 18 лет, детей нет). На основании авторской анкеты нами были выделены следующие группы женщин – чайлд-фри в зависимости от уровня принятия решения о собственной бездетности: 1) «активные» чайлд-фри – люди, заявившие о своём нежелании иметь детей и неизменчивости своей позиции; 2) «пассивные» чайлд-фри – люди, которые также заявили о своём нежелании иметь детей, но допускающие изменчивость своей позиции. Для изучения типа гендерной идентичности нами была использована методика «Маскулинность, феминность и гендерный тип» О. Г. Лопуховой (адаптация методики С. Бэм).

Результаты получились следующими: у большинства женщин – чайлд-фри с «активной» позицией преобладает феминность - 46 чел. (37%), на втором месте находится маскулинность - 40 чел. (33%), на третьем – андрогинность - 32 чел. (26%), на последнем месте – недифференцированный тип - 5 чел. (4%). У женщин чайлд-фри с «пассивной» позицией преобладает андрогинность - 49 чел. (42%), на втором месте находится феминность – 39 чел. (34%), на третьем – маскулинность - 27 чел. (23%), на четвертом – недифференцированный тип - 1 чел. (1%). Полученные результаты являются статистически значимыми на уровне $p \leq 0,05$.

По результатам упомянутого нами ранее исследования феминность связана с желанием иметь детей, однако у женщин – чайлд-фри с «активной» позицией данный тип гендерной идентичности находится на первом месте, а у женщин – чайлд-фри с «пассивной» позицией на втором; данные результаты мы можем объяснить тем, что у женщин – чайлд-фри женственность действительно может быть не связана с материнством. Преобладание маскулинности у женщин – чайлд-фри с «активной» позицией по сравнению с женщинами – чайлд-фри с «пассивной» позицией можно объяснить их осознанной и стабильной позицией относительно вопроса деторождения, а преобладание андрогинности у женщин – чайлд-фри с «пассивной» позицией по сравнению с женщинами-чайлд-фри с «активной» позицией может отражать, скорее, неготовность к материнству, нежели однозначность данного выбора, что и находит своё отражение в их возможной изменчивости своей позиции.

Итак, существуют статистически значимые различия по типу гендерной идентичности у женщин – чайлд-фри с разными уровнем принятия решения о собственной бездетности. Полученные результаты также могут свидетельствовать о возможных изменениях в традиционном представлении таких категорий как мужественность и женственность в современном обществе. На наш взгляд данное положение может лечь в основу дальнейших гендерных исследований.

1. Блюм А. И., Василенко Т. Д., Мангушев Ф. Ю. Проблема деформации женской идентичности в современном обществе. 2019. № 2А. С. 15 – 22.
2. Галиновская А. А., Киричик Е.С. Телесность в реализации материнских функций // Вестник Брестского университета. Серия 3: филология, педагогика, психология. 2022. № 3. С. 154–161.
3. Иванова В. С. Childfree как показатель кризиса современной семьи // Международный научно – исследовательский журнал. 2015. № 1 (32). С. 50 – 51.

4. Клепцова Е. Ю., Макшанцева Л. В. Идентичность современной женщины // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2019. №2. С. 216–226.
5. Клещина И. С. Теоретические основания психологии гендерных исследований // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2003. № 3(6). С. 154–166.
6. Косцова М. В., Корепанов А. Л., Костеньков Н. А. Психологические предикторы феномена «чайлдфри» у женщин репродуктивного возраста // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. № 4 (64). С. 86–94.
7. Михалева А.А. Чайлдфри как проявление кризиса семьи // *Человеческий фактор: Социальный психолог*. 2018. №2 (36). С. 189–197.
8. ПолUTOва М. А. Методологические подходы зарубежных ученых к теории феминизма: истоки, этапы развития, основные направления // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2013. №. 11. С. 66-79.
9. Салыхиева Л. М., Савельева Ж.В. Добровольная бездетность в российском обществе и медиа: конструирование социальной проблемы чайлдфри // *Научный Татарстан*. 2018. № 4. С. 46 – 61.
10. Gillespie R. *Childfree and Feminine: Understanding the Gender Identity of Voluntarily Childless Women* // *Gender and Society*. 2003. No. 1. PP. 122 – 136.
11. Shapiro G. *Voluntary childlessness: A critical review of the literature* *Studies in the Maternal* // *Special Issue: Non-Reproduction: Politics, Ethics, Aesthetics*. 2014. No. 6(1). PP. 1 – 15.

ЧАЙЛДФРИ ИЛИ МНОГОДЕТНОСТЬ – К ЧЕМУ ПРИВЕДЕТ ТЕКУЩАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА?

*Нода Александр Сергеевич
(АНО «Центр поддержания гражданского единства»)*

*Русских Валерия Анатольевна
(Агентство «СВОИ»)*

опрос общественного мнения проведен в рамках проекта "Многодетность – норма жизни", который является победителем XXVI городского конкурса социально значимых проектов «Город – это мы»

Проект является победителем XXVI городского конкурса социально значимых проектов «Город – это мы».

В июле 2024 года агентством «СВОИ» проведен опрос общественного мнения в рамках первого этапа исследовательского проекта "Многодетность – норма жизни", реализуемого АНО «Центр поддержания гражданского единства» на средства гранта Администрации Перми «Город – это мы». Было опрошено 830 жителей Перми в возрасте 18-45 лет.

Одна из задач проведенного исследования была направлена на изучение ценностей и представлений людей репродуктивного возраста в сфере семьи и детей, а также выяснение отношения к действующим мерам стимулирования рождаемости.

Среди опрошенных жителей Перми преобладает значительный скептицизм относительно эффективности текущих мер демографической политики (Рис.1). Только 14,0% опрошенных положительно оценивают их перспективы, у 40,2% есть сомнения. А 41,3% респондентов считают, что меры не приведут к росту рождаемости.

По мнению опрошенных, основные факторы, стимулирующие рождение детей, связаны со стабильностью (Рис.1), в том числе - доходов семьи (46,9%), политической и социальной-экономической обстановки в стране (45,7%) и решением жилищной проблемы (45,4%).

Детские пособия, выплаты «материнского капитала» и льготы для семей с детьми далеко не на первом месте, хотя также очень важны (38,2%). Около трети респондентов указали на необходимость развития инфраструктуры – повышение качества и доступности медицинской помощи (33,4%) и обеспеченность яслями и детскими садами (30,0%).

Обращает на себя внимание, что женщины чаще, чем мужчины отмечают необходимость повышения качества медицинской помощи (39,3%), обеспеченность яслями и детскими садами (35,2%) и гарантии сохранности рабочего места (22,3%).

Такие широко обсуждаемые меры повышения рождаемости, как запрет пропаганды однополрой любви, введение налога на бездетность, запрет абортoв и распространение религиозных семейных ценностей, отмечались респондентами реже всего (менее 10%).

Рис.1 Отношение к мерам демографической политики

Итак, какие же перспективы у пермской демографии (Рис.2)? Более половины пермяков от 18 до 45 лет (59%) по тем или иным причинам не планируют заводить детей. При этом если 34,7% отмечают наличие препятствующих обстоятельств (например, у них уже есть один или несколько детей или не позволяет здоровье), то 24,3% не готовы рожать ребенка, хотя им ничего не мешает.

В сравнении с данными исследования, проведенного в 2008 году (исследование «Браки и разводы в Пермском крае: причины, факторы, тенденции». Объем выборки: 2027 чел. опрошено в 14 поселениях Пермского края.), доля опрошенных, в целом планирующих детей, сократилась на 9,7%, тогда как доля тех, кто заявляет об отсутствии таких планов, выросла на 9,3% (Рис.2). При этом наблюдается снижение доли опрошенных, указывающих на какие-либо препятствующие обстоятельства (-15,0%), но значительно возросла доля тех, кто не хочет заводить детей, хотя имеет для этого все возможности (+24,3%).

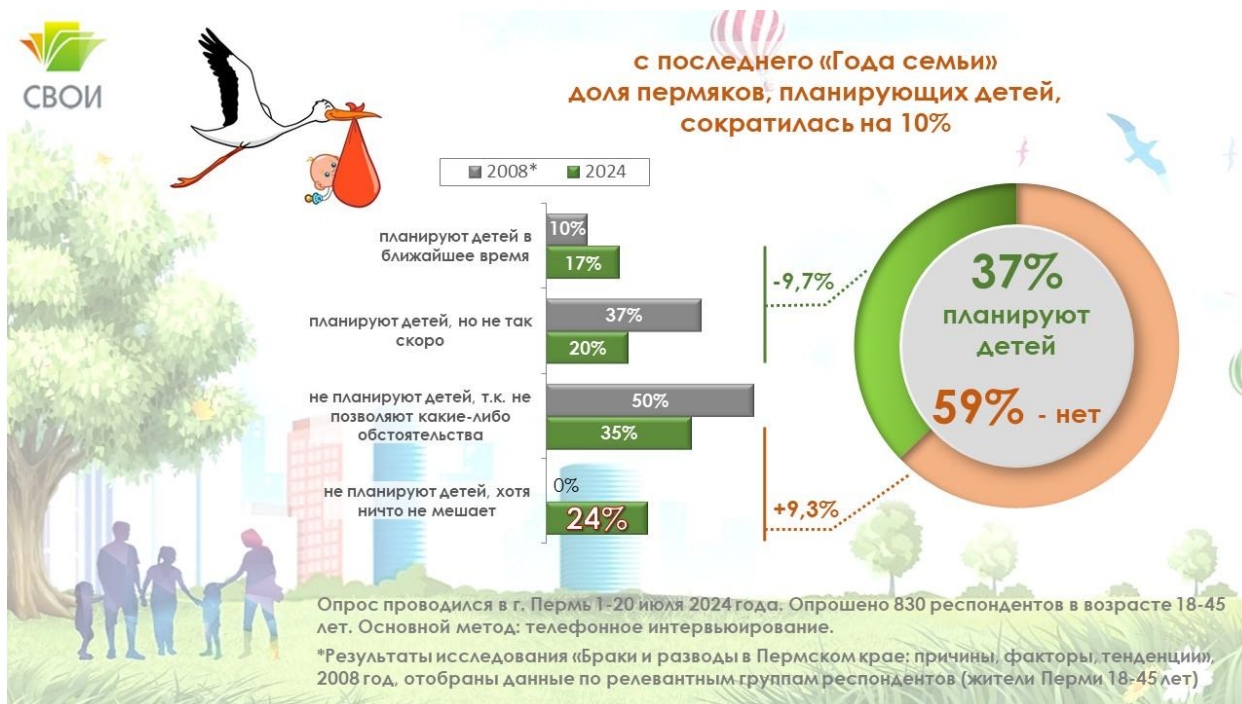

Рис.2 Планы по деторождению

Чаще всего опрошенные, не планирующие заводить детей, говорят об определенных семейных обстоятельствах (51,5%), преимущественно это связано с тем, что в семье уже есть дети (27,5%) (Рис.3). В топ-3 также входят следующие причины: нехватка материальных средств (27,8%) и неуверенность в завтрашнем дне (24,5%).

Женщины чаще указывают на наличие детей (33% против 21% у мужчин), боязнь потерять место на работе (18% против 7% у мужчин) и проблемы со здоровьем (19% против 7% у мужчин). Мужчины чаще указывают на материальные соображения – не хватает денег (30% против 26% у женщин), плохие жилищные условия (17% против 11% у женщин).

Молодые люди не хотят заводить детей в основном по причинам, связанным с материальным обеспечением – не хватает денег (39-43%), плохие жилищные условия (18-23%), потерю позицию на работе (20-28%). Также важным фактором отказа от рождения ребенка для них является неуверенность в завтрашнем дне (29-33%). С возрастом теряет актуальность такая причина, как «не смогу вести прежний образ жизни» (24% среди людей младше 25 лет и 7-8% среди людей старше 35 лет).

Более взрослые респонденты на первое место среди причин, по которым они не заводят детей, ставят то, что у них уже есть дети, или недавно родился ребенок (35-42%). Также с возрастом растет доля тех, кто не хочет заводить детей из-за проблем со здоровьем (18-20% среди людей старше 35 лет).

Недовольство своим материальным положением действительно является стоп-фактором для рождения детей: в данной группе намного больше доля не планирующих детей (66% против 59% в среднем по выборке). Но при этом с ростом уровня материального положения желание родить ребенка не всегда появляется: среди респондентов с высоким материальным положением процент тех, кто не планирует детей, также высок – 57%. Можно сделать вывод, что для купирования демотивации деторождения материальные стимулы безусловно необходимы, однако для побуждения к тому, чтобы завести ребенка этого недостаточно, нужно что-то еще.

В целом же результаты исследования наглядно демонстрируют, что доля реальных «чайлдфри» в Перми минимальна. Люди, возможно, и хотят детей, но взвешивают риски, и

видят большое количество трудностей и проблем. Устойчивое материальное положение, комфортность жилищных условий и баланс между карьерными планами и семейными обязанностями становятся ключевыми факторами для принятия решения о рождении ребенка.

Рис.3 Мотивация нежелания иметь детей

Ориентиром, положительным примером современной российской семьи, новой нормой нашего общества должна стать именно «благополучная» многодетная семья. Помимо очевидной «математики» (воспроизводство населения), у таких семей изначально большая ориентация на традиционные ценности, семью, рождение детей и т.п. (Рис.4). Люди, позитивно относящиеся к многодетности и ориентированные на большое количество детей, ощутимо чаще других называли наличие детей и их благополучие в качестве наиболее важных факторов успеха семейной жизни (43-53% против 38% в целом по выборке). Около половины людей, ориентированных на большую семью, настроены в ближайшие год-два родить ребенка, это больше, чем в среднем по выборке (52% против 37%). Также среди данной группы респондентов существенно выше процент противников абортов – более 80% сохраняют незапланированную беременность.

То есть люди, позитивно относящиеся к многодетности и ориентированные на большое количество детей, - это и есть те самые носители традиционных семейных ценностей, о которых так много говорится в последние годы. Именно на них, на увеличение численности данной группы, на их поддержку, на «нормализацию многодетности» должна быть направлена демографическая политика.

Рис.4. Особенности людей, ориентированных на большую семью

К сожалению, текущая государственная демографическая политика ориентирована исключительно на стимулирование рождаемости. Но родить ребенка - не равно вырастить. Нужно сместить фокус внимания, поддерживать родителей, заинтересованных в образовании и воспитании детей. Будет более эффективным, если будущие родители будут четко понимать, что они после рождения ребенка не только «не пострадают» (не потеряют в доходах, без особых проблем смогут устроить ребёнка в детский сад и школу рядом с домом, в кружки и секции и т.п.), а еще приобретут – и это не только касается решения каких-то материальных вопросов (хотя они должны остаться), но и обретения уверенности в том, что государство им поможет вырастить и достойно воспитать детей.

РОДИТЕЛЬСКИЕ (ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ) ЦЕННОСТИ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

*Окольская Лидия Александровна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)*

Постановка проблемы. В российском обществе сегодня повышен интерес к проблеме ценностей в контексте воспитания подрастающего поколения. Возможно, это связано с ощущением произошедших в обществе ценностных сдвигов, о которых свидетельствуют исследования личных ценностей россиян. Эти сдвиги проявились, в частности, в росте гедонизма, ослаблении ценностей безопасности и конформности [2]. В связи с этим особую актуальность приобретает анализ реальных родительских ценностей россиян – «стандартов желательности или критериев предпочтительности, управляющих выбором, который родители делают при оценке поведения своих детей» [9]. Мы рассмотрим эти стандарты в их связи с социально-демографическими характеристиками, основываясь на объединенных данных Всемирного исследования ценностей (WVS) и Европейского исследования ценностей (EVS), собранных в России в 2017 г. Наши исследования динамики родительских ценностей говорят о том, что они меняются медленно, и что на протяжении постсоветского развития их иерархия в целом сохраняется [3]. Закономерности, наблюдаемые в 2017 г., скорее всего, воспроизводятся и сегодня.

Теоретические основания исследования. Родительские ценности подразделяются на просоциальные и индивидуалистские. В группе просоциальных ценностей выделяются ценности иерархического подчинения и горизонтальной социальности. Индивидуалистские ценности могут быть связаны с автономией и новациями, или же – с достижением социального статуса.

Выбору между индивидуалистскими и социально ориентированными ценностями посвящено большинство исследований, начиная с самых ранних работ в данной области; послушание противопоставляется самостоятельности [11]. Классические исследования 1950-60-х гг. установили связь этого выбора с социальной структурой: предпочтение индивидуалистских качеств оказалось свойственно представителям среднего класса [7;8]. Дж. Ленски продемонстрировал, что акцент на конформности присущ католикам, на интеллектуальной автономии – протестантам и иудеям [10]. По мере накопления данных о родительских ценностях Д. Олвин зафиксировал в американском обществе сдвиг в сторону автономистских качеств [4]. Возник интерес к гендерным различиям в родительских ценностях [13;15]. Современные исследователи увязывают усиление постматериалистических и эмансипативных ценностей и ослабление ценностей иерархического подчинения с экономическим ростом и уровнем неравенства [1;5;4]. Наряду с макрофакторами рассматривается влияние культурно-религиозных зон [6]. Изучается связь родительских ценностей с социальной мобильностью [12].

Цель и гипотезы исследования. Представленная работа направлена на изучение структурных особенностей родительских ценностей россиян – их связи с социально-демографическими, конфессиональными, географическими характеристиками.

H1: Молодежь больше ориентирована на воспитание у детей индивидуалистических ценностей и меньше – на воспитание просоциальных ценностей, чем старшие возрастные группы.

H2: Женщины сильнее ориентированы на воспитание у детей просоциальных ценностей.

Н3: Респонденты из национальных республик, входящих в состав Российской Федерации, интенсивнее поддерживают ценности иерархического подчинения.

Н4: Для жителей небольших поселений просоциальные родительские ценности важнее, чем для населения крупных городов.

Н5: Религиозные люди выше ценят просоциальные ценности и меньше – индивидуалистские.

Эмпирическая база и методология исследования. Для своей работы мы используем объединенные данные Всемирного исследования ценностей (WVS) и Европейского исследования ценностей (EVS) за 2017 г. Совокупный объем выборки – 3635 чел. Для проведения опросов использовалась репрезентативная многоступенчатая выборка взрослого населения страны в возрасте 18 лет и старше. Опросы проводились методами анкетирования и личных интервью с использованием компьютера. Родительские ценности измерялись при помощи вопроса: «Вот список качеств, которые можно воспитать у детей в семье. Вы считаете какие-то из них особенно важными? (Вы можете выбрать не более пяти качеств!): хорошие манеры; независимость; трудолюбие; ответственность; воображение; терпимость и уважение к другим людям; бережливость; решительность, настойчивость; религиозность; бескорыстие, неэгоистичность; послушание» [источник: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>]. Для обработки данных используется регрессионный анализ. Построены 11 моделей бинарной логистической регрессии, в каждой из которых зависимой переменной служит одно из 11 детских качеств; в число предикторов входят: пол, возраст, семейное положение, количество детей, тип занятости, религиозность, федеральный округ, размер населенного пункта.

Результаты. Результаты регрессионного анализа позволяют установить статистическую значимость различий между социальными категориями россиян по популярности отдельных родительских ценностей среди них. Установлено, что молодежь и люди среднего возраста считают значимо менее важным качеством трудолюбие, чем люди старшего возраста. Для молодежи также значимо важнее хорошие манеры и воображение. Таким образом, гипотеза Н1 скорее подтверждается.

Гендерные различия в воспитательных ценностях частично подтверждают гипотезу Н2, частично противоречат ей: по результатам регрессионного анализа, мужчины придают меньшее значение таким просоциальным качествам, как бережливость, терпимость и уважение к другим людям. Они меньше ценят воображение, предпочитая решительность и настойчивость.

Предположение о региональных особенностях родительских ценностях (Н3) подтверждается: в Северо-Кавказском федеральном округе воспитание у детей религиозности, послушания, бескорыстия и неэгоистичности существенно более важно, чем в Центральном федеральном округе. Воображение, напротив, на Кавказе ценится значимо ниже – как и в Приволжском округе, где сосредоточены другие национальные республики. В этих республиках сделан акцент на воспитании бережливости. Северо-Западный округ статистически значимо превосходит Центральный по частоте выбора ответственности и хороших манер как желательных качеств ребенка.

В соответствии с гипотезой Н4, у жителей небольших поселений обнаружены статистические значимые различия с населением крупных городов по большинству ценностей иерархического подчинения, а также по индивидуалистским ценностям. Альтруистические ценности различаются в меньшей степени.

Респонденты, считающие себя религиозными людьми, ожидаемо придают больше важности воспитанию веры в Бога у детей, однако по другим иерархическим ценностям не отличаются от нерелигиозных россиян. Они выше ценят хорошие манеры, терпимость и

уважение к людям. Верующие респонденты существенно реже выбрали индивидуалистские ценности.

1. Инглхарт Р. *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир* / Пер. с англ. С.Л. Лопатиной, под ред. М.А. Завадской, В.В. Костенко, А.А. Широкаковой; научн. ред. Э.Д. Понарин. М.: Мысль, 2018. 347 с. ISBN 978-5-244-01202-6.
2. Магун В. С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // *Социологические исследования*. 2023. № 12. С. 44–58. DOI 10.31857/S013216250029336-2.
3. Окольская Л.А. Российские родительские ценности в межстрановом контексте с 1990–1991 по 2017–2020 гг. // *Социологический журнал*. 2021. Т. 27, № 4. С. 32–52. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.4.8643. EDN: RWA AVR.
4. Alwin D.F. *Changes in qualities valued in children in the United States, 1964 to 1984* // *Social Science Research*. 1989. Vol. 18. P. 195–236. EDN: HKNBNZ.
5. Doepke M., Zilibotti F. *Love, money, and parenting: how economics explains the way we raise our kids*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2019. 368 p. ISBN 9780691184210. DOI: 10.1515/9780691184210.
6. Fjellvang T. *Socialization values, cultural-religious zones and modernization theory* // *European Sociological Review*. 2010. Vol. 26, № 2. P. 196–211. DOI: 10.1093/esr/jcq002.
7. Inkeles A. *Industrial man: the relation of status to experience, perception, and value* // *American Journal of Sociology*. 1960. Vol. 66, № 1. P. 1–31.
8. Kohn M.L. *Social class and parental values* // *American Journal of Sociology*. 1959. Vol. 64, № 4. P. 337–351. DOI: 10.1086/222493.
9. Kohn M.L., Schooler C. *Class, occupation, and orientation*, *American Sociological Review*, 1969, vol. 34, no. 5, p. 659–678.
10. Lenski G. *The religious factor: a sociological study of religion impact on politics, economics, and family life*. New York: Doubleday & Company, Inc., 1963. 381 p.
11. Lynd R.S., Lynd H.M. *Middletown: a study in contemporary American culture*. New York: Harcourt, Brace & Co., 1929. 550 p. ISBN 0156595508, 9780156595506.
12. Sieben I. *Child-rearing values: the impact of intergenerational class mobility* // *International Sociology*. 2017. Vol. 32, № 3. P. 369–390. DOI: 10.1177/0268580917693954.
13. Spade J. Z. *Occupational Structure and Men's and Women's Parental Values*. *Journal of Family Issues*. 1991. Vol. 12. No. 3. P. 343–360.
14. *What values and traits do parents teach to their children? New data from 54 countries* / M. Minkov, P. Dutt, M. Schachner [et al.] // *Comparative Sociology*. 2018. Vol. 17, № 2. P. 221–252. DOI: .1163/15691330-12341456. EDN: YBSMFF.
15. Xiao H. (2000). *Class, Gender, and Parental Values in the 1990s*. *Gender and Society*. Vol. 14. No. 6: 785–803. DOI: 10.1177/089124300014006005.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ АЗИАТСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ РОССИИ: ОБЩИЕ КООРДИНАТЫ И ВЗАИМОСВЯЗЬ СО СТРАТЕГИЯМИ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

*Омельченко Дарья Алексеевна
(Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ))*

*Максимова Светлана Геннадьевна
(Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ))*

При поддержке гранта РНФ № 24-48-03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности»

Социокультурные трансформации последних десятилетий радикально изменили представления о религиозности и религиозные практики, ставшие в эру постмодерна более индивидуализированными, ориентированными на удовлетворение индивидуальных потребностей, поиск ресурсов духовного развития и совершенствования, нежели на моральные нормы и ценности, поддерживаемые большинством адептов той или иной религии. Следствием поиска ответов на смысложизненные вопросы стало увеличение разнообразия идентификаций верующих, концептуализируемых как особый вариант религиозного самосознания и определения религии «как человеческих отношений» и «практикующей принадлежности» [2; 3; 6].

Религиозность жителей России испытывает сходные трансформации, наслаивающиеся на национальный исторический контекст «массового возврата» в религию после десятилетий вынужденного атеизма, впрочем, часто подвергаемого сомнениям [1], и стабилизации ситуации в конце первого десятилетия XXI века вследствие исчерпания потенциала экстенсивного роста религиозности [5], и формирования «новой религиозности» среди групп, ранее считавшихся более секулярными [3]. Исследователи указывают на то, что массовая религиозность россиян не только способствует удовлетворению духовных и религиозных потребностей, но и выполняет функции культурной, социальной солидарности и общественной консолидации, выполняя запрос на «гражданскую религию», основывающуюся на межэтническом согласии и общих светских идеях и ценностях [4].

В условиях высокой фрагментации общества и сосуществования традиционных и модернизационных императивов, транслируемых на уровне государства и лидеров мнений, возникают закономерные вопросы о том, как структурировано религиозное сознание россиян, как в нем организованы представления и установки о религии, и как они включены в общую систему ценностных ориентаций; как происходит трансляция религиозных норм ценностных разрывов между поколениями, религиозный опыт которых формировался в качественно различных социальных и культурных реалиях. Поиску ответов на данные вопросы было посвящено научное исследование, реализованное в 2024 году в двух регионах азиатского приграничья (Алтайском крае и Республике Алтай).

Учитывая значительную дифференциацию российских регионов, в том числе – по осям этнокультурного и конфессионального различия, сформированности условий для

межэтнических, межрелигиозных взаимодействий, международного сотрудничества, фокус исследования на российское приграничье, имеющее основной вектор трансграничного и дипломатического взаимодействия на страны центральноазиатского региона (прежде всего Казахстан и Монголия), оправдан как исходя из актуальной повестки «ориентации на Восток» и дальнейшего укрепления культурных связей со странами «постсоветского пространства», так и повседневных реалий торговых, бытовых и культурных обменов между этими странами, воздействующих на религиозное и этническое самовосприятие граждан. В обоих регионах были проведены полуструктурированные интервью (n = 400 в каждом регионе, возраст опрошенных от 18 до 80 лет, средний возраст в Алтайском крае составил $36,3 \pm 0,65$ лет, в Республике Алтай – $42,7 \pm 0,74$ лет). В Алтайском крае в исследовании приняли участие преимущественно представители русского этноса (72,0%, другие этнические группы представлены армянами, казахами, татарами, таджиками, лицами со смешанной этнической идентичностью), в Республике Алтай доля русских составила 48,3%, более трети респондентов принадлежали к алтайской метаэтнической группе, включая алтай-кижи, теленгитов, тубалар, около 8% имели гибридную идентификацию.

Оценивая общий уровень религиозности на основе стандартизированной методики, учитывающей ее многомерный характер, индивидуальные и публичные проявления в поликонфессиональном окружении (Шкала центральности религиозности Ш. Хубера), авторы констатировали, что большая часть населения двух регионов обладали средним уровнем религиозности (60,8% в Алтайском крае и 61,7% в Республике Алтай), что коррелировало с субъективными оценками респондентов (корреляция с самооценкой по 10-балльной шкале составила 0,63 по Спирмену в Алтайском крае и 0,71 в Республике Алтай) и указывало на преобладание поверхностного погружения населения в мир трансцендентного, представленного в виде формальных посещений религиозных ритуалов и редких молитвенных практик. Около трети граждан (33,1% в Алтайском крае и 26,6% в Республике Алтай) имели низкие показатели религиозности. Высоким уровнем обладали 6,1% опрошенных в Алтайском крае и 11,7% в Республике Алтай. Региональные различия являлись статистически достоверными и указывали, с одной стороны, на снижение роли религии в более урбанизированных и промышленно развитых регионах, каким является Алтайский край, с другой, – на сохраняющуюся национальную специфику регионов с особым национальным статусом, проявляющуюся в том числе в сфере религиозных отношений.

Симбиоз законодательно закрепленной светскости российского государства и конфессиональной политики, направленной на поддержку исторически значимого для России православия и Русской православной церкви, ислама и традиционных религий народов России (в том числе в формате специализированных школьных курсов, культурных проектов, имеющих просветительский характер) при ограничительных действиях в отношении религиозных течений, признающихся «нежелательными», способствует воспроизводству среди населения ценностей секулярного образа жизни, в структуре которых религиозные ценности занимают весьма ограниченное место. Наиболее значимыми ценностями жителей приграничных регионов являлись здоровье (59,8% выборов соответствующего ответа в Алтайском крае и 76,1% в Республике Алтай), счастливая семейная жизнь (45,4% и 54,6%), материально-обеспеченная жизнь, достаток (42,3% и 43,1%), надежные и верные друзья (32,2% и 26,5%), образование и получение новых знаний, саморазвитие (30,9% и 34,6%). Ценности религии и духовности входили в число наиболее значимых только у 8,5% граждан, независимо от региона проживания.

Сравнение ценностных конфигураций во взаимосвязи с религиозностью высветило не только закономерное возрастание роли религиозных ценностей в группах граждан с высоким уровнем центральности религиозности (до 38,7% в Алтайском крае и 31,4% в Республике Алтай), но и существенные сдвиги в акцентуации на других ценностях (оппозиция статистически значима между группами лиц с низким и средним уровнем религиозности в противопоставлении с высоким уровнем). Так, высокорелигиозные граждане в обоих регионах были в значительно меньшей степени ориентированы на поиск развлечений, романтики и приключений (3,2-3,9%, в других группах более 10%), интересной работы (около 2%, в других группах 15-20%), реализацию своих гражданских и политических прав, осуществление гражданской активности (особенно данная тенденция проявлялась в Алтайском крае – 3,2%, в других группах около 7%). Одновременно с этим, граждане, для которых религия выступала важным жизнеорганизующим принципом, чаще считали более важным счастье и благополучие других (тенденция значима для Алтайского края, где доля таких ответов составила 25,8%, с других группах – не более 9,4%), образование, получение новых знаний, саморазвитие (тенденция релевантна для Республики Алтай – 52,9%, в других группах 25-36%).

Представления о религиозном воспитании оказались фрагментированными, указывающими на отсутствие консенсуса, даже среди наиболее заинтересованных групп населения. Почти половина опрошенных в двух регионах придерживались позиции, что религиозные представления о семье и воспитании детей устарели и могут навредить, тогда как точку зрения, согласно которой религиозность способствует укреплению семейных отношений и формирует правильные представления о родительстве разделяли чуть более трети респондентов. Преобладающей являлась и позиция граждан в отношении выбора веры, в том числе в рамках семейной передачи религиозных традиций: 69,6% опрошенных полагали, что человек должен прийти к вере сам, что его нельзя подталкивать и завлекать в веру (16,8% опрошенных придерживались противоположного суждения о том, что человеку нужно показать путь к Богу, подтолкнуть к вере). Важность религиозного воспитания, передачи основ семейной религии была оценена сходным образом: около 11% жителей считали важным воспитывать детей «в вере», предоставить условия, чтобы они были верующими, от 40% до 49% полагали, что детям было бы неплохо разбираться в вопросах веры, 35-36% отстаивали идею свободного выбора детей в вопросах религиозного просвещения, и около 11% жителей в Алтайском крае и 4% в Республике Алтай не считали религиозное воспитание важным. Религиозность являлась значимым фактором, определяющим выбор стратегии семейного религиозного воспитания: высокорелигиозные граждане в большинстве случаев (54,8%) считали важным дать свои детям религиозное воспитание, лица со средней религиозностью хотели бы, чтобы их дети разбирались в религиозных вопросах, но выступали против принудительных мероприятий (53,8%), для лиц с низкой религиозностью свобода индивидуального выбора была принципиальным моментом в 65,0% случаев. Исследование позволило не только уточнить уровень религиозности населения, но и подтвердить гипотезу о неполной трансляции религиозного опыта в религиозных семьях и недостаточно артикулированной общественной потребности в светском религиозном просвещении, выступающим необходимой предпосылкой для формирования цивилизованных межконфессиональных отношений, взаимопонимания между верующим и неверующим населением в эпоху пост-секулярного мира, для которого характерна дифференциация как религиозных, так и внеконфессиональных, а также отрицающих религию идентичностей.

1. Каарияйнен К., Фурман, Д.Е. (2007). Религиозность в России на рубеже XX-XXI столетий // *Общественные науки и современность*. 2007. №2. С. 78-95.

2. Ореханов Г. «Patchwork-religiosität» «лоскутная религиозность»: особенности изучения явления в современном немецком контексте // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2015. №6 (62). С. 94-112.
3. Руткевич Е.Д. О современном мире, (не) религиозном разнообразии и пост-секулярной перспективе // Научный результат. Социология и управление. 2023. № 9(2). С. 58-76.
4. Рыжова С.В. Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия // Социологические исследования. 2019. № (2). С. 49-58.
5. Синелина Ю.Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 104-115.
6. Fujiwara S. Practicing Belonging?: Non-religiousness in Twenty-First Century Japan // Journal of Religion in Japan. 2019. No. 8(1-3). P. 123-150.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Осадчая Галина Ивановна
(Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН)

Юдина Татьяна Николаевна
(Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН)

Аннотация. В статье на основе результатов опроса граждан Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана, проживающих и работающих в Московской агломерации, дается анализ структуры семей мигрантов из Центральной Азии, представлений о ценности семьи и гендерно - ролевой модели поведения в системе межличностных отношений.

Ключевые слова: мигранты из Центральной Азии; семейные ценности; семейные роли; гендерные аспекты

Несмотря на снижение численности мигрантов из Центральной Азии в Московской агломерации, их поток остается заметным, отмечается феминизация миграции. Рост числа граждан этих стран, получивших за последние годы гражданство России и стремление, по данным наших исследований, половины новых мигрантов его получить, может оказать определённое влияние на жизнь российского общества, прежде всего, демографическое благополучие. Этим и объясняется интерес авторов к проблеме особенностей представлений о ценности семьи и гендерно ролевой модели поведения в системе межличностных отношений мигрантов - мужчин и женщин.

Цель нашего исследования: выявить гендерные особенности семейных ценностей и установок на распределение ролей между супругами, отношение к различным сторонам семейной жизни мигрантов из Центральной Азии, восприятия повседневности мужчинами и женщинами.

В российской и зарубежной социологии идет обстоятельная разработка проблем семейных ценностей и ролевых установок мигрантов. А. Снайдер показал тесную взаимосвязь миграционных и репродуктивных процессов [2, 2014]. И. Хайман, С. Гуруге и Р. Мейсон выявили воздействие миграции на изменение семейных взаимоотношений, на трансформацию супружеских и родительских ролей мигрантов, находящихся на принимающей территории [1, 2018]. С.В. Рязанцев и М.М. Каримов на примере таджикских трудовых мигрантов проанализировали особенности изменения репродуктивного здоровья людей, а также репродуктивных установок на желаемое количество детей и реальную рождаемость [9, 2013]. К Гендерные особенности репродуктивного поведения мигрантов показала Е.П. Сигарева [10, 2020]. Анализ рождаемости среди трудовых мигрантов, а также факторов, воздействующих уровень рождаемости представлен в исследованиях К.И. Казеина, [5, 2018;]. А.А. Эндрюшко показала в своих работах разницу в отношениях к разводам, сексу и рождению детей вне брака между жителями России и мигрантами-мусульманами [11, 2022]. Е.А. Назаровой разработана иерархия семейных ценностей местных жителей и мигрантов [6, 2012]. Особенности жизни молодых женщин, прибывших из Кыргызстана в Московский мегаполис представлены в исследовании Г.И. Осадчей., О.А. Волковой, Т.Н. Юдиной, А.А. Кочербаевой [8, 2023]. Вместе с тем ценности и роли в брачно-семейных отношениях мигрантов из Центральной Азии, работающих и проживающих в России, недостаточно изучены.

Методология и методы исследования

Под семейными ценностями в исследовании мы понимаем «совокупность представлений, которые влияют на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия, духовно-нравственные ориентиры, определяющие целенаправленный процесс создания идеальной семьи» [7, 2008: 257]. К ним мы относим абсолютные ценности и культурно-национальные ценности семьи [3, 2009]. Под гендерно-ролевыми установками – осознаваемые представления, которые используются для выбора модели поведения в системе межличностных отношений, основанные на доминирующей гендерной идеологии в обществе [4, 2023]. Термин «гендерные аспекты» означает признание факта гендерной асимметрии в обществе, различий моделей гендерного поведения, феминизации миграции.

При изучении особенностей гендерных представлений о семейных ценностях использован метод анкетного опроса (февраль – март 2023 г.). Опрошено 970 респондентов, в том числе 542 мужчин и 428 женщин. Отбор респондентов осуществлялся по неслучайной выборке с использованием метода целевого отбора по трем признакам: гражданство (граждане Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана), место проживания и работы (Москва и Московская область), возраст (18-45 лет). Учитывая отсутствие миграционной статистики, в анализе мы опираемся на информацию, полученную нами в нашем исследовании.

Результаты.

Самостоятельно в Московскую агломерацию женщины по сравнению с мужчинами приезжают несколько реже (составе семьи - женщины – 61,1%, мужчины – 52,5 %). Среди мужчин несколько выше доля, имеющих среднее специальное образование (мужчины – 41,4%, женщины 32,8%), доля, имеющих высшее образование несколько выше среди мигранток (мужчины – 23,0%, женщины 30,4%)

У мигрантов, живущих и работающих в Москве и Московской области, преобладает двухдетная семья, хотя доля семей с тремя детьми выше по сравнению с москвичами. Имеет особенности и занятость. Доля работающих среди мужчин на 20 п. п. выше, чем среди женщин (среди женщин-мигранток работает 56,4%, среди мужчин -77,4%).

Для подавляющего числа респондентов (85%) не зависимо от пола создание своей семьи является главной жизненной целью/достижением. Не зависят от пола и представления респондентов об абсолютных семейных ценностях, которые влияют на выбор способов организации жизнедеятельности и взаимодействия. Первые три места в рейтинге абсолютных семейных ценностей занимают: взаимная любовь, взаимное уважение, взаимная поддержка супругов. А также установка на возможность вступления в межнациональный брак, что может свидетельствовать о готовности к интеграции в российский социум, приемлемости различных культурных кодов, их использовании в воспитании будущих детей.

Различия в представлениях мужчин и женщин выявлены в ответах о способах ролевого взаимодействия в семье, что может привести к возникновению социально-психологических проблем в отношениях супругов. Как видно из рис. 1, мужчины чаще придерживаются традиционных семейных отношений, женщины – эгалитарных. (Рис. 1)

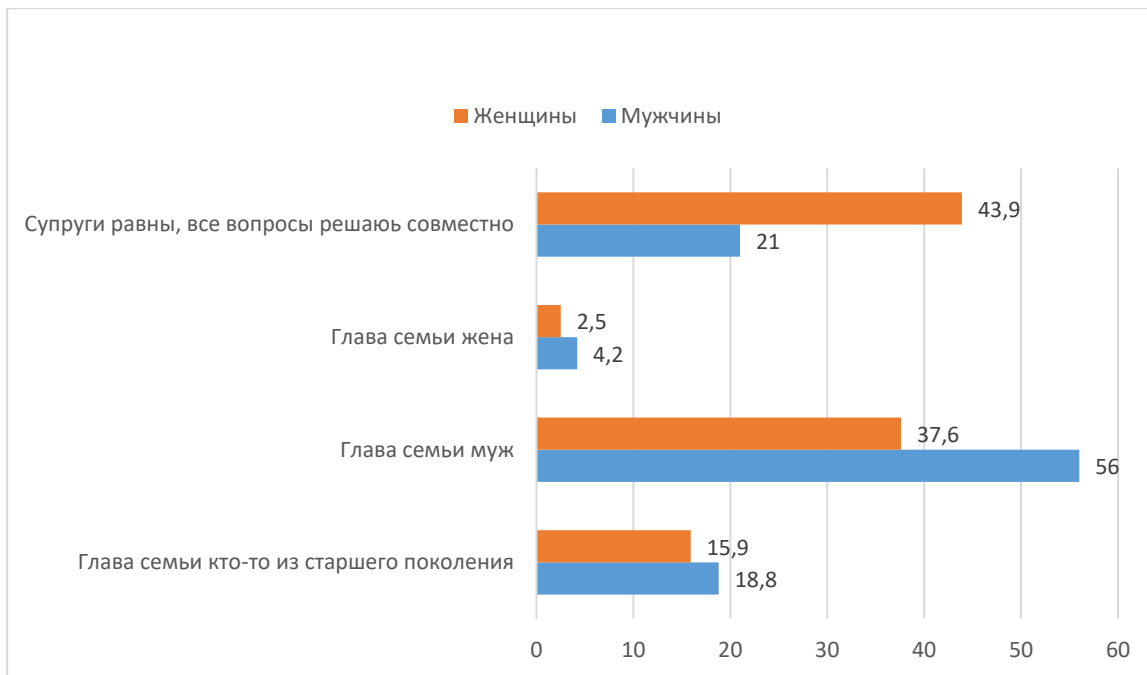

Рис. 1. Мнения респондентов о способах ролевого взаимодействия в семье, в процентах от числа опрошенных

Следование традиционным семейным отношениям и репродуктивными установками подтверждаются мужчинами. Они чаще по сравнению с женщинами хотели бы иметь многодетную семью (мужчины – 44,7%, женщины – 36,6%) (рис. 2)

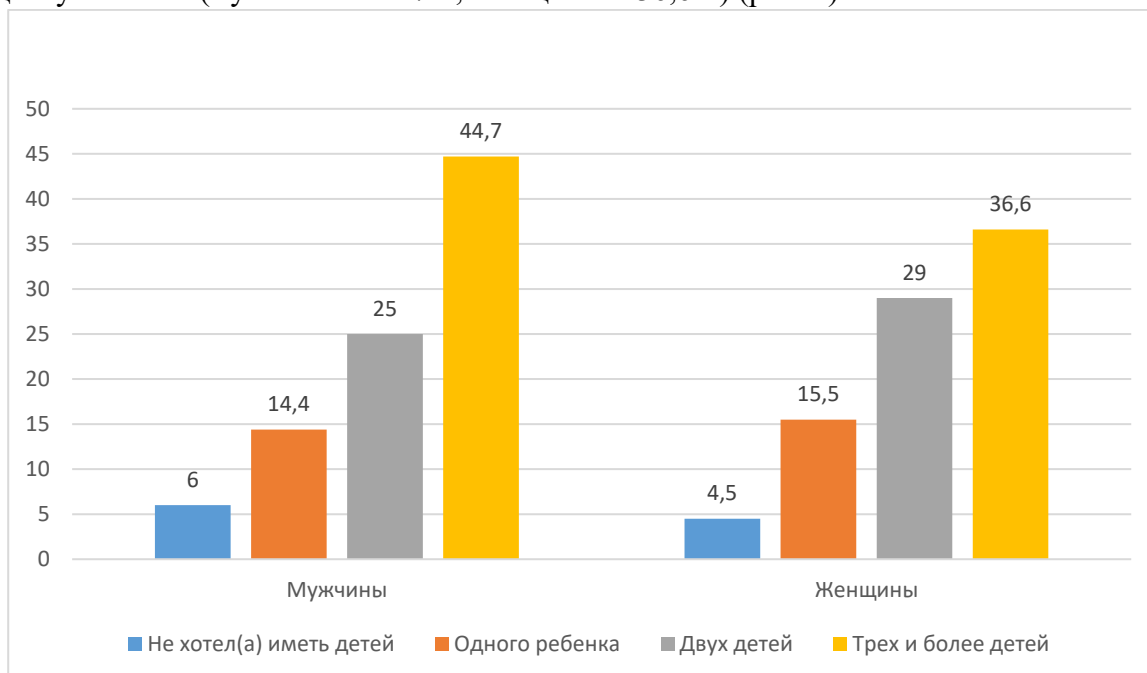

Рис. 2 Мнение респондентов о количестве детей, которых они хотели бы иметь в течение их жизни (в процентах от числа опрошенных)

Отметим, что женщины чаще ориентированы на получение высшего образования их детьми (мужчины – 73%, женщины – 79%). Есть еще одно отличие в оценках о введении уголовного наказания за внутрисемейное (домашнее) насилие. Они чаще на 17,7% поддержали его введение, что может свидетельствовать о том, что эта сфера внутрисемейных отношений более чувствительна именно для них.

1. Hyman, I. *The Impact of Migration on Marital Relationships: A Study of Ethiopian Immigrants in Toronto* / I. Hyman, S. Guruge, R. Mason // *Journal of Comparative Family Studies*. 2018. Vol. 39, № 2. Pp. 149–163. DOI 10.3138/jcfs.39.2.149.
2. Snyder, A. *Migration and Marriage: Modeling the Joint Process* // *Demographic Research*. 2014. № 30. Pp. 1339–1366. DOI 10.4054/DemRes.2014.30.47.
3. Акутина С.П. Семейный уклад в воспитании духовно-нравственных ценностей школьников // *Ярославский педагогический вестник*. 2009. № 2. С. 51-54.
4. Емешкина Д.С., Марарица Л.В. Гендерно-ролевые установки как фактор субъективной карьерной успешности женщин // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2023. Т. 13. Вып. 1. С. 71–94. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.105>: Одинцова М.А. Специфика проявления рентной установки в поведении человека // *Ярославский педагогический вестник*. 2010. № 2 (2). С. 192.
5. Казенин К.И. Влияние миграции на рождаемость: сопоставление имеющихся гипотез на материале Северного Кавказа // *Народонаселение*. 2018. Т. 21. № 1. С.48-59. DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.7; EDN: XPBFJZ.
6. Назарова Е.А. Ценностные ориентации и самочувствие мигрантов и их семей // *Вестник Саратовского государственного технического университета*. 2012. Т. 3. № 1 (67). С. 246-250.
7. Олифирова Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Психология семейных кризисов. Санкт-Петербург: Речь, 2008. 357 с. С. 257.
8. Осадчая Г.И., Волкова О.А., Юдина Т.Н., Кочербаева А.А. Молодые женщины из Кыргызстана в московском мегаполисе // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 1. С. 43-62.
9. Рязанцев С.В., Каримов М.М. Влияние трудовой миграции на рождаемость и репродуктивное здоровье (на примере таджикских трудовых мигрантов в России) // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук* 2013. № 2 (54). С.40-51. EDN: QZGGNN.
10. Сигарева, Е.П. Гендерные особенности репродуктивного поведения молодого поколения в России, Казахстане и Киргизии // *Международный демографический форум: материалы заседания / отв. ред. Н.В. Яковенко*. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2020. С. 463–467. ISBN 978-5-907283-37-4. EDN XOLDTL
11. Эндрюшко А.А. Трансформация ценностей иммигрантов в контексте их культурной интеграции: отношение к разводам и добрачным сексуальным отношениям. *Демографическое обозрение*. 2022. № 9 (3). С. 58-74. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16470>.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РОЖДАЕМОСТЬЮ: БИОПОЛИТИКА ИЛИ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР?

*Пивоваров Александр Михайлович
(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)*

Ситуация в области численности населения - одна из острейших проблем современного российского государства. После короткого периода небольшого прироста 2013-15 гг. её отрицательная динамика стремительно нарастает. Начиная с 2016 года убыль населения увеличивается на сотни тысяч человек в год, перевалив в 2021 год отметку в миллион человек и «стабилизировавшись» в постковидный 2022 год на уровне в минус 594 тысячи [3, 37].

Увеличение уровня рождаемости, является не единственным, но важнейшим способом решения демографических проблем. Снижение смертности является формой стабилизации численности населения, но не её увеличения. Рост объема иммиграции чреват серьезными рисками трансформации этноконфессионального состава населения.

Проблемы управления биологическими параметрами жизни населения в социальных науках были ярко концептуализированы Мишелем Фуко с помощью понятия «биополитики», обозначающим «массофицирующее» проявление власти в отношении человека-рода (в отличии от дисциплинарных техник, направленных на человека-тело).

Развитие технологий в 20 веке создало материальную основу для давно подготовленного ходом исторического развития признания свободы прокреативного выбора. Естественным следствием этого стало то, что у государств появилась необходимость так или иначе вмешиваться в этот процесс, т.к. государства не могут существовать и достигать своих целей без необходимого количества и качества населения.

Биополитика государств 20 века (обретающая в данной области форму демографической политики) прошла определенный путь в развитии подходов к управлению репродуктивностью своего населения. Эти методы условно можно расположить на воображаемом континууме между «полюсом принуждения» и «полюсом убеждения».

В новейшей истории принудительное продвижение прокреативной нормы нередко осуществлялось с помощью налогового давления. Так страны советского блока практиковали налоги на бездетность. Кроме того нередко имели место законодательные запреты на аборт.

Подобные строгие методы демографической политики применялись наряду с более мягкими формам регулирования в рамках того подхода, который обозначается с помощью, предложенного М. Фуко, термина «говернментализм» – неологизма, объединившего в себя идеи правительства и ментальности. Этот способ управления, первые зачатки которого М. Фуко находит в XVIII столетии, основывается на представлении о том, что любой акт управления должен учитывать способность людей и групп к самоуправлению. Этот режим власти опирается на знание-власть и реализуется через общественный дискурс, который дает людям интеллектуальную основу для принятия решений и разумных действий. При этом само население зачастую не осознает, что является объектом власти. Происходит направление «свободной воли» индивидов посредством распространения определенного рода знания и практик.

В рамках говернменталистской стратегии биополитики укладываются меры, направленные на поддержку и поощрение репродуктивности населения, с помощью формирования общественных представлений о «правильном воспитании детей» в «крепких семьях», маргинализирующих тех, кто не стремится к продолжению рода. Стремясь

нормализовать воспроизводство как желаемый результат брака, государственная политика во многих странах, в том числе и в нашей, отводит привилегированное положение гетеросексуальности в официальном дискурсе и рассматривает родительство в «нормальных» семьях как определяющую характеристику ответственного гражданина и как основу его социальных прав.

В сфере биополитики, связанной со стимулированием рождаемости, кроме *принудительного* и *говернменталистского* (по существу манипулятивного) пути существует и третий, который можно назвать убеждающим или *рациональным*.

Фактически этот подход используется государствами в рамках таких мер демографической или семейной политики как предоставление различных льгот, пособий и услуг семьям и матерям. Это те сигналы, которые государство посылает взрослому населению, которые оно учитывает при планировании семьи. Однако, не стоит переоценивать силу этих сигналов, поскольку люди сталкиваются на их фоне со множеством других влияний, которые оказывает культурная, экономическая, политическая, экологическая ситуация в обществе. Этим объясняется недостаточная эффективность подобных мер пронаталистской политики, в частности, в нашей стране.

На наш взгляд, эти меры могут оказать более существенное воздействие, став элементом более масштабного процесса, а именно: формирования широкого общественного согласия по поводу поддержания рождаемости на уровне хотя бы простого воспроизведения численности населения. Такое общественное согласие в свою очередь может стать частью *общественного договора*, представляющего собою «социальный контракт между народом и государством, который носит характер открытого и в значительной степени латентного соглашения по поводу существующего и будущего жизнеустройства его участников» [5, 12-13].

Латентность и неформализованность как свойства общественного договора обусловлены тем, что для его эффективности имеет значение не столько практическое участие населения в управлении государством, сколько наличие взаимного «доверия, согласия, стремления построить «общую судьбу» [6, 170] у двух основных субъектов – народа и политической власти. Доверие, напомним, в современных обществах является результатом сложения эмоциональных и рациональных переменных, сочетания веры и расчета [2].

В структуре общественного договора выделяется несколько компонентов, среди которых первым и ключевым является *цель*, которая объединяет основные устремления народа и базовые намерения государственной власти. В идеале цель существования государства, определяющая как решения насущных задач, так и перспективу развития, должна отражать «чаяния народа, которые питают убеждения большинства людей по справедливому устройству общества, по достижению группового и личного благополучия» [6, 170].

Мы полагаем, что цель построения совместного пути граждан и государства, как элемент общественного договора, является важнейшим с точки зрения проблемы низкой рождаемости. В современных условиях она может эффективно решаться, по-видимому, только как часть задачи построения долгосрочной стратегии развития страны, ответственность за формулировку которой несет государство в лице политической власти [5, 10]. В новейшей истории есть немало примеров того, как восходящий тренд развития, видение населением положительной перспективы, высокий уровень общественного оптимизма и т.п. сопровождался значительным всплеском рождаемости. Например, взлет рождаемости конца 1940 – начала 1950-х в странах-победителях во второй мировой войне

– особенно в США, в меньшей степени в СССР - привел к появлению целого поколения «бэби-бумеров».

Значение для повышения рождаемости имеет не просто пресловутая «уверенность в завтрашнем дне», а наличие такого коллективного эмоционального состояния, которое характеризуется некоторой степенью массового воодушевления. В пользу этого предположения косвенно говорит один из выводов недавно проведенного исследования взаимосвязи эмоционального состояния россиян и их социальными действиями в период корона-кризиса. Суть его заключается в том, что «чем хуже у респондентов эмоциональное состояние, тем чаще они отказываются планировать свою жизнь» [4, 139], т.е. в том числе (делаем предположение мы) задумываться о планировании семьи, деторождении и т.д. и т.п.

Теория общественного договора говорит о том, что если граждане не только связывают свое будущее со страной, в которой они живут, но и видят, что их интересы согласуются с интересами политической власти, которая ведет страну в «правильном» (т.е. соответствующем базовым ценностям конкретного общества) направлении, то это формирует «доверие народа политическим и социальным институтам и олицетворяющим их лицам, правящим в стране» [5, 11]. Если таких людей много (большинство), то в обществе формируется «духовная атмосфера» [4] оптимизма. В этих условиях естественное стремление к продолжению рода не встречает психологического сопротивления, возникающего в ситуации серьезных сомнений в благоприятности открывающейся жизненной перспективы. Все это увеличивает шансы совершения прокреативного выбора в пользу деторождения. Если эта объяснительная схема верна, то она тем более подходит для России, где по-прежнему семья и дети занимают лидирующее положение в структуре ценностей молодых людей [1].

1. *Архангельский В. Н., Васильева Е. Н., Васильева А. Е. Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации // Logos et Praxis. 2021. № 3. С. 93–111.*
2. *Веселов Ю.В. Доверие и справедливость: Моральные основания современного экономического общества. М.: Аспект Пресс, 2011, 231 с.*
3. *Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. Росстат. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2023. 256 с.*
4. *Латов Ю.В. «Духовная атмосфера» 2020 года: опыт анализа социально-эмоционального самочувствия россиян // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 139-150.*
5. *Тоценко Ж.Т. Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 12-13.*
6. *Тоценко Ж.Т. Общественный договор в российском исполнении: реальность и уроки // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3., Ч. 2., С. 168–183.*

РЕПРОДУКТИВНОЕ НАСИЛИЕ КАК ФАКТОР БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Прохоренко Юрий Иванович
(Тихоокеанский государственный университет)*

Процессы глобализации, разрушающие национальные социокультурные пространства и региональные институциональные структуры, уже не всеми субъектами международной политики рассматриваются как безальтернативные; аборигенное население начинает отстаивать свою историческую идентичность, возвращаться к своим традиционным духовно-нравственным ценностям и защищать свою социокультурную самобытность.

Обостряющееся противоречие между глобализацией и регионализацией ярко проявляется в сфере брачно-семейных отношений, где основным удар на себя принимают институты брака и семьи, которые многими, традиционно и некорректно, рассматриваются в качестве одного институционального образования; при исследовании они порой выдаются друг за друга, сначала идёт подмена понятий, а за ней и сущностей. Мы исходим из того, что семья и брак – это два различных социальных института, которые имеют свою собственную онтологию, которая и детерминирует логику их развития. Современный беспрецедентный кризис семьи порождён, на наш взгляд, тем, что этот социальный институт теряет свою «эволюционную подпорку» – брак: в исторической (цивилизационной) ретроспективе брак являлся первоосновой семьи и эти два социальных института всегда сосуществовали в одном социальном пространстве. Однако в настоящее время эти социальные пространства всё больше трансформируются и расходятся, институциональные скрепы не выдерживают давления жизни.

На трансформацию семьи и брака решающее значение оказали феминистская, контрацептивная и сексуальная революции, последствия которых в России ярко проявились на рубеже веков и привели к тому, что *в целом* тенденции развития брачно-семейных отношений у нас стали соответствовать общемировым тенденциям, где формируется достаточно лояльное отношение к гомосексуальным бракам, внебрачным рождениям и бездетности; находят широкое распространение альтернативные формы этих институтов (от моногамии до полиамории, от полигамии до сологамии).

Новые практики является ответом на иррациональную трансформацию социального мира, которая обусловлена беспрецедентным расширением рамок конструирования социального; эта трансформация формирует тенденции развития брачно-семейных отношений, которые вызывают обоснованную тревогу у социальных теоретиков и политических деятелей, придерживающихся консервативных взглядов, но приветствуются как триумф равноправия и свободы в приватной сфере представителями либерального крыла.

Экзистенция человека всё больше определяется его свободным выбором, увы, зачастую иррациональным. Именно расширение свободы и сферы выбора ведёт к смещению акцентов в социальном регулировании с запретов и обязываний на дозволения, что порождает в брачно-семейных отношениях волну новых социальных практик, последствия которых во многом до конца не видны ни политикам, ни учёным. Парадокс, но именно свободный выбор современным человеком модели репродуктивного поведения несёт угрозу существованию человечества и субъектности конкретных обществ, и тем самым толкает последние на использование репродуктивного насилия как инструмента самосохранения.

Историческим фактом является то, что насилие – это онтологический фактор социального воспроизводства, который легитимируется социумом через различные культурные формы в процессе своей эволюции. Репродуктивное насилие всегда было, и, судя по всему, будет оставаться феноменом социального мира, в каком бы разрезе мы его ни трактовали. Оно всё активнее обсуждается в публичном коммуникативном пространстве (интернет-пространстве), поскольку является безусловным фактором формирования и развития брачно-семейных отношений, субъектами которых являются не только брачные партнёры, но и ближайшее социальное окружение, медицинский персонал и государство как проводник семейной политики.

В российском научном дискурсе феномен репродуктивного насилия на сегодняшний день, фактически, не концептуализирован. Обозначенная проблема не является предметом специального анализа ни политических, ни научных кругов, этой проблемы как бы и нет. Определения данного феномена в публичном пространстве слишком общие (это все формы насилия, дискриминации и эксплуатации, связанные с репродуктивными правами; действия, которые направлены на сохранение власти и контроля над репродуктивным здоровьем и принятием решения иметь или не иметь детей) и всегда касаются только женщин как объекта репродуктивного насилия. Факт его применения женщинами по отношению к мужчинам игнорируется.

Латентно проблематика репродуктивного насилия содержится в отечественной научной литературе в контексте исследования репродуктивной культуры и стратегий, формирования репродуктивных установок, девиантного материнства и добровольной бездетности. Широкий интерес российских исследователей к проблемам репродуктивной сферы обозначился только в последнее десятилетие, о чем может говорить интенсивность научных публикаций, в которых феномены репродуктивной сферы определяются в качестве ключевых моментов исследования. Мейнстримом последнего времени является формирование отношения общества к идеологии «чайлдфри», в то время как за рубежом феномен «чайлдфри» (наряду с «новым родительством»), был большой и мощной социальной волной с шестидесятых годов минувшего века. И исходный посыл был рациональным: его сторонники исходили из необходимости осознанного отношения к факту рождения ребёнка.

Приведённую выше оценку можно отнести и к понятию «репродуктивное давление», которое используется отечественными исследователями при описании брачно-семейных отношений, но которое, на наш взгляд, затушёвывает проблему насилия. Более ярко (но «мягко») её проявляет понятие «репродуктивное принуждение» (reproductive coercion), которое используют учёные за рубежом, где при проведении демографической политики заявленным ориентиром является уважение репродуктивной автономии женщин; любое возвращение к принудительному планированию семьи считается ретроградным.

Англоязычные публикации по проблеме репродуктивного насилия имеют, прежде всего, прикладную и профилактическую направленность – они в основном идут в медицинском, просветительском ключе; рассматривают его как вид гендерного насилия и в них затрагиваются в своём большинстве межличностные отношения сексуальных партнёров, а более широкий социальный, тем более социетальный контекст опускается. Однако развитие институтов гражданского общества позволяет за рубежом постоянно проводить мониторинг проблемы репродуктивного принуждения и публиковать периодические обзоры состояния проблемы.

В онтологическом срезе в феномене репродуктивного насилия наиболее ярко проявляется несводимость социетальных потребностей к индивидуальным и вытекающее из этого противоречие между индивидуальной и социетальной формами организации

социальной жизни. Продолжение рода как основная задача с точки зрения существования человечества не становится автоматически (если даже признать наличие инстинкта размножения) важным аспектом психологической составляющей и жизненной ценностью конкретного индивида. Это и будет провоцировать применение репродуктивного насилия не только в межличностных отношениях, но уже на институциональном уровне в рамках политических (государственных) сообществ, сохраняющих свою субъектность.

В истории с незапамятных времен ценность женщин определяли по их репродуктивному потенциалу. Общества, правительства и религии для блага других подвергали женщин принуждению – либо иметь, либо не иметь детей; стремились управлять процессом принятия женщинами репродуктивных решений. Мотивацией этого выступал страх перед демографическим взрывом или депопуляцией, которые оказывали дестабилизирующее воздействие на экономическую или экологическую безопасность общества, на способность сохранить и защитить своё жизненное пространство.

Только эволюционный (ли?) тренд на гуманизацию и гуманитаризацию социальных отношений стал ориентировать общество на создание совокупных условий для свободного развития индивидов, освобождения женщин от «тирании» традиций и общественного мнения. Обратной стороной этого выступает разрушение традиционных основ расширенного воспроизводства, что ведёт к депопуляции конкретных локальных социумов. Уже сейчас об этом свидетельствуют демографические показатели (коэффициенты воспроизводства населения, сдвиг сроков рождения первенца и др.), всё большее распространение «жизни соло» (сознательного одиночества), упомянутая идеология «чайлдфри» и другие деструктивные (с позиции традиционных ценностей) репродуктивные практики.

Ситуация, которая в настоящее время складывается в репродуктивной сфере, диктует необходимость при анализе демографических процессов учитывать феномен репродуктивного насилия как фактора формирования и развития брачно-семейных отношений, проведение эмпирических исследований и запуск мониторинговых процедур, отслеживающих тенденции его развития. Решение этой задачи невозможно без концептуализации и введения в научный оборот *академического* понятия «репродуктивное насилие», для чего необходимо определение его сути и факторов, форм проявления и индикаторов, позволяющих отслеживать его масштабы и социальные последствия. Всем очевидно, что популяционный дисбаланс государственных сообществ порождает серьёзные внутренние социально-экономические и внешние (уже) геополитические проблемы, но не все учитывают тот факт, что стимулирование рождаемости без учёта мотивационной сферы родителей ведёт к рождению нежеланных детей, а это – пополнение числа больных, несчастных и асоциальных людей, о чём свидетельствуют психологи и психотерапевты.

Решение обозначенных вопросов, на наш взгляд, позволит управлять этим фактором социального воспроизводства и формирования брачно-семейных отношений через проведение эффективной демографической, брачной и семейной политики, формировать репродуктивную культуру общества, обеспечивающую его *органическое* воспроизводство. Но всегда будет оставаться открытым вопрос: будет ли репродуктивное насилие легитимировано обществом? Ответ на него может дать только реальная социальная практика, если она будет нацелена на сохранение как социального *мира*, так и *мира социального*. За личностью всегда остаётся право сказать «нет» любому внешнему воздействию, и это делает антропологическую социальную реальность онтологически альтернативной, что не всегда учитывается в практике социального управления.

ОСОБЕННОСТИ ФЕМИНИЗАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИХ КАДРОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

*Пугач Виктория Федоровна
(НИТУ МИСИС, Москва)*

Аннотация. В статье анализируется гендерный состав преподавателей российских вузов. На основе данных государственной образовательной статистики представлена динамика роста доли женщин с 1998 г. Показана значительная дифференциация преподавателей, находящихся на разных уровнях должностной структуры, по особенностям изменения гендерного состава. Выявлена следующая зависимость: чем выше должность, тем больше кратность роста доли женщин. Анализ распределения мужчин и женщин по уровням должностной структуры указал на значительную асимметрию их профилей, а также тенденцию к ее уменьшению.

Ключевые слова: преподаватели вузов в России, гендерный состав, должностная структура, доля женщин, кратность роста.

Социальным вопросам преподавательских кадров российских вузов, таким как гендерный состав, рост доли женщин среди преподавателей, сокращение доли молодежи в последние годы уделяется значительное внимание [1, 2, 3]. В то же время меньше отражены вопросы должностной структуры, ее связь с гендерными характеристиками.

Цель статьи – показать процесс феминизации преподавателей вузов с учетом их должностной структуры. Для этого анализируется гендерный состав по каждой должностной позиции, а также сравниваются женский и мужской профиль – распределение мужчин и женщин по ступеням должностной структуры.

Динамика гендерного состава преподавательских кадров показана на рис.

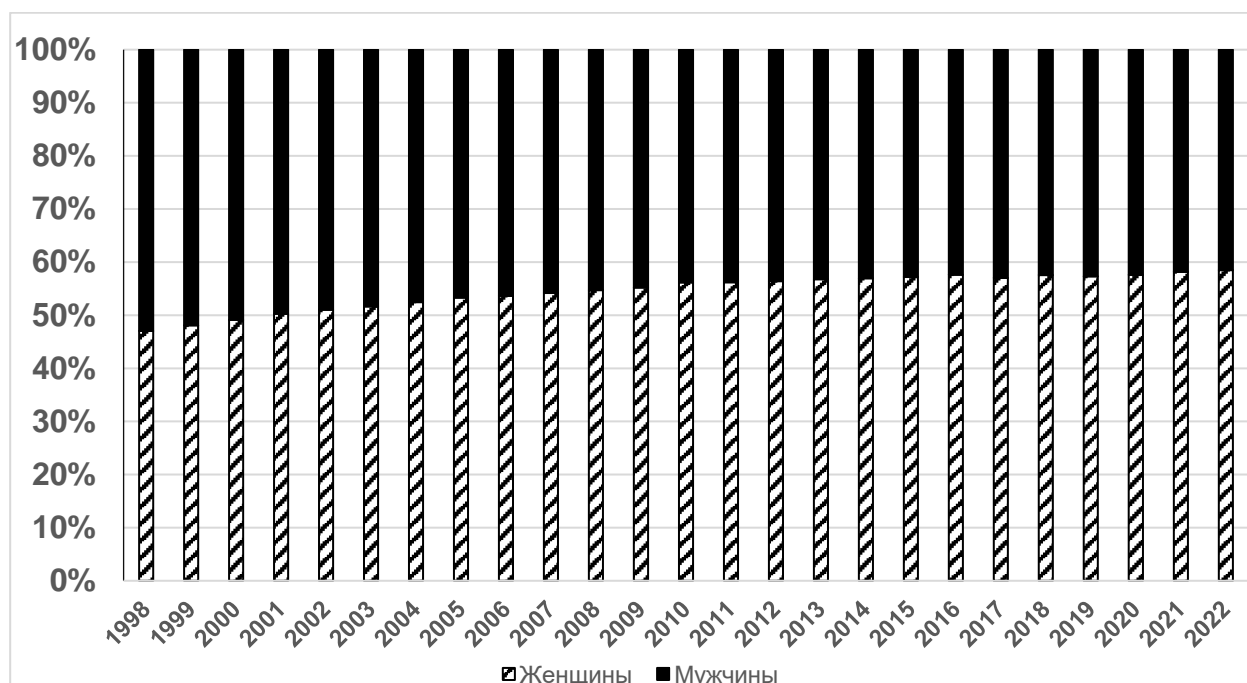

Рис. Гендерный состав преподавателей вузов в России, %

Рассчитано по источникам: [4, С. 169; 5, С. 137; 6, С. 295]

Как видно, в течение почти четверти века происходил практически монотонный рост доли женщин. В 1995 г. доля женщин среди штатных преподавателей составляла 44,4 %. В результате быстрого роста к 2000 г. она выросла до 49,1%, а в 2001 г. превысила половину и составила 50,3%. Таким образом, переход от XX в XXI век совпал с достижением гендерного паритета среди преподавателей вузов. Далее рост продолжился и в 2022 г. составил 58,5 %. Таким образом, повышение составило более 14 %.

Для анализа ситуации с гендерным составом ППС на уровне отдельных должностей приведем данные о динамике доли женщин по ступеням должностной лестницы, (Табл. 1).

Таблица 1. Доля женщин среди преподавательского состава по должностям, %

Должности	Доля женщин в 1999	Доля женщин в 2013	Кратность роста за 1999-2013	Доля женщин в 2017	Кратность роста за 1999-2017	Доля женщин в 2022	Кратность роста за 1999-2022
Ректоры	5	13	2,60	25	5,00
Проректоры	16	31	1,94	36	2,25
Деканы	22	40	1,82	48	2,18	51	2,32
Заведующие кафедрами	26	41	1,58	46	1,77	49	1,88
Профессора	19	32	1,68	35	1,84	39	2,05
Доценты	42	58	1,38	60	1,43	62	1,48
Старшие препод.	64	71	1,11	69	1,08	68	1,06
Препод. и ассистенты	67	67	1,0	66	0,98	63	0,94

Рассчитано по источникам: [6, С. 295; 7, С. 313; 8, С. 230]

Как видно из таблицы, максимальная кратность роста наблюдается у ректоров, их доля выросла пятикратно за 18 лет. К сожалению, отсутствие этого показателя в статистике 2022 г. не позволяет точно оценить ситуацию за весь рассматриваемый период. Данные о других должностных позициях дают основания предполагать, что этот рост сохраняется. Для всех должностей, кроме двух последних позиций, справедливо утверждение: чем длиннее рассматриваемый период, тем больше кратность роста, например, для профессоров за 1999-2013 гг. она составила 1,68; для 1999-2017 гг. – 1,84; для 1999-2022 гг. – 2,05.

У старших преподавателей, а также в целом для преподавателей и ассистентов наблюдается стабильная ситуация с некоторой тенденцией к снижению. В этих двух группах процесс феминизации завершился, произошел переход к стабильности с некоторой тенденцией к снижению. Стабилизация для старших преподавателей произошла на уровне около 70 %, для преподавателей и ассистентов – 66%.

Если рассматривать по ступеням должностной лестницы, то в целом зависимость наблюдается следующая: чем выше должность, тем выше кратность роста. Здесь некоторое нарушение зависимости наблюдается у профессоров.

Наконец, рассмотрим распределение преподавателей по должностям в гендерном аспекте, для чего построим и сравним мужской и женский должностные профили (табл. 2).

Таблица 2. Распределение мужчин и женщин по должностям, %

	Должности ППС	2017		2022	
		Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
	Всего, чел	139868	103146	125844	86983
	%	100	100	100	100
1.	Деканы	1,1	1,7	1,0	1,4
2.	Заведующие кафедрами	5,7	9,7	5,8	8,8
3.	Директора институтов	0,3	0,6	0,4	0,6
4.	Профессора	8,3	20,9	8,5	19,3
5.	Доценты	52,2	46,8	53,8	47,3
6.	Старшие преподаватели	21,3	12,7	20,3	14,0
7.	Преподаватели	3,5	2,4	3,3	2,9
8.	Ассистенты	7,6	5,2	6,9	5,8

Рассчитано по источникам: [6, С. 290, 295; 7, С. 308, 313]

Для каждой должностной позиции и каждого года сравним процентные доли мужчин и женщин, красным цветом обозначены максимальные значения. Как видно из табл. 2, у первых четырех позиций (деканов, зав. кафедрами, директоров институтов и профессоров) максимум отмечается у мужчин, по должностным ступеням, как доценты, старшие преподаватели, преподаватели и ассистенты – у женщин. Если сравнить значения женского и мужского профилей за 2017 и 2022 годы, то следует отметить, во-первых, композиция максимальных значений одна и та же, во-вторых, значения процентных долей у мужчин и женщин по должностным позициям несколько сблизилась.

Выводы. На фоне общей картины феминизации преподавательского состава российских вузов ситуация относительно отдельных должностей существенно отличается. На уровне старших преподавателей, преподавателей и ассистентов процесс активной феминизации завершился, перешел в период стабилизации, для старших преподавателей на уровне около 70 %, для преподавателей и ассистентов – около двух третей. У преподавательского состава на остальных должностях рост доли женщин продолжается, причем наблюдается следующая зависимость: чем выше должность, чем быстрее происходит этот процесс.

1. Брушкова Л.А., Прохорова И.Г. Феминизация высшего образования в России: состояние и тенденции развития/Самоуправление, 2021, № 3, С. 15-19.
2. Буркова И.Н., Квашко Л.П., Белов А.Н. Высшее образование: (Не)видимость гендерного равенства (международный сравнительный анализ)/ Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2022, № 7, С. 1-14.
3. Байко С.А. Гендерный баланс преподавателей университетов: европейский опыт и его актуальность для России/Высшее образование в России, 2021, № 5, С. 107-119.
4. Образование в Российской Федерации: 2007. Статистический ежегодник. – М.: ГУ – ВШЭ, 2007.
5. Образование в Российской Федерации: 2014: статистический сборник. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014
6. Индикаторы образования: 2024: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. ((С, 295))
7. Индикаторы образования: 2020: стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ, 2020.
8. Индикаторы образования: 2016: стат. сб. - М.: НИУ ВШЭ, 2016

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Разомазова Мария Николаевна

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный технический университет»)

Семейные ценности, несомненно, претерпевают изменения в современной социокультурной среде. Трансформации представлений о семье и ее функциях являются важным моментом и могут повлечь за собой тотальные изменения в социальном институте семьи, его функциях, задачах.

Актуальность данной работы заключается в изучении трансформации семейных ценностей в разных возрастных группах и возможности дальнейшего использования этих данных для понимания образа современной семьи. Цель работы – изучение изменения семейных ценностей разных возрастных групп населения города Липецка.

Для изучения трансформации семейных ценностей был проведен межпоколенный анализ. Выдвигалась следующая гипотеза: «разные возрастные группы по-разному воспринимают такие аспекты, как возраст вступления в брак, количество детей, необходимость официальной регистрации брака, представления о ролях мужчины и женщины, а также главную ценность семьи».

Выборочная совокупность составила 164 человека и была разделена на четыре группы в соответствии с теорией поколений Хоува и Штрауса:

- первая группа – люди в возрасте от 14 до 24 лет;
- вторая группа – люди в возрасте от 25 до 39 лет;
- третья группа – люди в возрасте от 40 до 59 лет;
- четвёртая группа – люди в возрасте от 60 до 65 лет.

Результаты опроса следующие: люди в возрасте от 14 до 24 лет и от 25 до 39 лет считают, что лучший возраст для вступления в брак – промежуток от 26 до 30 лет (47% и 53% соответственно). В третьей возрастной группе от 40 до 59 лет одинаковое количество людей отмечают лучший возрастной промежуток от 26 до 30 лет и от 20 до 25 лет (по 42%). Противоположное мнение у людей в возрасте от 60 до 65 лет, которые в большинстве (67%), считают, что лучший возраст для вступления в брак – это 20-25 лет. Следовательно, большинство молодых людей сейчас стараются отодвинуть возраст вступления в брак.

Подавляющее большинство респондентов в каждой возрастной группе считает, что детей должно быть двое (98 респондентов из 164). Количество тех, кто считает, что семья должна быть многодетной уменьшается: в возрастной группе от 14 до 24 лет – это 9%, в возрастной группе от 25 до 39 лет – 19%, от 40 до 59 лет – 42% и от 60 до 65 – 44% опрошенных. Таким образом, количество желающих иметь много детей сокращается со временем. В поколении от 25 до 39 лет появляются люди, которые считают, что в семье не должно быть ни одного ребёнка (5%).

Большинство респондентов в каждой возрастной группе относятся к незарегистрированному браку нейтрально. Однако, тех, кто относится к сожительству положительно, больше всего в первой группе (около 17% опрошенных), это количество уменьшается с возрастом: 9% во второй группе, 4% в третьей. Обратное пропорционально изменяется количество тех, кто отрицательно относится к незарегистрированному браку: 44% в четвёртой группе, 23% в третьей, 11% во второй и 7% в первой. Таким образом, в России явление незарегистрированного брака не новое, многие относятся к нему

нормально, однако, чем моложе возрастная группа, тем больше плюсов видит поколение в отсутствие официальной регистрации.

Образ матери в каждой возрастной группе примерно схож. Самый популярный ответ в каждой возрастной категории: мама – это «самый близкий и родной человек, который всегда рядом и поддерживает». Практически не встречается негативного отношения к матери, единственное его проявление – вариант ответа «просто женщина, которая родила» (11%).

Иная ситуация с образом отца. Для большинства в каждой группе он «защитник и опора, который всегда готов поддержать и помочь в трудную минуту» (от 52% до 62%). Интересным является то, что ответ «просто мужчина» наиболее популярен в возрастных группах 14 -24 года и 25-39 лет. Эти ответы разные по своей смысловой окраске: ответ «просто мужчина» в большей степени нейтральный, а вот ответы, которые в свободном формате писали респонденты носят резко негативный характер.

К вопросу об образах мужчины и женщины в семье можно добавить аспект их обязанностей. Большая часть респондентов во всех возрастных группах считают, что «муж и жена должны заниматься воспитанием совместно», однако, этот процент сокращается с 93% и 95% в первых двух возрастных группах до 44% последней. При этом количество, тех, кто считает, что воспитанием должна заниматься женщина возрастает с 4% и 2% в первых двух возрастных группах до 55% для людей в возрасте от 60 до 65 лет.

При ответе на вопрос о материальном обеспечении семьи, большее количество респондентов отвечает, что данную функцию реализовывают супруги вместе (86 человек из 164 опрошенных). В первых двух соответственно 62% и 51% респондентов поддерживают это мнение, а вот с возраста 40 лет ситуация меняется, здесь уже соответственно 70% и 55% считают, что обеспечивать семью должен муж.

Таким образом, делая вывод о ролевых моделях мужчины и женщины в семье, можно сказать, что в последних двух поколениях наблюдается некоторая десакрализация образа отца, нормализация женской занятости. Для старших поколений характерен образ женщины, которая должна воспитывать ребёнка, и мужчины, который должен зарабатывать деньги. Для поколений в возрасте от 14 до 39 лет резкие ролевые рамки «стираются».

При рассмотрении главной ценности в семье, группа 14 до 24 лет более всего отмечает любовь и поддержка, которую может дать семья. На первом месте у возрастной группы от 25 до 39 лет наравне с понятием «любовь» стоит понятие «понимание». Мало, но начинают появляться такие понятия как «убежище», «крепость», «то что нужно строить». Часто отмечается труд, который необходим при создании семьи. Люди в этом возрасте, как правило, выходят создают свою семью и понимают, что это довольно тяжёлый, трудоёмкий процесс налаживания отношений.

Для людей в возрасте от 40 до 59 лет семья – это, в первую очередь, опора. Это понятие опережает понятие «любовь». В этой группе начинают появляться понятия «государство», «церковь». Для людей этого возраста, семья – это уже отстроенный бастион, в котором достигнуты уют, покой и спокойствие.

Люди в возрасте от 60 до 65 лет чаще всего упоминают наличие близких и родственников. Объясняется это одним респондентом: «страшно и нежелательно остаться одному». Также говорится о надежде и опоре, о счастье, которое появляется только в семье.

Основная ценность семьи меняется в зависимости от пройденных жизненных этапов. Из круга людей, которые могут поддержать, она превращается в «крепость», которая сама должна обеспечить поддержку.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что гипотеза подтвердилась. Большинство молодых людей сейчас стараются отодвинуть срок вступления в брак.

Наблюдается тенденция к снижению количества детей в семье. Все меньше становится тех, кто представляет семью многодетной. Респонденты нормально относятся к незарегистрированному, однако, растет процент тех, кто относится к нему положительно. Изменяется восприятие ролевой модели мужчины и женщины в семье. Теперь женщины могут не только хранить семейный очаг, но и зарабатывать деньги и обеспечивать семью. Происходит десакрализация образа отца. Главенствующая ценность в семье меняется в зависимости от количества ответственности и тех жизненных этапов, которые люди проходят на своём пути. С возрастом «любовь» как ценность трансформируется в «опору».

Таким образом, в современном обществе происходит изменение семейных ценностей. Традиционные ценности трансформируются и уступают место новым установкам, связанным с индивидуализмом, свободой выбора и желанием самореализации супругов.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОДИНОКИХ ОТЦОВ

Рашитова Луиза Камилевна
(ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ»)

Аннотация: В статье рассмотрены особенности социальных проблем отцов, которые являются одинокими. Автор проанализировал множество проблем, среди которых психологические, педагогические и бытовые. Так же поднимается вопрос недоверия к отцам одиночкам со стороны общественности.

Ключевые слова: одинокий родитель, одинокий отец, «дети развода», социальные проблемы.

Впервые термин «отцовство» был упомянут на конституционном уровне в Конституции 1978 года. В современной России существует множество социальных и правовых проблем, связанных с отцовством, особенно в условиях неполной семьи.

Несмотря на постепенные изменения в правовой системе, отсутствие единого правового определения понятий «одинокий родитель» и «одинокий отец» в федеральном законодательстве приводит к тому, что законы субъектов Российской Федерации трактуют эти понятия по-разному и с разным содержанием. Из-за неточностей в юридическом определении статуса родителя мужчины отцы-одиночки сталкиваются с рядом законодательных недоработок, которые негативно влияют на их положение в обществе. Помимо правовых противоречий, реалии современного российского общества таковы, что отцы, воспитывающие детей в одиночку, сталкиваются с множеством проблем в разных сферах жизни.

Одинокое отцовство может быть представлено постразводным нерезидентным отцовством в материнских семьях и отцовским монородительством.

Основной проблемой в ситуации после развода являются отношения между родителями и детьми. Во многих семьях после развода отношения между бывшими супругами натянутые или конфликтные, и бывшая супруга может запретить отцу видеться со своим ребенком/детьми. Достаточно часто, отношение к встречам ребенка с бывшим супругом определяется для матери тем, какой вклад в воспитание вносил отец ребенка в период брака.

Исследования свидетельствуют, что при активном финансовом участии со стороны нерезидентного отца в воспитании ребенка матери редко препятствуют встречам ребенка и бывшего супруга. Более того, часть женщин склонна полагать, что после развода бывшие мужья стали более ответственными родителями и дети даже выиграли от развода родителей [1].

Тем не менее развод становится серьезным испытанием для детей в силу их возрастной уязвимости. У «детей развода» наблюдается высокий уровень тревожности и агрессивности, нередко появляется чувство вины. Ситуация усугубляется если у мужчины появляется новая семья и особенно, в случае рождения детей в новой семье. Новая супруга может оказывать глубокое влияние на формирование отношений между отцом и оставленными в прежней семье детьми.

Отмечается, что разведенные отцы-одиночки, получившие единоличную опеку над своим ребенком/детьми после развода, чаще проявляют родительскую инициативу.

В отцовских семьях, которые возникли, в результате овдовения, отцы достаточно быстро включаются в хозяйственно-бытовые вопросы и контроль за детьми, однако это вынужденное включение. У них наблюдается ориентация на детей и преодоление трудностей (финансовых, психологических, педагогических, бытовых и др.).

Особую группу отцов составляют так называемые тайные или теньевые отцы-мужчины, которые заботятся о своих детях, но отказываются участвовать в качестве отцов в формальной структуре семьи.

Вопрос о том, как отцам-одиночкам удастся совмещать работу и воспитание детей, является одним из самых актуальных. До совершеннолетия детей одинокий отец является единственным источником формирования семейного бюджета. Это часто приводит к тому, что мужчина, возглавляющий моно-семью вынужден интенсифицировать свой труд для увеличения размера заработка. Высокая занятость на работе или на дополнительных подработках, как правило, негативно отражается на выполнении семейных и родительских обязанностей, что может вызвать новые кризисы в отношениях в семье.

Отметим, что практика показала, что многие отцы-одиночки достойно справляются с хозяйственно-бытовыми делами. Они выполняют весь спектр функций по отношению к ребенку/детям: воспитательную, медицинскую, досуговую и др. Между тем, в воспитании ребенка отцом-одиночкой есть свои тонкости. Отцы часто испытывают неловкость на детских площадках и родительских собраниях в школе, где решения в отношении воспитания, лечения и т.п. детей принимают в основном матери.

Психологи отмечают, что одинокие отцы в воспитании детей применяют демократический стиль и используют силу и авторитет в исключительных случаях [2]. Однако гиперпротекция свойственна и отцам-одиночкам, и одиноким матерям.

К разногласиям в отцовских семьях чаще всего приводят не умение правильно реагировать на поступки детей, не понимание потребностей и психофизиологических особенностей детей, попытки мужчины устроить свою частную жизнь. Последние проблемы усугубляются в тех семьях, где растут подростки.

Исследователи отмечают, что там, где отцы добровольно выбрали монородительство отношения с детьми складываются более благоприятно, где монородительство стало для мужчины испытанием (например, в случае вдовства) отношения с детьми более сложные. Тем не менее мужчины, вынужденно ставшие монородителями не оставляют своих детей.

Одинокие отцы часто сталкиваются с недоверием, которое основано на укоренившихся стереотипах и предубеждениях. В результате этих факторов отцы-одиночки могут столкнуться с социальной изоляцией и отсутствием поддержки со стороны своего окружения.

Для отцов-одиночек характерна низкая социальная активность. По мнению экспертов, отцы-одиночки редко обращаются в социальные службы за денежными выплатами или другой помощью и стараются преодолеть трудности самостоятельно.

Еще одна проблема, с которой сталкиваются отцы-одиночки, – взаимодействие с родственниками. Независимо от причин образования монородительской отцовской семьи, большинство отцов отмечают активизацию бабушек, которые стремятся выполнять для детей функцию отсутствующей матери. С одной стороны, бабушки оказывают большую помощь в заботе о детях, однако порой это создает сложности между отцом-родителем и детьми [3].

Отдельно от отцов-одиночек стоят одинокие мужчины, решившие усыновить и воспитать ребенка. Как показывает практика, ко всем потенциальным одиноким усыновителям, относятся с подозрением не только в обществе, но и в органах опеки. Обзор форумов, где поднимается данный вопрос свидетельствует, о том, что отношение к выбору такого вида отцовского монородительства сложилось неоднозначное.

Существование семей с одним отцом, созданных с помощью суррогатного материнства, становится все более очевидной реальностью. Исследование ВЦИОМ свидетельствует, что современное российское общество достаточно лояльно относится к

вопросу о суррогатном материнстве и считают это явление морально допустимым. Однако более традиционные слои общества относятся к такому типу семейной организации с осуждением и негативом, когда речь идет об одиноких мужчинах [4]. Анализ взглядов людей, представленных на Интернет-форумах позволяет говорить о том, что к настоящему времени нет сформировавшейся устойчивой позиции общества к данному феномену и чаще всего люди выражают противоположные мнения от обвинений одиноких мужчин в нетрадиционной сексуальной ориентации, торговле детьми до выражения поддержки и понимания.

Недоверие к отцам-одиночкам – серьезная проблема, которая может негативно сказаться как на самих отцах, так и на их детях. Это требует согласованных усилий со стороны общественности, правительства и социальных служб. Важно изменить отношение общества к отцам-одиночкам, оказать им поддержку и защитить их права, чтобы отцы-одиночки могли воспитывать своих детей в благоприятной и спокойной обстановке.

Для решения этих проблем необходимо проводить широкую просветительскую работу, чтобы изменить общественное мнение об отцах-одиночках и родителях-одиночках, а также создать благоприятную социальную среду для отцов-одиночек и их детей. Этого можно добиться путем создания групп самопомощи и организации программ социальной поддержки. Также необходимы изменения в законодательстве, чтобы обеспечить равные права и возможности для отцов-одиночек и их детей. Важно так же приводить положительные примеры отцов-одиночек, успешно воспитывающих своих детей.

1. Михеева, А.Р. *Отцы и матери после развода: ответственность, права, проблемы: Теоретические материалы к курсу «Социология семьи» / Новосибир.гос.ун-т. Новосибирск, 2002. – 55 с.*

2. Цветкова Н. А., Покровская С. В. *Особенности характеристик семейного воспитания в неполных семьях // Социология. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-harakteristik-semeynogo-vospitaniya-v-nepolnyh-semyah> (дата обращения: 15.09.2024).*

3. Титова О.А. *Феномен отца-одиночки в социально-психологическом контексте // Вестник совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2016. №2 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-ottsa-odinochki-v-sotsialno-psihologicheskom-konteste> (дата обращения: 12.07.2024).*

4. Henrique Pereira *Children of Single Fathers Created by Surrogacy: Psychosocial Adjustment Considerations and Implications for Research and Practice. 2022 Oct 28; 9(11):1644. doi: 10.3390/children9111644 URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36360372/#full-view-affiliation-2> (дата обращения: 12.09.2024)*

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИКИ ООН ПО ВОПРОСУ СЕМЬИ И БРАКА

*Рудакова Екатерина Константиновна
(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова)*

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема «Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте обеспечения национальной безопасности в условия

Проблема защиты демографического суверенитета России актуальна по причине радикальной трансформации подходов ООН в области семейной и брачной политики. В условиях, когда на международных площадках доминирующей становится риторика контроля рождаемости и планирования семьи, рассматриваемые как безальтернативные стратегии устойчивого развития, Россия ищет пути защиты традиционных демографических структур и репродуктивных ценностей с целью повышения рождаемости и восстановления демографического потенциала населения [3, 38-41].

Нарративы демографической политики западных государств и ООН сегодня сосредоточены на поддержке нетрадиционных и нерепродуктивных, то есть не способных к воспроизводству, форм семейных и брачных отношений. Наиболее дискутируемые темы в сфере репродукции касаются проабортной и контрацептивной политики, рождаемость и материнство более не являются приоритетными в повестке ООН. Анализ документов ООН свидетельствует о повышенном внимании к следующей проблематике: легализация представлений о небинарности половой и гендерной принадлежности (SOGI-терминология); поощрение увеличения интервалов между родами; легализация однополых браков; создание условий для доступности стерилизации и аборта по желанию/требованию; внедрение программ всеобщего полового воспитания детей [5, 263-407].

С необходимостью защиты демографического суверенитета России связаны решения руководства России о прекращении участия в целом ряде международных правозащитных организаций (например, ЕСПЧ), приостановлении реализации программ детского фонда ООН ЮНИСЕФ. Современная демографическая стратегия реализуется ООН вне международного консенсуса, направлена на поддержку малодетного и внесемейного репродуктивного выбора. Научная и правовая верификации стратегии ООН показала, что в основе пропаганды вышеобозначенных нарративов лежит недостоверная информация о процессах воспроизводства и развития человека, которая формирует ложные представления о процессе репродукции. Тем не менее, данные представления сегодня закреплены на уровне документов («Стандарты сексуального образования в Европе» 2010 г. (ВОЗ), «Джокьякартские принципы применения международно-правовых норм о правах человека в отношении сексуальной ориентации и гендерной идентичности» 2007 г., «Декларация ООН о сексуальной ориентации и гендерной идентичности» 2008 г., «Международное и техническое руководство по сексуальному образованию» 2018 г., «Межпоколенческие действия по обеспечению телесной автономии» 2021 г., «Безопасный аборт: техническое и политическое руководство для систем здравоохранения» 2003 г. и др.) [5, 263-361].

В связи с этим, необходимо не допустить имплементации на нормативно-правовом уровне в России терминологии ООН в следующих значениях: «планирование семьи» как отказ от деторождения или малодетность, увеличение интервалов между родами, поздние роды; «семейные ценности» - как право на узаконивание гомосексуальных партнёрств, усыновления детей однополыми союзами; «поддержка материнства» - как право на аборт и контрацепцию; «снижение материнской смертности» трактуемое в контексте права на аборт; «осознанное родительство» - как отказ от деторождения или малодетность; «устойчивый рост населения» - как контролируемый рост через контрацепцию и право на аборт, «охрана репродуктивного здоровья», «репродуктивные права», «сексуальные права», «репродуктивный выбор» - как право на аборт, контрацепцию, стерилизацию, смену пола, свободный выбор возраста и пола сексуального партнера и т.д.

Как член Совета Безопасности ООН, должна инициировать широкую международную дискуссию о несоответствии целого ряда современных положений в программах ООН, основополагающим и общепризнанным правам человека; о недопустимости имплементации технологий контроля или ограничения рождаемости в основополагающие документы международного права и планы по их реализации; о недопустимости искажения или вольной интерпретации прав и свобод человека, неконсенсусного закрепления собственного видения прав человека по вопросам воспроизводства и развития мирового населения; о необходимости беспристрастной и консенсусной проверки научных и идеологических подходов ООН по вопросам воспроизводства и развития человека; о недопустимости давления и превышения полномочий со стороны рекомендательных органов ООН в отношении государств-членов по вопросам демографического развития; об ужесточении контроля за медицинскими и репродуктивными технологиями по вопросам воспроизводства и репродукции человека; о недопущении коммерциализации медицины в области репродукции; о проверке соответствия новых медицинских технологий правам и свободам человека; о фактах массового нарушения прав детей и родителей в отдельных странах, которые возвели псевдонаучные растлевающие практики для детей и подростков на уровень государственной политики; о фактах массового нарушения прав родителей в отношении воспитания и защиты детей [5, 621-634].

Стратегия защиты демографического суверенитета России должна строиться на принципах недопустимости дискуссии о возможности ограничения суверенитета России по причине отказа от реализации стратегии ограничения рождаемости. Любое давление на Россию, связанное с требованиями об имплементации когнитивных технологий ограничения рождаемости и контроля населения, должно расцениваться как угроза демографическому суверенитету. Необходимо консолидировать усилия всех государств-членов ООН по возврату к ранее принятым нормам и соглашениям по вопросам семьи и брака, традиционному бинарному подходу в вопросах семейной, брачной, гендерной, репродуктивной, образовательной политики [5, 621-634].

1. Дударев В. Б. Статистическое исследование демографической безопасности России, автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.12. 2008. С. 1-23, Москва.

2. Комилов А. К. Тенденции воспроизводства населения и демографическая безопасность: на примере Республики Таджикистан: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05. Душанбе, 2011.

3. Тиводар С. И. Юридическая легитимация демографического суверенитета России. Юрист-правовед. №5(24). С. 3-6. URL.

Кузнецова Т. В. Медико-социальные факторы, определяющие репродуктивное поведение женщин в современных условиях: автореферат дис. ... кандидата медицинских наук: 14.02.03. Центр. науч.-исслед. ин-т организации и информатизации здравоохранения МЗ РФ. С. 3-20. Москва.

4. *Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 15.01.2020 г.* Консультант Плюс. 2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/
5. Рудакова Е. К. *Обеспечение демографической безопасности России в условиях когнитивных угроз: диссертация ... доктора политических наук: 5.5.4.* Нижний Новгород, 2023. С. 621-634.
6. Тиводар С. И. *Юридическая легитимация демографического суверенитета России, Юрист-Правоведъ.* 2007. №5(24). С. 38-41.
7. Харченко М. А. *Демографические процессы как угроза и условие обеспечения национальной безопасности. Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02.* С. 3-15. Ставрополь, 2008.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

*Савин Сергей Дмитриевич
(Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы; Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)*

*Сидорова Анна Николаевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного
фонда № 24-28-00424, <https://rscf.ru/project/24-28-00424/>*

Аннотация

Социологический подход к исследованию проблемы домашнего насилия дает широкие возможности анализа не только причин и следствий этого явления, но и различных социальных факторов его обуславливающих. Этот анализ показывает, что нельзя сводить проблему распространенности домашнего насилия только к криминогенно-правовым, социально-психологическим, социокультурным, материальным и другим аспектам семейной жизни. Семейные отношения все больше становятся частью публичного пространства современного общества.

Ключевые слова: домашнее насилие, семейные отношения, социальные проблемы, российское общество, общественное мнение

Острота проблемы домашнего насилия в российском обществе сохраняется на высоком уровне, несмотря даже на снижение количества преступлений в этой сфере. Она стала одной из наиболее обсуждаемых в информационном пространстве интернета тем за последние годы. Важным аспектом проблемы является дискуссия о самом изменении семьи в современном обществе в ценностно-ролевом плане. Супружеские отношения все больше воспринимаются как партнерские, равноправные, в которых вопрос о главе семейства уходит в разряд патриархального пережитка прошлого. Меняется семейная традиция, в которой женская генеалогическая линия становится не менее важной, чем мужская. Более того, из-за роста семейных разводов и большого количества неполных семей с матерью и детьми, женская воспитательная линия в семье также возрастает. Поэтому естественно, что в исследованиях домашнего насилия преимущественно изучается насилие в отношении женщины как супруги или сожителя. На наш взгляд, важно исследовать домашнее насилие в широком смысле слова, включая также и насилие в отношении детей и других совместно проживающих родственников. Не исключая при этом и мужчин, которые также нередко становятся жертвами подобного вида преступлений или давления [1]. Домашнее насилие – это комплексная проблема, характеризующая деструкцию семейных отношений в целом. Кроме того, психологические травмы насилия в семье, полученные в детстве, имеют отголосок и при формировании семейных отношений во взрослом возрасте [2].

Любые социальные изменения, как и в семейно-демографической сфере, не проходят безболезненно для общественного сознания и находят отражение, как в реакции общественных сил, так и в характере бытовых семейных конфликтов. Случаи жестоких преступлений, связанных с домашним насилием, вызывают большой общественный

резонанс, становятся основой для дискуссий о дополнительной правовой защите женщин, в том числе о принятии отдельного закона о противодействии домашнему насилию [3]. Однако растет и количество консервативно настроенных противников таких законодательных инициатив. Трактовки традиционных семейных ценностей могут отличаться у различных социальных групп, что приводит и к различным представлениям о мерах государственной семейной политики [4; 5]. У некоторых из них возникают опасения, что вмешательство третьей стороны в «дела семьи» может привести к еще большему количеству распадающихся браков. В то же время мировой опыт показывает, что дополнительные правовые меры защиты от домашнего насилия получают все большее распространение под влиянием требований общественности.

Острое публичное противостояние по этому вопросу правовых форм профилактики и противодействия домашнему насилию наблюдалось во время обсуждения законопроекта «О домашнем насилии» в Государственной думе в октябре 2019 г. К этому заседанию специалистами СПбГУ была выполнена экспертно-аналитическая работа по возможностям и востребованности внедрения новых правовых норм в этой области и проведено социологическое исследование, ставившее целью оценить степень остроты данной проблемы в российском обществе. Как известно, новый закон не был принят, но необходимость введения дополнительных правовых мер профилактики домашнего насилия сохраняет свою актуальность. Что отражается и в публичной информационной повестке последнего времени, появлении новых законодательных инициатив. Поэтому в марте 2024 г. по той же методике на базе Центра социологических и интернет исследований СПбГУ было проведено новое социологическое исследование в форме всероссийского социологического опроса (N=1600).

Данное исследование представляет одну из первых попыток разработки методики мониторингового наблюдения за отношением к проблеме домашнего насилия в российском обществе. Результаты показали, что применяемая опросная методика позволяет выявить не только общее отношение к проблеме в ценностном аспекте, но и социальные установки, определяющие поведение людей при личном столкновении с проблемой домашнего насилия. Применяемые косвенные вопросы о том, доводилось ли быть свидетелем домашнего насилия в ближнем окружении, позволяет делать выводы о распространенности этого явления помимо данных официальной статистики. Также исследование выявило роль ряда социальных факторов, влияющих на возникновение насилия в семье.

1. Гришко Н.А. Преступное насилие, совершаемое женщинами в семейно-бытовой сфере: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.А. Гришко. — Курск, 2019.
2. Ушакова Я.В., Матюгина М.В. Отношение молодежи к домашнему насилию: пережитый опыт и будущие практики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2022, № 4 (68), с. 118–125
3. Китайцева, О.В. Проблема домашнего насилия в отношении женщин в российском медианпространстве: основной репертуар российских СМИ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 25. С. 71-82.
4. Муравьева М. Г. «Я и моя семья категорически против этого закона»: гендерное гражданство и домашнее насилие в современной России // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 44–64.
5. Chaplin S. The Rhetoric of Traditional Values in Contemporary Russia // *Postsecular Conflicts: Debating Tradition in Russia and the United States* / Ed. by K. Stoeckl, D. Uzlaner. Innsbruck: Innsbruck University Press, 2020. P. 127–138.

АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ МОЛОДЫМ МАМАМ В ПРОСТРАНСТВЕ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

*Саливон Татьяна Викторовна
(Тихоокеанский государственный университет)*

*Конобейская Анжела Владимировна
(Тихоокеанский государственный университет)*

В условиях социально-экономических сдвигов на пути к глобализации, пересмотра мировоззренческих установок закономерно возрастает интерес к проблемам студенческой семьи, являющейся не только условием решения демографической проблемы, но и значимым институтом социализации человека, становления его как личности [2].

Будучи важнейшим социальным институтом, организующим жизнедеятельность социума, семья довольно чувствительна к изменениям, происходящим в окружающей её среде [3]. Политические, социальные, экономические, морально-этические, нравственные, культурные изменения в обществе оказывают огромное влияние на трансформацию института молодой семьи в целом, и родительской подсистемы, в частности, что также негативным образом сказывается и на проблеме снижения рождаемости [9].

Молодые семьи, где один или оба родителя являются студентами, сталкиваются с рядом определенных жизненных вызовов и трудностей. Сочетание учебы, работы и семейной жизни нередко сопровождается возникновением, развитием негативных эмоций, сильных переживаний, а также перенапряжением физических и психических функций.

Несмотря на то, что явление родительства является социокультурным феноменом, существующим на протяжении многих веков, термин «родительство» вошел в научный язык сравнительно недавно. Понятие «родительство» объединяет вокруг себя исследователей разных научных областей. Социология, в частности, определяет родительство как социологическую категорию, представляющую собой устойчивое эмоционально насыщенное взаимодействие реальных или потенциальных родителей, связанное с рождением и воспитанием детей и характеризующееся соответствующим поведением мужчины и женщины [7].

По мнению отечественных специалистов, с учетом того, что государство в последние годы предпринимает беспрецедентные шаги по поддержке семей с детьми, одиноких матерей, то одной из проблем снижения рождаемости в целом, и в студенческих семьях, в частности – это проблема готовности женщины к материнству [10].

Материнство – основная биологическая функция женского организма, направленная на продолжение человеческого рода. В словаре русского языка С.И. Ожёгова, «материнство» трактуется как «состояние женщины в период беременности, родов, кормления ребёнка, так же свойственное матери сознание родственной её связи с детьми» [5, 1252]. Филиппова Г.Г. рассматривает материнство как социально-психологический феномен: как обеспечение условий для развития ребёнка, как часть личностной сферы женщины [11]. Ткачева указывает, что материнство есть осознанная потребность женщины в рождении и воспитании детей, что предусматривает формирование особой эмоционально-ценностной сферы ее личности и становится неотъемлемым условием полноценной реализации женщины в обществе [9].

Анализируя материнство, многие специалисты определяют период беременности, роды и послеродовой период как важные этапы в жизни любой женщины. Для беременных женщин характерна особая психология: физическое и эмоциональное переживание

момента идентификации беременности, переживание симптоматики беременности, динамика переживания симптоматики по триместрам беременности, что требует особого внимания к ее психофизическому здоровью [11].

Наиболее характерным психическим состоянием, развивающимся под влиянием сложившихся в период обучения условий жизнедеятельности, является стресс. На основе проведенных исследований специалистами было отмечено, что наиболее стрессогенным фактором во время беременности оказывается наличие хронических соматических заболеваний. При наличии таковых беременные отличаются особой импульсивностью и непостоянством. Среди неблагоприятных психосоциальных факторов выделяют отсутствие официального замужества, неудовлетворенность материально-бытовыми условиями, конфликтные ситуации в семье, на работе, задолженности по учебе [6].

Также, значительным источником стресса является учёба. Многие считают, что будущая мама не может продолжать учёбу и должна взять академический отпуск. Однако, многие беременные студентки не хотят прерывать учёбу и отставать от сверстников. Но интенсивная учеба во время беременности может негативно сказаться не только на здоровье матери, но и на здоровье малыша. Переживания будущей мамы из-за беременности и других факторов, в свою очередь, оказывают негативное влияние на успеваемость.

Роды являются мощным физическим и психологическим переживанием. Их ожидание связано с целой серией страхов. Было выявлено, что изменённое состояние сознания в момент родов является адаптивной, приспособительной реакцией организма на экстремальные условия родового периода.

Послеродовой карантин является распространенным явлением. Молодая мама в этот период считается наиболее уязвимой, а иногда подверженной послеродовой депрессии, психозу. Ее беспокоит беспомощность и несобранность, она, как ей кажется, не может справиться с обязанностями по уходу за ребенком, испытывает страх за него, опасается, что недостаточно хорошо за ним ухаживает. Незрелый возраст матери тоже влияет на эмоциональное состояние после родов.

То есть, можно с уверенностью говорить о том, что многие осложнения беременности обусловлены не только физиологическими, но и эмоциональными причинами, а также другими социально-психологическими факторами. Своевременная коррекция нарушений и помощь беременным женщинам и молодым мамам-студенткам в период обучения в вузе станет не только аналогом профилактики аномалий родовой деятельности, но и сможет быть направлена на актуализацию и осознание ими радости материнства, преодоления стрессовых ситуаций с наименьшими потерями, мобилизации их в критические периоды жизни, что благотворно повлияет на психическое и физическое здоровье мамы и малыша, семейную жизнь, учебный процесс.

Так, к примеру, Тамбовский государственный университет им. Державина предлагает такую помощь студенткам, находящимся в положении как переход на индивидуальный учебный план для молодой мамы, скидки на медицинские услуги, а также бесплатные консультации в вузовском "Центре психологической поддержки обучающихся» [8].

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики» предоставляет молодым мамам в пользование детские комнаты, в которых можно не только оставить ребенка на 4 часа с опытными педагогами и воспитателем, но и оставаться самим для выполнения каких-либо учебных заданий. Также имеются комнаты для пеленания и кормления детей [4].

Одним из действенных способов улучшения состояния беременных является физическая активность. Физическая активность студенток во время беременности

положительно влияет на здоровье мамы-студентки, ее малыша, а также на успеваемость. Регулярные физические упражнения помогают беременным студенткам лучше справляться с социальными, академическими обязательствами, а также помогают сохранять эмоциональный баланс во время беременности и после родов.

Так, специалисты в г. Витебск создали программу по организации практических занятий по дисциплине «Физическая культура» для беременных студенток, в рамках «Школы будущей мамы», обучающихся в высших учебных учреждениях. Факультативные занятия, которые разработаны специалистами на таких данных, как срок беременности, уровень физической работоспособности, а также состояние плода, предусматривают выполнение специально подобранных физических упражнений, выполнение которых допустимы во время беременности. Эта программа позволила значительно повысить уровень знаний будущих мам, необходимых в их будущей жизни, а также улучшить их физическое и психологическое состояние [1].

Таким образом, можно выделить следующие возможные стратегии поддержки беременных студенток и молодых мам, которые возможно использовать в вузах в процессе обучения:

1. Психологическая поддержка: мамы-студентки могут воспользоваться консультациями специалистов-психологов для улучшения адаптации к процессу обучения и семейной жизни, снижения стресса.

2. Гибкость образовательных программ: университеты могут предоставить гибкость в учебных программах для облегчения условий совмещения учебной деятельности и рождения детей.

3. Создание условий для улучшения физического здоровья беременных студенток и молодых мам (курсы по наблюдению за здоровьем, группы здоровья, кабинеты физической подготовки и ЛФК и др.).

4. Реализации специальных программ для будущих и уже состоявшихся мам-студенток, исходя из возможных ресурсов и актуальных запросов студентов.

Можно с уверенностью говорить о том, что в настоящее время задача университета не только дать образование своим студентам, но и возможность совместить учебу и рождение детей. необходимо создавать условия в вузах для того, чтобы родители-студенты воспринимали время учебы как время возможностей для создания семьи и рождения детей.

1. Венкович, Д. А. Организация занятий по дисциплине "Физическая культура" для беременных студенток, обучающихся в учреждении высшего образования / Д. А. Венкович // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XX(67) Регион. науч.-практ. конференции преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 12-13 марта 2015 г. : в 2 т. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. – Т. 1. – С. 332-334.
2. Косаркина Л.И., Макашова Т.П. Институт семьи и брака как основа стабилизации демографической ситуации в стране // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2020. №17. С. 95-103.
3. Мехришвили Л. Л., Шестаков С. А., Фарахутдинов Ш. Ф., Юдашкин А.В. Семья в контексте социально-демографической политики региона // Социология. 2023. №4. С. 118-128.
4. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» // Детские комнаты кратковременного пребывания для детей работников и обучающихся НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: https://benefits.hse.ru/detskie_komnaty (Дата обращения 7.10.2024).
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2008.
6. Психология стресса и методы его профилактики: учебно-методическое пособие / Авт.-сост. – ст. преп. В.Р. Бильданова, доц. Г.К. Бисерова, доц. Г.Р. Шагивалеева. – Елабуга: Издательство ЕИ КФУ, 2015. – 142 с.

7. Рудзинская Т.Ф. *Современные представления студенческой молодежи о проблеме родительства* // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013. Т. 2, вып. 1 (5). С. 47-50.
8. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина // *Меры поддержки студенческих семей [Электронный ресурс]*. URL: <https://tsutmb.ru/students/mery-podderzhki-studencheskikh-semey/> (Дата обращения 7.10.2024).
9. Ткачева Ю.Г. *Методологические основы формирования готовности к материнству у студенток вузов* // Уч. зап. Орл. гос. ун-та. 2021. № 1(90). С. 274-277.
10. Ткачева Ю. Г. *Опыт работы по формированию у студенток вуза готовности к материнству* // Известия ВГПУ. 2022. №1 (164). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-raboty-po-formirovaniyu-u-studentok-vuza-gotovnosti-k-materinstvu> (дата обращения: 09.10.2024).
11. Филиппова, Г.Г. *Материнство: Сравнительно-психологический подход*// Психологический журнал. – 1999. – №5. – с. 81-88.
12. Фрей А.И., Нухова М. В., Курунов В.В. *Психологическая готовность к родительству студенческой молодежи* // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. №1 (74). С. 62-72.

ПРОСЕМЕЙНЫЕ НКО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

*Семиколонова Елизавета Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный Университет)*

Аннотация: статья посвящена деятельности некоммерческих организаций сквозь призму традиционных ценностей.

Ключевые слова: некоммерческие организации, традиционные ценности, семья, брак.

Некоммерческие организации (НКО) — это независимые от государственных и коммерческих структур общественные объединения разнообразных форм. Главной целью некоммерческих организаций является не прибыль, как, например, у бизнеса, и не политический капитал, как у государства, а общественная польза. НКО также составляют основу гражданского общества. [7]

В 2015 году в России создана новая просемейная организация - Ассоциация организаций по защите семьи. Организация объединяет усилия некоммерческих организаций и общественных движений, работающих в направлении защиты и поддержки семьи, отцовства, материнства и детства. Ассоциация оказывает информационно-методическую, консультационную, организационную помощь, взаимодействует с государственной системой защиты семьи и детства, добивается повышения социального статуса многодетной семьи, помогает семьям, воспитывающим детей с инвалидностью. Также ассоциацией была создана горячая линия помощи семьям.

Один из важнейших аспектов деятельности ассоциации - популяризация традиционных семейных ценностей. По данным ВЦИОМ на 2022 год, больше доверяют НКО люди от 18 до 34 лет, то есть люди возраста, наиболее пригодного для создания семьи. Таким образом, ценности, которые транслируют некоммерческие организации, находят свое отражение именно среди потенциальных родителей. [9]

В 2022 году вступил в силу указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». К традиционным ценностям, согласно указу, относится крепкая семья. Задачей государственной политики является «сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины)». А одним из основных инструментов реализации государственной политики в указе названо «привлечение институтов гражданского общества, <...>, к участию в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. [1]

Именно поэтому после вступления в силу данного указа актуальность деятельности Ассоциации и просемейных НКО в целом только возросла.

Некоммерческие организации помогают решать острую для России демографическую проблему. Ситуация в сфере рождаемости в России «продолжает оставаться сложной», говорил Владимир Путин в августе 2023 года. Президент поставил задачу «дополнительно поддержать семьи, будущих мам, наши традиционные ценности». По его словам, Россия «в полной мере столкнулась с последствиями демографических провалов прошлых десятилетий». [9]

Также Россия вошла в число лидирующих стран в мире по числу разводов. В 2021 году ВЦИОМ провел опрос, где была выявлена основная причина разводов в России. Респонденты могли выбрать несколько ответов. На первом месте оказались финансовые

факторы — бедность и невозможность прокормить семью: так ответили 33% опрошенных. На втором месте — отсутствие взаимопонимания: 15%. На третьем — измена или ревность одного из супругов: 14%. Из данного опроса можно сделать вывод, что семьям необходима поддержка, которую они могут получить как раз со стороны некоммерческих организаций, что еще раз подтверждает их важность для сохранения и укрепления института брака и семьи. [9]

Распространение традиционных ценностей также способствует решению этой проблемы. Указ Президента предполагает защиту института брака как союза мужчины и женщины.

Таким образом, можно сделать вывод, что деятельность просемейных некоммерческих организаций играет важнейшую роль в решении многих проблем масштаба всей страны. НКО помогают решить такие проблемы как снижение рождаемости, увеличение разводов, а также решают иные вопросы, связанные с функционированием института семьи. Деятельность некоммерческих организаций дополняется распространением традиционных ценностей, которые предполагают брак, как союз мужчины и женщины, и крепкую семью. В совокупности, это способствует созданию в России новых семей и помогает уже существующим.[6]

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
2. Федеральный закон "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" от 28.12.2013 N 442-ФЗ (последняя редакция)
3. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону «О некоммерческих организациях». – Издательство «Книгоиздательство К. И. Тихомиров», 2004.
4. Гурьянова Т.А., Дектерев С.Б., Петрова Е.С. Проблемы теории и практики социальной работы. – Издательство «Лема», 2019.
5. Мусина-Мазнова Г.Х., Потапова И.А. Инновационные методы практики социальной работы. – Издательство «Дашков и К», 2022.
6. Тарасенко А. Некоммерческий сектор в странах ЕС и России. – Издательство «Норма», 2015.
7. Шекова Е.Л. Экономика и менеджмент некоммерческих организаций. – Издательство «Лань», 2004.
8. Wellens, Lore & Jegers, Marc *Effective governance in nonprofit organizations* – *European Management Journal*, 2014.
9. <https://wciom.ru/>

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ НКО

*Семиколонова Елизавета Сергеевна
(Санкт-Петербургский Государственный Университет)*

Аннотация: статья посвящена деятельности некоммерческих организаций сквозь призму традиционных ценностей.

Ключевые слова: некоммерческие организации, традиционные ценности, семья, брак.

Некоммерческие организации (НКО) — это независимые от государственных и коммерческих структур общественные объединения разнообразных форм. Главной целью некоммерческих организаций является не прибыль, как, например, у бизнеса, и не политический капитал, как у государства, а общественная польза. НКО также составляют основу гражданского общества. [7]

В 2015 году в России создана новая просемейная организация - Ассоциация организаций по защите семьи. Организация объединяет усилия некоммерческих организаций и общественных движений, работающих в направлении защиты и поддержки семьи, отцовства, материнства и детства. Ассоциация оказывает информационно-методическую, консультационную, организационную помощь, взаимодействует с государственной системой защиты семьи и детства, добивается повышения социального статуса многодетной семьи, помогает семьям, воспитывающим детей с инвалидностью. Также ассоциацией была создана горячая линия помощи семьям.

Один из важнейших аспектов деятельности ассоциации - популяризация традиционных семейных ценностей. По данным ВЦИОМ на 2022 год, больше доверяют НКО люди от 18 до 34 лет, то есть люди возраста, наиболее пригодного для создания семьи. Таким образом, ценности, которые транслируют некоммерческие организации, находят свое отражение именно среди потенциальных родителей. [9]

В 2022 году вступил в силу указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». К традиционным ценностям, согласно указу, относится крепкая семья. Задачей государственной политики является «сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины)». А одним из основных инструментов реализации государственной политики в указе названо «привлечение институтов гражданского общества, <...>, к участию в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. [1]

Именно поэтому после вступления в силу данного указа актуальность деятельности Ассоциации и просемейных НКО в целом только возросла.

Некоммерческие организации помогают решать острую для России демографическую проблему. Ситуация в сфере рождаемости в России «продолжает оставаться сложной», говорил Владимир Путин в августе 2023 года. Президент поставил задачу «дополнительно поддержать семьи, будущих мам, наши традиционные ценности». По его словам, Россия «в полной мере столкнулась с последствиями демографических провалов прошлых десятилетий». [9]

Также Россия вошла в число лидирующих стран в мире по числу разводов. В 2021 году ВЦИОМ провел опрос, где была выявлена основная причина разводов в России. Респонденты могли выбрать несколько ответов. На первом месте оказались финансовые факторы — бедность и невозможность прокормить семью: так ответили 33% опрошенных. На втором месте — отсутствие взаимопонимания: 15%. На третьем — измена или ревность

одного из супругов: 14%. Из данного опроса можно сделать вывод, что семьям необходима поддержка, которую они могут получить как раз со стороны некоммерческих организаций, что еще раз подтверждает их важность для сохранения и укрепления института брака и семьи. [9]

Распространение традиционных ценностей также способствует решению этой проблемы. Указ Президента предполагает защиту института брака как союза мужчины и женщины.

Таким образом, можно сделать вывод, что деятельность просемейных некоммерческих организаций играет важнейшую роль в решении многих проблем масштаба всей страны. НКО помогают решить такие проблемы как снижение рождаемости, увеличение разводов, а также решают иные вопросы, связанные с функционированием института семьи. Деятельность некоммерческих организаций дополняется распространением традиционных ценностей, которые предполагают брак, как союз мужчины и женщины, и крепкую семью. В совокупности, это способствует созданию в России новых семей и помогает уже существующим.[7]

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
2. Федеральный закон "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" от 28.12.2013 N 442-ФЗ (последняя редакция)
3. Мусина-Мазнова Г.Х., Потапова И.А. Инновационные методы практики социальной работы. – Издательство «Дашков и К», 2022.
4. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону «О некоммерческих организациях». – Издательство «Книгоиздательство К. И. Тихомиров», 2004.
5. Тарасенко А. Некоммерческий сектор в странах ЕС и России. – Издательство «Норма», 2015.
6. Гурьянова Т.А., Дектерев С.Б., Петрова Е.С. Проблемы теории и практики социальной работы. – Издательство «Лема», 2019.
7. Шекова Е.Л. Экономика и менеджмент некоммерческих организаций. – Издательство «Лань», 2004.
8. Wellens, Lore & Jegers, Marc Effective governance in nonprofit organizations – *European Management Journal*, 2014.
9. <https://wciom.ru/>

ОТНОШЕНИЕ К БРАКУ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПЛАНЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Сиволясова Светлана Юрьевна

(Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии Наук)

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу взаимосвязи матримониального и репродуктивного поведения современной российской молодежи. Установлено, что молодые люди во-многом транслируют традиционные установки. Однако, заметны элементы трансформации. В данном исследовании определено, какие когорты могли бы сильнее отреагировать на введение мер государственной политики, повышающей уровень благосостояния населения.

Ключевые слова: Брачность, детность, многодетный выбор, опрос, молодежь.

Оценка влияния брачности и разводимости на динамику рождаемости является довольно популярной темой среди исследователей. Так Синельников А.Б. анализировал зависимость числа рожденных детей от брачного статуса женщин [3]. Было определено, что среди состоящих в зарегистрированном браке рождаемость выше, чем среди состоящих в незарегистрированном, а среди состоящих в незарегистрированном – выше, чем среди не состоящих в браке. Захаров С., Чурилова Е. и Агаджанян В. исследовали динамику рождаемости в повторных союзах и установили, что вступление в повторный брак повышает вероятность рождения второго и последующих детей [1]. Тольц М. выявил, что в России в период активизации мер демографической политики, направленной на поддержку семей и стимулирование рождаемости, рост показателей был связан, прежде всего, с рождением в зарегистрированном браке, в то время как динамика рождений в незарегистрированном браке осталась практически неизменной [4].

В настоящем исследовании фокус внимания направлен на репродуктивные и матримониальные планы современной молодежи. Такой подход позволяет, с одной стороны, выявить новые аспекты брачных и детных стратегий молодых людей; а с другой – рассмотреть не свершившиеся демографические события, а планируемые, что может быть использовано при формировании мер социально-демографической политики.

Источником данных стали результаты опроса, проведенного сотрудниками Отдела рождаемости и репродуктивного поведения Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии Наук, среди студенческой молодежи в двадцати городах России (Белгород, Будённовск, Владивосток, Вологда, Йошкар-Ола, Калининград, Карачаевск, Кизляр, Курск, Майкоп, Махачкала, Москва, Муром, Псков, Севастополь, Серпухов, Ставрополь, Улан-Удэ, Уфа, Ханты-Мансийск). Общий объем выборки составил 2135 человек, среди которых 97% – молодые люди в возрасте до 30 лет, 61% - женщины, 49% – мужчины [2]. Представленные в работе результаты основаны на данных девяти городов – Белгорода, Буденновска, Владивостока, Кизляра, Махачкалы, Москвы, Севастополя, Ставрополя, Уфы. Общая численность респондентов в них составила 975 человек.

Для оценки отношения молодых людей к различным аспектам брачного поведения были заданы вопросы о наилучшем, по их мнению, возрасте вступления в брак, допустимости совместной жизни вне зарегистрированного брака и отношении к межнациональным бракам.

Результаты анализа показывают, что наиболее предпочтительным возрастом вступления в брак современная молодежь считает 21-25 лет (63,6%), далее следует

возрастной интервал 26-30 лет (20,9%). При этом, почти 2% ответивших полагают, что лучше вовсе не вступать в брак. Девушки традиционно ориентированы на более раннее заключение брака, чем юноши.

Совместную жизнь вне зарегистрированного брака допускают 71,8% респондентов. Однако, для почти половины ответивших (48,7%) рождение ребенка является ключевым основанием для его регистрации.

Относительно межэтнических браков большинство респондентов (53,1%) выражают нейтралитет. Еще 32,4% сообщили по положительному отношению к бракам, в которых супруги являются представителями разных национальных групп.

Для определения репродуктивных установок современной молодежи были заданы вопросы о планируемом, идеальном и наилучшем в современных условиях числе детей. Большинство респондентов (49,3%) планируют иметь двух детей, еще 28,5% ориентированы на рождение трех детей. При наличии всех необходимых условий репродуктивные намерения современных молодых людей будут более оптимистичными: двух детей хотели бы иметь 39,3%, а доля будущих родителей с тремя детьми могла бы увеличиться до 35,4%. В целом, при наличии всех необходимых условий многодетными могли бы стать более половины ответивших (54,5%), что положительно сказалось на демографическом развитии страны.

В то же время, говоря о наилучшем числе детей, которых могла бы иметь семья в современной России, респонденты выражают более осторожные суждения. До 16,0% увеличивается доля молодых людей, которые называют наилучшим числом детей в современной семье одного ребенка (против 9,6% среди ответов о планируемом числе детей и 6% среди ответов о детности при наличии всех необходимых условий). Причем такой рост произошел одновременно с заметным сокращением доли тех, кто при ответе на вопрос выбрал варианты высокой очередности (четыре и более детей).

Сопоставив ответы об отношении к браку и репродуктивных планах, были получены следующие результаты.

Во-первых, среди молодых людей довольно заметна тенденция, согласно которой чем более ранний возраст для вступления в брак они предпочитают, тем большее число детей хотели бы иметь (Таблица 1). Верно и обратное: чем более старший возраст называется в качестве наилучшего для вступления в брак, тем на рождение меньшего числа детей ориентированы респонденты.

Таблица 1 – Репродуктивные планы респондентов в зависимости от предпочитаемого возраста вступления в брак, %

		<i>Сколько детей Вы собираетесь иметь</i>				
		<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5 и более</i>
<i>В каком возрасте, по Вашему мнению, лучше всего вступить в брак</i>	<i>Никогда</i>	4,5	1,1	0,4	0	0
	<i>До 16</i>	0	0	0	0	2,1
	<i>16-18</i>	0	0,4	1,5	1,4	6,4
	<i>19-20</i>	4,5	5,9	13,7	20	14,9
	<i>21-25</i>	53,9	65,6	68,3	62,3	55,3
	<i>26-30</i>	31,5	23,9	14,9	15,9	14,9
	<i>31-40</i>	2,2	0,9	0,8	0	2,1
	<i>После 50</i>	0	0	0	0	2,1
	<i>Все равно</i>	3,4	2,2	0,4	0	2,1
Итого		100	100	100	100	100

Следует отметить, что среди респондентов, планирующих иметь одного ребенка, больше доля тех, кто не задумывался о наилучшем возрасте вступления в брак (3,4% ответивших), по сравнению с иными вариантами детности.

Во-вторых, наличие всех необходимых условий способно благоприятно повлиять на рождение пятых и последующих детей среди молодежи, предпочитающей возраст 19-20 лет в качестве наилучшего для вступления в брак, а также четвертых детей среди респондентов, выбравших возраст 26-30 лет. То есть, в представлении современной молодежи вступления в брак в более позднем возрасте хоть и предполагает рождение меньшего числа детей, однако при благоприятных условиях действие возрастного фактора может быть нивелировано.

В-третьих, наиболее критично к современным условиям для рождения детей относятся респонденты, назвавшие возраст 21-25 в качестве наилучшего для вступления в брак. В этой группе резко увеличивается однодетный выбор (до 63,2%) при ответе на вопрос о наилучшем числе детей в настоящее время в России.

В-четвертых, молодые люди, негативно относящиеся к совместной жизни вне зарегистрированного брака, ориентированы на рождение большого числа детей и создание многодетных семей. Вместе с тем, молодёжь, не стремящаяся зарегистрировать брак, в большинстве случаев выбирает рождение двоих детей. Вероятно, это то число детей, содержание которых закладывается в личную финансовую модель, в том числе с учетом возможного распада пары. В текущих условиях от многодетного выбора часто отказываются те, кто считает допустимой совместную жизнь вне зарегистрированного брака до рождения ребёнка, а также респонденты, не допускающие сожительства, в части рождения детей высокой очередности (пять и более).

В-пятых, респонденты, положительно и нейтрально относящиеся к межнациональным бракам, чаще стремятся к рождению большого числа детей, в отличие от тех, кто к таким бракам относится отрицательно. В то же время, вторая группа, хотя в большинстве и планирует рождение двух детей, однако именно эти молодые люди при наличии всех необходимых условий могли бы заметно изменить свой детный выбор в сторону трехдетности.

Таким образом, современная студенческая молодежь во многом сохраняет традиционные установки в matrimониальном и репродуктивном поведении. Однако, становятся заметными новые трансформационные векторы. Проведенный анализ продемонстрировал, какие когорты наиболее восприимчивы к таким изменениям, а какие, вероятнее всего, будут сильнее реагировать как на меры государственной социально-демографической политики, так и на изменения внешней ситуации.

1. Захаров С., Чурилова Е., Агаджанян В. Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? // Демографическое обозрение, 2016. — Том 3. — №1. — С. 35-51.

2. Сивоплясова С.Ю., Сигарева Е.П. Репродуктивные установки современной молодежи: воспроизводство родительской или формирование оригинальной модели? // Социология в постглобальном мире. Материалы всероссийской научной конференции XVI Ковалевские чтения 17-19 ноября 2022 года. / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб.: Издательство Скифия-принт, 2022. — С. 797-799.

3. Синельников А. Б. Трансформация брака и рождаемость в России. // Народонаселение, 2019. — № 2. — С. 26-39.

4. Тольц М. О влиянии брачного статуса на рождаемость // Demoscope Weekly. — 2020. — № 871-872. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0871/nauka03.php> (дата обращения 30.06.2024).

КРИЗИС МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Степанов Данил Вадимович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Изучение социологии семьи занимает одно из ведущих мест в исследовании социальной жизни. Проблема брака и семьи является наиболее развитой отраслью социологического знания. На протяжении истории, ученые и мыслители обращали внимание на значимость брачно-семейных отношений для каждого человека и общества в целом. Современные исследования в этой области показывают, что существует множество нерешенных вопросов, связанных с положительными и отрицательными тенденциями развития брачно-семейных отношений.

Актуальность этой проблемы связана с социальными изменениями, происходящими в сфере брачно-семейных отношений. Методология социологического измерения является основополагающей для сбора и анализа данных в социологии. Она предоставляет ресурсы и инструменты для изучения различных социальных явлений, включая брачно-семейные отношения. Брачно-семейные отношения, в свою очередь, являются одной из важных сфер социальной жизни, которую социологи активно исследуют.

В связи с этим в исследовательской работе был проведен контент-анализ 4 463 научных публикаций и исследований за последние 50 лет в области брачно-семейных отношений относительно использования в них методологии социологического измерения с целью выявить и показать степень разработанности методологии и процедур сбора социологической информации в исследованиях отечественной социологии семьи за период с 1976 по 2023 гг.

Однозначно сказать, что в одном сборнике/журнале написано больше, а в другом меньше исследовательских статей по теме исследования невозможно, так как журналы имеют разное количество выхода номеров в год. Степень разработанности тем и направлений статей в научных публикациях журналов различна, это зависит от специфики, направления и адресности журнала. Для начала отметим, что для программы исследований выбирается тип взаимодействия «условий и объекта наблюдения». Свойство воспроизводимости данных требует уделить особое внимание изучению взаимодействия условий и объекта наблюдения при исследовании семьи.

Воспроизводимость результатов обязательна для любого социологического исследования, особенно в фундаментальных проектах. Без описания условий наблюдения это требование невыполнимо: без знания методов сбора данных и инструментария невозможно определить обоснованность и надёжность опубликованных результатов, не говоря о том, чтобы повторить исследование другого социолога.

Здесь происходит диссонанс: большинство публикаций о результатах проведенных исследований не содержит достаточной информации для их проверки, верификации или для осуществления сопоставимости данных двух или более исследований, сходных по своим целям и методам.

Результаты исследования показали, что с 1976 по 2023 год в социологических исследованиях наиболее часто использовались следующие методы:

- опрос без указания процедуры (1403 работы);
- анкетирование (1207 работ);
- интервьюирование (333 работы).

Реже применялись тестирование (81 работа), экспертный опрос (31 работа), анализ документов (273 работы), наблюдение (149 работ) и эксперимент (22 работы).

Переходя к процентному соотношению, заметим, что среди всех 4 463 работ за выделенный период с 1976 по 2023 гг. треть процентного соотношения занимает опрос без указания процедуры, а пятую часть работ занимают исследования без указания процедуры и методов. Таким образом половина всех научных социологических работ за последние 50 лет не соответствует корректному использованию методологии социологического измерения: в них отсутствует контроль системы взаимодействия между исследователем и объектом исследования, то есть без указания процедуры и методик, с помощью которых проводилось исследование. При этом метод анкетирования составляет четверть всех работ, что исходит из тенденции актуальности опросов в научной сфере социологии семьи. Отметим и маленький совокупный процент методов интервьюирования, тестирования, экспертного опроса, анализа документов, наблюдения и эксперимента, который составляет около 15% работ за всё время.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исследования семей в отечественной социологической практике не соответствуют идеалу воспроизводимости и сопоставимости данных. Отсутствие контроля системы взаимодействия между исследователем и объектом исследования оставляет пространство для произвольных интерпретаций. В условиях моды на качественные методы анализа семейных явлений и пренебрежения количественными методами, интерпретационный произвол может усилиться.

Основным требованием к любой теории, основанной на эмпирических данных, является возможность получения такой же теории на основе наблюдений, проведенных в другое время и месте. Невозможность воспроизведения системы взаимодействия между исследователем и объектом исследования не позволяет сравнивать данные из двух и более исследований, делая каждое из них исключительным и «эксклюзивным». В результате социолог, работающий с «качественными» методами, ограничен простым пересказом фактов и «пришиванием» выводов к ним.

При разработке анкеты социолог думает только о переводе своей теории на язык эмпирических показателей. Его интересуют операционализация терминов, верификация гипотез и объем информации, необходимой для подтверждения его идей. Проблема заключается в том, что объект, созданный им, не может противостоять произволу создателя. Социолог работает в организации, его мотивация профессиональна, и он заинтересован в проведении исследования. Мотивация респондента для участия в опросе не всегда ясна, даже если участие оплачивается.

По итогам контент-анализа документов напрашивается вывод о том, что за последние 50 лет методологическая база отечественных исследований находится в определенном кризисе, который вызван тем, что исследователи не используют корректным образом методологию социологического измерения по различным причинам. Количество работ без указания процедуры или метода, методики, шкалирования, инструментария велико и составляет около половины всех работ.

Одной из причин, может являться то, что исследователи не умеют корректно прописывать методологию. Из чего возникает проблема некорректности самих проведенных исследований. То есть, таким образом, большая часть исследований являются некорректными, а выводы, которые они получили – невозможно будет получить вновь, проводя повторные исследования - процедуры проведения данных исследований не указаны, а значит воспроизводимость их также под угрозой.

Другой причиной может являться влияние научной парадигмы, которой придерживается исследователь. Исследователи не указывают процедуры и методологию с целенаправленной точки зрения, скрывая некорректность результатов, подводя и подстраивая их под свою научную парадигму.

Третьей причиной может являться ограниченность средств исследователей, которые ограничены в количестве страниц публикации или во времени, а потому не могут описывать методологию и процедуру сбора первичной социологической информации, так как на это просто «нет места или времени».

Вторую и третью причины объединяет ещё одно интересное понятие, которое также является серьёзной проблемой в современных социологических исследованиях: «удобная выборка». Это часть населения, которая не является научной, но собирается потому, что к ней легко получить доступ (например, группа студентов, ожидающих на автобусной остановке; группа студентов, которые отвечают на веб-опрос в ток-шоу; или группа студентов, у которых есть дети и которые приводят их в детский сад кампуса). Выборка «для удобства» даёт слабые результаты. Если начать презентацию результатов исследования с того, что исследователи не очень корректно изучили науку, но «обнаружили, что...» - мало кто останется будет интересоваться тем, что исследователи нашли.

Автор понимает, что чтобы утверждать о кризисе в методологии социологических измерений, необходимо провести ещё более глубокое и детальное эмпирическое исследование, которое бы подтвердило или опровергло этот тезис. Такое исследование может включать в себя анализ существующих методов и подходов к социологическим измерениям, выявление их сильных и слабых сторон, а также разработку рекомендаций по их совершенствованию. Однако предварительные тенденции в методологии социологического измерения отечественных исследований намечены, что даёт нам возможность к дальнейшему развитию данной темы.

1. Антонов А.И. *Микросоциология семьи*. М.: ИНФРА - М, 2005 – 368 с.
2. Верещагина А.В. *Трансформация института семьи и демографические процессы в современной России*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. – 263с.
3. Мацковский М.С. *Семья в кризисном обществе*. М.: Наука, 1993. – 117с.
4. Осипов Г.В. *Рабочая книга социолога*. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. – 506 с.
5. Солодников В.В. *Социология социально-дезадаптированной семьи*. СПб.: Питер, 2007. – 378 с.
6. Ядов В.А. *Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности*. М.: Академкнига: Добросовет, 2003. – 595 с.

"ЧАСТЫЕ РАЗВОДЫ: ЦЕНА РАННИХ БРАКОВ"

Сычева Наталья Васильевна

(Липецкий государственный педагогический университет имени Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского)

Шупрута Павел Вячеславович

(Липецкий Государственный Педагогический Университет имени Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского)

Землянская Анастасия Викторовна

(Липецкий Государственный Педагогический Университет имени Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского)

«Семейные отношения постоянно находятся под пристальным вниманием как со стороны социологов, так и психологов. Одной из актуальных тем является проблема разводов, особенно среди молодежи, вступающей в брак в возрасте от 18 до 25 лет. Согласно данным, представленным Росстатом, за последние годы в России наблюдается тренд увеличения числа разводов, особенно среди молодых пар. Эта статья исследует причины и последствия ранних браков, а также качество семейных отношений в контексте статистики разводов...»

«...Ранние разводы имеют серьезные социальные и эмоциональные последствия как для женщин, так и для мужчин. Первоначальная радость от замужества часто сменяется чувством потери и неуверенности в будущем. Исследования показывают, что молодые дамы, пережившие развод, могут столкнуться с психическими проблемами, такими как депрессия и тревожные расстройства. Кроме того, дети, рожденные в таких семьях, также могут столкнуться с трудностями. Они часто оказываются в ситуации, когда должны переживать развод родителей, что может негативно повлиять на их последующую жизненную адаптацию и формирование отношений...»

«...В качестве рекомендаций можно предложить образовательные программы для молодежи. Необходимо разрабатывать и внедрять образовательные программы, целью которых будет обучение молодых людей навыкам здоровых семейных отношений. Эти программы могут включать психологическое консультирование, направленное на развитие эмоционального интеллекта и навыков управления конфликтами, а также курсы по финансовой грамотности, которые помогут молодым парам научиться эффективно управлять своими финансами и планировать семейный бюджет. Например, создание программы «Зелёный аист» для молодых людей, вступающих в брак, на базе отдыха «Бригантина» в г. Липецк, которая включает практические тренинги по развитию эмоционального интеллекта, навыкам управления конфликтами, финансовой грамотности, планированию семейного бюджета и построению здоровых отношений...»

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ СЕМЬИ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

*Тарченко Вера Сергеевна
(ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России (Пироговский
Университет))*

В настоящее время меняются взаимоотношения во всех сферах общественной жизни, в том числе брачной и семейной. Такие тенденции в развитии института семьи и брака, как малодетность, сожителства, которые воспринимаются как «пробный» брак, откладывание рождения детей, рождение первого ребёнка в более позднем родительском возрасте, повторные браки, гостевые браки, — всё это связано как с глобальными экономическими и социокультурными процессами, так и с собственными специфическим опытом трансформирующегося российского общества.

В 2024 году в РНИМУ им. Н.И. Пирогова (Пироговский университет) было проведено исследование по изучению «Предпочтительной модели семьи у студентов медицинского ВУЗа», в котором изучались репродуктивные установки, предполагаемый возраст вступления в брак, отношение к сожителствам и самому институту брака в целом, о причинах откладывания брака и рождения детей, о предпочтительной модели семьи среди студентов, об информированности о поддержке молодых семей со стороны государства, а также о необходимости разработки новых мер государственной помощи семье.

Было выявлено, что студенты медицинского ВУЗа планируют родить первого ребенка в возрасте от 27 до 30 лет. Скорее всего, это связано с длительным обучением, большой включенностью и непрерывностью получения образования у будущих врачей. С этим фактором связано и откладывание заключения брака. Предпочтительной моделью семьи является партнерская, в которой молодые родители совершенствуются в профессиональной деятельности, на равных зарабатывают, занимаются домашними делами и уходом за детьми.

При вступлении в брак студенты отмечают, что нужны любовь, общие взгляды на жизнь, наличие собственного жилья и дохода, позволяющего не зависеть от родителей. Кроме того, в отношениях между партнерами должны присутствовать уважение, взаимопонимание и доверие. Большее значение придается отношениям, которые складываются между супругами. Речь идет об оказании психологической поддержки членам семьи, что приобретает особую актуальность в условиях, когда жизнь насыщена изменениями, стрессами и волнениями. При этом нормой для студентов становится сожителство без регистрации брака, рождение детей вне брака, развод.

Таким образом, исследование установок на семью у студентов медицинского ВУЗа представляется актуальным и представляет научный интерес.

РОЛЬ ГОРОДСКИХ ПРОГРАММ В ПОДДЕРЖКЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

*Тишина Полина Валерьевна
(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Череповецкий государственный университет")*

Региональная демографическая стратегия включает активное участие государственных органов в управлении как естественными, так и миграционными процессами населения для достижения специфических целей, присущих каждой территории. Для успешного решения задач, связанных с развитием регионов, необходимо разрабатывать региональные программы, ориентированные на поддержку демографического воспроизводства, которые должны быть интегрированы в единый план социально-экономического развития региона и финансироваться за счет местных бюджетов.

Региональная демографическая политика требует активного вовлечения государственных структур в регуляцию природных и миграционных процессов населения с целью достижения конкретных задач для каждой территории. Успешная реализация этих задач возможна через региональные программы, нацеленные на поддержку демографического роста, которые должны быть частью общей стратегии улучшения социально-экономической ситуации в регионе.

Успешная демографическая стратегия невозможна без учета особенностей населения местности. Исследования, посвященные социально-демографическим тенденциям в различных федеральных округах, должны быть связаны с целями местной политики, включая демографические аспекты. Необходимость тщательной адаптации подходов к демографической политике на региональном уровне подчеркивает важность учета уникальных характеристик каждой территории.

Выделено пять ключевых категорий мер, способствующих росту рождаемости в регионах.

1. Материальная поддержка: выплаты, связанные с рождением детей, включая единовременные и регулярные пособия, а также различные формы денежных компенсаций.

2. Социальные инициативы: обеспечение поддержки семьям через предоставление возможностей для приобретения или улучшения жилищных условий, льготы при поступлении детей в образовательные учреждения и организацию питания.

3. Медицинская помощь: регулярные обследования для женщин и мужчин репродуктивного возраста, осуществление профилактических проверок и оказание родовспоможения, а также предоставление услуг экстракорпорального оплодотворения для пар, столкнувшихся с трудностями.

4. Информационная поддержка: разработки, нацеленные на увеличение информированности среди старшеклассниц и женщин фертильного возраста относительно всех доступных форм помощи для семей и беременных, включая консультации и распространение информационных ресурсов.

Таким образом, разработанные региональные инициативы представляют собой всеобъемлющий подход к решению демографических задач, включая множество мероприятий, которые направлены на повышение рождаемости и поддержку семей в Российской Федерации.

В докладе будут выявлены наиболее значимые типы демографической поддержки для жителей Вологодской области. При подготовке были использованы данные массового опроса «Репродуктивные установки жителей города Череповца». Опрос населения города

Череповца Вологодской области, который был проведен в марте 2023 года кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с существующей структурой населения города старше 18 лет – участников опроса. Объем выборки – 800 человек.

Рис. 1. Распределение позитивных ответов на вопрос о программах, стимулирующих людей на рождение ребенка (%).

Респонденты в возрасте от 18 лет до 45 выделяют главными стимулирующими факторами материальный. При этом социальные инициативы на этом фоне становятся наименее значимыми.

Рис. 2. Распределение мнений респондентов по вопросу о наиболее желательных программах для повышения рождаемости (%).

Наиболее желательными для респондентов в возрасте от 18 до 45 лет оказались материальные и социальные программы. Велика была так же доля тех, кто хотел бы внедрить программу социальных нянь. Программы медицинской помощи и малых материальных и социальных услуг расположились на последнем месте.

Какие программы более всего стимулируют на рождение третьего и последующих детей?

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос о программах, стимулирующих рождение третьего и последующих детей (%).

Наиболее важными для респондентов оказались материальные услуги, о предоставлении земли, места для жилья. При этом, на вопрос о том, что является главным условием для создания семьи, респонденты отвечают – квартира, жилье, материальный достаток.

Какие из этих программ Вы считаете самыми необходимыми?

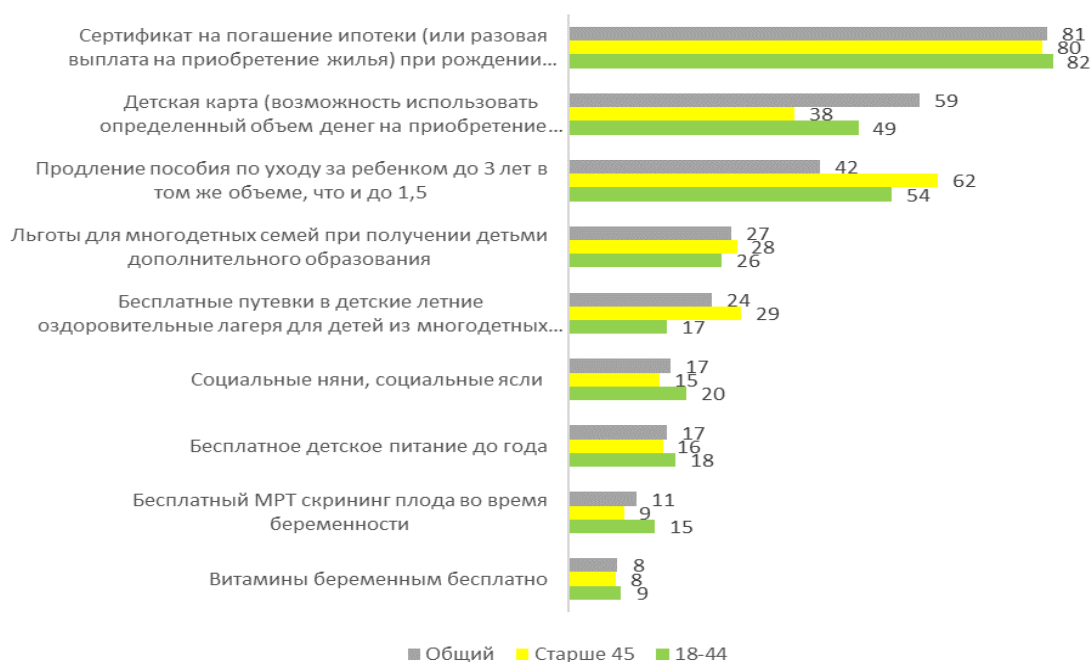

Рис.4. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, какие программы они считают самыми необходимыми (%).

Типы социальных программ на данной диаграмме расположились в следующем порядке: материальные, социальные, медицинские. Данная тенденция распространена среди всех возрастных групп.

Таким образом, на первый план в потребностях россиян касаясь проблемы демографии выходят: материальный и социальный.

ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Ткачева Нина Алексеевна
(Тюменский индустриальный университет)

Юдашкин Андрей Валентинович
(Тюменский индустриальный университет; Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН)

Реализация государственного задания Минобрнауки России в сфере науки по проекту «Традиционные ценности как фактор репродуктивных установок и социально-демографического поведения семей: региональный аспект» (№ FEWN-2023-0010).

В научном сообществе не угасает интерес к изучению семейных ценностей в контексте их значимости, культурно-исторической преемственности, нормативности, реализации интеракционистского и социализационного потенциалов. Под влиянием политических, социально-экономических, демографических событий и проблем многократно выросло внимание к традиционным ценностям, роли семьи в обществе [1; 2; 3].

Наблюдаемая в последние десятилетия эрозия традиционных семейных ценностей, связанная как с изменившимися условиями функционирования семьи, так и с нравственным опустошением общества, способствовала выделению социально значимой проблемы – сбережение семьи, сохранение её предназначения через поддержку проверенных временем ценностей. Именно семья, используя новые реалии, способна к конвергенции традиционных ценностей и современных тенденций, их развитию. Однако жизнеспособность базовых ценностей снижается без поддержки со стороны властных структур, деятельность которых направлена на создание условий для реализации членами семей своих внутренних целей, а также на поддержку социальных связей и ценностной интеграции в общество. В конструктивном взаимодействии семьи и органов власти заложен значительный потенциал, выражающийся во внутренней интегрированности социума. Продуктивность взаимодействия в значительной мере определяется глубоким изучением ценностного основания функционирования семьи.

Социологический взгляд на семейные ценности может быть реализован, с одной стороны, через осознание их социальной значимости, с другой, через понимание их влияния на внутрисемейные взаимодействия, репродуктивные установки. Соответственно, традиционные семейные ценности, выражаясь в потребностях, интересах, установках членов семьи, определяют смысл их жизни и, в свою очередь, влияют на духовно-нравственное состояние общества в конкретный культурно-исторический период.

Состояние семейных ценностей диагностируется по ряду сфер – политической, экономической, социальной, культурной, а так же отражает региональные особенности. По мнению Э. Хёррелла, регион, как территория жизнедеятельности человеческих сообществ, создаёт возможность совместимости общих ценностей, связанных с культурой, религией и историческими традициями, при сохранении их особенностей [4, р. 333-335].

С целью изучения ориентации региональных семей на сохранение и развитие традиционных ценностей на первом этапе исследования (январь-сентябрь 2024 г.) был проведен опрос экспертов методом полуструктурированного интервью. В опросе

участвовало 18 человек, имеющих значительный опыт работы с семьей в различных сферах жизнедеятельности. В число экспертов входили представители сферы образования (3), социальной защиты (2), духовенства (2), предпринимательства (2), комитета ЗАГС (1), общественных организаций (4), специалисты по работе с молодежью (2), исследователи семейной проблематики (2).

В качестве базовой традиционной ценности эксперты определили сам факт наличия семьи, при этом подчеркнули: *«это крепкая, большая семья»*. Семья помогает людям создать для своих идеалов и ценностей социальное и культурное пространство. В данном контексте важно исследовать не только ценности как таковые, но и формы их влияния на семейные отношения. Рассматривая семью через призму социального пространства, где локализованы многие виды жизнедеятельности человека, а взаимодействия её членов имеют сложный и многогранный характер, подавляющее большинство опрошенных в основу отношений поставили ряд ценностей, отнесенных к традиционным, – *«любовь, дети, взаимопомощь и взаимоуважение»*. Данные ценности служат ключом к пониманию особенностей семьи. Каждая семья демонстрирует свою дифференциацию ценностей, но их совокупность отражает интегрированную линию развития, фиксируемую и в повседневности, и в определении жизненных стратегий её членов.

Традиционные ценности, по мнению экспертов, позволяют осознать связь времён, поскольку унаследованы от предыдущих поколений. В то же время, придавая семье устойчивые формы функционирования, они не являются жесткой и не развивающейся системой. Так, совместное проведение свободного времени – давняя традиция, тогда как наполнение и формы организации досуга претерпели существенные изменения. *«Если несколько десятилетий назад сбор всех членов семьи в выходной день в родительском доме был фактически общепринятой нормой, то сегодня семейные мероприятия чаще выходят на районный или городской уровень. Это и фестиваль ГТО, и создание генеалогического древа семьи, и конкурс видеороликов истории семьи, и кулинарные праздники, на которых родители и дети готовят традиционные блюда»*.

Эксперты отметили и весьма интересную трансформацию такой ценности как материальное благополучие семьи. Семейственность, клановость, преобладание интересов семьи для роста её благосостояния характеризуются как древнейшая традиция. Но в современных условиях материальное благополучие коррелирует с индивидуальными возможностями, рассматривается как личная самодостаточность вне зависимости от успехов других членов семьи, а значит благополучие может и не распространяться на них, тем более, на старшее поколение и на родственников.

В совокупности, по мнению экспертов, это одна из существенных причин возникновения следующих негативных моментов: самолюбования, эгоизма, личной независимости членов семьи, распространения альтернативных форм брака, роста числа разводов, ориентации на небольшое количество детей. Травмирующим фактором становится формирование *«равноправия на словах»*, когда патриархальные, а тем более матриархальные отношения осуждаются, но на практике супруги оказываются не готовы равномерно делить свои права и обязанности, каждый отстаивает свою «идеальную» модель семьи.

Тревожит мужчин-экспертов и перегрузка женщин, обусловленная *«сохранением традиционных женских ролевых позиций (приготовление пищи, воспитание детей, поддержание отношений с родственниками) при расширении связанных с социальными ожиданиями обязанностей – быть финансово успешной, профессионально востребованной, посещать светские мероприятия»*. Отмечается готовность успешных женщин самостоятельно, вне брачных отношений, рожать и воспитывать детей.

Столкновение традиционных и современных ценностей меняют их иерархическую структуру, формируют противоречивую картину образа семьи. Эксперты отмечают, что семья не утратила своего значения, но идея «продолжения себя в детях» успешно конкурирует со «спокойной, рациональной, безбедной жизнью», с предпочтением «карьерного роста, самореализации и публичного признания».

Традиционные, устоявшиеся ценности и признанные большинством социальные нормы обеспечивают семье возможность полноценно функционировать. Но сегодня сформировалась актуальная потребность в охране семейных ценностей от отрицательного воздействия внешней и внутренней среды. Большинство экспертов признают роль в сохранении и передаче традиционных ценностей таких институтов как государство, образование, церковь и СМИ. В этом могут быть заинтересованы и представители бизнес-сообществ, производственного сектора, ориентированные на организацию семейных корпоративных мероприятий, включающих элементы отдыха и совместной трудовой деятельности. Чрезвычайно востребована сегодня, полагают эксперты, наступательная пропаганда семьи, многодетности, межпоколенных связей, в том числе посредством распространения профессионально выполненной социальной рекламы.

Эксперты не снимают ответственности и с самой семьи, которая является посредником между личностью и обществом. Семья, реализуя важнейшую функцию воспитания на основе понимания нравственных основ общества, способна сохранять и транслировать традиционные ценности в качестве внутреннего регулятора жизнедеятельности семьи. Это обеспечит самовосприятие семьи и её особенностей; передачу духовной культуры, нравственного стержня семьи; способность к самоорганизации и саморазвитию. В конечном итоге, умение воспринимать, принимать, трансформировать и транслировать ценности гарантируют семье её востребованность на общественном уровне и сегодня.

Итак, традиционные семейные ценности – это многопоколенная социальная матрица, благодаря которой семья приобретает свои особенности, специфику отношений, связей, «свое лицо». Выполняя роль информационного фильтра, традиционные семейные ценности помогают определиться в быстро изменяющейся обстановке и адаптироваться к новым условиям жизнедеятельности семьи. Трансформируясь, способствуют выработке новых правил общения как внутри семьи, так и за её пределами, обеспечивая социальную и психологическую стабильность и защищенность.

1. *Идеальная семья – 2023. Аналитический обзор от 06 июля 2023 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023>. – (дата обращения: 25.02.2024).*

2. *Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. Доступ из справ. -правовой системы Консультант плюс. Источник: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 18.09.2024).*

3. *Традиционные ценности семей народов России: атлас / под ред. Г. И. Климантовой, Е. Ф. Лаховой. М.: Квант Медиа, 2023. 304 с.*

4. *Hurrell A. Explaining the resurgence of regionalism in world politics [Электронный ресурс] // Review of International Studies. 1995. 21. pp. 331-358. – URL: http://journals.cambridge.org/abstract_S0260210500117954. – (дата обращения: 21.09.2024).*

СЕМЬЯ И БРАК В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ушакова Валентина Григорьевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Аннотация. В статье даётся краткий обзор этапов формирования, изменения и сохранения семейно-брачных ценностей в контексте российского культурного кода.

Ключевые слова: Семья, брак, духовно-нравственные ценности, российский культурный код.

Социологические исследования убедительно свидетельствуют о сохранении и укреплении в российском обществе традиционных духовно-нравственных ценностей, смысл и содержание которых были раскрыты в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

«Традиционные ценности - это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [3].

Формирование семейно-брачных ценностей в структуре российского культурного кода проходило на протяжении всей отечественной истории. В этом процессе можно выделить три этапа.

На первом этапе, к началу XX в. вплоть до 1917 года, брачное законодательство Российской империи сохранило в нетронутом виде строгую нравственно-религиозную основу законов о семье и браке, о личных отношениях супругов.

Под нравственностью понимается принятие на себя ответственности за свои поступки. Подразумевается, что нравственность основана на свободной воле, поскольку нравственным может быть только свободное существо. Следовательно, нравственность есть внутренняя установка индивида действовать согласно своей совести и/или согласно своим принципам.

Характер личных отношений между супругами находился в тесной зависимости от общего культурного состояния народа, его исторических и национальных особенностей. В «Своде Законов» были зафиксированы взаимные и особенные права и обязанности супругов, в частности, взаимное право и обязанность исполнения каждым супругом супружеского долга; взаимной супружеской верности; обязанность взаимопомощи, взаимной поддержки, материальной и моральной, а также совместной жизни супругов.

Имущественные отношения были построены на началах раздельности, поэтому заключение брака не влекло за собой установления общности супружеских имуществ и каждый из супругов сам распоряжался своей собственностью. Супруги могли брать

кредит друг у друга, передавать свое имущество друг другу, однако, чтобы распоряжаться имуществом другого супруга, надо было иметь акт, удостоверяющий право делать это. [1] Все эти обязанности, зафиксированные в законах, были направлены на укрепление института брака и стимулирование рождаемости. Церковь выполняла очень важную роль — сдерживала вмешательство государства в жизнь семьи.

В Указе президента подчёркивается роль мировых религий: «Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» [3].

Семейная политика в дореволюционной России достигала своих целей — преобладали прочные брачные союзы, опиравшиеся на нравственные идеалы, семья была в основном независима от государства, поэтому решение вопросов, касающихся внутренней жизни семьи, было прерогативой самой семьи.

В советский период отечественной истории семья и брак как социальные институты претерпели очень серьёзные социальные эксперименты. Церковь была отстранена от семьи и школы. Духовно-нравственные основы были подорваны.

Идеологи социализма провозгласили новый тип семьи — советскую семью, нравственной основой которой объявлялся долг по отношению к коллективу.

Семейная политика нового государства следовала идеям общественного воспитания детей и освобождения женщины из сферы домашнего труда через вовлечение в общественное производство и развитие сфер питания и бытового обслуживания. Характер власти того периода сформировал патерналистскую модель семейной политики, где государство брало на себя ответственность за обеспечение членов семьи и заботу о них.

После Великой отечественной войны государством был взят курс на стабилизацию семьи. Указ Президиума Верховного Совета СССР 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Матер-героиня» и учреждении Ордена «Материнская слава» и медали «Материнство» поддерживал значение материнского долга. Функции отцовства выполняло государство.

В военных и послевоенных условиях реальной нехватки мужчин нормой повседневной жизни становилась материнская семья, поэтому было необходимо ввести в повседневность понятие «нормальной» семьи, состоящей из отца, матери и ребенка/детей.

В 1969 г. был принят Кодекс о браке и семье РСФСР, основными положениями которого были: развод осуществлялся через ЗАГС, в спорных случаях — через суд; официально разрешался аборт по личному выбору женщины; право на установления отцовства признавалось в добровольном и в судебном порядке; подтверждался режим общей собственности для супругов и регулировались алиментные отношения. В отношении имущественных прав очевиден регресс по сравнению с предыдущим императорским периодом.

80-е годы XX века ознаменовались введением мощных социал-демократических мер в семейную политику советского государства: установлены единовременные пособия на каждого ребенка; введен частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до одного года. Работающие матери получили ряд производственных льгот; увеличивался оплачиваемый до- и послеродовой отпуск до 70 дней; продлевался до 1,5 лет частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком и вводился отпуск по уходу за ребенком с 1,5 до 3 лет без содержания, но с сохранением рабочего стажа (дающего право на пенсию) и рабочего места.

В постсоветский период (90-е годы – настоящее время) происходят глубокие перемены: 8 декабря 1995 г. Государственная Дума приняла «Семейный кодекс Российской Федерации». Была введена новая система пособий для семей с детьми на основе перехода от универсальной к адресной системе детских пособий (1999 г.).

Особенностями нынешнего этапа семейной политики являются: демографическая направленность; плюрализм направлений; регионализация семейной политики.

В основу государственной семейной политики положены принципы: самостоятельность семьи в принятии решений относительно своей жизни; равенство семей и всех их членов в праве на поддержку независимо от социального положения, национальности, места жительства и религиозных убеждений; презумпция добросовестности родителей в осуществлении родительских прав и ответственность каждой семьи за воспитание, образование и развитие личности ребенка (детей) и за сохранение его здоровья; партнерство семьи и государства, а также сотрудничество с общественными объединениями, благотворительными организациями и предпринимателями.

В наше время семья ослаблена, она деструктурирована (вместо полной семьи получила распространение неполная), потеряла автономию и целиком зависит от государства. «Буфер» в виде нравственно-религиозных ценностей между ней и государством практически отсутствует. Традиционные нравственные ориентиры и в сознании большинства людей деформированы. То, что раньше запрещалось и наказывалось (например, прелюбодеяние и блуд), многими уже считается в порядке вещей. Очевидно, демографические последствия утери традиционных семейных ценностей и автономии семьи отчётливо ощущаются. В этой связи абсолютно естественным является повышение внимания государства и общества к вопросам духовно-нравственного здоровья нашего народа.

9–11 августа 2024 года ФОМ провел опрос о понимании традиционных ценностей и их распространённости в России. В опросе участвовали 1500 респондентов из 53 субъектов, 104 населенных пункта РФ.

Когда речь заходит о традиционных ценностях, большинство людей в первую очередь думают о семье, доме, детях, заботе о близких, культурном наследии, традициях и укладе жизни. Большинство опрошенных (85%) считают себя приверженцами традиционных ценностей. Они разделяют ценности семьи и брака, уважают и любят свою страну, почитают старших и родителей, а также помнят о своих предках. [2]

В процессе общенародного обсуждения проблем морально-нравственных ценностей, роли и значения семьи и брака российское общество заняло однозначную позицию по защите этих ценностей, прошедших испытание временем на протяжении тысячелетий и обеспечивших нашему обществу сохранение социального порядка, государственности и суверенитета.

1. Королева М. В., Сеница А. Л. *Нравственно-религиозные основы семейной политики Российской империи начала XX века // Демографическая и семейная политика: Сборник статей / Под ред. Елизарова В. В., Джанаевой Н. Г. Экономический факультет МГУ им М. В. Ломоносова. — М.: МАКС Пресс, 2008. («Демографические исследования», Вып. 15). С. 140–162.*
2. *Традиционные ценности в российском обществе. Опрос о понимании традиционных ценностей и их распространённости в России. // <https://fom.ru/TSennosti/15068> (Дата обращения: 8 октября 2024)*
3. *Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».*

ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В КАЗАЧЬЕЙ СЕМЬЕ И ОБЩИНЕ. ТРАДИЦИИ, ФОРМИРУЮЩИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННУЮ СРЕДУ

*Фасахудинов Владислав Вадимович
(СПбГЭТУ "ЛЭТИ")*

*Дерюгин Павел Петрович
(СПбГУ, СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)*

Аннотация: в статье рассматриваются традиции воспитания детей в казачьей семье и общине как основа для создания духовно-нравственной развивающей среды. Традиционные методы воспитания, включая уважение к старшим и обучение детей наследованию традиций, способствуют развитию духовных качеств личности ребёнка. В статье подчёркивается важность сохранения и передачи этих ценностей и методов воспитания для формирования будущего поколения.

Ключевые слова: казачья семья, традиции, духовно-нравственные ценности, дети, воспитание поколения.

В современном мире, где технологии и новаторские подходы к воспитанию подрастающего поколения становятся все более популярными [4]. В полной мере традиционные ценности и обычаи остаются фундаментом воспитания в казачьей семье. Казачество, как феномен русской истории, пронизано уникальной системой ценностей и норм поведения, которые передаются из поколения в поколение.

Казачьи ценности, унаследованные от далекого прошлого, играют ключевую роль в формировании воспитательной среды в казачьей семье и общине. Они являются непоколебимым фундаментом, на котором строится духовное и нравственное развитие подрастающего поколения. Среди этих ценностей особое место занимают честность, добродетель, преданность и патриотизм.

Честность - одна из основополагающих качеств в казачьей культуре. Казаки всегда придавали большое значение честному слову и выполнению обязательств. Это качество передается из поколения в поколение, являясь примером для детей и подростков.

Добродетель - еще одна важная казачья ценность, которая имеет огромное значение в воспитании детей. В казачестве уделялось особое внимание развитию добродетелей, таких как милосердие, терпимость, сострадание. Подрастающее поколение, под влиянием этих ценностей, учится быть отзывчивым, помогать нуждающимся и проявлять сострадание к окружающим.

Преданность - еще одно важное качество, которое прочно укоренилось в казачьей культуре. Преданность к родителям, Родине, вере и общине играет значительную роль в формировании внутреннего мира ребенка.

Патриотизм - одна из основных казачьих ценностей, которая направляет душу казака на служение Родине и защиту ее интересов. Казаченок, воспитанный в духе патриотизма, становится гордым за свою историю, культуру, язык и традиции, а также стремится к защите и укреплению своей Родины [2].

Традиционные методы воспитания в казачьей семье имеют глубокие исторические корни и служат основой для создания духовно-нравственной развивающей среды воспитания подрастающего поколения. Казачья семья отличается особыми ценностями и устоями, которые передаются из поколения в поколение. Одним из ключевых аспектов традиционного метода воспитания в казачьей семье является уважение к старшим и учение детей наследовать и принимать традиции и обычаи своего народа.

С раннего возраста казачьим детям внушается уважение к старшим и умение слушать опыт и мудрость предков. Этот аспект воспитания формирует у подрастающего поколения уважение к традициям и культуре своего народа. Казаки обучают своих детей ценности справедливости, честности, добросовестности и самоотверженности, что является основой для формирования моральных принципов и норм поведения.

Одним из важных элементов традиционного метода воспитания в казачьей семье является привитие ответственности и самостоятельности. Дети учатся принимать решения и нести за них ответственность, осознавая важность своего вклада в общее благо. Традиционные методы воспитания в казачьей семье также включают в себя формирование у подрастающего поколения уважения к природе и окружающему миру. Казачата учатся ценить природные ресурсы и бережно относиться к окружающей среде, что способствует формированию экологической культуры и ответственности [1].

Влияние общинных норм на развитие детей в казачестве является ключевым фактором в формировании духовно-нравственной среды воспитания подрастающего поколения. Казачья община представляет собой особое сообщество, где ценности и традиции играют важную роль в жизни каждого ее члена, включая детей. Общинные нормы и правила формируются на основе казачьей культуры, их соблюдение способствует развитию у детей чувства сопричастности и ответственности перед обществом.

Одной из основных черт казачества является коллективизм и взаимопомощь. Дети в казачьей общине воспитываются в духе уважения к старшим, соблюдения традиций и участия в коллективных мероприятиях. Взаимодействие с другими членами общины учит детей коммуникативным навыкам, способствует формированию у них умения работать в команде и принимать решения совместно.

Общинные нормы также оказывают влияние на формирование ценностных ориентаций детей. В казачьей семье и общине особое внимание уделяется ценностям как семейным, так и общинным. Дети учатся ценить труд и честность, уважать старших и беречь традиции. Эти ценности помогают формировать у подрастающего поколения прочный нравственный компас, который будет сопровождать их на протяжении всей жизни. Казачья община также служит примером взаимодействия и поддержки для детей. Здесь каждый может найти помощь и поддержку в сложной жизненной ситуации, а также мудрые советы и опыт старших членов общины [3].

Формирование духовно-нравственной среды в казачьей семье начинается с момента рождения ребенка и продолжается на протяжении всего его воспитания. Одной из основных традиций воспитания детей в казачьей семье является передача ценностей и уважения к истории и культуре казачества. Родители и старшие родственники уделяют особое внимание формированию у детей чувства патриотизма, любви к родному краю, уважения к старшим, традициям и обычаям.

Центральное место в формировании духовно-нравственной среды в казачьей семье занимает обучение детей казачьим традициям, ритуалам и обрядам. Дети учатся уважать и следовать правилам казачьего этикета, ценить доблесть, честность, мужество и скромность. Они знакомятся с историей казачества, его традициями и образом жизни через рассказы старших, участие в праздниках и обрядах, посещение музеев и выставок.

Важным аспектом формирования духовно-нравственной среды в казачьей семье является передача знаний о религиозных традициях и ценностях. Казаки традиционно исповедуют православие, и воспитание детей в вере и уважении к христианским ценностям имеет особое значение [7]. Родители уделяют внимание духовному развитию детей, воспитывая в них чувство милосердия, сострадания и неприкосновенности человеческой жизни.

Также важным аспектом формирования духовно-нравственной среды в казачьей семье является развитие трудовых навыков и ответственности у детей. Казачата с самого раннего возраста привлекаются к выполнению домашних дел, работе на приусадебном участке, уходу за животными и помощи старшим. Это способствует формированию у детей ценности труда, ответственности за свои действия и умение справляться с повседневными задачами.

Передача казачьих традиций следующему поколению имеет особое значение как основа для создания духовно-нравственной развивающей среды воспитания подрастающего поколения. В казачьей семье и общине традиции играют важную роль в формировании характера, ценностей и мировоззрения детей. Они помогают передать богатое культурное наследие и укрепляют связь между поколениями.

Одним из ключевых аспектов передачи казачьих традиций является обучение детей и молодежи истории и культуре своего народа [6]. Это включает в себя знакомство с историей казачества, его обычаями, традициями, казачьими песнями и танцами. Родители, старшие родственники, учителя и старшие товарищи по казачьим общинам оказывают значительное влияние на формирование понимания и уважения к казачьей культуре у детей и подростков.

Для успешной передачи традиций необходимо создать специальные образовательные программы и педагогические методики [5], которые помогут детям усвоить ценности казачьей культуры. Важно, чтобы обучение было интерактивным и увлекательным, чтобы дети с удовольствием изучали историю и традиции своего народа. Также необходимо проводить тематические мероприятия, конкурсы, праздники, где дети могут показать свои знания и умения в области казачьей культуры.

Помимо образовательных мероприятий, передача казачьих традиций происходит и через участие детей в повседневной жизни казачьей семьи и общины. Дети учатся уважать старших, соблюдать традиционные правила поведения, участвуют в общественных мероприятиях и ритуалах. Такой практический опыт позволяет им лучше понять и оценить ценности своего народа.

Особое внимание следует уделять формированию духовно-нравственных качеств у детей через передачу казачьих традиций. Воспитание уважения к истории и культуре своего народа способствует формированию чувства гордости за свои корни и помогает развивать у подрастающего поколения чувство ответственности перед своим народом и родиной [2].

Таким образом, передача казачьих традиций следующему поколению играет ключевую роль в формировании стойких нравственных устоев и ценностей у детей и подростков. Создание духовно-нравственной развивающей среды воспитания, основанной на казачьих традициях, способствует укреплению культурного наследия и сохранению исторической памяти народа.

1. Боднева Н. А. Казачья семья как социальный институт формирования личности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2007. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazachya-semya-kak-sotsialnyy-institut-formirovaniya-lichnosti> (дата обращения: 06.10.2024).
2. Мозговая-Гириянская Н.Н. Семейные традиции и обычаи у казаков и адыгов и их влияние на воспитание подрастающего поколения // Вопросы казачьей истории и культуры. – Выпуск 7. – Майкоп: Издательство «Магарин О.Г.», 2011. С. 160.
3. Ерохин И. Ю. Казачья семья: уникальный культурный феномен в системе государства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazachya-semya-unikalnyy-kulturnyy-fenomen-v-sisteme-gosudarstva> (дата обращения: 06.10.2024).

4. *Феномен малой родины и проблемы конструирования гражданской идентичности* / А. О. Бороноев, В. Х. Тхакахов, Д. В. Миронов; Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет социологии, Социологическое общество имени М. М. Ковалевского. - Санкт-Петербург: Астерион, 2024. - 187 с.: табл.; 21 см.; ISBN 978-5-00188-486-6. С. 187.
5. *Дудина, В. И. Прикладная социология: социальное моделирование и программирование: учебное пособие* / В. И. Дудина, П. П. Дерюгин, С. Е. Дубровская. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. – ISBN 978-5-288-04810-4. – EDN QOKVXP. С. 171.
6. *Теннис, Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии* / Фердинанд Теннис; Пер. с нем. Д. В. Складнева. - М.: Фонд Университет: СПб.: Владимир Даль, 2002 (Акад. тип. Наука РАН). - 450, [1] с. - (Поле); ISBN 5-93615-020-8 (в пер.). С. 451.
7. *Ильин И. Основы христианской культуры*. Директ-Медиа, 2017, Москва/Берлин, ISBN: 978-5-4475-9167-0. С. 51.

СДВИГ ТРАДИЦИИ И ЛЮБОВЬ К СЕБЕ: СЕМЬЯ, БРАК, ДЕМОГРАФИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ АМУРСКОЙ МОЛОДЁЖИ

*Хворостяной Артём Александрович
(Амурский Государственный Университет)*

Социальные ценности, включая в себя определённые идеи, принципы и установки, значимые для человека и общества, формируют, углубляют, обогащают мировоззрение индивида, что способствует наращиванию новых культурных пластов. Общественные ценности также способствуют сплочению народа как социальной группы, выступают вектором, ориентирующим на будущее страны.

За последние годы понятие «традиционные ценности» прочно вошло в риторику государственных спикеров и политиков нашей страны – на почве обострения идеологического конфликта с западными странами. Ежедневно, узнавая мировые новости, мы можем наблюдать, как разные системы координат – системы социальных ценностей – могут разобщать целые государства и народы, порождая серьёзные конфликты на глобальной карте.

Целью своей работы мы ставим попытку разобраться, что собой представляет традиционная система российских духовно-нравственных ценностей, уделив отдельное внимание семье, браку и их взаимосвязи с демографией, а также выявить отношение к последним у амурской молодёжи.

Словосочетание «наши традиционные ценности» на сегодняшний день стало краеугольным камнем медийной сферы. К этой фразе апеллируют многие общественные деятели, занимающиеся политикой, экономикой, культурой. Но в чём же специфика, содержание этих ценностей?

Мир – разнообразен, сложен, а иногда противоречив. Всё более отчётливо становится видно, что западные ценности не могут стать универсальной системой, они не в состоянии выступать в роли мерила повсеместно. На примере нашего общества заметно, что глобализация может восприниматься как покушение на глубинные основы жизни этносов, наций, даже цивилизаций, результатом чего становится потеря идентичности, утрата живительных связей [1, 72].

Россия, проходя изнурительный путь по страницам истории, сформировалась как европейская христианская страна, однако со значительным влиянием культур востока, и именно это делает её уникальной, по-своему традиционной, сохраняющей своё содержание сквозь исторические периоды, обозначая специфику системы наших ценностей.

Такие черты, как возможность собственной реализации исключительно на совместном поприще, коллективизм, соборность, некая «семейность» свойственны русскому человеку, и западные ценности разобраться с этим не способны.

Отечественными философами и мыслителями выделялись, например, следующие черты русского народа: всечеловечность, спонтанность, общинность, соборность, державность, государственность, коммунитарность, иррациональность, церковность [2, 45].

Также, чтобы положить конец в интерпретации сути отечественных традиционных духовных ценностей, приведём выдержку из указа Президента РФ Владимира Путина «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», принятого почти два года назад. Согласно тексту этого документа к интересующим нас ценностям относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие,

справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [4, 2]. Поэтому традиционные ценности – это консервативная система убеждений, установок и принципов, выражающих идеологическую приверженность исторически традиционным доктринам.

Теперь перейдём к характеристике объекта нашего исследования, то есть к молодёжи (Амурской области). К данной категории населения принято относить людей от 18 до 35 лет. Основная часть сегодняшней молодёжи – представители поколения Z. Это – люди, хорошо знакомые с Интернетом не просто как со способом коммуникации, а как с социальной средой обитания.

Интернет делает культуру глобальной, общедоступной, универсальной. Чтобы общаться с человеком из другой страны, больше не нужно знать его язык, следить за событиями в мире можно онлайн, информация перестаёт быть значимой, поскольку всё необходимое современные гаджеты позволяют «науглить».

В таких реалиях образ молодого человека выглядит следующим образом: прагматичный, эгоистичный или даже эгоцентричный, нацеленный на карьеру и гедонизм, стремящийся реализовать свои запросы любой ценой, не связывающий своё будущее с родиной, с конкретной страной [3, 70].

На базе Центра социологических исследований нашего университета нами было проведено исследование, посвящённое браку и семье, представляющее собой онлайн опрос с квотной выборкой. В течение сентября 2024 года было опрошено 458 респондентов. Ниже мы представляем анализ полученных данных, результаты, вызывающие, на наш взгляд, наибольший интерес.

Первый вопрос, заданный респондентам, был открытым и звучал так: «Кого Вы бы назвали своей семьёй?» Ответ не подразумевал лимит указываемых вариантов. Родителей к семье отнесли 98% опрошенных, супруга (-у) – 90%, детей – 81%, братьев и сестёр – 79%. Также распространённым вариантом были друзья (54%). Вопрос носил теоретический характер, поскольку на практике среди опрошенных всего 23% женаты (замужем), а детей имеют вовсе 16% от общего числа респондентов.

Далее мы предложили людям расставить в приоритете те социальные ценности, о которых говорили выше. На первом месте оказалось здоровье (89%), на втором – карьера и образование (85% и 81% соответственно), на третьем – свобода и творчество (73%). Семейные ценности замкнули собой наиболее популярные ответы, их выделил 71% опрошенных представителей молодёжи.

Следом шёл блок вопросов, посвящённых индивидуальному и коллективному интересам респондентов («Предпочитаете ли Вы работу в команде?», «Как Вы относитесь к коллективной ответственности?», «Идентифицируете ли Вы себя чётко с какой-либо социальной группой?» и т.п.). Обобщая результаты, можем сказать, что сегодня среди молодёжи однозначно преобладают индивидуальные ценности над коллективными. Однако есть тенденция: чем старше становится человек, тем некая общность становится ему ближе (семья, друзья, коллеги, народ). Но эта тенденция достаточно слабая, у большинства не проявляется на ощутимом уровне.

После нами был задан вопрос: «Как Вы относитесь к созданию собственной семьи, лично?» Положительный ответ дали 46% респондентов, ровно половина из которых уже семейные люди, как мы указывали выше. 43% опрошенных не ориентированы на семью в ближайшие годы, а 11% – затруднились с однозначным ответом. Интересно то, что нами не было обнаружено корреляции результатов с гендерным фактором и фактором уровня образования.

Конечно, следующим вопросом, раскрывающим позицию второй и третьей категории респондентов по предыдущему пункту, звучал так: «Что мешает Вам завести семью в ближайшие несколько лет?» Факторы, влияющие на это, самые разнообразные. Одни ответили, что семья – дорого во всех смыслах, и ни один материнский капитал покрыть это не в состоянии; вторые сказали, что их пугает доведённая до предела обстановка в мире, что их пугает абсолютная неопределённость, шаткость будущего; третьи заявили, что жениться (выходить замуж) и заводить детей нужно, когда сам крепко встал на ноги, когда есть стабильная, перспективная и высокооплачиваемая работа с достойным и престижным уровнем образования.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) В ассоциативном ряду при слове «семья» на первом месте стоят родители, что может говорить о тенденции молодёжи поддерживать старшее поколение в большей степени, чем заниматься продолжением рода.

2) Молодые люди настроены следить за своим здоровьем, строить карьеру и получать образование желаемого уровня, брак и дети не входят в их приоритет ввиду больших затрат – материальных и духовных.

3) Оптимальный возраст для создания семьи всё отдалается, в ближайшее время он может достичь 35 лет, означая, что молодёжь вовсе перестанет ориентироваться на семью, семья станет уделом людей зрелых.

4) Появилась тенденция к выравниванию позиции по поводу семьи между мужчинами и женщинами (ранее женщины в большей степени были нацелены на семью, сейчас их желание пошло на убыль, сравнялось с мужским).

5) Уровень образования играет меньшую роль (ранее была яркая тенденция: чем ниже уровень образования, тем больше человек ориентирован на семью и детей).

Для стабилизации демографической ситуации в обществе сегодня требуется сплочение людей и способность дипломатии наладить стабильность и равновесие в мире, ведь только такой мир мы захотим подарить своим детям и внукам.

1. Дежнев Владимир Николаевич, Новикова Ольга Владимировна Традиционные ценности: к определению понятия // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. №4 (28).

2. Рассадина Т.А. Традиционные ценности русской культуры // Социально-гуманитарные знания. 2008. №1.

3. Теплова Елена Феликсовна СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ // Этнодиалоги. 2019. №1 (57).

4. Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРИВЫЧЕК ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ И ИНТЕРЕСА К ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Царева Анна Владиславовна

(Федеральное государственное бюджетное учреждение «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры»)

Гребенников Андрей Иванович

(Федеральное государственное бюджетное учреждение «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры»)

Малинин Александр Владимирович

(Федеральное государственное бюджетное учреждение «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры»)

Пухов Дмитрий Николаевич

(Федеральное государственное бюджетное учреждение «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры»)

В течение 2024 года, объявленного в России Годом Семьи, во всех регионах Российской Федерации проходит множество мероприятий, значительное число которых связано с развитием здоровья и здорового образа жизни семьи и популяризации семейных занятий физической культурой и спортом. В числе этих мероприятий – массовые любительские спортивные проекты, где могут принимать участие семьи с детьми, мероприятия по укреплению ответственного родительства и развитию семейной культуры, мероприятия по поддержке у детей и молодежи ценностного отношения к семье, а также информационно-коммуникационные мероприятия по развитию и популяризации семейных ценностей в Российской Федерации [1]. Особое внимание в рамках программы Года Семьи уделено развитию и сохранению традиционных семейных ценностей, развитию института семьи и созданию новых условий для гармоничного развития и воспитания детей, сохранения и защиты их здоровья и благополучия [2]. В рамках развития культуры здорового образа жизни значительное внимание уделяется улучшению инфраструктуры для массовых занятий спортом в регионах России, поддержке детского и молодежного спорта, созданию новых образовательных возможностей и программ для развития физической культуры различных возрастных групп населения и т.д. Для наиболее эффективного использования этих возможностей необходимо учитывать комплекс факторов, влияющих на отношение семьи к физической культуре, включенность физической активности в семейные привычки и уровень семейной культуры здорового образа жизни. Роль семьи в формировании интереса к физической культуре и спортивным занятиям детей и подростков имеет многолетнюю историю изучения в отечественной науке, особенности влияния семьи на поведение детей и подростков рассматривали П.Ф.Лесгафт, В.К. Бальсевич, Е.П. Ильин, И.И. Брехман, Э.Н. Вайнер, Бердыхова Я., Богданов Г.П., Козлов В.И., Сермеев Б.В., Скрипалев В.С. Паршакова В.М., Прянишникова Д.Н., Клименко А.А., Штайн И.В., Семерджян А.К. и др. Ключевым аспектом влияния семьи на интерес детей и подростков к физической культуре и спорту и вовлечение их в регулярные физически активные занятия является создание положительного опыта, связанного с семейной физической культурой. В современной семье физическое воспитание, физическая подготовка и спорт предлагают широкий спектр преимуществ для детей и подростков, особенно с точки зрения здоровья,

социальных навыков и личностного развития. Условием повышения эффективности воздействия на поведение младшего поколения является создание поддерживающей семейной среды, которая, кроме участия в соревнованиях, мероприятиях и получения наград за достижения, обращает особое внимание на личностный рост, психофизическое благополучие и удовольствие от полученного опыта. Необходима также помощь семьи в поиске баланса между физкультурными и спортивными занятиями, учебой, общением и досугом детей и подростков, чтобы обеспечить целостное развитие и разностороннюю социализацию.

Различные, и, что особенно важно, регулярные варианты участия семьи в физической культуре и спорте (утренняя зарядка, которую практикуют члены семьи, закаливание, активный спортивный туризм, любительские или профессиональные занятия различными видами спорта, участие в массовых спортивных мероприятиях, просмотр и обсуждение спортивных состязаний, мероприятий, тематических социальных сетей и пр.) обеспечивают следующие направления воздействия на формирование позитивного отношения и привычек здорового образа жизни детей и подростков:

1. Структурирование физической активности: организованные виды спорта и занятия физкультурой с участием членов семьи помогают детям и подросткам выработать дисциплину, навыки управления временем, целеполагания, настойчивости и ответственности.

2. Участие и поддержка семьи: участие родителей в спортивных или физических занятиях с детьми и подростками способствует укреплению семейных связей, формированию «командного духа» семьи и позитивному отношению к здоровому образу жизни.

3. Формирование устойчивых привычек здорового образа жизни: регулярная практика физической активности становится действенным способом борьбы с малоподвижным образом жизни и проблемами со здоровьем, такими как ожирение, проблемы опорно-двигательного аппарата и сердечно-сосудистой системы, нервной системы и пр.

4. Использование технологий: фитнес-приложения, портативные устройства и мобильные приложения для занятий физической культурой и спортом становятся привычными инструментами для управления физической активностью в семейной среде, в том числе для «внутрисемейных соревнований».

5. Влияние социальных сетей: платформы социальных сетей дают возможность знакомиться с популярными трендами физической культуры, спорта и фитнеса, образцами потребления спортивных гаджетов, одежды и инвентаря, личными блогами популярных фигур в мире спорта, что может оказать значительное воздействие на взгляды подростков на физическую активность, стремление подражать «идолам», желание участвовать и достигать результатов в каких-либо видах физической культуры и спорта.

Следует также учитывать и разрабатывать меры преодоления возможных рисков, которые могут значительно снизить положительный эффект от спортивных увлечений и занятий физической культурой у детей и подростков:

1. Риски травм: Интенсивные физические тренировки или участие в контактных видах спорта увеличивают риск травм, некоторые из которых могут иметь долгосрочные физические последствия.

2. Нездоровое сравнение и проблемы с образом тела: Рост влияния социальных сетей и фитнес-инфлюенсеров может привести к нереалистичным стандартам тела и расстройствам пищевого поведения.

3. Чрезмерный акцент на достижениях в ущерб состоянию здоровья, а также сравнение себя с другими в ущерб собственной самооценке и самоуважению может привести детей и подростков к стрессу, выгоранию и тревожности.

4. Нарушение баланса между спортивными и общеобразовательными занятиями. Необходимо разрабатывать баланс временных затрат на различные виды активности, в том числе досуговые, общение, культурные мероприятия и пр. для обеспечения по возможности разностороннего личностного роста.

5. Давление со стороны сверстников и негативная социализация. В некоторых случаях участие в спортивных командах может привести к негативному влиянию со стороны сверстников, такому как агрессия, издевательства или нездоровая конкуренция. Групповая динамика в соревновательных видах спорта может поощрять рискованное поведение, ведущее к негативным последствиям.

6. Необходимость конструктивного взаимодействия между семьей, образовательной организацией, преподавателями физкультуры и тренерами. Нереалистичные ожидания относительно результатов, чрезмерный социальный контроль и конфликты со стороны какой-либо из сторон могут привести к напряженным отношениям между детьми и семьей или преподавателями, что значительно снижает мотивацию и заинтересованность, эмоциональную вовлеченность и удовольствие от занятий физической культурой и спортом, провоцируют у детей и подростков стресс, обиды, чувство подавленности и личной неадекватности.

Таким образом, необходимость учитывать весь комплекс факторов, влияющих на формирование физической культуры семьи и семейных привычек здорового образа жизни, является важным условием эффективного и разностороннего влияния семьи на стремление и мотивированность детей и подростков заботиться о своем здоровье, развития у них привычек регулярно выполнять физические упражнения, сознательно и с удовольствием поддерживать достаточный уровень физической активности и «потребности к движениям, ставшей так же привычной, как умывание по утрам» [3].

1. 2024 Год Семьи. План мероприятий. – URL: <https://семья2024.пф/Plan-meropriyatiy> (дата обращения: 15.09.2024).

2. С заботой о главном. Как государство поддерживает семьи с детьми / Национальные проекты России. Официальный сайт. – URL: <https://национальныепроекты.пф/news/s-zabotoy-o-glavnom-kak-gosudarstvo-podderzhivaet-semi-s-detmi/> (дата обращения 06.04.2024).

3. Бальсевич В.К. Физическое воспитание ребенка в семье. // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2015. – № 1. – С.50-51.

РОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ. РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ СДЕЛАТЬ АБОРТ ДЕВУШКАМИ 18-26 ЛЕТ И СПОСОБЫ УМЕНЬШЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ЭТОГО ФАКТОРА

*Швецова Ксения Юрьевна
(СПбГУ)*

Общепризнанного международного определения возрастной группы молодежи не существует. Однако для статистических целей Организация Объединенных Наций, без ущерба для любых других определений, данных государствами-членами, определяет «молодежь», как лиц в возрасте от 15 до 24 лет [2, 2].

Молодые люди в моем окружении делятся на 2 основные группы: те, кто стал родителями в молодом возрасте и те, кто понял, что не готов к этому: сделал аборт или просто не хочет детей и качественно предохраняется, оттягивая момент родительства.

Интересно, что после проведения анонимных опросов выяснилось, что молодежь делает вывод о том, стоит ли рожать на основе таких критериев, как уверенность в партнере, финансовая стабильность, готовность родителей помогать и стабильная ситуация в стране. Однако, к другим, менее явным, факторам выбора «рожать или нет» могут относиться: присутствие или отсутствие страха общественного осуждения и наличие страха последствий аборта [6, 179].

Со стороны Государства, принято множество мер для защиты прав молодых людей, созданы условия, которые помогают принимать грамотные и взвешенные решения. В рамках социальной защиты проводится профилактика трудных жизненных ситуаций, организуется социально-педагогическая, социально-правовая, социально-психологическая работа. Разрабатываются программы, которые помогают будущим молодым родителям улучшить жилищные условия, трудоустроиться, существует также государственная поддержка, которая направлена на улучшение условий жизни. Достаточно ли этого? Мы считаем - нет, обращая внимание на одну из множества актуальных проблем: нестабильная экономическая ситуация, где рост уровня инфляции выходит из-под контроля и происходит неконтролируемый рост цен [1,1]. При этом достаточно просто вывести корреляцию, где молодые люди в стране с нестабильной экономической ситуации не хотят брать на себя дополнительную ответственность в виде ребенка.

Про причины абортов написано много работ [5, 3], но нам не интересно рассматривать их в контексте возрастного (ранняя беременность (15–18 лет) на основе недостаточных сведений о контрацепции) или медицинского (аборт по медицинским показаниям) критерия. Нам было бы интересно рассмотреть почему молодые пары, которые имеют достаточный для комфортной жизни доход (100–300 тысяч), состоят в отношениях от одного года и живут вместе, при этом исполняя традиционные роли мужа и жены, не решаются завести ребенка. Цель нашей работы - выяснить, что является тем самым решающим фактором, когда девушка в возрасте 18–26 лет и состоящая в долгосрочных отношениях (более 1 года) делает или не делает аборт.

Предполагается, что со стороны девушек 18–26 лет неуверенность в партнере играет важнейшую роль в принятии решения о прекращении беременности. Рассматривая эту гипотезу нам интересно выяснить несколько моментов: почему девушки строят в отношении с партнером, в котором они не уверены, а после аборта продолжают состоять в этих отношениях [4, 116]? Можно ли создать и поддерживать такие психологические условия, привлекая специалистов по подготовке к материнству и доул, при которых девушка готова родить, несмотря на неуверенность в партнере [3, 2]?

Безусловно, активное внедрение психологической науки в процесс образования и самообразования повышает степень осознанности молодежи. Мы можем предположить, что детско-родительские взаимоотношения, которые часто обсуждаются на консультациях в ключе обнаружения первоисточника травмы, приводят молодых людей в замешательство, так как они не хотят воспитывать детей, как их родители, при этом не знают, как «правильно». Возможно ли увеличить рождаемость, путем объяснения молодым людям поведения ребенка и родителя в конкретной ситуации, путем обсуждения кейсов, с придумыванием альтернативного выхода из острой ситуации? Будут ли девушки 18-26 лет увереннее выбирать вариант «рожать» независимо от уверенности в партнере, если узнают, как можно действовать при возникновении трудностей и сложных ситуаций, при имея психологическую поддержку на протяжении всей беременности и после родов, дополнительно зная, что некоторое время после выписки к ним будут приходить доулы и начат ухаживать за ребенком и взаимодействовать с ним?

Источник 1: Иванова Н.А. Инфляция в условиях нестабильной экономической ситуации// Управленческий учет. 2023 №3. С 1.

Источник 2: Рыбакова О. С. Правовой статус молодежи: российский и международные подходы// МГЮА. С. 2

Источник 3: Ожиганова А. А. Труд доулы, публичный и интимный: профессиональная забота, самоорганизация и активизм// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №3 С. 200-225.

Источник 4: Близнюк А. Р. Критерии выбора брачного партнера для создания будущей семьи// психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2019. С. 109-119

Источник 5: Хургаева Р., Питиева Д.Э. Аборт и его основные причины// ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (ГТУ)» . С. 1-6

Источник 6: Полуэктова О. Г. Аналитический взгляд на подростковую беременность и ее исход (прерывание беременности, вынашивание беременности и рождение ребенка, раннее материнство, отказ от ребенка)// Сборник трудов III научно-практической конференции с международным участием «современные проблемы подростковой медицины и репродуктивного здоровья молодежи. Кротинские чтения» . 2029. с. 175-186

КАПИТАЛИЗАЦИЯ И БРЕНДИЗАЦИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ: ОПЫТ МОЛОДЫХ РОДИТЕЛЕЙ

*Янак Алина Леонидовна
(Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского)*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00190 "Факторы и механизмы мотивации семейно-детного образа жизни в молодежной среде в условия социально-экономической неопределенности",
<https://rscf.ru/project/24-78-00190/>.*

На фоне значительных трансформаций брачно-семейной сферы, вызванных как внешними по отношению к семейному институту, так и внутренними факторами, наблюдаются новые тренды и в родительской подсистеме: меняются ценности детей и стандарты заботы о них, диверсифицируются формы и субъекты помощи в уходе и присмотре за детьми, их социализации. Социальные практики материнства и отцовства модифицируются вследствие фиксируемых тенденций (нуклеаризации, высокой распространенности сожительства и внебрачной рождаемости, разводимости), социальной мобильности, расширения профессиональных траекторий и ролевых репертуаров, потребительских ориентиров «молодых взрослых».

Искажение, ограничение функциональной состоятельности и компетентности родителей, которые «подсвечиваются» в том числе за счет массовой трансляции идеалов успешного «интенсивного», «осознанного» родительства, детерминируют запрос на доступные социальные услуги, снижающие локальные, психологические и социально-экономические барьеры, поддерживающие, способствующие повышению родительских компетенций или замещающие их, с одной стороны, либо «выход» на экспертный, авторитетный уровень родительского знания [1; 3; 5]. Так, в России сегодня активно формируется сегмент частных (коммерческих) семейных услуг по родовспоможению, обучению организации детского сна и питания, раннему развитию и воспитанию детей, вовлечению мужчин-отцов в заботу о детях, диверсификации практик семейного досуга и т.д. [2]

Можно говорить о двух векторах капитализации родительских компетенций:

ресурсное «насыщение» родительства социализационным, символическим, психологическим, адаптационным, интеллектуально-когнитивным, креативным, коммуникативно-информационным потенциалами [4];

конвертация родительских компетенций (знаний, навыков, времени) в материальный/ финансовый ресурс (денежный эквивалент): стремление монетизировать приобретенный в результате преодоления трудных ситуаций и семейных кризисов опыт, нерастратенную энергию заботы или окупить образовательные инвестиции в полученные экспертные знания, квалификацию в сфере семьи, родительства, детско-родительских отношений, прошедшие сертификацию (например, семейная терапия, психология, детская нейропсихология, семейное консультирование и др.) [6].

Относительно «монетизированными» формами родительства являются замещающее (приемное) родительство и родительство в результате использования вспомогательных

репродуктивных технологий (в частности, суррогатное материнство, родительство в результате применения ЭКО). Коммерциализация отдельных или ряда родительских компетенций имеет более широкий, но ситуативный и инновационный охват.

По результатам проведенного при участии автора в сентябре 2024 г. контент-анализа информационных блоков, меню и записей профилей родителей/ родительских сообществ (n=52 страницы/ сообщества), зарегистрированных в социальной сети «ВКонтакте» и предлагающих те или иные продукты, услуги, контент в сфере реализации родительства и детско-родительских отношений, выявлены наиболее распространенные и, вместе с тем, востребованные (отбирались страницы с 10 тыс. и более подписчиками) направления и формы деятельности новых субъектов поддержки и провайдеров особых компетенций современных родителей: нейропсихология/ детская психология, школы для будущих/ молодых родителей, неформальные/ не институционализированные практики подготовки к родам, родовспоможения и послеродового восстановления женщин, помощь в организации грудного вскармливания, сна и питания ребенка, семейного рациона, тиражирование родительских лайфхаков, эксклюзивных методик воспитания, игровых практик.

Механику приобретения и воспроизводства экспертного родительского знания, по материалам контент-анализа, можно представить последовательно таким образом:

= возникновение у субъекта проблемы в процессе подготовки/ осуществления родительской роли (например, отсутствие готовности к родительству и родительской мотивации; страх перед родами или грубым вмешательством в них; нарушения лактации; частые пробуждения младенца, развитие у него ассоциации на засыпание; трудности с введением прикорма, формированием режима питания и пищевых привычек ребёнка; сложности с переживанием скачков роста и возрастных кризисов детей; отсутствие разнообразия в коммуникативных и игровых формах взаимодействия с ребенком, снижение качества детско-родительского общения и т.д.);

= осознание и формирование запроса на минимизацию или преодоление проблемы;

= поиск возможностей по минимизации и преодолению проблем в рамках «стационарных» формальных и неформальных институтов помощи семье, поддержки родительства и детства: формальные институты представлены социальными службами (государственными и муниципальными поставщиками социальных услуг), образовательными организациями, неформальные – частными и некоммерческими организациями, общественными объединениями, группами взаимопомощи;

= поиск (или отклик на рекламу, рекомендации знакомых) альтернативных, гибридных каналов поддержки и заботы на онлайн-платформах, ввиду различных ограничений (психологических барьеров, территориальной доступности, отсутствия соответствующих механизмов и технологий, способных удовлетворить специфические потребности) в деятельности «стационарных» субъектов;

= обращение за помощью к альтернативным источникам помощи: обучение навыкам и методикам (самопомощь), приобретение знаний, наращивание социального капитала (онлайн-сообщества, групповые занятия и иные формы коммуникации), как правило, частично или полностью на возмездной основе (от бесплатных эфиров/ интенсивов/ марафонов/ вебинаров, выложенной и рекомендованной литературы, полезных постов и блогов в свободном доступе до платных видеоуроков, программ обучения, проектов, закрытых чатов с сопровождением специалиста-куратора);

= завершение процесса оказания помощи повышением родительской компетентности, нередко сопровождающейся получением удостоверения/ сертификата о дополнительном профессиональном образовании или диплома о переподготовке;

= апробация и трансляция накопившегося опыта на «исходных» (послуживших источником для приобретения/ развития компетенций) площадках, в среде близких и знакомых;

= создание и продвижение личного бренда, продукта (пакета услуг, проекта).

Таким образом, как правило, экспертами «нового» поколения становятся женщины, имеющие детей, «прожившие» и «проработавшие» те или иные проблемы в уходе за ребенком или его воспитании и капитализирующие свои вновь приобретенные или преумноженные компетенции, причем нередко во время декретного отпуска. Их потенциальные потребители – современные молодые семьи (чаще тоже мамы или беременные женщины), ориентированные на успешное функционирование, родительское саморазвитие, психологизированное родительского и комфортное совмещение семьи и профессиональных траекторий. Мужчины-родители пока чаще позиционируются в роли «папа-блогеров», в некоторых случаях предлагают конкретные продукты и услуги: основы лечебной физкультуры и массажа, педагогическое сопровождение, игровые активности.

Новые специалисты обещают индивидуальный, практико-ориентированный и доказательный подход к удовлетворению запросов потребителей их услуг. Кроме того, работу различных частных консультантов отличает наличие авторских методик и персональных программ (нейропсихологической коррекционной работы, устранения поведенческих нарушений сна детей, «мягких» родов), декларируется доступность информации.

Наиболее удобным для продвижения экспертного знания и семейных услуг каналом сегодня являются онлайн-платформы, предлагающие консультации, курсы и занятия. Это позволяет создавать свой бренд, увеличивать охват аудитории, помогает организовать специалисту свой рабочий график, гармонично встраивая «хорошо оплачиваемое хобби» в повседневные дела и заботу о детях.

Семейные специалисты и родители-эксперты «упаковывают» свои услуги и продукты в способность помочь и поддержать в ключевых семейных событиях и трудных моментах: планировании деторождения, родах, воспитании и гармоничном развитии ребенка. Формирование делового предложения, рекомендаций и обращение к ним современных родителей эксперты мотивируют любовью к детям, заботой о собственных семьях, родительской вовлеченностью. При этом стремление к демонстрации и систематический выпуск контента, отслеживание просмотров и охватов аудитории, старания сделать его привлекательным, расширение продуктовой линейки демонстрируют не только и не просто желание самореализации, но и маркетинга, монетизации своего проекта.

Сертификация знаний, получение удостоверений о повышении квалификации или диплома о профессиональной переподготовке в целом присуща многим специалистам (нейропсихологам, доулам, консультантам по сну, по прикорму и т.д.), учитывая, что это помогает повысить репутацию, доверие к услугам, расширить клиентскую базу.

1. Дорофеева З.Е. Особенности интенсивного родительства в высокоресурсных многодетных семьях // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2021. Т.13. №1. С. 89-105.
2. Захаркина Т.Н., Янак А.Л. Концептуализация и категоризация семейных услуг // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2023. №2(70). С. 97-106.
3. Ожиганова А.А. «Сознательные» родители и пациенты: что изучают на курсах подготовки к родам // *Журнал исследований социальной политики*. 2022. Т.20. №2. С. 229-246.

4. Саралиева З.Х. Социально-психологическая субъектность и компетентность семьи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2002. №1(2). С. 192-200.
5. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т.14. №4. С. 521-534.
6. Швецова А., Симонова И. Пока ребенок спит: репертуар «нематеринских» практик российских матерей // Социологическое обозрение. 2024. Т.23. №1. С. 185-211.

Круглый стол «Перспективы развития практик социального активизма здоровья в России»

СОЦИАЛЬНЫЙ АКТИВИЗМ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

*Бородкина Ольга Ивановна
(СПбГУ)*

Исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-18-00261 «Социальный активизм здоровья в условиях новых эпидемиологических рисков: дискурсы, стратегии, агенты».

В работе рассматривается концепция нового общественного здравоохранения (New Public Health), которая расширяет понимание института здравоохранения и уделяет особое внимание социальным и экономическим детерминантам здоровья. Социальный активизм в этом контексте играет важнейшую роль, поскольку инициативы и общественные движения влияют на политику здравоохранения, способствуя снижению неравенства в доступе к медицинской помощи.

Ключевые слова: здравоохранение, социальный активизм, детерминанты здоровья, социальная работа.

В конце XX века в научный обиход входит концепция нового общественного здравоохранения (New Public Health), которая в дальнейшем получила широкое распространения и оказала влияние на развитие не только медицины, но и других социальных институтов, например, социальной работы, и также социальных движений, в том числе активизма. Концепция нового общественного здравоохранения представляет собой междисциплинарный подход к охране здоровья, подчеркивающий значимость экономических, социальных, экологических детерминант здоровья, что в свою очередь предполагает привлечение общества к активному участию в процессе улучшения условий жизни и здоровья. В отличие от традиционной модели здравоохранения, которая в первую очередь направлена на лечение и профилактику заболеваний, новая модель уделяет внимание улучшению условий жизни и борьбе с социальными неравенствами. Такого рода задачи могут решаться только при условии вовлечения граждан и общественных организаций в процессы принятия решений, связанных с улучшением здоровья как на местном уровне, так и на национальном и даже глобальном.

В документах всемирной организации здравоохранения отмечается, что новое общественное здравоохранение не вытесняет традиционную систему здравоохранения, а скорее является его расширением. Новый подход требовал организованных усилий по разработке общественной политики, нацеленной на укрепление здоровья, профилактику заболеваний и содействие социальной справедливости в рамках устойчивого развития [1].

Т. Тульчинский и Е. Варавикова отмечали, что новое общественное здравоохранение — это не столько концепция, сколько философия, которая стремится расширить старое понимание общественного здравоохранения, в том числе включая в него здоровье индивида в дополнение к здоровью населения. Среди ключевых задач этой системы такие проблемы современного здравоохранения, как равный доступа к услугам

здравоохранения, проблемы окружающей среды, политического управления и социально-экономического развития [2].

Как уже было отмечено для нового здравоохранения характерен мультидисциплинарный подход, то есть интеграция медицины, эпидемиологии, социальной работы, образования, экологии и других отраслей, а также внимание к социальным детерминантам здоровья, в первую очередь к экономическим и экологическим факторам, которые определяют здоровье [3]. В практической сфере это означает преодоление бедности, обеспечение доступа не только к качественному лечению, но и к образованию, качественному жилью, решение экологических проблем. Новая модель здравоохранения, как и традиционная, пропагандирует укрепление здоровья и профилактику заболеваний, в том числе через физическую активность, вакцинацию, пропаганду здорового образа жизни. Кроме того, необходимо отметить, что для нового общественного здравоохранения присуще глобальная ориентация, то есть признание того факта, что здоровье требует международного сотрудничества в вопросах борьбы с пандемиями, неравенства и изменения климата.

Социальный активизм в этой парадигме играет ключевую роль, поскольку общественные движения и инициативы оказывают влияние на политику здравоохранения, формируя программы и подходы, направленные на снижение неравенства в доступе к медицинской помощи, улучшение условий жизни и пропаганду здорового образа жизни [4]. Иными словами, социальный активизм в контексте нового общественного здравоохранения отражает действия и инициативы как отдельных граждан, так и сообществ, в том числе профессиональных, задачей которых является улучшение здоровья граждан и повышения эффективности системы здравоохранения. Цель активизма заключается в том, чтобы привлечь внимание к тем или иным проблемам общественного здравоохранения и добиться конкретных изменений, при этом эти изменения могут достигаться через влияние на политику, законодательство и социальные нормы. В рамках нового здравоохранения активисты не просто поддерживают инициативы в сфере здравоохранения, но и участвуют в их формировании. По существу, основные акторы активизма являются связующими звеньями или посредниками между государственными институтами, медицинским сообществом и гражданским обществом. Социальный активизм может проявляться в различных формах, не только в виде групповых или общественных кампаний, но в виде лоббирования законодательных изменений, планомерной деятельности по продвижению изменений поведенческих моделей, опасных для здоровья и т.д. [4,5].

Продвижение концепции нового здравоохранения и социальный активизм оказали существенное влияние на институт социальной работы, который на современном этапе широко использует технологии активизации. Выше уже отмечалась, что социальная работа стала частью мультидисциплинарных команд, где социальные работники действуют совместно с медиками, психологами, экологами при разработке и реализации программ по улучшению здоровья и повышению социального благополучия. Под влиянием нового здравоохранения изменился фокус социальной работы и ее роль в профилактике заболеваний. В настоящее время специалисты по социальной работе рассматривают здоровье клиента не только через призму его медико-социальных потребностей, но и в контексте социальных, экономических и экологических факторов. Кроме того, социальные работники становятся важными участниками профилактических программ. Их задача — информировать население о важности здорового образа жизни, вакцинации и регулярных медицинских осмотров, а также помогать в преодолении барьеров для получения качественной медицинской помощи, например, из-за отсутствия финансовых ресурсов или знаний. Социальная работа и социальное обслуживание должны учитывать и исправлять

социальные неравенства, которые могут влиять на здоровье, причем особое внимание уделяется группам, которые наиболее подвержены социальным и экономическим неравенствам, в первую очередь пожилым людям, людям с инвалидностью, малоимущим семьям.

В заключении отметим организационную составляющую нового общественного здравоохранения. Оно синтезирует традиционное общественное здравоохранение с управлением персональными услугами и действиями сообщества, образуя целостный подход. Активизм, который является «вызовом существующему порядку всякий раз, когда это воспринимается как ведущее к социальной несправедливости или неравенству в отношении здоровья» [6], способствует реализации целей и задач нового общественного здравоохранения.

1. Ncayiyana, D., Goldstein, G., Goon, E., Yach, D. *New Public Health and WHO's Ninth General Program of Work: A Discussion Paper*. Geneva: World Health Organization. 1995. 48p.

2. Tulchinsky T.H., Varavikova E.A. *The New Public Health. Second Edition*. Elsevier Inc. 2009. 697p.

3. Marmot, M. (2005) *Social determinants of health inequalities* // *Lancet*. 2005. № 365 P.1099–1104.

4. Brown P. and Zavestoski, S. . *Social movements in health: An introduction*// *Sociology of Health & Illness*. 2004. V. 26 №6. P.679–694.

5. Scambler, G. *Health and social change: A critical theory*. Philadelphia: Open University Press.20002. 188p.

6. Laverack G. (2012) *Health activism* // *Health Promotion International*.2012. V. 27. №4. Доступно на: <https://www.researchgate.net/publication/230742290>

АКТИВИЗМ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ

*Ткаченко Кирилл Владимирович
(СПбГУ)*

Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 22-18-00261

Эпидемия COVID-19 и другие эпидемические риски для систем здравоохранения по всему миру подсветили такое явление как активизм в сфере здоровья медицинских работников, который ставит своей целью решение социальных проблем в сфере здоровья [3]. Профессионалы-медики активно включаются в современную активистскую повестку не только как наблюдатели и исполнители своих непосредственных профессиональных обязанностей, но и как эксперты, организаторы и активисты, которые ставят своей целью «распространение достоверных знаний о заболеваниях, просвещение населения и отдельных социальных групп, находящихся в зоне риска, проведение профилактической работы» [3, 88]. Однако в современной отечественной и зарубежной социологии не обнаруживаются актуальных современных концептуализаций данного явления, его объяснения и понимания конкретных форм существования.

В данной работе кратким образом представлены результаты исследования активизма медицинских работников, которое проводилось с февраля по май 2024 года. Основным методом сбора данных выступило глубинное полуструктурированное интервью. Обработка интервью происходила при помощи тематического анализа. Структурой для тематического анализа послужила теоретическая модель, основанная на разделении «актор-функция\актор-субъект», «внутренний\внешний активизм, а также понимание активизма, как явления, самими медицинскими работниками. В основу теоретической модели легли основные современные теоретические подходы к изучению активизма медицинских работников, которые располагаются на пересечении нескольких концептуальных областей: профессионального альтруизма [1], теории некоммерческих организаций [4; 5], гражданского и политического активизма врачей [2; 6; 7; 8].

Результаты исследования

Исследование показало, что активизм медицинских работников сильно связан с моральной и ценностной нагрузкой самой профессии. Переход от «актора-функции» к «актору-субъекту» происходит благодаря констелляции ценностей профессии медика, которая сама собой создает идейную базу для инициативной позиции. Поэтому медики отмечают важность внутренней мотивации, внутренней работы, позволяющей перейти от функции к инициативному субъекту. По мнению медиков, именно внутренние преобразования приводят к трансформации реальности внешней. Внутреннюю личностную трансформацию они определяют в категориях борьбы, а трансформацию внешней реальности, как гармоничное преобразование, которое происходит, когда внешние смыслы уже заняли советующие диспозиции. В этой же логике раскрывается тот факт, что основную требовательность медики предъявляют к самим себе, что выражено не только в желании самому следовать высокому идеалу врача, но и в намерениях передать, воспитать, развить, улучшить и научить. Иными словами, у интервьюированных нами медицинских работников присутствует акцент на воспроизведении и распространении высоких моральных позиций, как внутри своего профессионального сообщества, так и вовне, с акцентом на заботе о пациенте, как основном благополучателе.

Формы и практики активизма медицинских работников находят свое выражение как в деятельности среднего медперсонала, так и врачей. Движущей силой активизма является

инициативная позиция, понимание которой раскрывается через прогрессивность и добровольность в действиях по решению проблем повседневности. Инициативность среднего медперсонала не воспринимается ими как активизм, потому что инициативность (внимательность к проблемам и активность в их решении) является частью непосредственной профессиональной практики. Медицинский активизм среднего медперсонала – это, по существу, только внутренний активизм, т.е. активизм внутри организационного пространства клиник и больниц, который связан, во-первых, с заботой о пациенте, во-вторых, с функцией «медиатора», с одной стороны, между пациентами, с другой – с врачами и руководством. Внутренний активизм врачей также связан с заботой о пациенте и находит свое выражение в участии в пациентских школах и группах самого разного профиля. Активизм врачей, ко всему прочему, связан с нивелированием потенциальных рисков от самих пациентов. Так, врачи фильтруют пациентские случаи, связанные с риском по двум показателям – медицинскими и социальным, создавая классификации пациентов. Можно сказать, что внутренний активизм врачей в основе своей связан с ролью организатора, куратора пациентских сообществ, а также протектора клиники от внешних угроз и направлен на самих медицинских работников.

Внешний активизм медицинских работников наиболее выражен уже не у среднего медперсонала, но у врачей. И разделяется на внешний «уравнительный активизм», который направлен на предоставление медицинской помощи для пациентов из регионов и «активизм ремесленный», понимаемый, как просветительская деятельность в отношении самих же врачей. Целью уравнительного активизма является повышение качества предоставляемых медицинских услуг и уравнивание доступа к качественному медицинскому обслуживанию для пациентов из регионов. Ремесленный активизм служит повышению качества предоставляемых медицинских услуг у самих медиков и студентов профильных вузов, а также совершенствованию их медицинской практики. Отдельно выделяется такой тип активизма, как распространение успешной организационной структуры. В интервью не раз было отмечено, что исследуемая клиника - это клиника федерального уровня с очень качественной медицинской помощью. Одно из её достоинств – это успешная организационная структура, которую пытаются перенять другие клиники. Это важно понимать и с той точки зрения, что в случае данного исследования активизма медицинских работников мы говорим про одну из самых передовых клиник России с высоким уровнем профессионализма и прогрессивности. Так, находятся врачи, которые своей первостепенной задачей ставят достижения прогрессивных профессиональных целей за счет реализации профильных проектов в сфере медицины, что является одним из подтипов внешнего активизма.

По итогу исследования, предлагаем понимать активизм медицинских работников, как расширение роли медицинского работника от исполнителя профессиональной функции до активного и инициативного участника, использующего свои профессиональные знания и компетенции для решения проблем общественного здоровья, как за пределами системы здравоохранения, так и внутри неё.

Узкий тип активизма предлагаем понимать, как инициативу медицинских работников по достижению прогрессивных целей внутри профессиональной медицинской системы в попытке сбалансировать неравные социальные отношения между врачами и пациентами. В свою очередь, широкий тип активизма предлагаем понимать, как выход за рамки непосредственных профессиональных медицинских обязанностей для достижения более широких целей – улучшения доступа к качественному медицинскому обслуживанию для различных групп населения.

Широкий тип активизма разделяется на ремесленный активизм и уравнилельный активизм. Для врачей больше свойственен широкий тип активизма, который связан с переходом к ролям «организатора», «просветителя» и использованием профессиональных знаний и компетенций, которые конвертируются в экспертность. Для среднего медицинского персонала свойственен активизм «медиатора» и «привратника» между пациентами с одной стороны, и врачами, и руководством с другой. В субъективных переживаниях врачей обнаружилось и отрицание активизма медиков, т.е. когда медицинские работники ставят под вопрос продуктивность выходящей за пределы непосредственных профессиональных функций инициативности и считают, что проблемы общественного здравоохранения коренятся в условиях, находящихся вне контроля медицинских работников.

В данной работе предпринята попытка описать современный медицинский активизм. Активизм врачей был проанализирован на трех уровнях: понимание активизма, внутренний (узкий) тип активизма и внешний (широкий) типа активизма. Были описаны смыслы и формы активисткой деятельности медицинских работников. Предложены определения узкого и широкого типов активизма, а также определения «ремесленного» и «уравнилельного» подтипов широкого активизма. Предложенная концептуализация активизма медицинских работников может служить теоретической базой для последующих исследований.

1. Аксенова О. В. Субъект социального действия в современном развитии России: агент, актер, никто / О. В. Аксенова // Вестник Института социологии. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 37-53. – DOI 10.19181/vis.2020.11.2.640. – EDN RNECVF.
2. Дудина В. И. Доказательный медицинский активизм в условиях социальной неопределенности: противоречия позиции эксперта // Переустройство мира: исследования (в) новой реальности. – 2023. – С. 189-193.
3. Бородкина, О. И. Институционализация активизма в сфере здоровья в России / О. И. Бородкина, К. В. Ткаченко // Журнал институциональных исследований. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 79-90. – DOI 10.17835/2076-6297.2023.15.4.079-090. – EDN TUXJSQ.
4. Abd Samat A. H. et al. A Malaysian medical non-governmental organization's (NGO) experience in the emergency response for COVID-19, using the whole-of-society collaborative concept // Disaster medicine and public health preparedness. – 2022. – Т. 16. – №. 6. – С. 2665-2668.
5. Simpson J. M. Beyond the surgery boundaries: Doctors' organisations and activist medics // Migrant architects of the NHS. – Manchester University Press, 2018. – С. 211-243.
6. Calhoun A. J. All doctors should be activists. Sincerely, a Psychiatry Intern // Academic Psychiatry. – 2020. – Т. 44. – №. 4. – С. 489-490.
7. Kpacz D. Medical activism: a foundation of professionalism. – 2020. URL: <https://closler.org/passion-in-the-medical-profession/medical-activism-a-foundation-of-professionalism>
8. Launer J. John Launer: Doctors as activists //bmj. – 2024. – Т. 385. P. 225–226.

МЕДИЦИНСКИЙ БЛОГ КАК СТРАТЕГИЯ АКТИВИЗМА ЗНАНИЙ

*Николаенко Георгий Александрович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФ 22-18-00261 «Социальный активизм здоровья в условиях новых эпидемических рисков: дискурсы, стратегии, агенты»

Цель данного исследования — рассмотреть ведение медицинского блога врачом-профессионалом как стратегию активизма знаний²⁷ и проанализировать её успешность. В настоящее время активное присутствие практикующего врача в интернете часто является (или как минимум рассматривается автором блога) неотъемлемой частью его профессиональной деятельности. Однако мотивация может быть различной — как коммерческой, так и альтруистической.

В ходе исследования нами был проведён анализ публикаций по теме медицинского блогинга в России и за рубежом, претерпевшего значительные изменения в последние годы и особенно активизировавшегося во время пандемии SARS COVID-19. Проведено несколько глубинных интервью с авторами блогов, а также проанализировано содержание успешных медицинских блогов на русском языке в различных социальных сетях.

В настоящее время ведение медицинского блога в России активно коммерциализируется, о чём свидетельствует появление специальных руководств²⁸ и курсов по стратегии их продвижения. Однако в основе практически любого блога лежит стремление делиться с пациентами и коллегами специфической медицинской информацией, используя максимально быстрый канал.

В период пандемии стали очевидными изъяны традиционной журнальной коммуникации исследователей, не позволявшей с достаточной скоростью распространять медицинскую информацию, что являлось жизненно важным²⁹. Одним из вариантов преодоления таких проблем, как временной лаг и отсутствие обратной связи, стала активизация медицинских блогов и профилей врачей в социальных сетях. Однако и вне контекста инфодемии коммуникация посредством ведения блога оказалась эффективной стратегией с точки зрения активизма знаний.

Большинство врачей (как по опросам в проанализированных исследованиях, так и в проведённых нами интервью) основной целью своих блогов считают распространение медицинской информации для широкой аудитории. Причём часть из них выступает в дискурсе скорее популяризации науки и работы с непрофессиональной аудиторией, в то время как другая рассчитывает скорее на читателей из профессионального сообщества.

Кроме непосредственного распространения медицинской информации, одной из задач блогов является также консолидация специалистов и/или пациентов для решения конкретных задач — от сбора информации для исследований до противодействия тем или иным действиям государственных или иных властных структур. Чем более популярен (обладает большей аудиторией) блогер, тем больший резонанс могут вызвать его призывы к тем или иным действиям.

²⁷ Дудина, В. И. Как активизм здоровья меняет общество / В. И. Дудина // Социологические исследования. – 2023. – № 12. – С. 153-155. – DOI 10.31857/S013216250029345-2. – EDN RMQVBW.

²⁸ Нечепорук В. Медицинский блогинг в РФ. 2024. Электронный ресурс: <https://doctor.readyschool.ru/book>

²⁹ Николаенко, Г. А. Научная коммуникация и контркризисные инициативы в условиях пандемии: активизм знаний / Г. А. Николаенко // Социология науки и технологий. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 79-99. – DOI 10.24412/2079-0910-2024-2-79-99. – EDN ENCPIT.

Примером подобной консолидации может служить блог врача-психиатра С. Краснощёкова³⁰ и его выступления против новых клинических рекомендаций по расстройствам аутистического спектра, получившие активную поддержку аудитории, писавшей большое количество комментариев к предлагаемым рекомендациям на сайте Минздрава.

Также целью некоторых блогов является привлечение внимания к образовательным проектам, являющимся составной частью активизма знаний в сфере здоровья, таким как серия конференций для родителей «Мама знает» или различные виды семинаров, конференций, сайтов для онкологических пациентов и т.д.³¹.

Ведение популярного блога является для врача достаточно сложной задачей, часто даже успешные проекты постепенно затухают вследствие выгорания автора или ограниченности тематики. Также следует учитывать закон о телемедицине³², ставящий медицинских авторов в жёсткие рамки скорее «общих» постов без конкретных рекомендаций, которых часто от них ждут. Тем не менее следует признать успешность подобных проектов в сфере активизма знаний — их популярность (как по количеству подписчиков, так и по активному цитированию и привлечению авторов блогов к сотрудничеству другими СМИ) свидетельствует об интересе общества к различным аспектам тематики здоровья и его сохранения, формировании устойчивого запроса на информацию от врачей и удовлетворении этого запроса.

³⁰ Электронный ресурс: Telegram @doc.kras

³¹ Дудина, В. И. Формы и стратегии активизма пациентов в цифровом пространстве / В. И. Дудина // Переустройство мира: исследования (в) новой реальности : Материалы XIII международной социологической Грушинской конференции, Москва, 25–27 мая 2023 года. – Москва: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2023. – С. 209-213. – EDN JMUUVO.

³² Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 26.09.2024) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). Статья 36.2. Особенности медицинской помощи, оказываемой с применением телемедицинских технологий.

АКТУАЛЬНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО АКТИВИЗМА ЗДОРОВЬЯ: КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ

*Платонов Константин
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 22-18-00261
«Социальный активизм здоровья в условиях новых эпидемических рисков: дискурсы, стратегии, агенты»*

Социальный активизм здоровья сегодня плотно интегрировался с цифровыми технологиями, что позволило существенно расширить аудитории просветительских проектов, обеспечить волонтеров современным программным обеспечением, а простых пациентов – удобными решениями для улучшения качества самопомощи. В данных тезисах я бы хотел выделить основные тренды, существующие в данной области сегодня. Представленные наблюдения основаны на обобщениях материалов исследований в рамках проекта «Социальный активизм здоровья в условиях новых эпидемических рисков: дискурсы, стратегии, агенты», реализованного при поддержке Российского научного фонда.

Первый тренд – дальнейшее освоение социальных сетей с интеграцией в новые возможности и режимы потребления контента. Онлайн-сообщества, связанные с тематикой здоровья существуют в том или ином виде уже с 1970-х годов [4], а массовыми стали в последние 20 лет. Но если раньше такие сообщества работали, прежде всего, как площадки для обсуждения, консультирования и обмена опытом, сегодня всё чаще в фокусе – расширенные мультимедиа возможности. Так, одно из известных онлайн-сообществ, связанных с диабетом, «Дневник Диабетика» использует стримминг ВКонтакте для проведения прямых эфиров с профильными врачами, интегрированные веб-приложения для пациентов (к примеру, позволяющие посчитать «хлебные единицы»), мобильные приложения для Android и iOS для ведения дневников самонаблюдения и мониторинга здоровья [1]. Также некоторые врачи и медицинские эксперты освоили формат коротких клипов (по типу VK клипы) для просветительской работы и продвижения личного бренда.

Второй тренд – использование чат-ботов. Технические возможности генеративного искусственного интеллекта сегодня позволяют не только общаться с ботами на любые темы, но и обучать конкретного цифрового «собеседника» под узкопрофильные задачи, задавая ему контекст. Таким образом, активизм здоровья получает ценный ресурс для решения целого круга просветительских и образовательных задач. Бот способен дать необходимую информацию с учётом нетривиального запроса от пользователя, который появляется в конкретной ситуации. Одним из примеров может послужить бот «Mental talk», созданный движением «Психоактивно», которое занимается поддержкой людей, столкнувшихся с проблемами ментального здоровья [2]. Бот настроен специально на общение о ментальном здоровье, используется для консультирования и рефлексии. Это же движение использует и другую интересную механику, обновляемый онлайн «белый список врачей и психотерапевтов» – своеобразная внутренняя система рекомендаций от реальных пациентов.

Следующий тренд – мобильные приложения в целом. В контексте самосохранительного поведения и самопомощи использование смартфона максимально актуально, поскольку сегодня именно им пользуются для решения огромного спектра повседневных задач, особенно это касается молодёжи. На данный момент разработка мобильных приложений стала сильно дешевле, а простые варианты с базовой

функциональностью можно собрать на конструкторах без опыта программирования как такового. Удачным примером может послужить бесплатное приложение BlueIce от разработчика MyOxugen Limited, призванное уберечь аудиторию пользователей, склонных к нестабильным психическим состояниям, от инцидентов селфхарма. В целом приложение направлено на развитие здоровой рефлексии и предлагает пациенту изучить свои эмоции, используя дневник самонаблюдения и различные методики минимизации стресса. Согласно клиническим исследованиям, до 77% пациентов, которые регулярно использовали приложение, сообщили, что оно помогло им отказаться как минимум от одного эпизода селфхарма [5].

Ещё один интересный тренд, развивающийся в последние годы – вовлечение в важные профилактические практики через геймификацию в том числе с использованием генеративного AI и элементов виртуальной реальности. Прямая пропаганда здорового образа жизни и профилактических процедур, таких как, например, вакцинация, сегодня обладают ограниченной эффективностью. Медиапространство и запросы аудитории меняются, и с каждым годом классическая агитация становится всё более слабой как инструмент привлечения внимания. Так, существует масса различных игр и геймифицированных приложений, связанных с проблемой вакцинации, например, The Vaccination Game, приложение, разработанное учёными, позволяющее игроку почувствовать себя эпидемиологом, в руках которого миллионы доз вакцины. Другие приложения направлены на борьбу с мифами о вакцинации с помощью вовлекающих квизов, трети – за счёт геймплея, стимулирующего эмпатию в отношении врачей, формируют установку на иммунизацию. Разнообразные инструменты геймификации показывают свою эффективность в различных контекстах: это и рост осведомлённости, и изменение установок, и снижение «вакциной нерешительности» [3].

1. ВКонтakte. Сообщество «Дневник Диабетика». URL: <https://vk.com/dnevnik.diabetika> (дата обращения: [06.10.2024])
2. Движение «Психоактивно». URL: <https://psychoaktivno.tilda.ws/> (дата обращения: [06.10.2024])
3. Hakim H. et al. Digital Gamification Tools to Enhance Vaccine Uptake: Scoping Review. // JMIR Serious Games 12.1. 2024. URL: <https://games.jmir.org/2024/1/e47257/> (дата обращения: [06.10.2024])
4. Preece J., Maloney-Krichmar D., Abras C. History of online communities. Encyclopedia of community 3. 2003. С. 1023–1027.
5. Stallard P., Porter J., Richardson T., & Norman P. Acceptability, use and safety of the BlueIce self-harm prevention app: Qualitative findings from the Beating Adolescent Self-Harm (BASH) randomised controlled trial. // BMJ Mental Health. 27(1). 2024. URL: <https://mentalhealth.bmj.com/content/27/1/e300961.abstract> (дата обращения: [06.10.2024])

ПРИОРИТИЗАЦИЯ ЛИЧНОГО ОПЫТА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИИ РОССИЙСКИХ АКТИВИСТОВ МЕНТАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

*Маматказина Виктория Дмитриевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Работа выполнена при поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-18-00261.

Сфера охраны ментального здоровья представляет собой поле взаимодействия различных акторов, и не ограничивается государственными и коммерческими учреждениями, оказывающими психиатрическую и психологическую помощь. Активизм ментального здоровья также является важной составляющей этой сферы. Деятельность активистов может дополнять деятельность медицинских организаций и компенсировать недостаток имеющихся у них ресурсов для помощи людям с психическими расстройствами, а также выходить за рамки государственной системы охраны ментального здоровья, предлагая альтернативные формы помощи и тем самым стимулируя развитие сервисов по охране ментального здоровья [4, 5]. Кроме того, критика системы психиатрической помощи, предлагаемая активистами, обращает внимание на существующие проблемы и служит отправной точкой принятия усилий по их решению, и поэтому также может считаться важной частью сферы охраны ментального здоровья [8, 281]. Партнерство государственного и активистского сектора в сфере охраны ментального здоровья, таким образом, является значимым фактором ее развития, что поднимает проблему выстраивания конструктивного диалога между активистами и профессионалами.

Исследователи активизма ментального здоровья указывают на препятствия к взаимодействию между активистами и квалифицированными специалистами в области ментального здоровья. Активисты, например, могут избегать взаимодействий с профессионалами из-за опасений по поводу усиления контроля за их деятельностью и лишения самостоятельности [9, 174]. При этом как профессионалы, так и активисты могут отказываться от взаимодействия в силу идеологических убеждений относительно устройства системы охраны ментального здоровья. Профессионалы могут быть настроены консервативно и не считать предлагаемые активистами изменения необходимыми [2, 90], а также сомневаться в эффективности предлагаемых активистами способов помощи людям с психическими расстройствами [6, 246-248]. Одной из важных в контексте взаимодействия профессионалов и активистов идеологических позиций является отношение к научному знанию и личному опыту как источникам информации, связанной с ментальными здоровьем [2, 3-4].

Хотя знание, источником которого является личный опыт, нельзя считать альтернативой профессиональному из-за того, что оно не является полным и ограничено рамками отдельного переживаемого случая [7, 49], исследователи активизма ментального здоровья обращают внимание на ситуации, когда использование личного опыта в качестве источника знания может представляться целесообразным. Апелляция к личному опыту может использоваться для распространения информации о психических расстройствах и изменения существующих представлений о них, быть наглядным примером для демонстрации социального положения людей с психическими расстройствами [3, 51-53], способом установления контакта с аудиторией при продвижении активистской повестки [5, 156].

При этом, помимо использования личного опыта в качестве ресурса для осуществления активистской деятельности, активисты могут также выступать за участие людей с психическими расстройствами в производстве знаний о ментальном здоровье, то есть за рассмотрение личного опыта в качестве легитимного источника знаний в этой сфере [2, 6]. Конструктивные взаимоотношения между активистами, придерживающимися такой позиции, и профессионалами, могут быть затруднены в силу противоречащих идеологических установок относительно устройства и путей развития системы охраны ментального здоровья [2, 176-177].

На основе онлайн-наблюдения были выделены следующие основные позиции российских активистов ментального здоровья по вопросу использования профессионального знания и знания, основанного на личном опыте, как в активистской деятельности, так и в системе охраны ментального здоровья:

Приоритизация научного знания и ориентация на доказательную медицину в вопросах ментального здоровья в активистской деятельности.

Признание необходимости обращения к профессиональному знанию в вопросах ментального здоровья, не исключающее использования личного опыта в активистской деятельности. Носителями такой позиции являются активисты, не имеющие профессиональной квалификации. Они рекомендуют аудитории в случае возникновения проблем обращаться к профессионалам, а не полагаться на предоставляемую активистами информацию или помощь.

Признание личного опыта в качестве легитимного источника знания о ментальном здоровье. Однако, как и активисты за рубежом в настоящее время [1, 17], российские активисты и в этом случае не отказываются полностью от профессионального знания, и только считают необходимым включать опыт людей с психическими расстройствами в систему научного знания о ментальном здоровье и использовать его при введении изменений в систему охраны ментального здоровья.

При этом значительное число изученных активистских онлайн-инициатив не обозначали свою позицию по поводу профессионального знания и знания, основанного на личном опыте.

Была рассмотрена также апелляция активистов к тому или иному источнику знания при создании контента. Хотя для публикаций образовательного характера чаще всего использовалось профессиональное знание, апелляция к личному опыту в данном контексте также осуществлялась как в качестве дополнения к профессиональному знанию, например, как наглядная иллюстрация проявления симптомов психического расстройства, так и как самостоятельный источник информации. Активисты могут рассматривать личный опыт как предпочтительный источник информации о способах самостоятельной помощи себе или близкому человеку с психическим расстройством, но предложение таких способов аудитории может осуществляться и с опорой на профессиональное знание. Кроме того, российские активисты преимущественно используют знание, основанное на личном опыте, для освещения проблем, с которыми сталкиваются люди с ментальными расстройствами, а также для оказания эмоциональной поддержки своей аудитории.

Активисты могут также не указывать источники информации, используемой для подготовки публикаций.

Таким образом, активное выражение той или иной позиции по поводу соотношения профессионального знания и личного опыта не является приоритетным для части российских активистов, но и не отсутствует, а мнения активистов по данному вопросу могут значительно отличаться. Существуют группы активистов, как приоритизирующие научное знание и в качестве ресурса активистской деятельности, и в качестве ресурса

развития системы охраны ментального здоровья, так и предлагающие в качестве дополнительного ресурса личный опыт — как в рамках активистской деятельности, так и для развития систем психиатрической помощи. Предварительно можно сделать вывод о том, что среди российских активистов существуют группы, которые могут быть готовы к сотрудничеству с учреждениями охраны ментального здоровья с целью дальнейшего развития знания о ментальном здоровье, а значит, и о способах помощи людям с психическими расстройствами, как в рамках доказательной медицины, так и с условием привлечения личного опыта людей с психическими расстройствами.

1. *Amaud S., Gagné-Julien A. M. The new self-advocacy activism in psychiatry: Toward a scientific turn //Philosophical Psychology. – 2023. – С. 1-24.*
2. *Bossewitch J. Dangerous gifts: Towards a new wave of mad resistance. Doctoral dissertation, Columbia University. – 2016. – 324 с.*
3. *Cameron P. Reclaiming the plot: Grassroots publishing and social movement learning //Proceedings of the 34th CASAE/ACEEA Annual Conference. – 2015. – С. 49-56.*
4. *Clements K. et al. Lived Experience Narrative as Practice: Describing the Work of Community Mental Health Activists/Advocates //Journal of Recovery in Mental Health. – 2020. – Т. 3. – №. 2. – С. 4-24.*
5. *Faigin D. A., Stein C. H. Community-based theater and adults with psychiatric disabilities: Social activism, performance and community engagement //American Journal of Community Psychology. – 2015. – Т. 55. – С. 148-163.*
6. *Gerspacher Le Veck, P. Psychotherapeutic self-help and peer mutual aid: Recovery, Inc. and The Manic Depressive Association. Doctoral Dissertation, University of California. – 1980. – 333 с.*
7. *Prior L. Belief, knowledge and expertise: the emergence of the lay expert in medical sociology //Sociology of health & illness. – 2003. – Т. 25. – №. 3. – С. 41-57.*
8. *Ridley J., Newbigging K., Street C. Mental health advocacy outcomes from service user perspectives //Mental Health Review Journal. – 2018. – Т. 23. – №. 4. – С. 280-292.*
9. *Солохина Т. А. Гражданское участие и некоммерческие объединения в современном обществе: теоретическая концептуализация и оценка организационного развития //Глобальные вызовы современности и духовный выбор человека. – 2023. – С. 171-175.*